БИБЛІОТЕКА
ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
С. А. ВЕНГЕРОВА
ПУШКИНЪ
Т. V.
Е. ЛАНСЕРЕ. 1900.
ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, Прачешный пер., № 6.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1367

906. [НОВЫЯ ВЫХОДКИ ПРОТИВУ ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ АРИСТОКРАТІИ].

Новыя выходки противу такъ называемой Литературной нашей Аристократіи столь же недобросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ Писателей, принадлежащихъ будто бы этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, *Сѣверная Пчела* помнитъ, кто упрекалъ поминутно Г-на Полеваго тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальной нетерпимостію нѣкоторыхъ чиновныхъ Журналистовъ. При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ Писателей Дворяне, то сіе доказываетъ только, что Дворянство наше <не въ примѣръ прочимъ> грамотное: этому смѣяться нечего. Если же бы званіе Дворянина ничего у насъ не значило, то и это было бы вовсе не смѣшно. Но пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ Гг. Полеваго Греча и Булгарина, не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Недворяне <особливо не Рускіе> позволяющіе себѣ насмѣшки на счетъ Рускаго дворянства, болѣе извинительны. Но и тутъ шутки ихъ достойны порицанія. Эпиграммы Демократическихъ Писателей XVIII столѣтія <которыхъ, впрочемъ, ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими невозможно> пріуготовили крики: *Аристократовъ къ фонарю* и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: *Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ*. Avis au lecteur.

---

907. [ОТДАВАЯ ПОЛНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ].

Отдавая полную справедливость благонамѣренности и безпристрастію вашей газеты, признаюсь, не могъ я согласиться съ мнѣніями, которыя обнаруживаетъ она касательно критики и полемики.

Во-первыхъ, что значатъ вѣчные толки *о вѣжливости?* Если бы критики нашихъ журналовъ погрѣшали единой только грубостію, то бѣда была бы еще небольшая... (Вы поминутно говорите о приличіи журнала), но позвольте дать замѣтить, что и газета, стараясь быть равно учтива и важна въ отношеніи ко всѣмъ книгамъ, ею разбираемымъ, безъ сомнѣнія погрѣшала бы противу правилъ приличія (какъ и прочіе наши журналы). Вы въ обществѣ локтемъ задѣли вашего сосѣда, вы извиняетесь,—очень хорошо; но гуляя, въ толпѣ, подъ качелями, толкнули лавочника,—вы не скажете ему: mille pardon. Вы зовете извозчика и говорите ему—пошолъ въ Коломну, а не — сдѣлайте одолженіе, потрудитесь свезти въ Коломну. Разница — критиковать Исторію Государства Россійскаго и напр. ***

У насъ вошло въ обыкновеніе между писателями, заслужившими довѣренность и уваженіе публики, не возражать на критики. Рѣдко кто изъ насъ подаетъ голосъ и то не за себя. Обыкновеніе вредное для литературы. Такія антикритики имѣли бы двойную пользу: исправленіе ошибочныхъ мнѣній и распространеніе здравыхъ понятій касательно искусства. Вы скажете, что по большей части журнальная критика заключается въ личностяхъ и брани, что публика, etc.

Возразятъ, что иногда нападающее лицо, само по себѣ, такъ презрительно, что честному человѣку никакъ нельзя войти въ сношеніе съ нимъ, не марая себя. Въ такомъ случаѣ объяснитесь, извинитесь передъ публикою. Видокъ васъ обругалъ, изъяснитесь, почему вы никоимъ образомъ отвѣчать ему не намѣрены. Въ этомъ отношеніи мнѣ нравится одна изъ статей вашего журнала, какъ доброе дѣло... Вы совѣтуете...

---

908. [НѢКОТОРЫЕ ПИСАТЕЛИ ВВЕЛИ ОБЫКНОВЕНІЕ].

Нѣкоторые писатели ввели обыкновеніе, весьма вредное литературѣ: не отвѣчать на критики. Рѣдко кто изъ нихъ отзовется и подастъ голосъ, и то не за себя. Развѣ и впрямь они гнушаются своимъ братомъ-литераторомъ?... Если они принадлежатъ хорошему обществу, какъ благо-

воспитанные и порядочные люди, то это статья особая и литературы не касается... Одинъ писатель извинялся тѣмъ, что-де съ нѣкоторыми людьми неприлично связываться человѣку, уважающему себя и общее мнѣніе, что разница-де между спором и дракой, что наконецъ никто-де не въ правѣ требовать, чтобъ человѣкъ разговаривалъ съ кѣмъ не хочетъ разговаривать. Все это не отговорка. Если уже ты пришелъ на *сходку*, то не прогнѣвайся — какова компанія, таковъ и разговоръ; если шалунъ швырнетъ въ тебя грязью, то смѣшно вызывать его биться на пистолетах, а не поколотить его просто; а если ты будешь молчать съ человѣкомъ, который съ тобой разговариваетъ, то это съ твоей стороны обида и недостойная гордость...

---

909. [БУДУЧИ РУССКИМЪ ПИСАТЕЛЕМЪ].

Сколь ни удаленъ я моими привычками и правилами отъ полемики всякаго рода, но еще не отрекся я совершенно отъ права самозащищенія.
Southey.

(Будучи Рускимъ писателемъ я всегда почиталъ долгомъ (читать) слѣдовать за текущей литературой и всегда читалъ съ особеннымъ вниманіемъ критики, коимъ подавалъ я поводъ. Чистосердечно признаюсь что похвалы трогали меня какъ явные и вѣроятно (искренніе) знаки благосклонности и дружелюбія. Читая разборы (болѣе строгіе) самые непріязненные, смѣю сказать, что всегда старался (отстранивъ самолюбіе) войти въ образъ мыслей критика и слѣдовать за его сужденіями, не опровергая оныхъ съ самолюбивымъ нетерпѣніемъ, но желая съ нимъ согласиться со всевозможнымъ Авторскимъ самоотверженіемъ; (къ нещастію замѣчалъ я, что по большей части мы другъ друга не понимали). Что касается до (браней и ругательствъ) критическихъ статей, написанныхъ съ одною цѣлію оскорбить меня какимъ бы то ни было образомъ, (могу) скажу только, что они очень сердили меня по крайнѣй мѣрѣ въ первыя минуты, и что слѣдственно (труды) сочинител(ей) и оныхъ могутъ быть довольны удостовѣряясь что труды ихъ не потеряны.

Если въ теченіе 16-лѣтней Авторской жизни я никогда не отвѣчалъ ни на одну критику <не говорю уже о ругательствахъ>, то сіе (вѣрно) произходило, конечно, не изъ презрѣнія (къ онымъ).

(Критика мнѣ всегда) Состояніе критики само по себѣ показываетъ степень образованности (какъ) всей литературы вообще (Разборъ В. Евр.). Если приговоры (СѢв. Пч.) журналовъ на[шихъ] достаточны для насъ, то изъ сего слѣдуетъ, что мы не имѣемъ еще нужды ни въ Шлегеляхъ ни даже въ Лагарпахъ. Презирать критику (потому только что она еще находится въ младенчествѣ, значитъ презирать (юную литературу) ребенка за что онъ еще не мужъ, (не возмужала) значило бы презирать публику <чего Боже сохрани>, (но пока) Какъ наша словесность съ гордостію можетъ выставить передъ Европою Исторію Карамзина, нѣсколько одъ (Державина), нѣсколько басенъ (Крылова), поэмъ, переводъ Иліады (Гнѣдича), нѣсколько цвѣтовъ (античной Батюшкова) элегической поэзіи, такъ и наша Критика можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ (мощныхъ) свѣтлыхъ мыслей (глубокихъ воззрѣній) и важнаго остроумія. Но они (данынѣ) являлись отдѣльно, въ разстояніи одна отъ другой, и не получили еще и вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не приспѣло.

Не отвѣчалъ я моимъ критикамъ (не изъ презрѣнія), не потому также, чтобъ недоставало (умѣнья охоты) во мнѣ веселости и педантства, (но признаюсь) не потому, чтобъ я не полагалъ въ сихъ критикахъ никакого вліянія на читающую публику: мнѣ совѣстно было идти судиться передъ публикою и стараться насмѣшить ее <къ чему ни малѣйшей не имѣю склонности>; но признаюсь мнѣ было совѣстно, для опроверженія критикъ; повторять школьныя или пошлыя истины, толковать объ азбукѣ, риторикѣ; оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненій, и что всего затруднительнѣе — важно говорить:

Et moi je vous soutiens que les vers sont très bons.

Напримѣръ, одинъ изъ моихъ критиковъ, человѣкъ, впрочемъ, добрый и благонамѣренный, разбирая кажется *Полтаву*, выставилъ нѣсколько отрывковъ и вмѣсто всякой критики увѣрялъ, что таковые стихи сами себя *дурно рекомендуютъ*. Что бы могъ я отвѣчать ему на это? А такъ поступали почти всѣ его товарищи. Ибо критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно; а это дурно потому, что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь.

Еще причина, и главная: лѣность. Никогда не могъ я до того разсердиться на непонятливость или недобросовѣстность,

чтобъ взять перо и приняться за возраженія и доказательства. Нынче, въ несносные часы карантиннаго заключенія, не имѣя съ собою ни книгъ, ни товарищей, вздумалъ я, для препровожденія времени, писать возраженія не на критики <на это никакъ не могу рѣшиться>, но на обвиненія нелитературныя, которыя нынче въ большей модѣ. Смѣю увѣрить моего читателя <если Господь пошлетъ мнѣ читателя>, что глупѣе сего занятія отроду ничего не могъ я выдумать.

---

910. [БУДЕМЪ СПРАВЕДЛИВЫ.]

Будемъ справедливы: г-на Пол[еваго] нельзя упрекнуть въ низкомъ подобострастіи предъ знатными; напротивъ, мы готовы обвинить его въ юношеской заносчивости, не уважающей ни лѣтъ, ни званія, ни славы, и оскорбляющей равно память мертвыхъ и отношенія къ живымъ.

---

911. [О КИТАЙСКИХЪ АНЕКДОТАХЪ.]

О китайскихъ анекдотахъ; (о личностяхъ); о нравственности; объ аристократіи.—О примѣчаніи Л. Газеты. Разговоръ. Обо мнѣ; о личностяхъ. Напримѣръ:

Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное произшествіе. Нѣкто изъ класса Грамотеевъ написалъ трагедію, долго не отдавалъ ее въ печать, но читалъ ее неоднократно въ порядочныхъ Пекинскихъ обществахъ и даже ввѣрялъ свою рукопись нѣкоторымъ Мандаринамъ. Другой грамотей <слѣдуютъ китайскія ругательства> или подслушалъ трагедію изъ прихожей <что, говорятъ, за нимъ важивалось>, или тихонько взялъ рукопись изъ шкатулки Мандарина <что въ старину также съ нимъ случалось> и склеилъ на скорую руку изъ довольно нескладной трагедіи чрезвычайно скучный романъ. Грамотей-трагикъ, человѣкъ безталанный, но смирный, поворчавъ немного, оставилъ было въ покоѣ похитителя; но грамотей-романистъ, человѣкъ ловкій и безпокойный, опасаясь быть обличеннымъ, сталъ кричать изо всей мочи, что трагикъ Фанъ-хо обокралъ его безстыднымъ образомъ. Трагикъ Фанъ-хо, разсердясь не на шутку, позвалъ романиста Фанъ-хи въ совѣстный Пекинскій судъ, и проч. проч.

---

912. [У ОДНОГО ИЗЪ НАШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.]

У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критики. — Критики не понимаютъ меня, отвѣчалъ онъ, — а я не понимаю критиковъ. Если будемъ судиться передъ публикой, вѣроятно и она насъ не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпиграмму:

Глухой глухаго звалъ къ суду судьи глухова.
Глухой кричалъ моя имъ сведена корова
Помилуй, возопилъ глухой тому въ отвѣтъ
Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ!
Судья рѣшилъ: Почто идти вамъ братъ на брата?
Ни тотъ и ни другой, а дѣвка виновата!

---

913. [МОЖНО НЕ УДОСТОИВАТЬ ОТВѢТОМЪ СВОИХЪ КРИТИКОВЪ.]

Можно не *удостоивать отвѣтомъ своихъ критиковъ* (ибо таковыя критики имѣютъ вліяніе только) <какъ аристократически говоритъ самъ о себѣ изд[атель] ИсторіиРус[скаго] Н[арода]>, когда нападенія (критики) суть чисто-литературныя и вредятъ развѣ одной продажѣ (обруганной) разбраненной книги. Но не должно оставлять безъ вниманія, по лѣности или по добродушію, оскорбленія личныя и клеветы, нынѣ, къ нещастію, слишкомъ обыкновенныя. Публика не заслуживаетъ такого неуваженія. (Предлагаемъ благосклоннымъ читателямъ опытъ отраженія (нѣкоторыхъ) оныхъ.

Опытъ отраженія нѣкоторыхъ не литературныхъ обвиненій.

§ 1. О личной сатирѣ.—Кит[айскій] анекд[отъ].—Самъ съѣшь.

§ 2. О нравственности, о гр. N[улинѣ].—Что есть безнравственное сочиненіе? — О Видокѣ.

§ 3. Объ лит[ературной] Аристокр[атіи], о дворянствѣ.

§ 4. Разговоръ о примѣчаніи.—Заключеніе.

(§ . . . О Г. Кирѣевскомъ хи-хи!
§ О цѣнѣ Евг[енія] Онѣг[ина].
§ О знаменитости.)

---

914. [ПЕРЕЧИТЫВАЯ САМЫЯ БРАНЧИВЫЯ КРИТИКИ.]

Перечитывая (нѣкоторыя) самыя бранчивыя критики, я нахожу ихъ столь забавными, что не понимаю, какъ я могъ на нихъ досадовать; кажется, если бъ я хотѣлъ надъ ними посмѣяться, то ничего не могъ бы лучшаго придумать, какъ только ихъ перепечатать безо всякаго замѣчанія. Однако жъ я видѣлъ, что самое глупое ругательсдво и неосновательное сужденіе получаютъ вѣсъ отъ волшебнаго вліянія (печати) типографіи. Все еще *печатный листъ кажется святымъ*. Мы все думаемъ: какъ это можетъ быть глупо или несправедливо? Вѣдь это печатно!

---

915. [КЪ СТАТИ. НАЧАЛЪ Я ПИСАТЬ СЪ 13 ЛѢТНЯГО ВОЗРАСТА.]

Къ стати. Началъ я писать съ 13-ти-лѣтняго возраста и печатать почти съ того же времени. Многое желалъ бы я уничтожить, какъ недостойное даже и моего (слабаго) дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣетъ, какъ упрекъ, на совѣсти моей. По крайней мѣрѣ не долженъ я (въ зрѣлыхъ лѣтахъ) отвѣчать за перепечатываніе грѣховъ моего отрочества, а тѣмъ паче за чужія проказы. Въ аль[манахѣ], изданномъ г-мъ Федоровымъ, между (набранными) найденными, Богъ знаетъ гдѣ, стихами моими, напечатана идиллія, писанная слогомъ (камердинера) переписчика стиховъ г-на П—ва [Панаева]. Г-нъ Бестужевъ (благодаритъ) въ предисловіи какого-то своего альманаха, благодаритъ какого-то Ап. за доставленіе (ему всѣхъ) стихотвореній, объявляя, (ему) что не всѣ удостоились напечатанія.

Сей г-нъ Ап. не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, поправлять ихъ по-своему, и отсылать въ альманахъ Г. Б[естужева] вмѣстѣ съ собственными произведеніями стихи, преданные мною забвенію или написанные (мною) не для печати <напримѣръ: *Она мила, скажу межъ нами,*> или которые простительно мнѣ было написать на 19 году, но непростительно (неприлично) признать публично въ возрастѣ болѣе зрѣломъ и степенномъ [напримѣръ, *Посланіе* къ Ю.]

---

916. [ВОЗВРАТЯСЬ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ.]

[Другая обработка предыдущей тэмы].

Возвратясь изъ путешествія, узналъ я, что Б]естужевъ], пользуясь моимъ отсутствіемъ, напечаталъ нѣсколько моихъ стихотвореній въ своемъ Альманахѣ. Неуваженіе къ литературной собственности сдѣлалось такъ у насъ обыкновеннымъ, что поступокъ г. Б[естужева] нимало не показался мнѣ страннымъ. Такъ, напримѣръ, г. Федоровъ напечаталъ однажды идиллическую нелѣпость, сочиненную однажды г. Панаевымъ. Но когда Альманахъ нечаянно попался мнѣ въ руки и когда въ предисловіи прочелъ я нѣжное изъявленіе благодарности издателя г-ну Ап., доставившему ему [г. Бестужеву] [13 піесъ], изъ коихъ 5 и удостоились печати,—то, признаюсь, удивленіе мое было чрезвычайно.

Въ числѣ піесъ, доставленныхъ г номъ Ап., нѣкоторыя принадлежатъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ, другія мнѣ вовсе неизвѣстны. Г-нъ Ап. собралъ давно [мною написанное] и замѣнилъ своими стихами тѣ, кои не могли быть пропущены цензурой. Однако въ мои лѣта и въ моемъ положеніи непріятно отвѣчать за... чужія произведенія; то честь имѣю объявить г-ну Ап., что при первомъ таковомъ же случаѣ принужденъ буду прибѣгнуть къ покровительству законовъ.»

---

917. САМЪ СЪѢШЬ.

Самъ съѣшь. [1]) Симъ выраженіемъ въ энергическомъ нарѣчіи нашего народа замѣняется болѣе учтивое, но столь же затѣйливое выраженіе: *обратите это на себя.* То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно, безъ церемоніи, шутками и колкостями своихъ же противниковъ. *Самъ съѣшь* есть нынѣ главная пружина нашей журнальной полемики. Является колкое стихотвореніе, въ немъ сказано, что Ѳебъ, усадивъ-было такого-то, велѣлъ его послѣ вывести лакею за дурной тонъ и заносчивость, не терпимую въ хорошемъ обществѣ, — и тотчасъ въ отвѣтъ явилась эпиграмма, гдѣ то же самое пере-

---

[1]) *Происхожденіе сего слова:* остроумный человѣкъ показываетъ шишъ и говоритъ язвительно: *съѣшь,* а догадливый противникъ отвѣчаетъ: *самъ съѣшь.* [Замѣчаніе для *будуарныхъ,* или даже для *паркетныхъ* дамъ, какъ журналисты называютъ дамъ, имъ незнакомыхъ].

сказано не много похоже, съ надписью: *самъ съѣшь*.

Поэтъ вздумалъ описать любопытное собраніе *букашекъ*.—Самъ ты букашка, закричали бойкіе журналы, и стихи твои букашки, и друзья твои букашки. *Самъ съѣшь*.

Гг. чиновные журналисты вздумали было напасть на одного изъ своихъ собратіевъ за то, что онъ не дворянинъ. Другіе литераторы позволили себѣ посмѣяться надъ нетерпимостію дворянъ-журналистовъ. Осмѣлились спросить: кто сіи феодальные Бароны, сіи незнакомые рыцари, гордо требующіе Гербовъ и Грамотъ отъ смиренной братіи нашей? Что же они въ отвѣтъ? Помолчавъ немного, гг. чиновные журналисты съ жаромъ возразили, что въ литературѣ дворянства нѣтъ, что чваниться своимъ дворянствомъ передъ своею братьею <особенно мѣщанамъ во дворянствѣ> уморительно смѣшно, что и настоящему дворянину 600-лѣтнія его грамоты не помогутъ въ плохой прозѣ или посредственныхъ стихахъ. Ужасное *самъ съѣшь*! Къ нещастію, въ «Литературной Газетѣ» отыскали, кто были Аристократическіе литераторы, открывшіе гоненіе на не-дворянство. А публика-то что? публика, какъ судія безпристрастный и благоразумный, всегда соглашается съ тѣмъ кто послѣдній жалуется ей. Напримѣръ, въ сію минуту она, покамѣстъ, согласна съ нашимъ мнѣніемъ, т. е. что *самъ съѣшь* вообще показываетъ или мало остроумія, или большую надѣянность на безпамятство читателей, и это фиглярство и недобросовѣстность унижаютъ почтенное званіе литераторовъ, какъ сказано въ китайскомъ анекдотѣ № 1.

---

918. [ОТЧЕГО ИЗДАТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРН. ГАЗ. И ЕГО СОТРУДНИКОВЪ НАЗЫВАЮТЪ АРИСТОКРАТАМИ?]

Отчего издателя Лит[ературной] Газеты и его сотрудниковъ называютъ аристократами <разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ>? пишутъ остроумно журналисты. Въ чемъ же состоитъ ихъ Аристократія? Въ томъ ли, что они дворяне?—Нѣтъ; всѣ журналы побожились уже, что надъ званіемъ никто не имѣлъ и намѣренія смѣяться. Стало быть—въ дворянской спѣси? Нѣтъ; въ Лит[ературной] Газетѣ доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смѣшнаго чванства и заставили чиновныхъ литераторовъ уважать собратіевъ-мѣщанъ. Можетъ быть, въ притязаніяхъ на тонъ *высшаго* общества? Нѣтъ; они стараются сохранить тонъ *хорошаго* общества, проповѣдуютъ сей тонъ и другимъ собратіямъ, но проповѣдуютъ въ пустынѣ. Не они поминутно находятъ одно выраженіе *бурлацкимъ*, другое—*мужицкимъ*, третье—*неприличнымъ для дамскихъ ушей* и т. п.; не они гнушаются просторѣчіемъ и замѣняютъ его простомысліемъ <niaiserie, NB, не одно просторѣчіе>; не они провозгласили себя опекунами высшаго общества, не они вѣчно пишутъ приторныя статейки, гдѣ стараются поддѣлаться подъ свѣтскій тонъ такъ же удачно, какъ горничныя и камердинеры пересказываютъ разговоры своихъ Господъ; не они comme un homme de noble race outragent et ne se battent pas; не они находятъ 600-лѣтнее дворянство мѣщанствомъ; не они печатаютъ свои портреты съ гербами весьма сомнительными; не они разбираютъ дворянскія грамоты и провозглашаютъ такого-то мѣщанином, такого-то аристократомъ; не они толкуютъ вѣчно о *будуарныхъ читательницахъ*, *о паркетныхъ* <?> дамахъ. Отчего же они аристократы <разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ>?

919—920. [ВЪ ОДНОЙ ГАЗЕТѢ, ПОЧТП ОФИЦІАЛЬНОЙ, СКАЗАНО БЫЛО, ЧТО ПРАДѢДЪ МОЙ.]

Въ одной Газетѣ <почти офиціальной> сказано было, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II), Генералъ-Аншефъ, отецъ Ганнибала, покорившаго Наварринъ <см. памятникъ, воздвигнутый въ Ц[арскомъ] С[елѣ] гр. Ѳ. Г. Орлову> и проч., былъ купленъ шкипером за бутылку рому.—Прадѣдъ мой, если былъ купленъ, то, вѣроятно, дешево, но достался онъ шкиперу, коего имя всякій русскій произноситъ съ уваженіемъ и не весуе.—Простительно выходцу не любить ни русскихъ, ни Россіи, ни исторіи ея, ни славы ея; но непростительно было бы намъ дозволять всякому выходцу клеветать, но непохвально ему за Русскую ласку марать грязью священныя страницы нашихъ лѣтописей, поносить лучшихъ согражданъ и, не довольствуясь современниками, издѣваться надъ гробами праотцевъ.

Голиковъ говоритъ, что онъ былъ камердинеромъ у Государя, но что Петръ замѣтилъ въ немъ дарованіе и проч. Голиковъ ошибся. У Петра I не было камердинеровъ; прислуживали ему деньщики, между прочими Орловъ и Румянцевъ, родоначальники историческихъ фамилій.

---

921. ВОЗВРАТЯСЬ ИЗЪ-ПОДЪ АРЗРУМА.

Возвратясь изъ-подъ Арзрума, написалъ я посланіе къ князю ** [(Н. Б. Юсупову)]. Въ свѣтѣ оно тотчасъ же было замѣчено... и были мною недовольны: свѣтскіе люди имѣютъ въ высшей степени этого рода чутьё. Одинъ журналистъ припялъ мое посланіе за лесть итальянскаго аббата и въ статейкѣ, заимствованной у Мерсіо, заставилъ вельможу звать меня по четвергамъ обѣдать. Такъ-то чувствуютъ они вещи и такъ-то описываютъ свѣтскіе нравы—

922. [ВЪ ОДНОЙ ГАЗЕТѢ, ПОЧТИ ОФИЦІАЛЬНОЙ, СКАЗАНО БЫЛО, ЧТО Я — МѢЩАНИНЪ ВО ДВОРЯНСТВѢ.]

Въ одной газетѣ, почти офиціальной, сказано было, что я—мѣщанинъ во дворянствѣ. Справедливѣе было бы сказать дворянинъ во мѣщанствѣ. Родъ мой одинъ изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ (нашихъ родовъ). Мы происходимъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи, человѣка знатнаго <мужа честна, говоритъ лѣтописецъ>, пріѣхавшаго въ Россію во время княженія Александра Ярославича Невскаго <см. Русскія Лѣтоп[иси] и Ист[орію] Гос[ударства] Рос[сійскаго]>. Отъ него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другіе. Карамзинъ упоминаетъ объ однихъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ <(вѣроятно) изъ учтивости къ пок[ойному] Гр. Алексѣю Ивановичу>. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ Царя Ивана Васильевича Грознаго, Исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ. Въ царствованіе Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явнымъ образомъ обижаемы въ спорахъ мѣстничества. Г. Г. Пушкинъ, тотъ самый, который выведенъ въ моей трагедіи, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи, столь богатой историческими характерами. (Я описалъ всю его жизнь). Другой Пушкинъ, во время междуцарствія, (будучи воеводою въ Нижнемъ) начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, *сдѣлалъ честно свое дѣло*. 6 Пушкиныхъ подписались подъ избирательной грамотою о избраніи, Романовыхъ а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичъ,—подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества <что мало дѣлаетъ чести его характеру>. При Петрѣ они были въ оппозиціи, и одинъ изъ нихъ, Стольникъ Ѳедоръ Алексѣевичь, былъ замѣшанъ въ заговорѣ Цыклера и казненъ вмѣстѣ съ нимъ и съ Соковнинымъ. Прадѣдъ мой былъ женатъ на меньшой дочери адмирала Гр[афа] Головина, перваго въ Россіи Андреевскаго кавалера и пр. Онъ умеръ очень молодъ и въ заточеніи въ припадкѣ ревности или сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, дѣдъ мой, Левъ Александровичь, во время мятежа 1762 года остался вѣренъ Петру III и не хотѣлъ присягать Екатеринѣ, и былъ посаженъ въ крѣпость вмѣстѣ съ Измайловымъ <странны судьба и союзъ сихъ именъ!> см. Рюльера и Кастера. Чрезъ 2 года выпущенъ по приказанію Екатерины и всегда пользовался ея уваженіемъ, (хотя) онъ уже никогда не вступалъ въ службу и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ. <Вообще> имя моихъ предковъ встрѣчается почти на каждой страницѣ нашей Исторіи.

(Нынѣ огромное имѣніе Пушкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ; послѣдніе ихъ родовыя имѣнія скоро исчезнутъ; (но) имя ихъ останется честнымъ, единственнымъ достояніемъ темныхъ потомковъ нѣкогда знатнаго боярскаго рода).

(Я русскій дворянинъ, и я зналъ своихъ предковъ прежде, чѣмъ узналъ Байрона).

Если быть старинымъ дворяниномъ значитъ подражать Англійскому поэту, то сіе подражаніе весьма невольное. Но что есть общаго между привязанностію Лорда къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ и безкорыстнымъ уваженіемъ къ мертвымъ предкамъ, конхъ минувшая знаменитость не можетъ доставить намъ ни чиновъ, ни покровительства? Ибо нынѣ знать нашу большею частію составляютъ роды новые, получившіе существованіе уже при Императорахъ. Каковъ бы ни былъ образъ моихъ мыслей, никогда не раздѣлялъ я съ кѣмъ бы то ни было демократической ненависти къ Дворянству. Оно всегда казалось мнѣ необходимымъ и естественнымъ сословіемъ

всякаго образованнаго народа. (Калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи). Смотря около себя и читая старыя наши лѣтописи, я сожалѣлъ, видя, какъ древніе дворянскіе роды уничтожались, какъ остальные упадаютъ и изчезаютъ, какъ новыя фамиліи, новыя историческія имена, заступивъ мѣсто прежнихъ, уже падаютъ, ничѣмъ не огражденныя, и какъ имя дворянина, часъ-отъ-часу болѣе униженное, стало наконецъ въ притчу и въ посмѣяніе даже разночинцамъ, вышедшимъ въ дворяне, и (праздным) досужимъ (журнальнымъ) балагурамъ.

Образованный Французъ иль Англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря падшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но Калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаетъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ (Святослава) Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою (какого нибудь) двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества. И это ставите вы ему въ достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода, именно: достоинство личное; но я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ: Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ.

Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, м[ожетъ] б[ыть], всѣ наши старинныя родословныя; но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами?

---

923. [ОДИНЪ ИЗЪ ВЕЛИКИХЪ НАШИХЪ СОГРАЖДАНЪ].

Одинъ изъ (самыхъ) великихъ нашихъ согражданъ сказалъ однажды мнѣ <онъ удостоивалъ меня своего вниманія и часто оспаривалъ мои мнѣнія>, что если у насъ была бы свобода книгопечатанія, то онъ съ женой и дѣтьми уѣхалъ бы въ Константинополь. Все имѣетъ свою злую сторону, — и неуваженіе къ (личности) чести гражданъ и удобность клеветы суть одинъ изъ главнѣйшихъ невыгодъ свободы тисненія. У насъ, гдѣ личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенной путь для личной сатиры, именно *обиняки*. Первымъ примѣромъ обязаны мы ** [Воейкову], который въ своемъ журналѣ напечаталъ уморительный Анекдотъ о двухъ Китайскихъ Журналистахъ, которыхъ судія наказалъ бамбуковою палкою за плутни унижающія честное званіе литератора. Этотъ китайскій анекдотъ такъ насмѣшилъ публику и понравился журналистамъ, что съ тѣхъ поръ, коль скоро газетчикъ (журналистъ) прогнѣвался на кого-нибудь, тотчасъ въ листкахъ его является извѣстіе изъ-за границы <и большею частію изъ-за Китайской>, въ коемъ противникъ разписанъ (разбраненъ) самыми черными красками въ лицѣ какого-нибудь вымышленнаго или безыменнаго писателя. Большею частью, Китайскіе анекдоты, если не дѣлаютъ чести изображательности и (воображенію) остроумію сочинителя, то, по крайней мѣрѣ, достигаютъ цѣли своей, по злости, съ каковой они написаны. Не узнавать себя въ пасквилѣ безыменномъ, но явно направленномъ, (казалось мнѣ) было бы малодушіемъ. Тотъ, о которомъ напечатаютъ, что человѣкъ такого-то званія, такихъ-то лѣтъ, такихъ-то примѣтъ, крадетъ, напримѣръ, платки изъ кармановъ—все таки долженъ отозваться и вступиться за себя, конечно, не изъ уваженія къ газетчику, но изъ уваженія къ публикѣ. Что́ за Аристократическая гордость дозволять всякому негодяю шпырять въ насъ грязью? (Когда какой-то затѣйникъ) Англійскій лордъ равно не отказывается и отъ поединка на кухенрейтерскихъ пистолетахъ съ учтивымъ Джентельменомъ и отъ кулачнаго боя съ пьянымъ конюхомъ. Одинъ изъ нашихъ литераторовъ, бывшій, говорятъ, въ военной службѣ, отказался отъ пистолетовъ подъ предлогомъ, что на своемъ вѣку онъ видѣлъ болѣе крови, чѣмъ его противникъ чернилъ. Отговорка забавная, но въ такомъ случаѣ что прикажете дѣлать съ тѣмъ, который, по выраженію Шатобріана, comme un homme de noble race outrage et ne se bate pas.

Однажды <офиціально> (безчестный историкъ) напечаталъ кто-то, что такой-то Фр[анцузскій] стихотворецъ, подражатель Байрону, печатающій критическія статьи въ Лит[ературной] Газ[етѣ]—человѣкъ подлый и безнравственный, а что такой-то журналистъ, человѣкъ умный, *скромный*, храбрый, служилъ съ честью сперва одному отечеству, потомъ другому и пр. Фр[анцузскій] стихотворецъ отвѣчалъ подлинно такъ, что скромный и храбрый журналистъ объ двухъ отечествахъ, вѣроятно, долго будетъ его помнить. On en rit, j'en ris encore moi même.

Въ другой газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ льстивы. — На эту личность я не отвѣчалъ, хотя она меня глубоко тронула (мое кокетство).

Иной говоритъ какое дѣло критику или читателю, хорошъ ли я собой или дуренъ, старинный ли дворянинъ или изъ разночинцевъ, добръ ли или золъ, ползаю ли въ ногахъ сильныхъ или даже съ ними не кланяюсь, играю ли я въ карты и т. п.? Будущій мой Біографъ, если Богъ пошлетъ мнѣ Біографа, объ этомъ будетъ заботиться. А критику и читателю дѣло только до моихъ книгъ. — Сужденіе, кажется, поверхностное. Нападенія на писателя и оправданія къ коимъ подаютъ они поводъ—суть важный шагъ къ гласности прѣній о дѣйствіяхъ такъ называемыхъ (публичныхъ людей) общественныхъ лицъ (hommes publics), — къ одному изъ главнѣйшихъ условій высокообразованныхъ обществъ; въ семъ отношеніи и писатели, справедливо заслуживающіе презрѣніе наше, ругатели и клеветники, приносятъ истинную пользу.

Такимъ образомъ, дружина ученыхъ и писателей казалось-бы (стоитъ) всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать на то, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла.

Такимъ образомъ и возрастаетъ могущество общаго мнѣнія, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота его нравовъ. Мало-по-малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина.

---

924. [МЕЖДУ ПРОЧИМИ ЛИТЕРАТУРНЫМИ ОБВИНЕНІЯМИ].

Между прочими литературными обвиненіями укоряли меня слишкомъ дорогою цѣною Евгенія Онѣгина и видѣли въ ней ужасное корыстолюбіе. Это хорошо говорить тому, кто отъ роду сочиненій своихъ не продавалъ, или чьи сочиненія не продавались; но какъ могли повторять то же милое обвиненіе издатели СѢв[ерной] Пч[елы]? Цѣна устанавливается не писателемъ, а книгопродавцами. Въ отношеніи стихотвореній число требователей ограничено. Оно состоитъ изъ тѣхъ же лицъ, которыя платятъ по 5 рублей за мѣсто въ театрѣ. Книгопродавцы, купивъ, положимъ, цѣлое изданіе по рб. экземпляръ, все таки продавали бъ по 5 рублей. Правда, въ такомъ случаѣ Авторъ могъ бы приступить ко второму, дешевому изданію, но и книгопродавецъ могъ бы тогда самъ понизить свою цѣну, и такимъ образомъ уронить новое изданіе. Эти торговые обороты намъ, мѣщанамъ-писателямъ, очень извѣстны.—Мы знаемъ, что дешевизна книги не доказываетъ безкорыстіе Автора, но или большое требованіе оной, или совершенную остановку оной въ продажѣ. Спрашиваю: что выгоднѣе—напечатать 20,000 экз[емпляровъ] книги и продать по 50 коп., или напечатать 200 экземпляровъ и продать по 50 рублей?

Цѣна послѣдняго изданія Басенъ Крылова, во всѣхъ отношеніяхъ самаго народнаго нашего поэта <le plus national et le plus populaire>, не противорѣчитъ нами сказанному, басни <какъ и романы> читаетъ и литераторъ, и купецъ, и свѣтскій человѣкъ, и дамы, и горничныя, и дѣти. Но стихотвореніе лирическое читаетъ только любитель поэзіи. А много ли ихъ?

---

925. ШУТКИ НАШИХЪ КРИТИКОВЪ.

(Дѣтскія) шутки нашихъ критиковъ приводятъ иногда въ изумленіе своею невинностію. Вотъ истинный Анекдотъ: въ Лицеѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ товарищей, и не тѣмъ будь помянутъ, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему Лицею:

Ха, ха, ха! хи, хи, хи!
Де[львигъ] пишетъ стихи.

Каково же было намъ Дельвигу и мнѣ въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго В[ѣстника] Ев[ропы] найти слѣдующую шутку: Альманахъ С[ѣверные] Ц[вѣты] раздѣляется на прозу и стихи—хи, хи!» Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ Эпиграммы! Сего не довольно. Это *хи, хи*! показалось, видно, столь (замѣчательнымъ для нашихъ журналистовъ) затѣйливымъ что его перепечатали съ большой похвалой въ СѢв[ерной] Пчелѣ:

(Проза и стихи) «Хи, хи! какъ весьма остроумно сказано было въ В[ѣстникѣ] Евр[опы], etc.»

---

926. МОЛОДОЙ КИРЕЕВСКІЙ.

Молодой *Киреевскій*, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности, говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: древняя Муза его покрывается иногда душегрѣйкою новѣйшаго уныпія. Выраженіе, конечно, смѣшное. Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Д[ельвига] отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Киреевскій отозвался довольно непочтительно,—обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки и вотъ уже годъ какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику. Положимъ, все та же шутка (столь смѣшная будучи повторена въ сотый разъ) каждый разъ имъ и удается. Но какая имъ отъ того прибыль? Публикѣ почти дѣла нѣтъ до литературы а малое число любителей вѣритъ наконецъ не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнѣніямъ здравой (истинной) критики и безпристрастія.

---

927. [МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ ГРАММАТИЧЕСКАГО ХАРАКТЕРА].

Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ 5 грамматическихъ ошибокъ <и справедливо>; я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто. [1] Прозой пишу я гораздо неправильнѣе (чѣмъ стихами), а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Г**.

*

У насъ многіе <между прочимъ и Г. Каченовскій котораго кажется, нельзя упрекнуть въ незнаніи русскаго языка> спрягаютъ: *рьшаю*, *рьшаешь*, *рьшаетъ* — *рьшаемъ*, *рьшаете*, *рьшаютъ*, вмѣсто рѣшу, *рьшишь* и проч. *рьшу* спрягается какъ *грьшу*.

*

Иностранныя собств[енныя] им[ена], кончающіяся на *е*, *и*, *о*, *у* не склоняются. Кончающ[іяся] на *а*, *ъ* и *ь* склоняются въ мужескомъ родѣ, а въ женскомъ нѣтъ; и противъ этого многіе у насъ погрѣшаютъ, пишутъ: книга сочиненная *Гетемъ*, и проч.

*

Какъ надобно писать: *Турковъ* или *Турокъ*? То и другое правильно. *Турокъ* и Турка равно употребительны.

*

Многіе пишутъ: *юпка*, *сватьба* вмѣсто *юбка*, *свадьба*. Никогда въ производныхъ словахъ *т* не перемѣняется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говоримъ *юбочница*, *свадебный*.

*

Двенадцать, а не *двьнадцать*. *Две* сокращено изъ двое, какъ *три* изъ *трое*.

*

Пишутъ *тьлега*, *тельга*. Не правильнѣе ли *телега* <отъ слова *телецъ*: телега, запряженная волами>?

*

Разговорный языкъ простаго народа <не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на Французскомъ языкѣ> достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

Альфіери изучалъ Итальянскій языкъ на Флорентинскомъ Базарѣ. Нехудо намъ иногда прислушиваться къ Московскимъ просвирнямъ. Онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.

*

Московской выговоръ чрезвычайно изнѣженъ и прихотливъ. (Мы говорили) Звучныя буквы *щ* и *ч* передъ другими согласными въ немъ (часто) измѣнены. Мы даже говоримъ: *женшины*, (пошлегъ) *послегъ* (см. Богдановича).

*

<Шіопы подобны буквѣ *ъ*: нужны они только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но и тутъ можно безъ нихъ обойтиться, а они привыкли всюду соваться>.

*

Грамматика не предписываетъ законовъ языку, но изъясняетъ и утверждаетъ его обычаи.

---

[1] Сбоку выписаны эти 5 ошибокъ: 1) остановлялъ я взоръ на отдаленныя громады; 2) на темѣ горъ <темени>; 3) воилъ вм. вылъ; 4) былъ отказанъ вм. ему отказали; 5) игумену вм. игумну.

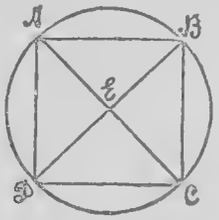
МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ.

928. [ЕЗУИТЪ ПОССЕВИНЪ].

Езуитъ Поссевинъ, столь извѣстный въ нашей исторіи, былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей памяти Макіавелевой. Онъ соединилъ въ одной книгѣ всѣ клеветы, всѣ нападенія, которыя навлекъ на свои сочиненія безсмертный флорентинецъ, и тѣмъ остановилъ новое изданіе оныхъ. Ученый Coringius, издавшій Il Principe въ 1660 году, доказалъ, что Поссевинъ никогда не читалъ Макіавеля, а толковалъ о немъ по наслышкѣ.

929. [ФОРМА ЦИФРЪ АРАБСКИХЪ].

Форма цифръ арабскихъ составлена изъ слѣдующей фигуры:



AD [1], EABDC [2], ABECd [3], ABD + AE [4] и проч. Римскія цифры составлены по тому же образцу.

930. [ОТЕЛЛО ОТЪ ПРИРОДЫ НЕ РЕВНИВЪ].

Отелло отъ природы не ревнивъ; напротивъ, онъ довѣрчивъ. Вольтеръ это понялъ, и, развивая въ своемъ подражаніи созданіе Шекспира, вложилъ въ уста своего Орозмана слѣдующій стихъ.

Je ne suis point jaloux...
Si je l'étais jamais!...

931. [ЧЕЛОВѢКЪ ПО ПРИРОДѢ СВОЕЙ СКЛОНЕНЪ БОЛѢЕ КЪ ОСУЖДЕНІЮ].

Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ... <говоритъ Макіавель, сей великій знатокъ природы человѣческой>.

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ, и это приписано разборчивости его вкуса, странности, и т. п. Тотъ же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дюмениля или исторіей г. Полеваго, и на него смотрятъ съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для человѣка мыслящаго.

932. [DIVIDE ET IMPERA].

Divide et impera — есть правило государственное, не только макіавелическое <принимаю это слово въ его общенародномъ значеніи>.

932-а. [КАКОЙ-ТО ЛОРДЪ].

Какой-то лордъ, извѣстный лѣнивецъ, для своего сына пародировалъ извѣстное изреченіе: «не дѣлай никогда самъ то, что можешь заставить сдѣлать чрезъ другаго.» N., извѣстный эгоистъ, прибавилъ: «не дѣлай никогда для другаго то, что можешь сдѣлать для себя.»

933. [О ДАМАХЪ].

Одна умная дама сказывала однажды, что если мужчина начинаетъ съ нею говорить о предметахъ ничтожныхъ, какъ бы приноравливаясь къ слабости женскаго понятія, то въ ея глазахъ онъ тотчасъ обнаруживаетъ свое незнаніе женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли почитать женщинъ, которыя такъ часто насъ удивляютъ быстротою понятія, тонкостію чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? Это особенно странно въ Россіи, которая гордится женщинами, царствовавшими съ славою, между прочимъ Екатериною II, и гдѣ вообще женщины болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ общему въ Европѣ ходу вещей, чѣмъ мы, гордые Богъ вѣдаетъ почему?

934. [МНОГІЕ НЕГОДУЮТЪ НА ЖУРНАЛЬНУЮ КРИТИКУ].

Многіе негодуютъ на *журнальную критику* за дурной ея тонъ, не знаніе приличія и тому подобное; неудовольствіе ихъ несправедливо. Ученый человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, погруженный въ свои размышленія, не имѣетъ времени являться въ общество и пріобрѣтать навыкъ къ суетной

образованности, подобно праздному жителю большаго свѣта. Мы должны быть снисходительны къ его простодушной грубости, залогу добросовѣстности и любви къ истинѣ. Педантизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. Онъ только тогда смѣшонъ и отвратителенъ, когда мелкомысліе и невѣжество выражаются его языкомъ.

---

935. [ГЕТЕ ИМѢЛЪ БОЛЬШОЕ ВЛІЯНІЕ НА БАЙРОНА].

Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе творца Чайльдъ Гарольда. Нѣсколько разъ пытался Байронъ бороться съ этимъ великаномъ романтической поэзіи—и всегда оставался хромъ, какъ Іаковъ.

---

936. [БУКВЫ СОСТАВЛЯЮЩІЯ СЛАВЯНСКУЮ АЗБУКУ. ENO ET IKAEL].

Буквы, составляющія Славянскую азбуку не представляютъ никакого смысла. *Азъ, буки, вѣди, глаголъ, добро* etc. суть отдѣльныя слова, выбранныя для начальнаго ихъ звука. У насъ Грамотинъ первый, кажется, вздумалъ составить апофеегмы изъ нашей азбуки. Онъ пишетъ: первоначальное значеніе буквъ, *вѣроятно*, было слѣдующее: Азъ Букъ <или Бугъ!> вѣдю, т.-е. я Бога вѣдаю <!>; глаголю добро есть; живетъ на землѣ, кто и какъ люди мыслитъ; пашъ онъ покой рцу. Слово (Λόγος) твержу... <и прочая, говоритъ Грамотинъ>; вѣроятно, что въ прочемъ не могъ уже найти никакого смысла. Какъ это все натянуто! Мнѣ гораздо болѣе нравится трагедія, составленная изъ азбуки Французской. Вотъ она:

ENO et IKAËL.

Tragédie.

Personnages:

Le prince Eno.
La princesse Ikaël, amante du prince Eno.
L'abbé Pécu, rival du prince Eno.
Ixe, Igrec, Zède } gardes du prince Eno.

Scène unique.

Le prince *Eno*, la princesse *Ikaël*, l'abbé *Pécu*, Gardes.

Eno.

Abbé! Cédez...

L'Abbé.

Eh! f...

Eno [mettant la main sur sa hâche d'arme]. J'ai hâche!...

Ikaël (se jetant dans les bras d'Eno). Ikaël aime Eno! (Ils s'embrassent avec tendresse).

Eno (se retournant vivement).

Pécu est reste? Ixe, Igrec, Zede! Prenez m-r l'Abbé et jetez-le par les fenaitres!

---

937. [МНОЖЕСТВО СЛОВЪ И ВЫРАЖЕНІЙ, НАСИЛЬСТВЕННЫМЪ ОБРАЗОМЪ ВВЕДЕННЫХЪ].

Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ въ употребленіе, остались и укоренились въ нашемъ языкѣ. Напримѣръ: *трогательный* отъ слова touchant <см. справедливое о томъ разсужденіе г. Шишкова>. *Хладнокровіе*— это слово не только переводъ буквальный, но еще и ошибочный; настоящее выраженіе французское есть *sens froid* — хладномысліе, а не *sang froid*. Такъ и писали это слово до самаго 18-го столѣтія. «*Dans son assiette ordinaire*». *Assiette* значитъ—положеніе, отъ слова *asseoir*, но мы перевели каламбуромъ: *не въ своей тарелкѣ*.

Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ. (*Горе отъ ума*).

---

938. [ПОСЛОВИЦЫ].

«Не твоя печаль чужихъ дѣтей качать», т.-е. не твоя забота.

«Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ»— пословица латинская.

«Нужда научитъ калачи ѣсть», т.-е. нужда мать изобрѣтенія и роскоши.

«Кто въ дѣлѣ, тотъ и въ отвѣтѣ». Въ дѣлѣ, т. е. въ должности; въ отвѣтѣ, т.-е. въ посольствѣ.

«Не суйся середа прежде четверга». Смыслъ ироническій и относится къ тѣмъ, которые хотятъ оспоривать явныя, законныя преимущества; вѣроятно, выдумана во время мѣстничества.

«Горе лыкомъ подпоясано». «Разительное изображеніе нищеты; см. Древнія стихотворенія».

«Иже не ври же, его же пригоже». Насмѣшка надъ книжнымъ языкомъ: и въ старину надъ этимъ острились.

---

939. О ПРИЛИЧІИ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

По поводу Альфреда де Мюссе.

Между тѣмъ, какъ сладкозвучный, но однообразный Ламартинъ готовилъ новыя благочестивыя размышленія подъ заслуженнымъ названіемъ *Harmonies religieuses*; между тѣмъ, какъ важный Victor Hugo издавалъ свои блестящія, хотя и натянутыя Восточныя Стихотворенія <*les Orientales*>; между тѣмъ, какъ бѣдный скептикъ Делормъ воскресалъ въ видѣ исправляющагося неофита, и строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей Французской литературѣ—вдругъ явился молодой поэтъ съ книжечкой сказокъ и пѣсенъ и произвелъ *недоумѣніе*... Какъ приняли молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодованіе журналовъ и всѣ ферулы, поднятыя на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезнаго повѣсы такъ изумила, такъ понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдать, объявила, что можно описывать разбойниковъ и убійцъ, даже не имѣя цѣлію объяснить, сколь непохвально это ремесло—и быть добрымъ и честнымъ человѣкомъ; что, вѣроятно, семейство его, читая его стихи, не станетъ раздѣлять ужаса нѣкоторыхъ и видѣть въ немъ изверга; что, однимъ словомъ, поэзія—вымыселъ, и ничего съ прозаической истиной жизни общаго не имѣетъ. Давно бы такъ, милостивые государи...

Итальянскія и Испанскія сказки Мюссе отличаются живостію необыкновенной. Изъ нихъ *Portia*, кажется, имѣетъ болѣе всего достоинства: сцена ночного свиданія, картина ревнивца, посѣдѣвшаго вдругъ, разговоръ двухъ любовниковъ на морѣ, все это прелесть. Драматическій очеркъ: *Les marrons de feu* обѣщаетъ Франціи *романтическаго* трагика, а въ повѣсти *Mardoche* Musset, первый изъ Французскихъ поэтовъ, умѣлъ схватить тонъ Байрона въ его шуточныхъ произведеніяхъ, что вовсе не шутка. Если мы будемъ понимать слова Горація: *difficile est propria communia dicere*, какъ понялъ ихъ Англійскій поэтъ въ эпиграфѣ къ Донъ-Жуану, то мы согласимся съ его мнѣніемъ: *трудно прилично выражать обыкновенные предметы. Communia* значитъ не *обыкновенные* предметы, но *общіе* всѣмъ. <Дѣло идетъ о предметахъ трагическихъ, всѣмъ извѣстныхъ, общихъ, въ противоположность предметамъ вымышленнымъ>.

---

940. [О ДРАМѢ].

Драматическое искусство родилось на площади—для народнаго увеселенія. Что нравится народу, что поражаетъ его? Какой языкъ ему понятенъ?

Съ площадей, ярмонки <вольность мистерій> Расинъ переноситъ ее во дворъ. Каково было ея появленіе?

<Корнель, поэтъ Испанскій>.

Сумароковъ, Озеровъ <Катенинъ>.

Шекспиръ, Гете. Вліяніе его на нынѣшній Фр[анцузскій] театръ,—На насъ. Блаженное невѣдѣніе критиковъ, осмѣянное В[яземск]имъ; они на словахъ согласились, признали Романтизмъ, а на дѣлѣ не только его не держатся, но дѣтски нападаютъ на него.

Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея? Человѣкъ и народъ—судьба человѣческая, судьба народная.—Вотъ почему Расинъ великъ, не смотря на узкую форму своей трагедіи. Вотъ почему Шекспиръ великъ, не смотря на неравенство, небрежность, уродливость отдѣлки.

Что нужно драматическому писателю? Философія, безпристрастіе, Государственныя мысли Историка, догадливость, живость воображенія, никакого предразсудка, любимой мысли. *Свобода.*

Между тѣмъ, какъ эстетика со временъ Канта и Лессинга развита съ такой ясностію и обширностію, мы все еще остаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готшеда; мы все еще повторяемъ, что *Прекрасное* есть подражаніе изящной природѣ и что главное достоинство искусства есть *польза.* Почему же статуи разкрашенныя (и слѣдственно ближайшія къ природѣ) нравятся намъ менѣе чисто мраморныхъ и мѣдныхъ? Почему поэтъ предпочитаетъ выражать мысли свои стихами? И какая польза въ Тиціановой Венерѣ или въ Ап[оллонѣ] Бельведерскомъ?

Правдоподобіе все еще полагается главнымъ условіемъ и основаніемъ Драм[атическаго] Иск[усства]. Что, если докажутъ намъ что и самая сущность Др[аматическаго] иск[усства] именно исключаетъ правдоподобіе?

Читая поэму, романъ, мы часто можемъ забыться и полагать, что описываемое происшедствіе не есть вымыселъ, но истина; въ одѣ, въ элегіи можемъ думать, что поэтъ изображалъ свои настоящія чувствованія, въ настоящихъ обстоятельствахъ. Но (можетъ ли сей обманъ существовать) въ зданіи, раздѣленномъ на двѣ

части, изъ коихъ одна наполнена зрителями, которые etc. etc.

Если мы будемъ полагать правдоподобіе въ строгомъ соблюденіи костюма, красокъ времени и мѣста, то и тутъ мы увидимъ, что величайшіе драматическіе писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира Рим[скіе] ликт[оры] сохраняютъ обычаи Лондонскихъ Альдермановъ. У Кальдерона храбрый Коріоланъ вызываетъ противника на дуэль и бросаетъ ему перчатку. У Расина полускиѳъ Ипполитъ ее поднимаетъ и говоритъ языкомъ молодаго благовоспитаннаго маркиза. У Корнеля Клитемнестру сопровождаетъ Швейцарская гвардія. Римляне Корнеля суть, если не Испанскіе рыцари, то Гасконскіе бароны. Со всѣмъ тѣмъ Кальдеронъ, Шекспиръ, Корнель и Расинъ стоятъ на высотѣ недосягаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ нашихъ изученій и восторговъ...

Какого же правдоподобія требовать должны мы отъ драматическаго писателя? Для разрѣшенія сего вопроса разсмотримъ сначала, что такое драма и какая ея цѣль?

Драма родилась на площади и составляла увеселеніе народное. Народъ, какъ дѣти, требуетъ занимательности дѣйствія— драма представляетъ ему необыкновенное, истинное происшедствіе; народъ требуетъ сильныхъ ощущеній—для него и казни— зрѣлище—трагедія преимущественно выводитъ передъ нимъ тяжкія злодѣянія, страданія сверхъестественныя, даже физическія <напр. Филоктетъ, Эдипъ, Лиръ>. Но привычка притупляетъ ощущенія; воображеніе привыкаетъ къ убійствамъ и казнямъ, смотритъ на нихъ ужь равнодушно; изображеніе же страстей и души человѣческой для него всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала завѣдывать страстями и душою человѣческой.

Смѣхъ, жалость и ужасъ суть три струны нашего воображенія, потрясаемыя волшебствомъ [драмы?] но смѣхъ скоро ослабѣваетъ, и на немъ одномъ невозможно основать полнаго драматическаго дѣйствія. Древніе трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладѣла ею исключительно и приняла форму драматическую болѣе какъ пародію. Такимъ образомъ, родилась комедія, современемъ столь усовершенствованная. Замѣтили, что высокая комедія не основана единственно на смѣхѣ, но на развитіи характеровъ, и что она нерѣдко близко подходитъ къ Трагедіи.

Истина страстей, правдоподобіе чувствованій въ предлагаемыхъ обстоятельствахъ— вотъ чего требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя.

Драма оставила площадь и перенеслась въ чертоги образованнаго, избраннаго общества, перенеслось ко двору. Между тѣмъ, [драма] остается вѣрною первоначальному своему назначенію дѣйствовать на толпу, занимать ея любопытство. Но тутъ,—(что привлекаетъ вниманіе образованнаго, просвѣщеннаго зрителя, какъ не изображеніе великихъ Государственныхъ происшедствій? Отселѣ исторія перенеслась на театръ; и народы, и Цари выведены передъ нами драматическимъ поэтомъ. Въ чертогахъ драма измѣнилась, голосъ ея понизился; она не имѣла уже нужды въ крикахъ. Она оставила уже маску преувеличенія, необходимую на площади, но излишнюю въ комнатѣ; она явилась проще, естественнѣе. Чувства, болѣе утонченныя, уже не требовали сильнаго потрясенія.—Она перестала изображать отвратительныя страданія, отвыкла отъ ужасовъ, мало-по-малу сдѣлалась благопристойна и важна). (Цѣль означить разницу между трагедіей народной, Шекспи. и драмой придворной Расинова).

<Отселѣ важная разница.> Творецъ трагедіи народной былъ образованнѣе своихъ зрителей; онъ это зналъ и давалъ имъ свои свободныя произведенія съ увѣренностію въ своей (superiorité) возвышенности и публика безпрекословно (это) чувствовала. При Дворѣ, наоборотъ, поэтъ чувствовалъ себя (не на своемъ мѣстѣ) ниже своей публики: зрители были образованнѣе его — по крайней мѣрѣ такъ думалъ онъ и они; онъ не предавался вольно и смѣло своимъ вымысламъ; онъ старался угадывать требованія утонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по состоянію; онъ боялся унизить такое-то высокое званіе, оскорбить такихъ-то спѣсивыхъ своихъ патроновъ: отъ сего и робкая покорность и отселѣ смѣшная надутость, вошедшая въ пословицу <un héros, un roi de comédie>, и привычка влагать въ уста людей, высшаго состоянія, съ какимъ-то подобострастіемъ, и придавать имъ странный, не человѣческій образъ изъясненія. У Расина, <напр.> Неронъ не скажетъ просто: je serai caché dans ce cabinet, но caché près de ces lieux, je vous verrai, Madame. Агамемнонъ будитъ своего наперсника, говоритъ ему съ напыщенностью: Oui, c'est Agamemnon, etc.

Мы къ этому привыкли, намъ кажется,

что такъ и быть должно; но надобно признаться, что у (Шекспира этого незамѣтно). И если (иногда) герои выражаются въ его трагедіяхъ, какъ конюхи, то намъ это не странно, ибо мы чувствуемъ, что и знатные должны выражать простыя понятія, какъ простые люди.

Драма оставила языкъ общенародный и приняла нарѣчіе модное, избранное, утонченное.

Не имѣю цѣлію и не смѣю опредѣлять выгоды и невыгоды той и другой трагедіи, развивать существенныя разницы системъ Расина и Шекспира. Скѣшу обозрѣть исторію драмм[атическаго] искусства въ Россіи.

Драмма никогда не была у насъ потребностію народною. Мистеріи (Дмитрія) Ростовскаго, трагедіи Царевны С[офьи] Алекс[ѣевны] были представляемы при ц[арскомъ] дворѣ и въ палатахъ ближнихъ бояръ—и были необыкновеннымъ празднествомъ, а не постояннымъ увеселеніемъ. Первыя труппы, появившіяся въ Россіи, не привлекали народа, не понимавшаго драмма[тизма] и не привыкшаго къ его условіямъ. (Попытки Волкова не имѣли успѣха). Явился Сумароковъ, нещастнѣйшій изъ подражателей. Трагедіи его, исполненныя (без-с)противомыслія, писанныя варварскимъ, изнѣженнымъ языкомъ, нравились двору Елисаветы, какъ новость, какъ подражаніе Парижскимъ увеселеніямъ. Сіи вялыя, холодныя произведенія не могли имѣть никакого вліянія на народное пристрастіе. (Театръ оставался чуждымъ нашимъ обычаямъ). Озеровъ это чувствовалъ. Онъ попытался (сдѣлать) дать намъ трагедію народную и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что поэты Франціи брали всѣ предметы для своихъ тра[гедій] изъ Римской, Греческой и Европейской исторіи, и что самыя народныя трагедіи Шекс[пировы] заимствованы имъ изъ Италіанскихъ новеллъ.

Послѣ Дмитрія Донского, послѣ Пожарскаго <произведенія незрѣлаго таланта>, мы все не имѣли трагедіи, Андромаха К[атенина] <можетъ быть, лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ истинныхъ чувствъ по духу истинно трагическому>, не разбудила, однако жъ, ото сна нашу сцену, опустѣлую послѣ Семеновой.

Ермакъ идеализированный—лирическое произведеніе, произведеніе пылкаго юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи.

Комедія была щастливѣе. Мы имѣемъ двѣ драматическія сатиры.

Отчего же нѣтъ у насъ трагедіи? Нехудо было бы рѣшить: можетъ ли она и быть? Мы видѣли, что народная трагедія родилась на площади, образовалась, и потомъ уже была призвана въ Аристократическое общество. У насъ было напротивъ. Мы захотѣли придворную Сумароко[вскую] Тр[агедію] низвести на площадь; но есть препятствія!

Трагедія наша, образованная по примѣру Тра[гедіи] Рас[ина], можетъ ли отвыкнуть отъ Аристократическихъ своихъ привычекъ, (свой разговоръ, размѣренный, важный и напыщенно благопристойный)? Какъ ей перейти къ грубой откровенности народныхъ страстей, къ вольности сужденій площади? какъ ей вдругъ отстать отъ подобострастія? какъ ей обойтись безъ правилъ, къ которымъ она привыкла? гдѣ, у кого выучиться нарѣчію, понятному народу? какія суть страсти сего народа, какія струны его сердца, гдѣ найдетъ она себѣ созвучіе, словомъ, гдѣ зрители, гдѣ публика

Вмѣсто публики встрѣтитъ она тотъ же малый ограниченный кругъ—и оскорбитъ надменныя его привычки <dédaigneux>; вмѣсто созвучія, отголоска и рукоплесканій услышитъ она мѣлочную, привязчивую критику (журналовъ). Передъ нею возстанутъ непреодолимыя преграды—для того, чтобъ она могла разставить свои подмостки, надобно было бы перемѣнить обычаи, нравы и понятія цѣлыхъ столѣтій...

Передъ нами, однако жъ, опытъ народной трагедіи:

[Разборъ драмы: Марѳа Посадница].

Прежде чѣмъ станемъ судить, поблагодаримъ неизвѣстнаго *Автора за добросовѣстность* его труда, поруку истиннаго таланта. Онъ написалъ свою трагедію не по расчетамъ самолюбія, жаждущаго минутнаго успѣха, не въ угожденіе общей массѣ читателей, не только не пріуготовленныхъ къ романтической драмѣ, но даже рѣшительно ей непріятствующихъ. Не говоримъ ужъ о журналахъ, коихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе не только на публику, но даже на тѣхъ читателей, которые, хотя ими и пренебре-

гаютъ, но опасаются печатныхъ (критиковъ), насмѣшекъ и ругательства. Онъ написалъ трагедію вслѣдствіе сильнаго внутренняго убѣжденія, вполнѣ предавшись независимому вдохновенію, сливаясь въ своемъ трудѣ. Безъ сего самоотверженія въ нынѣшнемъ состояніи нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойнаго вниманія.

Авторъ Марѳы Пос[адницы] имѣлъ цѣлію развитіе важнѣйшаго историческаго происшедствія, паденія Новагорода рѣшившее вопросъ о единодержавіи Россіи; два великихъ лица представлены ему были исторіею. Первое, Іоаннъ, уже начертанный Карамзинымъ былъ во всемъ его (грозномъ) и хладномъ величіи; второе, Новгородъ, коего черты надлежало угадать.

Драматическій поэтъ, безпристрастный какъ судьба — долженъ былъ изобразить столько же искренно отпоръ погибающей Вольности, какъ глубоко обдуманный ударъ, утвердившій Россію на ея огромномъ основаніи.—Онъ не долженъ былъ хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не онъ, не его политическій образъ мнѣній, не его тайное или явное пристрастіе должно было говорить въ трагедіи,—но люди минувшихъ дней, умы ихъ, предразсудки. Не его дѣло оправдывать, обвинять, подсказывать рѣчи. Его дѣло—воскресить минувшій вѣкъ во всей его полнотѣ силой истинѣ[ы]. Исполнилъ ли сіи первоначальныя необходимыя условія Авт[оръ] М[арѳы] Пос[адницы]? Отвѣчаемъ, исполнилъ, и если не вездѣ, то измѣнило ему не желаніе, не убѣжденіе, не совѣсть, но природа человѣка, всегда несовершенная,—сколько глубокое добросовѣстное изслѣдованіе истины и живость воображенія юнаго, пламеннаго ему послужили.

Іоаннъ, его вліяніе и его политика.

Шекспиръ, народъ, женщины.

Посадница <какъ понялъ ее Карамзинъ>.

К . . . . .

Дѣйствіе (Слогъ).

Іоаннъ наполняетъ трагедію. Мысль его приводитъ въ движеніе всю махину, всѣ страсти, всѣ пружины. Въ первой сценѣ Новгородъ узнаетъ о властолюбивыхъ его притязаніяхъ и о начатомъ походѣ.—Негодованіе, ужасъ, разногласіе, смятеніе, произведенное симъ извѣстіемъ — даютъ уже понятіе о его могуществѣ. Онъ еще не появился, но ужъ тутъ; какъ Марѳа, мы ужъ чувствуемъ его присутствіе. Поэтъ переноситъ насъ въ Московскій станъ, среди недовольныхъ князей, среди бояръ и воеводъ. И тутъ мысль объ Іоаннѣ господствуетъ и правитъ всѣми мыслями, всѣми страстями.—Здѣсь видимъ могущество его владычество, укрощающее мятежныхъ удѣльныхъ князей, страхъ наведенный на нихъ Іоанномъ, сильную вѣру въ его всемогущество.—Князья свободно и ясно понимаютъ его дѣйствія, предвидятъ и изъясняютъ высокіе замыслы. Послы Новгородскіе ожидаютъ его; является Іоаннъ. Рѣчь его къ посламъ не умаляетъ понятія которое поэтъ успѣлъ внушить. Холодная, твердая рѣшимость, обвиненія сильныя, притворное великодушіе, хитрое изложеніе обидъ... мы слышимъ точно Іоанна, мы узнаемъ мощный Государственный его смыслъ, мы слышимъ духъ его вѣка. Новгородъ отвѣчаетъ ему въ лицѣ своихъ пословъ. Какая сцена! какая вѣрность историческая! Какъ угадана дипломатика русскаго вольнаго Города! Іоаннъ не заботится о томъ, правы ли они или нѣтъ—онъ предписываетъ свои послѣднія условія.—Между тѣмъ готовится къ рѣшительной битвѣ. Но не однимъ оружіемъ дѣйствуетъ осторожный Іоаннъ. Измѣна помогаетъ силѣ. Въ сценѣ между Іоа[нномъ] и вымышленнымъ Борецкимъ <кажется намъ> невыдержанною. Поэту не хотѣлось совсѣмъ унизить Новгородскаго предателя — отселѣ заносчивость его рѣчей—и не драматическая <т.-е. неправдоподобная> снисходительность Іоанна. Скажутъ: онъ терпитъ, ибо ему нуженъ Борецкій — правда. Но предъ его лицомъ не смѣлъ бы забыться Борецкій, и измѣнникъ не говорилъ бы уже вольнымъ языкомъ Новагорода. За то съ какой полнотою, съ какимъ спокойствіемъ развиваетъ Іоаннъ Государственныя свои мысли! и замѣтимъ — откровенность вотъ лучшая лесть Властителя и единственно его достойная. Послѣдняя рѣчь Іоанна

Россійскіе бояре,

Вожди, князья и пр.

Кажется намъ не въ духѣ властолюбиваго Іоанна. Ему не нужно воспламенять ихъ усердія; онъ не станетъ изъяснять причины своихъ дѣйствій.—Довольно, если онъ скажетъ имъ: завтра битва, будьте готовы.—

Мы разстаемся въ Іоанномъ, узнавъ его намѣренія, его мысли, его могучую волю—и уже видимъ его опять, когда молча въѣзжаетъ онъ побѣдителемъ въ преданный ему Новгородъ.—Его разпоряженія, переданныя намъ Исторіей, сохранены въ Трагедіи безъ добавленій затѣйливыхъ, безъ

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ СВИНЬИНЪ.
[Маленькій лжецъ].

объясненій.—Марѳа предрекаетъ ему семейственныя нещастія и погибель его рода—онъ отвѣчаетъ, что Господу...

Спокойно я исполнилъ подвигъ свой.

Только изображеніе Іоанна, изображеніе, согласное съ Исторіей, почти вездѣ выдержанное. Въ немъ трагикъ не ниже своего предмета. — Онъ его понимаетъ ясно, вѣрно, знаетъ коротко и представляетъ намъ безъ театральныхъ преувеличеній, безъ надутости, чопорности, безъ противомыслія, безъ шарлатанства.

---

941. ДѢТСКІЯ КНИЖКИ.

Маленькій лжецъ.

Павлуша былъ опрятный, добрый, примѣрный мальчикъ, но имѣлъ большой порокъ—онъ не могъ сказать трехъ словъ, чтобъ не солгать.—Папенька въ его именины подарилъ ему деревянную лошадку.—Павлуша увѣрялъ что его лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая на которой онъ ускакалъ изъ Полтавскаго сраженія.—Павлуша увѣрялъ, что въ домѣ его родителей находится поварёнокъ—Астрономъ, форрейторъ—историкъ, и что птичникъ Прошка сочиняетъ стихи лучше Ломоносова.—Сначала всѣ товарищи ему вѣрили, но скоро догадались и никто уже не хотѣлъ ему вѣрить даже и тогда, когда случалось ему сказать и правду.

Исправленный забіяка.

Ванюша, сынъ приходскаго дьячка, былъ ужасный шалунъ. Цѣлый день проводилъ онъ на улицѣ съ мальчиками, валялись съ ними въ грязи и марая свое праздничное

НИКОЛАЙ ПОЛЕВОЙ.

[Вѣтренный мальчикъ].

платье. Когда проходилъ мимо ихъ порядочный человѣкъ, Ванюша показывалъ ему языкъ, бѣгалъ за нимъ и изо всѣхъ силъ кричалъ: Пьяница, уродъ, развратникъ, зубоскалъ, писака, безбожникъ, нигилистъ!—и кидалъ въ него грязью.—Однажды степенный человѣкъ имъ замаранный разсердился и, поймавъ его за вихоръ, больно побилъ его тросточкою. Ванюша въ слезахъ побѣжалъ жаловаться своему отцу. Старый дьячекъ сказалъ ему: Подѣломъ тебѣ, негодяй; дай Богъ здоровья тому, кто не брезгалъ поучить тебя. Ванюша сталъ очень печаленъ и, почувствовавъ свою вину, исправился.

[Вѣтренный мальчикъ].

Алеша былъ очень неглупой мальчикъ, но слишкомъ вѣтренъ и заносчивъ. Онъ ничему не хотѣлъ порядочно учиться. Когда бранили его за то, что онъ пренебрегалъ фр. и нѣмецк. яз., то онъ отвѣчалъ что онъ русской и что довольно для него если онъ будетъ понимать иностранные языки. Латинскій, по его мнѣнію, вышелъ совсѣмъ изъ употребленія, и однимъ педантамъ простительно было имъ заниматься. Русской грамматикѣ не хотѣлъ онъ учиться ибо недоволенъ былъ изданною для нар. уч. и ожидалъ новой, философ. Логика казалась ему наукою прошлаго вѣка, недостойною нашихъ просвѣщенныхъ временъ. Что же? При всемъ своемъ умѣ и способностяхъ, Алеша зналъ первыя 4 пр. ариѳметики, и читалъ довольно бѣгло по русски. Онъ прослылъ невѣждою, и всѣ его товарищи надъ нимъ смѣялись. Иногда учитель бранилъ его за Вокабулы. Алеша отвѣчалъ имъ имена Шеллинга, Фихте, Кузена, Геерена, Нибура, Шлегеля и пр.

ПУШКИНЪ И НАЩОКИНЪ.

I.

Павелъ Воиновичъ Нащокинъ, другъ Пушкина и пріятель Гоголя, заслуживаетъ вниманія не только по своей близости къ двумъ нашимъ великимъ писателямъ, но и по своеобразію и богатству его натуры, которыми и была обусловлена эта близость. Онъ заслуживаетъ вниманія еще и потому, что обоимъ названнымъ поэтамъ его личность послужила первообразомъ для поэтическихъ созданій.

Свѣдѣній о Нащокинѣ сохранилось немного: письма Пушкина къ нему, его письма къ Пушкину, большое письмо къ нему Гоголя, нѣсколько словъ, посвященныхъ ему П. И. Бартеневымъ въ «*Русскомъ Архивѣ*», наконецъ, воспоминанія Куликова въ «*Русской Старинѣ*», да случайныя свѣдѣнія, разсѣянныя въ обширной пушкинской литературѣ,—вотъ и всѣ извѣстные до сихъ поръ матеріалы для его характеристики [1]) Біографія его такъ же проста, какъ была сложна и разнообразна его жизнь. Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, родился годомъ позднѣе Пушкина, и первоначальное воспитаніе получилъ въ лицейскомъ пансіонѣ; выступивъ до окончанія курса, онъ нѣкоторое время прослужилъ въ Измайловскомъ полку, потомъ вышелъ въ отставку и, вѣроятно, въ половинѣ 20-хъ годовъ переселился въ Москву, гдѣ и прожилъ въ совершенной праздности лѣтъ 30, до смерти своей въ 1854 г.

Унаслѣдовавъ отъ матери изрядное богатство, онъ быстро спустилъ его въ кутежахъ, стяжавшихъ ему почетную извѣстность среди бонвивановъ обѣихъ столицъ, потомъ снова нѣсколько разъ попадали ему въ руки большія суммы въ видѣ неожиданныхъ наслѣдствъ или крупныхъ выигрышей, и все это опять проматывалось, проигрывалось и проѣдалось, такъ что подъ конецъ жизни отъ всѣхъ этихъ богатствъ не осталось и слѣда, и Нащокинъ умеръ почти въ нищетѣ. Изъ писемъ къ нему Пушкина извѣстно, что въ Москвѣ Нащокинъ обзавелся красавицей-цыганкой, Ольгой Андреевной, отъ которой у него былъ и сынъ; черезъ нѣсколько лѣтъ она ему надоѣла, да къ тому же онъ влюбился въ хорошенькую Вѣру Александровну Нарскую; въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ изъ дому, оставивъ цыганкѣ весь свой домъ въ Москвѣ съ хорошей суммой денегъ, и въ подмосковной у пріятеля обвѣнчался съ Вѣрой Александровной, послѣ чего нѣкоторое время изъ осторожности прожилъ въ Тулѣ. Вѣра Александровна на много лѣтъ пережила мужа: она умерла только недавно (19 ноября 1900 г.), и еще въ 1898 году кѣмъ-то были напечатаны съ ея словъ довольно безсодержательныя воспоминанія о Пушкинѣ и Гоголѣ [1]).

Воспоминанія Куликова, не лишенныя живости, недурно характеризуютъ Нащокина въ его московскій періодъ, но, кажется, еще болѣе яркій потретъ его даютъ воспоминанія нѣкоего В. Т—на, помѣщенныя въ *Искрѣ* Курочкина за 1866 годъ, № 47, подъ заглавіемъ: «Московскіе оригиналы былыхъ временъ» (замѣтки старожила). Изъ трехъ очерковъ В. Т—на одинъ посвященъ Нащокину, фамилія котораго не названа. Вотъ этотъ очеркъ, остававшійся до сихъ поръ неизвѣстнымъ большинству авторовъ, писавшихъ о Нащокинѣ.

[1]) См. также «*Рус. Стар.*» 1880 г., іюль стр. 615—616, разсказъ Нащокина о его увлеченіи спиритизмомъ въ 1854 г.; ему, между прочимъ, нерѣдко являлся и духъ Пушкина и даже диктовалъ стихи.—Также «*Рус. Арх.*» 1884 г., № 6, стр. 352—353—письмо Н. къ Полторацкому, гдѣ онъ разсказываетъ о томъ, какъ у себя въ домѣ свелъ Пушкина съ полковникомъ Спичинскимъ, который и разсказалъ поэту о кражѣ Булгаринымъ (въ Ревелѣ, по разжалованіи въ солдаты) шпицели у его камердинера; этимъ разсказомъ воспользовался Пушкинъ въ программѣ «Настоящаго Выжигина». — Барсуковъ, *Жизнь М. П. Погодина*, т. 7. стр. 310, письмо Н. къ Погодину о вещахъ, доставшихся ему послѣ смерти Пушкина (здѣсь и о пушкинской ассигнаціи).

[1]) «*Новое Время*» 1898 г., №№ 8115, 8122 и 8129 (и здѣсь о пушкинскихъ вещахъ, присланныхъ Нащокину. Между прочимъ, она разсказываетъ, что серебряные часы, бывшіе на Пушкинѣ во время дуэли, Нащокинъ подарилъ Гоголю, а послѣ смерти послѣдняго передалъ, по просьбѣ студентовъ, въ московскій университетъ. Гдѣ они?) Некрологъ В. А. Нащокиной — въ «*Истор. Вѣст.*» 1901 г., № 2.

Павелъ Воиновичъ.

Человѣку этому Гоголь посвятилъ нѣсколько лучшихъ главъ во второмъ томѣ своихъ «Мертвыхъ Душъ». Но не одинъ Гоголь былъ близокъ съ Павломъ Воиновичемъ. Съ нимъ было близко все, что считалось въ двадцатыхъ годахъ лучшаго и замѣчательнаго въ литературномъ, художественномъ, артистическомъ и музыкальномъ мірѣ. Онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей Пушкина, часто выручалъ его изъ хлопотъ холостой жизни и словомъ, и дѣломъ, и только одна смерть поэта прекратила ихъ долголѣтнюю дружбу.

Живя въ Москвѣ, уже въ недостаточномъ положеніи, Павелъ Воиновичъ часто любилъ вспоминать, какъ втроемъ—онъ, П[летневъ] и кн. В[яземскій] раздѣлили между собою послѣднія деньги, нашедшіяся у Пушкина въ бумажникѣ, послѣ кончины, съ клятвою хранить ихъ навсегда, въ знакъ памяти о постигшей ихъ утратѣ. То были три двадцати-пяти рублевыя ассигнаціи, на которыхъ они написали годъ, день, число и часъ его смерти. Оригинальный синодикъ этотъ сохранился у прочихъ,—не сохранился онъ только у Павла Воиновича.

— Какъ же это? По какому случаю?—спрашивали его, бывало, знакомые съ изумленіемъ.

«Обстоятельства—наши деспоты! — отвѣчалъ онъ на этотъ щекотливый для него вопросъ со вздохомъ.—Такія тяжелыя дѣла подошли, что не только эту дружескую ассигнацію, собственную бы свою душу заложилъ. Совершенное безденежье, холодъ, голодъ, жена и дѣти чуть хлѣбомъ однимъ не питаются. Что было дѣлать? Не мебель же продавать? Думалъ, думалъ, и, какъ на зло, подвернулся мнѣ на глаза конвертъ, въ которомъ была у меня запечатана завѣтная ассигнація. Приказалъ подавать карету и велѣлъ ѣхать къ Павлу Петровичу, закладами и ростовщичествомъ онъ занимается. Заложу я этому скрягѣ, думалъ я, эту рѣдкость, авось рублей сто, по крайней мѣрѣ, дастъ. Не тутъ-то было! Объявляю ему всю для меня цѣнность бумажки, всю мою любовь къ ней, все уваженіе,—плечами только невѣжда пожимаетъ. «Да я, говоритъ, не только что-нибудь ей цѣнности дамъ, но и въ промѣнъ даже не возьму: можетъ быть, ее и сбыть нельзя. Эка вы на ней какую эпитафію написали! Поѣзжайте къ В., онъ до рѣдкостей охотникъ, недавно обезьяну себѣ купилъ; можетъ быть, онъ что-нибудь вамъ подъ эту ассигнацію и дастъ». Что было дѣлать съ этимъ канальей! однако же послушался его, поѣхалъ я къ В. Объявляю ему въ чемъ дѣло. «Позвольте посмотрѣть!» спрашиваетъ. Подалъ я конвертъ. В. осмотрѣлъ ассигнацію внимательно на свѣтъ, языкомъ даже ее лизнулъ. «Нѣтъ, говоритъ, не фальшивая! Извольте, пожалуй, ухо на ухо помѣняемся; я вамъ за нее новенькую, съ молоточка дамъ». «Мнѣ только оставалось поблагодарить этого подлеца и вернуться домой. Тутъ меня самая печальная картина ждала: поваръ въ прихожей торчитъ за приказаніемъ, что въ тотъ день готовить. Готовь что хочешь! «Денегъ на провизію пожалуйте». Въ долгъ возьми. «Не даютъ, слишкомъ много задолжали, говорятъ». Пришлось разстаться окончательно съ моею драгоцѣнностью; поплакалъ предъ мраморнымъ бюстомъ Александра Сергѣевича, поцѣловалъ его и отдалъ ассигнацію на закупки къ обѣду, приказывая повару просить пообождать и сохранить нѣсколько дней. Со дня на день я ждалъ полученія денегъ, по векселю,—такъ маленькую суммишку, тысячъ въ тринадцать, но дождался, къ несчастью, только черезъ недѣлю. Послалъ выкупать... моей бумажки и слѣдъ простылъ. Глупый купчина отдалъ ее, вмѣстѣ съ прочими деньгами, за свиныя туши и черкасскую говядину... Какъ на бѣду, это мое горе какъ-разъ предъ Рождествомъ случилось. Поневолѣ вспомнишь про прежнюю петербургскую жизнь, когда у меня золото только куры не клевали»...

Петербургская, молодая жизнь Павла Воиновича была завидною жизнью! Наслѣдникъ громаднаго родового имѣнія, гвардейскій кавалерійскій офицеръ, принятый въ лучшемъ обществѣ, онъ удивлялъ многихъ и обстановкою своей холостой квартиры, и своими рысаками, и своими экипажами, выписанными прямо изъ Вѣны, и своими вечерами, на которыхъ собирались литераторы, художники, артисты и французскія актрисы, до которыхъ Павелъ Воиновичъ былъ очень падокъ. Деньги были ему нипочемъ. Умный, образованный, человѣкъ со вкусомъ, онъ бросалъ ихъ, желая покровительствовать художникамъ и артистамъ. Онъ любилъ жить и давалъ жить другимъ. Залы его были наполнены произведеніями начинающихъ художниковъ; однихъ собственныхъ его портретовъ и масляными красками, и акварелью было до тридца-

ти; молодыми живописцами перерисованы были всѣ его кучера, прислуга, лошади и собаки. Эту коллекцію, совершенно ему ненужную, которую Павелъ Воиновичъ раздаривалъ первому встрѣчному, называлъ онъ «выставкою молодыхъ талантовъ». Онъ покупалъ все, что попадалось ему на глаза и останавливало чѣмъ-нибудь его вниманіе: мраморныя вазы, китайскія бездѣлушки, фарфоръ, бронзу,—что ни попало и сколько бы ни стоило; въ особенности дорого ему обходились бенефисные подарки актрисамъ. Причудамъ его не было конца, такъ что однажды за маленькій восковой огарокъ, предъ которымъ Асенкова учила свою лучшую роль, онъ заплатилъ ея горничной шальную цѣну и обдѣлалъ въ серебряный футляръ, который вскорѣ подарилъ кому-то изъ знакомыхъ. Между замѣчательнѣйшими рѣдкостями, находившимися въ квартирѣ Павла Воиновича, былъ одинъ двухъэтажный стеклянный домикъ, аршина два длины, каждая отдѣльная часть и украшенія котораго были заказаны имъ за границей, въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ. На этотъ домикъ, стоившій ему до сорока тысячъ, съѣзжалось любоваться все лучшее тогда петербургское общество [1]).

Подобныя дорогія причуды, да, въ прибавокъ, карточная игра, въ которой Павелъ Воиновичъ являлся, впрочемъ, не игрокомъ, алчущимъ выигрыша, а страстнымъ любителемъ сильныхъ ощущеній, сильно, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, поразстроили его состояніе, тѣмъ болѣе, что онъ обзавелся цыганкою. Наконецъ, когда цыганка ли сама его оставила, или онъ поставилъ ее, на честное слово, на карту, — вскорѣ по смерти А. С. Пушкина, онъ переселился въ Москву [2]). Тутъ только начала видѣться ему оборотная, не радужная сторона жизни. Но Павелъ Воиновичъ, ставшій втрое бѣднѣе прежняго, не унывалъ, и велъ почти ту же самую петербургскую жизнь. Онъ ѣздилъ почти ежедневно въ англійскій клубъ, выписалъ себѣ изъ Парижа дорогой кій, хранившійся всегда подъ сбереженіемъ маркера, проигрывая и выигрывая, ни о чемъ не заботясь, памятуя утѣшительную русскую поговорку: «курочка по зернышку клюетъ, сыта бываетъ».

А насытиться Павлу Воиновичу, «какъ курочкѣ», было трудно, потому что онъ не отвыкъ еще отъ прежнихъ своихъ привычекъ, и при первыхъ появившихся у него деньгахъ моталъ по старому, задавалъ обѣды, покупалъ дорогіе уборы женѣ и раздавалъ взаймы деньги всякому, кто ни подвергнется въ такую счастливую пору. Старая его экономка, жившая еще у него въ Петербургѣ, и также никогда не оставляемая въ такое время щедротами барина, бывало, частенько ворчала при видѣ такой добродушной расточительности. «Нашелъ кого ссужать! Развѣ на томъ свѣтѣ угольками ему отдадутъ. Ужъ подлинно у нашего старика-дурака развѣ только кобель на привязи ничего не вымаклачитъ».

Но горбатаго исправитъ только могила, говоритъ пословица. И Павелъ Воиновичъ продолжалъ играть, то привозя женѣ въ подарокъ шкатулку съ червонцами, то занимая у экономки подаренныя имъ же ей деньги; нѣсколько разъ, въ самыя критическія минуты падали ему на долю то какое-нибудь незначительное наслѣдство въ сотню душъ, отъ какого-нибудь дальняго родственника, то уплачивалъ ему кто-нибудь старинный долгъ по заемному письму, о которомъ самъ онъ давно пересталъ уже думать. Но всѣ эти неожиданныя пособія судьбы скоро изчезали. Павелъ Воиновичъ начиналъ вести снова непродолжительную роскошную жизнь и потомъ все болѣе и болѣе впадалъ въ недостатокъ и распродавалъ понемногу все, что было у него болѣе драгоцѣннаго: богатую коллекцію золотыхъ и серебряныхъ старинныхъ монетъ и медалей, дорогое собраніе разнаго оружія, свои вѣнскіе экипажи, послѣдніе женины экипажи и пр., и пр. На эти продажи онъ и продолжалъ существовать нѣсколько времени роскошно.

Во время своихъ житейскихъ невзгодъ онъ познакомился гдѣ-то случайно съ однимъ евреемъ, называвшимъ себя докторомъ, высланнымъ за городъ за разные обманы и мошенничества. Этотъ докторъ В. жилъ въ отдаленномъ захолустьи Сокольниковъ и привлекалъ къ себѣ богатыхъ москвичей увѣреніемъ, что онъ, занимаясь алхиміей, нашелъ средство дѣлать золото и при лунномъ свѣтѣ, помощію розы, сгущать ее на лѣвой ладони руки въ настоящіе изумруды. Павелъ Воиновичъ былъ одинъ изъ самыхъ легковѣрныхъ добряковъ,

---

[1]) Опускаемъ слѣдующее здѣсь подробное описаніе домика. Объ этомъ домикѣ не разъ упоминаетъ Пушкинъ въ своихъ письмахъ къ женѣ изъ Москвы (8 дек. 1831 г., 30 сент. 1832 г., 4 мая 1836 г.); ср. также его стих. «Новоселье».

[2]) Это ошибка. Нащокинъ переселился въ Москву въ 20-хъ годахъ.

еще вѣрующихъ въ людскую честность, и скоро очень коротко сошелся съ В., который, для начальныхъ необходимыхъ приготовленій къ разоблаченію таинствъ природы, обиралъ у него послѣднія крохи, но составленіе золота нисколько не подвигалось впередъ.

— Плохо! — признался наконецъ В. — Недостаетъ намъ одного только растенія, котораго не найдешь въ цѣлой Россіи.

— А какого же это? — спрашиваетъ Павелъ Воиновичъ.

— Мандрагоры.

— Что это за мандрагора?

— Трава, которая пищитъ по зарямъ, какъ ребенокъ, когда вытаскиваешь ея корень.

— А гдѣ бы можно было ее достать? — спрашиваетъ Павелъ Воиновичъ.

— Только въ Германіи, въ горахъ Гарца, на вершинѣ скалы, на которой вѣдьмы совершаютъ свой шабашъ.

— Что-жъ! — произноситъ рѣшительно Павелъ Воиновичъ; — мы можемъ туда съѣздить. Въ скоромъ времени я долженъ получить тысячъ десять отъ князя Г. Онъ проигралъ ихъ мнѣ давно, на честное слово. Будемъ надѣяться.

ПАВЕЛЪ ВОИНОВИЧЪ НАЩОКИНЪ.

Павелъ Воиновичъ точно получилъ, наконецъ, эти деньги и вѣроятно повезъ бы В. на Гарцъ; но В. уже въ то время не было въ Сокольникахъ. За разныя новыя мошенничества онъ сосланъ былъ на жительство въ Уфу [1]). Павелъ Воиновичъ пріупылъ. Полученныя деньги были истрачены, кредиту уже нигдѣ не было. Жилъ тогда въ Москвѣ полковникъ К., человѣкъ болѣе чѣмъ богатый, извѣстный франтъ и волокита до поѣздки за границу, и ставшій отъявленнымъ филантропомъ по возвращеніи въ Москву. Про него ходили по городу слухи, что будто онъ, какъ Ч[аадаевъ], принялъ католицизмъ. К. по первому требованію вручалъ пять рублей ассигнаціями бѣднымъ офицерамъ и десять рублей — штабъ-офицерамъ. Павелъ Воиновичъ не преминулъ воспользоваться такимъ благимъ настроеніемъ духа въ критическія свои минуты.

«Подай вспомоществованіе бѣдному штабъ-офицеру, Александръ Степановичъ», говорилъ онъ серьезнымъ голосомъ.

И Павелъ Воиновичъ постоянно получалъ отъ К. этотъ пенсіонъ, когда приходила ему крайняя нужда, а эта нужда приходила очень часто. К. тоже былъ большой оригиналъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Павелъ Воиновичъ опять получилъ довольно порядочное наслѣдство, принималъ къ себѣ перехожихъ калекъ, странниковъ, странницъ и разныхъ бродягъ, которые всегда что-нибудь у него крали.

II.

По словамъ П. И. Бартенева [1]), Пушкинъ познакомился и подружился съ Нащокинымъ еще въ Царскомъ Селѣ, навѣщая своего брата, который учился въ томъ

[1]) Объ этомъ мнимомъ докторѣ, очевидно, писалъ Пушкинъ Нащокину въ октябрѣ 1835 г.: «Что Куликовъ и твой жиденокъ-лѣкарь, котораго Наталья Николаевна такъ не любитъ? А у ней пречуткое сердце. Смотри распутайся съ нимъ. Это необходимо».

[1]) «Девятнадцатый вѣкъ», изд. П. Бартеневымъ. М., 1872 г., кн. I, стр. 383.

же пансіонѣ Гауэншильда, гдѣ воспитывался нѣкоторое время и Нащокинъ. Съ отъѣздомъ Пушкина на югъ ихъ знакомство прервалось, но по возвращеніи Пушкина въ Москву въ 1826 году дружба между ними возобновилась и не ослабѣвала уже до смерти поэта. Нѣтъ сомнѣнія, что за послѣдніе 7—8 лѣтъ своей жизни Пушкинъ не имѣлъ друга болѣе близкаго, болѣе любимаго и преданнаго, чѣмъ Нащокинъ. Дружба эта носила совершенно братскій характеръ. Дошедшія до насъ 25 писемъ Пушкина къ Нащокину, равно какъ и письма послѣдняго къ поэту, дышатъ такой сердечной, почти нѣжной привязанностью и обнаруживаютъ такую простоту равноправныхъ отношеній, какія можно найти развѣ еще только въ дружбѣ Пушкина съ Дельвигомъ. Нащокинъ не только исполняетъ всевозможныя порученія поэта, часто весьма щекотливыя, не только выручаетъ его во всякую трудную минуту: Пушкинъ подробно извѣщаетъ его о своихъ семейныхъ, литературныхъ и денежныхъ дѣлахъ, о своихъ замыслахъ и заботахъ. Они братски дѣлятъ другъ съ другомъ тревогу и радость. «Когда бы намъ съ тобой увидаться! — пишетъ Пушкинъ въ концѣ 1834 г.—Много бы я тебѣ наговорилъ, много скопилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ, вдали цыганскихъ бурь и Рахмановскихъ пиѣздовъ!» И по пріѣздѣ въ Москву въ маѣ 1836 г. поэтъ сообщаетъ женѣ: «Я остановился у Нащокина.... Мы разумѣется другъ другу очень обрадовались и цѣлый вчерашній день проболтали Богъ знаетъ о чемъ». Пушкинъ принимаетъ горячее участіе въ дѣлѣ Нащокина съ Ольгой Андреевной, безпрестанно освѣдомляется о ходѣ этого дѣла, торопитъ его съ развязкой. «Что твои дѣла? За глаза я все боюсь за тебя. Все мнѣ кажется, что ты гибнешь, что Вееръ (ростовщикъ) тебя топитъ, а Рахмановъ на плечахъ у тебя. Дай Богъ мнѣ зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведемъ тебя съ сожительницей, заведемъ мельницу въ Тюфлякѣ, и заживешь припѣваючи и пишучи свои Записки». «Не смѣю надѣяться, а можно надѣяться, — пишетъ Пушкинъ о томъ же дѣлѣ въ другой разъ.—Vous êtes eminement un homme de passion — и въ страстномъ состояніи духа ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился бы подумать въ трезвомъ видѣ, какъ нѣкогда пьяный переплылъ ты рѣку, не умѣя плавать. Нынѣшнее дѣло на то похоже, — сыми рубашку, перекрестись и бухъ съ берега; а мы, князь Ѳедоръ (Гагаринъ) и я, будемъ слѣдовать за тобою въ лодкѣ, и какъ-нибудь выкарабкаемся на противную сторону». Когда, наконецъ, бѣжавъ отъ своей цыганки, Нащокинъ женился на любимой дѣвушкѣ, Пушкинъ съ сердечною радостью привѣтствуетъ перемѣну въ его судьбѣ и еще чрезъ полтора года, осенью 1835 года, пишетъ ему: «Желалъ бы я взглянуть на твою семейную жизнь и ею порадоваться. Вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на рѣшительный переворотъ твоей жизни». А Нащокинъ еще до этой развязки, въ январѣ 1833 года, кончалъ свое письмо къ Пушкину такими словами: «Прощай, воскресенье нравственнаго бытія моего!» Въ письмахъ своихъ къ женѣ изъ Москвы Пушкинъ постоянно отзывается о Нащокинѣ съ искренней любовью: «Онъ все тотъ же, очень милъ и уменъ»; «Нащокинъ милъ до чрезвычайности.... Онъ смѣшитъ меня до упаду, но не понимаю, какъ можно жить окруженнымъ такою сволочью»; «Нащокинъ здѣсь одна моя отрада». «Любитъ меня одинъ Нащокинъ», и т. п. Какъ искренно принималъ Пушкинъ къ сердцу дѣла друга, показываетъ запись, сдѣланная имъ въ записной книжкѣ подъ іюнемъ 1834 года: «19 числа послалъ 1000 Нащокину.—Слава Богу! Слухи о смерти его сына ложны». У Нащокина была, кромѣ этого сына, еще дочь отъ цыганки—крестница Пушкина, а старшаго сына Пушкина крестилъ Нащокинъ, нарочно пріѣзжавшій для этого въ Петербургъ. Извѣстно, что съ начала 30 годовъ Пушкинъ, пріѣзжая въ Москву, почти непремѣнно останавливался у Нащокина.

Нащокинъ платилъ своему великому другу такою же сердечной привязанностью. «Ты не можешь вообразить, какъ много я вамъ преданъ», пишетъ онъ въ одномъ письмѣ,—и въ другой разъ: «Какъ я охотно къ тебѣ пишу, ты себѣ не можешь представить». Онъ называетъ Пушкина: «удивительный Александръ Сергѣевичъ», «мой славный Пушкинъ», и кончаетъ свои письма, напримѣръ, такъ: «Прощай еще разъ, утѣшитель мой, радость моя!» О Чаадаевѣ онъ пишетъ: «Тебя очень любитъ, но менѣе, чѣмъ я», о другомъ общемъ знакомомъ— «онъ почти столько же тебя знаетъ и любитъ, какъ и я, что̀ доказываетъ, что онъ не дуракъ: тебя знать не бездѣлица».

Въ такомъ родѣ всѣ его письма; онъ живо радуется семейному счастью поэта, тревожится по поводу отсутствія писемъ, и т. п.

Пушкинъ любилъ въ Нащокинѣ не только веселаго товарища по карточной игрѣ и холостымъ похожденіямъ и не только преданнаго друга: онъ рано полюбилъ, какъ говоритъ П. И. Бартеневъ, «своеобразный умъ Нащокина, его талантливую, широкую натуру и превосходное сердце». Письма поэта свидѣтельствуютъ о томъ, какъ высоко онъ цѣнилъ благородство его характера. Когда въ 1831 г. Нащокинъ улаживалъ въ Москвѣ денежныя дѣла Пушкина съ Догановскимъ и Жемчужниковымъ, Пушкинъ писалъ ему по этому поводу: «Они не повѣрили тебѣ, потому что тебя не знаютъ; это въ порядкѣ вещей. Но кто, звавъ тебя, не повѣритъ тебѣ на слово своего имѣнія, тотъ самъ не стоитъ никакой довѣренности». Позднѣе, вскорѣ послѣ женитьбы Нащокина, Пушкинъ писалъ ему: «Радъ я, Павелъ Воиновичъ, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушіе и умная терпѣливая снисходительность не измѣнилась ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни, ни отъ виновности дружбы передъ тобою». Не менѣе высоко цѣнилъ Пушкинъ, повидимому, умъ и тонкій вкусъ Нащокина. По словамъ Куликова [1]), Павелъ Воиновичъ много читалъ, хорошо зналъ французскую и русскую литературу, и при широкомъ врожденномъ умѣ, при своемъ знаніи жизни и страстной любви къ искусству, обладалъ замѣчательнымъ для его времени критическимъ чутьемъ. Куликовъ разсказываетъ, что въ то время, когда вся Россія увлекалась сочиненіями Марлинскаго, Нащокинъ хохоталъ надъ фантастическими персонажами и вычурнымъ изложеніемъ этого автора, а самъ зачитывался Бальзакомъ; точно также онъ высмѣивалъ позднѣе знаменитыя три повѣсти Н. Ф. Павлова. Такимъ рисуютъ его и его письма къ Пушкину. Прочитавъ вышедшій въ 1831 году разборъ «Бориса Годунова» въ видѣ діалога между учителемъ и помѣщикомъ, онъ пишетъ поэту: «Очень хорошо, а кто написалъ, никакъ сего не воображаетъ, что лучше и похожѣе описать разговоръ, сужденія нашихъ безмозглыхъ грамотеевъ-семинаристовъ никакъ нельзя: это совершенный слѣпокъ съ натуры. Думая написать на тебя злую критику, написалъ отрывокъ, достойный помѣстить въ романъ. Прочти, сдѣлай одолженіе; ты по разговору узнаешь говорящихъ, и если бы осталось мѣсто, я бы разсказалъ ростъ ихъ, въ чемъ одѣты, словомъ сказать, прекрасно: Вальтеръ-Скотъ совершенный» [1]). О повѣстяхъ Мухина онъ пишетъ: «Я ихъ читалъ, онѣ мнѣ очень понравились, въ нихъ много чувства, а автора въ нихъ совсѣмъ нѣтъ».

Естественно, что Пушкинъ дорожилъ отзывами Нащокина, о своихъ произведеніяхъ, какъ сообщаетъ Куликовъ. Изъ писемъ мы знаемъ, что ему былъ посланъ первый экземпляръ повѣстей Бѣлкина. Не смотря на то, что Нащокинъ лично не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ литературѣ, Пушкинъ постоянно извѣщаетъ его о своихъ литературныхъ занятіяхъ и планахъ и говоритъ съ нимъ о литературныхъ дѣлахъ, какъ съ равнымъ. По поводу упомянутаго выше критическаго разговора о «Борисѣ Годуновѣ» онъ пишетъ ему: «Еслибы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы, что все, что называютъ у насъ критикой, одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны я отступился; возражать серьезно—невозможно, а плясать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому же ни критика, ни публика недостойны дѣльныхъ возраженій. Нынѣче осенью займусь литературой, а зимой зароюсь въ архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ царемъ». По выходѣ перваго номера Современника Нащокинъ, одобривъ его въ общемъ, совѣтуетъ Пушкину ввести въ немъ отдѣлъ объ искусствѣ, а въ маѣ того же 1836 года Пушкинъ пишетъ ему: «Второй номеръ Современника очень хорошъ и ты скажешь мнѣ за него спасибо». Повидимому, именно Нащокинъ первый обратилъ вниманіе Пушкина на молодого Бѣлинскаго; по крайней мѣрѣ, чрезъ него Пушкинъ «тихонько отъ Наблюдателей» переслалъ Бѣлинскому экземпляръ перваго № своего журнала, и Нащокинъ же, какъ видно изъ одного его письма, велъ переговоры о приглашеніи московскаго критика въ *Современникъ*.

Была въ Нащокинѣ черта, дѣлавшая его особенно привлекательнымъ для Пушкина: онъ мастерски разсказывалъ, а богатый жизненный опытъ и тонкое знаніе людей

[1]) «А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ», очерки и воспоминанія Н. И. Куликова «Рус. Ст.» 1880 г., дек. 1881 г., авг.

[1]) «Письма П. В. Нащокина къ А. С. Пушкину», «Рус. Арх.» 1904 г., ноябрь.

доставляли ему, конечно, обильный матеріалъ для разсказовъ. Пушкинъ заслушивался этихъ Нащокинскихъ разсказовъ; описывая женѣ свое времяпровожденіе въ Москвѣ, онъ неоднократно отмѣчаетъ: «забалтываюсь съ Нащокинымъ», или: «хлопочу по дѣламъ, *слушаю Нащокина* и читаю „Memoires de Diderot“. Собственная жизнь Нащокина, полная самыхъ неожиданныхъ превратностей и треволненій, представляла, безъ сомнѣнія, большой драматическій интересъ; у этой широкой и даровитой натуры все должно было выходить такъ колоритно, такъ полно стихійной удали и легкости, эта беззаботность среди тревогъ при ясномъ умѣ и тепломъ сердцѣ была до такой степени полна поэзіи, что Пушкинъ не могъ не быть очарованъ. Неудивительно, что онъ настойчиво убѣждалъ Нащокина описать свою жизнь. Склонить къ этому Нащокина, при его неспособности и неохотѣ къ писанію, было не легко; и вотъ, живя въ Москвѣ лѣто и осень 1830 г., Пушкинъ заставилъ его диктовать себѣ начало этихъ записокъ. Писаны онѣ, безъ сомнѣнія, не совсѣмъ подъ диктовку: мы видѣли, какъ плохъ слогъ Нащокина въ письмахъ, да и самъ по себѣ слогъ Записокъ отличается всѣми признаками Пушкинской прозы, и притомъ вполнѣ обработанъ. Повидимому, уѣзжая, Пушкинъ взялъ слово съ Нащокина, что онъ будетъ продолжать записки, и осенью 1832 г. напоминалъ ему объ этомъ: «Что твои *меморіи?*—пишетъ онъ.—Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ пріятно, да и тебѣ легче: незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ, поглядишь, и другой». Разумѣется, меморіи остались ненаписанными. Даже по письмамъ Нащокина можно видѣть, что его повѣствованіе отличалось такой живой изобразительностью, какая встрѣчается не часто. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ передастъ Пушкину свѣдѣнія о своемъ старшемъ братѣ, полученныя имъ изъ вторыхъ рукъ: «Вообрази его засаленнаго, въ табакѣ, съ впалыми щеками, съ синимъ лицомъ въ прыщахъ, съ ужаснѣйшей бородой, въ ежеминутномъ раздраженіи, трясеніи въ рукахъ, всѣхъ и всего боится, окруженъ дьякопами, дьячками, кабачными, отставными оберъ-офицерами; еще какой-то обрюзглый демидовскій студентъ съ нимъ пьетъ и имѣетъ на него большое вліяніе»; къ тому же онъ попалъ подъ слѣдствіе и долженъ изъ-за этого жить въ городѣ, а его жена «въ деревнѣ и утѣшается свободою—ходитъ гулять съ камердинеромъ бывшимъ князя Грузинскаго: щеголь, въ курткѣ, въ плисовыхъ шароварахъ, весь въ бронзовыхъ цѣпяхъ и говоритъ басомъ. Дома же она прядетъ вмѣстѣ съ дѣвками, подъ пѣсню посидѣлки-дѣвки и проч., самъ-другъ съ кучеромъ Кріаномъ: молодой парень, грубіянъ, вершковъ 10. Вся дворня ахаютъ, говоритъ мнѣ Павелъ камердинеръ: Петрушка все еще ничего, а отъ Кріана житья нѣтъ никому. Вотъ главныя лица, владѣльцы той усадьбы, откуда мой отецъ чванно выѣзжалъ, гдѣ онъ и похороненъ... Андрей Христофоровичъ былъ у него, видѣлъ его. Я этого не желаю, заочно содрогаюсь; у человѣка 80 т. чистаго дохода; не завидую, а жалѣю». Пушкинъ, еще только узнавъ о посылкѣ человѣка къ брату Нащокина, писалъ послѣднему: «Напиши мнѣ обстоятельно о посольствѣ своего нѣмца. *Дѣло любопытное*». Послѣднія слова показываютъ, что исторія эта интересовала Пушкина не только изъ участія къ дѣламъ Нащокина, но и сама по себѣ, своей яркой характеристичностью, совершенно такъ же, какъ по поводу дѣла съ цыганкой, онъ нѣсколько позднѣе писалъ Нащокину: «Мочи нѣтъ, хочется узнать развязку: я твой романъ оставилъ на самомъ замѣчательномъ мѣстѣ». И получивъ цитированное сейчасъ письмо Нащокина, Пушкинъ отвѣчалъ ему: «Письмо твое о твоемъ братѣ ужасно хорошо».

Существуетъ преданіе, что сюжетомъ для «Домика въ Коломнѣ» послужилъ Пушкину разсказъ Нащокина о томъ, какъ, будучи влюбленъ въ актрису Асенкову, онъ облекся въ женскій нарядъ и прожилъ у нея въ качествѣ горничной болѣе мѣсяца. Достовѣрно извѣстно, что Нащокинымъ сообщена была поэту исторія бѣлорусскаго дворянина Островскаго, послужившая фабулой для «Дубровскаго». Но всего любопытнѣе предположеніе Анненкова о томъ, что именно съ Нащокина Пушкинъ намѣревался списать портретъ своего Пелымова [1]).

Догадка Анненкова представляется вполнѣ основательной. Какъ извѣстно, мысль и общую схему «Русскаго Пелама» Пушкинъ заимствовалъ изъ романа Бульвера «Пельгамъ или приключенія одного джентльмена», вышедшаго въ 1835 г.; въ этомъ же

[1]) «П. В. Анненковъ и его друзья». Спб. 1892 г., стр. 462 и сл.

НАЩОКИНЪ ВЪ КРУГУ СВОЕЙ СЕМЬИ.

году были составлены Пушкинымъ четыре наброска программы и написано начало первой главы романа. Сколько можно судить по этимъ остаткамъ, Пушкинъ задумалъ изобразить въ своемъ романѣ русскаго богатаго и даровитаго юношу 20-хъ годовъ, надѣленнаго пылкими страстями и благородной душой, который сквозь безшабашный разгулъ, сквозь ошибки, граничащія съ преступленіемъ, сквозь всѣ превратности бурной судьбы выноситъ незапятнаннымъ свое чистое сердце, неизвращеннымъ ясный умъ, свѣжимъ и чуткимъ свое чувство. Кипучая натура бросаетъ Пелымова изъ одного увлеченія въ другое, запутываетъ его въ чужія преступленія, низводитъ его на время въ міръ шулеровъ, аферистовъ и танцовщицъ, потомъ сближаетъ съ кружкомъ будущихъ декабристовъ,—и всюду онъ быстро осваивается, всюду сохраняетъ ясность мысли и благородство души; онъ точно завороженъ противъ грязи и лжи, и при всей мягкости и неустойчивости своего характера, обнаруживаетъ удивительную нравственную стойкость. Мы видѣли, что таковъ былъ и Нащокинъ и что именно такимъ считалъ его Пушкинъ. Высказавъ упомянутое выше предположеніе о близкомъ сходствѣ Пелымова съ Нащокинымъ, Анненковъ, который

долженъ былъ знать о Нащокинѣ больше нашего по многочисленнымъ устнымъ разсказамъ, говоритъ: «Дѣйствительно, по количеству необычайныхъ похожденій, по числу связей, знакомствъ всякаго рода, по ряду неожиданныхъ столкновеній съ людьми, катастрофъ и семейныхъ переворотовъ, испытанныхъ имъ, другъ Пушкина, насколько можно судить по преданіямъ и слухамъ о немъ, очень близко подходитъ къ типу «бывалаго человѣка» Бульвера, уступая ему въ стойкости характера, въ дѣльности и полнотѣ внутренняго содержанія. Зато онъ еще лучше отвѣчалъ намѣренію Пушкина олицетворить идею о человѣкѣ нравственно, такъ сказать, изъ чистаго золота, который не теряетъ цѣнности, куда бы ни попалъ, гдѣ бы ни очутился. Рѣдкіе умѣли такъ сберечь человѣческое достоинство, прямоту души, благородство характера, чистую совѣсть и неизмѣнную доброту сердца, какъ этотъ другъ Пушкина, въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ жизни, на краю гибели, въ омутѣ слѣпыхъ страстей и увлеченій и подъ ударами судьбы и несчастія, большею частью имъ самимъ и накликанными на себя [1]).

Искать въ программахъ и отрывкѣ «Русскаго Пелама» прямые намеки на конкретныя черты изъ біографіи Нащокина, конечно, дѣло рискованное. Изъ записокъ Нащокина мы знаемъ, что онъ, какъ и Пелымовъ, былъ «сынъ русскаго барина, воспитанъ французами», и что отецъ его, какъ и отецъ Пелымова, былъ «frivole въ русскомъ родѣ»; но то же самое можно было сказать о любомъ дворянскомъ сынкѣ 1810—20 годовъ. Однако, въ этихъ отрывкахъ есть черта, невольно наводящая мысль на сопоставленіе Пушкинскаго романа съ жизнью Нащокина. Сохранившееся начало первой главы «Пелама» обнаруживаетъ разительное сходство съ началомъ записокъ Нащокина, писанныхъ въ 1830 г. Пушкинымъ: въ обоихъ случаяхъ герой начинаетъ свою автобіографію по совершенно одинаковому плану, приблизительно такъ: «Я начинаю помнить себя (этими словами начинаются оба отрывка) съ ранняго возраста», затѣмъ слѣдуетъ одна (или двѣ) выхваченная живьемъ бытовая картинка, у каждаго другая, и затѣмъ опять почти буквально одинаково: «съ тѣхъ поръ мои воспоминанія становятся сбивчивы, и снова проясняются лишь около восьми или десятилѣтняго моего возраста». Близкое сходство этихъ двухъ отрывковъ невозможно отрицать.

[1]) Тамъ же, стр. 470.

III.

Авторъ очерка, помѣщеннаго въ «Искрѣ», говоритъ, что Гоголь посвятилъ Нащокину нѣсколько лучшихъ главъ во второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ»; проф. Алексѣй Н. Веселовскій высказалъ догадку, что П. В. Нащокинъ послужилъ прототипомъ Хлобуева во второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ» [1]). Внимательное изслѣдованіе вполнѣ подтверждаетъ эту мысль. Разумѣется, о портретномъ сходствѣ здѣсь, какъ и въ отношеніи Пушкинскаго романа, говорить не приходится: для обоихъ поэтовъ Нащокинъ служилъ лишь яркимъ представителемъ цѣлаго типа, соотвѣтственно чему и обликъ его подвергся у каждаго изъ нихъ требуемой обработкѣ.

Если Пелымовъ—Нащокинъ въ молодости, виверъ и картежникъ, то Хлобуевъ—Нащокинъ въ возрастѣ лѣтъ за сорокъ (кстати, и Хлобуеву 45 лѣтъ), Нащокинъ семейный, обѣднѣвшій и опустившійся. Гоголь, конечно, не разъ слышалъ о Нащокинѣ отъ Пушкина, да и самъ хорошо зналъ его. Въ 1842 г. ему пришла въ голову странная мысль выручить Нащокина изъ нужды путемъ опредѣленія его въ воспитатели къ сыну извѣстнаго откупщика Бенардаки; дѣло это, конечно, не состоялось,—по всей вѣроятности Нащокинъ отклонилъ предложеніе,—но по этому поводу Гоголь написалъ Нащокину обширное (6 печатныхъ страницъ) письмо, содержащее чрезвычайно подробную характеристику Павла Воиновича. Письмо это не прибавляетъ ничего новаго къ нашимъ свѣдѣніямъ о нравственной личности Нащокина, почерпнутымъ изъ воспоминаній Т-на и Куликова, изъ писемъ Пушкина и пр., но оно важно для насъ, какъ портретъ Нащокина, нарисованный будущимъ творцомъ Хлобуева.

По самому характеру письма [2]) въ немъ собраны преимущественно положительныя черты Нащокина. Гоголь начинаетъ съ изложенія причинъ, побуждающихъ его хлопотать о Нащокинѣ. «Это не вслѣдствіе

[1]) А. Н. Веселовскій, «Этюды и характеристики», 2-е изд., Москва, 1903 г., стр. 584.

[2]) Письма Н. В. Гоголя, под. ред. В. И. Шенрока, т. II, стр. 188—194.

дружескихъ отношеній нашихъ,—пишетъ онъ,—не вслѣдствіе одного личнаго уваженія качествъ души вашей, но вслѣдствіе вашихъ свѣдѣній, познанія людей и свѣта, вѣрнаго взгляда на вещи и яснаго, свѣтски-просвѣщеннаго, опытнаго ума, которые должны быть употреблены въ дѣло». Онъ уже давно размышляетъ объ участи Нащокина и о крайности его теперешняго положенія и, изыскивая средства ему помочь, пришелъ къ заключенію, что служба, казенное мѣсто, ему (какъ позднѣе Хлобуеву) не годится; теперь онъ остановился на мысли сблизить его съ Бенардаки, и уже говорилъ о немъ послѣднему. «Я ему разсказалъ все, ничего не скрывая, что вы промотали все свое имѣніе, что провели безразсчетно и шумно вашу молодость, что были въ обществѣ знатныхъ повѣсъ и игроковъ и что среди всего этого вы не потерялись ни разу душою, не измѣнили ни разу ея благороднымъ движеніямъ, умѣли пріобрѣсти невольное уваженіе достойныхъ и умныхъ людей и съ тѣмъ вмѣстѣ самую искреннюю дружбу Пушкина, питавшаго ее къ вамъ преимущественно передъ другими до конца своей жизни. И будучи низринуты въ несчастье, въ самыя крайнія положенія, отъ которыхъ бы закружилась и потерялась у всякаго другого голова, вы не впали въ отчаяніе, не прибѣгнули ни къ одному безчестному средству, которое могло бы васъ выпутать изъ крайности, не вдались ни въ одинъ изъ тѣхъ пороковъ, въ которые способенъ вдаться русскій, приведенный въ отчаяніе; что вы умѣли вынести съ высокимъ христіанскимъ терпѣніемъ испытанія, умѣли благословлять свои несчастья и несете свой крестъ съ тою покорностью и вѣрою, какая не является нынѣ». Далѣе Гоголь приступаетъ къ обстоятельному исчисленію тѣхъ свойствъ Нащокина, которыя будто бы дѣлаютъ его идеальнымъ воспитателемъ. Онъ богатъ опытомъ и какъ немногіе изучилъ людей и свѣтъ, онъ истинный, глубоко вѣрующій христіанинъ, онъ обладаетъ свѣтлой ровностью характера, свѣтлыми идеями и вѣрными понятіями, онъ вращался среди лучшихъ художниковъ и артистовъ и пріобрѣлъ познанія въ области искусства, наконецъ, ему свойствена «настоящая простота свѣтскаго обращенія, чуждая высокомѣрія и гордости или измѣнчивой неровности». Единственный большой недостатокъ Нащокина Гоголь видитъ въ неподвижности, лѣни и трудности подняться на дѣло.

Таковы черты, которыя Гоголь считалъ присущими Нащокину. Если мы теперь обратимся къ Хлобуеву, то съ перваго взгляда увидимъ, что его нравственный обликъ до мельчайшихъ подробностей совпадаетъ съ этой характеристикой. Общія черты его жизни и настоящаго положенія совершенно таковы же, какъ у Нащокина: кутежъ, игра и мотовство въ молодости, теперь почти нищета, молодая сравнительно семья, и старыя привычки роскоши и праздности среди крайней нужды; у Хлобуева нѣтъ обѣда, а для гостей найдется шампанское, ему нечѣмъ засѣять поле, а завтра онъ даетъ обѣдъ «всѣмъ сословіямъ въ городѣ»—совершенно такъ, какъ разсказываетъ Куликовъ о Нащокинѣ. Онъ глубоко религіозенъ, уменъ и наблюдателенъ, всегда готовъ помочь другому, чистъ и честенъ: ему больно за его крестьянъ, онъ не хочетъ искать службы между прочимъ потому, что и безъ него довольно чиновниковъ, чье жалованье ложится бременемъ на податную массу, и потому что не умѣетъ брать взятокъ; какъ и Нащокинъ, онъ имѣетъ вкусъ къ меценатству, къ собиранію художественныхъ коллекцій и т. д. Но въ Хлобуевѣ Гоголь, ради своей художественной или идейной цѣли, выдвинулъ на первый планъ какъ разъ тѣ черты, которыя въ Нащокинѣ казались ему отрицательными: неподвижность, лѣнь и трудность подняться на дѣло.

При чтеніи нѣкоторыхъ страницъ изъ тѣхъ, которыя посвящены Хлобуеву, вамъ невольно покажется, что рѣчь идетъ попросту о Нащокинѣ. Въ письмѣ своемъ къ Нащокину Гоголь говоритъ между прочимъ: «Уже одно множество происшествій, случившихся въ виду и на глазахъ вашихъ, исторій разорившихся владѣльцевъ, множество нечаянныхъ случаевъ и событій, *которые разсказываете вы такъ живо и увлекательно и съ такою вѣрностью*, въ которыхъ такъ отражается нашъ современный русскій баринъ и человѣкъ, со всею своею оплошностію и недостатками, которыхъ виною всегда почти самъ,—одни эти живые разсказы уже могутъ подѣйствовать глубоко на душу» и т. д. А вотъ каковъ Хлобуевъ въ хорошую минуту: «Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался: сталъ уменъ и милъ (слова Пушкина о Нащокинѣ!); остроты и анекдоты сыпались у него безпрерывно. Въ рѣчахъ его оказалось столько познанія людей и свѣта!

Такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ въ немногихъ словахъ сосѣдей-помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся баръ: и почему, и какъ, и отчего они разорились; такъ оригинально и мѣтко умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки—что они оба (т.-е. Чичиковъ и Платоновъ) были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка» [1]).—Развѣ это не Нащокинъ, котораго заслушивался Пушкинъ и какимъ зналъ его и Гоголь?

Или вотъ другая страница, съ поразительною точностью воспроизводящая картину жизни Нащокина, какъ ее рисуетъ приведенный выше очеркъ изъ *Искры*: «Только на одной Руси можно было существовать такимъ образомъ. Не имѣя ничего, онъ угощалъ и хлѣбосольничалъ, и даже оказывалъ покровительство, поощрялъ всякихъ артистовъ, пріѣзжавшихъ въ городъ, давалъ имъ у себя пріютъ и квартиру. Если бы кто заглянулъ въ домъ его, находившійся въ городѣ, онъ бы никакъ не узналъ, кто въ немъ хозяинъ. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры; въ иной день какой-нибудь неизвѣстный никому почти въ домѣ поселялся въ самой гостиной съ бумагами и заводилъ тамъ кабинетъ, и это не смущало и не безпокоило никого въ домѣ, какъ бы было житейское дѣло [2]). Иногда по цѣлымъ днямъ не бывало крохи въ домѣ, иногда же задавали въ немъ такой обѣдъ, который удовлетворилъ бы вкусу утонченнѣйшаго гастронома, и хозяинъ являлся праздничный, веселый, съ осанкой богатаго барина, съ походкой человѣка, котораго жизнь протекаетъ въ избыткѣ и довольствѣ. Зато временами бывали такія тяжелыя минуты, что другой давно бы на его мѣстѣ повѣсился или застрѣлился. Но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ вмѣстѣ съ безпутною его жизнью»; и дальше Гоголь разсказываетъ, что въ такія минуты почти всегда приходила Хлобуеву откуда-нибудь неожиданная помощь: «или кто-нибудь изъ старыхъ друзей вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги, или какая-нибудь великодушная барыня, тронутая слухами о его нуждѣ, выручала его изъ бѣды, или выигрывалось гдѣ-нибудь въ его пользу дѣло, о которомъ онъ никогда и не слыхалъ. И тогда Хлобуевъ служилъ благодарственный молебенъ и снова начиналъ свою безпутную жизнь». Все это, какъ мы видѣли,—подлинныя черты жизни и личности Нащокина.

Въ 1842 г. Гоголь полагалъ, что изъ Нащокина долженъ выйти образцовый воспитатель; позднѣе, когда писались для второго тома «Мертвыхъ душъ» главы о Хлобуевѣ, онъ держался уже другого взгляда: устами Муразова онъ говоритъ Хлобуеву: «Какъ воспитать дѣтей тому, кто самъ себя не воспиталъ?» Приблизительно такъ долженъ былъ отвѣтить Нащокинъ на письмо Гоголя. Но дѣло, которое предлагаетъ Муразовъ Хлобуеву (собираніе денегъ на постройку храма), по существу своему въ мысли Гоголя тожественно съ тѣмъ, которое онъ самъ предлагалъ Нащокину, и въ томъ письмѣ онъ писалъ Нащокину почти то же, что Муразовъ говоритъ Хлобуеву: нельзя человѣку жить въ праздности; ты накопилъ много опыта, и долженъ употребить его въ дѣло; ты еще ни разу не наложилъ на себя подвига, который свидѣтельствовалъ бы о твоемъ самопожертвованіи и христіанской любви къ брату, не предпринялъ дѣла во имя Бога, внутренно угоднаго Богу,—теперь предстоитъ тебѣ такой подвигъ. И въ обоихъ случаяхъ, рядомъ съ религіозно-нравственной стороной, Гоголь выдвигаетъ и практическую: тамъ—воспитать богатаго юношу, отъ котораго, можетъ быть, будетъ зависѣть счастіе многихъ; здѣсь—разузнать народную жизнь, чтобы потомъ это знаніе отдать на службу государству.

В. И. Шенрокъ въ третьемъ томѣ своихъ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя», въ гл. 8. собралъ всѣ сохранившіяся свѣдѣнія о живыхъ лицахъ, послужившихъ Гоголю какъ бы остовами для типическихъ обобщеній. Въ ряду этихъ сопоставленій Нащокинъ-Хлобуевъ долженъ занять первое мѣсто: здѣсь сходство и наиболѣе велико, и можетъ быть прослѣжено съ наибольшей подробностью. По своеобразному

[1]) *Соч.* Ред. Н. С. Тихонравова, изд. X, т. III стр. 365.

[2]) Въ декабрѣ 1831 г. Пушкинъ писалъ женѣ изъ Москвы: «Нащокинъ занятъ дѣлами, а домъ его такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда; всякій кричитъ, куритъ трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго».

сочетанію своихъ характерныхъ чертъ П. В. Нащокинъ несомнѣнно представлялъ собою и вообще, и особенно въ кругу лицъ, доступныхъ наблюденію Гоголя,—своего рода unicum, и та почти фотографическая точность, съ какою воспроизведены въ Хлобуевѣ его личность и матеріальная обстановка, кажется не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ вѣрности проведенной нами параллели.

Невольно напрашивается на мысль сравненіе Пушкинскаго Пелымова съ Гоголевскимъ Хлобуевымъ. Предъ нами рѣдкій въ исторіи литературы случай, когда два поэта воспроизводили *одинъ и тотъ же* живой образъ. Каждый изъ нихъ преслѣдовалъ при этомъ другую художественную цѣль, и каждый воспроизводилъ другія стороны живого первообраза.

Пушкина Нащокинъ интересуетъ явно своими чисто-художественными особенностями: живописной яркостью своей фигуры и жизни, гармонической игрой сравнительно крупныхъ душевныхъ силъ и своей бытовой типичностью. Пушкинъ прежде всего безкорыстно любуется Нащокинымъ, какъ роскошнымъ явленіемъ, а затѣмъ изучаетъ его, вдумывается въ механику этого явленія, ища въ ней дѣйствія нѣкоторыхъ общихъ психологическихъ и историческихъ законовъ. Невозможно отрицать, что и Гоголя привлекала живописность Нащокина; но сознательно онъ пренебрегаетъ этой стороной дѣла и спѣшитъ обратить яркій образъ, представлявшій для Пушкина драгоцѣнность поэтическую,—въ орудіе практической пользы, въ орудіе устроенія общества. Пушкина могъ очаровывать въ Нащокинѣ самый процессъ его бурныхъ переживаній, полный драматизма или типичности,—Гоголя эти переживанія отталкиваютъ своей грѣховностью или общественной зловредностью; онъ и не станетъ ихъ изображать ради нихъ самихъ. Но они интересуютъ его своимъ пророческимъ смысломъ и своими утилитарными результатами, и онъ обращаетъ Хлобуева частью въ пугало, поскольку Хлобуевъ дурно жилъ, частью въ образецъ, поскольку онъ, благодаря этой дурной жизни, сталъ опытенъ и нравственно закаленъ. Художественная безкорыстность Пушкина и идейный утилитаризмъ Гоголя—таковъ, на нашъ взглядъ, главный пунктъ различія въ отношеніи того и другого къ личности Нащокина; и этотъ выводъ, какъ легко понять, не лишенъ болѣе общаго значенія.

М. Гершензонъ.

942. [ЗАПИСКИ П. В. НАЩОКИНА,

имъ диктованныя въ Москвѣ, 1830].

Я начинаю себя помнить на большомъ барскомъ дворѣ, сидящимъ на пескѣ <что почитается средствомъ противу такъ называемой англійской болѣзни>. Около меня толпа нянекъ и мамушекъ и шестнадцать дворовыхъ мальчишекъ, готовыхъ поперемѣнно таскать меня во весь духъ въ колясочкѣ съ барскаго на черный дворъ и на деревенскій базаръ. Помню отца моего, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ. Назначенъ отъѣздъ въ Петербургъ. На дворѣ собирается огромный обозъ — крыльцо усѣяно народомъ—гусарами, егерями, ливрейными лакеями, карликами, арапами, отставными маіорами въ старинныхъ мундирахъ, и проч. Отецъ мой между ими въ зеленомъ плащѣ. Одноколка подана. Меня приносятъ къ отцу, съ нимъ проститься— онъ хочетъ взять меня съ собою—я плачу: жаль разстаться съ нянею... Отецъ съ досадою меня отталкиваетъ, садится въ одноколку, выѣзжаетъ; за нимъ ѣдетъ весь обозъ; дворъ пустѣетъ, челядь расходится, и съ тѣхъ поръ впечатлѣнія мои становятся слабы и неясны до десятаго года моего возраста.

Тутъ сцена перемѣняется; но сперва скажу нѣсколько словъ о моихъ родителяхъ. Отецъ мой, генералъ-поручикъ Воинъ Васильевичъ Нащокинъ, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ лицамъ екатерининскаго вѣка. Онъ былъ малаго роста, сильнаго сложенія, гордъ и вспыльчивъ до крайности. Нѣсколько анекдотовъ, сохранившихся по преданію, дадутъ о немъ понятіе. Послѣ похода, въ которомъ онъ отличился, онъ, вмѣсто всякой награды, выпросилъ себѣ и многимъ своимъ офицерамъ отпускъ и уѣхалъ съ ними въ деревню, гдѣ и жилъ нѣсколько мѣсяцевъ, занимаясь охотою. Между тѣмъ, начались вновь военныя дѣйствія. Суворовъ успѣлъ отличиться, и отецъ мой, возвратясь въ армію, засталъ уже его въ Александровской лентѣ. «Такъ-то, батюшка В. В., сказалъ ему Суворовъ, указывая на свою ленту: «покамѣстъ вы травили зайцевъ, и я затравилъ краснаго звѣря.» Шутка показалась обидною моему отцу, который и такъ досадовалъ; въ замѣну эпиграммы онъ далъ Суворову пощечину. Суворовъ повернулся, вышелъ, сѣлъ на перекладную, прискакалъ въ Петербургъ, бросился въ ноги государынѣ, жалуясь на отца моего. Вѣроятно, государыня уговорила Суворова оставить это дѣло, для избѣжанія напраснаго шума. Нѣсколько времени спустя, присылаютъ отцу моему Георгія, при рескриптѣ, въ коемъ было сказано, что за обиду учиненную храброму, храбрый лишается награды, коей онъ достоинъ, но что отецъ мой получаетъ орденъ по личному ходатайству А. В. Суворова. Отецъ мой не принялъ ордена, говоря, что никому не хочетъ быть онъ обязанъ, кромѣ какъ самому себѣ. Вообще, онъ никого не почиталъ не только высшимъ, но и равнымъ себѣ. Кн. Потемкинъ замѣтилъ, что онъ и о Богѣ отзывался хотя и съ уваженіемъ, но все какъ о низшемъ по чину <такъ что, когда онъ былъ генералъ-маіоромъ, то на Бога смотрѣлъ, какъ на бригадира> и сказалъ, когда отецъ мой былъ пожалованъ въ генералъ-поручики: «Ну, теперь и Богъ попалъ у Нащокина въ 4-й классъ,—въ порядочные люди!» Будучи назначенъ командиромъ корпуса, находящагося въ Кіевской губерніи, вскорѣ по своемъ прибытіи въ оный, далъ онъ за городомъ обѣдъ офицерамъ и городскимъ чиновникамъ. Кіевскій комендантъ, замѣтя, что попойка пошла не на шутку, тихонько уѣхалъ. Отецъ, замѣтя его отсутствіе, взбѣсился, всталъ изъ-за стола, приказалъ корпусу собраться и повелъ его къ городу. Поднялась пальба; ни одного окошка не осталось въ Кіевѣ цѣлаго, — городъ былъ взятъ приступомъ, и отецъ мой возвратился со славою въ лагерь, ведя предателя-коменданта военно-плѣннымъ. По восшествіи на престолъ государя Павла I, отецъ мой вышелъ въ отставку, объяснивъ царю на то причину: «Вы горячи и я горячъ, намъ вмѣстѣ не ужиться.» Государь съ нимъ согласился и подарилъ ему воронежскую деревню.

Отецъ мой жилъ бариномъ. Порядокъ его разъѣздовъ даетъ понятіе объ его жизни. Собираясь куда нибудь въ дорогу, подымался онъ всѣмъ домомъ. Впереди на рослой испанской лошади ѣхалъ полякъ

Куликовскій съ волторною; прозванъ онъ былъ Куликовскимъ по причинѣ длиннаго своего носа; должность его въ домѣ состояла въ томъ, что въ базарные дни обязанъ онъ былъ выѣзжать на верблюдѣ и показывать мужикамъ lanterne-magique. Въ дорогѣ же подавалъ онъ волторною сигналъ привалу и походу. За нимъ ѣхала одноколка отца моего; за одноколкою — двумѣстная карета, про случай дождя; подъ козлами находилось мѣсто любимаго его шута, Ивана Степаныча. Вслѣдъ тянулись кареты, наполненныя нами, нашими дамами, учителями, нянъками и проч. За ними ѣхала длинная рѣшетчатая фура съ дураками, арапами, карликами, всего тринадцать человѣкъ. Вслѣдъ за нею — точно такая же фура съ больными борзыми собаками. Потомъ слѣдовалъ огромный ящикъ съ роговою музыкою, буфетъ на шестнадцати лошадяхъ, наконецъ повозки съ калмыцкими кибитками и разной мебелью <ибо отецъ мой останавливался всегда въ полѣ>. Посудите же, сколько при всемъ этомъ находилось народу, музыкантовъ, поваровъ, псарей и разной челяди.

Въ числѣ приближенныхъ къ отцу моему два лица достойны особеннаго вниманія: дуракъ Иванъ Степанычъ и арапка Марія. Арапка отправляла при немъ должность камердинера; она была высокаго роста и зла до крайности. Частенько дралась она съ моимъ отцомъ, который никогда не сердился на нее. Иванъ Степанычъ—лицо историческое. Онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Дурака нашей фамиліи. Потемкинъ, не любившій шутовъ, слыша многое о затѣяхъ Ивана Степаныча, побился объ закладъ съ моимъ отцомъ, что Дуракъ его не разсмѣшитъ. Иванъ Степанычъ явился, Потемкинъ велѣлъ его привести подъ окошко и приказалъ себя смѣшить. Положеніе довольно затруднительное. Иванъ Степанычъ сталъ передразнивать Суворова, угождая тайной непріязни Потемкина, который расхохотался, позвалъ его въ свою комнату и съ нимъ не разставался. Государь Павелъ Петровичъ очень его любилъ, и Иванъ Степанычъ имѣлъ право при немъ сидѣть въ его кабинетѣ. Шутки его отмѣнно нравились государю. Однажды царь спросилъ его, что родится отъ булочника? — Булки, мука, крендели, сухари и проч., отвѣчалъ дуракъ.—А что родится отъ гр. Кутайсова?— Бритвы, мыло, ремни и проч.—А что родится отъ меня?—Милости, щедроты, чины, ленты, законы, счастье и проч. Государю это очень полюбилось. Онъ вышелъ изъ кабинета и сказалъ окружающимъ его придворнымъ: «Воздухъ двора заразителенъ; вообразите: ужъ и дуракъ мнѣ льститъ. Скажи, дуракъ, что отъ меня родится?»— Отъ тебя, государь, отвѣчалъ, разсердившись, дуракъ, — родятся безтолковые указы, кнуты, Сибирь и проч. Государь вспыхнулъ, — и полагая, что дуракъ былъ подученъ на такую дерзость, хотѣлъ узнать непремѣнно, кѣмъ. Иванъ Степанычъ именовалъ всѣхъ умершихъ вельможъ, ему знакомыхъ. Его схватили, посадили въ кибитку и повезли въ Сибирь. Воротили его уже въ Рыбинскѣ. При государѣ Александрѣ былъ онъ также высланъ изъ Петербурга за какую-то дерзость. Онъ умеръ лѣтъ шесть тому назадъ.

Мать моя была въ своемъ родѣ столь же замѣчательна, какъ и мой отецъ. Она была изъ роду Нелидовыхъ. Отецъ, заблудившись на охотѣ, пріѣхалъ въ домъ къ Нелидову, влюбился въ его дочь, и свадьба совершилась на другой же день. Она была женщина необыкновеннаго ума и способностей. Она знала многіе языки, между прочимъ греческій; англійскому выучилась она шестидесяти лѣтъ. Отецъ ее любилъ, но содержалъ въ строгости. Много вытерпѣла она отъ его причудъ. Напримѣръ: она боялась воды. Отецъ мой въ волновую погоду сажалъ ее въ рыбачью лодку и каталъ ее по Волгѣ. Иногда, чтобъ пріучить ее къ военной жизни, сажалъ на пушку и палилъ изъ-подъ нея. До глубокой старости сохранила она видъ и обхожденіе знатной дамы. Я не видывалъ старушки лучшаго тона.

. . . . . .

Сестра моя была старше меня нѣсколькими годами. Она была красавица и считалась таковою въ Москвѣ. Я съ братомъ воспитывался дома. У насъ было множество учителей, гувернеровъ и дядекъ, изъ коихъ двое особенно для меня памятны. Одинъ— пудреный, чопорный французъ, очень образованный, бывшій пріятель Фридриха II, съ которымъ игрывалъ онъ дуэты на флейтѣ, а другой—которому я обязанъ первымъ моимъ пьянствомъ, эпохою жизни моей. Вотъ какъ это случилось. Однажды, скучая продолжительностью вечерняго урока, въ то время, какъ учитель занялся съ братомъ моимъ, я подкрался и задулъ обѣ свѣчки. Матери моей не было дома. Случилось, что во всемъ домѣ, кромѣ сихъ двухъ свѣчей, не было огня, а слуги, по своему обычаю, всѣ ушли, оставя домъ пустымъ

Учитель насилу ихъ нашелъ, насилу добился огня, насилу добрался до меня, и въ наказаніе заперъ меня въ чуланъ. Вышло, что въ чуланѣ заперты были разные съѣстные припасы. Я, къ непзъяснимому утѣшенію, тотчасъ отыскалъ тутъ изюмъ и винныя ягоды и наѣлся вдоволь; между тѣмъ, ощупалъ я штофъ, откупорилъ его, полизалъ горлышко, нашелъ его сладкимъ, попробовалъ изъ него хлебнуть; мнѣ это понравилось; нѣсколько разъ повторилъ свое испытаніе и вскорѣ повалился безъ чувствъ. Между тѣмъ, матушка пріѣхала. Учитель разсказалъ ей мою проказу, и съ нею отправился въ чуланъ. Будятъ меня— что же? Встаю, шатаясь, блѣдный; на полу разбитый штофъ. Отъ меня несетъ водкой, какъ отъ Панкратьевны *Опаснаго Сосѣда*. Матушка ахнула... На другой день просыпаюсь поздно, съ головною болью, смутно вспоминая вчерашнее. Гляжу въ окно—и вижу, что на повозку громоздятъ пожитки моего учителя. Няня моя объяснила мнѣ, что матушка прогнала его, затѣмъ-де, что онъ вечоръ заперъ меня въ чуланъ.

---

943. ПОРА БАРАТЫНСКОМУ ЗАНЯТЬ НА РУССКОМЪ ПАРНАСѢ МѢСТО.

[Баратынскій].

[I].

Пора Баратынскому занять на русскомъ Парнасѣ мѣсто, давно ему принадлежащее. Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и публики; напротивъ: едва замѣтимъ въ молодомъ писателѣ навыкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже тотчасъ спѣшимъ привѣтствовать его титломъ гепія за гладкіе стишки и нѣжно благодаримъ его въ журналахъ отъ имени человѣчества; невѣрный переводъ, блѣдное подражаніе сравниваемъ безъ церемоніи съ безсмертными произведеніями Гете и Байрона: добродушіе смѣшное, но безвредное! Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ. Зачѣмъ лишать златую посредственность невинныхъ удовольствій, доставляемыхъ журнальнымъ торжествомъ?

Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ менѣе пользовался обычной благосклонностію журналовъ—оттого ли, что вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуетъ на толпу, нежели преувеличеніе <exagération> модной поэзіи, или потому, что нашъ поэтъ нѣкоторыми эпиграммами заслужилъ негодованіе братіи, не всегда смиренной. Какъ бы то ни было, критики изъявляли въ отношеніи къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріязненное расположеніе. Не упоминая уже объ извѣстныхъ шуточкахъ покойнаго «Благонамѣреннаго», извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе «Эды», произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ, — появленіе «Эды» подало только поводъ къ неприличной статейкѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» и слабому возраженію на нее въ «Московскомъ Телеграфѣ».

Какъ отозвался «Московскій Вѣстникъ» о собраніи стихотвореній нашего перваго элегическаго поэта? <Упоминаю обо всемъ этомъ для назиданія молодыхъ писателей>. Между тѣмъ, Баратынскій спокойно совершенствовался. Послѣднія его произведенія являются плодами зрѣлаго таланта. Послѣдняя поэма «Балъ» <напечатанная въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ> подтверждаетъ наше мнѣніе. Сіе блестящее произведеніе исполнено оригинальныхъ красотъ и прелести необыкновенной. Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ соединилъ въ своемъ разсказѣ тонъ шутливый и страстный, метафизику и поэзію <два лица являются передъ нами; *одно* исключительно занимаетъ интересъ>. Характеръ героини совершенно новый, развитый con amore, широко и съ удивительнымъ искусствомъ; для него поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики, для него расточилъ онъ всю элегическую нѣгу, всю прелесть своей поэзіи.

. . . . . .

Напрасно поэтъ беретъ иногда строгій тонъ порицанія, укоризны; напрасно онъ съ принужденной холодностью говоритъ о смерти Нины, сатирически описываетъ намъ ея похороны и шуткою кончаетъ поэму свою: мы чувствуемъ, что онъ любитъ свою бѣдную, страстную героиню; онъ заставляетъ и насъ принимать болѣзненное соучастіе въ судьбѣ падшаго, но еще очаровательнаго созданія.

Арсеній есть тотъ самый, кого должна была полюбить бѣдная Нина. Онъ сильно овладѣлъ ея воображеніемъ, и—никогда

БАРАТЫНСКІЙ.

вполнѣ не удовлетворяя ни ея страсти, ни любопытству—долженъ былъ до конца сохранить надъ нею роковое свое *вліяніе* (ascendant).

Перечтите его *Эду* <которую критики наши назвали *ничтожной*, ибо, какъ дѣти, отъ поэмы требуютъ они происшествій>,— перечтите сію простую, восхитительную повѣсть: вы увидите, съ какою глубиною чувства развита въ ней женская любовь. Посмотрите на Эду послѣ перваго подѣлуя предпріимчиваго обольстителя:

Взоръ укоризны, даже гнѣва
Тогда поднять хотѣла дѣва,
Но гнѣва взоръ не выражалъ:
Веселость ясная сіяла
Въ ея младенческихъ очахъ...

Она любитъ, какъ дитя, радуется его подаркамъ, рѣзвится съ нимъ, безпечно привыкаетъ къ его ласкамъ... Но время идетъ, Эда уже не ребенокъ:

На камняхъ розовыхъ твоихъ
Весна игриво засвѣтлѣла,
И ярко-зеленъ мохъ на пихъ,
И птичка весело запѣла,
И по гранитному одру
Свѣтло бѣжитъ ручей сребристый,
И лѣсъ прохладою душистой
Съ востока вѣетъ поутру;
Тамъ, за горою, долъ таится;
Уже цвѣты пестрѣютъ тамъ;
Уже черемухъ юнiамъ
Тамъ въ чистомъ воздухѣ струится...
Своею пѣгою страшна
Тебѣ волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
Отъ сна возставшая, съ крыльца
Къ прохладѣ утренней лица
Не обращай и въ долъ прекрасный
Не приходи...

Какая роскошная черта! какъ весь отрывокъ исполненъ нѣги!

Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ—ибо мыслитъ по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ. Кромѣ прелестныхъ элегій и мелкихъ стихотвореній, знаемыхъ всѣми наизустъ и столь неудачно помимутно подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣсти, которыя въ Европѣ доставили бы ему славу, а у насъ были замѣчены одними знатоками. Первыя, юношескія произведенія Баратынскаго были нѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли меньшій успѣхъ. Постараемся объяснить тому причины. Первою должно почесть самое сіе совершенствованіе, самую зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-ти-лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его, и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли, выраженныя ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ—юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются — пѣсни его уже не тѣ, а читатели все тѣ же, и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало-по-малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ. Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія. У насъ литература не есть потребность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ читателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ какъ о политической экономіи, о политической экономіи, какъ о музыкѣ, т.-е. наобумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частію по личнымъ расчетамъ. Будучи предметомъ ихъ неблагосклонности, Баратынскій никогда за себя не вступался, не отвѣчалъ ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненія, и что, съ другой стороны, довольно легко презирать ребяческую злость и площадныя насмѣшки—тѣмъ не менѣе ихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе.

Третья причина—эпиграммы Баратынскаго; сіи мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадили правителей русскаго Парнаса. Поэтъ нашъ не только никогда не нисходилъ къ журнальной полемикѣ и не любилъ состязаться съ нашими аристархами, не смотря на необыкновенную силу своей діалектики, но и не могъ удержаться, чтобъ сильно не выразить никогда своего мнѣнія въ этихъ маленькихъ сатирахъ, столь забавныхъ и язвительныхъ. Не смѣемъ упрекать его за нихъ. Слишкомъ было бы жаль, если бъ онѣ не существовали [1]).

Сія безпечность о судьбѣ своихъ произведеній, сіе неизмѣнное равнодушіе къ успѣху и похваламъ, не только въ отношеніи къ журналистамъ, но и въ отношеніи къ публикѣ, очень замѣчательны. Никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требованіямъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію (exagération) для произведенія большаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами неблагодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и отчетливости. Никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья: онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше нѣвца Пенатовъ и Тавриды...

[II].

Истинный вкусъ не въ томъ состоитъ, что въ безотчетномъ отверж[еніи] *dédaigne* такое-то слово, такой-то оборотъ, но въ чувствѣ соразмѣрности (цѣлаго) и сообразности частей.

Никто болѣе [Баратынскаго] не вложилъ (n'a mis) чувства въ свои мысли и болѣе вкуса въ свои чувства. Они въ немъ нераздѣлимы.

Провинціальная чопорность.

---

[1]) Эпиграмма, опредѣленная законодателемъ французской піитики: «Un bon mot de deux rimes orné», скоро старѣетъ и живѣе дѣйствуя въ первую минуту, какъ и всякое острое слово, теряетъ всю свою силу при повтореніи. Напротивъ съ эпиграммами Баратынскаго. Сатирическая мысль пріемлетъ оборотъ то сказочный, то драматическій, и улыбнувшись ей, какъ острому слову, съ наслажденіемъ перечитываешь ее, какъ произведеніе искусства.

БАРОНЪ А. А. ДЕЛЬВИГЪ.

Портретъ, приложенный къ альманаху «Царское Село» (1831).

Наконецъ, появилось собраніе стихотвореній Баратынскаго, такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое. Спѣшимъ воспользоваться случаемъ высказать наше [мнѣніе?] объ одномъ изъ первостепенныхъ нашихъ поэтовъ и (быть можетъ) еще не довольно оцѣненномъ своими соотечественниками.

Первыя произведенія Баратынскаго обратили на него вниманіе. Знатоки съ удивленіемъ увидѣли въ первыхъ опытахъ зрѣлость и стройность необыкновенную.

Сіе преждевременное развитіе всѣхъ поэтическихъ способностей, можетъ быть, зависѣло отъ обстоятельствъ, но уже предрекало намъ то, что нынѣ выполнено поэтомъ столь блистательнымъ образомъ.

Соперники Баратынскаго — Батюшковъ и Жуковскій; сравн[ить].

Первыя произведенія Баратынскаго были элегіи, и въ этомъ родѣ онъ первенствуетъ. Нынѣ вошло въ моду порицать элегіи, какъ въ старину старались осмѣять оды; но если вялыя подражанія Ломоносова и Баратынскаго равно несносны, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что роды элегическій и лирическій должны быть исключены изъ разрядныхъ книгъ поэтической олигархіи.

Да къ тому жъ, у насъ почти не существуетъ чистая элегія. Въ древности отличалась она особымъ стихосложеніемъ, но иногда сбивалась на идиллію, иногда входила въ трагедію, иногда принимала ходъ лирическій <чему въ новѣйшее время видимъ примѣры у Гете>. Tous les genres sont bons, excepté l'ennuyeux: вотъ основаніе поверхностной критики; хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи,—что это значитъ? Можно ли сказать, что бутылка шампанскаго лучше дурной погоды?

---

944. [О ДЕЛЬВИГѢ].

[I].

Дельвигъ родился въ Москвѣ <1798>. Отецъ его, умершій генералъ-маіоромъ въ 1828 году, былъ женатъ на дѣвицѣ Рахмановой.

Дельвигъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 года вступилъ онъ въ Царскосельскій лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа, понятія лѣнивы. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему разсказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807 года, выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи, столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ. Будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ разсказать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью. Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостію ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямодушію. Дельвигъ, разсказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которымъ, будто-бы, подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіе какой-нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.

Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гете прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментаріемъ. Горація изучилъ въ классѣ подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго Села и разговоры съ товарищами, коихъ умственныя склонности сходствовали съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацію. Оды: къ Діону, къ Лилетѣ, Дориду, писаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, ко-

торой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе отпрыски столь прекраснаго таланта? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ, какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены, какъ нѣкоторое чудо. Но такова участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ!

[II].

Я ѣхалъ съ Вяземскимъ изъ Петербурга въ Москву. Дельвигъ хотѣлъ проводить меня до Царскаго Села. 10 августа (1830) по утру мы вышли изъ города. Вяземскій долженъ былъ насъ догнать на дорогѣ.

Дельвигъ обыкновенно просыпался очень поздно и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но въ этотъ день всталъ онъ въ осьмомъ часу и у него съ непривычки кружилась и болѣла голова. Мы принуждены были зайти въ низенькій трактиръ. Дельвигъ позавтракалъ. Мы пошли далѣе. Ему стало легче; головная боль прошла. Онъ сталъ веселъ и говорливъ.

Завтракъ въ трактирѣ напомнилъ ему повѣсть, которую намѣревался онъ написать. Дельвигъ долго обдумывалъ свои произведенія, даже самыя мелкія. *La raison de ce que Delvig a si peu écrit tient à sa manière de composer.* Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтическіе помыслы, и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, нежели были они написаны, но когда наконецъ онъ ихъ читалъ, облеченныя въ звучные гекзаметры, они казались намъ новыми и неожиданными. Такимъ образомъ Русская его Идиллія, напечатанная въ самый годъ его смерти, была въ первый разъ разсказана мнѣ еще въ Лицейской залѣ, послѣ скучнаго математическаго класса.

[III].

Идилліи Дельвига для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ 19-го столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное *чутье* изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ.

[IV].

Дельвигъ не любилъ поэзіи мистической. Онъ говаривалъ: «чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ холоднѣе».

[V].

Дельвигъ говаривалъ, что самая полная сатира на нѣкоторыя литературныя общества былъ бы списокъ членовъ съ означеніемъ того, что кѣмъ написано.

---

945. [СТИХОТВОРЕНІЯ ДЕЛОРМА И СЕНТЪ-БЕВА].

Иностранная литература.

Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme. (*Жизнь, стихотворенія и мысли Іосифа Делорма*).—Парижъ, 1829. (I т. въ 16-ю д. л.).

Les consolations, poésies, par Sainte-Beuve. (*Утѣшенія.* Стихотворенія Сент-Бёва).—Парижъ, 1830. (I томъ въ 18-ю д. л.).

Года два тому назадъ, книжка, вышедшая въ свѣтъ подъ заглавіемъ, Vie, poésies et pensées de J. Delorme, обратила на себя въ Парижѣ вниманіе Критиковъ и публики. Вмѣсто предисловія, романическимъ слогомъ описана была жизнь бѣднаго молодаго Поэта, умершаго, какъ увѣряли, въ нищетѣ и неизвѣстности. Друзья покойника предлагали публикѣ стихи и мысли, найденныя въ его бумагахъ, извиняя недостатки ихъ и заблужденія самого Делорма его молодостію, болѣзненнымъ состояніемъ души и физическими страданіями. Въ стихахъ оказывался необыкновенный талантъ, ярко отсвѣченный страннымъ выборомъ предметовъ. Никогда, ни на какомъ языкѣ голый сплинъ не изъяснялся съ такою сухою точностію; никогда заблужденія жалкой молодости, оставленной на произволъ страстей, не были высказаны съ такой разочарованностію. Смотря на ручей, осѣненный темными вѣтвями деревъ, Делормъ думаетъ о самоубійствѣ, и вотъ какимъ образомъ:

Pour qui veut se noyer la place est bien choisie.
On n'aurait qu'à venir, un jour de fantaisie,
A cacher ses habits au pied de ce bouleau,

Et, comme pour un bain à descendre dans l'eau:
Non pas en furieux, la tête la première;
Mais s'asseoir, regarder; d'un rayon de lumière
Dans le feuillage et l'eau suivre le long reflet;
Puis, quand on sentirait ses esprits au complet,
Qu'on aurait froid, alors, sans plus traîner la fête,
Pour ne plus la lever, plonger avant la tête.
C'est là mon plus doux voeu, quand je pense à mourir.
J'ai toujours été seul à pleurer, à souffrir;
Sans un coeur près du mien j'ai passé sur la terre;
Ainsi que j'ai vécu, mourons avec mystère,
Sans fracas, sans clameurs, sans voisins assemblés.
L'alouette, en mourant, se cache dans les blés:
Le rossignol, qui sent défaillir son ramage,
Et la bise arriver, et tomber son plumage,
Passe invisible à tous, comme un écho du bois:
Ainsi je veux passer. Seulement, un... deux mois,
Peut-être un an après, un jour... une soirée,
Quelque pâtre inquiet d'une chèvre égarée,
Un chasseur descendu vers la source, et voyant
Son chien qui s'y lançait sortir en aboyant,
Regardera: la lune avec lui qui regarde
Éclairera ce corps d'une lueur blafarde,
Et soudain il fuira jusqu'au hameau, tout droit.
De grand matin venus, quelques gens de l'endroit,
Tirant par les cheveux ce corps méconnaissable,
Cette chair en lambeaux, ces os chargés de sable,
Mélant des quolibets à quelques sots récits,
Deviseront long-temps sur mes restes noircis,
Et les brouetteront enfin au cimetière;
Vite on clouera le tout dans quelque vieille bière,
Qu'un prêtre aspergera d'eau bénite trois fois;
Et je serai laissé sans nom, sans croix de bois!

У друга его, Виктора Гюго, рождается сынъ; Делормъ его привѣтствуетъ:

Mon ami, vous voilà père d'un nouveau-né;
C'est un garçon encor; le ciel vous l'a donné
Beau, frais, souriant d'aise à cette vie amère;
A peine il a coûté quelque plainte à sa mère.
Il est nuit; je vous vois... A doux bruit, le sommeil
Sur un sein blanc qui dort a pris l'enfant vermeil,
Et vous, père, veillant contre la cheminée,
Recueilli dans vous-même, et la tête inclinée,
Vous vous tournez souvent pour revoir, ô douceur!
Le nouveau-né, la mère, et le frère et la soeur,
Comme un pasteur joyeux de ses toisons nouvelles,
Ou comme un maître, au soir, qui compte ses javelles.
A cette heure si grave, en ce calme profond,
Qui sait, hors vous, l'abyme où votre coeur se fond,
Ami? qui sait vos pleurs, vos muettes caresses;
Les trésors du génie épanchés en tendresses;
L' aigle plus gémissant que la colombe au nid;
Les torrents ruisselants du rocher de granit,
Et, comme sous les feux d'un été de Norwège,
Au penchant des glaciers mille fontes de neige?
Vivez, soyez heureux, et chantez-nous un jour
Ces secrets plus qu'humains d'un ineffable amour!
— Moi, pendant ce temps là, je veille aussi, je veille,
Non près des rideaux bleus de l'enfance vermeille,
Près du lit nuptial arrosé de parfum,
Mais près d'un froid grabat, sur le corps d'un défunt.
C'est un voisin, vieillard goutteux, mort de la pierre;
Ses nièces m'ont requis, je veille à leur prière.
Seul, je m' y suis assis dès neuf heures du soir,
A la tête du lit une croix en bois noir,
Avec un Christ en os, pose entre deux chandelles
Sur une chaise; auprès, le buis cher aux fidèles
Trempe dans une assiette, et je vois sous les draps
Le mort en long, pieds joints, et croisant les deux bras.
Oh! si, du moins, ce mort m'avait durant sa vie
Été long-temps connu! s'il me prenait envie
De baiser ce front jaune une dernière fois!
En regardant toujours ces plis raides et droits,
Si je voyais enfin remuer quelque chose,
Bouger comme le pied d'un vivant qui repose,
Et la flamme bleuir! si j'entendais crier
Le bois de lit... ou bien si je pouvais prier!
Mais rien: nul effroi saint; pas de souvenir tendre;
Je regarde sans voir, j'écoute sans entendre,
Chaque heure sonne lente, et lorsque, par trop las
De ce calme abattant et de ces rêves plats,
Pour respirer un peu je vais à la fenêtre
(Car au ciel de minuit le croissant vient de naître),
Voilà, soudain, qu'au toit lointain d'une maison,
Non pas vers l'orient, s'embrase l'horizon,
Et j'entends résonner, pour toute mélodie,
Des aboiements de chiens hurlant dans l' incendie.

Между сими болѣзненными признаніями, сими мечтами печальныхъ слабостей и безвкусными подражаніями давно осмѣянной поэзіи стараго Ронсара, мы съ изумленіемъ находимъ стихотворенія, исполненныя свѣжести и чистоты. Съ какой мелан-

холической прелестію описываетъ онъ, на примѣръ, свою Музу!

Non, ma Muse n'est pas l'odalisque brillante
Qui danse les seins nus à la vox sémillante,
Aux noirs cheveux luisants, aux longs yeux de houri;
Elle n'est ni la jeune et vermeille Péri,
Dont l'aile radieuse éclipserait la queue
D'un beau paon, ni la fèe à l'aile blanche et bleue,
Ces deux rivales soeurs, dès qu'il a dit *oui*,
Ouvrent mondes et cieux à l'enfant ébloui.
Elle n'est pas non plus, ô ma Muse adorée!
Elle n'est pas la vierge ou la veuve éplorée,
Qui d'un cloître désert, d'une tour sans vassaux,
Solitaire habitante, erre sous les arceaux,
Disant un nom; descend aux tombes féodales;
A genoux, de velours inonde au loin les dalles,
Et le front sur un marbre épanche avec des pleurs
L' hymne mélodieux de ses nobles malheurs.
Non.—Mais quand seule au bois votre douleur chemine,
Avez-vous vu là-bas, dans un fond, la chaumine
Sous l'arbre mort; auprès, un ravin est creusé;
Une fille en tout temps y lave un linge usé.
Peût-être à votre vue elle a baissé la tête,
Car, bien pauvre qu'elle est, sa naissance est honnête.
Elle eût pu, comme une autre, en de plus heureux jours
S'épanouir au monde et fleurir aux amours;
Voler en char; passer aux bals, aux promenades;
Respirer au balcon parfum et sérénades;
Ou, de sa harpe d'or éveillant cent rivaux,
Ne voir rien qu'un sourire entre tant de bravos.
Mais le ciel dès l'abord s'est obscurci sur elle,
Et l'arbuste en naissant fut atteint de la grêle:
Elle file, elle coud, et garde à la maison
Un père vieux, aveugle et privé de raison.

Правда, что сію прелестную картину оканчиваетъ онъ медицинскимъ описаніемъ чахотки; Муза его харкаетъ кровью:

..... une toux déchirante
La prend dans sa chanson, pousse en sifflant un cri,
Et lance les graviers de son poumon meurtri.

Совершенѣйшимъ стихотвореніемъ изо всего собранія, по нашему мнѣнію, можно почесть слѣдующую элегію, достойную стать на ряду съ лучшими произведеніями Андрея Шенье.

Toujours je la connus pensive et sérieuse;
Enfant, dans les ébats de l'enfance joyeuse
Elle se mêlait peu, parlait déjà raison;
Et quand ses jeunes soeurs couraient sur le gazon,
Elle était la première a leur rappeler l'heure,
A dire qu' il fallait regagner la demeure;
Qu'elle avait de la cloche entendu le signal;
Qu'il etait défendu d'approcher du canal,
De troubler dans le bois la biche familière,
De passer en jouant trop près de la volière:
Et ses soeurs l'écoutaient. Bientôt elle eut quinze ans,
Et sa raison brilla d'attraits plus séduisants:
Sein voilé, front serein où le calme repose,
Sous de beaux cheveux bruns une figure rose,
Une bouche discrète au sourire prudent,
Un parler sobre et froid, et qui plaît cependant;
Une voix douce et ferme, et qui jamais ne tremble,
Et deux longs sourcils noirs qui se fondent ensemble.
Le devoir l'animait d'une grave ferveur;
Elle avait l'air posé, réfléchi, non rêveur:
Elle ne rêvait pas comme la jeune fille
Qui de ses doigts distraits laisse tomber l'aiguille,
Et du bal de la veille au bal du lendemain
Pense au bel inconnu qui lui pressa la main.
Le coude à la fenêtre, oubliant son ouvrage,
Jamais on ne la vit suivre à travers l'ombrage
Le vol interrompu des nuages du soir,
Puis cacher tout d'un coup son front dans son mouchoir.
Mais elle se disait qu'un avenir prospère
Avait changé soudain par la mort de son père;
Qu'elle était fille aînée, et que c'était raison
De prendre part active aux soins de la maison.
Ce coeur jeune et sévère ignorait la puissance
Des ennuis dont soupire et s'émeut l'innocence.
Il réprima toujours les attendrissements
Qui naissent sans savoir, et les troubles charmants,
Et les désirs obscurs, et ces vagues délices
De l'amour dans les coeurs naturelles complices.
Maîtresse d'elle-même aux instants les plus doux,
En embrassant sa mère, elle lui disait *vous*.
Les galantes fadeurs, les propos pleins de zèle.
Des jeunes gens oisifs étaient perdus chez elle;
Mais qu'un coeur éprouvé lui contât un chagrin,
A l'instans se voilait son visage serein:
Elle savait parler de maux, de vie amère,
Et donnait des conseils comme une jeune mère,
Aujourd'hui la voilà mère, épouse à son tour;
Mais c'est chez elle encor raison plutôt qu'amour.
Son paisible bonheur de respect se tempère;
Son époux déjà mûr serait pour elle un père;
Elle n'a pas connu l'oubli du premier mois,
Et la lune de miel qui ne luit qu'une fois,
Et son front et ses yeux ont gardé le mystère
De ces chastes secrets qu'une femme doit taire.
Heureuse comme avant, à son nouveau devoir
Elle a réglé sa vie.... Il est beau de la voir

Libre de son ménage, un soir de la semaine,
Sans toilette, en été, qui sort et se promène
Et s'asseoit à l'abri du soleil étouffant,
Vers six heures, sur l'herbe, avec sa belle enfant.
Ainsi passent ses jours depuis le premier âge,
Comme des flots sans nom sous un ciel sans orage,
D'un cours lent, uniforme, et pourtant solennel;
Car il savent qu'il vont au rivage éternel.
Et moi qui vois couler cette humble destinée
Au penchant du devoir doucement entraînée,
Ces jours purs, transparents, calmes, silencieux,
Qui consolent du bruit et reposent les yeux,
Sans le vouloir, hélas! je retombe en tristesse;
Je songe à mes longs jours passés avec vitesse.
Turbulents, sans bonheur, perdus pour le devoir·
Et je pense, ô mon Dieu! qu'il sera bientôt soir!

Публика и Критики горевали о преждевременной кончинѣ таланта, столь много обѣщавшаго, какъ вдругъ узнали, что покойникъ живъ и, слава Богу, здоровъ. Сентъ-Бёвъ, извѣстный уже *Исторіей Французской Словесности въ XVI столѣтіи* и ученымъ изданіемъ Ронсара, вздумалъ подъ вымышленнымъ именемъ І. Делорма напечатать первые свои поэтическіе опыты, вѣроятно, опасаясь нареканій и строгости нравственной цензуры. Мистификація, столь печальная, своею веселою развязкою должна была повредить успѣху его стихотвореній однако {жь новая школа съ восторгомъ признала и присвоила себѣ новаго собрата.

Въ *Мыслях*ъ І. Делорма изложены его мнѣнія касательно Французскаго стихосложенія. Критики хвалили вѣрность, ученость и новизну сихъ замѣчаній. Намъ показалось, что Делормъ слишкомъ много придаетъ важности пововведеніямъ такъ называемой *романтической* школы Французскихъ Писателей, которые сами полагаютъ слишкомъ большую важность въ формѣ стиха, въ цезурѣ, въ рифмѣ, въ употребленіи нѣкоторыхъ старинныхъ словъ, нѣкоторыхъ старинныхъ оборотовъ и т. п. Все это хорошо; но слишкомъ напоминаетъ гремушки и пеленки младенчества. Нѣтъ сомнѣнія, что стихосложеніе Французское самое своеправное, и смѣю сказать, неосновательное. Чѣмъ, на примѣръ, оправдаете вы изключенія *гіатуса* <hiatus>, который Французскимъ ушамъ такъ нестерпимъ въ соединеніи двухъ словъ <какъ: *a été, où aller*> и котораго они же ищутъ для гармоніи собственныхъ именъ: Zaïre, Aglaë, Eléonore. Замѣтимъ мимоходомъ, что закономъ о *гіатусѣ* одолжены Французы Латинскому *эллизіуму*. По свойству Латинскаго стихосложенія, слово, кончащееся на гласную, теряетъ ее передъ другою гласною.

Буало замѣнилъ сіе правило закономъ объ гіатусѣ:

Gardez qu'une voyelle à courir trop hâtée
Ne soit en son chemin par une autre heurtée.

Во вторыхъ: какъ можно вѣчно рифмовать для глазъ, а не для слуха? Почему рифмы должны согласоваться въ числѣ <единственномъ или множественномъ>, когда произношеніе въ томъ и въ другомъ одинаково? Однако жь нововводители всего этого еще не коснулись; покушенія же ихъ едва ли счастливы.

Въ прошломъ году Сентъ-Бёвъ выдалъ еще томъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: *Les Consolations*. Въ нихъ Делормъ является исправленнымъ совѣтами пріятелей, людей степенныхъ и нравственныхъ. Уже онъ не отвергаетъ отчаянно утѣшеній религіи, но только тихо сомнѣвается; уже онъ не ходитъ къ Розѣ, но признается иногда въ порочныхъ вожделѣніяхъ. Слогъ его также перебѣсился. Словомъ сказать, и вкусъ и нравственность должны быть имъ довольны. Можно даже надѣяться, что въ третьемъ своемъ томѣ Делормъ явится набожнымъ, какъ Ламартинъ, и совершенно порядочнымъ человѣкомъ.

Къ несчастію должны мы признаться, что, радуясь перемѣнѣ человѣка, мы сожалѣемъ о Поэтѣ. Бѣдный Делормъ обладалъ свойствомъ чрезвычайно важнымъ, недостающимъ почти всѣмъ Французскимъ Поэтамъ новѣйшаго поколѣнія, свойствомъ, безъ котораго нѣтъ истинной поэзіи, т. е. *искренностію вдохновенія*. Нынѣ Французскій Поэтъ систематически сказалъ себѣ: *soyons réligieux, soyons politiques*, а иной даже: *soyons extravagants*, и холодъ предначертанія, натяжка, принужденность отзываются во всякомъ его твореніи, гдѣ никогда не видимъ движенія минутнаго, вольнаго чувства, словомъ: гдѣ нѣтъ истиннаго вдохновенія. Сохрани насъ Боже быть поборниками безнравственности въ Поэзіи <разумѣемъ слово сіе не въ дѣтскомъ смыслѣ, въ коемъ употребляютъ его у насъ нѣкоторые Журналисты>! Поэзія, которая по своему высшему, свободному свойству не должна имѣть никакой цѣли, кромѣ самой себя, кольми паче не должна унижаться до того, чтобъ силою слова потрясать вѣчныя истины, на которыхъ основаны счастіе

и величіе человѣческое, или превращать свой божественный нектаръ въ любострастный, возпалительный составъ. Но описывать слабости, заблужденія и страсти человѣческія не есть безправственность, такъ какъ Анатомія не есть убійство; и мы не видимъ безправственности въ элегіяхъ несчастнаго Делорма, въ признаніяхъ, раздирающихъ сердце, въ стѣсненномъ описаніи его страстей и безвѣрія, въ его жалобахъ на судьбу, на самого себя.... *Р.*

946. ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ,

или оправданный Александръ Анемовичъ Орловъ.

In arenam cum aequalibus descendi.
Cic.

Посреди полемики, раздирающей бѣдную нашу словесность, Николай Ивановичъ *Гречъ* и Ѳаддей Венедиктовичъ *Булгаринъ* болѣе десяти лѣтъ подаютъ утѣшительный примѣръ согласія, основаннаго на взаимномъ уваженіи, сходствѣ душъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ. Сей назидательный союзъ ознаменованъ почтенными памятниками. Ѳаддей Венедиктовичъ скромно призналъ себя ученикомъ Николая Ивановича; Николай Ивановичъ поспѣшно провозгласилъ Ѳаддея Венедиктовича *ловкимъ своимъ товарищемъ*; Ѳаддей Венедиктовичъ посвятилъ Николаю Ивановичу своего «Димитрія Самозванца»; Николай Ивановичъ посвятилъ Ѳаддею Венедиктовичу свою «Поѣздку въ Германію»; Ѳаддей Венедиктовичъ написалъ для «Грамматики» Николая Ивановича хвалебное предисловіе, [1]) Николай Ивановичъ въ Сѣверной Пчелѣ <издаваемой гг. Гречемъ и Булгаринымъ> напечаталъ хвалебное объявленіе объ «Иванѣ Выжигинѣ». Единодушіе истинно трогательное!

Нынѣ Николай Ивановичъ, почитая Ѳаддея Венедиктовича оскорбленнымъ въ статьѣ, напечатанной въ № 9 *Телескопа*, заступился за своего товарища со свойственнымъ ему прямодушіемъ и горячностію. Онъ напечаталъ въ *Сынѣ Отечества* <№ 27> статью, которая, конечно, заставитъ молчать дерзкихъ противниковъ Ѳаддея Венедиктовича, ибо Николай Ивановичъ доказалъ неоспоримо:

1) Что М. И. Голенищевъ-Кутузовъ возведенъ въ княжеское достоинство въ іюнѣ 1812 г. <с. 64>.

2) Что не сраженіе, а планъ сраженія составляетъ тайну главнокомандующаго <с. 65>.

3) Что священникъ выходитъ на встрѣчу подступающему непріятелю съ крестомъ и святою водою <с. 65>.

4) Что секретарь выходитъ изъ дому въ статскомъ изношенномъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, со шпагою, въ бѣломъ изношенномъ исподнемъ платьѣ <с. 65>.

5) Что пословица: vox populi—vox Dei есть пословица латинская, и что она есть истинная причина французской революціи <с. 65>.

6) Что «Иванъ Выжигинъ» не есть произведеніе образцовое, но, *относительно*, явленіе пріятное и полезное <с. 65>.

7) Что Ѳаддей Венедиктовичъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Дерпта и просилъ его <Николая Ивановича> не посылать къ нему вздоровъ <с. 68>.

И что, слѣдственно Ѳ. В. Булгаринъ, *своими талантами и трудами, приноситъ честь своимъ согражданамъ*:

что и доказать надлежало!

Противъ этого нечего и говорить.—Мы первые громко одобряемъ Николая Ивановича за его откровенное и побѣдоносное возраженіе, приносящее столько же чести его логикѣ, какъ и горячности чувствованій.

Но дружба—<сіе священное чувство>—слишкомъ далеко увлекла пламенную душу Николая Ивановича, и съ его пера сорвались нижеслѣдующія строки:

«Тамъ <въ № 9 Телескопа> *взяли двѣ глупѣйшія, вышедшія въ Москвѣ <да, въ Москвѣ> книжонки, сочиненныя какимъ-то А. Орловымъ*», и проч.

О Николай Ивановичъ, Николай Ивановичъ! Какой примѣръ подаете вы молодымъ литераторамъ? Какія выраженія употребляете вы въ статьѣ, начинающейся сими строгими словами: «*у насъ издавна, и по справедливости, жалуются на цинизмъ, невѣжество и недобросовѣстность рецензентовъ?* Куда дѣвалась ваша умѣренность, знаніе приличія, ваша извѣстная добросовѣстность? Перечтите, Николай Ивановичъ, перечтите сіи немногія строки—и вы сами, съ прискорбіемъ, сознаетесь въ своей необдуманности!

«*Двѣ глупѣйшія книжонки!... Какой-то А. Орловъ!..*» Шлюсь на всю почтенную публику: какой критикъ, какой журналистъ

[1]) См. Грамматику Греча, напечатанную въ типографіи Греча.

АЛЕКСАНДРЪ АѲѲИМОВИЧЪ
ОРЛОВЪ.

рѣшился бы употребить сіи непріятныя выраженія, говоря о произведеніяхъ живаго автора? ибо, слава Богу, почтенный мой другъ—*Александръ Аѳѳимовичъ Орловъ*—живъ! Онъ живъ, не смотря на зависть и злобу журналистовъ; онъ живъ къ радости книгопродавцевъ, къ утѣшенію многочисленныхъ его читателей!

«*Двѣ глупѣйшія книжонки!..*» Произведенія *Александра Аѳѳимовича*, раздѣляющаго съ *Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ* любовь Россійской публики, названы: *глупѣйшими книжонками!* Дерзость неслыханная, удивительная, оскорбительная не для моего друга <ибо и онъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Сокольниковъ, и онъ просилъ меня не посылать ему всякаго вздору>; но оскорбительная для всей читающей публики *).

«*Глупѣйшія книжонки!..*» Но чѣмъ докажете вы сію глупость? Знаете ли вы, Николай Ивановичъ, что болѣе 5000 экземпляровъ сихъ *глупѣйшихъ книжонокъ* разошлись и находятся въ рукахъ читающей публики; что *Выжигины Г. Орлова* пользуются благосклонностію публики наравнѣ съ *Выжигиными Г. Булгарина*; а что образованный классъ читателей, которые гнушаются тѣми и другими, не можетъ и не долженъ судить о книгахъ, которыхъ не читаетъ!

Скрѣпя сердце, продолжаю свой разборъ.

«*Двѣ глупѣйшія* <глупѣйшія>, *вышедшія въ Москвѣ* <*да, въ Москвѣ*> *книжонки!...*

«*Въ Москвѣ, да, въ Москвѣ!...* Что же тутъ предосудительнаго? Къ чему такая выходка противу первопрестольнаго града? Не въ первый разъ замѣтили мы сію странную ненависть къ Москвѣ въ издателяхъ Сына Отечества и Сѣверной Пчелы. Больно для Русскаго сердца слушать таковые отзывы о матушкѣ-Москвѣ, о Москвѣ бѣлокаменной, о Москвѣ, пострадавшей въ 1612 году отъ Поляковъ, а въ 1812 году отъ всякаго сброду.

Москва донынѣ центръ нашего просвѣщенія: въ Москвѣ родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные Русскіе, не выходцы, не переметчики, для коихъ ubi bene—ibi patria, для коихъ все равно: бѣгать ли имъ подъ орломъ Французскимъ, или русскимъ языкомъ позорить все Русское—были бы только сыты.

Чѣмъ возгордилась Петербургская литература?... Г. Булгаринымъ?... Согласенъ, что сей великій писатель, равно почтен-

*) См. разборъ Денницы въ Сынѣ Отечества.—*Авт.*

ный и дарованіями и характеромъ, заслужилъ безсмертную себѣ славу; но произведенія Г. Орлова ставятъ Московскаго романиста, если не выше, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ Петербургскимъ его соперникомъ. Не смотря на несогласіе, царствующее между Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ и Александромъ Аѳимовичемъ, не смотря на справедливое негодованіе, возбужденное во мнѣ неосторожными строками Сына Отечества, постараемся сравнить между собою сіи два блистательныя солнца нашей словесности.

Ѳаддей Венедиктовичъ превышаетъ *Александра Аѳимовича* плѣнительною щеголеватостію выраженій; *Александръ Аѳимовичъ* беретъ преимущество надъ *Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ* живостью и остротою разсказа.

Романы *Ѳаддея Венедиктовича* болѣе обдуманы, доказываютъ большое терпѣніе *) въ авторѣ <и требуютъ еще большаго терпѣнія въ читателѣ>; повѣсти *Александра Аѳимовича* болѣе кратки, но болѣе замысловаты и заманчивы.

Ѳаддей Венедиктовичъ болѣе философъ; *Александръ Аѳимовичъ* болѣе поэтъ.

Ѳаддей Венедиктовичъ геній, ибо изобрѣлъ имя Выжигина, и симъ смѣлымъ нововведеніемъ оживилъ пошлыя подражанія *Совѣстдралу и Англійскому Милорду; Александръ Аѳимовичъ* искусно воспользовался изобрѣтеніемъ Г. Булгарина и извлекъ изъ онаго безконечно разнообразные эффекты!

Ѳаддей Венедиктовичъ кажется намъ, немного однообразенъ; ибо всѣ его произведенія не что иное, какъ Выжигинъ въ различныхъ измѣненіяхъ; *Иванъ Выжигинъ, Петръ Выжигинъ, Дмитрій Самозванецъ или Выжигинъ XVII столѣтія, собственныя записки* и *нравственныя статейки*—все сбивается на тотъ же самый предметъ. *Александръ Аѳимовичъ* удивительно разнообразенъ! Сверхъ несмѣтнаго числа Выжигиныхъ, сколько цвѣтовъ разсыпалъ онъ на полѣ словесности: *Встрѣча Чумы съ Холерою; Соколъ былъ бы Соколъ, да Курица его съѣла, или Бѣжавшая Жена; Живые Обмороки; Погребеніе Купца*, и проч. и проч.

Однако же, безпристрастіе требуетъ, чтобъ мы указали сторону, съ косой Ѳаддей Венедиктовичъ беретъ неоспоримое преимущество надъ своимъ счастливымъ соперникомъ: разумѣю нравственную цѣль его сочиненій. Въ самомъ дѣлѣ, любезные слушатели: что можетъ быть нравственнѣе сочиненій Г-на Булгарина? Изъ нихъ мы ясно узнаемъ, сколь непохвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игрѣ и тому под. Г-нъ Булгаринъ наказуетъ лица разными затѣйливыми именами: убійца названъ у него—Ножевымъ, взяточникъ—Взяткинымъ, дуракъ—Глаздуринымъ, и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова—*Хлопоухинымъ*, Димитрія Самозванца—*Каторжниковымъ*, а Марину Мнишекъ—*Княжною Шлюхиной*; за то и лица сіи представлены нѣсколько блѣдно.

Въ семъ отношеніи, Г. Орловъ рѣшительно уступаетъ Г-ну Булгарину. Впрочемъ, самые пламенные почитатели Ѳаддея Венедиктовича признаютъ въ немъ нѣкоторую скуку, искупленную назидательностію; а самые ревностные поклонники Александра Аѳимовича осуждаютъ въ немъ иногда необдуманность, извиняемую, однако жъ, порывами генія.

Совсѣмъ тѣмъ, Александръ Аѳимовичъ пользуется гораздо меньшею славою, нежели Ѳаддей Венедиктовичъ.—Что же причиною сему видимому неравенству?

Оборотливость, любезные читатели, оборотливость Ѳаддея Венедиктовича, *ловкаго товарища* Николая Ивановича. Иванъ Выжигинъ существовалъ еще только въ воображеніи почтеннаго автора, а уже въ Сѣверномъ Архивѣ, Сѣверной Пчелѣ и Сынѣ Отечества отзывались о немъ съ величайшею похвалою. Г. Ансело въ своемъ путешествіи, возбудившемъ въ Парижѣ общее вниманіе, провозгласилъ сего, еще не существовавшаго Ивана Выжигина, лучшимъ изъ Русскихъ романовъ. Наконецъ Иванъ Выжигинъ явился, и Сынъ Отечества, Сѣверный Архивъ и Сѣверная Пчела превознесли его до небесъ. Всѣ кинулись его читать; многіе прочли до конца; а между тѣмъ похвалы ему не умолкали въ каждомъ нумерѣ Сѣв. Архива, Сына Отечества и Сѣв. Пчелы. Сіи усердные журналы ласково приглашали покупателей; ободряли, подстрекали лѣнивыхъ читателей; угрожали местью недоброжелателямъ, недочитавшимъ Ивана Выжигина изъ единой низкой зависти.

Между тѣмъ, какія вспомогательныя средства употреблялъ Александръ Аѳимовичъ Орловъ?

*) Геній есть *терпѣніе* въ высочайшей степени—сказалъ извѣстный Бюффонъ.—*Авт.*

Никакихъ, любезные читатели!

Онъ не задавалъ обѣдовъ иностраннымъ литераторамъ, незнающимъ Русскаго языка, дабы за свою хлѣбъ-соль получить мѣстечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ.

Онъ не хвалилъ самого себя въ журналахъ, имъ самимъ издаваемыхъ.

Онъ не заманивалъ унизительными ласкательствами и пышными обѣщаніями подписчиковъ и покупателей.

Онъ не шарлатанилъ газетными объявленіями, писанными слогомъ афишъ собачьей комедіи.

Онъ не отвѣчалъ ни на одну критику; онъ не называлъ своихъ противниковъ дураками, подлецами, пьяницами, устрицами и тому под.

Но обезоружилъ ли тѣмъ онъ многочисленныхъ враговъ? Нимало.—Вотъ какъ отзывались о немъ его собратія:

«Авторъ вышеисчисленныхъ твореній «сильно штурмуетъ нашу бѣдную Русскую «литературу и хочетъ разрушить Русскій «Парнасъ не бомбами, но каркасами, при «помощи услужливыхъ издателей, которые «щедро платятъ за каждый манускриптъ «знаменитаго сего творца по двадцати руб«лей ходячею монетою, какъ увѣряли насъ «знающіе дѣло книгопродавцы. Авторъ есть «мужъ—*изъ ученыхъ*, какъ видно по Латин«скимъ фразамъ, которыми испещрены его «творенія, а сущность ихъ доказываетъ, что «онъ, какъ сказано въ Недорослѣ, «убоясь «бездны премудрости, вспять обратился». «—Знаменитое лубочное произведеніе: мыши «кота хоронятъ или небылицы въ лицахъ, «есть Иліада въ сравненіи съ твореніями «Г. Орлова, а Бова Королевичъ—герой, до «котораго не возвысился еще почтенный «авторъ... Державинъ есть у насъ *Альфа*, а «Г. Орловъ—*Омега* въ литературѣ, то есть, «послѣднее звено въ цѣпи литературныхъ «существъ, и потому *заслуживаетъ вниманіе, «какъ все необыкновенное* *). Языкъ его, изло«женіе и завязка, могутъ сравняться только «съ отвратительными картинами, которыми «наполнены сіи чада безвкусія, и съ смѣ«лостью автора.

«Никогда въ Петербургѣ подобныя тво«ренія не увидѣли бы свѣта, и ни одинъ «изъ Петербургскихъ уличныхъ разносчи«ковъ <не говоримъ о книгопродавцахъ> «не взялся бы ихъ издавать.

«По какому праву Г. Орловъ вздумалъ «наречь своихъ холопей, Хлыновскихъ степ«няковъ Игната и Сидора, дѣтьми Ивана «Выжигина, и еще въ то самое время, когда «авторъ Выжигина издаетъ другой романъ «подъ тѣмъ же названіемъ?... Никогда такія «омерзительныя картины не появлялись «на Русскомъ языкѣ. — Да здравствуетъ «Московское книгопечатаніе!» <Сѣв. Пчела 1831 г., № 64>.

Какая злонамѣренная и несправедливая критика! Мы замѣтили уже неприличіе нападеній на Москву; но въ чемъ упрекаютъ здѣсь почтеннаго Александра Аѳонимовича?... Въ томъ, что за каждое его сочиненіе книгопродавцы платятъ ему по 20-ти рублей? Что же? Безкорыстному сердцу моего друга пріятно думать, что, получивъ 20 рублей, доставилъ онъ другому 2000 выгоды *), между тѣмъ какъ нѣкоторый Петербургскій литераторъ, взявъ за свою рукопись 30,000, заставилъ охать погорячившагося книгопродавца!!!

Ставятъ ему въ грѣхъ, что онъ знаетъ Латинскій языкъ. Конечно: доказано, что Ѳаддей Венедиктовичъ <издавшій Горація съ чужими примѣчаніями> не знаетъ по-Латыни; но ужели сему незнанію обязанъ онъ своею безсмертною славою?

Увѣряютъ, что Г. Орловъ *изъ ученыхъ*. Конечно доказано, что Г. Булгаринъ вовсе не ученъ; но опять повторяю: развѣ невѣжество есть достоинство столь завидное?

Этого не довольно: грозно требуютъ отвѣта отъ моего друга: какъ дерзнулъ онъ присвоить своимъ лицамъ имя, освященное самимъ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ? — Но развѣ А. С. Пушкинъ не дерзнулъ вывести въ своемъ Борисѣ Годуновѣ всѣ лица романа Г. Булгарина и даже воспользоваться многими мѣстами въ своей трагедіи <написанной, говорятъ, пять лѣтъ прежде, и извѣстной публикѣ еще въ рукописи>?

Смѣло ссылаюсь на совѣсть самихъ издателей Сѣверной Пчелы: справедливы ли сіи критики? виноватъ ли Александръ Аѳонимовичъ Орловъ?

Но еще смѣлѣе ссылаюсь на почтеннаго Николая Ивановича: не чувствуетъ ли онъ глубокаго раскаянія, оскорбивъ напрасно человѣка съ столь отличнымъ дарованіемъ, *не состоящаго съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ, вовсе его не знающаго и не писавшаго о немъ ничего дурного?* **)

Ѳеофилактъ Косичкинъ.

---

*) Важное сознаніе! Прошу прислушать:—*Авт.*

*) Историческая истина!—*Авт.*

**) Сынъ Отечества, № 27, стр. 60.—*Авт.*

947. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МИЗИНЦѢ Г. БУЛГАРИНА И О ПРОЧЕМЪ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ незлопамятныхъ литераторовъ, которые, публично другъ друга обругавъ, обнимаются потомъ всенародно, какъ *Пролазъ* съ *Высоносомъ*, говоря въ похвальбу себѣ и въ утѣшеніе:

«Вѣдь, кажется, у насъ по полной оплеухѣ.»

Нѣтъ, разсердясь единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, какъ истощивъ весь запасъ оскорбительныхъ примѣчаній, обиняковъ, заграничныхъ анекдотовъ и тому подобнаго. Для поддержанія же себя въ семъ суровомъ расположеніи духа, перечитываю я, тщательно мною переписанныя въ особую тетрадь, статьи, подавшія мнѣ поводъ къ таковому ожесточенію. Такимъ образомъ, пересматривая на дняхъ антикритику, подавшую мнѣ случай заступиться за почтеннаго друга моего А. А. Орлова, напалъ я на слѣдующее мѣсто:

«*Я рпшился на сіе <на оправданіе Г. Булгарина> не для того, чтобъ оправдать и защищать Булгарина, который въ этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ*» <см. № 27 Сына Отечества, издаваемаго Гг. Гречемъ и Булгаринымъ>.

Изумился я, какимъ образомъ могъ я пропустить безъ вниманія сіи краснорѣчивыя, но необдуманныя строки! Я сталъ по пальцамъ пересчитывать всевозможныхъ рецензентовъ, у коихъ менѣе ума въ головѣ, нежели у Г. Булгарина *въ мизинцѣ*, и теперь догадываюсь, кому Николай Ивановичъ думалъ погрозить мизинцемъ Ѳаддея Венедиктовича.

Въ самомъ дѣлѣ, къ кому можетъ отнестись это затѣйливое выраженіе? Кто наши записные рецензенты?

Вы, Г. Издатель Телескопа? Вѣроятно, мстительный *мизинчикъ* указуетъ и на васъ: предоставляю вамъ самимъ вступиться за свою голову. *)

Но кто же другіе?

Г. Полевой? Но не смотря на прежніе раздоры, на письма Бригадирши, на насмѣшки славнаго Гринусье, на недавнее прозвище Верхогляда и проч., всей Европѣ извѣстно, что Телеграфъ состоитъ въ добромъ согласіи съ Сѣверной Пчелой и Сыномъ Отечества: *мизинчикъ* касается не его.

Г. Воейковъ? Но сей замѣчательный литераторъ рецензіями мало занимается, а извѣстенъ болѣе изданіемъ Хамелеонистики, остроумнаго сбора статей, въ коихъ выводятся, такъ сказать, на чистую воду нѣкоторыя, такъ сказать, литературныя плутни. Ловкіе издатели Сѣверной Пчелы ужъ вѣрно не станутъ, какъ говорится, класть ему пальца въ ротъ, хотя бы сей палецъ былъ и знаменитый вышеупомянутый *мизинчикъ*.

Г. Сомовъ? Но, кажется, Литературная Газета, совершивъ свой единственный подвигъ—совершенное уничтоженіе <литературной> славы г. Булгарина—почіетъ на своихъ лаврахъ, и г. Гречъ, вѣроятно, не станетъ тревожить сего счастливаго усыпленія, щекотя Газету проказливымъ *мизинчикомъ*.

Кого же оцарапалъ сей мизинецъ? Кто сіи рецензенты, у коихъ—и такъ далѣе? Просвѣщенный читатель ужъ догадался, что дѣло идетъ обо мнѣ, о *Ѳеофилактѣ Косичкинѣ*.

Всему свѣту извѣстно, что никто постояннѣе моего не слѣдовалъ за исполинскимъ ходомъ нашего вѣка. Сколько глубокихъ и блистательныхъ твореній по части политики, точныхъ наукъ и чистой литературы вышли у насъ изъ печати въ теченіе послѣдняго десятилѣтія <шагнувшаго такъ далеко впередъ> и обратили на себя справедливое вниманіе завидующей намъ Европы! Ни одного изъ таковыхъ явленій не пропустилъ я изъ виду; обо всякомъ, какъ извѣстно, написалъ я по одной статьѣ, отличающейся ученостію, глубокомысліемъ и остроуміемъ. Если долгъ безпристрастія требовалъ, чтобъ я указывалъ иногда на недостатки разбираемаго мною сочиненія, то можетъ ли кто-нибудь изъ Гг. Русскихъ авторовъ жаловаться на заносчивость или невѣжество Ѳеофилакта Косичкина? Можетъ быть, по примѣру Г-на Полеваго, я слишкомъ лестно отзываюсь о самомъ себѣ; я могъ бы говорить въ третьемъ лицѣ и попросить моего друга подписать имя свое подъ сими справедливыми похвалами; но я гнушаюсь таковыми уловками, и Гг. Русскіе журналисты, вѣроятно, не укорятъ меня въ шарлатанствѣ.

И что жъ! Г. Гречъ въ журналѣ, съ жадностію читаемомъ во всей просвѣщенной Европѣ, даетъ понимать, будто бы въ мизинцѣ его товарища болѣе ума и таланта,

*) До мизинцевъ ли мнѣ? — *Изд. Телескопа* [т. е. Надеждинъ].

чѣмъ въ головѣ моей! Отзывъ слишкомъ для меня оскорбительный! Полагаю себя въ правѣ объявить *во услышаніе всей Европы*, что я ничьихъ мизинцевъ не убоюсь; ибо, не входя въ разсмотрѣніе головъ, увѣряю, что пальцы мои <каждый особо и всѣ пять въ совокупности> готовы воздать сторицею кому бы то ни было.—Dixi.

Взявшись за перо, я не имѣлъ однако жъ цѣлію объявить о семъ почтеннѣйшей публикѣ; подобно нашимъ писателямъ-аристократамъ <разумѣю слово сіе въ его ироническомъ смыслѣ>, я никогда не отвѣчалъ на журнальныя критики: дружба, оскорбленная дружба призываетъ опять меня на помощь угнетеннаго дарованія.

Признаюсь: послѣ статьи, въ которой такъ торжественно оправдалъ и защитилъ я А. А. Орлова <статьи, принятой Московскою и Петербургскою публикою съ отличной благосклонностію>—не ожидалъ я, чтобъ Сѣверная Пчела возобновила свои нападенія на благороднаго друга моего и на первопрестольную столицу. Правда, сіи нападенія уже гораздо слабѣе прежнихъ, но я не умолкну, доколѣ не принужу къ совершенному безмолвію ожесточенныхъ гонителей моего друга и непочтительнаго Сына Отечества, издѣвающагося надъ нашею древнею Москвою.

Сѣверная Пчела <№ 101>, объявляя о выходѣ новаго *Выжигина*, говоритъ: «За«главіе сего романа заставило насъ подумать, «что это одно изъ многочисленныхъ подра«жаній произведеніямъ нашего *блаженнаго* «г. А. Орлова, знаменитаго автора. При«томъ же всякое произведеніе Московской «литературы, носящее на себѣ печать изданія «книгопродавцевъ *«пятнадцатаго класса»* «приводитъ насъ въ невольный трепетъ». «Блаженный г. Орловъ...» Что значитъ *блаженный Орловъ?* О! конечно: если блаженство состоитъ въ спокойствіи духа, не возмущаемаго ни завистью, ни корыстолюбіемъ; въ чистой совѣсти, не запятнанной ни плутнями, ни лживыми доносами; въ честномъ и благородномъ трудѣ; въ смиренномъ развитіи дарованія, даннаго отъ Бога: то добрый и небогатый Орловъ блаженъ, и не станетъ завидовать ни богатству плута, ни чинамъ негодяя, ни извѣстности шарлатана!!! Если же слово *блаженный* употреблено въ смыслѣ, коего здѣсь изъяснять не стану, то удивляюсь охотѣ нѣкоторыхъ людей, старающихся представлять смѣшными вещи, вовсе не смѣшныя, и которыя даже не могутъ извинять неприличія мысли остроуміемъ или веселостію оборота».

Насмѣшка надъ книгопродавцами пятнадцатаго класса обличаетъ аристократію чиновныхъ издателей, нѣкогда осмѣянную такъ называемыми аристократическими писателями. Повторимъ истину, столь же неоспоримую, какъ и нравственныя размышленія Г-на Булгарина: «чины не даютъ ни честности плуту, ни ума глупцу, ни дарованія задорному маракѣ. Фильдингъ и Лабрюеръ не были ни Статскими Совѣтниками, ни даже Коллежскими Ассесорами. Разночинцы, вышедшіе въ дворянство, могутъ быть почтенными писателями, если только они люди съ дарованіемъ, образованностію и добросовѣстностію, а не фигляры и не наглецы».

Надѣюсь, что сей умѣренный мой отзывъ будетъ послѣднимъ, и что почтенные издатели Сѣверной Пчелы, Сына Отечества и Сѣвернаго Архива не вызовутъ меня снова на поприще, на которомъ являюсь рѣдко, но не безъ успѣха, какъ изволите видѣть. Я человѣкъ миролюбивый, но всегда готовъ заступиться за моего друга; я не похожу на того Китайскаго журналиста, который, потакая своему товарищу и въ глаза выхваляя его бредни, говоритъ на ухо всякому: «этотъ пачкунъ и мерзавецъ ссоритъ меня со всѣми порядочными людьми, маретъ меня своимъ товариществомъ; но что дѣлать? онъ человѣкъ дѣловой и расторопный!»

Между тѣмъ, полагаю себя въ правѣ объявить о существованіи романа, коего заглавіе прилагаю здѣсь. Онъ поступитъ въ печать или останется въ рукописи, *смотря по обстоятельствамъ*:

НАСТОЯЩІЙ ВЫЖИГИНЪ.

Историко-нравственно-сатирическій романъ XIX вѣка.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I. Рожденіе Выжигина въ кудлашкиной канурѣ. Воспитаніе ради Христа.—Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизонъ.—Глава III. Драка въ кабакѣ. Ваше Благородіе! Дайте опохмелиться!—Глава IV. Дружба съ Евсеемъ. Фризовая шинель. Кража. Бѣгство.—Глава V. Ubi bene, ibi patria.—Глава VI. Московскій пожаръ. Выжигинъ грабитъ Москву.—Глава VII. Вы-

жигинъ перебѣгаетъ.—Глава VIII. Выжигинъ безъ куска хлѣба. Выжигинъ ябедникъ. Выжигинъ торгашъ.—Глава IX. Выжигинъ игрокъ. Выжигинъ и отставной квартальный.—Глава X. Встрѣча Выжигина съ Высухинымъ.—Глава XI. Веселая компанія. Курьезный куплетъ и письмо-анонимъ къ знатной особѣ.—Глава XII. Танта. Выжигинъ попадается въ дураки.—Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бѣдный племянничекъ! Ай да дядюшка!—Глава XIV. Господинъ и г-жа Выжигины покупаютъ на трудовыя денежки деревню и съ благодарностію объявляютъ о томъ почтеннѣйшей публикѣ.—Глава XV. Семейственныя непріятности. Выжигинъ ищетъ утѣшенія въ бесѣдѣ музъ и пишетъ пасквили и доносы.—Глава XVI. Видокъ или маску долой!—Глава XVII. Выжигинъ раскаевается и дѣлается порядочнымъ человѣкомъ.—Глава XVIII и послѣдняя. Мышь въ сырѣ.

Θ. Косичкинъ.

---

948. ВСѢМЪ ИЗВѢСТНО, ЧТО ФРАНЦУЗЫ НАРОДЪ САМЫЙ АНТИ-ПОЭТИЧЕСКІЙ.

Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый анти-поэтическій. Славнѣйшіе представители сего остроумнаго и положительнаго народа: *Монтанъ, Монтескье, Вольтеръ*, доказали это. Монтань, путешествовавшій по Италіи, не упоминаетъ ни о Микель-Анджело, ни о Рафаэлѣ; Монтескье смѣется надъ Гомеромъ; Вольтеръ, кромѣ Расина и Горація, кажется, не понялъ ни одного поэта... Если обратимъ вниманіе на критическіе результаты, обращающіеся въ народѣ и принятые за литературные аксіомы, то мы изумимся ихъ бѣдности...

Ламартинъ скучнѣе [Юма? Юнга? Юго т. е. Гюга!] и не имѣетъ его глубины. Не знаю, признались ли они въ тощемъ однообразіи, въ вялой безцвѣтности своего Ламартина, но тому лѣтъ десять—его ставили наравнѣ съ Байрономъ и Шекспиромъ.

---

949. [О КНИГѢ А. Н. МУРАВЬЕВА: ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ СВ. МѢСТАМЪ].

Въ 1829 году авторъ находился въ главной квартирѣ Дибича.—За Балканами остановились русскія войска; начались переговоры, военныя дѣйствія прекратились. Вниманіе Европы было обращено на Адріанополь, гдѣ рѣшалась судьба Греціи, цѣлыя 8 лѣтъ занимавшей помышленія просвѣщеннаго міра.—Греція оживала. Могущественная помощь Сѣвера возвращала ей независимость и самобытность.

Во время переговоровъ, среди торжествующаго нашего стана, въ виду смятеннаго Константинополя, одинъ молодой поэтъ думалъ о Іерусалимѣ, о св. храмѣ, нынѣ забытомъ христіанскою Европою для суетныхъ развалинъ Парѳенона и Ликея. Ему представилась возможность исполнить давнее желаніе, любимую мечту отрочества. Г. М. [Муравьевъ] черезъ Г. Дибича получилъ дозволеніе посѣтить св. мѣста и отправился къ нимъ черезъ Константинополь и Александрію. Нынѣ издалъ онъ свои путевыя записки.

Съ умиленіемъ и невольной завистью прочли мы книгу Г-на М[уравьева]. Здѣсь нѣтъ, говоритъ другой русскій путешественникъ... Но молодаго нашего соотечественника привлекло туда не суетное желаніе обрести краски для поэтическаго романа, не безпокойное любопытство, (не надежда) найти насильственныя впечатлѣнія для сердца усталаго и притупленнаго. Онъ посѣтилъ св. мѣста, какъ вѣрующій, какъ смиренный, простодушный крестоносецъ, жаждущій повергнуться въ прахъ предъ гробомъ Христа Спасителя. Онъ traverse Грецію,... préoccupé одною великою мыслію; онъ не старается, какъ Ш[атобріанъ], воспользоваться противоположностью миѳологій Библіи и Одиссеи; онъ не останавливается, онъ спѣшитъ, онъ мимоходомъ бесѣдуетъ съ..... преобразователемъ Египта, проникаетъ въ глубину пирамидъ, проникаетъ въ пустыню, оживленную черными шатрами бедуиновъ и верблюдами каравановъ, вступаетъ въ обѣтованную землю, наконецъ, съ высоты вдругъ видитъ Іерусалимъ...

---

950. МОСКВА БЫЛА ОСВОБОЖДЕНА.

Москва была освобождена Пожарскимъ, польское войско удалилось; король Шведскій думалъ о замиреніи. Послѣдняя опора Марины, Заруцкій, злодѣйствовалъ въ отдаленномъ краю Россіи. Отечество отдохнуло и стало думать объ избраніи себѣ новаго царя. Выборные люди отъ всего государства стеклись въ разоренную Москву и приступили къ великому дѣлу. Долго не могли рѣшиться, помнили горькія послѣд-

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
МУРАВЬЕВЪ.

ствія двухъ недавнихъ выборовъ. Многіе бояре не уступали въ знатности родамъ Шуйскихъ и Годуновыхъ; каждый думалъ о себѣ или о родственникѣ; вдругъ, посреди преній и всеобщаго недоумѣнія, произнесено было имя Михаила Романова.

Михаилъ Ѳедоровичъ былъ сынъ знаменитаго боярина Ѳедора Никитича, нѣкогда сосланнаго царемъ Борисомъ и неволею постриженнаго въ монахи, въ царствованіе Лжедимитрія <1605> изъ монастырскаго заточенія возведеннаго на степень митрополита ростовскаго и прославившаго свое иноческое имя въ исторіи нашего отечества. Отецъ Ѳедора Никитича, Никита Романовичъ, (былъ женатъ) на сестрѣ царя Іоанна Васильевича и, (слѣдовательно), юный Михаилъ по женскому колѣну происходилъ отъ Рюрика, ибо родная бабка его, супруга Никиты Романовича, была родная сестра царя Іоанна Васильевича. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ испыталъ онъ превратности судьбы. Младенцемъ раздѣлялъ онъ заточеніе съ матерію своею, Ксеніею Ивановной, въ 1600 году подъ именемъ инокини Марѳы постриженной въ пустынномъ Онежскомъ монастырѣ.

Лжедимитрій <опредѣливъ имъ приличное роду ихъ содержаніе>, перевелъ ихъ въ костромской Ипатскій монастырь.

---

951. [О ПРИКАЗАХЪ].

Приказы: *Надворный* вѣдалъ дѣла переносныя <cour de la cassation>; *Расправная палата* <сенатъ>; *Золотая палата* <вѣдала службу дворянъ>; *Приказъ Посольскій*, кромѣ дѣлъ иностранныхъ, вѣдалъ таможни, аптеки, врачей. *Приказъ Большія Казны*—Департаментъ удѣловъ. *Земскій*—Управа Благочинія Московская. *Житный*, *Бронный*, *Монастырскій*, *Стрѣлецкій*, *Пушкарскій*, *Ямской*, *Холопій*; *Казанскій дворецъ* вѣдалъ царства Астраханское, Казанское и Сибирское; *Каменный приказъ*, учрежденный Годуновымъ, вѣдалъ постройку каменныхъ зданій. Сверхъ того временные приказы, напр. *Приказъ о прекращеніи разбоевъ*.

При удѣльныхъ князьяхъ *тіуны*, судьи, посадники, *волостели*, тысяцкіе.

Городничій—*Дворской*.

Губернскій предводитель—*воевода*, впослѣдствіи Главный уѣздный судья, губной

староста, судія, цѢловальникъ—засѢдатель уѢзднаго суда, *объѣздной*—исправникъ. «*Прикащикъ*»—*посадскій*—предсѢдатель городской думы. *Помѣстный прикащикъ* — дворянскій предводитель, <сбивчиво, дурно>.

---

952. [ТЕРМИНЫ СОКОЛИНОЙ ОХОТЫ].

[Изъ «Урядника» царя Алексѣя Михайловича].

Семеновскій потѣшный дворъ.

Свѣтлица для выдерживанія птицъ.

Челигъ—самецъ, дикомыть—самка.

Оленья перчатка.

Обносцы—ремешки оленьи съ краснымъ сукномъ.

Кречетъ больше и сѣрѣе сокола. Соколъ посизѣе.

Должникъ—въ два аршина ремень сыромятный.

Вабилъ, свабило—гусиныя крылья съ сырымъ мясомъ для вабки.

Шалгачъ—мѣшокъ для живой птицы.

Пущенная птица—для обученія сокола.

Дербинички напущаютъ попарну—одинъ снизу, другой сверху <*дермлички*>.

Колокольчикъ привязанъ къ ногѣ, коли соколъ отбудетъ, то начинаетъ чесаться, etc.

Дермлички съ *кречетомъ*, *копчикъ* съ соколомъ.

Вертлугъ желѣзный—на немъ вертится вабило.

Помычики—ловчіе крестьяне.

Стулъ—гдѣ спачала сидятъ кречеты.

Толунбасы—родъ барабана для пуганья птицъ.

Помцы } сѣти.
Тайникъ }

Съ Благовѣщенія ихъ подымаютъ, т.-е. на руки берутъ, до Петрова дня (учать). Учатъ сокола, заступивъ посъ воронѣ. Соколъ бьетъ ее когтями, за голову носомъ, глотку... добудетъ (грачей, галокъ, воронъ, голубей, утку).

Вечеровое поле.

Зарьялъ, зарьялъ—отъ зноя утомился.

Юрчакъ — конвульція, *корчъ* — болѣзнь сокола.

Чины: *Ястребникъ*,
Сокольникъ—унтеръ-офицеръ,
Кречетникъ.
Начальники: *Статейничій*, главный.
Подъ-статейничій.
Секрет[*арь*]: Расходчикъ.

ИСТОРІЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1834.

Съ дозволенія Правительства.

Въ Типографіи И Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сей историческій отрывокъ составляетъ часть труда, мною оставленнаго. Въ немъ собрано все, что было обнародовано Правительствомъ касательно Пугачева, и то, что показалось мнѣ достовѣрнымъ въ иностранныхъ писателяхъ, говорившихъ о немъ. Также имѣлъ я случай пользоваться нѣкоторыми рукописями, преданіями и свидѣтельствомъ живыхъ.

Дѣло о Пугачевѣ, донынѣ нераспечатанное, находилось въ Государственномъ Санктпетербургскомъ Архивѣ, вмѣстѣ съ другими важными бумагами, нѣкогда таинами Государственными, нынѣ превращенными въ Историческіе матеріалы. Государь Императоръ по своемъ восшествіи на престолъ приказалъ привести ихъ въ порядокъ. Сіи сокровища вынесены были изъ подваловъ, гдѣ нѣсколько наводненій посѣтило ихъ и едва не уничтожило.

Будущій Историкъ, коему позволено будетъ распечатать дѣло о Пугачевѣ, легко исправитъ и дополнитъ мой трудъ— конечно, несовершенный, но добросовѣстный. Историческая страница, на которой встрѣчаются имена Екатерины, Румянцова, двухъ Паниныхъ, Суворова, Бибикова, Михельсона и Державина не должна быть затеряна для потомства.

А. Пушкинъ.

2-го ноября 1833.
Село Болдино.

Мнѣ кажется, сего вора всѣхъ замысловъ и похожденій не только посредственному, но ниже самому превосходнѣйшему Историку порядочно описать едва ли бы удалось; коего всѣ затѣи не отъ разума и вопискаго распорядка, но отъ дерзости, случая и удачи зависѣли. Почему и самъ Пугачевъ <думаю> подробностей оныхъ не только разсказать, но нарочитой части припомнить не въ состояніи, поелику не отъ его одного непосредственно, но отъ многихъ его сообщниковъ полной воли и удальства въ разныхъ вдругъ мѣстахъ происходили.

Архимандритъ Платонъ Любарскій.

ПУГАЧЕВЪ.

Гравюра, приложенная Пушкинымъ къ изд. 1834 г. Подлинникъ, съ котораго сдѣлана гравюра Пушкинскаго изданія, см. дальше (отдѣльный листъ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало Яицкихъ Казаковъ. — Поэтическое преданіе. — Царская Грамота. — Грабежи на Каспійскомъ морѣ.—Стенька Разинъ.—Нечай и Шамай. — Предположенія Петра Великаго.—Внутреннія безпокойства. — Побѣгъ кочующаго народа. — Бунтъ Яицкихъ Казаковъ.—Ихъ усмиреніе.

Яикъ, по указу Екатерины II переименованный въ Уралъ, выходитъ изъ горъ, давшихъ ему нынѣшнее его названіе; течетъ къ югу вдоль ихъ цѣпи до того мѣста, гдѣ нѣкогда положено было основаніе Оренбургу и гдѣ теперь находится Орская крѣпость; тутъ, раздѣливъ каменистый хребетъ ихъ, поворачиваетъ на западъ и, протекши болѣе двухъ тысячъ пятисотъ верстъ, впадаетъ въ Каспійское море. Онъ орошаетъ часть Башкиріи, составляетъ почти всю юго-восточную границу Оренбургской губерніи; справа примыкаютъ къ нему заволжскія степи; слѣва простираются печальныя пустыни, гдѣ кочуютъ орды дикихъ племенъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ Киргизъ-Кайсаковъ. Его теченіе быстро; мутныя волны напол-

нены рыбою всякаго рода; берега большею частію глинистые, песчаные и безлѣсные, но въ мѣстахъ поемныхъ удобные для скотоводства. Близъ устья обросъ онъ высокимъ камышемъ, гдѣ кроются кабаны и тигры.

На сей-то рѣкѣ, въ XV столѣтіи, явились Донскіе Казаки, разъѣзжавшіе по Хвалынскому морю [1]). Они зимовали на ея берегахъ, въ то время еще покрытыхъ лѣсомъ и безопасныхъ по своему уединенію; весною снова пускались въ море, разбойничали до глубокой осени и къ зимѣ возвращались на Яикъ. Подаваясьвсе вверхъ съ одного мѣста на другое, наконецъ они избрали себѣ постояннымъ мѣстопребываніемъ урочище Коловратное, въ шестидесяти верстахъ отъ нынѣшняго Уральска.

Въ сосѣдствѣ новыхъ поселенцевъ кочевали нѣкоторыя Татарскія семейства, отдѣлившіяся отъ улусовъ Золотой Орды и искавшія привольныхъ пажитей на берегахъ того же Яика. Сначала оба племени враждовали между собою, но въ послѣдствіи времени вошли въ дружелюбныя сношенія: казаки стали получать женъ изъ Татарскихъ улусовъ. Сохранилось поэтическое преданіе: казаки, страстные къ холостой жизни, положили между собой убивать приживаемыхъ дѣтей, а женъ бросать при выступленіи въ новый походъ. Одинъ изъ ихъ Атамановъ, по имени *Гуня*, первый преступилъ жестокій законъ, пощадивъ молодую жену, и казаки, по примѣру Атамана, покорились игу семейственной жизни. Донынѣ просвѣщенныя и гостепріимныя жители Уральскихъ береговъ пьютъ на своихъ пирахъ за здоровье бабушки Гунихи [2]).

Живя набѣгами, окруженные непріязненными племенами, казаки чувствовали необходимость въ сильномъ покровительствѣ, и въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича послали отъ себя въ Москву просить Государя, чтобы Онъ принялъ ихъ подъ свою высокую руку. Поселеніе казаковъ на безхозяйномъ Яикѣ могло казаться завоеваніемъ, коего важность была очевидна. Царь обласкалъ новыхъ подданныхъ, и пожаловалъ имъ грамоту [3]) на рѣку Яикъ, отдавъ имъ ее отъ вершины до устья и дозволя имъ *набираться на житье вольными людьми*.

Число ихъ часъ-отъ-часу умножалось. Они продолжали разъѣзжать по Каспійскому морю, соединялись тамъ съ Донскими казаками, вмѣстѣ нападали на торговыя Персидскія суда, и грабили приморскія селенія. Шахъ жаловался Царю. Изъ Москвы посланы были на Донъ и Яикъ увѣщевательныя грамоты.

Казаки на лодкахъ, еще нагруженныхъ добычею, поѣхали Волгою въ Нижній-Новгородъ; оттолѣ отправились въ Москву, и явились ко Двору съ повинною головою, каждый неся топоръ и плаху. Имъ велѣно было ѣхать въ Польшу и подъ Ригу, заслуживать тамъ свои вины; а на Яикъ посланы были Стрѣльцы, въ послѣдствіи времени составившіе съ казаками одно племя.

Стенька Разинъ посѣтилъ Яицкія жилища. По свидѣтельству лѣтописей, казаки приняли его какъ непріятеля. Городокъ ихъ былъ взятъ симъ отважнымъ мятежникомъ, а Стрѣльцы, тамъ находившіеся, побиты или потоплены [4]).

Преданіе, согласное съ Татарскимъ Лѣтописцемъ, относитъ къ тому же времени походы двухъ Яицкихъ Атамановъ, Нечая и Шамая [5]). Первый, набравъ вольницу, отправился въ Хиву, въ надеждѣ на богатую добычу. Счастіе ему благопріятствовало. Совершивъ трудный путь, казаки достигли Хивы. Ханъ съ войскомъ своимъ находился тогда на войнѣ. Нечай овладѣлъ городомъ безъ всякаго препятствія; но зажился въ немъ, и поздно выступилъ въ обратный походъ. Обремененные добычею, казаки были настигнуты возвратившимся Ханомъ, и на берегу Сыръ-Дарьи разбиты и истреблены. Не болѣе трехъ возвратилось на Яикъ, съ объявленіемъ о погибели храбраго Нечая. Нѣсколько лѣтъ послѣ, другой Атаманъ, по прозванію Шамай, пустился по его слѣдамъ. Но онъ попался въ плѣнъ степнымъ Калмыкамъ, а казаки его отправились далѣе, сбились съ дороги, на Хиву не попали и пришли къ Аральскому морю, на которомъ принуждены были зимовать. Ихъ постигнулъ голодъ. Несчастные бродяги убивали и ѣли другъ друга. Большая часть погибла. Остальные послали, наконецъ, отъ себя къ Хивинскому Хану просить, чтобы онъ ихъ принялъ и спасъ отъ голодной смерти. Хивинцы пріѣхали за ними, забрали всѣхъ и отвели рабами въ свой городъ. Тамъ они и пропали. Шамай же, нѣсколько лѣтъ послѣ, привезенъ былъ Калмыками въ Яицкое войско, вѣроятно, для размѣна. Съ тѣхъ поръ у казаковъ охота къ дальнимъ походамъ охладѣла. Они мало-по-малу привыкли къ жизни семейной и гражданственной.

Яицкіе казаки послушно несли службу по наряду Московскаго Приказа, но дома сохраняли первоначальный образъ упра-

вленія своего. Совершенное равенство правъ; Атаманы и Старшины, избираемые народомъ, временные исполнители народныхъ постановленій; круги, или совѣщанія, гдѣ каждый казакъ имѣлъ свободный голосъ и гдѣ всѣ общественныя дѣла рѣшены были большинствомъ голосовъ; никакихъ письменныхъ постановленій; *въ куль да въ воду*—за измѣну, трусость, убійство и воровство: таковы главныя черты сего управленія [6]). Къ простымъ и грубымъ учрежденіямъ, еще принесеннымъ ими съ Дона, Яицкіе казаки присовокупляли и другія, мѣстныя, относящіяся къ рыболовству, главному источнику ихъ богатства, и къ праву нанимать на службу требуемое число казаковъ, учрежденія чрезвычайно сложныя и опредѣленныя съ величайшею утонченностію [7]).

Петръ Великій принялъ первыя мѣры для введенія Яицкихъ казаковъ въ общую систему Государственнаго Управленія. Въ 1720 году Яицкое войско отдано было въ вѣдомство Военной Коллегіи. Казаки возмутились, сожгли свой городокъ, съ намѣреніемъ — бѣжать въ Киргизскія степи, но были жестоко усмирены Полковникомъ Захаровымъ. Сдѣлана была имъ перепись, опредѣлена служба, и назначено жалованье. Государь самъ назначилъ Войсковаго Атамана.

Въ царствованіе Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны Правительство хотѣло исполнить предположенія Петра. Тому благопріятствовали возникшіе раздоры между Войсковымъ Атаманомъ Меркульевымъ и Войсковымъ Старшиною Логиновымъ, и раздѣленіе чрезъ то казаковъ на двѣ стороны: Атаманскую и Логиновскую, или народную. Въ 1740 году положено было преобразовать внутреннее управленіе Яицкаго войска, и Неплюевъ, бывшій въ то время Оренбургскимъ Губернаторомъ, представилъ въ Военную Коллегію проектъ новаго учрежденія; но большая часть предположеній и предписаній осталась безъ исполненія до восшествія на Престолъ Государыни Екатерины II.

Съ самаго 1762 года, стороны Логиновской Яицкіе казаки начали жаловаться на различныя притѣсненія, ими претерпѣваемыя отъ Членовъ Канцеляріи, учрежденной въ войскѣ Правительствомъ: на удержаніе опредѣленнаго жалованья, самовольные налоги и нарушеніе старинныхъ правъ и обычаевъ рыбной ловли. Чиновники, посылаемые къ нимъ для разсмотрѣнія ихъ жалобъ, не могли или не хотѣли ихъ удовлетворить. Казаки неоднократно возмущались, и Генералъ-Маіоры Потаповъ и Череповъ <первый въ 1766 году, а второй въ 1767> принуждены были прибѣгнуть къ силѣ оружія и къ ужасу казней. Въ Яицкомъ городкѣ учреждена была Слѣдственная Комиссія. Въ ней присутствовали Генералъ-Маіоры Потаповъ, Череповъ, Бримфельдъ и Давыдовъ, и Гвардіи Капитанъ Чебышевъ. Войсковой Атаманъ Андрей Бородинъ былъ отставленъ; на его мѣсто выбранъ Петръ Тамбовцевъ; Члены Канцеляріи осуждены уплатить войску, сверхъ удержанныхъ денегъ, значительную пеню; но они умѣли избѣгнуть исполненія приговора. Казаки не теряли надежды. Они покушались довести до свѣдѣнія Самой Императрицы справедливыя свои жалобы. Но тайно посланные отъ нихъ люди были, по повелѣнію Президента Военной Коллегіи, Графа Чернышева, схвачены въ Петербургѣ, заключены въ оковы и наказаны, какъ бунтовщики. Между тѣмъ, велѣно было нарядить нѣсколько сотъ казаковъ на службу въ Кизляръ. Мѣстное начальство воспользовалось и симъ случаемъ, дабы новыми притѣсненіями мстить народу за его сопротивленія. Узнали, что Правительство имѣло намѣреніе составить изъ казаковъ гусарскіе эскадроны, и что уже повелѣно брить имъ бороду. Генералъ-маіоръ Траубенбергъ, присланный для того въ Яицкой городокъ, навлекъ на себя народное негодованіе. Казаки волновались. Наконецъ, въ 1771 году, мятежъ обнаружился во всей своей силѣ.

Происшествіе, не менѣе важное, подало къ оному поводъ. Между Волгой и Яикомъ, по необозримымъ степямъ Астраханскимъ и Саратовскимъ, кочевали мирные Калмыки, въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія ушедшіе отъ границъ Китая подъ покровительство Бѣлаго Царя. Съ тѣхъ поръ они вѣрно служили Россіи, охраняя южныя ея границы. Русскіе Приставы, пользуясь ихъ простотою и отдаленностью отъ сосредоточія Правленія, начали ихъ угнетать. Жалобы сего смирнаго и добраго народа не доходили до высшаго начальства: выведенные изъ терпѣнія, они рѣшились оставить Россію, и тайно снеслись съ Китайскимъ Правительствомъ. Имъ не трудно было, не возбуждая подозрѣнія, прикочевать къ самому берегу Яика. И вдругъ, въ числѣ тридцати тысячь кибитокъ, они перешли на другую сторону и

потянулись по Киргизской степи къ предѣламъ прежняго отечества [8]). Правительство спѣшило удержать неожиданный побѣгъ. Яицкому войску велѣно было выступить въ погоню; но казаки <кромѣ весьма малаго числа> не послушались, и явно отказались отъ всякой службы.

Тамошніе начальники прибѣгнули къ строжайшимъ мѣрамъ, для прекращенія мятежа; но наказанія уже не могли смирить ожесточенныхъ. 13 Января 1771 года они собрались на площади, взяли изъ церкви иконы и пошли, подъ предводительствомъ казака Кирпичникова, въ домъ Гвардіи Капитана Дурнова, находившагося въ Яицкомъ городкѣ по дѣламъ Слѣдственной Комиссіи. Они требовали отрѣшенія Членовъ Канцеляріи и выдачи задержаннаго жалованья. Генералъ-Маіоръ Траубенбергъ пошелъ имъ на-встрѣчу съ войскомъ и пушками, приказывая разойтиться; но ни его повелѣнія, ни увѣщанія Войсковаго Атамана не имѣли никакого дѣйствія. Траубенбергъ велѣлъ стрѣлять; казаки бросились на пушки. Произошло сраженіе; мятежники одолѣли. Траубенбергъ былъ убитъ у воротъ своего дома, Дурновъ израненъ, Тамбовцевъ повѣшенъ, Члены Канцеляріи посажены подъ стражу, а на мѣсто ихъ учреждено новое начальство.

Мятежники торжествовали. Они отправили отъ себя выборныхъ въ Петербургъ, дабы объяснить и оправдать кровавое происшествіе. Между тѣмъ Генералъ-Маіоръ Фрейманъ посланъ былъ изъ Москвы, для ихъ усмиренія, съ одною ротой гренадеръ и съ артиллеріей. Фрейманъ весною прибылъ въ Оренбургъ, гдѣ дождался слитія рѣкъ и, взявъ съ собою двѣ легкія полевыя команды и нѣсколько казаковъ, пошелъ къ Яицкому городку [9]). Мятежники, въ числѣ трехъ тысячь, выѣхали противъ него; оба войска сошлись въ семидесяти верстахъ отъ города. 3 и 4 Іюня произошли жаркія сраженія. Фрейманъ картечью открылъ себѣ дорогу. Мятежники прискакали въ свои дома, забрали женъ и дѣтей, и стали переправляться черезъ рѣку Чаганъ, намѣреваясь бѣжать къ Каспійскому морю. Фрейманъ, вслѣдъ за ними вступивши въ городъ, успѣлъ удержать народъ угрозами и увѣщаніями. За ушедшими послана погоня, и почти всѣ были переловлены. Въ Оренбургѣ учредилась Слѣдственная Комиссія подъ предсѣдательствомъ Полковника Неронова. Множество мятежниковъ было туда отправлено. Въ тюрьмахъ недостало мѣста. Ихъ разсадили по лавкамъ Гостинаго и Мѣноваго дворовъ. Прежнее Казацкое правленіе было уничтожено. Начальство поручено Яицкому Коменданту, Подполковнику Симонову. Въ его Канцеляріи повелѣно присутствовать Войсковому Старшинѣ Мартемьяну Бородину и старшинѣ <простому> Мостовщикову. Зачинщики бунта наказаны были кнутомъ; около ста сорока человѣкъ сослано въ Сибирь; другіе отданы въ солдаты <NB всѣ бѣжали>; остальные прощены и приведены ко вторичной присягѣ. Сіи строгія и необходимыя мѣры возстановили наружный порядокъ; но спокойствіе было ненадежно: «То ли еще будетъ!» говорили прощенные мятежники: «такъ ли мы тряхнемъ Москвою»:— Казаки все еще были раздѣлены на двѣ стороны: согласную и несогласную <или, какъ весьма точно переводили слова сіи Военная Коллегія, на послушную и непослушную>. Тайныя совѣщанія происходили по степнымъ уметамъ [10]) и отдаленнымъ хуторамъ. Все предвѣщало новый мятежъ. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался.

КАЛМЫКЪ.

Изъ атласа, приложеннаго къ соч. Le Clerc, «Histoire de la Russie moderne». Paris, MDCCLXXV.

КИРГИЗЫ ВРЕМЕНЪ ПУГАЧЕВЩИНЫ.

(Изъ Путешествія Палласа «Reise durch Verschiedene Provinzen des Russ. Reichs» (т. I, Спб., 388).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Появленіе Пугачева. — Бѣгство его изъ Казани. — Показанія Кожевникова. — Первые успѣхи Самозванца. — Измѣна Илецкихъ казаковъ. — Взятіе крѣпости Разсыпной. — Нурали-Ханъ. — Распоряженіе Рейнсдорпа. — Взятіе Нижне-Озерной. — Взятіе Татищевой. — Совѣтъ въ Оренбургѣ. — Взятіе Чернорѣченской. — Пугачевъ въ Сакмарскѣ.

Въ смутное сіе время по казацкимъ дворамъ шатался неизвѣстный бродяга, нанимаясь въ работники то къ одному хозяину, то къ другому, и принимаясь за всякія ремесла [1]). Онъ былъ свидѣтелемъ усмиренія мятежа и казни зачинщиковъ, уходилъ на время въ Иргизскіе скиты; оттуда, въ концѣ 1772 года, посланъ былъ для закупки рыбы въ Яицкой городокъ, гдѣ и стоялъ у казака Дениса Пьянова. Отъ отличался дерзостію своихъ рѣчей, поносилъ Начальство, и подговаривалъ казаковъ бѣжать въ области Турецкаго Султана; онъ увѣрялъ, что и Донскіе казаки не замедлятъ за ними послѣдовать, что у него на границѣ заготовлено двѣсти тысячь рублей и товару на семьдесятъ тысячь, и что какой-то Паша, тотчасъ по приходѣ казаковъ, долженъ имъ выдать до пяти милліоновъ; покамѣстъ обѣщалъ онъ каждому по двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ жалованья. Сверхъ того сказывалъ онъ, будто бы противу Яицкихъ казаковъ изъ Москвы идутъ два полка и что около Рождества или Крещенія непремѣнно будетъ бунтъ. Нѣкоторые изъ послушныхъ хотѣли его поймать и представить, какъ возмутителя, въ Комендантскую Канцелярію; но онъ скрылся вмѣстѣ съ Денисомъ Пьяновымъ, и былъ пойманъ уже въ селѣ Малыковкѣ <что нынѣ Волгскъ> по указанію крестьянина, ѣхавшаго съ нимъ одною дорогой [2]). Сей бродяга былъ Емельянъ Пугачевъ, Донской казакъ и раскольникъ, пришедшій

съ ложнымъ письменнымъ видомъ изъ-за Польской границы, съ намѣреніемъ поселиться на рѣкѣ Иргизѣ, посреди тамошнихъ раскольниковъ. Онъ былъ отосланъ подъ стражею въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань; и какъ все, относящееся къ дѣламъ Яицкаго войска, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, могло казаться важнымъ, то Оренбургской Губернаторъ и почелъ за нужное увѣдомить о томъ Государственную Военную Коллегію, донесеніемъ отъ 18 Января 1773 года.

Яицкіе бунтовщики были тогда не рѣдки, и Казанское Начальство не обратило большаго вниманія на присланнаго преступника. Пугачевъ содержался въ тюрьмѣ не строже прочихъ невольниковъ. Между тѣмъ сообщники его не дремали. Однажды онъ, подъ стражею двухъ гарнизонныхъ солдатъ, ходилъ по городу, для собиранія милостыни. У Замочной рѣшетки <такъ называлась одна изъ главныхъ казанскихъ улицъ> стояла готовая тройка. Пугачевъ, подошедъ къ ней, вдругъ оттолкнулъ одного изъ солдатъ, его сопровождавшихъ; другой помогъ колоднику сѣсть въ кибитку, и вмѣстѣ съ нимъ ускакалъ изъ города. Это случилось 19 Іюня 1773 года. Три дня послѣ, въ Казани получено было утвержденное въ Петербургѣ рѣшеніе Суда, по коему Пугачевъ приговоренъ къ наказанію плетьми и къ ссылкѣ въ Пелымъ на каторжную работу [3]).

Пугачевъ явился на хуторахъ отставнаго казака Данилы Шелудякова, у котораго жилъ онъ прежде въ работникахъ. Тамъ производились тогда совѣщанія злоумышленниковъ.

Сперва дѣло шло о побѣгѣ въ Турцію: мысль издавна общая всѣмъ недовольнымъ казакамъ. Извѣстно, что въ царствованіе Анны Іоанновны, Игнатій Некрасовъ успѣлъ привести ее въ дѣйство и увлечь за собой множество Донскихъ казаковъ. Потомки ихъ донынѣ живутъ въ Турецкихъ областяхъ, сохраняя на чуждой имъ родинѣ вѣру, языкъ и обычаи прежняго своего отечества. Во время послѣдней Турецкой войны они дрались противу насъ отчаянно. Часть ихъ явилась къ Императору Николаю, уже переплывшему Дунай на Запорожской лодкѣ; такъ же, какъ остатокъ Сѣчи, они принесли повинную за своихъ отцевъ и возвратились подъ владычество законнаго своего Государя.

Но Яицкіе заговорщики слишкомъ привязаны были къ своимъ богатымъ, родимымъ берегамъ. Они, вмѣсто побѣга, положили быть новому мятежу. Самозванство показалось имъ надежною пружиною. Для сего нуженъ былъ только прошлецъ дерзкій и рѣшительный, еще не извѣстный народу. Выборъ ихъ палъ на Пугачева. Имъ не трудно было его уговорить. Они немедленно стали собирать себѣ сообщниковъ.

Военная Коллегія дала знать о побѣгѣ Казанскаго колодника во всѣ мѣста, гдѣ, по предположеніямъ, могъ онъ укрываться. Вскорѣ Подполковникъ Симоновъ узналъ, что бѣглеца видѣли на хуторахъ, находящихся около Яицкаго городка. Отряды были посланы для поимки Пугачева, но не имѣли въ томъ успѣха: Пугачевъ и его главные сообщники спасались отъ поиска, переходя съ одного мѣста на другое и часъ-отъ-часу умножая свою шайку. Между тѣмъ разнеслись странные слухи... Многіе казаки взяты были подъ стражу. Схватили Михайла Кожевникова, привели въ Комендантскую Канцелярію, и пыткою вынудили отъ него слѣдующія важныя показанія:

Въ началѣ Сентября находился онъ на своемъ хуторѣ, какъ пріѣхалъ къ нему Иванъ Зарубинъ и объявилъ за тайну, что великая особа находится въ ихъ краю. Онъ убѣждалъ Кожевникова скрыть ее на своемъ хуторѣ. Кожевниковъ согласился. Зарубинъ уѣхалъ, и въ ту же ночь передъ свѣтомъ возвратился съ Тимофеемъ Мясниковымъ и съ невѣдомымъ человѣкомъ, всѣ трое верхами. Незнакомецъ былъ росту средняго, широкоплечь и худощавъ. Черная борода его начинала сѣдѣть. Онъ былъ въ верблюжьемъ армякѣ, въ голубой Калмыцкой шапкѣ и вооруженъ винтовкою. Зарубинъ и Мясниковъ поѣхали въ городъ *для повѣстки народу*, а незнакомецъ, оставшись у Кожевникова, объявилъ ему, что онъ императоръ Петръ III [a]); что слухи о смерти его были ложны; что онъ, при помощи караульнаго офицера, ушелъ въ Кіевъ, гдѣ скрывался около года [b]); что потомъ былъ въ Царѣградѣ и тайно находился въ Русскомъ войскѣ во время послѣдней Турецкой войны; что оттуда явился онъ на Дону, и былъ потомъ схваченъ въ Царицынѣ, но вскорѣ освобожденъ вѣрными казаками; что въ прошломъ году находился онъ на Иргизѣ и въ Яицкомъ городкѣ, гдѣ былъ снова пойманъ и отведенъ въ Казань; что часовой, подкупленный за семьсотъ рублей неизвѣстнымъ купцомъ, освободилъ его снова; что послѣ подъѣзжалъ онъ къ Яицкому городку, но узнавъ черезъ одну женщину о

строгости, съ каковою нынѣ требуются и осматриваются паспорты, воротился на Сызранскую дорогу, по косѣ скитался нѣсколько времени, пока наконецъ съ Таловинскаго умета взятъ Зарубинымъ и Мясниковымъ и привезенъ къ Кожевникову. Высказавъ нелѣпую повѣсть, самозванецъ сталъ объяснять свои предположенія. Онъ намѣренъ былъ обнаружить себя по выступленіи казацкаго войска на *плавню* <осеннее рыболовство>, въ избѣжаніе сопротивленія со стороны гарнизона и *напраснаго кровопролитія*. Во время же плавни хотѣлъ онъ явиться посреди казаковъ, связать Атамана, итти прямо въ Яицкой городокъ, овладѣть имъ и учредить заставы по всемъ дорогамъ, дабы никуда преждевременно не дошло о немъ извѣстія. Въ случаѣ же неудачи, думалъ онъ *броситься въ Русь*, увлечь ее всю за собою, повсюду поставить новыхъ Судей <ибо въ нынѣшнихъ, по его словамъ, присмотрѣна имъ многая неправда>, и возвести на престолъ Государя Великаго Князя. *Самъ же я*, говорилъ онъ, *уже царствовать не желаю*. Пугачевъ на хуторѣ Кожевникова находился три дня; Зарубинъ и Мясниковъ пріѣхали за нимъ, и увезли его на Усихину Розсашь, гдѣ и намѣренъ онъ былъ скрываться до самой плавни. Кожевниковъ, Коноваловъ и Кочуровъ проводили его.

Взятіе подъ стражу Кожевникова и казаковъ, замѣшанныхъ въ его показаніи, ускорило ходъ происшествій. 18 Сентября Пугачевъ съ Будоринскаго [4]) форпоста пришелъ подъ Яицкой городокъ съ толпою, изъ трехъ-сотъ человѣкъ состоявшею, и остановился въ трехъ верстахъ отъ города, за рѣкой Чаганомъ.

Въ городѣ все пришло въ смятеніе. Недавно усмиренные жители начали перебѣгать на сторону новыхъ мятежниковъ. Симоновъ выслалъ противъ Пугачева пятьсотъ казаковъ, подкрѣпленныхъ нѣхотою, и съ двумя пушками. Двѣсти казаковъ при Капитанѣ Крыловѣ отряжены были впередъ. Къ нимъ выѣхалъ навстрѣчу казакъ, держа надъ головою возмутительное письмо отъ самозванца [c]). Казаки потребовали, чтобы письмо было имъ прочтено. Крыловъ тому противился. Произошелъ мятежъ и половина отряда тутъ же передалась на сторону самозванца и потащила за собою шестьдесятъ вѣрныхъ казаковъ, ухватя за узды ихъ лошадей. Видя измѣну въ своемъ отрядѣ, Наумовъ возвратился въ городъ. Захваченные казаки приведены были къ Пугачеву, и одиннадцать изъ нихъ, по приказанію его, повѣшены. Сіи первыя его жертвы были, Сотники: Витошновъ, Чертороговъ, Раневъ и Коноваловъ; пятидесятники: Руженниковъ, Толстовъ, Подъячевъ и Колпаковъ; рядовые: Сидоровкинъ, Ларзяневъ и Чукалинъ.

На другой день Пугачевъ приблизился къ городу; но при видѣ выходящаго противъ него войска, сталъ отступать, разсыпавъ по степи свою шайку. Симоновъ не преслѣдовалъ его, ибо казаковъ не хотѣлъ отрядить, опасаясь отъ нихъ измѣны; а нѣхоту не смѣлъ отдалить отъ города, коего жители готовы были взбунтоваться. Онъ донесъ обо всемъ Оренбургскому Губернатору, Генералъ-Поручику Рейнсдорпу, требуя отъ него легкаго войска для преслѣдованія Пугачева. Но прямое сообщеніе съ Оренбургомъ было уже пресѣчено, и донесеніе Симонова дошло до Губернатора не прежде, какъ черезъ недѣлю.

Съ шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачевъ пошелъ прямо къ Илецкому городку [5]) и послалъ начальствовавшему въ немъ Атаману Портнову повеленіе—выдти къ нему навстрѣчу и съ нимъ соединиться. Онъ обѣщалъ казакамъ пожаловать ихъ крестомъ и бородою <Илецкіе какъ и Яицкіе казаки были всѣ старовѣрцы>, рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностію, угрожая местью въ случаѣ непослушанія. Вѣрный своему долгу, Атаманъ думалъ сопротивляться; но казаки связали его и приняли Пугачева съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью. Пугачевъ повѣсилъ Атамана, три дня праздновалъ побѣду, и взявъ съ собою всѣхъ Илецкихъ казаковъ и городскія пушки, пошелъ на крѣпость Разсыпную [6]).

Крѣпости, въ томъ краю выстроенныя, были не что иное, какъ деревни, окруженныя плетнемъ или деревяннымъ заборомъ. Нѣсколько старыхъ солдатъ и тамошнихъ казаковъ, подъ защитой двухъ или трехъ пушекъ, были въ нихъ безопасны отъ стрѣлъ и копій дикихъ племенъ, разсѣянныхъ по степямъ Оренбургской губерніи и около ея границъ. 24 Сентября Пугачевъ напалъ на Разсыпную. Казаки и тутъ измѣнили. Крѣпость была взята. Комендантъ, Маіоръ Веловскій, нѣсколько офицеровъ и одинъ Священникъ были повѣшены, а гарнизонная рота и полтораста казаковъ присоединены къ мятежникамъ.

Слухъ о самозванцѣ быстро распро-

странялся. Еще съ Будоринскаго форпоста, Пугачевъ писалъ къ Киргизъ-Кайсакскому Хану, именуя себя Государемъ Петромъ III и требуя отъ него сына въ заложники и ста человѣкъ вспомогательнаго войска. Нурали-Ханъ подъѣзжалъ къ Яицкому городку подъ видомъ переговоровъ съ начальствомъ, коему предлагалъ онъ свои услуги. Его благодарили и отвѣчали, что надѣются управиться съ мятежниками безъ его помощи. Ханъ послалъ Оренбургскому Губернатору Татарское письмо самозванца съ первымъ извѣстіемъ о его появленіи. «Мы, люди живущіе на степяхъ,—писалъ Нурали къ Губернатору,—не знаемъ, кто сей, разъѣзжающій по берегу: обманщикъ ли, или настоящій Государь? Посланный отъ насъ воротился, объявивъ, что того развѣдать не могъ, а что борода у того человѣка русая». Присемъ, пользуясь обстоятельствами, Ханъ требовалъ отъ Губернатора возвращенія амапатовъ, отогнаннаго скота и выдачи бѣжавшихъ изъ орды рабовъ. Рейнсдорпъ спѣшилъ отвѣчать, что кончина Императора Петра III извѣстна всему Свѣту; что самъ онъ видѣлъ Государя во гробѣ и цѣловалъ его мертвую руку. Онъ увѣщевалъ Хана, въ случаѣ побѣга самозванца въ Киргизскія степи, выдать его Правительству, обѣщая за то милость Императрицы. Прошенія Хана были исполнены. Между тѣмъ Нурали вошелъ въ дружескія сношенія съ самозванцемъ, не переставая увѣрять Рейнсдорпа въ своемъ усердіи къ Императрицѣ, а Киргизы стали готовиться къ набѣгамъ.

Вслѣдъ за извѣстіемъ Хана получено было въ Оренбургѣ донесеніе Яицкаго Коменданта, посланное черезъ Самару. Вскорѣ потомъ пришло и донесеніе Веловскаго о взятіи Илецкаго городка. Рейнсдорпъ поспѣшилъ принять мѣры къ прекращенію возникающаго зла. Онъ предписалъ Бригадиру Барону Билову выступить изъ Оренбурга съ четырьмя стами солдатъ пѣхоты и конницы и съ шестью полевыми орудіями, и идти къ Яицкому городку, забирая по дорогѣ людей съ форпостовъ и изъ крѣпостей. Командиру Верхне-Озерной дистанціи [7]), Бригадиру Барону Корфу велѣлъ какъ можно скорѣе идти къ Оренбургу; Подполковнику Симонову отрядить Маіора Наумова съ полевой командой и съ казаками для соединенія съ Биловымъ; Ставропольской Канцеляріи [8]) велѣно было выслать къ Симонову пятьсотъ вооруженныхъ Калмыковъ, а ближайшимъ Башкирцамъ и Татарамъ собраться какъ можно скорѣе и, въ числѣ тысячи человѣкъ, идти навстрѣчу Наумову. Ни одно изъ сихъ распоряженій не было исполнено. Биловъ занялъ Татищеву крѣпость и двинулся было на Озерную, но, въ пятнадцати верстахъ отъ оной, услышавъ ночью пушечные выстрѣлы, отступилъ, полагая крѣпость уже взятою Пугачевымъ. Рейнсдорпъ вторично приказалъ ему спѣшить на пораженіе бунтовщиковъ; Биловъ не послушался и остался въ Татищевой. Корфъ отговаривался отъ похода подъ различными предлогами. Вмѣсто пяти сотъ вооруженныхъ Калмыковъ, не собралось ихъ и трехъ сотъ, и тѣ бѣжали съ дороги. Башкирцы и Татары не слушались предписанія. Маіоръ же Наумовъ и Войсковой Старшина Бородинъ, выступивъ изъ Яицкаго городка, шли издали по слѣдамъ Пугачева и 3 октября прибыли въ Оренбургъ степною стороною, не видавъ непріятеля.

Изъ Разсыпной Пугачевъ пошелъ на Нижне-Озерную [9]). На дорогѣ встрѣтилъ онъ Капитана Сурина, высланнаго на помощь Веловскому Комендантомъ Нижне-Озерной, Маіоромъ Харловымъ. Пугачевъ его повѣсилъ, а рота пристала къ мятежникамъ. Узнавъ о приближеніи Пугачева, Харловъ отправилъ въ Татищеву молодую жену свою, дочь тамошняго Коменданта Елагина, а самъ приготовился къ оборонѣ. Казаки его измѣнили и ушли къ Пугачеву. Харловъ остался съ малымъ числомъ престарѣлыхъ солдатъ. Ночью на 26 Сентября вздумалъ онъ, для ихъ ободренія, палить изъ двухъ своихъ пушекъ, и сіи-то несчастные выстрѣлы остановили Билова, шедшаго къ нему на помощь. Утромъ Пугачевъ показался передъ крѣпостью. Онъ ѣхалъ впереди своего войска. «Берегись, Государь,» сказалъ ему старый казакъ: «неравно изъ пушки убьютъ.» — «Старый ты человѣкъ,» отвѣчалъ самозванецъ: «развѣ пушки льются на Царей?»—Харловъ бѣгалъ отъ одного солдата къ другому, и приказывалъ стрѣлять. Никто не слушался. Онъ схватилъ фитиль, выпалилъ изъ одной пушки и кинулся къ другой. Въ сіе время бунтовщики заняли крѣпость, бросились на единственнаго ея защитника и изранили его. Полумертвый, онъ думалъ отъ нихъ откупиться, и повелъ ихъ къ избѣ, гдѣ было спрятано его имущество. Между тѣмъ за крѣпостью уже ставили висѣлицу; передъ нею сидѣлъ Пугачевъ, принимая присягу жителей и гар-

низона. Къ нему привели Харлова, обезумленнаго отъ ранъ и истекающаго кровью. Глазъ, вышибенный копьемъ, висѣлъ у него на щекѣ Пугачевъ велѣлъ его казнить, и съ нимъ Прапорщиковъ Фигнера и Кабалерова, одного писаря и Татарина Бикбая. Гарнизонъ сталъ просить за своего добраго коменданта; но Яицкіе казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни одинъ изъ страдальцевъ не оказалъ малодушія. Магометанинъ Бикбай, взошедъ на лѣстницу, перекрестился и самъ надѣлъ на себя петлю [10]). На другой день Пугачевъ выступилъ [d]) и пошелъ на Татищеву [11]).

Въ сей крѣпости начальствовалъ Полковникъ Елагинъ. Гарнизонъ былъ умноженъ отрядомъ Билова, искавшаго въ ней своей безопасности. Утромъ 27 Сентября Пугачевъ показался на высотахъ, ее окружающихъ. Всѣ жители видѣли, какъ онъ разставилъ тамъ свои пушки и самъ направилъ ихъ на крѣпости. Мятежники подъѣхали къ стѣнамъ, уговаривая гарнизонъ—*не слушаться бояръ* и сдаться добровольно. Имъ отвѣчали выстрѣлами. Они отступили. Безполезная пальба продолжалась съ полудня до вечера; въ то время скирды сѣна, находившіяся близъ крѣпости, загорѣлись, подожженныя осаждающими. Пожаръ быстро достигнулъ деревянныхъ укрѣпленій. Солдаты бросились тушить огонь. Пугачевъ, пользуясь смятеніемъ, напалъ съ другой стороны. Крѣпостные казаки ему передались. Раненный Елагинъ и самъ Биловъ оборонялись отчаянно. Наконецъ мятежники ворвались въ дымящіяся развалины. Начальники были захвачены. Билову отсѣкли голову. Съ Елагина, человѣка тучнаго, содрали кожу; злодѣи вынули изъ него сало и мазали имъ свои раны. Жену его изрубили. Дочь ихъ, накануѣ овдовѣвшая Харлова, приведена была къ побѣдителю, распоряжавшему казнію ея родителей. Пугачевъ пораженъ былъ ея красотою, и взялъ несчастную къ себѣ въ наложницы, пощадивъ для нея семилѣтняго ея брата. Вдова Маіора Веловскаго, бѣжавшая изъ Разсыпной, также находилась въ Татищевой; ее удавили. Всѣ офицеры были повѣшены. Нѣсколько солдатъ и Башкирцевъ выведены въ поле и разстрѣлены картечью. Прочіе острижены по-казацки и присоединены къ мятежникамъ. Тринадцать пушекъ достались побѣдителю.

Извѣстія объ успѣхахъ Пугачева приходили въ Оренбургъ одно за другимъ. Едва Веловскій успѣлъ донести о взятіи Илецкаго городка, уже Харловъ доносилъ о взятіи Разсыпной; вслѣдъ затѣмъ Биловъ, изъ Татищевой, извѣщалъ о взятіи Нижне-Озерной; Маіоръ Крузе, изъ Чернорѣченской, о пальбѣ, происходящей подъ Татищевой. Наконецъ <28-го Сентября>, триста человѣкъ Татаръ, насилу собранные и отправленные къ Татищевой, возвратились съ дороги съ извѣстіемъ объ участи Билова и Елагина. Рейнсдорпъ, испуганный быстротою пожара, собралъ совѣтъ изъ главныхъ Оренбургскихъ чиновниковъ, и слѣдующія мѣры были имъ утверждены:

1) Всѣ мосты черезъ Сакмару разломать, и пустить внизъ по рѣкѣ.

2) У Польскихъ конфедератовъ, содержащихся въ Оренбургѣ, отобрать оружіе, и отправить ихъ въ Троицкую крѣпость подъ строжайшимъ присмотромъ.

3) Разночинцамъ, имѣющимъ оружіе, назначить мѣста для защищенія города, отдавъ ихъ въ распоряженіе Оберъ-Коменданту, Генералъ-Маіору Валленштерну; прочимъ находиться въ готовности, въ случаѣ пожара, и быть подъ начальствомъ Таможеннаго Директора Обухова.

4) Сентовскихъ Татаръ перевести въ городъ и поручить начальство надъ ними Коллежскому Совѣтнику Тимашеву.

5) Артиллерію отдать въ распоряженіе Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Старову-Милюкову, служившему нѣкогда въ Артиллеріи.

Сверхъ сего, Рейнсдорпъ, думая уже о безопасности самаго Оренбурга, приказалъ Оберъ-Коменданту исправить городскія укрѣпленія, и привести въ оборонительное состояніе. Гарнизонамъ же малыхъ крѣпостей, еще невзятыхъ Пугачевымъ, велѣно было идти въ Оренбургъ, зарывая или потопляя тяжести и порохъ.

Изъ Татищевой, 29 Сентября, Пугачевъ пошелъ на Чернорѣченскую [12]). Въ сей крѣпости оставалось нѣсколько старыхъ солдатъ при Капитанѣ Нечаевѣ, заступившемъ мѣсто Коменданта, Маіора Крузе, который скрылся въ Оренбургъ. Они сдались безъ сопротивленія. Пугачевъ повѣсилъ Капитана, по жалобѣ крѣпостной его дѣвки.

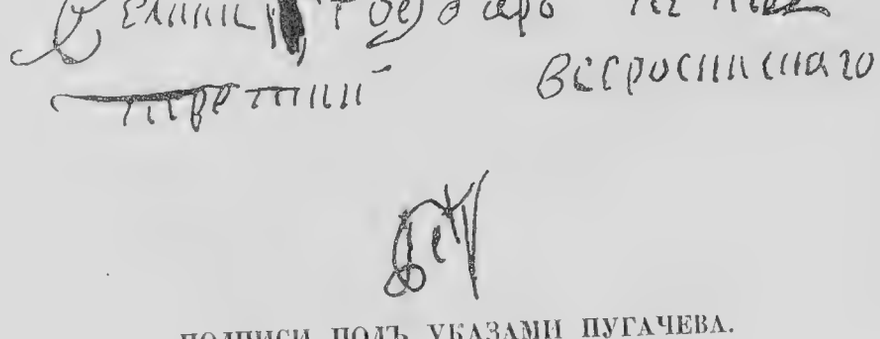
Пугачевъ, оставя Оренбургъ вправѣ, пошелъ къ Сакмарскому городку [13]), коего жители ожидали его съ нетерпѣніемъ.—1-го Октября, изъ Татарской деревни Карчале, поѣхалъ онъ туда въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ. Очевидецъ описы-

ваетъ его прибытіе слѣдующимъ образомъ [14]).

«Въ крѣпости у станичной избы постланы были ковры, и поставленъ столъ съ хлѣбомъ и солью. Попъ ожидалъ Пугачева съ крестомъ и съ святыми иконами. Когда въѣхалъ онъ въ крѣпость, начали звонить въ колокола; народъ снялъ шапки, и когда самозванецъ сталъ сходить съ лошади, при помощи двухъ изъ его казаковъ, подхватившихъ его подъ руки, тогда всѣ пали ницъ. Онъ приложился ко кресту, хлѣбъ-соль поцѣловалъ, и сѣвъ на уготовленный стулъ, сказалъ: *вставайте, отпушки.* Потомъ всѣ цѣловали его руки.—Пугачевъ освѣдомился о городскихъ казакахъ. Ему отвѣчали: что иные на службѣ, другіе съ ихъ Атаманомъ, Данпломъ Донскимъ, взяты въ Оренбургъ, и что только двадцать человѣкъ оставлены для почтовой гоньбы, но и тѣ скрылись. Онъ обратился къ Священнику, и грозно приказалъ ему отыскать ихъ, примолвя: *ты попъ, такъ будь и Атаманъ; ты и всѣ жители отвѣчаете мнѣ за нихъ своими головами.*—Потомъ поѣхалъ онъ къ Атаманову отцу, у котораго былъ ему приготовленъ обѣдъ. *Если бы твой сынъ былъ здѣсь*, сказалъ онъ старику, *то ваша обѣдъ былъ бы высокъ и честенъ; но хлѣбъ-соль твоя помрачилась. Какой онъ Атаманъ, коли мѣсто свое покинулъ?*—Послѣ обѣда, пьяный, онъ велѣлъ было казнить хозяина; но бывшіе при немъ казаки упросили его; старикъ былъ только закованъ и посаженъ на одну ночь въ станичную избу подъ караулъ. На другой день сысканные казаки представлены были Пугачеву. Онъ обошелся съ ними ласково, и взялъ съ собою. Они спросили его: сколько прикажетъ взять припасовъ? *Возьмите*, отвѣчалъ онъ, *краюшку хлѣба; вы проводите меня только до Оренбурга.*—Въ сіе время Башкирцы, присланные отъ Оренбургскаго Губернатора, окружили городъ. Пугачевъ къ нимъ выѣхалъ, и безъ бою взялъ всѣхъ въ свое войско. На берегу Сакмары повѣсилъ онъ шесть человѣкъ» [15]).

Въ тридцати верстахъ отъ Сакмарскаго городка находилась крѣпость Пречистенская. Лучшая часть ея гарнизона была взята Биловымъ на походѣ его къ Татищевой. Одинъ изъ отрядовъ Пугачева занялъ ее безъ сопротивленія. Офицеры и гарнизонъ вышли на встрѣчу побѣдителямъ. Самозванецъ по своему обыкновенію принялъ солдатъ въ свое войско и въ первый разъ оказалъ позорную милость офицерамъ.

Пугачевъ усиливался: прошло двѣ недѣли со дня, какъ явился онъ подъ Яицкимъ городкомъ съ горстью бунтовщиковъ, и ужъ онъ имѣлъ до трехъ тысячъ пѣхоты и конницы и болѣе двадцати пушекъ. Семь крѣпостей были имъ взяты или сдались ему. Войско его съ-часу-на часъ умножалось неимовѣрно. Онъ рѣшился пользоваться счастіемъ, и 3 Октября, ночью, подъ Сакмарскимъ городкомъ перешелъ рѣку черезъ мостъ, уцѣлѣвшій вопреки распоряженіямъ Рейнсдорпа, и потянулся къ Оренбургу.



ПОДПИСИ ПОДЪ УКАЗАМИ ПУГАЧЕВА.

(Изъ приложеній къ изданію 1834 года).

ВЫРЫВАНІЕ НОЗДРЕЙ.

Съ акварели XVIII вѣка, принадлежавшей П. Я. Дашкову.
(Дмитріевъ-Мамоновъ, «Пугачевскій Бунтъ»).

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Мѣры правительства. — Состояніе Оренбурга. — Объявленіе Рейнсдорпа о Пугачевѣ. — Разбойникъ Хлопуша.—Пугачевъ подъ Оренбургомъ.—Бердская слобода.—Сообщники Пугачева.—Генералъ-Маіоръ Каръ.—Его неудача.—Гибель Полковника Чернышева.—Каръ оставляетъ армію.—Бибиковъ.

Оренбургскія дѣла принимали худой оборотъ. Съ часу на часъ ожидали общаго возмущенія Яицкаго войска; Башкирцы, взволнованные своими Старшинами (которыхъ Пугачевъ успѣлъ задарить верблюдами и товарами, захваченными у Бухарцевъ) начали нападать на Русскія селенія и кучами присоединяться къ войску бунтовщиковъ. Служивые Калмыки бѣжали съ форпостовъ. Мордва, Чуваши, Черемисы перестали повиноваться Русскому Начальству. Господскіе крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу, и вскорѣ не только Оренбургская, но и пограничныя съ нею губерніи пришли въ опасное колебаніе.

Губернаторы, Казанскій—фонъ-Брантъ, Сибирскій — Чичеринъ и Астраханскій — Кречетниковъ, вслѣдъ за Рейнсдорпомъ, извѣстили Государственную Военную Коллегію о Яицкихъ происшествіяхъ. Императрица съ безпокойствомъ обратила вниманіе на возникающее бѣдствіе. Тогдашнія обстоятельства сильно благопріятствовали безпорядкамъ. Войска отовсюду были отвлечены въ Турцію и въ волнующуюся Польшу. Строгія мѣры, принятыя по всей Россіи для прекращенія недавно свирѣпствовавшей чумы, производили въ черни общее негодованіе. Рекрутскій наборъ усиливалъ затрудненія. Повелѣно было нѣсколькимъ ротамъ и эскадронамъ изъ Москвы, Петербурга, Новагорода и Бахмута наскоро слѣдовать въ Казань. Начальство надъ ними поручено Генералъ-Маіору Кару, отличившемуся въ Польшѣ твердымъ исполненіемъ строгихъ предпи-

саній Начальства. Онъ находился въ Петербургѣ, при пріемѣ рекрутъ. Ему велѣно было сдать свою бригаду Генералъ-Маіору Пашкину [d]) и спѣшить къ мѣстамъ, угрожаемымъ опасностію. Къ нему присоединили Генералъ-Маіора Фрейманa, уже усмирявшаго разъ Яицкое войско, и хорошо знавшаго театръ новыхъ безпорядковъ. Начальникамъ окрестныхъ губерній велѣно было, съ ихъ стороны, дѣлать нужныя распоряженія. Манифестомъ отъ 15 Октября Правительство объявляло народу о появленіи самозванца, увѣщевая обольщенныхъ отстать заблаговременно отъ преступнаго заблужденія [1]).

Обратимся къ Оренбургу.

Въ семъ городѣ находилось до трехъ тысячъ войска и до семидесяти орудій. Съ таковыми средствами можно и должно было уничтожить мятежниковъ. Къ несчастію, между военными начальниками не было ни одного, знавшаго свое дѣло. Оробѣвъ съ самаго начала, они дали время Пугачеву усилиться, и лишили себя средствъ къ наступательнымъ движеніямъ. Оренбургъ претерпѣлъ бѣдственную осаду, коей любопытное изображеніе сохранено самимъ Рейнсдорпомъ [2]).

Нѣсколько дней появленіе Пугачева было тайною для Оренбургскихъ жителей; но молва о взятіи крѣпостей вскорѣ разошлась по городу, а поспѣшное выступленіе Билова [3]) подтвердило справедливые слухи. Въ Оренбургѣ оказалось волненіе; казаки съ угрозами роптали; устрашенные жители говорили о сдачѣ города. Схваченъ былъ зачинщикъ смятенія, отставной сержантъ [4]), подосланный Пугачевымъ. Въ допросѣ онъ показалъ, что имѣлъ намѣреніе заколоть Губернатора. Въ селеніяхъ около Оренбурга начали показываться возмутители. Рейнсдорпъ обнародовалъ объявленіе о Пугачевѣ, въ коемъ объяснялъ его настоящее званіе и прежнія преступленія [5]). Оно было писано темнымъ и запутаннымъ слогомъ. Въ немъ было сказано, что о *злодѣйствующемъ съ Яицкой стороны носится слухъ, яко бы онъ другова состоянія, нежели какъ есть*; но что онъ въ самомъ дѣлѣ Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, за прежнія преступленія наказанный кнутомъ съ поставленіемъ на лицѣ знаковъ. Сіе показаніе было несправедливо [6]). Рейнсдорпъ повѣрилъ ложному слуху, и мятежники потомъ торжествовали, укоряя его въ клеветѣ [7]).

Казалось, всѣ мѣры, предпринимаемыя Рейнсдорпомъ, обращались ему во вредъ. Въ Оренбургскомъ острогѣ содержался тогда въ оковахъ злодѣй, извѣстный подъ именемъ Хлопуши. Двадцать лѣтъ разбойничалъ онъ въ тамошнихъ краяхъ; три раза ссылаемъ былъ въ Сибирь и три раза находилъ способъ уходить. Рейнсдорпъ вздумалъ [8]) употребить смышленаго каторжника, и черезъ него переслать въ шайку Пугачевскую увѣщевательные манифесты. Хлопуша клялся въ точности исполнить его порученія. Онъ былъ освобожденъ, явился прямо къ Пугачеву и вручилъ ему самому всѣ Губернаторскія бумаги. «Знаю, братецъ, что тутъ написано,» сказалъ безграмотный Пугачавъ, и подарилъ ему полтину денегъ и платье недавно повѣшеннаго Киргизца. Хорошо зная край, на который такъ долго наводилъ ужасъ своими разбоями, Хлопуша сдѣлался ему необходимъ. Пугачевъ наименовалъ его Полковникомъ, и поручилъ ему грабежъ и возмущеніе заводовъ. Хлопуша оправдалъ его довѣренность. Онъ пошелъ по рѣкѣ Сакмарѣ, возмущая окрестныя селенія; явился на Бугульчанской и Стерлитамацкой пристаняхъ, и на Уральскихъ заводахъ, и переслалъ оттолѣ Пугачеву пушки, ядра и порохъ, умножа свою шайку приписными крестьянами и Башкирцами, товарищами его разбоевъ.

5 Октября Пугачевъ со своими силами расположился лагеремъ на казачьихъ лугахъ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга. Онъ тотчасъ двинулся впередъ и подъ пушечными выстрѣлами поставилъ одну батарею на паперти церкви у самаго предмѣстія, а другую въ загородномъ Губернаторскомъ домѣ. Онъ отступилъ, отбитый сильною пальбою. Въ тотъ же день, по приказанію Губернатора, предмѣстіе было выжжено. Уцѣлѣла одна только изба и Георгіевская церковь. Жители переведены были въ городъ, и имъ обѣщано вознагражденіе за весь убытокъ. Начали очищать ровъ, окружающій городъ, а валъ обносить рогатками.

Ночью около всего города запылали скирды заготовленнаго на зиму сѣна. Губернаторъ не успѣлъ перевезти оное въ городъ. Противъ зажигателей <уже на другой день утромъ> выступилъ Маіоръ Наумовъ <только что прибывшій изъ Яицкаго городка>. Съ нимъ было тысяча пятьсотъ человѣкъ конницы и пѣхоты. Встрѣченный пушками, онъ перестрѣливался и отступилъ безо всякаго успѣха. Его солдаты робѣли, а казакамъ онъ не довѣрялъ.

Рейнсдорпъ собралъ опять совѣтъ изъ военныхъ и гражданскихъ своихъ чинов-

никовъ и требовалъ отъ нихъ письменнаго мнѣнія: выступить ли еще противъ злодѣя, или подъ защитой городскихъ укрѣпленій ожидать прибытія новыхъ войскъ? На семъ совѣтѣ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Старовъ-Милюковъ одинъ объявилъ мнѣніе, достойное военнаго человѣка: *идти противу бунтовщиковъ*. Прочіе боялись новою неудачею привести жителей въ опасное уныніе, и только думали защищаться. Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласился и Рейнсдорпъ.

8 Октября мятежники выѣхали грабить Мѣновой Дворъ, находившійся въ трехъ верстахъ отъ города [9]). Высланный противу нихъ отрядъ прогналъ ихъ, убивъ на мѣстѣ двѣсти человѣкъ и захвативъ до ста шестнадцати. Рейнсдорпъ, желая воспользоваться симъ случаемъ, нѣсколько ободрившимъ его войско, хотѣлъ на другой день выступить противъ Пугачева; но всѣ начальники единогласно донесли ему, что на войско никакимъ образомъ положиться было невозможно: солдаты, приведенные въ уныніе и недоумѣніе, сражались неохотно; а казаки на самомъ мѣстѣ сраженія могли соединиться съ мятежниками, и слѣдствія ихъ измѣны были бы гибелью для Оренбурга. Рейнсдорпъ не зналъ, что дѣлать [10]). Онъ кое-какъ успѣлъ однакожъ уговорить и усовѣстить своихъ подчиненныхъ, и 12 Октября Наумовъ вывелъ опять изъ города свое ненадежное войско.

Сраженіе завязалось. Артиллерія Пугачева была превосходнѣе числомъ вывезенной изъ города. Оренбургскіе казаки, съ непривычки, робѣли ядеръ и жались къ городу подъ прикрытіе пушекъ, разставленныхъ по валу. Отрядъ Наумова былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ многочисленными толпами. Онъ выстроился въ каре и началъ отступать, отстрѣливаясь отъ непріятеля. Сраженіе продолжалось четыре часа. Наумовъ убитыми, ранеными и бѣжавшими потерялъ сто семнадцать человѣкъ.

Не проходило дня безъ перестрѣлокъ. Мятежники толпами разъѣзжали около городскаго вала и нападали на фуражировъ. Пугачевъ нѣсколько разъ подступалъ подъ Оренбургъ со всѣми своими силами. Но онъ не имѣлъ намѣренія взять его приступомъ. «*Не стану тратить людей*,» говорилъ онъ Сакмарскимъ казакамъ, «*а выморю городъ моромъ*.» Не разъ находилъ онъ способъ доставлять жителямъ возмутительные свои листы. Схватили въ городѣ нѣсколько злодѣевъ, посланныхъ отъ самозванца: у нихъ находили порохъ и фитили.

Вскорѣ въ Оренбургѣ оказался недостатокъ въ сѣнѣ. У войска и у жителей худыя и къ работѣ неспособныя лошади были отобраны и отправлены частію къ Илецкой Защитѣ и къ Верхо-Яицкой крѣпости, частію въ Уфимской уѣздъ. Но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города лошади были захвачены бунтующими крестьянами и Татарами, а казаки, гнавшіе табунъ, отосланы къ Пугачеву.

Осенняя стужа настала ранѣе обыкновеннаго. Съ 14-го Октября начались уже морозы; 16-го выпалъ снѣгъ. 18-го Пугачевъ, зажегши свой лагерь, со всѣми тяжестями пошелъ обратно отъ Яика къ Сакмарѣ и расположился подъ Бердскою [11]) слободою, близъ лѣтней Сакмарской дороги, въ семи верстахъ отъ Оренбурга. Оттолѣ разъѣзды его не переставали тревожить городъ, нападать на фуражировъ и держать гарнизонъ во всегдашнемъ опасеніи.

2-го Ноября Пугачевъ со всѣми силами подступилъ опять къ Оренбургу, и поставя около всего города батареи, открылъ ужасный огонь. Съ городской стѣны отвѣчали ему тѣмъ же. Между тѣмъ человѣкъ тысяча изъ его пѣхоты, со стороны рѣки закравшись въ погреба выжженнаго предмѣстія, почти у самаго вала и рогатокъ, стрѣляли изъ ружей и сайдаковъ. Самъ Пугачевъ ими предводительствовалъ. Егери полевой команды выгнали ихъ изъ предмѣстія. Пугачевъ едва не попался въ плѣнъ. Вечеромъ огонь утихъ; но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часовъ Соборной церкви, дѣлая по выстрѣлу на каждый часъ.

На другой день огонь возобновился, не смотря на стужу и мятель. Мятежники въ церкви разложили огонь, натопили избу, уцѣлѣвшую въ выжженномъ предмѣстіи, и грѣлись поперемѣнно. Пугачевъ поставилъ пушку на паперти, а другую велѣлъ втащить на колокольню. Въ верстѣ отъ города находилась высокая мишень, служившая цѣлью во время артиллерійскихъ ученій. Мятежники устроили тамъ свою главную баттарею. Обоюдная пальба продолжалась цѣлой день. Ночью Пугачевъ отступилъ, претерпѣвъ незначительный уронъ и не сдѣлавъ вреда осажденнымъ [12]). Утромъ изъ города высланы были невольники, подъ прикрытіемъ казаковъ, срыть мишень и другія укрѣпленія, а избу раз-

ломать. Въ церкви, куда мятежники приносили своихъ раненыхъ, видны были на помостѣ кровавыя лужи. Оклады съ иконъ были ободраны, напрестольное одѣяніе въ лоскутьяхъ.....

Стужа усилилась. 6-го Ноября Пугачевъ съ Яицкими казаками перешелъ изъ своего новаго лагеря въ самую слободу. Башкирцы, Калмыки и заводскіе крестьяне остались на прежнемъ мѣстѣ, въ своихъ кибиткахъ и землянкахъ. Разъѣзды, нападенія и перестрѣлки не прекращались. Съ каждымъ днемъ силы Пугачева увеличивались. Войско его состояло уже изъ двадцати пяти тысячь; ядромъ онаго были Яицкіе казаки и солдаты, захваченные по крѣпостямъ; но около ихъ скоплялось неимовѣрное множество Татаръ, Башкирцевъ, Калмыковъ, бунтующихъ крестьянъ, бѣглыхъ каторжниковъ и бродягъ всякаго рода. Вся эта сволочь была кое-какъ вооружена, кто коньемъ, кто пистолетомъ, кто офицерскою шпагой. Инымъ розданы были штыки, наткнутые на длинныя палки; другіе носили дубины; большая часть не имѣла никакого оружія. Войско раздѣлено было на полки, состоящіе изъ пяти-сотъ человѣкъ. Жалованье получали одни Яицкіе казаки; прочіе довольствовались грабежемъ. Вино продавалось *отъ казны*. Кормъ и лошадей доставали отъ Башкирцевъ. За побѣгъ объявлена была смертная казнь. Десятникъ головою отвѣчалъ за своего бѣглеца. Учреждены были частые разъѣзды и караулы. Пугачевъ строго наблюдалъ за ихъ исправностію, самъ ихъ объѣзжая, иногда и ночью. Ученія <особенно артиллерійскія> происходили почти всякой день. Церковная служба отправлялась ежедневно. На ектеніи поминали государя Петра Ѳедоровича и Супругу Его Государыню Екатерину Алексѣевну. Пугачевъ, будучи раскольникомъ, въ церковь никогда не ходилъ. Когда ѣздилъ онъ по базару или по Бердскимъ улицамъ, то всегда бросалъ въ народъ мѣдными деньгами. Судъ и расправу давалъ сидя въ креслахъ, передъ своею избою. По бокамъ его сидѣли два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. Подходящіе къ нему кланялись въ землю, и перекрестясь, цѣловали его руку. Бердская слобода была вертепомъ убійствъ и распутства. Лагерь полонъ былъ офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ на поруганіе разбойникамъ. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами разстрѣлянныхъ, удавленныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ. Шайки разбойниковъ устремлялись во всѣ стороны, пьянствуя по селеніямъ, грабя казну и достояніе дворянъ, но не касаясь крестьянской собственности. Смѣльчаки подъѣзжали къ рогаткамъ Оренбургскимъ; иные, наткнувъ шапку на копье, кричали: *Господа казаки! пора вамъ одуматься и служить государю Петру Ѳедоровичу.* Другіе требовали, чтобы имъ выдали *Мартюшку Бородина* <Войсковаго Старшину, прибывшаго въ Оренбургъ изъ Яицкаго городка вмѣстѣ съ отрядомъ Наумова>, и звали казаковъ къ себѣ въ гости, говоря: *У нашего батюшки вина много!* Изъ города противу нихъ выѣзжали наѣздники, и завязывались перестрѣлки, иногда довольно жаркія. Нерѣдко самъ Пугачевъ являлся тутъ же, хвастая молодечествомъ. Однажды прискакалъ онъ пьяный, потерявъ шапку и шатаясь на сѣдлѣ,—и едва не попалъ въ плѣнъ. Казаки спасли его и утащили, подхвативъ его лошадь подъ уздцы [13]).

Пугачевъ не былъ самовластенъ. Яицкіе казаки, зачинщики бунта, управляли дѣйствіями прошлеца, не имѣвшаго другаго достоинства, кромѣ нѣкоторыхъ военныхъ познаній и дерзости необыкновенной. Онъ ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія; они же часто дѣйствовали безъ его вѣдома, а иногда и вопреки его воли. Они оказывали ему наружное почтеніе, при народѣ ходили за нимъ безъ шапокъ и били ему челомъ: но на-единѣ обходились съ нимъ какъ съ товарищемъ, и вмѣстѣ пьянствовали, сидя при немъ въ шапкахъ и въ одинѣхъ рубахахъ, и распѣвая бурлацкія пѣсни. Пугачевъ скучалъ ихъ опекою. *Улица моя тѣсна*, говорилъ онъ Денису Пьянову, пируя на свадьбѣ младшаго его сына [14]). Не терпя посторонняго вліянія на царя, ими созданнаго, они не допускали самозванца имѣть иныхъ любимцевъ и повѣренныхъ. Пугачевъ, въ началѣ своего бунта, взялъ къ себѣ в писаря сержанта Кармицкаго, простивъ его подъ самой висѣлицей. Кармицкій сдѣлался вскорѣ его любимцемъ. Яицкіе казаки, при взятіи Татищевой, удавили его и бросили съ камнемъ на шеѣ въ воду. Пугачевъ о немъ освѣдомился. *Онъ пошелъ*, отвѣчали ему, *къ своей матушкѣ внизъ по Яику.* Пугачевъ, молча, махнулъ рукой. Молодая Харлова имѣла несчастіе привязать къ себѣ самозванца. Онъ держалъ ее въ своемъ лагерѣ подъ Оренбургомъ. Она одна имѣла

АЛЕКСАНДРЪ ИЛЬИЧЪ БИБИКОВЪ.
Портретъ, принадлежащій А. С. Танѣеву.

право во всякое время входить въ его кибитку; по ея просьбѣ прислалъ онъ въ Озерную приказъ—похоронить тѣла имъ повѣшенныхъ при взятіи крѣпости. Она встревожила подозрѣнія ревнивыхъ злодѣевъ, и Пугачевъ, уступивъ ихъ требованію, предалъ имъ свою наложницу. Харлова и семилѣтній братъ ея были разстрѣляны. Раненые, они сползлись другъ съ другомъ и обнялись. Тѣла ихъ, брошенныя въ кусты, оставались долго въ томъ же положеніи.

Въ числѣ главныхъ мятежниковъ отличался Зарубинъ <онъ же и Чика>, съ самаго начала бунта сподвижникъ и пѣстунъ Пугачева. Онъ именовался Фельдмаршаломъ и былъ первый по самозванцѣ. Овчинниковъ, Шигаевъ, Лысовъ и Чумаковъ предводительствовали войскомъ. Всѣ они назывались именами вельможъ, окружавшихъ въ то время престолъ Екатерины: Чика—Графомъ Чернышевымъ, Шигаевъ—Графомъ Воронцовымъ, Овчинниковъ—Графомъ Панинымъ, Чумаковъ—Графомъ Орловымъ [15]). Отставной Артиллерійскій капралъ Бѣлобородовъ пользовался полною довѣренностію самозванца. Онъ вмѣстѣ съ Падуровымъ завѣдывалъ письменными дѣлами у безграмотнаго Пугачева, и ввелъ строгой порядокъ и повиновеніе въ шайкахъ бунтовщиковъ. Перфильевъ, при началѣ бунта находившійся

въ Петербургѣ по дѣламъ Яицкаго войска, обѣщался Правительству привести казаковъ въ повиновеніе и выдать самого Пугачева въ руки правосудія: но пріѣхавъ въ Берду, оказался изъ самыхъ ожесточенныхъ бунтовщиковъ, и соединилъ судьбу свою съ судьбою самозванца. Разбойникъ Хлопуша изъ-подъ кнута, клейменный рукою палача, съ ноздрями, вырванными до хрящей, былъ одинъ изъ любимцевъ Пугачева. Стыдясь своего безобразія, онъ носилъ на лицѣ сѣтку, или закрывался рукавомъ, какъ будто защищаясь отъ мороза [16]). Вотъ какіе люди колебали Государствомъ!

Каръ между тѣмъ прибылъ на границу Оренбургской губерніи. Казанскій Губернаторъ, еще до пріѣзда его, успѣлъ собрать нѣсколько сотъ гарнизонныхъ, отставныхъ и поселенныхъ солдатъ, и расположить ихъ частію около Кичуевскаго фельдшанца, частію по рѣкѣ Черемшану, на половинѣ дороги отъ Кичуева до Ставрополя. На Волгѣ находились человѣкъ тридцать рядовыхъ при одномъ офицерѣ, для поимки разбойниковъ: имъ велѣно было примѣчать за движеніями бунтовщиковъ. Брантъ писалъ въ Москву, къ Генералъ-Аншефу Князю Волконскому, требуя отъ него войска. Но Московскій гарнизонъ былъ весь отряженъ для отвода рекрутъ, а Томскій полкъ, находившійся въ Москвѣ, содержалъ караулы на заставахъ, учрежденныхъ въ 1771 году во время свирѣпствовавшей чумы. Князь Волконскій могъ отрядить только триста рядовыхъ при одной пушкѣ, и тотчасъ послалъ ихъ на подводахъ въ Казань.

Каръ предписалъ Симбирскому Коменданту, Полковнику Чернышеву, идущему по Самарской линіи къ Оренбургу, занять какъ можно скорѣе Татищеву. Онъ былъ намѣренъ, тотчасъ по прибытіи Генералъ-Маіора Фреймана, находившагося въ Калугѣ для пріема рекрутъ, послать его на подкрѣпленіе Чернышеву. Каръ не сомнѣвался въ успѣхѣ. «Опасаюсь только», писалъ онъ Графу З. Г. Чернышеву, «чтобы сіи разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились бы въ бѣгъ, не допустя до себя оныхъ, по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, отколь онѣ появились.» Онъ предвидѣлъ затрудненія только въ преслѣдованіи Пугачева, по причинѣ зимы и недостатка въ конницѣ.

Въ началѣ Ноября, не дождавшись ни артиллеріи, ни ста семидесяти гренадеръ, посланныхъ къ нему изъ Симбирска, ни высланныхъ къ нему изъ Уфы вооруженныхъ Башкирцевъ и Мещеряковъ, онъ сталъ подаваться впередъ. На дорогѣ, въ ста верстахъ отъ Оренбурга, онъ узналъ, что отряженный отъ Пугачева ссыльный разбойникъ Хлопуша, выливъ пушки на Овзяно-Петровскомъ [17]) заводѣ и возмутивъ приписныхъ крестьянъ и окрестныхъ Башкирцевъ, возвращается подъ Оренбургъ. Каръ поспѣшилъ пресѣчь ему дорогу и 7-го Ноября послалъ Секундъ-Маіора Шишкина съ четырьмя стами рядовыхъ и двумя пушками въ деревню Юзееву [18]), а самъ съ Генераломъ Фрейманомъ и Преміеръ-Маіоромъ Ф. Варистедомъ, только что подоспѣвшимъ изъ Калуги, выступилъ изъ Сарманаевой. Шишкинъ былъ встрѣченъ подъ самой Юзеевой шестью стами мятежниками. Татары и вооруженные крестьяне, бывшіе при немъ, тотчасъ передались. Шишкинъ однако разсѣялъ сію толпу нѣсколькими выстрѣлами. Онъ занялъ деревню, куда Каръ и Фрейманъ и прибыли въ четвертомъ часу ночи. Войско было такъ утомлено, что невозможно было даже учредить конные разъѣзды. Генералы рѣшились ожидать свѣта, чтобъ напасть на бунтовщиковъ, и на зарѣ увидѣли передъ собой ту же толпу. Мятежникамъ передали увѣщевательный Манифестъ; они его приняли, но отъѣхали съ бранью, говоря, что ихъ Манифесты правѣе, и начали стрѣлять изъ бывшей у нихъ пушки. Ихъ разогнали опять... Въ это время Каръ услышалъ у себя въ тылу четыре дальнихъ пушечныхъ выстрѣла. Онъ испугался и поспѣшно началъ отступать, полагая себя отрѣзаннымъ отъ Казани. Тутъ болѣе двухъ тысячь мятежниковъ наскакали со всѣхъ сторонъ и открыли огонь изъ девяти орудій. Пугачевъ самъ ими предводительствовалъ. Хлопуша успѣлъ съ нимъ соединиться. Разсыпавшись по полямъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла, они были внѣ всякой опасности. Конница Кара была утомлена и малочисленна. Мятежники, имѣя добрыхъ лошадей, при наступленіи нѣхотя отдалялись, проворно перевозя свои пушки съ одной горы на другую, и такимъ образомъ семнадцать верстъ сопровождали отступающаго Кара. Онъ цѣлыхъ восемь часовъ отстрѣливался изъ своихъ пяти пушекъ, бросилъ свой обозъ и потерялъ <если вѣрить его донесенію> не болѣе ста двадцати человѣкъ убитыми, ранеными и бѣжавшими. Башкирцы, ожидаемые изъ Уфы, не бывали; находившіеся въ недалѣ

немъ разстояніи, подъ начальствомъ Князя Уракова, бѣжали, заслыша пальбу. Солдаты, по большей части престарѣлые или рекруты, громко роптали и готовы были сдаться; молодые офицеры, не бывавшіе въ огнѣ, не умѣли ихъ ободрить. Гренадеры, отправленные на подводахъ изъ Симбирска при Поручикѣ Карташовѣ, ѣхали съ такой оплошностію, что даже ружья не были у нихъ заряжены, и каждый спалъ въ своихъ саняхъ. Они сдались съ четырехъ первыхъ выстрѣловъ, услышанныхъ Каромъ поутру изъ деревни Юзеевой.

Каръ потерялъ вдругъ свою самонадѣянность. Съ донесеніемъ о своемъ уронѣ, онъ представилъ Военной Коллегіи, что для пораженія Пугачева нужны не слабые отряды, а цѣлые полки, надежная конница и сильная артиллерія. Онъ немедленно послалъ повелѣніе Полковнику Чернышеву не выступать изъ Переволоцкой, и стараться въ ней укрѣпиться въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Но посланный къ Чернышеву не могъ уже его догнать.

11-го Ноября Чернышевъ выступилъ изъ Переволоцкой, и 13-го въ ночь прибылъ въ Чернорѣченскую. Тутъ онъ получилъ отъ двухъ Илецкихъ казаковъ, приведенныхъ Самарскимъ Атаманомъ, извѣстіе о разбитіи Кара и о взятіи ста семидесяти гренадеръ. Въ истинѣ послѣдняго показанія Чернышевъ не могъ усомниться: гренадеры были отправлены имъ самимъ изъ Симбирска, гдѣ они находились при отводѣ рекрутъ. Онъ не зналъ, на что рѣшиться: отступить ли къ Переволоцкой, или спѣшить къ Оренбургу, куда наканунѣ отправилъ онъ донесеніе о своемъ приближеніи. Въ сіе время явились къ нему пять казаковъ и одинъ солдатъ, которые, какъ увѣряли, бѣжали изъ Пугачевскаго стана. Между ними находился казацкій Сотникъ и Депутатъ [19]) Падуровъ. Онъ увѣрилъ Чернышева въ своемъ усердіи, представя въ доказательство свою Депутатскую медаль, и совѣтовалъ немедленно идти къ Оренбургу, вызываясь провести его безопасными мѣстами. Чернышевъ ему повѣрилъ, и въ тотъ же часъ, безъ барабаннаго бою, выступилъ изъ Чернорѣченской. Падуровъ велъ его горами, увѣряя, что передовые караулы Пугачева далеки, и что если на разсвѣтѣ они его увидятъ, то опасность уже минуется и онъ безпрепятственно успѣетъ вступить въ Оренбургъ. Утромъ Чернышевъ пришелъ къ Сакмарѣ и при урочищѣ Маякѣ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга, началъ переправляться по льду. Съ нимъ было тысяча пятьсотъ солдатъ и казаковъ, пятьсотъ Калмыковъ и двѣнадцать пушекъ. Капитанъ Ружевскій переправился первый съ артиллеріей и легкимъ войскомъ; онъ тотчасъ, взявъ съ собой трехъ казаковъ, отправился въ Оренбургъ и явился къ Губернатору съ извѣстіемъ о прибытіи Чернышева.—Въ самое сіе время въ Оренбургѣ услышали пушечную пальбу, которая черезъ четверть часа и умолкла... Нѣсколько времени спустя, Рейнсдорпъ получилъ извѣстіе, что весь отрядъ Чернышева взятъ и ведется въ лагерь Пугачева.

Чернышевъ былъ обманутъ Падуровымъ, который привелъ его прямо къ Пугачеву. Мятежники вдругъ на него бросились и овладѣли артиллеріей. Казаки и Калмыки измѣнили. Пѣхота, утомленная стужею, голодомъ и ночнымъ переходомъ, не могла сопротивляться. Все было захвачено. Пугачевъ повѣсилъ Чернышева [e]), тридцать шесть офицеровъ, одну Прапорщицу и Калмыцкаго Полковника [20]), оставшагося вѣрнымъ своему несчастному Начальнику.

Въ то же самое время Бригадиръ Корфъ вступалъ въ Оренбургъ съ двумя тысячами четырьмя стами человѣкъ войска и съ двадцатью орудіями. Пугачевъ напалъ и на него: но былъ отраженъ городскими казаками.

Оренбургское Начальство казалось обезумленнымъ отъ ужаса. 14-го Ноября Рейнсдорпъ, не подавъ наканунѣ никакой помощи отряду несчастнаго Чернышева, вздумалъ сдѣлать сильную вылазку. Все войско, бывшее въ городѣ <включая тутъ же и вновь прибывшій отрядъ>, было выведено въ поле, подъ предводительствомъ Оберъ-Коменданта. Бунтовщики, вѣрные своей системѣ, сражались издали и вразсыпную, производя безпрестанный огонь изъ многочисленныхъ своихъ орудій. Изпуренная городская конница не могла имѣть и надежды на успѣхъ. Валленштернъ принужденъ былъ составить каре и отступить, потерявъ тридцать два человѣка [21]). Въ тотъ же день Маіоръ Варпстедъ, отряженный Каромъ на Ново-Московскую дорогу, встрѣченъ былъ сильнымъ отрядомъ Пугачева, и поспѣшно отступилъ, потерявъ до двухъ-сотъ человѣкъ убитыми.

Получивъ извѣстіе о взятіи Чернышева, Каръ совершенно упалъ духомъ и думалъ уже не о побѣдѣ надъ презрѣннымъ бунтовщикомъ, но о собственной безопасности. Онъ донесъ обо всемъ Военной Кол-

легіи, самовольно отказался отъ начальства, подъ предлогомъ болѣзни, далъ нѣсколько умныхъ совѣтовъ насчетъ образа дѣйствій противу Пугачева, и оставя свое войско на попеченіе Фрейману, уѣхалъ въ Москву, гдѣ появленіе его произвело общій ропотъ. Императрица, строгимъ указомъ, повелѣла его исключить изъ службы [22]). Съ того времени жилъ онъ въ своей деревнѣ, гдѣ и умеръ въ началѣ царствованія Императора Александра [f]).

Императрица видѣла необходимость взять сильныя мѣры противъ возрастающаго зла. Она искала надежнаго военачальника и выбрала Генералъ-Аншефа Бибикова.—Александръ Ильичъ Бибиковъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ Екатерининскихъ временъ, столь богатыхъ людьми знаменитыми. Въ молодыхъ еще лѣтахъ онъ успѣлъ уже отличиться на поприщѣ войны и гражданственности. Онъ служилъ съ честью въ семилѣтнюю войну, и обратилъ на себя вниманіе Фридриха Великаго. Важныя порученія были на него возлагаемы: въ 1763 году посланъ онъ былъ въ Казань, для усмиренія взбунтовавшихся заводскихъ крестьянъ. Твердостію и благоразумною кротостію вскорѣ возстановилъ онъ порядокъ. Въ 1766 году, когда составлялась Комиссія Новаго Уложенія, онъ предсѣдательствовалъ въ Костромѣ на выборахъ; самъ былъ избранъ Депутатомъ и потомъ назначенъ въ Предводители всего Собранія. Въ 1771 году онъ назначенъ былъ, на мѣсто Генералъ-Поручика Веймарна, Главнокомандующимъ въ Польшу, гдѣ въ скоромъ времени успѣлъ не только устроить упущенныя дѣла, но и пріобрѣсти любовь и довѣренность побѣжденныхъ [g]).

Въ эпоху, нами описываемую, находился онъ въ Петербургѣ. Сдавъ недавно главное начальство надъ завоеванною Польшею Генералъ-Поручику Романіусу, онъ готовился ѣхать въ Турцію, служить при Графѣ Румянцовѣ. Бибиковъ былъ холодно принятъ Императрицею, дотолѣ всегда къ нему благосклонною. Можетъ быть, Она была недовольна нескромными словами, вынужденными у него досадою; ибо, усердный на дѣлѣ и душою преданный Государынѣ, Бибиковъ былъ брюзгливъ и смѣлъ въ своихъ сужденіяхъ. Но Екатерина умѣла властвовать надъ своими предубѣжденіями. Она подошла къ нему, на придворномъ балѣ, съ прежнею ласковой улыбкой, и милостиво съ нимъ разговаривая, объявила ему новое его назначеніе. Бибиковъ отвѣчалъ, что онъ посвятилъ себя на службу отечеству, и тутъ же привелъ слова простонародной пѣсни, примѣнивъ ихъ къ своему положенію:

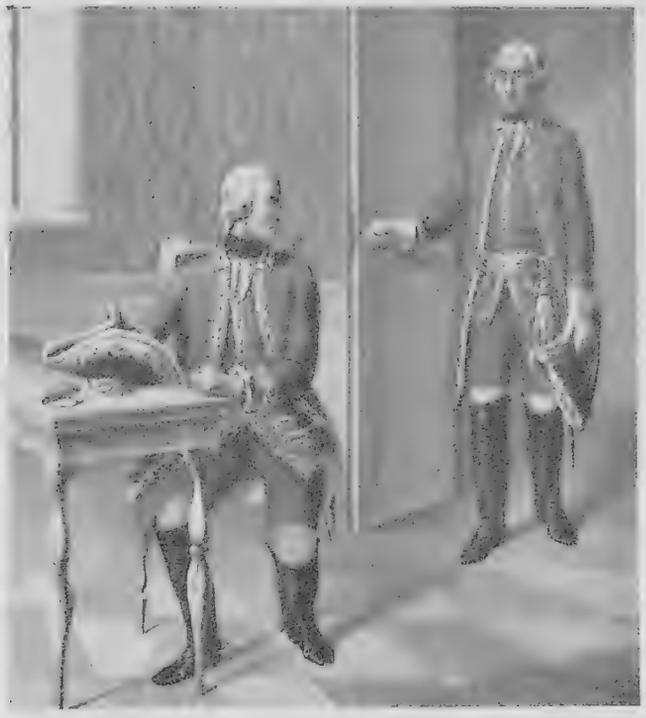
Сарафанъ ли мой, дорогой сарафанъ!
Вездѣ ты, сарафанъ, пригожаешься;
А не надо, сарафанъ, и подъ лавкой лежишь.

Онъ безотговорочно принялъ на себя многотрудную должность, и 9-го Декабря отправился изъ Петербурга.

Пріѣхавъ въ Москву, Бибиковъ нашелъ старую столицу въ страхѣ и унынін. Жители, недавніе свидѣтели бунта и чумы, трепетали въ ожиданіи новаго бѣдствія. Множество дворянъ бѣжало въ Москву изъ губерній, уже разоряемыхъ Пугачевымъ или угрожаемыхъ возмущеніемъ. Холопья, ими навезенные, распускали по площадямъ вѣсти о вольности и объ истребленіи господъ. Многочисленная Московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицамъ, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидала Пугачева. Жители приняли Бибикова съ восторгомъ, доказывающимъ, въ какой опасности полагали себя. Онъ оставилъ Москву, спѣша оправдать ея надежды.

ПОДПИСЬ БИБИКОВА.

(Изъ приложеній къ изданію 1834 года).



ГАРНИЗОННЫЕ ОФИЦЕРЫ 1770-хъ ГОДОВЪ.
(*Висковатовъ, «Вооруженіе русскихъ войскъ»*).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣйствіе мятежниковъ.—Маіоръ Заевъ.—Взятіе Ильинской крѣпости.—Смерть Камешкова и Воронова.—Состояніе Оренбурга.—Осада Яицкаго городка.—Сраженіе подъ Бердою.—Бибиковъ въ Казани. – Екатерина II, помѣщица казанская.—Мнѣніе Европы.—Вольтеръ. –Указъ о домѣ и семействѣ Пугачева.

Разбитіе Кара и Фреймана, погибель Чернышева и неудачныя вылазки Валленштерна и Корфа увеличили въ мятежникахъ дерзость и самонадѣянность. Они хлынулись во всѣ стороны, разоряя селенія, города, возмущая народъ, и нигдѣ не находили сопротивленія. Торновъ съ шестью стами человѣкъ взбунтовалъ и ограбилъ всю Нагайбацкую область. Чика, между тѣмъ, подступилъ подъ Уфу съ десяти-тысячнымъ отрядомъ и осадилъ ее въ концѣ Ноября. Городъ не имѣлъ укрѣпленій, подобныхъ Оренбургскимъ; однакожъ Комендантъ Мясоѣдовъ и дворяне, искавшіе въ немъ убѣжища, рѣшились обороняться. Чика, не отваживаясь на сильныя нападенія, остановился въ селѣ Чесноковкѣ, въ десяти верстахъ отъ Уфы, взбунтовалъ окрестныя деревни, большею частію Башкирскія, и отрѣзалъ городъ отъ всякаго сообщенія. Ульяновъ, Давыдовъ и Бѣлобородовъ дѣйствовали между Уфой и Казанью. Между тѣмъ Пугачевъ послалъ Хлопушу съ пятью стами человѣкъ и шестью пушками взять крѣпость Ильинскую и Верхне-Озерную, къ востоку отъ Оренбурга. Для защиты сей стороны отряженъ былъ Сибирскимъ Губернаторомъ Чичериным, Генералъ-Поручикъ Декалонгъ и Генералъ-Маіоръ Станиславскій [1]). Первый прикрывалъ границы сибирскія; послѣдній находился въ Орской [2]) крѣпости, дѣйствуя нерѣшительно, теряя бодрость при малѣйшей опасности и подъ различными предлогами отказываясь отъ исполненія своего долга.

Хлопуша взялъ Ильинскую, на приступѣ заколовъ Коменданта, Поручика Ло-

патина: но пощадилъ офицеровъ и не разорилъ даже крѣпости. Онъ пошелъ на Верхне-Озерную. Комендантъ, Подполковникъ Демаринъ отразилъ его нападеніе. Узнавъ о томъ, Пугачевъ самъ поспѣшилъ на помощь Хлопушѣ, и соединясь съ нимъ 25-го Ноября утромъ, подступилъ тотъ же часъ къ крѣпости. Цѣлый день пальба не умолкала. Нѣсколько разъ мятежники, спѣшась, ударяли въ копья, но всегда были опрокинуты. Вечеромъ Пугачевъ отступилъ въ Башкирскую деревню, за двѣнадцать верстъ отъ Верхне-Озерной. Тутъ узналъ онъ, что съ Сибирской линіи идутъ къ Ильинской три роты, отряженныя Генералъ-Маіоромъ Станиславскимъ. Онъ пошелъ пересѣчь имъ дорогу.

Маіоръ Заевъ, начальствовавшій симъ отрядомъ, успѣлъ однако занять Ильинскую <27-го Ноября>. Крѣпость, оставленная Хлопушею, не была имъ выжжена. Жители не были выведены. Между ними находилось нѣсколько плѣнныхъ конфедератовъ. Стѣны и нѣкоторыя избы были повреждены. Войско все было взято, кромѣ одного сержанта и раненаго офицера. Анбаръ былъ отворенъ. Нѣсколько четвертей муки и сухарей валялись на дворѣ. Одна пушка брошена была въ воротахъ. Заевъ наскоро сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, разставилъ по тремъ бастіонамъ три пушки, бывшія въ его отрядѣ <на четвертый недостало>; также учредилъ караулы и разъѣзды и сталъ ожидать непріятеля.

На другой день въ сумерки Пугачевъ явился передъ крѣпостью. Мятежники приближались и, разъѣзжая около нея, кричали часовымъ: «не стрѣляйте и выходите вонъ: здѣсь Государь». По нихъ выстрѣлили изъ пушки. Убило ядромъ одну лошадь. Мятежники скрылись и черезъ часъ показались изъ-за горы, скача вразсыпную, подъ предводительствомъ самого Пугачева. Ихъ отогнали пушками. Солдаты и плѣнные Поляки <особливо послѣдніе> съ жаромъ просились на вылазку; но Заевъ не согласился, опасаясь отъ нихъ измѣны. «Оставайтесь здѣсь и защищайтесь»—сказалъ онъ имъ—«а я отъ Генерала выходить на вылазку повелѣнія не имѣю».

29-го Пугачевъ подступилъ опять, везя двѣ пушки на саняхъ и передъ ними подвигая нѣсколько возовъ сѣна. Онъ кинулся къ бастіону, на которомъ не было пушки. Заевъ поспѣшилъ поставить тамъ двѣ; но прежде, нежели успѣли ихъ перетащить, мятежники разбили ядрами деревянный бастіонъ, спѣшась, бросились и доломали его, и съ обычнымъ воплемъ ворвались въ крѣпость. Солдаты разстроились и побѣжали. Заевъ, почти всѣ офицеры и двѣсти рядовыхъ были убиты. Остальныхъ погнали въ ближнюю Татарскую деревню. Плѣнные солдаты приведены были противъ заряженной пушки. Пугачевъ, въ красномъ казацкомъ платьѣ, пріѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи Хлопуши. При его появленіи солдаты поставлены на колѣна. Онъ сказалъ имъ: *Прощаетъ васъ Богъ и я, вашъ Государь Петръ III, Императоръ. Вставайте!* Потомъ велѣлъ оборотить пушку и выпалить въ степь. Ему представили Капитана Камешкова и Прапорщика Воронова. Исторія должна сохранить сіи смиренныя имена.—*Зачѣмъ вы шли на меня, на вашего Государя?* спросилъ побѣдитель.—«Ты намъ не Государь», отвѣчали плѣнники: «у насъ въ Россіи Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна и Государь Цесаревичъ Павелъ Петровичъ; а ты воръ и самозванецъ». Они тутъ же были повѣшены.—Потомъ привели Капитана Башарина. Пугачевъ, не сказавъ уже ему ни слова, велѣлъ было вѣшать и его. Но взятые въ плѣнъ солдаты стали за него просить. *Коли онъ былъ до васъ добръ*, сказалъ самозванецъ, *то я его прощаю.* И велѣлъ его, такъ же, какъ и солдатъ, остричь по-казацки, а раненыхъ отвести въ крѣпость. Казаки, бывшіе въ его отрядѣ, были приняты мятежниками, какъ товарищи. На вопросъ, зачѣмъ они тотчасъ не присоединились къ осаждающимъ, они отвѣчали, что боялись солдатъ. Отъ Ильинской Пугачевъ опять обратился къ Верхне-Озерной. Ему непремѣнно хотѣлось ее взять, тѣмъ болѣе, что въ ней находилась жена Бригадира Корфа. Онъ грозился ее повѣсить, злобясь на ея мужа, который думалъ обмануть его лживыми переговорами [3]).

30-го Ноября онъ снова окружилъ крѣпость и цѣлый день стрѣлялъ по ней изъ пушекъ, покушаясь на приступъ то съ той, то съ другой стороны. Демаринъ, для ободренія своихъ, цѣлый день стоялъ на валу, самъ заряжая пушку. Пугачевъ отступилъ и хотѣлъ идти противу Станиславскаго, но, перехвативъ Оренбургскую почту, раздумалъ и возвратился въ Бердскую слободу.

Во время его отсутствія, Рейнсдорпъ хотѣлъ сдѣлать вылазку, и 30-го, ночью,

войско выступило было изъ города; но лошади, изпуренныя безкормицею, падали и дохли подъ тяжестью артиллеріи, а нѣсколько казаковъ бѣжало. Валленштернъ принужденъ былъ возвратиться.

Въ Оренбургѣ начиналъ оказываться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Рейнсдорпъ требовалъ оныхъ отъ Декалонга и Станиславскаго. Оба отговаривались. Онъ ежечасно ожидалъ прибытія новаго войска, и не получалъ о немъ никакого извѣстія, будучи отрѣзанъ отовсюду, кромѣ Сибири и Киргизъ-Кайсацкихъ степей. Для поимки языка высылалъ онъ иногда до тысячи человѣкъ, и то нерѣдко безъ успѣха. Вздумалъ онъ, по совѣту Тимашева, разставить капканы около вала, и какъ волковъ, ловить мятежниковъ, разъѣзжающихъ ночью близъ города. Сами осажденные смѣялись надъ сей военной хитростію, хотя имъ было не до смѣха; а Падуровъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, язвительно упрекалъ Губернатора его неудачной выдумкой, предрекая ему гибель и насмѣшливо совѣтуя покориться самозванцу [4]).

Яицкой городокъ, сіе первое гнѣздо бунта, долго не выходилъ изъ повиновенія, устрашенный войскомъ Симонова. Наконецъ частыя пересылки съ бунтовщиками и ложные слухи о взятіи Оренбурга ободрили приверженцевъ Пугачева. Казаки, отряжаемые Симоновымъ изъ города для содержанія карауловъ, или для поимки возмутителей, подсылаемыхъ изъ Бердской слободы, начали явно оказывать неповиновеніе, освобождать схваченныхъ бунтовщиковъ, вязать вѣрныхъ Старшинъ и перебѣгать въ лагерь къ самозванцу. Разнесся слухъ о приближеніи мятежническаго отряда. Въ ночь съ 29-го на 30-е Декабря Старшина Мостовщиковъ выступилъ противу него. Черезъ нѣсколько часовъ трое изъ бывшихъ съ нимъ казаковъ прискакали въ крѣпость и объявили, что Мостовщиковъ въ семи верстахъ отъ города былъ окруженъ и захваченъ многочисленными толпами бунтовщиковъ. Смятеніе въ городѣ было велико. Симоновъ оробѣлъ; къ счастію, въ крѣпости находился Капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія. 31-го Декабря отрядъ мятежниковъ, подъ предводительствомъ Толкачева, вошелъ въ городъ. Жители приняли его съ восторгомъ, и тутъ же вооружась чѣмъ ни попало, съ нимъ соединились, бросились къ крѣпости изо всѣхъ переулковъ, засѣли въ высокія избы, и начали стрѣлять изъ окошекъ. Выстрѣлы, говоритъ одинъ свидѣтель, сыпались подобно дроби битой десятью барабанщиками. Въ крѣпости падали не только люди, стоявшіе на виду, но и тѣ, которые на минуту приподымались изъ-за заплотовъ.—Мятежники, безопасные въ десяти саженяхъ отъ крѣпости и большею частію *Гулебщики* <охотники> попадали даже въ щели, изъ которыхъ стрѣляли осажденные. Симоновъ и Крыловъ хотѣли зажечь ближайшіе дома. Но бомбы падали въ снѣгъ и угасали или тотчасъ были заливаемы. Ни одна изба не загоралась. Наконецъ трое рядовыхъ вызвались зажечь ближайшій дворъ, что имъ и удалось. Пожаръ быстро распространился. Мятежники выбѣжали; изъ крѣпости начали по нимъ стрѣлять изъ пушекъ; они удалились, унося убитыхъ и раненыхъ. Къ вечеру ободренный гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, и успѣлъ зажечь еще нѣсколько домовъ.

Въ крѣпости находилось до тысячи гарнизонныхъ солдатъ и Послушныхъ; довольное количество пороху, но мало съѣстныхъ припасовъ. Мятежники осадили крѣпость, завалили бревнами обгорѣлую площадь и ведущіе къ ней улицы и переулки; за строеніями взвели до шестнадцати батарей; въ избахъ, подверженныхъ выстрѣламъ, подѣлали двойныя стѣны, засыпавъ промежутокъ землею, и начали вести подкопы. Осажденые старались только отдалить непріятеля, очищая площадь, и нападая на укрѣпленныя избы. Сіи опасныя вылазки производились ежедневно, иногда два раза въ день и всегда съ успѣхомъ: солдаты были остервенѣны, а Послушные не могли ожидать пощады отъ мятежниковъ.

Положеніе Оренбурга становилось ужаснымъ. У жителей отобрали муку и крупу, и стали имъ производить ежедневную раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостомъ. Большая часть ихъ пала и употреблена была въ пищу. Голодъ увеличивался. Куль муки продавался <и то самымъ тайнымъ образомъ> за двадцать пять рублей. По предложенію Рычкова <Академика, находившагося въ то время въ Оренбургѣ>, стали жарить бычачьи и лошадиныя кожи, и мелко изрубивъ, мѣшать въ хлѣбы. Произошли болѣзни. Ропотъ становился громче. Опасались мятежа.

Въ сей крайности Рейнсдорпъ рѣшился еще разъ попробовать счастія оружія, и 13-го Января всѣ войска, находившіяся въ Оренбургѣ, выступили изъ города тремя колоннами, подъ предводительствомъ Валленштерна, Корфа и Наумова. Но темнота зимняго утра, глубина снѣга и изнуреніе лошадей препятствовали дружному содѣйствію войскъ. Наумовъ первый прибылъ къ назначенному мѣсту. Мятежники увидѣли его, и успѣли сдѣлать свои распоряженія. Валленштернъ, долженствовавшій занять высоты у дороги изъ Берды къ Каргалѣ, былъ предупрежденъ. Корфъ былъ встрѣченъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ; толпы мятежниковъ начали заѣзжать въ тылъ обѣимъ колоннамъ. Казаки, оставленные въ резервѣ, бѣжали отъ нихъ, и прискакавъ къ колоннѣ Валленштерна, произвели общій безпорядокъ. Онъ очутился между трехъ огней; отрядъ его смѣшался. Валленштернъ отступилъ; Корфъ ему послѣдовалъ; Наумовъ, сначала дѣйствовавшій довольно удачно, страшась быть отрѣзаннымъ, кинулся за ними. Все войско бѣжало въ безпорядкѣ до самаго Оренбурга, потерявъ до четырехъ сотъ убитыми и ранеными, и оставя пятнадцать орудій въ рукахъ разбойниковъ. Послѣ сей неудачи, Рейнсдорпъ уже не осмѣливался дѣйствовать наступательно, и подъ защитою стѣнъ и пушекъ сталъ ожидать своего освобожденія.

Бибиковъ прибылъ въ Казань 25 Декабря. Въ городѣ не нашелъ онъ ни Губернатора, ни главныхъ чиновниковъ. Большая часть дворянъ и купцевъ бѣжали въ губерніи еще безопасныя. Брантъ былъ въ Козмодемьянскѣ. Пріѣздъ Бибикова оживилъ унывшій городъ; выѣхавшіе жители стали возвращаться. 1-го Января 1774 года, послѣ молебствія и Слова, говореннаго Казанскимъ Архіереемъ Веніаминомъ, Бибиковъ собралъ у себя дворянство, и произнесъ умную и сильную рѣчь, въ которой изобразивъ настоящее бѣдствіе и попеченія Правительства о пресѣченіи онаго, обратился къ сословію, которое вмѣстѣ съ Правительствомъ обречено было на гибель крамолою, и требовалъ содѣйствія отъ его усердія къ Отечеству и вѣрности къ Престолу. Рѣчь сія произвела глубокое впечатлѣніе. Собраніе тутъ же положило на свой счетъ составить и вооружить конное войско, поставя съ двухъ сотъ душъ одного рекрута. Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ, родственникъ Бибикова, былъ избранъ въ Начальники легіона. Дворянство Симбирское, Свіяжское и Пензенское послѣдовало сему примѣру: были составлены еще два конныхъ отряда и поручены начальству Маіоровъ Гладкова и Чемесова, и Капитана Матюнина. Казанскій Магистратъ также вооружилъ на свое иждивеніе одинъ эскадронъ гусаръ.

Императрица изъявила Казанскому дворянству Монаршее благоволеніе, милость и покровительство, и въ особомъ письмѣ къ Бибикову, именуя Себя Казанскою помѣщицею, вызывалась принять участіе въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ общими силами. Дворянскій Предводитель Макаровъ отвѣчалъ Императрицѣ рѣчью, сочиненною Гвардіи Подпоручикомъ Державинымъ, находившимся тогда при Главнокомандующемъ [5]).

Бибиковъ, стараясь ободрить окружавшихъ его жителей и подчиненныхъ, казался равнодушнымъ и веселымъ; но безпокойство, досада и нетерпѣніе терзали его. Въ письмахъ къ Графу Чернышеву, фонъ-Визину и своимъ родственникамъ, онъ живо изображаетъ затруднительность своего положенія. 30 Декабря писалъ онъ своей женѣ: «Навѣдавшись о всѣхъ обстоятельствахъ, дѣла здѣсь нашелъ прескверны, такъ что и описать, буде бъ хотѣлъ, не могу; вдругъ себя увидѣлъ гораздо въ худшихъ обстоятельствахъ и заботѣ, нежели какъ сначала въ Польшѣ со мною было. Пишу день и ночь, пера изъ рукъ не выпуская; дѣлаю все возможное и прошу Господа о помощи. Онъ единъ исправить можетъ Своею милостію. Правда поздненько хватились. Войска мои прибывать начали вчера; баталіонъ гренадеръ и два эскадрона гусаръ, что я велѣлъ везти на почтѣ, прибыли. Но къ утушенію заразы, сего очень мало, а зло таково, что похоже <помнишь> на Петербургской пожаръ, какъ въ разныхъ мѣстахъ вдругъ горѣло, и какъ было поспѣвать всюду трудно. Со всѣмъ тѣмъ, съ надеждою на Бога, буду дѣлать что только въ моей возможности будетъ. Бѣдный старикъ Губернаторъ, Брантъ, такъ замученъ, что насилу уже таскается. Отдастъ Богу отвѣтъ въ пролитой крови и погибели множества людей невинныхъ, кто скоростію перенакостилъ здѣшнія дѣла и обнажилъ отъ войскъ. Впрочемъ я здоровъ, только пить ни ѣсть не хочется, и сахарныя яства на умъ нейдутъ. Зло велико, преужасно. Батюшку, милостиваго государя, прошу о

родительскихъ молитвахъ, а праведную [g]) Евпраксію нерѣдко поминаю. Ухъ! дурно».

Въ самомъ дѣлѣ положеніе дѣлъ было ужасно. Общее возмущеніе Башкирцевъ, Калмыковъ и другихъ народовъ, разсѣянныхъ по тамошнему краю, отвсюду пресѣкало сообщеніе. Войско было малочисленно и ненадежно. Начальники оставляли свои мѣста и бѣжали, завидя Башкирца съ сайдакомъ или заводскаго мужика съ дубиной [7]). Зима усугубляла затрудненія. Степи покрыты были глубокимъ снѣгомъ [8]). Невозможно было двинуться впередъ, не запасшись не только хлѣбомъ, но и дровами [9]). Селенія были пусты, главные города въ осадѣ, другіе заняты шайками бунтовщиковъ, заводы разграблены и выжжены, чернь вездѣ волновалась и злодѣйствовала. Войска, посланныя изо всѣхъ концовъ Государства, подвигались медленно. Зло, ничѣмъ не прегражденное, разливалось быстро и широко. Отъ Плецкаго городка до Гурьева Яицкіе казаки бунтовали. Губерніи Казанская, Нижегородская, и Астраханская [10]) были наполнены шайками разбойниковъ; пламя могло ворваться въ самую Сибирь; въ Перми начинались безпокойства; Екатеринбургъ былъ въ опасности. Киргизъ-Кайсаки, пользуясь отсутствіемъ войскъ, начали переходить черезъ открытую границу, грабить хутора, отгонять скотъ, захватывать жителей [11]). Закубанскіе народы шевелились, возбуждаемые Турціею; даже нѣкоторыя изъ Европейскихъ Державъ думали воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, въ коемъ находилась тогда Россія. [12])

Виновникъ сего ужаснаго смятенія привлекалъ общее вниманіе. [h]) Въ Европѣ принимали Пугачева за орудіе Турецкой политики. Вольтеръ, тогдашній представитель господствующихъ мнѣній, писалъ Екатеринѣ: „C'est apparemment le Chevalier de Tott qui a fait jouer cette farce, mais nous ne sommes plus au temps de Demetrius, et telle pièce de théatre qui réussissait il y a deux cents ans, est sifflée aujourd'hui». Императрица, досадуя на сплетни Европейскія, отвѣчала Вольтеру съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: Monsieur, les gazettes seules font beaucoup de bruit du brigand Pougatschef lequel n'est en relation directe, ni indirecte avec Mr. de Tott. Je fais autant de cas des canons fondus par l'un, que des entreprises de l'autre. Mr. de Pougatschef et Mr. de Tott ont cependant cela de commun, que le premier file tous les jours sa corde de chanvre et que le second s'expose à chaque instant au cordon de soie". [13])

Не смотря на свое презрѣніе къ разбойнику Императрица не упускала ни одного средства образумить ослѣпленную чернь. Разосланы были всюду увѣщательные Манифесты; обѣщано десять тысячъ рублей за поимку самозванца. Особенно опасались сношеній Яика съ Дономъ. Атаманъ Ефремовъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто избранъ Семенъ Сулинъ. Послано въ Черкаскъ повелѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева, а семейство его, *безо всякаго оскорбленія,* отправить въ Казань, для уличенія самозванца въ случаѣ поимки его. Донское начальство въ точности исполнило слова Высочайшаго указа: домъ Пугачева, находившійся въ Зимовейской станицѣ, былъ за годъ предъ симъ проданъ его женою, пришедшею въ крайнюю бѣдность, и уже сломанъ и перенесенъ на чужой дворъ. Его перевезли на прежнее мѣсто, и въ присутствіи духовенства и всей станицы сожгли. Палачи развѣяли пепелъ на вѣтеръ, дворъ окопали и огородили, оставя навѣки въ запустѣніи, какъ мѣсто проклятое. Начальство отъ имени всѣхъ Зимовейскихъ казаковъ, просило дозволенія перенести ихъ станицу на другое мѣсто, *хотя бы и менѣе выгодное.* Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія, и только переименовала Зимовейскую станицу въ Потемкинскую, покрывъ мрачныя воспоминанія о мятежникѣ славой имени новаго, уже любезнаго Ей и Отечеству. Жена Пугачева, сынъ и двѣ дочери <всѣ трое малолѣтные> были отосланы въ Казань, куда отправленъ и родной его братъ, служившій казакомъ во второй арміи. Между тѣмъ отобраны слѣдующія подробныя свѣдѣнія о злодѣѣ, колебавшемъ Государство [14]).

Емельянъ Пугачевъ, Зимовейской станицы служилый казакъ, былъ сынъ Ивана Михайлова, умершаго въ давнихъ годахъ. Онъ былъ сорока лѣтъ отъ-роду, росту средняго, смуглъ и худощавъ; волосы имѣлъ темнорусые, бороду черную, небольшую и клиномъ. Верхній зубъ былъ выщербленъ еще въ ребячествѣ въ кулачномъ бою. На лѣвомъ вискѣ имѣлъ онъ бѣлое пятно, а на обѣихъ грудяхъ знаки, оставшіеся послѣ болѣзни, называемой черною немочью [15]). Онъ не зналъ грамотѣ, и крестился по-раскольничьи. Лѣтъ тому десять женился онъ на казачкѣ Софьѣ

Недюжиной, отъ которой имѣлъ пятеро дѣтей. Въ 1770 году былъ онъ на службѣ во второй арміи, находился при взятіи Бендеръ, и черезъ годъ отпущенъ на Донъ, по причинѣ болѣзни. Онъ ѣздилъ для излеченія въ Черкаскъ. По его возвращеніи на родину, Зимовейскій Атаманъ спрашивалъ его на станичномъ сборѣ, откуда взялъ онъ карюю лошадь, на которой пріѣхалъ домой? Пугачевъ отвѣчалъ, что купилъ ее въ Таганрогѣ; но казаки, зная его безпутную жизнь, не повѣрили и послали его взять тамъ письменное свидѣтельство. Пугачевъ уѣхалъ. Между тѣмъ узнали, что онъ подговаривалъ нѣкоторыхъ казаковъ, поселенныхъ подъ Таганрогомъ, бѣжать за Кубань. Положено было отдать Пугачева въ руки Правительству. Возвратясь въ Декабрѣ мѣсяцѣ, онъ скрывался на своемъ хуторѣ, гдѣ и былъ пойманъ; но успѣлъ убѣжать; скитался мѣсяца три невѣдомо гдѣ; наконецъ, въ великомъ посту, однажды вечеромъ пришелъ тайно къ своему дому и постучался въ окошко. Жена впустила его, и дала знать о немъ казакамъ. Пугачевъ былъ снова пойманъ, и отправленъ подъ карауломъ къ сыщику, Старшинѣ Макарову, въ Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда въ Черкаскъ. Съ дороги онъ бѣжалъ опять, и съ тѣхъ поръ уже на Дону не являлся. Изъ показаній самого Пугачева, въ концѣ 1772 года приведеннаго въ Канцелярію Дворцовыхъ дѣлъ, извѣстно уже было, что послѣ своего побѣга скрывался онъ за Польской границей, въ раскольничьей слободѣ Веткѣ; потомъ взялъ паспортъ съ Добрянскаго форпоста, сказавшись выходцемъ изъ Польши, и пробрался на Яикъ, питаясь милостыней.— Всѣ сіи извѣстія были обнародованы; между тѣмъ Правительство запретило народу толковать о Пугачевѣ, коего имя волновало чернь. Сія временная Полицейская мѣра имѣла силу закона до самаго восшествія на Престолъ покойнаго Государя Императора Александра, когда разрѣшено было писать и печатать о Пугачевѣ [16]). Донынѣ престарѣлые свидѣтели тогдашняго смятенія неохотно отвѣчаютъ на вопросы любопытныхъ [i]).

ПЕЧАТЬ ПУГАЧЕВА.

Большая Государственная Печать Петра Третьяго, Императора і Самодержца Всероссійскаго 1774.

(Приложеніе къ изданію 1834 г.).

ДЕРЖАВИНЪ.

(Гравюра Гейзера, съ портрета Боровиковскаго: приложена къ книжкѣ «Gedichte des Herrn Staatsraths von Derschawin, aus d. rus. übersetzt von A. v. Kotzebue». Leipzig. 1793).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Распоряженія Бибикова.—Первые успѣхи.—Взятіе Самары и Заинска. — Державинъ.—Михельсонъ. — Продолженіе осады Яицкаго городка. — Свадьба Пугачева. — Разореніе Илецкой Защиты. — Смерть Лысова. — Сраженіе подъ Татищевой. — Бѣгство Пугачева.—Казнь Хлопуши. — Освобожденіе Оренбурга. — Пугачевъ разбитъ вторично. — Сраженіе при Чесноковкѣ.—Освобожденіе Уфы и Яицкаго городка.—Смерть Бибикова.

Наконецъ войска, отовсюду посланныя противу Пугачева, стали приближаться къ мѣсту своего назначенія. Бибиковъ устремилъ ихъ къ Оренбургу. Генералъ-Маіоръ Князь Голицынъ, съ своимъ корпусомъ долженъ былъ заградить Московскую дорогу, дѣйствуя отъ Казани до Оренбурга. Генералъ-Маіору Мансурову ввѣрено было правое крыло, для прикрытія Самарской линіи, куда со своими отрядами слѣдовали Маіоръ Муфель и Подполковникъ Гриневъ. Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ посланъ былъ къ Уфѣ и къ Екатеринбургу. Декалонгъ охранялъ Сибирь, и долженъ былъ отрядить маіора Гагрина съ одною полевою командою для защиты Кунгура. Въ Малыковку посланъ былъ Гвардіи Поручикъ Державинъ, для прикрытія Волги со стороны Пензы и Саратова. Успѣхъ оправдалъ сіи распоряженія. Бибиковъ сначала сомнѣвался въ духѣ своего войска. Въ одномъ изъ полковъ во <Владимірскомъ> оказались было приверженцы Пугачева. Начальникамъ городовъ, черезъ которые полкъ проходилъ, велѣно было разо-

слать по кабакамъ переодѣтыхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ возмутители были открыты и захвачены. Въ послѣдствіи Бибиковъ былъ доволенъ своими полками. «Дѣла мои, Богу благодареніе <писалъ онъ въ Февралѣ>, идутъ часъ отъ часу лучше: войска подвигаются къ гнѣзду злодѣевъ. Что мною довольны <въ Петербургѣ>, то я изо всѣхъ писемъ вижу, только спросили бы у гуся: не зябнутъ ли ноги?» (Ой да работка! Одинъ Всевышній да будетъ помощникъ! Однако, работаю и работать буду до положенія ризъ. Твори Богъ волю свою).

Маіоръ Муфель съ одною полевою командою 29-го Декабря приблизился къ Самарѣ, занятой наканунѣ шайкою бунтовщиковъ, и встрѣченный ими, разбилъ и гналъ ихъ до самаго города. Тутъ они, подъ прикрытіемъ городскихъ пушекъ, думали сопротивляться. Но драгуны ударили въ палаши и въѣхали въ городъ, рубя и попирая бѣгущихъ. Въ самое сіе время въ двухъ верстахъ отъ Самары показались Ставропольскіе Калмыки [1]) идущіе на помощь бунтовщикамъ. Они побѣжали, увидя высланную противу ихъ конницу. Городъ былъ очищенъ. Шесть пушекъ и двѣсти плѣнныхъ достались побѣдителю. Вслѣдъ за Муфелемъ вступили въ Самару Подполковникъ Гриневъ и Генералъ-Маіоръ Мансуровъ. Послѣдній немедленно послалъ отрядъ къ Ставрополю для усмиренія Калмыковъ: но они разбѣжались, и отрядъ, не видавъ ихъ, возвратился въ Самару.

Полковникъ Бибиковъ, отряженный изъ Казани съ четырьмя гренадерскими ротами и однимъ эскадрономъ гусаръ на подкрѣпленіе Генералъ-Маіора Фреймана, стоявшаго въ Бугульмѣ безо всякаго дѣйствія, пошелъ на Заинскъ, коего семидесятилѣтній Комендантъ, Капитанъ Мертвецовъ принялъ съ честью шайку разбойниковъ, сдавъ имъ начальство надъ городомъ. Бунтовщики укрѣпились какъ умѣли; въ пяти верстахъ отъ города Бибиковъ услышалъ уже ихъ пушечную пальбу. Рогатки ихъ были сломаны, баттареи взяты, предмѣстія заняты; все бѣжало. Двадцать пять бунтовавшихъ деревень пришли въ повиновеніе. Къ Бибикову являлось въ день до четырехъ тысячь раскаявшихся крестьянъ; имъ выдавали билеты и всѣхъ распускали по домамъ.

Державинъ, начальствуя тремя фузелерными ротами, привелъ въ повиновеніе раскольничьи селенія, находящіяся на берегахъ Иргиза и орды племенъ, кочующихъ между Яикомъ и Волгою. [2]) Узнавъ однажды, что множество народу собралось въ одной деревнѣ, съ намѣреніемъ итти служить у Пугачева, онъ пріѣхалъ съ двумя казаками прямо къ сборному мѣсту, и потребовалъ отъ народа объясненія. Двое изъ зачинщиковъ выступили изъ толпы, объявили ему свое намѣреніе, и начали къ нему приступать съ укорами и угрозами. Народъ уже готовъ былъ остервениться. Но Державинъ строго на нихъ прикрикнулъ, и велѣлъ своимъ казакамъ вѣшать обоихъ зачинщиковъ. Приказъ его былъ тотчасъ исполненъ, и сборище разбѣжалось. [k])

Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ, начальникъ Дворянскаго легіона, отряженный для освобожденія Уфы, не оправдалъ общей довѣренности. «За грѣхи мои <писалъ Бибиковъ> навязался мнѣ братецъ мой А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливымъ деташментомъ, а теперь съ мѣста сдвинуть не могу». Ларіоновъ оставался въ Бакалахъ безъ всякаго дѣйствія. Его неспособность заставила Главнокомандующаго послать на его мѣсто нѣкогда раненаго при его глазахъ и уже отличившагося въ войнѣ противу конфедератовъ офицера, Подполковника Михельсона.

Князь Голицынъ принялъ начальство надъ войсками Фреймана. 22-го Января перешелъ онъ черезъ Каму. 6-го февраля соединился съ нимъ Полковникъ Бибиковъ; Мансуровъ, 10-го. Войско двинулось къ Оренбургу.

Пугачевъ зналъ о приближеніи войскъ, и мало о томъ заботился. Онъ надѣялся на измѣну рядовыхъ и на оплошность начальниковъ. *Попадутся сами намъ въ руки*, отвѣчалъ онъ своимъ сообщникамъ, когда настойчиво звали они его навстрѣчу приближающихся отрядовъ. Въ случаѣ жъ пораженія намѣревался онъ бѣжать, оставя свою сволочь на произволъ судьбы. Для того держалъ онъ на лучшемъ корму тридцать лошадей, выбранныхъ имъ на скачкѣ. Башкирцы подозрѣвали его намѣреніе и роптали. «Ты взбунтовалъ насъ», говорили они, «и хочешь насъ оставить, а тамъ насъ будутъ усмирять, какъ усмиряли отцовъ нашихъ». [l]) <Казни 1740 года были у нихъ въ свѣжей памяти>. [3]) Яицкіе же казаки въ случаѣ же неудачи думали предать Пугачева въ руки Правительства и тѣмъ заслужить себѣ помилованіе. Они стерегли его, какъ заложника. Бибиковъ понималъ ихъ и Пугачева, когда писалъ фонъ-Визину слѣдующія замѣчательныя строки: «Пугачевъ не что иное, какъ чучело,

которымъ играютъ воры, Яицкіе казаки: не Пугачевъ важенъ; важно общее негодованіе». [4])

Пугачевъ изъ-подъ Оренбурга отлучился къ Яицкому городку. Его прибытіе оживило дѣятельность мятежниковъ. 20-го Января онъ самъ предводительствовалъ достопамятнымъ приступомъ. Ночью взорвана была часть вала подъ батареею, устроенною при *Старицѣ* <прежнемъ руслѣ Яика>. Мятежники, подъ дымомъ и пылью, съ крикомъ бросились къ крѣпости, заняли ровъ, и ставя лѣстницы, силились взойти на валъ; но были опрокинуты и отражены. Всѣ жители, даже женщины и дѣти, подкрѣпляли ихъ. Пугачевъ стоялъ во рву съ копьемъ въ рукѣ, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающихъ, наконецъ самъ коля бѣгущихъ. Приступъ длился девять часовъ сряду, при неумолкной пальбѣ и перестрѣлкѣ. Наконецъ Подпоручикъ Толстоваловъ съ пятидесятью охотниками, сдѣлалъ вылазку, очистилъ ровъ и прогналъ бунтовщиковъ, убивъ до четырехъ-сотъ человѣкъ и потерявъ не болѣе пятнадцати. Пугачевъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехъ-лѣтній ребенокъ, въ послѣдствіи славный Крыловъ.

Пугачевъ въ Яицкомъ городкѣ увидѣлъ молодую казачку, Устинью Кузнецову, и влюбился въ нее. Онъ сталъ ее сватать. Отецъ и мать изумились и отвѣчали ему: «Помилуй, Государь! дочь наша не Княжна, не Королевна, какъ ей быть за тобою? Да и какъ тебѣ жениться, когда матушка Государыня еще здравствуетъ?» Пугачевъ, однако, въ началѣ Февраля, женился на Устиньи, наименовалъ ее Императрицей, назначилъ ей Штатсъ-Дамъ и Фрейлинъ изъ Яицкихъ казачекъ, и хотѣлъ, чтобъ на ектеніи поминали послѣ Государя Петра Федоровича, супругу его, Государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не получали на то разрѣшенія отъ Синода. Отказъ ихъ огорчилъ Пугачева; но онъ не настаивалъ въ своемъ требованіи. Жена его оставалась въ Яицкомъ городкѣ, и онъ ѣздилъ къ ней каждую недѣлю. Его присутствіе ознаменовано было всегда новыми покушеніями на крѣпость. Осажденные, съ своей стороны, не теряли бодрости. Ихъ пальба не умолкала, вылазки не прекращались.

19 Февраля, ночью, прибѣжалъ изъ города въ крѣпость *малольтокъ* [5]), и объявилъ, что съ прошедшаго дня подведенъ подъ колокольню подкопъ, куда и положено двадцать пудовъ пороху, и что Пугачевъ назначилъ того же числа напасть на крѣпость. Извѣтъ показался невѣроятнымъ. Симоновъ полагалъ, что малолѣтокъ былъ подосланъ нарочно для посѣянія пустаго страха. Осажденные вели контрмину, и не слыхали никакой земляной работы: двадцатью пудами пороху мудрено взорвать было шестиярусную, высокую колокольню. Однако же, какъ подъ нею въ подвалѣ сохранялся весь пороховой запасъ <что могли знать и мятежники>, то и поспѣшили оный убрать, разобрали кирпичный полъ, и начали вести контрмину. Гарнизонъ приготовился; ожидали взрыва и приступа. Не прошло и двухъ часовъ, какъ вдругъ подкопъ былъ приведенъ въ дѣйство; колокольня тихо зашаталась. Нижняя палата развалилась, и верхніе шесть ярусовъ осѣли, подавивъ нѣсколькихъ людей, находившихся близъ колокольни. Камни, не бывъ разметаны, свалились въ груду. Бывшіе же въ самомъ верхнемъ ярусѣ шесть часовыхъ при пушкѣ, свалились оттолѣ живы; а одинъ изъ нихъ, въ то время спавшій, опустился не только безъ всякаго вреда, но даже не проснувшись.

Еще колокольня валилась, какъ уже изъ крѣпости загремѣли пушки; гарнизонъ, стоявшій въ ружьѣ, тотчасъ занялъ развалины колокольни, и поставилъ тамъ баттарею. Мятежники, не ожидавшіе таковой встрѣчи, остановились въ недоумѣніи; чрезъ нѣсколько минутъ они подняли свой обычный визгъ; но никто не шелъ впередъ. Напрасно предводители кричали: на сломъ на сломъ, Атаманы-молодцы! Приступу не было; визгъ продолжался до зари, и бунтовщики разошлись, ропща на Пугачева, обѣщавшаго имъ, что при взрывѣ колокольни, на крѣпость упадетъ каменный градъ и передавитъ весь гарнизонъ.

На другой день Пугачевъ получилъ изъ-подъ Оренбурга извѣстіе о приближеніи Князя Голицына, и поспѣшно уѣхалъ въ Берду, взявъ съ собою пять-сотъ человѣкъ конницы и до полуторы тысячи подводъ. Сія вѣсть дошла и до осажденныхъ. Они предались радости, расчитывая, что помощь поспѣетъ къ нимъ чрезъ двѣ недѣли. Но минута ихъ освобожденія была еще далека.

Во время частыхъ отлучекъ Пугачева, Шигаевъ, Падуровъ и Хлопуша управляли осадой Оренбурга. Хлопуша, пользуясь его отсутствіемъ, вздумалъ овладѣть Яицкою

Защитой [6]) (гдѣ добывается каменная соль), и въ концѣ Февраля, взявъ съ собой четыреста человѣкъ, напалъ на оную. Защита была взята при помощи тамошнихъ ссыльныхъ работниковъ, между коими находилось и семейство Хлопуши. Казенное имущество было разграблено; офицеры перебиты, кромѣ одного, пощаженнаго по просьбѣ работниковъ; колодники присоединены къ шайкѣ мятежниковъ. Пугачевъ, возвратясь въ Берду, негодовалъ на своеволіе смѣлаго каторжника, и укорялъ его за разореніе Защиты, какъ за ущербъ Государственной казнѣ. Пугачевъ выступилъ противъ князя Голицына съ десятью тысячами отборнаго войска, оставя подъ Оренбургомъ Шигаева съ двумя тысячами. Наканунѣ велѣлъ онъ тайно задавить одного изъ вѣрныхъ своихъ сообщниковъ, Дмитрія Лысова. Нѣсколько дней передъ тѣмъ, они ѣхали вмѣстѣ изъ Каргале въ Берду, будучи оба пьяны, и дорогою поссорились. Лысовъ наскакалъ сзади на Пугачева и ударилъ его копьемъ. Пугачевъ упалъ съ лошади; но панцырь, который всегда носилъ онъ подъ платьемъ, спасъ его жизнь. Ихъ помирили товарищи, и Пугачевъ пилъ еще съ Лысовымъ за нѣсколько часовъ до его смерти.

Пугачевъ занялъ крѣпости Тоцкую и Сарочинскую [7]), и съ обыкновенною дерзостію ночью, въ сильный буранъ, напалъ на передовые отряды Голицына; но былъ отраженъ Маіорами Пушкинымъ и Елагинымъ. Въ семъ сраженіи убитъ храбрый Елагинъ. Въ самое сіе время Мансуровъ соединился съ Княземъ Голицынымъ. Пугачевъ отступилъ къ Новосергіевской,[8]) не успѣвъ сжечь крѣпостей, имъ оставленныхъ. Голицынъ, оставя въ Сарочинской свои запасы подъ прикрытіемъ четырехъсотъ человѣкъ при осьми пушкахъ, черезъ два дня пошелъ далѣе. Пугачевъ сдѣлалъ движеніе на Илецкій городокъ, и вдругъ поворотя къ Татищевой, въ ней засѣлъ, и сталъ тамъ укрѣпляться. Голицынъ послалъ было къ Илецкому городку Подполковника Бедрягу съ тремя эскадронами конницы, подкрѣпляемой пѣхотою и пушками, а самъ пошелъ прямо на Переволоцкую [9]) <куда возвратился и Бедряга>; оттуда, оставя обозъ подъ прикрытіемъ одного баталіона при Подполковникѣ Гриневѣ, 22-го Марта подступилъ подъ Татищеву.

Крѣпость, въ прошедшемъ году взятая и выжженная Пугачевымъ, была уже имъ исправлена. Сгорѣвшія деревянныя укрѣпленія были замѣнены снѣговыми. Распоряженія Пугачева удивили Князя Голицына, не ожидавшаго отъ него такихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ. Голицынъ сначала отрядилъ триста человѣкъ для высмотра непріятеля. [10]) Мятежники, притаясь, подпустили ихъ до самой крѣпости, и вдругъ сдѣлали сильную вылазку: но были удержаны двумя эскадронами, подкрѣплявшими первыхъ. Полковникъ Бибиковъ тотъ же часъ послалъ егерей, которые, бѣгая на лыжахъ по глубокому снѣгу, заняли всѣ выгодныя высоты. Голицынъ раздѣлилъ войска на двѣ колонны, сталъ приближаться, и открылъ огонь, на который изъ крѣпости отвѣчали столь же сильно. Пальба продолжалась три часа. Голицынъ увидѣлъ, что однѣми пушками одолѣть было невозможно, и велѣлъ Генералу Фрейману съ лѣвою колонною итти на приступъ. Пугачевъ выставилъ противъ него семь пушекъ. Фрейманъ ихъ отнялъ, и бросился на оледенѣлый валъ. Мятежники защищались отчаянно, но принуждены были уступить силѣ правильнаго оружія—и бѣжали во всѣ стороны. Конница, дотолѣ не дѣйствовавшая, преслѣдовала ихъ по всѣмъ дорогамъ. Кровопролитіе было ужасно. Въ одной крѣпости пало до тысячи трехъ сотъ мятежниковъ. На пространствѣ двадцати верстъ кругомъ, около Татищевой, лежали ихъ тѣла. Голицынъ потерялъ до четырехъ сотъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ болѣе двадцати офицеровъ[11]) Побѣда была рѣшительная. Тридцать шесть пушекъ и болѣе трехъ тысячь плѣнныхъ достались побѣдителю. Пугачевъ съ шестьюдесятьми казаками пробился сквозь непріятельское войско, и прискакалъ самъ-пятъ въ Бердскую слободу съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Бунтовщики начали выбираться изъ Берды, кто верхомъ, кто на саняхъ. На воза громоздили загребленное имущество. Женщины и дѣти шли пѣшія. Пугачевъ велѣлъ разбить бочки вина, стоявшія у его избы, опасаясь пьянства и смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣмъ Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслужить себѣ прощеніе, и задержавъ Пугачева и Хлопушу, [12]) послалъ отъ себя къ Оренбургскому Губернатору съ предложеніемъ о выдачѣ ему самозванца, и прося дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣлами. Сотникъ Логиновъ, сопровождавшій бѣгство Пугачева, явился къ Рейнсдорпу

съ симъ извѣстіемъ. [Бѣдный Рейнсдорпъ не смѣлъ повѣрить своему счастію, и цѣлыхъ два часа не могъ рѣшиться дать требуемый сигналъ! Пугачевъ и Хлопуша были между тѣмъ освобождены ссылочными, находившимися въ Бердѣ. Пугачевъ бѣжалъ съ десятью пушками, съ награбленною добычею и съ двумя тысячами остальной сволочи. Хлопуша прискакалъ къ Каргале, съ намѣреніемъ спасти жену и сына. Татары связали его, и послали увѣдомить о томъ Губернатора. Славный каторжникъ былъ привезенъ въ Оренбургъ, гдѣ наконецъ отсѣкли ему голову въ Іюнѣ 1774 года.

Оренбургскіе жители, услышавъ о своемъ освобожденіи, толпами бросились изъ города вслѣдъ за шестью-стами человѣкъ пѣхоты, высланныхъ Рейнсдорпомъ къ оставленной слободѣ, и овладѣли жизненными запасами. Въ Бердѣ найдено осьмнадцать пушекъ, семьнадцать бочекъ мѣдныхъ денегъ [13]) и множество хлѣба. Въ Оренбургѣ спѣшили принести Богу благодареніе за нечаянное избавленіе. Благословляли Голицына. Рейнсдорпъ писалъ ему, поздравляя его съ побѣдою и называя спасителемъ Оренбурга. [14]) Отвсюду начали въ городъ навозить запасы. Настало изобиліе, и бѣдственная шестимѣсячная осада была забыта въ одно радостное мгновеніе. 26 Марта Голицынъ пріѣхалъ въ Оренбургъ; жители приняли его съ восторгомъ неописаннымъ [m]).

Бибиковъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ сего перелома. Для ускоренія военныхъ дѣйствій, выѣхалъ онъ изъ Казани, и былъ встрѣченъ въ Бугульмѣ извѣстіемъ о совершенномъ пораженіи Пугачева. Онъ обрадовался несказанно. «То-то жерновъ съ сердца свалился <писалъ онъ отъ 26 Марта женѣ своей>. Сегодня войдутъ мои въ Оренбургъ; немедленно и я туда поспѣшу добраться, чтобы еще ловчѣе было поворачивать своими; а сколько сѣдыхъ волосъ прибавилось въ бородѣ, то Богъ видитъ; а на головѣ плѣшь еще болѣе стала: однако я по морозу хожу безъ парика».

Между тѣмъ Пугачевъ, миновавъ разосланные разъѣзды, прибылъ утромъ 24-го въ Сентовскую [15]) слободу, зажегъ ее, и пошелъ къ Сакмарскому городку, забирая дорогою новую сволочь. Онъ полагалъ навѣрное, что изъ Татищевой Голицынъ со всѣми своими силами долженъ былъ обратиться къ Яицкому городку, и вдругъ пошелъ занять снова Бердскую слободу, надѣясь нечаянно овладѣть Оренбургомъ. Голицынъ, узнавъ о таковой дерзости чрезъ Полковника Хорвата, преслѣдовавшаго Пугачева отъ самой Татищевой, усилилъ свое войско бывшими въ Оренбургѣ пѣхотными отрядами и казаками; взявъ для нихъ послѣднихъ лошадей у своихъ офицеровъ, немедленно пошелъ на-встрѣчу самозванцу, и встрѣтилъ его въ Каргале. Пугачевъ, увидя свою ошибку, сталъ отступать, искусно пользуясь мѣстоположеніемъ. На узкой дорогѣ, противъ Полковниковъ Бибикова и Аршеневскаго, выставилъ онъ семь пушекъ, и подъ ихъ прикрытіемъ проворно устремился къ рѣкѣ Сакмарѣ. Но тутъ къ Бибикову подоспѣли пушки; онъ, занявъ гору, выстроилъ батарею; Хорватъ въ послѣдней тѣснинѣ, бросясь на мятежниковъ, отбилъ орудія, и обратя въ бѣгство, восемь верстъ преслѣдовалъ ихъ толпы, и вмѣстѣ съ ними въѣхалъ въ Сакмарской городокъ. Пугачевъ потерялъ послѣднія пушки, четыреста человѣкъ убитыми и три тысячи пятьсотъ взятыми въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ находились и главные его сообщники: Шигаевъ, Почиталинъ, Падуровъ и другіе. Пугачевъ съ четырьмя заводскими мужиками бѣжалъ къ Пречистенской, и оттолѣ на Уральскіе заводы. Усталая конница не могла его достичь. Послѣ сей рѣшительной побѣды Голицынъ возвратился въ Оренбургъ, отрядивъ Фреймана—для усмиренія Башкиріи, Аршеневскаго—для очищенія Ново-Московской дороги, а Мансурова—къ Илецкому городку, дабы, очистя всю ту сторону, шелъ онъ на освобожденіе Симонова.

Михельсонъ съ своей стороны дѣйствовалъ не менѣе удачно. Принявъ 18 Марта начальство надъ своимъ отрядомъ, онъ тотчасъ двинулся къ Уфѣ. Противъ него, для прегражденія пути, выслано было Чикою двѣ тысячи человѣкъ съ четырьмя пушками, которые и ожидали его въ деревнѣ Жуковѣ. Михельсонъ, оставя ихъ у себя въ тылу, пошелъ прямо на Чесноковку, гдѣ стоялъ Чика съ десятью тысячами мятежниковъ, и разсѣя дорогою нѣсколько мелкихъ отрядовъ, 25-го, на разсвѣтѣ, пришелъ въ деревню Требикову <въ пяти верстахъ отъ Чесноковки>. Тутъ онъ былъ встрѣченъ толпою бунтовщиковъ съ двумя пушками. Маіоръ Харинъ разбилъ ихъ и разсѣялъ; егери отняли пушки, и Михельсонъ двинулся впередъ. Обозъ его шелъ

подъ прикрытіемъ ста человѣкъ и одной пушки. Они прикрывали и тылъ Михельсона, въ случаѣ нападенія. 26-го, на разсвѣтѣ, у деревни Зубовки, встрѣтилъ онъ мятежниковъ. Часть ихъ выбѣжала на лыжахъ и верхами, и растянувшись по обѣимъ сторонамъ дороги, старалась окружить его. Три тысячи, подкрѣпленныя десятью пушками, пошли прямо ему навстрѣчу. Между тѣмъ открыли огонь изъ баттареи, поставленной въ деревнѣ. Сраженіе продолжалось четыре часа. Бунтовщики дрались храбро. Наконецъ Михельсонъ, увидя конницу, идущую къ нимъ на подкрѣпленіе, устремилъ всѣ свои силы на главную толпу, и велѣлъ своей конницѣ, спѣшившейся въ началѣ сраженія, садиться на-конь и ударить въ палаши. Передовыя толпы бѣжали, брося пушки. Харинъ, рубя ихъ, вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Чесноковку. Между тѣмъ конница, шедшая къ нимъ на помощь въ Зубовку, была отражена, и бѣжала къ Чесноковкѣ же, гдѣ Харинъ встрѣтилъ ее, и всю захватилъ. Лыжники, успѣвшіе зайти въ тылъ Михельсону и отрѣзать отъ него обозъ, въ то же время были разбиты двумя ротами гренадеръ. Они разбѣжались по лѣсамъ. Взято въ плѣнъ три тысячи бунтовщиковъ. Заводскіе и экономическіе крестьяне распущены были по деревнямъ. Захвачено двадцать пять пушекъ и множество запасовъ. Михельсонъ повѣсилъ двухъ главныхъ бунтовщиковъ: Башкирскаго старшину, и выборнаго села Чесноковки Уфа была освобождена. Михельсонъ, нигдѣ не останавливаясь, пошелъ на Табинскъ, куда, послѣ чесноковскаго дѣла прискакали Ульяновъ и Чика. Тамъ они были схвачены [16]) казаками и выданы побѣдителю, который отослалъ ихъ скованныхъ въ Уфу. Послѣ того Михельсонъ учредилъ разъѣзды во всѣ стороны, и успѣлъ возстановить спокойствіе въ большей части бунтовавшихъ деревень.

Илецкой городокъ и крѣпости Озерная и Разсыпная, свидѣтели первыхъ успѣховъ Пугачева, были уже оставлены мятежниками Начальники ихъ, Чулошниковъ и Кизилбашинъ, бѣжали въ Яицкой городокъ. Вѣсть о пораженіи самозванца подъ Татищевой, въ тотъ же день до нихъ достигла. Бѣглецы, преслѣдуемые гусарами Хорвата, проскакали черезъ крѣпости, крича: спасайтесь, дѣтушки! все пропало!— Они на-скоро перевязывали свои раны, и спѣшили къ Яицкому городку. Вскорѣ настала весенняя оттепель; рѣки вскрылись, и тѣла убитыхъ подъ Татищевой поплыли мимо крѣпостей. [17]) Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своихъ мужьевъ и сыновей.

Мансуровъ 6 и 7 Апрѣля занялъ оставленныя крѣпости и Илецкой городокъ, нашедъ въ послѣднемъ четырнадцать пушекъ. 15-го, при опасной переправѣ чрезъ разлившуюся рѣчку Быковку, на него напали Овчинниковъ, Перфильевъ и Дегтеревъ. Мятежники были разбиты и разсѣяны; Бедряга и Бородинъ ихъ преслѣдовали; но распутица спасла предводителей. Мансуровъ немедленно пошелъ къ Яицкому городку.

Крѣпость находилась въ осадѣ въ самаго начала года. [18]) Отсутствіе Пугачева не охлаждало мятежниковъ. Въ кузницахъ приготовлялись ломы и лопаты; возвышались новыя баттареи. Мятежники дѣятельно продолжали свои земляныя работы, то обрывая берегъ Чечоры и тѣмъ уничтожая сообщеніе одной части города съ другою, то копая траншеи, дабы препятствовать вылазкамъ. Они памѣрены были вести подкопы по яру Старицы, кругомъ всей крѣпости, подъ Соборную церковь, подъ баттареи, и подъ Комендантскія палаты. Осажденные находились въ вѣчной опасности, и съ своей стороны принуждены были отовсюду вести контрмины, съ трудомъ прорубая землю, промерзшую на цѣлый аршинъ; перегораживали крѣпость новою стѣною, и кулями, наполненными кирпичемъ взорванной колокольни.

9 Марта, на разсвѣтѣ, двѣсти пятьдесятъ рядовыхъ вышли изъ крѣпости; цѣлью вылазки было уничтоженіе новой баттареи, сильно безпокоившей осажденныхъ. Солдаты дошли до заваловъ, но были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Они смѣшались. Мятежники хватали ихъ въ тѣсныхъ проходахъ между завалами и избами, которыя хотѣли они зажечь; кололи раненыхъ и падающихъ, и топорами отсѣкали имъ головы. Солдаты бѣжали. Убито ихъ было до тридцати человѣкъ, ранено до осьмидесяти. Никогда съ такимъ урономъ гарнизонъ съ вылазки не возвращался. Удалось сжечь одну баттарею, не главную, да нѣсколько избъ. Показаніе трехъ захваченныхъ бунтовщиковъ увеличило уныніе осажденныхъ: они объявили о подкопахъ, веденныхъ подъ крѣпость, и о скоромъ прибытіи Пугачева. Устрашенный Симо-

новъ велѣлъ всюду производить новыя работы; около его дома безпрестанно пробовали землю буравами; стали копать новый ровъ. Люди, изнуренные тяжкою работою, почти не спали; ночью половина гарнизона всегда стояла въ ружьѣ; другой позволено было только сидя дремать. Лазаретъ наполнился больными; съѣстныхъ запасовъ оставалось не болѣе, какъ дней на десять. Солдатамъ начали выдавать въ сутки только четверть фунта муки, то есть, десятую часть мѣры обыкновенной. Не было уже ни крупъ, ни соли. Вскипятивъ артельный котелъ воды и забѣливъ ее мукою, каждый выпивалъ чашку свою, что и составляло ихъ насуточную пищу. Женщины не могли болѣе вытерпливать голода; онѣ стали проситься вонъ изъ крѣпости, что и было имъ позволено; нѣсколько слабыхъ и больныхъ солдатъ вышли за ними; но бунтовщики ихъ не приняли, а женщинъ, продержавъ одну почь подъ карауломъ, прогнали обратно въ крѣпость, требуя выдачи своихъ сообщниковъ и обѣщаясь за то принять и прокормить высланныхъ. Симоновъ на то не согласился, опасаясь умножить число враговъ. Голодъ часъ-отъ-часу становился ужаснѣе. Лошадинаго мяса, раздававшагося на вѣсъ, уже не было. Стали ѣсть кошекъ и собакъ. Въ началѣ осады, мѣсяца за три до сего, брошены были на ледъ убитыя лошади; о нихъ вспомнили, и люди съ жадностію грызли кости, объѣденныя собаками. Наконецъ и сей запасъ истощился. Стали изобрѣтать новые способы къ пропитанію. Нашли родъ глины, отмѣнно мягкой и безъ примѣси песку. Попробовали ее сварить, и составя изъ нея какой-то кисель, стали употреблять въ пищу. Солдаты совсѣмъ обезсилѣли. Нѣкоторые не могли ходить. Дѣти больныхъ матерей чахли и умирали. Женщины нѣсколько разъ покушались тронуть мятежниковъ, и валяясь въ ихъ ногахъ, умоляли о позволеніи остаться въ городѣ. Ихъ отгоняли съ прежними требованіями. Одни казачки были приняты. Ожидаемой помощи не приходило. Осажденные отлагали свою надежду со дня на день, съ недѣли на другую. Бунтовщики кричали гарнизону, что войска Правительства разбиты, что Оренбургъ, Уфа и Казань уже преклонились самозванцу, что онъ скоро придетъ къ Яицкому городку и что тогда ужъ пощады не будетъ. Въ случаѣ-жъ покорности, обѣщали они отъ его имени не только помилованіе, но и награды. То же старались они внушить и бѣднымъ женщинамъ, которыя просились изъ крѣпости въ городъ. Начальникамъ невозможно было обнадеживать осажденныхъ скорымъ прибытіемъ помощи; ибо никто не могъ ужъ и слышать о томъ безъ негодованія: такъ ожесточены были сердца долгимъ напраснымъ ожиданіемъ! Старались удержать гарнизонъ въ вѣрности и повиновеніи, повторяя, что позорною измѣною никто не спасется отъ гибели, что бунтовщики, озлобленные долговременнымъ сопротивленіемъ, не пощадятъ и клятвопреступниковъ. Старались возбудить въ душѣ несчастныхъ надежду на Бога, Всемогущаго и Всевидящаго, и ободренные страдальцы повторяли, что лучше предать себя волѣ Его, нежели служить разбойнику, и во все время бѣдственной осады, кромѣ двухъ или трехъ человѣкъ, изъ крѣпости бѣглыхъ не было.

Наступила страстная недѣля. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Никто не хотѣлъ умереть голодною смертью. Рѣшились всѣ до одного <кромѣ совершенно изможденныхъ> идти на послѣднюю вылазку. Не надѣялись побѣдить <бунтовщики такъ укрѣпились, что уже ни съ какой стороны къ нимъ изъ крѣпости приступу не было>, хотѣли только умереть честною смертію воиновъ.

Во вторникъ, въ день назначенный къ вылазкѣ, часовые, поставленные на кровлѣ Соборной церкви, примѣтили, что бунтовщики въ смятеніи бѣгали по городу, прощаясь между собою, соединялись и толпами выѣзжали въ степь. Казачки провожали ихъ. Осажденные догадывались о чемъ-то необыкновенномъ, и предались опять надеждѣ. «Все это насъ такъ ободрило»—говоритъ свидѣтель осады, претерпѣвшій весь ея ужасъ,—«какъ будто мы съѣли по куску хлѣба.» Мало-по-малу смятеніе утихло; все, казалось, вошло въ обыкновенный порядокъ. Уныніе овладѣло осажденными пуще прежняго. Они молча глядѣли въ степь, отколѣ ожидали еще недавно избавителей... Вдругъ, въ пятомъ часу пополудни, вдали показалась пыль, и они увидѣли толпы, безъ порядка скачущія изъ-за рощи одна за другою. Бунтовщики въѣзжали въ разныя ворота, каждый въ тѣ, близъ конхъ находился его домъ. Осажденные понимали, что мятежники разбиты и бѣгутъ, но еще не смѣли радоваться; опасались отчаяннаго приступа. Жители бѣгали взадъ и впередъ по улицамъ, какъ

на пожарѣ. Къ вечеру ударили въ Соборный колоколъ, собрали кругъ, потомъ кучею пошли къ крѣпости. Осажденные готовились ихъ отразить; но увидѣли, что они ведутъ связанныхъ своихъ предводителей, Атамановъ Каргина и Толкачева. Бунтовщики приближались, громко моля о помилованіи. Симоновъ принялъ ихъ, самъ не вѣря своему избавленію. Гарнизонъ бросился на ковриги хлѣба, нанесенныя жителями. До Свѣтлаго Воскресенія, пишетъ очевидецъ сихъ происшествій, оставалось еще четыре дня, но для насъ уже сей день былъ свѣтлымъ праздникомъ. Самые тѣ, которые отъ слабости и болѣзни не подымались съ постели, мгновенно были исцѣлены. Все въ крѣпости было въ движеніи, благодарили Бога; поздравляли другъ друга; во всю ночь никто не спалъ. Жители увѣдомили осажденныхъ объ освобожденіи Оренбурга и о скоромъ прибытіи Мансурова. 17 Апрѣля прибылъ Мансуровъ. Ворота крѣпости, запертыя и заваленныя съ самаго 30 Декабря, отворились. Мансуровъ принялъ начальство надъ городомъ. Начальники бунта, Каргинъ, Толкачевъ и Горшковъ, и незаконная жена самозванца, Устинья Кузнецова, были подъ стражею отправлены въ Оренбургъ.

Таковъ былъ успѣхъ распоряженій искуснаго, умнаго военачальника. Но Бибиковъ не успѣлъ довершить начатаго имъ: измученный трудами, безпокойствомъ и досадами, мало заботясь о своемъ уже разстроенномъ здоровьи, онъ занемогъ въ Бугульмѣ горячкою, и чувствуя приближающуюся кончину, сдѣлалъ еще нѣсколько распоряженій. Онъ запечаталъ всѣ свои тайныя бумаги, приказавъ доставить ихъ Императрицѣ, и сдалъ начальство генералъ-поручику Щербатову, старшему по немъ. Узнавъ по слухамъ объ освобожденіи Уфы, онъ успѣлъ еще донести о томъ Императрицѣ, и скончался 9 Апрѣля, въ 11 часовъ утра, на сорокъ четвертомъ году отъ рожденія. Тѣло его нѣсколько дней стояло на берегу Камы, чрезъ которую въ то время не было возможности переправиться. Казань желала погребсти его въ своемъ Соборѣ и соорудить памятникъ своему избавителю; но, по требованію его семейства, тѣло Бибикова отвезено было въ его деревню. Андреевская лента, званіе Сенатора и чинъ Полковника Гвардіи не застали его въ живыхъ. Умирая, говорилъ онъ: «Не жалѣю о дѣтяхъ и женѣ; Государыня призритъ ихъ: жалѣю объ отечествѣ» [19]).—Молва приписала смерть его дѣйствію яда, будто бы даннаго ему однимъ изъ конфедератовъ. Державинъ воспѣлъ кончину Бибикова. Екатерина оплакала его, и осыпала его семейство своими щедротами [20]). Петербургъ и Москва поражены были ужасомъ. Вскорѣ и вся Россія почувствовала невозвратную потерю [21]).

Домъ въ Уральскѣ (прежнемъ Яицкомъ городкѣ), въ которомъ жилъ Пугачевъ. Здѣсь онъ праздновалъ «свадьбу» съ Устиньей Кузнецовой. Недавно домъ сломанъ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ МИХЕЛЬСОНЪ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Новые успѣхи Пугачева. — Башкирецъ Салаватъ. — Взятіе Сибирскихъ крѣпостей. — Сраженіе подъ Троицкою. — Отступленіе Пугачева. — Первая встрѣча его съ Михельсономъ. — Преслѣдованіе Пугачева. — Бездѣйствіе войскъ. — Взятіе Осы. — Пугачевъ подъ Казанью.

Пугачевъ, коего положеніе казалось отчаяннымъ, явился на Авзяно-Петровскихъ заводахъ. Овчинниковъ и Перфильевъ, преслѣдуемые Маіоромъ Шевичемъ, проскакали чрезъ Сакмарскую линію съ тремя стами Яицкихъ казаковъ, и успѣли съ нимъ соединиться. Ставропольскіе и Оренбургскіе Калмыки хотѣли имъ послѣдовать, и въ числѣ шести-сотъ кибитокъ двинулись было къ Сорочинской крѣпости. Въ ней находился при провіантѣ и фуражѣ отставный Подполковникъ Мелкомичъ, человѣкъ умный и рѣшительный. Онъ принялъ начальство надъ гарнизономъ, и на нихъ напавъ, принудилъ ихъ возвратиться на прежнія жилища.

Пугачевъ быстро переходилъ съ одного мѣста на другое. Чернь по прежнему стала стекаться около него; Башкирцы, уже почти усмиренные, снова взволновались. Комендантъ Верхо-Яицкой крѣпости, Полковникъ Ступишинъ, вошелъ въ Башкирію, сжегъ нѣсколько пустыхъ селеній, и захвативъ одного изъ бунтовщиковъ, отрѣзалъ ему уши, носъ, пальцы правой руки, и отпустилъ его, грозясь поступать такимъ же образомъ со всѣми бунтовщиками. Башкирцы не унялись. Старый ихъ мятежникъ Юлай, скрывшійся во время казней 1741 года [1]), явился между ними съ сыномъ своимъ Салаватомъ. Вся Башкирія возстала, и бѣдствіе разгорѣлось съ вящшей силою. Фрейманъ долженъ былъ преслѣдовать Пугачева; Михельсонъ спѣшился пресѣчь ему дорогу; но распутица его спасала. Дороги были непроходимы, люди вязли въ бездонной грязи; рѣки разливались на нѣсколько верстъ; ручьи становились рѣками. Фрейманъ остановился въ Стерлитамацкѣ. Михельсонъ, успѣвшій еще переправиться черезъ Вятку по льду, а черезъ Уфу на осьми лодкахъ, продол-

жалъ путь, несмотря на всевозможныя препятствія, и 5 Мая у Симскаго завода настигъ толпу Башкирцевъ, предводительствуемыхъ свирѣпымъ Салаватомъ. Михельсонъ прогналъ ихъ, заводъ освободилъ, и черезъ день пошелъ далѣе. Салаватъ остановился въ осьмнадцати верстахъ отъ завода, ожидая Бѣлобородова. Они соединились и выступили на-встрѣчу Михельсону съ двумя тысячами бунтовщиковъ и съ восемью пушками. Михельсонъ разбилъ ихъ снова, отнялъ у нихъ пушки, положилъ на мѣстѣ до трехъ сотъ человѣкъ, разсѣялъ остальныхъ и спѣшилъ къ Уйскому заводу, надѣясь настигнуть самого Пугачева; но вскорѣ узналъ, что самозванецъ находился уже на Бѣлорѣцкихъ заводахъ.

За рѣкою Юрзенемъ Михельсонъ успѣлъ разбить еще толпу мятежниковъ, и преслѣдовалъ ихъ до Саткинскаго завода. Тутъ узналъ онъ, что Пугачевъ, набравъ до шести тысячь Башкирцевъ и крестьянъ, пошелъ на крѣпость Магнитную. Михельсонъ рѣшился углубиться въ Уральскія горы, надѣясь соединиться съ Фрейманомъ около вершины Янка.

Пугачевъ, зажегши ограбленные имъ Бѣлорѣцкіе заводы, быстро перешелъ черезъ Уральскія горы, и 5 Мая приступилъ къ Магнитной, не имѣя при себѣ ни одной пушки. Капитанъ Тихановскій оборонялся храбро. Пугачевъ самъ былъ раненъ картечью въ руку, и отступилъ, претерпѣвъ значительный уронъ. Крѣпость казалась спасена; но въ ней открылась измѣна: пороховые ящики ночью были взорваны. Мятежники бросились, разобрали заплоты и ворвались. Тихановскій съ женою были повѣшены; крѣпость разграблена и выжжена. Въ тотъ же день пришелъ къ Пугачеву Бѣлобородовъ съ четырьмя тысячами бунтующей сволочи.

Генералъ-Поручикъ Декалонгъ изъ Челябинска, недавно освобожденнаго отъ бунтовщиковъ, двинулся къ Верхо-Яицкой крѣпости, надѣясь настигнуть Пугачева еще на Бѣлорѣцкихъ заводахъ; но, вышедъ на линію, получилъ отъ Верхо-Яицкаго Коменданта, Полковника Ступишина, донесеніе, что Пугачевъ идетъ вверхъ по линіи отъ одной крѣпости на другую, какъ въ началѣ своего грознаго появленія. Декалонгъ спѣшилъ къ Верхо-Яицкой. Тутъ узналъ онъ о взятіи Магнитной. Онъ двинулся къ Кизильской. Но прошедъ уже пятнадцать верстъ, узналъ отъ пойманнаго Башкирца, что Пугачевъ, услыша о приближеніи войска, шелъ уже не къ Кизильской, а прямо Уральскими горами, на Карагайскую. Декалонгъ пошелъ назадъ. Приближаясь къ Карагайской, онъ увидѣлъ однѣ дымящіяся развалины: Пугачевъ покинулъ ее наканунѣ. Декалонгъ надѣялся догнать его въ Петрозаводской; но и тутъ уже его не засталъ. Крѣпость была разорена и выжжена, церковь разграблена, жители уведены.

Декалонгъ, оставя линію, пошелъ внутреннею дорогою прямо на Уйскую крѣпость. У него оставалось овса только на однѣ сутки. Онъ думалъ настигнуть Пугачева, хотя въ Степной крѣпости; но, узнавъ, что и Степная уже взята, пустился къ Троицкой. На дорогѣ, въ Сепарской, нашелъ онъ множество народа изъ окрестныхъ разоренныхъ крѣпостей. Офицерскія жены и дѣти, босыя, оборванныя, рыдали, не зная, гдѣ искать убѣжища. Декалонгъ принялъ ихъ подъ свое покровительство, и отдалъ на попеченіе своимъ офицерамъ. 21 Мая утромъ приближился онъ къ Троицкой, прошедъ шестьдесятъ верстъ усиленнымъ переходомъ, и наконецъ увидѣлъ Пугачева, расположившагося лагеремъ подъ крѣпостію, взятою имъ наканунѣ. Декалонгъ тотчасъ на него напалъ. У Пугачева было до десяти тысячь войска и до тридцати пушекъ. Сраженіе продолжалось цѣлыхъ четыре часа. Во все время Пугачевъ лежалъ въ своей палаткѣ, жестоко страдая отъ раны, полученной имъ подъ Магнитною. Дѣйствіями распоряжалъ Бѣлобородовъ. Наконецъ мятежники разстроились. Пугачевъ сѣлъ на лошадь, и съ подвязанною рукою бросался всюду, стараясь возстановить порядокъ; но все разсѣялось и бѣжало. Пугачевъ ушелъ съ одною пушкою по Челябинской дорогѣ. Преслѣдовать было невозможно. Конница была слишкомъ изнурена. Въ лагерѣ найдено до трехъ тысячь людей всякаго званія, пола и возраста, захваченныхъ самозванцемъ и обреченныхъ погибели. Крѣпость была спасена отъ пожара и грабежа. Но Комендантъ, Бригадиръ Фейерваръ, былъ убитъ наканунѣ, во время приступа, а офицеры его повѣшены.

Пугачевъ и Бѣлобородовъ, вѣдая, что усталость войска и изнуреніе лошадей не позволятъ Декалонгу воспользоваться своею побѣдою, привели въ устройство свои разсѣянныя толпы, и стали въ порядкѣ отступать, забирая крѣпости и быстро усиливаясь. Маіоры Гагринъ и Жолобовъ, отряженные Декалонгомъ на другой день послѣ сраженія, преслѣдовали ихъ, но не могли достигнуть.

ОРЕНБУРГСКІЕ И ЯИЦКІЕ КАЗАКИ ВЪ ЭПОХУ ПУГАЧЕВЩИНЫ.

(Висковатовъ, «Вооруженіе русскихъ войскъ»).

Михельсонъ, между тѣмъ, шелъ Уральскими горами, по дорогамъ мало-извѣстнымъ. Деревни Башкирскія были пусты. Не было возможности достать нужные припасы. Отрядъ его былъ въ ежечасной опасности. Многочисленные шайки бунтовщиковъ кружились около него. 13 мая Башкирцы, подъ предводительствомъ мятежнаго старшины, на него напали и сразились отчаянно; загнанные въ болото, они не сдавались. Всѣ, кромѣ одного, наспльно пощаженнаго, были изрублены вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ. Михельсонъ потерялъ одного офицера и шестьдесятъ рядовыхъ убитыми и ранеными.

Плѣнный Башкирецъ, обласканный Михельсономъ, объявилъ ему о взятіи Магнитной и о движеніи Декалонга. Михельсонъ, нашедъ сіи извѣстія сообразными съ своими предположеніями, вышелъ изъ горъ, и пошелъ на Троицкую, въ надеждѣ освободить сію крѣпость, или встрѣтить Пугачева въ случаѣ его отступленія. Вскорѣ услышалъ онъ о побѣдѣ Декалонга, и пошелъ на Варламово, съ намѣреніемъ пресѣчь дорогу Пугачеву. Въ самомъ дѣлѣ, 22 Мая утромъ, приближаясь къ Варламову, онъ встрѣтилъ передовые отряды Пугачева. Увидя стройное войско, Михельсонъ не могъ сначала вообразить, чтобъ это былъ остатокъ сволочи, разбитой наканунѣ, и принялъ его <говоритъ онъ насмѣшливо въ своемъ донесеніи> за корпусъ Генералъ-Поручика и кавалера Декалонга; но вскорѣ удостовѣрился въ истинѣ. Онъ остановился, удерживая выгодное свое положеніе у лѣса, прикрывавшаго его тылъ. Пугачевъ двинулся противу него, и вдругъ поворотилъ на Чербакульскую крѣпость. Михельсонъ пошелъ черезъ лѣсъ, и перерѣзалъ ему дорогу. Пугачевъ въ первый разъ увидѣлъ передъ собою того, кто долженъ былъ нанести ему столько ударовъ и положить предѣлъ кровавому его поприщу. Пугачевъ тотчасъ напалъ на его лѣвое крыло, привелъ оное въ разстройство, и отнялъ двѣ пушки. Но Михельсонъ ударилъ на мятежниковъ со всею своею конницею, разсѣялъ ихъ въ одно мгновеніе, взялъ назадъ свои пушки, а съ ними и послѣднюю, оставшуюся у Пугачева послѣ его разбитія подъ Троицкой, положилъ на мѣстѣ до шести-сотъ человѣкъ, въ плѣнъ взялъ до пятп-сотъ и гналъ остальныхъ нѣсколько верстъ. Ночь прекратила преслѣдованіе. Михельсонъ ночевалъ на полѣ сраженія.—На другой день отдалъ онъ въ приказѣ строгій выговоръ ротѣ, потерявшей свои пушки, и отнялъ у ней пуговицы и обшлага, до выслуги. Рота не замедлила загладить свое безчестіе [2]).

23-го, Михельсонъ пошелъ на Чербакульскую крѣпость. Казаки, въ ней находившіеся, бунтовали. Михельсонъ привелъ ихъ къ присягѣ, присоединивъ къ своему отряду, и въ послѣдствіи былъ всегда ими доволенъ.

Жолобовъ и Гагринъ дѣйствовали медленно и нерѣшительно. Жолобовъ, увѣдомивъ Михельсона, что Пугачевъ собралъ остатокъ разсѣянной толпы и набираетъ новую, отказался итти противъ него, подъ предлогомъ разлитія рѣкъ и дурныхъ дорогъ. Михельсонъ жаловался Декалонгу; а Декалонгъ, самъ обѣщаясь выступить для истребленія послѣднихъ силъ самозванца, остался въ Челябѣ, и еще отозвалъ къ себѣ Жолобова и Гагрина.

Такимъ образомъ преслѣдованіе Пугачева предоставлено было одному Михельсону. Онъ пошелъ къ Златоустовскому заводу, услыша, что тамъ находилось нѣсколько Яицкихъ бунтовщиковъ; но они бѣжали, узнавъ о его приближеніи. Слѣдъ ихъ, чѣмъ далѣе шелъ, тѣмъ болѣе разсыпался, а наконецъ совсѣмъ пропалъ.

27-го Мая Михельсонъ прибылъ на Саткинскій заводъ [3]). Салаватъ, съ новою шайкою злодѣйствовалъ въ окрестностяхъ. Уже Симской заводъ былъ имъ разграбленъ и сожженъ. Услыша о Михельсонѣ, онъ перешелъ рѣку Ай, и остановился въ горахъ, гдѣ Пугачевъ, избавясь отъ погони Гагрина и Жолобова, и собравъ уже до двухъ тысячь всякой сволочи, съ нимъ успѣлъ соединиться.

Михельсонъ на Саткинскомъ заводѣ, спасенномъ его быстротою, сдѣлалъ первый свой роздыхъ по выступленіи изъ подъ Уфы. Чрезъ два дня пошелъ онъ противъ Пугачева и Салавата, и прибылъ на берегъ Ая. Мосты были сняты. Мятежники на противоположномъ берегу, видя малочисленность его отряда, полагали себя въ безопасности.

Но 30-го, утромъ, Михельсонъ приказалъ пятидесяти казакамъ переправиться вплавь, взявъ съ собою по одному егерю. Мятежники бросились было на нихъ, но были разсѣяны пушечными выстрѣлами съ противнаго берега. Егери и казаки удержались кое-какъ, а Михельсонъ между тѣмъ переправился съ остальнымъ отрядомъ; порохъ перевезла конница, пушки потопили и перетащили по дну рѣки на канатахъ. Михельсонъ быстро напалъ на непріятеля,

смялъ и преслѣдовалъ его болѣе двадцати верстъ, убивъ до четырехъ-сотъ и взявъ множество въ плѣнъ. Пугачевъ, Бѣлобородовъ и раненый Салаватъ едва успѣли спастись.

Окрестности были пусты. Михельсонъ ни отъ кого не могъ узнать о стремленіи непріятеля. Онъ пошелъ на-удачу и 2 Іюня отряженный имъ Капитанъ Карташевскій ночью былъ окруженъ шайкою Салавата. Къ утру Михельсонъ подоспѣлъ къ нему на помощь. Мятежники разсыпались и бѣжали. Михельсонъ преслѣдовалъ ихъ съ крайнею осторожностію. Пѣхота прикрывала его обозъ. Самъ онъ шелъ немного впереди, съ частію своей конницы. Сіи распоряженія спасли его. Многочисленная толпа мятежниковъ неожиданно окружила его обозъ и напала на пѣхоту. Самъ Пугачевъ ими предводительствовалъ, успѣвъ въ теченіи шести дней близъ Саткинскаго завода набрать около пяти тысячь бунтовщиковъ. Михельсонъ прискакалъ на помощь; онъ послалъ Харина соединить всю свою конницу, а самъ съ пѣхотой остался у обоза. Мятежники были разбиты и снова бѣжали. Тутъ Михельсонъ узналъ отъ плѣнныхъ, что Пугачевъ имѣлъ намѣреніе итти на Уфу. Онъ поспѣшилъ пресѣчь ему дорогу, и 5 Іюня встрѣтилъ его снова. Сраженіе было непзбѣжимо. Михельсонъ быстро напалъ на него, и снова разбилъ и прогналъ.

При всѣхъ своихъ успѣхахъ Михельсонъ увидѣлъ необходимость прекратить на время свое преслѣдованіе. У него уже не было ни запасовъ, ни зарядовъ. Оставалось только по два патрона на человѣка. Михельсонъ пошелъ въ Уфу, дабы тамъ запастись всѣмъ для него нужнымъ.

Пока Михельсонъ, бросаясь во всѣ стороны, вездѣ поражалъ мятежниковъ, прочіе начальники оставались неподвижны. Декалонгъ стоялъ въ Челябѣ, и завидуя Михельсону, нарочно не хотѣлъ ему содѣйствовать. Фрейманъ, лично храбрый, но предводитель робкій и нерѣшительный, стоялъ въ Кизильской крѣпости, досадуя на Тимашева, ушедшаго въ Зеланрскую [4]) крѣпость съ лучшею его конницею.—Станиславскій узнавъ, что Пугачевъ близъ Верхо-Яицкой крѣпости собралъ значительную толпу, отказался отъ службы и скрылся въ любимую свою Орскую крѣпость. Полковники Якубовичъ и Оберпибѣсовъ и Маіоръ Дуве находились около Уфы. Вокругъ ихъ спокойно собирались бунтующіе Башкирцы. Бирскъ сожженъ былъ почти въ ихъ виду, а они переходили съ одного мѣста на другое, избѣгая малѣйшей опасности и не думая о дружномъ содѣйствіи. По распоряженію Князя Щербакова, войско Голицына оставалось безъ всякой пользы около Оренбурга и Яицкаго городка, въ мѣстахъ уже безопасныхъ; а край, гдѣ снова разгорался пожаръ, оставался почти беззащитенъ [5]).

Пугачевъ, отраженный отъ Кунгура Маіоромъ Поповымъ, двинулся было къ Екатеринбургу; но узнавъ о войскахъ, тамъ находящихся, обратился къ Красно-Уфимску.

Кама была открыта, и Казань въ опасности. Брантъ наскоро послалъ въ пригородъ Осу Маіора Скрыпицына съ гарнизоннымъ отрядомъ и съ вооруженными крестьянами, а самъ писалъ Князю Щербатову, требуя немедленной помощи. Щербатовъ попадѣялся на Оберпибѣсова и Дуве, которые должны были помочь Маіору Скрыпицыну въ случаѣ опасности, и не сдѣлалъ никакихъ новыхъ распоряженій.

18 Іюня Пугачевъ явился передъ Осою. Скрыпицынъ выступилъ противъ него; но потерявъ три пушки въ самомъ началѣ сраженія, поспѣшно возвратился въ крѣпость. Пугачевъ велѣлъ своимъ спѣшиться и итти на приступъ. Мятежники вошли въ городъ, выжгли его: но отъ крѣпости отражены были пушками.

На другой день Пугачевъ со своими старшинами ѣздилъ по берегу Камы, высматривая мѣста, удобныя для переправы. По его приказанію поправляли дорогу, и мостили топкія мѣста. 20-го, снова приступилъ онъ къ крѣпости, и снова былъ отраженъ. Тогда Бѣлобородовъ присовѣтовалъ ему окружить крѣпость возами сѣна, соломы и бересты, и зажечь такимъ образомъ деревянныя стѣны. Пятнадцать возовъ были подвезены на лошадяхъ въ близкое разстояніе отъ крѣпости, а потомъ подвигаемы впередъ людьми безопасными подъ ихъ прикрытіемъ. Скрыпицынъ, уже колебавшійся, потребовалъ сроку на одинъ сутки, и сдался на другой день, принявъ Пугачева на колѣнахъ, съ иконами и хлѣбомъ-солью. Самозванецъ обласкалъ его и оставилъ при немъ его шпагу. Несчастный, думая современемъ оправдаться, написалъ обще съ Капитаномъ Смирновымъ и Подпоручикомъ Минеевымъ, письмо къ Казанскому Губернатору, и носилъ при себѣ, въ ожиданіи удобнаго случая тайно его отослать. Минеевъ донесъ о томъ Пугачеву. Письмо было схвачено, Скрыпицынъ

КАЗАНЬ ВЪ 1767 ГОДУ.

Лѣвая половина гравюры-панорамы изъ атласа, приложеннаго къ соч. Le Clerc'a «Histoire de la Russie Moderne». Paris, 1785.

и Смирновъ повѣшены, а доносчикъ названъ отъ Пугачева Полковникомъ.

23 Іюня Пугачевъ переправился черезъ Каму, и пошелъ на винокуренные заводы Ижевскій и Воткинскій. Венцель, начальникъ оныхъ, былъ мучительски умерщвленъ, заводы разграблены, и всѣ работники забраны въ злодѣйскую толпу. Минеевъ, измѣною своею заслужившій довѣренность Пугачева, совѣтовалъ ему идти прямо на Казань. Распоряженія Губернатора были ему извѣстны. Онъ вызвался вести Пугачева, и ручался за успѣхъ. Пугачевъ недолго колебался, и пошелъ на Казань.

Щербатовъ, получивъ извѣстіе о взятіи Осы, испугался. Онъ послалъ Оберпибѣсову повелѣніе занять Шумской перевозъ, а Маіора Меллина отправить къ Шурманскому; Голицыну приказалъ скорѣе слѣдовать въ Уфу, дабы оттуда дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, а самъ съ однимъ эскадрономъ гусаръ и ротою гренадеръ отправился въ Бугульму.

Въ Казани находилось только полторы тысячи войска; но шесть тысячь были наскоро вооружены. Брантъ и Комендантъ Баширъ приготовились къ оборонѣ. Генералъ-Маіоръ Потемкинъ, начальникъ Тайной Комиссіи, учрежденной по дѣлу Пугачева, усердно имъ содѣйствовалъ. Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ не дождался Пугачева. Онъ съ своими людьми переправился чрезъ Волгу и уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ.

Полковникъ Толстой, начальникъ Казанскаго коннаго легіона, выступилъ противъ Пугачева, и 10 Іюля встрѣтилъ его въ двѣнадцати верстахъ отъ города. Произошло сраженіе. Храбрый Толстой былъ убитъ [6]), а отрядъ его разсѣянъ. На другой день Пугачевъ показался на лѣвомъ берегу Казанки, и расположился лагеремъ у Троицкой мельницы. Вечеромъ, въ виду всѣхъ Казанскихъ жителей, онъ самъ ѣздилъ высматривать городъ, и возвратился въ лагерь, отложа приступъ до слѣдующаго утра.

КАЗАНЬ ВЪ 1767 ГОДУ.

Правая половина гравюры-панорамы изъ атласа, приложеннаго къ соч. Le Clerc'a «Histoire de la Russie Moderne». Paris, 1785.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пугачевъ въ Казани. — Бѣдствіе города. — Появленіе Михельсона. — Три сраженія. — Освобожденіе Казани.—Свиданіе Пугачева съ его семействомъ.—Опроверженіе клеветы.—Распоряженіе Михельсона.

12 Іюля, на зарѣ, мятежники, подъ предводительствомъ Пугачева, потянулись отъ села Царицына по Арскому полю, двигая передъ собою возы сѣна и соломы, между коими везли пушки. Они быстро заняли находившіеся близъ предмѣстья кирпичные сараи, рощу и загородный домъ Кудрявцова, устроили тамъ свои баттареи и сбили слабый отрядъ, охранявшій дорогу. Онъ отступилъ, выстроясь къ карре и оградясь рогатками.

Прямо противъ Арскаго поля находилась главная городская баттарея. Пугачевъ на нее не пошелъ, а съ праваго своего крыла отрядилъ къ предмѣстію толпу заводскихъ крестьянъ подъ предводительствомъ измѣнника Минеева. Эта сволочь, большею частью безоружная, подгоняемая казацкими нагайками, проворно перебѣгала изъ буерака въ буеракъ, изъ лощины въ лощину, перепалзывала черезъ высоты, подверженныя пушечнымъ выстрѣламъ, и такимъ образомъ забралася въ овраги, находящіеся на краю самаго предмѣстія. Опасное сіе мѣсто защищали гимназисты, съ одною пушкою. Но, не смотря на ихъ выстрѣлы, бунтовщики въ точности исполнили приказаніе Пугачева; влѣзли на высоту, прогнали гимназистовъ голыми кулаками, пушку отбили, заняли лѣтній Губернаторскій домъ, соединенный съ предмѣстіями; пушку поставили въ ворота, стали стрѣлять вдоль улицъ и кучами ворвались въ предмѣстія. Съ другой стороны, лѣвое крыло Пугачева бросилось къ Суконной слободѣ. Суконщики <люди разнаго званія и большею частію кулачные бойцы>, ободряемые Преосвященнымъ Веніаминомъ, вооружились чѣмъ ни попало, поставили пушку у Горлова кабака и при-

готовились къ оборонѣ [1]). Башкирцы, съ Шарной горы, пустили въ нихъ свои стрѣлы и бросились въ улицы. Суконщики приняли было ихъ въ рычаги, въ копья и сабли; но ихъ пушку разорвало съ перваго выстрѣла и убило канонера. Въ это время Пугачевъ на Шарной горѣ поставилъ свои пушки, и пустилъ картечью по своимъ и по чужимъ. Слобода загорѣлась. Суконщики бѣжали. Мятежники сбили караулы и рогатки, и устремились по городскимъ улицамъ. Увидя пламя, жители и городское войско, оставя пушки, бросились къ крѣпости, какъ къ послѣднему убѣжищу. Потемкинъ вошелъ вмѣстѣ съ ними. Городъ сталъ добычею мятежниковъ. Они бросились грабить домы и купеческія лавки; вбѣгали въ церкви и монастыри, обдирали иконостасы; рѣзали всѣхъ, которые попадались имъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Пугачевъ, поставя свои баттареи въ трактирѣ Гостинаго двора, за церквами, у тріумфальныхъ воротъ, стрѣлялъ по крѣпости, особенно по Спасскому монастырю, занимающему ея правый уголъ и коего ветхія стѣны едва держались. Съ другой стороны, Минеевъ, втащивъ одну пушку на врата Казанскаго монастыря, а другую, поставя на церковной паперти, стрѣлялъ по крѣпости въ самое опасное мѣсто. Прилетѣвшее оттолѣ ядро разбило одну изъ его пушекъ. Разбойники, надѣвъ на себя женскія платья, поповскіе стихари, съ крикомъ бѣгали по улицамъ, грабя и зажигая домы. Осаждавшіе крѣпость имъ завидовали, боясь остаться безъ добычи... Вдругъ Пугачевъ приказалъ имъ отступить, и зажегши еще нѣсколько домовъ, возвратился въ свой лагерь. Настала буря. Огненное море разлилось по всему городу. Искры и головни летѣли въ крѣпость, и зажгли нѣсколько деревянныхъ кровель. Въ сію минуту часть одной стѣны съ громомъ обрушилась и подавила нѣсколько человѣкъ. Осажденные, стѣснившіеся въ крѣпости, подняли вопль, думая, что злодѣй вломился и что послѣдній ихъ часъ уже насталъ.

Изъ города погнали плѣнныхъ и повезли добычу. Башкирцы, не смотря на строгія запрещенія Пугачева, били нагайками народъ, и кололи копьями отстающихъ женщинъ и дѣтей. Множество потонуло, переправляясь въ бродъ черезъ Казанку. Народъ, пригнанный въ лагерь, поставленъ былъ на колѣна передъ пушками. Женщины подняли вой. Имъ объявили прощеніе. Всѣ закричали: ура! и кинулись къ ставкѣ Пугачева. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ, принимая дары Казанскихъ Татаръ, пріѣхавшихъ къ нему съ поклономъ. Потомъ спрашивали: кто желаетъ служить государю Петру Ѳеодоровичу?—Охотниковъ нашлось множество.

Преосвященный Веніаминъ [2]) во все время приступа находился въ крѣпости, въ Благовѣщенскомъ соборѣ, и на колѣнахъ со всѣмъ народомъ молилъ Бога о спасеніи христіанъ. Едва умолкла пальба, онъ поднялъ чудотворныя иконы, и не смотря на нестерпимый зной пожара и на падающія бревна, со всѣмъ бывшимъ при немъ духовенствомъ, сопровождаемый народомъ, обошелъ снутри крѣпость при молебномъ пѣніи.—Къ вечеру буря утихла, и вѣтеръ оборотился въ противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей! Казань, обращенная въ груды горящихъ углей, дымилась и рдѣла во мракѣ. Никто не спалъ. Съ разсвѣтомъ жители спѣшили взойти на крѣпостныя стѣны и устремили взоры въ ту сторону, откуда ожидали новаго приступа. Но, вмѣсто Пугачевскихъ полчищъ, съ изумленіемъ увидѣли гусаровъ Михельсона, скачущихъ въ городъ съ офицеромъ, посланнымъ отъ него къ Губернатору.

Никто не зналъ, что уже наканунѣ Михельсонъ, въ семи верстахъ отъ города, имѣлъ жаркое дѣло съ Пугачевымъ и что мятежники отступили въ безпорядкѣ.

Мы оставили Михельсона, неутомимо преслѣдующимъ опрометчивое стремленіе Пугачева. Въ Уфѣ оставилъ онъ своихъ больныхъ и раненыхъ, взялъ съ собою Маіора Дуве, и 21-го Іюня находился въ Бурновѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бирска. Мостъ, сожженный Якубовичемъ, былъ опять наведенъ мятежниками. Около трехъ тысячъ вышли на-встрѣчу Михельсону. Онъ ихъ разбилъ, и отрядилъ Дуве противу шайки Башкирцевъ, находившихся не въ дальнемъ разстояніи. Дуве ихъ разсѣялъ. Михельсонъ пошелъ на Осу, и 27-го Іюня разбивъ на дорогѣ толпу Башкирцевъ и Татаръ, узналъ отъ нихъ о взятіи Осы и о переправѣ Пугачева черезъ Каму. Михельсонъ пошелъ по его слѣдамъ. На Камѣ не было ни мостовъ, ни лодокъ. Конница переправилась вплавь, пѣхота на плотахъ. Михельсонъ, оставя Пугачева вправѣ, пошелъ прямо на Казань, и 11-го Іюля вечеромъ былъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ нея.

Ночью отрядъ его тронулся съ мѣста. Поутру, въ сорока пяти верстахъ отъ Казани, услышалъ онъ пушечную пальбу. Къ

полудню густой, багровый дымъ возвѣстилъ ему о жребіи города.

Полдневный жаръ и усталость отряда заставили Михельсона остановиться на одинъ часъ. Между тѣмъ узналъ онъ, что недалеко находилась толпа мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ напалъ, и взялъ четыреста въ плѣнъ; остальные бѣжали къ Казани и извѣстили Пугачева о приближеніи непріятеля. Тогда-то Пугачевъ, опасаясь нечаяннаго нападенія, отступилъ отъ крѣпости и приказалъ своимъ скорѣе выбираться изъ города, а самъ, занявъ выгодное мѣстоположеніе, выстроился близъ Царицына, въ семи верстахъ отъ Казани.

Михельсонъ, получивъ о томъ донесеніе, пустился черезъ лѣсъ одною колонною, и вышедъ въ поле, увидѣлъ передъ собою мятежниковъ, стоящихъ въ боевомъ порядкѣ.

Михельсонъ отрядилъ Харина противъ ихъ лѣваго крыла, Дуве противу праваго, а самъ пошелъ прямо на главную непріятельскую баттарею. Пугачевъ, ободренный побѣдою и усилясь захваченными пушками, встрѣтилъ нападеніе сильнымъ огнемъ. Передъ баттареей простиралось болото, чрезъ которое Михельсонъ долженъ былъ перейти, между тѣмъ, какъ Харинъ и Дуве старались обойти непріятеля. Михельсонъ взялъ баттарею; Дуве на правомъ флангѣ отбилъ также двѣ пушки. Мятежники, раздѣлясь на двѣ кучи, пошли—одни на-встрѣчу Харину, и остановясь въ тѣснинѣ за рвомъ, поставили баттареи и открыли огонь; другіе старались заѣхать въ тылъ отряду. Михельсонъ, оставя Дуве, пошелъ на подкрѣпленіе Харина, проходившаго чрезъ оврагъ подъ непріятельскими ядрами. Наконецъ, послѣ пяти часовъ упорнаго сраженія, Пугачевъ былъ разбитъ, и бѣжалъ, потерявъ восемь-сотъ человѣкъ убитыми и сто восемьдесятъ взятыми въ плѣнъ. Потеря Михельсона была незначительна. Темнота ночи и усталость отряда не позволили Михельсону преслѣдовать Пугачева.

Переночевавъ на мѣстѣ сраженія, передъ свѣтомъ Михельсонъ пошелъ къ Казани. На-встрѣчу ему поминутно попадались кучи грабителей, пьянствовавшихъ цѣлую ночь на развалинахъ сгорѣвшаго города. Ихъ рубили и брали въ плѣнъ. Прибывъ къ Арскому полю, Михельсонъ увидѣлъ приближающагося непріятеля; Пугачевъ, узнавъ о малочисленности его отряда, спѣшилъ предупредить его соединеніе съ городскимъ войскомъ. Михельсонъ,ославъ увѣдомить о томъ Губернатора, встрѣтилъ пушечными выстрѣлами толпу, кинувшуюся на него съ воплемъ и визгомъ, и принудилъ ее отступить. Потемкинъ подоспѣлъ изъ города съ гарнизономъ. Пугачевъ перешелъ черезъ Казанку, и удалился за пятнадцать верстъ отъ города, въ село Сухую Рѣку. Преслѣдовать его было невозможно: у Михельсона не было и тридцати годныхъ лошадей.

Казань была освобождена. Жители тѣснились на стѣнѣ крѣпости, дабы издали взглянуть на лагерь своего избавителя. Михельсонъ не трогался съ мѣста, ожидая новаго нападенія. Въ самомъ дѣлѣ, Пугачевъ, негодуя на свои неудачи, не терялъ однако же надежды одолѣть наконецъ Михельсона. Онъ отвсюду набиралъ новую сволочь, соединяясь съ отдѣльными своими отрядами, и 15 Іюля утромъ, приказавъ прочесть передъ своими толпами манифестъ, въ которомъ объявлялъ о своемъ намѣреніи итти на Москву, устремился въ третій разъ на Михельсона. Войско его состояло изъ двадцати пяти тысячь всякаго сброду. Многочисленныя толпы двинулись тою же дорогою, по которой уже два раза бѣжали. Облака пыли, дикіе вопли, шумъ и грохотъ возвѣстили ихъ приближеніе. Михельсонъ выступилъ противу ихъ съ осьмью стами карабинеръ, гусаръ и Чугуевскихъ казаковъ. Онъ занялъ мѣсто прежняго сраженія близъ Царицына, и раздѣлилъ войско свое на три отряда, въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Бунтовщики на него бросились. Яицкіе казаки стояли въ тылу и по приказанію Пугачева должны были колоть своихъ бѣглецовъ. Но Михельсонъ и Харинъ съ двухъ сторонъ на нихъ ударили, опрокинули и погнали. Все было кончено въ одно мгновеніе. Напрасно Пугачевъ старался удержать разсыпавшіяся толпы, сперва доскакавъ до перваго своего лагеря, а потомъ и до втораго. Харинъ живо его преслѣдовалъ, не давая ему времени нигдѣ остановиться. Въ сихъ лагеряхъ находилось до десяти тысячь Казанскихъ жителей всякаго пола и званія. Они были освобождены. Казанка была запружена мертвыми тѣлами; пять тысячь плѣнныхъ и девять пушекъ остались въ рукахъ у побѣдителя. Убито въ сраженіи до двухъ тысячь, большею частію Татаръ и Башкирцевъ. Михельсонъ потерялъ до ста человѣкъ убитыми и раненными. Онъ вошелъ въ городъ при кликахъ восхищенныхъ жителей, свидѣтелей его побѣды. Губернаторъ, измученный бо-

лѣзнію, отъ которой онъ и умеръ черезъ двѣ недѣли, встрѣтилъ побѣдителя за воротами крѣпости, въ сопровожденіи Дворянства и Духовенства. Михельсонъ отправился прямо въ Соборъ, гдѣ Преосвященный Веніаминъ отслужилъ благодарственный молебенъ.

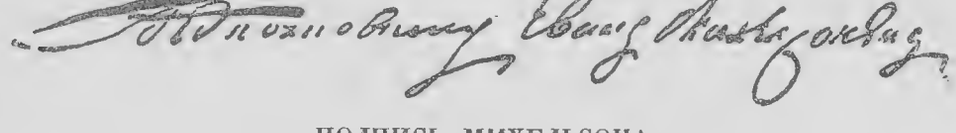
Состояніе Казани было ужасно: изъ двухъ тысячь осьми-сотъ шестидесяти семи домовъ, въ ней находившихся, двѣ тысячи пятьдесятъ семь сгорѣло. Двадцать пять церквей и три монастыря также сгорѣли. Гостиный дворъ и остальные домы, церкви и монастыри были разграблены; найдено до трехъ сотъ убитыхъ и раненыхъ обывателей; около пяти сотъ пропали безъ вѣсти. Въ числѣ убитыхъ находился Директоръ Гимназіи Каницъ, нѣсколько Учителей и учениковъ и Полковникъ Родіоновъ. Генералъ-Маіоръ Кудрявцовъ [3]), старикъ сто-десяти-лѣтній, не хотѣлъ скрыться въ крѣпость, не смотря на всевозможныя увѣщанія. Онъ на колѣнахъ молился въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Вбѣжало нѣсколько грабителей. Онъ сталъ ихъ увѣщевать. Злодѣи умертвили его на церковной паперти.

Такъ (бѣдный) колодникъ, за годъ тому бѣжавшій изъ Казани, отпраздновалъ свое возвращеніе! Тюремный дворъ, гдѣ ожидалъ онъ плетей и каторги, былъ имъ сожженъ, а невольники, его недавніе товарищи, выпущены. Въ казармахъ содержалась уже нѣсколько мѣсяцевъ казачка Софья Пугачева съ тремя своими дѣтьми. Самозванецъ, увидя ихъ, сказываютъ, заплакалъ, но не измѣнилъ самому себѣ. Онъ велѣлъ ихъ отвести въ лагерь, сказавъ, какъ увѣряютъ: *я ее знаю; мужъ ея оказалъ мнѣ великую услугу* [4]). Измѣнникъ Минеевъ, главный виновникъ бѣдствія Казани, при первомъ разбитіи Пугачева попался въ плѣнъ, и по приговору Военнаго Суда, загнанъ былъ сквозь строй до смерти [n]).

Казанское начальство стало печись о размѣщеніи жителей по уцѣлѣвшимъ домамъ. Они были приглашены въ лагерь, для разбора добычи, отнятой у Пугачева, и для обратнаго полученія своей собственности. Спѣшили раздѣлиться кое-какъ. Люди зажиточные стали нищими; кто былъ скуденъ, очутился богатъ!

Исторія должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную Свѣтомъ: утверждали, что Михельсонъ могъ предупредить взятіе Казани, но что онъ нарочно далъ мятежникамъ время ограбить городъ, дабы въ свою очередь поживиться богатою добычею, предпочитая какую бы то ни было прибыль славѣ, почестямъ и Царскимъ наградамъ, ожидавшимъ спасителя Казани и усмирителя бунта! Читатели видѣли, какъ быстро и какъ неутомимо Михельсонъ преслѣдовалъ Пугачева. Если Потемкинъ и Брантъ сдѣлали бы свое дѣло и успѣли удержаться хоть нѣсколько часовъ, то Казань была бы спасена. Солдаты Михельсона конечно обогатились; но стыдно было бы намъ обвинять безъ доказательства стараго, заслуженнаго воина, проведшаго всю жизнь на полѣ чести, и умершаго главнокомандующимъ Русскими войсками [5]).

14 Іюля прибылъ въ Казань Подполковникъ Графъ Меллинъ, и былъ отряженъ Михельсономъ для преслѣдованія Пугачева. Самъ Михельсонъ остался въ городѣ, для возобновленія своей конницы и для заготовленія припасовъ. Прочіе начальники наскоро сдѣлали нѣкоторыя военныя распоряженія, ибо, не смотря на разбитіе Пугачева, знали уже, сколь былъ опасенъ сей предпріимчивый и дѣятельный мятежникъ. Его движенія были столь быстры и непредвидимы, что не было средства его преслѣдовать; къ тому же конница была слишкомъ изнурена. Старались перехватить ему дорогу; но войска, разсѣянныя на великомъ пространствѣ, не могли всюду поспѣвать и дѣлать скорые обороты. Должно сказать и то, что рѣдкій изъ тогдашнихъ начальниковъ былъ въ состояніи управиться съ Пугачевымъ, или съ менѣе извѣстными его сообщниками [o]).



ПОДПИСЬ МИХЕЛЬСОНА.
(*Изъ приложеній къ изданію 1834 года*).

ГРАФЪ ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ПАНИНЪ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Пугачевъ за Волгою.—Общее смятеніе.— Письмо генерала Ступишина.—Намѣреніе Екатерины.—Графъ П. Ив. Панинъ. — Движеніе войскъ.—Взятіе Пензы.—Смерть Всеволожскаго. Споры Державина съ Бошнякомъ. — Взятіе Саратова.—Пугачевъ подъ Царицынымъ.—Смерть Астронома Ловица.—Пораженіе Пугачева. — Суворовъ. — Пугачевъ выданъ Правительству. — Разговоръ его съ Графомъ Панинымъ.—Судъ надъ Пугачевымъ и надъ его сообщниками.—Казнь бунтовщиковъ.

Пугачевъ бѣжалъ по Кокшайской дорогѣ, на перемѣнныхъ лошадяхъ, съ тремястами Яицкихъ и Илецкихъ казаковъ, и наконецъ ударился въ лѣсъ. Харинъ, преслѣдовавшій его цѣлыя тридцать верстъ, принужденъ былъ остановиться. Пугачевъ ночевалъ въ лѣсу. Его семейство было при немъ. Между его товарищами находились два новыя лица: одинъ изъ нихъ былъ молодой Пулавскій, родной братъ славнаго конфедерата [1]). Онъ находился въ Казани военноплѣннымъ и изъ ненависти къ Россіи присоединился къ шайкѣ Пугачева [2]). Другой былъ Пасторъ Реформатскаго исповѣданія. Во время Казанскаго пожара, онъ былъ приведенъ къ Пугачеву; самозванецъ узналъ его: нѣкогда, ходя въ цѣпяхъ по городскимъ улицамъ, Пугачевъ получалъ отъ него милостыню. Бѣдный Пасторъ ожидалъ смерти. Пугачевъ принялъ его ласково и пожаловалъ въ Полковники. Пасторъ-Полковникъ посаженъ былъ верхомъ на Башкирскую лошадь. Онъ сопровождалъ бѣгство Пугачева, и нѣсколько дней уже спустя, отсталъ отъ него и возвратился въ Казань [2]).

Пугачевъ два дня бродилъ то въ одну, то въ другую сторону, обманывая тѣмъ высланную погоню. Сволочь его, разсыпавшись, производила обычные грабежи. Бѣлобородовъ пойманъ былъ въ окрестностяхъ Казани, высѣченъ кнутомъ, потомъ отвезенъ въ Москву, и казненъ смертію. Нѣсколько сотенъ бѣглецовъ присоединились къ Пугачеву. 18 Іюля онъ вдругъ устремился къ Волгѣ, на Кокшайскій перевозъ, и въ числѣ пяти-сотъ человѣкъ лучшаго своего войска переправился на другую сторону.

Переправа Пугачева произвела общее смятеніе. Вся западная сторона Волги возстала и передалась самозванцу. Господскіе

крестьяне взбунтовались; иновѣрцы и Новокрещеные стали убивать Русскихъ Священниковъ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне изъ помѣстій; чернь ловила тѣхъ и другихъ, и отвсюду приводила къ Пугачеву. Пугачевъ объявилъ народу вольность, истребленіе дворянскаго рода, отпущеніе повинностей и безденежную раздачу соли [3]). Онъ пошелъ на Цывильскъ, ограбилъ городъ, повѣсилъ Воеводу, и раздѣливъ шайку свою на двѣ части, послалъ одну по Нижегородской дорогѣ, а другую по Алатырской, и пресѣкъ такимъ образомъ сообщеніе Нижняго съ Казанью. Нижегородскій Губернаторъ, Генералъ-Поручикъ Ступишинъ писалъ къ Князю Волконскому, что участь Казани ожидаетъ и Нижній, и что онъ не отвѣчаетъ и за Москву. Всѣ отряды, находившіеся въ губерніяхъ Казанской и Оренбургской, пришли въ движеніе и устремлены были противъ Пугачева. Щербаковъ изъ Бугульмы, а Князь Голицынъ изъ Мензелинска поспѣшили въ Казань; Меллинъ переправился черезъ Волгу и 19 Іюля выступилъ изъ Свіяжска; Мансуровъ изъ Яицкаго городка двинулся къ Сызрани; Муфель пошелъ къ Симбирску; Михельсонъ изъ Чебоксаровъ устремился къ Арзамасу, дабы пресѣчь Пугачеву дорогу къ Москвѣ...

Но Пугачевъ не имѣлъ уже намѣренія итти на старую столицу. Окруженный отвсюду войсками Правительства, не довѣряя своимъ сообщникамъ, онъ уже думалъ о своемъ спасеніи; цѣль его была—пробраться за Кубань, или въ Персію. Главные бунтовщики предвидѣли конецъ затѣянному ими дѣлу и уже торговались о головѣ своего предводителя! Перфильевъ, отъ имени всѣхъ виновныхъ казаковъ, послалъ тайно въ Петербургъ одного повѣреннаго съ предложеніемъ о выдачѣ самозванца. Правительство, однажды имъ обманутое, худо вѣрило ему: однако вошло съ нимъ въ сношеніе [4]) Пугачевъ бѣжалъ; но бѣгство его казалось нашествіемъ. Никогда успѣхи его не были ужаснѣе, никогда мятежъ не свирѣпствовалъ съ такою силою. Возмущеніе переходило отъ одной деревни къ другой; отъ провинціи къ провинціи. Довольно было появленія двухъ или трехъ злодѣевъ, чтобъ взбунтовать цѣлыя области. Составлялись отдѣльныя шайки грабителей и бунтовщиковъ: и каждая имѣла у себя своего Пугачева...

Сіи горестныя извѣстія сдѣлали въ Петербургѣ глубокое впечатлѣніе и омрачили радость, произведенную окончаніемъ Турецкой войны и заключеніемъ славнаго Кучукъ-Кайнарджискаго мира. Императрица, недовольная медлительностью Князя Щербатова, еще въ началѣ Іюля, рѣшилась отозвать его и поручить главное начальство надъ войскомъ Князю Голицыну. Курьеръ, ѣхавшій съ симъ указомъ, остановленъ былъ Нижнемъ-Новѣгородѣ, по причинѣ небезопасности дороги. Когда же Государыня узнала о взятіи Казани и о перенесеніи бунта за Волгу, тогда Она уже думала сама ѣхать въ край, гдѣ усиливалось бѣдствіе и опасность, и лично предводительствовать войскомъ. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ успѣлъ уговорить Ее оставить сіе намѣреніе. Императрица не знала, кому предоставить спасеніе Отечества. Въ сіе время вельможа, удаленный отъ Двора и, подобно Бибикову, бывшій въ немилости, Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, [15]) самъ вызвался принять на себя подвигъ, недовершенный его предшественникомъ. Екатерина съ признательностію увидѣла усердіе благороднаго Своего подданнаго, и Графъ Панинъ, въ то время, какъ вооруживъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ, готовился итти навстрѣчу Пугачеву, получилъ въ своей деревнѣ, повелѣніе принять главное начальство надъ губерніями, гдѣ свирѣпствовалъ мятежъ, и надъ войсками туда посланными. Такимъ образомъ покоритель Бендеръ пошелъ войною противу простаго казака, четыре года тому назадъ безвѣстно служившаго въ рядахъ войска, ввѣреннаго его начальству.

20 Іюля Пугачевъ подъ Курмышемъ переправился вплавь черезъ Суру. Дворяне и чиновники бѣжали. Чернь встрѣтила его на берегу съ образами и хлѣбомъ. Ей прочтенъ возмутительный манифестъ. Инвалидная команда приведена была къ Пугачеву. Маіоръ Юрловъ, начальникъ оной и унтеръ-офицеръ, коего имя, къ сожалѣнію, не сохранилось, одни не захотѣли присягнуть, и въ глаза обличали самозванца. Ихъ повѣсили, и мертвыхъ били нагайками. Вдова Юрлова спасена была ея дворовыми людьми. Пугачевъ велѣлъ раздать Чувашамъ казенное вино; повѣсилъ нѣсколько дворянъ, приведенныхъ къ нему крестьянами ихъ, и пошелъ къ Ядрииску, оставя городъ подъ начальствомъ четырехъ Яицкихъ казаковъ и давъ имъ въ распоряженіе шестьдесятъ приставшихъ къ нему холопьевъ. Онъ оставилъ за собою малую шайку для задержанія Графа Меллина. Михельсонъ, шедшій

къ Арзамасу, отрядилъ Харина къ Ядринску, куда спѣшилъ и Графъ Меллинъ. Пугачевъ, узнавъ о томъ, обратился къ Алатырю; но, прикрывая свое движеніе, послалъ къ Ядринску шайку, которая и была отбита Воеводою и жителями, а послѣ сего встрѣчена Графомъ Меллинымъ и совсѣмъ разсѣяна. Меллинъ поспѣшилъ къ Алатырю; мимоходомъ освободилъ Курмышъ, гдѣ повѣсилъ нѣсколькихъ мятежниковъ, а казака, назвавшагося Воеводою, взялъ съ собою, какъ языка. Офицеру инвалидной команды, присягнувшіе самозванцу, оправдывались тѣмъ, что присяга дана была ими *не отъ искренняго сердца, но для наблюденія интереса Ея Императорскаго Величества.* «А что мы», писали они Ступишину, «передъ Богомъ и всемилостивѣйшею Государынею нашей нарушили присягу, и тому злодѣю присягали, въ томъ приносимъ наше христіанское покаяніе и слезно просимъ отпущенія сего нашего невольнаго грѣха; ибо не иное насъ къ сему привело, какъ смертный страхъ». Двадцать человѣкъ подписали сіе постыдное извиненіе.

Пугачевъ стремился съ необыкновенною быстротою, отряжая во всѣ стороны свои шайки. Не знали, въ которой находился онъ самъ. Настичь его было невозможно: онъ скакалъ проселочными дорогами, забирая свѣжихъ лошадей, и оставлялъ за собою возмутителей, которые въ числѣ двухъ, трехъ и не болѣе пяти, разъѣзжали безопасно по селеніямъ и городамъ, набирая всюду новыя шайки. Трое изъ нихъ явились въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода; крестьяне Демидова связали ихъ и представили Ступишину. Онъ велѣлъ ихъ повѣсить на баркахъ и пустить внизъ по Волгѣ, мимо бунтующихъ береговъ.

27 Іюля Пугачевъ вошелъ въ Саранскъ. Онъ былъ встрѣченъ не только чернымъ народомъ, но духовенствомъ и купечествомъ.... [г]) Триста человѣкъ дворянъ, всякаго пола и возраста, были имъ тутъ повѣшены; крестьяне и дворовые люди стекались къ нему толпами. Онъ выступилъ изъ города 30-го. На другой день Меллинъ вошелъ въ Саранскъ, взялъ подъ караулъ прапорщика Шахмаметева, посаженнаго въ Воеводы отъ самозванца, также и другихъ важныхъ измѣнниковъ духовнаго и дворянскаго званія, а черныхъ людей велѣлъ высѣчь плетьми подъ висѣлицею.

Михельсонъ изъ Арзамаса устремился за Пугачевымъ. Муфель изъ Симбирска спѣшилъ ему же на-встрѣчу. Меллинъ шелъ по его пятамъ. Такимъ образомъ три отряда окружали Пугачева. Князь Щербатовъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія войскъ изъ Башкиріи, дабы отправить подкрѣпленіе дѣйствующимъ отрядамъ, и самъ хотѣлъ спѣшить за ними; но, получа указъ отъ 8 іюля, сдалъ начальство Князю Голицыну и отправился въ Петербургъ.

Между тѣмъ Пугачевъ приближился къ Пензѣ. Воевода Всеволожскій нѣсколько времени держалъ чернь въ повиновеніи, и далъ время дворянамъ спастись. Пугачевъ явился передъ городомъ. Жители вышли къ нему на-встрѣчу съ иконами и хлѣбомъ, и пали предъ нимъ на колѣна. Пугачевъ въѣхалъ въ Пензу. Всеволожскій, оставленный городскимъ войскомъ, заперся въ своемъ домѣ съ двѣнадцатью дворянами, и рѣшился защищаться. Домъ былъ зажженъ: храбрый Всеволожскій погибъ съ своими товарищами; казенные и дворянскіе дома были ограблены.. Пугачевъ посадилъ въ Воеводы господскаго мужика, и пошелъ къ Саратову.

Узнавъ о занятіи Пензы, Саратовское начальство стало дѣлать свои распоряженія.

Въ Саратовѣ находился тогда Державинъ. Онъ отряженъ былъ <какъ мы уже видѣли> въ село Малыковку, дабы оттуда пресѣчь дорогу Пугачеву въ случаѣ побѣга его на Иргизъ. Державинъ, извѣстясь о сношеніяхъ Пугачева съ Киргизъ-Кайсаками, успѣлъ отрѣзать ихъ отъ кочующихъ ордъ по рѣкамъ Узенямъ, и намѣревался итти на освобожденіе Яицкаго городка; но былъ предупрежденъ Генераломъ Мансуровымъ. Въ концѣ Іюля прибылъ онъ въ Саратовъ, гдѣ чинъ Гвардіи Поручика, рѣзкій умъ и пылкій характеръ доставили ему важное вліяніе на общее мнѣніе.

1 Августа Державинъ, обще съ главнымъ судіею Конторы Опекунства Колонистовъ, Лодыжинскимъ, потребовалъ Саратовскаго Коменданта Бошняка, для совѣщанія о мѣрахъ, кои должно было предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Державинъ утверждалъ, что около конторскихъ магазиновъ, внутри города, должно было сдѣлать укрѣпленія, перевезти туда казну, лодки на Волгѣ сжечь, по берегу разставить баттареи и итти на-встрѣчу Пугачеву. Бошнякъ не соглашался оставить свою крѣпость, и хотѣлъ держаться за городомъ. Спорили, горячились—и Державинъ, вышедъ изъ себя, предлагалъ арестовать Коменданта. Бошнякъ остался неколебимъ.

повторяя, что онъ ввѣренной ему крѣпости и Божіихъ церквей покинуть на расхищеніе не хочетъ. Державинъ, оставя его, пріѣхалъ въ Магистратъ; предложилъ, чтобы всѣ обыватели поголовно явились на земляную работу къ мѣсту, назначенному Лодыжинскимъ. Бошнякъ жаловался, но никто его не слушалъ. Памятникомъ сихъ споровъ осталось язвительное письмо Державина къ упрямому Коменданту. [6])

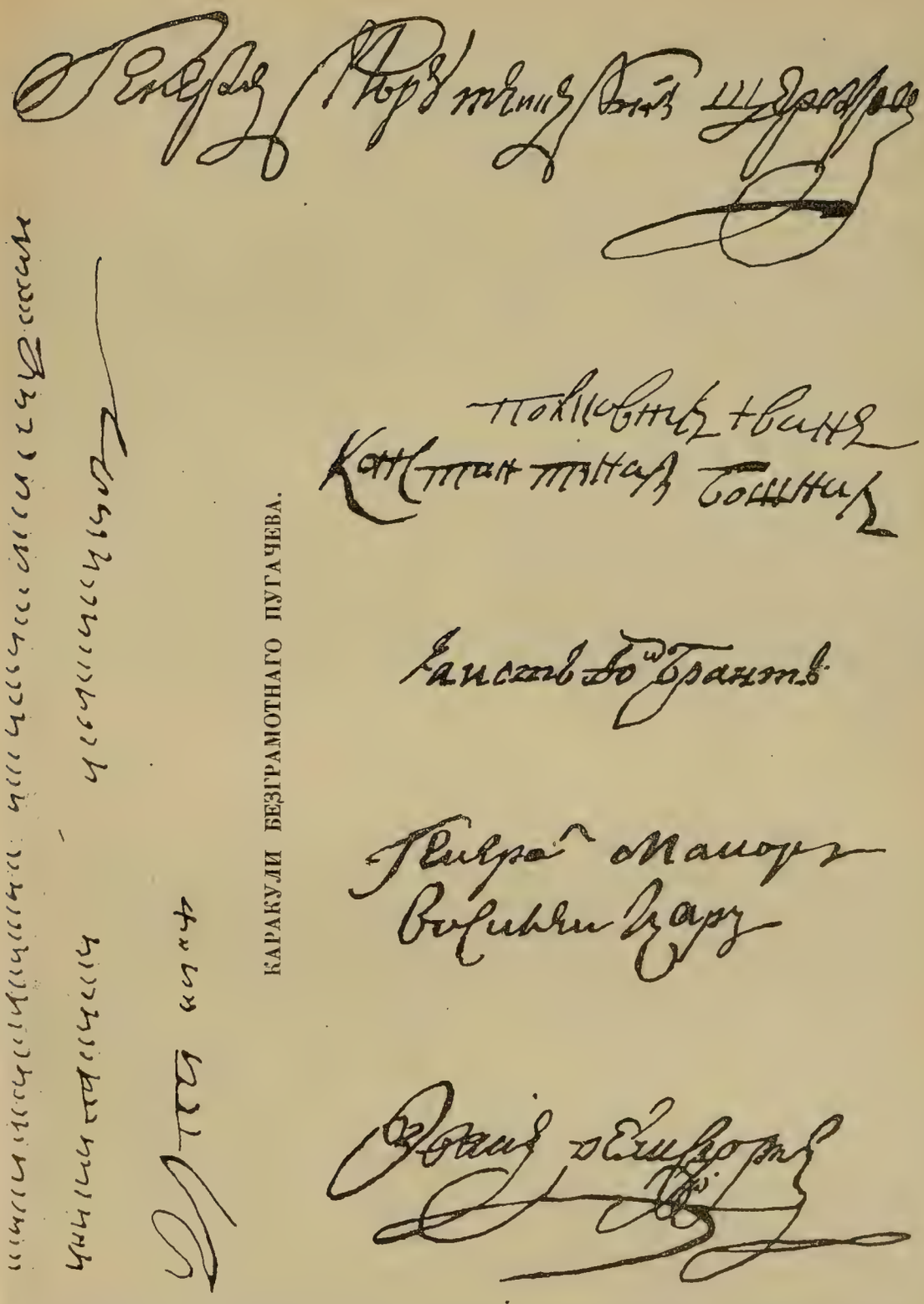
4 Августа узнали въ Саратовѣ, что Пугачевъ выступилъ изъ Пензы, и приближается къ Петровску. Державинъ потребовалъ отрядъ Донскихъ казаковъ, и пустился съ ними въ Петровскъ, дабы вывезти оттуда казну, порохъ и пушки. Но, подъѣзжая къ городу, услышалъ онъ колокольный звонъ и увидѣлъ, передовыя толпы мятежниковъ, вступающія въ городъ, и духовенство, вышедшее къ нимъ навстрѣчу съ образами и хлѣбомъ. Онъ поѣхалъ впередъ съ Есауломъ и двумя казаками, и видя, что болѣе дѣлать нечего, пустился съ ними обратно къ Саратову. Отрядъ его остался на дорогѣ, ожидая Пугачева. Самозванецъ къ нимъ подъѣхалъ въ сопровожденіи своихъ сообщниковъ. Они приняли его, стоя на колѣнахъ. Услыша отъ нихъ о гвардѣйскомъ офицерѣ, Пугачевъ тутъ же перемѣнилъ лошадь, и взявъ въ руки дротикъ, самъ съ четырьмя казаками поскакалъ за нимъ въ погоню. Одинъ изъ казаковъ, сопровождавшихъ Державина, былъ заколотъ Пугачевымъ. Державинъ успѣлъ добраться до Саратова, откуда на другой день выѣхалъ съ Лодыжинскимъ, оставя защиту города на попеченіе осмѣяннаго имъ Бошняка. [7])

5 Августа Пугачевъ пошелъ къ Саратову. Войско его состояло изъ трехъ-сотъ Яицкихъ казаковъ и ста-пятидесяти Донскихъ, приставшихъ къ нему наканунѣ, и тысячь до десяти Калмыковъ, Башкирцевъ, ясачныхъ Татаръ, господскихъ крестьянъ, холопьевъ и всякой сволочи. Тысячь до двухъ были кое-какъ вооружены, остальные шли съ топорами, вилами и дубинами. Пушекъ было у него тринадцать.

6-го Пугачевъ пришелъ къ Саратову, и остановился въ трехъ верстахъ отъ города.

Бошнякъ отрядилъ Саратовскихъ казаковъ для поимки языка; но они передались Пугачеву. Между тѣмъ обыватели тайно подослали къ самозванцу купца Кобякова съ измѣническими предложеніями. Бунтовщики подъѣхали къ самой крѣпости, разговаривая съ солдатами. Бошнякъ велѣлъ стрѣлять. Тогда жители, предводительствуемые городскимъ Головою Протопоповымъ, явно возмутились и приступили къ Бошняку, требуя, чтобъ онъ не начиналъ сраженія и ожидалъ возвращенія Кобякова. Бошнякъ спросилъ: какъ осмѣлились они, безъ его вѣдома, вступить въ переговоры съ самозванцемъ? Они продолжали шумѣть. Между тѣмъ Кобяковъ возвратился съ возмутительнымъ письмомъ. Бошнякъ, выхвативъ его изъ рукъ измѣнника, разорвалъ и растопталъ, а Кобякова велѣлъ взять подъ караулъ. Купцы пристали къ нему съ просьбами и угрозами, и Бошнякъ принужденъ былъ имъ уступить и освободить Кобякова. Онъ однако приготовился къ оборонѣ. Въ это время Пугачевъ занялъ Соколову гору, господствующую надъ Саратовомъ, поставилъ баттарею и началъ по городу стрѣлять. По первому выстрѣлу крѣпостные казаки и обыватели разбѣжались. Бошнякъ велѣлъ выпалить изъ мортиры; но бомба упала въ пятидесяти саженяхъ. Онъ обошелъ свое войско, и всюду увидѣлъ уныніе: однако не терялъ своей бодрости. Мятежники напали на крѣпость. Онъ открылъ огонь, и уже успѣлъ ихъ отразить, какъ вдругъ триста артиллеристовъ, выхватя изъ подъ пушекъ клинья и фитили, выбѣжали изъ крѣпости и передались. Въ это время самъ Пугачевъ кинулся съ горы на крѣпость. Тогда Бошнякъ, съ однимъ Саратовскимъ баталіономъ, рѣшился продраться сквозь толпы мятежниковъ. Онъ приказалъ Маіору Салманову выступить съ первою половиной баталіона; но, замѣтя въ немъ робость или готовность измѣнить, отрѣшилъ его отъ начальства. Маіоръ Бутыринъ заступился за него, и Бошнякъ вторично оказалъ слабость: онъ оставилъ Салманова при его мѣстѣ, и обратясь ко второй половинѣ баталіона, приказалъ распускать знамена и выходить изъ укрѣпленій. Въ сію минуту Салмановъ передался, и Бошнякъ остался съ шестидесятью человѣками офицеровъ и солдатъ. Храбрый Бошнякъ съ этою горстью людей выступилъ изъ крѣпости, и цѣлые шесть часовъ сряду шелъ—пробиваясь сквозь безчисленныя толпы разбойниковъ. Ночь прекратила сраженіе. Бошнякъ достигъ береговъ Волги. Казну и канцелярскія дѣла отправилъ рѣкою въ Астрахань, а самъ 11 Августа благополучно прибылъ въ Царицынъ.

Мятежники, овладѣвъ Саратовомъ, выпустили колодниковъ, отворили хлѣбные и соляные анбары, разбили кабаки, и разграбили домы. Пугачевъ повѣсилъ всѣхъ дво-



КАРАКУЛИ БЕЗГРАМОТНАГО ПУГАЧЕВА.

ПОДПИСИ КН. ЩЕРБАТОВА, БОШНЯКА, БРАНТА, КАРА И РЕЙНСДОРПА.

рянъ, попавшихся въ его руки, и запретилъ хоронить тѣла; назначилъ въ Коменданты города казацкаго пятидесятника Уфимцева, и 9-го Августа въ полдень выступилъ изъ города.—11-го въ разоренный Саратовъ прибылъ Муфель, а 14-го—Михельсонъ. Оба, соединясь, поспѣшили вслѣдъ за Пугачевымъ.

Пугачевъ слѣдовалъ по теченію Волги. Иностранцы, тутъ поселенные, большею частію бродяги и негодяи, всѣ къ нему присоединились, возмущенные Польскимъ конфедератомъ <неизвѣстно кѣмъ по имени, только не Пулавскимъ; послѣдній уже тогда отсталъ отъ Пугачева, негодуя на его звѣрскую свирѣпость.> Пугачевъ составилъ изъ нихъ гусарскій полкъ. Волжскіе казаки перешли также на его сторону.

Такимъ образомъ Пугачевъ со дня на день усиливался. Войско его состояло уже изъ двадцати тысячь. Шайки его наполняли губерніи Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Бѣглый холопъ Евсигнеевъ, назвавшись также Петромъ III, взялъ Инсару, Троицкъ, Наровчатъ и Керенскъ, повѣсилъ воеводъ и дворянъ, и вездѣ учредилъ свое правленіе. Разбойникъ Фирска подступилъ подъ Симбирскъ, убивъ въ сраженіи Полковника Рычкова, заступившаго мѣсто Чернышева, погибшаго подъ Оренбургомъ при началѣ бунта; гарнизонъ измѣнилъ ему. Симбирскъ былъ спасенъ однакожъ прибытіемъ Полковника Обернибѣсова. Фирска наполнилъ окрестности убійствами и грабежами. Верхній и Нижній Ломовъ были ограблены и сожжены другими злодѣями. Состояніе сего обширнаго края было ужасно. Дворянство обречено было погибели. Во всѣхъ селеніяхъ на воротахъ барскихъ дворовъ висѣли помѣщики или ихъ управители.[8]) Мятежники и отряды, ихъ преслѣдующіе, отнимали у крестьянъ лошадей, запасы и послѣднее имущество. Правленіе было повсюду пресѣчено. Народъ не зналъ, кому повиноваться. На вопросъ: кому вы вѣруете? Петру Ѳедоровичу или Екатеринѣ Алексѣевнѣ? мирные люди не смѣли отвѣчать, не зная—какой сторонѣ принадлежали вопрошатели.

13 Августа Пугачевъ приближился къ Дмитріевску <Камышенкѣ>. Его встрѣтилъ Маіоръ Дицъ съ пятью стами гарнизонныхъ солдатъ, тысячью Донскихъ казаковъ и пятью стами Калмыковъ, предводительствуемыхъ Князьями Дундуковымъ и Дербетевымъ. Сраженіе завязалось. Калмыки разбѣжались при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Казаки дрались храбро и доходили до самыхъ пушекъ, но были отрѣзаны и передались. Дицъ былъ убитъ. Гарнизонные солдаты со всѣми пушками были взяты. Пугачевъ ночевалъ на мѣстѣ сраженія; на другой день занялъ Дубовку и двинулся къ Царицыну.

Въ семъ городѣ, хорошо укрѣпленномъ, начальствовалъ Полковникъ Цыплетевъ. Съ нимъ находился храбрый Бошнякъ. 21 Августа Пугачевъ подступилъ съ обыкновенною дерзостію. Отбитый съ урономъ, онъ удалился за восемь верстъ отъ крѣпости. Противъ него выслали полторы тысячи Донскихъ казаковъ; но только четыреста возвратились: остальные передались.

На другой день Пугачевъ подступилъ къ городу со стороны Волги, и былъ опять отбитъ Бошнякомъ. Между тѣмъ услышалъ онъ о приближеніи отрядовъ, и поспѣшно сталъ удаляться къ Сарептѣ.

Михельсонъ, Муфель и Меллинъ прибыли 20-го въ Дубовку, а 22-го вступили въ Царицынъ.

Пугачевъ бѣжалъ по берегу Волги. Тутъ онъ встрѣтилъ Астронома Ловица, и спросилъ, что онъ за человѣкъ. Услыша, что Ловицъ наблюдалъ теченіе свѣтилъ небесныхъ, онъ велѣлъ его повѣсить *поближе къ звѣздамъ*. Адъюнктъ Иноходцевъ, бывшій тутъ же, успѣлъ убѣжать.

Пугачевъ отдыхалъ въ Сарептѣ цѣлыя сутки, скрываясь въ своемъ шатрѣ съ двумя наложницами. [9]) Семейство его находилось тутъ же. Онъ пустился внизъ къ Черному Яру. Михельсонъ шелъ по его пятамъ. Наконецъ, 25-го, на разсвѣтѣ онъ настигнулъ Пугачева въ ста пяти верстахъ отъ Царицына.

Пугачевъ стоялъ на высотѣ между двумя дорогами. Михельсонъ ночью обошелъ его, и сталъ противу мятежниковъ. Утромъ Пугачевъ опять увидѣлъ передъ собою своего грознаго гонителя; но не смутился, а смѣло пошелъ на Михельсона, отрядивъ свою пѣшую сволочь противу Донскихъ и Чугуевскихъ казаковъ, стоящихъ по обоимъ крыламъ отряда. Сраженіе продолжалось недолго. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разстроили мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они бѣжали, брося пушки и весь обозъ. Пугачевъ, переправясь черезъ мостъ, напрасно старался ихъ удержать; онъ бѣжалъ вмѣстѣ

ПУГАЧЕВА ПРИВОДЯТЪ КЪ СУВОРОВУ.
(Изъ книги Anthing'a, «Versuch einer Kriegsgeschichte des Grafen Alexander Suworow Rymnikski», Gotha, 1795).

съ ними. Ихъ били и преслѣдовали сорокъ верстъ. Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячь убитыми и до семи тысячь взятыми въ плѣнъ. Остальные разсѣялись. Пугачевъ въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія, переплылъ Волгу, выше Черноярска на четырехъ лодкахъ, и ушелъ на луговую сторону, не болѣе какъ съ тридцатью казаками. Преслѣдовавшая его конница опоздала четвертью часа. Бѣглецы, не успѣвшіе переправиться на лодкахъ, бросились вплавь, и перетонули.

Сіе пораженіе было послѣднимъ и рѣшительнымъ. Графъ Панинъ, прибывшій въ то время въ Керенскъ, послалъ въ Петербургъ радостное извѣстіе, отдавъ въ донесеніи своемъ полную справедливость быстротѣ, искуству и храбрости Михельсона. Между тѣмъ новое, важное лицо является на сценѣ дѣйствія: Суворовъ прибылъ въ Царицынъ.

Еще при жизни Бибикова, Государственная Коллегія, видя важность возмущенія, вызывала Суворова, который въ то время находился подъ стѣнами Силистріи; но Графъ Румянцевъ не пустилъ его, дабы не подать Европѣ слишкомъ великаго понятія о внутреннихъ безпокойствахъ государства. Такова была слава Суворова! [s]) По окончаніи же войны Суворовъ получилъ повелѣніе немедленно ѣхать въ Москву, къ Князю Волконскому, для принятія дальнѣйшихъ препорученій. Онъ свидѣлся съ Графомъ Панинымъ въ его деревнѣ, и явился въ отрядѣ Михельсона нѣсколько дней послѣ послѣдней побѣды. Суворовъ имѣлъ отъ Графа Панина предписаніе Начальникамъ войскъ и губернаторамъ—исполнять его приказанія. Онъ принялъ начальство надъ Михельсоновымъ отрядомъ, посадилъ пѣхоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева, и въ Царицынѣ переправился черезъ Волгу. Въ одной изъ бунтовавшихъ деревень онъ взялъ, подъ

видомъ наказанія, пятьдесятъ паръ воловъ, и съ симъ запасомъ углубился въ пространную степь, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни воды, и гдѣ днемъ должно было направлять путь свой по солнцу, а ночью по звѣздамъ.

Пугачевъ скитался по той же степи. Войска отовсюду окружали его; Меллинъ и Муфель, также перешедшіе черезъ Волгу, отрѣзывали ему дорогу къ сѣверу; легкій полевой отрядъ шелъ ему на-встрѣчу изъ Астрахани; Князь Голицынъ и Мансуровъ преграждали его отъ Яика; Дундуковъ съ своими Калмыками рыскалъ по степи; разъѣзды учреждены были отъ Гурьева до Саратова, и отъ Чернаго до Краснаго Яра. Пугачевъ не имѣлъ средствъ выбраться изъ сѣтей, его стѣсняющихъ. Его сообщники, съ одной стороны видя неминуемую гибель, а съ другой—надежду на прощеніе, стали сговариваться и рѣшились выдать его Правительству.

Пугачевъ хотѣлъ итти къ Каспійскому морю, надѣясь какъ нибудь пробраться въ Киргизъ-Кайсацкія степи. Казаки на то притворно согласились: но сказавъ, что хотятъ взять съ собою женъ и дѣтей, повезли его на Узени, обыкновенное убѣжище тамошнихъ преступниковъ и бѣглецовъ. 14 Сентября они прибыли въ селенія тамошнихъ старовѣровъ. Тутъ произошло послѣднее совѣщаніе. Казаки, несогласившіеся отдаться въ руки Правительства, разсѣялись. Прочіе пошли къ ставкѣ Пугачева.

Пугачевъ сидѣлъ одинъ въ задумчивости. Оружіе его висѣло въ сторонѣ. Услыша вошедшихъ казаковъ, онъ поднялъ голову и спросилъ, чего имъ надобно? Они стали говорить о своемъ отчаянномъ положеніи, и между тѣмъ, тихо подвигаясь, старались загородить его отъ висѣвшаго оружія. Пугачевъ началъ опять ихъ уговаривать, итти къ Гурьеву городку. Казаки отвѣчали, что они долго ѣздили за нимъ, и что ему уже пора ѣхать за ними. Что-же? сказалъ Пугачевъ, вы хотите измѣнить своему Государю?—Что дѣлать! отвѣчали казаки и вдругъ на него кинулись. Пугачевъ успѣлъ отъ нихъ отбиться. Они отступили на нѣсколько шаговъ. *Я давно видѣлъ вашу измѣну*, сказалъ Пугачевъ, и подозвавъ своего любимца, плецкаго казака Творогова, протянулъ ему свои руки и сказалъ: *вяжи!* Твороговъ хотѣлъ ему скрутить локти назадъ. Пугачевъ не далcя. *Развѣ я разбойникъ?* говорилъ онъ гнѣвно. Казаки посадили его верхомъ, и повезли къ Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачевъ имъ угрожалъ местью Великаго Князя. Однажды нашелъ онъ способъ высвободить руки, выхватилъ саблю и пистолетъ, ранилъ выстрѣломъ одного изъ казаковъ, и закричалъ, чтобъ вязали измѣнниковъ. Но никто уже его не слушалъ. Казаки, подъѣхавъ къ Яицкому городку, послали увѣдомить о томъ коменданта. Казакъ Харчевъ и сержантъ Бардовскій высланы были къ нимъ на-встрѣчу, приняли Пугачева, посадили его въ колодку и привезли въ городъ, прямо къ Гвардіи Капитанъ-Поручику Маврину, члену слѣдственной комиссіи. [10])

Мавринъ допросилъ самозванца. Пугачевъ съ перваго слова открылся ему. *Богу было угодно*, сказалъ онъ, *наказать Россію черезъ мое окаянство.*—Велѣно было жителямъ собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержащіеся въ оковахъ. Мавринъ вывелъ Пугачева, и показалъ его народу. Всѣ узнали его; бунтовщики потупили голову. Пугачевъ громко сталъ ихъ уличать, и сказалъ: *Вы погубили меня; вы нѣсколько дней сряду меня упрашивали принять на себя имя покойнаго Великаго Государя; я долго отрицался, а когда и согласился, то все, что ни дѣлалъ, было съ вашей воли и согласія; вы же поступали часто безъ вѣдома моего и даже вопреки моей воли.* Бунтовщики не отвѣчали ни слова.

Суворовъ между тѣмъ прибылъ на Узени, и узналъ отъ пустынниковъ, что Пугачевъ былъ связанъ его сообщниками, и что они повезли его къ Яицкому городку. Суворовъ поспѣшилъ туда же. Ночью сбился онъ съ дороги, и нашелъ на огни, раскладенные въ степи ворующими Киргизами. Суворовъ на нихъ напалъ и прогналъ, потерявъ нѣсколько человѣкъ, и между ними своего Адъютанта Максимовича. Черезъ нѣсколько дней прибылъ онъ въ Яицкой городокъ. Симоновъ сдалъ ему Пугачева. Суворовъ съ любопытствомъ распрашивалъ (славнаго) мятежника о его военныхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, и повезъ его въ Симбирскъ, куда долженъ былъ пріѣхать и графъ Панинъ.

Пугачевъ сидѣлъ въ деревянной клѣткѣ на двуколесной телѣгѣ. Сильный отрядъ, при двухъ пушкахъ, окружалъ его. Суворовъ отъ него не отлучался. Въ деревнѣ Мостахъ (во стѣ сорока верстахъ отъ Самары) случился пожаръ близъ избы, гдѣ ночевалъ Пугачевъ. Его высадили изъ клѣтки, привязали къ телѣгѣ вмѣстѣ съ его сыномъ, рѣзвымъ и смѣлымъ мальчикомъ, и во всю ночь Суворовъ самъ ихъ караулилъ. Въ Коспорьѣ, противъ Самары, ночью, въ

волновую погоду, Суворовъ переправился черезъ Волгу, и пришелъ въ Симбирскъ въ началѣ Октября.

Пугачева привезли прямо на дворъ къ Графу Панину, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ штабомъ.—Кто ты таковъ? спросилъ онъ у самозванца.—*Емельянъ Ивановъ Пугачевъ*, отвѣчалъ тотъ. — Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться Государемъ? продолжалъ Панинъ.—*Я не воронъ* <возразилъ Пугачевъ, играя словами, и изъясняясь, по своему обыкновенію иносказательно>: *я вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ*.—Надобно знать, что Яицкіе бунтовщики въ опроверженіе общей молвы, распустили слухъ, что между ними дѣйствительно находился нѣкто Пугачевъ, но что онъ съ Государемъ Петромъ III, ими предводительствующимъ, ничего общаго не имѣетъ. Панинъ, замѣтя, что дерзость Пугачева поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови, и вырвалъ у него клокъ бороды. Пугачевъ сталъ на колѣна, и просилъ помилованія. Онъ посаженъ былъ подъ крѣпкій караулъ, скованный по рукамъ и по ногамъ, съ желѣзнымъ обручемъ около поясницы, на цѣпи, привинченной къ стѣнѣ. Академикъ Рычковъ, отецъ убитаго Симбирскаго Коменданта, видѣлъ его тутъ и описалъ свое свиданіе. Рычковъ спросилъ его, какъ могъ онъ отважиться на такія великія злодѣянія?—Пугачевъ отвѣчалъ: *виноватъ предъ Богомъ и Государыней, но буду стараться заслужить всѣ мои вины*. Говоря о своемъ сынѣ, Рычковъ не могъ удержаться отъ слезъ; Пугачевъ, глядя на него, самъ заплакалъ.[к]

Наконецъ Пугачева отправили въ Москву, гдѣ участь его должна была рѣшиться. [11]) Его везли въ зимней кибиткѣ, на перемѣнныхъ обывательскихъ лошадяхъ; гвардіи Капитанъ Галаховъ и Капитанъ Повало-Швейковскій, нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ бывшій въ плѣну у самозванца, сопровождали его. Онъ былъ въ оковахъ. Солдаты кормили его изъ своихъ рукъ, и говорили дѣтямъ, которыя тѣснились около его клѣтки: помните, дѣти, что вы видѣли Пугачева. Старые люди еще разсказываютъ о его смѣлыхъ отвѣтахъ на вопросы проѣзжихъ господъ. Во всю дорогу онъ былъ веселъ и спокоенъ. Въ Москвѣ встрѣченъ онъ былъ многочисленнымъ народомъ, недавно ожидавшимъ его съ нетерпѣніемъ и едва усмиреннымъ помкою грознаго злодѣя. Онъ былъ посаженъ на Монетный дворъ, гдѣ съ утра до ночи, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, любопытные могли видѣть его прикованнаго къ стѣнѣ, и еще страшнаго въ самомъ безсиліи. Разсказываютъ, что многія женщины падали въ обморокъ отъ его огненнаго взора и грознаго голоса. Передъ судомъ онъ оказалъ неожиданную слабость духа. [12]) Принуждены были постепенно приготовить его къ услышанію смертнаго приговора. Пугачевъ и Перфильевъ приговорены былъ къ четвертованію; Чика, къ отсѣченію головы; Шигаевъ, Подуровъ [t]) и Торновъ къ висѣлицѣ; осьмнадцать человѣкъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ на каторжную работу.—Казнь Пугачева и его сообщниковъ совершилась въ Москвѣ, 10 Января 1775 года. Съ утра безчисленное множество народа столпилось на Болотѣ, гдѣ воздвигнутъ былъ высокій помостъ. На немъ сидѣли палачи и пили вино, въ ожиданіи жертвъ. Около помоста стояли три висѣлицы. Кругомъ выстроены были пѣхотные полки. Офицеры были въ шубахъ, по причинѣ жестокаго мороза. Кровли домовъ и лавокъ усѣяны были людьми; низкая площадь и ближнія улицы заставлены каретами и колясками. Вдругъ все заколебалось и зашумѣло; закричали: везутъ, везутъ! Вслѣдъ за отрядомъ кирасиръ ѣхали сани, съ высокимъ амвономъ. На немъ, съ открытою головою, сидѣлъ Пугачевъ, насупротивъ его духовникъ. Тутъ же находился чиновникъ Тайной Экспедиціи. Пугачевъ, пока его везли, кланялся на обѣ стороны. За санями слѣдовала еще конница и шла толпа прочихъ осужденныхъ. Очевидецъ <въ то время едва вышедшій изъ отрочества [Дмитріевъ], нынѣ старецъ, увѣнчанный славою Поэта и Государственнаго мужа> описываетъ слѣдующимъ образомъ кровавое позорище:

«Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное слово: *на караулъ*, и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

«При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, Оберъ-Полицеймейстеръ спрашивалъ его громко: ты ли Донской казакъ, Емелька Пугачевъ? Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: такъ, государь, я Донской казакъ, Зимовейской станицы. Емелька Пугачевъ. Потомъ, во все продол-

женіе чтенія манифеста, онъ, глядя на Соборъ, часто крестился, между тѣмъ, какъ сподвижникъ его, Перфильевъ, немалаго роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю. По прочтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ, сдѣлавъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратился къ Соборамъ, потомъ съ утомленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: *прости, народъ православный; отпусти, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою... прости, народъ православный!* При семъ словѣ Экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда онъ сплеснулъ руками, повалился навзничь, и вмигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ». [13])

Палачъ имѣлъ тайное повелѣніе, сократить мученія преступниковъ. У трупа отрѣзали руки и ноги, палачи разнесли ихъ по четыремъ угламъ эшафота, голову показали уже потомъ и воткнули на высокій колъ. Перфильевъ, перекрестясь, простерся ницъ и остался недвижимъ. Палачи его подняли, и казнили такъ же, какъ и Пугачева. Между тѣмъ Шигаевъ, Подуровъ и Торновъ уже висѣли въ послѣднихъ содроганіяхъ... Въ сіе время зазвенѣлъ колокольчикъ: Чику повезли въ Уфу, гдѣ казнь его должна была совершиться. Тогда начались торговыя казни; народъ разошелся; осталась малая кучка любопытныхъ около столба, къ которому, одинъ послѣ другаго, привязывались преступники, присужденные къ кнуту. Отрубленные члены четвертованныхъ мятежниковъ были разнесены по Московскимъ заставамъ, и, нѣсколько дней послѣ сожжены вмѣстѣ съ тѣлами. Палачи развѣяли пепелъ. Помилованные мятежники были, на другой день казней, приведены предъ Грановитую палату. Имъ объявили прощеніе, и при всемъ народѣ сняли съ нихъ оковы.

Такъ кончился мятежъ, начатый горстію непослушныхъ казаковъ, усилившійся по непростительному нерадѣнію начальства, и поколебавшій Государство отъ Сибири до Москвы, и отъ Кубани до Муромскихъ лѣсовъ. Совершенное спокойствіе долго еще не водворялось. Панинъ и Суворовъ цѣлый годъ оставались въ усмиренныхъ губерніяхъ, утверждая въ нихъ ослабленное правленіе, возобновляя города и крѣпости, и искореняя послѣднія отрасли пресѣченнаго бунта. [5]) Въ концѣ 1775 года обнародовано было общее прощеніе, и повелѣно все дѣло предать вѣчному забвенію. Екатерина, желая истребить воспоминаніе объ ужасной эпохѣ, уничтожила древнее названіе рѣки, коей берега были первыми свидѣтелями возмущенія. Яицкіе казаки переименованы были въ Уральскіе, а городокъ ихъ назвался симъ же именемъ. Но слѣды страшнаго бунтовщика сохранились еще въ краяхъ, гдѣ онъ свирѣпствовалъ. Народъ живо еще помнитъ кровавую пору, которую — такъ выразительно—прозвалъ онъ Пугачевщиною [11]).

ПО ПРИКАЗАНІЮ СУВОРОВА ПУГАЧЕВА ВЪ КЛѢТКѢ ОТВОЗЯТЪ ВЪ МОСКВУ.

Рисунокъ Шевченки (Полевой, «Исторія Суворова»).

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ИСТОРІИ

ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ПЕРВОЙ.

(1) НѢкоторые изъ ученыхъ Яицкихъ казаковъ почитаютъ себя потомками стрѣльцовъ. МнѢніе сіе не безъ основанія, какъ увидимъ ниже. Самыя удовлетворительныя изслѢдованія о первоначальномъ поселеніи Яицкихъ казаковъ находимъ мы въ *Историческомъ и Статистическомъ Обозрѣніи Уральскихъ казаковъ*, сочиненіи А. П. Левшина, отличающемся, какъ и прочія произведенія Автора, истинною ученостію и здравой критикою.

«Время и образъ казачьей жизни, <говоритъ Авторъ>, лишили насъ точныхъ и несомнѢнныхъ свѢдѢній о происхожденіи Уральскихъ казаковъ. ВсѢ историческія объ нихъ извѢстія, теперь существующія, основаны только на преданіяхъ, довольно позднихъ, не совсѣмъ опредѢлительныхъ и никѣмъ критически не разобранныхъ.

«ДревнѢйшее, впрочемъ самое краткое, описаніе сихъ преданій находимъ въ доношеніи Станичнаго Атамана Яикскаго, Ѳедора Рукавишникова, Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѢлъ, 1720 года. [1])

«Дополненіемъ и продолженіемъ онаго служатъ: 1) Донесеніе Оренбургскаго Губернатора Неплюева Военной Коллегіи, отъ 22-го Ноября 1748 года. [2]) 2) Оренбургская Исторія Рычкова. 3) Его же Оренбургская Топографія. 4) Довольно любопытный рукописный журналъ бывшаго Войсковаго Атамана Яикскаго Ивана Акутина. [3]) 5) НѢкоторые новѢйшіе акты, хранящіеся въ Архивахъ Уральской Войсковой Канцеляріи и Оренбургской Пограничной Комиссіи.

«Вотъ лучшіе и почти единственные источники для исторіи Уральскихъ казаковъ.

«То, что писали объ нихъ иностранцы, не можетъ быть сюда причислено: ибо большая часть таковыхъ сочиненій основана на догадкахъ, ничѢмъ не доказанныхъ, часто противорѢчащихъ истинѢ и нелѢпыхъ. Такъ, напримѣръ, сочинитель примѢчаній на Родословную Исторію Татаръ Абулгази-Баядуръ-Хана утверждаетъ, что казаки Уральскіе произошли отъ древнихъ Кипчаковъ; что они пришли въ подданство Россіи вслѢдъ за покореніемъ Астрахани; что они имѢютъ особливый смѢшанный языкъ, на которомъ говорятъ со всѣми сосѢдними Татарами; что они могутъ выставить 30.000 вооруженныхъ воиновъ; что городъ Уральскъ стоитъ въ сорока верстахъ отъ устья Урала, текущаго въ Каспійское море, и проч.». [4]) ВсѢ сіи нелѢпости, которыя не заслуживаютъ опроверженія для Русскихъ, приняты однакожъ въ прочихъ частяхъ Европы за справедливыя. Знаменитый Пуффендорфъ и Дегинь внесли ихъ, къ сожалѢнію, въ свои сочиненія. [5])

«Возвращаясь къ вышеупомянутымъ пяти источникамъ нашимъ и сравнивая ихъ между собою, во всѢхъ видимъ ту главную истину, что Яикскіе или Уральскіе [6]) казаки произошли отъ Донскихъ: но о времени поселенія ихъ на занимаемыхъ теперь мѢстахъ не находимъ положительнаго и единогласнаго извѢстія.

«Рукавишниковъ, писавшій, какъ сказали мы, въ 1720 году, полагалъ, что предки его пришли на Яикъ, *можетъ быть, назадъ около двухъ сотъ лѣтъ*, т. е. въ первой половинѢ XVI столѢтія.

«Неплюевъ повторяетъ слова Рукавишникова.

«Рычковъ, въ Оренбургской Исторіи, пишетъ: *начало сего яикскаго войска, по извѣстіямъ отъ Яикскихъ старшинъ, произошло около 1584 года.* [7]) Въ Топографіи же, сочиненной послѢ Исторіи, онъ говоритъ, что первое поселеніе казаковъ на ЯикѢ случилось въ XIV столѢтіи. [8])

«Сіе послѢднее извѢстіе основано имъ на преданіи, полученномъ въ 1748 году отъ Яикскаго Войсковаго Атамана Ильи Меркульева, котораго отецъ, Григорій, былъ также Войсковымъ Атаманомъ, жилъ сто лѢтъ, умеръ въ 1741 г. и слышалъ въ молодости отъ столѢтней же бабки своей, что она, будучи лѢтъ двадцати отъ-роду, знала очень старую Татарку, по имени *Гуниху*, разсказывавшую ей слѢдующее: «Во время Тамерлана одинъ Донской казакъ, по имени Василій Гугна, съ 30 человѢками товарищей изъ казаковъ же и однимъ Татариномъ, удалился съ Дона для грабежей на Востокъ, сдѢлалъ лодки, пустился на оныхъ въ Каспійское море, дошелъ до устья Урала, и найдя окрестности онаго необитаемыми, поселился въ нихъ. По прошествіи

[1]) Сіе доношеніеі въ копіи мною найденное въ дѣлахъ Архива Оренбургской Пограничной Комиссіи, есть то самое, о которомъ говоритъ Рычковъ въ своей Топографіи; но онъ Рукавишникова называетъ Крашенинниковымъ. НѢкоторые достойные вѣроятія жители Уральскіе сказывали мнѢ, что Атаманъ сей носилъ обѢ фамиліи.—*Л*[*евшинъ*].

[2]) Отпускъ сего донесенія нашелъ я также въ Архивѣ Оренбургской Пограничной Комиссіи.—*Л.*

[3]) За списокъ съ сего журнала, равно какъ и за другія свѢдѢнія, на которыхъ основана часть сего описанія, обязанъ я благодарностію нѢкоторымъ чиновникамъ Уральскаго войска.—*Л.*

[1]) Родословной Исторіи о Татарахъ, ч. 2, гл. 2; также ч. 9, гл. 9.—*Л.*

[5]) Histoire des Huns et des Tat., liv. 19, chap. 2.—*Л.*

[6]) Далѣе увидимъ, когда рѣка Яикъ получила названіе Урала.—*Л.*

[7]) ИзвѢстія объ Уральскомъ войскѣ, помѣщенныя въ Оренбургской Исторіи Рычкова, собраны имъ, по собственнымъ словамъ его, въ 1744 году; а тѣ, которыя помѣстилъ онъ въ Топографіи своей, получены имъ въ 1748 году.—*Л.*

[8]) См. Сочиненія и переводы ежемѣсячные 1762 года, мѣсяцъ Августъ.—*Л.*

нѣсколькихъ лѣтъ, шайка сія напала на скрывшихся близъ ея жилища въ лѣсахъ трехъ братьевъ Татаръ, изъ которыхъ младшій былъ женатъ на ней, Гугнихѣ <повѣствовательницѣ>, и которые отдѣлились отъ Золотой Орды, также разсѣявшейся, потому что Тамерланъ, возвращаясь изъ Россіи, намѣревался напасть на оную. Трехъ братьевъ сихъ казаки побили, а ее, Гугниху, взяли въ плѣнъ и подарили своему Атаману». Далѣе, послѣ нѣсколькихъ пустыхъ подробностей, та же повѣствовательница разсказывала—«что мужъ ея еще въ дѣтствѣ слыхалъ о Россійскомъ городѣ Астрахани; что съ казаками, ее плѣнившими, при ней соединилось много Татаръ Золотой Орды и Русскихъ, что они убивали дѣтей своихъ и проч.»

«Продолженіе ея разсказовъ сходно съ тѣмъ, что мы будемъ описывать за истинное; но изложенное сейчасъ начало, не взирая на извѣстную ученость, полезные труды и обширныя свѣдѣнія Рычкова о Средней Азіи и Оренбургскомъ краѣ, хронологически невозможно и противно многимъ несомнѣннымъ историческимъ извѣстіямъ. Поелику же сія повѣсть принята за единственный и правдоподобнѣйшій источникъ для Исторіи Уральскихъ казаковъ, и поелику она неоднократно повторена въ новѣйшихъ Русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ, [9]) то мы обязанностію почитаемъ войти въ нѣкоторыя, даже скучныя подробности для опроверженія оной.

«1. Если Атаманъ Григорій Меркульевъ, жившій около ста лѣтъ, умеръ въ 1741 году, то онъ родился въ 1641 или близъ того времени. Столѣтняя бабка его, разсказывавшая ему такую подробную и важную для всякаго казака Исторію, и слѣдовательно умершая не прежде, какъ когда ему было 15 лѣтъ, то есть около 1656 года, должна была родиться въ 1556 году или хотя въ 1550; Гугниху же узнала она на двадцатомъ году своего возраста, т. е. около 1570 года. Положивъ теперь, что Гугнихѣ было тогда лѣтъ 90, выйдетъ, что она родилась въ 1480 году или, короче сказать, въ концѣ XV столѣтія. Какъ же она могла помнить такія происшествія, которыя были въ XIV столѣтіи, т. е. почти за сто лѣтъ до ея рожденія: ибо Тамерланъ приходилъ въ Россію въ 1395 году? [10])

«2. Мужъ Гугнихи *въ малыхъ лѣтахъ слыхалъ отъ стариковъ, что отъ рѣки Яика не очень далеко есть Россійскіе города Астрахань и другіе.* [11]) Извѣстно, что Астрахань взята въ 1554 году; [12]) итакъ не должно ли здѣсь предполагать, что сама Гугниха и мужъ ея жили въ XVI столѣтіи? Таковое предположеніе ближе къ истинѣ и, какъ увидимъ сейчасъ, согласно съ прочими извѣстіями о началѣ Уральскихъ казаковъ.

«3. И Гугниха, и Рукавишниковъ, и Рычковъ въ Исторіи Оренбургской, и преданія, мною самимъ слышанныя въ Уральскѣ и Гурьевѣ, единогласно говорятъ, что Уральскіе казаки происходятъ отъ Донскихъ. Но во времена Тамерлана, Донскіе казаки еще не существовали, и Исторія нигдѣ намъ не говоритъ объ нихъ прежде XVI столѣтія. Даже если принять, что они составляютъ одинъ и тотъ же народъ съ Азовскими казаками, то и о сихъ послѣднихъ, какъ пишетъ Г. Карамзинъ, [13]) лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ уже въ 1499 году, т. е. слишкомъ чрезъ сто лѣтъ послѣ нашествія Тамерлана.

«4. Въ XIV столѣтіи Россія еще не свергла ига Татарскаго; границы ея тогда были отдалены отъ Каспійскаго моря болѣе, нежели на тысячу верстъ, и обширная степь, отъ Дона чрезъ Волгу до Яика простирающаяся, была покрыта племенами Монголо-Татарскими. Какъ же могла горсть буйныхъ казаковъ не только пробраться чрезъ такое большое разстояніе и чрезъ тысячи непріятелей, но даже поселиться между ними и грабить ихъ? Миллеръ, извѣстный своими изысканіями и свѣдѣніями въ Исторіи нашей, говоритъ: [14]) *пока Татары южными Россійскаго Государства странами владѣли, о Россійскихъ казакахъ ничего не слышно было.*

«Показавъ несправедливость повѣсти, помѣщенной Рычковымъ въ Оренбургской Топографіи, примемъ первыя его объ Уральскомъ казачьемъ войскѣ извѣстія, напечатанныя въ Оренбургской Исторіи; дополнимъ оныя свѣдѣніями, заключающимися въ помянутыхъ доношеніяхъ Рукавишникова и Неплюева, и преданія, мною самимъ собранныя на Уралѣ; сообразимъ ихъ съ сочиненіями знаменитѣйшихъ Писателей, и предложимъ читателямъ слѣдующее Историческое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ.»

(2) О Гугнихѣ смотри подробное баснословіе Рычкова, въ его Оренбургской Исторіи.

(3) Грамота сія не сохранилась .Старые казаки говорили Рычкову, что оная сгорѣла во время бывшаго пожара. «Не только сія Грамота, говоритъ Г. Левшинъ, безъ которой нельзя опредѣлить начала подданства Уральскихъ казаковъ Россіи, но и многія другія, данныя имъ Царями: Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, Алексѣемъ Михаиловичемъ и Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, сгорѣли. Древнѣйшій и единственный актъ, найденный Неплюевымъ въ Яицкой Войсковой Избѣ, была Грамота царей Петра и Іоанна Алексѣевичей, 1684 года, гдѣ упоминается о прежнихъ службахъ войска со временъ Михаила».

Съ 1655, то есть съ первой службы Уральскихъ казаковъ противъ Поляковъ и Шведовъ, до 1681 года нѣтъ извѣстій о походахъ ихъ. Въ 1681 и 1682 годахъ служили триста казаковъ подъ Чигириномъ. Въ 1683 послано было изъ нихъ 500 человѣкъ къ Мензелинску, для усмиренія бунтовавшихъ Башкирцевъ, за что сверхъ жалованья деньгами и сукномъ повелѣно было снабжать ихъ артиллерійскими снарядами*). Со временъ Петра Великаго они были употребляемы въ большей части главныхъ военныхъ дѣйствій Россіи, какъ-то: въ 1696 г. подъ Азовомъ; въ 1701, 1702, 1704, и 1707 г. противъ Шведовъ; въ 1708 году 1225 казаковъ были опять посланы для усмиренія Башкирцевъ; въ 1711 году 1500 человѣкъ на Кубань: въ 1717 году 1500 казаковъ пошли съ Княземъ Бековичемъ-Черкаскимъ въ Хиву, и такъ далѣе <*Г. Левшинъ*>

[9]) Напр., въ Хозяйственномъ описаніи Астраханской. губерніи 1809 года; въ 29 книжкѣ Сына Отечества на 1821 годъ, и пр.—*Л.*

[10]) Исторія Россійская Г. Карамзина, томъ 5, стр. 144.—*Л.*

[11]) Подлинныя слова Рычкова, въ той же 2 главѣ Топографіи.—*Л.*

[12]) Той же Исторіи Г. Карамзина, томъ 8, стр. 222.—*Л.*

[13]) См. Истор. Рос. Государства, томъ 4, примѣч. 495.—*Л.*

[14]) Въ статьѣ *О началѣ и происхожденіи казаковъ.* Сочин. и перев. 1760 года. —*Л.*

*) Доношеніе Неплюева и Журналъ Акутина.

(4) Г. Левшинъ справедливо замѣчаетъ, что Царскіе Стрѣльцы вѣроятно помѣшали Яицкимъ казакамъ принять участіе въ возмущеніи Разина. Какъ бы то ни было, нынѣшніе Уральскіе казаки не терпятъ имени его, и слова *Разина порода* почитаются у нихъ за жесточайшую брань.

(5) Въ тѣ жъ времена изъ казаковъ Яицкаго войска нѣкто, по прозванію Нечай, собравъ себѣ въ компанію 500 человѣкъ, взялъ намѣреніе идти въ Хиву, уповая быть тамъ великому богатству и получить себѣ знатную добычу. Съ оными отправился онъ по Яику рѣкѣ вверхъ, и будучи у горъ, называемыхъ нынѣ *Дьяковыми*, отъ нынѣшняго городка вверхъ Яика 30 верстъ, остановился, и по казачьему обыкновенію, учинилъ совѣтъ, или кругъ для разсужденія о томъ своемъ предпріятіи, и чтобъ избрать человѣка для показанія прямаго и удобнѣйшаго туда тракту. Когда въ кругу учиненъ былъ о томъ докладъ, тогда Дьякъ его, или Писарь выступя, сталъ представлять, коль отважно и не сходно оное ихъ предпріятіе, изъясняя, что путь будетъ степной, незнакомой, провіанта съ ними не довольно, да и самихъ ихъ на такое великое дѣло малолюдно. Помянутый Нечай отъ сего Дьякова представленія такъ много разсердился, и въ такую запальчивость пришелъ, что, не выходя изъ того круга, приказалъ его повѣсить: почему онъ тогда же и повѣшенъ, а оныя горы прозваны, и понынѣ именуются *Дьяковыми*.

Отправясь онъ Нечай въ путь свой съ тѣми казаками, до Хивы способно дошелъ, и поступя подъ нее въ такое время, когда Хивинской Ханъ со всѣмъ своимъ войскомъ былъ на войнѣ въ другихъ тамошнихъ сторонахъ, а въ городѣ Хивѣ, кромѣ малыхъ и престарѣлыхъ никого почти не было, безъ всякаго труда и препятствія, городомъ и всѣмъ тамошнимъ богатствомъ завладѣлъ, а Ханскихъ женъ въ полонъ набралъ, изъ которыхъ одну онъ Нечай самъ себѣ взялъ, и при себѣ ее содержалъ. По таковомъ счастливомъ завладѣніи, онъ Нечай и бывшіе съ нимъ казаки нѣсколько времени жили въ Хивѣ во всякихъ забавахъ, и объ опасности весьма мало думали; но та Ханская жена, знатно полюбя его Нечая, совѣтовала ему: ежели онъ хочетъ животъ свой спасти, то бъ онъ со всѣми своими людьми заблаговременно изъ города убирался, дабы Ханъ съ войскомъ своимъ тутъ его не засталъ; и хотя онъ Нечай той Ханской жены наконецъ и послушалъ, однако не весьма скоро изъ Хивы выступилъ, и въ пути, будучи отягощенъ многою и богатою добычею, скоро слѣдовать не могъ; а Ханъ, вскорѣ потомъ возвратясь изъ своего похода и видя, что городъ его Хива разграбленъ, нимало не мѣшкавъ, со всѣмъ своимъ войскомъ въ погоню за нимъ Нечаемъ отправился, и черезъ три дня его настигъ на рѣкѣ, именуемой *Сыръ-Дарья*, гдѣ казаки чрезъ горловину ея переправились, и напалъ на нихъ съ такимъ устремленіемъ, что Нечай съ казаками своими хотя и храбро оборонялся и многихъ хивинцевъ побилъ, но напослѣдокъ со всѣми имѣвшимися при немъ людьми побитъ, кромѣ трехъ или четырехъ человѣкъ, кои ушедъ отъ того побоища, въ войско Яицкое возвратились и о его погибели разсказали. Въ ономъ Войсковыхъ Атамановъ объявленіи показано и сіе, яко бы Хивинцы съ того времени оную горловину, которая изъ Аральскаго моря въ Каспійское впала, на устьѣ ея Каспійскаго моря завалили, въ такомъ разсужденіи, дабы въ предбудущія времена изъ моря въ море судами ходу не было; но я послѣднее сіе обстоятельство, за неимѣніемъ достовѣрнѣйшихъ извѣстій, не утверждаю, а представляю оное такъ, какъ мнѣ отъ помянутыхъ Войсковыхъ Атамановъ сказано.

Нѣсколько лѣтъ послѣ того Яицкіе казаки селеніемъ своимъ перешли къ устью рѣки *Чагана*, на то третіе мѣсто, гдѣ нынѣ Яицкой казачій городъ находится. Утвердившись же тутъ селеніемъ, и еще въ людствѣ гораздо умножась, одинъ изъ нихъ, по прозванію *Шамай*, прибравъ себѣ въ товарищество человѣкъ до 300, взялъ такое жъ намѣреніе, какъ и Нечай, а именно, чтобъ еще опытъ учинить походомъ на Хиву, для наживы тамошними богатствами. И такъ, согласясь, пошли вверхъ по Яику до Илека рѣки, по которой вверхъ нѣсколько дней отошедъ, зазимовали, а весною далѣе отправились. Будучи около рѣки Сыръ-Дарьи, на степи усмотрѣли двухъ Калмыцкихъ ребятъ, которые ходили для звѣроловства, и разрывали ямы звѣриныя; ибо тогда около оной рѣки Сыръ-Дарьи кочевали еще Калмыки. Захватя сихъ Калмыцкихъ ребятъ, употребляли они ихъ на той степи за вожей, ради показанія дорогъ. И хотя Калмыки опыхъ своихъ ребятъ у нихъ казаковъ къ себѣ требовали, но они имъ въ томъ отказали. За сіе Калмыки, озлобясь, употребили противу ихъ такое лукавство, что собравшись многолюдно, скрылись въ потайное низменное мѣсто, а впередъ себя послали на высокое мѣсто двухъ Калмыкъ и приказали, усмотря Яицкихъ казаковъ, рыть землю, и бросая опую вверхъ, дѣлать такой видъ, яко бы они роютъ звѣриныя жъ ямы. Передовые казаки, увидѣвши ихъ, подумали, что то еще Калмыцкіе гулебщики роютъ ямы, и сказали о томъ Шамаю, своему Атаману, и потомъ всѣ изъ обозу поскакали за ними. Калмыки отъ казаковъ во всю силу побѣжали на тѣ самыя мѣста, гдѣ было скрытное Калмыцкое войско, и такъ ихъ навели на Калмыкъ, которые всѣ вдругъ на нихъ казаковъ ударили и помянутаго Атамана съ нѣсколькими казаками захватя, удержали у себя одного Атамана, для сего токмо, дабы тѣмъ удержаніемъ прежде захваченныхъ ими Калмыкъ высвободить; ибо прочихъ отпустя, требовали оныхъ своихъ Калмычатъ къ себѣ обратно. Но Наказной Атаманъ отвѣтствовалъ, что у нихъ Атамановъ много, а безъ вожей имъ пробыть нельзя, и съ тѣмъ далѣе въ путь свой отправились; токмо на то мѣсто, гдѣ прежде съ Атаманомъ Нечаемъ казаки чрезъ горловину Сыръ-Дарьи переправлялись, не потрафили, но прошибшись выше, угодили къ Аральскому морю, гдѣ у нихъ провіанта не стало. Къ тому жъ наступило зимнее время; чего ради принуждены они были на томъ Аральскомъ морѣ зимовать, и въ такой великой гладъ пришли, что другъ друга умерщвляя ѣли, а другіе съ голоду помирали. Оставшіе жъ посылали къ Хивинцамъ съ прошеніемъ, чтобъ ихъ къ себѣ взяли и спасли бъ ихъ тѣмъ отъ смерти; почему, пріѣхавъ къ нимъ, Хивинцы всѣхъ ихъ къ себѣ и забрали. И такъ всѣ оные Яицкіе казаки 300 человѣкъ тамъ пропали. Означенный же Атаманъ Шамай, спустя нѣсколько лѣтъ, Калмыками привезенъ и отданъ въ Яицкое войско.» <*Топографія Оренбургская*>.

(6) Смотри статью Г-на С.: *О внутреннемъ состояніи Донскихъ казаковъ въ конецъ XVI столѣтія*, напечатанную въ *Соревнователѣ Просвѣщенія* 1824 года. Вотъ что пишетъ Г. Лев-

шинъ о казацкихъ кругахъ: «коль скоро, бывало, получится какое нибудь общее войсковое дѣло, то на колокольнѣ соборной церкви бьютъ *сполохъ*, или повѣстку, дабы всѣ казаки сходились на сборное мѣсто къ Войсковой Избѣ, или Приказу <что нынѣ Канцелярія Войсковая>, гдѣ ожидаетъ ихъ Войсковый Атаманъ. Когда соберется довольно много народа, то Атаманъ выходитъ къ оному изъ Избы на крыльцо съ серебряною позолоченною булавою; за нимъ съ жезлами въ рукахъ Есаулы, которые тотчасъ идутъ въ средину собранія, кладутъ жезлы и шапки на землю, читаютъ молитву и кланяются сперва Атаману, а потомъ на всѣ стороны окружающимъ ихъ казакамъ. Послѣ того берутъ они жезлы и шапки опять въ руки подходятъ къ Атаману, принимая отъ него приказанія, возвращаются къ народу, и громко привѣтствуютъ оный сими словами: *Помолчите, Атаманы молодцы и все великое войско Яицкое!* А наконецъ, объявивъ дѣло, для котораго созвано собраніе, вопрошаютъ: *Любо ль, Атаманы молодцы?* Тогда со всѣхъ сторонъ или кричатъ: *любо*, или подымаются ропотъ и крики: *нелюбо*. Въ послѣднемъ случаѣ Атаманъ самъ начиналъ увѣщевать несогласныхъ, объясняя дѣло и исчисляя пользы онаго. Если казаки были имъ довольны, то убѣжденія его часто дѣйствовали; въ противномъ случаѣ никто не внималъ ему, и воля народа исполнялась.» <*Историч. и Статист. Обозрѣніе Уральскихъ казаковъ*>.

(7) Уральское казачье войско, также какъ и всѣ казаки, не платитъ Государству податей; но оно несетъ службу и обязано во всякое время по первому требованію выставлять на свой счетъ опредѣленное число одѣтыхъ и вооруженныхъ конныхъ воиновъ; а въ случаѣ нужды всѣ, считающіеся на службѣ, должны выступить въ походъ. Теперь служащихъ казаковъ въ Уральскомъ войскѣ 12 полковъ. Изъ нихъ одинъ въ Илецкой и одинъ въ Сакмарской станицахъ. Сіи оба полка, какъ не участвующіе въ богатыхъ рыбныхъ промыслахъ Уральскихъ, не участвуютъ и въ нарядѣ казаковъ въ Армію; но отправляютъ только линейную службу, т. е. оберегаютъ границу отъ Киргизовъ. Остальные 10 полковъ, считающіеся на службѣ, но дѣйствительно не служащіе, выставляютъ на свой счетъ полки въ Армію, и стражу на линію, по всему пространству земель своихъ до Каспійскаго моря. Какъ первая, такъ и вторая служба несутся не по очереди, но по найму, за деньги. При первомъ повелѣніи Правительства о нарядѣ одного или нѣсколькихъ полковъ, дѣлается раскладка: на сколько человѣкъ, считающихся въ службѣ, приходитъ поставить одного вооруженнаго, и потомъ каждый таковой участокъ общими силами нанимаетъ одного казака съ тѣмъ, чтобы онъ самъ себя и обмундировалъ и вооружилъ. Плата ему простирается рублей до 1000, до 1500 и болѣе; а за 10-мѣсячный походъ въ Бухарію, для сопровожденія бывшей тамъ Миссіи нашей, по неизвѣстности земель, платили по 2000 даже до 3000 рублей каждому казаку. Тотъ, который въ случаѣ раскладки не можетъ за себя заплатить, самъ нанимается въ походъ. Иные, нанявшись, сдаютъ свою обязанность другимъ, иногда съ барышемъ для себя.—Плата тѣмъ, кои занимаются въ линейную стражу, самая малая; потому что они, имѣя въ форпостахъ и крѣпостяхъ свои собственные домы, скотоводство, мѣну и все имущество, невольно идутъ оберегать границу, хотя впрочемъ необходимость сія лишаетъ ихъ права участвовать въ общихъ рыбныхъ промыслахъ.

Обыкновеніе служить по найму, съ одной стороны по-видимому несправедливое, потому что богатый всегда отъ службы избавленъ, а бѣдный всегда несетъ ее, съ другой стороны полезно: ибо—1-е, теперь всякой казакъ, выступающій въ походъ, имѣетъ возможность хорошо одѣться и вооружиться; 2-е, онъ, оставляя семейство свое, можетъ удѣлить оному довольно денегъ на содержаніе во время своей отлучки; 3-е, человѣкъ, занимающійся промысломъ какимъ-нибудь, или работою, полезною для него и для другихъ, не принужденъ бросать занятій своихъ и невольно итти на службу, которую бы отправлялъ очень неисправно. Отставные казаки уже ни въ какихъ службахъ не участвуютъ; а потому и на рыбныя ловли безъ платы ѣздить не могутъ. <*Историч. и Статист. Обозрѣніе Уральскихъ казаковъ*>.

Выписываемъ изъ той же книги живое и любопытное изображеніе рыбной ловли на Уралѣ,

«Теперь обратимъ вниманіе на рыболовство Уральскаго войска и разсмотримъ оное подробнѣе, какъ потому, что оно составляетъ главнѣйшій и почти единственный источникъ богатства здѣшнихъ жителей, такъ и потому, что различные образы производства онаго очень любопытны. Прежде же всего замѣтимъ, что противъ города Уральска ежегодно послѣ весенняго половодья дѣлаютъ изъ толстыхъ бревенъ чрезъ Уралъ загороду или рѣшетку, называемую *учугъ*, который останавливаетъ и не пускаетъ далѣе вверхъ рыбу, идущую изъ моря *).

«Главнѣйшія рыбныя ловли, изъ которыхъ ни одной нельзя начать прежде дня, опредѣляемаго Войсковою Канцеляріею, суть:

«1-я, Багренья, раздѣляющееся на *малое и большое*. Первое начинается около 20-го или 18-го числа Декабря, и не продолжается долѣе 25-го; второе начинаютъ около 6-го Января, и оканчиваютъ въ томъ же мѣсяцѣ. Багрятъ рыбу только отъ Уральска верстъ на 200 внизъ; далѣе не продолжаютъ, потому, что тамъ производится осенняя ловля.

«Образъ багренье таковъ: въ назначенный день и часъ является на Уралъ Атаманъ багренья (всякой разъ назначаемый Канцеляріею изъ Штабъ Офицеровъ), и всѣ имѣющіе право багрить казаки, всякой въ маленькихъ одиночныхъ санкахъ въ одну лошадь, съ пешнею, лопатою и нѣсколькими баграми, коихъ желѣзныя острія лежатъ на гужахъ хомута у оглобли, а деревянные составные шесты, длиною въ 3, 4, иногда въ 12 саженъ, тащатся по снѣгу. Прибывъ на сборное мѣсто, становятся впереди Атаманъ и около его нѣсколько конныхъ казаковъ, для соблюденія порядка, а за нимъ рядами всѣ выѣхавшіе багрить. Число сихъ послѣднихъ простирается всегда до нѣсколькихъ тысячъ; ежели кто изъ нихъ осмѣлится поскакать съ мѣста одинъ, то передовые блюстители порядка рубятъ у него багры и сбрую.

«Строгая и справедливая мѣра сія невольно удерживаетъ на мѣстѣ казаковъ, изъ коихъ почти у каждаго на лицѣ написано нетерпѣливое желаніе скорѣе пуститься впередъ. Этого мало:

*) По словамъ стариковъ, прежде такъ бывало много на Уралѣ рыбы, что отъ напору оной учугъ ломался, и ее прогоняли назадъ пушечными выстрѣлами въ берега.

даже у лошадей ихъ, приученныхъ къ сему промыслу, въ глазахъ видно нетерпѣніе скакать. Атаманъ, на котораго всѣ взоры устремлены, ходя около саней своихъ и приближаясь къ нимъ какъ будто для того, чтобъ садиться, и опять отходя, не разъ заставляетъ ихъ ошибаться въ сигналѣ; наконецъ онъ дѣйствительно бросается въ санки, даетъ знакъ, пускаетъ во всю прыть лошадь свою, и за нимъ скачетъ все собравшееся войско. Тутъ уже нѣтъ никакого порядка и никому пощады. Всякой старается опередить другаго, и горе тому, кто по несчастію вывалится изъ саней. Если онъ не будетъ раздавленъ, чему примѣровъ мало помнятъ, то легко можетъ быть изуродованъ.

«Прискакавъ къ назначенному для ловли мѣсту *), всѣ сани останавливаются; всякой выскакиваетъ изъ нихъ съ наивозможною поспѣшностію, пробиваетъ во льду небольшой прорубъ, и тотчасъ опускаетъ въ него багоръ свой. Картина, представляющаяся въ сію минуту для зрителей съ береговъ Урала, обворожительна! Скорость, съ каковою всѣ казаки другъ друга обгоняютъ; всеобщее движеніе, въ которое все приходитъ тотчасъ по пріѣздѣ на мѣсто ловли, и въ нѣсколько минутъ возрастающій на льду лѣсъ багровъ, поражаютъ глаза необыкновеннымъ образомъ. Лишь только багры опущены, рыба, встревоженная шумомъ скачущихъ лошадей, поднимается съ мѣста, суетится и напирается на багры, опускаемые такъ, чтобы они на нѣсколько вершковъ не доходили до дна. Въ изобильномъ мѣстѣ иногда еще не пройдетъ четверти часа отъ начала багренья, какъ уже вездѣ на льду видны трепещущіе осетры, бѣлуги, севрюги и проч. Если рыба, попавшаяся на багоръ, столь велика, что одинъ не можетъ ее вытащить, то онъ тотчасъ проситъ помощи, и товарищи его или сосѣды *подбагриваютъ* ему. На каждый день багренья назначается рубежъ, далѣе котораго никто не долженъ ѣхать.

«Послѣ малаго багренья ежегодно отправляютъ отъ лица Войска нѣкоторое количество наилучшей икры и рыбы ко Двору. Приношеніе сіе, какъ знакъ вѣрноподданства, издавна существующее, называется *презентомъ*, или первымъ кусомъ. Для ловли таковаго презента обыкновенно назначается лучшее мѣсто или *етовъ*; и если въ одной набагрятъ мало, то недостающее количество рыбы покупаютъ на сумму Войсковой Канцеляріи. Если же во время багренья для Двора поймаютъ рыбы болѣе, нежели нужно, то остальную запрещается нѣсколько времени продавать, дабы ее не привезли въ Петербургъ прежде посланной отъ Войска. Офицеры, съ презентомъ отправляемые, получаютъ денежныя награды отъ Двора на путевыя издержки, на ковшъ и саблю.

«2-я Рыбная ловля, есть *весенняя плавня* или *севрюжное* рыболовство, такъ называемое потому, что въ сіе время попадаются почти только одни севрюги. Начинается она въ Апрѣлѣ, тотчасъ по вскрытіи льда подъ Уральскомъ, и продолжается около двухъ мѣсяцевъ по всему пространству Урала до моря. Для нее, такъ какъ и для всѣхъ прочихъ промысловъ, назначается день, избирается Атаманъ, и дается ему пушка, по выстрѣлу изъ которой всѣ собравшіеся на промыселъ казаки пускаются съ мѣста въ маленькихъ бударахъ, непомѣщающихъ въ себѣ болѣе одного человѣка, и каждый начинаетъ выкидывать опредѣленной длины сѣть свою. Употребляемыя въ сіе время сѣти состоятъ изъ двухъ полотенъ, одного рѣдкаго, а другаго частаго, дабы между ними запутывалась рыба, которая весною обыкновенно подымается изъ моря вверхъ по Уралу. Одинъ конецъ таковой сѣти привязанъ къ плавающему по водѣ боченку или куску дерева, а другой держитъ казакъ за двѣ веревки. Для привала назначается рубежъ, и противъ него на берегу ставка Атаманская, близъ которой всѣ должны оканчивать ловлю. Окончаніе возвѣщается вечеромъ опять пушечнымъ выстрѣломъ. Осетровъ и бѣлугъ, коп въ сіе время попадаются, по положенію должно бросать назадъ въ воду; ибо, во-первыхъ, они тогда еще малы, во-вторыхъ, слишкомъ дешевы. Преступающихъ сіе положеніе наказываютъ, и отнимаютъ у нихъ всю наловленную рыбу.

«3-я *Осенняя плавня*, начинающаяся 1 Октября, оканчивается въ Ноябрѣ; имѣетъ то отличіе отъ весенней, что, во-первыхъ, въ оной употребляются сѣти совсѣмъ другаго рода, т. е. сплетенныя на подобіе мѣшка, которымъ рыбу какъ бы черпаютъ *); во-вторыхъ, при каждой изъ сѣтей сихъ, *ярыгами* называемыхъ, находятся два человѣка въ двухъ бударкахъ по обѣимъ сторонамъ. Начинаютъ осенній промыселъ также, какъ и прочіе, подъ начальствомъ особаго Атамана, изъ назначеннаго рубежа. Дабы одинъ большою сѣтью или ярыгою не захватилъ болѣе пространства и слѣдовательно болѣе рыбы, нежели другой, у коего сѣть меньше, то опредѣлена однажды навсегда длина всѣхъ сѣтей. Когда на одномъ мѣстѣ выловятъ всю рыбу, то опять собираются туда, гдѣ Атаманъ, и ѣдутъ далѣе до слѣдующаго рубежа, или говоря языкомъ казаковъ, дѣлаютъ другой *ударъ*.

«Осенняя плавня производится только съ того мѣста, гдѣ оканчивается багренье, т. е. верстахъ въ 200 отъ Уральска и до моря **).

«4-я, *Неводами;* начинаютъ ловить зимою, также по назначенію Канцеляріи; но не собраніемъ, а по одиначкѣ, кто гдѣ желаетъ. Неводъ пропускается подъ льдомъ на шестѣ, который направляютъ куда хотятъ, посредствомъ прорубовъ.

«5-я, Рыболовство *Аханное* или *Аханми*, т. е. особаго рода сѣтями; производится около половины Декабря и только въ морѣ, т. е. недалеко отъ Гурьева. Въ день, назначенный для начала сего промысла, начальникъ онаго раздаетъ всѣмъ желающимъ и имѣющимъ право ловить участки по жребію. Участки всѣ равны, т. е. каждому казаку отводится равное пространство на опредѣленное число Ахановъ, опредѣленной же мѣры. Чиновники получаютъ по чинамъ своимъ по два, по три и болѣе участковъ.

«Аханъ, опущенный въ море подъ ледъ, вѣшается въ перпендикулярномъ къ поверхности положеніи, и придерживается на обоихъ краяхъ и на срединѣ тремя веревками или петлями, для

*) Мѣста сіи называются здѣсь *етовы*, и замѣчаются осенью по множеству рыбы, которая, расположившись въ нихъ зимовать, при восхожденіи солнечномъ на поверхности воды показывается.

*) Это потому, что рыба въ сіе время избрала мѣсто на зимовку.

**) Каждый казакъ имѣетъ при семъ ловѣ у себя работника. За полутора или двухмѣсячные труды долженъ онъ ему заплатить отъ 70 до 100 рублей.

конхъ дѣлаются три проруба и въ кои вдѣваютъ палки или шестики, на льду надъ прорубами лежащіе.

«Установленные такимъ образомъ Аханы требуютъ только того, чтобъ промышленникъ отъ времени до времени подходилъ къ нимъ, за средину подымалъ каждый изъ средняго проруба, или, какъ здѣсь говорятъ, *наслушивалъ*, и если по тяжести почувствуетъ, что въ немъ уже запуталась какая-нибудь рыба, то вытаскивалъ бы его, снималъ добычу и потомъ опять по прежнему устанавливалъ. Сей способъ ловли чрезвычайно выгоденъ для тѣхъ, которые занимаются онымъ; но, не допуская рыбы вверхъ Урала, онъ дѣлаетъ подрывъ багреннымъ промышленникамъ.

«6-я, *Курхайской* ловъ бываетъ обыкновенно весною и только въ морѣ, или, лучше сказать, на взморьѣ. Онъ производится посредствомъ сѣтей, которыя въ перпендикулярномъ къ поверхности воды положеніи привязываются на концахъ и срединѣ къ тремъ шестамъ, вбитымъ въ дно морское. Рыбу, идущую изъ моря и запутывающуюся въ сіи сѣти, снимаютъ въ лодки, на конхъ разъѣзжаетъ промышленникъ около своихъ снастей.

«7-я, Ловъ *крючками*, навѣшенными на веревку, которая также тремя петлями удерживаема бываетъ подъ льдомъ, менѣе всѣхъ сказанныхъ значителенъ.

«О ловлѣ удочками и пр., по маловажности, нечего и говорить.

«Съ нынѣшняго 1821 года, по дозволенію высшаго Начальства, въ первый разъ начали казаки рыбную ловлю въ Чалкажскомъ озерѣ, или по здѣшнему *морцѣ*, за 80 верстъ отъ Уральска въ Киргизской степи находящемся.

«Рыбы, попадающіяся въ Уралѣ въ наибольшемъ количествѣ, суть: осетръ, бѣлуга, шипъ, севрюга, бѣлая рыбица, судакъ, лещъ, щука, бершъ, сазанъ, сомъ, головли. Осетры ловятся иногда пудовъ въ 7, 8 и даже до 9. Бѣлуги пудовъ въ 20, 30, а рѣдко и въ 40; первые чѣмъ больше, тѣмъ лучше и дороже; вторыя чѣмъ больше, чѣмъ хуже и дешевле. Но вообще вся рыба теперь стала мельче прежняго, отъ уменьшенія водъ въ морѣ и Уралѣ. Цѣны икрѣ и рыбѣ въ багренье не имѣютъ сравненія съ цѣнами въ весенній ловъ; въ продолженіе сего послѣдняго онѣ вчетверо ниже: ибо время года не позволяетъ сберегать рыбу иначе, какъ посоливъ ее.

«Соль казаки Уральскіе получаютъ или изъ Индерскаго и Грязнаго соленыхъ озеръ, находящихся недалеко отъ границы къ степи Киргизской, или изъ озеръ, по берегамъ Эмбы лежащихъ. Есть также и около Узеней небольшія соленыя озера».

(8) Самымъ достовѣрнымъ и безпристрастнымъ извѣстіемъ о побѣгѣ Калмыковъ обязаны мы Отцу Іакинѳу, коего глубокія познанія и добросовѣстные труды разлили столь яркій свѣтъ на сношенія наши съ Востокомъ. Съ благодарностію помѣщаемъ здѣсь сообщенный имъ отрывокъ изъ неизданной еще его книги о Калмыкахъ:

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что *Убаши и Сэрынъ* предприняли возвратиться на родину по предварительному сношенію съ Алтайскими своими единоплеменниками, исполненными ненависти къ Китаю. Они, вѣроятно, думали и то, что сія Держава, по покореніи Чжуньгаріи, вызвала оттуда свои войска обратно; а въ Или и Тарбагатаѣ оставила слабые гарнизоны, которые соединенными силами легко будетъ вытѣснить; въ переходѣ же чрезъ земли Киргизъ-Казаковъ тѣмъ менѣе предполагали опасности, что сіи хищники, отважные предъ купеческими караванами, всегда трепетали при одномъ взглядѣ на Калмыцкое вооруженіе. Однимъ словомъ, Калмыки въ мысляхъ своихъ представляли, что сей путь будетъ для нихъ, какъ прежде всегда было, пріятною прогулкою отъ песчанныхъ равнинъ Волги и Урала до гористыхъ вершинъ Иртыша. Но случилось совсѣмъ противное: ибо встрѣтились такія обстоятельства, которыя были внѣ всѣхъ предположеній.

«Чжуньгарское Ойратство на Востокѣ, нѣкогда страшное для Сѣверной Азіи, уже не существовало; и *Волжскіе Калмыки*, долго бывшіе подъ Россійскимъ владѣніемъ, но выходѣ за границу, считались бѣглецами, конхъ Россійское Правительство преслѣдуя оружіемъ своимъ, предписало и Киргизамъ-Казакамъ на каждомъ, такъ сказать, шагу останавлять ихъ вооруженною рукою. Китайское пограничное начальство, по первому слуху о походѣ *Торготовъ* на Востокъ, приняло съ своей стороны всѣ мѣры осторожности *) и также предписало Казакамъ и Кэргызцамъ не допускать ихъ проходить пастбищными мѣстами; въ случаѣ же ихъ упорства отражать силу силою. Могъ ли хотя одинъ Кэргызецъ и Казакъ остаться равнодушнымъ при столь неожиданномъ для нихъ случаѣ безнаказанно грабить?

Россійскіе отряды, назначенные для преслѣдованія бѣглецовъ, по разнымъ причинамъ, зависѣвшимъ болѣе отъ времени и мѣстности, не могли догнать ихъ. Бывшіе Яицкіе казаки въ сіе самое время начали уже волноваться и отказались отъ повиновенія. Оренбургскіе казаки хотя выступили въ походъ и въ половинѣ Февраля соединились съ Нурали, Ханомъ Меньшой Казачьей орды: но, за недостаткомъ подножнаго корма, вскорѣ принуждены были возвратиться на границу. Послѣ обыкновенныхъ переписокъ, требовавшихъ довольнаго времени, уже 12 Апрѣля выступилъ изъ Орской крѣпости отрядъ регулярныхъ войскъ и успѣлъ соединиться съ Ханомъ Нурали: но Калмыки между тѣмъ, подавшись болѣе на Югъ, столько удалились, что сей отрядъ могъ только нѣсколько времени и то издали тревожить тылъ ихъ; а около Улу-тага, когда и солдаты и лошади отъ голода и жажды не въ состояніи были идти далѣе, начальникъ отряда Траубенбергъ принужденъ былъ поворотить на Сѣверъ, и чрезъ Уйскую крѣпость возвратиться на Линію **).

Но Киргизъ-Казаки, не смотря на то, вооружились съ величайшею ревностію. Ихъ Ханы: Нурали въ Меньшой, Аблай въ Средней и Эрали въ Большой Ордѣ, одинъ за другимъ нападали на Калмыковъ со всѣхъ сторонъ; и сіи бѣглецы цѣлый годъ должны были на пути своемъ безпрерывно сражаться, защищая свои семейства

*) Китай содержитъ въ *Чжуньгаріи* охранныхъ войскъ не болѣе 35,000, которыя растянуты по тремъ дорогамъ отъ Кашгара до Халми, отъ Или до Баркюля и отъ Чугучака до Улясутая на пространствѣ не менѣе 7000 верстъ: почему пограничное Китайское Начальство въ Чжуньгаріи не могло спокойно смотрѣть на приближеніе Волжскихъ Калмыковъ.

**) См. Опис. Кирг.-Кайс. Ордъ и степей Г. Левшина ч. II, стран. 256.

отъ плѣна и стада отъ расхищенія. Весною слѣдующаго (1772) года Кэргызцы (Буруты) довершили несчастіе Калмыковъ, загнавъ въ обширную песчаную степь по сѣверную сторону озера Балхаши, гдѣ голодъ и жажда погубили у нихъ множество и людей и скота.

«По перенесеніи неимовѣрныхъ трудностей, по претерпѣніи безчисленныхъ бѣдствій, наконецъ Калмыки приближились къ вожделѣннымъ предѣламъ древней ихъ отчизны; но здѣсь новое несчастіе представилось очамъ ихъ. Пограничная цѣпь Китайскихъ карауловъ грозно преградила имъ входъ въ прежнее отечество, и Калмыки не иначе могли проникнуть въ оное, какъ съ потерею своей независимости. Крайнее изнеможеніе народа принудило Убаши съ прочими Князьями поддаться Китайской Державѣ безусловно. Онъ вышелъ изъ Россіи съ 33,000 кибитокъ, въ коихъ считалось около 169,000 душъ обоего пола. При вступленіи въ Или изъ помянутаго числа оставалось не болѣе 70,000 душъ *). Калмыки въ теченіе одного года потеряли 100,000 человѣкъ, кои пали жертвою меча или болѣзней, и остались въ пустыняхъ Азіи въ пищу звѣрямъ, или уведены въ плѣнъ, и распроданы по отдаленнымъ странамъ въ рабство.

«Китайскій Императоръ предписалъ принять сихъ несчастныхъ странниковъ и новыхъ своихъ подданныхъ съ примѣрнымъ человѣколюбіемъ. Немедленно доставлено было Калмыкамъ вспоможеніе юртами, скотомъ, одеждою и хлѣбомъ. Когда же размѣстили ихъ по кочевьямъ, тогда для обзаведенія еще было выдано имъ:

Лошадей, рогатаго скота и овецъ	1.125.000 гол.
Кирпичнаго чаю	20.000 мѣс[тъ]**)
Пшеницы и проса	20.000 чет.
Овчинъ	31.000
Бязей ***)	51.000
Хлопчатой бумаги	1.500 пудъ.
Юртъ	400
Серебра около	400 пудъ.

Осенью того же года *Убаши* и Князья *Цебокъ-Дорцзи*, *Сэрынъ*, *Гунгэ*, *Момыньту*, *Шараусу*, *Кеукынь* и *Цилэ-Мупиръ* препровождены были къ Китайскому Двору, находившемуся въ Жехэ, Сіи Князья, кромѣ *Сэрына*, были ближайшіе родственники Хана *Убаши*, потомки *Чакдоръ-Чжаба*, старшаго сына Хана *Аюки*. Одинъ только *Цебокъ-Дорцзи* былъ правнукъ *Гуньчжаба*, младшаго сына Хана *Аюки*. *Убаши* получилъ титулъ Чжорикту-Хана; а прочимъ Князьямъ, въ томъ числѣ и оставшимся въ Или, даны разные другіе Княжескіе титулы. Сіи Владѣльцы при отъѣздѣ изъ Жехэ осыпаны были наградами; по возвращеніи же ихъ въ Или, три дивизіи изъ Торготовъ размѣщены въ Тарбагатаѣ, или въ Хурьхара-усу, а *Убаши* съ четырьмя дивизіями *Торготовъ* и *Гунгэ* съ *Хошотами* поселены въ Харашарѣ по берегамъ Большаго и Малаго Юлдуса *), гдѣ часть людей ихъ обязана заниматься хлѣбопашествомъ подъ надзоромъ Китайскихъ чиновниковъ **). Калмыки, ушедшіе въ Китайскую сторону, раздѣлены на 13 дивизій.

«Россійское Правительство отнеслось къ Китайскимъ Министрамъ, чтобъ по силѣ заключеннаго между Россіею и Китаемъ договора обратно выдали бѣжавшихъ съ Волги Калмыковъ; но получило въ отвѣтъ, что Китайскій Дворъ не можетъ удовлетворить оной просьбы по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ и Россійскій Дворъ отказалъ въ выдачѣ *Сэрына*, ушедшаго изъ Чжуньгаріи на Волгу для спасенія себя отъ преслѣдованія законовъ.

«Впрочемъ Волжскіе Калмыки, по видимому, вскорѣ и сами раскаялись въ своемъ опрометчивомъ предпріятіи. Въ 1791 году получены съ Китайской стороны разныя извѣстія, что Калмыки намѣреваются возвратиться изъ Китайскихъ владѣній, и по прежнему отдаться въ Россійское подданство. Въ слѣдствіе оныхъ извѣстій уже предписано было Сибирскому Начальству дать имъ убѣжище въ Россіи и поселить ихъ на первыя случаи въ Колыванской губерніи***).

«Но кажется, что Калмыки, бывъ окружены Китайскими караулами и лазутчиками и раздѣлены между собою значительнымъ пространствомъ, не имѣли никакой возможности къ исполненію своего намѣренія».

(9) Полевыя команды состояли изъ 500 человѣкъ пѣхоты, конницы и артиллерійскихъ служителей. Въ 1775 году онѣ замѣнены были Губернскими баталіонами.

(10) Уметь, постоялый дворъ.

*) Такъ показалъ Китайскому Правительству *Убаши* съ прочими Князьями. Въ книжкѣ: *Си-юй-Вынь-цзянь-лу* число бѣжавшихъ изъ Россіи Калмыковъ увеличено. Ошибка сія произошла отъ того, что сочинитель помянутой книжки писалъ свои записки по сказаніямъ простыхъ Калмыковъ. См. Опис. Чжуньг. и В. Туркест., стр. 186 и слѣд.

**) Мѣсто или ящикъ содержитъ въ себѣ 36 кирпичей или плитокъ чая, изъ коихъ каждая вѣситъ около $3^1/_2$ ф.

***) *Бязью* въ Туркестанѣ называется бѣлая бумажная ткань, которая бываетъ не одинаковой мѣры.

*) Въ Восточномъ Туркестанѣ отъ Или на Юговостокъ.

**) Возвращеніе *Торготовъ* изъ Россіи въ Чжуньгарію описано въ *Сынь-цзянь-чжи-лао*, начальной тетради на лист. 51 - 56.

***) См. Полное Собр. Росс. Зак. Т. XXIII, №16, 937.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ВТОРОЙ.

(1.) Пугачевъ на хуторѣ Шелудякова косилъ сѣно. Въ Уральскѣ жива еще старая казачка, носившая черевики его работы. Однажды, нанявшись накопать гряды въ огородѣ, вырылъ онъ четыре могилы. Сіе обстоятельство истолковано было послѣ, какъ предзнаменованіе его участи.

(2.) Малыковскихъ Управительскихъ дѣлъ Земскій Трофимъ Герасимовъ и Мечетной слободы Смотритель Ѳедотъ Ѳаддеевъ, и Сотникъ Сергѣй Протопоповъ, въ бытность его въ Мечетной слободѣ письменно объявили: Мечетной слободы крестьянинъ Семенъ Филипповъ былъ въ Яицкѣ за покупкою хлѣба, а ѣхалъ оттуда съ раскольникомъ Емельяномъ Ивановымъ. Сей въ городкѣ Яицкѣ подговаривалъ казаковъ бѣжать на *рѣку Лобу*, къ Турецкому Султану, обѣщая по 12 рублей жалованья на человѣка, объявляя, что у него на границѣ оставлено до 200 тысячь рублей, да товару на 70 тыс., а по приходѣ ихъ Паша-де дастъ имъ до пяти милліоновъ. Нѣкоторые казаки хотѣли было его связать и отвести въ Комендантскую Канцелярію, но онъ-де скрылся, и находится вѣроятно въ селѣ Малыковкѣ.

«Въ слѣдствіе сего, вышедшій изъ-за Польской

ПЛАВУЧІЯ ВИСѢЛИЦЫ СЪ ТѢЛАМИ КАЗАКОВЪ-БУНТОВЩИКОВЪ.

Гравюра 18 вѣка.

границы съ даннымъ съ Добрянскаго форпосту паспортомъ для опредѣленія на жительство по рѣкѣ Иргизу, раскольникъ Емельянъ Ивановъ былъ найденъ и приведенъ ко Управительскимъ дѣламъ Выборнымъ Митрофаномъ Ѳедоровымъ и Филаретова раскольничьяго скита попомъ Филаретомъ и крестьяниномъ Мечетной слободы Степаномъ Васильевымъ съ товарищи—оказался *подозрителенъ, битъ кнутомъ*; а въ допросѣ показалъ: что онъ Зимовейской служилый казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, отъ роду 40 лѣтъ; съ той станицы бѣжалъ великимъ постомъ сего 72 года въ слободу Ветку за границу, жилъ тамъ недѣль 15, явился на Добрянскомъ форпостѣ, гдѣ сказался вышедшимъ изъ Польши, и въ Августѣ мѣсяцѣ, высидѣвъ тутъ 6 недѣль въ карантинѣ, пришелъ въ Яицкъ и стоялъ съ недѣлю у казака Дениса Степанова Пьянова. А все-де говорилъ онъ пьяный, а объ подданствѣ Султану и встрѣчѣ съ Пашею и 5 мил. не говаривалъ,—а имѣлъ-де онъ намѣреніе въ *Симбирскую Провинціальную* Канцелярію явиться для опредѣленія къ жительству на рѣкѣ Иргизѣ. По резолюціи Дворцовыхъ дѣлъ былъ онъ отправленъ подъ карауломъ съ мужиками Малыковскими, а сообщено сіе въ Комендантскую Канцелярію, учрежденную въ городѣ Яицкѣ 19 Декабря 1772.» <*Промеморія отъ Дворцовыхъ Малыковскихъ дѣлъ въ Комендантскую Канцелярію, учрежденную въ городѣ Яицкѣ, Декабря 18, 1772 года, поданная Смотрителемъ Иваномъ Разторгуевымъ*>.

Крестьянинъ Семенъ Филиповъ содержался подъ карауломъ до самаго 1775 года. По окончаніи слѣдствія надъ Пугачевымъ и его сообщниками, велѣно было его освободить и сверхъ того о награжденіи его Филипова, яко доносителя въ Малыковкѣ о начальномъ прельщеніи злодѣя Пугачева, представить на разсмотрѣніе Правительствующему Сенату. <См. *Сентенцію 10 Января 1775 года*>.

(3) «Опому Пугачеву, за побѣгъ его за границу въ Польшу и за утайку по выходѣ его оттуда въ Россію о своемъ названіи, а тѣмъ больше за говореніе возмутительныхъ и вредныхъ словъ, касающихся до побѣга всѣхъ Яицкихъ казаковъ въ Турецкую область, учинить наказаніе плетьми и послать, такъ какъ бродягу и привыкшаго къ праздной и продерзкой жизни, въ городъ Пелымъ, гдѣ употреблять его въ казенную работу. 6 мая 1773». <*Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова*>.

* *a*) Пугачевъ былъ уже пятый самозванецъ, принявшій на себя имя Императора Петра III. Не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, что будто Государь живъ и находится въ заключеніи. Самъ Великій Князь Павелъ Петровичъ долго вѣрилъ или желалъ вѣрить сему слуху. По восшествіи на престолъ первый вопросъ Государя графу Гудовичу былъ: живъ ли мой отецъ?

* *b*) Пугачевъ говорилъ, что сама Императрица помогла ему скрыться.

(4) Форпостъ Будоринскій въ 79 верстахъ отъ Яицкаго городка.

* *c*) Первое возмутительное воззваніе Пугачева къ Яицкимъ казакамъ есть удивительный образецъ народнаго краснорѣчія, хотя и безграмотнаго. Оно тѣмъ болѣе подѣйствовало, что объявленія, или *публикаціи* Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, какъ и правильно, длинными обиняками, съ глаголами на концѣ періодовъ.

(5) Плецкій городокъ въ 145 верстахъ отъ Яицкаго городка и въ 124 отъ Оренбурга. Въ немъ находилось до 300 казаковъ. Плецкіе казаки были тутъ поселены Статскимъ Совѣтникомъ Кириловымъ, образователемъ Оренбургской губерніи.

(6) Крѣпость Разсыпная, выстроенная при томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно перебирались Киргизцы въ бродъ черезъ Яикъ. Она находится въ 25 верстахъ отъ Плецкаго городка. а въ 101 отъ Оренбурга.

(7) Въ 1773 году Оренбургская губернія раздѣлялась на четыре *провинціи*: Оренбургскую, Исетскую, Уфимскую и Ставропольскую. Къ первой принадлежали дистриктъ <уѣздъ> Оренбургскій и Яицкой городокъ со всѣми форпостами и станицами до самаго Гурьева, также и Бугульминская Земская Контора. Исетская провинція заключала въ себѣ Зауральскую Башкирію и уѣзды Исетскій, Шадринскій и Окуневскій; Уфимская провинція—уѣзды Осинскій, Бирскій и Мензелинскій. Ставропольскую провинцію составлялъ одинъ обширный уѣздъ. Сверхъ сего, Оренбургская губернія раздѣлялась еще на восемь *линейныхъ дистанцій* <рядъ крѣпостей, выстроенныхъ по рѣкамъ Волгѣ, Самарѣ, Яику, Сакмарѣ и Ую>; сіи дистанціи находились подъ вѣдомствомъ военныхъ начальниковъ, пользовавшихся правами Провинціальныхъ Воеводъ <См. *Бишина и Рычкова*>.

(8) Ставропольская Канцелярія вѣдала дѣла крещеныхъ Калмыковъ, поселенныхъ въ Оренбургской Губерніи.

(9) Нижне-Озерная находится въ 19 верстахъ отъ Разсыпной и въ 82 отъ Оренбурга. Она выстроена на высокомъ берегу Яика.—Память Капитана Сурина сохранилась въ солдатской пѣснѣ:

(Изъ Гурьева городка
Протекла кровью рѣка).
Изъ крѣпости изъ Зерной,
На подмогу Разсыпной,
Высланъ капитанъ Суринъ
Со командою одинъ,
(Онъ нечайно въ крѣпость въѣхалъ,
Начальниковъ перевѣшалъ,
Атамановъ до пяти,
Рядовыхъ сотъ до шести).

(10) Неизвѣстный Авторъ краткой исторической записки: Histoire de la revolte de Pougatschef, разсказываетъ смерть Харлова слѣдующимъ образомъ:

Le major Charlof avoit épousé depuis quelques semaines la fille du colonel Ielagine, jeune personne très aimable. Il avoit été dangereusement blessé en défendant la place et on l'avoit rapporté ches lui. Lorsque la forteresse fut prise, Pougatschef envoya chez lui, le fit arracher de son lit et emmener devant lui. La jeune épouse au desespoir le suivit, se jeta aux pieds du vainqueur, et lui demanda la grace de son mari. Je vais le faire pendre en ta présence, répondit le barbare. A ces mots, la jeune femme verse un torrent de larmes, embrasse de nouveau les pieds de Pougatschef et implore sa pitié; tout fut inutile et Charlof fut pendu à l'instant même, en présence de son épouse. A peine eut-il expiré que les cosaques se saisirent de la femme et la forcèrent d'assouvir la passion brutale de Pougatschef. Авторъ находитъ тутъ невѣроятности и пускается въ разсужденія.—Les peuples les plus barbares respèctent les moeurs jusqu'a un certain

point, et Pougatschef avoit trop de bon sens pour commettre devant ses soldats etc. Болтовня: но вообще вся записка замѣчательна и вѣроятно составлена дипломатическимъ Агентомъ, находившимся въ то время въ Петербургѣ.

*d) Бѣдный Харловъ на капунѣ взятія крѣпости былъ пьянъ, но я не рѣшился того сказать, изъ уваженія его храбрости и прекрасной смерти.

(11) Крѣпость Татищева, при устьѣ рѣки Камышъ-Самары, основана Кириловымъ, образователемъ Оренбургской губерніи, и названа отъ него Камышъ-Самарою. Татищевъ, заступившій мѣсто Кирилова, назвалъ ее своимъ именемъ: *Татищева пристань*. Находится въ 28 верстахъ отъ Нижне-Озерной и въ 54 (прямой дорогою) отъ Оренбурга.

(12) Чернорѣченская въ 36 верстахъ отъ Татищевой и въ 18 отъ Оренбурга

(13) Сакмарской городъ, основанный при рѣкѣ Сакмарѣ, находится въ 29 верстахъ отъ Оренбурга. Въ немъ было до 300 казаковъ.

(14) Показаніе крестьянина Алексѣя Кирилова, отъ 6-го октября 1773 года <*Изъ Оренбургскаго архива*>.

(15) Повѣшены два курьера, ѣхавшіе въ Оренбургъ, одинъ изъ Сибири, другой изъ Уфы, гарнизонный капралъ, толмачь—Татаринъ, старый садовникъ, нѣкогда бывшій въ Петербургѣ и знавшій Государя Петра III, да приказчикъ съ рудниковъ Твердышевскихъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ТРЕТЬЕЙ.

*e) Сей Нащокинъ былъ тотъ самый, который далъ пощечину Суворову <послѣ того Суворовъ, увидя его, всегда прятался и говорилъ: боюсь, боюсь! онъ дерется>. Суворовъ на своемъ вѣку получилъ двѣ пощечины.

Нащокинъ, Воинъ Васильичъ, былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей своего времени. Сынъ его написалъ его записки: отроду не читывалъ я ничего забавнѣе. Государь Павелъ Петровичь любилъ его и при вошествіи своемъ на престолъ звалъ его въ службу. Нащокинъ отвѣчалъ Государю: вы горячи и я горячь; служба въ прокъ мнѣ не пойдетъ. Государь пожаловалъ ему деревни въ Костромской губерніи, куда онъ и удалился. Онъ былъ крестникъ Императрицы Елизаветы и умеръ въ 1809 году.

(1) См. Приложенія, 1.

(2) Журналъ осадѣ, веденный въ Губернаторской Канцеляріи, помѣщенъ въ любопытной рукописи Академика Рычкова, Читатель найдетъ ее въ Приложеніи. Я имѣлъ въ рукахъ три списка, доставленные мнѣ гг. Спасскимъ, Языковымъ и Лажечниковымъ.

(3) Биловъ выступилъ изъ Оренбурга 24-го Сентября. Въ этотъ день Губернаторъ давалъ у себя балъ. Вѣсть о Пугачевѣ разошлась на балѣ.

(4) Сержантъ сей назывался Иванъ Костицынъ. Участь его неизвѣстна. Его допрашивалъ Подполковникъ В. Могутовъ.

(5) См. Приложенія, III.

(6) Въ донесеніи Малыковской Земской Конторы сказано о Пугачевѣ: *оказался подозрителенъ, битъ кнутомъ*. См. въ Примѣчаніяхъ на 2-ю главу, примѣчаніе 2.

(7) Падуровъ, въ послѣдствіи времени повѣшенный, писалъ Мартемьяну Бородину, увѣщевая его покориться Пугачеву: «А нынѣ вы называете его <Самозванца> Донскимъ казакомъ Емельяномъ Пугачевымъ и яко бы у него ноздри рваныя и клеймёной. А по усмотрѣнію моему, у него тѣхъ признаковъ не имѣется».

(8) По совѣту одного изъ чиновниковъ <говоритъ Рычковъ>.

(9) Мѣновой дворъ, на которомъ съ Азіатскими народами, чрезъ все лѣто до самой осени, торгъ и мѣна производятся, построенъ на степной сторонѣ рѣки Яика, въ виду изъ города, разстояніемъ отъ берега версты съ двѣ; ближе строить его было невозможно, потому что прилегло все мѣсто низменное и водопоемное. Въ немъ находится пограничная Таможня; лавокъ вокругъ всего двора 246, да анбаровъ 140. Внутри же построенъ особый дворъ для Азіатскихъ купцовъ съ 98 лавками и 8 анбарами. Въ 1762 году полавочныхъ денегъ взималось 4,854 руб. Мѣновой дворъ укрѣпленъ батареями <*Топографія Оренбургской губерніи*>.

(10) Der kläglichste Zustand des Orenburgischen Gouvernements ist weit critischer als ich ihn beschreiben kann, eine reguläre feindliche Armee von zehntausend Mann würde mich nicht in Schrecken setzen, allein ein Verräther mit 3000 [1]) Rebellen macht ganz Orenburg zittern. — — — Meine auf 1200 Mann bestehende Garnison ist noch das einzige Commando worauf ich mich verlasse. Durch die Gnade des Höchsten, haben wir 12 Spions aufgefangen, etc. <*Письмо Рейнсдорпа къ Гр. Чернышеву отъ 9-го Октября 1773*>.

(11) *Бердская казачья слобода*, при рѣкѣ Сакмарѣ. Она обнесена была оплотомъ и рогатками. По угламъ были батареи. Дворовъ въ ней было до двухъ сотъ. Жалованныхъ казаковъ считалось до ста. Они имѣли своего Атамана и особыхъ Старшинъ.

(12) Въ городѣ убито 7 человѣкъ, въ томъ числѣ одна баба, шедшая за водой.

(13) Въ другой разъ Пугачевъ, пьяный, лежа въ кибиткѣ, во время бури сбился съ дороги и въѣхалъ въ Оренбургскія ворота. Часовые его окликали. Казакъ Федулевъ, правившій лошадьми, молча поворотилъ и успѣлъ ускакать. Федулевъ, недавно умершій, былъ одинъ изъ казаковъ, предавшихъ самозванца въ руки Правительства.

(14) Слышано мною отъ самого Дмитрія Денисовича Пьянова, донынѣ здравствующаго въ Уральскѣ.

(15) Кажется, Пугачевъ и его сообщники не полагали важности въ этой народіи. Они въ шутку называли также Бердскую слободу—Москвою, деревню Каргале—Петербургомъ, а Сакмарской городокъ—Кіевомъ.

(16) Такъ пишетъ Каръ въ письмѣ къ Графу Чернышеву, отъ 11-го Ноября 1773.

(17) Овзяно-Петровскій заводъ принадлежалъ купцу Твердышеву, человѣку предпріимчивому и смышлёному. Твердышевъ нажилъ свое огромное имѣніе въ теченіе семи лѣтъ. Потомки его наслѣдниковъ суть донынѣ одни изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи.

(18) Деревня Юзеева во 120 верстахъ отъ Оренбурга.

(19) То есть Депутатъ въ Комиссіи Составленія Новаго Уложенія. Депутатовъ было 652 человѣка. Имъ розданы были, для пошенія въ петлицѣ на золотой цѣпочкѣ, золотыя овальныя ме-

[1]) Рейнсдорпъ въ семъ числѣ не считаетъ Башкирцевъ.

дали, съ изображеніемъ на одной сторонѣ вензеля Е. И. В. имени, а на другой пирамиды, увѣнчанной Императорскою короною съ надписью: *Блаженство каждаго и всѣхъ;* а внизу: *1766 годъ, Декабря 14 день.*

*f) Сей Чернышевъ есть тотъ самый, о которомъ государыня говоритъ въ своихъ запискахъ. Онъ былъ нѣкогда камеръ-лакеемъ и удаленъ изъ Петербурга повелѣніемъ императрицы Елизаветы. Онъ и братъ его были любимцами Петра III, который сдѣлалъ одного полковникомъ и далъ ему полкъ, а второго подполковникомъ, Екатерина пожаловала перваго бригадиромъ и сдѣлала с. петербургскимъ комендантомъ, а брата его (повѣшеннаго) полковникомъ и комендантомъ симбирскимъ. Петербургскій комендантъ къ старости своей былъ въ связи съ Травиной: онъ цѣлый день проводилъ въ ея домѣ, сидя подъ окномъ, и на зарѣ отправлялся въ крѣпость.

(20) Изъ сего Калмыцкаго Полковника сдѣлали Капитана Калмыкова.

(21) При семъ сраженіи пойманъ былъ одинъ изъ первыхъ зачинщиковъ бунта, Данила Шелудяковъ. Старый наѣздникъ принялъ Оренбургскихъ казаковъ за своихъ и подскакалъ къ нимъ съ повелѣніями. Казакъ схватилъ его за воротъ; Пугачевъ, нѣкогда жившій у него въ работникахъ, любилъ его и звалъ своимъ отцомъ. На другой день, не нашедъ его между убитыми, многіе подъѣзжали къ городу и требовали его выдачи. Дня черезъ два, передъ свѣтомъ, три человѣка подъѣхали къ городскому валу и требовали опять Шелудякова. Имъ отвѣчали: приведите къ намъ и сына его <Пугачева>, и обѣщали за то 500 руб. награжденія. Они отъѣхали молча. Шелудяковъ былъ пытанъ и умеръ дней черезъ пять.

*g) См. Прилож. (I, № 4), указъ военной коллегіи объ увольненіи Генералъ-маіора Кара отъ службы.

*h) Карръ былъ предъ симъ употребленъ въ дѣлахъ, требовавшихъ твердости и даже жестокости <это еще не предполагаетъ храбрости и Карръ это доказалъ>. Въ Радомѣ онъ былъ сторожемъ Радзивила. Разбитый двумя каторжниками, [Пугачевымъ и Хлопушей], онъ бѣжалъ подъ предлогомъ лихорадки, лома въ костяхъ, фистулы и горячки. Пріѣхавъ въ Москву, онъ хотѣлъ явиться съ оправданіями къ Князю Волхонскому, который его не принялъ. Карръ пріѣхалъ въ благородное собраніе, но его появленіе произвело такой шумъ и такіе крики, что онъ принужденъ былъ поспѣшно удалиться. Нынѣ общее мнѣніе если и существуетъ, то уже гораздо равнодушнѣе, нежели какъ бывало въ старину. Сей человѣкъ, пожертвовавшій честью для своей безопасности, нашелъ однако же смерть насильственную: онъ былъ убитъ своими крестьянами, выведенными изъ терпѣнія его жестокостью.

*i) Придворныя отношенія А. И. Бибикова чрезвычайно любопытны. Это одинъ изъ благороднѣйшихъ характеровъ того времени. Императрица уважала Бибикова и увѣрена была въ его усердіи, но никогда его не любила. Въ началѣ Ея царствованія былъ онъ посланъ въ Холмогоры, гдѣ содержалось семейство несчастнаго Іоанна Антоновича; для тайныхъ переговоровъ. Бибиковъ возвратился влюбленный безъ памяти въ принцессу Екатерину <что весьма не понравилось Государынѣ>; свобода его мыслей и всегдашняя его оппозиція были извѣстны. Бибикова подозрѣвали благопріятствующимъ той партіи, которая будто бы желала возвести на престолъ Государя Великаго Князя. Существовала ли такая партія или нѣтъ — другой вопросъ. Симъ призракомъ безпрестанно смущали Государыню и тѣмъ отравляли сношенія между матерью и сыномъ, котораго раздражали и ожесточали ежедневныя мѣлочныя досады и подлая дерзость временщиковъ. Бибиковъ не разъ бывалъ посредникомъ между Императрицей и Великимъ Княземъ. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ: Великій Князь, разговаривая однажды о военныхъ движеніяхъ, подозвалъ полковника В. И. Бибикова <брата Александра Ильича> и спросилъ: во сколько времени полкъ его, въ случаѣ тревоги, можетъ поспѣть въ Гатчину? На другой день Александръ Ильичъ узнаетъ, что о вопросѣ Великаго Князя донесено, и что у брата его отымаютъ полкъ. Александръ Ильичъ, разспросивъ брата, бросился къ Императрицѣ и объяснилъ ей, что слова Великаго Князя были не что иное, какъ военное сужденіе, а не заговоръ. Государыня успокоилась, но сказала: скажи брату своему, что, въ случаѣ тревоги, полкъ его долженъ идти въ Петербургъ, а не въ Гатчино.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ЧЕТВЕРТОЙ.

(1) У Декалонга со Станиславскимъ было до 5,000 войска. Но всѣ они были растянуты на великомъ пространствѣ отъ крѣпости Верхоянской до Орской. Декалонгъ ихъ не сосредоточилъ, боясь оставить линейныя крѣпости безъ обороны.

(2) Орская крѣпость на степной сторонѣ рѣки Яика, въ двухъ верстахъ отъ рѣки Ори, выстроена въ 1735 году подъ названіемъ Оренбурга. Она имѣла изрядныя земляныя укрѣпленія. Въ ней всегда находился Командиръ Орской дистанціи и двойное число гарнизона, по причинѣ близкочующихъ ордъ.

(3) Корфъ, послѣ сраженія 14 Ноября, подсылалъ къ Пугачеву казака съ предложеніями о сдачѣ Оренбурга и съ обѣщаніемъ выйти къ нему навстрѣчу. Пугачевъ осторожно подъѣзжалъ къ Оренбургу, и усомнясь въ искренности предложеній, скоро возвратился въ Берду.

(4) Рейнсдорпъ, потерявъ надежду побѣдить Пугачева силой оружія, пустился въ полемику не весьма приличную. Въ отвѣтъ на дерзкія увѣщанія самозванца, онъ послалъ ему письмо съ слѣдующею надписью: *Пресущему злодѣю и отъ Бога отступившему человѣку, сатанину внуку, Емелькѣ Пугачеву.* Секретари Пугачева не остались въ долгу. Помѣщаемъ здѣсь письмо Падурова, какъ образецъ канцелярскаго его слога. «Оренбургскому Губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну. Пресквернное ваше увѣщеваніе здѣсь получено, за что васъ, яко всесквернаго общему покою ненавистника, благодаримъ. Да и сколько ты себя, по дѣйству сатанину, ни ухищрялъ, однако власть Божію не перемудришь. Вѣдай, мошенникъ: извѣстно (да и по всему тебѣ, бестіи, знать должно), сколько ты ни пробовалъ своего всесквернаго щастія, однако щастіе ваше служитъ единому твоему отцу, сатанѣ. Разумѣй, бестія, хотя ты по дѣйству сатанину во многихъ мѣстахъ канканы и разставилъ, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здѣсь хотя веревочныхъ не станетъ петель, а мы у Мордвина, хоть гривну дадимъ, мочальныхъ <возмемъ>,

да на тебя веревку свить можемъ; не сумнѣвайся, мошенникъ, изъ б... сдѣланъ. Нашъ всемилостивѣйшій Монархъ, аки орелъ поднебесный, во всѣхъ арміяхъ на одинъ день бываетъ, а съ нами всегда присутствуетъ. Да и-бъ мы вамъ совѣтовали, оставя свое невредіе, придти къ нашему чадолюбивому отцу и всемилостивѣйшему Монарху; егда придешь въ покореніе, сколько твоихъ озлобленій ни было, не только во всѣхъ *извиненіяхъ* всемилостивѣйше прощаетъ, да и сверхъ того васъ прежняго достоинства не лишитъ; а здѣсь не безъизвѣстно, что вы и мертвечину въ честь кушаете, и тако объявя вамъ сіе да и пребудемъ по склонности вашей ко услугамъ готовы. Февраля 23 дня 1774 года»

(5) Я не имѣлъ случая читать эту рѣчь. Помѣщаемъ письмо, сочиненное также Державинымъ по тому же поводу.

«Всеавгустѣйшая Государыня, Премудрая и Непобѣдимая Императрица!

«Дражайшее намъ и потомкамъ нашимъ неоцѣненное слово, сей пріятный и для позднѣйшаго рода Казанскаго Дворянства вѣніамъ, сей гласъ радости, вѣчной славы нашей и вѣчнаго нашего веселія, въ Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества къ намъ благоволеніи слыша, кто бы не получилъ изъ насъ восторга въ душу свою, чье бы не возыграло сердце о толикомъ благополучіи своемъ? Облиста насъ въ скорби нашей и печали свѣтъ милосердія Твоего! А потому, если бы кто теперь изъ насъ не радовался, тотъ бы по истинѣ еще худо изъявилъ усердіе свое Отечеству и Вашему Императорскому Величеству, даяніемъ нѣкоторой части имѣнія своего на составленіе корпуса нашего. И бысть угодна наша жертва предъ Тобою; се счастіе наше, се восхищеніе душъ нашихъ!

«Но, Всемилостивѣйшая Государыня, Ваше Императорское Величество обыкнуть соизволили взирать на малые знаки усердія, какъ на великіе; изливая окрестъ престола щедроты благоутробія Своего, изливаете оныя и въ страны отдаленныя: осіявая лучами милости Своея всѣхъ купно, и всѣхъ вездѣ своимъ человѣколюбіемъ милуете; а потому конечно и посильное даяніе долга нашего, собственно самимъ же намъ нужное, Ваше Императорское Величество толь милостиво и благоугодно отъ насъ пріять соизволили.

«*Сей есть прямо образъ мыслей благородныхъ*, Ваше Императорское Величество въ честь намъ сказать изволили. Что жъ мы изъ сего Высочайшаго намъ признанія заключить должны? Не сущее ли одно токмо матернее побужденіе къ исполненію долга нашего? не милосердіе ли одно? За то мы похвалу получаемъ, что истинное дѣло наше! но кромѣ особливыя, и заслугу превышающія почести, хвалится ли за то священнослужитель, что онъ всенародно Бога молитъ? Кромѣ неописанныя Вашего Императорскаго Величества къ намъ милости, достойны ли и дворяне за то похвалы особливой, что они хотятъ защищать свое Отечество? Они суть щитъ его, они подпора Престола Царскаго. Пепелъ предковъ нашихъ вопіетъ къ намъ и зоветъ насъ на пораженіе самозванца. Гласъ потомства уже укоряетъ насъ, что въ вѣкъ Преславной, Великой Екатерины могло возникнуть зло сіе; кровь братіи нашихъ, еще дымящаяся, устремляетъ насъ на истребленіе злодѣя. Что жъ мы медлили? Чего давно не доставало намъ, дабы совокупно поставить грудь свою противу хищника? Ежели душа у дворянина есть, то все у него есть ко ополченію. Чего жъ не доставало? не усердія ли нашего? Нѣтъ! мы давно горѣли имъ, мы давно собирались, и хотѣли пренебречь жизнь свою; а теперь, по милости Вашего Императорскаго Величества, есть у насъ и согласитель мыслей нашихъ. Руководствомъ его составился у насъ корпусъ. Избранный въ немъ начальникъ трудится, товарищи его усердствуютъ, все въ порядкѣ. Имѣніе наше готово на пожертвованіе, кровь наша на изліяніе, души наши на положеніе; умремъ,—кто не имѣетъ мыслей сихъ, тотъ не дворянинъ.

«Но сколь ни великъ восторгъ должности нашей, сколь ни жарко рвеніе сердецъ нашихъ; однако слабы бы были силы наши на истребленіе гнуснаго врага нашего, если бъ Ваше Императорское Величество не ускорили войсками своими въ защищеніе наше, а паче всего присылкою къ намъ Его Превосходительства Александра Ильича Бибикова. Можетъ быть, мы бы были и по сю пору въ нерѣшимости составить корпусъ нашъ, ежели бъ не онъ подалъ намъ свои благоразумные совѣты. Онъ пріѣздомъ своимъ разсыпалъ туманъ уныніи, носящагося надъ градомъ здѣшнимъ. Онъ ободрилъ души наши. Онъ укрѣпилъ сердца, колеблющіяся въ вѣрности Богу, Отечеству и Тебѣ, Всемилостивѣйшая Государыня; словомъ сказать, онъ оживотворилъ страну почти умирающую. Величіе Монарха паче познается въ томъ, что онъ умѣетъ разбирать людей и употреблять ихъ во благовремяніи: то и въ семъ не оскудѣваетъ Вашего Императорскаго Величества тончайшее проницаніе; на сей случай здѣсь надобенъ министръ, воинъ, судія, чтитель святыя Вѣры. По прозорливому Вашего Императорскаго Величества изволенію, мы все сіе въ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ видимъ; за все сіе изъ глубины сердецъ нашихъ любомудрой душѣ Твоей воприсуемъ благодареніе.

«Но едва успѣваемъ сказать здѣсь, Всемилостивѣйшая Государыня Вашему Императорскому Величеству крайнія чувствія искренности нашей за милости Твои; едва успѣваемъ воскурить предъ образомъ Твоимъ, Великая Императрица, намъ священнымъ и намъ любезнымъ, кадило сердецъ нашихъ за благоволенія Твои; уже мы слышимъ новый гласъ, новыя отъ Тебя радости новаго намъ Твоего великодушія и снисхожденія. Что Ты съ нами дѣлаешь? въ трехъ частяхъ Свѣта владычество имѣющая, славимая въ концахъ земныхъ, честь Царей, украшеніе коронъ, изъ боголѣпія Величества Своего, изъ сіянія славы Своея, снисходишь и именуешься нашею *Казанскою Помѣщицею!* о радости для насъ неизглаголанной, о щастія для насъ неокончаемаго! се прямо путь къ сердцамъ нашимъ! се преславное превознесеніе праху нашего и потомковъ нашихъ! Та, которая даетъ законы полвселенной, подчиняетъ себя нашему постановленію! та, которая владычествуетъ нами, подражаетъ нашему примѣру! тѣмъ Ты болѣе, тѣмъ Ты величественнѣе.

«И такъ, исполненіемъ долга нашего хотя мы не заслуживаемъ особливаго Вашего Императорскаго Величества намъ признанія, любезнаго и намъ дражайшаго товарищества Твоего, однако Высочайшую волю Твою развер-

стымъ принимаемъ сердцемъ и почитаемъ благополучіемъ, начертаваемъ неоцѣненныя слова благоволенія Твоего съ благоговѣніемъ въ память нашу. Признаемъ Тебя своею Помѣщицею, принимаемъ Тебя въ свое сотоварищество. Когда угодно Тебѣ, равняемъ Тебя съ собою. Но за сіе ходатайствуй и Ты за насъ у Престола Величества Твоего. Ежели гдѣ силы наши слабы совершить усердіе наше, помогай намъ и заступай насъ у Тебя. Мы болѣе на Тебя, нежели на себя, надѣемся.

«Великая Императрица! чѣмъ же воздадимъ мы Тебѣ за Твою матернюю любовь къ намъ, за сіи Твои несказанныя намъ благодѣянія? Наполняемъ сердца наши токмо вящшимъ воспламененіемъ искоренить изъ свѣта злобу, Царства Твоего недостойную. Просимъ Царя Царей, да подастъ Онъ намъ въ томъ свою помощь, а Вашему Императорскому Величеству, истинной Матери Отечества, съ любезнымъ Вашего Императорскаго Величества Сыномъ, съ сею безцѣнною надеждою нашею, и и съ дражайшею Его Супругою, въ безмятежномъ Царствѣ, многія лѣта благоденствія».

(6) Монахиня Евпраксія Кириловна, бабка Александра Ильича. Онъ ею былъ воспитанъ; въ семействѣ своемъ почиталась она праведною.

(7) См. въ Приложеніи письмо Бибикова къ Графу Чернышеву отъ 24 Января 1774 года.—5-го Января того же года писалъ онъ къ Философову: «Терпѣніе мое часъ отъ часу становится короче, въ ожиданіи полковъ, ибо ежечасно получаю страшныя извѣстія; съ другой же стороны, что Башкирцы съ всякою сволочью партіями разъѣзжаютъ, заводы и селенія грабятъ и дѣлаютъ убійства. Воеводы и начальники отовсюду бѣгутъ съ устрашеніемъ, и глупая чернь охотно на обольщеніе злодѣйское бѣжитъ навстрѣчу къ нимъ же. Не могу тебѣ, мой другъ, подробно описать бѣдствіе и разореніе здѣшняго края, слѣдовательно суди и о мосмъ по тому положенію. Скареды и срамцы здѣшніе гарнизоны всего боятся, никуда носа не смѣютъ показать, сидятъ по мѣстамъ какъ сурки и только что рапорты страшные присылаютъ. Пугачевскія дерзости и его сообщниковъ изъ всѣхъ предѣловъ вышли; всюду посылаютъ манифесты, указы. День и ночь работаю какъ каторжный, рвусь, надсѣдаюсь и горю какъ въ огнѣ адскомъ; но варварству предательствъ и злодѣйству не вижу еще перемѣны, не устаетъ злость и свирѣпство, а можно ли отъ домашняго врага довольно охраниться, все къ измѣнѣ, злодѣйству и къ бунту на скопищахъ. Богъ одинъ всемогущъ, обратитъ все сіе въ лучшее. Я при моихъ заботахъ непрестанно его прошу», и проч.

(8) Снѣгъ въ Оренбургской губерніи выпадаетъ иногда на три аршина.

(9) См. въ Приложеніи письмо Бибикова къ Графу Чернышеву.

(10) Не должно терять изъ виду тогдашнее раздѣленіе Государства на губерніи и провинціи.

(11) Въ 1774 году уведено въ плѣнъ Киргизцами до 1380 человѣкъ.

(12) См. въ Запискахъ Храповицкаго <въ 1791 году> весьма любопытный разговоръ Государыни о Густавѣ III.

*k) Густавъ III, изъявляя въ 1790 году всѣ свои неудовольствія, хвалился тѣмъ, что онъ, не смотря на всѣ представленія, не воспользовался смятеніемъ, произведеннымъ Пугачевымъ.—Есть чѣмъ хвастать, говорила Государыня, что король не вступилъ въ союзъ съ бѣглымъ каторжникомъ, вѣшавшимъ женщинъ и дѣтей.

(13) См. Переписку Вольтера съ Императрицею.

(14) Помѣщаемъ здѣсь показанія жены Пугачева, Софьи Дмитріевой, въ томъ видѣ, какъ они были представлены въ Военную Коллегію.

Описаніе извѣстному злодѣю и самозванцу, какого онъ есть свойства и примѣтъ, учиненное по объявленію жены его, Софьи Дмитріевой.

(1) Мужа ея, войска Донскаго Зимовейской станицы служилаго казака, зовутъ Емельянъ Ивановъ сынъ, прозывается Пугачевымъ.

2) Отецъ его родной былъ той же Зимовейской станицы служилой казакъ, Иванъ, Михайловъ сынъ, Пугачевъ же, который въ давнихъ годахъ умре.

3. Тому мужу ея нынѣ отроду будетъ лѣтъ сорокъ, лицомъ сухощавъ, во рту верхняго спереди зуба нѣтъ, который онъ выбилъ саласками *), еще въ малолѣтствѣ въ игрѣ, а отъ того времени и донынѣ не выростаетъ. На лѣвомъ виску отъ болѣзни круглый бѣлый признакъ, отъ лица совсѣмъ отмѣнный, величиною въ двукопѣечникъ; на обѣихъ грудяхъ, назадъ тому третій годъ, были провалы, отъ чего и мнитъ она, что быть надобно признакамъ же. На лицѣ имѣетъ желтыя конопатины; самъ собою смугловатъ, волосы на головѣ темнорусые, по-казацки подстригалъ, росту средняго, борода клиномъ черная, небольшая.

4. Вѣру содержалъ истинно-православную; въ церковь Божію ходилъ, исповѣдовался и Святыхъ Таинъ пріобщался, на что и имѣлъ отца духовнаго, Зимовейской же станицы Священника Ѳедора Тихонова; а крестъ ко изображенію, совокупилъ большой съ двумя послѣдними пальцами.

5. Женился тотъ мужъ ея на ней, и она шла, оба нервобрачные, назадъ тому лѣтъ съ десять, и съ которымъ и прижили дѣтей пятерыхъ, изъ коихъ двое померли, а трое и теперь въ живыхъ. Первый сынъ Трофимъ десяти лѣтъ, да дочери—вторая Аграфена по седьмому году, а третья Христина по четвертому году.

6. Оный же мужъ ея, назадъ тому три года, посланъ на службу во вторую армію, гдѣ и былъ два года, и оттуда, нынѣ другой годъ, за грудною болѣзнію, о которой выше значитъ, по весенѣ отпущенъ, а посему и былъ въ домѣ одно лѣто, въ которую бытность и напялъ вмѣсто себя въ службу въ Бахмутѣ на Донцѣ казака, а какъ его звать и прозванія, да и гдѣ теперь находится, не знаетъ;—а послѣ сего

7. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 772 года онъ, оставивши ее съ дѣтьми, невѣдомо куда бѣжалъ, и гдѣ былъ, и какія отъ него происходили дѣла, объ ономъ, какъ онъ ничего не сказывалъ, такъ и сама не знала; а

8. 773 Года, въ Великомъ посту, тотъ мужъ ея таинымъ образомъ пришелъ къ хуторскому ихъ дому вечеромъ подъ окошко, котораго она и пустила; но того жъ самаго часа объявила казакамъ, а они, взявши его, повезли къ станичному Атаману, а онъ-де отправилъ въ Верхнюю Чирскую станицу, къ старшинѣ, по о имени его не упомнитъ, а оттуда въ Черкасской; но не довезя

*) Техническій терминъ у кулачныхъ бойцовъ, значитъ ударъ по челюстямъ.

однакожъ до онаго, въ Цымлянской станицѣ бѣжалъ, и потому, гдѣ теперь находится, не вѣдаетъ.

9. Во время жъ той мужа ея поимки, сказывалъ онъ Атаману и на сборѣ всѣмъ казакамъ, что былъ въ Моздокѣ, но что дѣлалъ, потому жъ не знаетъ.

10. Писемъ онъ къ ней, какъ съ службы изъ арміи, такъ и изъ бѣговъ своихъ никогда не присылывалъ; да и чтобъ въ станицу ихъ или къ кому другому писалъ, объ ономъ не знаетъ; онъ же вовсе и грамотѣ не умѣетъ.

11. Что же мужъ ея точно есть упоминаемый Емельянъ Пугачевъ, то сверхъ ея самоличнаго съ дѣтьми сознанія и уличенія, могутъ въ справедливость доказать и родной его братъ, Зимовейской же станицы казакъ Дементій Ивановъ сынъ Пугачевъ <который нынѣ находится въ службѣ въ 1-й арміи>, да родныя жъ сестры, изъ конхъ первая Ульяна Иванова, коя нынѣ находится въ замужествѣ той же станицы за казакомъ Ѳедоромъ Григорьевымъ по прозванію Брыкалиннымъ, а вторая Ѳедосья Иванова, которая также замужемъ за казакомъ изъ Прусакъ Симономъ Никитинымъ, а прозванія не знаетъ, кой нынѣ жительство имѣетъ въ Азовѣ, которыя всѣ мужа ея также знаютъ довольно.

12. Рѣчь и разговоры мужъ ея имѣлъ по обыкновенію казацкому, а иностраннаго языка никакого не зналъ.

13. Домомъ они жили въ Зимовейской станицѣ своимъ собственнымъ, который по побѣгѣ мужа <что дневнаго пропитанія съ дѣтьми имѣть стало не отъ чего> продала за 24 руб. за 50 коп. Есауловской станицы казаку Еремѣ Евсѣеву на сломъ, который его въ ту Есауловскую станицу по сломкѣ и перевезъ; а нынѣ особою командою паки въ Зимовейскую станицу перевезенъ и на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ и они жили, сожженъ; а хуторъ ихъ, состоящій также неподалеку Зимовейской станицы, сожженъ же.

14. Сама же та Пугачева жена—казачья дочь, и отецъ ея былъ Есауловской станицы служилый казакъ Дмитрій, по прозванію Недюжинъ, а отчества не припомнитъ, потому что она послѣ него осталась въ малолѣтствѣ; и послѣ жъ котораго остались и теперь вживѣ находятся дочери его, а ей сестры родныя, первая Анна Дмитріева въ замужествѣ Есауловской станицы за казакомъ Ѳомою Андреевымъ, по прозванію Пилюгинымъ, который и находится въ службѣ тому нынѣ осьмой годъ, а въ которой арміи, не знаетъ. Вторая Василиса Дмитріева въ замужествѣ также Есауловской станицы за казакомъ Григоріемъ Ѳедоровымъ по прозванію Махичевымъ; да третій сынъ отъ отца ея, а ей братъ родной, Иванъ Дмитріевъ по прозванію Недюжинъ, живетъ въ Есауловской же станицѣ служилымъ казакомъ, и по отъѣздѣ ея въ здѣшнее мѣсто, былъ при домѣ своемъ и къ наряду въ службу въ готовности.—

Прилагаю не менѣе любопытное извлеченіе изъ показанія бывшаго въ 1771 году Зимовейской станицы Атаманомъ отставнаго казака Трофима Ѳомина:

«Въ 1771 году, въ Февралѣ мѣсяцѣ, Емельянъ Пугачевъ отбылъ въ городъ Черкаскъ для излеченія болѣзни, со взятымъ у меня станичнымъ билетомъ, и черезъ мѣсяцъ возвратился на карей лошади. На допросъ мой, гдѣ онъ ее досталъ, отвѣчалъ онъ: на станичномъ сборѣ, что купилъ въ Таганрожской крѣпости конпаго казацкаго полку у казака Василья Кусачкина. Но казаки, не повѣря ему, послали его взять письменный видъ отъ ротнаго Командира. Пугачевъ и поѣхалъ, но предъ его возвращеніемъ, зять его, Прусакъ, бывшій Зимовейской станицы казакъ, а нынѣ состоящій въ Таганрогскомъ казацкомъ полку, явился у насъ и на станичномъ сборѣ показалъ, что онъ съ женою и Василій Кусачкинъ, да еще третій, по уговору Пугачева, бѣгали за Кубань на Куму рѣку, гдѣ онъ <Прусакъ> побывъ малое время, оставилъ ихъ и возвратился на Донъ. Почему и отправилъ я при станичномъ рапортѣ въ Черкаскъ Прусака съ *женою* и родною *ея* матерью, по причинѣ ихъ побѣга. Въ Декабрѣ того же года Пугачевъ былъ пойманъ въ его хуторѣ и содержался подъ карауломъ. Намѣренъ былъ я его, какъ праздношатающаго, выдать находящемуся тогда въ сыскѣ и высылкѣ бѣглыхъ всякаго званія людей Старшинѣ Михайлѣ Макарову. Но Пугачевъ со станичной избы изъподъ караула бѣжалъ, и уже чрезъ три мѣсяца на томъ же хуторѣ пойманъ, и показалъ на станичномъ сборѣ, что былъ въ Моздокѣ, почему при рапортѣ и посланъ мною къ Старшинѣ Макарову въ нижнюю Черкаскую станицу, а сей чрезъ нашу станицу послалъ уже его при рапортѣ въ Черкаскъ. Когда его привели, увидя по подорожной, что посланъ онъ былъ въ колодкѣ, которой на немъ уже не было, приказалъ я ему набить другую, и отослалъ его въ верхнюю Курмоярскую станицу, отъ которой въ принятіи онаго Пугачева росписку получилъ. Черезъ двѣ недѣли спустя, отъ Старшины Макарова по всѣмъ станицамъ прислано было объявленіе, что оный Пугачевъ бѣжалъ съ дороги, и не иначе ежели явится гдѣ, изловить; а какъ онъ бѣжалъ, не знаю.

За неумѣніемъ грамотѣ, Василій Ермолаевъ руку приложилъ».

(15) Г. Левшинъ пишетъ, что самозванецъ показывалъ сіи пятна легковѣрнымъ своимъ сообщникамъ и выдавалъ ихъ за какіе-то царскіе знаки. Оно не совсѣмъ такъ; самозванецъ, хвастая, показывалъ ихъ какъ знаки ранъ, имъ полученныхъ.

(16) Многіе и воспользовались симъ разрѣшеніемъ; не смотря на то, Исторія Пугачевскаго возмущенія мало извѣстна. Въ Запискахъ о жизни и службѣ А. П. Бибикова мы находимъ самое подробное извѣстіе объ ономъ; но сочинитель довелъ свой разсказъ только до смерти Бибикова. Книжка, изданная подъ заглавіемъ: *Михельсонъ въ Казани*, есть не что иное, какъ весьма любопытное письмо Архимандрита Платона Любарскаго, напечатанное почти безъ всякой перемѣны, съ пріобщеніемъ незначущихъ показаній. Г. Левшинъ, въ своемъ Историческомъ и Статистическомъ обозрѣніи Уральскихъ казаковъ, слегка коснулся Пугачева. Сей кровавый и любопытный эпизодъ царствованія Екатерины мало еще извѣстенъ.

* k) Уральскіе казаки, большею частію раскольники <особливо старые люди>, донынѣ привязаны къ памяти Пугачева. Грѣхъ сказать, говорила мнѣ 80-ти-лѣтняя казачка, на него мы не жалуемся; онъ намъ зла не сдѣлалъ.—Разкажи мнѣ, говорилъ я Д[митрію] Пьянову, какъ Пугачевъ былъ у тебя посаженнымъ отцомъ?—Онъ для тебя Пугачевъ, отвѣчалъ мнѣ сердито старикъ, а для меня онъ былъ Великій Государь Петръ Федоровичъ.—Когда упоминалъ я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: не его воля была; наши пьяницы его мутили.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ПЯТОЙ.

(1) Крещенные Калмыки, поселенныевъ Оренбургской губерніи, раздѣлялись на Оренбургскихъ и Ставропольскихъ. См. въ Рычковѣ (въ его *Оренбургской Топографіи*) подробное о нихъ извѣстіе.

(2) Державинъ, въ объясненіяхъ на свои сочиненія, говоритъ, что онъ имѣлъ счастіе освободить около полуторы тысячи плѣнныхъ колонистовъ отъ Киргизовъ. Державинъ написалъ свои «Записки», къ сожалѣнію, еще неизданныя.

*k) Державинъ, приближаясь къ одному селу близъ Малыковки съ двумя казаками, узналъ, что множество народу собралось и намѣрено идти къ Пугачеву. Онъ пріѣхалъ прямо къ сборной избѣ и требовалъ отъ писаря Злобина <впослѣдствіи богача> изъясненія, зачѣмъ собрался народъ и по чьему приказанію? Начальники выступили и объявили, что идутъ соединиться съ Государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ, и начали было наступать на Державина. Онъ велѣлъ двухъ повѣсить, а народу велѣлъ принести плетей и всю деревню пересѣкъ. Сборище разбѣжалось. Державинъ увѣрилъ, что за нимъ идутъ три полка <слышалъ отъ Сенат. Баранова>. И. И. Дмитріевъ увѣряетъ, что Державинъ повѣсилъ сихъ двухъ мужиковъ болѣе изъ поэтическаго любопытства, нежели изъ настоящей необходимости.

(3) Бунтовавшіе Башкирцы жестоко усмирены были Генералъ-Лейтенантомъ Княземъ Урусовымъ, прозваннымъ, какъ Силла, счастливымъ, ибо все ему удавалось.

*l) Казни, произведенныя въ Башкиріи, Генераломъ Княземъ Урусовымъ, невѣроятны. Около 130 человѣкъ были умерщвлены посреди всевозможныхъ мученій. Ипыхъ, пишетъ Рычковъ, растыкали по кольямъ, другихъ повѣсили ребромъ за крюки, нѣкоторыхъ четвертовали. Остальныхъ, человѣкъ до тысячи, *простили*, отрѣзавъ имъ носы и уши. Многіе изъ сихъ прощенныхъ должны были быть живы во время Пугачевскаго бунта.

(4) См. въ приложеніи письмо Бибикова къ фонъ-Визину. Письмо сіе, вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными бумагами, доставлено было родственниками и наслѣдниками фонъ-Визина Князю Вяземскому, занимавшемуся біографіей автора *Недоросля*. Надѣемся въ непродолжительномъ времени издать въ свѣтъ сіе замѣчательное по всѣмъ отношеніямъ сочиненіе.

(5) Малолѣтокъ, не достигшій 14-тилѣтняго возраста.

(6) Илецкая Защита находится отъ Оренбурга въ 62-хъ верстахъ, въ степи, за рѣкою Ураломъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ добывается славная Илецкая соль.

«Добываніе оной соли,» пишетъ Рычковъ: «уже издавна на томъ мѣстѣ, сперва отъ Башкирцевъ, а потомъ и отъ крѣпостныхъ обывателей, чинилось; но о построеніи сей крѣпости опредѣленіе учинено уже въ прошломъ 1753 году Октября 26 числа, по состоявшемуся въ Правительствующемъ Сенатѣ того жъ 1753 года Мая 24 числа указу, коимъ въ Оренбургѣ и въ принадлежащихъ къ оному новыхъ крѣпостяхъ и селеніяхъ (опредѣлено) учредить казенные соляные магазины, и продажу Илецкой и Эбелейской соли чинить по тогдашней указной цѣнѣ, по 35 коп. пудъ; для чего тогда жъ и Соляное правленіе въ городѣ Оренбургѣ учреждено. Явившійся тогда подрядчикъ, Оренбургскихъ казаковъ Сотникъ Алексѣй Углицкой, обязался той соли заготовлять и ставить въ Оренбургской магазинъ четыре года, на каждой годъ по пятидесяти тысячь пудъ, а буде вознадобится, то и болѣе, цѣною по 6 коп. за пудъ, своимъ коштомъ, а сверхъ того въ будущій 1754 годъ лѣтомъ построить тамъ своимъ же коштомъ, по указанію отъ Инженерной команды, небольшую защиту оплотомъ съ батареями для пушекъ, тутъ же сдѣлать нѣсколько покоевъ и казармъ для гарнизону и провіантской магазинъ, и на всѣ жилые покои въ осеннее и зимнее время ставить дрова, а провіантъ, сколько бъ тамъ войсковой команды ни случилось, возить туда изъ Оренбурга на своихъ подводахъ, что все и учинено, и гарнизономъ опредѣлена туда изъ Алексѣевскаго пѣхотнаго полка одна рота въ полномъ комплектѣ; а иногда по случаямъ и болѣе военныхъ людей командируемо бываетъ, для которыхъ, яко же и для работающихъ въ добываніи той соли людей <копъ человѣкъ ста по два и болѣе бываетъ> имѣется тамъ церковь и священникъ съ церковными служителями.» (*Топографія Оренбургская*).

(7) Тоцкая крѣпость, при устьѣ рѣки Сороки, въ 206 верстахъ отъ Оренбурга. Выстроена при Кириловѣ, въ 1736 году.—Сорочинская крѣпость, главная на Самарской дистанціи, въ 176 верстахъ отъ Оренбурга и въ 30 отъ Тоцкой.

(8) Крѣпость Новосергіевская отъ Сорочинской въ 40, а отъ Оренбурга въ 136 верстахъ. Выстроена при тайномъ совѣтникѣ Татищевѣ, подъ именемъ *Тевкелева Брода*, и переименована при Неплюевѣ въ Новосергіевскую.

(9) Переволоцкая, большою дорогою въ 78 верстахъ отъ Оренбурга, а прямо степью въ 60. Выстроена въ верховьѣ рѣки Самары.

(10) Les rebelles restèrent si tranquilles à Tatitscheva, que le Prince lui-même doutoit qu'ils fussent dans cette place. Pour en apprendre des nouvelles, il envoya trois cosaques qui s'approchèrent de la forteresse, sans rien apercevoir. Les rebelles leur envoyèrent une femme, qui leur présenta du pain et du sel, selon l'usage des Russes, et qui interrogée par les cosaques, les assura que les rebelles après avoir été dans la place, en étaient tous sortis. Lorsque Pougatschef crut avoir trompé les cosaques par cette ruse, il fit sortir de la forteresse quelques centaines d'hommes pour s'emparer d'eux. L'un des trois fut tué et le second pris; mais le troisième s'echappa et vint rendre compte à Galitzin de ce qu'il venait de voir. Aussitôt le Prince résolut de marcher sur la place dans le jour même et d'attaquer l'ennemi dans ses retranchements.—(*Histoire de la révolte de Pougatshef*).

(11) Бибиковъ въ письмѣ отъ 26 Марта: «Мы потеряли 9 офицеровъ и 150 рядовыхъ; убито 12 офицеровъ, ранено и 150 рядовыхъ. Вотъ какая была пирушка! А бѣдный мой Кошелевъ тяжело въ ногу раненъ; боюсь, чтобъ не умеръ, хотя Голицынъ и пишетъ, не опасно.»

(12) Рычковъ пишетъ, что Шигаевъ велѣлъ связать Пугачева и Хлопушу. Показаніе невѣроятное. Увидимъ, что Пугачевъ и Шигаевъ дѣйствовали заодно нѣсколько времени послѣ бѣгства ихъ изъ-подъ Оренбурга.

(13) Пугачевъ, вопреки общему мнѣнію, никогда не былъ монету съ изображеніемъ Государя Петра III и съ надписью Redivivus et ultor (какъ увѣряютъ иностранные писатели). Безграмотные и полуграмотные бунтовщики не могли вымышлять замысловатыя латинскія над-

писи, и довольствовались уже готовыми деньгами.

(14) La victoire que Votre Altesse vient de remporter sur les rebelles rend la vie aux habitants d'Orenbourg. Cette ville bloquée depuis six mois et réduite à une famine affreuse retentit d'allègresse et les habitants font des voeux pour la prospérité de leur illustre libérateur. Un poude de farine coutait déjà 16 roubles et maintenant l'abondance succéde à lamisère. J'ai tiré un transport de 500 четверть de Kargalé et j'attends un autre de 1000 d'Orsk. Si le détachement de Votre Altesse réussit de captiver Pougatschef, nous serons au comble de nos souhaits et les Baschkirs ne manqueront pas de chercher grâce. *(Письмо Рейнсдорпа къ кн. Голицыну,]отъ 24-го Марта 1774).*

*m) Князь Голицынъ, нанесшій первый ударъ Пугачеву, былъ молодой человѣкъ и красавецъ.— Императрица замѣтила его въ Москвѣ на балѣ (въ 1775) и сказала: какъ онъ хорошъ, настоящая куколка! Это слово его погубило. Шепелевъ <въ послѣдствіи женатый на одной изъ племянницъ князя Потемкина> вызвалъ Голицына на поединокъ и закололъ его, сказываютъ, измѣнически. Москва обвинила Потемкина...

(15) Слобода Сентовская <она же и Каргалинская> часто упоминаемаявъ сей Исторіи, находится въ 20-ти верстахъ отъ Берды, а отъ Оренбурга въ 18-ти. Названа по имени Казанскаго Татарина Сента-Хаялина, перваго, явившагося въ Оренбургскую Канцелярію съ просьбою объ отводѣ земель подъ поселеніе. Съ Сентовской слободѣ числилось до 1200 душъ, состоящихъ на особыхъ правахъ.

(16) По своемъ разбитіи, Чика съ Ульяновымъ остановились ночевать въ Богоявленскомъ мѣдиплавильномъ заводѣ. Приказчикъ угостилъ ихъ, и напоивъ до-пьяна, ночью связалъ и представилъ въ Табинскъ. Михельсонъ подарилъ 500 рублей приказчиковой женѣ, подавшей совѣтъ напоить бѣглецовъ.

(17) Въ Озерной старая казачка [мать Ст. Разина] каждый день бродила надъ Яикомъ, клюкою пригребая къ берегу плывущіе трупы и приговаривая: «Не ты ли, мое дѣтище? Не ты ли, мой Стёпушка? Не твои ли черны кудри свѣжа вода моетъ?» И видя лице незнакомое, тихо отталкивала трупъ.

(18) Слѣдующія любопытныя подробности взяты мною изъ весьма замѣчательной статьи <*Оборона Яицкой крѣпости отъ партіи мятежниковъ*>, напечатанной въ *Отечественныхъ Запискахъ* П. П. Свиньина. Въ нѣкоторыхъ показаніяхъ слѣдовалъ я журналу Симонова, предполагая болѣе достовѣрности въ офиціальномъ документѣ, нежели въ воспоминаніяхъ старика. Но вообще статья неизвѣстнаго очевидца носитъ драгоцѣнную печать истины, неукрашенной и простодушной.

(19) Слова сіи сохранены Державинымъ въ одѣ его на смерть Бибикова. — Послѣдняя строфа должна была быть вырѣзана на его гробѣ:

Онъ былъ искусный вождь во брани,
Совѣта мужъ, любитель Музъ,
Отечества подпора тверда,
Блюститель вѣры, правды другъ;
Екатериной чтимъ за службу
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренность души его,
Онъ умеръ, тронъ обороняя:
Стой, путникъ! стой благоговѣйно!
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ.

(20) Императрица велѣла спросить у вдовы покойнаго, чего она собственно для себя желала; супруга Бибикова просила обезпечить судьбу одного изъ родственниковъ ея мужа, служившаго подъ его начальствомъ.

(21) Державинъ, до конца своей жизни чтившій память перваго своего покровителя, узнавъ, что сынъ А. И. Бибикова намѣренъ былъ издать записки о жизни и службѣ отца, написалъ о немъ слѣдующія строки:

«Посвятивъ краткую, но наполненную славными дѣяніями жизнь свою на службу Отечеству, Александръ Ильичъ Бибиковъ по всей справедливости заслужилъ уваженіе и признательность соотечественниковъ; они не престанутъ воспоминать съ почтеніемъ полезныя обществу дѣла сего знаменитаго мужа и благословлять его память.

«Читая о службѣ и перемѣнахъ въ оной сего примѣрнаго государственнаго человѣка, всякой легко усмотритъ необыкновенныя его способности, мужество, предусмотрѣніе, предпріимчивость и расторопность, такъ что онъ во всѣхъ родахъ налагаемыхъ на него должностей, съ отличіемъ и достовѣрностію былъ употребляемъ; вездѣ показалъ искусство свое и ревность, не токмо прежде, въ царствованіе императрицы Елисаветы, но и во многихъ порученіяхъ отъ Екатерины Великой, ознаменованныя успѣхами. Онъ былъ хорошій Генералъ, мужъ въ гражданскихъ дѣлахъ проницательный, справедливый и честный; тонкій политикъ, одаренный умомъ просвѣщеннымъ, всеобщимъ, гибкимъ, но всегда благороднымъ. Сердце доброе его готово было къ услугамъ и къ помощи друзьямъ своимъ, даже и съ пожертвованіемъ собственныхъ своихъ пользъ; твердый нравъ, вѣрою и благочестіемъ подкрѣпленный, доставлялъ ему отъ всѣхъ довѣренность, въ которой онъ былъ неколебимъ: любилъ Словесность и самъ весьма хорошо писалъ на природномъ языкѣ; зналъ Нѣмецкій и Французскій языкъ и не задолго предъ смертію выучилъ и Англійскій; умѣлъ выбирать людей, былъ доступенъ и благопривѣтливъ всякому; но зналъ однако важною своею поступью, соединенною съ пріятностью, держать подчиненныхъ своихъ въ должномъ подобострастіи. Важность не умаляла въ немъ веселія, а простота не унижала важности. Всякій нижній и высшій чиновникъ его любилъ и боялся. Послѣдній подвигъ къ защитѣ Престола и къ спасенію Отечества соверша, кончиною своею увѣнчалъ добродѣтельную жизнь, къ сожалѣнію всей Имперіи, тогда пресѣкшуюся».

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ШЕСТОЙ.

(1) См. Рычкова Исторію Оренбургскую.

(2) Histoire de la révolte de Pougatschef.

(3) Троицко-Саткинской заводъ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ Оренбургской губерніи, на рѣчкѣ Саткѣ, въ 254 верстахъ отъ Уфы.

(4) Зеланрская крѣпость находится въ самомъ центрѣ Башкиріи, въ 229 верстахъ отъ Оренбурга. Она выстроена въ 1755 году, послѣ послѣдняго Башкирскаго бунта <передъ Пугачевскимъ>.

(5) Державинъ въ примѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ говоритъ, что Князь Щербатовъ, Князь Голицынъ и Брантъ перессорились, другъкъ другу не пошли въ команду, дали скопиться новымъ злодѣйскимъ силамъ и разстроили начало побѣдъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ СЕДЬМОЙ.

(1.) Въ сентенціи сказано было, что Пугачевъ ворвался въ городъ измѣною суконщиковъ. Слѣдствіе доказало, что суконщики не измѣнили; напротивъ, они послѣдніе бросили оружіе и уступили превосходной силѣ.

(2.) Въ послѣдствіи Веніаминъ былъ оклеветанъ однимъ изъ мятежниковъ. <Аристовымъ> и нѣсколько времени находился въ немилости. Императрица, убѣдясь въ его невинности, вознаградила его саномъ Митрополитскимъ, и прислала ему бѣлый клобукъ при слѣдующемъ письмѣ:

«Преосвященнѣйшей Митрополитъ, Веніаминъ Казанскій!—По пріѣздѣ Моемъ, первымъ попеченіемъ было для Меня разсматривать дѣла бездѣльника Аристова: и узнала Я, къ крайнему удовольствію Моему, что невинность Вашего Преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу Вашу симъ отличнымъ знакомъ чести; да будетъ оныій для всякаго всегдашнимъ напоминаніемъ торжествующей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои васъ уязвляли; приимите сіе судьбѣ Божіей, благоволившей васъ прославить по несчастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ тамошняго края; принесите молитвы Господу Богу; а Я съ отмѣннымъ доброжелательствомъ есмь

Екатерина».

Отвѣтъ Веніамина Митрополита Казанскаго.

«Всемилостивѣйшая Государыня! — Милость и судъ безпримѣрные Вашего Императорскаго Величества, кои на мнѣ соизволили удивить предъ цѣлымъ свѣтомъ, воскресили меня отъ гроба, возвратили жизнь, которую я отъ младыхъ ногтей посвятилъ на службу по Бозѣ въ непоколебимой вѣрности Вашему Монаршему Престолу и отечественной пользѣ, сколько отъ меня зависитъ; а продолжалась она пятьдесятъ три года; но которую клевета наглость и злоба противъ совѣсти и человѣчества исторгнуть покушались. Неоцѣненнымъ Монаршихъ Вашихъ щедротъ залогомъ, который съ несказаннымъ чувствованіемъ моего сердца сподобихся пріяти на главу мою, покрыся, и отъялся поношеніе мое, поношеніе мое въ человѣцѣхъ. Что жъ воздамъ Тебѣ, правосуднѣйшая въ свѣтѣ Монархиня, толико попечительному о спасеніи моемъ Господевн? Истощеніе всей дарованной мнѣ Вашимъ Высоко-Монаршимъ великодушіемъ жизни въ возблагодареніе не довлѣетъ; развѣ, до послѣдняго моего издыханія, Вышняго молить не престану день и нощь, да сохранитъ дражайшую жизнь Вашу за толь сердобольное сохраненіе моей до позднѣйшихъ человѣку возможныхъ лѣтъ; да ниспошлетъ съ высоты святыя своея на вѣнцено сную главу Вашу вся благословенія, коими древле благословенъ былъ Соломонъ. Крѣпкая десница Господа силъ да отвращаетъ во вся дни живота отъ превожделѣннаго здравія Вашего недуги, отъ неусыпныхъ трудовъ утомленіе, отъ возрастающей и процвѣтающей славы зависть и злобу; да будетъ Домъ, Держава и Престолъ вашъ яко дніе неба. Съ таковымъ моимъ усердствованіемъ и всеподданническою вѣрностью, пока духъ во мнѣ пребудетъ, есмь

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ,

смиренный Веніаминъ, Митрополитъ Казанскій».

(3.) Генералъ-Маіоръ Нефедъ Никитичъ Кудрявцовъ, сынъ Никиты Алферьевича, пользовавшагося довѣренностію Петра Великаго, въ чинѣ Поручика гвардіи Преображенскаго полка участвовалъ въ первомъ Персидскомъ походѣ; въ царствованіе Анны Іоанновны сражался противу Турокъ и Татаръ, а при Императрицѣ Елисаветѣ противу Пруссаковъ; вышелъ въ отставку при Императрицѣ Екатеринѣ II. Тѣло его погребено въ той церкви, гдѣ онъ былъ убитъ <*Извлечено изъ неизданнаго Историческаго Словаря, составленнаго Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ*>.

(4.) Такъ говоритъ Авторъ Исторической Записки: Histoire de la révolte de Pougatschef; въ официальныхъ документахъ, бывшихъ у меня въ рукахъ, я ничего о томъ не отыскалъ. Достовѣрно однакожъ то, что семейство Пугачева находилось при немъ до 24 Августа 1774 года.

* п) Показаніе нѣкоторыхъ историковъ, утверждавшихъ, что ни одинъ изъ дворянъ не былъ замѣшанъ въ Пугачевскомъ бунтѣ, совершенно несправедливо. Множество офицеровъ <по чину своему сдѣлавшихся дворянами> служили въ рядахъ Пугачева, не считая тѣхъ, которые изъ робости пристали къ нему. Изъ хорошихъ фамилій—Шванвичъ былъ сынъ кронштадтскаго коменданта, разрубившаго нѣкогда палашомъ, въ трактирной ссорѣ, щеку Алексѣя Орлова. Замѣчательна разность, которую правительство полагало между дворянствомъ личнымъ и дворянствомъ родовымъ. Прапорщикъ Мишеевъ и нѣсколько другихъ офицеровъ были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами, и проч.; а Шванвичъ только ошельмованъ преломленіемъ надъ головою шпаги. Екатерина уже готовилась освободить дворянство отъ тѣлеснаго наказанія [1]).

[1]) Нѣмецкіе указы Пугачева были писаны рукою Шванвича. Отецъ его, Александръ Мартыновичъ, былъ маіоромъ и кронштадтскимъ комендантомъ, послѣ переведенъ въ Новгородъ. Онъ былъ высокій и сильный мужчина. Имъ разрубленъ былъ Алексѣй Орловъ въ трактирной ссорѣ. Играя съ Свѣчинымъ въ ломберъ, онъ имѣлъ привычку закуривать свою нѣмковую трубочку и между тѣмъ заглядывать въ карты. Женатъ былъ на нѣмкѣ. Сынъ его старшій недавно умеръ. <Слышалъ отъ П. Свѣчина>.

Анекдотъ о разрубленной щекѣ любопытенъ. Четыре брата Орловы <потомки стрѣльца Адлера, пощаженнаго Петромъ Великимъ за его хладнокровіе передъ плахою> были до 1762 г. бѣдные гвардейскіе офицеры, извѣстные буйной и безпутной жизнью. Народъ ихъ зналъ за силачей, и никто въ Петербургѣ не осмѣливался съ ними спорить, кромѣ Шванвича, такого же повѣсы и силача. Порознь они могъ сладить съ каждымъ изъ нихъ, но вдвоемъ Орловы (Алексѣй и Ѳедоръ) брали надъ нимъ верхъ. Послѣ многихъ дракъ, они между собой положили, въ избѣжаніе напрасныхъ побоевъ, слѣдующее правило: одинъ Орловъ уступаетъ Шванвичу и гдѣ бы его ни встрѣтилъ—повинуется ему безпрекословно; двоеже Орловыхъ, встрѣтя Шванвича, берутъ передъ, и Шванвичъ имъ повинуется. Таковое перемиріе не могло долго существовать. Шванвичъ встрѣтился однажды съ Ѳ. Орловымъ въ трактирѣ и, пользуясь своимъ правомъ, овладѣлъ бильардомъ, виномъ и д.... ми. Онъ торжествовалъ. Вдругъ, откуда ни возьмись является тутъ же Алексѣй Орловъ, и оба брата, по силѣ договора, отымаютъ у Шванвича вино, бильярдъ и д...къ. Шванвичъ, уже хмельной, хотѣлъ воспротивиться; тогда, Орловы вытащили его изъ дверей. Шванвичъ, въ бѣшенствѣ, сталъ дожидаться ихъ выхода, притаясь за воротами. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ Алексѣй Ор-

(5.) Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, Генералъ отъ кавалеріи и Главнокомандующій Молдавскою арміею, родился около 1735 года, умеръ въ 1809. Подъ его начальствомъ находился, въ началѣ славной службы своей, Князь Варшавскій. Михельсонъ въ глубокой старости сохранялъ юношескую

ловъ. Иванычъ обнажилъ палашъ, разрубилъ ему щеку и ушелъ; ударъ пьяной руки не былъ смертеленъ, однакожъ Орловъ упалъ. Иванычъ долго скитался, боясь встрѣтиться съ Орловыми.

Черезъ нѣсколько времени произошелъ переворотъ, возведшій Екатерину на престолъ, а Орловыхъ на первую степень въ государствѣ. Иванычъ почиталъ себя погибшимъ. Орловъ пришелъ къ нему, обнялъ его и остался съ нимъ пріятелемъ. Сынъ Иванича, находившійся въ командѣ Чернышева, имѣлъ малодушіе пристать къ Пугачеву и глупость служить ему со всеусердіемъ. Графъ Ал. Орловъ выпросилъ у государыни смягченіе приговора.

живость, любилъ воинскія опасности и еще посѣщалъ передовыя перестрѣлки.

* о) Кто были сіи смышленые сообщники, руководившіе дѣйствіями самозванца?—Перфильевъ? Шигаевъ? Это должно явствовать изъ процесса Пугачева, но, къ сожалѣнію, я его не читалъ, не смѣлъ его распечатать безъ Высочайшаго на то соизволенія.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ГЛАВѢ ОСЬМОЙ.

(1.) Ихъ было три брата. Старшій, извѣстный дерзкимъ покушеніемъ на особу Короля Станислава Понятовскаго; меньшой съ 1772 года находился въ плѣну, и жилъ въ домѣ губернатора, которымъ былъ онъ принятъ, какъ родной.

* р) Молодой Пулавскій былъ въ связи съ женою стараго Казанскаго губернатора.

(2.) Слышано мною отъ К. Ф. Фукса, Доктора и Профессора Медицины при Казанскомъ Университетѣ, человѣка столь же ученаго, какъ и любезнаго и снисходительнаго. Ему обязанъ я многими любопытными извѣстіями касательно эпохи и стороны, здѣсь описанныхъ.

(3.) Предъ симъ цѣна соли, установленная Пугачевымъ, была по 5 коп. за пудъ; подушный окладъ по 3 коп. съ души; жалованье военнымъ чинамъ обѣщалъ онъ утроить, а рекрутскій наборъ производить черезъ каждыя пять лѣтъ.

(4.) За сообщеніе бумагъ, обнаруживающихъ сношенія Перфильева съ правительствомъ <обстоятельство вовсе неизвѣстное>, обязаны мы благодарностію А. П. Галахову, внуку Капитана гвардіи, на коего Правительствомъ возложены были въ то время важныя порученія.

(5.) Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, Генералъ-Аншефъ, орденовъ Св. Андрея и Св. Георгія первой степени кавалеръ, и проч., сынъ Генералъ-Поручика Ивана Васильевича, родился въ 1721 году. Началъ службу свою подъ начальствомъ Фельдмаршала Графа Миниха; въ 1736 году находился при взятіи Перекопа и Бахчисарая. Во время семилѣтней войны служилъ Генералъ-Маіоромъ и былъ главнымъ виновникомъ успѣха Франкфуртскаго сраженія. 1762 года пожалованъ онъ въ Сенаторы. 1769 назначенъ онъ былъ Главнокомандующимъ Второй арміи. 1770 взяты имъ Бендеры; въ томъ же году вышелъ онъ въ отставку. Возмущеніе Пугачева вызвало снова Панина изъ уединенія на поприще трудовъ политическихъ. Онъ скончался въ Москвѣ въ 1789 году, на 69 году отъ рожденія.

* г) Въ Саранскѣ архимандритъ Александръ принялъ Пугачева съ крестомъ и евангеліемъ и во время молебствія, на ектеніи, упомянулъ государыню Устинію Петровну. Архимандритъ преданъ былъ гражданскому суду въ Казани. 13 Октября 1774 года, въ полдень, приведенъ онъ былъ въ оковахъ въ соборъ. Его повели въ алтарь и возложили на него полное облаченіе. Солдаты съ примкнутыми штыками стояли у сѣверныхъ дверей. Протопопъ и протодіаконъ поставили его посреди церкви во всемъ облаченіи и въ оковахъ. Послѣ обѣдни былъ онъ выведенъ на площадь; ему прочли его вины. Послѣ того сняли съ него ризы, обрѣзали волосы и бороду, надѣли мужицкій армякъ и сослали на вѣчное заточеніе. Народъ былъ въ ужасѣ и жалѣлъ о преступникѣ. Въ указѣ велѣно было вывести Александра въ одеждѣ монашеской. По Потемкинъ <Павелъ Сергѣевичъ> отступилъ отъ сего, для *большаго эффекта*.

(6.) См. Приложенія, II.

(7.) Показанія казаковъ Ѳомина и Лепелина. Они не знаютъ имени гвардейскаго офицера, съ ними отряженнаго къ Петровску, но Бошнякъ въ своемъ донесеніи именуетъ Державина.

(8.) Въ то время изданъ былъ списокъ <еще не весьма полный> жертвамъ Пугачева и его товарищей; помѣщаемъ его здѣсь:

Описаніе, собранное понынѣ изъ вѣдомостей разныхъ городовъ, сколько самозванцемъ и бунтовщикомъ Емелькою Пугачевымъ и его злодѣйскими сообщниками осквернено и разграблено Божіихъ храмовъ, также побито дворянства, духовенства, мѣщанства и прочихъ званій людей, съ показаніемъ, кто именно и въ которыхъ мѣстахъ.

Въ городѣ Казани:

Ворвавшись они въ городъ и входя во храмы Божіи въ шапкахъ, съ оружіемъ, грабили и выгоняли укрывающихся тамъ людей; а именно: въ Казанскомъ Богородицкомъ соборѣ, во Владимірскомъ соборѣ, въ церкви Московскихъ Чудотворцевъ, въ церкви Николая Чудотворца, именуемаго Тольского, въ церкви Николая Чудотворца, именуемаго Низкаго, въ церкви Живоначальныя Троицы, въ церкви Воскресенія Христова, въ церкви Варламія Хутынскаго, въ церкви Пресвятыя Богородицы Грузинскія, въ церкви Вознесенія Господня, въ церкви Тихвинскія Пресвятыя Богородицы, въ церкви Четырехъ Евангелистовъ, въ церкви Алексѣя человѣка Божія, въ Троицкомъ Ѳедоровскомъ монастырѣ, въ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, въ Петропавловскомъ соборѣ, не могши отбить дверей, стрѣляли съ паперти въ окошки.

Въ городѣ Цывильскѣ, въ церкви Казанскія Богородицы.

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, *въ приходскихъ церквахъ:* Въ селѣ Срѣтенскомъ, въ селѣ Богоявленскомъ, въ селѣ Успенскомъ, въ селѣ Веденскомъ.—Въ оныхъ церквахъ злодѣи не только грабили и убивали, но и святыя иконы кололи и утварь церковную раздирали.

Тожъ самое дѣлали въ Пензенской провинціи: Въ городѣ Петровскѣ, въ церкви Казанскія Богородицы; въ селѣ Чардымѣ, въ приходской церкви.

Нижегородской губерніи, въ Арзамасскомъ уѣздѣ: Въ селѣ Черковскомъ, въ приходской церкви.

Алатырскаго уѣзда: Въ селѣ Сутяжномъ, въ приходской церкви, въ селѣ Семеновскомъ, въ приходской церкви, въ городѣ Курмышѣ, въ соборной церкви Николаевской и Троицкой.

Курмышскаго уѣзду, *въ приходскихъ церквахъ:* Въ селѣ Шуматовѣ, въ селѣ Шумшевашахъ, въ селѣ Большихъ Туванахъ, въ селѣ Альменевѣ, въ селѣ Усѣ.

Воронежской губерніи, въ Нижнемъ Ломовѣ: Въ Богородскомъ Казанскомъ монастырѣ.

Оренбургской губерніи: Въ Оренбургскомъ предмѣстіи, въ церкви Георгіевской; на Мѣновомъ дворѣ, въ церкви Захарія и Елисаветы святыя иконы вынуты изъ мѣстъ своихъ и повержены на землю, и нѣкоторыя расколоты. Въ загородномъ Губернаторскомъ домѣ, въ церкви святаго Іоанна Предтечи тожъ учинено. Въ приходскихъ сихъ крѣпостей церквахъ, входя злодѣи оклады съ иконъ и всю утварь церковную грабили: въ Сакмарскомъ городкѣ, въ Татищевой крѣпости, въ Разсыпной крѣпости, въ Сорочинской крѣпости, въ Тацкой крѣпости, въ Магнитной крѣпости, въ Карагайской. Бугульминскаго вѣдомства, въ селѣ Спасскомъ, въ приходскую церковь въѣзжали на лошадяхъ и грабили церковную утварь. Въ селѣ Борисоглѣбскомъ и въ Канкынской слободѣ, въ приходскихъ церквахъ тожъ дѣлали.

Пермской провинціи: Въ разныхъ церквахъ дѣлали грабежи, а въ нѣкоторыхъ и въ Царскія двери входили, какъ-то: на Юговскомъ Осокина заводѣ, въ селѣ Крестовоздвиженскомъ, въ селѣ Дубенскомъ на Ижевскомъ казенномъ заводѣ, въ селѣ Березовкѣ, въ селѣ Троицкомъ, Олыпина тожъ, Осинскаго уѣзду въ селѣ Крыловѣ, на Юго-Камскомъ заводѣ, въ селѣ Николаевскомъ, въ Троицкой крѣпости. Да сожжены церкви: на Саткинскомъ заводѣ, въ пригородѣ Осѣ, на Петропавловскомъ и Воткинскомъ заводахъ, въ Нкосовѣ винокуренномъ заводѣ, въ Златоустовскомъ и Сатковскомъ заводахъ, въ Авзяно-Петровскомъ заводѣ. Сверхъ того, по Оренбургской линіи злодѣи, шедъ даже до Троицкой крѣпости, церкви Божіи сожигали, и образа находили послѣ разбросаны, а иные и расколоты.

Въ городѣ Казани убиты до смерти: Генералъ-Маіоръ Нефедъ Кудрявцевъ, Полковникъ Иванъ Родіоновъ, сынъ его Артиллеріи отставной Капитанъ Александръ Родіоновъ, Коллежскій Совѣтникъ Казимиръ Гурской, Коллежскіе Ассесоры: Петръ Брюховской, Ѳедоръ Поповъ съ женою, Преміеръ-Маіоръ Данило Хвостовъ, Капитаны: Василій Опучинъ, Лука Ефимовъ, Поручикъ Александръ Масловъ. *Подпоручики:* Иванъ Богдановъ, Ивапъ Носовъ, Гаврила Пармоцкой. *Прапорщики:* Павелъ Лелинъ, Андрей Герздорфъ, Алексѣй Тарбеевъ. *Коммисары:* Лука Ефимовъ, Иванъ Пономаревъ, Лекарской ученикъ Иванъ Михайловъ. *При Гимназіи Информаторы:* Нѣмецкаго класса Аронъ Тихъ, рисовальнаго: Иванъ Кавелинъ, ученикъ Иванъ Петровъ, часовой мастеръ Шлядъ, отставный Секретарь Александръ Голдобинъ. *Регистраторы:* Иванъ Вороховъ, Григорій Овсянниковъ. *Канцеляристы:* Иванъ Карповъ, Александръ Акишевъ, Герасимъ Андроникова, подканцеляристъ Степанъ Поповъ, *Унтеръ-офицеры:* Сержантъ Иванъ Бѣлобородовъ, Вахмистръ Анисимъ Нармоцкой, *Подпрапорщики:* Степанъ Реутовъ, Иванъ Неудашновъ, кантепармусъ Дмитрій Стрѣлковъ. *Солдаты:* Степанъ Печищевъ, Леонтей Чекалинъ. *Щетчики:* Анисимъ Колотовъ, Никита Спиридоновъ, Ѳедоръ Калашниковъ. *Инвалидные:* Денисъ Ерофеевъ, Гаврило Юдинъ, слесарь Фрязіусъ, сѣдельникъ Гросманъ, конюхъ Иванъ Красногоровъ. *Купцы:* Максимъ Васильевъ, Иванъ Назарьевъ, сынъ его Гаврило Назарьевъ, Кирила Ларіоновъ, Иванъ Котельниковъ, Козма Игнатьевъ, Григорій Мордвиновъ, Борисъ Ростовцовъ, Иванъ Пирожниковъ, Михайла Естифеевъ, Ѳедоръ Тюленевъ, Яковъ Нижегородовъ, Романъ Ѳедоровъ, Михайла Сухоруковъ, Василій Рыбниковъ, Филинъ Кашкинъ. *Цеховые:* Иванъ Кореневъ, Петръ Ильинъ, Михайла Разторгуевъ, Иванъ Фроловъ, Петръ Бѣлоусовъ, Петръ Кочановъ, Илья Петровъ, Григорій Смирновъ, Алексѣй Андреевъ, Иванъ Сапожниковъ, Василій Киселевъ, Василій Ѳедосѣевъ, Ѳедоръ Востряковъ. *Дворовые люди:* управителя Петра Кондратьева Прокофій Алексѣевъ, Капитана Аристова Ѳедоръ Вербовской, Архитектора Кафтырева Гаврило Васильевъ, секретаря Аристова Козма Яковлевъ, Маіора Хвостова Петръ Степановъ, Маіорши Ивановой Данило Ильинъ, Капитана Левашева: Алексѣй Никифоровъ, Никифоръ Ѳедоровъ, Петръ Григорьевъ, Антипъ Андреевъ, Данило Власовъ, Денисъ Григорьевъ, Петръ Афанасьевъ; купца Каменева Михайла Ивановъ, Бригадира Люткина Прокофей Шелудяковъ. *Экономическіе крестьяне:* Иванъ Даниловъ, Иванъ Прокофьевъ, Иванъ Кондратьевъ. Казанской суконной фабрики *мастеровые и работники:* Степанъ Шумихинъ, Давидъ Пономаревъ, Яковъ Герасимовъ, Кондратій Петровъ, Петръ Самойловъ. Да сгорѣли въ Казанскомъ магистратѣ: Ратманъ Аѳанасій Шапошниковъ, копіистъ Ѳедоръ Копыловъ.

Въ Свіяжскомъ уѣздѣ *убиты до смерти:* Инвалидной команды полковой обозной Палкинъ, копіистъ Ѳедоровъ.

Въ Цывильскѣ убиты до смерти въ городѣ: Воевода Коллежской Ассесоръ Петръ Копьевъ, штатной команды Прапорщикъ Алексѣй Абариновъ, Секретарь Поповъ, его жена Татьяна Степанова, дворовыхъ людей мужеска шесть, женска два, канцеляристъ одинъ, купецъ одинъ. *Въ уѣздѣ:* священниковъ четыре, дьячокъ одинъ, попамарь одинъ, матросовъ три, новокрещены два.

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ *убиты до смерти:* Чебоксарской морской инвалидной команды: капитанъ съ сыномъ, прапорщиковъ два, подпрапорщикъ одинъ, штатной команды солдатъ одинъ, прапорщикъ Иванъ Тихомировъ съ женою его, экономическаго правленія копіистъ одинъ, престарѣлыхъ матросовъ четыре, да молодой одинъ, священниковъ двѣнадцать, дьяконовъ пять, дьячковъ два, купецъ одинъ.

Въ Царевококшайскомъ уѣздѣ *убиты до смерти:* Свіяжской провинціи отставной канцеляристъ Андрей Дмитріевъ, священникъ одинъ, полковой обозной одинъ, подьячій одинъ, малолѣтный одинъ.

Въ городѣ Пензѣ *убиты до смерти:* Воевода Андрей Всеволожской, Товарищъ Петръ Гуляевъ. *Подпоручики:* Михайла Суровцовъ, Ѳедоръ Слѣпцовъ. *Секретари:* Степанъ Дудкинъ, жене его, да сынъ Подпоручикъ Игнатій Дуд-

кинъ, Сергѣй Григорьевъ съ женою, съ сыномъ и съ двумя дочерьми. *Приказные служители:* Андрей Поповъ, Гаврила Елисѣевской, Ѳедоръ Иконниковъ, Василій Тереховъ съ женою, Иванъ Дмитріевъ, Семенъ Тереховъ, Иванъ Авраамовъ. *Въ уѣздѣ:* Генералъ-Маіоръ Алексѣй Пахомовъ съ женою, Секундъ-Маіоръ Иванъ Веревкинъ съ женою, Поручикъ Флоръ Слѣпцовъ, Капитаны: Алексѣй Тутаевъ, Гаврило Юматовъ, Помѣщикъ Скуратовъ, Маіорша Дарья Селивачева, Поручикъ Петръ Ивановъ и Подпоручикъ Борисъ Яковлевъ и дѣти Романовы, Сержантъ Петръ Неклюдовъ съ женою и съ сыномъ, Секундъ-Маіоръ Иванъ Стяшкинъ, жена его Татьяна Степанова, Маіорша Ѳедосья Назарьева съ сестрою Марьею Даниловою, съ дочерьми двумя, съ племянницею Ѳедосьею Шемяковою, Поручикъ Иванъ Пилогинъи съ женою и съ дочерью дѣвицею Ольгою, отставой драгунъ Князь Михайла Звенигородской, Квартирмистръ Ермолай Стяшкинъ съ женою и съ сыномъ Иваномъ, Маіоръ Егоръ Мартыновъ съ женою Афимьею Яковлевою и съ сыномъ Сергѣемъ и съ женою его, Полковникъ Никифоръ Хомяковъ, Маіоръ Иванъ Стяшкинъ, жена его Татьяна Степанова, Поручикъ Степанъ Башенъ, Прапорщикъ Евдокимъ Степановъ, Прапорщика Александра Стромилова дѣти, сыновья: Михайла, Николай, дочь Авдотья да братъ родной Сергѣй, Прапорщикъ Фадей Зеленской съ женою, Прапорщикъ Сергѣй Грязевъ съ женою, вдова Маіорша Анисья Безобразова, Капитанша Елена Романова, Капитанъ Григорій Раковъ, Маіоръ Василій Кологривовъ съ женою, Прапорщикъ Козма Бартеневъ, Маіора Михайла Мартынова дѣти: Николай, Савва; Надворная Совѣтница Грабова, помѣщица Анна Репьева, Регистраторъ Алексѣй Дертевъ, Прапорщикъ Кадышевъ, Надворная Совѣтница Прасковья Ермолаева съ сыномъ, помѣщица Дарья Халабурдина, Поручикъ Иванъ Лунинъ, Поручика князя Павла Борятинскаго жена Прасковья Гаврилова съ малолѣтною дочерью, Прапорщикъ Андрей изъ дворянъ, да однодворецъ Михайло Слѣпцовы, Секретарь Сергѣй Сверчковъ, съ женою его Настасьею Ивановою, Вахмистръ Яковъ Жмакинъ съ дочерью его дѣвицею Мариною, Прапорщикъ Николай Агафонниковъ, съ женою и съ матерью, Секундъ-Маіоръ Левъ Дубенской съ женою, подьячій изъ дворянъ Василій Агафонниковъ съ женою, Капитанши Маѳеы Кирѣевой дочь дѣвица Анна, Маіоръ Иванъ Веревкинъ съ женою, Сержантъ Тимоѳей Аксентьевъ, Поручикъ Максимъ Дмитріевъ, Капитанъ Михайло Кирѣевъ съ дочерью, Поручикъ Андрей Папсыревъ, Капитанъ Иванъ Дмитріевъ, Прапорщикъ Иванъ Тутаевъ, Поручикъ Егоръ Моревъ съ женою Анною Петровой, Графъ Гаврило Головинъ, Маіорша Елена Варынаева, Подпоручикъ Александръ Глатковъ, дворянская жена Прасковья Проскуровская, Архитекторъ смоленской шляхтичъ Ѳедоръ Яковлевъ, Поручикъ Жмакинъ, Капитанъ Иванъ Именниковъ, вдова Елена Юрасова, дворянская жена Наталья Бекетова, вдова Пелагея Шахмаметова и дочь ея дѣвица, однодворецъ Иванъ Юрасовъ. Прапорщики: Иванъ Буланинъ, Иванъ Нетесевъ, Степанъ Романовъ; Подпоручикъ Левъ Ергаковъ съ женою, Капитанъ Алексѣй Козловъ, Секундъ-Маіоръ Ивашевъ, Подпоручикъ Николай да Гвардіи Капралъ Василій Киселевы, поручикъ Гаврило Алферьевъ, Маіоръ Никита Кастаевской съ женою, Капитанъ Тутаевъ съ женою, Подпоручика Василья Митькова дочери: Наталья, Марья, сыновья Алексѣй, да Михайла, да своячина его дѣвица Пелагея Квашнина, Саранскій Воевода Василій Протасьевъ съ женою и сыномъ, Поручикъ Ѳедоръ Левинъ съ женою и съ сыномъ Алексѣемъ, экономической Казначей Секундъ-Маіоръ Ѳедоръ Григоровъ съ женою, Маіорша Авдотья Возницына съ дочерью, вдовы дворяники: Анна, да Прасковья Проскуровскія, помѣщикъ Семенъ Литомгинъ съ женою, Поручикъ Иванъ да Подпоручикъ Максимъ Тоузаковы, вдова Подполковница Маѳея Агарева, однодворческая жена Пелагея Метлина, Маіоръ Григорій Зубаревъ съ женою и съ дѣтьми, двумя сыновьями, съ дочерью дѣвицею, Поручикъ Ѳедоръ Бекетовъ съ женою Марьею Егоровою, Маіорша Катерина Конабеева, дворянская жена Варвара Тургенева, Княгиня Анна Мустафина, Подпоручика Гаврилы Левина жена съ дѣтьми сыновьями: Дмитріемъ, Николаемъ, да съ дочерью, Гвардіи Капральша Ѳедосья Ермолаева съ дочерью вдовою Прапорщицею Авдотьею Юрьевою, Подпрапорщикъ Степанъ Пересѣкинъ съ женою, сыномъ Гавриломъ, дочерьми: Катериною, Аграфенею, Анною. Авдотьею; Маіоръ Ѳедоръ Кашкаровъ, жена его съ дочерьми малолѣтными дѣтьми, и одна француженка, протоколистъ Петръ Ивановъ съ женою Татьяною Дмитріевою и съ дѣтьми: Преміеръ-Маіоромъ Семеномъ Ивановымъ, съ женою Елизаветою Михайловою, съ сыномъ Петромъ, недоросль Дмитрій Ивановъ, Маіорша Лукерья Ивина съ сыномъ Алексѣемъ, съ дочерью Пелагеею, Вахмистръ Михайла Брюховъ съ женою, прокурорша Маѳея Агарева, Секундъ-Маіоръ Николай Степановъ съ женою, дворянская жена Пелагея Ховрина, Поручикъ Алексѣй Зубецкой съ женою, помѣщица Авдотья Жедринская, Вахмистръ Никита Никифоровъ, помѣщикъ Никита Подгорновъ, Титулярный Совѣтникъ Иванъ Ползамасовъ съ сыномъ Сергѣемъ, Подпоручика Василья Золотарева жена, камеръ-лакей Яковъ Выдринъ съ женою, Подпоручикъ Алексѣй Слѣпцовъ съ женою Аграфеною Сергѣевою, Подпоручица Катерина Платцова, Прапорщица Анна Чуфарова, легкой полевой команды Подпоручикъ Иванъ Обуховъ, Вахмистръ Яковъ Жмакинъ съ дочерью Мариною, Сержантъ Иванъ Кашкаровъ съ зятемъ Ассесоромъ Никитою Іевлевымъ, съ женою его Матреною Михайловою и съ ихъ дочерью Марьею, Титулярный Совѣтникъ Иванъ Алферьевъ съ женою, однодворческая жена Дарья Чарыкова, однодворцы: Семенъ Ѳедорчуковъ, Петръ Митюринъ, легкой полевой команды солдатъ одинъ, штатной команды солдатъ два, Вахмистръ Иванъ Симоновъ, однодворцевъ четыре, пѣхотныхъ солдатъ три, четыре священника, и одинъ изъ нихъ съ женою, понамарь одинъ, Прапорщика Ивана Буланина прикащикъ, капитана Ивана Осоргина прикащикъ, Графа Гаврилы Головкина прикащикъ, Вахмистра Якова Якушкина прикащикъ, лейбъ-гвардіи Капитана Князя Михайла Долгорукова прикащикъ, полковника Петра Волконскаго прикащикъ, Капитана Николая Загоскина прикащикъ, вдовы Анны Смагиной два старосты, вдовы Пелагеи Грецовой прикащикъ съ женою и дочерью, Княжны Марьи Долгоруковой прикащикъ съ женою, кадета Петра Загряжскаго прикащикъ, Капитана Василья Новикова прикащикъ, Подпоручика Николая Зыбина прикащикъ, Сержанта Сергѣя Мартынова дворовой человѣкъ, Бригадирши Аграфены Киселевой прикащикъ, Архитектора смоленскаго шляхтича Яковлева дворовыхъ два человѣка, Поручика Сергѣя Тухачевскаго прикащикъ, Прапорщика Ивана

Буланина дворовой человѣкъ, Прапорщика Аѳанасья Саморокова дворовой человѣкъ, Графа Андрея Шувалова староста одинъ, выборныхъ два, Статскаго Совѣтника Аѳанасья Зубова дворовой человѣкъ, Маіора Иплы Акинфіева два прикащика и одинъ кучеръ, Коллежской Ассесорши Катерины Бахметовой дворовой человѣкъ, Штыкъ-Юнкера Аблязова управитель, Полковника Степана Ермолаева приказчикъ, Капитана Николая Володимирова дворовой человѣкъ, Статскаго Совѣтника Ивана Ермолаева приказчикъ, Секундъ-Маіора Александра Соловцова дворовой человѣкъ, иноземецъ Иванъ Миллеръ, Архитектора Василья Баженова земской, Генеральши Екатерины Левашевой прикащикъ, Сержантовъ Андрея да Ивана Левиныхъ прикащикъ съ женою, дѣвицы Анны да Марьи Языковыхъ прикащикова жена, новокрещеныхъ два, Надворной Совѣтницы Прасковьи Ермолаевой крестьянинъ, Коллежскаго Ассесора Петра Хлѣбникова крестьянинъ, Капитана Василья Новикова крестьянинъ, Подполковника Степана Ермолаева крестьянинъ, одинъ, женки двѣ, Статскаго Совѣтника Аѳанасья Зубова крестьянинъ, дѣвицы Ольги Назарьевой крестьянинъ.

Въ Симбирскомъ уѣздѣ *убиты до смерти:* Полковница вдова Марья Теплова, помѣщица вдова Домна Поспѣлова, сестра ея Милитинскаго дворянина Якова Агиенова жена Ульяна Александрова, Подпоручикъ Иванъ Манахтинъ, Маіоръ Василій Аристовъ съ дочерью дѣвицею, помѣщицы вдовы Прасковья, Анна Петровы дочери Насакины, Симбирскаго баталіона Полковникъ и Комендантъ Андрей Рычковъ, экономической Казначей Поручикъ Тишинъ съ женою и два малолѣтныхъ сына, экономической крестьянинъ Александръ Васильевъ, Подполковникъ Василій Языковъ, Маіоръ Александръ Родіоновъ, Подполковника Никиты Философова приказчикъ Василій Ероѳѣевъ, подполковника Петра Зимнискаго приказчикъ Тимоѳей Михайловъ, фабриканта Воронцова формовальщикъ Алексѣй Адріановъ.

Въ городѣ Петровскѣ *убиты до смерти:* Воеводской Товарищъ, Секундъ-Маіоръ Буткевичъ, теща его Марья Иванова, Секретарь Лука Яковлевъ съ женою Марьею Михайловою и съ сыномъ Петромъ, штатной команды барабанщикъ Иванъ Хомутниковъ, пахатной солдатъ Игнатій Ношкинъ, солдата Хрулева жена Авдотья Васильева. *Въ уѣздѣ:* Подполковница вдова Ирина Никитина дочь Дурасова, Капитана Николая Коптева сынъ младенецъ Левъ, Корнетъ Михайло Шпильниковъ съ женою Прасковьею Макаровою, и малолѣтный сынъ Григорій, Сержанта Самсона Каракозова жена Екатерина, Маіорша вдова Анисья Безобразова, помѣщики: Николай да Василій Киселевы, приказчикъ ихъ Аѳанасій Семеновъ, помѣщиковъ Григорья да Игнатія Киселевыхъ приказчикъ Степанъ Матвѣевъ, Прапорщикъ Иванъ Яковлевъ, Прапорщикъ Гаврило Власьевъ, Прапорщикъ Николай Чемодуровъ, Подпоручикъ Ѳедотъ Бекетовъ съ женою Марьею, Капитана-поручика Ѳедора Менса жена Софья, Поручика Бахметева крестьянинъ Иванъ Ивановъ, пахатной солдатъ Ѳадей Скапинцовъ, малороссіянинъ Иванъ Озерецкой.

Въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ *убиты до смерти:* священниковъ два, дьяконовъ два, дьячекъ одинъ, семинаристъ одинъ.

Въ Пермскомъ уѣздѣ *убиты до смерти:* Екатеринбургскаго вѣдомства: Капитанъ Вонновъ, Подпоручикъ Посоховъ, солдатъ одинъ; Юговскихъ заводовъ управитель Шихтмейстеръ Яковлевъ, Унтеръ-Шихтмейстеръ Бахманъ, Князь Михайла Михайловича Голицына приказчикъ Михайло Ключниковъ; подьячій Василій Клестовъ, питейной продажи цѣловальникъ одинъ, Графа Романа Ларіоновича Воронцова Ягошихинскаго завода Унтеръ-Шихтмейстеръ Манаковъ. *Священники:* Василій Козминъ, Аникій Борисовъ, Родіонъ Леонтьевъ, дьячекъ Иванъ Поповъ, дьячекъ Илья Петровъ, экономическихъ дѣлъ конпистъ Петръ Курбатовъ, Атаманъ Колесниковъ, отставной Капралъ Лукьянъ Омельяновъ, Юговскихъ заводовъ плавильщикъ Козма Орловъ. *Пушкари.* Демидъ Сочинъ, Никифоръ Совинъ, экономической крестьянинъ Алимпій Кармановъ, крестьянинъ Гаврило Трегубовъ, Князя Голицына крестьянъ четырнадцать человѣкъ, Графа Строгонова крестьянъ три человѣка. Государственныхъ: крестьянинъ Егоръ Зуевъ и еще семь человѣкъ, сотникъ Яковъ и крестьянинъ Михайла Поповы, крестьянинъ Софроновъ, Ермолай Мѣдениковъ, Ѳедоръ Бурковъ, Иванъ Осетровъ, крестьянинъ Ермаковъ и еще два человѣка, крестьянская дѣвка.

Въ городѣ Ставрополѣ *убиты до смерти:* Бригадиръ и Ставропольской Комендантъ Иванъ фонъ-Фегезакъ, Воеводской Товарищъ Надворный Совѣтникъ Сергѣй Милковичъ, Секретарь Семенъ Микляевъ. Ставропольскаго баталіона Секундъ-Маіоры: Павелъ Алашеевъ, Алексѣй Карачевъ, Никита Семеновъ. Капитаны: Григорій Калмыковъ, Петръ Лабухинъ. *Поручики:* Аѳанасій Семеновъ, Дмитрій Новокрещеновъ. *Прапорщики:* Яковъ Дворяниновъ, Василій Трофимовъ, Ѳедоръ Попковъ, Василій Плешивцовъ; Лекарь Иванъ Фпикъ. *Въ уѣздѣ:* отставные: Секундъ-Маіоръ Артемій Бережневъ. *Прапорщики:* Филатъ Струйской, Петръ Поляковъ; Подпрапорщикъ Петръ Тургеневъ съ сыномъ Иваномъ, Сержантъ Михайло Кулыгинъ. Ставропольскаго баталіона *Сержанты:* Иванъ Свѣшниковъ, Василій Гущинъ, Яковъ Петровъ, Михайло Савушкинъ, Семенъ Львовъ; Подпрапорщикъ Иванъ Ѳоминъ, капралъ Лука Матвѣевъ. *Солдаты:* Игнатій Буторинъ, Фролъ Бердняковъ, Петръ Вагинъ, Митрофанъ Мухановскій, Никита Козловъ, Василій Григорьевъ, Григорій Колесниковъ, Аѳанасій Кондуковъ, Гурій Ульяновъ, деньщикъ Максимъ Андреевъ; ставропольскаго духовнаго правленія конпистъ Василій Татлинъ. *Дворовые люди:* прапорщика Филата Струйскаго Елизаръ Семеновъ, помѣщицы Аграфены Стрекаловой Егоръ Горохъ, Осипъ Александровъ, помѣщицы Прасковьи Чемесовой Иванъ Михайловъ, ясачной крестьянинъ Осипъ Звонаревъ, разночинецъ Михайла Васильевъ. Ставропольскаго Калмыцкаго корпуса: Ротмистръ Никаноръ Буратовъ, солдатъ Иванъ Шонбо.

Нижегородской губерніи и въ Нижегородскомъ уѣздѣ *убиты до смерти:* Графа Николая Головина приказчикъ Алексѣй Тетеевъ съ женою Настасьею, братъ его Иванъ Тетеевъ съ сыномъ Васильемъ. *Выборные:* Андрей Киреевъ, Иванъ Ѳадеевъ, крестьянинъ Павелъ Кордюковъ, Нѣмецъ одинъ, Французъ одинъ, Артиллеріи Капитана Князя Петра Дадіяна приказчикъ Петръ Кучинъ съ женою Дарьею.

Въ городѣ Алатырѣ *убиты до смерти:* Преміеръ-Маіоръ Романъ Грабовъ съ женою Катериною, Коллежской Ассесоръ Галактіонъ Кляпиковъ, землемѣръ Подпоручикъ Ѳедоръ Вишняковъ съ женою Анною и братомъ его двоюрод-

нымъ Ѳедоромъ Прокофьевымъ; Секретарь Василій Поповъ съ женою Авдотьею Ивановою, съ дѣтьми дочерьми Варварою, Глафирою, съ сыномъ Алексѣемъ и матерью Матреною Васильевою; протоколистъ Матвѣй Леонтьевъ съ женою Марьею, съ дѣтьми: сыномъ Николаемъ, дочерьми Анною и Александрою; Капитанъ Иванъ Недоростковъ съ женою. Штатной команды солдаты: Алексѣй Зенкинъ, Тимоѳей Запылихинъ. *Въ уѣздѣ:* Прокуроръ Василій Кривской, Капитанъ Николай Лихутинъ съ женою Анною Ивановою, Сержантъ Иванъ Любовцевъ, Маіорша Ѳедосья Назарьева, Капитанъ Петръ Зубатовъ, изъ дворянъ капралъ Александръ Зиновьевъ, Маіоръ Семенъ Марковъ, изъ дворянъ каптенармусъ Аѳанасій Апанынинъ, Прапорщикъ Василій Мещериновъ, помѣщица Прасковья Тѣлегина, помѣщица вдова Авдотья Тимашева, Полковника Ѳедора Волкова свояченица Татьяна Иванова, прапорщикъ Василій Мертваго съ женою Пелагеею Ивановою, Маіоръ Борисъ Мертваго, вахмистръ Андрей Назарьевъ, Капитанъ Алексѣй Матцынев съ женою Маріною Алексѣевою, Коллежскаго Ассесора Ивана Мачаваріянова свояченица Нина Егорова, экономическаго Казначея Князь Василья Туркистанова жена Ирина Борисова.

При экономическомъ винокуренномъ заводѣ: *Прапорщики:* Алексѣй Гедеевъ съ женою Еленою Романовою, Василій Дуровъ съ женою Авдотьею Васильевою, помощникъ Сергѣй Бѣдауровъ съ женою Александрою Петровою: Поручика Саввы Остренева жена Анна Егорова, Ассесора Мачаваріанова дочь дѣвица Фаина Иванова, племянникъ его Николай Гаврилов, инвалиднаго Секундъ-Маіора Чеботарева жена Анна Иванова, мать ея Авдотья Гедеева, племянница ея дѣвица Марья Туркманова, Ардатовской дворцовой волости управитель Секундъ-Маіоръ Михайла Нелидовъ, Поручикъ Иванъ Смолковъ съ женою Афимьею Ивановою, мать его Маіорша Дарья Никитина, прапорщика Дмитрія Жмакина жена Анисья Андреева, Маіора Растригина жена Авдотья Козмина, мать его Прасковья Михайлова; дѣти его, дочери: Ирина, Ѳедосья, Ѳекла. Поручикъ Андрей Саврасовъ съ женою Афимьею Матвѣевою, теща его Анна Кирилова, дворянинъ Егоръ Пазухинъ съ женою Марьею Алексѣевою; дѣти его: сынъ Алексѣй, дочери: Анна, Елизавета; дворянина Ѳедота Захарина дочь дѣвица Татьяна, помѣщика Ивана Салманова теща Авдотья Аѳанасьева, жена Акулина Лукьянова, сынъ его Николай, дворянинъ Аѳанасій Яхонтовъ съ женою Домною Никитиною; дѣти ихъ, сынъ Степанъ, дочери Пелагея, Дарья; дворянинъ Ѳеоѳемитъ Яхонтовъ съ женою Екатериною Семеновою; дѣти ихъ, сыновья: Дмитрій, Павелъ, дочери: Авдотья, Акулина, теща Авдотья Антонова; капралъ Иванъ Салмановъ, Капитанша вдова Анна Брюхова, Дворянская жена Прасковья Тѣлѣгина, Поручикъ Иванъ Алабинъ, солдатъ Василій Шебалинъ, Прапорщикъ Григорій Куровдовъ съ женою Анною Ивановою, Дворянка Прасковья Апраксина, Капитанша вдова Авдотья Брюхова, Капитанша вдова Арина Аленина, помѣщица Варвара Василисова, Капитанъ Николай Страховъ, мать его вдова поручица Домна Данилова, помѣщикъ Василій Апраксинъ съ женою Анисьею Дмитріевою, сынъ его Прапорщикъ Алексѣй, Прапорщикъ Иванъ Ашапинъ съ женою Авдотьею Меновою, вдова помѣщица Агаѳья Тахтарова, Капитанъ Иванъ Ляховъ Капитана Ивана Полумордвинова сынъ Михайла, Прапорщикъ Иванъ Анцыфоровъ съ женою Анною Романовою, дѣвица Вѣра Данилова, вдова Марья Данилова, Подполковница вдова Прасковья Кишенская, сынъ ея Маіоръ Николай, малолѣтной Аврамъ, Дворянская жена вдова Анисья Неропова, сынъ ея Поручикъ Иванъ съ женою Прасковьею Андреевою, Гвардіи Прапорщикъ Иванъ Стечкинъ съ женою Василисою Петровою, помѣщикъ Ефимъ Нероновъ, дѣти его, сынъ Алексѣй, дочери: Наталья, Анна, Мавра; помѣщица Ѳедосья Лаптева, Прапорщикъ Григорій Нагаткинъ съ женою Феклою Васильевою; дѣти: сынъ Петръ, дочь дѣвица Акулина; Прапорщикъ Андрей Терешинъ, помѣщица Авдотья Варынаева, Прапорщикъ Василій Терешинъ, Сержантъ Козма Терешинъ, дворянка Прасковья Григорьева, дворянка Прасковья Иванова, солдатская жена Анна Осипова, помѣщикъ князь Артамонъ Чегодаевъ съ женою Натальею Ивановою. Прапорщики: Ѳедоръ и Борисъ Брюховы, Поручица вдова Прасковья Брюхова, Сержантъ Сергѣй Апанынинъ съ женою Марьею Васильевою, дочь его Надежда; канцелярист Ѳедоръ Крюковской, Прапорщикъ Александръ Грязновъ, дворянинъ Зурабъ Давыдовъ, служитель его Яковъ Андреевъ, Прапорщикъ изъ грузинъ Евсевій Семеновъ, канцелярист Михайло Соколовской, писарь Никита Вѣринъ, Прапорщикъ Василій Тимашевъ съ женою Катериною Антоновою, дочь его дѣвица Елисавета, помѣщица Марья Пучкова, Капитанъ Яковъ Бурцовъ, Подпоручикъ Василій Шалимовъ съ женою Акулиною Ильиною, пріемышъ дѣвка Анна, Университетскаго Учителя Грачевскаго дочь Вѣра, дворянинъ Дмитрій, Пасмуровъ съ женою Ириною Ѳедоровою; Капитанъ Михайло Ашапинъ, Капитанша Прасковья Павлова, сынъ ея Капитанъ Василій, его сынъ сержантъ Ѳедоръ; Прапорщикъ Василій Шишкинъ, фурьеръ Василій Бабушкинъ съ женою Маріею Ивановою и дочь его Елисавета; Поручикъ Александръ Зимнинской съ женою Авдотьею Григорьевою, Прапорщикъ Василій Кошкинъ, Прапорщикъ Василій Зимнинской съ женою Маріамою Васильевою, Маіоръ Никифоръ Юрасовъ, Прапорщикъ Семенъ Юрасовъ съ женою Татьяною Моисеевою, дворянъ два человѣка: одинъ мужескаго, а другой женскаго пола; Князь Борисъ Дивѣевъ, Подпрапорщикъ Ефимъ Щукинъ, протоколиста Матвѣя Леонтьева мать Ирина, Данилы Куткина жена Анна Ѳедорова, староста Тимоѳей Ѳедотовъ, Секундъ-Маіора Андрея Кикина староста Ѳедоръ Гавриловъ, десятской Ѳедоръ Агафоновъ. помѣщика Алексѣя Сѣченова приказчикъ Захаръ Андреевъ, Маіора Ивана Протасьева приказчикъ Петръ Васильевъ, помѣщика Петра Пазухина староста Андрей Алексевъ, помѣщика Ивана Апанынина староста Ѳедоръ Ивановъ. *Крестьяне:* Макаръ Ѳедоровъ, Андрей Николаевъ; помѣщицы Варвары Языковой дворовой человѣкъ Евдокимъ Фирсовъ, помѣщика Нилы Папова крестьянинъ Андрей Ѳедоровъ, Секундъ-Маіора Афанасья Давыдова дворовые люди: Прокофей Прохоровъ, Степанъ Даниловъ; Арзамасская купецкая жена Марья Ѳедорова, Полковника Ѳедора Волкова приказчикъ Иванъ Козминъ, сынъ его Евграфъ; помѣщика Алексѣя Бахметева приказчикъ Иванъ Петровъ съ женою Ѳедосьею Романовою, Генералъ-Маіора и Кавалера Михайлы Кречетникова дворовой человѣкъ Максимъ Леонтьевъ; староста Карпъ Ивановъ; Артиллеріи Подполковника Льва Пушкина дворовой человѣкъ Семенъ Ивановъ, Генералъ-Поручика Ивана Левашева приказчикъ Ѳедоръ Логиновъ съ женою Татьяною Ѳедоровою и съ дочерью

Елисаветою: Ефимъ Ивановъ, Аверьянъ Борисовъ, Подполковника Григорья Бахметева выборной Алексѣй Игнатьевъ, Гвардіи капрала Егора Кроткаго человѣкъ Михайло Егоровъ, Капитана Алексѣя Матюшева приказчикъ Дементій Дмитріевъ, Секундъ-Маіора Петра Акинфіева приказчикъ Александръ Васильевъ. *Экономическаго вѣдомства крестьяне*: Прокофій Афанасьевъ, Иванъ Володиміровъ, Михей Яковлевъ; Полковника Князь Александръ Одоевскаго приказчикъ Григорій Лебедевъ, помѣщика Александра Зимнинскаго приказчикъ Никита Моисеевъ съ женою Прасковьею Андреевою, Бригадира Левлева приказчикъ Степанъ Семеновъ, солдатская жена Ѳекла Семенова, *Графа Ивана Петровича Салтыкова*: штуцмейстеръ Иванъ Штепсинъ, приказчикъ Антонъ Дроздовъ, староста Анкудинъ Аеклистовъ, приказчикъ Никита Алымовъ съ женою и съ дочерью, приказчикъ Алексѣй Головлевъ, земской Иванъ Верпсевъ, крестьянинъ Иванъ Трофимовъ, приказчикъ Петръ Протопоповъ, крестьянинъ Ѳедоръ Вайцовъ. *Графа Андрея Петровича Шувалова*: приказчикъ Тимоѳей Щепотевъ съ женою Настасьею Ивановою, земской Филиппъ Петровъ, экономической крестьянинъ Михей Яковлевъ, приказчикъ Михайло Савельевъ съ женою Авдотьею Ѳедоровою; приказчикъ Борисъ Турчениновъ, приказчикъ Кондратій Филипповъ. *Священники*: Яковъ Ѳедоровъ, Василей Алексѣевъ, Аѳанасій Ивановъ, Иванъ Прохоровъ, Антипъ Борисовъ, Иванъ Борисовъ; діаконъ Ѳедоръ Михайловъ.

Въ Арзамасскомъ уѣздѣ *убиты до смерти*: Гвардіи конпаго полку Секундъ-Ротмистръ Иванъ Исуповъ съ женою Прпною Петровою и съ дочерьми Еленою и вдовою Настасьею, Титулярнаго Совѣтника Ивана Бахметева дочь, священникъ Василій Алексѣевъ, Поручика Николая Языкова служитель Сергѣй Борисовъ, Капитана Петра Ермолова дворовой человѣкъ Егоръ Васильевъ, приказчикъ Парфенъ, Секундъ-Маіора Князь Ивана Кольцова-Мосальскаго земской Семенъ Алексѣевъ, Прапорщика Алексѣя Дубенскаго приказчикъ Кондратій Андреевъ, сдужитель Иванъ Гуляевъ.

Въ городѣ Курмышѣ *убиты до смерти*: *Секундъ-Маіоры*: Василій Юрловъ, Дмитрій Маковпевъ, вдова Наталья Ульянина. Курмышской Канцеляріи: квартирмистръ Александръ Филипповъ; канцелярпстъ Михайло Еремеевъ. *Въ уѣздѣ священники*: Аѳанасій Дмитріевъ, Алексѣй Семеновъ, Василій Антоновъ, Гаврило Евтроповъ, Гаврило Михайловъ, Андрей Степановъ, Михайло Дмитріевъ, Петръ Ивановъ, Андрей Алексѣевъ, Григорій Матвѣевъ, Михайло Васильевъ, Ѳедоръ Алексѣевъ. *Діаконы*: Андрей Ѳедоровъ, Василій Гавриловъ, Григорій Гавриловъ, Константинъ Васильевъ, Иванъ Михайловъ, Иванъ Никифоровъ, Иванъ Андреевъ, Михайло Ивановъ, Алексѣй Андреевъ, Иванъ Андреяновъ. *Дьячки*: Петръ Ивановъ, Иванъ Григорьевъ, Корнилъ Васильевъ, Иванъ Васильевъ, Василій Никитинъ, Петръ Аѳанасьевъ, Василій Ивановъ, Сергѣй Григорьевъ. *Понамари*: Петръ Ивановъ, Матвѣй Ивановъ, Василій Тимоѳеевъ, Егоръ Антоновъ, Петръ и Агаѳонъ Ѳедоровы, Дмитрій Ѳедоровъ, Илья Михайловъ, Семенъ Кузминъ, Статскаго Совѣтника Ивана Ермолаева приказчикъ Яковъ Реутовъ. *Кумыршской инвалидной команды*: Поручикъ Тимоѳей Муромцовъ, солдатъ Дмитрей Гусевъ, Подпоручикъ Иванъ Мантуровъ съ дѣтьми Кирикомъ и Николаемъ; помѣщика Ларіона Любятинскаго староста Аѳанасій Васильевъ; Коллежской Совѣтницы Прасковьи Стражиной человѣкъ Ѳедоръ Тимоѳѣевъ; Прапорщикъ Андрей Крашевъ, Цывильской Канцеляріи Секретарь Никита Поповъ, жена его Татьяна Степанова. *Дворовыхъ людей*: мужескаго четыре, женскаго пола два, малолѣтныхъ два, матросъ Абрамъ Васильевъ, духовныхъ дѣлъ копіиста Павла Попова сынъ Василій, матросъ Иванъ Львовъ, священника Семена Иванова жена Прасковья Степанова, сотникъ Иванъ Илдеряковъ. Крестьяне: Дмитрій Перфильевъ, Петръ Никитинъ.

Города Ядрипска *съ разныхъ мѣстъ убиты до смерти*: Священниковъ и причетниковъ съ ихъ женами тридцать восемь.

Города Оренбурга *въ крѣпостяхъ убиты до смерти*: Въ *Черноръченской* крѣпости: Капитанъ Нечаевъ. Въ *Татищевой*: Комендантъ полковникъ Елагинъ съ женою. Въ *Разсыпной*: Комендантъ Секундъ-Маіоръ Веловской съ женою, Капитанъ Савинычъ, Поручикъ Кирпичевъ, прапорщикъ Осиповъ, священникъ одинъ, воинскихъ нижнихъ чиновъ регулярныхъ и нерегулярныхъ двѣнадцать. Въ *Сорочинской*: регулярныхъ шесть, разночинцевъ пять. Въ *Бузулукской*: Маіора Племяшникова прикащикъ и староста, Регистратора Аранова работникъ. Въ *Борской*: отставной Капитанъ Петръ Роговъ, помѣщичьихъ крестьянъ два человѣка. Въ *Пречистенской*: отставныхъ двѣнадцать человѣкъ. Въ *Зелаирской*: Адъютанта Бурунова жена Матрена Иванова съ прочими отставныхъ съ женами жъ въ числѣ четырехъ человѣкъ, съ пятью обоихъ половъ младенцами. Въ *Магнитной*: священникъ одинъ, Капитанъ Сергѣй Тихановской съ женою, отставныхъ солдатъ двое. Въ *Нижней Озерной*: Комендантъ секундъ-маіоръ Харловъ съ женою и братомъ ея. Въ состоящей на Самарской дистанціи деревнѣ *Милоховой*: отставной капитанъ Трофимъ Милоховъ.

Въ городѣ Троицкѣ *убиты до смерти*: Воевода Секундъ-Маіоръ Варѳоломей Сталиповской, товарищъ Капитанъ Князь Алексѣй Чегодаевъ, съ прписью Михайла Скорняковъ, троицкихъ дворцовыхъ управительскихъ дѣлъ управитель Гофъфуріеръ Андрей Половникинъ. *Въ уѣздѣ онаго*: троицкой штатной команды солдаты: Савелій Воловъ, Степанъ Ѳедоровъ, Петръ Горбуновъ, разночинецъ Трофимъ Образцовъ, дворцовой крестьянинъ Григорій Павловъ, канцелярпста Ивана Григорьева дворовой человѣкъ Антонъ Яковлевъ.

Въ городѣ Краснослободскѣ *убиты до смерти*: Воевода-Секундъ-Маіоръ Иванъ Селупской, Секретарь Василій Тютрюмовъ, помѣщикъ Капитанъ Данила Сталыпинъ. *Въ уѣздѣ онаго*: попъ Иванъ Яковлевъ, казеннаго дворцоваго Троицко-Острожскаго винокуреннаго завода сержантъ Никита Головъ. Дворцовыхъ управительскихъ дѣлъ: въ должности стряпчаго канцелярпстъ Степанъ Снѣжницкой, канцелярпстъ Семенъ Дубровской, дворянинъ Никита Степановъ, дворянинъ Юдинъ.

Въ городѣ Наровчатѣ *убиты до смерти*: Воевода Аѳанасій Ценинъ, въ должности Секретаря Регистраторъ Семенъ Корольковъ, капралъ Степанъ Кашинъ, священникъ Иванъ Ивановъ, города Писары Воеводскаго товарища Юматова дворовой человѣкъ Савелій Ивановъ, проѣзжавшій человѣкъ одинъ, паровчатовской канцеляріи отставной копіистъ Александръ Соколовъ, помѣщика Аранова дворовой человѣкъ Ва-

силіи Аникеевъ, дворцовой крестьянинъ Иванъ Сорокинъ.

Въ городѣ Инсарѣ *убиты до смерти*: Священники: Козма Семіоновъ, Андрей Мироновъ. Инсарской инвалидной команды Секундъ-Маіоры: Василіи Денисьевъ и жена его Наталья Петрова, Андрей Козминъ, жена его Ѳекла Емельянова. *Капитаны*: Дмитрій Купринъ, жена его Татьяна Григорьева; Иванъ Щербаковъ, жена его Марѳа Иванова, Петръ Кресниковъ. Поручикъ Михаила Юрловъ, жена его Прасковья Юдина. *Подпоручики*: Алексѣй Ьяпкинъ, жена его Меланья Евсевьева, сестра его Меланья Тимоѳѣева, Алексѣй Корниловъ, Нефедъ Онуфріевъ, Андрей Карянинъ, жена его Ирина Иванова, Подпоручика Андрея Турмышева жена Пелагея Петрова. *Прапорщики*: Прокофій Соколовъ, жена его Настасья Тимофѣева, Николай Козловъ, Савва Агаѳоновъ, жена его Степанида Степанова, ротной Квартирмистръ Іона Ступетовъ, сержантъ Гаврила Маклаковъ, кантепармуса Прокофья Страхова жена Аксинья Васильева. *Капралы*: Иванъ Васильевъ, Игнатій Салынинъ, жена его Февронья Филипова, Михайла Матвѣевъ, жена его Авдотья Ѳедорова, Василіи Тепловъ, жена его Прасковья Игнатьева, Павелъ Филимоновъ. *Солдаты*: Аганъ Голубчиковъ, Захаръ Крыловъ, Данило Прокофьевъ, Авдей Мелеховъ, Иванъ Юдинъ, Никита Бельяниновъ, Василіи Иогинъ, Владиміръ Иванцовъ, Ѳедоръ Трофимовъ, Степанъ Евсигнѣевъ, Алексѣй Пирожковъ, Иванъ Вилкинъ, Александръ Карауловъ, Козма Паршинъ, Михайла Бакаевъ, Ѳедоръ Назаровъ, Иванъ Букаевъ, Титъ Хомовъ, Осипъ Леонтьевской, Петръ Шадринъ, Яковъ Мадрыгинъ, Ѳедотъ Ѳедоровъ, жена его Агаѳья Григорьева, Гаврило Лосевъ, жена его Прасковья Васильева, Василіи Петинъ, жена его Устинья Артемьева, Елисей Чекаповъ, жена его Настасья Иванова, солдата Герасима Кисслева жена Неила Титова, солдата Григорья Пкошникова жена Ѳедосья Степанова, канцеляристъ Иванъ Андреевъ. Инсарской штатной команды *солдаты*: Борисъ Шулгинъ Антонъ Камшилинъ, сторожъ Перфилъ Герасимовъ; купецъ Филиппъ Сосинъ. *Подпоручики*: Алексѣй Голосенинъ, Ѳедоръ Голосенинъ, сестра его Анна Иванова, корнетъ Дмитрій Голосенинъ, жена его Матрена Никитина, московскаго купца Рюмина приказчикъ Максимъ Евстратовъ.

Пензенскаго уѣзда: Изъ дворянъ отставной драгунъ Егоръ Ульянинъ, жена его Настасья Михайлова, сестра ея Катерина Михайлова жъ.

Алатырскаго уѣзда: Поручикъ Прокофіи Лукинъ, жена его Пелагея Никифорова.

Наровчатскаго уѣзда: Прапорщикъ Николай Ермоловъ.

Темниковскаго уѣзда: Татаръ шестнадцать человѣкъ, помѣщика Платона Орлова приказчикъ, а какъ его звали, неизвѣстно.

Въ Инсарскомъ уѣздѣ: Поручика Василія Губарева крестьянинъ Тимоѳей Гавриловъ. Секундъ-Маіоръ Василіи Ягодынской, жена его Татьяна Иванова, недоросль Князь Анисимъ Чюрмантѣевъ, жена его Авдотья Данилова, Артиллеріи Маіоръ Николай Нечаевъ. *Инсарской инвалидной команды*: Секундъ-Маіоры Гаврило Помеловъ, Кирила Муратовъ; поручикъ Петръ Долговъ, частной Смотритель Капитанъ Князь Максимъ Чюрмантеевъ, помѣщицы Елизаветы Шепелевой приказчикъ Андрей Карповъ, Коллежской Ассесоръ Иванъ Кожинъ, жена его Татьяна Сергѣева, дочери ихъ дѣвицы: Аграфена, Авдотья, Варвара, мать его Кожина Авдотья Николаева, Премьеръ-Маіоръ Семенъ Мерзлятьевъ, жена его Анна Петрова; управитель Прапорщикъ Перфилій Унковской, Подполковника Дмитрія Чуфаровскаго приказчикъ Яковъ Никифоровъ, жена его Афимья Матвѣева, Поручика Андрея Мневскаго жена Катерина Михайлова, отставной солдатъ Павелъ Еполеевъ, Поручикъ Ермолаевъ, дворянинъ Веденянинъ, помѣщица Мещеринова.

Въ Шацкомъ уѣздѣ *убиты до смерти*: Попъ Осипъ, діаконъ Василіи, дьячекъ, понамарь Михайло, Прапорщица Анна Мальцова, помѣщица Александра Ханыкова, приказчикъ Ѳома Никифоровъ, питейныхъ сборовъ служитель однодворецъ Игнатъ Бѣлозерцовъ, Поручикъ Яковъ Огалинъ съ сыномъ Львомъ, помѣщицы Княгини Дашковой приказчикъ Тимоѳѣй Ѳедоровъ, питейныхъ сборовъ служитель Кунгурской купецъ Яковъ Носковъ, однодворческія дѣти: Степанъ и Петръ Подьяпольскіе, Генералъ-Маіора Никиты Смирнова приказчикъ Иванъ Петровъ, жена его Улита Иванова, Титулярной Совѣтницы Анны Носиковой приказчикъ Андрей Родіоновъ, цѣловальникъ одинъ, помѣщика Николая Колычева приказчикъ Михайло Андреевъ съ женою, помѣщица вдова Татьяна Пятова, помѣщица Агафья Якутина, Корнетъ Евстратъ Евсюковъ; писчики: Иванъ Кочуровъ, Степанъ Дивеевъ, помѣщика Кольцова-Масальскаго приказчикъ Восковъ, Подполковникъ Осипъ Кузмищевъ, однодворецъ Матвѣй Тверитиновъ; Поручики: Филиппъ Тепишевъ, Николай Ретькинъ, вахмистръ Козма Марковъ, помѣщица Александра Васильчикова приказчикъ, Полковника Василья Измайлова приказчикъ Семенъ Мартыновъ, Полковника Князь Александра Большаго-Черкасскаго сотской Степанъ Ѳедоровъ.

Въ городѣ Темниковѣ *убиты до смерти* Питейныхъ сборовъ повѣренной Яковъ Кленовъ, поручица вдова Прасковья Ребинина, Капитанъ Дмитрій Кочеевъ, Подпоручикъ Князь Михайло Мансыревъ, Прапорщикъ Николай Ермоловъ, Гвардіи капралъ Князь Илья Еникеевъ, жена его Матрена Давыдова, Гвардіи капралъ Князь Василіи Девлеткильдеевъ, Капитана Александра Мошкова приказчикъ Терентій Ивановъ, Татаринъ Ания Халеевъ.

Въ Тамбовскомъ уѣздѣ *убиты до смерти*: Поручика Аѳанасья Сатина приказчикъ; изъ дворянъ отставной ротный Квартирмистръ Максимъ Дасѣкинъ, изъ однодворцевъ отставной капралъ Василій Мишинъ, Надворнаго Совѣтника Ивана Мосолова крестьянинъ Семенъ Бирюковъ.

Въ городѣ Нижнемъ-Ломовѣ *убиты до смерти*: Священникъ Иванъ Иваповъ, Поручикъ Петръ Апучинъ, Секундъ-Маіоръ Степанъ Евсюковъ, Капитанъ Яковъ Калмыковъ, Поручикъ Иванъ Симаковъ, Прапорщикъ Тихонъ Масловъ, Прапорщикъ Василій Клишовъ, Маіоръ Иванъ Соколовъ. *Въ уѣздѣ*: Секретарь Никита Григорьевъ сынъ Подгорновъ, жена его Ирина Степанова, сноха Авдотья Петрова, Прапорщикъ Иванъ Слѣпцовъ, жена его Акилина Алексѣева, Подпоручикъ Алексѣй Слѣпцовъ, жена его Аграфена Сергѣева, Капитанъ Лаврентій Слѣпцовъ, кантепармусъ Ѳедоръ Слѣпцовъ, жена его Марья Степанова, Прапорщикъ Василіи Ленуповъ, сержантъ Александръ Микешинъ, жена его Анна Андреева, Князь Михайло Мансыревъ, Прапорщикъ Петръ Скорятинъ, Капитанъ Князь Семенъ Мамлѣевъ, Прапорщикъ

ПЕТРЪ III.

Портретъ Антропова.

Князь Спиридонъ Мамлѣевъ, Поручикъ Князь Михайло Шшеевъ, Прапорщика Василія Гедеева жена Анна Филатьева, Поручица Авдотья Малахова, Поручица Евгенія Исаева, Подпрапорщикъ Иванъ Малаховъ, жена его Марья Михайлова, дочь дѣвица Агаѳья, Князь Василій Петровъ сынъ Кугушевъ, Маіоръ Ѳедоръ Никифоровъ, Надворной СовѢтникъ Василій Иванчинъ, жена его Авдотья Родіонова, сынъ ихъ Поручикъ Акимъ Иванчинъ, жена его Ирина Ѳедорова, протоколистъ Михайло Дедекинъ.

Въ городѣ Верхнемъ-Ломовѣ *убиты до смерти:* Премьеръ-Маіоръ Иванъ Болоцкой; Капитаны; Иванъ Степановъ, Иванъ Дьяконовъ; Подпоручикъ Никита Суколеповъ, Поручикъ Нефедъ Евлаховъ, солдатъ Ѳедоръ Лепилинъ, изъ дворянъ канцеляристъ Михайло Смирновъ, жена его Афимья Иванова, Воеводскаго Товарища Нетецкаго дворовый человѣкъ Дмитрій Никитинъ, Воеводской Товарищъ Титулярной СовѢтникъ Петръ Нетецкой, дворянская жена вдова Ульяна Сурина, Надворной СовѢтникъ Никифоръ Хомяковъ, Подпоручикъ Капитанъ Вышеславцовъ, помѣщика Василія Титова приказчикова жена Ульяна Козмина, Надворной СовѢтникъ Иванъ Богдановъ, жена его Наталья Иванова, Прапорщикъ Ефимъ Юматовъ, жена его Ирина Леонтьева, дочь ихъ малолѣтная Марья, Прапорщикъ Пантелей Трупинъ, жена его Прасковья Ефимова, Поручикъ Ѳедоръ Мосоловъ, фурьеръ Иванъ Мещериновъ, канцеляристъ Никифоръ Смирновъ, Секундъ-Маіора Ивана Вышеславцова жена Лукерья Иванова, вахмистръ Максимъ Хомяковъ, дворянинъ Петръ Веденяпинъ, сынъ его Поручикъ Кондратій, помѣщика Матвѣя Дубасова крестьянинъ Спиридонъ Анофріевъ, Капитанша Анна Болкошина, инвалидной солдатъ Лукьянъ Курочкинъ, Корнетъ Иванъ Мещериновъ, Прапорщикъ Артамонъ Шмаковъ, Поручика Константина Веденяпина жена Пелагея Леонтьева, Подпоручика Михайла Веденяпина жена Марья Алексѣева, Маіоръ Иванъ Григоровъ, племянница его Авдотья Иванова, экономической Казначей Поручикъ Андрей Молчановъ, Подпоручика Алексѣя Вышеславцова жена Матрена Иванова, Прапорщикъ Григорій Евсюковъ, Прапорщика Пантелея Трупина крестьянинъ, а какъ зовутъ неизвѣстно, помѣщика Языкова приказчикъ Егоръ Григорьевъ, вдова Поручица Татьяна Врацкая, татаринъ Бикмай Дубинъ, незнаемой офицеръ, помѣщица Авдотья Волженская, Подпоручикъ Василій Вышеславцовъ, Поручика Фоки Исаева жена Евгенія Андреева, Генералъ-Поручика и Кавалера Амплея Шепелева служитель Иванъ Улановъ.

Самарской дистанціи, въ Борской крѣпости, *убиты до смерти:* Переводчикъ Араповъ, отставной Капитанъ Петръ Роговъ, Хилковскихъ крестьянъ два человѣка, отставныхъ конной гвардіи два, Тайнаго СовѢтника Обухова крестьянъ два.

Въ городѣ Саратовѣ *убиты до смерти:* Отставной Прапорщикъ Артамонъ Шахматовъ, полевой артилеріи сержантъ Павелъ Шахматовъ, отставной Прапорщикъ Козма Рахманиновъ, Поручика Матвѣя Селезнева жена вдова Марья Иванова, отставной Прапорщикъ Алексѣй Протопоповъ, отставной Прапорщикъ Аѳанасій Толыгинъ, изъ дворянъ Колежскій Регистраторъ Иванъ Аврамовъ, жена его Ирина Иванова, бывшаго Саратовскаго Комендантa Томаса Юнгера жена вдова Шарлотта Крестьянова, Корнетъ Гаврила Болотинъ, жена его Фекла Алексѣева, дѣти: Ѳедоръ Григорій, дочь Степанида, теща того Болотина Марѳа Ильина, дворянина Алексѣя Болотина жена Авдотья Степанова, дѣти: сынъ Никифоръ, дочери: Меланья, Марѳа; дворянинъ Степанъ Родіоновъ, отставной Прапорщикъ Михайла Ахматовъ, дворянинъ Яковъ Болотинъ, отставной Прапорщикъ Григорій Автамоновъ сынъ Быковъ. Саратовскаго баталіона Секундъ-*Маіоры:* Петръ Остафьевъ, Иванъ Мосоловъ. *Капитаны:* Семенъ Агишевъ Василей Портновъ, Андрей Маматовъ, Алексѣй Тагаевъ. *Поручики:* Иванъ Пироговъ, Михайла Мерепковъ. *Прапорщики:* Иванъ Улановъ, Евдокимъ Портновъ, лекарь Іоганъ Рамеловъ, бывшій въ городѣ Петровскѣ Смотритель надъ межевщиками Коллежской Ассесоръ Борисъ Напкулъ; команды его: Подпоручикъ Ѳедоръ Спижарновъ, Прапорщикъ Петръ Скуратовъ, Корнетъ Петръ Калмыковъ. Вѣдомства конторы Опекунства Иностранныхъ: Поручики: Михайла Ермолаевъ съ женою, Иванъ Широковъ съ женою, Прапорщикъ Иванъ Ушаковъ, протоколистъ Иванъ Образцовъ, Регистраторъ Иванъ Випшъ; аптекарь Иванъ Аменде. Артиллерійскаго перваго фузелернаго полку: Капитанъ Князь Андрей Баратаевъ, Поручикъ Михайла Будановъ, Подпоручикъ Василій Хотяинцовъ, штыкъ-юнкеръ Андреянъ Ѳедоровъ, лекарь Семенъ Рудзевичъ.

Въ городѣ Дмитріевскѣ, *что на Камышинкѣ убиты до смерти:* Полковникъ и Дмитріевской Комендантъ Касперъ Меллинъ, Капитанъ Семенъ Агишевъ, городовой лекарь Степанъ Бѣляевъ, жена его Катерина Ѳедорова, дочь дѣвица Матрена.

Бывшіе при Николаевской слободѣ При Соляномъ Коммисарствѣ: присутствующій Титулярной СовѢтникъ Илья Башиловъ, Поручикъ СергѢй Богатыревъ.

Въ городѣ Царицынѣ *убиты до смерти:* Легкой полевой команды Командиръ Секундъ-Маіоръ Баронъ фонъ-Дицъ. *Капитаны:* Дмитрій Шеншинъ, Иванъ Шиловъ. *Поручики:* Дмитрій Денисьевъ, Александръ Рокотовъ, Адъютантъ Семенъ Романовъ. *Прапорщики:* Александръ Палчевской, Илья Булашовъ, Иванъ Буткевичъ. лекарь Даніель Амбразусъ. Царицынскихъ баталіоповъ, перваго: Поручикъ Иванъ Климовъ. Втораго: Подпоручикъ Алексѣй Книгинъ.

Въ Волскомъ войскѣ *убиты до смерти:* Войсковой Старшина Григорій Поляковъ депутатъ Андрей Дьячонковъ, Московскаго легіона казачьей команды отставной Прапорщикъ Иванъ Хуторсковъ. Казаки: Петръ Зайченковъ, Петръ Грековъ, Яковъ Грековъ.

Въ Новохоперскомъ уѣздѣ: Частный Смотритель Новохоперскаго баталіона Подпоручикъ Павелъ Еглевской, Подпоручикъ Филипиъ Тепишевъ, одподворецъ Матвѣй Тверитиновъ, господъ Нарышкиныхъ прикащикъ Лука Невѣровъ, малороссіянинъ Николай Ракитиновъ; означенныхъ же господъ Нарышкиныхъ прикащикъ Иванъ Еврейновъ, жена его Наталія, теща его Татьяна Григорьева.

(9). См. Benjamin Bergmann's nomadische Streifereien u. s. w.

* s. Настоящая причина, по которой Румянцевъ не захотѣлъ отпустить Суворова, была зависть, которую питалъ онъ къ Бибикову, какъ вообще ко всѣмъ людямъ, коихъ соперничество казалось ему опаснымъ. Вмѣсто Суворова послалъ онъ Щербатова. Императрица Екатерина не любила Румянцева за его низкій характеръ.

(10) Мавринъ съ 1773 года находился при Бибиковѣ; онъ отряженъ былъ отъ Секретной коммисіи въ Яицкой городокъ, гдѣ и производилъ слѣдствіе. Мавринъ отличился умѣренностію и благоразумiемъ.

(11) Императрица 22-го октября 1774 года писала Вольтеру: Volontiers, monsieur, je satisferai votre curiosité sur le compte de Pougatschef: ce me sera d'autant plus aisé, qu'il y a un mois qu'il est pris, ou pour parler plus exactement qu'il a été lié et garrotté par ses propres gens dans la plaine inhabitée entre le Volga et le Iaïck où il avoit été chassé par les troupes envoyées contre eux de toutes parts. Privés de nourriture et de moyens pour se ravitailler, ses compagnons excédés d'ailleurs des cruautés qu'ils commettaient et espèrant obtenir leur pardon, le livrèrent au commandant de la forteresse du Iaïck qui l'envoya à Simbirsk au général comte Panine. Il est présentement en chemin pour être conduit à Moscou. Emmené devant le conte Panine, il avoua naïvement dans son interrogatoire qu'il était cosaque du Don, nomma l'endroit de sa naissance, dit qu'il étoit marié à la fille d'un cosaque du Don, qu'il avait trois enfants; que dans ces troubles il avait épousé une autre femme, que ses frères et ses neveux servoient dans la premiere armée, que lui même avait servi les deux premières campagnes, contre la Porte, etc., etc.

Comme le général Panine a beaucoup de cosaques du Don avec lui, et que les troupes de cette nation n'ont jamais mordu à l'hameçon de ce brigand, tout ceci fut bientôt vérifié par les compatriotes de Pougatschef. Il ne sait ni lire, ni écrire, mais c'est un homme extrêmement hardi et déterminé. Jusqu'ici il n'y a pas la moindre trace qu'il ait été l'instrument de quelque puissance, ni qu'il ait suivi l'inspiration de qui que ce soit. Il est à supposer que Mr. Pougatschef est maître brigand, et non valet d'âme qui vive.

Je crois qu'après Tamerlan il n'y en a guère un qui ait plus détruit l'espèce humaine. D'abord il faisoit pendre sans rémission, ni autre forme de procès toutes les races nobles, hommes, femmes et enfants, tous les officiers, tous les soldats qu'il pouvoit attraper: nul endroit, où il a passé n'a été épargné: il pilloit et saccageoit ceux même, qui, pour éviter ses cruautés, cherchoient à se le rendre favorable par une bonne réception: personne n'étoit devant lui à l'arbri du pillage, de la violence et du meurtre.

Mais ce qui montre bien jusqu'où l'homme se flatte, qu'il ose concevoir quelque espérance. Il s'imagine qu'à cause de son courage, je pourrai lui faire grâce, et qu'il feroit oublier ses crimes passés, par ses services futurs. S'il n'avoit offensé que moi, son raisonnement pourrait être juste et je lui pardonnerais. Mais cette cause est celle de l'empire qui a ses lois.

(12). Le marquis de Pougatschef dont vous me parlez encore dans votre lettre du 16 décembre, a vécu en scélérat et va finir en lâche. Il a paru si timide et si faible en sa prison, qu'on a été obligé de le préparer à sa sentence avec précaution, crainte qu'il ne mourût de peur sur le champ.—<*Письмо Императрицы къ Вольтеру, отъ 29 Декабря 1774 года*>.

*t. Падуровъ, какъ депутатъ, въ силу привилегій, данныхъ указомъ, не могъ ни въ какомъ случаѣ быть казненнымъ смертію. Не знаю, прибѣгнулъ ли онъ во время суда къ защитѣ сего закона; можетъ быть, онъ его не зналъ; можетъ быть, судьи о томъ не подумали; тѣмъ не менѣе, казнь сего злодѣя противу закона. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ, доказывающихъ необходимость адвокатовъ.

(13). «Въ скоромъ времени по прибытіи нашемъ въ Москву, я увидѣлъ позорище для всѣхъ чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь; жребій Пугачева рѣшился. Онъ осужденъ на четвертованіе. Мѣсто казни было на такъ называемомъ *Болоть*.

«Въ цѣломъ городѣ, на улицахъ, въ домахъ, только и было рѣчей объ ожидаемомъ позорищѣ. Я и братъ нетерпѣливо ждали быть въ числѣ зрителей; но мать моя долго на то не соглашалась. Наконецъ, по убѣжденію одного изъ нашихъ родственниковъ, она ввѣрила насъ ему подъ строгимъ наказомъ, чтобъ мы ни на шагъ отъ него не отходили.

«Это произшествіе такъ врѣзалось въ память мою, что я надѣюсь и теперь съ возможною вѣрностію описать его, по крайней мѣрѣ, какъ оно мнѣ тогда представлялось.

«Въ десятый день Января тысяча семьсотъ семьдесятъ пятаго года, въ восемь или девять часовъ по полуночи, пріѣхали мы на Болото; на серединѣ его воздвигнутъ былъ эшафотъ, или лобное мѣсто, вкругъ коего построены были нѣхотные полки. Начальники и офицеры имѣли знаки и шарфы сверхъ шубъ, по причинѣ жестокаго мороза. Тутъ же находился и Оберъ-Полицеймейстеръ Архаровъ, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высотѣ или помостѣ лобнаго мѣста увидѣлъ я съ отвращеніемъ въ первый разъ исполнителей казни. Позади фрунта все пространство Болота или, лучше сказать, низкой лощины, всѣ кровли домовъ и лавокъ, на высотахъ съ обѣихъ сторонъ ея, усѣяны были людьми обоего пола и различнаго состоянія. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки каретъ и колясокъ. Вдругъ все всколебалось и съ шумомъ заговорило: *везутъ, везутъ!* Вскорѣ появился отрядъ кирасиръ, за нимъ необыкновенной высоты сани, и въ нихъ сидѣлъ Пугачевъ; насупротивъ духовникъ его, и еще какой-то чиновникъ, вѣроятно, Секретарь Тайной Экспедиціи, за санями слѣдовалъ еще отрядъ конницы.

«Пугачевъ, съ непокрытою головою, кланялся на обѣ стороны, пока везли его. Я не замѣтилъ въ чертахъ лица его ничего свирѣпаго. На взглядъ онъ былъ сорока лѣтъ; роста средняго, лицомъ смуглъ и блѣденъ; глаза его сверкали; носъ имѣлъ кругловатый; волосы, помнится, черные, и небольшую бороду клиномъ.

«Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное слово: *на караулъ*; и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

«При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, Оберъ-Полицеймейстеръ спрашивалъ его громко: «ты ли Донской казакъ Емелька Пугачевъ?» Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: «такъ, государь, я Донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ.» Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился, между тѣмъ, какъ сподвижникъ его Перфильевъ, немалаго роста, сутулый, рябой и свирѣповидный,

стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю (*). По прочтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ сдѣлалъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратясь къ соборамъ; потомъ съ утопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимъ голосомъ: «прости, народъ православный; отпусти мнѣ въ чемъ я согрубилъ предъ тобою; прости, народъ православный!» При семъ словѣ Экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда онъ сплеснулъ руками, опрокинулся навзничь, и вмигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ: палачъ взмахнулъ ее за волосы. Съ Перфильевымъ послѣдовало то же.»—<*Изъ неизданныхъ записокъ И. И. Дмитріева*>.

Подробности сей казни разительно напоминаютъ казнь другого Донскаго казака, свирѣпствовавшаго за сто лѣтъ передъ Пугачевымъ, почти въ тѣхъ же мѣстахъ и съ такими же ужасными успѣхами. См. Rélation des particularités de la rebellion de Stenko-Rozin contre le grand Duc de Moscovie. La naissance, le progrés et la fin de cette rebellion; avec la manière dont fut pris ce rebelle, sa sentence de mort et son exécution, traduit de l'anglais, par C. Desmares. MDCLXXXII.—Книга сія весьма рѣдка; я видѣлъ одинъ экземпляръ оной въ библіотекѣ А. С. Норова, нынѣ принадлежащей Князю Н. П. Трубецкому.

(14). См. Приложенія, I.

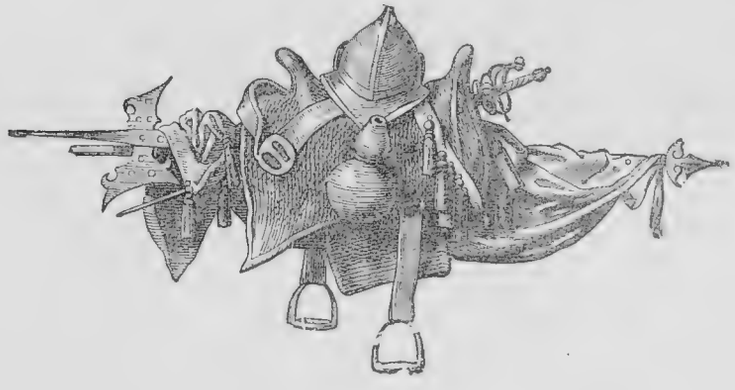
*) По словамъ другихъ свидѣтелей, Перфильевъ на эшафотѣ одурѣлъ отъ ужаса;—можно было принять его безчувствіе за равнодушіе.

* и. *Общія замѣчанія*. Весь черный народъ былъ за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты, и архіереи. Одно дворянство было открытымъ образомъ на сторонѣ правительства. Пугачевъ и его сообщники хотѣли сперва и дворянъ склонить на свою сторону, но выгоды ихъ были слишкомъ противуположны <NB. Классъ приказныхъ и чиновниковъ былъ еще малочисленъ и рѣшительно принадлежалъ простому народу. То же можно сказать и о выслужившихся изъ солдатъ офицерахъ. Множество изъ сихъ послѣднихъ были въ шайкахъ Пугачева: Шванвичъ одинъ былъ изъ хорошихъ дворянъ>.

Всѣ *Нѣмцы*, находившіеся въ среднихъ чинахъ, сдѣлали честно свое дѣло: Михельсонъ, Муфель, Меллинъ, Дицъ, Демаринъ, Дуве, etc. Но всѣ тѣ, которые были въ бригадирскихъ и генеральскихъ, дѣйствовали слабо, безъ усердія: Рейнсдорпъ, Брантъ, Карръ, Фреймань, Корфъ, Валленштеринъ, Биловъ, Декалонгъ etc., etc.

Разбирая мѣры, предпринятыя Пугачевымъ и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самыя надежныя и дѣйствительныя къ достиженію своей цѣли. Правительство съ своей стороны дѣйствовало слабо, медленно, ошибочно.

Нѣтъ зла безъ добра: Пугачевскій бунтъ доказалъ правительству необходимость многихъ перемѣнъ, и въ 1775 году послѣдовало новое учрежденіе губерніямъ. Государственная власть была сосредоточена; губерніи слишкомъ пространныя раздѣлились; сообщеніе всѣхъ частей Государства сдѣлалось быстрѣе, etc.



ИСТОРІЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1834.

Съ дозволенія Правительства.

Въ Типографіи И Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Часть II.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. МАНИФЕСТЫ И УКАЗЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ПУГАЧЕВСКОМУ БУНТУ.

1) *Собственноручный указъ Императрицы Екатерины II, данный 14-го Октября 1773 года Генералъ-Маіору Кару.*

Изъ представленныхъ Намъ рапортовъ отъ Оренбургскаго и Казанскаго Губернаторовъ и письма къ Президенту Военной Коллегіи отъ Генералъ-Аншефа Князя Волконскаго усмотрѣли Мы, что бѣжавшій изъ-подъ караула, содержавшійся въ Казани бездѣльникъ, Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, онъ же и раскольникъ, учиня непростительную дерзость принятіемъ на себя имени Императора Петра III и обольстя въ жилищахъ Яицкаго войска тамошній народъ всякими лживыми обѣщаніями, не только сдѣлалъ, какъ пишутъ, великое возмущеніе, но причиняетъ смертныя убійства, разореніе селеній и самыхъ крѣпостей; и хотя Губернаторами, какъ Оренбургскимъ, такъ и Казанскимъ, и помянутымъ Генералъ-Аншефомъ, приняты къ захваченію его и пресѣченію всего зла возможнѣйшія мѣры, о коихъ усмотрите вы изъ копій, которыя Мы сообщить вамъ повелѣли; но дабы все оное произведено было съ лучшимъ успѣхомъ и скоростію, то повелѣваемъ вамъ, какъ наискорѣе, туда отправиться, и принявъ въ свою команду, какъ тамо находящіяся войска, такъ и отправленныхъ изъ Москвы 300 человѣкъ рядовыхъ, при Генералѣ-Маіорѣ Фрейманѣ, да изъ Нова-города Гренадерскую роту, равномѣрно жъ если въ томъ нужду усмотрите, Башкирцевъ и поселенныхъ въ Казанской губерніи отставныхъ столько, сколько надобность потребуетъ, учинить надъ онымъ злодѣемъ поискъ и стараться, какъ самого его, такъ и злодѣйскую его шайку переловить, и тѣмъ всѣ злоумышленія прекратить. О споспѣшествованіи вамъ во всемъ, въ чемъ только будетъ нужно, дали Мы повелѣніе Нашей Военной Коллегіи, и при семъ прилагаемъ къ Казанскому и Оренбургскому Губернаторамъ отверстыя Наши повелѣнія. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ почтете вы за надобное чего-либо требовать, можете учинить то Именемъ Нашимъ; а Башкирцамъ и поселеннымъ объявить, въ случаѣ, когда ихъ употребите, что ревностнымъ исполненіемъ по вашимъ распоряженіямъ помянутаго поиска окажутъ они Намъ новый опытъ своего усердія и пріобрѣтутъ себѣ особливое Монаршее Наше благоволеніе. Вслѣдъ же за вами, Мы немедленно отправимъ увѣщательный Манифестъ, который вы сами, или же обще съ Губернаторами, имѣете тамъ на мѣстѣ по усмотрѣнію публиковать.

[2] Именные указы Казанскому и Оренбургскому Губернаторамъ.

«Г. Казанскій Губернаторъ Брантъ! По случившемуся въ Оренбургской губерніи отъ бѣжавшаго у васъ изъ-подъ караула бездѣльника, казака Пугачева, мятежу, заблагоразсудили Мы отправить туда Г. Генералъ-Маіора Кара, которому вы имѣете всевозможное дѣлать вспоможеніе.»

«Г. Оренбургскій Губернаторъ Рейнсдорпъ! По случаю мятежа у васъ въ губерніи отъ бездѣльника, казака Пугачева, заблаговременно разсудили Мы послать на мѣсто Г. Генералъ-Маіора Кара, которому вы всякое вспоможеніе не оставите показать при всякомъ случаѣ.»

2 [3] *Манифестъ 15-го Октября 1773 года, объ отправленіи на Яикъ Генералъ-Маіора Кара для усмиренія мятежниковъ.*

Объявляемъ всѣмъ, до кого сіе принадлежитъ. Изъ полученныхъ отъ Губернаторовъ Казанскаго и Оренбургскаго рапортовъ съ сожалѣніемъ Мы усмотрѣли, что бѣглый казакъ Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ бѣжалъ въ Польшу въ раскольническіе скиты, и возвратясь изъ оной подъ именемъ выходца, былъ въ Казани, а оттуда ушелъ вторично, собравъ шайку подобныхъ себѣ воровъ и бродягъ изъ Яицкихъ селеній, дерзнулъ принять имя покойнаго Императора Петра III, произвелъ грабежи и разоренія въ нѣкоторыхъ крѣпостцахъ, по р. Яику въ сторонѣ Оренбурга и симъ извѣстіемъ малосмысленныхъ людей приводитъ въ развратъ и совершенную пагубу. Мы о таковыхъ матерински сожалѣя, чрезъ сіе ихъ милосердно увѣщеваемъ, а непослушнымъ напастрожайше повелѣваемъ немедленно отъ сего безумія отстать, ибо Мы таковую продерзость по сіе время не самимъ въ простотѣ и въ невѣдѣніи живущимъ нижняго состоянія людямъ приписываемъ, но единому ихъ невѣжеству и коварному упомянутаго злодѣя и вора уловленію. Но ежели кто за симъ Нашимъ милостивымъ увѣщаніемъ и Императорскимъ Повелѣніемъ отважится остаться въ его шайкѣ, и тотчасъ не придетъ въ настоящее раскаяніе и рабское свое повиновеніе, тотъ самъ уже отъ Насъ за бунтовщика и возмутителя противу воли Нашей Императорской признанъ будетъ, и никакимъ образомъ, яко сущій нарушитель своей присяги и общаго спокойства, законнаго Нашего гнѣва и тягчайшаго по оному наказанія не избѣжитъ. Мы, для возстановленія порядка и тишины въ тѣхъ пре-

дѣлахъ, отправили отъ Насъ нарочно Нашего Генералъ-Маіора Кара, которому и сей Манифестъ публиковать повелѣли, повелѣвая и надѣясь, что каждый, впадшій въ сіе заблужденіе, самъ узпаетъ тягость своего преступленія, возвратится къ законному повиновенію, и обще со всѣми Нашими вѣрноподданными стараться и споспѣшествовать будетъ по мѣрѣ силъ своихъ и по своему званію такъ, какъ каждый присягою вѣрности обязанъ, къ прекращенію сего безбожнаго между народомъ смятенія, и къ доставленію скорѣйшаго способа тому Нашему Генералъ-Маіору къ истребленію упорственныхъ и къ доставленію въ его руки самого того главнаго вора, возмутителя и само званца.

3) [4] Указъ Военной Коллегіи объ увольненіи Генералъ-Маіора Кара отъ службы.

Минувшаго 30 Ноября Ея Императорское Величество, усмотрѣвъ изъ рапортовъ отправленнаго отсюда для нѣкоторой порученной отъ Ея Императорскаго Величества экспедиціи Генералъ Маіора Кара, что въ самое то время, когда предсталъ подвигъ должному его къ службѣ усердію и мужеству, и когда не насиліе только нѣкоторое здоровью своему сдѣлать обязывали его долгъ и присяга, но въ случаѣ пепзбѣжности не щадить и живота своего, онъ о болѣзненномъ себѣ сказавши припадкѣ, оставилъ извѣстной ему важности постъ, сдалъ тотчасъ порученную ему команду и самовольно отъ оной удалился; то, по таковой слабости духа въ персонѣ званія егопримѣромъ для подчиненныхъ своихъ быть долженствующей, не находитъ Ея Императорское Величество прочности въ немъ къ Ея службѣ, и Высочайше указать соизволила Военной Коллегіи отъ оной его уволить и дать абшидъ, почему онъ изъ воинскаго стата и списка и выключенъ.

4) [5] *Сенатскій указъ 13-го Декабря 1773 года, о предосторожностяхъ противу разбойнической шайки Пугачева.*

Объявляется всенародно. Дошло до Правительствующаго Сената отъ Оренбургскаго Губернатора увѣдомленіе, что въ оной губерніи оказалась сильная разбойническая шайка, которая не только грабитъ, разоряетъ и мучитъ противящихся ей поселянъ, но и устрашенныхъ кровопролитіемъ, ласкательствами къ себѣ въ сообщество привлекаетъ; между же сею разбойническою шайкой одинъ бѣглый съ Дону казакъ Емельянъ Пугачевъ, скитавшійся предъ симъ въ Польшѣ, наконецъ отважился даже безъ всякаго подобія и вѣроятности взять на себя имя Императора Петра III, подъ которымъ производитъ тамъ нанжесточайшее тиранство. А какъ сіе зло можетъ распространиться и въ смежныхъ съ оною губерніяхъ, то хотя къ искорененію и конечному истребленію сихъ злодѣевъ и посланы воинскія команды, но въ предупрежденіе, чтобъ избѣгая они отъ заслуженной ими казни, не разсыпались по смежнымъ съ тою губерніею селеніямъ, и тѣмъ укрываясь отъ посланныхъ за ними воинскихъ командъ, не произвели бъ паче чаянія новаго въ оныхъ кровопролитія и разоренія, Правительствующій Сенатъ за долгъ себѣ почелъ, объявя о семъ, напомянуть и возобновить тѣ осторожности, которыя, по причинѣ бывшей моровой язвы, къ исполненію всѣмъ селеніямъ предписаны были: ибо и сіе зло въ слабыхъ и неосторожныхъ людяхъ подобный моровой язвѣ вредъ произвести можетъ, чего ради наистрожайше повелѣваемъ слѣдующее: 1) указами Правительствующаго Сената во время заразительной болѣзни учреждены во всѣхъ уѣздахъ изъ дворянъ частные Смотрители, сохраняющіе тишину и добрый порядокъ во ввѣренныхъ каждаго смотрѣнію жительствахъ: почему и нынѣ ихъ же попеченію поручается осмотрѣть, всѣ ли въ каждомъ селеніи дороги, кромѣ одной, которою въѣзжаютъ въ селеніе и изъ онаго выѣзжаютъ, перекопаны, на проѣзжей же дорогѣ сдѣланы ли рогатки или ворота, да и всѣ селенія окопаны ли рвами такъ, какъ предписано? Если же гдѣ того не сдѣлано, то хотя по неудобному къ земляной работѣ времени обывателей къ копанію рвовъ не принуждать, однакожъ велѣть и крайне того наблюдать, чтобъ кромѣ въѣзжей и выѣзжей зимней дороги изъ каждаго жительства другой никакой не было, а прочія какъ на мѣстѣ удобнѣе найдется сдѣлать къ проѣзду невозможными, содержа по прежнему предписанію на оставленныхъ дорогахъ днемъ и ночью караулы изъ тѣхъ же обывателей. 2) Въ каждомъ селеніи, гдѣ ни какого Начальника не состоитъ, выбрать и опредѣлить частнымъ Смотрителямъ по одному изъ людей лучшихъ, который бы во всемъ, за цѣлость отъ воровъ и разбойниковъ, тако жъ и за добрый порядокъ того селенія отвѣтствовалъ, почему и не назнача другаго на свое мѣсто Начальника, изъ того селенія ни куда не отлучался. 3) Караулъ, въ селеніяхъ учрежденный, долженъ того на-крѣпко наблюдать, чтобъ всякаго званія бродяги, а иногда и самые воры, въ селеніе впущены не были; ибо ослабѣвъ и разбойническія шайки могутъ въ нищенскомъ одѣяніи и подъ разными видами входить, и зло, какъ разглашеніемъ вѣстей несбыточныхъ, такъ дѣйствіемъ коварнымъ производить; для чего при приходѣ таковыхъ къ селенію останавливать, и не впуская въ оное, немедленно сказывать Начальнику, который долженъ разспрашивать, есть ли у нихъ пашпорты, и неподозрительныхъ велѣть впускать въ селеніе и давать почлеги; подозрительныхъ же, кои надлежащихъ пашпортовъ имѣть не будутъ, яко же и разглашателей о какихъ либо новостяхъ, вредныхъ обществу вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества, благосостоянію и покою, бравъ подъ караулъ, представлять въ то же время къ частному Смотрителю, а онъ съ письменнымъ уже о томъ увѣдомленіемъ, въ чемъ кто подозрительнымъ оказался, представить долженъ немедленно въ Городовую Канцелярію, за карауломъ, по мѣрѣ важности подозрѣнія. 4) Если же бы таковые воры и бродяги стали усиливаться пройти въ селеніе, таковымъ караулу дѣлать возможное сопротивленіе, созывать всѣхъ жителей къ оному, и стараться всѣми мѣрами таковыхъ злодѣевъ, переловя, представлять частному же Смотрителю, который и имѣетъ поступать по преждеупомянутому; ибо Правительствующему Сенату извѣстно изъ дѣлъ, что и самое малое число злодѣевъ, вошедъ въ знатныя селенія, по оплошности обывателей, дѣлали грабительства и смертныя убійства, предавая всѣ тѣ селенія огню. И для того подтверждается чрезъ сіе всѣмъ и каждому, чтобъ въ случаѣ таковыхъ разбойническихъ пашествій, всѣ безъ изъятія силы свои употребляли на истребленіе или на поимку таковыхъ злодѣевъ, тѣмъ болѣе, что цѣ-

Карта, приложенная Пушкинымъ къ „Исторіи Пугачевскаго Бунта“ (СПБ. 1834)

лость ихъ имущества и спасеніе домовъ отъ сожженія съ презрѣніемъ и къ самой жизни того требуютъ. 5) Если гдѣ покажется сильная воровская шайка, о таковой немедленно объявлять частному Смотрителю, а ему, по долгу своему донося въ Городовую Канцелярію, давать знать и случающимся иногда въ близости воинскихъ командъ Начальникамъ, а сверхъ того, самому собирая возможныя силы и употребляя удобныя средства, сихъ злодѣевъ стараться истребить или же переловить. Между же тѣмъ съ самими тѣми злодѣями никому ни подъ какимъ предлогомъ никакого сообщества не только не имѣть, но и ничего о посланныхъ для поимки ихъ воинскихъ командахъ не сказывать, и никакого пропитанія и пристанища не давать. А какъ долгъ званія дворянскаго обязываетъ оныхъ болѣе прочихъ о спасеніи невинныхъ крестьянъ своихъ отъ угрожаемаго отъ таковыхъ злодѣевъ разврата, мучительствъ и разоренія, и о скорѣйшемъ и совершенномъ истребленіи сихъ безчеловѣчныхъ злодѣевъ; то и не можно усумниться, чтобъ всякій изъ нихъ не употребилъ своего раченія, силъ и козможности, дабы вспомоществовать воинскимъ командамъ, такъ какъ и частнымъ Смотрителямъ съ вышепредписанномъ искорененіи и поимкѣ злодѣевъ, чѣмъ они точно докажутъ прямую вѣрность къ Ея Императорскому Величеству, прямую любовь къ Отечеству, и явятся достойными того именитаго званія, которое достохвальные предки ихъ вѣрностью, ревностью, любовью и усердіемъ къ Государямъ и Отечеству получили. Причемъ Правительствующій Сенатъ надѣется, что къ сему наче всѣхъ каждый Дворянскій Предводитель не преминетъ поощрять дворянство и по своей возможности общественной пользѣ вспомоществовать будетъ. 6) А какъ сверхъ городовыхъ торговъ отправляются таковые же и въ разныхъ селеніяхъ, по уѣздамъ лежащихъ, то чтобы не только не сдѣлать въ томъ остановки, но и не причинить ни малѣйшаго затрудненія въ безпрепятственномъ ихъ отправленіи, хотя и не воспрещается свободнаго на таковые торги пріѣзда, тѣмъ болѣе, что туда пріѣзжаютъ большею частію изъ окольныхъ мѣстъ, изъ извѣстныхъ въ оныхъ селеній, однакожъ частнымъ Смотрителямъ повѣлевается чрезъ сіе сдѣлать всякому изъ нихъ въ своей части таковое распоряженіе, чтобъ въ каждомъ селеніи, гдѣ торги производятся, если въ торговое время самому быть не случится, непремѣнно были опредѣляемы сотскіе и десятники, кои бы обще съ Начальникомъ того селенія смотрѣли, чтобъ какого безпорядка и подговорщиковъ въ разбойническія шайки не было; если же таковые найдены будутъ, то немедленно бравъ подъ караулъ, доставлять оныхъ къ частнымъ Смотрителямъ, а имъ разсматривая, важныхъ и общее спокойство вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества поселянъ разрушающихъ, тако жъ и безъ пашпортовъ шатающихся отсылать немедленно въ Городовыя Канцеляріи за карауломъ, маловажныхъ же, въ ближнихъ селеніяхъ жительствующихъ, отдавать въ тѣ селенія, съ подтвержденіемъ, чтобъ впредь отъ подобнаго вранья были воздержены. 7) Проѣзжающимъ чрезъ селенія дворянамъ, купцамъ, идущимъ обозамъ и крестьянамъ, ѣдущимъ съ запасомъ или за собственными нуждами изъ одного мѣста въ другое, при учрежденныхъ въ селеніяхъ караулахъ никакой остановки не дѣлать, но свободно пропускать, и давать почлеги всѣмъ порядочнымъ людямъ; а вышеписанный невпускъ въ селенія и осмотръ Начальника касается единственно до скитающихся бродягъ и тунеядцевъ изъ воровскихъ разбойническихъ [шаекъ] и за сими-то наистрожайше смотрѣть и всѣ вышеписанныя предосторожности принимать потребно; ибо отъ таковыхъ шатающихся бродягъ и безпашпортныхъ болѣе всего умножаются означенныя воровскія шайки и происходятъ вредныя разглашенія.

6) *Манифесты* [*29-го Ноября и*] *23-го Декабря 1773 г., о бунтѣ казака Пугачева и о мѣрахъ, принятыхъ къ искорененію сего злодѣя.*

А.— Объявляемъ всѣмъ, до кого сіе принадлежитъ. Нѣтъ, да и не можетъ быть въ свѣтѣ общества, кое не почитало бы первымъ своимъ блаженствомъ учрежденіе и сохраненіе между разными и всѣми частьми и степенями гражданъ внутренняго благоустройства, покоя и тишины, равно какъ нѣтъ же и бѣдственнѣйшаго пути къ разрушенію и пагубѣ обществъ, какъ внутренніе въ нихъ раздоры и междоусобія. Чрезъ одиннадцатилѣтнее время ввѣреннаго Намъ отъ Промысла Божія и онымъ донынѣ благословеннаго царствованія Нашего не выпускали Мы никогда изъ мыслей Нашихъ сей первоначальной цѣли человѣческаго общежитія, по паче, считая себя предъ Царемъ Царей, предъ Свѣтомъ и предъ Имперіею Нашею обязанными въ томъ верховнымъ и священнѣйшимъ долгомъ, неусыпно и всѣми силами старались, наплучше поспѣшествуя оной, искоренить въ концѣ поносное наименованіе варваровъ подъ которымъ прочіе въ Европѣ Христіанскіе народы продолжали еще по дѣяніямъ прошлаго вѣка познавать и почитать Россіянъ, подобно Турками и другимъ нечестивымъ народамъ. Къ неизреченному порадованію Нашего къ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ истинною, прямо Матернею и никогда неугасаемою любовію пріѣпленнаго сердца, имѣли уже Мы удовольствіе видѣть и ощущать, что труды Наши въ семъ великомъ подвигѣ начинали, по благости Всевышняго, приносить дѣйствительные плоды, превращая презрѣніе и отверженіе другихъ Христіанскихъ народовъ къ имени Россіянъ въ прямое и многихъ изъ окрестныхъ народовъ завидное уже почтеніе. Кто не утопленъ въ невѣжествѣ и у кого не окаменѣло совсѣмъ сердце къ Отечеству, тотъ не можетъ не познать сей для славы и величества Имперіи столь важной и полезной перемѣны.

Но чѣмъ болѣе по времени и по продолжительнымъ Нашимъ неутомленнымъ стараніямъ, въ коихъ обыкли Мы нимало не щадить собственнаго Нашего покоя въ угодную жертву Всевышнему Подателю всѣхъ благъ, приближалось то время, когда просвѣщеніе, человѣколюбіе и милосердіе, насажденныя и еще насаждаемыя Намиво нравахъ и законахъ, предвѣщали и готовили на будущее время Намъ Самимъ и потомству Нашему богатую жатву сихъ сладчайшихъ плодовъ; съ тѣмъ вящшимъ оскорбленіемъ и пораженіемъ Материнаго Нашего сердца принуждены Мы нынѣ слышать, что бѣглый съ Дону казакъ Емельянъ Пугачевъ, скитавшійся предъ симъ въ Польшѣ, по примѣру прежняго государственнаго злодѣя и предателя Гришки Разстриги отважившись, даже безъ всякаго подобія и вѣроятности, взять на себя имя покойнаго Императора Петра III, тѣмъ не меньше предуспѣлъ въ своемъ измѣнническомъ и злодѣйскомъ умыслѣ, сначала присоединить къ

себѣ толпу бродягъ и подобныхъ ему злодѣевъ, а потомъ съ помощію оныхъ обольстить и принудить въ сообщеніе себѣ и нѣкоторую часть жителей Оренбургской губерніи. Всякій благоразумный человѣкъ безъ ошибки можетъ разсудить, что ослѣпленіе и приведеніе въ развратъ людей толь грубымъ и всесвѣтнымъ обманомъ, не могли бы имѣть толь бѣдственнаго и печальнаго дѣйствія, если бъ не воспособствовало оному глубокое невѣжество, въ коемъ тамошній край по удаленію своему болѣе другихъ погруженъ еще былъ. Не для чего теперь изображать здѣсь тѣхъ пагубныхъ слѣдствій, кои по сю пору родились уже отъ вожженнаго Емельяномъ Пугачевымъ огня внутренняго междоусобія. Невинно пролитая кровь вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ и истинныхъ сыновъ Отечества сама о себѣ вопіетъ на Небо о праведномъ мщеніи надъ симъ извергомъ рода человѣческаго и скаредными его сообщниками, да и правосудіе Божіе не попуститъ конечно, чтобъ измѣна и злодѣйство ихъ, на толь грубомъ и всесвѣтномъ обманѣ основанныя, возмогли долго устоять: ибо Мы не перестаемъ еще надѣяться, что прилѣпившіеся къ Емельяну Пугачеву не отъ злости сердецъ своихъ, но изъ единаго обольщенія, скоро познаютъ заблужденіе свое и не захотятъ до конца истребленія своего пребыть орудіями скареднѣйшаго и злѣйшаго врага Государственнаго.

Содрогаетъ духъ Нашъ отъ воспоминанія временъ, посѣтившихъ Россію бѣдствіями гражданскаго междоусобія, и не истинный тотъ Россіянинъ, кто безъ ужаса и трепета можетъ мыслить о сихъ плачевныхъ, отъ одного невѣжества происшедшихъ, и почти до сего еще времени названіе варварскаго народа предъ Свѣтомъ Россіи оставившихъ временахъ, когда отъ явленія многихъ самозванцевъ, обманщиковъ и предателей, города и села огнемъ и мечемъ истребляемы, кровь Россіянъ отъ Россіянъ же потоками проливаема, всѣ союзы, цѣлость Государственную составляющіе, собственными же руками Россіянъ въ конецъ разрушаемы были; когда окрестные народы, умножая внутреннюю Нашу напасть непріязненными своими нашествіями, коимъ въ междоусобномъ раздорѣ никто и противиться не помышлялъ, терзали страждущее отечество во всѣхъ его частяхъ, и раздробляли владѣнія онаго по себѣ; и когда напослѣдокъ самый престольный градъ Москва, безъ брани и сопротивленія иноплеменниками завоеванный, въ рукахъ и подъ властію ихъ чрезъ долгое время въ такомъ порабощеніи оставался, что тамъ имя Россіянина становилось уже поносно, что святыя Наши церкви отчасти въ Римскіе костелы, а отчасти, о горестнаго и плачевнаго воспоминанія! въ самыя конюшни превращены и осквернены были, и что еще основаніе уже положено было сдѣлать Россію Польшѣ подвластною, слѣдовательно же и и Святую Нашу Восточную Греко-Каѳолическую вѣру въ конецъ попрать и подвергнуть римскому стулу, вмѣсто того, чтобъ православная Наша Церковь, въ самой Греціи подъ игомъ злочестія Магометова стенящая, въ одной только Россіи, какъ нынѣ, благословенно процвѣтаетъ, и тогда уже безпечное себѣ пристанище имѣла, къ прославленію имени Христа Спасителя Нашего, коего на искупленіе рода человѣческаго изліянная кровь была и въ оное злосчастное для Отечества Нашего время единымъ Его невидимымъ покровомъ и послѣдовавшимъ затѣмъ счастливымъ сохраненіемъ и превозможеніемъ надъ супостаты. О, удали отъ Насъ, Боже, возобновленіе подобныхъ плачевныхъ позорищъ и не допусти въ благости Своей къ православному Своему народу, чтобъ вожженная нынѣ дерзкимъ врагомъ Отечества и нарушителемъ его благоденствія, подобнымъ, каковы прежніе были, самозванцемъ Емельяномъ Пугачевымъ, бѣглымъ съ Дону и въ Польшѣ, какъ они, бывшимъ казакомъ, искра гражданскаго междоусобія въ Оренбургской губерніи могла, при остервенившемся невѣжествѣ ослѣпленныхъ его сообщниковъ, распространиться въ другія стороны, и вложить въ руки оружіе брату на брата. Да и въ самое то время, когда уже Имперія Наша отъ нечестиваго и непримиримаго врага святаго имени Твоего вѣроломною съ его стороны войною упражнена: но паче, щадя и милуя заблуждающихъ отъ пагубнаго обольщенія овецъ паствы Твоея, обрати праведный Твой гнѣвъ на развращающемъ оное, хищномъ войскѣ [волкѣ] Емельянѣ Пугачевѣ, яко единомъ виновникѣ ихъ разврата и осквернителѣ той вѣрности, которою Намъ отъ Промысла Твоего избранной Мѵропомазанницѣ клялись любезные Наши подданные предъ самымъ лицемъ Твоимъ и во святыхъ Твоихъ храмахъ.

Что до Насъ принадлежитъ, сожалѣя Матерински и по долгу Монаршаго Нашего званія, и по сродному Намъ человѣколюбію, к оторое всегда способы кротости предпочитать обыкло, гдѣ только оные дѣйствовать могутъ, и страшась наконецъ, дабы не исчерпать втунѣ благости пекущагося о Россіи Промысла Божія, въ месть за тѣ звѣрскія и лютыя беззаконія, которыя нынѣ противу воли и предѣла Вседержителя Творца толь нагло возобновляются, отъ подлыхъ и въ гнусномъ невѣжествѣ утопающихъ людей, восхотѣли Мы еще, при употребленіи нынѣ ввѣренныхъ Намъ отъ Десницы Всевышняго вмѣстѣ съ скипетромъ Имперіи силъ, слѣдовательно же и праведной строгости противу возмутителей общаго покоя въ Оренбургской губерніи, испытать оные способы кротости въ пользу тѣхъ, кои еще не вовсе отреклись отъ всякаго человѣческаго понятія и чувствія: и для того отправляя туда съ полною властію и довѣренностію Нашею, также и съ достаточными войсками на конечное пораженіе сущихъ государственныхъ враговъ и злодѣевъ, Нашего Генералъ-Аншефа, Лейбъ-Гвардіи Маіора и Кавалера Александра Бибикова, поручили Мы ему обнародовать сей Нашъ указъ, обѣщая здѣсь въ послѣдніи уже разъ Императорскимъ Нашимъ словомъ, всемилостивѣйше простить и упустить мимошедшее безъ всякаго взысканія всѣмъ тѣмъ, кои пристали къ самозванцу Емельяну Пугачеву, и нынѣ въ заблужденіи своемъ и въ препебреженіи должной Намъ и Отечеству присяги вѣрности раскаявшись чистосердечно, сами собою удалятся отъ его злодѣйства и явятся къ помянутому Нашему, на искорененіе его Емельяна Пугачева и сообщниковъ его именно уполномоченному Генералу-Аншефу Бибикову, или къ кому изъ другихъ Нашихъ, военныхъ или гражданскихъ, ему подчиненныхъ, начальниковъ, какъ кому гдѣ способнѣе быть можетъ, для безвреднаго спасенія себя отъ толпы злодѣевъ и измѣнниковъ, да и новою клятвою подтвердятъ прежнюю свою присягу вѣрности.

Если же кто изъ сихъ на истинный путь благовременнымъ раскаяніемъ и познаніемъ пагубнаго обмана возвращающихся сыновъ отечества, и въ вящшее заглажденіе важнаго своего про-

ступка, добровольно употребитъ себя въ мужественномъ ополченіи и дѣйствительной службѣ при Нашихъ вѣрныхъ и храбрыхъ войскахъ, таковы будутъ уже имѣть право, сверхъ полученнаго единожды въ минувшемъ всемилостивѣйшаго прощенія ожидать и особливаго воззрѣнія на ихъ услуги, по мѣрѣ ихъ важности, чѣмъ Мы напередъ всѣхъ и каждаго порознь чрезъ сіе и обнадеживаемъ.

Безъ чувствительнѣйшаго оскорбленія Материняго Нашего сердца, не можемъ Мы подумать, чтобъ настоящія въ Оренбургской губерніи злоключительныя неустройства съ опустошеніемъ толь многихъ селеній, съ истребленіемъ полезныхъ Государству заводовъ и съ толикими убійствами, а паипаче выше сего изображенное живое начертаніе прежнихъ Отечества Нашего бѣдъ, напастей и стыда отъ подобныхъ сему самозванцевъ, кои Россію ставили уже на самомъ краю пропасти и конечнаго разрушенія ея и всего благочестія Нашего, не подвигли на раскаяніе и на отверстый путь исправленія всѣхъ тѣхъ изъ жителей ея и другихъ Нашихъ подданныхъ, кои по одной ихъ простотѣ самозванцемъ обольщены и допустили себя уловить въ согласіе его: почему и не хотимъ сумнѣваться, что сіи послѣдніе, сколь скоро увидятъ для себя растворенныя имъ нынѣ двери Монаршаго Нашего милосердія, помилованія и совершеннаго прощенія, не укоснятъ тѣмъ, какъ можно скорѣе, воспользоваться, дабы инако послѣ въ числѣ сущихъ измѣнниковъ не быть отъ войскъ нашихъ безъ всякой пощады преслѣдуемымъ, а напослѣдокъ и преданнымъ праведному, но строгому уже суду попранныхъ ими законовъ, гдѣ всякое раскаяніе поздно и тщетно было бы; ибо всѣ тѣ, кои въ неблагодарности своей къ Намъ за всѣ Наши къ общему Отечеству благотворенія, за Наше во все время царствованія нашего оказыванное примѣрное милосердіе, за нашу кротость, за наше человѣколюбіе, за Наше правосудіе, за Наше неусыпное попеченіе о пользѣ, славѣ и приращеніи имперіи, за Наше особенное призрѣніе и покровительство и самыхъ иновѣрцевъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, за Наше не меньше ревностное стараніе о истребленіи въ обществѣ мглы пагубнаго невѣжества, и за Нашу ко всѣмъ безъ различія вѣрнымъ подданнымъ прямо Материнюю любовь, пребудутъ злостно и упорно при измѣнникѣ Емельянѣ Пугачевѣ, и оставаясь участниками въ измѣнѣ его, какъ злодѣи и враги Отечества, нынѣ ли съ оружіемъ въ рукахъ, или же послѣ гдѣ либо взяты или пойманы будутъ, отнюдь и ни подъ какимъ видомъ не могутъ и не должны ожидать себѣ помилованія: но паче, какъ въ сей жизни самой строжайшей и неизбѣжной казни, такъ и въ будущемъ вѣцѣ безконечной, но праведной и достойной муки отъ страшнаго Судіи всего рода человѣческаго, яко изверги опаго и разрушители священнѣйшихъ союзовъ гражданскаго общежитія, слѣдовательно же и оскорбители самыхъ Божественныхъ законовъ и самой Церкви Христовой.

Б.—Объявляемъ черезъ сіе всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ. Къ крайнему оскорбленію и сожалѣнію Нашему, увѣдомились Мы, что по рѣкѣ Пргисѣ, въ Оренбургской губерніи, предъ недавнимъ временемъ, нѣкто бѣглый съ Дону и въ Польшѣ скитавшійся казакъ Емелька Пугачевъ, набравъ толпу подобныхъ себѣ бродягъ, дѣлаетъ въ тамошнемъ краю ужасные разбои, безчеловѣчно отъемля съ жизнію имѣніе тамошнихъ жителей; а чтобъ злодѣйскую свою толпу умножать отъ часу болѣе, не токмо всѣми встрѣчающимися себѣ злодѣями, но и тѣми несчастными людьми, конхъ чаетъ онъ найти погруженными еще во тьмѣ крайняго невѣжества, дерзнулъ сей злодѣй принять на себя имя покойнаго Императора Петра III. Излишне было бы обличать и доказывать здѣсь нелѣпость и безуміе такого обмана, который ни малѣйшей вѣроподобности не можетъ представить человѣку, имѣющему только общій смыслъ человѣческій. Богу благодареніе! протекло уже то для Россіи страшное невѣжества время, въ которое симъ самымъ гнуснымъ обманомъ могли влагать мечъ въ руки брата на брата такіе Отечества предатели, каковъ былъ Гришка Отрепьевъ и его послѣдователи. Уже всѣ истинные сыны Отечества познали и долговременно вкусили потомъ плоды внутренняго спокойствія въ такой степени, что нынѣ приводитъ каждаго въ содроганіе и единое тѣхъ плачевныхъ временъ воспоминаніе. Словомъ, нѣтъ и не можетъ нынѣ быть ни одного изъ носящихъ достойно имя Россіянина, который бы не возгнушался толь безумнымъ обманомъ, какимъ разбойникъ Пугачевъ мечтаетъ себѣ найти и обольщать невѣждъ, унижающихъ человѣчество своею крайнею простотою, обѣщая вывести ихъ изъ всякой властямъ подчиненности. Какъ будто бы не самъ Творецъ вся твари основалъ и учредилъ человѣческое общество таковымъ, что оно безъ посредственныхъ между Государя и народа властей, существовать не можетъ. Но какъ дерзновеніе сего изверга имѣетъ вредныя для тамошняго края слѣдствія, такъ что и слухъ о производимыхъ тамо отъ него лютѣйшихъ варварствахъ можетъ устрашить людей, обыкшихъ представлять себѣ несчастіе другихъ, далече отстоящихъ, приближеніемъ опасности для себя самихъ; то Мы, прилагая всегда неусыпное попеченіе о внутреннемъ душевномъ спокойствіи каждаго изъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, черезъ сіе всемилостивѣйше объявляемъ, что къ конечному истребленію сего злодѣя приняли Мы немедленно всѣ достаточныя мѣры и съ числомъ войскъ, довольнымъ на искорененіе толпы разбойниковъ, которые отважились уже нападать на бывшія въ той сторонѣ малыя военныя команды и умерщвлять варварскимъ образомъ попадавшихся въ ихъ руки офицеровъ, отправили туда Нашего Генералъ-Аншефа, Лейбъ-Гвардіи Маіора и Кавалера Александра Бибикова, не сомнѣваясь въ успѣхѣ сихъ предпринятыхъ Нами мѣръ къ возстановленію спокойства и къ разгнанію свирѣпствующихъ злодѣевъ въ части Оренбургской губерніи, пребываемъ Мы въ томъ внутреннемъ удостовѣреніи, что всѣ Наши любезные вѣрноподданные, гнушаясь дерзновеннѣйшимъ и ниже тѣни вѣроятности имѣющимъ обманомъ разбойника Пугачева, никогда не допустятъ себя уловить и никакими ухищреніями людей злоковарныхъ, ищущихъ своей корысти въ слабомыслящихъ людяхъ и немогущихъ насытить алчности своей иначе, какъ опустошеніями и пролитіемъ невинной крови. Впрочемъ надѣемся Мы несумнѣнно, что внимая долгу своему каждый изъ истинныхъ сыновъ Отечества возспособствуетъ сохраненію тишины и порядка огражденіемъ себя отъ уловленія злонамѣренныхъ и должнымъ начальству повиновеніемъ. Тако да поживутъ любезные подданные Наши ради собственнаго блаженства своего, къ чему обращаемъ Мы все попеченіе Наше,

и въ чемъ всю славу Нашу полагаемъ и всегда полагати будемъ.

7) *Именной указъ 1-го Мая 1774 года, данный Оренбургскому Губернатору Рейнсдорпу, военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ и всѣмъ вообще жителямъ онаго города,—объ объявленіи Высочайшаго благоволенія жителямъ города Оренбурга за оказанную вѣрность при осадѣ онаго бунтовщиками.*

Выдержаніе городомъ Оренбургомъ шестимѣсячной осады, съ голодомъ и всѣми другими въ таковыхъ случаяхъ нераздѣльно бываемыми нуждами, отъ клятвопреступниковъ, воровъ и разбойниковъ, пребудетъ навсегда въ дѣяніяхъ любезнаго Нашего Отечества славнымъ и неувядаемымъ знаменіемъ вѣрности, истиннаго усердія къ общему благу, и непоколебимой твердости, предъ Нами же истинною и никогда незабвенною услугою, какъ жителей онаго, такъ и всѣхъ тѣхъ напаче, кои по долгу званія своего, въ службѣ Нашей тамъ находились, и возложенную на нихъ, по состоянію каждаго, Монаршую довѣренность Нашу совершенно оправдали, объявляя сіе Наше Матернее благоволеніе вѣрному нашему городу Оренбургу, справедливо разумѣемъ Мы тутъ первымъ онаго членомъ васъ, Генералъ-Поручика и Губернатора, яко мужественнымъ вашимъ духомъ и неусыпными трудами достохвальной примѣръ бодрствованія всему обществу подавшаго; и для того обнадеживаемъ васъ отличною Нашею Императорскою милостію, повелѣвая вамъ въ то же время возвѣстить, отъ собственнаго Нашего имени и лица, и всѣмъ въ защитѣ и оборонѣ города Оренбурга подъ вашею командою соучаствовавшимъ, по мѣрѣ каждаго трудовъ и подвиговъ, Всемилостивѣйшее Наше воззрѣніе; самимъ же жителямъ городскимъ дѣйствительное на два года увольненіе ихъ отъ подушнаго сбора, а притомъ и пожалованіе на ихъ общество въ нынѣшній годъ всего прибыльнаго чрезъ откупъ сбора съ питейныхъ домовъ ихъ города. Впрочемъ пребываемъ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

8) *Именной указъ, данный 29-го Іюля 1774 года Военной Коллегіи,—о назначеніи Генерала Графа Панина командующимъ войсками, расположенными, въ губерніяхъ Оренбургской, Казанской и Нижегородской.*

Узнавъ желаніе Нашего Генерала Графа Петра Ивановича Панина служить Намъ въ пресѣченіи бунта и возстановленіи внутренняго порядка въ губерніяхъ Оренбургской, Казанской и Нижегородской, повелѣваемъ Военной Коллегіи доставить къ нему немедленно надлежащее свѣдѣніе о всѣхъ тѣхъ войскахъ, которыя нынѣ въ тамошнемъ краю находятся, съ повелѣніемъ отъ себя, къ тѣмъ войскамъ, состоять отнынѣ подъ его главною командою.

9) *Наставленіе, данное за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, 8 Августа 1774 года, Гвардіи Преображенскаго полка Капитану Галахову.*

1. Изъ письма Яицкаго казака Перфильева съ товарищи, всего триста двадцати четырехъ человѣкъ, къ Князю Григорію Григорьевичу Орлову писаннаго, усмотрите вы, что они представляютъ свою готовность, связавъ, привесть сюда извѣстнаго вора самозванца Емельку Пугачева. Съ симъ письмомъ присланъ сюда отъ переправы ихъ чрезъ Волгу Яицкій же казакъ Астафій Трифоновъ, который Намъ отъ Князя Орлова представленъ былъ. Мы повелѣли Князю Орлову его отправить обратно съ таковымъ отвѣтомъ въ Перфильеву съ товарищи, чтобъ доставили злодѣя самозванца въ Муромъ до вашихъ рукъ. Для свободнаго вездѣ имъ пропуска, указали дать пашпортъ, съ котораго при семъ для свѣдѣнія вамъ прилагается копія.

2. Для сего ѣхать вамъ, Г-нъ Капитанъ, къ Москвѣ и явиться къ Нашимъ Генералъ-Аншефамъ Графу Петру Ивановичу Панину и Князю Михаилу Никитичу Волконскому: первой снабдитъ васъ, по Нашему повелѣнію, ордеромъ къ Генералъ-Маіору Чорбѣ, дабы сей снабдилъ васъ достаточною командою для принятія въ Муромѣ злодѣя и самозванца съ прочими колодниками, конхъ казаки къ вамъ представятъ; а Князю Волконскому отъ Насъ приказано—вамъ дать подводы, денегъ и кормовыхъ, дабы какъ вы, такъ и при васъ находящіеся, на пути всѣмъ изобильно удовольствованы были. Получа же все отъ нихъ нужное, ѣхать вамъ до Генералъ-Маіора Чорбы и далѣе до Мурома, гдѣ вамъ и дожидаться исполненія казацкаго обѣщанія.

3. Если заподлинно Перфильевъ съ товарищи злодѣя къ вамъ привезутъ, то во-первыхъ сдѣлавъ имъ желаемое награжденіе по сту рублевъ на человѣка, старайтесь ихъ добрымъ манеромъ распустить по домамъ; если жъ ихъ на сіе уговаривать покажется трудно, то по крайней мѣрѣ, чтобъ убавили число, а съ остальными привезите злодѣя къ Москвѣ, гдѣ вы его вручите Князю Михаилу Никитичу Волконскому и отъ него уже будете ожидать вашего дальняго отправленія.

4. Деньги на заплату казакамъ примите у Князя Вяземскаго, также на прогоны вамъ и съ командою отсюда до Москвы.

10) *Манифестъ 19-го Декабря 1774 года, о преступленіяхъ казака Пугачева.*

Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Всему Свѣту вѣдомо есть и многими опытами дѣлъ Нашихъ повсюду доказано, что Мы, принявъ отъ Промысла Божія Самодержавную власть Всероссійской Имперіи, главнѣйшимъ правиломъ въ царствованіе Наше положили пещись о благосостояніи ввѣренныхъ Намъ отъ Всевышняго вѣрноподданныхъ, по намѣреніямъ и въ угодность Подателя всякаго блага Творца, не смотря ни на какой родъ препятствія. Мы жизнь Нашу посвятили къ тому чтобъ доставить въ Имперіи Нашей живущимъ всякаго состоянія людямъ мирное и безмятежное житье. Для того Мы безпрерывный трудъ прилагаемъ къ утвержденію Христіанскаго благочестія, къ поправленію законовъ гражданскихъ, къ воспитанію юношества, къ пресѣченію несправедливости и пороковъ, къ искорененію притѣснепій, лихоимапій и взятокъ, къ умаленію праздности и нерадѣнія къ должностямъ. Неутомимое Наше рвеніе о благѣ общемъ наивящше ознаменилось въ сіи послѣдніе прошедшіе годы, когда защищая Имперію бодрымъ духомъ отъ нападенія сильнаго непріятеля, разными Нашими предпріятіями не токмо оный, Божіимъ благословеніемъ, праведнымъ Нашимъ

орудіемъ и храбростью побѣдоносныхъ Нашихъ войскъ не допущенъ до предѣловъ Россійскихъ, но повсюду далеко отведенъ былъ отъ своего нападающаго намѣренія. Чѣмъ наконецъ, по многимъ трудностямъ достигли Мы до заключенія съ Оттоманскою Портою, безъ посредственниковъ, желаемаго и похвальнаго мира, утверждающаго внѣшнюю безопаспость Имперіи и доставляющаго вѣрноподданнымъ нашимъ время наслаждаться, благодарными сердцами хваля Бога покоемъ и тишиною. Во время таковое; и видя единственное стремленіе ума Нашего довести Имперію дѣлами подобными до вышней степени благосостоянія, кто не будетъ имѣть праведнаго омерзѣнія къ тѣмъ внутреннимъ врагамъ отечественнаго покоя, которые, выступя изъ послушанія всякаго рода, дерзнули, во первыхъ, поднять оружіе противу законной власти, пристали къ извѣстному бунтовщику и самозванцу Донскому казаку Зимовейской станицы Емелькѣ Пугачеву, а потомъ обще съ нимъ чрезъ цѣлый годъ производили лютѣйшія варварства въ губерніяхъ Оренбургской, Казанской, Нижегородской и Астраханской, истребляя огнемъ церкви Божіи, грады и селенія, грабя святыхъ мѣстъ и всякаго рода имущества, и поражая мечемъ и разными ими вымышленными мученіями и убивствомъ священнослужителей и состоянія вышняго и нижняго обоего пола людей, даже и до невинныхъ младенцевъ.

Дѣло сіе такого существа, что безъ ужаса на оное воззрѣть не можно! Оно доказываетъ, что человѣкъ, погруженный въ невѣжество, забывъ долгъ и присягу, данную предъ Богомъ верховной Монаршей власти, и не опасаясь за то ни вѣчныя, ни временныя казни, выступя изъ послушанія законовъ, преступаетъ тѣмъ самымъ всѣ предѣлы обязательства предъ родомъ человѣческимъ вообще. Преступленія главнаго злодѣя и его способниковъ столь многочисленны и разнообразны суть, какъ по слѣдствію оказалось и собственнымъ добровольнымъ признаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ открылась таковая рѣдкость, что чина преступленія всякаго рода, сами они не упомнятъ числа содѣяннаго зла. Несчастному же происшествію сего Пугачевскаго бунта описаніе прилагается на особливомъ листѣ.

Помянутое слѣдствіе злодѣйскихъ дѣлъ, касающихся до сего бунта отъ самаго начала производили, по повелѣнію Нашему, Генералъ-Аншефъ Князь Михайло Волконскій и Генералъ-Маіоръ Павелъ Потемкинъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, которое окончавъ, нынѣ въ Нашъ Сенатъ отсылаемъ, повелѣвая ему купно съ Синодскими Членами, въ Москвѣ находящимися, призвавъ первыхъ трехъ классовъ персонъ съ Президентами всѣхъ Коллегій, выслушать оное отъ помянутыхъ Присутствующихъ въ Тайной Экспедиціи, яко производителей сего слѣдствія, и учинить въ силу Государственныхъ законовъ опредѣленіе и рѣшительную сентенцію по всѣмъ ими содѣяннымъ преступленіямъ противу Имперіи, къ безопаспости личныя человѣческаго рода и имущества.

Касающееся же до оскорбленія Нашего Величества, Мы, презирая, предаемъ оныя вѣчному забвенію: ибо сіи вины суть единственно тѣ, въ коихъ при семъ случаѣ милосердіе и человѣколюбіе Наше обыкновенное мѣсто имѣть можетъ. Мы всеусердно Бога молимъ и просимъ, да отвратитъ впредь мечъ гнѣва Своего отъ врученной Намъ Его же премудрымъ Промысломъ Имперіи, да возстановитъ паки повсюду мирное и безмятежное житіе и да укрѣпитъ всѣхъ въ оной живущихъ Нашихъ вѣрноподданныхъ и Насъ Самихъ во всѣхъ Ему Творцу угодныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ.

Описаніе происхожденія дѣлъ и сокрушенія злодѣя бунтовщика и самозванца Емельки Пугачева.

Емелька Пугачевъ родился на Дону, какъ и самъ показалъ, въ Зимовейской станицѣ. Дѣдъ и отецъ его былъ тоіі же станицы казаки, и жена его—дочь казака Дмитрія Никифорова, Софья. Онъ служилъ во время Прусской войны и нынѣшней Турецкоіі простымъ казакомъ. Былъ во второй арміи при взятьи Бендеръ. Оттуда отлучась, просилъ отставки; но въ семъ ему отказано. Въ то время зять его посланъ былъ на поселеніе подъ городъ Таганрогъ, и не желая тамо жить, подговаривалъ Емельку и другихъ бѣжать; а какъ сіе открылось въ Черкаскѣ, и велѣно было ихъ туда выслать, онъ, запершись въ подговорѣ зятя своего, бѣжалъ въ Польшу въ раскольническіе скиты, укрывался у раскольниковъ, и ознакомившись съ бѣглымъ гренадеромъ Алексѣемъ Семеновымъ, кормились въ Добрянскѣ отъ подаянія. Потомъ и оттуда перешелъ въ Малороссійскія селенія, и бывъ у раскольниковъ, опасаясь, чтобъ его не поймали, положилъ бѣжать на Яикъ, и подговаривать тамошнихъ казаковъ къ побѣгу на Кубань. Тамъ-то назвалъ онъ себя бывшимъ Императоромъ Петромъ III. [Но команда его сковала и отвезла въ Симбирскъ, а оттуда посланъ онъ былъ въ Казань, гдѣ подговоривъ карауленаго солдата бѣжалъ на Яикъ и объявилъ себя паки покойнымъ Императоромъ Петромъ III].

На Яикѣ пашелъ онъ прибѣжище у нѣкоторыхъ изъ того войска преступниковъ, кои по дѣламъ внутренняго Яицкаго войска тогдашняго несогласія и неустроіства, опасаясь праведнаго приговореннаго наказанія, сами тогда въ бѣгахъ находились. Сіи казаки не токмо пристали къ Емелькѣ, но и старались повсюду разносить о немъ слухъ. Когда сіе дошло до свѣдѣнія Коменданта Яицкаго города, выслалъ онъ къ попмкѣ ихъ команду. Но Емелька съ шайкою своеіі скрылись, и отъѣзжая отъ города далѣе, старался о умноженіи сволочи своеіі. Въ чемъ предъуспѣвъ, возвратились къ Яицкому городку. Но не могши оному причинить вреда, пошли далѣе по Оренбургскоіі линіи, бравъ крѣпостцы частію отъ оплошности въ нихъ находящихся командировъ, а частію отъ слабости силъ живущихъ въ оныхъ престарѣлыхъ гарнизонныхъ командъ. Умножая дерзости по мѣрѣ успѣховъ, разбойникъ Емелька со сволочью своеіі, изъ коихъ главные были вооруженные Яицкіе казаки, состоящіе отъ 200 до 300 человѣкъ, кои до конца безотлучно почти при немъ находились и изъ воли его, а онъ изъ нихъ, не выходили. Такимъ образомъ простирая злодѣйства и истребляя по дорогѣ селенія, а противоборющихся всячески умерщвляя, приступили они къ Оренбургу прежде, нежели могъ сюда дойти слухъ о толь дерзостномъ, сколь и неожидаемомъ злодѣйственномъ предпріятіи. Сколь же скоро повсюду извѣстно сдѣлалось о сихъ бунтовщичьихъ пепстовствахъ, наряжаемы были разные воинскіе командиры съ достаточными командами вѣрныхъ Ея Императорскаго Величества войскъ, и послѣднія были умножаемы по мѣрѣ нужды. А потомъ въ Де

кабрѣ мѣсяцѣ 1773 года посланъ былъ Генералъ-Аншефъ Бибиковъ съ полною властію и наставленіемъ для пресѣченія сихъ отъ часу умножающихся безпорядковъ и своевольствъ. Успѣхи соотвѣтствовали благоразумнымъ сего Генерала распоряженіямъ. Отряженный отъ него храбрый и ревностный Генералъ-Маіоръ Князь Петръ Голицынъ разбилъ подъ Татищевою крѣпостью злодѣйское скопище въ великомъ числѣ состоящее при помянутыхъ Яицкихъ казакахъ изъ Башкирцевъ и другихъ бѣглыхъ Русскихъ людей и заводскихъ крестьянъ. Къ сожалѣнію общему, преждевременная кончина покойнаго Генерала Бибикова не дозволила сему достойному мужу окончать дѣло, на него возложенное. Между тѣмъ измѣнникъ Емелька бывъ паки разбитъ сказаннымъ Генералъ-Маіоромъ Княземъ Голицынымъ подъ Сакмарою, кинулся на Рудокопные заводы Оренбургской губерніи, гдѣ умноживъ вновь толпу и выливъ пушки, напящія началъ дѣлать истребленія селеніямъ и заводамъ, грабительства имуществамъ и убійства людямъ. И хотя не единожды былъ достигнутъ и потомъ разбитъ храбрымъ Полковникомъ Михельсономъ; но находя всякій разъ способы уйти, вновь собиралъ толпы. Наконецъ, взявъ пригородокъ Осу, перешелъ Каму и пришелъ къ Казани. Тутъ нашелъ онъ отпоръ храбрымъ и мужественнымъ поведеніемъ Генералъ-Маіора Павла Потемкина, за два дни въ Казань предъ тѣмъ пріѣхавшаго по повелѣнію Ея Императорскаго Величества. Сей Генералъ, собравъ сколько тамо случилось войскъ, пошелъ злодѣю навстрѣчу; но злодѣи, видя свою въ полѣ неудачу противу вѣрныхъ Ея Императорскаго Величества войскъ, нашли способъ сквозь линіи суконщиковъ, измѣною ихъ, прорваться въ предмѣстіе съ Арскаго поля и жительство зажечь. Генералъ-Маіору Потемкину не оставалось въ таковыхъ обстоятельствахъ иного предпріять, какъ единственно спасти отъ злодѣйскихъ рукъ Казанскій Кремль. Что онъ и учинилъ, и вошедъ въ оный, до тѣхъ поръ оборонялся, пока приспѣлъ въ помощь къ городу неутомимый Полковникъ Михельсонъ съ деташементомъ. Злодѣи узнавъ о приходѣ войскъ, побѣжали изъ города въ поле, гдѣ по трикратномъ сраженіи въ три разные дни разбойники на голову разбиты были. Часть ихъ съ воровскимъ Атаманомъ Емелькою бросилось къ рѣкѣ Волгѣ, которую переплывъ, устремлялась къ разоренію всего зажигая церкви, селенія и города Цывильскъ и Курмышъ, и дѣлая повсюду неслыханныя варварства и безчеловѣчія, побѣжала стремглавъ къ Алатырю.

Въ таковыхъ обстоятельствахъ писалъ къ Ея Императорскому Величеству тогда побуждаемый ревностію, въ отставкѣ находящійся, Генералъ Графъ Петръ Паниннъ, прося о порученіи ему команды для истребленія государственнаго врага и самозванца. Ея Императорское Величество, воззря на таковое усердіе къ службѣ Ея и Отечеству, не мѣшкавъ ни мало, соизволила послать къ сему Генералу повелѣнія и наставленія къ искорененію бунта, парядя притомъ въ прибавокъ войскъ, тамо находящихся, три полка отселѣ. Сего вѣрноусерднаго Генерала предводительство Богъ благословилъ окончаніемъ бунта и поимкою главнаго измѣнника. Между тѣмъ измѣнники, умноживъ свою сволочь, побѣжали къ Сарайску и Пензѣ, бывъ преслѣдуемы по пятамъ корпусомъ усерднаго Полковника Михельсона, и прошедъ оные, стремились далѣе черезъ Петровскъ къ Саратову и овладѣли онымъ, гдѣ однакожъ Комендантъ Полковникъ Бошнякъ, обороняясь храбро, наконецъ съ пятьюдесятьми человѣками офицеровъ и солдатъ сквозь толпу пробился и приплылъ въ Царицынъ.

Злодѣи, ограбя Саратовъ и убивая всѣхъ, кто по взгляду ихъ не показался, прошли къ Царицыну. Сія крѣпость учинила имъ сопротивленіе сильнѣе многихъ городовъ, принудила ихъ отступить и бѣжать впередъ, но проходя къ Черноярску, въ сорока верстахъ за Царицынымъ, по Астраханской дорогѣ достигнуты злодѣи были паки корпусомъ Полковника Михельсона, всѣ трудности и препятствія безпрерывно преодолѣвающаго. Къ сему Полковнику подоспѣли тогда Донскіе казаки, съ помощію которыхъ въ послѣдній разъ Емелька со всею толпою безповоротно разбитъ былъ: но самъ злодѣй ушелъ, переплывъ рѣку Волгу съ малымъ числомъ Яицкихъ казаковъ на луговую сторону, и пробирался къ Узенямъ на степи, между рѣками Волгою и Яицкомъ находящимся. Въ семъ мѣстѣ судьбы Всевышняго предали сего злодѣя рода человѣческаго и Имперіи въ руки правосудія, и сами сообщники и любимцы его, казаки: Илецкой Твороговъ, да Яицкіе, Чумаковъ и Федулевъ, раскаяся въ содѣянномъ ими злодѣйствѣ, и узнавъ о обѣщанномъ манифестами Ея Императорскаго Величества прощеніи тѣмъ, кои явятся съ чистымъ покаяніемъ, условились между собою Емельку Пугачева связать и привезти въ Яицкій городъ, на что уговоря другихъ казаковъ числомъ до 25 человѣкъ, сіе они самымъ дѣломъ исполнили. Генералъ-Поручикъ Суворовъ, пріѣхавши изъ арміи, поспѣшалъ къ передовымъ корпусамъ на пораженіе злодѣевъ: и хотя разрушеніе оныхъ послѣдовало прежде, не оставилъ онъ подоспѣть съ нѣкоторымъ числомъ войскъ на Яикъ, для обнадеживанія стражи надъ государственнымъ врагомъ, и принявъ Пугачева въ Яицкомъ городѣ, привезъ его въ Симбирскъ, откуда усердный Генералъ Графъ Паниннъ сего злодѣя, съ главными его сообщниками прислалъ подъ крѣпкою стражею въ царствующій градъ Москву, гдѣ и примутъ должную месть.

Сентенція, 1775 года Января 10. О наказаніи смертною казнію измѣнника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщниковъ. — Съ присоединеніемъ объявленія прощаемымъ преступникамъ.

Объявляется во всенародное извѣстіе. Какова, во исполненіе обнародованнаго Ея Императорскаго Величества Декабря 19-го дня 1774 года манифеста въ Правительствующемъ Сенатѣ обще съ членами Святѣйшаго Синода, первыхъ трехъ классовъ персонами и Президентами Коллегій, о бунтовщикѣ, самозванцѣ и государственномъ злодѣѣ Емелькѣ Пугачевѣ и его сообщникахъ, по данной отъ Ея Императорскаго Величества полной власти, сентенція заключена, и по оной сего Января 10-го дня 1775 года экзекуція послѣдовала, такова слово отъ слова во всенародное извѣстіе при семъ публикуется:

1774 года Декабря 30-го и 31-го числъ, въ полномъ собраніи Правительствующій Сенатъ, Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члены, первыхъ трехъ классовъ особы и Президенты Коллегій, находящіеся въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, припявъ отъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Генерала-Прокурора и Кавалера Князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, состоявшійся

19-го числа того-же мѣсяца, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, Манифестъ, и при ономъ присланное въ Сенатъ слѣдствіе о извѣстномъ бунтовщикѣ, самозванцѣ и государственномъ злодѣѣ Емелькѣ Пугачевѣ и его сообщникахъ, слушали. И понеже Ея Императорскому Величеству благоугодно было означенное слѣдствіе отослать въ Сенатъ, и Высочайше повелѣть, купно съ Синодскими Членами, въ Москвѣ находящимися, призвавъ первыхъ трехъ классовъ особъ и Президентовъ Коллегій, выслушать оное отъ Генерала-Аншефа, Сенатора и Кавалера Князя Михайла Никитича Волконскаго и Генерала-Маіора Павла Сергѣевича Потемкина, яко производителей сего слѣдствія, и учинить въ силу государственныхъ законовъ опредѣленіе и рѣшительную сентенцію по всѣмъ ими содѣяннымъ преступленіямъ противу Имперіи, къ безопасности личныя человѣческаго рода и имущества: то хотя важность вины, лютость и варварство сего бунтовщика, самозванца и мучителя Емельки Пугачева довольно уже всѣмъ извѣстны, и внечатлѣніе на сердцѣ каждаго вѣрнаго Ея Императорскаго Величества подданнаго и сына Отечества возбуждаетъ праведное мщеніе и вопіетъ противу дѣлъ сего изверга рода человѣческаго, почему и положеніе сентенціи самою лютѣйшею казнію безъ всякаго разсмотрѣнія послѣдовать могло бы; но установленное и уполномоченное отъ Ея Императорскаго Величества къ суду надъ симъ извергомъ вѣрноподданное Собраніе, слушавъ помянутое слѣдствіе и чинимыя производителями объясненія, нашло хотя все уже и всѣмъ извѣстное, но съ возобновленіемъ крайняго ужаса и содроганія, что сей злодѣй, бунтовщикъ и губитель, въ присутствіи Тайной Московской Экспедиціи допрашиванъ, и самъ показалъ: что онъ подлинно Донской казакъ Зимовейской станицы, Емелька Ивановъ сынъ Пугачевъ, что дѣдъ и отецъ его были той же станицы казаки и первая жена его, дочь Донского жъ казака Дмитрія Никифорова, Софья, съ которою прижилъ онъ трехъ дѣтей, а именно: одного сына и двухъ дочерей, о чемъ въ описаніи при Манифестѣ, изданномъ 19-го Декабря, означено; что производя Оренбургу осаду, иногда проѣзжалъ онъ къ Яицкому городу, окруженному тогда злодѣйскимъ его скопищемъ, женился вторично на дочери Яицкаго казака Петра Кузнецова, Устиньѣ. О началѣ жъ злѣйшаго предпріятія о произведенномъ имъ бунтѣ, по многимъ увѣщаніямъ, съ клятвою объявилъ, что измѣнническое и бѣдственное его дерзновеніе возмутить Яицкихъ казаковъ возмечталъ онъ начать отнюдь не въ томъ страшномъ замыслѣ, чтобы завладѣть Отечествомъ и похитить Монаршую власть. Сіе страшное и невозможное предпріятіе въ таковый просвѣщенный вѣкъ и въ такой странѣ, гдѣ премудрая Екатерина царствуя, высокими предпріятіями всѣ угрожающія намѣренія и самыхъ сильныхъ враговъ отвела, удалила и разрушила, не входило сначала въ оскверненную возмущеніемъ мысль его; но возмечталъ онъ объявить себя въ имени покойнаго Государя Петра III, воспользуясь обстоятельствами: узнавъ несогласіе между Яицкихъ казаковъ, а попущеніемъ разныхъ случаевъ увеличивая злыя намѣренія свои, простиралъ мерзкое стремленіе, о коемъ будетъ означено, единственно стремясь къ побѣгу; поелику долженъ былъ онъ искать убѣжища, укрывшись отъ команды. Будучи въ Яицкомъ городѣ прошлаго 1772 года, начиналъ онъ дерзкое и пагубное намѣреніе свое къ возмущенію такимъ образомъ, что старался Яицкое войско, находившееся тогда въ междоусобной по дѣламъ до нихъ касающимся враждѣ, уговорить къ побѣгу на Кубань. Хищное сердце злодѣя Пугачева, разсмотря вражду помянутыхъ казаковъ, возбудило сего богомерзкаго предателя вожжечь и разлить въ смущенныхъ умахъ пламень бунта, поелику расположеніе сердецъ сихъ, кроющихся отъ правосуднаго наказанія казаковъ, сходственно было съ злымъ намѣреніемъ бунтовщика и злодѣя Пугачева. Положивъ первую искру пожара, начиналъ онъ ненавистное намѣреніе свое тѣмъ прельщеніемъ, что обѣщалъ имъ дать большія деньги, если они къ побѣгу согласятся, а въ самомъ дѣлѣ всемѣрно вѣрилъ, что когда отважнѣйшіе на побѣгъ только согласны будутъ, то неминуемо его предводителемъ своимъ или атаманомъ выберутъ, а выбравъ, и въ повиновеніи его останутся; слѣдовательно онъ съ готовою и отборною шайкою разбойничать и отъ казни за свои преступленія по крайней мѣрѣ нѣсколько времени укрываться можетъ. Но какъ усмотрѣнная имъ въ однихъ мерзостная склонность ко всякому злодѣянію, а въ другихъ простота, далеко превзошли самое его ожиданіе и расположеніе, то и отважился онъ объявить себя подъ высокимъ уже названіемъ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Петра III, дабы, пользуясь простотою, умножать свою сволочь, нужную ему къ разбойническимъ намѣреніямъ. Но первое покушеніе сего адскаго предпріятія рушено было помикою злодѣя Пугачева въ Дворцовой волости, въ селѣ Малыковкѣ, не подъ названіемъ еще покойнаго Государя Петра III, ибо сіе свѣдѣніе до начальства тогда не дошло, а единственно въ возмутительныхъ словахъ; оттуда привезенъ онъ былъ въ Симбирскъ и потомъ въ Казань. Не прекратилось тѣмъ звѣрское ухищреніе сего злодѣя; душа его, расположенная къ злости и измѣнѣ, не ощущала страха Божія, должнаго благоговѣнія къ законной Монаршей власти, и доброжелательства къ возлюбленному Отечеству; и какъ самое первое свое преступленіе началъ онъ укрывать побѣгомъ съ Дона, а потомъ разными ухищреніями и злодѣяніями, такъ и здѣсь не о раскаяніи, но о томъ только помышлялъ, какъ бы изъ темницы уйти и наказанія избѣгнуть; посему, подговоря караульнаго солдата, съ помощію его бѣжалъ онъ изъ тюрьмы и явился паки на Яикѣ въ половинѣ Августа прошлаго 1773 года, будучи укрываемъ на хуторахъ сказанныхъ кроющихся отъ наказанія Яицкихъ казаковъ; и чѣмъ больше опасался сыска и казни, тѣмъ скорѣе уже спѣшилъ объявить себя Государемъ и умножить число своихъ сообщниковъ, и тѣмъ свирѣпѣе пускался въ такія предпріятія, успѣхомъ коихъ чаялъ сообщниковъ своихъ, къ злодѣянію склонныхъ, ободрить, а простаковъ самою дерзостію еще болѣе привесть въ ослѣпленіе. Такимъ образомъ предуспѣвъ собрать нѣкоторое число содѣйственниковъ богопенавистному предпріятію своему, дерзнулъ обще съ ними поднять оружіе противу Отечества. Первое стремленіе его было схватить и разорить Яицкой городъ, поелику мщеніе сообщниковъ его на гибель собратій своихъ по причинѣ вражды побуждало; а дабы высокимъ званіемъ Государя удобнѣе было обезоружить сердца, благоговѣніемъ къ священной власти наполненныя, сей преступникъ Богу и Монархинѣ и врагъ Отечества, называя себя покой-

нымъ Государемъ Петромъ III, приступилъ къ городу и послалъ лже-составный Манифестъ къ Коменданту, въ ономъ находящемуся; но увидя, что предпріятіе его не имѣло удачи, миновавъ Яицкой городъ, пошелъ по линіи къ Оренбургу: высланная команда изъ города въ погоню за бунтовщиками была предательствомъ нѣкоторыхъ изъ числа посланныхъ злодѣями захвачена. Варваръ Пугачевъ надъ сими несчастными явилъ первый опытъ своей лютости и тиранства и предалъ мучительной казни вдругъ двѣнадцать Старшинъ Яицкаго войска, непоколебимо пребывающихъ въ вѣрности Ея Императорскому Величеству и Отечеству даже до самой смерти. Припявъ пищу злой душѣ своей симъ убійствомъ, началъ простирать сей извергъ и губитель Пугачевъ далѣе свои злодѣянія. Не трудно было ему въ обпаженныхъ мѣстахъ отъ войска, по причинѣ славно оконченной нынѣ Турецкой войны, умножать сонмище свое и простирать успѣхи злыхъ дѣлъ своихъ, которыя внушая мерзкой душѣ его отчасу дерзновеннѣйшіе замыслы, попустили наконецъ его и на всѣ покушенія. Привлекая разными ухищреніями жителей въ толпы свои, обольщалъ онъ слабомысленныхъ людей несовмѣстными обѣщаніями, а лютѣйшими варварствами приводилъ въ страхъ и ужасъ тѣхъ, коихъ благоразуміе обольщеніямъ его вѣрить не допускало: доказываетъ то, что посреди сихъ мѣстъ, въ коихъ жителей онъ толь хищно обольщая развращалъ, ни о чемъ болѣе не мыслилъ онъ, какъ о разореніи и бѣдствіи сихъ несчастныхъ людей. Повсюду, гдѣ только сей предатель и злодѣй коснулся, слѣды варварства его остались. Опустошеніе многихъ жилищъ каждое благое сердце приводитъ въ содроганіе, и кровь, багрившая землю и пролитая его мучительною рукою, дымится и вопіетъ на небеса объ отмщеніи. Многочисленнымъ злодѣйствамъ сего измѣнника, врага и тирана, означенія вмѣстить здѣсь невозможно; но, по собраннымъ вѣдомостямъ, изданo будетъ особливое описаніе. Ко изъявленію жъ вообще мерзкихъ дѣйствъ его должно объявить, что по слѣдствію дѣла, о немъ произведеннаго, и самымъ признаніемъ сего злодѣя оказалось толь неслыханная въ человѣческомъ родѣ лютость, что нѣтъ единаго зла и такого ужаснаго варварства, котораго бы гнусная душа его не произвела въ дѣйство, ибо, забывъ законъ всемогущаго Господа и Творца, явился онъ преступникомъ предъ самимъ Богомъ; презрѣвъ присягу Монаршей власти, сдѣлался не только измѣнникомъ, но похитивъ имя Монарха, сталъ возмутителемъ народа и учинилъ себя виновникомъ бѣдствія и губителемъ многихъ невинныхъ людей; наруша обязательства предъ Отечествомъ, сдѣлался врагомъ ему и злодѣемъ; а разрушивъ всѣ права естественныя предъ человѣческимъ родомъ, явилъ себя врагомъ всему человѣческому роду; словомъ, разорялъ онъ храмы Божіи, разрушалъ святые алтари и жертвенники, расхищалъ сосуды и всѣ утвари церковныя, и поругалъ святыя иконы, не ощущая въ душѣ своей ни мало не токмо священнаго благоговѣнія къ таковымъ вещамъ, гдѣ жертва приносится всевышнему Создателю, искупившему спасеніе наше кровію Спасителя Христа, но ниже содроганія; однако не столь странно, что злодѣй, сперва отъ страха казни въ большія злодѣянія пустившійся, а потомъ, во оныхъ человѣчество забывшій и въ лютаго звѣря превратившійся, не содрогался о своихъ дѣяніяхъ, кои почиталъ къ сохраненію своему нужными, какъ то непостижимо, что единожды прельщенные имъ безумцы и простаки не могли въ прилѣпившейся и къ нимъ возмутительной заразѣ видѣть, что злодѣй не ищетъ бодѣе, какъ токмо время ожидающей его казни продлить, ибо гдѣ онъ ни проходилъ, тамъ не оставилъ иныхъ слѣдовъ, какъ токмо безчеловѣчія, и сколько разъ ни отваживался стать на сраженіе съ вѣрными Ея Императорскаго Величества войсками, всегда слѣдующую за нимъ ослѣпленную чернь отдавъ на пораженіе, самъ съ малымъ числомъ единомышленниковъ тотчасъ убѣгалъ искать себѣ спасенія и новыхъ простаковъ на таковую жъ жертву. Грады, заводы и селенія для того только и бралъ, чтобъ предавать огню и грабительству. Всѣхъ вышняго степени людей истреблялъ, не разбирая ни пола, ни возраста, не для того, чтобъ ему та жертва была милѣе, но для того, что опасался, абы просвѣщеннѣйшіе люди слѣдующихъ за нимъ въ пагубу слѣпцовъ не просвѣтили. Нынѣ, лишась всѣхъ способовъ и надежды къ побѣгу и новымъ злодѣяніямъ, признался во всемъ томъ съ истиннымъ, буде токмо можетъ въ его душѣ быть, раскаяніемъ, какъ предъ Слѣдственною Коммисіею, такъ и въ полномъ собраніи Правительствующаго Сената, Членовъ Святѣйшаго Синода и приглашенныхъ особъ. То же самое учинили и всѣ сообщники его, какъ предъ Коммисіею, такъ и предъ отряженными для того отъ всего Собранія Членами. Сей злодѣй предъ полнымъ Собраніемъ объявилъ, что онъ подлинно Донской казакъ Зимовейской станицы Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ, и каялся во всѣхъ сказанныхъ важныхъ винахъ своихъ и во всѣхъ преступленіяхъ и злодѣйствахъ, заклинаясь, что открылъ онъ все то, чѣмъ гнусное сердце его было заражено, и нынѣ очищаетъ душу свою совершеннымъ покаяніемъ предъ Богомъ и Ея Императорскимъ Величествомъ и предъ всѣмъ родомъ человѣческимъ во всѣхъ содѣянныхъ имъ беззаконіяхъ. Къ сообщникамъ же сего изверга и бунтовщика, о коихъ въ слѣдствіи означено, отряжена была изъ Собранія Депутація, а именно, Святѣйшаго Синода Членъ Іоаннъ, Архимандритъ Новоспасскій, Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ Масловъ, Генералъ-поручикъ Мартыновъ и Сенатскій Оберъ-Прокуроръ Князь Волконскій, дабы, увѣщевая сихъ преступниковъ и злодѣевъ, равно вопросили, не имѣютъ ли они еще чего показать, и чистое-ль покаяніе принося, объявили всѣ свои злодѣянія? Исполнивъ порученное дѣло, сказанная Депутація Собранію донесла, что всѣ преступники и способники злодѣйскіе признавались во всемъ, что по дѣлу въ слѣдствіи означено, и утвердились на прежнихъ показаніяхъ. Все сіе соверша, уполномоченное Собраніе, приступивъ къ положенію сентенціи, слушало въ началѣ выбранные изъ священнаго писанія приличные къ тому законы и потомъ гражданскихъ законовъ положенія, а именно: въ Книгѣ Премудрости Соломона написано, гл. 6, ст. 1 и 3: Царемъ держава дана есть отъ Господа и сила отъ Вышняго; въ Евангеліи отъ Матѳея, гл. 22, ст. 21 и Марка гл. 12, ст. 17: Воздадите убо Кесарева Кесареви и Божія Богови; въ 1-мъ посланіи Первоверховнаго апостола Петра гл. 1, ст. 18 и 19: Бога бойтеся, Царя чтите, рабы повинуйтеся во всякомъ страсѣ владыкамъ не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ.

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ ПОРТРЕТЪ ПУГАЧЕВА.

Русская копія съ гравюры, приложенной къ книгѣ «Le faux Pierre III. Londres. 1775». Приложена къ русскому переводу этой книги («Ложный Петръ III». М. 1809).

Тамъ же, къ Римляномъ, гл. 13: всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога; сущія же власти отъ Бога учинены суть, тѣмъ же противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется, противляющій же себѣ грѣхъ пріемлетъ; книги 4 Моисеевы Числъ гл. 16: по сонзволенію Божію возставшихъ и бунтующихъ противу возлюбленныхъ Богомъ Моисеи Аарона сонмъ Израильтянъ пожре земля;—Евангелія отъ Іоанна гл. 19, ст. 12: всякъ иже себѣ Царя творяй, противится Богу;—въ законѣ, Богомъ данномъ Моисею, отъ 2 закона число 5: да не умрутъ отцы за сына, ни сынове да не умрутъ за отцы, но каждый за свой грѣхъ да умретъ; 4 книги Моисеевой Числъ, гл. 17, ст. 13: Всякъ прикасаяся къ скинніи свидѣнія Господней умираетъ.—Въ законахъ гражданскихъ: въ Уложеньѣ, гл. 2-й въ статьяхъ: въ 1-й: Будетъ кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на Государское здоровье злое дѣло, и про то его злое умышленье кто извѣститъ и по тому извѣту про то его злое умышленье сыщется допряма, что онъ на Царское Величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ, и такого по сыску казнить смертію. Во 2-й: также будетъ кто при державѣ Царскаго Величества, хотя Московскимъ Государствомъ завладѣть и Государемъ быть, и для того своего злаго умышленья начнетъ рать сбирать, или кто Царскаго Величества съ недруги учнетъ дружиться и совѣтными грамотами ссылаться и помощь имъ всячески чинить, чтобы тѣмъ Государевымъ недругамъ по его ссылкѣ Московскимъ Государствомъ завладѣть, или какое дурно учинить, и про то на него кто извѣститъ, и по тому извѣту сыщется про тое его измѣну допряма: и такого измѣнника по тому же казнить смертію. Въ 18-й: кто Московскаго Государства всякихъ чиновъ люди свѣдаютъ, или услышатъ на Царское Величество въ какихъ людѣхъ скопъ и заговоръ, или иный какій злой умыселъ; и имъ про то извѣщати Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михаиловичу всея Россіи, или его Государевымъ Боярамъ и ближнимъ людямъ, или въ городахъ Воеводамъ и приказнымъ людямъ. Въ 21: а кто учнетъ къ Царскому Величеству или на его Государевыхъ Бояръ и Окольничихъ и Думныхъ людей, и въ городахъ и въ полкахъ на Воеводъ и приказныхъ людей, или на кого нибудь приходити скопомъ и заговоромъ, и учнутъ кого грабити или побивати: и тѣхъ людей, кто такъ учинитъ, за то по тому же казнить смертію безъ всякія пощады. Гл. 21-й, въ статьяхъ: въ 14-й: церковныхъ татей казнить смертію безъ всякаго милосердія, а животы ихъ отдавать въ церковныя татьбы. Въ 18-й и 21-й: разбойниковъ, которые пожгли дворы или хлѣбъ, казнить смертію. Въ Воинскомъ Артикулѣ, гл. 3, артик. 19-мъ: Если кто подданный войско вооружитъ, или оружіе предпріиметъ противу Его Величества, или умышлять будетъ помянутое Величество полонить, или убить, или учинить ему какое насильство, тогда имѣютъ тотъ и всѣ оные, которые въ томъ вспомогали, или совѣтъ свой подавали, яко оскорбители Величества, четвертованы быть и ихъ пожитки забраны;—101-го артикула въ толкованіи: Коль болѣе чина и состоянія преступитель есть, толь жесточае оный и накажется; ибо оный долженствуетъ другимъ добрый прикладъ подавать и собою оказать, что оные чинить имѣютъ.—Гл. 17, арт. 137-й: Всякій бунтъ возмущеніе и упрямство безъ всякой милости имѣетъ быть висѣлицею наказано. Арт. 178: Кто городъ, село и деревню, или церкви, школы, шпитали и мельницы зажжетъ, печи или нѣкоторые дворы сломаетъ, такожъ крестьянскую рухлядь или прочее что потратитъ: оный купно съ тѣми, которые помогали, яко зажигатель и преступитель Уложенья смертію имѣетъ быть казненъ и сожженъ. Въ Морскомъ Уставѣ книга 5, гл. 1, арт. 1: Если кто противъ персоны Его Величества какое зло умышлять будетъ, тотъ и всѣ оные, которые въ томъ вспомогали или совѣтъ свой подавали, или вѣдая не извѣстили, яко измѣнники четвертованы будутъ, и ихъ пожитки движимые и недвижимые взяты будутъ. Гл. 7, арт. 124: Кто церкви или иныя святыя мѣста покрадетъ или у оныхъ что насильно отойметъ: оный имѣетъ быть лишенъ живота, и тѣло его на колесо положено. Гл. 12, арт. 85: Кто увѣдаетъ, что единъ или многіе нѣчто вредительное учинить намѣрены, или имѣетъ вѣдомость о шпіонахъ, или иныхъ подозрительныхъ людяхъ, во флотѣ обрѣтающихся, и о томъ въ удобное время не объявитъ: тотъ имѣетъ быть живота лишенъ. Гл. 13, арт. 92: Никто бъ ниже словомъ или дѣломъ, или письмами, самъ собою, или чрезъ другихъ къ бунту и возмущенію, или иное что учинить причины не далъ, изъ чего бы могъ бунтъ или измѣна произойти; ежели кто противъ сего поступитъ, тотъ живота лишится. Гл. 18, арт. 132: Кто лживую присягу учинитъ, и въ томъ явственнымъ свидѣтельствомъ обличенъ будетъ: оный съ наказаніемъ, вырѣзавъ ноздри, посланъ будетъ на галеру вѣчно.

По выслушаніи всего вышеозначеннаго, когда воображается въ умѣ все происхожденіе и сплетеніе сего богомерзкаго дѣла, то колико представляется предметовъ и человѣчество оскорбляющихъ, и въ то же время самаго важнаго и зрѣлаго размышленія требующихъ: во первыхъ, поражается сердце ужасомъ, какъ человѣкъ, въ одно преступленіе впадшій и наказанія избѣгнуть ищущій, зло зломъ закрывая, могъ наконецъ до толикихъ злодѣяній и толикія дерзости дойти, что похитить священное имя Монарха и дать оное даже и гнусной его наложницѣ. Крайнее потомъ предлежитъ сѣтованіе и соболѣзнованіе, видя, что едва злодѣй нѣсколькими казаками, такъ же какъ и онъ, отъ наказанія укрывающимися, признанъ подъ именемъ покойнаго Государя Императора Петра III, великое число безумцевъ и простаковъ слѣдуютъ онымъ слѣпо, яко овцы заколенія. Разрушенные храмы Божіи требуютъ возобновленія; разоренные или въ пепелъ обращенные грады и селенія взыскуютъ человѣколюбивой помощи; опечаленные старики и сирые младенцы утѣшенія и призрѣнія, а безумцы и суевѣры просвѣщенія. Наконецъ не меньше всего праведно-огорченные дворяне за многія предательства на своихъ крестьянъ взыскуютъ достаточнаго имъ усмиренія; а сіи слѣпцы и Пугачевымъ и своимъ разстроеніемъ въ разореніе и нищету приведенные, и то страхомъ, то бѣдностію терзаемые, впадаютъ въ отчаяніе, почему и надлежало бы, во первыхъ, злодѣевъ предать лютѣйшимъ мукамъ и казнятъ; по сверхъ того, что главное преступленіе, а именно: оскорбленіе Величества оставляетъ Ея Императорское Величество, яко сущее человѣколюбивая Монархиня и Матерью Отечества Своего и подданныхъ никогда быть не престающая, нѣтъ ни мукъ, ни казней, какъ бы ихъ ни увеличить, чтобъ могли соразмѣрны быть толикимъ злодѣяніямъ. Да большая

часть изъ лютѣйшихъ злодѣевъ и приняли уже свое воздаяніе, то на сраженіяхъ, то правосудіемъ на самыхъ тѣхъ мѣстахъ въ дѣйство произведеннымъ. Надлежало бы тотчасъ стараться и о разогнаніи толь бѣдственной слѣпоты и невѣжества; но вѣрить надобно, что постигнувшее ихъ зло не токмо разженетъ много слѣпоты, да и самыхъ буйственныхъ въ чувство и раскаяніе приведетъ. Представляя все сіе къ общему всѣхъ вѣрноподданныхъ утѣшенію, видимъ, что стараніями премудрыя Монархини о воспитаніи невѣжество уже повсемѣстно счезаетъ, а благонравіе процвѣтать будетъ. Надлежало бы обратить благоговѣйное попеченіе къ воспостроенію разоренныхъ храмовъ Божіихъ; но Христолюбивая Монархиня гдѣ не подаетъ примѣровъ Ея благочестія? Въ пепелъ обращенные грады и селенія ободрены уже примѣромъ многихъ другихъ въ лѣноту облеченныхъ градовъ; утѣшены и призрѣны не старики токмо и младенцы, но питаются теперь цѣлыя провинціи на Монаршемъ Ея иждивеніи. Наконецъ увѣрено все Собраніе, что и погрѣшившіе крестьяне сами чистосердечно раскаяваются, а просвѣщенные и благонравные люди ищутъ паче помощь подать бѣдности, нежели обременять оную. Сего ради Собраніе, находя дѣло въ такихъ обстоятельствахъ, сообразуясь безпримѣрному Ея Императорскаго Величества милосердію, зная Ея сострадательное и человѣколюбивое сердце, и наконецъ разсуждая, что законъ и долгъ требуютъ правосудія, а не мщенія, нигдѣ по Христіанскому закону несовмѣстнаго, единодушно приговорили и опредѣлили: за всѣ учиненныя злодѣянія, бунтовщику и самозванцу Емелькѣ Пугачеву, въ силу прописанныхъ Божескихъ и гражданскихъ законовъ, учинить смертную казнь, а именно: четвертовать, голову взоткнуть на колъ, части тѣла разнести по четыремъ частямъ города и положить на колеса, а послѣ на тѣхъ же мѣстахъ сжечь. Главнѣйшихъ его сообщниковъ, способствующихъ въ его злодѣяніяхъ:

1) Яицкаго казака Аѳанасья Перфильева, яко главнѣйшаго любимца и содѣйственника во всѣхъ злыхъ намѣреніяхъ, предпріятіи и дѣлѣ изверга и самозванца Пугачева, паче всѣхъ злостью и предательствомъ своимъ достойнаго лютѣйшія казни, и котораго дѣла во ужасъ каждаго сердце привести могутъ, что сей злодѣй, будучи въ Петербургѣ въ то самое время, когда извергъ и самозванецъ обнаружился подъ Оренбургомъ, самъ добровольно предъявилъ себя начальству съ таковымъ предложеніемъ, яко бы онъ, будучи побуждаемъ вѣрностію къ общей пользѣ и спокойствію, желалъ уговорить главнѣйшихъ сообщниковъ злодѣйскихъ Яицкихъ казаковъ къ покоренію законной власти, и привести злодѣя обще съ ними съ повинною. По сему точно удостовѣренію и клятвѣ отправленъ онъ былъ къ Оренбургу; но сожженная совѣсть сего злодѣя подъ покровомъ благонамѣренія алкала злобою. Онъ пріѣхалъ въ сонмъ злодѣевъ, представился къ главному бунтовщику и самозванцу, въ Бердѣ тогда бывшему, и не только удержался отъ исполненія той услуги, которую исполнить онъ обѣщалъ и заклинался, но чтобъ увѣрить самозванца въ вѣрности, объявилъ ему откровенно все намѣреніе свое, и соединясь предательскою совѣстію своею съ мерзкою душею самого изверга, пребылъ съ того времени до самаго конца непоколебимъ въ усердіи ко врагу Отечества, былъ главнѣйшимъ соучастникомъ звѣрскихъ дѣлъ его, пропзводилъ всѣ мучительнѣйшія казни надъ тѣми несчастными людьми, которыхъ бѣдственный жребій осуждалъ попасться въ кровожаждущія руки злодѣевъ, и наконецъ, когда злодѣйское скопище разрушено въ послѣдніе подъ Чернымъ Яромъ и самые любимцы изверга Пугачева кинулись на Яицкую степь, и искавъ спасенія, разбились на разныя шайки, то казакъ Пустобаевъ увѣщевалъ товарищей своихъ явиться въ Яицкомъ городѣ съ повинною, на что другіе и согласились; по сей ненавистный предатель сказалъ, что онъ лучше желаетъ живымъ быть зарыту въ землю, нежели отдаться въ руки Ея Императорскаго Величества опредѣленнымъ начальствамъ; однако жъ высланною командою пойманъ; въ чемъ самъ онъ предатель Перфильевъ предъ судомъ обличенъ и винился;—четвертовать въ Москвѣ.

2) Яицкому казаку Ивану Чикѣ, онъ же и Зарубинъ, самоназвавшемуся Графомъ Чернышевымъ, присному любимцу злодѣя Пугачева, и который при самомъ началѣ бунта злодѣя паче всѣхъ въ самозванствѣ утвердилъ, многимъ другимъ соблазнительный примѣръ подалъ и съ крайнимъ раченіемъ укрылъ его отъ поимки, когда за самозванцемъ выслана была изъ города сыскная команда, и потомъ, при обнаруженіи злодѣя и самозванца Пугачева, былъ изъ главнѣйшихъ его содѣйственниковъ, начальствовалъ отдѣльною толпою, осаждалъ городъ Уфу, который храбро и достохвально единными гражданами усердствующими прямо въ вѣрности Ея Императорскому Величеству защищался; разорялъ многіе въ той провинціи заводы и селенія, похищалъ всякаго рода имущества и чинилъ многія смертоубійства вѣрнымъ рабамъ Ея Императорскаго Величества. За парушеніе данной предъ всемогущимъ Богомъ клятвы въ вѣрности Ея Императорскому Величеству, за прилѣпленіе къ бунтовщику и самозванцу, за исполненіе мерзкихъ дѣлъ его, за всѣ разоренія, похищенія и убійства—отсѣчь голову и взоткнуть ее на колъ для всенароднаго зрѣлища, а трупъ его сжечь со эшафотомъ купно. И сію казнь совершить въ Уфѣ, яко въ главномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ всѣ его богомерзкія дѣла пропзводимы были.

3) Яицкаго казака Максима Шигаева, оренбургскаго казачьяго Сотника Подурова и Оренбургскаго неслужащаго казака Василья Торнова, изъ которыхъ перваго, Шигаева, за то, что онъ, по слуху о самозванцѣ, добровольно ѣздилъ къ нему на уметъ или постоялый дворъ къ Степану Оболяеву, отстоящій неподалеку отъ Яицкаго города, совѣщевалъ въ пользу обнаруженія злодѣя и самозванца Пугачева, разглашалъ объ немъ въ городѣ, и поелику смыслъ его привлекалъ вѣроятіе простыхъ людей, то пропзвелъ тѣмъ во многихъ къ бунтовщику и самозванцу привязанность; а потомъ, когда уже злодѣй, явно похитивъ имя покойнаго Государя Петра III, приступилъ къ Яицкому городу, то былъ онъ при немъ изъ первыхъ содѣйственниковъ его. При обложеніи жъ Оренбурга, во всякое время, когда самъ главный злодѣй оттуда отлучался къ Яицкому городу, оставлялъ его начальникомъ бунтовщичьей толпы своей. А въ сіе ненавистное начальство пропзводилъ онъ Шигаевъ многія злости: повѣсилъ посланнаго въ Оренбургъ отъ Генерала-Маіора и Кавалера Князя Голицына Лейбъ-Гвардіи коннаго полку рейтара съ извѣстіемъ о его приближеніи, единственно за сохраненныя сказаннымъ рейтаромъ истинную вѣрность къ Ея Императорскому Величеству, за-

копной своей Государынѣ.—Втораго, Подурова, яко сущаго измѣнника который не только предался самъ злодѣю и самозванцу, но и писалъ многія развратительныя въ народѣ письма; увѣщевалъ вѣрныхъ Ея Императорскому Величеству Яицкихъ казаковъ предаться къ злодѣю и бунтовщику, называя его и увѣряя другихъ, яко бы онъ истинный Государь, и наконецъ писалъ угрозительныя письма къ Оренбургскому Губернатору Генералу-Поручику и Кавалеру Рейнсдорпу, къ Оренбургскому Атаману Могутову и къ вѣрному Старшинѣ Яицкаго войска Мартемьяну Бородину, которыми письмами сей измѣнникъ убѣжденъ и признался.— Третьяго, Торнова, яко сущаго злодѣя и губителя душъ человѣческихъ, разорившаго Нагайбацкую крѣпость и нѣкоторыя жительства, и потомъ вторично прилѣпившагося къ самозванцу: повѣсить въ Москвѣ всѣхъ ихъ трехъ.

4) Яицкихъ казаковъ: Василья Плотникова, Дениса Караваева, Григорья Закладнова, Мещерякскаго Сотника Казнафера Усаева и Ржевскаго купца Долгополова, за то, что оные злодѣйскіе сообщники Плотниковъ и Караваевъ, при самомъ началѣ злодѣйскаго умысла, пріѣзжали къ нахатному солдату Абаляеву, гдѣ самозванецъ тогда находился и условясь съ нимъ о возмущеніи Яицкихъ казаковъ, дѣлали первыя разглашенія въ народѣ, и Караваевъ разсказывалъ, яко бы видѣлъ на злодѣѣ Царскіе знаки, такъ называя пятна, оставшіяся на тѣлѣ злодѣя послѣ болѣзни его подъ Бендерами. Приводя такимъ образомъ въ соблазнъ простыхъ людей, оный Караваевъ и Плотниковъ по слуху о самозванцѣ будучи взяты подъ караулъ, о немъ не объявили. Закладновъ былъ подобно первымъ изъ начальныхъ разглашателей о злодѣѣ, и самый первый, предъ кѣмъ злодѣй дерзнулъ назвать себя Государемъ; Казнаферъ Усаевъ былъ двоекратно въ толпѣ злодѣйской, въ разныя ѣздилъ мѣста, для возмущенія Башкирцевъ, и находился при злодѣяхъ Бѣлобородовѣ и Чикѣ, разныя тиранства производившихъ. Онъ въ первый разъ захваченъ вѣрными войсками подъ предводительствомъ Полковника Михельсона, при разбитіи злодѣйской шайки подъ городомъ Уфою, и отпущенъ съ билетомъ на прежнее жительство; но, не чувствуя оказаннаго ему милосердія, опять обратился къ самозванцу и привезъ къ нему купца Долгополова. Ржевскій же купецъ Долгополовъ разными лжесоставленными вымыслами приводилъ простыхъ и легкомысленныхъ людей въ вящшее ослѣпленіе, такъ что и Казаферъ Усаевъ, утвердясь больше на его увѣреніяхъ, прилѣпился вторично къ злодѣю. Всѣхъ пятерыхъ высѣчь кнутомъ, поставить знаки и, вырвавъ поздри, сослать на каторгу, и изъ нихъ Долгополова, сверхъ того, содержать въ оковахъ.

5) Яицкаго казака Ивана Почиталина, Плецкаго Максима Горшкова и Яицкаго же Илью Ульянова, за то, что Почиталинъ и Горшковъ были производителями письменныхъ дѣлъ при самозванцѣ, составляли и подписывали его скверные листы, называя Государевыми манифестами и указами, чрезъ что умножая развратъ въ простыхъ людяхъ, были виною ихъ несчастія и на губы. Ульянова, яко бывшаго съ ними всегда въ злодѣйскихъ шайкахъ и производившаго, равно какъ и они, убійства: всѣхъ трехъ высѣчь кнутомъ и, вырвавъ поздри, сослать на каторгу.

6-е. Яицкихъ казаковъ: Тимоѳея Мясникова, Михайлу Кожевникова, Петра Кочурова, Петра Толкачева, Ивана Харчова, Тимоѳея Скачкова, Петра Горшенина, Панкрата Ягупова, нахатнаго солдата Степава Оболяева и ссыльнаго крестьянина Аѳанасья Чулкова, яко бывшихъ при самозванцѣ и способствовавшихъ ему въ лживыхъ разглашеніяхъ и въ составленіи злодѣйскихъ шаекъ, высѣчь кнутомъ и, вырвавъ поздри, послать на поселеніе.

7) Отставнаго Гвардіи фурьера Михайла Голева, саратовскаго купца Ѳедора Кобякова и раскольника Пахомія, первыхъ за прилѣпленіе къ злодѣю и происходимые соблазны отъ ихъ разглашеній, а послѣдняго за ложныя показанія, высѣчь кнутомъ, Голева и Пахомія въ Москвѣ, а Кобякова въ Саратовѣ; да Саратовскагожъ купца Протопопова, за несохраненіе въ нужномъ случаѣ должной вѣрности, высѣчь плетьми.

8) Подпоручика Михайла Шванновича, за учиненное имъ преступленіе, что онъ, будучи въ толпѣ злодѣйской, забывъ долгъ присяги, слѣпо повиновался самозванцовымъ приказамъ, предпочитая гнусную жизнь честной смерти, лишивъ чиновъ и дворянства, ошельмовать, переломя надъ нимъ шпагу.—Инвалидной команды Прапорщика Ивана Юматова, за гнусную по чину офицерскому робость при разореніи города Петровска, хотя строжайшаго достоинъ онъ наказанія, но за старостію лѣтъ уменьшая оное, лишить его чиновъ.—Астрахапскаго конпаго полку Сотника и Депутата Василья Горскаго, за легкомысленное прилѣпленіе къ толпѣ злодѣйской, лишить Депутатскаго достоинства и названія.

9) Плецкаго казака Ивана Тварогова, да Яицкихъ: Ѳедора Чумакова, Василья Коновалова, Ивана Бурнова, Ивана Федулева, Петра Пустобаева, Козьму Кочурова, Якова Почиталина и Семена Шелудякова, въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества милостиваго Манифеста, отъ всякаго наказанія освободить: первыхъ пять человѣкъ потому, что виявъ гласу и угрызенію совѣсти и возчувствуя тяжесть беззаконій своихъ, не только пришли сами съ повинною, но и виновника пагубы ихъ Пугачева, связавъ, предали себя и самого злодѣя и самозванца законной власти и правосудію; Пустобаева за то, что онъ отдѣлившуюся шайку отъ самаго злодѣя Пугачева склонилъ придти съ повиновеніемъ, равномѣрно и Кочурова, еще прежде того времени явившагося съ повинною; а послѣднихъ двухъ за оказанные ими знаки вѣрности, когда они были захвачены въ толпу злодѣйскую и были подсылаемы отъ злодѣевъ въ Яицкій городъ, но они, приходя туда, хотя отстать отъ толпы опасались, однако возвѣщали всегда о злодѣйскихъ обстоятельствахъ и о приближеніи къ крѣпости вѣрныхъ войскъ, и потомъ когда разрушена была злодѣйская толпа подъ Яицкимъ городомъ, то сами они къ военачальнику явились. И о семъ Высочайшемъ милосердіи Ея Императорскаго Величества и помилованіи сдѣлать имъ особое объявленіе чрезъ отряженнаго изъ Собранія Члена сего Января 11 дня, при всенародномъ зрѣлищѣ предъ Грановитою Палатою, гдѣ и снять съ нихъ оковы.

10) Отставнаго Подпоручика Гринева, Царицынскаго купца Василья Качалова, да Брянскаго купца Петра Кожевникова, Малороссіянина Осипа Коровку, Донскихъ казаковъ Лукьяна Худякова, Андрея Кузнецова, Яицкаго казака Ивана Понамарева, онъ же и Самодуровъ, раскольниковъ Василья Щолокова, Ивана Седухина, крестьянина Василья Попова и Семена Филипова, которые находились подъ карауломъ, будучи сначала подозрѣваемы

въ сообщеніи съ злодѣями, но по слѣдствію оказались невинными, для чего ихъ и освободить, и сверхъ того о награжденіи крестьянина Филиппова, яко доносителя въ Малыковкѣ о начальномъ прельщеніи злодѣя Пугачева, представить на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената. А попеже ни въ какихъ преступленіяхъ не участвовали обѣ жены самозванцовы, первая Софья, дочь Донскаго казака Дмитрія Никифорова, вторая Устинья, дочь Яицкаго казака Петра Кузнецова, и малолѣтные отъ первой жены сынъ и двѣ дочери, то безъ наказанія отдалить ихъ, куда благоволитъ Правительствующій Сенатъ; равномѣрно же предоставляется къ тому же разсмотрѣнію назначеніе мѣста и содержаніе осужденныхъ на каторгу и на поселеніе.

11) Какъ же не безъизвѣстно вышеозначенному собранію, что по опредѣленію Святѣйшаго Синода не токмо бунтовщикъ и самозванецъ Емелька Пугачевъ, но и всѣ его злодѣйскіе сообщники преданы вѣчному проклятію; то дабы осужденнымъ сею сентенціею на смертную казнь, которые за клятвопреступленіе, ужасное варварство и злыя дѣла свои подверглись душевнее осужденному въ тартарѣ мученію, не лишились при послѣднемъ концѣ своемъ законнаго покаянія во всѣхъ содѣянныхъ ими злодѣяніяхъ, предоставить Преосвященному Самуилу, Епископу Крутицкому, поступить въ томъ по данному ему на сей случай наставленію отъ Святѣйшаго Синода.

12) Опредѣленную злодѣямъ смертную казнь въ Москвѣ учинить на Болотѣ, сего Января 10-го дня. Къ чему привесть и злодѣя Чику, назначеннаго на казнь въ городѣ Уфѣ, и послѣ здѣшней экзекуціи того же часа отправить на казнь въ назначенное ему мѣсто. И для того, какъ о публикованіи сей сентенціи, такъ и о оказуемомъ милосердіи прощаемымъ и о надлежащихъ къ тому пріуготовленіяхъ и нарядахъ послать изъ Сената, куда надлежитъ, указы. Заключена Января 9 дня 1775 года.

Учрежденному Собранію Святѣйшаго Синода Члены письменно объявили, что слушавъ въ Собраніи слѣдствіе злодѣйскихъ дѣлъ Емельки Пугачева и его сообщниковъ, и видя собственное ихъ во всемъ признаніе, согласуемся, что Пугачевъ съ своими злодѣйскими сообщниками достойны жесточайшей казни; а слѣдовательно, какая заключена будетъ сентенція, отъ оной не отрицаемся; но поелику мы Духовнаго чина, то къ подписанію сентенціи приступить не можемъ.

Подъ тѣмъ подписано тако:

Самуилъ, Епископъ Крутицкій.
Геннадій, Епископъ Суздальскій.
Іоаннъ, Архимандритъ Новоспасскій.
Андрей, Протопопъ Гвардіи Преображенской.

Подъ сентенціею подписано тако:

Князь Михайло Волконской.
Михайло Измайловъ.
Иванъ Козловъ.
Лукьянъ Камынинъ.
Всеволодъ Всеволожской.
Петръ Вырубовъ.
Алексѣй Мельгуновъ.
Князь Иванъ Вяземской.
Дмитрій Волковъ.
Михайло Масловъ.
Григорій Протасовъ.
Александръ Глѣбовъ.
Графъ Ѳедоръ Остерманъ.
Яковъ Протасовъ.
Графъ Валентинъ Мусинъ-Пушкинъ
Михайло Каменской.
Иванъ Мелиссино.
Павелъ Потемкинъ.
Александръ Самойловъ.
Матвѣй Мартыновъ.
Александръ Херасковъ.
Иванъ Давыдовъ.
Акимъ Апухтинъ.
Михайло Лунинъ.
Михайло Салтыковъ.
Алексѣй Яковлевъ.
Оберъ-Секретарь Андреянъ Васильевъ.
Секретарь Александръ Храповицкой.

Объявленіе прощаемымъ преступникамъ.

По Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію, въ полномъ собраніи Правительствующаго Сената обще съ Членами Святѣйшаго Синода, первыхъ трехъ классовъ персонами и Президентами Коллегій, слушано произведенное слѣдствіе о бунтовщикѣ, самозванцѣ и Государственномъ злодѣѣ Емелькѣ Пугачевѣ и его сообщникахъ, и по силѣ Священнаго Писанія и Гражданскихъ законовъ заключена сентенція, которая вчерашняго числа исполнена, и осужденные злодѣи иные должную казнь, а иные наказаніе получили. Въ числѣ сихъ преступниковъ и соучаственниковъ въ злодѣяніяхъ были и вы, здѣсь предстоящіе: Илецкій казакъ Иванъ Твороговъ, да яицкіе Ѳедоръ Чумаковъ, Василій Коноваловъ, Иванъ Бурновъ, Иванъ Федулевъ, Петръ Пустобаевъ, Козьма Кочуровъ, Яковъ Почиталинъ и Семенъ Шелудяковъ: вообразя сіе, не должны ли вы содрогаться отъ ужаса и проклинать прошедшее свое заблужденіе, влекущее васъ въ пагубу? Напострожайшая смертная казнь предписывалась вамъ божественными и гражданскими законами и вѣчная мука по Священному Писанію. Но должны вы благодарить Создателя и считать себя счастливыми, что находясь на краю пропасти, Всевышняя Десница отвратила отъ глазъ вашихъ мракъ ослѣпленія, и вы, внявъ гласу и угрызенію совѣсти и возчувствуя тяжесть беззаконій своихъ, пришли въ раскаяніе и сами явились съ повинною; а Иванъ Твороговъ, Ѳедоръ Чумаковъ, Василій Коноваловъ, Иванъ Бурновъ и Иванъ Федулевъ, не токмо себя самихъ, но и самого злодѣя Емельку Пугачева предали законной власти и правосудію. Таковое обращеніе къ предписанной законами должности не могло бы уменьшить заслуженнаго вами наказанія; ибо злодѣянія ваши не токмо были совершены, но и превзошли мѣры донынѣ въ свѣтѣ извѣстныхъ. Нарушенное силою и пособіемъ вашимъ законнымъ властямъ повиновеніе требовало казни преступниковъ. Обманомъ вашимъ приведенные въ пагубу несчастные поселяне, страдая за васъ, свидѣтельствовали о вашихъ злодѣяніяхъ. Разоренные и злобою вашею воспаленному огню преданные селенія, города и святые храмы угрожали васъ нанежесточайшимъ истязаніемъ; и среди сихъ ужасныхъ развалинъ и опустошенія, кровь неповинныхъ, коею въ варварствѣ своемъ вы обагрялись, вопіяла на небо и молила отмщенія. Могло ли послѣ сихъ неистовствъ раскаяніе ваше принято быть

во уваженіе, да еще и въ такое время, когда все ваше злодѣйское скопище, купно съ вознесеннымъ вами идоломъ, вѣрными Ея Императорскаго Величества войсками было стѣснено, разбито и яко прахъ разсѣяно? Представьте сами себѣ, безпристрастно размышляя, можно ли отовсюду окруженныхъ и лишенныхъ способовъ къ защищенію почесть по справедливости въ раскаяніе пришедшими и добровольно себя предавшими? Конечно нѣтъ; а посему все вышесказанное свидѣтельствуетъ неизобразимое непстовство ваше, и куда ни обратишься, вездѣ вамъ казнь предписывается. Во всемъ свѣтѣ наказуется не токмо злодѣй и его сообщникъ, но и предпріявшій злой умыселъ, хотя и въ дѣйство онаго не произвелъ; а о васъ свидѣтельствуютъ пространныя губерніи, что вы не мыслію единою погрѣшили, но исполненнымъ вами беззаконіямъ нѣтъ числа. Исчислите сами все, вами содѣянное, и сообразуяся оному, возчувствуйте, сколько велико, безпримѣрно, неслыханно и неизреченно милосердіе Всеавгустѣйшей Самодержицы нашей, превосходящей всѣхъ смертныхъ и единому Богу въ изліяніи щедротъ Своихъ уподобляющейся! Всемилостивѣйшая Государыня прощаетъ васъ! и Ею уполномоченное Собраніе, чрезъ меня, своего Сочлена, повелѣваетъ вамъ объявить, что вы, по силѣ Высочайшаго Манифеста, изданнаго 29-го Ноября 1773 года, освобождаетесь не токмо отъ смертныя казни, но и отъ всякаго наказанія. Да снимутся съ васъ оковы! Пріобщитесь къ вѣрноподданнымъ, впечатлѣйте сіе милосердіе въ сердца ваши, внѣдрите потомкамъ своимъ, и надъ предъ Всевышнимъ Господомъ Богомъ, возсылайте моленіе за спасающую васъ Его Помазанницу. Благодарите искренно, и дарованною вамъ жизнію жертвуйте Ей и Отечеству, дабы достойно воспріять имя ея вѣрноподданныхъ и истинныхъ сыновъ Отечества. Читано въ престольномъ градѣ Москвѣ, при всенародномъ зрѣлищѣ, на Красномъ Крыльцѣ, Января 11 дня 1775 года.

11) *Сенатскій указъ, 6 ч. Февраля 1775. О присылкѣ изъ Городовыхъ Канцелярій рапортовъ въ Сенатъ о людяхъ, прикосновенныхъ, къ бунту Пугачева, съ обыкновенною почтою, а не чрезъ нарочныхъ гонцевъ.*

Правительствующему Сенату, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Генералъ-Прокуроръ и Кавалеръ Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземской предлагалъ, что опредѣленіемъ находившагося здѣсь 5 Сената Департамента назначено было всѣмъ Московской губерніи городамъ, въ случаѣ, ежели гдѣ отъ злодѣя Пугачева явятся какіе подозрительные люди, оныхъ тотчасъ брать къ разсмотрѣнію въ Канцелярію, и въ Сенатъ съ нарочными рапортовать. А какъ теперь злодѣйская толпа уже истреблена, и слѣдовательно въ присылкѣ съ нарочными помянутыхъ рапортовъ надобности уже нѣтъ, то въ разсужденіи напрасной для такихъ отправленій на прогоны издержки, не благоволитъ ли Правительствующій Сенатъ Городовымъ Канцеляріямъ дать знать, чтобъ онѣ сіи рапорты отправляли такъ, какъ и всѣ другія представленія сюда обыкновенно отправляются? Правительствующій Сенатъ приказали: всѣмъ тѣмъ Городовымъ Канцеляріямъ, отъ которыхъ находившимся здѣсь 5 Сената Департаментомъ требовалось присылки съ нарочными рапортовъ, о являющихся толпы, злодѣя Пугачева подозрительныхъ людяхъ, предписать, что уже теперь по истребленіи злодѣйскихъ скопищевъ, и по приведеніи всѣхъ въ должное повиновеніе, не настоитъ надобности отправлять сюда съ показанными рапортами нарочныхъ; и слѣдовательно, если иногда бывшей злодѣйской толпы подозрительные люди и явятся, то могутъ Канцеляріи присылать объ нихъ въ Правительствующій Сенатъ увѣдомленіе чрезъ почту, или при оказіяхъ такъ, какъ обыкновенно всѣ другія представленія отправляются.

12) *Высочайшій рескриптъ, данный на имя Генерала Графа Панина, отъ 9 Августа 1775 г., изъ села Царицына.*

Графъ Петръ Ивановичъ! Въ настоящее время, когда уже исчезли всѣ безпокойства внутреннія, когда повсюду тишина возстановлена въ полной мѣрѣ; да и когда прощеніе обнародовано, я увѣрена, что вы чувствуете въ себѣ душевное удовольствіе, видя съ симъ купно окончаніе и той Коммиссіи, въ которой вашъ самопроизвольный подвигъ прославилъ вѣчно усердіе ваше къ Отечеству, и о коемъ оказанную вамъ Мою отличную признательность видѣла уже публика. Я сіе вновь вамъ подтверждаю засвидѣтельствованіемъ Моего благодаренія за ваши полезные труды, и увольняя васъ нынѣ отъ Коммиссіи Успокоенія внутреннихъ возмущеній, которыя, Богу благодареніе! болѣе не существуютъ, слѣдственно и дѣла объ оныхъ прекращены; послѣ чего остается вамъ теперь упомянутыя дѣла отдать Губернаторамъ, или которыя куда надлежатъ, и быть впрочемъ благонадежнымъ, что заслуги ваши не будутъ никогда забвенны, какъ и Я не престану быть вамъ благосклонна.

II. Рапортъ Графа Румянцова въ Военную Коллегію и письма Нурали-Хана, Бибикова, Графа Панина и Державина.

1) *Рапортъ Графа Румянцова о Генералъ-Поручикѣ Суворовѣ, отправленный въ Военную Коллегію, отъ 15 Апрѣля 1774 года.*

Въ Государственную Военную Коллегію рапортъ. Г. Генералъ-Поручику и Кавалеру Суворову по указу изъ Военной Коллегіи, отъ 25 Марта подъ № 187 пущенному, а мною 13 сего мѣсяца полученному, къ вновь назначенной командѣ немедленно бы ѣхать и приказалъ, ежели бы онъ въ пути, а хотя и на мѣстѣ, но не на посту въ лицѣ непріятеля противу Силистріи находился, къ которому онъ еще до полученія о Генералахъ произвожденія мною опредѣленъ и со ввѣреннымъ ему корпусомъ какъ на сей городъ по усмотрѣнію удобности поискъ сдѣлать, такъ и Гирсовъ оберегать поручено. Въ семъ случаѣ я не могъ на оное поступить изъ уваженія, что сія его отлучка подала бъ непріятелю подверженія по дѣламъ Оренбургскимъ, кои они воображаютъ себѣ быть для насъ крайне опасными, нежели они суть, и можетъ быть, какъ я вижу изъ публичныхъ Вѣдомостей, вовсе исчезшія: а вмѣсто его, къ корпусу Оренбургскому, другаго Генералъ-Поручика изъ находящихся въ Россіи, къ арміи мнѣ ввѣренной опредѣленныхъ, не соблаговолено ли будетъ отправить приказать?

2) *Переводъ съ Татарскаго письма отъ Киргизъ-Кайсакскаго Нурали-Хана, съ человѣкомъ его Якшибасмъ присланнаго въ Оренбургъ; 24 Сентября 1773 года полученнаго.*

Высокомѣстному и Высокопочтенному Господину Генералъ-Поручику, Оренбургскому Губернатору и Кавалеру Ивану Андреевичу Рейнсдорпу. Объявляю на сихъ временахъ, что проявился здѣсь Ея Императорскому Величеству измѣнникъ, и приговариваетъ заблудящія рѣчи, что онъ якобы великій Императоръ Петръ Ѳеодоровичъ, и чтобъ ему покорились, о чемъ ко мнѣ двоекратно писалъ, изъ конхъ одно у Коменданта въ рукахъ; токмо какъ не безъизвѣстно, рѣченному вору и измѣннику несвѣдующіе правъ и законовъ изъ Яикскихъ казаковъ заблудящіе повѣря, ему сообщась, съ нимъ вмѣстѣ и окружа Яикской городокъ ѣздятъ; а я, услыша о томъ, по повелѣнію тамошняго войска Старшины Мартемьяна Бородина и Подполковника Симонова пріѣхать противъ Яикскаго городка къ мосту, переговоря, сказалъ, что я искренне усердствую Ея Императорскому Величеству, не пріобщаясь къ такимъ измѣннымъ рѣчамъ, чтобъ находящагося въ Яикскомъ городѣ главнымъ повелителемъ рѣченнаго Подполковника сообщась войскомъ, съ означенными заблудящими сопротивляясь и учиня драку, кто употребляетъ такія рѣчи, того поймать общія старанія прилагать, если они сами своею командою съ ними управиться могутъ, то бъ оныхъ разбойниковъ поймали сами, а когда силъ ихъ къ тому доставать не будетъ, то бъ повелѣли мнѣ, чтобъ я съ своимъ народомъ вышедъ, учиня поискъ, тѣхъ разбойниковъ поймалъ; токмо когда рѣченные разбойники вскорѣ прижать ихъ и изнурять не могутъ, въ такомъ случаѣ безъ позволенія Оренбургскаго Губернатора за рѣку Яикъ переѣхать я не въ состояніи, и ежели тѣ плуты будутъ усиливаться, то по неволѣ, не дожидаясь изъ Оренбурга извѣстія, принужденъ буду переѣхать. На что они Подполковникъ и Старшина сказали, что ихъ сила, не заимствуя нашей, достижетъ; а что-де вы, пріѣхавъ сюда, прожили на совѣтѣ два дни и тѣмъ довольны. Почему я сіе письмо при письмѣ онаго Подполковника, съ человѣкомъ его, къ вамъ отправилъ; и такъ я, ожидая отъ васъ извѣстія, нахожусь, а при томъ совѣтую, что мы, на степи находящіеся люди не знаемъ, сей ѣздящій воръ ли? или рѣченный Государь самъ? А для того, что онъ называется Государемъ, посланъ былъ отъ меня подъ однимъ претекстомъ нарочный, который возвратясь объявилъ мнѣ, что какой онъ человѣкъ, не знаетъ и не опозналъ, токмо-де борода у него русая: однако изъ-за сего думалъ я, какимъ ни есть случаемъ поймать, только безъ вашего извѣстія на то не поступилъ.

Между чѣмъ еще объявляю, хотя я въ нынѣшнемъ году съ вами повидаясь, переговорить и былъ намѣренъ, точію съ за вышеписанными обстоятельствами, то мое желаніе не исполнилось; однако Вашего Высокопревосходительства по дружбѣ прошу, чтобъ пребывающихъ здѣсь на степи легкомысленныхъ Киргизцевъ стараться въ спокойствіи содержать, ибо при пріумноженіи таковыхъ поступковъ можетъ меня въ чести и славѣ оставить для того, что Ягалбайлинскаго роду у Ишенбая въ прошедшей зимѣ отогнанныхъ Бакширцами тысячъ пятидесяти лошадей возвратить сопзволите, а особливо въ нашемъ народѣ именитый Джагалбайлецъ Шагиръ Батыревъ меньшой братъ, именуемый Иштекбаи Батырь, находится тамъ у васъ, коего позвольте для меня удовольствовавъ, обратно отпустить, а притомъ того жъ рода изъ Ишантскихъ лошадей отдавъ ему Ишенбаю половину, а другую реченному Иштекбаю, чтобъ онъ ихъ продалъ на деньги, ему жъ Иштекбаю прикажите выбѣгшихъ изъ Орды нашей двухъ Кизылбашъ препоручить для того, что когда оные Ягалбайлинцы удовольствованы будутъ, весь народъ нашъ благодарными останутся. Весьма бъ изрядно было, когда бъ оный Шагиръ Батырь удовольствованъ былъ, за что бъ и я довольнымъ себя препочелъ; хотя жъ оный Шагиръ по отдаленности меня кочуетъ, только его отчужденнымъ отъ меня не признавайте, коего благоволите для меня въ чести содержать.

Впрочемъ навсегдашній доброжелатель вашъ Нурали-Ханъ своеручно печать мою приложилъ <которая подъ онымъ чернильная и приложена>.

3) *Письма А. И. Бибикова.*

А.—Къ Графу З.Г. Чернышеву, отъ 30 Декабря 1773 года.

Милостивый Государь, Графъ Захаръ Григорьевичъ! Изъ донесенія моего Ея Императорскому Величеству, В. С. свѣдать изволите о всѣхъ здѣшнихъ обстоятельствахъ, каковыя мнѣ при первомъ случаѣ открылись: они столько дурны, что я довольно того описать не могу; умолчавъ многія мелочныя извѣстія, которыя до меня дошли, изъ донесенныхъ уже усмотрите, какою опасностію грозитъ всеобщее возмущеніе Башкиръ, Калмыкъ и разныхъ народовъ, обитающихъ въ здѣшнемъ краю, а наче если и приписанные къ заводамъ крестьяне къ нимъ прилѣпятся, къ чему уже въ Пермской провинціи и есть начало.—Коммуникація съ Сибирью отъ опасности на волоску, да и самая Сибирь тому жъ подвержена. Всего же болѣе прилѣпленіе черни къ самозванцу и его здодѣйской толпѣ. Одна надежда на войска, которыхъ, по умножающемуся злодѣйскому многолюдству, видится быть недостаточно, а наче въ разсужденіи обширности и разстоянія сего краю мѣстъ.

Толпу Пугачева я разбить не отчаяваюсь и съ тѣми, кои теперь мнѣ назначены, когда соберутся; но тушить вездѣ пожаръ и останавливать злодѣйское стремленіе конечно конныя войска въ прибавокъ необходимы.

Въ проѣздъ мой черезъ Москву, Генералъ Берхъ меня увѣрялъ, что отъ 2 арміи 3 или 4 полка конницы отдѣлить можно безъ всякой для тамошней стороны опасности, за что онъ отвѣчаетъ; по откуда бъ то ни было, а умножить необходимо надлежитъ. Войдите въ сіе дѣло, В. С. Вы увидите, что я говорю вамъ истину.

На здѣшніе гарнизоны и другія команды никакого счету дѣлать не извольте: они, съ ихъ офицерами, такъ скаредны, что и Башкирцамъ сопротивляться не могутъ. Печальные опыты съ Чернышевымъ и Маіоромъ Заевымъ вамъ доказываютъ, да и здѣсь уже по всѣмъ рапортамъ я увидѣлъ, что они, разставленные отъ Фреймана и отъ Губернатора по постамъ, бѣгаютъ съ одного мѣста въ другое при малѣйшей тревогѣ.

Благодарю всепокорнѣйше В. С. за почтеннѣйшее письмо отъ 21 Декабря и за преподанный

мнѣ совѣтъ къ доставленію Оренбургу и Яицкому городку провіанту отъ Симбирска и Самары посредствомъ команды Генералъ-Маіора Мансурова. Первая моя теперь о томъ пастоитъ и забота, чтобъ доставить симъ утѣсненнымъ и крайнему бѣдствію отъ недостатка пропитанія подверженнымъ мѣстамъ. Но какъ еще и легкія команды только двѣ, а именно 22 и 24 прибыли, а о другихъ двухъ, гдѣ находятся, и слуху нѣтъ, тожъ и о Генералъ-Маіорѣ Мансуровѣ ничего не знаю, да хоть бы они и всѣ соединены были, опасаюсь я отважить сей конвой, подъ прикрытіемъ сихъ одиѣхъ полевыхъ командъ, дабы паки не были они жертвою злодѣйскою. Но сіе съ надежною силою исполнить должно, что я при первомъ случаѣ и предприму и первымъ своимъ попеченіемъ конечно поставляю. А между тѣмъ провіантъ въ Симбирскѣ заготовлять велѣлъ; прибывшія же двѣ легкія команды послалъ я на выгнаніе злодѣевъ изъ города Самары, которую они злодѣи 24 заняли; а теперь ожидаю рапорта.

Прежде доставленныхъ сюда для вооруженія здѣшнихъ командъ и поселянъ 2000 ружей недостаточно: для того В. С. покорнѣйше прошу, какъ скоро возможно, дать повелѣніе о отправленіи сюда на всякій случай 2000 ружей, 1000 карабинъ и 1000 паръ пистолетовъ. Кажется неминуемо здѣшнихъ поселянъ вооружить, обнадежась прежде въ ихъ твердости. О семъ писалъ я къ Е. С. Князю Михайлу Никитичу *съ прибавленіемъ о саблях, сѣдлах и уздах, ибо въ конницѣ большая нужда* <своеручно>.

Сволочь Пугачева злодѣйской толпы конечно порядочнаго вооруженія, ниже строю имѣть не можетъ, кромѣ свойственныхъ таковымъ бродягамъ буйности и колобродства; но ихъ болѣе шести тысячъ по всѣмъ извѣстіямъ считать должно, а считая нынѣ воровъ Башкирцевъ, число крайне быть должно велико.—Не считаю я трудности, М. Г., разбить сію кучу; но собрать войска, запастись не только провіантомъ и фуражемъ, но и дровами, проходить въ настоящее время степныя и пустыя мѣста съ корпусомъ, суть наиглавнѣйшія трудности; а между тѣмъ отражать во всѣхъ концахъ убивства и разоренія и удерживать отъ заразы преклонныхъ отъ страху и прельщенія простыхъ обывателей.

Со всѣмъ тѣмъ отвѣчаю вамъ за себя, что я все исполню, что только въ моей будетъ возможности, и остаюсь навсегда съ особымъ высокопочитаніемъ и проч.

P. S. <*Собственноручно*>. Сейчасъ получилъ рапортъ отъ Генералъ-Маіора Мансурова, что, по приключившейся ему горячкѣ, пролежалъ онъ безъ памяти семь дней. Теперь онъ здоровъ; настигъ 23 и 25 полевыя команды, и съ ними соединясь, слѣдуетъ къ Симбирску, но только отъ него еще въ 400 верстахъ, въ деревнѣ Мишдани.

Б.—Къ нему же, изъ Казани, отъ 17 Января 1774.

Милостивый Государь, Графъ Захаръ Григорьевичъ! Сославшись на донесенія Ея Императорскому Величеству, за излишнее почитаю повторить Вашему Сіятельству описаніе о здѣшнемъ дурнѣ, да только то промолвить осмѣливаюсь, что если Оренбургъ имѣетъ пропитаніе, то надѣюсь его спасти, а симъ уповаю и главную всему злу преломлю преграду; но маршемъ поспѣшить великія настоятъ трудности, потому что число подводъ для подвозу пропитанія на корпусъ и для способствованія городу выходитъ большое по дальному и степному положенію, — а при томъ разсѣявшуюся сволочь сперва прогнать и землю очистить надобно, ибо сей саранчи столь много, что около постовъ Фрейлановскихъ проходу нѣтъ, и на насъ лѣзутъ:—конвоированіе великова подвозу требуетъ по степнымъ мѣстамъ людей; безъ прикрытія жъ и саму Казань со стороны Башкиріи оставить нельзя. Время часъ отъ часу становится драгоцѣнно; а полкъ карабинерный только сегодня сюда вступилъ, и лошади въ дурномъ состояніи. На гарнизонныя команды ничего считать нельзя, что уже я и испытаніемъ знаю. Сія негодница довольна, что ихъ не трогаютъ, и до первой деревни дошедши, остановясь, присылаетъ рапорты, что окружены, и далѣе идти нельзя. Нужно было нѣсколько разъ посылать имъ на выручку. Они ободрили и злодѣевъ, что осмѣлились въ самые имъ лѣзть глаза.

Вотъ, М. Г., положеніе, въ которомъ я себя вижу. Не можно болѣе претерпѣвать прискорбія отъ досады, сожалѣнія и получаемыхъ ежедневно слуховъ. Одинъ Всевышній можетъ обратить все въ лучшее и помочь мнѣ въ сихъ крайностяхъ. Сказавъ сіе, съ истиннымъ высокопочитаніемъ всегда останусь и проч.

P. S. <*Собственноручно*>. При семъ отправленный курьеръ привезъ ко мнѣ Высочайшій Ея Императорскаго Величества рескриптъ отъ 10 числа Января, препровождаемый съ письмомъ В. С. Я предоставя впредь о томъ съ первымъ отправленіемъ доносить, теперь только о полученіи его увѣдомляю.

Сейчасъ получилъ рапортъ отъ Генералъ-Маіора Фреймана, что высланный для поиску надъ злодѣями Томскаго полка Капитанъ Фатѣевъ при деревнѣ Кувицкой и... [Аншперяковой] разбилъ многочисленную сволочь, побивъ на мѣстѣ и въ преслѣдованіи великое число, способомъ посаженныхъ на обывательскихъ лошадей гренадеръ и бѣгающихъ на лыжахъ солдатъ, отбивъ 4 пушки, 20 человѣкъ взялъ въ полонъ.

В.—Къ нему же, изъ Казани, отъ 24 Января 1774.

Милостивый Государь, Графъ Захаръ Григорьевичъ! Изъ донесенія моего къ Ея Императорскому Величеству увидѣть изволите, что войска, прибывшія сюда, дѣйствовать начали, и Полковникъ Бибиковъ съ деташементомъ своимъ, состоящимъ въ четырехъ ротахъ пѣхоты и трехъ ротъ гусаръ, разбилъ злодѣйскую сволочь, не потерявъ ни одного человѣка, городъ Занискъ освободилъ отъ злодѣевъ. Надѣюсь очистить сей уголъ; но прискорбныя вѣсти получаю со стороны Сибирской: Господинъ Калонгъ, не находя средства не только сдѣлать транспортъ провіанту и фуражу въ Оренбургъ, но и самъ идти опасается, написавъ премножество затрудненій. Совѣтуетъ онъ мнѣ сей транспортъ сдѣлать. Я и безъ того всѣ способы къ тому употребляю, да время проходитъ, а оно драгоцѣнно. Я писалъ къ нему, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ хотя въ Башкирію сдѣлалъ диверсію въ то время, какъ я къ Оренбургу подвинусь въ исходѣ нынѣшняго мѣсяца или въ началѣ Февраля.

Екатеринбургъ въ опасности отъ внутреннихъ предательствъ и измѣны. О Кунгурѣ слуху послѣ 10 числа нѣтъ. Зло распространяется

весьма далеко. Позвольте и теперь мнѣ, В. С., повторить: не непріятель опасенъ, какое бы множество его ни было, но народное колебаніе, духъ бунта и смятеніе. Тушить оное, кромѣ войскъ, въ скорости не видно еще теперь способовъ, а могутъ ли на такой обширности войски поспѣвать и дѣлиться, безъ моего объясненія представить можете. Спѣшу и всѣ силы употребляю запасать провіантъ и фуражъ, тожъ и подводы къ подвозу за войсками. Но сами представить легко можете, коликимъ затрудненіямъ по нынѣшнему времени все сіе подвержено, и тѣмъ паче, что внутрь и внѣ злодѣйство, предательство и непослушаніе отъ жителей. Не очистя саранчу злую, впередъ шагу податься нельзя. Въ томъ теперь и упражняюсь, а войски подаются впередъ. Жду съ петерпѣшіемъ Чугуевскаго казачьяго полку, о которомъ слышу, что уже въ Москву пришелъ. Вотъ, М. Г., все то, что я теперь донесть вамъ могу; а заключу истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ, и проч. <*Собственноручно*> P. S. Приложенную резолюцію покорнѣйше прошу Ея Величеству поднесть.

Г.—Къ Д. И. фонъ-Визину, изъ Казани, отъ 29 Января 1774 г.

Благодарю тебя, мой любезный Денисъ Ивановичъ, за дружеское и пріятнѣйшее письмо отъ 16 Января и за всѣ сдѣланныя вами увѣдомленія. Лестно слышать полагаемую отъ всѣхъ на меня падежду въ успѣхѣ моего нынѣшняго дѣла. Отвѣчаю за себя, что употреблю всѣ способы, и забочусь ежечасно, чтобъ истребить на толикомъ пространствѣ разлившійся духъ мятежа и бунта. Бить мы вездѣ начали злодѣевъ, да только сей саранчи умножилось до невѣроятнаго числа. Побить ихъ не отчаяваюсь, да успокоить почти всеобщаго черни волненія великія предстоятъ трудности. Болѣе жъ всего неудобнымъ дѣлаетъ то великая обширность сего зла. Но буди воля Господня! дѣлаю и буду дѣлать, что могу. Неужелито проклятая сволочь не образумится? Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее негодованіе. А Пугачевъ чучела, которою воры Яицкіе казаки играютъ. Увѣдомляй, мой другъ, сколь можно чаще о дѣлахъ внѣшнихъ. Неужели и теперь о мирѣ не думаете? Эй пора, право, пора! Газеты я получилъ: надѣюсь, что по твоей дружбѣ и впредь получать буду. J'avais diaboliquement peur de mes soldats, qu'ils ne fassent pas comme ceux de garnison de mettre les armes bas vis-à-vis des rebelles. Mais non, ils les battent comme il faut, et les traitent en rebelles. Cecі me donne du courage. Да то бѣда, какъ нарочно все противу насъ: и снѣга, и метели, и бездорожица. Но все однако же одолѣвать будемъ. Прости, мой другъ; будь увѣренъ, что я тебя сердцемъ и душою люблю.

Напомни, мой другъ, Графу Никитѣ Ивановичу о Баронѣ Ашѣ. Онъ обѣщался ему по крайней мѣрѣ хотя для Сейма что ни есть исходатайствовать. Ты меня очень одолжишь, ежели сему честному человѣку поможешь.

4) *Письма Графа П. И. Панина.*

А.—Гвардіи Капитану А. П. Галахову, изъ Пензы, отъ 14 Сентября 1774 г.

Высокоблагородный и Высокопочтенный Лейбъ-Гвардіи Капитанъ!

Государь мой! На рапортъ отъ Вашего Высокоблагородія, съ симъ вручителемъ ко удовольствію моему полученный, нахожу вамъ отвѣтствовать:

Къ принятымъ вами мѣрамъ и къ сдѣланному распоряженію я ничего присовокупить не имѣю, какъ опыя и мнѣ собственно, по соображенію всѣхъ обстоятельствъ, за удобнѣйшія представляются, потому особливо, что порученнаго вамъ дѣла, безъ отваги ничего произвести съ успѣхомъ никакъ нельзя, а тутъ не отважено ничего инаго, кромѣ такого числа денегъ, которыя по общему дѣлу инымъ не можетъ поставлено быть, какъ бездѣлицею; впрочемъ же противу дальнѣйшаго требуется одной предосторожности, коей мы постараемся и не упустить. Въ томъ намѣреніи приказалъ я уже сегодня отсель выступя, идти подъ точное ваше начальство на Сызрань, одному эскадрону драгунъ, да и я, выступя отсель не помѣшкавъ, возьму свою позицію по берегу Волги, примкнувъ къ Сызрани; одно только мнѣ остается примѣтить и лежитъ на моемъ сердцѣ, чтобъ не сдѣлалъ утечки (ежели полагаемая нами на извѣстнаго человѣка вѣрность насъ обманетъ) открывшійся вамъ житель Царицынской. Не лучше ли и не можно ли вамъ кого нибудь изъ своихъ подчиненныхъ вѣрнаго спрепровадить туда подъ нѣкоторымъ предлогомъ, дѣлать скрытное надъ онымъ надзираніе? Что вы по сему предпримете, а и впрочемъ какія происхожденія у васъ изъявляться будутъ, стану я ожидать отъ Вашего Высокоблагородія себѣ увѣдомленія, прибывъ скоро къ берегу рѣки Волги, на предпріемлемую мною позицію; а вездѣ и всегда останусь съ почтеніемъ и усердіемъ Вашего Высокоблагородія и проч.

Б.—Къ нему же, изъ Пензы, отъ 19 Сентября 1774 года.

Государь мой, Александръ Павлычъ! Вручитель сего, господинъ Маіоръ Руничъ, пріѣхалъ ко мнѣ съ словеснымъ отъ васъ представленіями, на которыя я инаго и лучшаго вамъ, государь мой, сказать и присовѣтовать не могу, какъ во-первыхъ похваляю, что по свѣдѣніи вашемъ о поимкѣ государственнаго злодѣя, послали вы тотчасъ отыскивать отправившагося отъ васъ, съ тѣмъ намѣреніемъ извѣстнаго Коммисіонера. Новое счастіе будетъ, если возвратимъ еще и употребленныя съ онымъ казенныя деньги; да чего уже ожидать невозможно отъ благословляющей такъ ощутительно десницы Вышней всѣ дѣянія во благое нашей Всемилостивѣйшей Государыни?

Мнѣ мнится, что вамъ, государь мой, въ теперешнемъ случаѣ лучше всего перенестись къ свиданію со мною въ Симбирскъ, куда уже я дни чрезъ два отсель прямо слѣдовать буду.

Касательно до Царицынскаго жителя, вамъ извѣстнаго сообщника бунтовщику — то я, коль скоро получилъ извѣстіе о поимкѣ злодѣя, тотчасъ послалъ туда повелѣніе, онаго сообщника, взявъ подъ крѣпкій караулъ, прислать ко мнѣ, да и эскадрону драгунскому, отправленному къ вамъ въ Сызрань, а оставленному на дорогѣ симъ господиномъ Маіоромъ, далъ повелѣніе съ нимъ же маршировать въ другое мѣсто, гдѣ, по теперешнему положенію земли, удобнѣе и безубыточнѣе было прокормить войски. Впрочемъ, я есмь всегда съ почтеніемъ и проч.

Рукою Гр. Панина приписано: P. S. Рекомендую, имѣющуюся при васъ денежную наличную сумму привезти ко мнѣ въ Симбирскъ.

5) *Письма Лейбъ-Гвардіи Поручика Державина Полковнику Бошняку.*

А.—Изъ Саратова, отъ 30 Іюля 1774 года.

Высокоблагородному и Высокопочтенному Г. города Саратова Коменданту и правящему въ ономъ городѣ Воеводскую должность.

Милостивый государь мой! Когда вамъ Его Превосходительство Г. Астраханскій Губернаторъ П. Н. Кречетниковъ, отъѣзжая отсюда, не далъ знать, съ чѣмъ я присланъ въ страну сію, то черезъ сіе имѣю честь Вашему Высокоблагородію сказать, что я присланъ сюда отъ Его Высокопревосходительства покойнаго Г. Генералъ-Аншефа и кавалера А. И. Бибикова, въ слѣдствіе именнаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія по секретной коммисіи, и предписано по моимъ требованіямъ исполнять все; а какъ по обстоятельствамъ извѣстнаго бунтовщика Пугачева, сего мѣсяца 16 числа пріѣхалъ я въ Саратовъ, и требовалъ, чтобъ въ семъ городѣ была отъ онаго злодѣя взята предосторожность, въ слѣдствіе чего 24 числа, при общемъ собраніи нашемъ въ Конторѣ Опекунства Иностранныхъ, и сдѣлано опредѣленіе, по которому всѣ, согласясь, и подписались, чтобъ около магазиновъ и въ мѣстѣ, найденномъ за способное Его Высокородіемъ Г. Статскимъ Совѣтникомъ М. М. Лодыженскимъ, яко служащимъ Штабъ-офицеромъ въ Инженерномъ Корпусѣ, сдѣлать для защищенія людей и казеннаго имущества полевое укрѣпленіе и прочія готовности, что въ томъ опредѣленіи именно значитъ, которое опредѣленіе при рапортѣ моемъ послано уже Главнокомандующимъ куда надлежитъ, да и чаять должно было, что все въ вышеупомянутомъ опредѣленіи написанное уже исполнено. А какъ сего 30 числа прибывъ я паки въ Саратовъ, не только по тому опредѣленію какую готовность нашелъ, но ниже какой не принято предосторожности; а какъ изъ рапорта вашего Конторѣ Опекунства Иностранныхъ 29 числа вижу я, что вы отъ своего опредѣленія отступились и ретраншамента, прожектированнаго Его Высокородіемъ Статскимъ Совѣтникомъ М. М. Лодыженскимъ, дѣлать не хотите, но желаете, пропустя столь долгое время, не зная совсѣмъ правилъ Военной Архитектуры, дѣлать около почтоваго жительства города Саратова валъ, не разсудя ниже мѣста способности лежащаго подъ высокою горою, отрѣзаннаго отъ воды и столь обширнаго, что ниже 3,000 регулярнаго войска и великою артиллеріей защищать невозможно, пріемля только въ непреклонное себѣ правило, что вы, яко Комендантъ города, и въ немъ церквей Божіихъ покинуть не можете: то на сіе, окромѣ всѣхъ Гг. Штабъ и Оберъ-офицеровъ, находящихся здѣсь, согласныхъ со мною, объяснить вамъ имѣю, что Комендантъ ввѣренной себѣ крѣпости никакъ до конца жизни своей покинуть не долженъ, тогда, когда уже онъ имѣетъ ее укрѣпленною и довольною людьми и потребностьми къ защищенію оной; а ежели всего онаго не имѣетъ, такъ какъ теперь и сожженный городъ Саратовъ, имѣющій единственное напменованіе города, то долженъ находить способы, чтобъ укрѣпиться въ пристойномъ по правиламъ Военной Архитектуры мѣстѣ, и въ немъ имѣть отъ непріятеля оборону. Мы же, какъ въ вышеупомянутомъ опредѣленіи согласились, чтобъ малое число оставить для защищенія въ ретраншаментѣ, а съ прочими силами идти навстрѣчу злодѣю, то чѣмъ вы свой обширный валъ, выходя навстрѣчу злодѣю, защищать будете? Это никому непонятно. Да и какое вы, не зная Инженернаго искусства, лучше укрѣпленіе сдѣлать хотите, то также всѣмъ благоразумнымъ неизвѣстно. Церкви же Божіи защитить конечно должно; но какъ церковь не что иное есть, какъ собраніе людей правовѣрныхъ, слѣдовательно, ежели вы благоразумно защитите оныхъ, то въ нихъ защитите и церковь, а утвари оныхъ церквей въ томъ ретраншаментѣ помѣстить можете. На сіе на все прошу Ваше Высокоблагородіе скорѣйше мнѣ дать отвѣтъ, для донесенія Его Превосходительству, Г. Генералъ-Маіору и Кавалеру П. С. Потемкину, яко непосредственному начальнику Высочайшей Ея Величества власти, присланному нынѣ по коммисіи бунтовщика Пугачева Именнымъ Ея Императорскаго Величества Высочайшимъ повелѣніемъ. Мы же, находящіеся здѣсь Штабъ и Оберъ-офицеры, пріемлемъ всю тягость законовъ на себя, что вы оставите свой пустой, обширный и укрѣпленію неспособный лоскутъ земли, именуемой вами крѣпостію Саратовской, и за лучшее почтете единными силами и нераздѣльно сдѣлать намъ вышеозначенный ретраншаментъ, такъ и поражать злодѣевъ, приказавъ нынѣ же всему вами собранному народу дѣлать прожектированное Г. Статскимъ Совѣтникомъ Лодыженскимъ укрѣпленіе, въ чемъ во всемъ при васъ же и купцы здѣшняго города давно уже согласились.

Б.—Изъ Саратова, отъ 3 Августа 1774 года.

Г. Полковнику и Саратовскому Коменданту, Лейбъ-Гвардіи отъ Поручика и Коммисіонера Державина *Сообщеніе.*—Сего Августа 3 Сообщеніе ваше получилъ и при немъ съ ордеру Его Превосходительства П. Н. Кречетникова къ вамъ копію. На сіе Вашему Высокоблагородію сказать имѣю, что Его Превосходительство Г. Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ то преминовать изволилъ, что ему Его Высокопревосходительство покойный Г. Генералъ-Аншефъ и Кавалеръ А. И. Бибиковъ обо мнѣ сообщить изволилъ. Ему написано было, что вслѣдствіе Именнаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, я посланъ въ сію область, и предписано ему было во всѣхъ моихъ просьбахъ вспомоществовать. Но какъ Его Превосходительству о существѣ всей моей коммисіи и ея потребностяхъ знать не дано, но рѣка Иргизъ не есть единственный мой постъ, и что не по пустому требовалъ я въ бытность Его Превосходительства въ Саратовѣ отъ Конторы Опекунства Иностранныхъ команду, то апробовано отъ высшихъ моихъ Начальниковъ, мнѣ съ похвалою. Сей мой отзывъ, въ самомъ его оригиналѣ, Его Превосходительству подпесть можете.

III. Сказанія современниковъ.

1) *Осада Оренбурга (Лѣтопись Рычкова).*

Часть I.—Въ которой краткое извѣстіе о началѣ Яицкихъ казаковъ, о ихъ умноженіи, раздорахъ и смятеніяхъ, между коихъ вкрался и присталъ къ нимъ самозванецъ Пугачевъ, произвелъ бунтъ и всѣ свои злодѣйства.

1) Что войско Яицкое начало свое имѣетъ отъ небольшой артели бѣглыхъ Донскихъ казаковъ, устремившихся къ Каспійскому морю един-

ственно для разбоевъ и грабежей, тогда какъ еще около сихъ мѣстъ кочевали Татары такъ называемой Золотой Орды (то есть въ концѣ XIV или въ началѣ XV столѣтія), и что оная разбойничья артель умножилась оттуда жъ и изъ великороссійскихъ мѣстъ бѣглыми людьми объ опомъ показано уже въ описаніи Оренбургской губерніи *).

2) Теченіе рѣки Янка, впадающей въ Каспійское море, отдѣльное отъ внутреннихъ Россійскихъ городовъ не малымъ степнымъ и пустымъ разстояніемъ; лѣсныя мѣста, по Янку тогда бывшія, и положеніе ихъ казачьихъ разныхъ станицъ и усадьбъ послѣ того, какъ они помянутую Орду изъ сихъ мѣстъ вытѣснили къ таковымъ бѣглыхъ людей сборищамъ къ промысламъ, особливо жъ къ укрывательству отъ бывшихъ надъ ними поисковъ и поимки ихъ всегда и столь было имъ способно, что въ послѣдующія времена скопище сихъ бѣглецовъ до такого усильства и своевольства дошло, что наконецъ уменьшенію и пониженію ихъ причиною было не что больше, какъ ихъ же собственные раздоры и междоусобія, о чемъ ниже сего значится.

3) Исторія народовъ многіе примѣры представляетъ и даетъ намъ знать, что отъ слабостей и невѣжества начальниковъ происходятъ часто неустройства, смятенія и гибель не только такихъ малыхъ обществъ, каково было и нынѣ еще есть Яицкое, но и большихъ городовъ, а иногда и цѣлыхъ областей; слабости, раздоры и междоусобія старшинъ, сколько извѣстно мнѣ по ихъ прежнимъ дѣламъ, излавна уже были, и я довольно еще помню пріѣздъ въ городъ Самару Яицкаго Войсковаго Атамана Григорья Меркурьева и тамошняго жъ Войсковаго Старшины Ивана Логинова, бывшій при самомъ началѣ Оренбургской экспедиціи. Сіи оба, имѣя такъ какъ врожденную и непримиримую злобу, во всю свою жизнь одинъ на другаго въ доносительствахъ упражнялись; а отъ того и въ войскѣ Яицкомъ произошли двѣ сильныя партіи, да и назывались одна Атаманскою, а другая Логиновою. Я довольно еще помню, какъ жизнь и дѣла, такъ и кончину обоихъ помянутыхъ Старшинъ; но въ подробности входить здѣсь нѣтъ потребности: довольно сего, когда сказано будетъ, что сіи партіи или раздоры, а особливо сторона Логинова, время отъ времени умножаясь, Оренбургскимъ главнымъ Командирамъ доносами своими, а между тѣмъ часто и ослушностями въ ихъ нарядахъ и распорядкахъ причиняли великія затрудненія, отъ чего и принуждены они были разныя представленія посылать Государственной Военной Коллегіи; но по справедливости надлежитъ здѣсь сказать, что Атаманская сторона всегда была послушнѣе и справедливѣе,

4) По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, по доносамъ съ Логиновой стороны на Войсковаго жъ Атамана Андрея Бородина, въ разныхъ съ народу учиненныхъ сборахъ и въ удержаніи якобы за собой многихъ войсковыхъ денегъ, а притомъ и въ причиненіи обидъ, указомъ вышереченной Коллегіи велѣно въ самомъ ихъ городѣ (называемомъ Яицкій городокъ) быть Слѣдственной коммисіи, въ которой опредѣлены были сначала Штабъ-офицеры, а потомъ уже и Генералъ-Маіоры: Потаповъ, Череповъ, Брахвельдъ и Давыдовъ, изъ-за чего къ лучшему успокоенію обѣихъ оныхъ сторонъ, Атаманъ Бородинъ по просьбѣ его хотя и отставленъ, на его жъ мѣсто въ бытность тутъ Гвардіи Капитана Чебышева всѣмъ войскомъ выбранъ и Высочайшимъ указомъ конфирмованъ былъ изъ тамошнихъ же Старшинъ Петръ Тамбовцевъ; но и тѣмъ безпокойства и своевольства ихъ еще не прекратились.

5) 1772 года Января 12 дня, собравшись они большимъ скопомъ, въ такое пришли остервенѣніе, что находившагося тогда въ городѣ ихъ, для окончанія вышеозначенныхъ слѣдственныхъ дѣлъ, Генералъ-Маіора Траубенберга и съ нимъ помянутаго и своего ихъ Атамана Тамбовцева, Войсковаго Дьяка и старшину Матѳея Сустина и нѣсколькихъ Оберъ-офицеровъ и солдатъ убили до смерти, а Гвардіи Капитана Лурова, у того жъ слѣдствія обще съ Генералъ-Маіоромъ Траубенбергомъ бывшаго, тяжко изранили; не пристававшихъ же къ совѣщаніямъ ихъ Старшинъ, посадя подъ крѣпкіе караулы, содержали; а для управленія народомъ сами собой учредили свое правленіе, выбравъ къ тому, подъ именемъ повѣренныхъ, такихъ людей, которые принуждены были все то дѣлать, что начальникамъ оныхъ злодѣйствъ было надобно, причемъ больше другихъ предводительствовалъ Яицкій же казакъ Кирпишниковъ.

6) По первымъ рапортамъ о семъ ихъ злодѣйствѣ, въ томъ же 1772 году въ Мартѣ мѣсяцѣ отправленъ былъ изъ Москвы, для усмиренія ихъ, Г. Генералъ-Маіоръ Фрейманъ, на почтѣ, Великолуцкаго пѣхотнаго полка съ одною гренадерскою ротою, а за нимъ отправлена была довольная артиллерія съ принадлежащими къ ней артиллерійскими служителями. Сей искусный и попечительный Генералъ, съ придачею ему въ Оренбургѣ двухъ легкихъ командъ и еще нѣсколькихъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, по слитіи водъ, отправленъ былъ сперва къ Илецкому городку, гдѣ онъ, остановясь на нѣсколько времени, все распорядилъ такъ, какъ бы ему лучше и безопаснѣе къ Яицкому городку подступить и онымъ овладѣть, ежели бъ злодѣи отважились ему воспротивиться; но они, не допустя его туда верстъ за семьдесятъ, сами съ пушками выѣхали ему навстрѣчу тысячахъ въ трехъ людства, а тѣмъ и открыли уже они явно намѣреніе свое къ бунту.

7) Іюля 3 и 4 дня покушались они нападеніями своими остановить корпусъ сего Генерала и не допущать къ своему городу; но онъ, не взирая на ихъ набѣги и пушечную пальбу, вскорѣ ихъ отдалилъ и своими пушками очистилъ себѣ путь такъ, что по слѣдамъ ихъ пришелъ къ городу. Они, ворвавшись въ него, напередъ умыслили было съ женами и дѣтьми выбираться изъ него вонъ: да и перебрались было уже почти всѣ черезъ рѣку Чаганъ, въ намѣреніи, чтобъ пробраться имъ къ Каспійскому морю, и овладѣвъ въ тамошней сторонѣ извѣстнымъ Персидскимъ городомъ Астрабатомъ, засѣсть и обселиться въ немъ; но Г. Фрейманъ, благоразумными своими распоряженіями и увѣщаніями остановя ихъ всѣхъ за рѣкою Чаганомъ, паки въ городъ обратилъ; а за ушедшими злодѣями послалъ партіи, отъ которыхъ хотя и не мало ихъ переловлено и по слѣдствію, для чего въ Оренбургѣ была особая Коммисія (въ коей предсѣданіе имѣлъ Г. Полковникъ Нероновъ), зачинщикамъ и главнымъ злодѣямъ учинено въ Яицкомъ ихъ городкѣ публичное наказаніе кнутомъ и постановленіе зло-

*) Въ Топографіи Оренбургской, часть 2, страница 62 и слѣдующія.

дѣйскихъ знаковъ; а другимъ, не столь тяжко винимымъ, плетьми, изъ коихъ первые посланы въ отдаленные Сибирскіе города, а послѣдніе для опредѣленія въ солдаты отправлены во вторую армію. Но со всѣмъ тѣмъ осталось еще тогда жъ изъ оныхъ злодѣевъ нѣсколько непереловленныхъ и укрывавшихся въ разныхъ мѣстахъ; да изъ тѣхъ, кои посланы въ армію, какъ слышно было, нѣкоторые бѣжали съ дороги. Я не внесъ здѣсь многихъ околичностей и случаевъ, съ которыми сопряжены были своевольства и безпутства оныхъ злодѣевъ, да и сіе краткое объ оныхъ Яицкихъ замѣшательствахъ вмѣстилъ здѣсь для того токмо, что отсюда, какъ изъ жерла или горловины, произошли скоро такія великія злодѣйства, которыя не только городъ Оренбургъ немало колебали, но и далѣе онаго произвели великія бѣдствія, какъ то ниже сего означится.

8) Извѣстно уже, что по кончинѣ Государя Императора Петра III, случившейся Іюля 6 дня 1762 года, *) въ разныхъ мѣстахъ Россійской Имперіи подъ его именемъ самозванцы находились, изъ которыхъ пойманнымъ съ ихъ сообщниками по законамъ достойное наказаніе учинено. Изъ таковыхъ возмутителей одинъ, подъ именемъ раскольника, содержавшійся въ Казани бѣглый Донской казакъ, Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ, **) нашелъ способъ къ уходу своему изъ-подъ караула и съ имѣвшимся при немъ карауленымъ солдатомъ, да и удалось ему пробраться къ рѣкѣ Иргизу, которая впадаетъ противъ села Малыковки въ Волгу, вершины жъ свои имѣетъ она въ предѣлахъ Яицкихъ казаковъ. Сія рѣка издавна ужъ славится уходомъ и укрывательствомъ по ней бѣглыхъ людей, а особливо раскольниковъ, да и поселено уже по ней нѣсколько слободъ вышедшихъ изъ Польши раскольниковъ, по состоявшемуся въ 1762 году указу.

9) Слышно было, что Казанскій Губернаторъ Г. Генералъ-Аншефъ и Кавалеръ Яковъ Ларіоновичъ Брантъ о побѣгѣ означеннаго немаловажнаго колодника Пугачева куда надлежало писалъ, да и поискъ съ своей стороны производилъ; но чтобъ о семъ сообщено отъ него было Г. Оренбургскому Губернатору, того здѣшней сторонѣ въ экстрактѣ ***) изъ дѣлъ объ ономъ Пугачевѣ, происходившихъ въ Оренбургѣ, не значится; а начинается онъ тѣмъ, что въ Сентябрѣ мѣсяцѣ указомъ Ея Императорскаго Величества изъ Государственной Военной Коллегіи, отъ 14 Августа 1772 года, повелѣно ему, Г. Губернатору, онаго Пугачева, бѣжавшаго изъ-подъ караула въ Казани, обще съ бывшимъ при немъ на часахъ солдатомъ, въ селеніяхъ Оренбургской губерніи, а особливо въ жилищахъ войска Яицкаго, чрезъ надежныхъ людей разнымъ образомъ сыскивать, и какъ скоро они сысканы и пойманы будутъ, то, заковавъ ихъ въ крѣпкія кандалы, за особливымъ конвоемъ отправить въ Казань къ помянутому Г. тамошнему Губернатору; но въ самое-де почти то время, какъ о сыскѣ его Пугачева, куда надлежало, публикація учинена, то есть 15 числа Сентября 1773 года, находящійся на Яикѣ въ комендантской должности Подполковникъ Симоновъ увѣдомленъ тамошнихъ казаковъ отъ отставнаго Сотника Липилина, и рапортовалъ, что помянутый самозванецъ Пугачевъ шатается по степи на дорогѣ, лежащей отъ Яицкаго городка къ Сызрани, отъ Яицкаго городка верстахъ во стѣ, къ которому-де онъ Липилинъ назадъ тому недѣли съ двѣ при уметѣ, называемомъ Таловскія Вильни, съѣхавшись, разговаривалъ и по возвращеніи въ городокъ многимъ людямъ сказывалъ, а черезъ то въ жителяхъ Яицкаго городка и навелъ онъ сомнѣніе *).

10) По разнымъ приватнымъ извѣстіямъ, яко бы онъ Пугачевъ еще въ то самое время, когда по Высочайшей комфирмаціи, за убійство Генералъ-Маіора Траубенберга и за предписанныя злодѣйства, зачинщикамъ чинено наказаніе, былъ на Яикѣ и шатался между дворовъ въ крайней бѣдности, а наконецъ жилъ онъ въ работникахъ на хуторахъ тамошняго казака Данилы Шолудякова, чрезъ котораго, пріобщая къ намѣренію своему зломысленныхъ казаковъ, началъ съ ними совѣтовать о новомъ возмущеніи; впачалѣ съ казацкой стороны, какъ сказывали представлено было первое ихъ намѣреніе о побѣгѣ къ Каспійскому морю, чтобы тамъ имъ угнѣздиться и сдѣлать себя независящими; но Пугачевъ весьма хитро и коварно внушалъ имъ о себѣ, что онъ есть Императоръ Петръ III, спасся отъ погибели своей уходомъ, и былъ между тѣмъ въ разныхъ Государствахъ, склоняя, чтобы они, признавъ его за законнаго своего Государя, къ доступленію на престолъ ему помогали; а онъ будетъ ихъ предводителемъ и въ свое время наградитъ ихъ многими милостями, и проч., въ чемъ ихъ на томъ же Шолудякова хуторѣ въ Августѣ мѣсяцѣ и утвердилъ, да и набралъ онъ тамъ во время сѣпокоспое въ сообщество свое Яицкихъ казаковъ и разнаго сброда до трехъ сотъ человѣкъ, съ которыми началъ приближаться къ Яицкому городку.

11) Въ помянутомъ городкѣ отъ самаго того времени, какъ отлучился оттоль въ Москву выше-

*) О сей кончинѣ Императора Петра III напечатанный и всенародно публикованный Манифестъ 7 числа Іюля 1762 года.

**) О родинѣ и о разныхъ приключеніяхъ сего брояги, сколько возможно было собрать, сочиняется особое извѣстіе.

***) Къ сочиненію сего описанія употреблены мною три слѣдующія: 1) помянутый экстрактъ, при Канцеляріи Г. Губернатора содержанный, съ коего по дозволенію Его Превосходительства списалъ я себѣ копію; а какъ оный веденъ по числамъ, то я въ послѣдствіи сего и буду называть его журналомъ Губернской Канцеляріи. 2) Записки, во время злодѣйской осады содержанныя, къ чему служили очевидныя примѣчанія, городскія обстоятельства и разныя приватныя извѣстія. 3) Походный журналъ Г-на Генералъ-Маіора и Кавалера Князя Петра Михайловича Голицына, съ котораго имѣю я у себя копію жъ; но сей по порядку его вмѣщаемъ быть имѣетъ подъ чертою въ концѣ сего года и въ будущемъ 1774 году. Я, какъ самовидецъ и слышатель многаго, оные три источника въ послѣдствіи сего описанія буду, по приличности случаевъ, соединять и, сколько возможно будетъ, приводить ихъ въ одно теченіе, дабы чрезъ то сдѣлать его полнѣйшимъ и обстоятельнымъ.

*) Г. Подполковникъ и бывшій Яицкій Войсковой Атаманъ Бородинъ находился во время осады въ Оренбургѣ, словесно объявлялъ, что отъ поползновенныхъ Яицкихъ казаковъ на первый случай посланъ былъ къ нему изъ тамошнихъ же казаковъ, по прозванію (Чика) именовавшійся (о коемъ ниже значится, что называли его наконецъ Графомъ Чернышевымъ) въ семи человѣкахъ, который-де нашедъ его Пугачева на Иргизѣ, провелъ на хуторъ казака Шолудякова, а отъ Яицкаго городка на низъ по рѣкѣ верстахъ въ 80, гдѣ и начались у нихъ злодѣйскія совѣщанія къ бунту.

означенный Генералъ-Маіоръ Фрейманъ, находился Командиромъ Подполковникъ Симоновъ съ двумя легкими полевыми командами, при немъ же было нѣсколько и Оренбургскихъ казаковъ, и войско Яицкое управляемо было отъ него Симонова подъ именемъ Яицкой Комендантской Канцеляріи, въ которой и изъ Войсковыхъ Старшинъ обще съ нимъ Симоновымъ присутствовали войсковой Старшина Мартемьянъ Бородинъ, да простой тамошній же Старшина Мостовщиковъ.

12) Въ экстрактѣ Г. Оренбургскаго Губернатора кратко жъ означено, что по предписанію его для сыска онаго Пугачева отправлены были отъ Подполковника Симонова въ разныя мѣста пристойныя команды, только ими нигдѣ оный Пугачевъ не найденъ; а чрезъ нѣкоторое-де время, то есть 18 Сентября, оказался онъ Пугачевъ съ приставшими къ нему изъ бѣглыхъ мятежниковъ и съ набранными на хуторахъ и на ближнихъ форпостахъ людьми, болѣе нежели въ трехъ стахъ человѣкахъ, въ близости Яицкаго городка, котораго усмотря тутошніе казаки мятежнической стороны, всѣ почти пришли въ колебаніе и начали въ толпу его злодѣйскую партіями приставать, потому наипаче, что онъ отважился назвать себя ложно покойнымъ Государемъ Императоромъ Петромъ III; однако-де онъ Пугачевъ съ воровскою его партіею добрымъ распоряженіемъ Симонова не только въ городокъ не допущенъ, но и прогнанъ; а разсыпавшись-де по степи, пошелъ онъ далѣе по верхнимъ Яицкимъ форпостамъ и забиралъ въ оныхъ людей и пушки, при чемъ-де изъ неприставшихъ къ нему вѣрныхъ Старшинъ и казаковъ переловлено и повѣшено отъ него двѣнадцать человѣкъ; а между тѣмъ отправилъ онъ Пугачевъ отъ себя листъ и къ Киргизъ-Кайсацкому Нурали-Хану, объявя ему себя Императоромъ Петромъ III, и требуя отъ него, чтобъ онъ прислалъ къ нему своего сына и сто Киргизовъ; но тотъ его Пугачева возмутительный листъ перехваченъ на форпостахъ, а къ Хану-де писано съ довольнымъ увѣреніемъ, что онъ Пугачевъ бѣглый Донской казакъ и злодѣй, и чтобъ ему Пугачеву ни въ чемъ не вѣрить; ко учиненію же-де за нимъ Пугачевымъ поиска состоящими тамъ воинскими командами помянутый Подполковникъ Симоновъ призналъ неудобность, потому-де, что принуждено оными командами оказавшихся въ колебаніи казаковъ удерживать, да и, сверхъ того, для защищенія Яицкаго городка требовано изъ Ставрополя крещеныхъ Калмыковъ до пяти сотъ человѣкъ, о чемъ-де, по рапорту его Симонова, и отъ Г. Губернатора туда подтверждено: которые хотя туда и командированы были, но изъ нихъ-де 316 человѣкъ съ дороги въ домы свои убѣжали. А отъ 22 числа и полученъ былъ рапортъ Нижней Яицкой дистанціи отъ Коменданта Полковника Елагина, по рапорту Разсыпной крѣпости отъ Коменданта жъ Маіора Веловскаго, что оный злодѣй, умножа свою партію до тысячи человѣкъ, приступилъ къ Илецкому городку *) и разными угрозами требовалъ сдачи, чрезъ что возмутя тамошнихъ казаковъ, преклонилъ ихъ къ себѣ, которые Атамана своего Портнова связавъ ему отдали, и онъ его тутъ же повѣсилъ, а самъ, усилясь съ казаками, отъ сего мѣста вознамѣрился итти къ Оренбургу.

13) Вышеописанныя въ экстрактѣ Г. Губернатора вмѣщенныя обстоятельства объясняются нѣсколько записками моими, учиненными съ словеснаго объявленія шестой легкой полевой команды Г. Подполковника Наумова, въ то жъ самое время въ Яицкомъ городкѣ при командѣ бывшаго. По его сказанію, Подполковникъ Симоновъ, увѣдомясь о сборищахъ Пугачева, въ тѣ мѣста, гдѣ онъ находился, хотя и посылалъ не одинъ разъ команды, но согласники его, находившіеся въ Яицкомъ городкѣ, узнавая о томъ всегда напередъ, увѣдомляли его о тѣхъ посылкахъ, а потому онъ къ уходу съ оныхъ мѣстъ и къ укрывательству своему и находилъ время и способы; а какъ онъ съ толпою своею, въ трехъ стахъ человѣкахъ состоящею, 18 числа Сентября приближился къ Яицкому городку, то Подполковникъ Симоновъ, для разбитія и поимки его, командировалъ помянутаго Наумова, бывшаго тогда Преміеръ-Маіоромъ, съ тремя ротами изъ легкой полевой команды, придавъ еще нѣсколько Яицкихъ и Оренбургскихъ казаковъ. Наумовъ какъ скоро приближился къ толпѣ самозванцовой, то выѣхало изъ оной нѣсколько человѣкъ подъ видомъ переговора, изъ коихъ одинъ на головѣ своей держалъ бумагу, сказывая, яко бы то грамота отъ Государя Петра Ѳедоровича, которую-де велѣно ему отдать Яицкаго войска Старшинѣ Акутину; но Подполковникъ Наумовъ, отнявъ ту бумагу, удержалъ у себя; а потомъ отъ Симонова отправлена она при рапортѣ и къ Губернатору.

14) Послѣ сего оные отъ злодѣя Пугачева напередъ высланные требовали для переговору съ ними хорошихъ людей, и какъ нѣсколько человѣкъ было къ нимъ выслано, и вступили они въ разговоръ, то между ними бывшіе зломысленные казаки у тѣхъ, кто имъ былъ надобенъ, подхвата за узды лошадей, погнали ихъ къ самозванцу, а онъ приказалъ всѣхъ на другой день, то есть 19 числа Сентября, перевѣшать; *) а затѣмъ съ воровскимъ своимъ собраніемъ подошедъ къ городу, остановился онъ между рѣками Яикомъ и Чаганомъ. Симоновъ, подступя со всею своею командою (коя сборища Пугачева людствомъ регулярныхъ и нерегулярныхъ людей весьма превосходили), хотя и учинилъ въ тотъ злодѣйскій скопъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, но никакого вреда причинить не могъ, яко бы потому, что всѣ они ѣздили врозь, приближаясь къ рѣкамъ, иногда къ Яику, а иногда къ Чагану, ибо де конныхъ людей у него Симонова не было, а Яицкихъ казаковъ, по тогдашней на нихъ безнадежности, къ разбитію оныхъ злодѣевъ употребить было сомнительно, тѣмъ наипаче, что намѣреніе злодѣйское въ томъ болѣе и состояло, дабы ворвавшись въ городъ, все войско Яицкое возмутить и, преклоня ихъ въ свое согласіе, опымъ усилиться.

*) Илецкій казачій городокъ и станица (а не Защита Илецкая, гдѣ соль добываютъ) разстояніемъ отъ Яицкаго казачьяго городка 145, а отъ Оренбурга 124 версты; казаковъ въ тамошней станицѣ числилось болѣе 400 человѣкъ. Они всѣ при началѣ Оренбургской экспедиціи набраны и въ казаки опредѣлены изъ разныхъ людей, а потомъ, въ бытность Командиромъ Г. Тайнаго Совѣтника Татищева, пріобщены они къ корпусу Яицкаго Войска.

*) Сіи несчастливые и отъ злодѣя Пугачева прежде другихъ повѣшенные люди были изъ Сотниковъ: Яковъ Витошновъ, Петръ Чертороговъ, Ѳедоръ Равневъ, Иванъ Коноваловъ, да изъ пятидесятниковъ: Иванъ Руженниковъ, Яковъ Толстовъ, Козма Подъячевъ, Иванъ Колпаковъ; рядовые казаки: Василій Сидоровкинъ, Иванъ Ларзяновъ, Петръ Чукалинъ; сверхъ сихъ, будучи уже оный злодѣй ниже Яицкаго городка, въ хуторахъ Сластиновыхъ повѣсилъ казака Андрея Скворкина.

15) Пугачевъ, усмотря, что ему въ Яицкой городокъ ворваться и, при находящейся тутъ воинской командѣ многаго числа изъ тамошнихъ казаковъ склонить не можно, на другой день, то есть 19 числа, повѣся вышеозначенныхъ захваченныхъ къ нему людей, пошелъ по прямой дорогѣ къ Илецкому городку, и идучи туда, забиралъ съ собой находившихся по форпостамъ Яицкихъ казаковъ, да и пушки съ снарядами, гдѣ ихъ находилъ, съ собою жъ бралъ; а какъ приближился онъ къ Илецкому городку, то тамошніе Старшины и казаки сдѣлали ему встрѣчу и отдались въ его власть безъ всякаго сопротивленія; вступя въ городокъ, спрашивалъ ихъ: довольны ли они своимъ Атаманомъ и нѣтъ ли отъ него обидъ; а какъ онъ былъ человѣкъ хорошій и порядочный и не дѣлалъ имъ въ худыхъ дѣлахъ потачки, то приносили они на него разныя жалобы, почему онъ и приказалъ его тутъ же повѣсить, *) а черезъ то угодя имъ и приведши ихъ всѣхъ въ свое согласіе, велѣлъ имъ себѣ, такъ какъ Государю, присягать, и тѣмъ онъ усилилъ себя здѣсь сотъ до семи человѣкъ или и болѣе, тутъ же и пушекъ съ потребными къ нимъ зарядами и порохомъ прибавилъ себѣ не мало. — Теперь внесу я здѣсь нѣсколько изъ экстракта или журнала, содержаннаго при Канцеляріи Г. Губернатора изъ происходившихъ въ той Канцеляріи письменныхъ дѣлъ; а потомъ вмѣщу и приватныя извѣстія, въ тѣ жъ самыя числа въ Оренбургѣ бывшія, и такъ одно другому будетъ служить дополненіемъ и изъясненіемъ.

16) Какъ скоро въ вышеозначенномъ приключеніи Г. Генералъ-Поручикъ, Губернаторъ и Кавалеръ извѣстился, тотчасъ не преминулъ онъ отправить изъ Оренбурга къ Яицкому городку съ Бригадиромъ Барономъ Биловымъ корпусъ военныхъ людей, состоящій въ числѣ 410 человѣкъ регулярныхъ и нерегулярныхъ людей и 6 орудій артиллеріи, давъ ему Билову открытый отъ себя ордеръ, чтобъ онъ, идучи туда, въ подкрѣпленіе оной команды въ каждой крѣпости отъ Комендантовъ требовалъ и забиралъ съ собою людей, сколько онъ заблагоразсудитъ. Ему предписано было, чтобъ онъ старался ту злодѣйскую толпу всемѣрно догнать, разбить и злодѣевъ переловить, а особливо упомянутаго Пугачева, обѣщая въ награжденіе, кто его живаго поймаетъ, отъ казны 500, а за мертваго 250 руб. Подполковнику Симонову предложено было, дабы онъ изъ находящейся въ Яицкомъ городкѣ командировалъ легкой полевой команды Маіора Наумова съ пристойнымъ числомъ изъ обѣихъ тамошнихъ легкихъ командъ и изъ Оренбургскихъ казаковъ, для преслѣдованія помянутаго Пугачева къ Илецкому городку съ равномѣрнымъ предписаніемъ, каковое Бригадиру было жъ дано; а сверхъ того, онъ же Губернаторъ къ тому жъ командировалъ и употребить разсудилъ изъ Ставрополя при 500 человѣкахъ Калмыковъ изъ ближайшихъ жилищъ, Башкирцевъ столько жъ, да изъ Сентовскихъ Татаръ 300 чел.

17) 25 числа Нижне-Озерной крѣпости Комендантъ Маіоръ Харловъ къ Бригадиру Билову рапортовалъ, что Разсыпная крѣпость, въ коей была одна только гарнизонная рота и 50 человѣкъ казаковъ, онымъ злодѣемъ Пугачевымъ взята и тамошній Комендантъ Маіоръ Веловскій съ женою его повѣшены; а притомъ и посланная къ нему Веловскому отъ Харлова пѣхота и сто человѣкъ казаковъ въ ту злодѣйскую толпу захвачены. А Бригадиръ Биловъ отъ 26 числа рапортовалъ, что онъ, слѣдуя съ тѣмъ вѣрнымъ ему корпусомъ изъ Татищевой въ Нижнюю Озерную крѣпость, былъ въ 18-ти верстахъ отъ Татищевой и извѣстился, яко бы помянутый злодѣй слѣдуетъ къ Нижне-Озерной крѣпости уже въ трехъ тысячахъ; зачѣмъ и пашелъ онъ себя принужденнымъ возвратиться паки въ Татищеву крѣпость; къ нему отъ Г. Губернатора того жъ числа предложено, чтобъ онъ неотмѣнно и немедленно слѣдовалъ къ Озерной крѣпости и надъ злодѣями чинилъ поискъ, а между тѣмъ вскорѣ и съ тою Озерною крѣпостью, съ Комендантомъ Харловымъ и съ тамошними офицерами злодѣи равнымъ образомъ поступили, какъ и въ предупомянутой Разсыпной крѣпости; по симъ обстоятельствамъ посланъ былъ указъ Уфимскаго уѣзда Нагайской дороги въ ближайшія къ Оренбургу Башкирскія волости, чтобъ для поиску надъ показаннымъ злодѣемъ Пугачевымъ наряжено было Башкирцевъ съ ихъ Старшинами, съ исправными ружьями и на добрыхъ коняхъ, до тысячи человѣкъ, и отправить бы ихъ съ нарочно посланнымъ изъ Оренбурга старшиною и Почтъ-Комиссаромъ Мендеемъ Тулеевымъ прямѣйшимъ трактомъ къ Илецкому городку, за что обѣщано имъ Башкирцамъ награжденіе. А между тѣмъ того жъ 26 числа отправлено было къ рѣченному Бригадиру Билову въ прибавокъ его корпуса Сентовскихъ Татаръ съ ихъ старшиною 300 человѣкъ *).

18) Между тѣмъ рекомендовано было отъ Г. Губернатора Г-ну Оберъ-Коменданту Генералъ-маіору Валленштерну по городу Оренбургу принять и продолжать крѣпкую предосторожность, а на непредвидимый случай сдѣлать распоряженіе, которому баталіону въ нужномъ случаѣ по учиненному сигналу собираться, а при томъ совсѣмъ опущенную доселѣ Оренбургскую крѣпость стараться чрезъ Инженерную команду гарнизонными служителями привесть въ надлежащее оборонительное состояніе; а о принятіи таковой же предосторожности и по всей здѣшней губерніи публиковано; а къ Губернаторамъ Казанскому, Симбирскому и Астраханскому сообщено; въ Оренбургское жъ Горное Начальство о таковой же осторожности послѣ предложено, сперва отъ 19-го Октября, а потомъ 16 Ноября. Сверхъ всего того, по малоимѣнію въ Оренбургѣ за разными отлучками гарнизона, послалъ ордеръ Верхней Озерной дистанціи къ Коменданту Бригадиру Корфу, чтобъ онъ командировалъ дистанціи своей съ пяти крѣпостей по 20, итого 100 человѣкъ; а Оберъ-Коменданту подтверждено, чтобъ изъ ближнихъ отлучекъ всѣхъ солдатъ немедленно собралъ въ городъ.

19) 27 числа Сентября Чернорѣченской крѣпости Комендантъ Маіоръ Краузе рапортовалъ, по полученному изъ Татищевой крѣпости извѣстію, что оная крѣпость злодѣями атакована и происходитъ-де тамъ сраженіе, а дабы и та Чернорѣченская крѣпость несчастливому жребію подвержена не была, то посланнымъ отъ Г. Губернатора къ нему Краузу ордеромъ велѣно

*) Сказывали, что онъ Пугачевъ, повѣся сего Атамана, самое лучшее его платье взялъ себѣ и сталъ въ него одѣваться. А прежде никакой хорошей одежды у него не было.

*) Изъ всѣхъ вышеозначенныхъ въ прибавокъ Бригадира Билова команды, къ корпусу его Билова никто не поспѣлъ.

дабы онъ въ разсужденіи малолюдія воинскихъ людей и артиллеріи, если предусмотритъ немпуемую опасность, со всѣми тамошними служащими и неслужащими людьми перешелъ по близости подъ защищеніе Оренбургской артиллеріи, что имъ Краузомъ и учинено. * А 28 числа получено извѣстіе, что и Татищева крѣпость злодѣйскою толпою взята и половина ея выжжена, а имѣвшійся въ оной Комендантъ Полковникъ Елагинъ съ женою и другіе офицеры, также и Бригадиръ Биловъ съ его офицерами, по причинѣ учиненной нѣкоторыми регулярными и нерегулярными людьми измѣны, по разбитіи караула перевѣшаны; а солдаты, по остриженіи у у нихъ волосовъ, въ ту злодѣйскую толпу захвачены и въ казацкую службу поверстаны, а также и съ казаками и съ Калмыками поступлено. Сентовскіе жъ Татары (о копхъ выше сего въ п. 16 означено), не доходя еще до Бригадира Билова, услышавъ о разбитіи корпуса его, принуждены возвратиться и прибыть сюда въ городъ, а Башкирцы ни туда ни сюда не бывали.

20) Вышеозначенные 16, 17, 18 и 19 пункты внесъ я почти точно такъ, какъ они въ экстрактѣ, сочиняемомъ изъ дѣлъ, происходившихъ по Губернаторской Канцеляріи, находятся, а затѣмъ въ ономъ же экстрактѣ слѣдуетъ, какъ скоро увѣдомленность, что злодѣй Пугачевъ съ толпою его сюда приближается, то по сей причинѣ собраннымъ генералитетомъ и Штабъ-офицерами учиненъ общій совѣтъ, на коемъ положено: 1) Имѣющихся въ Оренбургѣ Польскихъ конфедератовъ, примѣчая въ нихъ колеблемость и знаки злодѣйства, отобравъ у нихъ ружья и всю аммуницію, отправить за конвоемъ отъ мѣста до мѣста по линіи даже до Троицкой крѣпости. 2) Всѣ мосты чрезъ Сакмару рѣку, разломавъ, сжечь. 3) Здѣшнимъ разночинцамъ расположиться, имѣющимъ ружье, около города по валу, а неимѣющимъ онаго, для потушенія внезапнаго пожара, внутри города въ назначенныхъ мѣстахъ подъ предводительствомъ приставленныхъ къ нимъ разныхъ Присутственныхъ мѣстъ чиновъ. 4) Артиллерію, къ приведенію ея въ исправное состояніе, поручить въ полную диспозицію Губернаторскому товарищу, Г. Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Старову-Милюкову. 5) Сентовскихъ Татаръ всѣхъ взять сюда въ городъ подъ защищеніе.—На сіе положеніе Совѣта въ вышеозначенномъ журналѣ учинены примѣчанія, а именно: на 3-й пунктъ, въ слѣдствіе-де сего общаго Совѣта, вокругъ города по валу расположено регулярныхъ Алексѣевскаго полка 134; гарнизонныхъ съ чинами 848, при орудіяхъ артиллерійскихъ служителей 69, нижеперныхъ 13, гарнизонныхъ служителей 466, къ нимъ по неспособности принуждено было присовокупить отставныхъ 41, неприверстныхъ рекрутъ 105, казаковъ 28; да по валу жъ прибывшихъ изъ Архангелогородской губерніи съ колодниками регулярныхъ 40, казаковъ 439, Сентовскихъ Татаръ 350, отставныхъ солдатъ, купцовъ и другихъ разночинцевъ 455, итого всѣхъ 2 988 человѣкъ.—На 4-й: по сему пункту вкругъ города по валу разставлено въ десяти бастіонахъ и въ двухъ полубастіонахъ, да во рву подъ стѣной и въ яру противъ Губернаторскаго дома артиллеріи: пушекъ разныхъ калибровъ 68, мортира 1, гаубица 1, а всего 70 орудій.—На 5-й: изъ оныхъ-де Сентовскихъ Татаръ со всѣми ихъ семействами пріѣхало въ городъ небольшое количество; а прочіе-де, большею частію не исполня сіе повелѣніе, остались въ своемъ жительствѣ.

21) 30 числа, по извѣстію, что въ городѣ Оренбургѣ въ регулярныхъ и нерегулярныхъ людяхъ и между обывателями носится ложный слухъ, яко бы злодѣй Пугачевъ другаго состоянія, какъ онъ есть, то сверхъ прежняго публикованія всѣмъ воинскимъ служителямъ чрезъ Оберъ-Коменданта велѣно объявить, что онъ Пугачевъ въ самомъ дѣлѣ есть бѣглой Донской казакъ и раскольникъ, и при томъ подтвердить, дабы каждый во время наступленія его злодѣйской толпы старался присяжную свою должность доказать и съ мѣста своего до послѣдней капли крови не отступалъ, съ обѣщаніемъ, ежели кто въ томъ храбростію себя отличитъ, высочайшей Ея Императорскаго Величества милости, о чемъ и здѣшнимъ обывателямъ отъ Губернской Канцеляріи публиковано жъ. Сего жъ 30 числа по присланному Озерной дистанціи отъ Коменданта Бригадира Корфа рапорту, о замѣшательствѣ состоящихъ въ его дистанціи на форпостахъ Калмыковъ и съ оной о самовольной ихъ отлучкѣ, посланнымъ къ нему Корфу ордеромъ предложено со всѣхъ форпостовъ людей и артиллерію взять въ крѣпость подъ такимъ претекстомъ, яко бы они потребны для защищенія оныхъ отъ Киргизъ-Кайсаковъ; однакожъ обыкновенные разъѣзды производить; а имѣющимся тамъ конфедератамъ велѣно толковать, если они противъ непріятеля съ ревностію поступать будутъ и докажутъ свое усердіе къ вѣрности, то объ отпускѣ ихъ въ отечество отъ Генералъ-Поручика, Губернатора и Кавалера всеподданнѣйше представлено будетъ Ея Императорскому Величеству; имѣющейся же въ Пречистенской крѣпости всей оставшейся командѣ опредѣлено быть въ Оренбургъ, съ такимъ предписаніемъ, если чего изъ казенныхъ припасовъ по тяжелости съ собою взять будетъ не можно, въ такомъ случаѣ оные скрыть въ землѣ, или гдѣ за способно признается; а Сакмарскіе казаки всѣ высланы по близости на Озерную дистанцію, вмѣсто жъ ихъ взяты сюда бывшіе на ординарной службѣ Калмыки.

22) Изъ приватныхъ записокъ и извѣстій, въ пробавленіе къ послѣднимъ шести пунктамъ, не излишнее будетъ внесть сіе, что о вышеписанныхъ происшествіяхъ между городскими жителями ничего почти не было извѣстно, но все оное содержано было скрытно, а пронесся слухъ 22 числа Сентября, то есть въ день Ея Императорскаго Величества рожденія, въ то самое время, когда у Г. Губернатора, по причинѣ сего высокоторжественнаго дня, былъ балъ и многочисленное обоего пола знатныхъ людей собраніе: ибо тотъ самый вечеръ пріѣхалъ нарочный съ извѣстіемъ о завладѣніи часто упомянутымъ злодѣемъ Илецкимъ городкомъ и о преклоненіи къ нему тамошнихъ казаковъ; между тѣмъ не только по сіе число, но и послѣ того нѣсколько дней, какъ пріѣздъ въ городъ съ хлѣбомъ и со всякимъ харчемъ, такъ и выѣздъ изъ онаго былъ еще свободенъ и безопасенъ, да и цѣна на все была обыкновенная, которая съ того времени начала подниматься, какъ злодѣи городъ уже осадили, проѣзды и выѣзды въ него заперли; но

*) Чернорѣченская крѣпость отъ Оренбурга разстояніемъ по прямой дорогѣ только 18 верстъ, а Татищевская по той же с мой дорогѣ 64 версты.

извѣстнѣе стало о томъ становиться отъ выступленія изъ города съ командою Бригадира Билова; но сіе въ городскихъ жителяхъ за неизвѣстіемъ немалое время сопряжено было съ надеждою о разбитіи оныхъ злодѣевъ, а потому въ сіе свободное время развѣ немногіе, и то очень мало, позапаслись нужнѣйшимъ къ ихъ содержанію.

23) Злодѣи, прибывъ къ Татищевой крѣпости, на другой день устремились напасть на оную; имъ сдѣланъ былъ такой отпоръ, что не возмогши оною овладѣть, отступили было назадъ; но усмотря между тѣмъ, что подлѣ самаго крѣпостнаго оплота навожено и лежало много стараго и новаго сѣна, подкравшись въ ночное время, зажгли оное, а чрезъ то сдѣлавъ пожаръ, и во время народной тревоги ворвались въ крѣпость, учинили тутъ ужаснос кровопролитіе, между которымъ умертвили они упомянутаго Бригадира Билова и Полковника Елагина съ женою его; а дочь онаго полковника, которая въ нынѣшнемъ году выдана была за вышеозначеннаго Маіора Харлова и для спасенія своего, оставя мужа своего въ Разсыпной крѣпости, пріѣхала къ отцу своему въ Татищеву крѣпость, самозванецъ Пугачевъ взялъ къ себѣ и съ братомъ ея, сыномъ Полковника Елагина, коему отъ роду считали не болѣе 10 лѣтъ...* Команду жъ, бывшую тамъ вмѣсто гарнизона, и всю ту, которая находилась при бригадирѣ Биловѣ, захватя, принудилъ онъ злодѣи присягать себѣ; а казаки и жители тамошніе всѣ поддавались ему охотно. Здѣсь получилъ онъ Пугачевъ въ добычу свою немалое число полковой, кабацкихъ и соляныхъ сборовъ денежной казны, многое число военной аммуниціи, провіанта, соли и вина, да и самую лучшую артиллерію, съ ея припасами и служителями; симъ столько уже усилился, что однихъ военныхъ людей регулярныхъ и нерегулярныхъ считалось у него около 3000 человѣкъ.

24) Послѣ того погрому продолжался онъ злодѣй съ сообщниками своими въ оной крѣпости дня съ четыре, пьянствуя и дѣля между сообщниковъ своихъ полученное имъ тутъ въ добычу, а потомъ со всею силою и съ артиллерію поднялись они къ Оренбургу, будучи на половинѣ пути отъ Татищевой и Чернорѣченской крѣпости, остановились они для обѣда на хуторѣ Статскаго Совѣтника Рычкова, гдѣ всю его крестьянскую скотину и живность перерѣзали, а лошадей и людей съ собой забрали, а потомъ и строеніе все выжгли. Въ Чернорѣчьѣ ** Комендантъ находился Премьеръ-Маіоръ Краузе, человѣкъ престарѣлый, а регулярной команды, за взятіемъ съ собою Бригадиромъ Биловымъ, не было при немъ и 130 человѣкъ, въ томъ числѣ находились больные и къ службѣ неспособные. А крѣпость въ такомъ худомъ состояніи, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и оплоту не было; сему Коменданту отъ Губернатора данъ былъ ордеръ, чтобъ онъ оттоль со всѣми служилыми людьми изъ оной крѣпости въ Оренбургъ вышелъ, оставя въ ней однихъ престарѣлыхъ и невозможныхъ, что онъ въ самый тотъ день, какъ злодѣи сюда пришли, учинилъ; но изъ казаковъ весьма немногіе вышли съ нимъ согласились: большая часть осталась ихъ тамъ и злодѣю подчинилась. Здѣсь, будучи одинъ или два дня, приказалъ онъ злодѣй повѣсить Капитана Нечаева, захваченнаго имъ изъ оставшейся послѣ Бригадира Билова команды, за то, яко бы онъ намѣревался къ побѣгу въ Оренбургъ, а другіе сказывали, что жаловалась на него дворовая его дѣвка въ жестокомъ ея содержаніи. Признавали, что онъ отсюда пойдетъ прямо къ Оренбургу ближайшею дорогою; но онъ вознамѣрился пресѣчь напередъ отвсюду съ симъ городомъ коммуникацію; вышедъ изъ Чернорѣчья и оставя Оренбургъ вправѣ, поворотилъ въ лѣвую сторону, разграбилъ имѣвшіеся тутъ хуторы, въ томъ числѣ и Губернаторскій *, прошелъ въ Сентову Татарскую слободу **, которая называется и Каргалинскою и имѣющимся въ ней дворовымъ числомъ равняется съ Оренбургомъ. Татары тутошніе, опасаясь отъ него разоренія и погибели своей, всѣ ему подвергнулись. Оттоль прошелъ онъ въ Сакмарскій городокъ *** который принадлежитъ къ корпусу Яицкаго войска; здѣшній Атаманъ Данила Дмитріевъ сынъ Донской, еще до приходу туда оныхъ злодѣевъ, съ домашними своими и съ многими изъ тамошнихъ казаковъ выѣхалъ въ Оренбургъ; оставшіеся жъ тамъ казаки всѣ приняли его злодѣйскую сторону и такимъ образомъ окружа онъ Оренбургъ, почти отвсюду пресѣкъ коммуникацію, кромѣ одной Киргизъ-Кайсацкой степи, чрезъ которую и курьеровъ посылать было принуждено, да и то съ великою опасностію ****.

*) Сію несчастливую молодую и, какъ слышно было, хорошаго вида женщину и съ братомъ ея захватя, держалъ онъ, злодѣй, при себѣ и ночевалъ съ нею всегда въ одной кибиткѣ; а потомъ, осердясь на нее по навѣтамъ его любимцевъ, отослалъ отъ себя въ Бердскую слободу, гдѣ наконецъ приказалъ ее убить и съ братомъ ея. Сказывали, что нѣкоторые тѣло ея видѣли въ кустарникѣ брошенное въ такомъ положеніи, что малолѣтній ея братъ лежалъ у нея на рукѣ.

**) Сія крѣпость отъ Оренбурга прямо по луговой дорогѣ только 18 верстъ. Въ ней было наличнаго провіанта, по сказкѣ помянутаго Маіора: муки болѣе 90, а овса до 500 четвертей. Сожалительно, что оный хлѣбъ и овесъ не перевезенъ въ Оренбургъ тогда, какъ злодѣи еще въ Татищевой крѣпости находились; но все оное досталось въ руки и пользу злодѣевъ.

*) Сей хуторъ отъ Оренбурга 12 верстъ, имѣлъ изрядно выстроенный домъ, а притомъ и церковь съ хорошимъ украшеніемъ. Злодѣи не только всѣ внутренніе сего дома уборы изломали, но и церковь Божію разорили, такъ что послѣ у поимянныхъ видны были образа, писанные на холстѣ, подъ сѣдлами на потникахъ, а у Распятія Господня, которое надъ Царскими дверьми стояло, усмотрѣнъ гвоздь въ уста пробитый.

**) До сей слободы отъ Оренбурга считается 18 верстъ; изъ нея для службы при сихъ обстоятельствахъ самовольно выѣхало Татаръ до 300 человѣкъ; прочіе всѣ остались въ ней и принуждены были тому злодѣю покориться и исполнять все по его волѣ.

***) Сакмарскій городокъ отъ Оренбурга по Большой Московской дорогѣ въ 29 верстахъ; казаковъ въ немъ считается принадлежащихъ въ войску Яицкому до 250 человѣкъ.

****) Главное намѣреніе злодѣя, при семъ съ прямой дороги отступленіи, какъ видно, было то, чтобъ окруживши Оренбургъ, такимъ образомъ не пропускать ему въ городъ никакой ожидаемой туда помощи а притомъ пресѣчь и привозъ хлѣбный и харчевой, въ чемъ и успѣхъ они имѣли: ибо слѣдовавшихъ въ Оренбургъ изъ ближнихъ жительствъ Башкирцевъ, болѣе 400 человѣкъ, перехватя у Сакмарскаго городка, къ себѣ идти принудили, и обольстя ихъ у себя, на вредъ городу употребляли, а прочихъ приготовившихся слѣдовать въ Оренбургъ такъ поколебали, что они, оставя тотъ свой походъ, разъѣхались по домамъ. Равномѣрно

25) При сихъ обстоятельствахъ, 28 числа Сентября, былъ консиліумъ въ домѣ Генералъ-Маіора и Оберъ-Коменданта Валленштерна; и о томъ одномъ, какимъ образомъ внутрь города при случаѣ злодѣйскаго нападенія и во время пожарнаго случая осторожность и отпоръ чинить. Надъ артиллеріею жъ команду имѣть дѣйствительному Статскому Совѣтнику Старову-Милюкову, потому что онъ прежде былъ Полковникомъ артиллеріи. Но объ укрѣпленіи города и о внѣшнихъ за онымъ распоряженіяхъ ничего еще разсуждено тогда не было *. А какъ объ ономъ злодѣѣ между нѣкоторыхъ городскихъ жителей примѣчены были пустые толки и размышленія, то по сей причинѣ 30-го числа Сентября въ Соборной церкви послѣ литургіи читана была отъ имени Губерискої Канцеляріи публикація, а такая жъ, какъ выше означено, и въ городѣ по командамъ публикована; неразсмотрительно вмѣщено было въ оную, яко бы самозванецъ Пугачевъ, по наказаніи кнутомъ, наказанъ еще и на лицѣ поставленіемъ злодѣйскихъ знаковъ; онъ, по увѣренію многихъ, видѣвшихъ его, тѣхъ знаковъ на лицѣ своемъ не имѣлъ: и такъ онъ, узнавъ оныя публикаціи и получа ихъ въ свои руки, имѣлъ случай сообщникамъ своимъ, показывая лице свое, толковать, сколь злобно и напрасно на него затѣваютъ и клевещутъ, а чрезъ то увѣряя о себѣ многихъ, и могъ онъ еще больше усиливать свою партію **.

26) Злодѣи, перешедъ Сакмару рѣку чрезъ мостъ, имѣвшійся подъ Сакмарскимъ городкомъ, всѣмъ своимъ людствомъ съ артиллеріею и со всѣмъ обозомъ Октября съ 1-го числа начали показываться на сей сторонѣ помянутой рѣки около Бердской слободы и въ другихъ мѣстахъ *. Между тѣмъ 4 числа прибыла въ Оренбургъ изъ Яицкаго городка часть шестой легкой полевой команды подъ предводительствомъ вышеозначеннаго Премьеръ-Маіора Наумова и съ нимъ тамошнихъ доброжелательныхъ Старшинъ и казаковъ 420 человѣкъ, у коихъ начальникомъ былъ войсковой ихъ Старшина Мартемьянъ Бородинъ, присутствовавшій въ тамошней Канцеляріи вообще съ Подполковникомъ Симоновымъ. Сего жъ числа посланы въ злодѣйской лагерь къ находящимися тамъ Яицкимъ и Илецкимъ казакамъ, за подписаніемъ Генералитета и знатнѣйшихъ Штабъ-офицеровъ, увѣщевательныя письма съ подтвержденіемъ, чтобъ они, не вдавая себя болѣе въ обманъ и не ввергаясь въ вящшую свою погибель, отъ онаго злодѣя отстали, и проч. **.

учинили они и съ Ставропольскими крещеными Калмыками, посылавъ къ нимъ отъ себя нарочныхъ; но ежели бъ оный злодѣй, не мѣшкавъ въ Татищевой и Чернорѣченской крѣпостяхъ, прямо на Оренбургъ устремился, то бъ ему ворваться въ городъ никакой трудности не было; ибо городскіе валы и рвы въ такомъ состояніи были, что во многихъ мѣстахъ безъ всякаго затрудненія на лошадяхъ верхомъ выѣзжать было можно.

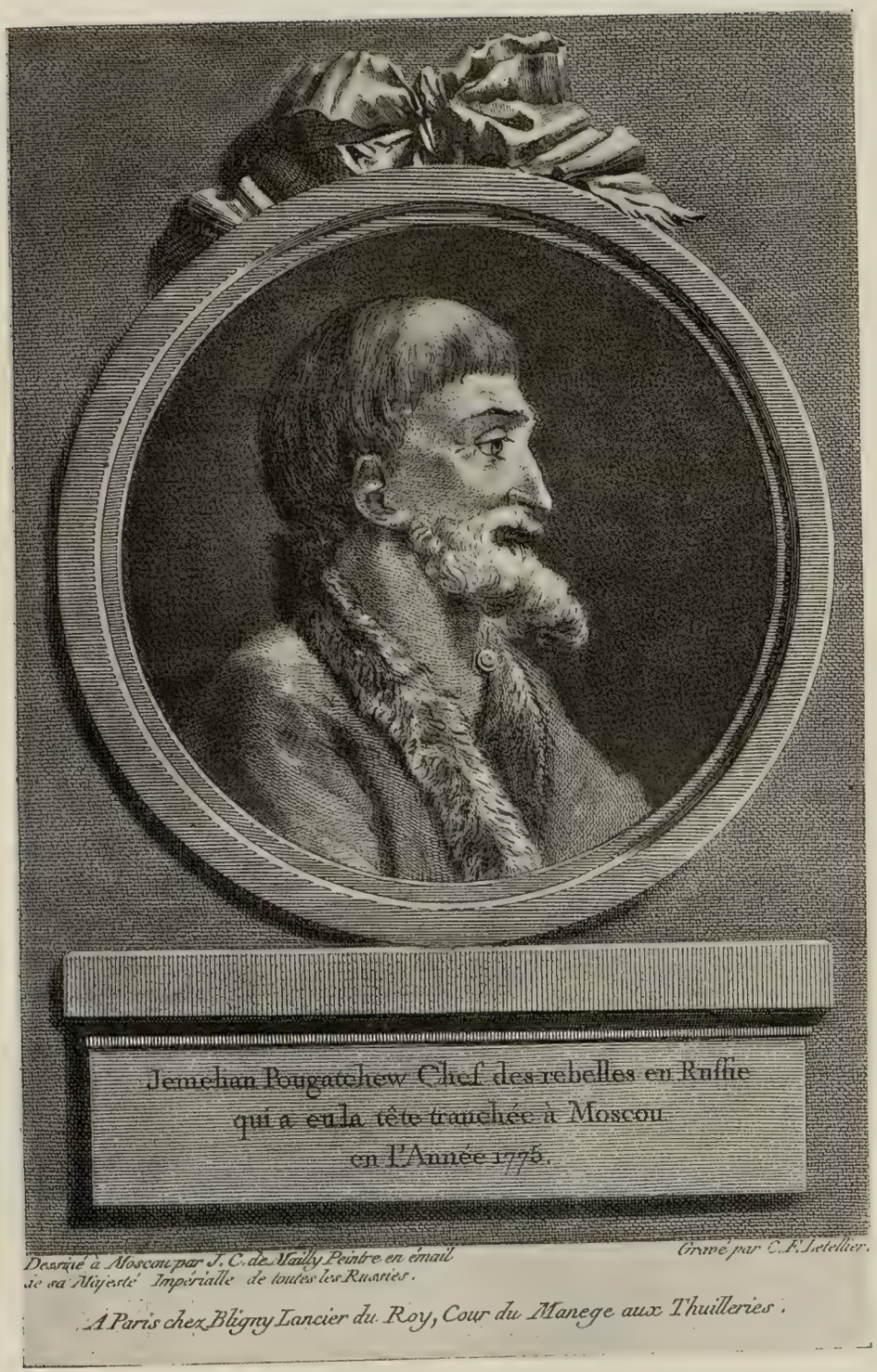
*) Отъ сего самаго числа по всему городскому валу разставлены были находящіеся въ городѣ гарнизонные и другіе служилые люди, а къ нимъ въ прибавокъ употреблены еще и разночинцы, изъ купцовъ и другихъ чиновъ и слугъ, коимъ ружья, порохъ и свинецъ розданы; а городскія ворота не только запирать, но и навозомъ заваливать стали: для чего у каждыхъ воротъ нарочно навозъ былъ заготовленъ; но сіе заваливаніе чрезъ нѣсколько времени отмѣнено, ибо признано ненужнымъ и затруднительнымъ.

**) Для свѣдѣнія въ точномъ содержаніи оной публикаціи прилагается съ нея сія слѣдующая копія: «По указу Ея Императорскаго Величества, изъ Оренбургской Губерискої Канцеляріи публикація. Извѣстно учинилось, что о злодѣйствующемъ съ Яицкой стороны въ здѣшнихъ обывателяхъ, по легкомыслію нѣкоторыхъ разгласителей, носится слухъ, яко бы онъ другаго состоянія, нежели какъ есть: но онъ злодѣйствующій въ самомъ дѣлѣ бѣглый Донскій казакъ Емельянъ Пугачевъ, который за его злодѣйства наказанъ кнутомъ съ постановленіемъ на лицѣ его знаковъ; но чтобъ онъ въ томъ познанъ не былъ, для того предъ предводительствуемыми имъ никогда шапки не снимаетъ, чему нѣкоторые изъ здѣшнихъ бывшихъ у него въ рукахъ самовидцы, изъ которыхъ одинъ солдатъ Демидъ Куликовъ, вчера выбѣжавшій, точно завидѣтельствовать можетъ; а какъ онъ Пугачевъ съ измѣнническою его толпою, по учиненіи нѣкоторымъ крѣпостямъ вреда, сюда идетъ, то по причинѣ того ложнаго разглашенія, всѣмъ здѣшнимъ обывателямъ объявляется, что всякъ самъ изъ поступковъ его можетъ понять, что онъ Пугачевъ злодѣй и какъ изверженный отъ честнаго общества, старается вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества честныхъ рабовъ поколебать и ввергнуть въ бездну погибели, а притомъ имѣніемъ ихъ обогатиться, какъ то онъ въ разоренныхъ мѣстахъ и дѣлаетъ. Въ предвареніе чего, всякій увѣщевается, во время наступленія его съ измѣнническою толпою, стараться, для сохраненія общества, дому и имѣнія своего, стоять противъ толпы его до послѣдней капли крови своея, такъ какъ вѣрноподданнымъ Ея Императорскаго Величества рабамъ надлежитъ и присяжная каждаго должность обязуетъ, и отнюдь никакимъ ложнымъ разглашеніямъ не вѣрить. Сентября 30 дня 1773 г.».

*) Ниже сего Сакмарскаго моста чрезъ Сакмару рѣку еще два моста были: одинъ около Бердской слободы по дорогѣ на Губернаторскій хуторъ и въ городъ Самару, и другой подъ Маячною горою, но прежде прихода злодѣйскаго разобраны.

**) Между тѣмъ великая ошибка учинена, что по совѣту нѣкоторыхъ сообъ для отвоза и раздачи оныхъ писемъ помянутымъ въ злодѣйскомъ сообществѣ находящимся казакамъ, избранъ ссыльный, прозваніемъ Хлопуша, превеликій злодѣй и воръ, который около 20 лѣтъ по Оренбургской губерніи воровалъ и разбойничалъ, и всѣ мѣста гдѣ, что есть, совершенно зналъ, да и въ Сибирь трижды былъ посыланъ; и оттоль бѣгалъ и содержался наконецъ, по рукамъ и по ногамъ скованъ, въ Оренбургскомъ острогѣ. Сей плутъ (которому наконецъ, по поимкѣ его, какъ ниже означится, отсѣчена голова), получа себѣ свободу, вмѣсто того, чтобъ оныя публикаціи скрытно тѣмъ казакамъ роздать, пріѣхавъ въ злодѣйскій лагерь, явился прямо къ самозванцу и оныя публикаціи отдалъ ему самому, а чрезъ то и сдѣлался его любимцемъ, орудіемъ и предводителемъ къ разоренію многихъ мѣстъ и къ его усиленію, какъ то ниже означится; но поимкѣ казненъ онъ при Оренбургѣ отсѣченіемъ головы въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1774 года.

Приближившись къ Оренбургу, самозванецъ Пугачевъ переслалъ въ городъ письма, названныя указами, изъ коихъ одно слѣдовало къ Губернатору, а другое къ Оренбургскому Атаману Подполковнику Могутову. Содержаніе ихъ состояло въ томъ, чтобъ городъ Оренбургъ ему злодѣю сдать, ожидая отъ него милости, а въ противномъ случаѣ его гнѣва; но оба оныя письма сочинены были въ самыхъ глупѣйшихъ выраженіяхъ, писаны и подписаны письмомъ самымъ худымъ и ребячьимъ, и особливо въ надлежащемъ къ Могутову смѣха достойное было обнадеживаніе тѣмъ, что онъ за вѣрность и службу награждать будетъ кафтанами, рѣками и озерами и морями, бородами и крестами.



ПУГАЧЕВЪ ПО ПОРТРЕТУ МАЛЬИ.

Рисованъ съ натуры въ 1775 г. Одинъ изъ самыхъ достовѣрныхъ.

Часть II. — *Начало и продолженіе Оренбургской осады, бывшія на злодѣевъ изъ города вылазки, приступы на самозванца Пугачева къ Оренбургу, усиленія его и другія приключенія Октября съ 3 [5] Ноября по 1 число 1773 года.*

27) О начальныхъ злодѣйствахъ Яицкихъ казаковъ и самозванца Пугачева выше сего въ первой части показано. Здѣсь слѣдуетъ описаніе Оренбургской осады, начавшейся Октября 5 числа 1773 года и продолжавшейся <какъ ниже въ седьмой части показано будетъ> по 23 число Марта 1774 года *.

Предозначеннаго, то есть 5 числа Октября, по полуночи въ 11 часу <день сей былъ Субботній>, злодѣй Пугачевъ со всѣмъ своимъ бунтовщичьимъ скопищемъ поднялся отъ Бердовской слободы и отъ рѣки Сакмары, и перешедъ въ виду изъ города въ рѣкѣ Сакмарѣ на казачьи луга, расположился онъ подлѣ имѣющагося тутъ озера лагеремъ <разстояніемъ отъ города въ 5 верстахъ или и меньше>. Довольно примѣтно было, что намѣреніе злодѣево стремилось завладѣть имѣвшеюся за городомъ Егорьевскою казачьею слободою, которой жило подошло съ правой стороны на выѣздъ изъ города почти къ самому городскому валу и къ главной Соборной церкви, что было бъ къ великой опасности города; но въ разсужденіи того, жителямъ оной слободы до прихода еще злодѣйскаго, приказано со всѣми ихъ пожитками перебраться въ городъ, а въ приближеніе злодѣевъ, чтобъ они въ сихъ пустыхъ домахъ засѣсться и укрѣпиться не могли, по совѣту лучшихъ городскихъ жителей, все оное жило выжжено, а чрезъ то и сдѣлана съ сей стороны свободная оборона пушкамъ; а дабы злодѣи въ близость города не шли, для того выпалено въ нихъ съ городскаго отсель вала изъ пушекъ ядрами и картечами 88 зарядовъ и брошены три бомбы тридцати-фунтовыя, изъ-за чего они переходомъ своимъ чрезъ Сырть и стали отъ города нѣсколько отдаляться, да и спустились ущельями на луга, о коихъ выше сего означено **.

28) Въ Воскресенье, то-есть 6 числа, по полуночи въ 12 часу, въ разсужденіи того, что самозванецъ Пугачевъ началъ заготовленныя около города Оренбурга къ наступающей зимѣ сѣна жечь, высланъ былъ, къ отвращенію того, для атаки его Пугачева, корпусъ, состоящій въ 1,500 человѣкъ регулярныхъ и нерегулярныхъ людей съ пристойнымъ числомъ артиллеріи, подъ предводительствомъ легкой полевой команды Премьеръ-Маіора Наумова, который, будучи въ виду у непріятеля, перестрѣливался часа съ два, а напослѣдокъ, яко бы увидя опъ, Наумовъ, въ подчиненныхъ своихъ робость и страхъ, принужденъ ретироваться въ городъ безъ всякаго урона. Съ городской стѣны выпалено противъ злодѣевъ ядрами и картечами 15, да въ полѣ на сраженіи (которое происходило въ виду съ городскаго вала) 43, и того 58 зарядовъ; тридцати-фунтовыхъ бомбъ брошено 5. Причемъ изъ злодѣйской толпы убитъ выстрѣломъ одинъ вахмистръ. 7 числа, въ 11 и 12 часахъ по полудни, злодѣйскою Пугачева толпою городъ, а днемъ сего жъ числа, посланныя изъ города за фуражемъ команды были атакованы; однако та толпа возвратилась въ лагерь свой съ неудачею. Выпалено было по ней съ городовой стѣны 234 заряда. Сего жъ 7 числа, въ разсужденіи непріятельскихъ дѣйствій, находящимся въ Киргизъ-Кайсацкой степи по тракту изъ Оренбурга къ Илецкой Защитѣ на Донгузскомъ и Элшанскомъ уметахъ Командирамъ предложено, чтобъ они со всею ихъ командою и артиллеріею переѣхали въ ту Защиту, а къ Киргизъ-Кайсацкому Айчувакъ-Салтану, который находился отъ Оренбурга въ близости, писано, чтобъ онъ, по обѣщанію своему, людьми своими учинилъ помощь; но онъ не только не исполнилъ, но и отвѣту не далъ.

29) На 8 число ночью, въ 11 часу послѣ полудня, былъ отъ злодѣйской толпы къ городу приступъ, но возвратились они назадъ съ неудачею. Выпалено въ нихъ съ городскихъ валовъ ядрами и картечами 30 зарядовъ; а ночью атакованы были посланныя за фуражемъ команды, но безъ удачи жъ. Сего жъ числа поутру посланною изъ города командою, состоящею изъ полевыхъ драгуновъ, здѣшнихъ и Яицкихъ казаковъ въ числѣ 300 человѣкъ, поймано на той сторонѣ Яика около Мѣноваго двора и въ немъ самомъ изъ показанной злодѣйской толпы разъѣзжавшихъ тамъ для грабежа оставшихъ на Мѣновомъ дворѣ купеческихъ вещей, отъ Яицкихъ и Илецкихъ казаковъ сущихъ злодѣевъ 7 человѣкъ, взятыхъ въ Татищевой крѣпости по разбитіи опой и имѣвшагося тамъ воинскаго корпуса гарнизонныхъ солдатъ 41, здѣшнихъ и крѣпостныхъ казаковъ и послѣ захваченныхъ въ разныхъ мѣстахъ разночинцевъ 68, и того 116 человѣкъ. На 9 число въ ночи было спокойно, а поутру подъѣзжали изъ измѣнической толпы по той сторонѣ Яика рѣки къ мосту; а послѣ половины дня съ той стороны, гдѣ форштатъ (то есть вышеозначенная казацкая слобода), было изъ оной толпы не малое людство, подъѣзжало къ городу, но ни съ чѣмъ отъѣхало. Выпалено въ нихъ съ городской стѣны изъ пушекъ ядрами и картечами 53 заряда; хотя сего 9 числа, по причинѣ усмотрѣннаго во время бывшей 8 числа выключки авантажа и точно открывшагося намѣренія Пугачева, и разсуждено было сей день, предписанный корпусу для атаки злодѣевъ, выѣхать; но, къ крайнему-де сожалѣнію, отъ Оберъ-Коменданта Г. Губернатору рапортовано: яко бы всѣхъ командированныхъ въ томъ корпусѣ регулярныхъ и нерегулярныхъ командъ Командиры, пришедъ къ нему, представили; будто бы они въ подчиненныхъ своихъ слышатъ роптаніе и великую робость и страхъ, и къ выходу-де противъ измѣнической толпы отзывъ невозможностію, зачѣмъ-де и принуждено было въ разсужденіи могущихъ произойти вредныхъ слѣдствій остановиться въ городѣ въ одномъ оборони-

*) Можно оную осаду города считать и по 29 число Марта: ибо злодѣй Пугачевъ, по разбитіи его въ Татищевой крѣпости, не возмогши продраться къ Яицку, возвратился назадъ въ Каргалинскую слободу, и 28 числа бывъ еще въ Бердѣ, причинилъ нѣкоторыя злодѣйства, о чемъ въ свое время будетъ означено.

**) Коварное намѣреніе Пугачева при занятіи здѣсь лагеря видно было то, чтобъ завладѣвъ имѣющимися по Яику крѣпостьми и по Сакмарѣ рѣкѣ ближними жилами, ежели не возможетъ онъ чрезъ приступы свои завладѣть городомъ, облежать или въ блокадѣ содержать оный, и пресѣкши всякой проѣздъ и провозъ въ него, чрезъ голодъ принудить его къ сдачѣ, въ чемъ ему едва не удалось; ибо всякую коммуникацію такъ тѣмъ пресѣкъ, что чрезъ долгое время никакого проѣзда быть не могло. Самыхъ курьеровъ принуждено было чрезъ Киргизскую степь посылать, и то съ великою трудностію и опасностію.

тельномъ состояніи, — и того жъ 9 числа, чрезъ нарочнаго курьера, Государственной Военной Коллегіи донесть, съ испрошеніемъ, какъ возможно скорѣе, о присылкѣ войска и хорошихъ Командировъ въ предвареніе дальнѣйшаго вреда и Государственнаго предосужденія.

30) На 10-е число въ ночи сперва въ исходѣ 8-го, а потомъ въ 12 часу по полудни, городъ со всѣхъ сторонъ злодѣйскою толпою былъ окруженъ; но какъ въ той толпѣ люди были большею частью изъ разныхъ народовъ и въ такомъ количествѣ, что здѣшній корпусъ людствомъ хотя и меньше, но качествомъ военныхъ людей превосходилъ, то, не упуская возможныхъ способовъ, Командиры предписаннаго корпуса довольно были увѣщаемы, дабы они постарались ту толпу атаковать и разбить, по которому увѣщеванію, яко-бы одумавшись, они и представили себя готовыми къ тоій атакѣ; а какимъ образомъ оную учинить, о томъ Предводителю сего корпуса Маіору Наумову предписаніе учинено, съ тѣмъ, чтобъ по оному поступить. 12 числа поутру между тѣмъ же Озерной дистанціи Коменданту Бригадиру Корфу предложено, дабы онъ, собравъ всѣхъ на его дистанціи находящихся регулярныхъ и нерегулярныхъ людей, артиллерію съ ея припасами и денежную казну въ одну Озерную крѣпость, а прочую тягость оставя въ крѣпостяхъ подъ смотрѣніемъ нѣкотораго числа вѣрныхъ людей, самъ съ собраннымъ имъ до того корпусомъ, взявъ съ собою артиллерію съ ея припасами надлежащее число, въ самоскорѣйшемъ времени шелъ для поисковъ сюда.

31) Вышеозначенныя 5, 6, 7, 8, 9 и 10 число внесены къ журналу Г. Губернатора, не перемѣняя нигдѣ существа онаго; но они могутъ еще нѣсколько изъяснены и пополнены быть приватными по очевидному примѣчанію и по вѣроятнымъ извѣстіямъ учиненнымъ, и былъ журналъ Его Превосходительства, какъ то и въ немъ самомъ значится, учиненъ по однимъ происходившимъ въ Канцеляріи его письменнымъ дѣламъ, въ которыя многихъ нужныхъ примѣчаній не вошло, употребляя оный журналъ основаніемъ, каждое число, или какъ къ лучшему признается, намѣренъ и впредь приличное изъ оныхъ записокъ вносить, дабы черезъ то описаніе сіе для будущихъ временъ сдѣлать полнѣе.

Вышепоказанную загородную казачью слободу еще до прихода самозванца Пугачева упраздить разсуждено и строеніе оной со всѣми тамошнихъ жителей пожитками въ городъ перевозить велѣно, и хотя нѣсколько дворовъ было уже сломано, но обыватели бывшіе тутъ пожитки свои всѣ вывезли сами и въ городѣ уже жили. Но сломка дворовъ невѣдомо за какимъ обстоятельствомъ была остановлена. А какъ 5 числа злодѣй Пугачевъ съ толпою своею показался противъ города и стремился къ сему валу, откуда, ежели бъ онъ или часть его сообщничествъ тутъ засѣли, опасно было великаго вреда, ибо оная слобода, съ выѣзда изъ города къ Самарскому городу на правой сторонѣ имѣвшаяся, была почти подлѣ самаго городскаго вала: того ради, по многомъ представленіи Г. Губернатору, она зажжена, и часа чрезъ три, кромѣ немногихъ дворовъ, вся въ пепелъ обращена, осталось малое число избъ, но и тѣ, кромѣ одного двора (противъ самой Егорьевской церкви), выжжены, чрезъ что съ сей стороны и сдѣлана свободная оборона городу; съ того жъ самаго времени и весь уже валъ съ наружной стороны рва начали обносить рогатками, копхъ прежде не было, и ровъ, вкругъ города имѣвшійся, начали вычищать, ибо оный такъ заваленъ былъ пескомъ и глиною, что кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ каменная стѣна, вездѣ на верховыхъ лошадяхъ въ самый городъ въѣзжать было можно; расположась же оный злодѣй въ томъ своемъ лагерѣ, каждый день, вмѣсто утренней и вечерней такты, дѣлалъ по одному пушечному выстрѣлу.

32) 6 числа высланная съ Маіоромъ Наумовымъ команда артиллеріи имѣла при себѣ только двѣ или три легкія и небольшія пушки. Злодѣи, усмотря на нихъ высылку, всѣ начали изъ лагеря своего выѣзжать противъ оной команды, оставя въ лагерѣ плѣнныхъ и безоружныхъ людей за небольшимъ присмотромъ. Вывезли они съ собою 8 пушекъ, въ томъ числѣ, по примѣчанію, были у нихъ два единорога, изъ копхъ 4 орудія поставили они на Сырту близъ одной лощины, которая служила къ защищенію бывшихъ у пушекъ людей, а остальныя имѣли они въ долу подъ Сыртомъ, гдѣ былъ у нихъ фронтъ; казалось, что всѣхъ во фронтѣ стоявшихъ и разъѣзжавшихъ по степи было около 2000 человѣкъ. Они въ исходѣ предполудня 11 часа напередъ начали пушечную свою пальбу гранатами изъ единороговъ, а изъ пушекъ ядрами и картечами которая продолжалась съ часъ. Всѣхъ ихъ выстрѣловъ сочтено (ибо то происходило въ виду съ городскаго вала) 185. Отъ команды, высланной изъ города въ тѣ мѣста, гдѣ злодѣйскія пушки и толпы были, происходила частая жъ пальба изъ имѣвшихся при ней пушекъ; но видя, что злодѣи имѣли при себѣ больше пушекъ, а при командѣ зарядны всѣ стали быть разстрѣлены; то, не вступая вдаль къ ихъ лагерю, по приказу Губернаторскому вся опая команда возвращена въ городъ. Убитъ при семъ случаѣ, какъ выше значится, легкой полевой команды сержантъ Шканскій выстрѣленною изъ единорога гранатою, да ранено одинъ солдатъ и нѣсколько казаковъ. Выходцы отъ злодѣевъ сказывали: ежели бы-де отъ высланной каманды еще нѣсколько продолжена была пушечная пальба, то бъ они, оставя пушки свои на мѣстѣ, побѣжали въ лагерь, ибо-де зарядовъ, а особливо ядеръ, у нихъ оставалось уже малое число. Сего жъ числа по полудни въ исходѣ 11 часа, когда была великая ночная темнота, подтаща они въ близость города одну или двѣ пушки, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, такъ что ядра ихъ по срединѣ города ложились. А между тѣмъ отважнѣйшіе, подъѣзжая близко къ городскимъ валамъ, палили изъ ружьевъ и причинили тревогу; но какъ съ городскихъ валовъ стали пушечную и ружейную пальбу производить, то въ исходѣ 12 часа перестали они изъ пушекъ своихъ стрѣлять и отдалились отъ города, не сдѣлавъ никакого вреда, кромѣ безпокойства тревогою. Выбѣжавшіе отъ нихъ сказывали, яко бы чаяніе ихъ было во время тревоги быть въ городѣ пожару, а между тѣмъ бы врываться имъ на валъ и въ городъ; но сего по ихъ желанію не сдѣлалось

33) Въ журналѣ Губернатора показано, что 7 числа сего созваны были къ нему въ домъ находящіеся въ Оренбургѣ Генералитетскіе чины и нѣкоторые Штабъ-офицеры для совѣта <между конхъ и я находился>. Г. Губернаторъ отъ каждаго требовалъ мнѣнія и особыя подписки: атаковать ли еще злодѣя, или только оборонительно поступать, пока воинскія команды будутъ умно-

жены? Всѣ <кромѣ одного Губернаторскаго товарища, Г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Старова-Милюкова>, разсуждая усмотрѣнное у злодѣевъ людство, имѣющуюся у него сильную артиллерію и дабы впредь могущею быть неудачею и утратою не привесть городскихъ жителей въ уныніе и колебаніе, дали и подписали такое мнѣніе, что до собранія командъ и пока городъ по наружности его приведенъ будетъ въ надлежащую безопасность, поступать оборонительно, чему тогда и самъ Губернаторъ согласовался. Послѣ полудня въ 5 часу была съ города пушечная пальба, по той причинѣ, что нѣкоторыя злодѣйскія партіи устремились было на поѣхавшихъ за сѣномъ въ числѣ 1108 подводъ: при нихъ была регулярная и перегулярная команда съ одною пушкою, изъ-за чего всѣ безъ урона и возвратились въ городъ. Въ ночи жъ, около 11 и 12 часовъ подбѣгали злодѣи къ Яицкимъ воротамъ, отчего еще была тревога и пальба изъ пушекъ и изъ мелкихъ орудій. Между тѣмъ во весь сей день и въ ночи шелъ дождь.—8 числа въ ночи около 11 и 12 часовъ, небольшое число злодѣевъ подкрадывалось къ валу близъ теплой соборной церкви, для чего и была перестрѣлка оружейная, а подъ горой, подлѣ самой рѣки Яика, гдѣ во время злодѣйскаго уже прихода сдѣлана батарея съ четырьмя пушками, выпалено было изъ двухъ пушекъ.

34) Поутру 9 числа высланы были чрезъ мостъ за рѣку Яикъ фуражиры, изъ коихъ на поѣхавшихъ впередъ закравшіеся ночью на Мѣновомъ дворѣ злодѣи напавъ, отхватили три или четыре телѣги съ людьми, между которыми увезенъ былъ Солянаго Правленія писарь Полуворотовъ, который и находился въ злодѣйскомъ лагерѣ Октября по 21 число. А того числа, какъ ниже означено будетъ, спасся онъ уходомъ оттоль въ городъ. Выше сего хотя и означено, что по содержанному въ домѣ Губернаторскомъ 7 числа конспиціуму положено: дабы для показанныхъ тутъ резоновъ поступать оборонительно, что и изъ журнала Губернатора подъ симъ числомъ <п. 33> усмотрѣть можно, но слышно было, что былъ отъ него Губернатора еще вчера парядъ къ выступленію для атакованія злодѣевъ въ числѣ регулярныхъ и перегулярныхъ людей 2000 человѣкъ; но поутру сей парядъ невѣдомо для чего отмѣненъ, а учиненъ онъ слѣдующаго 12 числа, какъ о томъ подъ симъ числомъ означено быть имѣетъ. Того жъ 9 числа, послѣ полудня, по ложному разглашенію, яко бы за рѣкою Яикомъ идетъ изъ Красногорской крѣпости *) съ командою Бригадиръ Корфъ, или слѣдуютъ паряженные въ Оренбургъ Башкирцы, и будто остановя на дорогѣ, атаковали ихъ злодѣи. Наряжено и выслано было подъ видомъ встрѣчи нѣсколько Яицкихъ и Оренбургскихъ казаковъ съ Каргалинскими Татарами; но узнавъ, что оное разглашеніе несправедливо, приказано было оной командѣ напасть на одну толпу злодѣевъ, усмотрѣнную противъ Егорьевской церкви; но какъ при всей той изъ города высланной командѣ ни одной пушки отправлено не было, а злодѣи, скопясь, великимъ и едва не всѣмъ своимъ людствомъ, вступили было съ нею въ сраженіе, имѣя при себѣ и пушки; а хотя по требованію изъ оной партіи и посланы были туда двѣ пушки, но такъ медлительно, что она принуждена была, не дождавшись пушекъ, отступить къ городу, да и злодѣи между тѣмъ разъѣхались къ своему лагерю. При семъ случаѣ отхвачено отъ злодѣевъ 5 человѣкъ, да столько жъ убито на мѣстѣ. Съ нашей стороны изъ Каргалинскихъ Татаръ отхвачено 3 человѣка и немногіе были ранены. На 10-е число послѣ полудня въ 8 часу, въ самую темноту, подбѣгали нѣкоторые изъ злодѣевъ къ валу, и подтаща пушку къ Егорьевской церкви, сдѣлали изъ нея выстрѣлъ, отчего съ валу пушечная и ружейная пальба началась и продолжалась съ четверть часа; хотя и позатихло, но въ полночь еще, по причинѣ небольшаго побѣга къ валу, у теплой соборной церкви изъ двухъ пушекъ выпалено и нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ учинено, а во всю ночь изъ пушекъ было 85 выстрѣловъ. Еще вчера отъ Губернатора данъ былъ ордеръ, чтобъ къ 5 часу сего утра приготовить легкую полевую команду, прикомандировавъ къ ней изъ гарнизонныхъ солдатъ, дабы всѣхъ регулярныхъ было до семи-сотъ, а съ перегулярными до двухъ тысячъ человѣкъ и девять орудій артиллеріи, въ томъ числѣ два единорога и одна мортира, что все около 10 часа и было къ выступленію въ совершенной готовности; но вся та команда, простоявъ въ парадѣ на сборномъ мѣстѣ до 3 часа по полудни, паки распущена съ приказомъ: завтра, то есть 11 числа, къ выступленію быть въ готовности; но и сего числа никакой высылки не было. Въ ночи хотя и было спокойно, однако жъ сожжено злодѣями нѣсколько кирпичныхъ сараевъ казенныхъ и партикулярныхъ, между городомъ и Маячною горою, отъ города въ 2-хъ или 3 верстахъ; имѣвшихся въ лагерѣ злодѣйскомъ примѣчено противъ прежняго меньше людства, а потому и догадывались, что разосланы отъ нихъ куда нибудь для добычи разныя партіи *).

35) 12 числа, вслѣдствіе учиненнаго маіору Наумову 10 числа предписанія, поутру, ввѣренный ему корпусъ съ принадлежащимъ чи-

*) Сія крѣпость отъ Оренбурга вверхъ по Яику 75 верстъ. Между ею и Оренбургомъ два редута: Нѣжинскій и Вязовскій. Сими мѣстами злодѣй и самозванецъ Пугачевъ, по приходѣ его въ Оренбургъ, скоро завладѣлъ. Достойно сожалѣнія, что имѣвшійся въ помянутой крѣпости провіантъ, такъ какъ и бывшій въ Чернорѣченской и Пречистенской крѣпостяхъ, заранѣе былъ не вывезенъ въ городъ; но весь оный достался во власть самозванцу.

*) Вышеозначенный съ публикаціями въ злодѣйскій лагерь посланный ссыльный Хлопуша, какъ великій злодѣй, плутъ и прошлецъ, сдѣлавшись самозванцевымъ любимцемъ, разсказалъ ему и сообщникамъ его всѣ мѣста и способы, откуда что получить имъ можно; а потому и посланъ былъ отъ него съ немалолюдными партіями сперва въ Тимошенскія села, въ Никольское и Ташлу, и въ жительства по рѣкѣ Сакмарѣ, на соляныя пристани Богульчинскую и Стерлитамацкую, на Твердышевскіе и другіе заводы, гдѣ оный Хлопуша, съ приданными ему людьми бывъ, причинялъ великія грабительства и разоренія; важнѣе жъ всего, переслалъ онъ къ нему немалое число имѣвшихся на заводахъ пушекъ, ядеръ и пороху, да и людей, годныхъ къ употребленію съ лопатками, кирками и другими горными инструментами, къ великому того злодѣя усиленію. Примѣчанія достойно и сіе, что въ селѣ Никольскомъ у Совѣтника тамошняго находился садовникъ, изъ людей Генералъ-Фельдмаршала и Кавалера Графа Александра Ивановича Шувалова, который сказалъ о себѣ злодѣю, что онъ покойнаго Императора Петра III довольно зналъ и нынѣ узнать, подлинно ли называющійся его именемъ Царь ихъ есть, онъ увѣрить ихъ можетъ. Они, будто бы для того, взяли его съ собою; но отвезши недалеко отъ села Никольскаго повѣсили.

сломъ артиллеріи высланъ былъ и продолжался въ полѣ при произведеніи съ обѣихъ сторонъ канонады до половины дня, то есть болѣе четырехъ часовъ, но по причинѣ той, что перегулярные, находя себя въ робости противъ артиллеріи злодѣйской толпы, почти ни чего не дѣйствовали, а стояли больше подъ защитою здѣшнихъ пушекъ, и что та толпа, разсѣявшись по степи кучами, весь тотъ корпусъ окружила было, сдѣлавъ изъ регулярныхъ каре, возвратился въ городъ.

Въ отмѣткѣ на сіе число показано, что при сей атакѣ съ городовой стѣны выпалено изъ пушекъ ядрами и картечами 134, на полевомъ сраженіи 499, и того 633 заряда, да бомбъ брошено 5; а изъ злодѣйской толпы разсѣявшихся въ разныхъ мѣстахъ пушечныхъ выстрѣловъ не только не меньше, но гораздо еще больше было, причемъ каковъ со здѣшней стороны уронъ приключился, о томъ приложенъ въ концѣ журнала реестръ <напротивъ-де того, и въ измѣнницкой толпѣ выходцы изъ оной здѣшніе люди и плѣнники гораздо больше, нежели здѣшній уронъ, свидѣтельствуетъ NN.> По оному реестру показано: побитыхъ регулярныхъ и нерегулярныхъ 22, ранено 31, злодѣями захвачено 6, безъизвѣстно пропало 64.

Къ дополненію сего числа, изъ приватныхъ записокъ и извѣстій можетъ вмѣщено быть слѣдующее:

Вышеозначенная команда, выступя изъ города поутру въ 9 часу, въ 10-мъ заняла она противъ города тѣ высоты, кои къ способнѣйшему дѣйствію заступить ей надлежало. Но злодѣи, какъ изъ приготовленій и расположенія ихъ примѣчено, о сей изъ города высылкѣ заранѣе были увѣдомлены; ибо имѣли уже людей своихъ въ нѣкоторыхъ буеракахъ и долинахъ, такъ что городской командѣ усмотрѣть ихъ было не можно. Пушечная пальба съ нашей стороны въ томъ же 10 часу началась съ хорошимъ успѣхомъ, ибо злодѣи принуждены были занять себѣ мѣсто внизу подъ валомъ; но между тѣмъ низкими лощинами втащили они нѣсколько пушекъ и на Сыртъ, сверхъ того завезено у нихъ было нѣсколько ихъ и къ сторонѣ Бердской слободы, чего въ городѣ прежде не знали, съ намѣреніемъ, дабы пушечную пальбу спереди и съ тылу производить, но сіи остановлены и не допущены были въ близость высланной изъ города команды пушечными выстрѣлами съ городскихъ валовъ. Съ нашей стороны въ короткомъ времени около 500 пушечныхъ выстрѣловъ учинено, и готовые при той командѣ отпущенные заряды всѣ были употреблены, а затѣмъ въ пальбѣ изъ пушекъ и сдѣлалась перемежка. По докладу о томъ губернатору хотя и отпущено было изъ города еще потребное число зарядовъ; * но какъ между тѣмъ сдѣлалась дождливая съ снѣгомъ погода, и затѣмъ нѣхотной командѣ и злодѣйскому лагерю подвигаться было неудобно, чего ради и посланъ отъ губернатора приказъ возвращаться всѣмъ въ городъ. Въ руки злодѣйскія досталась одна телѣга, въ которой лежало 17 заряженныхъ бомбъ, по тому яко бы случаю, что во время отступленія къ городу подъ оною телѣгою замялись лошади.

36) На 13 число въ ночи и день сей было спокойно; на 14-е ночью было спокойно жъ; а днемъ въ виду изъ города разъѣзжало изъ злодѣйской толпы только 4 человѣка, изъ конхъ одинъ ядромъ съ валу убитъ.—15-го и 16 числа было спокойно. Но какъ злодѣйскою толпою заготовленныя около Оренбурга сѣна почти всѣ уже безъ остатка были пожжены, то имѣющіяся здѣсь у воинскихъ регулярныхъ и нерегулярныхъ служителей и у прочихъ обывателей худыя и впредь къ работѣ ненадежныя лошади, для прокормленія ихъ, нѣкоторыя въ Уфимской уѣздъ, а другія на верхнюю Яицкую дистанцію и въ Илецкую Защиту за надлежащимъ препровожденіемъ отправлены *. А о рогатомъ и мелкомъ скотѣ обывателямъ отдано на волю, держать ли его, или употреблять въ пищу.—17 числа послѣ полудня разъѣзжали злодѣи около города кучами и за посылаемыми изъ города фуражирами гонялись. Въ нихъ выстрѣлено съ городовой стѣны съ ядрами 12 зарядовъ.

Къ дополненію изъ приватныхъ записокъ и извѣстій не принадлежитъ здѣсь болѣе, какъ только сіе, что 13 числа посылаемые фуражиры въ числѣ 2000 подводъ всѣ возвратились съ сѣномъ. 14 числа у Сакмарскихъ воротъ, по причинѣ въ маломъ людствѣ появившихся злодѣевъ, учиненъ былъ пушечный выстрѣлъ, и видно было, что одинъ изъ нихъ убитъ, а бывшую подъ нимъ лошадь подхватя, товарищи его ускакали.—15-го посланы были команды за лѣсомъ и за лубками, чтобъ землянки, подлѣ самаго вала для военныхъ людей на валу расположенныхъ и всегда тутъ находящихся, сдѣлать покрытіе; ибо какъ сей, такъ и вчерашній день были нарочитые уже морозы и на рѣкѣ Яикѣ появились ледяныя закраины. На 16 число съ вечера пошелъ снѣгъ, а къ утру нанесло его столько, что начали на саняхъ ѣздить. Сего жъ числа выбѣжали изъ злодѣйскаго лагеря четыре человѣка изъ захваченныхъ казаковъ, и одна канонерская жена оставила тамъ малолѣтняго своего сына. Казаки объявили, что злодѣи намѣрены стоять подъ городомъ до того времени, какъ будетъ въ немъ оскудѣніе въ хлѣбѣ и въ пропитаніи, и тѣмъ принудить жителей къ сдачѣ опаго **. 17-го злодѣи отважились было нападать на бывшій въ прикрытіи фуражировъ конвой; но какъ при ономъ

*) Выбѣжавшій изъ злодѣйскаго лагеря Соляная Правленія писарь, о коемъ выше сего подъ 9, а ниже 21 числомъ упомянуто, сказывалъ, что онъ, будучи въ злодѣйскомъ лагерѣ, отъ тамошнихъ канонировъ слышалъ, яко бы послѣ сего дѣйствія у злодѣевъ не оставалось болѣе 30 ядеръ и ежелибъ-де еще немного времени продолжалась отъ городской команды пушечная пальба, то бъ они, оставя пушки и лагерь свой, всѣ разбѣжались врозь. Но потомъ скоро вышеозначенный ссыльный Хлопуша переслалъ съ заводовъ какъ ядеръ, такъ и всякихъ снарядовъ множество.

*) Всѣ оныя партикулярныя лошади, въ показанныя мѣста посланныя (кромѣ отправленныхъ въ Илецкую Защиту), злодѣями перехвачены и остались въ ихъ рукахъ; а посланныя въ Илецкую Защиту, хотя и немалое время находились тамъ на корму, но тогда, какъ и сіе мѣсто завладѣли злодѣи, достались опѣ въ ихъ же руки.

**) Сего числа отъ нѣкоторыхъ недоброжелательныхъ людей пропущено было въ городѣ, яко бы въ казенныхъ магазинахъ нѣтъ соли, и народъ претерпѣваетъ уже въ ней нужду. Губернаторъ, услышавъ о томъ, прислалъ нарочнаго къ главному правителю ихъ дѣлъ освѣдомиться, сколько ея въ наличности; но какъ ему донесено было, что наличной соли противъ прежнихъ расходовъ будетъ еще на годъ и больше, тѣмъ оное пустое разглашеніе и опровергнуто.

были двѣ пушки, то по нѣсколькихъ выстрѣлахъ изъ оныхъ и съ городскихъ валовъ, отвалили они прочь и остановились противъ города на Маячной горѣ. Захвачено ими при семъ случаѣ изъ городскихъ людей 4 человѣка, въ томъ числѣ, какъ сказывали, 1 изъ лучшихъ канонеровъ. Съ городоваго вала противъ злодѣевъ выстрѣлено ядрами 12 зарядовъ.

37) 18 числа вся злодѣйская толпа со всѣми тягостями отъ рѣки Яика преслѣдовала чрезъ Сыртъ къ рѣкѣ Сакмарѣ и расположилась подъ Бердскою слободою близъ лѣтней Сакмарской дороги, и при самомъ томъ преслѣдованіи лагерь свой сожгла, а притомъ же и къ городу немалыми кучами подбѣгъ чинили; но какъ подъ городомъ ничего сдѣлать имъ не удалось, то обѣжавъ они городъ перекинулись на ту сторону рѣки Яика и тамъ напали на поѣхавшихъ изъ города для фуражированія разнаго званія людей, изъ которыхъ въ городъ не явилось, видно, что по причинѣ оплошности конвойнаго офицера; злодѣями убито и захвачено разночинцевъ нѣкоторое число, да бывшихъ въ конвоѣ Ставропольскихъ Калмыковъ 120 человѣкъ, о коей оплошности надъ конвойнымъ офицеромъ опредѣлено изслѣдовать и судъ учинить. Противъ оной злодѣйской толпы выстрѣлено съ городскихъ валовъ ядрами и картечами 46 зарядовъ, да 4 бомбы кинуто.

Сіе число по приватнымъ запискамъ и извѣстіямъ можетъ еще дополнено быть слѣдующимъ примѣчаніемъ:

Поутру послано было за рѣку Яикъ фуражировъ болѣе тысячи подводъ подъ прикрытіемъ регулярной и нерегулярной команды съ пушкою, которая команда расположена была противъ Мѣноваго двора, близъ рѣки Яика, въ виду съ городскаго вала, въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде форпостъ стоялъ, а въ десятомъ часу предъ полуднемъ выслана была изъ города казачья команда до 300 человѣкъ съ пушками и съ одною гаубицею, съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобъ злодѣевъ потревожить, отъ которой противъ ихъ лагеря и противъ отводныхъ ихъ карауловъ учинено было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, изъ-за чего всѣ они и начали изъ лагеря своего выбираться, а между тѣмъ зажгли его въ разныхъ мѣстахъ. И какъ тутъ навожено было ими сѣна не мало, и имѣвшіеся у нихъ шалаши и балаганы для тепла покрыты были сѣномъ же, то въ самомъ скоромъ времени великій пожаръ и дымъ тутъ сдѣлался. Между тѣмъ обозы свои и артиллерію начали они переправлять чрезъ Сыртъ, отдаляясь отъ города къ Каргалинской слободѣ; но поднявшись на Сыртъ въ такой дистанціи, чтобъ городскія пушки доставать ихъ не могли, потянулись они прямо къ Бердской слободѣ, да и расположились они вновь лагеремъ между тою слободою и Маячною горою подъ Сыртомъ разстояніемъ отъ города пять или шесть верстъ; но такъ, что за горкою имѣющійся тутъ лагерь ихъ изъ города сталъ быть невидѣнъ. Видя сію въ положеніи ихъ злодѣйскомъ перемѣну, надлежало было и отправленной для прикрытія фуражировъ командѣ занятое противъ прежняго положенія мѣсто перемѣнить и податься впередъ, такъ чтобъ фуражировъ закрыть и защищать было можно; но сего не сдѣлано. А злодѣи, перебираясь въ оный свой лагерь и усмотря посланныхъ за сѣномъ, и что находящіеся впереди люди не имѣютъ прикрытія, отрядили многихъ для захватыванія ихъ, которые перелѣзши чрезъ Яикъ за Маячною горою бродомъ, многимъ пересѣкли дорогу. Нѣкоторые, впереди находившіеся, увидя, что нѣтъ способа возвращаться имъ въ городъ, миновать тѣхъ злодѣевъ, выпрягши лошадей и оставя съ сѣномъ телѣги, поскакали верхами отъ города вдаль къ Чернорѣченской крѣпости, и бывъ уже противъ оной, поворотили въ Киргизскую степь, и оною заѣхавъ вдаль, подъ утро уже возвратились въ городъ; другіе, сдѣлавъ изъ телѣгъ, навьюченныхъ сѣномъ, городокъ, хотѣли было тутъ отстрѣляться; но злодѣи, притащя пушку, начали по нихъ стрѣлять и многихъ, кои не хотѣли имъ сдаться, на семъ мѣстѣ умертвили, а многихъ захватя, увезли въ свой злодѣйскій лагерь. А всѣхъ на все убитыхъ и увезенныхъ въ злодѣйскій лагерь и безъизвѣстно пропавшихъ считали близъ трехъ-сотъ человѣкъ. Изъ злодѣевъ поймано при семъ случаѣ 3 человѣка, въ томъ числѣ одинъ Яицкій казакъ, изъ самыхъ главныхъ злодѣевъ, который былъ весьма пьянъ: прозванье его Изюминъ. Объ немъ сказывали, что во время переѣзда злодѣйскаго вновь въ лагерь, подъѣзжалъ онъ ближе другихъ къ городу тихою ѣздою, а потому и признаваемъ былъ за выбѣгшаго изъ рукъ злодѣйскихъ. Подъѣхавъ же за полверсты и поднявъ свою шапку на копійное древко, сталъ кричать: «Господа Яицкіе казаки, пора вамъ одуматься и служить Государю Петру Ѳедоровичу!» и сіе покричавъ, опасаясь, чтобъ его изъ пушки не убили, сталъ скакать къ рогаткѣ, и такъ отдалился онъ тогда къ своимъ сообщникамъ.

38) На 19-е въ ночи и сего числа было спокойно; 20 числа поутру, около города между Орскихъ и Чернорѣченскихъ воротъ и по степи, разсѣявшись, разъѣзжали злодѣи кучами. Съ городового вала выпалено по нихъ ядрами 7 зарядовъ. На 21-е число ночью и сей день было спокойно.

На 22-е въ ночи было спокойно; а днемъ съ начала 12 часа по полуночи вся злодѣйская толпа усильнымъ образомъ къ городу, сперва между воротъ Чернорѣченскихъ и Сакмарскихъ сзади и подѣлавъ батареи, съ оныхъ безпрерывно производила канонаду, и какъ съ того мѣста имѣющимися здѣсь на городовой стѣнѣ пушками и бросаніемъ бомбъ сбито, то зашедъ уже съ другой стороны и расположилась между Сакмарскихъ и Орскихъ воротъ, и сдѣлавъ подъ валомъ батареи, производили безпрерывно жъ канонаду, причемъ и съ третьей стороны, то есть между Орскихъ воротъ и соборной церкви, немалыми кучами забѣгая, изъ пушекъ же въ городъ стрѣляли, но и со оныхъ сторонъ имѣющеюся на городовой стѣнѣ артиллеріею хорошимъ и артиллерійскихъ служителей стараніемъ съ большимъ урономъ опрокинуты. Противъ оной злодѣйской толпы съ городской стѣны изъ пушекъ съ ядрами и картечами выстрѣлено 580 зарядовъ, да бомбъ брошено пудовыхъ 4, тридцатифунтовыхъ 24, и оная канонада продолжалась безъ мала 5 часовъ; а отъ того злодѣя, по примѣчанію, пушечныхъ выстрѣловъ было около тысячи, коими убитыхъ оказалось на городовой стѣнѣ Татаринъ 1, да раненъ солдатъ 1; а сверхъ того, отъ многихъ выстрѣловъ у 12-фунтовой пушки казенную часть разорвало и лафетъ расшибло, отъ чего у бывшаго при оной Артиллеріи Подпоручика Сысоева и капонера Прокофья Иванова лѣвыя ноги пополамъ

перешибло, а канонера Плотникова до смерти убило.

39) Къ вышеописаннымъ 18, 19, 20, 21 и 22-му числамъ изъ приватныхъ записокъ болѣе не служитъ, какъ слѣдующее:

19 числа поутру изъ атакованныхъ злодѣями фуражировъ, коихъ считали уже пропавшими, вышло близъ 50 человѣкъ. Слышно было, что самозванецъ Пугачевъ, расположась около Бердской слободы, сообщникамъ своимъ для зимованья приказалъ дѣлать землянки. Слышна была въ злодѣйскомъ лагерѣ пушечная пальба, выстрѣловъ до ста, а между тѣмъ была и ружейная; но для чего, о томъ извѣстія не получено: ибо посыланные за нимъ, за разставленными около злодѣйскаго лагеря форпостами, близко и подъѣхать не могли.—20-го числа поутру прежде обѣденъ начали было злодѣи изъ-подъ Маячной горы выѣзжать партіями въ немаломъ людствѣ и приближались къ городу, но какъ сдѣлано съ вала выстрѣловъ до 6 изъ пушекъ, то всѣ они разбились врозь. Нѣкоторые отважнѣйшіе изъ нихъ, скача на лошадяхъ и подъѣзжая ближе къ городу, кричали съ визгомъ, чтобъ выданъ имъ былъ Мартюшка, то есть Яицкій Старшина Мартемьянъ Бородинъ; другіе, по всѣ будучи мертвецки пьяны, кричали, чтобъ находящіеся въ городѣ Яицкіе казаки ѣхали къ нимъ вина пить, сказывая при томъ: «у нашего-де Царя вина много;» напротивъ того, городскіе казаки кричали имъ, приманивая ихъ ближе къ пушкамъ, чтобъ они и съ Царемъ своимъ пріѣзжали въ городъ обѣдать, а вина-де въ городѣ больше. Однако передъ полуднемъ въ 11 часу перестали они разъѣзжать и кричать, а потомъ отъѣхали къ своему лагерю. По примѣченному въ нихъ сегодняшнему пьянству, догадывались въ городѣ, что вчерашняя пушечная и ружейная пальба не для чего другаго, какъ только въ пьянствѣ и сумасбродствѣ была, что послѣ и выбѣжавшіе плѣнники подтвердили.

На 21 число передъ утромъ выбѣжали изъ злодѣйскаго лагеря Соляная Правленія писарь Полуворотовъ, захваченный туда 9 числа <о немъ выше сего упомянуто>; а Таможенный копіистъ Петръ Каданцовъ, захваченный съ прочими 19 числа; изъ коихъ писарь Полуворотовъ объявилъ слѣдующее: будучи онъ въ злодѣйскомъ лагерѣ, отъ находящихся въ ономъ канонеровъ завѣрно слышалъ, что въ бывшее 12 числа сраженіе у злодѣевъ осталось не болѣе 30 пушечныхъ ядеръ, и ежели бъ де отъ высланной партіи еще хотя немного продолжена была пальба изъ пушекъ, то бъ они принуждены были не только пальбу, но и вывезенныя пушки покинуть; съ ядрами-де стрѣлали они только сбоку отъ урочища, называемаго Красная Глина, а изъ поставленныхъ въ долу пушекъ палили уже они холостыми зарядами для одного вида. Изъ Башкирцевъ-де при немъ злодѣѣ находится ста три или четыре, а человѣкъ съ тридцать лучшихъ отпустилъ онъ въ Башкирію, яко бы для уговора и привода еще Башкирцевъ; и хотя-де онъ накрѣпко подтверждалъ, чтобъ они какъ можно скорѣе къ нему были, но они представляли ему невозможность, сказывая, что Башкирцы ихъ живутъ въ разнотѣ и скоро собрать имъ ихъ не можно. А Калмыковъ при немъ небольшое число; дѣйствуютъ и озорничаютъ у него больше Яицкіе и Илецкіе казаки. А есть-де нѣсколько и изъ Оренбургскихъ такихъ, кои почитаютъ его за Царя и ему съ охотою служатъ. Всѣхъ же на все дѣльныхъ и оружейныхъ людей, признаетъ онъ, было до 2000 человѣкъ; а если считать безоружейныхъ и невольно у него находящихся, то наберется около 4000 или и болѣе. Способствующихъ ему во всѣхъ его совѣтахъ двое, изъ Яицкихъ казаковъ, изъ коихъ-де одному Яицкое прозванье Чика, а другому имени онъ не знаетъ. Третій былъ Яицкій же казакъ Изюмкинъ; но тотъ, какъ выше значитъ, пойманъ и находится здѣсь въ Оренбургѣ подъ карауломъ *). Недавно-де вздумалъ онъ набирать себѣ, подъ именемъ гвардіи, отборныхъ людей изъ Яицкихъ казаковъ, чтобъ ихъ было до 100 человѣкъ, и намѣренъ-де всѣмъ имъ сдѣлать зеленые по казачью покрою кафтаны; не весьма давно собравъ онъ самыхъ лучшихъ людей и лошадей, велѣлъ имъ скакать взапуски, и кои лошади выпередили другихъ, изъ тѣхъ самыхъ лучшихъ и рѣзвыхъ выбралъ онъ 30 лошадей, и невѣдомо-де для чего, всегда содержитъ ихъ на хорошемъ корму у себя. Нѣкоторые-де изъ его сообщниковъ разглашаютъ, яко бы Цесаревичъ Павелъ Петровичъ для его встрѣчи ѣдетъ къ нему и будто бъ уже въ Казань съ военными людьми (считая ихъ 2000) Самъ Онъ прибылъ. А потому и проговариваетъ иногда оный самозванецъ, чтобъ ему наскоро для встрѣчи Цесаревича съѣздить; провіантъ-де на все его собраніе подвозятъ къ нему изъ тѣхъ мѣстъ, коими онъ завладѣлъ, да и продавать въ лагерѣ у себя не запрещаетъ; скотины же отогнанной изъ разныхъ мѣстъ весьма у него много, которая-де вся содержится въ Бердской слободѣ. Дважды представленъ былъ онъ Полуворотовъ оному самозванцу; при первомъ случаѣ спрашивалъ онъ его: какое укрѣпленіе имѣетъ городъ, много ли пороху и снарядовъ?—Онъ ему отвѣтствовалъ: что городъ весьма нынѣ укрѣпленъ, пушекъ и снарядовъ, также и военныхъ людей тутъ много. Что-де выслушавъ, сказалъ онъ ему сіи слова: поди, Богъ и Государь тебя прощаетъ. И приказалъ ему остричь волосы по казачьи, почему и обрѣзали ихъ ему тотъ же часъ ножемъ. И такъ онъ отданъ былъ въ десятокъ находящемуся у него уряднику Колесову, который прежде бывалъ Губернскимъ подъячимъ, а за продерзость написанъ въ солдаты, и ему Полуворотову былъ знакомъ, почему онъ и содержалъ его противъ другихъ захваченныхъ людей повыгоднѣе; да и самъ съ нимъ къ уходу соглашался. Для ночлега имѣетъ онъ злодѣй палатку и кибитку, съ хутора Совѣтника Мясоѣдова увезенную, въ которую-де никто къ нему не входитъ, кромѣ вышеозначенныхъ первенствующихъ у него двухъ человѣкъ да жены покойнаго Маіора Харлова, которую онъ захватя въ Татищевой крѣпости, при себѣ держитъ. Когда выходитъ изъ кибитки, то выносятъ ему изъ оной кресла, взятыя изъ Губернаторскаго, хутора на которыя онъ садится, выслушиваетъ и распоряжаетъ всякія дѣла. Приходящіе къ нему кланялись ему въ землю, цѣловали у него руку и на-

*) Яицкій казакъ изъ Татаръ по прозванію Мустаевъ <сынъ тамошняго богатаго Татарина Мустая-Муллы> сказывалъ, что у вышеозначеннаго злодѣя чиновными людьми имѣются Яицкіе казаки: Овчинниковъ Атаманомъ, Лысовъ Полковникомъ; помянутой Чика прозванъ у него Черныше-вымъ, нѣкто Чумаковъ названъ Орловымъ, Максимъ Шигаевъ отъ злодѣя прозванъ Воронцовымъ.

зывали его иногда Ваше Величество, а просто батюшко, заочно жъ отцомъ. Ростъ его небольшой, лицо имѣетъ смуглое и сухощавое, носъ съ горбомъ; а знаковъ онъ Полуворотовъ на лицѣ не примѣтилъ, кромѣ сего, что лѣвый глазъ щуритъ и часто имъ мигаетъ. Волосы на головѣ черные, борода черная жъ, но съ небольшою сѣдиною. Платье имѣетъ: шубу плисовую малиновую, да и шаровары такіе жъ; шапку казачью. Рѣчь его самая простая и парѣчія Донскихъ казаковъ; грамотѣ или очень мало, или ничего не знаетъ. Пушечная-де и ружейная пальба, третьяго дня происходившая, была по причинѣ молебна, при великомъ пьянствѣ. Поповскую жъ должность отправляетъ у него невѣдомо какой дьяконъ, взятый съ заводовъ; по самъ-де онъ въ церковь никогда не ходитъ.

40) На 22 число въ ночи, послѣ полудня во 2-мъ часу, въ Никольскомъ приходѣ сдѣлался было пожаръ, но въ-скорости утушенъ разломаніемъ загорѣвшейся бани. Съ вечера жъ выпущено изъ города окольными дорогами нѣсколько уѣздныхъ жителей, кои за скоростію ни къ чему употреблены быть не могли, и съ ними, за недостаткомъ сѣна, отпущено до 1000 лошадей, коимъ сперва велѣно пробираться къ Русскимъ жительствамъ по за-Яицкой степи *). Около полудня, въ началѣ 12 часа, во время бывшаго въ сей день великаго тумана, подвезено было отъ злодѣевъ къ кирпичнымъ сараямъ нѣсколько пушекъ, и начали они съ сей стороны пальбу дѣлать, которую они непрестанно почти производили отселѣ до 3-го часа по полудни; а между тѣмъ стрѣляли они и противъ Орскихъ воротъ, такъ что одна граната, брошенная отъ нихъ изъ единорога, пала посреди Артиллерійскаго двора, но безъ дѣйства, ибо заметана была землею и до разрыва не допущена. Съ городскихъ валовъ встрѣчали ихъ также частыми выстрѣлами; а какъ они у кирпичныхъ сараевъ (изъ коихъ не всѣ еще были сломаны) начали скопляться кучами и усиливаться, то въ тѣ мѣста, гдѣ они и пушки ихъ стояли, кинули 3 или 4 бомбы, отъ которыхъ съ нѣкоторымъ урономъ всѣ они разбѣжались врозь, оставя тутъ пушки, такъ что съ полчаса никого людей при нихъ не было; потомъ подъѣхавъ нѣсколько съ телѣгами и веревками, стащили оныя пушки подъ валъ и увезли. А затѣмъ никого уже у тѣхъ кирпичныхъ сараевъ ихъ не осталось; оставя жъ оное мѣсто, со всѣми пушками начали подвигаться къ Сакмарскимъ воротамъ, производя непрестанную пальбу такъ, что нѣсколько ядеръ посреди города и далѣе по дворамъ и улицамъ ложилось (изъ коихъ одно 3-хъ-фунтовое и у меня посреди двора подпято), а у Петропавловской церкви близъ оныхъ воротъ имѣющіеся въ углахъ не въ одномъ мѣстѣ кирпичи были выбиты; не меньше того палили и по нихъ съ крѣпости. Причемъ убитыхъ у нихъ людей и убѣгающихъ порожнихъ лошадей немало было примѣчено. Наконецъ, въ исходѣ 4-го часа по полудни, подвинулись они къ Егорьевской церкви и тутъ еще начали сильную пальбу изъ пушекъ своихъ производить, куда, для разогнанія ихъ кучъ и скоповъ, изъ города изъ пушекъ стрѣляли; а какъ кинули туда три бомбы, то оставя они и сіе мѣсто, всѣ разъѣхались врозь. Примѣтно было, что тутъ подъ двумя ихъ пушками разбиты были лафеты, а послѣ свѣдано было, что и одинъ пороховой ихъ ящикъ разбитъ, отъ чего всѣ они отвалили въ Берду. Сіе ихъ устремленіе продолжалось къ городу близъ пяти часовъ, но все въ отдаленіи, такъ чтобъ ядра, горизонтально изъ города пущаемыя, доставать ихъ не могли, и они всѣ свои выстрѣлы съ низкихъ мѣстъ давали вверхъ, почему они столь далеко, какъ выше значитъ, и падали. При послѣднихъ своихъ выстрѣлахъ оставлены злодѣями тѣла двухъ канеперовъ, кои потомъ посланными изъ города подняты и погребены. Сказывали, что были они у нихъ подъ неволею изъ захваченныхъ ими людей; но сіи тѣла отъ городскихъ пушечныхъ выстрѣловъ найдены безъ головъ, а признаны за канеперовъ потому, что они были въ артиллерійскихъ мундирахъ. По многочисленной стрѣльбѣ пушечной и по людству бывшихъ притомъ злодѣевъ, разсуждаемо было, что сіе самозванцево на городъ устремленіе было такъ велико, каково онъ со всею силою сдѣлать могъ *).

41) 22-го, послѣ половины дня, около вечера, изъ злодѣйской толпы немалое число проѣхало злодѣевъ близъ города противъ бывшаго форштата на то мѣсто, гдѣ старый лагерь былъ. Выпалено по нихъ съ городскаго вала 2 заряда. — 24, 25 и 26-го, кромѣ происходившихъ между разъѣздными стычекъ, какъ въ ночное, такъ и въ денное время было спокойно.—27-го поутру, выѣхавъ изъ оной измѣнническої толпы великое число конницы и разсыпавшись по степи съ той стороны, гдѣ кирпичные сараи и кладбища имѣются, подбѣгали къ городу и съ высланными изъ города казаками перестрѣливались. Съ городоваго вала выпалено въ нихъ изъ пушекъ съ ядрами 15 зарядовъ.— 28 числа, послѣ половины дня, усмотря тѣ злодѣи на сторонѣ выѣхавшихъ изъ города фуражировъ, прошли мимо города съ той стороны, на которой форштатъ былъ, на старый свой лагерь и за рѣку Яикъ, откуда скоро возвратились съ неудачею. Съ городовой стѣны выпалено въ нихъ съ ядрами и картечами 34 заряда.—На 29-е въ ночи и день сей было спокойно.—30-го, поутру около обѣда, изъ злодѣйской толпы многія партіи разъѣзжали близъ города по той же сторонѣ, гдѣ форштатъ былъ. — 31 числа было спокойно.

---

*) Всѣ оныя лошади, такъ какъ и прежде высланныя, достались въ руки и въ пользу злодѣямъ.

*) Выше сего сказано, что злодѣи въ ядрахъ имѣли уже крайній недостатокъ и болѣе 30-ти у нихъ не оставалось, а сей день разстрѣляли они болѣе тысячи, да и поднято ихъ внутри города и за городомъ больше 300. Сказывали, что посланные на Твердышевскій заводъ безъ всякаго тамъ сопротивленія получили и прислали къ нему злодѣю болѣе 3000 зарядовъ съ ядрами, и заряды-де были все изъ самаго лучшаго пороха, и немалое число ружей. Тутъ же взяли они къ себѣ изъ заводскихъ много служителей, въ томъ числѣ нѣсколько довольно обученихъ пушечной пальбѣ, о коихъ сказывали: яко бы они добровольно склонились. Но можно ли такимъ партикулярнымъ людямъ дозволять артиллерію и снаряды, и не могутъ ли не только государственные злодѣи, но и прочіе разбойники, отнимая ихъ на заводахъ, усиливаться и причинять такія великія вредности, кои съ заводами и заводчиками по многимъ обстоятельствамъ никакого сравненія имѣть не могутъ: сіе зависитъ отъ разсмотрѣнія высшихъ Правительствъ.

42) Къ дополненію вышеозначенныхъ по журналу Губернаторской Ккапцеляріи описанныхъ девяти чиселъ, то есть отъ 23 Октября по 1-е число Ноября, изъ приватныхъ записокъ можетъ вмѣщено быть слѣдующее:

23 числа передъ утромъ выбѣжалъ изъ злодѣйскаго лагеря захваченный туда въ послѣднемъ фуражированіи Соборный староста; передъ вечеромъ же слышна была въ лагерѣ ружейная стрѣльба.—На 24 число ночью небольшое число злодѣевъ подкрадывались къ сдѣланному чрезъ рѣку Яикъ мосту, въ намѣреніи, чтобъ оный разорвать, и два якоря, коими будары прикрѣплены, дѣйствительно отрубили, да и досокъ нѣсколько разбросали; но, совершеннаго успѣха не получа, какъ стали окликать, скрылись. Предъ полуднемъ разъѣздными изъ города казаками пойманъ бывшій въ обществѣ съ злодѣями Чернорѣченскій казакъ, который между прочаго объявилъ, что положено у нихъ завтрашній день еще покушеніе сдѣлать на городъ. Предъ вечеромъ же оказалось: было оныхъ злодѣевъ немалое число, скопляющихся около Маячной горы, а потому и признавали намѣреніе ихъ въ почную темноту приближиться къ городу; но съѣхавшись они въ одну кучу и постоявъ немного, невѣдомо зачѣмъ, всѣ разъѣхались они опять къ своему лагерю, оставя по высокимъ мѣстамъ обыкновенные свои караулы.—На 25 число въ ночи хотя и чаятельно было подбѣгу ихъ на городъ, однакожъ онаго не было.—26 числа поутру начали было злодѣи еще приближаться къ городу великимъ людствомъ и съ пушками, въ томъ намѣреніи, по сказкѣ выбѣжавшихъ, чтобъ всѣми силами домогаться взять городъ и идти бы прямо къ валу, имѣя впереди себя захваченныхъ ими людей пѣшими, и хотя они нарочито уже близко къ городу подошли, но не видя никакой пальбы изъ города <коей въ томъ намѣреніи не производили, чтобъ подпустить ихъ ближе къ пушкамъ> и постоявъ въ одной кучѣ съ четверть часа, поворотили всѣ назадъ.—27 числа, поутру въ 9-мъ часу, вышли они изъ своего лагеря, пробираясь къ кирпичнымъ сараямъ въ немаломъ людствѣ, но безъ пушекъ, да и начали было дѣлать стремительство свое къ городу; но какъ выпалили по нихъ изъ пушекъ до 10-ти разъ, отъ чего нѣсколько упало ихъ съ лошадей, то въ 10-мъ часу предъ полуднемъ опять отошли они въ свой лагерь. Между тѣмъ пойманъ приставшій къ нимъ въ Нижней Озерной крѣпости изъ Поляковъ весьма пьяный солдатъ, который между прочаго сказывалъ, будто бы они въ предбудущую ночь намѣрены сдѣлать къ городу нападеніе всѣми своими силами, а для того и приготовили-де они три воза лопатъ и незнаемо какіе щиты. Сего числа пріѣхали изъ Озерной крѣпости отъ Бригадира Корфа 10 человѣкъ тамошнихъ казаковъ, да одинъ Башкирецъ, съ тѣмъ извѣстіемъ, что онъ Корфъ сегодня, а конечно завтра, съ командою своею оттуда выступитъ *).

43) Хотя по объявленію вышеозначеннаго солдата въ ночи на 28-е число и ожидали отъ злодѣевъ сильнаго на городъ приступа, къ чему яко бы готовили они у себя и туры на подобіе щитовъ, изъ-за конхъ бы имъ безопаснѣе стрѣлять, и имѣли у себя до 300 желѣзныхъ лопатокъ, кои достали они съ Твердышева завода; однакожъ онаго не было; можетъ быть была тому причиною великая въ сію ночь темнота, а съ вечера небольшой былъ и дождикъ. Послѣ жъ полудня, часу во 2-мъ усмотря они, злодѣи, что пропущено было изъ города нѣсколько служивыхъ людей и слугъ для фуражированія, бросились туда чрезъ бродъ позадь прежняго ихъ лагеря и начали туда скопляться, такъ что наконецъ перебѣжало ихъ туда къ Мѣновому двору до 700 человѣкъ, въ намѣреніи, чтобъ изъ тѣхъ фуражировъ сколько-нибудь отхватить, да и гнались за ними многолюдно; но какъ зачали въ толпу ихъ палить изъ пушекъ и убили изъ нихъ ядрами двухъ человѣкъ, да лошадь ранили, то стали они отдаляться; а потомъ, въ исходѣ 5-го часа, на томъ же броду перешедъ Яикъ, отошли къ своему лагерю, слѣдуя въ виду изъ города, но такъ далеко, что пушечные выстрѣлы доставать ихъ не могли. Сказывали, что изъ Каргалинскихъ Татаръ при семъ случаѣ отлучилось къ злодѣю 44 человѣка. Бывшіе для сѣна и травы за рѣкою Яикомъ объявляли, яко бы нѣкоторые изъ злодѣевъ, подбѣгая ближе къ городскимъ людямъ, кричали: долго ли вамъ воевать и не сдаваться? Завтра-де будетъ къ намъ Павелъ Петровичъ, а батюшко-де (то есть самозванецъ ихъ) нынѣ боленъ.—29 числа послѣ полудня человѣкъ съ 300, вышедъ изъ своего лагеря, перешли выше города чрезъ рѣку Яикъ вчерашнимъ же бродомъ, и за рѣчкою степною стороною пошли на Сыртъ, а куда и для чего, неизвѣстно; только догадывались, что намѣреніе ихъ стремилось напасть на Киргизскія коши, потому что вчера захватили они 6 или 8 человѣкъ Киргизцевъ, ѣхавшихъ въ городъ для мѣны, конхъ можетъ быть принудили они указать оставшихъ позади ихъ со скотомъ Киргизцевъ. Передъ вечеромъ же человѣкъ до 100 выѣзжало ихъ изъ лагеря къ кирпичнымъ сараямъ, откуда нѣсколько отважнѣйшихъ, но весьма пьяныхъ, отдѣлясь, подъѣзжали ближе къ городу и имѣли они съ немногими казаками, высланными изъ города, небольшую перестрѣлку, по безъ всякаго вреда. Между оными выѣзжалъ за городъ одинъ Курскій купецъ, по прозванію Полуехтовъ, который, надѣясь на свою весьма рѣзвую лошадь и желая оныхъ злодѣевъ въ большемъ числѣ приманить къ городу, въ самомъ близкомъ разстояніи подъѣзжалъ къ нимъ и снова отдалялся къ городу, въ виду многихъ зрителей, на валу стоявшихъ; однакожъ оные злодѣи предостереглись, а потому и оный купецъ за наступившимъ вечеромъ съ казаками возвратился въ городъ. — 30 числа въ ночи было спокойно; только съ вечера и подъ утро слышны были въ злодѣйскомъ лагерѣ два пушечные выстрѣла; а поутру, въ началѣ 9 часа, была изъ города пушечная пальба выстрѣловъ до 10-ти, по той причинѣ, что немалымъ людствомъ пошли они еще, въ виду и въ недальнемъ разстояніи отъ города, къ старому своему лагерю, на тотъ бродъ, о коемъ выше сего упомянуто, и тутъ перешли Яикъ; нѣкоторые ходили по степи. А около полудня пришли они назадъ въ виду города и гнали съ собою

*) Сего числа ввечеру впущенъ въ городъ Хивинскій караванъ, состоящій въ 30 верблюдахъ <Еще 6 верблюдовъ, по сказкѣ Хивинцевъ, близъ Илецкой Защиты отбили у нихъ Киргизы>. Тутъ же вывезенъ Хивинцами и одинъ солдатъ, съ три года назадъ захваченный Киргизцами съ Сибирской линіи, и запроданъ отъ нихъ былъ въ Хиву.

Jemelja Pugatschew

Rebelle in Rußland unter dem angenommenen Namen Czaar Peter des dritten im Orenburgischen Gouvernement; fieng an am Ende des Jahrs 1773, ward gefangen am Ende des Jahrs 1774, und im ein fernen Käfig nach Moskow gebracht.

Nach dem Originale von Peters in 7

барановъ, по видимому, отъ 4-хъ до 5000. И такъ вчерашняя догадка была справедлива, что они ѣздили разбивать Киргизцевъ, ѣхавшихъ въ городъ для мѣны барановъ, что они, по словамъ захваченныхъ ими Киргизцевъ, и учинили. Между тѣмъ сожгли они нѣсколько стоговъ сѣна, кои было отъ прежнихъ ихъ пожеговъ уцѣлѣли.—31 числа ничего не происходило.

Часть III.—*Продолженіе Оренбургской осады, бывшія на злодѣевъ изъ города вылазки, приступы самозванца Пугачева къ Оренбургу, усиленіе его и другія приключенія, Ноября съ 1 Декабря по 1 число 1773 года.*

44) 1 число Ноября, какъ въ денное, такъ и въ ночное время, было спокойно; на 2-е въ ночи было спокойно жъ; а днемъ съ начала 8 часа по полуночи предписанный злодѣй Пугачевъ со всею его злодѣйскою толпою вышедъ изъ лагеря и построя вкругъ всего здѣшняго города батареи, производилъ безпрерывно до самой ночи сильную канонаду, и около половины дня изъ толпы его 1000 человѣкъ пѣшихъ подъ пушечными выстрѣлами закравшись съ берега рѣки Яика въ имѣющіеся въ форштатѣ погреба, почти къ самому валу и рогаткамъ стрѣляли изъ ружей и изъ сайдаковъ. Но напослѣдокъ высланными изъ города за Яикъ рѣку шестой легкой полевой команды егерями не только изъ тѣхъ мѣстъ ружейными выстрѣлами выгнаны, но притомъ много изъ нихъ побито, а 4 человѣка живыхъ захвачено. Противъ оныхъ злодѣевъ съ городовой стѣны вокругъ города выпалено изъ пушекъ ядрами 1643, картечами 71 зарядъ, да бомбъ брошено пудовыхъ 40, 30-ти фунтовыхъ 34, причемъ 12-фунтовую пушку въ казенной части разорвало и отрывками изъ имѣющихся при ней служителей изъ баталіонныхъ солдатъ ранило 2, у мѣдной 6-фунтовой запалъ вырвало, почему и къ дѣйствію стала неспособна. Да съ непріятельской стороны пушечными ядрами ранило солдата одного, рекрута одного, да внутри города у здѣшняго купца Кочнева руку оторвало, отъ чего онъ вскорѣ и умеръ.

45) Сіе 2-е число изъ приватныхъ записокъ и извѣстій можетъ еще дополнено быть слѣдующимъ:

Какъ ни сильно было означенное по 22 число Октября злодѣйское устремленіе къ городу, но сего 2 числа Ноября произведенное ими несравненно было сильнѣе и отважнѣе.

Еще прежде дневнаго разсвѣта подтащили они къ городу имѣвшуюся у нихъ артиллерію, и какъ стоящіе на валу караулы на разсвѣтѣ дня стали окликать: что тутъ за люди? они вмѣсто отзыва въ трехъ мѣстахъ выпалили изъ своихъ пушекъ, а потому, въ исходѣ 7 часа поутру, какъ изъ города, такъ и отъ нихъ началась сильная и весьма частая пушечная пальба: сперва произведена она была злодѣями у кирпичныхъ сараевъ и противъ Бердскихъ воротъ, гдѣ они имѣли свои пушки. А какъ городскими выстрѣлами оттуда сбивать ихъ начали, то оставя они сіи мѣста, начали подвигаться къ Орскимъ воротамъ и подавались къ мишени *), которая отъ города въ верстѣ или немного больше сдѣлана была изъ дерну нарочитой вышины и толщины, для обученія артиллерійскихъ служителей и стрѣлянію въ цѣль, къ которой мишени злодѣи во вчерашнее ночное время придѣлавъ съ обѣихъ сторонъ небольшіе валы, оставя тутъ для пушекъ малые промежутки, начали частую и сильную пушечную пальбу производить по городу. Сверхъ того позадь часовни, гдѣ убогіи домъ, сдѣлали въ ту жъ ночь батареи и, поставя на нихъ пушки, непрестанно стрѣляли въ городъ, не взирая на то, что съ городскихъ валовъ равномѣрно въ тѣ мѣста стрѣляли жъ, и какъ оныя ихъ злодѣйскія мѣста къ городу гораздо уже стали быть ближе прежнихъ, то всѣ ихъ ядра внутри города падали, къ немалой опасности городскихъ служителей *); одно такое ядро, пущенное злодѣями отъ вышеозначенной мишени, трафило въ окно первенствующаго и капитальнаго Оренбургскаго купца Ильи Лукьянова сына Кочнева <который отъ Оренбургскаго купечества былъ и Депутатъ>, въ то самое время, когда во время обѣденное священникъ служилъ у него молебенъ, а самъ онъ Кочневъ стоялъ у окна, имѣя правую руку прижату къ лѣвой; ядро, пробивъ стекло, трафило его напередъ въ правую руку и оторвало у сей руки средній перстъ, а потомъ разбило кость у лѣвой руки выше локтя такъ сильно, что рука осталась на одной только мясной части: для чего, по разсужденію Доктора и лекарей, принуждено было тогда жъ дѣлать надъ нимъ операцію и руку его прочь отнять; и такъ онъ Кочневъ сей же день къ вечеру скончался. Симъ не удовольствуясь, еще оные злодѣи завезли нѣсколько пушекъ своихъ къ самой Егорьевской церкви <которая отъ городскаго вала не далѣе двухъ-сотъ саженъ>. Изъ имѣвшагося тутъ подъ горою тесаного плитнаго камня, на обѣихъ сторонахъ сей церкви очень скоро сдѣлали они тутъ для себя защиту, оставя въ ней узкіе промежутки, чтобъ имъ пушками своими отъ городскихъ выстрѣловъ безопасно было дѣйствовать, и начали отсель безпрестанно стрѣлять въ городъ мимо лѣтней Соборной церкви; а нѣсколько сотъ, спѣшившись у той же Егорьевской церкви подъ горою, пошли по подгорью и подлѣ рѣки Яика, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ имъ, приближась къ городу

*) О сей мишени, которая немалое помѣшательство дѣлала пушечной пальбѣ изъ города по злодѣямъ, хотя и неоднократно говорено было, чтобъ ее какъ вредную разнимать, а около Георгіевской церкви, для недопущенія злодѣевъ въ близость къ городу, въ пристойныхъ мѣстахъ сдѣлать батареи и поставить на нихъ пушки, но сіе не учинено, ди и въ казачьей бывшей слободѣ противъ самой Соборной церкви отъ пожара одна оставшаяся изба не сломана и не сожжена, что, какъ ниже значится, злодѣямъ служило къ немалому ихъ пособію и закрытію оными.

*) Оными ядрами, кромѣ купца Кочнева, побито до смерти 5 или 6 человѣкъ и 7 человѣкъ ранено; 2 ядра трафили внутрь Губернаторскихъ покоевъ, одно 6 или 8 фунтовое пало въ двери палатки, гдѣ Соляная Правленія денежная казна хранится, и часть двери выломало; другое ударило въ стѣну сего Правленія, гдѣ Судейская камора, и отскоча отъ стѣны, отлетѣло вдаль; а еще одно трафило передней каморы онаго жъ правленія въ окно, и ударивъ въ дверной Архивный косякъ, въ томъ косякѣ и осталось; еще одно поднято на моемъ дворѣ, отъ коего едва спасся идущій ко мнѣ того жъ Правленія Протоколистъ Ершовъ.

и взошедъ на гору одною имѣющеюся тутъ лощиною, ворваться въ городъ, не смотря на пушечную пальбу. Тутъ поднявшись они къ верху и не входя еще на верхъ, зачали палить изъ ружей, а бывшіе съ ними въ сообществѣ Башкирцы метать стрѣлы. На валу бывшіе люди тотъ же часъ начали стрѣлять по нихъ изъ ружей; но какъ ихъ, тутъ лежащихъ за горою, ружейною пальбою вредить было не способно, то нѣсколько егерей легкой полевой команды отважились рѣку Яикъ перейти по льду, а нѣкоторые, пробивъ ледъ, переѣхали рѣку и, будучи на той сторонѣ, начали по лежавшимъ на горѣ злодѣямъ, палить изъ ружей и тѣмъ принудили ихъ спущаться въ великой робости опять подъ гору, что узнавъ бывшіе на валу солдаты кинулись чрезъ ровъ и чрезъ рогатки, и пресѣкши нѣкоторымъ способъ къ побѣгу, порубили и покололи изъ нихъ человѣкъ до 30; многіе хотѣли было, перешедъ Яикъ, укрыться на той сторонѣ, но за топкостію льда, проломившись, утонули. Однако жъ четыре человѣка живые поіманы; изъ-за сего оные злодѣи въ близость городскаго вала нѣшіе стремиться уже и перестали, а отдалились къ Егорьевской церкви и къ своимъ пушкамъ; но большая ихъ часть была у той церкви подъ горою. Пушечная пальба и все вышеозначенное нынѣшнее дѣйствіе продолжалось, какъ выше значитъ, отъ самаго утра и до 6 часа пополудни, но и въ ночь до 12 часа изрѣдка съ обѣихъ сторонъ пушечная пальба была жъ. Оставшіе жъ подлѣ Егорьевской церкви злодѣи въ то ночное время, какъ на Соборной церкви били часы, на каждый часъ дѣлали по выстрѣлу изъ пушки; напротивъ чего изъ города отъ Соборной батареи то жъ чинено. Съ нашей стороны при семъ случаѣ считали убитыхъ, кромѣ вышеозначеннаго купца Кочнева, 6 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ Хивинецъ и Татаринъ, да одна баба, которая, ходя по воду, смотрѣла; раненыхъ начли 7 человѣкъ.

46) На 3-е число въ ночи и днемъ изъ сдѣланной ими злодѣями, въ имѣющейся на томъ мѣстѣ, гдѣ форштатъ былъ, около каменной Георгіевской церкви, также и днемъ того 3 числа производилась и изъ-подъ горы съ батареи сильная канонада. Однако отселѣ соотвѣтствующею пальбою отбиты въ свой лагерь возвратиться. Съ городовой стѣны пыпалено изъ пушекъ съ ядрами и картечами 126 зарядовъ, да бомбъ брошено пудовыхъ 5, 30-ти-фунтовыхъ 3.—4-го числа помянутые злодѣи разъѣзжали партіями вокругъ города; въ нихъ съ городовой стѣны выпалено изъ пушекъ съ ядрами два заряда.

Къ симъ 3 и 4 числамъ въ дополненіе изъ приватныхъ записокъ вносится, что выше сего означено уже, что на 3 число до полуночи изрѣдка съ обѣихъ сторонъ пушечная пальба происходила; но отъ злодѣйской никакого вреда не было: поутру началась, но въ 8 часу однакожъ не такъ была многочисленна, какъ во вчерашній день; но къ вечеру произведена была гораздо чаще. Злодѣи во 2 часу послѣ полудня хотя и покусились было еще въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они вчера нѣшіе къ валу приближась, ружейную пальбу производили, и сегодня до того дошли, что съ стоящими на валу перестрѣлку изъ ружей начали по нихъ стрѣлять; но какъ изъ поставленныхъ на той сторонѣ Яика двухъ уже пушекъ (другая сей день туда перевезена), выстрѣла четыре по нихъ сдѣлали, то всѣ они покидались впизъ горы къ берегу и убрались опять къ Егорьевской церкви, въ которую вташили они двѣ пушки, гдѣ заряжая, вытаскивали ихъ въ двери и подъ колокольню на паперть, сперва изъ обѣихъ, а потомъ уже изъ одной начали отсель стрѣлять въ городъ; а нѣкоторые взошедъ па колокольню, стрѣляли въ городъ свинцовыми жеребьями и пулями, и какъ въ сей день была сильная вьюга и стужа, то оные злодѣи въ самой церкви разклали великій огонь и тутъ грѣлись, и такимъ образомъ изъ храма Божія и святилища Его сдѣлали они теперь батарею и вертепъ свой разбойничій; другіе, натопя оставшуюся отъ пожара противъ самой той церкви избу <о коей выше упомянуто>, грѣлись и въ той избѣ; и хотя ввечеру всѣ мѣры употребляемы были къ тому, чтобъ сію избу, злодѣямъ для убѣжища и согрѣванія служащую, пушечными ядрами разбить, однако сего намѣренія сегодня одержать было неможно. Отъ злодѣйскихъ же сегодняшнихъ выстрѣловъ, какъ слышно было, раненъ въ ногу изъ находившихся на валу одинъ только солдатъ.—На 4-е число въ ночи никакой тревоги не было, можетъ быть, по причинѣ случившагося сильнаго мороза; между тѣмъ выбѣжали изъ лагеря 5 человѣкъ изъ захваченныхъ ими, которые между прочаго показали, что въ послѣдніе два приступа къ городу разстрѣляли они ядеръ столько, что осталось у нихъ уже малое число, а потому и заготовили-де они три телѣги чугуннаго черепья, употребя на то имѣвшіеся у нихъ и увезенные съ Мѣновaго двора котлы; а въ третьягодняшній-де приступъ у нѣшихъ людей, коп отважились подходить къ валу, предводителемъ былъ вышеупомянутый самозванецъ самъ, и какъ-де вылазка сдѣлана изъ города, то едва спасся онъ подъ горою отъ поимки; намѣреніе жъ онъ имѣетъ, прежде нежели сберутся команды, завладѣть городомъ и къ тому употребить всѣ свои силы, да и обѣщалъ-де находящимся при немъ людямъ, сверхъ того, что они грабежемъ могутъ получить, по 10 руб. на человѣка деньгами и по хорошему кафтану, а потомъ отпустить ихъ на волю куда кто желаетъ. Поутру, не видя опыхъ злодѣевъ около Егорьевской церкви и батареи ихъ, послано было нѣсколько егерей и казаковъ осмотрѣть оную церковь: есть ли тутъ и около ея злодѣи, или нѣтъ;—рапортовали, что никого ихъ тамъ и при батареяхъ нѣтъ, да и пушки-де отвезены въ лагерь, а внутри церкви усмотрѣна въ разныхъ мѣстахъ кровь <можетъ быть отъ раненыхъ людей>, а напрестольное одѣяніе все изорвано въ лоскутья, и оклады съ образовъ ободраны. Узнавъ уже по самимъ дѣйствіямъ, сколь вышеозначенная мишень пушечнымъ изъ города выстрѣламъ дѣлала много помѣшательства, а злодѣямъ прикрытіе и способность, не смотря на сильный сегодняшній морозъ, подъ прикрытіемъ казаковъ послано было нѣсколько ссыльныхъ, чтобъ оную мишень и придѣланныя къ ней и другія въ близости города устроенныя злодѣями батареи испортить, а оставшуюся на пожарищѣ избу <гдѣ вчера злодѣи убѣжище и согрѣванье имѣли> разломать—что и учинено <кромѣ мишени, которую, за ея вышиною и толщиною, и что земля весьма уже промерзла, съ великою нуждою послѣ чрезъ нѣсколько дней разбросали>. Злодѣи, усмотря оную высылку, хотя и пошли было изъ лагери своего многолюдствомъ и съ пушками, чтобъ оной работѣ воспрепятствовать, а можетъ быть и къ

городу еще приступъ сдѣлать; но какъ съ крѣпостнаго вала сдѣлано въ нихъ выстрѣловъ до 50, и одна граната, изъ единорога брошенная, надъ толпою ихъ разорвалась, то сія толпа, сдѣлавъ немалый визгъ и крикъ, разсыпалась врозь, а потомъ, не подходя уже къ городу, оборотилась назадъ къ своему лагерю, и во весь день тѣхъ злодѣевъ было не видно.

47) 5 и 6 чиселъ было спокойно. Между тѣмъ злодѣй Пугачевъ, возвратя 4-хъ казачьихъ женокъ, захваченныхъ 18 числа Октября съ фуражирами, прислалъ къ Губернатору листъ, давъ сроку на 4 дни съ тѣмъ, чтобъ выйти изъ города вонъ, вынести знамена и оружіе и приклонить бы имъ злодѣямъ, титулуя себя Великимъ Государемъ, съ прощеніемъ, ежели того исполнено не будетъ, его гнѣва; которые листы, также и къ Яицкому вѣрному Старшинѣ Мартемьяну Бородину присланные, отправлены при рапортѣ въ Государственную Военную Коллегію.—На 7-е число въ ночи было спокойно, а днемъ поутру въ 8 часовъ изъ означенной злодѣйской толпы человѣкъ со 150, переѣхавъ выше Оренбурга верстахъ въ четырехъ чрезъ рѣку Яикъ <по объявленію плѣнныхъ, для осмотра слѣдовъ, не идутъ ли откуда команды>, приближились къ Мѣновому двору, гдѣ высланною изъ города перегулярною командою разбиты; изъ копхъ поймано злодѣевъ: изъ Яицкихъ казаковъ 7, въ томъ числѣ хорунжихъ 2, изъ Илецкихъ 12, Башкирцевъ 3, изъ разныхъ крѣпостей захваченныхъ ими злодѣями казаковъ, заводскихъ крестьянъ и Сеитовскихъ Татаръ 38, итого 57, да на мѣстѣ побито до 70 человѣкъ, прочіе жъ спаслись бѣгствомъ, а изъ выслапныхъ отсель никому вреда не сдѣлалось.

По приватной запискѣ, 5-го числа, поутру въ 10 часу, выше города перешло злодѣевъ чрезъ рѣку Яикъ вышеозначеннымъ же бродомъ человѣкъ до 300 и стали къ Мѣновому двору прямо, гдѣ позади онаго двора постоявъ немного, пошли тихою ѣздою вниз по рѣкѣ Яику степною стороною; а послѣ полудня еще такая жъ партія, вышедъ изъ лагеря, пошла сдѣшнею стороною, ниже Яика, а зачѣмъ, того узнать было не можно. Между тѣмъ поутру примѣчепъ былъ въ злодѣйскомъ лагерѣ великій дымъ, на подобіе пожара: сказывали, яко бы онъ, оставя лагерь по причинѣ бывшаго жестокаго мороза, со всѣми своими людьми перебрался въ самую Бердскую слободу и приказалъ подлѣ ея и на дворахъ дѣлать землянки; а въ оставшемъ отъ пожара лагерѣ позволилъ онъ быть Башкирцамъ и Калмыкамъ.—На 6-е число въ ночи не было никакой тревоги, а въ день прежде полудня переѣхало еще нѣсколько злодѣевъ на ту сторону Яика, и подъѣзжали они къ Мѣновому двору; но не ѣздя оттуда вниз по Яику, возвратились послѣ полудня въ свой лагерь, да и число ихъ было не столь людно, какъ вчера.—7-го числа поутру, въ томъ чаяніи, что злодѣи на Мѣновой дворъ придутъ по вчерашнему, еще до свѣта выслано было изъ Яицкихъ казаковъ 270 человѣкъ, съ тѣмъ приказомъ, дабы они расположились противъ города подъ закрытіемъ имѣвшагося тутъ за рѣкою Яикомъ лѣса; а еще нѣсколько изъ нихъ же приготовлено было на такой случай: когда вышеозначенные казаки съ злодѣями вступятъ въ сраженіе, то бъ ихъ сими усилить, въ чемъ и ошибки не было. Злодѣи еще ранѣе обыкновеннаго оказались на Сырту противъ Егорьевской церкви, и хотя не столь уже людно, какъ вчера, однакожъ по примѣру было ихъ около 100 человѣкъ. Шли они по Сырту и къ старому своему лагерю, оттуда на бродъ къ Яику рѣкѣ несмѣшно, перешедъ чрезъ Яикъ, прежнею своею тропою потянулись на Мѣновой дворъ; какъ скоро приближились они къ нему и заѣхали позадь онаго, то бывшіе въ засадѣ казаки пустились на нихъ во весь опоръ, а между тѣмъ и приготовленные въ городѣ для сикурсу туда жъ наскакали и скоро начали перестрѣлку. Злодѣи, видя, что путь имъ къ лагерю ихъ съ обѣихъ сторонъ пресѣченъ, и надѣясь на рѣзвость своихъ лошадей, по недолгомъ сопротивленіи поскакали было всѣ прямо въ степь, удалясь въ лѣвую сторону отъ Мѣноваго двора; но сколь ни слабы были у городскихъ казаковъ отъ безкормицы лошади, однако могли они и тамъ ихъ догонять, многихъ перекололи они тутъ сражающихся съ ними, а другихъ перестрѣляли изъ ружей; но не меньше, перехвативъ, переслали въ городъ, о чемъ выше сего по журналу Губернаторской Канцеляріи явствуетъ.

48) 8 и 9 числа были спокойны. — 10-го числа въ виду изъ города разъѣзжала злодѣйская партія и изъ нея нѣкоторое число подбѣгало къ городовой стѣнѣ. Въ нихъ съ вала выпалено изъ пушекъ 4 заряда.—11-го числа днемъ и ночью было спокойно.—12-го числа изъ злодѣйской толпы противъ партіи чипена была изъ города вылазка, составляющая перегулярныхъ командъ 300, да нѣхоты 100 человѣкъ, которыми изъ той партіи переловлено разнаго званія захваченныхъ людей 13 человѣкъ, да убито и ранено до 20 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ злодѣйскій полковникъ, а прочіе всѣ возвратились въ свой лагерь. На полевомъ сраженіи выпалено изъ пушекъ ядрами 17, да съ городской стѣны 1, итого 18 зарядовъ.

Изъ приватныхъ записокъ могутъ оныя пять чиселъ дополнены быть слѣдующимъ. На 8 число въ ночи было спокойно, а поутру, какъ третьяго-дня и вчера, такъ и сегодня посланы были за городъ ссылочные подъ прикрытіемъ военныхъ людей, вышеозначенную мишень, не смотря на то, что земля крѣпко уже замерзла, срыть до основанія; но какъ сіе злодѣи усмотрѣли изъ лагеря своего немалое людство, а потому и разсуждено было оныхъ людей всѣхъ возвратить въ городъ; однако послѣ полудня еще была туда высылка, и оную мишень уже безъ препятствія отъ злодѣевъ разрывали; но и сегодня, за великимъ морозомъ и что къ тому употреблены были Каргалинскіе Татары, кои мало къ такой работѣ привыкши, и на одну четверть ее не разрывъ, ввечеру принуждены были сію работу покинуть.—9 числа, какъ въ ночи, такъ и днемъ, отъ злодѣевъ ничего не видно было; только около полудня слышны были въ лагерѣ ихъ три выстрѣла пушечныхъ для чего—неизвѣстно. Ввечеру приказъ данъ Полиціи, за подписаніемъ Губернаторскимъ, чтобъ, по случаю недостатка въ сѣнѣ *), каждый житель объявилъ.

*) Ежели бъ о часто-помянутомъ злодѣѣ городскимъ жителямъ заблаговременно дано было знать и къ перевозкѣ заготовленныхъ сѣновъ сдѣлана была повѣстка заранѣе, то бъ сего недостатка совсѣмъ не было: ибо у каждаго жителя и во всякой командѣ сѣна заготовлено было весьма довольно; но злодѣи скоропостижно прибли-

сколько имѣетъ у себя на дворѣ сѣна, и оное бъ безъ всякой утайки отдавалъ на команду Яицкихъ казаковъ, для защищенія города находящихся.

На 10-е число въ почи пойманъ на рѣкѣ Яикѣ крещеный Калмыкъ, у него найдено 7 или 8 фунтовъ пороха и фитиль; который въ допросѣ между прочаго показалъ, что онъ отъ злодѣевъ съ тѣмъ и посланъ въ городъ, дабы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ больше и чаще строенье, зажечь и причинить пожаръ, а въ то-де время злодѣи хотѣли приступъ сдѣлать къ городу. Поутру хоть и учинена была за городомъ высылка, чтобъ схватить нѣкоторые злодѣйскіе разъѣзды; но за великимъ морозомъ и вѣтромъ возвращена была въ городъ. А послѣ полудня еще была высылка, въ которую командировано было Яицкихъ казаковъ до 300 человѣкъ; злодѣи, усмотря оную команду, начали противъ ее выѣзжать изъ своего лагеря, и выѣхало ихъ тысячи съ полторы человѣкъ, причемъ имѣли они у себя пушки, на дровняхъ укрѣпленныя, изъ конхъ сдѣлавъ 4 выстрѣла, принудили означенной небольшой командѣ, не имѣвшей ни одной пушки, возвратиться въ городъ; а какъ по онымъ злодѣямъ выпалено изъ города изъ трехъ пушекъ, то они отдалясь, возвратились въ свой лагерь. Яицкіе казаки сказывали, что при первомъ на злодѣевъ нападеніи, пока они еще не умножились, закололи у нихъ одного человѣка, на которомъ-де былъ красный кафтанъ съ золотыми широкими галунами, и черезъ съ деньгами <сказывали, что онъ былъ изъ Яицкихъ казаковъ по прозванію Серебрцовъ, и за его наѣздничество отъ злодѣя сдѣланъ старшиною>, да одному Яицкому казаку отрубили руку, а болѣе-де за великимъ ихъ людствомъ дѣйствовать имъ было не можно. Съ нашей стороны раненъ одинъ Яицкій казакъ вскользь въ руку.

49) 11-го числа поутру хотя и наряжаема была команда къ лагерю злодѣйскому и къ Бердинской слободѣ, но прежде нежели она выступила, оказалось тысячи съ полторы или съ двѣ злодѣевъ, ѣхавшихъ чрезъ Маячную гору за рѣку Яикъ, а для чего, того познать было не можно; кажется, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ чрезъ то выманить изъ города высылку и окружить бы оную команду со всѣхъ сторонъ. Переѣхавши многіе за рѣку Яикъ <а другіе, какъ видно, стояли подъ горой въ засадѣ> и постоявъ тамъ немного, въ исходѣ 12 часа всѣ опять возвратились въ Бердинскую слободу, предъ которой и на степи по увалу во весь день никого уже было ихъ не видно.—12-го числа по утру были пріѣзжіе отъ Бригадира Корфа съ рапортами, въ конхъ онъ доносилъ, что онъ съ командою своею прибылъ уже въ Красногорскъ; 2-е, медленность въ выступленіи его изъ Озерной крѣпости происходила отъ того, что онъ дѣлалъ приготовленіе къ зимнему походу для безодежныхъ людей, и что бывшіе въ командѣ его Башкирцы, поколебавшись въ вѣрности своей, всѣ бѣжали, а потому-де и выступать ему не осмотрясь было не можно; 3-е, изъ Верхояицкой крѣпости отъ Подполковника Ступишина за конвоемъ присланы къ нему Кабинетской и Военной Коллегіи курьеры, конхъ, за опасностію отъ злодѣевъ, съ имѣвшимися при нихъ указами, удержалъ у себя, а полковникъ-де Колывановъ находится при немъ. Поутру, чтобъ злодѣевъ, находящихся, какъ выше явствуетъ, въ Бердинской слободѣ, потревожить, а чрезъ то бъ и о людствѣ ихъ узнать, выслана была за городъ команда, состоящая въ числѣ, регулярныхъ и нерегулярныхъ, 450 человѣкъ съ 2-мя пушками, коею предводительствовалъ самъ Г. Генералъ-Маіоръ и Оберъ-Комендантъ; немногіе изъ Яицкихъ и Оренбургскихъ казаковъ подъѣзжали почти къ самой Бердинской слободѣ, выманивая оттуда злодѣевъ, но они, неизвѣстно съ какимъ намѣреніемъ, долго не являлись: а потомъ хотя и начали показываться, но малолюдно: человѣкъ по 10 и по 20, знатно они были въ разбродѣ, наконецъ же стали являться на Сырту многолюднѣе, а нѣкоторыя партіи прибѣжали къ нимъ изъ Каргалинской слободы и изъ Чернорѣчья (къ чему-де, какъ сказывали, сдѣланъ имъ знакъ зажженіемъ нарочно приготовленныхъ у нихъ маяковъ). И такъ, скопившись сотъ до пяти и имѣя при себѣ 3 или 4 пушки за Сыртомъ, вступили было съ казаками въ сраженіе, причемъ и изъ пушекъ съ обѣихъ сторонъ сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, притомъ поймано изъ сообщниковъ ихъ 18 человѣкъ, по большей части заводскіе крестьяне и работники, да одинъ конторщикъ Канопикольскаго завода *), и Башкирскій Сотникъ, да выбѣжалъ отъ злодѣевъ при семъ случаѣ Яицкаго доброжелательнаго казака Копѣечкина **) сынъ. Яицкіе Старшины, бывшіе въ той партіи, увѣряли, что при семъ случаѣ едва самый тотъ главный злодѣй и самозванецъ не попался имъ въ руки; но увернулся и ускакалъ онъ отъ нихъ, имѣя подъ собою самую рѣзвую лошадь; а изъ любимцевъ-де его раненъ двумя ранами вышеозначенный Полковникъ Лысовъ; убитыхъ же ими осталось на мѣстѣ сраженія около 40 человѣкъ, послѣ которыхъ и лошадей казаки въ городъ съ собою привели. Съ нашей стороны ранено пулями 3 человѣка и нѣсколько лошадей, но не смертельно. По допросамъ пойманныхъ въ сей день злодѣевъ, извѣстно стало, что вышеозначенный ссыльный Хлопушка, о коемъ былъ слухъ, яко бы онъ пойманъ и

жась къ городу, не только всѣ ближнія сѣна потравили и пожгли, но и путь къ онымъ такъ пресѣкли, что съ великою опасностію и потерянѣмъ немалаго числа людей и лошадей за ними ѣздили, а наконецъ и совсѣмъ уже ихъ не стало.

*) Конторщикъ показывалъ, что отъ самозванца присланъ былъ на заводъ ихъ указъ, дабы они признавали его за Государя и служили бъ ему вѣрно, съ такимъ выраженіемъ, что онъ будетъ жаловать ихъ бородами и крестами, то есть позволеніемъ носить бороду и креститься: какъ они обыкли, а сихъ онъ въ указахъ своихъ къ войску Яицкому выключалъ <зная ихъ склонность къ расколу> порохомъ и свинцомъ и увольненіемъ отъ подушныхъ податей и отъ рекрутъ.

**) Оный Копѣечкинъ, какъ вѣрный и къ службѣ усердный человѣкъ, отправленъ былъ въ Оренбургъ изъ Яицкаго городка съ рапортами и по несчастію попался въ руки злодѣямъ. Они, приведши его предъ своего начальника и самозванца, вообще всѣ жаловались на него, что онъ всегда имъ былъ злодѣемъ. и просили, дабы его, какъ невѣрнаго имъ человѣка, приказалъ пытерить, что онъ учинить съ нимъ и велѣлъ. Сказываютъ, что сей несчастный и вѣрный человѣкъ при отсѣченіи рукъ и ногъ кричалъ, называя воромъ самозванца, бунтовщикомъ, Государственнымъ злодѣемъ и тираномъ, и продолжалъ сіе въ самое то время, какъ ему отсѣчена была голова.

убитъ, дня съ три назадъ возвратился въ злодѣйскій лагерь и привелъ съ собою Башкирцевъ сотъ до пяти и столько жъ заводскихъ крестьянъ, склоня ихъ на сторону злодѣевъ; привезъ нѣсколько денегъ и другихъ вещей; чрезъ тѣхъ же захваченныхъ въ сей день пронесся слухъ, яко бы посланная отъ злодѣя на Большую Московскую дорогу въ осьми стахъ партія захватила и въ злодѣйскій лагерь привела одного или двухъ офицеровъ и 170 человѣкъ рядовыхъ, кои будто бъ впередъ отправлены были для заготовленія фуража.

50) 13-го числа отъ шедшаго въ Оренбургъ по ордеру Г. Генералъ-Аншефа и Казанскаго Губернатора фонъ-Бранта съ корпусомъ Полковника и Симбирскаго Коменданта Чернышева, по полуночи въ 3 часу полученъ рапортъ отъ Рычковскаго хутора, не доѣхавъ Оренбурга 35 верстъ, съ предъявленіемъ, что онъ Чернышевъ намѣренъ оттуда выступить по полудни въ 7 часу, къ коему отъ рѣченнаго Генералъ-Поручика и Кавалера Рейнсдорпа того жъ часа предложено, чтобъ онъ къ Оренбургу слѣдовалъ, какъ ему заблагоразсудится, то есть за-Яицкою ль стороною или внутреннею, и слушалъ бы пушечную пальбу; а когда оную услышитъ, тогда бъ маршемъ своимъ ускорялъ, ибо-де и бригадиръ Корфъ съ собраннымъ имъ съ верхнихъ Яицкихъ крѣпостей корпусомъ *), состоящимъ изъ регулярныхъ 1418, нерегулярныхъ 1077, итого 2495 человѣкъ, и при 22 орудіяхъ артиллеріи, прибыть сюда намѣренъ былъ, только затѣмъ вскорѣ и прежде нежели то предложеніе до него Чернышева дойти могло, въ 8 часу по полуночи, услышанъ былъ здѣсь съ той стороны, съ которой онъ Чернышевъ шелъ, пушечной и ружейной стрѣльбы гулъ, который не болѣе продолжался, какъ четверть часа и тотчасъ пресѣкся. Онъ, Генералъ-Поручикъ и Кавалеръ хотя и старался съ своей стороны учинить ему Чернышеву назначенными къ высылкѣ командами сикурсъ, только получа сожалительный о судьбинѣ его рапортъ, что онъ Чернышевъ со всѣмъ корпусомъ безъ всякаго сопротивленія ведется въ лагерь злодѣйской, принужденъ былъ тѣ здѣшнія команды, не предавъ равномѣрному жребію, возвратить въ крѣпость. А какъ того жъ 13 числа по полудни въ 4 часу, рѣченный Бригадиръ Корфъ съ корпусомъ его сюда прибылъ, такъ не преминули они злодѣи во многолюдствѣ и его встрѣтить, съ коими сей корпусъ купно съ высланными отсель нерегулярными сдѣлали имъ отраженіе. Причемъ изъ нихъ злодѣевъ побито человѣкъ до 5, а здѣшнія команды въ городъ введены безъ всякаго урона. Съ городовой стѣны при семъ случаѣ выпалено изъ пушекъ ядрами 5 зарядовъ; между тѣмъ чрезъ пойманнаго Симбирскаго баталіона солдата получено точное извѣстіе, что онъ Чернышевъ съ корпусомъ его обманутъ вожакомъ изъ казаковъ, въ командѣ его бывшимъ, который обѣщалъ провести его мимо толпы злодѣйской ночью, вмѣсто того привелъ поутру уваломъ къ самому сей злодѣйской толпы лагерю, въ коемъ они злодѣи уже противъ него пріуготовились, и какъ скоро его Чернышева съ корпусомъ усмотрѣли, такъ и встрѣтили, не давъ еще чрезъ Сакмару рѣку переправиться, и начали въ него стрѣлять изъ пушекъ, и хотя онъ Чернышевъ соотвѣтствовать старался, только по великому тѣхъ разбойниковъ количеству и что бывшіе съ нимъ казаки и Калмыки при самомъ тѣхъ злодѣевъ приступѣ измѣнія, передались. Регулярные жъ, будучи отъ дальняго марша и отъ великой стужи утомлены, устоять не могли — и такъ всѣ солдаты тѣми злодѣями въ толпу ихъ захвачены, гдѣ онъ Чернышевъ и всѣ Штабъ и Оберъ-офицеры и Калмыцкій Полковникъ, да ѣхавшая въ томъ корпусѣ Прапорщица, всего 35 человѣкъ, повѣшены, а солдаты, по приводѣ къ присягѣ и по обрѣзаніи волосовъ, въ казаки повержены, да и подъ отправленную-де отъ вышепомянутаго Г. Генералъ-Аншефа, Губернатора и Кавалера по Новой Московской дорогѣ, подъ предводительствомъ Маіора Варисдеа, команду не малую партію съ артиллеріею оный злодѣй послалъ и, какъ чрезъ выходцевъ слышно, человѣкъ около 200 солдатъ захватилъ, почему та команда, оборопяясь, нѣсколько назадъ отступила.

Къ дополненію сего 13-го числа изъ приватныхъ записокъ и извѣстій можетъ здѣсь сіе только прибавлено быть, что передъ зарею сегодня пріѣхалъ въ городъ отъ помянутаго несчастливаго Полковника Чернышева команды его Капитанъ Ружевскій съ рапортомъ и съ имѣющеюся при немъ командою подъ Маячную гору, къ рѣкѣ Сакмарѣ, что отъ Оренбурга въ виду не далѣе 5 верстъ, прибылъ и требовалъ, дабы при переходѣ его чрезъ оную гору, для опасности отъ злодѣевъ, высланъ былъ къ нему изъ города сикурсъ, который, какъ слышно было, и собирать было уже стали, но въ исходѣ 8 и въ началѣ 9 часа позади той горы вдругъ произошла скорострѣльная пушечная пальба, а между тѣмъ слышна была и ружейная, что продолжалось съ полчаса, а потомъ и затихла. И объ ономъ Полковника Чернышева корпусѣ сей день въ городѣ разно признавали: нѣкоторые проговаривали, яко бы весь онъ захваченъ и увезенъ злодѣями; а другіе сказывали, что онъ отъ рѣки Сакмары ретировался и расположился лагеремъ около хутора прежде бывшаго Оберъ-Коменданта, а послѣ началъ появляться отъ стороны Нѣжинскаго редута и корпусъ Г. Бригадира Корфа. Въ разсужденіи онаго выслана была команда еще за городъ, и находилась она тамъ почти до самаго вечера, то есть до тѣхъ поръ, пока оный Бригадиръ со всею своею командою собрался въ городъ; но часу въ 5 по полудни когда уже вся вышеозначенная Корфова команда вбиралась въ городъ, оказалось злодѣевъ со стороны Бердинской слободы сотъ до пяти или и болѣе человѣкъ и еще ихъ къ нимъ прибывало, можетъ быть для того, чтобъ оной командѣ на приходѣ къ городу сдѣлать помѣшательство, или отхватить нѣсколько въ луга за сѣномъ и соломою поѣхавшихъ казаковъ, а потому городскіе казаки и должны были противъ оныхъ злодѣевъ еще на степь выѣзжать, и такъ сдѣлалась между ними ружейная перестрѣлка. Сказывали, что изъ злодѣевъ 3 человѣка убито, двое Яицкихъ казаковъ, изъ коихъ одинъ, по прозванію Самодуръ, великій плутъ и наѣздникъ, а у самозванца въ немаломъ любленіи находившійся, да одинъ Башкирецъ. А какъ изъ города въ кучи злодѣевъ сдѣлано было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, то всѣ они обратно и разбѣжались. Изъ городскихъ казаковъ ранено при семъ случаѣ 3 че-

*) Въ ономъ корпусѣ состояло гарнизонныхъ 600, Ставропольскихъ Калмыковъ 500, да крѣпостныхъ казаковъ 100, итого 1200 человѣкъ.

ловѣка. Изъ Бугульмы, находящійся тамъ въ правленіи Воеводской должности Секундъ-Маіоръ Хирьяковъ доносилъ Г. Губернатору, отъ 5 числа сего ноября, что с.-петербургскаго легіона Г. Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Каръ къ Оренбургу оттуда отправился, а того жъ числа ожидалъ опъ Хирьяковъ въ Бугульму и Г. Генералъ-Маіора фопъ-Фреймана.

51) На 14-е число ночью было спокойно, а днемъ въ первомъ часу по полудни, какъ здѣсь собранный, такъ и съ предписашнымъ Бригадиромъ Корфомъ прибывшій корпусъ въ числѣ 2400 человѣкъ съ 22 орудіями, подъ предводительствомъ здѣшняго Оберъ-Коменданта Г. Генералъ-Маіора Валленстерна, высланъ былъ для поиска надъ тою злодѣйскою толпою къ состоящему отъ города въ Бердской слободѣ въ семи верстахъ сборищу, гдѣ, по выходѣ злодѣевъ, и учинено съ ними сильное сраженіе; но какъ сіи злодѣи, всѣ будучи противъ здѣшнихъ доброконными и обыкновенно разъѣзжаютъ разсѣянно, отдаляясь отъ картечнаго и ружейнаго выстрѣловъ, производили единственно изъ многочисленныхъ орудій пальбу, то совершеннаго успѣха и одержать надъ ними было не можно, а принуждено при наступленіи ночи, сдѣлавъ пѣхотою баталіонъ-каре, въ городъ возвратится. На полевомъ сраженіи здѣшняго Оренбургскаго корпуса выпалено изъ пушекъ ядрами и картечами 271, да изъ прибывшихъ съ Бригадиромъ Корфомъ 198, а сверхъ того съ городовой стѣны 4, итого 473 выстрѣла. Причемъ со здѣшней стороны по вѣдомости Оберъ-Коменданта, урону было: побитыхъ регулярныхъ и нерегулярныхъ людей 32 да раненыхъ 93 человѣка; а въ злодѣйской толпѣ болѣе нежели въ четверо.—15-го съ утра хотя вся злодѣйская толпа, разсѣявась поодаль города, въ виду разъѣзжала, причемъ и артиллерія у нихъ была, только вскорѣ возвратилась въ свой лагерь. Съ городской стѣны изъ пушекъ выпалено въ нихъ ядрами 2 заряда.—16, 17 и 18-го въ ночное и денное время было спокойно.

52) Изъ приватныхъ записокъ въ прибавленіе къ вышеозначеннымъ послѣднимъ числамъ слѣдуетъ сіе, что 14 числа поутру о Симбирскомъ Комендантѣ Чернышевѣ еще носился въ городѣ слухъ, яко бы онъ отъ злодѣевъ ретировался и расположился, укрѣпясь около рѣки Сакмары; а другіе говорили, что онъ стоитъ на хуторѣ бывшаго Оберъ-Коменданта Ланода (который нынѣ за дворяниномъ Сукинымъ); между тѣмъ же и пушечная пальба изрѣдка была въ тамошней сторонѣ слышна. Пронесся уже о немъ Чернышевѣ и о командѣ его слухъ, о коемъ, выше сего показано *). Сего жъ утра хотя и былъ приказъ чтобъ какъ можно поранѣе собрать команды къ выступленію на злодѣйскій лагерь, но сіе собраніе и расположеніе продолжалось до 3-го часа по полудни, тогда выступила команда чрезъ Орскія и Бердскія ворота за городъ подъ предводительствомъ Генералъ-Маіора и Оберъ-Коменданта Валленстерна; и хотя уповательно было, что сія высылка составитъ людства по меньшей мѣрѣ до четырехъ тысячъ, но она съ небольшимъ двѣ тысячи человѣкъ составляла. Предъ послѣднею высылкою, означенною подъ 22 числомъ Октября, имѣла опа только то преимущество, что регулярной пѣхоты было тысяча человѣкъ, прочее людство составляли нерегулярные жъ люди, выбраны изъ прибывшихъ съ Корфомъ тѣ, кои поспособнѣе и подъ собою имѣли получше лошадей. Артиллеріи было отправлено съ сею командою 26 орудіи, въ томъ числѣ 4 единорога; опая команда пошедъ отъ города въ хорошемъ порядкѣ, безъ всякаго отъ злодѣевъ препятствія заняла тѣ высокія мѣста, гдѣ прежде злодѣи имѣли всегда передовые свои караулы; а какъ стала она подвигаться на скатъ, склоняющійся къ Бердской слободѣ, оставляя оную слободу въ лѣвой сторонѣ, тогда начали они злодѣи скопляться, подвозить и располагать свои пушки. Пальба начата съ обѣихъ сторонъ (но прежде съ нашей) въ половинѣ 4-го и продолжалась до половины 6 часа непрестанно; но злодѣи имѣли у себя пушекъ гораздо больше, да и людство ихъ было превосходнѣе *), то по сей причинѣ и что уже ночная пора стала находить, городская команда, сдѣлавъ баталіонъ-каре, начала съ пушечною пальбою подаваться назадъ къ городу. Все сіе въ такомъ порядкѣ происходило, что злодѣи хотя и покушались было разорвать сей порядокъ и отхватить сколько нибудь отъ пѣхотной команды и другихъ людей, однако дошла она къ городу свободно; а какъ заступили мѣсто ея не въ дальнемъ уже разстояніи отъ города Яицкій Старшина Мартемьянъ Бородинъ съ своими казаками, то тутъ отъ стремившихся къ городу злодѣевъ и сдѣлались съ ними ружейная перестрѣлка и ручной бой копьями, чѣмъ они тѣхъ злодѣевъ отъ города и отогнали. Во время сего сраженія отхвачено и поймано изъ злодѣйскихъ сообщниковъ 7 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ Яицкій казакъ изъ первѣйшихъ сообщниковъ самозванца, прозваніемъ Шелудяковъ **). 15-го числа поутру,

*) Между офицерами умерщвленными отъ злодѣя Пугачева находился Ставропольскаго гарнизона Капитанъ Калмыковъ, человѣкъ твердаго духа, о коемъ сказывали, что яко бы онъ предъ кончиною своею предводителя злодѣевъ публично, предъ всѣмъ смотрѣвшимъ на сію казнь народомъ, ругалъ, называя его злодѣемъ, воромъ, тираномъ, измѣнникомъ, и увѣщевая народъ, чтобъ ему не вѣрили, но, отставъ отъ него, служили бъ законной своей Государынѣ. Огорчась тѣмъ, велѣлъ его пятерить; однакожъ онъ, при отсѣченіи рукъ и ногъ, то жъ все кричалъ; а какъ изъ-за сего самозванецъ еще больше озлобился и приказалъ, прежде нежели голова ему отрублена, вспороть ему грудь, то онъ и между тѣмъ выговаривалъ, что онъ умираетъ, какъ вѣрный Ея Императорскаго Величества рабъ.

*) Однакожъ по примѣчаніямъ сказывали, что ихъ не было тутъ болѣе 3000 человѣкъ.

**) Оный Яицкій казакъ есть тотъ самый, у котораго самъ Пугачевъ, какъ сказывали, напредъ сего въ работникахъ былъ и у коего потомъ на хуторахъ до бунта сборища и совѣщанія происходили, да и условленось, какъ выше значить, чтобъ его, назвавъ Царемъ, подъ симъ именемъ умножить бунтовщичью партію свою. Поимка его Шелудякова сопряжена была съ удивительнымъ случаемъ. ибо онъ, признавъ городскую партію за свою, прискакавъ, кричалъ, чтобъ какъ можно скорѣе сдѣлали они ударъ въ правую сторону, но позади городской ѣхавшій за ними казакъ, наскакавъ, ухватилъ его за воротъ и закричалъ, чтобъ его ловили или убили, сказывая, что онъ есть Шелудяковъ изъ самыхъ главныхъ злодѣевъ, и такъ онъ и пойманъ. При допросѣ сперва хотя ни на что отвѣтствовать онъ не хотѣлъ и ничего не говорилъ, но по долгомъ истязаніи, и самъ въ томъ признался, особливо когда Войсковый Старшина Бородинъ былъ къ тому призванъ, сталъ его уличать, слагая всю вину на дьявола, что онъ его на-

въ началѣ 10 часа, показались злодѣи великимъ своимъ людствомъ, идущіе къ городу, а потому и сдѣлана была чрезъ барабанный бой повѣстка, чтобъ всѣ къ опредѣленнымъ по валу мѣстамъ или и тамъ были бъ къ отпору къ готовности. Три человѣка, отважась ближе подъѣхать къ Бердскимъ воротамъ, (кричали:) долго ли не будутъ отворять имъ ворота и не станутъ впущать ихъ въ городъ, чернь бы никакого опасенія не имѣла, изъ нея никому вреда сдѣлано не будетъ, или бъ выслали на нихъ высылку; напротивъ того, нѣкоторые, на валу бывшіе, кричали имъ въ отвѣтъ, дабы они сами ближе подходили къ городу и посмотрѣли бъ, чѣмъ ихъ станутъ подчивать; но какъ сдѣлали по онымъ злодѣямъ два выстрѣла, то они ускакали къ стоявшимъ на Сыртѣ злодѣямъ. Тамъ бывшіе люди сказывали, что вчера осмотря убитыя тѣла, и нѣкоторыя привязавъ къ лошадинымъ хвостамъ, утащили къ себѣ въ лагерь, а съ другихъ снявъ одежду, нагими оставили; вѣроятно казалось, что они между убитыми смотрѣли и искали вышеозначеннаго вчера поймапнаго казака Шелудякова, начальнику злодѣевъ столь надобнаго. Говорили еще, якобы нѣкоторые, подъѣзжая ближе къ городу, кричали, чтобъ оный Шелудяковъ отданъ былъ имъ; впрочемъ постоявъ оные злодѣи на Сыртахъ противъ города, и до перваго часа по полудни не сдѣлавъ ни одного выстрѣла изъ пушекъ своихъ, возвратились опять въ свой лагерь.—16-го числа, какъ въ ночи, такъ и днемъ, ничего особеннаго не произошло, только нѣсколько подводъ и верховыхъ лошадей, посланныхъ вверхъ по Яику за сѣномъ, возвратилось оттуда съ сѣномъ.—17-го числа ночью ничего жъ не было, а предъ свѣтомъ, какъ слышно было, подбѣгали къ Бердскимъ воротамъ три человѣка изъ злодѣевъ и кричали, чтобъ выданъ былъ имъ вышеозначенный захваченный злодѣй Шелудяковъ. Случившіеся тутъ на валу Яицкіе казаки кричали жъ, отвѣтствуя, чтобъ они привели въ городъ сына его <то есть, предводителя своего>, за что дано имъ будетъ награжденія 500 руб.; что они злодѣи, выслуша, ничего болѣе не говоря, поѣхали назадъ. Поутру выбѣжало изъ злодѣйскаго лагеря трое Оренбургскихъ казаковъ, одинъ захваченный изъ команды, бывшей при Бригадирѣ Корфѣ, а двое ѣздившіе съ солью по найму отъ Соляпаго Правленія, кои по отдачѣ тамъ соли, возвращаясь назадъ съ Сакмарскимъ попомъ, который отъ злодѣевъ въ Сакмарскѣ опредѣленъ былъ Комендантомъ, а посланы были въ злодѣйскій лагерь. Изъ допросовъ ихъ извѣстно было, яко бы нѣкоторые злодѣи за тѣснотою въ Бердской слободѣ намѣрены перебраться въ Сентову Каргалинскую слободу. Начальникъ-де ихъ съ единомышленниками своими говорилъ, сожалѣя, что онъ на приступахъ своихъ къ городу много уже потерялъ людей хорошихъ, и сколько-де онъ городовъ ни прошелъ <сказывая, яко бы онъ бывалъ въ Іерусалимѣ, въ Царѣградѣ и въ Нѣмецкихъ городахъ>, но столь крѣпкаго города, каковъ есть Оренбургъ, не видалъ и за тѣмъ-де болѣе приступовъ дѣлать къ городу не намѣренъ, а хочетъ осадою до того довести, чтобъ у жителей не стало пропитанія, а тогда-де и городъ сдаться ему будетъ принужденъ.—На 18-е число въ ночное время и днемъ тревоги не было; поутру жъ хотя и выслано было за городъ Яицкихъ казаковъ до 300 человѣкъ, чтобъ злодѣевъ потревожить и не удастся ль кого нибудь изъ нихъ схватить, которая команда и стояла долго за городомъ на Сыртахъ, но ихъ, кромѣ небольшаго обыкновеннаго на форпостахъ ихъ людства, близъ лагеря ихъ имѣвшагося, никого было не видно, а послѣ полудня посыланы были разныхъ чиновъ люди за сѣномъ вверхъ по Яику къ Нѣжинскому редуту, откуда въ ночи и возвратились они съ сѣномъ; но между тѣмъ, какъ слышно было, 5 или 6 человѣкъ изъ Каргалинскихъ Татаръ обратно не пріѣхали. Признавали, что они въ злодѣйскій лагерь или въ Каргалинскую свою слободу ушли.

[53] На 19-е число въ ночи было спокойно, а днемъ по полуночи въ 11 часу изъ злодѣйской толпы въ многолюдственномъ числѣ <видно, что усмотря посланныхъ изъ города фуражировъ> проѣхала въ ту сторону, гдѣ фуражированіе было, немалое людство; однако, по учиненному изъ города изъ вѣстовой пушки сигналу, тѣ фуражиры принуждены, бросивъ нѣкоторые возы, возвратиться въ городъ, а послѣ того вскорѣ означенные по дорогѣ фуражирами оставленные съ сѣномъ воза отъ злодѣевъ пожжены, а потомъ они въ лагерь свой проѣхали.

Примѣчаніе. Подъ симъ числомъ въ журналѣ Губернаторской Канцеляріи вмѣщены разныя его Г. Губернатора примѣчанія и разсужденія; а понеже оныя принадлежатъ и къ прошедшему и къ слѣдующему впредь времени, того ради для полности и преимущества онаго журнала, включаются они и здѣсь точно такъ, какъ они въ немъ написаны.

И такъ злодѣйство его Пугачева, что далѣе, то болѣе умножается, коему споспѣшествуетъ вышеизображенное коварное его себя священнѣйшимъ именемъ въ Бозѣ почивающаго Императора Петра III разглашеніе, съ позволеніемъ притомъ Башкирцамъ грабежа заводовъ и помѣщиковъ, коими многіе уже заводы и ограблены, крестьянамъ боярскимъ и заводскимъ съ обѣщаніемъ наложенія подушнаго оклада только по три копѣйки съ души, прочимъ людямъ, какъ равно и всѣмъ, вольности, чему обитающій въ Оренбургской Губерніи разныхъ вѣръ въ невѣжествѣ погруженный подлый народъ, не взирая на учиненныя отъ Генералъ-Поручика и Кавалера неоднократныя увѣщеванія, безъ сомнѣнія и вѣритъ, и чрезъ разсылаемыхъ отъ него злодѣя съ коварно составленными ложными указами людей въ толпу его собирается, а нѣкоторые при собраніи сюда силою захвачены. И такъ теперь, какъ по сказкамъ выходцевъ изъ захваченныхъ злодѣевъ, коихъ подъ крѣпкимъ карауломъ содержится 182 человѣка, извѣстно, сія его толпа состоитъ въ тысячахъ около десяти, въ томъ числѣ Яицкихъ казаковъ съ пріѣхавшими вновь съ 1000, Илецкихъ съ 400, Башкирцевъ съ 5000, Калмыковъ ставропольскихъ съ 700, солдатъ и здѣшнихъ казаковъ, Татаръ и заводскихъ крестьянъ около 3000, изъ которыхъ заводскіе крестьяне, по взбунтованіи Башкирцевъ, пришедъ въ возмущеніе и побивъ приказчиковъ своихъ, въ ту толпу пришли, да пушекъ, забранныхъ имъ злодѣемъ изъ разоренныхъ крѣпостей и заводовъ, съ 80. Но еще какъ людей умножаетъ, такъ чрезъ нихъ тиран-

---

училъ. Сей злодѣй наконецъ уже былъ въ раскаяніи и о всемъ подробно показывалъ, но послѣ дней черезъ пять, сидя въ тюрьмѣ, умеръ.

ства и грабительства производитъ, посылая ихъ во всѣ здѣшней губерніи мѣста партіями, давая имъ вящшее поощреніе изъ пограбленныхъ въ крѣпостяхъ, казенныхъ и партикулярныхъ, а паче заводскихъ денегъ довольное награжденіе и провіантъ и чрезъ нихъ отправляемыхъ отсюда и изъ прочихъ мѣстъ курьерами и за разными дѣлами людей ловить и тирански губить. Не оставилъ онъ злодѣй и къ Киргизъ-Кайсацкому Нурали-Хану чрезъ нарочныхъ писать, обѣщая отдачею ему Хану, если онъ требованіе его исполнитъ, Яицкихъ казацкихъ женъ и дѣтей во владѣніе; почему онъ Ханъ, какъ то Подполковникъ Симоновъ отъ 9 числа сего рапортуетъ *), дѣтей своихъ Ишима и Пиларія Салтановъ съ Киргизцами и наряжаетъ; и хотя-де онъ Ханъ къ нему Симонову сообщилъ, яко бы отправляетъ ихъ сюда на помощь, однако-де коньюкторы въ понятіе приводятъ, что для содѣйствія помянутому злодѣю, будучи побуждаемъ обѣщаемою корыстію, намѣреніе онъ злодѣй имѣлъ, какъ всѣ выходцы и плѣнники свидѣтельствуютъ, дотолѣ здѣсь подъ городомъ находиться, доколѣ оный возьметъ, а какъ городъ регулярный и приведенъ въ большую осторожность, то старается сдѣлать внутреннее возмущеніе соблазномъ подлыхъ людей и пожаромъ, для чего уже и подсылалъ неоднократно, изъ коихъ подсыльныхъ нѣкоторые съ порохомъ и фитилями переловлены. Что же принадлежитъ до учиненія надъ нимъ Пугачевымъ поиска, то однѣми вышеозначенными здѣшними и собранными съ крѣпостей регулярными и нерегулярными командами, по превосходству измѣнической толпы, учинить онаго весьма не можно, потому наипаче, что большое количество изъ приведенныхъ Г. Бригадиромъ Корфомъ и здѣсь находящихся конныхъ, затѣмъ, что они въ полѣ лѣто обращались, по линіи на службѣ къ употребленію въ полѣ по разбирательству оказались неспособными; лошади жъ регулярныхъ командъ, за пожженіемъ злодѣями всего здѣшняго сѣна, приведены въ крайнее изнеможеніе, а напротивъ того, у нихъ злодѣевъ въ добромъ качествѣ, которыхъ они во всѣхъ мѣстахъ похватали, и содержа на добромъ корму, при высылкахъ столь проворно обращаются, что отъ пѣшихъ ихъ до конныхъ достигать трудно, ибо они во время наступленія отъ картечнаго и ружейнаго выстрѣловъ отдаляются, а производя единственно изъ многочисленныхъ орудій пальбу, разсыпаются такъ, что пѣхотѣ ни на картечный, ни на ружейный выстрѣлы сихъ вѣтреныхъ злодѣевъ достичь, слѣдовательно поиска надъ ними никакого учинить не можно, какъ сообразнымъ имъ конными войскомъ, коего, за поколебаніемъ Башкирскаго и Ставропольскаго Калмыцкаго народовъ и другихъ людей, собрать нѣтъ средствъ. По послѣдней мѣрѣ хотя бъ и пѣхотою атаковать ихъ разными колоннами, коихъ также по количеству силъ здѣшнихъ составить не изъ чего; а хотя по здѣшнимъ сообщеніямъ отъ Г. Генералъ-Поручика и Кавалера Декалонга съ Сибирскихъ линій три легкія полевыя команды и 400 тамошнихъ казаковъ, подъ предводительствомъ Г. Генералъ-Маіора Станиславскаго, да отъ Симбирскаго Губернатора Г. Генералъ-Поручика и Кавалера Чичерина одна рота гренадерская и двѣ мушкетерскія на здѣшнія линіи откомандированы, только по необходимости часто-реченный Генералъ-Поручикъ и Кавалеръ Рейнсдорпъ разсудилъ *), помянутому Г. Генералъ-Маіору Станиславскому съ двумя легкими полевыми командами идти и расположиться въ Зелаирской крѣпости, въ центрѣ всея Башкиріи состоящей, съ такимъ ему предписаніемъ: 1-е, чтобъ онъ Станиславскій, по сношенію съ Уфимскою Провинціальною Канцеляріею, прочихъ внутреннихъ Башкирцевъ отъ худыхъ ихъ предпріятій удерживалъ: 2-е, прилежаще къ оной заводы предохранилъ: 3-е, ежели бъ помянутый злодѣй обратился внутрь Башкиріи, чтобъ надъ нимъ учинилъ поискъ, а между тѣмъ находящихся въ толпѣ злодѣйской Башкирцевъ, женъ и дѣтей въ жилищахъ ихъ тревожилъ, дабы, услыша о томъ, мужья ихъ могли отъ злодѣйства ихъ возвратиться; а третью бъ легкую полевую команду съ казаками и Сибирскія роты приближилъ къ Оренбургу, и до усмотрѣнія будущихъ обстоятельствъ, расположилъ бы Сибирскія роты въ ближайшихъ отъ Орской крѣпостяхъ, а легкую полевую команду съ казаками въ Озерной крѣпости, въ 110 верстахъ отъ Оренбурга отстоящей, для предъудержанія его злодѣя отъ впаденія на оныя. И такъ теперь реченный Генералъ-Поручикъ и Кавалеръ во ожиданіи остался отправленныхъ отъ Государственной Военной Коллегіи, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества указу, Гг. Генералъ-Маіоровъ Кара и Фреймана съ войскомъ, къ коимъ, по увѣдомленіи о приближеніи ихъ отъ 13 числа, настоящія здѣшнія обстоятельства сообщены; но какъ оныя до нихъ Гг. Генералъ-Маіоровъ не дошли, ибо нарочно посыланныя возвратясь объявили, что первый изъ нихъ, по причинѣ нападенія злодѣйскаго, назадъ отступилъ, какъ чаятельно, для соединенія съ находящимися позади его слѣдующими войсками: то по поводу полученнаго чрезъ выходцевъ изъ злодѣйской толпы извѣстія, что они Гг. Генералъ-Маіоры опять сюда приближаются, отъ 17 числа сего и еще къ нимъ вторичные посланы со изъявленіемъ вышеописаннаго надъ корпусомъ Полковника Чернышева сожалѣнія достойнаго приключенія и здѣшняго состоянія, а напротивъ того, о злодѣйской силѣ, съ требованіемъ при томъ отъ нихъ увѣдомленія, гдѣ они Гг. Генералъ-Маіоры и въ какомъ количествѣ войска находятся, какое къ поиску надъ злодѣями предпріятіе приняли и расположеніе учинили, и въ которое точно время сюда прибудутъ, дабы можно было, для содѣйствія имъ со стороны его Генералъ-Поручика и Кавалера, принявъ пристойныя мѣры, предуготовиться, коего извѣстія ежечасно и ожидаются; а какъ скоро о прибытіи ихъ извѣстіе получится, тотчасъ и отсюда корпусъ высланъ быть можетъ, который составленъ быть можетъ изъ регулярныхъ и сколько наберется годныхъ лошадей, то и конныхъ регулярныхъ и перегулярныхъ изъ 2000 человѣкъ съ 22 орудіями артиллеріи.

54) 20-го числа видна была близъ города изъ злодѣйской толпы во многомъ числѣ партія, которая разсыпавшись по степи разъѣзжала, съ ко-

*) Сей Подполковника Симонова рапортъ за справедливость невозможно почесть, потому что помянутыя Ханскія дѣти у Пугачева никогда не бывали, да и самъ Ханъ наклоннымъ къ сторонѣ его никогда не оказывался.

*) Сіе Г. Губернатора опредѣленіе о слѣдованіи Генералъ-Маіору Станиславскому къ Зелаирской крѣпости имъ же самимъ отмѣнено, какъ о томъ ниже сего будетъ означено.

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ ПОРТРЕТЪ ПУГАЧЕВА.

Гравюра Набгольца.

торою высланные отсюда Яицкіе казаки съ двумя пушками производили перестрѣлку; и хотя на нихъ злодѣи по превосходству ихъ дѣлали сильное нападеніе, однакожъ пушечными выстрѣлами отражены. Въ нихъ на полевомъ сраженіи сверхъ ружейныхъ выстрѣловъ выпалено изъ пушекъ ядрами 4 заряда, а притомъ найдено въ прежде бывшихъ злодѣйскихъ батареяхъ пушечныхъ зарядовъ 3-фунтовыхъ съ ядрами 3, съ картечами 1, карніармусъ боченочный, обитый кожею 1, въ немъ пороху ручнаго 1 фун., ядеръ 6-фунтовыхъ 3.—21-го было фураживаніе, а 22 и 23-го, кромѣ обыкновенныхъ высылокъ и подзорныхъ патрулей, было спокойно.

Къ вышеописаннымъ послѣднимъ пяти числамъ Губернаторскаго журнала, изъ приватныхъ записокъ можетъ еще служить къ прибавленію сіе:

На 19-е число съ вечера потревожили было стоящіе на валу часовые, усмотря яко бы злодѣевъ, но то была ошибка; впрочемъ, почь хотя была и спокойна, но какъ нѣкоторые изъ Яицкихъ казаковъ и городскихъ жителей, вчера пріѣхавшіе съ сѣномъ, сложа оное ввечеру и ночью, вторично поѣхали, а другіе, не успѣвъ возвратиться, въ лугахъ и заночевали; вышеозначенные жъ отлучившіеся Каргалинскіе Татары о тѣхъ поѣздкахъ злодѣямъ дали знать, то въ 10 часу утра начали они на Сыртъ выѣзжать и скопляться немалымъ людствомъ; причемъ примѣчены были у нихъ и пушки: тогда данъ былъ сигналъ изъ города выстрѣломъ изъ двухъ пушекъ, чтобъ оные фуражиры скорѣе возвращались въ городъ; а потому многіе поторопясь и пріѣхали въ городъ, привезши сѣна немало; по злодѣи, спустясь въ луга во стѣ или двухъ стахъ человѣкахъ, нашли способъ изъ бывшихъ въ отдаленіи захватить пять человѣкъ. Когда жъ оные злодѣи стояли на Сыртахъ, то выпалено отъ Орскихъ воротъ противъ нихъ изъ трехъ или четырехъ пушекъ, да и они съ своей стороны два выстрѣла сдѣлали на городъ, но безвредно.—20 числа, отъ самаго того времени, какъ злодѣи окружили городъ, первые получены были рапорты изъ Плецкой Защиты отъ находящагося тамъ при добываніи соли Капитана Ядринцова, въ которыхъ онъ объявилъ, что тамъ благополучно и отъ злодѣевъ никакой подсылки туда не было; работы тамошнія внутри крѣпости и добываніе соли происходили съ надлежащимъ успѣхомъ; соли готово въ наличности тамъ около 300,000 пудъ; только-де за крѣпость для лѣса и ни за чѣмъ для опасности отъ Киргизцевъ выпуска не было, и одинъ человѣкъ при нихъ отъ кочеванія увезенъ ими, а напротивъ того, двое Кундровскихъ Татаръ отъ нихъ выбѣжало. Предъ полуднемъ выслана была за городъ партія Яицкихъ казаковъ съ двумя пушками, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ злодѣевъ потревожить и невозможно ль будетъ кого нибудь отъ нихъ оторвать; партія, долго стоявъ на Сыртѣ, никого не видала; но во 2 часу начали они изъ лагеря своего небольшими станами показываться, да и скопилось было ихъ немало (причемъ-де и самъ ихъ предводитель былъ), но къ городу никакого устремленія они не сдѣлали. Между тѣмъ одинъ изъ Яицкихъ казаковъ, захваченный злодѣемъ съ нижнихъ Яицкихъ форпостовъ, Войсковому Старшинѣ Мартемьяну Бородину родственникъ, нашелъ случай выбѣжать къ бѣжавшимъ изъ города казакамъ, коимъ предводителемъ былъ помянутый Бородинъ; а передъ вечеромъ, когда оная высылка въ городъ уже возвратилась, и другой такой же Яицкій казакъ, опому Бородину свойственникъ же выбѣжалъ. Изъ злодѣевъ одинъ или два, вблизость къ нашимъ казакамъ подъѣхавъ, требовали, чтобъ данъ имъ былъ печатный манифестъ, ибо-де на письменномъ, который прежде къ нимъ посланъ, не утверждаются, могутъ-де такіе манифесты и въ городѣ сочиняемы быть; почему и посланъ былъ отъ Г. Губернатора въ ту изъ города высланную партію печатный экземпляръ, да два съ него перевода: одинъ на Татарскій, другой на Калмыцкій языки; вблизость съѣхавшіеся казаки у другихъ требовали, чтобъ вплоть съѣхаться и изъ рукъ въ руки оный манифестъ принять; но какъ съ злодѣйской стороны не хотѣли пріѣхать къ городскимъ, а городскіе къ тамошнему, то наконецъ согласились, чтобъ выѣхавшему изъ города, положа на землю, отъѣхать прочь; и какъ онъ сіе сдѣлалъ и отъѣхалъ на небольшое разстояніе, то одинъ изъ злодѣевъ пріѣхалъ и поднявъ оные листы копьемъ, возвратился туда; что изъ-за сего происходило у нихъ, то было неизвѣстно; сіе только было примѣчено, что они по пріѣздѣ пріѣхавшаго съ тѣми листами съѣзжались въ кучу, а потомъ и возвратились они въ свой лагерь. Еще сказывали, яко бы самозванецъ Пугачевъ отправилъ отъ себя 500 человѣкъ конныхъ и столько жъ пѣшихъ вверхъ по рѣкѣ Сакмарѣ, а куда и зачѣмъ, не знаютъ, а начальниками де при сей командѣ сдѣлалъ вышеозначеннаго Подполковника и Атамана Бородина крѣпостнаго человѣка атаманомъ, а предъупомянутаго ссылочнаго Хлопушу Есауломъ.

55) 21-го числа предъ полуднемъ слышали въ злодѣйскомъ лагерѣ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ; говорили, что причиною тому привезеное изъ Татищевой крѣпости вино, отъ коего начальники злодѣевъ были пьяны. Послѣ полудня хотя и выслана была изъ города небольшая партія, но изъ злодѣевъ никто не оказывался; примѣтно было, что многіе изъ нихъ ѣздили за сѣномъ, которое брали за Чернорѣченской уже крѣпостью, и то на Заяицкой сторонѣ, ибо-де по сію сторону опой крѣпости всѣ бывшія сѣна ими злодѣями потравлены.—22-го числа поутру высланы были за городъ Яицкіе казаки и шестой полевой команды драгуны, изъ коихъ Яицкіе казаки подъѣзжали близко злодѣйскаго лагеря; но оттуда большого людства было не видно, а выѣзжали только человѣка два, три, и съ толикимъ же числомъ городскихъ казаковъ имѣли они перекличку. Сказываютъ, что они кричали: не станемъ-де уже мы больше въ близость города подъѣзжать и въ обманъ вдаваться: когда въ городѣ не станетъ хлѣба, то по неволѣ сдадутся; мы-де готовы пять лѣтъ стоять здѣсь, а не взявъ города, не уступимъ, а ежели надобенъ бой, то городскіе люди подъѣзжали ближе къ ихъ лагерю. И такъ вся оная высылка въ половинѣ дня въ городъ возвратилась. — 23 числа поутру была небольшая высылка изъ города; но злодѣи, оказавшись въ маломъ числѣ на горѣ близъ своего лагеря, и постоявъ тутъ, далѣе не пошли.

56) 24-го, въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества, злодѣи, какъ видно, для развѣдыванія о семъ, не сведены ли здѣшніе военные служители, въ разсужденіи тогдашняго высочайшаго торжества, со стѣны въ обыкновенный церковный парадъ, въ самой близости

вокругъ города кучами разъѣзжали. Въ нихъ съ городовой стѣны изъ пушекъ выпалено съ ядрами 3 заряда, а по окончаніи молебна около вала для торжества положенное число холостыми зарядами выпалено. Сего жъ числа изъ Верхней Озерной крѣпости Полковникъ Демаринъ рапортовалъ, что 23 числа предъ свѣтомъ часа за два, посланная изъ злодѣйской толпы партія, атаковавъ ту Озерную крѣпость вокругъ, производила почти до самаго вечера пушечную пальбу, и подъѣзжавъ-де изъ опой толпы злодѣи кричали казакамъ, чтобъ они не стрѣляли и на офицеровъ не смотрѣли, объявляя, что Государь Петръ Ѳедоровичъ идетъ; со всѣмъ-де тѣмъ, никакой удачи ими злодѣями не получено; только со здѣшней стороны убитъ Башкирецъ 1, раненъ Калмыкъ 1, да нѣсколько лошадей застрѣлено. Храбростью и неустрашимостью его Г. Полковника та толпа съ урономъ отражена. А того жъ числа и отъ слѣдующаго съ Сибирскихъ линій съ командами Г-на Генералъ-Маіора Станиславскаго полученъ здѣсь рапортъ, коимъ онъ Станиславскій представляя безполезность къ расположенію въ предписанномъ ему мѣстѣ, то есть въ Зеланрской крѣпости, и трудность къ опой тракта, и что онъ находится уже съ одною полевою командою и съ казаками во ожиданіи при Маіорѣ Заевѣ Тобольскихъ ротъ въ Орской крѣпости, намѣреніе полагалъ пустить для сикурса Полковника Демарина въ Озерную; то къ нему Станиславскому 25 числа отъ Губернатора и предложено, когда онъ по предписанію его съ легкими полевыми командами въ Зеланрскую крѣпость идти не разсудилъ, то бъ благоволилъ съ Сибирскими ротами непродолжительно въ помянутую Озерную крѣпость поспѣшить, и будучи въ оной, или на дорогѣ, старался, во-первыхъ, ту злодѣйскую партію, которая крѣпость атаковала, всемѣрно разбить и злодѣевъ переловить; а какъ извѣстно было, что и къ Зеланрской крѣпости отправлены отъ него злодѣя Башкирскія партіи, чтобъ для сикурсу тамошнему гарнизону доставилъ онъ туда хотя одну роту и нѣсколько казаковъ, и разсѣвая чрезъ Башкирцевъ въ народѣ ихъ состоящимися о злодѣѣ самозванцѣ манифестами, сжели способы найдутся, и онъ Г-нъ Генералъ-Маіоръ въ состояніи будетъ, Башкирскія партіи разбивалъ и до дальнѣйшаго вреда не допускалъ, чего бъ ради и другую назади его оставшуюся легкую полевую команду къ себѣ приближилъ.—25-го числа днемъ и ночью было спокойно.

57) Къ послѣднимъ двумъ числамъ, то есть къ 24 и 25-му можетъ пріобщено быть, что на 24 число въ ночи примѣченъ былъ въ старомъ злодѣйскомъ лагерѣ противъ Егорьевской церкви разкладенный огонь; догадывались, что злодѣи имѣли тутъ своихъ людей, а въ полночь слышны были въ лагерѣ ихъ подъ Бердскою слободою пушечные выстрѣлы; поутру жъ въ началѣ 9 часа усмотрѣны они великими толпами и немалымъ людствомъ выходящіе изъ лагеря своего прямо къ городу; наибольшая ихъ часть останавливалась и разъѣзжала противъ города на Сыртѣ къ Сакмарской сторонѣ, иные по лугамъ перебирались и разъѣзжали за рѣкой Янкомъ; а еще около трехъ или четырехъ сотъ человѣкъ, переѣхавъ рѣку Янкъ около Маячной горы и выѣхавъ на ту дорогу, по которой ѣздятъ въ Илецкую Защиту, пошли было вдаль по сей дорогѣ; всѣ мнили, что они пойдутъ къ той Защитѣ, по причинѣ вчерашняго туда отправленія и для разоренія опой Защиты; но въ 1 часу послѣ полудня, со стороны Нѣжинскаго редута оказался на тамошнихъ горахъ обозъ; сперва думали, что слѣдуетъ въ Оренбургъ какая нибудь команда,—только открылось наконецъ, что то посылапные отъ злодѣя въ ту сторону за сѣномъ возвращаются; они, не спущаясь въ долъ, прошли, какъ чаятельно, опасаясь пушечныхъ выстрѣловъ, по горамъ; а какъ скоро сей ихъ обозъ <кой составлялъ около 1000 подводъ> по Сырту миновалъ городъ, то и всѣ злодѣи начали убираться въ свой лагерь, въ томъ числѣ и тѣ, кои, переѣхавъ, пошли-было по Илецкой дорогѣ; по послѣдніе всѣ ль возвратились и не устремились ли нѣкоторые изъ нихъ для злодѣйствъ въ помянутую Защиту, сего познать было не можно; явно изъ того, что всѣ они выѣзжали для прикрытія своихъ фуражировъ, опасаясь городского на нихъ нападенія. При семъ случаѣ поймано высланною отъ города небольшою Яицкихъ казаковъ командою два Башкирца, да одинъ Башкирецъ же исколотъ копьями; еще одинъ злодѣй, который противъ Орскихъ воротъ ближе другихъ отважился къ городу подъѣзжать, убитъ ядромъ, выстрѣленнымъ отъ тѣхъ воротъ; съ нашей стороны удалось онымъ злодѣямъ отхватить бывшихъ на рыбной ловлѣ двухъ человѣкъ.—На 25 число предъ утромъ получено было извѣстіе изъ Верхней Озерной крѣпости <въ коей командиромъ оставленъ Полковникъ Демаринъ>, что злодѣи, пришедъ въ опую крѣпость въ числѣ около тысячи человѣкъ, имѣя при себѣ отъ 8 до 10 [пушекъ], дѣлали приступъ, и пальба-де продолжалась съ обѣихъ сторонъ 8 часовъ, и изъ злодѣевъ-де многіе побиты, и они принуждены были отдалиться въ Кундровскую слободу, отъ Озерной въ 12 верстахъ по рѣкѣ Сакмарѣ имѣющуюся. Сего жъ числа отправленъ черезъ Яицкій городъ присланный отъ Государственной Военной Коллегіи курьеръ въ С.-Петербургъ.

58) 26-го числа, по причинѣ полученнаго отъ Полковника Демарина рапорта и открывшагося чрезъ выходцевъ изъ злодѣйской толпы извѣстія, что реченный самозванецъ Пугачевъ съ сообщниками своими самъ пошелъ для атаки и взятія Озерной крѣпости въ полутора тысячахъ человѣкахъ, а сверхъ того изъ той толпы во многомъ числѣ поѣхали и за сѣномъ, имѣющимся около Нѣжинскаго редута, состоящаго выше Оренбурга на рѣкѣ Янкѣ разстояніемъ въ 18 верстахъ; къ перехваченію того сѣна, а паче къ удержанію злодѣя отъ предпріятій его, высланъ былъ отсюда корпусъ изъ регулярныхъ и нерегулярныхъ около 1000 человѣкъ, который хотя непріятеля и отражалъ, но въ разсужденіи превосходства злодѣйскихъ силъ, по учиненіи довольной перестрѣлки, возвратился въ городъ безъ всякаго урона. На ономъ полевомъ сраженіи выпалено изъ пушекъ съ ядрами 51, да съ картечами 3, итого 54 заряда; причемъ ранено изъ высланныхъ отсель изъ города казаковъ 8, а злодѣевъ дѣйствительно застрѣлено и заколото 10 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ находившійся въ злодѣйской толпѣ провіантмейстеромъ.—27-го и 28} числъ, какъ въ денное, такъ и въ ночное время было спокойно, а 29-го было фуражированіе.—30-го, не получа ожидаемыхъ сюда ни съ которой стороны въ сикурсъ командъ, а увѣдомленось между тѣмъ отъ Каргалинскаго Татарина о разсылкѣ злодѣемъ въ разныя мѣста людей;

сверхъ того Г. Губернаторъ, примѣчая, при неоднократныхъ сраженіяхъ, что въ разсужденіи превосходной злодѣйской команды, а напротивъ того изнуренія здѣшнихъ казачьихъ лошадей, и что отъ лагеря злодѣйскаго до самаго города простирается степь, совершеннаго успѣха одержать безъ сикурса надежды не предвидѣлось, съ Гг. Оберъ-Комендантомъ Генералъ-Маіоромъ Веллепстерномъ, Штабъ и Оберъ-офицерами имѣлъ общій Совѣтъ, и сдѣлана имъ Губернаторомъ такая секретная диспозиція, чтобъ, собравъ тотъ корпусъ до разсвѣта, идти въ тотъ злодѣйскій лагерь ночью и печаянымъ образомъ сильно его атаковать, въ надеждѣ того, не получено ль будетъ притомъ такого успѣха, чтобъ приведя его злодѣя со всѣми въ томъ лагерѣ въ страхъ и конфузію, захваченныхъ и у него злодѣя въ неволѣ содержащихся солдатъ и прочихъ выручить и всю его злодѣйскую шайку разрушить; но коей диспозиціи хотя тотъ корпусъ и собрался и за городъ вышелъ было, только къ несчастію по справкѣ оказалось, что назначенныхъ подъ артиллерію кавалерійскихъ лошадей 30 въ ту почь отъ безкормицы пало, а у обывателей въ скорости собрать время не доставало, а между тѣмъ и разсвѣтало, и дабы на разсвѣтѣ отъ оной злодѣйской толпы по предводительству ея здѣшняя команда ко вреду подвержена не была, и что притомъ случились и дезертиры, того ради принуждено оный корпусъ возвратить, отложа то намѣреніе до удобнаго времени.

Къ вышеозначеннымъ послѣднимъ сего мѣсяца числамъ по приватнымъ запискамъ можетъ еще въ дополненіе служить сіе, что на 26 число въ почи поймапъ за рѣкою Яикомъ около Мѣноваго двора одинъ Мулла изъ Нагайцевъ, живущихъ въ Кундровской слободѣ, чрезъ котораго увѣдомленось, что предводитель злодѣевъ самъ съ тысячью человѣками отлучился къ предупомянутой Озерной крѣпости, въ помощь туда отъ него посланному ссыльному Хлопушѣ, и яко бы онъ помышляетъ идти отсюда для зимованія въ Яицкій казачій городокъ. Поутру въ 9 часу усмотрѣны злодѣи, въ великомъ людствѣ поднявшіеся изъ своего лагеря и ѣдущіе по Сыртамъ къ сторонѣ Нѣжинскаго редута. Признавали, что они шли за сѣномъ, къ тѣмъ же мѣстамъ, откуда они 24 числа привезли сѣно; а другіе мнили, что всѣ они, или нѣкоторые изъ нихъ идутъ къ вышеозначенной Озерной крѣпости для усиленія подшедшимъ туда прежде. Признавая, что за такимъ немалымъ выѣздомъ въ злодѣйскомъ лагерѣ осталось людство небольшое, и сдѣлать бы оборотъ туда поѣхавшимъ, учинена отъ городу высылка въ числѣ около тысячи человѣкъ регулярныхъ и нерегулярныхъ людей, коею предводительствовалъ Г-нъ Оберъ-Комендантъ, а при регулярныхъ былъ осьмой легкой команды Секундъ-Маіоръ Зубовъ. При сей командѣ отправлено было 8 артиллерійскихъ орудій, въ томъ числѣ 3 единорога. Отошедъ она отъ города версты съ 2 или съ 3, остановилась на высокихъ мѣстахъ, подвигаясь то въ правую, то въ лѣвую стороны, а болѣе склоняясь въ лѣвую, подавая видъ, яко бы къ наступленію на злодѣйскій лагерь. Между тѣмъ изъ пушекъ выпалено было разовъ до пятидесяти, и отъ злодѣевъ столько жъ, а казаки съ показавшимися злодѣями имѣли и перестрѣлку; когда жъ дошла о томъ вѣдомость до отъѣхавшихъ уже за Нѣжинскій редутъ злодѣевъ, то всѣ они, оставя предпріятое свое намѣреніе, поворотили назадъ къ лагерю, причемъ и сѣна при нихъ было не видно. Городская жъ команда противъ злодѣйскаго людства будучи гораздо меньше, не вступая уже съ ними ни въ какое дѣло, возвратилась вся въ городъ. Сего числа выбѣжалъ изъ злодѣйскаго лагеря одинъ Алексѣевскій казакъ, захваченный въ командѣ Полковника Чернышева *), да по объявленію Яицкихъ казаковъ на перестрѣлкѣ убитъ одинъ злодѣй; съ нашей стороны ранено два казака и одинъ Татаринъ, да бѣжали къ злодѣямъ одинъ Калмыкъ и одинъ Каргопольскій [Каргалинскій] Татаринъ.

59) На 27-е число въ ночи злодѣйскихъ подбѣговъ не бывало, а въ день хотя и говорили, что будетъ высылка къ злодѣйскому лагерю, но оной не учинено, можетъ быть за тѣмъ, что поутру казалось нѣсколько туманно и сыроватая погода; однако около половины дня разведрило; изъ злодѣйскаго жъ лагеря и сегодня примѣчена была немалолюдная посылка къ Нѣжинскому редуту за сѣномъ, откуда многіе изъ нихъ съ сѣномъ и возвратились. Съ вечера жъ на 28 число, хотя и сказано было, чтобъ сей день быть большой высылкѣ съ сильною артиллеріею прямо къ Бердской слободѣ, только, не извѣстно, зачѣмъ, оной высылки не было; а ввечеру сего жъ числа была высылка на рѣку Яикъ, по причинѣ, яко бы злодѣи напали на поѣхавшихъ туда за сѣномъ, но узнавъ, наконецъ, что то произошло по выстрѣлу изъ ружья, непарочно однимъ драгуномъ учиненному, возвратились всѣ въ городъ. — 29 числа до разсвѣта выслано было Яицкихъ казаковъ человѣкъ до 50 къ Маячной горѣ, съ тѣмъ, не удастся ли схватить изъ кого-нибудь съ обыкновеннаго тутъ злодѣйскаго караула; но они никакого караула тамъ не извѣдали, захватили только одного отставнаго солдата, для злодѣевъ на рѣкѣ Сакмарѣ ловившаго рыбу; на разсвѣтѣ жъ высланы были и всѣ Яицкіе казаки, коихъ усмотря, злодѣи начали было выѣзжать изъ своего лагеря, и скопясь сотъ до пяти и болѣе, стояли о трехъ кучахъ неподвижно, а разъѣзжали немногіе: но какъ у высланныхъ изъ города ни одной пушки не было, и пока по требованію ихъ оныя сбирали и отправляли при драгунской командѣ, между тѣмъ всѣ они поѣхали въ свой лагерь, а городскіе возвратились назадъ; и слышно было, яко бы предводитель злодѣевъ изъ-подъ Озерной крѣпости вчера ввечеру съ немногими людьми возвратился и какъ-де сообщники его спрашивали про поѣхавшихъ съ нимъ людей, отвѣтствовалъ, что всѣ они отправлены отъ него въ другое мѣсто; впрочемъ примѣчено было, что изъ-за Нѣжинскаго редута по самой поверхности Сыртовъ везено было злодѣями множество сѣна, которое прикрывали до самаго вечера разставленные отъ нихъ въ немаломъ числѣ форпосты. — На 30-е число въ почи предъ утромъ подъѣзжалъ къ городскому валу одинъ изъ злодѣевъ, съ тѣмъ, чтобъ для переговора съ нимъ высланъ былъ кто-нибудь изъ города, а поутру выбѣжалъ изъ злодѣйскаго лагеря одинъ Каргалинскій Татаринъ, захваченный злодѣями еще при первомъ ихъ приближеніи къ городу. Поутру выслано было изъ

*) Сей казакъ выбѣжалъ еще прежде выступленія команды за городъ и объявилъ, что самого злодѣя въ лагерѣ нѣтъ, и за выѣздомъ многихъ, весьма тамъ малолюдно, а потому и былъ самый способнѣйшій случай приступить къ оному лагерю, ежели бъ команда выслана была не меньше учиненной сего мѣсяца 14 числа высылки.

города Оренбургскихъ казаковъ человѣкъ до 50, да 20 Яицкихъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, не удастся ль кого отхватить изъ поѣхавшихъ за сѣномъ злодѣевъ; какъ они, въ близость къ нимъ подъѣхавъ, стали требовать, чтобъ они по утреннему своему требованію для переговора кого хотятъ выслали, а потому о ихъ надобности и Губернатору будетъ доложено; то вмѣсто отвѣта сдѣлали они выстрѣлъ изъ ружья: чего ради и началась между ними перестрѣлка; по какъ при городскихъ не было ни одной пушки, а злодѣи имѣли ихъ у себя три, то по требованію пушекъ и помоги, высланы были за городъ всѣ Яицкіе и Оренбургскіе казаки и находящіеся въ городѣ Калмыки, также и драгуны легкихъ командъ и при нихъ 5 пушекъ. Пальба пушечная началась съ обѣихъ сторонъ въ исходѣ втораго часа пополудни <по злодѣи, имѣя у себя только три пушки, палили изъ нихъ рѣже>, а между тѣмъ у перегулярныхъ ручной бой происходилъ, что все продолжалось до пятаго часа по полудни. Злодѣи, не видя себѣ усилованія изъ лагеря, принуждены были отдалиться къ Сыртамъ, гдѣ у нихъ сѣнные возы находились, а изъ-за сего уже и городская высылка возвратилась вся назадъ. Съ нашей стороны ранено 3 казака и до 10 лошадей, а на злодѣйской сторонѣ считали убитыхъ до 20, въ томъ числѣ одинъ со значкою, которую и привезли въ городъ, да одного Илецкаго казака поймали и привезли въ городъ. Особливое примѣчаніе было сего числа то, что между всѣми злодѣями, на сраженіе выѣзжавшими, Яицкихъ казаковъ было весьма мало, а наибольшая-де часть состояла изъ Башкирцевъ, да и раненые изъ городской высылки люди и лошади ранены были стрѣлами, которыхъ, кромѣ Башкирцевъ, у злодѣевъ никто не имѣетъ.

Часть IV. — *Продолженіе Оренбургской осады, бывшія на злодѣевъ изъ города вылазки, приступы самозванца Пугачева къ Оренбургу, усилованіе его и другія приключенія Декабря съ 1-го Января по 1-е число 1774 года.*

60) Декабря 1 числа, чрезъ нарочно присланныхъ полученъ рапортъ отъ находящагося въ Яицкомъ городкѣ въ Комендантской должности Подполковника Симонова отъ 25 числа Октября, коимъ онъ, по объявленію посыланнаго отъ него по ордеру Губернаторскому къ командѣ Сотника Петра Копѣечкина въ числѣ ста человѣкъ послушной и непослушной стороны казаковъ для поимки находящихся при урочищѣ Раннихъ Хуторахъ, посланныхъ изъ злодѣйской толпы съ возмутительными къ Яицкимъ казакамъ письмами казаковъ же Дмитрія Сломихина съ товарищи послушной стороны казака Бориса Чеботарева, доносилъ, что по пріѣздѣ въ тѣ хутора означенной команды отъ находящихся тутъ Вятскихъ казаковъ пяти человѣкъ означенной Сотникъ Копѣечкинъ согласной стороны, съ казаками несогласными пойманы и въ злодѣйскую толпу увезены. И Копѣечкинъ, какъ отъ него Симонова отъ 29 Ноября по объявленію вышедшихъ изъ той толпы изъ Калмыковъ казаковъ рапортовано, пятеренъ; а онъ-де Чеботаревъ спасся отъ нихъ бѣгомъ. Того жъ 1 числа изъ Верхней Озерной крѣпости отъ Г. Полковника Демарина рапортовано, что злодѣйская партія, по разбитіи и разореніи Ильинской крѣпости и по взятіи расположенныхъ Г. Генералъ-Маіоромъ Станиславскимъ трехъ Сибирскихъ ротъ, вторительно, то-есть 26 ч. Ноября, опую крѣпость атаковала вокругъ и производила немолкную пушечную пальбу. По полуночи съ 9-го часа, а съ обѣда, спѣшась, сперва съ одной стороны въ оврагѣ намѣрены были штурмовать, но по неудачѣ, зайдя въ другой глубокій оврагъ отъ гумецъ человѣкъ до 400, съ конми были и всѣ отправленные отсель въ домы за худобою лошади и злодѣями на дорогѣ перехваченныя; и съ Яицкими казаками продолжали неугасимый оружейный при пушечныхъ выстрѣлахъ огонь, также и изъ сайдаковъ стрѣляли и неоднократно взвизгивали, намѣреваясь ударить копьями, крича казакамъ и прочимъ перегулярнымъ, чтобъ они, несмотря на Бояръ, вышли изъ крѣпости въ толпу ихъ, который-де огонь съ тѣхъ полудень продолжался безпрерывно до десятаго часа почи; однакожъ благоразумнымъ распоряженіемъ и неустрашимостью его Демарина, они злодѣи съ урономъ отбиты. При чемъ онъ Демаринъ, для подачи примѣра подчиненнымъ своимъ, изъ коихъ было регулярныхъ гарнизонныхъ съ чинами только 369 человѣкъ, къ неустрашимости, принужденнымъ пашелся самъ стрѣлять изъ пушекъ, а они, ободрясь симъ, должныя отпоръ чинили храбро и неустрашимо; особливо жъ похвалялъ онъ Демаринъ отмѣнную прилежность и мужество Прапорщиковъ Лопатина и Епанечникова, сержанта Полякова и Провіантмейстера Кокурина, прося, чтобъ они за то безъ награжденія оставлены не были, и объявляя, что при томъ сраженіи со злодѣйской стороны, по видимой крови, убито немалое число, коихъ-де они, кромѣ оставшихся трехъ мертвыхъ, видно изъ предводителей ихъ, тѣхъ съ собой увезли; а съ нашей стороны убито: солдатъ 5, денщикъ 1, неприверстанный въ службу солдатскій сынъ 1, Башкирцевъ 2; ранено: капралъ 1, солдатъ 2, отставной солдатъ 1, казакъ 1; убито жъ лошадей 8. По причинѣ чего, отъ 2-го числа къ Г. Генералъ-Маіору Станиславскому, въ чаяніи томъ, что онъ на сикурсъ въ Озерную крѣпость уже прибылъ, прежнее Губернаторское отъ 25 числа Ноября предписаніе подтверждено, съ тѣмъ, чтобъ какъ отъ злодѣя нерѣдко въ окольныя жительства разсылаются партіи для злодѣйства въ небольшомъ количествѣ, а именно: стахъ въ двухъ, и трехъ, благоволилъ бы стараніе прилагать объ оныхъ дѣлать развѣданіе и, чрезъ высылку изъ корпуса его пристойнаго количества людей, оныя разбивать, а притомъ и въ ближайшихъ Башкирскихъ жительствахъ, изъ коихъ Башкирцы въ той злодѣйской толпѣ находятся, ежели возможно будетъ, дѣлать шкоду, дозволя имущество ихъ разбирать, а женъ и дѣтей тревожить; но дабы по причинѣ сей не былъ онъ Г. Генералъ-Маіоръ отъ нихъ Башкирцевъ или отъ извѣстнаго злодѣя подверженъ опасности, то бъ и находящуюся въ Верхо-Яицкой крѣпости легкую полевую команду къ себѣ приблизилъ, а третью въ Верхо-Яицкую взялъ, и отъ него злодѣя имѣлъ бы всю крайнюю предосторожность, чтобъ онъ коварными его поступками не могъ причинить ему нечаяннаго безпокойства; а дабы онъ Г. Генералъ-Маіоръ сіе предписаніе съ точностію исполнилъ, то о учиненіи ему подтвержденія, того жъ числа и къ Г. Генералъ-Поручику и Кавалеру Декалонгу сообщено; Исетской же провинціи къ Воеводѣ Г. Статскому Совѣтнику Веревкину, по поводу попавшихся къ злодѣю тамошнихъ казаковъ и получен-

наго извѣстія, якобы изъ тамошней провинціи Башкирцевъ человѣкъ 600 въ злодѣйскую толпу пришло, и дабы по послѣдней мѣрѣ, прочіе отъ того предварены были, предложено неусыпно стараться, дабы находящіеся въ домахъ казаки, а особливо Башкирцы, въ вѣрности ихъ колебаться и въ вящшее себѣ предосужденіе на злодѣйство подвизаться не могли, внушая имъ о состояніи помянутаго злодѣя состоявшимися о томъ манифестами, а ежели паче чаянія сіе средство успѣхомъ быть можетъ, то стараться чрезъ вѣрныхъ дѣлать тѣмъ колеблющимся, а особливо въ толпѣ его злодѣйской находящимся Башкирцамъ шкоду, позволяя имущество ихъ въ добычу, а притомъ и женъ ихъ и дѣтей разбирать по себѣ; а какъ здѣсь, по многолюдству и за непропускомъ злодѣями изъ внутреннихъ жилищъ съѣстныхъ припасовъ и хлѣба, въ провіантѣ наступаетъ большая нужда, то ему Веревкину рекомендовано въ предвареніе той нужды приложить стараніе изъ собирасмаго съ крестьянъ въ казну хлѣба, муки и крупъ обоего рода до 10,000, да овса до 500 четвертей въ близость къ Оренбургу, а именно, ежели далѣе не можно, то хотя до Орской крѣпости по линіи доставить на крестьянскихъ подводахъ, или подрядомъ, наблюдая высокой интересъ. Ежели онаго вдругъ доставить не можно, то по такому числу, по какому заблагоразсудитъ. *)

61) Декабря на 1-е число былъ приказъ, чтобъ всѣмъ командамъ приготовиться къ выступленію до разсвѣта дня на злодѣйской лагерь подъ Бердскую слободу, да и выведены они были за городъ въ 4 часу по полуночи, притомъ готовы жъ были 28 артиллерійскихъ орудій, чтобъ съ трехъ сторонъ тотъ злодѣйскій лагерь атаковать. Всѣ команды съ радостію того желали, а особливо военные люди къ наступленію на злодѣевъ показывали великую охотность; да присемъ и погода была самая умѣренная—свѣтлая и тихая; но такимъ порядкомъ за городъ уже выведенная команда, построясь тамъ часа три, въ началѣ 8 часа опять возвращена въ въ городъ; причина того была непзвѣстна, а послѣ сказывали, что изъ стоявшихъ на валу часовыхъ двое бѣжали къ злодѣямъ, изъ коихъ одинъ пойманъ разъѣздными казаками, а другой туда ушелъ, почему яко бы и разсуждено оной вылазкѣ и атакѣ сей день быть несходно, но существительная причина послѣ открылась та, что подъ приготовленную артиллерію недостало немалаго числа лошадей, о чемъ прежде было извѣстно. Во время обѣденнаго благовѣста слышна была въ злодѣйскомъ лагерѣ пушечная пальба разъ до 15, а потомъ и еще она была и продолжалась едва не до самаго вечера.—2, 3, 4, 5 и 6 чиселъ, какъ въ денное, такъ и въ ночное время, было спокойно.

62) Предъозначенныя послѣднія числа могутъ дополнены быть изъ приватныхъ записокъ слѣдующимъ. На 2-е число въ ночи вышелъ изъ злодѣйскаго лагеря одинъ захваченный туда, недавно опредѣленный изъ рекрутъ, солдатъ, да и пронесся слухъ, яко бы вчерашняя у злодѣевъ пальба была по причинѣ междоусобія ихъ съ Башкирдами, которыхъ будто бъ немалое число отошло въ свои жилища, для того, что самозванецъ приказалъ, цевѣдомо за что, повѣсить одного ихъ Старшину. Во время перваго приступа злодѣйскаго къ Озерной крѣпости смертельно раненъ былъ бывшій тутъ предводитель злодѣевъ, воспитанникъ Подполковника и Атамана Бородина, коего называли Бородинымъ же. Онъ по привозѣ въ крѣпость по срединѣ его допроса и умеръ; удалось только онымъ злодѣямъ разграбить Бухарскій караванъ, находившійся въ Ильинской крѣпости. А Генералъ-де Маіоръ Станиславскій въ Озерную крѣпость при отправленіи тѣхъ рапортовъ еще не бывалъ, а стоялъ въ Орскѣ. Съ вечера хотя и былъ приказъ, чтобъ всѣмъ командамъ въ 5 часу по полуночи быть готовымъ къ выступленію на злодѣевъ, но поутру все то отмѣнено; а потомъ предъ полуднемъ въ 10 часу разсуждено было опять сбираться и готовить для того жъ команды съ артиллеріею, что все продолжалось до половины перваго часа; а потомъ вся оная команда (изъ коей часть изъ города уже была выведена съ частію артиллеріи), непзвѣстно для чего, распущена по квартирамъ *). На 3-е число съ вечера у злодѣя, противъ обыкновенія его, вмѣсто одного, сдѣланы были три выстрѣла пушечныхъ, а для чего, неизвѣстно; послѣ литургіи въ Соборной церкви читано было чрезъ Протопопа присланное отъ Преосвященнаго Веніамина, Архіепископа Казанскаго, генеральное для всѣхъ увѣщаніе, по причинѣ оказавшагося самозванца, въ презрядныхъ изъясненіяхъ и доказательствахъ состоящее. Послѣ жъ того былъ благодарный молебенъ для бракосочетанія Его Императорскаго Высочества. Яицкихъ казаковъ небольшое число выслано было за городъ къ Маячной горѣ, а прочіе заведены были въ пизкія мѣста, на такой случай, ежели появятся злодѣи и способность окажется, сдѣлать на нихъ ударъ и кого бы нибудь отхватить изъ нихъ; но кромѣ самаго малаго числа, никто отъ нихъ не выѣзжалъ; и такъ всѣ оные казаки около полудня возвратились въ городъ.—4 числа ничего особливаго не было; токмо послѣ полудни пронесся слухъ, яко бы изъ находящихся въ городѣ Яицкихъ казаковъ, поѣхавъ за сѣномъ, назадъ одинъ не возвратился. Ввечеру отправлены письма чрезъ Киргизскую степь въ Яицкій городокъ, а оттуда велѣно ихъ отправить Подполковнику Симонову съ нарочнымъ до Казани.—На 5-е число, какъ ввечеру, такъ и поутру, обыкновенныхъ въ злодѣйскомъ лагерѣ пушечныхъ выстрѣловъ было не слышно. Въ 11 часу утра хотя и собраны были военные регулярные и нерегулярные люди, а потому и надѣялись изъ города быть вылазкѣ, однако жъ ея не было, и тѣ люди распущены были опять по квартирамъ. Между тѣмъ сказывали, что около полудни слышна была въ злодѣйскомъ лагерѣ ружейная пальба и два выстрѣла изъ пушекъ, а по какой причинѣ, непзвѣстно. Нѣсколько Яицкихъ казаковъ высылано было за городъ; за бывшимъ туманомъ никого они злодѣевъ не видали, а привели только двухъ лошадей съ уздами, отлучившихся изъ злодѣйскаго лагеря. Послѣ полудни многіе ѣздили къ Нѣжинскому редуту за сѣномъ и привезли онаго довольно.—6-го числа ничего особливаго примѣчено и слышно не было, кромѣ того, что около полудня была въ злодѣй-

*) Провіанта съ сей стороны въ Оренбургъ не только въ текущемъ году, но и по самой отъ Оренбурга злодѣйской побѣгъ ничего въ привозѣ не было.

*) На сихъ дняхъ была еще самая умѣренная осенняя погода, снѣгъ былъ еще весьма мелкій, а потому къ наступленію на злодѣевъ еще удобное и способное время.

скомъ лагерѣ еще ружейная пальба, а между тѣмъ изъ пушекъ пять разъ выпалено,—вѣроятно, что то было у нихъ по причинѣ пьянства, какъ то и прежде случалось.

63) 7-го числа для поимки изъ злодѣйской толпы языка выслано было изъ города Оренбургскихъ и Яицкихъ казаковъ съ прикомандированными къ нимъ двумя пушками всего съ 500 человѣкъ, которыми хотя съ выѣхавшими злодѣями при пушечныхъ выстрѣлахъ и производилась перестрѣлка, токмо языка, за превосходствомъ злодѣйскихъ силъ, поймать не удалось; на ономъ полевомъ сраженіи изъ пушекъ выпалено было съ ядрами 24 заряда.—8-го было спокойно.—9 числа оказались и разъѣзжали злодѣйской толпы во многомъ числѣ партіи, не только въ виду, но и въ самой близости города, съ той стороны, гдѣ форштатъ былъ, противъ которыхъ разсуждено легкими войсками каждо-дневно производить шермиціи; но дабы оныя, будучи подкрѣплены регулярными, случившимся успѣхомъ старались вредить и ловить непріятеля, для того Г. Оберъ-Коменданту данъ ордеръ, чтобъ состоящія въ резервѣ команды расчислить на три части, поруча каждую надежному Штабъ-офицеру съ потребнымъ числомъ Оберъ и унтеръ-офицеровъ, и приказать каждой части состоять въ ежечасной готовности, изъ которыхъ по одной при каждой высылкѣ и выходить по очереди за городъ при шести орудіяхъ, располагая оную по высотамъ за бывшими злодѣйскими батареями, съ такимъ при томъ учрежденіемъ, чтобъ они, какъ легкимъ войскамъ въ подкрѣпленіе служили, такъ злодѣямъ, усматривая способы, вредили. Съ городовой стѣны изъ пушекъ выпалено съ ядрами 6 зарядовъ; того жъ числа отъ Генералъ-Поручика и Кавалера Декалонга и Генералъ-Маіора Станиславскаго получены, отъ перваго сообщеніе отъ 24 Ноября, а отъ втораго рапортъ отъ 4 Декабря, пущенные съ ними. Декалонгъ, по поводу полученнаго имъ отсюда отъ Уфимскаго Воеводы извѣстія о послѣдовавшемъ отъ злодѣя надъ Подполковникомъ и Симбирскимъ Комендантомъ Чернышевымъ приключеніи, и о захватѣ изъ слѣдовавшей изъ Казани въ командѣ Маіора Вернипеда [Вернстеда] команды солдатъ, и что Г. Генералъ-Маіоръ Каро [Каръ] съ корпусомъ, по причинѣ злодѣйскаго нападенія, отступилъ по Новой Московской дорогѣ назадъ, да и Озерная крѣпость атакована, совѣтовалъ, чтобъ Сибирскія войска раздробленно не посылать, а соединя, пробраться бъ имъ къ Оренбургу, и тутъ, пріобща къ нимъ находящіяся въ ономъ совокупными силами ударить на толпу злодѣйскую и стараться оную истребить; а съ другой стороны попечительно наблюдать и то, чтобъ тѣ злодѣи не прорвались во внутреннія Оренбургской губерніи Башкирскія и заводскія селенія, чрезъ что и не причинили бъ наивящшаго интересу убытка, а обитателямъ разоренія. Станиславскій рапортовалъ, что Ильинская крѣпость 29 числа Ноября поутру злодѣямъ по сильномъ, бывшаго въ оной, слѣдовавшаго отъ него впереди къ Озерной крѣпости, Маіора Заева съ Тобольскими Губернскою, гренадерскою и другими мушкетерскими ротами и девяносто двумя человѣками казаковъ, сопротивленіи, взята, нѣкоторые солдаты и казаки порублены и поколоты, да и съ Маіоромъ Заевымъ и съ офицерами то жъ учинено, а двое офицеровъ, Капитанъ и Прапорщикъ, повѣшены, прочіе жъ солдаты и казаки злодѣемъ захвачены; въ крѣпости жъ, какъ денежная казна, такъ равно и обывательское имѣніе все безъ остатку поразграблено, а церковь и дворъ сожжены; въ разсужденіи чего, и дабы ему Станиславскому послѣдней малой команды не потерять и не открыть бы тѣмъ всей линіи злодѣямъ на похищеніе, возвратился онъ въ крѣпость Орскую, для ожиданія изъ крѣпости Верхо-Яицкой 10-й легкой команды и гарнизонной роты. По полученіи сего, сожалѣнія достойнаго извѣстія, и что отправленныхъ отъ Государственной Военной Коллегіи Гг. Генералъ-Маіоровъ Кара и Фреймана попынѣ сюда дождаться, и по неоднократнымъ отъ Губернатора чрезъ нарочныхъ предложеніямъ, увѣдомленія получить отъ нихъ не можно, гдѣ они и въ какомъ состояніи находятся, и какія свои предпріятія дѣлаютъ, и что Г-пъ же Генералъ-Маіоръ Станиславскій, будучи порученъ въ полную Губернатора команду, двухъ его предложеній, о слѣдованіи съ командами въ Зеланръ, и по отзыву его, что ему туда идти невозможно, то бъ по случаю атаки Озерной крѣпости, въ оную поспѣшать не исполнялъ, находя онъ Губернаторъ съ мнѣніемъ Г. Генералъ-Поручика и Кавалера Декалонга согласнымъ, отъ 10 числа сообщилъ къ нему, чтобъ онъ для содѣйствія здѣшнимъ войскамъ корпусъ съ Его Превосходительствомъ помянутаго Г. Генералъ-Маіора Станиславскаго, или другаго, кого разсудить изволитъ, отправилъ сюда весь совокупно; ибо отправленіе раздробленное подвергается крайнему предосужденію, какъ то съ вышеописанными Сибирскими командами и приключилось; но какъ по линіи, за немалымъ проѣздомъ командъ и за пожженіемъ злодѣемъ сѣнъ, въ фуражѣ великій недостатокъ находится, то бъ велѣлъ онъ ему г. генералъ-маіору всѣми командами, отколѣ прямѣе, взявъ съ линіи хорошихъ и надежныхъ вожатыхъ, слѣдовать сюда, минуя Зеланрскую крѣпость, около Петровскаго завода или какъ ближе и способнѣе признается. А притомъ онъ Г. Генералъ-Поручикъ и кавалеръ постарался въ разсужденіи недостатка здѣсь провіанта и что его не болѣе стать можетъ, какъ на мѣсяцъ, и онаго по близости изъ Исетской провинціи отправить сюда достаточное количество подрядомъ, или на крестьянскихъ подводахъ; о чемъ къ нему Г. Генералъ-Поручику и Кавалеру отъ 18 числа сего и еще повторено.

Къ вышеозначеннымъ числамъ въ дополненіе сообщается еще, что 7 числа поутру въ 9 часу оказались злодѣи, немалыми толпами выходящіе изъ своего лагеря, изъ коихъ человѣкъ сто спустились въ долъ, гдѣ ихъ прежній лагерь былъ, и перебрались на степную сторону рѣки Яика, можетъ быть, въ чаяніи, дабы отхватить кого-нибудь изъ поѣхавшихъ за сѣномъ; въ предосторожность ихъ, выпалено было у соборной церкви изъ двухъ пушекъ, почему и вобрались всѣ бывшіе тамъ для сѣна въ городъ. Прочіе злодѣи разъѣзжали по Сырту около Убогаго дома и на тамошнихъ высотахъ. По сей причинѣ высланы были изъ города Яицкіе и Оренбургскіе казаки и Калмыки съ двумя пушками. Они, подъѣхавъ къ злодѣямъ на пушечный выстрѣлъ, начали палить изъ пушекъ и перестрѣливаться изъ ружей; напротивъ чего злодѣи начали свою пушечную пальбу, а наконецъ, выпаля однимъ разомъ изъ пяти пушекъ, стали отдаляться, и хотя городская высылка, напирая на нихъ за самые Сырты, слѣдовала къ нимъ, но злодѣи, нигдѣ не

останавливаясь, отдалялись къ своему лагерю. Вчерашнее ихъ пьянство подтверждалось и тѣмъ, что и сегодня многіе изъ нихъ безобразно скакали на своихъ лошадяхъ, искривляясь то въ ту, то въ другую сторону; наѣздники подъѣзжали по малому числу врозь, кричали и звали къ себѣ въ гости; равномѣрно отвѣтствовали имъ городскіе; между того изъ злодѣевъ нѣкоторые сказывали, яко бы завтрашній день будетъ къ нимъ изъ Москвы Великій Князь Павелъ Петровичъ съ тридцатью тысячами войскъ и съ тремя Генералами, а въ попедѣльникъ-де сдѣлаютъ они къ городу такой приступъ, что всему уже городу жарко будетъ; а потомъ убрались они въ свой злодѣйскій лагерь; но обыкновеннаго у нихъ вечерняго выстрѣла изъ пушки сей день слышно не было. На 8 число въ ночи и въ день ничего особливаго не происходило. Заночевало было нѣсколько Каргалинскихъ Татаръ, поѣхавшихъ за сѣномъ, а потому и думали, что отлучились къ злодѣямъ; но поутру всѣ они возвратились въ городъ съ сѣномъ. — 9 числа поутру часу въ 9-мъ, злодѣи начали показываться изъ своего лагеря немалыми толпами, слѣдуя къ тѣмъ самымъ высотамъ, которыя прежде городская команда занимала. Людство ихъ казалось хотя и не весьма велико, однако необыкновенно умножено было значками; посему выслано было за городъ нѣсколько Яицкихъ казаковъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣли съ злодѣями перестрѣлку; но кромѣ пустыхъ словъ и угрозъ ничего отъ злодѣевъ не было. Между прочимъ показывался тутъ и бѣжавшій подъ 4 числомъ Яицкій казакъ, объявляя на себѣ красный кафтанъ и выговаривая, что онъ ему отъ Царя пожалованъ, склоняя, дабы и другіе, смотря на то, къ нему въ службу пріѣзжали; но какъ отъ городскихъ воротъ въ одну скопившуюся на Сырту кучу сдѣланъ былъ пушечный выстрѣлъ, то всѣ перевалили они за Сыртъ; а потомъ и въ лагерь свой отошли, изъ-за чего и городскіе возвратились назадъ, между тѣмъ злодѣи немалое число подводъ отправили по Сыртамъ за НѢжинскій редутъ для сѣна, да и провезли онаго въ лагерь свой весьма много.

64) 10-го числа, за бывшимъ непастьемъ, высылки на злодѣевъ не было, и отъ нихъ было спокойно; а 11 числа, вслѣдствіе вышеписаннаго 9 числа учиненнаго предписанія, для пораженія предписанныхъ злодѣевъ и поимки изъ нихъ языка, сперва Яицкихъ и здѣшнихъ казаковъ съ первою частію регулярныхъ, подъ предводительствомъ Премьеръ-Маіора Наумова, вышло около девяти сотъ, у которыхъ съ злодѣями перестрѣлка была; но какъ злодѣйская толпа умножилась, то принуждено было противъ ихъ и вторую часть регулярныхъ съ другой стороны, подъ предводительствомъ легкой осьмой полевой команды командира Маіора Зубова, со всѣмъ назначеннымъ къ выходу числомъ артиллеріи, выслать; однако злодѣи, усмотря оную, тотчасъ ретировались въ свои ямы; причемъ изъ нихъ двое захвачены, На ономъ полевомъ сраженіи изъ пушекъ выпалено съ ядрами 137 зарядовъ.—12, 13 и 14-го, за бывшимъ великимъ непастьемъ, высылки изъ города не было, и отъ злодѣя было спокойно. — На 15 число въ разсужденіи того упомянутаго злодѣя примѣчалось въ артиллерійскихъ припасахъ недостатокъ. Г. Оберъ-Коменданту рекомендовано, что 16 числа такъ скоро, какъ разсвѣтаетъ, Яицкимъ и Оренбургскимъ казакамъ со всѣми ихъ Старшинами, а за ними резервнымъ второй и третьей частямъ, каждой при шести орудіяхъ, выступя по прежде учиненному предписанію за городъ, злодѣевъ тревожить и чрезъ то вызывать ихъ къ ближайшему надъ ними поступленію. Почему означенные Яицкіе и Оренбургскіе казаки, а за ними и резервныя двѣ части подъ предводительствомъ Г. Бригадира Корфа и выходили, и по учиненіи передовыми казаками одинъхъ перестрѣлокъ, за появившимся вдругъ великимъ туманомъ, подъ умноженіемъ котораго злодѣи назадъ отступили, возвратились въ городъ. — 17 числа, злодѣи вдали и близъ города разъѣзжали, только по причинѣ наставшаго холода высылки не было; въ нихъ съ городовой стѣны выпалено изъ пушекъ ядрами два заряда.

Въ дополненіе къ послѣднимъ, то есть отъ 10 по 18 число, изъ приватныхъ записокъ можетъ прибавлено быть сіе, что 10 числа ввечеру изъ поѣхавшихъ за сѣномъ не явилось, изъ бывшихъ въ городѣ двухъ Бердскихъ Казаковъ; знатно ушли они въ свою слободу.—11 числа до разсвѣта пріѣхали изъ Илецкой Защиты съ сѣномъ и съ рапортами, что тамъ обстоитъ благополучно. Подъ утро выѣзжалъ отъ злодѣевъ о дву коняхъ Оренбургскій казакъ, а въ 8 часу учинена высылка подъ командою шестой легкой команды Премьеръ-Маіора Наумова, причемъ и всѣ нерегулярные находились, и было 6 артиллерійскихъ орудій. Злодѣи, усмотря ее, всѣмъ своимъ людствомъ, конные и пѣшіе, начали выбираться изъ своего лагеря, и вышло ихъ по примѣру около трехъ тысячъ человѣкъ; конные разъѣзжали напереди, а пѣшіе поставлены были у нихъ на самыхъ дальнихъ Сыртахъ <примѣтно было, что они никакого оружія, кромѣ палокъ, не имѣли и составляли большое людство, но признанію жъ были плѣнники>. Въ 9 часу началась съ обѣихъ сторонъ пушечная пальба и продолжалась частыми выстрѣлами часа съ полтора: но какъ городскихъ людей число было невелико, то и разсуждено въ подкрѣпленіе ихъ вывесть за городъ осьмую легкую команду и умножить артиллерію, изъ-за чего злодѣи, не чиня никакого приближенія и устремленія къ городу, стояли на Сыртахъ, подаваясь то въ правую, то въ лѣвую сторону, а нѣкоторые изъ Яицкихъ казаковъ и изъ злодѣевъ между тѣмъ вступали въ ручное сраженіе, причемъ городскими поймано съ злодѣйской стороны три, а убито до десяти человѣкъ. Одинъ Яицкій казакъ сказывалъ, что не зная въ лицо предводителя злодѣевъ, непарочнымъ случаемъ очень близко къ нему самому подъѣхалъ прежде; хотя всѣ у него находящіеся Яицкіе казаки Войсковаго Старшину Мартемьяна Бородина обыкновенно Мартюшкой называли; но тотъ главный ихъ предводитель кричалъ ему: скажите, чтобъ Мартемьянъ Михайловичъ Бородинъ выѣхалъ одинъ съ нимъ для переговора; а сіе выговоря и поскакалъ онъ назадъ *). И хотя сей Старшина скоро послѣ того

*) Говорили, яко бы въ сей день къ поимкѣ самого означеннаго злодѣя былъ весьма хорошій случай; и ежели бъ Яицкій Войсковый Старшина Мартемьянъ Бородинъ съ бывшею при немъ командою напередъ не возвратился въ городъ, донести стоявшему тогда на валу Г. Губернатору, что то принужденъ онъ учинить за усталью лошадей, отъ углубившагося снѣгу, и такъ оставалась тогда на полѣ одна регулярная команда съ артиллеріею. Немного побывъ

выѣзжалъ и искалъ случая, чтобъ ему съ тѣмъ злодѣемъ говорить, и разставя людей своихъ въ отдаленіи, требовалъ его злодѣева выѣзда, но его-де уже тутъ не было, изъ-за чего всѣ и разъѣхались злодѣи. Съ нашей стороны убитыхъ и раненыхъ не было: три только лошади ранено. Съ нашей стороны было до 170, а отъ злодѣевъ до 150 выстрѣловъ; но злодѣи били больше картечными зарядами.

65) 12-го числа поутру хотя и назначено быть еще высылкѣ, но, за случившимся великимъ мокрымъ снѣгомъ, оная отмѣнена; болѣе особливаго ничего не было, кромѣ сего: что примѣчено на Сыртахъ немалое число злодѣевъ, ѣдущихъ изъ-за Нѣжинскаго редута съ сѣномъ. Послѣ полудня въ 7 часу отправленъ въ Плецкую Защиту съ указами сержантъ Теленковъ и нѣсколько казаковъ и лошадей, пріѣзжавшихъ съ сѣномъ; на 13 число, съ вечера, также назначено было быть высылкѣ подъ предводительствомъ Бригадира Корфа; но за бывшимъ ночью и въ день сей сильнымъ дождемъ, оная высылка отмѣнена. На 14 число съ вечера повѣщено было командамъ, въ первомъ часу по полуночи быть готовымъ къ выступленію на злодѣевъ, къ чему они съ охотою и готовились; но въ 4 часу послѣ полуночи оное паки отмѣнено, по той причинѣ, будто бъ для артиллеріи подъемныя лошади не всѣ были подкованы, а дорога, по причинѣ вчера бывшаго дождя, сдѣлалась ледовита и скользка; сегодня жъ пронесся слухъ, яко бы начальникъ злодѣевъ послалъ отъ себя къ городу Уфѣ и въ тамошній уѣздъ воровскую свою партію, а въ какомъ числѣ, то неизвѣстно. Въ ночи и поутру 15 числа возвратились нѣсколько изъ-за Нѣжинскаго редута ѣздившіе туда за сѣномъ и привезли онаго больше ста возовъ; но пяти или шести человѣкъ изъ слугъ не явилось, знать захвачены злодѣями: ибо предъ вечеромъ примѣчено было, что и они по Сыртамъ близъ ста возовъ провезли къ себѣ сѣна оттуда жъ.—На 16 число съ вечера былъ приказъ воинскимъ командамъ готовиться къ выступленію на злодѣевъ прежде утренней зори. Сія высылка была подъ предводительствомъ Бригадира Корфа и въ числѣ регулярныхъ и нерегулярныхъ превосходила прежнія. Артиллерійскихъ орудій было при ней 24, въ томъ числѣ 6 единороговъ. Вся оная команда раздѣлена была на три части: одною командовалъ Г. Корфъ, другою шестой легкой полевой команды Премьеръ-Маіоръ Наумовъ, а третьею баталіонный командиръ Премьеръ-Маіоръ Пановъ. Изъ города выступили они въ исходѣ 9 часа поутру и заняли на Сыртахъ способное положеніе, отъ города разстояніемъ версты съ полторы. Яицкіе и другіе нерегулярные люди <при конхъ особыхъ пушекъ сей день не было> были у нихъ впереди на такое жъ разстояніе. Всѣ мнили, что оныя три команды поведены будутъ прямо къ Бердской слободѣ, чтобъ, сбивъ злодѣевъ, овладѣть ихъ лагеремъ. Злодѣи долго не оказывались противъ сей высылки, и ужъ въ 11 часу начали они появляться на самыхъ задпихъ Сыртахъ и, выѣхавъ ихъ немалое число, стояли тамъ почти неподвижно, а наконецъ, сдѣлавъ пушечныхъ выстрѣловъ до пятидесяти <сказывали, яко бы всѣ тѣ выстрѣлы были пустые безъ ядеръ>, поворотили назадъ въ свой лагерь. Городская регулярная команда, постоявъ на занятыхъ ею мѣстахъ съ полчаса, обратилась также назадъ и вошла въ городъ въ исходѣ 12 часа, не сдѣлавъ съ своей стороны ни одного выстрѣла *). Между тѣмъ передовые Яицкіе казаки имѣли съ злодѣями перекличку, но въ пустыхъ словахъ состоящую: городскіе вызывали злодѣевъ на сраженіе къ городу, а злодѣи кричали, что они того не сдѣлаютъ, а подъѣзжали къ всѣ городскіе къ ихъ лагерю. При семь случаѣ отхваченъ злодѣями бывшій въ числѣ Яицкихъ казаковъ Калмыкъ, именемъ Дуртя, который былъ Сотникомъ и почитаемъ былъ за хорошаго наѣздника; напротивъ того, городскими Яицкими казаками убитъ одинъ злодѣй, а другой Яицкій же казакъ пойманъ и присланъ въ городъ; другіе мнили, что помянутый Калмыкъ въ злодѣйскую толпу самовольно забѣжалъ, и будто бъ онъ прежде проговаривалъ, что ему хочется самому у злодѣевъ побывать и оттуда опять въ городъ возвратиться не съ пустыми руками **).

66) 17-го числа поутру, въ 10 часу, появилось злодѣевъ немалое число, ѣдущихъ изъ лагеря своего прямо къ городу; три толпы, выѣхавъ отъ Бердской слободы, остановились на Сыртахъ, въ отдаленіи отъ города, а человѣкъ до пятидесяти подъѣзжало изъ нихъ къ тому самому мѣсту, гдѣ обыкновенно изъ городскихъ конюшень навозъ вывозятъ и бросаютъ. Предводителемъ у нихъ примѣченъ одинъ, въ красномъ кафтанѣ разъѣзжавшій; изъ сихъ передовыхъ нѣкоторые гораздо ближе подъѣзжали къ городу, межъ которыми бывшій Оренбургскій казакъ Каринцовъ требовалъ, чтобъ для переговора съ нимъ выслали брата его, въ городѣ находящагося, и показали бъ имъ тѣхъ Оренбургскихъ казаковъ, кои отъ нихъ въ городъ ушли; но ихъ въ скорости найдти было не можно; ибо тутъ на валу, кромѣ однихъ часовыхъ, никого не было ***); другіе кричали, для чего не сдается городъ, и божились, что начальникъ ихъ есть прямой Царь; въ исходѣ жъ 11 часа пополудни, какъ сіи передовые, такъ и назади въ кучахъ стоявшіе, всѣ опять въ свой легерь уѣхали. При па-

въ городѣ, хотя онъ Бородинъ со всею своею командою и еще туда выѣзжалъ, но злодѣи тогда стали уже разъѣзжаться въ свой лагерь, а потому вторичный его Бородина выѣздъ и былъ уже безплоденъ. Погода была тогда теплая и тихая.

*) Сегодняшнее на три части раздѣленіе команды многіе признавали за способное и предъ прежними за лучшее, а потому и надѣялись, что злодѣевъ изъ Бердской слободы выгонятъ и имѣющуюся у нихъ артиллерію отнимутъ. Что жъ до возвращенія оной команды назадъ принадлежитъ, то говорили, яко бы то учинено съ приказу Губернаторскаго, по причинѣ оказавшагося предъ полуднемъ великаго тумана; но послѣ вскорѣ воздухъ прочистился и погода была тихая и нарочито ясная.

**) Что оный Калмыцкій Сотникъ прямое намѣреніе имѣлъ къ истребленію злодѣевъ, сіе послѣ разными извѣстіями подтверждаемо было, а напаче всѣ увѣрились тѣмъ, что онъ Дуртя, по доносу Пугачевыхъ сообщниковъ, въ томъ, что онъ ищетъ случая его умертвить, и повѣшенъ отъ него въ ночное время.

***) Хотя съ самаго начала злодѣйскойо сады во время высылокъ никому не возбранено было всходить на валъ и смотрѣть на сраженія, чрезъ что въ сихъ случаяхъ на городскихъ валахъ представлялось всегда великое людство; но 10 числа отданъ отъ Г-на Губернатора приказъ, чтобъ при такихъ случаяхъ на городской валъ смотрителей никого не впущать.

чалѣ, когда оные передовые около города появляться стали, выпалено было съ валу противъ артиллерійскаго двора изъ двухъ пушекъ. Послѣ полудня выслано было изъ города Яицкихъ казаковъ человѣкъ до 30, для присмотра. Со злодѣйской стороны выѣзжали человѣкъ до 30 жъ, въ томъ числѣ яко бы и ушедшій вчерашняго числа Калмыкъ Дуртя, имѣя на себѣ красный кафтанъ. На переговорѣ злодѣи кричали, чтобъ всѣ Яицкіе казаки изъ города пріѣзжали къ нимъ, а означенный Дуртя дважды примѣривался палить изъ своей турки, однакожъ-де выстрѣловъ не сдѣлалъ, а изъ-за того всѣ они и разъѣхались.

67) 18-го числа было спокойно, только отъ находящагося въ Яицкомъ городкѣ Подполковника Симонова получены непріятные рапорты: 1-е, доносилъ онъ, что изъ Яицкихъ казаковъ, сколько за ними ни наблюдается, въ злодѣйскую толпу отъ разныхъ мѣстъ съ карауловъ бѣжало человѣкъ слишкомъ съ 30.—2-е, Киргизъ-Кайсаки-де Меньшой Орды владѣнія Нурали Хана и братьевъ его Айчуванъ и Дусали Салтановъ, разъѣзжая около нижнихъ Яицкихъ крѣпостей по обѣ стороны, чинятъ великія злодѣйства, то есть скотъ весь отгоняютъ, людей убиваютъ и, захватывая, увозятъ, форпосты жгутъ, и къ крѣпостямъ дѣлаютъ приступы, и намѣреніе-де имѣютъ, какъ чрезъ доброжелательныхъ секретно увѣдомился *), оставя здѣшнее кочевье, идти въ подданство Турецкое въ Крымскую землю, къ чему-де и Облай Салтанъ съ его Ордою согласенъ и, какъ-де слышно, съ мѣста своего поднялся, и Хапъ-де крѣпости и форпосты чрезъ подчиненныхъ своихъ разбивать намѣренъ, какъ-де то и подъ оставшихъ Волгскихъ Калмыковъ и Нагайцевъ, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ Старшинъ, довольное число ихъ отправилось; однакожъ-де отъ него Симонова въ Астраханскую Губернскую Канцелярію рапортовано и, въ подкрѣпленіе сихъ крѣпостей отъ таково Киргизъ-Кайсацкаго предпріятія, велѣно съ форпостовъ казаковъ снять въ тѣ крѣпости, а притомъ-де для того жъ командированъ изъ города съ двухсотною командою Яицкихъ казаковъ Сотникъ Дмитрій Логиновъ, коимъ ѣздившихъ для злодѣйства на внутренней сторонѣ Киргизцовъ человѣкъ до ста уже прогнано, да еще, сверхъ той двухсотной, изъ нихъ же яицкихъ казаковъ пристойную команду отправить разсуждено, причемъ представлены полученныя чрезъ подарки съ посланныхъ отъ него Хана и Дусали Салтана къ самозванцу листовъ на Татарскомъ діалектѣ копіи. На сіе ему Симонову отъ Г. Губернатора предложено, что учиненныя имъ, въ отвращеніе Киргизъ-Кайсацкихъ безпокойствъ и шалостей, распоряженія апробуются и впредь совершенную предосторожность продолжать рекомендовано; а дабы они Киргизъ-Кайсаки отъ того воздержаны были, о томъ бы къ владѣльцамъ ихъ почасту было напоминаемо; о чемъ однакожъ и отъ Губернатора къ Хану, Айчуванъ и Дусали Салтанамъ писано, съ тѣмъ, чтобъ они, имѣя въ предметѣ учиненную ими въ вѣрности Ея Императорскому Величеству присягу, старались продерзающихъ Киргизъ-Кайсаковъ отъ тѣхъ ихъ при Яицкихъ форпостахъ чинимыхъ шалостей всемѣрно воздерживать и отвращать и въ покоѣ содержать. — 19 числа было спокойно; къ чему изъ приватныхъ записокъ пріобщить болѣе не находится, какъ развѣ сіе, что 18 числа, за великимъ туманомъ, со стороны злодѣйской ничего примѣчено не было; а 19 числа ѣздившія къ Нѣжинскому редуту за сѣномъ подводы возвратились, навьюча возы изъ оставшихъ отъ сѣнныхъ стоговъ подопковъ.

68) 20 числа злодѣйскія партіи во многомъ числѣ не только въ виду, но и въ самой близости города, противъ Сакмарскихъ воротъ и Пушечнаго двора разъѣзжали для шерминіи, противъ коихъ сперва легкія войска, а потомъ изъ разчисленнаго войска первая часть, подъ предводительствомъ Гг. Валлепстерна и Бригадира Корфа выступили и дѣлали перестрѣлку; но какъ изъ злодѣйской толпы въ количествѣ людей сдѣлалось превосходство, то для подкрѣпленія здѣшнихъ силъ и вторая часть выслана, коими съ тою злодѣйскою толпою производимо было сраженіе; причемъ съ здѣшней стороны убитъ Яицкій казакъ 1, раненъ 1; а съ нихъ злодѣйской стороны убитыхъ тѣлъ найдено съ 12; а пушечными выстрѣлами вдали убито жъ, кои повидимому злодѣями увезены, немалое число. При семъ сраженіи и при переговорѣ здѣшнихъ легкихъ войскъ передано отъ злодѣя три соблазнительные листа, ихъ коихъ первый на Россійскомъ, другой на Нѣмецкомъ діалектѣ, а третіи, видно, самимъ имъ воромъ Пугачевымъ, для увѣренія находящихся въ толпѣ его, намаранный и непзъявляющій никакихъ литеръ. — 21 числа помянутая злодѣйская толпа въ большомъ количествѣ подходила къ городу; по причинѣ чего и что предъ тѣмъ, при случаѣ высылокъ частныхъ командъ, злодѣи, не вступая въ сраженіе, отдалялись въ свои ямы, высланы были только одни казаки, а регулярные въ городѣ предуготовлены, и какъ скоро къ нимъ злодѣямъ приближаться начали, то они, не дѣлая бою, подкинули только два соблазнительныхъ листа, первой къ Г. Коллежскому Совѣтнику Тимашеву, а другой къ Яицкому вѣрному Старшинѣ Мартемьяну Бородину, а сами тотчасъ возвратились безъ всего въ ихъ ямы. Сіи послѣдніе два числа, то есть 19 и 20 могутъ еще приполнены быть изъ приватныхъ записокъ слѣдующимъ:

20 числа видно было злодѣйское намѣреніе всѣми его силами приступить къ городу и штурмовать. Въ началѣ 9 часа утра начали они выбираться изъ своего лагеря со всѣмъ своимъ людствомъ. На среднихъ Сыртахъ, отъ города пушечныхъ выстрѣловъ на два или и болѣе, поставилъ предводитель ихъ всѣхъ своихъ конныхъ людей <коихъ по примѣру казалось тысячи двѣ>, а пѣшихъ въ такомъ же разстояніи поставилъ онъ фронтомъ на дальномъ Сырту <по видимому

*) Сіе увѣдомленіе не только достовѣрнымъ, но и вѣроятнымъ Г-ну Подполковнику Симонову почитать было не можно. Киргизъ-кайсацкому народу нималаго сходства нѣтъ, чтобъ желать Турецкаго подданства, а особливо переселяться имъ изъ нынѣшнихъ степныхъ и весьма привольныхъ для нихъ мѣстъ въ Крымскую землю, которая и безъ нихъ наполнена жителями, да и доказывается оное тѣмъ, что Ханъ и всѣ Киргизскіе Салтаны понынѣ на своихъ обыкновенныхъ мѣстахъ находятся; а что Киргизцы въ разныхъ мѣстахъ причиняютъ воровства и грабительства, то сіе отъ нихъ, по ихъ къ тому склонности, ежегодно случается; а бываетъ многажды, что Яицкіе казаки, задирая ихъ разными образами, и сами ихъ къ тому привлекали, какъ то и въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ было небезъизвѣстно; а потому вышеозначенное о Киргизскомъ Ханѣ и Салтанахъ извѣстіе вѣроятнымъ образомъ можно почесть за клевету Яицкихъ казаковъ, которые по разнымъ причинамъ часто на нихъ и на весь народъ затѣваютъ и клевещутъ.

было ихъ столько жъ, сколько и конныхъ, но всѣ безоружные>, а наѣздники человѣкъ до 50 разъѣзжали гораздо ближе къ городскимъ валамъ. Изъ города, не предполагая быть сего числа столь многочисленному приступу, поутру выслано было Яицкихъ казаковъ человѣкъ до 30; но злодѣи усмотрѣны въ столь немаломъ людствѣ, что въ 10 часу начали сбирать и отправлять за городъ команды и артиллерію. Одна часть прямо шла противъ злодѣевъ, и занявъ ближніе Сырты, начала тамъ пушечную свою пальбу; но Яицкіе казаки, имѣя при себѣ двѣ пушки, и прежде съ ними перестрѣливались *). Другая часть по собраніи отправлена была въ подкрѣпленіе первой и шла отъ Оренхихъ воротъ, подаваясь въ правую сторону, такъ что злодѣямъ невозможно было ее усмотрѣть, и занявъ подъ высотою способное для себя мѣсто, стали въ прикрытіи. Пальба пушечная, какъ отъ первой команды, такъ и отъ злодѣевъ, весьма усиленно производима была, а какъ злодѣи отъ Бердскихъ воротъ подались вправо, то и вторая, въ прикрытіи бывшая команда начала по нихъ пушечную пальбу производить. При сей командѣ находились четырехъ и пяти-фунтовыя пушки, изъ коихъ, также и изъ единороговъ, частыми выстрѣлами принуждены были злодѣи стремительность свою удержать и, остановясь на нѣсколько времени, начали подаваться назадъ. Бригадиръ Корфъ, имѣвшій тутъ команду, присылалъ къ Г. Губернатору, стоявшему тогда на городскомъ валу, съ увѣдомленіемъ, что злодѣи начали отступать, и ежели повелитъ онъ за ними слѣдовать далѣе, то требовалъ къ единорогамъ еще зарядовъ, коихъ-де осталось у него уже немного. Губернаторъ приказалъ ему, подождавъ на занятыхъ мѣстахъ, пока злодѣи гораздо далѣе отойдутъ, возвращаться въ городъ, а подъ лагерь ихъ къ Бердѣ не ходить; а потому и не приказалъ онъ третьей такой же еще приготовленной командѣ (коя и съ артиллеріею къ самымъ уже Бердскимъ воротамъ приведена была) выходить за городъ. Итакъ въ началѣ втораго часа всѣ команды возвратились въ городъ. При семъ злодѣйскомъ наступленіи убитыхъ у него пушечными выстрѣлами считали гораздо болѣе ста человѣкъ, а до десяти намѣстѣ поколото Яицкими казаками, да одинъ Русскій работникъ отхваченъ. Съ нашей стороны убитъ двумя пулями одинъ Яицкій казакъ, а другой раненъ копьемъ въ спину, да одна лошадь ранена стрѣлою. Нѣкоторые изъ Яицкихъ казаковъ, какъ слышно было, имѣли съ самимъ злодѣемъ переговоръ; онъ, запрещая бывшимъ при немъ стрѣлять и приказывая имъ отдалиться, говорилъ имъ, что онъ для спасенія ихъ пролилъ уже много человѣческой крови, и для того пора уже имъ одуматься и перестать противъ его воевать. Но тѣ бывшіе въ переговорѣ съ нимъ Яицкіе казаки, выбраня и называя его самого измѣнникомъ, прочь отъ него уѣхали, а другіе изъ сообщниковъ его, будучи весьма пьяны, кричали, чтобъ не ожидали въ городъ помощи и войскъ, немногіе-де дни оставалось вамъ жить послѣ праздника, сказывая при томъ, что къ намъ скоро будетъ съ полками Генералъ-Маіоръ Фреймапъ, а вашъ-де Генералъ-Маіоръ Каръ и теперь лежитъ у насъ подъ горой. — 21 числа поутру, въ 9 часу часу, вышли злодѣи изъ лагеря своего такъ же, какъ и вчерась всѣмъ людствомъ, но расположились уже они иначе, сдѣлавъ на Сыртахъ нѣсколько небольшихъ партій и показывая ими тотъ видъ, яко бы каждая изъ оныхъ составляетъ батарею съ пушками; такимъ положеніемъ отъ самой почти Маячной горы въ правую сторону занимали они немалое пространство и стояли неподвижно отъ городскихъ валовъ на два или больше пушечныхъ выстрѣла. Противъ нихъ хотя и стали было въ городѣ наряжать команды и артиллерію, и нѣкоторыя къ выступленію за городъ у самыхъ уже воротъ находились, да и самъ Г-нъ Губернаторъ, Оберъ-Комендантъ и другіе чиновные люди и великое множество смотрителей на городскихъ валахъ находились *); но злодѣи, въ вышеозначенномъ порядкѣ постоявъ до 11 часу, со всѣмъ своимъ людствомъ отвалили назадъ, а потому и изъ города высылки и съ городскихъ валовъ ни одного пушечнаго выстрѣла не было. Изъ вышеозначенныхъ же злодѣйскихъ партій одна подъ самую Маячную гору, въ числѣ около ста человѣкъ бывшая, еще тогда, когда прочіе въ виду изъ города на Сыртахъ стояли, спустившись подъ тою горою на низъ пошли, лугами за рѣку Яикъ, но куда, того за случившимся туманомъ разсмотрѣть было не можно; а потому послѣ полудня и выслано было туда Яицкихъ казаковъ съ Войсковымъ ихъ Старшиною Мартемьяномъ Бородинымъ 250 человѣкъ, съ тѣмъ, чтобъ шляхи они злодѣйской партіи разсмотрѣли, и ежели они устремились къ Илецкой Защитѣ для овла-

*) При первомъ и еще малочисленномъ приближеніи злодѣевъ немногіе городскіе казаки имѣли съ нѣкоторыми наѣздниками ихъ переговоръ, при которомъ передали они злодѣевы три письма, изъ коихъ, какъ слышно, одно на Русскомъ языкѣ, указомъ къ Губернатору, но самымъ глупымъ стилемъ о сдачѣ города писанное; другое на Нѣмецкомъ языкѣ, но самой худой переводъ изъ того указа; третіе, ничего не значущее, но въ однѣхъ только черточкахъ (на подобіе того какъ незнающіе грамотѣ дѣти иногда пишутъ) состоящее, и такими жъ пустыми чертами не въ одномъ мѣстѣ подписанное письмо, видно, самимъ злодѣемъ, какъ не знающимъ грамотѣ, для обмана находящихся при немъ простаковъ писанное, въ томъ видѣ, яко бы онъ знаетъ грамотѣ и самъ отъ себя партикулярно къ Губернатору писалъ.

*) 10 числа сего мѣсяца хотя и отданъ былъ приказъ за рукою губернаторскою, чтобъ впредь во время будущихъ изъ города высылокъ командъ и сраженія оныхъ съ злодѣями, никому ни подъ какимъ видомъ праздношатающимся подлымъ людямъ, а наипаче женскому полу, не только на валу, ниже близко онаго не быть, а единственно оставаться каждому, буде кто опредѣленъ въ какую либо службу, то при оной, прочимъ же при своихъ домахъ безотлучно; а ежели кто за симъ подтвержденіемъ праздношатающійся будетъ на валъ приходить, а особливо женскій полъ, таковыхъ за первый разъ штрафовать, мужескій полъ употребленіемъ во время стрѣльбы изъ пушекъ въ помощь канонерамъ, а когда стрѣльбы не случится, то держать оныхъ при пушкахъ же подъ карауломъ, который штрафъ за вторый и третій разъ удвоивать; и то для исполненія по воинской командѣ подтверждено Г. Оберъ-Коменданту, а обывателямъ повелѣно объявить съ подпискою чрезъ Планъ-Маіорскія дѣла; почему нѣсколько времени и наблюдаемо было; но вчера и сегодня во время бывшихъ посылокъ во всѣхъ мѣстахъ на валахъ всякаго званія смотрителей, въ присутствіи самого Г-на Губернатора, какъ выше значитъ, было великое множество. Видно, что тотъ прежній приказъ по какимъ нибудь другимъ резонамъ нынѣ отмѣнить разсуждено.

дѣнія оною или для разбитія ожидаемаго оттуда обоза, въ томъ бы имъ воспрепятствовать. Они, отдалясь отъ города по лежащей въ Илецкую Защиту дорогѣ верстъ на десять до самыхъ дальнихъ Сыртовъ, усмотрѣли, что оные злодѣи, не пашедъ туда лежащихъ шляховъ, поворотили въ правую сторону къ рѣкѣ Дангузу, а по ней назадъ къ рѣкѣ Яику, почему и тѣ городскіе Яицкіе казаки возвратились; между оныхъ примѣчено было, что злодѣи, для доставленія и привоза сѣна, немалое число подводъ послали за Нѣжинскій редутъ, которые всѣ ѣхали по дальнимъ Сыртамъ, для опасности пушечныхъ выстрѣловъ изъ города.

69) 22-го числа злодѣйская толпа въ большомъ количествѣ вышедъ изъ ямъ своихъ, при Бердской слободѣ имѣющихся, и показалась противъ городскихъ Сакмарскихъ воротъ, въ близости, потянулась ниже города къ Маячной горѣ, а съ оной одна партія, перешедъ лугами за рѣку Яикъ, тамъ разъѣзжала, а напослѣдокъ всѣ возвратились обратно въ помянутыя свои ямы. Въ нихъ съ городовой стѣны выпалено изъ пушекъ съ ядрами 4 заряда. — 23 и 24 числъ хотя изъ нихъ злодѣевъ небольшія партіи въ виду города и разъѣзжали, только никакого дѣйствія отъ нихъ не было. — На 25 число въ почь изъ выѣхавшихъ изъ города вверхъ по Яику рѣкѣ къ Нѣжинскому редуту фуражировъ Сентовскихъ и прочихъ Татаръ не явилось въ городъ 69 человѣкъ, о коихъ отъ выбѣжавшихъ изъ нихъ же Татаръ объявлено, яко бы они захвачены злодѣями и въ толпу ихъ увезены.

Къ опымъ числамъ въ дополненіе принадлежитъ еще сіе, что на 22 число въ ночи возвратились изъ Илецкой Защиты посыланные туда для привоза хлѣба, коего нѣсколько четвертей оттуда и привезено. До полудня со стороны злодѣевъ ничего было не видно и не слышно, а послѣ половины дня послано было отъ легкихъ полевыхъ командъ съ подводами и верхами для привоза тальпика и кугп <что значитъ здѣсь траву, осокой называемую>, на фуражированія по нуждѣ драгунскихъ лошадей; злодѣйскій караулъ, на Маячной горѣ имѣвшійся, усмотря ихъ, далъ знать въ лагерь, а потому и начали они выбираться изъ онаго въ немаломъ людствѣ. Вся опая гора скоро наполнена была злодѣями, а другіе почти до самаго ихъ лагеря взадъ и впередъ разъѣзжали. Часть немалая, спустившись подъ ту гору, разъѣзжала по имѣющемуся на сей и на той сторонѣ кустарнику, и немало выходило ихъ и на степь на зарѣчной сторонѣ, видно, что въ томъ намѣреніи, дабы кого нибудь изъ городскихъ людей отхватить; немногіе, человѣка по три и по четыре, стали было подъѣзжать ближе къ городу: но какъ выпалено было въ нихъ изъ трехъ пушекъ, и выстрѣленныя ядра хотя ихъ не трафили, но очень близко подлѣ ихъ пролетѣли, то они поскакали прочь, а потомъ скоро, за наступившею темнотою, и всѣ они злодѣи возвратились въ лагерь свой. Слышно было, что при семъ случаѣ удалось имъ отхватить осьмой полевой команды одного погонщика и трехъ лошадей, а прочіе всѣ въ городъ пріѣхали. — 23 числа ѣздившіе вверхъ Яика Яицкіе казаки за сѣнными подопками и за соломою возвратились оттуда, не видавъ отъ злодѣевъ помѣшательства. Впрочемъ съ стороны злодѣевъ сей день ничего; ввечеру, сверхъ ихъ обыкновенія, вмѣсто одной, выпалено было у нихъ изъ трехъ пушекъ. — 24 числа со стороны злодѣйскоій, кромѣ обыкновеннаго у нихъ форпоста и небольшаго на Сыртъ выѣзжавшаго людства, ничего было не видно жъ. Передъ вечеромъ жъ выпущено за городъ Каргалинскихъ Татаръ, состоящихъ въ вѣдомствѣ Коллежскаго Совѣтника Тимашева, человѣкъ до 80 и съ ними нѣсколько слугъ и рабочихъ людей для привозу сѣна изъ-за Вязовскаго редута <что отъ Оренбурга считается до 30 верстъ>, знать, что всѣ они посланы были безъ предводителя и начальника, да неизвѣстно, было ль имъ дано какое нибудь наставленіе для предосторожности; а злодѣи, какъ чаятельно, у находящихся тамъ сѣнъ для присмотра имѣли своихъ сообщниковъ, и такъ едва не всѣ тѣ поѣхавшіе за сѣномъ, всего по сказкамъ около ста человѣкъ, отхвачены и отведены въ ихъ злодѣйскій лагерь; другіе признавали, что и статься могло, яко бы оные колеблющіеся Каргалинскіе Татары, по примѣру прежнихъ тамошнихъ же татаръ, и сами передались къ тѣмъ злодѣямъ.— 25 числа, то есть въ день Рождества Христова, со стороны злодѣевъ ничего примѣчено не было; только во время заутрени слышны были у нихъ въ лагерѣ три выстрѣла пушечныхъ, а четвертый обыкновенный на утренней зарѣ; передъ обѣднею жъ на форпосты, передъ Бердскою слободою имѣющіеся, хотя и начали было, выѣзжать прибавочные люди, но, постоявъ тутъ немного на Сырту, опять спустились на низъ къ своему лагерю.

70) 26 числа было спокойно, а 27-го получень отъ Г-на Генералъ-Маіора Станиславскаго рапортъ, съ приложеніемъ копіи съ присланнаго къ нему наНѣмецкомъ языкѣ отъ Г-на Генералъ-Поручика и Кавалера Декалонга ордера, коимъ Г. Генералъ-Поручикъ и ему Станиславскому на рапортъ его, коимъ представлялъ онъ, что ему Станиславскому одною находящеюся при немъ легкою полевою командою, при настоящихъ обстоятельствахъ, Орскую, Тапалицкую, Урдазымскую, Кизильскую и Магнитную крѣпости прикрывать не можно, предписалъ, какъ-де Башкирскій народъ весь генерально взбунтовался, и бунтуя, явнымъ образомъ чинятъ на крѣпости нападенія, тобъ онъ Станиславскій учинилъ слѣдующее: 1-е, забравъ съ собою изъ всѣхъ тѣхъ крѣпостей гарнизонъ и тѣхъ обывателей, кои идти пожелаютъ, ретировался къ Верхо-Яицкой крѣпости, а прочихъ бы, кои пожелаютъ, съ надлежащимъ казеннымъ снабженіемъ, оставилъ бы тамо въ крѣпостяхъ; 2-е, де нежную бъ казну и аммуницію всю, также и легкую артиллерію взялъ бы съ собою, а тяжелую, кою везти будетъ неможно, загвоздилъ и уничто жилъ, или бъ въ воду побросалъ, и проч. По причинѣ чего отъ Губернатора къ нему Г. Генералъ-Поручику и Кавалеру отъ 29 числа сообщено: что касается до Башкиріи, то здѣсь извѣстно, что изъ опой нѣкоторая только часть, прилежащая по Яику рѣкѣ, поколебалась и къ злодѣйству уклонилась, а прочіе находятся въ непремѣнномъ состояніи; на крѣпости жъ хотя бъ они напасть и покушались, только какъ Башкирцы ни большихъ орудій, ниже ружей, кромѣ стрѣлъ не имѣютъ, слѣдовательно крѣпостному гарнизону, исправно вооруженному и артиллеріею снабженному, ничего учинить не могутъ, какъ то они напредъ сего и при генеральномъ ихъ бунтѣ крѣпостямъ никакого вреда дѣлать были не въ состояніи; да и самъ извѣстный государственный злодѣй Пугачевъ, отлучась отсель въ нѣкоторой партіи, подъ Озер-

ною крѣпостью и съ пушками по двоекратной атакѣ ничего сдѣлать не могъ, ибо де отъ оной хорошимъ распоряженіемъ и достохвальною храбростію Г. Полковника Демарина сильно отраженъ; а хотя состоящую за нею Ильинскую крѣпость взять ему злодѣю и удалось, и то по причинѣ неисполненія Г. Генералъ-Маіоромъ Станиславскимъ предписанія Губернаторскаго, однако, по извѣстію о приближеніи сюда Генералъ-Маіора Фреймана съ полками, паки отлучиться онъ злодѣй уже не можетъ. И такъ онъ Губернаторъ находя себя съ предписаніемъ его Г. Генералъ-Поручика и Кавалера несогласнымъ, и дабы вмѣсто ожидаемаго здѣсь съ Сибирскихъ линій сикурса, Высочайшій Ея Императорскаго Величества интересъ не претерпѣлъ и линія не подвержена бъ была разоренію, требовалъ отъ него Г. Генералъ-Поручика и Кавалера, чтобъ онъ предмета сего, предъявленнаго въ содѣйствіе здѣшнимъ войскамъ, держался и павѣщалъ, а по послѣдней бы мѣрѣ реченному Станиславскому приказалъ быть въ Орской крѣпости неотлучну; ибо какъ оная крѣпость земляпая и противъ прочихъ лучшая, то ему быть тамъ весьма неопасно; а буде по какимъ либо важнымъ обстоятельствамъ неотмѣнно взять его разсудитъ, то бъ по крайней мѣрѣ приказалъ находящуюся при немъ гарнизонную роту въ прибавокъ тамошней оставить, да и изъ прочихъ вышеупомянутыхъ крѣпостей гарнизонныхъ служителей безъ крайней нужды не выводить, а особливо съ оставленіемъ отставныхъ, которые напаче подъ ихъ защищеніемъ тамо и опредѣлены; а буде бъ большая опасность предусмотрѣна была, то можно изъ одной или изъ двухъ крѣпостей соединить въ одну хорошую, переведя со всѣми обывателями. Къ тому жъ Г. Генералъ-Маіору Станиславскому предложено, чтобъ онъ, до полученія отъ него Г. Генералъ-Поручика и Кавалера Декалонга вновь ордера, изъ Орской крѣпости съ имѣющеюся при немъ командою не выѣзжалъ: а при томъ бы, по прежнему предложенію, къ Г. Полковнику Демарину для гарнизона его, который при атакѣ злодѣями храбро и неустрашимо поступалъ, о доставленіи провіанта изъ Ильинской крѣпости всѣ тѣ средства употребилъ, къ которымъ онъ въ состояніи себя найдетъ; а къ реченному Полковнику Демарину посланъ ордеръ, что оказанная отъ него, при двоекратной отъ извѣстнаго государственнаго злодѣя Озерной крѣпости атакѣ, достохвальная храбрость и неустрашимость куда надлежитъ отъ Губернатора засвидѣтельствована; того бъ ради онъ Демаринъ безъ крайней нужды Озерной крѣпости не оставлялъ; а что принадлежитъ до потребнаго для удовольствія находящихся у него гарнизонныхъ солдатъ и прочихъ служителей провіанта, то, ссылаясь Губернаторъ на первый его отъ 19 числа сего жъ Декабря отправленный ордеръ, которымъ рекомендовалъ ему, превозмогая всѣ препятствія, стараться какъ возможно достать онаго изъ ближайшихъ крѣпостей чрезъ казаковъ и тамошнихъ обывателей, которые по причинѣ мнимой отъ Башкирцевъ опасности могутъ туда за нимъ съѣхать ночью, а и оттоль съ провіантомъ выѣхать и въ крѣпость пріѣхать по степи ночью жъ, къ чему они толь охотнѣе взяться не оставятъ, когда имъ за то обѣщана будетъ довольная изъ казны плата, которую имъ и дать полную; ежели жъ симъ средствомъ достать его будетъ не можно, то бъ, какъ извѣстно, что у тамошнихъ обывателей собственнаго хлѣба есть довольно, стараться для солдатъ онаго у нихъ искупить и давать по четверику на мѣсяцъ, да мяса надлежащую пропорцію, отбирая лишній скотъ у обывателей и давая за оный надлежащую жъ плату, какъ то и здѣсь по нуждѣ производится; но буде ни то, ни другое средство не поможетъ, то по крайней уже необходимости, забравъ все возможное, купно со всѣми обывателями съ надлежащею осторожностью ретироваться въ Орскую крѣпость, а далѣе оной ни подъ какимъ видомъ не проходить подъ опасеніемъ отвѣта.—28 числа было спокойно.

Къ симъ двумъ послѣднимъ числамъ изъ приватныхъ записокъ въ прибавленіе ничего не находится, какъ только сіе, что 26 числа поутру слышна была въ злодѣйскомъ лагерѣ ружейная пальба раза два залпами, да пропесся слухъ, будто бъ предводитель злодѣевъ, оставя лагерь, выѣхалъ къ Сакмарску. — 27 числа *) предъ утромъ пріѣхалъ изъ Верхней-Озерной крѣпости три человѣка казаковъ съ рапортами, и слышно было послѣ, что въ той крѣпости благополучно, кромѣ сего, что сообщники злодѣямъ Башкирцы, напавъ на выѣхавшихъ изъ оной крѣпости на поле, для осмотра хлѣбовъ и сѣнныхъ стоговъ, десять человѣкъ тамошнихъ казаковъ покололи; впрочемъ со стороны злодѣйскаго лагеря почти во весь день, кромѣ одного ихъ форпоста, и то въ маломъ людствѣ состоящаго, разъѣзжающихъ по Сыртамъ никого было не видно, что и служило многимъ въ подтвержденіе объ отлучкѣ изъ того лагеря предводителя злодѣевъ. — 28 числа ничего не было, и злодѣевъ не выдали не только со стороны ихъ лагеря и на тамошнихъ Сыртахъ, но и на форпостахъ никого не было не видно; однако жъ былъ слухъ, яко бы ихъ предводитель изъ отлучки своей возвратился.

71) 29 числа, по причинѣ выѣзда здѣшнихъ Оренбургскихъ казаковъ за городъ для собранія къ кормленію лошадей, прежде вывоженные назадъ, увидя злодѣи, въ нѣкоторомъ числѣ изъ ямъ своихъ въ близость къ нимъ подбѣгали, однакожъ напослѣдокъ, по принятой казаками осторожности, не дѣлая сраженія возвратились, и какъ отъ выбѣгшихъ изъ той злодѣйской толпы Яицкихъ казаковъ неволею при Сотникѣ Копѣечникѣ захваченныхъ увѣдомленось, что они злодѣи и на городъ съ пушками въ ночь на 28 число приступъ сдѣлать покушались, и для того въ близость кирпичныхъ сараевъ подъѣзжали, только, по причинѣ бывшей въ ту ночь съ немалымъ вѣтромъ непогоды, ничего сдѣлать не могли, то по поводу его здѣсь по всему валу приказано было продолжать осторожность; со всѣмъ тѣмъ они злодѣи на 30 число въ ночь же, прокравшись съ пушками къ помянутымъ кирпичнымъ сараямъ, начали изъ оныхъ стрѣлять; однако жъ вскорѣ здѣшнею артиллеріею отражены, и паки въ ямы свои возвратились.—30-го, въ разсужденіи происходимыхъ отъ злодѣя таковыхъ же подбѣговъ, а особливо для усмотрѣнія, нѣтъ ли у него въ военномъ припасѣ, по слабымъ его покушеніямъ, недостатка, приказано отъ Губер-

*) Сего числа прибылъ въ Казань Его Высокопревосходительство Генералъ-Аншефъ, Лейбъ-Гвардіи премьеръ-Маіоръ и разныхъ орденовъ Кавалеръ Александръ Ильичъ Бибиковъ со всѣмъ для усмиренія оныхъ злодѣевъ командированнымъ войскомъ главнымъ Командиромъ, съ какою полною властію, о томъ явствуетъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшій и увѣщательный манифестъ, состоявшійся Ноября 29 дня 1773 года.

патора выступить для шермиціи изъ города, сперва казакамъ, а потомъ регулярнымъ первой и второй частямъ, и хотя казаки по выступленіи выѣзжали за самыя бывшія у него злодѣя батареи, да и тѣ злодѣи къ нимъ приближались, только, не вступая въ бой, возвратились въ ихъ ямы. Почему, а особливо по бывшей тогда великой стужѣ, тотъ походъ и оставленъ. — 31 числа, какъ днемъ, такъ и ночью, было спокойно.

Въ дополненіе сихъ послѣднихъ чиселъ, изъ приватныхъ записокъ и извѣстій можетъ еще вмѣщено быть, что 29 числа поутру вышли изъ злодѣйскаго лагеря 4 человѣка Яицкихъ казаковъ, кои показали, яко бы они захвачены были предводителемъ злодѣевъ, обще съ ѣхавшимъ съ рапортами изъ Яицкаго городка казакомъ Копѣчкинымъ <о коемъ выше упомянуто>, и были они съ того самаго времени у него, не находя по нынѣшнее время способа къ уходу, а вчера-де, поѣхавъ за сѣномъ съ прочими во многомъ числѣ подводъ, нашли способъ отлучиться отъ нихъ и выйти къ городу по за-Яицкой сторонѣ. Отъ нихъ увѣдомленось, что на другой день праздника, то есть 26 числа, ночью, во время бывшаго тогда сильнаго бурана <снѣжной бури и непогоди> предводитель злодѣевъ со всѣмя его силами и немалою артиллеріею подходилъ къ кузницамъ <отъ города не далѣе 300 саженъ> съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы ему съ сообщниками его во время ночной темноты какъ-нибудь ворваться въ городъ и овладѣть онымъ, за что всѣмъ бывшимъ съ нимъ обѣщалъ великое награжденіе, и хотя сіе его покушеніе толь ухищренно и тихо было имъ произведено, что стоящіе на валу часовые никто онаго усмотрѣть и услышать не могъ; но самъ онъ, подошедъ въ такую близость къ городу, узналъ, что при толь великой бывшей непогоди ничего знатнаго въ дѣйство произвесть ему будетъ не можно, засходнѣе разсудилъ отойти прочь, и отешелъ такъ тихо, что изъ города никто онаго примѣтить не могъ, а пушки-де, бывшія съ нимъ, уже предъ свѣтомъ свѣтомъ назадъ оттаскивали. Впрочемъ слышно было, что сей день изъ содержавшихся при Оренбургской Губернской Канцеляріи подъ карауломъ крѣпостныхъ казаковъ три человѣка ночью бѣжали къ злодѣямъ, подговоря съ собою съ валу двухъ часовыхъ. Предъ вечеромъ, при самомъ уже захожденіи солнца, оказались злодѣи, идущіе великимъ людствомъ къ городу, имѣя при себѣ и пушки и пѣхоту, почему и начали городскія команды сбираться всѣ къ Бердскимъ воротамъ, въ чаяніи, что отважатся они атаковать городъ. Передовые ихъ приближились было на пушечный уже выстрѣлъ къ городскому валу; но какъ отъ деревянныхъ магазейновъ сдѣлали съ валу два пушечные выстрѣла, изъ конхъ одно ядро трафило въ средину ихъ толпы, не безъ урона злодѣевъ, то всѣ они разбѣжались врозь, а потомъ отворотили назадъ и убрались было въ свой лагерь. Но симъ не удовольствуясь, въ 7 часовъ вечера, во время ночной темноты, отвѣдывали они злодѣи еще на городъ устремиться, и изъ имѣвшихся у нихъ пушекъ <которыя, какъ видно, покипуты у нихъ были у кирпичныхъ сараевъ> сдѣлали на городъ выстрѣловъ до десяти, изъ конхъ нѣсколько гранатъ разорвало на воздухѣ надъ самымъ городомъ и внутри онаго; съ валу отъ магазеіновъ до толикаго жъ числа выстрѣловъ въ то мѣсто, откуда они палили, произведено да и команды къ защищенію города были приготовлены; но оные злодѣи, не дѣлая больше приближенія къ городу, отошли опять назадъ, и во всю уже ночь ничего отъ нихъ не происходило. — 30 числа поутру сказано во всѣ команды, чтобъ быть готовымъ къ высылкѣ на злодѣевъ, и всѣ собраны были къ выступленію за городъ, съ немалымъ числомъ артиллеріи, но по причинѣ бывшаго въ сей день мороза всѣ возвращены назадъ въ городъ; злодѣевъ же во весь день, кромѣ небольшаго числа на ихъ форпостѣ и на Сытахъ, было невидно. Предъ вечеромъ былъ отъ Губернатора по дворамъ приказъ, дабы тѣ хозяева, кои даютъ лошадей своихъ подъ артиллерію, имѣли ихъ у себя на дворахъ готовыми на такой случаі, ежели онѣ еще подъ артиллерію понадобятся; однако жъ требованы онѣ были 31 числа; хотя и назначена была высылка, но не было, да и погода къ тому сей день за вѣтромъ и снѣгомъ была неспособная. Впрочемъ при окончаніи сего мѣсяца и 1773 года, не излишне будетъ объявить здѣсь и сіе, что до прихода злодѣевъ къ Оренбургу хлѣбныя цѣны состояли: муки ржаной отъ 12 до 15 копѣекъ; пшеничной самой лучшей отъ 25 до 30 копѣекъ пудъ; мяса всякаго не свыше одной копѣйки фунтъ. Прочіе съѣстные припасы продавались въ пропорціи онаго. Но какъ въ народѣ о приближеніи злодѣйскомъ долгое время было неизвѣстно, корыстолюбные жъ люди, чрезъ свои пронырства узнавъ про оное, весь привозимой на базаръ хлѣбъ и харчъ наперерывъ скупали, а потомъ, какъ воспослѣдовала осада городу, по своей цѣнѣ на все оное поднимать начали, а наконецъ и довели до того, что по недостатку хлѣбному въ народѣ принуждены были городскіе жители покупать у нихъ ржаной муки четверть отъ 12 до 15, а пшеничной отъ 15 до 20 рублей, прочее жъ все вздорожало въ пропорціи онаго. Напротивъ того, въ злодѣйскомъ лагерѣ, какъ отъ выходящихъ слышно было, ржаной муки, привозимой изъ уѣзда и изъ Каргалинской слободы, свыше 25 копѣекъ пудъ продавать было не велѣно, и яко бы свыше сей цѣны никогда она не продавалась.

Часть V. — *Продолженіе Оренбургской осады; бывшія на злодѣевъ изъ города вылазки; приступы самозванца Пугачева и сообщниковъ его къ Оренбургу; усиленіе его и другія приключенія, Января съ 1-го февраля по 1-е число 1774 года.*

72) Января 1 числа было спокойно: между тѣмъ же отъ Полковника Симонова, въ Яицкомъ городкѣ находящагося, получены рапорты, коими онъ доносилъ: первымъ, отъ 23 Декабря, по объявленію пріѣхавшаго съ Мергеневскаго форпоста, отстоящаго вницъ по рѣкѣ Яику отъ Яицкаго городка въ 144 верстахъ, Есаула Кочемасова, что 16-го поймалъ было онъ слѣдующихъ изъ злодѣйской толпы къ Киргизъ-Кайсацкимъ Нурали Хану и Дусали Салтану съ письмами *) Яицкаго Татарина Антуша Тангаева и одного Киргизца, и намѣренъ былъ вести ихъ подъ карауломъ въ городокъ, но только-де команды его Кочемасова казаками 23 человѣками, поколебавшимися отъ возмущенія того Татарина, не допу-

*) Что сія посылка къ Киргизъ-Кайсацкому Нурали Хану не что другое, какъ выдумка, утверждается и послѣдующимъ о взятіи Оренбурга и о прочемъ ложнымъ онаго Татарина сказаніемъ и разглашеніемъ.

щены, который-де имъ сказывалъ, яко бы Оренбургъ злодѣями взятъ и слѣдуютъ они въ Яицкій городокъ, а онъ-де съ Киргизцемъ изъ толпы ихъ посланъ степною стороною въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ казака, называемаго ими атаманомъ, Толкачева, на нижніе Яицкіе форпосты, для забранія съ нихъ тутошнихъ казаковъ же и находящихся на оныхъ походныхъ казачьихъ Атамана Бородина и Подполковника Приказчикова и другихъ, а кои въ томъ будутъ препятствовать, пересказнить. Почему-де они казаки его отняли и далѣе отправили, да и изъ посланныхъ-де отъ него Симонова, по поводу сего, для уговариванія ихъ, изъ вѣрныхъ казаковъ трехъ человѣкъ утопили и съ другими то жъ сдѣлать намѣревались, а сверхъ того и находящихся въ Калмыковой крѣпости реченнаго Полковника Приказчикова и священника Давыда Иванова, какъ извѣстно прибрали къ мѣсту жъ, то есть потеряли, конхъ-де собралось съ форпостовъ при урочищѣ Учужнаго Яру близъ двухъ сотъ человѣкъ, и хотѣли быть на Сундовскій форпостъ и стоять тутъ до пріѣзда яко бы съ нижнихъ Яицкихъ форпостовъ проѣхавшаго туда степною дорогою изъ самозванцевой толпы казака Толкачева, и при томъ учредить заставу къ непропуску въ Яицкій городокъ никого, чтобъ о томъ было непзвѣстно; а какъ-де тотъ казакъ Толкачевъ возвратится, тогда-де пошлютъ къ самозванцу для испрошенія отъ него къ подступленію подъ Яицкій городокъ помощи. Вторымъ, отъ 24-го, доноситъ онъ Симоновъ, по сказкамъ посыланныхъ отъ него на помянутые нижніе Яицкіе форпосты войска яицкаго казаковъ Алексѣя Старцова съ товарищи, что они ѣздили до Карташевскихъ хуторовъ, близъ Будоринскаго форпоста <который отъ Яицкаго городка въ 76 верстахъ> состоящихъ, для полученія отъ находящагося въ оныхъ хуторахъ знакомаго имъ казака Козьмы Меркулова достовѣрнаго о поколебавшихся казакахъ извѣстія; но вмѣсто-де того, оказались тутъ трое невѣдомые имъ Сахарной крѣпости казаки, кои-де на вопросъ ихъ Старцова съ товарищи, подъ видомъ оказуемой яко бы къ самозванцу склонности, объявили имъ, что Оренбургъ тѣмъ самозванцемъ взятъ, и на тамошніе форпосты прислано отъ него степною стороною, подъ предводительствомъ казаковъ Степана Толкачева и Емельяна Судочихина, Яицкихъ казаковъ, Башкирцевъ и Калмыковъ 2000, изъ конхъ-де половинное число поѣхали на низъ за тамошними форпостными командами, за старшиною и походнымъ Атаманомъ Никитою Бородинымъ, а другіе-де 1000 стоятъ по ту сторону Кажехаровскаго форпоста, куда-де и командированный изъ Яицкаго городка съ двухсотною командою Сотникъ Логиновъ возвращенъ; а они-де казаки въ числѣ пятидесяти человѣкъ пріѣхали въ гѣ и въ прочіе хутора для забранія послушной стороны казачьяго скота; изъ нихъ же-де и у Будоринскаго городища застава въ 60 человѣкъ стоитъ; а какъ-де посланная на низъ тысячная команда возвратится, то-де послѣ праздника Рождества Христова, совокупясь, пойдутъ для подступленія къ Яицкому городку; на что къ нему Симонову отъ 4-го числа Января отъ Г. Губернатора предложено: что касается до происходящаго по Яицкимъ форпостамъ чрезъ отправленныхъ отъ извѣстнаго злодѣя Пугачева замѣшательства, то въ разсужденіи настоящаго его Симонова состоянія, инаго дѣлать не остается, какъ только всемѣрно стараться то замѣшательство уничтожить и покой возстановить, такимъ образомъ: 1) безпокойствующихъ казаковъ чрезъ вѣрныхъ и надежныхъ ихъ Старшинъ, сперва ласкательствомъ съ напоминаніемъ второго манифеста, а потомъ и страхомъ увѣщевать, чтобы они отъ того злаго предпріятія всемѣрно отстали и находились въ покоѣ, внушая, ежели они того не исполнятъ, то могутъ себя съ женами и дѣтьми ихъ невозвратному разоренію и погибели подвергнуть; ибо по Высочайшему Ея Императорскаго Величества изволенію отправленныя сюда подъ предводительствомъ Гг. Генераловъ многочисленныя войски на сихъ дняхъ уже ожидаются, и что они казаки сами довольно знаютъ, да и изъ манифестовъ увѣдомлены, яко помянутый злодѣй Пугачевъ такого состоянія, что онъ, будучи изъ честнаго общества изверженъ, старается сочинить развратъ и сдѣлать многихъ себѣ подобными, и тѣмъ честное общество поколебать и привести въ безпокойство; слѣдовательно бъ они прежде, нежели тѣ войски приближатся и въ дѣйство вступятъ, признались и конечно отъ того замѣшательства отстали и по прежнему въ должной по званію своему службѣ находились, доставляя женамъ своимъ и малолѣтнимъ дѣтямъ покой и благоденствіе, а инаково-де имѣющее послѣдовать имъ разореніе и погибель могутъ они приписать своему упрямству и неповиновенію. 2) Для лучшаго-жъ спосѣшествованія и сего зла прекращенія, старался бъ онъ Симоновъ изъ вѣрныхъ собрать сколько можно большую партію, которую, какъ по обстоятельствамъ за лучшее разсудить, степною или внутреннею стороною отправя на форпосты, предписать начальнику оной всѣхъ форпостныхъ по вышеписанному увѣщевать и въ покоѣ утверждать, а развратниковъ совокупными силами ловить и искоренять. 3) Какъ въ Гурьевѣ городкѣ имѣется артиллеріи съ снарядами очень немалое число, то бъ предварилъ, дабы она въ злодѣйскія руки не попала, чего бъ ради по способности писалъ и требовалъ скорой помощи отъ Г. Астраханскаго Губернатора къ Казанскому жъ Губернатору, Г. Генералъ-Аншефу и Кавалеру фонъ-Бранту, того жъ числа чрезъ него Симонова сообщено, что хотя съ извѣстнымъ злодѣемъ и государственнымъ вредителемъ Пугачевымъ почти каждо-дневно у здѣшнихъ командъ шермиціи и драки происходятъ, однако по благости Божіей здѣшнее общество въ городѣ находится благополучно, только крайне безпокоитъ бѣдственное страданіе гражданъ о хлѣбѣ, который давно у всякаго изошелъ, и затѣмъ принуждено ихъ, кромѣ служивыхъ, тысячъ до четырехъ душъ изъ казеннаго довольствовать; но ежели бъ онаго было достаточно, то бъ обойтись было можно, а то и казенный весь безъ остатка въ расходъ вышелъ, слѣдовательно неминуемый наступаетъ голодъ. Въ сихъ крайнихъ обстоятельствахъ будучи Губернаторъ безпокойствуемъ, принужденъ въ слѣдствіе прежняго его отъ 28 числа Декабря, прилежно просить, дабы онъ благоволилъ, припявъ во уваженіе настоящую здѣшнюю нужду и страданіе, приложитъ особливое попеченіе, чтобъ сія нужда конечно предварена была доставленіемъ сюда, покупкою или подрядомъ, провіанта и на пищу скота, а паче бъ къ Г. Генералъ-Маіору Фреймапу, въ слѣдъ его чрезъ нарочную надежную персону предложилъ, дабы онъ съ опредѣленными

для поиска надъ тѣмъ злодѣемъ войсками, какъ возможно наискорѣе сюда поспѣшалъ, взявъ въ разсужденіе, что гражданство принуждено отъ него злодѣя четвертый уже мѣсяцъ всю тягость пести, а инаково крайне опасно худыхъ слѣдствій и внутренняго замѣшательства; а при таковыхъ обстоятельствахъ отъ помянутаго злодѣя могутъ, кромѣ здѣшней, Казанская, Симбирская и Астраханская губерніи большому разоренію подвержены быть. И такъ Губернаторъ съ крайнею его нетерпѣливостію въ ожиданіи остался обстоятельнаго на сіе его прошеніе для принятія пристойныхъ мѣръ увѣдомленія. Къ тому изъ приватныхъ записокъ и извѣстій принадлежитъ, яко бы оное на Яикѣ возмущеніе хотя и пресѣчено, но въ Гурьевѣ де городкѣ и на нижнихъ Яицкихъ форпостахъ бывшіе казаки, преклонясь къ помянутому злодѣю, пришли въ смятеніе, и тамошняго казачьяго Полковника и нѣсколько другихъ начальниковъ, да одного Священника, утопили въ рѣкѣ Яикѣ. Во время обѣда выбѣжалъ изъ злодѣйскаго лагеря, захваченный въ прошедшую недѣлю, съ Каргалинскими Татарами, Тульскаго купца Лугинина лавочный толмачъ, изъ Казанскихъ Татаръ, который между прочаго Г. Губернатору объявилъ, что сего числа поутру <не смотря на великій бывшій буранъ> помянутый начальникъ злодѣевъ, по зву Каргалинскихъ Татаръ, для чего-де нарочно пять человѣкъ пріѣзжали къ нему съ гостинцами, поѣхалъ къ нимъ въ гости на саняхъ <и привязалъ-де къ дугѣ колокольчикъ, такъ какъ курьеры ѣздятъ>.

73) 2 числа злодѣи, усмотря людей, выѣзжавшихъ изъ города ниже онаго въ луга для рубленія хвороста на кормленіе, за непмѣніемъ сѣна, лошадей, ради захвата оныхъ, съ великимъ стремленіемъ въ большомъ количествѣ бросились, однако жъ ничего имъ сдѣлать не удалось; ибо, по учиненіи съ ними выѣхавшими противъ нихъ казаками довольной изъ пушекъ и ружей перестрѣлки, напослѣдокъ учиненными съ городовой стѣны изъ пушекъ же выстрѣлами, всѣ разсыпаны и прогнаты въ ямы ихъ съ урономъ. Въ нихъ съ городовой стѣны изъ пушекъ выпалено съ ядрами 5, да на вылазкѣ казаками съ ядрами жъ 8, и того 13 зарядовъ.

Изъ приватныхъ записокъ и извѣстій къ дополненію сего числа можетъ прибавлено быть, что послѣ полудня въ 3 часу, усмотря злодѣи небольшое число городскихъ людей, выѣхавшихъ въ ту сторону, гдѣ были кирпичные сараи, для корма лошадей за тальникомъ и за осокою, устремились было для захвата ихъ человѣкъ до трехъ сотъ, въ защищеніе которыхъ высланы были за городъ всѣ конные казаки; но какъ всѣ они вдругъ и скоро не могли выѣхать, а при выѣхавшихъ напередъ ни одной пушки не было, и въ скоромъ времени отправить ихъ не могли, то, сдѣлавъ съ злодѣями у кирпичныхъ сараевъ ружейную перестрѣлку, отогнали ихъ отъ тѣхъ сараевъ. Послѣ сего, хотя людство ихъ и стало было умножаться, и скопилось ихъ сотъ до семи, но какъ съ валу въ толпы ихъ выстрѣлили два раза изъ пушки, а между тѣмъ и къ казакамъ вывезли изъ города двѣ пушки и выпалили въ нихъ ядрами четыре раза, то всѣ они отвалили назадъ и, постоявъ нѣсколько у своего форпоста, спустились въ свой лагерь; а ежели бъ Яицкая команда, при первой бывшей съ злодѣями перестрѣлкѣ, имѣла при себѣ хотя одну пушку, или бъ опыя не столь продолжительно были вывезены, то бъ можно было при семъ случаѣ немалое число ихъ отхватить, или побить, ибо при нихъ не было ни одной пушки. Сколько жъ ихъ побито, сего усмотрѣть было невозможно; только извѣстно, что двое на мѣстѣ убиты, въ томъ числѣ одинъ знатный наѣзднякъ; а съ нашей стороны ранены одинъ казакъ, тотъ самый, который вышеозначеннаго наѣзднака убилъ и его лошадью съ хорошимъ приборомъ завладѣлъ, да одна лошадь ранена. Впрочемъ еще поутру въ 8 часу видно было, что злодѣи немалое число подводъ посылали сего-дня для сѣна за Нѣжинскій редутъ. Еще особливому примѣчанію подлежало и то, что уже три или четыре дня прошло безъ обыкновенныхъ у нихъ по зарямъ выстрѣловъ.

74) Съ 3 по 9 число *) хотя они злодѣи выбирались изъ ямъ и разъѣзжали, только отъ города въ дальнемъ разстояніи; чего ради противъ нихъ, особливо за худобою и недостаткомъ лошадей, высылокъ не было, и было спокойно; а между тѣмъ отъ Гг. Генералъ-Поручика и Кавалера Декалонга и Генералъ-Маіора Станиславскаго, да отъ Полковника Демарина получены, отъ перваго сообщеніе, а отъ послѣднихъ рапорты, коими они между прочимъ объявили: Декалонгъ, отъ 23 Декабря, что обѣихъ, то есть Уфимской и Исетской провинцій, Башкирскій народъ генерально бунтуютъ, и недовольно-де, что много Русскихъ людей по линіи побили, крѣпости и форпосты жгутъ, но и въ самой Исетской провинціи нѣкоторыя внутреннія жительства разорили, а потомъ не оставили напасть и на слѣдующую съ Симбирскихъ линій 11-ю легкую полевую команду, въ которой-де нѣсколько и урону причинили; почему-де всѣ тамошнія внутреннія и селенныя жительства, подвержены великой опасности, а ему-де Генералъ-Поручику и Кавалеру съ небольшимъ его войскомъ всѣхъ обнять и отъ опасности освободить ни коимъ образомъ, равно и требуемаго Губернаторомъ провіанта не только изъ Исетской провинціи, но и изъ Орской крѣпости доставить, по малости силъ и по непмѣнію въ крѣпостяхъ подводъ, невозможно: а если-де состоящимъ въ Каргалинской и Верхо-Яицкой крѣпостяхъ двумъ Симбирскимъ легкимъ полевымъ командамъ слѣдовать къ Озерной крѣпости, то-де уже весь тамошній край съ внутреннею Исетскою провинціею и Екатеринбургскими и прочими заводами останется отъ Башкирскихъ злодѣяній безъ всякаго защищенія и обороны; чего-

*) А по журналу его сіятельства Князя Петра Михайловича Голицына, 7 числа Января прибыли въ Казань остальные гусарскіе гарнизоны <а 3 эскадрона гусаръ и баталіонъ гренадеръ вступили туда еще 29-го Декабря 1773 г.>. — 9 числа выступилъ еще гренадерскій баталіонъ, прочіяжъ команды за ними во всевозможной скорости сбирались, и оные полки командированы были изъ Санктпетербурга вторый гренадерскій и Володимірскій пѣхотные полки, да гусарскій Изюмскій, изъ Кекегольма карабинерный Архангелогородскій, изъ Польши Санктпетербургскій карабинерный и Чугуевскій казачій полки. Весь сей корпусъ Главнокомандующій Генералъ-Аншефъ за потребно разсудилъ поручить въ командованіе его сіятельству, въ томъ числѣ и отдѣленныхъ Гг. Генералъ-Маіоровъ Фреймана и Мансурова, исключая тѣ только войска, кои нужны были для прикрытія города Казани.

де ради, не находя онъ къ охраненію Высочайшаго Ея Императорскаго Величества интереса другаго и легчайшаго способа, къ Г. Генералъ-Маіору Станиславскому предложилъ, чтобъ онъ состоящую при немъ легкую полевую команду и съ казаками, начиная съ самой Озерной крѣпости, изъ оной и изъ прочихъ вверхъ по Яику лежащихъ крѣпостей гарнизонъ, денежную казну и сколько возможно артиллерію, а невозможную загвоздя и сдѣлавъ къ дѣйствію неспособною, скрыть въ водѣ или землѣ, порохъ же и свинецъ весь безъ остатку, равно и жителей, которые сами пожелаютъ, забрать съ собою и слѣдовать до крѣпости Верхо-Яицкой къ соединенію съ войсками, елико возможно, съ крайнимъ поспѣшеніемъ во всемъ воинскомъ ополченіи, имѣя всенаистрожайшую отъ злодѣйскаго нападенія предосторожность, а состоящій въ тѣхъ крѣпостяхъ казенный провіантъ и фуражъ, дабы имъ злодѣй не воспользовался, сколько за удовольствіемъ оставшихъ въ тѣхъ крѣпостяхъ обывателей останется, ежели везти будетъ не на чемъ, весь сжечь безъ остатка. Станиславскій, прописывая реченнаго Генералъ-Поручика и Кавалера предложенія, доносилъ, что къ доставленію въ крѣпость Озерную изъ Ильинской провіанта никакого способа не находитъ, ибо-де къ оному надлежитъ какъ подводъ, такъ и въ конвой легкихъ войскъ немалое число, и въ командѣ его и въ крѣпости Орской оныхъ состоитъ недостаточно, а съ малымъ-де числомъ конвоя посылать, въ разсужденіи нечаяннаго злодѣйскаго нападенія, опасно; а Демаринъ, представляя крайній въ провіантѣ недостатокъ и что онаго въ Озерную изъ Ильинской никакимъ способомъ достать ему не можно, прислалъ о томъ предложеніи къ помянутому Г. Генералъ-Маіору Станиславскому. На что къ нимъ отъ Губернатора, отъ 10 Января, и писано къ Г. Генералъ-Поручику Декалонгу, ссылаясь на прежде отправленное отъ 29 Декабря, чтобъ онъ для охраненія здѣшней линіи и Высочайшаго Ея Императорскаго Величества интереса, по послѣдней мѣрѣ Г. Генералъ-Маіору Станиславскому приказалъ, съ имѣющеюся при немъ командою быть въ Орской крѣпости неотлучну, а буде неотмѣнно взять его къ себѣ разсудитъ, то по крайней мѣрѣ не согласится ли приказать находящуюся при немъ Станиславскомъ гарнизонную роту оставить, а тамошнихъ да и прочихъ крѣпостей гарнизонныхъ забирать не велѣть, которые, купно съ оставленными да и прочими крѣпостными жителями, должны остаться по прежнему: развѣ для большой опасности приказать соединиться изъ двухъ крѣпостей въ одну крѣпкую, такъ какъ и отъ помянутаго Генералъ-Маіора Станиславскаго представлено, которые отъ наступающихъ Башкирцевъ и могутъ всемѣрно оборонятся; а какъ они Башкирцы ни большихъ орудій, ниже ружей, кромѣ стрѣлъ не имѣютъ, слѣдовательно крѣпостному гарнизону ничего учинить не могутъ, о чемъ и къ реченному Г. Генералъ-Маіору Станиславскому въ равной силѣ съ подтвержденіемъ прежняго ордера предложено, да и Полковнику Демарину вслѣдствіе прежнихъ отъ 19 и 29 чиселъ Декабря предписаній, о доставленіи провіанта, превозмогая всѣ препятствія изъ Ильинской и о неоставленіи Озерной крѣпости, подтверждено.

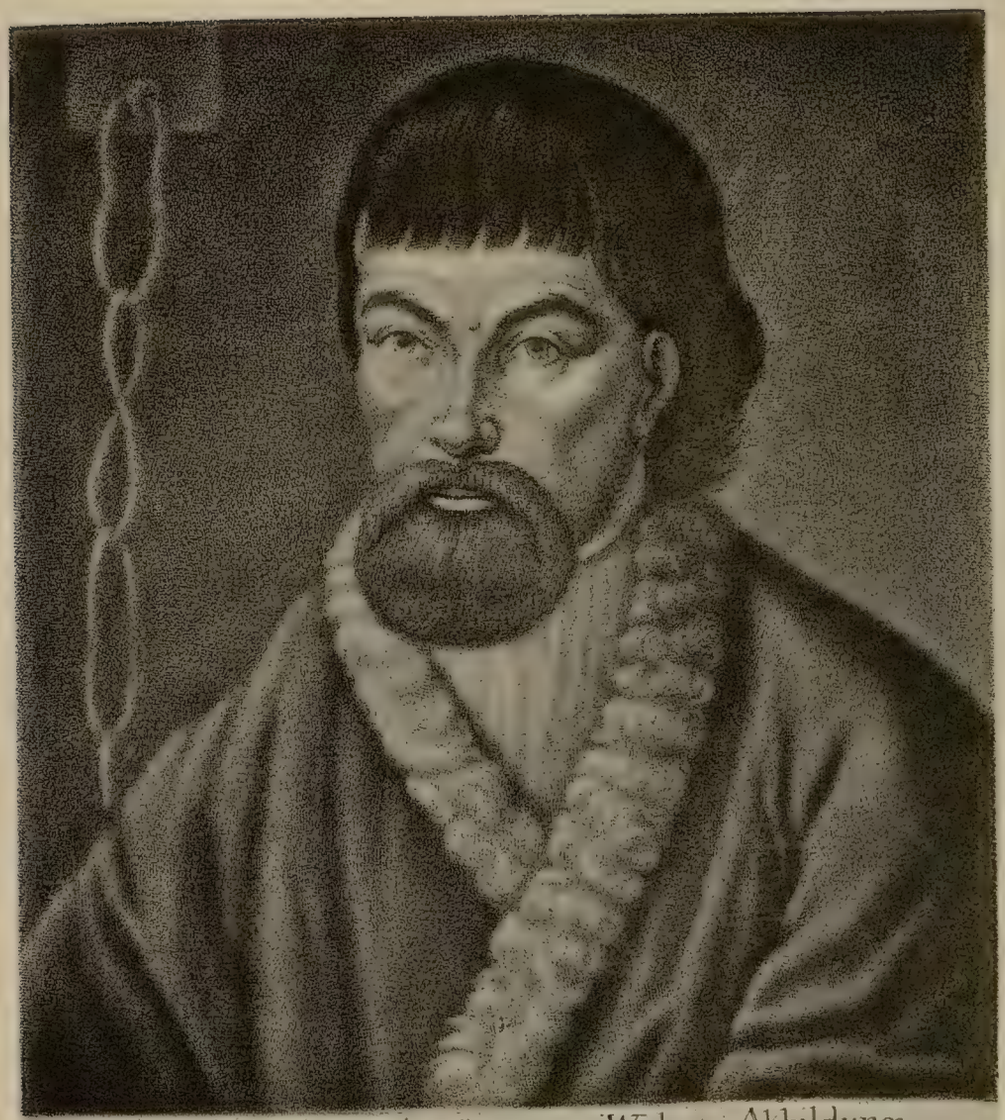
75) Къ вышеписаннымъ числамъ, съ 3 по 9 Января въ дополненіе можетъ еще пріобщено быть слѣдующее: 3 числа Января предъ утромъ привезено изъ Илецкой Защиты нѣсколько четвертей ржанаго хлѣба и овса, заготовленнаго тамъ отъ Главнаго Правленія Оренбургскихъ Соляныхъ дѣлъ; при томъ получены рапорты, что тамъ обстоитъ благополучно и добываніе соли происходитъ съ успѣхомъ. Сего жъ числа, по недавно полученнымъ чрезъ Яикъ отъ Казанскаго Губернатора извѣстіямъ, въ одержанной надъ Турецкими войсками чрезъ Генералъ-Поручика фонъ-Унгерна за рѣкою Дунаемъ побѣдѣ, о взятіи въ плѣнъ трехъ-бунчужнаго Паши со многими Турками, и Турецкихъ городовъ Базарчика и Варны, разсуждено въ ободреніе народа учинить, и былъ, въ Соборной церкви благодарственный молебенъ, а чтобъ находящихся подъ Бердинскою слободою злодѣевъ привесть въ размышленіе, то выпалено съ валу отъ Бердинскихъ и Орскихъ воротъ изъ 31 пушки. — 4 числа злодѣи не выказывались; сіе только слышно было, якобы предводитель злодѣевъ, Пугачевъ, подсылалъ трехъ человѣкъ къ городу, освѣдомиться: по какой причинѣ вчерашняго числа произведена была пушечная пальба изъ города. — 5 числа для присмотра злодѣевъ, выслано было за городъ казаковъ до 25 человѣкъ; они, усмотря ихъ, хотя и начали было выходить на Сыртъ, но вышло ихъ людствомъ не болѣе 500 человѣкъ, которые, постоявъ на переднемъ ихъ Сырту и увидя, что изъ города начали еще выбираться съ пушками, не приближаясь къ городу, возвратились всѣ въ свой злодѣйскій лагерь, изъ-за чего и городскіе назадъ же въ городъ пріѣхали, и вышеозначенные впередъ посланные казаки всѣ сей день подвержены были немалой опасности, тѣмъ, что будучи съ злодѣями на переговорѣ и не надѣясь отъ нихъ нападенія нечаянно, принуждены были оное выдержать, а между тѣмъ бывшіе въ потаенномъ мѣстѣ человѣкъ до 70, вышедъ изъ засады, на нихъ поскакали, и такъ едва они могли убраться къ городу, при чемъ одного хорошаго наѣзника, Яицкаго казака Солодовникова, оные злодѣи ранили пулею на пролетъ въ руку. Впрочемъ, хотя и была между многими догадка объ отлучкѣ предводителя злодѣевъ, по той причинѣ, что всѣ ихъ послѣдніе выѣзды казались немноголюдны и безъ пушекъ, не видно было тутъ Башкирцевъ, и что нѣсколько уже дней прошло, въ конхъ по обыкновенію ихъ ни вечернихъ, ни утреннихъ пушечныхъ выстрѣловъ было неслышно; однако, вышеозначенные въ сраженіи бывшіе казаки увѣряли, что онъ самъ тутъ былъ, но весьма пьяный и безъ шапки, скача на своей лошади, безобразно шатался, и якобы нѣкоторые изъ его сообщниковъ, окружа его, взяли за узду лошадь его и отвели его отъ той опасности, въ которую онъ самъ себя при томъ случаѣ попущалъ. — 6 числа предъ утромъ пріѣхали изъ Верхней Озерной крѣпости съ рапортами отъ Полковника Демарина, которыми Г. Губернатору объявляли, что Генералъ-Маіоръ Станиславскій находится еще въ Орскѣ, а Генералъ-Поручикъ Декалонгъ въ Верхо-Яицкой крѣпости, и оба они начали уже дѣйствовать оружіемъ въ жилищахъ приставшихъ къ злодѣямъ Башкирцевъ, и что по пынѣшнимъ здѣшнимъ замѣшательствамъ, ко всѣмъ въ Оренбургскую губернію отправленнымъ и собирающимся войскамъ главнымъ командиромъ опредѣленъ Его Высокопревосходительство Г. Генералъ-Аншефъ и Лейбъ-гвардіи Подполковникъ Александръ Ильичъ Бибиковъ и еще три

ПОДЛИННОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ БУНТОВЩИКА И ОБМАННЩИКА ЕМЕЛЬКИ ПУГАЧЕВА.

Гравюра 18 вѣка.

ПОДЛИННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ БАШТОВЩИКА И ОБМАН-
ЩИКА ЕМЕЛЬКИ ПУГАЧЕВА.

Гравюра 18 века



Полличное изображеніе
БУНШОВЩИКА И ОБМАНЩИКА
ЕМЕЛЬКИ ПУГАЧЕВА.

Betrachtet dieses Bild u. lernet wohl bedencken,
wie mancher Mensch auf Erd, sich lasst vom
Teufel lencken.
dass er selbst Teufel wird, de menschliche Geschlechte
u. Hut, was wieder Gott u. wieder deße Rechte.
Schaut aber nur aus End, der gross u. klein Rebellē
so wird sich jederzeit, euch solches End darstellē.
wo Schauder Furcht u. Qual, durch alle Adern
dringen.

Wahre Abbildung
des Rebellen und Betrügers
IEMELKA PUGATSCEW.

Drum lasst Euch Pugatscheu jezt zur Ent-
schliessung bringen.
an Gott u. einē Wörd zu verden kein Rebelle.
Dan bleibt die Straf nicht aus, bey Menschē auf Erden
so muss der Schöpfer, selbst, weit bringen sich erzeigē
damit das Geschöpfe lernt, sich vor seinem
Richter beugen
u. dieses wohl bedenckt, dass der, so andern, Gnade
am meist sich selbste schadt mit jeder böse That.

Генерала *); а Генералъ-Маіоръ Фрейманъ писалъ изъ Бугульмы отъ 8 Ноября, что находится онъ тамъ въ ожиданіи слѣдующихъ къ нему военныхъ людей.

Для сегодняшняго праздника Богоявленія Господня выведены были на рѣку Яикъ военные регулярные и нерегулярные люди, и собрались туда множество обоего пола людей, гдѣ по отправленіи Божіей службы и водоосвященіи учинена была троекратная ружейная пальба, а сказывали, что и у предводителя злодѣевъ **) въ Бердинской слободкѣ слышно было во время обѣдни нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Впрочемъ сей день никакой тревоги отъ нихъ не было и препровожденъ спокойно.—7 числа во весь день ничего не происходило, и на Сыртахъ изъ злодѣевъ ни одного человѣка было не видно; только предъ вечеромъ слышна была въ Бердинской слободѣ пушечная пальба выстрѣловъ до 10 и нѣсколько ружейной, знать по причинѣ великаго ихъ пьянства, которое обыкновенно у Яицкихъ казаковъ въ Крещеніе и послѣ того дня два случается, а у злодѣевъ уже и давно оное продолжается.—8 числа до полудня, часу въ третьемъ вышелъ отъ злодѣевъ Оренбургскаго гарнизона третьяго баталіона солдатъ <у котораго жена и дѣти въ городѣ>, бывшій по увольненію отъ команды для дѣланія печей въ деревнѣ лекаря Фалка, по рѣкѣ Сакмарѣ, между Пречистенской и Воздвиженской крѣпостей имѣющейся, откуда захваченъ злодѣями и находился у нихъ въ Бердинской слободѣ съ недѣлю. Изъ-за сего примѣчалось въ городѣ извѣстіе, что предводитель злодѣевъ, взявъ съ собою до 500 человѣкъ отборныхъ людей изъ Яицкихъ казаковъ и 12 артиллерійскихъ орудій, изъ той слободы отлучился, а признаютъ-де, что онъ пошелъ въ Яицкій городокъ для завладѣнія онымъ, сказавъ оставшимся въ Бердѣ, что онъ чрезъ мѣсяцъ паки сюда возвратится, а тогда-де ему, по недостатку хлѣбному въ Оренбургѣ, овладѣть симъ городомъ труда и урону въ людяхъ не будетъ. Въ Бердѣ при лагерѣ своемъ начальникомъ оставилъ онъ часто упоминаемаго ссыльнаго Хлопушу, да имѣющагося у него Оренбургскаго казачьяго Сотника Подурова; а вчерашній-де день пушечная пальба была по сей причинѣ, что оный Хлопуша, будучи пьянъ, вздумалъ обучать канонеровъ стрѣляньемъ изъ пушекъ въ цѣль.

76) 9 числа, по полученному, чрезъ выбѣжавшаго изъ злодѣйской толпы здѣшняго гарнизона третьяго баталіона солдата Носова, извѣстію, что государственный вредитель и воръ Пугачевъ съ немалою частію изъ помянутой толпы и съ 4 орудіями артиллеріи пошелъ для взятья Яицкаго городка, и что оставленные отъ него въ той толпѣ начальниками изъ Яицкихъ казаковъ Атаманъ Лысовъ, да изъ здѣшнихъ казаковъ Сотникъ Подуровъ, и ссыльный называемый Хлопуша, намѣреваются въ ночное время напасть на городъ, то Г. Губернаторъ, по причинѣ той его злодѣйской отлучки и въ отвращеніе ихъ предпріятія, приказалъ изъ города, для примѣчанія ихъ злодѣйскаго состоянія и увѣренія объ отлучкѣ злодѣя Пугачева, выступить одной части здѣшнихъ командъ съ казаками; но какъ злодѣи, усмотря сіе, изъ ямъ ихъ отъ Бердинской слободы вышли въ большомъ количествѣ и со многими пушками, то отъ Губернатора и другимъ двумъ частямъ съ довольною артиллеріею выступить приказано, которыя, по выступленіи, съ злодѣями производили при немалыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ, съ 11 часа по полупочи, даже до самаго почти вечера, сильное сраженіе, такъ что злодѣи, отъ выстрѣловъ изъ пушекъ ихъ, остались въ молчаніи и претерпя немалый уронъ, съ великою торопливостію въ ямы ихъ отошли, а здѣшнія войска за наступившимъ вечеромъ въ городъ возвратились. Съ городской стѣны выпалено сего числа изъ пушекъ съ ядрами 15, да на вылазкѣ съ ядрами жъ 461, гранатъ чиненыхъ изъ единороговъ 201, и того 677 зарядовъ. — 10 и 11 числа было спокойно.

Къ дополненію сихъ чиселъ, изъ приватныхъ записокъ и извѣстій можетъ еще прибавлено быть, что 9 числа поутру возвратились посыланные отъ Г. Губернатора до Яицкаго городка тамошніе казаки для отвоза писемъ къ находящемуся тамъ Полковнику Симонову и съ рапортами въ разныя мѣста <кои Симонову съ Яика чрезъ Самару отправить было велѣно>. Они, пріѣхавъ на послѣдній къ помянутому городку форпостъ (отъ городка въ 20 только верстахъ), узнавъ тутъ, яко бы помянутый Симоновъ для безопасности своей отъ злодѣевъ оный городокъ выжегъ, и проѣздъ къ нему опасенъ, принуждены нашлись, не ѣздя туда, возвращаться въ Оренбургъ назадъ со всѣми данными имъ отъ Г. Губернатора депешами, и ѣхали они сюда чрезъ Илецкую Защиту, чтобъ увѣриться, подлинно ли предводитель злодѣевъ изъ Берды на Яикъ ушелъ; еще вчера ввечеру назначено быть высылкѣ,—первыя двѣ команды, одна гарнизонная, предводительствуемая Премиеръ-Маіоромъ Пановымъ, другая легкая полевая Секундъ-Маіоромъ Зубовымъ; Яицкіе и другіе нерегулярные люди выступили изъ города поутру часу въ 10, и занявъ надобныя мѣста, начали дѣлать стрѣльбу изъ пушекъ въ началѣ 12 часа, а между тѣмъ у казаковъ и у регулярныхъ было нѣсколько и ружейной пальбы; но какъ злодѣи начали было отдѣляться къ Маячной горѣ, въ намѣреніи отхватить команду Маіора Панова, то во 2 часу послѣ полудня выведена была еще легкая полевая команда подъ предводительствомъ Премиеръ-Маіора Наумова, изъ-за чего, а притомъ по нѣсколькимъ пушечнымъ выстрѣламъ съ валу отъ Бердинскихъ воротъ, и начали они злодѣи подаваться назадъ. Вывезено было артиллеріи при оныхъ трехъ командахъ до 30 разныхъ орудій, изъ всѣхъ учинено было по злодѣямъ немалое число выстрѣловъ, а между тѣмъ же, какъ выше значитъ, нѣсколько было и ружейной перестрѣл-

*) Выше сего изъ журнала его сіятельства Князя Петра Михайловича Голицына объявлено, что его высокопревосходительство въ Казань прибылъ Декабря 27 дня 1773 года, а его сіятельство туда жъ прибылъ сего Января 8 числа.

**) Пронесся слухъ, что оный злодѣй, для облегченія своего, учредилъ недавно письменныхъ дѣлъ правленіе и назвалъ его Военною Коллегіею, и тутъ-де присутствуютъ у него главными Яицкій казакъ Овчинниковъ, коего называютъ Войсковымъ Полковникомъ, да ссылочный Хлопуша, посланный туда, какъ выше значитъ, изъ Оренбурга съ публикаціями для народа, чтобъ оному самозванцу не вѣрили, и онъ сдѣлался ему великимъ любимцемъ и помощникомъ, а Бердинскую слободу, не болѣе 50 дворовъ имѣющую, велѣлъ онъ называть Москвою.

кп. Злодѣи по примѣчаніямъ имѣли при себѣ въ разныхъ мѣстахъ пушекъ около двадцати, но пальбы изъ нихъ противъ городскихъ командъ и половины не было, а притомъ увѣряли, что нѣкоторые выстрѣлы ихъ были и безъ ядеръ. Впрочемъ людство ихъ казалось хотя и немало, однако весьма уже не столь велико, какъ прежде; а потому и вѣроятно стало, что оный предводитель ихъ ушелъ съ немногими людьми. О побитыхъ по примѣчаніямъ говорили, что на злодѣйской сторонѣ весьма было ихъ много. Яицкимъ казакамъ удалось съ убитыхъ Башкирцевъ и Каргалинскихъ Татаръ <изъ коихъ послѣдніе нынѣ, какъ сущіе уже злодѣи, весьма отважно напущали, убиты были на мѣстѣ сраженія> нѣсколько хорошей одежды снять. Съ нашей стороны раненыхъ, сказывали, человѣкъ до шести, а убитыхъ никого; и злодѣевъ ранено три или четыре; хотя и всѣмъ бывшимъ смотрителямъ на валу очевидно было, что сначала на сторонѣ злодѣйской былъ рѣдкій, однакожъ длинный фронтъ, изъ разныхъ людей состоящій: но предъ вечеромъ, отъ городскихъ пушекъ, всѣ уже они находились въ разстройствѣ и по Сыртамъ разсѣяны, а наконецъ и принуждены они были уходить въ Бердинскую слободу, куда за ними гнаться за наступившею темнотою было уже не можно. И такъ всѣ высланныя команды возвратились въ городъ. Сія высылка была другая, отъ которой злодѣи были прогнаты, а первая потому, что у осьмой легкой команды, которая занимала правое крыло для защищенія Яицкихъ казаковъ отъ устремившихся на нихъ злодѣевъ, и ружейная пальба была съ немалымъ урономъ злодѣевъ, чрезъ что они и отбиты. — 10 числа ничего особливаго не было: одинъ только Татаринъ Казанскаго уѣзда, бывшій въ работникахъ у Бухарцевъ, отважился было бѣжать изъ города къ злодѣямъ; но будучи усмотрѣнъ поднимающимся отъ рѣки Янка къ Егорьевской церкви, съ намѣреніемъ туда пробраться, пойманъ казаками и по приводѣ въ городъ, отданъ подъ караулъ.

На 11 число съ вечера, хотя и назначено быть высылкѣ, но яко бы, за нѣкоторыми неисправностями по артиллеріи, оная отмѣнена. Поутру вышло 8 человѣкъ изъ отставныхъ солдатъ, о коихъ сказывали, яко бы они еще сначала злодѣйскаго прибытія къ Оренбургу находились вверху Янка рѣки за Вязовскимъ редутомъ, и жили тамъ въ земляпкахъ, производя рыболовство для злодѣевъ, къ которымъ условленную ими рыбу отсылали, а иногда и сами къ нимъ отвозили, а какъ-де они нынѣ спрошены были въ злодѣйскій лагерь, и тамъ узнавъ объ уходѣ предводители ихъ на Янкъ, разсудили за лучшее ѣхать и явиться въ городъ. Сего жъ числа предъ утромъ вышелъ отъ злодѣевъ Симбирскаго гарнизона Подпрапорщикъ, захваченный туда съ Полковникомъ Чернышевымъ: по его объявленію подтвердились прежнія извѣстія, что главный злодѣй Пугачевъ подлинно ушелъ къ Яицкому городку, взявъ съ собою надежныхъ ему людей только 170 человѣкъ *), и забравъ лучшіе свои пожитки и кормныхъ лошадей, а изъ пушекъ-де взято имъ три или четыре орудія, которыя онъ самъ видѣлъ, а больше взято ль, не знаетъ. Въ послѣднюю-де высылку, ежели бы городскія команды хотя немного впередъ подвинулись, то бъ всѣ злодѣи пошли на побѣгъ къ чему-де они уже и готовились, а плѣнные-де, содержащіеся у нихъ, всѣ хотѣли отдаться опымъ командамъ. Пороху-де, пушечныхъ и ружейныхъ снарядовъ осталось у нихъ очень немного, а за тѣмъ-де и палили они изъ пушекъ своихъ рѣдко, да и то по большой части безъ ядеръ, для одного только виду.

77) 12 числа Г. Генералъ-Поручикъ, Губернаторъ и Кавалеръ Рейнсдорпъ вразсужденіи вышеписанныхъ извѣстій, полученныхъ чрезъ вышедшихъ изъ злодѣйской толпы, что государственный злодѣй Пугачевъ съ нѣкоторою частію изъ толпы своей отлучился къ Яицкому городку, оставя оную хотя и въ малолюдствѣ, однако жъ для орудій въ маломъ числѣ зарядовъ, какъ-то при выступленіи 9 числа и видимо было, то сколько для того, чтобъ до возвращенія его Пугачева изъ помянутаго городка, а не менѣе и въ разсужденіи недостатка здѣсь въ провіантѣ, и что паряженныхъ въ сикурсъ командъ въ близости еще нѣтъ, по неотступной просьбѣ всего здѣшняго общества, весьма страждущаго въ пропитаніи, съ общаго съ Г. Генералъ-Маіоромъ и Оберъ-Комендантомъ Валленстерномъ и Бригадиромъ Корфомъ совѣта разсудилъ, собравъ всѣ силы, сдѣлать на ту злодѣйскую толпу высылку. Вслѣдствіе сего, 13 числа поутру въ 5 часу всѣ здѣшнія команды изъ города и выступили, а именно въ Орскія ворота напередъ Яицкіе казаки съ 4 пушками и въ подкрѣпленіе ихъ егерская команда, за ними вторая часть подъ предводительствомъ Г. Генералъ-Маіора и Оберъ-Коменданта, въ числѣ регулярныхъ 700 человѣкъ съ 10 орудіями, которой опредѣлено слѣдовать по высотамъ къ Бердской слободѣ, стараясь занимать самую ту гору, по которой обыкновенно изъ той слободы трактъ въ Каргалу лежитъ въ Сакмарскія ворота; вторая и третья части, изъ которыхъ третьей части подъ командою Г. Бригадира Корфа, въ числѣ 600 человѣкъ пѣхоты съ 9-ю орудіями, предписано слѣдовать прямо на тѣ высоты, гдѣ 14 числа Ноября сраженіе было, и стараться занять всѣ проходы злодѣйскаго движенія; а первой части подъ командою Премьеръ-Маіора Наумова съ 400 человѣками пѣхоты, съ присовокупленіемъ Оренбургскихъ конныхъ казаковъ, сколько набраться могло, приказано маршировать, принявъ влѣво отъ средней колонны и занять высоту, по которой стоящіе по ту сторону Сакмары въ числѣ злодѣйской толпы Башкирцы и Калмыки изъ оврага выбираются; а дабы непріятель не имѣлъ способа прорвавшись иногда сквозь помянутыхъ частей, онымъ сдѣлать конфузіи, то позади ихъ по высотамъ же, подлѣ самыхъ бывшихъ непріятельскихъ батарей, выведено изъ города и поставлено пѣшихъ Оренбургскихъ казаковъ, Калмыковъ и разночинцевъ, подъ командою Подполковника Могутова, съ 2 пушками до 400 человѣкъ. Какое же при сей высылкѣ дѣйствіе произошло, о томъ явствуетъ въ пріобщенныхъ при семъ копіяхъ съ рапортовъ помянутаго Г. Генералъ-Маіора и

*) Сказывали, что злодѣй Пугачевъ, будучи въ Яицкомъ городкѣ, дѣлалъ разныя покушенія къ овладѣнію сей крѣпости, въ которой находится Полковникъ Симоновъ; между прочаго велѣлъ онъ сдѣлать два подкопа, въ томъ намѣреніи, чтобъ оную крѣпостцу подорвать. Первой такъ былъ неудаченъ, что отъ онаго немалое число злодѣевъ убито, а другимъ, въ которомъ большее число пороху было положено, хотя и повалило внутрь той крѣпостцы находившуюся каменную колокольню, но отъ того въ осадѣ бывшей командѣ большаго вреда не было.

Оберъ-Коменданта Валленш[с]терна. На полевомъ сраженіи выпалено изъ единороговъ и пушекъ гранатъ чиненыхъ 254, зарядовъ съ ядрами 1769, съ картечами 172, итого 2195. За убитіемъ лошадей оставлено на мѣстѣ сраженія артиллеріи: пушекъ 3-фунтовыхъ 2, чугунныхъ 5, 2-фунтовыхъ мѣдныхъ 2, единороговъ полевыхъ командъ 6-фунтовыхъ 1, 8-фунтовыхъ 3, и того 13 орудій; утрачено ящиковъ отъ единороговъ 2, сожжено 2; въ нихъ зарядовъ было съ гранатами 60, съ картечами 14, сожжено съ гранатами 30, съ картечами 10, пушечныхъ утрачено съ ядрами 80, съ картечами 10; а сколько убито и ранено людей, о томъ въ журналъ не включено; согласно съ приложенною при семъ вѣдомостью, по которой значитъ убитыхъ Капитановъ и Поручиковъ 5, Прапорщикъ 1, да Кондукторъ Прапорщичья чина, и того 7 человѣкъ, а всѣхъ на-все убитыхъ и раненыхъ 404 человѣка.

78) Къ вышеозначеннымъ обоимъ числамъ изъ приватныхъ записокъ пріобщается здѣсь слѣдующее: на 12 число еще съ вечера говорено, что будетъ генеральная высылка, прямо на Бердскую слободу, и для того во всѣ команды отданъ былъ приказъ, чтобъ къ выступленію быть во всякой исправности готовымъ, чего всѣ весьма желали; но поутру, невѣдомо для чего, и сія высылка отмѣнена *). Предъ полуднемъ хотя и еще объ ней сказывали, однако жъ ея не было. Поутру пріѣхали изъ Яицкаго городка 5 человѣкъ казаковъ съ рапортами отъ Подполковника Симонова, по которымъ извѣстно стало, что Яицкіе казаки, находившіеся на ихъ форпостахъ, до самаго Гурьева городка, приложась всѣ къ злодѣйской партіи, отважились было опаго Симонова атаковать, и вошедъ въ жило Яицкихъ казаковъ, всѣхъ тѣхъ, которые наклонны были къ возмущенію, пріобщили къ себѣ, и такъ начали съ дворовъ и изъ избъ пальбу производить въ построенную Симоновымъ внутри жила ихъ крѣпостцу, чрезъ что нѣсколько изъ команды его Симонова побили и ранили, а тѣмъ и принудили его, по силѣ прежде даннаго ему ордера, для лучшей обороны и безопасности, бывшее близъ той новой крѣпостцы жило (собравъ напередъ въ оную всѣхъ доброжелательныхъ съ ихъ женами и дѣтьми и пожитками) зажечь, въ которомъ-де пожарѣ злодѣевъ побито и погорѣло весьма много, а тѣмъ средствомъ онъ Симоновъ отъ помянутыхъ злодѣевъ съ командою своею спаслись, и оную крѣпостцу сдѣлалъ свободною противъ злодѣевъ оборопою, а предводитель-де при опомъ случаѣ тамъ еще не былъ. О находящихся въ Бердской слободѣ злодѣяхъ пропесся слухъ, якобы оставшіеся при нихъ начальники пожитки свои убирали въ запасъ, на такой случай, ежели невозможно имъ будетъ обороняться, то бъ въ такомъ случаѣ возможно было скорѣе идти на побѣгъ. Ввечеру отданы были приказы во всѣ команды, чтобъ въ ночь готовы были къ выступленію на злодѣевъ. — 13 числа назначенныя къ выступленію команды начали сбираться вскорѣ послѣ полуночи, да и выступили онѣ за городъ въ 5 часу, раздѣлясь на три части,—первою, которая составляла правое крыло и занимала мѣста прямо противъ Орскихъ воротъ, командовалъ Г. Генералъ-Маіоръ и Оберъ-Комендантъ Валленстернъ: была она въ числѣ однихъ регулярныхъ 700 человѣкъ, при ней же находились и всѣ Яицкіе казаки и 14 артиллерійскихъ орудій; среднею командовали Бригадиръ Корфъ и Премьеръ-Маіоръ Пановъ: регулярныхъ считали тутъ 600 человѣкъ и 9 орудій; третья команда обведена была около кирпичныхъ сараевъ и Маячной горы, а оттуда шла она по Сырту прямо къ Бердской слободѣ, и состояла въ числѣ Оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 400 человѣкъ: при ней же находилось конныхъ Оренбургскихъ казаковъ до 60 человѣкъ; командиръ у ней былъ, шестой полевой команды Премьеръ-Маіоръ Наумовъ. Сверхъ оныхъ командъ въ запасъ еще выведены были за городъ безлошадные Оренбургскіе казаки, и поставлены они были на Сырту, позади Убогаго дома, подъ командою Подполковника и Атамана Могутова, съ одною пушкою *). Всѣ оныя три команды запяли не только самые Сырты, откуда скатъ дѣлается къ Бердской слободѣ, да и приблизились къ ней на разсвѣтѣ дня такъ хорошо, что злодѣи почти примѣтить ихъ не могли; а особливо Маіоръ Наумовъ упредилъ другихъ, и подошедъ къ ней ближе полуверсты, занялъ тутъ самое выгодное мѣсто, да и началъ по ней палить изъ единороговъ гранатами, которыя всѣ ложились и разрывало ихъ въ самомъ жилѣ, отчего нѣкоторыя въ ней мѣста и загорѣлись. Злодѣи, бывшіе тутъ, хотя также палили противъ его Наумова команды изъ своихъ пушекъ, но положеніе его было прикрыто буеракомъ, такъ что ядра никого не вредили, да и легко бъ было всею оною слободою отсюда завладѣть, ежели бъ прочія команды къ нему Наумову могли подвинуться, и соединя всю артиллерію, отсюда стали дѣйствовать; но вмѣсто того прислалъ Бригадиръ Корфъ, что онъ опасался, дабы злодѣи его Наумова не отрѣзали, шелъ бы онъ немедленно къ нему въ соединеніе; а между тѣмъ, какъ онъ Корфъ, такъ и предъупомянутый Оберъ-Комендантъ приказали командамъ своимъ поворотить къ городу, чрезъ что всѣ люди приведены были въ разстройку и замѣшательство; злодѣи жъ, усмотря оное и стали сбираться на самыя тѣ уже отворенныя мѣста, гдѣ оныя команды стояли, производя имъ въ тылъ наисильнѣйшую пушечную и ружейную пальбу, а другіе въ великой отважности съ копьями набѣгали, и при томъ почти безъ всякаго уже порядка и безъ предводителей отступленіи, удалось имъ злодѣямъ многихъ побить и ранить, и отхватить, за усталью лошадей, остановившіеся въ глубокомъ снѣгу три единорога да девять пушекъ безъ снарядовъ, (которые при томъ захватѣ сожжены). Убили они тутъ Алексѣевскаго пѣхотнаго полка Капитана Переволодскаго, да изъ гарнизонныхъ Капитановъ же Буйнакова и Пушкарева, да Поручика Ѳедора Ракова, Прапорщиковъ Мѣшкова и Семенова, да Кондуктора перваго класса Замошникова, который въ командѣ у Наумова употребленъ былъ при артиллеріи. Ранили осьмой легкой команды Капитана Унгера тяжелою раною, пушечнымъ ядромъ <отъ которой онъ на другой день и умеръ>, шестой полевой же команды Поручика Сныткова,

*) Слухъ носился, яко бы Яицкіе Старшины представляли, что по ихъ обыкновенію, или по примѣчаніямъ ихъ, послѣ праздника Богоявленія Господня въ первое Воскресенье въ кровопролитіе вступать не надлежитъ.

*) Слышно было, что для сей высылки въ домѣ у Г. Губернатора нарочный былъ совѣтъ и учинена къ тому особливая диспозиція письменно, кому съ которой стороны и какъ дѣйствовать.

да баталіоннаго Лекаря, бывшаго при сей высылкѣ, Щегловскаго, унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и разночинцевъ до 80 человѣкъ, а всѣхъ убитыхъ и захваченныхъ злодѣями считалось болѣе 400 человѣкъ. И такъ всѣ оныя команды, имѣвъ трудпаго по глубокому снѣгу ходу около 20 верстъ безъ всякаго отдыха, съ немалымъ изнуреніемъ близъ полудня возвратились въ городъ, оставя всѣхъ убитыхъ на мѣстѣ *). Напротивъ того, увѣряли и о семъ, яко бы у злодѣевъ побито и ранено многимъ больше онаго числа; между унтеръ-офицерами заколотъ злодѣемъ шестой полевой команды артиллерійскій сержантъ Сахаровъ <бывшій прежде и офицеромъ>, который по искусству его въ артиллерійской наукѣ во время нынѣшней осады городу немало услуги, а злодѣямъ вреда дѣлалъ. Впрочемъ примѣчено было при сей высылкѣ, якобы людство злодѣевъ нѣсколько казалось умноженіе; оказывались-де тутъ невиданные прежде Яицкіе казаки, изъ коихъ нѣкоторые, подъѣзжая ближе другихъ, кричали городскимъ: не умѣли-де вы насъ прежде взять, когда у насъ хозяина не было, а теперь-де батюшка нашъ опять къ намъ пріѣхалъ, и вамъ ужъ насъ взять не можно; долго ли-де вамъ, дуракамъ, служить женщинѣ, пора одуматься и служить Государю **).

Отъ 14 по 21 число ***), отъ злодѣевъ безпокойства не было; между тѣмъ отъ 15 числа съ нарочно выпущеннымъ отсюда изъ города, Оренбургскаго уѣзда деревни Яланкуль, Татариномъ Абдусаляномъ Бакиревымъ сообщено отъ Г. Губернатора къ Г. Генералъ-Маіору Фрейману, что онъ Губернаторъ не оставилъ къ извѣстнымъ государственнымъ злодѣямъ, здѣсь подъ городомъ съ собранною имп измѣнническою толпою продолжающимся, дѣлать разъ до десяти высылки, и хотя при оныхъ почти всегда здѣшніе съ удачею возвращались, однако жъ совершенно его злодѣя, по недостатку команды отъ превосходства злодѣйской силы, и что къ нему непрестанно на свѣжихъ лошадяхъ прибываютъ, отразить онъ Губернаторъ не возмогъ; а 13 числа настоящаго во удовольствіе просьбы здѣшнихъ жителей, претерпѣвающихъ въ пропитаніи своемъ немалую скудность, припужденъ онъ Губернаторъ сдѣлать еще сильную атаку, при которой хотя на сторонѣ его злодѣя человѣкъ до 500 урона причинено, только напротивъ того и здѣшній корпусъ безъ вреда не остался; причиною жъ тому вышеписанное, то есть малость здѣшней конницы, а умноженіе злодѣевъ; со всѣмъ тѣмъ не въ состояніи будучи настоящаго получить успѣха, убѣжденнымъ оный корпусъ нашелся ретироваться въ городъ. И такъ Губернаторъ безъ особливой помощи, за умаленіемъ при вышеписанныхъ высадкахъ людей противъ него злодѣя изъ города, высылки дѣлать уже нашелся не въ состояніи, а по причинѣ оскудѣнія здѣшняго немалолюднаго общества и страданія въ пропитаніи, будучи онъ въ крайности, и что о приближеніи на сикурсъ войскъ ни малаго увѣдомленія нѣтъ, прилежно просилъ его Г. Генералъ-Маіора, чтобы онъ въ сохраненіе общества отъ колебанія и отъ того послѣдовать могущаго Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества интересамъ предосужденія, а дабы и отправленнымъ по Высочайшему Ея Императорскаго Величества сонзволенію сюда на сикурсъ войскамъ вреда не послѣдовало, благоволилъ, для истребленія сего вреднаго злодѣя и избавленія немаловременно страждущаго здѣшняго общества, съ опредѣленными на сикурсъ войсками, какъ возможно наискорѣе прибытіемъ сюда поспѣшить, и тѣмъ здѣшнюю крайность отвореніемъ дорогъ предварить и общую опасность прекратить; а въ какомъ онъ Г. Генералъ-Маіоръ предпріятіи найдется, о томъ бы Губернатора всевозможно увѣдомилъ, дабы онъ изъ того видѣть могъ, какія съ своей стороны принять мѣры; о чемъ къ нему Г. Генералъ-Маіору и къ отправленному съ войсками Главнокомандующему Генералу отъ 23-го съ нарочными другою дорогою подтверждено, да и Г. Казанскому Губернатору чрезъ Г. Генералъ-Поручика и Кавалера Декалонга отъ 24-го сего жъ Января сообщено; а въ Государственную Военную Коллегію отъ 25-го жъ въ пристойныхъ терминахъ донесено, и прошено о скорѣйшемъ прибытіи сюда войскъ къ командующимъ оными подтвержденія.

79) Изъ приватныхъ записокъ къ дополненію сихъ чиселъ пріобщено можетъ быть то, что 14 числа поутру примѣчено было небольшое число злодѣевъ на Сыртѣ. Догадывались, что сіе дѣлали они для осмотра оставленныхъ тамъ убитыхъ людей и для сниманія съ нихъ одежды; а послѣ полудня, часу во второмъ, подъѣзжали къ валу два человѣка и, привязавъ къ коньямъ, оставили два письма, изъ коихъ объ одномъ сказывали, что отъ паходящагося у злодѣевъ Сотника Подурова къ женѣ его, а другое, отъ кого и къ кому писано, то было неизвѣстно. Вечеру жъ потревожились было въ городѣ, по той причинѣ, что на степи со стороны Бердской слободы, верстахъ въ двухъ отъ города, оказалось небольшое число злодѣевъ, изъ коихъ нѣкоторые, какъ слышно было, кричали: здѣсь, держи, лови, коли, словно какіе нибудь были отъ нихъ уходцы: между тѣмъ же и слышна была въ помянутой слободѣ и пушечная пальба выстрѣловъ до пятидесяти; но къ городу отъ оныхъ злодѣевъ ни-

*) Сія неудачная на злодѣевъ высылка предъ всѣми прежними была люднѣйшая, въ надеждѣ освобожденія города; а потому не только на городскомъ валу, но и на кровляхъ и на всѣхъ высокихъ мѣстахъ обоего пола великое множество было смотрителей, въ томъ числѣ и знатныя дамы находились, ибо все оное дѣйствіе происходило въ виду изъ города. Не была бы сія высылка столь несчастлива, ежели бъ городская артиллерія поставлена была на зимній ходъ, такъ какъ оная учреждена была при корпусѣ его сіятельства Князя Петра Михайловича Голицына, и употреблена была во всѣхъ оборотахъ весьма поспѣшно. Лошади подъ нея браты были изъ господскихъ домовъ, по большой части кормныя и хорошія.

**) Хотя и говорили, яко бы самозванецъ Пугачевъ вчера около полуночи возвратился съ Яика, но въ самомъ дѣлѣ онъ не былъ, а прибылъ спустя нѣсколько дней.

***) Здѣсь ко внесенію изъ журнала его сіятельства Князя Петра Михайловича принадлежитъ то, что изъ порученнаго ему корпуса 14 числа командированы, на появившихся около Вятки рѣки злодѣевъ два деташемента, первый подъ командою Г. Полковника и Кавалера Хорвата, а другой подъ командою Г. Подполковника и Кавалера Филисова; а 16 числа командированъ и третій деташементъ къ пригородку Билярску, подъ командою Володимірскаго полка Премьеръ-Маіора Елагина; а 18 числа и самъ его сіятельство со всѣми войсками и съ казаками выступилъ и на короткое время остался въ селѣ Шурапскѣ на самой рѣкѣ Камѣ, и былъ онъ здѣсь по 25 число Января, дѣлая къ дальнѣйшимъ движеніямъ и къ поискамъ подъ злодѣями разныя распоряженія.

какого устремленія не было.—15-го числа ничего особливаго небыло, и злодѣевъ по Сыртамъ, кромѣ одного ихъ форпоста, людствомъ нѣсколько умноженнаго, было не видно.—16-го жъ ничего видно не было, а къ вечеру сдѣлалася пресильная буря, которая продолжалася до полупочи.—17-го числа изъ поѣхавшихъ вчера ввечеру за сѣномъ возвратились, нѣсколько привезши онаго, кромѣ двухъ Яицкихъ казаковъ, о коихъ нѣкоторые говорили, якобы они попались въ злодѣйскія руки, а другіе мнили, что они самовольно ушли къ злодѣямъ. До полудни видны они были разъѣзжающіе по Сыртамъ, но всѣ порознь—человѣка по три, четыре; а передъ вечеромъ выѣхало ихъ ста два и больше, между которыми жъ былъ Оренбургскій сотникъ Подуровъ, сообщникомъ злодѣямъ учинившійся; но всѣ они находились весьма пьяные; напротивъ того, выѣзжало изъ города Яицкихъ казаковъ около ста человѣкъ и имѣли съ ними небольшую ружейную перестрѣлку. По правую сторону Бердскихъ воротъ, отъ города верстахъ въ двухъ съ небольшимъ, на переговорахъ злодѣи призывали городскихъ, дабы они еще ближе къ слободѣ ихъ подъѣзжали, коимъ отвѣтствовали, чтобъ они подъѣзжали ближе къ городу; на то говорили злодѣи: не для чего-де намъ къ вамъ подходить, когда у васъ не станетъ хлѣба, то всѣ вы наши будете;—между тѣмъ про одного Сакмарскаго казака, который родной братъ находящемуся въ городѣ Сакмарскому Атаману Донскому, сказывали, яко бы онъ, отдалясь отъ другихъ, говорилъ: не смотрите-де вы на нашихъ пьяницъ и не тратьте-де своихъ людей понапрасну; ожидайте помощи отъ Бога: безъ вашихъ-де выдазокъ съ этими пьяницами управятся идущія на помощь вамъ войска, о чемъ-де у насъ есть вѣрныя извѣстія.—На 18-е число въ ночи, для сбереженія хлѣбнаго, выпущено изъ города по желаніямъ нѣсколько и праздно находящихся иностранцевъ, съ тѣмъ, чтобъ они, какъ могутъ, пробирались въ свои жительства; а поутру пришелъ небольшой обозъ изъ Илецкой Защиты съ хлѣбомъ <привезено оттуда ржаной муки четвертей до 100, а крупъ до 10 четвертей>, въ томъ числѣ половина взятаго изъ заготовленнаго по Соляному Правленію, и притомъ получены рапорты, что тамъ обстоитъ все благополучно, и работы безостановочно происходятъ. Съ злодѣйской стороны сей день ничего примѣчено не было.—19-го числа поутру человѣкъ до пятидесяти злодѣевъ показывались за рѣкою Яикомъ, ѣхавшіе къ МѢновому двору, видно для осмотра шляховъ, а послѣ обѣда столько жъ примѣчено ихъ было съ стороны Бердской слободы, ѣздившихъ по Сырту, а больше ничего не было усмотрѣно, да и форпостъ ихъ, противъ тоіи слободы обыкновенно содержанный, казался сегодня очень малолюденъ.—20-го ничего жъ не было, кромѣ сего, что послѣ полудня человѣкъ до 50 показывалось на Сырту, отъ города верстахъ въ четырехъ, которые, поѣздивъ тутъ немного, возвратились назадъ къ Берду. Ввечеру сего жъ числа отпущены въ Илецкую Защиту прибывшія оттуда съ хлѣбомъ подводы и люди.—21-го числа ничего не происходило; сказывали только находящіеся на валу въ караулахъ, что у злодѣевъ, какъ вчера, такъ и сегодня, слышно было по два пушечныхъ выстрѣла.

80) 22-го числа изъ злодѣйской толпы, немалое число выбравшись конницы, подъѣзжали близъ города, только безъ всякой удачи, но и съ уронемъ, причиненнымъ имъ съ городовой стороны изъ пушекъ выстрѣлами, возвратились въ свой станъ. Въ нихъ изъ пушекъ съ ядрами и картечами выпалено 31 зарядъ, Того числа отъ находящихся въ Верхней Озерной и Орской крѣпостяхъ Гг. Генералъ-Маіора Станиславскаго и Полковника Демарина получены рапорты, копіи они донесли: Полковникъ Демаринъ, что Ильинская крѣпость злодѣями вся выжжена, и обыватели, какъ они злодѣи поступили, не извѣстно, и что онъ тогда, когда благополучно прибудетъ къ нему изъ Орскоіи крѣпости съ провіантомъ команда, намѣренъ, съ помощію Божіею, изъ подъѣзжающей ежедневно къ Озерной крѣпости злодѣйской партіи захватить, и по развѣданіи о неопасности, сдѣлать въ ближнихъ ихъ жилищахъ отмщенія; на что ему Демарину отъ Г. Губернатора и позволено, однако жъ не иначе, какъ съ крайнимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ, вмѣсто пользы, не подвергнуть себя предосужденію. Г. Генералъ-Маіоръ Станиславскій, по ордеру Г. Генералъ-Поручика и Кавалера Декалонга, допоситъ: что 26-го числа минувшаго Декабря Башкирцы, собравшись въ немалой толпѣ, показались близъ Верхо-Яицкоіи крѣпости, и на спросъ отъ него Г. Генералъ-Поручика и Кавалера объявили, что они Башкирцы и Мещеряки болѣе бунтовать не намѣрены, а желаютъ-де остаться въ прежнемъ повиновеніи, тишинѣ и спокойствіи, съ чѣмъ-де и къ нему Г. Генералъ-Поручику и Кавалеру одного Старшину съ нѣсколькими Сотниками и Башкирцами присылали, объявляя при томъ, что чрезъ недолгое время и когда всѣхъ волостей Старшины къ Банмъ-Тархану сберутся, то-де они, пріѣхавъ къ нему Генералъ-Поручику и Кавалеру, въ вѣрности своеіі дадутъ подписки и подтвердятъ ихъ присягою; что-де, кажется, и сбудется, ибо-де изъ доходящихъ со всѣхъ сторонъ рапортовъ видится, что уже болѣе отъ нихъ Башкирцевъ и Мещеряковъ нигдѣ и никакихъ злодѣйствъ не происходитъ; по каковымъ-де обстоятельствамъ и линейныя крѣпости, до усмотрѣнія будущихъ обстоятельствъ, впустѣ оставлять и гарнизонъ и жителей изъ опыхъ выводить не для чего. На сіе къ нему Г. Генералъ-Маіору отъ 24-го числа Января отъ Губернатора предложено, что благословеніемъ Божіимъ, а стараніемъ реченнаго Г. Генералъ-Поручика и Кавалера Декалонга, Исетскіе Башкирцы и Мещеряки приводятся въ прежнее повиновеніе, то и не иначе, какъ съ особливымъ удовольствіемъ пріемлется; и какъ чрезъ то въ тамошнемъ краю путь уже имѣетъ быть свободный, то по увѣдомленіи о здѣшнихъ обстоятельствахъ и къ нему Г. Генералъ-Поручику и Кавалеру сообщено, и требовано, дабы онъ благоволилъ постараться чрезъ Исетскую Провинціальную Канцелярію доставить сюда по линіи, подрядомъ или на крестьянскихъ подводахъ, провіанта: муки до 10.000 четвертей, да крупъ по пропорціи, ибо здѣсь въ немъ настоитъ крайность, яко имѣвшійся въ казенныхъ магазинахъ весь въ расходъ изошелъ; и ежели онаго ни откуда чрезъ четыре недѣли получено не будетъ, то весьма опасно, дабы здѣшнее немалолюдное общество, по причинѣ голода, не пришло въ колебаніе, а отъ того и Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества интересамъ не приключилось бы безвозвратнаго вреда; въ предвареніе сего, и отъ помянутаго Г. Генералъ-

Маіора Станиславскаго требовано, дабы онъ между тѣмъ изъ имѣющагося въ Орскихъ магазинахъ провіанта съ тысячу четвертей, во чтобы ни стало и какія бъ лучшія средства ни нашлись, всевозможно и непродолжительно постарался сюда доставить. — Съ 23 по 31 число хотя злодѣи въ близость города разсыпанно и подбѣгали, только на приступъ покушенія не дѣлали, а были спокоійны.

81) Въ дополненіе вышеозначенныхъ чиселъ изъ приватныхъ записокъ и извѣстій сіе принадлежитъ, что 22 числа поутру слышно было отъ злодѣевъ выстрѣловъ до 12-ти, а послѣ полудня часу во 2-мъ и въ 3-мъ показалось ихъ ста два, подъѣзжавшихъ къ городу столь близко и отважно къ городскимъ валамъ, что прежде никогда они такъ не подбѣгали; но какъ противъ ихъ выслано было человѣкъ со сто Яицкихъ казаковъ и сдѣлано по нихъ съ валу выстрѣловъ до пятидесяти пушечныхъ, изъ коихъ подъ однимъ Башкирцемъ подбита была лошадь, то всѣ они и отдалились. Нѣкоторые говорили, будто бъ предводитель ихъ Пугачевъ сегодня опять между ними оказывался, и яко бы здѣшніе его въ лице подлинно видѣли.—23-го числа до полудня ничего было не видно, а передъ вечеромъ усмотрѣно было злодѣевъ человѣкъ со сто, разъѣзжавшихъ порознь, отъ города верстахъ въ трехъ, противъ Орскихъ воротъ, изъ коихъ нѣсколько пріѣхавъ на увалъ противъ бывшаго ихъ прежняго лагеря и постоявъ тутъ немного, возвратились назадъ въ Берду: знатно примѣчали поѣхавшихъ изъ города за сѣномъ. — 24-го по полудни ничего жъ примѣчено не было, а въ полдень слышна была въ злодѣйскомъ лагерѣ пушечная пальба выстрѣловъ до 10, а нѣсколько и ружейной. Еще сказывали, что за Сакмарою рѣкою около Сыртовъ видно было разъѣзжающихъ злодѣевъ человѣкъ до 30, и якобы по Сакмарской дорогѣ прошелъ къ Берду невѣдомо какой обозъ, можетъ быть съ печенымъ тамъ хлѣбомъ, а ввечеру нѣсколько злодѣевъ, пріѣхавъ ближе къ городу, подбросили письма, сказавъ, чтобъ ихъ взяли, они-де отъ нашего батюшки, то есть отъ самаго Самозванца и начальника ихъ.—25-го числа съ злодѣйской стороны ничего не было, кромѣ сего, что поутру нѣсколько проѣхало ихъ по Сыртамъ отъ НѢжинскаго редута съ дровами и сѣномъ, а послѣ полудня человѣкъ до 30 изъ городскихъ Яицкихъ казаковъ выпущены были за городъ, которые съ злодѣями по вчерашнему условію имѣли переговоры, да и пронесся послѣ того слухъ, якобы оные ихъ переговоры касались до нѣкотораго оказывающагося между злодѣями раскаянія. — На 26 число въ ночи бѣжало къ злодѣямъ изъ находящихся на валу по дистанціи Секундъ-Маіора Демидова Каргалинскихъ Татаръ десять человѣкъ, а по сей причинѣ и выслано изъ города изъ тѣхъ же Каргалинскихъ праздно бывшихъ въ городѣ Татаръ съ женами и съ дѣтьми 61 человѣкъ, кои всѣ и пошли прямо въ злодѣйскій лагерь *). Послѣ полудня выѣзжало изъ Бердской слободы злодѣевъ человѣкъ до 50-ти; не подъѣзжая въ близость города, возвратились назадъ, а передъ вечеромъ нѣкоторые изъ нихъ имѣли переговоръ съ высыланными изъ города Яицкими казаками. Отъ нихъ слышно было, якобы у злодѣевъ раскаяніе умножается, и между прочаго говорили-де они, не будутъ ли они за вины ихъ всѣ искоренены, и получатъ ли въ винахъ своихъ прощеніе, въ такомъ-де случаѣ, они и Самозванца своего свяжутъ и отдадутъ руками. Отъ нихъ же слышно было, что на сихъ дняхъ въ Бердской слободѣ повѣшены у нихъ три гусара, да одинъ Оренбургскій казакъ: гусары за то, что они Государю ихъ не сдѣлали надлежащей чести, а казакъ за сіе, что онъ такъ скоро, какъ войска приблизятся, хотѣлъ учинить извѣстіе въ городѣ. Между тѣмъ нѣкоторые увѣряли еще, что того Самозванца нынѣ не только въ той слободѣ нѣтъ, по куда и дѣвался, они не знаютъ. — 27-го числа ничего новаго было невидно и не слышно. — 28-го числа послѣ полудня, часу въ 4-мъ выѣзжало злодѣевъ человѣкъ до 60-ти, изъ коихъ немногіе подъѣзжали близъ города, дѣлая знаки, чтобъ высланы были къ нимъ для переговора люди; но какъ, по особливому отъ Губернатора приказу, на переговоры съ ними, для нѣкоторыхъ примѣченныхъ сомнѣній, высылать часто не разсуждено, никто на сей случай за городъ выпущенъ не былъ, то оные злодѣи, поѣздя кругами, и возвратились назадъ.—29-го числа послѣ полудня, часу въ 3-мъ еще показывалось ихъ позади навозныхъ кучъ человѣкъ до 30 съ одною значкою, изъ коихъ человѣка два-три ночью близко къ городу подъѣзжали, а еще толпа ихъ, но гораздо людиѣе, и также съ одною значкою, стояла въ отдаленіи; передовые злодѣи кричали, чтобъ высланы были къ нимъ для переговора Яицкіе и Оренбургскіе казаки; особливо требовали они Яицкаго Войсковаго Старшину Мартемьяна Бородина или Сакмарскаго Атамана Донскаго, объявляя, что то въ пользу Государыни; но какъ имъ въ томъ отказано, а отвѣтствовали, крича съ валу, чтобъ они сами ближе подъѣзжали къ городу, то они, не склонясь на сіе, и отъѣхали всѣ прочь. Еще слышно было, что два Яицкіе казака изъ находившихся въ городѣ, пріѣхавъ къ Яицкимъ воротамъ на одной лошади, запряженной въ дровни, изъ коихъ одинъ сидѣлъ на лошади верхомъ, а другой стоялъ на дровняхъ у маленькой кадочки, покрытой рогожею, и требовали усильно пропуска за городъ, якобы за водою, съ прочими; но какъ бывшіи тутъ офицеръ и караульные, по ихъ скоропостижности и усильству, усумнились объ нихъ, и осмотря маленькую ихъ кадочку, нашли, что она не имѣетъ дна и поставлена только на рогожу для одного виду, то оные казаки, оборотя лошадь свою, поскакали назадъ, и поворотя въ переулокъ уѣхали изъ виду; а потому и заключили, что намѣреніе ихъ было бѣжать къ злодѣямъ. Сего числа ѣздившіе за сѣномъ въ НѢжинскому редуту, возвратились, навыюча онаго на воза довольно *). 30-го числа въ полдень выпущено за городъ праздно находившихся Бердскихъ

*) Ежели прежде съ таковыми безполезными и праздно находившимися въ городѣ людьми симъ образомъ поступлено было, то бъ чрезъ сіе нѣсколько сотъ четвертей хлѣба убережено быле на расходъ для нужнѣйшихъ людей; но оныхъ и послѣ въ городѣ не мало еще находилось къ умноженію хлѣбнаго недостатка.

*) Нѣкоторые ѣздившіе за сѣномъ сказывали, якобы они съ злодѣями вмѣстѣ изъ однихъ стоговъ сѣно брали, и будто бъ оные говорили: полно-де намъ проливать человѣческую кровь, батюшка-де нашъ <то есть Самозванецъ> оное имъ воспретилъ; но другіе заподлинно увѣряли, что тотъ ихъ Самозванецъ, забравъ свои пожитки, уѣхалъ, а куда и гдѣ онъ нынѣ находится, неизвѣстно.

и Чернорѣченскихъ жителей женска пола около 60 человѣкъ, да три старика изъ отставныхъ, кои по выходѣ за городъ верстахъ въ трехъ всѣ приняты были злодѣями и отведены въ Бердскую слободу.—31-го числа съ стороны злодѣйской, за бывшимъ сего утра бураномъ, ничего было не видно, а послѣ полудня, когда поведрило, примѣчены одни ихъ яртаулы, не въ большомъ людствѣ находившіеся; сказывали, якобы два человѣка отдалились отъ яртаула и воткнувъ шапки на копійныя древки, давали знакъ, чтобъ кто нибудь высланъ былъ къ нимъ для переговора; но какъ они стояли отъ города въ отдаленіи, то никто къ нимъ высланъ и не былъ, и никакимъ знакомъ не отвѣтствовано. Еще извѣстно было, что одинъ солдатъ, находившійся въ карауле на валу, укравъ два хлѣба и двѣ шубы у товарищей своихъ, ушелъ къ кирпичнымъ сараямъ, а оттуда пробрался къ злодѣямъ въ Берду. Ѣздившіе сего числа къ Нѣжинскому редуту за сѣномъ, навьюча онаго безъ всякаго отъ злодѣевъ препятствія, возвратились съ сѣномъ.

Часть VI. — *Продолженіе Оренбургской осады; бывшія на злодѣевъ изъ города вылазки; приступы Самозванца Пугачева и сообщниковъ его къ Оренбургу; усиленіе его и другія приключенія Февраля съ 1-го, Марта по 1-е число 1774 г.*

82) 1-го, 2-го и 3-го числа Февраля, какъ днемъ, такъ и ночью было спокойно; а между тѣмъ отъ 1-го числа къ Гг. Полковнику Демарину и Генералъ-Маіору Станиславскому, по причинѣ бывшей въ Оренбургѣ крайней нужды въ пропитаніи воинскихъ служителей и гражданъ, и дабы отъ нихъ худыхъ внутреннихъ слѣдствій и Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества интересамъ невозвратнаго вреда не произошло, предложено, чтобъ Станиславскій съ посредства Демарина изъ имѣющагося въ Орскихъ магазейнахъ провіанта муки, хотя съ восемь-сотъ четвертей, да крупъ на то по пропорціи, во что бы ни стало и какія бъ лучшія средства ни нашлись, всевозможно обще постарались въ Оренбургъ доставить. — 4-го числа злодѣи выбрався поутру изъ ямъ своихъ, въ немаломъ количествѣ показались близъ города противъ Пушечнаго двора на прежней ихъ батареѣ, и хотя противъ нихъ, въ разсужденіи того, что они таковыми подъѣздами дѣлали только одинъ обманъ и въ высылкахъ затрудненіе, изъ города высылки не было; однако жъ, въ отвращеніе ихъ, выпалено въ толпу ихъ изъ пушекъ одинъ зарядъ.— 5-го, 6-го и 7-го чиселъ было спокойно; только послѣдняго числа Губернаторъ, желая побудить находящихся въ злодѣйской толпѣ разнаго званія людей отъ заблужденія ихъ къ раскаянію, съ истолкованіемъ учиненнаго ими противу должнаго Ея Императорскому Величеству рабскаго повиновенія, заслуживаемаго непрощаемой казни злодѣйства, послано въ толпу и увѣщаніе, дабы они, разсмотря свою совѣсть, конечно пришли въ раскаяніе и возвратились въ прежнее состояніе, надѣялись бы Всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества по природному Ея великодушію прощенія; при чемъ состоявшагося 15 числа Октября прошлаго года манифеста печатный экземпляръ, и для Башкирцевъ и прочихъ иновѣрцевъ и на Татарскомъ діалектѣ переводъ приложенъ; но они злодѣи не только на то увѣщеваніе не склонились, но съ большимъ ругательствомъ оное возвратили. Къ тому въ дополненіе изъ приватныхъ записокъ слѣдуетъ сіе, что Февраля 1 числа предъ полуднемъ слухъ пронесся, якобы еще во время бывшаго поутру тумана за Черноръчьемъ слышали пушечную пальбу выстрѣловъ до 12-ти, а послѣ полудня видѣли толпы ѣхавшихъ верхами людей къ Бердѣ, а кто они были, въ достовѣрность никто не могъ сказать. Еще говорили, будто бъ съ Соборной колокольни видѣли злодѣевъ ста два или болѣе, ѣхавшихъ изъ Берды въ Каргалинскую слободу.—2-го числа, кромѣ подтвержденій вчерашнихъ примѣчаній, ничего слышно и видно не было: только говорили еще, что одинъ изъ Оренбургскихъ казаковъ, отправленный вчерашній день съ товарищемъ отъ Озерной крѣпости съ депешами къ Генералъ-Поручику Декалонгу и къ Генералъ-Маіору Станиславскому, возвратился назадъ, а о товарищѣ своемъ объявилъ, якобы онъ, имѣя у себя всѣ тѣ депеши, поотсталъ отъ него для тѣлесной нужды, и хотя онъ въ почное время старался его сыскивать, но не нашелъ, и куда онъ отлучился, того не знаетъ.—3-го числа была буря и великій снѣгъ до самаго полудня, а за тѣмъ ничего было не видно и не слышно.—4-го числа выѣзжало изъ Берды злодѣевъ человѣкъ около 20, кои всѣ были Оренбургскіе, Бердскіе и Черноръченскіе казаки, а Яицкихъ ни одного тутъ не было. Они, подъѣхавъ ближе къ городу, кричали, чтобъ высланы были для переговора съ ними люди; но понеже въ словахъ ихъ ни скромности, ни умѣренности не было, а слышны были одинъ только угрозы, они жъ и ближе къ городу подъѣзжать не хотѣли, а потому и выстрѣлено по нихъ изъ одной пушки отъ Бердскихъ воротъ, отъ чего они и уѣхали назадъ. Послѣ полудня, для сбереженія хлѣба въ городѣ, выпущено Бердскихъ и Черноръченскихъ казаковъ, женъ и дѣтей 46 душъ, которые всѣ и пришли прямо въ Бердскую слободу по проложенной злодѣями дорогѣ.—5-го числа ничего примѣчанія достойнаго было не видно и не слышно, только ѣздившіе для сѣна за Нѣжинскій редутъ, хотя и съ великимъ трудомъ отъ бездорожицы, однакожъ всѣ навьюча онаго, возвратились изъ злодѣйскихъ шляговъ, ни гдѣ тамъ не видимы. — 6-го числа поутру, около 9 часа, по причинѣ многочисленной пушечной пальбы, бывшей въ Бердской слободѣ и около оной, весь городъ былъ встревоженъ. Сія пальба происходила залпами изъ 3, 4 и 5 пушекъ *) разомъ, а иногда и порознь, такъ что всѣхъ выстрѣловъ считали болѣе 50. Многіе признавали, что то произошло у злодѣевъ отъ прихода къ оной слободѣ ожидаемыхъ для освобожденія города отъ осады войскъ, а потому множество народа на высокихъ мѣстахъ и на городскихъ валахъ сдѣлались зрителями, ожидая съ великою радостію своего избавленія, да и самъ Г. Губернаторъ со всѣми чиновными людьми, стоя на валу у Бердскихъ воротъ, то жъ смотрѣли, но, бывъ тутъ до 12-го часа, разъѣхались. Послѣ полудня, часу въ 1-мъ и въ 3-мъ, слышанъ былъ на Бердѣ частый звонъ въ одинъ колоколъ на подобіе набата, и догадывались, что то дѣлали злодѣи по каза-

*) Послѣ чего былъ слухъ, яко бы злодѣй Пугачевъ, бывъ въ Яицкомъ городкѣ, женился на одной казачьей дѣвкѣ, о чемъ сообщники его, получа отъ него извѣстіе, праздновали, стрѣляли изъ пушекъ, и весьма много пьянствовали, что наконецъ и заподлинно подтверждено.

чьему обыкновенію для сбора людей; а потомъ выѣзжало оттуда человѣкъ до 15-ти, и давали знакъ шапками, чтобъ высланы были изъ города люди для переговора, и хотя сей день разсуждено для такого переговора выслать небольшое число людей, и назначены были къ тому: Сакмарскій Атаманъ Донской и Таможенный Инспекторъ <Прапорщичьяго чина>, новокрещеный, да казаковъ человѣкъ до 10 <а еще въ запасъ до 20 человѣкъ было приготовлено у воротъ>; но понеже всѣ они не скоро собрались и за городъ выѣхали, отъ злодѣя между тѣмъ отдалились къ Бердѣ, а послѣ хотя человѣка два и въ даль за ними ѣздили, только они съѣхаться съ ними не отважились.

83) Съ 7-го по 22-е число было спокойно.— 22-го злодѣи во многолюдствѣ, выбрався изъ ямъ своихъ подъ предводительствомъ самого вора Пугачева и перешедъ внизъ по Сакмарѣ лежащую дорогу, гдѣ маякъ ниже Оренбурга, подъѣзжали въ близость города, для чинепія съ конми перестрѣлки выпущены были съ двумя пушками вѣрные Яицкіе и здѣшніе казаки, кои съ нимъ злодѣемъ ружейный огонь и производили, по причинѣ чего оные злодѣи и убѣждены, съ урономъ отъ учиненныхъ съ городовой стѣны пушечныхъ выстрѣловъ, возвратиться въ свои ямы. По приближеніи ихъ, выпалено съ городоваго вала изъ пушекъ съ ядрами 16 зарядовъ.

Оныя числа съ 7-го по 2-е [22-е] дополняются изъ приватныхъ записокъ и извѣстій нижеслѣдующимъ: 7-го числа было спокойно; на 8-е число въ ночи прибылъ изъ Илецкой Защиты посыланный туда сержантъ Туленковъ, съ нимъ изъ тамошнихъ по Соляному Правленію и по Градской командѣ магазейновъ провезено провіанта около 90 четвертей, въ томъ числѣ заготовленнаго помянутымъ Правленіемъ 60 четвертей, да въ подспорье хлѣба покупной тамъ по Соляному Правленію рыбы 16 пудъ. Сей привезенный хлѣбъ многихъ чрезвычайно обрадовалъ: ибо до привоза онаго, по крайней нуждѣ, убогіе и маложалованные люди покупали уже по 6 и по 7 руб. одинъ пудъ, да и по той малослыханной цѣнѣ съ великою трудностію находили. Послѣ полудня часу въ 4-мъ оказалось злодѣевъ на степи до 150 человѣкъ, изъ конхъ большое людство разъѣзжало въ трехъ, человѣкъ до 30-ти въ одной верстахъ, 3 человѣка, самые отважнѣйшіе, подъѣзжали къ городу саженъ на сто, но всѣ, по примѣчаніямъ, въ пребезмѣрномъ были пьянствѣ, а особливо послѣдніе, столь близко и отважно подъѣзжавшіе, скача на лошадяхъ своихъ и кривляясь на обѣ стороны, кричали, чтобъ высланъ къ нимъ былъ для переговора Яицкій Старшина Бородинъ, объявляя при томъ, якобы они Яицкимъ городомъ уже завладѣли, и долго ли-де вамъ, Яицкимъ казакамъ, въ городѣ помирать голодомъ; мы-де хотя взять его и не можемъ, но скоро голодъ принудитъ васъ къ сдачѣ. Кому-де вы служите, Губернатору или Тимашеву, браня ихъ обоихъ скверною бранью.—9-го числа ничего было не видно, а хотя малое число злодѣевъ и появилось было на Сыртахъ, но не подъѣзжая къ городу, постоявъ тамъ немного, возвратились опять въ Берду. — 10-го числа выпущено за городъ 78 человѣкъ Каргалинскихъ Татаръ, а послѣ полудня выѣзжалъ изъ Берды сообщившійся съ злодѣями оренбургскихъ казаковъ сотникъ Подуровъ, имѣя при себѣ злодѣевъ человѣкъ до 30, изъ конхъ отважнѣйшіе выскакивая напередъ, кричали: долго ли-де вамъ городскимъ ѣсть кобылятину, пора ужъ городъ сдавать; у насъ хлѣба довольно,—выговаривая при томъ и другія, но все сумасбродныя и пьяныя рѣчи.—11-го числа выпущено за городъ, для сбереженія хлѣба, изъ своекоштныхъ престарѣлыхъ и праздно находящихся людей человѣкъ до 30-ти, да женскаго пола человѣкъ до 10-ти, кои всѣ пошли чрезъ Берду, то есть чрезъ жилище злодѣйское, съ намѣреніемъ, не могутъ ли они пробраться во внутреннія россійскія жилища *). Послѣ полудня подъѣзжало къ городу изъ злодѣевъ человѣкъ до 10-ти съ такими жъ рѣчами, какъ выше означено. Сего жъ числа отпущены были въ Илецкую Защиту пріѣзжавшіе оттуда съ хлѣбомъ.— 12-го, за бывшею въ сію ночь великою бурею, возвратились назадъ въ городъ поѣхавшіе въ Илецкую Защиту. Съ злодѣйской стороны ничего особливаго примѣчено не было **). За городъ хотя и выслано было изъ Яицкихъ казаковъ человѣкъ до 20, въ намѣреніи, не удастся ли кого нибудь захватить изъ злодѣевъ, но изъ нихъ никто не выѣзжалъ. — На 13 число въ ночи вышло изъ злодѣйскаго лагеря 5 человѣкъ: вахмистръ и гренадеръ команды Г. Генералъ-Маіора Станиславскаго, захваченные злодѣями около Губерлинской крѣпости, и солдатъ Губернской роты, еще солдатъ, посыланный отсель къ Сибирскому Губернатору, до прихода еще злодѣевъ и на возвратѣ оттуда давно уже ими захваченный: они, по увольненію злодѣйскихъ начальниковъ, отпущены были въ Черноръченскую крѣпость для покупки хлѣба, откуда, возвращаясь, возпамѣрились они по Заяицкой сторонѣ итти въ городъ, и пришли сюда на третій день, претерпѣвъ великую трудность въ пути отъ бездорожицы и отъ худой погоды, во время сильнаго бурана. Чрезъ сихъ выходцевъ слѣдующія извѣстія произошли: 1) что Главнокомандующій войсками Г. Генералъ-Аншефъ Александръ Ильичъ Бибиковъ находится уже въ Казани; 2) впередъ по Оренбургской оттуда дорогѣ отправленъ отъ него съ корпусомъ военныхъ людей Г. Генералъ-Маіоръ Мансуровъ, который-де прошедъ Борскую крѣпость, встрѣченъ былъ злодѣями и, имѣвъ съ ними сраженіе, причинилъ имъ немало вреда, отбивъ у

*) Слышно было, яко бы злодѣи всѣхъ изъ городовъ выпущенныхъ, не державъ у себя, распустили, куда они желали. Объ одной женкѣ сказывали, что она при выходѣ своемъ изъ города, купила небольшой печеный хлѣбъ, за который дала 40 копѣекъ <кои побольше, тѣ продавали по рублю и свыше>, одну ковригу вѣсомъ фунтовъ въ 9. О семъ предводители злодѣевъ узнавъ отъ нея, публиковали о томъ всему народу и тотъ хлѣбъ показывали съ растолкованіемъ, до какой уже крайности приведенъ ими городъ.

**) По совѣту Г. Совѣтника Тимашева для поимки злодѣевъ поставлено сего числа за городомъ въ разныхъ мѣстахъ 27 капкановъ <машинки желѣзныя, коими въ здѣшней сторонѣ обыкновенно ловятъ волковъ, лисицъ, бобровъ и другихъ звѣрей>, въ томъ намѣреніи, чтобъ выѣхавъ за городъ Яицкимъ казакамъ заманить злодѣевъ на сіе мѣсто, и когда онымъ инструментомъ подъ кѣмъ изъ нихъ уязвлена и подшибена будетъ лошадь, чтобъ, поскакавъ, подхватить его было удобнѣе. Сія выдумка, хотя и казалася нѣкоторымъ нужною и полезною, однако не только никакой пользы и успѣха отъ того не произошло, но и оные капканы, какъ послѣ слышно было, кромѣ немногихъ, невѣдомыми людьми раскрадены, а злодѣи, узнавъ, прямо дѣлали разныя о сей выдумкѣ насмѣшки.

нихъ 8 пушекъ, въ томъ числѣ одинъ единорогъ; 3) еще одинъ таковой же корпусъ якобы находился на рѣкѣ Сокѣ въ Красноярской крѣпости, съ тѣмъ, чтобъ усмиря сбунтовавшихся тамъ крещеныхъ Калмыковъ, къ Оренбургу жъ слѣдовалъ; 4) Г. Генералъ-Маіоръ Фрейманъ находился съ таковою же командою въ Бугульмѣ, и слѣдуетъ оттуда къ Оренбургу жъ. Сей Генералъ также имѣлъ сраженіе со встрѣчавшимися съ нимъ злодѣями, и отбилъ у нихъ 3 или 4 пушки; 5) съ Бирской и Башкирской сторонъ дѣйствуетъ надъ злодѣями и ихъ сообщниками Г. Генералъ-Поручикъ Декалонгъ; а хотя-де они и покушались уже приступать къ городу Уфѣ, но тутъ-де имъ удачи не было: отбиты они съ немалымъ урономъ, и потеряли 3 или 4 пушки. Все оное тѣ выходцы слышали во-первыхъ отъ трехъ гусаръ, отхваченныхъ злодѣями отъ команды Г. Генералъ-Маіора Мансурова, конхъ-де они злодѣи, за то, что они многихъ изъ нихъ умертвили, повѣсили; и еще его жъ Мансурова команды отъ солдатъ, кои отвозили въ городъ Самару отбитую у злодѣевъ артиллерію и оттуда обратно возвращаясь къ командѣ своей въ Борскую крѣпость, перехвачены Калмыками и привезены въ Берду, коп-де и нынѣ тутъ находятся, всѣхъ ихъ 10 человѣкъ. Самого-де предводителя ихъ и Самозванца Пугачева нынѣ въ Бердской слободѣ нѣтъ; а хотя-де послѣ послѣдней изъ города высылки, день или два спустя, и пріѣхалъ онъ къ своимъ сообщникамъ въ Берду, но побывъ тутъ одни или двое сутки, ночною порою неизвѣстно куда уѣхалъ, взявъ съ собою двѣ бочки пороху; а другіе-де думаютъ, что онъ насыпалъ въ нихъ для лошадей своихъ овесъ. Догадываются, якобы онъ поѣхалъ по Сакмарской дорогѣ или къ Яицкому городку, куда-де по требованіямъ его и конные люди ежедневно къ нему отъѣзжаютъ. При Бердѣ наличной артиллеріи находится нынѣ до 70 орудій, которая вся около тамошней церкви разставлена; сколько для оной есть пороха и снаряда, то имъ неизвѣстно; но за великимъ расходомъ многому числу быть не чаютъ. Въ небытность-де Пугачева начальствуютъ тамъ изъ Яицкихъ казаковъ вышеозначенные: Кожевниковъ, Лыковъ и Шигаевъ, Оренбургскій Сотникъ Подуровъ, да ссылочный Хлопуша, о коемъ прежде неоднократно упомянуто и у коего-де всѣ заводскіе мужики въ командѣ; между начальниками жъ почитается одинъ Илецкій казакъ, коего имя они не знаютъ, и изъ сихъ-де людей состоитъ у нихъ нынѣ правленіе, которое называютъ Военной Коллегіей; Бердскую слободу именуютъ они Москвой, Каргалу Петербургомъ, Сакмару Кіевомъ, а Чернорѣченскую крѣпость провинціею.—6) Въ пропитаніи-де многіе и между ими чувствуютъ нужду, и терпятъ недостатокъ; ибо-де запаснаго ничего нѣтъ, а что откуда привезутъ, тѣмъ и питаются; а хотя-де изъ съѣзда для продажи къ нимъ иногда и привозятъ, но по великому-де ихъ людству, онаго не довольно, а затѣмъ-де и высылаемыхъ изъ города людей отнущаютъ они отъ себя куда кто хочетъ. Намѣреніе-де ихъ, какъ слышно, состоитъ болѣе въ томъ, чтобъ еще единожды и со всѣми уже силами сдѣлать приступъ къ городу, и ежели сіе послѣднее ихъ покушеніе не удастся имъ, то всѣмъ расходиться имъ врознь; но большая-де часть намѣрена пробираться чрезъ Киргизскую степь къ рѣкѣ Яику, а тутъ перешедъ рѣку ниже Яицкаго городка, итти бы имъ за Волгу для овладѣнія тамошними мѣстами.

84) Впрочемъ хотя сей день и выслано было за городъ Яицкихъ казаковъ около 20 человѣкъ съ тѣмъ, чтобъ съѣхаться и говорить съ злодѣями, а буде возможно, тобъ ихъ и отхватить: но изъ нихъ никто не выѣзжалъ.—На 14 число въ ночи подъѣзжали къ городу злодѣи человѣкъ до 10-ти, и требовали, чтобъ для переговора съ ними высланы были къ нимъ Яицкіе казаки; но сего не учинено; а послѣ полудня выѣзжало ихъ изъ Берды человѣкъ до 100, изъ конхъ отважнѣйшіе, два или три человѣка, подъѣхавъ ближе къ городу и привязавъ на колъ мѣшечекъ, оставили; но привозѣ его въ городъ: оказались тутъ разныя распечатанныя письма изъ города и въ городъ, изъ разныхъ мѣстъ посыланныя. Оное злодѣи, какъ видно, въ знакъ сего учинили, дабы дать знать что отсель посланные и сюда ѣхавшіе курьеры или перехвачены или самосвоевольно у нихъ явились, да и слышно было, что для перехвата ихъ за Вязовскимъ редутомъ на рудникахъ поставлена у нихъ застава, гдѣ для присмотра такихъ ѣдущихъ съ депешами содержится у нихъ караулъ. Слышно было еще, что одинъ Оренбургскій казакъ, пріѣзжавшій изъ Илецкой Защиты съ провіантомъ, и вчера туда обратно съ другими отправленный, бѣжалъ къ злодѣямъ, о коемъ извѣстно было, что онъ съ братьями своими по ихъ поступкамъ признаваемъ было за весьма худаго человѣка. Поутру примѣчено было нѣсколько злодѣевъ, ѣхавшихъ изъ Берды толпами къ Чернорѣченской крѣпости, а потомъ усмотрѣнъ по правую сторону Берды, близъ Маячной горы, новый у нихъ форпостъ, на коемъ во весь день стояло конныхъ людей человѣкъ до 100, а на самой высотѣ той горы поставленъ былъ караулъ человѣкъ до пяти; слышно было, что то сдѣлали они для предосторожности и для какого нибудь ожиданія; иные говорили, якобы видѣли нѣсколько шляховъ ихъ по дорогѣ къ Илецкой Защитѣ, и поутру будто бъ слышна была въ Бердской слободѣ пушечная и ружейная пальба.—16 числа ничего особливаго было не видно, кромѣ того, что на вышеозначенномъ новомъ злодѣйскомъ форпостѣ и сего-дня находилось человѣкъ до 70. По свидѣтельству жъ нарочно посланныхъ за рѣку Яикъ Яицкихъ казаковъ найденъ злодѣйскій слѣдъ прямо къ Илецкой Защитѣ, по коему-де шло ихъ человѣкъ до 400, или и болѣе, при чемъ имѣли они и сани, а потому и дознавались, яко бы везли они и пушки; но не поворотились ли они отошедъ за Сыртъ вправо къ Илецкому городку, или устремились на Илецкую Защиту,—сіе осталось въ неизвѣстности.—17 числа ничего невозможно было усмотрѣть за бывшею великою непогодью.—18 числа ничего особливаго кромѣ двухъ злодѣйскихъ форпостовъ, примѣчено не было. Изъ города выслано было за рѣку Яикъ казаковъ для осмотра воровскихъ шляховъ, которые, возвратясь, сказывали, что прежде усмотрѣнный въ Илецкую Защиту шляхъ назадъ еще не пришелъ.—19 числа ничего примѣчено не было, кромѣ сего, что новоучрежденный злодѣйскій на Маячной горѣ форпостъ сего-дня казался не столько многолюденъ, какъ прежде. Одинъ Яицкій казакъ, вчера за сѣномъ поѣхавшій, не возвратился, а потому и узнали, что онъ ушелъ къ злодѣямъ въ Берду.—20 числа поутру оказалось злодѣевъ немалое число ѣхавшихъ на Маячной горѣ, подъ которую они и спустились. Людство все ихъ было, по примѣчанію, тысячи полторы; но къ обѣду всѣ возвратились они въ

Берду. Послѣ полудня, часу во 2-мъ и въ 3-мъ еще они на ту жъ гору пошли; на казалось, что людство ихъ было болѣе, и многіе изъ нихъ, спустясь подъ гору, перешли чрезъ рѣку Яикъ и тамъ остановились, будто бы въ ожиданіи чего нибудь, тремя толпами противъ Маячной горы. Между тѣмъ со стороны Илецкой Защиты показалась чернь слѣдующихъ оттоль людей, кою признавали за людей, спущающихся съ тамошнихъ высотъ, но точно разсмотрѣть и узнать было не можно: сперва за дальностію, а потомъ за великимъ снѣгомъ и бураномъ. Злодѣи въ вышеозначенныхъ толпахъ за рѣкою Яикомъ стояли до самой темной ночи; послѣ сказывали, яко бы часу въ 8-мъ или 9-мъ вечера слышны были тамъ на степи три или четыре выстрѣла изъ пушекъ; но изъ города по симъ примѣченнымъ обстоятельствамъ никакой высылки и провѣдыванія учинено не было.—21 числа, за великимъ сего числа бывшимъ туманомъ, съ злодѣйской стороны ничего усмотрѣть было не можно; только слухъ пронесся въ городѣ, яко бы вчера за Яикъ выѣзжавшіе злодѣи ѣздили для встрѣчи посланныхъ въ Илецкую Защиту своихъ сообщниковъ, и будто бъ оные, бывши тамъ, тою Защитою подлинно овладѣли, а предводителемъ-де былъ у нихъ вышеупомянутый ссылочный Хлопуша.

85) Съ 22 по 27 число было спокойно, а того числа злодѣи въ немалой партіи подбѣгали къ городу, но не получа никакой удачи, пушечными съ вала выстрѣлами отражены и возвратились въ гнѣздо ихъ. Съ городовой стѣны выпалено въ нихъ изъ пушекъ съ ядрами 1, да съ картечами 1 зарядъ; а 28-го и 29 было спокойно.

Къ тѣмъ съ 22-го по 29 е число изъ приватныхъ записокъ въ прибавленіе принадлежитъ сіе, что 22 числа, поутру часу въ 6-мъ, слышны были въ Бердской слободѣ три выстрѣла пушечныхъ, изъ-за чего и признавали: не будетъ ли въ сей день отъ злодѣевъ двоекратное устремленіе къ городу, которое и было сперва поутру часу въ 10; людства ихъ было туть до 100; подъѣхавъ они къ тому мѣсту, гдѣ навозъ вывалиываютъ, остановились, и человѣка два-три поѣхавъ ближе къ городу, повѣсили на палкѣ мѣшечекъ съ письмами: тутъ были партикулярныя письма, всѣ распечатанныя, и нѣсколько пустыхъ распечатанныхъ пакетовъ, подписанныхъ рапортами и сообщеніями, знать въ томъ видѣ, дабы знали въ городѣ, что они имѣютъ способы всѣхъ отправленныхъ отсюда и сюда курьеровъ перехватывать. Между оными найдено еще злодѣйское письмо, наполненное самыхъ ругательныхъ и пьяныхъ выраженіи, съ угрозами Губернатору, ежели городъ въ ихъ руки не будетъ отданъ. Послѣ полудня часу во 2-мъ еще оказались они злодѣи, выѣзжающіе изъ-за Маячной горы къ кирпичнымъ сараямъ; было ихъ всѣхъ въ разныхъ небольшихъ толпахъ отъ 70 до 80 человѣкъ, изъ конхъ человѣкъ до 10-ти выѣзжали ближе къ городу, а потому для переговора съ ними и выслано было изъ перегулярныхъ людей человѣкъ до 20-ти: но какъ въ толпы ихъ съ вала отъ Водяныхъ воротъ сдѣлали выстрѣловъ до 50-ти, и одно ядро легло подъ самой толпой и снѣгъ сильно взбросило <нѣкоторые сказывали, что убито имъ одинъ или два, а другіе сіе отрицали>, то всѣ они и начали отдаляться, а потомъ, немного постоявъ на одномъ мѣстѣ, и отъѣхали въ Берду. Выѣхавшіе изъ города увѣряли, что при семъ случаѣ предводитель злодѣевъ Пугачевъ самъ былъ, и яко бы онъ вчерашняго числа съ малымъ людствомъ возвратился въ Берду. Ввечеру и ночью разъѣзжавшіе на той сторонѣ рѣки Яика Башкирцы и Татары, сообщники злодѣевъ, наѣхали на бывшихъ тамъ городскихъ рыболововъ, конхъ они хотѣли забрать и увести въ Берду; рыбаки, для спасенія своего, сказали имъ, что они сами давно желаютъ тамъ быть, и совѣтовали, чтобъ забрать еще неподалеку отъ нихъ находящихся рыбаковъ же. И какъ злодѣи за оными въ ночную темноту поѣхали, а при сихъ оставили одного ясачнаго Татарина, съ тѣмъ, чтобъ онъ гналъ ихъ въ Берду, ибо тѣ рыбаки старые и малолѣтные: то будучи они съ тѣмъ Татариномъ на дорогѣ и усмотря, что онъ, слѣзши съ лошади, за усталостію ея, шелъ пѣшкомъ и былъ только одинъ, то давъ ему ударъ пѣшнею и связавъ его, привели въ городъ съ имѣющеюся при немъ лошадью и отдали подъ караулъ въ Губернскую Канцелярію.—23-го чрезъ допросъ вышеозначеннаго ясачнаго Татарина увѣдомлено въ городѣ, что предводитель злодѣевъ Пугачевъ къ находящимся въ Бердѣ сообщникамъ его подлинно пріѣхалъ, но въ такомъ малолюдствѣ, что возвратилось съ нимъ не болѣе 10-ти человѣкъ; былъ-де онъ подъ Бузулуцкою крѣпостью, для воспрепятствованія походу слѣдующихъ къ Оренбургу командъ, отъ конхъ онъ при неоднократныхъ сраженіяхъ разбитъ, и имѣвшаяся при немъ артиллерія отнята, да и самъ онь яко бы едва спасся. Слухъ о завладѣніи Илецкой Защиты ходившими тутъ злодѣями, и что у нихъ предводителемъ тутъ былъ часто упомянутый ссылочный Хлопуша, какъ онымъ Татариномъ, такъ и отъ многихъ еще подтвержденъ: по завладѣніи-де сею Защитою, всѣмъ имъ злодѣямъ тамошніе ссылочные немало способствовали, оставили они злодѣи свой тамъ караулъ, офицеровъ-де тамошнихъ они побили, кромѣ одного <коего имени онъ Татаринъ не зналъ показать>, да и сего оставили они вжившѣ по просьбѣ тамошнихъ рабочихъ ссыльныхъ. Изъ поѣхавшихъ сего числа за сѣномъ слугъ нѣсколько человѣкъ позади Нѣжинскаго редута злодѣями захвачено и увезено.

86) На 24-е число въ ночи бѣжалъ въ злодѣйскій лагерь одинъ Яицкій казакъ, а поутру выбѣжалъ отъ злодѣевъ канонеръ, по прозванью Макаровъ, имѣвшій въ городѣ жену и дѣтей. Онъ командированъ былъ отсель съ Бригадиромъ Бѣловымъ, и по разбитіи его Бѣлова съ командою захваченъ злодѣями, и находился у нихъ всегда при пушкахъ. Чрезъ допросъ его извѣстно стало, что злодѣй Пугачевъ возвратился въ Берду въ предварившую Пятницу только въ 10 человѣкахъ; ходилъ онъ съ сообщниками своими тысячахъ въ трехъ и болѣе на встрѣчу слѣдующихъ въ Оренбургъ командъ, изъ конхъ съ одною, идущею сюда подъ командою Г. Генералъ-Маіора Мансурова, имѣлъ онъ сраженіе между Бузулуцкою и Тоцкою крѣпостями. Сія-де команда, имѣя немалое число военныхъ людей на лыжахъ, завела ихъ низкими мѣстами такъ, что они, зашедъ съ тылу злодѣевъ, и прочихъ, такъ ихъ притѣснили, что едва не всѣ они остались или побитыми или переловленными; самъ-де Пугачевъ спасся уходомъ, какъ выше значитъ, съ малолюдствомъ; о чемъ-де онъ Макаровъ извѣстенъ отъ тѣхъ прибывшихъ съ нимъ людей; третьяго же дня, то есть въ Субботу, выѣзжалъ онъ Пугачевъ съ сообщниками своими самъ для осмотра мѣстъ, гдѣ ему во время приступа къ городу сдѣлать свои батареи, и на-

мѢреніе-де полагалъ въ сегодняшнюю или въ завтрашнюю ночь, а конечно уже на сей недѣлѣ, всѣми нынѣ при немъ имѣющимися силами приступать къ городу; объ Илецкой Защитѣ подтвердилъ онъ Макаровъ почти все то жъ, что вчера пойманный Татаринъ въ допросѣ своемъ показалъ. Провіанта-де предводитель злодѣевъ Хлопуша ничего съ собою оттуда не привезъ; забралъ-де только тѣхъ людей, конхъ они въ своихъ злодѣйствахъ употреблять могутъ, а прочихъ всѣхъ, также и стариковъ, оставилъ онъ Хлопуша тамъ; но Пугачевъ якобы весьма злобился за то, для чего безъ вѣдома и безъ приказа его сіе мѣсто разорили, къ чему онъ никогда намѣренія не имѣлъ, почитая его нужнымъ государственнымъ дѣломъ. По имѣющимся-де у злодѣевъ извѣстіямъ, Генералъ-Маіоръ Фрейманъ якобы и понынѣ находится еще въ Бугульмѣ для прикрытія тамошней стороны, а вышеозначенная-де по Сакмарѣ рѣкѣ слѣдующая команда, у коей командиромъ Генералъ-Маіоръ Мансуровъ, можетъ сюда прибыть не прежде, какъ развѣ на первой недѣлѣ поста; сообщники-де его Пугачева болѣе совѣтуютъ ему, чтобъ идти противъ оной команды еще, но онъ, не согласуясь, увѣряетъ ихъ, что она и безъ того въ руки ему достанется. Провіанта-де запаснаго ничего у нихъ нѣтъ, а довольствуются больше привозимымъ съ новой Московской дороги изъ уѣзда, который высылаютъ оттуда нарочно посланные туда злодѣи, а для вольной продажи, по причинѣ многихъ грабительствъ, весьма-де уже мало привозятъ. Пушекъ разныхъ калибровъ за утратою понынѣ еще имѣется у нихъ въ Бердѣ до 70-ти, но въ томъ числѣ не малая часть малыхъ и неспособныхъ, взятыхъ съ заводовъ; порохъ и ядра имѣютъ они забранные съ разныхъ заводовъ, и въ томъ онъ Макаровъ не признаетъ еще быть оскудѣнію. Способъ къ уходу своему нашелъ онъ чрезъ сіе, что выпросился яко бы для печенія хлѣбовъ въ Чернорѣчье, а оттуда и пробрался онъ сюда, идучи ночною порою, низменными мѣстами, но съ превеликимъ затрудненіемъ.

87) На 25 число въ ночи хотя и ожидали злодѣйскаго приступа къ городу, но онаго не было, да и чрезъ весь день со стороны ихъ ничего не примѣчено. Самый ихъ главный ертаулъ или форпостъ столь малолюденъ казался, что не болѣе трехъ или четырехъ человѣкъ при оном находилось.—26 числа со стороны злодѣевъ ничего жъ было не видно и не слышно, а 27 числа по резолюціи Г. Губернатора выпущены за городъ Байрекипскій торговый Татаринъ Антъ Усеевъ <провіантскій соляной подрядчикъ> съ сыномъ его Абсаломомъ и съ ихъ семействомъ, да бывшій переводчикъ Мансуръ, и еще разные Татары, всѣхъ на все до 40 человѣкъ, по ихъ прошеніямъ, чтобъ имъ какъ нибудь пробраться въ ихъ жительства чрезъ Бердскую слободу; они подъ оною слободою встрѣчены были злодѣями, конхъ примѣчено было человѣкъ до 30-ти, кои, окружа ихъ, спустились съ ними съ той слободы; трое изъ оныхъ злодѣевъ, поѣхавъ ближе къ городу, кричали, чтобъ выслать къ нимъ изъ города торговыхъ людей больше: они-де намъ надобны, угрожая приступомъ къ городу, а притомъ ругаясь, кричали, что-де городскихъ мы вашихъ капкановъ <о конхъ выше сего упомянуто> не боимся: они-де намъ вредить не могутъ, сколько бъ ихъ разставлено ни было. Часу въ 9-мъ послѣ полудня ушли съ вала къ злодѣямъ одинъ солдатъ, да Татаринъ, почему и выпалено было съ вала раза три изъ пушекъ, а чрезъ то въ городѣ многіе были потревожены; въ 12 часу послѣ полудня якобы примѣчены были позадь Чернорѣчья ракеты, по догадкамъ признавали оныя пущенными отъ слѣдующихъ къ Оренбургу командъ, что якобы и вчерашняго числа ночью примѣчено. 28 числа послѣ полудня выѣзжало злодѣевъ на степь человѣкъ до 20-ти, изъ конхъ двое, приближась нѣсколько къ городу, повѣсили на палкѣ мѣшечекъ, въ которомъ, сказывали, что положены были письма; они потомъ хотя и взяты были въ городъ, но содержаніе ихъ было неизвѣстно. А чтобъ злодѣи пустыми и возмущающими народъ угрозами близко къ городу не подъѣзжали, для того выпалено по нихъ изъ двухъ пушекъ, почему всѣ они назадъ и отворотили. Послѣ полудня выбѣжалъ отъ злодѣевъ Оренбургскій казакъ Жмуркинъ, захваченный ими въ Илецкой Защитѣ, гдѣ соль добываютъ, который сего жъ вечера въ Губернаторской Канцеляріи и допрашиванъ. Часу въ 10-мъ вечера позади Чернорѣчья якобы еще примѣчено было пущенныхъ ракетъ до 50-ти, а притомъ говорили еще, что злодѣи, усмотря ракеты, пущенныя сей ночи въ городѣ, и у себя въ Бердѣ бросали головни, въ томъ видѣ, чтобъ оныя почтены были за ихъ ракеты.

Часть VII.—*Продолженіе Оренбургской осады, бывшія на злодѣевъ изъ города вылазки, приступы самозванца Пугачева и сообщниковъ его къ Оренбургу и другія приключенія, Марта съ 1 Апрѣля по 7 число 1774 года.*

NB. Понеже экстрактъ или журналъ Губернаторской Канцеляріи чрезъ весь сей Мартъ весьма уже кратко сочиненъ и состоитъ только въ трехъ листахъ, того ради разсудилъ я весь оный внесть здѣсь напереди, не раздѣляя показанныхъ въ немъ чиселъ, внесеніемъ подъ оныя дополненія изъ приватныхъ записокъ и извѣстій, какъ то выше сего чинено; а подъ тѣмъ внесены будутъ сряду и оныя записки, продолженныя по 6 число Апрѣля, которымъ Оренбургское осадное время кончилось.

88) 1 числа Марта злодѣи въ близость города противъ пушечнаго двора въ нѣкоторомъ количествѣ для переговорки подъѣзжали, но учиненными съ городовой стѣны выстрѣлами изъ пушекъ прогнаны.—Со 2-го и по 7 число было спокойно; только между тѣмъ по полученному отъ Г. Полковника Демарина рапорту о медлительномъ доставленіи въ Озерную крѣпость Г. Генералъ-Маіоромъ Станиславскимъ для отправленія въ городъ Оренбургъ провіанта, предложено къ помянутому Генералъ-Маіору и къ нему Демарину: первому, чтобъ онъ изъ того провіанта достальной, какъ возможно, старался отправить и тѣмъ здѣшнюю крайность уменьшить; а Демарину, чтобъ и онъ скорѣйшимъ того провіанта доставленіемъ содѣйствовалъ; при чемъ и къ Г. Генералъ-Поручику и Кавалеру Декалонгу, въ слѣдствіе прежнихъ неоднократныхъ о доставленіи сюда изъ Исетской провинціи провіанта ежели далѣе не можно, то хотя до Орской крѣпости сообщено. *)

*) Не только во все осадное время, но и чрезъ все сего года лѣтнее время съ сей стороны и отъ помянутыхъ Генераловъ, равно жъ и отъ Полковника Демарина, провіанта ничего въ привозѣ не было.

Съ 7-го по 23 числа Марта было спокойно, а послѣдняго числа, чрезъ выбѣжавшаго изъ злодѣйской толпы Яицкихъ казаковъ Сотника Логинова увѣдомленось, что корпусомъ войскъ Ея Императорскаго Величества, подъ предводительствомъ Г. Генералъ-Маіора Князя Голицына, на искорененіе сей злодѣйской толпы слѣдовавшимъ, самъ злодѣй, тысячахъ въ девяти, въ Татищевой крѣпости засѣвшій, разбитъ и только самъ-пятъ съ нимъ Логиновымъ нашелъ случай убѣжать въ гнѣздо свое, въ Бердскую слободу, стараясь притомъ, какъ сверхъ его Логинова, и выбѣжавшіе увѣряли, со всею своею кучею припять другія къ укрывательству свому мѣры; однако жъ, чрезъ высланную отъ Губернатора въ Берду, за неимѣніемъ конницы пѣхотную, человѣкахъ въ 600 команду будучи приведенъ въ крайнее замѣшательство, единственно съ вѣрными ему человѣками въ двухъ тысячахъ, забравъ лучшее имущество и десять пушекъ, бѣжалъ чрезъ называемый Общій Сыртъ, и шатается въ степи; а между тѣмъ объявленная здѣшняя команда, занявъ Бердскую слободу, тотчасъ получила оставшихся отъ него разнаго сорта, въ томъ числѣ и вновь на заводахъ имъ Пугачевымъ по своей модѣ налитыхъ, съ пятьдесятъ артиллерійскихъ орудій съ припасами, да нѣсколько провіанта, которымъ какъ и подвознымъ при корпусѣ гарнизонъ и гражданство возъимѣли нѣкоторое удовольствіе, да и плѣнниковъ разнаго званія людей, оставшихся отъ него злодѣя, къ той здѣшней командѣ пришло и явилось до 1000 человѣкъ; а на 24 число и отъ Г. Генералъ-Маіора и Кавалера Князя Голицына получено сообщеніе, что онъ съ ввѣреннымъ ему корпусомъ достигъ до Татищевой крѣпости и вышеописанное злодѣйской толпѣ пораженіе учинилъ, въ коей-де, по объявленію плѣнныхъ, было не менѣе девяти тысячь выбранныхъ и отчаянныхъ злодѣевъ, при чемъ-де ихъ побито до двухъ тысячь, да и въ плѣнъ взято 3000 человѣкъ, и 36 орудій въ добычу получено, только-де самъ злодѣй Пугачевъ могъ отъ того уйти, потому что кавалерія, за усталостію лошадей и отъ форсированнаго марша и глубокихъ снѣговъ, какъ и продолжительнаго сраженія, не могла сего бѣглеца достичь, хотя преслѣдованіе было 20 верстъ. Получа сіе увѣдомленіе, Губернаторъ тотчасъ не оставилъ для свѣдѣнія сообщить къ Гг. Генералъ-Поручику и Кавалеру Декалонгу и Генералъ-Маіору Станиславскому, да и къ Полковнику Демарину, равно и въ другія мѣста предложилъ, а притомъ, по требованію означеннаго Г. Генералъ-Маіора Князя Голицына, для примѣчанія и преграды пути его злодѣя, учреждены отъ Оренбурга до Рычковскаго хутора, близъ Татищевой крѣпости имѣющагося, и между Сентовой слободы, Берды и Сакмарскаго городка, далѣе жъ и по новой Московской дорогѣ до деревни Бекуловой, изъ казаковъ и Сентовскихъ Татаръ разъѣзды; сверхъ того о поимкѣ его злодѣя, съ обѣщаніемъ отъ его сіятельства Г. Генералъ-Фельдмаршала и Кавалера Графа Захара Григорьевича Чернышева, кто оное учинитъ, дачи въ награжденіе 10,000 рублей, во всѣхъ мѣстахъ публиковано, и хотя Губернаторъ, къ пресѣченію злодѣйскихъ предпріятій, вышеписанную преграду чрезъ разосланныхъ, сколько собраться могло, конныхъ нерегулярныхъ съ нѣсколькими пушками учредилъ, но, къ крайнему прискорбію, услышалъ чрезъ посланнаго отъ него къ Сентовой Татарской слободѣ къ привозу въ городъ провіанта нарочнаго Татарскаго Старшину, помянутый злодѣй со всею толпою, которая слѣдовала, шедши во всю ночь цѣликомъ, миновавъ новорасосланные никоты, пришли въ ту Сентову слободу, отъ которой видѣнъ былъ мѣстахъ въ трехъ пожаръ; слѣдовательно и заключается, что болѣе стремленіе сего злодѣя клонилось внутрь Башкиріи; а какъ, по неимѣнію конныхъ войскъ и по ослабленіи отъ продолжавшихся блокады и голода пѣхоты, поимку учинить былъ отсюда не въ состояніи, паипаче жъ, что и внутри было не безъ опасности, то реченному Г. Генералъ-Маіору и Кавалеру отъ 27 Марта сообщено и прошено, дабы благоволилъ онъ къ преслѣдованію того злодѣя поспѣшествованіемъ ввѣренныхъ ему войскъ не оставить; между чемъ помянутый злодѣй, не находя къ укрывательству своему прибѣжища и учиня въ Сентовой слободѣ Татарамъ разнаго рода злодѣйства и набравъ тотчасъ изъ окольныхъ мѣстъ въ толпу свою разнаго званія людей, то есть, Башкирцевъ, заводскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ и прочихъ тысячи съ четыре, засѣлъ было въ Сакмарскій казачій городокъ: однако въ ономъ поспѣшившимъ по вышеписанному сообщенію въ командѣ реченнаго Г. Генералъ-Маіора и Кавалера деташаментомъ *) атакованъ и совершенно разбитъ. Итакъ вся его измѣнническая толпа сколько захватомъ живыхъ, а не менѣе и побитіемъ, совсѣмъ истреблена: только самъ онъ злодѣй съ малымъ числомъ сообщниковъ его паки укрылся и бѣжалъ въ Башкирію, гдѣ однако жъ отправленными за нимъ легкими войсками преслѣдуется; а къ тому и пришедшіе въ раскаяніе Старшины къ поимкѣ его общимъ увѣщаніемъ побуждаются, и уповательно ими упущенъ не будетъ, а чрезъ то и прежнее народное спокойствіе и тишина совершенно возстановиться можетъ, въ разсужденіи которой Губернаторъ по должности своей всевозможно упражняется. И такъ теперь городъ Оренбургъ, по одержанной подъ предводительствомъ помянутаго Г. Генералъ-Маіора и Кавалера войскомъ надъ злодѣемъ совершенной побѣдѣ, отъ угрожаемой опасности и тѣсноты получилъ свободу, и граждане тѣмъ вящше обрадованы, что отъ шести-мѣсячнаго страданія въ пропитаніи, достигли вдругъ стараніемъ его Г. Генералъ-Маіора и Кавалера, хлѣбнаго, хотя не изобильно, но нѣкотораго удовольствія, а гарнизонъ полнаго трактамента. Сіе есть все то, что въ журналѣ Губернаторской Канцеляріи внесено; здѣсь въ дополненіе его вносятся безпрерывно уже приватныя записки и извѣстія, по самое окончаніе оныхъ, слѣдовательно и Оренбургской осады.

89) На 1 число Марта съ вечера слышны были въ злодѣйскомъ лагерѣ три или четыре выстрѣла пушечныхъ. Изъ допроса вышеозначеннаго казака Жмуркина слышно было слѣдующее: злодѣи въ Плецкой Защитѣ приступъ сдѣлали на разсвѣтѣ дня; во время утреня подошли они съ той стороны, гдѣ добываніе соли происходитъ, овладѣвъ всѣми дворами, въ которыхъ живутъ

*) Ниже сего изъ приватныхъ записокъ и извѣстій, обстоятельнѣе жъ изъ прибавленія къ сему описанію, учиненнаго изъ журнала его сіятельства Г. Генералъ-Маіора и Кавалера Князя Петра Михайловича Голицына, явствуетъ, что при семъ послѣднемъ пораженіи злодѣя Пугачева былъ самъ его сіятельство, также и Г. Генералъ-Маіоръ Фрейманъ, и проч.

своекоштные, кои подошли почти къ самому оплоту той Защиты, отъ котораго они въ Защиту, изъ имѣвшихся при нихъ пушекъ и ружей стрѣлять стали. Находившаяся тамъ регулярная и перегулярная команда, хотя нѣсколько и стала было обороняться, по превосходному злодѣевъ людству долго противиться не могла, а особливо когда содержавшіеся въ командахъ скованые ссылочные выводились, командовавшій-де тамъ Капитанъ Врачевъ скоро былъ ранепъ въ ногу и отлучился въ квартиру, а злодѣи, сообщась съ тѣми ссылочными и ворвавшись въ Защиту, овладѣли всѣмъ; помянутаго Капитана Врачева и бывшаго въ командѣ его Подпоручика убили до смерти, а находившагося съ стороны Соляпаго Правленія при добываніи соли Капитана Ядринцова, хотя-де и намѣрены они были повѣсить, но тамошніе своекоштные предводителя ихъ ссылочнаго Хлопушу упросили, а особливо уговорили его къ тому жена и сынъ онаго Хлопуши, давно уже въ той Защитѣ жившіе, оставить его живымъ, почему онъ и не умерщвленъ, а потомъ остригши ему Ядринцову волосы по казацки, велѣлъ-де онъ Хлопуша быть ему тамъ Атаманомъ или Сотникомъ. Хлѣбъ, имѣвшійся въ тамошнихъ магазинахъ, роздали они весь ссылочнымъ, а часть якобы взяли изъ него и съ собою. Тамошнюю регулярную команду, коей было не болѣе 70-ти да казаковъ около 120 человѣкъ, забрали они злодѣи и привели въ Берду, а изъ ссыльныхъ взяли однихъ тѣхъ, кои моложе, крѣпче и намѣреніямъ ихъ надобны, престарѣлыхъ же и дряхлыхъ всѣхъ оставили тамъ; изъ пушекъ увезли три или четыре, да пороху около 20 пудъ. Всѣхъ злодѣевъ въ пріѣздѣ туда было отъ 6-ти до 7-ми сотъ человѣкъ. По допросу того жъ казака Жмуркина, слышно было, якобы предводитель злодѣевъ намѣреніе свое приступить къ городу отмѣнилъ, а вмѣсто того положилъ отправить изъ находящихся при немъ людей разныя партіи противъ идущихъ къ Оренбургу войскъ; да и примѣчено было, якобы двѣ злодѣйскія толпы пошли къ Чернорѣчью, каждая людствомъ сотъ по пяти человѣкъ; впрочемъ неизвѣстно, по какому сумнительству или подозрѣнію оный казакъ Жмуркинъ не освобожденъ и въ домъ его не отпущенъ, но удержанъ былъ при Губернской Канцеляріи подъ карауломъ.

90) 2-го числа вышли отъ злодѣевъ одинъ сержантъ Бирскаго баталіона, оставшійся послѣ Полковника и Коменданта Чернышева, да двое гарнизонныхъ солдатъ, въ томъ числѣ одинъ захваченный при послѣдней изъ города высылкѣ; отъ нихъ слышно было, что предводитель злодѣевъ отправилъ немалый обозъ на низъ съ разными своими и сообщниковъ своихъ пожитками, а куда, не знаютъ, а вчера-де послѣ полудня прибыло къ нимъ изъ Яицкаго городка тамошнихъ казаковъ и Калмыковъ съ ихъ женами и съ дѣтьми около тысячи человѣкъ, якобы для того больше, что, за непривозомъ туда хлѣба, не стало у нихъ провіанта. Всѣ они шли по за-Яицкой степи и рѣку-де Яикъ перешли близъ Чернорѣчья. Еще сказывали они, якобы и въ Бердскую слободу подвоза хлѣбнаго нынѣ нѣтъ. Часу во второмъ по полудни выѣзжало злодѣевъ около ста человѣкъ на Маячную гору, гдѣ постоявъ они не долго, возвратились опять въ Берду; сего жъ числа послѣ полудня выпущено за городъ для сбереженія хлѣба восемь человѣкъ Касимовскихъ и другихъ Татаръ; сказывали, что послано съ ними къ злодѣямъ отъ Г. Губернатора увѣщательное письмо. Еще носился слухъ, будто бъ трое или четверо Яицкихъ казаковъ, ходя по валу, считали разставленныя около города пушки: почему, какъ подозрительные, отданы они подъ караулъ.—3 числа ничего особливаго примѣчено не было, и злодѣевъ, кромѣ малаго числа, на ихъ ертаулѣ было не видно: только увѣряли за подлинно, что предводитель злодѣевъ Пугачевъ, будучи въ Яицкомъ городкѣ, женился на одной дѣвкѣ, дочери тамошняго казака и кузнеца, называемой Устиньей Петровой, которую знающіе люди почитали за великую тамошнюю волокиту *), и для сего-де у всѣхъ его сообщниковъ великая была тамъ понойка съ пушечною пальбою, а то жъ дѣлали и здѣшніе злодѣи по полученіи объ ономъ вѣдомости. Еще говорили, якобы въ прошедшую ночь слышно было въ Бердской слободѣ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, будто бы видны были за Чернорѣченскую крѣпость пушечные ракеты; въ соотвѣтствованіе чего здѣсь въ городѣ пущено было ихъ 6 ракетъ.—4 числа поутру видно было ѣдущихъ къ городу отъ Бердской слободы человѣкъ до пятидесяти; но они, не подъѣзжая близко къ городу, постоявъ на стени немного, возвратились назадъ. Еще сказывали, якобы три злодѣйскія толпы видѣли ѣдущихъ одна къ Чернорѣчью, а другая къ Губернаторскому хутору и на тамошніе Сырты, а третья будто бы шла къ Сакмарску чрезъ Сыртъ и пробиралась къ Красногорской крѣпости; да и была молва въ городѣ, что предводитель злодѣевъ изъ Берды отлучился къ Яицкому городку, или навстрѣчу слѣдующихъ къ Оренбургу командъ, а напередъ-де себя отправилъ онъ свой багажъ въ помянутый городокъ. Въ 9-мъ часу вечера пущено было 4 ракеты, а потомъ во 2-мъ часу по полуночи яко бы примѣчены были и позади Чернорѣчья четыре жъ ракеты.

91) 5 числа ничего особливаго не примѣчено, кромѣ сего, что одна толпа злодѣевъ, въ двухъ или трехъ стахъ человѣкахъ, во 2 часу по полудни, шла по той сторонѣ Сакмары рѣки къ Каргалинской слободѣ,—догадывались, не были ль то Башкирды, пошедшіе отъ злодѣевъ въ свои домы; о предводителѣ злодѣевъ подтверждали и сегодня, что онъ изъ Берды отлучился, да и ертаулъ тамошній поутру только въ трехъ или въ четырехъ человѣкахъ казался.—6 числа поутру выѣзжало злодѣевъ на Маячную гору человѣкъ около ста; но всѣ они, постоявъ тутъ немного, возвратились назадъ къ Бердѣ.—7-го числа поутру и до полудня, за бывшею непогодью, ничего усмотрѣно не было; а послѣ полудня въ 4-мъ часу пришли на лыжахъ изъ Верхней-Озерной крѣпости 4 казака; по пріѣздѣ ихъ увѣдомленось, къ великому обрадованію городскихъ жителей, что прибыло уже въ ту крѣпость изъ Орской крѣпости два обоза, за провожаніемъ легкихъ командъ, и еще обозъ оттуда ожидается, и какъ придетъ и непогодь позатихнетъ, то станутъ оттуда отправлять провіантъ и

*) Сія самозванца Пугачева женитьба изъ-за живой жены, на которой онъ женился еще до побѣга своего съ Дону, которая понынѣ жива и находится съ прижитымъ отъ него Пугачева сыномъ, для облегченія его, въ Казани.

въ Оренбургъ *).—8-го числа послѣ полудня, по причинѣ хлѣбнаго недостатка, выпущено за городъ Татаръ и разныхъ рабочихъ людей 151 человѣкъ, кои всѣ пошли прямо къ Бердѣ; навстрѣчу имъ выѣхало злодѣевъ человѣкъ со 100, между ими жъ находился одинъ Оренбургскій казакъ, захваченный въ Илецкой Защитѣ. Сей, отдѣлясь отъ злодѣевъ, вознамѣрился бѣжать въ городъ, за которымъ погнался было одинъ злодѣй изъ Яицкихъ казаковъ, который почитался за наѣзднпка и былъ свойственный находящемуся въ городѣ Войсковому Старшинѣ Мартемьяну Бородину; но потому, что онъ былъ очень пьянъ, изъ города жъ выпущены были, въ числѣ вышеозначенныхъ людей, два Оренбургскіе казака, съ тѣмъ чтобъ имъ побывать у злодѣевъ въ Бердѣ, а оттуда выдти въ городъ съ надобными объ нихъ извѣстіями; которые, усмотря удобный случай къ поимкѣ онаго злодѣя, и соединясь съ тѣмъ бѣжавшимъ въ городъ Оренбургскимъ казакомъ, его поймали и привезли въ городъ; чрезъ сего выбѣжавшаго и того пойманаго злодѣя заподлинно увѣдомились, что начальника злодѣевъ въ Бердѣ нѣтъ, а уѣхалъ-де онъ на низъ. Но какъ опый Яицкій казакъ безмѣрно былъ пьянъ, то затѣмъ сего числа и не допрашиванъ.—9-го числа поутру вышло изъ злодѣйскаго лагеря 5 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ Оренбургскаго гарнизона капралъ Добрынинъ, бывшій въ командѣ Бригадира Билова; чрезъ нихъ и чрезъ допросы вышеозначенныхъ слышно стало въ городѣ, что начальникъ злодѣевъ, взявъ съ собою отборныхъ людей около 2000 человѣкъ и 10 лучшихъ артиллерійскихъ орудій, изъ Берды уѣхалъ, а куда, о томъ точно не знаютъ; нѣкоторые-де признаютъ, что онъ пошелъ на встрѣчу слѣдующимъ къ Оренбургу войскамъ; другіе думаютъ, что пошелъ въ Илецкій городокъ, куда-де онъ всѣ свои пожитки напередъ послалъ; а иные еще мнили, яко бы онъ совсѣмъ на утекъ пошелъ, а куда, неизвѣстно. Предъ отбытіемъ-де своимъ, въ почное время, приказалъ онъ задавить изъ главныхъ и войсковыхъ своихъ начальниковъ Полковника Лысова, который его злодѣй при раздѣлѣ добычи, помянутый Лысовъ тотъ самый, который при немъ и безъ него всѣ воинскіе наряды и распоряженія дѣлалъ, да и въ войскѣ Яицкомъ былъ онъ не безъ знати, затѣмъ-де днемъ и публично умертвить опъ его не отважился **); между всѣми-де въ Бердѣ находящимися злодѣями, яко бы началось и происходитъ несогласіе; часто случаются смертоубійства, а суда и расправы за то никакой нѣтъ. Послѣ полудня, часу въ 3-мъ, выбѣжалъ еще отъ злодѣевъ Оренбургскій казакъ, прозваніемъ Пермяковъ; опъ посланъ былъ отъ Г. Губернатора въ Верхнюю-Озерную крѣпость съ письмами, и захваченъ былъ злодѣями назадъ тому недѣль шесть, сказывалъ, что съ нимъ сегодня послѣ обѣда бѣжало-было еще пять человѣкъ, по опыхъ, нагнавъ, злодѣи возвратили назадъ, а онъ имѣвъ подъ собою лошадь по-лучше, уѣхалъ впередъ и спасся отъ ихъ погони; болѣе ничего невозможно было увидѣть, потому что допросы выбѣгающихъ отъ злодѣевъ, пойманныхъ, со вчерашняго дня начали производить, и опыхъ людей содержатъ въ Губернаторскомъ домѣ, а не въ Губерпской Канцеляріи *).—10-го числа, кромѣ малолюднаго злодѣйскаго ертаула, подъ Бердою ничего примѣчено не было; чрезъ вышеозначенныхъ же выходцевъ и пойманнаго злодѣя пронесся чудный слухъ, якобы въ помянутой слободѣ, при которой въ буеракахъ находится великое множество мертвыхъ тѣлъ, побитыхъ и удавленныхъ злодѣемъ, оказываются частыя привидѣнія, и тревожатъ ихъ обличеніемъ о своей невинности и о ихъ варварствахъ, да и требуютъ погребенія тѣлъ своихъ въ землю; а затѣмъ-де злодѣи въ почное время и за водою на рѣку Сакмару не только по одиночкѣ, но и малолюдно уже не ходятъ, да и во спахъ-де опымъ злодѣямъ съ такими представленіями кажутся. Однажды, якобы, такъ они въ почное время чрезъ то встревожились, что возмечтавъ, будто наступаютъ на нихъ военные люди, стрѣляли изъ пушекъ. Ежели сіе справедливо, то безъ сомнѣнія происходило въ нихъ отъ воображенія, въ разсужденіи многихъ ихъ злодѣйствъ, чему движеніе ихъ совѣсти и всегдашнее пьянство наибольшею могло быть причиною. — 11-го числа до полудня ничего особливаго не примѣчено, а послѣ полудня нѣсколько злодѣевъ пріѣхало въ разныхъ толпахъ отъ Чернорѣченскоп крѣпости въ Бердскую слободу; но всѣхъ ихъ признавали не болѣе трехъ или четырехъ сотъ человѣкъ; притомъ сказывали, яко бы еще и вчера такія жъ толны и оттуда жъ ѣдущія были видны; догадывались, не послѣ ль сраженія съ идущими къ городу командами опыя толпы возвращались назадъ, или то были Башкирцы, возвращающіеся въ домы свои.

92) 12-го числа ничего было не видно, кромѣ сего, что со стороны Чернорѣченской крѣпости и сегодня отъ 50-ти до 60 человѣкъ примѣчены ѣдущіе въ Берду.—13-го числа то только слышно было, что выѣзжало злодѣевъ на Маячную гору отъ 10 до 15 человѣкъ, и тутъ постоявъ немного, возвратились назадъ въ Бердскую слободу.—14-го числа, за бывшимъ снѣгомъ, видѣть ничего было не можно. На 15-е число въ почи вышли отъ злодѣевъ одинъ Артиллерійскій капралъ да капонеръ, захваченные къ нимъ въ командѣ покой-

*) Но оттуда и ни откуда съ сей стороны, кромѣ одной Илецкой Защиты, съ тѣмъ выше сего упомянуто, не только провіантскихъ обозовъ, но и ни малаго числа хлѣбнаго привоза не было.

**) О семъ Лысовѣ сказывали еще, яко бы онъ и Пугачевъ ѣхали изъ Каргалинскей слободы пьяные самъ-третей, и тутъ разбранясь, другъ друга ругали, изъ-за чего Лысовъ, поотставъ и наскакавъ, ударилъ Пугачева копьемъ въ спину, и хотя-де онъ сшибъ его съ лошади, но поранить-де его не могъ, затѣмъ что онъ былъ въ панцырѣ; потомъ Пугачевъ притворно съ нимъ помирился, вмѣстѣ еще пили, а ночью яко бы и приказалъ онъ его удавить.

*) Былъ въ сей день письменный приказъ отъ Г. Губернатора, для опубликованія въ городѣ, что корыстолюбные лихоимцы, имѣя у себя хлѣбъ и не взирая на великую народную нужду, продаютъ печенаго хлѣба одинъ фунтъ по 30 и по 40 коп. <что четверть муки уже выше ста рублей сочиняется>, съ паикрѣпчайшими увѣщаніями и подтвержденіями, дабы оные корыстолюбцы отъ столь безсовѣстныхъ продажъ воздержались, и продавали бъ хлѣбъ цѣною умѣренною; при такой чрезвычайной дороговизнѣ на хлѣбъ въ поспорьѣ онаго промышленъ былъ способъ отъ одного находящагося въ Оренбургѣ Вольнаго Экономическаго [Общества] члена, какъ употреблять въ пищу, то есть въ печенье и варенье говяжьи и бараньи кожи, да и довелъ онъ до того, что на базарахъ сію новую пищу продавать стали противъ хлѣба гораздо меньшею цѣною; о которомъ способѣ здѣсь для того не распространяется, что опъ по представленію того члена напечатанъ уже въ изданіи помянутаго Общества.

наго Бригадира Билова, да 4 человѣка изъ дворовыхъ людей; чрезъ нихъ слышно стало въ городѣ; якобы предводитель злодѣевъ имѣлъ двоекратное сраженіе съ идущими къ Оренбургу передовыми командами, разбитъ, и пошелъ-было па утекъ къ Илецкому городку, съ намѣреніемъ пробраться оттуда на Яикъ, но на переходѣ-де его отправлена одна команда изъ Ново-Сергіевской крѣпости прямою дорогою къ тому городку, которая его въ ономъ атаковала, и держитъ тутъ въ осадѣ до прибытія другой команды, туда жъ слѣдующей изъ Яицкаго городка, а передовыя-де войска вступили якобы уже въ Татищеву, въ Нижнюю Озерную и въ Разсыпную крѣпости, и такъ оный злодѣй со всѣхъ сторонъ сталъ окруженъ; отсюда изъ Берды хотя-де онъ и требовалъ въ подмогу артиллеріи, но опая-де къ нему не послана, затѣмъ, что дорога уже заперта и проѣхать не можно; въ лагерѣ-де злодѣйскомъ, то есть въ Бердѣ, въ пропитаніи всѣ люди претерпѣваютъ крайнюю уже нужду, и подвозу хлѣбнаго ни откуда нѣтъ. Предъ полуднемъ видно было идущихъ изъ Бердской къ Каргалинской слободѣ человѣкъ до 500; признавали ихъ за Башкирцевъ, пошедшихъ въ Башкирію, въ свои домы. На Маячной горѣ появилось злодѣевъ человѣкъ отъ 10-ти до 15-ти, съ одною значкою, которые немного постоявъ тутъ и выпаля нѣсколько изъ ружей, уѣхали въ Берду. Догадывались, что они выѣзжали для какого нибудь присмотра; еще сказывали, что въ Бердской слободѣ слышно было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ: признавали, что то чинено злодѣями по причинѣ великаго имѣющагося у нихъ пьянства.—16-го числа, передъ утромъ, выѣхалъ изъ злодѣйскихъ рукъ Московскаго легіона Корнетъ Пустоваловъ; онъ и еще два офицера отпущены были изъ онаго легіона, по ихъ прошенію, въ домы ихъ, и ѣдучи изъ Симбирска къ Кичуйскому фельдъшанцу, близъ онаго перехвачены въ Берду 1-го числа Января; предводитель злодѣевъ сперва велѣлъ было ихъ умертвить, но отведенъ отъ того его сообщниками, и такъ-де онъ приказалъ ихъ остричь, сказавъ, чтобъ они служили ему вѣрою и правдою; товарищи-де его находятся въ Пречистенской крѣпости въ вѣдомствѣ Поручика Шванвича, который опредѣленъ тамъ отъ злодѣя атаманомъ, а онъ Пустоваловъ находился въ Бердѣ, и на сихъ дняхъ посланъ былъ въ Чернорѣченскую крѣпость для печенія хлѣбовъ, которые испекши тамъ, умыслилъ съ имѣвшимися при немъ двумя солдатами и однимъ слугою уѣхать въ Оренбургъ, да и пріѣхали къ городу на двухъ лошадяхъ съ тѣмъ хлѣбомъ, который они, будучи въ Бердѣ, заготовили. Поутру вышли еще оттуда казачій капралъ, захваченный злодѣями въ Илецкой Защитѣ самъ-третій; были они тамъ для печенія жъ хлѣбовъ, которые съ собою жъ на салазкахъ и привезли; чрезъ нихъ подтвердилось вчерашнее о Пугачевѣ извѣстіе, что его въ Бердѣ подлинно нѣтъ, и что онъ, по разбитіи его отъ слѣдующихъ къ Оренбургу командъ, ушелъ къ Илецкому городку и тамъ атакованъ. Въ Бердской слободѣ главными имѣются Яицкіи казакъ Шигаевъ, вышеупомянутый ссылочный Хлопуша, Оренбургскихъ казаковъ Сотникъ Подуровъ, который у злодѣевъ произведенъ Полковникомъ, да Оренбургскихъ же казаковъ недавно бѣжавшій туда изъ послѣдней въ Илецкую Защиту посылки казакъ Семьяновъ, великій воръ и конокрадъ; они, получа вѣдомость о приближеніи войскъ <которыя-де сегодня или завтра заступятъ въ Татищеву крѣпость>, послали отъ себя въ Чернорѣченскую крѣпость, чтобъ тамошніе ихъ сообщники всѣ пріѣзжали къ нимъ, да и видно было сего числа, что оттуда въ Берду немалые обозы шли; вчерашняя-де пушечная пальба, слышанная въ Бердѣ, была у злодѣевъ для пробы полученныхъ ими съ завода новыхъ пушекъ, и хотя-де у нихъ пушекъ еще не мало, но пороху и снарядовъ не довольно; приближеніе войскъ слыша, хотя они и боятся и намѣрены сопротивляться до послѣдней своей погибели, но между тѣмъ-де, имѣя у себя много вина, находятся они во всегдашнемъ и безмѣрномъ пьянствѣ. Сего жъ числа на базарѣ начали продавать печеный хлѣбъ въ 25 и 20 коп. фунтъ, а прежде, какъ выше подъ 9-мъ числомъ сего мѣсяца изъ приказа Г. Губернатора значитъ, продавали его отъ 30 до 40 коп. фунтъ *).

17-го числа, за великою непогодью, ничего видѣть и слышать было неможно; а ввечеру выбѣжали отъ злодѣевъ два человѣка Оренбургскихъ казаковъ, но что они показывали, того узнать было не можно; сіе только слышно было, что они изъ тѣхъ четырехъ человѣкъ, которые посыланы были отъ Г. Губернатора для провѣдыванія слѣдующихъ къ Оренбургу войскъ, и перехвачены были злодѣями подъ Бузулуцкою крѣпостью, не дошедши до оныхъ войскъ верстъ за 10.—18-го числа поутру вышло изъ злодѣйскаго лагеря три человѣка солдатъ, одинъ губернской Тобольской роты, другой здѣшняго и третій Верхоянцкаго баталіоновъ: отъ нихъ и отъ вчерашнихъ выходцевъ подтверждено, якобы передовыя слѣдующія сюда войска приближаются, или уже и вступили въ Татищеву крѣпость **).—19-го числа поутру выѣзжало злодѣевъ изъ Берды человѣкъ съ 15, изъ коихъ одинъ, подъѣхавъ ближе ко городу и повѣся на палочкѣ мѣшечекъ, возвратился къ своимъ товарищамъ, а потомъ и всѣ

*) Сія сбавка цѣны на продажный хлѣбъ не отъ чего инаго произошла, какъ отъ сего, что торгующіе имъ корыстолюбцы и лихоимцы заподлинно уже узнали приближеніе войскъ, и что при оныхъ провіанта везутъ довольно, и до того начали стараться, чтобъ еще у нихъ имѣющійся запасный или паче утаенный хлѣбъ какъ можно скорѣе и съ лучшею для себя прибылью допродать, и что и нижеозначенными почти со дня на день уменьшавшимися цѣнами доказывается, и 24 числа сего Марта въ 3 коп. фунтъ уже продавали, хотя еще и никакого хлѣбнаго привоза въ городъ не было.

**) Сіе подтверждалъ и вышеозначенный Корнетъ Пустоваловъ; между прочаго сказывалъ онъ: въ Бердской слободѣ повседневно бываетъ заутреня, обѣдня и вечерня, и отправляютъ-де оную службу три находящіеся тутъ священника; на выносѣ и эктеніяхъ, вмѣсто Ея Величества Государыни Императрицы, упоминаютъ-де они имя покойнаго Императора Петра III, а потомъ Наслѣдника его, Государя Цесаревича Павла Петровича; предводитель-де злодѣевъ хотя и желалъ, дабы вышеозначенная жена его, Устинья Петрова дочь, упоминаема была, но священники-де отреклись, сказавъ ему, что они того безъ указа Синодскаго исполнять не могутъ, а потому-де онъ ихъ и не принуждалъ; самъ онъ въ церковь никогда не ходитъ; лице имѣетъ онъ смуглое, но чистое, глаза острые и взоръ страховитый; борода и волосы на головѣ черные; ростъ его средній или и меньше; въ плечахъ хотя и широкъ, но въ поясницѣ очень тонокъ; когда случается онъ въ Бердѣ, то все распоряжаетъ самъ и за всѣмъ смотритъ не только днемъ, но и по ночамъ; съ сообщниками своими, которыхъ онъ любитъ, нерѣдко вмѣстѣ обѣдаетъ и напивается до-

они назадъ уѣхали. Признавали, что въ ономъ мѣшечкѣ положены были какія-нибудь письма, но о содержаніи ничего было не слышно *). Послѣ полудня часу въ 3-мъ выбѣжали изъ Берды сержантъ Симбирской губернской роты, сержантъ Симбирскаго баталіона и одинъ солдатъ; опыхъ, не вѣдая ихъ, ничего и ни съ кѣмъ говорить, отвели прямо въ Губернаторскій домъ для допросовъ; однако жъ пропесся слухъ въ городѣ, якобы предводитель злодѣевъ, по вторичномъ разбитіи слѣдующими въ Оренбургъ командами, только въ семи или осьми человѣкахъ вчера возвратился въ Берду, и бывшая-де при ономъ артиллерія вся у него отбита, а оныя-де команды всѣ и со всѣхъ сторонъ приближаются къ Оренбургу.—20-го числа поутру усмотрѣны были три ертаула злодѣйскіе, одинъ обыкновенный при Бердской слободѣ на Сырту, другой на Маячной горѣ, а третій за Сакмарою рѣкою на Сыртахъ, и слышны якобы были въ помянутой слободѣ три пушечные выстрѣла, а за тѣмъ въ 10-мъ часу поутру пошли великія толпы и обозы злодѣйскіе къ Чернорѣченской и далѣе за опую крѣпость; догадывались, что предводитель злодѣевъ съ лучшими своими сообщниками пошелъ еще навстрѣчу идущимъ къ Оренбургу командамъ, или уже и вовсе на утекъ.—21-го числа, для узнанія о числѣ оставшихся въ Бердѣ злодѣевъ, была изъ города высылка Яицкихъ и Оренбургскихъ казаковъ и Калмыковъ: всѣхъ ихъ было до 600 человѣкъ пѣшихъ, и при нихъ семь пушекъ, которыя везены были на саняхъ пѣшими жъ людьми. Сія высылка выступила изъ города часу въ 10-мъ поутру, и отошедъ версты съ полторы, остановилась; злодѣи долго не оказывались, а наконецъ, вышло ихъ изъ Берды около 2000 человѣкъ на то мѣсто, гдѣ у нихъ обыкновенный ертаулъ; но какъ имѣвшіеся при городской командѣ лыжники, человѣкъ около 20-ти пошли къ нимъ и пѣшіе всѣ по немногу туда жъ стали подвигаться, то всѣ злодѣи спустились назадъ къ Бердѣ, а потому и городскіе возвратились назадъ.—22-го числа ничего особливаго не происходило; носился только слухъ, якобы вчерашняго числа послѣ полудня бывшими на рыболовствѣ людьми слышна была около Татищевой крѣпости пушечная пальба и будто бъ около полуночи видѣли въ той сторонѣ пущенную ракету, чему въ соотвѣтствованіе и въ городѣ три ракеты пущены. Еще пронесся слухъ, якобы сего числа вышелъ отъ злодѣевъ одинъ казакъ: но подлинно про то узнать было не можно.

93) 23-го числа, сей воскресный день, изъ всѣхъ бывшихъ во время злодѣйской осады знаменитѣе и благополучнѣе былъ слѣдующимъ происшествіемъ: поутру изъ Берды проѣхалъ находившійся межъ злодѣями бывшаго Яицкаго войска Старшины сынъ, Сотникъ Логиновъ, съ 4 Яицкими жъ казаками, пребывающій всегда при Г. Губернаторѣ и употребляемый имъ при разныхъ его распоряженіяхъ Оренбургскій купецъ Гаврила Крестовниковъ сказывалъ, что онъ Логиновъ присланъ отъ находящагося у предводителя злодѣевъ первымъ нынѣ начальникомъ, Старшины Шигаева, съ тѣмъ увѣдомленіемъ, что Пугачевъ, по разбитіи его Генераломъ Княземъ Голицынымъ, вчера ввечеру только самъ-четвертъ пріѣхалъ въ Берду, и сей день объявилъ еще походъ, а потому и стали-де уже всѣ сообщники его убираться на воза, а онъ Шигаевъ согласился уже съ нѣкоторыми людьми, чтобъ, между тѣмъ, связавъ его Пугачева, привести въ городъ, и для того бъ такъ скоро, какъ онъ Логиновъ пріѣдетъ въ городъ, потомъ донесетъ, дать бы къ нимъ въ Берду сигналъ тремя пушечными выстрѣлами, не мѣшкавъ; почему онъ къ тому своему намѣренію и приступитъ; сей сигналъ, по пріѣздѣ онаго Логинова въ городъ, не прежде, какъ часа чрезъ два, и учиненъ, а съ той поры и начался выходъ находившихся тамъ людей великими толпами на лошадяхъ верхами, на саняхъ и на дровняхъ, съ разнымъ ихъ имуществомъ, а многіе везли съ собою хлѣбъ и сѣно, большая жъ часть шла оттуда пѣшіе, въ томъ числѣ были женщины и ребята, всѣхъ на все чрезъ весь день вышло оттуда до 800 человѣкъ. Для занятія оной слободы послѣ полудня командированъ былъ туда осьмой легкой полевой команды командиръ Секундъ-Маіоръ Зубовъ, съ нѣсколькимъ числомъ егереи, Яицкихъ и Оренбургскихъ казаковъ, которые въ ту слободу безъ всякаго сопротивленія и вступили; онъ нынѣшній день выслалъ оттуда пушекъ разныхъ калибровъ 18, съ припадлежащими къ нимъ пороховыми ящиками, въ томъ числѣ одинъ единорогъ и одинъ дробовикъ, да денегъ найденныхъ въ дворѣ Пугачева, семнадцать бочекъ мѣдною монетою, на перечетъ по объявленію помянутаго Зубова немного больше 1700 рублей; о предводителѣ жъ злодѣевъ носился слухъ, якобы онъ и ссылочный Хлопуша, котораго онъ назвалъ у себя Полковникомъ, были связаны въ томъ намѣреніи, чтобъ вести ихъ въ городъ, но сообщники-де его Яицкіе казаки и заводскіе крестьяне, будто бъ уснясь, обоихъ ихъ развязали, и онъ-де Пугачевъ, взявъ съ собою 10 самыхъ лучшихъ артилерійскихъ орудій, пошелъ на утекъ, имѣя при себѣ людей около 2000 человѣкъ; намѣреніе-де положилъ сперва идти на Общій Сыртъ, а потомъ горами пробраться бъ ему на Самару рѣку, а оттуда къ Волгѣ, или на Яикъ, однако жъ-де бывшаго Атамана Подполковника Бородина зять, находившійся въ рукахъ злодѣйскихъ, самъ-четвертъ поскакалъ о двухъ коняхъ къ находящимся въ Татищевой крѣпости Генераламъ, чтобъ ихъ объ уходѣ его Пугачева изъ Берды увѣдомить; о часто помянутомъ же ссылочномъ Хлопушѣ сказывали, яко бъ онъ, вмѣсто того, чтобъ съ предводителемъ злодѣевъ неразлучно итти, поворотилъ съ дороги на Каргалинскую слободу, гдѣ у него была жена и наворованные имъ въ разныхъ мѣстахъ пожитки, но тамошніе-де Татары, поймавъ и связавъ его, посадили подъ крѣпкій караулъ въ погребъ, и что съ нимъ учинить, о томъ требовали отъ Г. Губернатора повелѣнія; а потому и посланы туда сегодня жъ надежные люди, дабы его подъ крѣп-

---

ьяна, которые обще съ нимъ сидятъ въ шапкахъ, а иногда-де и въ рубахахъ и поютъ бурлацкія пѣсни безъ всякаго ему почтенія; но когда-де выходитъ онъ на базаръ, тогда снимаютъ шапки и ходятъ за нимъ безъ шапокъ, а онъ самъ, когда публично ходитъ, то почти всегда бросаетъ въ народъ мѣдныя деньги.

*) Вчерашняго числа ввечеру былъ отъ Г. Губернатора письменный приказъ, чтобъ выбѣгающихъ отъ злодѣевъ, кто бъ какого званія ни былъ, не только обстоятельно, но и объ именахъ ихъ не спрашивать, и тотъ самый часъ, какъ они выдутъ отъ воровъ скрытнымъ образомъ, для надежащихъ допросовъ прямо къ нему отсылать, и проч.

ЕКАТЕРИНА II.

Портретъ Левицкаго.

чайшимъ карауломъ привезли въ Оренбургъ *). Впрочемъ особливаго примѣчанія стоитъ и сіе, что сей день поутру ржаный печеный хлѣбъ продавали на базарѣ по 25 копѣекъ фунтъ, ибо продавцы вышеозначенную цѣну отъ 30 до 40 коп. фунтъ понижать стали, узнавъ про идущія сюда команды, при коихъ. какъ говорили, очень довольно провіанта; но видя оное благополучное происшествіе, сей же день къ вечеру въ десять, въ восемь и въ семь копѣекъ продавать начали.

94) 24-го числа привезенъ изъ Каргалинской слободы объявленный злодѣй ссыльчный Хлопуша, и съ нимъ сообщниковъ изъ Яицкихъ казаковъ пять человѣкъ, да Каргалинскій Татаринъ въ помянутой слободѣ отъ злодѣя Пугачева главнымъ учредителемъ; тутъ же пріѣхало оттуда нѣсколько изъ тамошнихъ лучшихъ Татаръ, чтобъ тѣмъ доказать пынѣ свою вѣрность и усердіе. Оттуда жъ и изъ Сакмарска привезено было немалое число Башкирцевъ и заводскихъ крестьянъ, бывшихъ въ сообществѣ съ Пугачевымъ, а изъ Берды посылано 20 артиллерійскихъ орудій, въ которую на сей день, якобы для наблюденія порядка, посланъ былъ съ командою Секундъ-Маіоръ Демидовъ, а бывшимъ тамъ Яицкимъ казакамъ приказано переѣхать въ Каргалинскую слободу. Между тѣмъ носился въ городѣ слухъ, что въ Бердѣ городскими людьми учинены были великія грабительства и хищенія, и якобы многіе пожитки, въ рукахъ злодѣевъ находившіеся, разными людьми вывезены въ городъ. На базарѣ поутру продавали хлѣбъ въ 10, а ввечеру былъ уже и въ 3 копѣйки фунтъ **). Отъ командующаго Генерала Князя Голицына пріѣзжали сей день парочные съ извѣстіемъ, что онъ, по разбитіи злодѣевъ, вступилъ въ Татищеву крѣпость съ находящимися при немъ военными людьми, а потомъ съ тѣмъ, чтобъ за бѣжавшимъ изъ Берды злодѣемъ въ погоню и для пересѣченія ему дороги отправлены отъ него разныя команды.—25-го числа поутру прислано къ Г. Губернатору отъ Его Сіятельства Генерала Князя Голицына съ парочными казаками сообщеніе, и слышно было отъ тѣхъ казаковъ, что злодѣй Пугачевъ пробрался къ вершинамъ рѣки Сакмары на хуторъ находящагося при немъ злодѣя Оренбургскихъ казаковъ Сотника Подурова, который отъ него называется Полковникомъ, и намѣренъ-де онъ оттуда пробраться, оставя Переволоцкую крѣпость въ лѣвой сторонѣ, на Ново-Сергіевскую крѣпость, въ чаяніи пройти изъ оной въ Илецкій городокъ, а степью пробираться на нижніе Яицкіе форпосты въ Кулагину крѣпость; людства жъ при немъ около 1000 человѣкъ; но лошади-де, отъ глубокихъ снѣговъ и бездорожья, у всѣхъ уже пріустали, для того и принуждены всю имѣющуюся при нихъ артиллерію бросить на дорогѣ. За нимъ отъ помянутаго Г. Генерала посланъ въ погоню гусарскій Полковникъ съ командою, который и вступилъ уже въ Переволоцкую крѣпость, откуда по извѣстіямъ далѣе будетъ слѣдовать. Сей день, послѣ литургіи, былъ въ Соборной церкви благодарный молебенъ, для освобожденія города отъ злодѣйской осады, при коемъ и Г. Губернаторъ находился. На базарѣ продавали печеный хлѣбъ отъ пяти до трехъ копѣекъ фунтъ.

95) 26-го числа получено было отъ его сіятельства сообщеніе, что для преслѣдованія злодѣя и для поимки его, во всѣ стороны отправлены уже отъ него команды; а дабы онъ, обратясь, не прокрался въ Башкирію, то требовалъ, дабы съ здѣшней стороны оное предостеречь; почему и командировано было нѣсколько казаковъ и Каргалинскихъ Татаръ на Губернаторскій хуторъ <отъ города только 12 верстъ> для примѣчанія на тамошнихъ высокихъ мѣстахъ. Сего же дня отправлены отъ Г. Губернатора въ разныя мѣста парочные, въ томъ числѣ по Московскому и Уфимскому трактамъ, съ увѣдомленіемъ, что предводитель злодѣевъ разбитъ и пошелъ на-утекъ, и чтобъ почтовыя станціи по обоимъ оными трактамъ возстановить. Для осмотра положенія Бердской слободы и для разныхъ распоряженій ѣздилъ въ оную слободу Г. Генералъ-Маіоръ и Оберъ-Комендантъ Валленстернъ съ Штабъ и Оберъ-офицерами; изъ оной также и изъ Каргалинской слободы и изъ Сакмарскаго городка вышло сей день нѣсколько ссыльныхъ, своекоштныхъ и рабочихъ людей 17 человѣкъ, которые изъ учрежденной для сихъ дѣлъ у Г. Губернатора на дворѣ особой Коммисіи и присланы при билетѣ для содержанія въ Главное Правленіе Оренбургскихъ Соляныхъ дѣлъ. На 27-е число отъ командующаго Генерала Князя Голицына пріѣхало двое курьеровъ, одинъ въ ночи, а другой поутру; о содержаніи писемъ его то только слышно было, чтобъ съ здѣшней стороны, для пресѣченія злодѣю къ уходу въ Башкирію и далѣе, прикрыть командами мѣста отъ Чернорѣченской крѣпости къ Сакмарску и дальше по большой Московской дорогѣ. Послѣ полудня потревожены были въ городѣ, а особливо поѣхавшіе изъ города въ Бердскую слободу тѣмъ, яко бы предводитель злодѣевъ Пугачевъ съ хуторовъ Епанечкиныхъ возвратился въ Каргалинскую слободу, и учиня тамъ лучшимъ людямъ убійство, три или четыре двора въ оной слободѣ выжегъ; тожъ яко бы причи-

*) Оный великій злодѣй Хлопуша есть тотъ самый, о которомъ въ запискахъ прошлаго 1773 года подъ 4-мъ числомъ Октября упомянуто; воруя нѣсколько лѣтъ подъ Оренбургомъ и бывъ въ разныхъ мѣстахъ сей губерніи, зналъ онъ всѣ мѣста и заводы, откуда что злодѣямъ получать; безъ онаго бъ одни Яицкіе казаки, а паче самозванецъ ихъ Пугачевъ, не зная заводовъ и многихъ жительствъ, о дальнѣйшихъ своихъ предпріятіяхъ никогда бъ можетъ быть и не подумали; — словомъ: къ усиленію предводителя злодѣевъ, былъ онъ Хлопуша всегда главнымъ орудіемъ; ибо ѣздя по заводамъ, привозилъ къ нимъ пушки, ядра, порохъ и великое число денегъ, высылалъ хлѣбъ и множество разныхъ пожитковъ, а сверхъ того выливъ и переслалъ къ нему Пугачеву мортиръ и бомбъ и немалое число Башкирцевъ, за что и данъ ему былъ у него чинъ Полковника; онъ же Хлопуша до прихода Пугачева подъ Озерную крѣпость командовалъ всею бывшею подъ ней злодѣйскою толпою, потомъ обще съ Пугачевымъ разорилъ Исецкую крѣпость и захватилъ въ Губерлинскихъ горахъ команду, слѣдовавшую отъ Г. Генералъ-Маіора Станиславскаго, а наконецъ, какъ выше значитъ, былъ онъ одинъ предводителемъ, завладѣлъ и грабилъ Илецкую Защиту со всѣми бывшими тутъ людьми. Вотъ сколь важны злодѣйства сего разбойника и сколь велика ошибка произошла отъ освобожденія его и отъ посылки къ оному предводителю злодѣевъ!

**) Не явно ли здѣсь оныхъ продавцевъ ненасытное корыстолюбіе: они, имѣя у себя на рукахъ потаенный хлѣбъ, старались наконецъ всячески, чтобъ сколь возможно подороже оный допродать прежде привоза съ идущими сюда командами. Впредь для знанія и памяти прилагается при семъ особый реестръ, почему въ осадное время хлѣбъ и нѣкоторые харчевые припасы продавали, и какъ цѣна на все то время отъ времени повышалась; явно изъ сего, какой великой трудности городъ Оренбургъ въ сіе бѣдственное время подверженъ былъ.

непо имъ надъ нѣкоторыми и въ Сакмарскомъ городкѣ. Хлѣбъ продавали на базарѣ мукою отъ 1 руб. и до 80 коп. пудъ, а печеный продавали сперва по 3, а потомъ по 4 коп.; по къ вечеру, по причинѣ вышеозначенныхъ извѣстій, продавцы его еще вздорожали и продавали уже по 7 коп. фунтъ.

96) На 28-е число ночью, пріѣхавъ изъ Сакмарскаго городка тамошній Атаманъ Донскій съ имѣвшимися при немъ казаками, коихъ послано было туда изъ города 50 человѣкъ; онъ отправленъ былъ занять сіе мѣсто и имѣть тамъ предосторожность, дабы предводитель злодѣевъ не прокрался тамошнею стороною въ Башкирію; по вышеозначенному его сіятельства сообщенію сей Атаманъ самъ сказывалъ, что посланные отъ него по большой Московской дорогѣ до Мустафиной деревни, то есть къ самому Уралу <со 150 верстъ отъ Оренбурга>, никого изъ злодѣевъ не видавъ, возвратились къ нему; а вчерашняго-де числа послалъ онъ Донскій въ Каргалинскую слободу родного своего брата съ однимъ казакомъ, для развѣдыванія, что тамъ дѣлается, которые оба пріѣхали туда въ самое то время, какъ отъ злодѣевъ передовые люди, человѣкъ до 80 или около 100, съ четырьмя значками пріѣхали въ ту слободу <но тутъ ли былъ предводитель ихъ Пугачевъ, онаго они узнать не могли>, и сдѣлавъ въ оной слободѣ тревогу, начали-де по всѣмъ улицамъ разъѣзжать, и изъ лучшихъ-де тамошнихъ богатыхъ Татаръ закололи копьями 4-хъ человѣкъ, и дворы ихъ зажгли, имѣвшагося-де при братѣ его казака ранили копьемъ, а братъ его Донскаго, повязавъ лице себѣ платкомъ, чтобъ не узнали и притворясь, яко бы онъ изъ той-же злодѣйской толпы, началъ съ прочими скакать и кричать по улицамъ, а между тѣмъ и нашелъ случай спуститься на рѣку Сакмару, по которой прискакавъ въ Сакмарскій городокъ, подалъ ему Атаману о всемъ томъ извѣстіе. Донскій команду свою имѣлъ уже готову на осѣдланныхъ лошадяхъ, и укрывая оный случай, сказалъ тамошнимъ казакамъ для вида, что онъ спѣшитъ для встрѣчи идущаго съ войскомъ Генерала, къ чему бъ и они всѣ изготовились; выѣхавъ же изъ города, поскакалъ онъ непрямою дорогою къ Оренбургу, а къ Чернорѣченской крѣпости, а оттуда на Мосоловскіе рудники, и подъѣзжая къ онымъ, усмотрѣлъ за собою злодѣйскую погоню, человѣкъ до 200; по какъ-де онъ спустился тамъ на рѣку Яикъ, то-де оная злодѣйская толпа, постоявъ на рудникахъ недолго, далѣе за ними не погналась и возвратилась назадъ, можетъ быть, за усталью лошадей, а онъ Донскій рѣкою Яикомъ безопасно уже пріѣхалъ къ Оренбургу. Еще сказывалъ онъ, что въ селѣ Совѣтника Тимашева, называемомъ Ташлой, стоитъ тысячи полторы или двѣ Башкирцевъ, которые-де тутъ ожидаютъ предводителя злодѣевъ, или что съ нимъ сдѣлается; по его Донскаго признанію, злодѣйское намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобъ перешедъ рѣку Бѣлую, убраться на заводы, или, переправясь чрезъ Яикъ, итти въ Киргизскую степь, куда по нынѣшней распутицѣ, а потомъ, за великимъ разлитіемъ водъ, воинскимъ командамъ гнаться за нимъ будетъ не можно. Послѣ полудня всѣ люди въ городѣ были встревожены тѣмъ, что около Бердской слободы, для предосторожности и примѣчанія, не явится ли гдѣ злодѣй, никакихъ карауловъ и разъѣздовъ учреждено не было, а потомъ изъ возвратившихся въ Каргалинскую слободу злодѣевъ, какъ сказывали, человѣкъ до 800 или 1000 печаянно ворвались и причинили тамъ многимъ смертоубійство, а многихъ увезли съ собою въ помянутую Татарскую слободу; бывшая тутъ съ Капитаномъ небольшая регулярная и нерегулярная команда, хотя было и вышла къ городу, но злодѣи, перехватя оную на дорогѣ, съ собой жъ угнали: спасся только уходомъ напередъ начальниковъ оной команды, Капитанъ Суринъ; при семъ самомъ случаѣ тутъ же были и ѣхавшіе въ Оренбургъ отъ его сіятельства для занятія квартиръ и для своихъ надобностей Капитанъ и съ нимъ 12 человѣкъ гусаръ, еще Капитанъ же Григорій Пыхачевъ изъ отставныхъ отъ службы, взятый въ команду Г. Генералъ-Маіора Мансурова, отставный же переводчикъ Матвѣй Араповъ; злодѣямъ удалось тутъ онаго Арапова тяжко изранить, отъ чего онъ по привозѣ въ городъ, скоро и умеръ; *) одного гусара, закололи, а двое остались тамъ въ неизвѣстности; помянутые Капитаны и 9 человѣкъ гусаръ въ городъ пріѣхали благополучно: сказывали, якобы самъ предводитель злодѣевъ Пугачевъ туда пріѣзжалъ, да Яицкихъ-де казаковъ было немного, большое число состояло изъ Каргалинскихъ Татаръ и Башкирцевъ, да и Сакмарскіе казаки и нѣсколько Калмыковъ: какое жъ число побито тутъ людей и сколько злодѣями увезено, то узнать было не можно. Ввечеру же отъ Губернатора отданъ былъ именный приказъ, что оный предводитель злодѣевъ прокрался назадъ въ Каргалинскую слободу, и тамъ побилъ и разграбилъ лучшихъ людей, а оттуда-де устремясь и въ Бердскую слободу, подкрался оный къ ней нечаянно во время тумана; могло статься, что въ опой слободѣ былъ туманъ. но въ городѣ во весь сей день никакого тумана не было.

97) 29-го числа, извѣстясь, что злодѣи еще вчера Бердскую слободу оставили пустую, забравъ всѣхъ бывшихъ тамъ людей въ Каргалу, командировано туда нѣсколько военныхъ людей съ одною пушкою, а притомъ послано было нѣсколько подводъ для забранія сѣна и для привоза оставшагося тамъ хлѣба, что безпрепятственно и учинено; въ оной же слободѣ найдены скрытно находившіеся Яицкіе казаки, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы кого нибудь изъ городскихъ отхватить и увести къ предводителю ихъ, въ Каргалу, изъ коихъ злодѣевъ 3 пойманы и въ городъ привезены; о предводителѣ злодѣевъ слышно было яко бы онъ изъ Каргалинской слободы поѣхалъ сей день въ Сакмарскъ, но ночевать-де хотѣлъ быть въ Каргалу; между тѣмъ многіе заподлинно увѣряли, что до полудня и послѣ половины дня примѣчены за Чернорѣченскою крѣпостью идущія туда команды, изъ коихъ ввечеру нѣсколько гу-

*) Сей переводчикъ имѣлъ офицерскій чинъ, о которомъ тѣмъ больше сожалѣть надлежитъ, что онъ съ самаго начала Оренбургской экспедиціи употребляемъ былъ въ самыя нужнѣйшія посылки, какъ въ Киргизъ-Кайсацкія орды, гакъ и въ другія тамошнія мѣста, и всегда порученное ему дѣло старательно и съ хорошимъ успѣхомъ отправлялъ; зналъ достаточно всѣ здѣшніе Татарскіе діалекты и Калмыцкій языкъ,—словомъ, такой великій знатокъ и прошлецъ онъ былъ въ тѣхъ дѣлахъ и мѣстахъ, равно жъ и въ Башкиріи, какого уже здѣсь не осталось, и скоро возъимѣть не можно: а потому, при возстановленіи здѣшнихъ порядковъ, <къ чему необходимо нужны знающіе прежнія здѣшнія дѣла и производства> и могъ бы онъ Араповъ съ немалою пользою къ разнымъ дѣламъ и освѣдомленіямъ употребляемъ быть.

саръ и въ Бердскую слободу вступило. Во вчерашній злодѣйскій въ помянутую слободу набѣгъ побитыхъ и увезенныхъ злодѣями служивыхъ людей счисляли до 60-ти человѣкъ. — 30-го числа передовая армейская команда съ Г. Полковникомъ Хорватомъ Бердскую слободу заняла, съ тѣмъ, чтобъ отсюда итти къ Каргалинской слободѣ; помянутый Полковникъ къ Г. Губернатору присылалъ отъ себя Маіора, для изъясненія потребныхъ ему обстоятельствъ, а о слѣдующихъ сюда Генералитетахъ было извѣстіе, что они почевать будутъ въ Черноръченской крѣпости; передовыя жъ ихъ войска въ оную крѣпость и вступили. Оставшійся въ Илецкой Защитѣ Капитанъ Ядринцевъ, увѣдомясь чрезъ выходцевъ, что предводитель злодѣевъ Пугачевъ съ сообщниками его въ Татищевой крѣпости разбитъ, прислалъ отъ себя въ Оренбургъ изъ находящихся въ оной Защитѣ на годовой службѣ двухъ казаковъ на лыжахъ, коими, какъ Г. Губернатору и въ Соляное Правленіе о обстоятельствахъ, когда и какъ оная Защита попалась въ злодѣйскія руки, кратко рапортовалъ, чему въ дополненіе отъ оныхъ казаковъ въ помянутомъ Правленіи взята сказка, и при рапортѣ Статскаго Совѣтника Рычкова представлена Г. Губернатору, съ требованіемъ отъ него повелѣнія о возстановленіи тамошнихъ соляныхъ работъ; съ оными жъ казаками прибывшій оттуда Священникъ, словесно объявилъ, что къ сопротивленію злодѣевъ употребили себя изъ находящихся тамъ служивыхъ регулярныхъ и нерегулярныхъ людей только 15 человѣкъ, а прочіе-де всѣ, по приближеніи ихъ къ оной Защитѣ, передались къ злодѣямъ, и такъ-де оную Защиту спасти, по великому числу злодѣевъ, никакими мѣрами было не можно.—31-го числа его сіятельство, командующій Генералъ и кавалеръ Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, обще съ Генералъ-Маіоромъ Фрейманомъ, съ Полковниками Княземъ Долгоруковымъ и Бибиковымъ, и еще нѣсколькими штабъ и оберъ-офицерами, къ великому обрадованію всѣхъ городскихъ жителей, пріѣзжалъ въ Оренбургъ налегкѣ, и отобѣдавъ въ назначенной ему квартирѣ, въ домѣ Директора Твердышева, съ Г Губернаторомъ, послѣ стола, помѣшкавъ тутъ немного отправился назадъ въ Берду, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ завтра, ни мало не упуская времени, для преслѣдованія предводителя злодѣевъ, Пугачева, слѣдовать ему съ командами своими къ Каргалинской слободѣ и къ Сакмарску, гдѣ оный злодѣй съ сообщниками его находится.

Апрѣля 1-го числа выбѣжало изъ Сакмарскаго городка двое Башкирцевъ, да одинъ казакъ, чрезъ которыхъ извѣстно стало, что предводитель злодѣевъ Пугачевъ съ сообщниками своими засѣлъ въ старомъ Сакмарскомъ городкѣ, а намѣренъ-де, ежели не устоитъ противъ атакующихъ его войскъ, пробираться въ Башкирію, куда-де отъ него и указы разосланы уже, чтобъ Башкирцы сбирались къ нему, а въ Каргалинской-де слободѣ оставлено отъ него небольшое людство. Въ Бердской слободѣ пойманы 3 человѣка Башкирцевъ, ѣхавшіе къ злодѣямъ изъ Илецкаго городка. Около полудня и послѣ полудня часу въ первомъ слышна была со стороны Сакмарскаго городка сильная канонада, что признавали за происходившее тамъ съ злодѣями сраженіе, а ввечеру и получено извѣстіе, что злодѣи, какъ въ Каргалинской слободѣ, такъ и въ Сакмарскомъ городкѣ, совершенно разбиты, и пойманы-де тутъ главные Пугачева сообщники, называемые у него Полковниками, изъ Яицкихъ казаковъ Шигаевъ, да Оренбургскій Сотникъ Подуровъ, а самъ-де онъ Пугачевъ въ 40 человѣкахъ ушелъ на-утекъ къ Пречистенской крѣпости, на самыхъ хорошихъ и свѣжихъ лошадяхъ; однако-де въ погоню за нимъ послана отъ его сіятельства гусарская команда. — 2-го числа, чрезъ присланнаго отъ Г. Генералъ-Маіора Ѳедора Юрьевича фонъ-Фрейманаизвѣстіе получено о слѣдующемъ: предводитель злодѣевъ, Пугачевъ, находясь въ Сакмарскѣ и будучи отъ сообщниковъ своихъ увѣдомленъ, что передовыя команды идутъ уже въ Каргалинскую слободу, нимало не мѣшкавъ, и всѣми своими силами и съ артиллеріею пошелъ изъ Сакмарскаго городка къ той слободѣ. Ему сказано было, что оныя команды сочиняютъ небольшое только людство; но какъ онъ самъ усмотрѣлъ, что тѣ команды, собравшись, превосходное людство сочиняютъ, да и распоряжены уже въ порядокъ, то, не входя онъ въ слободу, засѣлъ было близъ ея въ одномъ крѣпкомъ мѣстѣ, и началъ пушечную пальбу, куда подвезены были два единорога, то онъ и сталъ подвигаться вверхъ по Сакмарѣ рѣкѣ, останавливаясь во всѣхъ узкихъ мѣстахъ и пропзводя пушечную пальбу <въ тотъ видъ, чтобъ между тѣмъ дать время сообщникамъ его у пильной мельницы построиться къ бою>. Какъ подошли команды къ той мельницѣ, то и найдено уже у него тамъ во фронтѣ немалое число его сообщниковъ: но и тутъ, по недолгомъ сопротивленіи, всѣ они были сбиты, побѣжали далѣе; самъ онъ, какъ сказывали, не заѣзжая уже въ Сакмарскъ, побѣжалъ толпою съ небольшими людьми вверхъ по Сакмарѣ рѣкѣ, куда за нимъ въ погоню тотъ же самый часъ отправлена была гусарская команда. Кромѣ немалаго числа побитыхъ его людей, взято при семъ сраженіи въ плѣнъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, и многіе его главные сообщники, въ томъ числѣ названные отъ него Полковники Яицкій казакъ Шигаевъ и Оренбургскій Сотникъ Подуровъ, писарь или секретарь его Горшковъ и другіе; но первый, какъ сказывали, при поимкѣ ограбленъ и убитъ гусарами. Теперь осталось ожидать одной поимки помянутаго злодѣя Пугачева. Послѣ полудня прислано въ городъ изъ Черноръчья Русскихъ людей и иновѣрцевъ тридцать человѣкъ, и всѣ они были въ злодѣйской толпѣ и находились въ Нижней-Озерной и въ Разсыпной крѣпостяхъ; ушедъ послѣ сраженія, бывшаго въ Татищевой крѣпости, перехвачены оные разъѣздомъ на рѣкѣ Донгузѣ, и показывали, якобы пробирались въ свои домы.— 3-го числа ничего особливаго слышно не было; къ вечеру только пронесся слухъ въ городѣ, яко бы главнѣйшій сообщникъ Пугачева, Чика, находившійся съ сообщниками его подъ городомъ Уфою, разбитъ, и спасая себя отъ поимки, удавился. О предводителѣ ихъ, часто помянутомъ Пугачевѣ, сказывали, якобы онъ засѣлъ въ одной Башкирской деревнѣ, за Пречистенскою крѣпостью, и тутъ посланными за нимъ въ погоню командами атакованъ.—4-го числа, подъ конвоемъ легкой команды Г. Премьеръ-Маіора Наумова, приведено въ городъ изъ Сакмары отбитыхъ при послѣднемъ разбитіи злодѣевъ двѣ тысячи триста человѣкъ плѣнныхъ людей, въ томъ числѣ и вышеозначенный злодѣй, Сотникъ Подуровъ, отставный солдатъ Жилкинъ, который у злодѣя названъ Полковникомъ и посланъ былъ отъ него для взятія города Самары, изъ Яицкихъ казаковъ Горшковъ, коего Пугачевъ употреблялъ

къ письменнымъ своимъ дѣламъ вмѣсто секретаря, а о Шигаевѣ Г. Маіоръ Наумовъ сказывалъ, что при попмкѣ его заколотъ гусарами.—5-го числа ничего особливаго не было, кромѣ сего, что отъ его сіятельства Князя Петра Михайловича Голицына прислано изъ Сакмарскаго городка вырученныхъ имъ изъ злодѣйской толпы солдатъ и другихъ людей до двухъ сотъ человѣкъ. Сей день отправлены изъ Соляного Правленія въ Илецкую Защиту пріѣхавшіе оттуда казаки и Священникъ съ указомъ, по предложенію Г. Губернатора, на представленіе онаго Правленія о возстановленіи тамошнихъ соляныхъ работъ. Впрочемъ по Сакмарской дистанціи привезенъ на сей недѣлѣ заготовленный тамъ его сіятельствомъ въ Бузулуцкой и въ Сорочинской крѣпостяхъ провіантъ, до тысячи четвертей, чрезъ что и голодъ, который почти всѣ городскіе жители немалое время терпѣли, стараніемъ его жъ сіятельства миновался. Чрезъ находящагося при его сіятельствѣ Оберъ-Квартирмейстера извѣстно стало, что къ городу Уфѣ деташированъ отъ его сіятельства съ командою Г. Генералъ-Маіоръ Фрейманъ, а по большой Московской дорогѣ гусарскій Полковникъ Хорватъ, да Полковникъ же . . . . . , а ввечеру и самъ его сіятельство въ Оренбургъ прибыть изволилъ. — 6-го числа прислано изъ Сакмарскаго городка отбитыхъ у злодѣя Киргизцевъ человѣкъ до тридцати; хотя они и показывали, что захвачены злодѣями еще въ осень, но правда ли, узнать было не можно. О предводителѣ злодѣевъ слышно было, что изъ Тимашевскаго села Тагилы, ночевавъ тамъ, побѣжалъ онъ на Каноникольскій заводъ, а оттуда-де хотѣлъ пробраться на Демидовскій Авзяно-Петровскій заводъ, и Башкирцы-де, бывшіе въ его сообществѣ, заглаживая свои вины, послали для поимки его своихъ людей. Еще носился слухъ, яко бы предводитель злодѣевъ сжели бъ на двухъ послѣднихъ сраженіяхъ совершенно разбитъ не былъ и получилъ бы тутъ новое усиленіе, то намѣревался онъ, подъ именемъ Его Высочества Государя Цесаревича Павла Петровича, сообщникамъ своимъ представить неизвѣстнаго какого-то молодаго человѣка и называть его своимъ сыномъ, съ тѣмъ, чтобъ онымъ подкрѣпить еще у подлаго народа всѣ свои злодѣйскіе вымыслы.

ПРИБАВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ,

къ описанію шести-мѣсячной Оренбургской осады отъ самозванца и Государственнаго злодѣя Емельяна Пугачева, со времени пораженія онаго злодѣя подъ Татищевскою крѣпостью по то число, какъ помянутый злодѣй совершенно разбитъ подъ Карталинскою слободою и подъ Сакмарскимъ городкомъ, и изъ того и освобожденіе города Оренбурга отъ вышеозначенной осады послѣдовало.

22 числа Марта <1774 года> по полуночи въ 5-мъ часу корпусъ его сіятельства Г. Генералъ-Маіора Князя Голицына выступилъ весь изъ Переволоцкой крѣпости, оставя обозъ и подвижной магазейнъ съ надлежащимъ прикрытіемъ въ той крѣпости <отъ Татищевой, гдѣ Пугачевъ засѣлъ съ своими сообщниками, 18 верстъ>.

Къ сему маршу учинены были нижеслѣдующія распоряженія: съ полупочи отправлены были подзорныя малыя партіи, а авангардъ за часъ прежде корпуса отряженъ былъ: оный состоялъ изъ баталіоновъ гренадерскаго и егерьскаго 200 человѣкъ лыжниковъ, да 3 эскадрона подъ предводительствомъ Г. Полковника Бибикова. За глубокимъ снѣгомъ, корпусъ отъ мѣстъ, то есть отъ первой колонны, не иначе могъ слѣдовать, какъ въ одну колонну; маршъ открывали два баталіона гренадеръ, потомъ кавалерія по частямъ своимъ смѣшана была съ пѣхотою; къ соединенію авангарда учреждены были легкія конныя партіи, а вышпны, по сторонамъ лежащія, охраняемы были лыжниками. Авангардъ, не дошедъ до Татищевой крѣпости верстъ за 8, послалъ отъ себя партію для точнаго примѣчанія злодѣевъ; они сію партію подпустили почти къ самой крѣпости, а тутъ вдругъ кинулись изъ пихъ на нее 300 Яицкихъ казаковъ. Партія наша успѣла отступить, бывъ немедленно подкрѣплена двумя эскадронами драгунъ съ пушками, чѣмъ бунтовщики были удержаны и не могли вдаль преслѣдовать. Полковникъ Бибиковъ, какъ скоро узналъ о томъ, то подошелъ къ концу горы, съ которой вся крѣпость открывалась въ разстояніи 5-ти верстъ. Командующій корпусомъ Г. Генералъ-Маіоръ, будучи о семъ увѣдомленъ, приказалъ корпусу поспѣшать въ маршѣ; а между тѣмъ обозрѣвалъ онъ мѣстоположенія, гдѣ бъ удобнѣе предпринять мѣры къ атакѣ непріятеля, который, забравшись въ крѣпость, не показывалъ ни малѣйшаго вида въ движеніяхъ своихъ. По довольному жъ примѣчанію ситуаціи, его сіятельство приказалъ корпусу маршировать въ двѣ колонны: правая была подъ предводительствомъ Г. Генералъ-Маіора Фреймана, передовой деташементъ составлялъ особливости, и колонна подавалась къ правой сторонѣ Илецкой дороги; симъ порядкомъ войска подошли къ атакѣ, егерями и лыжниками заняты горы къ прикрытію всего марша; злодѣи продолжали прежній еще видъ, чтобъ скрыть свое движеніе, не выславъ изъ крѣпости никого. Между тѣмъ его сіятельство приказалъ занять удобныя мѣста для главныхъ двухъ батарей, а Г. Полковникъ Князь Одоевскій отправленъ былъ къ своимъ баталіонамъ на лѣвую вышпну, которой, если бъ не предупреждено было овладѣть, то бъ злодѣи могли причинять оттуда крайній вредъ; между тѣмъ формированъ былъ изъ колонпъ фронтъ, пѣхота поставлена была въ первую линію, имѣвъ резервы, а кавалерія составляла другую; но за глубокимъ снѣгомъ почти невозможно было ей дѣйствовать. А какъ разстояніе дозволило уже открыть батареи, то оное и рѣшило терпѣніе бунтовщиковъ,

которые произвели сильную канонаду изъ 30 большихъ своихъ орудій. Жестокость сего огня продолжалась не менѣе 2-хъ часовъ.

Но какъ его сіятельство примѣтилъ, что отчаянныхъ бунтовщиковъ и злодѣевъ изъ гнѣзда ихъ невозможно будетъ выгнать одною канонадою, то и рѣшился наконецъ штурмовать крѣпость, у которой прежнія укрѣпленія хотя и разорены были, но Самозванецъ поправилъ ихъ сдѣланнымъ изъ снѣга валомъ. Штурмованіе начато на правый ея флангъ, куда Г. Генералъ-Маіоръ Фреймапъ подвелъ сперва баталіонъ Г. Полковника Князя Одоевскаго; командовалъ симъ баталіономъ 2-го гренадерскаго полка Подполковникъ и кавалеръ Филисовъ; а между тѣмъ корпусъ продолжалъ свой маршъ, дѣлавъ косую линію, а тѣмъ и окрѣпились наряженныя къ атакѣ войска. Стремленіе злодѣевъ весьма было на нихъ усильно, да и вывезли они изъ крѣпости 17 пушекъ, поставя ихъ на одномъ пригоркѣ, который былъ противу баталіона атакующихъ; но съ нашихъ батарей оныя были сбиты, и сіе мѣсто занялъ Г. Генералъ-Маіоръ Фреймапъ. Его сіятельство хотя и отправилъ еще къ помянутому Г. Генералъ-Маіору Полковника и кавалера Князя Долгорукаго съ баталіономъ, но примѣтя, что къ совершенному пораженію злодѣевъ и сихъ отряженныхъ войскъ будетъ не довольно, принужденнымъ нашелся большую часть взять изъ бригады Г. Генералъ-Маіора и кавалера Мансурова, къ подкрѣпленію предреченнаго Генералъ-Маіора. Командиры при томъ были: Полковникъ Аршеневскій и Лейбъ-гвардіи Капитанъ-Поручикъ Толстой, и батареи обращены были на атакуемыя мѣста. Г. Генералъ-Маіору Фрейману приказалъ его сіятельство усилить свое стремленіе, а Г. Полковнику Бибикову съ егерями и лыжниками велѣно было тревожить правое злодѣйское крыло. Г. Генералъ-Маіоръ и кавалеръ Мансуровъ, устроя кавалерію, подвинулъ нѣсколько эскадроновъ по дорогѣ, лежащей къ крѣпости, а двѣ Чугуевскія роты съ подкрѣпленіемъ двухъ эскадроновъ Бахмутскихъ гусаровъ обратилъ для занятія большой Оренбургской дороги. Во все сіе время канонада безпрерывно продолжалась; но чтобъ при наступающемъ уже вечерѣ дѣло какъ можно скорѣе докончить, то самъ его сіятельство своею особою предводительствовалъ и побуждалъ пѣхоту къ устремленію на крѣпость: почему три баталіона и спустились съ пригорка; и хотя встрѣчены они были большою высылкою изъ крѣпости, и происходило тутъ жестокое сраженіе, но злодѣи съ великимъ ихъ уропомъ прогнаты были. Между тѣмъ, не взирая на то, что изъ крѣпости производили уже пушечную картечную пальбу, атакующія войска, подъ предводительствомъ храбраго Генералъ-Маіора Фреймапа, кинулись на валъ; злодѣи хотя и увидѣли тутъ неминуемую свою погибель, но еще, да и отчаяннѣе прежняго, оборонялись. Первые взошли на батарею 2-го гренадерскаго полка баталіоны съ своимъ Полковникомъ и кавалеромъ Княземъ Долгорукимъ, а съ лѣвой стороны баталіонъ Князя Одоевскаго. Въ то же самое время подоспѣли баталіоны, составленные изъ 24-й полевой легкой команды съ Подполковникомъ Аршеневскимъ, равномѣрно и сочиненной изъ Вятскаго и Томскаго полковъ Лейбъ-гвардіи съ Капитаномъ Толстымъ. Г. Полковникъ Бибиковъ съ своей стороны не упустилъ также приблизиться къ лѣвой крѣпостной батареѣ, и взошелъ на опую, а команды его лыжники притомъ имѣли сильный бой на Илецкой дорогѣ съ преждеушедшими изъ крѣпости конными и пѣшими злодѣями. Полковникъ Бибиковъ не оставилъ всѣ способы употребить—разогнать оныхъ злодѣевъ,ославъ туда на подкрѣпленіе егерей, куда и кавалерія была подведена.

Когда валъ и ворота заняты были, то кинулись въ три выѣзда всѣ, да и передніе эскадроны туда жъ выѣхали съ Подполковникомъ и кавалеромъ Бедрягою. Злодѣи хотя и еще поудержались было, въ улицахъ и въ домахъ засѣвши и имѣя въ своихъ еще рукахъ пушки, но войска Ея Императорскаго Величества съ неописанною храбростію, будучи предводимы достойными и неустрашимыми командирами, поражали ихъ вездѣ, и одержали сей день совершенную и важную побѣду. Къ преслѣдованію злодѣя отряжена была по всѣмъ дорогамъ кавалерія, подъ предводительствомъ Г. Генералъ-Маіора и кавалера Мансурова. Злодѣйская толпа находилась здѣсь людствомъ болѣе 9.000 человѣкъ, въ томъ числѣ было не меньше 2.000 выбранныхъ самыхъ отчаянныхъ бунтовщиковъ изъ Яицкихъ и Илецкихъ казаковъ; Исетскихъ и Оренбургскихъ находилось до 3.000 пѣхоты, изъ заводскихъ мужиковъ 2.000, въ томъ числѣ были и ссылочные, взятые злодѣями въ Илецкой Защитѣ, прочіе всѣ изъ Татаръ, Калмыковъ и Башкирцевъ, а небольшая часть была и Киргизцевъ. Пушекъ находилось при нихъ 36; предводительствовалъ ими главный бунтовщикъ и самозванецъ Пугачевъ самъ. Дерзость и депаратность была ихъ столь велика, что сверхъ всякаго чаянія въ одной крѣпости нашлось убитыхъ злодѣйскихъ тѣлъ 1.315, въ преслѣдованіи на 15 верстѣ найдено убитыхъ же 830, въ лѣсахъ и сугробахъ поколото лыжниками до 350 человѣкъ, въ плѣнъ взято Яицкихъ и Илецкихъ казаковъ 290; прочихъ въ плѣнъ же взятыхъ число превосходитъ 3.000; пушекъ получено въ добычу съ снарядами 36. Съ нашей стороны убиты здѣсь: Томскаго полка Капитанъ Ѳаддеевъ, Поручикъ Шмаковъ, 24-й легкой полевой команды Адъютантъ Людвигъ; тяжело ранены: 2-го гренадерскаго полка Капитанъ Алсуфьевъ, который чрезъ нѣсколько дней и умеръ, 24-й легкой полевой команды Капитанъ Станкевичъ, 2-го гренадерскаго полка Поручикъ Князь Путятинъ, которые отъ тяжелыхъ ранъ и умерли; Поручикъ Александръ Чириковъ, инженерный Подпоручикъ Курчеевъ, 5-й легкой полевой команды Подпоручикъ Николай Шиповъ, 25-й же легкой полевой команды Прапорщикъ, да 2-го гренадерскаго полка Прапорщикъ же Углановъ; легкими ранами ранены: 2-го гренадерскаго полка Подполковникъ и кавалеръ Филисовъ, Лейбъ-гвардіи Адъютантъ Кошелевъ, Капитанъ Василій Сумароковъ, Иванъ Карташевъ, Владимірскаго полка Капитанъ Михайла Воронинъ, Томскаго полка Капитанъ же Иванъ Виниклеръ, Поручики: 25-й легкой полевой команды Антонъ Швейковскій, 2-го гренадерскаго полка Дмитрій Голенищевъ, Алексѣй Филисовъ, Подпоручикъ Николай Вердеревскій, Прапорщикъ Андрей Каровъ. Убито изъ нижнихъ чиновъ: 2-го гренадерскаго полка гренадеровъ 51, Томскаго полка гренадеровъ 16, Владимірскаго 8, Вятскаго 19 человѣкъ, изъ легкихъ полевыхъ командъ рядовыхъ 27, Чугуевскій казакъ 1; тяжелыми ранами ранено: 2-го гренадерскаго полка гренадеровъ 213; того жъ полка легкими ранами ранено 26; изъ Томскаго полка тяжело раненыхъ 16, легко 37 человѣкъ; Владимірскаго полка тяжело раненыхъ 9, легко

раненыхъ 26; Вятскаго полка тяжело раненыхъ 15, легко 27 человѣкъ; изъ легкой полевой команды тяжело раненыхъ 54, легкими ранами 31 человѣкъ; изъ полевой артиллеріи тяжело раненыхъ 2, Архангелогородскаго полка тяжело раненый 1, легко раненыхъ 7 человѣкъ; Изюмскаго полка тяжело раненый 1; а всего всѣхъ чиновъ убито 132, тяжело раненыхъ 330, легко раненыхъ 167 человѣкъ. Лошадей убито 35.

При семъ важномъ и рѣшительномъ сраженіи отличили себя, во-первыхъ: Г. Генералъ-Маіоръ Фреймапъ, будучи предводителемъ главной атаки, съ неописанною храбростію всегда и вездѣ возстановлялъ порядокъ, и, не смотря на отчаянное сопротивленіе бунтовщиковъ, достигъ до своего предмета, и овладѣвъ крѣпостнымъ валомъ, способствовалъ къ побѣдѣ.

Г. Полковникъ и кавалеръ Князь Долгорукій, отряженный къ пріумноженію и усиленію атакующихъ, съ неустрашимою храбростію управлялъ свой баталіонъ, и выдерживая отъ осажденныхъ злодѣевъ жесточайшую канонаду, ободрялъ своимъ примѣромъ подчиненныхъ, и достигнувъ до своего намѣренія, взошелъ на валъ.

Г. Полковникъ Князь Одоевскій съ Подполковникомъ и кавалеромъ Филисовымъ, будучи напередъ отряжены къ атакѣ, не оставили употреблять всѣ способы превозмочь и одолѣть упорство оборонявшихся бунтовщиковъ, поощряя примѣрами своими, гдѣ Г. Подполковникъ Филисовъ и рану получилъ въ шею. Подполковникъ Аршеневскій, по отряженію его, чтобъ скорѣе доставить подкрѣпленіе къ атакѣ Генералъ-Маіору Фреймапу, въ то самое время, когда на оную жестокія нападенія сдѣлали злодѣи <чему его сіятельство самъ былъ свидѣтелемъ>, по повелѣнію его, кинулся напередъ съ баталіономъ, изъ легкихъ полевыхъ командъ составленнымъ; то жъ учинилъ и Лейбъ-гвардіи Капитанъ-Поручикъ Толстой, слѣдуя тому достохвальному примѣру; и такъ оба они взошли на валъ, доказавъ отмѣнную храбрость. Г. Полковникъ Бибиковъ, будучи на правомъ флангѣ, не упустилъ ничего со стороны своей къ удержанію злодѣевъ, посылая на нихъ лыжниковъ и егерей тревожить ихъ лѣвый флангъ: а потому не осмѣлились они всѣхъ своихъ силъ обратить на атаку Г. Генералъ-Маіора Фреймапа; послѣ чего не упустилъ онъ отъ своей стороны взойти и на валъ крѣпости.

Г. Генералъ-Маіоръ и кавалеръ Мансуровъ, предводительствуя бригадою своею съ праваго фланга, въ продолженіе сраженія со всеусердною къ службѣ Ея Императорскаго Величества ревностію, прилагалъ стараніе и употреблялъ всѣ способы пріобрѣсть славу; поставя свои батареи, сдѣлалъ злодѣямъ немалый уронъ и въ преслѣдованіи ихъ учрежденіями своими умножилъ пораженіе. — Подполковникъ и кавалеръ Бедряга, въ самый тотъ моментъ, какъ пѣхота очистила валъ, первый изъ кавалеріи съ двумя эскадронами Изюмскихъ гусаровъ вскакалъ въ крѣпость и причинилъ тамъ злодѣямъ сильное пораженіе и кровопролитіе, да и всѣдъ за ними продолжалъ погоню.—Полковникъ и кавалеръ Хорватъ, примѣтя колебаніе злодѣевъ, храбраго своего полка съ двумя эскадронами, присоединя къ себѣ Чугуевскія роты, объѣхалъ Оренбургскою дорогою, и обратя бѣгущихъ по оной дорогѣ назадъ, гнался за ними по дорогѣ къ Илецкому городку болѣе 17 верстъ, и въ семъ преслѣдованіи побилъ множество злодѣевъ. — Г. Полковникъ Ильинъ съ своимъ полкомъ въѣхалъ въ крѣпостныя ворота, злодѣевъ также преслѣдовалъ, и привезъ плѣнныхъ 300 человѣкъ. Находившіеся при корпусѣ волонтеры, Лейбъ-гвардіи конпаго полка Поручикъ Князь Волконскій и Адъютантъ Кошелевъ всегда были при его сіятельствѣ неотлучны, и посылались отъ него въ нужныя мѣста, что оба они исполняли съ безстрашіемъ и съ отмѣнною храбростію, при чемъ Адъютантъ Кошелевъ предъ концомъ сраженія и рану получилъ въ ногу пулею. Такую жъ доказывалъ при всякомъ случаѣ къ службѣ Ея Императорскаго Величества ревность и дежурный при корпусѣ Премьеръ-Маіоръ и кавалеръ Муфель, не оставляя вездѣ быть, куда только слѣдовали приказанія. Находившійся при его сіятельствѣ въ должности Дежуръ-Маіора Углицкаго полка Квартирмистръ Романовъ, чрезъ усердіе свое къ службѣ, многократно оказывалъ хорошія заслуги, и въ продолженіе сей экспедиціи употреблялся съ хорошею пользою; а здѣсь сначала сраженія съ небольшою командою посланъ былъ для примѣчанія злодѣйскихъ батарей къ самому валу, и обозрѣвши опый, подалъ обо всемъ томъ настоящее свѣдѣніе; равно жъ и дивизіонный Квартирмистръ Германъ въ продолженіе сей многотрудной экспедиціи должность свою неусыпно исправлялъ, доказывая по званію своему довольное въ ней искусство; а здѣсь же, въ пораженіи при Татищевой крѣпости злодѣевъ, употребленъ былъ съ егерями и освободилъ окруженныхъ злодѣями лыжниковъ.— 24-й легкой полевой команды Премьеръ-Маіоръ Швейковскій и 2-го гренадерскаго полка Секундъ-Маіоръ Пушкинъ были въ настоящей атакѣ и въ штурмованіи крѣпости, гдѣ, по засвидѣтельствованію Бригаднаго Командира Г. Генералъ-Маіора Фреймапа, отличили себя довольно храбростію.

Неустрашимость и храбрость Ея Императорскаго Величества войскъ извѣстны уже всему свѣту, а потому и при семъ важномъ и рѣшительномъ сраженіи, къ преодолѣнію всѣхъ упорствъ отъ бывшихъ въ крайнемъ отчаяніи злодѣевъ и бунтовщиковъ, всѣми военными людьми оказанная ревность заслуживаетъ генерально имя достойныхъ и неустрашимыхъ воиновъ, а особливо гг. штабъ- и оберъ-офицеры, предводительствуя своими подчиненными, при всякомъ встрѣчномъ случаѣ всеусердно и ревностно исполняли свои должности.

23-го числа чрезъ разосланныя партіи привезено плѣнныхъ до 400 человѣкъ, да явилось дезертировъ изъ Бердинской слободы 10 человѣкъ Оренбургскихъ казаковъ: послѣдніе объявили, что по разбитіи злодѣевъ въ главной ихъ толпѣ, то есть въ Бердинской слободѣ, сдѣлалось между ними замѣшательство, и что самъ изменникъ Пугачевъ, прибравъ къ себѣ Яицкихъ казаковъ, часть ссылочныхъ и заводскихъ людей, однакожъ всѣхъ на все не болѣе 2.000 человѣкъ, вознамѣрился спасать себя бѣгствомъ и пробраться прямо степью къ Яицкому городку, такъ, чтобъ пройти ему до Переволоцкой крѣпости, оставляя здѣшнюю дорогу въ лѣвой сторонѣ, и артиллеріи-де взялъ онъ съ собою только 10 пушекъ; остальная-де часть бунтовщиковъ, какъ Башкирцы и прочіе, отдѣлились отъ него и пошли къ Ново-Московской дорогѣ. По симъ извѣстіямъ, чтобъ пресѣчь опому злодѣю дорогу, въ тотъ моментъ приказалъ его сіятельство отрядить къ совершенному истребленію онаго злодѣя сильный деташементъ съ Подполковникомъ и кавалеромъ Бедрягою, да въ ко-

мандованіе его два баталіона пѣхоты, два эскадрона гусаровъ и карабинеръ съ 10-ю орудіями, подтвердя накрѣпко, чтобъ онъ какъ возможно поспѣшнѣе занялъ Переволоцкую крѣпость и имѣлъ бы примѣчаніе на всѣ движенія пораженныхъ и бѣгущихъ злодѣевъ.

25-го числа увѣдомлено, что самозванецъ Пугачевъ съ сообщниками своими остановился въ хуторахъ отъ Переволоцкой крѣпости верстахъ въ 30-ти, и старается пробраться оттуда прямо къ Ново-Сергіевской крѣпости, а потому и отрядилъ его сіятельство Г. Полковника Ильина съ двумя эскадронами, придавъ ему 100 человѣкъ егерей и 100 лыжниковъ, съ тѣмъ, чтобъ занялъ онъ Переволоцкую крѣпость; а Подполковнику Бедрягѣ, вышедъ изъ оной, велѣно маршировать къ Ново-Сергіевску, и такъ сдѣлать связь отъ Татищевой до Ново-Сергіевской крѣпости. Сего жъ числа явилось дезертировъ 67 человѣкъ.

26-го числа получилъ его сіятельство сообщеніе отъ Оренбургскаго Губернатора Г. Генералъ-Поручика и кавалера Рейнсдорпа, что онъ, будучи отъ дезертировъ увѣдомленъ о побѣдѣ, одержанной въ Татищевой крѣпости надъ извѣстнымъ злодѣемъ Пугачевымъ, и зная о побѣгѣ его Пугачева, не преминулъ взять съ своей стороны надлежащія мѣры, да и послалъ вслѣдъ онаго часть войска; также отрядилъ нѣкоторую часть и къ занятію Чернорѣченской крѣпости и Бердинской слободы, оставленной злодѣями, гдѣ покинуто отъ нихъ около 60 пушекъ, знатное число провіанта и фуража; что все приказалъ онъ перевозить въ Оренбургъ. Такимъ образомъ, къ преградѣ и пресѣченію злодѣйскаго побѣга, учреждена по означеннымъ мѣстамъ связь отъ самаго Оренбурга даже до крѣпости Ново-Сергіевской, а отъ оной и до Сорочинской крѣпости велѣно имѣть частые разъѣзды. Въ сей позиціи находились войска до 30 числа; злодѣи жъ, усмотря, что имъ здѣсь преграда и намѣреніе свое сдержать никоимъ образомъ не можно, оставя опое, обратились назадъ, и пошли опять къ Каргалинской слободѣ.

Между тѣмъ командующій Г. Генералъ-Маіоръ упражнялся въ томъ, чтобъ изъ готовленнаго въ Сорочинской крѣпости магазейна, какъ можно скорѣе, доставить въ Оренбургъ довольное число провіанта и фуража, куда всѣ назначенные транспорты были уже доставлены.

29-го числа взятые въ плѣнъ въ теченіе вышеозначенныхъ чиселъ, при достаточномъ конвоѣ, отправлены были по Сакмарской линіи; а важныхъ арестантовъ до 600 человѣкъ отправлено при корпусѣ.

Сего жъ числа получилъ его сіятельство подлинное извѣстіе, что злодѣй Пугачевъ, узнавъ, что со всѣхъ сторонъ къ пресѣченію побѣга его на Яикъ взяты мѣры, со всею своею толпою обратился назадъ чрезъ Общій Сыртъ, съ намѣреніемъ занять Каргалинскую слободу: почему въ самой скорости и отправлены туда передовыя войска, подъ командою Г. Полковника и кавалера Хорвата. Въ ту жъ самую почь получены подтвердительныя извѣстія изъ Чернорѣченской крѣпости о настоящихъ движеніяхъ злодѣйскихъ, и что самозванецъ Пугачевъ прямо стремится къ помянутой слободѣ, видя вездѣ путь себѣ преграженный, а потому и обнадѣялся въ оной слободѣ найти еще свое убѣжище; а хотя объ оныя подгородныя слободы, то есть Каргалинская и Бердинская, и заняты были небольшими партіями отъ легкихъ войскъ, высланныхъ изъ города Оренбурга, но оныя партіи, находя себя не въ состояніи сопротивляться злодѣйскимъ силамъ, принуждены были ретироваться; къ тому же было не безизвѣстно, что бунтовщики усилившись, заняли было немалымъ своимъ числомъ Берду, да и намѣревались тутъ, какъ въ прежнемъ своемъ гнѣздѣ, сонмище свое еще сдѣлать; а потому командующій Г. Генералъ-Маіоръ Князь Голицынъ приказалъ Полковнику Хорвату съ крайнею поспѣшностью слѣдовать къ Оренбургу, да и всему корпусу назначилъ походъ съ полуночи; Генерала жъ Маіора Мансурова оставилъ въ прежней позиціи, для охраненія крѣпостей Ново-Сергіевской, Переволоцкой и Татищевой, въ томъ разсужденіи, чтобъ тѣмъ подвозъ провіанта и фуража изъ Сорочинской крѣпости могъ быть безпрепятственно продолжаемъ, да и коммуникацію бъ отнять у бунтовщиковъ съ Яицкимъ городкомъ. Въ команду помянутому Г. Генералъ-Маіору поручено войско: три баталіона пѣхоты, въ томъ числѣ одинъ егерьскій и пять эскадроновъ конныхъ съ достаточнымъ числомъ артиллеріи.

30-го числа корпусъ сдѣлалъ форспированный маршъ до Чернорѣченской крѣпости, гдѣ полученъ рапортъ отъ Г. Полковника Хорвата, что онъ занялъ уже Бердинскую слободу, а злодѣй въ Каргалѣ и въ Сакмарскомъ городкѣ, и что онъ по вѣрнымъ извѣстіямъ узналъ, яко бы состояніе бунтовщиковъ перемѣнилось, и предводитель ихъ получилъ къ себѣ шайку болѣе 2.000 Башкирцевъ, да изъ разной сволочи обратно къ нему жъ пріобщились не мало, такъ что число всѣхъ оныхъ простирается до 5.000 человѣкъ, а потому и призналъ онъ Г. Полковникъ за лучшее обождать тутъ прибытія корпуса.

31-го корпусъ слѣдовалъ до слободы Бердинской, которая разстояніемъ отъ Чернорѣчья 17 верстъ. Маршъ сей продолжался лугами и по рѣкѣ Сакмарѣ, а частію озерами. По прибытіи въ опую слободу, соединился корпусъ съ передовымъ деташементомъ, гдѣ его сіятельство получилъ вѣрное извѣстіе, что самозванецъ Пугачевъ положилъ намѣреніе тутъ остаться и пріумножить свои силы, заготовляя тутъ довольное себѣ пропитаніе. Сего жъ числа отправился его сіятельство съ однимъ легкимъ конвоемъ въ городъ Оренбургъ, до котораго отъ Бердинской слободы считается 7 верстъ, куда прибывъ, отъ Г. Генералъ-Поручика и кавалера, Оренбургскаго Губернатора Рейнсдорпа встрѣченъ и принятъ онъ былъ съ отмѣнною радостію, при общемъ восклицаніи всѣхъ городскихъ жителей, которые, за неимѣніемъ пищи, находились въ великой уже слабости; радость свою оказывали они, проливая слезы и прославляя Монаршую къ нимъ милость доставленіемъ избавленія сего близъ самой погибели бывшаго города, который, будучи утѣсненъ несноснымъ гладомъ, въ скоромъ времени неминуемо и совершенно погибъ бы со всѣми его жителями; а какъ скоро получилъ его сіятельство отъ здѣшняго Г. Губернатора обо всѣхъ обстоятельствахъ свѣдѣніе, то, ни мало не мѣшкавъ, и выѣхалъ изъ города въ тотъ же самый день, взявъ въ прибавокъ войскъ нѣсколько пѣхоты и одинъ эскадронъ легкихъ драгуновъ, да казаковъ Яицкихъ и Оренбургскихъ до 300 человѣкъ; но понеже оные казаки <будучи въ шестимѣсячной осадѣ> потеряли всѣхъ своихъ лошадей, то его сіятельство нашелъ способъ снабдить ихъ оными.

собравъ отъ всего своего корпуса и истребовавъ у штабъ и оберъ-офицеровъ, кои, усердствуя къ службѣ Всемилостивѣйшей своей Монархинѣ, послѣднихъ лошадей своихъ охотно отдали. Такимъ образомъ признавъ его сіятельство за самую нужность, чтобъ нимало не теряя времени и не давая скопляться и усиливаться вышеозначенному злодѣю, атаковать его всѣми силами въ помянутой Каргалинской слободѣ.

1-го числа Апрѣля по полуночи учрежденъ былъ маршъ въ три колонны; авангардъ былъ подъ командою Г. Полковника Бибикова, которой передовыя войска приближась къ Каргалѣ, примѣтили, что злодѣи находятся въ опой слободѣ яко бы не съ большимъ числомъ; но самозванецъ Пугачевъ въ самое приближеніе корпуса прибылъ туда со всею его толпою, въ намѣреніи, чтобъ пробраться ему оттуда въ Бердинскую слободу, думая, что войска продолжаются еще въ Татищевой крѣпости, или не пришли еще въ сію слободу. Мѣстоположеніе около Каргалы примѣчено весьма неспособнымъ и наполнено рвами и дефилеями; одинъ только проходъ былъ къ ней, да и тотъ самый нужный: почему и не можно было иначе здѣсь дѣйствовать, какъ только одною малою частію войска. Злодѣи противъ самой дороги поставили свою батарею изъ семи пушекъ и стремились удержать баталіоны Капитанъ-Поручика Толстова и полевыхъ легкихъ командъ Подполковника Аршеневскаго, которые отряжены были къ атакѣ; но наступленіи оныхъ, злодѣи нашли себя недостаточными вступить въ сраженіе, и затѣмъ, вышедши изъ слободы, спустились на рѣку Сакмару, покрывая свою ретираду пушками и надѣясь дойти до Сакмарскаго городка. Его сіятельство, какъ скоро увѣдомленъ былъ о ихъ выступленіи изъ Каргалы, отрядилъ тотчасъ Полковника и кавалера Хорвата съ 3 эскадронами гусаровъ и одинъ эскадронъ карабинеръ Архангелогородскихъ, дабы на первый случай нѣсколько ихъ поудержать; а между тѣмъ тогда же посланъ батальонъ Капитанъ-Поручика Толстова; но злодѣи еще поспѣшнѣе ретираду свою продолжать начали, занимая дефилеи. Кавалерія, какъ ни стремилась ихъ сбить, по сильною ихъ канонадою удерживана была, продолжая свой путь болѣе 3 верстъ; но какъ наконецъ подоспѣли наши пушки, и изъ послѣдняго дефилея злодѣевъ выбили, то безъ помѣшательства уже слѣдовали, пользуясь весьма тѣснымъ проходомъ. Въ продолженіе онаго Г. Полковнику Бибикову съ батальономъ велѣно было занять гору, которая была на лѣвой нашей сторонѣ. Храбрый и достойный похвалы Хорватъ примѣтилъ, что ему дозволяетъ мѣсто ударить на бунтовщиковъ, съ отмѣнною неустрашимостію атаковалъ ихъ; не взирая на превосходное число толпы ихъ, отбилъ пушки, обратилъ ихъ въ наглый бѣгъ и преслѣдовалъ за ними 8 верстъ. Самозванецъ сперва покушался было удержаться на Сакмарѣ, гдѣ собравъ остальныя свои силы и изготовился къ оборонѣ; но храбрые гусары преслѣдовали ихъ столь жестоко, что съ бѣгущими вскакали въ самый городокъ. Самозванецъ Пугачевъ, какъ всегда, имѣлъ готовыхъ къ побѣгу бережепыхъ лошадей, подхватя тутъ четыре заводныя лошади, бѣжалъ оттоль далѣе по дорогѣ па Пречистенскую крѣпость. Полковникъ Хорватъ не упустилъ догопять его еще столько, сколько дозволяли силы, на усталыхъ лошадяхъ; но не могъ его достигнуть, за крайнимъ утомленіемъ лошадей своихъ. При семъ рѣшительномъ сраженіи бунтовщикъ Пугачевъ потерялъ безъ остатка всѣ свои силы; плѣнныхъ взято 2,800 человѣкъ, убито 400, между первыми найдены всѣ первые самозванцевы старшины, а именно: Подуровъ, Горшковъ, Жилкинъ и прочіе; въ добычу получено девять пушекъ, одно знамя Симбирскаго баталіопа, взятое злодѣями у Полковника Чернышева, и нѣсколько ихъ злодѣйскихъ значковъ, весь ихъ обозъ, заготовленный провіантъ и фуражъ; словомъ, часто помянутый бунтовщикъ и самозванецъ такъ здѣсь пораженъ, что при семъ случаѣ потерялъ онъ всѣ свои силы.

При семъ важномъ и знаменитомъ сраженіи отмѣнно противъ прочихъ отличилъ себя Г. Полковникъ и кавалеръ Хорватъ: бывъ первымъ участникомъ въ сраженіи злодѣевъ, съ своимъ полкомъ отбилъ у злодѣевъ всѣ пушки и не далъ имъ засѣсть въ Сакмарскій городокъ, атаковалъ ихъ тутъ, и преслѣдованіе сдѣлалъ столь сильное, что въ скорости и послѣдовало совершенное разбитіе и пораженіе ихъ, причемъ доказалъ онъ всѣ качества неустрашимаго и храбраго начальника.

Гвардіи Капитанъ-Поручикъ Толстой былъ отряженъ съ батальономъ на подкрѣпленіе кавалеріи, который поспѣшно слѣдовалъ, подоспѣвая всегда облегчать оную въ своихъ оборотахъ, и чрезъ поставленныя отъ него пушки принудилъ злодѣевъ ретироваться; объ отличившихся же при семъ пораженіи оберъ-офицерахъ Изюмскаго гусарскаго полка представленъ особливый списокъ.

Примѣчено также, что согласные Яицкіе казаки, будучи предводимы Старшиною ихъ Бородинымъ, доказали свою храбрость и усердіе къ службѣ Ея Императорскаго Величества, находясь всегда впереди въ преслѣдованіи злодѣевъ. Чугуевскаго казацкаго полка Ротмистръ Тутолмипъ и Гончаровъ, которые отряжены будучи съ одними казаками, еще до приближенія корпуса къ Каргалинской слободѣ храбро удерживали злодѣевъ, давъ время между тѣмъ подойти пѣхотѣ, и при пораженіи злодѣевъ обще съ кавалеріею всегда были напереди.

Изъ-за сего вторичнаго пораженія самозванца и возмутителя Пугачева съ его сообщниками, признавъ его сіятельство, что Г. Генералъ-Маіору и кавалеру Мансурову въ прежнемъ положеніи остаться уже нѣтъ надобности, послалъ къ нему ордеръ, давъ знать о вышеозначеппой одержанной надъ злодѣями вторительной побѣдѣ; опредѣлилъ, чтобъ опъ изъ Татищевой крѣпости слѣдовалъ къ Илецкому городку, для истребленія находившихся въ сихъ мѣстахъ злодѣевъ.

3-го числа отряжены войска внутрь Башкиріи, для усмиренія находящихся по рѣкамъ Демѣ и Бѣлой сообщниковъ Пугачева. Имъ хотя велѣно было слѣдовать до самаго города Уфы, но какъ по полученнымъ чрезъ плѣнныхъ извѣстіямъ увѣдомлено, что тѣ бунтовщики пробираются въ Уральскія горы, съ намѣреніемъ пройти оттуда въ Исетскую провинцію и возмутить тамошнихъ жителей, то по сему и отряжены два деташамента: съ первымъ отправленъ Г. Генералъ-Маіоръ Фрейманъ по Уфимской дорогѣ, на Бугульчанскую и Стерлитамацкую соляныя пристани и къ пригороду Табынску, гдѣ будучи, обороты свои велѣно имѣть ему по обстоятельствамъ. Изъ войска жъ въ команду его дано 600 человѣкъ пѣхоты и 8 орудій, 3 эскадрона гусаръ, рота Чугуевскихъ и 100 человѣкъ Яицкихъ казаковъ;

УРАЛЬСКІЙ КАЗАКЪ.

Рисунокъ 19 вѣка; внѣшній видъ не измѣнился со временъ Пугачева.

со 2-мъ деташементомъ отряженъ легкихъ полевыхъ командъ Подполковникъ Аршеневскій; ему велѣно слѣдовать по Московской дорогѣ и быть въ точной командѣ упомянутаго Г. Генералъ-Маіора. Съ нимъ командированы батальонъ пѣхоты съ 4 пушками, эскадронъ Изюмскихъ гусаровъ и эскадронъ Бахмутскаго полка, да 50 человѣкъ Оренбургскихъ казаковъ.

При всемъ томъ не оставилъ его сіятельство разослать отъ себя во всю Башкирію объявленія, что возмутитель и самозванецъ Пугачевъ сего мѣсяца перваго числа совершенно разбитъ и истребленъ, съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, дабы всѣ зараженные скареднымъ духомъ возмущенія его, пришли въ раскаяніе, и возвратясь въ свои жилища, прибѣгнули бъ съ повинною къ стопамъ законной и милосердой своей Монархини, изъясняя имъ, что сіе есть одно оставшее имъ средство умилостивить Ея Императорское Величество, а наче когда они самаго того самозванца и злодѣя Пугачева поймавъ, приведутъ къ командѣ, чрезъ что возстановятъ они прежній свой покой и благоденствіе; въ противномъ же случаѣ всѣ они подвергнутся неминуемой и конечной уже погибели.

4-го числа увѣдомлено изъ допросовъ главныхъ бунтовщиковъ, что самозванецъ Пугачевъ намѣренъ всѣми способами пробираться къ Яицкому городку, гдѣ у него остались еще сообщники; а потому и опредѣлилъ его сіятельство Г. Генералъ-Маіору и кавалеру Мансурову, по занятіи Плецкаго городка, немедленно туда слѣдовать къ освобожденію осажденныхъ и крайнюю уже нужду претерпѣвающей тамъ команды. Сего жъ числа послана партія, при Капитанѣ Ивановичѣ, состоящая въ одномъ эскадронѣ Изюмскаго полка гусаровъ съ прибавленіемъ одной роты Чугуевскихъ и 10 человѣкъ Яицкихъ казаковъ; ей велѣно итти къ Пречистенской, а оттуда, ежели надобно будетъ, и до Красногорской крѣпости, развѣдывая въ тамошнихъ мѣстахъ, не появятся ли гдѣ въ опыхъ злодѣи, съ наидреніемъ, чтобъ сими мѣстами прокрасться къ Плецкой соляной Защитѣ, а оттуда бъ степью пройти и въ Яицкій городокъ.

5-го числа въ Сакмарскомъ городкѣ поставленъ обсерваціонный деташементъ съ Полковникомъ Княземъ Одоевскимъ, въ томъ намѣреніи, чтобъ въ нужномъ случаѣ удобнѣе было доставить сикурсъ отправленнымъ внутрь Башкиріи войскамъ, равномѣрно жъ и обѣ предупомянутыя подгородныя слободы: Каргала и Берда, войсками заняты; самъ его сіятельство сего же числа отправился въ Оренбургъ, куда по прибытіи отряжена особливая пристойная партія легкой полевой команды съ Маіоромъ Наумовымъ вверхъ по рѣкѣ Сакмарѣ, для примѣчанія надъ живущими въ тамошнихъ мѣстахъ обывателями, которой велѣно, если злодѣй Пугачевъ или сообщники его будутъ тамъ прокрадываться къ Яику, то бъ ихъ не пропущать и истреблять.

Впрочемъ же сіе 6-ти-мѣсячнаго времени описаніе не можетъ лучше и преимущественнѣе окончено быть, какъ приложеніемъ копіи съ Высочайшаго и Всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества Именнаго указа, по окончаніи уже онаго бѣдственнаго времени, то есть, Мая 1-го дня 1774 года, состоявшагося, за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, котораго точное содержаніе есть слѣдующее. *(См. Приложенія, I).*

ПРИБАВЛЕНІЕ ВТОРОЕ,

въ которомъ содержится краткое извѣстіе о злодѣйствахъ самозванца и бунтовщика Пугачева, учиненныхъ отъ него и отъ сообщниковъ его въ разныхъ мѣстахъ послѣ пораженія ихъ подъ Сакмарскимъ городкомъ, по поимкѣ его Пугачева, то есть Сентября по 18 число 1774 года.

Пораженіе, помянутому злодѣю и сообщникамъ его учиненное подъ предводительствомъ Г. Генералъ-Маіора и кавалера Князя Петра Михайловича Голицына близъ Сакмарскаго городка, столь было велико и сильно, что онъ, оставя всѣхъ своихъ сообщниковъ въ разбитіи и разсѣяніи, самъ-третій или самъ-четвертъ того жъ, т. е. 1 числа Апрѣля, малыми и скрытными тропами прибѣжалъ въ село Г. Коллежскаго Совѣтника Тимашева, называемое Никольскимъ, отъ Сакмарскаго городка 20, а отъ Оренбурга 50 верстъ, гдѣ онъ сію первую ночь и почевалъ. *) На другой день съѣхалось къ нему туда изъ разсѣянныхъ злодѣевъ нѣсколько человѣкъ, съ которыми онъ поѣхавъ отсель, трафилъ на одну толпу Башкирцевъ, которую удалось ему еще преклонить въ свое согласіе; потомъ пробрался онъ съ ними на Конанпкольскій бывшій Мосолова заводъ, гдѣ всѣ находившіеся крестьяне и рабочіе люди склонились въ его сторону. Тутъ, будучи во время вешней распутицы окруженъ разлитіемъ водъ, началъ онъ больше прежняго Башкирскій народъ возмущать и усиливаться снова.

Между тѣмъ скоро послѣ Сакмарскаго пораженія, отъ его сіятельства, вышепомянутаго Г. Генералъ-Маіора и кавалера Князя Голицына командированъ былъ въ Башкирію Г. Генералъ-Маіоръ и кавалеръ Фрейманъ съ довольною командою; но онъ, дошедъ сперва до Бугульчанской пристани, а потомъ до пригорода Табынска, за великимъ разлитіемъ тамошнихъ рѣкъ, не могъ

*) Злодѣйства помянутаго бунтовщика, послѣ того, какъ онъ совершенно здѣсь разбитъ, и принужденъ былъ бѣжать отъ Оренбурга вдаль, оставя осаду и добываніе онаго, превосходятъ всѣ тѣ, кои причинялъ онъ, приближаясь къ Оренбургу, и во время шести-мѣсячной осады сего города; но какъ они чинены имъ и въ разныхъ отдаленныхъ отъ Оренбурга мѣстахъ, то по обстоятельному описанію оныхъ и бывшихъ между тѣмъ приключеній, необходимо надлежитъ со многими командами, крѣпостьми и городами, гдѣ что произошло, имѣть справки, которыхъ въ скорости собрать не можно; а дабы между тѣмъ имѣть хотя нѣкоторое и общее объ нихъ свѣдѣніе, для сего предварительно и прилагается здѣсь подъ именемъ втораго прибавленія сіе краткое извѣстіе, въ несомнѣнной надеждѣ, что обстоятельное описаніе для потомственнаго знанія отъ искусныхъ и свѣдущихъ людей, все вмѣстѣ, или хотя по частямъ и по мѣстамъ, впредь сочинено и въ публику издано быть имѣетъ.

поисковъ сдѣлать надъ злодѣями, и принужденъ былъ ожидать способнаго лѣтняго пути, по которому онъ внутрь Башкиріи со всею своею командою немедленно и пошелъ. Потомъ скоро, съ особливымъ деташементомъ, въ коемъ нерегулярныхъ людей было до 500 человѣкъ, отправленъ былъ вверхъ по рѣкѣ Сакмарѣ изъ отставныхъ отъ службы предупомянутый Коллежскій Совѣтникъ Тимашевъ, бывшій прежде Таможеннымъ Директоромъ. О немъ думали, что онъ, по имѣющемуся въ здѣшнихъ за-Уральскихъ Башкирцахъ кредиту, не только отвратитъ ихъ отъ сообщенія съ Пугачевымъ, но и самого его въ состояніи будетъ поймать; чего однакожъ учинить онъ не могъ, только съ Уфимской сторопы отъ осады города Уфы, въ которой сей городъ не маловременно былъ содержанъ, по приближеніи туда армейскихъ командъ, злодѣи отражены, и хотя послѣ того и засѣли было они въ пригокодкѣ Табынскѣ, отъ Уфы вверхъ по рѣкѣ Бѣлой около 100 верстъ, но и тутъ напавъ на то злодѣйское скопище Подполковникъ Михельсонъ съ командою, всѣхъ ихъ разбилъ, да и самого ихъ предводителя, Яицкаго казака, на Яикѣ Чикою называвшагося, а послѣ отъ Пугачева Графомъ Черпышевымъ прозваннаго, поймавъ, въ городъ Уфу отвезъ, гдѣ онъ нѣсколько времени содержанъ былъ подъ крѣпкимъ карауломъ, а потомъ, какъ великій злодѣй и главный Пугачева сообщникъ, отосланъ онъ въ Казань.—18-го числа Мая прибылъ изъ Казани въ Оренбургъ его сіятельство Г. Генералъ-Поручикъ и кавалеръ Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Щербатовъ, и вступилъ въ главное командованіе всѣми въ Оренбургской губерніи находящимися войсками, отъ котораго его сіятельство, вышереченный Г. Генералъ-Маіоръ и кавалеръ Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ отправленъ былъ въ Башкирію самъ, для усмиренія пріобщившихся въ согласіе къ Пугачеву Башкирцевъ, съ корпусомъ регулярныхъ и нерегулярныхъ людей и съ потребною артиллеріею; выступилъ онъ изъ Оренбурга 17 Іюля и на нѣсколько времени остановился на Бугульчанской и Стерлитамацкой соляныхъ пристаняхъ, изъ которыхъ, неподалеку отъ послѣдней, на рѣчкѣ Акшадарѣ, имѣлъ сраженіе съ Башкирцами, конхъ разбивъ и разсѣявъ, прошелъ оттуда въ городъ Уфу, и тамъ, для воздержанія Башкирскаго народа, остановился; а между тѣмъ и Г. Генералъ-Маіоръ и кавалеръ Фрейманъ, въ команду котораго и вышеозначенный Совѣтникъ Тимашевъ съ деташементомъ его пріобщенъ, надъ злодѣями учинилъ нѣсколько поисковъ, разбивъ ихъ скопища въ разныхъ мѣстахъ съ немалымъ ихъ урономъ; но со всѣмъ тѣмъ совершенно усмирить ихъ и оныя замѣшательства прекратить было еще не можно. Они, сбираясь кучами, въ разныхъ мѣстахъ нападеніями своими на разныя небольшія команды, на ѣдущіе по большимъ дорогамъ обозы, на мѣдные и желѣзные заводы, и на многія жительства причиняли множество смертныхъ убійствъ, грабительствъ, пожеговъ и разоренія.

Самъ злодѣй и самозванецъ Пугачевъ, во время вешней распутицы и разлитія водъ, находясь на Каноникольскомъ Мосолова заводѣ, потомъ на Авзяно-Петровскихъ Демидовскихъ заводахъ по нѣскольку дней, а оттуда пробрався на Бѣлорѣцкій Твердышева заводъ, не только всѣхъ тамошнихъ крестьянъ принудилъ быть въ своемъ согласіи и оные заводы опустошилъ, но и всю Башкирію, напаче жъ живущихъ около Верхо-Яицкой пристани и къ сторонѣ Исетской провинціи возмутилъ такъ, что весь сей народъ сталъ быть его сообщниками и государственными злодѣями *). Не можно довольно надивиться, съ какою скоропостижностію и удачею помянутый злодѣй и возмутитель, будучи въ здѣшней сторонѣ, злодѣйскія свои намѣренія производилъ въ дѣйствіе; а какъ скоро бываемое въ тамошнихъ мѣстахъ великое разлитіе водъ поуменьшилось,—во-первыхъ: напалъ онъ на Магнитную вверху Яика имѣвшуюся крѣпость, коею овладѣвъ и разоривъ ее, устремился опъ, миновавъ Верхо-Яицкую крѣпость, на Уйскую линію. Здѣсь овладѣлъ онъ Улыкарагайскую степную Петропавловскую, а напослѣдокъ 20 Мая завладѣлъ опъ и главпую тамъ Троицкую крѣпость, гдѣ, такъ какъ и въ Оренбургѣ, въ лѣтнее время торгъ и мѣна съ Азіатскими купцами и народами происходитъ и бываетъ тамъ великій купеческій съѣздъ и свозъ многихъ товаровъ.

Жалко и почти не можно описать кровопролитія и злодѣйствъ онаго самозванца и сообщниковъ его въ помянутыхъ и другихъ мѣстахъ, съ сей стороны причиненныхъ; словомъ, всѣ штабъ и оберъ-офицеры, въ опыхъ крѣпостяхъ находившіеся, умерщвлены, жены ихъ и дѣти съ самыми простыми женщинами ограбленныя и босыя, гнаты были пѣшкомъ до самой Троицкой крѣпости **). Бывшій здѣсь Комендантъ, Г. Бригадиръ Фейерваръ, который на сей бѣдственный случай находясь болепъ и возимъ былъ въ колескѣ, заколотъ копьями. Г-жа Бригадирша, жена его, по жалобѣ на нее одного слуги, или служанки, яко бы въ жестокомъ содержаніи, привязана была къ лошадиному хвосту, и таскали ее живую еще по улицамъ, а наконецъ оные злодѣи тирански ее умертвили. Все сіе въ Троицкой крѣпости бывшее кровопролитіе происходило 20 Мая имѣніе жъ всѣхъ, а равно и находившіеся тамъ товары собраны и раскладены были верстахъ въ трехъ отъ крѣпости, по кучамъ, съ тѣмъ, дабы на завтрашній день между злодѣями быть раздѣлу, да и всѣ въ живыхъ тутъ оставшіеся на другой день ожидали своей судьбины; чего ради и выведены они были въ злодѣйскій лагерь, отъ крѣпости верстахъ въ трехъ имѣвшійся. Но сей день былъ днемъ ихъ спасенія: ибо Г. Генералъ-Поручикъ Декалонгъ съ командою своею хотя и крайне поспѣшалъ нагнать злодѣевъ, однакожъ прежде не могъ поспѣть туда, какъ 21 числа Мая, то есть, на другой день послѣ взятія Троицкой крѣпости. Злодѣи встрѣтили его верстахъ въ 8-ми отъ крѣпости; но опъ съ корпусомъ своимъ напавъ на нихъ, всѣхъ ихъ разбилъ и разсѣялъ прежде, нежели они къ вышеозначенному дѣлежу приступили, и побивъ изъ нихъ многихъ на мѣстѣ

*) Изъ находящихся въ Исетской провинціи Башкирскихъ старшинъ, Кубеляцкой волости старшина Баимъ-Тархапъ есть знатнѣйшій и всѣхъ другихъ богатѣе; ибо у него у одного въ конскомъ его заводѣ счисляли лошадей отъ 5 до 6 тысячь. Сей старшина, приклонившись къ Пугачеву, былъ ему тамъ главнымъ сообщникомъ и помощникомъ.

**) Сказываютъ, что самозванецъ Пугачевъ, пришедъ на Уйскую линію, посылалъ отъ себя въ среднюю Киргизъ-Кайсацкую Орду къ Облаю Салтану и къ тамошнимъ старшинамъ съ требованіемъ, чтобъ они ему къ овладѣнію Троицкой крѣпости помогли, обѣщая имъ за то всѣхъ плѣнныхъ людей отдать въ свойство; но они отъ сего отреклись, и никто къ нему изъ нихъ для онаго не бывалъ.

сраженія, спасъ жизнь многихъ, бывшихъ въ рукахъ уже злодѣевъ, отъ погибели.

Сказывали завѣрно бывшіе при томъ и смотрѣвшіе на оное побоище, что самъ Пугачевъ въ сіе время не выѣзжалъ на сраженіе, но лежалъ въ палаткѣ, имѣвъ у себя руку подвязану, да и видѣли его ѣхавшаго верхомъ на лошади, съ подвязанною жъ рукою *). А какъ-де ему сказано было отъ одного казака, что сраженіе для нихъ несчастливо, и онъ бы поскорѣе убирался, то онъ, сѣвъ на лошадь и поѣхалъ потихоньку за увалъ вдаль отъ крѣпости, а тѣмъ и спасся отъ поимки; къ чему, сказывали, яко бы былъ тутъ весьма хорошій случай; но не многіе-де то видѣли и знали. Коль же скоро перевалился онъ опять въ Башкирію, то будучи здѣсь, и умножилъ онъ себѣ снова сообщниковъ, да и оставшіеся отъ разбитія злодѣи туда жъ къ нему съѣхались; а хотя еще послѣ вышеозначеннаго разбитія и были на него нападенія съ немалымъ ему урономъ, однакожъ находилъ онъ всегда способы совокуплять и умножать свои силы. И такъ онъ отсюда въ невѣроятной почти скорости прошелъ чрезъ всю Башкирію къ рѣкѣ Камѣ, и тамъ будучи, завладѣлъ близъ пригородка Мензелинска большимъ дворцовымъ селомъ Каракулинымъ, потомъ пригородомъ Осою и другими многими тамошними жительствами, умноживъ себѣ сообщниковъ еще гораздо больше прежняго, да и артиллеріи въ разныхъ мѣстахъ нахваталъ немалое число; оттоль пошелъ онъ къ рѣкѣ Вяткѣ, взявъ намѣреніе итти отсюда прямо къ Казани, для овладѣнія симъ знатнымъ и богатымъ городомъ, знавъ, что тутъ небольшая воинская команда находится.

По первымъ извѣстіямъ, что оный великій злодѣй и самозванецъ перешедъ изъ Башкиріи къ рѣкѣ Камѣ, стремился уже и къ городу Казани, вышеозначенные Гг. Генералы, чтобъ удержать стремленіе онаго злодѣя, хотя и пошли туда же, а именно: Князь Голицынъ изъ Уфы къ пригороду Заинку, близъ Камы рѣки и по пути къ Казани лежащему съ немалымъ корпусомъ, а Генералъ-Поручикъ Князь Щербатовъ прямо на Казань изъ Бугульмы <ибо онъ изъ Оренбурга выѣхалъ туда еще въ первыхъ числахъ Іюля мѣсяца, въ томъ разсужденіи, что ему, какъ главному командиру, быть здѣсь посреди>; однакожъ не могли они помянутому городу подать помощи. Злодѣй Пугачевъ, пришедъ сюда 11 числа Іюля съ многочисленною своею толпою, сдѣлалъ ударъ, имѣя при себѣ и артиллерію; малая, находившаяся здѣсь воинская команда, выведена внѣ жила къ рогаткамъ и къ небольшому рву, скоропостижно на сей случай сдѣланному, не могла удержать злодѣйское стремленіе: они, ворвавшись въ жило, безъ всякой защиты бывшее, зажгли оное въ разныхъ мѣстахъ, сдѣлали не только великіе пожары, но и грабительства домовъ, а притомъ захватили великое число обоего пола людей и отослали въ свой злодѣйскій лагерь, гдѣ умерщвлены были отъ нихъ многіе. Они сей же день порывались было и на самую крѣпость, внутри города имѣющуюся, гдѣ находились тамошніе Архіепископъ, Губернаторъ <въ крайней болѣзни находившійся, отъ которой онъ скоро послѣ сего погрому и умеръ> и другія знатнѣйшія особы; да и великое множество народа, для спасенія своего съѣхавшіеся; но престарѣлый Г. Генералъ-Маіоръ Кудрявцевъ изъ дома своего переѣхать туда отрекся, а потому и убитъ онъ ворвавшимися въ домъ его злодѣями. Пугачевъ, примѣтя, что вышеозначенною крѣпостью или замкомъ скоро овладѣть ему не можно, отложилъ нападеніе на оный до другаго дня, а самъ съ сообщниками своими, оставя нѣсколькихъ при пожарищахъ въ городѣ для ночлега, отъѣхалъ въ свой лагерь, и тамъ будучи, какъ выше значитъ, многихъ изъ захваченныхъ въ городѣ погубилъ; отъ вышеозначеннаго жъ злодѣями причиненнаго пожара славный Казанской Богоматери монастырь, многія церкви, гостиные дворы и почти всѣ слободы до основанія сгорѣли; уцѣлѣли только четыре предмѣстья, то есть Архангельское и Суконное, да двѣ Татарскія слободы.

Тотъ же день ввечеру, когда самозванецъ Пугачевъ съ сообщниками своими намѣревался еще быть въ городъ и приступать къ замку, прибылъ туда на спасеніе всѣхъ оставшихся тамъ храбрый Подполковникъ Михельсонъ съ имѣвшимися при немъ деташементами, и нимало не мѣшкавъ, а притомъ и не взирая на многочисленную злодѣйскую толпу, вступилъ въ сраженіе, и такъ ихъ поразилъ, что они, оставя на мѣстѣ множество убитыхъ, разбѣжались всѣ врозь; думали, что симъ однимъ пораженіемъ оставившіе городъ жители спаслись отъ угрожаемой крайней ихъ погибели; но тѣмъ все дѣло не было еще окончено: самозванецъ Пугачевъ, будучи пораженъ, кинулся и разослалъ отъ себя сообщникамъ своимъ въ близъ города лежащія села и деревни, и обѣщая великія награжденія, собралъ разной сволочи, а больше Татаръ и новокрещеныхъ Чувашъ, столь много, что людство его составило болѣе 25.000, съ которымъ вознамѣрено напередъ атаковать и разбить упомянутаго Подполковника Михельсона, а потомъ снова приступать къ городскому замку всѣми силами и совершенно овладѣть ему симъ городомъ.

Въ дѣяніяхъ древнихъ вѣковъ и въ новѣйшихъ Исторіяхъ едва найдутся-ли примѣры, чтобы столь отважный и многолюдный злодѣй побѣжденъ и совершенно прогнатъ былъ отъ города, почти со всѣмъ, въ рукахъ его пмѣвшимся, такою малою командою и отважностію, какову имѣлъ здѣсь Г. Михельсонъ; но какъ сіе, такъ и все вышеозначенное требуетъ подробнаго и обстоятельнаго описанія, а я предварительно сообщаю одинъ только перечень; а потому, не распространяясь здѣсь объ оном, за неимѣніемъ у меня вѣрныхъ на все записокъ и доказательствъ, внесу здѣсь точную копію съ рапорта помянутаго Г. Михельсона о семъ храбромъ его поступкѣ, съ великою отвагою и безстрашіемъ учиненномъ. Сію копію имѣю я изъ рукъ моихъ пріятелей. Рапортъ его писанъ отъ него къ Г. Генералъ-Поручику и кавалеру Князю Щербатову, отъ 16 Іюля 1774 года слѣдующаго содержанія:

«Я, не будучи въ состояніи, за изпуренными моими лошадьми, довольно пользоваться двоекратными побѣдами 12 и 13 чиселъ надъ государственнымъ злодѣемъ, воромъ Пугачевымъ, долженъ былъ остановиться на Арскомъ полѣ. 14-го получилъ извѣстіе, что злодѣй, верстахъ въ 20-ти отъ Казани, усиливаетъ свою толпу, кою онъ и дѣйствительно совокупя къ себѣ болѣе 10 кучъ, набранныхъ его сообщниками, умно-

*) Говорили, что онъ былъ тогда раненъ выстрѣломъ изъ ружья при Магнитной крѣпости; но самъ, по поимкѣ, содержавшійся въ Симбирскѣ, онъ, Пугачевъ, объявилъ, что раненъ былъ изъ пушки картечью.

жилъ и сдѣлался больше, какъ въ 25.000 человѣкъ, съ коими вчерашняго числа и сталъ подвигаться для нападенія на меня, съ тѣмъ, чтобъ разбить меня, взять Казань и простирать бы далѣе свои варварства и злости. Я, какъ скоро узналъ о приближеніи злодѣевъ, будучи подкрѣпленъ полученіемъ отъ его превосходительства Г. Генералъ-Маіора и кавалера Потемкина полутораста пѣхоты, пошелъ къ нимъ на встрѣчу къ тому мѣсту, гдѣ имѣлъ сраженіе 12-го числа. Злодѣи на меня наступили съ такою пушечною и ружейною пальбою, и съ такимъ отчаяніемъ, коего только въ лучшихъ войскахъ найти надѣялся, и малое мое число конечно бъ должно было уступить многолюдству злодѣевъ, ежели бы не были подкрѣплены надеждою на Бога, усердіемъ къ Ея Императорскому Величеству, нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ и утверждены не были со мною умереть или побѣдить стремленія злодѣйскія. Въ продолженіе четырехъ часовъ сраженіе, не уступая ни съ которой стороны, сражаясь сначала стрѣльбою, а потомъ уже штыками и копьями, сколь ни опасный взяло видъ, однако помощію Божіею перемѣнилось:—я, взявъ съ собою послѣдній мой резервъ въ 40 человѣкахъ карабинеровъ, ударилъ въ то мѣсто, гдѣ подкрѣпленіе было нужнѣе, и злодѣи, сколько ни усиливались, помощію Божіею и храбростію войскъ Ея Императорскаго Величества были обращены въ бѣгъ съ потерею всей артиллеріи и до 2,000 разныхъ народовъ, по большей части иновѣрцевъ убитыхъ; живыхъ взято до 5,000 человѣкъ, знаменъ 17, пушекъ мѣдныхъ 3, чугунныхъ 6, ящиковъ съ снарядами 9 и немалое число пороха. Сколь мои кони утомлены ни были, я, не оставляя ни единаго человѣка, гнался за злодѣемъ, и препоруча всю кавалерію Маіору Харину, не велѣлъ онаго спускать съ глазъ. Злодѣи, имѣвъ лагери въ двухъ мѣстахъ, въ коихъ оставались несчастные Казанскіе жители, доѣзжая какъ до перваго, такъ и до втораго, останавливаясь, старался удерживать стремленіе: однако наши храбрые воины не давали злодѣямъ справляться. Воръ Пугачевъ изъ втораго его лагеря едва ускакалъ изъ рукъ нашихъ, и бывъ преслѣдованъ болѣе 30-ти верстъ, ударился онъ въ лѣсъ, а наши кони были не въ состояніи далѣе итти. Казанскіе жители, жены и дѣти ихъ, кои злодѣемъ были захвачены до 10,000 и болѣе душъ, изъ рукъ варварскихъ освобождены, и получена совершенная побѣда. Я не оставлю, какъ скоро узнаю, куда злодѣй повернулся, употребить всѣ возможности къ истребленію сего вора. За долгъ мой считаю отдать справедливую похвалу, во-первыхъ, Маіору Дуве съ его колонною, въ которой былъ Капитанъ Олсуфьевъ: сія колонна была единая, которую злодѣи не могли привесть къ колебанію. Равномѣрно жъ себя отличили, какъ предъ симъ, такъ и нынѣ, Маіоръ Харинъ, Ротмистръ Чугуевскаго полка Демьяновъ, Архангелогородскаго Князь Енгалычевъ, С.-Петербургскаго Домогацкій, Изюмскаго гусарскаго Капитанъ Кардашевскій, Поручики: С.-Петербургскаго Матисъ фонъ-Фускъ, Тутолминъ, Баронъ Игельстромъ, Архангелогородскаго Баронъ Дельвигъ, Изюмскаго гусарскаго Зелинскій, Томскаго пѣхотнаго Венгерскій, Чугуевскаго Квартирмистръ Яковлевъ, Казанскаго гусарскаго полуэскадрона Скупинскій, Артиллеріи Подпоручикъ Амбраціевъ, Томскаго Блохинъ, 2-го гренадерскаго Быковъ, изъ Корнетовъ: С.-Петербургскаго Селивановъ, Пятинъ, Неймапъ, Изюмскаго Прапорщикъ Рыковъ, Казанскаго полуэскадрона Звѣринскій, Томскаго Ржевскій, Чугуевскаго Ивановъ и Адьютантъ Тареевъ, вахмистры: С.-Петербургскаго Рылѣевъ, Архангелогородскаго Ларіоновъ, сержанты: Томскаго Сапожниковъ, Популовъ и Нармуцкій, Володимірскаго Алекинъ, Малыгинъ и Куроѣдовъ.»

Съ нашей стороны убито разныхъ командъ 35, тяжело раненыхъ 63, легко ранепыхъ 58, лошадей убитыхъ 46, раненыхъ 68. Послѣ сего злодѣй Пугачевъ не отважился уже здѣсь совокуплять и умножать себѣ сообщниковъ, пошелъ онъ съ оставшими при немъ злодѣями по луговой сторонѣ Волги вверхъ и переправился на нагорную подъ Кузьмодемьянскимъ, чрезъ Васильевскій перевозъ, а еще одна или двѣ толпы злодѣевъ, между конми были и Башкирцы, не хотя итти за Волгу, пошли по луговой сторонѣ. Каждая толпа сказывала, что предводитель у нея самозванецъ Пугачевъ, можетъ быть, для того, дабы лучше утаить, гдѣ онъ самъ находится и куда его намѣреніе клонится; но скоро открылось, что онъ за Волгою возмущалъ и разорялъ жительства; пробирался онъ къ городу Нижнему, надѣясь тамъ изъ множества бурлаковъ немалымъ числомъ умножить себѣ сообщниковъ. Сказывали, яко бы изъ находившихся при немъ Яицкихъ казаковъ послалъ онъ отъ себя нѣсколькихъ напередъ въ село Фокино, на берегу Волги лежащее <ниже города Нижняго около 30 верстъ> съ тѣмъ, чтобъ тутошнихъ крестьянъ, принадлежащихъ дворянину Демидову, прежде другихъ возмутить и привлечь въ свое согласіе; но оные, не отдавшись въ обманъ, поймавъ оныхъ возмутителей и связавъ, отвезли въ Нижній, которыхъ тамошній Г. Губернаторъ, Генералъ-Поручикъ и кавалеръ Ступишинъ повѣся, пустилъ на плотахъ на низъ Волгою рѣкою, а сею строгостію тамошнихъ жителей и успокоилъ, да и самъ Пугачевъ узнавъ, что ему въ Нижнемъ удачно быть не можетъ, намѣреніе свое итти туда отмѣнилъ, и обратился вмѣсто того къ городу Алатырю.

Идучи сюда спопутно, возмущалъ вездѣ подлый народъ, и завладѣвъ городами Алатыремъ, Саранскомъ, Пензою и Саратовомъ, причинилъ въ нихъ ужасныя кровопролитія и грабительства, умертвилъ тамошнихъ начальниковъ и множество находившихся въ тѣхъ городахъ и уѣздахъ дворянъ, кои ему и сообщникамъ его въ руки попались. Изъ Саратова жъ со всею злодѣйскою толпою пошелъ онъ прямо къ Царицыну, которымъ городомъ также могъ бы овладѣть, если бъ не дошла до него вѣсть, что гонится за нимъ близко предъупомянутый храбрый Полковникъ Михельсонъ. Сіе послыша и оставя осаду Царицына, пошелъ онъ на утекъ внизъ по Волгѣ далѣе; но помянутый Полковникъ съ передовою своею командою нагнавъ сего злодѣя ниже Царицына верстахъ во стѣ, 25 Августа сдѣлавъ съ нимъ сраженіе, разбилъ его до основанія и всю находившуюся при немъ артиллерію, а именно 19 пушекъ, 4 единорога, да пудовую мортиру, отбилъ и весь его обозъ получилъ въ добычу. При семъ сраженіи убито было злодѣевъ на мѣстѣ болѣе 2000, а въ плѣнъ взято 6000 человѣкъ: только самъ онъ Пугачевъ и здѣсь еще увернулся и обратилъ свой бѣгъ на луговую сторону; но для истребленія его отряжены были отъ Г. Генералъ-Маіора Мансурова и Царицынскаго Коменданта Г. Полковника Цыплетева 200 Яицкихъ казаковъ

подъ командою Маіора Бородина, и Донской Полковникъ Тавпискій съ его полкомъ, которымъ паистрожайше подтверждено всюду за нимъ слѣдовать, и атаковавъ, поймать или совсѣмъ истребить; а сверхъ того и командующіе Г.г. Генералъ-Поручикъ и кавалеръ Суворовъ и предъупомянутый Генералъ-Маіоръ Князь Голицынъ, перешедъ Волгу съ ихъ командами, для преслѣдованія и поимки его Пугачева туда жъ устремились.

Оставшіеся отъ разбитія сообщники его Пугачева, узнавъ, что со всѣхъ сторонъ съ крайней поспѣшностію гонятся за ними сильные деташементы, отъ которыхъ они неминуемо окружены и стѣснены быть имѣютъ къ неизбѣжной ихъ погибели, начали для спасенія своего помышлять о поимкѣ помянутаго самозванца, дабы, и отдачею онаго отъ себя, сколько нибудь облегчить свои винности, кои сказывали, что сіе намѣреніе между сообщниками Пугачева въ побѣгѣ ихъ отъ Волги продолжалось нѣсколько времени; а какъ они пріѣхали на Узени, которыя мѣста подошли къ Яицкому городку, и Пугачевъ сталъ имъ представлять, что лучше и безопаснѣе для нихъ итти имъ на взморье къ Гурьеву городку и оттоль пробраться въ Персію <къ чему напредъ сего и Яицкихъ казаковъ склонилось намѣреніе>, то всѣ они отъ сего похода отреклись, и поссорясь съ нимъ явно, сказали ему, что они много за нимъ ѣздили, а теперь уже онъ бы за ними ѣхалъ; изъ-за чего, связавъ его, и послали отъ себя въ Яицкій городокъ съ извѣстіемъ, что они его связали, и когда привезутъ его, то будутъ ли прощены. Въ Яицкомъ городкѣ находился тогда для слѣдственныхъ дѣлъ по Секретной Коммисіи Гвардіи Капитанъ-Поручикъ Мавринъ, почему отъ находящагося тамъ въ Комендантской должности Полковника Симонова, для привоза и пріема его, и командированъ былъ Сержантъ Бордовскій, которому онъ Пугачевъ отъ тѣхъ его сообщниковъ и отданъ былъ связанный. И такъ привезенъ онъ въ Яицкій городокъ и посаженъ тутъ подъ крѣпкій караулъ. Все сіе произошло въ тѣ самыя числа, въ которыя онъ великій государственный злодѣй прошлаго 1773 года оказался въ тѣхъ же мѣстахъ на Яицкихъ казачьихъ хуторахъ и подъ Яицкимъ городкомъ, о чемъ въ описаніи Оренбургскаго осаднаго времени обстоятельнѣе значитъ.

По привозѣ Пугачева въ Яицкій городокъ, не только вышеозначенные отъ Царицына для поиску и поимки его отправленные деташементы, но и вышеупомянутые Генералы въ самомъ короткомъ времени въ Яицкій городокъ прибыли, а тѣмъ и подтверждается, что означенные сообщники Пугачева въ поимкѣ и привозу въ помянутый городокъ того самозванца и предводителя своего ни чѣмъ больше, какъ страхомъ отъ приближившихся къ нимъ со всѣхъ сторонъ войскъ были подвигнуты и принуждены: самозванецъ же сей, по учиненіи ему чрезъ вышереченнаго Гвардіи Капитана Маврина надлежащаго допроса, взятъ Г. Генералъ-Поручикомъ и кавалеромъ Суворовымъ и повезенъ къ Главнокомандующему, Генералъ-Аншефу Графу Петру Ивановичу Панину подъ паикрѣпчайшимъ карауломъ, для котораго его отвоза сдѣлана была па-подобіе клѣтки особливая на двухъ колесахъ телѣга, куда онъ посаженъ, по рукамъ и по ногамъ скованный *).

*) Одинъ Капитанъ въ Яицкомъ городкѣ при командѣ находящійся, сообщилъ въ Оренбургъ извѣстіе <пущенное оттоль 30 Сентября> какъ о побѣгѣ часто помянутаго злодѣя отъ Царицына, такъ и о поимкѣ онаго сообщниками его, кое разсудилось мнѣ здѣсь вмѣстить такъ, какъ оно есть:

Когда сей извергъ въ послѣдніе разбитъ ниже Царицына, то бросился опрометью съ оставшими при немъ чрезъ Волгу вплавь, а на другомъ берегу въ безопасности будучи, сдѣлалъ совѣтъ, куда бы имъ слѣдовать и что далѣе предпринять; самъ онъ злодѣй намѣревался, чтобъ итти въ Киргизскую орду, чтобъ какъ оную, такъ и другіе смежные къ нимъ народы въ помощь свою привлечь, и тѣмъ усилясь, вновь тѣ жъ самыя, какія уже злодѣйства чинили, распространить; но его сообщники <всѣ они были до одного человѣка изъ Яицкихъ казаковъ>, на такія предложенія не соглашались, а сдали его, чтобъ ѣхать на Узени <сіе такое мѣсто, въ которомъ наилучшее для бѣглыхъ воровъ убѣжище, состоящее отъ Яицкаго городка верстъ ста съ два>. Злодѣй долженъ былъ совѣту ихъ послѣдовать, ибо, кромѣ сихъ, никого уже при себѣ не имѣлъ, а казаки представляли, что пробывъ тутъ, будутъ они снова размышлять и придумывать, куда бъ лучше ѣхать, и такъ на Узени поѣхали. Между тѣмъ Яицкіе бунтовщики видя, что во всѣхъ мѣстахъ удачи имъ больше не было: какъ ни повстрѣчаются съ войсками, отъ оныхъ всегда въ прахъ были разбиваемы, зная жъ, что вездѣ слѣдуютъ за ними партіи и что далѣе злодѣйства свои продолжать способовъ больше уже не имѣютъ, да и самимъ приходить конецъ,— положили, въ намѣреніи, чтобъ всѣ свои варварскіе поступки поимкою Пугачева загладить, надѣясь, что за сіе конечно ихъ всѣхъ простятъ. Въ такомъ намѣреніи пріѣхавъ на Узени и отманя Пугачева отъ прочихъ далѣе, арестовали, а потомъ увезли уже до самыхъ форпостовъ подъ карауломъ, однако жъ не связаннаго, ибо де онъ проговаривалъ, что, за такое безчестіе ему, безъ наказанія оставлены они не будутъ, и яко бы Наслѣдникъ за него конечно вступится. Прибывъ на линію, то есть между четвертымъ и третьимъ отъ Яика форпостами, послали изъ толпы своей двухъ человѣкъ съ извѣстіемъ, и чтобъ провѣдать, будетъ ли имъ прощеніе симъ, какъ были они увѣрены, то помянутаго изверга высланному пятидесятнику Харчеву и отдали, а онъ его посадя въ колоду и привезъ на Яикъ. Драки и несогласія при заарестованіи сего чудовища у его партизановъ не было; а хотя онъ въ одномъ мѣстѣ, сказываютъ, и схватилъ было у казака саблю и пистолетъ, приказывая главныхъ предводителей ловить и вязать, только ни кто уже его не слушалъ, и смотрѣли накрѣпко, чтобъ онъ какимъ-либо образомъ не ушелъ.

Есть еще и другое съ Яика извѣстіе, отъ офицеровъ въ Оренбургъ сообщенное, въ коемъ значится, что онъ Пугачевъ въ Яицкій городокъ привезенъ былъ имѣющій на себѣ хорошее шелковое платье <кое послѣ съ него снято и отдано тому, кто его привезъ>, и когда-де предупомянутый Гвардіи Капитанъ Мавринъ спросилъ во-первыхъ: кто онъ таковъ, тогда отвѣтствовалъ онъ безъ всякаго запинанія, что онъ Донской казакъ Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ; а какъ спрошенъ былъ еще, съ чего онъ отважился принять на себя Высочайшее званіе, то сперва сдѣлалъ отзывъ, всѣмъ такимъ злодѣямъ свойственный: Богу изволившу наказать Россію чрезъ его окаянство, и проч. Когда жъ онъ отъ реченнаго Капитана выведенъ былъ на площадь для показанія содержавшимся тамъ подъ карауломъ его сообщникамъ и народу, то всѣ его сообщники, посмотрѣвъ на него и признавъ его своимъ бывшимъ предводителемъ, потупили глаза свои въ землю, а онъ Пугачевъ публично уличалъ ихъ, что они упрашивали его нѣсколько дней принять на себя вышеозначенное званіе и быть бы ихъ предводителемъ, отъ чего онъ сперва отрицался, а наконецъ хотя къ тому и склонился, однако жъ всѣ свои поступки и злодѣйства производилъ онъ по ихъ волѣ, а многія-де злодѣйства и сами они, не сказывая ему, дѣлали, и проч.

ПРИБАВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ,

въ которомъ содержится краткое извѣстіе о томъ, что по привозѣ онаго злодѣя Пугачева въ Симбирскъ, а оттуда по отвозѣ его въ Москву происходило, и какая сему врагу отечества казнь учинена.

По привозѣ помянутаго Пугачева въ Симбирскъ, когда онъ представленъ былъ Главнокомандующему Генералу, его сіятельству Графу Петру Ивановичу Панину, при многолюдномъ собраніи народа на дворѣ его сіятельства, то хотя онъ и признавался тутъ публично, что онъ Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, и какъ предъ Богомъ, такъ и предъ Ея Величествомъ важныя преступленія чинилъ и предъ всѣмъ государствомъ виноватъ; но, можетъ быть, по привычкѣ своей, или по злой своей натурѣ, отвѣтствовалъ на вопросы его сіятельства очень смѣло и дерзновенно, то раздража тѣмъ его сіятельство, тутъ же предъ всѣмъ народомъ получилъ отъ собственныхъ его рукъ нѣсколько пощечинъ и ударовъ, изъ-за чего и началъ уже быть кротокъ, и ставъ на колѣна, просилъ у его сіятельства помилованія. Послѣ чего посаженъ онъ былъ подъ крѣпкій гвардейскій караулъ, скованный по рукамъ и по ногамъ желѣзами, а сверхъ того около поясницы его положенъ былъ желѣзный обручъ съ желѣзною жъ цѣпью, которая вверху прибита была въ стѣну; такимъ образомъ содержался въ Симбирскѣ.

1774 года сего числа за довольнымъ конвоемъ и отправленъ былъ на перемѣнныхъ подводахъ въ Москву, для окончательнаго слѣдствія и рѣшенія *).

*) Въ бытность мою въ Симбирскѣ, по повелѣнію его сіятельства, для нѣкоторыхъ изъясненій, касающихся до Оренбургской губерніи дѣлъ, самъ его сіятельство изволилъ меня спрашивать, желаю ль я онаго злодѣя видѣть, и какъ я донесъ, что не малое имѣю къ тому любопытство, то приказалъ онъ меня препроводить на ту квартиру, гдѣ помянутый Пугачевъ содержался; чтобъ подать здѣсь о смыслѣ и состояніи его нѣкоторую идею, то нарочно вношу здѣсь краткій мой съ онымъ злодѣемъ бывшій разговоръ. Вошедъ къ нему въ такое время, когда онъ сидѣлъ и ѣлъ щербу, налитую на деревянное блюдо, первое его слово было ко мнѣ: «добро пожаловать» съ просьбою — съ нимъ обѣдать, а сіе онъ не только удовилъ, но и утроилъ. Я изъ сего познавъ подлый духъ и помолчавъ немного, сталъ ему говорить: Какъ онъ отважиться могъ на такія злодѣйства и продерзости? На сіе онъ отвѣтствовалъ, что виноватъ передъ Богомъ и Ея Величествомъ, и будетъ стараться все оное заслуживать, что онъ по своей подлости и божбою неоднократно подтверждалъ. Послѣ того спросилъ онъ у меня, кто я; и какъ я ему отвѣчалъ о моемъ званіи, въ отвѣтъ сказавъ при томъ, что я отъ него и его сообщниковъ совсѣмъ разоренъ, а тягчѣе всего, что лишился моего сына, бывшаго въ Симбирскѣ Комендантомъ и Полковникомъ, который убитъ недавно подъ пригородомъ на сраженіи съ его сообщниками, то онъ отвѣтствовалъ на сіе, яко бы все то дѣлано безъ его вѣдома, ибо-де сообщники его, что ни похотѣли, то, не спрашиваясь его, сами дѣлали. А какъ я, выговоря объ моемъ покойномъ сынѣ, смутился и отъ слезъ удержаться не могъ, тогда яко бы и онъ Пугачевъ, какъ то бывшіе со мною штабъ и оберъ-офицеры увѣряли, заплакалъ же: но сіе было въ немъ отъ его великаго притворства, къ которому, какъ отъ многихъ слышно было, такъ онъ пріученъ, что, когда бъ ни захотѣлъ, могъ дѣйствительно плакать. Впрочемъ изъ лица и рѣчи его Пугачева примѣтно мнѣ было, что онъ самый извергъ натуры и ко всякому злому предпріятію склонный человѣкъ; глаза у него чрезвычайно быстры, волосы и борода черные, росту небольшаго, но широкъ въ плечахъ, и весьма скоръ въ поворотахъ къ воинскимъ дѣламъ по казацкимъ обыкновеніямъ, и при многихъ случаяхъ оказывалъ онъ великую склонность и проворность. Личина его, напереди сего описанія приложенная, съ подобіемъ лица и стана его нарочито сходствуетъ.

---

2) Экстрактъ изъ журнала Командующаго войсками для императорскаго Величества, Г. Генералъ-Маіора и кавалера Князя Петра Михайловича Голицына, о деташементахъ, командированныхъ въ разныя мѣста для поиска и истребленія злодѣевъ, и какія гдѣ отъ нихъ дѣйствія и успѣхи были.

1. Военное дѣйствіе было отъ рѣки Волги, гдѣ прежде бывшій Казанской, а нынѣ Оренбургской губерніи, городъ Сакмара и пригородъ Алексѣевскъ, на Сакмарѣ же рѣкѣ лежащій, заняты уже были посланными отъ Самозванца Пугачева сообщниками его командированнымъ отъ Г. Генералъ-Маіора и кавалера Мансурова деташементомъ, оба оныя мѣста изъ злодѣйскихъ рукъ освобождены, да и въ другихъ, гдѣ оные злодѣи встрѣчались, посыланными отъ него партіями съ немалымъ ихъ уропомъ были разсыпаны.

2. Въ первыхъ числахъ Января командированъ былъ отъ Г. Генералъ-Аншефа и кавалера Александра Ильича Бибикова съ особливымъ деташементомъ вверхъ по Камѣ рѣкѣ до пригорода Мензелинска родной его племянникъ, Г. Полковникъ Бибиковъ, коему отдѣлено было баталіонъ гренадеръ и два эскадрона конныхъ. Онъ, гдѣ ни встрѣчались ему злодѣйскія толпы, вездѣ ихъ поражалъ съ великимъ ихъ урономъ; а между тѣмъ онъ же и пригородъ Заинскъ, въ рукахъ уже злодѣйскихъ бывшій, въ который они засѣвъ и преклоня тамошнихъ жителей на свою сторону, противиться было тутъ стали, изъ злодѣйскихъ рукъ вырвалъ, выгнавъ изъ него оныхъ злодѣевъ, побилъ ихъ до 400 человѣкъ, и въ плѣнъ взялъ немалое число, отнявъ у нихъ пушки, а тутошнихъ жителей усмирилъ. Потомъ 10 числа Февраля 1774 года прибылъ въ Нагайбацкую крѣпость, и узнавъ отъ тамошнихъ обывателей, что

въ крѣпостцѣ, называемой Бакалы <отъ Нагайбака въ 37 верстахъ>, стоитъ злодѣйская толпа въ 4000 человѣкахъ, немедленно туда выступилъ, взявъ съ собою 300 человѣкъ пѣхоты, 120 гусаровъ и 50 казаковъ, да 4 пушки, 11-го числа поутру оную крѣпость атаковалъ, и выгналъ изъ нее злодѣевъ; слѣдуя жъ за ними нѣсколько верстъ, побилъ изъ нихъ до 400 человѣкъ, а оттуда возвратясь въ Нагайбакъ, пошелъ чрезъ Бугульму, для соединенія съ корпусомъ его сіятельства.

3. Г. Полковникъ Хорватъ около рѣки Вятки нагнавъ скопляющихся тутъ злодѣевъ, всѣхъ разбилъ и разсѣялъ, да и предводителя ихъ, который возмущалъ тамъ народъ, поймавъ, на страхъ тамошнихъ жителей, учинилъ ему предъ народомъ достойное наказаніе.

4. Капитанъ Ѳаддеевъ, около Черемшана рѣки, подъ деревнями Аѳонкиной и Туармой, нагнавъ злодѣевъ до 200 человѣкъ, убилъ ихъ на мѣстѣ, да 25 человѣкъ въ плѣнъ взялъ. Онъ же Ѳаддеевъ узналъ, что въ деревнѣ Соленкиной находится около 3000 человѣкъ Башкирцевъ, приставшихъ къ самозванцу и злодѣю Пугачеву, взялъ надлежащія мѣры къ ихъ атакѣ, при которой съ обѣихъ сторонъ продолжалась пушечная пальба, а наконецъ всѣ оные злодѣи были отъ него опрокинуты и устремились на побѣгъ, оставя на мѣстѣ убитыхъ до 300 человѣкъ, въ томъ числѣ и главный ихъ начальникъ, да двѣ чугунныя пушки.

5. Поручикъ Князь Ураковъ, отраженный отъ помянутаго жъ Капитана Ѳаддеева на злодѣевъ, конхъ было до 300 человѣкъ, напавъ на нихъ, побилъ изъ нихъ 50, да въ плѣнъ взялъ 7 человѣкъ.

6. Капитанъ Квашнинъ-Самаринъ, при деревнѣ Сентемирѣ, напавъ на собравшихся тутъ злодѣевъ, конхъ было до 800 человѣкъ, совершенно ихъ разбилъ, и взялъ изъ нихъ въ плѣнъ не малое число.

7. Командированный отъ Г. Генералъ-Маіора и кавалера Фреймана Маіоръ Валленштейнъ, имѣвъ сраженіе съ злодѣями на большой Московской дорогѣ, въ селѣ Спаскомъ, которое по помѣщикѣ и Рычковымъ называется, гдѣ оные злодѣи не малое время имѣли свой станъ и форпостъ, всѣхъ ихъ разбилъ и изъ того села выгналъ, а сверхъ того, получилъ онъ тутъ въ добычу награбленнаго здѣсь оными злодѣями провіанта и фуража 280 подводъ, да 250 рогатой скотины, что роздано по командамъ.

8. Г. Подполковникъ и кавалеръ Бедряга, командированный отъ Г. Полковника Бибикова, сперва при деревнѣ Чолпахъ имѣлъ сраженіе съ злодѣями, оставилъ ихъ на мѣстѣ убитыми до 100, да въ плѣнъ взялъ 25 человѣкъ; потомъ онъ же отъ помянутаго Г. Полковника командированъ былъ съ 300-ми пѣхоты, съ однимъ эскадрономъ гусаръ и съ 4-мя пушками, засѣвшихъ и укрѣпившихся засѣкою въ селѣ Пьяномъ Бору въ немаломъ людствѣ злодѣевъ, не только всѣхъ изъ той ихъ засѣки выгналъ, но и побилъ изъ нихъ до 400 человѣкъ, да въ плѣнъ взялъ 60, а коп засѣли было въ избахъ и отстрѣливались, тѣхъ разъяренные военные люди всѣхъ перерѣзали и перекололи.

9. Г. Подполковникъ Гриневъ, послѣ завлалѣнія злодѣями Ставропольской крѣпости, напавъ на тѣхъ злодѣевъ около Краснояpской крѣпости, сію злодѣйскую толпу разбилъ, и взятыя ими въ Ставрополѣ пушки и порохъ съ снарядами у нихъ отбилъ.

10, Нарвскаго пѣхотнаго полка Премьеръ-Маіоръ и кавалеръ Гагринъ отправленъ былъ отъ самого вышеупомянутаго Г. Генералъ-Аншефа и кавалера въ Кунгуръ, и узнавъ тамъ злодѣйскій скопъ, простиравшійся до 2000 человѣкъ, не смотря на ихъ многолюдство, небольшою своею командою отважился ихъ атаковать, всѣхъ ихъ разбилъ, и отнялъ у злодѣевъ 18 пушекъ. Убитыхъ на мѣстѣ сочтено имъ 50, да въ плѣнъ взято 60 человѣкъ, при чемъ самъ онъ раненъ въ ногу, но не опасно; убитыхъ у него было 3, да раненыхъ кромѣ его самого, 5 человѣкъ.

11. Г. Полковникъ и кавалеръ [Ильинъ], командированный отъ Г. Генералъ-Маіора Фреймана, нашедъ толпу злодѣевъ около 700 человѣкъ подъ деревнею Акбашами <отъ Бугульмы въ 30 верстахъ>, атаковалъ оную; злодѣи встрѣтили его съ необыкновеннымъ крикомъ, дѣлая со всѣхъ сторонъ устремленіе; наконецъ всѣ они, убоявшись пушечной пальбы и раздѣлясь на пять кучъ, ударились на побѣгъ, за которыми командированъ отъ него былъ Гвардіи Капитанъ Толстой. При семъ случаѣ побито злодѣевъ 35 человѣкъ, въ добычу получено 200 пикъ, довольное число рогатаго скота, провіанта и фуража.

12. Команды Г. Полковника Хорвата Капитанъ Воронинъ командированъ былъ отъ Маіора Елагина, для занятія квартиръ, въ деревню Захаркину; военныхъ людей было при немъ только 30 человѣкъ гусаровъ, 56 егерей и 50 гренадеровъ, съ однимъ орудіемъ. Подошедъ онъ Воронинъ къ помянутой деревнѣ, и усмотрѣвъ около ея на высотахъ злодѣевъ около 1000 человѣкъ, далъ знать о томъ командѣ, а между тѣмъ злодѣи и начали по командѣ его стрѣлять изъ пушекъ и окружать его небольшое людство. Онъ, сдѣлавъ батальонъ-каре, со всѣхъ фасовъ производилъ пальбу, и оною отъ тѣхъ злодѣевъ оборонялся. Помянутый Полковникъ, увѣдомясь о томъ, отрядилъ къ нему Маіора Елагина съ немалымъ числомъ гренадеровъ, и эскадронъ съ двумя орудіями; по приходѣ жъ къ нему Воронину изъ сей команды авангарда, устремились они на злодѣевъ, выѣзжая въ самую ихъ толпу. Злодѣи, усмотря сіе и узнавъ, что и Г. Полковникъ самъ туда въ сикурсъ слѣдовалъ, пошли всѣ на побѣгъ. Убитыхъ злодѣевъ найдено на мѣстѣ около 200 человѣкъ, да отнята у нихъ одна пушка; въ плѣнъ взято только 12 человѣкъ: ибо разъяренное воіиско всѣхъ кололо; они безъ остатка бъ были здѣсь истреблены, если бъ глубокіе снѣга помянутому Г. Полковнику не воспрепятствовали подоспѣть къ самому тому происходившему сраженію.

13. Казанскихъ баталіоновъ Секундъ-Маіоръ Поповъ, присланный Казанской губерніи въ провинціальный городъ Кунгуръ съ рекрутами, по усмотрѣнію Главнокомандующаго Генералъ-Аншефа, такое сдѣлалъ тамъ благоразумное и порядочное распоряженіе и оборону сему городу, что онъ имѣвъ неоднократныя сраженія съ злодѣями, отъ которыхъ помянутый городъ обложенъ былъ, удержалъ его отъ погибели; а за ту его ревностную службу, по рекомендаціи онаго Г. Генералъ-Аншефа, Именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ и пожалованъ онъ Поповъ въ Подполковники.

14. Предупомянутый Г. Генералъ-Маіоръ и кавалеръ Мансуровъ 14 Февраля приближась съ командою своею къ Бузулуцкой крѣпости, встрѣченъ былъ злодѣйскою толпою, которая

имѣла около 2000 человѣкъ съ 15 пушками; онъ тотчасъ сдѣлалъ учрежденіе къ сраженію съ злодѣями и, отрядя часть войскъ на другую сторону съ Подполковникомъ Грипевымъ, приказалъ имъ зайти и напасть па злодѣевъ отъ деревни Малаховой. Злодѣи начали производить по его командѣ жестокую пушечную пальбу; но, не уважая сего, отряженъ былъ къ атакѣ съ драгупскою ротою Поручикъ Пжовскій, который тотчасъ отбилъ поставленныя у злодѣевъ напереди 2 пушки, и хотя прогналъ ихъ саблями до самой крѣпости, но остановленъ тутъ былъ картечною изъ ихъ пушекъ стрѣльбою. Съ другой стороны Подполковникъ Гриневъ, прошедъ узкимъ проходомъ, въ которомъ состояло 6 пушекъ, преодолѣлъ ихъ мужественно <гдѣ и лошадь подъ нимъ убита>, а потомъ ворвался въ крѣпость; между тѣмъ же отъ стороны его превосходительства отряжены были къ пресѣченію побѣга и къ занятію дороги Маіоръ Соловьевъ, съ двумя ротами гусаръ, и легкія полевыя команды, да Поручикъ Гарстейнъ съ одною ротою драгунъ, и такъ гнались за злодѣями около 7 верстъ. Плѣнные объявили, что прислано было къ нимъ отъ злодѣя Пугачева въ сикурсъ Яицкихъ казаковъ 50, а всего до 1000 человѣкъ; начальники у нихъ были здѣсь: Арановъ, Чулочниковъ и Каюковъ, кои всѣ разогнаты, По занятіи крѣпостей, взято тутъ отъ злодѣевъ пушекъ мѣдныхъ 7, въ томъ числѣ одинъ 12 фунтовой единорогъ, чугунныхъ пушекъ 8, ящиковъ 9, 5 санеи съ снарядами, 3 знамя, дротиковъ казацкихъ 723; убитыхъ сочтено 270, въ плѣнъ взято 286, да явились собою 165 человѣкъ.

15. Маіоръ Елагинъ, находясь въ деревнѣ Пропкиной съ передовымъ деташементомъ, въ коемъ находилось пѣхоты и кавалеріи болѣе 500 человѣкъ и 4 орудія, въ самую ночную темноту и во время сильнаго бурана, принужденъ былъ выдержать нечаянное отъ злодѣевъ нападеніе; онъ немедленно учредилъ тутъ порядокъ, и готовъ былъ къ оборонѣ, по, по несчастію его, при первой атакѣ, сей достойный и храбрый офицеръ убитъ; потомъ подоспѣлъ туда: Владимірскаго полка Капитанъ Самаринъ съ гренадерами и съ подкрѣпленіемъ роты 2-го гренадерскаго полка съ Капитаномъ Олсуфьевымъ, кои съ отмѣнною неустрашимостію бунтовщиковъ отбили съ ихъ уономъ, взявъ отъ нихъ и пушки; и хотя въ продолженіе сего боя покушались бунтовщики еще ту деревню атаковать со всѣхъ сторонъ, но какъ покойнаго Генералъ-Маіора Елагина команда по старшинству досталась Секундъ-Маіору Пушкину, то и не упустилъ онъ доказать своего усердія къ службѣ храбрымъ и хорошимъ предводительствомъ: устроилъ съ своей стороны такой порядокъ къ атакѣ, что злодѣи за ихъ продерзость довольно были наказаны. Потомъ вышелъ онъ изъ деревни для преслѣдованія ихъ, сколько по темнотѣ почи осторожность дозволяла. Сіе сраженіе продолжалось болѣе 3-хъ часовъ; наконецъ злодѣи ушли съ большею ихъ потерею; между убитыми найденъ тутъ главный ихъ начальникъ Толкачевъ и нѣсколько старшинъ; въ плѣнъ взято 36 человѣкъ. Съ нашей стороны главный уронъ состоялъ здѣсь въ потерѣ вышеозначеннаго Маіора Елагина; убито же: Чугуевскаго казацкаго полка Прапорщикъ отъ карабинеръ, унтеръ-офицеръ, карабинеровъ 2, гренадеръ 1; тяжело ранены: 2-го гренадерскаго полка Поручикъ, карабинеръ 1, гусаръ 1, гренадеровъ 2 и канонеръ 1.

---

3) Краткое извѣстіе о злодѣйскихъ на Казань дѣйствіяхъ вора, измѣнника и бунтовщика Емельки Пугачева, собранное Платономъ Любарскимъ, Архимандритомъ Спасо-Казанскимъ, 1774 года Августа 24 дня.

Любезный другъ!

О злодѣйскихъ на Казань дѣйствіяхъ вора, измѣнника и бунтовщика Емельки Пугачева, 1774 г. предпріятыхъ, краткое посылаю вамъ извѣстіе, собранное изъ словесныхъ разсказаній такихъ людей, кои сами, или въ разныхъ противъ его экспедиціяхъ будучи, или по несчастію въ злодѣйскія его руки попавшись и много претерпѣвъ, всѣхъ дерзкихъ и безчеловѣчныхъ сего урода злодѣйствъ зрителями были. Я о истинѣ и точности всѣхъ обстоятельствъ не ручаюсь; но крайней мѣрѣ большая и существеннѣйшая оныхъ часть достовѣрна.

Правда, многіе много и съ немалою противъ моего описанія отмѣнностію разсказываютъ; но сіи, сколько я ихъ знаю, ни въ какихъ сего бунта случаяхъ не бывавъ, болѣе опровергать чужое, нежели о себѣ что либо правдѣ подобное объявить склонны. Мнѣ кажется, сего вора всѣхъ замысловъ и похожденій не только посредственному, но ниже самому превосходнѣйшему историку порядочно описать едва ль бы удалось; коего всѣ затѣи не отъ разума и воинскаго распорядка, но отъ дерзости случая и удачи зависѣли; почему и самъ Пугачевъ, думаю, подробности оныхъ не только разсказать, но и нарочитой части припомнить не въ состояніи, поелику не отъ его одного непосредственно, но отъ многихъ его сообщниковъ полной воли и удальства въ разныхъ вдругъ мѣстахъ происходили.

Для того, друже! и вамъ отъ меня совершенной о сихъ приключеніяхъ несчастливыхъ исторіи ожидать не можно было; будьте и симъ грубымъ начертаніемъ довольны. Притомъ же чрезъ сіе, не историка подробнаго свойство, но усерднаго друга послушаніе оказать старался.

И такъ приступаю къ удовольствованію вашего любопытства.

Послѣ частыхъ пораженій въ окрестностяхъ Оренбурга, злодѣй Пугачевъ, скрывъ на нѣсколько времени свой побѣгъ, покусился чрезъ немалолюдныя свои толпы, подъ предводительствомъ нѣкоторыхъ своихъ сообщниковъ, учинить вторичное нападеніе па городъ Кунгуръ; но, по изрядномъ примѣрными сими въ вѣрности къ правительству жителями сдѣланномъ отпорѣ, видя слабую надежду къ одолѣнію, обратя стремленіе свое къ рѣкѣ Камѣ, показался самъ съ нѣсколькими тысячами всякаго сброда, а паче Башкирцевъ и Татаръ, при городкѣ Осѣ; тогда, по мѣрѣ приближенія къ Казани Пугачева, умножилась въ Казанскихъ жителяхъ робость; ибо явные

УРАЛЬЦЫ ВЪ ПОХОДѢ СУВОРОВА.

[illegible] Гренихера (1800) рис. художникъ [illegible]. Картина [illegible] Уральской сотни въ Спб.

ни

вездѣ распространялись слухи, что онъ прямо стремится на Казань, приводили и поробкія сердца въ смущеніе; но только и было: всѣ боялись; а о невредимости общества никто не помышлялъ: всякій думалъ спасти себя, не помышляя о прочихъ сочленахъ. Послѣ, какъ увѣдомились, что посланный на защищеніе Осы баталіонный Маіоръ Скрипицынъ съ Капитаномъ Смирновымъ и Подпоручикомъ Минѣевымъ, по издержаніи всего военнаго запаса съ согласія жителей, для спасенія себя и города <ибо злодѣй приказалъ ужь было крѣпость, которая вся деревянная, обвалить соломою, намѣреваясь ее сжечь>, сдался со всею при немъ бывшею артиллеріею, тогда не преминули многіе, скрывъ имѣніе свое въ безопасныя мѣста и никому не сказавшись, удалиться съ поспѣшностію изъ Казани.

Несчастный оный предводитель думалъ сдачею своею при способномъ времени услужить отечеству, открывая правительству злодѣевы предпріятія; въ слѣдствіе чего, согласясь съ Капитаномъ и Подпоручикомъ, котораго измѣнническія мысли еще не извѣстны были, написавъ въ Казань письмо, изыскивая надежные способы къ пересылкѣ, носилъ оное въ карманѣ. Измѣнникъ, непмѣвшій никогда благородныхъ мыслей, Минѣевъ, случай сей употребилъ въ мнимую свою пользу, сказавъ о томъ Пугачеву, за что его злодѣй наименовалъ Полковникомъ; напротивъ, тѣ несчастные, безъ дальняго по обыкновенію его разсмотрѣнія, были повѣшены. Возгордясь небольшою сею при Осѣ удачею, Пугачевъ отважился, переправясь чрезъ Каму, пойти на Ижорскій и Воткинскій казенные заводы, гдѣ сбунтовавшись его приходомъ работники, главнаго надъ тѣми заводами командира Венцеля и другихъ, при должностяхъ находившихся, тщетно сопротивленіе чинившихъ, предали злодѣю, которые равную съ прочими таковыми, въ варварскія его руки попадающимися, имѣли участь. Заводы разграблены и почти до основанія разорены, а работниковъ наибольшая часть по своему произволенію записались злодѣю на службу. Послѣ сихъ легкихъ удачь, несмысленный Минѣевъ полумалъ, что можно предпринять что нибудь и важное, и будучи въ тѣхъ мысляхъ, что ежели намѣреніе его соотвѣтствовать будетъ окончанію дѣла, можетъ онъ быть у Пугачева первымъ Министромъ и вольнѣе насытить свои необузданныя страсти, сталъ помышлять о покушеніи на Казань. Сіи столь дерзкія мечты такъ злодѣйскимъ его сердцемъ овладѣли, что, не внемля ни гласу совѣсти, ни страху наказанія отъ Бога и власти, началъ возбуждать, или, лучше сказать, убѣждать Пугачева итти прямо къ своему отечеству, Казани, гдѣ отецъ его, весь родъ, пріятели и знакомые, заклинаясь пакостною своею жизнію, что онъ, по причинѣ развалившагося крѣпостнаго строенія и извѣстныхъ ему слабыхъ расположеній удобно оною овладѣть можетъ. На что, по нѣсколькихъ неудобствахъ несопротивленія, которыя Минѣевъ рѣшить и опровергать старался, злодѣй и склонился. Какъ сіе въ дерзкомъ ихъ совѣтѣ заключено было, то начали, прилежно запасаясь всѣми военными, какъ оруліями, такъ и другими потребностями, коихъ не мало взято было на вышеобъявленныхъ заводахъ, и съ поспѣшностію удаляясь отъ Полковника Г. Михельсона, который ихъ преслѣдовалъ, приближаться къ Казани; тогда большая часть сего города жителей, удостовѣрясь о подлинности грозящаго имъ несчастія, а больше когда услышали, что высланный изъ Казани съ нѣсколькими полевыми солдатами, для воспрепятствованія, Полковникъ Николай Васильевичъ Толстой разбитъ и убитъ <не взирая, что городъ со всѣми предмѣстіями, рогатками и въ надлежащемъ разстояніи батареями укрѣпленъ>, кой-куда бѣжали спасаться, многіе въ Москву, иные въ Симбирскъ, въ Пензу и прочія мѣста.

Наконецъ Пугачевъ, предъ роковымъ днемъ, въ который, суждено по неосторожности отъ злодѣянія его руки Казани погибнуть, то есть 11 числа Іюля, въ самый полдень, за семь верстъ выше Казани, на подлужной лѣвой сторонѣ Казанки рѣки при мельницѣ, Троицкой называемой, въ виду всего города лагеремъ безбоязненно расположась и дѣлая подъ вечеръ разныя движенія, подсылалъ къ городу со стороны Арскаго поля партіи, въ коихъ, какъ сказываютъ, и самъ находился, но не предпринимая въ тотъ вечеръ ничего, возвратился въ свое становище, гдѣ до утра пребывалъ спокойно.

Сволочь его состояла тогда по увѣренію болѣе нежели изъ 20.000 различныхъ людей, яко то: Яицкихъ казаковъ, Башкирцевъ и Татаръ, вооруженныхъ саблями, луками и огнестрѣльнымъ оружіемъ, большая часть изъ мужиковъ заводскихъ и собранныхъ въ около-лежащихъ по дорогѣ деревняхъ, у коихъ никакого болѣе оружія, кромѣ кольевъ, дубинъ и завостренныхъ шестиковъ, въ рукахъ не было.

На другой день, то есть 12 Іюля, поутру, сей злобный буянъ повелъ на горѣ атаку слѣдующимъ образомъ: вся многочисленная оная толпа, подъ предводительствомъ самаго онаго урода и Яицкихъ казаковъ, въ немаломъ протяженіи прямо отъ села Царицына по Арскому полю стремилась къ городу, имѣя предъ собою для защиты и вмѣсто подвижныхъ батарей нѣсколько возовъ соломы, между коими разставлены были пушки въ удивительной скорости; злодѣями наполнились стоящіе въ близости отъ дороги по правую сторону казенные кирпичные сараи, а по лѣвую заборомъ огороженные помѣщицы Неѣловой роща и Генерала Кудрявцева домъ; изъ всѣхъ сихъ засадъ сильною стрѣльбою охранявшую перерывъ дороги небольшую при одной пушкѣ команду сбили съ мѣста, и явно нападать стали, которая видя вокругъ себя великое множество злодѣевъ, иныхъ почти внутрь укрѣпленія уже ворвавшихся, и опасаясь, дабы не быть отрѣзанной, построившись кареемъ, ретировалась за рогатки; между тѣмъ злодѣй Пугачевъ <примѣтивъ еще наканунѣ, что прямо по открытому Арскому полю покушеніе его на городъ, по причинѣ поставленной противъ онаго главной батареи, имѣетъ быть тщетнымъ> отрядилъ съ праваго своего крыла не малое число нѣшей черни, по большей части безъ всякаго оружія, съ одними кулаками, къ рѣчкѣ Казанкѣ, приказалъ берегомъ по подгорью подходить къ предмѣстію; почему малосмысленныя сіи твари, отъ конныхъ Яицкихъ казаковъ сзади плетьми погоняемыя, перебѣгая весьма проворно изъ буерака въ буеракъ, изъ лощины въ лощину и переползывая, по предписанію Минѣева, по егерски на брюхахъ чрезъ вышины, коп пушечнымъ нашимъ выстрѣламъ нѣсколько открыты были, наконецъ такимъ образомъ въ самые крайніе къ жилу два буерака выбрались свободно. И хотя поставленною на семъ опасномъ мѣстѣ одною

небольшою пушкою и производима была по нихъ пальба, однако они, исправно наблюдая вышеупомянутое учрежденіе, снизу Казанки подползши, пушку отбили, и взлѣзши въ Губернаторскій лѣтній домъ, между двумя оными буераками стоящій и съ предмѣстіями соединяющійся, какъ изъ воротъ, такъ и изъ-за заборовъ онаго дома по строю, прямо вдоль за рогатками стоящему, начали палить изъ ружей; при томъ не только уже позади онаго строя оказались, но въ то жъ самое время ближайшія улицы наполнили, чѣмъ во-первыхъ на главной батареѣ причинили великое смятеніе; съ другой стороны, лѣвое злодѣйское крыло частію по закирпичнымъ сараямъ, частію пространнымъ буеракомъ къ Сукопной слободѣ, собственному защищенію оставленной, пробравшись, караулы по горѣ и народъ, изъ-за рогатокъ нѣкоторое супротивленіе чинившій, сбили, и немедленно опую зажегши, устремились по улицамъ. Сіе услышавъ, а больше увидя пламень, изъ злодѣевъ, внутрь предмѣстья съ двухъ сторонъ ворвавшихся, всѣ и на прочихъ батареяхъ бывшіе, не видавъ ни малѣйшаго нападенія, съ одной робости оставивъ непріятелю пушки и весь снарядъ, безъ всякаго порядка опрометью въ крѣпость побѣжали.

Тогда-то сіи кровожаждущіе звѣри всѣхъ попадающихся имъ въ нѣмецкомъ платьѣ, яко, по мнѣнію ихъ, въ богопротивномъ, думая быть дворянъ и чиновныхъ, копхъ, будто народныхъ мучителей, предпріяли истребить, иныхъ кололи, а иныхъ въ свое становище отвозили, гдѣ безчеловѣчнѣйшимъ образомъ плетьми замучены; изъ захваченныхъ же ими солдатъ ни одинъ почти не умерщвленъ, а только у всѣхъ косы обрѣзаны были. Всякаго состоянія, пола и возраста жителей въ полопъ верстъ за 7-мь отгоняли; укрывшіеся же въ церквахъ, видя оттуда терзаемыхъ и закланныхъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, не смѣли рыдать, но, трепеща, равной себѣ ожидали судьбины. Алчные злодѣи не устрашились разбивать, разграблять, сожигать и самыя святыя церкви; изъ конхъ людей безчинно бѣгая съ оружіемъ и въѣзжая на лошадяхъ, выгоняли въ плѣнъ, многихъ тутъ же умерщвляя.

Какъ сіе мѣстничество по городу происходило, Пугачевъ съ ближними своими, отбивъ въ гостиномъ дворѣ, противъ крѣпости, не болѣе какъ на 20 саженъ отстоящемъ, ворота, и въ находящемся при оныхъ трактирѣ засѣвъ съ двумя пушками, другіе изъ тріумфальныхъ воротъ церкви и изъ-за питейнаго большаго дома и вишпыхъ погребовъ каменныхъ, кои внизу съ правой стороны съ крѣпости, изъ ружей непрестанно палили по городу, откуда равнымъ образомъ отвѣчаемо было. Сей штурмъ устремленъ былъ по большей части на Спаскій монастырь, который занимаетъ правый уголъ крѣпости и котораго южной городовой стѣны фасъ, а особливо наугольная башня отъ ветхости почти до половины развалилась. Подобный Пугачеву, помянутый измѣнникъ Минѣевъ, съ другой стороны, поставя также на святыхъ воротахъ Казанскаго Дѣвичьяго монастыря сдѣланной церкви на паперти двѣ пушки, стрѣлялъ въ крѣпость по самому опасному развалившемуся мѣсту. Сіи злодѣи не безъ успѣха могли бы продолжать такимъ образомъ атаку; но видя своихъ паче на грабленіе устремившихся, бродящихъ по домамъ, обремененныхъ добычею, разъѣзжающихъ пьяныхъ по улицамъ и многихъ одѣтыхъ въ различныя одежды, яко то: въ стихари, подризники, въ женское платье и пр.; также не стерпя жара отъ пламени зажженныхъ около крѣпости публичныхъ и приватныхъ зданій, а при томъ паипаче опасаясь охваченными быть сзади пожаромъ и приближающимся на помощь осажденнымъ, подъ командою Подполковника Михельсопа, войскомъ, не осмѣлились болѣе штурмовать крѣпость, хотя во многихъ мѣстахъ отъ древности и развалившуюся, но отступя въ лагерь, съ досады во многихъ мѣстахъ зажгли городъ.

За нѣсколько часовъ предъ тѣмъ грознымъ временемъ, сбѣжавшіеся въ крѣпости, то отъ страха очевидной смерти, то отъ жара бывшаго въ крѣпостп ужаснаго пламени, да и внутри въ разныхъ мѣстахъ возжигавшагося, также отъ пыли и дыма, сильнымъ вихремъ и бурею напосимыхъ, почти задыхались, наипаче женщины и малолѣтныя, тѣсняшіяся въ церквахъ, зданіяхъ и подъ опыми, по угламъ, копурамъ и гдѣ только можно было, подняли вопль, крикъ, стонъ и рыданіе, думая, что уже злодѣи вломились въ крѣпость. Неутомимый пастырь Веніаминъ, Архіепископъ, во все то время продолжавшагося штурма, не выходя изъ Соборной Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы церкви, колѣнопреклонно молилъ Господа о ниспосланіи скорой на нечестивыхъ помощи, а по утишеніи пальбы, не взирая на жаръ, дымъ и копоть, взявъ честныя иконы, со всѣмъ бывшимъ при немъ Духовенствомъ, внутрь крѣпости обошелъ вокругъ съ умиленнымъ пѣніемъ молебствуя ко Всевышнему. Вскорѣ потомъ чувствовали отъ жара не малую прохладу, а отъ бури, дыму и пыли свободу, такъ что къ вечеру глубокое настало молчаніе, которое и всю ночь продолжалось. Всякій ожидалъ заутра несчастнаго конца своей жизни; всякій, прощаясь съ ближними, въ бдѣніи пребывалъ до утра, взирая на безпрепятственно обращаемый въ пепелъ городъ и горькими слезами оплакивая кровныхъ и сограждапъ своихъ, почитая ихъ отъ рукъ злодѣйскихъ или отъ пламени погибшими, отчего и самые бывшіе на большихъ сраженіяхъ приходили въ унынie.

По разсвѣтаніи, взошедъ на высшія зданія, обращали взоръ свой въ ту сторону, откуда наступленія вчерашней боялись ужасной тучи, разрушеніемъ крѣпости и погубленіемъ всѣхъ въ ней находившихся грозящей, не вѣдая, что вчера еще пополудни въ 6-мъ часу нетерпѣливо ожидаемый Г. Михельсонъ необыкновеннымъ маршемъ, преодолѣвъ невѣроятныя трудности, съ малочисленною своею командою подоспѣвши, на Арскомъ полѣ безъ отдохновенія имѣлъ удачное дѣло со злодѣемъ, и на мѣстѣ сраженія проводилъ почь, не разоруживаясь; по къ превеликому обрадованію, вскорѣ заподлинно извѣстились о всемъ томъ благополучномъ бывшемъ происхожденіи, и что превожделѣнную вѣсть сію присланный туда жъ отъ Г. Михельсопа штабъ-офицеръ приноситъ. Вообразить не можно, коль неописанная радость въ тотъ часъ объяла несчастныхъ: всякій предупреждаетъ другъ друга, стремится вбѣжать на крѣпостную стѣну, чтобъ воззрѣть на сего ангела Божія, желая увѣриться собственными глазами, и хотя малое въ отягченномъ печаліе сердцѣ получитъ облегченіе. Узнавъ же истину, съ воздѣяніемъ на небо рукъ приносили благодареніе Вышнему, не безъ сожалѣнія нѣкотораго на свою судьбину, что и избавитель Михельсонъ немногими только часами опоздалъ все Казани

случившееся отвратить несчастіе: но и то за неисповѣдимое милосердіе къ себѣ Божіе почитали, что хотя безъ домовъ, безъ имѣнія и лишась нѣсколькихъ согражданъ, а нѣкоторые и кровныхъ, сами живы остались.

Неутрудимый герой и избавитель Казани, не трогаясь съ побѣдительнаго своего мѣста, давая болѣе по толикимъ подвигамъ людямъ и лошадямъ своимъ роздыхъ, самъ прилежно наблюдалъ злодѣйскія движенія. Пугачевъ, какъ сказываютъ плѣнные, пораженіе свое по невѣдѣнію приписывалъ Князю Голицыну; но извѣстясь, что поразитель его Г. Михельсонъ, а не Голицынъ, предпріялъ, повидимому, исправить вчерашнюю свою ошибку и загладить предъ своими стыдъ; почему на другой день, то есть 13-го числа, рано отправилъ назадъ подальше въ безопасное мѣсто всѣ тягости и плѣнныхъ казанскихъ, съ толпою двинулся прямо на Михельсона, и приказалъ черни своей, поднявъ по обычаю ужасный визгъ и крикъ, стремиться безъ порядка на кого попало, думая тѣмъ приведши неустрашимыхъ въ робость и замѣшательство, самому съ отборными своими напасть съ боковъ нечаянно, и чрезъ то съ меньшимъ трудомъ выиграть побѣду; но мечтаніемъ симъ обманулся: ибо Михельсонъ, лишь только движеніе безразсуднаго многолюдства примѣтилъ, тотчасъ предварилъ самъ атаковать, и безъ дальняго сопротивленія смялъ и прогналъ къ селу Савинову; но, за усталостью своей отъ толь чрезмѣрныхъ трудовъ команды, не могъ далѣе преслѣдовать, а при томъ дабы и города безъ прикрытія не оставить, возвратясь въ лагерь, отдыхалъ тотъ день и слѣдующій спокойно, не видавъ отъ Пугачева никакихъ покушеній: ибо онъ въ оба тѣ дни, переходя съ плѣнными и добычею съ мѣста на мѣсто, разглашалъ чрезъ своихъ единомысленныхъ ложную надъ Михельсономъ побѣду, взятіе крѣпости и другія для обмана бредни; между тѣмъ приготовлялся непримѣтнымъ народу образомъ къ рѣшительному на Михельсона и Казань покушенію, отваживаясь въ послѣдніе испытать свое счастіе; почему безъ всякаго отлагательства со всякаго званія людей, съ разныхъ мѣстъ и изъ Казани приведенныхъ, учреждалъ подъ разными названіями полки, исправляя и запасая всякія потребности; а дабы въ семъ упражненіи не имѣть отъ Михельсона помѣшательства, то удалился отъ города по Галицкой дорогѣ за село, Сухая Рѣка называемое, верстъ за 15.

Какъ все было къ исполненію его намѣренія готово, то 15 числа на разсвѣтѣ толпѣ своей, подъ знамена разставленной, и прочему въ плѣну у него находившемуся безчисленному народу вслухъ велѣлъ прочитать безтолковый свой манифестъ, коимъ далъ знать, что по вшествіи съ торжествомъ въ Казань, предпріялъ поспѣшать въ столичный свой городъ Москву; потомъ приказалъ плѣнными слѣдовать за собою; самъ съ новоукомплектованными конными и пѣшими своими, такъ называемыми, полками и со всѣмъ военнымъ приборомъ весьма спѣшно пошелъ на Михельсона тою же дорогою, коею и отъ него удалялся. Можно было, по густой превеликой пыли, изъ-за лѣсовъ на-подобіе дыма или черныхъ облаковъ на воздухъ подымающейся, всему городу издали явно видѣть злодѣйское третичное дерзновеніе, что всѣхъ приводило въ страхъ и трепетъ, особливо представляющихъ себѣ несравненно превосходнѣйшее сволочи его число противу, такъ сказать, горсти защитительнаго своего <которое не болѣе какъ изъ 800 карабинеровъ, гусаровъ и Чугуевскихъ казаковъ состояло> храбраго войска, хотя мужество и искусство предводителя отчаяваться въ побѣдѣ и не дозволяло.

Какъ только сей отъ Бога ниспосланный Казани защитникъ увидѣлъ противу себя идущаго изъ-за Казанки прямо на Арское поле злодѣя, великимъ протяженіемъ многотысячную толпу за собою влекущаго, тотчасъ противъ него отправился съ немногочисленными своими, привыкшими уже сихъ буяновъ поражать, воинами, и по занятіи выгоднѣйшаго мѣста, не давъ времени ему, какъ и гдѣ хотѣлось, построиться въ боевой порядокъ, всѣми силами, при помощи исправной своей артиллеріи, на него съ такою неустрашимостію ударилъ, что злодѣй, по весьма слабомъ и короткомъ сопротивленіи, оставивъ всѣ свои тягости военныя, многолюдство и великимъ хищеніемъ собранное богатство, опрометью, какъ ему обыкновенно, побѣжалъ съ весьма малымъ числомъ себѣ вѣрныхъ, по той же Галицкой къ Кокшайску дорогѣ, за коимъ отряженная команда гналась около 30 верстъ; но видя, что злодѣй, будучи впереди, вездѣ беретъ перемѣнныхъ неусталыхъ лошадей, за усталостью своихъ, возвратилась.

Послѣ чего въ крѣпости торжественно благодарный молебенъ отправлялся, и Михельсонъ при умиленнѣйшемъ всего народа зрѣніи и засвидѣтельствованіи радостнѣйшими восклицаніями ура! и другими знаками наичувствительнѣйшей сему избавителю своему благодарности, Генералитетомъ и знатнѣйшими персонами, за крѣпостными воротами былъ встрѣченъ и поздравленъ; между тѣмъ побѣдительное его войско отнятою отъ злодѣя добычею подвиги свои съ излишествомъ наградило. Вскорѣ потомъ разсѣянные по разнымъ мѣстамъ злодѣйскіе остатки истреблены были.

Что послѣ вѣрнѣе или обстоятельнѣе къ сему узнаю, для поправленія или пополненія, сообщить вамъ не оставлю.

Государь мой!

Вашъ слуга и богомолецъ

Платонъ, Архимандритъ Спасо-Казанскій.

Конецъ.

954. [О СОЧИНЕНІЯХЪ П. А. КАТЕНИНА].

На дняхъ вышли въ свѣтъ Сочиненія и переводы въ стихахъ Павла Катенина.

Издатель <г. Бахтинъ> въ началѣ предисловія, весьма замѣчательнаго, упомянулъ о томъ, что *П. А. Катенинъ* почти при вступленіи на поприще словесности былъ встрѣченъ самыми несправедливыми и самыми неумѣренными критиками.

Намъ кажется, что г. *Катенинъ* <какъ и всѣ наши писатели вообще> скорѣе могъ бы жаловаться на безмолвіе критики, чѣмъ на ея строгость или пристрастную привязчивость. Критики, по настоящему, у насъ еще не существуетъ: несправедливо было бы намъ и требовать оной. У насъ и литература едва ли существуетъ, а на нѣтъ суда нѣтъ, говоритъ неоспоримая пословица. Если публика можетъ довольствоваться тѣмъ, что называется у насъ критикой, то это доказываетъ, что мы еще не имѣемъ нужды ни въ *Шлегеляхъ,* ни даже въ *Лагарпахъ.*

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикой сочиненіямъ г. *Катенина,* то во всѣхъ отношеніяхъ она дѣлаетъ ему честь: во-первыхъ, она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во-вторыхъ, и его самостоятельность. Никогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ; напротивъ: шелъ всегда своимъ путемъ, творя для самого себя, что̀ и какъ ему было угодно. Онъ даже до того простеръ свою гордую независимость, что оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождало его ни пристрастіе толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ. Такимъ образомъ, бывъ однимъ изъ первыхъ Апостоловъ романтизма, и первый введши въ кругъ возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные, онъ первый отрекся отъ романтизма, и обратился къ классическимъ идеаламъ, когда читающей публикѣ начала нравиться новизна литературнаго преобразованія.

Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ г. *Катенина* былъ переводъ славной Биргеровой Леноры. Она была уже извѣстна у насъ по невѣрному и прелестному подражанію *Жуковскаго,* который сдѣлалъ изъ нее то же, что *Байронъ* въ своемъ Манфредѣ сдѣлалъ изъ *Фауста:* ослабилъ духъ и формы своего образца. Катенинъ это чувствовалъ и вздумалъ показать намъ Ленору въ энергической красотѣ ея первобытнаго созданія: онъ написалъ *Ольгу.* Но сія простота и даже грубость выраженій, сія *сволочь,* замѣнившая *воздушную цѣпь тѣней,* сія висѣлица вмѣсто сельскихъ картинъ, озаренныхъ лѣтнею луною, непріятно поразили непривычныхъ читателей, и Гнѣдичь взялся высказать ихъ мнѣнія въ статьѣ, коей несправедливость обличена была *Грибоѣдовымъ.* Послѣ *Ольги* явился *Убійца,* лучшая, можетъ быть, изъ балладъ *Катенина.* Впечатлѣніе, имъ произведенное, было и того хуже: убійца, въ припадкѣ сумасшествія, бранилъ мѣсяцъ, свидѣтеля его злодѣянія, *плъшивымъ!* Читатели, воспитанные на *Флоріанѣ* и *Парни,* расхохотались и почли балладу ниже всякой критики.

Таковы были первыя неудачи *Катенина;* онѣ имѣли вліяніе и на слѣдующія его произведенія. На театрѣ имѣлъ онъ рѣшительные успѣхи. Отъ времени до времени въ журналахъ и альманахахъ появлялись его стихотворенія, коимъ наконецъ начали отдавать справедливость и то скупо и неохотно. Между ими отличаются *Мстиславъ Мстиславичъ,* стихотвореніе, исполненное огня и движенія, и *Вторая быль,* гдѣ столько простодушія и истинной поэзіи.

Въ книгѣ, нынѣ изданной, просвѣщенные читатели замѣтятъ *идиллію,* гдѣ съ такою прелестною вѣрностію постигнута буколическая природа, не Геснеровская, чопорная и манерная, но древняя—простая, широкая, свободная; меланхолическую *элегію,* мастерской переводъ трехъ пѣсенъ изъ *Inferno* и собраніе *романсовъ о Сидѣ,* сіе простонародную хронику, столь любопытную и поэтическую. Знатоки отдадутъ справедливость ученой отдѣлкѣ и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха г. *Катенина,* слишкомъ пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.

О ПОЭТИЧЕСКОМЪ ЯЗЫКѢ ПУШКИНА.

«Но да не будетъ воскресенья
Усопшей прозы и стиховъ».

Пушкинъ. Желаніе. 1816 г.

Въ новѣйшее время исторія литературы все болѣе и болѣе становится *исторіей идей*, которыя разсматриваются въ связи съ личностью ихъ творцовъ, а эти послѣдніе—въ связи съ обществомъ и средой, окружавшими того или другого творца. Творецъ-художникъ, писатель, поэтъ, музыкантъ, ученый, философъ и т. д.—возстаетъ предъ нами во всѣ моменты своей жизни и дѣятельности. Онъ рисуется намъ какъ общественный дѣятель, обнаруживается и въ самой интимной средѣ и жизни, и все это достигается мало-по-малу, благодаря нашей увѣренности, что всякій человѣкъ, съ одной стороны, силенъ своей индивидуальностью, которая тѣмъ менѣе подавляется, чѣмъ болѣе выдаются дарованія человѣка,—съ другой стороны, — всякій человѣкъ, не исключая творца-генія, является до извѣстной степени продуктомъ общественныхъ условій, среды и времени. Въ цѣляхъ осуществленія крупнѣйшей задачи, которая ставится исторической наукой,—возсоздать и воспроизвести прошедшія эпохи во всей ихъ полнотѣ, со всѣми факторами ихъ направленій,—въ послѣднее время издаются мемуары, воспоминанія, переписка крупныхъ дѣятелей, разрабатывается ихъ біографія, изучается ихъ психологія въ связи съ психологіей современнаго имъ общества и въ связи съ общими и личными условіями ихъ жизни и проч.

Нельзя отрицать того, что одной изъ самыхъ крѣпкихъ и важныхъ связей личности съ современнымъ ей обществомъ служитъ *языкъ*, которымъ говоритъ писатель съ современнымъ ему обществомъ. Читая писатели прошлаго вѣка, напримѣръ, Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковскаго, мы теперь уже не способны находить музыки въ ихъ стихахъ: мы нерѣдко уже снисходительно улыбаемся при чтеніи стиховъ Державина и Ломоносова, даже отворачиваемся отъ этой старины; языкъ Карамзина насъ только утомляетъ, а Жуковскій уже въ массѣ своихъ стихотвореній давно пересталъ «плѣнять» насъ «сладостью» своей рѣчи. Однако, при Пушкинѣ еще не было такъ: еще самъ Пушкинъ увлекался стихомъ Жуковскаго, признавалъ его своимъ учителемъ и образцомъ, хотя въ то же время сознавалъ разницу между Державинымъ и Жуковскимъ. Изъ этого мы видимъ, что литературный языкъ носитъ отпечатокъ своего времени, отражаетъ состояніе современнаго ему общества, господствующіе въ немъ интересы, степень его образованія и проч. По словамъ, т.-е. по лексикологіи автора, можно судить о средѣ, въ которой онъ вращается, о книгахъ и темахъ, которыя его интересуютъ, какъ объ этомъ замѣчательно вѣрно судила еще Пушкинская Татьяна. Великій поэтъ отправилъ ее въ кабинетъ Онѣгина въ его отсутствіе, чтобы тамъ посмотрѣть на книги Онѣгина и тѣ отмѣтки, которыя на книгахъ дѣлалъ Онѣгинъ:

«Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей.
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видитъ, съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ,
Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,
Съ чѣмъ молча соглашался онъ.
На яхъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша:
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.
И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной...

Евг. Он. Глава VII. Строфы XXIII—XXIV.

Но не только по лексикологіи (по составу словъ) языка опредѣляемъ мы до извѣстной степени кругъ интересовъ говорящаго, его среду, его воспитаніе и обра-

зованіе, наконецъ сословіе, къ которому онъ принадлежитъ. Для того времени, въ которое жилъ Пушкинъ, въ особенности для начала XIX-го вѣка, когда Пушкинъ былъ въ лицеѣ, наши свѣдѣнія о степени образованія, о сословіи и окружающей Пушкина средѣ получаются нами еще изъ подробнаго анализа его рѣчи съ точки зрѣнія топической и фонетической, т.-е. съ точки зрѣнія его произношенія русскихъ и иностранныхъ словъ и анализа состава звуковъ, словъ и ударенiй.

Для того, чтобы понять, какъ можно судить по произношенію говорящаго о той средѣ и обстановкѣ, въ которыхъ онъ жилъ, о томъ времени и о той мѣстности, когда и гдѣ слагалась его рѣчь, мы должны пользоваться нашими спеціальными свѣдѣніями по наукѣ о языкѣ и его діалектологіи.

Прежде всего примемъ во вниманіе то положеніе, которое совершенно понятно и всякому неспеціалисту, именно, что рѣчь каждаго человѣка слагается въ періодъ его дѣтскаго возраста, и что ребенокъ, подражая окружающимъ его взрослымъ, начинаетъ мало-по-малу говорить языкомъ своей семьи и своего общества: если семья живетъ среди того общества, гдѣ говорятъ по-французски, то ребенокъ усваиваетъ французскую рѣчь и французское произношеніе. И въ такой обстановкѣ жилъ маленькій Пушкинъ, который прежде началъ писать по-французски, чѣмъ выучился и сталъ писать стихи по-русски. Если ребенокъ слышитъ рѣчь окружающихъ, говорящихъ по-новгородски (т.-е. на—«о»), онъ самъ начинаетъ «о́кать»; если складывается рѣчь человѣка въ то время, когда вмѣсто «на землѣ» говорятъ окружающіе «на земли́», то и рѣчь молодого члена семьи будетъ отличаться такимъ же оборотомъ. Такъ, напримѣръ, Ломоносовъ еще часто употреблялъ обороты «дательнаго самостоятельнаго», т.-е. въ родѣ: «солнцу взошедшу», «утру наставшу», вм. «когда солнце взошло», «когда утро настало» и проч. Всѣ наши писатели прошлаго XVIII и XIX вѣка употребляли формы: *рекъ, реку, рекла, возлещи, возстани* и проч., но нынѣ мы уже этого не встрѣчаемъ: слѣдовательно, такая рѣчь мало-по-малу выходитъ изъ употребленія и дѣлается *старою*. Итакъ, мы можемъ судить *о мѣстности*, т.-е. о діалектѣ, о говорѣ даннаго лица; *о времени* его рѣчи по остаткамъ старины въ рѣчи; объ иностранныхъ элементахъ въ рѣчи мы можемъ судить по лексикологіи и по произношенію иностранныхъ звуковъ. Такъ, напримѣръ, мы и до сихъ поръ нерѣдко можемъ встрѣтить лицъ, говорящихъ по-русски совершенно чисто, но передающихъ французскія слова, вошедшія въ русскій языкъ, съ французскимъ *n*, въ носъ, напримѣръ, въ словахъ: финансы, авансы, шансы и под. Само собой разумѣется, что такъ не произнесетъ этихъ словъ тотъ человѣкъ, которые впервые ихъ услышалъ отъ русскаго, совершенно не владѣющаго французскимъ языкомъ и никогда его не слыхавшаго: въ рѣчи такого человѣка неоткуда взяться французскому носовому *n*, и онъ произнесетъ эти слова съ русскимъ зубно-носовымъ *н*: *финансы* и проч. Человѣкъ, который кругомъ себя слышалъ французское произношеніе *musique*, невольно станетъ произносить «мюзи́к» или «музы́ка» и под. Слыша ударенiе «Вольте́ръ» (*Voltaire*), человѣкъ усваиваетъ это ударенiе и произношеніе въ этомъ словѣ *т* твердаго—Вольте́р. Наоборотъ, въ средѣ, гдѣ не слышится французская рѣчь, а читаются книги на русскомъ языкѣ съ иностранными (французскими) словами, возможны произношенія: *Вольт'е́р* (*т*—мягкое) и даже *Во́льтер*. Таково произношеніе нашихъ семинаристовъ, хотя нерѣдко и очень начитанныхъ и образованныхъ, но не знакомыхъ съ иностранными языками практически и съ иностраннымъ чистымъ произношеніемъ. Наши художники—поэты и писатели, характеризуя отдѣльныхъ лицъ—героевъ и типы, не упускали изъ виду и особенностей рѣчи своихъ героевъ, желая обрисовать полнѣе ихъ личность. Такъ, у Тургенева въ романѣ «Отцы и дѣти» мы читаемъ слѣдующее: «Мы люди стараго вѣка, мы полагаемъ, что безъ *принси́повъ*... (Павелъ Петровичъ выговаривалъ это слово мягко, *на французскій манеръ*, Аркадій, напротивъ, произноситъ «*при́нцип*ъ», налегая на первый слогъ) безъ принсиповъ, принятыхъ, какъ ты говоришь, на вѣру, шагу ступить, дохнуть нельзя. *Vous avez changé tous cela*, дай Вамъ Богъ здоровья и генеральскій чинъ, а мы только любоваться будемъ, господа»... и проч. (Соч. Тургенева. Изд. Маркса. 1898 г. Т. II, Стр. 24).

Остановимся нѣсколько подробнѣе на этой мѣткой характеристикѣ рѣчи Павла Петровича Кирсанова у Тургенева. Павелъ Петровичъ Кирсановъ—дворянинъ стараго покроя и такого же воспитанія, какъ Пушкинъ, какъ его герой Гриневъ, Евгеній

Онѣгинъ и проч. Это хорошо намъ знакомая по литературнымъ художественнымъ произведеніемъ и по историческимъ запискамъ барская среда, съ ея домашней обстановкой, съ ея воспитаніемъ, съ ея прислугой, къ которой почти всегда относились «господами» и домашніе учителя *русскихъ* предметовъ, т.-е. русской грамоты, ариѳметики, географіи и проч. Для этихъ предметовъ обыкновенно приглашались «Цыфиркины» и «Кутейкины»—семинаристы, которые, хотя и сообщали своимъ питомцамъ «здравыя понятія», но въ такой формѣ, какая совершенно не согласовалась съ традиціями барской среды и получалась только въ той общественной средѣ, которая, съ одной стороны, была близка къ простому народу, а съ другой,—къ церковной книгѣ, со всѣми особенностями церковнаго произношенія. Кромѣ того, «Цыфиркины» и «Кутейкины» находились подъ постояннымъ контролемъ «барина» или барыни, которые старались взять отъ домашнихъ учителей все, что было нужно, по мнѣнію барской среды, а сами имъ платили жалованье деньгами и относились къ нимъ, далеко не стараясь своимъ отношеніемъ къ учителямъ внушить ихъ ученику довѣріе или уваженіе къ нимъ. Зато для французскаго языка въ этой средѣ нашихъ старыхъ дворянъ брали въ домъ настоящихъ французовъ, которые пріѣзжали въ Россію «pour être outchitel» и для полученія денегъ, не имѣя никакой подготовки для педагогической дѣятельности и занимая у себя на родинѣ нерѣдко должности настоящей прислуги. Всѣ эти M-r Трике, M-me Розье, M-r l' Abbé, M-r Бопрэ и проч., имя которымъ—легіонъ, поучали своихъ питомцевъ, хотя сами были и «убогими»:

«Monsieur l'Abbé, французъ убогій,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ,
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ».

(Евг. Он. Гл. I, строфа III). Зато выходили изъ барской среды барчи съ такимъ французскимъ языкомъ, про который мы хорошо знаемъ изъ тѣхъ же указаній нашихъ выдающихся писателей. Про князя Василія Курагина гр. Л. Н. Толстой въ «Войнѣ и Мирѣ» (Изд. 10. Т. V. Стр. 6.33.34) говоритъ такъ: «Онъ говорилъ *на томъ изысканномъ французскомъ языкѣ, на которомъ не только говорили, но и думали наши дѣды*».

Татьяна Ларина, хотя и жила въ глуши, но въ своей помѣщичьей средѣ не выучилась даже написать любовнаго письма по-русски: у нея не хватало для этого подходящихъ словъ, хотя и были мысли. Пушкинъ самъ пересыпалъ свою рѣчь французскими словами и выраженіями и нерѣдко писалъ письма своимъ близкимъ друзьямъ и даже женѣ своей по-французски. Пушкинъ даже затруднялся перевести на русскій языкъ французское письмо Татьяны, жалуясь на состояніе нашего русскаго языка того времени:

«Еще предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевесть.
Она по-русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ,
И такъ, писала по-французски»...

E. O. III. Стр. XXVI.

«Не правда-ль: милые предметы,
Которымъ за свои грѣхи
Писали втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ ли, русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?»

ibid. XXVII.

При такомъ положеніи дѣла не мудрено, что и Пушкину приходилось за русскими словами нерѣдко обращаться къ «Академическому Словарю», въ особенности въ первое время его писательской дѣятельности, въ «Лицейскій періодъ», который продолжался отъ 1812 года по 9-е іюня 1817-го года. За это время Пушкинъ написалъ (по крайней мѣрѣ, пока дошло до насъ) 131 стихотвореніе, и языкъ этихъ-то стихотвореній, вплоть до стихотворенія «Безвѣріе», которое Пушкинъ читалъ въ день выпуска изъ лицея 9-го іюня 1817 года, существенно отличается отъ болѣе позднихъ его стихотвореній. Самъ Пушкинъ о себѣ говоритъ:

«Но панталоны, фракъ, жилетъ—
Всѣхъ этихъ словъ на русскомъ нѣтъ.
А вижу я, вникнусь предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣть гораздо меньше бъ могъ
Иноплеменными словами,

Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій Словарь».
Е. О. I. Стр. XXVI.

Это Пушкинъ писалъ въ 1822 году и говоритъ, что онъ «*встарь*» заглядывалъ въ Словарь; слѣдовательно, въ 1822 году это время ему казалось уже старымъ, и онъ уже пересталъ заглядывать въ Словарь. Въ 1824 году Пушкинъ въ числѣ причинъ, замедлявшихъ ходъ нашей словесности, указываетъ «общее употребленіе французскаго языка и пренебреженіе *русскаго*» (sic!) и заключаетъ: «у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ»... «мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ...» «Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ»... (Соч. Пушкина. Изд. Литер. Фонда. Спб. 1887 г. Т. V. Стр. 19). То же Пушкинъ говоритъ въ «Альбомѣ Онѣгина» въ 1827—1828 году (Соч. III. 416.417). Объ исключительномъ употребленіи французскаго языка въ образованномъ кругу въ началѣ XIX вѣка и о состояніи русскаго языка этого времени Пушкинъ не разъ говоритъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій (См. V. 28. 29. Письмо къ П. А. Вяземскому 1825-го года. Т. VII. № 126 и др.).

Само собой разумѣется, что въ самомъ же скоромъ времени послѣ выхода изъ лицея Пушкинъ уже зналъ надлежащую цѣну тому воспитанію, которое онъ получилъ въ своей средѣ, охарактеризованной всѣми нашими писателями, вышедшими изъ этой же среды, но духовно одаренными болѣе богато, чѣмъ ихъ родные. Такъ, Пушкинъ уже въ октябрѣ 1824 года пишетъ своему брату, Л. С. Пушкину, изъ Михайловскаго слѣдующее:... «вечеромъ слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ *недостатки проклятаго своего воспитанія*. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма». (VII. № 75). Въ 1830-мъ году по поводу стиха изъ Ев. Он. «Людскую молвь и конскій топъ» Пушкинъ пишетъ: «Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка; критики наши напрасно *ими* (sic!) презираютъ» (V. 128). Въ этомъ же году (ib. 136) Пушкинъ рѣшительно говоритъ: «Разговорный языкъ простого народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ) достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій. Альфіери изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ».

Такимъ образомъ, рѣшительный поворотъ въ писательской дѣятельности знаменитаго поэта указанъ намъ самой хронологіей его жизни и смѣны взглядовъ. Воспитанникъ французскихъ романистовъ и лириковъ, начитанный въ книгахъ библіотеки своего отца, Пушкинъ-мальчикъ лепечетъ свои дѣтскія рѣчи и пишетъ дѣтскіе стихи на французскомъ языкѣ, а къ 24 годамъ предаетъ проклятію свое воспитаніе, начинаетъ учиться русскому языку по сказкамъ няни, понимаетъ глубоко состояніе русскаго литературнаго языка того времени, предается изученію стараго русскаго языка и хочетъ толкаться среди простого русскаго народа, чтобы уловить свойства русскаго языка. Пушкинъ - аристократъ дѣлается демократомъ! А какъ далеко стояли отъ русскаго народа эти Павлы Петровичи Кирсановы, которые сами признаются у Тургенева, что они «люди стараго вѣка» съ ихъ «принсипами»...

Такимъ образомъ, мы довольно легко можемъ подмѣтить *три различныхъ струи, которыя питали нашъ русскій литературный языкъ къ началу XIX вѣка*: струя литераторовъ—дворянъ, *дворянская струя* съ ея особенностями въ произношеніи и лексикѣ; *струя народная*, еще только пробивавшая себѣ русло въ «низкомъ штилѣ» Ломоносова и въ искусственныхъ подражаніяхъ народному языку у Державина, такъ хорошо оцѣненнаго Пушкинымъ; третья струя—*церковно-книжная*, сочившаяся все время нашей письменности въ языкѣ и питавшаяся семинаристами-учителями, духовенствомъ и самимъ историческимъ ходомъ нашей литературы, восходящей къ простой церковной письменности на языкѣ церковныхъ книгъ съ примѣсью русскихъ діалектическихъ особенностей и чертъ простонароднаго русскаго разговорнаго языка, бывшаго когда-то единственнымъ всесословнымъ нарѣчіемъ въ древней Россіи.

Къ началу XIX-го столѣтія въ Россіи накопилось много новаго: Екатерининскія традиціи и льстивый языкъ поэтовъ ея времени едва успѣли замолкнуть, оставивъ въ наслѣдство апоѳеозъ «вельможъ» съ ихъ домами и пирами, да память о придворныхъ пѣнтахъ. Войны съ французами при-

несли Россіи въ культурномъ отношеніи много новаго и хорошаго: сблизили духовные интересы французовъ съ русскими, и русская умственная жизнь закипѣла въ эпоху «дней Александровыхъ прекраснаго начала»; умственное пробужденіе выразилось въ основаніи многихъ литературныхъ обществъ и кружковъ; дворянство, въ особенности военное, стало значительно культурнѣе, произошла естественная дифференціація общества, стали образовываться литературные вкусы и школы съ ихъ представителями, наступилъ чередъ и для русскаго литературнаго языка. Журналы этого времени уже являются представителями различныхъ литературныхъ партій и взглядовъ; словомъ, русская литература и языкъ переживали ломку и, какъ всегда, всѣ признаки переходнаго времени. Въ это время Карамзинъ, уже отдавшій формальную дань демократизму, пролилъ слезу надъ своей «бѣдной» Лизой, указавъ въ ней, что и мѣщанки достойны сожалѣнія со стороны литератора изъ барской среды, но позабывъ, что у мѣщанокъ и языкъ свой, не барской среды.

Отъ лирики Карамзинъ перешелъ къ «патріотическому» дѣлу и остановилъ свое вниманіе на «Исторіи Государства Россійскаго», въ которой показалъ намъ впервые періодическую рѣчь русской прозы, со всѣми особенностями «элегантнаго» языка, нынѣ уже отошедшаго въ область преданій. Карамзинъ, однако, составилъ свою школу и сгруппировалъ около себя сотрудниковъ, послѣдователей и единомышленниковъ, отстаивавшихъ въ русскомъ литературномъ языкѣ аристократическую тенденцію и пренебреженіе къ языку «подлой черни».

Шишковъ, наоборотъ, къ этому времени призывалъ держаться въ русскомъ литературномъ языкѣ церковно-книжной старины и искусственной народности. Крыловъ же съ своими журналами ретиво напалъ на новшества Карамзина, хотя своими баснями безсознательно продолжалъ великое дѣло Ломоносова, образовавшаго въ своемъ «низкомъ штилѣ» отдушину, черезъ которую узаконено было проникновеніе свѣжей струи народнаго начала въ напыщенный церковно-книжный литературный языкъ хвалебной оды и ложноклассической трагедіи или тяжелыхъ разсужденій о «важныхъ матеріяхъ». Разбавленный галлицизмами церковно-книжный языкъ продолжалъ еще звучать въ русской литературѣ и при молодомъ Пушкинѣ, котораго Державинъ «благословилъ, сходя въ гробъ».

По всему этому мы видимъ, что Пушкину досталось далеко не богатое наслѣдство въ русскомъ языкѣ нашей изящной литературы, и тѣмъ рельефнѣе и удивительнѣе выступаетъ крупное значеніе Пушкина въ исторіи нашего литературнаго языка съ 20-хъ годовъ XIX столѣтія. Языка «Руслана и Людмилы» еще не знала наша литература до Пушкина, не говоря уже о языкѣ «Евгенія Онѣгина». Грибоѣдовъ со своимъ языкомъ будущихъ «пословицъ», какъ выразился объ этомъ языкѣ комедіи «Горе отъ ума» Пушкинъ, еще не выступалъ на литературное поприще.

Во всякомъ случаѣ, хотя «Россійскій Геликонъ» и былъ почти сплошь населенъ дворянствомъ, хотя наша литература этого времени была по преимуществу *дворянская*, тѣмъ не менѣе, это же литературное дворянство, исключая аристократа до мозга костей Карамзина, дало ходъ *на практикѣ* Ломоновсовской идеѣ о «*низкомъ штилѣ*». Торжество національнаго элемента въ русской литературной рѣчи пророчески предсказалъ тотъ же Пушкинъ: въ 1834 году онъ писалъ: «Даже *теперь* наши писатели, не принадлежащіе къ дворянскому сословію, весьма малочисленны. Несмотря на то, ихъ дѣятельность овладѣла всѣми отраслями литературы, у насъ существующими. *Это есть важный признакъ и непремѣнно будетъ имѣть важныя послѣдствія.* Писатели-дворяне (или тѣ, которые почитаютъ себя à tort ou à raison членами высшаго общества) постепенно начинаютъ отъ нихъ удаляться подъ предлогомъ какого-то *неприличія*». (Соч. V. Стр. 227 примѣч. **). Нѣсколько выше Пушкинъ говоритъ: «У насъ въ Россіи, какъ замѣтила m-me de Staël, словесностью занимались большею частью дворяне. Это дало особенную физіономію нашей литературѣ» (ib V. 227. Въ текстѣ). Важныя послѣдствія того, что «всѣми отраслями литературы нашей овладѣли писатели не дворянскаго сословія», уже сказались, и Пушкинъ оказался правъ: наша литература во второй половинѣ XIX-го вѣка начала пріобрѣтать европейское значеніе, а теперь она принадлежитъ къ числу литературъ, имѣющихъ міровое значеніе и переводимыхъ на самые различные иностранные языки. Само собой разумѣется, что литература, претендующая на міровое значеніе, потому и становится дѣйствительно предметомъ интереса культурныхъ народовъ, что она сохраняетъ національ-

ный характеръ и пошибъ, что она отражаетъ міровыя, общечеловѣческія черты всѣми силами, *присущими данной національности.*

Въ этой особенности отраженія міровыхъ культурныхъ интересовъ вся сила, и надо признать, что однимъ изъ крупнѣйшихъ факторовъ этой силы является литературный языкъ.

Окинемъ, въ самомъ дѣлѣ, взоромъ періодъ времени отъ начала 19 в.—когда наша литература подъ давленіемъ новыхъ культурныхъ задачъ, внесенныхъ въ русскую жизнь войной 12-го года и царствованіемъ Александра I-го, искала формы выраженія этихъ культурныхъ задачъ — до конца XIX вѣка, когда эти формы, впервые указанныя Пушкинымъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ», получили полное развитіе въ произведеніяхъ послѣдующихъ писателей, давшихъ въ лицѣ Тургенева и національный образецъ изящной прозы. Придется тогда съ удивленіемъ признать, что менѣе чѣмъ въ столѣтіе, выработался нашъ литературный языкъ на основахъ, которыя были пророчески и геніально указаны Ломоносовымъ и Пушкинымъ.

Если ознакомиться съ нашими журналами начала XIX вѣка, съ автографами писателей этого времени, то сразу становится очевиднымъ, что этотъ періодъ долженъ быть отмѣченъ, какъ *періодъ формированія нашего національнаго литературнаго языка.* Въ журналахъ этого времени («Московскій Меркурій» Макарова, «Пантеонъ россійскихъ авторовъ», «Сѣверный Вѣстникъ» Мартынова, «Вѣстникъ Европы» Карамзина и друг., не говоря уже о журналахъ самаго конца XVIII вѣка) мы видимъ полное отраженіе письма и языка отдѣльныхъ авторовъ: нерѣдко орѳографія одной и той же книжки журнала нѣсколько разъ мѣняется, смотря по тому, какому автору статья принадлежитъ, и какъ этотъ авторъ *самъ* пишетъ. Поэтому изученіе автографовъ и нашихъ старыхъ журналовъ періода формированія языка и неустановившейся орѳографіи особенно важно для воспроизведенія личности писателя и его участія въ исторіи литературнаго языка. Начиная съ Ломоносова и кончая современными писателями, намъ въ литературномъ языкѣ безпрерывно попадаются элементы языка той мѣстности, изъ которой происходилъ писатель—формы сѣверно-великорусской рѣчи: красня́е, глупя́е, умня́е въ сравнит. степени перестали существовать въ языкѣ литературы лишь въ 30-хъ годахъ XIX вѣка; формы сѣв.-великорусскаго нарѣчія: *да́льный, пбздный* и под. есть и у Пушкина, есть онѣ и донынѣ въ примѣрахъ *булочная* (въ старыхъ журналахъ: *булошная*) вмѣсто южновеликорусской — *булочняя.* А правописаніе нашихъ писателей переходнаго времени, когда Пушкинъ учился въ лицеѣ, проникло и въ печатные журналы того времени и пестритъ фактами то діалектическаго произношенія, въ родѣ: «лавошникъ», «табашникъ», «овошная лавка», «корета», то фактами церковнаго произношенія, принятаго и въ литературно-образованную дворянскую среду, которая училась у семинаристовъ и вырабатывала подъ ихъ руководствомъ тотъ «русскій языкъ», который оффиціально былъ еще издавна признанъ «литературнымъ», отличающимъ языкъ интеллигенціи отъ языка «подлой черни». Наши «языковѣды» и «грамматисты» конца XVIII вѣка, Сумароковъ и Тредьяковскій, особенно заботившіеся о чистотѣ литературной русской рѣчи, напали на «холмогорскаго крестьянина» Ломоносова за то, что онъ «московское нарѣчіе въ холмогорское превратилъ». Сумароковъ—московскій баринъ—особенно боялся «опуститься въ подлость» въ языкѣ. Эту «подлость» русской народной рѣчи презиралъ еще и Карамзинъ, несмотря на то, что его собственная рѣчь, въ его письмахъ къ брату, въ Симбирскъ (см. автографы Карамзина въ Имп. Публ. Библіотекѣ), изобиловала оборотами, переведенными съ французскаго и уже нынѣ отжившими, а «подлость» русской рѣчи нынѣ красуется на страницахъ Тургенева, Гоголя, Островскаго, Л. Толстого, А. Толстого, Достоевскаго, Печерскаго, Мамина-Сибиряка, Короленка, Чехова, Горькаго и другихъ. По свидѣтельству Тредьяковскаго и Сумарокова, произношеніе ударяемаго *ё* передъ твердымъ согласнымъ или въ концѣ слова служило въ ихъ время признакомъ простой рѣчи, и очень понятно, что церковныя произношенія: *пойдётъ*, а не *пойдётъ*, *лётъ*, а не *льётъ*, *надёжный*, а не *надёжный*, *полётъ*, а не *полётъ*, *алтарёмъ*, а не *алтарёмъ*, *прельщённый*, а не *прельщённый*, и под. должны были отличать собой рѣчь литературно-образованнаго человѣка отъ рѣчи простого неграмотнаго народа и, входя въ письменность, обусловливать ритму въ стихахъ. Въ старыхъ журналахъ начала XIX вѣка нерѣдко мы видимъ въ такихъ случаяхъ написаніе *ѣ* вм. *е*, для предупре-

жденія читателей, чтобы они не ударились «въ подлость» при чтеніи «парнасскихъ жителей». Вотъ почему не только изученіе *орѳографіи*, но и изученіе *риѳмы* временъ Пушкина лицейскаго періода сравнительно съ риѳмами его позднѣйшихъ произведеній, въ которыхъ все рѣже и рѣже встрѣчаются старыя риѳмы со звуками той рѣчи, которою говорилъ еще въ своей семьѣ В. К. Тредьяковскій, т.-е. риѳмы церковно-русскаго языка въ его особенностяхъ произношенія интеллигентной среды, очень поучительно. Это изученіе *риѳмы* необходимо для возстановленія тогдашняго произношенія русской интеллигенціи. Само собой разумѣется, что въ то время, когда *риѳма* была предметомъ особенной заботы нашихъ писателей-эстетовъ, Пушкинъ не могъ употреблять риѳмъ «полетъ»—«идетъ», не имѣя на это законнаго основанія въ произношеніи окружавшей его среды; онъ долженъ былъ риѳмовать звукъ *е* этого слова («*полетъ*») со звукомъ *е* (ѣ) въ словѣ «*лѣтъ*». И такая риѳма у Пушкина стала встрѣчаться значительно рѣже лишь послѣ того, какъ онъ дополнилъ свое «проклятое» воспитаніе съ его французскими «приписи-нами», посредствомъ изученія русской народной рѣчи. Чуткая, изящная, поэтическая натура Пушкина никогда не примирилась бы съ такими риѳмами и со своими «лицейскими» стихотвореніями, если бы эта натура *во-время* получила духовное удовлетвореніе на жизненныхъ основахъ дѣйствительности, а не на иллюзіи оторванной отъ жизни дворянской поэтической теоріи.

А пока Пушкинъ не призналъ необходимость жизненной программы: «будь всякій при своемъ» (1815), пока онъ не услышалъ той рѣчи, которую онъ могъ использовать для своей поэтической души, до тѣхъ поръ онъ развивался въ границахъ и на основахъ той сферы, которая его окружала. Вотъ почему языкъ Пушкина «лицейскаго періода» всецѣло примыкаетъ къ своему времени и къ языку тогдашнихъ корифеевъ литературы — Державина, Е. Л. Пушкина, отчасти Жуковскаго (который все-таки остался одинокимъ, потому что онъ не былъ оригиналенъ въ выраженіи мыслей и чувствъ и потому всегда зависѣлъ отъ своихъ оригиналовъ).

Однако уже въ 1825 году Пушкинъ пишетъ Дельвигу: «Державинъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка», «вотъ почему онъ и ниже Ломоносова» (Соч. Пушкина VII. Стр. 133). Тогда какъ о Ломоносовѣ Пушкинъ пишетъ Бестужеву: «Ломоносовъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго» (ibid. VII. 116. Въ 1825 году). Такимъ образомъ, на основаніи предыдущаго мы можемъ усмотрѣть въ литературномъ языкѣ Пушкина даннаго періода тѣ же элементы, которые вообще были извѣстны литературному языку этого времени, т.-е. церковно-книжный элементъ, иностранный французскій и проблески чисто-народнаго.

Итакъ Пушкинъ лицейскаго періода есть дитя своего времени по языку и, еще болѣе, по содержанію своихъ стихотвореній. Но уже приблизительно съ 1823—24-го года, какъ видно и по приведенному выше письму Пушкина къ своему брату, и по стихотвореніямъ, Пушкинъ уже не можетъ считаться сыномъ *своего времени*: его языкъ нашелъ для себя коррективы въ народной русской рѣчи, и это обстоятельство, *сознательно* использованное великимъ художникомъ слова, сдѣлало изъ Пушкина истиннаго родоначальника русскаго поэтическаго языка, съ которымъ мы не разстаемся и *понынѣ*. Въ самомъ дѣлѣ, если еще въ поэмѣ «Руслан и Людмила» мы встрѣчаемся и со старыми удареніями, напр. «призра́къ» (II. 260), и со старой конструкціей: «вослѣдъ ему» (II. 261), «внимала разговоръ» — ibidem, то уже послѣ поэмы «Руслан и Людмила», начиная съ 1824-го года приблизительно, Пушкинъ, если и сохраняетъ слова и обороты своего или прежняго времени, то совершенно сознательно и намѣренно тамъ, гдѣ того требовало художественное чутье поэта, напр., въ трагедіи «Борисъ Годуновъ», въ балладѣ «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», въ стих. «Пророкъ» и под. Само собой разумѣется, что въ языкѣ Пушкина до конца его жизни остаются тѣ старыя слова и произношенія, которыя пережили и Пушкина, и бытуютъ донынѣ въ инвентарѣ современнаго намъ русскаго литературнаго языка, напр., формы церковно-книжнаго строенія вмѣсто русскихъ народныхъ *полногласныхъ*: «брегъ»—1835 г. («Вновь я посѣтилъ»), «предъ»—ib. «младая»—ib., «глава»—ib., и под. Встрѣчаются также тѣ образованія и конструкціи, которыя, напоминая молодость Пушкина, въ то же время служатъ *цѣлямъ ритма*, удобнѣе входятъ въ стихъ, въ размѣръ его, какъ, напр., «*въ разны годы*» —1835 г. («Вновь я посѣтилъ»), «*пріяли*» вм. «при-няли»—ib., «*боится*»—1836 г., «*дохнулъ*»—

1836 («Подражаніе итальянскому»), «гладный» — ib., *предлогъ «межъ» и «между»* съ двумя падежами: «между вами» — 1821 г. (I. 263) и «между шести» — 1825 (I. 377), «межъ нивъ» — 1835 г. («Вновь я посѣтилъ»), «межъ гостей» — 1836 г. Встрѣчаются и нынѣ устарѣлыя суффиксальныя образованія, какъ напр., «трепетанье» въ смыслѣ современнаго «трепетъ» — Ев. Он. Глава VII. Строфа XXIII. Или: «препебреженіе *русскаго языка*» — 1824 г., «презираютъ *сказками*» — 1830 г., и друг. под.

Но нельзя этого сказать про слова и выраженія, внушенныя поэту *современной* ему живой рѣчью разговорнаго языка или художественнымъ чувствомъ; напр., «грустенъ гуляю» — 1836 (II. 186), «задумчивъ я брожу» — 1836 года. Или: «*мечтались* тебѣ» — 1825 (I. 357), «сущій языкъ» — 1836 («Памятникъ»), «животворяща древа» — род. ед. — 1836 г. и др. Равнымъ образомъ: насколько и художественно и лингвистически безупреченъ Пушкинъ въ своихъ удареніяхъ: «гу́ба», «гу́бу» — 1830 г. (II. 107), «лего́къ» — 1822 («Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ». I. 276), срв. «лего́къ» — 1836 г. «На статуи» II. (II. 191) и под., или: «красота́мъ» — 1836 г. (Изъ Пиндемонте) и др., настолько же онъ дѣлаетъ уступку своему времени, употребляя безъ особой надобности слово «піитъ» вм. «поэтъ» — 1836 г. («Памятникъ»), «*пѣны*» вм. «сожалѣніе», «состраданіе» — 1826 г. (II. 2. Элегія) и под. Изъ этихъ и подобныхъ примѣровъ, которыхъ можно бы было привести множество, мы ясно видимъ, что *сила Пушкина* заключается не въ тѣхъ элементахъ языка и стиля, въ которыхъ онъ уступалъ своему времени или подчинялся требованіямъ возникавшаго при его творческомъ процессѣ *ритма*, но въ томъ, *что* Пушкинъ выбиралъ изъ языка *сознательно* по требованію художественнаго чувства, пользуясь для такого выбора богатствомъ русскаго народнаго языка, а не наслѣдіемъ отечественной письменности и образцами корифеевъ старой русской стихотворной литературы. Эти элементы, эти выборы Пушкина въ его языкѣ живутъ и *донынѣ* съ нами, и въ этихъ элементахъ Пушкинъ значительно переросъ свое время и свое поколѣніе.

Однимъ изъ главныхъ доказательствъ только что приведеннаго положенія служитъ то, что можно замѣтить въ языкѣ Пушкина на *всемъ* пространствѣ его литературной дѣятельности, — это, именно, что онъ не вводилъ *искусственныхъ* формъ и *искусственно-образованныхъ* формъ въ свой языкъ. Если онъ пишетъ даже въ «Евг. Он.» и въ письмахъ «обойтиться», «разойтиться» и т. под., то это не «народничанье» въ родѣ Державина, а *настоящій фактъ* тогдашняго разговорнаго языка интеллигенціи, такъ какъ эта форма извѣстна и въ письмахъ аристократа по языку и взглядамъ Карамзина. Если Пушкинъ рифмуетъ твор. п. ед. ч. именъ сущ. жен. рода твердаго склоненія на ой (жено́й, ду́мой...) съ именит. падежомъ ед. ч. муж. рода именъ прилагательныхъ твердаго склоненія *при неударяемомъ* окончаніи, какъ и *при ударяемомъ*, то это не поддѣлка рифмы путемъ орѳографическаго отождествленія окончаній въ цѣляхъ ихъ созвучія, а *живое произношеніе*, вопреки указаніямъ многихъ старыхъ комментаторовъ Пушкина, желавшихъ примѣнить свои теоретическія положенія «языка боговъ» къ *естественному* выраженію души Пушкина въ музыкѣ русскихъ звуковъ рѣчи. Напр., см. автографъ Пушкина, приложенный къ 82 страницѣ I тома сочиненій автора въ академическомъ *второмъ* изданіи 1900 г.: *стройной*—именит. падежъ ед. ч. муж. р. и мн. др. — въ серединѣ стиха.

Кромѣ перечисленныхъ уже элементовъ въ языкѣ Пушкина, мы замѣчаемъ во все время его писательской дѣятельности въ языкѣ его стихотвореній явные признаки *московскаго произношенія*, господствовавшаго въ интеллигентныхъ кругахъ уже съ XVIII вѣка и такъ тщательно оберегавшагося москвичемъ Сумароковымъ. Хотя московскій говоръ легъ въ основаніе русскаго письменнаго и литературнаго языка еще съ XIV вѣка, но лишь съ XVIII вѣка явились у насъ первые примѣры «изящной» свѣтской литературы, а потому мы въ данномъ случаѣ имѣемъ въ виду лишь русскую *литературу*, но отнюдь не «*письменность*», уступившую свое мѣсто только въ XVIII вѣкѣ «литературѣ».

Для того, чтобы яснѣе выдѣлить Пушкина въ языкѣ его молодости сравнительно съ Пушкинымъ зрѣлаго періода, послѣ 1823—24 года, мы представимъ опытъ классификаціи языковыхъ элементовъ у Пушкина въ разные періоды его жизни. Подробности же лингвистическаго характера изложены нами въ спеціальныхъ статьяхъ, указанныхъ ниже. Весь матеріалъ Пушкинскаго языка ранняго періода мы распредѣлимъ по группамъ, на которыя этотъ матеріалъ естественно раздѣляется.

I.

Къ первой группѣ явленій языка Пушкина въ интересующій насъ періодъ мы относимъ фонетическія и формальныя особенности *церковно-книжнаго* языка (въ основѣ своей старославянскаго), а также лексику этого языка. Среди фонетическихъ явленій, вошедшихъ въ языкъ Пушкина изъ языка церковно-книжнаго, мы отмѣтимъ: 1) Неполногласныя сочетанія вмѣсто русскихъ полногласныхъ: весь языкъ лицейскаго періода переполненъ такими словами, какъ: *хладъ, хладный, злато, гласъ, глава, власы, младой, драгой, грады, врата, брега*, даже: *брегитесь* («Сонъ». 1816 г. Соч. Пушкина. Академич. изд. 1900 года, 2-е, стр. 195). Подобныя сочетанія звуковъ въ словахъ представляютъ остатки до-Пушкинскаго литературнаго языка и сближаютъ языкъ Пушкина этой эпохи съ языкомъ Державина и прочихъ писателей конца XVIII и начала XIX вѣка. Выше мы видѣли, что эти элементы языка Пушкина сохранились и въ позднемъ періодѣ его творчества, однако изъ всѣхъ словъ этой категоріи наибольшей устойчивостью оказались тѣ, въ которыя Пушкинъ вкладывалъ особый смыслъ, и которыя, благодаря этому, сохранились и донынѣ. Въ особенности достойно вниманія то, что старославянскія неполногласныя сочетанія, въ родѣ: *брегъ, злато, градъ* и под., вошедши въ нашъ церковно-книжный языкъ еще въ первые вѣка нашей письменности и ужившись въ языкѣ параллельно съ чисто-русскими формами, въ родѣ: *берегъ, золото, городъ* и под., пріютились, однако, по преимуществу въ церковномъ языкѣ и въ книгахъ духовнаго содержанія, сохраняя въ то же время обличье формъ, извѣстныхъ изъ церковныхъ книгъ. Въ литературѣ же XVIII вѣка эти и подобныя слова стали употребляться писателями въ такихъ грамматическихъ формахъ, которыя не были извѣстны въ *старыхъ церковныхъ* книгахъ, и получилось новое образованіе формъ склоненія и спряженія по типу *русскаго* словоизмѣненія, но съ церковно-славянской огласовкой въ коренныхъ частяхъ словъ. Такъ получились въ языкѣ нашихъ писателей XVIII вѣка, и у Пушкина въ лицейскій періодъ, формы неполногласныхъ сочетаній въ родѣ слѣдующихъ: *пренесла́сь* — Къ сестрѣ 1814 г. (Академич. 2-е изданіе I-го тома 1900 г. Стр. 12. *Всѣ вообще ссылки на соч. Пушкина будутъ сдѣланы нами по этому изданію*). Въ примѣрѣ:

«Ты *пренеслась* мечтой
Въ поля» ...

Вмѣсто современной формы *перенеслась*. Такъ получилась форма: *озлатясь* — наше дѣепричастіе — стр. 27: «Бросали тусклый лучъ, луною *озлатясь*» (Осгаръ. 1814 г.). Срв. въ стих. «Мое завѣщаніе друзьямъ» 1815 г.: «Когда жь [1]) востокъ *озолотится*» — ib. стр. 112.

Такъ получились формы у Пушкина и старыхъ писателей (Державина, Жуковскаго и др.): *власы́* — стр. 27. 129 («Валится снѣгъ, власы́ въ туманѣ леденѣютъ». Осгаръ. 1814 г.); или «Играетъ локономъ *власо́въ*» («Посланіе къ Юдину». 1815 г.). Выдержанной формой нашихъ старыхъ церковныхъ книгъ была бы форма им. п. мн. ч. *вла́сы*, а не *власы́*, въ которой удареніе подражаетъ русской формѣ; а также форма род. п. мн. ч. — *власъ*, а не *власо́въ*. Равнымъ образомъ форма *брега́* тоже представляетъ собой смѣшеніе старой церковной огласовки въ корнѣ и сравнительно новой формы діалектической, южновеликорусской, для им. п. мн. ч. Старой формой была бы *бре́зи* или уже *бре́ги*, а не *брега́*, которая образована по образцу русской берега́ и под. «Не бле́щутъ у́жь въ огня́хъ брега́ и свѣ́тлы ро́щи». (Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ. 1814 г. Стр. 81). Срв. «Смотрѣть, какъ плещетъ въ брегъ струя» (Вода и вино. 1815 г. Стр. 114). Сюда же относятся такія формы, какъ: *младо́го* — род. п. ед. ч.;

[1]) Что касается орѳографіи *жь* вмѣсто *жъ*, то мы не можемъ рѣшить, кому она принадлежитъ: Пушкину ли, или редакціи его сочиненій. Въ этомъ отношеніи и Академическое изданіе не стоитъ на высотѣ современныхъ требованій науки, и только редакція г. Саитова, выпустившая I-й томъ переписки Пушкина (Спб. 1906 г.) приняла во вниманіе нужды науки о языкѣ, согласно постановленію Пушкинской коммиссіи при второмъ отдѣленіи академіи наукъ въ засѣданіяхъ 12-го марта и 6-го декабря 1901 года. См книгу: «Пушкинъ и его современники.» Матеріалы и изслѣдованія. Вып. I. Спб. 1903 г. Стр. IX, XI. А также Предисловіе къ I-му тому переписки Пушкина въ изд. академіи наукъ (Спб. 1906 г. Стр. 111). Орѳографія Пушкина во многомъ пролила свѣтъ на произношеніе самого поэта: насколько можно судить по автографамъ, Пушкинъ не произносилъ *ш* и *ж* мягко; поэтому неизвѣстно, какъ понимать *жь* въ Академическомъ изданіи. См. нашъ трудъ: «Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина». Вып. I. Спб. 1901. Предисловіе и Введеніе. Стр. 15 и слѣд. и примѣчаніе. Также стр. 23 и слѣд. и Ж. М. Н. Пр. 1901 г: № 2. Стр. 388—417.

старой формой церковнаго языка была бы форма: *младáго*. Напр. «Изъ рукъ *младого* Купидона». (Князю А. М. Горчакову. 1815 г. Стр. 146). При извѣстномъ состояніи нашей образованности, при сословномъ характерѣ нашей старой литературы, о чемъ мы говорили выше, такія формы языка литературы, въ особенности стихотворной, считались признакомъ и вкуса и хорошаго тона, хотя по условіямъ ритма стиха такихъ формъ часто можно было бы и избѣжать. Срв. также страницы 194 и 253, гдѣ мы читаемъ: «Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны.» (Сонъ. 1816 г. Стр. 194). Все это напоминаетъ языкъ Державина, которому вслѣдъ не хотѣлъ однако Пушкинъ «парить» [1]). Или: «При мирныхъ ли *брегáхъ* родимаго ручья». (Разлука. 1817 г. Стр. 253).

Такими формами изобилуетъ языкъ Пушкина этого періода, и изъ 131 стихотворенія, написанныхъ за время отъ 1812 года до 9 іюня 1817 года, нѣтъ ни одного, въ которомъ бы не было подобныхъ формъ; поэтому мы не приводимъ болѣе такихъ формъ, но должны отмѣтить, что рядомъ съ ними у Пушкина есть и русскія современныя формы, не отягощающія литературнаго языка отжитыми и старыми элементами. Такъ, у Пушкина есть: *сребря* — 44, *сребрила* — 75. 75, но и: *осеребренною* — 129; есть *гладный* — 105, *брегитесь* — 195, но и *голодный*, *берегитесь* и проч.; есть *златой* — 122. 136 и проч., но и *золотой*... Формы перваго ряда (брега, озлатясь, брегитесь и под.) къ 1824-му году почти вымираютъ у Пушкина, а формы второго ряда (златой, глава, младость, градъ и под.) продолжаютъ жить до его смерти и живутъ попынѣ, находя поддержку въ такихъ образованіяхъ, какъ: «злато», «главный», «младенецъ», «ограда», «Петроградъ», «прибрежный», «безбрежный» и под.

2) Отмѣтимъ произношеніе церковное *е́* вм. *ё*, какъ видно изъ риѳмующихся словъ у Пушкина. Этотъ церковный звукъ особенно распространенъ у Пушкина въ разсматриваемый періодъ въ формахъ прич. прош. вр. страд. залога на *ный*, а затѣмъ и въ 3 л. ед. ч. глаголовъ на *е́тъ*, и въ именахъ. Такое произношеніе было въ употребленіи у нашей интеллигенціи въ силу выше описанныхъ условій въ XVIII и началѣ XIX вѣка. О немъ говорятъ Тредьяковскій и Сумароковъ, считая произношеніе съ ё признакомъ простой рѣчи (См. мою статью въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1901 г. № 2. «Изъ исторіи русскаго литературнаго языка конца XVIII и начала XIX вѣка.» Стр. 404). У Пушкина въ разсматриваемое время это явленіе очень часто. Напр., Пушкинъ риѳмуетъ постоянно: *надéжный* съ *нѣжный* и под. «Такъ, это другъ *надежной* [1]). Ужь начались восторги страсти нѣжной, И поцѣлуй любовью возгоритъ.» (Эвлега 1814 г. Стр. 24). Срв. также: «Въ безмолвіи временъ онъ созерцалъ *полéтъ*» въ риѳмѣ съ «лѣтъ» (Осгаръ 1814 г. Стр. 26). «Безтрепетнымъ *полéтомъ*» въ риѳмѣ съ «свѣтомъ» (Городокъ. 1814 г. Стр. 68). «Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой *полéтъ*» въ риѳмѣ съ «бѣдъ» (На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году. 1815 г. Стр. 154). Срв. также:

«Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ
отдалéнныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ
трубъ *воéнныхъ*» ib. 152

Или:

«Лида, другъ мой пензмѣнный!
Почему сквозь тонкій сонъ,
Наслажденьемъ *утомлéнный*,
Слышу я твой тихій стонъ?»

«Къ молодой вдовѣ». 1816. Стр. 226.

Или:

«Рано другъ твой незабвенный
Вздохомъ встрѣтитъ смертный часъ,
И блаженствомъ *упоéнный*,
На груди твоей погасъ...» ib. 127.

Пушкинъ риѳмуетъ слово: «расцвѣлъ»— 69 («Въ юдóли, гдѣ расцвѣлъ, — Мой го-

[1]) «Что прибыли соваться въ воду,
Сначала не спросившись броду,
И въ слѣдъ Державину парить?»
(Князю А. М. Горчакову. 1815 г. Стр. 145). Это было сказано, несмотря на то, что Державинъ «въ гробъ сходя, благословилъ» Пушкина и считался корифеемъ литературы; «Державинъ и Петровъ геройъ нѣснь бряцали струнами громозвучныхъ лиръ.» Воспоминанія въ Царскомъ селѣ 1814 г. Стр. 79. См. также Ев. Он. (Изд. 1887 г. Литер. Фонда. Т. Ш. Стр. 382).

[1]) Объ окончаніяхъ — *ой* вм. — *ый* у Пушкина, въ им. п. ед. ч. именъ прил., мы говорили въ другомъ трудѣ (См. «Опытъ грамматики». Вып. II и упомянутую статью въ Журн. Мин. Нар. Просв. Также вып. I «Опыта грамматики». Введеніе). По автографамъ видно, что Пушкинъ въ этомъ случаѣ слѣдовалъ *произношенію*, а не желанію отождествить въ орѳографіи окончанія риѳмующихся словъ. Правописаніе — *ой* въ то время было почти общимъ.

рестный удѣлъ»? Городокъ. 1814 г. Стр. 69) со словомъ «удѣлъ», и изъ этого видно какъ этимологическое произношеніе слова «расцвѣлъ», совпадающее съ церковнымъ и семинарскимъ произношеніемъ, согласующимся съ правописаніемъ, такъ и несочувствіе Пушкина къ народнымъ произношеніямъ «расцвѣлъ», которое подпало подъ аналогію такихъ произношеній, какъ: мѣлъ, брѣлъ, вѣлъ и проч. формъ прош. времени. Само собой разумѣется, что языкъ въ данномъ случаѣ забылъ старую, истинную форму этого слова: росцвьлъ, запомнивши лишь ближайшія по времени аналогіи, которыя заставили эту форму ассоціироваться съ формами отъ этого же глагола, но съ *сильнымъ видомъ корня*, гдѣ было этимологическое ѣ: *цвѣту*, *цвѣтъ* и под. Эти ассоціаціи приняты были уже въ старыхъ церковныхъ книгахъ и вошли въ обиходъ литературнаго языка, гдѣ мы имѣемъ уже *вторичное цвѣлъ* (въ написаніи: «цвѣлъ») по аналогіи съ плѣлъ и под. Срв. наше *звѣзды*, но въ народѣ еще: *звѣзды*, хотя уже большею частью: «*цвѣлъ*». Далѣе у Пушкина мы имѣемъ: *зелёну*,—32; *толчёный*—33; хотя рядомъ: *поётъ* въ риѳмѣ съ *тотъ*—40. Срв. 68. *поднёсъ*—45, *весёлой*—51. Срв. 61, 65; *тёмны*—61; *принесённый*—60; *льетъ*—166; *идётъ*—93; *совётъ*—130; *рёвомъ*—142 (Срв. и въ «Полтавѣ» «*ревъ*» въ риѳмѣ съ «*присмирѣвъ*»); *алтарёмъ*—152 (въ риѳмѣ съ «*шлемъ*»); протёкъ—187; *омрачёнъ*—223 и мн. др. Всѣ эти особенности языка роднятъ Пушкина со старой эпохой его учителей и уже почти не встрѣчаются послѣ 1824 года, когда онъ обратился къ русскому языку не своего общества и литературы, а къ языку народа.

3) Отмѣтимъ звукъ *о* въ предлогахъ-префиксахъ такихъ глаголовъ, какъ: *сокрылся* вм. русскаго *скрылся*, *воздохнуть* вм. *вздохнуть*, *воспомнишь* вм. *вспомнишь*, *сожигай* вм. *сжигай* и проч. Или: *сопутникъ* вм. *спутникъ* и под. См. страницы I-го тома Акад. изданія соч. Пушкина: 27, 105, 106, 30, 48, 55, 72, 93, 68, 103, 69, 122, 204, 167, 168, 171, 172, 197, 209, 224 и др. Здѣсь мы найдемъ примѣры и церковно-книжныхъ не русскихъ формъ и русскихъ. Напр.:

«За чашей пунша круговою
Подъ часъ *воспомнишь* обо мнѣ.»
Къ Н. Г. Ломоносову. 1814 г.

«*Воспомнитъ* ту баталью»... Городокъ. 1814 г. «*Воспомнивъ* старину за дѣдовскимъ фіаломъ». Лицинію. 1815 г. стр. 94 и др. «Одну тебя вездѣ *воспоминаю*». Уныніе. 1816 г. 209. «*Сокрой* отъ памяти унылой». Къ Морфею. 1816 г. 204. Или: «Не *сожигай* души моей». Элегія. 1816 г. Стр. 224 и мн. др. Подобныя образованія, какъ мы видѣли выше, въ позднѣйшій періодъ творчества Пушкина встрѣчаются лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они подсказаны требованіемъ *ритма*.

4) Часто въ раннее время Пушкинъ употребляетъ церк. формы: *нощи* вм. *ночи* въ разныхъ падежахъ. См. напр. страницы: 44, 67, 77, 81, 105, 135 или *полнощной* вм. *полночный*—стр. 78.

«Не се ль Элизіумъ *полнощный*».

Восп. въ Цар. Селѣ. 1814 г. Стр. 78 и др.

Но такія образованія въ позднѣйшее время уже не встрѣчаются.

5) Употребляетъ также Пушкинъ формы *провождать* вм. русской *провожать*:

«Минуты *провождать*»—

Посланіе къ А. П. Галичу. 1815 г. 140. Подобныя образованія встрѣчаются и позже и дожили до нашихъ дней, хотя и не въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ Пушкинъ пользовался ими. Но уже и самъ Пушкинъ, сохранивъ эту фонетическую особенность церковнаго языка вообще, сталъ впослѣдствіи употреблять ее не въ словѣ «провождать», а въ другихъ, какъ: «побѣждать» и под., гдѣ мы имѣемъ ее и понынѣ.

6) Отмѣтимъ еще и формы склоненія и спряженія, принадлежащія не русскому языку: словеса—84; *одѣяния*—28 и под. Но главное: форма род. п. ед. ч. именъ прил. *твердаго* и *мягкаго* окончанія жен. рода съ полнымъ склоненіемъ—на *ыя* и—*ія* вм. русскихъ *ой* и—*ей*. Это формы *только* книжныя, церковно-слав. книжнаго языка. Напр., «Онъ *первыя* стрѣлы съ веселъемъ ожидалъ»—Осгаръ. 1814 г. Стр. 27. «Когда подъ скипетромъ *Великія* Жены»—Восп. въ Цар. селѣ. 1814 г. Стр. 78. «Надетъ, падетъ во прахъ *вселенныя* вѣнецъ»—Лицинію. 1815 г. Стр. 94. «Съ болтуномъ страны *Еллинскія*» — Бова. 1815 г. 95. «Повѣситъ мечъ войны средь *отческія* кущи».—Эпиграмма. 1815 г. 120. «На верхъ *ѳессальскія* горы». — Моему Аристарху. 1815 г. 150.

«Но слово *милыя* моей
Прелестнѣй томныхъ пѣсенъ Лилы»—

Слово милой. 1816. 225.

Этихъ формъ современный языкъ уже

совсѣмъ не знаетъ, если не считать формы мѣстоимѣнія *ея*, которая и то сохранилась только въ орѳографіи; въ живомъ же произношеніи — *её* изъ русской формы — *еѣ*. Срв. ю.-великор. народную форму *ее́*—вин. п. Отъ такихъ формъ Пушкинъ послѣ 1824-го года *совсѣмъ отказался:* и нынѣ ихъ *нѣтъ*.

7) Лексика книжной славянщины и устарѣлаго русскаго языка, извѣстнаго изъ «высокаго штиля» для «важныхъ матерій», по теоріи Ломоносова, сохранилась и у Пушкина, особенно въ ранній періодъ. Такъ, Пушкинъ въ это время часто употребляетъ слова: *зришь*—24; *узрѣлъ*—25; *зрѣлъ*—27, 199. *воззрѣвъ*—78; *зрѣлася*—106; *узрѣлъ*—79, 189, 238; *узри́шь*—80, 106; *воззри*—81; *зритъ*—215; *озрѣться*—81; *я зрю*—82. Срв. 191, 261, 184. Особенно интересенъ своей искусственностью и устарѣлостью оборотъ:

«И *зрѣлася* ладья, бѣгущая въ туманѣ
Подъ сводомъ эльбскихъ грозныхъ скалъ».

Наполеонъ на Эльбѣ, 1815 г. Стр. 106. Вездѣ этотъ глаголъ употребленъ вмѣсто позднѣйшаго *видѣть, увидѣть, виднѣться* и под. Далѣе, Пушкинъ употребляетъ слова: *вѣщай*—24; *отвѣтствуй*—25; *вѣщалъ*—26; *рекъ*—27, 44; *рекла*—102; *грядешь*—82. Все это напоминаетъ «штиль» Ломоносова, Державина, Жуковскаго и др. старыхъ поэтовъ. Также: *объемлетъ* — 24, 180; *объемля* — 260; *подъемлется* — 99, 141; *срѣтаютъ*—81; *сни́дешь*—53; *зракъ* (=видъ)—81; *выя*—81; *трикраты* (три раза) — 78; *пріяла* (=приняла)—235; *вотще*—69, 81, 152; *піитъ*—50, 68; мѣстоименіе *се, сей* во всѣхъ формахъ: 78, 80, 53, 56, 41, 42, 198 и друг. *вѣжды* (=глаза)—187; *единый* — 215 и мн. др. Эти лексическіе элементы сохранены Пушкинымъ въ позднѣйшемъ языкѣ лишь по соображеніямъ, изложеннымъ выше.

II.

Ко второй группѣ явленій языка Пушкина ранняго періода мы отнесемъ слова и формы устарѣлаго русскаго языка, извѣстнаго ранѣе Пушкина и въ современныхъ Пушкину литературныхъ журналахъ, и у писателей начала XIX вѣка. Сюда относятся Пушкинскія формы: 1) громадное обиліе формъ именъ прилагательныхъ *краткаго окончанія* въ качествѣ грамматическихъ *опредѣленій* при именахъ существительныхъ по преимуществу въ падежахъ: вин. ед. ж. р., им. ед. ж. р., им. мн. всѣхъ родовъ, им. ед. ср. р. и *очень рѣдко* род. ед. всѣхъ родовъ. Напр., *те́мну* — 27; *снѣ́жна* — 29; *зеле́ну* — 32; *женски* — 37; *ясны*—42; *звучны* – 51; *кроваву*—51; *ползущу* — 52; *шумящи* — 54; *трепещуща* — 57; *воспитанны* — 64, 79; *школьнически* — 64; *потае́нну*—65; *легкокрыло*—69; *вечерню*—70; *че́рна*—74; *дальни*—75; *кра́сна*—107; *росски*—79; *вое́нны*—79; *многомыслящи* — 99; *лаконически*—100; *ше́лково*—100; *чи́ста* — род. п. ед. ч. ср. р. 145; *минувши* — 239; *увядши*—240. и мн. др. Особенно характерны слѣдующіе примѣры:

«Возставшій рядъ тѣней главы́ *окровавле́нны*
Съ улыбкой гордою на странника склонялъ.
«Чей гробъ я вижу тамъ?» вѣщалъ иноплеме́нный
И барду посохомъ на берегъ указалъ».

Осгаръ. 1814 г. Стр. 26.

«Окровавле́нный» извѣстно у Пушкина и позже съ такимъ *е́*, не *ё́*, въ «Русланѣ и Людмилѣ».

«Въ *женски* прелести влюбленъ...»

Къ Натальѣ. 1814 г. Стр. 37.

«Скажи, по милости Графону,
Ползкомъ *ползущу* къ Геликону»...

Къ Батюшкову. 1814. 52.

«Предъ челнокомъ *шумящи* воды...»

Къ Н. Г. Ломоносову. 1814. 54.

«Блѣдна, *трепещуща*, уныла,
Къ дверямъ приблизилась она».

Романсъ. 1814 г. 57.

«Кладбище обрѣли
На самой нижней полкѣ
Всѣ *школьнически* толки,
Лежащіе въ пыли...»

Городокъ. 1814 г. 64—65.

«Но ими *огражденну*
(Ты долженъ это знать)
Я спряталъ *потаенну*
Сафьянную тетрадь». ib. 65.
«Неопытность другихъ въ *наемну* ловить сѣть».

Лицинію. 1815 г. Стр. 93.

«Храбрый видитъ *красну* дѣву...»

Казакъ. 1814 г. 75.

«Съ госпожи снявъ платье *ше́лково*».

Бова. 1815 г. 100. и мн. друг. Такія формы мы встрѣчаемъ и позже у Пушкина, но не

по тѣмъ же основаніямъ: прежде онѣ были признакомъ состоянія языка, еще близкаго къ языку церковной книги, а позже Пушкинъ сталъ пользоваться ими по требованію ритма или смысла художественнаго произведенія. Изъ другихъ формъ и словъ устарѣлаго русскаго литературнаго языка мы видимъ у Пушкина за это время обычное употребленіе формы *лилéя*—32, 37, 77 вм. *лилія* (Впервые въ стих. «Фавнъ и Пастушка». 1816 г. «Какъ *лилія* съ зарею, Красавица цвѣтетъ». Стр. 165). *Вліялъ* въ значеніи *вливалъ*:

«... Пѣвецъ тѣнскій
Въ тебя *вліялъ* свой нѣжный духъ...»

Къ Батюшкову. 1814 г. 50.

«О, если бъ Аполлонъ *пѣтовъ* даръ чудесной
Вліялъ мнѣ пынѣ въ грудь...»

Восп. въ Цар. селѣ. 1814 г. Стр. 82.

«О, милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь...»

Дельвигу. 1817 г. Стр. 250.

Стогны=улицы:

«По *стогнамъ* шумъ, вездѣ сіяетъ торжество...».

На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 г. 1815 г. Стр. 154.

Сыны=сыновья:

«И юные *сыны* воинственныхъ славянъ...» ib., 154 и др.

Почто=зачѣмъ, отчего и под.

«... *почто* не можно мнѣ,
Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ,
Забывъ о разумѣ и немощномъ, и строгомъ,
Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ?».

Безвѣріе. 1817 г. Стр. 261. Срв. въ другихъ мѣстахъ на стр. 50, 68, 153, 208.

Онъ рядомъ съ *огнь*—69, 82, 155; *угль*, *угли* рядомъ съ *уголь* — 195, 81. Форма *угль* встрѣчается у Пушкина и позднѣе, въ стих. «Пророкъ» 1826 года:

«И *угль*, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ».

Здѣсь, именно, пророкъ-поэтъ изображенъ въ библейскихъ чертахъ и языкомъ библіи или напоминающимъ библію.

Въ это же время у Пушкина мы видимъ формы: *мрачи́тся* вм. *омрачается* — 106; *почи́етъ*—наст. вр.—109; *страждешь* и проч. вм. *страдаешь* и проч. 170, 259; *покорствую* съ дат. пад, вм. *покоряюсь*, *подчиняюсь*—32, 40, 102, 218. Это слово извѣстно у Пушкина и позже, но оно же извѣстно и Карамзину и старымъ журналамъ. Далѣе: *приближься* вм. современнаго *приблизься*—48, 111, 203. И позже, какъ и въ языкѣ современниковъ, но теперь уже нѣтъ. *Побѣжали*—вм. *побѣжали*—28, 106. *На бе́регѣ*—26. Срв. *на берегу́*—позже. *Въ строѣ*—27;—*въ боѣ*. *Въ ихъ кругѣ*—235; *вихорѣ*—54; *противу*—84; *предстоятъ* (кому, т.-е. стоятъ передъ кѣмъ)—63, 261; *несомнительны*—39 (несомнѣнны). *На крылахъ* и *на крыльяхъ*—см. стр. 30, 37, 69, 78, 224, 41, 143 и даже *крилъ* (какъ у Жуковскаго и Ломоносова)—95, 141, 154, 202 и производныя. *Ясминовъ* (жасминовъ, франц. j)—32. *Россъ*, *росской*—78; *пламенъ*—81; *днесь*—81.

Отмѣтимъ также обороты съ книжнымъ повелительнымъ наклоненіемъ и звательные падежи съ междометіемъ «о»!: «Да не будетъ»—164. «Да пролетятъ»—253. «О, росски исполины»...—79. «О грозны времена»—81; или такъ: «О сколь поносенъ»... стр. 78, 81, 153. Это выраженіе «*О сколь*» и проч. обычно въ многошумящихъ одахъ XVIII-го столѣтія.

Сюда же относятся слова и формы, отнесенныя нами въ *седьмой* отдѣлъ первой группы, общія церковно-славянскому и старому русскому языку, какъ напр., *зрю*, *отвѣтствуй*, *рекъ*, *гряду*, *объемлю* и под., а также: всѣ формы мѣстоименія *сей*. Срв. современное: *сейчасъ*, *сію минуту*, *вчерась* (откуда: «вчерашній») и под. Слово *пѣтъ*—по новогреческому произношенію (по семинарскому), кажется, спеціально принадлежитъ обществу XVIII вѣка, когда это слово употребляли почти постоянно вмѣсто современнаго *поетъ*, которое, однако, есть уже у Пушкина и въ лицейскій періодъ. *Пѣтъ* и даже *пѣта* въ им. пад. ед. ч. казалось даже *важнѣе*, чѣмъ обыденное *поетъ*. Съ теченіемъ времени, однако, у Пушкина все рѣже встрѣчаются слова и обороты этой группы.

III.

Въ третью группу мы отнесемъ тотъ матеріалъ языка Пушкина ранняго періода, который выражаетъ народныя, общерусскія слова и произношенія и извѣстенъ Пуш

кину во все протяженіе его творчества, въ родѣ: *вечо́ръ*—24. (И позже даже въ «Русалкѣ»); *выдь*—75; *не бось*—75; *цыга́рой*—128; *кольни, на кольняхъ, въ кольни* и проч.—69, 101, 196 при *колъна* и проч.—153, 260. Затѣмъ произношенія съ *ё*: *стезёй*—217; *поётъ, несётъ* и проч.—225. Это *ё* гораздо рѣже встрѣчается въ формахъ прич. прош. вр. стр. залога на—*нный*.

Къ типу литературнаго произношенія прошлаго вѣка, какъ и теперь, слѣдуетъ отнести произношеніе им. над. ед. ч. именъ прилагательныхъ *полной* формы въ муж. родѣ съ неударяемымъ окончаніемъ *твердаго* различія на—*ой* съ неяснымъ звукомъ *о*, почти иногда—звукомъ *глухимъ*. Такое произношеніе породило собой и орѳографію въ старыхъ журналахъ и у нашихъ старыхъ писателей на—*ой* вмѣсто церковной орѳографіи—*ый*: пещерной—25; глубокой—37; шумной—41; которой—48 (автографъ); забавной—48; юной—50; ужасной—57; стройной—82 (автографъ) и мн. др. Срв. произношеніе въ род. п. ед. ч. муж. р. *младо́ва*—107; *лихо́ва*—162. Здѣсь мы имѣемъ типичное *южновеликорусское* (литературное) произношеніе въ окончаніи—*ова*, но съ коренным слогомъ церковно-славянскимъ въ словѣ *младо́ва* вм. русскаго *молодо́ва*.

Діалектическія произношенія южно-великорусскія (литературныя) мы будемъ отличать отъ діалектическихъ произношеній сѣверно-великорусскихъ, которыя отнесемъ въ слѣдующую группу явленій Пушкинскаго языка разсматриваемаго періода и именно потому, что сѣверно-великорусскіе элементы въ старомъ литературномъ нашемъ языкѣ, въ періодъ его неустановившагося состоянія, встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ нынѣ. Къ южно-великорусскимъ относятся: *ко́льцы*—30; *лѣ́ты*—66; *кры́лы*—137. *че́лы*—150—153; *повиликой*—44; *раженьи*—им. п. мн. ч. 66. Все это произношенія такъ называемаго *акающаго* (московскаго) говора. Сюда же нужно отнести *чехлы́* вм. этимологическаго *чахлы́*, какъ это слово значится въ изд. Литер. фонда 1887 г. въ стих. «Посланіе къ Юдину» 1815 г. «И пышные *чехлы* Ліона» (I. 98). Въ Академич. 2-мъ изданіи I тома: *чахлы* (стр. 125). Въ 1-мъ изданіи Академіи 1899 года—тоже *чахлы* (стр. 129). См. мою статью въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1901 г. № 2. Стр. 410—411).

До какой степени важна орѳографія писателя переходной эпохи языка и правописанія, видно изъ того, что многіе вопросы о составѣ нашего литературнаго языка, напр., вопросъ о степени участія въ литературномъ *произношеніи* акающаго или окающаго говора (южно-великорусскаго или сѣверно-великорусскаго) въ отношеніи *гласныхъ* звуковъ можетъ быть рѣшенъ только *подлинной* орѳографіей, передающей, въ эпоху неустановившагося правописанія, нерѣдко живое произношеніе писателя, вліявшаго въ той или иной мѣрѣ на обликъ нашего литературнаго языка. Такъ, въ автографѣ стоитъ: *пишешь*—48, какъ и вообще въ старыхъ журналахъ начала XIX вѣка, а въ изданіи Академіи—*пишешь*—48, и мн. др. подобныхъ разногласій. Сюда же относятся сомнительные случаи написанія въ Академич. изданіи слова: *покамѣстъ*—52. 65. 141—вездѣ съ *ъ* на концѣ. Если это правописаніе принадлежитъ Пушкину, то оно также свидѣтельствуетъ о *южно-великорусскомъ* произношеніи его и его среды. О томъ же свидѣтельствуетъ риѳма словъ: *мохъ* и *рогъ*—155, такъ какъ слова такія, какъ: *рогъ, другъ* и проч., съ послѣднимъ звукомъ *г* только въ южно-великорусскомъ говорѣ произносятся со звукомъ *х* вмѣсто орѳографическаго и этимологическаго *г*. Типичное семинарское произношеніе (хотя очень рѣдкое) выразилось у Пушкина въ произношеніи слова: *язы́комъ*—129 съ такимъ ударе́ніемъ вм. *языко́мъ*, которое позже у Пушкина встрѣчается исключительно. *Кивбтъ*—135—прежнее литературное произношеніе.

Къ третьей группѣ отнесемъ мы діалектическія *сѣверно-великорусскія* произношенія въ словахъ: *дальной*—51; *спальной*—125; *дальный*—185; Срв. 129; *недавной*—186; *днёвный*—217, *ро́зный*—186 и под. Вмѣсто этихъ произношеній южно-великорусскія были бы: дальній, спальня, недавній и под., каковыя тоже есть и у Пушкина.

IV.

Къ четвертой группѣ явленій языка Пушкина за это время мы отнесемъ тѣ слова и обороты, которыми Пушкинъ отличается отъ большинства своихъ современниковъ, хотя отдѣльные примѣры могутъ быть указаны и въ журналахъ, у другихъ писателей его времени. Это формы: род. п. *вельможей*—81 и *вельможъ*—93; *бу́рей*—105; *пусты́ней*—197. Род. падежи: *у поро́гу*—122; 254; но: *у порога*—211. Им. над. *роги*—172. 236. Но: *рога́*—вин.—257.

Им. над. *за́пьсъ*—129 и *завѣса*—211, 260. *пи́сари*—255; но: *кивера́*, *ассесора́*—255. Далѣе формы: *померкнулъ*—152; *утихнулъ*—175; *исчезнулъ*—205; *погаснули*—217; *умолкнулъ*—223; *проникнулъ*—260; хотя рядомъ съ этими и: *погасло*—223; *умолкла*, *поникъ*, *утихъ* и проч! Слова и обороты: *сѣнистыхъ*—81 (срв. *тѣни́стыхъ* и под.), *философической*—126. (Обычно въ старомъ языкѣ вм. *философскій*), *миновался*—128 вм. *миновалъ* («прошелъ»), *увла́женный*—155; *устáньте* (=встаньте, установитесь)—194. *усердствуй Вакху*—247, *стремитъ* (взглядъ, очи) 92 207. *Чуждый къ умиленью*—261. *Скокъ лѣтомъ на холмъ*—156 и мн. друг. Характерно выраженіе: «*Крутыхъ холмовъ устаньте на вершинѣ*». Сонъ. 1816 г. Стр. 194.

V.

Въ особую группу мы отнесемъ *иностранныя* слова въ употребленіи Пушкина этого времени:

«Чья кисть *скомпанирýетъ*
Такой оригиналъ?»

Городокъ. 1814 г. Стр. 66. Очевидно, вмѣсто «скомпанýетъ». Слово *эполéтъ*, какъ и слово *ни́шъ*, Пушкинъ оставляетъ во французской формѣ: *эполéтовъ*—род. мн. 133. *нишъ*—192. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 75) *коха́нечка*, а въ другомъ—*коха́ночка* на той же страницѣ Академич. изданія. Первое произношеніе *польское*, второе—*русское*. Автографа опять не приложено.

VI.

Наконецъ, необходимо остановиться на *синтаксисѣ* и *удареніяхъ* Пушкина. Въ синтаксисѣ этого времени у Пушкина интересно управленіе предлоговъ: *межъ* и *сквозь*. Срв. межь перста́ми—236.—друзьями—220;—собой—98;—розами—221;—ними—30;—Пиндомъ и Цитерой—220;—цвѣтами—167;—рядами—185; Но: Межь дѣтей—57;—кустовъ—30;—кудрей—50;—межь нихъ—127;—межь лѣни и Морфея—90. Срв. 146. Межь сабли и сѣдла—258. Срв. въ «Ев. Он.»—Межъ волка и собаки—глава IV. Строфа XLVII.

Сквозь туманъ—74;—слезы—219;—толку—93;—пучины—104. Но: *сквозь окна́*—208.

Вин. падежъ одинаково употребителенъ при глаголѣ съ отрицаніемъ, какъ и безъ отрицанія: любви не зная *бремя*—36; ты *ужасъ* не видалъ—54; не кроютъ *паркетъ*—61; не слышитъ *стукъ*—61;—плачъ—70; не слушая *ее*—71; не жажду *гóры*—124; не зрѣли вы *забаву*—199; *голосъ* не забыла—209. Но, конечно, есть и род. п. Управленіе глагола *внимать* и *видѣть* то съ дат. п., то съ вин. п. Напр., внимать *стонъ*—207; внимаю *шумъ*—199, 259, 136, 210; впимаетъ *звону*—126; вняли *клятвѣ*—153; внемлите *стихамъ*—192, 253; внимая *звуку*—250; впимаетъ *моленью*—261. Срв.: не внемлетъ онъ *привѣта*—260. Род. при отрицаніи вм. вин. п. безъ отрицанія. Срв. даже: *на рюмы* я внималъ—71. *Двойной именительный падежъ:* лира стала мой удѣлъ—250. О сколь величественъ явился—153; брожу унылъ и мраченъ—199. *Дѣйствующее лице при страд. залогѣ съ предлогомъ о т ъ въ род. п.*: Отданы *отъ* музы—150. Дано *отъ* боговъ—188.

Управленіе слова вда́ли и далече съ род. п.: вдали станицъ—125, 126, 193, 258;—полей—141;—громовъ—153; далече столицы—141. *Такое же управленіе гл. бѣжа́ть*: бѣги столицы—143. 250. грома бѣжитъ—181. *Управленіе слова вслѣдъ кому* и *за къмъ:* вслѣдъ знаменàмъ—105; ему во слѣдъ—152; въ слѣдъ за тобою—146, 235. Но: въ слѣдъ *отца*—153; «летѣли въ слѣдъ отца»—На возвр. Государя Имп. изъ Парижа въ 1815 г.; 1815 года.

Употребленіе частицы (пов. накл.) *пусть* и *пускай* не только въ 3 л. ед. ч. и мн. ч., но и со 2 лицомъ: «пусть не *смѣйся*»—41; срв. пусть кричатъ—178 и др.; пускай *увижу*—204.

Гл. *трепета́ть* съ род. п. *чего*: *которыхъ* трепетали—81. Срв. позже въ «БорисѢ ГодуновѢ»: все *предъ тобой* трепещетъ.

Гл. *коснуться* и *касаться* въ раннюю эпоху управляетъ у Пушкина дат. падежемъ съ предлогомъ *къ*: къ ней коснется—199. Позже и *род. п.* и *дат. пад.* безъ предлога и старая конструкція. Срв. *груди́ коснется*—206, уже въ 1816 году.

Дательный падежъ интереса: мечамъ добычи ищутъ—80; *юношѣ* насталъ послѣдній часъ—27. Но: вечеръ горести *для юноши* насталъ—ibid.

На встрѣчу съ род. п.: на встрѣчу *славы*—72.

Полный и *полонъ* чѣмъ и чего: полна *думой*—187.

Отпадшій чего: отпадшій *вѣры*—259.

Сроденъ чему: *поклону* не сроденъ—142.

Научиться чѣмъ: *примѣромъ* научиться—93.

Одно отрицаніе вм. двухъ (какъ и въ

старыхъ журналахъ): я недругъ никому= я врагъ никому=я никому не врагъ—83.

Склонять съ особой конструкціей дат. лица и вин. вещи въ значеніи «предоставлять»: склоняя вѣтрамъ слухъ—78.

Отяготѣть—лечь тяжестью, бременемъ: отяготѣла на ихъ надменны выи (вин. над. мн. ч.)—81.

Покорствовать съ дат. п.=подчиняться: покорствуя судьбинѣ—32, 40.

Род. п. прямого дополненія при глаголѣ дѣйств. залога неодушевл. предмета:

«...Вмѣсто розъ, Амуромъ насажденныхъ,
Тюльпановъ, гордо наклоненныхъ,
Душистыхъ гландышей, ясминовъ и лилей,
Которыхъ ты всегда любила...»
Красавицѣ, которая нюхала табакъ. 1814, 33.

Торжествовать кѣмъ: *мною* торжествуй—24.

Льститься (слово старой литературы)= обольщаться:

«Но мнѣ ль безсмертьемъ льститься?»...
Городокъ. 1814, 68.

Слушать чего:

«Слушалъ *пѣсенки ночной*,
Въ ладъ качая головой».
Блаженство. 1814, 43.

Синтаксисъ Пушкина довольно устойчивъ за все время, и такіе обороты мы найдемъ и въ позднійперіодъ (см. выше).

VII.

Наконецъ, я обращу вниманіе на *ударенія* ранней поэзіи Пушкина. Предварительно, однако, замѣчу, что раннія произведенія Пушкина допускаютъ лишь болѣе *удобную* классификацію формъ по удареніямъ, но такія ударенія встрѣчаются у Пушкина и позже, такъ какъ они поддерживаются примѣрами живого разговорнаго языка (Срв. выше).

1) Здѣсь я остановлюсь, прежде всего, на именахъ сущ. ж. р. на — *а* (я) съ удареніемъ на окончаніи въ им. п. ед. ч. Всѣ такія имена *въ большинствѣ случаевъ* у Пушкина сохраняютъ удареніе на мѣстѣ, гдѣ оно стояло въ им. п. ед. ч.: *по струна́мъ*—50; *красота́мъ*—174, 259; *струна́ми*—79, 191; *судьба́мъ*—217; *судьба́ми*—185; *волна́ми, щека́ми*—194.

2) Удареніе въ падежахъ именъ сущ. жен. р. на — *ь*: *къ груди́*—57; *по груди*—163. Но: *къ гру́ди*—56; *ко гру́ди*—70; *по гру́ди*—170; *на гру́ди*—*предл. п.*—112.

3) Удареніе въ падежахъ именъ сущ. муж. р. на — *ь*: *коня́*. Но *ко́ню*—75.

4) Удареніе заимствованныхъ изъ франц. языка словъ сохраняетъ за собой мѣсто ударенія въ им. п. ед. числа и въ прочихъ падежахъ:

на ба́лахъ—36; *ба́ловъ*—157; *на ба́ль*—192; па́жа—101.

5) Колеблющееся удареніе въ именахъ сущ. муж. р. на — *ъ* и ср. р.

a) *на хо́лмѣ*—125, 135, 155; *холмы*—214;
хо́лма—155; *подъ холма́ми*—201;
на хо́лмахъ—80; *съ холмо́въ*—77;
на хо́лмы - 129; *на холма́хъ*—26;
по хо́лмамъ—237;

b) *пе́рсты*—34; *перста́ми*—51;
пе́рстомъ—250;

c) *жемчугомъ*—29.

d) *зе́фиръ*—51; *зефи́ръ*—44;
зе́фиромъ—36;

e) *уса́*—род. ед.—162.

f) *гу́ртомъ*—66;

g) *плющемъ*—110; *плющёмъ*—236;

h) *филосо́фъ*—145; *фило́софы*—203;
фило́софовъ—178;

i) *два рога́* — 167 (старое удареніе). Но: *зуба два*—196 (удареніе новое);

k) *при́зракъ* — 195; *при́зракомъ*—202. Но въ 1-й разъ:
призра́ками—192. Сонъ. 1816 г.

Въ словахъ средняго рода:
у́тра—204 (всегда); *по утру́*—205;
лѣта́—им. и вин. мн. ч.—157, 186, 253, 57. Это удареніе Сумароковъ считаетъ провинціальнымъ. Срв. *лѣты* у Пушкина; позже и *лѣта*.

Отмѣтимъ въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ отдѣльные варьянты въ удареніяхъ: *кудре́й* — 50; *симво́лъ* — 236; въ безмолвіи *ночи́*—80; изъ *до́му*—75, но: *и́зъ лѣсу. Пу́стынь* и *пусты́ня*: стр. 11 и 28; *нужда* — 125; *дѣ́вица* — 100, 103; *дѣвѝца*—101; *знаме́на* и *знамена́*—153. Срв. «Бѣдой шумѣли *знамена́*», въ стих. «Наполеонъ»—1821 года и «Вновь наши вторглись *знамена́*» въ стих. «Бородинская годовщина 1831 года.

Замѣтимъ, что большинство этихъ варьянтовъ встрѣчается и у другихъ старыхъ писателей и въ нашихъ старыхъ журналахъ, о чемъ подробнѣе мы говоримъ въ «Исторіи р. литературнаго

языка XVII—XIX в.», отпечатанной въ XII-мъ выпускѣ Академическаго изданія «Славянской Энциклопедіи».

Въ именахъ прилагательныхъ особенности Пушкинскаго ударенія этого періода, какъ и другихъ, встрѣчаются въ:

а) *счастли́вый* — 113, 212, 187, 191; *сча́стливый* — 124, 86, 206, 50;

б) *водяны́ми* — 220;

в) *искри́вленной*—43;

г) *дневно́й*—192 и *дне́вный*—217;

д) *грошевы́хъ*—116, 229; *почтовы́хъ*—122;

е) *конду́шій*—148.

Въ глаголахъ интересъ представляютъ глаголы на — *итъ*: *тужи́тъ* — 232; *изсуши́тъ*—256; *кати́тся*—193, 196; *вали́тся*—196; *крути́шь*—162; *тащи́тся*—144; *станови́тся*—37, 144. Но: *разлу́читъ*—248. Срв. *разлу́ка*. Такъ и въ мѣщанской пѣснѣ.

Въ глаголахъ съ примѣтою — *ну*: *прыгну́лъ*—174; *зачёртнутъ*—175, 179.

Срв. также: *кра́детъ*—110, 135, 192. *На́йдется*—103. *о́бняла*—28.

Глаголы съ примѣтой—*ну* у Пушкина впослѣдствіи постоянно мѣняютъ удареніе въ прошл. времени: *прыгну́лъ* и *прыгну́лъ* и под. Вообще, всѣ ударенія, которыми пользуется Пушкинъ съ ранняго времени, основаны на живомъ употребленіи русскихъ словъ, чего нельзя сказать, конечно, о словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ. Срв. симво́лъ, ба́лы, ба́ловъ и и проч.

Мы старались въ самыхъ общихъ чертахъ дать представленіе о русскомъ языкѣ поэзіи Пушкина, указывая на тѣ связи, которыми онъ тѣсно прикованъ въ раннюю пору къ языку своихъ старыхъ учителей и тогдашнихъ корифеевъ, но отъ которыхъ онъ началъ отдѣлываться лишь къ 1824-му году. Желающіе ближе познакомиться съ языкомъ Пушкина могутъ это сдѣлать по спеціальнымъ моимъ работамъ:

1) Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина. Вып. I. Спб. 1901. Вып. II. Спб. 1902 г. Вып. III. Спб. 1904 г.

2) «Изъ исторіи русскаго литературнаго языка конца XVIII и начала XIX вѣка» Ж. М. Н. Пр. 1901 г. № 2.

3) «Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка» Ж. М. Н. Пр. 1898 г. № 3 и 1899 № 5.

4) «Литературныя мнѣнія Пушкина». Воронежъ. 1896 г.

Подробности произношенія Пушкина, поскольку онѣ выясняются путемъ изученія его *автографовъ* параллельно съ автографами его современниковъ и съ орѳографіей нашихъ журналовъ конца XVIII-го вѣка и начала XIX-го вѣка, а также сословный элементъ стараго дворянскаго произношенія и прочія составныя части нашего стараго литературнаго говора въ различныхъ слояхъ общества изложены нами въ указанной выше монографіи нашей, представляющей XII-й выпускъ «Славянской Энциклопедіи» въ изд. Императ. Акад. Наукъ. Въ частности, по отношенію къ произношенію франц. звука «*п*», здѣсь припомнимъ сказанное Пушкинымъ про мать Татьяны,

«Звала Полиною Прасковью
И говорила парасп*ѣ*въ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій *п*, какъ *п* французскій
Произносить умѣла въ носъ».
Е. О. II. Строфа XXXIII.

Конечно, отчасти такимъ семейнымъ произношеніемъ въ домѣ Пушкиныхъ объясняется то, что Пушкинъ въ раннюю пору, пока не привыкъ произносить русскій *п* по-русски, избѣгалъ риѳмъ съ французскимъ носовымъ гласнымъ въ концѣ словъ, не находя для нихъ риѳмъ въ окружавшемъ его русскомъ говорѣ и не рискуя въ то же время исказить чистое французское произношеніе. Отголоски этого мы находимъ еще и въ «Евгеніи Онѣгинѣ», хотя въ послѣднемъ чаще сохраняется иностранное *е* (картель—дуэль), чѣмъ иностранное *п*, и всѣ эти: Grandisson и Ричардсоны произносятся уже по-русски, какъ видно изъ тѣхъ же риѳмъ.

Евг. Будде.

955. [ШАЙЛОКЪ, АНДЖЕЛО и ФАЛЬСТАФЪ ШЕКСПИРА].

Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразные, многосложные характеры. У Мольера скупой скупъ—и только; у Шекспира Шайлокъ скупъ, смѣтливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицемѣръ волочится за женою своего благодѣтеля, лицемѣря; принимаетъ имѣніе подъ храненіе, лицемѣря; спрашиваетъ стаканъ воды, лицемѣря. У Шекспира лицемѣръ произноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостію, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшною смѣсью набожности и волокитства. Анджело лицемѣръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ! А какая глубина въ этомъ характерѣ!

Но нигдѣ, можетъ быть, многостороннiй геній Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣпь, подобную древней вакханаліи. Разбирая характеръ Фальстафа, мы видимъ, что главная черта его есть сластолюбіе. Смолоду, вѣроятно, грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою; но ему уже за пятьдесятъ. Онъ растолстѣлъ, одряхъ; обжорство и вино взяли верхъ надъ Венерою. Во-вторыхъ, онъ трусъ; но, проведя свою жизнь съ молодыми повѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою трусость дерзостью уклончивой и насмѣшливой; онъ хвастливъ по привычкѣ и по расчету. Фальстафъ совсѣмъ не глупъ; напротивъ, онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки человѣка, нерѣдко видавшаго хорошее общество. Правилъ нѣтъ у него никакихъ. Онъ слабъ какъ баба. Ему нужно крѣпкое Испанское вино (the sack), жирный обѣдъ и деньги для своихъ любовницъ; чтобъ достать ихъ, онъ готовъ на все, только бъ не на явную опасность.

Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ коемъ природа, желая подражать Шекспиру, повторила его геніальное созданіе. *** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, трусъ, хвастливъ, не глупъ, забавенъ, безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ женатъ. Шекспиръ не успѣлъ женить своего холостяка. Фальстафъ умеръ у своихъ пріятельницъ, не успѣвъ быть ни рогатымъ супругомъ, ни отцомъ семейства. Сколько сценъ, потерянныхъ для кисти Шекспира!

Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехъ лѣтній сынокъ его, вылитый отецъ, маленькій Фальстафъ Ш, однажды, въ его отсутствіи, повторялъ про себя: «какой папенька хлабліи! какъ папеньку Государь любитъ!» Мальчика подслушали и кликнули. «Кто тебѣ это сказалъ, Володя?» — Папенька, отвѣчалъ Володя.

---

956. [МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ].

Въ первое представленіе *Донъ-Жуана*, въ то время, когда весь театръ безмолвно упивался гармоніей Моцарта, раздался свистъ: всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, и знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, спѣдаемый завистію.—Сальери умеръ лѣтъ 8 тому назадъ. Нѣкоторые нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти признался онъ, будто бы, въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта. Завистникъ, который могъ освистать Донъ-Жуана, могъ отравить его творца.

---

957. [МЫСЛИ НА ДОРОГѢ].

[I. Шоссе].

Узнавъ, что новая Московская дорога совсѣмъ окончена, я вздумалъ съѣздить въ Петербургъ, гдѣ не бывалъ болѣе пятнадцати лѣтъ. Я записался въ конторѣ Поспѣшныхъ Дилижансовъ <которые показались мнѣ спокойнѣе прежнихъ почтовыхъ каретъ>, и 15-го Октября, въ десять часовъ утра, выѣхалъ изъ Тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, въ спокойномъ экипажѣ, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонахъ, ни о лошадяхъ, я вспомнилъ о послѣднемъ своемъ путешествіи въ Петербургъ по старой дорогѣ. Не рѣшившись скакать на перекладныхъ, я купилъ тогда дешевую коляску, и съ однимъ слугою отправился въ путь. Не знаю, кто изъ насъ, Иванъ или я, согрѣшили передъ выѣздомъ, но путешествіе наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притѣсняли; рытвины и, мѣстами, деревянная мостовая совершенно измучили. Цѣлые шесть дней тащился я по несносной дорогѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ полумертвый. Мои пріятели смѣялись надъ моей изнѣженностію, но я не имѣю и притязаній на фельдъегерское геройство, и, по зимнему пути возвратясь въ Москву, съ той поры уже никуда не выѣзжалъ.

Вообще, дороги въ Россіи <благодаря пространству> хороши, и были бы еще лучше, если бы Губернаторы менѣе объ нихъ заботились. Напримѣръ, дернъ есть уже природная мостовая; зачѣмъ его сдирать и замѣнять паносной землею, которая, при первомъ дождикѣ, обращается въ слякоть? Поправка дорогъ, одна изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей, не приноситъ почти никакой пользы и есть большею частью предлогъ къ утѣсненію и взяткамъ. Возьмите перваго мужика, хотя крошечку смышленаго, и заставьте его провести новую дорогу: онъ начнетъ, вѣроятно, съ того, что прорoетъ два параллельные рва для стеченія дождевой воды. Лѣтъ 40 тому назадъ, одинъ воевода вмѣсто рвовъ подѣлалъ парапеты, такъ что дороги сдѣлались ящиками для грязи. Лѣтомъ дороги прекрасны; по весной и осенью путешественники принуждены ѣздить по пашнямъ и полямъ, потому что экипажи вязнутъ и тонутъ на большой дорогѣ, между тѣмъ какъ пѣшеходы, гуляя по парапетамъ, благославляютъ память мудраго воеводы. Такихъ воеводъ на Руси весьма довольно.

Великолѣпное Московское шоссе начато по повелѣнію Императора Александра; Дилижансы учреждены обществомъ частныхъ людей. Такъ должно быть и во всемъ: Правительство открываетъ дорогу, частные люди находятъ удобнѣйшія способы ею пользоваться.

Не могу не замѣтить, что со времени восшествія на престолъ Дома Романовыхъ, Правительство у насъ всегда впереди на поприщѣ образованія и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно.

Собравшись въ дорогу, вмѣсто пироговъ и холодной телятины я хотѣлъ запастись книгою, понадѣясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоровъ съ почтовыми товарищами. Въ тюрьмѣ и въ путешествіи всякая книга есть Божій даръ, и та, которую не рѣшитесь вы и разкрыть, возвращаясь изъ Англійскаго Клоба или собираясь на балъ, покажется вамъ занимательна, какъ Арабская сказка, если попадется вамъ въ казематѣ или въ Поспѣшномъ Дилижансѣ. Скажу болѣе: въ такихъ случаяхъ чѣмъ книга скучнѣе, тѣмъ она предпочтительнѣе. Книгу занимательную вы проглотите слишкомъ скоро, она слишкомъ врѣжется въ вашу память и воображеніе; перечесть ее уже невозможно. Книга скучная, напротивъ, читается съ разстановкою, съ отдохновеніемъ; оставляетъ вамъ способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете мѣста, вами пропущенныя безъ вниманія, и проч. Книга скучная представляетъ болѣе развлеченія. Понятіе о скукѣ [весьма] относительное. Книга скучная можетъ быть очень хороша; не говорю о книгахъ ученыхъ, но и о книгахъ писанныхъ съ цѣлію просто литературною. Многіе читатели согласятся со мною, что *Клариса* очень утомительна и скучна, но со всѣмъ тѣмъ романъ Ричардсоновъ имѣетъ необыкновенное достоинство.

Вотъ на что хороши путешествія.

И такъ, собравшись въ дорогу, зашелъ я

къ старому моему пріятелю** [Соболевскому], коего библіотекой привыкъ я пользоваться. Я просилъ у него книгу скучную, но любопытную, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Пріятель мой хотѣлъ было мнѣ дать нравственно-сатирическій романъ, утверждая, что скучнѣе ничего быть не можетъ, а что книга очень любопытна въ отношеніи участи ея въ публикѣ; но я его благодарилъ, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирическихъ романовъ. Постой, сказалъ мнѣ** [Соболевскій]: есть у меня для тебя книжка. Съ этимъ словомъ вынулъ онъ изъ-за полнаго собранія сочиненій Александра Сумарокова и Михайла Хераскова книгу, повидимому, изданную въ концѣ прошлаго столѣтія. Прошу беречь ее, сказалъ онъ таинственнымъ голосомъ. Надѣюсь, что ты вполнѣ оцѣнишь и оправдаешь мою довѣренность. Я разкрылъ ее и прочелъ заглавіе: *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Спб. 1790*, съ эпиграфомъ:

«Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй».

Тилимахида. Книга XVIII, ст. 514.

Книга, нѣкогда прошумѣвшая соблазномъ и навлекшая на сочинителя гнѣвъ Екатерины, смертный приговоръ и ссылку въ Сибирь, нынѣ типографическая рѣдкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встрѣчаемая на пыльной полкѣ библіомана, или въ мѣшкѣ брадатаго разнощика.

Я искренно благодарилъ** [Соболевскаго] и взялъ съ собою Путешествіе. Содержаніе его всѣмъ извѣстно. Радищевъ написалъ нѣсколько отрывковъ, давъ каждому въ заглавіе названіе одной изъ станцій, находящихся на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Въ нихъ излилъ онъ свои мысли безъ всякой связи и порядка. Въ Черной Грязи, пока перемѣняли лошадей, я началъ книгу съ послѣдней главы и такимъ образомъ заставилъ Радищева путешествовать со мною изъ Москвы въ Петербургъ.

[II. Москва].

«Москва! Москва! возклицаетъ Радищевъ на послѣдней страницѣ своей книги, и бросаетъ желчью напитанное перо, какъ будто мрачныя картины его воображенія разсѣялись при взглядѣ на золотыя маковки Москвы бѣлокаменной. Вотъ уже Всесвятское... Онъ прощается съ утомленнымъ читателемъ; онъ проситъ своего спутника подождать его у околицы; на возвратномъ пути онъ примется опять за свои горькія полуистины, за свои дерзкія мечтанія... Теперь ему некогда: онъ скачетъ успокоиться въ семьѣ родныхъ, позабыться въ вихрѣ Московскихъ забавъ. До свиданья, читатель! Ямщикъ, погоняй!.. Москва, Москва!...

Многое перемѣнилось со временъ Радищева... нынѣ покидая смиренную Москву и готовясь увидѣть блестящій Петербургъ, я заранѣе встрѣвоженъ при мысли перемѣнить мой тихій образъ жизни на вихрь и шумъ, ожидающіе меня; голова моя заранѣе кружится...

Fuit Troja fuimus Trojani. Нѣкогда соперничество между Москвой и Петербургомъ дѣйствительно существовало. Нѣкогда въ Москвѣ пребывало богатое неслужащее Боярство, Вельможи, оставившіе Дворъ, люди независимые, безпечные, страстные къ безвредному злорѣчію и къ дешевому хлѣбосольству. Нѣкогда Москва была сборнымъ мѣстомъ для всего Русскаго Дворянства, которое изо всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на зиму. Блестящая Гвардейская молодежь налетала туда жь изъ Петербурга. Во всѣхъ концахъ древней столицы гремѣла музыка и вездѣ была толпа. Въ залѣ Благороднаго Собранія, два раза въ недѣлю, было до пяти тысячь народу. Тутъ молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невѣстами, какъ Вязьма пряниками. Московскіе обѣды <такъ оригинально описанные Княземъ Долгорукимъ> вошли въ пословицу. Невинныя странности Москвичей были признакомъ ихъ независимости. Они жили посвоему, забавлялись, какъ хотѣли, мало заботясь о мнѣніи ближняго. Бывало, богатый чудакъ выстроитъ себѣ на одной изъ главныхъ улицъ китайскій домикъ съ зелеными драконами, съ деревянными мандаринами подъ золочеными зонтиками. Другой выѣдетъ въ Марьину Рощу въ каретѣ изъ кованаго серебра 84-й пробы. Третій на запятки четверомѣстныхъ саней поставитъ человѣкъ пять араповъ, егерей и скороходовъ — и цугомъ тащится по лѣтней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургскія моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербургъ издали смѣялся и не вмѣшивался въ затѣи старушки Москвы. Куда дѣвалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда дѣвались балы, пиры, чудаки и проказники?— Все изчезло! Остались одинъ невѣсты, къ которымъ нельзя, по крайней мѣрѣ, примѣнить грубую пословицу: *vieilles comme*

les rues. Московскія улицы, благодаря 1812 году, моложе московскихъ красавицъ, все еще цвѣтущихъ розами! Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома стоятъ печально между широкимъ дворомъ заросшимъ травою, и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызолоченнымъ Гербомъ торчитъ вывѣска портнаго, который платитъ хозяину 30 рублей въ мѣсяцъ за квартиру; великолѣпный бельэтажъ нанятъ мадамой для пансіона—и то слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибито объявленіе, что домъ продается и отдается въ наймы—и никто его не покупаетъ, и никто его не нанимаетъ. Улицы мертвы; рѣдко по мостовой раздается стукъ кареты; барышни бѣгутъ къ окошкамъ, когда ѣдетъ одинъ изъ Полицмейстеровъ со своими казаками. Подмосковныя деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремитъ въ рощахъ Свирлова и Останкина; плошки и цвѣтные фонари не освѣщаютъ Англійскихъ дорожекъ, нынѣ заросшихъ травою, а бывало уставленныхъ миртовыми и померанцовыми деревьями. Пыльныя кулисы домашняго театра тлѣютъ въ залѣ, оставленной послѣ послѣдняго представленія Французской комедіи. Барскій домъ дряхлѣетъ. Во флигелѣ живетъ Нѣмецъ-управитель и хлопочетъ о проволочномъ заводѣ. Обѣды даются уже не хлѣбосолами старинаго покроя въ день хозяйскихъ именинъ, или въ угоду веселыхъ обжоръ, въ честь вельможи, удалившагося отъ Двора, но обществомъ игроковъ, задумавшихъ обобрать навѣрное юношу, вышедшаго изъ-подъ опеки, или Саратовскаго откупщика. Московскіе балы... Увы! Посмотрите на эти домашнія прически, на эти бѣлые башмачки, искусно забѣленные мѣломъ... Кавалеры набраны кое-гдѣ—и что за кавалеры! Горе отъ ума есть картина обветшалая, печальный анахронизмъ. Вы въ Москвѣ уже не найдете ни Фамусова, который *всякому, ты знаешь, радъ;* и князю Петру Ильичу, и Французу изъ Бордо, и Загорѣцкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая

Балы даетъ нельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,
А лѣтомъ праздники на дачѣ.

Хлёстова въ могилѣ; Репетиловъ въ деревнѣ. Бѣдная Москва!...

Петръ I-й не любилъ Москвы, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ воспоминанія мятежей и казней, закоренѣлую старину и упрямое сопротивленіе суевѣрія и предразсудковъ. Онъ оставилъ Кремль, гдѣ ему было не душно, но тѣсно, и на дальнемъ берегу Балтійскаго моря искалъ досуга, простора и свободы для своей мощной и безпокойной дѣятельности. Послѣ него, когда старая Аристократія возымѣла прежнюю силу и вліяніе, Долгорукіе чуть было не возвратили Москвѣ своихъ Государей; но смерть молодаго Петра II-го снова утвердила за Петербургомъ его недавнія права.

Упадокъ Москвы есть неминуемое слѣдствіе возвышенія Петербурга. Двѣ столицы не могутъ въ равной степени процвѣтать въ одномъ и томъ же Государствѣ, какъ два сердца не существуютъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Но обѣдненіе Москвы доказываетъ и другое: обѣдненіе Русскаго дворянства, происшедшее частію отъ раздробленія имѣній, исчезающихъ съ ужасной быстротою, частію отъ другихъ причинъ, о которыхъ успѣемъ еще потолковать.

Но Москва, утративши свой блескъ аристократическій, процвѣтаетъ въ другихъ отношеніяхъ: промышленность, сильно покровительствуемая, въ ней оживилась и развилась съ необыкновенной силою. Купечество богатѣетъ и начинаетъ селиться въ палатахъ, покидаемыхъ дворянствомъ. Съ другой стороны, просвѣщеніе любитъ городъ, гдѣ Шуваловъ основалъ университетъ по предначертанію Ломоносова.

(Московская словесность выше петербургской). Литераторы петербургскіе по большей части не литераторы, но предпріимчивые и смышленные литературные откупщики. Ученость, любовь къ искусству и таланты, неоспоримо на сторонѣ Москвы.

Московскій журнализмъ убьетъ Петербургскій. Московская критика съ честію отличается отъ петербургской. Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе писатели написали нѣсколько опытовъ, достойныхъ стать наряду съ лучшими статьями Англійскихъ Reviews; между тѣмъ какъ Петербургскіе журналы судятъ о литературѣ, какъ о музыкѣ, о музыкѣ, какъ о политической экономіи, то есть наобумъ и какъ-нибудь, иногда впопадъ и остроумно, но большею частію неосновательно и поверхностно.

Философія Нѣмецкая, которая нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаетъ уступать духу болѣе практическому. Тѣмъ не менѣе, вліяніе ея было благотворно:

она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма Французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли. столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія.

Кстати я отыскалъ въ моихъ бумагахъ любопытное сравненіе между обѣими столицами; оно написано однимъ изъ моихъ пріятелей, великимъ меланхоликомъ, имѣющимъ иногда свои свѣтлыя минуты веселости:

МОСКВА

и

ПЕТЕРБУРГЪ.

[III. Ломоносовъ].

Въ концѣ книги своей Радищевъ помѣстилъ слово о Ломоносовѣ. Оно написано слогомъ надутымъ и тяжелымъ. Радищевъ имѣлъ тайное намѣреніе нанести ударъ неприкосновенной славѣ Росскаго Пиндара. Достойно замѣчанія и то, что Радищевъ тщательно прикрылъ это намѣреніе уловками уваженія и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнѣе, нежели съ верховной властію, на которую напалъ съ такой безумной дерзостію. Онъ болѣе тридцати страницъ наполнилъ пошлыми похвалами Стихотворцу, Ритору и Грамматику, чтобы въ концѣ своего слова помѣстить слѣдующія мятежныя строки:

«Мы желаемъ показать, что въ отношеніи «Россійской словесности, тотъ, кто путь ко храму «славы проложилъ, есть первой виновникъ въ пріобрѣтеніи славы, хотя бы онъ войти во храмъ не «могъ. Баконъ Веруламскій недостоинъ развѣ напоминовенія, что могъ токмо сказать, какъ можно «размножать науки? Недостойны развѣ признательности мужественные писатели, возстающіе на «губительство и всесиліе, для того, что не могли «избавить человѣчества изъ оковъ и плѣненія? И «мы не почтемъ Ломонсова для того, что *не разумѣлъ правилъ позорищнаго стихотворенія и «томился въ эпопеи, что чуждъ былъ въ стихахъ «чувствительности, что не всегда проницателенъ «въ сужденіяхъ, и что въ самыхъ одахъ своихъ «вмѣщалъ иногда болѣе словъ, нежели мыслей».*

Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый Университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ Университетомъ. Но въ семъ УниверситетѢ Профессоръ Поэзіи и Элоквенціи ни что иное, какъ исправный чиновникъ, а не Поэтъ, вдохновенный свыше, не Ораторъ, мощно увлекательный.

Однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои отливалъ онъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславенская, полулатинская, сдѣлалась было необходимостію; къ щастію, Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига, и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова.

Въ ЛомоносовѢ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокоторжественный день тезоименитства и проч. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о СумароковѢ, страстномъ къ своему искусству, *объ этомъ человѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ рѣмичествѣ, не думаетъ...* Зато съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи. Смотрите письма его къ Шувалову, къ Воронцову и проч.

Ничто не можетъ дать лучшаго понятія о ЛомоносовѢ, какъ слѣдующій рапортъ, поданный имъ Шувалову о своихъ упражненіяхъ съ 1751 года по 1757:

«По ордеру Вашего Сіятельства велѣно всѣмъ Академическимъ Профессорамъ и Адъюнктамъ, чтобы рапортовали Вашему Сіятельству о своихъ трудахъ и упражненіяхъ въ наукахъ съ 1751 года по нынѣ. Въ силу онаго рапортую, что съ того времени до нынѣшняго числа по моей профессіи и въ другихъ наукахъ я учинилъ погодно.

Въ 1751 году.

Въ *Химіи*. 1) Произведены многіе опыты химическіе, по большой части огнемъ, для изслѣдованія натуры цвѣтовъ, что значитъ того жъ году журналъ Лабораторіи на 12 листахъ и другія записки. 2) Говорилъ сочиненную свою рѣчь о пользѣ химіи на Россійскомъ языкѣ. 3) Вымыслилъ нѣкоторые новые инструменты для физической Химіи.

Въ *Физикѣ*. 1) Дѣлалъ опыты въ большіе морозы, для изысканія, какою пропорціею воздухъ сжимается и расширяется по всѣмъ градусамъ термометра. 2) Лѣтомъ дѣланы опыты зажига-

тельнымъ стекломъ и термометромъ, коль высоко втекаетъ ртуть въ разныхъ разстояніяхъ отъ зажигательной точки. 3) Сдѣланы опыты, какъ раздѣлять олово отъ свинца однимъ плавленіемъ, безъ всякихъ посторонннхъ матерій простою механикою, что изрядной успѣхъ имѣетъ, и весьма дешево становится.

Въ *Исторіи.* Читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію Россійской Исторіи: Нестора, за нимъ Прислави [?] Большой лѣтописецъ Татищева первой томъ, Крамера, Вейселя, Гелмолда, Арсолда и другія, изъ которыхъ бралъ нужныя эксцерпты или выписки и примѣчанія, всѣхъ числомъ 653 статьи, на 15 листахъ.

Въ *Словесныхъ наукахъ.* 1) Сочинилъ Трагедію, Демофонтъ называемую. 2) Сочинялъ Стихи на иллюминаціи. 3) Собранныя прежде сего матеріи къ сочиненію Грамматики зачалъ приводить въ порядокъ. Давалъ приватныя лекціи Студентамъ въ Россійскомъ Стихотворствѣ, и особливо Поповскому, который нынѣ Профессоромъ. 4) Диктовалъ Студентамъ сочиненное мною начало третьей книги КраснорѢчія о Стихотворствѣ вообще.

Въ 1752 году.

Въ *Химіи.* 1) Дѣланы многіе химическіе опыты для теоріи цвѣтовъ, о чемъ явствуетъ въ журналѣ сего года, на 25 листахъ. 2) Показывалъ Студентамъ химическіе опыты тѣмъ курсомъ, какъ самъ учился у Геккеля. 3) Для яснаго понятія и краткаго познанія всей Химіи диктовалъ студентамъ, толковалъ сочиненные мною въ Физической Химіи пролегомены на Латинскомъ языкѣ, которые содержатся на 13 листахъ въ 150-ти параграфахъ, со многими фигурами на шести полулистахъ. 4) Изыскалъ способы и практикою доказалъ, какъ составлять мусію. 5) По канцелярскому указу обучалъ составленію разноцвѣтныхъ стеколъ присланнаго изъ канцеляріи строенія ученика Дружинина для здѣшнихъ стекляныхъ заводовъ.

Въ *Физикѣ.* 1) Чинилъ электрическія воздушныя наблюденія съ немалою опасностію. 2) Зимою повторялъ опыты о разномъ протяженіи воздуха по градусамъ термометра.

Въ *Исторіи.* Для собранія матеріаловъ къ Россійской Исторіи читалъ Кранца, Преторія, Муратоpія, Іорнанда, Прокопія, Павла Дьякона, Зонара, Ѳеофана Исповѣдника, Леона Грамматика и иныхъ эксцерптовъ нужныхъ, на 5 листахъ въ 161 статьѣ.

Въ *Словесныхъ наукахъ.* 1) Сочинилъ Оду на восшествіе на Престолъ Ея Императорскаго Величества. 2) Письмо о пользѣ стекла. 3) Изобрѣталъ иллюминаціи и сочинялъ къ нимъ стихи: на 25 Апрѣля, на 5 Сентября, на 25 Ноября. 4) Ораторіи второй части краснорѣчія сочинилъ 10 листовъ.

Въ 1753 году.

Въ *Химіи.* 1) Продолжались опыты для изслѣдованія патуры цвѣтовъ, что показываетъ журналъ того же года, на 56 листахъ. 2) По окончаніи лекцій дѣлалъ новые химикофизическіе опыты, дабы привести Химію, сколько можно, къ философскому познанію и сдѣлать частью основательной Физики: изъ оныхъ многочисленныхъ опытовъ, гдѣ мѣра, вѣсъ и ихъ пропорціи показаны, сочинены многія цыфирныя таблицы на 24 полулистовыхъ страницахъ, гдѣ каждая строка цѣлыи опытъ содержитъ.

Въ *Физикѣ.* 1) Съ покойнымъ профессоромъ Рихманомъ дѣлалъ Химико-физическіе опыты въ лабораторіи для изслѣдованія градуса теплоты, который на себя вода принимаетъ отъ погашенныхъ въ ней минераловъ, прежде раскаленныхъ. 2) Чинилъ наблюденія электрической силы въ воздухѣ съ великою опасностію. 3) Говорилъ въ публичномъ собраніи РѢчь о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ, съ истолкованіемъ многихъ другихъ свойствъ натуры. 4) Дѣлалъ опыты, коими оказалось, что цвѣты, а особливо красный, на морозѣ ярчѣе, нежели въ теплотѣ.

Въ *Исторіи.* 1) Записки изъ упомянутыхъ прежде Авторовъ приводилъ подъ статьи числами. 2) Читалъ Россійскіе Академическіе Лѣтописцы, безъ записокъ, чтобы общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ Россійскихъ.

Въ *Словесныхъ наукахъ.* 1) Для Россійской Грамматики привелъ глаголы въ порядокъ. 2) Пять проектовъ со стихами на иллюминаціи и фейерверки: на 1 Января, на 25 Апрѣля, на 5 Сентября на 25 Ноября и на 18 Декабря.

Въ 1754 году.

Въ *Химіи.* 1) Сдѣланы разные опыты химическіе, которые содержатся въ журналѣ сего года, на 46 листахъ. 2) Повтореніемъ повѣрены физико-химическія таблицы, прошлаго года сочиненныя.

Въ *Физикѣ.* 1) Изобрѣтены нѣкоторые способы къ сысканію долготы и широты на морѣ при мрачномъ небѣ.

Въ практикѣ изслѣдовать сего безъ Адмиралтейства невозможно. 2) Дѣланы опыты метеорологическіе надъ водою, изъ Сѣвернаго океана привезенною, въ какомъ градусѣ мороза она замерзнуть можетъ. Притомъ были разные химическіе растворы морожены, для сравненія. 3) Дѣланы опыты при пильной мѣльницѣ въ деревнѣ: какъ текущая по наклоненію вода теченіе свое ускоряетъ, и какою силою бьетъ. 4) Дѣлалъ опытъ машины, которая бы, подымаясь къ верху сама, могла поднять съ собою маленькой термометръ, дабы узнать градусъ теплоты на вышинѣ, которая хотя слишкомъ на два золотника облегчалась, однако къ желаемому концу не приведена.

Въ *Исторіи.* Сочиненъ опытъ Исторіи Славянскаго народа до Рюрика: Дедикація, Вступленіе; глава 1, о старобытныхъ жителяхъ въ Россіи; глава 2, о величествѣ и поколѣніяхъ Славянскаго народа; глава 3, о древности Славянскаго народа; всего 8 листовъ.

Въ *Словесныхъ наукахъ.* 1) Сочинилъ Оду на рожденіе Государя Великаго Князя Павла Петровича. 2) Изобрѣлъ фейерверкъ, который былъ представленъ въ новый 1754 годъ и Стихи сдѣлалъ. Также дѣлалъ проэкты на иллюминацію и фейерверкъ къ 25 Апрѣля, къ 5 Сентября, къ 25 Ноября.

Въ 1755 году.

Въ *Химіи.* Дѣланы разные физико-химическіе опыты, что явствуетъ въ журналѣ того же года, на 14 листахъ.

Въ *Физикѣ.* 1) Сочинилъ диссертацію о должности журналистовъ, въ которой опровергнуты

всѣ критики, учиненныя въ Германіи противъ диссертаціи, въ комментаріяхъ напечатанныхъ; а особливо противъ новыхъ теорій о теплотѣ и стужѣ, о химическихъ растворахъ и упругости воздуха. Оная диссертація, переведенная Господиномъ Формеемъ на французскій языкъ, и въ журналѣ, называемомъ: Нѣмецкая библіотека (Bibliothèque germanique), на ономъ языкѣ напечатана. 2) Сочинилъ письмо о Сѣверномъ ходу въ Остъ-Индію Сибирскимъ океаномъ.

Въ *Исторіи.* Сдѣланъ опытъ описаніемъ владѣній первыхъ Великихъ Князей Россійскихъ Рурика, Олега, Игоря.

Въ *Словесныхъ наукахъ.* 1) Сочинилъ и говорилъ въ публичномъ Собраніи Слово похвальное блаженныя памяти Государю Императору Петру Великому. 2) Сочинивъ большую часть Грамматики, привелъ къ концу, которая въ нынѣшнемъ году печатью къ концу приходитъ. 3) Сочинилъ Письмо о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ.

Въ 1756 году.

Въ *Химіи.* 1) Между разными химическими опытами, которыхъ журналъ на 13 листахъ, дѣланы опыты въ заплавленныхъ накрѣпко стеклянныхъ сосудахъ, чтобы изслѣдовать, прибываетъ ли вѣсъ металловъ отъ чистаго жару. Опыми опытами нашлось, что славнаго Роберта Биція мнѣніе ложно, ибо безъ пропущенія внѣшняго воздуха вѣсъ сожженнаго металла остается въ одной мѣрѣ. 2) Учинены опыты химическіе со вспоможеніемъ воздушнаго насоса, гдѣ въ сосудахъ химическихъ, изъ которыхъ былъ воздухъ вытянутъ, показывали на огнѣ минералы такіе феномены, какіе Химикамъ еще непзвѣстны. 3) Нынѣ лабораторъ Клементьевъ, подъ моимъ смотрѣніемъ, изыскиваетъ, по моему указанію, какъ бы сдѣлать для фейерверковъ верховыя зеленыя звѣздки.

Въ *Физикѣ.* 1) Изобрѣтенъ мною новый оптическій инструментъ, который я назвалъ никтоптическою трубою, tubus nyctopticus; оный долженъ служить къ тому, чтобы почью видѣть можно было. Первый опытъ показываетъ на сумеркахъ ясно тѣ вещи, которыя простымъ глазомъ не видны, и весьма надѣяться можно, что стараніемъ искусныхъ мастеровъ можетъ простереться до такого совершенства, какого нынѣ достигли телескопы и микроскопы отъ малаго начала. 2) Сдѣлалъ четыре перпендикула, изъ которыхъ одинъ мѣдный, длиною въ сажень, однако служитъ чрезъ механическія стрѣлки противъ такого, которой бы былъ вышиною съ четвертью на версту. Употребляется къ тому, чтобы узнать, всегда ли съ земли центръ притягающій къ себѣ тяжкія тѣла стоитъ неподвижно, или перемѣняетъ мѣсто. 3) Говорилъ въ публичномъ собраніи сочиненную мною Рѣчь о цвѣтахъ.

Въ *Исторіи.* Собранныя мною въ нынѣшнемъ году Россійскіе Историческіе манускрипты для моей библіотеки, пятнадцать книгъ, сличалъ между собою для наблюденія сходствъ въ дѣяніяхъ Россійскихъ.

Въ *Словесныхъ наукахъ.* 1) Сочиняю Героическую поэму, именуемую Петръ Великій. 2) Сдѣлалъ проэктъ со стихами для фейерверка къ 18 Декабря сего года.

Сверхъ сего въ разные годы зачаты дѣлать диссертаціи: 1) О лучшемъ и ученомъ мореплаваніи. 2) О твердомъ термометрѣ. 3) О трясеніи земли. 4) О первоначальныхъ частицахъ, тѣла составляющихъ. 5) О градусахъ теплоты и стужи, какъ ихъ опредѣлить основательно, со мнѣніемъ о умѣренности растворенія воздуха на планетахъ. Къ совершенію привесть отчасти препятствуютъ другія дѣла, отчасти протяжнымъ печатаніемъ коммептаріевъ охота отнимается.»

Сумароковъ былъ шутомъ у всѣхъ тогдашнихъ вельможъ: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками.

Фонъ-Визинъ, коего характеръ имѣетъ нужду въ оправданіи, забавлялъ знатныхъ, передразнивая Александра Петровича въ совершенствѣ. Державинъ изъ-подъ-тишка писалъ сатиры на Сумарокова и пріѣзжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждаться его бѣшенствомъ. Ломоносовъ былъ инаго покроя. Съ нимъ шутить было накладно. Онъ вездѣ былъ тотъ же: дома, гдѣ всѣ его трепетали; во дворцѣ, гдѣ онъ драллъ за уши пажей; въ Академіи, гдѣ, по свидѣтельству Шлецера, не смѣли при немъ пикнуть. Немногимъ извѣстна стихотворная перепалка его съ Димитріемъ Сѣченовымъ, по случаю Гимна Бородѣ, не напечатаннаго ни въ одномъ собраніи его сочиненій. Она можетъ дать понятіе о заносчивости поэта, какъ и о нетерпимости проповѣдника. Со всѣмъ тѣмъ Ломоносовъ былъ добродушенъ. Какъ хорошо его письмо о семействѣ нещастнаго Рихмана! Въ отношеніи къ самому себѣ онъ былъ очень безпеченъ, и, кажется, жена его, хоть была и нѣмка, но мало смыслила въ хозяйствѣ. Вдова одного стараго Профессора, услыша, что рѣчь идетъ о Ломоносовѣ, спросила: «О какомъ Ломоносовѣ говорите вы? Не о Михайлѣ ли Васильевичѣ? То-то былъ пустой человѣкъ! Бывало, отъ него всегда бѣгали къ намъ за кофейникомъ. Вотъ Тредьяковскій, Василій Кириловичь, вотъ этотъ былъ почтенный и порядочный человѣкъ!» Тредьяковскій былъ, конечно, почтенный и порядочный человѣкъ. Его филологическія и грамматическія изъясненія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о Русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выборъ стиха доказываютъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Тилемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и щастливыхъ оборотовъ. Радищевъ написалъ о нихъ цѣлую статью. <См. Собраніе Сочиненій Н. Радищева>. Дельвигъ при-

водилъ часто слѣдующій стихъ въ примѣръ прекраснаго гекзаметра:

Корабль Одиссеевъ,
Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся.

Вообще, изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ Тредьяковскаго—habent sua fata libelli.

Радищевъ укоряетъ Ломоносова въ лести и тутъ же извиняетъ его. Ломоносовъ наполнилъ торжественныя свои оды высокопарною хвалою; онъ безъ обиняковъ называетъ благодѣтеля своего, Графа Шувалова, своимъ благодѣтелемъ; онъ въ какой-то придворной Идилліи воспѣваетъ Графа К. Разумовскаго подъ именемъ Полидора; онъ стихами поздравляетъ Графа Орлова съ возвращеніемъ его изъ Финляндіи; онъ пишетъ: «Его сіятельство графъ М. Л. Воронцовъ, по своей высокой ко мнѣ милости, изволилъ взять отъ меня пробы мозаическихъ составовъ для показанія Ея Величеству.» Нынѣ все это вывелось изъ обыкновенія. Дѣло въ томъ, что разстояніе одного сословія до другого въ то время еще существовало. Ломоносовъ, рожденный въ низкомъ сословіи, не думалъ возвысить себя наглостію и запанибратствомъ съ людьми высшаго состоянія <хотя, впрочемъ, по чину, онъ могъ быть имъ и равный>. Но зато умѣлъ онъ за себя постоять, и не дорожилъ ни покровительствомъ своихъ Меценатовъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести или о торжествѣ его любимыхъ идей. Послушайте, какъ пишетъ онъ этому самому Шувалову, предстателю Музъ, высокому своему патрону, который вздумалъ было надъ нимъ пошутить: «Я, Ваше Высокопревосходительство, не только у вельможъ, но ниже у Господа моего Бога дуракомъ быть не хочу». *)

Въ другой разъ, заспоря съ тѣмъ же Вельможею, Ломоносовъ такъ его разсердилъ, что Шуваловъ закричалъ: «Я отставлю тебя отъ Академіи.» — Нѣтъ, возразилъ гордо Ломоносовъ: развѣ Академію отъ меня отставятъ. Вотъ каковъ былъ этотъ униженный сочинитель похвальныхъ одъ и придворныхъ идиллій!

*) См. его письмо къ Г. Ш. [Графу Шувалову].

Patronage <покровительство> до сей поры сохраняется въ обычаяхъ Англійской литературы. Почтенный Креббъ, умершій въ прошломъ году, подносъ всѣ свои прекрасныя поэмы to his Grace the Duke etc. Въ своихъ смиренныхъ посвященіяхъ онъ почтительно упоминаетъ о милостяхъ и высокомъ покровительствѣ, коихъ онъ удостоился, и проч. Въ Россіи вы не встрѣтите ничего подобнаго. У насъ, какъ замѣтила m-me de Staël, словесностію занимались большею частію дворяне <en Russie quelques gentils-hommes se sont occupés de littérature>. Это дало особенную физіономію нашей литературѣ; у насъ писатели не могутъ изыскивать милостей и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными, и подносить свои сочиненія Вельможѣ или богачу, въ надеждѣ получить отъ него 500 рублей или перстень, украшенный драгоцѣнными каменьями. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что нынѣшніе писатели благороднѣе мыслятъ и чувствуютъ, нежели мыслили и чувствовали Ломоносовъ и Костровъ? Позвольте въ томъ усомниться.

Нынче писатель, краснѣющій при одной мысли посвятить книгу свою человѣку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному въ общемъ мнѣніи, но который можетъ повредить продажѣ книги, или хвалебнымъ объявленіемъ заманить покупщиковъ. Нынѣ послѣдній изъ писакъ, готовый на всякую приватную подлость, громко проповѣдуетъ независимость и пишетъ безыменныя пасквили на людей, передъ которыми растилается въ ихъ кабинетѣ.

Къ тому же съ нѣкоторыхъ поръ Литература стала у насъ ремесло выгодное, и публика въ состояніи дать болѣе денегъ, нежели Его Высокопревосходительство такой-то. Какъ бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значатъ. Ломоносовъ и Креббъ достойны уваженія всѣхъ честныхъ людей, не смотря на ихъ смиренныя посвященія; а Господа N.N. все-таки презрительны, не смотря на то, что въ своихъ книжкахъ они проповѣдуютъ независимость, и что они свои сочиненія посвящаютъ не доброму и умному Вельможѣ, а какому-нибудь шельмѣ и врагу, подобному имъ.

[IV. Черная Грязь].

[Здѣсь я видѣлъ такъ же изрядной опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость претвориться опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ опредѣленныхъ вступить въ супружество печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ и властію господина своего влекутся на казнь, къ алтарю отца всѣхъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель его пріиметъ исторгнутую властію клятву и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе останется на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется непаказаннымъ!... Почто удивляться сему? Благословляетъ бракъ—наемникъ; градодержатель, для охраненія закона опредѣленный—дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ свою пользу. Первой, ради полученія мзды; другой, дабы истребляя поносительное человѣчеству насиліе, не лишиться самому лестнаго преимущества—управлять себѣ подобнымъ самовластно.—О! горестная участь многихъ милліоновъ! конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и впучатъ моихъ...»].

Черная Грязь. Браки.—Радищевъ во главѣ: *Черная Грязь* говоритъ о бракахъ поневолѣ, и горько порицаетъ самовластіе господъ и потворство *Градодержателей* <городничихъ>. Вообще, несчастіе жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ Русскаго народа. Шлюсь на Русскія пѣсни: обыкновенное ихъ содержаніе—или жалобы красавицы, выданной замужъ насильно, или упреки молодаго мужа постылой женѣ. Свадебныя пѣсни наши унылы, какъ вой похоронный. Спрашивали однажды у старой крестьянки: по страсти ли вышла она замужъ? По страсти, отвѣчала старуха: я было заупрямилась, да староста грозилъ меня высѣчь. Таковыя страсти обыкновенны. Неволя браковъ давнее зло. Недавно Правительство обратило вниманіе на лѣта вступающихъ въ супружество: это уже шагъ къ улучшенію. Осмѣливаюсь замѣтить одно: возрастъ, назначенный законнымъ срокомъ для вступленія въ бракъ, могъ бы для женскаго пола быть уменьшенъ. Пятнадцатилѣтняя дѣвка, и въ нашемъ климатѣ, уже *на выданіи*, а крестьянскія семейства нуждаются въ работницахъ.

[V]. Рекрутство. Городня.

«Въѣзжая въ сію деревню, не стихотворческимъ пѣніемъ слухъ мой былъ ударяемъ, но проязающимъ сердца воплемъ женъ, дѣтей и старцевъ. Вставъ изъ моей кибитки, отпустилъ я ее къ почтовому двору, любопытствуя узнать причину примѣтнаго на улицѣ смятенія.

Подошедъ къ одной кучѣ, узналъ я, что рекрутскій наборъ былъ причиною рыданія и слезъ многихъ толпящихся. Изъ многихъ селеній казенныхъ и помѣщичьихъ сошлися отправляемые на отдачу рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ 50-ти, держа за голову двадцатилѣтняго парня, вопила: Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь домъ родительской? Поля наши порастутъ травой; мохомъ паша хижина. Я, бѣдная, престарѣлая мать твоя, скитаться должна по міру. Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода, кто укроетъ ее отъ зноя? Кто напоитъ меня и накормитъ? Да все то не столь сердцу тягостно: кто закроетъ мои очи при издыханіи? Кто приметъ мое родительское благословеніе? Кто тѣло предастъ общей нашей матери сырой землѣ? Кто придетъ вспомянуть меня надъ могилою? Не канетъ на нее твоя горячая слеза; не будетъ мнѣ отрады той.

Подлѣ старухи стояла дѣвка уже взрослая. Она также вопила. Прости, мой другъ сердечный, прости, мое красное солнышко! Мнѣ твоей невѣстѣ нареченной, не будетъ больше утѣхи, ни веселья. Не позавидуютъ мнѣ подруги мои. Не взойдетъ надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы безчеловѣчные наши старосты, хоть дали бъ намъ обвѣнчатися; хотя бы ты, мой милый другъ, хотя бы уснулъ одну поченьку, уснулъ бы на бѣлой моей груди. Авось ли бы Богъ меня помиловалъ, и далъ бы мнѣ паренька на утѣшенье.

Парень имъ говорилъ: перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветъ насъ Государь на службу. На меня палъ жеребій. Воля Божія! Кому не умирать, тотъ живъ будетъ. Авось либо я съ полкомъ къ вамъ приду. Авось либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку.—Рекрута сего отдавали изъ экономическаго селенія.

Совсѣмъ другаго рода слова впялъ слухъ мой въ близъ стоящей толпѣ. Среди оной я увидѣлъ человѣка лѣтъ 30, посредственнаго роста, стоящаго бодро, и весело на окрестъ стоящихъ взирающаго.

Услышалъ Господь молитву мою, вѣщалъ онъ. Достигли слезы нещастнаго до Утѣшителя всѣхъ. Теперь буду хотя знать, что жребій мой зависѣть можетъ отъ добраго или худаго моего поведенія. Доселѣ зависѣлъ онъ отъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожьемъ наказанъ не буду!

Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господскій былъ человѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ онъ отвѣтствовалъ: Если бы, Государь мой, съ одной стороны поставлена была висѣлица, а съ другой глубокая рѣка, и стоя между двухъ гибелей неминуемо бы должно было идти направо или налѣво, въ петлю или въ воду, что избрали бы вы, чего бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой избралъ бы броситься въ рѣку, въ надеждѣ, что, преплывъ на другой брегъ, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таковъ мой былъ случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тѣмъ и конецъ былъ: но умирать томною смертію, подъ батожьемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу,

босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнемъ поруганіи; Государь мой, хотя холопей считаете вы своимъ имѣніемъ, нерѣдко хуже скотовъ, но къ нещастію ихъ горчайшему, они чувствительности не лишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ устахъ крестьянина; но слышавъ ихъ, для чего не удивляетесь жестокосердію своей собратіи дворянъ?»

Самая необходимая и тягчайшая изъ повинностей народныхъ есть рекрутскій наборъ. Образъ набора вездѣ различествуетъ и вездѣ влечетъ за собою великія неудобства. Англійскій прессъ подвергается ежедневно горькимъ выходкамъ оппозиціи и со всѣмъ тѣмъ существуетъ во всей силѣ. Прусское Landwehr—система сильная и искусно приноровленная къ Государству, но еще не оправданная опытомъ, возбуждаетъ уже ропотъ въ терпѣливыхъ Пруссакахъ. Наполеоновская конскрипція производилась при громкихъ рыданіяхъ и проклятіяхъ всей Франціи.— «Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей, считало годы ихъ кровавыми перстами, сыны въ дому отцовъ минутными гостями являлись...» и пр.

Рекрутство наше тяжело, лицемѣрить нечего. Довольно упомянуть о законахъ противу крестьянъ, изувѣчивающихся во избѣжаніе солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы пріучить народъ къ рекрутству! Но можетъ ли Государство обойтиться безъ постояннаго войска? Полумѣры ни къ чему доброму не ведутъ. Конскрипція, по кратковременности службы, въ теченіе 15 лѣтъ дѣлаетъ изо всего народа однихъ солдатъ. Въ случаѣ народныхъ мятежей, мѣщане бьются какъ солдаты, солдаты плачутъ и толкуютъ какъ мѣщане, обнимаются, и обращаются противъ правительства. Обѣ стороны одна съ другой тѣсно связаны. Русскій солдатъ, на 24 года отторженный отъ среды своихъ сограждан, дѣлается чуждъ всему, кромѣ своего долга. Онъ возвращается на родину ужъ въ старости. Самое его возвращеніе есть уже порука за его добрую нравственность; ибо отставка дается только за безпорочную службу. Онъ жаждетъ одного спокойствія. На родинѣ находитъ онъ только нѣсколькихъ знакомыхъ стариковъ. Новое поколѣніе его не знаетъ и съ нимъ не братается.

Власть помѣщиковъ, въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, необходима для рекрутскаго набора. Безъ нея правительство въ губерніяхъ не могло бы собрать и десятой доли требуемаго числа рекрутъ. Вотъ одна изъ тысячи причинъ, повелѣвающихъ намъ присутствовать въ нашихъ помѣстьяхъ, а не разоряться въ столицахъ подъ предлогомъ усердія къ службѣ, но въ самомъ дѣлѣ изъ единой любви къ разсѣянности и чинамъ.

Очередь, къ которой придерживаются нѣкоторые помѣщики филантропы, не должна существовать, пока существуютъ наши Дворянскія права. Лучше употребить сіи права на пользу нашихъ крестьянъ и, удаляя изъ среды ихъ вредныхъ негодяевъ, людей, заслужившихъ тяжкое наказаніе и проч., дѣлать изъ нихъ полезныхъ членовъ обществу. Безразсудно жертвовать полезнымъ крестьяниномъ, трудолюбивымъ, добрымъ отцомъ семейства, а щадить вора и пьяницу обнищалаго, изъ уваженія къ какому-то правилу, самовольно нами признанному. И что значитъ эта жалкая пародія законности! Радищевъ сильно нападаетъ на продажу рекрутъ и другія злоупотребленія. Продажа рекрутъ была въ то время уже запрещена, но производилась еще подъ рукою. *Простодумъ* въ комедіи Княжнина говоритъ, что:

Три тысячи скопилъ онъ дома лѣтъ въ десятокъ,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятокъ,
Но кстати въ рекруты торгуючи людьми!

Но запрещеніе сіе имѣло невыгодную сторону: богатый крестьянинъ лишился возможности избавиться рекрутства, а судьба бѣдняковъ, коими торговалъ безжалостный помѣщикъ, врядъ ли черезъ то улучшилась.

[VI. Клинъ]. Слѣпой.

Слѣпой старикъ поетъ стихъ объ Алексѣи, Божьемъ человѣкѣ; крестьяне плачутъ; Радищевъ рыдаетъ вслѣдъ за ямскимъ собраніемъ... «О природа! колико ты властительна!» Крестьяне даютъ старику милостыню. Радищевъ *дрожащею рукою* даетъ ему рубль. Старикъ отказывается отъ него, потому что Радищевъ Дворянинъ! Онъ разсказываетъ, что въ молодости лишился онъ глазъ на войнѣ за свои жестокости. Между тѣмъ баба подноситъ ему пирогъ. Старикъ принимаетъ его съ восторгомъ. Вотъ истинная благостыня, возклицаетъ онъ. Радищевъ наконецъ даритъ ему шейный платокъ и извѣщаетъ насъ, что старикъ умеръ нѣсколько дней послѣ и похо-

роненъ съ этимъ платкомъ на шеѣ. Имя Вертера, встрѣчаемое въ началѣ главы, поясняетъ загадку.

Вмѣсто всего сего пустословія, лучше было бы, если бы Радищевъ, къ стати о старомъ и всѣмъ извѣстномъ *Стихѣ*, поговорилъ намъ о нашихъ народныхъ пѣсняхъ, которыя до сихъ поръ еще не напечатаны, и которыя заключаютъ въ себѣ столь много истинной поэзіи. П. М. Языковъ и П. В. Кирѣевскій сообщили ихъ пѣсколько.

[VII. Тверь].

[Стихотворство у насъ, говорилъ товарищъ моій трактирнаго обѣда, въ разныхъ смыслахъ, какъ оно пріемлется, далеко еще отстоитъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ, а стихосложеніе шагнуло одинъ разъ и стало въ пепь.

Ломоносовъ, уразумѣвъ смѣшное въ Польскомъ одѣяніи нашихъ стиховъ, снялъ съ нихъ несродное имъ полукафтанье. Подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ отшатнуться отъ него не дерзнулъ. По нещастію случилося, что Сумароковъ въ то же время былъ, и былъ отмѣнной стихотворецъ. Онъ употреблялъ стихи по примѣру Ломоносова, и нынѣ всѣ вслѣдъ за ними не воображаютъ, чтобы другіе стихи быть могли, какъ Ямбы, какъ такіе, какими писали сіи оба знаменитые мужи. Хотя оба сіи стихотворцы преподавали правила другихъ стихосложеній, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры, но они столь маловажны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Если бы Ломоносовъ преложилъ Іова или Псалмопѣвца Дактилями, или если бы Сумароковъ Семиру или Димитрія написалъ Хореями, то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами опричь Ямбовъ, и болѣе бы славы въ осьмилѣтнемъ своемъ пріобрѣлъ трудѣ, описавъ взятіе Казани свойственнымъ Епопеи стихосложеніемъ. Не дивлюсь, что древній треухъ на Виргилія надѣтъ Ломоносовскимъ покроемъ, но желалъ бы я, чтобы Омиръ между нами не въ Ямбахъ явился, но въ стихахъ, подобныхъ его, Екзаметрахъ, и Костровъ, хотя не стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ бы Епоху въ нашемъ стихосложеніи, ускоривъ шествіе самой Поэзіи цѣлымъ поколѣніемъ.

Но не одни Ломоносовъ и Сумароковъ остановили Россійское стихосложеніе. Неутомимой возовикъ Тредіяковскій немало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь дать примѣръ новаго стихосложенія очень трудно, ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложеніи глубокій пустили корень. Парнассъ окруженъ Ямбами, и Рифмы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бы ни задумалъ писать Дактилями, тому тотчасъ Тредіаковскаго приставятъ дядькою, и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтона, Шекеспира или Вольтера. Тогда и Тредіяковскаго выроютъ изъ поросшей мхомъ забвенія могилы, въ Телемахидѣ найдутся добрые стихи, и будутъ въ примѣръ поставляемы.

Долго благой перемѣнѣ въ стихосложеніи препятствовать будетъ привыкшее ухо ко краесловію. Слышавъ долгое время единогласное въ стихахъ окончаніе, безрифміе покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будетъ, доколѣ Французской языкъ будетъ въ Россіи больше другихъ языковъ въ употребленіи. Чувства наши, какъ гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво, по произволенію. Сверхъ же того въ стихотвореніи такъ, какъ и во всѣхъ вещахъ, можетъ господствовать мода, и если она хотя пѣсколько имѣетъ въ себѣ естественнаго, то принята будетъ безъ прекословія. Но все модное мгновенно; а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ наружный можетъ заржавѣть, но истинная красота не поблекнетъ никогда. Омиръ, Виргилій, Мильтонъ, Расинъ, Волтеръ, Шекеспиръ, Тассо и многіе другіе читаны будутъ, доколѣ не истребится родъ человѣческій.

Изліяніямъ почитаю я бесѣдовать съ вами о разныхъ стихахъ, Россійскому языку свойственныхъ. Что такое Ямбъ, Хорей, Дактиль, или Анапестъ—всякъ знаетъ если немного кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но то бы было пензлишнее, если бы я могъ дать примѣры въ разныхъ родахъ достаточные. Но силы мои и разумѣніе коротки. Если совѣтъ мой можетъ что либо сдѣлать, то я бы сказалъ, что Россійское стихотворство, да и самъ Россійскій языкъ, гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворныхъ сочиненій дѣлали не всегда Ямбами. Гораздо бы Епической поэмѣ свойственнѣе было, если бы переводъ Генріады не былъ въ Ямбахъ, а Ямбы некраесловные хуже прозы]. [*Путешествіе*, стр. 350—354].

Радищевъ, будучи нововводителемъ въ душѣ, силился перемѣнить и русское стихосложеніе. Его изученія Тилимахиды замѣчательны. Онъ первый писалъ у насъ древними лирическими размѣрами. Стихи его лучше его прозы. Прочитайте его: Осьмнадцатое столѣтіе, Сафическія строфы, басню или вѣрнѣе элегію Журавли—все это имѣетъ достоинство. Въ главѣ, изъ которой выписалъ я приведенный отрывокъ, помѣщена его извѣстная Ода (на Вольность); въ ней много сильныхъ стиховъ.

Обращаюсь къ Русскому стихосложенію. Думаю, что современемъ мы обратимся къ бѣлому стиху. Риѳмъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало. Одна вызываетъ другую. Пламень неминуемо тащитъ за собою камень. Изъ-за чувства выглядываетъ непремѣнно искусство. Кому не надоѣли любовь и кровь (и вновь), трудной и чудной (и безразсудной), вѣрной и лицемѣрной и проч.

Много говорили о настоящемъ русскомъ стихѣ. А. Х. Востоковъ опредѣлилъ его съ большою ученостію и смѣтливостію. Вѣроятно, будущій нашъ эпическій поэтъ изберетъ его и сдѣлаетъ народнымъ.

ПУШКИНЪ.
Портретъ Мазера.

[VIII. Мѣдное].

[Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли... Хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ—пляшутъ—подойдемъ поближе, говорилъ я самъ себѣ, развертывая найденныя бумаги моего пріятеля... Но я читалъ слѣдующѣе. Не могъ дойти до хоровода. Уши мои задернулись печалію, и радостный гласъ нехитростнаго веселія до сердца моего не проникъ. О мой другъ! гдѣ бы ты ни былъ, внемли и суди.

Каждую недѣлю два раза вся Россійская Имперія извѣщаетси, что И. И. или Б. Б. въ несостояніи или не хочетъ платить того, что занялъ, или взялъ, или чего отъ него требуютъ. Занятое либо проиграно, проѣзжано, прожито, проѣдено, яропито, про... или раздарено, потеряно въ огнѣ или водѣ, или И. Н. или Б. Б. другими какими либо случаями вошелъ въ долгъ или подъ взысканіе. То и другое на равнѣ въ вѣдомостяхъ пріемлется... Публикуется: «Сего... дня, по полуночи въ 10 часовъ, по опредѣленію уѣзднаго суда, или городоваго магистрата, продаваться будетъ съ публичнаго торга отставнаго Капитана Г... недвижимое имѣніе: домъ, состоящій въ ... части, подъ Но ... и при немъ шесть душъ мужескаго и женскаго полу; продажа будетъ при оном домѣ. Желающіе могутъ осмотрѣть заблаговременно.» [*Путешествіе*, стр. 341—342].

Слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но искреннихъ мечтаніяхъ... съ которыми на сей разъ соглашаюсь поневолѣ.

[IX. Вышній Волочокъ].

Въ Вышнемъ Волочкѣ Радищевъ любуется шлюзами и благословляетъ память того, кто, уподобясь природѣ въ ея благодѣяніяхъ, сдѣлалъ рѣку *рукодѣльною*—и всѣ концы единой области привелъ въ сообщеніе. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ онъ на каналъ, наполненный нагруженными барками: онъ видѣлъ тутъ истинное земли изобиліе, избытки земледѣльчества, и во всемъ его блескѣ мощнаго пробудителя человѣческихъ дѣяній—*корыстолюбіе*. Но вскорѣ мысли его принимаютъ обыкновенное свое направленіе. Мрачными красками рисуетъ онъ состояніе Русскаго земледѣльца и разсказываетъ слѣдующее:

«Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ то по просторѣчію называютъ, щастія, или не желая онаго въ ней спискать, удалился изъ столицы, приобрѣлъ небольшую деревню, напримѣръ во сто или въ двѣсти душъ, опредѣлилъ себя искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, не вознамѣрился найдѣйствительнѣйшимъ образомъ всевозможное сдѣлать употребленіе естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обработыванію земли. Способомъ къ сему надежнѣйшимъ почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли, ни побужденія не имѣющимъ, и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудою, устремляющимся на бою грудою, а въ единственности ничего не значущимъ. Для достиженія своея цѣли, онъ отнялъ у нихъ малой удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, сей дворянинъ нѣкто всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а по обыкновенію Лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя, для соблюденія желудка, въ мясоѣдъ пустыя щи, а въ посты и постные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинные розговины бывали развѣ на святой недѣлѣ.

Таковомъ урядникамъ производилась такъ же приличная и соразмѣрная ихъ состоянію одѣжда. Обувь для зимы, то есть лапти, дѣлали они сами, онучи получали отъ господина своего, а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно, у таковыхъ узниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отымалъ, по способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ нищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда биралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ.

При таковомъ заведѣніи неудивительно, что земледѣліе въ деревнѣ Г. нѣкто было въ цвѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой былъ урожай, у него родился хлѣбъ самъ четвертъ; когда у другихъ хорошей былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ-дѣсять и болѣе. Въ недолгомъ времени къ двумъ стамъ душамъ онъ еще купилъ двѣсти жертвъ своему корыстолюбію; и поступая съ сими равно какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число степящихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами и славится какъ знаменитый земледѣлецъ.» [*Шутешествіе*, стр. 272—275].

Помѣщикъ, описанный Радищевымъ, привелъ мнѣ на память другова, бывшаго мнѣ знакомаго лѣтъ 15 тому назадъ. Молодой образъ мыслей и пылкость тогдашнихъ чувствованій отвратили меня отъ него и помѣшали мнѣ изучить одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ характеровъ, которые удалось мнѣ встрѣтить. Этотъ помѣщикъ былъ родъ маленькаго Людовика XI. Онъ былъ тиранъ, но тиранъ по системѣ и по убѣжденію, съ цѣлью, къ которой двигался онъ съ силою души необыкновенной и съ презрѣніемъ къ человѣчеству, котораго онъ не думалъ и скрывать. Сдѣлавшись помѣщикомъ двухъ тысячъ душъ, онъ нашелъ своихъ крестьянъ, какъ говорится, избалованными слабымъ и безпечнымъ своимъ предшественникомъ. Первымъ стараніемъ его было общее и совершенное ра-

зорепіе. Онъ немедленно приступилъ къ совершенію своего предположенія и въ 3 года привелъ крестьянъ въ жестокое положеніе. Крестьянинъ не имѣлъ никакой собственности; онъ пахалъ барскою сохою, запряженной барской клячею; скотъ его былъ весь проданъ; онъ садился за спартанскую трапезу на барскомъ дворѣ; дома не имѣлъ онъ ни штей, ни хлѣба. Одежда, обувь выдавалась ему отъ господина. Словомъ, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помѣщика.—Какъ бы вы думали? Мучитель имѣлъ виды филантропическіе. Приучивъ своихъ крестьянъ къ нуждѣ, терпѣнію и труду, онъ думалъ постепенно ихъ обогатить, возвратить имъ собственность, даровать имъ права! Судьба не позволила ему исполнить его предначертанія. Онъ былъ убитъ своими крестьянами во время пожара.

[X. Торжокъ].

Разположась обѣдать въ славномъ трактирѣ П[ожарскаго], я прочелъ статью подъ заглавіемъ Торжокъ. Въ ней дѣло идетъ о *свободѣ книгопечатанія.* Любопытно видѣть разсужденіе о семъ предметѣ человѣка, вполнѣ разрѣшившаго самому себѣ сію свободу, напечатавъ въ собственной типографіи книгу, въ которой дерзость мыслей и выраженій выходитъ изо всѣхъ предѣловъ.

Приступая къ разсмотрѣнію сей статьи, долгомъ почитаю сказать, что я убѣжденъ въ необходимости цензуры въ образованномъ, нравственномъ и христіанскомъ обществѣ, [замѣчу] подъ какими бы законами и правленіемъ оно бы ни находилось.

Мысль—великое слово! Что жъ и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль? Да будетъ же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ: *въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ.*

Мы въ томъ и не споримъ, говорятъ противники цензуры. Но книги, какъ и граждане, отвѣтствуютъ за себя — есть законы для тѣхъ и другихъ. Къ чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдетъ изъ типографіи, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить къ заключенію.

Мысль уже стала гражданиномъ, отвѣтствуетъ за себя, какъ скоро она родилась и выразилась. Развѣ *Рѣчь* и *Рукопись* не подлежатъ закону? Всякое правительство въ правѣ не позволять проповѣдывать на площадяхъ, что кому въ голову придетъ, и можетъ остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны перомъ, а не тиснуты станкомъ типографическимъ. Законъ не только наказываетъ, но и предупреждаетъ. Это даже его благодѣтельная сторона.

Дѣйствіе человѣка мгновенно и одно (isolé); дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое.

Одинъ изъ французскихъ публицистовъ остроумнымъ софизмомъ захотѣлъ доказать незаконность и безразсудность цензуры. Если, говоритъ онъ, способность говорить была бы новѣйшимъ изобрѣтеніемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что правительство не замедлило бы установить цензуру и на языкъ; издали бы извѣстныя правила, и два человѣка, чтобъ поговорить между собою о погодѣ, должны были бы получить предварительное на то дозволеніе.

Конечно, если бы *слово* не было общею принадлежностью всего человѣческаго рода, а только милліонной части онаго, то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощнаго сословія людей говорящихъ. Но *грамота* не есть естественная способность, дарованная Богомъ всему человѣчеству, какъ языкъ или зрѣніе. Человѣкъ *безграмотный* не есть уродъ и не находится внѣ вѣчныхъ законовъ природы. И между грамотеями не всѣ равно обладаютъ *возможностію* и самою *способностію* писать книги или журнальныя статьи. Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый малочисленный изъ всего народонаселенія. Печатный листъ обходится около 35 рублей, бумага также чего-нибудь да стоитъ. Слѣдовательно, печать доступна не всякому <не говоря уже о талантѣ etc.>. Противники всякой Аристократіи, развѣ не видите вы, что Аристократія самая мощная, самая опасная, есть Аристократія людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки. Что значитъ Аристократія породы и богатства въ сравненіи съ Аристократіей пишущихъ талантовъ? Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародо-

ванной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противу всеразрушительнаго дѣйствія типографскаго снаряда. Уважайте классъ писателей но не допускайте же его овладѣть вами совершенно.

Взгляните на нынѣшнюю Францію: Лю[довикъ] Ф[илиппъ], царствующій *милостію* свободнаго книгопечатанія, принужденъ уже обуздывать сію свободу, не смотря на отчаянные крики оппозиціи.

Я сказалъ откровенно и по чистой совѣсти мнѣніе мое о свободѣ книгопечатанія, столь же откровенно буду говорить и о цензурѣ.

Высшій присутственный приказъ въ государствѣ есть тотъ, который вѣдаетъ дѣла ума человѣческаго. *Уставъ*, коимъ судіи должны руководствоваться, долженъ быть священъ и непреложенъ *). Книга, являющаяся передъ его судомъ, должна быть принята не какъ извощикъ, пришедшій за нумеромъ, дающимъ ему право изъ платы рыскать по городу, но съ уваженіемъ и снисходительностію. Цензоръ есть важное лице въ Государствѣ, санъ его имѣетъ нѣчто священное. Мѣсто сіе долженъ занимать гражданинъ, извѣстный своимъ умомъ и познаніями, а не первый коллежскій ассесоръ, который, по свидѣтельству формуляра учился въ университетѣ. Разсмотрѣвъ книгу и давъ оной права гражданства, онъ уже за нее отвѣчаетъ, ибо слишкомъ было бы жестоко подвергать писателя, честно соблюдающаго узаконенныя правила, двойной и тройной отвѣтственности подъ предлогомъ злоумышленія, Богъ вѣдаетъ какого. Но и цензора не должно запугивать, придираясь къ нему за мѣлочи, неумышленно пропущенныя имъ, и дѣлая изъ него уже не стража Государственнаго Благоденствія, но грубаго буточника, поставленнаго на перекресткѣ съ тѣмъ, чтобъ не пропускать народа за веревку. Большая часть писателей руководствуется двумя сильными пружинами, одна другой противодѣйствующими: *тщеславіемъ* и *корыстолюбіемъ*. Если запретительною системою будете вы мѣшать словесности въ ея торговой промышленности, то она предастся въ глухую рукописную опозицію, всегда заманчивую, и успѣхами тщеславія легко утѣшится о денежныхъ убыткахъ.

Земская Цензурная Управа тщательно должна быть отдѣлена отъ цензуры *духовной*, какъ было донынѣ въ Россіи. Цензоръ духовнаго званія не можетъ иногда безъ явнаго неприличія позволить то, что въ свѣтскомъ писателѣ не подлежитъ ни малѣйшей укоризнѣ. Напримѣръ — божбу, призывъ Имени Божія въ суе, шутки надъ нѣкоторыми грѣхами и т. д. Что было бы верьхомъ неприличія въ книгѣ ѳеологической, то развѣ лицемѣръ или глупецъ можетъ осудить въ комедіи или въ романѣ.

Нравственность <какъ и Религія> должна быть уважаема писателями. Безнравственныя книги суть тѣ, которыя потрясаютъ первыя основанія гражданскаго общества; тѣ, которыя проповѣдуютъ развратъ, разсѣваютъ личную клевету, или коп цѣлію имѣютъ разпаленіе чувственности піаническими изображеніями. Тутъ необходимъ въ цензорѣ здравый умъ и *чувство приличія*, ибо рѣшеніе его зависитъ отъ сихъ двухъ качествъ. Не долженъ онъ забывать, что большая часть мыслей не подлежитъ отвѣтственности, какъ тѣ дѣла человѣческія, которыя законъ оставляетъ каждому на произволъ его совѣсти.

Было время <слава Богу, что оно уже прошло и, вѣроятно, уже не возвратится>, что наши писатели были преданы на произволъ цензуры самой безсмысленной. Нѣкоторыя изъ тогдашнихъ рѣшеній могутъ показаться выдумкой и клеветою. Напримѣръ, какой-то стихотворецъ говоритъ о *небесныхъ* глазахъ своей возлюбленной. Цензоръ велѣлъ ему, вопреки просодіи, поставить вмѣсто *небесныхъ* — голубые, ибо слово Небо принимается иногда въ смыслѣ Высшаго Промысла. Въ славной балладѣ Жуковскаго назначается свиданіе пакапунѣ Иванова дня; цензоръ нашелъ, что въ такой великій праздникъ грѣшить неприлично, и не хотѣлъ пропустить баллады. Нѣкто критиковалъ трагедію Сумарокова; цензоръ вымаралъ всю статью, и написалъ на полѣ: *перемѣнить, соображаясь съ мнѣніемъ публики*. Ода *Похвала водкѣ* была запрещена, потому что пьянство запрещено божескими и человѣческими законами. Спрашивается, каковъ былъ цензоръ, и каково было писателямъ?

Радищевъ въ статьѣ своей помѣстилъ: *Историческое повѣствованіе о происхожденіи цензуры*. Если бы вся книга была написана, какъ этотъ отрывокъ, то вѣроятно она бы не навлекла грозы на Автора. Въ сей статьѣ Радищевъ говоритъ, что цензура была въ первый разъ установлена никвизиціей. Радищевъ не зналъ, что новѣйшее

*) Несостоятельность закона столь-же вредитъ правительству <Власти>, какъ и несостоятельность денежнаго обязательства.

судопроизводство установлено во всей Европѣ по образу и по системѣ судопроизводства инквизиціоннаго <пытка, разумѣется, въ сторону>. Инквизиція была потребностью вѣка; исторія ея мало извѣстна и ожидаетъ еще безпристрастнаго изслѣдованія. То, что въ ней отвратительно, есть необходимое слѣдствіе духа кроваваго времени.

[XI]. Русская изба.

Въ Пешкахъ <на станціи, нынѣ уничтоженной> Радищевъ съѣлъ кусокъ говядины и выпилъ чашку кофею. Онъ пользуется симъ случаемъ, дабы упомянуть о несчастныхъ Африканскихъ невольникахъ, и тужитъ о судьбѣ Русскаго крестьянина, не употребляющаго сахара. Все это было тогдашнимъ моднымъ краснословіемъ. Но замѣчательно описаніе Русской избы:

«Четыре стены, до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ, на вершокъ по крайней мѣрѣ порошей грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода; и дымъ, всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутой пузырь смѣркающійся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три (щастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякой день есть пустыя щи!). Деревянная чашка и крушки, тарелками называемые; столъ, топоромъ срубленной, которой скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней или тѣлятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ щастію кадка съ квасомъ, на уксусъ похожимъ и на дворѣ бапя, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Поскопная рубаха, обувь данная природою, онучки съ лаптями для выхода.» [*Путешествіе*, стр. 411—413].

Наружный видъ русской избы мало перемѣнился со временъ Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные къ его Путешествію. Ничто такъ не похоже на Русскую деревню въ 16 [столѣтіи], какъ русская деревня въ 1833 году. Изба, мѣльница, заборъ,—даже эта елка, это печальное тавро Сѣверной природы — ничто, кажется, не измѣнилось. Однако, произошли улучшенія, по крайней мѣрѣ на большихъ дорогахъ; труба въ каждой избѣ; стекла замѣнили натянутый пузырь; вообще болѣе чистоты, удобства, того, что англичане называютъ comfort. Очевидно, что Радищевъ начерталъ карикатуру, но онъ упоминаетъ о банѣ и о квасѣ, какъ о необходимостяхъ русскаго быта. Это уже признакъ довольства. Замѣчательно, что Радищевъ, заставивъ свою хозяйку жаловаться на голодъ и неурожай, оканчиваетъ картину нужды и бѣдствія сею чертою: *и начала сажать хльбы въ печь.*

Фонъ-Визинъ, лѣтъ за пятнадцать передъ тѣмъ путешествовавшій по Франціи, говоритъ, что, по чистой совѣсти, судьба Русскаго крестьянина показалась ему щастливѣе судьбы Французскаго земледѣльца. Вѣрю. Вспомнимъ описаніе Лабрюера*), слова госпожи Севинье еще сильнѣе тѣмъ, что она говоритъ безъ негодованія и горечи, а просто разсказываетъ что видитъ и къ чему привыкла. Судьба Французскаго крестьянина не улучшилась въ царствованіе Людовика XV и его преемника...

Прочтите жалобы Англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волоса встанутъ дыбомъ отъ ужаса. Сколько отвратительныхъ пзтязаній, непонятныхъ мученій! какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой—какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи Фараоновыхъ пирамидъ, о Евреяхъ, работающихъ подъ бичами Египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ Г-на Смидта или объ иголкахъ Г-на Джаксона. И замѣтьте, что все это есть не злоупотребленіе, не преступленіе, но происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона. Кажется, что нѣтъ въ мірѣ нещастнѣе Англійскаго работника; но посмотрите, что дѣлается тамъ при изобрѣтеніи новой машины, избавляющей вдругъ отъ каторжной работы тысячъ пять или шесть народу и лишающей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію... У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится міромъ, барщина опредѣлена закономъ; оброкъ неразорителенъ <кромѣ какъ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленности усиливаетъ и раздражаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ>. Помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своего крестьянина доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Кре-

*) L'on voit certains animaux farouches, des mâles et des femelles, repandus par la compagne, noirs, livides et tout brulés du soleil, attachés à la terre qu'ils fouillent et qu'ils remuent avec une opiniâtreté invincible: ils ont comme une voix articulée, et quand ils se lèvent sur leurs pieds, ils montrent une face humaine et en effet ils sont des hommes. Ils se retirent la nuit dans des tanières où ils vivent de pain noir, d'eau et de racines: ils épargnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre, et méritent ainsi de ne pas manger de ce pain qu'ils ont semé. *Les caractères.*

стьянинъ промышляетъ, чѣмъ онъ вздумаетъ, и уходитъ иногда за 2,000 верстъ вырабатывать себѣ деньгу... Злоупотребленій вездѣ много; уголовныя дѣла вездѣ ужасны.

Взгляните на Русскаго крестьянина: есть ли и тѣнь рабскаго уничиженія въ его поступи и рѣчи? О его смѣлости и смышленности говорить нечего. Переимчивость его извѣстна. Проворство и ловкость удивительны. Путешественникъ ѣздитъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова по-Русски, и вездѣ его понимаютъ, исполняютъ его требованія, заключаютъ съ нимъ условія. Никогда не встрѣтите вы въ нашемъ народѣ того, что Французы называютъ un badaud; никогда не замѣтите въ немъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Въ Россіи нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ собственнаго своего жилища. Нищій, уходя скитаться по-міру, оставляетъ свою избу. Этого нѣтъ въ чужихъ краяхъ. Имѣть корову вездѣ въ Европѣ есть знакъ роскоши; у насъ не имѣть коровы есть знакъ ужасной бѣдности. Нашъ крестьянинъ опрятенъ по привычкѣ и по правилу: каждую субботу ходитъ онъ въ баню; умывается по нѣскольку разъ въ день... Судьба крестьянина улучшается со дня на день, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Избави меня Боже быть поборникомъ и проповѣдникомъ рабства; я говорю только, что благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ пользою помѣщиковъ; и это очевидно для всякаго. Злоупотребленія встрѣчаются вездѣ. Конечно, должны еще произойти мелкія перемѣны; но не должно торопить времени, и безъ того уже довольно дѣятельнаго. Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества...

[XII]. Этикетъ.

Власть и свободу сочетать должно на всеобщую пользу.

Истина неоспоримая, коею Радищевъ заключаетъ начертаніе объ уничтоженіи придворныхъ чиновъ, исполненное мыслей большею частью ложныхъ, хотя и пошлыхъ.

Предполагать униженіе въ обрядахъ, установленныхъ этикетомъ, есть просто глупость. Англійскій Лордъ, представляясь своему королю, становится на колѣна и цѣлуетъ ему руку. Это не мѣшаетъ ему быть въ оппозиціи, если онъ того хочетъ. Мы всякой день подписываемся покорнѣйшими слугами — и, кажется, никто изъ этого еще не заключалъ, чтобъ мы просились въ камердинеры.

Придворные обычаи, соблюдаемые нѣкогда при Дворахъ нашихъ Царей, уничтожены Петромъ Великимъ при всеобщемъ переворотѣ. Екатерина II занялась и симъ уложеніемъ, и установила новый этикетъ. Онъ имѣлъ передъ этикетомъ, наблюдаемымъ въ другихъ державахъ, то преимущество, что былъ основанъ на правилахъ здраваго смысла и вѣжливости общепонятной, а не на забытыхъ преданіяхъ, давно измѣнившихся. Покойный Государь любилъ простоту и непринужденность. Онъ ослабилъ снова этикетъ, который, во всякомъ случаѣ, не худо возобновить. Конечно Государи не имѣютъ нужды въ обрядахъ, часто для нихъ утомительныхъ; но этикетъ есть также законъ; къ тому же, онъ при Дворѣ необходимъ, ибо всякому, имѣющему честь приближаться къ Царскимъ особамъ, необходимо знать свою обязанность и границы службы. Гдѣ нѣтъ этикета, тамъ придворные въ поминутномъ опасеніи сдѣлать что-нибудь неприличное. Нехорошо прослыть невѣжею, непріятно казаться и подслуживымъ выскочкою.

[XIII. Разговоръ съ Англичанином].

Кликъ, выписываю главу.

Однако, строки Радищева навели на меня унынie. Я думалъ о судьбѣ Русскаго крестьянина:

> Къ тому жъ подушныя, боярщина, оброкъ!
> И видано-ль когда на свѣтѣ
> Хотя . . . . . .

Подлѣ меня въ каретѣ сидѣлъ Англичанинъ, человѣкъ лѣтъ 36. Я обратился къ нему съ вопросомъ: что можетъ быть нещастнѣе Русскаго крестьянина?

англичанинъ. — Англійскій крестьянинъ.

я. — Какъ! свободный Англичанинъ, по вашему мнѣнію, нещастнѣе Русскаго раба?

онъ. — Что такое свобода?

я. — Свобода есть возможность поступать по своей волѣ.

онъ.—Слѣдственно, свободы нѣтъ нигдѣ; ибо вездѣ есть или законы, или естественныя препятствія.

я.—Такъ; но разница: покоряться предписаннымъ нами самими законамъ, или повиноваться чужой волѣ.

онъ. — Ваша правда. Но развѣ народъ Англійскій участвуетъ въ законодательствѣ? Развѣ власть не въ рукахъ малаго числа? Развѣ требованія народа могутъ быть исполнены его повѣренными?

я. — Въ чемъ вы полагаете народное благо получіе?

онъ. — Въ умѣренности и соразмѣрности податей.

я. — Какъ?

онъ. — Вообще повинности въ Россіи не очень тягостны для народа: подушныя платятся міромъ, оброкъ не разорителенъ <кромѣ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленника умножаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ>. Во всей Россіи помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своему крестьянину доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышляетъ, чѣмъ вздумаетъ и уходитъ иногда за 2,000 верстъ выработать себѣ деньгу. И это называете вы рабствомъ? Я не знаю во всей Европѣ народа, которому было бы дано болѣе простора дѣйствовать.

я. — Но злоупотребленія частныя...

онъ. — Злоупотребленій вездѣ много. Прочтите жалобы Англійскихъ фабричныхъ работниковъ—волоса встанутъ дыбомъ; вы подумаете, что дѣло идетъ о строеніи Фараоновыхъ пирамидъ, о Евреяхъ, работающихъ подъ бичами Египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ Г-на Шмидта или объ иголкахъ Г-на Томпсона. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! Какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой—какая страшная бѣдность! Въ Россіи нѣтъ ничего подобнаго.

я. — Вы не читали нашихъ уголовныхъ дѣлъ.

онъ. — Уголовныя дѣла вездѣ ужасны. Я говорю вамъ о томъ, что въ Англіи происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона, не о злоупотребленіяхъ, не о преступленіяхъ: [кажется?] нѣтъ въ мірѣ несчастнѣе Англійскаго работника; что хуже его жизни... Но посмотрите, что дѣлается у насъ при изобрѣтеніи новой машины, вдругъ избавляющей отъ каторжной работы тысячъ пять или десять народу, по лишающей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію...

я. — Живали вы въ нашихъ деревняхъ?

онъ. — Я видалъ ихъ проѣздомъ и жалѣю, что не успѣлъ изучить нравы любопытнаго вашего народа.

я. — Что поразило васъ болѣе всего въ Русскомъ крестьянинѣ?

онъ. — Его опрятность и свобода.

я. — Какъ это?

онъ. — Вашъ крестьянинъ каждую субботу ходитъ въ баню; умывается каждое утро, сверхъ того нѣсколько разъ въ день моетъ себѣ руки. О его смышленности говорить нечего: путешественники ѣздятъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова вашего языка, и вездѣ ихъ понимаютъ, исполняютъ ихъ требованія, заключаютъ условія; никогда не встрѣчалъ я между ними то, что сосѣди называютъ *un badaud*, никогда не замѣчалъ въ нихъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Переимчивость ихъ всѣмъ извѣстна; проворство и ловкость удивительны.

я. — Справедливо. Но свобода? Неужто вы Русскаго крестьянина почитаете свободнымъ?

онъ. — Взгляните на него: что можетъ быть свободнѣе его обращенія съ вами? Есть ли и тѣнь рабскаго униженія въ его поступи и рѣчи? Вы не были въ Англіи?

я. — Не удалось.

онъ. — То-то! Вы не видали оттѣнковъ подлости, отличающей у насъ одинъ классъ отъ другаго; вы не видали раболѣпнаго [mointain?] нижней палаты передъ верхней, Джентльмена передъ Аристократіею, купечества передъ джентльменствомъ, бѣдности передъ богатствомъ, повиновенія предъ властію, а [правила?] нашего [conv. crim.?] А продажные голоса, а уловки министерства, а поведеніе наше въ Индіи, а отношенія наши со всѣми другими народами!

Англичанинъ мой разгорячился и совсѣмъ отдалился отъ предмета нашего разговора. Я продолжалъ слѣдовать за его мыслями, и мы пріѣхали въ Клинъ.

958. КИРДЖАЛИ.

Повѣсть.

Кирджали былъ родомъ Булгаръ. Кирджали на Турецкомъ языкѣ значитъ витязь, удалецъ. Настоящаго его имени я не знаю.

Кирджали своими разбоями наводилъ ужасъ на всю Молдавію. Чтобъ дать объ немъ нѣкоторое понятіе, разскажу одинъ изъ его подвиговъ. Однажды почью онъ и Арнаутъ Михайлаки напали вдвоемъ на Булгарское селеніе. Они зажгли его съ двухъ концовъ и стали переходить изъ хижины въ хижину. Кирджали рѣзалъ, а Михайлаки несъ добычу. Оба кричали: Кирджали! Кирджали! Все селеніе разбѣжалось.

Когда Александръ Ипсиланти обнародовалъ возмущеніе и началъ набирать себѣ войска, Кирджали привелъ къ нему нѣсколько старыхъ своихъ товарищей. Настоящая цѣль Этеріи была имъ худо извѣстна, но война представляла случай обогатиться на счетъ Турковъ, а можетъ быть и Молдаванъ—и это казалось имъ очевидно.

Александръ Ипсиланти былъ лично храбръ, но не имѣлъ свойствъ, нужныхъ для роли, за которую взялся такъ горячо и такъ неосторожно. Онъ не умѣлъ сладить съ людьми, которыми принужденъ былъ предводительствовать. Они не имѣли къ нему ни уваженія, ни довѣренности. Послѣ несчастнаго сраженія, гдѣ погибъ цвѣтъ Греческаго юношества, Іордаки Олимбіоти присовѣтовалъ ему удалиться и самъ заступилъ его мѣсто. Ипсиланти ускакалъ къ границамъ Австріи и оттуда послалъ свое проклятіе людямъ, которыхъ называлъ ослушниками, трусами и негодяями. Эти трусы и негодяи, большею частію, погибли въ стѣнахъ монастыря Секу или на берегахъ Прута, отчаянно защищаясь противу непріятеля вдесятеро сильнѣйшаго.

Кирджали находился въ отрядѣ Георгія Кантакузина, о которомъ можно повторить то же самое, что сказано объ Ипсиланти. Наканунѣ сраженія подъ Скулянами, Кантакузинъ просилъ у Русскаго начальства позволеніе вступить въ нашъ карантинъ. Отрядъ остался безъ предводителя; но Кирджали, Сафіаносъ, Кантагони и другіе не находили никакой нужды въ предводителѣ.

Сраженіе подъ Скулянами, кажется, никѣмъ не описано во всей его трогательной истинѣ. Вообразите себѣ 700 человѣкъ Арнаутовъ, Албанцевъ, Грековъ, Булгаръ и всякаго сброду, не имѣющихъ понятія о военномъ искусствѣ и отступающихъ въ виду пятнадцати тысячъ Турецкой конницы. Этотъ отрядъ прижался къ берегу Прута, и выставилъ передъ собою двѣ маленькія пушечки, найденныя въ Яссахъ на дворѣ Господаря, и изъ которыхъ, бывало, палили во время именинныхъ обѣдовъ. Турки рады были бы дѣйствовать картечью, но не смѣли безъ позволенія Русскаго начальства: картечь непремѣнно перелетѣла бы на нашъ берегъ. Начальникъ карантина <нынѣ уже покойникъ>, сорокъ лѣтъ служившій на военной службѣ, отроду не слыхивалъ свиста пуль; но тутъ Богъ привелъ услышать. Нѣсколько ихъ прожужжали мимо его ушей. Старичекъ ужасно разсердился, и разбранилъ за то маіора Охотскаго пѣхотнаго полка, находившагося при карантинѣ. Маіоръ, не зная, что дѣлать, побѣжалъ къ рѣкѣ, за которой гарцовали Делибаши, и погрозилъ имъ пальцемъ. Делибаши, увидя это, повернулись и ускакали, а за ними и весь Турецкій отрядъ. Маіоръ, погрозившій пальцемъ, назывался Хорчевскій. Не знаю, что съ нимъ сдѣлалось.

На другой день, однако жъ, Турки атаковали Этеристовъ. Не смѣя употреблять ни картечи, ни ядеръ, они рѣшились, вопреки своему обыкновенію, дѣйствовать холоднымъ оружіемъ. Сраженіе было жестокое. Рѣзались ятаганами. Со стороны Турковъ замѣчены были копья, дотолѣ у нихъ небывалыя; эти копья были Русскія: Некрасовцы сражались въ ихъ рядахъ. Этеристы, съ разрѣшенія нашего Государя, могли перейти Прутъ и скрыться въ нашемъ карантинѣ. Они начали переправляться. Кантагони и Сафьяносъ остались послѣдніе на Турецкомъ берегу. Кирджали, раненый наканунѣ, лежалъ уже въ карантинѣ. Сафьяносъ былъ убитъ. Кантагони, человѣкъ очень толстый, раненъ былъ копьемъ въ брюхо. Онъ одной рукою поднялъ саблю, другою схватился за вражеское копье, всадилъ его въ себя глубже и такимъ образомъ могъ достать саблею

своего убійцу, съ которымъ вмѣстѣ и повалился.

Все было кончено. Турки остались побѣдителями. Молдавія была очищена. Около шестисотъ Арнаутовъ разсыпались по Бессарабіи; не вѣдая, чѣмъ себя прокормить, они все жъ были благодарны Россіи за ея покровительство. Они вели жизнь праздную, но не безпутную. Ихъ можно всегда было видѣть въ кофейняхъ полу-турецкой Бессарабіи, съ длинными чубуками во рту, прихлебывающихъ кофейную гущу изъ маленькихъ чашечекъ. Ихъ узорныя куртки и красныя востроносыя туфли начинали уже изнашиваться, но хохлатая скуфейка все-же еще надѣта была на-бекрень, а атаганы и пистолеты все еще торчали изъ-за широкихъ поясовъ. Никто на нихъ не жаловался. Нельзя было и подумать, чтобы эти мирные бѣдняки были извѣстнѣйшіе Клефты Молдавіи, товарищи грознаго Кирджали, и чтобъ онъ самъ находился между ними.

Паша, начальствовавшій въ Яссахъ, о томъ узналъ, и на основаніи мирныхъ договоровъ потребовалъ отъ русскаго начальства выдачи разбойника.

Полиція стала доискиваться. Узнали, что Кирджали въ самомъ дѣлѣ находится въ Кишеневѣ. Его поймали въ домѣ бѣглаго монаха, вечеромъ, когда онъ ужиналъ, сидя въ потемкахъ съ семью товарищами.

Кирджали засадили подъ караулъ. Онъ не сталъ скрывать истины и признался, что онъ Кирджали. «Но, прибавилъ онъ: «съ тѣхъ поръ, какъ я перешелъ за Прутъ, «я не тронулъ ни волоса чужаго добра, не «обидѣлъ и послѣдняго Цыгана. Для Тур«ковъ, для Молдаванъ, для Валаховъ я, ко«нечно, разбойникъ, но для Русскихъ я «гость. Когда Сафіаносъ, разстрѣлявъ всю «свою картечь, пришелъ къ намъ въ каран«тинъ, отбирая у раненыхъ для послѣднихъ «зарядовъ пуговицы, гвозди, цѣпочки и на«балдашники съ атагановъ, я отдалъ ему «двадцать бешлыковъ и остался безъ денегъ. «Богъ видитъ, что я, Кирджали, жилъ подая«ніемъ! За что же теперь Русскіе выдаютъ «меня моимъ врагамъ?» Послѣ того Кирджали замолчалъ и спокойно сталъ ожидать разрѣшенія своей участи.

Онъ дожидался недолго. Начальство, не обязанное смотрѣть на разбойниковъ съ ихъ романтической стороны, и убѣжденное въ справедливости требованія, повелѣло отправить Кирджали въ Яссы.

Человѣкъ съ умомъ и сердцемъ, въ то время неизвѣстный молодой чиновникъ, нынѣ занимающій важное мѣсто, живо описывалъ мнѣ его отъѣздъ.

У воротъ острога стояла почтовая каруца... <Можетъ быть, вы не знаете, что такое каруца. Это низенькая плетеная телѣжка, въ которую еще недавно впрягались обыкновенно шесть или восемь кляченокъ. Молдаванъ въ усахъ и въ бараньей шапкѣ, сидя верхомъ на одной изъ нихъ, поминутно кричалъ и хлопалъ бичемъ, и клячонки его бѣжали рысью довольно крупной. Если одна изъ нихъ начинала приставать, то онъ отпрягалъ ее съ ужасными проклятіями и бросалъ на дорогѣ, не заботясь объ ея участи. На обратномъ пути онъ увѣренъ былъ найти ее на томъ же мѣстѣ, спокойно пасущуюся на зеленой степи. Нерѣдко случалось, что путешественникъ, выѣхавшій изъ одной станціи на осьми лошадяхъ, пріѣзжалъ на другую на парѣ. Такъ было лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Нынѣ въ обрусѣвшей Бессарабіи переняли Русскую упряжь и Русскую телѣгу>.

Такая каруца стояла у воротъ острога въ 1821 году, въ одно изъ послѣднихъ чиселъ Сентября мѣсяца. Жидовки, спустя рукава и шлепая туфлями, Арнауты въ своемъ оборваномъ и живописномъ нарядѣ, стройныя Молдаванки съ черноглазыми ребятами на рукахъ окружали каруцу. Мужчины хранили молчаніе, женщины съ жаромъ чего-то ожидали.

Ворота отворились, и нѣсколько полицейскихъ офицеровъ вышли на улицу; за ними двое солдатъ вывели скованнаго Кирджали.

Онъ казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго лица его были правильны и суровы. Онъ былъ высокаго росту, широкоплечъ, и вообще въ немъ изображалась необыкновенная физическая сила. Пестрая чалма наискось покрывала его голову, широкій поясъ обхватывалъ тонкую поясницу; долиманъ изъ толстаго синяго сукна, широкія складки рубахи, падающія выше колѣнъ, и красивыя туфли составляли остальной нарядъ. Видъ его былъ гордъ и спокоенъ.

Одинъ изъ чиновниковъ, краснорожій старичекъ, въ полинялomъ мундирѣ, на которомъ болтались три пуговицы, прищемилъ оловянными очками багровую шишку, замѣнявшую у него носъ, развернулъ бумагу, и, гнуся, началъ читать на Молдавскомъ языкѣ. Время отъ времени онъ надменно взглядывалъ на скованнаго

Кирджали, къ которому, по-видимому, относилась бумага. Кирджали слушалъ его со вниманіемъ. Чиновникъ кончилъ свое чтеніе, сложилъ бумагу, грозно прикрикнулъ на народъ, приказалъ ему раздаться—и велѣлъ подвезти каруцу. Тогда Кирджали обратился къ нему и сказалъ ему нѣсколько словъ на Молдавскомъ языкѣ; голосъ его дрожалъ, лицо измѣнилось; онъ заплакалъ и повалился въ ноги полицейскаго чиновника, загремѣвъ своими цѣпями. Полицейскій чиновникъ, испугавшись, отскочилъ, солдаты хотѣли-было приподнять Кирджали, но онъ всталъ самъ, подобралъ свои кандалы, шагнулъ въ каруцу и закричалъ: *Гайда!* Жандармъ сѣлъ подлѣ него; Молдаванъ хлопнулъ бичемъ, и каруца покатилась.

Что это говорилъ вамъ Кирджали? спросилъ молодой чиновникъ у полицейскаго.

Онъ, <видите-съ> просилъ меня, отвѣчалъ, смѣясь, полицейскій: чтобъ я позаботился о его женѣ и ребенкѣ, которые живутъ недалече отъ Кили, въ булгарской деревнѣ: онъ боится, чтобъ и они *изъ-за него* не пострадали. Народъ глупый-съ.

Разсказъ молодаго чиновника сильно меня тронулъ. Мнѣ было жаль бѣднаго Кирджали. Долго не зналъ я ничего объ его участи. Нѣсколько лѣтъ ужъ спустя, встрѣтился я съ молодымъ чиновникомъ. Мы разговорились о прошедшемъ.

А что вашъ пріятель Кирджали? спросилъ я: не знаете ли, что съ нимъ сдѣлалось?

Какъ не знать, отвѣчалъ онъ и разсказалъ мнѣ слѣдующее:

Кирджали, привезенный въ Яссы, представленъ былъ пашѣ, который присудилъ его быть посажену на колъ. Казнь отсрочили до какого-то праздника. Покамѣстъ заключили его въ тюрьму.

Невольника стерегли семеро Турокъ <люди простые и въ душѣ такіе же разбойники, какъ и Кирджали>; они уважали его и съ жадностію, общею всему Востоку, слушали его чудные разсказы.

Между стражами и невольникомъ завелась тѣсная связь. Однажды Кирджали сказалъ имъ: Братья! часъ мой близокъ. Никто своей судьбы не избѣжитъ. Скоро я съ вами разстанусь. Мнѣ хотѣлось бы вамъ оставить что-нибудь на память.

Турки развѣсили уши.

Братья, продолжалъ Кирджали: три года тому назадъ, какъ я разбойничалъ съ покойнымъ Михайлаки, мы зарыли въ степи, недалече отъ Яссъ, котелъ съ *Гальбинами*. Видно, ни мнѣ, ни ему не владѣть этимъ кладомъ. Такъ и быть: возьмите его себѣ и раздѣлите полюбовно.

Турки чуть съ ума не сошли. Пошли толки, какъ имъ будетъ найти завѣтное мѣсто? Думали, думали и положили, чтобы Кирджали самъ ихъ повелъ.

Настала ночь. Турки сняли оковы съ ногъ невольника, связали ему руки веревкою и съ нимъ отправились изъ города въ степь.

Кирджали ихъ повелъ, держась одного направленія, отъ одного кургана къ другому. Они шли долго. Наконецъ Кирджали остановился близъ широкаго камня, отмѣрилъ двѣнадцать шаговъ на полдень, топнулъ и сказалъ: *здѣсь*.

Турки распорядились. Четверо вынули свои атаганы и начали копать землю. трое остались на стражѣ. Кирджали сѣлъ на камень и сталъ смотрѣть на ихъ работу.

Ну, что? скоро ли? спрашивалъ онъ: «дорылись ли?

Нѣтъ еще, отвѣчали турки, и работали такъ, что потъ лилъ съ нихъ градомъ.

Кирджали сталъ оказывать нетерпѣніе.

Экой народъ, говорилъ онъ. И землю-то копать порядочно не умѣютъ. Да у меня дѣло было бы кончено въ двѣ минуты. Дѣти! развяжите мнѣ руки, дайте атаганъ.

Турки призадумались и стали совѣтоваться. Что же? <рѣшили они> развяжемъ ему руки, дадимъ атаганъ. Что за бѣда? Онъ одинъ, насъ семеро. И Турки развязали ему руки и дали ему атаганъ.

Наконецъ Кирджали былъ свободенъ и вооруженъ. Что-то долженъ онъ былъ почувствовать!.. Онъ сталъ проворно копать, сторожа ему помогали... Вдругъ онъ въ одного изъ нихъ вонзилъ свой атаганъ и, оставя булатъ въ его груди, выхватилъ изъ-за его пояса два пистолета.

Остальные шесть, увидя Кирджали вооруженнаго двумя пистолетами, разбѣжались.

Кирджали нынѣ разбойничаетъ около Яссъ. Недавно писалъ онъ Господарю, требуя отъ него пяти тысячъ *левовъ*, и грозясь, въ случаѣ неисправности въ платежѣ, зажечь Яссы и добраться до самого Господаря. Пять тысячъ левовъ были ему доставлены.

Каковъ Кирджали?

959. [МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ ИСТОРІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО].

Петръ родился въ Москвѣ въ 7180 году Мая 30 (1672).

Рожденіе Царевича праздновали трехдневнымъ торжествомъ при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ. Царь въ знакъ своей радости даровалъ прощеніе осужденнымъ на смерть, возвратилъ изъ ссылки преступниковъ, роздалъ богатую милостыню, простилъ народу долги и недоимки, искупилъ невольниковъ, заключенныхъ за долги.

Царевичъ былъ окрещенъ Іюня 29, въ субботу, на праздникъ Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, въ Чудовомъ монастырѣ, отъ Патріарха Іоакима. Воспріемниками были братъ его Царевичь Ѳеодоръ Алексѣевичъ и тетка его царевна Ирина Михаиловна. Разсказываютъ, будто бы на третьемъ году его возраста, когда, въ день имянинъ его, между прочими подарками, одинъ купецъ подалъ ему дѣтскую саблю, Петръ такъ ей обрадовался, что оставя всѣ прочіе подарки, съ нею не хотѣлъ даже разставаться ни днемъ, ни ночью. Къ купцу же пошелъ на руки, поцѣловалъ его въ голову, и сказалъ, что его не забудетъ. Царь пожаловалъ купца гостемъ, а Петра при прочтеніи молитвы духовникомъ, самъ тою саблею опоясалъ. При семъ случаѣ были заведены *потѣшные*. Передъ своею кончиною Царь назначилъ приставниками къ Царевичу Боярина Кириллу Полуехтовича Нарышкина и при немъ окольничихъ К. Петра Ивановича Прозоровскаго, Ѳедора Алексѣевича Головина и Гаврила Ивановича Головкина. Царь Алексѣй Михайловичъ скончался 30 января 1676 года, оставя Петра трехъ лѣтъ и осьми мѣсяцевъ.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ оставилъ при вдовствующей Царицѣ весь ея *штатъ*. Въ 1677 г. она имѣла при себѣ 102 стольниковъ. Потѣшные, большею частію, были дѣти ихъ. Петръ началъ учиться грамотѣ 12 Марта 1677 года, по благословенію Святѣйшаго Патріарха. Учителемъ его былъ Челобитнаго Приказа Дьякъ Никита Моисеевичь Зотовъ, бывшій знакомый Боярину Ѳ. Соковнину, который и привелъ его во дворецъ ко вдовствующей Царицѣ. Зотовъ, по утрамъ обучалъ Царевича грамотѣ и Закону, а послѣ обѣда разсказывалъ ему Россійскую Исторію. Покои дворца были расписаны картинами, изображавшими главныя черты изъ Исторіи, главные Европейскіе города, зданія, корабли и проч. Иноземцы, приставленные также къ Царевичу: Лефортъ и Тимерманъ учили его Геометріи и Фортификаціи.

Милославскіе, во время царствованія Ѳеодора, утѣсняли Нарышкиныхъ; изъ нихъ ни одинъ не былъ произведенъ въ большіе чины. Дѣдъ Царевича, Кириллъ Полуехтовичъ, опредѣленный Алексѣемъ Михайловичемъ главнымъ Судіею въ Приказѣ Большаго Дворца, былъ отставленъ.

Бояринъ Иванъ Максимовичъ Языковъ предложилъ однажды вдовствующей Царицѣ, подъ предлогомъ тѣсноты, перебраться въ другой дворецъ, отдаленный отъ Царскаго Двора. Царица не захотѣла, и подослала Петра съ своимъ учителемъ къ Царю Ѳеодору. Петръ поцѣловалъ его руку и пожаловался на Языкова, сравнивая себя съ Царевичемъ Димитріемъ, а Боярина съ Годуновымъ. Царь извинился передъ Натальей Кирилловной и отдалъ ей Языкова головою. Языковъ былъ на время отдаленъ.

Царица жила обыкновенно въ Потѣшномъ Дворцѣ Царя Алексѣя Михайловича, отъ чего и Петръ его предпочиталъ.

15 Августа 1680 г. Зотовъ былъ отъ него удаленъ по *навѣтамъ*. Онъ былъ посланъ съ Полковникомъ Стрѣлецкимъ, стольникомъ Василіемъ Тяпкинымъ, въ Крымъ, для заключенія мирнаго договора на 20 лѣтъ, что и случилось 15 Января 1681 года. Зотовъ воротился 8 Іюня. Неизвѣстно, продолжалъ ли онъ учить Царевича.

Страленбергъ и «Рукопись о зачатіи» повѣствуетъ, что Царица, ѣдучи однажды весною въ одинъ монастырь, при переправѣ черезъ разлившійся ручей, испугалась и криками своими разбудила Петра, спавшаго у ней на рукахъ. Петръ до 14 лѣтъ боялся воды. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, его Оберъ-Гофмейстеръ, излѣчилъ его. Миллеръ тому не вѣритъ.

Когда слабому здравіемъ Ѳеодору совѣтовали вступить во второй бракъ, тогда отвѣтствовалъ онъ: «Отецъ мой имѣлъ намѣреніе нарѣщи на престолъ брата моего, Царевича Петра, тоже сдѣлать намѣренъ и Я». Сказываютъ, что Ѳеодоръ то же говорилъ и Языкову, который ему сперва противорѣчилъ и наконецъ отвратилъ разговоръ въ другую сторону, и уговорилъ его на второй бракъ. Въ самомъ дѣлѣ, 1682 года Февраля 16, Ѳеодоръ женился на Марѳѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, но въ тотъ же годъ Апрѣля 27 скончался, наименовавъ Петра въ преемники престола (въ чемъ не согласенъ Миллеръ. См. *Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 20*). Царевичу Іоанну было 16 лѣтъ, а Петру 10 лѣтъ.

О избраніи см. Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 123.

Всѣ государственные чины собрались передъ Дворцомъ. Патріархъ съ Духовенствомъ предложилъ имъ избраніе, и Стольники, и Стряпчіе, и Дьяки, и жильцы, и городовые Дворяне, и дѣти Боярскія, и гости, и гостиной и черныхъ сотенъ и иныхъ имянъ люди единогласно избрали Царемъ Петра.

Патріархъ говорилъ потомъ Боярамъ и Окольничимъ и Думнымъ и ближнимъ людямъ, и они были того же мнѣнія.

Петръ избранъ былъ 10 Мая 1682 года, и въ тотъ же день ему присягнули; Царица Наталья Кирилловна нарѣчена была Правительницею, но чрезъ три недѣли все рушилось. Боринъ Милославскій и Царевна Софія произвели возмущеніе. Планъ ихъ былъ:

1) Истребить приверженцевъ Петра.
2) Возвести Царемъ Іоанна.
3) Царя Петра лишить престола. <?>

Сумароковъ и Князь Хилковъ утверждаютъ, что Милославскій удержалъ Стрѣльцевъ отъ присяги, — Голиковъ, дабы согласить ихъ съ лѣтописью, говоритъ: многихъ Стрѣльцевъ.

Главные сообщники Милославскаго были племянникъ его Александръ Щегловитой, Цыклеръ, Иванъ и Петръ Толстые, Озеровъ, Санбуловъ и главные изъ Стрѣлецкихъ начальниковъ: Петровъ, Чермновъ, Озеровъ и проч. Сумароковъ въ числѣ приверженцевъ Софіи именуетъ и Іоакима.

Санбуловъ началъ возмущеніе. Онъ закричалъ въ толпѣ Стрѣльцевъ, что Бояре отняли престолъ у законнаго Царя и отдали его меньшому брату, слабому отроку. Александръ Милославскій и Петръ Толстой разсѣяли слухи, что Іоаннъ уже убитъ, и роздали Стрѣльцамъ письменный списокъ мнимымъ убійцамъ, приверженцамъ Царицы Натальи Кирилловны.

Мая 15. Стрѣльцы, отпѣвъ въ Знаменскомъ монастырѣ молебенъ съ водосвятіемъ, берутъ чашу святой воды и образъ Б. Матери, предшествуемые попами, при колокольномъ звонѣ и барабанномъ боѣ, вторгаются въ Кремль.

Дѣда Петра Кирилла Полуехтовича принудили постричься, а сына его Ивана при его глазахъ изрубили.

Убиты въ сей день братья Натальи Кирилловны, Иванъ и Аѳанасій, Князья Михайло Алегумовичъ Черкасской, Долгорукіе Юрій Алексѣевичъ и сынъ его Михайло, Ромодановскіе Григорій и Андрей Григорьевичи, Боринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, Салтыковы, Боринъ Петръ Михайловичъ и сынъ его стольникъ Ѳеодоръ, Иванъ Максимовичъ Языковъ <?>, Стольникъ Василій Ивановъ, Думные люди Иванъ и Аверкій Кирилловы, Плаціонъ Ивановъ съ сыномъ, Подполковники: Горюшкинъ, Юреневъ, Даниловъ и Яновъ; Медики Ф. Гаденъ и Гутменшъ. Стрѣльцы, разбивъ холопій приказъ, разломали сундуки, разорвали крѣпости и провозгласили свободу господскимъ людямъ. — Но дворовые къ нимъ не пристали.

Мая 18. Стрѣльцы вручили Царевнѣ Софіи правленіе, потомъ возвели въ соцарствіе Петру брата его Іоанна. 25 Мая Царевна Правительница короновала обоихъ братьевъ. Софія уже черезъ два года приняла титло Самодержицы-Царевны <иногда и Царицы>, называя себя во всѣхъ дѣлахъ послѣ обоихъ Царей. Др. Вивл. Ч. VII, стр. 400.

Стрѣльцы получили денежныя награжденія, право имѣть выборныхъ, имѣющихъ свободный въѣздъ къ Великимъ Государямъ, позволеніе воздвигнуть памятникъ на Красной площади, похвальныя грамоты за государственными печатьми, переименованіе изъ Стрѣльцевъ въ Надворную пѣхоту. Выборные несли сіи грамоты на головѣ до своихъ съѣзжихъ избъ и полки встрѣтили ихъ съ колокольнымъ звономъ, барабаннымъ боемъ и съ восхищеніемъ. Сухаревъ полкъ одинъ не принялъ участія въ бунтѣ.

Царевна поручила Стрѣлецкій Приказъ Боярамъ Князьямъ Хованскимъ, Ивану Андреевичу и сыну его Ѳеодору, любя-

щимъ Стрѣльцевъ и тайнымъ раскольникамъ Аввакумовской и Никитской ереси.

Вскорѣ послѣ того <?> Стрѣльцы подъ предводительствомъ растриги попа Никиты производятъ новый мятежъ, вторгаются въ Соборную церковь во время служенія, изгоняютъ Патріарха и духовенство—которое скрывается въ Грановитую Палату. Старый Хованской представляетъ Патріарху и Царямъ требованія мятежниковъ о словопреніи съ Никитой Стрѣльцы входятъ съ палоемъ и свѣчами и съ каменьями за пазухой, подаютъ Царямъ челобитную. Начинается словопреніе. Патріархъ и Холмогорскій Архіепископъ Аѳанасій <бывшій нѣкогда раскольникомъ> вступаютъ въ ѳеологическій споръ. Настаетъ шумъ летятъ каменья <сказка о Петрѣ, будто бы усмирившемъ смятеніе>. Бояре при помощи Стрѣльцевъ-нераскольниковъ изгоняютъ наконецъ бѣшеныхъ ѳеологовъ. Никита и главные мятежники схвачены и казнены 6 Іюня. Царица Наталья Кирилловна, по свидѣтельству Венеціанскаго историка, удалилась съ обоими Царями въ Троицкій монастырь.—Послѣ того Петръ удалился въ село Преображенское и тамъ умножаетъ число потѣшныхъ <вѣроятно безъ разбору: отселѣ товарищество его съ людьми низкаго происхожденія>. Старый Хованскій угождалъ всячески Стрѣльцамъ. Онъ роздалъ имъ имѣніе побитыхъ Бояръ. Принималъ отъ нихъ жалобы и доносы на мнимыя взятки и удержаніе *поможныхъ денегъ*. Хованскіе взыскивали, не пріемля оправданій и не слушая отвѣтчиковъ.

Софія возвела любимца своего Князя Голицына на степень великаго Канцлера. Онъ заключилъ съ Карломъ XI <1683> миръ, на тѣхъ же условіяхъ, на коихъ былъ онъ заключенъ 20 лѣтъ прежде. Россія была въ миру со всѣми державами, кромѣ Китая, съ которымъ были неважныя ссоры за городъ Албазинъ при рѣкѣ Амурѣ.

Бояре, приверженные къ Петру, назначили ему въ Оберъ-Гофмейстеры Князя Бориса Алексѣевича Голицына. Онъ овладѣлъ довѣренностію молодаго Царя и дѣлалъ перевѣсъ на его сторону. Многіе Бояре, а особливо дѣти ихъ, перешли на сторону Петра.

Царевна въ сіе время женила брата своего Іоанна на Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой <1684 года Января 9>. Петру I, бывшему по 12 году, дана была полная свобода. Онъ подружился съ иностранцами. Женевецъ Лефортъ <23 <?> годами старше его> научилъ его Гол. <?> языку. Онъ одѣлъ роту потѣшную по-нѣмецки. Петръ былъ въ ней барабанщикомъ и за отличіе произведенъ въ сержанты. Такъ начался важный переворотъ, впослѣдствіи имъ совершенный: истребленіе дворянства и введеніе чиновъ. Въ сіе время Князь Василій Голицынъ, бывшій главнымъ въ Коммиссіи о разобраніи дворянскихъ родовъ и о составленіи родословной книги, думалъ возобновить мѣстничество, уничтоженное Царемъ Ѳеодоромъ въ 1681 г. Коммиссія была учреждена подъ начальствомъ Боярина Князя Владиміра Дмитріевича Долгорукова и Окольничаго Чаадаева.

Бояре съ неудовольствіемъ смотрѣли на потѣхи Петра и предвидѣли пововведенія. По ихъ наущенію сама Царица и Патріархъ увѣщевали молодаго Царя оставить упражненія, неприличныя сану его. Петръ отвѣчалъ съ досадою, что во всей Европѣ Царскія дѣти такъ воспитаны, что и такъ много времени тратитъ онъ въ пустыхъ забавахъ, въ которыхъ ему однакожъ никто не мѣшаетъ, и что оставить свои занятія онъ не намѣренъ. Бояре хотѣли внушить ему любовь къ другимъ забавамъ и пригласили его на охоту. Петръ, самъ ли отъ себя или по совѣту своихъ любимцевъ, но вздумалъ пошутить надъ ними: онъ притворно согласился; назначилъ охоту, но пріѣхавъ объявилъ, что съ холопями тѣшиться не намѣренъ, а хочетъ, чтобъ господа одни участвовали въ Царскомъ увеселеніи. Псари отъѣхали, отдавъ псовъ въ распоряженіе господъ, которые не умѣли съ ними справиться. Произошло разстройство. Собаки пугали лошадей; лошади несли, сѣдоки падали, собаки тянули сиуры, надѣтые на руки неопытныхъ охотниковъ. Петръ былъ чрезвычайно доволенъ—и на другой день, когда на приглашеніе его ѣхать на соколиную охоту господа отказались, онъ сказалъ имъ: «знайте, что Царю подобаетъ быть воиномъ, а охота есть занятіе холопское.»

Въ день Преполовенія <того жъ 1684 г.> оба Царя были на крестномъ ходу по городской стѣнѣ и потомъ обѣдали у Патріарха. Петръ распрашивалъ патріарха объ установленіи сего хода и о другихъ церковныхъ обрядахъ. Послѣ обѣда пріѣхалъ онъ съ Боярами на Пушечный дворъ и повелѣлъ бомбами и ядрами стрѣлять въ

цѣль. Онъ самъ, не смотря на представленія Бояръ, запалилъ пушку—и узнавъ, что Поручикъ Францъ Тимерманъ хорошо знаетъ науку Артиллерійскую, повелѣлъ его къ себѣ прислать и уѣхалъ въ Преображенское.

На другой день Тимерманъ былъ ему представленъ. Петръ взялъ его къ себѣ въ учителя—велѣлъ отвести ему компату подлѣ своей, и съ той поры по нѣсколько часовъ въ день обучался Геометріи и Фортификаціи. Онъ въ рощахъ Преображенскаго, на берегу Яузы, повелѣлъ выстроить правильную маленькую крѣпость, самъ работалъ, помогалъ Тимерману разставлять пушки и назвалъ крѣпость Презбургомъ. Онъ самъ ее атаковалъ и взялъ приступомъ. Потомъ въ присутствіи Бояръ сдѣлалъ ученье Стрѣлецкому Тарбѣева полку. Онъ осуждалъ многое въ артикулѣ Царя Алексѣя Михайловича (См. т. I., стр. 179). Въ доказательство онъ одному капральству велѣлъ выстроиться и самъ скомандовалъ по-своему. Съ той поры старый артикулъ былъ отмѣненъ и новый введенъ въ употребленіе.

<Крекшинъ>.

Миллеръ относитъ учрежденіе потѣшнаго войска къ 1687 году, потому что въ разрядныхъ книгахъ продолжительное пребываніе Царя въ Преображенскомъ начинается съ того году. Но наборы начались уже въ 84. Записныя книги доказываютъ, что въ 87 увеличилось число потѣшныхъ, ибо Царь уже началъ набирать изъ придворныхъ и конюшенныхъ служителей, и вскорѣ ихъ прибавилось такъ много, что уже должно было часть оныхъ поселить въ селѣ Семеновскомъ. Отселѣ *Сем.* и *Преобр.* Петръ изъ Бутырскаго полка взялъ 15 барабанщиковъ <въ 1687 г.> Лефортъ <въ томъ же году> произведенъ въ Полковники. Учреждена конница. *Оп. Тр. Ч. IV. «О началѣ гвардіи».* Петръ, находясь однажды на Сокольничьемъ дворѣ, узналъ, что всѣхъ охотниковъ до 300 человѣкъ. Съ согласія брата, взялъ изъ нихъ молодыхъ въ потѣшные.

1684 г. Мая 14-го. Посольство отъ Цесаря Леопольда.

Цѣлью онаго было склонить Россію на войну съ Турціей. Отвѣчали, что заключеннаго Царемъ Ѳеодоромъ 20 лѣтняго мира нельзя нарушить и что Россія ничего не можетъ предпринять, пока Польша не отречется отъ своихъ притязаній на Смоленскъ, Кіевъ и всю Украйну и не заключитъ вѣчнаго мира.

1684 г. Іюня 1-го и 2-го Петръ осматривалъ Патріаршую библіотеку. Нашедъ оную въ большомъ безпорядкѣ, онъ прогнѣвался на Патріарха и вышелъ отъ него, не сказавъ ему ни слова.

Патріархъ прибѣгнулъ къ посредничеству Царя Іоанна. Петръ повелѣлъ библіотеку привести въ порядокъ и отдалъ ее, сдѣлавъ ей опись, на храненіе Зотову, за Царской печатью.

Стрѣльцы между тѣмъ продолжали своевольничать. Они самовольно схватили Стольника А. Ѳ. Барсукова, и Солдатскаго Полковника Мат. Кравкова, мучили ихъ на правежѣ за мнимые долги, и домы ихъ разорили. Своего заслуженнаго Полковника Янова, негодуя на его строгость, они съ похода вытребовали въ Москву и казнили. У Хованскихъ съ Милославскимъ завязалась ссора. Милославскій принужденъ былъ скрываться по своимъ деревнямъ и оттолѣ посылать Царямъ и Правительницѣ доносы на Хованскихъ, обвиняя ихъ въ потворствѣ Стрѣльцамъ, у коихъ, говорилъ онъ, готовится новый бунтъ противъ обоихъ Царей, Патріарха и ближнихъ Бояръ. Онъ доноситъ, что Ѳ. Хованскій, хвастая своею породою, происшедшей отъ королей Польскихъ Ягелловъ, похваляется бракомъ сочетаться съ Царевной Екатериной Алексѣевной. Правительница повѣрила Милославскому. Государи укрылись въ С. Коломенское. 1685 г. Марта 2 найдено прибитое къ дворцовымъ дверямъ письмо, въ коемъ объявлено было намѣреніе Хованскихъ истребить весь Царскій Домъ и овладѣть Государствомъ. Государи уѣхали въ Саввинъ монастырь—послали оттуда грамоты въ Москву и во всѣ города, повелѣвая войску и пахотнымъ людямъ <и всякаго званія> быть какъ можно скорѣе въ село Воздвиженское, куда они и отправились. Все сіе сдѣлано было въ величайшей тайнѣ. Хованскому послана была особая похвальная грамота, въ коей повелѣвалось ему и сыну немедленно для нужныхъ совѣтовъ отправиться къ Государямъ <куда?>. Ѳеофанъ говоритъ, что Хованскій не хотѣлъ прежде сего отлучиться отъ Стрѣльцевъ, подозрѣвая недоброжелательство Двора. 17 Сентября <въ день св. Софіи>

Бояринъ Кн. Мих. Иван. Лыковъ схватилъ стараго Хованскаго на дорогѣ въ селѣ Пушкинѣ и сына его на рѣкѣ Клязьмѣ въ его отчинѣ—и привелъ обоихъ въ оковахъ въ село Воздвиженское, гдѣ, прочтя имъ указъ, безъ всякаго слѣдствія, имъ и Стрѣльцамъ Одинцову съ товарищами отрубили головы.

Между тѣмъ оба Царя прибыли въ Троицкій монастырь. Туда собралось и множество войскъ изо всѣхъ городовъ <иные говорятъ до 30, а другіе до 100.000>. Данъ Указъ Боярину К. Петру Семеновичу Урусову идти съ замосковскими городовыми Дворянами въ Переяславль-Залѣсскій. Бояр. Алексѣю Сем. Шеину съ Коломенс., Рязанск., Путивл. и Каширскими Дворянами—въ Коломну. Бояр. Князь Влад. Дмит. Долгорукову съ Серпухов., Алексинск., Тарузск., Оболенск. и Калужск.—въ Серпуховъ; а Новгородскому Дворянству послана похвальная грамота.

Сынъ Хованскаго, комнатный Стольникъ Царя Петра, прибѣжалъ въ Москву и объявилъ Стрѣльцамъ о казняхъ Воздвиженскихъ; Стрѣльцы взбунтовались. Они овладѣли Царскою пушечною, ружейной и пороховой казною, укрѣпились въ Москвѣ, разставили всюду караулы и никого не стали пускать ни въ городъ, ни вонъ изъ города. Они громко грозились пойти къ Тр., извѣстясь о томъ, Дворъ укрѣпился въ монастырѣ. Въ сіе самое время, пишутъ лѣтописцы, дана Петру отрава, отъ которой страдалъ онъ цѣлую жизнь. Царевна не знала что дѣлать. По совѣту Голицына, она думала употребить противу Стрѣльцовъ поселенный въ особой слободѣ <при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ> иностранный полкъ и послала офицеровъ онаго въ монастырь для полученія о томъ Указа отъ Государей.

18 Сентября изъ Троицка прибылъ къ Патріарху Стольникъ Зиновьевъ съ грамотою о винахъ и казняхъ Хованскихъ. Стрѣльцы потребовали, чтобы грамота была имъ прочтена, и чуть было не убили Зиновьева—крича: пойдемъ къ Троицѣ и всѣхъ побьемъ. Услышавъ, однако, что Государи повелѣваютъ забрать и другихъ Князей Хованскихъ, именно: двухъ Петровъ и Ивана, да спальниковъ Ѳеодора и Ивана, дабы, снявъ съ нихъ Боярство и Дворянство, сослать—пришли въ робость. И Бояринъ Михайло Петр. Головинъ, прибывшій изъ Тр. для принятія Москвы въ свое вѣденіе—успѣлъ ихъ укротить. Патріархъ, по просьбѣ ихъ, за нихъ заступился. Имъ прислано было повелѣніе выдать зачинщиковъ бунта. Они ихъ перехватали и сверхъ того отрядили изъ всѣхъ полковъ для того на казнь. Выборные шли, двое неся плаху, а третій топоръ. Милославскій остановилъ слѣдствіе и судъ. Государи простили виновниковъ. Хованскаго привели въ монастырь. Онъ сосланъ былъ въ Сибирь и 30 человѣкъ казнены.

Началась реакція. Головинъ собралъ проданные Стрѣльцами пожитки Бояръ, убитыхъ въ первомъ бунтѣ, и возвратилъ ихъ наслѣдникамъ.

Государи наградили войско и чиновниковъ за ихъ вѣрность и усердіе.

Передъ выѣздомъ, повелѣно всѣмъ, кромѣ Стрѣльцевъ, быть вооруженнымъ. Государи остановились въ С. Алексѣевскомъ. Стрѣльцы прибѣгнули опять къ Патріарху и онъ съ Выборными пріѣхалъ умолять Государей. Выборные просили позволенія столбъ сломать и жалованныя грамоты возвратить.

Тогда Дворъ поднялся въ Москву. Отъ самаго села до Москвы Стрѣльцы стояли по обѣимъ сторонамъ дороги, падая ницъ передъ Государями—Іоаннъ оказывалъ тупое равнодушіе; но Петръ быстро смотрѣлъ на всѣ стороны, оказывая живое любопытство. У самой Москвы Стрѣлецкіе начальники поднесли Государямъ хлѣбъ-соль и отдали пожалованныя грамоты.

Петръ уѣхалъ въ Преображенское.

Софія же повелѣла Голицыну произвести новое слѣдствіе. Нѣсколько ихъ были казнены. Четыре полка посланы служить на границахъ. Приближеннымъ своимъ <не изъ знатныхъ> роздала мѣста. Стрѣлецкій Приказъ поручила въ вѣденіе Щегловитому; а молодаго Князя Голицына, двоюроднаго брата любимца, пожаловала Главнымъ Судьей Казанскаго Дворца.

Китайскій Императоръ Канъ-Хій прислалъ Государямъ грамоту съ мирными предложеніями. Назначенъ Посольскій съѣздъ и главнымъ выбранъ Окольничій Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ (ЕжемѢс. Соч. 1757г. Ч. II—206).

Во Францію отправленъ Посланникъ Стольникъ Семенъ Алмазовъ, съ Дьякомъ Дмитріевымъ. Датскому Резиденту дозволено купить и вывезти изъ Россіи хлѣба 100.000 четвертей.

1686 г. Австрійскій Императоръ, не успѣвъ заключить союзъ съ Россіей, обратился къ Собѣскому, который въ 1676 г. принужденъ былъ уступить Каменецъ и

заключить съ Портою невыгодный миръ. Негоціаціи сіи имѣли успѣхъ и были весьма выгодны для Россіи, ибо 26 Апрѣля 1686 г. Польша утвердила вѣчно за Россіей Смолепскъ, Кіевъ, Новгородъ-Сѣверской и всю по сей сторонѣ Днѣпра лежащую Украйну.

По словамъ же «Поденной записки»: *Смол., Кіев. и Сьверск. Мал. Рос. областей 57 городовъ по Черный лѣсъ и по Черное море.*

Россіей заплачено Польшѣ 1.500.000 польскихъ злотыхъ <или 187.500 рублей> и заключенъ въ пользу Австріи оборонительный и наступательный союзъ. Россія обязалась также чрезъ посольство предложить о вступленіи въ сей же союзъ Англіи, Франціи, Испаніи, Голландіи и Даніи.

Миръ сей утвержденъ присягою въ *Отвѣтной* <Посольской палатѣ>. Послѣ того Послы и Бояре вошли въ Грановитую палату, гдѣ сидѣли на тронахъ оба Царя—а передъ ними былъ налой съ Евангеліемъ. Дьякъ Емельянъ Украинцевъ принялъ Евангеліе изъ рукъ Царскаго Духовника, и Послы вторично присягнули. Послѣ того оба Государя говорили рѣчь и дали обѣщаніе хранить тотъ миръ ненарушимо. Вельможи, заключившіе условія, съ нашей стороны были Бояре: Князь Вас. Вас. Голицынъ, Бор. Петр. Шереметевъ, Ив. Ив. Бутурлинъ, Окольничіе: Скуратовъ и Чаадаевъ и Думный Дьякъ Украинцевъ. Голицынъ получилъ золотую чашу вѣсомъ въ 9 фунтовъ, кафтанъ въ 500 рублей, да въ Нижн. Новг. волость Богородицкую <3.000 дв.>.

Въ слѣдствіе сего, въ слѣдующемъ 1687 г. были отправлены Послами: въ Англію—Василій Семеновичъ Подсвинковъ, во Францію и Испанію—Стольникъ ближній Князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій и Стольникъ Князь Мышецкій, къ Голл. штатамъ—Дьякъ Василій Постниковъ, въ Данію—Дьякъ Любимъ Домнинъ, въ Швецію и Бранденбургію—Дьякъ Борисъ Протасовъ («*Под. записки*»). Посольства сіи не имѣли успѣха. Папа объявленъ былъ отъ Авст. Имп. покровителемъ и защитникомъ союза.

Петръ продолжалъ между тѣмъ свои изученія и потѣхи. Одно изъ нихъ происходило на Прѣснѣ. Петръ стрѣлялъ *изъ всѣхъ пушекъ.*

Петръ занимался строеніемъ крѣпостей и ученіями. Іоаннъ, слабый здравіемъ и духомъ, ни въ какія дѣла не входилъ. Вельможи, страшась отвѣтственности въ послѣдствіи времени, уклонились отъ правленія — и Царевна Софія правила государствомъ самовластно и безъ противорѣчія.

Въ Совѣтѣ Царскомъ положено было: когда Венеція нападетъ на Морею, Поляки на границы Подоліи, Волыни, а Цесарцы въ Венгріи и Трансильваніи вооружатся—тогда намъ идти въ Крымъ. Тутъ же объявленъ былъ отъ Петра Главнокомандующимъ Князь Голицынъ. Въ *Большомъ полку* назначенъ начальникомъ сей же Голицынъ, <? боляр> Князь Константинъ Щербатовъ, Окольничій Аггей Шепелевъ и Думный Дьякъ Украинцевъ. Въ *Новгор. полкахъ*: Боринъ Алексѣй Шепинъ, Окольничій Князь Данило Борятинскій. Въ *Рязанскомъ разрядѣ*: Боярин Князь Влад. Долгорукій, Окольничій Петръ Скуратовъ. Въ *Сьвскихъ полкахъ*, Окольнич. Леонтій Неплюевъ. Въ *Низовыхъ полкахъ*: Стольникъ Ив. Леонтьевъ и Вас. Дмитріевъ Мамоновъ <Кн.?> Въ *Бѣлогородскихъ*: Бояр. Борисъ Шереметевъ и Малороссійскій Гетманъ Ив. Самойловичъ. Генералу Гордону <подъ нач. Голицына> порученъ былъ *отъ Петра* особый отрядъ <сколько?>, изъ лучшаго войска состоявшій. Государь осмотрѣлъ его самъ, и изъявилъ Гордону свое благоволеніе. Армія состояла <по мнѣнію нѣк.> изъ 400.000 <а по свидѣтельству двухъ лѣтописей, извѣстныхъ Голикову, изъ 200.000>.

Крымскій походъ былъ безполезенъ для Россіи. Войско возвратилось ни съ чѣмъ, ибо степи на 200 верстъ были выжжены Татарами. Обвинили Самойловича въ тайномъ согласіи съ Татарами. Онъ былъ лишенъ Гетманства и сосланъ съ сыномъ своимъ сперва въ Нижній, а потомъ въ Сибирь. Старшій сынъ его казненъ въ Севскѣ за возмущеніе. Генеральный Есаулъ <?> Ив. Мазепа избранъ Мал. Гетманомъ <1687 г.>. Царевна наградила щедро Князя Голицына, всѣхъ начальниковъ и даже простыхъ воиновъ. Первый получилъ 1.000 дворовъ крестьянъ и золотую *братину*; всѣ офицеры получили золотыя медали <каждая была въ 300 черв. и осыпана алмазами>; простые солдаты получили медали, старые по золотой, молодые по вызолоченой.

Сей походъ принесъ большую пользу Австріи, ибо разрушилъ союзъ, заключенный въ Адріанополѣ между Крымскимъ Ханомъ, Французскимъ Посломъ и славнымъ

Трансильванскимъ Принцемъ Текели. По сему союзу Ханъ долженъ былъ дать 30.000 войска въ помощь Верховному Визирю при вступленіи его въ Венгрію; самъ же Ханъ съ таковымъ же числомъ долженъ былъ вмѣстѣ съ Текели напасть на Трансильванію. Франція обязывалась помогать Текели деньгами и дать ему искусныхъ офицеровъ.

Въ лѣтописи: *Исторіи царя Михайла Ѳеодоровича и его преемниковъ* сказано, что Петръ былъ недоволенъ походомъ, и упрекалъ Князя Голицына въ томъ, что онъ только что раздражилъ Татаръ, а отступленіемъ обнажилъ границы. Тогда повелѣно тремъ полкамъ <30.000> стать по *Бѣлогородской чертѣ*, подъ начальствомъ Боярина Князя Михайла Ромодановскаго и Думнаго Дьяка Авраама Хитрово.

Между тѣмъ <1688 г.> Янычары свергли Магомета и возвели Солимана II. Но какъ Польша не воспользовалась внутренними смятеніями для начатія войны, то и Россія оставалась въ покоѣ.

Ханъ собралъ межъ тѣмъ войско съ намѣреніемъ вторгнуться въ Россію. 25 Января 1689 года*) въ Царскомъ Совѣтѣ положено его предупредить. Князь Голицынъ опять выступилъ въ походъ, и при впаденіи Самары въ Днѣпръ заложилъ крѣпость Богородицкую, по плану Голландца архитектора <?>. Петръ въ сей походъ посылалъ своего любимца Лефорта, дабы, говоритъ Голиковъ, вѣдать поведеніе начальниковъ. Передъ его отъѣздомъ взялъ онъ себѣ въ лакеи <несправедливо> Меншикова и записалъ въ потѣшные (см. Гол. часть I, стран. 205).

Супруга Царя Іоанна сдѣлалась беременна: сіе побудило Царицу Наталью Кирилловну и приближенныхъ бояръ *склонить* и Петра къ избранію себѣ супруги. Петръ 27 Янв. (по друг. 17) 1689 г. женился на Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной, и въ слѣдующемъ 1690 году родился несчастный Алексѣй.

Бракъ сей совершился противу воли Правительницы. Петръ уже чувствовалъ свои силы и начиналъ освобождаться отъ опеки. Прибывшаго изъ похода Князя Голицына онъ къ себѣ не допустилъ. Царевна употребила ласки и просьбы, дабы умилостивить молодаго Государя, который хотя, наконецъ, и допустилъ Голицына къ рукѣ своей, по сдѣлалъ ему строгій выговоръ, за вторичную неудачу. Царевна скрыла свое неудовольствіе, ибо видѣла уже необходимость угождать юному Царю. Молва обвиняла Голицына <а нѣкоторые говорятъ, что допосы офицеровъ подтвердили обвиненія>, будто бы онъ былъ подкупленъ Ханомъ. Царевна успѣла выпросить у Петра согласіе на награды, коими осыпала она своего любимца.

Бояре, угадывая причину сихъ щедротъ, и видя опасность прямо приступить къ удаленію Голицына и къ лишенію власти Правительницы, избрали <говоритъ Гол.> дальнѣйшую, но безполезную къ тому дорогу. Царевна стала помышлять о братоубійствѣ. Она стала совѣтоваться съ Княземъ Голицынымъ <раскольникомъ, замѣчаетъ Гол.>, открыла ему намѣреніе Петра заключить ее въ монастырь <?>. Голицынъ, помышлявшій уже о престолѣ, съ нею согласился во всемъ и на всякій случай отослалъ сына своего въ Польшу съ частію своего имѣнія.

Но гроза уже готовилась. 8 Іюля <1689 г.> во время соборнаго крестнаго хода въ Церковь Казанской Богородицы, когда Государи вышли изъ собора за крестами, тогда Правительница пошла вмѣстѣ съ ними. Петръ съ гнѣвомъ сказалъ ей, что она, какъ женщина, не можетъ быть въ томъ ходу безъ неприличія и позора. Царевна его не послушалась, и Петръ, не дошедъ еще отъ Успенскаго до Архангельскаго собора, оставилъ торжество и уѣхалъ въ село Коломенское, а оттолѣ въ Преображенское.

Царевна приступила къ исполненію своего умысла. Она снеслась съ Щегловитымъ и предначертала съ нимъ новый мятежъ. Щегловитый въ ночь на 5 <по др. на 97> Августа собираетъ до 600 Стрѣльцевъ на *Лыковъ* дворъ <гдѣ нынѣ арсеналъ> и дерзкой рѣчью пріуготовляетъ ихъ къ бунту противъ *Петра*, который *вводитъ Нѣмецкіе обычаи*, одѣваетъ войско въ Нѣмецкое платье, имѣетъ намѣреніе истребить православіе, а съ тѣмъ и Царя Іоанна и всѣхъ Бояръ и проч. Разъяренные Стрѣльцы требуютъ, чтобъ ихъ вели въ Преображенское; но двое изъ нихъ, Мих. Ѳеоктистовъ и Дм. Мельновъ, успѣли прибѣжать прежде, и черезъ Князя Бориса Алексѣевича Голицына открыли Петру весь заговоръ. Петръ съ обѣими Царицами, съ Царевной Наталіей Алексѣевной, съ нѣкоторыми Боярами, съ Гордономъ, Лефортомъ и немногими потѣшными убѣжалъ въ

*) Годъ начинался въ Сентябрѣ.

СОФЬЯ-ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Гравюра 17 вѣка, въ копіи Аванасьева (1777).

СОФЬЯ-ПРАВИТЕЛЬНИЦА.

1 декабря 12 ночи, по конец 1 января (1225).

Какова в цр҃скомъ лицы премрдсть сиѧетъ.
Какова честь всочесѣхъ и пустѣ блистаетъ.
Та твоимъ ѡросіа: цр҃твамъ обещанна,
Ѿ древнихъ дѣдо тебе защищать соданна.
Та имени твоего крѣпкаѧ защита,
Внеѡраннѣй варвар҃ землѣ знакомита,
Клятво преступныхъ знаменъ полки преломивша.
И неукрощаемыхъ срдца умѧгчивша,
Вначалѣ еѧ тріе монархи случились
Садріацкимъ лвомъ вкрѣпки рати ополчились.
Благочестье, надежда вбжіей десницы,
Ту крайно прославлѧютъ двчестіи лицы,

Правдодержанна срдцемъ велико желанна,
И крѣпки рати вполе вести немотчанна,
Ибо ревнителенъ смыслъ, и побѣдоносенъ.
Дарованьми своими зѣло чюдоносенъ,
Великодушна тщанья мраморы являютъ.
Щедру руку зданные храмы прославляютъ,
Такова семирамись ѹефрата жила.
Ѧже вѣки памятно дѣло сотворила,
Елисавефъ британска скипетродержащи.
Пулхерія таковымъ умомъ бѣсмыслящи,
Россіѡ: Аще цр҃ствы многими почтенна.
Пред҃благочестивою еси умаленна.

Троицкій монастырь. Передъ восходомъ солнца прискакалъ Щегловитый съ убійцами, но узнавъ объ отсутствіи Царя, сказалъ, что будто пріѣзжалъ онъ для смѣны стражи и поспѣшилъ обо всемъ увѣдомить Царевну. Она не смутилась и не согласилась послѣдовать совѣту Князя Голицына, предлагавшаго ей бѣжать въ Польшу.

Скоро всѣ приближенныя къ Государю особы пріѣхали къ нему въ Троицкій монастырь. Оттуда послалъ онъ въ Москву Указъ къ своимъ Боярамъ и иностранцамъ, быть немедленно къ нему съ ихъ полками. 10 явились къ Петру Стремяннаго полка Полковникъ Цыклеръ и Пятисотный Ларіонъ Ульфовъ, да Пятидесятникъ Ипатъ Ульфовъ, да съ ними 5 Стрѣльцовъ съ доносомъ на Щегловитова.

Царевна, притворяясь ужаснувшеюся новому мятежу, въ тайнѣ однакожъ старалась разжечь оный черезъ Щегловитова. Она именемъ Царя Іоанна не допустила исполнить требованія Петра, прислащаго къ Іоанну Стольника Ив. Велико-Гагина, *чтобъ позволилъ Царь Іоаннъ быть изо всѣхъ полковъ выборнымъ Стрѣльцамъ*; такъ и отъ себя Петръ посылалъ въ стрѣлецкіе полки *свой Государевъ Указъ*, чтобъ были къ нему выборные *для подлиннаго розыску, и съ ними Полковники, такожде и гостямъ и гостиной сотни посадскимъ людямъ и чернослободцамъ* (Поденная записка). Царь Іоаннъ (говоритъ Венец. Ист.) далъ Указъ подъ смертною казнію не отлучаться изъ Москвы. Мятежа однакожъ не было. Царевна, видя, что приверженцы Петра часъ отъ часу становятся сильнѣе, прибѣгнула къ посредничеству тетки своей Царевны Татьяны Михайловны и сестеръ своихъ Царевенъ Маріы и Маріи, дабы примириться съ Петромъ. Онѣ прибыли къ Троицѣ и пали къ стопамъ Государевымъ, повторяя затверженное оправданіе. Петръ, ихъ выслушавъ, сталъ доказывать преступленіе Правительницы. Царевна Татьяна осталась съ нимъ въ монастырѣ, а другія двѣ Царевны, возвратясь къ Правительницѣ, объявили о неудачѣ своего посредничества.

Софія прибѣгнула къ Патріарху; старецъ отправился къ Троицѣ. Но Петръ не только его не послушалъ, но и далъ ему знать, что самъ онъ долженъ быть лишенъ своего сана и на мѣсто его уже назначенъ Архимандритъ Сильвестръ. Патріархъ задержанъ былъ въ монастырѣ. Царевна въ ужасѣ поѣхала сама, въ сопровожденіи знатныхъ особъ, держа въ рукахъ Икону Спасителеву. Но Петръ узналъ, что она остановилась въ селѣ Воздвиженскомъ, послалъ къ ней Стольника Ив. Ив. Бутурлина сказать, что въ монастырь ее не впустятъ, и чтобъ она поѣхала назадъ. Царевна упорствовала, говоря, что она непремѣнно хочетъ увидѣть своего брата. Петръ послалъ ей Князя Ив. Бор. Троекурова съ послѣднимъ словомъ, что буде она не повинуется, то поступлено будетъ съ нею нечестно. Царевна въ отчаяніи возвратилась въ Москву.

Петръ вторично писалъ брату своему о присылкѣ къ нему выборныхъ, а имъ послалъ опять Указъ, и 5 Сентября всѣ прибыли въ монастырь. Петръ вышелъ предъ нихъ на крыльцо съ Царицей Натальей Кирилловной, съ теткою Царевной Татьяной и съ Патріархомъ, и приказалъ вслухъ читать доносы стрѣлецкіе о злодѣйскихъ умыслахъ Щегловитова и главныхъ его соучастниковъ: Полковника Семена Резанова и выборныхъ Стрѣльцовъ Обросима и Никиты Гладковыхъ, Козьмы Чернаго и друг. По прочтеніи, всѣ предстоящіе *приговорили* казнить осужденныхъ.

Петръ благодарилъ за усердіе, и половину къ нему прибывшихъ послалъ въ Москву съ двумя стами солдатъ <потѣшныхъ?> при Б. П. Шереметевѣ и Полковникѣ Нечаевѣ, съ повелѣніемъ схватить преступниковъ, а Боярамъ послалъ Указъ явиться къ нему. Бояре поспѣшили повиноваться. Князь Голицынъ и сынъ его, Леонтій Неплюевъ и восемь Окольничихъ были въ томъ же числѣ, но ихъ не впустили, а велѣли стать на постоялыхъ дворахъ и дожидаться Указа. Посланные въ Москву не могли отыскать Щегловитова, сокрытаго самою Царевною въ ея теремѣ. Они возвратились съ прочими его сообщниками. Петръ послалъ опять за Щегловитымъ Полковника Сергѣева со ста выборными и писалъ брату, жалуясь на покровительство, оказываемое злодѣю. Царевна, видя гибель несчастнаго ея сообщника, велѣла ему въ з а п а с ъ пріобщиться Св. Таинъ. Сергѣевъ прибылъ и требовалъ отъ нея выдачи измѣнника. Правительница старалась еще его спасти, но Сергѣевъ объявилъ ей, что по указу Петра будетъ онъ принужденъ обыскивать ея покои, а Царь Іоаннъ черезъ П. Ив. Прозоровскаго прислалъ сказать ей, что онъ не только за вора Щегловитова, но и за нее съ братомъ своимъ ссориться

не намѣренъ, и приказывалъ ей выдать Щегловитова. Софія въ слезахъ повинова-лась, и вмѣстѣ съ измѣнникомъ <гов. Гол.> выдала безпрекословное свидѣтельство соб-ственной вины своей.

Щегловитый и его сообщники отданы были Боярамъ на судъ <Кн. Троекурову, Бутурлину и друг.> <?>. Четыре дня онъ ни въ чемъ не признавался. Стали его пытать голоднаго, нѣсколько дней не ѣвшаго. Щегловитый послѣ нѣсколькихъ ударовъ кнутомъ во всемъ признался и подалъ свои показанія *на письмѣ за своею рукою*. Предъ симъ признаніемъ просилъ онъ, чтобъ велѣли его накормить. Онъ и двое изъ его сообщниковъ <?> были колесованы; прочимъ отрѣзали языкъ, другихъ ссылали. Изъ нихъ Обросимъ Петровъ, когда вели его на казнь, громко винился передъ народомъ, увѣщевая всѣхъ научиться отъ его примѣра.

Князь Троекуровъ, человѣкъ умный, *ярый и строгій*, принялъ въ вѣденіе свое Стрѣлецкій приказъ. А Розыскныя дѣла поручены Боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу.

Вскорѣ казненъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, бывшій *въ приказѣ татей-ныхъ дѣлъ* подъячимъ. Онъ пойманъ былъ близъ Смоленска, въ Бизюковѣ мона-стырѣ.

Князь Голицынъ приведенъ былъ въ Троицкій монастырь. Его не допустили до Царя. На крыльцѣ, въ присутствіи Боярина Стрѣшнева, прочтены ему его вины, за которыя онъ и сынъ его лишены Боярства и имѣнія и сосланы въ недальные города. Послѣ, однако, сосланы они въ Сибирь, въ Пустозерскъ, потомъ переведены на Ме-зень, послѣ же на Пинегъ, гдѣ старый Князь умеръ, а сынъ его наконецъ про-щенъ. Бояр. Леонтій Роман. Неплюевъ осужденъ былъ точно такъ же.

Голиковъ прибавляетъ слѣдующія по-дробности и объясненія:

8 Іюня <въ день крест. хода> Голова Стрѣлецкаго приказа Окольничій съ Стрѣл. Полковниками и другими чиновниками— Обросьскою Петровымъ, Кузькою Черным, Сенькою Рязановымъ, Ивашкою Муромце-вымъ, Демкою Лаврентьевымъ, Мишкою Чечеткою, Микиткою Евдокимовымъ, Егор-кою Романовымъ — собрались и начали заговоръ.

Дабы озлобить Стрѣльцовъ, избрали они нѣкоего подъячаго Шошина, станомъ и лицомъ схожаго съ Бояр. Л. К. На-рышкинымъ. Нарядивъ его въ Боярское платье <?> и придавъ ему *свиту*, заставили его разъѣзжать по карауламъ, нападать на Стрѣльцовъ, бить ихъ и мучить. Шошинъ ломалъ имъ суставы, отсѣкалъ пальцы и, нападая въ рощахъ на простой народъ, многихъ билъ кнутьями и палками и инымъ рѣзалъ языки, приговаривая, что онъ Бо-яринъ Нарышкинъ и что онъ, мстя за братьевъ, велъ ихъ истребить, а сестра-де моя <Нат. Кир.> и Петръ меня послу-шаютъ. Стрѣльцы, приходя въ приказы, *являли свои раны и записывали*.

Злодѣи думали умертвить Государя во время пожара. Щегловитый и Обр. Петровъ на то и покусились. Первый пріѣхалъ въ Преображенское <когда?>, разставилъ *въ тайныхъ мѣстахъ* и въ буеракахъ стражу, и самъ <по праву званія своего> явился къ Государю и прошедши до спальни вышелъ. Въ полночь загорѣлось одно строеніе, но вскорѣ было утушено; въ ту же ночь по-жаръ возобновился и снова былъ утушенъ. Люди придворные и народъ возъимѣли по-дозрѣніе, цѣлую ночь стерегли и не рас-ходились. Заговорщики, видя свою неудачу, разпустили сокрытую стражу и отправи-лись въ Москву до разсвѣту.

Поутру донесено о пожарахъ Царю. Петръ, еще не подозрѣвая истины, но полагая за-жигателей ворами, велѣлъ всюду разста-вить Стрѣльцовъ Сухарева полка. Щегло-витый представлялъ ему, что надежнѣе и удобнѣе стражу составить изо всѣхъ пол-ковъ стрѣлецкихъ. Но <NB> Петръ на то не согласился. Послѣ были еще разныя покушенія. Заговорщики думали совершить Цареубійство въ Кр. Дворцѣ, или на до-рогѣ изъ Преображенск., стерегли его на пути, въ Кремль вводили ночью Стрѣль-цовъ, которые должны были дожидаться на Лыковомъ и на Нитеномъ дворѣ.

Самъ Щегловитый забирался иногда на верхъ Граповитой палаты, а другіе пре-провождали ночи на верху церкви Рас-пятія Христова.

Когда Петръ, извѣстясь (8 Августа) о злоумышленіи, скрылся въ Тр. мон., тогда бывшіе на сторожѣ вѣстники дали знать о томъ Соковнину <?>. Заговорщики, устрашась, распустили всѣхъ Стрѣльцовъ по домамъ.

Петръ повелѣлъ: имена пріѣзжающихъ Бояръ <въ мон.> записывать, благодаря ихъ за усердіе, и они разставили около монастыря и по Москов. дорогѣ стражу.

Царь Іоаннъ призывалъ <получивъ

письмо отъ Петра> къ себѣ Щегл. и его сообщниковъ, распрашивая ихъ о смятеніи. Они во всемъ отперлись, а доносили о злодѣйствахъ Нарышкина. Іоаннъ имъ повѣрилъ, и тогда они купно съ Царевною просили его: *да единъ онъ царствуетъ*. Царь съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ, что онъ брату, яко достойнѣйшему, самовольно уступаетъ престолъ. Вы же всуе мятетесь... и повелѣлъ ихъ, сковавъ, отослать въ монастырь.

По привезеніи ихъ, Петръ повелѣлъ патріарху *допросить ихъ до духовенству*. Они принесли повинную и отдали написанную къ Софіи челобитную отъ имени всѣхъ Стрѣльцовъ о принятіи ею единовластнаго правленія. Петръ сію челобитную и разпросныя рѣчи за Патріаршимъ свидѣтельствомъ отослалъ въ Москву къ Іоанну.

Вины Кн. Голицыныхъ сказаны были, что они безъ Указу Великихъ Государей имя Сестры ихъ Царевны Софіи Алексѣевны во всѣхъ дѣлахъ и посольскихъ грамотахъ установили обще съ именами Государей писать Самодержицею, и что въ Крымскомъ походѣ пользы никакой не учинили <тутъ есть несообразность>.

Оставалась ненаказанной главная виновница смятеній, Сестра обоихъ Царей, Правительница Софія. Петръ послалъ ей приказъ добровольно удалиться въ монастырь. Царевна отклонилась отъ исполненія воли своего брата и готовилась бѣжать въ Польшу. Тогда Петръ послалъ Троекурова въ Москву съ повелѣніемъ взять Царевну и, не говоря ни слова, заключить ее въ Новодѣвичій монастырь. Троекуровъ въ точности исполнилъ приказаніе Петра; для виду предварительно отнеслись о томъ къ Іоанну.

Царевна Самодержавно правительствовала 7 лѣтъ съ половиною. На монетахъ и медаляхъ изображалась она <по другую сторону Царей> въ коронѣ, порфирѣ и со скипетромъ съ надписью: Бож. Мил. В. Г. Цари и В. Кн. І. А. П. А. и Благов. Гос. Цар. <а иногда и Царица> и В. Кн. С. А. вс. Вел., Мал. и Бѣл. Россіи Самодержцы. Титулъ сей давался ей во всѣхъ грамотахъ, указахъ и письменныхъ дѣлахъ.

Изданы во время ея Правленія Пищевой наказъ о межеваніи земель, о разборахъ по *сортамъ* людей и войска, о распредѣленіи Дворцовыхъ Чернослободскихъ мѣстъ и бѣломѣстныхъ дворовъ, Корчемный Уставъ и до 150 Указовъ. Между сими Указъ, повелѣвающій казнить смертію лѣкаря, уморившаго своего больного.

---

7 Сентября, отъ имени обоихъ Царей состоялся Указъ, чтобъ ни въ какихъ дѣлахъ имени бывшей Правительницы не упоминать.

Петръ выѣхалъ изъ монастыря и отправился въ Москву: Въ с. Алексѣевскомъ встрѣтили его всѣ чины Московскіе при безчисленномъ множествѣ народа. Стрѣльцы отъ самаго села до Москвы лежали по дорогѣ *на* плахахъ, въ конхъ воткнуты были топоры, и громко умоляли о помилованіи. Петръ въѣхалъ въ Москву 10 Сентября и прямо прибылъ къ Собору. Отъ заставы до самаго Собора стояло войско въ ружьѣ. Петръ за спасеніе свое отслужилъ благодарственное моленіе. Передъ Ц. домомъ встрѣтилъ его Іоаннъ. Оба брата обнялись и старшій въ доказательство своей невинности, уступилъ меньшому все правленіе, и до самой кончины своей (1696 г.) велъ жизнь мирную и уединенную.

Отселѣ Царствованіе Петра единовластное и самодержавное.

[ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ДРУГИХЪ ГЛАВЪ].

[1703. (Основаніе Петербурга)].

Посреди самаго пылу войны, Петръ Великій думалъ объ основаніи гавани, которая открыла бы ходъ торговлѣ съ сѣверозападною Европою и сообщеніе съ образованностію. Карлъ XII былъ на высотѣ своей славы; удержать завоеванныя мѣста, по мнѣнію всей Европы, казалось невозможно. Но Петръ Великій положилъ исполнить великое намѣреніе, и на островѣ, находящемся близъ моря, на Невѣ, 16 Мая заложилъ крѣпость С.-Петербургъ <одной рукою заложивъ крѣпость, а другой ее защищая. Голик.>. Онъ раздѣлилъ и тутъ работу. Первый болверкъ взялъ самъ на себя, другой поручилъ Меншикову, 3-й Графу Головину, 4-й Зотову <? Канцлеру, пиш. Голик.>, 5-й Князю Трубецкому, 6-й кравчему Нарышкину. Болверки были прозваны ихъ

именами. Въ крѣпости построена деревянная церковь во имя Петра и Павла, а близъ оной, на мѣстѣ, гдѣ стояла рыбачья хижина, деревянный же дворецъ на 9 саженяхъ въ длину и 3-хъ въ ширину, о 2-хъ покояхъ съ сѣнями и кухнею, съ холстинными выбѣленными обоями, съ простой мебелью и кроватью. Домикъ Петра въ семъ видѣ сохраняется и понынѣ.

Въ крѣпости опредѣленъ Комендантомъ Полковникъ Ренъ. Меншикову, какъ Генералъ-Губернатору завоеванныхъ городовъ и земель, поручено надзираніе надъ новоначинавшимся городомъ. Отведено мѣсто для Гостинаго двора, пристани, присутственныхъ мѣстъ, Адмиралтейства, Государева дворца, сада и домовъ знатныхъ господъ. Городъ Нейшанцъ былъ упраздненъ и жители онаго переведены, и были первые петербургскіе поселенцы.

Петръ послалъ Шереметева взять крѣпость Копорье, а Генералъ-Маіора Ф. Вердена подъ Ямы. Обѣ крѣпости вскорѣ сдались на капитуляцію; гарнизоны выпущены въ Нарву.

Когда народъ встрѣчался съ Царемъ, то по древнему обычаю падалъ предъ нимъ на колѣна. Петръ Великій въ Петербургѣ, коего грязныя и болотистыя улицы не были вымощены, запретилъ колѣнопреклоненіе, а какъ народъ его не слушался, то Петръ Великій запретилъ уже сіе подъ жестокимъ наказаніемъ, дабы, пишетъ Штелинъ, народъ ради его не марался въ грязи.

Петръ ѣздилъ въ Ямы и Копорье, наименовалъ первый Ямбургомъ, и повелѣлъ его укрѣпить. Тамъ узналъ онъ, что Кроніортъ идетъ изъ Лифляндіи съ 12.000 ч., въ намѣреніи напасть на Петербургъ. Петръ его предупредилъ съ полками своей гвардіи и 4 драгунскими, и нашедъ его въ крѣпкихъ мѣстахъ у рѣки Сестры, прогналъ его до Выборга, положивъ 2.000. Въ то же время подъ Ямбургъ подступилъ Нарвск. Ком. Генералъ-Маіоръ Горнъ, но прогнанъ съ урономъ отъ Шереметева; въ разныхъ мѣстахъ сверхъ того Шведы были побиваемы.

Вслѣдъ за симъ на Олонецкой верфи, въ присутствіи Петра, заложены 6 фрегатовъ; отправлено къ Шереметеву четыре наставленія, между прочимъ о вымѣреніи Ладожскаго устья и какъ подымается полая вода, *пониже зѣло нужны и тамъ нѣкоторыя суда.* Къ Апраксину писалъ онъ, чтобы по веснѣ *исправлялся пушками* и заготовлялъ сіе для кораблей, но не зачиналъ ихъ строить.

Изъ Олонца прибылъ Государь на новопостроенномъ фрегатѣ Штандартъ съ 6-ю ластовыми судами въ Петербургъ, куда вскорѣ пришелъ первый корабль Голландскій съ товарами, напитками и солью. Обрадованный Петръ велѣлъ отвести шхиперу и матросамъ постой въ домѣ Меншикова; они обѣдали за его столомъ, и Петръ сидѣлъ съ ними (С.-Петербургскія Вѣдомости, 1703 года, Декабря 15), подарилъ шхиперу 500 черв., а каждому матросу 300 ефим.; второму кораблю впередъ обѣщано тоже (300 черв. шхиперу). Товары, по приказанію Государя, тотчасъ были раскуплены.

Петръ всегда посѣщалъ корабельщиковъ на ихъ судахъ. Они угощали его водкой, сыромъ и сухарями. Онъ обходился съ ними дружески. Они являлись при его Дворѣ, угощаемы были за его столомъ... Ихъ уважали и вѣроятно не любили. <Анекдотъ объ аладьяхъ. Кухмистеръ Государевъ звался Фелтенъ. Лѣтній дворецъ. См. Штелина и Голикова>.

1-го Октября въ третій разъ Петръ заключилъ условія съ Августомъ, обязавшись усилить его Саксонцевъ 12.000 пѣхоты, да дать 300.000 руб. Все было исполнено. Деньги посланы съ Оберъ-Комиссаромъ Кп. Дм. Голицынымъ.

Петръ видѣлъ еще нужду въ пространной гавани, въ кою могли бы входить большіе корабли, и крѣпости для прикрытія Петербурга. Въ Октябрѣ, когда шелъ уже ледъ, онъ ѣздилъ осматривать островъ Котлинъ, лежащій въ Финскомъ заливѣ, въ 30 верстахъ отъ Петербурга. Онъ вымѣрилъ фарватеръ между симъ островомъ и мелью, противъ него находившеюся; на той мели въ морѣ, опредѣлилъ построить крѣпость, а на островѣ сдѣлать гавани и оныя укрѣпить, и самъ дѣлалъ тому планъ и проспектъ.

Потомъ Государь съ Шереметевымъ отправился въ Москву, оставя у Ямбурга Окольничаго П. Апраксина съ 5-ю полками.

Въ Москву въѣхалъ онъ торжественно. По указу его сдѣланы были трои тріумфальныхъ воротъ. Четвертыя выстроилъ Меншиковъ. Потомъ занялся гражданскимъ устройствомъ Государства, особенно финансами. Доходы не составляли и 6 или 7 милліоновъ <?>. Бееръ и другіе <?>, Щербатовъ.

1725. [Кончина Петра Великаго].

1-го Января Ѳеофанъ говорилъ проповѣдь въ присутствіи Петра Великаго.

1-го же изданъ Указъ о снятіи лишнихъ карауловъ.

Король Испанскій Филиппъ V заключилъ торговый союзъ съ Императоромъ Австрійскимъ Карломъ VI и женилъ Дона-Карлоса на Эрцгерцогинѣ Маріи-Терезіи.

Георгій I былъ недоволенъ. Онъ подозрѣвалъ тайныя статьи въ пользу претендента. Франція завидовала выгодамъ торговымъ Австріи.

Фридерикъ Вильгельмъ неохотно платилъ Австріи Магдебургскія пошлины. Отселѣ Ганноверскій договоръ, оборонительный.

Франція и Англія обязывались поддерживать права на Бергское наслѣдство Короля Прусскаго.

Швеція, Данія и Голландія приступили къ тому же союзу.

Австрія вступила въ союзъ съ Россіею. Петръ началъ переговоры съ Пруссіей...

Петръ послалъ въ Архангельскъ корабельному мастеру Баженову приказъ строить три корабля Груландскихъ, 3 бота и 18 шлюбокъ.

Онъ назначилъ Беринга <капитана> для открытія пути въ Восточную Индію черезъ Ледовитый океанъ. Петръ получилъ извѣстіе отъ Матюшкина.

Шамхалъ, собравъ 30.000 войска, осадилъ крѣпость Св. Креста. Генералъ-Маіоръ Кропотовъ его разбилъ и землю его разорилъ. Петръ Великій уничтожилъ званіе шамхала <см. Ежем. Сочин. 1760, II—38 и проч.>.

Петръ <по свидѣтельству Катифоро> на Іорданѣ простудился и занемогъ горячкою.

Петръ повелѣлъ сало, юфть, воскъ и проч. въ чужія края сухимъ путемъ не возить.

Изданъ полицейскій указъ о продажѣ съѣстныхъ припасовъ.

О размѣщеніи солдатъ, гдѣ есть пустыя строенія въ городахъ.

Объясненъ Указъ о утайкѣ душъ.

О сборахъ.

16-го Января Петръ началъ чувствовать предсмертныя муки. Онъ кричалъ отъ рѣзи.

Онъ близъ своей спальни повелѣлъ поставить церковь походную.

22-го исповѣдывался и причастился.

Всѣ Петербургскіе врачи собрались у Государя. Они молчали; но всѣ видѣли отчаянное состояніе Петра. Онъ уже не имѣлъ силы кричать и только стоналъ...

При немъ дежурили три-четыре Сенатора.

25-го сошлись во дворецъ весь Сенатъ, весь Генералитетъ, члены всѣхъ Коллегій, всѣ гвардейскіе и морскіе офицеры, весь Synодъ и знатное духовенство.

Церкви были отворены: въ нихъ молились за здравіе умирающаго Государя, народъ толпился передъ Дворцомъ.

Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала въ обморокъ; она не отходила отъ постели Петра, и не шла спать, какъ только по его приказанію.

Петръ Царевенъ не пустилъ къ себѣ.

26-го утромъ Петръ повелѣлъ освободить всѣхъ преступниковъ, сосланныхъ на каторгу <кромѣ 2-хъ первыхъ пунктовъ и убійцъ>, для здравія Государя.

Тогда же данъ имъ Указъ о рыбѣ и клеѣ <казенные товары>.

Къ вечеру ему стало хуже, его миропомазали.

27-го данъ Указъ о прощеніи неявившимся Дворянамъ на смотръ. Осужденныхъ на смерть по Артикулу по дѣламъ Военной коллегіи <кромѣ и пр.> просить—дабы молили они о здравіи Государевомъ.

Тогда-то Петръ потребовалъ бумаги и перо и начерталъ нѣсколько словъ неявственныхъ, изъ коихъ разобрать можно было только сіе: отдайте все... перо выпало изъ рукъ его. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ Царевну Анну, дабы ей продиктовать... Она вошла—но онъ уже не могъ ничего говорить.

Архіерей Псковскій и Тверской и Архимандритъ Чудова монастыря стали его увѣщевать. Петръ оживился — показалъ знакъ, чтобъ они его приподняли, и возведши очи вверхъ, произнесъ засохлымъ языкомъ и невнятнымъ голосомъ: сіе едино жажду мою утоляетъ; сіе едино услаждаетъ меня.

Увѣщевающій сталъ говорить ему о милосердіи Божіемъ безпредѣльномъ. Петръ повторилъ нѣсколько разъ: вѣрую и уповаю.

Увѣщевающій прочелъ надъ нимъ причастную молитву: вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси и прочее. Петръ произнесъ: вѣрую, Господи, и исповѣдую; вѣрую, Господи: помози моему невѣрію и сіе все, что весьма дивно <сказано въ рукописи свидѣтеля>, съ умиленіемъ, лицо къ веселію елико могъ

устроевая, говорилъ; по семъ замолкъ...

Присутствующіе начали съ нимъ прощаться. Онъ привѣтствовалъ всѣхъ плохимъ взоромъ; потомъ произнесъ съ усиліемъ послѣ... Всѣ вышли, повинуясь въ послѣдній разъ его волѣ.

Онъ уже не сказалъ ничего. 15 часовъ мучился онъ, стоналъ, безпрестанно дергая правую свою руку—лѣвая была уже въ параличѣ. Увѣщевающій отъ него не отходилъ. Петръ слушалъ его и нѣсколько разъ силился перекреститься.

Троицкій Архимандритъ предложилъ ему еще разъ причаститься. Петръ въ знакъ согласія приподнялъ руку, его причастили опять. Петръ казался въ памяти до 4 часа ночи. Тогда началъ онъ охладѣвать и не показывалъ уже признаковъ жизни. Тверской Архіерей на ухо ему продолжалъ свои увѣщеванія и молитвы объ отходящихъ. Петръ пересталъ стонать, дыханіе остановилось; въ 6 часовъ утра, 28-го Января, Петръ умеръ на рукахъ Екатерины. Екатерина провозглашена Императрицей.

Въ тотъ же день обнародованъ манифестъ.

Полкамъ въ Петербургѣ роздано жалованье. Генералъ-Маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ посланъ въ Москву къ Сенатору Графу Матвѣеву.

2-го Февраля напечатана присяга и разослана по всему Государству.

Тѣло Государя вскрыли и бальзамировали. Сняли съ него гипсовую маску.

Тѣло положено въ меньшую залу. 30-го Января народъ допущенъ къ его рукѣ.

4-го Марта скончалась 6-ти-лѣтняя Царевна Наталія Петровна. Гробъ ея поставленъ въ той же залѣ.

8-го Марта возвѣщено народу погребеніе. Черезъ два дня оное совершилось <см. Голикова>.

[НѢСКОЛЬКО ВЫПИСОКЪ ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ИСТОРІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО].

[1672—1689].

1. Іеромонахъ Симеонъ Полоцкій и іеромонахъ же Димитрій (впослѣдствіи Св. Ростовскій Митрополитъ) занимались при Дворѣ Алексѣя Михайловича астрологическими наблюденіями и предсказаніями.

2. Петръ съ немногими потѣшными убѣжалъ въ Троицкую Лавру. Гордонъ говоритъ: безъ штановъ.

1697.

3. Во время путешествія Петра въ Берлинъ съ посольствомъ, государь однажды въ пьянствѣ выхватилъ шпагу противъ Лефорта и просилъ потомъ у него прощенія.

4. Въ Амстердамѣ посѣтилъ онъ и зазорные дома (. . . . . .) съ ихъ садами.

1698.

5. Петръ, отправляяся въ Англію, Лефорта оставилъ въ Амстердамѣ и, разставаясь съ нимъ, плакалъ, вѣроятно, будучи пьянъ.

1698—1700.

6. Петръ въ началѣ своего путешествія узналъ о неспокойствіи Стрѣльцовъ, но онъ продолжалъ свой путь, готовясь къ ужасному предпріятію.

Генералы, думая устрашить Стрѣльцовъ, повелѣли стрѣлять выше головы; попы закричали, что самъ Богъ не допускаетъ оружію еретическому вредить православнымъ. Начались казни... Лефортъ старался укротить разсвирѣпѣвшаго Царя.

[Тогда же <1699> состоялся указъ, всѣмъ Русскимъ подданнымъ, кромѣ крестьянъ и духовныхъ, брить бороду и носить платье Нѣмецкое: сперва Венгерское, а потомъ мужескому полу верхнее — Саксонское и Французское, а нижнее и камзолы—Нѣмецкіе <съ ботфортами>, женскому полу—<Нѣмецкое>. Съ ослушныхъ брать пеню въ воротахъ <Московскихъ улицъ> съ пѣшихъ 40 к., съ конныхъ 2 р. Запрещено было купцамъ продавать, а портнымъ шить Русское платье, подъ наказаніемъ <какимъ?>].

1706.

7. Петръ Меньшикову писалъ, что въ Петербургѣ было наводненіе и проч. Кланяется всѣмъ, какъ оружіе носящимъ, такъ и иглу имѣющимъ <Екатеринѣ>.

1707.

8. Петръ въ Петербургѣ женился въ Ноябрѣ въ соборной церкви св. Троицы на Катеринѣ, Маріенбургской . . . . ., быв-

шей замужемъ за Шведскимъ трубачемъ, потомъ . . . . [не разобрано] Шереметева и Меншикова.

Екатерина родилась 16 Апрѣля 1688 года. Варварскій Указъ о недерзаніи бить челомъ—отмѣненъ.

1709.

9. Въ Маріен... Петръ видѣлся съ Прусскимъ Королемъ. Петръ не пьянствовалъ, умѣлъ себя воздержать.

1711.

10. У Князя Меншикова на фейерверкѣ на щитѣ надпись: «Идѣ же правда, тамъ и помощь Божія», однако Богъ помогъ не намъ.

1713.

11. Повелѣлъ Новгородскому Губернатору Корсакову, чтобы всѣ Дворяне были къ 1-му Декабря къ смотру, подъ опасеніемъ лишенія чести и живота. Съ похмѣлья видно.

1714.

12. Въ Ригѣ: смотри истинный анекдотъ о мощахъ дѣвицы Ф. Гротъ.

13. Въ сіе же время изданъ тиранскій Указъ о запрещеніи во всемъ Государствѣ каменнаго строенія подъ страхомъ конфискаціи и ссылки.

1715.

14. Петръ опять издалъ одинъ изъ своихъ жестокихъ Указовъ; онъ повелѣлъ приготовлять юфть новымъ способомъ, по обыкновенію своему за ослушаніе угрожая кнутомъ и каторгою.

Въ Хиву посланцемъ и шпіономъ посланъ былъ Бековичъ.

1718.

15. Приказываетъ юфть для обуви дѣлать не съ дегтемъ, а съ ворваннымъ саломъ, подъ страхомъ конфискаціи и галеръ, какъ обыкновенно кончаются хозяйственные Указы Петра.

16. a) Царевича женилъ на Принцессѣ Вольфенбительской. Она, кажется, измѣнила мужу съ молодымъ Левенвольдомъ. Царевичъ ее разлюбилъ и взялъ себѣ въ наложницы Чухонку.

b) Оппозиція вся была на сторонѣ Царевича; духовенство, гонимое протестантомъ-Царемъ, обращало на него всѣ свои надежды. Петръ ненавидѣлъ сына, какъ препятствіе настоящее и будущаго разрушителя его созданія.

c) Царевна запутываетъ Дубровскаго и Нарышкина.

d) Другое дѣло озлобило Петра: супруга его Евдокія въ связи съ Глѣбовымъ.

e) Царица высѣчена и отвезена въ Новую Ладогу.

f) Петръ хвастался своею жестокостію.

g) Царевичъ отпирался; пытка развязала ему языкъ; онъ показалъ на себя новыя вины и наговаривалъ, устрашенный сильнымъ отцомъ и изнеможенный истязаніями.

h) При приговорѣ духовенство, какъ бабушка, сказало на-двое.

i) Царевичъ умеръ отравленный.

k) Есть преданіе: въ день смерти Царевича, торжествующій Меншиковъ увезъ Царя въ Ораніенбаумъ и тамъ возобновилъ оргіи страшнаго 1698 года.

l) Указъ—запрещается бѣднымъ просить милостыню—жестокій, тиранскій, какъ обыкновенно.

1719.

17. a) Скончался Царевичъ и наслѣдникъ Петръ Петровичъ: смерть сія сломила наконецъ желѣзную душу Петра.

b) 1-го Іюня Петръ занемогъ <съ похмелья>.

1721.

18. Достойна удивленія разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его Указами. Первыя суть плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости, вторые нерѣдко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутомъ. Первыя были для вѣчности, или по крайней мѣрѣ для будущаго,—вторые вырвались у нетерпѣливаго самовластнаго помѣщика. NB <это внести въ Исторію Петра, обдумавъ>.

19. По учрежденіи Сунода, духовенство поднесло Петру просьбу о назначеніи Патріарха, тогда-то <по свидѣтельству современниковъ Графа Бестужева и Барона Черкасова> Петръ, ударивъ себя въ грудь и обнаживъ кортикъ, сказалъ: «вотъ вамъ Патріархъ!»

20. Сенатъ и Сунодъ подносятъ ему титулъ: Отца Отечества, Всероссійскаго Императора и Петра Великаго. Петръ недолго церемонился и принялъ ихъ.

21. Сенатъ <т.-е. 8 стариковъ> прокричали vivat—Петръ отвѣчалъ рѣчью гораздо

болѣе приличной и разсудительной, чѣмъ это все торжество.

22. Указъ о возвращеніи родителямъ деревень и проч., принадлежащихъ имъ и невиннымъ ихъ дѣтямъ, также и о платежѣ заимодавцамъ. NB. Сей законъ справедливъ и милостивъ, но фактъ, изъ коего онъ проистекаетъ, самъ по себѣ несправедливъ и жестокъ. Отъ гнилаго корня отпрыскъ живой.

1722.

23. Петръ былъ гнѣвенъ. Дворяне не явились на смотръ. Издалъ Указъ, превосходящій варварствомъ всѣ прежніе.

24. Манифестъ о правѣ наслѣдства, т.-е. уничтожилъ всякую законность въ порядкѣ наслѣдства, а отдалъ престолъ на произволеніе самодержца.

25. Указъ: предоставляется на волю помѣщиковъ строить новыя усадьбы для солдатъ или размѣстить ихъ по избамъ. Но и тутъ закорючка своевольства и варварства.

26. Петръ обрѣзалъ волосы, изъ нихъ сдѣлалъ парикъ, нынѣ видимый на его статуѣ.

1723.

27. Петръ предалъ суду Меншикова и Шафирова; послѣдняго за то, что при всемъ Сенатѣ разругалъ ..... оберъ-прокурора.

28. Малороссіяне, оскорбленные въ своихъ правахъ учрежденіемъ Малороссійской канцеляріи, прислали къ Петру депутатовъ. Петръ посадилъ ихъ въ крѣпость.

29. Указъ: въ церквахъ деньги собирать въ два кошелька въ разныя пѣнія: для Царя и для богадѣльни.

1724.

30. При установленіи Сунода <для задобренія монаховъ> возвратилъ онъ духовенству управленіе имѣніями.

31. Указъ Суноду о монашествѣ; Петръ симъ указомъ превратилъ монастыри мужскіе въ военные госпитали, монаховъ въ лазаретныхъ служителей, а монахинь въ прядильщицъ, швей и кружевницъ.

<Выписалъ для нихъ мастерицъ изъ Брабанта>.

32. 1-го Мая назначено торжество коронаціи <Екатерины>. НакануѣМеншиковъ подалъ просьбу Государю, о отпускѣ повинныхъ штрафовъ, чрезъ руки <Екатерины>. Петръ согласился на все.

33. Камергеръ Монсъ де Лакроа и сестра его Балкъ были казнены. Монсъ потерялъ голову, сестра его высѣчена кнутомъ, два ея сына камергеръ и пажъ разжалованы въ солдаты. Императрица, бывшая въ тайной связи съ Монсомъ, не смѣла за Монса просить; она просила за его сестру. Петръ былъ неумолимъ. Оправдалась ли Екатерина въ глазахъ грознаго супруга? По крайней мѣрѣ ревность и подозрѣніе терзали его. Онъ повезъ ее около эшафота, на которомъ торчала голова несчастнаго; онъ пересталъ съ нею говорить — доступъ къ нему былъ ей запрещенъ; одинъ только разъ, по просьбѣ любимой его дочери Елисаветы, согласился отобѣдать съ той, которая въ теченіе 20 лѣтъ была неразлучною его подругою.

1725.

34. 22-го Января Петръ на смертномъ одрѣ не имѣлъ силы кричать, а только стоналъ, испуская мочу.

35. Петръ Царевенъ не пустилъ къ себѣ; кажется, при смерти помирился онъ съ виновною супругою.

[КАМЧАТСКІЯ ДѢЛА].

[Отъ 1694 до 1740 года].

§ 1. Сибирь была уже населена отъ Лены къ востоку до Анадырска по рѣкамъ, впадающимъ въ Ледовитое море.

Прикащики имѣли порученіе провѣдовать о новыхъ народахъ и земляхъ, и приводить ихъ въ подданство.

Пенжинскіе и Олюторскіе Коряки были объясачены <кѣмъ?>. Отъ нихъ узнали о существованіи Камчатки. Оленные Коряки паче о томъ извѣстили.

§ 2. Первый изъ Русскихъ, посѣтившихъ Камчатку, былъ Ѳедотъ Алексѣевъ; по его имени Накулъ р. называется Ѳедотовщиною.

Онъ пошелъ изъ устья Колымы Ледовитымъ моремъ въ 7 Кочахъ; занесенъ былъ на рѣку Камчатку, гдѣ онъ и зимо-

валъ; на другое <?> лѣто обошелъ онъ <?> Курильскую Лопатку, и на рѣкѣ Тигилѣ убитъ отъ Корякъ.

§ 3. Служивый Семенъ Дежневъ въ отпискѣ своей подтверждаетъ сіе съ нѣкоторыми измѣненіями: онъ показываетъ, что Ѳедотъ, будучи разнесенъ съ нимъ погодою, выброшенъ на берегъ въ передній конецъ за рѣку Анадырь. Въ этой отпискѣ сказано, что въ 7162 <1654> ходилъ онъ возлѣ моря въ походъ, и отбилъ у Корякъ Якутскихъ бывшую любовницу Ѳедота, которая сказывала, что Ѳедотъ съ однимъ служивымъ умеръ отъ цынги, что товарищи его побиты, другіе спаслись въ лодкѣ и уплыли невѣдомо куда. Развалины зимовья на р. Никулѣ видимы еще были въ 1730 году.

§ 4. Крашенинниковъ полагаетъ, что Ѳедотъ погибъ не на Тигилѣ, а межъ Анадыромъ и Олюторскимъ, слѣдуя отъ Тигиля обратно къ Анадырску моремъ или сушею по Олюторскому берегу.

§ 5. Въ 7203 <1695> Владиміръ Атласовъ присланъ былъ отъ Якутскаго прикащика <изъ Якутска> въ Анадырскій острогъ сбирать ясакъ съ присудныхъ <приписныхъ> къ Анадырску Корякъ и Юкагирей.

§ 6. Въ слѣдующій 204 годъ Атласовъ послалъ къ Апутскимъ Корякамъ Луку Морозку съ 16 человѣками за ясакомъ. Оный Морозко не дошелъ до Камчатки токмо 4 днями. Взялъ онъ между тѣмъ Камчатскій острожекъ и въ Погромѣ получилъ невѣдомо какія письма, которыя и представилъ Атласову.

§ 7. Атласовъ, взявъ съ собою 60 человѣкъ служивыхъ, да столько жъ Юкагирей, отправился на слѣдующій 1697 г., послѣ ясачнаго сбору, на Камчатку. Онъ оставилъ въ Анадырскѣ 38 человѣкъ казаковъ <съ нимъ слѣдственно было всего 100 человѣкъ казаковъ>.

§ 8. Атласовъ ласкою склонилъ къ ясачному платежу Акланскій, Каменной и Усть-Таловской острожки—да одинъ взялъ съ бою и потомъ <пишетъ онъ> 1 Февраля 1697 г. пошелъ въ Олюторскую землю.

§ 9. Словесное преданіе гласитъ, что онъ раздѣлилъ свой отрядъ на-двое—Морозку послалъ на Восточное море, а самъ пошелъ къ Пенжинскому.

§ 10. Юкагиры <60 человѣкъ> измѣнили ему на Поланѣ. Произошло сраженіе. Три казака были убиты. Атласовъ и еще 16 человѣкъ ранены. Казаки ихъ отбили и безъ нихъ продолжали свой походъ къ югу.

§ 11. Оба отряда соединились на Тигилѣ и собрали ясакъ съ народовъ, живущихъ по рѣкамъ: Напанѣ, Тигилю, Ичѣ, Сіунчѣ и Харыузовой. До Каланской <?> не дошли за три дня. По словесному преданію, Атласовъ дошелъ до рѣки Нынгучу <Голыгиной> за 3 дня отъ рѣки Игдыгъ <Озерной>.—NB. Бобры звались Калапами и на той рѣкѣ промышлялись.

§ 12. На рѣкѣ Ичѣ Атласовъ взялъ у Камчадаловъ плѣнника Японца <Узакинскаго Государства>.

§ 13. Отъ рѣки Голыгиной Атласовъ пошелъ обратно тою же дорогою до рѣки Ичи, потомъ перешелъ на Камчатку, построилъ Верхній Камчатскій острогъ—и оставя въ немъ казака Потапа Серюкова, отправился въ Якутскъ, куда и прибылъ въ 7208 году <1700> Іюля 2.

§ 14. Изъ Якутска отправился онъ въ Москву съ Японскимъ плѣнникомъ и съ ясачной казною, собранной имъ на Камчаткѣ <см. IV—194>.

§ 15. Атласовъ за свою службу пожалованъ въ Москвѣ Казачьимъ головою по городу Якутску, и велѣно ему снова ѣхать на Камчатку, набравъ на казачью службу 100 человѣкъ въ Тобольскѣ, въ Енисейскѣ и въ Якутскѣ изъ казацкихъ дѣтей. Сверхъ того снабженъ онъ въ Москвѣ и Тобольскѣ малыми пушками, пищалями, свинцомъ и порохомъ. Въ Тобольскѣ дано ему полковое знамя, барабанщикъ и сиповщикъ.

§ 16. Но въ слѣдующемъ 1701 году Атласовъ, ѣдучи изъ Тобольска по рѣкѣ Тунгускѣ, разбилъ дощаникъ съ Китайскими товарами гостя Логина Добрынина. По его челобитью, Атласовъ съ 10 товарищами посаженъ въ тюрьму; а на его мѣсто въ Камчатку отправленъ казакъ Михайло Зиновьевъ, бывалый на Камчаткѣ <сказано въ отпискѣ> еще прежде Атласова <съ Морозкою?>.

§ 17. Три года спустя, послѣ выѣзда Атласова на Камчатку, пріѣхалъ сынъ боярскій Тимофей Кобелевъ, первый Камчатскій приказщикъ. Потапъ Серюковъ, оставленный Атласовымъ въ Верхнемъ Острогѣ, не сбиралъ ясаку и торговалъ мирно съ Камчадалами. По прибытіи Кобелева сдалъ онъ ему начальство и со своими людьми отправился обратно въ Анадырскъ; но Коряки ихъ не допустили и умертвили всѣхъ.

§ 18. Въ бытность свою на Камчаткѣ Т. Кобелевъ перенесъ Верхній Острогъ на рѣку Кали-Кыгъ, да построилъ зимовье на Елавкѣ. Ясакъ же сбиралъ повольный по рѣкѣ Камчаткѣ и по морямъ Пенжинскому и Бобровому и въ 1704 году прибылъ съ ясачною казною въ Якутскъ.

19. Кобелева смѣнилъ Зиновьевъ и правилъ Камчаткою съ 1703 до 1704 г. Онъ первый завелъ ясачныя книги и поименно сталъ вписывать Камчадалъ. Зимовья Нижнія Камчатскія перенесъ на Ключи; построилъ острогъ на Большой рѣкѣ; перевелъ служивыхъ людей <по ихъ просьбѣ> изъ Укинскихъ Зимовій на Камчатку и, учредя во всемъ нѣкоторый порядокъ, возвратился въ Якутскъ съ ясакомъ.

§ 20. Осенью 1704 года пріѣхалъ его смѣнить пятидесятникъ Василій Колесовъ. Онъ сидѣлъ на приказѣ по Апрѣль 1706 года. При немъ былъ первый походъ въ Курильскую землицу, и человѣкъ двадцать курильцевъ объясачены, прочіе разбѣжались.

§ 21. На смѣну ему посланъ былъ еще въ 1704 г. Якутскій сынъ Боярскій Вас. Протопоповъ, да казакъ Вас. Шелковниковъ; но не доѣхали и отъ Олюторовъ убиты на пути съ 10 человѣками служивыхъ.

§ 22. Въ концѣ Августа 1706 года сидячіе Коряки <около рѣки Пенжины> Косухина Острожка, близъ Усть-Таловки умышляли нападеніе на Колесова; но онъ о томъ былъ увѣдомленъ отъ сидячихъ же Коряковъ другаго <Акланскаго> острожка, имъ сосѣдняго.—И онъ прибылъ въ Якутскъ благополучно.

§ 23. На Акланскомъ острожкѣ жилъ онъ 15 недѣль, ожидая зимняго пути. Здѣсь засталъ онъ 7 казаковъ, оставшихся послѣ Шелковникова съ подарочной и пороховою казною, посланной въ Камчатскіе остроги. Колесовъ отправилъ ихъ туда, далъ имъ двадцать одного человѣка изъ своего отряда и назначилъ имъ въ начальники Семена Ломаева, которому поручилъ онъ и сборъ ясака во всѣхъ трехъ острогахъ.

§ 24. Косухинскіе Коряки и нѣкоторые другіе покушались паки напасть на Колесова, но до того не допущены.

§ 25. Послѣ Колесова были Закащиками на Камчаткѣ въ Верхнемъ Острогѣ—Ѳедоръ Анкудимовъ, въ Нижнемъ—Ѳедоръ Ярыгинъ, а въ Большерѣцкомъ—Дмитрій Ярыгинъ. При нихъ взбунтовались Большерѣцкіе Камчадалы. Острогъ казачій сожгли, а казаковъ всѣхъ побили. На Бобровомъ морѣ тогда же убитъ ясачный сборщикъ съ 5 человѣками.

§ 26. Причиною возмущенія полагаетъ Крашенинниковъ притѣсненія отъ Казаковъ, мысль, что Русскіе люди бѣглые <isoli>, коихъ легко перевесть, и надежда на Коряковъ и Олюторовъ въ непропускѣ Русскихъ изъ Анадырска, ибо смерть Протопопова и Шелковникова до нихъ дошла.

§ 27. Казаки были въ малолюдствѣ и принуждены были быть осторожны. Они до времени оставили измѣнниковъ въ покоѣ. Они дали знать о томъ однакожь въ Якутскъ <?>. Печальныя сіи извѣстія заставили правительство вспомнить объ Атласовѣ; онъ былъ освобожденъ и отправленъ на Камчатку. Ему возвратили преимущества, данныя ему въ Москвѣ отъ Сибирскаго приказа въ 1701 году. Ему дана полная власть надъ казаками <кнутъ и батожье>. Велѣно прежнія вины заслуживать; обидъ никому не чинить, а противу иноземцевъ строгости не употреблять, коли можно обойтись ласково. За преступленіе наказа объявлена ему смертная казнь.

§ 28. Но Атласовъ не доѣхалъ еще и до Анадырска, какъ уже всѣ почти казаки послали на него челобитныя, выведенныя изъ терпѣнія его самовластіемъ и жестокостію. Однакожь онъ благополучно прибылъ въ Камчатку въ Іюлѣ 1707 года и отъ закащиковъ вмѣстѣ съ ясачной казною принялъ и начальство надъ Острогами.

§ 29. Немедленно <въ Августѣ того же года> Атласовъ отправилъ на Бобровое море 70 человѣкъ казаковъ, подъ начальствомъ Ивана Таратина, для наказанія убійцъ ясачныхъ сборщиковъ. Походъ ихъ продолжался до 27 Ноября. Отъ Верхн. Острога до Авачи они шли безъ сопротивленія; но близъ Авачинской губы, на ночлегѣ, встрѣтили ихъ Камчадалы. Враговъ было до 800. Произошло сраженіе. Камчадалы были разсѣяны; у казаковъ убито 6 человѣкъ. Камчадаловъ въ плѣнъ взято 3 человѣка; чрезъ нихъ собранъ ясакъ <IV—200>. Послѣ того Таратинъ возвратился въ Верхн. Острогъ съ ясакомъ и съ заложниками.

§ 30. Избалованные потворствомъ своихъ начальниковъ, казаки не могли вынести суроваго управленія Атласова. Въ Декабрѣ 1707 года они взбунтовались, отрѣшили его отъ начальства, и въ оправданіе свое написали въ Якутскъ длинный

жалобы на обиды и преступленія, учиненныя Атласовымъ <IV—201>.

§ 31. Бунтовщики на мѣсто Атласова выбрали Верхн. Острога прикащика Сем. Ломаева <см. выше>. Атласовъ посаженъ въ казенку <въ тюрьму> и пожитки его взяты ими въ казну <см. 203>.

§ 32. Атласовъ бѣжалъ изъ тюрьмы и явился въ Нижн. Камч. Острогѣ. Онъ потребовалъ отъ закащика Ѳеод. Ярышкина сдачи начальства; тотъ не согласился; но оставилъ Атласова на волѣ.

§ 33. Якутская канцелярія <?> между тѣмъ, получа еще съ дороги посланныя челобитныя, отправила обо всемъ донесеніе въ Москву, а на мѣсто Атласова послала въ Камчатку прикащикомъ сына Боярскаго Петра Чирикова съ 50 человѣками рядовыхъ, при пятидесятникѣ и съ четырьмя десятниками. Снаряду дано ему 2 пушки мѣдныя, 100 ядеръ, 5 пудъ свинцу, 8 пудъ пороху.—Между тѣмъ, въ Январѣ 1709 г. въ канцеляріи получено извѣстіе о самовольномъ отрѣшеніи Атласова отъ начальства. Изъ Якутска, вслѣдъ за Чириковымъ, отправлена Указная Память, чтобы онъ по дѣлу сему учинилъ слѣдствіе и прислалъ оное на разсмотрѣніе въ Якутскъ съ выборнымъ Сем. Ломаевымъ; также и сборную казну за 1707, 708 и 709 годы.

§ 34. Оная Указная Память въ Анадырскѣ Чирикова уже не застала и за малолюдствомъ къ нему оттуда не отправлена.

§ 35. Дорога была не безопасна. По Олюторскому и Пенжинскому морю пути были заняты. 20 Іюля 1709 г. Олюторы дерзнули днемъ напасть на Чирикова, убили 10 человѣкъ служивыхъ и бывшаго при казнѣ сына Боярскаго Ив. Панютина, казну и воен. запасы разграбили и остальныхъ держали 3 дня въ осадѣ, на пустомъ мѣстѣ. Наконецъ, 24 Іюля, Чириковъ пробился и разсѣялъ дикарей, потерявъ двухъ человѣкъ.

§ 36. Чириковъ, прибывъ на Камчатку, принялъ начальство; онъ отрядилъ на Большую рѣку пятидесятника Ив. Харитонова съ 40 казаками для усмиренія дикарей. Но оные собрались въ великомъ множествѣ, напали на казаковъ, 8 человѣкъ убили, почти всѣхъ остальныхъ перерапили; четыре недѣли держали ихъ въ осадѣ, отъ которой спаслись они бѣгствомъ.

§ 37. Чириковъ самъ съ 50 казаками ходилъ къ Бобровому морю, къ Японской Бусѣ <?>. Японцы полонены были мирными Камчадалами, жившими близъ той Бусы. Дикари, увидѣвъ казаковъ, разбѣжались по лѣсу, оставя Японцевъ, которые имъ и выручены. Въ томъ походѣ усмирилъ онъ дикарей отъ Жупановой рѣки до Островской и наложилъ снова на нихъ ясакъ.

§ 38. Въ Августѣ (?) прибылъ на смѣну Чирикова пятидесятникъ Осипъ Мироновъ, отправленный по выбору изъ Якутска съ 40 человѣками. Такимъ образомъ собрались на Камчаткѣ 3 прикащика: Атласовъ, законно не отрѣшенный, Чириковъ и Мироновъ <онъ же и Липинъ>.

§ 39. Чириковъ сдалъ Миронову Верхн. Камч. Острогъ, а самъ въ Октябрѣ поплылъ въ Нижній Камчатскій—ботами со своими служивыми. Онъ намѣревался тамъ перезимовать и оттолѣ отправился съ казною Пенжинскимъ моремъ. Мироновъ 6 Декабря отправился изъ Верхн. Острога въ Нижній для наряду казаковъ къ судовому строенію и препровожденія ясачной казны.

§ 40. Исправя свое дѣло, Мироновъ обратно ѣхалъ въ Верхній Острогъ, вмѣстѣ съ Чириковымъ. 23 Января 1711 г. на дорогѣ былъ онъ зарѣзанъ отъ казаковъ. Злодѣи думали убить и Чирикова, но по просьбѣ его дали ему время покаяться, а сами, въ числѣ 31 человѣка, поѣхали обратно въ Нижн. Камч. Острогъ, дабы убить Атласова. Не доѣхавъ за полверсты, отправили они трехъ казаковъ къ нему съ письмомъ, предписавъ имъ убить его, когда станетъ онъ его читать. Но они застали его спящимъ и зарѣзали. Такъ погибъ Камчатскій Ермакъ!

§ 41. Бунтовщики вступили въ Острогъ и, раздѣлясь на трое, стали на три двора, по десяти человѣкъ вмѣстѣ. Главные изъ нихъ были: Даніилъ Анцыфоровъ да Пв. Козыревскій. Бунтовщики расхитили пожитки убитыхъ прикащиковъ, завели круги, стали выносить знамя, умножились до 75 человѣкъ, выбрали Атаманомъ Анцыфорова, Козыревскаго Есауломъ; съ Тигиля привезли пожитки Атласова, имъ отправленные туда, дабы везти ихъ Пенжинскимъ моремъ; разхитили съѣстные припасы, парусы и снасти, заготовленные для морского пути отъ Миронова, и уѣхали въ Верхн. Острогъ, а Чирикова бросили скованнаго въ прорубь, Марта 20 1711 г.

§ 42. 17 Апрѣля 1711 года подали они въ Верхн. Острогѣ для отсылки въ

Якутскъ повинную челобитію, въ которой объ Атласовѣ умолчено, а Чириковъ и Мироновъ обвинены обыкновеннымъ образомъ <см. IV—207>. Бунтовщики извинялись дальнимъ разстояніемъ и что-де прикащики не допустили бы челобитчиковъ до Якутска. Опись взятаго добра на артель представили тутъ же съ большою наивностію.

§ 43. Между тѣмъ думали они заслужить свои вины. Весною отправились они изъ Верхн. Остр. на Большую рѣку. Въ началѣ Апрѣля они взяли Камчатскій Острожекъ, между рѣками Быстрою и Гольцовскою <гдѣ нынѣ Русск. Большерѣцкій Остр.>. Они тамъ и засѣли, и жили до конца Мая.

§ 44. 22 Мая приплыло къ оному Острожку множество Камчадаловъ и Курильцевъ и осадили казаковъ съ крикомъ и угрозами. 23 казаки отслужили молебенъ <съ ними былъ Архимандритъ Мартіанъ отъ Филоѳея, Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго, въ 1705 году отправленный въ Камчатку, для проповѣданія Слова Божія>, выслали половину своихъ людей на вылазку. Сраженіе продолжалось до вечера. Казаки одолѣли, потерявъ 3 человѣка убитыми. Дикарей убито и потоплено столько, что Большая рѣка запрудилась ихъ трупами. Послѣ сей побѣды всѣ Большерѣцкіе Острожки покорились и стали ясакъ платить по прежнему.

§ 45. Послѣ того ходили бунтовщики въ Курильскую землицу и были за проливомъ на первомъ Кур. Острову и жителей обложили впервые ясакомъ.

§ 46. Въ томъ же 1711 году пріѣхалъ на Камчатку Василій Севастьяновъ <онъ же и Щепеткой> на смѣну Миронова, не вѣдая ничего о убіеніи трехъ прикащиковъ. Севастьяновъ сталъ собирать ясакъ въ Нижн. и Верхн. Острогѣ. Бунтовщикъ Анцыфоровъ, узнавъ о его прибытіи, самъ пріѣхалъ къ нему въ Нижній Острогъ, съ ясачной казною, собранной имъ въ Большерѣцкомъ. Севастьяновъ не осмѣлился ни посадить его въ тюрьму, ни чинить надъ нимъ слѣдствіе. Онъ отправилъ его сборщикомъ на Большую рѣку. Анцыфоровъ на обратномъ пути привелъ въ повиновеніе дикарей, живущихъ по Пенжинскому морю и рѣкамъ Коппаковой и Воровской.

§ 47. Въ Февралѣ 1712 года Анцыфоровъ былъ убитъ отъ Авач. Камчадаловъ. Узнавъ о его скоромъ прибытіи на Авачу, устроили они пространный балаганъ съ тайными подъемными дверями. Они приняли его съ честію, лаской и обѣщаніями; дали ему нѣсколько аманатовъ изъ лучшихъ своихъ людей и отвели ему балаганъ. На другую ночь они сожгли его. Передъ сожженіемъ балагана, они приподняли двери и звали своихъ аманатовъ, дабы тѣ скорѣе побросались вонъ. Несчастные отвѣчали, что они сковавы и не могутъ тронуться, но приказывали своимъ товарищамъ жечь балаганъ и ихъ не щадить, только бы сгорѣли казаки.

Такъ погибъ храбрый Анцыфоровъ, можетъ быть предупредя заслуженную казнь и оставя по себѣ громкую память и пословицу (см. IV—210): «На Камчаткѣ проживешь здорово семь лѣтъ, что ни сдѣлаешь; а семь лѣтъ проживетъ тотъ, кому Богъ велитъ.»

§ 48. Ободренный смертью Анцыфорова, Щепеткой послалъ нарочныхъ въ Верхній Острогъ, чтобъ словить убійцъ трехъ прикащиковъ. Одинъ былъ схваченъ, привезенъ въ Нижній Острогъ и въ пыткѣ показалъ, что Анцыфоровъ имѣлъ намѣреніе умертвить Щепеткого, разбить оба Острога, разграбить казну и бѣжать на острова, гдѣ и хотѣлъ поселиться со своими единомышленниками. Анцыфоровъ думалъ привести въ дѣйствіе свое намѣреніе, когда пріѣзжалъ въ Нижній Острогъ съ ясачнымъ сборомъ, но отложилъ оное, бывъ слишкомъ въ малолюдствѣ.

§ 49. Въ 1712 году Іюня 8 Щепеткой, оставя въ Верх. Остр. закащикомъ Козырева, а въ Нижнемъ Ѳед. Ярыгина, отправился по Олюторскому морю до Олюторской рѣки. Не дошедъ за два дня до Глотова жилья, по причинѣ мѣлкости и быстроты рѣкъ, оградился онъ, по недостатку въ лѣсѣ, земляными юртами. Олюторы ежедневно на него нападали. Онъ послалъ въ Анадырскъ, требуя подводъ и помощи; а самъ съ 84 человѣками оставался въ своемъ острогѣ до 9 Января 1713 года. 60 человѣкъ и нѣсколько оленныхъ подводъ, наконецъ, къ нему прибыли, и ясачный сборъ довезенъ до Якутска въ Январѣ 1714 г. Онаго сбора казна не получала съ самаго 1707 г. Онъ состоялъ въ 332 сороковъ соболей, 3289 лисицъ красныхъ, 7 бурыхъ, 41 сиводушетыхъ, да 259 морскихъ бобровъ.

§ 50. Вскорѣ послѣ отъѣзда Щепеткова закащикъ Верхн. Острога, Киргызовъ <Ко-

зыревъ?> приплылъ на ботахъ въ Нижній Остр., овладѣлъ онымъ, мучилъ Ѳед. Ярыгина свинцовыми кистенями, да ключемъ вертѣлъ ему голову, а другихъ людей на дыбу подымалъ <также и тамошняго попа>. Ярыгина принудилъ постричься въ монахи, сдалъ острогъ казаку Богдану Канашеву, а самъ, подговоря 18 человѣкъ Нижне-Шапчальцевъ, возвратился въ Верх. Острогъ.

§ 51. 10-го Сентября 1712 г. прибылъ въ Камчатку Вас. Колесовъ, уже бывшій тамъ прикащикомъ, и изъ казацкихъ пятидесятниковъ пожалованный Дворяниномъ по Московскому списку. Онъ изъ Якутска отправленъ былъ на смѣну Севастьянову въ 1711, и дорогою получилъ указъ о розыскѣ надъ убійцами трехъ прикащиковъ. По прибытіи своемъ, онъ казнилъ двухъ человѣкъ смертію, другихъ торговою казнію. Ив. Козыревскій, по смерти Анцыфорова, бывшій въ Большерѣцкомъ Остр. прикащикомъ, высѣченъ плетьми; но Киргызовъ не пошелъ подъ судъ къ Колесову, острога своего ему не сдалъ и съ 90 человѣками, при пушкахъ, пріѣхалъ къ Нижн. Острогу, грозясь его разорить; въ это самое время Большерѣцкіе казаки пріѣхали туда съ повинною.

§ 52. Колесовъ, опасаясь, чтобъ обѣ сіи стороны не соединились, запретилъ было ѣхать всѣмъ имъ въ острогъ; но Киргызовъ не послушался, въѣхалъ со всѣми своими людьми, сталъ содержать крѣпкій караулъ днемъ и ночью. Онъ требовалъ отъ Колесова, чтобъ сей далъ ему указъ идти на провѣдыванія острова Карагинскаго, а между тѣмъ подговаривалъ Нижне-Шапчальскихъ казаковъ. Не успѣвъ ни въ томъ, ни въ другомъ, возвратился онъ въ Верх. Острогъ. Казаки его раздѣлились на двѣ стороны и, не видя надежды сдѣлать суда и мимо Нижняго Острога проплыть въ море, Киргызова посадили въ казенку. Колесовъ <въ 1713> принялъ Верхн. Острогъ; Киргызова съ главными сообщниками казнилъ смертію, другихъ кнутомъ, послушные служивые пожалованы въ конные казаки, а закащики въ дѣти Боярскіе. Козыревскаго, съ 55 казаками и двумя пушками, послалъ Колесовъ на Большую рѣку строить суда, заслуживать свои вины, провѣдывая морскихъ острововъ и Японскаго царства.

§ 53. Козыревскій исполнилъ сіе порученіе. Онъ привелъ въ ясакъ жителей Курильской Лопатки, покорилъ первые два Курильскіе острова и привезъ Колесову извѣстіе о торговлѣ сихъ острововъ съ купцами города Матмая <IV—214>.

§ 54. Колесова въ 1713 смѣнилъ Дворянинъ Иванъ Енисейскій. Онъ заложилъ церковь на Ключахъ. Туда перенесъ и Нижн. Острогъ, ибо прежнее мѣсто окружено болотами, и водою понимается. Новый сей Острогъ и съ церковью сожженъ въ 1731 году, во время Камчатскаго бунта.

§ 55. При немъ былъ походъ на Авачинскихъ дикарей, нѣкогда измѣною убившихъ Анцыфорова. Ихъ осадили въ ихъ острогѣ и двѣ недѣли держали въ осадѣ. Камчадалы отразили храбро два приступа. Наконецъ были сожжены и перерѣзаны. Противу нихъ было 120 казаковъ, до 150 покоренныхъ дикарей. Также взятъ былъ приступомъ Камчатскій острожекъ Паратунъ. Съ того времени Авачинскіе Камчадалы стали платить ясакъ ежегодный, а не повольный, какъ то было прежде.

§ 56. Енисейскій весною 1714 г. отправился вмѣстѣ съ Колесовымъ на судахъ по Олюторскому морю. Въ Августѣ дошли они до рѣки Олюторской благополучно. Тамъ встрѣтили они Дворянина Аѳанасія Петрова, который разбилъ Олюторовъ и, разоря ихъ острогъ Большой Посадъ, строилъ Олюторскій острогъ. При немъ было много Анадырскихъ казаковъ и Юкагирей. Здѣсь они осеневали, и зимнимъ путемъ всѣ три Дворяне отправились въ Якутскъ <см. ясакъ ихъ IV—216>.

§ 57. Юкагиры, бывшіе при Аѳ. Петровѣ, сильно на него негодовали за обиды и притѣсненія. Онъ ихъ не отпускалъ на ихъ промыслы, бралъ ихъ подводы подъ Камчатскую казну, хотя по указу долженъ былъ брать Коряцкія подводы и проч. Декабря 2, не доходя до Акланск. Острога, они его убили на Таловской вершинѣ и казну разграбили. Колесовъ и Енисейскій спаслись въ Акланскій острогъ и 16 человѣкъ. Но Юкагиры ихъ осадили и угрозами принудили Коряковъ ихъ умертвить. Казна досталась не токмо дикарямъ, но и нашимъ казакамъ, ибо Юкагиры торговали съ ними, мѣняя соболей и лисицъ на Китайскій табакъ. Такимъ образомъ пятидесятникъ Алексѣй Петриковскій намѣнялъ, между прочимъ, 20 сороковъ соболей <которые съ него въ казну и отправлены, когда стали доискивать разграбленный ясакъ>.

§ 58. Коряки Пенжинскаго моря уговорены и въ ясакъ приведены уже въ

1720 г. Якутскимъ Дворяниномъ Степаномъ Трифоновымъ. По убіеніи же 3 Дворянъ, намѣрены они были напасть на Анадырскъ и подговаривали къ тому Чукчей.

§ 59. Послѣ того казну черезъ Анадырскъ уже не высылали, а провѣданъ морской путь въ Охотскъ, а путь черезъ Анадырскъ совсѣмъ оставленъ, кромѣ посылокъ съ письмами. На той дорогѣ съ 1703 г. погибло до 200 Русскихъ. Морской путь открытъ въ 1715 г. Якутскимъ казакомъ Козьмою Соколовымъ, отправленнымъ отъ Полковника Якова Елчина, при управленіи Алексѣя Петриковскаго.

§ 60. Петриковскій, назначенный въ прикащики, превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ жадности и лютости. Одинъ изъ казаковъ замученъ имъ въ вилахъ до смерти. Казаки, по наущенію Козьмы Соколова, посадили его въ тюрьму и взяли пожитки его въ казну. Она превосходили казну, собранную въ два года со всей Камчатки <IV—219>.

§ 61. Безпокойства между туземцами были незначительны <IV—220>.

§ 62. Петриковскаго смѣнилъ Коз. Вежливцовъ, послѣ сего пріѣхалъ изъ Анадырска въ прикащики Коз. Григ. Камкинъ. Въ 1718 изъ Якутска прибыли три прикащика: Ив. Уваровскій <въ Нижн.>, Ив. Поротовъ <въ Верхн.> и Вас. Кочановъ <въ Большерѣцкой Остроги>. Сей послѣдній сверженъ былъ казаками и на полгода посаженъ въ тюрьму. Онъ бѣжалъ. Мятежники взяты въ Тобольскъ и наказаны.

§ 63. Прикащиковъ смѣнилъ 1719 г. Двор. Ив. Харитоновъ. Онъ ходилъ на сидячихъ Коряковъ, на Палланъ рѣку и тамъ убитъ измѣнническ. Казаки его успѣли спастись и сожгли убійцъ въ ихъ юртѣ.

§ 64. Прикащики пріѣзжали ежегодно; возмущеній отъ дикарей важныхъ не было. Камчадалы били по 2, по 3 человѣка сборщиковъ въ Курилахъ и на Авачѣ.

§ 65. Въ 1720 году списывали Курильскіе острова Навигаторы Ив. Еврейновъ и Ѳед. Лузинъ и доѣзжали почти до Матмая.

§ 66. Въ 1728 была первая Кимчатская Экспедиція и возвратилась въ П. Б. въ 1730.

§ 67. Наконецъ въ 1729 прибыла въ Камчатку Партія при Капитанѣ Дм. Павлуцкомъ и Якутск. казач. головѣ Аѳ. Шестаковѣ <убитомъ отъ Чукочь въ 1730> <смотри наказъ имъ данный IV—222>.

§ 68. Въ томъ же 1729 пятидесятникъ Штининиковъ взятъ подъ стражу за убіеніе Японцевъ, бурею занесенныхъ на Камчатскіе берега <см. пространную повѣсть о томъ IV—222 въ прим.>.

§ 69. Въ 1730 сбирали ясакъ на Камчаткѣ служивый Ив. Новогородовъ, а въ 1731 пятидесятникъ Мих. Шехурдинъ, главныя причины бунта Камчатскаго.

§ 70. Открытіе пути черезъ Пенжинское море имѣло важное слѣдствіе для Камчатки. Суда съ казаками приходили ежегодно; экспедиціи слѣдовали одна за другою. Дикари не смѣли возмущаться. Когда же Капитанъ Берингъ отбылъ въ Охотскъ, а партія поплыла къ Анадырю, дабы соединиться тамъ съ Павлуцкимъ и идти на немирныхъ Чукчей, тогда Камчадалы рѣшились исполнить давніе свои замыслы.

§ 71. Во всю зиму Нижнепанчальскіе, Ключевскіе и Еловскіе Камчадалы разъѣзжали будто бы въ гости по всей Камчаткѣ, уговаривая и пріуготовляя всѣхъ къ общему возмущенію. По убіенію Шестакова распустили они слухъ, что Чукчи идутъ на Камчатку войною, усыпляя тѣмъ подозрѣніе казаковъ. Они намѣрены были у морскихъ гаваней учредить караулы, пріѣзжихъ служивыхъ принимать ласково, а дорогою убивать измѣннически, и всѣми мѣрами до Анадырска извѣстій не допускать.

§ 72. Главный начальникъ бунта былъ Еловскій Таіонъ Ѳед. Харчинъ да дядя его Голгочь, Ключевской Таіонъ.

§ 73. Послѣдній прикащикъ Камчатскій Шехурдинъ выѣхалъ съ ясакомъ благополучно; партія близъ устья Камчатки сгрузилась на судно и вышла въ море для похода къ Анадырску. Камчадалы, бывшіе у ней въ подводахъ, не дождавшись ея отбытія, поспѣшили дать знать бунтующимъ Таіонамъ, дожидавшимъ на Ключахъ. 20 Іюня 1731 г. Камчадалы на ботахъ устремились вверхъ по Камчаткѣ, бія казаковъ, зажигая лѣтовья, забирая бабъ и дѣтей и проч. Харчинъ и Голгочь прибыли немедленно въ острогъ <Нижн.> и зажгли поповъ дворъ, съ намѣреніемъ приманить на пожаръ казаковъ, какъ охотниковъ, что имъ и удалось. Всѣ казаки съ женами и дѣтьми были перерѣзаны. Всѣ домы сожжены, кромѣ церкви и крѣпости, гдѣ хранилось имѣніе Русскихъ; немногіе спаслись и пріѣхали на устье Камчатки.

§ 74. Къ счастію партія еще стояла, за нечаянно возставшимъ противнымъ вѣтромъ. Походъ къ Анадырску былъ остановленъ. Надлежало удержать завоеванное, прежде нежели думать о новыхъ завоеваніяхъ.

§ 75. Между тѣмъ, Ключевскій Есаулъ Чегечь, оставшійся у моря, узнавъ отъ Русскихъ бѣглецовъ о взятіи острога, поспѣшилъ туда со своими людьми, побивая всѣхъ встрѣчныхъ казаковъ, и объявилъ Харчину, что партія въ море еще не ушла. Мятежники испугались; они засѣли во взятомъ острогѣ и дали знать вверхъ по Камчаткѣ, чтобы всѣ жители съѣзжались къ нимъ въ завоеванный острогъ. Но они сдѣлать того не успѣли.

§ 76. Они вкругъ Острога сдѣлали каменную стѣну, разобравъ церковную трапезу, раздѣлили между собою казачьи пожитки, нарядились въ ихъ платья, иные въ женскія, другіе въ поповскія. Стали плясать, шаманить и объѣдаться. Новоокрещеной Өед. Харчинъ призвалъ Савина, новокрещенаго грамотея, надѣлъ на него поповскія ризы и велѣлъ ему пѣть молебенъ, за что и подарилъ ему 30 лисицъ (см. IV—220).

§ 77. Командиръ партіи, Штурманъ Як. Генсъ, отправилъ 21 Іюля 60 человѣкъ къ взятому Острогу, обѣщая прощеніе и приказывая покориться. Бунтовщики не послушались. Харчинъ кричалъ имъ со стѣны «я здѣсь прикащикъ, я самъ буду ясакъ собирать; вы, казаки, здѣсь не нужны.»

§ 78. Казаки послали къ Генсу за пушками. Получивъ оныя, 26 Іюля начали они стрѣлять по Острогу; вскорѣ оказались проломы; осажденные стали робѣть и плѣнныя казачки начали убѣгать изъ Острога. Харчинъ, видя невозможность защищаться, одѣлся въ женское платье и бѣжалъ.

§ 79. За нимъ пустилась погоня; но онъ такъ рѣзво бѣгалъ, что могъ достигать оленей. Его не догнали.

§ 80. Послѣ того человѣкъ 30 сдались. Прочіе были перестрѣлены. Чегечь оборонялся храбро. Отъ стрѣльбы во время приступа загорѣлась пороховая казна; Острогъ, кромѣ одной церкви, обращенъ былъ въ пепелъ. Всѣ Камчадалы погибли, не спаслись и тѣ, которые сдались. Ожесточенные казаки всѣхъ перекололи. Русскихъ убито 4 человѣка на приступѣ. Церковь, по отбытіи русскихъ, сожжена Камчадалами.

§ 81. Камчадалы Камакова острожка готовы были пристать къ Харчину <всего 100 человѣкъ>; къ счастію, партія не дала имъ на то времени. Малолюдные острожки непремѣнно послѣдовали бы ихъ примѣру.

§ 82. Харчинъ соединился съ другими Таіонами и былъ готовъ плыть къ морю, дать бой со служивыми. Но при рѣкѣ Ключевкѣ, при самомъ его выступленіи встрѣченъ онъ былъ партіею. Произошло сраженіе. Онъ отступилъ на высокое мѣсто по лѣвую сторону Ключевки. Казаки стали по правой.

§ 83. Харчинъ думалъ сперва угрозами принудить партію возвратиться въ море, но потомъ, стоя у рѣки, пустился въ переговоры. Харчинъ истребовалъ одного аманата и пошелъ въ станъ казачій. Онъ обѣщался привести въ повиновеніе сродниковъ своихъ и подчиненныхъ. Его обласкали и отпустили назадъ. Но онъ прислалъ сказать, что сродники его на то не согласились. Братъ Харчина и Таіонъ Тавачь остались съ казаками.

§ 84. На другой день Харчинъ, пришедъ къ рѣкѣ, потребовалъ аманатовъ и допущенія къ новымъ переговорамъ. Казаки на то согласились. Но когда онъ переѣхалъ къ нимъ, они его схватили, а своимъ аманатамъ, плывшимъ съ Камчадалами въ лодкѣ, закричали, чтобъ они побросались въ рѣку; между тѣмъ, чтобъ ихъ не закололи, прицѣлились къ Камчадаламъ ружьями. Тѣ разбѣжались. Аманаты спаслись. Камчадаловъ разсѣяли двумя пушечными выстрѣлами. Верхоеловскій Таіонъ Тигиль побѣжалъ со своимъ родомъ къ вершинамъ Еловскимъ; Ключевской Таіонъ Голгочь вверхъ по Камчаткѣ, прочіе — по другимъ мѣстамъ, но казаки ихъ преслѣдовали и всѣхъ истребили. Тигиль долго сопротивлялся, перекололъ своихъ женъ и дѣтей и самъ себя умертвилъ. Голгочь убитъ отъ своихъ за то, что онъ разорялъ ихъ острожки на рѣкахъ Шапиной и Козыревской, когда они не хотѣли пристать къ его бунту.

§ 85. Между тѣмъ вся Камчатка возстала. Дикари стали соединяться, убивать повсюду Русскихъ, лаской и угрозой вовлекая въ возмущеніе сосѣдей. Казаки Остроговъ Верхняго и Большерѣцкаго ходили по Пенжинскому морю, поражая всюду мятежниковъ. Наконецъ соединилась съ ними команда изъ Нижняго острога. Они пошли на Авачу противу 300 тамошнихъ мятежниковъ и разоря ихъ укрѣпленные острожки, насытясь убійствомъ, обремененные добычею, возвратились на свои мѣста.

§ 86. Якутскаго полка Маіоръ Мерлинъ прибылъ вскорѣ на Камчатку. Онъ и На-

влуцкій жили тамъ до 1739 года. Они построили Нижн. Камчат. острогъ ниже устья Ратуги. Имъ поручено слѣдствіе. Пв. Новогородовъ, Андр. Штининковъ и Сапожниковъ повѣшены, также и человѣкъ шесть Камчадаловъ. Прочіе Казаки высѣчены кто кнутомъ, кто плетьми. Камчадалы, бывшіе у нихъ въ крѣпостной неволѣ, отпущены на волю и впредь запрещено ихъ кабалить.

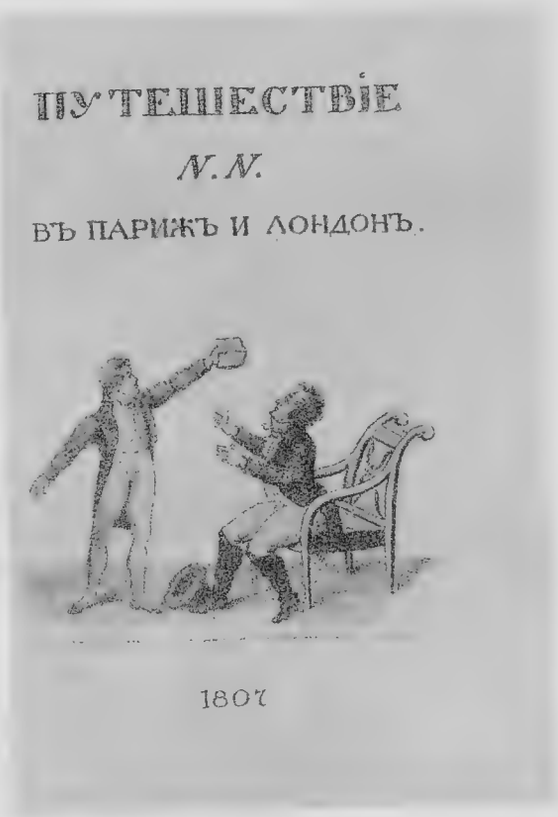
§ 87. До царствованія Императрицы Елизаветы Петровны не было и ста человѣкъ крещеныхъ.

---

961. ПУТЕШЕСТВІЕ В. Л. П.

[О книгѣ И. И. Дмитріева: Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ].

Путешествіе etc. Картинка представляетъ etc. Эта книжка драгоцѣнная для меня во многихъ отношеніяхъ никогда не была въ продажѣ. Нѣсколько экземпляровъ розданы были пріятелямъ Автора, отъ котораго имѣлъ я щастіе получить и свой <чуть ли не послѣдній>. Я храню его, какъ памятникъ благосклонности, для меня драгоцѣнной...



Съ рѣдчайшаго экземпляра брошюры Дмитріева, принадл. Публич. Библіотекѣ.

Путешествіе есть веселая, незлобная шутка надъ однимъ изъ пріятелей Автора. Покойный Вас. Льв. Пушкинъ отправлялся въ Парижъ, и его младенческій восторгъ подалъ поводъ къ сочиненію маленькой поэмы, въ которой съ удивительною точностію изображенъ весь Василій Львовичъ. Это образецъ игривой легкости и шутки живой и незлобной.

Для тѣхъ, которые любятъ поэзію не только въ ея лирическихъ порывахъ или въ дивномъ вдохновеніи Элегіи, не только въ обширныхъ созданіяхъ драмы и Эпопеи, но и въ <младенческой>, живой игривости шутки и въ забавахъ ума, вдохновеннаго веселостью... Виноватъ: я бы отдалъ все, что было писано у насъ въ подражаніе лорду Байрону, за слѣдующіе незадумчивые и невосторженные стихи, въ которыхъ поэтъ заставляетъ героя своего восклицать друзьямъ:

. . . . . .

<Поэзія, какъ природа>. <Есть люди, которые не понимаютъ Байрона>; есть люди, которые находятъ и Горація прозаическимъ <спокойнымъ, умнымъ, разсудительнымъ, — такъ ли?>. Пусть такъ; но жаль было бы, если не существовали прелестныя Оды, которымъ подражалъ и нашъ Державинъ. Для тѣхъ, которые любятъ Катулла, Грессета и Вольтера, для тѣхъ etc. искренность драгоцѣнна въ поэтѣ. Намъ пріятно видѣть поэта во всѣхъ состояніяхъ и измѣненіяхъ его живой и творческой души: и въ печали, и въ радости, и въ порывахъ восторга, и въ отдохновеніи чувствъ, и въ Ювенальскомъ негодованіи, и въ маленькой досадѣ на скучнаго сосѣда.

Благоговѣю передъ созданіемъ Фауста, но люблю и Эпиграммы etc. Есть люди, которые не признаютъ иной поэзіи, кромѣ выспренней (или passionnée)...

---

962. ЗАМѢЧАНІЯ НА ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Пѣснь о Полку Игоревѣ найдена была въ библіотекѣ Графа А. Ив. Мусина-Пушкина и издана въ 1800 году. Рукопись сгорѣла въ 1812 году. Знатоки, видѣвшіе ее, сказываютъ, что почеркъ ея былъ полу-уставъ XV вѣка. Первые издатели приложили къ ней переводъ, вообще удовлетворительный, хотя нѣкоторыя мѣста остались темны или вовсе невразумительны. Многіе послѣ того силились ихъ объяснить. Но хотя въ изысканіяхъ таковаго рода послѣдніе бываютъ первыми <ибо ошибки и открытія предшественниковъ открываютъ и очищаютъ дорогу послѣдователямъ>, первый переводъ, въ которомъ участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшимъ. Прочіе толкователи наперерывъ затмѣвали неясныя выраженія своевольными поправками и догадками, ни на чемъ не основанными. Объясненіями важнѣйшими обязаны мы Карамзину, который въ своей исторіи, мимоходомъ, разрѣшилъ нѣкоторыя загадочныя мѣста.

Нѣкоторые писатели усомнились въ подлинности древняго памятника нашей поэзіи и возбудили жаркія возраженія. Щастливая поддѣлка можетъ ввести въ заблужденіе людей не знающихъ, но не можетъ укрыться отъ взоровъ истиннаго знатока. Вальполь не вдался въ обманъ, когда Чаттертонъ прислалъ ему стихотворенія стараго монаха Cowlay; Джонсонъ тотчасъ уличилъ Макферсона. Но ни Карамзинъ, ни Ермолаевъ, ни А. Х. Востоковъ, ни Ходаковскій никогда не сомнѣвались въ подлинности Пѣсни о Полку Игоревѣ. Великій скептикъ Шлецеръ, не видѣвъ еще *Слова о Полку Игоревѣ*, рѣзко назвалъ оное подлогомъ; но, прочитавъ, призналъ подлинно древнее произведеніе, и не почелъ даже за нужное приводить тому доказательства: такъ очевидна казалась ему истина!

Другаго доказательства нѣтъ, какъ слова самого стихотворца. Подлинность же самой Пѣсни доказывается духомъ древности, подъ который невозможно поддѣлаться. Кто изъ нашихъ писателей въ 18 вѣкѣ могъ имѣть на то довольно таланта? Карамзинъ? Но Карамзинъ не поэтъ. Державинъ? Но Державинъ не зналъ и русскаго языка, не только языка Пѣсни о Полку Игоревѣ. Прочіе не имѣли всѣ вмѣстѣ столько поэзіи, сколько находится оной въ планѣ ея, въ описаніи битвы и бѣгства. Кому пришло бы въ голову взять въ предметъ Пѣсни темный походъ неизвѣстнаго Князя?—Кто съ такимъ искусствомъ могъ затмить нѣкоторыя мѣста изъ своей Пѣсни словами, открытыми въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, или отысканными въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ еще сохранились они во всей свѣжести употребленія? Это предполагало бы знаніе всѣхъ нарѣчій славянскихъ. Положимъ, онъ ими бы и обладалъ — неужто таковая смѣсь естественная? Гомеръ, если и существовалъ, искаженъ рапсодами.

Ломоносовъ жилъ не въ XII столѣтіи. Ломоносовскія оды писаны на русскомъ языкѣ съ примѣсью нѣкоторыхъ выраженій, взятыхъ имъ изъ Библіи, которая лежала передъ нимъ..., но въ Ломоновскихъ [одахъ?] не найдете ни Польскихъ, ни Сербскихъ, ни Иллирійскихъ, ни Болгарскихъ, ни Богемскихъ, ни Малорусскихъ и другихъ нарѣчій Славянскихъ.

§ 1. Слово о Плъку Игоревѣ,
сына Святъславля, внука Ольгова.
Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе,
Начати старыми словесы
Трудныхъ повѣстей о плъку
Игоревѣ Игоря Святъславича
Начатися же тъй пѣсни
По былинамъ сего времени,
А не по замышленію Бояню.

Всѣ, занимавшіеся толкованіемъ Слова о Полку Игоревѣ, перевели: Не приличнo ли будетъ намъ, Не лучше ли намъ, не пристойно ли бы намъ, не славно ли, други, братья, братцы — воспѣть древнимъ складомъ, старымъ слогомъ, древнимъ языкомъ трудную, печальную пѣснь о Полку Игоревѣ, Игоря Святославича?—Но въ древнемъ Славянскомъ языкѣ частица *ли* не всегда даетъ смыслъ вопросительный, подобно латинскому ne. Иногда *ли* значитъ: *только*, иногда *бы*, иногда *же*; донынѣ въ Сербскомъ языкѣ сохраняетъ она сіи знаменованія. Въ Русскомъ, частица *ли* есть или союзъ раздѣлительный, или вопросительный, если управляетъ ею отрицательное *не*. Въ пѣсняхъ не имѣетъ она иногда никакого смысла и вставляется для мѣры, такъ же

какъ и частицы: и, что, а, какъ ужъ, ужъ какъ <*замѣчаніе Тредьяковскаго*>.

Въ другомъ мѣстѣ Слова о Полку Игоревѣ *ли* поставлено такъ же, но всѣ переводчики рѣшили, что это есть ошибка переписчика, и перевели не вопросомъ, а утвердительно. То же надлежало бы сдѣлать и здѣсь.

Во-первыхъ, разсмотримъ смыслъ рѣчи. По мнѣнію переводчиковъ, поэтъ говоритъ: «Не воспѣть ли намъ объ Игорѣ по-старому? Начнемъ же пѣть по былинамъ сего времени <т. е. по новому>, а не по замышленію Бояню <т. е. не по старому...>. Явное противорѣчіе *). Если же признаемъ, что частица ли смысла вопросительнаго не даетъ, то выйдетъ: Неприлично, братья, начать старинным слогомъ печальную пѣснь объ Игорѣ Святославичѣ. Начаться же пѣсни по былинамъ сего времени, а не по вымысламъ Бояна.

Стихотворцы никогда не любили упрека въ подражаніи, и неизвѣстный творецъ Слова о Полку Игоревѣ не преминулъ объявить въ началѣ своей поэмы, что онъ будетъ пѣть по-своему, а не тащиться по слѣдамъ стараго Бояна. Глаголъ б я ш е т ь подтверждаетъ замѣчаніе мое: онъ употребленъ въ прошедшемъ времени <съ неправильностію въ склоненіи, коему примѣры встрѣчаются въ лѣтописяхъ> и предполагаетъ Conditionальную частицу «Неприлично было *бы*». Вопросъ же требовалъ бы настоящаго или будущаго.

§ 2. «Боянъ бо вѣщій аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы».

Не рѣшу, упрекаютъ ли здѣсь Бояна или хвалятъ, но во всякомъ случаѣ поэтъ приводитъ сіе мѣсто въ примѣръ того, какимъ образомъ слагали пѣсни въ старину. Здѣсь полагаю описку, или даже поправку, впрочемъ незначительную: растекашется мыслію по древу — тутъ пропущено слово *славіемъ*, которое довершаетъ уподобленіе. Ниже сіе выраженіе употреблено **).

*) Очень понимаемъ, почему А. С. Шишковъ не отступилъ отъ того же мнѣнія. Ему, сочинителю «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ», было бы непріятно видѣть, что и во времена сочинителя Слова о Полку Игоревѣ предпочитали былины своего времени старымъ словесамъ.

**) Г. Вельтманъ перевелъ это мѣсто: *былое воспѣть*, а не вымыслъ Бояна, *коего мысли текли въ вышину, какъ соки по древу* Удивительно! Но что есть общаго между манерною прозою Госп. Геснера и поэзіей пѣсни объ Игорѣ?

§ 3. «Помняшетъ бо речь первыхъ временъ усобіцѣ, тогда пущашетъ і соколовь на стадо лебедей и т. д.

Ни одинъ изъ толкователей не перевелъ сего мѣста удовлетворительно. Дѣло здѣсь идетъ о Боянѣ; все это продолженіе прежней мысли: Поминая преданіе о прежнихъ браняхъ <усобица значитъ ополченіе, брань, а не междоусобіе, какъ перевели нѣкоторые. Между-усобіе есть уже слово составленное>, напускалъ онъ и проч. Поэтъ изъясняетъ иносказательный языкъ Соловья стараго времени, и изъясненіе столь же великолѣпно, какъ и блестящая аллегорія, приведенная имъ въ примѣръ: 10 соколовъ, напущенныхъ на стадо лебедей, значили 10 пальцевъ, напущенныхъ, возложенныхъ на струны. А. С. Шишковъ сравниваетъ это мѣсто съ началомъ поэмы. Толкованіе Ал. Сем. любопытно <томъ 7, стр. 43>: *И такъ, надлежитъ паче думать и т. д.*, [что въ древнія времена соколиная охота служила не къ одному удовольствію, но тако жъ и къ нѣкоторому прославленію героевъ, или къ рѣшенію спора, кому изъ нихъ отдать преимущество. Можетъ быть, отличившіеся въ сраженіяхъ военачальники или князья состязавшіеся въ славѣ—выѣзжали на поле каждый съ соколомъ своимъ, и пускали на стадо лебединое съ тѣмъ, что чей соколъ удалѣе и скорѣе долетитъ, тому прежде и приносить общее поздравленіе въ одержаніи преимущества предъ прочими].

Г. Пожарскій съ симъ мнѣніемъ не согласуется. Ему кажется неприличнымъ для Русскихъ Князей *доказывать первенство свое, кровію пріобрѣтенное*, полетомъ соколовъ. Онъ полагаетъ, что не князья, а стихотворцы напускали соколовъ—а причина такого древняго обряда, думаетъ онъ, была скромность стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставлять себя передъ товарищами. А. С. Шишковъ, въ свою очередь, видитъ въ мнѣніи Я. Пожарскаго *крайнюю неосновательность и нещастное самолюбіе* <томъ II, стр. 388>. Къ крайнему сожалѣнію, Г. Пожарскій не возразилъ.

«Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря». Здѣсь опредѣляется эпоха, въ которую написано Слово о Полку Игоревѣ.

«Иже истягнулъ умь крѣпостію своею». Истягнулъ—вытянулъ, натянулъ, извѣдалъ, испробовалъ <Пожарскій: препоясалъ умъ крѣпостію; первые толкователи: напрягши умъ крѣпостію своею>. «Натянулъ какъ

лукъ, изострилъ какъ мечъ — метафоры, заимствованныя изъ одного источника.

«Наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя полкы на землю Половецькую за землю Русскую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: Братіе и дружино! луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти.» <Лучше быть убиту, нежели полонену. Въ Русскомъ языкѣ сохранилось одно слово, гдѣ *ли* послѣ *не*—не имѣетъ силы вопросительной: *Нежели.* Слово *неже* употреблялось во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и встрѣчается и въ *Словѣ о Полку Игоревѣ:* луце-жъ и т. д.>.

«А всядемъ, братіе, на свои бързые комони, да позримъ синяго Дону.»

Суевѣріе, полагавшее затмѣніе солнечное бѣдственнымъ знаменованіемъ, было нѣкогда общимъ.

«Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону Великаго.» Слова запутаны. 1-ые издатели перевели: «Пришло Князю на мысль пренебречь <худое> предвѣщаніе и извѣдать <щастія на> Дону великомъ.» (Жалость) печаль ему «заступить» (lumen impedio) имѣетъ нѣсколько значеній—омрачить, помѣшать, удержать. Пришлась Князю мысль и . . . . . желаніе ему омрачило, удержало. «Спали Князю <въ умъ>, духъ, желаніе и печаль. Ему знаменіе мѣшало <запрещало> искусити Дону великаго. <Такъ хочу же, сказалъ> хощу бо, рече, копіе преломити конець поля Половецкаго, а любо испити шеломомъ Дону.

«О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пълкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облаками, свивая «сплетая хвалы на всѣ стороны сего времени.» <Если не ошибаюсь, иронія пробивается сквозь пышную хвалу>.

«Рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы.»

<«Четыре раза упоминается въ сей пѣснѣ о Троянѣ... но кто сей Троянъ—догадаться ни по чему невозможно», говорятъ первые издатели... 5 стр. изд. Шишкова.> Прочіе толкователи не послѣдовали скромному примѣру. Они не хотѣли оставить безъ рѣшенія то, чего не понимали.

Чрезъ всю Бессарабію проходитъ рядъ кургановъ, памятникъ Римскихъ укрѣпленій, извѣстный подъ названіемъ *Троянова вала.* Вотъ куда обратились толкователи и утвердили, что неизвѣстный Троянъ, о коемъ 4 раза упоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, есть не кто иной, какъ Римскій императоръ. Должно ли не шутя опровергать такое легкомысленное объясненіе? Но и тропа Троянова можетъ ли быть принята за Трояновъ валъ, когда нѣсколько ниже опредѣляется <стр. 14, изд. Шишкова>: «вступилъ дѣвою на землю Трояню... на синемъ морѣ, у Дону». Гдѣ же тутъ Бессарабія? «Слѣды Трояна въ Дакіи и т. д. [видимые по сіе время, должны были быть извѣстны потомкамъ дунайскихъ славянъ», говоритъ] <Вельтманъ.> Почему же?

«Пѣти было пѣснь Игореви, того Олга внуку и т. д. [Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая»], etc. Поэтъ повторяетъ опять изображенія Бояновы и, обращаясь къ Бояну, вопрошаетъ: или не такъ ли пѣть было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче: <комони ржутъ и т. д.—брата Всеволода>.

Теперь поэтъ говоритъ самъ отъ себя—не по вымыслу Бояню, по былинамъ сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описаніе стоитъ иносказаній Соловья стараго времени!

«И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю. Оба есвѣ Святославличи: сѣдлай, брате, свои борзыи комони, а мои ти готови.» Готовы значитъ здѣсь извѣстны; значеніе сіе сохранилось въ Иллирійскомъ славянскомъ нарѣчіи. Ниже мы увидимъ, что Половцы бѣгутъ *неготовыми* <неизвѣстными> дорогами. Если же *неготовыми* значило бы *немощенными*, то что же бы значило: *готовые кони*—осѣдланы у Курска на переди?

А мои ти Куряни свѣдоми. <Сіе повтореніе того же понятія другими выраженіями подтверждаетъ предыдущія мои показанія. Это одна изъ древнѣйшихъ формъ поэзіи. Смотри Священное Писаніе.>

«Кмети подъ трубами повити. <Г-нъ Вельтманъ [говоритъ, что] «кметь» значитъ вообще крестьянинъ, мужикъ: Kar gospóda stori krivo, kmeti morjo plázhat shivo.>

963. [О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ, СЪ ОЧЕРКОМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ].

Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ. Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы Французскимъ журналистамъ, которые обыкновенно относятъ къ романтизму все, что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и Германскаго идеологизма, или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Опредѣленіе самое неточное. Стихотвореніе можетъ являть всѣ сіи признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны относиться тѣ стихотворенія, коихъ формы извѣстны были Грекамъ и Римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Слѣдственно, сюда принадлежатъ: эпопея, поэма дидактическая, трагедія, комедія, ода, сатира, посланіе, иронда, эклога, элегія, эпиграмма и баснь. Если же вмѣсто формы стихотворенія будемъ брать за основаніе только духъ, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ, конечно, отличается отъ оды Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горація, «Освобожденный Іерусалимъ» отъ «Энеиды»—всѣ они однакожъ принадлежатъ къ роду классическому. Какіе же роды стихотвореній должно отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ, и тѣ въ коихъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзіи Грековъ и Римлянъ. Каждый образованный Европеецъ долженъ имѣть достаточное понятіе о безсмертныхъ созданіяхъ величавой древности. Взглянемъ на происхожденіе и постепенное развитіе поэзіи новыхъ народовъ.

Западная Имперія клонилась къ паденію, а съ нею—науки, словесность и художества. Наконецъ она пала, просвѣщеніе погасло, невѣжество омрачило Европу. Едва спаслась латинская грамота въ пыли книгохранилищъ монастырскихъ: монахи соскобляли съ пергамента стихи Лукреція, Виргилія, и вмѣсто нихъ писали на немъ свои хроники и легенды.

Поэзія проснулась подъ небомъ полуденной Франціи; риѳма, новое украшеніе стиха, съ перваго взгляда столь мало значущее, отозвалась въ романскомъ языкѣ,—имѣла сильное вліяніе на словесность новѣйшихъ народовъ. Побѣжденная трудность всегда приноситъ намъ удовольствіе; любить соотвѣтственность (summetria), размѣренность—свойственно уху человѣческому; ухо обрадовалось удареніямъ звуковъ. Трубадуры играли риѳмою, изобрѣтали для нея всевозможныя измѣненія стиховъ, придумывали самыя затруднительныя формы; явились тріолетъ, баллада, рондо, сонетъ и пр. Отъ сего произошла необходимая натяжка выраженія, какое-то жеманство, вовсе неизвѣстное древнимъ; мелочное остроуміе замѣнило чувство, которое не можетъ выражаться въ тріолетахъ. Мы находимъ несчастные сіи слѣды въ величайшихъ геніяхъ новѣйшихъ временъ.

Но умъ не можетъ довольствоваться одними игрушками гармоніи. Воображеніе требуетъ картинъ и разсказовъ; трубадуры обратились къ новымъ источникамъ вдохновенія, воспѣли любовь и войну, оживили народныя преданія; родились ле, романъ и фабліо.

Темныя понятія о древней трагедіи и церковныя празднества подали поводъ къ сочиненію таинствъ (mystères). Почти всѣ писаны на одинъ образецъ и подходятъ подъ одно условіе, но въ то время не было Аристотеля для установленія непреложныхъ законовъ мистической драматургіи.

ВСТУПЛЕНІЕ.

I. Отчужденіе Россіи отъ Европы.

Долго Россія была совершенно отдѣлена отъ судебъ Европы. Ея широкія равнины поглотили безчисленныя толпы Монголовъ и остановили ихъ разрушительное нашествіе. Варвары не осмѣлились оставить у себя въ тылу порабощенную Русь и возвратились въ степи своего Востока. Христіанское просвѣщеніе было спасено истерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали Европейскіе журналы; но Европа, въ отношеніи Россіи, всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагодарна.

Духовенство, пощаженное удивительною смѣтливостію Татаръ, одно, въ теченіе

двухъ столѣтій, питало искры блѣдной Византійской образованности. Въ безмолвіи келій иноки вели свои безпрерывныя лѣтописи; Архіереи въ послаціяхъ своихъ бесѣдовали съ Князьями и Боярами въ тяжкія времена искушеній и безнадежности. Но духовная жизнь порабощеннаго народа не развивалась. Великая эпоха Возрожденія не имѣла на него никакого вліянія, рыцарство не одушевляло его дѣвственными восторгами и благодѣтельныя потрясенія крестовыхъ походовъ не отозвались въ краяхъ печальнаго Сѣвера. Нашествіе Татаръ не было, подобно наводненію Мавровъ, плодотворнымъ: Татары не принесли намъ ни алгебры, ни поэзіи. Нѣсколько сказокъ и пѣсенъ, безпрестанно поновляемыхъ изустнымъ преданіемъ, сохранили драгоцѣнныя, полузглаженныя черты народности, и Слово о Полку Игоревѣ возвышается уединеннымъ памятникомъ въ пустынѣ нашей словесности.

II. Ничтожество древнихъ нашихъ памятниковъ.

Боярство домогалось Аристократіи. <Два великана—Іоаннъ III и Іоаннъ IV. Едва Россія успѣла свергнуть съ себя иго Татарское, и уже ей были нужны всѣ возрождающіяся ея силы, дабы противоборствовать Польшѣ>. Царская власть ополчилась на Боярство; вожди сихъ различныхъ усилій, Цари и Бояре, согласны были въ одномъ: въ необходимости сблизить Россію съ Европой; отселѣ сношенія Ивана Васильевича съ Англіей, переписка Годунова съ [Даніей], условія, подписанныя Польскимъ Королевичемъ Аристократіи XVII столѣтія, посольства Алексѣя Михайловича (во Францію, къ Людовику XIV). Наконецъ—крутой и кровавый переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра.

Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль, при стукѣ топора и при громѣ пушекъ. Предпринятыя Петромъ войны были благодѣтельны и плодотворны какъ для Россіи, такъ и для человѣчества. Успѣхъ петровскаго преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы, и Европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы.

Петръ не успѣлъ довершить начатое имъ. Онъ умеръ въ полную пору мужества, во всей силѣ своей творческой дѣятельности, еще только въ полъ-ножны вложивъ побѣдительный свой мечъ. Онъ умеръ, но движеніе, переданное мощною его рукою, долго продолжалось въ огромныхъ составахъ государства. Даже мѣры *революціонныя*, предпринятыя имъ по необходимости въ минуту . . . . . и которыя потомъ не успѣлъ онъ отмѣнить, надолго еще возымѣли силу закона. Напримѣръ: дворянство, дарумое порядкомъ службы, мимо верховной власти; преимущества, данныя чиновникамъ <замѣчательный неуспѣхъ онъ . . . .>.

Петръ Великій бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но проницательный. Онъ возвысилъ Ѳеофана, ободрилъ Копіевича, (побранилъ) Татищева, угадалъ Тредьяковскому, вѣчному труженику, печальную его участь, безсиліе и трудолюбіе.

Наслѣдники Великаго пошли суевѣрно по его слѣдамъ. Но интриги Меншикова, пронырство Долгорукихъ, тайный заговоръ старинаго боярства, притѣсненнаго мощною рукою Бирона, слишкомъ занимали русское дворянство Наконецъ, воцарилась Елизавета. При ней рождается Русская словесность.

III. Просвѣщеніе Россіи.

Крутой переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра, низпровергнулъ все старое, и Европейское *вліяніе* разлилось по всей Россіи. Голландія и Англія образовали наши флоты, Пруссія—наши войска. Лейбницъ начерталъ планъ гражданскихъ учрежденій.

Но сѣмена просвѣщенія были посѣяны.

Петръ Первый былъ нетерпѣливъ: ставъ главою *новыхъ идей*, онъ, можетъ быть, далъ слишкомъ крутой оборотъ огромнымъ колесамъ Государства.

Въ общемъ презрѣніи ко всему народному включена и народная поэзія, столь живо проявившаяся въ грустныхъ народныхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ и нѣсколько въ лѣтописяхъ.

Новая словесность—отголосокъ новообразованнаго общества. Сынъ Молдавскаго Господаря, юноша, обрусѣвшій въ лучшихъ . . . . . и въ походахъ Петровыхъ, въ Парижѣ перекладывалъ стихи Горація и писалъ сатиры по образцу, данному придворнымъ поэтомъ Людовика XIV, между тѣмъ какъ сынъ Холмогорскаго рыбака скитался по Германскимъ университетамъ, вслушивался въ уроки Готшеда и (передавалъ)

звучному Русскому языку [отголоски Нѣмецкой поэзіи]. (Тредьяковскій трудно учился).

Но, приступая къ описанію словесности Русской, мы должны будемъ изслѣдовать и ту словесность иноземную, которая имѣла на нее долгое, рѣшительное вліяніе.

Два обстоятельства имѣли рѣшительное дѣйствіе на духъ Европейской поэзіи: нашествіе Мавровъ и крестовые походы.

Мавры внушили ей изступленіе и нѣжность любви, приверженность къ чудесному, роскошное краснорѣчіе Востока. Рыцари сообщили ей свою набожность и простодушіе, новыя понятія о геройствѣ и вольность нравовъ походныхъ становъ Годфрида и Ричарда.

Таково было смиренное начало романтической поэзіи.

Отрасли романтической поэзіи пышно процвѣли въ Италіи и Гишпаніи. Италія присвоила себѣ эпопею; полуафрикапская Гишпанія завладѣла трагедіей и романомъ; Англія противу именъ Данте, Аріоста, Кальдерона съ гордостію выставила имена Спенсера, Мильтона, Шекспира; въ Германіи <что довольно странно> отличилась новая сатира, ѣдкая, шутливая. Во Франціи тогда поэзія все еще младенчествовала. Лучшій стихотворецъ Вильонъ воспѣвалъ въ площадныхъ куплетахъ кабаки и почитался народнымъ поэтомъ. Наслѣдникъ его Маротъ, жившій въ одно время съ Аріостомъ и Камоэнсомъ, rima des triolets, fit fleurir la ballade. Проза имѣла уже сильный перевѣсъ: скептикъ Монтань, циникъ Рабле были современниками Тассу.

Въ Италіи и Гишпаніи народная поэзія уже существовала прежде появленія ея геніевъ. Они пошли по дорогѣ, уже проложенной. Были поэмы прежде Аріостова Orlando, были трагедіи прежде созданій de Vega и Кальдерона. Во Франціи просвѣщеніе застало поэзію въ ребячествѣ, безъ всякаго направленія, безъ всякой силы. Образованные умы вѣка Людовика XIV справедливо презрѣли ея ничтожность и обратились къ древнимъ образцамъ. Буало, человѣкъ, одаренный умомъ рѣзкимъ и здравымъ и мощнымъ талантомъ, обнародовалъ свой коранъ, и Французская словесность ему покорилась.

P. S. Не должно думать, однакожь, чтобъ и во Франціи не остались никакіе памятники чистой романтической поэзіи: Сказки Лафонтена и Вольтера и Дѣва сего послѣдняго носятъ на себѣ ея клеймо. Не говорю ужъ о многочисленныхъ подражаніяхъ, по большей части посредственныхъ: легче превзойти геніевъ въ забвеніи всѣхъ приличій, нежели въ поэтическомъ достоинствѣ.

*

Люди, одаренные талантами, будучи поражены ничтожностью Французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною и стали стараться пересоздать его по образцу древняго Греческаго. Образовалась новая школа, коей мнѣнія, цѣль и усилія напоминаютъ школу нашихъ Славяно-руссовъ, между коими также были люди съ дарованіями. Но труды Ронсари, Жоделя и Дюбелле остались тщетными. Языкъ отказался отъ исправленія, ему чуждаго, и пошелъ опять своею дорогой. Наконецъ пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостью оцѣненный великимъ критикомъ Буало:

> Enfin Malherbe vint et le premier en France
> Fit sentir dans les vers une juste cadence... etc.

Но Малербъ нынѣ забытъ подобно Ронсару. Сіи два таланта истощили силы свои въ бореніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли—истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія!

*

Какимъ чудомъ, посреди общаго паденія вкуса, вдругъ явилась толпа истинно великихъ писателей, покрывшихъ такимъ блескомъ конецъ XVII вѣка! Политическая ли щедрость кардинала Ришелье, покровительство ли Людовика XIV—причиною такого феномена, или каждому народу предназначена судьбою эпоха, въ которой созвѣздіе геніевъ вдругъ является, блеститъ и исчезаетъ. Какъ бы то ни было, вслѣдъ за толпой бездарныхъ или несчастныхъ стихотворцевъ, заключающихъ періодъ старинной Французской поэзіи, тотчасъ выступаютъ Корнель, Буало, Расинъ, Мольеръ и Лафонтенъ. И владычество ихъ надъ умами просвѣщеннаго міра гораздо легче можетъ объясниться, нежели ихъ неожиданное пришествіе.

*

Нѣкто у насъ сказалъ, что Французская словесность родилась въ передней etc. Это слово было повторено и во Французскихъ журналахъ и замѣчено, какъ жалкое мнѣніе (opinion déplorable). Это не мнѣніе, но истина историческая, буквально выраже-

пая: *Маротъ* былъ камердинеромъ Франциска I-го <valet de chambre>, Moliere— камеръ-Динеромъ Людовика XIV; Буало, Расинъ и Вольтеръ <особенно Вольтеръ>, конечно, дошли до гостиной, но все-таки черезъ переднюю. Объ новѣйшихъ поэтахъ говорить нечего: они, конечно, на площади, съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ.

Вліяніе, которое Французскіе писатели произвели на общество, должно приписать ихъ старанію приноравливаться къ господствующему вкусу, къ мнѣніямъ публики. Замѣчательно, что ни одинъ изъ извѣстныхъ Французскихъ поэтовъ былъ [?] изъ Парижа. Вольтеръ, изгнанный изъ столицы тайнымъ указомъ Людовика XV, полушутливымъ, полу-важнымъ топомъ совѣтуетъ писателямъ оставаться въ Парижѣ, если дорожатъ они покровительствомъ Аполлона и бога вкуса.

Ни одинъ изъ Французскихъ поэтовъ не дерзнулъ быть самобытнымъ, ни одинъ, подобно Мильтону, не отрекся отъ современной славы.

Расинъ пересталъ писать, увидя неуспѣхъ своей Гоѳоліи. Публика <о которой Шамфоръ спрашивалъ такъ забавно: сколько нужно глупцовъ, чтобы составить публику?>—легкомысленная, невѣжественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по переднимъ вельможъ, они . . . . . обратились къ народу, лаская его любимыя мнѣнія или фиглярствуя независимостью и странностями, но съ одною цѣлію: выманить себѣ (репутацію) или деньги. Въ нихъ нѣтъ и не было безкорыстной любви къ искусству и къ изящному: жалкій народъ!

*

Не смотря на ея видимую ничтожность, Ришелье чувствовалъ важность литературы. Великій человѣкъ, унизившій во Франціи феодализмъ, захотѣлъ также связать и литературу. Писатели, классъ бѣдный и . . . . . , были призваны ко Двору и задарены, какъ и дворяне. Людовикъ XIV слѣдовалъ системѣ кардинала. Вскорѣ словесность сосредоточилась около его трона. Всѣ писатели получили <придворную> должность. Корнель, Расинъ тѣшили короля . . . . . трагедіями; Буало воспѣвалъ его побѣды и назначалъ ему писателей, достойныхъ его вниманія; Боссюэтъ и Флешье проповѣдовали слово Божіе въ его придворной капеллѣ; камердинеръ Мольеръ при Дворѣ смѣялся надъ придворными. Академія хвастливо первымъ правиломъ своего устава положила хвалу Великаго Короля. Были изключенія: бѣдный дворянинъ Лафонтенъ, не смотря на господствующую набожность, печаталъ въ Голландіи свои веселыя сказки о монахиняхъ, а сладкорѣчивый епископъ, въ книгѣ, наполненной смѣлою философіею, помѣщалъ язвительную сатиру на прославленное царствованіе; зато Лафонтенъ умеръ безъ пенсіи, а Фенелонъ — въ своей епархіи, отдаленный отъ Двора за мистическую ересь. — Отселѣ вѣжливая, тонкая словесность, блестящая, Аристократическая, немного жеманная, но тѣмъ самымъ понятная для всѣхъ Дворовъ Европы, ибо высшее общество, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, составляетъ во всей Европѣ одно семейство.

Между тѣмъ духъ изслѣдованія и порицанія начиналъ проявляться во Франціи. Ничто не могло быть противоположнѣе поэзіи, какъ та философія, которой XVIII вѣкъ далъ свое имя. Она была направлена противъ Господствующей Религіи, вѣчнаго источника поэзіи у всѣхъ народовъ, и любимымъ орудіемъ ея была иронія, холодная и осторожная, и насмѣшка, бѣшеная и площадная. Вольтеръ, великанъ сей эпохи, овладѣлъ и стихами, какъ важной отраслію умственной дѣятельности человѣка. Онъ написалъ . . . . . съ намѣреніемъ очернить каѳолицизмъ. Онъ 60 лѣтъ наполнялъ театръ трагедіями, въ которыхъ, не заботясь ни о правдоподобіи характеровъ, ни о законности средствъ, заставилъ онъ свои лица, къ стати и не къ стати, выражать правила своей философіи. Онъ наводнилъ Парижъ прелестными бездѣлками, въ которыхъ философія говорила общепонятнымъ и шутливымъ языкомъ, одною риѳмою и метромъ отличавшимся отъ прозы. И эта личность не владѣла верхомъ поэзіи; наконецъ, и онъ однажды, въ своей старости, становится истиннымъ поэтомъ, когда весь его разрушительный геній со всею свободою излился въ циничной поэмѣ, гдѣ всѣ высокія чувства, драгоцѣнныя человѣчеству, были принесены къ жертву Демону смѣха и ироніи. Вліяніе Вольтера было пемновѣрно. Около великаго копошились пигмеи, стараясь привлечь его вниманіе. Умы возвышенные слѣдуютъ за нимъ. Задумчивый Руссо провозглашаетъ себя его ученикомъ; пылкій Дидротъ есть самый ревностный изъ его

Апостоловъ. Англія, въ лицѣ Юма, Гиббона и Вальполя привѣтствуетъ энциклопедію. Екатерина вступаетъ съ нимъ въ дружескую переписку; Фридрихъ съ нимъ ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа ѣдетъ въ Ферней на поклонъ. Вольтеръ умираетъ, благословивъ внука Франклина и привѣтствуя Новый Свѣтъ словами, дотолѣ неслыханными.

Общество созрѣло для великаго разрушенія. Все еще спокойно, но уже голосъ молодаго Мирабо, подобно отдаленной бурѣ, глухо гремитъ изъ глубины темницъ, по которымъ онъ скитается.

Смерть Вольтера не останавливаетъ потока. Бомарше влечетъ на сцену и терзаетъ все, что еще почитается неприкосновеннымъ. Министры Людовика XVI низходятъ въ арену спорить съ писателями. Старая [Академія?] созданная Людовикомъ XIV, хохочетъ и рукоплещетъ. Слѣды великаго вѣка <какъ называли Французы вѣкъ Людовика XIV> исчезаютъ. Древность осмѣяна, обругана; поэзія Свящ. Книгъ обругана; поэзія истощается, превращается въ мѣлочныя игрушки остроумія; романъ дѣлается скучною проповѣдью или галереею соблазнительныхъ картинъ...

Европа, оглушенная, очарованная славою Французскихъ писателей, преклоняетъ къ нимъ подобострастное вниманіе. Германскіе профессора съ высоты каѳедры провозглашаютъ правила Французской критики. Англія слѣдуетъ за Франціей на поприщѣ философіи; поэзія въ отечествѣ Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, какъ и во Франціи; Ричардсонъ, Фильдингъ и Стернъ поддерживаютъ славу прозаическихъ сочиненій; Италія отрекается отъ Данте; Metastasio подражаетъ Расину.

Обратимся къ Россіи.

Приступая къ изученію нашей словесности, мы хотѣли бы обратиться назадъ и взглянуть съ любопытствомъ и благоговѣніемъ на ея старинные памятники, сравнить ихъ съ этою бездной поэмъ, романсовъ прическихъ, и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихъ, коими наводнены Европейскія литературы среднихъ вѣковъ. Въ сихъ первоначальныхъ искрахъ творческаго духа намъ пріятно было бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе завоеванія Скандинавскаго съ завоеваніемъ Мавровъ. Мы бы увидѣли разницу между простодушною сатирою Французскаго трувёра и лукавой насмѣшливостію скомороха, между площадной, полудуховной мистеріей и затѣями нашей старой комедіи. Но, къ сожалѣнію, старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь — и на ней возвышается единственный памятникъ: *Пѣснь о Полку Игоревѣ.*

Кантемиръ. Ломоносовъ. Тредьяковскій. Вліяніе Кантемира уничтожается Ломоносовымъ. Вліяніе Тредьяковскаго уничтожается его бездарностью. Постоянное борепіе Тредьяковскаго. Онъ побѣжденъ. Сумароковъ. Екатерина. <Вольтеръ>. Фонъ-Визинъ. Державинъ.

Начало русской словесности; Кантемиръ въ Парижѣ обдумываетъ свои сатиры, переводитъ Горація, умираетъ 28-ми лѣтъ. Ломоносовъ, плѣненный гармоніею риѳмы, пишетъ въ первой своей молодости оду, исполненную живости etc., и обращается къ точнымъ наукамъ, degoûté славою Сумарокова. Сумароковъ въ сіе время. Тредьяковскій — о д и нъ, понимающій свое дѣло...

Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout. Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Дора̀тъ, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, M-me Жанлисъ овладѣваютъ Русской словесностію...

---

964. ЛОРДЪ БАЙРОНЪ.

Родъ Байроновъ, одинъ изъ самыхъ старинныхъ въ Англійской Аристократіи, младшей между Европейскими, произошелъ отъ Нормандца Ральфа де Бюронъ <или Бирона>, одного изъ сподвижниковъ Вильгельма-Завоевателя. Имя Байроновъ съ честію упоминается въ Англійскихъ лѣтописяхъ. Лордство дано ихъ фамиліи въ 1643 г. Говорятъ, что Байронъ своею родословною дорожилъ болѣе, нежели своими твореніями. Чувство весьма понятное! Блескъ его предковъ и почести, которыя наслѣдовалъ онъ отъ нихъ, возвышали поэта; напротивъ того, слава, имъ самимъ

пріобрѣтенная, принесла ему мѣлочныя оскорбленія, часто унижавшія благороднаго Байрона, предавая имя его на произволъ молвѣ, <ко всему равнодушной и ничѣмъ не уважающей>.

Капитанъ Байронъ, сынъ знаменитаго адмирала и отецъ великаго поэта, навлекъ на себя соблазнительную славу. Онъ увезъ супругу лорда Cormorthen и женился на ней тотчасъ послѣ ея развода. Вскорѣ потомъ она умерла, въ 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой годъ разсчетливый вдовецъ, для поправленія своего разстроеннаго состоянія, женился на миссъ Gordon, единственной дочери и наслѣдницѣ Георгія Gordon, Владѣльца Гайфскаго. Бракъ сей былъ нещастливъ: 23,500 фунт. стерл. <587,500 руб.> были разточены въ два года — и Mistress Байронъ осталась при 150 фунт. стерл. годоваго дохода. Въ 1786 году мужъ и жена отправились во Францію и возвратились въ Лондонъ въ концѣ 1787 года.

Въ слѣдующемъ году, 22-го Января, Леди Байронъ родила единственнаго своего сына, Георгія Гордона Байрона. <Вслѣдствіе распоряженій фамильныхъ, Наслѣдница Гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона>. Новорожденнаго крестили герцогъ Гордонъ и полковникъ Дофъ. При его рожденіи повредили ему ногу и Лордъ Байронъ полагалъ тому причиною стыдливость или упрямство своей матери.

Въ 1790 году, Леди Байронъ удалилась въ Абердинъ, и мужъ ея за нею послѣдовалъ. Нѣсколько времени жили они вмѣстѣ; но характеры были слишкомъ несовмѣстны; вскорѣ потомъ они разошлись. Мужъ уѣхалъ во Францію, вымапивъ прежде у бѣдной жены своей деньги, нужныя ему на дорогу. Онъ умеръ въ Валансьенѣ, въ слѣдующемъ 1791 году.

Во время краткаго пребыванія своего въ Абердинѣ, онъ однажды взялъ къ себѣ маленькаго сына, который у него и ночевалъ, но на другой же день онъ отослалъ неугомоннаго ребенка къ его матери, и съ тѣхъ поръ уже его не приглашалъ.

Мистриссъ Байронъ была проста, вспыльчива и во многихъ отношеніяхъ безразсудна; но твердость, съ которою она умѣла перенести бѣдность, дѣлаетъ честь ея правиламъ. Она держала одну только служанку, и когда, въ 1798 году, повезла она молодого Байрона вступать во владѣніе Ньюстида, долги ея не превышали 60 фунтовъ стерлинговъ.

Достойно замѣчанія и то, что Байронъ никогда не упоминалъ о домашнихъ обстоятельствахъ своего дѣтства, находя ихъ унизительными.

Маленькій Байронъ выучился читать и писать въ Абердинской школѣ. Въ классахъ онъ былъ изъ послѣднихъ учениковъ и болѣе отличался въ играхъ. По свидѣтельству его товарищей, онъ былъ рѣзвый, вспыльчивый и злопамятный мальчикъ, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Нѣкто Питерсонъ, строгій пресвитеріанецъ, но тихій и ученый, былъ потомъ его наставникомъ, и Байронъ сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе.

Въ 1796 году Леди Байронъ повезла его въ *горы*, для поправленія его здоровья послѣ скарлатины. Она поселилась близъ Бематера.

Суровыя красоты Шотландской природы глубоко впечатлѣлись въ воображеніи отрока.

Около того же времени осьмилѣтній Байронъ влюбился въ Марію Дофъ. 17 лѣтъ послѣ того, въ одномъ изъ своихъ журналовъ, онъ описалъ свою раннюю любовь. <Memoires 31—33, quelques mots>.

Въ 1798 году умеръ въ Ньюстидѣ старый Лордъ Вильгельмъ Байронъ. Четыре года передъ симъ родной внукъ его скончался въ Корсикѣ, и маленькій Георгій Байронъ остался единственнымъ наслѣдникомъ имѣній и титула своего рода. Какъ несовершеннолѣтній, онъ отданъ былъ въ опеку Лорду Карлилю, дальнему его родственнику, и восхищенная Mistress Байронъ осенью того же года оставила Абердинъ и отправилась въ древній Ньюстидъ съ единственнымъ своимъ сыномъ и вѣрною служанкою Мери Гре.

Лордъ Вильгельмъ, братъ Адмирала Байрона, родного дѣда его, былъ человѣкъ странный и нещастный. Нѣкогда на поединкѣ закололъ онъ своего родственника и сосѣда, г. Hawort'a. Они дрались безъ свидѣтелей, въ трактирѣ, при свѣчкѣ. Дѣло это произвело много шуму, и палата перовъ признала убійцу виновнымъ. Онъ былъ однакожъ освобожденъ отъ наказанія; съ тѣхъ поръ жилъ въ Ньюстидѣ, гдѣ его причуды, скупость и мрачный характеръ сдѣлали его предметомъ сплетенъ и клеветы. Носились самые нелѣпые слухи о причинѣ развода его съ женою. Увѣряли, что онъ однажды покусился ее утопить въ Ньюстидскомъ пруду.

Онъ старался разорить свои владѣнія изъ ненависти къ своимъ наслѣдникамъ. Единственные собесѣдники (его) были старый слуга и ключница, занимавшая при немъ и другое мѣсто. Сверхъ того домъ былъ полонъ сверчками, которыхъ Лордъ Вильгельмъ кормилъ и воспитывалъ. Не смотря на свою скупость, старый Лордъ имѣлъ часто нужду въ деньгахъ и доставалъ ихъ способами, иногда весьма предосудительными. Такимъ образомъ продалъ онъ Рочдаль, родовое владѣніе, безъ всякаго на то права <что знали и покупщики, но они надѣялись выручить себѣ выгоды прежде, нежели наслѣдники успѣютъ уничтожить незаконную куплю>.

Лордъ Вильгельмъ никогда не входилъ въ сношенія съ молодымъ своимъ наслѣдникомъ, котораго звалъ не иначе, какъ *мальчикъ, что живетъ въ Абердинѣ*.

Первые годы, проведенные Лордомъ Байрономъ въ состояніи бѣдномъ, не соотвѣтствовавшемъ его рожденію, подъ надзоромъ пылкой матери, столь же безразсудной въ своихъ ласкахъ, какъ и въ порывахъ гнѣва, имѣли сильное, продолжительное вліяніе на всю его жизнь. Уязвленное самолюбіе, поминутно потрясаемая чувственность, оставили въ сердцѣ его эту горечь, эту раздражительность, которыя потомъ сдѣлались главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона — [частію врожденныя, частію] заимствованы. Муръ справедливо замѣчаетъ, что въ характерѣ Байрона ясно отразились и достоинства и пороки многихъ изъ его предковъ: съ одной стороны — смѣлая предпріимчивость, великодушіе, благородство чувствъ; съ другой—необузданныя страсти, причуды и дерзкое презрѣніе къ общему мнѣнію. Сомнѣнія нѣтъ, что память, оставленная по себѣ Лордомъ Вильгельмомъ, сильно дѣйствовала на воображеніе его наслѣдника—многое перенялъ онъ у своего страннаго дѣда въ его обычаяхъ; и нельзя не согласиться въ томъ, что Манфредъ и Лара напоминаютъ уединеннаго ньюстидскаго барона.

Обстоятельство, повидимому маловажное, имѣло столь же сильное вліяніе на его душу. Въ самую минуту его рожденія нога его была повреждена, и Байронъ остался хромъ на всю свою жизнь. Физическій недостатокъ оскорблялъ его самолюбіе. Онъ воображалъ себя уродомъ. Ничто не могло сравниться съ его бѣшенствомъ, когда однажды Мистриссъ Байронъ выбранила его хромымъ мальчишкою. Онъ, будучи собою красавецъ, воображалъ себя уродомъ и дичился общества людей, мало ему знакомыхъ, опасаясь ихъ насмѣшливаго взгляда. Самый сей недостатотъ усиливалъ въ немъ желаніе отличиться во всѣхъ упражненіяхъ, требующихъ силы физической и проворства.

ОБЪ ИСТОРІИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

<Разборъ статьи, напечатанной въ «Сынѣ Отечества» въ январѣ 1835 года>.

Нѣсколько дней послѣ выхода изъ печати «Исторіи Пугачевскаго бунта» явился въ «Сынѣ Отечества» разборъ этой книги. Я почелъ за долгъ прочитать его со вниманіемъ, надѣясь воспользоваться замѣчаніями неизвѣстнаго критика. Въ самомъ дѣлѣ, онъ указалъ мнѣ на одну ошибку и на три важныя опечатки. Статья вообще показалась мнѣ произведеніемъ человѣка, имѣющаго мало свѣдѣній о предметѣ, мною описанномъ. Я собирался при другомъ изданіи исправить замѣченныя погрѣшности, оправдаться въ несправедливыхъ обвиненіяхъ и принести изъявленіе искренней моей благодарности рецензенту, тѣмъ болѣе, что его разборъ написанъ со всевозможной умѣренностію и благосклонностію.

Недавно въ «Сѣверной Пчелѣ» сказано было, что сей разборъ составленъ покойнымъ Броневскимъ, авторомъ «Исторіи Донскаго Войска». Это заставило меня поречесть его критику и возразить на оную въ моемъ журналѣ, тѣмъ болѣе, что «Исторія Пугачевскаго бунта», не имѣвъ въ публикѣ никакого успѣха, вѣроятно, не будетъ имѣть и новаго изданія.

Въ началѣ своей статьи, критикъ, изъявляя сожалѣніе о томъ, что «Исторія Пугачевскаго бунта» писана вяло, холодно, сухо, а не пламенной кистію Байрона и

проч., признаетъ, что эта книга «есть драгоцѣнный матеріалъ, и что будущему историку, и безъ пособія нераспечатаннаго еще дѣла о Пугачевѣ, не трудно будетъ исправить нѣкоторые поэтическіе вымыслы, незначащіе недосмотры, и дать сему мертвому матеріалу жизнь новую и блистательную». За симъ г. Броневскій отмѣчаетъ сіи поэтическіе вымыслы и недосмотры «не въ судъ и осужденіе автору, единственно для пользы наукъ, для его и общей пользы». Будемъ слѣдовать за каждымъ шагомъ нашего рецензента.

Критика г. Броневскаго.

«На сей-то рѣкѣ <Яикѣ>, говоритъ г. Пушкинъ, въ XV столѣтіи явились Донскіе казаки».

Выписанное въ подтвержденіе сего факта изъ Исторіи Уральскихъ Казаковъ г. Левшина <см. Прим. 1.3—8 стр.> долженствовало бы убѣдить автора, что Донскіе Казаки пришли на Яикъ въ XVI, а не въ XV столѣтіи, и именно около 1584 года.

Объясненіе.

Есть разница между появленіемъ Казаковъ на Яикѣ и поселеніемъ ихъ на сей рѣкѣ. Въ Русскихъ лѣтописяхъ упоминается о Казакахъ не прежде какъ въ XVI столѣтіи; но преданіе могло сохранить то, о чемъ умалчивала хроника. Наша лѣтопись въ первый разъ о Татарахъ упоминаетъ въ XIII столѣтіи, но Татаре существовали и прежде. Г. Левшинъ неоспоримо доказалъ, что Казаки поселились на Яикѣ не прежде XVI столѣтія. Къ сему же времени должно отнести и существованіе полубаснословной Гугнихи. Г. Левшинъ, опровергая Рычкова, спрашиваетъ какъ могла она <Гугниха> помнить происшествія, которыя были почти за сто лѣтъ до ея рожденія? Отвѣчаю: такъ же, какъ и мы помнимъ происшествія временъ Императрицы Анны Іоанновны — по преданію.

Критика г. Броневскаго.

Вся первая глава, служащая введеніемъ къ «Ист. Пуг. Бун.», какъ краткая выписка изъ сочиненія г. Левшина, не имѣла, какъ думаемъ, никакой нужды въ огромномъ примѣчаніи къ сей главѣ <26 стр. мелкой печати>, которое составляетъ почти всю небольшую книжку г. Левшина. Книжка эта не есть древность или такая рѣдкость, которой за деньги купить не льзя; посему почтенный авторъ могъ и долженъ былъ ограничить себя однимъ указаніемъ, откуда первая глава имъ заимствована.

Объясненіе.

Полное понятіе о внутреннемъ управленіи Яицкихъ Казаковъ, объ образѣ жизни ихъ и проч. необходимо для совершеннаго объясненія Пугачевскаго бунта; и потому необходимо и огромное <т. е. пространное> примѣчаніе къ 1-й главѣ моей книги. Я не видалъ никакой нужды пересказывать то, что было уже сказано какъ не льзя лучше г. Левшинымъ, который, по своей благосклонной снисходительности, не только дозволилъ мнѣ воспользоваться его трудомъ, но еще доставилъ мнѣ свою книжку, сдѣлавшуюся довольно рѣдкою.

Критика г. Броневскаго.

«Извѣстно, говоритъ авторъ, что въ «царствованіе Анны Іоанновны Игнатій Не«красовъ успѣлъ увлечь за собою множество «Донскихъ Казаковъ въ Турцію». Стр. 16.

Некрасовцы бѣжали съ Дона на Кубань въ царствованіе Петра Великаго, во время Булавинскаго бунта, въ 1708 году. См. Исторію Д. Войска, Исторію Петра Великаго и другія.

Объясненіе.

Что Булавинъ и Некрасовъ бунтовали въ 1708 году, это неоспоримо. Неоспоримо и то, что въ слѣдующемъ сей послѣдній оставилъ Донъ и поселился на Кубани. Но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ не могъ онъ съ своими единомышленниками перейти на Турецкіе берега Дуная, гдѣ нынѣ находятся селенія Некрасовцевъ. Въ Исторіи Петра I-го въ послѣдній разъ объ нихъ упоминается въ 1711 году, во время переговоровъ при Прутѣ. Некрасовцы поручены покровительству Крымскаго хана <къ великой досадѣ Петра I-го, требовавшаго возвращенія бѣглецовъ и наказанія ихъ предводителя>. Положившись на показанія рукописнаго Историческаго Словаря, составленнаго учеными и трудолюбивыми издателями «Словаря о святыхъ угодникахъ», я повѣрилъ, что Некрасовцы перешли съ Кубани на Дунай во время походовъ Графа Миниха, въ то время, какъ Запорожцы признали снова владычество Русскихъ Государей*). Но это показаніе несправедливо: Некра-

*) Измѣнникъ Орликъ, сподвижникъ Мазепы, современникъ Некрасова, былъ тогда еще живъ и пріѣзжалъ изъ Бендеръ уговаривать старинныхъ своихъ товарищей.

совцы оставили Кубань гораздо позже, именно въ 1775 году. Г. Броневскій (авторъ «Исторіи Донскаго Войска») и самъ не зналъ сихъ подробностей; но тѣмъ не менѣе благодаренъ я ему за дѣльное замѣчаніе, заставившее меня сдѣлать новыя успѣшныя изслѣдованія.

Критика г. Броневскаго.

«Атаманъ Ефремовъ былъ смѣненъ, а на «его мѣсто избранъ Семенъ Силинъ. По«слано повелѣніе въ Черкаскъ сжечь домъ «Пугачева... Государыня не согласилась по «просьбѣ начальства перенесть станицу на «другое мѣсто, хотя бы и менѣе выгод«ное; она согласилась только переимено«вать Зимовѣйскую станицу Потемкинскою». Стр. 199.

Въ 1772 году войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ, за недоставленіе отчетовъ объ израсходованныхъ суммахъ, былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость; вмѣсто его пожалованъ изъ старшинъ въ наказные атаманы Алексѣй Иловайскій. Силинъ не былъ Донскимъ войсковымъ атаманомъ. Изъ Донской Исторіи не видно, чтобы правительство приказало сжечь домъ Пугачева; а видно только, что, по прошенію Донскаго начальства, Зимовѣйская станица перенесена на выгоднѣйшее мѣсто и названа Потемкинскою. См. «Исторію Д. Войска» стр. 88 и 124 части I.

Объясненіе.

Въ 1773 и 74 войсковымъ атаманомъ Донскаго войска былъ Семенъ Сулинъ, <а не Силинъ>. Иловайскій былъ избранъ уже на его мѣсто. У меня было въ рукахъ болѣе пятнадцати указовъ на имя войсковаго атамана Семена Сулина. Въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ нынѣшнемъ 1836 году, напечатано нѣсколько донесеній отъ полковника Платова къ войсковому атаману Семену Никитичу Сулину во время осады Силистріи въ 1773 году. Правда, что въ «Исторіи Донскаго Войска» (сочиненіи моего рецензента) не упомянуто о Семенѣ Сулинѣ. Это пропускъ важный и, къ сожалѣнію, не единственный въ его книгѣ.

Г. Броневскій также несправедливо оспориваетъ мое показаніе, что послано было изъ Петербурга повелѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева, ссылаясь опять на свою «Исторію Донскаго Войска», гдѣ о семъ обстоятельствѣ опять не упомянуто. Указъ о томъ, писанный на имя атамана Сулина, состоялся 1774 года Января 10 <NB казнь Пугачева совершилась ровно черезъ годъ, 1775 года 10 Января>. Вотъ собственныя слова указа:

«Дворъ Емельки Пугачева, въ какомъ бы онъ худомъ или лучшемъ состояніи ни находился, и хотя бы состоялъ онъ въ развалившихся токмо хижинахъ, имѣетъ Донское войско, при присланномъ отъ оберъ-коменданта Крѣпости Св. Дмитрія штабъ-офицерѣ, собравъ священный той станицы чинъ, старѣйшинъ и прочихъ оной жителей, при всѣхъ ихъ сжечь, и на томъ мѣстѣ черезъ палача или профоса пепелъ развѣять; потомъ это мѣсто огородить надолбами, или рвомъ окопать, оставя на вѣчныя времена безъ поселенія, какъ осквернепное жительствомъ на немъ всѣ казни лютыя и истязанія дѣлами своими превосшедшаго злодѣя, котораго имя останется мерзостію навѣки, а особливо для Донскаго общества, яко оскорбленнаго ношеніемъ тѣмъ злодѣемъ казацкаго на себѣ имени— хотя отнюдь такимъ богомерзкимъ чудовищемъ ни слава войска Донскаго, ни усердіе онаго, ни ревность къ Намъ и Отечеству помрачаться и ни малѣйшаго нареканія претерпѣть не можетъ.»

Я имѣлъ въ рукахъ донесеніе Сулина о точномъ исполненіи указа <иначе и быть не могло>. Въ семъ-то донесеніи Сулинъ отъ имени жителей Зимовѣйской станицы проситъ о дозволеніи перенести ихъ жилища съ земли, оскверненной пребываніемъ злодѣя, на другое мѣсто, хотя бы и менѣе удобное. Отвѣта я не нашелъ; но по всѣмъ новѣйшимъ картамъ видно, что Потемкинская Станица стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на старинныхъ означена Зимовѣйская. Изъ сего я вывелъ заключеніе, что Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія, и только переименовала Зимовѣйскую станицу въ Потемкинскую.

Критика г. Броневскаго.

Авторъ не сличилъ показанія жены Пугачева съ его собственнымъ показаніемъ: явно, что свидѣтельство жены не могло быть вѣрно: она, конечно, не могла знать всего и, конечно, не все высказала, что знала. Собственное же признаніе Пугачева, что онъ скрывался въ Польшѣ, должно предпочесть показанію станичнаго атамана Трофима Ѳомина, въ которомъ сказано, что будто бы Пугачевъ, отлучаясь изъ дому въ разное время, кормился милостиною!! и въ 1771 году былъ на Кумѣ.—Но Пугачевъ

въ началѣ 1772 года явился на Яикъ съ Польскимъ фальшивымъ паспортомъ, котораго онъ на Кумѣ достать не могъ.

На Дону по преданію извѣстно, что Пугачевъ до Семилѣтней Войны промышлялъ, по обычаю предковъ, на Волгѣ, на Кумѣ и около Кизляра; послѣ первой Турецкой войны скрывался между Польскими и Глуховскими раскольниками. Словомъ, въ мирное время иногда приходилъ въ домъ свой на короткое время; а постоянно занимался воровствомъ и разбоемъ въ окрестностяхъ Донской Земли, около Данкова, Таганрога и Острожска.

Объясненіе.

Показанія мои извлечены изъ оффиціальныхъ, неоспоримыхъ документовъ. Рецензентъ мой, укоряя меня въ несообразностяхъ, не показываетъ, въ чемъ оныя состоятъ. Изъ показаній жены Пугачева, станичнаго атамана Ѳомина и наконецъ самого самозванца, въ концѣ <а не въ началѣ> 1772 года приведеннаго въ Малыковскую Канцелярію, видно, что онъ въ 1771 году отпущенъ изъ арміи на Донъ, по причинѣ болѣзни; что въ концѣ того же года, уличенный въ возмутительныхъ рѣчахъ, онъ успѣлъ убѣжать, и тайно возвратясь домой въ началѣ 1772 года, былъ схваченъ, и бѣжалъ опять. Здѣсь прекращаются свѣдѣнія, собранныя правительствомъ на Дону. Самъ Пугачевъ показалъ, что весь 1772 годъ скитался онъ за Польской границею и пришелъ оттуда на Яикъ, кормясь милостынею <о чемъ Ѳоминъ не упоминаетъ ни слова>. Г. Броневскій, выписывая сіе послѣднее показаніе, подчеркиваетъ слово милостыня и ставитъ нѣсколько знаковъ удивленія <!!>; но что жъ удивительнаго въ томъ, что нищій бродяга питается милостынею? Г. Броневскій, не взявъ на себя труда слличить мои показанія съ документами, приложенными къ «Исторіи Пугачевскаго бунта», кажется, не читалъ и манифеста о преступленіяхъ Казака Пугачева, въ которомъ именно сказано, что онъ кормился отъ подаянія <См. манифестъ отъ 19-го Декабря 1774 года, въ «Приложеніи къ Исторіи Пугачевскаго бунта»>.

Г. Броневскій, опровергая свидѣтельство жены Пугачева, показанія станичнаго атамана Ѳомина и оффиціально обнародованное извѣстіе, пишетъ, что Пугачевъ въ началѣ 1772 года явился на Яикѣ съ Польскимъ фальшивымъ паспортомъ, котораго онъ на Кумѣ достать не могъ.—Пугачевъ въ началѣ 1772 года былъ на Кубани и на Дону; онъ явился на Яикъ въ концѣ того же года не съ Польскимъ фальшивымъ паспортомъ, но съ Русскимъ, даннымъ ему отъ начальства, имъ обманутаго, съ Добрянскаго Форпоста. Преданіе, слышанное г. Броневскимъ, будто бы Пугачевъ, по обычаю предковъ (!), промышлялъ разбоями на Волгѣ, на Кумѣ и около Кизляра, ни на чемъ не основано и опровергнуто оффиціальными, достовѣрнѣйшими документами. Пугачевъ былъ подозрѣваемъ въ воровствѣ <см. показаніе Ѳомина>; но до самаго возмущенія Яицкаго Войска ни въ какихъ разбояхъ не бывалъ.

Г. Броневскій, оспоривая достовѣрность неоспоримыхъ документовъ, имѣлъ, кажется, въ виду оправдать собственныя свои показанія, помѣщенныя имъ въ «Исторіи Донскаго Войска». Тамъ сказано, что природа одарила Пугачева чрезвычайной живостію, и съ неустрашимымъ мужествомъ дала ему и силу тѣлесную и твердость душевную; но что, къ нещастію, ему недоставало самой лучшей и нужнѣйшей прикрасы—добродѣтели; что отецъ его былъ убитъ въ 1738 году; что двѣнадцатилѣтній Пугачевъ, гордясь своимъ одиночествомъ, своею свободою, съ дерзостію и самонадѣяніемъ вызывалъ дѣтей равныхъ съ нимъ лѣтъ на бой, нападалъ храбро, билъ ихъ всегда; что въ одной изъ такихъ забавъ убилъ онъ предводителя противной стороны; что по пятнадцатому году онъ уже не терпѣлъ никакой власти; что на двадцатомъ году ему стало тѣсно и душно на родной землѣ; что честолюбіе мучило его; что вслѣдствіе того онъ сѣлъ однажды на коня и пустился искать приключеній въ чистое поле; что онъ поѣхалъ на востокъ, достигнулъ Волги и увидѣлъ большую дорогу; что встрѣтивъ четырехъ удальцевъ, началъ онъ съ ними грабить и разбойничать; что, вѣроятно, онъ занимался разбоями голько во время мира, а во время войны служилъ въ казачьихъ полкахъ; что Генералъ Тотлебенъ, во время Прусской войны, увидѣвъ однажды Пугачева, сказалъ окружавшимъ его чиновникамъ: «чѣмъ болѣе смотрю на сего Казака, тѣмъ болѣе поражаюсь сходствомъ его съ Великимъ Княземъ» и проч. и проч. <См

«Исторію Донскаго Войска» ч. II гл. XI>. Все это ни на чемъ не основано и заимствовано г. Броневскимъ изъ пустаго Нѣмецкаго романа «Ложный Петръ III», не заслуживающаго никакого вниманія. Г. Броневскій, укоряющій меня въ какихъ-то поэтическихъ вымыслахъ, самъ поступилъ неосмотрительно, повторивъ въ своей «Исторіи» вымыслы столь нелѣпые.

Критика г. Броневскаго.

«Шигаевъ, думая заслужить себѣ прощеніе, задержалъ Пугачева и Хлопушу, и послалъ къ Оренбургскому Губернатору сотника Лонгинова съ предложеніемъ о выдачѣ самозванца.» Но въ поставленномъ тутъ же подъ № 12 примѣчаніи авторъ говоритъ, что сіе показаніе Рычкова невѣроятно: ибо Пугачевъ и Шигаевъ, послѣ бѣгства ихъ изъ-подъ Оренбурга, продолжали дѣйствовать заодно.

Если показаніе Рычкова невѣроятно, то въ текстъ и не должно было его ставить; если же Шигаевъ только въ крайнемъ случаѣ въ самомъ дѣлѣ думалъ предать Пугачева, то это обстоятельство не мѣшало продолжать дѣйствовать заодно съ Пугачевымъ: ибо бѣда еще не наступила. Историку, конечно, показалось труднымъ сличать противорѣчащія показанія и выводить изъ нихъ слѣдствія; но это его обязанность, а не читателей.

Объясненіе.

Выписываю точныя слова текста и примѣчаніе на оный:

«Послѣ сраженія подъ Татищевой, Пугачевъ съ 60 Казаками пробился сквозь непріятельское войско и прискакалъ самъ-пятъ въ Бердскую Слободу съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Бунтовщики начали выбираться изъ Берды, кто верхомъ, кто на саняхъ. На воза громоздили награбленное имущество. Женщины и дѣти шли пѣшія. Пугачевъ велѣлъ разбить бочки вина, стоявшія у его избы, опасаясь пьянства и смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣмъ Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслужить себѣ прощеніе, и задержавъ Пугачева и Хлопушу, послалъ отъ себя къ Оренбургскому Губернатору съ предложеніемъ о выдачѣ ему самозванца, и прося дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣлами.

«Примѣчаніе. Рычковъ пишетъ, что Шигаевъ велѣлъ связать Пугачева. Показаніе невѣроятное. Увидимъ, что Пугачевъ и Шигаевъ дѣйствовали заодно нѣсколько времени послѣ бѣгства ихъ изъ-подъ Оренбурга.»

Шигаевъ человѣкъ лукавый и смышленный, могъ подъ какимъ ни есть предлогомъ задержать нехитраго самозванца; но не думаю, чтобъ онъ его связалъ: Пугачевъ этого ему бы не простилъ.

Критика г. Броневскаго.

Стр. 97. «Уфа была освобождена. Михельсонъ, нигдѣ не останавливаясь, пошелъ на Тибинскъ, куда послѣ Чесноковскаго дѣла прискакали Ульяновъ и Чика. Тамъ они были схвачены Казаками и выданы побѣдителю, который отослалъ ихъ скованныхъ въ Уфу.» Въ примѣчаніи же 51-мъ (стр. 16), принадлежащемъ къ сей V главѣ, сказано совсѣмъ другое, именно: «По своемъ разбитіи, Чика съ Ульяновымъ остановился ночевать въ Богоявленскомъ мѣдноплавильномъ заводѣ. Прикащикъ угостилъ ихъ, и напоивъ до пьяна, ночью связалъ и представилъ въ Тобольскъ. Михельсонъ подарилъ 500 руб. прикащиковой женѣ, подавшей совѣтъ напоить бѣглецовъ.»

Мѣсто дѣйствія находилась въ окрестностяхъ Уфы а потому прикащикъ не имѣлъ нужды отсылать преступниковъ въ Тобольскъ, находящійся отъ Уфы въ 1145 верстахъ.

Объясненіе.

Если бы г. Броневскій потрудился взглянуть на текстъ, то онъ тотчасъ исправилъ бы опечатку, находящуюся въ примѣчаніи. Въ текстѣ сказано, что Ульяновъ и Чика были выданы Михельсону въ Табинскѣ (а не въ Тобольскѣ, который слишкомъ далеко отстоитъ отъ Уфы, и не въ Тибинскѣ, который не существуетъ).

Критика г. Броневскаго.

«Солдатамъ начали выдавать въ сутки по четыре фунта муки, т. е. десятую часть мѣры обыкновенной.» Стр. 100.

Солдатъ получаетъ въ сутки два фунта муки, или по три фунта печенаго хлѣба. По означенной выше мѣрѣ выйдетъ, что солдаты во время осады получали двойную порцію, или что весь гарнизонъ состоялъ изъ 20 только человѣкъ. Тутъ что нибудь да не такъ.

Объясненіе.

Очевидная опечатка: вмѣсто четыре фунта, должно читать четверть фунта, что составитъ около десятой части

мѣры обыкновенной, т. е. двухъ фунтовъ печенаго хлѣба. Смотри статью «Объ осадѣ Яицкой крѣпости», откуда заимствовано сіе показаніе. Вотъ собственныя слова неизвѣстнаго повѣствователя: «Солдатамъ стали выдавать въ сутки только по четверти фунта муки, что составляетъ десятую часть обыкновенной порціи.»

Критика г. Броневскаго.

Въ примѣчаніи 18, стр. 52, сказано, что оборона Яицкой крѣпости составлена по статьѣ, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ» и по журналу Полковника Симонова. Какъ авторъ принялъ уже за правило помѣщать вполнѣ всѣ акты, изъ которыхъ онъ что-либо заимствовалъ, то журналъ Симонова, нигдѣ до сего ненапечатанный, заслуживалъ быть помѣщеннымъ въ примѣчаніяхъ такъ же вполнѣ, какъ Рычкова—объ осадѣ Оренбурга и Архимандрита Платона—о сожженіи Казани.

Объясненіе.

Я не могъ помѣстить всѣ акты, изъ коихъ заимствовалъ свои свѣдѣнія. Это составило бы болѣе десяти томовъ: я долженъ былъ ограничиться любопытнѣйшими.

Критика г. Броневскаго.

Стр. 29. «Михельсонъ, оставя Пугачева вправѣ, пошелъ прямо на Казань, и 11 Іюля вечеромъ былъ уже въ 15 верстахъ отъ нея.—Ночью отрядъ его тронулся съ мѣста. Поутру, въ 45 верстахъ отъ Казани, услышалъ пушечную пальбу!...» Маленькій недосмотръ!

Объясненіе.

Важный недосмотръ: вмѣсто въ пятнадцати верстахъ, должно читать въ пятидесяти.

Критика г. Броневскаго.

«Пугачевъ отдыхалъ сутки въ Сарептѣ, оттуда пустился внизъ къ Черному Яру. Михельсонъ шелъ по его пятамъ. Наконецъ, 25 Августа на разсвѣтѣ, онъ настигнулъ Пугачева въ ста пяти верстахъ отъ Царицына. Здѣсь Пугачевъ, разбитый въ послѣдній разъ, бѣжалъ, и въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія переплылъ Волгу выше Черноярска.» Стр. 155—156.

Изъ сего описанія видно, что Пугачевъ переплылъ Волгу въ 175 верстахъ ниже Царицына; а какъ между симъ городомъ и и Черноярамъ считается только 155 верстъ, то изъ сего выходитъ, что онъ переправился черезъ Волгу ниже Черноярa въ 20 верстахъ.—По другимъ извѣстіямъ, Пугачеву нанесенъ послѣдній ударъ подъ самымъ Царицынымъ, откуда онъ бѣжалъ по дорогѣ къ Черноярy, и въ сорока верстахъ отъ Царицына переправился черезъ Волгу, то есть верстахъ въ десяти ниже Сарепты.

Объясненіе.

Выписываю точныя слова текста:

«Пугачевъ стоялъ на высотѣ между двумя дорогами. Михельсонъ ночью обошелъ его и сталъ противу мятежниковъ. Утромъ Пугачевъ опять увидѣлъ предъ собою своего грознаго гонителя, но не смутился, а смѣло пошелъ на Михельсона, отрядивъ свою пѣшую сволочь противу Донскихъ и Чугуевскихъ Казаковъ, стоящихъ по обоимъ крыламъ отряда. Сраженіе продолжалось недолго. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разстроили мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они бѣжали, бросая пушки и весь обозъ. Пугачевъ, переправясь черезъ мостъ, напрасно старался ихъ удержать; онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ними. Ихъ били и преслѣдовали сорокъ верстъ. Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячъ убитыми и до семи тысячъ взятыми въ плѣнъ. Остальные разсѣялись. Пугачевъ въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія переплылъ Волгу выше Черноярска на четырехъ лодкахъ и ушелъ на луговую сторону не болѣе какъ съ тридцатью Казаками. Преслѣдовавшая его конница опоздала четвертью часа. Бѣглецы, не успѣвшіе переправиться на лодкахъ, бросились вплавь и перетонули.»

Рецензентъ пропустилъ безъ вниманія главное обстоятельство, поясняющее дѣйствіе Михельсона, который ночью обошелъ Пугачева и, слѣдственно, разбивъ его, погналъ не внизъ, а вверхъ по Волгѣ, къ Царицыну. Такимъ образомъ мнимая нелѣпость моего разсказа исчезаетъ. Не понимаю, какимъ образомъ военный человѣкъ и военный писатель <ибо г. Броневскій писалъ военныя книги> могъ сдѣлать столь опрометчивую критику на мѣсто столь ясное само по себѣ!

Критика г. Броневскаго.

Къ VI главѣ 6 примѣчанія не достаетъ. См. 123 и 55 стр.

На картѣ не означено многихъ мѣстъ, и даже городовъ и крѣпостей. Это чрезвычайно затрудняетъ читателя.

Объясненіе.

Цыфръ, означающій ссылку на замѣчаніе, есть опечатка.

Карта далеко не полна; но оная была необходима, и я не имѣлъ возможности составить другую, болѣе совершенную.

Г. Броневскій заключаетъ свою статью слѣдующими словами: «Сіи немногіе недостатки ни мало не уменьшаютъ внутренняго достоинства книги, и если бы нашлось и еще нѣсколько ошибокъ, книга, по содержанію своему, всегда останется достойною вниманія публики.»

Если бы всѣ замѣчанія моего критика были справедливы, то врядъ ли книга моя была бы достойна вниманія публики, которая въ правѣ требовать отъ историка если не таланта, то добросовѣстности въ трудахъ и осмотрительности въ показаніяхъ. Знаю, что оправдываться опечатками легко; но, надѣюсь, читатели согласятся, что Тобольскъ вмѣсто Табинскъ, въ пятнадцати верстахъ вмѣсто въ пятидесяти верстахъ, и наконецъ четыре фунта вмѣсто четверти фунта болѣе походятъ на опечатки, нежели слѣдующія errata, которыя гдѣ-то мы видѣли: Митрополитъ—читай: простой священникъ, духовникъ царскій; зала въ тридцать саженей вышины—читай: зала въ пятнадцать аршинъ вышины; Петръ I изъ Вѣны отправился въ Венецію—читай: Петръ I изъ Вѣны поспѣшно возвратился въ Москву.

Рецензенту, наскоро набрасывающему бѣглыя замѣчанія на книгу, бѣгло прочитанную, очень извинительно ошибаться; но автору, посвятившему два года на составленіе ста шестидесяти осьми страничекъ, таковое пренебреженіе и легкомысліе были бы непростительны. Я долженъ былъ поступать тѣмъ съ большею осмотрительностію, что въ изложеніи военныхъ дѣйствій <предметѣ для меня совершенно новомъ> не имѣлъ я тутъ никакого руководства, кромѣ донесеній частныхъ начальниковъ, показаній Казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и тому подобнаго — показаній, часто другъ другу противорѣчащихъ, преувеличенныхъ, иногда совершенно ложныхъ. Я прочелъ со вниманіемъ все, что было напечатано о Пугачевѣ, и сверхъ того 18 толстыхъ томовъ in-folio разныхъ рукописей, указовъ, донесеній и проч. Я посѣтилъ мѣста, гдѣ произошли главныя событія эпохи мною описанной, повѣряя мертвые документы словами еще живыхъ, но уже престарѣлыхъ очевидцевъ, и вновь повѣряя ихъ дряхлѣющую память историческою критикою.

Сказано было, что «Исторія Пугачевскаго бунта» не открыла ничего новаго, неизвѣстнаго. Но вся эта эпоха была худо извѣстна. Военная часть оной никѣмъ не была обработана; многое даже могло быть обнародовано только съ Высочайшаго соизволенія. Взглянувъ на «Приложенія къ Исторіи Пугачевскаго бунта», составляющія весь второй томъ, всякій легко удостовѣрится во множествѣ важныхъ историческихъ документовъ, въ первый разъ обнародованныхъ. Стоитъ упомянуть о собственноручныхъ указахъ Екатерины II, о нѣсколькихъ ея письмахъ, о любопытной лѣтописи нашего славнаго академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинной ученостію и добросовѣстностію—достоинствами столь рѣдкими въ наше время, о множествѣ писемъ знаменитыхъ особъ, окружавшихъ Екатерину: Панина, Румянцева, Бибикова, Державина и другихъ... Признаюсь, я полагалъ себя въ правѣ ожидать отъ публики благосклоннаго пріема, конечно, не за самую «Исторію Пугачевскаго бунта», но за историческія сокровища, къ ней приложенныя. Сказано было, что историческая достовѣрность моего труда поколебалась отъ разбора г. Броневскаго. Вотъ доказательство, какое вліяніе имѣетъ у насъ критика, какъ бы поверхностна и неосновательна она ни была!

Теперь обращаюсь къ г. Броневскому, уже не какъ къ рецензенту, но какъ къ историку.

Въ своей «Исторіи Донскаго Войска» онъ помѣстилъ краткое извѣстіе о Пугачевскомъ бунтѣ. Источниками служили ему: вышеупомянутый романъ «Ложный Петръ III», «Жизнь А. И. Бибикова», и, наконецъ, преданія, слышанныя имъ на Дону. О романѣ мы уже сказали наше мнѣніе. «Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова» по всѣмъ отношеніямъ очень замѣчательная книга, а въ нѣкоторыхъ — и авторитетъ. Что касается до преданій, то если оныя съ одной стороны драгоцѣнны и незамѣнимы, то съ другой я по опыту знаю, сколь много требуютъ они строгой провѣрки и осмотрительности. Г. Броневскій не умѣлъ ими пользоваться. Преданія, собранныя имъ, не даютъ его разсказу печати живой современности, а показанія, на

ПУШКИНЪ, КРЫЛОВЪ, ГНѢДИЧЪ И ЖУКОВСКІЙ ВЪ СРЕДИНѢ 1830-хъ гг.

Картина Чернецова.

нихъ основанныя, сбивчивы, темны, а иногда и совершенно ложны.

Укажемъ и мы на нѣкоторые вымыслы <къ сожалѣнію, не поэтическіе>, на нѣкоторые недосмотры и явныя несообразности.

Приводя вышеупомянутый анекдотъ о Тотлебенѣ, будто бы замѣтившемъ сходство между Петромъ III и Пугачевымъ, г. Броневскій пишетъ: «Если анекдотъ сей справедливъ, то можно согласиться, что слова сіи, просто сказанныя, хотя въ то время не сдѣлали на умъ Пугачева большаго впечатлѣнія, но въ послѣдствіи могли подать ему мысль называться Императоромъ». А черезъ нѣсколько страницъ г. Броневскій пишетъ: «Пугачевъ принялъ предложеніе Яицкаго Казака Ивана Чики, болѣе его дерзновеннаго, называться Петромъ III».— Противорѣчіе!

Анекдотъ о Тотлебенѣ есть вздорная выдумка. Историку не слѣдовало о немъ и упоминать и того менѣе — выводить изъ него какое бы то ни было заключеніе. Государь Петръ III былъ дороденъ, бѣлокуръ, имѣлъ голубые глаза; самозванецъ былъ смуглъ, сухощавъ, малорослъ; словомъ, ни въ одной чертѣ не сходствовалъ съ Государемъ.

Страница 98. «12 Генваря 1773, раскольники <въ Яицкомъ Городкѣ> взбунтовались и убили какъ Генерала <Траубенберга> такъ и своего Атамана.

Не въ 1773, но въ 1771. См. Левшина, Рычкова, Ист. Пугачевскаго Бунта и пр.

Стран. 102. «Полковникъ Чернышевъ прибылъ на освобожденіе Оренбурга, и 29 Апрѣля 1774 года сражался съ мятежниками; Губернаторъ не подалъ ему никакой помощи» и проч.

Не 29 Апрѣля 1774, а 13 Ноября 1773; въ Апрѣлѣ 1774 года разбитый Пугачевъ скитался въ Уральскихъ Горахъ, собирая новую шайку.

Г. Броневскій, описавъ прибытіе Бибикова въ Казань, пишетъ, что въ то время <въ Январѣ 1774> самозванецъ въ Самарѣ и Пензѣ былъ принятъ народомъ съ хлѣбомъ и солью.

Самозванецъ въ Январѣ 1774 года находился подъ Оренбургомъ, и разъѣзжалъ по окрестностямъ онаго. Въ Самарѣ онъ никогда не бывалъ, а Пензу взялъ уже послѣ сожженія Казани, во время своего страшнаго бѣгства, за нѣсколько дней до своей собственной погибели.

Описывая первыя дѣйствія Генерала Бибикова и медленное движеніе войскъ, идущихъ на пораженіе самозванца къ Оренбургу, г. Броневскій пишетъ: «Пугачевъ, умѣя грабить и рѣзать, не умѣлъ воспользоваться симъ выгоднымъ для него положеніемъ. Повѣривъ распущеннымъ нарочно слухамъ, что будто отъ Астрахани идетъ для нападенія на него нѣсколько гусарскихъ полковъ съ Донскими Казаками, онъ долго простоялъ на мѣстѣ, потомъ обратился къ низовью Волги, и чрезъ то упустилъ время, чтобы стать на угрожаемомъ нападеніемъ мѣстѣ».

Показаніе ложное. Пугачевъ все стоялъ подъ Оренбургомъ и не думалъ обращаться къ низовью Волги.

Г. Броневскій пишетъ: «Новый главнокомандующій, Графъ Панинъ, не нашелъ на мѣстѣ <на какомъ мѣстѣ>? всѣхъ нужныхъ средствъ, чтобы утишить пожаръ мгновенно, и не допустить распространенія онаго за Волгою».

Графъ П. И. Панинъ назначенъ главнокомандующимъ, когда уже Пугачевъ переправился черезъ Волгу и когда пожаръ уже распространился отъ Нижняго-Новагорода до Астрахани. Графъ прибылъ изъ Москвы въ Керенскъ, когда уже Пугачевъ разбитъ былъ окончательно Полковникомъ Михельсономъ.

Умалчиваю о нѣсколькихъ незначущихъ ошибкахъ, но не могу не замѣтить важныхъ пропусковъ. Г. Броневскій не говоритъ ничего о Генералъ-Майорѣ Карѣ, игравшемъ столь замѣчательную и рѣшительную роль въ ту несчастную эпоху. Не сказываетъ, кто былъ назначенъ главнокомандующимъ по смерти А. И. Бибикова. Дѣйствія Михельсона въ Уральскихъ Горахъ, его быстрое неутомимое преслѣдованіе мятежниковъ оставлены безъ вниманія. Ни слова не сказано о Державинѣ, ни слова о Всеволожскомъ. Осада Яицкаго Городка описана въ трехъ слѣдующихъ строкахъ: «Онъ <Мансуровъ> освободилъ Яицкій Городокъ отъ осады и избавилъ жителей отъ голодной смерти: ибо они уже употребляли въ пищу землю.»

Политическія и нравоучительныя размышленія *), коими г. Броневскій украсилъ

*) Напримѣръ: «Нравственный міръ, такъ же какъ и физическій, имѣетъ свои феномены, способные устрашить всякаго любопытнаго, дерзающаго разсматривать оные. Если вѣрить философамъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ стихій, добра и зла: то Емелька Пугачевъ безспорно принадлежалъ къ рѣдкимъ явленіямъ, къ извергамъ, внѣ законовъ природы рожденнымъ; ибо въ естествѣ его не было и малѣйшей искры добра,

свое повѣствованіе, слабы и пошлы, и не вознаграждаютъ читателей за недостатокъ фактовъ, точныхъ извѣстій и яснаго изложенія происшествій.

Я не имѣлъ случая изучать исторію Дона, и потому не могу судить о степени достоинства книги г. Броневскаго; прочитавъ ее, я не нашелъ ничего новаго, мнѣ неизвѣстнаго; замѣтилъ нѣкоторыя ошибки, а въ описаніи эпохи, мнѣ знакомой,—непростительную опрометчивость. Кажется, г. Броневскій не имѣлъ ни средствъ, ни времени совершить истинно историческій памятникъ. «Тяжкая болѣзнь»—говоритъ онъ въ началѣ «Исторіи Донскаго Войска»—«принудила меня отправиться на Кавказъ. Первый курсъ леченія Пятигорскими минеральными водами, хотя не оказалъ большаго дѣйствія, но, по совѣту медиковъ, я рѣшился взять другой курсъ. Ѣхать въ Петербургъ и къ веснѣ назадъ возвращаться было слишкомъ далеко и убыточно; оставаться на зиму въ горахъ—слишкомъ холодно и скучно; и такъ 15 Сентября 1831 года отправился я въ Новочеркаскъ, гдѣ родной мой братъ жилъ по службѣ съ своимъ семействомъ. Осьмимѣсячное мое пребываніе въ городѣ Донскаго войска доставило мнѣ случай познакомиться со многими почтенными особами Донскаго края» и проч. «Въ послѣдствіи, увѣрившись, что въ словесности нашей недостаетъ исторіи Донскаго войска, имѣя досугъ и добрую волю, я рѣшился пополнить этотъ недостатокъ» и проч.

Читатели г. Броневскаго могли, конечно, удивиться, увидя вмѣсто статистическихъ и хронологическихъ изслѣдованій о Казакахъ, подробный отчетъ о леченіи автора; но кто не знаетъ, что для больнаго человѣка здоровье его не въ примѣръ занимательнѣе и любопытнѣе всевозможныхъ историческихъ изысканій и предположеній! Изъ добродушныхъ показаній г. Броневскаго видно, что онъ въ своихъ историческихъ занятіяхъ искалъ только невиннаго развлеченія. Это лучшее оправданіе недостаткамъ его книги.

---

966. ЗАПИСКИ БРИГАДИРА МОРО-ДЕ-БРАЗЕ О ПОХОДѢ 1711 ГОДА.

Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. С. Пушкина.

Въ числѣ иноземцевъ, писавшихъ о Россіи, Моро-де-Бразе заслуживаетъ особенное вниманіе. Онъ принадлежалъ къ толпѣ тѣхъ наемныхъ храбрецовъ, которыми Европа была наводнена еще въ началѣ XVIII столѣтія и которыхъ Вальтеръ-Скоттъ такъ геніально изобразилъ въ лицѣ своего капитана Dalgetty.

Моро былъ родомъ Французскій дворянинъ. Вслѣдствіе какой-то ссоры принужденъ онъ былъ оставить полкъ, въ которомъ служилъ офицеромъ, и искать фортуны въ чужихъ государствахъ. Въ началѣ 1711 года, услыша о выгодахъ, доставляемыхъ Петромъ I иностраннымъ офицерамъ, пріѣхалъ онъ въ Россію, и принятъ былъ въ службу Полковникомъ. Онъ былъ свидѣтелемъ несчастному походу въ Молдавію, и послѣ Прутскаго мира былъ отставленъ отъ службы съ чиномъ Бригадира. Онъ скитался потомъ по Европѣ, предлагалъ свои услуги то Австріи, то Саксоніи, то Венеціанской Республикѣ, получалъ отказы и вспоможенія; сидѣлъ въ тюрьмѣ и проч.

Онъ былъ женатъ на вдовѣ, женщинѣ хорошей дворянской фамиліи, и которая для него перемѣнила свое вѣроисповѣданіе. Она, какъ кажется, была то, что Французы называютъ une aventurière. Въ 1714 году, г-жа Моро-де-Бразе была при дворѣ Государыни Великой Княгини, супруги несчастнаго Царевича, но не ужилась съ молодымъ Графомъ Левенвольдомъ, и была выслана изъ Петербурга.

Въ 1735 году, Моро издалъ свои записки подъ заглавіемъ: Mémoires politiques, amusans et satiriques de messire J. M. D. B., C. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne, à Véritopolis chez Jean Disant-vrai. 3 volumes. Въ сихъ запискахъ слишкомъ часто принужденъ онъ оправдывать то себя, то свою жену. Онѣ не имѣютъ ни прелести Гамельтона, ни оригинальности Казановы; слогъ ихъ столь же тяжелъ, какъ и неправиленъ. Впрочемъ, Моро писалъ свои сочиненія съ небрежной увѣренностію

того благаго начала, тоіі духовноіі части, которыя разумное твореніе отъ безсмысленнаго животнаго отличаютъ. Исторія сего злодѣя можетъ изумить порочнаго и вселить отвращеніе даже въ самыхъ разбойникахъ и убійцахъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ низко можетъ падать человѣкъ, и какою адскою злобою можетъ быть преисполнено его сердце. Если бы дѣянія Пугачева подвержены были малѣйшему сомнѣнію, я съ радостію вырвалъ бы страницу сію изъ труда моего.»

дворянина, а смотрѣлъ на ихъ успѣхъ съ философіей человѣка, знающаго цѣну славѣ и деньгамъ. «Qui que vous soyez, ami lecteur», говоритъ онъ въ своемъ предисловіи: «quelque élevé que soit votre génie, quelques supérieures que soient vos lumières, quelque délicate enfin que soit votre manière de parler et d'écrire, je ne vous demande point de grace et vous pouvez vous égayer en critiquant ces amusements, que je laisse à la censure publique; mais en vous donnant carrière à mes dépens et aux votres, car il vous en coutera votre argent pour lire mes ouvrages, souvenez-vous qu'un galant homme qui se trouve au fond du nord, avec des gens la plupart barbares dont il n'entend pas la langue seroit bien à plaindre, s'il ne savoit pas se servir d'une plume pour se désennuyer en écrivant tout ce qui se passe sous ses yeux. Vous savez qu'il n'est pas donné à tout le monde de penser et d'écrire finement. Sur ce pied vous m'excuserez, s'il vous plait, s'entend, par la raison qu'il y auroit bien des gens inutiles, s'il n'y avoit que ceux qui pensent et qui écrivent dans le goût rafiné qui s'en mêlessent; vous y perdriez les nouvelles de ces pays perdus que je vous donne, où les bonnes plumes ne sont pas familières. Adieu, lecteur mon ami, critiquez; plus il y aura des censeurs, mieux mon libraire s'en trouvera. Ce sera une marque qu'il débitera mon livre et qu'il retirera les fruits de son travail.

Sunt sanis omnia sana».

Записки Моро перемѣшаны съ разными стихотвореніями, иногда чрезвычайно вольными, большею частію собранными имъ; ибо онъ, вѣроятно, по своей драгунской привычкѣ, располагалъ иногда чужою литературной собственностію, какъ непріятельскою.

Впрочемъ, онъ и самъ написалъ множество стиховъ. Выпишемъ нѣсколько строфъ изъ его оды къ королю Августу, какъ образецъ его поэтическаго таланта.

En quittant le Brabent j'épousai la querelle
Du Czar votre allié, je cru le bien servir,
J'ai même cru longtems pouvoir lui convenir.
Et quoiqu'il agréa mon zèle,
Je fus contraint de revenir.

*

Le sang que j'ai versé, les pertes que j'ai faites
D'un équipage entier que je n'ai point gagné,
Qui fut par le Turban dans le combat pillé,
Furent les tristes interprétes
Qui m'annoncèrent mon congé.

*

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,
Etranger, sans patron et toujours malheureux,
Je cherche le secours d'un prince généreux
A qui je viens offrir ma vie
Également comme mes vœux.

*

Ne croyez pas, grand Roi, qu'ardent en espérance,
J'ose vous demander plus que mon entretien,
Dans mon état présent, que je ne me sais rien.
Un peu d'honneur pour ma naissance,
Un peu de bien pour mon soutien.

Эти стихи доказываютъ, что финансы отставного Бригадира находились не въ цвѣтущемъ состояніи. Впрочемъ, Августъ велѣлъ выдать ему триста гульденовъ, и Моро былъ очень доволенъ; должно признаться, что ода и того не стоила

Разсказъ Моро-де-Бразе о походѣ 1711 г., лучшее мѣсто изо всей книги, отличается умомъ и веселостію беззаботнаго бродяги; онъ заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей и неожиданныхъ откровеній, которыя можно подмѣтить только въ пристрастныхъ и вмѣстѣ искреннихъ сказаніяхъ современника и свидѣтеля.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,

Моро не любитъ Русскихъ и недоволенъ Петромъ; тѣмъ замѣчательнѣе свидѣтельства, которыя вырываются у него по-неволѣ. Съ какой простодушной досадою жалуется онъ на Петра, предпочитающаго своихъ полудикихъ подданныхъ храбрымъ и образованнымъ иноземцамъ! Какъ живо описанъ Петръ во время сраженія при Прутѣ! Съ какой забавной вѣтренностію говоритъ Моро о нашихъ гренадерахъ, qui, quoique Russes, c'est à dire peu pitoyables, voulaient monter à cheval pour sécourir ces braves Hongrois *), на что чувствительные Нѣмцы, ихъ начальники, не хотѣли однако согласиться. Мы не хотѣли скрыть или ослабить и порицанія, и вольныя сужденія нашего автора, будучи увѣрены, что таковыя нападенія не могутъ повредить ни славѣ Петра Великаго, ни чести Русскаго народа. Предлагаемъ «Записки Бригадира Моро», какъ важный историческій документъ, который не должно смѣшивать съ нелѣпыми повѣствованіями иностранцевъ о нашемъ отечествѣ.

---

*) Тринадцать Венгерцевъ, кинувшихся въ средину Турецкой конницы.

[ЗАПИСКИ МОРО-ДЕ-БРАЗЕ].

Начинаю съ замѣчательнѣйшаго и самаго блестящаго изъ событій, коимъ былъ я свидѣтель въ этой глухой сторонѣ: именно съ войны, объявленной султаномъ Петру Алексѣевичу, Императору Великой и Малой Россіи. Но, дабы представить ее въ истинномъ видѣ, мнѣ должно будетъ описать предшествовавшія обстоятельства. Позвольте мнѣ *) обратиться къ тому времени, какъ Шведскій король Карлъ XII, восторжествовавъ надъ Фридерикомъ-Августомъ <королемъ Польскимъ и курфирстомъ Саксонскимъ> и надъ Его Царскимъ Величествомъ **) бросился въ Саксонію, возвелъ на Польскій Престолъ Станислава, и принудилъ Августа отказаться отъ короны съ сохраненіемъ единаго королевскаго титула. Въ это время Шведскій король могъ заключить честный и выгодный миръ, предлагаемый ему Царемъ. Положеніе его было самое счастливое: у него было до 40.000 прекраснаго войска, обыкшаго къ боямъ, и цѣлыя десять лѣтъ избалованнаго побѣдами; у войска всего было вдоволь: оно обогатилось въ Саксоніи, не безъ обиды и притѣсненій обывателямъ. Главная цѣль Шведскаго короля была имъ достигнута. Фридерикъ-Августъ былъ низверженъ. Онъ могъ отдѣлаться отъ прочихъ своихъ непріятелей миромъ, котораго они домогались. Вспомнимъ, что Карлъ XII былъ главнымъ посредникомъ при заключеніи Рисвицкаго мира. Онъ могъ обезоружить Европу, воюющую за Испанское наслѣдство, если бы только объявилъ себя противникомъ сторонѣ несогласной на общій миръ. Даже было о томъ и предположеніе, устроенное г-мъ де Бонакомъ, Французскимъ чрезвычайнымъ посломъ при его Дворѣ; но герцогъ Марлборугъ отвратилъ ударъ, прибывъ въ Саксонію и успѣвъ задарить г-на Пипера Англійскимъ и Голландскимъ золотомъ ***). Сей министръ изъ благодарности разрушилъ мѣры, уже принятыя для утвержденія общаго мира, и завлекъ Карла XII въ преслѣдованіе Петра въ предѣлы областей Его Царскаго Величества – роковое предпріятіе, дорого ему стоившее!

Шведскій король вышелъ изъ Саксоніи со всѣми своими полками. Онъ оставилъ въ Польшѣ, для поддержанія Станислава, имъ коронованнаго, 20,000 войска (въ томъ числѣ 9,000 новоприбывшаго изъ Швеціи) подъ начальствомъ генерала графа Крассау, а самъ пошелъ къ Днѣпру, переправился черезъ него, не смотря на всѣ препятствія, и приближился къ самой Полтавѣ, гдѣ Его Царское Величество остановился и укрѣпился, предавъ огню и разоренію собственную землю, дабы отнять у непріятеля способы къ пропитанію.

Вся Европа видѣла конецъ несчастнаго похода и паденіе короля, дотолѣ непобѣдимаго. Войско его было уничтожено или захвачено въ плѣнъ. Его совѣтъ, чиновники, за нимъ послѣдовавшіе имѣли ту же участь; самъ король, дабы не попасться въ руки своимъ врагамъ, бросился съ тремя стами конныхъ въ Турецкую землю, за Днѣстръ, въ сосѣдство Буджацкихъ Татаръ, и искалъ убѣжища въ Бендерахъ.

Это удивительное пораженіе измѣнило всѣ его дѣла не только въ Польшѣ, но и въ собственномъ его государствѣ. Крассау, получивъ о томъ извѣстіе и не будучи въ состояніи держаться долѣе въ Польшѣ, поспѣшно удалился въ Померанію. Станиславъ за нимъ послѣдовалъ, страшась попасться въ руки приверженцамъ Августовымъ.

Польскій король обнародовалъ манифестъ, въ которомъ отказывался отъ мира, имъ заключеннаго съ Карломъ XII, объявляя, что принужденъ былъ на оный согласиться, дабы избавить свои наслѣдственныя области отъ насилія Шведскихъ войскъ, разорявшихъ Саксонію, и что министры, имъ употребленные для переговоровъ, некстати обязали его и преступили его предписанія. Потомъ явился онъ въ Польшѣ и, поддерживаемый великимъ гетманомъ Сипявскимъ, имѣя въ своей власти коронное войско и множество приверженцевъ, онъ снова вступилъ на престолъ и по прежнему признанъ королемъ.

Съ другой стороны король Датскій, видя, что Карлъ въ Турціи, а что войско его уничтожено, и полагая, что ему легко будетъ завоевать Скапію *) и далѣе вступить въ Швецію, обратилъ туда свои войска. Генералы его вторгнулись въ сію сосѣдственную область, предметъ всегдашней его зависти. Но Шведы, большею частію кое-какъ и кое-гдѣ набранные люди разбили ихъ на-голову. Датское войско бѣжало, подрѣзавъ жилы ногъ у лошадей, дабы не могли онѣ служить непріятелю и бросивъ казну, обозъ и артиллерію.

Его Царское Величество, пользуясь разбитіемъ непріятеля, двинулъ поспѣшно полки свои въ Лифляндію. Между тѣмъ короли Датскій и Польскій должны были въ одно время войти въ Померанію, дабы произвести диверсію и облегчить Царю завоеваніе провинціи, которой онъ давно добивался и отъ которой онъ уже успѣлъ отлу-

---

*) Моро-де-Бразе относится въ своихъ запискахъ къ неизвѣстной дамѣ.—*Прим. А. С. Пушкина.*

**) Должно было прибавить: и надъ Датскимъ королемъ Фридерикомъ IV, который началъ Сѣверную войну и первый почувствовалъ когти Шведскаго льва. *Прим. А. С. П.*

***) Такъ вообще думали въ Европѣ. Вольтеръ съ этимъ не согласенъ: Il est certain que Charles était inflexible dans le dessein d'aller détroner l'Empereur des Russes, qu'il ne recevoit alors conseil de personne et qu'il n'avoit pas besoin des avis du comte Piper pour prendre de Pierre Alexiewitz une vengeance qu'il cherchoit depuis longtems. - Histoire de Charles XII. – *Прим. А. С. П.*

*) Шоны. [Примѣчаніе ред. «Современ.» 1837 г.].

пить *) Нарву, дабы защищать Петербургъ — новый, укрѣпленный городокъ, выстроенный имъ на рѣкѣ Нервѣ (Nerva) въ началѣ войны.

Сего не довольно: новое бѣдствіе поразило Швецію, гдѣ въ отсутствіе короля учрежденъ былъ совѣтъ изъ лучшихъ и благоразумнѣйшихъ головъ всего государства: явилась чума въ Стокгольмѣ, въ Сканіи, въ Помераніи и во всей Лифляндіи, гдѣ свирѣпствовала во всей своей силѣ. Въ сіе-то время Его Царское Величество вознамѣрился овладѣть Лифляндіей и началъ свои завоеванія осадою Риги. Городъ принужденъ былъ къ сдачѣ болѣе чумою, нежели силою оружія и бомбами, которыя, безъ сего Божьяго наказанія, не принесли бы Царю великой пользы.

Около сего времени прибылъ я въ Ригу проситься въ службу къ Его Царскому Величеству, твердо рѣшившись скорѣе умереть съ голоду, нежели воевать противу отечества моего и вредить его пользѣ.

Царь, послѣ взятія Риги, поручилъ князю Меньшикову взять Ревель и Пернау, города укрѣпленные, имѣющіе гавани въ Балтійскомъ морѣ.

Князь Меньшиковъ завоевалъ ихъ тѣмъ же средствомъ, какимъ взята была Рига: чума предала ихъ въ его руки и увѣнчала его лаврами, межъ тѣмъ какъ осыпала кипарисомъ несчастную Лифляндію, Курляндію, Литву и Пруссію.

Послѣ Ревеля и Пернау князь Меньшиковъ, не нашедъ Выборга достойнымъ своего личнаго присутствія, отрядилъ къ оному генералъ-лейтенанта Брекольса (Brecols) **) съ достаточнымъ числомъ войска, а самъ отправился въ Петербургъ отдать во всемъ отчетъ Его Царскому Величеству ***). Онъ принятъ былъ какъ побѣдитель; его пожаловали губернаторомъ Лифляндіи <Онъ уже былъ герцогомъ Ингерманландскимъ>.

Порта испугалась быстроты сихъ завоеваній. Султанъ и его сановники предвидѣли, что сосѣдъ ихъ, если усилится, то нанесетъ имъ современемъ большія огорченія. Завоеваніе Азова ****) лежало у нихъ на сердцѣ, тѣмъ болѣе, что Царь въ укрѣпленіи онаго сдѣлалъ значительныя улучшенія и содержалъ въ немъ морское войско, притѣсняя тѣмъ Турецкую торговлю на Черномъ морѣ, если ужъ не вовсе ее уничтожая. Сверхъ того, для защиты Азова и окрестностей онаго, Петръ выстроилъ новыя крѣпости. Все это, при помощи происковъ Шведскаго короля, понудило Порту объявить войну Его Царскому Величеству. Царь получилъ о томъ извѣстіе по прибытіи князя Меньшикова и по распредѣленіи войскъ по квартирамъ послѣ столь многотрудной кампаніи. Онъ сталъ не-на-шутку заботиться о приготовленіяхъ къ будущему походу, дабы предупредить, буде возможно, опаснаго непріятеля, который на него навязывался.

Генералъ-лейтенантъ Беркгольцъ взялъ Выборгъ, но не безъ потери и не безъ труда. Царь однакожъ, въ знакъ благоволенія, прислалъ ему свой портретъ, осыпанный алмазами, и повелѣлъ войска, осаждавшія Выборгъ, Ревель и Перновъ <кромѣ конницы> распредѣлить по симъ городамъ. Всей же конницѣ, кромѣ нѣсколькихъ драгунъ, приказано идти въ Верхнюю-Польшу и въ Польскую-Россію <dans la Haute-Pologne et dans la Russie Polonaise>, гдѣ легче было ее продовольствовать, нежели въ Лифляндіи, коей всѣ почти селенія опустошены были чумою *).

Около Ноября мѣсяца курьеръ отъ князя Меньшикова привезъ уполномоченному генералъ-комиссару Лифляндскому, барону Левенвольду, приказаніе собрать Рижскихъ дворянъ и объявить имъ, что князь черезъ мѣсяцъ прибудетъ въ Ригу для принятія отъ нихъ присяги въ вѣрности и подданствѣ Его Царскому Величеству. Между разными новостями, князь прислалъ Левенвольду и условія, недавно предложенныя Портою Царю, во избѣжаніе войны, неминуемой въ случаѣ несогласія съ его стороны. Я жилъ у Левенвольда. Мы провожали вмѣстѣ часы веселія на досугѣ. Онъ показалъ мнѣ эти условія; они состояли изъ семи статей:

I. Возвратить Азовъ, а укрѣпленія, вновь приложенныя къ прежнимъ, также и новыя крѣпости, выстроенныя по берегамъ Чернаго Моря, разорить.

II. Расторгнуть совершенно союзъ, заключенный съ Фридерикомъ-Августомъ, курфирстомъ Саксонскимъ, и принять Станислава королемъ Польскимъ.

III. Возвратить всю Лифляндію и вообще все завоеванное Русскими Шведскому королю, а Петербургъ разорить и срыть до основанія.

IV. Заключить наступательный союзъ съ королями Карломъ XII и Станиславомъ противу Фридерика-Августа, курфирста Саксонскаго, если курфистъ возобновитъ притязанія свои на Польскій престолъ, имъ уступленный Станиславу.

V. Казакамъ возвратить прежнюю вольность и преимущества.

VI. Возвратить натурой или иначе все, что король Шведскій потерялъ черезъ Полтавское сраженіе.

VII. Морское войско и флотъ отвести къ Воронежу и съ нимъ къ Черному Морю не приближаться.

Если бъ Его Царское Величество находился въ положеніи Шведскаго короля, то и тутъ Порта не могла бы предложить ему условія болѣе притѣснительныя. За то ихъ и не приняли. Стали сильно готовиться къ войнѣ, дабы доказать Портѣ, что Его Величество не дошелъ еще до того, чтобы могъ выслушивать таковыя предложенія.

Между тѣмъ, какъ Царь созывалъ совѣтъ за совѣтомъ для опредѣленія мѣръ, нужныхъ противу столь опаснаго непріятеля, повсюду приготовляли войско къ выступленію въ походъ, по первому приказанію. Посреди сихъ пріуготовленій и въ самое то время, какъ государь болѣе всего казался озабоченнымъ, Курляндскій герцогъ женился въ Петербургѣ на племянницѣ государя. Бракъ сей, праздновалъ князь Меньшиковъ и праздновалъ по царски. Но молодой герцогъ такъ былъ невоздержанъ на пирахъ, данныхъ по тому случаю, и такъ много пилъ Венгерскаго <къ чему Русскіе привыкли>, что черезъ шесть дней послѣ свадьбы

*) Dout il avait déjá écorané Narva.—*Прим. А. С. П.*

**) Беркгольцъ, генералъ-майоръ.—*Прим. А. С. П.*

***) Все это писано наобумъ. Выборгъ взятъ былъ не Беркгольцемъ, но сдался генералъ-адмиралу графу Апраксину, вприсутствіи самого Царя, 11 Іюля 1710 года. Пернау взятъ 14 Августа того же года не княземъ Меньшиковымъ, а генераломъ Боуромъ, отряженнымъ изъ-подо осажденной Риги. Ревель взятъ имъ же, Боуромъ, 29 Сентября и проч.—*Прим. А. С. П.*

****) Asof, sur la Mer-Noire, пишетъ Моро.—*Прим. А. С. П.*

*) Отселѣ разсказъ Моро становится достовѣрнымъ.—*Прим. А. С. П.*

онъ занемогъ на обратномъ пути въ свои владѣнія, на первомъ ночлегѣ, и умеръ черезъ пять дней. Объ немъ очень жалѣли его подданные и всѣ тѣ, которые имѣли честь быть съ нимъ знакомы.—Герцогъ былъ любезный молодой человѣкъ и много обѣщалъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ погребальнаго его шествія чрезъ Ригу въ Митаву, столицу Курляндскаго Герцогства, гдѣ долженъ былъ онъ быть похороненъ между гробами герцоговъ, своихъ предковъ, князь Меньшиковъ изъ Ревеля и Пернова, гдѣ принималъ онъ присягу дворянства, прибылъ въ Ригу для той же церемоніи. Въ три дня князь привелъ къ концу препорученіе, на него возложенное, и возвратился въ Петербургъ.

Его Царское Величество отправилъ изъ Петербурга своихъ генераловъ, каждаго къ своей дивизіи, и повелѣлъ генералъ-фельдмаршалу графу Шереметеву вывести въ поле полки, назначенные къ походу, и самому слѣдовать за ними къ Днѣстру, гдѣ вся армія должна была собраться.

Съ другой стороны повелѣлъ онъ адмиралу и вице-адмиралу, находившимся при его особѣ, ѣхать въ Азовъ, а самъ отправился въ Москву. Тамъ осмотрѣлъ онъ рекрутовъ, набранныхъ по его повелѣнію, и отправилъ ихъ къ Смоленску, гдѣ ихъ ожидалъ отрядъ, дабы препроводить въ Подолію для распредѣленія по полкамъ. Царь потомъ занялся послѣдними пріуготовленіями, отправилъ казну и самъ наконецъ поѣхалъ въ Польшу, поручивъ князю Меньшикову надзоръ надъ непріятелемъ въ Лифляндіи.

24 Февраля 1711 года дивизія князя Рѣпнина, стоявшая около Ревеля и Пернова, выступила въ походъ къ Подоліи, назначенной сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ войскъ. Баронъ Аллартъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ генераловъ Его Царскаго Величества, выступилъ изъ Литвы съ своею дивизіей; то же сдѣлали генералы Вейде и баронъ д'Эгобергъ.

Имѣвъ честь быть принятъ полковникомъ Казанскаго драгунскаго полка и бригадиромъ войска Его Царскаго Величества, получилъ я приказаніе ѣхать въ свой полкъ и къ своей бригадѣ, находившейся въ Польской Россіи на зимнихъ квартирахъ. Я имѣлъ дозволеніе взять изъ Курляндіи драгуновъ, сколько мнѣ ихъ понадобится, для поставленія всего нужнаго мнѣ и людямъ моимъ во время столь долгаго пути: отъ Риги до Сороки, что на Днѣстрѣ, къ сторонѣ Молдавіи, гдѣ соединилась армія, считается 266 Нѣмецкихъ миль, или 532 Французскихъ льё. Я повиновался данному мнѣ приказанію и отправился въ эту дальнюю дорогу съ двадцатью только драгунами. Я ѣхалъ въ Митаву, Вильну, Новогрудскъ, Слуцкъ, Давидоградскъ <отъ коего въ шести Французскихъ льё переправился черезъ Днѣпръ, рѣку опасную, не имѣющую береговъ, и разлившуюся направо и налѣво, на разстояніи нѣсколькихъ льё>, потомъ на Полоссъ, Острогъ, Мазибушь, Леополь, Замосцъ, Тарнополь, Сатонопъ и Шарградъ <Разградъ?>, гдѣ настигъ я армію. Сей послѣдній городъ былъ нѣкогда обширенъ и имѣлъ знатную торговлю. Но во время войнъ Польши съ Портою, Турки его опустошили; теперь однѣ развалины свидѣтельствуютъ о томъ, чѣмъ былъ онъ прежде.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, вслѣдствіе своихъ повелѣній, нашелъ въ Бродахъ всю свою кавалерію, собранную начальникомъ оной, генераломъ Янусомъ. Фельдмаршалъ пошелъ къ Могилеву съ нею и пѣхотными полками Пипермапландскимъ и Астраханскимъ, сопровождавшими его отъ самой Риги. Тутъ и переправился онъ черезъ Днѣстръ въ трехъ разныхъ мѣстахъ и занялъ Молдавію. Господарь отложился отъ Порты, передался фельдмаршалу и привелъ къ нему до шести тысячъ плохой Молдавской конницы; ихъ всадники большею частью вооружены стрѣлами или полупиками, подобно казакамъ; всѣ они ужасные воры.

Дивизія генерала Алларта достигла Днѣстра, первая изъ всей пѣхоты. Вслѣдъ за нимъ прибыли въ тотъ же день генералы Брюсъ и Гинтеръ со всею артиллеріей и своими полками. Баронъ Аллартъ переправился черезъ Днѣстръ на понтонахъ, и поспѣшилъ занять укрѣпленіе въ Сорокѣ, чему никто и не думалъ воспротивиться.

Сорокъ пять лѣтъ передъ тѣмъ, крѣпость эта выдержала славную осаду. 40,000 Турокъ и 40,000 Татаръ, подъ предводительствомъ сераскира, принуждены были послѣ шестимѣсячныхъ тщетныхъ усилій, со стыдомъ отступить, покинувъ лагерь и всю артиллерію, за что сераскиръ заплатилъ своею головою.

Генералъ Аллартъ нашелъ хорошіе подземельные погреба, нѣсколько сабель, нѣсколько бочонковъ пороху, но мало съѣстныхъ припасовъ.

Il y ordonna des ouvrages extérieurs, qu'il traça lui-même, et un pont sur le Niester qui eut pour tête le chateau fort bon pour le pays, et deux doubles tenailles en queue.

Генералъ Аллартъ, сверхъ другихъ достоинствъ, есть одинъ изъ лучшихъ инженеровъ своего времени. Онъ умѣетъ искусно развѣдать мѣстныя обстоятельства, расположиться лагеремъ и начертать вѣрную карту театру войны.

Покамѣстъ, по его приказанію, войско занималось работами, генералъ-лейтенантъ Брюсъ переправилъ артиллерію подъ прикрытіемъ неразлучныхъ съ нею полковъ канонерскихъ и бомбардирскихъ; онъ расположилъ свой паркъ влѣво отъ укрѣпленія, на полуостровѣ, образуемомъ рѣкою.

30 Мая дивизія генерала Адама Вейде заняла Днѣстровскія высоты въ получасѣ отъ Сороки, въ прекрасной долинѣ, куда прибылъ въ тотъ же день генералъ баронъ Денсбергъ. На другой день, 31 Мая, генералъ князь Рѣпнинъ сталъ тамъ же, на лѣвой сторонѣ линіи.

Его Царское Величество изъ Москвы отправился въ Польскій Ярославъ, гдѣ, по просьбѣ его собраны были королемъ Польскіе сенаторы, съ тѣмъ, чтобы принудить, если возможно, республику соединиться съ Россіею противу невѣрныхъ. Но сенаторы рѣшили иначе: положено было республикѣ, держась условій Карловицкаго мира, ни какимъ образомъ не мѣшаться въ эту новую войну, ибо довольно было ей и своихъ междоусобій.

Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, государь отправился въ армію въ сопровожденіи генерала Рене, оставшагося въ окрестностяхъ Ярослава съ частію конницы для охраненія особы Его Величества.

12 іюня *) <ст. стиля> государь прибылъ

*) У Моро поставлено здѣсь 2 іюня: ошибка или опечатка. Въ журналѣ Петра Великаго сказано: «во 12 день <іюня> прибыли <Ихъ Величества> съ гвардіей къ рѣкѣ Днѣстру, гдѣ случились съ пѣхотными дивизіями генерала Вейде и Алларта»; отселѣ и отъ того же числа Петръ написалъ нѣсколько писемъ.—*Прим. А. С. Ш.*

на берегъ Дѣстра съ Императрицею, съ своими министрами, съ казною, Преображенцами и Семеновцами (les Breobrasenski et Simonovski), своею гвардіею; полки сіи, хотя пѣхотные, но въ походѣ садятся на конь и идутъ съ литаврами, штандартами и трубами (тожь и Пигермандландскій и Астраханскій). Въ лагерѣ или въ городѣ имъ возвращаютъ барабаны.

13 іюня, по утру, Его Величество дѣлалъ смотръ пѣхотѣ; послѣ обѣда посѣтилъ онъ мостъ, уже оконченный попеченіями генерала Алларта, также и новыя укрѣпленія Сороки. Государь былъ очень доволенъ. Потомъ осмотрѣлъ онъ артиллерію и возвратился въ лагерь.

14-го былъ у Его Величества большой военный совѣтъ; на немъ присутствовали всѣ генералы, которые могли только пріѣхать. И на семъ то совѣтѣ предприняты были государемъ, по внушенію его министровъ и Русскихъ генераловъ, мѣры, произведшія бѣдствія, которыя можно было избѣжать, если бъ обратили порядочное вниманіе на положеніе, въ коемъ находилось войско, на мѣстныя обстоятельства и на состояніе земли, въ которую готовились вступить; однимъ словомъ, если бы Его Величество согласился съ мнѣніемъ своихъ НѢмецкихъ генераловъ, *) которые, кромѣ его славы и пользы, ничего въ виду не имѣли.

Прежде нежели опишу то, что произошло на знаменитомъ этомъ совѣтѣ, я долженъ дать вамъ понятіе о состояніи арміи. Войско не имѣло съѣстныхъ запасовъ и на восемь дней, и могло, если опыхъ не находилось въ Молдавіи, быть уничтожено не непріятелемъ, а голодомъ. Это затруднительное положеніе извѣстно было всѣмъ; генералы, министры, самъ государь это зналъ, комиссары посланы были имъ въ Венгрію для закупки быковъ, а въ Украйну для забранія барановъ и муки.

Совѣтъ, собранный Его Величествомъ на берегу Дѣпра, [Дѣстра?] и который рѣшилъ всю судьбу всей кампаніи, составляли: великій канцлеръ графъ Головкинъ, баронъ Шафировъ и господинъ Сава <Рагузинскій>—всѣ трое тайные совѣтники <тоже, что во Франціи министры>, генералъ Рене, князь Рѣпнинъ, Адамъ Вейде, князь Долгорукій и Брюсъ <все генералы или лейтенантъ-генералы>. Они составляли партію Русскихъ. Партію НѢмцевъ составляли генералы: баронъ Аллартъ и баронъ Денсбергъ и лейтенантъ-генералы баронъ Остенъ и Беркгольцъ. Это раздѣленіе на двѣ партіи въ Россіи признано всѣми.

Стали разсуждать о томъ, что надобно было дѣлать. Войско было собрано, а о Туркахъ было не слыхать, какъ будто въ мирное время. Правда, нѣсколько тысячъ Буджацкихъ Татаръ нѣсколько времени предъ-симъ учинили набѣгъ на Русскую украйну и на землю казаковъ (en Cozaquie), гдѣ они пожгли и ограбили селенія, отогнали скотъ и захватили людей; но при приближеніи нашихъ полковъ они уже не смѣли показываться, и лагерь нашъ былъ въ совершенномъ спокойствіи. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, стоявшій близъ Яссъ, въ самой Молдавіи, былъ точно въ томъ же положеніи.

Совѣтъ начался. НѢмецкіе генералы первые имѣли честь предложить свое мнѣніе. Они полагали нужнымъ оставаться на берегахъ Дѣстра, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, для узнанія непріятельскихъ намѣреній; во-вторыхъ, дать арміи отдохнуть послѣ долгаго похода. Они представили, что и съѣстные запасы, безъ которыхъ никакая армія не можетъ существовать, могутъ быть безъ большихъ расходовъ доставляемы по Дѣстру; что можно будетъ устроить магазины въ Польшѣ; что, занимая берегъ Дѣстра, не должно, однако, оставаться въ бездѣйствіи, но что, напротивъ того, надобно идти къ Бендерамъ, которыя взять можно въ скоромъ времени, укрѣпить и сдѣлать изъ нихъ и крѣпость, и военный магазинъ en y établissant un pont <?> de communication; что Сорока, находясь уже во власти Его Величества и будучи укрѣплена, есть также крѣпость и магазинъ; что то же самое можно сдѣлать и въ Могилевѣ <на Дѣстрѣ>, и что такимъ образомъ Его Величество будетъ имѣть три входа въ Молдавію, при всѣхъ трехъ переправахъ черезъ Дѣстръ, и три магазина для своихъ войскъ; что Турки, будучи принуждены проходить степью, потеряютъ лошадей, прежде нежели до насъ достигнутъ; что имъ почти невозможно будетъ взять наши крѣпости, защищаемыя многочисленнымъ и исправнымъ войскомъ; что вѣроятно не рѣшатся они ихъ осадить, и того менѣе переправляться черезъ Дѣстръ и строить мосты въ присутствіи войскъ Его Величества; что если Его Величество въ настоящихъ обстоятельствахъ захочетъ ввести армію свою въ Молдавію, то онъ можетъ ея лишиться и помрачить славу свою; что, по показанію Сорокинскихъ жителей, должно, по крайней мѣрѣ, пять дней проходить необитаемую степь, гдѣ нельзя найти ни воды, ни хлѣба; что сторона, находящаяся за степью, не изобилуетъ хлѣбомъ, ибо онаго недостаточно даже на продовольствіе жителей, хотя та часть Молдавіи мало заселена; что если въ Яссахъ и по ту сторону сего города, и было чѣмъ продовольствоваться, то наша конница, стоящая тамъ, въ три недѣли, вѣроятно, все уже потребила; что примѣръ Шведскаго короля слишкомъ еще свѣжъ, и что не должно отважиться сдѣлать ошибку еще важнѣйшую, углубляясь въ незнакомую землю, о коей всѣ доселѣ получаемыя свѣдѣнія ничего благопріятнаго не предвѣщаютъ.

Въ заключеніе, НѢмцы просили Его Величество быть увѣрену, что, представляя ему дѣло, каково оно есть, они не имѣли ничего въ виду, кромѣ его собственной славы; что когда займемъ мы берега Дѣстра и устроимъ магазины, Турки, покусясь на что бы то ни было, утратятъ свои силы всѣ или отчасти, между-тѣмъ какъ Его Величество, имѣя тылъ свой свободнымъ, успѣлъ свои войска, будетъ въ состояніи съ пользою употребить полки, оставленные въ Польшѣ, и послѣ кампаніи уже безъ всякаго препятствія проводить непріятеля въ его собственную землю, и тамъ расположиться по своей волѣ и приготовиться къ завоеваніямъ, прежде нежели Турки успѣютъ выдти изъ зимнихъ своихъ квартиръ.

Мнѣніе сіе было самое здравое; но Русскіе ему воспротивились. Генералъ Рене, хотя родомъ и Курляндецъ, но по положенію своему придерживающійся стороны министровъ, возразилъ, что неприлично было бы Его Величеству защищать рѣку съ такими прекрасными войсками; что въ случаѣ истощенія запасовъ, должно будетъ ихъ достать въ самой непріятельской землѣ; что области Греческія, по примѣру Молдавскаго госпо-

*) Иностранныхъ. См. далѣе объясненіе самого Моро *Прим. А. С. Ш.* Какъ замѣтно, что здѣсь говоритъ иностранецъ, приверженный къ своей партіи. *Прим. А. С. Ш.*

даря, готовы были возмутиться при первомъ вступленіи нашихъ полковъ въ Турецкія границы; что, по донесеніямъ генералъ-фельдмаршала графа Шереметева, за степью до Дуная армію можно будетъ продовольствовать; что стыдно было бы тратить деньги на построеніе магазиновъ, когда можно дѣлать это на счетъ непріятеля; что надобно войти и углубиться въ Турецкія земли; что Турки будутъ полу-уничтожены уже и тѣмъ, что увидятъ сильное войско Его Величества посреди ихъ областей, готовое предписывать имъ законы; что примѣръ Шведскаго короля здѣсь вовсе неійдетъ; что полки наши тѣ же самые, которые разбили его и готовы разбить Турковъ; что таково его мнѣніе, и что славнѣйшаго и полезнѣйшаго способа Его Царскому Величеству избѣгать не возможно.

Съ симъ мнѣніемъ согласились Русскіе министры, и генералы охотно ему послѣдовали, и вопреки благоразумному мнѣнію Нѣмцевъ положено было переправиться черезъ Днѣстръ и войти въ степи.

Разсуждая о семъ движеніи, всѣ мы сильно обвиняли тѣхъ, которые его посовѣтовали Его Величеству. Ясно было, что государь принужденъ будетъ отступиться отъ своихъ намѣреній. Но, зная, что Русскій народъ склоненъ къ спокойствію, лѣнивъ и не любитъ военныхъ трудовъ, мы увѣрены были, что царскіе министры, опасаясь слишкомъ продолжительной войны, нарочно завлекли государя въ неудачу, дабы уменьшить въ немъ пылъ воинскій и принудить его къ покою. *) Такова было, по-крайней-мѣрѣ, мнѣніе почти всѣхъ иностранцевъ.

16 іюня рано утромъ, дивизіи генераловъ Аллларта и Денсберга выступили въ походъ; 17, Его Величество, съ Преображенцами, Семеновцами, своими министрами и всею свитою, пошелъ въ авангардъ и вступилъ въ степи. За нимъ слѣдовалъ генералъ-поручикъ Брюсъ съ артиллеріей. Аррьергардъ составляли дивизія генерала Вейде и конница, приведенная изъ Ярослава генераломъ Рене и которую Его Величество поручилъ въ мое начальство, приказавъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Дивизія князя Рѣпнина осталась въ Сорокѣ для окончанія работъ и для принятія запасовъ, которые, по приказанію Его Величества, должны были быть туда доставлены **).

Генералы Алларть и Денсбергъ, вышедъ изъ степей, прибыли въ лагерь генералъ-фельдмаршала, который находился въ трехъ миляхъ отъ Яссъ, на выгодномъ мѣстоположеніи.

Его Величество не долго томился въ пустыняхъ; маршируя днемъ и ночью, достигнулъ онъ прекрасной долины, орошаемой Прутомъ, гдѣ и расположилъ свой лагерь тыломъ къ рѣкѣ. Онъ тотчасъ отправилъ бочки съ водою, на собственныхъ подводахъ и на лошадяхъ свиты своей, полкамъ, идущимъ по степямъ. Но сіе пособіе принесло имъ болѣе вреда, нежели пользы. Солдаты бросились пить съ такою жадностію, что многіе перемерли. Мы лишились множества людей отъ безводицы. Жары нестерпимы въ сихъ мѣстахъ, гдѣ видно только небо да горы раскаленнаго песку, безъ деревьевъ, безъ жителей и безъ воды *).

Дивизія Вейдова и артиллерія, послѣ шестидневнаго перехода чрезъ ужасныя сіи пустыни, соединилась съ лагеремъ Его Величества. 23 іюня государь ѣздилъ осматривать лагерь генералъ-фельдмаршала, и принялъ въ подданство Молдавскаго господаря. Съ нимъ было только триста рейтаровъ. Онъ пожаловалъ господарю свой портретъ, осыпанный алмазами <что впослѣдствіи времени пригодилось сему Турецкому данныку>. Въ тотъ же вечеръ Его Величество возвратился въ свой лагерь, а на другой день приказалъ наводить два моста на Прутѣ.

Здѣсь спокойно оставались мы отъ 22 до 29 іюня, какъ-будто въ самое мирное время, ожидая запасовъ, которые князь Рѣпнинъ долженъ былъ доставить и привезти. 26 фельдмаршалъ и господарь посѣтили Его Императорское Величество. Войско стояло въ строю. Имъ отдали честь по всему фрунту, и самъ государь салютовалъ саблею, стоя передъ Преображенскимъ полкомъ, какъ генералъ-поручикъ своей арміи.

Они приглашены были на торжество, праздноуемое ежегодно Его Величествомъ въ память Полтавскаго сраженія, случившагося 27 іюня, по старому стилю.

Всѣ генералы съ утра явились къ Его Величеству, дабы вслѣдъ за нимъ отправиться въ артиллерійскую церковь, гдѣ отслушалъ онъ обѣдню и гдѣ придворный священникъ **) цѣлыхъ полтора часа говорилъ проповѣдь, имъ сочиненную на случай сего счастливаго дня.

Полки выстроены были въ боевомъ порядкѣ и составляли три фаса одного каррея; артиллерія занимала четвертый. Послѣ обѣдни стрѣльба началась съ правой стороны артиллеріи и продолжалась по всѣмъ фасамъ; полки стрѣляли по мѣрѣ приближенія къ нимъ огня. Послѣ того всѣ генералы слѣдовали за Его Величествомъ къ его палаткамъ, гдѣ, въ землѣ, былъ утвержденъ столъ необыкновенной длины, и за которымъ насчиталъ я до ста-десяти кувертовъ съ каждой стороны.

Его Величество находился въ центрѣ стола. По правую руку находился молдавскій господарь, по лѣвую графъ Головкинъ, Министры: баронъ Шафировъ и Сава <Сава Владиславъ Рагузинскій>; на углахъ стола генералы, генералъ-поручики, генералъ-маіоры, бригадиры и полковники и прочіе, каждый по своему чину, помѣстились за этимъ же столомъ. Кромѣ Венгерскаго вина, ничто мнѣ не понравилось. Оно было отличное: то есть то, которое доходило до меня, ибо полковники, сидѣвшіе ниже, пили другое, а подполковникамъ подносили особливое, капитанамъ еще хуже, и такъ далѣе. Капитаны Преображенскіе и Семеновскіе разносили вина: каждый прислуживалъ шести персонамъ, имѣя въ своемъ распоряженіи

*) Напоминаемъ читателю сказанное въ предисловіи: переводчикъ не хотѣлъ ни скрыть, ни ослабить порицанія и вольныя сужденія автора, будучи увѣренъ, что они не могутъ вредить ни Петру Великому, ни Русскому народу: Моро не любилъ Русскихъ и былъ недоволенъ Петромъ. *Редакція.* [*Современника* средины 1837 г., значитъ послѣ смерти Пушкина].

**) Въ журналѣ Петра Великаго сказано: «и стояли тутъ <при городкѣ Сорокѣ> Аллартова дивизія до 20-го іюня, а Вейдова и князя Рѣпнина до 22-го».—*Прим. А. С. П.*

*) Степи Буджацкія не песчаныя: онѣ стелятся злачной, зеленой равниною, усѣянною курганами. Моро здѣсь пользуется правомъ разскащика. Правда, что въ 1711 году эти степи были голы: трава съѣдена была саранчею. *Прим. А. С. П.*

**) Ѳеофанъ Прокоповичъ. *Прим. А. С. П.*

трехъ слугъ для перемѣны стакановъ и бутылокъ. Тутъ-то, милостивая государыня, вино льется какъ вода; тутъ-то заставляютъ бѣднаго человѣка, за грѣхи его, напиваться до чрезмѣрности *).

Императрица, съ своей стороны, угощала армейскихъ дамъ. Почти всѣ иностранные генералы имѣли съ собою своихъ женъ и дѣтей, по той причинѣ, что въ случаѣ разлуки срокъ свиданія неизвѣстенъ, и что, по недостатку почты, никто отъ своихъ не получаетъ извѣстія. Если же и придутъ письма, то генералы и министры имѣютъ похвальную привычку никогда ихъ не отдавать. Можно переписываться только чрезъ министровъ иностранныхъ, но не всегда можно быть съ ними съ сношеніи. Я говорю по собственному опыту: въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ я только могъ однажды писать къ моей милой графинѣ (которая оставалась въ Данцигѣ), и то черезъ барона Лоца, посланника короля Польскаго при дворѣ Его Царскаго Величества.

Мало дамъ явилось къ Императрицѣ. Генеральша Аллартъ и генералъ-майорша Гинтеръ одни представились къ Ея Величеству и были милостиво приняты.

Обѣдъ государя продолжался полный день, и никому не позволено было выдти изъ-за стола прежде одиннадцатаго часа вечера. Пили, такъ ужь пили (on y but ce qui s'appelle boire). Всякое другое вино навѣрно меня убило бы, но я пилъ настоящее Токайское, то же самое, какое подавали и государю, и оно дало мнѣ жизнь.

Около пяти часовъ вечера одинъ изъ адъютантовъ князя Рѣпнина привезъ письма къ Его Величеству. Генералъ давалъ знать, что 4,000 быковъ, 8,000 барановъ и 300 маленькихъ Польскихъ тѣлежекъ съ рожью, мукою (et de grit) отправлены были къ намъ. Государь тутъ же распредѣлилъ, что̀ куда доставить, и приказалъ тотъ же часъ отправить часть въ лагерь генералъ-фельдмаршалу.

28 іюня мосты были готовы. Артиллерія потянулась черезъ Прутъ по мосту, назначенному для двора. Вейдова дивизія переправилась по другому, назначенному для войскъ, и расположилась лагеремъ въ Ясской долинѣ, въ двухъ миляхъ отъ прежняго лагеря.

29 іюня <по нашему приходится 10 іюля, ибо Русскіе держатся еще стараго стиля> въ день святаго Петра, въ именины Его Царскаго Величества, я, слѣдуя обычаю, со всѣми генералами пришелъ поздравить государя. Онъ принялъ милостиво наши привѣтствія и всѣхъ насъ оставилъ у себя обѣдать. Государь празднуетъ и этотъ день, и обѣдаетъ съ своими министрами и офицерами, когда находится въ своей арміи.

Около пяти часовъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ приказалъ мнѣ, чтобы я послалъ моего адъютанта, стоявшаго за мною, посадить кавалерію мою на-конь и велѣлъ ей идти впередъ къ своему лагерю съ моимъ экипажемъ. Фельдмаршалъ сказалъ мнѣ, что мнѣ нужны будутъ только мои лошади, что я останусь при немъ и что онъ берется быть моимъ вожатымъ. Я отдалъ приказъ адъютанту. Кавалерія была въ порядкѣ, а экипажъ мой заложенъ. У Русскихъ обыкновенно употребляются тѣлеги, ибо вьючныя лошади и лошаки не могли бы выдержать обыкновенные походы ихъ войскъ <5 à 600 lieux>.

Наканунѣ знали, что близъ лагеря фельдмаршальскаго произошло маленькое сраженіе. 20,000 Татаръ показались на утренней зарѣ и ударили <въ разсыпную, по своему обычаю> на передовой пикетъ, составленный изъ 600 человѣкъ конницы, подъ начальствомъ подполковника Рона <de Roop> конно-гренадерскаго полка моей бригады. Непріятель пробился сквозь отрядъ, не смотря на всѣ старанія командира. Число превозмогло, отрядъ былъ окруженъ отовсюду. Одинъ капитанъ, родомъ изъ Лотарингіи, надѣлалъ тутъ чудеса и былъ убитъ, къ сожалѣнію всѣхъ офицеровъ, занявшихъ его. Подполковникъ взятъ былъ въ плѣнъ, и убито 250 рядовыхъ. Все это произошло въ виду бригадира Шепсова *) (Chonsof), родомъ Русскаго, который былъ отряженъ съ 2,500 человѣкъ конницы на подкрѣпленіе Рона и не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія.

Генералъ Янусъ, начальствующій въ отсутствіе фельдмаршала, при семъ случаѣ сдѣлалъ все, что только было возможно, чтобъ исправить сію неудачу и предупредить большее несчастіе. Онъ велѣлъ выѣхать четыремъ конно-гренадерскимъ полкамъ и всячески старался уговорить бригадира Шепсова, чтобъ онъ, по-крайней-мѣрѣ, хоть показался непріятелю. Но офицеръ сей отвѣчалъ, что онъ получилъ приказаніе охранять лагерь, а не искать непріятелей. Наши конно-гренадеры разсѣяли эту сволочь и освободили лагерь <le front du camp.>.

Никогда генералъ Янусъ не говорилъ мнѣ безъ бѣшенства объ этомъ происшествіи и о маневрѣ бригадира Шепсова. А еще должно глотать такія пилюли не морщась и не жалуясь, потому что Его Величество и фельдмаршалъ неохотно выслушиваютъ жалобы и не любятъ видѣть ясныя доказательства, чтобы у кого нибудь изъ Русскихъ недоставало ума или храбрости **).

Какъ войска скоро соединятся, то позвольте, милостивая государыня, исчислить вамъ ихъ силы и познакомить васъ съ генералами, которые начальствовали полками.

Главнокомандующій—генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ <Его Величество во время дѣла занимаетъ мѣсто генералъ-лейтенанта>.

Дивизія Вейдова состояла изъ 8 пѣхотныхъ полковъ, каждый изъ 1,400 человѣкъ состоящій. Всего 11,200 человѣкъ. Начальниками оной были: генералъ Вейде, генералъ-лейтенантъ Беркгольцъ (Brecols), генералъ-маіоры Голосинъ (Golocsin) и де-Бушъ, и бригадиры графъ Ламберти и Боэ.

Дивизія Рѣпнина, состоящая изъ такого же числа полковъ и людей. Начальники оной: генералъ-лейтенантъ князь Долгорукій, генералъ-маіоры Альфендель и Бомъ и бригадиры Бушъ и Голицынъ.

---

*) Въ старину пили не по нашему. Предки наши говорили: пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ. Впрочемъ, пьянство никогда достоинствомъ не почиталось. Петръ I, указавъ содержать при монастыряхъ офицеровъ, отставленныхъ за болѣзнями, именно исключаетъ больныхъ отъ пьянства и распутства. *Прим. А. С. П.*

*) Такой фамиліи нѣтъ ни въ книгахъ нашего дворянства <старинаго>, ни въ спискахъ офицеровъ того времени. Кажется, дѣло идетъ о Шневищевѣ, одномъ изъ начальниковъ драгунскихъ полковъ, набранныхъ въ 1699 году.—*Прим. А. С. П.*

**) Благодаримъ нашего автора за драгоцѣнное показаніе. Намъ пріятно видѣть удостовѣреніе даже отъ иностранца, что и Петръ Великій и фельдмаршалъ Шереметевъ принадлежали къ партіи *Русской*.—*Прим. А. С. П.*

Дивизія барона Алларта, во всемъ равная двумъ первымъ, была подъ начальствомъ генерала Алларта, генералъ-лейтенанта барона Остена и бригадировъ Стафа и Лессе.

Дивизія барона Денсберга, также равная другимъ, находилась въ командѣ генерала барона Денсберга и бригадира барона Ремкинга (Remquingue), его зятя.

Не худо замѣтить, что Русскіе дивизіонные начальники имѣли комплектное число подчиненныхъ имъ генераловъ; Нѣмцы же онаго не имѣли; особенно баронъ Денсбергъ, у котораго не было ни генералъ-лейтенанта, ни генералъ-майоровъ, а только одинъ бригадиръ, зять его. Это происходило отъ генералъ-фельдмаршала, не любившаго иностранцевъ, какой бы націи ни были, и не подававшаго имъ никакой помощи, нарочно для того, чтобъ вводить ихъ въ ошибки *). Однакожь баронъ Денсбергъ есть тотъ самый, который съ такимъ великодушіемъ и храбростію защищалъ Кельскую крѣпость, осаждаемую герцогомъ Вилеромъ въ началѣ прошедшей войны. Онъ доказалъ, что былъ достоинъ начальствовать не только двѣнадцатитысячнымъ отрядомъ, но и цѣлыми арміями.

Полки Преображенскій, Семеновскій, Ингерманландскій и Астраханскій составляли 15 баталіоновъ, всего 15.000 человѣкъ, и были подъ начальствомъ самого Его Царскаго Величества, генералъ-лейтенанта князя Голицына и бригадира графа Шереметева <сына фельдмаршала>; сюда же принадлежали полки капонерскій и бомбардирскій, каждый изъ 1.500 человѣкъ состоявшій.

Дивизія генерала Януса, состоявшая изъ 8 полковъ, каждый изъ 1.000 человѣкъ, была подъ начальствомъ помянутаго генерала, генералъ-майоровъ Волконскаго и Вейсбаха и бригадировъ Моро-де-Бразе, графа Ліонскаго и Шепсова.

Дивизіей Рене, равной по числу полковъ и людей, начальствовали генералъ Рене, генералъ-майоры Витманъ и Шариковъ (Chericof), самый образованный и любезный изо всѣхъ мнѣ знакомыхъ Русскихъ, и два бригадира.

Еще одинъ драгунскій полкъ, составлявшій гвардію князя Меньшикова, не соединился съ арміей и остался въ Яссахъ съ 2.000 избранныхъ фузиляровъ, между тѣмъ какъ войско двинулось въ Молдавію.

Гвардейскій эскадронъ Его Царскаго Величества, состоящій изъ 300 рейтаровъ (maîtres, reitres?), сопровождалъ государя въ его поѣздкахъ и другой службы не несъ.

Всѣ сіи отряды составляли на Днѣстрѣ 79.800 наличнаго войска. Каждый полкъ былъ укомплектованъ призп[в?]анными рекрутами.

Артиллерія состояла изъ 60 пушекъ разнаго калибра, отъ двадцати до четырехъ-фунтовыхъ, изъ 16-ти понтоновъ на тѣлегахъ и изъ 200 подводъ съ ящиками пороховыми, не считая тѣлегъ, нагруженныхъ бомбами и ядрами.

Кромѣ сей артиллеріи, въ каждомъ полку пѣхотномъ и конномъ находились четыре малыя орудія двухъ и трехъ-фунтовыя. Они всегда слѣдуютъ за полкомъ съ малыми своими ящиками и съ нужными офицерами. Ихъ зовутъ корпусными дѣтьми <ce qu'ils appellent les enfants des corps> <кадеты?>.

При каждомъ полкѣ находятся также малыя тѣлеги съ аммуниціей, которая, въ случаѣ нужды, всегда подъ рукою, что̀ очень хорошо придумано и достойно похвалы.

Таковы были силы Его Царскаго Величества. Здѣсь не считаю 10,000 казаковъ и 6,000 Молдаванъ, годныхъ только для опустошенія земли, какъ и Татаре. Сей арміи было бы весьма достаточно, чтобы управиться съ Турками, если бъ вóвремя ввели ее въ непріятельскія земли и если бъ ее не раздѣлили, какъ вы впослѣдствіи увидите.

20 іюня Его Царское Величество сидѣлъ за столомъ до семи часовъ вечера. Вставъ изо стола, держалъ онъ совѣтъ. Генералъ Рене предложилъ отрядить 15,000 человѣкъ въ Валахію, хорошую сторону, въ которой всего было много и которая могла продовольствовать армію. Онъ утверждалъ, что Валахскій воевода, будучи одной націи и одного исповѣданія съ Молдавскимъ господаремъ, не замедлитъ покориться, соединить войско свое съ войсками Его Величества и доставить намъ жизненные запасы.

Генералъ-поручикъ Беркгольцъ былъ единственный Нѣмецъ на семъ совѣтѣ. Онъ сильно воспротивился предложенію генерала Рене, по причинѣ той, что Турки побѣждали всякій разъ, какъ противъ нихъ войска дѣйствовали отдѣльно. Онъ привелъ въ примѣръ принца Карла V <Лотарингскаго>, который во второй походъ, послѣ снятія Вѣнской осады, раздѣлилъ на четыре отряда свое войско, дабы удобнѣе опое продовольствовать, и видѣлъ, какъ Турки разбили всѣ четыре отряда одинъ за другимъ, не могши подать имъ никакой помощи. Но всѣ его разсужденія пропали втунѣ. Было положено отрядить войско, а начальство поручено генералу Рене, какъ подавшему первый на то совѣтъ. Кромѣ сихъ 15,000 отряженныхъ въ Валахію, *) 4,000 должны были оставаться въ Сорокѣ, дабы сберегать намъ отступленія и для сопровожденія провіанта, въ случаѣ, если бъ мы остались въ Молдавіи; 2,000 въ Могилевѣ, черезъ который можно было бы воротиться въ случаѣ неудачи, да въ Яссахъ, для охраненія Молдавіи и для удержанія жителей въ повиновеніи.

Фельдмаршалъ съ 9-ти часовъ вечера сѣлъ верхомъ, и я, вслѣдъ за нимъ прибылъ въ его лагерь. Господарь остался съ Его Царскимъ Величествомъ. Онъ былъ средняго роста, сложенъ удивительно стройно, прекрасенъ собою, важенъ и съ самой счастливой физіономіей. Онъ былъ учтивъ и ласковъ; разговоръ его былъ вѣжливъ и свободенъ. Онъ очень хорошо изъяснялся на Латинскомъ языкѣ, что̀ было весьма пріятно для тѣхъ, которые его разумѣли.

Мы догнали мою коппицу въ верстѣ отъ фельдмаршальскаго лагеря, куда и прибыли въ 4 часа утра. Тутъ увидѣлъ я въ первый разъ летучихъ кузнечиковъ <саранчу>. Воздухъ былъ ими омраченъ: такъ густо летали они. Не удивляюсь, что они разоряютъ земли, черезъ которыя проходятъ, ибо въ Молдавіи видѣлъ я изсохшее болото, покрытое высокимъ тростникомъ, который съѣденъ былъ ими на два вершка отъ земли.

Остальной лагерь Его Величества перешелъ черезъ Прутъ 30 іюня. Мостъ, черезъ который переправился государь со своею свитою, былъ тотчасъ разобранъ; другой оставленъ подъ охра

*) См. выше прим. редакціи [примѣч. ред. «Современника» 1837 г.].

*) У Рене было восемь драгунскихъ полковъ <5,056> баталіонъ Ингерманландцевъ, да 5,000 Молдаванъ. *Прим. А. С. П.*

пеніемъ 500 гренадеръ для дивизіи князя Рѣпнина, которую ожидали.

Фельдмаршалъ, возвратясь въ свої лагерь, велѣлъ призвать бригадира Шепсова и высказалъ ему все, что заслуживало его гнусное поведеніе, о которомъ донесено ему было при его пріѣздѣ однимъ драгунскимъ полковникомъ моей бригады. Онъ приказалъ бригаднымъ маіорамъ отрядить по 20 человѣкъ съ каждої бригады для устроенія двухъ мостовъ, находившихся въ тылу нашего лагеря, дабы ему безпрепятственно можно было, въ случаѣ нужды, идти соединиться съ Его Величествомъ. Это стоило труда, потому что мосты наведены были на малыхъ челнахъ, изъ выдолбленныхъ пней, кое какъ собранныхъ по берегамъ Прута. Мѣдные понтоны оставались при Его Величествѣ для надобностей его собственныхъ. Того же самаго числа <30 іюня> генералъ Рене прибылъ къ фельдмаршальскому лагерю и собралъ полки, долженствовавшіе идти въ Валахію подъ его начальствомъ. Онъ выступилъ на другої день по утру и уже въ армію не возвращался. Онъ соединился съ кавалеріей уже въ Польскої Россіи, послѣ кампаніи, когда армія тамъ отдыхала.

Въ лагерѣ Его Царскаго Величества и въ фельдмаршальскомъ оставались въ бездѣйствіи до самаго 7 іюля. Въ сей день фельдмаршалъ получилъ отъ государя приказаніе оставлять постепенно лагерь и перевести свою малочисленную армію за рѣку, находившуюся у него въ тылу. Фельдмаршалъ ѣздилъ осматривать долину, назначенную имъ для новаго лагеря, и возвратясь, въ тотъ же день отдалъ въ приказѣ, что полки станутъ переправляться одинъ послѣ другаго во избѣжаніе смятенія, могущаго произойти на мостахъ, въ случаѣ, если войска выступятъ въ одно время.

Генералъ Япусъ, на котораго возложено было исполненіе сего, взялъ съ собою бригадира Шепсова, дабы въ случаѣ нападенія отъ непріятеля во время переправы, имѣть достаточную причину не употреблять офицера столь ненадежнаго. Онъ оставилъ его у моста, съ двумя маіорами и 20-ю драгунами, для надзиранія за исправностію въ исполненіи приказовъ.

8 іюля, на утренней зарѣ, экипажи барона Депсберга, съ нѣсколькими полками, переправились по мосту, назначенному для пѣхоты. Между тѣмъ, экипажи генерала Япуса потянулись было по мосту, назначенному для кавалеріи. Но фельдмаршалъ, самъ заблагоразсудивъ оставить лагерь, приказалъ переправить прежде свои, а остальнымъ экипажамъ генерала Япуса не позволилъ переправиться прежде полковъ Астраханскаго и Ингерманландскаго съ ихъ обозами. Фельдмаршалъ во всякомъ случаѣ радъ былъ дѣлать непріятность иностраннымъ генераламъ.

9 іюля съ утра войско и обозы потянулись, и только малая часть успѣла переправиться, какъ болѣе 30,000 Татаръ явились передъ лагеремъ. Войско остановили и тотчасъ выстроили въ боевомъ порядкѣ, подъ прикрытіемъ рогатокъ. Никетъ отозвали; по приказанію генерала Япуса, два баталіона гренадеръ поставлены были на оба фланга, и въ семъ расположеніи стали ожидать приближенія Татаръ, дабы угостить ихъ картечью изъ тридцати орудій. Фельдмаршалъ, генералъ баронъ Депсбергъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ и бригадиръ баронъ Ремкингъ пріѣхали изъ новаго лагеря, гдѣ они находились съ прошедшаго дня. Фельдмаршалъ былъ очень доволенъ мѣрами, принятыми генераломъ Япусомъ для защищенія стараго лагеря въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Онъ отослалъ генерала Депсберга съ его бригадиромъ къ новому лагерю, для охраненія онаго, а въ старомъ оставилъ только генералъ-лейтенанта Остена подъ начальствомъ генерала Япуса, съ полками, не успѣвшими еще переправиться. Ихъ было довольно противъ и вдвое-большаго числа Татаръ.

Но какъ они часъ-отъ-часу умножались, то фельдмаршалъ приказалъ казакамъ и Молдаванамъ (находившимся въ новомъ лагерѣ) прогнать и преслѣдовать непріятеля. Они пустились съ быстротою неимовѣрною, но которая часъ отъ часу болѣе и болѣе ослабѣвала. Съ обѣихъ сторонъ все кончилось скаканіемъ, да круженіемъ.

Одинъ капитанъ, родомъ Венгерецъ, вступившій въ службу Его Царскаго Величества, такъ же, какъ и многіе изъ его соотечественниковъ, послѣ паденія его свѣтлости принца Рогоци, находился въ лагерѣ съ нѣсколькими Венгерцами, въ надеждѣ быть употребленнымъ въ дѣло. Онъ уговорилъ отрядъ казачій поддержать его, обѣщаясь доказать, что не такъ-то мудрено управиться съ Татарами. Казаки обѣщались отъ него не отставать. Онъ бросился съ своими двѣнадцатью Венгерцами въ толпу Татаръ [и множество ихъ перерубилъ, пробиваясь сквозь ихъ кучи и разсѣвая кругомъ ужасъ и смерть. Но казаки ихъ не поддержали, и они уступили множеству. Татары ихъ окружили, и всѣ тринадцать пали тутъ же, дорого продавъ свою жизнь; около ихъ легло 65 Татаръ, изъ коихъ 14 были обезглавлены. Всѣхъ менѣе раненый изъ сихъ храбрыхъ Венгерцевъ имѣлъ 14 ранъ. Всѣ бывшіе, какъ и я, свидѣтелями ихъ неумѣстной храбрости, сожалѣли о нихъ. Даже наши конные гренадеры, хотя и Русскіе, т. е. хоть и не очень жалостливыя сердца, однакожь просились на коней, дабы ихъ выручить; но генералъ Япусъ не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности и завязать дѣло съ непріятелемъ.

Пока Татаре привлекали на себя наше вниманіе, генералъ Япусъ, предвидя, что наше отступленіе могло быть обезпокоено еще большимъ числомъ Татаръ и даже самими Турками, приказалъ переправить всѣ корпусные экипажи, всѣхъ лошадей драгунскихъ и прочеї кавалеріи и остальные экипажи офицеровъ, дабы тѣмъ удобнѣе отступить до новаго лагеря тѣснинами, ведущими къ мостамъ, что и производилось во весь тотъ день и въ ночи.

Между тѣмъ Татаре, не видя никакого движенія въ лагерѣ, гдѣ полки наши стояли все еще въ боевомъ порядкѣ за рогатками, ожидая смѣло ихъ нападенія, около третьяго часа пополудни отступили, наскакавшись вдоволь, и, такимъ образомъ, дали генералу Япусу возможность безопасно переправиться въ новый лагерь, куда вступилъ онъ самый послѣдніи (10 іюля).

Онъ приказалъ разобрать оба моста и караулить лодки. По нашу сторону рѣки онѣ могли пригодиться. Къ нимъ нарядили капитана съ двумя-стами гренадеръ.

Того же дня фельдмаршалъ отдалъ приказъ отрядить по 200 человѣкъ съ бригады для дѣланія фашинныхъ мостовъ черезъ большої и глубокіи ручеї, называемый Малымъ-Прутомъ, и протекавшіи во ста шагахъ отъ нашего лагеря, дабы въ случаѣ нужды можно было тотчасъ выступить.

Мосты поспѣли къ полудню 11 іюля. Въ 5 часовъ вечера, одинъ изъ генералъ-адъютан-

товъ Его Царскаго Величества привезъ фельдмаршалу приказъ, вслѣдствіе коего мы 12 іюля оставили лагерь, и въ одной милѣ отъ онаго нашли Его Царское Величество. Вся армія тамъ соединилась и такимъ образомъ расположилась вся по одной линіи. Царь съ полками Преображенскимъ, Семеновскимъ, Астраханскимъ и Пигерманландскимъ стоялъ по лѣвую сторону, и слѣдственно въ авангардѣ. Дивизіи Алларта, Денсберга, Януса со всею остальною кавалеріей, Брюсъ съ артиллеріей и Вейде стояли на правой рукѣ, лицомъ къ горѣ и имѣя Прутъ у себя въ тылу.

13-го армія пошла въ походъ, принимая влѣво. Экипажи составляли вдоль Прута вторую колонну. Мы прошли три мили до ночи и расположились лагеремъ, принявъ вправо <en faisant à droite>. Пространство между рѣкою и горами не позволяло намъ расшириться и составить двѣ линіи. Мы стали въ томъ порядкѣ, какъ стояли наканунѣ и какъ цѣлый день маршировали.<т. е. въ одну линію>.

14-го мы подвинулись еще на три мили, не видавъ ни города, ни деревни, но кое-гдѣ вблизи лѣсовъ разсѣянныя лачужки, которыя показались намъ жалкими обителями. Это насъ удивило, тѣмъ болѣе, что на нашихъ картахъ, по берегамъ Прута, назначено было множество городовъ и деревень. Мы стали лагеремъ такъ же, какъ и въ предыдущіе два дня.

15-го армія прошла еще три мили; но переходъ черезъ крутую гору, находящуюся на самомъ берегу рѣки, остановилъ войско. Мы достигли мѣста, назначеннаго для лагеря, не прежде какъ въ три часа пополуночи. Мы въ тотъ же день видѣли за сей горою старинную могилу одного Молдавскаго государя. Она имѣла видъ четвероугольной пирамиды, будучи гораздо шире въ основаніи, нежели въ высотѣ.

Молдаване, слѣдовавшіе за арміею, изъ коихъ многіе хорошо говорили по-Латыни, разсказали намъ о ней слѣдующее преданіе:

Государь, покоящійся въ сей могилѣ, былъ великій воинъ, но несчастный во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Учинивъ нападеніе на земли одного изъ своихъ сосѣдей, онъ привлекъ его въ свои собственныя владѣнія. Оба войска сошлись и сразились въ той долинѣ. Кровопролитная битва длилась два дня. Молдавскій государь остался побѣдителемъ; непріятельское войско было истреблено или захвачено въ плѣнъ, а противникъ его найденъ былъ между мертвыхъ тѣлъ, пронзенный одинадцатью стрѣлами. Но побѣдитель, въ то же самое время, какъ приносилъ Богу благодаренія, умеръ отъ раны, полученной имъ въ томъ же сраженіи, и которой онъ сгоряча не почувствовалъ. Онъ не имѣлъ дѣтей, и войско избрало себѣ въ государи одного изъ своихъ начальниковъ. Первымъ повелѣніемъ новаго государя было каждому воину, каждому Молдавскому жителю и каждому рабу принести на три фута земли на сіе мѣсто. Онъ послѣ того воздвигнулъ эту земляную пирамиду, въ срединѣ коей находится комната со сводомъ. Тамъ похоронено тѣло его предшественника, а комната наполнена сокровищами, принадлежавшими его врагу.—Потомъ входъ въ комнату былъ задѣланъ и пирамида окончена. На вершинѣ ея находилась площадка, сохранившаяся донынѣ; на ней возвышался трофей изъ оружія убитыхъ, нынѣ уже не существующій. Повѣствователь присовокупилъ, что всѣ изъ государей, властвовавшихъ потомъ, которые хотѣли проникнуть въ сокровенную комнату, умерли прежде, нежели могли вынуть хоть одинъ камень заграждавшаго входа. Курганъ показался намъ тщательно покрытымъ дерномъ. Мы спросили у нашего Молдаванина: кто смотритъ за могилою? Онъ отвѣчалъ, что жители, поселенные кругомъ, въ трехъ миляхъ отселѣ, ежегодно въ Мартѣ и въ Сентябрѣ мѣсяцѣ приходятъ стричь могилу ножницами, подобно тѣмъ, кои употребляются нашими садовниками. Онъ прибавилъ, что когда того не дѣлаютъ, тогда бываетъ неурожай. Въ заключеніе, онъ насъ увѣрялъ, что съ тѣхъ поръ, какъ саранча напала на ихъ землю, все было ею разорено, кромѣ пространства, заключеннаго въ этихъ трехъ миляхъ окружности, куда она не залетала, хотя была вездѣ, и съ боковъ, и сзади.

Этой исторіи и ея послѣдствіямъ мы повѣрили только отчасти, хотя повѣствователь и хвалился быть дворяниномъ и военнымъ человѣкомъ.

16-го Его Царское Величество приказадъ выслать 1.000 человѣкъ конныхъ гренадеръ, подъ начальствомъ г. полковника Рона, съ двумя вожатыми, данными Царю самимъ господаремъ, слѣдовавшимъ за Его Величествомъ со всѣмъ своимъ Молдавскимъ дворомъ. Полковникъ Ронъ имѣлъ повелѣніе изъѣздить всю сторону, находившуюся влѣво отъ арміи, вдоль Прута, дабы удостовѣриться, возможно ли непріятелю напасть на насъ стыла. Онъ возвратился вскорѣ и объявилъ намъ, что капитанъ, наряженный съ двумя-стами гренадеръ для охраненія лодокъ, составлявшихъ мосты фельдмаршальскаго лагеря, и который подвигался вмѣстѣ съ арміей, былъ убитъ, а съ нимъ и всѣ его люди. Жители, бывшіе при полковникѣ, видѣли его за двѣ мили отъ лагеря и показали ему побоище. Они сказывали, что Татаре, въ числѣ 20.000, переправились чрезъ рѣку, каждый держась за хвостъ своей лошади, и неожиданно напали на капитана въ одной тѣснинѣ, гдѣ онъ и погибъ съ своимъ отрядомъ.

Это заставило Его Царское Величество расположить вдоль рѣки гренадерскіе взводы въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, имѣвшіе между собою коммуникацію и начальствуемые однимъ подполковникомъ, двумя капитанами и четырьмя поручиками.

Въ тотъ же день генералъ князь Репнинъ, сдѣлавъ усиленный переходъ, сталъ на той же линіи и занялъ правую руку или арьергардъ.

Армія наша, вся вмѣстѣ состоявшая изъ 79.800 человѣкъ, не считая казаковъ и Молдаванъ, и по отряженіи войскъ въ Валахію и на охраненіе Сороки, Могилева и Яссъ, все еще составлявшая 55.000, уже не составляла и 47.000, какъ то оказалось на смотру слѣланномъ 17 іюля по приказанію государя; слѣдствіе безпрестанныхъ трудовъ, перенесенныхъ полками, изъ коихъ нѣ хотные шли безъ отдыха отъ самаго 24 Февраля <нов. ст.>. По счастію, смертность пала по большей части на однихъ рекрутъ, которые видимо таяли. Это могу я доказать моими табелями, которыя я сохранилъ. Изъ всѣхъ четырехъ полковъ моей бригады, составлявшихъ 4.000 человѣкъ, на семь смотру 724 оказались убывшими, изъ коихъ только 56 убиты въ помянутомъ сраженіи при пикетѣ.

17-го генералу Янусу повелѣно быть готову выступить рано утромъ со всею нашею конницею и съ генералами, ею начальствовавшими, и явиться за часъ передъ свѣтомъ въ палатки Его Царскаго Величества, дабы получить отъ него приказанія касательно того похода. Какъ я имѣлъ честь при-

носить ему приказы и всякій день приходить узнавать отъ него, не было ли чего прибавить для бригады, то я явился къ нему, Онъ проспѣ меня пріѣхать за нимъ на другой день за полтора часа до свѣту и сопроводить его къ Царю, къ чему я съ охотою и приготовился. И такъ 18-го передъ свѣтомъ явились мы къ Его Царскому Величеству.

Государь отдалъ генералу свои повелѣнія, и какъ ни онъ, ни я по-Русски не разумѣли, то Его Величество повелѣлъ ихъ объяснить на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкѣ, и вручилъ намъ тотъ же приказъ, писанный по-Русски съ Латинскимъ переводомъ на оборотѣ.

Приказъ состоялъ въ томъ, чтобы намъ идти по рѣкѣ Пруту восемь миль или <16 льё> до того мѣста, гдѣ Турки, по донесеніямъ скороходовъ или шпіоновъ <coureurs ou espions>, должны были наводить свои мосты. Если бы генералъ ихъ напалъ, то долженъ онъ былъ на нихъ ударить и уничтожить ихъ работу, коли только мосты не могли намъ пригодиться и которые въ нашихъ рукахъ. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ извѣстить обо всемъ государя черезъ четырехъ драгуновъ, посланныхъ черезъ полчаса одинъ послѣ другого. Въ случаѣ же, если Турковъ не встрѣтимъ, то идти къ Дунаю и тамъ остановиться, о чемъ также донести.

Выслушавъ приказъ и хорошо его понявъ, мы приступили къ исполненію онаго; выступили изъ лагеря въ 5 часовъ и пошли по одной линіи, эскадронъ за эскадрономъ. Экипажи наши тянулись въ другую линію вдоль берега Прута, во избѣжаніе нечаяннаго нападенія. Мы отрядили впередъ на довольно большое разстояніе двухъ конныхъ гренадеръ съ обнаженными палашами, за ними шестеро другихъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ, и подкрѣпили ихъ двумя стами рейтаровъ <maîtres?>, дабы могли они выдержать первые выстрѣлы и дать намъ время съ выгодою аттаковать непріятеля. Въ такомъ порядкѣ какъ мы, такъ и нашъ обозъ, шли безъ помѣшательства и довольно скоро. Около 11-ти часовъ утра, прошедъ не болѣе какъ 2 мили <или 4 Французскихъ льё>, вдругъ очутились мы, совсѣмъ неожиданно въ тѣснинѣ весьма узкой, ибо рѣка протекала ближе къ горѣ, около которой мы все еще тянулись. Генералъ Янусъ, г. Видманъ <генералъ-маіоръ> и я поѣхали къ передовому отряду гренадеръ, которые остановились и дали намъ знать, что чѣмъ дальше они ѣхали, тѣмъ ужe становилась дорога.

Генералъ Янусъ приказалъ войску остановиться для отдыха, и мы отправились высматривать мѣстоположеніе. Земля, непримѣтно возвышаясь, закрывала отъ насъ сторону, находившуюся передъ нами. Когда достигли мы послѣдней точки сего возвышенія, увидѣли мы передъ собою широкую долину и, казалось, весьма гладкую, а вдали множество бѣлыхъ головъ, скачущихъ по долинѣ съ большою ловкостію и быстротою. Мы тотчасъ съѣхали влѣво, въ густоту деревъ, растущихъ на берегу Прута. Мы подъѣхали какъ можно ближе къ непріятелю и наконецъ усмотрѣли два укрѣпленія <deux têtes-de-ponts fraisées et palissadées en forme de demi-lune> защищаемыя множествомъ пѣхоты, которую признали мы впослѣдствіи, по ея колпакамъ, за янычаровъ. За ними увидѣли мы два готовые моста, чрезъ которые крупною рысью переправлялась конница и соединялась съ тою, которая находилась уже въ долинѣ.

Высмотрѣвъ все добрымъ порядкомъ, всѣ вмѣстѣ и каждый особо: генералъ Янусъ, Видманъ и я, возвратились рысью тою-же дорогою и соединились съ нашими полками. Тутъ мы держали совѣтъ всѣ трое между собою, ибо генералъ не имѣлъ никакой довѣренности къ князю Волконскому и къ Вейсбаху <генералъ-майорамъ>, а того менѣе къ бригадиру Шепсову.

Нечего было терять времени. Мы рѣшились спѣшить нашу конницу и выстроить ее въ карре, поставя экипажи въ серединѣ. Генералъ написалъ письмо къ государю. Мы перенесли нашу маленькую артиллерію въ арьергардъ и на оба фланга, между третьимъ и четвертымъ рядомъ <войско выстроено было въ четыре шеренги>. Мы приказали артиллерійскимъ офицерамъ зарядить пушки картечью, а коннымъ гренадерамъ, составлявшимъ нашъ арьергардъ <или фронтъ каррея со стороны Турокъ>, не стрѣлять, безъ приказанія, что бы ни случилось и лечь на брюхо при первой командѣ. Когда наши 32 орудія были уставлены, тогда мы вывели изъ рядовъ слабыхъ и больныхъ солдатъ, большею частію рекрутъ, и приказали имъ держать лошадей, находившихся, какъ и экипажи, въ центрѣ каррея. Мы препоручили авангардъ князю Волконскому, правый флангъ авангарда Вейсбаху, величайшему трусу во всей Германіи, а лѣвый бригадиру Шепсову. Видманъ и я, по волѣ генерала, остались при его особѣ.

Отроду мы не видывали офицеровъ столь смущенныхъ, какъ нашихъ трехъ авангардныхъ генераловъ. Безпокойство ихъ очень забавляло насъ въ арьергардѣ и вселяло въ насъ истинную къ нимъ жалость.

Въ семъ порядкѣ мы двинулись, дабы возвратиться туда, отколѣ мы пришли <?>. Генералъ Янусъ, Видманъ и я дивились исправности свѣдѣній, доставляемыхъ Его Царскому Величеству его шпіонами: въ двухъ миляхъ отъ лагеря находили мы два моста, наведенные и укрѣпленные, когда предполагали найти ихъ еще только начатыми въ 8-ми миляхъ, и то не навѣрное. Вдругъ драгунъ, оставленный нами въ тылу, выстрѣлилъ вмѣсто сигнала и прискакалъ къ намъ. Мы скомандовали полуоборотъ направо арьергарду, полуоборотъ вправо и влѣво флангамъ, и такимъ образомъ составили фронтъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Только-что успѣли выстроиться, какъ увидѣли мы двѣ толпы въ чалмахъ, скачущія треугольникомъ и ревущія во все горло, какъ бѣшеныя, думая насъ уничтожить. Но какъ скоро они приблизились, первый рядъ нашихъ гренадеровъ легъ на земь, и мы встрѣтили ихъ залпомъ изъ 12 орудій миніатюрной нашей артиллеріи, что удержало ихъ стремленіе, охладило ихъ пылкость и лишило ихъ очень многихъ товарищей. Однакожь это не помѣшало имъ насъ окружить. Но, встрѣтя со всѣхъ сторонъ отпоръ и видя, что нападать на насъ опасно, они довольствовались тѣмъ, что издали досаждали намъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, и своими стрѣлами.

Здѣсь, милостивая государыня, долженъ я вамъ чистосердечно признаться, что, будучи пріученъ къ огню шестью генеральными сраженіями и четырнадцатью осадами, при коихъ присутствовалъ я съ тѣхъ поръ, какъ служу, между прочимъ при осадѣ Монмеліяна въ 1691 и Намура въ 1692, я столько опасаюсь огня, сколько то надлежитъ человѣку доброму и твердому; но мысль о стрѣлахъ была для меня столь ужасна, что я внутренне боялся ихъ, того не показывая. Одна-

кожъ, когда я увидѣлъ ихъ малое дѣйствіе, я къ нимъ привыкъ и сталъ смотрѣть на нихъ, какъ на чучела, стыдясь моего паническаго страха.

Было два часа по-полудни на нашихъ часахъ, какъ Турки къ намъ приближились и съ нами поздравствовались. Съ той поры до десяти часовъ вечера болѣе пятидесяти тысячь ихъ сидѣли у насъ на шеѣ, не смѣя ни ударить на насъ, ни разстроить насъ. Единственный успѣхъ состоялъ въ замедленіи нашего марша. Они такъ часто насъ останавливали, что отъ двухъ часовъ до десяти прошли мы не болѣе какъ четверть мили. Ночью, однако, сдѣлали они важную ошибку, которою мы и воспользовались, не имѣя никакой охоты пропустить случай соединиться съ нашимъ центромъ, т.-е. со всею арміей: они всѣ, безъ изъятія, при наступленіи ночи ретировались въ ту сторону, откуда явились. Замѣтивъ сіе, генералъ отправилъ адъютанта на лучшей своей лошади съ донесеніемъ государю обо всемъ, что произошло съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ онъ честь писать Его Величеству. Онъ рѣшился идти ночью, какъ можно поспѣшнѣе, и мы прошли болѣе мили довольно скоро и безъ всякаго препятствія. Теперь признаюсь, что если бы господа бѣлые колпаки отрѣзали намъ дорогу, выставя предъ нами толпу своей конницы и оставя таковую же у насъ въ тылу, то мы принуждены были бы ночью стоять и, можетъ-быть, не успѣли бы на другой день соединиться съ нашею арміей и были бы принуждены уступить усталости, если ужь не силѣ.

Турки догнали насъ на разсвѣтѣ въ большей силѣ, нежели накануѣ, но все безъ пѣхоты и безъ артиллеріи. Они безпокоили насъ стрѣльбою безпрерывно. Около 5 часовъ утра увидѣли мы пѣхоту, приближающуюся къ намъ на помощь и которая гордымъ и медленнымъ своимъ движеніемъ вселила робость въ скакупахъ и наѣздникахъ. Генералъ баронъ Денсбергъ со всею дивизіей шелъ на обезпеченіе нашего отступленія. Корпусъ его соединился съ нашимъ; онъ смѣнилъ нашихъ конныхъ грѣнадеръ, находившихся безпрестанно въ аррьергардѣ, двумя своими гренадерскими, батальонами и далъ почувствовать непріятелю безпрерывнымъ и сильнѣйшимъ огнемъ. что не такъ-то легко было насъ смять и помѣшать намъ соединиться съ арміею *).

Армія Его Царскаго Величества не ожидала, когда мы выступали, чтобы мы къ ней возвратились съ такимъ прекраснымъ и многочисленнымъ обществомъ. Однако такъ случилось, къ величайшему нашему сожалѣнію, и едва вступили мы въ лагерь, какъ увидѣли противоположную гору покрытою непріятельскими полками.

Генералъ-фельдмаршалъ тремя пушечными выстрѣлами далъ сигналъ всей линіи выстроиться въ боевомъ порядкѣ, что и было тотчасъ исполнено. Какъ Турки подступали съ лѣвой стороны, то Преображенцы, Семеновцы и полки Нѣмецкій и Астраханскій вытерпѣли по большей части огонь непріятельскій и во весь тотъ день почти не имѣли покоя.

Я не говорилъ, милостивая государыня, о потерѣ, претерпѣнной нами во время отступленія, и, можетъ быть, полагаете вы, что мы никого не потеряли. Это было бы слишкомъ счастливо. Довольно ужъ и того, что мы не погибли подъ усиліями пятидесяти тысячь человѣкъ, сражавшихся противу 8 и менѣе. Мы лишились одного подполковника, двухъ капитановъ, трехъ поручиковъ. Ранены были: подполковникъ моего полка, два поручика и трист съ чѣмъ-то драгуновъ и другихъ конныхъ рядовыхъ; раны большею частію были легкія. Генералъ баронъ Денсбергъ потерялъ одного пѣхотнаго полковника, о которомъ весьма сожалѣли, семь или восемь раненыхъ офицеровъ, 160 рядовыхъ убитыми и 246 раненными; все это менѣе нежели въ два часа съ половиною времени. Нѣтъ сомнѣнія, что весь нашъ отрядъ былъ бы истребленъ, если бы непріятель ранѣе могъ насъ замѣтить. Но онъ далъ намъ время выстроиться въ карре, что и способствовало намъ удержаться и спасло насъ отъ смерти или рабства.

Около пяти часовъ вечера, 19 іюля, Его Царское Величество приказалъ призвать своихъ генераловъ, дабы совѣтоваться съ ними о томъ, на что надлежало рѣшиться. Генералы: Янусъ, Аллартъ, Денсбергъ, генералъ поручики Остенъ и Беркгольцъ явились, но ни одинъ изъ генераловъ Русскихъ, ни изъ министровъ Его Величества не показались. Даже и генералъ-фельдмаршала тутъ не было. Генералъ Янусъ взялъ меня съ собою, и такимъ образомъ былъ я свидѣтелемъ всего, что ни происходило. На семъ-то совѣтѣ генералъ Янусъ представилъ Его Величеству о небреженіи, оказываемомъ иностраннымъ его генераламъ, къ которымъ прибѣгали только тогда, какъ дѣла были уже въ отчаянномъ положеніи. Онъ сказалъ, что онъ, будучи начальникомъ всей кавалеріи и первымъ генераломъ арміи, не былъ заранѣе увѣдомленъ о предположеніяхъ всего похода. Онъ жаловался потомъ на неуваженіе министровъ и Русскихъ генераловъ и взаключеніе сказалъ Его Царскому Величеству, что тѣ самые люди, которые завлекли армію въ лабиринтъ, должны были и вывести ее. Всѣ иностранные генералы съ большимъ удовольствіемъ слушали генерала Януса. Царь всячески обласкалъ его, и всѣ стали думать объ исправленіи запутаннаго положенія, въ которомъ находилась армія.

Турокъ, слишкомъ приближившійся къ нашему лѣвому флангу во время нашего отступленія, схваченъ былъ шестью нашими конными гренадерами и приведенъ къ генералу Янусу, который приставилъ къ нему строгій караулъ и тотчасъ по вступленіи въ лагерь отослалъ его къ государю.

Плѣннаго допросили. Онъ показалъ, что Турецкая армія состояла изъ ста-пятидесяти тысячъ, т.-е. изъ 100,000 конницы и 50,000 пѣхоты. что вся конница должна была къ вечеру соединиться, но что пѣхота, при которой находилось 160 артиллерійскихъ орудій не могла прибыть прежде, какъ къ завтрашнему дню около полудня.

По симъ извѣстіямъ, послѣ оказавшимся достовѣрными, приняты были въ совѣтѣ слѣдующія мѣры:

Положено было арміи воротиться назадъ, устроясь въ карре и оградясь рогатками: экипажи,

*) Петръ негодовалъ на генерала Януса; въ журналѣ его сказано: «и конечно могъ оный Янусъ ихъ задержать <Турковъ>, ежели бы сдѣлалъ такъ какъ доброму человѣку надлежитъ». Но, какъ замѣчаетъ генералъ Бутурлинъ въ исторіи Русскихъ походовъ, ничто не могло помѣшать визирю перейти Прутъ повыше того мѣста и стать втылъ Русской арміи.—*Прим. А. С. П.*

конница и артиллерія должны были оставаться въ центрѣ, и въ такомъ порядкѣ надлежало стараться по возможности совершить небезславное отступленіе. Недостатокъ конницы болѣе всего могъ намъ повредить. Наши лошади были совсѣмъ изнурены, а Турецкія свѣжи и сильны.

Отданъ былъ приказъ вслѣдствіе сихъ положеній. Армія все еще находилась въ боевомъ порядкѣ, на одной линіи, съ своими рогатками передъ собою. Повелѣно было всѣмъ генераламъ и офицерамъ уменьшить, по-возможности, свои экипажи и жечь все ими бросаемое.

При наступленіи ночи государь, государыня Императрица, министры и весь дворъ перенеслись на правую сторону съ лѣвой, которая стала авангардомъ. Между-тѣмъ, готовились устроить батальонъ-карре, что и сдѣлано было въ ночь. Гора, по которой разсѣяна была Турецкая конница, явилась намъ вся въ огняхъ, разложенныхъ непріятелемъ.

Непужно сказывать вамъ, что ночь эта прошла въ смятеніи и безпорядкѣ. Мы видѣли, что Турки на горѣ то двигались впередъ, то шли назадъ, и не могли судить о ихъ намѣреніи иначе, какъ наугадъ. Генералъ баронъ Аллартъ, генералъ баронъ Остенъ и я занимали тотъ же постъ и находились близко другъ отъ друга. И какъ главнымъ предметомъ была для насъ гора, занимаемая непріятелемъ, то мы только и старались понять, что происходило тамъ и къ чему клонились эти марши и контръ-марши, замѣченные нами передъ наступленіемъ ночи. Мы подумали, что намѣреніе непріятеля было окружить нашу армію и напасть на нее со всѣхъ сторонъ. Это казалось намъ очевидно по движенію полковъ, которые возвращались къ тому мѣсту, откуда пришли, дабы обойти лѣвый нашъ флангъ и растянуться вдоль берега Прута, съ коего имѣли предосторожность снять всѣ наши посты.

Непріятелю легче было судить о нашихъ движеніяхъ. Онъ стоялъ надъ нами на высотѣ и лагерь нашъ былъ освѣщенъ, какъ среди бѣлаго дня, безчисленнымъ множествомъ фуръ и тѣлегъ, сожигаемыхъ вслѣдствіе повелѣнія.

Въ эту ночь не прошли мы четверти мили. Мы осмотрѣлись уже на разсвѣтѣ, и тогда только увидѣли опасность, въ которой находились. Постарались исправиться, каждый на своемъ посту. Одной только важной ошибки, сдѣланной княземъ Репнинымъ, не могли исправить прежде цѣлыхъ шести часовъ.

Генералъ сей начальствовалъ правымъ флангомъ нашего карре и не разсудилъ, что, какъ ни медленно подвигалась голова отряда, хвостъ его непремѣнно долженъ слѣдовать за нею рысью и вскачь, дабы не отставать; онъ прошелъ усиленнымъ маршемъ, думая, что все дѣло состояло въ томъ, чтобъ уйди какъ можно далѣе. Такимъ образомъ разрѣзалъ онъ флангъ, и чѣмъ далѣе подвигался, тѣмъ шире становился промежутокъ, имъ оставленный.

Экипажи, заключенные въ центрѣ, растянулись на просторѣ, полагая себя огражденными рогатками, и такъ-то растянулись, что большая часть отдѣлилась отъ батальона-карре и шла въ степи безъ всякаго прикрытія. Турки, замѣтивъ слабость и видя, что экипажи составляли уголъ, незащищенный никакимъ отрядомъ, скользнули вдоль праваго фланга подъ нашимъ огнемъ, отрѣзали всѣ экипажи, вышедшіе изъ батальона, и захватили ихъ. Экипажей было тутъ довольно: болѣе двухъ тысячъ пяти-сотъ каретъ, колясокъ, тѣлегъ малыхъ и большихъ попались въ руки непріятелю. Здѣсь-то, милостивая государыня, потерялъ я свою карету и весь свой обозъ. Я успѣлъ спасти только une petite paloube съ моимъ бѣльемъ и платьемъ, довольно порядочнымъ.

Нѣсколько дамъ были умерщвлены съ дѣтьми своими въ каретахъ. Жена полковника Ропа, взятаго въ плѣнъ въ сраженіи при никетѣ, погибла съ тремя своими дѣтьми. Почти всѣ слуги, управлявшіе экипажами или тутъ же замѣшавшіеся, имѣли ту же участь.

Ошибка князя Рѣпнина была замѣчена, но слишкомъ поздно. Посланъ былъ къ нему одинъ изъ адъютантовъ Его Величества съ повелѣніемъ остановиться. Между-тѣмъ выставили нѣсколько артиллерійскихъ орудій въ промежутокъ праваго фланга, дабы отогнать непріятеля и воспрепятствовать ему прорваться. Цѣлыхъ пять часовъ употреблено было на исправленіе ошибки, непростительной для генерала. Турки, окружавшіе насъ со всѣхъ сторонъ, съ утра самаго не оставляли насъ въ покоѣ, усиливая огонь.

Это было причиною тому, что Турецкая пѣхота и артиллерія въ теченіе дня успѣла насъ догнать.

Генералъ баронъ Аллартъ былъ легко раненъ въ руку; зять его подполковникъ Ліенро (Lienrot) раненъ былъ смертельно близъ него, генералъ-майоръ Волконскій также. Всѣ трое были на лѣвомъ флангѣ, на углу фронта аррьергарда (près de l'angle du front de l'arrière-garde). Генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ раненъ былъ въ правое плечо, что не помѣшало ему надзирать за безопасностію своего поста, гдѣ чрезвычайно стало жарко, когда догнала насъ Турецкая пѣхота.

Около пяти часовъ вечера фронтъ нашего батальонъ-карре дошелъ до рѣки Прута. Его Величество приказалъ остановиться и выстроиться. Аррьергардъ, сдѣлавъ полуоборотъ направо, сталъ нашимъ правымъ флангомъ, а правый флангъ лѣвымъ. Едва успѣли мы произвести сіе нужное движеніе, какъ Турки уперлись своими обоими флангами къ рѣкѣ и заключили насъ съ трехъ сторонъ двойною линіей, расположенной полукружіемъ. Нѣсколько времени спустя, горы, находящіяся по той сторонѣ рѣки, заняты были Шведами, Поляками Кіевскаго Пали[а?]тина и Буджацкими Татарами.

Выстроенные въ батальонъ-карре и со всѣхъ сторонъ обращенные лицомъ къ непріятелю, мы завалили землею наши рогатки, и пока часть полковъ погребала насъ, остальная производила безпрестанный огонь на непріятеля, который съ своей стороны также укрѣплялся.

Около семи часовъ, какъ я возвращался къ генералу Янусу, начальствовавшему на правомъ флангѣ, гдѣ находился и мой постъ, исполнивъ данное имъ порученіе, я былъ раненъ пулею въ правую руку, но довольно легко, и могъ остаться на своемъ мѣстѣ, гдѣ люди падали въ числѣ необыкновенномъ, ибо непріятельская артиллерія почти не давала промаха. Въ восемь часовъ вечера три орудія были у меня сбиты. Его Величество, посѣтившій мой постъ, какъ и прочіе, приказалъ ихъ исправить въ ночь и присовокупить двѣнадцати-фунтовое орудіе.

Могу засвидѣтельствовать, что Царь не болѣе себя берегъ, какъ и храбрѣйшій изъ его воиновъ. Онъ переносился повсюду, говорилъ съ генералами офицерами и рядовыми нѣжно и дружелюбно

(avec tendresse et amitié), часто ихъ разспрашивая о томъ, что происходило на ихъ постахъ.

При наступленіи ночи роздали намъ, по 800 на каждый полкъ, новоизобрѣтенныхъ пожеи, съ трехъ сторонъ острыхъ какъ бритвы, которые, будучи сильно брошены, втыкались въ землю; намъ повелѣли ихъ бросать не прежде, какъ когда непріятель вздумаетъ насъ атаковать. Въ эту ночь непріятель сдѣлалъ только два покушенія: одно, при свѣтѣ фейерверка, на постъ, занимаемый генералъ-поручикомъ Остенъ-Сакеномъ, а другое на постъ генералъ-майора Буша. Ихъ отразили съ той и другой стороны. Они приблизились снова уже на разсвѣтѣ и дали знать о себѣ безпрерывнымъ огнемъ изъ ста-шестидесяти пушекъ, поддержанныхъ безпрестанной пальбою ихъ конницы и пѣхоты.

Будемъ справедливы: генералы Янусъ, Аллартъ и Денсбергъ, генералъ-поручики Остенъ и Беркгольцъ, генералъ-майоры Видманъ и Бушъ и бригадиръ Ремкингъ сдѣлали болѣе, нежели можно пересказать. Между-тѣмъ, какъ Русскіе начальники показывались только ночью, а днемъ лежали подъ своими экипажами, генералы иностранные были въ безпрестанномъ движеніи, днемъ поддерживая полки въ ихъ постахъ, исправляя уронъ, нанесенный непріятелемъ, давая отдыхать солдатамъ наиболѣе усталымъ и смѣняя ихъ другими, находившимися при постахъ, менѣе подверженныхъ нападенію непріятеля.

Коли ночь показалась намъ коротка, потому что не были мы обезпокоены, то утро за то показалось намъ очень долгимъ, по причинѣ быстраго и безпрестаннаго непріятельскаго огня, отъ котораго мы терпѣли, но крайней мѣрѣ, на правомъ нашемъ флангѣ, со стороны фронта. Войско приближенное къ рѣкѣ, было совсѣмъ безопасно.

Около девяти часовъ утра Его Величество, коему небезъизвѣстно было, что иностранные генералы одни могли спасти его армію, приказалъ позвать ихъ въ центръ экипажей, гдѣ находилась его палатка. Генералъ Янусъ, котораго Царь приглашалъ особенно вмѣстѣ съ барономъ Остеномъ, взялъ меня съ собою къ Его Величеству. Государь милостиво освѣдомился о моей ранѣ, которая очень меня безпокоила, потому что я только еще промывалъ ее виномъ, даннымъ мнѣ генералъ-маіоромъ Бушемъ. У меня не было ни капли. Тѣлеги мои были въ числѣ тѣхъ, которыми овладѣли Турки.

Государь, генералъ Янусъ, генералъ-поручикъ Остенъ и фельдмаршалъ держали долгое время тайное совѣщаніе. Потомъ они подошли къ генералу барону Аллартy, лежавшему въ каретѣ по причинѣ раны, имъ полученной, и тутъ, между каретою сего генерала и каретою баронессы Остенъ, въ которой находилась г-жа Бушъ, положено было, что фельдмаршалъ будетъ писать къ великому визирю, прося отъ него перемирія, дабы безопасно приступить къ примиренію обоихъ государей.

Трубачь генерала Януса отправился съ письмомъ, и мы ожидали отвѣта, каждый на своемъ посту, какъ объявили намъ о смерти генерала-маіора Видмана.

Это была невозвратная потеря для Царя. Видманъ былъ человѣкъ достойный и честный, прямой, правдивый, добрый товарищъ и хорошій кавалерійскій офицеръ, основательно знавшій свое дѣло. Всѣ объ немъ сожалѣли, тѣмъ болѣе, что онъ находился не на своемъ посту: онъ служилъ въ дивизіи генерала Рене и долженъ былъ бы съ нимъ отправиться въ Валахію, если бъ Его Царское Величество не оставилъ его въ своей арміи, изъ уваженія къ нему.

Не прошло и двухъ часовъ по отъѣздѣ трубача, какъ увидѣли мы, что онъ возвращается съ агою Янычаровъ. Турокъ прибылъ на постъ, гдѣ находился генералъ-поручикъ Беркгольцъ и сказалъ ему на Арабскомъ языкѣ, на которомъ Беркгольцъ изъяснялся хорошо, что великій визирь соглашался на требуемое перемиріе и давалъ намъ знать, чтобы мы прекратили пашъ огонь <что и съ ихъ стороны будетъ учинено>, и чтобъ мы присылали комиссаровъ для переговоровъ о мирѣ.

Мы не дождались повелѣній генерала-фельдмаршала и остановили огонь, каждый на своемъ посту, и въ минуту на той и другой сторонѣ водворилось спокойствіе.

Не прошло двухъ часовъ со времени, что перемиріе было объявлено и что баронъ Шафировъ отправился въ лагерь великаго визиря въ качествѣ комиссара съ препорученіемъ трактовать о мирѣ, какъ увидѣли мы всю Турецкую армію около нашихъ рогатокъ: Турки пріѣхали насъ навѣстить и полюбоваться нами въ нашей клѣткѣ. Наконецъ они такъ приблизились, что генералы наши возымѣли подозрѣніе, особенно генералъ Янусъ, который послалъ г. Беркгольца къ великому визирю, прося его приказать войску своему возвратиться въ окопы и учредить караулы для удержанія Турокъ въ повиновеніе, что съ нашей стороны, должны были сдѣлать и мы.

Генералъ-лейтенантъ Беркгольцъ возвратился съ тѣмъ же Янычарскимъ агою, который однимъ словомъ погналъ всю Турецкую армію въ ея окопы. Онъ разставилъ потомъ караулы <vedettes> со стороны ихъ, а мы съ нашей.

Признаюсь, милостивая государыня, изо всѣхъ армій, которыя удалось мнѣ только видѣть, никогда не видывалъ я ни одной прекраснѣе, величественнѣе и великолѣпнѣе арміи Турецкой. Эти разноцвѣтныя одежды, ярко освѣщенныя солнцемъ, блескъ оружія, сверкающаго на подобіе безчисленныхъ алмазовъ, величавое однообразіе головнаго убора, эти легкіе, но завидные кони, все это на гладкой степи, окружая насъ полумѣсяцемъ, составляло картину невыразимую, о которой, не смотря на все мое желаніе, я могу вамъ дать только слабое понятіе.

Когда увидѣли, что дѣло клонилось къ миру не на шутку, мы отдохнули, перемѣнили бѣлье и платье. Вся наша армія походила на трубочистовъ: потъ, пыль и порохъ такъ покрывали насъ, что мы другъ друга ужь не узнавали. Менѣе нежели черезъ три часа всѣ явились въ золотѣ, всякій одѣлся какъ можно великолѣпнѣе.

22-го вечеромъ узнали черезъ барона Шафирова, прибывшаго изъ Турецкаго лагеря для объясненій съ Его Величествомъ о нѣкоторыхъ спорныхъ пунктахъ и черезъ часъ уѣхавшаго обратно, что все шло хорошо, и что конечно миръ будетъ заключенъ.

Не могу, милостивая государыня, здѣсь не упомянуть о благоразумномъ поступкѣ, который заставилъ насъ уважать Турецкій народъ. Какой-то спаги, или, что все равно, всадникъ, перешелъ за указную черту и явился близъ моего поста, гдѣ прогуливался я съ сыномъ барона Денсберга, подполковникомъ въ Бѣлозерскомъ полку, и съ генералъ-маіоромъ Вейсбахомъ.

Этотъ спаги говорилъ что-то нашимъ драгунамъ, находившимся за рогатками, размахивая своею саблею и полагая, что мы понимали его парѣчіе. Офицеръ, разъѣзжавшій около ихъ лагеря, замѣтилъ, что спаги перешелъ за положенную черту, и, давая знакъ возвратиться въ лагерь, съ твердостію выговаривалъ ему. Спаги его не послушался; офицеръ, послѣ двукратнаго требованія, приближился къ нему молча и махомъ своей сабли чисто отрубилъ руку, которая упала съ саблею къ нашимъ ногамъ; потомъ, продолжая путь свой съ тѣмъ же хладнокровіемъ, простился съ нами, коснувшись рукою чалмы своей. Спаги не сталъ тратить времени и ускакалъ во весь опоръ, оставя руку и саблю у ногъ молодого Денсберга. Сей поступокъ невѣрнаго служитъ урокомъ для христіанъ, съ какою строгостію должно хранить свое слово, данное и непріятелямъ.

22-е и 23-е числа прошли въ нетерпѣливомъ ожиданіи столь нужнаго и столь желаемаго мира. Положеніе, въ которомъ мы недавно находились, того требовало. Оно было ужасно. Смерть или рабство—не было средины. Намъ должно было выбрать изъ двухъ одно, если бъ великій визирь сдѣлалъ свое дѣло и служилъ съ усердіемъ государю своему. Надлежало ему только быть осторожнымъ, укрѣпляться въ окопахъ и оставаться въ бездѣйствіи. Армія наша не имѣла провіанта; пятый день большая часть офицеровъ не ѣли хлѣба; тѣмъ-паче солдаты, которые пользуются меньшими удобностями. Лошади были изнурены (étoient depuis le même tems au filet); нѣкоторые генералы имѣли при себѣ нѣсколько кулей овса и кое-какъ поддерживали лошадей; остальные же кони лизали землю и были такъ изнурены, что когда пришлось употребить ихъ въ дѣло, то не знали, сѣдлать ли, запрягать ли, или нѣтъ.

Вечеромъ 23 іюля <по старому стилю> бригадиры получили приказъ отобрать розданные ножи, по 800 на каждый полкъ, и побросать ихъ ночью въ рѣку черезъ надежныхъ офицеровъ. Узнали также, что въ артиллерійскомъ паркѣ зарыто было множество пороху, бомбъ, гранатъ и ядеръ, также и оружія, предварительно сломаннаго, что предвѣщало намъ конецъ нашимъ бѣдствіямъ.

Наконецъ, милостивая государыня, 24-го увидѣли мы одну изъ придворныхъ повозокъ (paloube), въ которой везли на 200.000 червонцевъ золота и вещей, обѣщанныхъ барономъ Шафировымъ въ подарокъ великому визирю. Въ полдень, Его Царское Величество чрезъ своего генералъ-адъютанта объявилъ всѣмъ генераламъ, что онъ заключилъ съ Портою твердый, неколебимый и вѣчный миръ, и приказалъ дать знать о томъ всѣмъ офицерамъ и рядовымъ своей арміи.

Если бы сказали намъ 22-го іюля утромъ, что миръ заключенъ будетъ такимъ образомъ 24-го, то всякій почелъ бы, конечно, мечтателемъ и сумасшедшимъ того, кто бъ осмѣлился ласкать насъ надеждою на такое несбыточное счастіе. Я помню, что когда трубачь генерала Януса отправился съ письмомъ фельдмаршала, въ которомъ просилъ онъ перемирія, генералъ сказалъ намъ, возвращаясь къ нашимъ постамъ, что тотъ, кто завелъ Его Царское Величество въ это положеніе, долженъ былъ быть величайшимъ безумцемъ всего свѣта; но что если великій визирь приметъ наше предложеніе въ настоящихъ обстоятельствахъ, то это первенство принадлежитъ ему. Богу угодно было, чтобъ генералъ невѣрныхъ ослѣпленъ былъ блескомъ двухъ-сотъ-тысячь червонцевъ, для спасенія великаго множества честныхъ людей, которые, поистинѣ, находились въ рукахъ Турковъ.

Въ часъ пополудни Оттоманы обнародовали миръ, и почти въ то же время фельдмаршалъ отдалъ приказъ арміи выступить въ походъ въ шесть часовъ вечера, въ новомъ боевомъ порядкѣ, коего планъ розданъ былъ всѣмъ генераламъ, дабы каждый изъ нихъ занялъ свое мѣсто. Войско должно было выступить изъ лагеря съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и съ флейтами передъ каждымъ полкомъ.

Не нужно было приказывать офицерамъ, у конхъ оставались еще экипажи, ихъ облегчить: необходимость и такъ ужъ того требовала. Множество добра побросали въ лагерѣ, ибо лошади едва таскались, изнуренныя и чуть живыя.

Прежде нежели оставимъ лагерь, вы позволите, милостивая государыня, исчислить вамъ потерю обѣихъ армій въ эти четыре дня. Достовѣрно, что Его Царское Величество лишился не болѣе, какъ 8.800 человѣкъ убитыми. Изъ генераловъ убитъ одинъ г. Видманъ; два полковника, пять подполковниковъ, 18 капитановъ и 26 нижнихъ чиновъ раздѣлили съ нимъ ту же участь. Турки чистосердечно признались намъ, что они потеряли убитыми 8.900 человѣкъ, между прочимъ, одного любимца ихъ султана и множество офицеровъ.

24-го, въ 6 часовъ вечера, армія выступила въ походъ центромъ праваго фланга. Четыре батальона, въ немъ находившіеся, составляли фронтъ подъ командою генерала барона Денсберга, генералъ-майора Альфенделя и бригадира Моро-де-Бразе (Moreau de Brasey, Comte de Lion en Beance). Прочіе генералы слѣдовали по старшинству; Адамъ Вейде и князь Голицынъ составляли арьергардъ, а солдаты несли рогатки, какъ и во время сраженія. Армія, составляя батальонъ-карре, гордо прошла мимо Турковъ, выстроенныхъ въ одну линію по долинѣ, въ лѣвую нашу руку. Мы шли до самой ночи по берегу Прута, который былъ отъ насъ вправо, а горы влѣво.

Одинъ Французскій инженеръ, по имени Терсонъ, человѣкъ самый честный, уважаемый Царемъ и Русскими, пріятель всего свѣта, удостовѣрилъ меня, что есть люди, имѣющіе вѣрныя предчувствія о своей смерти. Сей Французъ подружился со мной въ Ригѣ, гдѣ я узналъ его; и когда черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ, встрѣтились мы въ той же арміи, онъ часто дѣлалъ мнѣ честь навѣщать меня и довольствоваться моей хлѣбъ-солью. Въ тотъ день, какъ возвратились мы въ лагерь, всопровожденіи непріятелей, онъ ко мнѣ пришелъ поздравить меня съ достославнымъ нашимъ отступленіемъ и съ тѣмъ, что генералъ Янусъ благосклонно отзывался ему обо мнѣ, радуясь, что въ семъ случаѣ имѣлъ меня при себѣ. Я отвѣчалъ, что генералъ Янусъ отдавалъ свои приказанія съ такою ясностью, что офицеру, какъ бы тупо ни было его понятіе, невозможно было ихъ не выполнить. Умирая съ голоду, я былъ съ большимъ аппетитомъ то, что могъ еще найти годнаго въ монхъ запасахъ, и Терсонъ послѣдовалъ моему примѣру. Тутъ открылъ онъ мнѣ за тайну, что ему изъ Молдавіи не выдти и что онъ оставитъ въ ней свои кости. Я всячески старался разсѣять его мрачное предчувствіе, но тщетно. Заключили миръ; армія выступила. Терсонъ прибылъ къ моему посту и довольно долго со мною разговаривалъ. Я сталъ смѣяться надъ

его предчувствіемъ, доказывая его ложность, ибо миръ былъ заключенъ. Онъ отвѣчалъ, что генералъ Япусъ, которому также онъ открылся, дѣлалъ ему то же разсужденіе, но что онъ и мнѣ дастъ тотъ же отвѣтъ, какъ и генералу, именно что онъ изъ Молдавіи еще не вышелъ, и что мы успѣемъ надъ нимъ посмѣяться, когда войско перейдетъ за Днѣстръ. Нѣсколько времени спустя, онъ меня оставилъ и поѣхалъ къ генералу Япусу, который, страдая подагрой, ѣхалъ въ каретѣ вдоль праваго фланга во ста шагахъ отъ фронта. Поговоривъ съ нимъ немного, онъ оставилъ его по нѣкоторой нуждѣ. Одинъ изъ Татаръ, слѣдовавшихъ за нашей арміей, въ намѣреніи что-нибудь подцѣпить, проскакавъ мимо его, воткнулъ въ него копье и оставилъ его мертвымъ, не снявъ даже съ него шляпы. Генералъ Япусъ послалъ за мною своего адъютанта и показалъ мнѣ его тѣло, принесенное къ батальону гренадерами, и которое было еще тепло. Мы жалѣли объ немъ отъ всего сердца и дивились, между тѣмъ, предчувствіямъ, которыя я оспоривалъ съ упрямствомъ. Фельдмаршалъ послалъ трубача къ великому визирю съ жалобою на нарушеніе условій. Трубачъ возвратился ночью съ предписаніемъ вѣшать всѣхъ Татаръ, которые попадутся намъ въ руки, гоняясь за нашей арміей.

При совершенномъ наступленіи ночи, Его Царское Величество велѣлъ остановиться батальону-карре. Мы выстроились какъ можно исправнѣе. Мы расположились на бивакахъ. Ночлегъ былъ кратокъ и ночь чрезвычайно дождлива.

Не правда ли, что находите меня нечувствительнымъ въ отношеніи къ вашему полу, ибо досихъ-поръ не говорилъ я вамъ о всемъ, что претерпѣли дамы, находившіяся въ нашей арміи? Вообразите ихъ себѣ, милостивая государыня, посреди ужасовъ четыре-дневнаго сраженія, подверженныхъ тѣмъ же опасностямъ, какъ и мы; кареты ихъ простр҃лены были пулями, разбиты пушечными ядрами, и эти милыя дамы должны были попасться въ плѣнъ, если не погибнуть въ нечаянномъ нападеніи, коего мы только и опасались. Не знаю, болѣе ли онѣ страдали во время битвы, нежели радовались о своемъ избавленіи; но знаю, что генералъ-майорша Бушъ, три недѣли послѣ, не могла еще оправиться отъ страха, ею претерпѣннаго въ тѣ четыре дня, какъ мы имѣли дѣло съ Турками.

Какъ объ условіяхъ мира хранили глубокое молчаніе, то мы <иностранцы> никого и не распрашивали, и разсуждали о нихъ между собою, не сомнѣваясь, чтобъ они не были весьма тягостны для Его Царскаго Величества. Однако мы узнали обо всемъ въ походѣ <25 іюля> и совсѣмъ неожиданнымъ для насъ образомъ.

Армія выступила въ походъ на разсвѣтѣ съ экипажемъ, уменьшеннымъ, по крайней мѣрѣ, двумя третями. Въ полдень пришли мы въ тѣснину, гдѣ мы такъ долго простояли въ началѣ нашего похода. Я былъ одинъ изъ начальниковъ авангарда или фронта нашего ботальонъ-карре, который, для большей удобности экипажей, раздѣлился при входѣ въ тѣснину. Мы первые прибыли въ долину, находящуюся за тѣснипою: мѣсто пріятное, окруженное густыми деревьями и огражденное слѣва высокими, лѣспстыми горами, а справа рѣкою Прутомъ, разливающимъ на свои берега прохладу, которой мы и воспользовались. Тамъ настигли меня сначала генералъ-майоръ Бушъ, а вслѣдъ за нимъ генералъ баронъ Остенъ. Всѣ трое мы проголодались. Карета госпожи Бушъ ѣхала невдалекѣ. Мужъ ея послалъ спросить, нѣтъ ли у ней, чѣмъ бы намъ пообѣдать. Эта милая дама прислала намъ бутылку Венгерскаго вина, четыре холодныхъ цыпленка, хлѣба довольно черстваго, но все жь хлѣба, а мы, при приближеніи такого сильнаго сикурса, избрали мѣстоположеніе и стали работать съ одинаковою жадностію. Бутылка нашлась недостаточной для утоленія нашей жажды: мы послали за подкрѣпленіемъ, которое и было намъ доставлено съ тою же любезностью. Только-что мы кончили нашъ обѣдъ, фельдмаршалъ на насъ наѣхалъ и попросилъ насъ угостить трехъ пашей, присланныхъ отъ великаго визиря къ Его Царскому Величеству, покамѣсть государь не дастъ отвѣта. Мы къ нимъ отправились. Одинъ изъ нихъ говорилъ хорошо по-Нѣмецки и еще лучше по-Латинѣ. Онъ достался на мою долю; друзья мои довольствовались оба однимъ изъ остальныхъ, говорившимъ только по-Нѣмецки. Въ минуты первыхъ привѣтствій слуги фельдмаршальскіе разбили шатеръ, постлали наземь коверъ Турецкій, на который усадили мы нашихъ трехъ пашей. Они сѣли, сложивъ ноги крестомъ, и велѣли принесть себѣ трубки, коихъ чубуки столь были длинны, что головки ихъ лежали на землѣ.

Сначала разговоръ нашъ былъ общій. Они сказали намъ, что великій визирь послалъ ихъ предложить Его Царскому Величеству 2.000 человѣкъ спаговъ для отогнанія Татаръ, насъ преслѣдующихъ, и изъ коихъ шестеро ночью были пойманы, не считая тридцати, убитыхъ нашими конными гренадерами. Наконецъ, паша, говорившій по-Латинѣ, коль-скоро узналъ, что я Французъ, подозвалъ меня къ себѣ и громко объявилъ, что Французы были пріятели Туркамъ. Тогда, вступивъ въ частныя разсужденія, я спросилъ у него, по какой причинѣ и на какихъ условіяхъ заключили они миръ. Онъ отвѣчалъ, что твердость наша ихъ изумила, что они не думали найти въ насъ столь ужасныхъ противниковъ; что, судя по положенію, въ которомъ мы находились, и по отступленію, нами совершенному, они видѣли, что жизнь наша дорого будетъ имъ стоить, и рѣшились, не упуская времени, принять наше предложеніе о перемиріи, дабы насъ удалить. Онъ объявилъ, что въ первые три дня артиллерія наша истребила и изувѣчила множество изъ ихъ единоземцевъ, что у нихъ было 8.000 убитыхъ и 8.000 раненыхъ, и что они поступили благоразумно, заключивъ миръ на условіяхъ, почетныхъ для султана и выгодныхъ для его народа.

Вы чувствуете, милостивая государыня, что, увидя случай отозваться съ похвалою о нашей арміи, я не сталъ скромничать и, признаюсь, отроду не хвасталъ я съ такимъ усердіемъ и не встрѣчалъ подобной довѣрчивости. Потомъ я сказалъ ему, что, будучи доволенъ изъясненіемъ причинъ, по которымъ заключили они миръ, я хотѣлъ бы знать и условія онаго; онъ охотно исполнилъ мое желаніе, выпивая кофе, который между-тѣмъ имъ подносили. И вотъ они, сіи условія, которыя тѣмъ болѣе изумили меня, что, основываясь на предложеніяхъ, показанныхъ мнѣ въ Ригѣ Левенвольдомъ, я полагалъ короля Шведскаго истинною причиною войны.

1) Его Царское Величество возвратитъ Туркамъ Азовъ, срывъ новыя укрѣпленія онаго, также и крѣпости, выстроенныя имъ по берегу.

2) Флотъ свой и морское войско переведетъ

онъ въ Воронежъ и не будетъ имѣть другой, ближайшей пристани къ Черному Морю, кромѣ Воронежской.

3) Казакамъ возвратитъ ихъ старинную вольность, а Польшѣ Украйну Польскую, такъ же какъ и Эльбингъ и другіе города, имъ захваченные.

4) Выведетъ безъ-изъятія всѣ полки, находящіеся въ разныхъ частяхъ Польши, и впредь ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ случаѣ не введетъ ихъ обратно самъ или черезъ своихъ генераловъ.

5) Наконецъ Его Царское Величество дастъ королю Шведскому свободный пропускъ въ его государство, даже, въ случаѣ нужды, и черезъ свои владѣнія, съ конвоемъ, который данъ будетъ отъ султана; также не станетъ никакимъ образомъ тревожить короля во время проѣзда его черезъ Польскія владѣнія, обязуясь, въ то же время, удержать и Фридерика Августа, курфирста Саксонскаго, отъ всякаго непріязненнаго покушенія, какъ на особу короля, такъ и на конвой, его сопровождающій.

Таковы были условія мира, столь полезнаго и столь нужнаго для славы Его Царскаго Величества. Прибавьте къ тому и 200.000 червонцевъ, подаренныхъ великому визирю (что подтверждено мнѣ было моимъ пашею).

Онъ сказалъ мнѣ, что спустя часъ по отступленіи арміи пашей, Шведскій король переѣхалъ черезъ Прутъ на челнокѣ, сдѣланномъ изъ выдолбленнаго пня, пустивъ лошадь свою вплавь, и самъ-шёстъ прискакалъ въ лагерь великаго визиря; что король говорилъ ему съ удивительною гордостію и между прочимъ сказалъ, что, «если одинъ изъ его генераловъ вздумалъ бы только заключить таковой миръ, то онъ отрубилъ бы ему голову, и что ему, визирю, должно того же ожидать отъ султана». На всю эту брань великій визирь отвѣчалъ только то, что онъ имѣлъ отъ султана приказаніе, и что онъ ничего не дѣлалъ безъ согласія одного министра (de Sa Hautesse), находящагося въ его лагерѣ, и своего военнаго совѣта.

Мы разговаривали обо всемъ этомъ, какъ фельдмаршалъ пришелъ имъ объявить, что Его Величество принимаетъ учтивое предложеніе великаго визиря. Паши откланялись, взявъ съ собой шестерыхъ Татаръ, схваченныхъ нами ночью, и отослали ихъ связанныхъ къ великому визирю для примѣрнаго наказанія.

Я всегда воображалъ себѣ Турковъ людьми необыкновенными; но мое доброе о нихъ мнѣніе усилилось съ-тѣхъ-поръ, какъ я на нихъ насмотрѣлся. Они большею частію красивы, носятъ бороду, не столь длинную, какъ у капуциновъ, но снизу четыреугольную, и холятъ ее, какъ мы холимъ лошадей. Эти паши, хотя всѣ трое разнаго цвѣта, имѣли красивѣйшія лица. Тотъ, съ которымъ я разговаривалъ, признался мнѣ, ему было 63 года, а на взглядъ нельзя было ему дать и сорока пяти.

Армія наша, разстроившая батальонъ-карре при входѣ въ тѣснину, раздѣлилась въ долинѣ, находящейся при выходѣ изъ оной. Его Царское Величество съ Преображенцами, Семеновцами, Астраханцами и Ингерманландцами сталъ въ авангардѣ, въ двухъ миляхъ отъ тѣснины. Генералъ-лейтенантъ Брюсъ съ артиллеріей и дивизія князя Рѣпнина слѣдовали за Его Величествомъ и расположились лагеремъ въ полуторѣ мили; генералъ баронъ Денсбергъ въ одной мили; генералъ баронъ Аллартъ въ полу-мили съ кавалеріей, которою командовалъ онъ по приказанію Его Величества, ибо Г. Янусъ страдалъ въ это время подагрою. Дивизія же Адама Вейде осталась при выходѣ изъ тѣснины. Двух-тысячный Турецкій отрядъ раздѣлился на три части: одна осталась въ тылу арміи, а двѣ другія расположились по ея флангамъ. Въ такомъ расположеніи и наблюдая все тѣ же дистанціи, мы пошли на Яссы, гдѣ надѣялись найти всѣ запасы, нужные для обратнаго нашего похода черезъ степи. Мы достигли сего города въ шесть переходовъ, каждый въ четырехъ миляхъ состоявшій. Тамъ оставались мы четыре дня и запаслись всѣмъ, что могли только найти.

Много претерпѣлъ бы я во время сего перехода, если бы генералъ баронъ Аллартъ, зная, что я потерялъ весь мой экипажъ, не снабдилъ меня великодушно повозкою, четверкою лошадей и прекрасною палаткой съ ея маркизою. А какъ въ повозочкѣ моей <paloube> съ одеждой и бѣльемъ находилась и постеля, то я въ своемъ несчастіи почиталъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Давъ четырехдневный отдыхъ своей арміи и собравъ запасы для перехода черезъ степи, Его Царское Величество повелъ насъ вдоль Прута до Станопа (Stanope), по дорогѣ не столь трудной и дальней, какъ Сороцкая. Въ Станопѣ мы стояли опять четыре дня, по той причинѣ, что Его Величество приказалъ навести одинъ только мостъ для переправы всей арміи.

Здѣсь разстались мы съ тремя пашами и съ ихъ отрядомъ. Дорогой имѣлъ я честь нѣсколько разъ съ ними разговаривать, а однажды и обѣдать вмѣстѣ у генералъ-лейтенанта барона Остена. Они попросили рису, вареная на молокѣ, и наѣлись его, насыпавъ кучу сахару. Мы никакъ не могли заставить ихъ пить Венгерскаго вина, какъ ни просили; они предпочитали кофе, сваренный по ихъ обычаю, и который пили они цѣлый день.

Отъ Станопа армія въ четыре дня пришла къ Могилеву на Днѣстрѣ, куда прибылъ ужъ Сороцкій гарнизонъ, истребивъ мостъ и наружныя укрѣпленія города. Новый мостъ, который должно было навести на Днѣстрѣ, задержалъ насъ тутъ еще восемь дней. Буджацкіе Татаре вздумали было насъ безпокоить. Казачій полковникъ заманилъ ихъ по-своему въ засаду. 160 были убиты, шестеро взяты въ плѣнъ, и фельдмаршалъ велѣлъ ихъ повѣсить всѣхъ на одномъ деревѣ, на самой высокой изъ сосѣднихъ горъ, дабы устрашить тѣхъ, которые вздумали бы опять насъ безпокоить въ нашемъ лагерѣ или фуражировкѣ, что не переставали они чинить съ нами отъ самаго Станопа.

Мостъ былъ готовъ, и армія спокойно переправилась въ трое сутокъ. Шесть батальоновъ гренадеръ остались въ арріергардѣ лагеря, изъ опасенія, чтобъ Татаре, кроющіеся въ горахъ, не потревожили переправы нашихъ послѣднихъ полковъ. Но они оказались болѣе благоразумными, нежели мы предполагали; проученные послѣднею своею неудачей, они уже не показывались, и отступленіе наше совершилось со всевозможнымъ спокойствіемъ.

Во время нашего пребыванія въ лагерѣ за Днѣстромъ, въ Подоліи, Его Царское Величество пожелалъ узнать въ точности потерю, имъ понесенную въ сей краткій, но трудный походъ. Приказано было каждому бригадиру представить къ слѣдующему утру подробную опись своей бри-

гадѣ, опредѣливъ состояніе оной въ первый день вступленія нашего въ Молдавію и то, въ которомъ находилась она въ день отданнаго приказа. Воля Его Царскаго Величества была исполнена: изъ 79.800 людей, состоявшихъ на лицо при вступленіи нашемъ въ Молдавію, если вычесть 15.000, находящихся въ Валахіи съ генераломъ Рене, оставаться надлежало 64.800, но оказалось только 37.315. Вотъ все, что вышло изъ Молдавіи. Прочіе остались на удобреніе сей безплодной земли, отчасти истребленные огнемъ непріятельскимъ, но еще болѣе поносомъ и голодомъ.

На третій день нашего пребыванія въ новомъ лагерѣ, куда припасы стекались изобильно изъ Каменца и другихъ городовъ Подольскихъ, государь, Императрица, свита ихъ и министры <за исключеніемъ барона Шафирова и графа Шереметева, оставленныхъ въ лагерѣ Турецкомъ заложниками мира> отправились incognito въ десять часовъ вечера, подъ прикрытіемъ одного только гвардейскаго эскадрона, къ Ярославу. Тамъ, по приказанію государя, приготовлены были суда, на которыхъ онъ Вислою отправился въ Торнъ, гдѣ Императрица, въ то время беременная на седьмомъ мѣсяцѣ, располагалась родить. Это былъ первый ея ребенокъ съ того времени, когда она признана была Императрицей: честь, коей она достойна болѣе многихъ принцессъ, которыя должны бы краснѣть отъ стыда, видя, что женщина ничтожнаго происхожденія (une femme de rien), безо всякаго образованія, не воспитанная въ чувствахъ величія и душевной возвышенности, свойственныхъ высокому рожденію, поддерживаетъ санъ Императорскій со всею честію, величіемъ и умомъ, какихъ можно было бы только ожидать отъ самой знатнѣйшей крови.

На другой день отъѣзда Его Величества, фельдмаршалъ съ всею арміей выступилъ въ походъ и остановился лагеремъ въ Шарградѣ, куда, по его приказанію, съѣхались всѣ генералы изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ они находились; ибо армія была распредѣлена по разнымъ направленіямъ для удобства продовольствія и фуражировки.

Когда генералы собрались въ палаткахъ фельдмаршала, онъ объявилъ имъ, что Его Царское Величество, заключивъ миръ съ Турками, не имѣлъ уже надобности въ столь великомъ числѣ генераловъ, что онъ имѣлъ повелѣніе государя отпустить тѣхъ изъ нихъ, которые, по ихъ большому жалованью, наиболѣе были ему тягостны, что онъ именемъ Его Царскаго Величества благодаритъ ихъ за услуги, ими оказанныя, особенно въ сей послѣдній походъ; потомъ онъ роздалъ абшиды генераламъ, коимъ прилагаю здѣсь списокъ, включая въ томъ числѣ тѣхъ, которые оставили службу Его Величества съ 1 Января 1711 года.

Списокъ генераламъ, отпущеннымъ Его Царскимъ Величествомъ или оставившимъ его службу безъ отпуска.

Фельдмаршалъ генералъ-лейтенантъ Гольцъ отошелъ безъ отпуску, не получивъ 60.000 экю и болѣе должнаго ему жалованья.

Генералъ Янусъ отошелъ безъ отпуску по той же причинѣ.

Генералъ баронъ Денсбергъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ-лейтенантъ Беркгольцъ отпущенъ съ абшидомъ.

Генералъ-лейтенантъ Постицъ, Эльбингскій комендантъ, отошелъ безъ абшида, самовольно удовлетворивъ себя 50.000 экю, которые считалъ за государемъ.

Бригадиръ графъ де-Фризъ отошелъ безъ отпуску.

Бригадиръ Моро-де-Бразе (comte de Lion en Beance) отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ Боэ отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ баронъ Ремкингъ отпущенъ съ абшидомъ.

Бригадиръ графъ Ламберти отпущенъ съ абшидомъ.

Баронъ Денсбергъ, кавалерійскій полковникъ, отпущенъ также съ абшидомъ.

Полковникъ отъ инфантеріи Миропсъ отпущенъ также съ абшидомъ.

На слѣдующій же 1712 г. отпущены съ абшидомъ генералъ баронъ Аллартъ и генералъ-лейтенантъ Флюгель.

14 иностранныхъ полковниковъ отпущено съ абшидомъ; нѣкоторые же отошли сами.

22 полковника отпущены съ абшидомъ, отчасти отошли.

156 капитановъ отпущены или отошли сами.

Фельдмаршалъ не слишкомъ много истратилъ денегъ, отпуская всѣхъ сихъ офицеровъ, ибо никому ничего не заплатилъ: и до-сихъ-поръ за нимъ пропадаетъ жалованья моего за тринадцать мѣсяцевъ *), по 130 руб. на мѣсяцъ <рубль стоилъ 5 франц. ливровъ>: я получалъ 70 рублей какъ бригадиръ, 40 какъ полковникъ и 20 какъ капитанъ.

Генералъ баронъ Денсбергъ имѣлъ ужасную схватку съ фельдмаршаломъ касательно денегъ; но это ни къ чему не послужило. Дѣлать было нечего; мы рѣшились терпѣть. Генералъ баронъ Денсбергъ, генералъ баронъ Остенъ и я отправились вмѣстѣ черезъ Satanore <Тарнополь> <гдѣ мы встрѣтили полки генерала Рене, возвращающіеся изъ Валахіи, и которые тамъ обогатились въ той же мѣрѣ, какъ мы обнищали> и потомъ, черезъ Замосцъ, въ Леополь, гдѣ цѣлый мѣсяцъ отдыхали отъ трудовъ нашего сумасброднаго похода. Въ семъ-то городѣ познакомился я съ госпожею коронною старостиной и ея сестрою, госпожею великой хорунжихою. Обѣ онѣ сестры великому коронному гетману Синявскому. Сіи дамы оказали мнѣ множество вѣжливостей; между прочимъ получилъ я отъ старостины прекраснаго Испанскаго табаку, который ожившилъ мой носъ, совсѣмъ изнемогшій безъ сей благодѣтельной помощи, для меня необходимой.

Изъ Леополя мы пріѣхали въ Варшаву, гдѣ отдыхали еще одинъ мѣсяцъ. Оттуда Вислою отправился я съ бароном Остеномъ и его супругою въ Данцигъ, гдѣ нашелъ я свою жену и семейство свое, умноженное одною наслѣдницею, милымъ и прекраснымъ ребенкомъ.

---

*) Кажется, слышишь храбраго капитана Dalgetty, жалующагося на недоимки и неисправность въ платежѣ жалованья. *Прим. А. С. П.*

967. [О «ТРЕХЪ ПОВѢСТЯХЪ» ПАВЛОВА].

«Три повѣсти» г. Павлова очень замѣчательны и имѣли успѣхъ вполнѣ заслуженный. Онѣ разсказаны съ большимъ искусствомъ, слогомъ, къ которому не пріучили насъ записные наши романисты. Повѣсть Именины, не смотря на свою занимательность, представляетъ нѣкоторыя несообразности. Идеализированное лакейство имѣетъ въ себѣ что-то неестественное, непріятное для здраваго вкуса. Можетъ быть, это же самое происшествіе представляло въ разительной простотѣ своей сильнѣйшія краски и положенія болѣе драматическія, но требовало и кисти болѣе сильной и болѣе глубины въ знаніи человѣческаго сердца.—Аукціонъ есть очень милая шутка, легкая картинка, въ которой оригинально помѣщены три или четыре лица. А я на аукціонъ, а я съ аукціона—черта истинно комическая.

Объ Ятаганѣ скажемъ то же, что и объ Именинахъ. Занимательность этой повѣсти не извиняетъ несообразности. Развязка несбыточна, или, по крайней мѣрѣ, есть анахронизмъ. Зато всѣ лица живы и дѣйствуютъ и говорятъ каждый, какъ ему свойственно и говорить, и дѣйствовать. Въ слогѣ г. Павлова, чистомъ и свободномъ, изрѣдка отзывается манерность; въ описаніяхъ, близорукая мѣлочность нынѣшнихъ Французскихъ романистовъ. Г. Павлова такъ расхвалили въ Московскомъ Наблюдателѣ, что мы въ сихъ строкахъ хотѣли ограничить наши замѣчанія одними порицаніями, но въ заключеніе должны сказать, что г. Павловъ первый у насъ написалъ истинно-занимательные разсказы. Книга его принадлежитъ къ числу тѣхъ, отъ которыхъ, по выраженію одной дамы, забываютъ даже обѣдать.

Талантъ г. Павлова выше его произведеній. Въ доказательство привожу одно мѣсто, гдѣ чувство истины увлекло автора даже противу его воли. Въ Именинахъ, не смотря на то, что выслужившійся офицеръ видимо герой, авторъ далъ ему черты, обнаруживающія холопа: <выписки>.

---

968. [ОБЪ ИСТОРІИ ПОЭЗІИ ШЕВЫРЕВА]

Исторія поэзіи — явленіе утѣшительное, книга важная!

Россія, по своему положенію географическому и политическому etc., есть судилище, приказъ Европы. Nous sommes les grands jugeurs. Безпристрастіе и здравый смыслъ нашихъ сужденій касательно того, что дѣлается не у насъ, удивительны. Примѣры тому.

Критика литературная у насъ ничтожна: по чему? потому что въ ней требуется не одного здраваго смысла, но и любви къ наукѣ.—Взглядъ на нашу критику; Мерзляковъ, Шишковъ, Дашковъ etc.

Шевыревъ при самомъ вступленіи своемъ обѣщаетъ не слѣдовать ни эмпирической системѣ Французской критики, ни отвлеченной философіи нѣмцевъ <стр. >. Онъ избираетъ способъ изложенія историческій — и подѣломъ: такимъ образомъ придаетъ онъ наукѣ заманчивость разсказа.

Критикъ приступаетъ къ исторіи Западной Словесности.

Въ Италіи видитъ онъ чувственность Римскую, побѣжденную Христіанствомъ, обрѣтающую покровительство религіи, воскресшую въ художествахъ, покорившую своему роскошному вліянію строгій каѳолицизмъ и снова овладѣвшую своей отчизною.

Въ Испаніи признаетъ то же начало, но встрѣчаетъ Мавровъ и видитъ въ ней магометанское направленіе <? не магометанское, а...>

Оставляя роскошный Югъ, Шевыревъ переходитъ къ сѣвернымъ народамъ, рабамъ нужды, пасынкамъ природы.

Въ туманной Англіи видитъ онъ нужду, развивающую богатство, промышленность, трудъ, изученіе, литературу безъ преданій, вещественность.

Въ Германскихъ священныхъ лѣсахъ открываетъ онъ уже то стремленіе къ отвлеченности, къ уединенію, къ феодальному разъединенію, которыя и донынѣ господствуютъ въ политической системѣ Германіи и въ системахъ ея мыслителей,

и при дворахъ ея князей, и на каѳедрахъ ея профессоровъ.

Франція, средоточіе Европы, представительница жизни общественной, жизни — все вмѣстѣ — эгоистической и народной. Въ ней науки и поэзія — не цѣли, а средства. Народъ <der Herr Omnis> властвуетъ въ ней отвратительною властью демократіи. Въ немъ всѣ признаки невѣжества, презрѣніе къ чужому, une marque pétulante et tranchante, etc.

Девизъ Россіи—Suum cuique...

---

969. [ВЫПИСКИ ИЗЪ ЧЕТИ-МИНЕЙ].

Трапе́за
толкъ, толмачь
разрѣвать <кого>
Римъ ветхій
Великородный
тверда аки наковальня
мужъ конскаго чина <всадникъ>.

Вложи <діаволъ> убо ему мысль о родителехъ, яко жалостію сокрушатися сердцу его, воспоминающе велію отца и матере любовь, юже къ нему имѣша. И глаголаша ему помыслы: что нынѣ творятъ родители твои безъ тебя, колико многую имутъ скорбь и тугу и плачу́ о тебѣ, яко не вѣдущимъ имъ отшелъ еси. Отецъ плачетъ, мать рыдаетъ, братія сѣтуютъ, сродницы и ближнія жалѣютъ по тебѣ, и весь домъ отца твоего въ печали есть тебе ради. Еще же вспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и пять братій его, и различная мірская сустствія во умъ его привождаше. День же и нощь непрестанно таковыми помыслами смущаше его, яко уже изнемощи ему тѣломъ, и ели живу быти; ово бо отъ великаго воздержанія и иноческихъ подвиговъ, ово же отъ смущенія помысловъ, изсше яко скудель крѣпость его, и плоть его бѣ яко трость вѣтромъ колеблема.

<Житія преподобнаго отца нашего Іоанна Кущника, Іануарія 15>.

ру́бо—рубище
дельва—<бочка или ящикъ?>
и дубраву всякаго древа своею рукою насади <Ч.-М., Житіе Св. Ора черноризца>.
Куколь <capuchon> cuculum
убрусъ
съ путемъ <съ жалованіемъ>

Пріидоша къ прельщенному преподобныя отцы Никонъ игуменъ и Іоаннъ, иже по немъ бысть игуменъ, Пименъ постникъ, Исаія, иже бысть Еп. Ростовскій, Матѳей прозорливый, Исаія затворникъ печерскій, Агапітъ врачь, Григорій Чуд., Никола, иже бысть Еп. Тмут., Несторъ лѣтописецъ; Григорій творецъ каноновъ, Ѳеоктистъ, иже бысть Еп. Черниг., Онисіфоръ прозорливый: сіи вси въ добродѣтеляхъ сіяющіи пришедше молитву творяху къ Богу о Никитѣ.

<Житіе преп. Никиты Затворника Печерскаго>.

---

970. [ПРЕПОДОБНЫЙ САВВА СТОРОЖЕВСКІЙ].

Декабря 3. Преставленіе преподобнаго отца нашего Саввы, игумена святыя обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожѣхъ, новаго чудотворца.

[Изъ пролога]. Преподобный отецъ нашъ Савва отъ юности своей Христа возлюбилъ, а міръ возненавидѣлъ, и, пришедъ къ преподобному Сергію, пріялъ Ангельскій образъ и сталъ подвизаться, угождая Богу постомъ, бдѣніемъ, молитвами, смиренномудріемъ и всѣми добродѣтельми, желая небесная блага пріять отъ Господа. Многія искушенія претерпѣлъ онъ отъ бѣсовъ, но побѣдилъ ихъ помощію Вышняго и надъ страстями воцарился. Тогда, по наставленію учителя своего, великаго Сергія, отошелъ онъ отъ обители Святыя Троицы и поселился въ пустынѣ на горѣ, называемой Сторо́жи, въ верху Москвы-рѣки, въ разстояніи одного поприща отъ Звенигорода и сорока отъ града Москвы. Тамъ святый иночествовалъ въ безмолвіи, терпя ночные морозы и тяготу жара дневнаго.—Услыша о добродѣтельномъ житіи его, многіе иноки и люди мірскіе отъ различныхъ мѣстъ начали къ нему приходить, дабы жить при

немъ и отъ него пользоваться. И принималъ онъ всѣхъ съ любовію, и былъ имъ образецъ смиренія и иноческихъ трудовъ, самъ черпая и нося воду и другія потребности правя, научая тѣмъ братію не лѣниться и не губить дней своихъ праздностію, изобрѣтательницею всего злаго. Потомъ нѣкій христолюбивый князь, пришедъ къ блаженному Отцу Саввѣ, умолилъ его построить храмъ на томъ мѣстѣ и <злато> сумму, нужную на созданіе онаго, далъ святому. И святой прошеніе князя исполнилъ и построилъ храмъ честнаго и славнаго Рождества Пречистой Богоматери и обитель пречудную и великую для душеспасительнаго пребыванія въ ней иноковъ. Тамъ онъ *добре* насъ во имя Христа собранное стадо, водя оное на пажить духовную, и бывъ нѣкогда единожителемъ божественному Сергію, сотворилъ многія добрыя дѣла о Господѣ. Въ поздней старости впалъ онъ въ болѣзнь тѣлесную и, недолго пострадавъ, призвалъ братію и поучилъ ихъ божественнымъ писаніямъ, наказывающимъ хранить чистоту тѣлесную, имѣть братолюбіе, украшаться смиреніемъ и прилежать посту и молитвѣ. Тогда поставилъ имъ въ игумены одного изъ учениковъ своихъ и всѣмъ братіямъ заповѣдалъ пребывать у игумена въ послушаніи и въ повиновеніи. Наконецъ, давъ имъ всѣмъ миръ и послѣднее цѣлованіе, въ добромъ исповѣданіи предалъ душу свою въ руци Божіи декабря 3-го дня, во всемъ благоугодивъ владыкѣ своему, Христу. Услышавъ о преставленіи Святаго, Князья и Бояре, и окрестъ живущіе, и всѣ христолюбивые граждане Звенигорода стеклись съ великой любовію на погребеніе Отца, принесши съ собою больныхъ своихъ, и, проводивъ его псалмопѣніемъ надгробнымъ, положили его съ честію въ имъ построенной церкви Пресвятой Богородицы, на правой сторонѣ. Честныя его мощи и до нынѣшняго дня многія и различныя изцѣленія источаютъ приходящимъ съ вѣрою, во славу Христа, Бога нашего, угодниками своими и по преставленіи многія чудеса творящаго, ему же слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, Аминь.

---

971. СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ГЕОРГІЯ КОНИСКАГО,

Архіепископа Бѣлорусскаго,

изд. протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ. С.П.б. 1835.

Георгій Конискій извѣстенъ у насъ краткой рѣчью, которую произнесъ онъ въ Мстиславлѣ Императрицѣ Екатеринѣ во время Ея путешествія въ 1787 году: «Оставимъ Астрономамъ...» и проч. Рѣчь сія, прославленная во всѣхъ нашихъ реторикахъ, не что иное, какъ остроумное привѣтствіе и заключаетъ въ себѣ игру выраженій, можетъ быть, слишкомъ затѣйливую: по нашему мнѣнію, привѣтствіе, коимъ высокопреосвященный Филаретъ встрѣтилъ Государя Императора, пріѣхавшаго въ Москву въ концѣ 1830 года, въ своей умилительной простотѣ заключаетъ гораздо болѣе истинною краснорѣчія. Впрочемъ различіе обстоятельствъ изъясняетъ и различіе чувствъ, выражаемыхъ обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностію Двора Своего, встрѣчаемая всюду торжествами и празднествами; Государь посѣтилъ Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасомъ.

Но Георгій есть одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ Мужей минувшаго столѣтія. Жизнь его принадлежитъ Исторіи. Онъ вступилъ въ управленіе своею Епархіею, когда Бѣлоруссія находилась еще подъ игомъ Польши. Православіе было гонимо Католическимъ фанатизмомъ. Церкви наши стояли пусты, или отданы были Уніятамъ. Миссіонеры насильно гнали народъ въ Уніятскіе костёлы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ темницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, уничтожали браки, совершенные по обрядамъ нашей Церкви, ругались надъ могилами православныхъ. Георгій искалъ защиты у Русскаго Правительства; онъ доносилъ обо всемъ Св. суноду и жаловался нашему Посланнику, находившемуся въ Варшавѣ. Ревность его пуще озлобила гонителей. Доминикапецъ Овлачинскій, прославившійся ненавистію къ нашей

Церкви, замыслилъ принести Георгія въ жертву своему изувѣрству. Въ 1759 году Георгій, презирая опасности, ему угрожающія, поѣхалъ обозрѣвать сѣтующую свою епархію. Овлачинскій и миссіонеры возмутили въ Оршѣ шляхту и жолнеровъ. Они разогнали народъ, вышедшій съ хоругвями навстрѣчу своему архипастырю, остановили колокольный звонъ и съ воплемъ ворвались въ церковь, гдѣ Георгій священнодѣйствовалъ. Преосвященный едва успѣлъ спастись отъ ихъ сабель въ стѣнахъ Кутеинскаго монастыря, откуда тайно вывезли его въ телегѣ, прикрывъ навозомъ. Другой изувѣръ, свирѣпый Зеновичь, предводительствуя Езуитскими воспитанниками, ночью въ Могилевѣ напалъ на Архіерейскій домъ. Буйные молодые люди вломились въ ворота, перебили окна, ранили нѣсколько монаховъ, семинаристовъ и слугъ; но къ счастію не нашли Георгія, скрывшагося въ подвалахъ своего дома.

Дерзость гонителей часъ отъ часу усиливалась. Польское Правительство имъ потворствовало. Миссіонеры своевольничали, поносили Православную Церковь, лестью и угрозами преклоняли къ Уніи не только простой народъ, но и священниковъ. Георгій снова жаловался Россіи. Императрица Елисавета Петровна, передъ самой Своей кончиною, и Государь Петръ III, при Своемъ восшествіи на престолъ, требовали отъ Польскаго Двора, чтобы гоненія надъ нашими единовѣрцами были прекращены; но избавленіе православія предоставлено было Екатеринѣ II.

Георгій предсталъ передъ Нею въ 1762 году въ Москвѣ, когда Она короновалась, и вслѣдъ за Русскимъ духовенствомъ принесъ Ей, вмѣстѣ съ поздравленіями, тихія сѣтованія народа, издревле намъ роднаго, но отчужденнаго отъ Россіи жребіями войны. Екатерина съ глубокимъ вниманіемъ выслушала печальную рѣчь представителя будущихъ Ея подданныхъ, и когда, нѣсколько времени спустя, Св. сунодъ думалъ вызвать Георгія и поручить въ его управленіе Псковскую Епархію, Императрица на то не согласилась и сказала: «Георгій нуженъ въ Польшѣ».

Въ 1765 году Георгій явился въ Варшавѣ и предъ тономъ Станислава съ жаромъ заступился за тѣхъ, которые именовались еще подданными Польши, Король пораженъ былъ его словами. Онъ обѣщалъ свое покровительство диссидентамъ, и въ слѣдующемъ году дѣйствительно повелѣлъ «Уніятскимъ Архіереямъ, изъ среды своея избравъ одного Епископа, прислать въ Варшаву, для изысканія и постановленія надлежащихъ мѣръ ко взаимному успокоенію враждующихъ». Но гордые Польскіе Магнаты, презрѣвъ посредничество Россіи и Пруссіи, отвергли справедливыя требованія диссидентовъ. Вслѣдствіе сего Екатерина повелѣла Своимъ войскамъ двинуться къ Варшавѣ. Тамъ, за оградою Русскихъ штыковъ, созванъ былъ Сеймъ, учреждена согласительная Коммисія, и диссидентамъ возвращены ихъ прежнія права.

Георгій, одинъ изъ первыхъ членовъ Слуцкой конфедераціи, опредѣленъ былъ въ члены сей Коммисіи. Онъ опять отправился въ Варшаву и дѣятельно занялся объясненіемъ древнихъ грамотъ, на коихъ основаны были права диссидентовъ. Онъ умѣлъ пріобрѣсти уваженіе своихъ противниковъ и даже ихъ довѣренность. «Мы за вами еще живемъ, сказалъ однажды ему Уніятскій Епископъ Шептицкій, а когда католики васъ догрызутъ, то примутся и за насъ». Уніяты втайнѣ готовы были отложиться отъ Папы и снова соединиться съ Греко-Россійскою Церковью. Между тѣмъ Барская конфедерація, поддерживаемая политикою Шуазёля, воспламенила новую войну. Слѣдствіемъ оной былъ первый раздѣлъ Польши. Семь областей, древнее достояніе нашего отечества, были ему возвращены—и въ 1773 году Георгій явился предъ Екатериною, уже какъ подданный, радостно привѣтствуя Избавительницу и законную Владычицу Бѣлоруссіи.

Съ тѣхъ поръ Георгій могъ спокойно посвятить себя на управленіе своею Епархіею. Просвѣщеніе Духовенства, ему подвластнаго, было главною его заботою. Онъ учреждалъ училища, безпрестанно поучалъ свою паству, а часы досуга посвящалъ ученымъ занятіямъ. Онъ умеръ въ 1795 году, будучи 77 лѣтъ отроду.

Нынѣ Протоіерей І. Григоровичъ издалъ собраніе сочиненій Георгія Конискаго, присовокупивъ къ книгѣ своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописаніе Георгія Конискаго.

Проповѣди Георгія просты, и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначальныхъ; но ихъ искренность увлекательна. Политическія рѣчи его имѣютъ большое достоинство. Лучшая изъ нихъ произнесена Екатеринѣ, по совершеніи Ея коронованія. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ его отдѣльныхъ мыслей.

«Для молитвы постъ есть тоже, что для птицы крылья.

*

Когда грѣшникъ, не хотящій покаяться въ беззаконіяхъ своихъ, молится Богородицѣ и вопіетъ Ей: *радуйся!* то привѣтствіе сіе столько же оскорбляетъ Ее, какъ и то Іудейское *радуйся*, когда распинатели Христовы, ударяя въ ланиту Божественнаго Сына Ея, приглашали: *радуйся, Царю Іудейскій!**) Ибо нераскаянный грѣшникъ есть новый распинатель Христовъ**). Да ищемъ убо заступленія и покрова Ея, но оставимъ наперед грѣхи свои: ибо съ грѣхами и изъ-подъ ризы Своея изринетъ насъ.

*

«Душа безсмертная, отъ бреннаго тѣла, какъ птица изъ разтерзанной сѣти, весело взлетѣвши, воспаряетъ въ рай Богопасажденный, гдѣ вѣчно цвѣтетъ древо жизни, гдѣ жилище Самому Христу и Избраннымъ Его.

*

Тѣлеса наши, въ гробахъ согнившія и въ прахъ разсыпавшіяся, возникнутъ отъ земли, какъ трава весною, и по соединеніи съ душами востанутъ, и укажутся всему небу, предъ очами Ангеловъ и человѣковъ, предъ очами предковъ нашихъ и потомковъ, одни яко пшеница, другія же яко плевелы, ожидая серповъ Ангельскихъ, и того мѣста, которое назначено, особо для пшеницы, и особо для плевелъ.

*

Внеди въ клѣть твою и помолися ***). Такая уединенная молитва и въ соборѣ можетъ имѣть мѣсто, если молящійся уединился отъ всѣхъ заботъ и попеченій, и пребываетъ безмолвенъ среди молвы, его окружающей; если онъ, отрясши отъ чувствъ своихъ всѣ страсти и вожделѣнія, единъ съ единымъ Богомъ бесѣдуетъ. Авраамъ, ведя сына своего Исаака на закланіе, говоритъ сопровождающимъ: *сѣдите здѣ со ослятемъ; азъ же и дѣтищъ поидемъ до онъде, и поклонившеся, возвратимся къ вамъ*****). Такъ истинно молящійся, страстямъ своимъ, аки рабамъ, повелѣваетъ оставить его и ожидать, пока онъ молитву свою Богу, аки Исаака, въ жертву принесетъ. О, сколь отличны отъ сего молитвы наши! Мы и въ уединеніи цѣлое торжище вкругъ себя собираемъ. Молясь, и покупаемъ, и продаемъ, и хозяйствомъ управляемъ, и о лихоимствѣ заботимся, и друзьямъ ласкательствуемъ, и на враговъ вооружаемся, и о сластяхъ помышляемъ, и о сундукахъ своихъ трепещемъ. Подлинно, се ли молитва, и не паче ли торжище, молвы преисполненное? Гдѣ тутъ умъ, разумѣющій глаголы свои? Гдѣ сердце, долженствующее прилѣпиться къ Богу? Одни уста трубятъ и языкъ какъ кимвалъ звяцаетъ; а мысли какъ птицы въ воздухѣ, по всѣмъ странамъ носятся, а сердце хладно, какъ бездушный трупъ, закрытый вмѣстѣ съ сокровищемъ нашимъ.

*

Іосифъ, проданный братіями своими во Египетъ, содѣлавшись правителемъ царства, далъ имъ въ удѣлъ самую богатую землю, Гесемъ именуемую *). Сынъ Божій, по безмѣрной благости Своей, соединившійся съ нашею природою, и такимъ образомъ содѣлавшійся Братомъ нашимъ, даетъ намъ, не часть нѣкую области небесной, но все царство Свое нераздѣльное. Небо отверсто для насъ; престолы уготованы; объятія Божественнаго Брата нашего ждутъ насъ. Пойдемъ, полетимъ къ Небу: но прежде должны мы сбросить съ себя всю тяготу мірскую, влекущую насъ къ землѣ.

*

Невѣрующему чудесамъ мы смѣло можемъ сказать съ блаженнымъ Августиномъ: «Большее изъ всѣхъ чудесъ чудо есть то, что дванадесять человѣкъ, безкнижныхъ, безоружныхъ, нищихъ, проповѣдывавшихъ крестъ, побѣдили, не только Владыкъ и сильныхъ земли, но и самихъ боговъ языческихъ, и цѣлый свѣтъ Христу покорили». Ты возразишь мнѣ на сіе, что сіи побѣдители міра сами были умерщвлены, и ни одинъ почти изъ нихъ не кончилъ жизни безъ мученій, безъ креста, меча и огня. Но вотъ мой краткій отвѣтъ: на то и посланы были сіи побѣдители своимъ Воеводою: *Се азъ посылаю васъ, яко овцы посредѣ волковъ: предадятъ вы на сонмы, и на соборищахъ избіютъ васъ***). Особое убо чудо міру и печать истины Евангельской есть страдальческая смерть посланниковъ-побѣдителей. Но посмотри, что съ сими убіенными послѣдовало? Цари персть ихъ почитаютъ, и отложивъ порфиру и вѣнецъ, благоговѣйно преклоняютъ колѣна предъ гробами ихъ.

---

*) Матѳ. 27, 22.
**) Евр. 6, 6.
***) Матѳ. 6, 6.
****) Быт. 22, 5.

*) Быт. 47. 6 п.
**) Матѳ. 10, 16, 17.

Нигдѣ не читаемъ, чтобы язычники страдали такъ за своихъ идоловъ, какъ мученики Христіанскіе за вѣру Христову. Да и въ нынѣшнихъ богоборныхъ сонмищахъ атеистовъ и натуралистовъ, въ главныхъ гнѣздахъ ихъ, во Франціи и Англіи, нашелся ли хотя одинъ такой ревнитель, который бы за безбожіе свое или натурализмъ произвольно на муки дерзнулъ? У насъ, въ Россіи, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, извѣстный боляринъ, уличенный въ безбожіи, однимъ показаніемъ кнута отрекся того.

*

Говорятъ многіе: почему молитвы наши ни чудесъ не творятъ, ни лучшей перемѣны въ насъ не производятъ. Ахъ, стыдно и воспоминать молитвы наши! Объ нихъ можно то же сказать, что сказалъ кормчій одному бывшему на кораблѣ беззаконнику. Когда, во время сильной и опасной бури, всѣ плаватели обратились къ молитвѣ, и вмѣстѣ съ ними и оный беззаконникъ нѣчто промолвилъ; то кормчій остановилъ его сими словами: «ты, пожа«луй, молчи; не знаетъ Богъ, что и ты съ «нами, и потому еще между отчаяніемъ и «надеждою находимся; а какъ услышитъ «твою святую молитву, такъ мы и погибли». Достойна ли молитва имени своего, когда она въ однихъ устахъ обращается, а умъ не помнитъ и не знаетъ того, что болтаетъ языкъ? Читаемъ: *глаголы моя внуши, Господи, разумѣй званіе мое**); а сами ни глаголовъ не внушаемъ, ни званія нашего не разумѣемъ. Такая молитва перемѣнитъ ли насъ, окаянныхъ и грѣшныхъ, въ добрыхъ и богоугодныхъ? Грѣшными въ церковь приходимъ, грѣшнѣйшими выходимъ.

*

Радость плотская ограничивается наслажденіемъ; но мѣрѣ, какъ затихаетъ веселый гудокъ, затихаетъ и веселость. Но радость духовная есть радость вѣчная; она не умаляется въ бѣдахъ, не кончается при смерти, но переходитъ и по ту сторону гроба.

*

Важны ли добрыя дѣла наши въ дѣлѣ спасенія? Я объясню тебѣ вопросъ сей подобіемъ. Возьми небольшой кусокъ мѣди, и понеси его на торжище; тамъ за него ты ничего не купишь; всякой съ насмѣшкою скажетъ тебѣ извѣстную пословицу: «приложи копѣйку, то купишь калачь». Но ежели тотъ самый металлъ будетъ имѣть изображеніе Государя твоего, или другой знакъ Его монеты; то купишь за него что тебѣ надобно. Такъ точно и дѣла наши. Ежели ты не имѣешь вѣры и упованія на Христа Спасителя, не сомнѣвайся признать, что они суетны. Но тѣ самыя дѣла совокупи съ Вѣрою и упованіемъ на Него, тогда они будутъ важны; и если потребно тебѣ откупиться отъ грѣховъ, или купить небесныя вѣчныя утѣхи, купишь ими несомнѣнно.

*

Мы познаемъ разумомъ души; а тѣлесныя очи суть какъ бы очки, чрезъ кои душевныя очи смотрятъ.

*

Чужій грѣхъ на мнѣ не лежитъ. Но если чужій грѣхъ содѣвается моимъ совѣтомъ, согласіемъ или неосторожнымъ примѣромъ; тогда онъ не только лежитъ на мнѣ, но какъ жерновъ тяготитъ душу мою. Горе человѣку тому, говоритъ Самъ Спаситель, *имъ же соблазнъ приходитъ* *). Дѣйствительно, грѣхъ соблазна прежде меня, прежде моей смерти, предшествуетъ на Судъ Божій, и уже по кончинѣ моей слѣдуетъ туда же за мною. Скажу тоже иными словами. Всѣ соблазненные примѣромъ моимъ, и прежде меня позванные на Судъ Божій, уже понесли туда грѣхи мои. Убо уже готовы для меня муки. Но тутъ еще не все. Я умеръ, и пересталъ грѣшить: но всѣ соблазненные мною, и притомъ всѣ, отъ соблазненныхъ мною вновь соблазняемые, оставаясь еще въ сей жизни, посылаютъ, вслѣдъ за мною, безчисленныя беззаконія, отъ единаго примѣра моего, яко отъ единаго блата, истекающія. Убо готовы для меня новыя, сугубыя мученія! Вотъ какъ ужасенъ грѣхъ соблазна, ужаснѣе многоглавой Лернейской гидры!»

Конискій написалъ также нѣсколько стихотвореній Русскихъ, Польскихъ и Латинскихъ. Въ художественномъ отношеніи они имѣютъ мало достоинства, хотя въ нихъ и виденъ духъ мыслящій. Слѣдующая элегія показалась намъ достопримѣчательна:

Серпа ожидаютъ созрѣлые класы;
А намъ вѣстники смерти—сѣдые власы,
О! смертный, безпечный, посмотри въ зерцало:
Ты сѣдъ, какъ пятьдесятъ лѣтъ тебѣ миновало.
Какъ же ты собрался въ смертную дорогу?
Съ чѣмъ ты предстанешь Правосудному Богу?

*) Псал. 5, 2.

*) Матѳ. 18, 7.

Путь смертный безвѣстенъ, и полонъ разбоя:
Искуснаго, храбраго требуетъ конвоя.
Кто жъ тебя поведетъ, и за тебя сразится?
Другъ, проводивъ тебя къ гробу, въ домъ возвратится.
Изнеможешь пѣшій, таща грѣховъ ношу!
Ахъ! тутъ-то нужно имѣть подмогу хорошу,
Подмогу, какая дана Сикеоту:
Но та дана слезамъ, кровавому поту.
А ты много ли плакалъ за грѣхи? Считайся.
Не весь ли вѣкъ твой есть цѣпь грѣховъ? Признайся.
Ахъ! вижу, ты нагъ, какъ родила мать;
Ни лоскута на душѣ твоей не сыскать!
Повѣрь же, не впидешь въ небесны чертоги:
Въ адъ тебя низринутъ, связавъ руки, ноги.
Безъ масла дѣлъ благихъ гаснетъ свѣча вѣры;
Затворятся брачныя бупмъ дѣвамъ двери;
Можетъ быть, при смерти, «помяни мя» скажешь,
И тѣмъ уста свои навсегда завяжешь.
И такъ, доколѣ древа топоръ не коснется,
Плодъ добрыхъ дѣлъ тебѣ принесть остается.

Но главное произведеніе Конискаго остается до сихъ поръ неизданнымъ: *Исторія Малороссіи* извѣстна только въ рукописи. Георгій написалъ ее съ цѣлію Государственною. Когда Императрица Екатерина учредила Комиссію о составленіи новаго Уложенія, тогда депутатъ Малороссійскаго Шляхетства Андрей Григорьевичь Полетика обратился къ Георгію, какъ къ человѣку, свѣдущему въ старинныхъ правахъ и постановленіяхъ сего края. Конискій, справедливо полагая, что одна только Исторія народа можетъ объяснить истинныя требованія онаго, принялся за свой важный трудъ и совершилъ его съ удивительнымъ успѣхомъ. Онъ сочеталъ поэтическую свѣжесть лѣтописи съ критикой, необходимой въ Исторіи. Не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ этнографическихъ и этимологическихъ объясненіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ началѣ его книги, которыя перенесъ онъ въ Исторію изъ хроники, не видя въ нихъ никакой существенной важности и не находя нужнымъ противорѣчить общепринятымъ въ то время понятіямъ. Подъ словомъ *критики* я разумѣю глубокое изученіе достовѣрныхъ событій и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій.

Смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, Конискій не чуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія. Ненависть къ изувѣрству Католическому и угнетеніямъ, коимъ онъ самъ такъ дѣятельно противился, отзывается въ краснорѣчивыхъ его повѣствованіяхъ. Любовь къ родинѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости. Должно замѣтить, что чѣмъ ближе подходитъ онъ къ настоящему времени, тѣмъ искреннѣе, небрежнѣе и сильнѣе становится его разсказъ. Онъ любитъ говорить о подробностяхъ войны, и описываетъ битвы съ удивительною точностію. Видно, что сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясою <Конискій происходилъ отъ стариннаго шляхетскаго роду, и этимъ вовсе не пренебрегалъ, какъ видно даже изъ эпитафіи, вырѣзанной надъ его гробомъ и сочиненной имъ самимъ>. Множество мѣстъ въ Исторіи Малороссіи суть картины, начертанныя кистію великаго живописца. Дабы дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ, которые еще не читали его, помѣщаемъ здѣсь два отрывка изъ его рукописи.

Введеніе Уніи.

«По истребленіи Гетмана Наливайки такимъ неслыханнымъ варварствомъ, вышелъ отъ сейму или отъ вельможъ, имъ управлявшихъ, таковъ же варварскій приговоръ и на весь народъ Русской. Въ немъ объявленъ онъ отступнымъ, вѣроломнымъ и бунтливымъ и осужденъ въ рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ сего Нероновскаго приговора было отлученіе навсегда депутатовъ Русскихъ отъ сейма національнаго и всего Рыцарства, отъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, отборъ староствъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ Русскихъ, и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство Русское названо хлопами, а народъ, отвергавшій Унію, схизматиками. Во всѣ правительственные и судебные уряды Малороссійскіе посланы Поляки съ многочисленными штатами; города заняты Польскими гарнизонами, а другія селенія ихъ же войсками; имъ дана власть все то дѣлать народу Русскому, что сами захотятъ и придумаютъ, а они исполняли сей наказъ съ лихвою, и что только замыслить можетъ своевольное, надменное и пьяное человѣчество, дѣлали то надъ несчастнымъ народомъ Русскимъ безъ угрызенія совѣсти; грабительства, насиліе женщинъ и самыхъ дѣтей, побои, му-

чительства и убійства превзошли мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ варваровъ. Они, почитая и называя народъ невольниками, или ясыромъ Польскимъ, все его имѣніе признавали своимъ. Собиравшихся вмѣстѣ нѣсколькихъ человѣкъ для обыкновенныхъ хозяйскихъ работъ или празднествъ, тотчасъ съ побоями разгоняли, на разговорахъ ихъ пытками изтязывали, запрещая навсегда собираться и разговаривать вмѣстѣ. Церкви Русскія силою и гвалтомъ обращали на Унію. Духовенство Римское, разъѣзжавшее съ тріумфомъ по Малой Россіи для надсмотра и понужденія къ Уніятству, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными въ ихъ длинныя повозки по двѣнадцати человѣкъ и болѣе. На прислугу сему духовенству выбираемы были Поляками самыя красивѣйшія изъ дѣвицъ. Русскія церкви несогласовавшихся на Унію прихожанъ отданы Жидамъ въ аренду, и получена за всякую въ нихъ отправку денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и похороны мертвыхъ отъ одного до четырехъ талеровъ. Жиды, яко непримиримые враги Христіанства, сіи вселенскіе бродяги и притча въ человѣчествѣ, съ восхищеніемъ принялись за такое надежное для нихъ скверноприбытчество, и тотчасъ ключи церковные и веревки колокольныя отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ Христіанской повиненъ ктиторъидти къ Жиду торжиться съ нимъ, и по важности отправы, платить за нее и выпросить ключи; а Жидъ притомъ,насмѣявшись довольно богослуженію Христіанскому и прехуливши все Христіанами чинимое, называя его языческимъ или, по ихъ, Гойскимъ, приказывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою, что ничего въ запись не отказано.

«Страданіе и отчаяніе народа увеличилось новымъ приключеніемъ, сдѣлавшимъ еще замѣчательную въ сей землѣ эпоху. Чиновное шляхетство Малороссійское, бывшее въ воинскихъ должностяхъ, не стерпя гоненій отъ Поляковъ и не могши перенесть лишенія мѣстъ своихъ, а паче потерянія ранговыхъ и нажитыхъ имѣній, отложилось отъ народа своего и разными происками, посулами и дарами закупало знатнѣйшихъ урядниковъ Римскихъ, сладило и задружило съ ними, и мало-по-малу согласилось первѣе на Унію, потомъ обратилось совсѣмъ въ Католичество Римское. Въ послѣдствіи, сіе шляхетство, соединяясь съ Польскимъ шляхетствомъ свойствомъ, сродствомъ и другими обязанностями, отреклось и отъ самой природы Русской, и всемѣрно старалось изуродовать природныя названія свои, пріискать и придумать къ нимъ Польское произношеніе и назвать себя природными Поляками. Почему и доднесь между ними видны фамиліи совсѣмъ Русскаго названія, каковыхъ у Поляковъ не бывало, и въ ихъ нарѣчіи быть не могло, напримѣръ: Проскура, Черпецкій, Кисель, Воловичь, Сокирка, Комаръ, Жупанъ и премногія другія, а съ прежняго Чаплина названія Чаплинскій. съ Ходупа Ходневскій, съ Бурки Бурковскій и такъ далѣе. Слѣдствіемъ переворота сего было то, что имѣнія сему шляхетству и должности ихъ возвращены, а ранговыя утверждены имъ въ вѣчность и во всемъ сравнены съ Польскимъ шляхетствомъ. Въ благодарность за то приняли и они въ разсужденіи народа Русскаго всю систему политики Польской, а подражая имъ, гнали презлиха сей несчастный народъ. Главное политическое намѣреніе состояло въ томъ, чтобы ослабить войска Малороссійскія и разрушить ихъ полки, состоящіе изъ реестровыхъ казаковъ: въ семъ они и успѣли. Полки сіи, претерпѣвъ въ послѣднюю войну немалую убыль, не были дополнены другими отъ скарбу и жилищъ казаковъ. Запрещено чинить всякое въ полки вспоможеніе. Главные чиновники воинскіе, перевернувшись въ Поляки, сдѣлали въ полкахъ великія ваканціи. Дисциплина военная и весь порядокъ опущены и казаки реестровые стали нѣчто пресмыкающееся безъ пастырей и вождей. Самые курени казацкіе, бывшіе ближе къ границамъ Польскимъ, то отъ гоненія, то отъ ласкательствъ Польскихъ, послѣдуя знатной шляхтѣ своей, обратились въ Поляки и въ ихъ вѣру, и составили извѣстныя и понынѣ околицы шляхетскія. Недостаточные реестровые казаки, а паче холостые и мало привязанные къ своимъ жительствамъ, а съ ними и всѣ почти Охочекомонные, перешли въ Сѣчь Запорожскую и тѣмъ ее знатно увеличили и усилили, сдѣлавъ съ тѣхъ поръ, такъ сказать, сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ казаковъ, въ отечествѣ гонимыхъ; а напротивъ того, знатнѣйшіе Запорожскіе казаки перешли въ полки Малороссійскіе и стали у нихъ чиновниками, но безъ дисциплины и регулы: отъ чего въ полкахъ ихъ видимая сдѣлалась перемѣна.

Казнь Остраницы.

«На мѣсто замученнаго Павлюги, выбранъ 1638 году Гетманомъ Полковникъ Нѣжинскій Стефанъ Остраница, а къ нему приданъ въ Совѣтники изъ стараго и заслуженнаго товарищества Леонъ Гуня, коего благоразуміе въ войскѣ отмѣнно уважаемо было. Коронный Гетманъ Ляцкоронскій съ войсками своими Польскими не переставалъ нападать на города и селенія Малороссійскіе и на войска, ихъ защищавшія, и нападенія его сопровождаемы были грабежемъ, контрибуціями, убійствами и всѣхъ родовъ безчинствами и насиліями. Гетману Остраницѣ великаго искусства надобно было собрать свои войска, вездѣ разсѣянныя и всегда преслѣдуемыя Поляками и ихъ шпіонами; наконецъ собрались они скрытыми путями и по ночамъ къ городу Переяславлю, и первое предпріятіе ихъ было очистить отъ войскъ Польскихъ Придѣпрскіе города, на обоихъ берегахъ сея рѣки имѣющіеся, и возстановить безопасное сообщеніе жителей и войскъ обѣихъ сторонъ. Успѣхъ соотвѣтствовалъ предпріятію весьма удачно. Войска Польскія, при городахъ и внутри ихъ бывшія, не ожидая никакъ предпріятій казацкихъ, по причинѣ наведенныхъ имъ страховъ послѣднею зрадою и лютостію, надъ Павлюгою и другими чинами произведенною, ликовали въ совершенной безпечности, и потому они вездѣ были разбиты; а упорно защищавшіеся истреблены до послѣдняго. Аммуниція ихъ и артиллерія достались казакамъ, и они, собравшись въ одно мѣсто, вооруженные наилучшимъ образомъ, пошли искать Гетмана Ляцкоронскаго, который съ главнымъ войскомъ Польскимъ собрался и укрѣпился въ станѣ при рѣкѣ Старицѣ. Гетманъ Остраница тутъ его засталъ и атаковалъ своимъ войскомъ. Нападеніе и отпоръ были жестокіе и превосходящіе всякое воображеніе. Ляцкоронскій зналъ, какому онъ подверженъ мщенію отъ казаковъ за злодѣйство, его вѣроломствомъ и зрадою произведенное надъ Гетманомъ ихъ Павлюгою и Старшинами, и для того защищался до отчаянія; а казаки, имѣя всегда въ памяти недавно видѣнныя ими на позорищѣ въ городахъ отрубленныя головы ихъ собратій, злобились на Ляцкоронскаго и Поляковъ до остервенѣнія, и потому вели атаку свою съ жестокостію, похожею на нѣчто чудовищное; и наконецъ, сдѣлавши залпъ со всѣхъ ружей и пушекъ и произведши дымъ почти непроницаемый, пошли и поползли на Польскія укрѣпленія съ удивительною отвагою и опрометчивостію, и вломясь въ нихъ, ударили на копья и сабли съ слѣпымъ размахомъ. Крики и стонъ народный, трескъ и звукъ оружія уподоблялись грозной тучѣ, все повергающей. Пораженіе Поляковъ было повсемѣстно и самое губительное. Они оборонялись одиѣми саблями, не успѣвая заряжать ружьевъ и пистолетовъ, и шли задомъ до рѣки Старицы, а тутъ, повергаясь въ нее въ безпамятствѣ, перетопились и загрязли цѣлыми толпами. Гетманъ ихъ Ляцкоронскій, съ лучшею немногою конницею, завременно бросился въ рѣку, и переправившись черезъ нее, пустился въ бѣгъ, не осматриваясь и куда лошади несли. Станъ Польскій, наполненный мертвецами, достался казакамъ съ превеликою добычею, состоящею въ артиллеріи и всякаго рода оружіи и запасахъ. Казаки по сей славной побѣдѣ, воздѣвши руки къ Небесамъ, благодарили за нее Бога, поборающаго за невинныхъ и неправедно гонимыхъ. Потомъ, отдавая долгъ человѣчеству, погребли тѣла убіенныхъ и сочли Польскихъ мертвецовъ 11,317, а своихъ 4727 человѣкъ, и въ томъ числѣ Совѣтника Гуню. Управившись съ похоронами и корыстьми, погнались за Гетманомъ Ляцкоронскимъ, и настигнувъ его въ мѣстечкѣ Полонномъ ожидающаго помощи изъ Польши, тутъ атаковали его, запершагося въ замкѣ. Онъ, не допустивъ казаковъ штурмовать замка, выслалъ противъ нихъ на встрѣчу церковную процессію съ крестами, хоругвями и духовенствомъ Русскимъ, кои, предлагая миръ отъ Гетмана и отъ всея Польши, молили и заклинали Богомъ Гетмана Остраницу и его войска, чтобы преклонились они на мирныя предложенія. По долгомъ совѣщаніи и учиненныхъ съ обѣихъ сторонъ клятвахъ, собрались въ церковь высланные отъ обоихъ Гетмановъ чиновники, и написавши тутъ трактатъ вѣчнаго мира и полной амнистіи, предающей забвенію все прошедшее, подписали его съ присягою на Евангеліи о вѣчномъ храненіи написанныхъ артикуловъ и всѣхъ правъ и привиллегій казацкихъ и общенародныхъ. За симъ разошлись войска во свояси.

«Гетманъ Остраница, разославъ свои войска, иныя по городамъ въ гарнизоны, а другія въ ихъ жилища, самъ, и со Старшинами Генеральными и со многими Пол

ковниками и Сотниками, заѣхалъ въ городъ Каневъ для принесенія Богу благодарственныхъ молепій въ монастырѣ тамошнемъ. Поляки, отличавшіеся всегда въ условіяхъ и клятвахъ непостоянными и вѣроломными, держали трактатъ съ присягою, въ Полоцкомъ заключенный, наровнѣ со всѣми прежними условіями и трактатами, у казаковъ съ ними бывшими, то есть, въ одномъ вѣроломствѣ и презорствѣ; а духовенство ихъ, присвоивъ себѣ непонятную власть на дѣла Божескія и человѣческія, опредѣляло храненіе клятвъ между одними только Католиками своими, а съ другими народами бывшія у нихъ клятвы и условія всегда имъ разрѣшало и отметало, яко схизматицкія и суду Божію неподлежащія. По симъ страшнымъ правиламъ, подлымъ коварствомъ сопровождаемымъ, свѣдавши Поляки чрезъ шпіоновъ своихъ, Жидовъ, о поѣздкѣ Гетмана Остраницы съ штатомъ своимъ безъ нарочитой стражи въ Каневъ, тутъ его въ монастырѣ окружили немноголюдною толпою войскъ своихъ, прошедшихъ по ночамъ и байракамъ до самаго монастыря Каневскаго, который стоялъ внѣ города. Гетманъ не прежде узналъ о семъ предательствѣ, какъ уже монастырь наполненъ былъ войсками Польскими, и потому сдался имъ безъ сопротивленія. Они перевязавъ весь штатъ Гетманскій и самаго Гетмана, всего тридцать семь человѣкъ, положили ихъ на простыя телеги, а монастырь и церковь тамошніе разграбили допослѣдка, зажгли со всѣхъ сторонъ и сами съ узниками скоропостижно убрались и прошли въ Польшу скрытыми дорогами, боясь погони и нападенія отъ городовъ. Приближаясь къ Варшавѣ, построили они узниковъ своихъ пѣшо по два, вмѣстѣ связанныхъ, а каждому изъ нихъ накинули на шею веревку съ петлею, за которую ведены они конницею по городу съ тріумфомъ и барабаннымъ боемъ, проповѣдуя въ народѣ, что схизматики сіи пойманы на сраженіи, надъ ними одержанномъ; а потомъ заперты они въ подземныя тюрьмы и въ оковы. Жены многихъ захваченныхъ въ неволю чиновниковъ, забравши съ собою малолѣтныхъ дѣтей своихъ, отправились въ Варшаву, надѣясь умилостить и подвигнуть на жалость знатность тамошнюю трогательнымъ предстательствомъ дѣтей ихъ за своихъ отцевъ. Но они симъ пищу только кровожаднымъ тиранамъ умножили и отнюдь имъ не помогли; и чиновники сіи, по нѣсколькихъ дняхъ своего заключенія, повлечены на казнь безъ всякихъ разбирательствъ и отвѣтовъ.

Казнь оная была еще первая въ мірѣ и въ своемъ родѣ, и неслыханная въ человѣчествѣ по лютости своей и коварству, и потомство едва ли повѣритъ сему событію, ибо никакому дикому, и самому свирѣпому Японцу, не придетъ въ голову ея изобрѣтеніе; а произведеніе въ дѣйство устрашило бы самыхъ звѣрей и чудовищъ.

Зрѣлище оное открывало процессія Римская со множествомъ Ксендзовъ ихъ, которые уговаривали ведомыхъ на жертву Малороссіянъ, чтобы они приняли законъ ихъ на избавленіе свое въ чистцу; но сіи, ничего имъ не отвѣчая, молились Богу по своей вѣрѣ. Мѣсто казни наполнено было народомъ, войскомъ и палачами съ ихъ орудіями. Гетманъ Остраница, Обозный Генеральный Сурмила и Полковники Недригайло, Боюнъ и Рындичь были колесованы и имъ переломали поминутно руки и ноги, тянули съ нихъ по колесу жилы, пока они скончались; Полковники Гайдаревскій, Бутримъ, Запалѣй и Обозные Кизимъ и Сучевскій пробиты желѣзными спицами насквозь и подняты живые на сваи; Есаулы Полковые: Постыличь, Гарунъ, Сутяга, Подобай, Харчевичь, Чуданъ, Чурай, и Сотники: Чуприна, Околовичь, Сокальскій, Мировичь и Ворожбитъ прибиты гвоздями стоячіе къ доскамъ, облитымъ смолою, и сожжены медленно огнемъ; Хорунжіе: Могилянскій, Загреба, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурлѣй и Загнибѣда раздерзаны желѣзными когтями, похожими на медвѣжью лапу; Старшины: Ментяй, Дунаевскій, Скубрѣй, Гляпскій, Завезунъ, Кусырь, Гуртовый, Тумаръ и Тугай четвертованы по частямъ. Жены и дѣти страдальцевъ оныхъ, увидя первоначальную казнь, наполняли воздухъ воплями своими и рыданіемъ, но скоро замолкли... Оставшихся же по матерямъ дѣтей, бродившихъ и ползавшихъ около ихъ труповъ, пережгли всѣхъ въ виду своихъ отцевъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ кои подкидывали уголь и раздували шапками и метлами.

«Главные члены человѣческіе, отрубленные у означенныхъ чиновниковъ Малороссійскихъ, какъ-то: головы, руки и ноги, развезены по всей Малороссіи и развѣшены на сваяхъ по городамъ. Разъѣзжавшія притомъ войска Польскія, наполнившія всю Малороссію, дѣлали все то надъ Малороссіянами, что только хотѣли и придумать могли: всѣхъ родовъ безчи-

ства, насилія, грабежи и тиранства, превосходящія всякое понятіе и описаніе. Они между прочимъ нѣсколько разъ повторяли произведенныя въ Варшавѣ лютости надъ несчастными Малороссіянами, нѣсколько разъ варили въ котлахъ и сожигали на угольяхъ дѣтей ихъ въ виду родителей, предавая самыхъ отцевъ лютѣйшимъ казнямъ. Наконецъ, ограбивъ всѣ церкви благочестивыя Русскія, отдали ихъ въ аренду Жидамъ, и утварь церковную, какъ-то: потиры, дискосы, ризы, стихари и всѣ другія вещи, распродали и пропили тѣмъ же Жидамъ, коп изъ серебра церковнаго подѣлали себѣ посуду и убранство, а ризы и стихари перешили на платье Жидовкамъ; а сіи тѣмъ передъ Христіанами хвастались, показывая нагрудники, на конхъ видны знаки нашитыхъ крестовъ, ими сорванныхъ. И такимъ образомъ Малороссія доведена была Поляками до послѣдняго разоренія и изнеможенія, и все въ ней подобилось тогда нѣкоему хаосу или смѣшенію, грозящему послѣднимъ разрушеніемъ. Никто изъ жителей не зналъ и не былъ обнадеженъ, кому принадлежитъ имѣніе его, семейство и самое бытіе ихъ, и долго ли оно продлится? Всякой съ потрясеніемъ имущества своего искалъ покровительства то у поповъ Римскихъ и Уніятскихъ, то у Жидовъ, ихъ единомышленниковъ, а своихъ непримиримыхъ враговъ, и не могъ придумать, за что схватиться.»

Какъ Историкъ, Георгій Конискій еще не оцѣненъ по достоинству, ибо счастливый мадригалъ приноситъ иногда болѣе славы, нежели созданіе истинно высокое, рѣдко понятное для записныхъ цѣнителей ума человѣческаго и мало доступное для большаго числа читателей.

Протоіерей І. Григоровичъ, издавъ сочиненія великаго Архіепископа Бѣлоруссіи, оказалъ обществу великую услугу. Будемъ надѣяться, что и великій Историкъ Малороссіи найдетъ себѣ наконецъ столь же достойнаго издателя.

---

972. ВАСТОЛА, ИЛИ ЖЕЛАНІЯ.

Повѣсть въ стихахъ, сочиненіе Виланда, издалъ А. Пушкинъ. СПб. въ тип. Деп. Внѣшн. Торг., 1836, въ 8, стр. 96.

Въ одномъ изъ нашихъ Журналовъ дано было почувствовать, что издатель Вастолы хотѣлъ присвоить себѣ чужое произведеніе, выставя свое имя на книгѣ, имъ изданной. Обвиненіе несправедливое: печатать чужія произведенія съ согласія или по просьбѣ автора до сихъ поръ никому не воспрещалось. Это называется *издавать*; слово ясно, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ другаго не придумано.

Въ томъ же журналѣ сказано было, что «Вастола переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что А. С. П. только далъ ему на прокатъ свое имя, и что лучше бы сдѣлалъ, давъ ему изъ своего кармана тысячу рублей».

Переводчикъ Виландовой поэмы, гражданинъ и литераторъ заслуженный, почтенный отецъ семейства, не могъ ожидать нападенія столь жестокаго. Онъ человѣкъ небогатый, но честный и благородный. Онъ могъ поручить другому пріятный трудъ издать свою поэму, но конечно бы не принялъ милостыни, отъ кого бы то ни было.

Послѣ таковаго объясненія не можемъ рѣшиться здѣсь наименовать настоящаго переводчика. Жалѣемъ, что искреннее желаніе ему услужить могло подать поводъ къ намекамъ, столь оскорбительнымъ.

---

973. ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Изд. 2-е, двѣ ч., въ 8 д. л. XIV, 203 и X, 233, въ тип. Деп. Внѣш. Торговли.

Читатели наши, конечно, помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ «Вечеровъ на хуторѣ»: всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ Малороссійской природы, этой веселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы Русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому Автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ таковое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ Арабески, гдѣ находится его Невскій проспектъ, самое полное изъ его произведеній. Въ слѣдъ за тѣмъ явился Миргородъ, гдѣ съ жадностію всѣ прочли и Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ*).

*) На-дняхъ будетъ представлена въ здѣшнемъ театрѣ его комедія Ревизоръ.

974. [ПРИМѢЧАНІЕ КЪ РАЗСКАЗУ СУЛТАНЪ КАЗЫ-ГИРЕЯ: «ДОЛИНА АЖИТУГАЙ»].

Вотъ явленіе, неожиданное въ нашей литературѣ! Сынъ полуднаго Кавказа становится въ ряды нашихъ писателей; Черкесъ изъясняется на Русскомъ языкѣ свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотѣли перемѣнить въ предлагаемомъ отрывкѣ; любопытно видѣть, какъ Султанъ Казы-Гирей (потомокъ Крымскихъ Гиреевъ), видѣвшій вблизи роскошную образованность, остался вѣренъ привычкамъ и преданіямъ наслѣдственнымъ, какъ Русской офицеръ помнитъ чувства ненависти къ Россіи, волновавшія его отроческое сердце; какъ, наконецъ, Магометанинъ съ глубокой думою смотритъ на крестъ, *эту хоругвь Европы и просвѣщенія.— Издатель.*

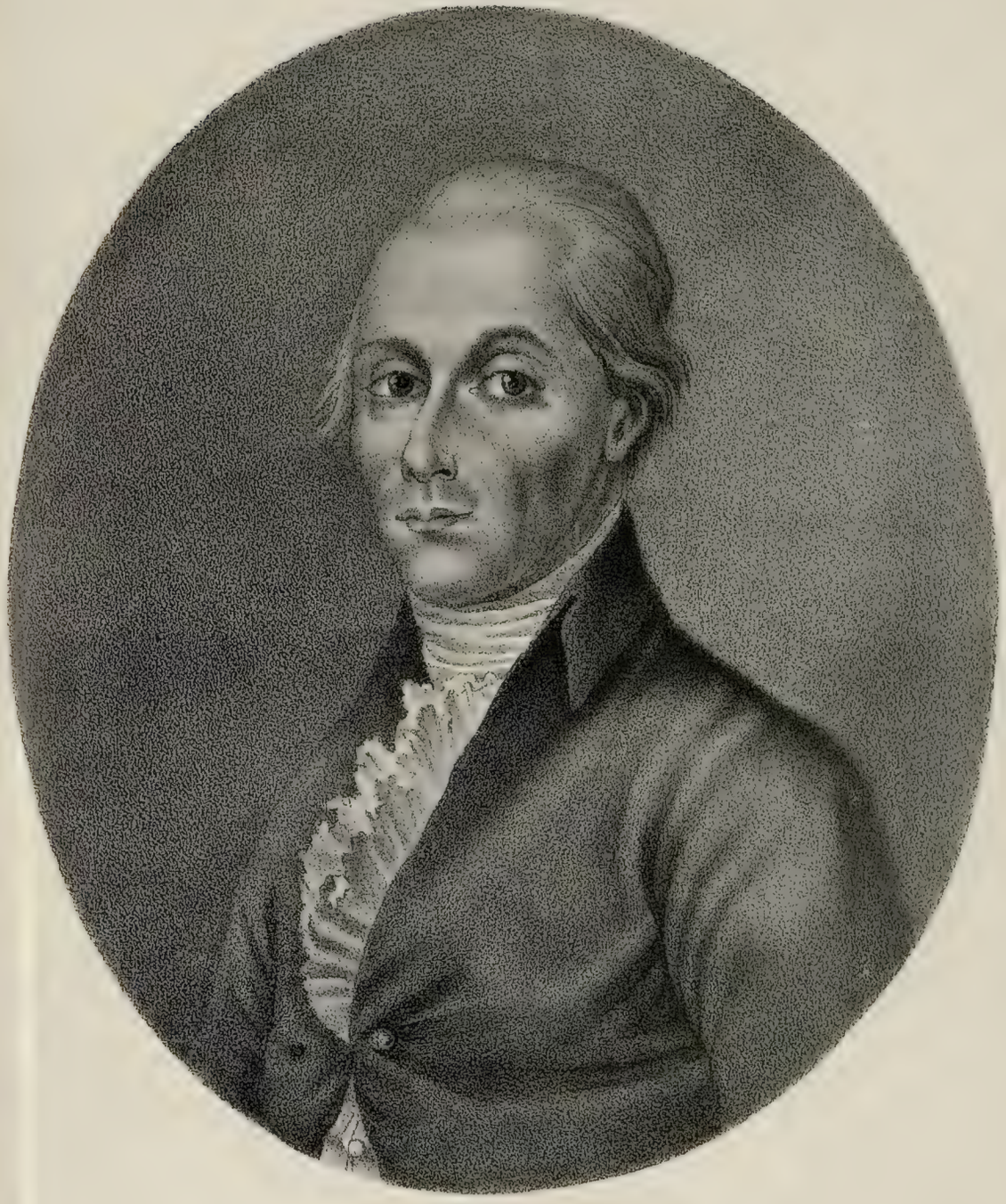
975. АЛЕКСАНДРЪ РАДИЩЕВЪ.

Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu.

Слова Карамзина въ 1819 году.

Въ концѣ перваго десятилѣтія царствованія Екатерины II, нѣсколько молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ отрочества, отправлены были, по Ея повелѣнію, въ Лейпцигскій Университетъ, подъ надзоромъ одного наставника и въ сопровожденіи Духовника. Ученіе пошло имъ не въ прокъ: Надзиратель думалъ только о своихъ выгодахъ; Духовникъ, монахъ добродушный, но необразованный, не имѣлъ никакого вліянія на ихъ умъ и нравственность. Молодые люди проказничали и вольнодумствовали. Они возвратились въ Россію, гдѣ служба и заботы семейственныя замѣнили для нихъ лекціи Геллерта и студенческія шалости. Большая часть изъ нихъ исчезла, не оставивъ по себѣ слѣдовъ; двое сдѣлались извѣстны: одинъ на чредѣ замѣтной обнаружилъ совершенное безсиліе и несчастную посредственность, другой прославился совсѣмъ иначе.

Александръ Радищевъ родился около 1750-го года. Онъ обучался сперва въ Пажескомъ корпусѣ и обратилъ на себя внима-



А. Н. РАДИЩЕВЪ.

Гравюра Вендрамини.

ніе начальства, какъ молодой человѣкъ, подающій о себѣ великія надежды. Университетская жизнь принесла ему мало пользы. Онъ не взялъ даже на себя труда выучиться порядочно Латинскому и Нѣмецкому языку, дабы по крайней мѣрѣ быть въ состояніи понимать своихъ профессоровъ. Безпокойное любопытство, болѣе нежели жажда познаній, была отличительная черта ума его. Онъ былъ кротокъ и задумчивъ. Тѣсная связь съ молодымъ Ушаковымъ имѣла на всю жизнь вліяніе рѣшительное и глубокое. Ушаковъ былъ немногимъ старше Радищева, но имѣлъ опытность свѣтскаго человѣка. Онъ уже служилъ секретаремъ при Тайномъ Совѣтникѣ Тепловѣ, и его честолюбію открыто было блестящее поприще, какъ оставилъ онъ службу изъ любви къ познаніямъ и вмѣстѣ съ молодыми студентами отправился въ Лейпцигъ. Сходство умовъ и занятій сблизили съ нимъ Радищева. Имъ попался въ руки Гельвецій. Они жадно изучили начала его пошлой и безплодной метафизики. Гриммъ, странствующій агентъ Французской философіи, въ Лейпцигѣ заставалъ Русскихъ студентовъ за книгою О разумѣ, и привезъ Гельвецію извѣстіе, лестное для его тщеславія и радостное для всей братіи. Теперь было бы для насъ непонятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей пылкихъ и чувствительныхъ, если бы мы, по несчастію, не знали, какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемыя закономъ и преданіями. Намъ уже слишкомъ извѣстна Французская философія 18 столѣтія, она разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ и оцѣнена. То, что нѣкогда слыло скрытнымъ ученіемъ Гіерофантовъ, было потомъ обнародовано, проповѣдано на площадяхъ, и навѣкъ утратило прелесть таинственности и новизны. Другія мысли, столь же дѣтскія, другія мечты, столь же несбыточныя, замѣнили мысли и мечты учениковъ Дидрота и Руссо, и легкомысленный поклонникъ Молвы видитъ въ нихъ опять и цѣль человѣчества, и разрѣшенія вѣчной загадки, не воображая, что въ свою очередь онѣ замѣнятся другими.

Радищевъ написалъ Житіе Ѳ. В. Ушакова. Изъ этого отрывка видно, что Ушаковъ былъ отъ природы остроуменъ, краснорѣчивъ и имѣлъ даръ привлекать къ себѣ сердца. Онъ умеръ на 21-мъ году своего возраста отъ слѣдствій невоздержанной жизни; но на смертномъ одрѣ онъ еще успѣлъ преподать Радищеву ужасный урокъ. Осужденный врачами на смерть, онъ равнодушно услышалъ свой приговоръ; вскорѣ муки его сдѣлались нестерпимы, и онъ потребовалъ яду отъ одного изъ своихъ товарищей *). Радищевъ тому воспротивился, но съ тѣхъ поръ самоубійство сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышленій.

Возвратясь въ Петербургъ, Радищевъ вступилъ въ гражданскую службу, не переставая между тѣмъ заниматься и словесностію. Онъ женился. Состояніе его было для него достаточно. Въ обществѣ онъ былъ уважаемъ, какъ сочинитель. Графъ Воронцевъ ему покровительствовалъ. Государыня знала его лично и опредѣлила въ собственную Свою Канцелярію. Слѣдуя обыкновенному ходу вещей, Радищевъ долженъ былъ достигнуть одной изъ первыхъ степеней Государственныхъ. Но судьба готовила ему иное.

Въ то время существовали въ Россіи люди, извѣстные подъ именемъ Мартинистовъ. Мы еще застали нѣсколько стариковъ, принадлежавшихъ этому полу-политическому, полу-религіозному обществу. Странная смѣсь мистической набожности и философическаго вольнодумства, безкорыстная любовь къ просвѣщенію, практическая филантропія ярко отличали ихъ отъ поколѣнія, которому они принадлежали. Люди, находившіе свою выгоду въ коварномъ злословіи, старались представить Мартинистовъ заговорщиками и приписывали имъ преступные политическіе виды. Императрица, долго смотрѣвшая на усилія Французскихъ философовъ, какъ на игры искусныхъ бойцевъ, и Сама ихъ ободрявшая Своимъ Царскимъ рукоплесканіемъ, съ безпокойствомъ видѣла ихъ торжество, и съ подозрѣніемъ обратила вниманіе на Русскихъ Мартинистовъ, которыхъ считала проповѣдниками безначалія и адептами энциклопедистовъ. Нельзя отрицать, чтобы многіе изъ нихъ не принадлежали къ числу недовольныхъ; но ихъ недоброжелательство ограничивалось брюзгливымъ порицаніемъ настоящаго, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на фран-масонскихъ ужинахъ. Радищевъ попалъ въ ихъ общество. Таинственность ихъ бесѣдъ воспламенила его воображеніе. Онъ написалъ свое Путешествіе изъ Петербурга

*) А. М. Кутузова, которому Радищевъ и посвятилъ житіе Ѳ. В. Ушакова.

въ Москву, сатирическое воззваніе къ возмущенію, напечаталъ въ домашней типографіи и спокойно пустилъ его въ продажу.

Если мысленно перенесемся мы къ 1791 году, если вспомнимъ тогдашнія политическія обстоятельства, если представимъ себѣ силу нашего Правительства, наши законы, не измѣнившіеся со времени Петра I, ихъ строгость, въ то время еще не смягченную двадцати-пятилѣтнимъ Царствованіемъ Александра, Самодержца, умѣвшаго уважать человѣчество; если подумаемъ, какіе суровые люди окружали престолъ Екатерины, то преступленіе Радищева покажется намъ дѣйствіемъ сумасшедшаго. Мѣлкій чиновникъ, человѣкъ безъ всякой власти, безъ всякой опоры, дерзаетъ вооружаться противу общаго порядка, противу Самодержавія, противу Екатерины! И замѣтьте: заговорщикъ надѣится на соединенныя силы своихъ товарищей; членъ тайнаго общества, въ случаѣ неудачи, или готовится извѣтомъ заслужить себѣ помилованіе или, смотря на многочисленность своихъ соумышленниковъ, полагается на безнаказанность. Но Радищевъ одинъ. У него нѣтъ ни товарищей, ни соумышленниковъ. Въ случаѣ неуспѣха — а какого успѣха можетъ онъ ожидать? — онъ одинъ отвѣчаетъ за все, онъ одинъ представляется жертвой закону. Мы никогда не почитали Радищева великимъ человѣкомъ. Поступокъ его всегда казался намъ преступленіемъ, ничѣмъ не извиняемымъ, а «Путешествіе въ Москву» весьма посредственною книгою; но со всѣмъ тѣмъ не можемъ въ немъ не признать преступника съ духомъ необыкновеннымъ; политическаго фанатика, заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостію.

Но можетъ быть самъ Радищевъ не понялъ всей важности своихъ безумныхъ заблужденій. Какъ иначе объяснить его безпечность и странную мысль разослать свою книгу ко всѣмъ своимъ знакомымъ, между прочимъ, къ Державину, котораго поставилъ онъ въ затруднительное положеніе! Какъ бы то ни было, книга его, сначала не замѣченная, вѣроятно потому, что первыя страницы чрезвычайно скучны и утомительны, вскорѣ произвела шумъ. Она дошла до Государыни. Екатерина сильно была поражена. Нѣсколько дней сряду читала она эти горькія, возмутительныя сатиры. Онъ Мартинистъ, говорила она Храповицкому <смотри его записки>. Онъ хуже Пугачева: онъ хвалитъ Франклина. Слово глубоко замѣчательное: Монархиня, стремившаяся къ соединенію во-едино всѣхъ разнородныхъ частей Государства, не могла равнодушно видѣть отторженіе колоній отъ владычества Англіи. Радищевъ преданъ былъ суду. Сенатъ осудилъ его на смерть <см. Полное собраніе законовъ>. Государыня смягчила приговоръ. Преступника лишили чиновъ и дворянства и въ оковахъ сослали въ Сибирь.

Въ Иле[и]мскѣ Радищевъ предался мирнымъ литературнымъ занятіямъ. Здѣсь написалъ онъ большую часть своихъ сочиненій; многія изъ нихъ относятся къ статистикѣ Сибири, къ Китайской торговлѣ и проч. Сохранилась его переписка съ однимъ изъ тогдашнихъ вельможъ, который, можетъ быть, не вовсе былъ чуждъ изданію Путешествія. Радищевъ былъ тогда вдовцомъ. Къ нему поѣхала его свояченица, дабы раздѣлить съ изгнанникомъ грустное его уединеніе. Онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній упоминаетъ о семъ трогательномъ обстоятельствѣ:

Воздохну на томъ я мѣстѣ,
Гдѣ Ермакъ съ своей дружиной,
Садясь въ лодки, устремлялся
Въ ту страну ужасну, хладну,
Въ ту страну, гдѣ я средь бѣдствій —
Но на лонѣ жаркой дружбы
Былъ блаженъ, и гдѣ оставилъ
Души нѣжной половину.

Бова. Вступленіе.

Императоръ Павелъ I, взошедъ на престолъ, вызвалъ Радищева изъ ссылки, возвратилъ ему чины и дворянство, обошелся съ нимъ милостиво и взялъ съ него обѣщаніе не писать ничего противнаго духу Правительства. Радищевъ сдержалъ свое слово. Онъ во все время царствованія Императора Павла I не писалъ ни одной строки. Онъ жилъ въ Петербургѣ, удаленный отъ дѣлъ и занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей. Смирённый опытностію и годами, онъ даже перемѣнилъ образъ мыслей, ознаменовавшій его бурную и кичливую молодость. Онъ не питалъ въ сердцѣ своемъ никакой злобы къ прошедшему и помирился съ славной памятію Великой Царицы.

Не станемъ укорять Радищева въ слабости и непостоянствѣ характера. Время измѣняетъ человѣка какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Мужъ со вздохомъ иль съ улыбкою отвергаетъ мечты,

волновавшія юношу. Моложавыя мысли, какъ и моложавое лицо, всегда имѣютъ что-то странное и смѣшное. Глупецъ одинъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ. Могъ ли чувствительный и пылкій Радищевъ не содрогнуться при видѣ того, что происходило во Франціи во время Ужаса? Могъ ли онъ безъ омерзѣнія глубокаго слышать нѣкогда любимыя свои мысли, проповѣдуемыя съ высоты гильотины, при гнусныхъ рукоплесканіяхъ черни? Увлеченный однажды львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо, онъ уже не хотѣлъ сдѣлаться поклонникомъ Робеспьера, этого сантиментальнаго тигра.

Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ, и извиняя въ немъ то, что можно было приписать пылкости молодыхъ лѣтъ и заблужденіямъ вѣка, увидѣлъ въ сочинителѣ Путешествія отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды. Онъ опредѣлилъ Радищева въ комиссію Составленія Законовъ, и приказалъ ему изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину и въ проектѣ, представленномъ начальству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ. Графъ З[авадовскій] удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ: «Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?» Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ Лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился. Конецъ, имъ давно предвидѣнный, и который онъ самъ себѣ давно напророчилъ!

Сочиненія Радищева, въ стихахъ и прозѣ <кромѣ Путешествія>, изданы были въ 1807 году. Самое пространное изъ его сочиненій есть философское разсужденіе О человѣкѣ и его смертности и безсмертіи. Умствованія онаго пошлы и не оживлены слогомъ. Радищевъ хотя и вооружается противу матеріализма, но въ немъ все еще видѣнъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго аѳеизма. Между статьями литературными замѣчательно его сужденіе о Тилимахидѣ, и о Тредьяковскомъ, котораго онъ любилъ по тому же самому чувству, которое заставило его бранить Ломоносова: изъ отвращенія отъ общепринятыхъ мнѣній. Въ стихахъ лучшее произведеніе его есть Осьмнадцатый вѣкъ — лирическое стихотвореніе, писанное древнимъ элегическимъ размѣромъ, гдѣ находятся слѣдующіе стихи, столь замѣчательные подъ его перомъ:

ОСЬМНАДЦАТОЕ СТОЛѢТІЕ.

Урна временъ часы изливаетъ каплямъ подобно;
Капли въ ручьи собрались; въ рѣку ручьи возрасли,
И на дальнѣйшемъ брегу изливаютъ пѣнистыя волны
Вѣчности въ море; а тамъ нѣтъ ни предѣлъ ни береговъ...
Не возвышается островъ, ни дна тамъ лотъ не находитъ:
Вѣки въ него протекли, въ немъ изчезаетъ ихъ слѣдъ;
Но знаменито вовѣки, своею кровавой струею
Съ звуками грома течетъ наше Столѣтье туда;
И сокрушенъ наконецъ корабль, надежды несущій!
Пристани близокъ уже, въ водоворотъ поглощенъ.
Счастіе и добродѣтель и вольность пожралъ омутъ ярой.
Зри: восплываютъ еще страшны обломки въ струѣ.
Нѣтъ! ты не будешь забвенно, столѣтье безумно и мудро!
Будешь проклято вовѣкъ, въ вѣкъ удивленіемъ всѣхъ.
Кровь — въ твоей колыбели, припѣваніе — громы сраженій;
Ахъ, омоченной въ крови ты низпадаешь во гробъ!..
Но зри: двѣ взнеслися скалы во средѣ струй кровавыхъ —
Екатерина и Петръ, вѣчности чада! и Россъ

Первая пѣснь Бовы имѣетъ также достоинства. Характеръ Бовы обрисованъ оригинально, и разговоръ его съ Каргою забавенъ. Жаль, что въ Бовѣ, какъ и въ

Алёшѣ Поповичѣ, другой его поэмѣ, не включенной, не знаемъ почему, въ собраніи его сочиненій, нѣтъ и тѣни народности, необходимой въ твореніяхъ такого рода; но Радищевъ думалъ подражать Вольтеру, потому что онъ вѣчно кому-нибудь да подражалъ. Вообще Радищевъ писалъ лучше стихами, нежели прозою. Въ ней не имѣлъ онъ образца, а Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ и Костровъ успѣли уже обработать нашъ стихотворный языкъ.

Путешествіе въ Москву, причина его несчастія и славы, есть, какъ уже мы сказали, очень посредственное произведеніе, не говоря уже о варварскомъ слогѣ. Сѣтованія на несчастное состояніе народа, на насиліе вельможъ и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смѣшны. Мы бы могли подтвердить сужденіе наше множествомъ выписокъ. Но читателю стоить открыть его книгу наудачу, чтобъ удостовѣриться въ истинѣ нами сказаннаго.

Въ Радищевѣ отразилась вся Французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидрота и Реналя; но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему—вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ. Онъ какъ будто старается раздражить Верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить Правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ; онъ злится на цензуру: не лучше ли было потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы съ одной стороны сословіе писателей не было притѣснено и Мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой безсмысленной и своенравной Управы; а съ другой—чтобъ писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой или преступной? Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна; ибо Правительство не только не пренебрегало писателями и ихъ не притѣсняло, но еще требовало ихъ соучастія, вызывало на дѣятельность, вслушивалось въ ихъ сужденія, принимало ихъ совѣты, чувствовало нужду въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ, не пугаясь ихъ смѣлости и не оскорбляясь ихъ искренностію.

Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Что именно желалъ онъ? На сіи вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожно. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, не смотря на то, что въ ней есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія и незакопно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсью пошлаго и преступнаго пустословія. Онѣ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностію и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ попошеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I. Отъ Императрицы, Главнокомандовавшему въ Санктъ-Петербургѣ Генералъ-Аншефу Брюсу.

Графъ Яковъ Александровичъ! Недавно издана здѣсь книга подъ названіемъ Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненная самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ оскорбительными израженіями противу Сана и власти Царской. Сочинителемъ сей книги оказался Коллежскій Совѣтникъ Александръ Радищевъ, который самъ учинилъ въ томъ признаніе, присовокупивъ къ сему, что послѣ цензуры Управы Благочинія взнесъ онъ многіе листы въ помянутую книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, и потому взятъ подъ стражу. Таковое его преступленіе повелѣваемъ разсмотрѣть и судить узаконеннымъ порядкомъ въ Палатѣ Уголовнаго суда Санктпетербургской губерніи, гдѣ заключа приговоръ, взнесть оный въ Сенатъ нашъ. Пребываемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

II. Изъ записокъ Храповицкаго.

26-го іюня [1790]. Говорено [Государыня] о книгѣ Путешествіе отъ Петербурга до Москвы. «Тутъ разсѣваніе Французской заразы. Авторъ Мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ». Посылка за Рылѣевымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева.

2-го іюля. Продолжаютъ писать примѣчанія на книгу Радищева. А онъ, сказываютъ, препорученъ Шешковскому и сидитъ въ крѣпости.

7-го іюля. «Примѣчанія на книгу Радищева послать къ Шешковскому». Сказать изволили, что онъ бунтовщикъ, хуже Пугачева, показавъ мнѣ, что въ концѣ хвалитъ Франклина и себя такимъ же представляетъ. Говорили съ жаромъ и чувствительностію.

11-го августа. Докладъ о Радищевѣ; съ примѣтною чувствительностію приказано разсмотрѣть въ Совѣтѣ «чтобъ не быть пристрастною, и объявить, дабы не уважили до меня касающееся, понеже я презираю».

[III].

Отрывокъ изъ книги Р[адищева]

Клинъ.

Какъ было во городѣ во Римѣ, тамъ жилъ да былъ Евфиміанъ Князь... Поющій сію народную пѣснь, называемую Алексіемъ Божіимъ человѣкомъ, былъ слѣпой старикъ, сидящій у воротъ почтоваго двора, окруженный толпою по большей части ребятъ и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, видъ спокойствія, въ лицѣ его зримаго, заставляли взирающихъ на пѣвца предстоять ему со благоговѣніемъ. Нескустный хотя его напѣвъ, но нѣжностію изреченія сопровождаемый, проницалъ въ сердца его слушателей, лучше природѣ внемлющихъ, нежели взращенные во благогласіи уши жителей Москвы и Петербурга внемлютъ кудрявому напѣву Габріелли, Маркези или Тоди. Никто изъ предстоящихъ не остался безъ зыбленія внутрь глубокаго, когда Клинскій пѣвецъ дошедъ до разлуки своего Ироя, едва прерывающимся скемгновенно гласомъ, изрекалъ свое повѣствованіе. Мѣсто, на коемъ были его очи, исполнилися изступающихъ изъ чувствительной отъ бѣдъ души слезъ, и потоки оныхъ пролилися по ланитамъ воспѣвающаго. О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущаго старца, жены возрыдали; со устъ юности отлетѣла сопутница ея, улыбка; на лицѣ отрочества явилась робость, нежный знакъ болѣзненнаго, но непзвѣстнаго чувствованія; даже мужественный возрастъ, къ жестокости толико привыкшій, видъ воспріялъ важности. О природа! возопилъ я паки....

Сколь сладко неязвительное чувствованіе скорби! Колико сердце оно обновляетъ и онаго чувствительность! Я рыдалъ въ слѣдъ за ямскимъ избраніемъ, и слезы мои были столь же для меня сладостны, какъ исторгнутыя изъ сердца Вертеромъ... О мой другъ, мой другъ! почто и ты не былъ сей картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимнаго чувствованія была бы гораздо усладительнѣе.

По окончаніи пѣснословія, всѣ предстоящіе давали старику, какъ будто бы награду за его трудъ. Онъ принималъ всѣ денежки и полушки, хлѣбъ куски и краюхи хлѣба довольно равнодушно, но всегда сопровождая благодарность свою поклономъ, крестяся и говоря къ подающему: «дай Богъ тебѣ здоровья». Я не хотѣлъ отъѣхать, не давъ сопровождаемъ молитвою сего конечно безпятнаго небу старца. Желалъ его благословенія на совершеніе пути и желанія моего. Казалося мнѣ, да и всегда сіе мечтаю, какъ будто соблагословеніе чувствительныхъ душъ облегчаетъ стезю путешествій и отъемлетъ терніе сомнительности. Подошедъ къ нему, я въ дрожащую его руку, толико же дрожащею отъ боязни, не тщеславія ли ради то дѣлаю, положилъ ему рубль. Перекрестясь, не успѣлъ онъ изрещи обыкновеннаго своего благословенія подающему, отвлеченъ отъ того необыкновенностію ощущенія, лежащаго въ его горсти. И сіе уязвило мое сердце. Колико пріятнѣе ему, вѣщалъ я самъ себѣ, подаваемая ему полушка! Онъ чувствуетъ въ ней обыкновенное къ бѣдствіямъ соболѣзнованіе человѣчества; въ моемъ рублѣ ощущаетъ, можетъ быть, мою гордость. Онъ не сопровождаетъ его своимъ благословеніемъ. О! колико малъ я самъ себѣ тогда казался, колико завидовалъ давшимъ полушку и краюшку хлѣба нѣвшему старцу.—Не пятакъ ли? сказалъ онъ, обращая рѣчь свою неопредѣленно какъ и всякое свое слово.—Нѣтъ, дѣдушка рублевикъ, сказалъ близъ стоящій его мальчикъ.—Почто такая милостыня? сказалъ слѣпой, опуская мѣста своихъ очей и ища, казалося, мысленно вообразити себѣ то, что въ горсти его лежало. Почто она не могущему ею пользоваться! Если бы я не лишенъ былъ зрѣнія, сколь бы велика моя была за него благодарность. Не имѣя въ немъ нужды, я могъ бы снабдить имъ неимущаго. Ахъ! если бы онъ былъ у меня послѣ бывшаго здѣсь пожара, умолкъ бы хотя на одинъ сутки вопль алчущихъ птенцовъ моего сосѣда. Но на что онъ мнѣ теперь? не вижу, куда его и положить; подастъ онъ, можетъ быть, случай къ преступленію. Полушку немного прибыли украсть, но за рублемъ охотно многіе протянутъ руку. Возьми его назадъ, доброй господинъ, и ты и я съ твоимъ рублемъ можемъ сдѣлать вора. О пстина! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь въ укоризну.—Возьми его назадъ, мнѣ право онъ ненадобенъ, да и я уже его не стою, ибо не служилъ изображенному на немъ Государю. Угодно было Создателю, чтобы еще въ бодрыхъ моихъ лѣтахъ лишенъ я былъ вѣждей моихъ. Терпѣливо сношу его прещеніе. За грѣхи мои онъ меня посѣтилъ... Я былъ воинъ; на многихъ бывалъ битвахъ съ непріятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нуждѣ. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатіи сраженія; я не щадилъ никогда у ногъ моихъ лежащаго непріятеля, и проспящаго безоруженному помилованія не даралъ. Вознесенный побѣдою оружія нашего, когда устремлялся на караніе и добычу, палъ я ницъ, лишенный зрѣнія и чувствъ пролетѣвшимъ мимо очей въ силѣ своей пушечнымъ ядромъ. О вы, послѣдующіе мнѣ, будьте мужественны, но помните человѣчество.—Возвратилъ онъ мнѣ мой рубль, и сѣлъ опять на мѣсто свое покойно.

Прими свой праздничный пирогъ, дѣдушка, говорила слѣпому подошедшая женщина лѣтъ пятидесяти... Съ какимъ восторгомъ онъ принялъ его обѣими руками... Вотъ истинное благодѣяніе, вотъ истинная милостыня. Тридцать лѣтъ сряду ѣмъ я сей пирогъ по праздникамъ и по воскресеньямъ. Не забыла ты своего обѣщанія, что ты сдѣлала во младенчествѣ своемъ. И стоитъ ли то, что я сдѣлалъ для покойнаго твоего отца, чтобы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавилъ отца ея отъ обыкновенныхъ нерѣдко побоій крестьянамъ отъ проходящихъ солдатъ. Солдаты хотѣли что-то у него отнять; онъ съ ними заспорилъ. Дѣло было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я былъ сержантомъ той роты, которой были солдаты, прилучился тутъ, прибѣжалъ на крикъ мужика и его избавилъ отъ побой,

можетъ быть чего и больше, но впередъ отгадывать нельзя. Вотъ что вспомнила кормилица моя нынѣшняя, когда увидѣла меня здѣсь въ нищенскомъ состояніи, Вотъ чего не позабываетъ она каждой день и каждой праздникъ. Дѣло мое было невеликое, но доброе. А доброе пріятно Господу; за нимъ никогда ничто не пропадаетъ.

Неужели ты меня столько передъ всѣми обидишь, старичекъ, сказалъ я ему, и одно мое отвергнешь подаяніе? Неужели моя милостыня есть милостыня грѣшника? Да и та бываетъ ему на пользу, если служитъ къ умягченію его ожесточеннаго сердца.—Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнію, говорилъ старецъ; не вѣдалъ я, что могъ тебя обидѣть, не пріемля на вредъ послужить могущаго подаянія; прости мнѣ мой грѣхъ, но дай мнѣ, коли хочешь мнѣ что дать, дай, что можетъ быть мнѣ полезно... Холодная у насъ была весна, у меня болѣло горло—платчишка не было, чѣмъ повязать шеи—Богъ помиловалъ, болѣзнь миновалась... Нѣтъ ли старенькаго у тебя платка? Когда у меня заболитъ горло, то я его повяжу; онъ мою согрѣетъ шею; горло болѣть перестанетъ, я тебя вспоминать буду, если тебѣ нужно воспоминовеніе пищаго... Я снялъ платокъ съ моей шеи, повязалъ на шею слѣпаго... И разстался съ нимъ.

Возвращаясь чрезъ Клинъ, я уже не нашелъ слѣпаго нѣвца. Онъ за три дня моего пріѣзда умеръ. Но платокъ мой, сказывала мнѣ та, которая ему приносила пирогъ по праздникамъ, надѣлъ, заболѣвъ, передъ смертію на шею, и съ нимъ положили его во гробъ. О! если кто чувствуетъ цѣну сего платка, тотъ чувствуетъ и то, что во мнѣ происходило слушавъ сіе.—

Вотъ какимъ слогомъ написана вся книга!

---

976. РОССІЙСКАЯ АКАДЕМІЯ.

18-го Января нынѣшняго года Россійская Академія была удостоена присутствія Его Свѣтлости Принца Петра Ольденбургскаго, избраннаго ею въ Почетные Члены. Непремѣнный Секретарь, Д. И. Языковъ, открылъ засѣданіе чтеніемъ краткой исторіи Академіи.

Екатерина II основала Россійскую Академію въ 1783 году и повелѣла Княгинѣ Дашковой быть Предсѣдателемъ оной.

Екатерина, стремившаяся во всемъ установить законъ и незыблемый порядокъ, хотѣла дать Уложеніе и Русскому языку. Академія, повинуясь Ея наказу, тотчасъ приступила къ составленію Словаря. Императрица приняла въ немъ участіе не только словомъ, но и дѣломъ. Часто освѣдомлялась Она объ успѣхѣ начатаго труда, и нѣсколько разъ слыша, что Словарь доведенъ до буквы *И*, сказала однажды съ видомъ нѣкотораго нетерпѣнія: все Нашъ да Нашъ! когда же вы мнѣ скажете: Вашъ? Академія удвоила стараніе. Черезъ нѣсколько времени на вопросъ Императрицынъ: что Словарь? отвѣчали Ей, что Академія дошла до буквы *П*. Императрица улыбнулась и замѣтила, что Академіи пора бы Покой оставить.

Не смотря на сіи шутки, Академія должна была изумить Государыню поспѣшнымъ исполненіемъ Ея воли: Словарь оконченъ былъ въ теченіе шести лѣтъ *). Карамзинъ справедливо удивляется таковому подвигу. «Полный Словарь, изданный Академіей, говоритъ онъ, принадлежитъ къ числу феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ; наша, безъ сомнѣнія, счастливая судьба во всѣхъ отношеніяхъ есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими писателями, еще не имѣя Словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго <Ломоносова>, и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академій Флорентинской и Парижской.»

Многіе изъ членовъ Академіи участвовали въ изданіи Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова. Слѣдующее происшествіе, говоритъ г. Языковъ, достойно быть сохранено въ памяти: Фонвизинъ доставилъ въ Собесѣдникъ статью подъ названіемъ: «Нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ

*) Французская Академія, основанная въ 1634 году, и съ тѣхъ поръ безпрерывно занимавшаяся составленіемъ своего Словаря, издала оный не прежде, какъ въ 1694 году. Словарь обветшалъ, пока еще надъ нимъ трудились, говоритъ Вильменъ. Стали его передѣлывать. Прошло нѣсколько лѣтъ, и все еще Академія пересматривала букву ... Дѣятельный Кольберъ, удивлявшійся такой медленности, пріѣхалъ однажды въ собраніе Академіи. Разбирали слово Ami. Но были такіе споры о точномъ опредѣленіи онаго; разсуждали съ такою утонченностію о томъ, что въ словѣ ami предполагается ли свѣтская обязанность, или сердечное отношеніе, чувство раздѣленное, или одно наружное изъявленіе, или усердіе безъ вознагражденія, что Министръ, у коего при Дворѣ было такъ много друзей, признался, что онъ болѣе ужь не удивляется медленности и затрудненіямъ Академіи.

людяхъ особливое вниманіе.» Вопросы явились въ Собесѣдникѣ съ весьма остроумными отвѣтами. Приведемъ здѣсь нѣкоторые.

В. Отчего всѣ въ долгахъ?

О. Оттого, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

В. Отчего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ, перевелись общества между благородными?

О. Отъ размноженія клубовъ.

В. Отчего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать ихъ гвардіи унтеръ-офицерами?

О. Оттого, что одно легче другаго.

В. Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

О. Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго.

В. Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

О. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурное, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

В. Отчего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостію, потомъ оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются?

О. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

В. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

О. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корнѣ всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

В. Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ, и весьма большіе?

О. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли.

NB. Сей вопросъ родился отъ свободозычія, котораго предки наши не имѣли.

Сіи отвѣты писаны самой Императрицей.

Подъ предсѣдательствомъ А. А. Нартова <1802—1813> Академія издала:

1) Грамматику Россійскую. 2) Сочиненія и переводы Академіи. 3) Словарь, расположенный по азбучному порядку. 4) Переводъ Лѣтописи Тацитовой. 5) Переводъ Путешествія Младшаго Анахарсиса.

Въ 1813 году, по смерти Нартова, А. С. Шишковъ, бывшій въ то время за границей съ Государемъ Императоромъ, назначенъ Предсѣдателемъ Россійской Академіи. Подъ его руководствомъ Академія издала слѣдующія книги:

1) Извѣстія Академіи, 11 книжекъ (1815—1823). 2) Повременное изданіе, 4 части (1829—1832). 3) Краткія записки, 3 книжки (1834—1836). 4) Квинтиліановы Критическія Наставленія (1834). 5) Собраніе сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова, 16 частей.

Нынѣ Академія приготовляетъ третье изданіе своего Словаря, коего распространеніе часъ отъ часу становится необходимѣе. Прекрасный нашъ языкъ, подъ перомъ писателей неученыхъ и неискусныхъ, быстро клонится къ паденію. Слова искажаются, Грамматика колеблется. Орѳографія, сія Геральдика языка, измѣняется по произволу всѣхъ и каждаго.

Вслѣдъ за Непремѣннымъ Секретаремъ, Преосвященный Филаретъ представилъ отрывокъ изъ рукописи 1073 года, писанной для Великаго Князя Святослава и хранящейся нынѣ въ Московской Синодальной Библіотекѣ.

«Рукопись называется Изборникъ, т. е. извлеченіе избранныхъ мѣстъ изъ разныхъ писателей.—Она содержитъ наиболѣе предметы, относящіеся до Христіанскаго ученія, по частію и метафизическіе по разуму того вѣка, напримѣръ: о естествѣ, о собствѣ, о лицѣ, о различіи, о случаніи, о супротивныхъ, о оглаголемыихъ.—На оборотѣ листа 237 начинается 175 статья книги, которая говоритъ о тропахъ и фигурахъ. Вотъ ея начало: Георьгия Хоуровьска о образѣхъ. Творьчьстии образи суть 27 <къ>: 1. Инословіе. 2. Прѣводъ (metaphora). 3. Напотребніе. 4. Пріятніе. 5. Прѣходьноіе. 6. Възбратъ. 7. Съпріятніе. 8. Съпятніе. 9. Именотворніе (onomatopeia). 10. Сътвореніе. 11. Въименомѣстьство. 12. Отъименніе (metonymia). 13. Въсплатословіе. 14. Окроугословіе. 15. Нестатъкъ. 16. Изрядніе. 17. Лихорѣчьніе. 18. Притъча. 19. Прикладъ. 20. Отъданніе. 21. Лицетвореіе (олицетвореніе). 22. Сълогъ. 23. Поруганіе (ironia). 24. Видъ. 25. Послѣдословніе.—Инословніе оубо іесть ино нѣчто глаголюшти, а инъ разоумъ оуказаюшти, якоже іеже іе речено отъ Бога къ зміи проклята ты и отъ всѣхъ звѣрии слово бо акы зміи іесть на діавола же, ино рѣчь нѣ змиемъ нарицаіема разоумѣваіемъ.—Далѣе слѣдуютъ подобныя сему опредѣленія и прочихъ вышеисчисленныхъ напменованій, но не довольно понятныя для читателя, можетъ быть и потому, что не довольно понимаемы были предметы составителемъ или переводчикомъ, издателями Русской Энциклопедіи XI вѣка.»

Непремѣнный Секретарь прочелъ Главу II изъ Устава Академіи о должностяхъ и обязанностяхъ Академіи и слѣдующій отрывокъ изъ всеподданнѣйшаго доклада Президента Академіи, при поднесеніи на Высочайшее усмотрѣніе проекта Устава:

«Академія есть стражъ языка; и потому должно ей со всевозможною къ общей пользѣ ревностію вооружаться противъ всего несвойственнаго, чуждаго, невразумительнаго, темнаго, неправственнаго въ языкѣ. Но сіе вооруженіе ея долженствуетъ быть на единой пользѣ Словесности основанное, кроткое, правдивое, безъ лицепріятія, безъ нападеній и потворства, непохожее на тѣ предосудительныя сочиненія, въ которыхъ, подъ мнимымъ разборомъ, пристрастное невѣжество или злость расточаютъ недостойныя похвалы или язвительныя хулы безъ всякой истины и доказательствъ, въ коихъ однихъ заключается достоинство и польза сего рода писаній.»

Засимъ Дѣйствительный Членъ М. Е. Ло-

баповъ занялъ собраніе чтеніемъ мнѣнія своего: О духѣ Словесности какъ иностранной, такъ и отечественной. Мнѣніе сіе заслуживаетъ особеннаго разбора какъ по своей сущности, такъ и по важности мѣста, гдѣ оно было произнесено.

В. А. Полѣновъ прочелъ Краткое жизнеописаніе И. И. Лепехина, перваго непремѣннаго секретаря Россійской Академіи: статью дѣльную, полную, прекрасно изложенную, словомъ, истинно академическую.

Послѣ сего Дѣйствительные Члены: М. Е. Лобановъ, Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ и Б. М. Федоровъ читали, одинъ послѣ другаго, сочиненія своего стихи.

Наконецъ, Князь Ширинскій-Шихматовъ прочелъ написанную Г. Президентомъ краткую статью подъ заглавіемъ: Нѣчто о Карамзинѣ.

Невозможно было безъ особеннаго чувства слышать искреннія, простыя похвалы, воздаваемыя почтеннымъ старцемъ великому писателю..... При семъ случаѣ А. С. Шишковъ упомянулъ о пребываніи Карамзина въ Твери въ 1811 году, при Дворѣ блаженной памяти Государыни Великой Княгини Екатерины Павловны, матери Его Свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго. Извѣстно, что Карамзинъ читалъ тогда въ присутствіи покойнаго Государя и Августѣйшей Сестры Его нѣкоторыя главы Исторіи Государства Россійскаго. «Вы слушали», пишетъ Исторіографъ въ своемъ посвященіи, «съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно минувшее съ настоящимъ, и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для себя еще славнѣйшія».

Пребываніе Карамзина въ Твери ознаменовано еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его славной памяти, неизвѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову Государыни Великой Княгини, Женщины съ умомъ необыкновенно возвышеннымъ, Карамзинъ написалъ свои мысли О древней и новой Россіи, со всею искренностію прекрасной души, со всею смѣлостію убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти краснорѣчивыя страницы... прочелъ, и остался по прежнему милостивъ и благосклоненъ къ прямодушному Своему подданному. Когда-нибудь потомство оцѣнитъ и величіе Государя, и благородство патріота...

Засѣданіе 18 Января 1836 года будетъ памятно въ лѣтописяхъ Россійской Академіи.

---

977. ЗАПИСКИ Н. А. ДУРОВОЙ.

Издаваемыя А. Пушкинымъ.

Modo vir, modo fœmina. — Ov.

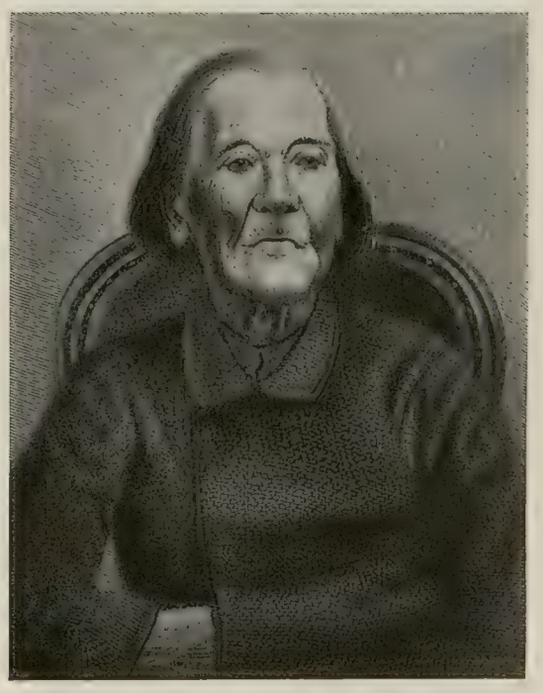
Въ 1808 году молодой мальчикъ, по имени Александровъ, вступилъ рядовымъ въ Конно-Польскій Уланскій полкъ, отличился, получилъ за храбрость солдатскій Георгіевскій крестъ, и въ томъ же году произведенъ былъ въ офицеры въ Маріупольскій Гусарскій полкъ. Впослѣдствіи перешелъ онъ въ Литовскій Уланскій и продолжалъ свою службу столь же ревностно, какъ и началъ.

Повидимому, все это въ порядкѣ вещей и довольно обыкновенно; однакожъ это самое надѣлало много шуму, породило много толковъ и произвело сильное впечатлѣніе, отъ одного нечаянно открывшагося обстоятельства: корнетъ Александровъ былъ дѣвица Надежда Дурова.

Какія причины заставили молодую дѣвушку хорошей дворянской фамиліи оставить отеческій домъ, отречься отъ своего пола, принять на себя труды и обязанности, которыя пугаютъ и мущинъ, и явиться на полѣ сраженій—и какихъ еще? Наполеоновскихъ! Что побудило ее? Тайныя семейныя огорченія? Воспаленное воображеніе? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?... Вотъ вопросы, нынѣ забытые, но которые въ то время сильно занимали общество.

Нынѣ Н. А. Дурова сама разрѣшаетъ свою тайну. Удостоенные ея довѣренности, мы будемъ издателями ея любопытныхъ записокъ. Съ непзъяснимымъ участіемъ прочли мы признанія женщины, столь необыкновенной; съ изумленіемъ увидѣли, что нѣжные пальчики, нѣкогда сжимавшіе окровавленную рукоять уланской сабли, владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ. Надежда Андреевна позволила намъ украсить страницы Современника отрывками изъ журнала, веденнаго ею въ 1812—13 году. Съ глубочайшей благодарностію спѣшимъ воспользоваться ея позволеніемъ.

Изд.



ДѢВИЦА-КАВАЛЕРИСТЪ Н. А. ДУРОВА.

1. Въ возрастѣ 13—14 лѣтъ.—2. Въ 1810 г.—3. Въ 1839 г.—4. Въ старости.

978. [О ХРОНИКѢ РУССКАГО А. И. ТУРГЕНЕВА].

Отъ Редакціи.

I.

Для очистки совѣсти нашей и для предупрежденія всѣхъ возможныхъ толковъ и недоразумѣній вольныхъ и невольныхъ, почитаемъ обязанностью сознаться, что напечатаніе въ 1-й книжкѣ журнала нашего Хроники Русскаго въ Парижѣ есть не что иное, какъ слѣдствіе нашей нескромности; что сіи отрывки изъ дружескихъ писемъ, или лучше сказать домашняго журнала, никогда не были предназначены къ печати, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ они представлены публикѣ. Глубокомысліе, остроуміе, вѣрность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, полнаго жизни и движенія, которыя вездѣ пробиваются сквозь небрежность и бѣглость выраженія, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, чего можно было бы ожидать отъ пера, писавшаго такимъ образомъ про себя, когда слѣдовало бы ему писать про другихъ. Мы имѣли случай стороною подслушать этотъ aparté, подсмотрѣть эти ежедневныя, ежеминутныя отмѣтки, и поторопились, какъ водится нынѣ, въ эпоху разоблаченія всѣхъ тайнъ, подѣлиться удовольствіемъ и свѣжими современными новинками съ читателями «Современника». Можно было бы, и по нѣкоторымъ отношеніямъ слѣдовало бы, для порядка, дать этимъ разбросаннымъ чертамъ стройное единство, облачить въ литературную форму. Но мы предпочли сохранить въ немъ живой, теплый, внезапный отпечатокъ мыслей, чувствъ, впечатлѣній, городскихъ вѣстей, булеварныхъ, академическихъ, салонныхъ, кабинетныхъ движеній,—такъ сказать, стенографировать эти горячіе слѣды, эту лихорадку Парижской жизни; впрочемъ, кажется, мы и не ошиблись въ своемъ предпочтеніи. По всѣмъ отзывамъ образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, Парижская Хроника возбудила живѣйшее любопытство и вниманіе. Даже и тупыя печатныя замѣчанія подтвердили насъ въ убѣжденіи, что способъ, нами избранный, едва ли не лучшій. Вкусъ иныхъ людей можетъ служить всегда надежнымъ и неизмѣннымъ руководствомъ: стоитъ только выворотить вкусъ ихъ на-изнанку. То, чего они оцѣнить не могли, что̀ показалось имъ неприличнымъ, неумѣстнымъ, то, безъ сомнѣнія, имѣетъ внутреннее многоцѣнное достоинство; слѣдовательно, не ихъ имѣемъ въ виду въ настоящемъ объясненіи. Но мы желали только, по обязанности редакторской, принявъ на себя всю отвѣтственность за произвольное напечатаніе помянутыхъ выписокъ, отклонить ее отъ того, который писалъ ихъ, забывая, что есть книгопечатаніе на бѣломъ свѣтѣ.

II.

979. О СТАТЬЯХЪ А. Б. И КОСИЧКИНА].

Статья, присланная намъ изъ Твери съ подписью А. Б[езсоновъ] не могла быть напечатана въ сей книжкѣ по недостатку времени.

Мы получили также статью Г. Косичкина. Но, къ сожалѣнію, и эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выходъ этой книжки, отлагаемъ ее до слѣдующей.

---

980. МНѢНІЕ М. Е. ЛОБАНОВА

о духѣ словесности какъ иностранной, такъ и отечественной.

<Читано 18 Января 1836 г. въ Императорской Россійской Академіи>.

Г. Лобановъ заблагоразсудилъ дать своему мнѣнію форму неопредѣленную, вовсе неакадемическую: это краткая статья, въ родѣ журнальныхъ отмѣтокъ, помѣщаемыхъ въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду. Можетъ статься, то, что хорошо въ журналѣ, покажется слишкомъ легковѣснымъ, если будетъ произнесено въ присутствіи всей Академіи и торжественно потомъ обнародовано. Какъ бы то ни было, мнѣніе г. Лобанова заслуживаетъ и даже требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія.

«Любовь къ чтенію и желанію образованія <такъ начинается статья Г. Лобанова> сильно увеличились въ нашемъ Отечествѣ въ послѣдніе годы. Умножились типографіи, умножилось число книгъ; журналы расходятся въ большемъ количествѣ: книжная торговля распространяется.»

Находя событіе сіе пріятнымъ для наблюдателя успѣховъ словесности въ нашемъ Отечествѣ, г. Лобановъ изрекаетъ неожиданное обвиненіе:

«Безпристрастные наблюдатели», говоритъ онъ, «носящіе въ сердцахъ своихъ любовь ко всему, что клонится къ благу Отечества, преходя въ памяти своей все, въ послѣднія времена ими читанное, не безъ содроганія могутъ сказать: есть и въ нашей словесности нѣкоторыя отголоскъ безправія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями.»

Г. Лобановъ, не входя въ объясненіе того, что разумѣетъ онъ подъ словами безправіе и нелѣпость, продолжаетъ:

«Народъ заимствуетъ у народа, и заимствовать полезное, подражать изящному — предписываетъ благоразуміе. Но что жъ заимствовать нынѣ <говорю о чистой словесности> у новѣйшихъ писателей иностранныхъ? Они часто обнажаютъ такія нелѣпыя, грустныя и чудовищныя явленія, распространяютъ такія пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя насильственно влагаютъ въ душу его зародышъ безправія, безвѣрія и, слѣдовательно, будущихъ заблужденій и преступленій.

«Уже ли жизнь и кровавыя дѣла разбойниковъ, палачей и имъ подобныхъ, наводняющихъ нынѣ словесность въ повѣстяхъ, романахъ, въ стихахъ и прозѣ, и питающихъ одно только любопытство, представляются въ образецъ для подражанія? Ужели отвратительнѣйшія зрѣлища, внушающія не назидательный ужасъ, а омерзѣніе, возмущающее душу, служатъ въ пользу человѣчеству? Уже ли истощилось необъятное поприще благороднаго, назидательнаго, добраго и возвышеннаго, что обратились къ нелѣпому, отвратному <?>, омерзительному и даже ненавистному?»

Въ подтвержденіе сихъ обвиненій г. Лобановъ приводитъ извѣстное мнѣніе Эдинбургскихъ журналистовъ о нынѣшнемъ состояніи Французской Словесности. При семъ случаѣ своды Академіи огласились собственными именами Жюль-Жанена, Евгенія Сю и прочихъ; имена сіи снабжены были странными прилагательными... Но что, если <паче всякаго чаянія> статья г. Лобанова будетъ переведена, и сіи господа увидятъ имена свои, напечатанными въ отчетѣ Императорской Россійской Академіи? Не пропадетъ ли втунѣ все краснорѣчіе нашего оратора? Не въ правѣ ли будутъ они гордиться такой честію, неожиданной, неслыханной въ лѣтописяхъ Европейскихъ Академій, гдѣ доселѣ произносились имена только тѣхъ изъ живыхъ людей, которые воздвигнули себѣ вѣковѣчные памятники своими талантами, заслугами и трудами? <Академіи безмолвствовали о другихъ>. Критическая статья Англійскаго аристарха напечатана была въ журналѣ; тамъ она заняла ей приличное мѣсто и произвела свое дѣйствіе. У насъ Библіотека перевела ее, и хорошо сдѣлала. Но тутъ и надлежало остановиться.

«Для Франціи»,—пишетъ г. Лобановъ,—«для народовъ отуманенныхъ гибельною для человѣчества новѣйшею философіею, огрубѣлыхъ въ кровавыхъ явленіяхъ революціи, и упавшихъ въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата, самыя отвратительнѣйшія зрѣлища, напримѣръ: гнуснѣйшая изъ драмъ, омерзительнѣйшій хаосъ ненавистнаго безстыдства и кровосмѣшенія, Лукреція Борджіа, не кажутся имъ таковыми; самыя разрушительнѣйшія мысли для нихъ не столь заразительны, ибо они давно ознакомились и, такъ сказать, срослись съ ними, въ ужасахъ революціи.»

Спрашиваю: можно ли на цѣлый народъ изрекать такую страшную анаѳему? Народъ, который произвелъ Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескьё; который и нынѣ гордится Шатобріаномъ и Балланшемъ; народъ, который Ламартина призналъ первымъ изъ своихъ поэтовъ, который Нибуру и Галламу противупоставилъ Баранта, обоихъ Тьерри и Гизо; народъ, который оказываетъ столь сильное религіозное стремленіе, который такъ торжественно отрекается отъ жалкихъ скептическихъ умствованій минувшаго столѣтія,—ужели весь сей народъ долженъ отвѣтствовать за произведенія нѣсколькихъ писателей, большею частію молодыхъ людей, употребляющихъ во зло свои таланты, и основывающихъ корыстные расчеты на любопытствѣ и нервной раздражительности читателей? Для удовлетворенія публики, всегда требующей новизны и сильныхъ впечатлѣній, многіе писатели обратились къ изображеніямъ отвратительнымъ, мало заботясь объ изящномъ, объ истинѣ, о собственномъ убѣжденіи. Но нравственное чувство, какъ и талантъ, дается не всякому. Нельзя требовать отъ всѣхъ писателей стремленія къ одной цѣли. Никакой законъ не можетъ сказать: пишите именно о такихъ-то предметахъ, а не о другихъ. Мысли, какъ и дѣйствія, раздѣляются на преступныя и на неподлежащія никакой отвѣтственности. Законъ не вмѣшивается въ привычки частнаго человѣка, не требуетъ отчета о его обѣдѣ, о его прогулкахъ и тому подобномъ: законъ также не вмѣшивается въ предметы, избираемые писателемъ, не требуетъ, чтобъ онъ описывалъ нравы Женевскаго пастора, а не приключенія разбойника или палача, выхвалялъ счастіе супружеское, а не смѣялся надъ невзгодами брака. Требовать отъ всѣхъ произведеній словесности изящности или нравственной цѣли было бы то же, что требовать отъ всякаго гражданина безпорочнаго житья и образованности. Законъ постигаетъ одни преступ-

леніе, оставля слабости и пороки на совѣсть каждаго. Вопреки мнѣнію г. Лобанова, мы не думаемъ, чтобъ нынѣшніе писатели представляли разбойниковъ и палачей въ образецъ для подражанія. Лесажъ, написавъ «Жилблаза» и «Гусмана д'Альфарашъ», конечно, не имѣлъ намѣренія преподавать уроки въ воровствѣ и въ плутняхъ. Шиллеръ сочинилъ своихъ «Разбойниковъ» вѣроятно не съ тою цѣлію, чтобъ молодыхъ людей вызвать изъ университетовъ на большія дороги. Зачѣмъ же и въ нынѣшнихъ писателяхъ предполагать преступные замыслы, когда ихъ произведенія просто изъясняются желаніемъ занять и поразить воображеніе читателя? Приключенія ловкихъ плутовъ, страшныя исторіи о разбойникахъ, о мертвецахъ и пр. всегда занимали любопытство не только дѣтей, но и взрослыхъ ребятъ; а разскащики и стихотворцы изстари пользовались этой наклонностію души нашей.

Мы не полагаемъ, чтобы нынѣшняя раздражительная, опрометчивая, безсвязная Французская Словесность была слѣдствіемъ политическихъ волненій *). Въ Словесности Французской совершилась своя революція, чуждая политическому перевороту, низпровергшему старинную монархію Людовика XIV. Въ самое врачное время революціи, литература производила приторныя, сентиментальныя, правоучительныя книжки. Литературныя чудовища начали появляться уже въ послѣднія времена кроткаго и благочестиваго «Возстановленія» <Restauration>. Начало сему явленію должно искать въ самой литературѣ. Долгое время покорствовавъ своенравнымъ уставамъ, давшимъ ей слишкомъ стѣснительныя формы, она ударилась въ крайнюю сторону, и забвеніе всякихъ правилъ стала почитать законной свободой. Мелочная и ложная теорія, утвержденная старинными риторами, будто бы польза есть условіе и цѣль изящной словесности, сама собой уничтожилась. Почувствовали, что цѣль художества есть идеалъ, а не нравоученіе. Но писатели Французскіе поняли одну только половину истины неоспоримой, и положили, что и нравственное безобразіе можетъ быть цѣлію поэзіи, т. е. идеаломъ! Прежніе романисты представляли человѣческую природу въ какой-то жеманной напыщенности; награда добродѣтели и наказаніе порока были непремѣннымъ условіемъ всякаго ихъ вымысла: нынѣшніе, напротивъ, любятъ выставлять порокъ всегда и вездѣ торжествующимъ, и въ сердцѣ человѣческомъ обрѣтаютъ только двѣ струны: эгоизмъ и тщеславіе. Таковой поверхностный взглядъ на природу человѣческую обличаетъ, конечно, легкомысліе, и вскорѣ такъ же будетъ смѣшонъ и приторенъ, какъ чопорность и торжественность романовъ Арно и г-жи Котенъ. Покамѣстъ онъ еще новъ, и публика, т. е. большинство читателей, съ непривычки, видитъ въ нынѣшнихъ романистахъ глубочайшихъ знатоковъ природы человѣческой. Но уже «словесность отчаянія» <какъ назвалъ ее Гёте>, «словесность сатаническая» <какъ говоритъ Соутей>, словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цыгарочная и пр.—эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинаетъ упадать даже и во мнѣніи публики.

Французская Словесность, со временъ Кантемира имѣвшая всегда прямое или косвенное вліяніе на рождающуюся нашу литтературу, должна была отозваться и въ нашу эпоху. Но нынѣ вліяніе ея было слабо. Оно ограничилось только переводами и кой-какими подражаніями, не имѣвшими большаго успѣха. Журналы наши, которые, какъ и вездѣ, правильно и неправильно управляютъ общимъ мнѣніемъ, вообще оказались противниками новой романической школы. Оригинальные романы, имѣвшіе у насъ наиболѣе успѣха, принадлежатъ роду нравоописательныхъ и историческихъ. Лесажъ и Вальтеръ-Скоттъ служили имъ образцами, а не Бальзакъ и не Жюль-Жаненъ. Поэзія осталась чужда вліянію Французскому: она болѣе и болѣе дружится съ Поэзіей Германскою, и гордо сохраняетъ свою независимость отъ вкусовъ и требованій публики.

«Останавливаясь на духѣ и направленіи нашей словесности», продолжаетъ г. Лобановъ, «всякій просвѣщенный человѣкъ, всякій благомыслящій Русскій видитъ: въ теоріяхъ наукъ—сбивчивость, непроницаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ литтературныхъ — совершенную безотчетность, безсовѣстность, наглость и даже буйство. Приличіе, уваженіе, здравый умъ отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизмъ, слово до сихъ поръ неопредѣленное, но слово магическое, сдѣлался для многихъ эгидою совершенной безотчетливости и литтературнаго сумасбродства. Критика, сія кроткая наставница и добросовѣстная подруга словесности, нынѣ обратилась въ площадное гаерство, въ литтературное пиратство, въ способъ добывать себѣ поживу изъ кармана слабоумія дерзкими и буйными выходками, не рѣдко

*) Современникъ № 1: «О движеніи Журнальной Литтературы».

даже противъ мужей государственныхъ, знаменитыхъ и гражданскими, и литературными заслугами. Ни санъ, ни умъ, ни талантъ, ни лѣта, ничто не уважается. Ломоносовъ слыветъ педантомъ. Величайшій геній, оставившій въ достояніе Россіи высокую пѣснь Богу, пѣснь, которой нѣтъ равной ни на одномъ языкѣ народовъ вселенной, какъ бы не существуетъ для нашей словесности: онъ, какъ бы безталанный <г. Лобановъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать безталантный>, оставленъ безъ вниманія. Имя Карамзина, мудреца глубокаго, писателя добросовѣстнаго, мужа чистаго сердцемъ, предано глумленію....»

Конечно, критика находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи. Она рѣдко сохраняетъ важность и приличіе, ей свойственныя; можетъ быть, ея рѣшенія часто внушены расчетами, а не убѣжденіемъ. Неуваженіе къ именамъ, освященнымъ славою <первый признакъ невѣжества и слабомыслія>, къ нещастію, почитается у насъ не только дозволеннымъ, но еще и похвальнымъ удальствомъ. Но и тутъ г. Лобановъ сдѣлалъ несправедливыя указанія: у Ломоносова оспоривали <весьма неосновательно> титло поэта, но никто, нигдѣ, сколько я помню, не называлъ его педантомъ: напротивъ, нынѣ вошло въ обыкновеніе хвалить въ немъ мужа ученаго, унижая стихотворца. Имя великаго Державина всегда произносится съ чувствомъ пристрастія, даже суевѣрнаго. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежитъ Россіи, и ни одинъ писатель съ истиннымъ талантомъ, ни одинъ истинно ученый человѣкъ, даже изъ бывшихъ ему противниками, не отказалъ ему въ дани уваженія глубокаго и благодарности.

Мы не принадлежимъ къ числу подобострастныхъ поклонниковъ нашего вѣка, но должны признаться, что науки сдѣлали шагъ впередъ. Умствованія великихъ Европейскихъ мыслителей не были тщетны и для насъ. Теорія наукъ освободилась отъ эмпиризма, возымѣла видъ болѣе общій, оказала болѣе стремленія къ единству. Германская Философія, особенно въ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, добросовѣстныхъ послѣдователей, и хотя говорили они языкомъ мало понятнымъ для непосвященныхъ, но тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе было благотворно и часъ отъ часу становится болѣе ощутительно.

«Не стану говорить ни о господствующемъ вкусѣ, ни о понятіяхъ и ученіяхъ объ изящномъ. Первый явно вездѣ и во всемъ обнаруживается и всякому извѣстенъ; а послѣднія такъ сбивчивы и превратны въ новѣйшихъ эфемерныхъ и разрушающихъ одна другую системахъ, или такъ спутаны въ суесловныхъ мудрованіяхъ, что они непроницаемы для здраваго разума. Нынѣ едва ли вѣрятъ, что изящное, при нѣкоторыхъ только измѣненіяхъ формъ, было и есть одно и то же для всѣхъ вѣковъ и народовъ; что Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспиры, Шиллеры, Расины, Державины, не смотря на различіе ихъ формъ, рода, вѣры и нравовъ, всѣ созидали изящное и для всѣхъ вѣковъ; что писатели, романтики ли они или классики, должны удовлетворять умъ, воображеніе и сердце образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, а не одной толпы несмысленной, плещущей безъ разбора и гаерамъ подкачельнымъ. Нѣтъ, нынѣ проповѣдуютъ, что умъ человѣческій далеко ушелъ впередъ, что онъ можетъ оставить въ покоѣ древнихъ и даже новѣйшихъ знаменитыхъ писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что нынѣ всякій пишущій есть самобытный геній—и подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, поражая великихъ писателей древности именемъ тяжелыхъ и приторныхъ классиковъ <которые однакожь за тысячи лѣтъ плѣняли своихъ сограждан, и всегда будутъ давать много возвышенныхъ наслажденій своему читателю>, подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, новѣйшіе писатели безотчетно омрачаютъ разумъ неопытной юности и ведутъ къ совершенному упадку нравственность и словесность.»

Оставляя безъ возраженія сію филиппику, не могу не остановиться на заключеніи, выведенномъ г. Лобановымъ изо всего имъ сказаннаго:

«По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, Цензурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый злонамѣренностію, будетъ провозглашать нелѣпое и даже вредное. Кто жъ долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный Русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе Академія, для сего самаго учрежденная. Она, движимая любовію къ Государю и Отечеству, имѣетъ право, на ней лежитъ долгъ неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, гдѣ бы оно ни встрѣтилось на поприщѣ словесности. Академія <сказано въ ея Уставѣ, гл. III, § 2 и вовсеподданнѣйшемъ Докладѣ, § III>, яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, разборъ книгъ, или критическія сужденія, долженствуетъ почитать одною изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей. Итакъ, милостивые государи, каждый изъ почтенныхъ сочленовъ моихъ да представляетъ для разсмотрѣнія и напечатанія въ собраніи сей Академіи, согласно съ ея Уставомъ, разборы сочиненій и сужденія о книгахъ и журналахъ новѣйшей нашей словесности, и тѣмъ содѣйствуя общей пользѣ, да исполняетъ истинное назначеніе сего Высочайше утвержденнаго сословія.»

Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писатели, ухищряющіеся низпровергать законы, на конхъ основано благодеятвіе общества. И можно ли укорять

у насъ Цензуру въ неосмотрительности и послабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, Цензура не должна проникать всѣ ухищренія пишущихъ. «Цензура долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону» (Уставъ о Цензурѣ, § 6). Такова была Высочайшая воля, даровавшая намъ литературную собственность и законную свободу мысли! Если съ перваго взгляда сіе основное правило нашей Цензуры и можетъ показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи увидимъ, что безъ того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово можетъ быть перетолковано въ худую сторону. Нелѣпое, если оно просто нелѣпо, и не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго вѣрѣ, правительству, нравственности и чести личной, не подлежитъ уничтоженію Цензуры. Нелѣпость, какъ и глупость, подлежитъ осмѣянію общества, а не вызываетъ на себя дѣйствія закона. Просвѣщенный отецъ семейства не дастъ въ руки своимъ дѣтямъ многихъ книгъ, дозволенныхъ Цензурою; книги пишутся не для всѣхъ возрастовъ одинаково. Нѣкоторые моралисты утверждаютъ, что и восьмнадцатилѣтней дѣвушкѣ нельзя позволить чтеніе романовъ: изъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ Цензура должна была запрещать всѣ романы. Цензура есть установленіе благодѣтельное, а не притѣснительное; она есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго, а не докучливая нянька, слѣдующая по пятамъ шаловливыхъ ребятъ.

Заключимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы Россійская Академія, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитыхъ подвиговъ, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойныхъ писателей дѣятельнымъ своимъ покровительствомъ, а недостойныхъ — наказывая однимъ невниманіемъ.

---

981. ВОЛЬТЕРЪ.

<Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris 1836>.

Недавно издана въ Парижѣ переписка Вольтера съ президентомъ де Броссомъ. Она касается покупки земли, совершенной Вольтеромъ въ 1758 году.

Всякая строчка великаго писателя становится драгоцѣнной для потомства. Мы съ любопытствомъ разсматриваемъ автографы, хотя бы они были не что иное, какъ отрывокъ изъ расходной тетради или записки къ портному объ отсрочкѣ платежа. Насъ невольно поражаетъ мысль, что рука, начертавшая эти смиренныя цифры, эти незначущія слова, тѣмъ же самымъ почеркомъ и, можетъ быть, тѣмъ же самымъ перомъ написала и великія творенія, предметъ нашихъ изученій и восторговъ. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить изъ дѣловой переписки о покупкѣ земли книгу, на каждой страницѣ заставляющую васъ смѣяться, и передать сдѣлкамъ и купчаямъ всю заманчивость остроумнаго памфлета. Судьба на столь забавнаго покупщика послала продавца не менѣе забавнаго: Президентъ де Броссъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей прошедшаго столѣтія. Онъ извѣстенъ многими учеными сочиненіями,* но лучшимъ изъ его произведеній мы почитаемъ письма, имъ написанныя изъ Италіи въ 1730—1740, и недавно вновь изданныя подъ заглавіемъ: «L'Italie il y a cent ans». Въ этихъ дружескихъ письмахъ де Броссъ обнаружилъ необыкновенный талантъ. Ученость истинная, но никогда не отягощенная педантизмомъ, глубокомысліе, шутливая острота, картины, набросанныя съ небреженіемъ, но живо и смѣло, ставятъ его книгу выше всего, что́ писано было въ томъ же родѣ.

Вольтеръ, изгнанный изъ Парижа, принужденный бѣжать изъ Берлина, искалъ убѣжища на берегу Женевскаго Озера. Слава не спасала его отъ безпокойствъ. Личная свобода его была не безопасна: онъ дрожалъ за свои капиталы, розданные имъ въ разныя руки. Покровительство малень-

*) Histoire des navigations aux terres australes. Traité de la formation mécanique des langues; Histoire du VII siècle de la République Romaine. Traité du culte des dieux fétiches, и проч.

кой, мѣщанской республики не слишкомъ его ободряло. Онъ хотѣлъ на всякій случай помириться съ своимъ отечествомъ и желалъ <пишетъ онъ самъ> имѣть одну ногу въ монархіи, другую въ республикѣ—дабы перешагнуть туда и сюда, смотря по обстоятельствамъ. Мѣстечко Турне <Tournoy>, принадлежавшее президенту де Броссъ, обратило на себя его вниманіе. Онъ зналъ президента за человѣка безпечнаго, расточительнаго, вѣчно имѣющаго нужду въ деньгахъ, и вступилъ съ нимъ въ переговоры слѣдующимъ письмомъ:

«Я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ то, что вы пишете объ Австраліи; но позвольте сдѣлать вамъ предложеніе, касающееся твердой земли. Вы не такой человѣкъ, чтобъ Турне могло приносить вамъ доходъ. Шуэ, вашъ арендаторъ, думаетъ уничтожить свои контракты. Хотите ли продать мнѣ землю вашу пожизненно? Я старъ и хворъ. Я знаю, что дѣло это для меня невыгодно; но вамъ оно будетъ полезно, а мнѣ пріятно—и вотъ условія, которыя вздумалось мнѣ повергнуть вашему благоусмотрѣнію.

«Обязуюся изъ матеріаловъ вашего прегадкаго замка выстроить хорошенькій домикъ. Думаю на то употребить 25,000 ливровъ. Другіе 25 000 ливровъ заплачу вамъ чистыми деньгами.

«Все, чѣмъ украшу землю, весь скотъ, всѣ земледѣльческія орудія, копми снабжу хозяйство, будутъ вамъ принадлежать. Если умру, не успѣвъ выстроить домъ, то у васъ останутся въ рукахъ 25,000 ливровъ, и вы достроете его, коли вамъ будетъ угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и тогда вы будете даромъ имѣть очень порядочный домикъ.

«Сверхъ сего обязуюсь прожить не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ.

«Въ замѣнъ сихъ честныхъ предложеній, требую вступить въ полное владѣніе вашимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, правами, лѣсомъ и даже каноникомъ, до самаго того времени, какъ онъ меня похоронитъ. Если этотъ забавный торгъ покажется вамъ выгоднымъ, то вы однимъ словомъ можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишкомъ коротка: дѣла не должны длиться.

«Прибавлю еще слово. Я украсилъ мою норку, прозванную les Délices; я украсилъ домъ въ Лозаннѣ; то и другое теперь стоитъ вдвое противъ прежней цѣны: то же сдѣлаю и съ вашею землею. Въ теперешнемъ ея положеніи, вы никогда ее съ рукъ не сбудете.

«Во всякомъ случаѣ, прошу васъ сохранить все это въ тайнѣ, и честь имѣю», и проч.

Де Броссъ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ. Письмо его, какъ и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

«Если бы я былъ въ вашемъ сосѣдствѣ <пишетъ онъ> въ то время, какъ вы поселились такъ близко къ городу, * то, восхищаясь вмѣстѣ съ вами физическою красотою береговъ вашего озера, я бы имѣлъ честь шепнуть вамъ на ухо, что нравственный характеръ жителей требовалъ, чтобы вы поселились во Франціи, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому что надобно жить у себя дома, во-вторыхъ, потому, что не надобно жить у чужихъ. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляетъ меня любить монархію... Я бы вамъ и тогда предложилъ свой замокъ, если бъ онъ былъ васъ достоинъ; но замокъ мой не имѣетъ даже чести быть древностью: это просто вѣтошь. Вы вздумали возвратить ему юность, какъ Мемнону: я очень одобряю ваше предположеніе. Вы не знаете, можетъ быть, что г. д'Аржанталь имѣлъ для васъ то же намѣреніе.—Приступимъ къ дѣлу.»

Тутъ де Броссъ разбираетъ одно за другимъ всѣ условія, предлагаемыя Вольтеромъ; съ иными соглашается, другимъ противорѣчитъ, обнаруживая смѣтливость и тонкость, которыхъ Вольтеръ отъ президента, кажется, не ожидалъ. Это подстрекнуло его самолюбіе. Онъ началъ хитрить; переписка завязалась живѣе. Наконецъ, 15 Декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающія въ себѣ переговоры торгующихся, и нѣсколько другихъ, писанныхъ по заключеніи торга, составляютъ лучшую часть переписки Вольтера съ де Броссомъ. Оба другъ передъ другомъ кокетничаютъ; оба поминутно оставляютъ дѣловые запросы для шутокъ самыхъ неожиданныхъ, для сужденій самыхъ искреннихъ о людяхъ и происшествіяхъ современныхъ. Въ этихъ письмахъ Вольтеръ является Вольтеромъ, т. е. любезнѣйшимъ изъ собесѣдниковъ; де Броссъ — тѣмъ острымъ писателемъ, который такъ оригинально описалъ Италію въ ея правленіи и привычкахъ, въ ея жизни художественной и сладострастной.

Но вскорѣ согласіе между новымъ хозяиномъ земли и прежнимъ ея владѣльцемъ было прервано. Война, какъ и многія другія войны, началась отъ причинъ маловажныхъ. Срубленныя деревья осердили нетерпѣливаго Вольтера; онъ поссорился съ президентомъ, не менѣе его раздражительнымъ. Надобно видѣть, что такое гнѣвъ Вольтера! Онъ уже смотритъ на де Бросса какъ на врага, какъ на Фрерона, какъ на великаго инквизитора. Онъ собирается его погубить «qu'il tremble!»—восклицаетъ онъ въ бѣшенствѣ—«il ne s'agit pas de le rendre ridicule; il s'agit de le déshonorer!» Онъ жалуется, онъ плачетъ, онъ скрежещетъ... а все дѣло въ двухъ стахъ франкахъ. Де Броссъ съ своей стороны не хочетъ уступить вспыльчивому философу; въ отвѣтъ на его жалобы, онъ пи-

*) Вольтеръ въ 1755 году купилъ les Délices sur St. Jean, близъ самой Женевы.

шетъ знаменитому старцу надменное письмо, укоряетъ его въ природной дерзости, совѣтуетъ ему въ минуты сумасшествія воздерживаться отъ пера, чтобы не краснѣть опомнившись потомъ, и оканчиваетъ письмо желаніемъ Ювенала:

«Mens sana in corpore sano».

Посторонніе вмѣшиваются въ распрю сосѣдей. Общій ихъ пріятель, г. Рюфе, старается усовѣстить Вольтера и пишетъ къ нему ѣдкое письмо <которое, вѣроятно, диктовано самимъ де Броссомъ>: «Вы боитесь быть обманутымъ», говоритъ г. Рюфе, «но изъ двухъ ролей это лучшая... Вы не имѣли никогда тяжебъ: онѣ разорительны, даже когда ихъ и выигрываемъ... Вспомните устрицу Лафонтена, и пятую сцену втораго дѣйствія въ Скапиновыхъ Обманахъ.* Сверхъ адвокатовъ, вы должны еще опасаться и литературной черни, которая рада будетъ на васъ броситься...»

Вольтеръ первый утомился и уступилъ. Онъ долго дулся на упрямаго президента, и былъ причиною тому, что де Броссъ не попалъ въ Академію <что въ то время много значило>. Сверхъ того Вольтеръ имѣлъ удовольствіе его пережить: де Броссъ, младшій изъ двухъ пятнадцатью годами, умеръ въ 1777 году, годомъ прежде Вольтера.

Не смотря на множество матеріаловъ, собранныхъ для исторіи Вольтера <ихъ цѣлая библіотека>, какъ человѣкъ дѣловой, капиталистъ и владѣлецъ, онъ еще весьма мало извѣстенъ. Нынѣ изданная переписка открываетъ многое. «Надобно видѣть», пишетъ издатель въ своемъ предисловіи, «какъ баловень Европы, собесѣдникъ Екатерины Великой и Фридерика II, занимается послѣдними мелочами для поддержанія своей мѣстной важности; надобно видѣть, какъ онъ въ праздничномъ кафтанѣ въѣзжаетъ въ свое графство, сопровождаемый своими мѣщанами племянницами <которыя всѣ въ брилліантахъ>; какъ выслушиваетъ онъ рѣчь своего священника, и какъ новые подданные привѣтствуютъ его пальбой изъ пушекъ, взятыхъ на-прокатъ у Женевской Республики.—Онъ въ вѣчной распрѣ со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ. Габель <налогъ на соль> находитъ въ немъ тонкаго и дѣятельнаго противника. Онъ хочетъ быть банкиромъ своей провинціи. Вотъ онъ пускается въ спекуляціи. У него свои дворяне: онъ шлетъ ихъ посланниками въ Швейцарію. И все это его ворочаетъ; онъ искренно тревожится обо всемъ, съ этой раздражительностію страстей, исключительно ему свойственной. Онъ расточаетъ то искусныя разсужденія адвоката, то прицѣпки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истиннаго краснорѣчія. Письмо его къ президенту о дракѣ въ кабакѣ, право, напоминаетъ его заступленіе за семейство Каласа.

Въ одномъ изъ этихъ писемъ встрѣтили мы неизвѣстные стихи Вольтера. На нихъ легкая печать его неподражаемаго таланта. Они писаны сосѣду, который прислалъ ему розаны:

Vos rosiers sont dans mes jardins
Et leurs fleurs vont bientôt paraître.
Doux asile où je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'à Paris j'aimais trop peut-être:
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître.

Признаемся въ рококо нашего запоздалаго вкуса: въ этихъ семи стихахъ мы находимъ болѣе слога, болѣе жизни, болѣе мысли, нежели въ полдюжинѣ длинныхъ Французскихъ стихотвореній, писанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера — напыщеннымъ языкомъ Ронсара, живость его — несносным однообразіемъ, а остроуміе — площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей.

Вообще переписка Вольтера съ де Броссомъ представляетъ намъ творца Меропы и Кандида съ его милой стороны. Его притязанія, его слабости, его дѣтская раздражительность—все это не вредитъ ему въ нашемъ воображеніи. Мы охотно извиняемъ его, и готовы слѣдовать за всѣми движеніями пылкой его души и безпокойной чувствительности. Но не такое чувство рождается при чтеніи писемъ, приложенныхъ издателемъ къ концу книги, нами разбираемой. Эти новыя письма найдены въ бумагахъ г. де ла Туша, бывшаго Французскимъ посланникомъ при Дворѣ Фридерика II (въ 1752 году).

Въ это время Вольтеръ не ладилъ съ Сѣвернымъ Соломономъ,* своимъ прежнимъ ученикомъ. Мопертюи, презн-

*) Сцену, въ которой Леандръ заставляетъ Скапина на колѣняхъ признаваться во всѣхъ своихъ плутняхъ.

*) Такъ называлъ Вольтеръ Фридерика II въ хвалебныхъ посланіяхъ.

дентъ Берлинской Академіи, поссорился съ профессоромъ Кёнигомъ. Король взялъ сторону своего президента; Вольтеръ заступился за профессора. Явилось сочиненіе безъ имени автора, подъ заглавіемъ: Письмо къ Публикѣ. Въ немъ осуждали Кёнига и задѣвали Вольтера. Вольтеръ возразилъ, и напечаталъ свой колкій отвѣтъ въ Нѣмецкихъ журналахъ. Спустя нѣсколько времени «Письмо къ Публикѣ» было перепечатано въ Берлинѣ съ изображеніемъ короны, скиптра и Прусскаго орла на заглавномъ листѣ. Вольтеръ только тогда догадался, съ кѣмъ имѣлъ онъ неосторожность состязаться, и сталъ помышлять о благоразумномъ отступленіи. Онъ видѣлъ въ поступкахъ Короля явное къ нему охлажденіе и предчувствовалъ опалу. «Я стараюсь тому не вѣрить»—писалъ онъ въ Парижъ къ д'Аржанталю—«но боюсь быть подобну рогатымъ мужьямъ, которые силятся увѣрить себя въ вѣрности своихъ женъ. Бѣдняжки втайнѣ чувствуютъ свое горе!» Не смотря на свое уныніе, онъ однакожъ не могъ удержаться, чтобъ еще разъ не задѣть своихъ противниковъ. Онъ написалъ самую язвительную изъ своихъ сатиръ <La Diatribe du Dr. Akakia> и напечаталъ ее, выманивъ обманомъ позволеніе на то отъ самого Короля.

Слѣдствія извѣстны. Сатира, по повелѣнію Фридерика, сожжена была рукою палача. Вольтеръ уѣхалъ изъ Берлина, задержанъ былъ во Франкфуртѣ Прусскими приставами, нѣсколько дней находился подъ арестомъ и принужденъ былъ выдать стихотворенія Фридерика, напечатанныя для немногихъ, и между коими находилась сатирическая поэма противъ Людовика XV и его Двора.—

Вся эта жалкая исторія мало приноситъ чести философіи. Вольтеръ, во все теченіе долгой своей жизни, никогда не умѣлъ сохранить своего собственнаго достоинства. Въ его молодости заключеніе въ Бастилію, изгнаніе и преслѣдованіе не могли привлечь на его особу состраданія и сочувствія, въ которыхъ почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсникъ Государей, идолъ Европы, первый писатель своего вѣка, предводитель умовъ и современнаго мнѣнія, Вольтеръ и въ старости не привлекалъ уваженія къ своимъ сѣдинамъ: лавры, ихъ покрывающіе, были обрызганы грязью. Клевета, преслѣдующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся передъ лицомъ истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Онъ не имѣлъ самоуваженія и не чувствовалъ необходимости въ уваженіи людей. Что влекло его въ Берлинъ? За чѣмъ ему было промѣнивать свою независимость на милости Государя, ему чужаго, не имѣвшаго никакого права его къ тому принудить?...

Къ чести Фридерика II скажемъ, что самъ отъ себя Король, вопреки природной своей насмѣшливости, не сталъ бы унижать своего стараго учителя, не надѣлъ бы на перваго изъ Французскихъ поэтовъ шутовскаго кафтана, не предалъ бы его на посмѣяніе свѣта, если бы самъ Вольтеръ не напрашивался на такое жалкое посрамленіе.

До сихъ поръ полагали, что Вольтеръ самъ отъ себя, въ порывѣ благороднаго огорченія, отослалъ Фридерику каммергерскій ключь и Прусскій орденъ, знаки непостоянныхъ его милостей; но теперь открывается, что Король самъ ихъ потребовалъ обратно. Роль перемѣнена: Фридерикъ негодуетъ и грозитъ, Вольтеръ плачетъ и умоляетъ...

Что́ изъ этого заключить? Что геній имѣетъ свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалятъ благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ человѣчества; что настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ, и что наконецъ независимость и самоуваженіе одни могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы.

---

982. ДЖОНЪ ТЕННЕРЪ.

Съ нѣкотораго времени Сѣверо-Американскіе Штаты обращаютъ на себя въ Европѣ вниманіе людей наиболѣе мыслящихъ. Не политическія происшествія тому виною: Америка спокойно совершаетъ свое поприще, донынѣ безопасная и цвѣтущая, сильная миромъ, упроченнымъ ей географическимъ ея положеніемъ, гордая своими учрежденіями. Но нѣсколько глубокихъ умовъ въ недавнее время занялись изслѣдованіемъ правовъ и постановленій Американскихъ, и ихъ наблюденія возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже рѣшенными. Уваженіе къ сему новому

народу и къ его уложенію, плоду повѣйшаго просвѣщенія, сильно поколебалось. Съ изумленіемъ увидѣли демократію въ ея отвратительномъ цинизмѣ, въ ея жестокихъ предразсудкахъ, въ ея нестерпимомъ тиранствѣ. Все благородное, безкорыстное, все возвышающее душу человѣческую, подавленное неумолимымъ эгоизмомъ и страстію къ довольству (comfort); большинство, нагло притѣсняющее общество; рабство Негровъ посреди образованности и свободы; родословныя гоненія въ народѣ, не имѣющемъ дворянства; со стороны избирателей—алчность и зависть; со стороны управляющихъ—робость и подобострастіе; талантъ, изъ уваженія къ равенству, принужденный къ добровольному остракизму; богачъ, одѣвающій оборванный кафтанъ, дабы на улицѣ не оскорбить надменной нищеты, имъ втайнѣ презираемой: такова картина Американскихъ Штатовъ, недавно выставленная передъ нами.

Отношенія Штатовъ къ Индійскимъ племенамъ, древнимъ владѣльцамъ земли, нынѣ заселенной Европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новыхъ наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и безчеловѣчіе Американскаго Конгресса осуждены съ негодованіемъ; такъ или иначе, чрезъ мечь и огонь, или отъ рома и ябеды, или средствами болѣе нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближеніи цивилизаціи. Таковъ неизбѣжный законъ. Остатки древнихъ обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространныя степи, необозримыя рѣки, на которыхъ сѣтьми и стрѣлами добывали они себѣ пищу, обратятся въ обработанныя поля, усѣянныя деревнями, и въ торговыя гавани, гдѣ задымятся пироскафы и разовьется флагъ Американскій.

Нравы Сѣверо-Американскихъ дикарей знакомы намъ по описанію знаменитыхъ романистовъ. Но Шатобріанъ и Куперъ оба представили намъ Индійцевъ съ ихъ поэтической стороны, и закрасили истину красками своего воображенія. «Дикари, выставленные въ романахъ» ,пишетъ Вашингтонъ-Ирвингъ, «также похожи на настоящихъ дикарей, какъ идиллическіе пастухи на пастуховъ обыкновенныхъ». Это самое подозрѣвали и читатели; и недовѣрчивость къ словамъ знаменитыхъ повѣствователей уменьшала удовольствіе, доставляемое ихъ блестящими произведеніями.

Въ Нью-Йоркѣ недавно изданы «Записки Джона Теннера», проведшаго тридцать лѣтъ въ пустыняхъ Сѣверной Америки, между дикими ея обитателями. Эти «Записки» драгоцѣнны во всѣхъ отношеніяхъ. Онѣ самый полный, и вѣроятно послѣдній, документъ бытія народа, коего скоро не останется и слѣдовъ. Лѣтописи племенъ безграмотныхъ, онѣ разливаютъ истинный свѣтъ на то, что́ нѣкоторые философы называютъ естественнымъ состояніемъ человѣка; показанія простодушныя и безстрастныя, онѣ наконецъ будутъ свидѣтельствовать передъ свѣтомъ о средствахъ, которыя Американскіе Штаты употребляли въ XIX столѣтіи къ распространенію своего владычества и Христіанской цивилизаціи. Достовѣрность сихъ «Записокъ» не подлежитъ никакому сомнѣнію. Джонъ Теннеръ еще живъ; многія особы <между прочими Токвиль, авторъ славной книги: „De la démocratie en Amérique“> видѣли его, и купили отъ него самого его книгу. По ихъ мнѣнію, подлога тутъ быть не можетъ. Да и стоитъ прочитать нѣсколько страницъ, чтобы въ томъ удостовѣриться: отсутствіе всякаго искусства и смиренная простота повѣствованія ручаются за истину.

Отецъ Джона Теннера, выходецъ изъ Виргиніи, былъ священникомъ. По смерти жены своей онъ поселился въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Элькъ-Горнъ, въ недальнемъ разстояніи отъ Цинциннати.

Элькъ-Горнъ былъ подверженъ нападеніямъ Индійцевъ. Дядя Джона Теннера однажды, ночью, сговорясь съ своими сосѣдями, приближился къ стану Индійцевъ, и застрѣлилъ одного изъ нихъ. Прочіе бросились въ рѣку и уплыли...

Отецъ Теннера, отправляясь однажды утромъ въ дальнее селеніе, приказалъ своимъ обѣимъ дочерямъ отослать маленькаго Джона въ школу. Онѣ вспомнили о томъ уже послѣ обѣда. Но шелъ дождь, и Джонъ остался дома. Вечеромъ отецъ возвратился, и узнавъ, что онъ въ школу не ходилъ, послалъ его самого за тростникомъ, и больно его высѣкъ. Съ той поры отеческій домъ опостылѣлъ маленькому Теннеру; онъ часто думалъ и говаривалъ: «Мнѣ бы хотѣлось уйти къ дикимъ!»

«Отецъ мой», пишетъ Теннеръ, «оставилъ Элькъ-Горнъ и отправился къ устью Биггъ-Міами, гдѣ онъ долженъ былъ завести новое поселеніе. Тамъ на берегу нашли мы обработанную землю и нѣсколько хижинъ, покинутыхъ поселенцами изъ опасенія дикихъ. Отецъ мой исправилъ хижины и окружилъ ихъ заборомъ. Это было весною. Онъ занялся хлѣбопашествомъ. Дней десять

спустя по своемъ прибытіи на мѣсто, онъ сказалъ намъ, что лошади его безпокоятся, чуя близость Индіянцевъ, которые вѣроятно рыщутъ по лѣсу. «Джонъ»,- прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—«ты сегодня сиди дома». Потомъ пошелъ онъ засѣвать поле съ своими Неграми и старшимъ моимъ братомъ.

«Насъ осталось дома четверо дѣтей. Мачиха, чтобъ вѣрнѣе меня удержать, поручила мнѣ смотрѣть за младшимъ, которому не было еще году. Я скоро соскучился, и сталъ щипать его, чтобъ заставить кричать. Мачиха велѣла мнѣ взять его на руки и съ нимъ гулять по комнатамъ. Я послушался, но не переставъ его щипать. Наконецъ она стала его кормить грудью; а я побѣжалъ проворно на дворъ и ускользнулъ въ калитку, оттуда въ поле. Не въ далекомъ разстояніи отъ дома, и близъ самаго поля, стояло орѣховое дерево, подъ которымъ бѣгалъ я собирать прошлогодніе орѣхи. Я осторожно до него добрался, чтобъ не быть замѣченну ни отцомъ, ни его работниками... Какъ теперь вижу отца моего, стоящаго съ ружьемъ на стражѣ посреди поля. Я спрятался за дерево и думалъ про себя: «Мнѣ бы очень хотѣлось увидѣть Индіянцевъ»!

«Ужъ моя соломенная шляпа была почти полна орѣхами, какъ вдругъ я услышалъ шорохъ. Я оглянулся: Индіянцы! Старикъ и молодой человѣкъ схватили меня и потащили. Одинъ изъ нихъ выбросилъ изъ моей шляпы орѣхи и надѣлъ мнѣ ее на голову. Послѣ того ничего не помню. Вѣроятно я упалъ въ обморокъ, потому что не закричалъ. Наконецъ я очнулся подъ высокимъ деревомъ. Старика не было. Я находился между молодымъ человѣкомъ и другимъ Индіянцемъ, широкоплечимъ и малорослымъ. Вѣроятно, я его чѣмъ-нибудь да разсердилъ, потому что онъ потащилъ меня въ сторону, схватилъ свой т о м а г а у к ъ <дубину> и знаками велѣлъ мнѣ глядѣть вверхъ. Я понялъ, что онъ мнѣ приказывалъ въ послѣдній разъ взглянуть на небо, потому что готовился меня убить. Я повиновался; но молодой Индіецъ, похитившій меня, удержалъ ударъ, взнесенный надъ моей головою. Оба заспорили съ живостію. Покровитель мой закричалъ. Нѣсколько голосовъ ему отвѣчало. Старикъ и четыре другіе Индіяна прибѣжали поспѣшно. Старый начальникъ, казалось, строго говорилъ тому, кто угрожалъ мнѣ смертію. Потомъ онъ и молодой человѣкъ взяли меня, каждый за руку, и потащили опять. Между тѣмъ ужасный Индіецъ шелъ за нами. Я замедлялъ ихъ отступленіе, и замѣтно было, что они боялись быть настигнуты.

«Въ разстояніи одной мили отъ нашего дома, у берега рѣки, въ кустахъ, спрятанъ былъ ими челнокъ изъ древесной коры. Они сѣли въ него всѣ семеро, взяли меня съ собою, и переправились на другой берегъ, у самаго устья Бигъ-Міами. Челнокъ остановили. Въ лѣсу спрятаны были одѣяла <кожаныя> и запасы; они предложили мнѣ дичины и медвѣжьяго жиру. Но я не могъ ѣсть. Нашъ домъ отселѣ былъ еще видѣнъ; они смотрѣли на него, и потомъ обращались ко мнѣ со смѣхомъ. Не знаю, что они говорили.

«Отобѣдавъ, они пошли вверхъ по берегу, таща меня съ собою по прежнему, и сняли съ меня башмаки, полагая, что они мѣшали бѣжать. Я не терялъ еще надежды отъ нихъ избавиться, не смотря на надзоръ, и замѣчалъ всѣ предметы, дабы по нимъ направить свой обратный побѣгъ; упирался также ногами о высокую траву и о мягкую землю, дабы оставить слѣды. Я надѣялся убѣжать во время ихъ сна. Настала ночь; старикъ и молодой Индіецъ легли со мною подъ одно одѣяло и крѣпко прижали меня. Я такъ усталъ, что тотчасъ заснулъ. На другой день я проснулся на зарѣ. Индіянцы уже встали и готовы были въ путь. Такимъ образомъ шли мы четыре дня. Меня кормили скудно; я все надѣялся убѣжать, но при наступленіи ночи сонъ каждый разъ мною овладѣвалъ совершенно. Ноги мои распухли и были всѣ въ ранахъ и въ занозахъ. Старикъ мнѣ помогъ кое-какъ и далъ мнѣ пару м о к а с и н о в ъ <родъ кожаныхъ лаптей>, которые облегчили меня немного.

«Я шелъ обыкновенно между старикомъ и молодымъ Индіянцемъ. Часто заставляли они меня бѣгать до упаду. Нѣсколько дней я почти ничего не ѣлъ. Мы встрѣтили широкую рѣку, впадающую <думаю> въ Міами. Она была такъ глубока, что мнѣ нельзя было ея перейти. Старикъ взялъ меня къ себѣ на плечи и перенесъ на другой берегъ. Вода доходила ему подъ мышки; я увидѣлъ, что одному мнѣ перейти эту рѣку было невозможно и потерялъ всю надежду на скорое избавленіе. Я проворно вскарабкался на берегъ, сталъ бѣгать по лѣсу, и спугнулъ съ гнѣзда дикую птицу. Гнѣздо полно было яицъ; я взялъ ихъ въ платокъ и воротился къ рѣкѣ. Индіянцы стали смѣяться, увидѣвъ меня съ моею добычею, разложили огонь и стали варить яица въ маленькомъ котлѣ. Я былъ очень голоденъ, и жадно смотрѣлъ на эти приготовленія. Вдругъ прибѣжалъ старикъ, схватилъ котелъ и вылилъ воду на огонь вмѣстѣ съ яицами. Онъ наскоро что-то шепнулъ молодому человѣку. Индіянцы поспѣшно подобрали яица и разсѣялись по лѣсамъ. Двое изъ нихъ умчали меня со всевозможною быстротою. Я думалъ, что за нами гнались, и въ послѣдствіи узналъ, что не ошибся. Вѣроятно, меня искали на томъ берегу рѣки...

«Два или три дня послѣ того, встрѣтили мы отрядъ Индіянцевъ, состоявшій изъ двадцати или тридцати человѣкъ. Они шли въ Европейскія селенія. Старикъ долго съ ними разговаривалъ. Узнавъ <какъ послѣ мнѣ сказали>, что бѣлые люди за нами гнались, они пошли имъ на встрѣчу. Произошло жаркое сраженіе, и съ обѣихъ сторонъ легло много мертвыхъ.

«Походъ нашъ сквозь лѣса былъ труденъ и скученъ. Черезъ десять дней пришли мы на берегъ Міами. Индіянцы разсыпались по лѣсу и стали осматривать деревья, перекликаясь между собою. Выбрали одно орѣховое дерево <hickory>, срубили его, сняли кору и сшили изъ нея челнокъ, въ которомъ мы всѣ помѣстились; поплыли по теченію рѣки, и вышли на берегъ у большой индійской деревни, выстроенной близъ устья другой какой-то рѣки. Жители выбѣжали къ намъ на встрѣчу. Молодая женщина съ крикомъ кинулась на меня и била по головѣ. Казалось, многіе изъ жителей хотѣли меня убить; однако старикъ и молодой человѣкъ уговорили ихъ меня оставить. Повидимому, я часто бывалъ предметомъ разговоровъ, но не понималъ ихъ языка. Старикъ зналъ нѣсколько Англійскихъ словъ. Онъ иногда приказывалъ мнѣ сходить за водою, разложить огонь и тому подобное, начиная такимъ образомъ требовать отъ меня различныхъ услугъ.

«Мы отправились далѣе. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Индійской деревни находилась

Американская коптора. Тутъ нѣсколько купцовъ со мною долго разговаривали. Они хотѣли меня выкупить; но старикъ на то не согласился. Они объяснили мнѣ, что я у старика заступлю мѣсто его сына, умершаго недавно; обошлись со мною ласково, и хорошо меня кормили во все время нашего пребыванія. Когда мы разстались, я сталъ кричать—въ первый разъ послѣ моего похищенія изъ дому родительскаго. Купцы утѣшали меня, обѣщавъ черезъ десять дней выкупить изъ неволи».

Наконецъ челнокъ причалилъ къ мѣсту, гдѣ обитали похитители бѣднаго Джона. Старуха вышла изъ деревяннаго шалаша, и побѣжала къ нимъ на встрѣчу. Старикъ сказалъ ей нѣсколько словъ; она закричала, обняла, прижала къ сердцу своего маленькаго плѣнника и потащила въ шалашъ.

Похититель Джона Теннера назывался Монито-о-гезикъ. Младшій изъ его сыновей умеръ незадолго передъ происшествіемъ, здѣсь описаннымъ. Жена его объявила, что не будетъ жива, если ей не отыщутъ ея сына. То есть, она требовала молодаго невольника, съ тѣмъ, чтобы его усыновить. Старый Монито-о-гезикъ съ сыномъ своимъ Кишъ-кау-ко и съ двумя единоплеменниками, жителями Гуронскаго озера, тотчасъ отправились въ путь, чтобы только удовлетворить желаніе старухи. Трое молодыхъ людей, родственники старика, присоединились къ нему. Всѣ семеро пришли къ селеніямъ, расположеннымъ на берегахъ Оіо. Наканунѣ похищенія Индійцы переправились черезъ рѣку и спрятались близъ Теннерова дома. Молодые люди съ нетерпѣніемъ ожидали появленія ребенка, и нѣсколько разъ готовы были выстрѣлить по работникамъ. Старикъ насилу могъ ихъ удержать.

Возвратясь благополучно домой съ своею добычею, старый Монито-о-гезикъ на другой же день созвалъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и Джонъ Теннеръ былъ торжественно усыновленъ на самой могилѣ маленькаго дикаря.

Была весна. Индійцы оставили свои селенія и всѣ отправились на ловлю звѣрей. Выбравъ себѣ удобное мѣсто, они стали ограждать его заборомъ изъ зеленыхъ вѣтвей и молодыхъ деревъ, изъ-за которыхъ должны были стрѣлять. Джону поручили обламывать сухія вѣточки и обрывать листья съ той стороны, гдѣ скрылись охотники. Маленькій плѣнникъ, утомленный зноемъ и трудомъ, всегда голодный и грустный, лѣниво исполнялъ свою должность. Старый Монито-о-гезикъ, заставъ однажды его спящимъ, ударилъ мальчика по головѣ своимъ *томагауком*ъ и бросилъ за-мертво въ кусты. Возвратясь въ таборъ, старикъ сказалъ женѣ своей: «Старуха! мальчикъ, котораго я тебѣ привелъ, ни къ чему негоденъ; я его убилъ. Ты найдешь его тамъ-то». Старуха съ дочерью побѣжали, нашли Теннера еще живаго, и привели его въ чувства.

Жизнь маленькаго пріемыша была самая горестная. Его заставляли работать сверхъ силъ; старикъ и сыновья его били бѣднаго мальчика поминутно. Ѣсть ему почти ничего не давали; почью онъ спалъ обыкновенно между дверью и очагомъ, и всякій, входя и выходя, непремѣнно давалъ ему ногою толчекъ. Старикъ возненавидѣлъ его, и обходился съ нимъ съ удивительной жестокостію. Теннеръ никогда не могъ забыть слѣдующаго происшествія.

Однажды Монито-о-гезикъ, вышедъ изъ своей хижины, вдругъ возвратился, схватилъ мальчика за волосы, потащилъ мальчика за дверь, и уткнулъ «какъ кошку» лицомъ въ навозную кучу. «Подобно всѣмъ Индійцамъ», говоритъ Американскій издатель его Записокъ, «Теннеръ имѣетъ привычку скрывать свои ощущенія. Но когда разсказывалъ онъ мнѣ сіе приключеніе, блескъ его взгляда и судорожный трепетъ верхней губы доказывали, что жажда мщенія—отличительное свойство людей, съ которыми провелъ онъ свою жизнь—не была чужда и ему. Тридцать лѣтъ спустя, желалъ онъ еще омыть обиду, претерпѣнную имъ на двѣнадцатомъ году!»

Зимою начались военныя приготовленія. Монито-о-гезикъ, отправляясь въ походъ, сказалъ Теннеру: «Иду убить твоего отца, братьевъ и всѣхъ родственниковъ...» Черезъ нѣсколько дней онъ возвратился, и показалъ Джону бѣлую, старую шляпу, которую онъ тотчасъ узналъ: она принадлежала брату его. Старикъ увѣрилъ его, что сдержалъ свое слово, и никто изъ его родныхъ уже болѣе не существуетъ.

Время шло, и Джонъ Теннеръ началъ привыкать къ судьбѣ своей. Хотя Монито-о-гезикъ все обходился съ нимъ сурово, но старуха его любила искренно и старалась облегчать его участь. — Черезъ два года произошла важная перемѣна. Начальница племени Отавуавовъ, Нетъ-но-куа, родственница стараго Индійца, похитителя Джона Теннера, купила его, чтобъ замѣнить себѣ потерю сына. Джонъ Теннеръ

былъ вымѣненъ на боченокъ водки и на нѣсколько фунтовъ табаку.

Вторично усыновленный, Теннеръ нашелъ въ новой матери своей ласковую и добрую покровительницу. Онъ искренно къ ней привязался; вскорѣ отвыкъ отъ привычекъ своей дѣтской образованности и сдѣлался совершеннымъ Индійцемъ — и теперь, когда судьба привела его снова въ общество, отъ коего былъ онъ отторгнутъ въ младенчествѣ, Джонъ Теннеръ сохранилъ видъ, характеръ и предразсудки дикарей, его усыновившихъ.

«Записки» Теннера представляютъ живую и грустную картину. Въ нихъ есть какое-то однообразіе, какая-то сонная безсвязность и отсутствіе мысли, дающія нѣкоторое понятіе о жизни Американскихъ дикарей. Это длинная повѣсть о застрѣленныхъ звѣряхъ, о мятеляхъ, о голодныхъ, дальнихъ шествіяхъ, объ охотникахъ, замерзшихъ на пути, о скотскихъ оргіяхъ, о ссорахъ, о враждѣ, о жизни бѣдной и трудной, о нуждахъ, непонятныхъ для чадъ образованности.

Американскіе дикари всѣ вообще звѣроловы. Цивилизація Европейская, вытѣснивъ ихъ изъ наслѣдственныхъ пустынь, подавила имъ порохъ и свинецъ: тѣмъ и ограничилось ея благодѣтельное вліяніе. Искусный стрѣлокъ почитается ими за великаго человѣка. Теннеръ разсказываетъ первый свой опытъ на поприщѣ, на которомъ потомъ прославился.

«Я отроду еще не стрѣлялъ. Мать моя <Нетъ-по-куа> только что купила боченокъ пороху. Ободренный ея снисходительностію, я попросилъ у ней пистолетъ, чтобы идти въ лѣсъ стрѣлять голубей. Мать моя согласилась, говоря: «Пора тебѣ быть охотникомъ». Мнѣ дали заряженный пистолетъ, и сказали, что если удастся застрѣлить птицу, то дадутъ ружье и станутъ учить охотѣ.

«Съ того времени я возмужалъ, и нѣсколько разъ находился въ затруднительномъ положеніи; но никогда жажда успѣха не была во мнѣ столь пламенна. Едва вышелъ я изъ табора, какъ увидѣлъ голубей въ близкомъ разстояніи. Я взвелъ курокъ и поднялъ пистолетъ почти къ самому носу; прицѣлился и выстрѣлилъ. Въ то же время мнѣ послышалось жужжаніе, подобное свисту брошеннаго камня; пистолетъ полетѣлъ черезъ мою голову, а голубь лежалъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣлъ.

«Не заботясь о моемъ израненномъ лицѣ, я побѣжалъ въ таборъ съ застрѣленнымъ голубемъ. Раны мои осмотрѣли; мнѣ дали ружье, порохъ и дробь, и позволили стрѣлять по птицамъ. Съ той поры стали со мной обходиться съ уваженіемъ».

Вскорѣ послѣ того молодой охотникъ отличился новымъ подвигомъ.

«Дичь становилась рѣдка, толпа наша <отрядъ охотниковъ съ женами и дѣтьми> голодала. Предводитель нашъ совѣтовалъ перенести таборъ на другое мѣсто. Накануѣ назначеннаго дня для походу, мать моя долго говорила о нашихъ неудачахъ и объ ужасной скудности, насъ постигшей. Я легъ спать; но ея рѣчи и молитвы разбудили меня. Старуха громко молилась большую часть ночи.

«На другой день, рано утромъ, она разбудила насъ; велѣла обуваться и быть готовымъ въ походъ. Потомъ призвала своего сына Уа-ме-гопъе-бью, и сказала ему: «Сынъ мой, въ нынѣшнюю ночь я молилась Великому Духу. Онъ явился мнѣ въ образѣ человѣческомъ, и сказалъ: Нетъ-по-куа! завтра будетъ вамъ медвѣдь для обѣда. Вы встрѣтите на пути вашемъ <по такому-то направленію> круглую долину, и на долинѣ тропинку: медвѣдь находится на той тропинкѣ».

«Но молодой человѣкъ, не всегда уважавшій слова своей матери, вышелъ изъ хижины и разсказалъ сонъ ея другимъ Индійцамъ. «Старуха увѣряетъ, сказалъ онъ смѣясь, что мы сегодня будемъ ѣсть медвѣдя, но не знаю, кто-то его убьетъ».—Нетъ-по-куа его за то побранила, но не могла уговорить идти на медвѣдя.

«Мы пошли въ походъ. Мужчины шли впереди и несли наши пожитки. Пришедъ на мѣсто, они отправились на ловлю, а дѣти остались стеречь поклажу до прибытія женщинъ. Я былъ тутъ же; ружье было при мнѣ. Я все думалъ о томъ, что говорила старуха, и рѣшился идти отыскивать долину, приснившуюся ей; зарядилъ ружье пулей, и не говоря никому ни слова, воротился назадъ.

«Я прибылъ къ одному мѣсту, гдѣ вѣроятно нѣкогда находился прудъ, и увидѣлъ круглое, малое пространство посреди лѣса. Вотъ, подумалъ я, долина, назначенная старухою. Вскорѣ нашелъ родъ тропинки, вѣроятно русло изсохшаго ручейка, все покрыто было глубокимъ снѣгомъ.

«Мать сказывала также, что во снѣ видѣла она дымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился медвѣдь. Я былъ увѣренъ, что нашелъ долину, ею описанную, и долго ждалъ появленія дыма. Однакожь дымъ не показывался. Наскучa ожиданіемъ, сдѣлалъ я нѣсколько шаговъ тамъ, гдѣ, казалось, шла тропинка, и вдругъ увязъ по поясъ въ снѣгу.

«Выкарабкавшись проворно, прошелъ я еще нѣсколько шаговъ, какъ вспомнилъ вдругъ разсказы Индійцевъ о медвѣдяхъ, и мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, мѣсто, куда я провалился, была медвѣжья берлога. Я воротился и въ глубинѣ впадины увидѣлъ голову медвѣля, приставилъ ему дуло ружья между глазами, и выстрѣлилъ. Коль скоро дымъ разошелся, я взялъ палку и нѣсколько разъ воткнулъ ея конецъ въ глаза и рану; потомъ, удостовѣрясь, что медвѣдь убитъ, сталъ его тащить изъ берлоги, но не смогъ, и возвратился въ таборъ по своимъ слѣдамъ.

«Вошелъ въ шалашъ моей матери. Старуха сказала мнѣ: «Сынъ мой, выпь изъ котла кусокъ боброваго мяса, которое мнѣ дали сегодня; да оставь половину брату, который съ охоты еще не воротился, и сегодня ничего не ѣлъ...» Я съѣлъ свой кусокъ, и видя, что старуха одна, подошелъ къ ней, и сказалъ ей на ухо: «Мать! я убилъ медвѣдя!»—Что ты говоришь? «Я убилъ медвѣдя!»—Точно ли онъ убитъ? «Точно». Она нѣсколько времени глядѣла на меня неподвижно; потомъ обняла меня съ нѣжностію и долго ласкала. Пошли за убитымъ медвѣдемъ; и какъ это былъ еще

первый, то, по обычаю Индіянцевъ, его изжарили цѣльнаго, и всѣ охотники приглашены были съѣсть его вмѣстѣ съ нами».

Описаніе различныхъ охотъ и приключеній во время преслѣдованія звѣрей занимаетъ много мѣста въ «Запискахъ» Джона Теннера. Исторіи объ однихъ убитыхъ медвѣдяхъ составляютъ цѣлый романъ. То, что онъ говоритъ о *музѣ*, Американскомъ оленѣ <cervus alces>, достойно изслѣдованія натуралистовъ.

«Индіянцы увѣрены были, что музъ, между прочимъ, одаренъ способностію долго оставаться подъ водою. Двое изъ моихъ знакомыхъ, люди не лживые, возвратились однажды вечеромъ съ охоты, и разсказали намъ, что молодой музъ, загнанный ими въ маленькій прудъ, нырнулъ въ средину. Они до вечера стерегли его на берегу, куря табакъ; во все время не видали они ни малѣйшаго движенія воды, ни другой какой либо примѣты скрывшагося муза и, потерявъ надежду на успѣхъ, наконецъ возвратились.

«Нѣсколько минутъ по ихъ прибытіи, явился одинокій охотникъ съ свѣжею добычею. Онъ разсказалъ, что звѣриный слѣдъ привелъ его къ берегамъ пруда, гдѣ нашелъ слѣды двухъ человѣкъ, повидимому, прибывшихъ туда съ музомъ почти въ одно время. Онъ заключилъ, что музъ былъ ими убитъ, сѣлъ на берегъ, и вскорѣ увидѣлъ муза, приставшаго тихо надъ неглубокою водою, и застрѣлилъ его въ пруду.

«Индіянцы полагаютъ, что музъ животное самое осторожное и что достать его весьма трудно. Онъ бдительнѣе, нежели дикій буйволъ <bison, bos americanus> и Канадскій олень <karibou>, и имѣетъ болѣе острое чутье. Онъ быстрѣе лося, осторожнѣе и хитрѣе дикой козы <l'antilope>. Въ самую страшную бурю, когда вѣтеръ и громъ сливаютъ свой продолжительный ревъ съ безпрестаннымъ шумомъ проливнаго дождя, если сухой прутикъ хрустнетъ въ лѣсу подъ ногой или рукой человѣческой, музъ уже слышитъ. Онъ не всегда убѣгаетъ, но перестаетъ ѣсть, и вслушивается во всѣ звуки. Если въ теченіи цѣлаго часа человѣкъ не произведетъ никакого шума, то музъ начинаетъ ѣсть опять, но ужь не забываетъ звука, имъ услышаннаго, и на нѣсколько часовъ осторожность его остается дѣятельнѣе».

Легкость и неутомимость Индіянцевъ въ преслѣдованіи звѣрей почти непмовѣрны. Вотъ какъ Теннеръ описываетъ охоту за лосями:

«Холодная погода только что начиналась. Снѣгъ былъ еще не глубже одного фута; а мы уже чувствовали голодъ. Намъ встрѣтилась толпа лосей, и мы убили четырехъ въ одинъ день.

«Вотъ какъ Индіянцы травятъ лосей. Спугнувъ съ мѣста, они преслѣдуютъ ихъ ровнымъ шагомъ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Испуганные звѣри сгоряча опережаютъ ихъ на нѣсколько миль; но Индіянцы, слѣдуя за ними все тѣмъ же шагомъ, наконецъ настигаютъ ихъ; толпа лосей, завидя ихъ, бѣжитъ съ новымъ усиліемъ, и исчезаетъ опять на часъ или на два. Охотники начинаютъ открывать ихъ скорѣе и скорѣе, и лоси все долѣе и долѣе остаются въ ихъ виду; наконецъ охотники ужъ ни на минуту не теряютъ ихъ изъ глазъ. Усталые лосй бѣгутъ тихой рысью; вскорѣ идутъ шагомъ. Тогда и охотники находятся почти въ совершенномъ изнеможеніи. Однакожъ они обыкновенно могутъ еще дать залпъ изъ ружей по стаду лосей; но выстрѣлы придаютъ звѣрямъ новую силу; а охотники, ежели снѣгъ не глубокъ, рѣдко имѣютъ духъ и возможность выстрѣлить болѣе одного или двухъ разъ. Въ продолжительномъ бѣгствѣ лось не легко высвобождаетъ копыто свое; въ глубокихъ снѣгахъ его достигнуть легко. Есть Индіянцы, которые могутъ преслѣдовать лосей по степи и безснѣжной; но такихъ мало».

Препятствія, нужды, встрѣчаемыя Индіянцами въ сихъ предпріятіяхъ, превосходятъ все, что можно себѣ вообразить. Находясь въ безпрестанномъ движеніи, они не ѣдятъ по цѣлымъ суткамъ и принуждены иногда, послѣ такого насильственнаго поста, довольствоваться вареной кожаной обувью. Проваливаясь въ пропасти, покрытыя снѣгомъ, переправляясь черезъ бурныя рѣки на легкой древесной корѣ, они находятся въ ежеминутной опасности потерять или жизнь, или средства къ ея поддержанію. Подмочивъ гнилое дерево, изъ коего добываютъ себѣ огонь, часто охотники замерзаютъ въ снѣговой степи. Самъ Теннеръ нѣсколько разъ чувствовалъ приближеніе ледяной смерти.

«Однажды, рано утромъ», говоритъ онъ, «я погналъ лося и преслѣдовалъ его до ночи; уже готовъ былъ его достигнуть, но вдругъ лишился и силъ, и надежды. Одежда моя, вопреки морозу, была вся мокра. Вскорѣ она оледенѣла. Мои суконныя м и т а с с ы <порты> изорвались въ клочки во время бѣга сквозь кустарники. Я почувствовалъ, что замерзаю... Около полуночи достигъ мѣста, гдѣ стояла наша хижина; ея уже тамъ не было: старуха перенесла ее на другое мѣсто... Я пошелъ по слѣдамъ моей семьи, и вскорѣ холодъ сталъ нечувствителенъ; мною овладѣло усыпленіе, обыкновенный признакъ, предшествующій смерти. Я удвоилъ усилія, и хотя былъ въ совершенной памяти и понималъ очень хорошо опасность своего положенія, но съ трудомъ могъ удержать желаніе прилечь на землю. Наконецъ совершенно забылся, не знаю, надолго ли, и очнувшись какъ ото сна, увидѣлъ, что кружился на одномъ мѣстѣ.

«Я сталъ искать своихъ слѣдовъ, и вдругъ вдали увидѣлъ огонь; но снова потерялъ чувства. Если бы я упалъ, то ужъ никогда бы не всталъ. Я сталъ опять кружиться на одномъ мѣстѣ; наконецъ достигъ нашей хижины. Вошедъ въ нее, я упалъ, однакожъ не лишился чувствъ. Какъ теперь вижу огонь, освѣщающій ярко нашу хижину, и ледъ, ее покрывающій; какъ теперь слышу слова старухи: она говорила, что ждали меня задолго передъ наступленіемъ ночи, не полагая, чтобъ я такъ долго остался на охотѣ... Цѣлый мѣсяцъ я не могъ выдти: лицо, руки и ляжки были у меня сильно отморожены...»

Подвергаясь таковымъ трудамъ и опасностямъ, Индійцы имѣютъ цѣлію заготовленіе бобровыхъ мѣховъ, буйволовыхъ кожъ и прочаго, дабы продать и вымѣнять ихъ купцамъ Американскимъ. Но рѣдко получаютъ они выгоду въ торговыхъ своихъ оборотахъ: купцы обыкновенно пользуются ихъ простотою и склонностію къ крѣпкимъ напиткамъ. Вымѣнявъ часть товаровъ на ромъ и водку, бѣдные Индійцы отдаютъ и остальные за безцѣнокъ; за продолжительнымъ пьянствомъ слѣдуетъ голодъ и нищета, и нещастные дикари принуждены вскорѣ опять обратиться къ скудной и бѣдственной своей промышленности. Джонъ Теннеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ одну изъ этихъ оргій:

«Торгъ нашъ кончился. Старуха подарила купцу десять прекрасныхъ бобровыхъ мѣховъ. Въ замѣну подарка обыкновенно получала она одно платье, серебряныя украшенія, знаки ея владычества, и бочку рому. Когда купецъ послалъ за нею, чтобъ вручить свой подарокъ, она такъ была пьяна, что не могла держаться на ногахъ. Я явился вмѣсто ея, и былъ немножко навеселѣ; нарядился въ ея платье, надѣлъ на себя и серебряныя украшенія; потомъ, взваливъ бочку на плечи, принесъ ее въ хижину. Тутъ я поставилъ бочку наземь и пробивъ дно обухомъ. «Я не изъ тѣхъ начальниковъ»—сказалъ я—«которые тянутъ ромъ изъ дырочки: пей кто хочетъ и сколько хочетъ!»—Старуха прибѣжала съ тремя котлами—и въ пять минутъ все было выпито. Я пьянствовалъ съ Индійцами во второй разъ отроду; у меня спрятанъ былъ ромъ; тайно ходилъ я пить, и былъ пьянъ два дня сряду. Остатки пошелъ допивать съ племянникомъ старухи,.. Опъ не былъ еще пьянъ; но жена его лежала передъ огнемъ въ совершенномъ безчувствіи...

«Мы сѣли пить. Въ это время Индіецъ, изъ племени Ожибуай, вошелъ, шатаясь, и повалился передъ огнемъ. Ужъ было поздно; по весь таборъ шумѣлъ и пьянствовалъ. Я съ товарищемъ вышелъ, чтобъ попировать съ тѣми, которые захотятъ насъ пригласить; не будучи еще очень пьяны, мы спрятали котелъ съ остальною водкою. Погулявъ нѣсколько времени, мы воротились. Жена товарища моего все еще лежала передъ огнемъ; но на ней уже не было ея серебряныхъ украшеній. Мы кинулись къ нашему котлу: котелъ исчезъ; Индіецъ, оставленный нами передъ огнемъ, скрылся, и по многимъ причинамъ мы подозрѣвали его въ этомъ воровствѣ. Дошло до меня, что онъ сказывалъ, будто бы я его поилъ. На другой день пошелъ я въ его хижину и потребовалъ котла. Онъ велѣлъ своей женѣ принести его. Такимъ образомъ воръ сыскался, и братъ мой получилъ обратно серебряныя украшенія...»

Оставляемъ читателю судить, какое улучшеніе въ правахъ дикарей приноситъ соприкосновеніе цивилизаціи!

Легкомысленность, невоздержность, лукавство и жестокость—главные пороки дикихъ Американцевъ. Убійство между ними не почитается преступленіемъ; но родственники и друзья убитаго обыкновенно мстятъ за его смерть. Джонъ Теннеръ навлекъ на себя ненависть одного Индійца и нѣсколько разъ подвергался его удару. «Ты давно могъ бы меня убить, сказалъ ему однажды Теннеръ, но ты не мужчина, у тебя нѣтъ даже сердца женскаго, ни смѣлости собачей. Никогда не прощу тебѣ, что ты на меня замахнулся ножомъ, и не имѣлъ духа поразить». Храбрость почитается между Индійцами главною человѣческою добродѣтелью: трусъ презираемъ у нихъ наравнѣ съ лѣнивымъ или слабымъ охотникомъ. Иногда, если убійство произошло въ пьянствѣ или непарочно, родственники торжественно прощаютъ душегубца. Теннеръ разсказываетъ любопытный случай.

«Молодой человѣкъ, изъ племени Оттоваа, жившій у меня во время моей болѣзни, отлучился въ таборъ новоприбывшихъ Индійцевъ, которые въ то время пьянствовали. Въ полночь его привели къ намъ пьянаго. Одинъ изъ проводниковъ втолкнулъ его въ хижину, сказавъ: «Смотрите за нимъ; молодой человѣкъ напроказилъ».

«Мы разложили огонь, и увидѣли молодаго человѣка, стоящаго съ ножемъ въ рукѣ, всего окровавленнаго. Его не могли уложить; я приказалъ ему лечь, и онъ повиновался. Я запретилъ дѣлать разысканія и упоминать ему объ окровавленномъ ножѣ.

«Утромъ, вставъ отъ глубокаго спа, онъ ничего не помнилъ. Молодой человѣкъ сказалъ намъ, что наканунѣ, кажется, онъ напился пьянъ, что очень голоденъ и хочетъ готовить себѣ обѣдъ. Онъ изумился, когда я сказалъ ему, что онъ убилъ человѣка. Онъ зналъ только, что во время пьянства кричалъ, вспомня объ отцѣ своемъ, убитомъ на томъ самомъ мѣстѣ бѣлыми людьми. Онъ очень опечалился, и тотчасъ побѣжалъ взглянуть на того, кого зарѣзалъ. Нещастный былъ еще живъ. Мы узнали, что когда былъ онъ пораженъ, тогда лежалъ пьяный безъ памяти, и что самъ убійца, вѣроятно, не зналъ, кто была его жертва. Родственники не говорили ничего; но переводчикъ <Американскаго губернатора> сильно его упрекалъ.

«Ясно было, что раненый не могъ жить, и что послѣдній часъ его былъ уже близокъ. Убійца возвратился къ намъ. Мы приготовили значительные подарки; кто далъ одѣяло, кто кусокъ сукна, кто то, кто другое. Онъ унесъ ихъ тотчасъ и положилъ передъ раненымъ. Потомъ, обратясь къ родственникамъ, сказалъ имъ: «Друзья мои, вы видите, что я убилъ вашего брата; но я самъ не зналъ, что̀ дѣлалъ. Я не имѣлъ злаго намѣренія: недавно приходилъ онъ въ нашъ таборъ, я съ нимъ видѣлся дружелюбно; но въ пьянствѣ я обезумѣлъ, и жизнь моя вамъ принадлежитъ. Я бѣденъ, и живу у чужихъ; но они готовы отвести меня къ моему семейству, и прислали вамъ эти подарки. Жизнь моя въ вашихъ рукахъ; подарки передъ вами: выбирайте, что хотите. Друзья мои жаловаться не станутъ.»

«При сихъ словахъ онъ сѣлъ, наклонивъ голову и закрывъ глаза руками въ ожиданіи смертельнаго удара. Но старая мать убитаго вышла

впередъ и сказала ему: «Ни я, ни дѣти мои смерти твоей не хотятъ. Не отвѣчаю за моего мужа: его здѣсь нѣтъ; однакожъ подарки твои принимаю, и буду стараться отвратить отъ тебя мщеніе мужа. Это несчастіе случилось не нарочно. За что же твоя мать будетъ плакать, какъ я?»—

«На другой день молодой человѣкъ умеръ, и многіе изъ насъ помогли убійцѣ вырыть могилу. Когда все было готово, губернаторъ подарилъ мертвецу богатыя одѣяла, платья и прочее <что, по обычаю Индійцевъ, должно было быть схоронено вмѣстѣ съ тѣломъ>. Эти подарки положены были въ кучу на краю могилы. Но старуха, вмѣсто того чтобъ ихъ закопать, предложила молодымъ людямъ разыграть ихъ между собою.

«Разныя игры слѣдовали одна за другою: стрѣляли въ цѣль, прыгали, боролись и пр. Но лучшій кусокъ сукна былъ назначенъ наградою побѣдителю за бѣгъ въ запуски. Самъ убійца его выигралъ. Старуха подозвала его и сказала: «Молодой человѣкъ! сынъ мой былъ очень мнѣ дорогъ; боюсь, долго и часто буду его оплакивать; я была бы щастлива, если бы ты заступилъ его мѣсто, и любилъ и охранялъ меня, подобно ему. Боюсь только моего мужа.» Молодой человѣкъ, благодарный за ея заступленіе, принялъ тотчасъ предложеніе. Онъ былъ усыновленъ, и родственники убитаго всегда обходились съ нимъ ласково и дружелюбно.»

Не всѣ ссоры и убійства кончаются такъ миролюбиво. Джонъ Теннеръ описалъ одну ссору, гдѣ ужасное и смѣшное странымъ образомъ перемѣшаны между собою.

«Братъ мой Уа-ме-гонъ-е-бью вошелъ въ шалашъ, гдѣ молодой человѣкъ билъ одну старуху. Братъ удержалъ его за руку. Въ это самое время пьяный старикъ, по имени Та-бу-шишъ, вошелъ туда же, и вѣроятно не разобравъ порядочно, въ чемъ дѣло, схватилъ брата за волосы и откусилъ ему носъ. Народъ сбѣжался; произошло смятеніе. Многихъ изранили. Бегъ-уа-изъ, одинъ изъ старыхъ начальниковъ, бывшій всегда къ намъ благосклоненъ, прибѣжалъ на шумъ, и почелъ своею обязанностію вмѣшаться въ дѣло. Между тѣмъ братъ мой, замѣтя свою потерю, поднялъ руки, не подымая глазъ, вцѣпился въ волоса первой попавшейся ему головы, и разомъ откусилъ ей носъ. Это былъ носъ нашего друга, стараго Бегъ-уа-иза! Утоливъ немного свое бѣшенство, Уа-ме-гонъ-е-бью узналъ его, и закричалъ: «Дядя! это ты!»—Бегъ-уа-изъ былъ человѣкъ добрый и смирный; онъ зналъ, что братъ откусилъ ему носъ совсѣмъ неумышленно. Онъ ни мало не осердился, и сказалъ: «Я старъ: не долго будутъ смѣяться надъ потерею моего носа.»

«Съ своей стороны я былъ въ сильномъ негодованіи на старика, обезобразившаго брата моего. Я вошелъ въ хижину къ Уа-ме-гонъ-е-бью и сѣлъ подлѣ него. Онъ былъ весь окровавленъ; нѣсколько времени молчалъ, и когда заговорилъ, я увидѣлъ, что онъ былъ въ полномъ своемъ разсудкѣ. «Завтра,—сказалъ онъ,—я буду плакать по моимъ дѣтьми; послѣ завтра пойду къ Та-бу-шишу <врагу своему>, и мы оба умремъ: я не хочу жить, чтобъ быть вѣчно посмѣшищемъ.» Я обѣщался ему помочь въ его предпріятіи и приготовился къ дѣлу. Но, проспавшись и проплакавъ цѣлый день съ своими дѣтьми, онъ оставилъ свои злобныя намѣренія и рѣшился какъ нибудь обойтися безъ носу, такъ же, какъ и Бегъ-уа-изъ.

«Нѣсколько дней спустя Та-бу-шишъ опасно занемогъ горячкою. Онъ ужасно похудѣлъ, и, казалось, умиралъ. Наконецъ прислалъ онъ къ Уа-ме-гонъ-е-бью два котла и другіе значительные подарки и велѣлъ сказать: «Другъ мой, я тебя обезобразилъ, а ты паслалъ на меня болѣзнь. Я много страдалъ, а коли умру, то дѣти мои будутъ страдать еще болѣе. Посылаю тебѣ подарки, дабы ты оставилъ мнѣ жизнь...» Уа-ме-гонъ-е-бью отвѣчалъ ему черезъ посланнаго: «Не я паслалъ на тебя болѣзнь; вылечить тебя не могу, подарковъ твоихъ не хочу.» Та-бу-шишъ томился около мѣсяца; волосы у него выпѣли; потомъ онъ началъ выздоравливать, и мы всѣ пошли въ степи по разнымъ направленіямъ, удаляясь одинъ отъ другаго какъ можно болѣе...

«Однажды мы расположились таборомъ близъ деревушки, въ которую переселился Та-бу-шишъ, и готовы были уже снова выступить, какъ вдругъ увидѣли его. Онъ былъ весь голый, расписанъ и украшенъ какъ для битвы, и держалъ въ рукахъ оружіе. Онъ медленно къ намъ приближался, и казался глубоко раздраженнымъ. Но никто изъ насъ не понялъ его намѣренія до самой той минуты, какъ онъ уставилъ дуло своего ружья въ спину моему брату. «Другъ мой,—сказалъ онъ ему, —мы довольно пожили; мы довольно другъ друга помучили. Тебя проспли отъ моего имени довольствоваться тѣмъ, что уже я вытерпѣлъ; ты не согласился, черезъ тебя я все еще страдаю; жизнь мнѣ несносна; намъ должно вмѣстѣ умереть.» Два молодые Индійца, видя его намѣреніе, тотъ часъ натянули свои луки, и прицѣлились въ него стрѣлами; но Та-бу-шишъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Уа-ме-гонъ-е-бью испугался, и не смѣлъ приподнять голову. Та-бу-шишъ готовъ былъ биться съ нимъ на смерть; но онъ не принялъ вызова. Съ той поры я вовсе пересталъ его уважать: послѣдній Индіецъ былъ храбрѣе и великодушнѣе его.»

Если частныя распри Индійцевъ жестоки и кровопролитны, то войны ихъ зато вовсе не губительны и ограничиваются по большей части утомительными походами. Начальники не пользуются никакою властію, а дикари не знаютъ, что́ такое повиновеніе воинское. Они, наскуча походомъ, оставляютъ войско одинъ за другимъ, и возвращаются каждый въ свою хижину, не успѣвъ увидѣть непріятеля. Старшины упрямятся нѣсколько времени; но оставшись одни безъ воиновъ, слѣдуютъ общему примѣру, и война кончается безъ всякаго послѣдствія.

Джонъ Теннеръ разсказываетъ съ видимымъ удовольствіемъ одинъ изъ своихъ военныхъ подвиговъ, который немного походитъ на воровство, но тѣмъ не менѣе, доказываетъ его предпріимчивость и неустрашимость. Какіе-то Индійцы похитили у него лошадь. Онъ отправился съ намѣреніемъ или отыскать ее, или замѣнить. Посѣщая Индійскія селенія, въ одномъ изъ

нихъ не встрѣтилъ онъ никакого гостепріимства. Это его оскорбило, и замѣтивъ добрую лошадь, принадлежавшую старшинѣ. онъ изъ мести рѣшился присвоить ее себѣ,

«У меня подъ одѣяломъ,»—говоритъ онъ,— «спрятанъ былъ арканъ. Я искусно набросилъ его на шею лошади—и не поскакалъ, а полетѣлъ. Когда лошадь начала задыхаться, я остановился, чтобы оглянуться: хижины негостепріимной деревни были едва видны и казались маленькими точками въ далекой долинѣ...

«Тутъ я подумалъ, что не хорошо поступаю, похищая любимую лошадь человѣка, не сдѣлавшаго мнѣ никакого зла, хотя и отказавшаго мнѣ въ должномъ гостепріимствѣ. Я соскочилъ съ лошади и пустилъ ее на волю. Но въ ту же минуту увидѣлъ толпу Индійцевъ, скачущихъ изъ-за возвышенія. Я едва успѣлъ убѣжать въ ближній орѣшникъ. Они искали меня нѣсколько времени по разнымъ направленіямъ, а я между тѣмъ спрятался съ большой осторожностію. Они разсѣялись. Многіе прошли близехонько отъ меня; но я былъ такъ хорошо спрятанъ, что могъ безопасно наблюдать за всѣми ихъ движеніями. Одинъ молодой человѣкъ раздѣлся донага, какъ для сраженія, запѣлъ свою боевую пѣснь, бросилъ ружье, и съ простою дубиною въ рукахъ пошелъ прямо къ мѣсту, гдѣ я былъ спрятанъ. Онъ уже былъ отъ меня шагахъ въ двадцати. Курокъ у ружья моего былъ взведенъ, и я цѣлилъ въ сердце... Но онъ воротился. Онъ, конечно, не видалъ меня; но мысль находиться подъ надзоромъ невидимаго врага, вооруженнаго ружьемъ, вѣроятно поколебала его. Меня искали до ночи, и тогда лошадь уведена была обратно.

«Я тотчасъ пустился въ обратный путь, радуясь, что избавился отъ такой опасности; шелъ день и ночь, и на третьи сутки прибылъ къ рѣкѣ Маузъ. Купцы тамошней конторы пѣняли, что я упустилъ изъ рукъ похищенную мною лошадь, и сказали, что дали бы за нее хорошую цѣну.

«Въ двадцати миляхъ отъ этой конторы жилъ одинъ изъ моихъ друзей, по имени Бе-на. Я просилъ его освѣдомиться о моей лошади и объ ея похитителѣ. Бе-на впустилъ меня въ шалашъ, гдѣ жили двѣ старухи, и сквозь щелку указалъ на ту хижину, гдѣ жилъ Ба-гисъ-купъ-пунгъ съ четырьмя своими сыновьями. Лошади ихъ паслись около хижины. Бе-па указалъ на прекраснаго чернаго коня, вымѣненнаго ими на мою лошадь... Я тотчасъ отправился къ Ба-гисъ-купъ-пунгу и сказалъ ему: «Мнѣ нужна лошадь.»—У меня нѣтъ лишней лошади.—«Такъ я жъ одну уведу.» — А я тебя убью.—Мы разстались. Я приготовился къ утру отправиться въ путь. Бе-на далъ мнѣ буйволовую кожу вмѣсто сѣдла; а старуха продала мнѣ ремень, въ замѣну аркана, мною оставленнаго на шеѣ лошади Индійскаго старшины. Рано утромъ вошелъ я въ хижину Бе-на, еще спавшаго, и покрылъ его тихонько совершенно новымъ одѣяломъ, мнѣ принадлежавшимъ. Потомъ пошелъ далѣе.

«Приближаясь къ хижинѣ Ба-гисъ-купъ-пунга, увидѣлъ я старшаго его сына, сидящаго на порогѣ... Замѣтивъ меня, онъ закричалъ изо всей мочи... Вся деревня пришла въ смятеніе... Народъ собрался около меня... Никто, казалось, не хотѣлъ мѣшаться въ это дѣло. Одно семейство моего обидчика изъявляло явную непріязнь...

«Я такъ былъ взволнованъ, что не чувствовалъ подъ собою земли; кажется, однако, я не былъ испуганъ. Набросивъ петлю на черную лошадь, я все еще не садился верхомъ, потому что это движеніе лишило бы меня на минуту возможности защищаться—и можно было бы напасть на меня съ тыла. Подумавъ однако, что видъ малѣйшей нерѣшительности былъ бы для меня чрезвычайно невыгоднымъ, я хотѣлъ вскочить на лошадь, но сдѣлавъ слишкомъ большое усиліе— перепрыгнулъ черезъ лошадь, и растянулся по той сторонѣ, съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ лукомъ и стрѣлами въ другой. Я всталъ, поспѣшно оглядываясь кругомъ, дабы надзирать надъ движеніями моихъ непріятелей. Всѣ хохотали во все горло, кромѣ семьи Ба-гисъ-купъ-пунга. Это ободрило меня, и я сѣлъ верхомъ съ большей рѣшимостію. Я видѣлъ, что ежели бы въ самомъ дѣлѣ хотѣли на меня напасть, то воспользовались бы минутою моего паденія. Къ тому же, веселый хохотъ Индійцевъ доказывалъ, что предпріятіе мое вовсе ихъ не оскорбляло.»

Джонъ Теннеръ отбился отъ погони, и остался спокойнымъ владѣтелемъ геройски похищеннаго коня.

Онъ иногда выдаетъ себя за человѣка недоступнаго предразсудкамъ; но поминутно обличаетъ свое Индійское суевѣріе. Теннеръ вѣритъ снамъ и предсказаніямъ старухъ: тѣ и другія для него всегда сбываются. Когда голоденъ, ему снятся жирные медвѣди, вкусныя рыбы, и черезъ нѣсколько времени въ самомъ дѣлѣ удается ему застрѣлить дикую козу или поймать осетра. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ ему всегда является во снѣ какой-то молодой человѣкъ, который даетъ добрый совѣтъ или ободряетъ его. Теннеръ поэтически описываетъ одно видѣніе, которое имѣлъ онъ въ пустынѣ на берегу Малаго Сасъ-Кау:

«На берегу этой рѣки есть мѣсто, нарочно созданное для Индійскаго табора: прекрасная пристань, маленькая долина, густой лѣсъ, прислоненный къ холму... Но это мѣсто напоминаетъ ужасное происшествіе: здѣсь совершилось братоубійство, злодѣяніе столь неслыханное, что самое мѣсто почитается проклятымъ. Ни одинъ Индіецъ не причалитъ челнока своего къ долинѣ «Двухъ Убитыхъ»; никто не осмѣлится тамъ почевать. Преданіе гласитъ, что нѣкогда въ Индійскомъ таборѣ, здѣсь остановившемся, два брата, имѣвшіе сокола своимъ т о т е м о м ъ *), поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ убилъ другаго. Свидѣтели такъ были поражены ужаснымъ злодѣйствомъ, что тутъ же умертвили братоубійцу. Оба брата похоронены вмѣстѣ.

«Приближаясь къ сему мѣсту, я много думалъ о двухъ братьяхъ, имѣвшихъ одинъ со мною т о т е м ъ, и которыхъ почиталъ я родственниками матери моей <Нетъ-но-куа>. Я слыхалъ, что когда располагались на ихъ могилѣ <что нѣсколько разъ и случалось>, они выходили изъ

*) Родъ герба. С о к о л ъ былъ также т о т е м о м ъ и Д. Теннера

подъ земли и возобновляли ссору и убійство. По крайней мѣрѣ достовѣрно, что они безпокоили посѣтителей и мѣшали имъ спать. Любопытство мое было встревожено. Мнѣ хотѣлось разсказать Индійцамъ не только, что я останавливался въ этомъ страшномъ мѣстѣ, но что еще тамъ и ночевалъ.

«Солнце садилось, когда я туда прибылъ. Я вытащилъ свой челнокъ на берегъ, разложилъ огонь, и отужинавъ, заснулъ.

«Прошло нѣсколько минутъ, и я увидѣлъ обоихъ мертвецовъ, встающихъ изъ могилы. Они пришли и сѣли у огня прямо передо мною. Глаза ихъ были неподвижно устремлены на меня. Они не улыбнулись и не сказали ни слова. Я проснулся. Ночь была темная и бурная. Я никого не видѣлъ, не услышалъ ни одного звука, кромѣ шума шатающихся деревъ. Вѣроятно, я заснулъ опять, ибо мертвецы опять явились. Они, кажется, стояли внизу, на берегу рѣки, потому что головы ихъ были наравнѣ съ землею, на которой разложилъ я огонь. Глаза ихъ все были устремлены на меня. Вскорѣ они встали опять одинъ за другимъ, и сѣли снова противъ меня. Но тутъ уже они смѣялись, били меня тросточками и мучили различнымъ образомъ. Я хотѣлъ имъ сказать слово, но не стало голосу; пробовалъ бѣжать: ноги не двигались. Цѣлую ночь я волновался и былъ въ безпрестанномъ страхѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, чтобъ я взглянулъ на подошву ближняго холма. Я увидѣлъ связанную лошадь, глядѣвшую на меня. «Вотъ тебѣ, братъ»,—сказалъ мнѣ жеби *) —«лошадь на завтрашній путь. Когда ты поѣдешь домой, тебѣ можно будетъ взять ее снова, а съ нами провести еще одну ночь.

«Наконецъ разсвѣло, и я съ большимъ удовольствіемъ замѣтилъ, что эти страшныя привидѣнія исчезли съ ночнымъ мракомъ. Но, пробывъ долго между Индійцами, и зная множество примѣровъ тому, что сны часто сбываются, я сталъ не на шутку помышлять о лошади, данной мнѣ мертвецомъ; пошелъ къ холму, и увидѣлъ конскіе слѣды и другія примѣты, а въ нѣкоторомъ разстояніи нашелъ и лошадь, которую тотчасъ узналъ: она принадлежала купцу, съ которымъ имѣлъ я дѣло. Дорога сухимъ путемъ была нѣсколькими милями короче пути водянаго. Я бросилъ челнокъ, навьючилъ лошадь и отправился въ конторѣ, куда на другой день и прибылъ. Въ послѣдствіе времени я всегда старался миновать могилу обоихъ братьевъ; а разсказъ о моемъ видѣніи и страданіяхъ ночныхъ увеличилъ въ Индійцахъ суевѣрный ихъ ужасъ».

Джонъ Теннеръ былъ дважды женатъ. Описаніе первой его любви имѣетъ въ его «Запискахъ» какую-то дикую прелесть. Красавица его носила имя, имѣвшее очень поэтическое значеніе, но которое съ трудомъ помѣстилось бы въ элегіи: она звалась Мисъ-куа-бунъ-о-куа, что по-Индійски значитъ Заря.

«Однажды вечеромъ,—говоритъ Теннеръ,—сидя передъ нашей хижиной, увидалъ я молодую дѣвушку. Она, гуляя, курила табакъ, и изрѣдка на меня посматривала; наконецъ, она подошла ко мнѣ и предложила мнѣ курить изъ своей трубки. Я отвѣчалъ, что не курю. «Ты отъ того, сказала она, отказываешься, что не хочешь коснуться моей трубки». Я взялъ трубку изъ ея рукъ, и покурилъ немного – въ самомъ дѣлѣ, въ первый разъ отъ роду. Она со мною разговорилась, и понравилась мнѣ. Съ той поры мы часто видались, и я къ ней привязался.

«Вхожу въ эти подробности потому, что у Индійцевъ такимъ образомъ не знакомятся. У нихъ обыкновенно молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ вовсе ему незнакомой. Они видались; можетъ быть, взглянули другъ на друга, но, вѣроятно, никогда между собою не говорили; свадьба рѣшена стариками, и рѣдко молодая чета противится волѣ родительской. Оба знаютъ, то если союзъ сей будетъ непріятенъ одному изъ двухъ, или обоимъ вмѣстѣ, то легко будетъ его расторгнуть.

«Разговоры мои съ Мисъ-куа-бунъ-о-куа вскорѣ надѣлали много шуму въ нашемъ селеніи. Однажды старый Очукъ-ку-копъ вошелъ ко мнѣ въ хижину, держа за руку одну изъ многочисленныхъ своихъ внучекъ. Онъ, судя по слухамъ, полагалъ, что я хотѣлъ жениться. «Вотъ тебѣ»,—сказалъ онъ моей матери,—«самая добрая и самая прекрасная изъ моихъ внучекъ: я отдаю ее твоему сыну». Съ этимъ словомъ онъ ушелъ, оставя ее у насъ въ хижинѣ...

«Мать моя всегда любила молодую дѣвушку, которая считалась красавицей. Однакожъ старуха смутилась, и сказала мнѣ наединѣ: «Сынъ, дѣвушка прекрасна и добра; но не бери ее за себя: она больна и черезъ годъ умретъ. Тебѣ нужна жена сильная и здоровая, и такъ, предложимъ ей хорошій подарокъ, и отошлемъ ее къ родителямъ». Дѣвушка возвратилась съ богатыми подарками, а черезъ годъ предсказаніе старухи сбылось.

«Съ каждымъ днемъ любовь наша усиливалась. Мать моя, вѣроятно, не осуждала нашей склонности. Я ничего ей не говорилъ; но она знала все, и вскорѣ я въ томъ удостовѣрился. Однажды проведши въ первый разъ большую часть ночи съ моей любовницей, я воротился поздно, и заснулъ. На зарѣ старуха разбудила меня, ударивъ прутомъ по голымъ ногамъ.

«Вставай»,—сказала она,—«вставай, молодой женихъ, ступай на охоту. Жена твоя будетъ тебя болѣе почитать, когда рано воротишься къ ней съ добычей, нежели когда станешь величаться, гуляя по селенію въ отсутствіи ловцевъ». Я молча взялъ ружье и вышелъ. Въ полдень воротился, неся на плечахъ жирнаго муза, мною застрѣленнаго, и сбросилъ его къ ногамъ матери, сказавъ ей грубымъ голосомъ: «Вотъ тебѣ, старуха, что ты сегодня утромъ отъ меня требовала». Она была очень довольна и похвалила меня. Изъ того я заключилъ, что связь моя съ молодой дѣвушкой не была ей противна, и очень былъ тому радъ. Многіе изъ Индійцевъ чуждаются своихъ старыхъ родителей; но хотя Нетъ-по-куа была уже дряхла и немощна, я сохранялъ къ ней прежнее, безусловное почтеніе.

«Я съ жаромъ предавался охотѣ, и почти всегда возвращался рано, или по крайней мѣрѣ засвѣтло, обремененный добычею. Я тщательно наряжался и разгуливалъ по селенію, играя на Индійской свирѣли, называемой пи-бе-гвунъ. Въ теченіе нѣкотораго времени Мисъ-куа-бунъ-о-куа притворно отвергала меня. Я сталъ охладѣвать; тогда она забыла все притворство... Съ моей стороны желаніе привести жену къ намъ въ хижину уменьшилось. Я хотѣлъ прервать съ нею всякія сно-

*) Мертвецъ.

шенія. Увидя явное равнодушіе, она хотѣла тронуть мнѣ сердце то слезами, то упреками; но я ничего не говорилъ о ней старухѣ, и съ каждымъ днемъ охлажденіе мое становилось сильнѣе.

«Около того времени мнѣ понадобилось побывать на Красной рѣкѣ, и я отправился съ однимъ Индіянцемъ, у котораго была сильная и легкая лошадь. Намъ предстояла дорога на семьдесятъ миль. Мы поочереди ѣхали верхомъ, а пѣшій между тѣмъ бѣжалъ, держа лошадь за хвостъ. Мы были въ дорогѣ одинъ сутки. На возвратномъ пути я былъ одинъ, и шелъ пѣшкомъ. Темнота ночи и усталость заставили меня ночевать въ десяти миляхъ отъ нашей хижины.

«Пришедъ домой на другой день, я увидѣлъ Мисъ-куа-бунъ-о-куа, сидящую на моемъ мѣстѣ. Я остановился у дверей въ недоумѣніи. Она потупила голову. «Старуха сказала мнѣ съ видомъ сердитымъ: «Что же? развѣ оборотишься ты спиной къ нашей хижинѣ, и обезчестишь эту бѣдную дѣвушку, которой ты не стоишь? Все, что случилось между вами, сдѣлалось по твоей же волѣ, не съ моего и не съ ея согласія. Ты самъ за нею бѣгалъ повсюду; а теперь неужто прогонишь ее, какъ будто она на тебя навязалась?..» Укоризны матери казались мнѣ не совсѣмъ несправедливы. Я вошелъ и сѣлъ подлѣ дѣвушки... Такимъ образомъ мы стали мужъ и жена».—

Джонъ Теннеръ оставилъ свою жену, и взялъ другую, отъ которой имѣлъ трехъ дѣтей. Вопреки своей долговременной привычкѣ и страстной любви къ жизни охотничей, жизни трудовъ, опасностей и восхищеній непонятныхъ и неизъяснимыхъ, одичалый Американецъ всегда помышлялъ о возвращеніи въ нѣдра семейства, отъ котораго такъ долго былъ насильственно оторгнутъ. Наконецъ, рѣшился исполнить давнишнее свое намѣреніе, и отправился къ берегамъ Бигъ-Міами, къ мѣсту пребыванія прежняго своего семейства.

Пришедъ въ одно изъ тамошнихъ поселеній, встрѣтилъ онъ стараго Индіянца, и узналъ въ немъ молодаго дикаря, нѣкогда его похитившаго. Они дружески обнялись. Теннеръ узналъ отъ него о смерти старика, такъ страшно съ нимъ познакомившагося. Индіецъ разсказалъ ему подробности его похищенія, о которыхъ Теннеръ имѣлъ только смутное понятіе. На вопросъ его: правда ли, что старый Теннеръ и все его семейство учинились жертвою Индіянцевъ, какъ нѣкогда Монито-о-гезикъ увѣрялъ маленькаго своего плѣнника? Индіецъ отвѣчалъ, что старикъ солгалъ, и разсказалъ ему слѣдующее:

«Годъ спустя послѣ похищенія Джона Теннера Монито-о-гезикъ воротился къ тому мѣсту, гдѣ совершилъ первое свое предпріятіе. Тутъ съ утра до полудня онъ подстерегалъ стараго Теннера и его работниковъ. Они всѣ вмѣстѣ вошли въ домъ; въ полѣ остался только старшій сынъ, пахавшій землю сохою, запряженною лошадьми. Индіянцы на него бросились; лошади дернули; братъ Джона Теннера запутался въ веревкахъ, упалъ и былъ схваченъ. Лошадей убили стрѣлами. Индіянцы утащили молодаго Теннера въ лѣса, переправясь до ночи черезъ Оігіо. Плѣнника привязали къ дереву веревками; но онъ успѣлъ перегрыть узелъ, высвободилъ руку, вынулъ ножичекъ изъ кармана, перерѣзалъ свои узы, тотчасъ побѣжалъ къ рѣкѣ и бросился вплавь. Индіянцы, услышавъ шумъ, проснулись, погнались было за нимъ, но ночь была темна, и онъ успѣлъ убѣжать, оставя имъ на память свою шляпу.

Отецъ Теннера умеръ тому лѣтъ десять, оставя имѣніе свое старшему сыну, и не забывъ въ своей духовной того, чья участь ему неизвѣстна.

Наконецъ Джонъ Теннеръ увидѣлъ свою семью, которая приняла его съ великою радостію. Братъ его обнялъ съ восторгомъ, обрѣзалъ ему волосы, и употребилъ всевозможныя старанія, дабы удержать его у себя дома. Одичалый Американецъ, съ своей стороны, звалъ его къ себѣ, къ Лѣсному Озеру, выхваляя ему черезъ переводчика дикую жизнь и раздолье степей. Братья его были женаты; сестра Люси имѣла десять человѣкъ дѣтей. Наконецъ, просьбы родныхъ на него подѣйствовали: онъ рѣшился оставить Индіянцевъ и съ своими дѣтьми переселиться въ общество, которому принадлежалъ по праву рожденія.

Но приключенія Теннера тѣмъ еще не кончились. Судьба назначила ему еще новыя испытанія. Возвратясь къ дикимъ своимъ знакомцамъ и объявивъ имъ о своемъ намѣреніи, онъ возбудилъ сильное негодованіе. Индіянцы не соглашались выдать ему дѣтей. Жена отказывалась слѣдовать за нимъ къ людямъ чуждымъ и ненавистнымъ. Власти Американскія принуждены были вмѣшаться въ семейныя дѣла Джона Теннера. Угрозой и ласкою уговорили Индіянцевъ отпустить его домой со всѣмъ семействомъ. Онъ еще въ послѣдній разъ отправился съ родными къ Красной-рѣкѣ на охоту за буйволами, прощаясь навсегда съ дикою жизнію, имѣвшею для него столько прелести. Возвратясь, онъ сталъ готовиться въ дорогу.

Индіянцы простились съ нимъ дружелюбно. Сынъ его не захотѣлъ за нимъ слѣдовать, и остался вольнымъ дикаремъ. Теннеръ отправился съ двумя дочерьми и съ ихъ матерью, которая не хотѣла съ ними разстаться. Послушаемъ, какъ Теннеръ описываетъ свое послѣднее путешествіе.

«Въ обратномъ пути я предпочелъ ѣхать по Недоброй рѣкѣ, что должно было сократить дорогу на нѣсколько миль. Близъ устья рѣки Осетра

въ то время стоялъ таборъ или деревня изъ шести или семи хижинъ. Тутъ находился молодой человѣкъ, по имени Омъ-чу-гвутъ-онъ. Онъ былъ высѣченъ, по приказанію американскаго начальства, за настоящую или мнимую вину, и глубоко за то злобствовалъ. Узнавъ о моемъ проѣздѣ, онъ пріѣхалъ ко мнѣ на своемъ челночкѣ.

«Довольно страннымъ образомъ сталъ онъ искать разговора со мною, и вздумалъ увѣрять, что между нами существовали сношенія семейственныя; ночевалъ съ нами вмѣстѣ, и утромъ мы съ нимъ отправились въ одно время. Причалъ къ берегу, я примѣтилъ, что онъ искалъ случая встрѣтиться въ лѣсу съ одной изъ моихъ дочерей, которая тотчасъ воротилась, немного встревоженная. Мать ея также нѣсколько разъ въ теченіе дня имѣла съ нею тайные разговоры, но дѣвочка все была печальна и нѣсколько разъ вскрикивала.

«Къ ночи, когда расположились мы ночевать, молодой человѣкъ тотчасъ удалился. Я притворно занимался своими распоряженіями, а между тѣмъ не выпускалъ его изъ виду;—вдругъ приблизился къ нему, и увидѣлъ его посреди всего снаряда охотничьяго. Онъ обматывалъ около пули оленью жилу, длиною около пяти вершковъ. Я сказалъ ему: «Братъ мой» такъ называлъ онъ меня самъ, «если у тебя недостаетъ пороху, пуль или кремней, то возьми у меня, сколько тебѣ понадобится.» Онъ отвѣчалъ, что ни въ чемъ не нуждается, а я воротился къ себѣ на ночлегъ.

«Нѣсколько времени я его не видалъ. Вдругъ явился онъ въ нарядѣ и украшеніяхъ воина, идущаго въ сраженіе. Въ первую половину ночи онъ надзиралъ за всѣми моими движеніями съ удивительнымъ вниманіемъ; подозрѣнія мои, уже и безъ того сильно возбужденныя, увеличились еще болѣе. Однакожь онъ продолжалъ со мною разговаривать много и дружелюбно, и попросилъ у меня пожикъ, чтобы нарѣзать табаку; но вмѣсто того, чтобъ возвратить его, сунулъ себѣ за поясъ. Я полагалъ, что онъ отдастъ мнѣ его поутру.

«Я легъ въ обыкновенный часъ, не желая показать ему свои подозрѣнія. Палатки у меня не было, и я лежалъ подъ крашеной холстиной. Растянувшись на землѣ, я выбралъ такое положеніе, что могъ видѣть каждое его движеніе. Настала гроза. Онъ, казалось, сталъ еще болѣе безпокоенъ и нетерпѣливъ. При первыхъ дождевыхъ капляхъ я предложилъ ему раздѣлить со мною пріютъ. Онъ согласился. Дождь шелъ сильно: огонь нашъ былъ залитъ; скоро потомъ мустики <родъ комаровъ> напали на насъ. Онъ опять разложилъ огонь и сталъ обмахивать меня вѣткою.

«Я чувствовалъ, что мнѣ не должно было засыпать; но усыпленіе начинало овладѣвать мною. Вдругъ разразилась новая гроза, сильнѣе первой! Я оставался какъ усыпленный, не открывая глазъ, не шевелясь и не теряя изъ виду молодого человѣка. Однажды сильный ударъ грома, казалось, смутилъ его. Я увидѣлъ, что онъ бросилъ въ огонь немного табаку въ видѣ приношенія. Въ другой разъ, когда сонъ, казалось, совершенно мною овладѣлъ, я увидѣлъ, что онъ стережетъ меня, какъ кошка, готовая броситься на свою жертву; однакожь я все противился дремотѣ.

«По утру онъ съ нами отзавтракалъ, какъ обыкновенно, и ушелъ впередъ прежде, нежели успѣлъ я собраться. Дочь моя, съ которой разговаривалъ онъ въ лѣсу, казалась еще болѣе испуганною, и долго не хотѣла войти въ челнокъ; мать уговаривала ее и старалась скрыть отъ меня ея смятеніе. Наконецъ, мы поѣхали. Молодой человѣкъ плылъ у берега, не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, до десяти часовъ утра. Тогда, при довольно опасномъ и быстромъ поворотѣ, откуда взору открывалось далекое пространство, онъ и челнокъ его исчезли, что очень меня удивило.

«На семъ мѣстѣ рѣка имѣетъ до 80 вержей ширины, а въ десяти—отъ поворота, о которомъ я упоминалъ — находится маленькій, утесистый островъ. Я былъ раздѣтъ и съ усиліемъ правилъ челнокомъ противъ бурнаго теченія <что заставляло меня жаться какъ можно ближе къ берегу>, какъ вдругъ вблизи раздался ружейный выстрѣлъ; пуля просвистала надъ моей головою. Я почувствовалъ какъ-бы ударъ по боку. Весло выпало у меня изъ правой руки, которая сама повисла. Дымъ выстрѣла затемнялъ кусты; но со втораго взгляда я узналъ убѣгающаго Омъ-чу-гвутъ-она.

«Дочери мои закричали. Я обратилъ вниманіе на челнокъ; онъ былъ весь окровавленъ. Я старался лѣвою рукою направить его на берегъ, чтобы преслѣдовать молодаго человѣка; но теченіе было слишкомъ сильно для меня: оно принесло насъ на утесистый островокъ. Я ступилъ на него и, вытащивъ лѣвою рукою челнокъ на камень, попробовалъ зарядить ружье; но не успѣлъ того сдѣлать, и упалъ безъ чувствъ. Очнувшись, я увидѣлъ, что былъ одинъ на острову. Челнокъ съ моими дочерьми исчезалъ вдали, возвращаясь вспять по теченію. Я снова лишился чувствъ, но наконецъ пришелъ въ себя.

«Полагая, что мой убійца надзираетъ за мною изъ какого нибудь скрытаго мѣста, я осмотрѣлъ свои раны. Правая рука была въ очень худомъ состояніи. пуля, вошедшая въ бокъ близъ легкаго, осталась во мнѣ. Я отчаялся въ жизни и сталъ кликать Омъ-чу-гвутъ-она, прося его прекратить мнѣ и жизнь и мученія: «Ты убилъ меня,—кричалъ я,—«но хотя я и смертельно раненъ, однако, боюсь прожить нѣсколько дней. Приди же, если ты мужъ, и выстрѣли въ меня еще разъ». Звалъ его нѣсколько разъ, но не получилъ отвѣта.

«Я былъ почти голъ: въ минуту, какъ меня ранили, на мнѣ, кромѣ портъ, была одна рубашка, и та вся разорванная во время усилій при плаваніи. Я лежалъ на голомъ утесѣ, на зноѣ лѣтняго дня; земляныя и черныя мухи кусали меня; въ будущемъ видѣлъ я лишь медленную смерть. Но, по захожденіи солнца, сила и надежда возвратились; я доплылъ до того берега. Вышедъ изъ воды, могъ стать на ноги, и испустилъ крикъ бранный, называемый с а с с а к у и, въ знакъ радости и вызова. Но потеря крови и усилія во время плаванія снова лишили меня чувствъ.

«Пришедъ въ себя, я спрятался близъ берега, чтобъ наблюдать за моимъ врагомъ. Вскорѣ увидѣлъ я Омъ-чу-гвутъ-она, выходящаго изъ своей западни; онъ пустилъ въ воду свой челнокъ поплылъ внизъ по рѣкѣ, и прошелъ близехонько отъ меня. Мнѣ сильно хотѣлось кинуться на него, чтобы схватить и задавить его въ водѣ; но я не надѣялся на свои силы, и такимъ образомъ пропустилъ его, не открываясь.

«Вскорѣ пламенная жажда начала меня мучить. Берега рѣки были круты и каменисты. Я не могъ лежа напиться отъ раненой руки, на которую не въ силахъ былъ опереться. Надлежало войти въ воду по самыя губы. Вечеръ свѣжѣлъ болѣе и болѣе, и силы мои вмѣстѣ съ тѣмъ [illegible]

обновлялись. Кровь, казалось, лилась свободнѣе; я занялся своею раною. Не смотря на опухоль мяса, я постарался соединить раздробленныя косточки; сперва разорвалъ на бинты остатокъ своей рубашки, потомъ зубами и лѣвою рукою сталъ ихъ обвивать около руки сначала слабо, а потомъ все туже, туже, пока наконецъ успѣлъ ее порядочно перевязать. Вмѣсто лубковъ привязалъ я прутики, и повѣсилъ руку на веревочку, накинутую на шею.

«Послѣ того взялъ корку съ дерева, похожаго на вишневое и, разжевавъ ее, приложилъ къ моимъ ранамъ, надѣясь тѣмъ остановить теченіе крови. Кусты, отдѣлявшіе меня отъ рѣки, были всѣ окровавлены. Настала ночь. Я выбралъ для ночлега мшистое мѣсто. Пѣнь служилъ мнѣ изголовьемъ. Я не хотѣлъ удалиться отъ берега, дабы наблюдать надъ всѣмъ, что случится, и дабы въ случаѣ жажды имѣть возможность ее утолить. Я зналъ, что лодка, принадлежащая купцамъ, должна была около того времени проѣхать въ этомъ самомъ мѣстѣ: ждалъ я отъ нихъ-то помощи. Индійскихъ хижинъ не было ближе тѣхъ, откуда къ намъ присоединился Омъ-чу-гвутъ-онъ, и я имѣлъ причину думать, что кромѣ его, дочерей моихъ и жены никого кругомъ не было.

«Простертый на землѣ, я сталъ молиться Великому Духу, прося его сжалиться надо мною и ниспослать помощь въ часъ скорби. Оканчивая молитвы, я замѣтилъ, что мустики, которые роемъ облѣпили голое тѣло мое, умножая страданія, стали отлетать, покружились надо мной и, наконецъ, исчезли. Я не приписалъ этого непосредственному дѣйствію Великаго Духа; вечеръ становился холоднымъ, и слѣдовательно это было вліяніе воздуха. Я былъ однакожъ увѣренъ, какъ и всегда во время бѣдствій и опасности, что Владыка дней моихъ невидимо находился близъ меня, мощно мнѣ покровительствуя. Я спалъ тихо и спокойно; но часто просыпался, и всякой разъ помнилъ, просыпаясь, что снилась мнѣ лодка съ бѣлыми людьми.

«Около полуночи услышалъ я на той сторонѣ женскіе голоса, и мнѣ показались они голосами моихъ дочерей. Я подумалъ, что Омъ-чу-гвутъ-онъ открылъ мѣсто, куда онѣ скрылись, и какъ-нибудь ихъ обижалъ, потому что крики ихъ изъявляли страданіе. Но я не имѣлъ силы встать и идти къ нимъ на помощь.

«На другой день, прежде десяти часовъ утра, услышалъ я по рѣкѣ человѣческіе голоса, и увидѣлъ лодку, наполненную бѣлыми людьми, подобную той, которую видѣлъ во снѣ. Эти люди вышли на берегъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ я лежалъ, и стали готовить завтракъ. Я узналъ лодку г. Стюарта, Гудзонскаго купца, котораго ждали около того времени. Полагая, что появленіе мое произведетъ надъ ними впечатлѣніе непріятное, я дождался конца ихъ завтрака.

«Когда приготовились они къ отплытію, я вошелъ въ бродъ, дабы обратить на себя ихъ вниманіе. Увидѣвъ меня, Французы перестали грести, и всѣ устремили на меня взоръ съ видомъ сомнѣнія и ужаса. Теченіе ихъ быстро уносило, и зовъ мой, произнесенный на индійскомъ языкѣ, не производилъ никакого дѣйствія. Наконецъ, я сталъ звать г. Стюарта по имени и, вспомнивъ нѣсколько англійскихъ словъ, умолялъ путешественниковъ воротиться за мною. Въ одну минуту весла опустились и лодка подъѣхала такъ близко, что я могъ въ нее войти.

«Никто не узналъ меня, хотя гг. Стюартъ и Грантъ были мнѣ очень знакомы. Я былъ весь окровавленъ, и вѣроятно страданія очень меня перемѣнили. Меня осыпали вопросами. Вскорѣ узнали, кто я таковъ и что со мною случилось. Приготовили мнѣ постелю въ лодкѣ. Я умолялъ купцовъ ѣхать за моими дѣтьми въ то направленіе, откуда слышались ихъ крики, и боялся найти ихъ умерщвленными. Но всѣ разысканія были тщетны...

«Узнавъ объ имени моего убійцы, купцы рѣшили тотчасъ отправиться въ деревню, гдѣ жилъ Омъ-чу-гвутъ-онъ, и обѣщались убить его на мѣстѣ, если успѣютъ его поймать. Меня спрятали на самое дно лодки. Когда причалили мы къ хижинамъ, старикъ вышелъ къ намъ навстрѣчу, спрашивая: «Что новаго?»—«Все хорошо,—отвѣчалъ Г. Стюартъ,—другой новости нѣтъ». «Бѣлые люди»,—возразилъ старикъ,—«никогда намъ правды не скажутъ. Я знаю, что въ той сторонѣ, откуда вы прибыли, есть новости. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ людей, Омъ-чу-гвутъ-онъ, былъ тамъ и сказывалъ, что Соколъ <Индійское прозвище Д. Теннера>, который дней нѣсколько тому назадъ проѣзжалъ здѣсь съ женою и дѣтьми, всѣхъ ихъ перерѣзалъ. Но, кажется, Омъ-чу-гвутъ-онъ сдѣлалъ самъ что-нибудь недоброе: онъ что-то не спокоенъ, а увидя васъ, бѣжалъ».

«Гг. Стюартъ и Грантъ стали однакожъ искать Омъ-чу-гвутъ-она по всѣмъ хижинамъ и, удостовѣрясь въ его побѣгѣ, сказали старику: «Правда, онъ сдѣлалъ недоброе дѣло; но тотъ, кого хотѣлъ онъ убить, съ нами; неизвѣстно, будетъ ли онъ еще живъ...» Тогда показали меня Индійцамъ, собравшимся на берегу.

«Здѣсь мы нѣсколько времени отдыхали. Осмотрѣли мои раны. Я удостовѣрился, что пуля, раздробивъ кость руки, вошла въ бокъ близъ ребра, и просилъ г. Гранта вынуть ее; но ни онъ, ни г. Стюартъ на то не согласились. Я принужденъ былъ самъ начать операцію лѣвою рукою. Ланцетъ, данный мнѣ г. Грантомъ, переломился. Я взялъ перочинный ножичекъ, и тотъ переломился, потому что въ этомъ мѣстѣ мясо очень отвердѣло. Наконецъ, дали мнѣ широкую бритву, и я вынулъ пулю; она была очень сплющена. Оленья жила и другія снадобья остались въ ранѣ. Коль скоро увидѣлъ я, что пуля ниже реберъ не опустилась, сталъ надѣяться на выздоровленіе; но имѣя причину полагать, что рана моя была отравлена ядомъ, предвидѣлъ медленное выздоровленіе.

«Послѣ того отправились мы въ деревню, въ которой старшиною былъ родной братъ моего убійцы. Тутъ г. Стюартъ имѣлъ предосторожность спрятать меня опять. Жители призваны были одинъ за другимъ; имъ роздали табаку. Но разысканія опять остались тщетны. Наконецъ меня показали, и сказано было старшинѣ, что мой убійца былъ родной его братъ. Онъ потупилъ голову, и отказался отвѣчать на вопросы бѣлыхъ людей. Но мы узнали отъ другихъ Индійцевъ, что жена моя съ дочерьми останавливались въ этой деревнѣ, на пути къ Дождевому озеру.

«Мы тотчасъ туда отправились и нашли ихъ задержанныхъ въ конторѣ. Подозрѣніе тамошнихъ купцевъ было возбуждено ихъ безпокойствомъ и ужасомъ, также и моимъ отсутствіемъ. Коль скоро меня завидѣли, старуха убѣжала въ лѣсъ; но купцы послали за нею погоню; ее поймали и привели.

«Гг. Стюартъ и Грантъ предоставили мнѣ са-

мому произнести приговоръ надъ женою, явно виновной въ покушеніи на мою жизнь. Они объявили ея преступленіе равнымъ злодѣйству Омычу-гвутъ-опа и достойнымъ смерти или всякой другой казни. Но я потребовалъ, чтобъ ее только прогнали изъ конторы безъ запасовъ и запретили бъ туда являться. <Она была мать моихъ дѣтей; я не хотѣлъ, чтобъ она была повѣшена или забита до смерти <какъ предлагали мнѣ купцы>; по видъ ея становился мнѣ несносенъ: по просьбѣ моей, ее прогнали безъ наказанія.

«Дочери сказали, что въ ту минуту, какъ упалъ я безъ чувствъ на камень, онѣ, почитая меня мертвымъ и повинуясь приказанію матери, пустились въ обратный путь и предались бѣгству. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ островка, гдѣ я лежалъ, старуха причалила къ кустарнику, спрятала тамъ мое платье, и послѣ долгаго перехода скрылась въ лѣсу; но потомъ, размысливъ, что лучше бы сдѣлала, если бъ присвоила себѣ мою собственность, воротилась. Тогда-то услышалъ я крики дочерей, сопровождавшихъ старуху, которая подбирала мое платье на берегу...»

Нынѣ Джонъ Теннеръ живетъ между образованными своими соотечественниками. Онъ въ тяжбѣ съ своею мачихою о нѣсколькихъ Неграхъ, оставленныхъ ему по наслѣдству. Онъ очень выгодно продалъ свои любопытныя «Записки», и на дняхъ будетъ, вѣроятно, членомъ Общества Воздержности *). Словомъ, есть надежда, что Теннеръ современемъ сдѣлается настоящимъ yankee **), съ чѣмъ и поздравляемъ его отъ искренняго сердца.

The Reviewer.

*) Общество, коего цѣль—истребленіе пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никакихъ крѣпкихъ напитковъ.

Изд. [*Пушкинъ*].

**) Прозвище, данное Американцамъ; смыслъ его намъ неизвѣстенъ. *Изд.* [*Пушкинъ*].

983. ОРАКІЙСКІЯ ЭЛЕГІИ. *)

Стихотворенія Виктора Теплякова 1836.

Въ наше время молодому человѣку, который готовится посѣтить великолѣпный Востокъ, мудрено, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ соучастіемъ не сблизить судьбы своей съ судьбою Чильдъ-Гарольда. Ежели, паче чаянія, молодой человѣкъ еще и поэтъ и захочетъ выразить свои чувствованія, то какъ избѣжать ему подражанія? Можно ли за то его укорять? Талантъ неволенъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе—признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія—или чувство, въ смиреніи своемъ еще болѣе вызвышенное: желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь.

Нѣтъ сомнѣнія, что фантастическая тѣнь Чильдъ-Гарольда сопровождала г. Теплякова на кораблѣ, принесшемъ его къ Оракійскимъ берегамъ. Звуки прощальныхъ строфъ

Adieu, adieu, my native land!

отзываются въ самомъ началѣ его пѣсенъ:

Плывемъ!.. Блѣднѣетъ день; бѣгутъ брега родные;
Златой струится блескъ по синему пути;
Прости, земля! прости, Россія!
Прости, о родина, прости!

Но уже съ первыхъ стиховъ поэтъ обнаруживаетъ самобытный талантъ:

Безумецъ! что за грусть? въ минуту развлеченья
Чьи слезы ты лобзалъ на берегу родномъ?
Чьи слышалъ ты благословенья?
Одно минувшее мудренымъ, тяжкимъ сномъ
Въ тотъ мигъ души твоей мелькало,
И юности твоей избитый буреи чёлнъ,
И бездны, передъ ней отверстыя, казало!—
Пусть такъ! Но грустно мнѣ! Какъ плескъ угрюмыхъ волнъ
Печально въ сердцѣ раздается!
Какъ быстро мой корабль въ чужую даль несется!
О, лютня странника, святой отъ грусти щитъ,
Пріиди, подруга думъ завѣтныхъ!
Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣтныхъ
Къ тебѣ душа моя, о родина, летитъ!

I,

Пускай на юность ты мою
Вѣнецъ терновый положила—
О мать! душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь—сны сердца прочь летите!
Къ отчизнѣ душу не маните!
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

II,

Какъ жадно вольной грудью я
Пью безпредѣльности дыханье!
Лазурный міръ! въ твоемъ сіяньи
Сгораетъ, тонетъ мысль моя
Шумите, парусы, шумите!
Мечты о родинѣ, молчите:
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

*) Отпечатаны и на дняхъ поступятъ въ продажу.

III.

Увижу я страну боговъ;
Краснорѣчивый прахъ открою:
И зашумитъ передо мною
Рой незанамятныхъ вѣковъ!
Гуляйте жъ, вѣтры, не молчите!
Утесы родины, простите!
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

Тутъ есть гармонія, лирическое движеніе, истина чувствъ!

Вскорѣ поэтъ плыветъ мимо береговъ, прославленныхъ изгнаніемъ Овидія; они мелькаютъ передъ нимъ на краю волнъ,

Какъ поясъ желтый и струистый.

Поэтъ привѣтствуетъ незримую гробницу Овидія стихами слишкомъ небрежными:

Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, какъ дальній шумъ побѣдной колесницы!
О! кто средь мертвыхъ сихъ песковъ
Мнѣ славный гробъ его укажетъ?
Кто повѣсть мукъ его разскажетъ—
Степной ли вѣтръ, иль плескъ валовъ,
Иль въ шумѣ бури гласъ вѣковъ...
Но тише... тише... что за звуки?
Чья тѣнь надъ бездною сѣдой
Меня манитъ, подъемля руки,
Качая тихо головой?
У ногъ лежитъ вѣнецъ терновый (!),
Въ кудряхъ сіяетъ голова,
Бѣлѣе волнъ хитонъ *перловый*,
Святый ихъ ропота слова
И подъ эѳирными перстами
О древнихъ людяхъ, съ ихъ бѣдами,
Златая лира говоритъ.
Печально струнъ ея бряцанье:
Въ немъ сердцу слышится изгнанье;
Въ немъ стонъ о родинѣ звучитъ,
Какъ плачъ души безъ упованья.

Тишина гробницы, громкая какъ дальній шумъ колесницы; стонъ, звучащій какъ плачъ души: слова, которыя святые рокота волнъ... все это не точно, фальшиво, или просто ничего не значитъ.

Гро[е]сетъ въ одномъ изъ своихъ посланій пишетъ:

Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur de faibles tons
Méchanter, pleureur insipide,
Des longues lamentations.

Книга *Tristium* не заслужила такого строгаго осужденія. Она выше, по нашему мнѣнію, всѣхъ прочихъ сочиненій Овидіевыхъ (кромѣ «Превращеній»). Героиды, Элегіи любовныя, и сама поэма „Ars amandi“, мнимая причина его изгнанія, уступаютъ „Элегіямъ Понтійскимъ“. Въ сихъ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе простодушія, болѣе индивидуальности, и менѣе холоднаго остроумія. Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! сколько живости въ подробностяхъ! и какая грусть о Римѣ! какія трогательныя жалобы! Благодаримъ г. Теплякова за то, что онъ не пишетъ блистать душевной твердостію на счетъ бѣднаго изгнанника, а съ живостію заступается за него.

И ты ль тюремный вопль, о странникъ! назовешь
Ласкательствомъ души уничиженной?—
Нѣтъ, самъ терновою стезею ты идешь,
Слѣпой судьбы проклятьемъ пораженный!..
Подобно мнѣ Овидію, ты сиръ и одинокъ межъ всѣхъ
И знаешь самъ хладъ жизни безъ отрады,
Огнь сердца безъ тепла, и безъ веселья смѣхъ,
И плачъ безъ слезъ, и слезы безъ услады!

Пѣснь, которую поэтъ влагаетъ въ уста Назоновой тѣни, имѣла бы болѣе достоинства, если бы г. Тепляковъ болѣе соображался съ характеромъ Овидія, такъ искренно обнаруженнымъ въ его *плачѣ*. Онъ не сказалъ бы, что при набѣгахъ Гетовъ и Бессовъ, поэтъ

Радостно на смертный мчался бой.

Овидій добродушно признается, что онъ и смолоду не былъ охотникъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ, и трепетной рукою хвататься за мечь при первой вѣсти о набѣгѣ. См. Trist Lib. IV. El. I.

Элегія «Томисъ» оканчивается прекрасными стихами:

Не буря ль это, кормчій мой?
Ужъ черезъ мачты море хлещетъ,
И предъ чудовищной волной,
Какъ предъ тирапомъ рабъ нѣмой,
Корабль мой гнется и трепещетъ!...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
«Вели стрѣлять! Быть можетъ, насъ
Какой нибудь въ сей страшный часъ
Корабль услышитъ отдаленный!—
И грянулъ знакъ... и все молчитъ,
Лишь море бьется и кипитъ,
Какъ тигръ бросаясь разъяренный;—
Лишь вѣтра свистъ, лишь бури вой,
Лишь съ неба голосъ громовой
Толпѣ отвѣтствуютъ смятенной.
«Мой кормчій, какъ твой блѣденъ ликъ!»
— Не ты ль дерзнулъ бы въ этотъ мигъ,
О странникъ, бурѣ улыбаться?—
«Ты отгадалъ!..» Я сердцемъ съ ней
Желалъ бы каждый мигъ сливаться;
Желалъ бы въ бой стихій вмѣшаться!...
Но нѣтъ!—и громче, и сильнѣй
Святой призывъ съ другаго свѣта,
Слова погибшаго поэта
Теперь звучатъ въ душѣ моей!

ВИКТОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ
ТЕПЛЯКОВЪ.

Вскорѣ изъ глазъ поэта исчезаютъ берега, съ которыхъ низвергаются въ море воды семиустнаго Дуная.

Какъ старъ сей шумный Истръ! *Чела его морщины*
Сѣдыхъ вѣковъ скрываютъ рой:
Во мглѣ ихъ Дарія мелькаетъ челнѣмой,
Мелькаютъ и орлы Траяновой дружины.
Скажи, сафирный богъ, надъ брегомъ ли твоимъ,
По дебрямъ и горамъ, сквозь боръ необозримый,
Средь тучи варваровъ, на этотъ вѣчный Римъ
Летѣлъ Сатурнъ неотразимый?
Не ты ль спиралъ свой быстрый бѣгъ
Народовъ съ бурными волнами,
И твой ли въ ихъ крови *не растопился* брегъ,
Племенъ безчисленныхъ усѣянный костями?
Хотите ль знать, зачѣмъ, куда,
И изъ какой глуши далекой
Неслась ихъ бурная чреда,
Какъ лавы огненной потоки?
— Спросите вы, зачѣмъ къ садамъ,
Къ богатымъ нивамъ и лугамъ
По вѣтру саванъ свой летучій
Мчатъ саранчи голодной тучи:
Спросите молнію, куда она летитъ,
Откуда ураганъ крушительный бѣжитъ,
Зачѣмъ кочуетъ валъ ревучій!

Слѣдуетъ идиллическая, немного блѣдная картина народа кочующаго; размышленія при видѣ развалинъ Венеціанскаго замка имѣютъ ту невыгоду, что напоминаютъ нѣкоторыя строфы изъ четвертой пѣсни Чильдъ-Гарольда, слишкомъ сильно врѣзанныя въ наше воображеніе. Но вскорѣ поэтъ снова одушевляется.

Улегся вѣтеръ; водъ стекло
Яспѣй небесъ лазурныхъ блещетъ;
Повисшій парусъ нашъ, какъ лебедя крыло,
Свинцомъ охотника пронзенное, трепещетъ.
Но что за гулъ?.. Какъ громъ глухой
Надъ тихимъ моремъ онъ раздался.—
То грохотъ пушки заревой,
Изъ Русской Варны онъ примчался!
О радость? завтра мы узримъ
Страну поклонниковъ Пророка;
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ
Уньемся воздухомъ твоимъ,
Земля роскошнаго Востока!
И въ темныхъ миртовыхъ садахъ,
Фонтановъ мраморныхъ при медленномъ журчаньи,
При соблазнительныхъ луны твоей лучахъ,
Въ твоемъ, о юная невольница, лобзаньи
Цвѣтовъ родной твоей страны,
Живыхъ восточныхъ розъ отвѣдаемъ дыханье
И жаръ, и свѣжесть ихъ весны!..

Элегія «Гебеджинскія Развалины», по мнѣнію нашему, лучшая изъ всѣхъ. Въ ней обнаруживается необыкновенное искусство въ описаніяхъ, яркость въ выраженіяхъ и сила въ мысляхъ. Пользуясь намъ

данымъ позволеніемъ, выписываемъ бо́льшую часть этой Элегіи.

Столбовъ, поникнувшихъ сѣдыми головами,
Столбовъ у тлѣнности угрюмой на часахъ,
Стоящихъ насмурно надъ падшими столбами—
Повсюду сумрачный дедалъ въ моихъ очахъ!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Дружины мертвецовъ гранитныхъ!
Не вы ли стражи тѣхъ столбовъ,
На коихъ чудеса вѣковъ,
Искусствъ и знаній первобытныхъ
Рукою Сиѳовыхъ начертаны сыновъ?...
Какъ знать? И здѣсь былой порою,
Творенья, можетъ быть, весною,
Родъ человѣческій безъ умолку жужжалъ—
Въ тѣ времена, какъ нашихъ башенъ
Главою отрокъ достигалъ,
И мамонта, могучъ и страшенъ,
На битву равную охотникъ вызывалъ!
Быть можетъ, нѣкогда и въ этомъ запустѣньи
Гигантской роскоши лилось обвороженье:
Вздымались портики близъ кедровыхъ палатъ,
Кругомъ висячіе сады благоухали,
Тѣснились мѣдныя чудовища у вратъ,
И мраморъ золотомъ расписанныхъ аркадъ
Слоны гранитные хребтами подпирали!
И здѣсь огромныхъ башенъ лѣсъ,
До вѣковыхъ переворотовъ,
Пронзалъ, быть можетъ, сводъ небесъ,
И пѣна горныхъ струй, средь пальмовыхъ древесъ,
Изъ пасти бронзовыхъ сверкала бегемотовъ!—
И здѣсь на жертвенную кровь,
Быть можетъ, мирными вѣнчанные цвѣтами,
Колоссы яшмовыхъ боговъ
Глядѣли весело алмазными очами...
Такъ, такъ! подлунаго величія звѣздой
И сей Ничтожества былъ озаренъ объѣдокъ,—
Парилъ умовъ надмѣнныхъ рой,
Цвѣла любовь... и напослѣдокъ—
Повсюду смерть, повсюду прахъ
Въ печальныхъ странника очахъ!

Лишь ты, Армида красотою,
Надъ сей могилой вѣковою,
Природа-мать, лишь ты одна
Души магической полна!
Какою роскошью чудесной
Сей градъ развалинъ неизвѣстный
Повсюду богатитъ она!—
Взгляните: этотъ столбъ, гигантъ окаменѣлый,
Какъ въ полѣ колосъ переспѣлый,
Къ землѣ онъ древнею склонился головой;
Но съ нимъ подвинутый годами,
Сосѣдъ, увѣнчанный цвѣтами,
Гирляндой связанъ молодой;
Но съ головы его маститой
Кудрей зеленыхъ вьется рой,
И плащъ изъ листьевъ шелковистый,
Колышетъ вѣтръ на немъ лѣсной!
Вотъ столбъ другой: на дернъ кудрявый,
Какъ трупъ онъ рухнулся безглавый;
Но по сіяющимъ развалины рубцамъ
Играетъ свѣжій плющъ и вьется миртъ душистый,
И великана корень мшистый
Корзиной вешнимъ сталъ цвѣтамъ!
И вмѣсто рухнувшей громады
Ужь юный тополь нѣжитъ взгляды,
И тихо все... лишь соловей,
Какъ сердце, полное—то безпадежной муки,
То чудной радости—съ густыхъ его вѣтвей
Свои льетъ пламенные звуки...
Лишь посреди сѣдыхъ столбовъ,
Хаоса дикихъ травъ, обломковъ и цвѣтовъ,
Вечернимъ золотомъ облитыхъ—
Семейство ящерицъ отъ странника бѣжитъ,
И въ кампяхъ, зелени узорами обвитыхъ,
Кустами дальними шумитъ!...

Іероглифы вѣковые,
Былаго міра мавзолей!
Межь вами и душой моей,
Скажите, что за симпатія? —
Нѣтъ! вы не мертвая Ничтожества строка:
Вашъ прахъ—урокъ судьбы тщеславію потомковъ;
Живѣй ли гордый лавръ сихъ дребезговъ цвѣтка?...
О дайте жь, дайте для вѣнка
Мнѣ листьевъ съ мертвыхъ сихъ обломковъ!

Остатки Древности святой,
Когда безмолвно я надъ вами
Парю крылатою мечтой—
Вѣка смѣняются вѣками,
Какъ волны моря предо мной!
И съ великанами былыми—
Тогда я будто какъ съ родными,
И неземнаго бытія
Призывъ блаженный слышу я!...

Но день погасъ, а я душою
Къ симъ камнямъ будто пригвождёнъ,
И вотъ ужь яхонтовой мглою
Одѣлся вѣчный небосклонъ.
По морю синяго эѳира,
Какъ челнъ мистическаго міра,
Царица ночи поплыла,
И на чудесныя громады
Свои опаловые взгляды,
Сквозь тѣнь лѣсную, навела.
Рубины звѣздъ надъ нею блещутъ;
И межь столбовъ сѣдыхъ трепещутъ,
И будто движа ихъ, встаютъ
Изъ-подъ земли былаго дѣти,
И мертвый градъ свой узнаютъ,
Паря во мглѣ тысячелѣтій...

Звѣрей и птицъ ночныхъ пріютъ,
Давноминувшаго зерцало,
Ничтожныхъ дребезговъ твоихъ
Для градовъ нашихъ бы достало!
Къ обломкамъ гордыхъ зданій сихъ,
О, Альпаскары! приступите,
Свои имъ грезы разскажите,
Откройте имъ: боговъ земныхъ
О чемъ тщеславіе хлопочетъ?
Чего докучливый отъ нихъ
Народовъ муравейникъ хочетъ?...
Ты правъ, божественный нѣвецъ:
Вѣка—вѣковъ лишь повторенье!
Сперва—свободы обольщенье,
Гремушки славы наконецъ;
За славой—роскоши потоки,
Богатства съ золотымъ ярмомъ,
Потомъ—пзящные пороки,
Глухое варварство потомъ!...

Это прекрасно! Энергія послѣднихъ стиховъ удивительна!

Остальныя элегіи <между коими шестая

ПУШКИНЪ.

Акварель Павла Соколова.

Александр Пушкин

Лит. Н. Кадушина. С. П. Б.

весьма замѣчательна> заключаютъ въ себѣ недостатки и красоты, уже нами указанные: силу выраженія, переходящую часто въ надутость; яркость описанія, затемненную иногда неточностію.—Вообще главныя достоинства «Оракійскихъ Элегій»: блескъ и энергія; главные недостатки: напыщенность и однообразіе.

Къ «Оракійскимъ Элегіямъ» присовокуплены разныя мелкія стихотворенія, имѣющія неоспоримое достоинство: вездѣ гармонія, вездѣ мысли, изрѣдка истина чувствъ. Если бы г. Тепляковъ ничего другаго не писалъ, кромѣ элегіи *Одиночество* и станса *Любовь и Ненависть*, то и тутъ занялъ бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами. Заключимъ разборъ, выписавъ стихотвореніе, которымъ заключается и книга г. Теплякова.

ОДИНОЧЕСТВО.

I.

Въ лѣсу осенній вѣтръ и стонетъ, и дрожитъ;
По морю темному ревучій валъ кочуетъ;
Уныло крупный дождь въ окно мое стучитъ;
Раздумье тяжкое мечты мои волнуетъ.

II.

Мнѣ грустно! Догорѣлъ каминъ трескучій мой;
Послѣдній красный блескъ надъ угольями вьется...
Мнѣ грустно! Тусклый день ужь гаснетъ надо мной;
Ужь съ неба темнаго туманный вечеръ льется.

III.

Какъ сладко онъ для двухъ супруговъ пролетитъ,
Въ кругу, гдѣ бабушка *внучатъ* своихъ ласкаетъ,
У креселъ дѣдовскихъ красавица сидитъ—
И былямъ старины, работая, внимаетъ!

IV.

Мечта докучная! зачѣмъ передъ тобой
Супруговъ долгія лобзанья пламенѣютъ?
Что въ томъ, какъ ихъ сердца, подъ ризою ночной
Средь ненасытныхъ ласкъ, въ палящей нѣгѣ млѣютъ.

V.

Межь тѣмъ какъ онъ кипитъ, мой одинокій умъ
Какъ сердце сирое, облившись кровью, рвется,
Когда душа моя, средь вихря горькихъ думъ,
Надъ ихъ мучительно-завидной долей вьется!

VI.

Но если для меня безвѣстный уголокъ
Не созданъ, темными *дубами* осѣненный,
Подруга милая и яркій камелёкъ,
Въ часы осеннихъ бурь друзьями окруженный,-

VII.

О жаръ святыхъ молитвъ, зажгись въ душѣ моей!
Лучь вѣры пламенной блесни въ ея пустынѣ?
Пролейся въ грудь мою цѣлительный елей:
Пусть сны вчерашніе не мучатъ сердца нынѣ!

VIII.

Пусть, упоенная надеждой неземной,
Съ душой всемірною моя соединится;
Пускай сей мрачный долъ изчезнетъ предо мной;
Осенній въ окна вѣтръ, бушуя, не стучится!

IX.

О, пусть превыше звѣздъ мой вознесется духъ,
Туда, гдѣ взоръ Творца ихъ сонмы зажигаетъ!
Въ мірахъ надсолнечныхъ пускай мой жадный слухъ
Органамъ ангеловъ, восторженный, внимаетъ...

X.

Пусть я увижу ихъ, въ безмолвіи святомъ,
Передъ тропомъ Вѣчнаго, колѣнопреклоненныхъ;
Прочту символы тайнъ, пылающихъ на немъ,
И юнымъ первенцамъ творенья откровенныхъ...

XI.

Пусть Соломоновой премудрости звѣзда
Блеснетъ душѣ моей въ безоблачномъ эѳирѣ;
Поправъ земную грусть, быть можетъ, я тогда
Не буду тосковать о другѣ въ здѣшнемъ мірѣ!

---

984. ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА.

Сочиненіе Сильвіо Пеллико.

На дняхъ выйдетъ изъ печати новый переводъ книги: Dei Doveri degli uomini, сочиненія славнаго Сильвіо Пеллико.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей не льзя повторить ни единаго выраженія, котораго не знали бы всѣ наизустъ, которое не было бы уже *пословицею народовъ*; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга сія называется Евангеліемъ—и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные унынiемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе.

И не всуе, собираясь сказать нѣсколько словъ о книгѣ кроткаго страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественномъ Евангеліи: мало было избранныхъ <даже между первоначальными пастырями Церкви>, которые бы въ своихъ твореніяхъ приближились кротостію духа, сладостію краснорѣчія и младенческою простотою сердца къ проповѣди Небеснаго учителя.

Въ позднѣйшія времена неизвѣстный творецъ книги «О подражаніи Іисусу Христу», Фенелопъ и Сильвіо Пеллико въ высшей степени принадлежатъ къ симъ

избраннымъ, которыхъ Ангелъ Господній привѣтствовалъ именемъ *человѣковъ благоволенія*.

Сильвіо Пеллико десять лѣтъ провелъ въ разныхъ темницахъ, и получа свободу, издалъ свои записки. Изумленіе было всеобщее: ждали жалобъ, напитанныхъ горечью,—прочли умилительныя размышленія, исполненныя яснаго спокойствія, любви и доброжелательства.

Признаемся въ нашемъ суетномъ зломысліи. Читая сіи записки, гдѣ ни разу не вырывалося изъ-подъ пера нещастнаго узника выраженія нетерпѣнія, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намѣреніе въ этой непарушимой благосклонности ко всѣмъ и ко всему; эта умѣренность казалась намъ искусствомъ. И восхищаясь писателемъ, мы укоряли человѣка въ неискренности. Книга «Dei doveri» устыдила насъ и разрѣшила намъ тайну прекрасной души, тайну человѣка-христіанина.

Сказавъ, какую книгу напомнило намъ сочиненіе Сильвіо Пеллико, мы ничего болѣе не можемъ и не должны прибавить къ похвалѣ нашей.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, въ статьѣ писателя съ истиннымъ талантомъ, критика, заслужившаго довѣренность просвѣщенныхъ читателей, съ удивленіемъ прочли мы слѣдующія строки о книгѣ Сильвіо Пеллико:

«Если бы книга *Обязанностей* не вышла вслѣдъ за книгою *Жизни* <Мои темницы>, она показалась бы намъ общими мѣстами, сухимъ, произвольно догматическимъ урокомъ, который мы бы прослушали безъ вниманія».

Неужели Сильвіо Пеллико имѣетъ нужду въ извиненіи? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести непзъяснимой, гармоническаго краснорѣчія, могла кому бы то ни было, и въ какомъ бы то ни было случаѣ, показаться *сухой* и холодно-догматической? Неужели, если бъ она была написана въ тишинѣ Оиваиды или въ библіотекѣ философа, а не въ грустномъ уединеніи темницы, недостойна была бы обратить на себя вниманія человѣка, одареннаго сердцемъ?—Не можемъ повѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ такова была мысль автора «Исторіи Поэзіи».

Это ужъ не ново; это было уже сказано—вотъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ обвиненій критики. Но все уже было сказано, всѣ понятія выражены и повторены въ теченіе столѣтій; что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что духъ человѣческій уже ничего новаго не производитъ? Нѣтъ, не станемъ на него клеветать: разумъ неистощимъ въ *соображеніи* понятій, какъ языкъ неистощимъ въ *соединеніи* словъ. Всѣ слова находятся въ лексиконѣ; но книги, поминутно появляющіяся, не суть повторенія лексикона. *Мысль* отдѣльно никогда ничего новаго не представляетъ; *мысли же* могутъ быть разнообразны до безконечности.

Какъ лучшее опроверженіе мнѣнія г-на Шевырева, привожу собственныя его слова:

«Прочтите ее <книгу Пеллико> съ тою же вѣрою, съ какою она писана, и вы вступите изъ темнаго міра сомнѣній, разстройства, раздора головы съ сердцемъ въ свѣтлый міръ порядка и согласія. Задача жизни и щастія вамъ покажется проста. Вы какъ-то соберете себя, разсѣяннаго по мелочамъ страстей, привычекъ и прихотей—и въ вашей душѣ вы ощутите два чувства, которыя, къ сожалѣнію, очень рѣдки въ эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды».

985. СЛОВАРЬ О СВЯТЫХЪ,

ПРОСЛАВЛЕННЫХЪ ВЪ РОССІЙСКОЙ ЦЕРКВИ, И О НѢКОТОРЫХЪ СПОДВИЖНИКАХЪ БЛАГОЧЕСТІЯ МѢСТНО-ЧТИМЫХЪ. 1836 г. Спб.

Въ наше время главный недостатокъ, отзывающійся во всѣхъ почти ученыхъ произведеніяхъ, есть отсутствіе труда. Рѣдко случается критикѣ указывать на плоды долгихъ изученій и терпѣливыхъ разысканій. Что же изъ того происходитъ? Наши такъ называемые *ученые* принуждены замѣнять существенныя достоинства изворотами болѣе или менѣе удачными: порицаніемъ предшественниковъ, новизною *взглядовъ*, припоровленіемъ модныхъ понятій къ старымъ, давно извѣстнымъ предметамъ и пр. Таковыя средства <которыя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно назвать шарлатанствомъ> не подвигаютъ науки ни на шагъ, поселяютъ жалкій *духъ сомнѣнія и отрицанія* въ умахъ незрѣлыхъ и слабыхъ, и печалятъ людей истинно ученыхъ и здравомыслящихъ.

Словарь о Святыхъ не принадлежитъ къ числу опрометчивыхъ и скороспѣлыхъ произведеній, наводняющихъ наши книжныя лавки. Отчетливость въ предварительныхъ изысканіяхъ, полнота въ совершеніи

предпринятаго труда поставили сію книгу высоко во мнѣніи знающихъ людей. Издатель на своемъ поприщѣ имѣлъ предшественникомъ Новикова, напечатавшаго въ 1784 году *Опытъ Историческаго Словаря о всѣхъ въ истинной православной вѣрѣ святою непорочною жизнію прославившихся святыхъ мужахъ*. Съ того времени прошло болѣе пятидесяти лѣтъ; средства и источники умножились; для новаго издателя трудъ былъ облегченъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и удвоенъ. Въ *Опытѣ* Новикова помѣщено 169 именъ угодниковъ, съ описаніемъ ихъ житія, или безо всякаго объясненія: *Словарь о Святыхъ* заключаетъ въ себѣ 363 имени, т.-е. болѣе, нежели вдвое. У Новикова источники изрѣдка указаны внизу самаго текста: въ нынѣшнемъ «Словарѣ» полный «Указатель» источникамъ напечатанъ особо, въ два столбца, мелкимъ шрифтомъ, и составляетъ цѣлый печатный листъ.

«Церковь Россійская»,—сказано въ предисловіи,— «весьма осторожно оглашала святыми угодниковъ своихъ, и только по явномъ открытіи нетлѣнія мощей, прославленныхъ чудесами, помѣщала ихъ въ мѣсяцословы. Россія къ утвержденію православія своего видѣла во многихъ мѣстахъ явное знаменіе благодати надъ мощами тѣхъ, кои святостію жизни, примѣромъ благочестія, или христіанскимъ самоотверженіемъ явили себя достойными почитанія; но имена сихъ угодниковъ не были внесены въ «Общіе Святцы Россійской Церкви»; а память ихъ совершалась въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ они почиваютъ. Причиною такой мѣстности было отдѣленіе духовной власти Новгорода отъ главной духовной власти Россіи, и потомъ раздѣленіе митрополіи на Кіевскую и Московскую. Уже въ половинѣ XVI вѣка Московскій митрополитъ Макарій, составляя «Великія Четьи-Минеи», собралъ житія и нѣкоторыхъ святыхъ, еще дотолѣ въ Патерикахъ не помѣщенныхъ, и для установленія имъ службъ имѣлъ въ Москвѣ, 1547 года, соборъ, на которомъ двѣнадцати святымъ Россійскимъ назначено повсюду празднованіе и службы, а девяти—только въ мѣстахъ, гдѣ мощи ихъ почиваютъ. Тѣ церкви, которыя не успѣли на соборъ представить свидѣтельствъ о своихъ мѣстныхъ угодникахъ, послѣ получали, по разсмотрѣнію митрополита, дозволеніе совершать память ихъ, и потомъ, при патріархахъ, нѣкоторые изъ нихъ внесены въ общіе мѣсяцословы. Митрополитъ Ростовскій Димитрій, въ своихъ «Четьихъ-Минеяхъ» помѣстилъ преподобныхъ Кіевопечерскихъ подъ числомъ совершенія ихъ памяти. Но и за симъ многіе не внесены въ мѣсяцословы, хотя нѣкоторымъ сочинены особыя службы, кондаки и тропари: таковы угодники Новгородскіе, Псковскіе, Вологодскіе и другіе.

Въ предлагаемомъ «Словарѣ» помѣщены житія святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви; житія нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ благочестія, коихъ память благоговѣйно сохраняется тамъ, гдѣ они жили или почили; наконецъ краткія извѣстія о тѣхъ богоугодно-поживших, которыхъ имена выписаны изъ синодиковъ, или древнихъ монастырскихъ записокъ. При описаніи жизни святаго, прославленнаго во всей Россійской Церкви, обозначены въ «Словарѣ» мѣсяцъ и число совершенія памяти; относительно прочихъ также означается мѣсто и день, когда чтится ихъ память совершеніемъ молебныхъ пѣній или панихидъ, по введенному постановленіями или преданіемъ обычаю».

Слогъ издателя долженъ будетъ служить образцомъ для всѣхъ ученыхъ словарей. Онъ простъ, полонъ и кратокъ. Намъ случилось въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» <впрочемъ, книгѣ необходимой и имѣющей столь великое достоинство> найти въ описаніи какого-то сраженія уподобленіе одного изъ корпусовъ кораблю или птицѣ, не помнимъ навѣрное чему: таковыя риторическія фигуры въ какомъ нибудь иномъ сочиненіи могутъ быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя, но въ словарѣ онѣ во всякомъ случаѣ нетерпимы.

Издатель «Словаря о Святыхъ» оказалъ важную услугу исторіи. Между тѣмъ, книга его имѣетъ и общую занимательность: есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы, и чью память празднуютъ ежегодно. Не дозволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не дивиться крайнему ихъ нелюбопытству.

Наконецъ, и библіофилы будутъ благодарны за типографическую изящность изданія: «Словарь» напечатанъ въ большую осьмушку, на лучшей веленовой бумагѣ, и есть отличное произведеніе типографіи Втораго отдѣленія Собственной Канцеляріи Е. И. В.

ВЗГЛЯДЪ ПУШКИНА НА СОВРЕМЕННУЮ ЕМУ ФРАНЦУЗСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ.

Шумное и грубое выступленіе члена Россійской Академіи, М. Е. Лобанова, съ рѣчью «Мнѣнія о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной» (18 янв. 1836 г.) было типичнымъ явленіемъ въ исторіи литературной полемики тридцатыхъ годовъ XIX в. Голосъ Лобанова не былъ одинокимъ выкрикомъ какого-то изступленнаго старовѣра, а выражалъ взгляды, весьма распространенные въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ. Довольно продолжительное время французскій романтизмъ былъ боевымъ пунктомъ, вокругъ котораго сосредоточивались горячіе дебаты нашей журналистики. Въ виду этого, чрезвычайно существенное значеніе пріобрѣтаетъ вопросъ о томъ, какъ относился Пушкинъ къ французскимъ романтикамъ и вообще къ писателямъ эпохи французскаго романтизма, завершившейся (въ произведеніяхъ В. Гюго, Жоржъ Сандъ, Эж. Сю и Бальзака) созданіемъ реальнаго и соціальнаго романа.

I.

Вообще говоря, французская литература, особенно ея т. наз. «юная словесность» (les Jeunes—France), среди нашихъ критиковъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ имѣла больше противниковъ, чѣмъ сторонниковъ. Въ сущности, одинъ только «Московскій Телеграфъ» Н. А. Полевого съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ пропагандировалъ французскій романтизмъ, особенно восторгаясь произведеніями В. Гюго, въ которыхъ онъ находилъ «соединеніе истины, философіи и поэзіи» [1]).

Въ связи съ Лобановымъ и Пушкинымъ остановимся нѣсколько на тѣхъ статьяхъ русскихъ журналовъ, которыя были направлены именно противъ «юной Франціи». Русскіе обличители нерѣдко говорили прямо съ голоса французскихъ и англійскихъ журналистовъ и не всегда даже бывали искренны (какъ Сенковскій), но все же наша журнальная полемика хорошо оттѣняетъ общій фонъ картины.

Недавній сотрудникъ «Вѣстника Европы», гдѣ онъ такъ страстно нападалъ на «сонмище нигилистовъ», Надеждинъ и въ своемъ «Телескопѣ» продолжалъ войну съ романтиками [2]), охотно пользуясь при этомъ статьями иностранныхъ критиковъ (Ж. Жанена [1]), но особенно Низара [2]) и Густава Планша [3]).

Съ своей стороны, Брамбеусъ-Сенковскій, не довольствуясь самостоятельными вылазками противъ «юной словесности», опирается на авторитетъ французскаго же критика Granier de Cassagnac, напечатавъ (правда, въ искалѣченномъ видѣ) его статью «Jacques, par George Sand» [4]) подъ заглавіемъ «Школы въ нынѣшней французской словесности» [5]).

Въ статьяхъ французскихъ критиковъ, которые служили авторитетами для Надеждина и Сенковскаго, съ полнымъ единодушіемъ подчеркивалась мысль объ органической связи новаго теченія во французской литературѣ съ іюльской революціей: за политической революціей послѣдовала революція литературная, которая не только стремилась ниспровергнуть старые литературные кодексы, но и продолжала разрушительное дѣло революціи своими нападками на религію, семью, собственность, на всѣ «священныя» основы общества. Въ лучшемъ случаѣ новая литература распространяетъ заразу сомнѣнія, скептицизма и пагубнаго индивидуализма. «Sur la religion, doute; sur la constitution de la famille, doute; sur l'assiette des peuples, doute; sur les principes philosophiques, doute; sur les théories littéraires, doute; doute sur tout», жаловался Гранье де Кассаньякъ. Скептики, отвергающіе всякій синтезъ, живутъ въ самихъ себѣ, полны умственнаго эгоизма (se constituent en état d'égoisme intellectuel), и въ пустынѣ, которую они создаютъ вокругъ себя этимъ отрицаніемъ, возвышается одна только пирамида—le moi.

[1]) См. главу III въ книгѣ П. П. Замотина «Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX стол. въ русской литературѣ» (Варшава, 1903).

[2]) П. П. Замотинъ. Ib., гл. IV и V—Статьи, на которыя мы далѣе ссылаемся, однако, не использованы г. Замотинымъ.

[1]) Телескопъ, 1833, ч. XIII. («письмо къ миледи Ф. Б. о «Состояніи искусства во Франціи послѣ іюльской революціи»).

[2]) Статья «О вѣроятности близкаго упадка легкой литературы во Франціи» (Тел., 1834, ч. XIX). Это—точный переводъ первой половины статьи Низара «D'un commencement de réaction contre la littérature facile» изъ «Revue de Paris», 1833, t. 57. Бойкій и колкій отвѣтъ Низару далъ Ж. Жаненъ (см. его «Critique. Portraits et caractères contemporains. Paris. P. 17—45), но его отвѣтъ въ русскіе журналы не попалъ.

[3]) Статья «Современная французская литература» (Тел., 1834, ч. XX), опять неполный переводъ статьи «Les royautés littéraires» изъ «Revue des deux Mondes», 1834, t. I.

[4]) Revue de Paris, 1834, т. II.

[5]) Библіотека для Чтенія, 1834, т. VII, отд. II.

Рядомъ съ французскими журналами, Надеждинъ и Сенковскій охотно прибѣгаютъ также къ статьямъ англійскихъ ежемѣсячниковъ, особенно — Edinburgh Review [1]). Англійскіе журналы (и «The Quarterly Review» даже рѣшительнѣе, чѣмъ «The Edinburgh Review») стремились по состоянію литературы характеризовать и весь французскій народъ: они высказываютъ опасеніе, что нечистый потокъ литературы смоетъ послѣдніе остатки благопристойности и набожности (of decency and piety) и вернетъ огрубѣвшую націю (the brutalized nation) ко днямъ первой революціи.

Въ одной изъ своихъ статей Сенковскій задался цѣлью отдать себѣ и читателямъ систематическій отчетъ въ томъ, какъ онъ смотритъ на современныхъ французскихъ писателей, и въ какомъ отношеніи къ нимъ находится онъ самъ, какъ беллетристъ [2]). Самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергая упреки въ томъ, что онъ подражаетъ «юной словесности», Брамбеусъ не жалѣетъ красокъ, чтобы очернить французскую литературу. «Это прямо вторая французская революція въ священной оградѣ нравственности, затѣянная со всею легкомысленностью, и производимая со всѣмъ неистовствомъ и остервенѣніемъ, свойственными народу, который произвелъ и обожалъ Марата, Робеспьера, Сенъ-Жюста», писалъ Брамбеусъ: «и чернильныя тюрьмы, казни, эшафоты,—и это безвѣріе, скептицизмъ, ужасъ и безстыдство въ Драмѣ, Романѣ и Повѣсти,—и эта кровь и буйства на страницахъ легкаго и пріятнаго чтенія, происходятъ отъ того же умственнаго недуга, который за сорокъ лѣтъ передъ симъ усѣялъ Францію политическими развалинами и трупами». Надеждинъ не повѣрилъ оправданіямъ Брамбеуса и съ новой силой повторилъ, что онъ видитъ въ баронѣ вѣрнаго послѣдователя неистовой французской литературы, но къ его оцѣнкѣ «юной словесности» вполнѣ присоединился [3]).

[1]) Библ. для Чтенія, 1834, т. I, статья изъ «Edinburgh Review» (1833, vol. LVII, N CXVI), но черезъ посредство журнала «Magazin für die Literatur des Auslandes», 1833, November, № 137—139.—Статья «Мнѣніе Лондонскаго и Вестминстерскаго Review о французскихъ романистахъ девятнадцатаго столѣтія» въ «Телескопѣ» за 1835 г., ч. XXX (по поводу статьи въ «The Quarterly Review», 1836, vol. LVI, № CXI).

[2]) Брамбеусъ и юная словесность. Библ. для Чтенія, 1834, т. III, отд. I, стр. 33—60.

[3]) Здравый смыслъ и Баронъ Брамбеусъ. Телескопъ, 1834, ч. XXI, стр. 131—175, 246—276 и 317—335.

Минуя другія статьи русскихъ журналовъ 30-хъ годовъ, напомнимъ лишь, что на французскую литературу нападалъ и Бѣлинскій, сначала мягко, а въ гегельянскій періодъ чрезвычайно рѣзко. Въ 1836 г. Бѣлинскій упрекалъ Шевырева въ какомъ-то «безотчетномъ и безусловномъ предубѣжденіи противъ всей современной французской литературы», полагая, что «для нашей публики слишкомъ достаточно возгласовъ «Библіотеки для Чтенія» противъ французской словесности». «Право, слишкомъ уже приторны эти безотчетные, ни на чемъ не основанные возгласы о безнравственности литературы цѣлаго народа, литературы, которая имѣетъ Шатобріановъ и Ламартиновъ, и мы очень бы желали, чтобъ наши правоучители или растолковали намъ, въ чемъ именно состоитъ эта безнравственность, или поукротили бы свое негодованіе!»... Самъ Бѣлинскій того мнѣнія, что «французской литературѣ не достаетъ чистаго, свободнаго творчества, вслѣдствіе зависимости отъ политики, общественности и вообще національнаго характера французовъ, что ей вредитъ скорописность, духъ не столько вѣка, сколько дня, обаяніе суетности и тщеславія, жажда успѣха во что бы то ни стало» [1]). Но уже въ 1838 г. мы читаемъ у Бѣлинскаго [2]) „Все, что есть отвратительнаго въ человѣческой природѣ, всѣ ея уклоненія, все, что есть ужаснаго въ гражданскомъ обществѣ, всѣ его противорѣчія — все это они (т.-е. господа неистовые) отвлекли отъ природы человѣка и отъ гражданскаго общества, и рядъ чудовищно-нелѣпыхъ романовъ, повѣстей и драмъ наводнилъ весь бѣлый свѣтъ... Развратъ, кровосмѣшеніе, разбой, отцеубійство, дѣтоубійство, братоубійство, предательство, казни, пытки, кровь, гной, рѣзня, тюрьмы и дома разврата,— сдѣлались любимыми пружинами для возбужденія эффекта».

Итакъ, ходячія обвиненія противъ французской литературы 30-хъ годовъ сводились къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) она—исчадіе іюльской революціи и вообще революціоннаго духа Франціи; 2) своей безнравственностью она подрываетъ основы общественной жизни и 3) она—печальная свидѣтельница моральнаго упадка всей Франціи.

[1]) Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 475—8.

[2]) Ib., т. III, стр. 409.

II.

Посмотримъ теперь, какъ реагировалъ на то же литературно-общественное явленіе Пушкинъ.

Пушкинъ обладалъ трезвой, реалистической натурой и свѣтлымъ художественнымъ созерцаніемъ. Его влекли къ себѣ гармоническія формы классическаго искусства; въ самомъ себѣ отъ носилъ аполлоновскія начала поэтическаго творчества. Если даже мы не пойдемъ такъ далеко, какъ г. A. Mansuy [1]), который утверждаетъ, что «tout ce qu'il y a de tact, de goût, de mesure, de sens artistique dans Pouchkine, il le doit à l'influence des classiques français» (p. 277),—то все же не можемъ отрицать ни вліянія французскихъ классиковъ на Пушкина, ни его духовнаго родства съ нѣкоторыми изъ нихъ. Вогюэ въ значительной степени былъ правъ, когда писалъ о ПушкинѢ: «Près de ce coeur de fou résidait l'esprit littéraire le plus sage, clair et mesuré, classique dans la meilleure acception du terme». [2]) Въ широкой и свободной душѣ Пушкина нашлось мѣсто для самыхъ разнообразныхъ симпатій; предъ нимъ были открыты литературныя сокровища разныхъ эпохъ и народовъ, и во всемъ геніальный поэтъ умѣлъ находить живой предметъ для своей мысли и творчества. Но нельзя не видѣть того различія, какое обнаруживается въ отношеніи Пушкина къ нѣмецкому идеализму, съ одной стороны, къ французскому классицизму и англійской литературѣ, съ другой. Пушкинъ не могъ ассимилировать своего настроенія съ настроеніемъ московскаго кружка любомудровъ [3]), тогда какъ его «классическія» симпатіи отчетливо сказываются и на протяженіи всѣхъ тридцатыхъ годовъ рядомъ съ тяготѣніемъ къ англійской литературѣ (не только къ Шекспиру и Вальтеръ-Скотту, но и къ второстепеннымъ ея представителямъ, въ родѣ Barry Cornwall).

Тѣмъ не менѣе, Пушкинъ внимательно слѣдилъ и за тѣмъ, что дѣлалось въ современной ему французской литературѣ. Не только друзья, напр., А. И. Тургеневъ снабжали Пушкинскій кружокъ всѣми новостями по части французской литературы [1]), но и самъ Пушкинъ старательно пріобрѣталъ всѣ новинки [2]). Тонкій критикъ, Пушкинъ оставилъ немало отдѣльныхъ замѣтокъ о французскихъ писателяхъ эпохи романтизма и задумалъ было на эту тему цѣлую статью, отъ которой, къ сожалѣнію, мы имѣемъ только программу [3]).

Въ то время, какъ русская критика пушкинскаго періода, за исключеніемъ одного Бѣлинскаго, въ своихъ взглядахъ на французскую словесность исходила, главнымъ образомъ, изъ моральныхъ принциповъ, въ сужденіяхъ Пушкина преобладаетъ критерій эстетическій. Онъ посмотрѣлъ на вопросъ, прежде всего, какъ художникъ, который дорожитъ искусствомъ, какъ таковымъ. Но онъ не могъ оставить безъ вниманія и вопроса о степени «безнравственности» французской словесности, тѣмъ болѣе, что нашъ поэтъ ясно сознавалъ извѣстную аналогію между своимъ собственнымъ положеніемъ и положеніемъ французскихъ новаторовъ передъ лицомъ старозавѣтныхъ или, по крайней мѣрѣ, нечуткихъ и одностороннихъ защитниковъ нравственности въ поэзіи.

Пушкинъ даетъ намъ отвѣты по тремъ основнымъ пунктамъ вопроса: 1) какова цѣнность французской литературы въ художественномъ отношеніи? 2) какую эстетическую квалификацію можно дать ея содержанію и 3) какое значеніе имѣла французская словесность для русской литературы тридцатыхъ годовъ?

Пушкинъ двадцатыхъ годовъ съ интересомъ ждалъ французскаго романтизма. Правда, у него самого, какъ и у другихъ въ то время, были довольно сбивчивыя представленія о сущности роман-

[1]) A. Mansuy (лекторъ франц. языка въ Варшавскомъ унив.). Ce que doit Pouchkine aux écrivains français? Révue politique et littéraire. Revue Bleue. 1904, 20 et 27 août. Въ статьѣ встрѣчаются фактическія погрѣшности и преувеличенія, но есть и интересныя соображенія.

[2]) V-te E. M. de Vogüé. Le roman russe. Troisième édition, Paris. 1892. P. 42. — О вліяніи французскихъ классиковъ на языкъ Пушкина говоритъ Ѳ. Е. Коршъ въ статьѣ «Разборъ вопроса о подлинности окончанія Русалки» (Изв. Отд. р. яз. и слов. Акад. Н., 1898, III, кн. 3, стр. 697—703.

[3]) См. въ этомъ изданіи статью П. О. Лернера «П. въ Москвѣ послѣ ссылки» (т. III).

[1]) Смирнова, I, 203.

[2]) Въ этомъ отношеніи поучительно взглянуть, напр., на счетъ Пушкину изъ книжнаго магазина Bellizard et C° (отъ 1836 г.)—въ «Дѣлѣ объ учрежденіи опеки надъ дѣтьми и имуществомъ А. С. Пушкина» (въ музеѣ А. А. Бахрушина, пожертвованномъ нынѣ Академіи Наукъ). См. снимокъ въ журналѣ «Искры», 1909, № 45.— «Александръ», пишетъ Ольга Серг. Павлищева въ 1836 г., «снабдилъ меня, по моей просьбѣ, многими французскими и даже англійскими авторами» (Воспоминанія объ А. С. ПушкинѢ Л. Павлищева, 412).

[3]) Пушкинъ, VI, 654. Всѣ ссылки сдѣланы на изданіе «Просвѣщенія», подъ ред. П. О. Морозова.

тизма (надлежащимъ образомъ не освѣщеннаго и теперь), но Пушкинъ своимъ эстетическимъ чутьемъ вѣрно угадывалъ общій смыслъ новыхъ явленій во французской литературѣ.

Въ 1823—24 гг. онъ надѣется, что романтизмъ «возродитъ умершую поэзію» Франціи. «Вспомни мое слово», пишетъ онъ П. А. Вяземскому: «первый Геній въ Отечествѣ Расина и Буало—ударится въ такую бѣшеную свободу, въ такой литературный Карбонаризмъ—что твои нѣмцы» [1]). И эта перспектива, видимо, нисколько его не пугаетъ. Относительно будущаго французской литературы онъ, очевидно, раздѣляетъ взгляды m-me de Сталь, имя которой всегда произносилось имъ съ полнымъ уваженіемъ.

Романы Сталь пользовались у насъ большой популярностью, и Пушкинъ констатируетъ это въ извѣстныхъ словахъ: «Любви насъ не природа учитъ, а Сталь или Шатобріанъ» [2]).

Ея произведенія были не только въ рукахъ Татьяны [3]), но и Онѣгина [4]). Онѣгинъ, можно думать (судя по контексту), читалъ уже не одни романы madame de Stael. Да въ одномъ варіантѣ прямо сказано: «Онъ зналъ нѣмецкую словесность по книгѣ г-жи de-Сталь» [5]). Пушкинъ, во всякомъ случаѣ, видѣлъ въ ней умнаго и мыслящаго человѣка, къ мнѣніямъ котораго стоитъ прислушиваться [6]). Вспомнимъ, съ какимъ чувствомъ увлеченія говорится о Сталь въ «Рославлевѣ» (1831 г.). Полина (этотъ новый типъ русской дѣвушки-гражданки, современницы Татьяны, но весьма отличной отъ нея), съ благоговѣніемъ смотритъ на автора «Коринны»: «она была безъ памяти отъ славной женщины, столь же добродушной, какъ и геніальной» [7]). У нея она научилась протесту противъ тогдашняго положенія женщины. «Я знаю», смѣло говоритъ молодая дѣвушка [1]), «какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное. Я не признаю уничиженія, къ которому присуждаютъ насъ. Посмотри на M-me de Stael. Наполеонъ боролся съ нею, какъ съ непріятельскою силой». Полюбила Полина французскую писательницу и за то, что она понимаетъ «нашъ добрый, простой народъ» и вѣритъ въ его будущее [2]). Полина ненавидитъ гонителя г-жи Сталь, Наполеона, и Пушкинъ горячо беретъ подъ свою защиту именно автора «Dix ans d'exil» противъ грубыхъ нападокъ Муханова (Сынъ Отечества, 1825, № 10). «Что за слогъ и что за тонъ!» возмущается Пушкинъ [3]): «Какое сношеніе имѣютъ двѣ страницы «Записокъ» съ Дельфиною, Коринною, Взглядомъ на французскую революцію и проч., и что есть общаго между щепетильными (?) [4]) французиками и дочерью Неккера, гонимою Наполеономъ и покровительствуемою великодушіемъ русскаго императора?» [5]). Когда Пушкинъ писалъ свою отповѣдь, онъ еще не зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, но и тогда, когда, съ помощью Вяземскаго, онъ выяснилъ себѣ личность автора статьи—Муханова [6]), не взялъ своихъ словъ назадъ: «M-me de Stael наша—не тронь ея» [7]). Онъ всегда отдавалъ должное «уму и чувствамъ необыкновенной женщины» [8]).

Вмѣстѣ съ Сталь раздѣлялъ симпатіи Пушкина и другой предтеча французскаго романтизма—Шатобріанъ. Его произведенія были не менѣе популярны, чѣмъ романы Сталь [9]), и В. В. Сиповскій готовъ

---

[1]) Сантовъ. Переписка, I, 123 (письмо 1824 г.).

[2]) Пушкинъ, IV, 294. (Евг. Онѣгинъ, I гл., IX строфа, 1822 г., варіантъ). Ср. о романахъ Сталь и Татьянѣ Пушкина въ очеркѣ В. В. Сиповскаго «Онѣгинъ, Ленскій и Татьяна» (Пушкинъ. Спб., 1907. Приложеніе).

[3]) Ibid., 79 (гл. III, стр. X «Евг. Онѣгинъ», 1824).

[4]) Ibid., 200 (гл. VIII, стр. XXXV «Евг. Онѣг.», 1830—1).

[5]) Пушкинъ, IV, 294.

[6]) Пушкинъ не разъ цитируетъ Сталь: IV, 48 (1822 г.); VII, 25 (1822); VI, 50 (1830), 342 (1834).

[7]) Пушкинъ, V, 203.

[1]) Ib., стр. 205.

[2]) Ib., стр. 202—3.—Ср. о томъ же посѣщеніи Россіи г-жею Сталь въ письмѣ къ Вяземскому отъ 27 мая 1826 г. (Сантовъ, I, 351).—Во второмъ наброскѣ «Египетскихъ ночей» (1835) m-me de Staël вспоминается по поводу вопроса, кто первая женщина въ свѣтѣ (Пушкинъ, V, 540—1).

[3]) Пушкинъ, VI, 8 («О г-жѣ Сталь и г. А. М—вѣ», 1825 г.).

[4]) Вопросительный знакъ принадлежитъ Пушкину.

[5]) По поводу послѣдняго выраженія Пушкинъ писалъ Вяземскому 13 іюля 1825 г. (Сантовъ, I, 236): «Тутъ есть одно Великодушіе поставленное во-первыхъ ради Цензуры и во-вторыхъ для вящшаго анонима (родъ онанизма журнальнаго)».

[6]) Сантовъ, I, 289, 305.

[7]) Ibid., стр. 289.

[8]) Пушкинъ, VI, 7. Ср. у Смирновой (I, 126) разговоръ Пушкина и Тургенева.

[9]) Пушкинъ, IV, 294 (гл. I, стр. IX «Евг. Онѣг.» 1822 г. варіантъ); ib., 106 (гл. IV, стр. XXVI «Евг. Онѣг.», 1825 г.); ред. Ефремова, VIII, 487 (варіантъ: «Она влюблялася въ обманы Шато-

думать, что байронизмъ Пушкина существенно осложнился вліяніемъ Шатобріана[1]). Въ серединѣ тридцатыхъ годовъ Пушкинъ уже видитъ слабыя стороны автора «René». Шатобріанъ и Куперъ, говоритъ онъ въ статьѣ «Джонъ Теннеръ» (1836) [2]) «оба представили намъ Индійцевъ съ ихъ поэтической стороны, и закрасили истину красками своего воображенія... Это самое подозрѣвали и читатели; и недовѣрчивость къ словамъ заманчивыхъ повѣствователей уменьшала удовольствіе, доставляемое ихъ блестящими произведеніями» [3]). Но Шатобріанъ, какъ личность, пожалуй, еще болѣе выростаетъ въ глазахъ Пушкина на фонѣ общей распущенности и продажности. Уже Полина («Рославлевъ» 1831 г.) придаетъ значеніе тому, что Сталь была другомъ Шатобріана и Байрона [4]). Шатобріанъ—въ старости, Шатобріанъ—переводчикъ «Потеряннаго рая» Мильтона умиляетъ Пушкина своимъ благородствомъ и своей отзывчивостью на творчество другихъ народовъ. Вѣдь французы, по словамъ Пушкина, какъ разъ отличались «невѣжественной страстью къ народности»: «увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ человѣчествомъ», они долгое время «пренебрегали словесность своихъ сосѣдей» [5]).

Шатобріанъ и Сталь были нѣкогда вѣстниками новаго теченія, но для тридцатыхъ годовъ они были уже весьма старыми писателями. Пушкинъ еще съ средины 20-хъ годовъ сталъ пытливо всматриваться въ физіономіи молодыхъ французскихъ писателей, стараясь найти среди нихъ давно ожидаемаго романтика, но поиски его пока безуспѣшны. Оспаривая мнѣніе Вяземскаго, который готовъ былъ причислить къ романтикамъ даже Шенье, поэтъ убѣжденно и не безъ грусти заявляетъ: «вѣкъ романтизма не насталъ еще для Франціи»; «tous les recueils de poesies nouvelles, dites Romantiques, sont la honte de la litterature françoise» [1]), да вообще «покамѣсть во Франціи поэтовъ менѣе, чѣмъ у насъ» [2]).

Кто эти прославленные п о э т ы и особенно предполагаемые романтики? Беранже? Делавинь? Ламартинъ?

Но «Beranger не поэтъ», лаконически выразился Пушкинъ въ письмѣ къ Погодину (1832 г.) [3]), и ничего, кромѣ шутливыхъ замѣчаній, мы не находимъ у него по адресу талантливаго пѣсенника, который умѣлъ такъ сильно дѣйствовать на настроеніе своихъ соотечественниковъ, и для котораго Бѣлинскій даже въ періодъ своего гоненія на французовъ постоянно дѣлалъ исключеніе. Онъ трунитъ по поводу переводовъ Вас. Льв. Пушкина [4]). Графъ Нулинъ ѣдетъ въ Петрополь «съ запасомъ фраковъ и жилетовъ» и т. д. и между прочимъ «съ послѣдней пѣсней Беранжера» [5]). Пѣсню Беранже «Soldat, t'en souviens-tu» онъ пародируетъ въ своей не свободной отъ шовинизма «Рефутаціи Беранжера», которая составляла одинъ изъ комическихъ номеровъ празднованія лицейской годовщины 19 окт. 1828 г.[6]) Эту пародію, по словамъ Павлищева, Пушкинъ «часто произносилъ въ кругу друзей, заливаясь громкимъ смѣхомъ» [7]).

Отрицая поэтическія достоинства за пѣснями Беранже, Пушкинъ на этотъ разъ весьма скупъ на аргументацію. Нѣкоторое освѣщеніе вопроса находимъ у Анненкова [8]): «Онъ (т.-е. Пушкинъ) ставилъ въ упрекъ

бріана и Руссо»). Пушкинъ цитируетъ мысли Шатобріана—IV, 71 (1823); V, 206 (1831 г.); VI, 277 (1830); IV, 34 (Евг. Он., I, стр. IX). Ср. въ письмѣ отъ окт. 1823 г. «Atala Hansky» рядомъ съ «Lara Hansky» (Сантовъ, I, 80, 79). Ср. разсказъ Смирновой: «Пушкинъ находитъ, что проза Шатобріана стоитъ всѣхъ стиховъ молодыхъ поэтовъ съ 1815 г.» (I, 140).

[1]) В. Сиповскій. Пушкинъ. Спб., 1907. Стр. 511—518. Съ этимъ согласенъ и проф. А. Н. Веселовскій («Пушкинъ и европ. поэзія» въ «Этюдахъ и характеристикахъ», изд. 3-ье, стр. 634—5).

[2]) Пушкинъ, VI, 121.

[3]) «Шатобріанъ, за исключеніемъ «Renэ», ни въ чемъ меня не трогаетъ; десять строкъ Данте стоютъ всей его книги» (именно «Génie du christianisme»), говорилъ Пушкинъ, если вѣрить Смирновой (I, 153). Ср. ib., 149 (о томъ же) и 305 (сопоставленіе Руссо съ Шатобріаномъ).

[4]) Пушкинъ, V, 203.

[5]) Пушкинъ, VI, стр. 174 («О Мильтонѣ» Шатобріановомъ переводѣ «Потеряннаго Рая»). Отзывъ о самомъ переводѣ и о личности автора—ib., стр. 175, 180—3.

[1]) Сантовъ, I, 123 (письмо 1824 г.).

[2]) Ср. ib., 83.

[3]) Сантовъ. Переписка, II, 389.

[4]) Ibid., I, 235 (1825 г.). Ср. въ «Воспоминаніяхъ» Л. Павлищева, стр. 223.

[5]) Пушкинъ, III, 371.

[6]) Пушкинъ II, 449 — 451. — Въ письмѣ къ Плетневу отъ 28 окт. 1830 г. Пушкинъ примѣняетъ къ себѣ слова «Рефутаціи»: «хоть я и не изъ иныхъ прочихъ, такъ сказать».

[7]) Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ А. Павлищева (М. 1890), стр. 150. —Въ одной редакціи «Моей родословной» (1831 г.) Пушкинъ взялъ эпиграфъ изъ «Le Vilain» Беранже (Пушкинъ, II, 504—505). Проф. А. Н. Веселовскій («Пушкинъ и европ. поэзія» въ «Этюдахъ и характеристикахъ», изд. 3-е, стр. 633) усматриваетъ даже сходство между названными произведеніями.

[8]) Матеріалы (Спб. 1873), стр. 289, примѣч.

веселому и остроумному пѣснопѣвцу, произведенія котораго цѣнилъ ниже «прелестныхъ шалостей Коле», особенно то обстоятельство, что «не имѣетъ ничего страстнаго, вдохновеннаго» [1]).

Бераже, впрочемъ, никогда и не думалъ примыкать къ романтикамъ: у него была своя, демократическая публика и своя манера слагать летучія пѣсенки.

Делавиня и Ламартина Вяземскій уже не прочь былъ зачислить въ группу романтиковъ [2]).

Но и Казимиръ Делавинь, авторъ трагедіи «Les vêpres siciliennes» и другихъ пьесъ, справедливо кажется Пушкину скорѣе послѣдователемъ ложноклассиковъ: «Лавинь бьется въ старыхъ сѣтяхъ Аристотеля—онъ ученикъ трагика Вольтера, а не природы» [3]). Дальнѣйшей эволюціи творчества Делавиня, когда онъ болѣе или менѣе сближался съ романтиками, Пушкинъ не касается [4]).

Сложнѣе обстоитъ дѣло съ Ламартиномъ.

Первые отзывы Пушкина, относящіеся къ двадцатымъ годамъ, еще сравнительно благопріятны для Ламартина. «Первыя думы Ламартина», пишетъ Пушкинъ въ 1823 г. Вяземскому [5]), «въ св. родѣ едва-ли не лучше Думъ Рылѣева; послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился—такъ онъ вдругъ выросъ». Рѣчь идетъ, конечно, о «Méditations poétiques» (1820). Въ слѣдующемъ году Пушкинъ хвалитъ нѣкоторыя пьесы, вошедшія въ «Nouvelles méditations» (1823 г.), говоря [1]): «Ламартинъ хорошъ въ Наполеонѣ, въ Умирающемъ поэтѣ—вообще хорошъ какой-то новой Гармоніей». Но, еще не прочитавъ «Le dernier chant du pélerinage d'Harold» (1825), Пушкинъ уже предвидитъ, что это будетъ «чепуха» [2]), что Ламартину невозможно превратиться въ Байрона. Пушкинъ не могъ признать въ немъ не только байрониста, но и романтика вообще [3]). «Ламартинъ кажется Пушкину скорѣе классикомъ, чѣмъ романтикомъ», категорически свидѣтельствуетъ А. О. Смирнова [4]). Въ «Графѣ Нулинѣ» (1825 — 1827) шутливо настроенный поэтъ въ числѣ модныхъ писателей рядомъ ставитъ «D'Arlincourt и Ламартина» [5]). Въ 1829 г., съ «Harmonies poétiques et religieuses», въ поэзію Ламартина сильно вторгается религіозный элементъ, но это не заставило Пушкина возвысить свое мнѣніе о французскомъ поэтѣ. Наоборотъ, въ его отзывахъ тридцатыхъ годовъ слышится почти сплошное порицаніе. Благочестиваго автора «Harmonies religieuses» онъ называетъ «сладкозвучнымъ, но однообразнымъ» [6]). Иронизируя надъ превращеніемъ Сентъ-Бева въ степеннаго и нравственнаго поэта (въ «Les Consolations»), Пушкинъ прибавляетъ: «Можно даже надѣяться, что въ третьемъ своемъ томѣ Делормъ явится набожнымъ, какъ Ламартинъ, и совершенно порядочнымъ человѣкомъ» [7]). Теперь въ глазахъ Пушкина Ламартинъ синонимъ скуки, «тощаго однообразія, вялой безцвѣтности». «Ламартинъ скучнѣе Юнга, и не имѣетъ его глубины», пишетъ Пушкинъ въ 1832 г. Погодину, повторяя мысль своей же замѣтки 1831 г. [8]).

---

[1]) Смирнова (I, 132, 158 и 324) даетъ очень соблазнительныя свѣдѣнія о томъ, что будто бы говорилъ Пушкинъ о Бераже («поэзія мелкой буржуазіи»), но, къ сожалѣнію ея показанія здѣсь болѣе сомнительны, чѣмъ даже въ другихъ мѣстахъ: вѣдь тутъ же идетъ рѣчь и о «Трехъ мушкатерахъ» Дюма. А. Н. Веселовскій («Пушкинъ и еврон. поэзія» въ «Этюдахъ и характеристикахъ», изд. 3-е, стр. 633) того мнѣнія, что имя Бераже «также поманило его (т.-е. Пушкина) къ себѣ не столько возраставшей силой политическаго вліянія и заступничествомъ за народныя нужды, сколько «живою прелестью стиха», порою столь близкаго къ поэтическимъ шалостямъ Пушкина», но тотчасъ же говоритъ о слабости «отголосковъ, казалось, столь естественнаго вліянія великаго «пѣснопѣвца» на его русскаго собрата».

[2]) Сантовъ, I, 83.

[3]) Сантовъ. Переписка, I, 123. (письмо 1824 г.). Ср. ib. 83 (письмо 1823 г.).

[4]) Въ статьѣ 1830 г. «О запискахъ Видока» Пушкинъ, впрочемъ, причисляетъ Казимира Делавиня къ «извѣстнымъ писателямъ» рядомъ съ Б. Констаномъ (VI, 60).

[5]) Сантовъ. Переписка, I, 83. - Также—Пушкинъ, VIII, 435. Но у Ефремова (Пушкинъ, VII, 82), читается безъ отрицанія «не», именно: «Первыя думы Ламартина въ своемъ родѣ едва ли лучше думъ Рылѣева».

[1]) Сантовъ. Переписка, I, 123. Въ письмѣ къ Л. С. Пушкину отъ января 1824 г. Пушкинъ цитируетъ Ламартина (ib., 94).

[2]) Сантовъ. Переписка, I, 202 (письмо къ Л. С. Пушкину отъ апрѣля 1825 г.). Того же мнѣнія былъ и П. П. Козловъ. 31 мая 1825 г. онъ писалъ Пушкину (ib., 221): «Mais si vous voulez du verbiage français dans un autre genre lisez le nouveau poème de Lamartine sur Harold; malgré quelques beaux vers, c'est de ce galimatias double, dont parle Beaumarchais».

[3]) Сантовъ. Переписка, I, 308 (письмо А. А. Бестужеву отъ ноября 1825). Ср. ib., 83, 123 и П. т., 18.

[4]) Записки, I, 140; ср. 193—4.

[5]) Пушкинъ, III, 372.

[6]) Пушкинъ, VI, 430 («О причинѣ въ литературѣ», 1830 г.).

[7]) Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина. Оттискъ, стр. 32.

[8]) Сантовъ, II, 389. Фраза въ замѣткѣ считается, впрочемъ, спорной. Анненковъ (289, прим.

Въ одномъ наброскѣ 1835 г. Пушкинъ нашелъ даже возможнымъ имя Ламартина сочетать съ именемъ Баркова [1]). «Jocelyn» (1835) Пушкинымъ не упоминается, да онъ, вѣроятно, и не могъ имѣть въ виду этого произведенія, когда высказывалъ свои отрицательные отзывы о поэзіи Ламартина [2]).

Оцѣнка Пушкина, какъ видимъ, касается эстетической стороны въ произведеніяхъ Ламартина, и въ этомъ случаѣ къ его словамъ новѣйшая критика не могла бы прибавить ничего особенно существеннаго.

Но вотъ является уже признанный глава романтиковъ В. Гюго. Къ 30-мъ годамъ въ Пушкинѣ вполнѣ созрѣлъ глубокій художникъ, съ строгими требованіями къ искусству, и естественно, что онъ далеко не въ восторгѣ отъ «новѣйшей вольной школы» французскихъ поэтовъ. Прежде всего, его не удовлетворяютъ ихъ нововведенія, касающіяся самыхъ формъ поэзіи. «Hugo съ товарищи, друзья натуры» только «растрепали» александрійскій стихъ: «его гулять пустили безъ цезуры» [3]). «Les Orientales» (1829) «важнаго Victor Hugo», правда, «блестящія» стихотворенія, но «натянутыя» [4]).

Не отрицая поэтическаго таланта Гюго, Пушкинъ постоянно подчеркивалъ въ немъ отсутствіе простоты, реторику: «V. Hugo не имѣетъ жизни, т.-е. истины» [1]).

Искренность вдохновенія и художественную простоту—вотъ что выше всего цѣнилъ нашъ поэтъ. И когда онъ находилъ эти качества, онъ готовъ былъ искренно восторгаться французской поэзіей.

Такъ, Пушкинъ живо заинтересовался творчествомъ Жозефа Делорма, или Сентъ-Бёва. «Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme» (1829) и «Les Consolations, poésies, par Sainte-Beuve» (1830)—подали Пушкину поводъ написать обширную рецензію въ «Литературной Газетѣ» (1831 г., № 32 [2]). Делормъ принадлежитъ къ «новой школѣ» и, подобно Гюго, хочетъ быть и реформаторомъ стиха. Французская критика хвалила мнѣнія, высказанныя Делормомъ по поводу стихосложенія. Пушкинъ же полагаетъ, что «Делормъ слишкомъ много придаетъ важности нововведеніямъ такъ называемой романтической школы французскихъ писателей, которые сами полагаютъ слишкомъ большую важность въ формѣ стиха, въ цезурѣ, въ рифмѣ, въ употребленіи нѣкоторыхъ старинныхъ словъ, нѣкоторыхъ старинныхъ оборотовъ и т. п. Все это хорошо; но слишкомъ напоминаетъ гремушки и пеленки младенчества» [3]). Взглядъ въ высшей степени характерный для Пушкина, который никогда не ставилъ форму выше сущности содержанія. Что касается поэзіи самого Делорма, то Пушкинъ видитъ въ его стихахъ «необыкновенный талантъ, ярко освѣщенный страннымъ выборомъ предметовъ. Никогда, ни на какомъ языкѣ голый сплинъ не изъяснялся съ такою сухою точностію; никогда заблужденія жалкой молодости, оставленной

читаетъ «Юнга», Морозовъ (VI, 432) — «Юма». Это чтеніе пришлъ было и Ефремовъ (V, 582), но, справившись въ рукописью, [*отъ ред.* Ефремовъ дѣйствительно говоритъ о «рукописи». Но это невѣрно. Ефремовъ не работалъ по рукописямъ, и рукописи этой замѣтки совсѣмъ и нѣтъ. Ефремовъ, говоритъ, очевидно, о бывшемъ у него цензурномъ оригиналѣ Анненковскаго изданія *С. В.*], предлагаетъ читать «Юго», т.-е. V. Hugo (VIII, 544 и 576). Съ нимъ въ концѣ концовъ согласился и Морозовъ (VIII, 539). Чтеніе «Юго» само по себѣ возможно: Пушкинъ иногда писалъ такимъ образомъ имя французскаго поэта (хотя въ это время Пушкинъ едва ли призналъ быв ъ Гюго «глубину»). Мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ чтеніе «Юнга» по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) въ письмѣ къ Погодину мы имѣемъ совершенно тожественную фразу съ именемъ Юнга; 2) естественнѣе было сравнивать автора «Harmonies religieuses» съ авторомъ «Ночей», чѣмъ съ философомъ Юмомъ; 3) во всемъ отрывкѣ проводится вообще сравненіе французскихъ писателей съ англійскими и 4) въ «Литературной Газетѣ», къ редакціи которой, какъ извѣстно, Пушкинъ стоялъ весьма близко, въ № 47 за 1830 г., въ статьѣ «О Ламартинѣ и современной франц. поэзіи» (гдѣ вообще много сходнаго со взглядами Пушкина), между прочимъ читаемъ: «Ламартинъ другой Юнгъ».

[1]) Пушкинъ, V, 637.

[2]) Смирнова увѣряетъ, что Пушкинъ высоко ставилъ Ламартина, во всякомъ случаѣ, выше Гюго (I, 140 193—4, 297).

[3]) («Домикъ въ Коломнѣ», 1830).

[4]) Ib., VI, 430 («О приличіи въ литературѣ», 1830). Въ запискахъ 1834 г. Пушкинъ иронически передаетъ содержаніе той оды Гюго, которая была переведена Деларю и навлекла кару на цензора Никитенко (VI, 571).

[1]) Сантовъ. Переписка, II, 389 (письмо къ Погодину отъ сент. 1832 г.). У Смирновой Пушкинъ говоритъ о Гюго (I, 191): «Онъ очень впечатлителенъ; свѣтъ, тѣни, краски вдохновляютъ его. Онъ слишкомъ любитъ метафоры, антитезы, звучность. Это просвѣчиваетъ въ его лирической поэзіи, онъ придумываетъ эффекты звуковъ, и его лирическая поэзія похожа на оду». Ср. ib., 191—192, 193—4, 140, 295, 297.

[2]) Честь открытія этой важной статьи Пушкина принадлежитъ Н. О. Лернеру. См. Н. О. Лернеръ—«Новооткрытыя страницы Пушкина» въ XII вып. изданія «Пушкинъ и его современники» и отдѣльно (стр. 23—38).

[3]) Ibid., стр. 31 отдѣльнаго оттиска.

на произволъ страстей, не были высказаны съ такой разочарованностью» [1]). Нашему поэту понятно такое настроеніе, но онъ не можетъ не упрекнуть и Делорма въ реторикѣ, въ «безвкусномъ подражаніи давно оставленной поэзіи стараго Ронсара», въ стремленіи на поэтическій фонъ своихъ картинъ налагать мутныя пятна болѣзненныхъ переживаній.

Общій характеръ содержанія въ произведеніяхъ Делорма таковъ, что онъ могъ подать поводъ для «нареканій и строгости нравственной цензуры». Для автора «Графа Нулина» эта сторона дѣла имѣла, можно сказать, кровное значеніе, и Пушкинъ съ полной отчетливостью высказалъ свое мнѣніе по спорному тогда вопросу: «Сохрани насъ Боже быть поборниками безнравственности въ Поэзіи (разумѣемъ слово сіе не въ дѣтскомъ смыслѣ, въ коемъ употребляютъ его у насъ нѣкоторые Журналисты)! Поэзія, которая по своему высшему, свободному свойству не должна имѣть никакой цѣли, кромѣ самой себя, кольми паче не должна унижаться до того, чтобъ силою слова потрясать вѣчныя истины, на которыхъ основаны счастіе и величіе человѣческое, или превращать свой божественный нектаръ въ любострастный, возпалительный составъ. Но описывать слабости, заблужденія и страсти человѣческія не есть безнравственность, такъ какъ Анатомія не есть убійство; и мы не видимъ безнравственности въ элегіяхъ несчастнаго Делорма, въ признаніяхъ, раздирающихъ сердце, въ стѣсненномъ описаніи его страстей и безвѣрія, въ его жалобахъ на судьбу, на самого себя»... [2]).

Довольно того, что Делормъ обладаетъ качествомъ, рѣдкимъ у новѣйшихъ французскихъ поэтовъ, — «искренностію вдохновенія», и одно это уже освящаетъ всякій сюжетъ. Наоборотъ, когда Делормъ превратился въ Сентъ-Бева, когда въ «Les Consolations» онъ показалъ себя остепенившимся, «совершенно порядочнымъ» человѣкомъ, тутъ-то Пушкинъ и жалѣетъ о поэтѣ, такъ какъ онъ въ угоду «вкусу и нравственности» пожертвовалъ «истинной поэзіей» [3]).

Выше всѣхъ французскихъ поэтовъ молодой школы Пушкинъ ставитъ Альфреда де-Мюссе. Итальянскія и испанскія сказки (Les contes d'Espagne et d'Italie, 1830) своей «живостью необыкновенной» привели Пушкина въ восторгъ. «Изъ нихъ Portia, кажется, имѣетъ болѣе всего достоинства: сцена ночного свиданія, картина ревнивца, посѣдѣвшаго вдругъ, разговоръ двухъ любовниковъ на морѣ, все это прелесть», говоритъ онъ [1]). Съ Мюссе не сравнится ни Ламартинъ, ни Гюго, ни даже Делормъ. Пушкина радуетъ, что, когда «строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей французской литературѣ», и Делормъ подчинился этому распоряженію, «молодой проказникъ» смѣло пошелъ противъ теченія, и его талантъ покорилъ своихъ критиковъ: «Откровенная шалость любезнаго повѣсы такъ изумила, такъ понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдать...» «Давно бы такъ, милостивые государи», прибавляетъ Пушкинъ столько же по адресу французскихъ журналистовъ, сколько своихъ собственныхъ судей [2]).

Таковы отзывы Пушкина о французскихъ лирикахъ.

Поклонникъ Шекспира, Пушкинъ лишь слегка останавливается на романтической драмѣ французовъ, но во всякомъ случаѣ, не видитъ въ ней новыхъ завоеваній для искусства.

---

[1]) Ibid., стр. 24.

[2]) Ibid., стр. 33.

[3]) Ср. въ статьѣ «О приличіи въ литературѣ» (1830): «бѣдный скептикъ Делормъ воскресалъ въ видѣ исправляющагося неофита» (Пушкинъ, VI, 430). Анненковъ (Матеріалы, Спб., 1873, стр. 289, прим.) также свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ цѣнилъ въ Делормѣ именно страстность и вдохновеніе.—У Смирновой (I, 328—9) Пушкинъ характеризуетъ С.-Бева и какъ критика.

[1]) Пушкинъ, VI, 431 («О приличіи въ литературѣ», 1830).—Позднѣе Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу (25 янв. 1836 г.): «Альфредъ Мюссе рѣшительно головою выше въ современной фалангѣ французскихъ литераторовъ. Познакомься съ нимъ и скажи ему, что мы съ Пушкинымъ угадали въ немъ великаго поэта, когда онъ еще шалилъ и faisait ses farces dans «Les contes espagnoles» (Остаф. Архивъ, III, стр. 289).

[2]) Пушкинъ, VI, 430—1. Ср. Анненковъ (Матеріалы, 1873 г., стр. 287—8 и прим.).—Изъ программы ненаписанной статьи (VI, 654) видно, что Пушкинъ хотѣлъ подвергнуть разбору и «Fables de nuit» Мюссе (1835—1837 гг.).—Стихотвореніе «Изъ VI Пиндемонте . Пушкинъ сначала хотѣлъ озаглавить: «Изъ Alfred Musset» (II, 564; ср. и въ статьѣ В. П. Срезневскаго «Пушкинская коллекція, принесенная въ даръ библіотекѣ Академіи Наукъ А. А. Майковой»—IV вып. «Пушкина и его современниковъ», стр. 19). Въ стихотвореніи «Пажъ, или пятнадцатый годъ» (1830) Анненковъ (стр. 298) отмѣчаетъ «аккордъ, напоминающій Альфреда де-Мюссе».—Ср. въ «Запискахъ» Смирновой, I, 93, 187, 297 и 328.

Знаменитый «Кромвель» В. Гюго (1827) вызываетъ съ его стороны полное отрицаніе.

Удивляясь успѣху своего «Бориса Годунова» въ Петербургѣ, Пушкинъ въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 7 янв. 1831 г. иронизируетъ надъ догадкой москвичей, что его трагедія—«подражаніе Кромвелю Виктора Гюго», и, чтобы не было никакихъ сомнѣній на счетъ его дѣйствительнаго отношенія къ французамъ, тутъ же прибавляетъ: «Жду переводовъ и суда Нѣмцевъ, а о Французахъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ Варшавскому бунту и скажутъ мнѣ, какъ наши: «Помилуйте-съ!..» [1]). Съ годами непріязнь къ Гюго крѣпнетъ, и въ статьѣ 1836 г. «О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ «Потеряннаго Рая» Пушкинъ не останавливается передъ самымъ суровымъ приговоромъ. Хотя Гюго, несомнѣнно, одаренъ талантомъ, но онъ поэтъ «второстепенный», «неровный, грубый»; его драмы—«уродливы», и «однимъ изъ самыхъ нелѣпыхъ его произведеній» является именно «Кромвель», пьеса съ «спотыкливымъ ходомъ», «скучная и чудовищная». Изображеніе въ ней Мильтона до такой степени противорѣчитъ исторической истинѣ, что это—въ сущности оскорбленіе великой тѣни. Если поэтъ Гюго такъ плохо понялъ поэта Мильтона, «то всякъ легко себѣ вообразитъ, что подъ его перомъ стало изъ лица Кромвеля, съ которымъ не имѣлъ онъ ужъ ровно никакого сочувствія!» Читатели теперь едва ли и помнятъ драму Гюго [2]).

Драматическій очеркъ «Les marrons de feu» Альфреда де-Мюссе, думалъ Пушкинъ, «обѣщаетъ Франціи романтическаго трагика» [3]). Нравился Пушкину и «Театръ Клары Газюль» Мериме (Théatre de Clara Gazul, comédienne espagnole, 1825) [4]). Найдется у него еще упоминаніе объ «Antony» Дюма (1831 г.) въ наброскахъ «Египетскихъ ночей» (1835); хозяйка дома, гдѣ собираются слушать разсказъ о Клеопатрѣ, относитъ пьесу Дюма къ числу «неблагопристойныхъ», вмѣстѣ съ «La physiologie du mariage» Бальзака [1]). Если бы можно было не сомнѣваться въ томъ, что «Записки» Смирновой нерѣдко грѣшатъ противъ истины, то сюда слѣдовало бы присоединить взглядъ Пушкина на «Чаттертона» Альфреда де-Виньи (1835) [2]) и общую характеристику романтической драмы. Впрочемъ, по отношенію къ послѣднему пункту можно признать достовѣрнымъ, что Пушкинъ могъ упрекать французскихъ романтиковъ въ неполномъ пониманіи Шекспира, и что онъ ставилъ выше ихъ не только Шекспира, но и Корнеля [3]).

Много недостатковъ видѣлъ Пушкинъ также во французскомъ романѣ, который какъ разъ съ тридцатыхъ годовъ получаетъ блестящее развитіе, постепенно переходя въ романъ реальный и соціальный.

Какъ и вездѣ, во Франціи особую вѣтвь составлялъ романъ историческій вальтерскоттовскаго типа. На сценѣ опять—В. Гюго съ его «Notre Dame de Paris» и А. де Виньи, авторъ «Cinq-Mars». Пушкинъ въ 1831 г. подарилъ «Notre Dame de Paris» своей сестрѣ, Ольгѣ Сергѣевнѣ Павлищевой, и она записываетъ [4]): «Объ этой книгѣ мнѣ трубили съ такимъ рвеніемъ вездѣ, куда бы ни заходила, что отбили у меня охоту не только прочесть, но и взглянуть даже на нее. Братъ сказалъ, что подноситъ мнѣ новое твореніе Гюго, именно, чтобы меня подразнить и разбѣсить». У самого Пушкина свѣдѣній о романѣ Гюго не находимъ (если не относить сюда общаго замѣчанія, что «V. Hugo не имѣетъ жизни, т. е. истины» [5]).

Зато Пушкинъ подробно высказался о произведеніи А. de Виньи. Вообще онъ былъ того мнѣнія, что «романы A. Vigny хуже романовъ Загоскина» [6]). Онъ недоумѣваетъ, какъ французскіе критики могли

---

[1]) Сантовъ, II, 211.

[2]) Пушкинъ, VI, 175—178.—Подобные же отзывы Пушкина о драмахъ Гюго и особенно о «Кромвелѣ» передаетъ и Смирнова, но въ тонѣ значительно болѣе мягкомъ, причемъ подчеркивается мысль Пушкина, что Гюго—драматургъ, въ сущности, не исполняетъ принциповъ своего манифеста—предисловія къ «Кромвелю» (I, 297—8 202, 208, 295, 153).

[3]) Пушкинъ, VI, 431. («О причинѣ въ литературѣ», 1830).

[4]) Пушкинъ, II, 219.

[1]) Пушкинъ, V, 541, 543. У Смирновой есть рядъ отзывовъ Пушкина о драмахъ Дюма (I, 203, 294—5, 328). Но, такъ какъ она же (158, 165—7) заставляетъ нашего поэта бесѣдовать и о «Трехъ мушкетерахъ» (1844), то трудно отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ другимъ ея разсказамъ.

[2]) Смирнова, I, 293—6. Ср. 329 и сл.

[3]) Смирнова, I, 298, 153.

[4]) Л. Павлищевъ. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ М. 1890. Стр. 257.

[5]) Сантовъ, II, 389 (письмо къ Погодину 1832 г.).

[6]) Сантовъ, II, 389 (письмо къ Погодину 1832 г.).

поставить «на одной доскѣ съ В. Скоттомъ»[1]) этого «чопорнаго, манернаго гр. Виньи» съ его «облизаннымъ романомъ» [2]), въ которомъ Мильтонъ изображенъ съ такими же «нелѣпыми несообразностями», какъ въ «Кромвелѣ» Гюго [3]).

Очевидно, по мнѣнію Пушкина, французскому историческому роману не удалось подняться на высоту вальтерскоттовскаго творчества. Такой выводъ, дѣйствительно, не легко оспаривать и теперь. Но Франція 30-хъ гг. справедливо могла гордиться своимъ соціальнымъ романомъ.

Общественный романъ имѣлъ тамъ многихъ даровитыхъ представителей и распадался на нѣсколько разновидностей. Пушкинъ съ несомнѣннымъ сочувствіемъ относился къ тѣмъ сравнительно старымъ романамъ, въ которыхъ слышались близкіе ему байронические мотивы, «въ которыхъ отразился вѣкъ, и современный человѣкъ изображенъ довольно вѣрно», которые даже Онѣгинъ изъ опалы исключилъ.

«Таинственный Сбогаръ» (1818) Шарля Нодье называется среди байронических героевъ, которые «тревожатъ сонъ отроковицы» [4]).

Къ числу любимыхъ романовъ Пушкина принадлежалъ «Адольфъ» Бенжаменъ-Констана. Такъ свидѣтельствуетъ кн. П. А. Вяземскій, переводчикъ этого романа, посвящая свой трудъ именно Пушкину. «Смиренный литографъ приношу великому живописцу блѣдный снимокъ съ картины великаго художника», пишетъ Вяземскій: «Мы такъ часто говорили съ тобою о превосходствѣ творенія сего, что, принявшись переводить его на досугѣ въ деревнѣ, мысленно относился я къ суду твоему» [5]). Русскій переводъ появился, правду сказать, съ весьма большимъ запозданіемъ (черезъ пятнадцать лѣтъ), но это обстоятельство не смущаетъ переводчика. «Характеръ Адольфа», разсуждаетъ Вяземскій [1]), «вѣрный отпечатокъ времени своего. Онъ прототипъ Чайльдъ Гарольда и многочисленныхъ его потомковъ. Въ этомъ отношеніи твореніе сіе не только романъ сегодняшній (roman du jour), подобно новѣйшимъ свѣтскимъ, или гостинымъ романамъ, оно еще болѣе романъ вѣка сего». Пушкинъ близко къ сердцу принялъ переводъ «Адольфа»: хлопоталъ (вмѣстѣ съ Плетневымъ) насчетъ его печатанія и распространенія [2]) и еще до выхода его въ свѣтъ напечаталъ въ «Литературной Газетѣ» (1830, № 1) замѣтку, въ которой также поставилъ Б. Констана въ связь съ Байрономъ и предсказывалъ, что переводъ Вяземскаго «будетъ истиннымъ созданіемъ и важнымъ событіемъ въ Исторіи нашей Литературы» [3]). Въ одномъ варіантѣ къ I главѣ «Евг. Онѣгина» (строфа V), Пушкинъ заставлялъ своего байронствующаго героя, между прочимъ, вести споры и о Б. Констанѣ [4]).

Всѣ эти факты между прочимъ доказываютъ, что «байронизмъ» Пушкина (какъ и Лермонтова) весьма сложнаго состава, и что въ немъ есть немалая примѣсь французскихъ элементовъ. Недаромъ Вяземскій и Пушкинъ давали такую преувеличенно высокую оцѣнку художественнымъ достоинствамъ «Адольфа».

Сочувственно встрѣтился Пушкинъ въ общемъ интересѣ къ Байрону еще съ другимъ его любимымъ писателемъ, съ Альфредомъ де-Мюссе. На этотъ разъ рѣчь идетъ о шуточныхъ поэмахъ Байрона,

---

[1]) Пушкинъ, VI, 175 («О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ «Потеряннаго Рая»).

[2]) Ibid., стр. 178.

[3]) Ibid., стр. 178 — 180. Предполагалъ Пушкинъ говорить о Виньи и въ ненаписанной статьѣ (VI 654).— Смирнова (I. 196—8, 297) очень близко къ статьѣ Пушкина передаетъ его мнѣніе о «Cinq-Mars», но присоединяетъ къ этому и другіе его отзывы о Виньи (188 и 230, 194—6) —Хорошо отзывается Пушкинъ о «Хроникѣ Карла IX». Мериме (II, 219).

[4]) Пушкинъ, IV, 80 (гл. III, стр. XII «Евг. Онѣг.», 1824).— Въ «Барышнѣ-крестьянкѣ» (1830) кличку Сбогаръ носитъ собака Алексѣя (V, 127).

[5]) Адольфъ. Романъ Бенжаменъ-Констана. Спб. 1831. (Посвященіе, подписанное «К. Вяземскій», съ датою 1829 г.). Въ оригиналѣ: «Adolphe. Anecdote trouvée dans les papiers d'un inconnu. Paris. 1816».

[1]) Ibid., стр. XIV—XV.

[2]) Сантовъ, II, 217 — 18, 252, 254, 267, 290, 313—14.

[3]) Принадлежность этой замѣтки Пушкину доказана также П. О. Лернеромъ въ «Новооткрытыхъ страницахъ Пушкина» (отд. оттискъ стр. 6—8). Пушкинъ, видимо, не ограничился этимъ. Въ письмѣ къ Вяземскому отъ 20 янв. 1831 г. читаемъ (Сантовъ, II, 219): «Оставь Адольфа у меня — на дняхъ пришлю тебѣ нужныя замѣчанія».—

[4]) Въ этомъ варіантѣ говорится: «И могъ онъ съ ними въ самомъ дѣлѣ вести и мужественный споръ о Байронѣ и Вепjатеп, о карбонарахъ, о Парни» (Ефремовъ, VIII, 474; Морозовъ, IV, 293—4.)— Въ «Отрывкахъ изъ романа въ письмахъ» (1831) Лиза сравниваетъ Адольфа съ Ловеласомъ (V, 181). Ср. VI, 60 (1830) и у Смирновой, I, 304—310.—О вліяніи «Адольфа» на «Онѣгина» говоритъ проф. Дашкевичъ въ ст. «А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ» Сборникъ «Памяти Пушкина», Кіевъ, 1899

о томъ литературномъ жанрѣ, который столь оскорблялъ чопорный вкусъ «приличной» критики. Пушкинъ съ его огневыми порывами къ земному рано оцѣнилъ этотъ жанръ, предвѣщавшій реальный романъ, и смѣло вступилъ въ борьбу за его право на литературное существованіе. Естественно, что онъ привѣтствуетъ Мюссе, который въ повѣсти «Mardoche» «первый изъ французскихъ поэтовъ умѣлъ схватить такъ Байрона въ его шуточныхъ произведеніяхъ, что вовсе не шутка», вѣдь «трудно прилично выражать обыкновенные предметы» [1]) «Намуна» Мюссе вмѣстѣ съ «Беппо» Байрона подсказала нашему поэту форму «Домика въ Коломнѣ» [2]).

Цѣнилъ Пушкинъ и Мериме, который такъ удачно мистифицировалъ его пѣснями западныхъ славянъ. По его мнѣнію, авторъ «Театра Клары Газюль, Хроники временъ Карла IX, Двойной Ошибки и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней французской литературы»,—«острый и оригинальный писатель» [3]).

Зато Гюго и въ качествѣ автора общественнаго романа встрѣтилъ со стороны Пушкина обычно суровое отношеніе.

По поводу «Записокъ Самсона, парижскаго палача» Пушкинъ жалуется на «безнравственность нашего любопытства» и говоритъ: «Журналы наполнились выписками изъ Видока. Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и грязи» [4]). Пушкинъ разумѣетъ, конечно, «Les derniers jours d'un condamné» (1829). Трудно понять, какую «грязь» усмотрѣлъ поэтъ въ романѣ Гюго, изображающемъ психологію осужденнаго на смертную казнь и написаннаго съ цѣлью доказать этическую несостоятельность института смертной казни. Можно находить этотъ романъ «публицистическимъ», говорить, что «огонь» произведенія нерѣдко переходитъ въ риторику, что самая психологія преступника мѣстами кажется надуманной, но никакихъ этическихъ упрековъ великодушное произведеніе Гюго не заслуживаетъ. Очевидно, подъ «грязью» Пушкинъ разумѣетъ самый характеръ сюжета, гдѣ дѣйствіе перенесено въ тюрьму, на площадь и т. п., т.-е. въ данномъ случаѣ онъ какъ бы раздѣляетъ странныя обвиненія въ «безнравственности» именно за выборъ сюжетовъ и впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Противорѣчіе это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что рядомъ мы имѣемъ весьма благосклонное отношеніе къ «L'âne mort et la femme guillotinée». Ж. Жанена.

Въ 1830 г. Пушкинъ писалъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской [1]): «Vous avez raison de trouver l'Ane délicieux — c'est un des ouvrages les plus marquants du moment. On l'attribue à V. Hugo—j'y vois plus de talent que dans le dernier jour ou il y en a beaucoup». Романъ Жанена вышелъ безъ имени автора [2]) (въ 1829 г.), но уже въ 1831 г. онъ появляется въ русскомъ переводѣ [3]). Можно, пожалуй, согласиться съ Пушкинымъ, что «L'âne mort» талантливѣе «Les derniers jours». Романъ Ж. Жанена, дѣйствительно, поражаетъ смѣлостью и оригинальностью замысла и силой психологическаго анализа, но сюжетъ его столь же «грязный», какъ и въ романѣ Гюго (на сценѣ также преступленіе и смертная казнь). Какъ бы то ни было, важно подчеркнуть, что Пушкинъ называетъ это произведеніе однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ свое время. Значитъ, можно думать, что Пушкинъ раздѣлялъ и тѣ принципы, которыми руководился французскій авторъ въ своемъ творчествѣ. Жаненъ сознательно отмежевываетъ себя отъ старой сентиментальной литературы; онъ причисляетъ себя къ «la nouvelle école poétique avec ses bourreaux et ses fantômes», къ школѣ, которая стремится «étudier le monde moral dans ses plus mystérieuses influences» [4]). Въ исторіи осла, затравленнаго въ «la barrière du combat»,

---

[1]) Пушкинъ, VI, 431. («О критикѣ въ литературѣ» (1830). — На замѣчаніе А. И. Тургенева что у Мюссе топъ Байрона, Пушкинъ, по словамъ Смирновой (I, 187), сказалъ: «Это легко перенимается, многіе поэты усвоили его, но Мюссе уже оригиналенъ». О любви Пушкина къ Мюссе говоритъ и Шевыревъ; по его словамъ, Пушкину особенно нравился «Spectacle dans un fauteuil». Л. Н. Майковъ. Пушкинъ. Стр. 352.

[2]) Это прекрасно выяснено В. Я. Брюсовымъ въ III т. настоящаго изданія.

[3]) Пушкинъ, II, 219 (Предисловіе къ «Пѣснямъ западныхъ славянъ», 1835). — «Мериме кажется мнѣ очень оригинальнымъ, такъ какъ онъ не принадлежитъ ни къ какой школѣ», говоритъ Пушкинъ и у Смирновой (I, 323; ср. еще 321—2, 324).

[4]) Пушкинъ, VI, 52 («О Запискахъ Самсона», 1830).

[1]) Сантовъ, II, 143. –

[2]) Какъ видимъ, его приписывали Гюго.

[3]) Мертвый оселъ и обезглавленная женщина. Переводъ съ французскаго. М. 1831. 2. части.

[4]) L'Ane mort par Jules Janin. Paris. 1842. p. 103.

и гильотинированной женщины авторъ хотѣлъ раскрыть весь трагизмъ современнаго культурнаго общежитія, и такое содержаніе Пушкинъ готовъ былъ признать délicieux. Нельзя поэтому не пожалѣть, что не сохранилось другихъ, сколько нибудь цѣльныхъ сужденій Пушкина о томъ же Жаненѣ и остальныхъ, болѣе значительныхъ представителяхъ французскаго романа тридцатыхъ годовъ.

Извѣстно [1]), что Пушкинъ собирался писать о «Barnave» (1831), романѣ того же Жанена [2])., объ Eugêne Sue и Бальзакѣ («Scènes, contes drolatiques»).«La Physiologie du mariage» Бальзака упоминается въ наброскахъ къ «Египетскимъ ночамъ», гдѣ хозяйка дома провозглашаетъ это произведеніе столь же неблагопристойнымъ, какъ и «Antony» Дюма [3]). Но изъ этого трудно сдѣлать сколько-нибудь точный выводъ о томъ, какъ смотрѣлъ Пушкинъ на великаго французскаго романиста [4]). Если вѣрить Смирновой, Пушкинъ вполнѣ понималъ значеніе Бальзака. Онъ ставилъ его выше Мериме, выше Стендаля и говорилъ: «Бальзакъ даже предугадалъ будущее «въ особенности тѣмъ, что понялъ, что высшей властью въ обуржуазившемся обществѣ станутъ деньги» [5]), и въ другомъ мѣстѣ [6]): «Я также хотѣлъ бы видѣть Бальзака, его задачи меня интересуютъ, это ихъ будущій великій романистъ» [7]).

Въ томъ же, если не въ худшемъ положеніи обстоитъ дѣло съ Жоржъ Сандъ. Ея имя проскользнуло въ разговорѣ одного наброска къ «Египетскимъ ночамъ» съ аттестаціей «такой же безстыдницы, какъ вашa Клеопатра» [8]).

Можно опасаться, что этотъ взглядъ раздѣлялъ и самъ Пушкинъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ тона его письма къ женѣ отъ 29 сент. 1835 г., гдѣ онъ говоритъ о намѣреніи «дуры» т. е. Керн переводить «Занда». Отказываясь брать на себя посредничество между Керн и Смирдинымъ, поэтъ прибавляетъ: «если переводъ ея будетъ такъ же вѣренъ, какъ она сама вѣрный списокъ съ m-me Sand, то успѣхъ ея несомнителенъ» [1]). Правда, въ цитированномъ письмѣ Пушкинъ старается съ излишнею демонстративностью афишировать передъ женой свои новыя отношенія къ А. П. Керн, все же не вѣрится, чтобы Пушкинъ, какъ сообщаетъ намъ Смирнова, могъ воскликнуть: «Я бы хотѣлъ видѣть Жоржъ Занд, вотъ это художница» [2]).

Повидимому, взглядъ Пушкина на французскій общественный романъ еще не успѣлъ опредѣлиться, а, можетъ быть, просто поэтъ не успѣлъ высказаться на этотъ счетъ съ полной опредѣленностью. Зато достаточно ясно его отношеніе къ лирикѣ, драмѣ и историческому роману Франціи. Драма французскихъ романтиковъ ниже Шекспира и даже Корнеля, историческій романъ ниже Вальтера Скотта. Среди лириковъ можно назвать нѣсколько талантливыхъ именъ. Но и только.

Нелегко было французскимъ писателямъ удовлетворить Пушкина именно съ художественной стороны, и ко всему новому теченію во французской литературѣ, если бы мы захотѣли теперь подвести общій итогъ его взглядамъ, онъ относился, правда, невполнѣ отрицательно, но весьма сдержанно. «Я въ душѣ увѣренъ», писалъ онъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, «что 19 вѣкъ, въ сравненіи съ 18-мъ, въ грязи (разумѣю во Франціи). Проза едва-едва выкупаетъ гадость того, что зовутъ они поэзіей» [3]). Французская литература средины тридцатыхъ годовъ кажется ему въ состояніи «глубокаго и жалкаго упадка» [4]).

---

[1]) Пушкинъ, VI, 654. (Эта программа относится ко времени, не ранѣе 1835 г.: Musset fables de nuit написаны въ 1835—7 гг.

[2]) Смирнова (I, 230 — 1, 329) приводитъ сужденія Пушкина о журнальной дѣятельности Ж. Жанена.

[3]) Пушкинъ, V, 541 и 543.

[4]) Въ письмѣ къ женѣ отъ 4 мая 1836 г. (Пушкинъ, VII. 640) поэтъ между прочимъ говоритъ: «Чадаева, Орлова, Раевскаго и Наблюдателей (которыхъ Нащокинъ называетъ les treizes) еще не успѣлъ видѣть» съ очевиднымъ намекомъ на «Histoire des treizes» Бальзака.

[5]) Смирнова, I, 324.—

[6]) Ibid., стр. 328.—

[7]) Въ повѣстяхъ Павлова (VI, 387, 1835 г.). Пушкинъ между прочимъ находилъ— «въ описаніяхъ близорукую мелочность нынѣшнихъ французскихъ романистовъ». Этотъ упрекъ прежде всего могъ относиться именно къ Бальзаку.

[8]) Пушкинъ, V, 544 (1835 г.).

[1]) Пушкинъ, VIII, 371.—Изъ письма О. С. Павлищевой видно, что Керн переводила романъ «André». Ольга Сергѣевна и Соболевскій вслѣдъ за Пушкинымъ подсмѣивались надъ переводчицей (Л. Павлищевъ, 400 и 411). О Керн и въ частности объ ея попыткахъ заняться литературнымъ трудомъ — см. въ статьѣ. Б. Л. Модзалевскаго (III т. настоящаго изданія).

[2]) У Смирновой Пушкинъ довольно обстоятельно высказывается еще о Стендалѣ (I, 322—5, 328).

[3]) Сантовъ. Переписка, II, 389.

[4]) Пушкинъ, II, 219. Предисловіе къ «Пѣснямъ

Какъ видимъ, французскую прозу Пушкинъ уже въ началѣ 30-хъ гг. склоненъ былъ поставить выше французской поэзіи.

Поэтамъ въ особенности Пушкинъ ставитъ въ вину отсутствіе искренняго вдохновенія и правды.

Въ рецензіи о Делормѣ (1831 г.) Пушкинъ ясно формулировалъ свое главное обвиненіе [1]): «Нынѣ французскій поэтъ систематически сказалъ себѣ: soyons religieux, soyons politiques, а иной даже: soyons extravagants, и холодъ предначертанія, натяжка, принужденность отзываются во всякомъ его твореніи, гдѣ никогда не видимъ движенія минутнаго вольнаго чувства, словомъ: гдѣ нѣтъ истиннаго вдохновенія». Поэты грѣшатъ противъ художественной простоты и правды: они сознательно стремятся къ новшествамъ въ формѣ, измышляютъ разные внѣшніе эффекты, и эта излишняя погоня за формой создаетъ одну напыщенность, «преувеличеніе (exagération)» [2]).

Съ другой стороны, общественная жизнь и даже политика вторгались во французскую словесность больше, чѣмъ то хотѣлъ допустить Пушкинъ.

«Всѣмъ извѣстно», читаемъ въ его замѣткѣ 1831 г., «что французы народъ самый антипоэтическій», хотя это народъ «остроумный и положительный» [3]). «Франція», развиваетъ Пушкинъ ту же мысль въ 1835 г. [4]), «средоточіе Европы, представительница жизни общественной, жизни—все вмѣстѣ—эгоистической и народной. Въ ней науки и поэзія—не цѣли, а средства. Народъ (der Herr Omnis) властвуетъ въ ней отвратительной властью демократіи». Въ этихъ словахъ одновременно сказался и художникъ и русскій интеллигентъ дворянскаго періода: Пушкину одинаково трудно примириться и съ превращеніемъ поэзіи въ соціальное средство и съ идеей народнаго суверенитета. Французскій принципъ «соціальности» казался Пушкину, какъ и Бѣлинскому тридцатыхъ годовъ, не вытекающимъ изъ природы искусства. Подобно Бѣлинскому, онъ протестовалъ бы противъ такихъ, напр., утвержденій, какъ въ статьѣ Г. Пляниа, что лирическая поэзія исчерпала «l'étude et l'analyse de la vie individuelle», что этотъ «l'égoisme poétique» пора замѣнить новой ролью поэзіи—«un rôle direct dans le renouvellement social», «qu'elle doit se mêler plus activement, qu'elle ne l'a fait jusqu'ici à la lutte des intérêts positifs et des passions publiques» [1]). Многія явленія французской литературы, вытекавшія изъ подобныхъ стремленій, Пушкинъ не прочь былъ квалифицировать, какъ разнузданность воображенія, даже какъ «грязь» [2]), очевидно, возставая и противъ знаменитаго тезиса французскаго романтизма: «le beau c'est le laid». Въ сентябрѣ 1832 г. онъ возмущается «всей отвратительной подлостью нынѣшней французской литературы» [3]).

Литература Франціи, по мнѣнію Пушкина, сдѣлалась угодницей не только публики, но прямо черни; она дорожитъ мгнутнымъ успѣхомъ и гонится за наживой. Поэтамъ «новѣйшей вольной школы» онъ задаетъ оскорбительный вопросъ:

. . . . . чѣмъ душа
У васъ исполнена—прямымъ ли вдохновеньемъ,
Иль необузданнымъ однимъ поползновеньемъ,
И чешется у васъ рука по пустякамъ,
Иль вамъ не вѣрятъ въ долгъ, а деньги
нужны вамъ? [4]).

«Отвратительная власть демократіи» гибельно сказывается на характерѣ французской литературы. Сословіе французскихъ писателей, разсуждаетъ Пушкинъ въ 1833—4 гг. [5]), «потому только не ползаетъ передъ министрами, что публика въ состояніи дать больше денегъ. Зато какъ без-

западныхъ славянъ» относится къ 1835 г. — У Смирновой Пушкинъ, однако, разсуждаетъ (I, 132): «Послѣ трагической эпопеи революціи и имперіи поэзія стала чуждой для массы. Заслуга романтиковъ въ томъ, что они стараются нѣсколько возстановить идеалы».

[1]) Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина, стр. 32—3 (оттискъ).

[2]) Пушкинъ, VI, 305 и 310. («Баратынскій», 1830).—«Пушкинъ сказалъ, что въ концѣ концовъ романтическая школа выродится въ извѣстную моду и въ кружковщину, а всякая мода и всякая кружковщина ему ненавистны» (Смирнова, I, 203).

[3]) Пушкинъ, VI, 431.

[4]) Ib., стр. 404.

[1]) Gustave Planche, Les royautés littéraires, Revue des Deux Mondes, 1834, tome premier. p. 534—5.

[2]) Вспомнимъ отзывъ о «Les derniers jours d'un condamné».—Въ «Пиковой дамѣ» (1834) графиня проситъ Томскаго прислать ей какой-нибудь романъ, но только не изъ нынѣшнихъ, «т.-е. такой романъ, гдѣ бы герой не давилъ ни отца, ни матери, и гдѣ бы не было утопленныхъ тѣлъ» (V, 505).

[3]) Сантовъ, II, 389.

[4]) Пушкинъ, II, 188 (набросокъ 1833 г.).

[5]) Пушкинъ, VI, 645 («Мысли на дорогѣ»).

стыдно ползаютъ они передъ господствующими людьми! Какой талантъ нынѣ не запачкалъ себя грязью и кровью въ угоду толпы, требующей грязи и крови». Если старая французская словесность «родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила» [1]), то «объ новѣйшихъ поэтахъ говорить нечего: они, конечно, на площади, съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ» [2]).

Итакъ, Пушкинъ былъ достаточно рѣшителенъ въ своихъ обобщающихъ выводахъ.

Но вотъ въ 1836 г. ему еще разъ пришлось услышать хорошо знакомыя рѣчи изъ устъ М. Е. Лобанова; поэтъ снова продумалъ вопросъ во всей его цѣлостности и въ знаменитомъ отвѣтѣ академику какъ бы резюмировалъ свои взгляды на этотъ предметъ.

III.

Послѣ всего сказаннаго намъ нетрудно предугадать, какую позицію въ данномъ литературномъ спорѣ должны были занять члены Россійской Академіи, почти сплошь закоренѣлые шишковисты.

А. С. Шишковъ, державшій въ своихъ старческихъ, но еще цѣпкихъ рукахъ всю академію, попрежнему стоялъ на стражѣ самобытности и истиннаго литературнаго вкуса. Въ тридцатыхъ годахъ именно отъ Шишкова и его вѣрныхъ соратниковъ все еще можно было услышать убѣжденное слово подлиннаго «классика».

М. Дмитріевъ въ статьѣ «Духъ Времени и потребность вѣка въ философическомъ и нравственномъ ихъ значеніи» [3]). предостерегалъ отъ увлеченія «духомъ времени», который гнѣздится во Франціи. Въ доказательство онъ ссылался и на ея эклектическую философію, и на ея литературу. Литература Франціи это— «анатомическій театръ, на коемъ разлагаютъ живого моральнаго человѣка, и безъ всякой жалости, безъ малѣйшаго содроганія, отдѣляютъ и обнажаютъ трепещущіе его члены предъ взоромъ всего человѣчества». Дмитріевъ приглашаетъ «попробовать силу души нашей» надъ этимъ коварнымъ духомъ времени.

Никто лучше Шишкова не сознавалъ этой опасности, и никто не могъ предложить наиболѣе раціональныхъ средствъ борьбы. Академія, дѣйствительно, бодрствовала. Въ 1834—1835 г. она издала «Краткія Записки, содержащія въ себѣ разныя примѣчанія и сужденія о языкѣ и словесности», гдѣ должное мѣсто отведено и обличенію французскаго романтизма. Въ «предувѣдомленіи» къ третьей книжкѣ эта задача поставлена въ самую тѣсную связь съ «прямымъ и существеннымъ долгомъ» академіи—съ «огражденіемъ языка своего отъ всякихъ ложныхъ умствованій, кривыхъ толковъ, нелѣпыхъ нововведеній, вводящихъ неопытные умы въ заблужденіе, и столько же вредныхъ для языка и словесности, сколько и для нравовъ». «Предувѣдомленіе» съ язвительностью характеризуетъ разныя «лжеумствованія» Франціи, всего болѣе выразившіяся въ неуваженіи къ классическимъ писателямъ: къ Гомеру, Виргилію, Тассо, Расину, Метастазію, Мольеру. Эти авторы новому поколѣнію кажутся уже «вялыми, сухими». «Что въ нихъ есть?» разсуждаетъ Шишковъ отъ лица юной Франціи: «у всѣхъ въ виду одно только нравоученіе, благородство чувствъ, ясность мыслей, выборъ словъ и чистота слога. То ли дѣло читать нынѣшнихъ Бальзаковъ, Жаненей, и другихъ, имъ подобныхъ, которыхъ новословія и кудреватостей нидѣ не поймешь, но за то всего у нихъ наслушаешся? или то ли дѣло вмѣсто прежнихъ зрѣлищъ, представляющихъ людей хорошихъ обществъ, смотрѣть на площадныхъ ярыгъ, разбойниковъ, смертоубійцъ? одно такъ обыкновенно, а другое такъ ново! отъ подобныхъ сочиненій распространился новый образъ мыслей, новый вкусъ и новый языкъ». Юная нынѣшняя словесность, которая «подъ именемъ романтизма и другихъ названій приползла» и къ намъ, «не есть плодъ размышленія и здраваго разсудка, но дѣтище слѣпоты ума и разврата» [1]).

Въ помощь себѣ Шишковъ рѣшился призвать «благоразумнѣйшихъ изъ французовъ», но, очевидно, затруднялся въ выборѣ. Въ первой книжкѣ (1834 г.) помѣ-

---

[1]) Ib., стр. 24 (1827).

[2]) Ib., стр. 377 (1834). И далѣе на той же страницѣ: «Когда писатели перестали толпиться къ переднимъ вельможъ, они обратились къ народу, лаская его любимыя мнѣнія или фигляруя независимостью и странностями, но съ одною цѣлью: вымапить себѣ репутацію или деньги. Въ нихъ нѣтъ и не было безкорыстной любви къ искусству и къ изящному: жалкій народъ!».

[3]) Телескопъ, 1833, № 2, ч. XIII, стр. 167—187.

[1]) Краткія Записки, содержащія въ себѣ разныя примѣчанія и сужденія о языкѣ и словесности, издаваемыя отъ Россійской Императорской Академіи. Книжка третья. Спб. 1835. Стр. VII—VIII.

щены (въ переводѣ самого президента академіи) «Два письма о романтической словесности» изъ «Oeuvres littéraires de M. A. Jay» (1824)—изъ источника, по меньшей мѣрѣ, запоздалаго. Этотъ недостатокъ исправленъ въ третьей книжкѣ переводомъ (опять самого Шишкова) статьи изъ женевской «Bibliothèque Universelle» подъ заглавіемъ «Противоположность романтизму», что, по мнѣнію переводчика, должно соотвѣтствовать французскому «Réaction antiromantique» [1]).

Въ статьѣ «Bibliothèque Universelle» мы не найдемъ ничего своеобразнаго, ничего такого, что не было бы сказано другими французскими журналами или англійскими типа «Edinburgh Review». Но въ глазахъ Шишкова она была цѣнна уже тѣмъ, что романтизмъ характеризуется, какъ «скрытое въ шумѣ пустословіе» (une bruyante mystification), и категорически предсказывается ему близкая и окончательная гибель. Въ подтвержденіе цитируется рѣчь нѣкоего Mazoïer, напечатанная въ «Recueil de l'Académie des Jeux Floraux» (1833). По убѣжденію этого оратора, современные французскіе авторы потворствуютъ «скотской природѣ» человѣка (la nature brutale), которая, «ограничиваясь грубою вещественностію, отрицается отъ той области безконечнаго бытія, куда возносятся очищающія себя разумныя существа, понимающія свое предопредѣленіе». «И сжели», пугаетъ Мазойеръ, «къ смятенію словесности присовокупить всѣ возмущенія, произведенныя въ области философіи, вѣроисповѣданія и политики, то какое чрезъ сорокалѣтнее наше время откроется зрѣлище, въ коемъ увидимъ, что смятеніе пришло къ намъ отъ тѣхъ самыхъ началъ, которыми хотѣли учредить лучшій порядокъ!».

18 января 1836 г. въ засѣданіи Россійской Академіи, происходившемъ «въ присутствіи Его Свѣтлости Принца Ольденбургскаго», Мих. Евстаф. Лобановъ выступилъ съ боевой рѣчью, чтобы еще разъ нанести ударъ ненавистному противнику.

Лобановъ [2]) готовъ радоваться тому, что «любовь къ чтенію и желаніе образованія сильно увеличились въ нашемъ отечествѣ въ послѣдніе годы», но лишь въ томъ случаѣ, если произведенія нашей печати соблюдаютъ «строгую нравственность», «распространяютъ чистыя правила, вѣрныя сужденія, вкусъ и познанія, если сохраняется чистота и правильность языка, питаютъ священнѣйшія чувствованія любви къ Государю и Отечеству, и ко всему полезному, доброму, изящному». Къ сожалѣнію, «выходящія и читаемыя нынѣ книги и журналы» не удовлетворяютъ «симъ непремѣннымъ условіямъ»: «есть и въ нашей новѣйшей словесности нѣкоторый отголосокъ безправія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями». И Лобановъ рѣзкими штрихами очерчиваетъ «безправіе и нелѣпость» французской словесности [1]), подкрѣпляя себя обильными цитатами изъ извѣстной уже намъ статьи «Edinburgh Review» въ переводѣ «Библіотеки для Чтенія» за 1834 годъ. «Такова нынѣ словесность Франціи», продолжаетъ ораторъ: «Но не вторгается ли она, не вторглась ли уже въ наше отечество, и нѣтъ ли въ нашей словесности нѣкотораго, *хотя слабаго*, сходства съ симъ описаніемъ?»... Французы давно уже огрубѣли въ кровавыхъ событіяхъ революцій, давно уже упали «въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата». Ихъ уже трудно испортить болѣе. Другое дѣло — Россія, этотъ народъ «еще цѣломудренный, еще чуждый и политическихъ и нравственныхъ заблужденій, но грозный страстями и силою душевною, жадный познаній и впечатлѣній». Для него французская зараза можетъ быть весьма пагубной. А между тѣмъ тлетворное дѣйствіе Франціи уже сказалось на современной русской литературѣ [2]). Необходимо всѣми силами бороться съ вреднымъ направленіемъ. Однимъ цензорамъ трудно «проникнуть всѣ ухищренія пишущихъ». Цензурѣ должны содѣйствовать «каждый добросовѣстный русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе Академія, для сего самаго учрежденная» [3]). Призывомъ всѣхъ, а особенно академиковъ къ

---

[1]) Bibliothèque Universelle des sciences, belles-lettres et arts, rédigée à Genève. 1834. Tome LV. Littérature, p. 81—98.

[2]) М. Е. Лобановъ. Мнѣнія о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной. Труды Импер. Росс. Академіи. Часть III. Спб. 1840. Стр. 89—97. Эта рѣчь перепечатана въ статьѣ А. О. Круглаго «Лобановъ и его отношенія къ Гнѣдичу и Загоскину» (Истор. В. 1880, № 8).

[1]) См. цитаты, приводимыя Пушкинымъ въ его статьѣ «Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности какъ иностранной, такъ и отечественной».

[2]) Пушкинъ. Ib. (двѣ большихъ цитаты изъ рѣчи Лобанова).

[3]) См. цитату, приведеную Пушкинымъ.

этому добровольному цензорству и заканчиваетъ свою рѣчь Лобановъ [1]).

Всѣмъ предыдущимъ достаточно опредѣляется мѣсто, какое занимаетъ рѣчь Лобанова въ исторіи даннаго вопроса, и удѣльный вѣсъ высказанныхъ имъ идей.

Какъ видимъ, Лобановъ, въ качествѣ человѣка дѣла и суроваго долга, къ теоретическимъ разсужденіямъ присоединилъ и указанія на желательныя практическія мѣропріятія. Но фактическое содержаніе его рѣчи и ея аргументація не блещутъ оригинальностью. У Лобанова было столько доблестныхъ предшественниковъ, даже среди ближайшихъ сотоварищей по академіи, что ему уже не было надобности прокладывать новыхъ путей. Важно, однако, то, что академія въ лицѣ Лобанова еще разъ подтвердила фактъ вліянія французской литературы тридцатыхъ годовъ на русское просвѣщеніе того времени, и забила по этому поводу шумную тревогу.

Пушкинъ самъ состоялъ членомъ Россійской Академіи.

3 декабря 1832 г. президентъ Шишковъ предложилъ къ избранію «титулярнаго совѣтника Александра Сергѣевича Пушкина» и вмѣстѣ съ нимъ—П. А. Катенина, М. Н. Загоскина, свящ. А. И. Малова и Д. И. Языкова, кратко мотивируя свое предложеніе словами: «Извѣстныя въ словесности дарованія и сочиненія ихъ увольняютъ меня отъ подробнаго оныхъ исчисленія» [2]). Въ засѣданіи присутствовало 14 членовъ (въ томъ числѣ и М. Е. Лобановъ), и Пушкинъ былъ избранъ единогласно. Но были запрошены и отсутствовавшіе члены. Они также выразили свое согласіе, за исключеніемъ, однако, митрополита Серафима, который письменно подалъ свой голосъ только за одного протоіерея Малова, на избраніе же прочихъ, писалъ владыка, «не могу дать согласія своего единственно потому, что они мнѣ неизвѣстны» [1]). Окончательное избраніе Пушкина состоялось на засѣданіи 7 янв. 1833 года. 23 января онъ въ первый разъ присутствовалъ въ академіи въ качествѣ ея члена на засѣданіи, гдѣ шла рѣчь о словарѣ.

Пушкинъ весьма серьезно отнесся къ своимъ новымъ обязанностямъ, оказался аккуратнымъ академикомъ, и это потому, что онъ придавалъ серьезное значеніе работамъ академіи [2]).

Засѣданіе 18 янв. 1836 года, въ которомъ ораторствовалъ Лобановъ, Пушкинъ считалъ «памятнымъ въ лѣтописяхъ Россійской Академіи». Послѣ этого понятно, что онъ не могъ оставить безъ обстоятельнаго разсмотрѣнія рѣчь своего сочлена. Его отвѣтъ, который А. И. Тургеневу показался «скромнымъ», но сильнымъ [3]), появился въ I т. «Современника» за 1836 г.

Пушкинъ прежде всего сохраняетъ полный піэтетъ къ академіи, на нашъ взглядъ, даже преувеличиваетъ «важность мѣста», гдѣ яко бы зазорно даже произносить имена какихъ-нибудь Жаненей, Сю и прочихъ. Для нихъ, говоритъ поэтъ, это—честь «неожиданная, неслыханная въ лѣтописяхъ европейскихъ академій, гдѣ досель произносились имена только тѣхъ изъ живыхъ людей, которые воздвигнули себѣ вѣковѣчные памятники своими талантами, заслугами и трудами» [4]). Сужденія о подобныхъ писателяхъ умѣстны лишь на страницахъ журналовъ, а не въ стѣнахъ Академіи: «Есть высоты, съ которыхъ не должны падать сатирическія укоризны, есть званія, которыя налагаютъ на насъ обязанности умѣренности и благоприличія, независимо отъ надзора цензуры, sponte sua, sine lege» [5]). Но и помимо того, Лобановъ легкомысленно преувеличиваетъ дѣло. Ораторъ правъ въ констатированіи отрицательныхъ сторонъ французской литературы, но нельзя обобщать такъ широко, какъ это дѣлаетъ онъ: отрицательныя черты наблюдаются лишь у «нѣсколькихъ писателей, большею частью молодыхъ людей»,

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія и подробная библіографія о М. Е. Лобановѣ дано С. А. Венгеровымъ въ примѣчаніи 151 ко II т. Сочиненій Бѣлинскаго (стр. 537 — 540). Почтеный ученый полагаетъ, что «весь этотъ грозной окрикъ» Лобанова «относился исключительно къ Бѣлинскому». Не отрицая, что критика Бѣлинскаго (см., напр., въ томъ же II т. на стр. 131—2 разборъ трагедіи Лобанова «Борисъ Годуновъ») могла подать ближайшій п о в о д ъ для рѣчи Лобанова, считаемъ несомнѣннымъ, что содержаніе данной рѣчи «относится» къ дѣйствительному факту широкаго вліянія франц. литературы на русскую.

[2]) М. И. Сухомлиновъ. Исторія Россійской Академіи. Вып. VII, стр. 77—8.

[1]) Ibid., стр. 81.

[2]) Ст. «Россійская Академія». Ср. и заключенія въ статьѣ о Лобановѣ. Этому не противорѣчатъ шутки Пушкина насчетъ «безчинства засѣданія» и плохого завтрака, о чемъ разсказываетъ Вяземскій въ письмѣ къ Жуковскому отъ 29 янв. 1833 г. (Р. Арх. 1900, I, стр. 369).

[3]) Остаф. Арх. III. стр. 334.

[4]) Пушкинъ, VI, 102.

[5]) Пушкинъ, VI, 621 (изъ черновой рукописи).

да и они вовсе не думаютъ представлять разбойниковъ и палачей въ образецъ для подражанія. Французская литература не является слѣдствіемъ политическихъ волненій, она не исчадіе революціи, а произведенная ею, чисто литературная революція есть законный, хотя и односторонній протестъ противъ старой эстетики. Если нельзя по отдѣльнымъ фактамъ судить о всей французской литературѣ, то тѣмъ менѣе позволительно распространять ихъ смыслъ на жизнь всей страны: «можно ли на цѣлый народъ изрекать такую страшную анаѳему?»

Такимъ образомъ, Пушкинъ вноситъ нѣсколько поправокъ въ мнѣніе Лобанова, и очевидно, что нѣкоторыя изъ нихъ могли бы служить подходящимъ коррективомъ и къ его собственнымъ ранѣе высказаннымъ отзывамъ о французской словесности. «Всѣ парнасскія секты для меня равны», какъ-то (въ 1827 г.) выразился Пушкинъ о себѣ [1]). Въ моменты спокойнаго анализа онъ, дѣйствительно, былъ способенъ къ свободно-объективной оцѣнкѣ каждаго явленія въ области искусства. Тогда онъ справедливо возмущался огульной хулой на литературу цѣлаго народа, отвергалъ столь распространенную манеру прилагать къ произведеніямъ искусства условные моральные принципы и рѣшительно возставалъ противъ всякаго рода попытокъ жандармскими мѣрами воздѣйствовать на ходъ литературы (какъ того хотѣлъ ретивый академикъ Лобановъ). Приговоры самого Пушкина, не всегда, можетъ быть, вѣрные, всегда дѣлались во имя святости и независимости искусства. Самъ художникъ-реалистъ, онъ не могъ отрицать и принципа сближенія поэзіи съ жизнью; наоборотъ, онъ требовалъ отъ литературныхъ произведеній художественности и правды. Но, съ другой стороны, изъ отвѣта Лобанову мы видимъ, что Пушкинъ, подобно вообще своимъ современникамъ, не дооцѣнилъ значенія французской словесности самой по себѣ и по отношенію къ русской литературѣ. Французская литература двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, конечно, не представляла такихъ перловъ художественнаго творчества, которые допускали бы сравненіе съ произведеніями Гете, Шекспира, или Байрона. Но въ ней были безспорно сильные таланты, создавшіе рядъ оригинальныхъ и глубокихъ произведеній, основанныхъ на тонкомъ анализѣ жизни и обвѣянныхъ дыханіемъ высокихъ соціальныхъ идеаловъ. Вліяніе такой литературы на русскую не могло не принести положительныхъ результатовъ.

Пушкинъ признаетъ французское вліяніе, но считаетъ его «слабымъ», полагая, что въ области романа (правоописательнаго и историческаго) бо́льшее значеніе имѣютъ Лесажъ и В. Скоттъ, чѣмъ Бальзакъ и Жюль Жаненъ, а поэзія все «болѣе и болѣе дружится съ поэзіей германской», точно также какъ наука русская развивается подъ вліяніемъ германской философіи.

Замѣтимъ кстати, что Бѣлинскій, весьма мягко отнесшійся къ «почтенному академику», въ общемъ держался того же мнѣнія [1]), что и Пушкинъ.

Поэтъ и критикъ, разумѣется, были правы, когда говорили о значительномъ вліяніи въ 30-хъ годахъ В. Скотта, Лесажа и нѣмцевъ, но они не правы, умаляя важность современной французской литературы (и какъ разъ именно французскаго романа) для русской литературы.

Тридцатые годы въ исторіи русской литературы какъ разъ представляютъ картину борьбы нѣмецкой и французской стихій. Сближеніе съ послѣдней было неизбѣжно: абстрактный идеализмъ долженъ былъ оплодотвориться элементами общественности и реализма. Этого требовало все развитіе русской жизни того времени. Историческій романъ, любимый жанръ рядового читателя, развивался у насъ не только подъ внушеніемъ В. Скотта, но и Гюго и А. де-Виньи. Параллельно съ этимъ идетъ усвоеніе общественнаго романа Франціи въ его романтической и реалистической разновидностяхъ. Произведенія Гюго, Ж. Жанена, А. Дюма, Поль де-Кока, Эж. Сю, Ж. Сандъ, Бальзака и многихъ другихъ авторовъ быстро появляются въ русскихъ переводахъ и, естественно, вызываютъ подражанія со стороны нашихъ беллетристовъ. Бѣлинскій уже въ 30-хъ годахъ говорилъ о русскихъ „бальзачникахъ».

Пока французская струя просачивалась лишь въ средніе пласты нашей словесности, но близокъ былъ моментъ, когда вліяніе Бальзака, Ж. Сандъ и другихъ французскихъ писателей станетъ крупнымъ и для всѣхъ очевиднымъ фактомъ нашего литературнаго развитія. П. Сакулинъ.

[1]) Сантовъ, II, 16—17.

[1]) Бѣлинскій, т. V (подъ ред. С. А. Венгерова), стр. 524—5.

986. [ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ПОВѢСТИ ГОГОЛЯ «НОСЪ»].

Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, что уговорили его позволить намъ подѣлиться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись.—*Изд.*

987. [НОВЫЙ РОМАНЪ].

Недавно одна рукопись, подъ заглавіемъ: *Село Михайловское*, ходила въ обществѣ по рукамъ и произвела большое впечатлѣніе. Это романъ, сочиненный дамою. Говорятъ, въ немъ много оригинальности, много чувства, много живыхъ и сильныхъ изображеній. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его появленія.

988. [ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ПИСЬМУ А. Б. О СТАТЬѢ ГОГОЛЯ].

Съ удовольствіемъ помѣщая здѣсь письмо г. А. Б.[езсонова], нахожусь въ необходимости дать моимъ читателямъ нѣкоторыя объясненія. Статья *О движеніи журнальной литературы* напечатана въ моемъ журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ мнѣнія, въ ней выраженныя съ такою юношескою живостію и прямодушіемъ, были совершенно сходны съ моими собственными. Во всякомъ случаѣ она не есть и не могла быть программою «Современника».—*Изд.*

989. ОТЪ РЕДАКЦІИ.

I.

«Современникъ» будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1837 году.

Каждые три мѣсяца будетъ выходить по одному тому.

Цѣна за всѣ четыре тома, составляющіе годовое изданіе, 25 рублей асс., съ пересылкою 30 рублей асс.

Подписка въ С.П.Б. принимается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Иногородные могутъ адресоваться въ Газетную Экспедицію.

II.

Издатель «Современника» не печаталъ никакой программы своего журнала, полагая, что слова: *литтературный журналъ* уже заключаютъ въ себѣ достаточное объясненіе.

Нѣкоторые изъ журналистовъ почли нужнымъ составить программу новаго журнала. Одинъ изъ нихъ объявилъ, что «Современникъ» будетъ имѣть цѣлію—уронить «Библіотеку для Чтенія», издаваемую г. Смирдинымъ; въ «Сѣверной же Пчелѣ» сказано, что «Современникъ» будетъ продолженіемъ «Литтературной Газеты», издаваемой нѣкогда покойнымъ барономъ Дельвигомъ.

Издатель «Современника» принужденъ объявить, что онъ не имѣетъ чести быть въ сношеніи съ гг. журналистами, взявшими на себя трудъ составить за него программу, и что онъ никогда имъ того не поручалъ. Отклоняя, однакожь, отъ себя цѣль, недостойную литтератора и несправедливо ему приписанную въ «Библіотекѣ для Чтенія», онъ вполнѣ признаетъ справедливость объявленія, напечатаннаго въ «Сѣверной Пчелѣ»: «Современникъ», по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по непзмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ «Литтературной Газеты».

III.

Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатаніемъ первыхъ двухъ нумеровъ своего журнала; вкрались нѣкоторыя ошибки, и одна довольно важная, происшедшая отъ недоразумѣнія: публикѣ дано обѣщаніе, которое издатель ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не намѣренъ исполнить—сказано было въ примѣ-

чапіи къ статьѣ: *Новыя книги*, что книги, означенныя звѣздочкою, будутъ современемъ разобраны. Въ спискѣ вновь вышедшимъ книгамъ звѣздочкою означены были у издателя тѣ, которыя показались ему замѣчательными, или которыя намѣренъ онъ былъ прочитать; но онъ не предполагалъ отдавать о всѣхъ ихъ отчетъ публикѣ: многія не входятъ въ область литературы, о другихъ потребны свѣдѣнія, которыхъ онъ не пріобрѣлъ.

IV.

Въ первомъ томѣ «Современника», въ статьѣ *Новыя книги*, подъ параграфомъ, относящимся къ *Вастолѣ*, пропущена подпись издателя.

V.

Редакція «Современника» не можетъ принять на себя обратнаго доставленія присылаемыхъ статей.

---

990. ОБЪЯСНЕНІЕ.

Одно стихотвореніе, напечатанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща, и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уроны, предоставя своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣдъ и полнаго торжества. Я не могъ подумать, чтобы тутъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унизить священную славу Кутузова; однакожь меня въ томъ обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала Святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы Русскіе, что онъ звучитъ Русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай-де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, *гдѣ равенъ былъ неравный споръ*, отдать Москву Наполеону и стать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! <Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія>. Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю, одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы, и выжидая роковой минуты: ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели послѣ двадцати-пяти-лѣтняго безмолвія, поэзіи не позволено произнести его имени съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, но кѣмъ и когда?... Конечно не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только роптalъ народъ ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденный въ самого себя, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется въ исторіи высоко поэтическимъ лицемъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чей бы то ни было; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унизить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту степень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру—на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно недостойные великой тѣни, но искренніе и изліянные изъ души.

Передъ гробницей святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ Русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ — и спасъ...
и проч.

А. Пушкинъ.

991. ОТЪ РЕДАКЦІИ.

[О сборникѣ кн. Вяземскаго].

Спѣшимъ увѣдомить публику, что въ началѣ будущаго 1837 года выйдетъ въ свѣтъ: «*Старина и Новизна*, *Историческій и Литературный Сборникъ*», изданный К. Вяземскимъ.

Въ сей книгѣ будутъ помѣщены многіе любопытные матеріалы, относящіеся до исторіи нашей, извлеченные изъ бумагъ графа Ивана Захаровича Чернышева, подаренныхъ издателю сыномъ его, гр. Григорьемъ Иваповичемъ. Между прочими статьями упомянемъ о письмахъ и рескриптахъ Царевича Алексѣя Петровича, Екатерины II, графа Чернышева, объ анекдотѣ о принцѣ Биронѣ и проч., и проч.; почерпнутыхъ изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ. Будутъ еще письма Екатерины II къ вице-адмиралу принцу Нассау-Зигену, отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ графа Ростопчина, воспоминаніе о графѣ Каподистріи и нѣкоторыхъ современныхъ ему происшествіяхъ. Литтературное отдѣленіе будетъ также разнообразно и составлено изъ отрывковъ изъ собственноручныхъ записокъ Ив. Ив. Дмитріева, нѣсколькихъ писемъ Карамзина, изъ повѣстей, разныхъ стихотвореній, писемъ о современной Русской Литтературѣ, нѣсколькихъ главъ изъ біографическихъ и литтературныхъ записокъ о фон-Визинѣ и временахъ его, извѣстія о первыхъ трехъ пѣсняхъ «Потеряннаго Рая», съ Англійскаго прозою на Русскій языкъ переведенныхъ нашимъ поэтомъ Петровымъ и ненапечатанныхъ въ собраніи твореній его, и проч., и проч. Въ концѣ книги будутъ помѣщены снимки съ разныхъ рукописей, вошедшихъ въ составъ Сборника.

992. КАВАЛЕРИСТЪ-ДѢВИЦА,

происшествіе въ Россіи, въ 2 част. Издалъ Иванъ Бутовскій. С.П.Б. При подпискѣ 1 ч. выдается, а на 2 билетъ.

Подъ симъ заглавіемъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ записокъ Н. А. Дуровой. Читатели «Современника» видѣли уже отрывки изъ этой книги. Они оцѣнили безъ сомнѣнія прелесть этого искренняго и небрежнаго разсказа, столь далекаго отъ авторскихъ притязаній, и простоту, съ которою пылкая героиня описываетъ самыя необыкновенныя происшествія. Въ семъ первомъ томѣ описаны дѣтскія лѣта, первая молодость и первые походы Надежды Андреевны. Ожидаемъ появленія послѣдняго тома, дабы подробнѣе разобрать книгу, замѣчательную по всѣмъ отношеніямъ.

993. КЛЮЧЬ КЪ ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО Н. М. КАРАМЗИНА. 2 Ч. М.

Издавъ сіи два тома, Г. Строевъ оказалъ болѣе пользы Русской исторіи, нежели всѣ наши историки съ высшими взглядами, вмѣстѣ взятые. Тѣ изъ нихъ, которые не суть еще закоренѣлые верхогляды, принуждены будутъ въ томъ сознаться. Г. Строевъ облегчилъ до невѣроятной степени изученіе русской исторіи. «*Ключь*» составленъ по *второму* изданію «Исторіи Государства Россійскаго», «*самому полному и исправному*», пишетъ г. Строевъ. Издатели «Исторіи Государства Россійскаго» должны будутъ поскорѣе пріобрѣсти право на перепечатаніе «Ключа», необходимаго дополненія къ безсмертной книгѣ Карамзина.

994. АНЕКДОТЫ [Table Talk].

I.

Славный анекдотъ объ указѣ, разорванномъ княземъ Яковомъ Долгорукимъ, разсказанъ у Голикова ошибочно и не вполнѣ. Долгорукой послѣ дерзкаго своего поступка уѣхалъ домой изъ сената. Государь, узнавъ обо всемъ, очень прогнѣвался и пріѣхалъ къ нему. Князь Яковъ сталъ передъ нимъ на колѣна и просилъ помилованія. Государь, побранивъ его, сталъ съ нимъ разсуждать о сущности разорваннаго указа. Долгорукой изложилъ ему свое мнѣніе. «Развѣ не могъ ты то же самое сказать, замѣтилъ ему Петръ, не раздирая моего указа?»—Правда твоя, Государь, отвѣчалъ Долгорукой; но я зналъ, что если я его раздеру, то уже впредь таковыхъ подписывать не станешь, жалѣя мою старость и усердіе.—Государь съ нимъ помирился, но пріѣхавъ къ себѣ, приказалъ Царицѣ, которая къ князьямъ Долгорукимъ была особенно милостива, призвать Князя Якова и присовѣтовать ему на другой день при всемъ сенатѣ просить прощенія у Государя. Князь Яковъ начисто отказался. На другой день онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтилъ въ сенатѣ Государя и болѣе, нежели когда-нибудь, его оспоривалъ. Петръ, видя, что съ нимъ дѣлать нечего, оставилъ это дѣло, и болѣе о томъ уже не упоминалъ. (Сл. отъ Кн. Ал. Ник. Голицына).

II.

Кречетниковъ, по возвращеніи своемъ изъ Польши, позванъ былъ въ кабинетъ Императрицы. «Исполнилъ ли ты мои приказанія?» спросила Императрица.—Нѣтъ, Государыня, отвѣчалъ Кречетниковъ. Государыня вспыхнула. «Какъ нѣтъ?» Кречетниковъ сталъ изглагать причины, не дозволившія ему исполнить Высочайшія повелѣнія. Императрица его не слушала; въ порывѣ величайшаго гнѣва она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетниковъ ожидалъ своей погибели. Наконецъ Императрица умолкла и стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Кречетниковъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Государыня снова обратилась къ нему и сказала уже гораздо тише: «скажите же мнѣ, какія причины помѣшали вамъ исполнить мою волю?» Кречетниковъ повторилъ свои прежнія оправданія. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться въ своей вспыльчивости, сказала ему съ видомъ совершенно успокоеннымъ: «это дѣло другое. Зачѣмъ же ты мнѣ тотчасъ этого не сказалъ?» (Сл. отъ гр. Вьельг.[орскаго]).

III.

Нѣкто кн. Мих. Вас. Х. [Мих. Вас. Хованскій], возвратясь изъ Парижа въ Москву, отличался невоздержностью языка и при всякомъ случаѣ язвительно поносилъ Екатерину. Императрица велѣла сказать ему черезъ фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковыя дерзости въ Парижѣ сажаютъ въ Бастилію, а у насъ недавно рѣзали языки; что, не будучи отъ природы жестока, она *для такого бездѣльника*, каковъ Х., нравъ свой перемѣнять не намѣрена; однако, совѣтуетъ ему впредь быть осторожнѣе.

IV.

Когда графъ д'Артуа пріѣзжалъ въ Петербургъ, то Государыня приняла его самымъ ласковымъ и блистательнымъ образомъ. Онъ ей, однако, надоѣлъ, и она велѣла сказать дамамъ своимъ, чтобъ онѣ постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа въ свою карету. Графъ Д'Ав...., капитанъ гвардіи принца, имѣя право повсюду слѣдовать за нимъ, хотѣлъ было сѣсть также въ карету, но Государыня остановила его, сказавъ: „Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine de gardes de M-r le comte d'Artois.“ (Сл. отъ кн. К. Ѳ. Долг.).

V.

Французскіе принцы имѣли большой успѣхъ при всѣхъ дворахъ, куда они являлись. Были, однако жъ, съ ихъ стороны нѣкоторые промахи. Они сыпали деньги и дорогіе подарки. Въ Берлинѣ старый князь Витгенштейнъ сказалъ Брессону, который хвастался ихъ расточительностію: „Mais mon cher M-r Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rotschild.“ (Сл. отъ гр. Вьельг., іюнь 1836).

VI.

Потемкину доложили однажды, что нѣкто графъ Морелли, житель Флоренціи, превосходно играетъ на скрипкѣ. Потемкину захотѣлось его послушать; онъ приказалъ его выписать. Одинъ изъ адъютантовъ отправился курьеромъ въ Италію, явился къ графу Морелли, объявилъ ему приказъ свѣтлѣйшаго и предложилъ тотъ же часъ садиться въ его тележку и скакать въ Россію. Благородный виртуозъ взбѣсился и послалъ къ чорту и Петербургъ, и курьера съ его тележкою. Дѣлать было нечего. Но какъ явиться къ князю, не исполнивъ его приказанія? Догадливый адъютантъ отыскалъ какого-то скрипача, бѣдняка не безъ таланта, и легко уговорилъ его назваться графомъ Морелли и ѣхать въ Россію. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволенъ его игрою. Онъ принятъ былъ потомъ на службу подъ именемъ графа Морелли и дослужился до полковничьяго чина.

VII.

Одинъ изъ адъютантовъ Потемкина, жившій въ Москвѣ и считавшійся въ отпуску [Спечинскій], получилъ приказъ немедленно явиться къ своей должности. Родственники засуетились; не знаютъ, чему приписать требованіе свѣтлѣйшаго. Одни боятся внезапной немилости, другіе видятъ неожиданное счастіе. Молодого человѣка снаряжаютъ наскоро въ путь. Онъ отправляется изъ Москвы, скачетъ день и ночь и пріѣзжаетъ въ лагерь свѣтлѣйшаго. Объ немъ тотчасъ докладываютъ. Потемкинъ приказываетъ ему явиться. Адъютантъ съ трепетомъ входитъ въ его палатку и находитъ Потемкина въ постели со святцами въ рукахъ. Вотъ ихъ разговоръ: Потемкинъ. Ты, братецъ, мой адъютантъ такой-то?—Адъютантъ. Точно такъ, ваша свѣтлость.—Потемкинъ. Правда ли, что ты святцы знаешь наизусть?—Адъютантъ. Точно такъ.—Потемкинъ [*смотря въ святцы*]. Какого же святаго празднуютъ 18 мая?—Адъютантъ. Мученика Ѳеодота, ваша свѣтлость.—Потемкинъ. Такъ. А 29 сентября?—Адъютантъ. Преподобнаго Кyріака.—Потемкинъ. Точно. А 5 февраля?—Адъютантъ. Мученицы Агаѳьи.—Потемкинъ <*закрывая святцы*>. Ну, поѣзжай себѣ домой.

VIII.

N. N., вышедшій изъ пѣвчихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ недоволенъ обхожденіемъ князя Потемкина. «Развѣ не знаетъ князь, говорилъ онъ на своемъ нарѣчіи *), что я такой же генералъ?» Это пересказали Потемкину, который сказалъ ему при первой встрѣчѣ: «что ты врешь? какой ты генералъ? ты генералъ-басъ!»

*) Хиба вінъ не тямитъ того, що я такій єдіоралъ, якъ вінъ самъ.

IX.

Разговоры Н. К. Загряжской.

1) *12 августа 1835 г.*—Вы слыхали про Ветошкина? Это удивительно, что никто его не знаетъ. Надобно вамъ сказать, что Тотьжекъ былъ въ то время деревушка. Государыня сдѣлала изъ него порядочный городокъ. Жители торговали <не знаю, какъ это сказать: ils faisaient le commerce des grains> крупами, что ли? и привозили на баркахъ, не помню куда. Вотъ, этотъ Ветошкинъ былъ прикащикомъ на этихъ баркахъ. Онъ былъ раскольникъ. Однажды онъ является къ митрополиту и проситъ объяснить ему догматы православія. Митрополитъ отвѣчалъ ему, что для того нужно быть ученымъ, знать по-Гречески, по-Еврейски и Богъ вѣдаетъ, что еще. Ветошкинъ уходитъ отъ него и черезъ два года является опять. Вообразите, что въ это время успѣлъ онъ выучиться всему этому. Онъ отрекся отъ своего раскола и принялъ истинную вѣру. Въ городѣ только-что про него и говорили. Я жила тогда на Мойкѣ, дверь-объ-дверь съ графомъ А. С. Строгановымъ. Ромъ жилъ у нихъ въ учителяхъ, тотъ самый, что подписалъ потомъ опредѣленіе о казни Людовика XVI. Онъ очень былъ умный человѣкъ, c'était une forte tête, un grand raisonneur, il vous eut

rendu claire l'Apocalypse. Онъ у меня былъ каждый день съ своимъ питомцемъ. Я ему разсказываю про Ветошкина. — „Madame, c'est impossible.“ — Mon cher M-r Rom; Je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste si vous êtes curieux de voir Ветошкинъ chez le prince Potemkine, il y vient tous les jours.—Madame, je n'y manquerai pas.“ Ромъ отправился къ Потемкину и увидѣлся съ Ветошкинымъ. Онъ приходитъ ко мнѣ. Hé bien, M-r?—„Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritblement c'est un savant.“ Мнѣ очень хотѣлось встрѣтить Ветошкина. И. И. Шуваловъ доставилъ мнѣ случай увидѣть его въ своемъ домѣ. Я застала тамъ двухъ молодыхъ раскольниковъ, съ которыми Ветошкинъ имѣлъ une controverse <прѣніе>. Ветошкинъ былъ тщедушный мужчина лѣтъ 35. Прѣніе ихъ очень меня занимало. Послѣ того за ужиномъ я сидѣла противъ Ветошкина. Я спросила его, какимъ образомъ добился онъ учености. «Сначала было трудно, отвѣчалъ онъ, а потомъ все легче и легче. Книги доставляли мнѣ добрые люди, графъ И[ванъ] И[вановичъ] да князь Г[ригорій] А[лександровичъ.]»—Вамъ, думаю, скучно въ Торжкѣ?—«Нѣтъ, сударыня, я живу съ моими родителями и цѣлый день занятъ книгами.» Потемкинъ, страстный ко всему необыкновенному, наконецъ такъ полюбилъ Ветошкина, что не могъ съ нимъ разстаться. Онъ взялъ его съ собою въ Молдавію, гдѣ Ветошкинъ занемогъ тамошней лихорадкою и умеръ почти въ одно время съ княземъ. Очень странный человѣкъ этотъ Ветошкинъ.

---

2) *12 августа.*—Это было передъ самымъ Петровымъ днемъ. Мы ѣхали въ Знаменское: матушка, сестра Елизавета Кириловна, я—въ одной каретѣ; батюшка, [гр. Разумовскій] съ Василіемъ Ивановичемъ [Чулковымъ]—въ другой. На дорогѣ останавливаетъ насъ курьеръ изъ Кабинета, подходитъ къ каретамъ и объявляетъ, что Государь [Петръ III] приказалъ звать насъ въ Петергофъ. Батюшка велѣлъ было ѣхать, а Василій Ивановичъ сказалъ ему: «Полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказалъ, что онъ когда-нибудь пошлетъ за дамами, чтобъ онѣ явились во дворецъ, какъ ихъ застанутъ, хоть въ однѣхъ рубашкахъ. И охота ему проказить накануѣ праздника.» Но курьеръ попросилъ батюшку выдти на минуту. Они поговорили—и батюшка велѣлъ тотчасъ ѣхать въ Петергофъ. Подъѣзжаемъ ко дворцу; насъ не пускаютъ; часовой сунулъ намъ въ окошко пистолетъ или что-то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отецъ мнѣ сказалъ: «полно, перестань; что за глупость,» и потомъ, оборотясь къ часовому: «мы пріѣхали по приказанію Государя.»—«Извольте же идти въ караульню.» Батюшка пошелъ, а насъ отправили къ ***, который жилъ въ домикахъ. Насъ приняли. Часа черезъ два приходятъ отъ батюшки просить насъ на Monplaisir; всѣ поѣхали; матушка въ спальномъ платьѣ, какъ была. Пріѣзжаемъ въ Monplaisir; видимъ множество дамъ, разряженныхъ en robe de cour, а Государь со шляпою на бекрень и ужасно сердитый. Увидя Государя, я испугалась, сѣла на полъ и закричала: «ни за что не пойду на галеру.» Насилу меня уговорили. Миних былъ съ нами. Мы пріѣхали въ Кронштадтъ. Государь первый вышелъ на берегъ; всѣ дамы за нимъ; матушка осталась съ нами на галерѣ <мы не принадлежали той партіи>. Графиня Анна Карловна Воронцова обѣщала прислать за нами шлюпку. Вмѣсто шлюпки черезъ нѣсколько минутъ видимъ Государя и всю его компанію. Бѣгутъ назадъ всѣ опять на галеру. Кричатъ, что сейчасъ станутъ насъ бомбардировать. Государь ушелъ à fond de cale съ графиней Лизаветой Романовной; а Миних, какъ ни въ чемъ не бывало, разговариваетъ съ дамами, leur faisant la cour. Мы пріѣхали въ Ораніенбаумъ. Государь пошелъ въ крѣпость, а мы во дворецъ.—На другой день зовутъ насъ къ обѣднѣ. Мы знали уже все. Государь былъ очень жалокъ. На эктиньѣ его еще поминали. Мы съ нимъ простились. Онъ далъ матушкѣ траурную свою карету съ короною. Мы поѣхали въ ней. Въ Петербургѣ народъ принялъ насъ за Императрицу и кричалъ намъ ура. На другой день Государыня привезла матушкѣ ленту.

---

3) *12 августа.*—Потемкинъ очень меня любилъ; не знаю, что бы онъ для меня не сдѣлалъ. У Машеньки была une maîtresse de clavecin. Разъ она мнѣ говоритъ: Madame, je ne puis rester à Pétersbourg.“—Pourquoi ça? — Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état

Наталья Кирилловна
ЗАГРЯЖСКАЯ.

de payer un équipage, ou bien de rester oisive.—Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre. Пріѣзжаетъ ко мнѣ Потемкинъ. Я говорю ему: «какъ ты хочешь, Потемкинъ, а мамзель мою пристрой куда-нибудь». — Ахъ, моя голубушка, сердечно радъ; да что для нея сдѣлать? право, не знаю.—Что же? черезъ нѣсколько дней приписали мою мамзель къ какому-то полку и дали ей жалованье. Нынче этого сдѣлать ужъ нельзя.

---

4) Orloff était mal élevé et avait un très mauvais ton. Однажды у государыни сказалъ онъ при насъ: по одёжкѣ держи ножки. Je trouvai cette expression bien triviale et bien inconvenante: c'était un homme d'esprit et depuis je crois qu'il s'est formé. Il avait l'air de brigand avec sa balafre.

---

5) Потемкинъ, сидя у меня, сказалъ мнѣ однажды: «Н[аталья] К[ириловна], хочешь ли земли?»—Какія земли?—«У меня тамъ есть, въ Крыму.»—Зачѣмъ мнѣ брать у тебя земли, къ какой стати!—«Разумѣется, Государыня подаритъ, а я только ей скажу.»—Сдѣлай одолженіе. Я поговорила объ этомъ съ Тепловымъ, который мнѣ сказалъ: «спросите у князя планы, а я вамъ выберу земли.» Такъ и сдѣлалось. Проходитъ годъ, мнѣ приносятъ 80 рублей. «Откуда, батюшки?»—Съ вашихъ новыхъ земель: тамъ ходятъ стада, и за это вотъ вамъ деньги.—«Спасибо, батюшки.» Проходитъ еще годъ, другой, Тепловъ говоритъ мнѣ: «что же вы не думаете о заселеніи вашихъ земель? Десять лѣтъ пройдетъ, такъ худо будетъ: вы заплатите большой штрафъ.»—Да что же мнѣ дѣлать?—«Напишите вашему батюшкѣ письмо: онъ не откажетъ вамъ дать крестьянъ на заселеніе.» Я такъ и сдѣлала: батюшка пожаловалъ мнѣ 300 душъ; я ихъ поселила; на другой годъ они всѣ разбѣжались, не знаю отчего. Въ то время сватался К. за Машу. Я ему и сказала: «возьми, пожалуйста, мои крымскія земли, мнѣ съ ними только что хлопоты.» Что же? Эти земли давали послѣ К. 50,000 рублей доходу. Я очень была рада.

---

6) Я была очень смѣшлива. Государь, который часто ѣзжалъ къ матушкѣ, бывало, нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на Государя.

---

7) Государь однажды объявилъ, что будетъ въ нашемъ домѣ церемонія въ сѣняхъ. У него былъ арапъ Нарцисъ. Этотъ арапъ Нарцисъ подрался на улицѣ съ палачемъ, и государь хотѣлъ снять съ него безчестье (il voulait le réhabiliter). Привели арапа къ намъ въ сѣни, принесли знамена и прикрыли его ими. Тѣмъ дѣло и кончилось.

---

8) Потемкинъ пріѣхалъ со мною проститься. Я сказала ему: «Ты не повѣришь, какъ я о тебѣ грущу.»—А что такое?—«Не знаю, куда мнѣ будетъ тебя дѣвать.»—Какъ такъ?—«Ты моложе Государыни; ты ее переживешь; что тогда изъ тебя будетъ? Я знаю тебя, какъ свои руки: ты никогда не согласишься быть вторымъ человѣкомъ.» Потемкинъ задумался и сказалъ: «не безпокойся; я умру прежде Государыни; я умру скоро.» И предчувствіе его сбылось. Уже я больше его не видала.

---

9) Orloff était régicide dans l'ame; c'était comme une mauvaise habitude. Я встрѣтилась съ нимъ въ Дрезденѣ, въ загородномъ саду. Онъ сѣлъ подлѣ меня на лавочкѣ. Мы разговорились о П. «Что за уродъ! Какъ это его терпятъ?»—Ахъ, батюшка, да что же ты прикажешь дѣлать? вѣдь не задушить же его? «А почему же и нѣтъ, матушка?»—Какъ! и ты согласился бы, чтобы дочь твоя Анна Алексѣевна вмѣшалась въ это дѣло? «Не только согласился бы, я былъ бы очень тому радъ.» Вотъ каковъ былъ человѣкъ!

X.

Когда Пугачевъ сидѣлъ на Мѣщовомъ дворѣ, праздные Москвичи, между обѣдомъ и вечеромъ, заѣзжали на него поглядѣть, подхватить какое-нибудь отъ него слово, которое спѣшили потомъ развозить по городу. Однажды сидѣлъ онъ задумавшись. Посѣтители молча окружали его, ожидая, чтобъ онъ заговорилъ. Пугачевъ сказалъ: «извѣстно по преданіямъ, что Петръ I, во время персидскаго похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась невдалекѣ, нарочно къ ней поѣхалъ и велѣлъ разметать курганъ, дабы увидѣть его кости...» Всѣмъ извѣстно, что Разинъ былъ четвертованъ и сожженъ въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе сказка замѣчательна, особенно въ устахъ Пугачева. Въ другой разъ нѣкто ***, симбирскій дворянинъ, бѣжавшій отъ него, пріѣхалъ на него посмотрѣть и, видя его крѣпко привинченнаго къ цѣпи, сталъ осыпать его укоризнами. *** былъ очень дуренъ лицомъ, къ тому же и безъ носу. Пугачевъ, на него посмотрѣвъ, сказалъ: «правда, много перевѣшалъ я вашей братіи, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывалъ.»

XI.

Денисъ Давыдовъ явился однажды въ авангардъ къ князю Багратіону и сказалъ: «Главнокомандующій приказалъ доложить вашему сіятельству, что непріятель у насъ на носу, и проситъ васъ немедленно отступить.» Багратіонъ *) отвѣчалъ: непріятель у насъ на носу? на чьемъ? если на твоемъ, такъ онъ близко; а если на моемъ, такъ мы успѣемъ еще отобѣдать.

XII.

Генералъ Раевскій былъ насмѣшливъ и жолченъ. Во время турецкой войны, обѣдая у главнокомандующаго графа Каменскаго, онъ замѣтилъ, что кондитеръ вздумалъ выставить графскій вензель на крыльяхъ мельницы изъ сахара, и сказалъ графу какую-то колкую шутку. Въ тотъ же день Раевскій былъ высланъ изъ главной квартиры. Онъ сказывалъ мнѣ, что Каменскій былъ трусъ и не могъ хладнокровно слышать ядра; однако, подъ какою-то крѣпостію онъ видѣлъ Каменскаго вдавшагося въ опасность. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, не пользующійся блистательною славой, въ 1812 году взялъ нѣсколько пушекъ, брошенныхъ непріятелемъ, и выпросилъ себѣ за то награжденіе. Встрѣтясь съ ген. Раевскимъ и боясь его шутокъ, чтобы ихъ предупредить, онъ бросился было его обнимать; Раевскій отступилъ и сказалъ ему съ улыбкою: «кажется, ваше превосходительство принимаете меня за пушку безъ прикрытія.»

Раевскій говорилъ объ одномъ майорѣ, жившемъ у него въ управителяхъ что онъ былъ заслуженный офицеръ, отставленный за отличія съ мундиромъ безъ штановъ.

XIII.

Херасковъ очень уважалъ Кострова и предпочиталъ его талантъ своему собственному. Это приноситъ большую честь и его сердцу, и его вкусу. Костровъ нѣсколько времени жилъ у Хераскова, который не давалъ ему напиваться. Это наскучило Кострову. Онъ однажды пропалъ. Его бросились искать по всей Москвѣ и не нашли. Вдругъ Херасковъ получаетъ отъ него

---

*) Можетъ быть, не всѣмъ извѣстно, что у князя Багратіона былъ очень большой носъ.

письмо изъ Казани. Костровъ благодарилъ его за всѣ его милости, «но, писалъ поэтъ, воля для меня всего дороже.»

Костровъ былъ отъ Императрицы Екатерины именованъ *университетскимъ стихотворцемъ*, и въ семъ званіи получалъ 1,500 рублей жалованья.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочиненія стиховъ и находили обыкновенно въ кабакѣ или у дьячка, великаго пьяницы, съ которымъ былъ онъ въ тѣсной дружбѣ.

Однажды въ университетѣ сдѣлался шумъ. Студенты, недовольные своимъ столомъ, разбили нѣсколько тарелокъ и швырнули въ эконома нѣсколькими пирогами. Начальники, разбирая это дѣло, въ числѣ бунтовщиковъ нашли баккалавра Ермила Кострова. Всѣ очень изумились. Костровъ былъ права самаго кроткаго, да ужъ и не въ такихъ лѣтахъ, чтобъ бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали въ конференцію. «Помилуй, Ермилъ Ивановичъ, сказалъ ему ректоръ, ты-то какъ сюда попался?»—«Изъ состраданія къ человѣчеству,» отвѣчалъ добрый Костровъ.

XIV.

Никто такъ не умѣлъ сердить Сумарокова, какъ Барковъ. Сумароковъ очень уважалъ Баркова, какъ ученаго и остраго критика, и всегда требовалъ его мнѣнія касательно своихъ сочиненій. Барковъ, который обыкновенно его не баловалъ, придя однажды къ Сумарокову, сказалъ ему: «Сумароковъ великій человѣкъ! Сумароковъ первый русскій стихотворецъ!» Обрадованный Сумароковъ велѣлъ тотчасъ подать ему водки, а Баркову только того и хотѣлось. Онъ напился. Выходя, сказалъ онъ ему: «нѣтъ, Александръ Петровичъ, я тебѣ солгалъ: первый-то русскій стихотворецъ—я, второй Ломоносовъ, а ты только что третій.» Сумароковъ чуть его не зарѣзалъ.

XV.

Дельвигъ однажды вызвалъ на дуэль Булгарина. Булгаринъ отказался, сказавъ: «скажите барону Дельвигу, что я на своемъ вѣку видѣлъ болѣе крови, нежели онъ чернилъ.»

XVI.

Сатирикъ Милоновъ пришелъ однажды къ Гнѣдичу пьяный, по своему обыкновенію, оборванный и растрепанный. Гнѣдичъ принялся увѣщевать его. Растроганный Милоновъ заплакалъ и, указывая на небо, сказалъ: «тамъ найду я награду за всѣ мои страданія...»—Братецъ, возразилъ ему Гнѣдичъ, посмотри на себя въ зеркало: пустятъ ли тебя туда?

XVII.

У Крылова надъ диваномъ <гдѣ онъ обыкновенно сиживалъ>, сорвавшись съ одного гвоздика, висѣла наискось по стѣнѣ большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то ему далъ замѣтить, что и остальной гвоздь, на которомъ она еще держалась, не проченъ, и что картина когда-нибудь можетъ упасть и убить его. «Нѣтъ, отвѣчалъ Крыловъ: уголъ рамы долженъ будетъ въ такомъ случаѣ непремѣнно описать косвенную линію и миновать мою голову.»

XVIII.

На Потемкина часто находила хандра. Онъ по цѣлымъ суткамъ сидѣлъ одинъ, никого къ себѣ не пуская, въ совершенномъ бездѣйствіи. Однажды, когда былъ онъ въ такомъ состояніи, множество накопилось бумагъ, требовавшихъ немедленнаго его разрѣшенія; но никто не смѣлъ къ нему войти съ докладомъ. Молодой чиновникъ, по имени Пѣтушковъ, подслушавъ толки, вызвался представить нужныя бумаги князю для подписи. Ему поручили ихъ съ охотою, и съ нетерпѣніемъ ожидали, что́ изъ этого будетъ. Потемкинъ сидѣлъ въ халатѣ, босой, нечесаный, грызя ногти въ задумчивости. Пѣтушковъ смѣло объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и положилъ передъ нимъ бумаги. Потемкинъ, молча, взялъ перо и подписалъ ихъ одну за другою. Пѣтушковъ поклонился и вышелъ въ переднюю съ торжествующимъ лицомъ. «Подписалъ!...» Всѣ къ нему кипулись, глядятъ: всѣ бумаги въ самомъ дѣлѣ подписаны. Пѣтушкова поздравляютъ. «Молодецъ! нечего сказать.» Но кто-то всматривается въ подпись—и что-же? На всѣхъ бумагахъ вмѣсто: князь Потемкинъ—подписано: *Пьтушковъ*, *Пьтушковъ*, - *Пьтушковъ*...

XIX.

Надмѣнный въ сношеніяхъ своихъ съ вельможами, Потемкинъ былъ снисходителенъ къ низшимъ. Однажды ночью онъ проснулся и началъ звонить. Никто не шелъ. Потемкинъ соскочилъ съ постели,

отворилъ дверь и увидѣлъ ординарца своего, спящаго въ креслахъ. Потемкинъ сбросилъ съ себя туфли, и босой прошелъ въ переднюю тихонько, чтобъ не разбудить молодаго офицера.

XX.

Молодой Ш. какъ-то напроказилъ. Князь Б[езбородко] собирался пожаловаться на него самой Государынѣ. Родня перепугалась. Кинулись къ князю Потемкину, прося его заступиться за молодаго человѣка. Потемкинъ велѣлъ Ш. быть на другой день у него и прибавилъ: «да сказать ему, чтобъ онъ со мною былъ посмѣлѣе.»—Ш. явился въ назначенное время. Потемкинъ вышелъ изъ кабинета въ обыкновенномъ нарядѣ, не сказалъ никому ни слова и сѣлъ играть въ карты. Въ это время пріѣзжаетъ князь Б[езбородко]. Потемкинъ принимаетъ его какъ не льзя хуже и продолжаетъ играть. Вдругъ онъ подзываетъ къ себѣ Ш. «Скажи, братъ», — говоритъ Потемкинъ, показывая ему свои карты,—«какъ мнѣ тутъ сыграть?»—Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ ему Ш.,—играйте, какъ умѣете! «Ахъ, мой батюшка»—возразилъ Потемкинъ,—«и слóва не льзя тебѣ сказать; ужъ и разсердился!» Услыша таковой разговоръ, князь Б[езбородко] раздумалъ жаловаться.

XXI.

Графъ Румянцевъ однажды рано утромъ расхаживалъ по своему лагерю. Какой-то майоръ въ шлафрокѣ и въ колпакѣ стоялъ передъ своею палаткою, и въ утренней темнотѣ не узналъ приближающагося фельдмаршала, пока не увидѣлъ его передъ собою лицемъ къ лицу. Майоръ хотѣлъ-было скрыться, но Румянцевъ взялъ его подъруку, и, дѣлая ему разные вопросы, повелъ съ собою по лагерю, который между тѣмъ проснулся. Бѣдный майоръ былъ въ отчаяніи. Фельдмаршалъ, разгуливая такимъ образомъ, возвратился въ свою ставку, гдѣ уже вся свита ожидала его. Майоръ, умирая отъ стыда, очутился среди генераловъ, одѣтыхъ во всей формѣ. Румянцевъ, тѣмъ еще недовольный, имѣлъ жестокость напоить его чаемъ и потомъ ужѣ отпустилъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанія.

XXII.

Нѣкто, отставной мичманъ, будучи еще ребенкомъ, представленъ былъ Петру I въ числѣ дворянъ, присланныхъ на службу. Государь открылъ ему лобъ, взглянулъ въ лицо и сказалъ: «Ну! этотъ плохъ. Однако, записать его во флотъ. До мичмановъ авось дослужится.» Старикъ любилъ разсказывать этотъ анекдотъ и всегда прибавлялъ: «Таковъ былъ пророкъ, что и въ мичманы-то попалъ я только при отставкѣ!» <Сл. отъ кн. Ал. Ник. Голицына>.

XXIII.

Всѣмъ извѣстны слова Петра Великаго, когда представили ему двѣнадцатилѣтняго школьника Василья Тредьяковскаго: *вѣчный труженикъ!* Какой взглядъ! Какая точность въ опредѣленіи! Въ самомъ дѣлѣ, что былъ Тредьяковскій, какъ не вѣчный труженикъ?

XXIV.

Графъ Самойловъ получилъ Георгія на шею въ чинѣ полковника. Однажды во дворцѣ Государыня замѣтила его, заслоненнаго толпою генераловъ и придворныхъ. «Графъ Александръ Николаевичь, сказала она ему, ваше мѣсто здѣсь впереди, какъ на войнѣ.»

XXV.

Государыня Екатерина II говаривала: «Когда хочу заняться какимъ нибудь новымъ установленіемъ, я приказываю порыться въ архивахъ и отыскать, не говорено ли было уже о томъ при Петрѣ Великомъ—и почти всегда открывается, что предполагаемое дѣло было ужъ имъ обдумано.» <Сл. отъ кн. Ал. Ник. Голицына>.

XXVI.

Петръ I говаривалъ: «Нещастья бояться—щастья не видать.»

XXVII.

Любимый изъ племянниковъ князя Потемкина былъ покойный Н. Н. Раевскій. Потемкинъ для него написалъ нѣсколько наставленій; Н. Н. ихъ потерялъ, и помнилъ только первыя строки: *Во-первыхъ, старайся испытать, не трусъ ли ты; если нѣтъ, то укрѣпляй врожденную смѣлость частымъ обхожденіемъ съ непріятелемъ.*

XXVIII.

Я встрѣтился съ Надеждинымъ у Погодина. Онъ показался мнѣ весьма простонародным, vulgar, скученъ, запосчивъ и

безъ всякаго приличія. Напримѣръ, онъ поднялъ платокъ, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но съ живостью, а иногда и съ краснорѣчіемъ. Въ нихъ не было мыслей, но было движеніе; шутки были плоски.

XXIX.

Графа Кочубея похоронили въ Невскомъ монастырѣ. Графиня выпросила у Государя позволеніе огородить рѣшеткою часть пола, подъ которой онъ лежитъ. Старушка Новосильцева сказала: посмотримъ, каково-то ему будетъ въ день втораго пришествія; онъ еще будетъ карабкаться черезъ свою рѣшетку, а другіе давно ужъ будутъ на небесахъ.

XXX.

Будри, профессоръ французской словесности въ Царскосельскомъ Лицеѣ, былъ родной братъ Марату. Екатерина II перемѣнила ему фамилію по просьбѣ его, придавъ ему аристократическую частицу de, которую Будри тщательно сохранялъ. Онъ былъ родомъ изъ Будри. Онъ очень уважалъ память своего брата, и однажды въ классѣ, говоря о Робеспьерѣ, сказалъ намъ, какъ ни въ чемъ не бывало: „C'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravaillac.“ Впрочемъ, Будри, не смотря на свое родство, демократическія мысли, замасленный жилетъ и вообще наружность, напоминавшую якобинца, былъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ очень ловкій придворный. Будри сказывалъ, что братъ его былъ необыкновенно силенъ, не смотря на свою сухощавость и малый ростъ. Онъ разсказывалъ тоже много о его добродушіи, любви къ родственникамъ, etc. etc. Въ молодости его, чтобы отвратить брата отъ развратныхъ женщинъ, Маратъ повелъ его въ госпиталь, гдѣ показалъ ему ужасы венерической болѣзни.

XXXI.

Голландская королева, женщина съ умомъ замѣчательнымъ и рѣзкимъ, сказала принцу Орлеанскому на балѣ: „J'avais des projets hostiles pour vous.“ Et quoi donc, Madame?— „Je voulais paraître inondée de fleurs de lis.“ Madame, отвѣчалъ принцъ, croyez que j'aurais donné tout mon sang pour avoir le droit de porter cet emblème.

XXXII.

Когда въ 1815 году дѣло шло о возстановленіи Польши, тогда графъ Поццо-ди-Борго прислалъ Государю свое мнѣніе. <Графъ противился всѣми силами исполненію сей великой ошибки>. Государь, прочитавъ его, сказалъ князю Козловскому: Le comte Pozzo a plus d'esprit que j'ai, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire. Козловскій не преминулъ. Поццо отвѣчалъ: Celà peut-être, aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur?

XXXIII.

Однажды маленькій арапъ (Ганнибалъ), сопровождавшій Петра I въ его прогулкѣ, остановился за нѣкоторой нуждой и вдругъ закричалъ въ испугѣ: «Государь! Государь изъ меня кишка лѣзетъ.» Петръ подошелъ къ нему и, увидя въ чемъ дѣло, сказалъ: «врешь, это не кишка, а глиста!» — и выдернулъ глисту своими пальцами. Анекдотъ довольно нечистъ, но рисуетъ обычаи Петра.

XXXIV.

Объ арапѣ гр. Стр[оганова]. — У графа Стр. былъ арапъ, молодой и статный мужчина. Дочь его отъ него родила. Въ городѣ о томъ узнали вотъ по какому случаю. У графа Стр—ва по субботамъ раздавали милостыню. Въ назначенный день нищіе пришли по своему обыкновенію; но швейцаръ прогналъ ихъ, говоря сердито: «ступайте прочь, не до васъ! у насъ графинюшка родила арапченка, а вы лѣзете за милостыней.»

XXXV.

О Потемкинѣ. — Однажды Потемкинъ, недовольный запорожцами, сказалъ одному изъ нихъ: Знаете ли вы, хохлачи, что у меня въ Николаевѣ строится такая колокольня, что какъ станутъ звонить, такъ въ Сѣчѣ будетъ слышно.» — Тутъ дива нѣтъ,

отвѣчалъ запорожецъ: у насъ есть такіе бандуристы, что какъ заиграютъ въ Сѣчѣ, такъ въ Петербургѣ затанцуютъ *).

XXXVI.

Князь Потемкинъ, во время очаковскаго похода, влюбленъ былъ въ графиню ***. Добившись свиданія и находясь съ нею наединѣ въ своей ставкѣ, онъ вдругъ дернулъ за звонокъ, и пушки кругомъ всего лагеря загремѣли. Мужъ графини ***, человѣкъ острый и безнравственный, узнавъ о причинѣ пальбы, сказалъ, пожимая плечами: экое кирикуку!

XXXVII.

Зоричъ былъ очень простъ. Собираясь въ чужіе края, онъ не зналъ, какъ назвать себя, и непремѣнно думалъ путешествовать подъ чужимъ именемъ, чтобъ не обезпокоить Европу. Онъ былъ влюбленъ въ кн. Долгорукую, которая жила въ Москвѣ, гдѣ мужъ ея начальствовалъ дивизіей. У Зорича былъ домашній театръ, и княгиня играла въ немъ въ операѣ Annette et Lubin. Зоричъ, не зная, какъ ее угостить, вздумалъ велѣть палить изъ пушекъ, когда Annette войдетъ хозяйкой въ свою хижину. Когда она бросается на колѣни передъ своимъ господиномъ, то изъ-за кулисъ велѣно было выдвинуть ей бархатную подушку, etc.

XXXVIII.

Государь долго не производилъ въ генералы Болдырева за карточную игру. Однажды, въ какой-то праздникъ, во дворцѣ, проходя мимо него въ церковь, онъ сказалъ: «Болдыревъ, поздравляю тебя.» Болдыревъ обрадовался; всѣ бывшіе тутъ думали, какъ и онъ, и поздравляли его. Государь, вышедъ изъ церкви и проходя мимо Болдырева, сказалъ ему: «поздравляю тебя—ты, говорятъ, вчера выигралъ.»—Болдыревъ былъ въ отчаяніи.

XXXIX.

Дельвигъ звалъ однажды Рылѣева къ д . . . амъ. Я женатъ, отвѣчалъ Рылѣевъ. «Такъ что же, отвѣчалъ Дельвигъ, развѣ ты не можешь отобѣдать въ ресторація, потому только, что у тебя дома есть кухня?»

*) Не диво, у насъ у Запорощинѣ е такіе кобзары, що якъ заграютъ то ажъ у Петербурси затанцуютъ.

XL.

Когда Потемкинъ вошелъ въ силу, онъ вспомнилъ объ одномъ изъ своихъ деревенскихъ пріятелей и написалъ ему слѣдующіе стишки:

Любезный другъ,
Коль тебѣ досугъ—
Пріѣзжай ко мнѣ
Коли не такъ,
М . . . . . растакъ
Лежи въ д е р м ѣ.

Любезный другъ поспѣшилъ пріѣхать на ласковое приглашеніе.

XLI.

Графъ К. Разумовскій былъ въ заговорѣ 1762 г. Исполненіе было ускорено измѣною одного изъ сообщниковъ. Екатерина уже бѣжала изъ Петергофа, а Разумовскій еще ничего не зналъ. Онъ былъ дома. Вдругъ слышитъ, къ нему стучатся. «Кто тамъ?»—«Орловъ. Отоприте.» Алексѣй Орловъ, котораго до тѣхъ поръ гр. Разумовскій не видывалъ, вошелъ и объявилъ, что Екатерина въ Измайловскомъ полку; но что полкъ, взволнованный двумя офицерами <дѣдомъ моимъ А. А. Пушкинымъ и не помню кѣмъ еще>, не хочетъ ей присягать. Разумовскій взялъ пистолеты въ карманы, поѣхалъ въ фурѣ, приготовленной для посуды, явился въ полкъ и увлекъ его. Дѣдъ мой посаженъ былъ въ крѣпость, гдѣ и сидѣлъ два года.

XLII.

6 октября 1834 г.—Дмитріевъ предлагалъ Императору А. Муравьева въ сенаторы. Царь отказалъ начисто и, помолчавъ, объяснилъ на то причину. Онъ былъ въ заговорѣ Палена. Паленъ заставилъ Муравьева писать конституцію, и между тѣмъ произошло—11 марта. Муравьевъ хвастался, впослѣдствіи времени, что будто бы онъ не иначе соглашался на перемѣны, какъ съ тѣмъ, чтобѣ наслѣдникъ подписалъ хартію. Вздоръ. Планъ былъ начертанъ Рибасомъ и Паленомъ. Первый отсталъ, раскаясь и будучи осыпанъ милостями.—Паденіе Палена произошло отъ того, что онъ сказалъ, что все произошло по его плану. Слова сіи были Гдоведены до государыни Маріи Ѳеодоровны—и Паленъ былъ удаленъ. <Слышалъ отъ Дмитріева>.

XLIII.

Потемкинъ, встрѣчаясь съ Шешковскимъ (или Шишковскимъ), обыкновенно говаривалъ ему: «что, Степанъ Ивановичь, каково кнутобойничаешь?» На что Шешковскій отвѣчалъ всегда съ низкимъ поклономъ: «помаленьку ваша свѣтлость!»

XLIV.

Когда родился Иванъ Антоновичь, то Императрица Анна Іоанновна послала къ Эйлеру приказаніе составить гороскопъ новорожденному. Эйлеръ сначала отказывался, но принужденъ былъ повиноваться. Онъ занялся гороскопомъ вмѣстѣ съ другимъ академикомъ—и, какъ добросовѣстные нѣмцы, они составили его по всѣмъ правиламъ астрологіи, хотя и не вѣрили ей. Заключеніе, выведенное ими, ужаснуло обоихъ математиковъ—и они послали Императрицѣ другой гороскопъ, въ которомъ предсказывали новорожденному всякія благополучія. Эйлеръ сохранилъ однако первый и показывалъ его графу К. Г. Разумовскому, когда судьба несчастнаго Ивана VI совершилась. <Слышалъ отъ Загряжской, Нат. Кир.>.

XLV.

Барковъ заспорилъ однажды съ Сумароковымъ о томъ, кто изъ нихъ скорѣе напишетъ оду. Сумароковъ заперся въ своемъ кабинетѣ, оставя Баркова въ гостиной. Черезъ четверть часа Сумароковъ входитъ съ готовой одой и не застаетъ уже Баркова. Люди докладываютъ, что онъ ушелъ и приказалъ сказать Александру Петровичу, что-де его дѣло въ шляпѣ. Сумароковъ догадывается, что тутъ какія нибудь проказы. Въ самомъ дѣлѣ, видитъ онъ на полу свою шляпу и въ ней.....

XLVI.

Суворовъ соблюдалъ посты. Потемкинъ однажды сказалъ ему, смѣясь: «видно, графъ, хотите вы въѣхать въ рай верхомъ на осетрѣ.» Эта шутка, разумѣется, принята была съ восторгомъ придворными свѣтлѣйшаго. Нѣсколько дней послѣ, одинъ изъ самыхъ низкихъ угодниковъ Потемкина, прозванный имъ Сенькою-Бандуристомъ, вздумалъ повторить самому Суворову: «правда ли, ваше сіятельство, что вы хотите въѣхать въ рай на осетрѣ?» Суворовъ обратился къ забавнику и сказалъ ему холодно: «знайте, что Суворовъ иногда дѣлаетъ вопросы, а никогда не отвѣчаетъ.»

XLVII.

Старый генералъ Щ. представлялся однажды Екатеринѣ II-й. «Я до сихъ поръ не знала васъ,» сказала Императрица. «Да и я, матушка государыня, не зналъ васъ до сихъ поръ,» отвѣчалъ онъ простодушно. «Вѣрю, возразила она съ улыбкой: «гдѣ и знать меня, бѣдную вдову!»

XLVIII.

Шуваловъ, заспоривъ однажды съ Ломоносовымъ, сказалъ ему сердито: «Мы отставимъ тебя отъ академіи.»—Нѣтъ, возразилъ великій человѣкъ: развѣ академію отставите отъ меня.»

XLIX.

богородицыны дочки.

Царевича Алексѣя Петровича положено было отравить ядомъ. Деньщикъ Петра Перваго Ведель заказалъ оный аптекарю Беру. Въ назначенный день онъ прибѣжалъ за нимъ, но аптекарь, узнавъ, для чего требуется ядъ, разбилъ склянку объ полъ. Деньщикъ взялъ на себя убіеніе Царевича и вонзилъ ему тесакъ въ сердце. <Все это мало правдоподобно>. Какъ бы то ни было, употребленный въ семъ дѣлѣ деньщикъ былъ отправленъ въ дальнюю деревню, въ Смоленскую губернію. Тамъ женился онъ на бѣдной дворянкѣ изъ роду, кажется, Энгельгардовыхъ. Семейство сіе долго томилось въ бѣдности и неизвѣстности. Въ послѣдствіи времени Ведель умеръ, оставя вдову и трехъ дочерей. Объ нихъ напомнили Императрицѣ Елизаветѣ,—она не знала, подъ какимъ предлогомъ вытребовать ко двору молодыхъ Ведель. Князь Одоевскій выдумалъ сказку о Богородицѣ, будто бы явившейся къ умирающей матери и приказавшей ей надѣяться на ея милость. Дѣвицы призваны были ко двору и приняты на ногѣ фрейлинъ. Онѣ вышли замужъ уже при Екатеринѣ: одна за Папина, другая за Чернышева <Анна Родіоновна, умершая въ прошломъ 1830 году>, третья не помню за кѣмъ.

L.

При Елизаветѣ было всего три фрейлины. При воцареніи Екатерины сдѣлали

новыхъ шесть—вотъ по какому случаю. Она, не зная какъ благодарить шестерыхъ заговорщиковъ, возведшихъ ее на престолъ, заказала шесть вензелей, съ тѣмъ, чтобъ повѣсить ихъ на шею шестерыхъ избранныхъ.—Но Никита Панинъ отсовѣтовалъ ей сіе, говоря: это будетъ вывѣска. Императрица отмѣнила свое намѣреніе и отдала вензеля фрейлинамъ.

995. ПРИМѢЧАНІЕ КЪ «ОТРЫВКУ ИЗЪ РУКОПИСИ КАРАМЗИНА»

о древней и новой Россіи.

Во второмъ [третьемъ] № «Современника» <на 1836 годъ> уже упомянуто было о неизданномъ сочиненіи покойнаго Карамзина. Мы почитаемъ себя счастливыми, имѣя возможность представить нашимъ читателямъ хотя отрывокъ изъ драгоцѣнной рукописи. Они услышатъ, если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то по крайней мѣрѣ звуки его умолкнувшаго голоса. А. Пушкинъ.

995. О МИЛЬТОНѢ И ШАТОБРІАНОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ ПОТЕРЯННАГО РАЯ.

Долгое время Французы пренебрегали словесность своихъ сосѣдей. Увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ человѣчествомъ, они цѣнили славныхъ писателей иностранныхъ по мѣрѣ ихъ большаго или меньшаго отдаленія отъ Французскихъ привычекъ и отъ правилъ, установленныхъ Французскими критиками; переводя ихъ, они никогда не думали быть вѣрными своимъ подлинникамъ, напротивъ тщательно ихъ преобразовывали. Во Французскихъ переводахъ, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, нельзя прочесть ни одного предисловія, гдѣ бы не находилась неизбѣжная фраза: «мы думали угодить публикѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ оказать услугу и нашему автору». И въ увѣренности, что оказываетъ услугу публикѣ и самому автору, переводчикъ исключалъ изъ книги мѣста, которыя могли бы оскорбить вкусъ образованнаго Французскаго читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и передъ кѣмъ извинялъ такимъ образомъ! И вотъ къ чему ведетъ невѣжественная страсть къ народности!.. Наконецъ критики спохватились. Стали подозрѣвать, что гг. Летурнеры могли ошибочно судить о Шекспирѣ, и не совсѣмъ благоразумно поступили, переправляя на свой ладъ Гамлета, Ромео и Лира. Отъ переводчиковъ стали требовать болѣе вѣрности, а менѣе щекотливости и усердія къ публикѣ; пожелали видѣть Данте, Шекспира и Сервантеса въ ихъ собственномъ видѣ, въ ихъ народной одеждѣ народные недостатки. Даже мнѣніе, утвержденное вѣками и принятое всѣми, что переводчикъ долженъ стараться передавать духъ, а не букву, нашло противниковъ и искусныя опроверженія.

Нынѣ <примѣръ неслыханный!> первый изъ Французскихъ писателей переводитъ Мильтона слово въ слово и объявляетъ, что подстрочный переводъ былъ бы верхомъ его искусства, если бъ только опый былъ возможенъ! Таковое смиреніе во Французскомъ писателѣ, первомъ мастерѣ своего дѣла, должно было сильно изумить поборниковъ исправительныхъ переводовъ, и вѣроятно будетъ имѣть большое вліяніе на словесность.

Изъ всѣхъ иноземныхъ писателей, Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи. Не говоримъ о краскахъ переводовъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ безвинно оклеветанъ, не говоримъ о переводѣ въ стихахъ аббата Делиля, который ужасно поправилъ его грубые недостатки и украсилъ его безъ милосердія; но какъ-же выводили его собственное лицо въ трагедіяхъ и въ романахъ писатели новѣйшей романтической школы? Что сдѣлалъ изъ него г. Альбертъ [Альфредъ] де-Виньи, котораго Французскіе критики безъ церемоніи поставили на одной доскѣ съ В. Скоттомъ? Какъ поступилъ съ нимъ Викторъ Гюго, другой любимецъ Парижской публики? Можетъ быть, читатели забыли и «St. Mars», и «Кромвеля», и потому не могутъ судить о нелѣпости вымысловъ [гг. Альфреда де-Виньи и] Виктора Гюго. Выведемъ того и другого на судъ всякаго знающаго и благомыслящаго человѣка.

Начнемъ съ трагедіи, одного изъ самыхъ нелѣпыхъ произведеній человѣка, впрочемъ, одареннаго талантомъ.

Мы не станемъ слѣдовать за спотыкливымъ ходомъ этой драмы, скучной и чудовищной; мы хотимъ только показать нашимъ читателямъ, въ какомъ видѣ въ ней представленъ Мильтонъ, еще неизвѣстный поэтъ, но политическій писатель, уже славный въ Европѣ своимъ гордымъ и заносчивымъ краснорѣчіемъ.

Кромвель во дворцѣ своемъ бесѣдуетъ съ лордомъ Рочестеромъ, переодѣтымъ въ методиста, и съ четырьмя шутами; тутъ же находится Мильтонъ съ своимъ вожатымъ <лицомъ довольно ненужнымъ, ибо Мильтонъ ослѣпъ уже гораздо послѣ>. Протекторъ говоритъ Рочестеру:

«Такъ какъ мы теперь одни, то я хочу посмѣяться: представляю вамъ монхъ шутовъ. Когда мы находимся въ веселомъ духѣ, тогда они бываютъ очень забавны. Мы всѣ пишемъ стихи, даже и мой старый Мильтонъ.

Мильтонъ (*съ досадою*).

Старый Мильтонъ! Извините, милордъ, я девятью годами моложе васъ.

Кромвель.

Какъ угодно.

Мильтонъ.

Вы родились въ 99-мъ, а я въ 608-мъ.

Кромвель.

Какое свѣжее воспоминаніе!

Мильтонъ (*съ живостію*).

Вы бы могли обходиться со мною учтивѣе: я сынъ нотаріуса, городоваго альдермана.

Кромвель.

Ну, не сердись; я знаю, что ты великій ѳеологъ и даже хорошій стихотворецъ, хотя пониже Вайверса и Донна.

Мильтонъ (*говоря самъ про себя*).

Пониже! какъ это слово жестоко! Но погодимъ. Увидимъ, отказало ли мнѣ небо въ своихъ дарахъ. Потомство мнѣ судія. Оно поймете мою Евву, падающую въ адскую ночь, какъ сладкое сновидѣніе: Адама преступнаго и добраго, и неукротимаго духа, царствующаго также надъ одною вѣчностью, высокаго въ своемъ отчаяніи, глубокаго въ безуміи, исходящаго изъ огненнаго озера, которое бьетъ онъ огромнымъ своимъ крыломъ; ибо пламенный геній во мнѣ работаетъ. Я обдумываю, *молча*, странное намѣреніе. Я живу въ мысли моей, и ею Мильтонъ утѣшенъ. Такъ я хочу въ свою очередь создать свой міръ между адомъ, землею и небомъ.

Лордъ Рочестеръ (*про себя*).

Что онъ тамъ городитъ?

Одинъ изъ шутовъ.

Смѣшной мечтатель!

Кромвель (*пожимая плечами*).

Твой «Иконокластъ» очень хорошая книга, но твой чортъ Лавіаѳанъ... (*слыша*) очень плохъ...

Мильтонъ—(*сквозь зубы, съ негодованіемъ*).

Кромвель смѣется надъ моимъ сатапою!

Рочестеръ (*подходитъ къ нему*).

Г. Мильтонъ!

Мильтонъ (*не слыша его и обратясь къ Кромвелю*).

Онъ это говоритъ изъ зависти.

Рочестеръ (*Мильтону, который слушаетъ его съ разсѣянностію*).

По чести, вы не понимаете поэзію. Вы умны, но у васъ недостаетъ вкуса. Послушайте: Французы учители наши во всемъ: изучайте Ракана, читайте его пастушескія стихотворенія. Пусть Аминта и Тирсисъ гуляютъ у васъ по лугамъ; пусть она ведетъ за собою барашка на голубой ленточкѣ; но Евва, Адамъ, адъ, огненное озеро! сатана голый, съ опаленными крыльями! Другое дѣло: если бы вы прикрыли его щегольскимъ платьемъ; если бы вы дали ему огромный парикъ и шлемъ съ золотою шишкою, розовый камзолъ и мантію Флорентинскую, какъ недавно видѣлъ я во Французской оперѣ солнце въ праздничномъ кафтанѣ.

Мильтонъ (*удивленный*).

Это что за пустословіе?

Рочестеръ (*кусая губы*).

Опять я забылся! Я, сударь, шутилъ.

Мильтонъ

Очень глупая шутка!»

Далѣе Мильтонъ утверждаетъ, что править государствомъ бездѣлица; то ли дѣло писать Латинскіе стихи.

Спустя немного времени, Мильтонъ бросается въ ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престола, на что протекторъ отвѣчаетъ: Мильтонъ, государственный секретарь! ты пінтъ, ты въ лирическомъ восторгѣ забылъ, кто я таковъ и пр.

Въ сценѣ, не имѣющей ни исторической истины, ни драматическаго правдоподобія, въ безсмысленной пародіи церемоніала, наблюдаемаго при коронаціи Англійскихъ королей, Мильтонъ и одинъ изъ придворныхъ шутовъ играютъ главную роль. Мильтонъ проповѣдуетъ республику, шутъ подымаетъ перчатку королевскаго рыцаря...

Вотъ какимъ жалкимъ безумцемъ, какимъ пустомелей выведенъ Мильтонъ человѣкомъ, который, вѣроятно, самъ не вѣдалъ, что творилъ, оскорбляя великую тѣнь! Въ теченіе всей трагедіи, кромѣ насмѣшекъ и ругательства ничего иного Мильтонъ не слышитъ; правда и то, что и самъ онъ, во все время, ни разу не вымолвилъ дѣльнаго слова. Это старый болтунъ, котораго всѣ презираютъ и на котораго никто не обращаетъ никакого вниманія.

Нѣтъ, г. Гюго! не таковъ былъ Мильтонъ, другъ и сподвижникъ Кромвеля, суровый фанатикъ, строгій творецъ «Иконокласта» и книги: «Defensio populi!» Не такимъ языкомъ изъяснялся бы съ Кромвелемъ тотъ, который написалъ ему свой славный пророческій сонетъ: Cromwell, our chief etc.!

Не могъ быть посмѣшищемъ развратнаго Рочестера и придворныхъ шутовъ тотъ, кто, въ злые дни жертва злыхъ язы-

ковъ, въ бѣдности, въ гоненіи и въ слѣпотѣ сохранилъ непреклонность души и продиктовалъ «Потерянный Рай».

Если г. Гюго, будучи самъ поэтъ <хотя и второстепенный>, такъ худо понялъ поэта Мильтона, то всякъ легко себѣ вообразитъ, что̀ подъ его перомъ стало изъ лица Кромвеля, съ которымъ не имѣлъ онъ ужъ ровно никакого сочувствія! Но это не касается до нашего предмета. Отъ неровнаго, грубаго Виктора Гюго и его уродливыхъ драмъ перейдемъ къ чопорному, манерному гр. Виньи и къ его облизанному роману.

Альфредъ де-Виньи въ своемъ «Сенъ-Марсѣ» также выводитъ передъ нами Мильтона, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ:

У славной Маріи де Лормъ, любовницы Кардинала Ришельё, собирается общество придворныхъ и ученыхъ. Скюдери толкуетъ имъ свою аллегорическую каргу любви; гости въ восхищеніи отъ крѣпости Красоты, стоящей на рѣкѣ Гордости, отъ деревни Нѣжныхъ Записочекъ, отъ гавани Равнодушія, и проч., и проч. Всѣ осыпаютъ г. Скюдери напыщенными похвалами, кромѣ Мольера, Корнеля и Декарта, которые тутъ же находятся. Вдругъ хозяйка представляетъ обществу молодаго путешествующаго Англичанина, по имени Джона Мильтона, и заставляетъ его читать гостямъ отрывки изъ «Потеряннаго Рая». Хорошо; да какъ же Французы, не зная Англійскаго языка, поймутъ Мильтоновы стихи? Очень просто: мѣста, которыя онъ будетъ читать, переведены на Французскій языкъ, переписаны на особыхъ листочкахъ и списки розданы гостямъ. Мильтонъ будетъ декламировать, а гости слѣдовать за нимъ. Да зачѣмъ же ему безпокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть, Мильтонъ великій декламаторъ, или звуки Англійскаго языка чрезвычайно любопытны? А какое дѣло графу де Виньи до всѣхъ этихъ нелѣпыхъ несообразностей? Ему надобно, чтобы Мильтонъ читалъ въ Парижскомъ обществѣ свой «Потерянный Рай», и чтобъ Французскіе умники надъ нимъ посмѣялись и не поняли духа великаго поэта.

Мильтонъ, не смотря на то, что назначенныя мѣста для чтенія переведены, и что онъ долженъ читать ихъ по порядку, ищетъ въ памяти своей то, что по его мнѣнію, болѣе произведетъ дѣйствія на слушателей, не заботясь о томъ, поймутъ ли его или нѣтъ. Но посредствомъ какого-то чуда <неизъясненнаго г-мъ де-Виньи> всѣ его понимаютъ. Де-Барро находитъ его приторнымъ, Скюдери скучнымъ и холоднымъ Марія де Лормъ очень тронута описаніемъ Адама въ первобытномъ его состояніи; Мольеръ, Корнель и Декартъ осыпаютъ его комплиментами, и пр., и пр.

Или мы очень ошибаемся или Мильтонъ, проѣзжая черезъ Парижъ, не сталъ бы показывать себя какъ заѣзжій фигляръ, и въ домѣ непотребной женщины забавлять общество чтеніемъ стиховъ, писанныхъ на языкѣ, неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то взводя ихъ въ потолокъ. Разговоры его съ де Ту, съ Корнелемъ и Декартомъ не были бъ пошлымъ и изысканнымъ пустословіемъ; а въ обществѣ игралъ бы онъ роль ему приличную, скромную, роль благороднаго, хорошо воспитаннаго молодаго человѣка.

Послѣ удивительныхъ вымысловъ Виктора Гюго и графа де-Виньи, хотите ли видѣть картину, просто набросанную другимъ живописцемъ? Прочтите въ «Вудстокѣ» встрѣчу одного изъ дѣйствующихъ лицъ съ Мильтономъ, въ кабинетѣ Кромвеля.

Французскій романистъ конечно не довольствовался бы такимъ незначащимъ и естественнымъ изображеніемъ. У него Мильтонъ, занятый государственными дѣлами, непремѣнно терялся бы въ піитическихъ мечтаніяхъ и на поляхъ какого нибудь отчета намаралъ бы нѣсколько стиховъ изъ «Потеряннаго Рая»; Кромвель бы это подмѣтилъ, разбранилъ бы своего секретаря, назвалъ бы его стихоплетомъ, вралемъ и пр., и изъ того бы вышелъ эффектъ, о которомъ бѣдный Вальтеръ Скоттъ и не подумалъ!

Переводъ, изданный Шатобріаномъ, заглаживаетъ до нѣкоторой степени презрѣніе молодыхъ Французскихъ писателей, такъ невинно, но такъ жестоко оскорбившихъ великую тѣнь. Мы сказали уже, что Шатобріанъ переводилъ Мильтона почти слово въ слово, такъ близко, какъ только то могъ позволить синтаксисъ Французскаго языка: трудъ тяжелый и неблагодарный, незамѣтный для большинства читателей и который можетъ быть оцѣненъ двумя, тремя знатоками. Но удаченъ ли новый переводъ? Шатобріанъ нашелъ въ Низарѣ критика неумолимаго. Низаръ въ статьѣ, наполненной тонкой смѣтливости, сильно напалъ и на способъ перевода, избранный Шатобріаномъ, и на самый переводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что стараясь передать Мильтона

слово въ слово, Шатобріанъ, однако, не могъ соблюсти въ своемъ преложеніи вѣрности смысла и выраженія. Подстрочный переводъ никогда не можетъ быть вѣренъ. Каждый языкъ имѣетъ свои обороты, свои усвоенныя выраженія, которыя не могутъ быть переведены на другой языкъ соотвѣтствующими словами. Возьмемъ первыя фразы: Comment vous portez-vous; How do you do. Попробуйте перевести ихъ слово въ слово на Русскій языкъ *).

Если уже Русскій языкъ столь гибкій и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь переимчивый и общежительный въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ, неспособенъ къ переводу подстрочному, къ преложенію слово въ слово, то какимъ образомъ языкъ Французскій, столь осторожный въ своихъ привычкахъ, столь пристрастный къ своимъ преданіямъ, столь непріязненный къ языкамъ, даже ему единоплеменнымъ, выдержитъ таковой опытъ, особенно въ борьбѣ съ языкомъ Мильтона, сего поэта, вмѣстѣ, и изысканнаго и простодушнаго, и темнаго, и запутаннаго, и выразительнаго, и своенравнаго, и смѣлаго даже до безсмыслія?

Переводъ «Потеряннаго Рая» есть торговая спекуляція. Первый изъ современныхъ Французскихъ писателей, учитель всего пишущаго поколѣнія, бывшій нѣкогда первымъ министромъ, нѣсколько разъ посланникомъ, Шатобріанъ на старости лѣтъ перевелъ Мильтона *для куска хлѣба*. Каково бы то ни было исполненіе труда, имъ предпринятаго, но самый сей трудъ и цѣль онаго дѣлаютъ честь знаменитому старцу. Шатобріанъ, который, поторговавшись немного съ самимъ собою, могъ бы спокойно пользоваться щедротами новаго правительства, властію, почестями и богатствомъ, предпочелъ имъ честную бѣдность и, уклонившись отъ палаты перовъ, гдѣ могущественно раздавался краснорѣчивый его голосъ, приходитъ въ книжную лавку съ продажной рукописью, но съ неподкупной совѣстію. Послѣ этого, что скажетъ критика? Станетъ ли она строгостію оцѣнки смущать благороднаго труженика и подобно скупому скупщику хулить его товаръ? Но Шатобріанъ не имѣетъ нужды въ снисхожденіи: къ своему переводу присовокупилъ онъ два тома, столь же блестящіе, какъ и всѣ прежнія его произведенія, и критика можетъ оказаться строгою къ ихъ недостаткамъ столько, сколько ей будетъ угодно; несомнѣнныя красоты, страницы, достойныя лучшихъ временъ великаго писателя, спасутъ его книгу отъ пренебреженія читателей, не смотря на всѣ ея недостатки.

Англійскіе критики строго осудили «Опытъ объ Англійской литературѣ». Они нашли его слишкомъ поверхностнымъ, слишкомъ недостаточнымъ; повѣривъ заглавію, они отъ Шатобріана требовали ученой критики и совершеннаго знанія предметовъ, близко знакомыхъ имъ самимъ; но совсѣмъ не того должно было искать въ семъ блестящемъ обозрѣніи. Въ ученой критикѣ Шатобріанъ не твердъ, робокъ и самъ не свой; онъ говоритъ о писателяхъ, которыхъ не читалъ; судитъ о нихъ вскользь и по наслышкѣ, и кое-какъ отдѣлывается отъ скучной должности библіографа; но поминутно изъ-подъ пера его вылетаютъ вдохновенныя страницы; онъ поминутно забываетъ критическія изысканія и на свободѣ развиваетъ свои мысли о историческихъ эпохахъ, которыя сближаетъ съ тѣми, коихъ самъ онъ былъ свидѣтель. Много искренности, много сердечнаго краснорѣчія, много простодушія <иногда дѣтскаго, но всегда привлекательнаго> въ сихъ отрывкахъ, чуждыхъ исторіи Англійской литературы, но составляющихъ главное, блистательное достоинство «Опыта».

*) Кстати: недавно <въ «Телескопѣ», кажется>,—кто-то, критикуя переводъ, хотѣлъ, вѣроятно, блеснуть знаніемъ Итальянскаго языка и пенялъ переводчику, зачѣмъ онъ пропустилъ въ своемъ переводѣ выраженіе batarsi la quancia—бить себя по щекамъ; batarsi la quancia значитъ раскаяться; перевести иначе, не имѣло бы никакого смысла.

997. ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ РОДСТВЕННИКОВЪ ІОАННЫ Д'АРКЪ.

Въ Лондонѣ, въ прошломъ 1836 году, умеръ нѣкто г. Дюлисъ (Jean-François-Philippe Dulys), потомокъ роднаго брата Іоанны д'Аркъ, славной Орлеанской дѣвственницы. Г. Дюлисъ переселился въ Англію въ началѣ Французской революціи. Онъ былъ женатъ на Англичанкѣ, и не оставилъ по себѣ дѣтей. По своей духовной назначилъ онъ по себѣ наслѣдникомъ родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца Эдимбургскаго. Между его бумагами найдены подлинныя грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающія дворянство роду господъ д'Аркъ Дюлисъ (d'Arc Dulys). Всѣ сіи грамоты проданы были съ публичнаго торга за весьма дорогую цѣну, такъ же, какъ и любопытный автографъ: письмо Вольтера къ отцу покойнаго г. Дюлиса.

Повидимому, Дюлисъ, отецъ, былъ добрый дворянинъ, мало занимавшійся литературою. Однакожъ, около 1767 года дошло до него, что нѣкто Mr. de Voltaire издалъ какое-то сочиненіе объ Орлеанской героинѣ. Книга продавалась очень дорого. Г. Дюлисъ рѣшился однакожъ ее купить, полагая найти въ ней достовѣрную исторію славной своей прабабки. Онъ былъ изумленъ самымъ непріятнымъ образомъ, когда получилъ маленькую книжку, in-18, напечатанную въ Голландіи и украшенную удивительными картинками. Въ первомъ пылу негодованія написалъ онъ Вольтеру слѣдующее письмо, съ котораго копія найдена также между бумагами покойника. <Письмо сіе, также какъ и отвѣтъ Вольтера, напечатано въ журналѣ «Morning Chronicle»>:

«Милостивый государь,

Недавно имѣлъ я случай пріобрѣсти за шесть луидоровъ написанную вами исторію осады Орлеана въ 1429 году. Это сочиненіе преисполнено не только грубыхъ ошибокъ, непростительныхъ для человѣка, знающаго сколько-нибудь исторію Франціи, но еще и нелѣпою клеветою касательно короля Карла VII, Іоанны д'Аркъ, по прозванію Орлеанской дѣвственницы, Агнессы Сорель, господъ Латримулья, Лагира, Бодрикура и другихъ благородныхъ и знатныхъ особъ. Изъ приложенныхъ копій съ достовѣрныхъ грамотъ, которыя хранятся у меня въ замкѣ моемъ (Tournebu, baillage de Chaumont en Tourraine), вы ясно увидите, что Іоанна д'Аркъ была родная сестра Лукѣ д'Аркъ дю-Ферону (Lucas d'Arc, seigneur du Feron), отъ котораго я происхожу по прямой линіи. А посему, не только я полагаю себя въ правѣ, но даже и ставлю себѣ въ непремѣнную обязанность требовать отъ васъ удовлетворенія за дерзкія, злостныя и лживыя показанія, которыя вы себѣ дозволили напечатать касательно вышеупомянутой дѣвственницы. И такъ, прошу васъ, милостивый государь, дать мнѣ знать о мѣстѣ и времени, также и объ оружіи, вами избираемомъ для немедленнаго окончанія сего дѣла.

Честь имѣю» и проч.

Не смотря на смѣшную сторону этого дѣла Вольтеръ принялъ его не въ шутку. Онъ испугался шума, который могъ бы изъ того произойти, а можетъ быть и шпаги щекотливаго дворянина, и тотчасъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

22 Мая 1767.

Милостивый государь,

Письмо, которымъ вы меня удостоили, застало меня въ постели, съ которой не схожу вотъ уже около осьми мѣсяцевъ. Кажется, вы не изволите знать, что я бѣдный старикъ, удрученный болѣзнями и горестями, а не одинъ изъ тѣхъ храбрыхъ рыцарей, отъ которыхъ вы произошли. Могу васъ увѣрить, что я никакимъ образомъ не участвовалъ въ составленіи глупой риѳмованной хроники (l'impertinente chronique rimée), о которой изволите мнѣ писать. Европа наводнена печатными глупостями, которыя публика великодушно мнѣ приписываетъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ случилось мнѣ напечатать поэму подъ заглавіемъ Генріяда. Изчисляя въ ней героевъ, прославившихъ Францію, взялъ я на себя смѣлость обратиться къ знаменитой вашей родственницѣ (votre illustre cousine) съ слѣдующими словами:

— Et toi, brave Amazone,
La honte des Anglois et le soutien du trône.

Вотъ единственное мѣсто въ моихъ сочиненіяхъ, гдѣ упомянуто о безсмертной героинѣ которая спасла. Францію. Жалѣю что я не посвятилъ слабаго своего таланта на прославленіе Божіихъ чудесъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для удовольствія публики безсмысленной и неблагодарной.

Честь имѣю быть,
милостивый государь,
вашимъ покорнѣйшимъ слугою.
Voltaire,
gentilhomme de la chambre du Roy.

Англійскій журналистъ, по поводу напечатанія сей переписки, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

«Судьба Іоанны д'Аркъ, въ отношеніи къ ея отечеству, поистинѣ достойна изумленія: мы, конечно, должны раздѣлить съ Французами стыдъ ея суда и казни. Но

варварство Англичанъ можетъ еще быть извинено предразсудками вѣка, ожесточеніемъ оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала дѣйствію нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чѣмъ извинить малодушную неблагодарность Франпузовъ? Конечно не страхомъ дьявола, котораго изстари не боялись. По крайней мѣрѣ мы хоть что-нибудь да сдѣлали для памяти славной дѣвы: нашъ Лауреатъ посвятилъ ей первые дѣвственные порывы своего <еще не купленнаго> вдохновенія. Англія дала пристанище послѣднему изъ ея сродниковъ; какъ же Франція постаралась загладить свое кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ея хроники? Правда, дворянство дано было родственникамъ Іоанны д'Аркъ; но ихъ потомство пресмыкалось въ неизвѣстности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворѣ Французскихъ королей отъ Карла VII до самого Карла X. Новѣйшая исторія не представляетъ предмета болѣе трогательнаго, болѣе поэтическаго—жизни и смерти Орлеанской героини; что же сдѣлалъ изъ того Вольтеръ, сей достойный представитель своего народа? Разъ въ жизни случилось ему быть истинно поэтомъ, и вотъ на что онъ употребляетъ вдохновеніе! Онъ сатаническимъ дыханіемъ раздуваетъ искры, тлѣвшія въ пеплѣ мученическаго костра, и какъ пьяный дикарь пляшетъ около своего потѣшнаго огня. Онъ какъ Римскій палачъ присовокупляетъ поруганіе къ смертнымъ мученіямъ дѣвы. Поэма Лауреата не стоитъ конечно, поэмы Вольтера въ отношеніи силы вымысла; но твореніе Соуте есть подвигъ честнаго человѣка и плодъ благороднаго восторга. Замѣтимъ, что Вольтеръ, окруженный во Франціи врагами и завистниками, на каждомъ своемъ шагу подвергавшійся самымъ ядовитымъ порицаніямъ, почти не нашелъ обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Всѣ съ восторгомъ приняли книгу, въ которой презрѣніе ко всему, что почитается священнымъ для человѣка и гражданина доведено до послѣдней степени кинизма. Никто не вздумалъ заступиться за честь своего отечества, и вызовъ добраго и честнаго Дюлиса, если бы сталъ тогда извѣстенъ, возбудилъ бы неистощимый хохотъ не только въ философическихъ гостиныхъ барона д'Ольбаха и M-me Jeoffrin, но и въ старинныхъ залахъ потомковъ Лагира и Латримулья. Жалкій вѣкъ! жалкій народъ!»

---

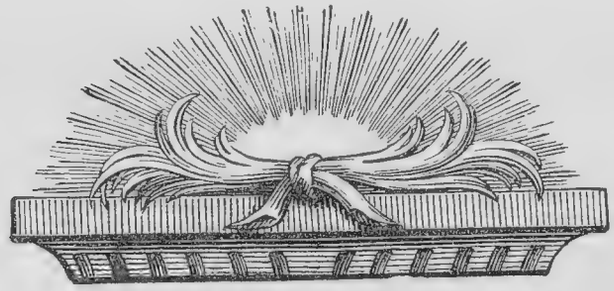
998. ЖЕЛѢЗНАЯ-МАСКА.

Вольтеръ въ своемъ «Siècle de Louis XIV» <въ 1760> первый сказалъ нѣсколько словъ о Желѣзной-Маскѣ: «Нѣсколько времени послѣ смерти кардинала Мазарини», пишетъ онъ, «случилось происшествіе безпримѣрное и, что́ еще удивительнѣе, неизвѣстное ни одному историку. Нѣкто, высокаго роста, молодыхъ лѣтъ, благородной и прекрасной наружности, съ величайшей тайною посланъ былъ въ заточеніе на Островъ св. Маргариты. Дорогою невольникъ носилъ маску, коей нижняя часть была на пружинахъ, такъ-что онъ могъ ѣсть, не сымая ея съ лица. Приказано было, въ случаѣ если бъ онъ открылся, его убить. Онъ оставался на островѣ до 1690 году, когда Сенъ-Марсъ, губернаторъ Пиньерольской крѣпости, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Бастилію, пріѣхалъ за нимъ и препроводилъ его въ Бастилію, все такъ же маскированнаго. Передъ симъ маркизъ де-Лувуа посѣтилъ его на семъ островѣ и говорилъ съ нимъ стоя, съ видомъ уваженія. Неизвѣстный посаженъ былъ въ Бастилію, гдѣ всевозможныя удобности были ему доставляемы. Ему ни въ чемъ не отказывали. Онъ любилъ самое тонкое бѣлье и кружева. Онъ игралъ на гитарѣ. Столъ его былъ самый отличный. Губернаторъ рѣдко садился передъ нимъ. Старый лекарь, часто его лечившій въ различныхъ болѣзняхъ, сказывалъ, что никогда не видывалъ его лица, хотя и осматривалъ его языкъ и другія части тѣла. По словамъ лекаря, онъ былъ прекрасно сложенъ, цвѣтомъ довольно смуглъ. Голосъ его былъ трогателенъ; онъ никогда не жаловался и не намекалъ о своемъ состояніи.

«Неизвѣстный умеръ въ 1703 году и былъ похороненъ ночью въ приходѣ св. Павла. Удивительно и то, что въ то время, когда привезенъ онъ былъ на Островъ св. Маргариты, никого изъ важныхъ особъ въ Европѣ не исчезало. Невольникъ сей, безо всякаго сомнѣнія, былъ особа важная. Доказательствомъ тому служитъ происшествіе, случившееся въ первые дни его заточенія на островѣ. Самъ губернаторъ приносилъ ему кушанье на столъ, запиралъ дверь и уда-

лялся. Однажды невольникъ начертилъ что-то ножемъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее изъ окошка. Рыбакъ поднялъ тарелку на берегу моря и принесъ ее губернатору. Сей изумился. «Читалъ ли ты, что тутъ написано», спросилъ онъ у рыбака, «и видѣлъ ли кто у тебя эту тарелку?»—Я не умѣю читать, отвѣчалъ рыбакъ: я сейчасъ ее нашелъ; никто ее не видалъ. Рыбака задержали, пока не удостовѣрились, что онъ въ-самомъ-дѣлѣ безграмотный, и что тарелки никто не видалъ. Губернаторъ отпустилъ его, сказавъ: «ступай; счастливъ ты, что не умѣешь читать...» Г. де-Шамильяръ былъ послѣдній изъ министровъ, знавшихъ эту странную тайну. Зять его, маршалъ де-ла-Фельядъ, сказывалъ мнѣ, что при смерти своего тестя, онъ на колѣнахъ умолялъ его открыть, кто таковъ былъ человѣкъ въ желѣзной маскѣ, Шамильяръ отвѣтствовалъ, что это государственная тайна, и что онъ клялся ея не открывать. Многіе изъ моихъ современниковъ подтвердятъ истину моихъ словъ. Я не знаю ничего ни удивительнѣе, ни достовѣрнѣе.»

Сіи строки произвели большое впечатлѣніе. Любопытство было сильно возбуждено. Стали разыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали, что Желѣзная-Маска былъ графъ de Vermandois, осужденный на вѣчное заключеніе, будто бы за пощечину, имъ данную дофину <Людовику XIV>. Другіе видѣли въ немъ герцога де-Бофоръ, сего феодальнаго демагога, мятежнаго любимца черни Парижской, пропавшаго безъ вѣсти во время осады Кандіи въ 16..; третьи утверждали, что онъ былъ не кто иной, какъ герцогъ Монмуфъ, и проч., и проч. Самъ Вольтеръ, опровергнувъ всѣ сіи мнѣнія съ ясностью критики ему свойственной, романически думалъ или выдумалъ, что славный невольникъ былъ старшій братъ Людовика XIV, жертва честолюбія и политики жестокосердой. Доказательства Вольтера были слабы. Загадка оставалась неразрѣшенною. Взятіе Бастиліи въ 1789 году и обнародованіе ея архива ничего не могло открыть касательно таинственнаго затворника.



АВТОБІОГРАФИЧЕСКОЕ

И

ПРОГРАММЫ.

999. [ОТРЫВКИ ИЗЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ ЗАПИСОКЪ].

. . . . . большой Грузинскій носъ, а партизанъ почти и вовсѣ былъ безъ носу. Д[авыдовъ] является къ Бен[игс]ену: Князь Б[аграт]іонъ, говоритъ, прислалъ меня доложить вашему высокопревосходительству, что непріятель у насъ на носу...

На какомъ носу, Д[енисъ] В[асильевичъ]? отвѣчаетъ генералъ. Ежели на вашемъ, такъ онъ ужъ близко, если же на носу князя Б[аграті]она, то мы успѣемъ еще отобѣдать...

Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія.

*

28-го ноября.

Ш[иш]ковъ и г-жа Бу[ни]на увѣнчали недавно князя Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ, на этотъ случай сочинили очень остроумную пьесу подъ названіемъ:

ВѢНЧАНЬЕ ШУТОВСКАГО.

(*Гимнъ на голосъ: de Buhamel*).

Вчера, въ горжественномъ вѣнчаньи (собраньи)

Творца *затьй*,
Мы зрѣли полное собранье
Бесѣды всей,
И всѣ въ одинъ крачали строй:
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!
Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза Балладъ,
Въ бесѣдѣ добрый усыпитель,
Хлыстову братъ,
И врагъ талантовъ записной!
[Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!]
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!
Всей братьи далъ свои онъ *Шубы*
И всѣ дрожатъ!
Его величіе не трубы—
Свистки гласятъ,
Онъ милъ и тѣломъ и душой!
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!
И вотъ подъ сѣнью обвѣтшалой
Старикъ сѣдой!
Предъ нимъ вязанки прозы вялой,
Псалтырь въ десной.
Кругомъ поэтовъ блѣдный строй (о Шутовской)
Хвала, хвала тебѣ, старикъ сѣдой!
О дѣдъ сѣдой! (bis)
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!
И вдругъ раздался за дверями
И скрыпъ и вой—
Идутъ сотрудники съ гудками
И самъ Герой!
Поетъ онъ гимнъ печальный свой.
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!
«Я князь, поэтъ, директоръ, воинъ—
«Вездѣ великъ,
«Вѣнца лавроваго достоинъ
«Мой тучный ликъ.
«Вѣнчая, пойте всей толпой:
«Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
«Хвала, Герой!
«Хвала, Герой!
«Писалъ я на друзей пасквили
«И на отца,
«Поэмы, тощи водевили—
«Имъ нѣтъ конца.
«И *воды* я пишу водой.
«Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
«Хвала, Герой!
«Хвала, Герой!
«Еврей мой написалъ Дебору,
«А я списалъ,
«Въ моихъ твореньяхъ много сору
«Кто жъ ихъ читалъ.
«Доволенъ, право, я собой».
«Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
«Хвала, Герой!
«Хвала, Герой!
Потомъ къ Макару и Ежевой
Герой бѣжитъ,
«Вотъ орденъ мой—вѣнокъ лавровый.
Пусть буду битъ,
Зато увѣнчанъ красотой!
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!

*

29-го [ноября].

Итакъ, я счастливъ былъ, итакъ, я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался...
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчался лѣтомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!

Я щасливъ былъ!.. нѣтъ, я вчера не былъ щастливъ, поутру я мучился ожиданіемъ, съ неописаннымъ волненьемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу, ее невидно было! Наконецъ я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ, сладкая минута!...

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку!
Жуковскій!

Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Бакуниной!

Но я не видѣлъ ее 18 часовъ ахъ!

Какое положенье, какая мука! Но я былъ щастливъ 5 минутъ.

*

10-го декабря.—Вчера написалъ я третью главу, *Фатама или разумъ человѣчества*: Право естественное. Читалъ ее С. С., и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчи и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! Поутру читалъ *Жизнь Вольтера*.

Началъ я комедію—не знаю, кончу ли ее.

Третьяго дня хотѣлъ я начать ироническую поэму: Игорь и Ольга, а написалъ эпиграму на Шах[овскаго], Шихм[атова] и Шишк[ова]; вотъ она:

Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ:
Шихм[атовъ], Шах[овской], Шиш[к]овъ;
Уму есть тройка супостатовъ:
Шиш[ковъ] нашъ Шах[овской], Шихматовъ;
Но кто глупѣй изъ тройки злой?
Шиш[ковъ], Шихматовъ, Шах[овск]ой!

Лѣтомъ напишу я *Картину Царскаго Села*.

1. Картина сада.
2. Дворецъ. *День въ Ц. С.*
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.
5. Вечернее гулянье.
6. Жители Царскаго Села.

Вотъ главные предметы вседневныхъ моихъ записокъ,—но это еще *будущее*.

*

Вчера не тушили свѣчекъ, зато пѣли куплеты на голосъ: бери себѣ повѣсу.—Запишу, сколько могу упомнить:

НА ГЕОРГ[ІЕВСКАГО].

Предположивъ—и дальше
На грацію намекъ,
Нусъ—Августинъ богословъ, / Или надъ печкою Богословъ,
Профессоръ Бутервекъ, / А въ печкѣ Бутервекъ.
Потомъ Ніобы группа,
Корреджіевъ тьма-свѣтъ.
Прелестна Граціозность
И щастливъ онъ поэтъ.

НА КАЙД[АНОВА].

Потише, житотины!
Да долголь говорю?
Потише—Бомгольмъ, Борнгольмъ,
Еще разъ повторю.

НА КАРЦ[ЕВА].

Какіе жъ вы лѣнивцы
Ну на кого напасть?
Да нутека Вольховскій,
Вы ересь понесли.
А что читаетъ Пушкинъ?
Подайте-ка сюды!
Ступай изъ класса съ Богомъ,
Назадъ не приходи.
А слышили ль вы новость?
Нашъ докторъ сталъ лѣнивъ, / И Графъ послалъ
Или ревнивъ / драгуна,
Драгуна посылаетъ,
Чтобъ отпереть жену;
А Камаражъ взбѣсился,
Романа обокралъ;
А Фридебургъ свалился
И Графъ захохоталъ.
Нашъ Докторъ хромоглазой
Въ банкъ выигралъ вчера,
А слѣдственно гоняетъ
Онъ лошадей съ утра.

НА ШУМАХЕРА.

Скажите мнѣ шастицы
Какъ напримѣръ: wenn so
Geweniger und desto,
Die Sonne scheint also.

НА ГАКЕНА.

Мольшать! я самъ фидала
Мальшать! я Гуфернеръ!
Мольшать!—ты самъ софрала,
Пошалуюсь теперь.

НА ВЛ[АДИСЛАВЛЕВА].

Матвѣюшка! дай соли,
Нѣтъ моченьки, мой свѣтъ (братъ, нѣтъ).
Служилъ я Государю
Одиннадцать ужъ лѣтъ.

НА ЛАВ.

Bonjour, Messieurs—потише!
Поводьемъ не играй!
Ужъ я тебя потѣшу
A quand l'Equitation.

НА ВИ[ЛЬМА].

Лишь для безумцевъ, Зульма,
Вино запрещено,
А Вильмужкѣ поэту } А не даны поэту
Стихи писать грѣшно } Ни геній, ни вино.

НА ЗАБ. И ПЕТР.

Какой столичный городъ
Желательно бы знать?
А что такое воротъ,
Извольте мнѣ сказать?

НА ИК[ОННИКОВА].

Скажите: разъ, два, три
Тутъ скажутъ всѣ скоты:
Да гдѣ жъ ее взрасти?
Да на святой Руси!

НА КУН[ИЦЫНА].

Извѣстенъ третій способъ
Черезъ откупщиковъ,
Въ семъ случаѣ помѣщикъ
Владѣлецъ лишь земли.

*

17-го [декабря].

Вчера провелъ я вечеръ съ [Иконниковымъ].

Хотите ли видѣть страшнаго человѣка, чудака—посмотрите на Ик[онникова]. Поступки его—поступки сумасшедшаго; вы входите въ его комнату: видите высокаго худаго человѣка, въ черномъ сюртукѣ, съ шеей, окутанной черномъ изорваннымъ платкомъ. Лицо блѣдное, волосы не острижены, не расчесаны; онъ стоитъ задумавшись, кулакомъ нюхаетъ табакъ изъ коробочки—онъ дико смотритъ на васъ—вы ему близко знакомый, вы ему родственникъ или другъ—онъ васъ не узнаетъ—вы подходите, зовете его по имени, онъ вскрикиваетъ, кидается на шею, цѣлуетъ, жметъ руку, хохочетъ задушевнымъ голосомъ, кланяется,—садится, начинаетъ рѣчь, не доканчиваетъ, третъ себѣ лобъ, ерошитъ голову, вздыхаетъ. Передъ нимъ карафинъ воды; онъ наливаетъ стаканъ и пьетъ, наливаетъ другой, третій, четвертый—спрашиваетъ еще воды и еще пьетъ, говоритъ о своемъ бѣдномъ положеніи. Онъ не имѣетъ ни денегъ, ни мѣста, ни покровительства—ходитъ пѣшкомъ изъ П[етербурга] въ Ц[арское] С[ело], чтобы освѣдомиться о какомъ-то мѣстѣ, которое обѣщалъ ему какой-то шарлатанъ—онъ бѣденъ, гордъ и дерзокъ—разсыпается въ благодареньяхъ за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодаренъ и даже сердится за благодѣяніе ему оказанное,—легкомысленъ до чрезвычайности, мнителенъ, чувствителенъ, честолюбивъ. Ик[онниковъ] имѣетъ дарованья, пишетъ изрядно стихи—и любитъ поэзію: вы читаете ему свою пьесу—на-отрѣзъ говоритъ онъ: такое-то мѣсто глупо, безъ смысла, низко;—зато за самые посредственные стихи кидается вамъ на шею и называетъ васъ геніемъ. Иногда онъ учтивъ до безконечности, въ другое время грубъ нестерпимо—его любятъ иногда, смѣшитъ онъ часто, а жалокъ почти всегда.

1000. [СПИСОКЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ].

1-я часть.

Посланія:

Къ Александру.
Къ Жуковскому.
——— +
Къ Батюшкову.
Къ Галичу.
———
Дельвигу.
Дельвигу.
Сестрѣ. +
Бонапарте. +
Къ Юдину.

Пушину.
———
Ломоносову.
Трубецкому.
Лицинію.
Кюхельбекеру.
Аристарху.
Оправданная лѣнь.
Друзьямъ.
Шишкову.
Актрисѣ.
(Завѣщанія).

Лирическія:

Наполеонъ на Эльбѣ.
Воспоминанія въ Ц. С.
(Къ) Оранскому принцу.
Пѣвецъ.
Слеза.
Истина.
Усы.
Мечтатель.
Ринальдо.
Двѣ пѣсни.
Пирующіе студенты.
=
XV элегій.
Эпиграм. Надп. [?]
Картины.
Леда.

1001. [ОСТАТКИ ИЗЪ КИШИНЕВСКАГО ДНЕВНИКА].

2-го апрѣля (1821) вечеръ провелъ у N. G. Прелестная гречанка. Говорили объ А. Ипсиланти; между пятью греками, я одинъ говорилъ какъ грекъ; всѣ отчаявались въ успѣхѣ предпріятія этеріи. Я твердо увѣренъ, что Грецiя восторжествуетъ, и 2.500.000 турковъ оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владиміреско не имѣетъ другаго достоинства, кромѣ храбрости необыкновенной — храбрости достанетъ и у Ипсиланти.

*

3-го. Третьяго дня хоронили мы здѣшняго митрополита; во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ жиды: они наполняли тамъ тѣсныя улицы, взбирались на кровли и составляли живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; со всѣмъ тѣмъ—ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія! Они боятся христіанъ и потому во сто кратъ благочестивѣе ихъ.

*

Читалъ сегодня посланіе князя Вяземскаго къ Жуковскому. Смѣлость, сила, умъ и рѣзкость; но что за звуки! *Къ кому былъ Фебъ изъ Рускихъ ласковъ*—неожиданная риѳма «*Херасковъ*» не примиряетъ меня съ такой какафоніей. Баратынскій—прелесть.

*

9 апрѣля. Утро провелъ я съ Пестелемъ; умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon cœur est matérialiste, говоритъ онъ, mais ma raison s'y refuse. Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю...

*

18 Juillet 1821. Nouvelle de la mort de Napoléon.

Bal chez l'archevêque arménien.

*

Получилъ письмо отъ Чедаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье, — одного тебя можетъ любить холодная душа моя.—Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ: они...

1002. [ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЙ «ТАРАСЕНКОВА-ОТРѢШКОВА»].

*

O... disait en 1820: révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constitution par là... Messieurs les souverains, vous avez fait une sottise de detrôner Napoléon,

*

Le général R. disait à N. affligé d'un mal d'avanture: il n'y a qu'un pas du sublime au sublimé.

*

Р., встрѣтивъ однажды человѣка, весьма услужливаго, сказалъ ему: вы простудитесь, на дворѣ сыро, мокро́ <maquereau>.

*

Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues; toutes se sont passablement morguées de moi; toutes, à l'exception d'une seule, ont fait avec moi les coquettes.

1003. [ОСТАТКИ ПРОГРАММЫ ПОЭМЫ ИЗЪ ИСТОРІИ X и XI ВѢКОВЪ].

Изяславъ, с. Рогнѣды, въ Витебской Губерніи ос. гор. Изяславль. Мстиславъ, Ярославъ <братья его>, двѣ дочери. Отъ Богемки <Чехини> Вл. имѣлъ Вышеслава, отъ 3-ьй Святослава и Мстислава, отъ 4-й <Болгарки>—Бориса и Глѣба.

1000 года, XI вѣкъ.

Станиславъ, Позвиздъ. Судиславъ — меньшіе.

Умеръ.
Вышеславу—Новгородъ
Изяславу—Полоцкъ
Ярослава [у?] } — Ростовъ
Борису }
Глѣбу—Муромъ
Святославу—Древлянскую землю—
Всеволоду—Владиміръ Волынскій
Святополку—Туровъ
(въ Минской Губерніи).

*

Планъ. Владиміръ, раздѣливъ на удѣлы Россію, остается въ Кіевѣ; молодые богатыри со скуки разъѣзжаются; съ нимъ—Илья Муромецъ и Добрыня.—Печенѣги нападаютъ на Кіевъ. Владиміръ посылаетъ гонцовъ къ сыновьямъ—дѣти его собираются—кромѣ *Мстислава*; Илья ѣдетъ за нимъ—встрѣчаетъ своего сына,—сражается съ нимъ.—Мстиславъ, при немъ молодые богатыри—идутъ на *Косогова*. Мстиславъ въ горахъ (влюбляется въ ихъ Царевну Амазонку Армиду); остальные богатыри разъѣзжаются; Илья ѣдетъ далѣе; (узнавъ о любви Мстислава), находитъ его и везетъ къ отцу—Царевна за нимъ ѣдетъ — она пристаетъ къ Печенѣгамъ—Сраженія, de grands combats et des combats encore: a) на Кіевъ нападаютъ соединенные народы; b) (Духи) Боги языческіе, изгнанные крѣщеніемъ, c) ихъ одушевляютъ; d) (Хозарской князь—колдунъ; мечъ Еруслана объ двухъ ударахъ; колдунъ убитъ Мстиславомъ).

*

И[лья] хочетъ представить сына Владиміру, вмѣстѣ ѣдутъ...

*

Царевна Косоговъ влюбляется въ Мстислава. Ея мать, волшебница, старается заманить Мстислава; Мстиславъ упорствуетъ ея прелестямъ—она въ сраженіи его увлекаетъ—подъ видомъ Косога, убившаго его друга; превращается вновь. Мстиславъ на островѣ наслажденія.—Гонецъ пріѣзжаетъ къ его дружинѣ, не застаетъ его. Владиміръ въ отчаяніи.

*

Царевна жалуется своей матери, та обѣщаетъ соединить ее съ Мстиславомъ.

*

Илья въ молодости обрюхатилъ Царевну Татарскую—она вышла замужъ, объявила сыну; сынъ ѣдетъ отыскивать отца—

*

Илья находитъ пустынника, который пророчествуетъ ему участь Россіи.

Мстиславъ увлеченъ чародѣйствомъ въ горы Кавказскія.

На Россію нападаютъ съ разныхъ сторонъ всѣ враги ея.

Мстиславъ по вечерамъ видитъ *ладію* и дѣву.

1004. [ПРОГРАММЫ ПОЭМЫ ИЗЪ РАЗБОЙНИЧЬЕЙ ЖИЗНИ].

Поэма.

Вечеромъ дѣвица плачетъ, подговариваетъ, молодцы готовы отплыть; гдѣ-то нашъ атаманъ — они плывутъ и поютъ...

Подъ Астраханью разбиваютъ корабль купеческой; онъ беретъ себѣ другую—та сходитъ съ ума. Нельзя не любить и умираетъ. Онъ пускается на всѣ зло[дѣйства]. Есаулъ предаетъ его.

1005. [ПРОГРАММЫ «ВАДИМА»].

Вечеръ. Руской берегъ — Ладья. Рыбакъ.—Вадимъ—не спитъ. Онъ утромъ засыпаетъ. Рыбакъ хочетъ его убить. — Вадимъ видитъ во снѣ Новгородъ, Гостомысла, набѣгъ Рюрика, Рогнѣду. Вновь онъ идетъ къ Новгороду. (Нева).

Могила Гостомысла. Онъ находитъ тамъ друга. I сцена трагедіи. Заговорщики собираются. Клянутся умереть за свободу Новгорода. *Тризна.* Обряды. Вадимъ назначаетъ свиданіе Рогнѣдѣ.—

Свадебный пиръ. Рюрикъ выдаетъ свою дочь за Стимида[?]—перваго полководца, гости садятся за столы,—скатерти. Ихъ видятъ. Вадимъ въ числѣ гостей. Пьютъ здоровье Рюрика, братьевъ жениха и невѣсты, Варяговъ. Вадимъ роздарилъ все, пьетъ здоровье гражданъ и Новгорода—почему?

*

Вадимъ влюбленъ. Рогнѣда, дочь Гостомысла. Она невѣста Громвала, Славянина Рюрика. Вадимъ и его шайка таятся близъ могилы Гостомысла. Вадимъ былъ во дворцѣ и въ городѣ и назначилъ свиданье Рогнѣдѣ.

Рюрикъ и Громвалъ—презрѣніе къ народу самовластія. Громвалъ его защищаетъ. Рогнѣда, различныя ея воспоминанія. Является Вадимъ. Рогнѣда, Рюрикъ и Громвалъ.

Вадимъ въ Новгородѣ на вѣчѣ. Вѣстникъ—толпа—*Рюрикъ.* Рогнѣда открываетъ заговоръ—бунтъ—бой—Вадимъ передъ Рюрикомъ.

Вадимъ и Громвалъ—свиданье—друзья дѣтства.

*

Преданія: Славенъ оспуетъ городъ Славянскъ. Вандалъ, сынъ его. Гардоринъ и

Гунигаръ, завоеватели. Изборъ, Столпосвятъ и Влад., женатый на Адвиндѣ. Сыновья его. Буривой, сынъ Влад., отецъ Гостомысла.

Вадимъ въ мрачную ночь, сокрытый у гробницы Гостомысла.

1006. [ДРЕВЕНСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ. ВСТРѢЧА СЪ П. А. ГАННИБАЛОМЪ].

1824 года ноября 19-го, Михайловское.—Вышедъ изъ Лицея, я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч. Но все это нравилось мнѣ недолго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу.

[На оборотѣ того же листка:] ... попросилъ водки. Подали водку. Наливъ рюмку себѣ, велѣлъ онъ ее и мнѣ поднести; я не поморщился и тѣмъ, казалось, чрезвычайно одолжилъ стараго арапа. Черезъ четверть часа онъ опять попросилъ водки, и повторилъ это разъ 5 или 6 до обѣда...

1007. [ПУШКИНЪ, КАКЪ-БЫ ПОСТОРОННІЙ, ГОВОРИТЪ О СВОЕМЪ «ДЕМОНѢ»].

«Многіе были того же мнѣнія и даже указывали на лицо, которое Пушкинъ будто-бы хотѣлъ изобразить въ этомъ *странномъ* стихотвореніи... Кажется, они неправы; по крайней мѣрѣ, *я* вижу въ «Демонѣ» цѣль болѣе нравственную. Не хотѣлъ ли поэтъ олицетворить сомнѣніе? Въ лучшее время жизни—сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно. Мало-по-малу вѣчныя противорѣчія существенности рождаютъ въ немъ сомнѣніе: чувство мучительное, но не продолжительное... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души... Недаромъ великій Гёте называетъ вѣчнаго врага человѣчества—духомъ *отрицающимъ*... И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ «Демонѣ» олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія и начертать въ *пріятной* картинѣ печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка?»

1008. [ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОРЪ СЪ АЛЕКСАНДРОМЪ I].

Когда бы я былъ Царь то позвалъ бы А. П. и сказалъ ему: А. С., вы сочиняете (прекрасные) стихи, (я читаю съ большимъ удовольствіемъ.) А. П. поклонился бы мнѣ съ нѣкоторымъ скромнымъ замѣшательствомъ, а я бы продолжалъ: Я читалъ вашу оду *Свобода.* (Прекрасно, хоть она) писана немного сбивчиво, мало обдуманно; (вамъ вѣдь было 17 лѣтъ, когда вы написали эту оду.—В. В., я писалъ ее въ 1817 году) — «Тутъ есть 3 строфы очень хорошія... (Конечно) вы поступили неблагоразумно... Я замѣтилъ, вы старались очернить меня въ глазахъ народа распространеніемъ нелѣпой клеветы; вижу, что вы можете имѣть мнѣнія неосновательныя; (но вижу), что вы не уважили правду, личную честь даже въ Царѣ.—Ахъ, В. В., зачѣмъ упоминать объ этой дѣтской одѣ? Лучше бы вы прочли хоть 3 или 6 пѣснь Рус. и Люд. ежели не всю поэму, или часть К. П. или Бах. Фонт. Онѣгинъ печатается; буду имѣть честь отправить 2 экз. въ библіотеку В. В., къ Ив. Андр. Кры[лову], и если В. В. найдете время... Помилуйте, А. С. (вы доставите намъ пріятное занятіе). Наше царское правило: дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай. (Скажите, неужто вы все не перестаете писать на меня пасквили? Это нехорошо! Вы не должны на меня жаловаться; кажется, если я васъ не отличалъ еще, дожидая случая, то вамъ и жаловаться не на что. Признайтесь: любезнѣйшій нашъ товарищъ Король Галліи или Имп. Австр. съ вами не такъ бы поступили. За всѣ ваши проказы вы жили въ тепломъ климатѣ. Что вы дѣлали у Инзова и Вор[онцова?]—В. В., Инзовъ меня очень любилъ, и за всякую ссору съ Молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ, скуки ради, французскіе журналы. А Е[го] С[іятельство] Графъ Воронцовъ не сажалъ меня подъ арестъ, не присылалъ мнѣ газетъ, но, зная Рус. литер. какъ Герцогъ Веллингтонъ, былъ ко мнѣ чрезвычайно... Какъ это вы могли ужиться съ Инзовымъ, а не ужились съ Гр. Вор.—В. В., генералъ Инзовъ добрый и почтенный (старикъ) онъ Рускій въ душѣ; онъ не предпочит. перваго Англійскаго шалопая всѣмъ извѣ[стнымъ] и неизвѣст. своимъ соотчественникамъ; онъ уже не волочится, ему не 18 лѣтъ; страсти если и были въ немъ, то ужъ давно исчезли. [Онъ] довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ чувства благородныя, не боится насмѣшекъ потому

что выше ихъ, и никогда не подвергается заслуженной колкости... потому что со всѣми вѣжливъ. [Онъ] не опрометчивъ, не вѣритъ пасквилямъ... В. В., вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочиненіе возмутительное приписывается мнѣ, какъ всякіе остроумные вымыслы К. Ц. [Князю Циціанову?] (Я не оправдывался никогда изъ пустаго вольнодумія); отъ дурныхъ стиховъ не отказывался, надѣясь на свою добрую славу, а отъ хорошихъ, признаюсь, и силы нѣтъ отказываться.—Слабость непростительная. (Впрочемъ, хорошо, хорошо). Но вы же и Аѳей? вотъ это ужъ никуда не годится. (Чемъ-же я Аѳей) В. В., какъ можно судить человѣка по письму, писанному къ товарищу, можно ли школьническую шутку взвѣшивать, какъ преступленіе, а двѣ пустыя фразы судить, какъ бы всенародную проповѣдь? Я всегда почиталъ васъ, какъ лучшаго изъ Европейскихъ нынѣш. Властит. <увидимъ, однако, что будетъ изъ Карла X>, но вашъ послѣдній поступокъ со мною .... и смѣло ссылаюсь на собственное ваше сердце—противорѣчить вашимъ правиламъ и просв. образу мыслей...—Признайтесь, вы всегда надѣялись на мое великодушіе?—(Хотя бы то была и правда) это не было бы оскорбительно В. В—ву: вы видите, что я не ошибся въ моихъ расчетахъ... Я бы тутъ ..... (А. Пуш.) тутъ бы разгорячился и наговорилъ мнѣ много лишняго (хоть отчасти правды); я бы разсердился и сославъ его въ Сибирь, гдѣ бы онъ написалъ (эпич.) поэму *Ермакъ* или *Кочумъ*, (.....) размѣромъ и съ риѳма...

1009. О МАЛОРОССІИ.

[Программа].

Что нынѣ называется Малор
Что составляло прежде Малор.
Когда отторгнулась она отъ Россіи.
Долго ли находилась подъ владычествомъ татаръ.

Отъ Гедемина до Сагайдашн.
Отъ Сагайд. до Хмѣ.
Отъ Хмѣль. до Мазепы.
Отъ Мазепы до Разумовскаго.

1010. [ОСТАТКИ АВТОБІОГРАФІИ.]

(Болѣзнь. Карамзинъ.)

...[запечат]лѣны печатью вольномыслія. Болѣзнь остановила на время образъ жизни, избранный мною. Я занемогъ гнилою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи; но черезъ шесть недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто: ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія—одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хоть это время года обыкновенно наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоѣли во время болѣзни моей, что весна являлась моему воображенію со всей поэтическою своей прелестью. Это было въ февралѣ 1818 года. Первые восемь томовъ Руской Исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постелѣ съ жадностью и со вниманіемъ. Появленіе сей книги <какъ и быть надлежало> надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе; 3,000 экземпляровъ разошлось въ одинъ мѣсяцъ <чего никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ>—примѣръ единственный въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать Исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія казалась найдена Карамзинымъ, какъ Америка Коломбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили. Когда, по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать насчетъ духа и слога Исторіи Карамзина. Одна дама, впрочемъ весьма почтенная, при мнѣ, открывъ вторую часть, прочла вслухъ: *Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его... Однако!...* зачѣмъ не *но?* Однако!... какъ это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? Однако!—Въ журналахъ его не критиковали. Каченовскій бросился на одно предисловіе...

У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе Карамзина,—зато никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ (безмолвный) ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ, и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. *Ноты Рус[кой] ист[оріи]* свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно оконченъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія (собственно) къ просвѣщенію.—Молодые кобинцы негодовали; нѣсколько отдѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія, краснорѣчиво опровергнутыхъ вѣрнымъ разсказомъ событій,—казались имъ верхомъ варварства и униженія.—Они забывали, что Карамзинъ печаталъ Исторію свою въ Россіи; что Государь, освободивъ его отъ Цензуры симъ (доказательствомъ) знакомъ довѣренности, нѣкоторымъ образомъ, налагалъ на Карамзина обязанность возможной скромности и умѣренности. Онъ разсказывалъ со всею вѣрностью историка, онъ вездѣ ссылался на источники—чего жь болѣе требовать было отъ него? Повторяю, что *Ист[орія] Гос[ударства] Рос[сійскаго]* есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.

*

Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ письменно критиковали Кара[мзина]. Никита Муравьевъ, молодой человѣкъ, умный и пылкій, разобралъ предисловіе, или введеніе: предисловіе!... Мих. Орл[овъ], въ письмѣ къ Вяз[емскому], пенялъ Карамзину, зачемъ въ началѣ Исторіи не помѣстилъ онъ *какой-нибудь блестящей Гипотезы о произхожденіи славянъ*, т. е. требовалъ Романа въ исторіи—ново и смѣло! Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина. Римляне временъ Тарквинія, не понимающіе *спасительной пользы Самодержавія*, и Брутъ, осуждающій на смерть своихъ сыновъ, *ибо рѣдко основатели республикъ славятся нѣжной чувствительностію*, конечно были очень смѣшны. Мнѣ приписали одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ; это не лучшая черта моей жизни.

*

... Кстати, замѣчательная черта. Однажды началъ онъ при мнѣ излагать свои *любимые парадоксы*. Оспоривая его, я сказалъ: Итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ? Карамзинъ вспыхнулъ и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Я замолчалъ, уважая самый гнѣвъ прекрасной души. Разговоръ перемѣнился. Я всталъ. Карамзину стало совѣстно, и прощаясь со мной, онъ ласково упрекалъ меня, какъ бы самъ извиняясь въ своей горячности: Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили. Въ теченіе шестилѣтняго знакомства только въ этомъ случаѣ упомянулъ онъ при мнѣ о своихъ непріятеляхъ, противъ которыхъ не имѣлъ онъ, кажется, никакой злобы, не говоря уже о Шишковѣ, котораго онъ просто полюбилъ. Однажды, отправляясь въ Павловскъ и надѣвая свою ленту, онъ посмотрѣлъ на меня наискось и не могъ удержаться отъ смѣха. Я прыснулъ, и мы оба расхохотались...

1011. [ПРОГРАММЫ ДРАМЫ ИЗЪ ЭПОХИ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ].

Стрѣ[лецъ], влюбленный въ боярскую дочь,—отказъ — приходитъ къ другу-заговорщику—вступаетъ въ заговоръ...

*

Софья во дворцѣ (монастырѣ)
Нищіе, скоморохъ
Скоромохъ и ст[арый] раскольникъ.
Молодой стрѣлецъ; заговоръ.

Стрѣлецъ влюбляется въ Ржевскую, сватается, получаетъ отказъ; онъ становится унылъ, товарищъ открываетъ ему заговоръ, онъ объявляетъ обо всемъ правительницѣ. Софья принимаетъ его, какъ заговорщика; объясненіе, Софья сваха, комедія у боярина. Ржевская замужемъ.

Бунтъ стрѣлецкій, боринъ спасенъ имъ, обѣщаетъ выдать за него дочь.

(Мать торопится)
(Выдаетъ ее за боярина)
(думного дворянина)

Стрѣлецъ, сынъ ст[араго] раск[ольника], видитъ Ржевскую въ окошко, переодѣтую горничной дѣвушкой, — сватается черезъ мамушку-раскольницу, — получаетъ отказъ.

Полковникъ стрѣлецкій имѣетъ большое вліяніе на своихъ; Софья хочетъ его къ себѣ переманить.—Онъ разсказываетъ ей, какимъ образомъ онъ узналъ о заговорѣ.

С[офья]. О чемъ же ты такъ печаленъ?—Объ отказѣ.

— Я сваха.

— Но будь же, etc.

1012. [ВСТРѢЧА СЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРОМЪ].

15 октября 1827.—Вчерашній день былъ для меня замѣчателенъ: пріѣхавъ въ Боровичи въ 12 часовъ утра, засталъ я проѣзжаго въ постели. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ недоставало мнѣ 5 рублей, я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1,600. Я расплатился довольно сердито, взялъ взаймы 200 руб. и уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой. На слѣдующей станціи нашелъ я Шиллерова *Духовидца*; но едва успѣлъ я прочитать первыя страницы, какъ вдругъ подъѣхали четыре тройки съ фельдъегеремъ. Вѣроятно, поляки,—сказалъ я хозяйкѣ,—«Да»,—отвѣчала она: «ихъ нынче отвозятъ назадъ».—Я вышелъ взглянуть на нихъ. Одинъ изъ арестантовъ стоялъ, опершись у колонны. Къ нему подошелъ высокій, блѣдный и худой молодой человѣкъ съ черною бородою, во фризовой шинели, и съ виду настоящій жидъ—и я принялъ его за жида, и неразлучныя понятія жида и шпіона произвели во мнѣ обыкновенное дѣйствіе; я поворотился имъ спиною, подумавъ, что онъ былъ потребованъ въ Петербургъ для допросовъ или поясненій... Увидѣвъ меня, онъ съ живостью на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга—и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись другъ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегеръ взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ тѣлежку и ускакали.

Я поѣхалъ въ свою сторону. На слѣдующій день узналъ я, что ихъ везутъ изъ Шлиссельбурга, но куда же?

Луга.

ЗАМѢТКИ ПУШКИНА О СВОИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.

1013. [О БОРИСѢ ГОДУНОВѢ].

1. *Pour une préface.*—Le public et la critique ayant accueilli avec une indulgence [et patience] mes premiers essays [il y avoit] et dans un temps où la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière, que j'allais embrasser,—je leur dois reconnaissance entiére, et je le tiens quitte envers moi. Leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux...

2. Je me présente ayant renoncé à ma manière première. N'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli. Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur, avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.

3. Lorsque j'écrivais cette tragédie j'étais seul à la campagne ne voyant personne, ne lisant que les journaux, etc... d'autant plus volontiers qne j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur; j'approuvais avec une grande repugnance à livrer au public ma tragédie. Je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes, mais je trouve tout cela fort inutile.

4. Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ Бориса Годунова. Успѣхъ или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразованіе драматической нашей системы. Боюсь, чтобы собственные ея недостатки не были отнесены къ романтизму, и чтобъ она тѣмъ [самымъ] не замедлила хода... Что касается до слога... хотя успѣхъ Полтавы ободряетъ меня...

5. Съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ..... И хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но признаюсь неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтань, я могу сказать о моемъ сочиненіи: «c'est une œuvre de bonne foi». Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ.

По гравюрѣ Матюшкина.

были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ... Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу. Одного недоставало въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслію моей трагедіи, чей геній одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградой и единственно развлекало посреди уединеннаго труда.

6. *Комедія о царѣ Борисѣ и о Гр. Отрепьевѣ* писана въ 1825 году и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль (оживить) облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи (я писалъ въ строгомъ уединеніи) не смущаемый никакимъ (чуждымъ) вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и въ простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! успѣлъ ли ими воспользоваться — не знаю. По крайней мѣрѣ труды мои были ревностны и добросовѣстны (находясь въ уединеніи, не смущаемый никакимъ посторонним вліяніемъ, я могъ ошибочно судить о вкусѣ читающей публики).

Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой-нибудь стихотворной повѣсти слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнѣніе критики, понять со всевозможнымъ хладнокровіемъ, въ чемъ именно состоятъ ея обвиненія, и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы il est indifférent, что такая-то глава Онѣгина выше или ниже другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы моей огорчилъ бы меня; ибо я твердо увѣренъ, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразованіе нашей сцены. <Ермакъ А. С. Хомякова есть болѣе произведеніе лирическое, чѣмъ драма. Успѣхомъ своимъ оно обязано прекраснымъ стихамъ, коими оно написано>.

Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ. Стихъ, употребленный мною (пятистопной ямбъ), принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ *Аривянахъ*.—А. Жандръ въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезуру французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія.

Есть шутки грубыя, сцены простонародныя. Поэту не должно быть площадным изъ доброй воли, если можетъ ихъ избѣжать; если жъ нѣтъ нужды стараться замѣнять ихъ чѣмъ-нибудь иным.

Нашедъ въ исторіи — одного изъ предковъ моихъ, игравшаго важную роль въ сію нещастную эпоху, я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, con amore, но <безо всякой дворянской спѣси>. (Если бы изъ этого можно было заключить о моей спѣси, то я...). Изо всѣхъ моихъ подражаній Байрону дворянская спѣсь была самое смѣшное.<Древнее русское дворянство не можетъ быть уважаемо>—Аристократію нашу составляетъ дворянство новое, древнее же пришло въ упадокъ; [его] права уравнены съ правами прочихъ сословій, великія имѣнія давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже если бы .. и проч. Принадлежать къ такой Аристократіи не представляетъ никакого преимущества въ глазахъ благоразумнаго человѣка, и уединенное почитаніе къ славѣ предковъ можетъ только навлечь пареканія въ страшномъ безсмысліи или подражаніи иностранцамъ.

Но отъ кого бы я ни происходилъ,— отъ разночинцевъ, вышедшихъ въ дворяне, или отъ одного изъ самыхъ старинныхъ русскихъ родовъ, отъ предковъ, коихъ имя встрѣчается почти на каждой страницѣ исторіи нашей,—образъ мыслей моихъ отъ этого никакъ бы не зависѣлъ. Отказываться отъ него я ничуть не намѣренъ, хоть нигдѣ доныпѣ я его не обнаруживалъ и никому до него дѣла нѣтъ...

7 (Не стану оправдывать правила, коими я руководствовался въ составленіи сей трагедіи); духъ вѣка требуетъ великихъ перемѣнъ и на сценѣ драматической. Можетъ быть и онѣ обманутъ надежды преобразователей. Поэтъ, *живущій на высотахъ созданія*, яснѣе видитъ, можетъ быть, и недостатки привередливыхъ требованій, и то,

что̀ скрывается отъ взоровъ волнуемой толпы; но напрасно было бы ему бороться... Такимъ образомъ Lopez de Vega и Распинъ— уступали потоку. Но геній, какое направленіе ни изберетъ, остается всегда геній: судъ потомства отдѣлитъ золото, ему принадлежащее, отъ примѣси.

8. Вѣроятно трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же главныя сцены уже напечатаны, или искажены въ *подражаніяхъ*. Разкрывъ наудачу историческій романъ Г. Б[улгарина], нашелъ я что и у него о появленіи самозванца приходитъ объявлять Царю Кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Год. говоритъ наединѣ съ Басмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у Г. Б[улгарина] также. Все это— драматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другаго... Но это еще не бѣда, les beaux esprits se rencontrent.

9. Мнѣніе митрополита Платона о Дмитріѣ Самозванцѣ, будто бы онъ былъ воспитанъ у езуитовъ, удивительно дѣтское и романтическое. Всякій былъ годенъ, чтобы разыграть эту роль. Доказательство послѣ смерти Отрепьева: Тушинскій воръ и проч. и проч. и проч.

1014. [О РУСЛАНѢ И ЛЮДМИЛѢ].

Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кромѣ одной статьи въ Вѣстникѣ Европы въ которой побранили весьма неосновательно, и весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличающихъ слабость созданія поэмы, кажется, не было объ ней сказано худаго слова. Никто не замѣтилъ даже, что она холодна. Обвиняли ее въ безнравственности за нѣкоторыя слегка сладострастныя описанія, за стихи, мною выпущенные во второмъ изданіи:

О страшный видъ! волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщенной рукой etc.

за вступленіе, не помню, которой пѣсни:

Напрасно вы въ тѣни таились etc.

и за пародію *Двѣнадцати спящихъ дѣвъ*. За послѣднее можно было меня пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было <особенно въ мои лѣта> пародировать въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе. Были прочіе упреки, довольно пустые. Есть ли въ Русланѣ хоть одно мѣсто, которое въ вольности шутокъ могло быть сравнено съ шалостями, хоть напримѣръ, Аріоста, о которомъ поминутно твердили мнѣ? Да и выпущенное мною мѣсто было очень смягченное подражаніе Аріосту.

1015. [О КАВКАЗСКОМЪ ПЛѢННИКѢ].

Кавказскій Плѣнникъ—первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни писалъ, благодаря нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но зато Николай и Александръ Раевскіе и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись.

1016. [О БАХЧИСАРАЙСКОМЪ ФОНТАНѢ].

Бахчисарайскій Фонтанъ слабѣе Плѣнника и, какъ онъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. Ал. Раевскій хохоталъ надъ слѣдующими стихами.

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю—и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безумiемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ etc.

Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама.

1017. [О БРАТЬЯХЪ РАЗБОЙНИКАХЪ].

Не помню, кто замѣтилъ мнѣ, что, невѣроятно, чтобы скованные вмѣстѣ *разбойники* могли переплыть рѣку. Все это происшествіе справедливо и случилось въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославлѣ.

1018. [О ЦЫГАНАХЪ].

О Цыганахъ одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь. Покойный Рылѣевъ

негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. Вяземскій повторилъ то же замѣчаніе. Рылѣевъ просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было не въ примѣръ благороднѣе. Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы: ma tanto meglio.

1019. [О ГРАФѢ НУЛИНѢ].

Въ Вѣстникѣ Европы съ негодованіемъ говорили о сравненіи *Нулина* съ котомъ, цапарапствующимъ кошку <забавный глаголъ: цапарапствую, цапарапствуешь, цапарапствуетъ>. Правда, во всемъ Графѣ Нулинѣ этого сравненія не находится, также какъ и глагола цапарапствую, но хоть бы и было, что за бѣда?

*

Въ свѣтѣ *Графъ Нулинъ* принятъ былъ благосклоннѣе чѣмъ въ журналахъ———

*

Графъ Нулинъ надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Нашли его <съ позволенія сказать>похабнымъ,—разумѣется въ журналахъ <въ свѣтѣ приняли его благосклонно>, и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Молодой человѣкъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой женщины и получилъ отъ нея пощечину. Какой ужасъ! Какъ смѣть писать такія отвратительныя гадости? Авторъ спрашивалъ, что бы на мѣстѣ Натальи Павловны сдѣлали петербургскія дамы? Какая дерзость!

Кстати о моей бѣдной сказкѣ <писанной, будь сказано мимоходомъ, самымъ трезвымъ и благопристойнымъ образомъ>: подняли противъ меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ критиковъ; вѣрю, что Графъ Нулинъ точно кажется имъ предосудительнымъ. Но какъ же упоминать о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности? И ужели творцы шутливыхъ повѣстей: Аріостъ, Боккачьо, Лафонтенъ, Касти, Спенсеръ, Чаусеръ, Виландъ, Байронъ, извѣстны имъ по однимъ лишь именамъ? Ужели, по крайней мѣрѣ, не читали они Богдановича и Дмитріева? Какой несчастный педантъ осмѣлится укорить *Душеньку* въ безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станетъ важно осуждать *Модную жену*, сей прелестный образецъ легкаго и шутливаго разсказа? А эротическія стихотворенія Державина? Но отстранивъ неравенство поэтическаго достоинства, Графъ Нулинъ долженъ имъ уступить и въ вольности, и въ живости шутокъ.

Эти гг. критики нашли странный способъ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть 15-тилѣтняя племянница, у другаго 15-тилѣтняя знакомая, и все, что по благоусмотрѣнію родителей не дозволяется имъ читать, провозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ, похабнымъ! Какъ будто литература и существуетъ только для 16-тилѣтнихъ дѣвушекъ! Благоразумный наставникъ, вѣроятно, не дастъ въ руки ни имъ, ни даже ихъ братцамъ, ни единаго изъ полныхъ сочиненій классическаго поэта, особенно древняго; на то издаются хрестоматіи, выбранныя мѣста и т. п.; но публика не 15-тилѣтняя дѣвица и не 13-тилѣтній мальчикъ. Она, слава Богу, можетъ себѣ прочесть безъ опасенія сказки добраго Лафонтена и эклогу добраго Виргилія и все, что про себя читаютъ сами гг. критики, если критики наши что-нибудь читаютъ, кромѣ корректурныхъ листовъ своихъ журналовъ.

Всѣ эти господа, столь щекотливые насчетъ благопристойности, напоминаютъ стыдливость Тартюфа, накидывающаго платокъ на открытую грудь Дорины, и заслуживаютъ забавное возраженіе горничной:

> Vous êtes donc bien tendre à la tentation
> Et la chair sur vos sens fait grande impression!
> Certes, je ne sais pas quelle chaleur vous monte:
> Mais à convoiter, moi, je ne suis point si prompte,
> Et je vous verrais nu, du haut jusques en bas,
> Que toute votre peau ne me tenterait pas.
>
> *Tartufe, acte III, scène 2.*

Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлію или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастіе или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль горячить воображеніе любострастными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ, а музу—въ отвратительную колдунью. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ нравоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе.

*

Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ даже насъ и не смѣшатъ. Недавно сравнивая Шекспира съ Байрономъ, одинъ изъ нашихъ критиковъ считалъ по пальцамъ: гдѣ болѣе мертвыхъ? Но что сказали бы мы, прочитавъ, напримѣръ, слѣдующій разборъ Федры, если бъ къ нещастію написалъ ее русскій и въ наше время? Извольте. «Нѣтъ ничего отвратительнѣе предмета, избраннаго г-мъ сочинителемъ. Женщина замужняя, мать семейства, влюблена въ молодаго олуха, побочнаго сына ея мужа (!!!!). Какое неприличіе! Она не стыдится въ глаза ему признаваться въ развратной страсти своей (!!!!). Сего не довольно: сія фурія, употребляя во зло глупую легковѣрность супруга своего, взноситъ на невиннаго Ипполита гнусную небывальщину, которую, изъ уваженія къ нашимъ читательницамъ, не смѣемъ объяснить !!!!. Злой старичишка, не входя въ обстоятельства, не разобравъ дѣла, проклинаетъ своего собственнаго сына (!!), послѣ чего Ипполита разбиваютъ лошади (!!!); Федра отравливается; ея гнусная паперсница утопляется—и только. Вотъ что пишутъ, не краснѣя, писатели, которые, и проч. <тутъ личности и ругательства>. Вотъ до какого разврата дошла у насъ литература, кровожадная, развратная вѣдьма съ прыщиками на лицѣ!—Шлюсь на совѣсть самихъ критиковъ!»

Но должно ли и можно ли серьезно отвѣчать на таковыя критики, хотя бъ онѣ были писаны и по-латыни? Не такъ ли, хотя бы и болѣе кудр[явымъ] слогомъ, разбираютъ онѣ каждый день сочиненія, конечно, не равныя достоинствомъ произведеніямъ Расина, но вѣрно ничуть не предосудительнѣе опыхъ въ нравственномъ отношеніи? А пріятели называютъ этотъ вздоръ глубокомысліемъ.

Если бъ *Недоросль*, сей единственный памятникъ народной сатиры, еслибъ Н[едоросль] явился въ наше время, то въ нашихъ журналахъ, посмѣясь надъ правописаніемъ Ф. Визина, съ ужасомъ замѣтили бы, что Простакова бранитъ Палашку *канальей* и *собачьей дочерью*, а себя сравниваетъ съ *сукою* (!!). «Что скажутъ дамы? воскликнулъ бы критикъ: вѣдь эта комедія можетъ попасться дамамъ!» Въ самомъ дѣлѣ странно. Что за нѣжный и разборчивый языкъ должны употреблять господа сіи съ дамами! Гдѣ бы, какъ бы послушать! А дамы наши <Богъ имъ судья!> ихъ и не слушаютъ, и не читаютъ; а читаютъ этого грубаго В. Скотта, который никакъ не умѣетъ замѣнить просторѣчіе простомысліемъ.

Отчего происходитъ это мѣщанское, отвратительное жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи, пришедшей въ гости къ Пб. барынѣ, засѣдательницы—въ гостяхъ у пріѣзжей горожанки?

Потому, что нашимъ литераторамъ хочется доказать, что они принадлежатъ высшему обществу <high life>, что имъ извѣстны его законы; не лучше ли было бы имъ постараться по своему тону и поведенію принадлежать къ хорошему обществу <bonne société>?

Но не смѣшно ли имъ судить о томъ, что принято или не принято въ свѣтѣ, что могутъ, чего не могутъ читать наши дамы, какое выраженіе принадлежитъ гостиной (или будуару, какъ говорятъ эти господа)? Не забавно ли видѣть ихъ опекунами высшаго общества, куда, вѣроятно, имъ и никогда, и вовсе не нужно являться? Не странно ли въ ученыхъ изданіяхъ встрѣчать важныя разсужденія объ отвратительной безнравственности *такого-то выраженія* (*Графа Нулина*) и ссылки на парижскихъ дамъ? Не совѣстно ли въ душѣ видѣть почтенныхъ профессоровъ, краснѣющихъ отъ свѣтской шутки? Почему имъ знать, что вычурное жеманство и напыщенность нестерпимы, еще болѣе выказываютъ мелкое общество, чѣмъ простонародность <vulgarité>, и что оно-то именно и обличаетъ свѣтъ? Почему имъ знать, что откровенныя оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую невольную улыбку? Хорошее общество можетъ существовать и не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные.

Эта охота выдавать себя за членовъ высшаго общества вводила иногда нашихъ журналистовъ въ забавные промахи. Одинъ изъ нихъ думалъ, что невозможно говорить при дамахъ о блохахъ, и далъ строгій за то выговоръ—кому же?—одному изъ молодыхъ блестящихъ царедворцевъ. Въ одномъ журналѣ сильно напали на неблагопристойность *поэмы*, гдѣ сказано, что молодой человѣкъ осмѣлился войти ночью къ спящей красавицѣ; и между тѣмъ какъ стыдливый рецензентъ разбиралъ ее, какъ самую вольную сказку Боккачьо или Лафонтена, всѣ петербургскія дамы читали ее и знали цѣлые отрывки наизусть. Недавно

одинъ историческій романъ обратилъ на себя вниманіе всеобщее и отвлекъ на нѣсколько дней всѣхъ нашихъ дамъ отъ fashionable talks и историческихъ записокъ. Что же? Газета важно дала замѣтить автору, что въ простонародныхъ сценахъ находятся слова ужасныя: *сукинъ сынъ*. Возможно ли? Что скажутъ дамы, если, паче чаянья, взоръ ихъ упадетъ на это неслыханное выраженіе? Что бы онѣ сказали Фонъ-Визину, который императрицѣ Екатеринѣ читалъ своего *Недоросля*, гдѣ на каждой страницѣ эта невѣжественная Простакова бранитъ Еремѣевну *собачьей дочерью?* Что сказали бы нынѣшніе блюстители нравственности и о чтеніи *Душеньки*, и объ успѣхѣ сего прелестнаго произведенія? Что думаютъ они о шутливыхъ одахъ Державина, о прелестныхъ сказкахъ Дмитріева? *Модная жена* не столь же ли безнравственна, какъ и *Графъ Нулинъ*?

— —

1020. [ОБЪ ЕВГЕНІИ ОНѢГИНѢ].

Наши критики долго оставляли меня въ покоѣ. Это дѣлаетъ имъ честь: я былъ далеко, и въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. По привычкѣ полагали меня все еще очень молодымъ человѣкомъ. Первыя непріязненныя статьи, помнится, стали появляться по напечатаніи четвертой и пятой пѣсни Евгенія Онѣгина. Разборъ сихъ главъ, напечатанный въ Атенеѣ, удивилъ меня хорошимъ тономъ, хорошимъ слогомъ и странностію привязокъ. Самыя обыкновенныя риторическія фигуры и тропы останавливали критика, напримѣръ: «можно ли сказать *стаканъ шипитъ*, вмѣсто *вино шипитъ въ стаканѣ? Каминъ дымитъ*, вмѣсто *паръ идетъ изъ камина?* Не слишкомъ ли смѣло *ревнивое подозрѣніе? невѣрный ледъ?* Какъ думаете? Что бы такое значило:

Мальчишки
Коньками звучно рѣжутъ ледъ?

Критикъ догадывается, однако жъ, что это значитъ: мальчишки бѣгаютъ по льду на конькахъ.

Вмѣсто: На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
<Задумавъ плыть по лону водъ>
Ступаетъ бережно на ледъ.

Критикъ читалъ: *На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый*
Задумалъ плыть...

и справедливо замѣчалъ, что недалеко уплывешь на красныхъ лапкахъ.

*

Нѣкоторыя стихотворческія вольности: послѣ отрицательной частицы *не*—винительный, а не родительный падежъ; *времянъ* вмѣсто *временъ* <какъ напримѣръ, у Батюшкова:

То древню Русь и нравы
Владиміра *времянъ*...>

приводили критика моего въ великое недоумѣніе. Но болѣе всего раздражалъ его стихъ:

Людскую молвь и конскій топъ.

«Такъ ли изъясняемся мы, учившіеся по старымъ грамматикамъ, можно ли такъ коверкать Русскій языкъ?» Надъ этимъ стихомъ жестоко потомъ посмѣялись и въ В[ѣстникѣ] Евр[опы]. *Молвъ* <рѣчь> слово коренное русское. *Топъ* вмѣсто *топотъ* <слѣдственно, и *хлопъ* вмѣсто *хлопаніе*> вовсе не противно духу русскаго языка, какъ и *шипъ* вмѣсто *шипѣніе*:

Онъ шипъ пустилъ по змѣиному.
Древн. Рус[скія] Стихотв[оренія].

На ту бѣду и стихъ-то весь не мой, а взятъ цѣликомъ изъ русской сказки:

«И вышелъ онъ за ворота градскія, и услышалъ конскій топъ и людскую молвь».
Бова Королевичъ.

Г. Федоровъ, въ журналѣ, который началъ было издавать разбирая довольно благосклонно 4 и 5 главу Онѣгина, замѣтилъ однако жъ мнѣ, что въ описаніи осени нѣсколько стиховъ сряду начинаются у меня частицею *ужъ*, что и назвалъ онъ *ужами*, и что въ риторикѣ зовется *единоначатіемъ*. Осудилъ онъ также слово *корова*, и выговарпвалъ мнѣ за то, что я барышень благородныхъ и, вѣроятно, чиновныхъ, назвалъ *дѣвчонками* <что конечно неучтиво>, между тѣмъ какъ простую деревенскую дѣвку назвалъ *дѣвою*:

Въ избушкѣ разпѣвая, дѣва прядетъ.

*

Стихъ: Два вѣка ссорить не хочу, критику показался неправильнымъ. Что̀ гласитъ грамматика? Что дѣйствительный глаголъ съ отрицательною частицею требуетъ не винительнаго, а родительнаго падежа, напримѣръ: *я не пишу стиховъ*. Но въ моемъ стихѣ глаголъ *ссорить* управляемъ не частицею *не*, а глаголомъ *хочу*. Ergo, правило сюда пейдетъ. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее предложеніе: я не могу вамъ позволить начать писать... *стихи*, а ужъ ко-

нечно не *стиховъ*. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цѣпь глаголовъ и отозваться въ существительномъ? Не думаю.

Къ стати о грамматикѣ. Я пишу *Цыганы*, а не *Цыгане*, *татаре*, а не *татары*. Почему? Потому что всѣ имена существительныя, кончающіяся на *анинъ*, *яninъ*, *аринъ* и *яринъ*, имѣютъ свой родительный во множественномъ па *анъ*, *яnъ*, *аръ* и *яръ*; а им[енительный] множ[ественнаго] на *ане*, *яне*, *аре*, *яре*. Всѣ же существительныя, кончающіяся на *анъ* и *янъ*, *аръ* и *яръ*, имѣютъ во множественномъ именительный на *аны*, *яны*, *ары* и *яры*, а родительныя на *ановъ*, *яновъ*, *аровъ*, *яровъ*.

Единственное изключеніе: имена собственныя. Потомка Г-на Булгарина будутъ гг. Булгарины, а не Булгаре.

*

(Признаюсь хотѣлось мнѣ изобличить моихъ критиковъ въ незнаніи свойствъ нашего языка, да посовѣстился).

Изученіе старинныхъ *пьесъ*, *сказокъ* и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ.

*

Шестой пѣсни *Онѣгина* не разбирали, даже не замѣтили въ В[ѣстникѣ] Е[вропы] латинской опечатки. Къ стати: съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ Лицея, я не раскрывалъ лат[инской] книги и совершенно забылъ лат[инскій] языкъ. Жизнь коротка, перечитывать некогда. Замѣчательныя книги тѣснятся одна за другой, а никто нынче по-латыни ихъ не пишетъ. Въ 14 столѣтіи, наоборотъ, латинскій языкъ былъ необходимъ и справедливо почитался первымъ признакомъ образованнаго человѣка.

*

Критику VII пѣсни въ Сѣверной Пчелѣ пробѣжалъ я въ гостяхъ и въ такую минуту, когда было мнѣ не до Онѣгина... Я замѣтилъ только очень хорошо написанные стихи и довольно смѣшную шутку объ *жукѣ*. У меня сказано:

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струплись тихо. Жукъ жужжалъ.

Критикъ радовался появленію сего новаго лица и ожидалъ отъ него характера, лучше выдержаннаго прочихъ. Кажется, впрочемъ, ни одного дѣльнаго замѣчанія или мысли критической не было. Другихъ критиковъ я не читалъ, ибо, право, мнѣ было не до нихъ.

NB. Эту критику Сѣверной Пчелы напрасно приписывали Булгарину: 1) стихи въ ней слишкомъ хороши: 2) проза слишкомъ слаба; 3) Г. Булгаринъ не сказалъ бы, что описаніе Москвы взято изъ Ив. Выжигина <весь отрывокъ этотъ былъ напечатанъ въ Сѣв. Пч. года два прежде появленія Выжигина>, ибо Г. Булгаринъ не сказываетъ, что трагедія Борисъ Годуновъ взята изъ его романа.

Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ [насмѣшкамъ] и порицанію. Что есть строфы въ Евг. Онѣгинѣ, которыя я не могъ, или не хотѣлъ напечатать—этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, онѣ перерываютъ связь разсказа и поэтому означается мѣсто, гдѣ имъ быть надлежало. Лучше бы было замѣнять эти строфы другими, или переплавлять и сплаливвать мною сохраненныя.

Но виноватъ, на это я слишкомъ лѣнивъ. Смиренно сознаюсь также, что въ Д. Жуанѣ есть двѣ выпущенныя строфы!

*

Между прочими литературными обвиненіями, укоряли меня слишкомъ дорогою цѣною Евгенія Онѣгина и видѣли въ ней ужасное корыстолюбіе. Это хорошо говорить тому, кто отроду сочиненій своихъ не продавалъ, или чьи сочиненія не продавались; но какъ могли повторять то же милое обвиненіе издатели Сѣв[ерной] Пч[елы]? Цѣна устанавливается не писателемъ, а книгопродавцами. Въ отношеніи стихотвореній число требованій ограниченно. Оно состоитъ изъ тѣхъ же лицъ, которыя платятъ по 5 рублей за мѣсто въ театрѣ. Книгопродавцы, купивъ, положимъ, цѣлое изданіе по рб. экземпляръ, все-таки продавали бъ по 5 рублей. Правда, въ такомъ случаѣ Авторъ могъ бы приступить ко второму дешевому изданію, но и книгопродавецъ могъ бы тогда самъ понизить свою цѣну, и такимъ образомъ, уронить новое изданіе. Эти торговые обороты намъ, мѣщанамъ-писателямъ, очень извѣстны.—Мы знаемъ, что дешевизна книги не доказываетъ безкорыстіе Автора, но или большое требованіе оной, или совершенную остановку оной въ продажѣ. Спрашиваю: что выгоднѣе—напечатать 20,000 экз. и продать по 50 коп., или напечатать 200 экземпляровъ и продать по 50 рублей?

Цѣна послѣдняго изданія Басенъ Крылова, во всѣхъ отношеніяхъ самаго народнаго нашего поэта <le plus national et le plus populaire>, не противорѣчитъ нами

сказанному. Басни <какъ и романы> читаетъ и литераторъ, и купецъ, и свѣтскій человѣкъ, и дамы, и горничныя, и дѣти. Но стихотвореніе лирическое читаетъ только любитель поэзіи. А много ли ихъ?

*

У насъ довольно трудно самому автору узнать впечатлѣніе, произведенное въ публикѣ сочиненіемъ его. Отъ журналовъ узнаетъ онъ только мнѣніе издателей, на которое положиться невозможно по многимъ причинамъ. Мнѣніе друзей, разумѣется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станутъ ему въ глаза бранить его произведеніе, хотя бы оно того и стоило.

При появленіи VII пѣсни Онѣгина журналы вообще отозвались объ ней весьма неблагосклонно. Я бы охотно имъ повѣрилъ, если бы ихъ приговоръ не слишкомъ ужъ противорѣчилъ тому, что говорили они о прежнихъ главахъ моего романа. Послѣ неумѣренныхъ и незаслуженныхъ похвалъ, коими осыпали шесть частей одного и того же сочиненія, странно было мнѣ читать, напримѣръ, слѣдующій отзывъ.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сказано было, что VII глава не могла имѣть никакого успѣха, ибо нашъ вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежемъ мѣстѣ. Рѣшеніе несправедливое <т. е. въ его заключеніи>. Вѣкъ можетъ идти себѣ впередъ, и науки, философія и гражданственность могутъ усовершенствоваться и измѣниться, но поэзія остается на одномъ мѣстѣ, цѣль ея одна, средства тѣ же. Поэтическое произведеніе можетъ быть слабо, неудачно, ошибочно—виновато ужъ вѣрно дарованіе стихотворца, а не вѣкъ, ушедшій отъ него впередъ.

Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны—и между тѣмъ, какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣютъ и одинъ другому уступаютъ мѣсто, одна поэзія остается на своемъ неподвижно и никогда не теряетъ своей младости.

Вѣроятно, критикъ хотѣлъ сказать, что Евгеній Онѣгинъ и весь его причетъ уже не новость для публики, и что онъ надоѣлъ ей, какъ журналистамъ.

Какъ бы то ни было, рѣшусь искусить терпѣніе. Вотъ еще двѣ главы Евгенія Онѣгина—послѣднія, по крайней мѣрѣ для печати. Тѣ, которые стали бы въ нихъ искать занимательности происшествій, могутъ быть увѣрены, что въ нихъ еще менѣе дѣйствія, нежели во всѣхъ предшествовавшихъ. Осьмую главу я хотѣлъ было вовсе уничтожить и замѣнить одной римскою цифрою, но побоялся критики; къ тому же многіе отрывки изъ оной были уже напечатаны.

Мысль, что шутливую пародію можно принять за неуваженіе къ великой и священной памяти, также удерживала меня. Но Child Charold стоитъ на такой высотѣ, что какимъ бы тономъ о немъ ни говорили, мысль оскорбить его не могла во мнѣ родиться.

1021. [О ПОЛТАВѢ].

Habent sua fata libelli. (Самое зрѣлое изъ всѣхъ моихъ стихотворныхъ повѣстей, то, въ которомъ все почти оригинально) (а мы изъ этого только и бьемся, хотя это еще не главное). *Полтава* не имѣла успѣха. Можетъ быть она и не стоила его, но я былъ избалованъ пріемомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ.

Журналы взялись объяснить мнѣ причину моей неудачи — и вотъ какимъ образомъ. Они, во-первыхъ, объявили мнѣ, что отроду никто не видывалъ, чтобы женщина влюбилась въ старика, и что, слѣдственно, любовь Маріи Кочубей къ старому гетману, NB. исторически доказанная, не могла существовать.

«Ну, что жъ, что ты Честонъ? хоть знаю, да не вѣрю».

Этимъ я не могъ довольствоваться: любовь есть самая своенравная страсть. Не говоря уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ, я вспомнилъ преданія миѳологическія, Превращенія Овидіевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Олимпію, Пигмаліона—и принужденъ былъ признаться, что всѣ сіи вымыслы не чужды поэзіи, или, справедливѣе, ей принадлежатъ. А Отелло, старый негръ, плѣнившій Дездемону разсказами о своихъ странствіяхъ и битвахъ?... А Мирра, внушившая итальянскому поэту одну изъ лучшихъ его трагедій?... Марія <или Матрена> увлечена была, говорили мнѣ, тщеславіемъ, а не любовію—велика честь для дочери генеральнаго судіи быть наложницею гетмана!—Далѣе говорили мнѣ, что мой Мазепа *злой и глупой старичишка* <старичишка вмѣсто старикъ—ради затѣйливости>. Что

изобразилъ я Мазепу *злымъ*, въ томъ я каюсь. Добрымъ я его не нахожу, особливо въ ту минуту, когда онъ хлопочетъ о казни отца дѣвушки, имъ обольщенной. *Глупость* же человѣка оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ: Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь-въ-точь какъ и въ исторіи, а рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ. Не довольно, если критикъ и рѣшитъ, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо: нехудо, если онъ чѣмъ-нибудь это и докажетъ. Потомъ замѣтили мнѣ, что Мазепа слишкомъ у меня злопамятенъ; что малороссійскій гетманъ не студентъ и за пощечину или за дерганье усовъ мстить не захочетъ. Опять исторія, опровергнутая литературной критикой, опять *хоть знаю, да не вѣрю!*

Мазепа, воспитанный въ Европѣ въ то время, какъ понятія о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа могъ помнить долго обиду московскаго царя и отомстить ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытый, жестокій, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы, все равно было, что схватить россіянина за бороду. Хмельницкій за всѣ обиды, претерпѣнныя имъ, помнится, отъ Чернецкаго [Чаплицкаго], получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи Посполитой, остриженный усъ своего непріятеля (см. Лѣтоп. Конисскаго),

Старый гетманъ, предвидя неудачу, наединѣ съ наперсникомъ, бранитъ въ моей поэмѣ молодаго Карла и называетъ его, помнится, мальчишкой и сумасбродомъ: критики важно укоряли *меня* въ неосновательномъ мнѣніи о шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ кому не былъ привязанъ; критики ссылались на *собственныя* слова гетмана, увѣряющаго Марію, что онъ любитъ ее «*больше славы, больше власти*». Какъ отвѣчать на таковыя критики?

Такъ понимали они драматическое искусство!—Потомъ слѣдовала критика мѣлочная, критика буквъ, отъ которой пора бы намъ отвыкнуть.

Слова: *усы, визжать, вставай, разсѣтаетъ, ого, пора*—показались критикамъ *низкими, бурлацкими* выраженіями. Какъ быть! (Низкими словами я почитаю тѣ, которыя подлымъ образомъ выражаютъ низкія понятія; напр. нализаться вмѣсто напиться пьянымъ и т. д.) но никогда не пожертвую искренностію и точностію выраженія провинціальной чопорности, изъ боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ или тому под.

Въ Вѣстникѣ Европы замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что, вѣроятно, не назвалъ я ее Мазепой, чтобъ не напомнить о Байронѣ. Справедливо—но была тутъ и другая причина: эпиграфъ. Такъ и Бахчисарайскій Фонтанъ въ рукописи названъ былъ *Харемомъ:* но меланхолическій эпиграфъ, который конечно лучше всей поэмы, соблазнилъ меня.

Къ стати о Полтавѣ: критики упомянули однако жъ о Байроновомъ Мазепѣ. Но какъ они понимали его <или, справедливѣе, какъ не понимали!>. Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только картиной человѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина, конечно, поэтическая, и зато, посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго мучительнаго лица, которое проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона, но котораго, на бѣду одному изъ моихъ критиковъ, какъ нарочно, въ Мазепѣ именно и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ: онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе—вотъ и все; но какое пламенное созданіе! какая широкая, быстрая кисть! Если жъ бы ему подъ перо его попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то вѣроятно никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета.

Прочитавъ въ первый разъ стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь...

я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры—и немудрено, и невеликодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною. Но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непростительно. Однако жъ какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы,—вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, долѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все.

1022. [РОДОСЛОВНАЯ ПУШКИНЫХЪ И ГАНИБАЛОВЪ].

Нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки, и всегда отступался изъ лѣности. Въ 1821 году началъ я мою біографію, и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Въ концѣ 1825 г. при открытіи нещастнаго заговора, я принужденъ былъ сжечь свои тетради, которыя могли замѣшать имена многихъ, а можетъ быть и умножить число жертвъ). Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ (они были-бы любопытны): я въ нихъ говорилъ о людяхъ, кот(орые) послѣ сдѣлались историческими лицами, съ (всей) откровенностію дружбы или короткаго знакомства. Теперь нѣкоторая торжественность ихъ окружаетъ, и вѣроятно, будетъ дѣйствовать на мой слогъ и образъ мыслей—за то буду осмотрительнѣе въ моихъ запискахъ. Если записки будутъ менѣе живы, то болѣе достовѣрны.

(Избравъ) себя лицомъ, около котораго постараюсь собрать другія, болѣе достойныя замѣчанія, скажу нѣсколько словъ о моемъ произхожденіи.

Мы ведемъ свой родъ отъ прусскаго выходца *Радши* или *Рачи* <*мужа честна*, говоритъ Лѣтописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго>, въѣхавшаго въ Россію во время княжества Св. Александра Ярославича Невскаго. Отъ него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменскіе, Бутурлины, Кологривовы, Шереметиновы и Товарковы. Имя предковъ моихъ встрѣчается помянутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, историографъ имѣетъ и Пушкиныхъ. Григорій Гавриловичь Пушкинъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой Пушкинъ, во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, *сдѣлалъ честію свое дѣло*. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичь, подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества <что мало дѣлаетъ чести его характеру>. При Петрѣ I, сынъ его, стольникъ Ѳедоръ Матвѣевичь, уличенъ былъ въ заговорѣ противу Государя и казненъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ и Соковниным. Прадѣдъ мой Александръ Петровичь былъ женатъ на меньшой дочери Графа Головина, перваго Андреевскаго кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ, въ припадкѣ сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его Левъ Александровичь служилъ въ артиллеріи, и въ 1762 году, во время возмущенія, остался вѣренъ Петру III. Онъ былъ посаженъ въ крѣпость и выпущенъ черезъ два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ, а жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ.

Дѣдъ мой былъ человѣкъ пылкій и жестокій. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ Французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, и котораго онъ весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него натерпѣлась. Однажды онъ велѣлъ ей одѣться и ѣхать съ нимъ куда-то въ гости. Бабушка была на сносяхъ и чувствовала себя нездоровой, но не смѣла отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дѣдъ мой велѣлъ кучеру остановиться, и она въ каретѣ разрѣшилась чуть ли не моимъ отцемъ. Родильницу привезли домой полумертвую, и положили на постелю всю разряженную и въ бриліантахъ. Все это знаю я довольно темно. Отецъ мой никогда не говорилъ о странностяхъ дѣда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнѣе. Дѣдъ ея былъ Негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополѣ, какъ-то досталъ его изъ сераля, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 году, съ Польскою Королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганибалъ. Въ крещеніи наименованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ. Но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 года Ганибалъ находился неотлучно при особѣ Государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, потомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищ[ѣ], вступилъ во французскую службу, во время испанской войны былъ въ голову раненъ

въ одномъ подземномъ сраженіи <сказано въ рукописной его Біографіи>, и возвратился въ Парижъ, гдѣ долгое время жилъ въ разсѣяніи большаго свѣта. Петръ I неоднократно призывалъ его къ себѣ, но Ганибалъ не торопился, отговариваясь подъ разными предлогами. Наконецъ Государь написалъ ему, что онъ неволить его не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или остаться во Франціи; но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Тронутый Ганибалъ немедленно отправился въ Петербургъ. Государь выѣхалъ къ нему на встрѣчу и благословилъ образомъ Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но котораго я не могъ уже отыскать. Государь пожаловалъ Ганибала въ Бомбардирскую роту Преображенскаго полка капитанъ-лейтенантомъ. Извѣстно, что самъ Петръ былъ ея капитаномъ. Это (случилось) было въ 1722 году.

Послѣ смерти Петра Великаго судьба его перемѣнилась. Меншиковъ, опасаясь его вліянія на императора Петра II, нашелъ способъ удалить его отъ двора. Ганибалъ былъ переименованъ въ маіоры тобольскаго гарнизона, и посланъ въ Сибирь съ препорученіемъ измѣрить китайскую стѣну. Ганибалъ пробылъ тамъ нѣсколько времени, и самовольно возвратился въ Петербургъ, узнавъ о паденіи Меншикова и надѣясь на покровительство Князей Долгорукихъ, съ которыми былъ онъ связанъ. Судьба Долгорукихъ извѣстна. Минихъ спасъ Ганибала, отправя его тайно въ Ревельскую деревню, гдѣ и жилъ онъ около десяти лѣтъ, въ поминутномъ безпокойствѣ. До самой кончины своей, онъ не могъ безъ трепета слышать звонъ колокольчика. Когда императрица Елисавета взошла на престолъ, тогда Ганибалъ написалъ ей Евангельскія слова: помяни мя, егда пріидеши во царствіе свое. Елисавета тотчасъ призвала его ко Двору, произвела его въ бригадиры, и вскорѣ потомъ въ Генералъ-Маіоры и въ Генералъ-Аншефы, пожаловала ему нѣсколько деревень въ Губерніяхъ Псковской и Петербургской, въ первой: Зуево, Боръ, Петровское и другія; во второй: Кобрино, Суйду и Таицы, также деревню Раголу, близъ Ревеля, въ которомъ нѣсколько времени былъ онъ оберъ-комендантомъ. При Петрѣ III вышелъ онъ въ отставку и умеръ философомъ <говоритъ его нѣмецкій біографъ>, въ 1781 году, на 93-мъ году своей жизни. Онъ написалъ было свои записки на французскомъ языкѣ, но въ припадкѣ паническаго страха, коему былъ подверженъ, велѣлъ ихъ при себѣ сжечь вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными бумагами.

Въ семейственной жизни прадѣдъ мой Ганибалъ такъ же былъ нещастливъ, какъ и прадѣдъ Пушкинъ. Первая жена его, красавица, родомъ Гречанка, родила ему бѣлую дочь. Онъ съ нею развелся и принудилъ ее постричься въ Тихвинскомъ монастырѣ, а дочь ея Поликсену оставилъ при себѣ, далъ ей тщательное воспитаніе, богатое приданое, но никогда не пускалъ ее себѣ на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фонъ-Шеберхъ, вышла за него въ бытность его въ Ревелѣ оберъ-комендантомъ, и родила ему множество черныхъ дѣтей обоего пола.

Старшій сынъ, Иванъ Абрамовичь, столь же достоинъ замѣчанія, какъ и его отецъ. Онъ пошелъ въ военную службу вопреки волѣ родителя, отличился и, ползая на колѣняхъ, выпросилъ отцовское прощеніе. Подъ Чесмою онъ разпоряжалъ брандерами и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спаслись съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 году взялъ Наваринъ; въ 1779 выстроилъ Херсонъ. Его постановленія донынѣ уважаются въ полуденномъ краю Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я стариковъ, живо еще хранившихъ его память. Онъ поссорился съ Потемкинымъ. Государыня оправдала Ганибала и надѣла на него Александровскую ленту; но онъ оставилъ службу и съ тѣхъ поръ жилъ по большей части въ Суйдѣ, уважаемый всѣми замѣчательными людьми славнаго вѣка, между прочими Суворовымъ, который при немъ оставлялъ свои проказы, и котораго принималъ онъ не завѣшивая зеркалъ и не наблюдая никакихъ тому подобныхъ церемоній.

Дѣдъ мой, Осипъ Абрамовичь (коего) настоящее имя его было Януарій, но прабабушка моя (родомъ шведка) не согласилась звать его этимъ именемъ, труднымъ для ея нѣмецкаго произношенія. *Шорнъ шортъ*, говорила она, *дьлать мнѣ шорна репять и дать имъ шертовскъ имя*. Дѣдъ мой служилъ во флотѣ и женился на Маріѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери тамбовскаго воеводы, роднаго брата дѣду отца моего <который доводится внучатнымъ братомъ моей матери>; и сей бракъ былъ нещастливъ. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствій и ссоръ, которыя кончились

разводомъ. Африканскій характеръ моего дѣда, пылкія страсти, соединенныя съ ужаснымъ легкомысліемъ, вовлекли его въ удивительныя заблужденія. Онъ женился на другой женѣ, представя фальшивое свидѣтельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая съ живостію вмѣшалась въ это дѣло. Новый бракъ дѣда моего объявленъ былъ незаконнымъ, бабушкѣ моей возвращена трехлѣтняя ея дочь, а дѣдушка посланъ на службу въ черноморскій флотъ. 30 лѣтъ они жили розно. Дѣдъ мой умеръ въ 1807 году, въ своей Псковской деревнѣ, отъ слѣдствій невоздержной жизни. Одиннадцать лѣтъ послѣ того, бабушка скончалась въ той же деревнѣ. Смерть соединила ихъ. Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ.

*

[*Извлеченіе изъ нѣмец. записки объ Абрамѣ Ганибалѣ*].

I. Онъ родомъ былъ изъ Абиссиніи, сынъ въ тогдашнія времена сильнаго владѣльца, столь гордаго своимъ происхожденіемъ, что выводилъ оное прямо отъ Аннбала. Сей владѣлецъ былъ вассаломъ Оттоманской имперіи, въ концѣ XVII столѣтія взбунтовавшійся противъ турецкаго правл., вмѣстѣ со многими князьями, утѣсненными налогами. Послѣ многихъ жаркихъ битвъ сила побѣдила. И сей Ганибалъ, 8 лѣтъ, какъ меньшой сынъ владѣльца, вмѣстѣ съ другими знатными юношами, былъ отвезенъ въ залогъ, въ Константинополь. Жребій сей долженъ былъ миновать отрока; но мать его была послѣдняя изъ 30 женъ африканскаго владѣльца. Прочія княгини, поддержанныя своими связями, черезъ интриги родственниковъ, обманомъ посадили его на корабль, назначенный для отвоза залоговъ. Единственная, любимая сестра его, нѣсколько его старѣе, имѣла столько духу, что боролась за него. Она уступила силѣ, проводила его до лодки, надѣясь его избавить просьбами или искупить жертвою всѣхъ своихъ драгоцѣнностей. Но видя, что всѣ ея старанія были тщетны, бросилась она въ море и утонула. В самой глубокой старости текли слезы его въ воспоминаніе любви и дружбы—и всегда живо и ново представлялась ему сія картина. Вскорѣ послѣ Ганибалъ привезенъ былъ въ Константинополь и вмѣстѣ съ другими юношами принятъ въ сераль султана, гдѣ пробылъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ.

Петръ имѣлъ горесть видѣть, что подданные его упорствовали просвѣщенію, желалъ показать имъ примѣръ надъ совершенно чуждою породой людей и писалъ къ Шепелеву, своему посланнику, чтобы онъ прислалъ ему арапченка съ хорошими способностями. Сей <заодно съ визиремъ> съ немалою опасностію прислалъ ему трехъ. Между тѣмъ, одинъ изъ братьевъ наслѣдовалъ ихъ престарѣлому отцу. Въ сіе время посланникъ отправилъ къ Петру I-му Ибрагима Ганибала, другаго арапа, да еще одного рагузинца. Императоръ былъ чрезвычайно доволенъ и принялся съ большимъ вниманіемъ за его воспитаніе, придерживаясь главной своей мысли. Петръ, по своей прозорливости, увидѣлъ тотчасъ расположеніе дѣтей: Ганибала, какъ живаго, смѣлаго, назначилъ въ военную службу; Рагузинца, тихаго, разсудительнаго, глубокомысленнаго — въ статскую и онъ былъ извѣстенъ впослѣдствіи подъ именемъ графа Рагузинскаго.

*

II. Его, по ходатайству Миниха, опредѣлили въ Перновскій гарнизонъ инженернымъ маіоромъ. Тамъ онъ женился на дочери капитана Матвѣя фонъ-Шеберха, урожденнаго шведа, женатаго на лифляндкѣ фонъ-Альбедиль, и, вышедъ въ отставку—купилъ онъ себѣ около Ревеля деревню Каракула, гдѣ онъ жилъ съ своею фамиліею.

1022-а. [ПРОГРАММА ЗАПИСОКЪ].

Семья моего отца—его воспитаніе—французы-учителя—(Mr.) Bous. ..... Mr. Mertin. Отецъ и дядя въ гвардіи. Ихъ литературныя знакомства. — (Свадьба отца). — Бабушка и ея мать — ихъ бѣдность. — Ив[анъ] Абр[амовичъ]. — Свадьба отца. — Смерть Екатерины — рож[деніе] Ольги — Отецъ выходитъ въ отставку, ѣдетъ въ Москву. — Рожденіе мое.

Первыя впечатлѣнія. Юсуповъ садъ—Землетрясеніе—Няня. Отъѣздъ матери въ деревню—Первыя непріятности—гувернантки. (Смерть Николая. Раннія любовь)—Рожд[еніе] Льва.—Мои непріятныя воспоминанія.—Смерть Николая. Монфоръ—Русло—Кат. П. и Ан[на] Ива[новна]—Нетерпимое состояніе—Охота къ чтенію—Меня везутъ въ Петербургъ. Езуиты. Тургеневъ. Лицей.—

(въ) 1811.

Дядя В[асилій] Л[ьвовичъ]—Д[митріевъ]. Дашк[овъ]. Блуд[ова]. —... съ н... Ан. Ник.— Свѣтская жизнь. — *Лицей*. Открытіе. Государь. Малиновскій. Куницынъ. Аракчеевъ.— Начальники наши. — Мое положеніе. — Философич. мысли. — Мартинизмъ. — Мы прогоняемъ [?] Пилецк[аго]. (Смерть Малиновскаго).

1812 г.

1813.

Государыня въ С[арскомъ] С[елѣ]. Гр[афиня] Коч[убей]. Смерть (Пилецкаго) Мал.— .... Безначаліе. Чачковъ. Фроловъ— 15 лѣтъ.

1814.

(Экзаменъ, Галичъ. Державинъ—стихотворство—смерть).

Извѣст[іе] о вз[ятіи] Парижа. — Смерть Малиновскаго. Безначаліе. — (Пріѣздъ Карамзина—Первая любовь—Жизнь—Карамзинъ—).—Б.... Пріѣздъ матери. Пріѣздъ отца. Стихи etc.—Отношеніе къ ..... Мое тщеславіе.

1815.

(Екзаменъ. Стих.).

1022-б. [ЗАПИСКА ОБЪ ИЗДАНІИ ГАЗЕТЫ].

Десять лѣтъ тому назадъ литературою занималось у насъ весьма малое число любителей. Они видѣли въ ней пріятное, благородное упражненіе, но еще не отрасль промышленности: читателей было еще мало. Книжная торговля ограничивалась переводами кой-какихъ романовъ и перепечатаніемъ сонниковъ и пѣсенниковъ.

(Человѣкъ, имѣвшій важное вліяніе на русское просвѣщеніе, посвятившій жизнь единственно на ученые труды, Карамзинъ первый показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ. Онъ и тутъ <какъ и во всемъ> былъ исключеніемъ изъ всего, что мы привыкли видѣть у себя).

(Литераторы во время царствованія покойнаго императора были оставлены на произволъ цензурѣ своенравной и притѣснительной: рѣдкое сочиненіе доходило до печати. Весь классъ писателей <классъ важный у насъ, ибо, по крайней мѣрѣ, составленъ изъ грамотныхъ людей> перешелъ на сторону недовольныхъ. Правительство сего не хотѣло замѣчать, отчасти изъ великодушія <къ нещастію, мы того не понимали или не хотѣли понимать>, отчасти — изъ непростительнаго небреженія. Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго Государя я имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство, не смотря на неизмѣримое неравенство средствъ).

Нещастныя обстоятельства, сопровождавшія восшествіе на престолъ нынѣ царствующаго Императора, обратили вниманіе Его Величества на сословіе писателей. Онъ нашелъ сіе сословіе совершенно преданнымъ на произволъ судьбѣ и притѣсненнымъ невѣжественной и своенравной цензурою. Не было закона касательно собственности литературной.

(За годъ предъ симъ я не могъ найти нигдѣ управы, лишась трехъ тысячъ рублей чрезъ перепечатаніе одного изъ моихъ сочиненій <что было еще первый примѣръ плутовства>.

Огражденіе сей собственности и цензурной уставъ принадлежатъ къ важнѣйшимъ благодѣяніямъ нынѣшняго царствованія. Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направленіе, т. е. *торговое*. Нынѣ составляетъ она отрасль промышленности, покровительствуемой законами. Изо всѣхъ родовъ литературы періодическія изданія болѣе приносятъ выгоды и чѣмъ разнообразнѣе по содержанію, тѣмъ болѣе расходятся.

Извѣстія политическія привлекаютъ большое число читателей, будучи любопытны для всякаго.

(Вѣдомости С.-Петербургскія и Московскія и Сѣверная Пчела суть единственные донынѣ журналы, въ коихъ помѣщаются извѣстія политическія).

Сѣверная Пчела, издаваемая двумя извѣстными литераторами, имѣя около 3000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на читающую публику, слѣдственно и на книжную торговлю.

(Такимъ образомъ политическія газеты приносятъ своимъ издателямъ до 100,000 дохода, между тѣмъ какъ чисто литературная едва ли окупаетъ издержки изданія).

Всякій журналистъ имѣетъ право говорить мнѣніе свое о нововышедшей книгѣ

столь строго, какъ угодно ему. Сѣверная Пчела пользуется симъ правомъ—и хорошо дѣлаетъ. Закономъ требовать отъ журналиста благосклонности или безпристрастія было бы невозможно и несправедливо.

Автору осужденной книги остается ожидать рѣшенія читающей публики или искать управы и защиты въ другомъ журналѣ; но журналы *чисто литературные*, вмѣсто 3000 подписчиковъ, имѣютъ едва ли и 300, и слѣдственно голосъ ихъ былъ бы вовсе не дѣйствительнымъ.

Такимъ образомъ, литературная торговля находится въ рукахъ издателей Сѣверной Пчелы, и критика, какъ и политика, сдѣлалась ихъ монополіей. Отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы: ни одно изъ ихъ произведеній не продается, ибо никто не станетъ покупать товара, охужденнаго въ самомъ газетномъ объявленіи.

Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходимъ журналъ, коего средства могли бы ровняться средствамъ Сѣверной Пчелы, т. е. журналъ, въ коемъ бы печатались политическія и заграничныя новости.

(Въ семъ-то отношеніи осмѣливаюсь просить о разрѣшеніи печатать политическія заграничныя новости въ издаваемомъ журналѣ барономъ *Дельвигомъ* или мною).

Направленіе политическихъ статей зависитъ и должно зависѣть отъ правительства, и въ семъ случаѣ я полагаю священною обязанностію ему повиноваться и не только соображаться съ рѣшеніемъ цензора, но и самъ обязуюсь строго смотрѣть за каждой строкою моего журнала.

Злонамѣренность была бы съ моей стороны столь же безразсудна, какъ и неблагодарна.

(Не въ обвиненіе издателей другихъ журналовъ, но единственно для разъясненія причинъ, принуждающихъ насъ прибѣгнуть къ высочайшему покровительству, осмѣливаемся замѣтить, что личная честь не только писателей, но и ихъ матерей и отцовъ находится во власти издателей политическаго журнала, ибо обиняки, хотя и явные, не могутъ быть остановлены цензурою).

(Симъ разрѣшеніемъ государь императоръ даруетъ по 40 тысячъ дохода двумъ семействамъ и обезпечитъ состояніе нѣсколькихъ литераторовъ. Злонамѣренность или недоброжелательство было бы съ ихъ стороны столь же безразсудно какъ и неблагодарно).

1023. [ОТКЛИКИ НА СОБЫТІЯ 1831 года].

[1]. *26-го іюля* [*1831 г.*]. Вчера Гос[ударь] Имп[ераторъ] отправился въ военныя поселенія <въ Новгор[одской] Губ[ерніи]> для усмиренія возникшихъ тамъ безпокойствъ. Нѣсколько офицеровъ и лѣкарей убито бунтовщиками. Ихъ Депутаты пришли къ Ижору съ повинною головою и съ роспискою одного изъ офицеровъ, котораго передъ смертію принудили бунтовщики письменно показать, будто-бы онъ и лѣкаря отравливали людей. Государь говорилъ съ депутатами мятежниковъ, послалъ ихъ назадъ, приказалъ во всемъ слушаться Гр. Орлова, посланнаго въ поселенія при первомъ извѣстіи о бунтѣ, и обѣщалъ самъ къ нимъ пріѣхать. «Тогда я васъ прощу», сказалъ онъ имъ. Кажется, все усмирено, а ежели нѣтъ еще, то все усмирится присутствіемъ Государя.

Однако-же сіе рѣшительное средство, какъ послѣднее, не должно быть употребляемо. Народъ не долженъ привыкать къ Царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. Разправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади,—и Царской голосъ не долженъ угрожать ѣ л картечью, ни кнутомъ. Чернь перестанетъ скоро бояться таинственной власти, и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ Государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленія его, какъ необходимаго обряда. Донынѣ Государь, обладающій даромъ слова, говорилъ одинъ; но можетъ найтись въ толпѣ голосъ для возраженія. Таковые разговоры неприличны, а пренія площадныя превращаются тотчасъ въ ревъ и вой голоднаго звѣря. Россія имѣетъ 12.000 верстъ въ ширину. Государь не можетъ явиться вездѣ, гдѣ можетъ вспыхнуть мятежъ.

[2]. Покамѣсть полагали что холера прилипчива какъ чума, до тѣхъ поръ карантины были зло необходимое. Но какъ скоро начали замѣчать, что холера находится въ воздухѣ, то карантины должны были тотчасъ быть уничтожены. 16 губерній вдругъ не могутъ быть оцѣплены, а карантины, не подкрѣпленные достаточною цѣпію, военною силою,— суть только средства къ притѣсненію и причины къ общему неудовольствію. Вспомнимъ, что

Турки предпочитаютъ чуму карантинамъ. Въ прошломъ году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозамъ, привели къ нищету подрядчиковъ и извощиковъ и чуть не взбунтовали 16 губерній. Злоупотребленія неразлучны съ карантинными постановленіями, которыхъ не понимаютъ ни употребляемые на то люди, ни народъ. Уничтожьте карантины, народъ не будетъ отрицать существованія заразы, станетъ принимать предохранительныя мѣры и прибѣгнетъ къ лѣкарямъ и правительству; по покамѣстъ карантины тутъ, меньшее зло будетъ предпочтено бо́льшему, и народъ будетъ болѣе безпокоиться о своемъ продовольствіи, о угрожающей нищетѣ и голодѣ, нежели о болѣзни невѣдомой и коей признаки такъ близки къ отравѣ.

[3] *29-го іюля* [*1831 г.*]. Третьяго дня Государыня родила Великаго Князя Николая. Наканунѣ она позволила фрейлинѣ *Россети* выйти за Смирнова. Государь пріѣхалъ передъ самыми родами Императрицы. Бунтъ въ Новгородскихъ колоніяхъ усмиренъ его присутствіемъ. Нѣсколько Генераловъ, полковниковъ и почти всѣ офицеры полковъ Аракчеевскаго и Короля прусскаго перерѣзаны. Мятежники имѣли списки мнимыхъ отравителей, т. е. начальниковъ и лѣкарей. Генерала они засѣкли на плацѣ. Надъ нѣкоторыми жертвами убійцы ругались. Посадивъ на стулъ одного маіора, они подходили къ нему съ шутками: Ваше Высокоблагородіе, что это вы такъ поблѣднѣли? Вы сами не свои. Вы такъ смирны — и съ этимъ словомъ били его по лицу. Лѣкарей убито 15 человѣкъ, одинъ изъ нихъ спасенъ больными лежащими въ лазаретѣ. Этотъ лѣкарь находился 12 лѣтъ въ колоніи, былъ отмѣнно любимъ солдатами за его усердіе и добродушіе. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотѣли однако же его зарѣзать, ибо и онъ стоялъ въ спискѣ жертвъ. Больные вытребовали его изъ-подъ караула. Мятежники хотѣли было ѣхать къ Аракчееву въ Грузино, чтобъ убить его, а домъ разграбить. 30 троекъ были уже готовы. Жандармскій офицеръ, взявшій надъ ними власть, успѣлъ уговорить ихъ оставить это намѣреніе. Онъ было спасъ и офицеровъ полка Прусскаго короля, уговоривъ мятежниковъ содержать несчастныхъ подъ арестомъ, но послѣ его отъѣзда убійства совершались. Государь обѣдалъ въ Аракчеевскомъ Полку. Солдаты встрѣтили его съ хлѣбомъ и медомъ. Арнтъ, находившійся при семъ, сказалъ имъ съ негодованіемъ: Вамъ бы должно вынести кутью. Государь собралъ полкъ въ манежѣ, приказалъ попу читать молитвы, приложился, и обратился къ мятежникамъ. Онъ разбранилъ ихъ, объявилъ, что не можетъ имъ простить и требовалъ, чтобы они выдали ему зачинщиковъ. Полкъ обѣщался. Свидѣтели съ восторгомъ и изумленіемъ говорятъ о мужествѣ и силѣ духа императора.

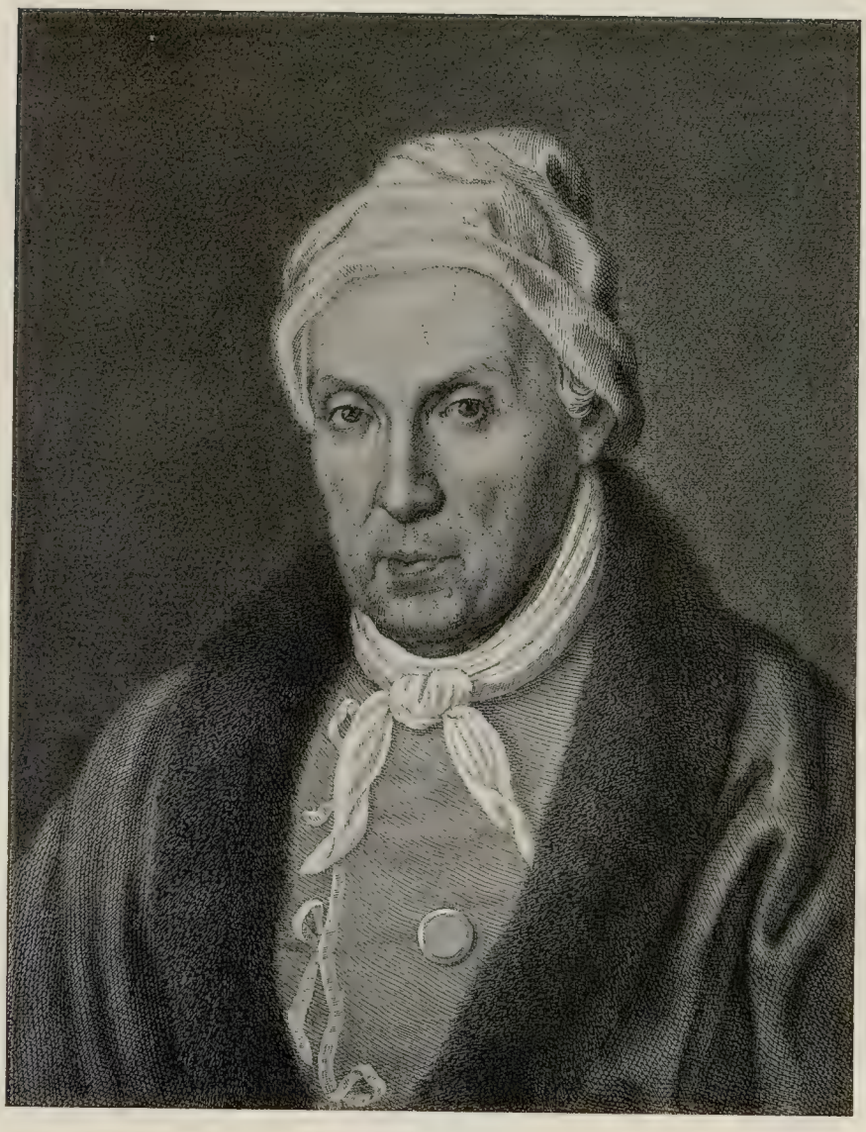
Восемь полковъ, возмутившихся въ Старой Руссѣ, получили повелѣніе идтивъ Гатчино.

[4] *Сентября 4.* Суворовъ привезъ сегодня извѣстіе о взятіи Варшавы. Паскевичь раненъ въ бокъ. Мартыновъ и Ефимовичь убиты. Гейсмаръ раненъ.—Нашихъ пало 6.000. Поляки защищались отчаянно. Приступъ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27. Раненый Паскевичь сказалъ: Du moins j'ai fait mon devoir. Гвардія все время стояла подъ ядрами. Суворовъ былъ два раза на переговорахъ и въ опасности быть повѣшеннымъ. Государь пожаловалъ его полковникомъ въ Суворовскомъ полку. Паскевичь сдѣланъ Княземъ Свѣтлѣйшимъ. Скржинецкій скрывается. Лелевель при Ромарино. Суворовъ видѣлъ въ Варшавѣ Montebello (Lasne) Высоцкаго, зачинщика революціи, Гр. А. Потоцкаго и другихъ. Взятіе подъ стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

Сколько въ суворовскомъ полку осталось? спросилъ государь у Суворова.—300 человѣкъ, В[аше] В[еличество]. Нѣтъ, 301: ты въ немъ полковникъ.

[5]. Надняхъ скончался въ П.Б. Фонъ-Фокъ, начальникъ 3-го отдѣленія Государевой канцеляріи <тайной полиціи>, человѣкъ добрый, честный и твердый. Смерть его есть бѣдствіе общественное. Государь сказалъ: J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer. Вопросъ: кто будетъ на его мѣстѣ? важнѣе другаго вопроса: что́ сдѣлаемъ съ Польшей?

[6]. *Мнѣніе Жомини о польской кампаніи.* Главная ошибка Дибича состояла въ томъ, что онъ, предвидя скорую оттепель, поспѣшилъ начать свои дѣйствія, наперекоръ здравому смыслу. 15 дней — разницы не сдѣлало бы. Щастье во многомъ помогло Паскевичу: 1) онъ не могъ перейти со всѣмя силами Вислу, но на Палена Скржинецкій не напалъ; 2) онъ долженъ былъ пойти на приступъ, а изъ Варшавы выступило 20.000 и ушли слишкомъ далеко.



ДЕРЖАВИНЪ.

Гравюра Пожалостина (1880) съ портрета Василевскаго (1815).

(Объ этомъ портретѣ говоритъ Пушкинъ въ статьѣ «Державина видѣлъ я только однажды»).

Ошибки Скржинецкаго состояли въ томъ, что онъ пожертвовалъ 8.000 избраннаго войска понапрасну подъ Остроленкой. Позиція его была чрезвычайно сильная, и Паскевичь опасался ея. Но Скржинецкаго смѣнили недовольные его дѣйствіями или бездѣйствіемъ начальники мятежа, и Польша погибла.

1024. [О ДВОРЯНСТВѢ].

I. Что такое потомственное дворянство? Сословіе народа высшее. т. е. награжденное бо́льшими преимуществами, касательно собственности и частной свободы.—Кѣмъ?—Народомъ или его представителями.—Съ какою цѣлію?—Съ цѣлію имѣть мощныхъ защитниковъ (народа), или близкихъ и непосредственныхъ къ властямъ представителей.—Какіе люди составляютъ сіе сословіе?—Люди, которые имѣютъ время заниматься чужими дѣлами.—Кто сіи люди?—Отмѣнные по своему богатству или образу жизни.—Почему такъ?—Богатство доставляетъ способъ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву du souverain; образъ жизни, т. е. не ремесленный или земледѣльческій, ибо все сіе налагаетъ на работника или земледѣльца различныя узы.—Почему такъ?—Земледѣлецъ зависитъ отъ земли, имъ обработанной, и болѣе всѣхъ неволенъ; ремесленникъ—отъ числа требователей торговыхъ, отъ мастеровъ и покупателей.—Нужно ли для дворянства пріуготовительное воспитаніе?—Нужно.—Чему учится дворянство?—Независимости, храбрости, благородству, *чести* вообще.—Не суть ли сіи качества природныя?—Такъ, но образъ жизни можетъ ихъ развить, усилить или задушить.—Нужны ли они въ народѣ, такъ же, напримѣръ, какъ трудолюбіе?—Нужны, и дворянство—la sauvegarde трудолюбиваго класса, которому некогда развивать сіи качества.

II. Что составляетъ дворянство въ республикѣ?—Богатые люди, которыми народъ кормится.—А въ государствѣ?—Военные люди, которые составляютъ гвардію и войско государево.—Чѣмъ *кончается* (погибаетъ) дворянство въ республикѣ?—Аристократіей правъ.—А въ государствѣ?—Рабствомъ народа. А = В.

III. Наслѣдственныя преимущества высшихъ классовъ общества суть условія ихъ независимости. Въ противномъ случаѣ классы эти становятся наемниками и несутъ ихъ обязанности.

IV. *Русское дворянство* что нынѣ значитъ? Какими способами дѣлаются дворяне? Что изъ этого слѣдуетъ? NB. Былое презрѣніе къ сему званію. Дворянинъ-помѣщикъ. Его вліяніе и важность; рекрутство; права. Дворянинъ въ службѣ. Дворянинъ въ деревнѣ. Происхожденіе дворянства. Дворянинъ при дворѣ.

V. Attentat de Ѳеодоръ. Lâcheté de la haute noblesse <между прочимъ и моего пращура Никиты Пушкина>.

Prerre I est tout à la fois Robespierre et Napoléon <la révolution incarnée>. Les rangs. Chûte de la noblesse. Son указъ de 1714 etc...

Voilà déjà 150 ans que la табель о рангахъ balaye la noblesse et c'est l'Empereur actuel qui le premier a posé une digue, bien faible encore, contre le debordement d'une democratie pire que celle de l'Amérique.—Уничтоженіе дворянства чинами. Маіораства, уничтоженныя плутовствомъ. Паденіе постепенное дворянства.

Opposition de Dolgorouky <niaise, dans le genre de celle des Panine>.

Pierre III. Истинная причина дворянской грамоты.

Екатерина. Alexandre. Новосильцевъ. Чарторижскій. Кочубей. Speransky, popovitch turbulent et ignare.

Les moyens avec lesquelles on accomplit une révolution, ne sont plus ceux qui la consolident.

La haute noblesse n'étant pas héréditaire <de fait>, elle est donc noblesse à vie. Moyens d'entourer le despotisme de stipendiaires dévoués et d'étouffer toute opposition et toute indépendance.

L'hérédité de la haute noblesse est une garantie de son indépendance. Le contraire est nécessairement moyen de tyrannie ou plutôt d'un despotisme lâche et mou. Despotisme c'est: loix cruelles, coutumes douces.

Stabilité—première condition du bonheur public.

Comment s'accomode-t-elle avec la perfectibilité indéfinie?

1025. О НОВѢЙШИХЪ РОМАНАХЪ.

Barnave, Confess[ions], femme Guill[otineé]; Eugène Sue; De Vigny; Hugo; Balzac, scènes, Peau de Chagrin contes bruns drol[atiques?] Musset [tableaux?] de nuit.—*Поэзія французская.*—Byron.—Муравьевъ, Полевой <Полевой романистъ>, Свиньинъ, Карамзинъ.

1026. [ЗАМѢТКА О ХОЛЕРѢ].

Въ концѣ 1826 года я часто видался съ однимъ дерптскимъ студентомъ (нынѣ онъ гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои нѣмецкія книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнѣдую лошадь и Польскія грязи настоящую войну)—Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затвержденное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ конемъ матъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: холера-morbus подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ. (Надобно вамъ знать, что)

О холерѣ имѣлъ я довольно темное понятіе, хотя въ 1822 г. старая молдаванская княгиня, набѣленная и нарумяненная, умерла при мнѣ въ этой (страшной) болѣзни. Я (заставилъ) сталъ его разспрашивать. Студентъ объяснилъ мнѣ, что холера есть повѣтріе, что въ Индіи она поразила не только людей и животныхъ, но и самыя растенія, что она желтой (черной) полосою стелется вверхъ по теченію рѣкъ,—что по мнѣнію нѣкоторыхъ она зарождается отъ гнилыхъ плодовъ и прочее—все, чему послѣ мы успѣли наслыхаться.

Такимъ образомъ, въ дальнемъ уѣздѣ [Псковской] губерніи, молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга, вѣроятно одни во всей Россіи, бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ 5 лѣтъ сдѣлалось мыслію всей Европы. (Какъ послѣ этого не полюбить университетскаго ученія).

Спустя (черезъ) 5 лѣтъ я былъ въ Москвѣ: домашнія обстоятельства требовали непремѣнно моего присутствія въ нижегородской деревнѣ. Передъ моимъ отъѣздомъ В[яземскій] показалъ мнѣ письмо, только что имъ полученное (изъ тамошняго края. Саратовской): ему писали о холерѣ, уже перелетѣвшей изъ Астраханской г. въ Саратовскую губернію. По всему видно было, что она не минуетъ и Нижегородской (о Москвѣ мы еще не безпокоились). Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію моему между азіятцами. (Въ Азіи мусульмане).

Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстныя предосторожности, а въ моемъ воображеніи холера относилась къ чумѣ (въ сравненіи съ чумой), какъ элегія къ (эпической) диѳирамбу.—Пріятели, у коихъ дѣла были въ порядкѣ (или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное безчувствіе не есть еще истинное мужество.

На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бѣдная ярманка! Она бѣжала, какъ пойманная воровка, разбросавъ половину своихъ товаровъ, не успѣвъ перещитать свои барыши!

Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ; я поѣхалъ далѣе, какъ можетъ быть случалось вамъ ѣхать на поединокъ, съ досадой и большой неохотой.

Едва успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантины (народъ ропщетъ, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвѣстности и загадочно-непривычному своему стѣсненію, мятежи вспыхиваютъ то здѣсь, то тамъ нелѣпые). Я занялся моими дѣлами перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ѣздя по сосѣдямъ.

Между тѣмъ начинаю думать о возвращеніи и безпокоиться о карантинѣ. Вдругъ (2 октября) получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ. (Я попался въ западню, какъ-то мнѣ будетъ вырваться на волю). Страхъ меня пронялъ—въ Москвѣ... но объ этомъ когда-нибудь послѣ. Я тотчасъ собрался въ дорогу и (выѣхалъ) поскакалъ. Проѣхавъ 20 верстъ, ямщикъ мой останавливается: застава!

Нѣсколько мужиковъ съ дубинами охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ разспрашивать ихъ (вывѣдывать о карантинѣ, о начальникѣ): ни они, ни я хорошенько не понимали, зачѣмъ они стояли тутъ съ дубинами и съ повелѣніемъ никого не пускать. Я доказывалъ имъ, что вѣроятно гдѣ-нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня, такъ завтра на него наѣду (вынести положенный срокъ), и въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта.

1027. [ПРОГРАММЫ И ЗАМѢТКИ ПО ИЗДАНІЮ «ДНЕВНИКА»].

Что есть журналъ европейскій. Что есть журналъ русскій. Нынѣшніе русскіе журналы. Каковъ можетъ быть русскій журналъ.

Часть политическая. Внѣшняя политика. Происшествія политич. Полемика.

Предварительное изъявленіе мнѣній правительства. Внутреннія происшествія и

указы. О мѣрахъ правительства. Матеріалы отъ правительства. Корреспонденція.

Литература. Внѣшняя литература. Лучшія статьи изъ журналовъ. Критика иностранныхъ книгъ. *Внутренняя.* Истор. матеріалы. Текущая литература. Feuilleton. Théâtre. Библіографія. Объявленія.

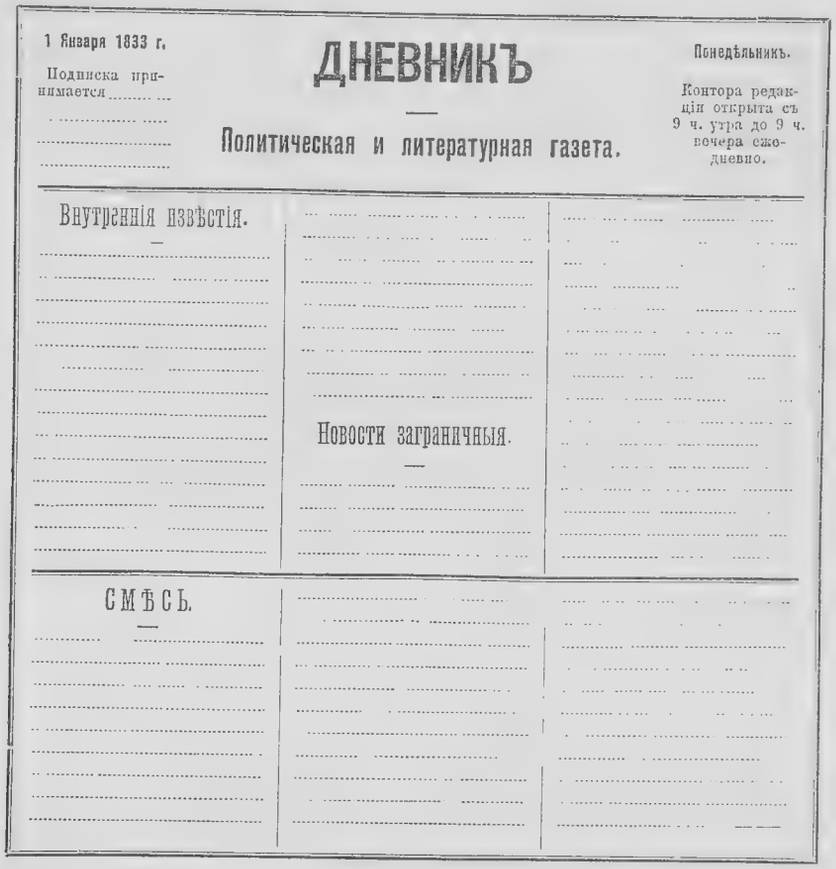
Пособія: повелѣнія министровъ.

Журналъ мой предлагаю правительству—какъ орудіе его дѣйствія на общее мнѣніе. Офиціальность.

Контора подъ вѣдом. редактора. Подписка въ экспедиціяхъ и въ почтамтѣ. Разсылка по домамъ.

Книги: 1) Подписная, билетовъ; 2) Поступающихъ денегъ; 3) Книга прихода и расхода (Grossbuch); 4) Отдѣльный счетъ съ бумагой; 5) Книги съ разнощ. жалобъ; 6) Сотрудники; 7) Покупки.

Исполнитель.



1 Января 1833 г.

Подписка принимается ... ...

ДНЕВНИКЪ

Политическая и литературная газета.

Понедѣльникъ.

Контора редакціи открыта съ 9 ч. утра до 9 ч. вечера ежедневно.

Внутреннія извѣстія.

Новости заграничныя.

СМѢСЬ.

1028. [О ДУРОВѢ].

Дуровъ—братъ той Дуровой, которая въ 1807 году вошла въ военную службу, выслужила георгіевскій крестъ и теперь издаетъ свои записки. Братъ въ своемъ родѣ не уступаетъ въ странности сестрѣ. Я познакомился съ нимъ на Кавказѣ въ 1829 г., возвращаясь изъ Арзрума. Онъ лечился отъ какой-то удивительной болѣзни, въ родѣ каталепсіи, и игралъ съ утра до ночи въ карты. Наконецъ онъ проигрался, и я довезъ его до Москвы въ моей коляскѣ. Дуровъ помѣщанъ былъ на одномъ пунктѣ: ему непремѣнно хотѣлось имѣть сто тысячъ рублей. Всевозможные способы достать ихъ были имъ придуманы и передуманы. Иногда ночью, въ дорогѣ, онъ будилъ меня вопросомъ: «Александръ Сергѣевичъ! Александръ Сергѣевичъ! какъ бы, думаете вы, достать мнѣ сто тысячъ?» Однажды сказалъ я ему, что на его мѣстѣ, если ужъ сто тысячъ были необходимы, то я бы ихъ укралъ. «Я объ этомъ думалъ», отвѣчалъ мнѣ Дуровъ.—Ну, что же? «Мудрено: не у всякаго въ карманѣ можно найти сто тысячъ, а зарѣзать или обокрасть человѣка за бездѣлицу не хочу, у меня

есть совѣсть.» Ну, такъ украдьте полковую казну. «Я объ этомъ думалъ.»—Что же? «Это можно сдѣлать лѣтомъ, когда полкъ въ лагерѣ, а фура съ казною стоитъ у палатки полковаго командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а тамъ на ней ускакать; часовой, увидя, что фура скачетъ безъ лошадей, вѣроятно испугается и не будетъ знать что дѣлать; въ двухъ или трехъ верстахъ можно разбить фуру, а съ казною бѣжать. Но тутъ много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа?»—Просите денегъ у государя. «Я объ этомъ думалъ.»—Что же? «Я даже и просилъ.»—Какъ! безо всякаго права? «Я съ того и началъ: ваше величество! я никакого права не имѣю просить у васъ то, что составило бы счастіе моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нѣтъ, и такъ далѣе.»—Что же вамъ отвѣчали? «Ничего.»—Это удивительно. Вы бы обратились къ Ротшильду. «Я объ этомъ думалъ.»—Что же, за чѣмъ дѣло стало? «Да, видите ли: одинъ способъ выманить у Ротшильда сто тысячъ; это было бы такъ странно и забавно: надобно бы написать ему просьбу, чтобъ ему было весело, потомъ разсказать анекдотъ, который стоилъ бы ста тысячъ. Но сколько трудностей!...» Словомъ, нельзя было придумать несообразности и нелѣпости, о которой бы Дуровъ уже не подумалъ. Послѣдній проектъ его былъ—выманить эти деньги у англичанъ, подстрекнувъ ихъ народное самолюбіе и въ надеждѣ на ихъ любовь къ странностямъ. Онъ хотѣлъ обратиться къ нимъ съ слѣдующимъ письмомъ: «Гг. англичане! я бился объ закладъ объ 10,000 рублей, что вы не откажетесь мнѣ дать взаймы 100,000 рублей. Гг. англичане, избавьте меня отъ проигрыша, на который навязался я, въ надеждѣ на ваше всему свѣту извѣстное великодушіе.» Дуровъ просилъ меня похлопотать объ этомъ въ Петербургѣ чрезъ англійскаго посланника, и свой проектъ высказалъ мнѣ не иначе, какъ взявъ съ меня честное слово не воспользоваться имъ. Онъ готовъ былъ всегда биться объ закладъ, и о чемъ бы то ни было. Говорили ли о женщинѣ—«хотите со мной биться объ закладъ, прерывалъ Дуровъ, что черезъ три дня она меня полюбитъ?» Стрѣляли ли въ цѣль изъ пистолета—Дуровъ предлагалъ стать въ 25-ти шагахъ и бился о 1,000 рублей, что вы въ него не попадете. Страсть его къ женщинамъ была также замѣчательна. Бывши городничимъ въ Елабугѣ, влюбился онъ въ одну рыжую бабу, осужденную къ кнуту, въ ту самую минуту, какъ она уже была привязана къ столбу, а онъ, по должности своей, присутствовалъ при ея казни. Онъ шепнулъ палачу, чтобы онъ ее поберегъ и не трогалъ ея прелестей, бѣлыхъ и жирныхъ, что и было исполнено; послѣ чего Дуровъ жилъ нѣсколько дней съ прекрасной каторжницею. Недавно получилъ я отъ него письмо. Онъ пишетъ: исторія моя коротка: я женился, а денегъ все нѣтъ. Я отвѣчалъ ему: жалѣю, что изъ 100,000 способовъ достать 100,000 рублей ни одинъ еще, видно, вамъ не удался.

1029. ДЕРЖАВИНА ВИДѢЛЪ Я ТОЛЬКО ОДНАЖДЫ.

Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дождаться его и поцѣловать ему руку, руку—написавшую «Водопадъ». Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дельвигъ услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: гдѣ, братецъ, здѣсь н....къ? Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отмѣнилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это разсказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостію. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, подпершн голову рукою; лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его <гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ> очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ Русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои *Воспоминанія въ Ц. С.*, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состояніе души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце

забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли...

1030. [ПРОГРАММА ЗАПИСОКЪ О КИШИНЕВСКОМЪ ПЕРІОДѢ].

Кишиневъ.—Пріѣздъ мой изъ Кавказа и Крыму. — Орловъ. — Ипсиланти — Каменка—*Фонт.*.—Греч[еская] Рев[олюція].—*Липр.* [анди].—12 годъ.—mort de sa femme.—le *rénegat*—паша Арзрумской.—

1031. [ПРОГРАММА ДРАМЫ О ПАПЕССѢ ІОАННѢ].

Acte I. La papesse—fille d'un honnête artisan, étonné du son savoir. La mère vulgaire n'y voyant rien de bon. Gilbert (отецъ) invite un savant à venir voir sa fille—le prodige de famille. Préparatifs où la mère est seule à faire tout.

Jeanne devant St. Simon. Le savant <le démon de savoir> arrive au milieu de tout ce monde invité par Gilbert. Il ne parle qu'avec Jeanne et s'en va. Commérage des femmes—joie du père—soucies et orgueil de la fille. Elle fait tout pour aller en Angleterre étudier à l'université.

Acte II. Jeanne à l'université sous le nom de Jean de Mayence. Elle se lie avec un jeune gentilhomme espagnol <amour, jalousie, duel— *en récit*>. Jeanne soutient une thèse et est fait docteur.

Jeanne prieur d'un couvent; règle austère qu'elle y établit. Les moines se plaignent.

Jeanne à Rome; cardinal. Le pape meurt; elle est faite pape.

Acte III. Jeanne commence à s'ennuyer. Arrive l'ambassadeur d'Espagne—son condisciple; leur connaissance. Elle le ménace de l'Inquisition et lui d'un éclat. Il penètre jusqu'à elle. Elle devient sa maîtresse. Elle accouche entre le Colisée et le couvent de... Le diable l'emporte.

Si c'est un drame, il rappellera trop le Faust; il vaut mieux en faire un poëme dans le styel de Christabel ou bien en octaves.

24 ноября. Обѣдалъ у К. А. Карамзиной, видѣлъ Жуковскаго. Онъ здоровъ и помолодѣлъ. Вечеромъ rout у Фикельмонтъ. Странная встрѣча: ко мнѣ подошелъ мущина лѣтъ 45, въ усахъ и съ просѣдью. Я узналъ по лицу грека и принялъ его за одного изъ моихъ старыхъ кишиневскихъ пріятелей. Это былъ—Суццо, бывшій молдавскій господарь. Онъ теперь посланникомъ въ Парижѣ—не знаю еще, зачѣмъ здѣсь. Онъ напомнилъ мнѣ, что въ 1821 году былъ я у него въ Кишиневѣ вмѣстѣ съ Пестелемъ. Я разсказалъ ему, какимъ образомъ Пестель обманулъ его и продалъ этерію, представя ее императору Александру отраслію карбонаризма. Суццо не могъ скрыть ни своего удивленія, ни досады—тонкость фанаріота была побѣждена хитростію русскаго офицера. Это оскорбляло его самолюбіе.

Государь уѣхалъ нечаянно въ Москву наканунѣ въ ночь.

*

27.—Обѣдъ у Энгельгардта.—Говорили о Сухозан[етѣ], назначенномъ въ начальники всѣмъ корпусамъ. C'est apparement pour donner une autre tournure à ces établissements, сказалъ Энг[ельгардтъ].

Осуждаютъ очень дамскіе мундиры, бархатные, шитые золотомъ особенно въ настоящее время, бѣдное и бѣдственное.

Вечеръ у Вяз.

*

28.—Роутъ у С. Салтыкова. Гр. Орл[овъ] говоритъ о тур[ецкомъ] послѣ.—C'est un animal.—Il a donc un secrétaire?—Oui, un Phanariote et c'est tout dire.

*

29.—Три вещи осуждаются вообще и по справедливости: 1) выборъ Сухозанета, человѣка запятнаннаго, вошедшаго въ люди черезъ Яшвиля — не . . . . . и отъявленнаго игрока, товарища Мартынова и Никитина. Государь видѣлъ въ немъ только пзувѣченнаго воина и назначилъ ему важнѣйшій постъ въ государствѣ, какъ спокойное мѣстечко въ домѣ инвалидовъ. 2) дамскіе мундиры. 3) выдача гвардейскаго офицера Г. Бринкена Курляндскому дворянству. Бринкенъ пойманъ въ воровствѣ. г[осударь] не приказалъ его судить по законамъ, а отдалъ его на судъ курляндскаго дворянства. Эта зачѣмъ? Къ чему такое своенравное различіе между дворяниномъ псковскимъ и курляндскимъ, между гвардейскимъ офицеромъ и другимъ чиновникомъ. Прилично ли г—ю вмѣшиваться въ обыкновенный ходъ судопроизводства? Или нѣтъ у насъ законовъ на воровство? Что, если курляндцы выключатъ его изъ среды своего дворянства и отошлютъ его, ужъ какъ дворянина русскаго, къ суду обыкновенному? Вотъ вопросы, которые повторяются вездѣ. Конечно, со стороны г—я есть что-то рыцарское; но г[осударь] не рыцарь... Или хочетъ онъ сдѣлать опять изъ гвардіи то, что была она прежде? Поздно!

Молодая графиня Штакельбергъ <ур. Тизенгаузенъ> умерла въ родахъ. Трауръ у Хитровой и у Фикельм[онтъ].

Вчера играли здѣсь Les Enfants d'Edouard и съ большимъ успѣхомъ. Трагедія, говорятъ, будетъ запрещена. Экернъ удивляется смѣлости примѣненій. Блай ихъ не замѣтилъ. Блай, кажется, правъ.

*

30 Нояб. Вчера балъ у Бутурлина. <Жомини> любопытный разговоръ съ Блайемъ: зачѣмъ у васъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ? Для безопасности Но онъ защищенъ П. Б. Кронштадтомъ.—Игрушка!—Долго ли вамъ распространяться? <мы смотрѣли на карту постепеннаго распространенія Россіи, составленную Бут[урлинымъ]>. Ваше мѣсто—Азія; тамъ совершите вы достойный подвигъ сивилизаціи, etc...

Нѣсколько офицеровъ подъ судомъ за неисправность въ дежурствѣ. В[еликій] К[нязь] ихъ засталъ за ужиномъ, кого въ шлаф-

оркѣ, кого безъ шарфа. Онъ пораженъ мыслію объ упадкѣ Гвардіи. Но какими средствами думаетъ онъ возвысить ея духъ? При Екатеринѣ караульный офицеръ ѣхалъ за своимъ взводомъ въ возкѣ и въ лисьей шубѣ. Въ началѣ царствованія А[лександра] офицеры были своевольны, запосчивы, неисправны, а гвардія была въ своемъ цвѣтущемъ состояніи...

При открытіи Александровской колонны, говорятъ, будетъ 100.000 гвардіи подъ ружьемъ.

*

Декабрь 1833. 3.—Вчера гос. возвратился изъ Москвы.—Онъ пріѣхалъ въ 38 часовъ. Въ Москвѣ его не ожидали. Во дворцѣ не было ни одной топленой комнаты, онъ не могъ добиться чашки чаю.

Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку: *какъ Ив. Ив. поссорился съ Ив. Тимов.* [Никифоровичемъ]—очень оригинально и очень смѣшно.

*

4. — Вечеромъ у Загряжской <Нат. Кир.>. Разговоръ о Екатеринѣ. Нат. Кир. была на галерѣ вмѣстѣ съ Петромъ III во время революціи. Только два раза видѣла она Екатерину сердитою и оба раза на кн. Дашкову. Екатерина звала ее въ Эрмитажъ. Кн. Дашкова спросила у придворныхъ, какъ ходятъ они туда. Ей отвѣчали: черезъ алтарь. Дашкова на другой день съ десятилѣтнимъ сыномъ прямо забралась въ алтарь. Остановилась на минуту, поговорила съ сыномъ о святости того мѣста и прошла съ нимъ въ Эрмитажъ. На другой день всѣ ожидали Государыню, въ томъ числѣ и Дашкова. Вдругъ дверь отворилась и государыня влетѣла и прямо къ Дашковой. Всѣ замѣтили по краскѣ ея лица и по живости рѣчи, что она была сердита. Фрейлены перепугались. Дашкова извинялась во вчерашнемъ проступкѣ, говоря, что она не знала, чтобы женщинѣ былъ запрещенъ входъ въ алтарь. — Какъ вамъ не стыдно, отвѣчала Екатерина.—Вы русская и не знаете своего закона; священникъ принужденъ на васъ мнѣ жаловаться.. —Нат. Кир. разсказала анекдотъ съ большой живостью. Кн[ягиня] Кочубей замѣтила, что Дашк. вошла, вѣроятно, въ алтарь въ качествѣ президента Русской Академіи. Втораго анекдота я не выслушалъ.

Шумъ о дамскихъ мундирахъ продолжается. Къ 6-му мало будетъ готовыхъ. Позволено явиться въ прежнихъ русскихъ платьяхъ.

Храповицкій <авторъ *Записокъ*> былъ нѣкогда адъютантомъ у графа Кир. Разумовскаго. У Елисаветы Петровны была одна побочная дочь *Будакова.* Это знала Нат. Кир. отъ прежнихъ Елисаветинскихъ фрейлинъ.

Государыня пишетъ свои записки... Дойдутъ ли онѣ до потомства? Елисавета Алекс. писала свои: онѣ были сожжены ея фрейлиною. Марія Ѳед.—также. Государь жжегъ ихъ по ея приказанію. Какая потеря! Елисавета хотѣла завѣщать свои записки Карамзину. <Слыш. отъ Кат. Андр.>.

*

6 Дек. Именины гос. Мартыновъ—комендантъ. 4 полныхъ генераловъ. Перовскій—генералъ-лейтенантъ. Меньшиковъ—адмиралъ. Дамы представлялись въ русскихъ платьяхъ. На это нѣкоторые смотрятъ какъ на торжество. Скобелевъ безрукій сказалъ кн. В—ой: Я отдалъ бы послѣдніе три пальца для такого торжества! В. сначала не могла его понять.

Обѣдалъ у графа А. Боб[ринскаго] Мятлевъ читалъ уморительные стихи. Молодые офицеры, которыхъ В[еликій] К[нязь] засталъ ночью въ неисправности и которые содержались подъ арестомъ прощены.

*

14 Дек. — Обѣдъ у Блайя. Вечеръ у Ст.

11-го получено мною приглашеніе отъ Бенк[ендорфа] явиться къ нему на другой день утромъ. Я пріѣхалъ. Мнѣ возвращенъ Мѣдный Всадникъ съ замѣчаніями Государя. Слово кумиръ не пропущено высочайшей цензурою. Стихи:

И передъ младшею столицей
Померкла старая Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиропосная вдова—

вымараны. На многихъ мѣстахъ поставленъ (?). Все это дѣлаетъ мнѣ большую разницу. Я принужденъ былъ перемѣнить условія со Смирдинымъ.

Кочубей и Нессельроде получили по 200.000 на прокормленіе своихъ голодныхъ крестьянъ.—Эти четыреста тысячъ останутся въ ихъ карманахъ. Въ голодный годъ должно стараться о сысканіи работъ и о уменьшеніи цѣнъ на хлѣбъ; если же крестьяне узнаютъ, что правительство или помѣщики намѣрены ихъ кормить, то они не станутъ работать и никто не въ состояніи будетъ отвратить отъ нихъ голода. Все это очень соблазнительно; въ обществѣ

ропщутъ, а у Нессельроде и у Кочубей будутъ балы—<что также есть способъ льстить двору>.

*

15. Вчера не было обыкновеннаго бала при дворѣ. Императрица была нездорова. Поутру, обѣдня и молебенъ.

*

15 балъ у Кочубея. Императрица должна была быть; но не пріѣхала. Она простудилась. Балъ былъ очень блистателенъ. Гр. Шувалова удивительно была хороша.

*

17.—Вечеръ у Жуковскаго. Нѣмецкій amateur, ученикъ Тиковъ, читалъ Фауста;—неудачно, по моему мнѣнію.

Въ городѣ говорятъ о странномъ происшествіи. Въ одномъ изъ домовъ, принадлежащихъ вѣдомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дѣло пошло по начальству. Князь В. Долгорукій нарядилъ слѣдствіе. Одинъ изъ чиновниковъ призвалъ попа, но во время молебна стулья и столы не хотѣли стоять смирно. Объ этомъ идутъ разные толки. N. [Нарышкинъ] сказалъ, что мебель придворная и просится въ Аничковъ.

Улицы не безопасны. Сухтеленъ былъ атакованъ на дворцовой площади и ограбленъ. Полиція видно занимается политикой, а не ворами и мостовыми.

Бли[у]дова обокрали прошедшею ночью.

1834.

1 Янв. Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры <что довольно неприлично моимъ лѣтамъ>. Но двору хотѣлось, чтобы N [Наталья] N [Николаевна] танцовала въ Аничковѣ. Такъ я же сдѣлаюсь русскимъ Dangeau.

Скоро по городу разнесутся толки о семейныхъ ссорахъ Безобразова съ молодою своей женою. Онъ ревнивъ до безумія. Дѣло доходило не разъ до драки и даже до ножа. Онъ прогналъ всѣхъ своихъ людей, не довѣряя никому. Третьяго она рѣшилась броситься къ ногамъ Государыни, прося развода или чего-то подобнаго. Государь очень сердитъ. Безобразовъ подъ арестомъ. Онъ, кажется, сошелъ съ ума.

Меня спрашивали: доволенъ ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ? Доволенъ, потому что Государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ—а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только бъ не заставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ.

Встрѣтилъ Новый годъ у Н[атальи] К[ирилловны] Загряжской. Разговоръ со Сперанскимъ о Пугачевѣ, о Собраніи Законовъ, о первомъ времени царствованія Александра, о Ермоловѣ, etc.

*

7-го.—Вигель получилъ звѣзду и очень ею доволенъ. Вчера былъ онъ у меня. Я люблю его разговоръ—онъ занимателенъ и дѣленъ—но всегда кончается толками о муже ..... Вигель разсказалъ мнѣ любопытный анекдотъ. Нѣкто Норманъ или Лехрманъ, сынъ кормилицы Екатерины II, умершій 96 лѣтъ, нѣкогда разсказалъ Вигелю слѣдующее: мать его жила въ Бѣлорусской деревнѣ, пожалованной ей Государынею. Однажды сказала она своему сыну: Запиши сегодняшнее число; я видѣла странный сонъ. Мнѣ снилося, будто я держу на колѣняхъ маленькую мою Екатерину въ бѣломъ платьицѣ,—какъ помню ее 60 лѣтъ назадъ. Сынъ исполнилъ ея приказаніе. Нѣсколько времени спустя дошло до него извѣстіе о смерти Екатерины. Онъ бросился къ своей запискѣ: на ней стояло 6 ноября 179[6?]. Старая мать его, узнавъ о кончинѣ Государыни, не оказала никакого знака горести, но замолчала—и уже не сказала ни слова до самой своей смерти, случившейся пять лѣтъ послѣ.

Въ свѣтѣ очень шумятъ о Безобразовыхъ. Онъ еще подъ арестомъ. Жена его вчера ночью уѣхала къ своему брату, къ дивизіонному генералу. Думаютъ, что Безобразовъ не останется флигель-адъютантомъ.

Гос. сказалъ княгинѣ Вяземской: «J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole et j'ai été content de lui», etc. Великій кн. Наслѣдникъ поздравилъ меня въ театрѣ: покорнѣйше благодарю, Ваше Высочество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись. Вы первый меня поздравили.

*

17 балъ у Гр. Бобр. одинъ изъ самыхъ блистательныхъ. Гос. мнѣ о моемъ камеръ-юнкерствѣ не говорилъ, а я не благодарилъ его. Говоря о моемъ Пугачевѣ, онъ сказалъ мнѣ: Жаль, что я не зналъ, что ты о немъ пишешь; я бы тебя познакомилъ съ его сестрицей, которая тому три недѣли умерла въ крѣпости <съ 1774 году!> Правда, она жила на свободѣ, въ предмѣстьѣ;

по далеко отъ своей донской станицы, на чужой, холодной сторонѣ.

Государыня спросила у меня, куда ѣздилъ я лѣтомъ? Узнавъ, что въ Оренбургъ, освѣдомилась о Перовскомъ съ большимъ добродушіемъ.

*

26 Янв. Въ прошедшій вторникъ званъ я былъ въ Аничковъ. Пріѣхалъ въ мундирѣ. Мнѣ сказали, что гости во фракахъ. Я уѣхалъ, оставя N[Nathalie] Н[иколаевну] и, переодѣвшись, отправился на вечеръ къ С[ергѣю] В[асильевичу] С[алтыкову]. Гос. былъ недоволенъ и нѣсколько разъ принимался говорить обо мнѣ. Il aurait pu se donner la peine d'aller se mettre en frac et de revenir. Faites lui des reproches.

Въ четвергъ балъ у кн. Тр[убецкого].— Трауръ по какомъ-то князѣ <то есть принцѣ>. Дамы въ черномъ. Гос. пріѣхалъ неожиданно. Былъ на полъ-часа, сказавъ женѣ: Est-ce à propos des bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement? <Мундирныя пуговицы>. Старуха Гр. Бобр. извиняла меня тѣмъ, что у меня не были онѣ нашиты.

Баронъ д'Антесъ и маркизъ де-Пина, два шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ.

Безобразовъ отправленъ на Кавказъ. Жена его уже въ Москвѣ.

*

28 февраля. Прошедшій мѣсяцъ былъ довольно шуменъ. Множество баловъ, роутовъ, etc. Масляница. Государыня была больна и около двухъ недѣль не выѣзжала. Я представлялся. Государь позволилъ мнѣ печатать Пугачева. Мнѣ возвращена моя рукопись съ его замѣчаніями <очень дѣльными>. Въ Воскресенье, на балѣ въ концертной, Г[осударь] долго со мною разговаривалъ; онъ говоритъ очень хорошо, не смѣшивая обоихъ языковъ, не дѣлая обыкновенныхъ ошибокъ и употребляя настоящія выраженія.

Вчера обѣдъ у Гр. Бобринскаго. Третьяго дня балъ у гр. Шувалова. На балѣ явился цареубійца Скарятинъ. В[еликій] Кн[язь] говорилъ множество каламбуровъ. Полиціи много дѣла. <Такой *распутной* масляницы я не видывалъ>.—Сегодня балъ у Австрійскаго посла.

*

6 Марта. Слава Богу! Масляница кончилась, а съ нею и балы. Описаніе послѣдняго дня масленицы (4-го Марта) дастъ понятіе и о прочихъ. Избранные званы были во дворецъ на балъ утренній—къ половинѣ перваго. Другіе на вечерній, къ половинѣ девятаго. Я пріѣхалъ въ 9. Танцовали мазурку, коей оканчивался утренній балъ. Дамы съѣзжались; а тѣ, которыя были съ утра во дворцѣ, перемѣняли свой нарядъ. Было пропасть недовольныхъ: тѣ, которыя званы были на вечеръ, завидовали утреннимъ счастливцамъ. Приглашенія были разосланы кое-какъ по списку баловъ князя Кочубей; такимъ образомъ ни Кочубей, ни его семейство, ни его приближенные не были приглашены, потому что ихъ имена въ спискѣ не стояли. Все это кончилось тѣмъ, что жена моя выкинула. Вотъ до чего доплясались.

Царь далъ мнѣ взаймы 20.000 на напечатаніе Пугачева. Спасибо.

Въ городѣ много говорятъ о связи молодой княгини С. съ графомъ В. Замѣтили на ней новые брилліанты—разсказывали, что она приняла ихъ въ подарокъ отъ В. <будто бы по завѣщанію покойной его жены>, что С. имѣлъ за то жестокое объясненіе съ женою, etc. etc.-Все это пустыя сплетни. Брилліанты принадлежали К—вой, золовкѣ С—вой, и были присланы изъ Одессы для продажи. Однако, неосторожное поведеніе С—вой привлекаетъ общее вниманіе. Царица ее призывала къ себѣ и побранила ее. Царь еще пуще. С-ва расплакалась: Votre Majesté je suis jeune, je suis heureuse, j'ai du succès — voilà pourquoi l'on m'envie», etc. С. очень глупа и очень смѣлая кокетка, если не хуже.

Соб[олевскій] говоритъ о гр. Вел[ьегорскомъ]: Il est du juste milieu, car il est toujours entre deux vins.

3 марта былъ я вечеромъ у кн. Одоевскаго. Соб[олевскій], любезничая съ Ланской <бывшей Полетика>, сказалъ ей велегласно: «le ciel n'est pas plus pur que le fond de mon-cul» Онъ ужасно смутился. Свидѣтели <въ томъ числѣ Ланская> не могли удержаться отъ смѣха. Княгиня Од. обратилась къ нему, позеленѣвъ отъ злости. Соб. убѣжалъ.

13 іюля 1826 года, въ полдень, государь находился въ Царскомъ Селѣ. Онъ стоялъ надъ прудомъ, что за Кагульскимъ памятникомъ и бросалъ платокъ въ воду, заставляя собаку свою выносить его на берегъ. Въ эту минуту слуга прибѣжалъ сказать ему что-то на ухо. Царь бросилъ и собаку, и платокъ и побѣжалъ во дворецъ. Собака, выплывъ на берегъ и не нашедъ его, оставила платокъ и побѣжала за нимъ.

Фр[ейлина?] подняла платокъ въ память историческаго дня.

*

8 марта. Вчера былъ у См[ирновой]. Ц[ицiановскi]е анекдоты. Жуковскій поймалъ недавно на балѣ у Фикельмонъ <куда я не явился, потому что всѣ были въ мундирахъ> цареубійцу Скарятина и заставилъ его разсказывать 11-е марта. Они сѣли. Въ эту минуту входитъ Гос. съ гр. Бенкенд. и застаетъ наставника своего сына дружелюбно бесѣдующимъ съ убійцею его отца. Скар. снялъ съ себя шарфъ, прекратившій жизнь Павла I-го. Княжна Туркистанова, фрейлина, была въ тайной связи съ покойнымъ Государемъ и съ княземъ Вл[адiміромъ] Гол[ицинымъ], который ее обрюхатилъ. Княжна призналась Государю. Приняты были нужныя мѣры—и она родила во дворцѣ такъ, что никто и не подозрѣвалъ. Императрица Марiя Ѳедоровна приходила къ ней и читала ей Евангеніе, въ то время, какъ она безъ памяти лежала въ постели. Ее перевели въ другія комнаты и она умерла. Госуд. сердилась, узнавъ обо всемъ. Вл. Гол[ицынъ] разболталъ все по городу.

На похоронахъ Уварова пок[ойный] Государь слѣдовалъ за гробомъ. Аракчеевъ сказалъ громко <кажется, А. Орлову>: «одинъ Царь здѣсь его провожаетъ, каково-то другой тамъ его встрѣтитъ?» <Уваровъ одинъ изъ цареубійцъ 11-го марта>.

Гос. не любитъ Аракчеева. Это извергъ, говорилъ онъ въ 1825 году — après avoir travaillé avec lui, et en rentrant chez l'Jmp. dans le plus grand désordre de toilette.

*

17 марта. Вчера было совѣщаніе литературное у Греча объ изданіи русскаго Conversations Lexicon. Насъ было человѣкъ со сто, большею частію неизвѣстныхъ мнѣ русскихъ великихъ людей. Гречъ сказалъ мнѣ предварительно: Плюшаръ въ этомъ дѣлѣ шарлатанъ, а я его пальясъ: пью его лекарство и хвалю его. Такъ и вышло. Я подсмотрѣлъ много шарлатанства и очень мало толку. Предпріятіе въ милліонъ, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лѣзть въ омутъ, гдѣ полощутся Булгаринъ, Полевой и Свиньинъ. Гаевскій подписался, но съ условіемъ. Кн. Одо[евскій] и я послѣдовали его примѣру. Вяземскій не былъ приглашенъ на сіе литературное сборище. Тутъ я встрѣтилъ добраго Галича и очень ему обрадовался. Онъ былъ нѣкогда моимъ профессоромъ и ободрялъ меня на поприщѣ, мною избранномъ. Онъ заставилъ меня написать для экзамена 1814 года мои *Воспоминанія въ Ц. Сель.* Устряловъ сказывалъ мнѣ, что издаетъ процессъ Никоповъ. Важная вещь!

Третьяго дня обѣдъ у Австр. посланника. Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ: 1) пріѣхалъ въ 5 часовъ вмѣсто $5^1/_2$ и ждалъ нѣсколько времени хозяйку. 2) Пріѣхалъ въ сапогахъ, что сердило меня во все время. Сидя втроемъ съ посланникомъ и его женою, разговаривалъ я объ 11-мъ марта. Недавно на балѣ у него былъ цареубійца Скарятинъ; Фикельмонтъ не зналъ за нимъ этого грѣха. Онъ удивляется странностямъ нашего общества, но пок. гос. окруженъ былъ цареубійцами Его отца. Вотъ причина, почему при жизни его никогда не было суда надъ молодыми заговорщиками, пособниками 14 Декабря; онъ услышалъ-бы слишкомъ жестокія истины.

NB. Государь, нынѣ царствующій, первый у насъ имѣлъ право и возможность казнить цареубійцъ или помышлявшихъ о цареубійствѣ; его предшественники принуждены были терпѣть и прощать.

Много говорятъ о балѣ, который должно дать Дворянство по случаю совершеннолѣтія Г. Наслѣдника. Кн. Долгорукій <оберъ-шталмейстеръ и ПБ. предводитель> и Г. Шуваловъ распоряжаютъ этимъ. Делг. послалъ Нарышкину письмо, писанное по-французски, въ которомъ просилъ онъ его участвовать въ подпискѣ. Нар. отвѣчалъ: Милостивый Государь! Изъ перевода съ письма В. С-ва усмотрѣлъ etc.—Вѣроятно, купечество дастъ также свой балъ. Праздниковъ будетъ на полмилліона. Что скажетъ народъ, умирающій съ голода?

Изъ Москвы пишутъ, что Безобразова выкинула.

Изъ Италіи пишутъ, что гр[афиня] П[олье?] идетъ замужъ за какого-то принца, вдовца и богача. Похоже на шутку, но здѣсь объ этомъ смѣются—и рады вѣрить.

*

20.—Третьяго дня былъ у кн. Меш[ерскаго]. Изъ кареты моей украли подушки, но оставили медвѣжій коверъ, вѣроятно, за недосугомъ.

Нѣкто Карцевъ, женатый на парижской дѣвкѣ въ 1814 году, развелся съ нею и жилъ розно. На-дняхъ онъ къ ней пришелъ ночью и выстрѣлилъ ей въ лицо изъ пистолета, заряженнаго ртутью. Онъ подъ судомъ, она еще жива.

*

2 Апрѣля. Надняхъ <прошлый четвергъ> обѣдалъ у кн. Ник. Труб. съ Вяз., Нар[ышкинымъ] и съ Кук[ольникомъ], котораго видѣлъ въ первый разъ. Онъ, кажется, очень порядочный молодой человѣкъ. Не знаю, имѣетъ ли онъ талантъ? Я не дочелъ его Тасса и не видалъ его «Руки», etc. Онъ хорошій музыкантъ. Вяз. сказалъ объ его игрѣ на фортепьяно: il brédouille en musique comme en vers. Кук. пишетъ Ляпунова; Хомяковъ—тоже. Ни тотъ, ни другой не напишутъ хорошей трагедіи. Баронъ Розенъ имѣетъ болѣе таланта.

Третьяго дня въ Англійскомъ клобѣ избирали новыхъ членовъ и Смирновъ <камеръ-юнкеръ> былъ забалотированъ. Иные говорятъ, потому что его записалъ Икскуль, другіе—потому что его смѣшали съ его однофамильцемъ, игрокомъ. Неправда. Его не хотѣли выбрать нѣкоторые гв. офицеры, которые, подпивъ, тутъ буянили. Однако большая часть членовъ вступились за Смирнова. Говорили, что послѣ такого примѣра ни одинъ порядочный человѣкъ не возьмется предложить новаго члена, что шутить общественнымъ мнѣніемъ не годится и что надлежитъ снова болотировать. Законъ говоритъ именно, что разъ заболотированный человѣкъ не имѣетъ уже никогда права быть избираемымъ, но были исключенія: гр. Чернышевъ <военный министръ> и Гладкій <об. полицмейстеръ>. Ихъ избрали по желанію правительства, хотя по первому разу они и были отвергнуты. Смирнова баллотировали снова и онъ былъ выбранъ. Это, впрочемъ, дѣлаетъ ему честь. Онъ не министръ и не оберъ-полицмейстеръ. И знакъ уваженія къ человѣку частному должно быть ему пріятно.

Кн. Одоевскій, д[окторъ] Гаевскій, Зайцевскій и я выключены изъ числа издателей Conversations Lexicon. Прочіе были обижены нашей оговоркою; но честный человѣкъ, говоритъ Одоевскій, можетъ быть однажды обманутъ,—но въ другой разъ обманутъ только дурака. Этотъ Lexicon будетъ не что иное, какъ *Сѣверная Пчела* и *Библіотека для Чтенія* въ новомъ порядкѣ и объемѣ.

Въ прошлое воскресенье обѣдалъ я у Сверанскаго Онъ разсказывалъ о своемъ изгнаніи въ 1812 году. Онъ высланъ былъ изъ П. Т. по Тихвинской глухой дорогѣ. Ему данъ былъ въ провожатые полицейскій чиновникъ, человѣкъ добрый и глупый. На одной станціи не давали ему лошадей; чиновникъ пришелъ просить покровительства у своего арестанта: Ваше Превосходительство! Помилуйте! Заступитесь великодушно! Эти канальи лошадей намъ не даютъ. Сперанскій у себя очень любезенъ.—Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ царствованія Александра. *Вы и Аракчеевъ, вы стоите въ дверяхъ противуположныхъ этого царствованія, какъ геніи Зла и Блага.* Онъ отвѣчалъ комплиментами и совѣтовалъ мнѣ писать исторію моего времени.

*

7 апрѣля. Телеграфъ запрещенъ. Уваровъ представилъ Государю выписки, веденныя нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагопамѣренное направленіе, данное Полевымъ его журналу. <Выписки ведены Бруновымъ по совѣту Блудова>. Ж[уковскій] говоритъ: *я радъ, что Тел. запрещенъ, хотя жалѣю, что его запретили.* Телеграфъ достоенъ былъ участи своей. Мудрено съ большею наглостію проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска.

Вчера rout у Фп[кельмонтъ]. [Государя?] не была. Впрочемъ, весь городъ.

Моя *Пиковая Дама* въ большой модѣ, игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза. При дворѣ нашли сходство между старой графиней и княгиней Н. П. [Натальей Петровной Голицыной], и, кажется, не сердятся.

Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики.

*

8 апрѣля. Вчера rout у кн. Од[оевскаго]. Изъясненіе съ S. K. [Софьей Карамзиной?]. Вся семья, Гр. Л., гр. Ка.....; идеализированная ея мать.

Сейчасъ ѣду во дворецъ, представляться Царицѣ.

2 часа. Представлялся. Ждали Царицу часа три. Насъ было человѣкъ 20. Братъ Паскевича, Шереметевъ, Болховской, два Корфа, Вольховскій и другіе. Я по списку былъ послѣдній. Царица подошла ко мнѣ смѣясь: Non, c'est unique!... Je me creusais la tête pour savoir, quel P. me sera présenté. Il se trouve que c'est vous!... Comment va votre femme? Sa tante est bien impatiente de la voir en bonne santé la fille de son coeur sa fille d'adoption...» и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, не смотря на то, что ей уже 35 лѣтъ и даже 36.

Я простился съ Вольховскимъ, который падняхъ ѣдетъ въ Грузію. Б. сказывалъ мнѣ, что Воронцову вымыли голову по письму Котляревскаго <героя>. Онъ <т. е. Б.> очень зло отзывается объ одесской жизни, о гр. Вор., о его соблазнительной связи съ О. Н. etc. Хвалитъ очень графиню В.

Бринкена, сказываютъ, финляндское [курляндское?] дворянство повѣсило или повѣситъ.

*

10 Апрѣля. Вчера вечеръ у Уварова—живыя картины. Долго сидѣли въ темнотѣ. S... [Смирновой, Соллогуба?] не было. Скука смертная. Послѣ картинъ вальсъ и кадриль; ужинъ плохой.—Говоря о Свиньинѣ, предлагающемъ Россійской Академіи свои манускрипты XVI вѣка, Уваровъ сказалъ: Надобно будетъ удостовѣриться, нѣтъ ли тутъ подлога. Пожалуй, Свиньинъ продастъ не старинныя рукописи, а тетрадки своихъ мальчиковъ.

Говорятъ, будто бы Полевой въ крѣпости. Какой вздоръ!

*

11-е Апрѣля. Сейчасъ получаю отъ Гр. Строганова листокъ Франкфуртскаго журнала, гдѣ напечатана слѣдующая статья:

St. Pétersbourg. 27 Février.

Depuis la catastrophe de la révolte de Varsovie, les coryphées de l'émigration Polonaise nous ont démontré trop souvent par leurs paroles et leurs écrits que pour avancer leurs desseins et disculper leur conduite antérieure, ils ne craignent pas le mensonge et la calomnie; aussi personne ne s'étonnera des nouvelles preuves de leur imprudence obstinée... <Дѣло идетъ о праздникѣ, данномъ въ Брюсселѣ польскими эмигрантами, и о рѣчахъ, произнесенныхъ Лелевелемъ, Пулавскимъ, Ворцелемъ и др. Праздникъ былъ данъ въ годовщину 14 декабря>... Aprés avoir faussé de la sorte l'histoire des siècles passés pour la faire parler en faveur de sa cause, Mr. Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le développement progressif du principe révolutionnaire en Russie, il nous cite l'un des meilleurs poètes russes de nos jours afin de révéler par son exemple la tendance politique de la jeunesse Russe. Nous ignorons si A. Pouchkine à une époque où son talent éminent en fermentation ne s'était pas débarassé encore de son écume, a composé les strophes citées par Lelevel; mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se répentira d'autant plus des premiers essais de sa Muse, qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposer une conformité quelconque d'idées ou d'intentions. Quant au jugement porté par Pouchkine relativement à la revolutiion Polonaise, il se trouve énoncé dans son poëme: *Aux détracteurs de la Russie* qu'il a fait paraître dans le temps. Puisque cependant le sr. Lelevel semble éprouver de l'interêt sur le sort de ce poète *relegué aux confins reculés de l'Emprire*, notre humanité naturelle nous porte à l'informer de la présence de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent à la cour et qu'il y est traité par son souverain avec bonté et bienveillance...

*

14 Апрѣля.—Вчера концертъ для бѣдныхъ. Дворъ въ концертѣ—800 мѣстъ и 2.000 билетовъ!

Ропщутъ на двухъ дамъ, выбранныхъ для будущаго бала въ представительницы П.Б-го дворянства, княгиню К. Ѳ. Долгорукую и гр. Шувалову. Первая — наложница кн. Потемкина и любовница всѣхъ итальянскихъ кастратовъ, а вторая—кокетка польская, т. е. очень неблагопристойная. Надобно признаться, что мы въ благопристойности общественной не очень тверды.

Слухъ о томъ, что Полевой былъ взятъ и привезенъ въ П. Б., подтверждается. Говорятъ, кто-то его встрѣтилъ въ большомъ смущеніи здѣсь на улицѣ, тому съ недѣлю.

*

16-го.—Вчера проводилъ Н. Н. [Наталью Николаевну] до Ижоры. Возвратясь, нашелъ у себя на столѣ приглашеніе на Дворянскій Балъ и приказъ явиться къ графу Литтѣ. Я догадался, что дѣло идетъ о томъ, что я не явился въ придворную церковь ни къ вечернѣ въ Субботу, ни къ обѣднѣ въ вербное воскресенье. Такъ и вышло. Ж[уковскій] сказалъ мнѣ, что Государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камеръ-геровъ и камеръ-юнкеровъ и сказалъ: если имъ тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средства ихъ избавить.—Литта, толкуя о томъ же съ К. А. Нарышкинымъ, сказалъ съ жаромъ: Mais enfin il y a des règles fixes pour les chambelans et les gentils-hommes de la chambre, на что Нар. возразилъ: pardonnez-moi, ce n'est que pour les demoiselles d'honneur.

Однако жъ я не поѣхалъ на головомытье, а написалъ изъясненіе.

Говорятъ, будто бы надняхъ выйдетъ

указъ о томъ, что уничтожается право русскимъ подданнымъ пребывать въ чужихъ краяхъ. Жаль во всѣхъ отношеніяхъ, если слухъ сей оправдается.

Сухт.[еленъ?] брюхата, и, кажется, не вовремя. Любопытные справляются въ Инвалидѣ о времени пріѣзда ея мужа въ П. Б. Она уѣхала въ Москву.

Среда на Святой недѣли. — Праздникъ совершеннолѣтія совершился. Я не былъ свидѣтелемъ. Это было вмѣстѣ торжество государственное и семейственное. В[еликій] К[нязь] [Александръ Николаевичъ] былъ чрезвычайно тронутъ. Присягу произнесъ онъ твердымъ и веселымъ голосомъ, но, начавъ молитву, принужденъ былъ остановиться—и залился слезами. Государь и Государыня плакали также. Наслѣдникъ, прочитавъ молитву, кинулся обнимать отца, который разцѣловалъ его въ лобъ и въ очи, и въ щеки,—и потомъ подвелъ сына къ Императрицѣ. Всѣ трое обнялись въ слезахъ. Присяга въ Георгіевской залѣ, подъ знаменами, была повтореніемъ первой и охолодила дѣйствіе. Всѣ были въ восхищеніи отъ необыкновеннаго зрѣлища; многіе плакали, а кто не плакалъ, тотъ отиралъ сухіе глаза, силясь выжать нѣсколько слезъ. Дворецъ былъ полонъ народу. Мнѣ надобно было свидѣться съ К. И. З[агряжской]. Я къ ней пошелъ по задней лѣстницѣ, надѣясь никого не встрѣтить, но и тутъ была давка. Придворные ропщутъ: ихъ не пустили въ церковь, куда, говорятъ, всѣхъ пускали.

Всегда много смѣшнаго подвернется въ случаи самые торжественные. Филаретъ сочинилъ службу на случай присяги. Онъ выбралъ для церемоніи главу изъ Книги Царствъ, гдѣ, между прочимъ, сказано, что *Царь собралъ и тысячниковъ и сотскихъ и евнуховъ своихъ*. К. А. Нарышкинъ сказалъ, что это искусное примѣненіе къ камеръ-герамъ; а въ городѣ стали говорить, что во время службы будутъ молитвы за евнуховъ. Принуждены были слово евнухъ замѣнить другимъ. Милостей множество. Кочубей сдѣланъ Государственнымъ канцлеромъ.

Мердеръ умеръ — человѣкъ добрый и честный—незамѣнимый. В[еликій] [Князь] еще того не знаетъ. Отъ него таятъ извѣстіе, чтобъ не отравить его радости. Откроютъ ему послѣ бала 28-го. Также умеръ Аракчеевъ и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатлѣнія. Губернаторъ Новгородскій пріѣхалъ въ П.Б. и явился къ Блудову съ извѣстіемъ о его болѣзни и для принятія приказаній насчетъ бумагъ, у графа находящихся—Это не мое дѣло, отвѣчалъ Блудовъ, отнеситесь къ Бенкендорфу. Въ Грузино посланы Клейнмихель и Игнатьевъ.

Петербургъ полонъ вѣстями и толками объ минувшемъ торжествѣ. Разговоры несносны. Слышишь вездѣ одно и то же. Одна См[ирнова] по прежнему мила и холодна въ окружающей суетѣ. Дай Богъ ей счастливо родить; а страшно за нее.

3 мая.—Прошедшаго апр[ѣля] 28 былъ наконецъ балъ, данный Дворянствомъ по случаю совершеннолѣтія В[еликаго] Кн[язя]. Онъ очень удался, какъ говорятъ,—не было суматохи при разъѣздѣ, ни несчастія на тѣсной улицѣ отъ множества собравшагося народа.

Царь уѣхалъ въ Царское Село.

Мердеръ умеръ въ Италіи. — Великому Князю, очень къ нему привязанному, не объявили о томъ до самаго бала.

Вышелъ указъ о русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ. Онъ есть явное нарушеніе права, даннаго Дворянству Петромъ III; но такъ какъ допускаются исключенія, то и будетъ одной изъ безчисленныхъ пустыхъ мѣръ, принимаемыхъ ежедневно къ досадѣ благомыслящихъ людей и ко вреду правительства.

Гулянье 1-го мая не удалось отъ дурной погоды:—было экипажей десять. Графиня Хреб[товичъ], однако, поплелась туда-же; мало ей разсѣянія. Случилось несчастіе: какая-то деревянная башня, памятникъ затѣй Милорадовича въ Екатерингофѣ, обрушилась и нѣсколько людей, бывшихъ на ней ушиблось. Кстати, вотъ надпись къ воротамъ Екатерингофа:

Хв[остовымъ] нѣкогда воспѣтая дыра
Провозглашаешь ты природы русской скупость
Самодержавіе Петра
И Милорадовича глупость!

Гоголь читалъ у Дашкова свою комедію. Дашковъ звалъ Вяземскаго на свой вечеръ, говоря въ своей запискѣ:

Molière avec Tartuffe y doit jouer son rôle.
Et Lambert, qui plus est, m'a donné sa parole, etc.

Вяземскій отвѣчалъ:

Какъ, будетъ Графъ Ламбертъ и съ нимъ его супруга?—
Зовите жъ и Лаваль.

Лифляндское [курляндское] дворянство отказалось судить Бринкена, потому что онъ воспитывался въ корпусѣ въ Петербургѣ. Вотъ тебѣ шишъ, и подѣломъ.

10 мая. — Нѣсколько дней тому получилъ я отъ Ж[уковскаго] записку изъ Ц[арскаго] С[ела]. Онъ увѣдомлялъ меня, что какое-то письмо мое ходитъ по городу и что Г[осударь] объ немъ ему говорилъ. Я вообразилъ, что дѣло идетъ о скверныхъ стихахъ, исполненныхъ отвратительнаго похабства и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мнѣ. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною Н. Н. [Натальѣ Николаевнѣ] и, нашедъ въ немъ отчетъ о присягѣ В[еликаго] К[нязя], писанный видно слогомъ неоффиціальнымъ, донесла обо всемъ полиціи. Полиція, не разобравъ смысла, представила письмо Г[осударю], который сгоряча также его не понялъ. Къ счастію письмо показано было Ж[уковскому], который и объяснилъ его. Все успокоилось. Г[осударю] не угодно было, что о своемъ камеръ-юнкерствѣ отзывался я не съ умиленіемъ и благодарностію. Но я могу быть подданнымъ, даже рабомъ, но холопомъ и шутомъ не буду и у Царя Небеснаго. Однако, какая глубокая безнравственность въ привычкахъ нашего правительства! Полиція распечатываетъ письма мужа къ женѣ и приноситъ ихъ читать Царю <человѣку благовоспитанному и честному> и Царь не стыдится въ томъ признаться и давать ходъ интригѣ, достойной Видока и Булгарина. Что ни говори, мудрено быть Самодержавнымъ.

Вчера былъ парадъ, который какъ-то не удался. Государь посадилъ Наслѣдника подъ арестъ на дворцовую гауптвахту за то, что онъ проскакалъ галопомъ вмѣсто рыси.

12. Аракчеевъ во время прошедшаго царствованія, выпросилъ маіоратство для Грузина, предоставя себѣ избрать наслѣдника, а въ случаѣ внезапной смерти, поручая то Государю. Онъ умеръ, не написавъ духовной и не причастившись, потому что, по его мнѣнію, долженъ онъ былъ дожить до 30 Августа, дня открытія Александровской колонны. Государь назначилъ наслѣдникомъ А[ракчееву] кадетскій Новгородскій корпусъ, которому и повелѣно назваться Аракчеевскимъ.

*

21. Вчера обѣдалъ у См[ирновыхъ] съ Полетикой, съ Вельегорскимъ и съ Жук[овскимъ]. Разговоръ коснулся Екатерины. Полетика разсказалъ нѣсколько анекдотовъ. Нѣкто Чертковъ, человѣкъ крутой и неустойчивый [неуступчивый?] былъ однажды во дворцѣ. Зубовъ подошелъ къ нему и обнялъ его, говоря: Ахъ ты, мой красавецъ!—Чертковъ былъ очень дуренъ лицомъ. Онъ осердился и обратясь къ Зубову, сказалъ ему: я, сударь, моею фигурою фортуны себѣ не ищу. Всѣ замолчали. Екатерина, игравшая тутъ же въ карты, обратилась къ Зубову и сказала: Вы не можете помнить *такого-то* (Черткова по им. и отч.), а я его помню и могу Васъ увѣрить, что онъ очень былъ недуренъ».

Конецъ ея царствованія былъ отвратителенъ. Константинъ увѣрялъ, что онъ въ Таврическомъ дворцѣ засталъ однажды свою старую Бабку съ Графомъ Зубовымъ. Всѣ негодовали; но воцарился Павелъ и негодованіе увеличилось. Лагарпъ показывалъ письма молодаго Великаго Князя <Александра>, въ которыхъ сильно выражается это чувство. Я видѣлъ письма его-же Ланжерону, въ которыхъ онъ говоритъ столь откровенно. Одна фраза меня поразила: Je vous écris peu et rarement, car je suis sur la hache. Ланжеромъ былъ тогда недоволенъ и сказалъ мнѣ: Voilá comme il m'écrivait; il me traitait de son ami, me confiait tout—aussi lui étais-je devoué, mais à présent, ma foi, je suis prêt à détacher ma propre écharpe. Въ Александрѣ было много дѣтскаго. Онъ писалъ однажды Лагарпу, что, давъ свободу и конституцію землѣ своей, онъ отречется отъ трона и удалится въ Америку. Пол[етика] сказалъ: «L'Empereur Nicolas est plus positif; il a des idées fausses comme son frère, mais il est moins visionaire.» Кто-то сказалъ о Гос[ударѣ]: Il y a beaucoup du Praporchique en lui et un peu du Pierre-le-Grand.

*

2 іюня. Много говорятъ въ городѣ объ Медемѣ, назначенномъ министромъ въ Лондонъ. Это дипломатическія *суспиціи*, какъ говорятъ городничихи. Англія не посылала намъ посланника; мы отзываемъ Ливена. Блай недоволенъ. Онъ говоритъ: «mais Medème c'est un tout jeune homme—c'est-à-dire un blanc-bec. Гос[ударь] не хотѣлъ принять Каннинга <Stratford>, потому что, будучи Вел[икимъ] Кн[яземъ], имѣлъ съ нимъ какую-то непріятность.

26 мая былъ я на пароходѣ и провожалъ Мещерскихъ, отправляющихся въ Италію.

На другой день представлялся Вел[икой] Кн[ягинѣ] [Елена Павловна]. Насъ было человѣкъ 8; между прочимъ Красовскій <главный цензоръ>. В[еликая] Кн[ягиня] спросила его: Celà doit bien vous ennuyer

d'être obligé de lire tout ce qui parait.—Oui, V[otre] A[ltesse] I[mpériale], — отвѣчалъ онъ,—la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice.—В[еликая] Кн[ягиня] скорѣе отъ него отошла. — Говорила со мной о Пугачевѣ.

Вчера вечеръ у К[атерины] А[ндреевны] [Карамзиной]. Она ѣдетъ въ Танцы, принадлежавшія нѣкогда Ганнибалу, моему прадѣду. У ней были: Вяз[емскій], Жук[овскій] и Пол[етика]. Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павлѣ I-мъ, романтическомъ нашемъ Императорѣ.

*

3-го іюня. Обѣдали мы у Вяз[емскаго]: Жук[овскій], Давыдовъ и Киселевъ [Павелъ Дмитріевичъ]. Много говорили объ его правленіи въ Валахіи. Онъ, можетъ, самый замѣчательный изъ нашихъ государственныхъ людей, не исключая Ермолова, великаго шарлатана.

Цари уѣхали въ Петергофъ.

Вечеръ у См.—Игралъ 1200 р.

Генералъ Болховской хотѣлъ писать свои записки <и даже началъ ихъ; нѣкогда, въ бытность мою въ Кишиневѣ, онъ ихъ мнѣ читалъ>. Киселевъ сказалъ ему: Помилуй! Да о чемъ ты будешь писать? Что ты видѣлъ? — Что я видѣлъ? возразилъ Б[олховской]. Да я видѣлъ такія вещи, о которыхъ никто и понятія не имѣетъ, начиная съ того, что я видѣлъ..... Государыни <Екатерины II, въ день ея смерти>.

Гр. Фикельмонтъ очень боленъ. Семья его въ большомъ огорченіи. Elisa имъ и живетъ.

19 числа послалъ 1000 Наш[окину]. Слава Богу, слухи о смерти его сына ложны.

Тому недѣли двѣ, получено здѣсь извѣстіе о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное дѣйствіе. Государь былъ неутѣшенъ. Новые министры повѣсили голову. Казалось смерть такого ничтожнаго человѣка не должна была сдѣлать никакого переворота въ теченіи дѣлъ. Но такова бѣдность Россіи въ государственныхъ людяхъ, что и Кочубея некѣмъ замѣнить! Вотъ сужденіе о немъ: c'était un ésprit éminemment conciliant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre, etc. Безъ него Совѣтъ иногда превращался только что не въ драку, такъ что принуждены были посылать за нимъ больнымъ, чтобъ его присутствіемъ усмирить волненіе. Дѣло въ томъ, что онъ былъ человѣкъ хорошо воспитанный—а это у насъ рѣдко. И за то спасибо. О Кочубеѣ сказано:

Подъ камнемъ симъ лежитъ графъ Викторъ Кочубей.
Что въ жизни добраго онъ сдѣлалъ для людей?
Не знаю—чертъ меня убей!

Согласенъ; но эпиграмму припишутъ мнѣ и правительство опять на меня надуется.

Здѣсь Прусскій кронъ-принцъ съ его женою. Ее возили по Петергофской дорогѣ и у ней глаза разболѣлись.

*

22 іюля. Прошедшій мѣсяцъ былъ буренъ. Чуть было не поссорился я съ Дворомъ, но все перемололось. Однако это мнѣ не пройдетъ.

Маршалъ Мезонъ упалъ на маневрахъ съ лошади и чуть не былъ раздавленъ Образцовымъ полкомъ. Арндтъ объявилъ, что онъ внѣ опасности. Подъ Остерлицемъ онъ искрошилъ кавалергардовъ. Долгъ платежомъ красенъ.

Послѣдній частный домъ въ Кремлѣ принадлежалъ кн. Трубецкому. Екатерина купила его и помѣстила въ немъ Сенатъ.

*

9 Авг[уста]. — Трощинскій, въ концѣ царствованія Павла былъ въ опалѣ. Исключенный изъ службы, просился онъ въ деревню. Государь, ему на-зло, не велѣлъ ему выѣзжать изъ города. Трощинскій остался въ П. Б. никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды въ 2 часа ночи является къ его воротамъ фельдъ-егерь. Ворота заперты. Весь домъ спитъ. Онъ стучится, никто нейдетъ. Фельдъ-егерь въ протаявшемъ снѣгу отыскалъ камень и пустилъ его въ окошко. Въ домѣ проснулись, пошли отворять ворота и поспѣшно прибѣжали къ спящему Трощинскому объявить ему, что Государь его требуетъ и что фельдъ-егерь за нимъ пріѣхалъ. Трощинскій встаетъ, одѣвается, садится въ сани и ѣдетъ. Фельдъ-егерь привозитъ его прямо къ Зимнему Дворцу. Трощинскій не можетъ понять, что съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видитъ онъ, что ведутъ его на половину Великаго Князя Александра. Тутъ только догадался онъ о перемѣнѣ, происшедшей въ государствѣ. У дверей кабинета встрѣтилъ его Паленъ, обнялъ и поздравилъ его съ новымъ Императоромъ. Трощинскій нашелъ Государя въ мундирѣ, облокотившимся на столъ и всего въ слезахъ. Александръ кинулся ему на шею и сказалъ: «будь моимъ руководите-

лемъ.» Тутъ былъ тотчасъ же написанъ манифестъ и подписанъ Государемъ, не имѣвшимъ силы ничѣмъ заняться.

*

28 Ноября. — Я ничего не записывалъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; я былъ въ отсутствіи—выѣхалъ изъ П. Б. за 5 дней до открытія Александровской колонны, чтобы не присутствовать на церемоніи вмѣстѣ съ камеръ-юнкерами, моими товарищами. Былъ въ Москвѣ нѣсколько часовъ—видѣлъ А. Раевскаго, котораго нашелъ поглупѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ. Можетъ быть, это пройдетъ. Отправился потомъ въ Калугу на перекладныхъ, безъ человѣка. Въ Тарутинѣ пьяные ямщики чуть меня не убили, но я поставилъ на своемъ. Какіе мы разбойники? говорили мнѣ они. Намъ дана вольность и поставленъ столпъ намъ въ честь. Гр[афа] Румянцева вообще не хвалятъ за его памятникъ и увѣряютъ, что церковь была бы приличнѣе. Я довольно съ этимъ согласенъ. Церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и съ длинной надписью, которую безграмотный мужикъ нашъ долго еще не разберетъ. Въ Заводяхъ прожилъ я двѣ недѣли, потомъ привезъ Н[аталью Н[иколаевну] въ Москву, а самъ съѣздилъ въ Нижегородскую деревню, гдѣ управители меня морочили, а я передъ ними шарлатанилъ и, кажется, неудачно. Воротился я къ 15 Октября въ П. Б., гдѣ и проживаю. Пугачевъ мой отпечатанъ Мих[аилъ] Павл[овичъ] ждалъ все возвращенія Царя изъ Пруссіи. Вечоръ онъ пріѣхалъ. В[еликій] Кн[язь] привезъ эту новость на балъ Бутурлина. Балъ былъ прекрасный. Воротились въ 3 часа.

*

5 Декабря. Завтра надобно будетъ явиться во дворецъ. У меня еще нѣтъ мундира. Ни-за что не поѣду представляться съ моими товарищами камеръ-юнкерами—молокососами 18-ти-лѣтними. Царь разсердится,—да что мнѣ дѣлать?

Покамѣстъ давайте злословить.

Въ бытность мою въ Москвѣ нынѣшняго года много было проказъ, Москва хоть ужъ и не та, что прежде, но все-таки имѣетъ еще похоти боярскія (des velleités d'Aristocratie). Царь мало занимался старыми сенаторами, заступившими мѣсто Екатерининскихъ бригадировъ; они роптали, глядя, какъ онъ ухаживалъ за молодою княгинею Д[олгоруковой] <за дочерью Сашки Булгакова!> говорили ворчуны съ негодованіемъ. Царь, однажды, пошелъ за кулисы и на сценѣ разговаривалъ съ московскими актрисами. Это еще менѣе понравилось публикѣ. Въ бытность его пойманы зажигатели. Князь М. Голицынъ взялъ на себя должность полицейскаго сыщика—одѣвался жидомъ и проч. — Въ какомъ вѣкѣ мы живемъ! Въ Н[ижнемъ] Новгородѣ Царь былъ очень суровъ и встрѣтилъ Дворянство очень немилостиво. Оно перетрусилось и не знало—за что <ни я>.

Вчера былъ у Лекса. Я зналъ его въ 821 году въ Кишиневѣ. У него не было кровати; онъ спалъ вмѣстѣ съ какимъ-то чиновникомъ подъ однимъ тулупомъ. Я первый открылъ Инзову, что былъ человѣкъ умный и дѣловой.

Въ тотъ же день балъ у Салт[ыкова]. N. N. сказала: voilà M-me Iermoloff, la sale <Lassale>. Ермолова и Кур[вахъ] <дочь Моро> хуже всѣхъ одѣваются.

— Я все-таки не былъ 6-го во дворцѣ и рапортовался больнымъ. За мною Царь хотѣлъ послать фельдъ-егеря или Арнта.

*

18 Дек[абря]. Третьяго дня былъ я наконецъ въ А[ничковомъ]. Опишу все въ подробности, въ пользу будущаго Вальтеръ-Скотта. Придворный лакей поутру явился ко мнѣ съ приглашеніемъ: быть въ 8°/ов А[ничковомъ]: мнѣ въ мундиромъ фракѣ, Н[атальѣ] Н[иколаевнѣ] какъ обыкновенно. Въ 9 часовъ мы пріѣхали. На лѣстницѣ встрѣтилъ я старую Гр. Бобр[инскую], которая всегда за меня лжетъ и выводитъ меня изъ хлопотъ. Она замѣтила, что у меня треугольная шляпа съ плюмажемъ <не по формѣ: въ А[ничковъ] ѣздятъ съ круглыми шляпами; но это еще новое>. Гостей было уже довольно, балъ начался контрадансами. Государыня была вся въ бѣломъ, съ бирюзовымъ головнымъ уборомъ, Государь въ кавалергардскомъ мундирѣ. Государыня очень похорошѣла. Гр. Бобр[инскій], замѣтя мою △ шляпу, велѣлъ принести мнѣ круглую. Мнѣ дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтѣли. Вообще балъ мнѣ понравился. Государь очень простъ въ своемъ обращеніи, совершенно по домашнему. Тутъ же были молодые сыновья Кенинга и Велингтона. У Дука спросили, какъ находитъ онъ балъ: Je m'ennuis, отвѣчалъ онъ.—Pourquoi cela?—On est debout et j'aime à être assis. Я заговорилъ съ Л—нскимъ о Мицкевичѣ и потомъ о Польшѣ. Онъ прервалъ разговоръ, сказавъ: mon cher

А. О. СМИРНОВА.

ami, ce n'est pas ici le lieu de parler de la Pologne. Choisissons un terrain neutre, chez l'Amb[assadeur] d'Aut[riche], par exemple». Балъ окончился въ $1^1/_2$.

Утромъ того же дня встрѣтилъ я въ Дв[орцовомъ] саду В[еликаго] К[нязя]. Что ты одинъ здѣсь философствуешь?—Гуляю.—Пойдемъ вмѣстѣ. — Разговорились о плѣшивыхъ: Вы не въ родню въ вашемъ семействѣ мужчины молодые оплѣшивливаютъ. Государь Ал[ександръ] и К[онстантинъ] П[авловичи] оттого рано оплѣшивили, что при Отцѣ моемъ носили пудру и зачесывали волоса. На морозѣ сало леденѣло и волоса лѣзли. Нѣтъ ли новыхъ каламбуровъ?— Есть, да нехороши, не смѣю представить ихъ Вашему В[ысочеству].—У меня ихъ также нѣтъ; я замерзъ. Доведши В[еликаго] Кн[язя] до моста, я ему откланялся.

Вчера (17) вечеръ у S. — —

Разговоръ съ Нордингомъ о р[усскомъ] дворянствѣ, о семействѣ Екатерины I-ой, etc. Гербы наши всѣ весьма новы. Оттого въ гербѣ князей Вяземскихъ, Ржевскихъ— пушка. Многіе изъ нашихъ старыхъ дворянъ не имѣютъ гербовъ.

*

22 Дек[абря]. Суббота.—Въ середу былъ я у Хит[рово], имѣлъ долгій разговоръ съ В[еликимъ] Кн[земъ]. Началось журналами: «Вообрази, какую глупость напечатали въ СѢв[ерной] Пч[елѣ]. Дѣло идетъ о пребываніи Государя въ Москвѣ. Пч[ела] говоритъ: Государь] И[мператоръ], обошедъ соборы, возвратился во дворецъ и съ высоты Краснаго крыльца *низко* (низко!) поклонился народу». Этого недовольно. Журналистъ-дуракъ продолжаетъ: Какъ восхитительно было видѣть В[еликаго] Го—ря, преклоняющаго священную главу передъ гражданами московскими! Не забудь, что это читаютъ лавочники. В[еликій] [К[нязь] правъ, а журналистъ, конечно, глупъ. Потомъ разговорились о дворянствѣ. В[еликій] К[нязь] былъ противъ постановленія о почетномъ гражданствѣ: зачѣмъ преграждать заслугамъ высшую цѣль честолюбія? Зачѣмъ составлять tiers-état, сію вѣчную стихію мятежей и оппозицій? Я замѣтилъ, что или дворянство ненужно въ Государствѣ или должно быть ограждено и недоступно иначе, какъ по собственной волѣ Государя. Если въ дворянство можно будетъ поступать изъ другихъ состояній, какъ изъ чина въ чинъ, не по исключительной волѣ Г—ря, а по порядку службы, то вскорѣ дворянство не будетъ существовать или <что все равно> все будетъ дворянствомъ. Что касается до *tiers état*, что же значитъ наше старинное дворянство, съ имѣніями, уничтоженными безконечными раздробленіями; съ просвѣщеніемъ, съ ненавистью противу аристократіи и со всѣми притязаніями на власть и богатство? Эдакой страшной стихіи мятежей нѣтъ и въ Европѣ. Кто были на площади 14 Декабря? Одни дворяне; сколько жъ ихъ будетъ при первомъ новомъ возмущеніи? Не знаю, а кажется много. Говоря о старомъ дворянствѣ, я сказалъ: Nous qui sommes aussi bons gentits hommes, que l'Empereur et Vous», etc. В[еликій] Кн[язь] былъ очень любезенъ и откровенъ. Vous êtes bien de Votre famille, сказалъ я ему, tous les Romanoffs sont révolutionnaires et niveleurs».—Спасибо. Такъ ты меня жалуешь въ якобинцы? Благодарю. Voilà une réputation qui me manquait.—Разговоръ обратился къ воспитанію, любимому предмету Его Высочества. Я успѣлъ высказать ему многое. Дай Богъ, чтобъ слова мои произвели хоть каплю добра!

Цензоръ Никитенко на обвахтѣ подъ арестомъ и вотъ по какому случаю: Деларю напечаталъ въ Библ. Смирдина переводъ оды В. Юго, въ которой находится слѣдующая глубокая мысль: Если-де я былъ бы Богомъ, то я бы отдалъ свой рай и своихъ ангеловъ за поцѣлуй Милены или Хлои. Митрополитъ, <которому досугъ читать наши бредни> жаловался Государю, прося защитить православіе отъ нападеній Деларю и Смирдина, отсюда буря. Крыловъ сказалъ очень хорошо:

Мой другъ! когда бы былъ ты Богъ,
То глупости такой сказать бы ты не могъ.

Это все равно, замѣтилъ онъ мнѣ, что я бы написалъ: когда бы я былъ архіерей, то пошелъ бы во всемъ облаченіи плясать французскій кадриль. А все виноватъ Глинка <Ѳедоръ>. Послѣ его ухарскаго псалма, гдѣ онъ заставилъ Бога говорить языкомъ Дениса Давыдова, цензоръ подумалъ, что *онъ* пустился во всѣ тяжкія...

Псаломъ Глинки уморительно смѣшонъ.

1835 г.

8 Января.—Начнемъ новый годъ злословіемъ на счастіе...

Брилліанты и дорогіе каменья были еще недавно въ низкой цѣнѣ. Они никому не были нужны. Выкупивъ брилліанты Н[аталья] Н[иколаевны], заложенные въ Москов-

скомъ ломбардѣ, я принужденъ былъ ихъ перезаложить въ частныя руки, не согласившись продать ихъ за безцѣнокъ. Нынче узнаю, что опять возвысились: ихъ требуютъ въ Кабинетъ и вотъ по какому случаю.

Недавно Государь приказалъ К[нязю] В[олконскому] принести къ нему изъ Кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, какъ въ 9.000 рублей. К[нязь] В[олконскій] принесъ табакерку. Государю показалась она бѣдна.—Дороже нѣтъ, отвѣчалъ В[олконскій].—Если такъ, то дѣлать нечего, отвѣчалъ Государь, я хотѣлъ тебѣ сдѣлать подарокъ: возьми ее себѣ. Вообразите себѣ рожу стараго скряги. Съ этой поры начали требовать брилліанты. Теперь въ Кабинетѣ табакерки завелись уже въ 60.000 руб.

В[еликая] Кн[ягиня] [Елена Павловна] взяла у меня Записки Екатерины II-ой и сходитъ отъ нихъ съ ума.

6-го умерла С. М. Смирнова, милая молодая дѣвушка.

Въ концѣ прошлаго года, свояченица моя ѣздила въ моей каретѣ поздравлять В[еликую] Кн—ю. Ея лакей повздорилъ съ швейцаромъ. Комендантъ Мартыновъ посадилъ его на обвахту и К[атерина] Н[иколаевна] принуждена была безъ шубы ждать 4 часа на подъѣздѣ. Комендантское мѣсто около полустолѣтія занято дураками, но такой скотины, какъ Мартыновъ, мы еще не видѣли.

6-го. Балъ придворный <приватный маскарадъ>. Дворъ въ мундирахъ временъ Павла I. Г[рафъ] Панинъ <товарищъ министра> одѣтъ дитятей, Бобр[инскій]—Брызгаловымъ <кастеляномъ Мих. Замка. Полоумный старикъ, щеголяющій въ шутовскомъ своемъ мундирѣ въ сопровожденіи двухъ калѣкъ сыновей, одѣтыхъ скоморохами. Замѣч[аніе] для потомства>. Гос[ударь]—полковникомъ Измайловскаго полка, ect.—Въ городѣ шумъ; находятъ все это неприличнымъ.

Февраль.

Съ Генваря очень я занятъ Петромъ. На балахъ былъ раза 3; уѣзжалъ съ нихъ рано. Придворными сплетнями мало занятъ; пишъ потомству.

Надняхъ въ театрѣ Г[рафъ] Фикельмонтъ, говоря, что Bertrand et Raton не были играны на П.Б. театрѣ по представленію Блума, датскаго посланника <и нашего старинаго шпіона>, присовокупилъ: Je ne sais pourquoi? Dans la comédie il n'est seulement pas question du Danemark. Я прибавилъ: Pas plus qu'en Europe.

Филаретъ сдѣлалъ доносъ на Павскаго, будто онъ—лютеранинъ. Павскій отставленъ отъ В[еликаго] Князя. Митрополитъ и Сунодъ подтвердили мнѣніе Филарета. Государь сказалъ, что въ дѣлахъ духовныхъ онъ не судія, но ласково простился съ Павскимъ. Жаль умнаго, ученаго и добраго священника. Павскаго не любятъ. Шишковъ, который набилъ Академію попами, никакъ не хотѣлъ принять Павскаго въ число членовъ за то, что онъ, зная еврейскій языкъ, доказалъ какую-то нелѣпость въ корняхъ Президента.

Митрополитъ, на мѣсто Павскаго, предлагалъ попа Кочетова, плута и сплетника. Государь не захотѣлъ и выбралъ другаго, человѣка, говорятъ очень порядочнаго. Этотъ пріѣзжалъ къ Митрополиту, а старый лукавецъ сказалъ: я васъ рекомендовалъ Государю. Qui est-ce que l'on trompe ici?

Въ публикѣ очень бранятъ моего Пугачева, а что хуже—не покупаютъ. Уваровъ — большой подлецъ Онъ кричитъ о моей книгѣ, какъ о возмутительномъ сочиненіи. Его клеветъ Дундуковъ <дуракъ и > преслѣдуетъ меня своимъ цензурнымъ комитетомъ. Онъ не соглашается, чтобъ я печаталъ свои сочиненія съ одного согласія Государя.—Царь любитъ, да псарь не любитъ.—Кстати объ Уваровѣ: это большой негодяй и шарлатанъ. Развратъ его извѣстенъ. Низость до того доходитъ, что онъ у дѣтей Канкрина былъ на посылкахъ. Объ немъ сказали, что онъ началъ тѣмъ, что былъ ....., потомъ нянькой и попалъ въ президенты Академіи Наукъ, какъ княгиня Дашкова въ президенты Р[усской] Академіи.—Онъ кралъ казенныя дрова и до сихъ поръ на немъ есть счеты <у него 11.000 душъ>. Казенныхъ слесарей употреблялъ въ собственную работу, etc. etc. Дашковъ <министръ>, который прежде былъ съ нимъ пріятель, встрѣтивъ Жук[овскаго] подъ-руку съ Уваровымъ, отвелъ его въ сторону, говоря: Какъ тебѣ не стыдно гулять публично съ такимъ человѣкомъ!

Цензура не пропустила слѣдующіе стихи въ сказкѣ моей о Золотомъ Пѣтушкѣ:

Царствуй, лежа на боку,

и

Сказка—ложь, да въ ней намекъ,
Добрымъ молодцамъ урокъ.

Времена Красовскаго воротились. Никитенко глупѣе Бирукова.

ПУШКИНЪ И ЖУРНАЛЬНЫЙ ТРІУМВИРАТЪ 30-ХЪ ГОДОВЪ.

Въ 1825 году Булгаринъ, начавшій издавать «Сѣверную Пчелу», вступилъ въ тѣсный союзъ съ Гречемъ, издававшимъ съ 1816 года «Сынъ Отечества». Оба изданія пошли рука объ руку, поддерживая другъ друга, представляя нѣчто единое, цѣлостное. Въ 1834 году къ союзу примкнулъ Сенковскій, стоявшій во главѣ редактируемой имъ «Библіотеки для чтенія». Эти три изданія имѣли индивидуальныя черты, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были не однородны, но составляли сплоченную коалицію, дѣйствовавшую во многихъ отношеніяхъ сообща. Спаивающимъ элементомъ являлась матеріальная выгода. Была одинаковая тактика, но не глубокая внутренняя связь, хотя по своимъ душевнымъ качествамъ Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій были родственны, отличаясь лишь степенью таланта и образованности. Гречъ ненавидѣлъ Булгарина, еще при его жизни за глазами поносилъ своего товарища на журнальномъ поприщѣ, называя его сумасшедшимъ. Въ концѣ жизни Булгарина у Греча произошелъ настоящій разрывъ съ нимъ. Послѣ смерти Булгарина Гречъ въ своихъ «Запискахъ» не пожалѣлъ черныхъ красокъ для обрисовки душевныхъ качествъ своего соратника, назвавъ его «польскимъ псомъ». Постоянныя ссоры были и въ отношеніяхъ Булгарина и Греча съ Сенковскимъ [1]).

Но личная непріязнь и раздоры не мѣшали имъ крѣпко поддерживать союзъ, бороться общими силами со всякими попытками конкуренціи и ревностно стремиться сообща захватить поле русской журналистики.

Пушкинъ былъ не только великій художникъ, но и замѣчательный для своего времени журналистъ. И эта журнальная дѣятельность Пушкина тѣсно связана съ тріумвиратомъ, многія статьи Пушкина такъ или иначе затрагиваютъ членовъ тріумвирата, были вызваны ими. Они доставили много огорченій Пушкину. И поэтъ борьбѣ съ тріумвиратомъ отдалъ не мало своихъ силъ и энергіи. Сначала борьба велась съ двумя членами тріумвирата — Булгаринымъ и Гречемъ, а съ 1836 г. она обратилась въ борьбу съ тріумвиратомъ, какъ цѣлымъ.

[1]) Объ отношеніяхъ Булгарина, Греча и Сенковскаго см. Никитенко. Записки и дневникъ, т. I, стр. 217, 273, 276, 277, 279, 291 и 292. СПБ. 1905 и примѣчанія С. А. Венгерова къ ред. имъ. Сочин. Бѣлинскаго.

I.

Отношенія съ Гречемъ у Пушкина завязались уже въ первые годы его литературной дѣятельности. Въ 1820 году въ «Сынѣ Отечества» Греча (ч. 61, № 25 и № 26) появился отрывокъ изъ 3 пѣсни «Руслана и Людмилы». Въ томъ же году въ «Сынѣ Отечества» были напечатаны прибавленія и эпилогъ къ поэмѣ (ч. 64), вошедшія во второе ея изданіе 1828 года. 24 сентября 1820 года Пушкинъ послалъ брату, Л. С. Пушкину, элегію «Погасло дневное свѣтило» съ просьбой отослать ее Гречу [1]). Она появилась въ ч. 65, № 46 «Сына Отечества». О «Русланѣ и Людмилѣ» въ 1820 г. въ «Сынѣ Отечества» появилось нѣсколько критическихъ замѣтокъ [2]). Авторы ихъ въ общемъ доброжелательно отнеслись къ «Руслану и Людмилѣ». Въ письмѣ къ Гнѣдичу отъ 4 декабря 1820 г., изъ Каменки, Пушкинъ высказалъ свой взглядъ о критикѣ «Сына Отечества». Статьей Воейкова Пушкинъ остался не доволенъ, Зыкова онъ нашелъ «умнѣе», а К. Григорія Б—ва «умнѣе всѣхъ» [3]). Въ предисловіи ко второму изданію «Руслана и Людмилы» (СПБ. 1828). Пушкинъ назвалъ отзывы критики «снисходительными», многія замѣчанія Языкова «основательными», а статью Б—ва «остроумной и забавной».

[1]) «Переписка Пушкина» подъ ред. В. И. Саитова, изд. Академіи Наукъ т. I, стр. 21. Въ дальнѣйшемъ письма Пушкина и къ нему мы будемъ цитировать по этому изданію.

[2]) 1) ...евъ. Къ издателю «Сына Отеч.»—ч. 63, № 31; 2) ч. 63, № 32; 3) В. (А. Ѳ. Воейковъ), ч. 64, №№ 34-37; 4) NN (Д. П. Зыковъ), «Письмо къ сочинителю критики на поэму «Русланъ и Людмила», ч. 64, № 38 (о статьѣ Воейкова); 5) К. Григорій Б—въ, «Замѣчаніе на письмо къ сочинителю критики на поэму «Русланъ и Людмила», ч. 65, № 41 (о статьѣ Зыкова); 6) П. К—въ «Замѣчанія на разборъ поэмы «Русланъ и Людмила», ч. 65, № 42); 7) М. К—въ «Скромный отвѣтъ на нескромное замѣчаніе П. К—ва», ч. 65, № 43.

[3]) Переп. т. I, 22-23. М. Халанскій (Сочиненія Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова, т. I, 576) ошибается, отнеся отзывъ Пушкина не къ Б—ву, а къ М. К—ву.

Въ 1821 году, 21 сентября, въ ч. 72, № 35 «Сына Отечества» появилось Пушкинское посланіе Чаадаеву — «Въ странѣ, гдѣ я забылъ...».

«Кавказскаго Плѣнника» Пушкинъ сначала предложилъ издать Гнѣдичу. Не получая долго отъ него отвѣта и имѣя въ виду то, что Гнѣдичъ очень невыгодно издалъ ему «Руслана и Людмилу», Пушкинъ 21 сентября 1821 г. пишетъ письмо изъ Кишинева Гречу, въ которомъ, называя его «любезнымъ Аристархомъ», предлагаетъ купить «Кавказскаго Плѣнника» «за дешевый гонораръ» (Переп. т. I, стр. 35). Въ письмѣ отъ 24 января 1822 г. къ Л. С. Пушкину поэтъ объясняетъ, что къ Гречу онъ обратился исключительно изъ матеріальнаго разсчета. «Ни Гнѣдичъ со мной, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться, и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду, а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума» (Переп., т. I, стр. 39). Въ концѣ концовъ, «Кавказскій Плѣнникъ» былъ изданъ Гнѣдичемъ.

Въ 1822 году на аренѣ русской журналистики появился Булгаринъ. Литературная дѣятельность его началась ранѣе съ 1816 г., но съ 1822 года онъ выступаетъ въ роли издателя журнала «Сѣверный Архивъ». Въ 1823 г. Булгаринъ началъ издавать «Литературные листки». Онъ вращался тогда въ лучшихъ литературныхъ кругахъ, былъ знакомъ со многими изъ будущихъ декабристовъ. Очевидно, черезъ общихъ знакомыхъ Пушкинъ вступилъ въ сношенія съ Булгаринымъ. Въ письмѣ къ Гнѣдичу изъ Кишинева отъ 13 мая 1822 г. Пушкинъ сообщилъ ему «Птичку». «Напечатаютъ ли безъ имени въ «Сынѣ Отечества»? — писалъ поэтъ (Переп., т. I, стр. 44). «Птичка» появилась въ № 2 «Литературныхъ Листковъ» за 1823 годъ, но въ другой редакціи, чѣмъ та, которая сообщена въ письмѣ къ Гнѣдичу. Можно предположить, что Булгаринъ получилъ стихотвореніе не отъ Гнѣдича, а либо непосредственно отъ поэта, либо черезъ кого-нибудь другого. Такимъ образомъ, нельзя утвердительно сказать, вступилъ ли въ сношенія къ Булгаринымъ Пушкинъ непосредственно, или же черезъ знакомыхъ, и точно опредѣлить начало этихъ сношеній. Но уже въ 1824 году Пушкинъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Булгаринымъ.

Въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 годъ Бестужева были напечатаны «Неренда», «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» и «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты» съ опечатками. Пушкинъ былъ очень этимъ не доволенъ и послалъ «Неренду» и «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты» Булгарину съ просьбой напечатать въ «Литературныхъ Листкахъ» [1]). «Съ искреннѣй благодарностью получилъ я 1-й нумеръ «Сѣвернаго Архива»,—пишетъ ему Пушкинъ въ письмѣ отъ 1 февраля 1824 года изъ Одессы, посылая стихотворенія,—полагая, что тѣмъ обязанъ самому почтенному издателю. Съ тѣмъ же чувствомъ видѣлъ я снисходительный вашъ отзывъ о татарской моей поэмѣ. Вы принадлежите къ самому малому числу тѣхъ литераторовъ, коихъ порицанія или похвалы могутъ быть и должны быть уважаемы. Вы очень меня обяжете, если помѣстите въ своихъ листкахъ здѣсь прилагаемыя двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда небольшая, но стихи не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе» (Переписка, т. I, стр. 98).

Такимъ образомъ, въ это время Пушкинъ, повидимому, относился еще къ Булгарину, какъ и многіе другіе, хорошо. Заподозрить неискренность въ письмѣ нѣтъ основаній. Но черезъ короткое время случился эпизодъ, который ясно показалъ Пушкину, что такое Булгаринъ.

8 февраля 1824 года Пушкинъ посылаетъ изъ Одессы А. А. Бестужеву извѣстное письмо, въ которомъ, между прочимъ, пишетъ: «Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naive.

Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя и печатаю потому, что деньги были нужны». Письмо было адресовано Гречу для передачи Бестужеву (Переп., т. I, стр. 99). Въ № 4 «Литературныхъ Листковъ» 1824 года Булгаринъ напечаталъ присланныя ему Пушкинымъ стихотворе-

---

[1]) Н. О. Лернеръ ошибся, указывая, что Пушкинъ послалъ Булгарину—«Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» и «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты» («Труды и дни Пушкина», 2-е изданіе. СПБ. 1910, стр. 94).

нія со своимъ примѣчаніемъ [1]). Въ томъ же нумерѣ журнала была помѣщена небольшая замѣтка. «Мы получили,— писалъ Булгаринъ,— извѣстіе изъ Москвы, что Бахчисарайскій фонтанъ, поэма, соч. А. Пушкина, уже скоро будетъ отпечатана». Передавъ ея содержаніе, Булгаринъ привелъ цитированное мѣсто изъ письма поэта къ А. А. Бестужеву.

Пушкинъ очень разсердился на Бестужева, что онъ самовольно напечаталъ въ «РѣдѢетъ облаковъ летучая гряда» три послѣднихъ стиха окончанія, касающихся интимной жизни:

Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь
Когда на хижины сходила ночи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ подругамъ называла [2]).

Такъ сильно разсердившись на Бестужева, Пушкинъ еще болѣе былъ возмущенъ поступкомъ Булгарина, самовольно напечатавшаго интимныя строки частнаго письма. Въ письмѣ къ П. А. Вяземскому отъ начала апрѣля 1824 года изъ Одессы Пушкинъ пишетъ: «Каковъ Булгаринъ и вся братія. Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники» (Переп. т. I, стр. 106). Поэтъ даже хотѣлъ напечатать въ «Вѣстникѣ Европы», что Булгаринъ въ своей замѣткѣ воспользовался самовольно частною перепискою, но потомъ раздумалъ [3]).

Поступокъ Булгарина, возмутившій поэта, однако, не повлекъ къ открытому разрыву его съ Булгаринымъ. Въ началѣ апрѣля 1824 г. въ № 18 «Сына Отеч.» Пушкинъ напечаталъ «Письмо къ издателю по поводу предисловія кн. Вяземскаго къ «Бахчисарайскому фонтану». Въ это время Пушкинъ уже держался вполнѣ отрицательнаго взгляда на Булгарина. 13 іюня 1824 года онъ пишетъ изъ Одессы брату: «Ты спрашиваешь моего мнѣнія на щетъ Булгаринскаго изданья — чортъ съ нимъ. Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть уваженіе къ самому себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей литературы—вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ» (Переп. т. I, стр. 117).

Въ началѣ 1824 года появился «Бахчисарайскій фонтанъ». О немъ въ «Сынѣ Отечества» и въ «Литературныхъ Листкахъ» 1824 г. было помѣщено нѣсколько замѣтокъ [1]). Всѣ онѣ въ общемъ лестно отозвались о Пушкинѣ. Лестнымъ для поэта было и извѣщеніе объ «Евгеніи Онѣгинѣ», появившееся въ № 4 «Литературныхъ Листковъ».

Въ 1825 году стала выходить «Сѣверная Пчела». 27 января 1825 г. въ № 12 «Сѣв Пчелы» было напечатано «Къ чему холодныя сомнѣнья» (Чаадаеву). Къ этому году относится рядъ отзывовъ Пушкина о Булгаринѣ, рисующихъ вполнѣ опредѣленно отношеніе поэта къ нему. Въ письмѣ изъ Михайловскаго въ 1825 г. (конецъ февраля—начало марта) Пушкинъ пишетъ брату Льву Сергѣевичу: «Ты спрашиваешь, зачѣмъ пишу я Булгарину? Потому что онъ мнѣ другъ. Есть еще у меня друзья—Сабуровъ, Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина. Они на дняхъ меня зарѣжутъ. Покамѣстъ я почтенному Ѳаддею Венедиктовичу послалъ два отрывка изъ «Онѣгина», которыхъ пѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева, не было и не будетъ...» (Переп. т. I, стр. 183). Въ это время Пушкинъ уже ожидалъ враждебныхъ нападокъ Булгарина. Основаніемъ для этого, повидимому, было то, что въ рецензіи на «Сѣверные Цвѣты на 1825 г.», въ которыхъ былъ напечатанъ первый отрывокъ изъ «Евгенія Онѣгина», «Сѣв. Пчела» (1825, № 3, 6 января) ограничилась лишь простымъ упоминаніемъ, что въ этомъ альманахѣ есть произведенія Пушкина. Въ письмѣ къ Л. С. Пушкину изъ Михайловскаго отъ середины марта 1825 г. Пушкинъ, посылая свои произведенія, пишетъ: «Я было послалъ это въ С. О., да, кажется, журналъ сей противу меня возстанетъ, судя по сухому объявленію Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться, какъ данныку Атамана Греча и Есаула Булг. Дарю отрывки тебѣ: печатай, гдѣ хочешь» (Переп. т. I, стр. 194). Въ мартѣ Булгаринъ послалъ Пушкину изданный имъ альманахъ «Талію» съ письмомъ на оберт-

[1]) Сочиненія Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 623.

[2]) См. письма Пушкина къ Бестужеву изъ Одессы отъ 12 января и 29 іюня 1824 г.—Переп., т. I, стр 93 и 121—122.

[3]) См. письмо Пушкина къ А. А. Бестужеву изъ Одессы отъ 29 іюня 1824 г. Переп. т. I, стр. 121.

[1]) 1) «Сынъ Отеч.», ч. 92, № 12 (Современная русская библіографія); 2) Олинъ, Критическій взглядъ на «Бахчисарайскій фонтанъ», «Литер. Листки», № 7 (съ примѣчаніемъ Булгарина); 3) Ѣй-ъ-ій, «Бахчисарайскій фонтанъ», «Сынъ Отеч.», ч. 92, № 13.

кѣ [1]). Очевидно, Булгаринъ имѣлъ свѣдѣнія, что Пушкинъ настроенъ противъ него враждебно. Зная враждебное отношеніе къ себѣ друзей поэта, особенно Вяземскаго и Дельвига, Булгаринъ боялся ихъ вліянія на Пушкина. Съ очевидною цѣлью поддержать хорошія отношенія съ Пушкинымъ Булгаринъ пишетъ ему 25 апрѣля 1825 г.: «Писалъ я къ вамъ на оберткѣ Таліи, а, наконецъ, рѣшился написать на особой бумажкѣ и начинаю благодарностью за присылку стиховъ на зубокъ Пчелѣ... На насъ ополчились въ Москвѣ, что мы ничего не сказали объ Онѣгинѣ. Богъ видитъ душу мою, знаетъ, какъ я цѣню вашъ талантъ; вы сами могли судить, сказалъ ли я что-либо гдѣ-либо предосудительное или двусмысленное о васъ; но еслибъ вы знали всѣ обстоятельства бѣдныхъ журналистовъ, то бы пожалѣли, что они иногда должны промолчать. Не вѣрьте, что вамъ будутъ писать враги мои, хотя близкіе къ вашему сердцу, вѣрьте образцамъ чести—Бестужеву и Рылѣеву: они знаютъ, какъ я васъ цѣню...» (Переп. т. I, стр. 208). Пушкинъ отвѣчалъ Булгарину 25 мая, но письмо это не сохранилось [2]).

Въ письмѣ къ П. А. Вяземскому изъ Михайловскаго 25 января 1825 г. Пушкинъ прислалъ ему съ просьбой напечатать гдѣ-нибудь стихотвореніе «Пріятелямъ». Вяземскій напечаталъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» (1825, ч. I, № 3), перемѣнивъ заглавіе — «Къ журнальнымъ пріятелямъ». По просьбѣ Пушкина въ № 52 «Сѣв. Пчелы» 1825 г. появилась такая замѣтка: «А. С. Пушкинъ прислалъ издателей «Сѣв. Пчелы» извѣстить публику, что стихи его сочиненія, напечатанные въ № 3 «Московскаго Телеграфа» на стр. 215 подъ заглавіемъ: «Къ журнальнымъ пріятелямъ» должно читать просто «Къ пріятелямъ». Относительно этой замѣтки кн. П. А. Вяземскій 7 іюня писалъ поэту: «Охота тебѣ была печатать une réclamation на Телеграфа у подлеца Булгарина. Телеграфъ очень огорчился, а виноватъ былъ во всемъ я. Мнѣ казалось осторожнѣе прибавить Журнальнымъ, потому что у тебя пріятелей много и могли бы попасть не въ попадъ». На это Пушкинъ въ началѣ іюля отвѣчалъ: «Я послалъ въ Пчелу, а не въ Тел. мою опечатку, потому что въ Москву почта идетъ несносно долго. Полевой напрасно огорчился ты не напрасно прибавилъ Журнальнымъ, а я не даромъ отозвался, et le diable n'y perd rien» (Переп. т. I, стр. 229 и 235).

Если въ началѣ своей литературной дѣятельности Булгаринъ считалъ для себя болѣе выгоднымъ вращаться въ вліятельныхъ тогда прогрессивныхъ кругахъ, то послѣ 14 декабря 1825 года Булгаринъ увидѣлъ, что надо перемѣнить фронтъ. Но слава Пушкина очень уже росла и Булгаринъ видѣлъ, что сотрудничество поэта въ «Сѣв. Пчелѣ» будетъ выгодно. Послѣ 1825 года очень многіе порвали всѣ связи съ Булгаринымъ. Пушкинъ отличался большой терпимостью. Булгаринъ этимъ пользуется и всѣми силами старается сохранить хорошія отношенія съ поэтомъ. Въ № 132 «Сѣверной Пчелы» на 1826 г. Булгаринъ помѣстилъ отзывъ о второй главѣ «Евгенія Онѣгина». «Мы восхищались въ первой главѣ,—пишетъ онъ,—подробностями петербургской разсѣянной жизни, а болѣе обращеніями поэта къ самому себѣ и нѣкоторыми эпизодическими картинами. Прелестные стихи нѣжили слухъ нашъ»... О второй главѣ Булгаринъ пишетъ: «Отдѣльные портреты лицъ и по подробности деревенской жизни прелестны, и по истинѣ сказать достойны искусной кисти великаго художника». «Должно ли говорить,—заканчиваетъ Булгаринъ,—о стихосложеніи, о гармоніи, о счастливыхъ оборотахъ, объ остроуміи, о сатирическомъ, весьма пріятномъ духѣ сего отрывка?»

Въ 1827 г., когда Пушкинъ возвратился въ Петербургъ, состоялось личное его знакомство съ Булгаринымъ. Въ августѣ 1827 г. Бенкендорфъ получилъ три анонимныхъ доноса на Н. Полевого. М. К. Лемке считаетъ, что эти доносы—Булгарина. Къ этому мнѣнію присоединяется и Н. О. Лернеръ [1]). Въ одномъ изъ этихъ доносовъ 23 августа написано: «Извѣстный Соболевскій (молодой человѣкъ изъ московской либеральной шайки) ѣдетъ въ деревню къ поэту Пушкину и хочетъ уговорить его ѣхать съ нимъ заграницу. Было бы жаль. Пушкина надо беречь какъ дитя. Онъ поэтъ, живетъ воображеніемъ и его легко

---

[1]) Письмо это не сохранилось. См. Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. Спб. 1910, стр. 115 и Переп., т. I, стр. 139 и 202.

[2]) См. письмо къ Вяземскому отъ 25 мая 1825 г. Переп. т. I, стр. 219 и Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. Спб. 1910, стр. 118.

[1]) М. К. Лемке, Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. СПБ. 1908, стр. 254—260. Н. О. Лернеръ. Письма Ѳ. В. Булгарина—«Русск. Старина», 1909, кн. XI, стр. 354.

увлечь». Такимъ образомъ, дѣлается доносъ и на Пушкина и довольно серьезный: Пушкинъ, живя въ Михайловскомъ, дѣйствительно, думалъ о побѣгѣ заграницу. Какъ мы видѣли, Булгаринъ въ эпоху доноса не былъ еще озлобленъ противъ Пушкина и объяснить мотивы доноса трудно, если онъ дѣйствительно принадлежитъ Булгарину, какъ это предполагаютъ М. К. Лемке и Н. О. Лернеръ.

Въ 1827 г. «Сѣв. Пчела» (13 сентября № 110), говоря о работахъ О. А. Кипренскаго, замѣчаетъ о его портретѣ Пушкина, котораго называетъ «первымъ современнымъ поэтомъ русскимъ»: «Благодаримъ художника отъ имени всѣхъ цѣнителей дарованія Пушкина, т. е. отъ имени всей образованной публики, за то, что онъ сохранилъ драгоцѣнныя для потомства черты любимца Музъ».

Въ отношеніи Пушкина къ Булгарину въ разсматриваемое нами сейчасъ время наблюдается двойственность. Считая его подлецомъ, Пушкинъ, переѣхавъ въ Петербургъ, не только, однако, вступаетъ въ личное знакомство,—этого ему избѣжать было трудно, онъ могъ встрѣтиться съ Булгаринымъ въ литературныхъ кругахъ,—но даже заводитъ болѣе близкое знакомство, входитъ въ его домъ. Такъ въ ноябрѣ 1827 г. Пушкинъ выражаетъ готовность явиться на приглашеніе Булгарина отобѣдать у него. (Переп. т. II, стр. 47). По этому поводу 22 ноября 1827 г. кн. П. А. Вяземскій писалъ Пушкину: «Не стыдно ли тебѣ накостнику обѣдать у Булгарина» (Переп., т. II, стр. 50).

Въ 1827 году въ «Сынѣ Отечества» и «Сѣверной Пчелѣ» появилось нѣсколько критическихъ замѣтокъ о Пушкинѣ [1]). Появленіе третьей главы «Евгенія Онѣгина» Булгаринъ встрѣтилъ похвалами поэту, другія замѣтки также наполнены комплиментами.

Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 г. были напечатаны Пушкинскіе «Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія», гдѣ, между прочимъ, есть такое замѣчаніе: «Путешественникъ Ансело говоритъ о какой то грамматикѣ, утвердившей правила нашего языка и еще не изданной, о какомъ то русскомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находившемся въ рукописи... Забавная словесность». Здѣсь Пушкинъ имѣетъ въ виду Греча и Булгарина. Ансело, бывшій на коронаціи Николая I, издалъ книгу: «Six mois en Russie, lettres écrites a Mr. X.—B. Saintines en 1826» (Bruxelles. 1827), въ которой говорится о Гречѣ: «ученый филологъ, авторъ грамматики, которая пользуется уже авторитетомъ въ Россіи, хотя еще не вполнѣ издана», а о Булгаринѣ: «одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ по уму людей; въ настоящее время занятъ сочиненіемъ, отрывки изъ котораго уже появились въ печати и имѣли большой успѣхъ... Появленіе этого труда всѣ ожидаютъ съ большимъ нетерпѣніемъ—и, если позволительно судить о книгѣ по разсказамъ ея сочинителя, то заранѣе можно быть увѣреннымъ, что по оригинальности картинъ, по тонкой наблюдательности и по остроумію сужденій она не оставитъ желать ничего лучшаго». Булгаринъ и Гречъ всячески льстили Ансело и этому обстоятельству Пушкинъ приписывалъ его отзывъ о нихъ. Впослѣдствіи въ 1831 г. въ «Торжествѣ дружбы» Пушкинъ опять упомянулъ объ Ансело и лести ему со стороны Булгарина.

Считая Булгарина прямо подлецомъ, Пушкинъ внѣшне не показывалъ своего къ нему нерасположенія и есть основанія предполагать, что Булгаринъ не понималъ вполнѣ, какъ смотритъ на него поэтъ. Такъ въ письмѣ къ В. А. Ушакову отъ 6 января 1828 года Булгаринъ пишетъ: «Я познакомился съ Пушкинымъ. Другой человѣкъ, какъ мнѣ его описывали и каковымъ онъ былъ прежде въ самомъ дѣлѣ. Скроменъ въ сужденіяхъ, любезенъ въ обществѣ и дитя по душѣ. Гусары испортили его въ лицеѣ, Москва подбаловала, а несчастія и тихая здѣшняя жизнь его образумили. Онъ кажется полюбилъ меня, хотя по правиламъ сектатора Вяземскаго меня не должно ему любить» [1]).

Булгарину, какъ уже замѣчено, было выгодно участіе Пушкина въ «Сѣверной Пчелѣ». Это показываетъ тотъ фактъ, что Булгаринъ прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ, лишь бы имѣть возможность напечатать въ «Сѣверной Пчелѣ» что либо Пушкинское. Въ 1828 году въ «Москов. Вѣстникѣ» (I—II)

[1]) 1) «Сѣвер. Пчела», № 65 (о «Цыганахъ»); 2) Тамъ же, № 101 (о «Братьяхъ разбойникахъ»); 3) Тамъ же, № 124 (о 3 гл. «Евгенія Онѣгина»); 4) «Сынъ Отечества», ч. 113, № 12 (о «Цыганахъ»); 5) тамъ же, ч. 114, № 16 (о «Братьяхъ разбойникахъ»); 6) тамъ же, ч. 115, № 19 (о 3 гл. «Евгенія Онѣгина»).

[1]) Н. О. Лернеръ, Письма Ѳ. В. Булгарина — «Русская Старина», 1909, кн. XI, стр. 350.

Погодина были напечатаны Пушкинымъ отрывки изъ IV, VII и VIII главъ «Евгенія Онѣгина». Булгаринъ самовольно перепечаталъ въ № 17 «Сѣвер. Пчелы» отрывокъ VII главы съ такимъ примѣчаніемъ: «Въ одномъ журналѣ сей отрывокъ напечатанъ былъ съ непростительными ошибками. По желанію почтеннаго автора помѣщенъ оный съ поправками въ «Сѣверн. Пчелѣ». Повтореніе стиховъ А. С. Пушкина никогда не можетъ быть излишнимъ». Опечатки были очень незначительны. Погодинъ возмутился, совершенно основательно находя, что Булгаринъ просто придрался къ случаю напечатать въ «Сѣв. Пчелѣ» стихотвореніе Пушкина. По этому поводу Погодинъ написалъ ядовитую замѣтку и послалъ въ рукописи Пушкину въ первой половинѣ февраля 1828 г. 19 февраля Пушкинъ отвѣтилъ: «Вы всеконечно правы и угадали, что я въ примѣчаніи Булгарина совсѣмъ не участвовалъ—ни дѣломъ, ни словомъ, ни согласіемъ, ни вѣдѣніемъ... Печатайте ваше возраженіе, если вы думаете, что Сѣверная Пчела этого стоитъ—а я не вмѣшиваюсь, ибо мое правило: не трогать, чего знаете. Впрочемъ, здѣсь никто не замѣтилъ замѣчанія. О герой Шевыревъ! О Витязь великосердный, подвизайся!.. А вы, любезный Михайло Петровичъ, утѣшьтесь, и, какъ говоритъ Тредьяковскій, плюньте на суку «Сѣв. Пчелу» (Переп., т. II, стр. 53—54).

10 марта въ № 30 «Сѣв. Пчелы» появилось Пушкинское «Посланіе къ В., сочинителю сатиры на игроковъ» съ примѣчаніемъ Булгарина: «имени сочинителя сихъ стиховъ не подписываемъ: ex ungue leonem». Великопольскаго, къ которому это «Посланіе» относится, оно очень задѣло. Онъ написалъ довольно рѣзкій «Отвѣтъ знакомому сочинителю посланія ко мнѣ» и послалъ его Булгарину съ просьбой напечатать. Булгаринъ послалъ «Отвѣтъ» Пушкину, спрашивая его мнѣнія. Пушкинъ протестовалъ противъ напечатанія и Булгаринъ не напечаталъ [1]), что служитъ доказательствомъ того, что онъ, не теряя надежды на сотрудничество Пушкина въ «Сѣв. Пчелѣ», не хотѣлъ вызывать неудовольствіе поэта.

Булгаринъ относился ко всѣмъ журналамъ враждебно, разъ только замѣчалъ въ нихъ опасныхъ конкурентовъ. Такимъ явился «Московскій Вѣстникъ», въ которомъ сталъ печататься Пушкинъ, участія котораго въ «Сѣвер. Пчелѣ» такъ добивался Булгаринъ. Въ № 38 «Сѣвер. Пчелы» 1828 г. онъ помѣстилъ замѣтку, выдавъ ее за переводъ съ французскаго, въ которой разсказывается, какъ нѣсколько молодыхъ англійскихъ писателей, видя, что ихъ произведеній никто не хочетъ печатать, стали издавать «Эдинбургскій Вѣстникъ» (т. е. «Московскій Вѣстникъ»). Замѣтка всецѣло направлена противъ «Московскаго Вѣстника», при чемъ, хотя враждебнаго отношенія къ Пушкину въ ней нѣтъ, но Булгаринъ нѣсколько разъ подчеркиваетъ, что «Московскій Вѣстникъ» отъ паденія не спасло участіе Пушкина, который выведенъ подъ именемъ Байрона [1]). Мотивы замѣтки ясны: Булгаринъ боялся конкуренціи «Московскаго Вѣстника» и особенно оттого, что въ немъ принималъ участіе Пушкинъ.

Въ 1828 году появились 4 и 5 главы «Евгенія Онѣгина». «Сѣверная Пчела» (№ 15) и «Сынъ Отеч.» (ч. 118, № 7) встрѣтили ихъ похвалами. Ими наполнены и статьи о Пушкинѣ въ «Сѣвер. Пчелѣ» и «Сынѣ Отечест.» и въ 1829 г. О «Графѣ Нулинѣ» «Сынъ Отеч.» (№ 5) писалъ, что «бойкость разсказа и живость стиховъ единственны», послѣ выхода «Полтавы» «Сѣверн. Пчела» (№ 39) поздравляла «съ новою прелестною поэмою, съ новымъ перломъ нашей словесности». Авторъ большой статьи въ «Сынѣ Отечества» (№№ 15 и 16), хотя и нашелъ недостатки въ поэмѣ (напр. отсутствіе исторической правды въ обрисовкѣ лицъ), но писалъ о Пушкинѣ: «Давно, давно, я уже назвалъ его первымъ изъ современныхъ русскихъ поэтовъ и нынѣ, хотя «Полтава» не нравится мнѣ столько, какъ «Цыганы» и «Бахчисарайскій фонтанъ», я все остаюсь при томъ же мнѣніи». О мелкихъ стихотвореніяхъ Пушкина авторъ этой статьи говоритъ, что «большая часть носитъ въ себѣ отпечатокъ величайшаго дарованія». Объ изданныхъ въ 1829 году въ 2 частяхъ «Стихотвореніяхъ» Пушкина «Сѣверная Пчела» (№№ 77 и 79) писала: «Стихотворенія Пушкина краснорѣчиво говорятъ сами за себя и потому мы удерживаемся

[1]) См. въ настоящемъ изданіи примѣчанія П. О. Лернера—т. IV, стр. LXIV и Пушкинъ. Къ біографіи Пушкина, т. II, 1885, 132—137.

[1]) В. В. Каллашъ. «Пушкинъ, П. Полевой и Булгаринъ». — «Пушкинъ и его современники», вып. II, стр. 38—40.

отъ всякихъ сужденій и похвалъ, которыя прежде и часто были повторяемы нашему поэту».

5 марта 1829 г. Пушкинъ, безъ разрѣшенія Бенкендорфа, получилъ отъ Петербургскаго городского головы подорожную въ Тифлисъ, и 9 марта выѣхалъ изъ Петербурга. Бенкендорфа это очень обозлило и въ связи съ этимъ поэтъ имѣлъ непріятности. Первое сообщеніе о поѣздкѣ Пушкина Бенкендорфъ получилъ 21 марта. Печатая это сообщеніе, Сухомлиновъ не указываетъ чье оно [1]). Ефремовъ указываетъ Мордвинова [2]). Лемке, не соглашаясь съ Ефремовымъ, предполагаетъ, что авторъ извѣщенія помощникъ Бенкендорфа Фокъ [3]). Лернеръ указываетъ Мордвинова съ знакомъ вопроса [4]). Морозовъ категорически указываетъ Булгарина [5]). Хотя возможно, что упомянутое сообщеніе принадлежитъ Булгарину, но категорически сказать, что именно онъ его написалъ, нельзя.

Отрицательное отношеніе Пушкина къ Булгарину все возрастало. 23 декабря 1829 г. Пушкинъ былъ избранъ вмѣстѣ съ Булгаринымъ въ члены Общества любителей россійской словесности [6]). Въ № 1 «Москов. Вѣдом.» 1830 г. было объ этомъ сообщеніе, при чемъ Пушкинъ и Булгаринъ были названы «корифеями словесности». Пушкинъ былъ очень оскорбленъ, его чувства раздѣляли и его друзья. Кн. П. А. Вяземскій 2 января 1830 г. писалъ Пушкину: «Сдѣлай милость, откажись отъ постыднаго членства» (Переп., т. II, стр. 103). Пушкинъ хотѣлъ поступить такъ, какъ совѣтовалъ Вяземскій, но потомъ раздумалъ (Переп., т. II, стр. 124 и 128). Всю свою жизнь поэтъ считалъ себя оскорбленнымъ Обществомъ и, спустя 4 года, въ началѣ апрѣля 1834 года писалъ Погодину: «Общество любителей поступило со мной такъ, что никакимъ образомъ я не могу быть съ нимъ въ сношеніи. Оно выбрало меня въ свои члены вмѣстѣ съ Булгаринымъ, въ то самое время какъ имъ единогласно былъ забаллотированъ въ Англійскомъ клубѣ (NB: въ Петербургскомъ), какъ шпіонъ, переметчикъ и клеветникъ». Свое избраніе Обществомъ въ этомъ письмѣ Пушкинъ называетъ «пощечиной» (Переп. III, стр. 93).

II.

Покровительство Бенкендорфа вполнѣ обезпечивало за «Сѣверной Пчелой» газетную монополію. И такъ какъ программа «Сѣверной Пчелы» была шире программы немногихъ другихъ газетъ, то она имѣла и распространеніе болѣе всѣхъ газетъ. Низкая, продажная «Пчелка» возмущала лучшихъ представителей общества и неоднократно дѣлались попытки основать изданія съ цѣлью противодѣйствовать развращающему вліянію на общество Булгаринскаго изданія, но онѣ терпѣли пораженія. Мысль объ этомъ сильно занимала Пушкина и его друзей, особенно Дельвига и Вяземскаго.

Ее Пушкинъ высказываетъ въ первой половинѣ іюня 1824 г. въ письмѣ къ П. А. Вяземскому, 10 августа 1825 года въ письмѣ къ нему же, 30 ноября 1825 г. въ письмѣ къ А. А. Бестужеву, въ первой половинѣ февраля 1826 г. въ письмѣ къ П. А. Катенину, 27 мая 1826 г. въ письмѣ къ П. А. Вяземскому, въ письмѣ къ нему же 9 ноября 1826 г. (Переп. т. I, стр. 116, 259, 307. 326—327, 351, 383). Постоянно думая объ изданіи журнала, Пушкинъ сочувственно отнесся къ мысли Веневитиновскаго кружка издавать съ 1827 г. «Московскій Вѣстникъ», старался привлечь сотрудниковъ. 1 іюля 1828 года Пушкинъ пишетъ Погодину: «Надобно, чтобъ нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ... Должно терпѣніемъ, добросовѣстностью, благородствомъ и, особенно, настойчивостью оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности... Пора уму и знаніямъ вытѣснить Булгарина и Федорова»... (Переп. т. II, стр. 66—67). Въ 1828 году Пушкинъ хотѣлъ издавать вмѣстѣ съ Дельвигомъ журналъ и составилъ по этому поводу записку [1]).

Въ 1830 году другъ поэта, Дельвигъ, получилъ разрѣшеніе на изданіе «Литературной Газеты». Мечта Пушкина создать свой органъ осуществилась и онъ энергично выступилъ на поприще журналиста. Мы указали, какимъ нападкамъ подвергся «Московскій Вѣстникъ» со сто-

---

[1]) М. П. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи, т. II, стр. 214—215. СПБ. 1889.

[2]) Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова, т. VII, СПБ. 1904. стр. 317.

[3]) М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. СПБ. 1908, стр. 493.

[4]) Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПБ. 1910, стр. 185.

[5]) Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. Просвѣщенія, т. VI, 669.

[6]) См. Пушкинъ. Къ біографіи Пушкина. М. 1885, II, 405—406.

[1]) Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина, 2-е изд., Спб. 1910, стр. 182.

роны Булгарина, боявшагося всякой конкуренціи. Лишнее говорить, какъ подѣйствовало на Булгарина извѣстіе, что съ 1830 года будетъ выходить «Литературная Газета», руководимая его непримиримыми врагами Дельвигомъ и Вяземскимъ. Ко всему этому присоединялось участіе Пушкина. Булгаринъ не безъ основанія увидѣлъ серьезную опасность своимъ доходамъ. Одной изъ главныхъ цѣлей «Литературной Газеты» была вскрыть ничтожество Булгарина, парализовать вредное и развращающее его вліяніе, положить конецъ безстыдной фальсификаціи общественнаго мнѣнія. И Булгаринъ поспѣшилъ съ ожесточеніемъ напасть на «Литературную Газету». Ранѣе Булгаринъ стремился привлечь Пушкина къ сотрудничеству въ «Сѣверн. Пчелѣ» поддерживалъ съ нимъ хорошія отношенія и въ своихъ критическихъ замѣткахъ льстилъ ему. Но увидя, что планы его рушились, что Пушкинъ всталъ во главѣ «Литературной Газеты», Булгаринъ рѣзко перемѣнилъ фронтъ и съ пѣною у рта набросился на поэта. Сотоварищъ Булгарина Гречъ говоритъ: «Узнавъ, что Пушкинъ намѣренъ помогать Дельвигу своимъ содѣйствіемъ, онъ (Булгаринъ) еще болѣе испугался и, не дожидаясь перваго выстрѣла съ непріятельской батареи, самъ началъ атаку» [1]).

Началась знаменитая полемика. Она не была исключительно полемикой «Литературной Газеты» Дельвига, Вяземскаго и Пушкина съ «Сѣверной Пчелой», «Сыномъ Отечества», Булгаринымъ и Гречемъ. Въ ней приняли участіе и другіе журналы. Такъ союзникомъ Булгарина былъ Полевой. Нападалъ на «Литературную Газету» и Надеждинъ, бывшій въ враждебныхъ отношеніяхъ съ Полевымъ и Булгаринымъ. «Литературная Газета» была непріятна и другимъ современнымъ журналамъ, и они такъ или иначе задѣвали ее. Особенно нападалъ на «Литературную Газету» и Пушкина «Сѣверный Меркурій», изд. Бестужевымъ-Рюминымъ. Такимъ образомъ, полемика сложно переплеталась. Обрисовать эту полемику въ ея цѣломъ выходитъ за границы нашей статьи. Мы коснемся этой полемики лишь постольку, поскольку она связана съ нашей задачей—выяснить отношенія Пушкина къ Булгарину и Гречу.

Однимъ изъ сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы» былъ О. М. Сомовъ. Передъ появленіемъ «Литературной Газеты» Булгаринъ поссорился съ нимъ. Тогда Сомовъ примкнулъ къ «Литературной Газетѣ». Гречъ разсказываетъ, что, встрѣтивъ послѣ этого Сомова, Булгаринъ спросилъ: «Правда ли, Сомычъ, что вы пристали къ Дельвигу?»—«Правда».—«И вы меня будете ругать?»—«Держись!»... Эти слова, какъ искры взорвали подкопъ въ сердцѣ и въ головѣ Ѳаддея. Воротившись домой, онъ сѣлъ за письменный столъ и написалъ статью на объявленіе о «Литературной Газетѣ», сталъ бранить и унижать ее еще до выхода перваго № [1]). Но при выходѣ № 1 «Литературной Газеты» Булгаринъ сдержался и даже привѣтствовалъ появленіе ея. «Ограничиваемся на первый случай,— писалъ Булгаринъ въ № 3,—изъявленіемъ искренняго пожеланія бар. Дельвигу всѣхъ возможныхъ успѣховъ на поприщѣ журналиста: благоволенія публики, мира съ собратьями и занимательности листковъ». Въ слѣдующемъ № «Сѣверной Пчелы» Булгаринъ помѣстилъ рецензію о «Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1830 г.» О напечатанномъ тамъ Пушкинскомъ «Отрывкѣ изъ литературной лѣтописи», направленномъ противъ Каченовскаго, Булгаринъ говоритъ: «Остроумно и забавно».

Булгаринъ всегда ненавидѣлъ Вяземскаго, который очень отрицательно относился къ нему. Съ него то Булгаринъ и началъ походъ на «Литературную Газету», задѣвъ его въ №№ 11—13 «Сѣверной Пчелы». 10 января въ № 3 «Литературной Газеты» была напечатана замѣтка Пушкина «О литературной критикѣ», которая заканчивалась словами: «Литературная Газета» была у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, не могшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ петербургскихъ или московскихъ журналовъ». Это замѣчаніе было сейчасъ же подхвачено «Сѣверной Пчелой» и «Сыномъ Отечества», которые потомъ неоднократно кололи этимъ «Литературную Газету» [2]).

«Литературная Газета» ставила себѣ одной изъ задачъ противодѣйствовать лишеннымъ всякаго критическаго чутья оцѣп-

[1]) Гречъ. Записки, стр. 455. СПБ. 1886.

[1]) Гречъ. Записки, стр. 455.

[2]) См., напр., «Сынъ Отечества» 1830, № 16, 19 апрѣля. Это замѣчаніе было предметомъ насмѣшекъ и «Сѣвернаго Меркурія» — см., напр., «Сплетницу»—«Сѣверн. Меркурій», 1830, № 49, 23 апрѣля и № 50, 25 апрѣля.

камъ Булгарина. Въ началѣ года онъ открылъ походъ на «Юрія Милославскаго» Загоскина. Въ это время Булгаринъ писалъ историческій романъ «Дмитрій Самозванецъ» и, несомнѣнно, въ этихъ нападкахъ играло роль личное чувство. Гречъ говоритъ о Булгаринѣ, что «досада внушена ему была не авторскимъ самолюбіемъ, боявшимся превосходства соперника въ литературѣ, а боязнью за коммерческій успѣхъ своего новаго произведенія» [1]). Рѣзкій отзывъ Очкина въ №№ 7—9 «Сѣверной Пчелы» о Загоскинѣ обратилъ вниманіе Николая I, который былъ въ восторгѣ отъ «Юрія Милославскаго», и Бенкендорфу было приказано сдѣлать выговоръ Булгарину [2]). Пушкину очень нравился «Юрій Милославскій» [3]). 11 января 1830 года въ письмѣ къ М. Н. Загоскину поэтъ очень хвалитъ романъ, называетъ «однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи», сообщаетъ, что въ «Лит. Газетѣ будетъ о немъ статья Погорѣльскаго. Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать». (Переп. т. II, стр. 107—108). Послѣ нападокъ «Сѣвер. Пчелы» Пушкинъ выступилъ съ защитой Загоскина и 21 января въ № 5 «Литературной Газеты» напечаталъ хвалебную статью—«О романѣ Загоскина «Юрій Милославскій». Булгаринъ немедленно, несмотря на внушенія Бенкендорфа, помѣщаетъ ругательную статью о Загоскинѣ, не называя его. Это не прошло даромъ Булгарину и Гречу, они даже были арестованы, хотя скоро и выпущены [4]).

Выступивъ противъ Булгарина въ защиту Загоскина, Пушкинъ затѣмъ выступаетъ за Вяземскаго, подвергшагося, какъ мы указали, нападкамъ «Сѣверной Пчелы». 15 февраля въ № 10 «Литературной Газеты» появляется замѣтка Пушкина — «О статьяхъ кн. Вяземскаго», въ которой поэтъ указываетъ, что Вяземскій никогда не былъ зачинщикомъ журнальной брани, причемъ отмѣчается его благородство. «Личность его противниковъ,—пишетъ Пушкинъ,—никогда имъ не была оскорблена: они же всегда преступаютъ черту литературныхъ преній и помимутно, думая напасть на писателя, вызываютъ на себя негодованіе члена общества и даже гражданина. Но должно ли на нихъ негодовать? Не думаемъ. Въ нихъ болѣе извинительнаго незнанія приличій, чѣмъ предосудительнаго намѣренія. Чувство приличія зависитъ отъ воспитанія и другихъ обстоятельствъ». Ясно, что въ этой статьѣ имѣется въ виду Булгаринъ.

Такимъ образомъ, одинъ изъ первыхъ статей противъ Булгарина въ «Литературной Газетѣ» были написаны Пушкинымъ.

«Борисъ Годуновъ» вышелъ въ свѣтъ въ концѣ декабря 1830 г., но многимъ сдѣлался извѣстнымъ ранѣе, такъ какъ Пушкинъ читалъ трагедію своимъ знакомымъ. Въ этомъ же году появился не много раньше «Дмитрій Самозванецъ» Булгарина. Пушкинъ нашелъ, что Булгаринъ, который могъ имѣть списокъ трагедіи, заимствовалъ у него. Въ замѣткахъ поэта о «Борисѣ Годуновѣ» въ его бумагахъ находится такое замѣчаніе: «Вѣроятно, трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же главныя сцены уже напечатаны или искажены въ подражаніяхъ. Раскрывъ наудачу историческій романъ г. Булгарина, нашелъ я, что у него о появленіи Самозванца приходитъ объявлять царю кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Годуновъ говоритъ наединѣ съ Басмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у г. Булгарина также. Все это драматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другого... Но это еще не бѣда, les beaux ésprits se rencontrent» [1]). Въ бумагахъ Пушкина сохранились замѣтки 1830—1831 г., которыя, очевидно, предполагались для печати и, вѣроятно, въ «Литературную Газету». Среди этихъ замѣтокъ есть «Китайскій анекдотъ»: «Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное происшествіе. Нѣкто изъ класса грамотѣевъ написалъ трагедію, долго не отдавалъ ее въ печать, но читалъ

---

[1]) Гречъ. Записки, стр. 458.

[2]) М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 г.г., Спб. 1908, стр. 268—273.

[3]) См., напр., свидѣтельство С. Т. Аксакова. И. Аксаковъ. Біографія М. Н. Загоскина. М. 1853, стр. 22; Сочиненія Аксакова, подъ ред. А. Г. Горнфельда, СПБ. 1910, т. IV, стр. 106 и Л. Павлищевъ. Изъ семейной хроники. М. 1890, 196—197.

[4]) М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг., стр. 273—274; Гречъ. Записки, 458—463; Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ объ арестѣ, что ему «очень многіе радуются» («Записки и дневникъ», т. I, Спб. 1905, стр. 200); «Русская Старина», 1871, кн. XI, стр. 502—505; М. Н. Загоскинъ. Біографическій очеркъ Спб. 1889, стр. 65—80.

[1]) Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. III, стр. 225.

ее неоднократно въ порядочныхъ пекинскихъ обществахъ и даже ввѣрялъ свою рукопись нѣкоторымъ мандаринамъ. Другой грамотѣй (слѣдуютъ китайскія ругательства) или подслушалъ трагедію изъ прихожей, что, говорятъ, за нимъ важивалось, или тихонько взялъ рукопись изъ шкатулки мандарина (что въ старину также съ нимъ случалось) и склеилъ на скорую руку изъ довольно нескладной трагедіи чрезвычайно скучный романъ»... Пушкинъ, очевидно, говорилъ знакомымъ, что Булгаринъ заимствовалъ у него и что онъ хочетъ писать замѣтку по этому поводу. Это дошло до Булгарина. 18 февраля онъ пишетъ письмо Пушкину, въ которомъ убѣждаетъ его, что не заимствовалъ ничего изъ «Бориса Годунова». (Переп. т. II, стр. 118—119) [1]).

Въ это время, въ февралѣ, появилась эпиграмма Пушкина на Булгарина:

Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшко—ляхъ, Мицкевичъ—ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,—
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ—и это не бѣда;
Бѣда, что ты Видокъ Фигляринъ [2]).

Булгаринъ всегда беззастѣнчиво рекламировалъ свои книги. И на этотъ разъ въ № 22 «Сѣверной Пчелы», 20 февраля появилась реклама «Дмитрію Самозванцу». Не дождавшись еще отвѣта Пушкина на письмо отъ 18 февраля, Булгаринъ сдѣлалъ выпадъ противъ Пушкина. «Благосклонность, которою пользуется авторъ Дм. Самозванца у русской и иностранной публики,—пишетъ «Сѣверная Пчела»,—должна вознаградить его за литературныя терпія. Духъ литературныхъ партій, существовавшихъ и существующихъ вездѣ, и положеніе г. Булгарина, какъ журналиста и читаемаго автора, лишаютъ его удовольствія выслушать въ Россіи печатный справедливый приговоръ своимъ трудамъ. Кромѣ того, авторъ «Дмитрія Самозванца» не употребляетъ никакихъ извѣстныхъ мѣръ для пріуготовленія мнѣнія общества и большого свѣта въ свою пользу: не читаетъ предварительно своихъ сочиненій въ рукописи въ собраніяхъ, не задабриваетъ сужденія тѣхъ, которые имѣютъ у насъ въ обществѣ значеніе, но трудится въ тишинѣ кабинета, печатаетъ и отдаетъ свои сочиненія на судъ безпристрастной публики». 7 марта въ № 14 «Литературной Газеты» появился анонимный критическій отзывъ о «Дмитріи Самозванцѣ», принадлежащій Дельвигу. Отзывъ отрицательный, но сдержанный. Между прочимъ, въ разборѣ попадается такая фраза: «Мы извинимъ повсюду выказывающееся пристрастное предпочтеніе народа польскаго передъ русскимъ. Намъ ли, гордящимся вѣротерпимостью, открыть гоненіе противу не нашихъ чувствъ и мыслей? Намъ пріятно видѣть въ г. Булгаринѣ поляка, ставящаго выше всего свою націю; но чувство патріотизма заразительно, и мы еще бы съ большимъ удовольствіемъ прочли повѣсть о тѣхъ временахъ, сочиненную писателемъ русскимъ»... Булгаринъ отличался удивительнымъ самомнѣніемъ и всегда мстилъ за отрицательные о себѣ отзывы. Не получая отвѣта отъ Пушкина на свое письмо, сдѣлавъ противъ него выпадъ, Булгаринъ ожидалъ мщенія Пушкина и рѣшилъ, что статья написана имъ [1]). 11 марта въ № 30 «Сѣверной Пчелы» Булгаринъ напечаталъ замѣтку—«Анекдотъ» выдавъ ее за переводъ изъ англійскаго журнала: «Извѣстно, что въ просвѣщенной Франціи иноземцы, занимающіеся словесностью, пользуются особеннымъ уваженіемъ туземцевъ. Мольте-Брунъ, Деппингъ, Гофманъ и другіе служатъ тому примѣромъ. Надлежало имѣть исключеніе изъ правила: и появился какой-то стихотворецъ, который долго морочивъ публику передразниваніемъ Байрона и Шиллера (хотя не понималъ ихъ въ подлинникѣ), наконецъ, упалъ въ общемъ мнѣніи, отъ стиховъ хватился за критику и разбранилъ новое сочиненіе Гофмана самымъ безстыднымъ образомъ. Чтобъ уронить Гофмана во мнѣ-

[1]) Разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько «Дмитрій Самозванецъ» заимствованъ у Пушкина, отклонило бы насъ слишкомъ въ сторону. Скажемъ лишь, что, если можно признать заимствованіе Булгарина у Пушкина, то оно не идетъ такъ далеко, какъ это находилъ поэтъ.

[2]) Видокъ былъ начальникомъ парижской тайной полиціи. Въ 1829—1830 г. появились его мемуары, рисующіе автора, какъ личность очень низкую и подлую. М. К. Лемке («Никол. жандармы», стр. 266) указываетъ, что прозвище «Фиглярина» дано Булгарину Вяземскимъ въ эпиграммѣ «Фиглярина хочетъ слыть хорошимъ журналистомъ» («Москов. Телеграфъ», 1827, т. XV). М. К. Лемке ошибается: еще ранѣе появленія этой эпиграммы Вяземскаго прозвище Фиглярина мы встрѣчаемъ въ эпиграммѣ В. Ѣлагина—«На нѣкоторое паденіе съ лошади и въ общемъ мнѣніи» («Дамскій Журналъ», 1825, № 26, стр. 138).

[1]) См. письмо П. А. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу 21 и 25 апрѣля 1830 г.—«Остафьевскій архивъ», III, стр. 192 и 193.

пін французовъ злой человѣкъ упрекнулъ автора тѣмъ, что онъ не природный французъ и представляетъ въ комедіяхъ своихъ странности французовъ съ умысломъ для возвышенія своихъ земляковъ-нѣмцевъ». Затѣмъ приводится письмо, будто бы написанное Гофманомъ къ французскому писателю, въ которомъ о «стихотворцѣ», природномъ французѣ, говорится, что онъ служитъ «болѣе усердно Бахусу и Плутусу, нежели музамъ», что онъ «въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, ни одной полезной истины», что у него «сердце холодное и нѣмое существо, какъ устрица, а голова—родъ побрякушки, набитой гремучими рифмами, гдѣ не зародилась ни одна идея», что онъ «подобно изступленнымъ въ баснѣ Пильпая, бросающимъ камнями въ небеса, бросаетъ рифмами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобы позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ», что онъ «маратъ бѣлые листы на продажу, чтобы спустить деньги на крапленныхъ листахъ» и что у него «одно господствующее чувство—суетность». Для всѣхъ было ясно, что подъ именемъ «стихотворца» имѣется въ виду Пушкинъ, а Гофмана—Булгаринъ [1]).

Такой подлой выходки Пушкинъ не ожидалъ даже и отъ Булгарина [2]). Послѣ этого произошелъ открытый разрывъ между Пушкинымъ и Булгаринымъ. Поэтъ былъ ошеломленъ наглой и дерзкой выходкой Булгарина [3]). Во второй половинѣ марта Пушкинъ пишетъ Вяземскому: «Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою, сердиться нельзя, но побить его можно и думаю должно—по распутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы, а дубины въ 800 верстъ длины въ Россіи нѣтъ, кромѣ гр. Панина» (Переп. т. II, стр. 126).

Итакъ, отъ похвалъ и лести Булгаринъ переходитъ къ ожесточеннымъ нападкамъ на Пушкина. Прежде каждая глава «Евгенія Онѣгина», какъ видѣли мы, была встрѣчена похвалами «Сѣверной Пчелы», и вдругъ послѣ седьмой главы Булгаринъ провозгласилъ «совершенное паденіе» Пушкина. «Мы сперва подумали, — пишетъ Булгаринъ 22 марта въ № 35 «Сѣв. Пчелы»,—что это мистификація, просто шутка или пародія и не прежде увѣрились, что эта глава VII есть произведеніе сочинителя Руслана и Людмилы, пока книгопродавцы насъ не убѣдили въ этомъ. Эта глава VII—два маленькіе, печатные листика испещрена такими стихами и балагурствомъ, что въ сравненіи съ ними даже Евгеній Вельскій кажется чѣмъ то похожимъ на дѣло. Ни одной мысли въ этой водянистой VII главѣ, ни чувствованій, ни одной картины достойной воззрѣнія! Совершенное паденіе, chute complète». Эта наглая статья, наполненная самыхъ пошлыхъ глумленій надъ Пушкинымъ, произвела неожиданное для Булгарина впечатлѣніе на Николая I: онъ ею возмутился и въ тотъ же день, 22 марта, написалъ Бенкендорфу: «Я забылъ вамъ сказать, любезный другъ, что въ сегодняшнемъ нумерѣ «Пчелы» находится опять несправедливѣйшая и пошлѣйшая статья, направленная противъ Пушкина; къ этой статьѣ, навѣрное, будетъ продолженіе: поэтому предлагаю вамъ призвать Булгарина и запретить ему отнынѣ печатать какія бы то ни было критики на литературныя произведенія; и, если возможно, запретить его журналъ». Бенкендорфъ, конечно, выступилъ въ защиту Булгарина. Хотя онъ и писалъ Николаю I, что «приказанія Вашего Величества исполнены; Булгаринъ не будетъ продолжать свою критику на Онѣгина», но всѣми силами старается защитить Бул-

[1]) «Сѣверная Пчела» не разъ сопоставляла Булгарина съ Гофманомъ, а также «Сынъ Отечества» (см. 1825, XI, стр. 294, 296, 303—305), имѣя въ виду отмѣтить, что какъ Гофманъ (очевидно—François Hoffman, 1760—1828), по происхожденію нѣмецъ, являлся видным французскимъ писателемъ, такъ и польское происхожденіе Булгарина не играетъ никакой роли въ его дѣятельности въ области русской литературы. (М. И. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи, т. II, стр. 270).

[2]) Вяземскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу 25 апрѣля 1830 года назвалъ эту замѣтку «наглостной» (Остафьевскій Архивъ, III, 193).

[3]) Л. Павлищевъ, разсказывая о поѣздкѣ Пушкина въ Москву и объ его предложеніи Гончаровой, сообщаетъ, что передъ отъѣздомъ поэтъ просилъ отца Л. Павлищева, Н. И. Павлищева, женатаго на сестрѣ Пушкина, заявить Булгарину, что «послѣднихъ статей и нападокъ «Сѣверной Пчелы» Александръ Сергѣевичъ ему не спуститъ, а желаніе Булгарина насолить дядѣ въ кабинетѣ своего Мецената онъ не сегодня—завтра предупретитъ того же Бенкендорфа» (207). Въ примѣчаніи Павлищевъ указываетъ, что «по всей вѣроятности дядя въ разговорѣ съ отцомъ разумѣлъ «Анекдотъ» и критику седьмой главы «Евгенія Онѣгина». Это сообщеніе, подобно многому въ книгѣ Павлищева, недостовѣрно: Пушкинъ выѣхалъ въ Москву 4 марта (П. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина, 2-е изд. Спб. 1910, стр. 205), значитъ, разговоръ былъ ранѣе этого дня, между тѣмъ «Анекдотъ» появился позже — 11 марта, а критика «Евгенія Онѣгина» — 22 марта.

гарина. О его критикѣ Бенкендорфъ пишетъ: «Я прочелъ ее, Государь, и долженъ сознаться, что ничего личнаго противъ Пушкина не нашелъ; эти два автора, кромѣ того, вотъ уже два года въ довольно хорошихъ отношеніяхъ между собою. Прилагаю при семъ статью противъ «Дмитрія Самозванца», чтобы Ваше Величество видѣли, какъ нападаютъ на Булгарина. Если бы Ваше Величество прочли это сочиненіе, то вы нашли бы въ немъ много очень интереснаго и въ особенности монархическаго, а также побѣду легитимизма. Я бы желалъ, чтобы авторы, нападавшіе на это сочиненіе, писали въ томъ же духѣ, такъ какъ сочиненіе—это совѣсть писателей». Николай I отвѣчалъ: «Я внимательно прочелъ критику на «Самозванца» и долженъ вамъ сознаться, что такъ какъ я не могъ пока прочесть болѣе двухъ томовъ и только сегодня началъ третій, то про себя или въ себѣ размышлялъ точно также.. Въ критикѣ на Онѣгина только факты и очень мало смысла» [1]). Защита Бенкендорфа, однако, была успѣшна: Булгарину не было запрещено помѣщать въ «Сѣверной Пчелѣ» критическихъ статей.

Бдительный надзоръ Бенкендорфа былъ, конечно, очень тягостенъ для Пушкина. Очевидно, опасаясь, что Булгаринъ, близко стоявшій къ Бенкендорфу, будетъ мстить и наговаривать, Пушкинъ во французскомъ письмѣ къ Бенкендорфу изъ Москвы отъ 24 марта пишетъ: «Г. Булгаринъ, который говоритъ, что имѣетъ у васъ вліяніе, сталъ однимъ изъ самыхъ заклятыхъ моихъ враговъ, вслѣдствіе одной критики, которую онъ приписываетъ мнѣ. Послѣ гнусной его статьи противъ меня я считаю его способнымъ на все. Я не могу не предупредить васъ о моихъ отношеніяхъ къ этому человѣку, потому что онъ можетъ мнѣ причинить безграничный вредъ» (Переп. т. II, стр. 127). Тутъ, собственно, Пушкинъ вовсе не прибѣгаетъ къ защитѣ Бенкендорфа и не думаетъ просить его, чтобы онъ заставилъ Булгарина замолчать. Это важно оттѣнить, такъ какъ въ Пушкинской литературѣ встрѣчается указаніе, что Пушкинъ въ этомъ письмѣ просилъ защиты Бенкендорфа. Такъ, Н. О. Лернеръ въ своей работѣ подъ 24 мартомъ отмѣчаетъ: «Письмо Пушкина изъ Москвы на французскомъ языкѣ къ А. Х. Бенкендорфу съ просьбой оградить его отъ подлыхъ выходокъ Булгарина» [1]). Самъ Пушкинъ въ статьѣ «Отрывокъ изъ литературной лѣтописи» въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1830 г.» рѣзко осудилъ Каченовскаго за то, что тотъ, задѣтый статьями о немъ Полевого, подалъ въ цензурный комитетъ прошеніе, въ которомъ просилъ оградить его, какъ ординарнаго профессора, статскаго совѣтника и кавалера, отъ нападокъ Полевого. И выходитъ, что спустя короткое время поэтъ самъ якобы прибѣгъ къ аналогическому средству. Но на самомъ дѣлѣ, тутъ только самозащита, а не желаніе насильственно заградить уста противнику.

1 апрѣля Булгаринъ напечаталъ въ № 39 «Сѣверной Пчелы» окончаніе статьи объ «Евгеніи Онѣгинѣ», столь же злостное, какъ и начало. «Какъ оно прошло незамѣченнымъ Николаемъ сказать трудно: онъ ежедневно читалъ эту газету?»—удивляется М. К. Лемке [2]). Но, вѣроятно, къ этому времени Бенкендорфъ уже достаточно настроилъ Николая въ пользу Булгарина. Въ своей статьѣ Булгаринъ дошелъ даже до того, что обвинилъ Пушкина въ заимствованіяхъ изъ «Горя отъ ума» и «Ивана Выжигина». «Начинается описаніе Московской жизни общества,—пишетъ «Сѣверная Пчела».—Здѣсь поэтъ взялъ обильную дань изъ «Горя отъ ума» и, просимъ не прогнѣваться, изъ другой извѣстной книги...» Статья Булгарина возмутила даже такого недруга Пушкина, сильно нападавшаго на его поэзію, какъ Надеждина, который въ № 7 «Московскаго Телеграфа» за 1830 г. высказалъ осужденіе статьѣ Булгарина.

Въ сохранившихся въ бумагахъ поэта замѣткахъ, относящихся къ 1830 г. и очевидно предназначавшихся къ печати, Пушкинъ писалъ объ этой статьѣ Булгарина: «Критику VII пѣсни въ «Сѣв. Пчелѣ» пробѣжалъ я въ гостяхъ и въ такую минуту, когда мнѣ было не до «Онѣгина»... Я замѣтилъ только очень хорошо написанные стихи и довольно смѣшную шутку объ жукѣ. У меня сказано:

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.

Критикъ радовался появленію сего новаго лица и ожидалъ отъ него характера, лучше

[1]) М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. СПБ. 1908, стр. 498—500.

[1]) Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПБ. 1910, стр. 207.

[2]) М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. стр. 500.

выдержаннаго прочихъ. Кажется, впрочемъ, ни одного дѣльнаго замѣчанія или мысли критической не было. Другихъ критиковъ я не читалъ, ибо право, мнѣ было не до нихъ. Эту критику «Сѣверной Пчелы» напрасно приписывали Булгарину: 1) стихи въ ней слишкомъ хороши; 2) проза слишкомъ слаба; 3) Булгаринъ не сказалъ бы, что описаніе Москвы взято изъ «Ивана Выжигина» (весь отрывокъ этотъ былъ напечатанъ въ «Сѣверн. Пчелѣ» года два прежде появленія Выжигина), ибо г. Булгаринъ не сказываетъ, что трагедія «Б. Годуновъ» взята изъ его романа» [1]).

3 апрѣля Бенкендорфъ отвѣчалъ на письмо поэта, въ которомъ пишетъ: «Вы не правы, думая, что кто бы то ни было можетъ на меня вліять во вредъ вамъ, потому что я знаю васъ слишкомъ хорошо. Что же касается г. Булгарина, то онъ никогда не говорилъ мнѣ о васъ уже по той простой причинѣ, что я его вижу лишь два-три раза въ годъ и въ послѣднее время видѣлъ только для того, чтобы сдѣлать ему выговоръ». Бенкендорфъ лгалъ самымъ безстыднымъ образомъ [2]).

6 апрѣля «Литературная Газета» въ № 20 нанесла два жестокихъ удара Булгарину. Появилась статья Пушкина «О запискахъ Видока», въ которой поэтъ, говоря якобы о Видокѣ, говоритъ на самомъ дѣлѣ о Булгаринѣ. Эту статью поэтъ предлагалъ Погодину для его «Московскаго Вѣстника», о чемъ записалъ Погодинъ въ своемъ Дневникѣ [3]). Очень расположенная къ Пушкину, Е. М. Хитрово, узнавъ, что Пушкинъ хочетъ напечатать эту замѣтку, опасалась, что это повредитъ ему и Булгаринъ будетъ мстить. Хитрово обратилась къ П. А. Вяземскому въ апрѣлѣ съ просьбой подѣйствовать на Пушкина и прежде, чѣмъ напечатать, посовѣтоваться съ Жуковскимъ [4]). Вяземскій, очевидно, не придалъ значенія этой просьбѣ.

Въ своей замѣткѣ поэтъ не пожалѣлъ темныхъ красокъ въ обрисовкѣ Видока-Булгарина, назвавъ его «отъявленнымъ плутомъ», «столь же безстыднымъ, какъ и гнуснымъ», «живущимъ ежедневными донесеніями», «хвастающимъ дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находящихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодъ не бывалъ? а Видокъ человѣкъ услужливый, дѣловой)» [1]). Эта статья Пушкина вмѣстѣ съ эпиграммой обратили всеобщее вниманіе, произвели такой шумъ, что цензура стала запрещать статьи о Видокѣ, видя вездѣ намеки на Булгарина [2]). Въ сохранившихся въ рукописяхъ замѣткахъ, относящихся къ 1830—1831 годамъ и предназначавшихся, очевидно, для печати, Пушкинъ, говоря о необходимости отражать личныя нападенія въ печати, писалъ объ «Анекдотѣ» Булгарина и о своемъ отвѣтѣ «О запискахъ Видока»: «Однажды (оффиціально) напечаталъ кто-то, что такой-то французскій стихотворецъ, подражатель Байрону, печатающій критическія статьи въ «Литер. Газетѣ»,—человѣкъ подлый и безнравственный, а что такой-то журналистъ—человѣкъ умный, скромный, храбрый служилъ съ честью сперва одному отечеству, потомъ другому. Французскій стихотворецъ отвѣчалъ подлинно такъ, что скромный и храбрый журналистъ объ двухъ отечествахъ, вѣроятно долго будетъ его помнить. On en rit, j'en ris moi-même».

Другой ударъ Булгарину былъ нанесенъ въ томъ же № 20 «Литературной Газеты» Дельвигомъ. Отвѣчая на критику VII главы «Евгенія Онѣгина», Дельвигъ пишетъ: «Седьмая глава «Евгенія Онѣгина» лучше всѣхъ защитниковъ отвѣчаетъ за себя своими красотами, и никто, кромѣ Сѣв. Пчелы, не найдетъ въ описаніи Москвы заимствованій изъ «Горя отъ ума»... Но изъ какой, просимъ не прогнѣваться, другой извѣстной книги Пушкинъ похитилъ? Не называетъ ли Сѣверная Пчела извѣстною книгою Ивана Выжигина, гдѣ находится странное раздѣленіе Московскаго общества на классы, въ числѣ коихъ одинъ составленъ

---

[1]) Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. IV, стр. 22.

[2]) М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. стр. 500—501. В. В. Гиппіусъ. Пушкинъ и журнальная полемика его времени. — Памяти Пушкина. Сборникъ статей преподавателей и слушателей Ист.-Фил. Факультета Петерб. Университета. СПБ. 1900, стр. 265.

[3]) Н. М. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. III, стр. 17.

[4]) Сочиненія П. И. Вяземскаго. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива, стр. 521.

[1]) Булгаринъ выставлялъ на видъ свою дружбу съ Грибоѣдовымъ въ «Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ на 1828 г.» и «Сынѣ Отечества» 1830 г. №№ 1—2. Воейковъ въ своемъ «Славянинѣ» въ статьѣ «О знакомствѣ издателя «Лондонскаго Трутня» («The London Drone») съ знаменитыми покойниками» («Славянинъ», 1828, № 39) зло высмѣялъ по этому поводу Булгарина (Каллашъ,—«Пушкинъ, Полевой и Булгаринъ»—«Пушкинъ и его современники», вып. II, 32—49).

[2]) М. И. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи, т. II, стр. 274 и Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина, 2-е изд. СПБ. 1910, стр. 230, 462, 463.

изъ Архивныхъ юношей? Кажется, что такъ; и мы также обвинимъ Пушкина, хотя по какой-то игрѣ случая его описаніе Москвы было написано прежде Ивана Выжигина и напечатано въ СѢв. Пчелѣ почти за годъ до появленія сего романа. Обвинимъ Пушкина и въ другомъ, еще важнѣйшемъ похищеніи: онъ многое заимствовалъ изъ романа: Дмитрій Самозванецъ, и сими хищеніями удачно, съ искусствомъ, ему свойственнымъ, украсилъ свою историческую трагедію: Борисъ Годуновъ, хотя тоже, по странному стеченію обстоятельствъ, имъ написанную за пять лѣтъ до рожденія историческаго романа Г. Булгарина». Н. О. Лернеръ дѣлаетъ предположеніе, что эта замѣтка Дельвига написана «не безъ участія Пушкина» [1]).

Эпиграмма Пушкина «Не то бѣда, что ты полякъ» широко распространилась. Булгаринъ, очевидно, желая показать свое благородство, напечаталъ ее 26 апрѣля въ № 17 «Сына Отечества», замѣнивъ въ послѣдней строкѣ Видока Фиглярина Ѳаддеемъ Булгаринымъ и сдѣлавъ такое замѣчаніе: «Въ Москвѣ ходитъ по рукамъ и пришла сюда для раздачи любопытствующимъ эпиграмма одного извѣстнаго поэта. Желая угодить нашимъ противникамъ и читателямъ и сберечь сіе драгоцѣнное произведеніе отъ искаженія при переписвѣ печатаемъ оное». Въ выноскѣ было сказано: «Правда бѣда—по кому? не литературнымъ ли трутнямъ, Цапхалкинымъ, Задушатинымъ и т. п. Примѣчаніе наборщика». Булгаринъ разсказывалъ, что когда Бенкендорфъ обратилъ вниманіе на его поступокъ Николая, то онъ написалъ: «Благородное мщеніе».

Подготавливая къ печати «Бориса Годунова», Пушкинъ предполагалъ въ предисловіи задѣть Булгарина. Въ началѣ мая Пушкинъ пишетъ Плетневу: «Думаю написать предисловіе. Руки чешутся,—хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мнѣ, Ал. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить объ Ѳаддеѣ Булгаринѣ. Кажется — неприлично. Какъ ты думаешь? — рѣши. Скажи: имѣло ли вліяніе на расходъ Онѣгина отзывъ СѢв. Пчелы? Это для меня любопытно. Знаешь ли что? у меня есть презабавные матеріалы для романа: Ѳаддей Выжигинъ. Теперь пе-

[1]) Новооткрытыя страницы Пушкина.—«Пушкинъ и его современники», вып. XII и отдѣльно. СПБ. 1909, стр. 11—13.

когда, а со временемъ можно будетъ написать это. Какое дѣйствіе произвела вообще и въ частности статья о Видокѣ? пожалуйста, отпиши». (Перен. т. II, стр. 147). Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 21 мая Плетневъ не совѣтовалъ въ предисловіи писать о Булгаринѣ, на другіе же вопросы не отвѣчалъ. (Перен. т. II, стр. 154).

8 мая Дельвигъ пишетъ письмо Пушкину о впечатлѣніи, произведенномъ эпиграммой «Не то бѣда, что ты полякъ» на Булгарина, и о мотивахъ, которыми онъ руководствовался, печатая съ своимъ именемъ эпиграмму: «Булгаринъ поглупѣлъ до того отъ Видока, что уѣхалъ ранѣе обыкновеннаго въ деревню, но подлъ попрежнему. Онъ напечаталъ твою эпиграмму на Видока-Фиглярина со своимъ именемъ не по глупости, какъ читатели думаютъ, а дабы тебя замарать. Онъ представилъ ее Правительству, какъ пасквиль, и просилъ въ удовлетвореніе свое позволенія ее напечатать. Ему позволили, какъ мнѣ объявилъ Цензоръ, похваля его благородный поступокъ, разумѣется не зная, что эпиграмма писана не съ его именемъ и что онъ поставилъ оное только изъ боязни, чтобы читатели сами не нашли ее эпиграммою на него. Не желая, чтобы тебя считали пасквилянтомъ, человѣкомъ, дѣлающимъ противозаконное, я подалъ въ высшую Цензуру просьбу, чтобы позволили это стихотвореніе напечатать безъ ошибокъ, а тебя прошу оправдаться передъ Его Величествомъ...» (Перен. т. II, стр. 148 и Сочиненія Дельвига, СПБ. 1895, стр. 168—169). Цензура не пропускала эпиграммы для напечатанія въ «Литературной Газетѣ». Л. С. Пушкинъ обращался къ Жуковскому, съ просьбой похлопотать о допущеніи цензурой эпиграммы [1]).

«Литературную Газету» Булгаринъ выставлялъ какъ газету кучки аристократовъ, кичащихся своимъ аристократизмомъ, которая вноситъ его въ литературу, гдѣ главную роль играетъ талантъ, образованность, а не происхожденіе. «Литературная Газета», дѣйствительно, была въ рукахъ группы аристократовъ и это придавало ей особый характеръ. Но «Литературная Газета» не переносила этого элемента въ литературу и не открывала гоненій на писателей демократическаго происхожденія только потому, что они такого происхожденія, какъ старался доказать Булгаринъ. Поэтому «Литературная Газета»

[1]) «Русская Старина», 1903, VIII, 454—455.

ПУШКИНЪ.

Гравюра Райта (1837).

энергично протестовала противъ обвиненія. Особенно это надо сказать про Пушкина. Онъ, какъ извѣстно, очень гордился своимъ происхожденіемъ, предками, слишкомъ переоцѣнивалъ значеніе въ русской исторіи дворянства, наконецъ, нельзя отрицать, что въ его міросозерцаніи есть классовый налетъ. Но это, конечно, далеко отъ того, чтобы въ области чисто-литературной руководствоваться справками о происхожденіи писателя. 25 іюня въ № 36 «Литературной Газеты» появилась статья Пушкина «О неблаговидности нападокъ на дворянство», отражающая обвиненіе въ «аристократизмѣ».

Въ іюнѣ была написана и быстро распространилась новая эпиграмма Пушкина на Булгарина:

Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ,
Что родомъ ты не русскій баринъ,
Что на Парнасѣ ты цыганъ,
Что въ свѣтѣ ты– Видокъ Фиглярinъ,
Бѣда, что скученъ твой романъ [1]).

Булгаринъ не замедлилъ отомстить. 7 августа въ № 94 «Сѣверной Пчелы» было напечатано Булгаринское «Второе письмо изъ Карлова на Каменный Островъ», заключающее насмѣшки надъ «аристократизмомъ» сотрудниковъ «Литературной Газеты» и Пушкина. «Аристократизмъ,— указываетъ Булгаринъ,—не сдѣлаетъ глаже и умнѣе ни прозы, ни стиховъ». «Разсказываютъ анекдотъ,—говоритъ, между прочимъ, Булгаринъ,—что какой-то поэтъ въ Испанской Америкѣ, также подражатель Байрона, происходя отъ мулата или, не помню, отъ мулатки, сталъ доказывать, что одинъ изъ предковъ его негритянскій принцъ. Въ ратушѣ города доискались, что въ старину былъ процессъ между шкиперомъ и его помощникомъ за этого негра, котораго каждый изъ нихъ хотѣлъ присвоить, и что шкиперъ доказывалъ, что онъ купилъ негра за бутылку рома»... [2]). Новый выпадъ Булгарина очень задѣлъ Пушкина, тѣмъ болѣе, что Булгаринъ, обвиняя теперь «Литературную Газету» въ «аристократизмѣ», самъ ранѣе въ союзѣ съ Каченовскимъ высмѣивалъ Полевого за его происхожденіе и въ «Отрывкѣ изъ литературныхъ лѣтописей», заступаясь за Полевого, Пушкинъ протестовалъ, говоря, что «никто болѣе нашего не уважаетъ истиннаго, родового дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ — какое намъ дѣло до гербовъ и пыльныхъ грамотъ? Потомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и странствующій купецъ равны передъ законами критики». Это указалъ снова Пушкинъ 9 августа въ № 45 «Литературной Газеты», отвѣчая Булгарину: «Новыя выходки противу такъ называемой литературной нашей аристократіи столь же недобросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежащихъ, будто бы, этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, Сѣверная Пчела помнитъ, кто упрекалъ поминутно г-на Полевого тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальной нетерпимостью нѣкоторыхъ чиновныхъ журналистовъ... [1]). Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII столѣтія (которыхъ, впрочемъ, ни въ какомъ отношеніи сравнить съ нашими невозможно) пріуготовили крики: «Аристократовъ къ фонарю»; и пичуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: «Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ». Avis au lecteur».

Въ томъ же № 45 9 августа «Литературной Газеты» была помѣщена замѣтка [2]), въ которой прямо заявлялось, что разгадка тому, отчего «Сѣверная Пчела» въ 1830 г. больше всего нападаетъ на Загоскина, Пушкина и Кирѣевскаго, заключается въ личныхъ мотивахъ, въ томъ, что «Юрій Милославскій» могъ вредить распространенію романа Булгарина, что Пушкину была приписана критика «Дмитрія Самозванца» въ № 14 «Литературной Газеты»,

---

[1]) Напечатана въ «Денницѣ» М. Максимовича въ 1831 г.

[2]) Гречъ разсказываетъ, что мысль этого выпада подалъ Булгарину гр. Уваровъ. Въ гостяхъ у Олениной въ присутствіи Булгарина Уваровъ съ насмѣшкой сказалъ, что Пушкинъ «хвалится своимъ происхожденіемъ отъ негра Аннибала, котораго продали въ Кронштадтѣ Петру Великому за бутылку рома» («Записки» Греча, стр. 456).

[1]) Это же самое указываетъ Пушкинъ въ сохранившихся въ его рукописяхъ замѣткахъ, относящихся къ 1830–1831 г.г., въ которыхъ, между прочимъ, говоря о родовой чести, замѣчаетъ, что онъ, все-таки, выше достоинства рода ставитъ достоинство личное.

[2]) П. О. Лернеръ находитъ, что эта замѣтка «едва ли могла появиться безъ участія Пушкина». («Новооткрытыя страницы Пушкина».—«Пушкинъ и его современники», вып. XII и отд. Спб. 1909, стр. 17—22). Предположеніе вѣроятное, но категорически говорить объ участіи въ замѣткѣ Пушкина нѣтъ достаточныхъ основаній

что Кирѣевскій отрицательно отнесся къ «Ивану Выжигину» въ альманахѣ «Денница». О Пушкинѣ было такое замѣчаніе: « А. С. Пушкину предлагали написать критику историческаго романа г. Булгарина. Онъ отказался, говоря, чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надѣюсь». Эта замѣтка больно ударила Булгарина. Въ довершеніе всего «Литературная Газета» перепечатала отзывъ Кирѣевскаго. Это—одинъ изъ самыхъ нелестныхъ для Булгарина отзывовъ, приравнивавшій «Ивана Выжигина» къ «Соннику» и книгѣ «О клопахъ».

«Новыя выходки» вызвали горячія нападки Полевого («Москов. Телеграфъ», № 14, іюльскій, 1830) на статью и на «аристократизмъ» «Литературной Газеты». Откликомъ на нападки былъ «Разговоръ А и Б», являющійся продолженіемъ статьи «Новыя выходки»... Онъ не былъ напечатанъ и сохранился въ рукописяхъ поэта. Пушкинъ подчеркиваетъ, что «Литературная Газета» чужда «дворянской спеси», «гоненія на другія сословія», того узкаго сословнаго духа, на что нападалъ Полевой съ Булгаринымъ [1]).

Какъ мы указали, Пушкинъ былъ больно затронутъ статьей Булгарина о своемъ происхожденіи. Отвѣтомъ была «Моя родословная». По словамъ Пушкина (Переп. т. II, стр. 346—347), онъ отдалъ ее Дельвигу для напечатанія въ «Литературной Газетѣ», но тотъ ему отсовѣтовалъ, указавъ, что не стоитъ защищаться противъ подобныхъ нападокъ. Кн. П. А. Вяземскій совѣтовалъ Пушкину не распространять этого стихотворенія [2]). Въ письмѣ отъ 24 ноября 1831 г. Пушкинъ посылаетъ Бенкендорфу «Мою родословную» и объясняетъ, чѣмъ она была вызвана. «Такъ какъ мои стихи,—заканчиваетъ Пушкинъ,—могутъ принять за косвенную сатиру на происхожденіе нѣкоторыхъ извѣстныхъ фамилій, не зная, что это лишь очень сдержанный отвѣтъ на вызовъ, достойный крайняго порицанія, я счелъ своею обязанностью дать вамъ откровенное объясненіе и приложить при семъ сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь» (Переп. т. II, стр. 346—347). Когда «Мою родословную» Бенкендорфъ доложилъ Николаю, тотъ написалъ: «Вы можете сказать отъ меня Пушкину, что я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ его покойнаго друга Дельвига: такія низкія и подлыя оскорбленія, которыми его угостили, обезчещиваютъ не того, къ кому они относятся, а того, кто ихъ произноситъ. Единственное оружіе противъ нихъ есть презрѣніе, вотъ что я сдѣлалъ бы на его мѣстѣ. Что касается до этихъ стиховъ, я нахожу ихъ остроумными, но въ нихъ больше злобы, чѣмъ чего-либо другого. Лучше было бы для чести его пера и въ особенности для чести его ума не распространять эти стихи» [1]).

Кромѣ Булгарина, враговъ у «Литературной Газеты» было много, во главѣ съ Бенкендорфомъ. Несомнѣнно, въ этомъ отношеніи вліялъ на него Булгаринъ. Зорко смотрѣлъ Бенкендорфъ за «Литературной Газетой», но не представлялось ни одного повода, чтобы можно было ее покарать: она не выходила изъ границъ крайней умѣренности. Однако, въ концѣ октября случай представился. 28 октября въ № 61 «Литературная Газета» помѣстила стихи де-ла-Виня на памятникъ, который предполагалось воздвигнуть жертвамъ 27, 28 и 29 іюля. За эти то стихи и ухватился Бенкендорфъ. Подъ вліяніемъ его Николай запретилъ Дельвигу издавать газету и она перешла къ Сомову. Пушкинъ очень сокрушался и 9 декабря 1830 г. писалъ П. А. Плетневу: «И такъ русская словесность съ головою выдана Булгарину и Гречу! Жаль—но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? Охота ему было печатать конфектной билетецъ этого несноснаго Лавинья» (Переп., т. II, стр. 201). Борьба, предпринятая противъ «Сѣверной Пчелы» «Литературной Газетой», оказалась ей не по силамъ, она стала падать уже въ концѣ 1830 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, началось и охлажденіе къ ней Пушкина. Когда же газета перешла къ Сомову, Пушкинъ къ ней охладѣлъ совсѣмъ, такъ какъ

---

[1]) Эту статью Н. О. Лернеръ относитъ къ іюлю 1830 г. (Труды и дни Пушкина, 2-е изд. Спб. 1910, стр. 217). Она явилась откликомъ упомянутой замѣтки Полевого. Цензурное разрѣшеніе № 14, іюльскаго «Москов. Телеграфа», гдѣ напечатана эта замѣтка Полевого, было дано 21 августа. Слѣдовательно, «Разговоръ» относится не къ іюлю, какъ считаетъ Н. О. Лернеръ, а написанъ не ранѣе двадцатыхъ чиселъ августа. Если же принять довольно вѣроятное предположеніе П. О. Морозова (Сочиненія Пушкина, изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 633), что въ «Разговорѣ» поэтъ говоритъ о статьѣ въ № 110 «Сѣверной Пчелы», вышедшемъ 13 сентября, и о статьѣ въ № 17 сентябрскомъ «Московскаго Телеграфа», то «Разговоръ» написанъ въ сентябрѣ.

[2]) Сочиненія П. П. Вяземскаго, стр. 528.

[1]) М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг., стр. 508.

газета велась плохо и выходила неаккуратно. Но поэту «Литературная Газета», все-таки, была дорога и онъ думалъ поддержать ее. 13 января 1831 г. онъ писалъ П. А. Плетневу: «Что газета наша? Надобно намъ объ ней подумать. Подъ конецъ она была очень вяла, иначе и быть нельзя: въ ней отражается русская литература. Въ ней говорили подъ конецъ объ одномъ Булгаринѣ; такъ и быть должно: въ Россіи пишетъ одинъ Булгаринъ» (Переп. т. II, стр. 212—213). Въ 1831 году Пушкинъ напечаталъ въ «Литературной Газетѣ» лишь сонетъ «Мадонна» (№ 15, 12 марта) и статью о С. Бевѣ (№ 32, 5 іюня) [1]).

Говоря о 1830 годѣ, нужно еще прибавить, что въ отношеніяхъ Пушкина, Булгарина и Греча играло роль еще одно обстоятельство. До 1829 года Полевой и Булгаринъ враждовали. Въ 1829—1830 гг. произошло примиреніе и Полевой явился главнымъ союзникомъ Булгарина въ походѣ на Пушкина. Въ 1829 году вышелъ первый томъ «Исторіи русскаго народа» Полевого. Въ № 12 «Московскаго Телеграфа» за 1829 г. Полевой помѣстилъ строгую критику «Исторіи» Карамзина. Булгаринъ еще въ 1825 г. указывалъ рядъ недостатковъ «Исторіи» Карамзина и отмѣтилъ, что онъ обращаетъ больше вниманія на внѣшнюю, чѣмъ на внутреннюю исторію («Сѣверный Архивъ, 1825, №№ 1, 2, 3, 6 и 8). Въ 1830 г. 9 января, въ № 4 «Сѣверной Пчелы» и 11 января въ № 2 «Сына Отечества» появились похвалы «Исторіи русскаго народа». Пушкинъ въ критикѣ Полевого видѣлъ недобросовѣстность, рекламу своей Исторіи. 16 января въ № 4 «Литературной Газеты» и № 12, 25 февраля, Пушкинъ помѣстилъ свой извѣстный отрицательный отзывъ объ «Исторіи» Полевого. «Литературная Газета» явилась выразительницей наиболѣе опредѣленнаго отрицательнаго взгляда на «Исторію русскаго народа», помѣстивъ отрицательные отзывы въ № 31, 31 мая, въ № 54, 23 сентября (Дельвига), 17 ноября въ № 65. Къ «Литературной Газетѣ» присоединился Погодинъ, помѣстившій въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (ч. I и ч. VI) рѣзкій отзывъ объ «Исторіи» Полевого. «Сѣверная Пчела» весь годъ хвалила Полевого и его «Исторію», а онъ въ свою очередь Булгарина. Такимъ образомъ, еще однимъ пунктомъ полемики былъ Карамзинъ и Полевой. Вдаваться въ оцѣнку этой полемики, отношеній Пушкина къ Полевому выходитъ за границы нашей работы. Отмѣтимъ, однако, что позднѣйшая научная критика признала за трудомъ Полевого значеніе. Онъ первый приложилъ новый философско-историческій взглядъ къ объясненію русской исторіи. П. Н. Милюковъ отмѣчаетъ, что изъ современныхъ критиковъ это оцѣнилъ одинъ лишь Булгаринъ [1]).

III.

Когда «Литературная Газета» стала падать и, наконецъ, въ іюнѣ 1831 г. совсѣмъ прекратилась, Пушкинъ дѣлаетъ попытку издавать періодическій органъ. Хлопоты о немъ продолжались полтора года [2]).

27 мая 1831 года Пушкинъ проситъ у Бенкендорфа разрѣшенія и прилагаетъ полуоффиціальную записку, въ которой указываетъ, что допущеніе политическаго отдѣла, которымъ интересуется широкая публика, въ одной лишь «Сѣв. Пчелѣ» сдѣлало ее самой распространенной газетой, поставило въ монопольное положеніе. «Литературная торговля,—пишетъ Пушкинъ,—находится въ рукахъ издателей «Сѣверной Пчелы», и критика, какъ и политика, сдѣлалась ихъ монополіей. Отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы... Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходимъ журналъ, коего средства могли бы равняться средствамъ Сѣверной Пчелы, т.-е. журналъ, въ коемъ бы печатались политическія и заграничныя новости»... Далѣе Пушкинъ выражаетъ готовность вести журналъ въ желательномъ для правительства направленіи. Въ началѣ іюня Пушкинъ обратился за содѣйствіемъ къ Фоку. Поэтъ считалъ его человѣкомъ порядочнымъ [3]) и, очевидно,

[1]) На принадлежность этой статьи Пушкину указалъ Н. О. Лернеръ («Новооткрытыя страницы Пушкина».—«Пушкинъ и его современники», вып. XII и отд. Спб. 1909). Удачныя соображенія Лернера фактически подтвердились опубликованнымъ имъ потомъ письмомъ Сомова къ кн. В. Ѳ. Одоевскому («Пушкинъ и его современники», вып. XIII).

[1]) П. Н. Милюковъ. «Главныя теченія русской исторической мысли» М. 1898. стр. 345.

[2]) Вопросъ этотъ до сихъ поръ былъ мало освѣщенъ. Только недавно появилась цѣнная работа П. К. Пиксанова.—«Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневникъ», гдѣ этотъ вопросъ обстоятельно разсмотрѣнъ.—(«Пушкинъ и его современники», вып. V и отдѣльно Спб. 1907).

[3]) Пушкинъ хорошо отзывается о немъ въ своей записной книжкѣ.

разсчитывалъ, что поддержка помощника Бенкендорфа будетъ имѣть значеніе. 8 іюня Фокъ въ письмѣ къ Пушкину отрицалъ свое покровительство Булгарину и совѣтовалъ просить Бенкендорфа (Переп. т. II, стр. 246—247).

Въ этомъ случаѣ поэтъ обнаружилъ большую недальновидность. Опредѣливъ такъ точно задачи изданія, какъ противовѣса «Сѣверной Пчелы», Пушкинъ думалъ получить разрѣшеніе на періодическій органъ, который ставитъ своею цѣлью противодѣйствовать правительственной рептиліи.

Во второй половинѣ іюля 1831 г. (Переп. т. II, стр. 278—279) Пушкинъ снова пишетъ Бенкендорфу письмо, являющееся однимъ изъ темныхъ пятенъ въ жизни поэта. Презирая Булгарина за его выпрашиваніе подачекъ, борясь съ «Сѣверной Пчелой», какъ съ вредной рептиліей, Пушкинъ проситъ о повышеніи сразу на два чина и выражаетъ готовность въ своемъ журналѣ, «Если Государю Императору угодно будетъ употребить перо мое», «стараться съ точностью и усердіемъ исполнить волю Его Величества и служить Ему по мѣрѣ способностей».

Въ мартѣ 1831 г. Булгаринъ уѣхалъ въ Карлово. Это было истолковано, какъ высылка, чего на самомъ дѣлѣ не было. Интересно отмѣтить, что поэтъ эту высылку Булгарина ставилъ въ прямую связь со своими нападками. 1 іюня Пушкинъ писалъ П. А. Вяземскому о Булгаринѣ: «Знаешь ли, за что его выслали изъ П. Б.? говорятъ, будто бы при появленіи эпиграммы, Фигляринъ, вотъ полякъ примѣрный, онъ такъ огорчился, что прямо адресовался къ Государю со слезной жалобой на меня, сдѣлайте-де, В. В., такую божескую милость, уймите Пушкина, который все меня обижаетъ своими стишками. Государю было не до стишковъ; Булгаринъ же не въ первый разъ надоѣдалъ ему своими жалобами и доносами. Онъ и велѣлъ его выслать, какъ человѣка безпокойнаго. Но каковы безстыдство и дерзость Булгарина? Недоволенъ онъ тѣмъ, что плутовствомъ выманилъ онъ Высочайшій рескриптъ Петру Ивановичу Выжигину, и что онъ продаетъ свои сальные пасквили изъподъ порфиры Императорской» [1]).

Въ 1831 г. вышла новая книга Булгарина — «Петръ Ивановичъ Выжигинъ». «Петръ Иванычъ,—пишетъ Пушкинъ П. А. Плетневу 11 апрѣля 1831 г.,—приплылъ и въ Москву, гдѣ, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Не ужъ то мы вразумили публику? Или сама догадалась голубушка? А кажется Булгаринъ такъ для нея созданъ, а она—для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягалъ, а какъ—сказываютъ—обо мнѣ въ немъ нѣтъ ни слова, то и не посягну. Разумѣю: не стану читать, а ругать всетаки буду» (Переп. т. II, стр. 235).

Въ серединѣ 1831 г. Пушкинъ наноситъ два наиболѣе тяжелыхъ удара Булгарину.

Во второй четверти XIX вѣка большой извѣстностью пользовался весьма своеобразный писатель Александръ Аѳимовичъ Орловъ, какъ авторъ цѣлаго ряда своеобразныхъ книгъ, наполовину лубочныхъ, наполовину полемическихъ, съ непонятными для неосвѣдомленныхъ съ жизнью журналистики намеками на журналы, писателей. Среди книгъ Орлова было нѣсколько пародій на романы Булгарина: «Хлыновскіе степняки Игнатъ и Сидоръ или дѣти Ивана Выжигина», «Хлыновскія свадьбы Игната и Сидора, дѣтей Ивана Выжигина», «Смерть Ивана Выжигина», «Родословная Ивана Выжигина», «Церемоніалъ погребенія Ивана Выжигина», «Федоръ Кривой или Елизавета Михайловна, супруга Петра Ивановича Выжигина» [1]).

Въ № 9 «Телескопа» былъ помѣщенъ отзывъ о первыхъ трехъ книгахъ Орлова и о «Петрѣ Ивановичѣ Выжигинѣ» Булгарина; они разсматривались, какъ однородныя произведенія.

Приравниваніе Булгарина къ Орлову, часто встрѣчаемое въ тогдашней журналистикѣ, выводило изъ себя самолюбиваго Булгарина. Какъ это задѣвало его, видно по тому, что впослѣдствіи послѣ смерти Орлова въ маленькой некрологической замѣткѣ («Сѣвер. Пчела», 1840, № 124, 5 іюня), находя, что даже нельзя назвать Орлова «писателемъ», и называя, «чтобы какъ-нибудь характеризовать», «писавшимъ»,

---

[1]) Переп. т. II, стр. 242 и М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. стр. 281—282.

[1]) Объ Орловѣ см. С. А. Венгеровъ «Литературный Вѣстникъ», 1901, кн. III, стр. 284—290 и Сочиненія Бѣлинскаго. подъ ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. 494—499; А. В. Смирновъ. А. А. Орловъ.—«Литер. Вѣстн.», 1901, кн. III, стр. 291—294; И. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, стр. 155—158.

ѲАДДѢЙ ВЕНЕДИКТОВИЧЪ БУЛГАРИНЪ.

Портретъ, относящійся къ 1828 году.

Булгаринъ съ негодованіемъ отмѣчаетъ, что его считали «Литературная Газета» и «Отечественныя Записки» «равнымъ по литературному достоинству Орлову». Въ этой же замѣткѣ указывалось, что враги Булгарина «подговорили г. Орлова писать пародіи на сочиненія Булгарина». Вѣроятно, Булгаринъ считалъ, что и Пушкинъ принималъ въ этомъ участіе. Въ предисловіи къ «Воспоминаніямъ», говоря, что критика сочиненій была пристрастна, Булгаринъ замѣчаетъ: «Какая бы нелѣпость не вышла изъ печати, господа журналисты всегда утверждаютъ, что все же она лучше, нежели мои сочиненія... Одинъ изъ новыхъ журналовъ простеръ до такой степени свою храбрость, что даже поставилъ меня ниже извѣстнаго московскаго писателя Александра Орлова».

Конечно, упомянутая замѣтка въ № 9 «Телескопа» взорвала Булгарина.

Въ № 27 «Сына Отечества» Гречъ выступилъ на защиту своего друга. Къ статьѣ сдѣланъ такой post scriptum: «Булгаринъ живетъ въ деревнѣ своей подлѣ Дерпта и не читаетъ «Телескопа» (онъ просилъ не посылать ему вздоровъ); но я долгомъ почелъ вступиться за товарища. Я рѣшился на сіе не для того, чтобы оправдывать и защищать Булгарина, который въ этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ, а для того, чтобы сорвать личину съ шарлатанства и показать публикѣ отечественной, кто и какъ у насъ судятъ о произведеніяхъ литературы и литераторовъ». Эта то статья Греча и постоянныя нападки «Сѣверной Пчелы» на Орлова и вызвали появленіе двухъ новыхъ статей Пушкина о Булгаринѣ и Гречѣ, которыя были напечатаны въ «Телескопѣ» подъ псевдонимомъ Ѳеофилактъ Косичкинъ. Онѣ представляютъ собою мѣткую пародію на статьи Булгарина, изумительно схваченъ ихъ тонъ и характерныя черты. Пушкинъ обрисовывалъ Греча и Булгарина со всѣми ихъ душевными качествами, каждая строчка заключаетъ намекъ на свойства ихъ, или факты жизни. Въ первой статьѣ — «Торжество дружбы или оправданный Александръ Анѳимовичъ Орловъ», напечатанной въ іюлѣ въ № 13 «Телескопа», Пушкинъ указываетъ на «сходство душъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ» Греча и Булгарина, ихъ рекламированіе и похвалы другъ другу, съ ироніей говорится объ «извѣстной добро-

совѣстности» Греча, отмѣчается, что «Выжигины г-на Орлова пользуются благосклонностью публики наравнѣ съ Выжигиными г-на Булгарина». «Согласенъ,—говоритъ Пушкинъ о Булгаринѣ,—что сей великій писатель, равно почтенный и дарованіями и характеромъ, заслужилъ безсмертную себѣ славу; но произведенія г. Орлова ставятъ московскаго романиста, если не выше, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ петербургскимъ его соперникомъ». Сравнивая «сіи два блистательныя солнца нашей словесности», Пушкинъ говоритъ, что не видитъ основанія ставить Булгарина выше Орлова. Въ одномъ только Булгаринъ, замѣчаетъ поэтъ, «беретъ неоспоримое преимущество надъ своимъ счастливымъ соперникомъ: разумѣю нравственную цѣль его сочиненій. Въ самомъ дѣлѣ, любезные слушатели: что можетъ быть нравственнѣе сочиненій г-на Булгарина?». Причина тому, что Орловъ «пользуется гораздо меньшею славою, нежели Ѳаддей Венедиктовичъ», указывается въ статьѣ, заключается въ рекламированіи Булгаринымъ своихъ сочиненій даже до выхода. Орловъ же,—говоритъ Пушкинъ,—«не задавалъ обѣдовъ иностраннымъ литераторамъ, незнающимъ русскаго языка, дабы за свою хлѣбъ-соль получить мѣстечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ. Онъ не хвалилъ самого себя въ журналахъ, имъ самимъ издаваемыхъ. Онъ не заманивалъ унизительными ласкательствами и пышными обѣщаніями подписчиковъ и покупателей. Онъ не шарлатанилъ газетными объявленіями, писанными слогомъ афишъ собачьей комедіи... Онъ не называлъ своихъ противниковъ дураками, подлецами, пьяницами, и устрицами и тому под.». Здѣсь выведены на чистую воду пріемы Булгарина. Говоря объ обѣдахъ иностраннымъ литераторамъ, Пушкинъ подразумѣваетъ обхаживаніе Булгаринымъ Анселло, о которомъ мы уже упомянули. Устрицей и пьяницей Булгаринъ называлъ Пушкина въ статьѣ «Анекдотъ» («Сѣверная Пчела», 1830, № 30). Далѣе Пушкинъ приводитъ статью объ Орловѣ изъ № 46 «Сѣверной Пчелы» 1831 г., гдѣ, между прочимъ, сказано, что Орлову «щедро» платятъ издатели по двадцати рублей «за каждый манускриптъ», что онъ «мужъ—изъ ученыхъ, какъ видно по латинскимъ фразамъ, которыми испещрены его творенія» и, въ концѣ концовъ, съ апломбомъ спрашивается: «по какому праву г. Орловъ вздумалъ нарѣчь своихъ холопей, Хлыновскихъ степняковъ Игната и Сидора, дѣтьми Ивана Выжигина?». На это Пушкинъ замѣчаетъ, что Орловъ, получивъ двадцать рублей, доставляетъ издателю по двѣ тысячи, между тѣмъ, какъ «нѣкоторый петербургскій литераторъ, взявъ за свою рукопись тридцать тысячъ, заставилъ охать погорячившагося книгопродавца». Пушкинъ имѣетъ въ виду случай съ книгопродавцемъ Заикинымъ: онъ заказалъ Булгарину «Петра Ивановича Выжигина», заплативъ крупную сумму денегъ, а романъ не продавался и издатель потерпѣлъ большой убытокъ [1]). По поводу замѣчанія объ учености Орлова поэтъ говоритъ, что «доказано, что Ѳаддей Венедиктовичъ (издавшій Горація съ чужими примѣчаніями) не знаетъ по латыни». Здѣсь опять намекъ на Булгарина: онъ, не зная самъ латинскаго языка, издалъ «Оды Горація» съ комментаріями Ежовскаго, не назвавъ его. Относительно упрека Орлову въ томъ, что онъ присвоилъ своимъ героямъ фамилію Выжигинъ, поэтъ замѣчаетъ: «Но развѣ А. С. Пушкинъ не дерзнулъ вывести въ своемъ Борисѣ Годуновѣ всѣ лица романа г-на Булгарина и даже воспользоваться многими мѣстами въ своей трагедіи (писанной, говорятъ, пять лѣтъ прежде и извѣстной публикѣ еще въ рукописи)».

Послѣ этой статьи 21 августа 1831 г. Гоголь далъ мысль Пушкину новой замѣтки объ Орловѣ и Булгаринѣ, предлагая поэту провести аналогію между Булгаринымъ и Байрономъ, указать, что Булгаринъ—Байронъ. 25 августа Пушкинъ отвѣчалъ Гоголю: «Проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ» [2]). 27 іюля 1831 г. Вяземскій въ письмѣ къ Пушкину обратилъ вниманіе на выраженіе Греча, что у Булгарина «въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ», и прислалъ для печати небольшую замѣтку, въ которой приводились слова Греча и было сдѣлано такое замѣчаніе. «Жаль-же, сказалъ одинъ читатель, что Булгаринъ не однимъ мизинцемъ пишетъ». «Если хочешь, дай дру-

---

[1]) Гречъ («Записки», стр. 451). Нѣкоторые комментаторы ошибочно указываютъ вмѣсто Заикина - Лисенкова (см. напр., сочин. Пушкина, изд. «Просвѣщенія» подъ ред. П. О. Морозова, т. VI, стр. 603).

[2]) Письма Гоголя, подъ ред. Шенрока, т. I, СПБ. 1902, стр. 185—187, и Переп. т. II, стр. 306 и 312.

гой оборотъ этому,—пишетъ Вяземскій.— Во всякомъ случаѣ, на этомъ мизинцѣ можно погулять»... 3 августа Пушкинъ писалъ Вяземскому: «Твое замѣчаніе о мизинцѣ Булгарина не пропадетъ; обѣщаюсь тебя насмѣшить». (Переп. т. II, стр. 290 и 296). Откликомъ на письмо Вяземскаго была вторая статья Пушкина—«Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ», напечатанная въ № 15 «Телескопа». Перебирая рецензентовъ, поэтъ приходитъ къ мысли, что Гречъ подразумѣваетъ его. «Полагаю себя въ правѣ объявить во всеуслышаніе всей Европы, что я ни чьихъ мизинцевъ не убоюсь; ибо не входя въ разсмотрѣніе головъ, увѣряю, что пальцы мои (каждый особо и всѣ пять въ совокупности) готовы воздать сторицею кому бы то ни было». По поводу приложенія «Сѣверной Пчелы» (№ 101) къ Орлову эпитета «блаженный» Пушкинъ замѣчаетъ: «Если блаженство состоитъ въ спокойствіи духа, не возмущаемаго ни завистью, ни корыстолюбіемъ, въ чистой совѣсти, не запятненной ни плутнями, ни лживыми доносами; въ честномъ и благородномъ трудѣ, въ смиренномъ развитіи дарованія, даннаго отъ Бога; то добрый и небогатый Орловъ блаженъ, и не станетъ завидовать ни богатству плута, ни чинамъ негодяя, ни извѣстности шарлатана». Тутъ же Пушкинъ указалъ на особенно отвратительную черту Греча. Какъ уже отмѣчено, дѣйствуя за одно съ Булгаринымъ, льстя ему, Гречъ за глазами отзывался о немъ отрицательно, какъ о низкой въ нравственномъ отношеніи личности. Это и указалъ Пушкинъ, говоря: «я не похожу на того китайскаго журналиста, который, потакая своему товарищу и въ глаза выхваляя его бредни, говоритъ на ухо всякому: «Этотъ пачкунъ и мерзавецъ ссоритъ меня со всѣми порядочными людьми, маретъ меня своимъ товариществомъ; но что дѣлать? онъ человѣкъ дѣловой и расторопный!» Въ заключеніе Пушкинъ сообщаетъ программу новаго романа, который «поступитъ въ печать или останется въ рукописи, смотря по обстоятельствамъ»:— «Настоящій Выжигинъ. Историко-нравственно-сатирическій романъ XIX вѣка». Программа по формѣ является подражаніемъ романамъ Орлова. Въ этой программѣ указана вся жизнь Булгарина. Это настоящее его curriculum vitae. Указано даже на такіе факты, какъ существованіе у Булгарина злой и своенравной тетки его жены, отъ которой онъ много терпѣлъ. Въ извѣстной пѣснѣ Рылѣева «Ахъ, гдѣ тѣ острова» есть такая строчка: «Гдѣ Булгаринъ Ѳаддей не боится когтей Таппы». Наконецъ, Пушкинъ указалъ на такой неизвѣстный фактъ, какъ кража Булгаринымъ въ эпоху разжалованія его въ солдаты шинели у камердинера полковника Д. М. Спичинскаго [1]).

А. А. Орловъ благодарилъ Пушкина за его статьи. Пушкинъ послѣ этого писалъ Орлову 24 ноября 1831 г., совѣтуя «не приводить яростью пера въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей Пчелы. Оставьте меня впереди соглядатаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что, если они чуть пошевельнуться, то Ѳ. Косичкинъ заваритъ такую кашу, или паче кутью, что они подавятся» (Переп. т. II, стр. 345).

IV.

Какъ только распространились въ серединѣ 1831 г. слухи о томъ, что Пушкинъ хлопочетъ о разрѣшеніи издавать періодическій органъ, Булгаринъ и Гречъ насторожились. Но совершенно неожиданно для нихъ Пушкинъ, вскорѣ послѣ напечатанія въ «Телескопѣ» направленныхъ противъ нихъ рѣзкихъ статей, входитъ въ сношенія съ Гречемъ. Гречъ сообщаетъ: «На меня Пушкинъ дулся недолго. Онъ вскорѣ убѣдился въ моей неприкосновенности къ штукамъ Булгарина и, какъ казалось, старался сблизиться со мною. Мы разъ какъ-то встрѣтились въ книжномъ магазинѣ Белизара. Онъ поклонился мнѣ неловко и принужденно; я подошелъ къ нему и сказалъ, улыбаясь: «Ну, на что это походитъ, что мы дуемся другъ на друга? Точно Борька Ѳедоровъ съ Орестомъ Сомовымъ». Онъ расхохотался и сказалъ: «Очень хорошо!» (любимая его поговорка, когда онъ былъ доволенъ чѣмъ нибудь). Мы подали другъ другу руки и миръ былъ возстановленъ». Затѣмъ Гречъ упоминаетъ, что въ концѣ 1831 г. Пушкинъ предлагалъ ему участвовать въ предполагаемомъ имъ изданіи [2]). Подробнѣе объ этомъ эпизодѣ Гречъ не говоритъ, и этотъ вопросъ до сихъ поръ оставался невыясненнымъ. Только недавно опубликованныя Н. К. Пиксано-

[1]) Это разсказалъ Пушкину самъ Д. М. Спичинскій (О Булгаринѣ. Письмо П. В. Нащокина къ С. Д. Полторацкому.—«Русск. Архивъ», 1884, VI, стр. 352—353).

[2]) Гречъ. «Записки», стр. 457.

вымъ въ указанной выше работѣ письма Греча къ Булгарину 1832 г. пролили на этотъ эпизодъ свѣтъ.

Гречъ пошелъ навстрѣчу предложенію Пушкина и переговоры завязываются. Это сдѣлалось извѣстнымъ и въ литературныхъ кругахъ. Въ началѣ февраля 1832 г. Н. М. Языковъ сообщаетъ брату А. М. Языкову, какъ слухъ, что Пушкинъ примиряется съ Булгаринымъ [1]). 1 іюня 1832 г. Гречъ пишетъ Булгарину: «Съ Пушкинымъ мы сходимся довольно дружно и я надѣюсь, что сойдемся въ дѣлѣ. Но, ради Бога, не думай, чтобъ я тобою пожертвовалъ. Улажу все къ общему удовольствію» [2]). Въ письмѣ 22 іюня Гречъ выражаетъ пессимистическій взглядъ на газету Пушкина—подорвать «Сѣверную Пчелу», по мнѣнію Греча, она не сможетъ. «Мое мнѣніе такое: оставить его въ совершенномъ покоѣ, не трогать его, даже не говорить о немъ, какъ будто бы его вовсе не было. Самъ свалится, какъ «Литературная Газета». 16 іюля Гречъ опять пишетъ: «Журналъ Пушкина вѣроятно не состоится: сказываютъ онъ расчелъ, что не изъ чего биться», а 30 іюля: «О журналѣ Пушкина извѣстія затихли». Дальнѣйшія сношенія Пушкина съ Гречемъ, по его письмамъ къ Булгарину, слагались такимъ образомъ. 2 сентября Пушкинъ посѣтилъ Греча и предложилъ передать изданіе «Сына Отечества» съ тѣмъ, чтобы онъ обратился въ еженедѣльный журналъ и Гречъ былъ бы его редакторомъ. Гречъ не далъ категорическаго отвѣта и немедленно написалъ Булгарину, стараясь показать выгоду для нихъ союза съ поэтомъ. «Симъ средствомъ мы избавимся жестокой rivalité. И еженедѣльная Revue не повредитъ ежедневной Пчелѣ... Къ Пчелѣ прибавить подписчиковъ трудно, ибо едва ли есть 3000 грамотныхъ людей въ Россіи, но къ 800 экземпляровъ Сына Отечества можно. Вступая въ сотоварищество съ Пушкинымъ, я устраню всѣ гадости, какія могли бы надѣлать Воейковъ, Сомовъ и проч. и первымъ условіемъ моимъ Пушкину было, чтобы ты былъ неприкосновененъ въ сей Revue. За право, которое ты имѣешь въ С. О., буду я платить тебѣ, какъ до нынѣ, ибо новые подписчики будутъ привлечены Пушкинымъ. Лучше всего опредѣлить сумму, напримѣръ 5000 руб. въ годъ. Ты не будешь ни въ какой collision съ Пушкинымъ... Какъ ты думаешь объ этомъ? Дай мнѣ знать. Я сказалъ только свое мнѣніе, но ничѣмъ не обязался. Отвѣчай поскорѣе. Я буду согласенъ на все, что ты рѣшишь. Ни за что на свѣтѣ не сдѣлаю ничего противнаго твоей пользѣ или образу мыслей». 4 сентября, по словамъ Греча, Пушкинъ опять велъ переговоры съ нимъ. Теперь Пушкинъ остановился на мысли издавать газету три раза въ недѣлю, предлагалъ Гречу войти въ половину и печатать газету въ его типографіи. Гречъ опять не далъ рѣшительнаго отвѣта и 7 сентября снова обращался къ Булгарину, сообщая, что поступитъ согласно его словамъ: «Мое мнѣніе зачѣмъ выпускать изъ рукъ Пушкина и его партію? Мы уничтожимъ всякое дурацкое совмѣстительство и къ 1834 году навѣрное соединимся въ одной газетѣ. Если мнѣ нельзя будетъ за это взяться, возьмется другой и напакоститъ и намъ и Пушкину». Греча, очевидно, привлекала мысль сойтись съ Пушкинымъ и онъ стремится примирить Булгарина съ нимъ. 10 сентября Гречъ выражаетъ сожалѣніе, что не сдержалъ ранѣе Булгарина. «Мнѣ хотѣлось бы непремѣнно,—пишетъ Гречъ,—прекратить эти глупые раздоры въ литературѣ, которые не ведутъ ни къ чему хорошему». Отвѣтныя письма Булгарина до насъ не дошли, но можно предполагать, что Булгаринъ отнесся отрицательно къ затѣямъ Греча. Сообразивъ, что измѣнить Булгарину не выгодно, Гречъ уклонился отъ предложенія Пушкина.

Когда сношенія съ Гречемъ ни къ чему не привели, Пушкинъ началъ переговоры съ Н. И. Тарасенко-Отрѣшковымъ и 16 сентября оформилъ съ нимъ договоръ, какъ съ редакторомъ газеты. Въ первой половинѣ сентября былъ представленъ пробный нумеръ газеты «Дневникъ». За это время поэтъ энергично вербовалъ сотрудниковъ, но дѣло ладилось очень плохо, Пушкинъ оказался плохимъ организаторомъ. Это сразу понялъ Гречъ. 28 сентября онъ писалъ Булгарину: «Журнала Пушкина я не боюсь нимало: это будетъ хуже «Свв. Меркурія». Но на дураковъ надѣйся, а самъ не плошай». «Пушкина журнала боюсь, какъ Бабочки или Литерат. Газеты»,—пишетъ Гречъ Булгарину 1 октября, а 19 октября сообщаетъ: «Все обстоитъ благополучно... еще Пчелка не згинѣла».

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ». 1883, XII, стр. 535.

[2]) Письма къ Булгарину Греча 1832 г. мы цитируемъ вездѣ по упомянутой работѣ П. К. Никсанова. — «Несостоявшаяся газета Пушкина — «Пушкинъ и его современники», вып. V и отдѣльно. Спб. 1907.

Выдача окончательнаго разрѣшенія на выпускъ газеты тормозилась и Пушкинъ, видя, какъ препятствуетъ ему Бенкендорфъ и какъ сложна организація дѣла, оставилъ мысль о газетѣ. 16 ноября Гречъ писалъ Булгарину: «Пушкинъ образумился и ни журнала, ни газеты издавать не будетъ».

Есть указаніе В. Д. Комовскаго, что Гречъ предлагалъ въ это время Пушкину сотрудничество въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Сынѣ Отечества» за 1000—1200 р. въ мѣсяцъ. Объ этомъ Комовскій пишетъ Языкову 16 ноября 1832 г., замѣчая, что «несмотря на то, Пушкинъ отказался, дабы не ѣсть изъ одной чашки съ Ѳ. Булгаринымъ. Это въ немъ похвально» [1]). Насколько это вѣрно, сказать трудно.

Въ 1830 г., какъ мы видѣли, Булгаринъ ожесточенно нападалъ не только на личность Пушкина, но и провозгласилъ «совершенное паденіе» его, какъ поэта. Этихъ рѣзкихъ нападокъ на творчество поэта въ 1831 г. въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Сынѣ Отечества» уже нѣтъ. Даже послѣ выхода въ концѣ 1830 г. «Бориса Годунова» Булгаринъ удержался отъ какихъ-либо рѣзкихъ выходокъ, что можно было ожидать послѣ инцидента, связаннаго съ появленіемъ «Дмитрія Самозванца». Въ 1831 г. въ № 133 «Сѣверной Пчелы» («Новыя книги») «Борисъ Годуновъ» называется «твореніемъ первокласснаго поэта», «новымъ блистательнымъ произведеніемъ» и заявляется, что разборъ трагедіи появится въ «Сынѣ Отечества», такъ какъ полученную редакціей статью по ея большому размѣру не удобно напечатать въ «Сѣверной Пчелѣ». Этой статьей явился обширный разборъ В. Плаксина — «Замѣчанія на сочиненіе А. С. Пушкина: Борисъ Годуновъ» («Сынъ Отеч.», 1831, т. 20, ч. 142—143, №№ 24—28). Такимъ образомъ, статья В. Плаксина является выраженіемъ мнѣнія «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества». Хотя Плаксинъ и указываетъ недостатки, но это не носитъ характера рѣзкихъ нападокъ, и въ общемъ критикъ ставитъ высоко Пушкина и называетъ его «геніемъ». Также нѣтъ рѣзкихъ нападокъ на Пушкина въ статьѣ И. Камышева, хотя критикъ и указываетъ недостатки «Бориса Годунова». По мнѣнію его, въ «Борисѣ Годуновѣ», «изложенномъ поверхностно, слегка, не раскрыта истинная поэзія событія, имѣющаго особенное значеніе въ нашей исторіи, но тѣмъ не менѣе онъ останется изящнымъ произведеніемъ Пушкина: Борисъ Годуновъ, по мысли своей, стоитъ выше другихъ сочиненій Пушкина, хотя и не удовлетворяетъ вполнѣ разнообразію родившихся при томъ требованій относительно отдѣлки». (Еще о Борисѣ Годуновѣ, стихотвореніи А. С. Пушкина, «Сынъ Отеч.», 1831, т. 23, ч. 145, №№ 40 и 41). Въ 1831 г. въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 255, «Новыя книги») появился лестный отзывъ о «Повѣстяхъ Бѣлкина».

Энергичная борьба Пушкина съ Булгаринымъ и Гречемъ, достигшая чрезвычайнаго напряженія въ 1830 г. и серединѣ 1831 г., съ 1832 года входитъ въ періодъ затишья.

Въ 1832 г. «Сѣверная Пчела» (№ 51) о 8 главѣ «Евгенія Онѣгина» писала, что «окончаніе Онѣгина примиритъ всякаго съ авторомъ... Осьмая и послѣдняя глава Евгенія Онѣгина показываетъ, что поэтъ писалъ ее въ состояніи одушевленія, часто вдохновенія, и что она принадлежитъ къ лучшимъ главамъ сего поэтическаго романа». Комплиментомъ Пушкину является и статья бар. Розена о 3 ч. «Стихотвореній», появившаяся въ № 81 «Сѣверной Пчелы» («Новыя книги»).

Въ 1833 г. въ «Сынѣ Отечества» (т. 33, № 6) появляется весьма любопытная статья Булгарина—«Письма о русской литературѣ. О характерѣ и достоинствахъ Поэзіи Пушкина». Бѣлинскій говорилъ о Булгаринѣ, что онъ «хвалилъ сегодня, что бранилъ вчера и что снова будетъ хвалить завтра». Въ этой статьѣ особенно ярко проявился «литературный Фигаро», какъ назвалъ Булгарина кн. Вяземскій. Въ 1830 г. Булгаринъ провозгласилъ «совершенное паденіе» Пушкина, какъ поэта, а въ 1833 г. пишетъ хвалебную статью. Она чрезвычайно интересна для характеристики Булгарина. Въ первыхъ же строчкахъ онъ заявляетъ, что Пушкинъ «составляетъ эпоху въ Исторіи нашей Литературы», что онъ «заговорилъ новымъ языкомъ и представилъ поэзію въ новыхъ формахъ, возбудилъ новыя ощущенія и новыя мысли». «Этого переворота, — замѣчаетъ Булгаринъ,—этого впечатлѣнія нельзя было произвесть, не имѣя истиннаго генія; а потому дарованіе Пушкина столь же велико, какъ и заслуга». Затѣмъ Булгаринъ говоритъ: «Множество произведеній обыкновенныхъ ослабило вниманіе публики къ Поэту, а нѣкоторые изъ недальновидныхъ критиковъ и недоброжелателей

[1]) «Истор. Вѣстникъ», 1883, XII, стр. 535.

Пушкина уже провозгласили совершенный упадокъ его дарованія. — Правда, что надобна была сильная вѣра въ сіе дарованіе, чтобы не усомниться въ его упадкѣ, послѣ такой пьесы, какова напримѣръ: Посланіе къ князю Юсупову. Но я, пребылъ вѣренъ моему мнѣнію, что дарованіе Пушкина только сбилось съ пути, начертаннаго ему природою, а не погибло, и Альманахъ Сѣверные Цвѣты на 1832 годъ обрадовалъ меня чрезвычайно, убѣдивъ, что я не ошибся въ моей вѣрѣ.—Моцартъ и Сальери, Эхо, Анчаръ, Древо Яда, суть произведенія дарованія юнаго, сильнаго разумомъ и душою, суть отголоски Поэзіи современной, высокой, трогательной, томной, грустной, но крѣпительной и неувядаемой. Звуки сіи не гибнутъ въ воздухѣ, слова не тлѣютъ вмѣстѣ съ бумагою... И такъ, утѣшьтесь, любители Поэзіи высокой, благородной, утѣшьтесь, истинные друзья таланта Пушкина! Сей талантъ не упалъ: онъ еще полонъ силы и жизни»... Въ заключеніе Булгаринъ говоритъ, что мѣсто Пушкина «между нашими современными Поэтами— первое, и не послѣднее въ небольшомъ кругу Поэтовъ всемірныхъ».

13 марта 1833 г. Гречъ просилъ Пушкина оказать содѣйствіе Е. Шишковой въ изданіи трудовъ ея умершаго мужа А. А. Шишкова. (Перепи. т. III, стр. 14—15). Къ нему поэтъ относился очень дружелюбно и принялъ горячее участіе въ просьбѣ его жены [1]). 16 марта 1834 г. Пушкинъ былъ у Греча на совѣщаніи по поводу изданія Энциклопедическаго словаря Плюшара. Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ: «Пушкинъ и кн. В. Ѳ. Одоевскій сдѣлали маленькую неловкость, которая многимъ не понравилась, а иныхъ и разсердила. Всѣ присутствующіе, въ знакъ согласія, просто подписывали свое имя, а тѣ, которые не согласны, просто не подписывали. Но князь Одоевскій написалъ: «Согласенъ, если это предпріятіе и условія онаго будутъ сообразны съ моими предположеніями». А Пушкинъ къ этому прибавилъ: «Съ тѣмъ, чтобы моего имени не было выставлено». Многіе приняли эту щепетильность за личное себѣ оскорбленіе» [2]). 17 марта 1834 г., записывая въ своемъ дневникѣ объ этомъ совѣщаніи, Пушкинъ пишетъ: «Предпріятіе въ милліонъ, а выгоды не вижу. Не говоря уже о чести. Охота лѣзть въ омутъ, гдѣ полощутся Булгаринъ, Полевой и Свиньинъ»... Также рѣзко отрицательно отзывается поэтъ о Булгаринѣ въ письмѣ къ Погодину въ началѣ апрѣля 1834 года. (Перепи. т. III, стр. 93). 2 апрѣля 1834 года, отмѣчая въ дневникѣ, что В. Ѳ. Одоевскій, С. Н. Дринъ, П. И. Гаевскій и Е. П. Зайцевскій выбыли изъ сотрудниковъ Словаря, Пушкинъ пишетъ: «Прочіе были обижены нашею оговоркою, но честный человѣкъ, говоритъ Одоевскій, можетъ быть однажды обманутъ... Этотъ Lexicon будетъ ни что иное, какъ «Сѣверная Пчела» и «Библіотека для чтенія» въ новомъ порядкѣ и объемѣ» [1]). Къ апрѣлю 1834 г. относится встрѣча Пушкина у Греча съ Булгаринымъ, разсказанная въ крайне недостовѣрныхъ воспоминаніяхъ Бурнашева [2]). На одно изъ своихъ собраній, по разсказу Бурнашева, Гречъ ждалъ Пушкина. Среди гостей былъ Булгаринъ, и Гречъ имѣлъ намѣреніе примирить его съ Пушкинымъ. Узнавъ, что ожидается Пушкинъ, Булгаринъ хотѣлъ удалиться, но Гречъ его удержалъ. Когда вошелъ Пушкинъ, Гречъ будто бы велѣлъ подать шампанскаго и обратился къ поэту:

— А вотъ, А. С., мой Булгаринъ вздумалъ было отъ васъ уходить на утечку; но не тутъ-то было, я его арестовалъ и никакъ не выпущу, пока не достигну того, чтобы Косичкинъ и Фигляринъ прекратили недостойную ихъ распрю, совершаемую ими, право, на потѣху райка русской читающей публики.

«Я — Пушкинъ, — будто бы сказалъ поэтъ, — а г. Булгаринъ — Булгаринъ, и въ частномъ быту мы ничего не имѣемъ общаго съ Косичкинымъ или Фигляринымъ, почему ни Пушкинъ, ни г. Булгаринъ не могутъ давать, даже подъ вліяніемъ этого превосходнаго шампанскаго, завѣренья въ томъ, что до нихъ не касается. Mais tranchons là—dessus et qu'il n'en soit plus question, или я убѣгу. А вотъ что за причина, что Ѳаддей Венедиктовичъ (кажется такъ?) хотѣлъ отъ меня бѣжать? Я, кажется, не такъ страшенъ, особенно г. Булгарину; онъ, я думаю, не трусливаго десятка, и про то, вѣроятно, хорошо вѣ-

[1]) Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, стр. 93—95.

[2]) А. В. Никитенко. «Записки и дневникъ», Спб. 1905, т. I, стр. 239—240.

[1]) Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 550—553.

[2]) «Изъ воспоминаній петербургскаго старожила. Четверги у Греча».—«Заря», 1871, кн. IV; перепечатано въ «Замѣткахъ о Пушкинѣ» В. В. Каллаша — «Русскій Архивъ», 1901, VI, стр. 251—254.

даютъ тѣ различныя знамена, подъ которыми онъ воевалъ. Напротивъ, я ничего не имѣю къ Ѳаддею Венедиктовичу непріязненнаго, доказательствомъ тому, между прочимъ, служитъ то, что я еще сегодня купилъ его портретъ, очень, очень схожій, продаваемый—представьте себѣ, господа—книгопродавцемъ Лисенковымъ за портретъ Видока. Охъ, ужъ мнѣ эти спекуляторы книгопродавцы: страсть изъ всего извлекать какую бы то ни было выгодишку. Да еще я очень радъ, что повстрѣчалъ теперь Ѳаддея Венедиктовича: мнѣ нужно нѣкоторое поясненіе; я для одного новаго московскаго журнала принялся писать мемуары, въ которыхъ кое-какую роль будетъ играть Орестъ Михаиловичъ Сомовъ; такъ хотѣлось бы знать подробности мнимаго его арестованія послѣ 14 декабря и освобожденія. Все это, кажется, хорошо извѣстно Ѳаддею Венедиктовичу»...

Нужно замѣтить, что дѣйствительно Лисенковъ продавалъ портретъ Булгарина за портретъ Видока, а Сомовъ послѣ 14 декабря 1825 г., явившись къ Булгарину, заявилъ, что бѣжалъ изъ Петропавловской крѣпости, и просилъ спасти. Булгаринъ заперъ на ключъ его въ своемъ кабинетѣ и отправился заявить полиціи. Мистификація выяснилась и Сомовъ за нее былъ посаженъ въ крѣпость на трое сутокъ.

Гречъ, по разсказу Бурнашева, не ожидалъ такого отношенія Пушкина и постарался какъ можно скорѣе замять инцидентъ, начавъ представлять Пушкину гостей. Булгаринъ вскорѣ уѣхалъ. На этомъ же вечерѣ, по словамъ Бурнашева, Гречъ разсказалъ, что на обѣдѣ у Смирдина Пушкинъ, увидѣвъ, что старый его товарищъ по лицею и цензоръ В. Н. Семеновъ сидитъ между Гречемъ и Булгаринымъ, громко сказалъ ему: «Ты, братъ Семеновъ, сегодня словно Христосъ на горѣ Голгоѳѣ». Гречъ, по его словамъ, не обидѣлся, но Булгаринъ «пришелъ въ совершенное нравственное разстройство и задыхался отъ бѣшенства».

Разсказъ Бурнашева мало правдоподобенъ. Пушкинъ, подробно отмѣчая въ своемъ дневникѣ, который велъ въ это время, разныя событія жизни, не отмѣтилъ этого эпизода. Выдуманъ во всякомъ случаѣ пошлый и суконный языкъ, какимъ Пушкинъ говоритъ у Бурнашева.

Въ 1834 г. появился въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 192 «Новыя книги») отзывъ Р. М. о «Повѣстяхъ Бѣлкина» и «Пиковой дамѣ». Рецензентъ не хвалитъ «Повѣстей», особенно указываетъ на то, что въ нихъ «нѣтъ идеи». Къ «Пиковой дамѣ» Р. М. относится благосклоннѣе, но также указываетъ «недостатокъ идей». Булгаринъ смягчилъ отзывъ, сдѣлавъ примѣчаніе: «Мы не знаемъ въ русской литературѣ повѣсти, которая была бы написана такъ легко, пріятно, правильно и отчетливо, какъ Пиковая Дама. Изд. С. П.».

Въ 1835 году «Сынъ Отечества» и «Сѣверная Пчела» помѣстили отзывы объ «Исторіи Пугачевскаго бунта», вышедшей въ 1834 г.

П. К. (Броневскій) въ «Сынѣ Отечества» (ч. 169, № 3) говоритъ, что книга «мертво рожденное дитя», что въ ней «все такъ холодно и сухо, что тщетно будетъ искать въ немъ труда знаменитаго нашего поэта. Къ удивленію, и признаюсь, къ сожалѣнію моему, мы не нашли въ немъ ни одного чувства, ни одной искры жизни». Но все же Броневскій называлъ «Исторію Пугачевскаго бунта» «дѣльнымъ и полезнымъ трудомъ». Пушкинъ былъ очень задѣтъ критикой Броневскаго и отвѣчалъ ему въ № 3 «Современника» за 1836 годъ. Указывая, что статья Броневскаго написана «со всевозможною умѣренностью и благосклонностью», Пушкинъ призналъ всетаки критику Броневскаго «поверхностной и неосновательной», отозвавшись отрицательно о его историческихъ работахъ вообще.

Баронъ Розенъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 38, «Новыя книги») не соглашался съ отзывомъ Броневскаго и хвалилъ «Исторію Пугачевскаго бунта» [1]).

Къ 1835 г. относится черновой набросокъ замѣтки поэта о Булгаринѣ [2]), въ которой Пушкинъ говоритъ о романѣ Булгарина «Записки Чухина»: «Г. Булгаринъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ романовъ увѣдомляетъ публику, что есть люди, не признающіе въ немъ таланта. Это, повидимому, очень его удивляетъ. Онъ даже выразилъ свое удивленіе и знакомъ препинанія—(!). Съ нашей стороны, мы

[1]) Г. Ѳ. Розену Пушкинъ покровительствовалъ (В. И. Саитовъ, примѣчанія къ III т. Остафьевскаго Архива, стр. 660—666). Розенъ ненавидѣлъ Булгарина (Бурнашевъ, «Заря», 1871, IV, стр. 19—22).

[2]) П. А. Ефремовъ (Сочиненія Пушкина, изд. 1902—1903, т. VII, № 543) и П. О. Морозовъ (Сочиненія Пушкина, изд. «Просвѣщенія», т. VIII, стр. 377) неосновательно считаютъ этотъ набросокъ письмомъ къ Гоголю. См. Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПБ. 1910, стр. 348.

знаемъ людей, которые признаютъ талантъ въ г. Булгаринѣ, но и тутъ не удивляемся.. Новый романъ г. Булгарина ни мало не уступаетъ его прежнимъ...»

V.

Третій членъ тріумвирата—Сенковскій-Брамбеусъ стоялъ въ сторонѣ отъ очерченной нами борьбы Пушкина съ Булгаринымъ и Гречемъ и только въ 1836 году принялъ участіе въ походѣ тріумвирата на Пушкина. Этотъ тріумвиратъ, какъ уже отмѣчено, вполнѣ съорганизовался лишь съ 1834 года, когда Сенковскій сталъ редактировать «Библіотеку для чтенія», номинальнымъ редакторомъ которой былъ первое время также Гречъ. Къ «Библіотекѣ для чтенія» были привлечены крупныя литературныя силы и она была поставлена на широкую ногу, что сразу же выдѣлило ее изъ бѣдныхъ матеріаломъ современныхъ журналовъ и создало небывалую для того времени подписку. Такимъ образомъ съорганизовалась монопольная и крѣпкая коалиція. Но, заключивъ этотъ журнальный союзъ, Сенковскій держался независимо отъ Булгарина и Греча. Хотя по своимъ душевнымъ качествамъ Сенковскій былъ родственъ Булгарину и Гречу, но всетаки долженъ быть отъ нихъ отдѣленъ: по уму, таланту и образованію онъ стоялъ несравненно выше Греча и Булгарина, не доходилъ до Булгаринскихъ подлостей, наконецъ, не стоялъ въ такихъ отношеніяхъ къ Бенкендорфу, какъ Булгаринъ. Только въ концѣ 30-хъ годовъ душевныя качества Сенковскаго и общественная физіономія его обнаружились въ полной мѣрѣ. Середина 30-хъ годовъ была эпохой его блестящаго успѣха. То обстоятельство, что Сенковскій независимо держался отъ Булгарина и Греча, не принималъ участія до 1836 года въ ихъ травлѣ Пушкина [1]) и создавало то, что отношенія къ нему Пушкина слагались независимо отъ отношеній къ Булгарину и Гречу, и поэтъ сначала относился къ Сенковскому хорошо. Такъ въ письмѣ отъ 8 февраля 1824 г. къ А. А. Бестужеву, издавшему альманахъ «Полярная Звѣзда» на 1824 г., Пушкинъ хвалитъ помѣщенное тамъ произведеніе Сенковскаго—«Витязь буланнаго коня», называя «прелестью». «Совѣтую себѣ держать за воротъ этого Сенковткаго» — пишетъ Пушкинъ (Переп. т. I, стр. 99). Когда Сенковскій сталъ редактировать «Библіотеку для чтенія», Пушкинъ принялъ въ ней участіе, помѣстивъ «Пиковую Даму» (1834 № 2), «Сказку о мертвой царевнѣ» (1834, № 2), «Пѣсни западныхъ славянъ» (1835, № 2 и № 3). «Сказку о золотомъ пѣтушкѣ» (1835, № 4), «Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ» (1835, № 5), Сенковскій льстилъ Пушкину. Сохранилось письмо Сенковскаго, относимое къ іюлю—августу 1834 г., въ которомъ Сенковскій расточаетъ похвалы прозаическому языку Пушкина, говоритъ, что поэтъ начинаетъ новую эпоху въ русскомъ прозаическомъ языкѣ (Переп. т. III, стр. 158—160). [1]).

Послѣ неудачи въ 1832 году съ изданіемъ собственнаго періодическаго органа Пушкинъ все время не оставлялъ мысли объ его изданіи и въ 1836 г., какъ извѣстно, сталъ издавать «Современникъ». Снова это грозило опасностью изданіямъ Булгарина и Греча, и они открыли походъ на Пушкина и его журналъ.

Вполнѣ опредѣленно показываетъ, что новыя нападки Булгарина въ 1836 году были вызваны опять боязнью конкуренціи, замѣтка «Сѣверной Пчелы» (1836, № 162), въ которой было сказано: «Прекрасно было то незабвенное время нашей литературы, когда играла лира Пушкина, когда имя его вмѣстѣ съ его сладкими пѣснями, носилось по Россіи изъ конца въ конецъ и было у всякаго на языкѣ. Муза его умолкла. Поэтъ промѣнялъ золотую лиру свою на скрипучее, тружепническое перо журналиста Князь мысли сталъ рабомъ толпы; орелъ спустился съ облаковъ для того, чтобы крыломъ своимъ ворочать тяжелыя колеса мельницы. Печальная перемѣна, которой мы не пожелаемъ ни одному истинному поэту. Поэтъ опочилъ на лаврахъ слишкомъ рано. Вмѣсто поэтическихъ произве-

[1]) Въ 1834 году «Библ. для чтенія» (т. 6 отд. 6) хвалила «Пиковую Даму», въ 1835 году «Исторію Пугачевскаго бунта» (т. 10) и «Пѣсни западныхъ славянъ» (т. 12).

[1]) Къ 1831—34 гг. относится опубликованный Шляпкинымъ («Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», стр. 28—30), черновой набросокъ «Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ», относимый имъ къ Сенковскому, но для такого утвержденія нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ. См. сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. II, стр. 528—529; П. Б. «Русск. Архивъ», 1903, іюнь, обложка, стр. 3; В. В. Сиповскій, «Журналъ. Мин. Нар. Просвѣщ.», 1903, VI, 445—448; П. Е. Щеголевъ, «Истор. Вѣстникъ», 1904, I, 271—272 и Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПБ. 1910, стр. 326).

НИКОЛАИ ИВАНОВИЧЪ ГРЕЧЪ.

Портретъ, относящійся къ 1815 году.

дній онъ выдаетъ толстыя, тяжелыя книжки сухого и скучнаго журнала, наполненнаго чужими статьями».

Особенно «Современникъ» былъ опасенъ «Библіотекѣ для чтенія», какъ журналу, имѣвшему большое число подписчиковъ. «Библіотека для чтенія» привлекала широтой своей программы и тѣмъ, что въ ней были сосредоточены лучшія литературныя силы. Въ «Современникѣ» также предполагалась широкая программа. Сенковскій имѣлъ основаніе думать, что силы перейдутъ отъ него въ «Современникъ», во главѣ котораго сталъ такой человѣкъ, какъ Пушкинъ. Въ октябрѣ 1835 года Пушкинъ пишетъ П. В. Нащокину: «Смирдинъ уже предлагалъ мнѣ 15.000, чтобы я отъ своего предпріятія отступился и сталъ бы снова сотрудникомъ его «Библіотеки». Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Сенковскій такая бестія, а Смирдинъ такая дура, что съ ними связываться не возможно» (Переп. т. III, стр. 243). И Сенковскій, не нападая ранѣе на поэта, сразу же выступилъ съ нападками, какъ только Пушкинъ сталъ издавать «Современникъ». Уже въ первой книжкѣ «Библіотеки для чтенія» за 1836 годъ Сенковскій сдѣлалъ выпадъ противъ Пушкина [1]). Поэтъ, желая помочь лицейскому учителю Е. П. Люценко, находившемуся въ крайне стѣсненномъ положеніи, издалъ на свой счетъ его переводъ «Вастолы» Виланда. Въ 1835 г. переводъ вышелъ въ продажу съ указаніемъ, что его издалъ Пушкинъ, безъ указанія имени переводчика. Сенковскій назвалъ «Вастолу» «неостижимымъ подаркомъ» поэта «доброй, честной русской публикѣ» на новый годъ. «Нѣкоторые намекаютъ,— пишетъ Сенковскій,—будто А. С. Пушкинъ никогда не писалъ этихъ стиховъ, что «Вастола» переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что А. С. только далъ ему на прокатъ свое имя для того, чтобы лучше покупали книгу, и что онъ желаетъ этимъ сдѣлать благотворительный поступокъ. Этого быть не можетъ! Мы безпредѣльно уважаемъ всякое благотворительное намѣреніе, но такой поступокъ противился бы всѣмъ нашимъ понятіямъ о благотворительности, и мы съ негодованіемъ отвергаемъ всѣ подобные намеки, какъ клевету завистниковъ великаго поэта. Пушкинъ не станетъ обманы-

[1]) «Библіотека для чтенія», 1836, т. XVI, отд. VI, стр. 33—34.

вать публику двусмысленностями, чтобы дѣлать кому добро. Онъ знаетъ, что долженъ публикѣ и себѣ. Если бы въ словѣ «издалъ» и не было бы двусмысленности, если бы оно и принято было здѣсь въ самомъ тѣсномъ его значеніи,—онъ знаетъ, что человѣкъ, пользующійся литературной славой, отвѣчаетъ передъ публикой за примѣчательное достоинство книги, которую издаетъ подъ покровительствомъ своего имени... А. С., если бы пожелалъ быть благотворителемъ, написалъ бы самъ двѣ—три страницы стиховъ и онѣ принесли бы болѣе выгоды бѣдному, которому бы онъ подарилъ ихъ, чѣмъ вся эта «Вастола». Люди добраго сердца оказываютъ благотворительность приношеніемъ нищетѣ какого нибудь дѣйствительнаго труда, а не бросая въ лицо бѣдному одно свое имя для продажи, что равнялось бы презрѣнію къ публикѣ, къ вамъ, ко мнѣ, ко всякому. Нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ, что это подлинные стихи Пушкина. И если бы они даже были не его, ему теперь не оставалось бы ничего болѣе, какъ признать ихъ своими и внести въ собраніе своихъ сочиненій... Это—его стихи. Удивительные стихи!» Такимъ образомъ, знавшій, что стихи не Пушкина, Сенковскій не только нагло лицемѣрилъ, но и зло надругался надъ поэтомъ, обвиняя его въ настоящей недобросовѣстности. Вполнѣ вѣрно С. А. Венгеровъ назвалъ эту двусмысленную, лицемѣрную и злую замѣтку Сенковскаго «одной изъ тѣхъ мефистофельскихъ рецензій, на которыя онъ былъ такой мастеръ» [1]). Въ отвѣтъ на эту злую выходку Пушкинъ въ № 1 «Современника» помѣстилъ сдержанную замѣтку, назвавъ лишь обвиненіе «несправедливымъ», указавъ, что дѣйствительно «Вастола» переведена не имъ, а онъ лишь издалъ книгу. Пушкинъ былъ глубоко возмущенъ поступкомъ Сенковскаго, и повтореніе отзыва Сенковскаго знакомымъ Пушкина С. С. Хлюстинымъ повело къ крупному столкновенію съ нимъ поэта, чуть не окончившемуся дуэлью. 4 февраля Пушкинъ писалъ Хлюстину: «Я не сержусь на Сенковскаго: но мнѣ нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяютъ нелѣпости свиней и мерзавцевъ» (Переп. т. III, стр. 272). [2]).

Что нападки Сенковскаго на Пушкина имѣли тѣ же мотивы, что и нападки Булгарина, а именно боязнь конкуренціи, видно по самому характеру этихъ нападокъ, по такому, напримѣръ, замѣчанію: «Всегда должно сожалѣть, когда поэтическій геній перваго разряда, каковъ Александра Сергѣевича Пушкина, самъ добровольно отрекается отъ своего призванія, и съ священныхъ высотъ Геликона, гдѣ онъ прежде, по счастливому выраженію Проперція, Musarum choris implicuit manus, постепенно нисходитъ къ нижнимъ областямъ горы, къ литературѣ болѣе и болѣе блѣдной и безплодной. Это уже—затменіе одной изъ славъ народа. Но какъ горько, какъ прискорбно видѣть, когда этотъ геній, рожденный вить безсмертные вѣнки на вершинѣ «зеленаго Геликона», нарвавъ тамъ горсть колючихъ остротъ, бѣжитъ стремглавъ по скату горы въ объятія собравшейся на равнинѣ толпы Віоѳянъ, которая обѣщаетъ, за подарокъ, наградить его грубымъ хохотомъ! Берегитесь, неосторожный геній! послѣдніе слои горы обрывисты, и у самаго подножія Геликона лежитъ Михонское болото. Бездонное болото, наполненное черной грязью! Эта грязь—журнальная полемика; самый низкій и отвратительный родъ прозы, послѣ рѳмованныхъ пасквилей» («Библ. для чтенія», 1836, XV, отд. VI, 69).

Всегда думавшій о борьбѣ съ «Сѣверной Пчелой» и «Сыномъ Отечества», видѣвшій въ этой борьбѣ одну изъ важныхъ очередныхъ задачъ журналистики въ данный моментъ, Пушкинъ начавъ издавать «Современникъ», снова повелъ эту борьбу. Сначала, въ 1834—1835 гг. Пушкинъ сотрудничалъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», но какъ только сдѣлалась ясной общественная и литературная физіономія этого журнала, какъ только не осталось сомнѣнія, что Сенковскій вступилъ въ союзъ съ Булгаринымъ и Гречемъ и создался тріумвиратъ, Пушкинъ повелъ борьбу и съ «Библіотекой для Чтенія». Если ранѣе Пушкинъ боролся только съ двумя членами тріумвирата—Бул-

[1]) Сочиненія Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 597.

[2])Объ изданіи Пушкинымъ «Вастолы» Люценко и о столкновеніи въ связи съ этимъ съ Сенковскимъ и Хлюстинымъ см. П. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПБ. 1910, стр. 330, 339, 347, 355; Б. Л. Модзалевскій. Пушкинъ и Люценко. «Русск. Старина», 1898, т. 94, кн. IV, стр. 73—88 и отд. СПБ. 1898; Пушкинъ, II, Къ біографіи Пушкина. М. 1885. 73—84. Н. О. Лернеръ, «Русскій Арх.», 1900, III, 143—144; Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, т. VI, стр. 616—617, т. VIII, стр. 366 и 379; П. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина. СПБ. 1902, стр. 30.

гаринымъ и Гречемъ, то теперь, съ 1836 г., началась борьба съ тріумвиратомъ, какъ таковымъ, какъ съ цѣлымъ. Это отношеніе Пушкина къ «Библіотекѣ для чтенія» раздѣляли его друзья, особенно кн. Вяземскій, который въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 23 октября 1836 г. назвалъ «Библіотеку для Чтенія»—«свинымъ хлѣвомъ» [1]).

Уже въ первомъ томѣ «Современника», вышедшемъ 11 апрѣля, былъ нанесенъ большой ударъ тріумвирату Гоголемъ въ большой, не подписанной статьѣ «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году», въ которой дана очень вѣрная оцѣнка членовъ тріумвирата и ихъ изданій, высказано по адресу Сенковскаго много горькой правды. Гоголь давно относился отрицательно къ тріумвирату и, какъ мы уже отмѣтили, подавалъ въ 1831 г. Пушкину мысль сопоставить Булгарина съ Байрономъ [2]). Это—одна изъ лучшихъ журнальныхъ статей Гоголя, о которой прекрасно отзывался Бѣлинскій. Она нанесла серьезный ударъ тріумвирату и произвела большое впечатлѣніе въ литературныхъ кругахъ [3]).

Пушкинъ намѣревался вслѣдъ за статьей Гоголя нанести новый ударъ тріумвирату. Во II т. «Современника», вышедшемъ въ іюлѣ, была помѣщена такая замѣтка отъ редакціи: «Мы получили также статью г. Косичкина. Но, къ сожалѣнію, эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выходъ этой книжки, отлагаемъ ее до слѣдующей». Но замѣтка Пушкина не появилась. Въ 3 т. «Современника», вышедшемъ въ сентябрѣ, появилась статья А. Б. «Письмо къ издателю» съ нападками на Сенковскаго и Греча [4]).

Такимъ образомъ, Пушкинъ, продолжая войну съ тріумвиратомъ, остался вѣренъ тѣмъ принципамъ, которыми руководствовался въ «Литературной Газетѣ», хотя нападки уже не были такъ рѣзки. Послѣ замѣчанія «Сѣверной Пчелы», что «Современникъ» является продолженіемъ «Литературной Газеты», Пушкинъ подтверждаетъ это въ 3 книгѣ «Современника», заявивъ, что «Современникъ» по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ «Литературной Газеты».

Острое перо Пушкина до самыхъ послѣднихъ дней жизни не оставляло Булгарина. Въ ноябрѣ 1836 года поэтъ встрѣтился въ магазинѣ Смирдина съ гр. Соллогубомъ, писавшимъ экспромтъ:

Коль ты къ Смирдину войдешь
Ничего тамъ не найдешь
Ничего ты тамъ не купишь
Лишь Сенковскаго толкнешь...

Пушкинъ прибавилъ: «Иль въ Булгарина наступишь» [1]).

Только съ однимъ изъ членовъ тріумвирата—Гречемъ въ личныхъ отношеніяхъ у Пушкина не было открытаго разрыва. Гречъ всегда старался поддерживать отношенія съ поэтомъ, и Пушкинъ посѣщалъ даже домъ Греча. 12 октября 1836 г. Гречъ по поводу «Полководца» Пушкина писалъ ему: «Вы доказали свѣту, что Россія имѣетъ въ васъ истиннаго поэта, ревнителя чести, жреца правды, благороднаго поборника добродѣтели, возносящагося свѣтлымъ ликомъ и чистою душою надъ туманами предразсудковъ, повѣрій и страстей, въ которыхъ косиѣетъ пресмыкающая долу прозаическая чернь. Честь вамъ, слава и благодареніе! Вы нашли истинное, дѣйствительное, единственное назначеніе поэзіи» Пушкинъ отвѣтилъ 13 октября сдержанной благодарностью (Перен. т. III, стр. 379—380). Пушкинъ былъ расположенъ къ сыну Греча Н. Н. Гречу, который очень любилъ поэта и котораго А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ А. И. Нефедьевой называетъ «прекраснымъ юношей, подававшимъ прекрасныя надежды, любимаго и уважаемаго своими товарищами студен-

---

[1]) Остафьевскій Архивъ, III, 335.

[2]) Напомнимъ, что Сенковскій не понималъ совершенно Гоголя, нападалъ на него въ «Библ. для Чтенія»; отношеніе къ Гоголю является яркимъ примѣромъ отсутствія въ Сенковскомъ настоящаго критическаго чутья.

[3]) Панаевъ, «Литературныя воспоминанія», СПБ. 1876, стр. 186.

[4]) Эту статью П. В. Анненковъ (Сочиненія Пушкина, т. I, Матеріалы для біографіи Пушкина. Спб. 1855, стр. 424), приписываетъ И. А. Безсонову. Это указаніе повторяетъ П. О. Морозовъ (Сочиненія Пушкина, изд. «Просвѣщенія», т. VI, 623). В. С. Карцевъ и М. Н. Мазаевъ въ «Опытѣ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей», (Спб. 1891) раскрываютъ этотъ инициалъ, какъ принадлежащій А. П. Болтину. П. А. Ляпкинъ («Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», Спб. 1903, стр. 242) предполагаетъ, что статья принадлежитъ М. П. Погодину. Никто доказательствъ не приводитъ.

[1]) Воспоминанія гр. В. А. Соллогуба. М. 1866, стр. 46. П. П. Панаевъ. Литературныя воспоминанія, 3-е изд. Спб. 1888, стр. 40—41.

тами» [1]). Подробно о взаимномъ расположеніи Пушкина и Н. Н. Греча разсказываетъ В. П. Бурнашевъ, въ воспоминаніяхъ котораго находится разсказъ о послѣднихъ отношеніяхъ поэта къ Гречу и его сыну Н. Н. Гречу. 4 декабря 1836 г., по разсказу Бурнашева, Пушкинъ проѣзжалъ въ Англійскій клубъ и увидѣлъ большое освѣщеніе у Греча; думая, что у него происходитъ собраніе сотрудниковъ Энциклопедическаго Лексикона, онъ заѣхалъ къ Гречу. 26 января 1837 года Гречъ-сынъ умеръ и въ тотъ-же день было послано Пушкину приглашеніе на похороны. 27-го состоялись похороны. «Мнѣ жаль,—сказалъ Гречъ, по словамъ Бурнашева,—что Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, котораго боготворилъ мой Коля, о которомъ онъ говорилъ въ послѣдніе часы своей жизни, не захотѣлъ почтить сегодня насъ своимъ присутствіемъ. Но, вѣдь, всѣ эти господа-аристократы мнятъ о себѣ такъ много и считаютъ себя людьми другой кости». Въ этотъ моментъ было сообщено Гречу, что Пушкинъ дрался на дуэли и будто бы уже умеръ. «Велика, ужасна моя потеря,—сказалъ Гречъ по разсказу Бурнашева,—но потеря Пушкина Россіею ни съ какою частною горестью не можетъ быть сравнена. Это—несчастіе нашей литературы. Это—народная утрата» [2]).

Разсказъ Бурнашева, вѣроятно, составленъ на основаніи печатныхъ источниковъ. Извѣстно, что, лежа въ мученіяхъ послѣ дуэли 27 января 1837 года, Пушкинъ вспомнилъ о приглашеніи на похороны и сказалъ доктору Спасскому: «Если увидите Греча, поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ»[3]).

За то Булгарина и смерть Пушкина не смягчила. 4 февраля 1837 года онъ писалъ изъ Дерпта къ А. Я. Стороженко: «У насъ разнесся слухъ, что Пушкинъ убитъ на дуэли барономъ Дантесомъ, кавалергардскимъ офицеромъ, за жену. Я еще не получилъ писемъ изъ Петербурга, но Воейковъ уже писалъ съ проѣзжающимъ къ своей тещѣ Протасовой. Жаль поэта—и великаго,—а человѣкъ былъ дрянной. Корчилъ Байрона, а пропалъ, какъ заяцъ. Жена его право не виновата. Ты зналъ фигуру Пушкина: можно ли было любить, особенно пьянаго» [1]).

Послѣ трагической кончины Пушкина у тріумвирата хватило совѣсти, чтобы не бросить кома грязи въ могилу поэта: некрологи въ ихъ изданіяхъ отдавали дань поэту. Въ замѣткѣ Л. Якубовича въ № 24 1837 г. «Сѣверной Пчелы» было сказано, что «Россія обязана Пушкину благодарностью за 22-хъ-лѣтнія заслуги его на поприщѣ словесности». Гречъ получилъ за эту фразу выговоръ Бенкендорфа [2]). Отдавала дань Пушкину и «Библіотека для Чтенія» въ некрологѣ, написанномъ Н. Полевымъ («Библ. для Чтенія», т. XXI, стр. 181—198). Въ 1838 году Булгаринъ помѣстилъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 1, Русская литература) краткое извѣстіе о выходѣ 1—2 т. «Сочиненій Пушкина» (Спб. 1838), начавъ: «Безмолвный привѣтъ памяти еще столь недавно утраченнаго нами незабвеннаго поэта!» Въ томъ же году въ «Библ. для Чтенія» въ отзывѣ о I—3 т.т. «Сочиненій» Пушкина (т. 27, отд. VI, мартъ, новыя книги) сказано: «Вотъ три первые тома «Сочиненій» Пушкина,—первые три тома всей русской словесности; здѣсь все, что мы любимъ, чѣмъ восхищаемся, что повторяемъ наизусть». Замѣчая относительно эпиграммъ, что онъ «не любитъ этого рода литературы», критикъ говоритъ: «Пушкинъ защищается ими отъ враговъ своихъ, отъ своихъ зоиловъ! Враги Пушкина! Гдѣ же они теперь? Я вижу однихъ только восторженныхъ обожателей Пушкина. Великое дѣло смерть для человѣка съ истиннымъ дарованіемъ! Если бы Пушкинъ могъ встать изъ своей безсмертной могилы, онъ, навѣрное, между этими восторженными обожателями своего генія, съ изумленіемъ узналъ бы знакомыя лица злѣйшихъ своихъ зоиловъ прежняго времени».

VI.

Говоря о той борьбѣ, которую велъ Пушкинъ съ тріумвиратомъ, нужно отмѣтить, что въ ней принялъ участіе только что начавшій свою литературную дѣятельность Бѣлинскій. Восторженный энтузіастъ, столь высоко ставившій литературу, видѣвшій въ ней священное служеніе, Бѣлинскій

---

[1]) «Пушкинъ и его современники», VI, стр. 47.
[2]) В. П. Бурнашевъ. Воспоминанія.—«Русск. Архивъ», 1872, IX, 1787—1802.
[3]) Сочиненія Пушкина, изд. П. В. Анненкова, т. I. Матеріалы для біографіи. Спб. 1855, стр. 449, 459—460; «Русская Старина», 1881, V, стр. 158—159.

[1]) Стороженко. Фамильный архивъ. Кіевъ 1907, т. III, стр. 29.
[2]) А. В. Никитенко. Записки и дневникъ. Спб. 1905, т. I, стр. 285.

КНИЖНАЯ ЛАВКА СМИРДИНА.

Виньетка Сапожникова (тушью) ко II тому «Новоселья» (1834).

Въ правомъ углу весьма мало похожій Пушкинъ разговариваетъ съ кн. Вяземскимъ. За стойкою — прикащикъ Ножевщиковъ и Смирдинъ; господинъ въ шинели — Сенковскій. Носитъ книги — прикащикъ Цвѣтковъ.

съ самаго начала своей литературной дѣятельности отнесся отрицательно къ тріумвирату. У Пушкина сразу же явился сильный союзникъ. Бѣлинскій, который впослѣдствіи далъ такое глубокое истолкованіе Пушкина, съ знаменитыми статьями котораго началось лишь истинное пониманіе и оцѣнки поэта, уже въ первыхъ своихъ статьяхъ, въ пламенныхъ «Литературныхъ Мечтаніяхъ» 1834 года, высоко ставилъ Пушкина и выступилъ противъ травли его Булгаринымъ. Бѣлинскій довольно опредѣленно указалъ въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ» на личный характеръ нападокъ на Пушкина Булгарина, на его продажное непостоянство. «Ни одинъ поэтъ на Руси,— писалъ Бѣлинскій,— не пользовался такою народностью, такою славою при жизни, и ни одинъ не былъ такъ жестоко оскорбленъ. И кѣмъ же? Людьми, которые сперва пресмыкались предъ нимъ во прахѣ, а потомъ кричали: Chûte complète!» [1]. Нападая на Булгарина въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ», Бѣлинскій беретъ тотъ тонъ, который принялъ Пушкинъ въ статьяхъ 1831 г., и подхватываетъ язвительное сопоставленіе Булгарина съ Орловымъ.

Нападенія Бѣлинскаго на Булгарина сейчасъ же вызвали его ожесточенныя нападки на критика. Тотъ отвѣчалъ горячей отповѣдью въ журнальной замѣткѣ въ «Молвѣ» (1835, № 46—47), въ которой воздаетъ Булгарину должное и опять цитируетъ его знаменитое изреченіе о VII главѣ «Онѣгина»: Chûte complète.

Въ началѣ 1836 г. Бѣлинскій нанесъ новый сильный ударъ тріумвирату въ статьѣ «Ничто о ничемъ» («Телескопъ», 1836, т. XXXI). Здѣсь Бѣлинскій отмѣчаетъ, что отношенія членовъ тріумвирата обусловлены не принципіальными разногласіями, а личной выгодой, на что указывалъ и Пушкинъ [2]. Когда вышла первая книга «Современника», Бѣлинскій помѣстилъ о ней статью въ № 7 «Молвы» 1836 г. Бѣлинскаго не удовлетворило содержаніе журнала, онъ не оцѣнилъ вполнѣ его. Указывая промахи Бѣлинскаго, С. А. Венгеровъ справедливо отмѣчаетъ, что статья «видимо писалась не въ минуту вдохновенія и повышенной литературной проницательности [1]. Но Бѣлинскій все-таки горячо привѣтствовалъ журналъ. Особенно лестно отзывается критикъ объ упомянутой выше статьѣ Гоголя, въ которой, какъ мы знаемъ, дана рѣзкая оцѣнка тріумвирата. Въ этой статьѣ Бѣлинскій видитъ «духъ и направленіе новаго журнала». Бѣлинскій привѣтствовалъ журналъ, видя въ немъ оппозицію ненавистному тріумвирату. Бѣлинскій прямо говоритъ, что Сенковскій «испугался» «Современника», что онъ, «забывъ обычное свое благоразуміе, имѣлъ неосторожность сказать, что онъ «отдалъ бы все на свѣтѣ, лишь бы только Пушкинъ не сдержалъ своей программы».

Пушкинъ сразу же обратилъ свое вниманіе на Бѣлинскаго, но кружокъ Пушкинскій былъ настроенъ противъ Бѣлинскаго. 27 мая 1836 г. Пушкинъ посылалъ ему «Современникъ» черезъ П. В. Нащокина. Но Пушкинъ, зная враждебное отношеніе къ Бѣлинскому кружка Погодина и Шевырева, скрывалъ свои сношенія. Прося Нащокина передать Бѣлинскому «Современникъ», Пушкинъ просилъ его въ письмѣ сдѣлать это «тихонько отъ Наблюдателей NB» и передать Бѣлинскому «что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться». О печатающемся 2 № «Современника» Пушкинъ сообщаетъ Нащокину, что № «очень хорошъ» (Перен. т. III, стр. 325). Но Бѣлинскому онъ не понравился и онъ раскритиковалъ 2 № «Современника» въ № 13 «Молвы», признавъ попытки Пушкина издавать журналъ несостоятельными. И въ этой второй статьѣ Бѣлинскій былъ довольно несправедливъ. С. А. Венгеровъ замѣчаетъ, что Бѣлинскій, когда говорилъ о «Современникѣ», «терялъ самообладаніе, дѣлалъ эстетическіе промахи и становился придирчивымъ и несправедливымъ» [2]. Въ этой статьѣ Бѣлинскій ясно подчеркиваетъ, что ему, когда онъ привѣтствовалъ первый томъ «Современника», было дорого то, что онъ надѣялся, что журналъ Пушкина будетъ прочной оппозиціей тріумвирату. По поводу статьи Гоголя Бѣлинскій замѣчаетъ: «Рѣзкій и благородный тонъ этой статьи, смѣлые и безпристрастные отзывы о нашихъ журналахъ, вѣрный взглядъ на журнальное дѣло— все это подало было намъ надежду, что

[1]) Сочиненія Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 362.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 376.

[1]) Сочиненія Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. III, стр. 493.
[2]) Тамъ же, т. III, стр. 507.

«Современникъ» будетъ ревностнымъ поборникомъ истины, искаженной и попираемой ногами книжныхъ спекулянтовъ, что его голосъ неутомимо, громко и твердо будетъ раздаваться на журнальной аренѣ, превращенной въ рыночную площадь продажныхъ похвалъ и браней, что онъ сшибетъ не съ одной пустой головы не заслуженные лавры, что онъ ощиплетъ не съ одной литературной вороны накладныя павлиньи перья, что онъ сорветъ маску мнимой учености и мнимаго таланта не съ одного заѣзжаго фигляра, съ баронскимъ гербомъ и татарскимъ прозвищемъ, пускающаго въ глаза простодушной публикѣ пыль поддѣльнаго патріотизма и лакейскаго остроумія. Тѣмъ пріятнѣе было намъ надѣяться всего этого отъ «Современника», что теперь, именно теперь, наша литература особенно нуждается въ такомъ журналѣ» [1]).

Несмотря на отрицательный отзывъ Бѣлинскаго о второй книгѣ «Современника», поэтъ, очевидно не терялъ своего расположенія къ критику и имѣлъ, повидимому, намѣренія привлечь его къ своему журналу. Отвѣчая на недошедшее до насъ письмо Пушкина, Нащокинъ писалъ въ началѣ октября 1836 г. поэту о Бѣлинскомъ: «Я его не видѣлъ, но его друзья, въ томъ числѣ Щепкинъ, говорятъ, что онъ будетъ очень счастливъ, если придется ему на тебя работать» (Перен. т. III, стр. 396). Бѣлинскій очень цѣнилъ, что Пушкинъ обратилъ на него вниманіе. Въ письмѣ къ Гоголю въ 1842 г. Бѣлинскій говоритъ, что несмотря на то, что «слышалъ похвалы себѣ отъ умныхъ людей», его «больше всего этого радуетъ доселѣ и всегда будетъ радовать, какъ лучшее достояніе, нѣсколько привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ обо мнѣ Пушкинымъ и, къ счастью, дошедшихъ до меня изъ вѣрныхъ источниковъ» [2]).

Такимъ образомъ, Бѣлинскій явился сильнымъ союзникомъ Пушкина въ его борьбѣ съ тріумвиратомъ. Въ немъ Бѣлинскій видѣлъ тормазъ развитію литературы и общественной жизни, явленіе, съ которымъ необходимо энергично бороться. И Бѣлинскій былъ всегда непримиримымъ врагомъ тріумвирата [1]).

VII.

Теперь, когда передъ нами прошла фактическая сторона отношеній Пушкина и тріумвирата, выяснимъ мотивы борьбы.

Въ чемъ прежде всего заключалась причина ненависти поэта къ Булгарину?

Прежде всего, можно думать, что Булгаринъ просто былъ ненавистенъ Пушкину, какъ человѣкъ низкій, лишенный всякаго чувства чести; тутъ была со стороны Пушкина прямо брезгливость; Булгаринъ былъ ненавистенъ, какъ опредѣленный психическій типъ. Въ этой психологической области не малую роль играло презрѣніе къ Булгарину, какъ къ продажной личности, какъ къ человѣку, продавшемуся изъ-за выгодъ Бенкендорфу, какъ къ доносчику и шпіону. Пусть Пушкинъ въ эпоху хлопотъ о газетѣ предлагалъ свои «услуги» правительству, пусть онъ пользовался «милостями» Николая I, но это были лишь уклоненія, лишь колебанія подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій жизни, въ душѣ же поэтъ до истинно-трагическихъ страданій тяготился «покровительствомъ» Николая I, условіями своей жизни, той рамкой, въ которую она была заключена; роль прихлебателя, клеврета, была органически ненавистна свободной душѣ Пушкина.

Но ненависть къ чисто психическому складу Булгарина, какъ къ продажному рабу и шпіону, не была всей причиной ненависти поэта къ Булгарину. Сюда присоединилось, несомнѣнно, опасеніе, что клеветъ Бенкендорфа, подъ бдительнымъ надзоромъ котораго находился поэтъ, враждебно настраиваетъ шефа жандармовъ. На это совершенно вѣрно указываетъ М. И. Сухомлиновъ [2]). Современники держались того взгляда, что Булгаринъ имѣетъ громадное вліяніе на Бенкендорфа, думали, что онъ стоитъ близко къ III отдѣленію, смотрѣли, какъ на агента Бенкендорфа. Даже такіе близко стоящіе къ высшимъ административнымъ сферамъ люди, какъ гр. Д. Н. Блудовъ, считали, что Булгаринъ служитъ въ тайной полиціи и является на-

---

[1]) Сочиненія Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. III, стр. 58—59.

[2]) «Письма Бѣлинскаго». Сочиненія Бѣлинскаго, изд. Ф. Ф. Павленкова, т. III, стр. 1196. СПБ. 1907. Объ отношеніяхъ Пушкина и Бѣлинскаго, см. А. Н. Пыпинъ. «Бѣлинскій». 2-е изд. СПБ. 1908, стр. 100—102 и Н. О. Лернеръ, «Бѣлинскій». М. 1910, стр. 65 - 66.

[1]) Объ отношеніи Бѣлинскаго къ Булгарину цѣнный матеріалъ даютъ комментаріи къ сочиненіямъ Бѣлинскаго, изд. подъ ред. С. А. Венгерова (т. I—VII. СПБ. 1900—1904) и подъ ред. Иванова-Разумника (т. I—III. СПБ. 1911).

[2]) Изслѣдованія и статьи, т. II, стр. 267 и 274.

стоящимъ сыщикомъ. Никитенко, передавая разговоръ съ Блудовымъ, записалъ: «Графу положительно извѣстно, что Булгаринъ участвовалъ въ службѣ по тайной полиціи во время Бенкендорфа» [1]). Пушкинъ раздѣлялъ воззрѣнія современниковъ на Булгарина, думая, что онъ играетъ видную роль въ III отдѣленіи и имѣетъ сильное вліяніе на Бенкендорфа. Что Пушкинъ именно опасался вліянія Булгарина на Бенкендорфа, доносовъ Булгарина, хорошо видно изъ слѣдующаго факта. 2 мая 1830 г. Пушкинъ проситъ П. А. Вяземскаго позондировать почву относительно того, можно ли надѣяться получить разрѣшеніе на изданіе политической газеты. «Пожалуйста,—пишетъ поэтъ,—поговори объ этомъ, но втайнѣ: если Булгаринъ будетъ это подозрѣвать, то онъ по своему обыкновенію пустится въ доносы и клевету—и съ нимъ не справишься» (Переп. т. II, стр. 145).

Пушкинъ видѣлъ въ своей борьбѣ борьбу не съ частнымъ, а съ чисто оффиціальнымъ изданіемъ, онъ смотрѣлъ на «Сѣверную Пчелу», именно какъ на чисто оффиціальный органъ. Въ сохранившихся въ рукописяхъ критическихъ замѣткахъ 1830 — 1831 гг. и въ «Разговорѣ А и Б» Пушкинъ неоднократно называетъ «Сѣверную Пчелу» «оффиціальной газетой» [2]).

Въ настоящее время опубликованіе ряда историческихъ документовъ обнаружило, что Булгаринъ не имѣлъ такого сильнаго вліянія на Бенкендорфа, какъ это предполагали современники, а былъ лишь приспѣшникомъ шефа жандармовъ, который часто обращался съ нимъ, какъ съ лакеемъ, хотя и покровительствовалъ ему, видя въ немъ полезнаго себѣ человѣка. Но «Сѣверная Пчела» была, несомнѣнно, органомъ Бенкендорфа, Булгаринъ выполнялъ его порученія, писалъ статьи по заказу, о чемъ самъ говоритъ въ письмѣ къ Дубельту отъ 30 апрѣля 1844 г. [3]). В. В. Гиппіусъ замѣчаетъ, что нѣтъ данныхъ говорить, «что Булгаринъ достигалъ своей цѣли повредить Пушкину въ глазахъ Бенкендорфа» [4]).

На это нужно замѣтить, что имѣющійся въ распоряженіи историка матеріалъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Булгаринъ именно «достигалъ своей цѣли», принесъ много зла поэту, и онъ имѣлъ всѣ основанія опасаться Булгарина.

Въ подготовительныхъ отрывкахъ къ «Египетскимъ ночамъ» есть интересное для насъ мѣсто. Пушкинъ говоритъ о своемъ героѣ, въ которомъ нельзя не усмотрѣть автобіографическихъ элементовъ, что онъ «не любилъ общества своей братіи литераторовъ... Иные казались ему скучными по своей глупости; другіе—несносными по своему тону; третьи—гадкими по своей подлости, четвертые—опасными по своему двойному ремеслу» [1]). Изслѣдователи [2]) основательно видятъ здѣсь намекъ на Булгарина. И это мѣсто цѣнно тѣмъ, что Пушкинъ вполнѣ опредѣленно указываетъ на «опасность» Булгарина. И не подлежитъ сомнѣнію, что Пушкинъ, раздѣляя общее воззрѣніе на сильное вліяніе Булгарина на Бенкендорфа, считалъ его «опаснымъ по двойному ремеслу». Пушкинъ видѣлъ въ Булгаринѣ не только отвратительную личность вообще, не только питалъ ненависть, какъ къ опредѣленному психическому типу, но и опасался его, какъ подлаго и опаснаго личнаго врага, имѣющаго твердую почву въ отношеніяхъ къ поэту шефа жандармовъ.

Но было бы, по нашему мнѣнію, ошибочнымъ видѣть во враждѣ Пушкина къ Булгарину лишь ненависть, какъ къ опредѣленному психическому типу, съ одной стороны, и какъ къ личному врагу «опасному по двойному ремеслу», съ другой. Прошедшій передъ нами фактическій матеріалъ даетъ основанія говорить, что въ борьбѣ съ Булгаринымъ Пушкинымъ руководили и другія, болѣе высокія побужденія. Въ Булгаринѣ поэтъ видѣлъ вреднаго для общества общественнаго и журнальнаго дѣятеля, съ которымъ надо во имя общественнаго блага бороться.

Прося у Бенкендорфа въ 1835 г. разрѣшенія на изданіе періодическаго органа, Пушкинъ выставлялъ мотивомъ своей журнальной дѣятельности чисто практическій, говорилъ о журналѣ исключительно, какъ о средствѣ къ жизни. (Переп. т. III, стр. 220—221 и 261). Даже такой близкій къ

---

[1]) А. В. Никитенко. Записки и Дневникъ. СПБ. 1905, т. I, стр. 485.

[2]) Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 273, 277 и 286.

[3]) М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. стр. 289—290.

[4]) Пушкинъ и журнальная полемика его времени.—Памяти Пушкина. Сборникъ статей преподават. и слушател. Ист. Фил. Факульт. Спб. Ун-та, стр. 266.

[1]) Сочиненія Пушкина, подъ ред П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. V, стр. 549.

[2]) Напримѣръ, Д. Н. Овсянико-Куликовскій. «Пушкинъ», стр. 159.

Пушкину человѣкъ, какъ его сестра Ольга Сергѣевна, относясь отрицательно къ журнальной дѣятельности поэта, смотря на нее очень низко, называя «осквернѣніемъ поэтическаго генія», считала, что мотивомъ изданія періодическаго органа было «удовлетворить насущнымъ матеріальнымъ потребностямъ» [1]). Близкій поэту Плетневъ также смотрѣлъ, что Пушкинъ, издавая журналъ, имѣлъ въ виду лишь матеріальную выгоду. Въ 1844 г. Плетневъ писалъ о «Современникѣ»: «Пушкинъ его началъ просто для 25 т. руб., которыя въ немъ считалъ вѣрными» [2]).

Конечно, матеріальныя соображенія играли извѣстную роль, въ изданіи періодическаго органа Пушкинъ видѣлъ средство къ матеріальному независимому положенію, но, несомнѣнно, это не было исключительнымъ мотивомъ. Но однимъ изъ существеннѣйшихъ мотивовъ было и желаніе ослабить вліяніе тріумвирата. Это подтверждаетъ большой фактическій матеріалъ, относящійся къ мечтамъ объ изданіи періодическаго органа, высказанныя по этому поводу замѣчанія поэта въ его письмахъ; наконецъ, подтверждаютъ это и отзывы современниковъ. Пушкинъ всегда думалъ о противодѣйствіи «Сѣверной Пчелѣ», имѣя въ виду именно ея отрицательное вліяніе на общество и общественную мысль. Необходимость бороться съ «Сѣверной Пчелой» именно съ такой точки зрѣнія постоянно занимала и друзей поэта. Эта цѣль руководила Пушкинскимъ кружкомъ, когда онъ сталъ издавать «Литературную Газету». 25 апрѣля 1830 г. Вяземскій писалъ А. Тургеневу: «Пиши литературныя письма для «Газеты» нашей и присылай ко мнѣ; пиши хотя не письма, а такъ, кидай на бумагу свои литературныя впечатлѣнія и пересылай ко мнѣ, а мы здѣсь это сошьемъ. Надобно же оживлять «Газету», чтобы морить «Пчелу»-піявку, чтобы поддержать хотя одинъ честный журналъ въ Россіи» [3]) «Литературная Газета» и была дорога Пушкину, какъ противовѣсъ «Сѣверной Пчелѣ». 2 мая 1830 г. Пушкинъ пишетъ Вяземскому: «Газета хороша, ты много оживилъ ее.—Поддерживай ее, покамѣсть нѣтъ у насъ другой.—Стыдно будетъ уступить поле Булгарину» (Переп., т. II, 144).

[1]) См. ея письмо мужу, Павлищеву.—Л. Павлищевъ. Изъ семейной хроники, стр. 283.

[2]) Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, т. II, Спб., 1896, стр. 294.

[3]) Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 194.

Пушкина возмущала, какъ мы видѣли, монополія «Сѣверной Пчелы» въ сферѣ политической. «Неужъ то кромѣ «Сѣверн. Пчелы»,—пишетъ поэтъ въ томъ же письмѣ,—ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе, и что Камера депутатовъ закрыта до сентября?» (Переп. т. II, стр. 144). И поэтъ энергично добивался разрѣшенія издавать не только литературное, но и политическое изданіе.

Пушкину были чрезвычайно дороги успѣхи русской литературы. Можно сказать прямо, что поэтъ жилъ этими интересами, внимательно слѣдилъ за движеніемъ литературной жизни. Большое значеніе поэтъ придавалъ критикѣ. Успѣхи литературы, столь близкіе и дорогіе Пушкину, тормозилъ Булгаринъ, на критическую дѣятельность котораго, лишенную сколько-нибудь тонкаго пониманія, Пушкинъ не только смотрѣлъ очень отрицательно, но даже не считалъ ее и критикой. На этой почвѣ борьба была неминуема, вытекая не изъ личныхъ, а изъ идейныхъ мотивовъ.

Нельзя, конечно, отрицать того, что извѣстную роль играли во враждѣ Пушкина къ Булгарину и нападки его послѣ 1830 г.: онѣ раздражали поэта и, несомнѣнно, даже отразились въ поэзіи его. Говоря о толпѣ, въ сонетѣ «Поэту», Пушкинъ имѣлъ въ виду не только великосвѣтскую чернь, но и чернь среди критики. Это крайнее проявленіе отрѣшенности и презрѣнія къ толпѣ относится къ іюлю 1830 г., т. е. какъ разъ къ эпохѣ травли Пушкина Булгаринымъ и она, несомнѣнно, вліяла на настроеніе поэта. Анненковъ отмѣчаетъ, что Пушкина нападки критики «волновали и сердили» [1]).

И мы, дѣйствительно, видимъ, какъ живо реагировалъ Пушкинъ на нападки Булгарина. Въ сочиненіяхъ Пушкина мы находимъ цѣлый рядъ замѣчаній, посвященныхъ отраженію этихъ нападокъ.

Но въ общемъ борьба Пушкина съ Булгаринымъ, имѣя въ извѣстной степени личные мотивы,—была борьбой съ вреднымъ общественнымъ и журнальнымъ дѣятелемъ, съ бездарнымъ критикомъ, претендующимъ руководить критическою мыслью, съ вредной правительственной рептиліей, поставленной въ монопольное положеніе.

[1]) Сочиненія Пушкина, изд. П. В. Анненкова, т. I. Матеріалы для біографіи Пушкина, стр. 211.

ОСИПЪ ИВАНОВИЧЪ СЕНКОВСКІЙ.

Что касается Сенковскаго, то, несомнѣнно, въ отношеніяхъ къ нему Пушкина играли роль тѣ же самые мотивы, что и въ борьбѣ съ Булгаринымъ. Пушкинъ не любилъ его не только, какъ личность невысокаго нравственнаго уровня, какъ опредѣленный психическій типъ, боролся съ нимъ не только, какъ съ личнымъ врагомъ, но, опять-таки, какъ съ вреднымъ дѣятелемъ общественности, журналистики и критики.

Каково же было отношеніе Пушкина къ Гречу и почему непримиримая ненависть поэта къ Булгарину и Сенковскому не простиралась на Греча? Разобраться въ отношеніяхъ Пушкина къ Гречу гораздо труднѣе, чѣмъ въ отношеніяхъ къ Булгарину и Сенковскому.

Нѣкоторые современники относились къ Гречу вполнѣ отрицательно. Даже снисходительный вообще къ людямъ Никитенко считалъ его репутацію «двусмысленной». «Дружба его съ Булгаринымъ,—говоритъ Никитенко,—не дѣлаетъ ему чести и не возбуждаетъ къ нему довѣрія» [1]. «Во мнѣ самомъ не много симпатій къ нему»—записалъ еще Никитенко о Гречѣ [1]. «Несмотря на нѣкоторыя черты характера и поступки, которые не разъ возставовляли противъ него общественное мнѣніе, Гречъ все-таки былъ замѣчательный дѣятель литературы и человѣкъ съ несомнѣнными способностями и заслугами»,—писалъ Никитенко послѣ смерти Греча [2]. Такимъ образомъ, Никитенко, если и цѣнилъ Греча, то не какъ человѣка, а какъ писателя. Но другіе современники отдѣляли Греча отъ Булгарина, считали его выше въ нравственномъ отношеніи; въ то время, какъ съ Булгаринымъ многіе прервали всякія сношенія, знакомство съ Гречемъ поддерживали. Наконецъ, Гречъ былъ принятъ въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ въ то время, когда Булгарина туда не пускали.

Кн. П. П. Вяземскій (сынъ) разсказываетъ, что когда въ 1832 г. на одномъ изъ литературныхъ собраній у П. А. Вяземскаго обсуждался вопросъ о борьбѣ съ Булгаринымъ, «за Греча прорывались изрѣдка и

[1]) А. В. Никитенко. Записки и дневникъ. Спб. 1905, т. I, стр. 441.

[1]) Тамъ же, т. II, стр. 155.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 320.

сочувственные отзывы» [1]). Гречъ самъ всегда отдѣлялъ себя отъ Булгарина, не стѣснялся еще при его жизни чернить его за глазами; наконецъ, въ своихъ «Запискахъ» особенно подчеркнулъ свою отчужденность отъ Булгарина и не пожалѣлъ черныхъ красокъ для обрисовки своего соратника. Гречъ говоритъ, что сначала дурныхъ качествъ въ Булгаринѣ рѣзко не обнаруживалось. «Признаюсь, — говоритъ Гречъ,—если бы я зналъ, каковъ Булгаринъ дѣйствительно, т. е. какимъ онъ сдѣлался въ старости, я ни за что не вошелъ бы съ нимъ въ союзъ... Когда я убѣдился въ возрастаніи недружелюбія, зависти и злобы въ Булгаринѣ, надобно было бы расторгнуть нашу связь, но отъ нея зависѣло благосостояніе моего семейства» [2]) Мнѣніе, что Гречъ былъ выше въ нравственномъ отношеніи Булгарина, передалось отъ современниковъ слѣдующимъ литературнымъ поколѣніямъ. Такъ вполнѣ опредѣленно это отмѣчаетъ Сухомлиновъ [3]). Рѣшительнымъ противникомъ такого воззрѣнія на Греча выступилъ А. Н. Пыпинъ, который въ рецензіи на «Записки» [4]) указывалъ, что Гречъ, несмотря на всѣ его старанія, не отдѣлимъ отъ Булгарина. И за послѣднее время можно встрѣтить мнѣніе, что Гречъ въ нравственномъ отношеніи былъ не выше Булгарина [5]). Н. К. Пиксановъ въ упомянутой выше работѣ рѣшительно высказывается въ томъ смыслѣ, что Гречъ въ нравственномъ отношеніи не стоялъ выше Булгарина, и доводы изслѣдователя представляются вполнѣ основательными. Конечно, Гречъ долженъ быть отдѣляемъ отъ Булгарина, какъ писатель; онъ былъ образованнѣе Булгарина, имѣетъ извѣстныя историко-литературныя заслуги, но въ смыслѣ нравственныхъ качествъ, если и былъ выше Булгарина, то очень не на много. Булгаринъ былъ экспансивнѣе, горячѣе, непосредственнѣе и выказывалъ себя въ полной мѣрѣ. Гречъ же былъ человѣкомъ себѣ на умѣ, никогда не допускалъ большихъ рѣзкостей, былъ уравновѣшенъ, уживчивъ. Открытыхъ подлостей онъ не дѣлалъ, но былъ вполнѣ достойнымъ соратникомъ Булгарина и санкціонировалъ его поступки. Мало-мальски честный и уважающій себя человѣкъ не согласился бы быть соратникомъ Булгарина. А Гречъ имъ былъ. Онъ также дѣятельно охранялъ монополію своихъ изданій, игралъ ту же роль въ журналистикѣ. Это отмѣтилъ еще Герценъ, который въ написанной въ 1846 году статьѣ: «Умъ хорошо, а два лучше» («Русская Старина» 1871, т. 4, кн. XI и Сочин., т. IV. СПБ. 1905), назвалъ отношенія Греча къ Булгарину «конкубинатомъ».

Въ своихъ «Запискахъ» Гречъ говоритъ, что онъ не принималъ участія въ нападкахъ Булгарина на Пушкина [1]). Но онъ своимъ сотовариществомъ съ Булгаринымъ прикрывалъ ихъ, не противодѣйствовалъ.

Есть отзывы Пушкина, въ которыхъ онъ приравниваетъ Греча къ Булгарину. Въ «Торжествѣ дружбы» это выражено особенно опредѣленно, поэтъ прямо говоритъ о «сходствѣ душъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ» Греча съ Булгаринымъ. Но это было сказано въ моментъ наивысшаго раздраженія. Вообще же Пушкинъ, хотя и былъ о Гречѣ не особенно лестнаго мнѣнія, но несомнѣнно, раздѣлялъ отношеніе къ Гречу многихъ современниковъ, находя его выше Булгарина въ нравственномъ отношеніи, и не считалъ Греча столь враждебнымъ себѣ, какъ Булгарина. Этимъ и можетъ быть объяснено то, что съ Гречемъ поэтъ не прерывалъ сношеній. И если Пушкинъ боролся съ Гречемъ, то, главнымъ образомъ, какъ съ общественной величиной, какъ съ соратникомъ Булгарина и членомъ тріумвирата.

Но тѣмъ труднѣе объяснить, почему послѣ такого нелестнаго отзыва о Гречѣ, какой поэтъ высказалъ въ 1831 г. въ «Торжествѣ дружбы», и «Нѣсколькихъ словахъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ», Пушкинъ черезъ нѣкоторое время приглашаетъ Греча въ сотрудники своего изданія. Побужденія Пушкина Н. К. Пиксановъ формулируетъ такъ: «Гречъ былъ образованный, опытный и дѣловитый старый журналистъ; у него было много литературныхъ и общественныхъ связей; онъ, наконецъ, владѣлъ

---

[1]) Собраніе сочиненій кн. П. П. Вяземскаго. Спб. 1893, стр. 534.

[2]) Гречъ. «Записки», стр. 448.

[3]) Сухомлиновъ, «Древняя и Новая Россія», 1876, т. I, № 1, стр. 95—96.

[4]) «Вѣсти. Европы», 1886, кн. VII, Литерат. Обозрѣніе, стр. 400—413.

[5]) Напримѣръ, такъ смотритъ В. В. Гиппіусъ. «Пушкинъ и журнальная полемика его времени»— Памяти Пушкина Сборникъ статей преподавателей и слушателей Ист.-Филол. факультета Петербург. Универ. Спб. 1900, стр. 264.

[1]) Гречъ. «Записки», стр. 457.

собственной типографіей. Такой человѣкъ былъ бы, конечно, весьма полезенъ технически въ предпріятіи Пушкина. Но, можетъ быть, у Пушкина былъ и другой разсчетъ. Онъ очень боялся, что его начинаніе не осуществится именно въ силу энергичнаго противодѣйствія «монополистовъ». Переманивъ на свою сторону одного изъ монополистовъ, Пушкинъ могъ надѣяться ослабить это противодѣйствіе и, быть можетъ, подорвать совсѣмъ булгаринскія изданія».

По разсказамъ Греча, Пушкинъ желалъ, чтобы Гречъ порвалъ съ Булгаринымъ. Но онъ, однако, видѣлъ, что осуществить это Гречу трудно, что и сказалъ ему [1]). Пушкинъ отлично зналъ, что его предпріятіе не можетъ приносить такихъ выгодъ, чтобы можно было предложить Гречу то вознагражденіе, которое онъ имѣлъ отъ сообщества съ Булгаринымъ. Слѣдовательно, едва-ли могла быть у Пушкина мысль о полномъ переманиваніи Греча, разсчетливость котораго ему была хорошо извѣстна. А одновременное сотрудничество Греча въ изданіяхъ Пушкина и Булгарина ставило бы поэта въ довольно странное положеніе. Стремясь издавать періодическій журналъ, Пушкинъ имѣлъ въ виду противодѣйствіе Булгарину: объ этомъ, какъ мы видѣли, поэтъ говоритъ даже въ своей запискѣ, поданной Бенкендорфу. Пушкинъ не могъ не понимать, что участіе Греча одновременно въ его изданіи и изданіи Булгарина создало бы въ данномъ случаѣ нелѣпое положеніе. Возможно, что Пушкинъ принималъ это совмѣстительство лишь на первое время, надѣясь, что изданіе пойдетъ такъ хорошо, что явится возможность предложить высокое вознагражденіе Гречу и переманить его совсѣмъ. Но какъ бы то ни было—принималъ ли Пушкинъ одновременное участіе Греча въ своемъ изданіи и изданіи Булгарина вообще, или только на время, думая впослѣдствіи переманить Греча совсѣмъ, съ полнымъ его разрывомъ съ Булгаринымъ, наконецъ, каковы бы ни были побужденія Пушкина—тѣми, что указываетъ Н. К. Пиксановъ, или другими,—поэтъ не могъ не сознавать, что, приглашая Греча, попадаетъ въ странное положеніе. Онъ вступалъ въ союзъ съ соратникомъ Булгарина, съ человѣкомъ, съ которымъ все время боролся, которому сказалъ много горькой правды, котораго выставлялъ какъ сомнительную въ нравственномъ отношеніи личность. Пушкинъ не могъ не сознавать, что союзъ съ Гречемъ дискредитируетъ въ общественномъ мнѣніи и поэта и его газету.

Въ общемъ слѣдуетъ сказать, что исторія переговоровъ съ Гречемъ принадлежитъ къ числу очень странныхъ эпизодовъ біографіи Пушкина.

VIII.

Посмотримъ теперь, какіе мотивы руководили Булгаринымъ, Сенковскимъ и Гречемъ въ ихъ борьбѣ съ Пушкинымъ.

Остановимся нѣсколько на «Воспоминаніяхъ» Булгарина. Они были изданы въ 1846—1849 гг. въ шести томахъ. Своихъ воспоминаній Булгаринъ не докончилъ, не довелъ до эпохи своей литературной дѣятельности. Такимъ образомъ, объ отношеніяхъ къ нему современнаго общества и литературы онъ не говоритъ и отношеній къ Пушкину не касается. Но Булгаринъ помѣстилъ предисловіе къ первому тому, чрезвычайно характерное для него. Здѣсь Булгаринъ разсказываетъ объ отношеніи къ нему современниковъ и журналистики, указываетъ причины вражды къ нему и касается Пушкина. Вражду въ литературномъ мірѣ Булгаринъ считаетъ неизбѣжной, по самому характеру литературной дѣятельности. «Невозможно,—говоритъ онъ,—чтобъ не было вражды между людьми, имѣющими притязанія на умъ, на славу, или, по крайней мѣрѣ, на извѣстность и на всѣ сопряженныя съ ними житейскія выгоды, и разумѣется что, кто заграждаетъ намъ путь къ избранной нами цѣли, издали столь блистательной и заманчивой, тотъ врагъ нашъ. А кто же можетъ болѣе заграждать этотъ путь, какъ не журналистъ, непреклонный, неутомимый, отстраняющійся отъ всѣхъ партій, на котораго не дѣйствуютъ ни связи, ни свѣтскія отношенія, ни даже собственныя его выгоды». Итакъ, причина вражды къ Булгарину крылась въ его безпристрастіи и искренности! Что касается ближайшихъ поводовъ, то Булгаринъ видитъ ихъ въ слѣдующемъ: «Критика на Исторію Государства Россійскаго, сочиненія знаменитаго нашего исторіографа Н. М. Карамзина, не возбудила ненависти въ благородномъ сердцѣ автора, который даже внесъ ссылки на Сѣверный Архивъ въ примѣчанія къ своей Исторіи; но на каждомъ великомъ мужѣ, какъ на вѣковомъ кедрѣ,

[1]) Гречъ. «Записки», стр. 457.

гнѣздятся мелкія насѣкомыя, питающіяся его славою и они подняли писк ъ и визгъ противу смѣльчака, дерзнувшаго очищать вѣковой кедръ отъ сухихъ листьевъ и гнилыхъ вѣтвей... Признавая всегда геніальность Пушкина и необыкновенный талантъ В. А. Жуковскаго, въ Литературныхъ Листкахъ и въ родившейся отъ нихъ Сѣверной Пчелѣ говорено было смѣло и откровенно о ихъ произведеніяхъ, съ указаніемъ на слабое для возвышенія превосходнаго и это былъ уже послѣдній ударъ, coup de grâce. Зашумѣли и загудѣли журналы, завопила золотая посредственность и пошла потѣха...» Далѣе Булгаринъ говоритъ о томъ, что критика относилась къ нему пристрастно, была бездоказательна и не имѣла никакого вліянія на его литературную славу, на распространеніе сочиненій; «литературная вражда не пробила стрѣлами критики моего литературнаго панцыря». Булгаринъ увѣряетъ, что нападки критики не производили на него сильнаго впечатлѣнія, не раздражали. Онъ говоритъ: «Вы думаете, что я гнѣвался или гнѣваюсь на журналы за эти поступки со мною? Увѣряю честью—нѣтъ. Все это меня нисколько не трогаетъ и стоитъ взглянуть на меня, чтобы увѣриться, что желчь во мнѣ имѣетъ самое правильное отправленіе, и что я не высохъ съ горя. Вы думаете, что я питаю въ сердцѣ моемъ ненависть или злобу къ моимъ врагамъ. Ей Богу, нѣтъ! Какъ можно въ сердцѣ хранить гнусныя страсти, отравляющія все существованіе. Посердишься и забудешь...» Затѣмъ Булгаринъ горячо протестуетъ противъ увѣреній враговъ, что онъ хвасталъ дружбою съ извѣстными писателями, съ Грибоѣдовымъ въ особенности: «Я никогда не хвасталъ ничьею дружбою и никакими связями, никогда этимъ не гордился и не буду хвастать и гордиться. Никогда въ жизни я ничего не искалъ, никому и никогда не навязывался, не обивалъ ни чьихъ пороговъ и не задыхался въ атмосферѣ передних ъ».

Какъ всѣ эти объясненія благороднаго Ѳаддея Венедиктовича похожи на правду! Неблагодарные современники были, однакоже, того мнѣнія, что всѣ нападки Булгарина, въ томъ числѣ и нападки на Пушкина, вызваны личными мотивами. Это нужно сказать не только о лицахъ, близко стоявшихъ къ журнальному міру, но и о людяхъ, далекихъ отъ него. Такъ, П. А. Каратыгинъ въ письмѣ къ П. А. Катенину отъ 8 мая 1830 г. прямо указываетъ, что нападки Булгарина на Пушкина вызваны отзывомъ о «Дмитріи Самозванцѣ», приписанномъ Булгаринымъ поэту [1]).

Совершенно несомнѣнно, что въ своей враждѣ къ Пушкину Булгаринъ руководствовался исключительно личными мотивами [2]). Мы видѣли, что сначала Булгаринъ расточалъ лесть и похвалу Пушкину, имѣя въ виду привлечь его къ дѣятельному участію въ «Сѣверной Пчелѣ, что, конечно, сильно повысило бы доходы Булгарина. Но вмѣсто этого Булгаринъ сначала увидѣлъ Пушкина во главѣ враждебной ему «Литературной Газеты», а затѣмъ въ постоянной заботѣ о созданіи органа въ противовѣсъ «Сѣверной Пчелѣ». И Булгаринъ сразу же перешелъ отъ лести къ ожесточенному нападенію. Затѣмъ, нападенія и вражда Пушкина роняли окончательно и безъ того достаточно презираемаго Булгарина. На него нападали и раньше, но никто еще не велъ такой систематической войны, какую повелъ Пушкинъ, его удары были убійственны, били по самымъ больнымъ мѣстамъ. Булгаринъ былъ высокаго о себѣ мнѣнія, и самолюбивъ до болѣзненности. И нападенія Пушкина приводили его въ настоящее озлобленіе. «Въ самой основѣ его характера,—говоритъ Гречъ,—лежало что то дикое и звѣрское. Иногда вдругъ онъ ни съ того, ни съ сего, или по самому ничтожному поводу, впадалъ въ какое то изступленіе, сердился, бранился, обижалъ встрѣчнаго и поперечнаго, доходилъ до бѣшенства» [3]).

Особенно, понятно, озлобляли Булгарина множество колкихъ и злыхъ эпиграммъ, напечатанныхъ и ходившихъ по рукамъ, большинство которыхъ приписывалось Пушкину. Это отмѣтилъ еще Бѣлинскій, который въ 1840 г. въ «Отечест. Запискахъ» (№ 4, Репертуаръ русскаго театра) писалъ объ эпиграммахъ на Булгарина: «Пушкинъ былъ такой мастеръ писать ихъ, что и чужія хорошія эпиграммы приписывались ему... Что ни печаталось превосходнаго въ этомъ родѣ въ «Литературной Газетѣ» барона Дельвига, если не было под

---

[1]) «Библіограф. Записки», 1861, стр. 600 и Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПБ. 1910, стр. 460.

[2]) На личный характеръ вообще всѣхъ нападокъ Булгарина правильно указалъ Весинъ — «Очерки исторіи русской журналистики 20 и 30 гг.». СПБ. 1880. стр. 105.

[3]) «Записки», 448.

писано имени автора, всегда приписывалось Пушкину» [1]).

---

[1]) Сочиненія Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 242—243.

Убѣжденіе, что многія эпиграммы на Булгарина принадлежатъ Пушкину перешло отъ современниковъ къ издателямъ Пушкина, которые включили въ свои изданія не принадлежащія Пушкину и приписали ему эпиграммы другихъ лицъ. Это слѣдуетъ сказать даже о послѣднихъ и лучшихъ изданіяхъ Пушкина, а также объ изслѣдованіяхъ и книгахъ о Пушкинѣ. Какъ безусловно принадлежащія Пушкину указываются слѣдующія эпиграммы: 1) «*Не то бѣда, что ты полякъ*» (Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. II, стр. 122 и 482—483; подъ ред. Ефремова, т. II, стр. 225 и т. VIII, стр. 317); 2) «*Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ*» (Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, т. II, стр. 122 и 484; подъ ред. Ефремова, т. II, стр. 225 и т. VIII, стр. 317); 3) «*Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь*». (Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, т. II, стр. 122, 483—484; подъ ред. Ефремова, т. II, стр. 225 и т. VIII, стр. 318) и 4) послѣдній стихъ въ эпиграммѣ Соллогуба на Сенковскаго—«*Коль ты къ Смирдину войдешь*». (В. А. Соллогубъ. Воспоминанія. М. 1866, стр. 46; П. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПБ. 1910, стр. 374; П. П. Панаевъ—«Литературныя воспоминанія», 3-е изд. СПБ. 1888, стр. 40—41 приписываетъ Пушкину всю эпиграмму).

Приписываются Пушкину: 5) «*Фиглярин — вотъ полякъ примѣрный*» (Чириковъ указываетъ, что вся эпиграмма приписывается П. А. Вяземскому или Е. А. Баратынскому, но послѣднія четыре строчки «несомнѣнно» Пушкина («Замѣтки на новое изданіе сочиненій Пушкина»—«Русскій Архивъ» 1881, I, 175); С. А. Венгеровъ (Сочин. Бѣлинскаго т. II, стр. 583) говоритъ, что эта эпиграмма написана «вѣроятно Пушкинымъ и Баратынскимъ»; П. О. Морозовъ говоритъ, что эта эпиграмма «въ рукописныхъ сборникахъ встрѣчается съ именемъ Пушкина» и что «существуетъ мнѣніе, что въ ней Пушкину принадлежатъ только послѣдніе 4 стиха, остальное же написано Баратынскимъ» (Сочиненія Пушкина. т. II, стр. 484—485); Ефремовъ замѣчаетъ, что эпиграмма эта «приписывалась» Пушкину (т. VIII, стр. 318); 6) «*Не вѣрю чести игрока*» (Морозовъ говоритъ, что она «въ рукописныхъ сборникахъ встрѣчается съ именемъ Пушкина» (т. II, 484); Ефремовъ же, что «приписывалась» (т. VIII, стр. 318); 7) «*Онѣдей роди Ивана*» (Морозовъ говоритъ, что ее «иные приписывали Пушкину» (т. VI, стр. 602), Ефремовъ, что ее «приписывали Пушкину» (т. VII, стр. 401); 8) «*Вотъ говорятъ онъ Вальтеръ Скоттъ*» (Ефремовъ указываетъ, что ее «приписывали» Пушкину, т. VII, стр. 401) и 9) измѣненіе послѣдняго стиха въ эпиграммѣ Баратынскаго—«*Повѣрьте мнѣ—Фиглярин моралистъ*» (Сочиненія Пушкина, подъ ред. Ефремова, изд. 1905, т. VIII, стр. 318—319).

Изъ всѣхъ этихъ эпиграммъ Пушкину внѣ сомнѣнія принадлежатъ лишь двѣ—«*Не то бѣда, что ты полякъ*» (см. Переписку Пушкина, подъ ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 148; «Русск. Архивъ», 1880, II, 507; Остафьевскій архивъ, III, 193) и «*Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ*» (В. Наумено. По поводу двухъ эпиграммъ Пушкина на Булгарина,—«Вѣстникъ Европы», 1887, кн. V, стр. 408—410 приводитъ свидѣтельство М. А. Максимовича, издателя «Денницы», находящееся въ его бумагахъ; «Пушкинъ и его современники», IV, 13) и послѣдній стихъ въ эпиграммѣ Соллогуба на Сенковскаго Дѣйствительно, также Пушкину принадлежитъ измѣненіе послѣдней строчки въ эпиграммѣ Баратынскаго—«*Повѣрьте мнѣ—Фиглярин моралистъ*». Вмѣсто «А можетъ быть и ново для него» Пушкинъ передѣлалъ: «А кажется и ново для него» (Это свидѣтельствуетъ въ сохранившихся послѣ него рукописяхъ М. А. Максимовичъ, издатель альманаха «Денница», гдѣ эпиграмма была напечатана—см. В. Науменко. По поводу двухъ эпиграммъ Пушкина на Булгарина—«Вѣстникъ Европы», 1887, кн. V, стр. 408—410). Эпиграмма «*Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь*», помѣщенная по ошибкѣ и на страницахъ настоящаго изданія (т. III, стр. 83), какъ Пушкинская, ему не принадлежитъ, а написана кн. П. А. Вяземскимъ (Переписка Пушкина, подъ ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 115, П. О. Лернеръ. «Замѣтки о Пушкинѣ»—«Русская Старина», кн. I, стр. 115—116 и его же Труды и дни Пушкина, 2-е изд. СПБ. 1910, стр. 220 и 461). Вяземскому же принадлежитъ эпиграмма «*Фиглярин, вотъ полякъ примѣрный*» (Нѣсколько писемъ кн. П. А. Вяземскаго къ П. А. Плетневу, сообщилъ К. Я. Гротъ,—«Извѣстія Отд. русскаго яз. и словесн. Академіи Наукъ». 1897, II, кн. I и отд. СПБ. 1897; «Старина и Новизна», кн. VIII, М. 1904, стр. 38).

Постоянно выпрашивавшій подачки, Булгаринъ въ апрѣлѣ 1845 г. просилъ выдать ему 25.000 р. ссуды на изданіе Исторіи царствованія Николая I. Государь отказалъ, по вѣрному замѣчанію М. К. Лемке, понимая, что «исторію свою нельзя поручать человѣку, имя котораго является притчею во языцѣхъ» [1]). Булгаринъ чувствовалъ себя жестоко обиженнымъ и 23 апрѣля писалъ по этому поводу письмо Дубельту, говоря, между прочимъ: «Если сочинителю «Гавріліады», «Оды на вольность», и «Кинжала» оказано столько благодѣяній и милостей, если банкроту Смирдину дано взаймы 35.000 р. серебромъ подъ залогъ хлама, т. е. не продающихся книгъ, если Полевому, которому самъ Государь запретилъ журналъ, дана пенсія и проч. и проч., то почему же не дать взаймы мнѣ подъ вѣрный залогъ имѣнія». Эти слова даютъ намъ еще мотивъ вражды Булгарина къ Пушкину. Булгаринъ, видя, что поэту оказываютъ неоднократно денежную поддержку, хотя и самъ получалъ постоянно богатыя подачки, всетаки при своей алчности считалъ несправедливо себя обойденнымъ, какъ человѣка, который всегда послушно курилъ фиміамъ Николаю I и его политикѣ.

---

[1]) М. К. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. Спб. 1908, стр. 299.

Тотъ личный характеръ, который являлся основой вражды Булгарина къ Пушкину, былъ и въ нападкахъ на поэта Сенковскаго.

Какъ мы видѣли, Сенковскій шелъ навстрѣчу Пушкину, заискивалъ передъ нимъ, имѣя въ виду, что участіе Пушкина будетъ способствовать успѣху «Библіотеки для Чтенія», но когда Пушкинъ создалъ свой журналъ, опасный въ смыслѣ конкуренціи «Библіотекѣ для Чтенія», Сенковскій всталъ въ боевую позицію.

Что касается Греча, то той сильной вражды къ Пушкину, которую питали Булгаринъ и Сенковскій, Гречъ къ поэту не чувствовалъ. Въ своихъ «Запискахъ» онъ очень мало говоритъ о Пушкинѣ и своихъ отношеніяхъ къ нему, но всетаки отмѣчаетъ, что вражды къ поэту онъ не питалъ. И дѣйствительно, если Гречъ и воевалъ съ Пушкинымъ, то не столько по личной злобѣ, сколько потому, что нападки поэта грозили опасностью тріумвирату и, слѣдовательно, его личному матеріальному благосостоянію. Отношенія Греча къ Пушкину были всецѣло обусловлены личными соображеніями о житейской выгодѣ.

Такимъ образомъ, борьба тріумвирата съ Пушкинымъ была обусловлена личнымъ чувствомъ, матеріальной выгодой, сохраненіемъ своего житейскаго благополучія—и только. И въ этомъ коренное отличіе борьбы тріумвирата отъ борьбы, которую велъ съ нимъ Пушкинъ. Борьба поэта, не безъ личныхъ мотивовъ, правда, почти идейная, а борьба тріумвирата была лишена всякой принципіальной подкладки.

IX.

Съ чисто-литературной стороны критическія статьи «Сѣверной Пчелы» о Пушкинѣ поражаютъ своимъ убожествомъ. Въ замѣткахъ 1830—1831 гг. поэтъ такъ говоритъ о своихъ критикахъ. «Критики наши говорятъ: это хорошо, потому что прекрасно; а это дурно, потому что скверно» [1]). Эти слова очень хорошо характеризуютъ примитивность отзывовъ «Сѣверной Пчелы» о творчествѣ Пушкина. Это даже не критика: обыкновенно по существу почти ничего не говорилось, а высказывалась похвала или порицаніе въ самыхъ общихъ и расплывчатыхъ выраженіяхъ. Исключенія очень рѣдки. Полемическія же статьи поражаютъ своею развязностью и низкимъ пошибомъ, наполнены инсинуаціями, плоскими выпадами, цѣлымъ потокомъ грязи.

На много выше критическія статьи «Сына Отечества», особенно въ концѣ 30-хъ годовъ. Нападки сосредоточивались въ «Сѣверной Пчелѣ», Гречъ оберегалъ «Сына Отечества» отъ рѣзкостей и старался придавать журналу серьезный характеръ.

Значительно отличались отъ «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества» и статьи «Библіотеки для Чтенія». Въ нихъ не было уличнаго тона «Сѣверной Пчелы», нападки Сенковскаго отличались свойственной ему злой ироніей и двусмысленностью.

Пушкинскія полемическія статьи Анненковъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» [1]) оцѣнилъ довольно низко, заявивъ, что «для чести его пера, а особенно для чести его разсудка—лучше было бы, если бы остались онѣ въ неизвѣстности». Въ своемъ изданіи Анненковъ помѣстилъ только нѣсколько полемическихъ статей Пушкина. Но въ седьмомъ томѣ, вышедшемъ въ 1857 г., Анненковъ помѣстилъ еще нѣсколько статей и давалъ уже иную оцѣнку, заявивъ, что въ нихъ «заключено много дѣльныхъ и замѣчательныхъ мыслей» [2]). Повидимому, Анненковъ первоначально опасался николаевской цензуры: статьи Пушкина не потеряли еще тогда своей остроты современности, но при выходѣ седьмого тома въ 1857 году Николаевскій режимъ былъ похороненъ и Анненковъ высказалъ свой настоящій взглядъ на полемическія статьи поэта. Очень высоко ставитъ ихъ Сухомлиновъ, называя «украшеніемъ тогдашней журналистики» [3]).

Нельзя, однако, сказать, чтобы полемическія статьи Пушкина были оцѣнены и теперь достодолжно и всесторонне. Въ нихъ столько жизни и силы, что, несомнѣнно, ихъ нужно признать однимъ изъ лучшихъ достояній пера Пушкина. Въ нихъ часто искрится вся полнота Пушкинскаго остроумія. Но въ то же время въ нихъ ужъ слишкомъ ярко выступаетъ и личный характеръ, личное раздраженіе, доходящее до высшихъ предѣловъ. Это затушевываетъ чисто идейную сторону нападенія, которая безусловно играла видную роль въ походѣ Пушкина противъ тріумвирата.

---

[1]) Сочиненія Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 268.

[1]) Сочиненія Пушкина, т. I, стр. 252.

[2]) Т. VII, 2 пагинація, 67—68.

[3]) «Изслѣдованія и статьи», т. II, стр. 250.

Въ статьяхъ о Пушкинѣ можно часто встрѣтить высокую оцѣнку эпиграммъ его на Булгарина, указаніе на то, что онѣ наносили смертельные удары Булгарину. По этому поводу надо замѣтить слѣдующее. Въ настоящее время, какъ мы указали, нужно отбросить огульное приписываніе Пушкину чуть ли не всѣхъ современныхъ ему эпиграммъ на Булгарина; Пушкину принадлежатъ вполнѣ, въ цѣломъ только двѣ. И сравнивая ихъ съ другими современными эпиграммами на Булгарина, изъ которыхъ особенно обратили на себя вниманіе эпиграммы Елагина—«На нѣкоторое паденіе съ лошади и въ общемъ мнѣніи» («Дамск. Журн.», 1825, № 26); Вяземскаго — «Фиглярину хочетъ слыть хорошимъ журналистомъ» («Москов. Телеграфъ», 1827, т. XV), Баратынскаго—«Онъ вамъ знакомъ» («Литерат. Газета», 1830, № 32, 5 іюня), Вяземскаго—«Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь» («Литер. Газета», 1830, № 53, 18 сентября), Вяземскаго—«Фиглярину вотъ полякъ примѣрный» (1830), Баратынскаго—«Повѣрьте мнѣ, Фиглярину моралисту» («Денница», Альманахъ на 1831 г. изд. Максимовича), нужно сказать, что нѣкоторыя изъ этихъ эпиграммъ болѣе мѣтки, Булгаринъ высмѣянъ въ нихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Пушкинскихъ. Главное значеніе нужно признать за статьями Пушкина о Булгаринѣ, но не за эпиграммами на него.

Отмѣтимъ одну интересную сторону полемики. «Литературная Газета» во главѣ съ Пушкинымъ часто обвиняла Булгарина въ томъ, что онъ переходитъ всегда на личную почву, касается не столько писателя, сколько человѣка, высказывалась противъ рѣзкой полемики. Въ 1830 г. въ № 23 «Литературной Газеты» 21 апрѣля, напримѣръ, категорически заявлено: «Мы не одобряемъ личностей и непристойныхъ выходокъ, хотя бы предметами оныхъ были и люди, коихъ мнѣнія и литературныя дѣйствія въ совершенномъ противорѣчіи съ нашими». Н. О. Лернеръ предполагаетъ, что эта статья написана Вяземскимъ или Пушкинымъ [1]). Оба они не разъ выступали съ протестами противъ личнаго характера полемики.

Но если критика «Сѣверной Пчелы, дѣйствительно, всегда носила личный характеръ, то нужно отмѣтить, что и въ статьяхъ «Литературной Газеты» и Пушкина мишенью былъ часто Булгаринъ не какъ писатель, а именно какъ личность.

Обратимъ вниманіе на то, что Булгаринъ постоянно указывалъ, что критика его сочиненій бездоказательна, не разсматриваетъ по существу, а ограничивается не обоснованными нападками [1]), а самъ именно такъ и поступалъ, когда писалъ свои критическія статьи. То же самое нужно сказать, однакоже, и о Пушкинѣ въ отношеніи его къ Булгарину. Поэтъ отмѣчалъ бездоказательность критики, что она не разбираетъ по существу, а самъ въ отношеніи Булгарина поступалъ такъ же: не разбиралъ по существу, а остроумно и ѣдко высмѣивалъ. Конечно, смѣшно думать, что Пушкинъ не былъ въ состояніи критиковать по существу писанія Булгарина; не хотимъ мы также сказать, что оцѣнки Пушкина были не вѣрны, а лишь отмѣчаемъ характеръ Пушкинскихъ критическихъ замѣчаній о сочиненіяхъ Булгарина. Этихъ замѣчаній Пушкинъ сдѣлалъ немного, обращая больше вниманія на Булгарина, какъ на личность, публициста и журналиста, чѣмъ какъ на беллетриста. Быть можетъ, Пушкинъ просто не находилъ нужнымъ обращать много вниманія на Булгарина, какъ на беллетриста, а лишь считалъ необходимымъ бороться съ его болѣе вредной публицистической и критической дѣятельностью.

X.

Имѣла ли борьба Пушкина съ тріумвиратомъ какое-либо общее значеніе, или просто является интересной страничкой изъ біографіи поэта, съ одной стороны, и

[1]) «Новооткрытыя страницы Пушкина» — «Пушкинъ и его современники», вып. XII и отд. СПБ. 1909, стр. 14—15.

[1]) Напримѣръ, о статьѣ «Литературной Газеты» (1830 г., № 46 и 14 августа и № 47, 19 августа), дающей общую оцѣнку сочиненій Булгарина, «Сѣверная Пчела» (№ 101, 23 августа) въ статьѣ «Одиннадцатое письмо съ Каменнаго острова въ Карлово» говоритъ: «Вся критика состоитъ изъ общихъ мѣстъ, натяжекъ и придирокъ. Тщетно будешь искать доказательствъ, доводовъ, ссылокъ, выписокъ изъ книги критикуемой. Теорія сей статьи заключается въ дипломатическомъ приговорѣ: «Car tel est notre bon plaisir», а практика изъ варіаціи на тему: мы не любимъ Булгарина, слѣдственно онъ пишетъ дурно». Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Булгаринъ пишетъ: «Всѣ мои сочиненія и изданія были всегда разруганы и ни одно изъ нихъ до сихъ поръ не разобрано критически, по правилахъ науки. Нигдѣ еще не представлено доказательство, почему такое-то изъ моихъ сочиненій дурно»... (т. I).

изъ исторіи журналистики, съ другой? Излишне говорить о томъ общественномъ вредѣ, который приносилъ тріумвиратъ, особенно «Сѣверная Пчела» съ ея возмутительной фальсификаціей общественнаго мнѣнія. Она была достойнымъ порожденіемъ николаевскаго времени. Въ силу сложившихся условій, монополіи, вліяніе этой продажной газеты на общественное сознаніе было громадное. Всѣхъ лучшихъ представителей общества, всѣхъ честныхъ людей безъ различія политическихъ воззрѣній «Сѣверная Пчела» возмущала безгранично и съ нею и вообще съ тріумвиратомъ боролись, насколько это позволяли историческія условія [1]). И въ этой борьбѣ видное мѣсто занялъ Пушкинъ, въ немъ особенно было сильно сознаніе необходимости создать прочную оппозицію отвратительной рептиліи. Журнальной борьбѣ Пушкинъ придавалъ большое общественное значеніе, видѣлъ въ ней залогъ развитія общественнаго мнѣнія. «Нападенія на писателя и оправданія, къ коимъ подаютъ они поводъ,—говоритъ поэтъ,—суть важный шагъ къ гласности преній о дѣйствіяхъ такъ называемыхъ общественныхъ лицъ (hommes publiques),—къ одному изъ главнѣйшихъ условій высокообразованныхъ обществъ» [2]). Это замѣчаніе очень цѣнно, оно показываетъ, что Пушкинъ прекрасно сознавалъ *общественное* значеніе своей борьбы съ Булгаринымъ. Эта упорная борьба Пушкина съ тріумвиратомъ заслуживаетъ поэтому большого вниманія, его журнальная дѣятельность обнаруживаетъ, какъ чутокъ былъ Пушкинъ къ общественнымъ интересамъ, какъ сильно было въ немъ стремленіе къ общественной дѣятельности На журналъ Пушкинъ смотрѣлъ, какъ на общественную каѳедру.

Что касается успѣха своей борьбы, то Пушкинъ склоненъ былъ его переоцѣнивать. Въ статьѣ 1831 г. «Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ», спустя короткое время, какъ прекратилась «Литературная Газета», Пушкинъ писалъ: «кажется «Литературная Газета», совершивъ свой единственный подвигъ—совершенное уничтоженіе литературной славы г. Булгарина—почіетъ на своихъ лаврахъ». Въ дѣйствительности «Литературная Газета», сдѣлавъ многое для дискредитированія Булгарина, всетаки его не подорвала, а сама пала въ борьбѣ. Въ первой половинѣ сентября 1832 года, получивъ еще предварительное разрѣшеніе на изданіе газеты, поэтъ писалъ Погодину: «Я хотѣлъ уничтожить монополію и успѣлъ» (перен. т. II, стр. 388). Но это опять таки—не такъ. Завѣтной мечтѣ Пушкина побѣдить Булгарина, уничтожить «Сѣверную Пчелу» не суждено было осуществиться. Не удалось Пушкину также создать журналъ въ противовѣсъ тріумвирату. Когда Пушкину, наконецъ, удалось воплотить свою всегдашнюю мысль о журналѣ, когда ему открывалось поле широкой журнальной работы—и сталъ выходить «Современникъ», ему, однако, не удалось убить тріумвиратъ. Журналъ не заинтересовалъ публику.

Но огромное, оздоровляющее значеніе имѣло всетаки то, что Пушкинъ выступилъ такимъ энергичнымъ борцомъ противъ отвратительнаго явленія русской жизни. Бѣлинскій докончилъ дѣло Пушкина, его стараніями изданія тріумвирата были убиты окончательно въ умахъ лучшей части общества и ихъ ядъ пересталъ отравлять общество.

А. Г. Фоминъ.

---

[1]) Монополія «Сѣверной Пчелы» особенно возмущала близкаго друга поэта П. А. Вяземскаго. См., напримѣръ, его письмо къ И. И. Дмитріеву отъ 13 апрѣля 1832 г.—«Русскій Архивъ», 1868, стр. 616.

[2]) Сочиненія Пушкина подъ ред. Морозова, изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 278.

Письма Пушкина [1]).

1.

И. И. Мартынову.

28-го ноября 1815 г. Царское Село.

Милостивый Государь

Иванъ Ивановичъ!

Вашему Превосходительству угодно было чтобы я написалъ пѣсу на пріѣздъ Государя Императора; исполняю ваше повелѣнье.—Ежели чувства любви и благодарности къ великому Монарху нашему начертанныя мною, будутъ несовсѣмъ недостойны высокаго предмета моего, сколь щастливъ буду я ежели его Сіятельство Графъ АлексѢй Кирилловичь благоволитъ поднести Его Величеству слабое произведенье неопытнаго Стихотворца.

Надѣясь на крайнее Ваше снизхожденье, честь имѣю пребыть Милостивый Государь, Вашего Превосходительства всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

1815 года
28 ноября
Царское Село.

2.

Князю П. А. Вяземскому.

27 марта 1816. [Царское Село].

Князь Петръ Андрѣевичь,

Признаюсь что одна только надежда получить изъ Москвы рускіе стихи Шапеля и Буало могла побѣдить благословенную мою лѣность. Такъ и быть; ужъ не пѣняйте если письмо мое заставитъ зѣвать ваше піитическое сіятельство; сами виноваты; зачѣмъ дразнить было нещастнаго Царскосельскаго пустынника, котораго ужъ и безъ того дергаетъ бѣшеной Демонъ бумагомаранія. Съ моей стороны прямо объявляю вамъ что я не намѣренъ оставить васъ въ покоѣ, покамѣсть храмой Софійской почталіонъ не принесетъ мнѣ вашей прозы и стиховъ—Подумайте хорошенько объ этомъ, дѣлайте что вамъ угодно—но я ужъ рѣшился и поставлю на своемъ.

Что сказать вамъ о нашемъ уединеніи? Никогда Лицей <или Ликей, только ради Бога, не л и ц е я> не казался мнѣ такъ несноснымъ какъ въ нынешнее время. Увѣрялю васъ что уединенье въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются будто бы живали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину:

Блаженъ кто въ шумѣ городскомъ
Мечтаетъ объ уединеньи,
Кто видитъ только въ отдаленьи
Пустыню, садикъ, сельской домъ
Холмы съ безмолвными лѣсами
Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ,
И даже... стадо съ пастухомъ!
Блаженъ, кто съ добрыми друзьями
Сидитъ до ночи за столомъ,
И надъ Славенскими глупцами
Смѣется рускими стихами,
Блаженъ, кто шумную Москву
Для хижинки не покидаетъ — — —
И не во снѣ а на яву
Свою любовницу ласкаетъ!..

Правда время нашего выпуска приближается. Остался годъ еще. Но цѣлой годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!.. цѣлой годъ еще дремать передъ каѳедрой... это ужасно. Право съ радостью согласился бы я двенадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ прославутой Россіады, даже съ присовокупленьемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова, съ тѣмъ только чтобы Гр. Разумовскій сократилъ время моего заточенья. Безбожно молодова человѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и бесѣду губителей Россійскаго Слова. Но дѣлать нѣчего,

Не всѣмъ быть можно въ ровной долѣ
И жребій съ жребіемъ не схожъ—

Отъ скуки, часто пишу я стихи довольно скучные <а иногда и очень скучные> часто читаю стихотворенія которыя ихъ не лучше, недавно говѣлъ и исповѣдывался—все это во все незабавно—Любезный Арзамасецъ! утѣшьте насъ своими посланіями—и обѣщаю вамъ если не вѣчное блаженство, то по крайнѣй мѣрѣ искреннюю благодарность всего Лицея—

Простите, Князь гроза всѣхъ князей-стихотворцевъ (на) *Ш.*—Обнимите Батюшкова за того больнаго у котораго, годъ тому назадъ, завоевалъ онъ Бову Королевича—Не знаю успѣю ли написать Василью Львовичу, на всякой случай обнимите и его за вѣтреннаго плѣмянника. Valeas. Александръ Пушкинъ.

Ломоносовъ вамъ кланяется.

---

[1]) Письма Пушкина, находящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ, Публичной Библіотекѣ и Академіи Наукъ, за нѣсколькими исключеніями, (см. въ исторіи текста) провѣрены мною по подлинникамъ. Отличія моего чтенія отъ чтенія другихъ издателей будутъ указаны въ примѣчаніяхъ.

Письма, находящіяся въ частныхъ рукахъ (главнымъ образомъ у гр. С. Д. Шереметева), воспроизводятся здѣсь по превосходному академическому изданію переписки Пушкина, подъ редакціей В. И. Сантова. Пользуюсь случаемъ выразить искреннѣйшую благодарность В. И. Сантову за любезное сообщеніе еще непзданныхъ имъ библіографическихъ указаній къ Пушкинской перепискѣ. Эти указанія значительно облегчили розыски подлинниковъ. *С. В.*

3.

В. Л. Пушкину.

[Первая половина января 1817. Царское Село].

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ болхъ воспитанный Поэтъ,
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
На страшной высотѣ Парнаса,
Защитникъ вкуса, грозный В о т ъ!
Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
Веселья прежняго желанье,
И слабый сердца переводъ—
Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы называли меня братомъ, но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ рюмъ Бакхическихъ шатаясь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя хоть радъ, хотя не радъ...
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ:
Вы дядя мой и на Парнасѣ.

И такъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-Поэтовъ здѣшняго міра—можно ли мнѣ надѣяться, что вы простите девятимѣсячную беременность пера лѣнивѣйшаго изъ Поэтовъ-племяниковъ?

Да, каюсь я конечно передъ вами:
Совсѣмъ не правъ пустынникъ-рюмокплетъ;
Онъ въ лѣности сравнится лишь съ Богами;
Онъ виноватъ и прозой и стихами:
Но с т а р о е забудьте въ п о в ы й годъ.

Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ: о б ѣ щ а т е л ь н ы я и и з в и н и т е л ь н ы я: первыя, въ началѣ годовой переписки, а послѣднія при послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же примѣтилъ я, что и всѣ они состоятъ изъ двухъ посланій; это, мнѣ кажется, непростительно.

Но вы, которые умѣли
Простыми пѣснями свирѣли
Красавицъ нашихъ воспѣвать,
И съ гнѣвной Музой Ювенала
Глухаго варварства начала
Сатирой грозной осмѣять,
И мучить бѣднаго Ослова
Священнымъ Феба языкомъ,
И лобъ угрюмый Шутовскова
Клеймить единственнымъ стихомъ!
О вы, которые умѣли
Любить, обѣдать и писать—
Скажите искренно—уже ли
Вы не умѣете прощать?

Напоминаю о себѣ моимъ незабвеннымъ; не имѣю больше времени; но .... надобно ли еще обѣщать? Простите, вы всѣ, которыхъ любитъ мое сердце, и которые любите еще меня....

Шольё Андреевичь конечно
Меня забылъ давнымъ давно,
Но я его люблю сердечно,
За то, что любитъ онъ безпечно
И пить, и пѣть свое вино,
И надъ всемірными глупцами
Своими рѣзвыми стихами
Смѣется, право, пресмѣшно.

А. Пушкинъ.

4.

В. А. Жуковскому.

[Лѣто 1817 г. Царское Село].

Штабсъ-капитану, Гете, Грею,
Томсону, Шиллеру привѣтъ!
Имъ поклониться честь имѣю,
Но сердцемъ истинно жалѣю,
Что никогда ихъ дома нѣтъ.

5.

Князю П. А. Вяземскому.

[1-го сентября 1817.]. [Петербургъ].

Любезный Князь,

Если увидете вы Ломоносова то напомните ему письмо которое долженъ былъ онъ мнѣ вручить и которое потерялъ онъ у Луи, между тѣмъ какъ я скучалъ въ Псковскомъ моемъ уединеньи. Я очень недавно пріѣхалъ въ Петербургъ, и желалъ бы какъ можно скорѣе его оставить для Москвы, то есть для Вяземскаго; не знаю сбудется-ли мое желаніе; покамѣсть съ петерпѣніемъ ожидаю твоихъ новыхъ стиховъ, и прошу у тебя твоего благословенія.

Пушкинъ.

1 Sept.
1817.

Адресъ: Ихъ Высокопреосвященствамъ Василью Львовичу Вотъ и Петру Андрѣевичу Асмодѣю. Въ Москвѣ.

6.

В. А. Жуковскому.

[Іюль 1819 г.]. [Царское Село].

Раевскій, м о л о д е н е ц ъ прежній,
А тамъ уже о т в а ж н ы й с ы н ъ
И Пушкинъ, школьникъ неприлежный
Парнасскихъ дѣвственницъ Богинь,
Къ тебѣ, Жуковскій заѣзжали,
Но къ неописанной печали
(Тебѣ) Поэта дома не нашли —
И увѣнчавшись кипарисомъ,
Съ французкой повѣстью Б о р и с о м ъ
Домой уныло побрели—
Какой Святой, какая сводня
Сведетъ Жуковскаго со мной
Скажи—не будешь-ли сегодня
Съ Карамзинымъ, съ Карамзиной?—
На всякой случай—ожидаю;
(Скачимъ къ) Тронися прозьбою моей
Тебя зоветъ на чашку чая
Раевскій—слава нашихъ дней!

7.

А. И. Тургеневу.

[9-го іюля 1819 г.]. [Петербургъ].

Очень мнѣ жаль что я не простился съ вами, ни съ обоими Мирабо. Вотъ вамъ на память посланіе Орлову; примите его въ вашъ отеческой карманъ, напечатайте въ собственной типографіи и подарите одинъ экземпляръ пламенному питомцу Беллоны, у трона вѣрпому Гражданину. Къ статѣ о Беллонѣ: когда вы увидѣте бѣлоглазаго Кавелина, поговорите ему, хоть ради вашего Христа, за Соболевскаго, восп. Унив. Пане. Кавелинъ притѣсняетъ его за какія-то Теологическія мнѣнія и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ молодова человѣка вытѣсняетъ изъ Пансіона, оставляя его въ нижнихъ классахъ, не смотря на успѣхи и великія способности. Вы были покровителемъ Соболевскаго, вспомните объ немъ и, какъ Кардиналъ-племянникъ, зажмите ротъ Доктору Теологіи Кавелину, который добивается въ Инквизиторы. Препоручаю себя вашимъ молитвамъ и прошу Камергера Don-Basile забыть меня по крайнѣй мѣрѣ на три мѣсяца.

Пушкинъ.

1819.
9 Іюля,

8.

Н. И. Кривцову.

[*Черновое*].

[Вторая половина іюля—начало августа 1819 г, Михайловское].

Помнишь-ли ты, житель свободной Англіи, что есть на свѣтѣ Псковская Губернія (что изъ этого то пишетъ тебѣ) твой (вѣрный) (откуда наконецъ) и лѣнивецъ котораго ты вѣрно (не забываешь) помнишь (и любишь) который о тебѣ каждый день груститъ на котораго ты (долженъ бы сердиться но не знаю сердишься ли) сердишься и (ты) (я виноватъ потому что уже и голосъ и языкъ не) я не люблю писать писемъ — (и языкъ) языкъ и голосъ сдвали достаточны для (выраженія) нашихъ мыслей (и особл. для чувствъ)—а перо) еще глупѣе) такъ глупо (бѣдно), такъ медленно; письмо неможетъ замѣнить разговора (такъ) какъ бы то ни было я виноватъ — буде об. зая. по знавши зна. зная) знавши что тое письмо (на пѣсколько минутъ мо) можетъ принести тебѣ нѣск. мин. удовольствія) на минуту напомнить тебѣ объ нашей Россіѣ (и о ера [п?] бѣ [о?] объ вечерахъ Тургеи.) о вечерахъ Т. и Кар. (и не исполнивъ дружескаго долга).

9.

П. Б. Мансурову.

[27-го октября 1819 г. Петербургъ].

Наслу упросилъ я Всеволожскаго, чтобъ онъ позволилъ мнѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ, любезный Мансуровъ, чудо-Черкесъ! здоровъ-ли ты, моя радость; веселъ-ли ты моя прелесть—помнишь ли насъ, друзей твоихъ <мужескаго полу>—Мы не забыли тебя и въ 7 часовъ съ ½ каждый день поминаемъ (тебя) въ театрѣ рукоплесканьями, вздохами—и говоримъ: свѣтъ то нашъ Павелъ! что-то дѣлаетъ онъ теперь въ великомъ Новгородѣ? завидуетъ намъ—и плачетъ о Кр.... <разумѣется нижнимъ проходомъ>—Каждое утро крылатая дѣва летитъ на репетицею мимо оконъ нашего Никиты, по прежнему подымаются на нее телескопы и ... но увы... ты не видишь ее, она не видитъ тебя—Оставимъ Элегію, мой другъ. Исторически буду говорить тебѣ о нашихъ—все идетъ по прежнему; Шампанское, слава богу здорово—Актрисы также—то ньется, а тѣ .....— аминь, аминь, такъ и должно — У Юрьева ....., слава богу, здоровъ — у меня открывается маленькой; и то хорошо—Всеволожскій N. играетъ; мѣлъ столбомъ! деньги сыплются! Сосницкая и Кн. Шаховской толстѣютъ и глупѣютъ—а я въ нихъ не влюбленъ—однакоже его вызывалъ за его дурную комедію, а ее за посредственную игру—Tolstoy боленъ—не скажу чемъ — у меня и такъ ужъ много ..... въ моемъ письмѣ—Зеленая Лампа нагорѣла—кажется гаснетъ—а жаль—масло есть (т. е. Шампанское нашего друга) пишешь ли ты мой собратъ—напишешь ли мнѣ, мой холосенькой—поговори мнѣ о себѣ—о военныхъ поселеньяхъ—это все мнѣ нужно—потому что я люблю тебя—и ненавижу деспотизмъ—прощай, лапочка. А. Пушкинъ.

27 oct.
1819.

На оборотѣ: Павлу Борисовичу Мансурову.

10.

Князю П. А. Вяземскому.

[Первая половина марта 1820 г. Петербургъ].

Я читалъ моему преображенскому приятелю—нѣсколько строкъ тобою мнѣ написанныхъ въ письмѣ къ Тургеневу—и поздравилъ его съ щастливымъ испражненіемъ пировъ Гомеровыхъ—Онъ отвѣчалъ что ..... твое а не его — Желательно чтобъ дѣло на этомъ остановилось—онъ кажется боится твоей сатирической палицы; твои первые четыре стиха на щетъ его въ посланіи къ Дмитріеву—прекрасны; остальные, нужные для поясненія личности, слабы и холодны—и, дружба въ сторону, Катенинъ стоитъ чего нибудь по лучше и по злѣе. Онъ опоздалъ родиться — и своимъ характеромъ и образомъ мыслей, весь принадлежитъ 18 столѣтію. Въ немъ та-же Авторская спѣсь, тѣ же литературныя сплетни и интриги какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи—Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала

Европу, но теперь этимъ не удивишь; что ни говори вѣкъ нашъ не вѣкъ поэтовъ—жалѣть кажется нечего — а все таки жаль — кругъ поэтовъ дѣлается часъ отъ часу тѣснѣе—скоро мы будемъ принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи другъ другу на ухо—и то хорошо—Покамѣсть присылай намъ своихъ стиховъ; они пѣвительны и оживительны—Первый снѣгъ прелесть; Уныніе—прелестнѣе. Читалъ-ли ты послѣднія произведенія Жуковскаго въ бозѣ почивающаго? слышалъ ты его Голосъ съ того свѣта—и что—ты объ немъ думаешь? Петербургъ душенъ для поэта; я жажду краевъ чужихъ; авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу—Поэму свою я кончилъ, и только послѣдній т. е. окончательный стихъ ея принесъ мнѣ истинное удовольствіе—Ты прочтешь отрывки (ея) въ журналахъ—а получешь ее уже напечатанную—она такъ мнѣ надоѣла—что не могу рѣшиться переписывать ее клочками для тебя—Письмо мое скучно—потому что съ тѣхъ поръ какъ я сдѣлался Историческимъ лицомъ для сплетницъ С-тъ Пет. я глупѣю и старѣю не недѣлями а часами — Прости — отвѣчай мнѣ — пожалуйста — я очень радъ что придрался къ перепискѣ. Пушкинъ.

Черновое.

Радуюсь, милый Вяземской, что преображенской моей приятель подалъ мнѣ случай придраться къ перепискѣ. Ты сдѣлалъ остроумную ошибку, NN—темное, тупое и справедливое замѣчанье. Желаю чтобъ дѣло на этомъ остановилось. Я поздравилъ Катенина отъ твоего имени съ щастливымъ испражненіемъ барельефовъ пировъ Гомеровыхъ. Онъ отвѣчалъ, что ..... твое, а не его; но кажется съ безпокойствомъ ожидаетъ твоей сатирической пальцы. Первые твои 4 стиха на Катенина въ посланіи къ Дмитріеву прекрасны; слѣдующіе, нужные для поясненія личности, слабы и холодны, и—дружба въ сторону, Катенинъ заслуживаетъ что нибудь позлѣе и получше. Онъ опоздалъ родиться — не идеями <(которыхъ у него нѣтъ)> но характеромъ, принадлежитъ онъ къ 18 столѣтію: та же авторская мѣлкость и гордость, тѣ же литературныя интриги и сплетни. Мы всѣ по большей части привыкли смотрѣть на поэзію, какъ на записную прелестницу къ которой заходимъ иногда поврать и поповѣсничать, безъ всякой душевной привязанности и вовсе не уважая опасныхъ ея прелестей. Катенинъ напротивъ того привѣзжаетъ къ ней въ башмакахъ и напудренный и проспиживаетъ у нее цѣлую жизнь съ платонической любовью, благоговеньемъ и важностью. Что ни говори вѣкъ нашъ не вѣкъ поэзіи, умы не къ ней устремлены; и нынче удвоенныя рюмы Вольтера не могли бы произвесть прежняго своего дѣйствія—сожалѣть, кажется, не о чемъ, а все таки жаль. Всего пріятнѣе—стихами нестрить скучную прозу жизни, и для того, ради Бога присылай намъ себя почаще. Ты оживляешь однообразіе нашихъ вечеровъ. Первый снѣгъ—прелесть, но Уныніе, полное чувства....

11.

Н. И. Гнѣдичу.

[Конецъ апрѣля—начало мая 1820 г. Петербургъ]

Чедаевъ хотѣлъ меня видѣть непремѣнно—и просилъ Отца прислать меня къ нему какъ можно скорѣе. — — По щастію—тутъ и все.—Дѣло шло о новыхъ слухахъ—которые нужно предупредить. Благодарю за участіе и безпокойство.

Пушкинъ.

На оборотѣ: Николаю
Ивановичу
Гнѣдичу.

12.

П. Я. Чаадаеву.

[Май 1820 г.].

Мой милый, я заходилъ къ тебѣ, но ты спалъ; стоило-ли будить тебя изъ-за такой бездѣлицы.

13.

П. Я. Чаадаеву.

[1820 г.].

...Le seul homme que j'aie vu, qui est heureux à force de vanité...

14.

Л. С. Пушкину.

Кишеневъ 24 сентября 1820.

Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ и подробными разказами. Начинаю съ яицъ Леды. Пріѣхавъ въ Екатеринославль, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку, по моему обыкновенью. Генералъ Раевской, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его <ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя>, сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ Кавказкимъ водамъ; лѣкарь, который съ нимъ ѣхалъ, сбѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на щастливой путь—Я легъ въ каляску больной; черезъ недѣлю выздѣлился. 2 мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впроччемъ купался въ теплыхъ кисло-серныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказкихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ; ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и

недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказкій край, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ (своихъ) отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ Геніемъ. Дикіе Черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ изчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ Персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ,—и можетъ быть, сбудется для насъ химерической планъ Наполеопа въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы—любовался нашими казаками: вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ, горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смирны; но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большаго выкупа—они готовы напасть на извѣстнаго Рускаго Генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ Высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь Чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравиться мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія (объ) на Черноморскихъ и. Донскихъ казаковъ—теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова, Съ полуострова Таманя, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ *Керчь*. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я—на ближней горѣ посереди кладбища увидѣлъ я груду кампей, утесовъ грубо высѣченныхъ—замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это, древнее-ли основаніе башни—не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ почти сравнившійся съ землею—вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой-то Французъ присланъ изъ Петербурга для розысканій—но ему недостаетъ ни денегъ, ни свѣденій, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керча пріѣхали мы въ Кефу, остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ—и подобно старику Виргилія, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не умный человѣкъ, но имѣетъ большія свѣденія о Крымѣ, сторонѣ важной и запрещеной. Отъ сюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написалъ я элегію, которую тебѣ присылаю; отошли ее Гречу безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тополами, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, щастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посереди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ Героя, славу Рускаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою; снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякого, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе нѣжели извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть, старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я щастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался—щастливое полуденное небо; прелестной край; природа, удовлетворяющая воображеніе; горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда (есть)—увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго. Будешь-ли ты со мной? скоро ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. Покрайнѣй мѣрѣ пиши ко мнѣ.—Благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради бога, почитай поэзію—доброй, умной старушкою—къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милымъ болтаньемъ и сказками; но (не) влюбиться въ нее—безразсудно. Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ... Рускимъ безвѣстную!.. я также. Прости, мой другъ! Обнимаю тебя! Увѣдомь меня объ нашихъ: все-ли еще они въ деревнѣ. Мнѣ деньги нужны, нужны! Прости. Обними же за меня Кюхельб. и Дельв. Видишь-ли ты иногда молодаго Молчанова? Пиши мнѣ обо всей братьи.

Пушкинъ.

15.

Н. И. Гнѣдичу.

[4-го декабря 1820 г. Село Каменка].

Вотъ уже восемь мѣсяцевъ какъ я веду страническую жизнь, почтенный Николай Ивановичь. Былъ я на Кавказѣ, въ Крыму въ Молдавіи и теперь нахожусь въ Кіевской Губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ Генерала Раевскаго. Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя.—Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ немного стиховъ.—Вы повѣрите легко, что преданный мгновенью, мало заботился я о толкахъ Петербургскихъ.—Поэму мою, напечатанную подъ вашимъ отеческимъ надзоромъ и поэтическимъ покровительствѣ, я не получилъ—но сердечно благодарю васъ за милое ваше попеченіе. Нѣкоторые №-ра Сына доходили до меня.—Видѣлъ я прекрасный переводъ Андромахи, котораго читали вы мнѣ въ вашемъ Эпикурейскомъ кабинетѣ, и вдохновенныя строфы:

Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать
я мнилъ, *и проч.*;

Они оживили во мнѣ воспоминанья объ васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоцѣнное для моего сердца—но не примирили меня съ критиками, которыя нашелъ я въ томъ же Сынѣ Отечества. Кто такой этотъ В. который хвалитъ мое цѣломудріе, укоряетъ меня въ безстыдствѣ, говоритъ мнѣ краснѣй, нещастной? <что между прочимъ очень неучтиво>, говоритъ, что характеры моей поэмы писаны мрачными красками этаго нѣжнаго, чувствительнаго Корреджіо и смѣлою кистію Орловскаго, который кисти въ руки не беретъ и рисуетъ только почтовыя тройки, да киргизскихъ лошадей? Согласенъ со мнѣніемъ неизвѣстнаго эпиграмматиста—критика его для меня ужасно какъ тяжка. Допрощикъ умнѣе, а тотъ кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему <благодарность и самолюбіе въ сторону>, умнѣе всѣхъ ихъ. Въ газетахъ читалъ я что Русланъ напечатанный для пріятнаго препровожденья скучнаго времени продается съ превосходною картинкою,—кого мнѣ за нее благодарить? Друзья мои! надѣюсь увидѣть васъ передъ своей смертію. Покамѣсть у меня еще поэма готова или почти готова. Прощайте, нюхайте гишпанскаго табаку и чихайте громче, еще громче. Пушкинъ.

Каменка, 4 декабря
1820.

Гдѣ Жуковскій, уѣхалъ-ли онъ съ Ея В.? Обнимаю съ братскимъ лобзаніемъ Дельвига и Кюхельбекера. Объ немъ нѣтъ ни слуха, ни духа—журнала его не видалъ; писемъ также.

Мой адресъ: Въ Кишеневъ—Его Пр. Ивану Никитичу Инзову.

16.

А. Н. Раевскому.

[*Черновое*].

[Мартъ 1821 г. Кишиневъ].

Увѣдомляю тебя о пропзшедствіяхъ (нашего края. Онѣ) которыя будутъ имѣть (важныя) послѣдствія, важныя не только для нашего края, но и для всей Европы (—особенно для Россіи).—

Грецiя (взбунтавалась) возстала и провозгласила свою свободу. (Нѣкто) Теодоръ Владимиреско, служившій нѣкогда въ войскѣ покойнаго Князя Ипсиланти, въ началѣ февраля нынѣшняго года вышелъ изъ Бухареста съ (съ толпой, съ нѣсколькими) малымъ числомъ вооруженныхъ Арнаутовъ и объявилъ (въ) что (угнѣтаемые) Греки (рѣшились) не въ силахъ болѣе выносить (несправедливости) (угнѣ.) притѣсненій и грабительствъ Турецкихъ (Правительства) начальниковъ, что они рѣшились освободиться отъ (несноснаго ига ихъ) ига незаконнаго, что намѣрены платить (исполнять) только подати, наложенныя правительствомъ—Сія прокламація встрѣвожила всю Молдавію. (К. Суцо) К. Суцо (въ знакъ) и... [1]) консулъ... хотѣли удержать р[аспростран]еніе бунта. Пандуры и Арнауты отовсюду бѣжали къ смѣлому Владимиреско — и въ нѣсколько дней онъ уже начальствовалъ 7000 войска.

21 февр. Генералъ Князь Александръ Ипсилапти, съ двумя изъ своихъ братьевъ и съ Кня. Георг. Канта. прибылъ въ Яссы изъ Кишенева, гдѣ оставилъ онъ мать, сестеръ и двухъ братьевъ. Онъ былъ (принятъ) встрѣченъ 3 стами Арнаутовъ, Кн. Су. и Р. К., и тотчасъ (объявилъ себя) принялъ начальство Города. Тамъ издалъ онъ прокламаціи (С...ы къ нему явились) которыя быстро разлилися повсюду (онъ)—въ нихъ сказано, что (часъ воз.) фениксъ Греціи воспрянетъ изъ своего пепла, что часъ гибели для Турціи насталъ *и проч.*, и что Великая Держава одобряетъ (сіи) подвигъ великодушный (что Россійское) (Восторгъ. Три знамя) Греки стали стекаться толпами подъ его трое знаменъ (на) изъ которыхъ одно трехцвѣтное, на другомъ развѣвается крѣстъ, обвитый лаврами, съ текстомъ: *сими знаменемъ побѣдиши*; на третьемъ изображенъ возрождающійся фениксъ.—Я (читалъ) видѣлъ письмо одпаго инсургента. Съ (восторгомъ) жаромъ описываетъ онъ обрядъ освѣщенія знаменъ и меча князя Ипсиланти—восторгъ Духовенства и Народа (и)—прекрасныя минуты Надежды и свободы.

Въ Яссахъ все спокойно — Семеро Турковъ были приведены къ Ипсиланти — и тотчасъ казнены (странное дѣйствіе) странная новость со стороны Европейскаго Генерала (съ которымъ за нѣсколько дней, что) Турки, въ числѣ 100 человѣкъ, были перерѣзаны, тридцать Грековъ тоже убиты. Извѣстіе о (семъ) возмущеніи дошло до Константинополя. Ожидаютъ уж.... но еще ихъ нѣтъ—Трое бѣжавшихъ Грековъ находятся (теперь) со вчерашняго дня въ здѣшнемъ карантинѣ—Они уничтожили многіе ложные слухи—Старецъ Али принялъ Христіанскую Вѣру и окрещенъ именемъ Константина—Двухтысячный отрядъ его, который шелъ на соединеніе съ Суліотами—Уничтоженъ Турецкимъ войскомъ.

Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени; (Грековъ) всѣ мысли устремлены къ одному (цѣли) предмѣту—на независимость древняго Отечества—Въ Одессахъ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ — вездѣ собрались толпы Грековъ; всѣ (покупали) продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили объ Леонидѣ, объ Ѳемистоклѣ, всѣ шли въ войско щастливца Ипсиланти (Всѣ) Жизнь, имѣнія Грековъ въ его (въ рукахъ) разпоряженіи! Въ началѣ имѣлъ онъ два милліона—Одинъ Паули далъ 600 т. піас., съ тѣмъ чтобъ ему ихъ возвратить по возстановленіи Греціи. 10000 Грековъ записалось въ войско (Мой другъ, все это прекрасно) Ипсиланти идетъ на соединеніе съ Владимиреско. Онъ (принялъ) называется Главнокомандующимъ сѣверныхъ Греч. Войскъ и уполномоченнымъ тайнаго правительства. (Для точнаго понятія сего тому) Должно знать, что уже тридцать лѣтъ сосоставилось и разпространилось тайное общество коего цѣлью было освобожденіе Греціи. .... раздѣлены на три ... ени. Низшую степень (были военные) составляла военная ... вторую— ... данс: члены ... ей степени (могли) имѣли право каждый пріискать себѣ товарищей но не воиновъ, которыхъ избирала только 3 высшая степень. Ты видишь простой ходъ и главную мысль сего общества, котораго основатели еще неизвѣстны. Отдѣльная Вѣра, отдѣльный Языкъ, независи-

[1]) Прожжено, какъ и далѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поставлено многоточіе.

мость книгопечатанія; съ одной стороны просвѣщеніе, съ другой глубокое невѣжество—все покровительствовало вольнолюбивымъ патріотамъ. (Всѣ Греки, всѣ) (Не было одного Монаха) Всѣ купцы, все духовенство до послѣдняго монаха, считались въ (семъ) обществѣ, которое нынѣ (оно) торжествуетъ и коего .... Вотъ въ (какомъ положеніи находятся) тебѣ подробный (короткій) отчетъ послѣднихъ (нашихъ) произшествій нашего края; кинемъ пророческой взоръ на будущее и постараемся разгадать судьбу (возобновленной) Греціи.

Странная картина! Два (сосѣднихъ великихъ) великихъ народа давно падшихъ въ презрительное ничтожество, въ одно время возстаютъ изъ праха (отъ долгаго усыпленія) и возобновленные являются на политическомъ поприщѣ (Европы) міра. Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ! Онъ щастливо началъ—28 лѣтъ (заслуженное) оторванная рука, цѣль великодушная! отнынѣ и мертвый иль побѣдитель онъ принадлежитъ исторіи—Завидная участь!—Кипжалъ измѣнника опаснѣе для него сабли турокъ; Константинъ—Паша несовѣтнѣе будетъ Клодовика .... міра и вліяніе молодаго мстителя Греціи его (подозрительно)—(Покамѣсть, межъ нами) встревожитъ. Признаюсь, я бы посовѣтовалъ К. Ипсиланти предупрѣдить престарѣлаго злодѣя: правы тоі страны, гдѣ онъ теперь дѣйствуетъ (будутъ достаточнымъ оправданіемъ сего) оправдаютъ политическое убійство (ударъ).

Важный вопросъ: что станетъ дѣлать Россія; займемъ ли мы Молдавію и Валахію подъ видомъ миролюбивыхъ посредниковъ; перейдемъ ли мы за Дунай (защитниками) союзниками Грековъ и врагами ихъ враговъ? (Во всякомъ случаѣ буду очевидный свидѣтель первыхъ) Во всякомъ случаѣ (на всякое важное) буду увѣдомлять.

17.

Барону А. А. Дельвигу.

[23-го марта 1821. Кишиневъ.]

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ!
Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
Но признаюсь, баронъ, я грѣшенъ:
Стихамъ я больше былъ бы радъ...
Ты знаешь: я въ минувши годы,
У береговъ кастальскихъ водъ,
Любилъ марать поэмы, оды;
Ревнивый зрѣлъ меня народъ
На кукольномъ театрѣ моды;
Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ не Русью пахнетъ;
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ.
Теперь я, право, чуть дышу,
Отъ воздержанья муза чахнетъ,
И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу.
Къ молвѣ болтливой я хладѣю
И изъ учтивости одной
Допынѣ волочусь за нею,
Какъ мужъ лѣнивый за женой.
Наскуча музъ безплодной службой,
Другой богинеи, тихой дружбой
Я славы замѣнилъ кумиръ.
Но все люблю, мои поэты,
Фантазіи волшебный міръ,
И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуки вашихъ лиръ...
Такъ точно, позабывъ сегодня,
Проказы, игры прежнихъ дней,
Глядитъ съ лежанки ваша сводня
На шашни молодыхъ .....

Жалѣю, Дельвигъ, что до меня дошло только одно изъ твоихъ писемъ, именно—то, которое мнѣ доставлено любезнымъ Гнѣдичемъ, вмѣстѣ съ дѣвственной Людмилою. Ты не довольно говоришь о себѣ и объ друзьяхъ нашихъ.—О путешествіяхъ Кюхельбекера слышалъ я ужъ въ Кіевѣ. Желаю ему въ Парижѣ духа цѣломудрія, въ канцеляріи Нарышкина духа смиренномудрія и терпѣнія; объ духѣ любви не безпокоюсь: въ томъ нуждаться не будетъ; о празднословіи молчу—далекій другъ не можетъ быть излишне болтливъ. Въ твоемъ отсутствіи—сердце напоминало о тебѣ, объ твоей музѣ—журналы. Ты все тотъ же, талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго ли тебѣ шалить—долго ли тебѣ размѣнивать свой геній на серебряные четвертаки—Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года—напиши своего Монаха — Поэзія мрачная, богатырская, сильная, Байроническая — твоі истинный удѣлъ. Умертви въ себѣ вѣтхаго человѣка,—не убивай вдохновеннаго поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму—Кавказскій Плѣнникъ, которую надѣюсь скоро вамъ прислать,—ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ; и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы—но что теперь ничего не пишу—я переваріваю воспоминанія; и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости,—какъ не воспоминаніями?

Недавно пріѣхалъ въ Кишеневъ и скоро оставляю благословенную Бессарабію; есть страны благословеннѣе.—Праздный миръ не самое лучшее состояніе жизни, даже и Скарментадо кажется не правъ:—Самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ; но разнообразіе спасительно для души.

Другъ мой, есть у меня до тебя просьба—узнай, напиши мнѣ, что дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ человѣкъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ.—Другаго воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душею. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца; въ этомъ найдутъ выгоду. Но я чувствую, что мы будемъ друзьями—и братьями не только по африканской нашей крови. Прощай. А. Пушкинъ.

1821 г. марта 23. Кишеневъ.

18.

Н. И. Гнѣдичу.

[24-го марта 1821. Кишиневъ.]

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;

Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ;
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольной гласъ моей цѣвницы
Тревожитъ сонныхъ Молдаванъ.
Все тотъ же я—какъ былъ и прежѣ,
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
Съ Орловымъ спорю, мало пью,
Октавію—въ слѣпой надеждѣ—
Молебновъ лести не пою.
И Дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья—
Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ и духъ высокой,
И важнымъ пѣснямъ обрекла,
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера Музу намъ явилъ
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ—
Твой гласъ достигъ уединенья
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца,
И вновь онъ оживилъ пѣвца,
Какъ сладкій голосъ вдохновенья—
Избранникъ Ѳеба! твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
Для Музъ и дружбы живъ поэтъ.
Его враги ему презрѣнны—
Онъ Музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ;
И поучительной лозой
Зоила хлещетъ—мимоходомъ.—

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичь, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи, оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца—благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этаго письма—все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша, во всемъ что касается до меня. Платье, сшитое, по заказу вашему, на Руслана и Людмилу, прекрасно; и вотъ уже четыре дни какъ печатные стихи, Виньета, и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго А. О.; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности.—Не скоро увижу я васъ; здѣшнія обстоятельства пахнутъ долгой, долгою разлукой! молю Ѳеба и Казанскую Богоматерь, чтобъ возвратился я къ вамъ съ молодостью, воспоминаньями и еще новой поэмой; та, которую недавно кончилъ, окрѣщена К а в к а з с к и м ъ п л ѣ н н и к о м ъ. Вы ожидали многаго, какъ видно изъ письма вашего—найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленьи ледяныя главы Казбека и Эльбруса.—Сцена моей поэмы должна бы находится на берегахъ шумнаго Терека, на Границахъ Грузіи, въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа—я поставилъ моего Героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ (я) два мѣсяца—гдѣ возвышаются въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга 4 горы, отрасль послѣдняя Кавказа;—Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ—въ скоромъ времени пришлю вамъ ее—дабы сотворили вы съ нею что только будетъ угодно.—

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли—обнимаю друзей—съ нетерпѣньемъ ожидаю 9 тома Руской Исторіи.—Что дѣлаетъ Н. М.? Здоровы-ли Онъ, Жена и дѣти? это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу.—Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ—Vale.

Пушкинъ.

1821 марта. 24
Кишеневъ.

19.

Дегильи.

[6-го іюня 1821. Кишиневъ].

Avis à m-r Deguilly, ex-officier français.

Il ne suffit pas d'être un jean-f. . . e, il faut encore l'être franchement.

A la veille d'un f . . . duel au sabre on n'écrit p s sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament; on ne fabrique pas des contes à dormir debout avec les autorités de la ville, afin d'empêcher une égratignure; on ne compromet pas deux fois son second, ni un général qui daigne recevoir un plat-pied dans sa maison [1]).

Tout ce qui est arrivé. je l'ai prévu, je suis faché de n'avoir pas parié. Maintenant tout est fini, mais prenez garde à vous.

Agréez l'assurance des sentiments que vous méritez. Pouchkine. 6 juin 21.

Notez encore que maintenant je saurai, en cas de bésoin, faire agir mes droits de gentilhomme russe, puisque vous n'entendez rien au droit des armes.

20.

Л. С. и О. С. Пушкинымъ.

[27-го іюня 1821 г. Кишиневъ].

Брату.

Здравствуй, Левъ, не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь—я называю дѣльнымъ все что касается до тебя. Пиши ко мнѣ покамѣсть я еще въ Кишеневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью, и пиши мнѣ по-руски, потому, что, слава Богу, съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду рускую Азбуку. Если ты въ родню, такъ ты литераторъ <сдѣлай милость не поэтъ>; пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности; что такое *Сотвореніе міра Милонова?* Что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ-ли задавалъ вопросы Воейкову въ С. О. прошлаго года? Кто на ны? Черная шаль тебѣ нравится—ты правъ, но ее чортъ знаетъ какъ напечатали. Кто ее такъ напечаталъ? Пахнетъ Глинкой. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что онъ славная душа, и что я люблю его какъ должно. Вотъ еще важнѣе: постарайся свидиться съ Всеволожскимъ и возьми у него на мой

[1]) Слова «ni un général... sa maison» написаны въ выноскѣ подъ строкой.

щетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій <буде они напечатаны>, розданное моими друзьями—экземпляровъ 30. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его, Овошникову его, Лампу его—и все елико друга моего. Поцелуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова, пожелай здравія калмыку и напиши мнѣ обо всемъ.

Пришли мнѣ Тавриду Боброва. Vale.

Твой братъ А.

27 іюня.

Сестрѣ.

Etes-vous de retour de votre voyage? Avez-vous visité de nouveau les souterrains, les châteaux, les cascades de Narva? Cela vous a-t-il amusé? Aimez-vous toujours vos promenades solitaires? Quels sont vos chiens favoris? Avez-vous oublié la mort tragique d'Omphale et de Bizarre? Qu'est-ce qui vous amuse? Que lisez vous? Avez-vous revu la voisine Annete Voulf? Montez vous à cheval? Quand revenez-vous á Pétersbourg? Que font les Korf? Etes-vous mariée? Etes-vous prête à l'etre? Doutez-vous de mon amitié? Bonjour, ma bonne amie.

21.

А. И. Тургеневу.

Черновое.

[Вторая половина іюля 1821 г. Кишиневъ].

Въ лѣто 5 отъ Липецкаго потопа (превосходительный Рейнъ и превосходительной) жалобный сверчокъ (сидя) на лужицѣ (лужѣ) города Кишивской, именуемой Быкомъ, сидѣли и плакали вспоминая *тебя* (*о*) *Арзамасъ* (*Іерусалимъ ума и вкуса*); благородные гуси величественно барахтались предъ ихъ глазами въ мутныхъ (помояхъ) водахъ (Быка) (вышесказанной рѣчки и съ братской) упомянутой (рѣчки). Живо представились (намъ) имъ ваши отсутсвующія превосходительства и (отъ избытка) въ полнотѣ сердца (нашего) своего (составили мы засѣданія, состоящія) положили увѣдомить о себѣ (братію) членовъ православнаго братства (освящающихъ) украшающихъ берега Мойки и Фонтанки (и потому). . .

22.

С. И. Тургеневу.

[21-го августа 1821 г. Кишиневъ].

Поздравляю васъ, почтенный Сергей Ивановичь, съ благополучнымъ прибытіемъ изъ Турціи чуждой въ Турцію родную. Съ радостію пріѣхалъ бы я въ Одессу побесѣдовать съ вами, и подышать чистымъ Европейскимъ воздухомъ, но я самъ въ карантинѣ, и смотритель Инзовъ не выпускаетъ меня, какъ зараженаго какой то либеральною чумою.— Скоро-ли увидите вы сѣверный Стамбулъ? обнимите тамъ за меня милаго нашаго Муфти Александра Ивановича и мятежнаго Драгомана брата его; Его Преосвященству писалъ я письмо на которое отвѣта еще не имѣю. Дѣло шло объ моемъ изгнаніи—но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня въ Бессарабіи. Предъ вами я виноватъ, полученное отъ васъ письмо я черезъ два дни перечитываю—но до сихъ поръ не отвѣчалъ—надѣюсь на великодушное прощеніе и на скорое свиданіе.

Кланяюсь Чу, если Чу меня помнитъ—а Долгорукой меня забылъ. Пушкинъ.

21 авг.

На оборотѣ: Сергею Ивановичу Тургеневу.

— —

23.

Н. И. Гречу.

[21-го сентября 1821 г. Кишиневъ].

Извините, любезный нашъ Аристархъ, если опять безпокою васъ письмами и просьбами. Сдѣлайте одолженіе, доставьте письмо, здѣсь прилагаемое, брату моему; молодой человѣкъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ С. О. мое посланіе къ Ч—у, ужь эта мнѣ цензура! жаль мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не нравится, оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее liberal, оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано глупца философа; зачѣмъ глупецъ? стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда. А скромное письмо мое на счетъ моего же письма—видно не лѣзетъ сквозь цензуру?

Дельвигу и Гнѣдичу пробовалъ я было писать, да они и въ усъ не дуютъ. Что бы это значило: если просто забвеніе, то я имъ не пѣняю, забвенье естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго—я бы и самъ ихъ забылъ, еслибъ жилъ съ эпикурейцами, въ эпикурейскомъ кабинетѣ, и умѣлъ читать Гомера. Но если они на меня сердятся или разочли, что письмы ихъ мнѣ не нужны, такъ плохо.

Хотѣлъ было я прислать вамъ отрывокъ изъ моего Кавказскаго Плѣнника, да лѣнь переписывать, хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною въ 800 стиховъ; стихъ ширикою—4 стопы—разрѣзано на 2 пѣсни; дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался. Vale. Пушкинъ.

21-го сентября 1821.

Кишиневъ.

24.

В. Ѳ. Раевскому.

[1821 г. Кишиневъ].

Пришли мнѣ, Раевской, Histoire de Crimée, книга не моя, и у меня ее требуютъ. Vale et mihi faveas.

Пушкинъ.

Г-ну маїору

Раевскому.

25.

Неизвѣстному.

[1821 г.].

Votre lettre est arrivé fort à propos, j'en avais besoin.

26.

В. П. Горчакову.

[1821 –1822 г. Кишиневъ].

Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны. За чѣмъ не утопился мой Пѣвникъ вслѣдъ за Черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ геро̀ѣ поэмы не благоразумія требуется. Характеръ Пѣвника неудаченъ; это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было бы назвать Черкешенкой—я объ этомъ не подумалъ.

Черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ большую и лучшую часть моей повѣсти; но все это ни съ чѣмъ несвязано и есть истинный hors d'oeuvre. Вообще, я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже Руслана—хоть стихи въ ней зрѣлѣе. Прощай, моя радость.

1822.

27.

Князю П. А. Вяземскому.

[2-го января 1822. Кишиневъ]

Попандуполо привезетъ тебѣ мои стихи. Липранди берется доставить тебѣ мою прозу—ты, думаю, видѣлъ его въ Варшавѣ. Онъ мнѣ добрый приятель и вѣрная порука за честь и умъ не любимъ нашимъ правительствомъ и въ свою очередь не любитъ его.—Въ долгой разлукѣ нашей одни дурацкіе журналы изрѣдко сближали насъ другъ съ другомъ.—Благодарю тебя за всѣ твои сатирическія, пророческія и вдохновенныя творенья—они прелестны—благодарю за всѣ вообще—бранюсь съ тобою за одно посланіе къ Каченовскому; какъ могъ ты сойти въ а р е н у вмѣстѣ съ этимъ хилымъ кулачнымъ бойцемъ—ты сбилъ его съ погъ но онъ облилъ безславный твой вѣнокъ кровью, желчью и сивухой — Какъ съ нимъ связываться—довольно было съ него легкаго хлыста а не сатирической твоей палицы—Ежели я его задѣлъ въ посланіи къ Ч.—то это не изъ неспависти къ нему но чтобы поставить съ нимъ на одномъ ряду Американца Толстова, котораго презирать мудренѣе. Жуковскій меня бѣситъ—что ему понравилось въ этомъ Мурѣ? топорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся Лалла-рукъ не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди; пора ему имѣть собственное воображенье и крѣпостные вымыслы—по каковъ Баратынской? признайся что онъ превзойдетъ и Парни и Батюшкова—если впредь зашагаетъ какъ шагалъ до сихъ поръ—вѣдь 23 года—щастливцу! оставимъ всѣ ему эротическое поприще и кипемся каждый въ свою сторону а то спасенья нѣтъ – Кавказскій мой пѣвникъ копченъ—хочу напѣчатать да лѣни много а денегъ мало—и меркантильный успѣхъ моей прелестницы Людмилы отбиваетъ у меня охоту къ изданіямъ.—Желаю щастія Дядѣ—я не пишу къ нему; потому что опасаюсь журнальныхъ почестей—скороли выйдутъ его творенья? всѣ они вмѣстѣ не стоятъ Б у л г а к о в а; а что-то съ нимъ будетъ въ потомствѣ—крайнѣ опасаюсь чтобы двоюродный братъ мой не почелся моимъ сыномъ—а долго-ли до грѣха – Пиши мнѣ съ кѣмъ ты хочешь и какъ хочешь—стихами или прозой—ей Богу, буду отвѣчать. Пушкинъ.

2 январь

1822.

Пишу тебѣ у Рейна—все тотъ же онъ не измѣнился, хоть и женился—Началъ опъ тебѣ было диктовать письмо въ своемъ родѣ—но благоразсудилъ изорвать его—Онъ тебѣ кланяется и занятъ ужасно сургучомъ.

Прибавленіе.

Орловъ велѣлъ тебѣ сказать что онъ дѣлаетъ палки сургучныя а палки въ дивизіи своей уничтожилъ.

28.

Л. С. Пушкину.

[24-го января 1822 г. Кишиневъ].

Сперва хочу съ тобой побраниться; какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полу-руское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина вовторыхъ, письма твои слишкомъ коротки—ты или не хочешь, или не можешь мнѣ говорить открыто обо всемъ—жалѣю; болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустынѣ не доходитъ ни одинъ дружній голосъ,—что друзья мои

какъ нарочно рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію—и это состояніе несносно.—Письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ, не дошло до тебя—это меня бѣситъ—я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ. Чортъ съ ними; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней—тогда дѣла пойдутъ иначе.—Ты говоришь, что Гнѣдичь на меня сердитъ, онъ правъ—я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой, но у меня шла голова кругомъ.—Отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать—и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему плѣнника.—Къ тому же ни Гнѣдичь со мной, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду, а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума.—Спроси у Дельвига: здоровъ-ли онъ, все-ли, слава Богу, пьетъ и кушаетъ—каково нашелъ мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія.—Посылаю тебѣ мои стихи; напѣчатай ихъ въ Сынѣ <безъ подписи и безъ ошибокъ>. Если хочешь вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую ради Христа не разпускай, въ ней каждый стихъ—правда.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ
Другой за деньги; понимаю.
Другой за то, что былъ французъ,
Клеонъ—умомъ ее стращая;
Дамисъ—за то, что нѣжно пѣлъ:
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Хочешь еще? На Качеповскаго:

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ пищетъ онъ чутьемъ
А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

Покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя.

Твой другъ Демьянъ.

24 Генв.
1822.

29.

А. П. Полторацкому.

[Январь 1822 г. Кишиневъ].

Я живъ
Старовъ
Здоровъ
Дуэль неконченъ.

30.

Н. И. Гнѣдичу.

[29 апрѣля 1822 г. Кишиневъ].

Parve <nec invideo> sine me, liber, ibis in urbem,
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю: vade, sed incultus qualem decet exulis esse! недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны, что я долго не могъ рѣшиться ее напѣчатать. Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказкаго плѣнника; въ награду за присылку прелелестной вашей Идиліи <о которой мы поговоримъ на досугѣ> завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія; но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстію, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣснях или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ; отдаю вамъ его въ полное разпоряженіе. Vale.

Пушкинъ.

На оборотѣ: Николаю Ивановичу
Гнѣдичу.

Черновое.

Parve nec invideo sine me, liber, ibis in urbem
Heu mihi! quo domino non licet ite tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю
Vade sed incultus, qualem decet exulis esse.

(Въ самомъ дѣлѣ) недостатки этой повѣсти поэмы или чего вамъ угодно (столь) такъ явны что я долго (я) не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана (болѣе) близко подходитъ къ бѣдности изобретенія; описаніе правовъ черкесскихъ (самое сносное мѣсто во всей поэмѣ), не связано ни съ какимъ произшедствіемъ и (есть) ничто иное, какъ географическая (отчетъ) статья или отчетъ путешественника—характеръ главнаго лица (лучше сказать единственнаго лица) (а дѣйств. лицъ) всего то (ихъ) ихъ (двое) приличенъ болѣе роману нѣжели поэмѣ—да и что за характеръ? (мол) (кто будетъ) кого займетъ (тропутъ) (зан) изображеніе молодаго человѣка, (изтощившаго) потерявшаго (всю) чувствительность (своего) сердца (въ первые лѣта своей молодости) въ какихъ нещастіяхъ неизвѣстныхъ читателю; его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости Горцевъ и къ (юнымъ) прелестямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны—(но что тутъ занимательнаго—) по что тутъ (но) трогательнаго (тутъ мало) легко было бы (за чемъ не) оживить (было) разказа произшедствіями кот. сам. соб. изтекали (естественно) изъ (самыхъ) предмѣтовъ. Черкесъ плѣнившій моего Рускаго, могъ быть любовникомъ (моей той) моей (Черкешенки) —избавительницы (de là вотъ вамъ и сцены ревность и отчаянье прерванныя свиданій) (опасности для свиданій и проч. нашего плѣнника и проч.) мать, отецъ (и проч.) и братъ ея могли бы имѣть каждый свою (черты) роль свой характеръ — (все) всѣмъ этимъ я пренебрегъ вопервыхъ отъ (одной) лѣни вовторыхъ что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда какъ обѣ части м. пл. были уже (написаны) конченны—а сызнова (писать) начать не имѣлъ и духа—

Тѣ которые (порицали) пожурили меня зато что никакъ неназвалъ моего финна (не найдутъ) не нашедъ здѣсь пиодпаго *им. собств.*, конечно почтутъ это за непростительную дерзость—правда что большей части моихъ читателей никакой

нужды нѣтъ до имени и что я небоюсь никакой запутанности въ (своемъ) разказѣ

Мѣстныя краски вѣрны но поправятся-ли читателямъ избалованнымъ поэтическими понарамами Байр. и Вал. Ск.—я боюсь и напомнить объ нихъ (волшебныхъ картинахъ) своими блѣдными тощими рисунками—сравненіе мнѣ будетъ (мнѣ) убійственно. Къ щастію наши Арист. не въ состояніи (критиковать) уничтожить меня основательнымъ образомъ; (брани) тяжкія критики ихъ мало меня безпокоятъ; онѣ столь-же безвредны какъ и тупы—а ш[утки] плох. и площ. ничуть не смѣшны и не забавны какъ (замѣчаетъ) пишетъ Каченовскій свойственнымъ ему слогомъ—

Вы видите что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня нащетъ К. Н. по признаюсь люблю его самъ незная за что въ немъ есть стихи моего сердца—Черкешенка моя мнѣ мила, любовь ее (меня трогаетъ) трогаетъ душу—Прелестная басня о Пигмаліонѣ обнимающемъ холодный мраморъ (плѣнила нѣкогда) нравилась пламенному воображенію Руссо (и Шиллера) – Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю м. Кавк. Плѣ.—примите его подъ свое покровительство; въ награду за присылку прелестной вашей Пд. (достойной чистой Музы древности) <о которой мы поговоримъ надосугѣ> (поручаю) завѣщаю вамъ (скуку изданія) скучныя заботы новаго (его) изданія (моихъ новыхъ... бред.)—(но) дружба ваша меня избаловала [меня] (могу-ли надѣяться что) нѣсколько строкъ пера вашего вмѣсто предисловія (и вы обпадежите меня) (для меня) и—успѣхъ м. повѣс. (будетъ уже) будетъ уже надежнѣе. Бросьте въ ручей одну (изъ) вѣточку изъ вашихъ лавровъ, муравей не утонетъ—впрочемъ назовите м. п. сказкой, повѣстію, поэмой, или (ник.) вовсе не назовите, издайте ее въ двухъ книгахъ, ч. или пѣсн. или т. въ одной—отдаю (м. Плѣ.) его въ полное ваше разпоряженіе.

Есть у меня еще отрывокъ ст. 200—прислать мнѣ вамъ его для Ценз.....

32.

П. А. Катенину.

(Черновое).

[Конецъ апрѣля—май 1822 г. Кишиневъ].

.....можетъ..... въ стихахъ ..... помня .....помѣрнвъ.....извѣстны..... .....товилъ въ замѣчаніи..... (и скрылъ) необязянъ свое имя ..... азѣ видѣлъ поэта. Я не ..... чести быть поэтомъ но эта (замѣчаніе) похвала показалась бы мнѣ не (весьма) очень лѣстною.

Ты даешь мнѣ знать [о своемъ существо] о себѣ только черезъ журналы—я прочелъ к..... твое письмо къ Гр. (въ его журналѣ) съ большимъ удовольствіемъ, и во первыхъ по тому что (въ) ты* (во 2 что).

33.

Н. И. Гнѣдичу.

[13-го мая 1822 г. Кишиневъ.]

Благодарю васъ, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы Бессарабскаго Пустынника. Онъ молчитъ, боясь надоѣдать тѣмъ, которыхъ любитъ, но очень радъ случаю поговорить съ вами объ чемъ бы то ни было.

Если можно приступить ко второму изданію Руслана и Плѣнника, то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попеченіе; но ваши предложенія останавливаютъ меня по многимъ причинамъ: 1) Увѣрены-ли вы, что Цензура, по неволѣ пропустившая въ 1-ый разъ Руслана, нынче неопомнится и незаградитъ пути второму его пришедствію? Замѣнять же прежнее новымъ въ ея угоду, я не въ силахъ и не намѣренъ. 2) Согласенъ съ вами что предисловіе есть пустословіе довольно скучное; но мнѣ никакъ не льзя согласиться на присовокупленіе новыхъ бредней моихъ: онѣ мною обѣщаны Як. Толстому и должны поступить въ свѣтъ особливо. Правда есть у меня готовая поэмка. да NB Цензура. Tout bien vu, не кончить ли дѣла предисловіемъ? Дайте попробовать авось не наскучу. Я что то въ милости у рускоій публики.

Je n'ai pas mérité
Ni cet excès d'honneur ni cette indignité.

Какъ бы то ни было, воспользуюсь своимъ случаемъ, говоря ей правду неучтивую, но быть можетъ, полезную. Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди, которые выше ея; этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей поплечу; этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего Нерѣшительнаго; Услыша стихъ II должно честь отдать что нѣмцы акуратны, я сказалъ ему: вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захлопаетъ и захохочетъ. А что тутъ остраго, смѣшнаго? очень желалъ бы знать сбылось ли мое предсказанье.

Вы, коего Геніи[й?] и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете, что дѣлаетъ Гомеръ? давно не читалъ я ничего прекраснаго. Кюхельбекеръ пишетъ мнѣ четырестопными стихали что онъ былъ въ Германіи, въ Парижѣ, на Кавказѣ, и что онъ падалъ съ лошади. Все это къ стати о Кавк. Плѣнникѣ. Отъ брата давно не получалъ извѣстія, о Дельвигѣ о Боратынскомъ также—но я люблю ихъ и лѣнивыхъ. Vale, sed delenda est censura.

Пушкинъ.

13 мая.
Кишеневъ.

Своего портрета у меня нѣтъ — да на кой чортъ имѣть его?

Знаете ли вы трогательный обычай рускаго мужика въ Свѣтлое Воскресеніе выпускать на волю птичку? вотъ вамъ стихи на это:

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины;

На волю птичку отпускаю
На свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью:
За чемъ на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Могу я волю даровать?

Напечатаютъ-ли безъ имени въ С. О.?

34.

А. А. Бестужеву.

[21-го іюня 1822 г. Кишиневъ.]

Милостивый Государь,
Александръ Александровичь,

Давно собирался я напомнить В. о своемъ существованіи. Почитая прелестныя ваши дарованія, и, признаюсь, невольно любя ѣдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться съ вами на письмѣ, не изъ однаго самолюбія но также изъ любви къ истинѣ. Вы предупредили меня. Письмо ваше такъ мило что невозможно съ вами скромничать. Знаю что ему не совсѣмъ бы должно вѣрить но вѣрю поневолѣ и благодарю васъ какъ представителя Вкуса и вѣрнаго стража и покровителя нашей словесности.

Посылаю вамъ мои Бессарабскія бредни и желаю чтобъ они вамъ пригодились. Кланяйтесь отъ меня Цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ; кажется голубушка еще поумнѣла. Не понимаю что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ—однако должно намъ настоять изъ однаго честолюбія—отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе—предвижу препятствія въ напечатаніи стиховъ къ Овидію—но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа—по видимому ее настращали моимъ именемъ; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно, <напримѣръ услужливаго Плетнева или какого нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по Тавридѣ>. Повторяю вамъ она ужасно безтолкова, но впрочемъ довольно сговорчива. Главное дѣло въ томъ—чтобъ имя мое до сей недошло и все будетъ слажено.

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ К. Ѳ. Рылѣева, мнѣ порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи. Обнимите его за меня, любезный Александръ Александровичь, какъ я васъ обнимu при нашемъ свиданіи. Пушкинъ.

21 іюня 1822.
Кишиневъ.

35.

Н. И. Гнѣдичу.

[27-го іюня 1822 г. Кишиневъ].

Письмо ваше такое существительное, которому не нужно было прилагательнаго чтобъ меня искренно обрадовать. Отъ сердца благодарю васъ за Ваше дружеское попеченіе. Вы избавили меня отъ большихъ хлопотъ, совершенно обезпечивъ судьбу Кавказскаго Пѣвника. Ваши замѣчанія на щетъ его недостатковъ совершенно справедливы и слишкомъ снисходительны; но дѣло сдѣлано. Пожалѣйте обо мнѣ: живу межъ Готовъ и Сарматовъ; никто не понимаетъ меня, со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха; пишу какъ нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній.—Но какова наша Цензура? признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ нее такихъ большихъ успѣховъ въ эстетикѣ. Ея критика приноситъ честь ея вкусу. Принужденъ съ нею согласиться во всемъ: Небесный пламень слишкомъ обыкновенно; долгій поцелуй поставлено слишкомъ на выдержку <trop hazardé>; его томительную нѣгу, вкусила тутъ она вполнѣ—дурно, очень дурно—и потому осмѣливаюсь замѣнить этотъ Киргизъ-Кайсацкій стишокъ слѣдующими: какой угодно

поцелуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.

Рука съ рукой, унынья полны
Сошли ко брегу въ тишинѣ
И Рускій въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ
Вдругъ и проч.

Съ подобострастіемъ предлагаю эти стихи на разсмотрѣніе Цензуры—между тѣмъ поздравьте ее отъ моего имени—конечно иные скажутъ что эстетика не ея дѣло; что она должна воздавать Кесарево Кесарю, а Гнѣдичево Гнѣдичу но мало ли что говорятъ.

Я отвѣчалъ Бестужеву и послалъ ему кое что. Не льзя-ли опять стравить его съ Катенинымъ? Любопытно бы. Г. Гречъ разсмѣшилъ меня до слезъ своею сравнительною скромностію. Жуковскому я также писалъ, а онъ и въ усъ не дуетъ. Не льзя-ли его разшевелить? Не льзя-ли потревожить и Сленина, если онъ купилъ остальные экземпляры Руслана. Съ нетерпѣніемъ ожидаю Шильонскаго Узника; это не чета Пери и достойно такова переводчика каковъ пѣвецъ Громобоя и Старушки. Впрочемъ мнѣ досадно что онъ переводитъ, и переводитъ отрывками—иное дѣло Тассъ, Аріостъ и Гомеръ, иное дѣло пѣсни Маттисона и уродливыя повѣсти Мура. Когда-то говорилъ онъ мнѣ о поэмѣ Родрикъ Саутея; попросите его отъ меня чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, не смотря на просьбу одной прелестной дамы. Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на Рускую. Думаю что оно будетъ полезнѣе вліянія Французской поэзіи робкой и жеманной. Тогда и нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ, гдѣ очутится Нв. Нв. Дмитріевъ—съ своими чувствами и мыслями взятыми изъ Флоріана и Легуве. Такъ то пророчу я не въ своей землѣ—а между тѣмъ не предвижу конца нашей разлуки. Здѣсь у насъ молдованно и тошно, ахъ боже мой что-то съ нимъ дѣлается—судьба его меня безпокоитъ до крайности—напишите мнѣ объ немъ если будете отвѣчать. Пушкинъ.

27 іюня.

35.

П. А. Катенину.

[19-го іюля 1822 г. Кишиневъ].

Ты упрекаешь меня въ забывчивости, мой милый: воля твоя! Для малаго числа избранныхъ желаю еще увидѣть Петербургъ. Ты конечно въ этомъ числѣ, но дружба—не Италіанской глаголъ *piombare*, ты ея также хорошо не понимаешь. Ума не приложу, какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ:

И сплетней разбирать игривую затѣю.

Это простительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь нещастныхъ сплетней, конхъ я былъ жертвою, и не твоей ли дружбѣ <покрайней-мѣрѣ такъ понималъ я тебя> обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ? Я не читалъ твоей комедіи, никто объ ней мнѣ не писалъ; не знаю, задѣлъ ли меня Зельской. Можетъ быть да, вѣроятнѣе—нѣтъ. Во всякомъ случаѣ не могу сердиться. Еслибъ я имѣлъ что нибудь на сердцѣ, сталъ-ли бы я говорить о тебѣ на ряду съ тѣми, о которыхъ упомнинаю? Лица и отношенія слишкомъ различны. Еслибъ ужъ на то рѣшился, написалъ-ли стихъ столь слабый и неясный, выбралъ-ли предметомъ эпиграммы прекрасный переводъ комедіи, которую почиталъ я непереводимою? Какъ дѣло не верти, ты все меня обижаешь. Надѣюсь, моя радость, что это все минутная туча и что ты любишь меня. И такъ, оставимъ сплетни и поговоримъ объ другомъ. Ты перевелъ Сида; поздравляю тебя и стараго моего Корнеля. Сидъ кажется мнѣ лучшею его трагедіею. Скажи: имѣлъ-ли ты похвальную смѣлость оставить пошечину рыцарскихъ вѣковъ, на жеманной сценѣ 19-го столѣтія? Я слыхалъ, что она неприлична, смѣшна, ridicule. Ridicule! Пошечина, данная рукою Гишпанскаго рыцаря вонну, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! ridicule! Боже мой, она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева. Какъ бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедію зимой, покрайней-мѣрѣ постараюсь. Благодарю за подробное донесеніе, знаю, что долгъ платежемъ красенъ, но non erat his locus... Прощай Эсхилъ, обнимаю тебя, какъ поэта и друга...

19 Іюля.

36.

Л. С. Пушкину.

[21-го іюля 1822 г. Кишиневъ].

Ты на меня дуешься, милый; не хорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно; хоть на шести языкахъ; ни слова тебѣ не скажу—мнѣ безъ тебя скучно.—Что ты дѣлаешь? Въ службѣ-ли ты? Пора, ей Богу пора! Ты меня въ примѣръ не бери—если упустишь время, послѣ будешь тужить. Въ руской службѣ должно непремѣнно быть 26 лѣтъ полковникомъ если хочешь быть чемъ нибудь когда нибудь; слѣдственно, разочти; тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ. А я тебѣ говорю: служи—ученіе не пропадетъ. Конечно я не хочу, чтобъ ты былъ такой-же невѣжда, какъ В. П. Козловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе—вотъ лучшее ученіе.—Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ но все къ лучшему.—

Скажи мнѣ:—выросъ-ли ты? Я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ; скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? Что ты дѣлаешь, что ты пишешь? Если увидишь Катенина, увѣрь его ради Христа, что въ посланіи моемъ къ Чедаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази что онъ принялъ на себя стихъ. И сплетней разбирать игривую затѣю.

Я получилъ отъ него полу-кислое письмо онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ; не моя вина.—Пиши мнѣ новости литературныя; что мой Русланъ? Не продается? Не запретила-ли его Цензура? Дай знать. Если же Сленинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? А мнѣ въ нихъ нужда. Какого идетъ изданіе Бестужева? Читалъ-ли ты мои стихи, ему посланные? Что Плѣщикъ Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ П. Б. дѣла есть. Не знаю, буду-ли къ вамъ а постараюсь. Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался: быть нельзя; уничтожь это вранье. Что Жуковскій, и зачемъ онъ ко мнѣ не пишетъ. Бываешь-ли ты у Карамзина? Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы если можешь—и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго.—Что Вильгельмъ? Есть-ли объ немъ извѣстія?

Прощай.

Отду пишу въ деревню.

21 іюля.

Приписка О. С. Пушкиной. Ma bonne et chère amie je n'ai pas besoin de vos lettres pour me rassurer sur vôtre amitié mais elles me sont uniquement necessaires comme quelque chose qui vient de vous.—Je vous embrasse et je vous aime—amusez vous et mariez vous.

37.

Князю П. А. Вяземскому.

[1 сентября 1822 г. Кишиневъ].

Посуди самъ сколько обрадовали меня знакомыя каракулки твоего пера. Почти три года имѣю про тебя только невѣрныя извѣстія стороною—а здѣсь не слышу живаго слова Европейскаго. Извини меня если буду говорить съ тобою про Толстова. Мнѣніе твое мнѣ драгоцѣнно. Ты говоришь что стихи мои никуда не годятся. Знаю, но мое намѣреніе было не заводить остроумную литературную войну, но рѣзкой обидой отплатить за тайныя обиды человѣка съ которымъ разталкивался пріятелемъ и котораго съ жаромъ защищалъ всякой разъ какъ представлялся тому случай. Ему показа(лось) забавно сдѣлать изъ меня непріятеля и смѣшить на мой щетъ письмами чердакъ К. Шаховскова, я узналъ обо всемъ будучи уже сосланъ, и почитая мщеніе одной изъ первыхъ Христіанскихъ добродѣтелей—въ безсиліи своего бѣшенства закидалъ издали Толстова журнальной грязью. Уголовное обвиненіе, по твоимъ словамъ, выходитъ изъ предѣловъ поэзіи; я не согласенъ. Куда недосягаетъ мечь законовъ, туда

достаетъ бичь сатиры. Горацiанская Сатира, тонкая, легкая и веселая не устоитъ противъ угрюмой злости тяжелаго пасквиля. Самъ Вольтеръ это чувствовалъ.

Ты упрекаешь меня въ томъ что изъ Кишенева подъ эгидою ссылки, печатаю ругательства на человѣка живущаго въ Москвѣ, но тогда я не сомнѣвался въ своемъ возвращенiи. Намѣренiе мое было ѣхать въ Москву, гдѣ только и могу совершенно очиститься. Столь явное нападенiе на Гр. Толстова не есть малодушiе. Сказываютъ что онъ написалъ на меня что то ужасное. Журналисты должны были принять отзывъ человѣка обруганнаго въ ихъ журналѣ. Можно подумать что я съ ними за одно и это меня бѣситъ. Впрочемъ я ..... дѣло съ ..... на бумагѣ болѣе связываться не хочу. Я бы могъ оправдаться передъ тобой сильнѣе и яснѣе, но уважаю твои связи съ человѣкомъ, который такъ мало на тебя походитъ.

Каченовскiй представитель какого-то мнѣнiя! voilà des mots qui hurlent de se trouver ensemble. Мнѣ жаль что ты не въ полнѣ цѣнишь прелестный талантъ Баратынскаго. Онъ болѣе чемъ подражатель подражателей, онъ полонъ истинной элегической поэзiи. Шильонскаго Узника еще не читалъ. То что видѣлъ въ С. О. прелестно...

Онъ на столбѣ какъ вешнiй цвѣтъ
висѣлъ съ опущенной главой.

Ты меня слишкомъ огорчилъ, предположенiемъ что твоя живая поэзiя приказала долго жить. Если правда—жила довольно для славы мало для отчизны. Къ щастiю песовсѣмъ тебѣ вѣрю, но понимаю тебя. Лѣта клонятъ къ прозѣ и если ты къ ней привяжешься не па шутку то не льзя не поздравить Европейскую Россiю. Впрочемъ, чего тебѣ дожидаться? неужели тебя плѣняетъ ежемѣсячная слава Прадтовъ? предпрiими постоянный трудъ.... въ тишинѣ самовластiя образуй нашъ метафизической языкъ зародившiйся въ твоихъ письмахъ – а тамъ что Богъ щастъ. Люди которыя умѣютъ читать и писать скоро будутъ нужны въ Россiи, тогда надѣюсь съ тобою болѣе сблизиться. Покамѣсть обнимаю тебя отъ души.

П.

Посылаю тебѣ поэму въ мистическомъ родѣ—
сталъ придворнымъ—

38.

Л. С. Пушкину.

4-го сентября [1822 г. Кишиневъ].

На прошедшей почтѣ—<виноватъ: съ Долгорукимъ>—я писалъ къ Отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ. Вопервыхъ, о службѣ. Еслибъ ты пошелъ в военную—вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣнiе. Въ гвардiю тебѣ не за чемъ; служить 4 года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому-же тебѣ нужно чтобъ [о тебѣ немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой-нибудь полкъ корпуса Раевскаго—скоро былъ бы ты офицеромъ а потомъ тебя перевели бы въ Гвардiю—Раевской или Киселевъ—оба не откажутъ. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка: дѣло идетъ о жизни.—Теперь, моя радость, поговорю о себѣ.—Явись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому – и скажи ему чтобъ онъ ради Христа погодилъ продавать мои стихотворенья, до будущаго года.—Если же они проданы, явись съ той же прозьбой къ покупщику. Вѣтреность моя и вѣтреность моихъ товарищей надѣлала мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ розданы само по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить. Въ посланiи Къ Ов. перемѣни такимъ образомъ:

Ты самъ—дивись, Назонъ, дивись судьбѣ
превратной,
Ты, съ юныхъ дней презрѣвъ волненье жизни
ратной,
Привыкнувъ *и проч.*

Кстати объ стихахъ: то, что я читалъ изъ Ш. Узн., прелесть. Съ нетерпѣнiемъ ожидаю успѣха Орлеанской Ц.... Но актеры, актеры! 5-ти стопные стихи безъ рiемъ требуютъ совершенно новой декламацiи. Слышу отсюда драммо-торжественный ревъ Глухо-рева. Трагедiя будетъ сыграна[а] тономъ Смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена: Господь, защити и помилуй—Но боюсь—Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми отъ Жуковскаго билетъ для 1-го представленiя на мое имя. Читалъ стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецiю, великолѣпную, классическую, поэтическую Грецiю, Грецiю гдѣ все дышетъ миѳологiей и героизмомъ славянорускими стихами цѣликомъ взятыми изъ Iеремiя. Что бы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ? – Но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскiй? *Ода къ Ермолову* лучше, но стихъ: Такъ пѣлъ въ Суворова влюбленъ Державинъ... слишкомъ уже Греческiй.—Стихи къ Грибоѣдову достойны поэта нѣкогда написавшаго: «Страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устрашенный, толпами стремиться въ храмъ священный. Зри Боже! Число великiй, унылыхъ, тебя просящихъ сохранить имъ цѣль трудъ многимъ людямъ—принадлежащiй», и проч. Справься объ этихъ стихахъ у Б. Дельвига. Батюшковъ правъ, что сердиться на Плетнева; на ево мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости.—*Б. изъ Рима* не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ что Новость на Олимпѣ очень мила. Вообще, мнѣнiе мое что Плетневу приличнѣе проза нѣжели стихи — онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости—слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня <то-есть Плетневу, а не его слогу> и увѣрь его что онъ нашъ Гёте.

А. П.

Mon père a eu une idée lumineuse, c'est celle de m'envoyer des habits; rappelez-la lui de ma part.

Еще слово. Скажи Слёпкину, чтобъ онъ мнѣ прислалъ сукина Сына Отечества, 2-ю половину

года. Можетъ вычесть, что стоитъ, изъ своего долга.

Милый мой, у васъ пишутъ, что лучь денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго. Это не Хвостовъ написалъ—вотъ что меня огорчило. Что дѣлаетъ Дельвигъ? Чего онъ смотритъ?

39.

Я. Н. Толстому.

[26-го сентября 1822 г. Кишиневъ].

Милый Яковъ Николаевичь! Приступаю тотчасъ къ дѣлу. Предложеніе Князя Л— ва [Лобанова] льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій хотѣлъ сперва печатать мѣлкія свои сочиненія по подпискѣ и было роздано уже около 30 билетовъ, обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Все[воложско]му, а самому отступиться отъ изданія—Разумѣется что за розданные билеты долженъ я заплатить, и это первое условіе. Во вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній иныя должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье: въ послѣднія три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я все переслалъ Князю Александру, но Цензура, Цензура!.. итакъ, милый другъ, подождемъ еще два, три мѣсяца. Какъ знать,—можетъ быть, къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ. Покамѣстъ прими мои сердѣчныя благодаренья; ты одинъ изо всѣхъ моихъ товарищей, минутныхъ друзей минутной младости—вспомнилъ обо мнѣ. Кстати или не къ стати, два года и шесть мѣсяцовъ не имѣю отъ нихъ ни какого извѣстія, никто ни строчки, ни слова...

Горишь-ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣній и пировъ?
Кипишь-ли ты, златая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Все тѣ же-ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмѣлья
По прежнему ль лѣтятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньи скучномъ, каждый часъ
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ
Воображаю, вижу васъ:
Вотъ онъ, пріютъ гостепріимной,
Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ,
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство;
Гдѣ своенравный произволъ
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разсказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ и шутокъ, и вина,—
Я слышу вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ...
Налейте мнѣ вина кометы,
Желай мнѣ здравія, Колмыкъ!

Ты пишешь мнѣ о своихъ стихотвореніяхъ, а я, въ Безсарабской глуши, не получая ни журналовъ ни новыхъ книгъ—не зналъ объ изданіи книги, которая утѣшила бы меня въ моемъ уединеніи. Прости милой, до свиданія—и до посланія! Обними нашихъ.—Что Всеволожскія? что Мансуровъ? что Барковъ? что Сосницкія? что Хмѣльницкій? что Катенинъ? что Шаховской? что Ежова? что гр. Пушкинъ? что Семеновы? что Завадской? что весь Театръ?

40.

Н. И. Гнѣдичу.

[27-го сентября 1822 г. Кишиневъ].

Пріѣхали плѣнники—и сердечно васъ благодарю милый Николай Ивановичь. Перемѣны, требуемыя Цензурою послужили въ пользу моего; признаюсь что я думалъ увидѣть знаки роковыхъ ея когтей въ другихъ мѣстахъ и безпокоился напримѣръ, если бъ она перемѣнила стихъ. Простите, вольныя станицы, то мнѣ было бы жаль. Но, слава Богу! Горькой поцелуй прелесть; ей дней ей ей не благозвучнѣе ночей; упоительныхъ мечтаній: упоительныхъ; на домы дождь и градъ: на долы—вотъ единственныя ошибки замѣченныя мною.

Александръ Пушкинъ, мастерски литографированъ—но не знаю похожъ-ли; примѣчаніе издателей очень лестно—не знаю, справедливо-ли. Переводъ Жуковскаго est un tour de force. Злодѣй! Въ бореньяхъ съ трудностью сплачь необычайной! Должно быть Байрономъ чтобъ выразить съ столь страшной истинной первые признаки сумасшествія а Жуковскимъ чтобъ этого перевыразить. Мнѣ кажется что слогъ Жуковскаго въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужъ онъ не напишетъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ Элегій 1-й части Спящихъ Дѣвъ. Дай Богъ чтобъ онъ началъ создавать.

Князь Александръ Лобановъ предлагаетъ мнѣ напечатать мои мѣлочи въ Парижѣ. Спасите ради Христа; удержите его по крайнѣй мѣрѣ до моего пріѣзда—а я вынырну и явлюсь къ вамъ. Катенинъ ко мнѣ писалъ, незнаю получилъ-ли мой отвѣтъ. Какъ вашъ Петербургъ поглупѣлъ! а побывать тамъ бы нужно. Мнѣ брюхомъ хочется театра и кой-чего еще. Дельвигу и Баратынскому буду писать. Обнимаю васъ отъ души. А. Пушкинъ.

27 сент.
Кишиневъ.

Я писалъ къ брату чтобъ онъ Сленина упросилъ не печатать моего портрета—если на то нужно мое согласіе—то я несогласенъ.

Адресъ: Его Высокоблагородію
Милостивому Государю
Николаю Николаевичу [Ивановичу] Гнѣдичу.
Въ С.-Петербургъ.
Въ Императорской Библіотекѣ.

41.

Л. С. Пушкину.

[Сентябрь—октябрь 1822 г. Кишиневъ]

Vous êtes dans l'âge où l'on doit songer à la carrière que l'on doit parcourir; je vous ai dit les raisons pourquoi l'état militaire me paraît préférable à tous les autres. En tout cas votre conduite va décider pour longtems de votre reputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable: vous n'en rabattrez pas de beaucoup. Ne les jugez pas par votre cœur, que je crois noble et bon et qui de plus est encore jeune; méprisez les le plus poliment qu'il vous sera possible. C'est le moyen de se tenir en garde contre les petits préjugés et les petites passions, qui vont vous froisser à votre entrée dans le monde.

Soyez froid avec tout le monde; la familiarité nuit toujours; mais surtout gardez-vous de vous y abandonner avec vos supérieurs, quelques soient leurs avances. Ceux-ci vous dépassent bien vite et sont bien aise de vous avilir au moment où l'on s'y attend le moins.

Point de petits soins, défiez vous de la bienveillance dont vous pouvez être susceptible: les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujours charmés de juger des autres par eux-mêmes.

N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la pluspart des tous est une perfidie. Point de protection, car elle asservie et dégrade.

J'aurais voulu vous prémunir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'âge de ses plus douces illusions. Ce que j'ai à vous dire à l'égard des femmes serait parfaitement inutile. Je vous observerai seulement, que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajoux du 18 siècle. A l'égard de celle que vous aimerez je souhaite de tout mon cœur que vous l'ayez.

N'oubliez jamais l'offence volontaire; peu ou point de paroles et ne vengez jamais l'injure par l'injure.

Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permetteront pas de briller ne tâchez pas de pailler vos privations, affectez plutôt l'excès contraire: le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponeries de la vanité vous rendent ridicules et méprisables.

N'empruntez jamais, souffrez plûtôt la misère: croyez, qu'elle n'est pas aussi terrible qu'on se la peint et surtout que la certitude ou l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel. Ces principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse expérience. Puissiez-vous les adopter sans jamais y être contraint. Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra couter à ma vanité, mais ce n'est pas ce qui m'arreterait lorsqu'il s'agit de l'interêt de votre vie.

42.

Л. С. Пушкину.

[18-го октября 1822 г. Кишиневъ].

Еслибъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. Зачемъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнымъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами. —вся моя ссора съ Толстымъ произходитъ отъ нескромности К. Шаховскаго. Впрочемъ, посланіе Плетнева, можетъ быть, первая его піэса, которая вырвалась отъ полноты чувства; она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣчу ему. Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ-ли мой Пѣвникъ? *A-t-il produit du scandal*, пишетъ мнѣ Orlof,—*voila l'essentiel*. Надѣюсь что критики не оставятъ въ покоѣ характера Пѣвника; онъ для нихъ созданъ, душа моя: я журналовъ не получаю такъ потрудись, напиши мнѣ ихъ толки—не ради изправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.

Я карабкаюсь и, можетъ быть явлюсь у васъ. Но не прежде будущаго года быть мнѣ на мѣстѣ. Жуковскому я писалъ, онъ мнѣ не отвѣчаетъ; Министру я писалъ — онъ и въ усъ не дуетъ.— О други, Августу мольбы мои несите! Но Августъ смотритъ сентябремъ... Къ стати: получено-ли мое посланіе Къ Овидію? Будетъ-ли напѣчатано? Что Бестужевъ? Жду календаря его. Я бы тебѣ послалъ и новые стихи, да лѣнь.

Прощай, милый.
Окт. 18.

А. П.

Кишеневъ.

Другъ мой, попроси П. В. Сленина, чтобъ онъ за вычетомъ остальнаго долга, прислалъ мнѣ 2 экз. *Людмилы*, 2 экз. *Пѣвника*, одинъ *Шильонскаго узника*, книгу Греча—и Цертелева древнія стихотворенія.—Поклонись ему отъ меня.

43.

П. А. Плетневу.

Черновое.

[Октябрь-ноябрь 1822 г. Кишиневъ].

Я долго неотвѣчалъ тебѣ, мой милый Плетневъ; < хотѣлъ > собирался отвѣчать < тебѣ > стихами, достойными твоихъ по отложилъ попеченія, положеніе твое противъ меня слишкомъ выгодно и ты слишкомъ хорошо умѣючи имъ воспользовался. — Если первый стихъ твоего посланія написанъ также отъ души какъ и всѣ прочія, то я не разкаиваюсь въ минутной моей несправедливости — она доставила < прекрасный подарокъ > неожиданное украшеніе словесности.—Если < нѣтъ > же ты на меня сердитъ, то стихи твои какъ они ни < прекрасны > прелестны, никогда не утѣшутъ

меня.—Ты конечно бъ извинилъ мои легкомысленныя строки еслибъ зналъ какъ часто бываю подверженъ такъ-называемой хандрѣ (о которой мудрено). Въ эти минуты я золъ на цѣлый свѣтъ и никакая поэзія не шевелитъ моего сердца. Не подумай однако что (бы. въ. я не умѣлъ не) не умѣю, цѣнить (твоего) неоспоримаго твоего дарованія (я дорожу твоимъ мнѣніемъ и не хочу... я не совсѣмъ лишенъ...). Чувство изящнаго не (совершенно) совсѣмъ во мнѣ притупилось (я не хочу прости... и дорожу), и когда я въ совершенной памяти, твоя (чистая) гармонія, поэтическая точность, благородство выраженіи стройность чистота въ отдѣлкѣ стиховъ плѣняютъ меня, какъ поэзія моихъ (любимыхъ моихъ поэтовъ) любимцевъ.

По письмамъ моего брата вижу, что онъ съ тобою друженъ: завидую ему и тебѣ (и отъ на... и надѣюсь современемъ). Sine ira милый пѣвецъ по рукамъ и до свиданія—

(Извини мое чистосердечіе, я) не вполнѣ подтверждаю то, что (сказалъ) писалъ о твоей Прозѣ, по признаюсь—это стихот. не достойно ни тебя, ни Бат. (Иные) многіе приняли его за сочиненіе послѣдн. Однако (что это такая ошибка—тебѣ похвала и...) что съ (обыкновеннымъ) посредственнымъ писателемъ этого не случится; по Бат. (вѣроятно сердится) не будучи доволенъ (имъ) тв. элег. (вѣроятно) разсердился на тебя за ошибку другихъ—а я разсердился послѣ Бат.

Извини мое чистосердечіе но оно залогъ моего къ тебѣ уваженія. [Прости.] Sine ira и проч. по и. Брата.

44.

Неизвѣстной.

Черновое.

[1822 г. Кишиневъ].

(Ce n'est pas pour vous braver que je vous ecris (puisque) j'ai (la bêtise) et la faiblesse [et la ridicule)de vous avouer (ma) une passion ridicule et je veux m'en expliquer franchement—). Ne feignez rien (c'et) ce seroit indigne de vous (et de plus c'est parfaitement inutile)—la coquetterie (qui vous .... tant) seroit une (cruelle) cruauté (très) (froidement votre) colère frivole et surtout bien inutile—, je n'y croirai pas plus—en quoi puis je vous offenser; je vous aime avec tant d'élan de tendresse si peu de frivol — (si votre orgueil est blessé) votre orgueil même ne peut en être blessé (vous avez.... m'aviez deviné .... content. que saviez ma haute. contre vous).

Si j'avois des espérances cela ne seroit pas la veille de votre depart que j'aurai (decidé) pour (vous) me déclarer. Attribuez mon aveu (à mon émotion qui—) qu'à une exhaltation (à un trouble) dont je n'étois plus le maître qui alloit jusqu'à la défaillance (et l'imbécillité. je ne veux rien) je ne demande rien, je ne sais moi-même ce que je veux—cependant je vous...

45.

Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ декабря 1822 г.—начало января 1823].

[Кишиневъ].

Благодарю тебя за письмо а не за стихи: мнѣ въ нихъ не было нужды—Первый спѣгъ я читалъ еще въ 20 году и знаю наизусть. Не написалъ ли ты чего новаго? пришли, ради Бога а то Плетневъ и Рылѣевъ отучать меня отъ поэзіи. Сдѣлай милость напиши мнѣ обстоятельнѣе о тяжбѣ своей съ Цензурою. Это касается всей православной кучки.—Твое предложеніе собраться намъ всѣмъ и жаловаться на Бируковыхъ можетъ имѣть худыя послѣдствія. На основаніи военнаго устава, если болѣе двухъ офицеровъ въ одно время подаютъ рапортъ, таковой поступокъ принемлется за бунтъ— Не знаю подвержены-ли писатели военному суду по общая жалоба съ нашей стороны можетъ навлечь на насъ ужасныя подозрѣнія и причинить большія безпокойства — — — Соединиться тайно— но явно дѣйствовать въ одиночку, кажется, вѣрнѣе. Въ такомъ случаѣ должно смотрѣть на поэзію, съ позволенія сказать, какъ на ремесло. Руссо не впервой совралъ, когда утверждаетъ que c'est le plus vil des métiers. Pas plus vil qu'un autre. Аристократическія предубѣжденія пристали тебѣ но не мнѣ—на кончепную свою поэму, я смотрю какъ сапожникъ на пару своихъ сопогъ: продаю съ барышомъ. Цѣховой старшина находитъ мои ботфорты не по формѣ, обрѣзываетъ, портитъ товаръ; я въ накладѣ; иду жаловаться частному приставу; все это въ порядкѣ вещей. Думаю скоро связаться съ Бируковымъ и стану доѣзжать его въ этомъ смыслѣ—по за 2000 верстъ мудрено щелкать его по носу. Я барахтаюсь въ грязи молдавской, чортъ знаетъ когда выкарабкаюсь. Ты барахтайся въ грязи отечественной и думай:

Отечества и грязь сладка намъ и пріятна.

Св.

Вотъ тебѣ нѣсколько пакостей:

Христосъ воскресъ.

Христосъ воскресъ, моя Реввека!
Сегодня слѣдуя душой
Закону Бога-человѣка,
Съ тобой цалуюсь, Ангелъ мой.
А завтра къ вѣрѣ Моисея
За поцалуй я не робѣя
Готовъ Еврейка приступить—
И даже то тебѣ вручить,
Чемъ можно вѣрнаго Еврея
Отъ православныхъ отличить.

*

Эпиграмма.

Клеветникъ безъ дарованья
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ
А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

*

Лѣчись—илъ быть тебѣ Панглосомъ
Ты жертва вредной красоты—
И то то, братецъ, будешь съ носомъ
Когда безъ носа будешь ты—

*

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ,
Другой за деньги—понимаю,
Другой за то что былъ французъ
Клеонъ—умомъ ее стращая
Дампсъ—за то что пѣжно пѣль—
Скажи теперь, мой другъ Аглая,
За что̀ твой мужъ тебя имѣлъ?

*

Оставя честь судьбѣ на произволъ,
***, живая жертва фурій,
Отъ малыхъ лѣтъ любила чуждый полъ.
И вдругъ бѣда! казнитъ ее меркурій,
Разкаиться приходитъ ей пора,
Она лежитъ, глазъ пухнетъ по немногу,
Вдругъ лопнулъ онъ; что-жъ к...а?—
«Слава Богу!»
«Все къ лучшему: вотъ новая дыра[1]»

*

Этихъ двухъ не показывай никому—ни Денису Давыдову.

1823.

46.

Л. С. Пушкину.

[Начало января 1823 г. Кишиневъ].

Душа моя, какъ перевести по Руски *revues?* Должно бы издавать у насъ журналъ *Revue des Revues;* мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полудневную дениицу Рылѣева, его-же Гербъ Россійской на вратахъ Византійскихъ <во время Олега Герба рускаго не было, а двуглавый орелъ есть Гербъ византійской и значитъ раздѣленіе имперіи на Зап. и Вост.—у насъ же онъ ничего не значитъ>. Повѣришь-ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ *revues?* Поговори объ этомъ съ нашими да похлопочи о книгахъ. Ты ко мнѣ совсѣмъ не пишешь, да и всѣ вы что-то примолкли. Скажи ради Христа Ж., чтобъ онъ продиктовалъ Якову строчки три на мое имя.—Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ, онъ изъ ума шутитъ. Дельвигу поклонъ, Баратынскому также. Этотъ ничего не печатаетъ, а я читать разучусь. — Видишь-ли ты Тургенева и Карамзина?

Чемъ тебя поподчивать?

Вотъ стихи Ѳ. Глинкѣ:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ;
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный Гражданинъ!
Пускай Судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь,—
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ;
Онѣ ничтожны—если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!

Я послалъ было ихъ черезъ тебя, но ты письма моего не получилъ; покажи ихъ Глинкѣ, обними его за меня и скажи ему, что онъ все-таки почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра.

Адресъ: Брату.

47.

Графу К. В. Нессельроде.

[13-го января 1823 г. Кишиневъ].

Monsieur le Comte,

Attaché par ordre de Sa Majesté auprès de Monsieur le Général-gouverneur de la Bessarabie, je ne puis sans une permission éxpresse venir à Pétersbourg, ou m'appellent les affaires d'une famille que je n'ai pas vue depuis trois ans. Je prends la liberté de m'adresser à Votre Excellence pour la supplier de m'accorder un semestre de deux ou trois mois.

J'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond et la considération la plus haute, Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obeissant serviteur Alexandre Pouchkine.

13 janvier 1823. Kichenef.

48.

Л. С. Пушкину.

30-го января [1823 г. Кишиневъ].

Благоразумный Левинька!

Благодарю за письмо—жалѣю, что прочія не дошли.—Пишу тебѣ, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами,—И все то благо, все добро.

Пиши мнѣ о Дидло, объ Черкешенки Истоминой, за которой я когда-то волочился, подобно Кавказскому Пѣвнику.—Бестужевъ прислалъ мнѣ Звѣзду—эта книга достойна всякаго вниманія; жалѣю, что Баратынскій поскупился—я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? Душа моя, и Руслань и Пѣвникъ и Noël и все дрянь въ сравненіи съ ними.—Ради Бога, люби двѣ звѣздочки, онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Рылѣеву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. *Мечта воина* привела въ задумчивость воина, что служитъ въ иностранной Коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской Канцеляріи.—Эта Мечта напечатана съ ошибочнаго списка: призванье вмѣсто взыванье; *тревожныхъ думъ*

слово, употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, но которое по-русски ничего не значитъ; Воспоминаніе и брата, и друзей—стихъ трогательный, а въ *Звѣздѣ* просто плоскій. Но все это не бѣда; были бы деньги.—Я радъ, что Глинкѣ полюбились мои стихи—это была моя цѣль. Въ отношеньи его я не Ѳемистоклъ: мы съ нимъ пріятели, и еще не ссорились за мальчика. Гнѣдичъ у меня перебиваетъ лавочку:

Увы напрасно ждалъ тебя женихъ печальный

и проч.—непростительно прелестно. Зналъ бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на Парнасса[ѣ].—Дельвигъ, Дельвигъ! Пиши ко мнѣ, и прозой, и стихами; благословляю и поздравляю тебя—добился ты наконецъ до точности языка—единственной вещи, которой у тебя недоставало. En avant, marche.

Пріѣхалъ-ли Царь? Впрочемъ, это я узнаю прежде, чѣмъ ты мнѣ отвѣтишь. Ты собираешься въ Москву тамъ увидишь ты моихъ друзей,—напомни имъ обо мнѣ; также и родиѣ моей, которая впрочемъ мало заботиться о судьбѣ племянника, находящагося въ *Опалѣ*: можетъ быть они правы, да и я не виноватъ...

Прощай, душа моя! Если увидимся, то-то зацалую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что Кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ. А гдѣ Кюхельбекеръ?

Ты мнѣ пишешь объ NN: en voilà assez. Assez, такъ assez; а я все при своемъ мнѣніи.

Ты не приказываешь жаловаться на погоду—въ Августѣ мѣсяцѣ.—Такъ и быть,—а вѣдь непріятно сидѣть въ заперти, когда гулять хочется. Прощай, еще разъ.

30 янв.

49.

В. П. Горчакову.

[Конецъ января 1823 г. Кишиневъ].

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь,
Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ нибудь,
Сижу я дома, какъ бездѣльникъ;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ,
Что скажетъ нашъ Варѳоломей.

50.

Князю П. А. Вяземскому.

[6 февраля 1823 г. Кишиневъ].

Какъ тебѣ не стыдно не прислать своего адреса; я бы давно тебѣ написалъ. Благодарю тебя, милый Вяземскій! пусть утѣшитъ тебя Богъ за то что ты меня утѣшилъ. Ты не можешь себѣ представить какъ пріятно читать о себѣ сужденіе умнаго человѣка—До сихъ поръ читая рецензіи Воейкова, Качеповскаго и проч.—мнѣ казалось что подслушиваю у калитки литературные толки пріятельницъ Варюшки и Буянова. Все что ты говоришь о Романтической поэзіи прелестно, ты хорошо сдѣлалъ что первый возвысилъ за нее голосъ—Французская болѣзнь умертвила бъ нашу отроческую словесность. У насъ нѣтъ театра, опыты Озерова ознаменованы поэтическимъ слогомъ—и то не точнымъ и заржавымъ; впрочемъ гдѣ онъ не слѣдовалъ жеманнымъ правиламъ фр. театра? знаю за что полагаешь его поэтомъ романтическимъ: за мечтательный монологъ Фингала—нѣтъ! пѣснямъ никогда надгробнымъ я не внемлю; но вся трагедія написана по всѣмъ правиламъ парнасскаго православія; а романтическій трагикъ принимаетъ за правило одно вдохновеніе—признайся: все это одно упрямство. Благодарю за щелчокъ цензурѣ, но она и не этаго стоитъ, стыдно что благороднѣйшій классъ народа, классъ мыслящій какъ бы то ни было, подверженъ самовольной расправѣ трусливаго дурака—мы смѣемся, а кажется лучше бы дѣльно приняться за Бируковыхъ; пора дать вѣсъ своему мнѣнію и заставить правительство уважать нашимъ (мнѣніемъ) голосомъ—презрѣніе къ Рускимъ писателямъ нестерпимо; подумай объ этомъ на досугѣ, да соединимся—дайте намъ цензуру строгую, согласенъ, но не безсмысленную—Читалъ-ли ты мое посланіе Бирукову? если нѣтъ, вытребуй его отъ брата или отъ Гнѣдича; читалъ я твои стихи въ П. Звѣздѣ; всѣ прелесть—да ради Христа, прозу-то не забывай; ты да Карамзинъ одни владѣютъ ею—Глинка владѣетъ языкомъ чувствъ... это что такое! Бестужева статья объ нашей братьи ужасно молода - но у насъ все елико печатано имѣетъ дѣйствіе на святую Русь: за то не должно бы ничемъ пренебрегать, и должно печатать благонамѣренныя замѣчанія на всякую статью—политическую, литературную—гдѣ только есть немножко смысла—кому какъ не тебѣ взять на себя скучную но полезную должность надзирателя нашихъ писателей—Стихи мои ищутъ тебя по всей Россіи—я ждалъ тебя осѣнью въ Одессу, и къ тебѣ бы пріѣхалъ,—да мнѣ все идетъ на перекоръ. Не знаю нынѣшній годъ увижусь-ли съ тобою. Пиши мнѣ покамѣсть, если по почтѣ такъ осторожнѣе, а показіи что хочешь да нельзя ли твоихъ стиховъ? мочи нѣтъ хочется: Дядя прислалъ мнѣ свои стихотворенія—я было хотѣлъ написать объ нихъ, кое что, болѣе для того чтобъ ущипнуть Дмитріева, нѣжели чтобъ порадовать нашего старосту, да не возможно: онъ такъ глупъ, что языкъ не повернется похвалить его и не сравнивая съ эксъ-министромъ Дорatомъ. Видишь ли ты иногда Чедаева? онъ вымылъ мнѣ голову за плѣшника онъ находитъ что онъ недовольно blasé; Чедаевъ по пещастію знатокъ по этой части; оживи его прекрасную душу, поэтъ! ты вѣрно его любишь—я не могу представить себѣ его иным что прежде—Еще слово объ Кавк. Плѣ. ты говоришь, душа моя, что онъ сукинъ сынъ за то что не горюетъ о Черкешенки—но что говорить ему—все понялъ онъ выражаетъ все; мысль объ ней должна была овладѣть его душою и соединиться со всѣми его мыслями—это разумѣется, иначе быть не льзя; не надобно все высказывать—это

есть тайна занимательности. Другимъ досадно, что Пл Ѣн. не кинулся въ рѢку вытаскивать мою Черкешенку—да, сунься-ка; я плавалъ въ кавказкихъ рѣкахъ,—тутъ утонешь самъ, а ни чорта не сыщешь; мой плѢнникъ умный человѢкъ, разсудительный, онъ не влюбленъ въ Черкешенку—онъ правъ, что не утопился—прощай, моя радость—

Пушкинъ.

6 февр.
1823.

У насъ послѢ завтра балъ—приѢзжай потанцовать Полторацкіе зовутъ.

Щастіе сѹпружеское.

Дома сидя и безъ дѢла
Буду нѢжно говорить
Ахъ мой другъ! какъ ты .....!
Прикажите покурить.

Вотъ модные стихи въ КишеневѢ—не мои Полторацкаго—въ честь будущей моей женитьбы.

51.

Князю П. А. Вяземскому.

[5-го апрѣля 1823 г. Кишиневъ].

Мои надежды не сбылись: мнѢ нынѢшній годъ не льзя будетъ приѢхать ни въ Москву, ни въ Петербургъ—Если лѣтомъ ты поѢдешь въ Одессу, не завернешь-ли по дорогѢ въ Кишеневъ? я познакомлю тебя съ Героями Скулянъ и Секу, сподвижниками Іордаки, и съ гречанкою, которая цаловалось съ Байрономъ.

Правда ли что говорятъ о КатенинѢ? мнѢ никто ничего не пишетъ—Москва Петербургъ и Арзамасъ совершенно забыли меня—

Охотниковъ приѢхалъ? привезъ-ли тебѢ письма и прочее?

Говорятъ что Чедаевъ Ѣдетъ за границу—давно бы такъ; по мнѢ его жаль изъ эгоизма—любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать—теперь Богъ знаетъ, когда свидимся—

Важный вопросъ и сдѢлай милость: отвѢчай: гдѢ Марія Ивановна Корсакова, что́ живетъ или жила противъ какого монастыря (Страстнаго, что-ли) жива-ли она, гдѢ она, если умерла, чего боже упаси, то гдѢ ея дочери замужемъ-ли и за кѢмъ, дѢвствуютъ-ли или вдовствуютъ и проч. МнѢ до нихъ дѢла нѢтъ, но я обѢщался обо всемъ узнать подробно.

Къ стати, не знаешь-ли минуло-ли 15 лѢтъ Генералу Орл.? или нѢтъ еще?

5 апрѣля.

Стиховъ, ради бога, стиховъ да свѢженькихъ—

Адресъ: Его Сіятельству
Князю Петру Андреевичу Вяземскому.
Въ МосквѢ въ Чернышевскомъ переулкѢ, въ собств. домѢ.

52.

А. А. Бестужеву.

[13-го іюня 1823 г. Кишиневъ].

Милый Бестужевъ, позволь мнѢ первому перешагнуть черезъ приличія и сердечно поблагодарить т е б я за Пол. Звѣз., за твои письма, за статью о литературѢ, за Ольгу и особенно за вечеръ на бивакѢ.—Все это ознаменовано твоей печатью т. е. умомъ и чудесной живостью. О в з г л я дѢ можно бы намъ поспорить на досугѢ, признаюсь что ни съ кѢмъ мнѢ такъ не хочется спорить какъ съ тобою, да съ Вяземскимъ—вы одни можете разгорячить меня. ПокамѢсть жалуюсь тебѢ объ одномъ: какъ можно въ статьѢ о Рускоій словестности забыть Радищева? кого-же мы будемъ помнить? это умолчаніе не простительно ни тебѢ, ни Гречу—а отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: за чемъ хвалить холоднаго однообразнаго Осипова, а обижать Майкова. Елисей истинно смѢшонъ. Ничего не знаю забавнѢе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѢ исподняя одежда,
Что и тебѢ спастись худа была надежда!

А любовница Елисея которая сожигаетъ его штаны въ печи,

Когда для пироговъ она у ней топилась
И тѢмъ подобною ДидонѢ учинилась.

А разговоръ Зевеса съ Меркуріемъ, а Герой, который упалъ въ песокъ

И весь сѢдалища въ немъ образъ напечаталъ.
И сказывали тѢ, что ходятъ въ тотъ кабакъ
Что видѢнъ и подпесь въ пескѢ сей самыій знакъ

все это уморительно. ТебѢ кажется болѢе нравится благовѢщеніе, однако жъ Елисей смѢшнѢе слѢдств. полезнѢе для здоровья.

Въ разсужденіи 1824 года, постараюсь прислать тебѢ свои бессарабскія бредни; но не льзя-ли вновь осадить Цензуру, и со втораго приступа, овладѢть моей Анѳологіей? Разбойниковъ я сжегъ—и по дѢломъ. Одинъ отрывокъ уцѢлѢлъ въ рукахъ Николая Раевскаго; если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ—не испугаютъ нѢжныхъ ушей читательницъ Пол. Зв. то напечатай его. Впрочемъ чего бояться читательницъ? ихъ нѢтъ и не будетъ на Рускоій землѢ, да и жалѢть не о чемъ.

Я увѢренъ что тѢ которыя приписываютъ новую сатиру Арк. РодзянкѢ, ошибаются. Онъ человѢкъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать времена слова и дѢла. Донось на человѢка сосланнаго есть послѢдняя степень бѢшенства и подлости, да и стихи сами по себѢ, не достойны пѢвца сократической любви.

Дельвигъ мнѢ съ годъ уже ничего не пишетъ. Попеняйте ему и обнимите его за меня; онъ васъ т. е. тебя обнимаетъ за меня—прощай, до свиданья. А. П.

13 іюня.

Черновое.

Милый Бест. Позволь мнѣ первому перешагнуть черезъ приличія и сердечно поблагодарить г е б я за Пол. Звѣзду, за твои письма, за ст. о Сл., за Ольгу и особенно за вечеръ на бивакѣ - все это ознаменовано твоей печатью, т. е. умомъ и живостью. О <второй другой> Взглядѣ можно бы <потолковать> поспорить на досугѣ — Признаюсь что ни съ кѣмъ мнѣ <больше спорить> такъ не хочется спорить, какъ съ тобою <потому хотя> ты одинъ можешь разгорячить меня — Покамѣсть жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ о рус. сл. забыть Радищева—кого жъ намъ помнить какъ не его — <онъ до. какъ и Гречъ ... это?>? Это простительно Гречу (умной головѣ), но не тебѣ. Еще слово: за чемъ хвалить холодпаго, однообразпаго Осипова, и <слишкомъ> бранить Майкова? <Мнѣ очень> Его Елисей истинно смѣшонъ—ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мною и о тебѣ исподняя одежда,
Что .....

(А крестьяне, которые бьютъ .....

А любовница Елисея, которая сожигаетъ его штаны въ печи,

Когда для .....
И .....

А герой <на>, который упалъ въ песокъ

И ве.....
И .....

Все это уморительно. <Вамъ> Тебѣ кажется больше нравится благовѣщеніе и мнѣ также но Елисей смѣшнѣе слѣдственно полезнѣе для здоровья.

Въ разсужденіи 1824 года <я> постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни — но нельзя ли <вторымъ приступить> вновь осадить Цензуру и овладѣть моими <подра.> анѳологическими стихами. Разбойниковъ я сжегъ—Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ Ник. Раевск. Если отечест. слова харчевня, кнутъ, острогъ не испугаютъ нѣжныхъ ушей <любезныхъ> читательницъ Пол. Звѣ., то напечатайте ее — Впрочемъ чего бояться читательницъ?

Ихъ пѣтъ и не бу.....

да и жалѣть не о чемъ.

Дельвигъ мнѣ съ годъ [какъ?] ничего не пишетъ Попеняйте ему.

53.

А. А. Шишкову.

[Іюль—декабрь 1823 г. Одесса].

Съ ума ты сошелъ, милый Шишковъ; ты мнѣ писалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Милостивый Государь, лестное ваше знакомство, честь имѣю, покорнѣйшій слуга .... такъ что я и не узналъ моего Царско-сельскаго товарища—Естьли заблагоразсудишь писать ко мнѣ впередъ прошу тебя быть со мною на старой ногѣ. Не то мнѣ будетъ грустно. До сихъ поръ жалѣю, душа моя, что мы не столкнулись съ тобою на Кавказѣ; могли бы мы и стариной тряхнуть, и поповѣсничить и въ язычки постучать. Впрочемъ судьба наша, кажется, одинакова и родились мы видно подъ единымъ созвѣздіемъ. Пишетъ ли къ тебѣ общій нашъ пріятель Кюхельбекеръ? Онъ на меня надулся, Богъ вѣсть почему. Помири насъ.—Что стихи? куда зарылъ ты свой золотой талантъ? подъ снѣга-ль Эльбруса, подъ Тифлискими-ли виноградниками? Есть ли есть у тебя что нибудь, пришли мнѣ—право сердцу хочется.

Обнимаю тебя — письмо мое безтолково, да нѣкогда мнѣ быть толковѣе. А. П.

Недавно узналъ я что ты знакомецъ и родственникъ почтенному нашему Александру Ивановичу. Онъ доставляетъ мнѣ случай сшестись съ тобою, а самъ заваленъ бумагами и дѣлами любить тебя есть ему время—а писать къ тебѣ—наврядъ.

54.

Князю П. А. Вяземскому.

[19-го августа 1823 г. Одесса].

Мнѣ скучно, милый Асмодей, я боленъ, писать хочется—да самъ не свой—Мнѣ до тебя дѣло есть: Гнѣдичъ хочетъ купить у меня Второе изданіе Русл. и К. Плѣ—, но timeo danaos, т. е. боюсь чтобъ онъ со мной не поступилъ какъ прежде—Я обѣщалъ ему предисловіе—но отъ прозы меня тошнитъ—Перепишись съ нимъ—возьми на себя это 2 изданіе и освяти его своею прозой единственною въ нашемъ прозаическомъ Отечествѣ—Не хвали меня, но побрани Русь и рускую публику — стань за Нѣмцовъ и Англичанъ—уничтожь этихъ Маркизовъ классической Поэзіи— —Еще одна просьба: есть-ли возможность за изданіе—не лукавь со мною, возьми съ меня что оно будетъ стоить—не дари меня—я для того только до сихъ поръ и не хотѣлъ имѣть съ тобою дѣла, милый мой Аристократъ—Отвѣчай мнѣ по extra-почтѣ!

Я Брату долженъ письмо—Что онъ за человѣкъ? говорятъ что онъ славный малой и Московскій франтъ—правда-ли.

Прощай, моя прелесть—впередъ буду писать тебѣ толковѣе. А Орловъ?

19. авг,

Адресъ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому

55.

Л. С. Пушкину.

[25-го августа 1823 г. Одесса].

Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ, я насилу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу—я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. — Ресторація и Италіанская Опера напомнили мнѣ старину и ей богу обновили мнѣ душу.—Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляютъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ.—Кажется и хорошо — да новая печаль мнѣ сжала грудь— Мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей. — Пріѣхалъ въ Кишеневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ непзъяснимо элегически—и выѣхавъ оттуда навсегда, о Кишиневѣ я вздохнулъ. Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ Европейскому образу жизни; впрочемъ, я нигдѣ не бываю – кромѣ въ Театрѣ. Здѣсь Туманскій. Онъ добрый малой, да иногда вретъ—напр. онъ пишетъ въ ПБ. письмо, гдѣ говоритъ между прочимъ обо мнѣ: Пушкинъ открылъ мнѣ немедленно свое сердце и porte-feuille, любовь и пр.... Фраза, достойная В. Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ Бахчисарайскаго фонтана <новой моей поэмы>, сказавъ что я не желалъ бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру.—Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы— помогите!—Здѣсь еще Рачъ. Знаешь-ли ты его? Будетъ Родзянка-предатель—жду его съ нетерпѣніемъ. Пиши же мнѣ въ Одессу, да поговоримъ о дѣлѣ.

Изъясни отцу моему что я безъ его денегъ жить не могу. Жить иромъ мнѣ невозможно при нынѣшней Цензурѣ; ремеслу-же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти; хоть я знаю Законъ божій и 4 первыя правила по служу, и не по своей винѣ, - и въ отставку идти не возможно. Все и всѣ меня обманываютъ,—на кого-же кажется, надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ? На хлѣбахъ у Воронцова я не стану жить—не хочу и полно—крайность можетъ довести до крайности. — Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію—хоть письмы его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ Н.Б.: когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы я бралъ извощика отъ Аничкова моста, онъ вѣчно бранился за 80 коп. <которыхъ вѣрно бъ ни ты, ни я не пожалѣли для слуги>. Прощай душа моя. У меня хандра, и это письмо не развеселило меня.

Одесса. 25 Авг.

Такъ и быть я Вяземскому пришлю *Фонтанъ*, выпустивъ любовный бредъ,—а жаль!

56.

Князю П. А. Вяземскому.

[14-го октября 1823 г. Одесса.].

По твоему совѣту, милый Асмодей, я далъ знать Гнѣдичу что поручаю тебѣ изданіе Русл и Плѣн. слѣдственно дѣло сдѣлано. Не помню просилъ-ли я тебя о вступленіи, предисловіи и т. под., но сердечно благодарю тебя за обѣщаніе. Твоя проза обезпечитъ судьбу моихъ стиховъ. О какихъ перемѣнахъ говорилъ тебѣ Рачъ? я никогда не могъ поправить разъ мною написанное Въ Русланѣ должно только прибавить эпилогъ и нѣсколько стиховъ къ 6-той пѣснѣ, слишкомъ поздно доставленные мною Жуковскому. Руслань напечатанъ исправно, ошибокъ нѣтъ кромѣ свѣжій сонъ въ самомъ концѣ. Не помню какъ было въ рукописи, но свѣжій сонъ тутъ смысла не имѣетъ. К. Плѣнникъ иное дѣло.

Остановлялъ онъ долго взоръ—

должно: вперялъ онъ неподвижный взоръ. Живи— *и путникъ* оживаетъ—Живи—и плѣнникъ оживаетъ. Пещеры темная прохлада—влажная. И вдругъ на домы дождь и градъ—долы. Въ чужой аулъ цѣною злата—За много злата, (впрочемъ какъ хочешь).—

Не много радостныхъ ей дней
Судьба на долю низпослала.

Зарѣзала меня Цензура! Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать ей дней въ концѣ стиха. Ночей, ночей, ради Христа, ночей Судьба на долю ей послала. То ли дѣло: ночей, ибо днемъ она съ нимъ не видалась—смотри поэму. И чемъ-же ночь неблагопристойнѣе дня? которые изъ 24 часовъ имянно противны духу нашей Цензуры? Вирукковъ добрый малой, уговори его или я слягу.

На смертномъ полѣ мой бивакъ

У меня прежде было: У стѣнъ Парижа. Не лучше ли какъ думаешь? вѣрилъ я надеждѣ И уповательнымъ мечтамъ. Это что? Упоительнымъ мечтамъ. Твоя отъ твоихъ: помнишь свое прелестное посланіе Давыдову? Да вотъ еще два замѣчанія, въ родѣ Анти-критики. 1) Подъ влажной буркой. Бурка не промокаетъ и влажна только сверху, слѣдственно, можно спать подъ нею, когда нѣчемъ инымъ накрыться— а сушить нѣтъ надобности. 2) На берегу завѣтныхъ водъ. Кубань граница. На ней карантинъ и строго запрещается казакамъ переѣзжать об'он'полъ. Изъясни это потолковѣе забавникамъ Вѣс. Евр.—Теперь замѣчаніе типографическое: Все понялъ онъ... Нѣсколько точекъ, въ родѣ Шаликова и — à la ligne. Прощальнымъ взоромъ и пр.

Теперь я согласенъ въ томъ что это мѣсто писано слишкомъ въ обрѣзъ, да силы нѣтъ ни поправить, ни прибавить. Sur ce — обнимаю тебя съ надеждою и благодарностію.

Письмо твое я получилъ черезъ Фурнье, и отвѣчалъ по почтѣ. Дружба твоя съ Шаховскимъ радуетъ миролюбивую мою душу. Онъ право добрый малой, изрядный Авторъ и отличный сво-

пикъ. Вотъ тебѣ новость въ томъ-же родѣ. Здѣсь Стурдза монархической; я съ нимъ не только пріятель, но кой о чемъ и мыслимъ одинаково не лукавя другъ передъ другомъ. Читалъ-ли ты его послѣднюю brochure о Греціи? Гр. Ланжеронъ увѣряетъ меня, qu'il y a trop de bon Dieu. Здѣсь Сѣверинъ, но я съ нимъ поссорился и не кланяюсь. Вигель здѣсь былъ, и поѣхалъ въ Содомъ-Кишеневъ, гдѣ думаю, будетъ Вицъ-Губернаторомъ. У насъ скучно и холодно. Я мерзну подъ небомъ полуденнымъ.

А. П.

14 окт.
Од.

Замѣчанія твои на щетъ моихъ разбойниковъ несправедливы; какъ сюжетъ c'est un tour de force, это не похвала, напротивъ; но какъ слогъ я ничего лучше не написалъ. Бахчи-сарайской фонтанъ, между нами, дрянь, но эпиграфъ его прелесть. Къ стати объ эпиграфахъ—знаешь-ли эпиграфъ К. Пл̃.?

Подъ бурей рока твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкой листъ.—

Понимаешь почему не оставилъ его. Но за твои 4 стиха я бы отдалъ 3 четверти своей поэмы. Addio—

Черновое.

..... какъ сюжетъ c'est un tour de force <это не похвально, напротивъ> но какъ слогъ—я ничего лучше не написалъ—<кромѣ посл. къ Ов.>—Бахч. Фон. дрянь (но эпиграфъ его прелс)—не говори это однако никому я скоро пришлю тебѣ соч.—эпигра съ.....—Къ стати (объ) знаешь-ли эпиграфъ (.....) м. К. П. подъ бурей рока, т—понимаешь почему не оставилъ его—(къ тому) но за эти четыре стиха (лучше) я бы отдалъ 3 чет. своей поэмы—addio.

57.

А. Н. Раевскому (?).

Черновое.

[Вторая половина октября 1823 г. Одесса].

Je réponds à votre P. S., comme à ce qui (vous) intéresse surtout votre vanité. Comme Lara Hansky, assis sur mon canapé, j'ai décide de ne plus me mêler de cette affaire-là: 1) M. S. n'est pas encore de retour à Odessa, je n'ai donc pas encore pu faire usage de votre lettre; en 2 lieu, comme ma passion a baissé de beaucoup, et qu'en attendant je suis amoureux ailleurs, j'ai réfléchi; c'est-à-dire, que je ne montrerai pas votre (lettre) épître à M.-de S., comme j'en avois d'abord eu l'intention. en ne lui (lisant) cachant que ce qui jettoit sur vous l'intérêt d'un caractère (Byronique) Melmothique, et voici ce que je me suis proposé: votre lettre ne sera que citée avec les restrictions convenables; en révanche j'y ai préparé (à) tout au long une belle réponse, dans laquelle je me donne sur vous tout autant d'avantage que vous en avez pris sur moi dans votre lettre; j'y commence par vous dire: je ne suis pas votre dupe, aimable Job .....; je vois votre vanité et votre faible à travers l'affectation de votre cynisme etc.; le reste dans le même genre. Croyez que ça fasse de l'effet? Mais comme vous toujours pour mon maître en fait de morale, je vous demande (humblement) pour tout celà votre permission et surtout vos conseils; mais depêchez-vous, car on arrive. J'ai eu de vos nouvelles (votre frère) on m'a dit qu'Atala Hansky vous avait rendu fat et ennuyeux (mais) votre dernière lettre n'est pas ennuyeuse. Je souhaite que la mienne puisse un moment vous distraire dan vos douleurs. M-r votre oncle, qui est un cochon, comme vous savez, a été ici, a brouillé tout le monde et s'est brouillé avec tout le monde. Je lui prépare une fameuse lettre en sous-accord № 2, mais cette fois-ci il aura du g. j. f. afin qu'il soit du secret comme tout le monde (et qu'il ne soit pas le seul à ne pas comprendre ce qu'on veut lui dire).

58.

Ф. Ф. Вигелю.

Черновое.

[Ноябрь 1823 г. Одесса].

(Я знаю) Проклятый городъ Кишеневъ,
Тебя бранить языкъ устанетъ!
Когда нибудь на (грѣшный) старый кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ конечно грянетъ
И не найду твоихъ слѣдовъ!
(И рухнутъ) вдругъ Падутъ, погибнутъ пламенѣя
И лавки грязныя жидовъ,
И пестрый домъ Варѳоломея.
Такъ, если вѣрить...
Погибъ несчастливый Содомъ.
Но только съ этимъ (милымъ) городкомъ
Я Кишеневъ равнять не смѣю
(Содомъ блисталъ и просвѣщеньемъ)
(Парижъ библейскій (отличался) былъ отличенъ)
(Не только вѣжливымъ)
(Гостепріимствомъ и грѣхомъ)
Я слишкомъ съ Библіей знакомъ
И къ лести вовсе не привыченъ.
Содомъ—ты знаешь—былъ отличенъ
Не только вѣжливымъ грѣхомъ,
Но просвѣщеніемъ (стихами) пирами,
(Гостепріимствомъ и пирами)
Гостепріимными домами
И красотой нестрогихъ дѣвъ.
(Зачѣмъ же) Мнѣ жаль, что пламенемъ (стрѣлами) громами
(Надъ нимъ... божій) Его сразилъ Еговы гнѣвъ.
Въ блаженствѣ, въ развлеченьяхъ свѣта
Избранный Богомъ человѣкъ
(Скажи, какъ ты проводишь) Провелъ какъ ты свой мирный вѣкъ.
Но въ Кишеневѣ, видишь самъ
Ты не найдешь ни милыхъ дамъ,
Ни сводни, ни книгопродавца.
Жалѣя о твоей судьбѣ,
Не знаю, придутъ ли къ тебѣ
Подъ вечеръ (милыхъ) три красавца.

(Но я пріѣду, милый) На всякой случай, грустный другъ,
Лишь только будетъ мнѣ досугъ,
Прощусь съ Одессою, явлюсь:
Тебѣ служить я буду радъ
Своей бесѣдою шальною,
Стихами, прозою, душою,
Но (только) Вигель, пощади мой.....

Это—стихи, слѣдственно, шутка—не сердитесь и усмѣхнитесь, любезный Фили. Фил.—Вы скучаете въ (этомъ) вертепѣ, гдѣ скучалъ три года. Желаю васъ (утѣшить) разсѣять хоть на минуту—и сообщаю вамъ свѣденія, которыхъ вы требовали отъ меня въ письмѣ къ Шв.; изъ 3 ... (крас.) Зна... думаю, годенъ на употребленіе въ пользу соб. только меньшой (Note scandaleuse). NB Онъ спитъ въ одной комнатѣ съ бр. Михаи. и тресутся немилосердно—изъ этого можете вывести важныя заключенія; предоставляю ихъ вашей опытности и благоразумію—старшій братъ, какъ вы замѣтили глупъ, какъ Архіерейскій жезлъ; (второй) Ванька—.....—слѣдственно, чортъ съ нимъ—обними. ихъ отъ меня дружески—сестру также—и скажите имъ, что Пушкинъ цалуетъ ручки М а й г и н ъ и желаетъ ей щастья на землѣ, умалчивая о небесахъ о которыхъ не получилъ (объ нихъ) еще достаточныхъ свѣдѣній. Пулхеріи В. объявите за тайну что я влюбленъ въ нее безъ памяти, и буду на дняхъ экзекуторъ и камергеръ въ подр. другу Завальевскому. Полторацкимъ поклонъ и старая дружба! Алексѣеву то же и еще что-нибудь—Гдѣ и что Липранди? Мнѣ брюхомъ хочется видѣть его—У насъ холодно, грязно—обѣдаемъ (хорошо) славно—я пью, какъ Лотъ содомскій, и жалѣю, что не имѣю съ собой ни одной дочки. Недавно (былъ) выдался намъ молодой денекъ—я былъ предсд. попойки (вездѣ), всѣ перепились и потомъ поѣхали по .....—

59.

Князю П. А. Вяземскому.

[4-го ноября 1823 г. Одесса].

Вотъ тебѣ, милый и почтенный Асмодей, послѣдняя моя поэма. Я выбросилъ то что Цензура выбросилабъ и безъ меня, и то что не хотѣлъ выставить передъ публикою. Если эти безсвязные отрывки покажутся тебѣ достойными тисненія, то напечатай, да сдѣлай милость, не уступай этой сукѣ Цензурѣ, отгрызывайся за каждый стихъ и загрызи ее если возможно, въ мое воспоминаніе. Кромѣ тебя у меня т а м ъ нѣтъ покровителей; Еще просьба: припиши къ Бахчисараю предисловіе или послѣсловіе, и если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы, Софьи Киселевой; прилагаю при семъ полицейское посланіе, яко матеріалъ; почерпни изъ него свѣденія (разумѣется, умолчавъ объ ихъ источникѣ) [1]. Посмотри также въ путешествіи Апостола-Мур. статью Бахчи-сарай выпиши изъ нее что посноснѣе [2]—да заворожи все это своею прозою, богатой наслѣдницею твоей прелестной поэзіи, по которой ношу трауръ.

Полно не воскреснетъ-ли она, какъ тотъ который пошутилъ? Что тебѣ пришло въ голову писать оперу и подчинить поэта музыканту. Чинъ чина почитай. Я бы и для Россини не пошевелился. Что касается до моихъ занятій, я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ—дьявольская разница. Въ родѣ Донъ-Жуана.—О печати и думать нечего: пишу спустя рукава. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить круга своего дѣйствія—лучше объ ней и не думать—а если брать такъ брать не то что и когтей марать.

Новое изданіе очень мило—съ Богомъ—милый Ангелъ или Аггелъ Асмодей.

Вообрази что я еще не читалъ твоей статьи побѣдившей Цензуру? Вотъ каково жить по Азіатски, не читая журналовъ. Одеса городъ Европейской—вотъ почему рускихъ книгъ здѣсь и не водится [1]).

А. П.

В. Л. Дядѣ кланяюсь и пишу на дняхъ.

---

[1]) Въ черновикѣ (Рус. Муз. № 2369, л. 32) было, а потомъ зачеркнуто: «Тутъ мнѣ кажется можно надѣлать прелесть.... тутъ цѣлая поэма».

[2]) Въ черновикѣ пространнѣе: «Онъ имѣетъ на бумагѣ свое достоинство—хоть въ разговорѣ имъ я не.... при семъ мое благословеніе —.»

[1]) Въ черновикѣ имѣется еще длинное разсужденіе.

«Перечитывая твои письма, беретъ меня охота спорить. Говоря объ Романтизмѣ, ты гдѣ-то пишешь, что даже стихи со времени рев. носятъ новый образъ—и упоминаешь объ А. Ш. Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ этаго поэта, но онъ истинный Грекъ, изъ классиковъ классикъ. C'est un imitateur savant et un... Отъ него такъ и *пашетъ* Ѳеокритомъ и Аполлоніей. Онъ освобожденъ отъ италіанскихъ concetti и отъ французскихъ Anti thèses—но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли. Первыя думы Ламартина въ св. родѣ едва-ли не лучше Думъ Рылѣева; послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился—такъ онъ вдругъ выросъ. Парни—древній, Millevoye ни то, ни се, но хорошъ только въ мѣлочахъ элегическихъ. La Vigne—(подражатель) школьникъ Вольтера—и бьется въ старыхъ сѣтяхъ Аристотеля.—Романтизма нѣтъ еще во Франціи.—А онъ то и возродитъ умершую поэзію.—Помни мое слово. Первый поэтическій Геній въ Отечествѣ Буало ударится въ такую бѣшеную свободу, что что твои нѣмцы Покамѣсть во Франціи поэтовъ менѣе, чемъ у насъ. О Дмитріевѣ спорить съ тобою не стану, хоть всѣ его басни не стоютъ одной хорошей басни Крыловой, всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій (всѣ его пѣсни, мадригалы, оды, элегіи), а все прочее — перваго стихотворенія Жуковскаго. Сказки писаны въ дурномъ родѣ, холодны и растянуты. Ерм. такая дрянь, что мочи нѣтъ. Любопытно видѣть его жизнь не для него, а для тебя. Но мнѣ, Дмитріевъ ниже Нелединскаго и стократъ ниже стихотворца Карамзина. Хорошъ Русскій поэтъ, poëte de notre civilisation. Хороша и наша civilisation! Грустно мнѣ видѣть, что все у насъ клонится богъ знаетъ куда—ты одинъ бы могъ прикрикнуть на лѣво и на право, поразтрясти старыя репутаціи, приструнить новыя и показать имъ часть истины, а ты покровительствуешь старому врагу и .....
нами и, что всего хуже, бросилъ поэзію,—этаго я переварить не въ силахъ.—Что тебѣ пришло въ голову сперу писать и закабалить поэзію Музыкѣ? Чинъ чина почитай,—я бы и для Россини не пошевелился.

Что до моихъ занятій, пишу теперь не романъ, а романъ въ стихахъ: дьявольская разница! въ родѣ Донъ-Жуана. Первая пѣснь или глава кончена; я тебѣ ее доставлю. Пишу его съ упоеньемъ, что ужъ давно со мной не бывало. О печати и думать не льзя, но Цензура наша такъ своенравна, что невозможно размѣрить кругъ своихъ дѣйствій; лучше не думать; а если брать, такъ брать, не то.....»

60.

Князю П. А. Вяземскому.

[Между 4-мъ и 11-мъ ноября 1823 г. Одесса].

Конечно ты правъ и вотъ тебѣ перемѣны —

Язвительныя лобзанія напоминаютъ тебѣ твои .....? Поставь пропзительныхъ. Это будетъ ново [1]). Дѣло въ томъ что моя Грузинка кусается, и это непремѣнно должно быть извѣстно публикѣ. Хладнаго скопца уничтожаю [2]) изъ уваженія къ давней дѣвственности А. Л.

Не зритъ лица его гаремъ
Тамъ....
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣютъ жены.

Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей Тавридѣ: Подъ стражею скопцевъ Гарема. Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть а къ тому-же я желалъ бы оставить рускому языку нѣкоторую библейскую похабность. Я не люблю видѣть въ [3]) первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды Европейскаго жеманства и Фр. утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе.

Но вѣрой матери моеи
Была твоя——

Если найдешь удачную перемѣну то подари меня ею; если-же нѣтъ, оставь такъ, оно довольно понятно. Нѣтъ ничего легче поставить Равна, Грузинка, красотою полника кр... [4]) а слово Грузинка тутъ необходимо—впрочемъ дѣлай что хочешь.

Апостолъ написалъ свое путешествіе по Крыму; оно печатается—впрочемъ, ожидать его нечего.

Что такое Грибоѣдовъ? Мнѣ сказывали что онъ написалъ комедію на Чедаева; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благородно съ его стороны.

Посылаю разбойниковъ.

Какъ бишь у меня? Вперялъ онъ неподвижный взоръ? Поставь любопытный, а стихъ все-таки Калмыцкій.

61.

Князю П. А. Вяземскому.

[11-го ноября 1823 г. Одесса].

Вотъ тебѣ и разбойники. Истинное пропшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ. Въ 820 году въ бытность мою въ Екатеринославѣ, два разбойника закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ и спаслись. Ихъ отдыхъ на островкѣ, потопленіе одного изъ стражей мною не выдуманы. Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ Шил. Узн. Это нещастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно, отрывокъ мой написанъ въ концѣ 821 года.

11 ноября.

62.

Барону А. А. Дельвигу.

[16-го ноября 1823 г. Одесса].

Мой Дельвигъ, я получилъ всѣ твои письма и отвѣчалъ почти на всѣ. Вчера повѣяло мнѣ жизнію лицейскою; слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пущину! Вамъ скучно, намъ скучно: сказать ли вамъ сказку про бѣлаго быка? Душа моя, ты слишкомъ мало пишешь, покрайнѣй мѣрѣ слишкомъ мало печатаешь. Впрочемъ я живу по Азіатски, не читая вашихъ журналовъ. Надняхъ попались мнѣ твои прелестные сонеты—прочелъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностію за вдохновенное воспоминаніе дружбы нашей. Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной Музѣ Баратынскаго. Жду и недождусь появленія въ свѣтъ вашихъ стиховъ; только ихъ получу, заколю агнца, восхвалю Господа—и украшу цвѣтами свои шалашъ – хоть Бируковъ находитъ это слишкомъ сладострастнымъ.—Сатира къ Гнѣд. мнѣ не нравится, даромъ что стихи прекрасные; въ нихъ мало перца; Сомовъ безмундирный непростительно. Просвѣщенному ли человѣку, Рускому ли сатирику пристало смѣяться надъ независимостію писателя? Это шутка, достойная кол. совѣт. Измайлова. Жду также Полярной Звѣзды. Жалѣю, что мои элегіи писаны противъ Религіи и правительства: я полу-Хвостовъ: люблю писать стихи <но не переписывать> и не отдавать въ печать <а видѣть ихъ въ печати>. Ты просишь Бахчисарайскаго Фонтана—онъ на дняхъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, а все-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэму, въ которой забалтываюсь до нельзя. Бируковъ ее не увидитъ, за то что онъ фи-дитя, блажной дитя. Богъ знаетъ, когда и мы прочитаемъ ее вмѣстѣ — скучно, моя радость! вотъ припѣвъ моей жизни. Еслибъ хоть братъ Левъ прискакалъ ко мнѣ въ Одессу! гдѣ онъ, что онъ? ничего не знаю, Друзья, друзья, пора промѣнять мнѣ почести изгнанія на радость свиданія.—Правда ли, что ѣдетъ къ намъ Россини и Италіанская опера?—боже мой! это представители Рая небеснаго. Умру съ тоски и зависти.—А. П.

16 нояб.

Вели прислать мнѣ нѣмецкаго Плѣнника.

---

[1]) Въ черновомъ: «смѣлое».

[2]) Въ черновомъ: «не столько для А. Л. какъ для», но зачеркнуто.

[3]) Въ черновомъ: «гордомъ первобытномъ».

[4]) Въ черновомъ прибавлено: «можно бы: Гавна, Зарема,....»

63.

Неизвѣстнымъ дамамъ.

Черновое.

[Ноябрь—декабрь 1823 г. Одесса].

Oui, sans doute, je les ai dévinée, les deux femmes charmantes qui ont daigné se ressouvenir de l'hermite d' Od. ci-devant hermite de Kichenef.—J'ai baisé mille fois ces lignes qui m'ont rappellé tant de folie, de tourments, (de soirées) d'esprit, de grâce, de soirées, (valses) mazourka etc. Mon Dieu, que vous êtes cruelle, Madame de croire que je puis m'amuser là ou je ne puis ni vous rancontrer, ni vous oublier. Hélas, aimable Maiguine, loin de vous, tout malaise, tout maussade, (toutes) mes facultés s'anéantissent, j'ai perdu jusqu'au talent des carricatures, quoique la femme du Pr. Mourouzi soit si bien digne d'en inspirer [les plus grotesques]. Je n'ai qu'une idée, celle de revenir encore à vos pieds et de vous consacrer, comme le disait ce bon homme de poète, le petit bout de (moi rien) qui me reste. Vous rappellez-vous de la correction [dans son livre. Mais] que vous avez fait dans le . . . . de la. . . . Mon Dieu si vous [feriez la même chose dans m.] la répétiez ici! Mais est-il vrai que vous comptez venir à Odessa? Venez au nom du Ciel-nous aurons, pour vous attirer, bal, opéra italien, soirées, concerts, sigisbées, soupirants, tout ce qui vous plaira. Je contreferai le singe . . . et je vous dessinerai M-me de Wor. dans les 8 postures de l'Arétin.

A propos de l'Arétin, je vous dirai que je suis devenu chaste et vertueux, c'est à dire en paroles; car ma conduite a toujours etoit telle. C'est un véritable plaisir de me voir et de m'entendre parler-cela vous engagera-t-il à presser votre arrivée? [Venez] encore une foi, venez au nom du Ciel et pardonnez moi la liberté avec lesque les j'écris à celle qui a trop d'esprit pour être prude, mais que j'aime et que je respecte le plus...

Quand à vous, charmante boudeuse, dont l'écriture m'a fait palpiter (quoique par grand hazard elle ne fut point contrefaite), ne dites pas que vous connaissez mon caractère; vous ne m'eussiez pas affligé en faisant semblant de douter de mon devouement et de mes regrets... qui a mon tour.

64.

А. И. Тургеневу.

[1 Декабря 1823 г. Одесса].

Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ въ С. От. поклонъ и свое почтеніе. Я обнимаю васъ изъ прозаической Одессы не благодаря ни за что, но цѣня въ полной мѣрѣ и ваше воспоминаніе и дружеское попеченіе, которому обязанъ я перемѣною своей судьбы. Надобно подобно мнѣ провести 3 года въ душномъ Азіатскомъ заточеніи чтобъ почувствовать цѣну и не вольнаго Европейскаго воздуха. Теперь мнѣ было бы совершенно хорошо, еслибъ не отсутствіе кой-кого [1]). Когда мы свидимся, вы не узнаете меня, я сталъ скученъ какъ Грибко и благоразуменъ какъ Чеботаревъ.

Изчезла прежня живость,
Проститель иногда мою мнѣ молчаливость,
Мое уныніе?.. терпите, о друзья,
Терпите хоть за то что къ вамъ привязанъ я [2]).

Къ стати о стихахъ: вы желали видѣть оду на смерть N. она не хороша, вотъ вамъ самыя сносныя строфы:

Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ,
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ
И день великій, неизбѣжной —
Свободы яркій день вставалъ —

Тогда въ волненьи бурь народныхъ
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ —
Въ свое погибельное щастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой,
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ,
Новорожденная свобода,
Вдругъ опѣмѣвъ лишилась силъ,
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

Вотъ послѣдняя:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Твою развѣнчанную тѣнь!
Хвала! ты Рускому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ — —

Эта строфа нынѣ не имѣетъ смысла, но она писана въ началѣ 1821 года—впрочемъ, это мой послѣдній либеральный бредъ, я закаялся, и написалъ на дняхъ подражаніе басни умѣреннаго демократа І. Х. <изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя [3])>.

---

[1]) За этимъ въ черновомъ слѣдовало: «Пишу стихи, уже не думая о Цензурѣ», но зачеркнуто.

[2]) За этими стихами въ черновомъ слѣдуетъ: «Это единственные живые стихи покойнаго Д... — я люблю ихъ изъ эгоизма», при чемъ послѣднія пять словъ зачеркнуты.

[3]) Въ черновомъ: «Это послѣдній либеральный бредъ; на дняхъ я закаялся и, смотря и на западъ Европы, и вокругъ себя, обратился къ евангельскому источнику, произнесъ сію притчу въ подражаніе баснѣ Іисусовой .

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя—
Но потерялъ я только время
Благія мысли и труды....

Паситесь, мирные народы!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь.
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушками да бичь.

Поклонъ братьямъ и братьѣ. Благодарю васъ за то что вы успокоили меня на щетъ Н. М. и К. А. К. Но что дѣлаетъ поэтическая незабвенная, конституціональная, Анти-польская, небесная Княгиня Голицына, возможно-ли чтобъ я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ.

Жуковскому грѣхъ, чемъ я хуже принц. Шарлотты—что онъ мнѣ ни строчки въ 3 года не напишетъ. Правда ли что онъ переводитъ Гяура? а я на досугѣ пишу новую поэму, Евгеній Онѣгинъ, гдѣ захлебываюсь желчью. Двѣ пѣсни уже готовы.

65.

И. Н. Инзову.

Черновое.

[Послѣ 8-го Декабря 1823 г. Одесса].

Je vous envoye, general, les 30 roubles que je vous [devois] dois depuis si longtems; veuillez recevoir mes sin. remerciements. Quant aux excuses, je n'ai pas le courage de vous en faire—Je suis confus et humilié de n'avoir pu jusqu'a present vous payer [ma] cette dette—la faute est que je croyois de misère. Agréez, general, l'aussurance de mon profond respect.

66.

Князю П. А. Вяземскому.

[20-го декабря 1823 г. Одесса].

Какая бъ ни была вина.

Такъ и у меня на черно.

Символъ конечно дерзновенный
Незнанья жалкая вина.

Вина, culpa, faute. Simbole teméraire, faute déplorable de l'ignorance. У насъ слово вина имѣетъ два значенья; одно изъ нихъ здѣсь не имѣло бы смысла—Оставь эти стихи, пускай они

Aux Saumaise futurs préparent des tortures.—

Я бы хотѣлъ знать не льзя-ли въ перепискѣ нашей избѣгнуть какъ-нибудь почты. Я бы тебѣ переслалъ кой-что слишкомъ для нее тяжелое, Сходнѣе намъ въ Азіи писать по оказіи. Что Кривцовъ? Его Прев. могъ бы мнѣ аукнуть. Я жду Пол. Зв. въ надеждѣ видѣть тебя разпечатнаго. Что Журналъ Анахарсиса-Клоца-Кюхли? Рисунокъ съ фонтана оставимъ до другова изданія. Печатай скорѣе; не ради славы прошу, а ради Мамона.

20 декабря.

Поздр. тебя съ Рожд. Сп. наш. Госп. I. X.

Ты кажется сбираешься сдѣлать заочное описаніе Бахчисарая? Брось это. Мадригалы Софьи Потоцкой, это дѣло другое. Впрочемъ въ моемъ эпилогѣ описаніе дворца въ нынѣшнемъ его положеніи подробно и вѣрно, и Зонтагъ болѣе моего не замѣтитъ. Что еслибъ ты заѣхалъ къ намъ на Югъ нынче весною? Мы бы провели лѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣльнаго народа женщинъ и мущинъ. Приѣзжай, ей Богу веселѣе здѣсь чемъ у васъ на Сѣверѣ.

Адресъ: Его Сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собственномъ домѣ—

1824.

67.

Л. С. Пушкину.

[Начало января 1824 г. Одесса].

Такъ какъ я дождался оказіи то и буду писать тебѣ спустя рукава. N. Раевской здѣсь. Онъ о тебѣ привезъ мнѣ недостаточныя извѣстія; за чемъ ты съ нимъ чинился и не поѣхалъ повидаться со мною? Денегъ не было? Послѣ бы сочлись—а иначе богъ знаетъ, когда сойдемся. Ты знаешь, что я дважды проспалъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ чрезъ его министровъ и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшій отказъ. Осталось одно — писать прямо на Его имя — такому-то, въ Зимнемъ дворцѣ, что противъ Петропавловской крѣпости, не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не втерпежъ. Ubi bene, ibi patria. А мнѣ bene тамъ, гдѣ разстетъ трынъ-трава, братцы! Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? Что до славы, то ею въ Россіи мудрено довольствоваться. Русская слава льстить можетъ какому нибудь В. Козлову, которому льстятъ и Петербургскія знакомства, а человѣку немного порядочный презираетъ ея тѣхъ и другихъ. Mais pourquoi chantois-tu? На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю — я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ—лѣкарь моритъ—за деньги, за деньги, за деньги. Таковъ я въ наготѣ моего цинизма. Плетневъ пишетъ мнѣ что Бахч. Фонт, у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей Славѣ! Благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и знаменитаго друга! Остается узнать, разкупится ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣхъ у которыхъ есть полныя рукописи; но это бе-

дѣлица—поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, а долженъ, какъ Корниловичь, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола. Душа моя, меня тошнитъ съ досады—на что ни взгляну—все такая гадость, такая подлость, такая глупость—долго ли этому быть? къ стати о гадости—читалъ я Федру Лобанова — хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова а ради Маркиза Расина—перо вывалилось изъ рукъ.—И объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи Г. Расина! Voulez-vous découvrir la

trace de ses pas—надѣешься найдти
Тезея жаркой слѣдъ или темные пути—

M . . . его въ риѳму! Вотъ какъ все переведено! А чѣмъ-же и держится Иванъ Ивановичъ Расинъ, какъ не стихами полными смысла, точности и гармоніи! Планъ и характеры Федры верхъ глупости и ничтожества въ изобретеніи—Тезей ни что иное, какъ первый Мольеровъ рогачь; Иполитъ, le superbe, le fier Hyppolyte, et même un peu farouche, Иполитъ, суровый скиѳскій вы..., ни что иное какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный—

D'un mensonge si noir... и проч.

Прочти всю эту хваленую тираду и удостовѣришься, что Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица—сравни его съ <монологомъ> рѣчью молодаго любовника Арицины Байроковой, увидишь разницу умовъ. А Тераменъ—аббатъ и сводникъ: Vous même ou seriez-vous etc.—вотъ глубина глупости! Съ Рылѣевымъ мирюсь Войнаровскій полонъ жизни. Что Кюхля? Дельвигу буду писать, но если не успѣю, скажи ему, чтобъ онъ взялъ у Тургенева Олега Вѣщаго и напѣчаталъ. Можетъ быть, я пришлю ему отрывки изъ Онѣгина; это лучшее мое произведеніе. Не вѣрь Н. Раевскому, который бранитъ его—онъ ожидалъ отъ меня Романтизма, нашелъ Сатиру и цинизмъ и порядочно не разчухалъ.

68.

А. А. Бестужеву.

[12-го января 1824 г. Одесса].

Конечно, я на тебя сердитъ и готовъ, съ твоего позволенія, браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, объ которыхъ имянно я просилъ тебя: ты не знаешь, до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь, что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ элегія не имѣла бы смысла. Велика важность! А какой же смыслъ имѣетъ:

Какъ ясной влагою полубогиня грудь
— — — — — — — — — — — — вздымала

или

съ болѣзнью и тоской
Твои глаза, и проч.?

Я давно уже не сержусь за опечатки, но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами, и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности. Это простительно Воейкову, но et tu autem, Brute!

Гнѣдичь шутитъ со мной шутки въ другомъ родѣ. Онъ разгласилъ, будто бы всѣ новые стихи, обѣщанные мною Якову Толстому, проданы уже ему, Гнѣдичу. Толстой написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ, и объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ Сынѣ Отечества; напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ да пришли его адресъ.

Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пени и просьбы и обнимаю тебя sans rancune и съ благодарностью за все остальное—прозу и стихи. Ты—все ты, то-есть, милъ, живъ, уменъ. Баратынскій—прелесть и чудо; Признаніе—совершенство. Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣе. Рылѣева Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его Думъ, слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ. Дельвигъ—молодецъ. Я буду ему писать. Готовъ христосоваться съ тобой стихами, но сдѣлай милость... пощади. Прощай, мой милый Walter!

Туманскаго вчера и сегодня не видалъ и письма твоего не отдавалъ. Онъ славный малый, но, какъ поэта, я не люблю его. Дай Богъ ему премудрости! А. П.

1824, янв. 12. Одесса.

Адресъ: Его Высокоблагородію Николаю Ивановичу Гречу, въ С.-Петербургѣ, въ газетную экспедицію. Прошу доставить г. Бестужеву.

Черновое.

Конечно я на тебя сердитъ и готовъ съ твоего позволѣнія браниться хоть до завтра. Ты напѣчаталъ (ту элегію) тѣ стихи (объ) которыхъ имянно просилъ тебя не выдавать (еще) ихъ въ п. Ты не знаешь до какой степени это мнѣ досадно (А и сколько я желалъ не выдавать въ публику первая про) (Онѣ относятся писаны къ женщинѣ которая ихъ читала ихъ. я. просится] ты пишешь что безъ 3-хъ послѣднихъ стиховъ Эл. не имѣла бы смысла—Велика важность а какой же смыслъ имѣетъ.

Какъ ------или съ болѣзнью и мольбой—или—

Я давно уже не сержусь за опечатки—но (иногда) мнѣ встарину случалось забалтываться стихами и мнѣ (больно) грустно видѣть что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли ни (самолюбія) бѣдной собственности—это простительно В.—но et tu Brute—Я (принужденъ) хотѣлъ было за вину (Вяземскаго твоего корректора извиниться въ какомъ нибудь журналѣ—[оставляю это на] но публика (наш. этого не стоитъ—Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пѣни и просьбы—и обнимаю тебя sans rancune и съ благодарностью (за все) остальное

стихи и прозу—ты все ты т. е. милъ, живъ, уменъ Бар. прелесть и чудо—(послѣ его) признанье (его рѣшилъ до сам.) совершенство (только) послѣ его никогда не стану печатать св. элегій—<хотя бы наборщикъ и поклялся бы передъ нами меня не щадитъ меня) поступать со мною милостивѣе>—Рылѣева Войн. несравненно лучше всего что онъ написалъ—слогъ его истинно повѣств., чего у насъ (еще) почти еще нѣтъ—Дельвигъ молодецъ и мы (я) съ нимъ (снесусь) снесемся. Гнѣдичь шутитъ со мною шутки въ другомъ родѣ—онъ (сказалъ Як. Тол.) разгласилъ будто бы всѣ новые стихи обѣщанныя мною Як. Тол., проданы уже ему Гнѣд.—Толс. написалъ мнѣ письмо пресухое въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изд. моихъ стих., уѣхалъ въ П. и съ тѣхъ объ немъ ни слуху ни духу—(въ) я вижу (изъ С. О.) что онъ переписывается съ тобою (черезъ) въ С. О. напиши ему слово обо мнѣ и оправдай меня въ его глазахъ да перешли его адресъ——

69.

Θ. В. Булгарину.

[1-го февраля 1824 г. Одесса].

Съ искреннеи благодарностью получилъ я 1-й нумеръ Сѣвернаго Архива, полагая, что тѣмъ обязанъ самому почтенному издателю. Съ тѣмъ же чувствомъ видѣлъ я снисходительныи вашъ отзывъ о татарскоі моеі поэмѣ. Вы принадлежите къ самому малому числу тѣхъ литераторовъ, коихъ порицанія или похвалы могутъ быть и должны быть уважаемы. Вы очень меня обяжете, если помѣстите въ своихъ листкахъ здѣсь прилагаемыя двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда не большая, но стихи не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе.

Одесса. 1 февраля 1824.

70.

А. А. Бестужеву.

[8-го февраля 1824 г. Одесса].

Ты не получилъ видно письма моего. Не стану повторять то чего довольно и на одинъ разъ. О твоеи повѣсти въ П. Зв. скажу что она не въ примѣръ лучше <т. е. занимательнѣе> тѣхъ которыя были напечатаны въ прошломъ годѣ et c'est beaucoup dire. Кориловичь славныи малоі и много обѣщаетъ но за чемъ пишетъ онъ для снисходительнаго вниманія Мил. Госуд. NN. и ожидаетъ ободрительноі улыбки прекраснаго пола для продолженія любопытныхъ своихъ трудовъ? Все это старо, ненужно и слишкомъ уже пахнетъ Шаликовскою невинностію, Булгаринъ говоритъ что Н. Бестужевъ отличается новостію мыслеі; можно бы съ большимъ уваженіемъ употреблять слово мысли. Арабская сказка прелесть; совѣтую тебѣ держать за воротъ этаго Сепковскаго. Между поэтами не вижу Гнѣдича, это досадно; нѣтъ и Языкова—и его жаль. Похабныи мадригалъ А. Родзянки можно бы оставить покоіному Пахимову; вчера———люблю и мыслю помѣстить современемъ въ Грамматику для примѣра безсмыслицы. Плетнева родина хороша, Баратынскоі—чудо—мои піэсы плохи. Вотъ тебѣ и все о Полярноі.

Радуюсь что моі Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разказъ молодоі женщины

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впрочемъ я писалъ его единственно для себя а печатаю потому что деньги были нужны.

З пунктъ и самыи нужныи съ эпиграфомъ безъ церемоніи: ты требуешь отъ меня десятка піэсъ какъ будто у меня ихъ сотни. Едвали наберу ихъ и пятокъ, да и то не забудь моихъ отношеніи съ Цензуроі. Даромъ у тебя брать денегъ не стану; къ тому-же я обѣщалъ Кюхельбекеру, которому вѣрно мои стихи нужнѣе нѣжели тебѣ. Объ моеі поэмѣ нечего и думать—если когда нибудь она будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ. Прощаи, поклонъ Рылѣеву. Обними Дельвига, брата и братью.

8 февр. 1824.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Николаю Ивановичу Гречу. Въ С.-Петербургъ. Въ Газетноі Экспедиціи. Пр. дост. Г-ну Бестужеву.

Черновое.

Ты еще не получилъ [еще] какъ видно, письма моего [гдѣ говорю тебѣ], не стану повторять то, чего довольно и на одинъ разъ—Отв. [сочи.] повѣст. въ Пол. скажу, что онѣ не въ примѣръ лучше т. е. (занимательнѣе) тѣхъ кот. были напѣчатаны въ про. году, et c'est beaucoup dire - Кориловичь—славныи малоі и мн. обѣщ., но за чемъ пишетъ онъ: для [вни.] снисходительн. вниманія . . . М. Го. NN и ожидаетъ ободрительноі улыбки прекр. пола для продолженія [занимательн.] любопытныхъ св. труд. все это старо, не нужно и слишкомъ уже пахнетъ Шал. невинностью. Булг. говоритъ, что ст. Н. Бест. отличаются новостію мыслеі; можно [было имѣть болѣе] бы съ большимъ уваженіемъ употреблять слово [къ] *мысли*. Арабскія сказки прелесть——совѣтую тебѣ держать за воротъ этаго Сепковскаго. [Стихи презрядные. . .]. Между поэт. не вижу Гнѣдича и досадно; нѣтъ и Языкова и его жаль. Похабныи мадр. Родз. должно бы оставить [Пахимову] покоіному Демонси а не печатать въ Эвр. изд.

Вчера——
Люблю и мыслю——

[Отошли въ какую-нибудь] помѣстятъ [когда нибудь] грамматику—для примѣра явноі безсмыслицы—Плетнева Родина хороша, Бар. чудо—мои піэсы плохи—вотъ тебѣ и все о Полярноі—

Радуюсь, что моі Фонтанъ шумитъ. Недо

статокъ плана не моя вина—я съ суевѣрной точностію перекладывалъ въ стихи разказъ молодой женщины:

Aux douces lois— —

Впрочемъ я (довольно его люблю его для) напечаталъ Фонтанъ его потому что деньги нужны <я написалъ его единственно для себя>.

III пунктъ и сам. нужный, съ эп. безъ цере. Ты (просишь) требуешь отъ меня десять пiэсъ какъ будто у меня ихъ сотни (Не могу ихъ продавать ибо они уже проданы). Я обѣщалъ стиховъ Кюхельбекеру, которому они вѣрно нужнѣе, нѣжели тебѣ (пото. положимъ что) Едвали наберется ихъ для тебя) и пятокъ—ты забываешь отношенія мои съ Цензурой—О моей поэмѣ нечего и думать она писана строфами едвали не вольнѣе строфъ Дон. Ж. Если (я) когда нибудь она будетъ напечатана, то вѣрно не въ П. б. и не въ Москвѣ. У васъ есть еще нѣсколько моихъ стиховъ... сдѣлайтесь съ Цензурой—переправляйте ихъ).

71.

Князю П. А. Вяземскому.

[8-го марта 1824 г. Одесса].

Отъ всего сердца благодарю тебя, милый Европеецъ за неожиданное посланіе или посылку. Начинаю почитать нашихъ книгопродавцевъ и думать что ремесло наше право не хуже другова. Одно меня затрудняетъ ты продалъ все изданіе за 3000 р., а сколько же стоило тебѣ его напечатать? Ты все таки даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа, вычти изъ остальныхъ денегъ что тебѣ слѣдуетъ, да прими ихъ сюда. Рости имъ не за чемъ. А у меня имъ не залежаться хоть я право не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму [1]). Благо я не принадлежу къ нашимъ писателямъ 18-го вѣка: я пишу для себя а печатаю для денегъ а нечуть для улыбки прекраснаго пола.

Жду съ петерпѣніемъ моего Фонтана т. е. твоего предисловія. Недавно прочелъ я твои давнишнія замѣчанія на Булг., это лучшая изъ твоихъ полемическихъ статей. Жизни Дмитріева еще не видалъ. Но милый, грѣхъ тебѣ унижать нашего Крылова. Твое мнѣніе должно быть закономъ въ нашей словесности, а ты по непростительному [2]) пристрастію судишь во преки [3]) своей совѣсти и покровительствуешь чортъ знаетъ кому [4]). И что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова; всѣ его сатиры одного изъ твоихъ посланій, а все прочее перваго стихотворенія Жуковскаго. Ты его когда-то назвалъ Le poëte de notre civilisation. Быть такъ, хороша наша civilisation!

Твое порученіе отыскать тебѣ домъ обрадовало меня несказанно. Дѣло не къ спѣху, однако изволь изъяснить мнѣ потолковѣе что такое в ъ н а ч а л ѣ л ѣ т а и н е д о р о г о. Левъ Нарышкинъ съ которымъ я уже объ этомъ говорилъ. уѣзжаетъ въ чужія края в ъ н а ч а л ѣ л ѣ т а. Онъ нанимаетъ здѣсь домъ за 600 р. въ мѣсяцъ, и дачу не очень помню за сколько. Я бы совѣт[ов]алъ тебѣ для дѣтей нанять дачу потому что въ городѣ пыль несносна [1]). Буду еще хлопотать; впрочемъ твоего с л и ш к о м ъ д о р о г о не понимаю; ты деньги все вѣдь истратишь, если не на то такъ на другое. Жду отвѣта. С. Волконскаго еще нѣтъ.

8 марта
1824.
Одесса.

Адресъ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу В я з е м с к о м у. Въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ.

72.

Князю П. А. Вяземскому(?).

[Первая половина марта 1824 г. Одесса].

.....Читая Шекспира и Библію, Святый Духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира.—Ты хочешь знать, что я дѣлаю:—пишу пестрыя строфы романтической поэмы,—и беру уроки чистаго Аѳеизма. Здѣсь Англичанинъ глухой Философъ, единственный умный Аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ изписалъ листовъ 1000, чтобы доказать, qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur,—мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ нещастію, болѣе всего правдоподобная.

73.

Л. С. Пушкину.

[1-го апрѣля 1824 г. Одесса].

Вотъ что пишетъ ко мнѣ Вяземской:

«Въ *Благон*[амѣренномъ] читалъ я, что въ какомъ-то ученомъ обществѣ читали твой Фонтанъ еще до напечатанія. На что это похоже? И въ П.Б. ходятъ тысяча списковъ съ него—и кто же послѣ будетъ покупать; я на совѣсти грѣха не имѣю и проч.»

Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 руб., а тамъ хоть трава не расти. Все такъ но жаль если книгопродавцы, въ первой разъ поступившіе по Европейски обдернутся и останутся въ накладѣ—да въ передъ не возможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ.—Такимъ образомъ обязанъ я за все, про все—друзьямъ м о е й С л а в ы - чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри, какъ бы съ

---

[1]) Въ черновомъ прибавлено: «потому что мнѣ полюбилось».

[2]) Тамъ же: «снисходительному».

[3]) Тамъ же: «и вѣрно вопреки».

[4]) Тамъ же: «не хочу сказать кому».

[1]) Тамъ же: «въ городѣ по причинѣ пыли жить несносно; стану хлопотать».

голоду не околѣть, а они кричатъ слава! Видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно; требую отъ тебя одного: напиши мнѣ, какъ Фонтанъ разходится—или запишусь въ Гр. Хвостовы и самъ разкуплю половину изданія. Что это со мною дѣлаютъ журналисты! Булгаринъ хуже Воейкова—какъ можно печатать партикулярныя письма—Мало-ли что приходитъ на умъ въ дружеской переписки, а имъ бы все и печатать—это разбой; рѣшено: прерываю со всѣми переписку—не хочу съ ними имѣть ничего общаго. А они глупо ругай или глупо хвали меня—мнѣ все равно; ихъ ни въ грошъ не ставлю, а публику почитаю на ровнѣ съ книгопродавцами—пусть покупаютъ и врутъ, что хотятъ.

1 апрѣля
1824.

Письмо это доставитъ тебѣ Сенявинъ, адьютантъ Гр. Воронцова, славнѣйшій малой, мой приятель; онъ доставитъ тебѣ обо мнѣ всѣ свѣденія, которыхъ только пожелаешь. Мнѣ сказывали что ты будто собираешься ко мнѣ; куда тебѣ! Развѣ на казенной щетъ, да въ сопровожденіи Жандарма. Пиши мнѣ. Ни ты, ни Отецъ ни словечка не отвѣчаете мнѣ на мои элегическіе отрывки—денегъ не шлете—а подрываете мой книжный торгъ. Куда хорошо!

На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину.
У Обуховскаго мосту, въ домѣ Полторацкаго.

74.

Князю П. А. Вяземскому.

[Начало апрѣля 1824 г. Одесса].

Сей часъ возвратился изъ Кишенева и нахожу письма, посылки и Бахчисарай. Не знаю какъ тебя благодарить; разговоръ прелесть, какъ мысли такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слогъ твой чудесно шагнулъ впередъ. Недавно прочелъ я и жизнь Дмитріева; все что въ ней разсужденіе—прекрасно. Но эта статья tour de force et affaire de parti. Читая твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями, и думаю на дняхъ написать кое-что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Авось и тиснy; тогда du choc des opinions jaillira de l'argent. Знаешь ли что? твой разговоръ болѣе писанъ для Европы чемъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи Романтической поэзіи; но старая ..... классическая, на которую ты нападаешь, полно существуетъ-ли у насъ? это еще вопросъ.—Повторяю тебѣ передъ эвангеліемъ и святымъ причастіемъ—что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чемъ Херасковъ или Дядя В. Л. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность, какъ Мордвиновъ заключаетъ въ себѣ одномъ всю рускую опозицію? и чѣмъ онъ классикъ? гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія или эпическія? развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Сѣвериной, да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гишара?—Мнѣнія Вѣстн. Евр. не можно почитать за мнѣнія, на Благ. сердиться невозможно. Гдѣ же враги романтической поэзіи? гдѣ столпы классическіе? Обо всемъ этомъ поговоримъ на досугѣ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ т. е. о деньгахъ. Сленинъ предлагаетъ мнѣ за Онѣгина, сколько я хочу. Какова Русь, да она въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ—а я думалъ, что это ошибка Географовъ. Дѣло стало за Цензурой, а я не шучу потому что дѣло идетъ о будущей судьбѣ моей, о независимости—мнѣ необходимой. Чтобъ напечатать Онѣгина, я въ состояніи———т. е. или рыбку съѣсть, или на ... сѣсть. Дамы принимаютъ эту пословицу въ обратномъ смыслѣ. Какъ бы то ни было, готовъ хоть въ петлю. Кюхельбекеру, Матюшкину, Верстовскому усердный мой поклонъ; буду немедленно имъ отвѣчать. Брата я пожурилъ за рукописную извѣстность Бахчисарая. Каковъ Булгаринъ и вся братья. Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники.—Прости, душа—да пришли мнѣ денегъ. А. П.

Ты не понялъ меня, когда я говорилъ тебѣ объ оказіи.—Почтмейстеръ мнѣ въ долгъ вѣритъ, да мнѣ не вѣрится.

75.

„Издателю Сына Отечества".

[Начало апрѣля 1824 г. Одесса].

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случалось быть предметомъ журнальныхъ замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, иныя не заслуживали никакого вниманія; на другія издали отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленнаго Авторскаго самолюбія не могли быть занимательны для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ бы то ни было образомъ, и съ живѣйшей благодарностію читалъ изрѣдка лестныя похвалы и одобренія, чувствуя, что не одно, довольно слабое достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъявленію снисходительности и дружелюбія.

Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Князь П. А. Вяземскій, предприняв изъ дружбы ко мнѣ изданіе Бахчисарайскаго фонтана, присоединилъ къ оному Разговоръ между Издателемъ и Антиромантикомъ, разговоръ вѣроятно вымышленный: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными Классиками многіе силою своихъ сужденій сходствуютъ съ Классикомъ Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостью.

Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей Словесности. Онъ напечаталъ въ 5 [illegible] Вѣстника Европы второй разговоръ между Издателемъ и Классикомъ, гдѣ между прочимъ прочелъ я слѣдующее:

«Изд. И такъ разговоръ мой вамъ не нравится?—Класс. Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина, думаю и самъ Авторъ объ этомъ пожалѣетъ».

Авторъ очень радъ, что имѣетъ случай благодарить Князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова писанъ болѣе для Европы вообще,

чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и не замѣтны, и не стоятъ столь блистательнаго отраженія.

Не хочу или не имѣю права жаловаться по другому отношенію, и съ искреннимъ смиреніемъ принимаю похвалы неизвѣстнаго Критика.

Александръ Пушкинъ.

Одесса.

76.

А. И. Казначееву.

Черновое.

[25-го мая 1824 г. Одесса].

П. [очтенѣйшій] А. И. Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, не знаю въ правѣ-ли отозваться на предписаніе Е. С. Какъ бы то нибыло, надѣюсь на вашу снисходительность и приемлю смѣлость объясниться откровенно на щетъ моего положенія.

7 лѣтъ я служу службою не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальник(ом)ъ. Эти (семилѣтняя) 7 лѣтъ какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ (совсѣмъ) другую цѣль. Ради бога не думайте чтобъ я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіямъ рифмача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость. Думаю что Графъ Воронцовъ не захочетъ лишить меня ни того, ни другаго.

(Можетъ быть, скажете вы) Мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей обязанъ служить. Вы знаете что только въ Москвѣ или П. Б. можно вести книжной торгъ ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній единственно по тоій причинѣ что нахожусь за 2000 в. отъ столицъ. Правительству угодно (было) вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мои утраты я принимаю эти 700 рублей не такъ какъ жалованіе чиновника но какъ паекъ ссылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться если не могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ, (которыя доставляютъ мнѣ). Вхожу въ (сіи) эти подробности, потому что дорожу мнѣніемъ Гр. Воронцова, также какъ и вашимъ, (также) какъ и мнѣніемъ всякаго честн. человѣка.

Повторяю здѣсь то что уже (сказал) извѣстно Графу М. С: если бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другова начальника кромѣ его сіятельства; но чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшія успѣхи въ оной.

Знаю что довольно этого письма чтобъ меня, какъ говорится, уничтожить. Если Гр. прикажетъ подать въ отставку я готовъ; но чувствую что перемѣнивъ мою зависимость я много потеряю а ничего выиграть не надѣюсь.

Еще одно слово: Вы можетъ быть не знаете что у меня аневризмъ. Вотъ уже 8 лѣтъ какъ я ношу съ собою смерть. Могу предстовить свидѣтельство котораго угодно Доктора. Ужели не льзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни которая вѣрно не продлится.

Свидѣтельствую вамъ глуб. почт. и серд. пред.

Черновое (первый набросокъ).

22-го мая.

П. А. И. Будучи совершенно чуждъ ходудѣловыхъ бумагъ, не знаю (какимъ) въ правѣ ли отозваться на предписаніе Е. С. Какъ бы то ни был,о надѣюсь на вашу (снисхожденіе) снисходительность и приемлю смѣлость объясниться откровенно (о своемъ положеніи) на щетъ моего положенія.

(Я давно отказался отъ всякой надежды, отъ всякой выгоды) служба никогда не была моею цѣлію: 7 лѣтъ я ею не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ; эти 7 лѣтъ к. в. извѣстно для меня потеряны. Чувствуя совершенную свою неспособность, я уже отказался отъ всякой надежды на дальнѣйшіе успѣхи или выгоды [Можетъ быть, я чувствую, болѣе, чѣмъ кто-нибудь умѣренность правительства, но не могу...]; я самъ заградилъ себѣ путь, я выбралъ другую дорогу. Ради Бога не думайте, чтобъ я смотрѣлъ на (стихи) стихотворство, какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка, съ смѣшнымъ тщеславіемъ: опо—просто мое ремесло, отрасль промышленности, которая одна доставляетъ мнѣ пропитаніе и независимость. Графъ не захочетъ лишить ни того, ни другаго.

Можетъ быть, скажете вы, что я получаю жалованіе, слѣдственно, обязанъ служить; но я принимаю 700 рублей не такъ, какъ жалованіе чиновника Нов. В. губ., но какъ (человѣч.) паекъ ссылочнаго невольника. Вы знаете, что только (въ Россіи) въ Москвѣ или Петербургѣ (могу) можно вести книжный торгъ ибо только тамъ находятся журналы, цензора и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній только по тоій причинѣ, что нахожусь за 2000 верстъ отъ столицы. Правительство вознаграждаетъ нѣкоторымъ образомъ мои утраты—но я готовъ отказаться отъ моего жалованія, если не буду властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ это обст., потому что дорожу мнѣніемъ Гр. Вор., также какъ и вашимъ также какъ и всякаго честнаго человѣка. Повторяю здѣсь то, что уже [честь имѣлъ говорить] сказать самому графу М. С.: если бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другаго начальника, кромѣ Е. С.; но я не хочу служить, никогда ничего по службѣ не искалъ и противу воли — — —

Чувствую, что въ семъ [письмѣ] довольно, чтобъ меня уничтожить; если графъ прикажетъ подать мнѣ въ отставку, я готовъ, хотя съ сожалѣніемъ, чувствуя, что перемѣнивъ мою должность я много потеряю и ничего не надѣюсь выиграть.

Еще одно слово: вы, можетъ быть, не знаете, что у меня аневризмъ; слѣдственно, вотъ уже 8 $\frac{1}{2}$ [лѣтъ?], какъ я ношу съ собою смерть; могу представить свидѣтельство [какого угодно] того доктора, котораго угодно вамъ... Кажется, служба таково чиновника не завидна. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая вѣрно не продлится?

77.

А. Н. Раевскому (?).

[Июнь 1824 г. Одесса].

(Мнѣ) Съ удивленіемъ [услышалъ] слышу я что ты почитаешь меня [варваромъ] врагомъ освобождающейся Греціи и поборникомъ Турецкаго рабства. (Мнѣ случалось иногда говорить о Греціи) Видно слова мои были тебѣ странно перетолкованы. (Повторяю тебѣ чтобъ оправдаться) Но чтобы тебѣ не говорили, ты не долженъ былъ вѣрить чтобы когда нибудь сердце мое недоброжелательство. (освобожденію свободѣ) благороднымъ усиліямъ (свободы) возраждающагося народа. Жалѣя что принужденъ оправдываться передъ тобою, повторяю и здѣсь (тебѣ) то что (думаю) случалось мнѣ говорить касательно Грековъ.

(Большая часть людей) Люди по большей части (ограниченны) самолюбивы, безпонятны, легкомысленны, невѣжественны, упрямы; старая истина которую все таки не худо повторить— Они (не) рѣдко терпятъ (ни рѣдкаго) противурѣчія никогда не прощаютъ неуваженія; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяютъ [что] всякую новость; и (однажды принявъ) къ ней привыкнувъ ужъ не могутъ съ нею разтаться.—

Когда что нибудь является общимъ мнѣніемъ то (оно непримѣтно) глупость общая вредитъ ему столь-же, сколько общее (усиліе) единодушіе [1]) ее поддерживаетъ. Греки между Европейцами имѣютъ (много глупыхъ) гораздо болѣе вредныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ [полезныхъ] другіе.—(Невѣжество) Ничто еще не было столь народно какъ дѣло Грековъ, хотя многіе въ ихъ политическомъ отношеніи были важнѣе для Европы.

78.

А. Н. Раевскому (?).

[Июнь 1824 г. Одесса].

..., de Constantinople—<Voil>a de gueux (de courtiers... de juifs, de coupeurs de bourse) timides, voleurs et vagabondes qui n'ont (ne pouvoient) (jamais) pu même soutenir le premier feu de la mauvaise mousquetterie turque, (voilà ce que sont les) formeroit une singulière troupe dans l'armée (Russe) du Comte Vitgen.—Quand à ce q. reg. les officiers, ils sont pires que les soldats—(On peut voir) N. avons vu les nouveaux Leonidas dans les rues d'Odessa et de Kichenev—(nous) plusieurs nous sont personnellement connus, nous certifions leur complette nullité—aucune idée de l'art militaire, nul point d'honneur, nul enthousiasme—(un) ils ont trouvé l'art d'être insipides, même au moment où leur conversation devoit interesser tout Européen— les (officier) françois et les Russes qui se trouvent ici (leur disent des grosses injures en face et quelquefois) leur marquent un mépris dont ils ne sont que trop dignes, ils supportent tout, même les coups de bâton avec un sang froid digne de Themistocle— Je ne suis ni un Barbare ni un apôtre (du gouvern.) de l'Alcoran, la cause de la Grèce m'interesse vivement, c'est pour cela même que je m'indigne en voyant ces miserables revêtus du ministère sacré des defenseurs de la liberté—

[1]) Передѣлано изъ «единомысліе».

79.

А. И. Казначееву.

Черновое.

[Начало іюня 1824 г. Одесса].

(Votre lettre m'a fait bien de la peine) Je suis bien faché que mon congé vous ait fait tant de peine, et (notre douleur) l'affliction que vous m'en temoignez me touche sincerement. Quant aux craintes que vous (femoigner) avez relativement aux suites que ce congé peut avoir, je ne les vois pas fondées. Que regretteraije? Est-ce ma carrière manquée? C'est une idée à laquelle j'ai eu le t mps de me résigner. (C'est à quoi je m'y suis resigné deja). Sont ce mes appointements? (Je n'ignore pas qu'avec mon manque de fortune et mon peu de moyens je ne puis pas les dédaigner) Puisque mes occupations litteraires peuvent me procurer plus d'argent que le il est tout naturel de (leur) les sacrifier les occupations de mon service. Vous me parlez de protection et d'amitié,—deux choses à mon sens incompatibles. Je ne puis, ni ne veux prétendre à l'amitié du comte Woronzow, encore moins à sa protection; rien que je sache ne dégrade plus que le patronage, et j'éstime trop cet homme pour vouloir m'abaisser devant lui. Ladessus j'ai des préjugés démocratiques qui vaillent bien les prejugés (d'orgueil) de l'Aristocratie.

(Il est inutile). Je n'aspire qu'à l'indépendence <pardonnez-moi le mot en faveur de la chose>; à force de courage et de persévérance, je finirai par en jouir. J'ai déjà vaincu ma répugnance d'écrire et de vendre mes vers pour vivre; le plus grand pas est fait; si je n'écris encore que sous l'influence capricieuse de l'inspiration, les vers une fois écrits, je ne les regarde plus que comme une marchandise à tant la pièce. Je ne conçois pas la consternation de mes amis <je ne sais pas trop ce que c'est que mes amis>. Je suis fatigué de dépendre de la digestion bonne ou mauvaise de tel et tel chef, je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier imbecile galopin anglais qui vient promener parmi nous sa platitude [sa nonchalance] et son baragouin.

Il n'y a pas de doute que le comte W., qui est un homme d'ésprit, saura (de me mettre dans mon tort) me donner le tort dans l'opinion du public triomphe très flatteur et dont je le laisserai jouir tout à son gré, vu que je me soucie (tres peu) tout autant de l'opinion de ce public que des feuilles de l'admiration de nos journaux.

80.

Князю П. А. Вяземскому.

[Первая половина іюня 1824 г. Одесса].

Жена твоя пріѣхала сегодня, привезла мнѣ твои письма и мадригалъ Василія Львовича къ

которомъ онъ мнѣ говоритъ: ты будешь жить съ Княгинею прелестной; не вѣрь ему, душа моя и не ревнуй. Письма твои обрадовали меня по многимъ отношеніямъ: кажется ты успокоился послѣ своей эпиграммы. Давно бы такъ! Критики у насъ, Чувашей, не существуетъ, палки какъ-то неприличны; о посинкѣ и смѣхъ и грѣхъ было и думать: то ли дѣло цынъ цынъ или цыцъ цыцъ. Пришли мнѣ эпиграмму Грибоѣдова. Въ твоей неточности: и взгзъ такой; должно искъ. Впрочемъ, она прелестна. То что ты говоришь на щетъ журнала давно уже бродитъ у меня въ головѣ—дѣло въ томъ что на Воронцова нечего надѣяться. Онъ холоденъ ко всему что не онъ; а Меценатство вышло изъ моды— Никто изъ насъ не захочетъ великодушнаго покровительства просвѣщеннаго Вельможи. Это обвѣтшало вмѣстѣ съ Ломоносовымъ. Нынѣшняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима. Мы одни должны взяться за дѣло и соединиться. Но бѣда! мы всѣ лѣнтяи на лѣнтяѣ—матеріалы есть матеріалисты есть, но où est le cul de plomb qui pousse a ça? гдѣ найдемъ своего составителя, такъ сказать, своего Каченовскаго? <въ смыслѣ Милонова—что для издателя хоть Вѣстника Европы, не надобенъ тутъ умъ, потребна только ...>? Еще бѣда: ты—Sectaire, а тутъ бы нужно много и очень много терпимости; я бы согласился видѣть Дмитріева въ заглавіи нашей кучки, а ты уступишь-ли мнѣ моего Катенина? отрекаюсь отъ Василья Львовича; отречешься-ли отъ Воейкова — Еще бѣда: мы всѣ прокляты и разсѣяны по лицу земли—между нами сношенія затруднительны, пѣтъ единодушія; золотое къ стати помнутно отъ насъ выскользаетъ—Первое дѣло: должно приструнить всѣ журналы и держать ихъ въ решпектѣ—ничего легче бъ не было, еслибъ мы были вмѣстѣ и печатали бы завтра что рѣшили-бы за ужиномъ вчера; а теперь сообщай изъ Москвы въ Одессу замѣчаніе на какую нибудь глупость Булгарина, отсылай его къ Бирукову въ П. Б. и печатай потомъ черезъ 2 мѣсяца въ revue des bévues. Нѣтъ, душа моя Асмодей отложимъ попеченіе, далеко кулику до петрова дня—а еще далѣ (намъ) Бабушкѣ до Юрьева дня—Радуюсь, что могъ услужить тебѣ своей денежкой, сдѣлай милость не торопись— Съ женою отошлю тебѣ 1-ую пѣснь Онѣгина— Авось съ перемѣной министерства она и напечатается—покамѣсть мнѣ предлагаютъ за второе изданіе К. Плѣ. 2000 рублей. Какъ думаешь? согласиться? Третье вѣдь отъ насъ не ушло.

Прощай милый; пишу тебѣ въ пол-пьяна и въ постелѣ—отвѣчай.

81.

Л. С. Пушкину.

[13 іюня 1824 г. Одесса].

Ты спрашиваешь моего мнѣнія на щетъ Булгаринскаго вранья — чортъ съ нимъ. Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, такъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть уваженіе къ самому себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей литературы—вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ. Напиши мнѣ лучше что-нибудь о Сѣверныхъ Цвѣтахъ—выдутъ ли и когда выдутъ? Съ перемѣною Министерства ожидаю и перемѣны Цензуры. А жаль... la coupe étoit pleine. Бируковъ и Красовскій не въ терпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться. На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія Дѣдушка Шишковъ? Не запретилъ-ли онъ *Бахч. Фонтанъ* изъ уваженія къ святыни Академическаго словаря и нелѣпо составленному слову водометъ? Шутки въ сторону, ожидаю добра для литературы вообще и посылаю ему лобзаніе, не яко Іуда-Арзамасецъ но яко Разбойникъ-Романтикъ. Попытаюсь толкнуться ко вратамъ Цензуры съ первою главой или пѣснью Онѣгина. Авось пролѣземъ. Ты требуешь отъ меня подробностей объ Онѣгинѣ — скучно, душа моя. Въ другой разъ когда нибудь. Теперь я ничего не пишу; хлопоты другого рода. Непріятности всякаго рода; скучно и пыльно. Сюда пріѣхала Кн. Вѣра Вяземская, добрая и милая баба—по мужу былъ бы я больше радъ. Жуковскаго я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! Слушай, душа моя! деньги мнѣ нужны. Продай на годъ Кавк. Плѣн. за 2000 рублей кому бишь? Вотъ перемѣны: И путникъ оживаетъ — и плѣнникъ. Остановлялъ онъ долго взоръ—Вперялъ онъ любопытный взоръ. И упоительнымъ мечтамъ - И упоительнымъ... Немного .....ей дней—ночей, ради Бога. Прощай.

На оборотѣ: Милостивому Государю
Льву Сергѣевичу
Пушкину. Въ С.-Петербургѣ,
У Обухова моста, въ домѣ Полторацкаго.

82.

Князю П. А. Вяземскому.

[Середина іюня 1824 г. Одесса].

Я ждалъ отъѣзда Трубецкова чтобъ писать тебѣ спустя рукава. Начну съ того что всего ближе касается до меня. Я поссорился съ Воронцовымъ, и завелъ съ нимъ полемическую переписку, которая кончилась съ моей стороны просьбою въ отставку—но чемъ кончатъ Власти, еще неизвѣстно. Тиверіи радъ будетъ придраться; а Европейская молва о Европейскомъ образѣ мыслей Графа Селна обратитъ всю отвѣтственность на меня. Покамѣсть не говори объ этомъ никому. А у меня голова кругомъ идетъ. По твоимъ письмамъ къ Кн. Вѣрѣ, вижу что и тебѣ и Кюхельбекерно и тошно; тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ (ей) его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостію—Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и Каина, онъ ужъ не тотъ пламенный Демонъ который создалъ Гяура и Чильдъ Гарольда. Первыя 2 пѣсни Донъ-Жуана вышѣ слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнялась. Онъ весь созданъ былъ на выворотъ; постепенности въ немъ не было, онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему невозвратились. Послѣ 4-й пѣсни Child Harold Байрона

мы не слыхали, а писалъ какойто другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ. Твоя мысль воспѣть его смерть въ 5-й пѣсни его Героя прелестна—но мнѣ не по силамъ. Грецiя мнѣ огадила. О судьбѣ Грековъ позволено разсуждать какъ о судьбѣ моей братьи Негровъ; (и) можно тѣмъ и другимъ желать освобожденiя отъ рабства нестерпимаго; но чтобы всѣ просвѣщенныя Европейскiя народы бредили Грецiей — это непростительное ребячество. Iезуиты натолкавали намъ о Ѳемистоклѣ и Периклѣ а мы вообразили что пакостный народъ состоящiй изъ разбойниковъ и лавошниковъ есть законнорожденный ихъ потомокъ, и наслѣдникъ ихъ школьной славы—Ты скажешь что я перемѣнилъ свое мнѣнiе. Пріѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Мильтiада и ты бы со мною согласился — Да посмотри что писалъ тому нѣсколько лѣтъ самъ Байронъ въ замѣчанiяхъ на Child Harold—тамъ гдѣ онъ ссылается на мнѣнiе Фовеля, французского консула помнится, въ Смирнѣ—Обѣщаю тебѣ однакоже Вирши на смерть Его Превосходительства.

Хотѣлось мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства—Что ты объ этомъ думаешь? Я и радъ и нѣтъ. Давно ди[е]визъ всякаго рускаго есть ч е м ъ х у ж е т ѣ м ъ л у ч ш е. Опозиц[i]я Руская, составившаяся, благодаря Рускаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣнiе, которое я изъ подъ тишка поддразнивалъ ожидая чего нибудь—А теперь какъ позволятъ Фитѣ Глинкѣ говорить своей любовницѣ что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ врать своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ—Вотъ какъ Шишковъ сдѣлаетъ всю обѣдню . . . . . Съ другой стороны деньги, Опѣгинъ, святая заповѣдь Корана—вообще мой эгоизмъ — Еще слово: я позволилъ брату продать (2) второе изданiе К а в к. П л ѣ., день гибыли нужны—А <какъ я говорилъ> 3-е изданiе отъ насъ не уйдетъ.—Да ты пакостишь со мною: даришь меня, и связываешься чортъ знаетъ съ кѣмъ—Ты задорный издатель—а Гнѣдичь хоть и не выгодный пріятель за то ужъ копѣйки не подаритъ и смирно себѣ сидитъ ни бранясь ни съ Качеповскимъ ни съ Дмитрiевымъ. А. П.

Пришли же и ты мнѣ стиховъ.

83.

Н. В. Всеволожскому.

Черновое.

[Вторая половина iюня 1824 г. Одесса].

Не могу повѣрить, чтобъ ты забылъ меня, милый Всеволожскiй! Ты помнишь Пушкина, проведшаго съ тобою (первые годы) столько веселыхъ часовъ, Пушкина, котораго ты видѣлъ и пьянаго, и влюбленнаго, не всегда вѣрнаго твоимъ субботамъ, по неизмѣнnаго твоего товарища въ театрѣ, наперсника твоихъ шалостей (кулисныхъ страстей), того Пушкина, который отрѣзвилъ тебя въ страстную пятницу и проводилъ тебя подъ руку въ церковь те. Дирекцiи, да помолишься Господу Богу и насмотришься на госпожу Овошникову. Сей самый Пушкинъ честь имѣетъ напомнить тебѣ нынѣ о своемъ существованiи и приступаетъ къ нѣкоторому дѣлу, близко до него касающемуся. Помнишь ли, что я тебѣ полупродалъ, полупроигралъ рукопись моихъ стихотворенiй? (О священная дружба! о проклятый тиранъ) Ибо знаешь: играй.... родитъ задоръ..... Я разкаялся, но поздно. Нынѣ рѣшился я исправить свои погрѣшности, начиная съ моихъ стих.; большая часть оныхъ ниже посредственности и годится только на совершенное уничтоженiе; нѣкоторыхъ хочется мнѣ спасти.... Царь не боится свободы! Продай мнѣ назадъ мою рукопись за ту же цѣну 1000 <я знаю, что ты со мною спорить не станешь, даромъ же взять не захочу>. Деньги тебѣ доставлю съ благодарностiю, какъ скоро выручу. Надѣюсь, что мои стихи (по милости божiей) у Слепина не залежатся. Передумай и дай отвѣтъ. Обнимаю тебя моя радость, обнимаю и... Прошу... Когда-то свидимся ... когда-то...

84.

А. А. Бестужеву.

[29-го iюня 1824 г. Одесса].

Милый Бестужевъ, ты ошибся думая что я сердитъ на тебя—лѣнь одна мнѣ помѣшала отвѣчать на послѣднее твое письмо <другова я не получалъ>. Булгаринъ другое дѣло. Съ этимъ человѣкомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ: мнѣ случилось когда то быть влюблену безъ памяти. Я обыкновенно (въ это время) въ такомъ случаѣ пишу элегiи, какъ другой. . . . . Но пріятельское ли дѣло вывѣшивать на показъ мокрыя мои простыни? Богъ тебя проститъ! но ты осрамилъ меня въ нынѣшней Звѣздѣ — напѣчатавъ 3 послѣднiя стиха моей элегiи; чортъ дернулъ меня написать еще къ статьи о Бахч. фонт. какiя-то чувствительныя строчки и припомнить тутже элегическую мою красавицу.—Вообрази мое отчаяніе когда увидѣлъ ихъ напечатанными.—Журналъ можетъ попасть въ ея руки.—Чтожъ она подумаетъ ..... видя съ какой охотою бесѣдую объ ней с ъ о д н и м ъ и з ъ И. Б. м о и х ъ п р и я т е л е й. Обязана ли она знать что она мною не названа, что письмо разпечатано и напечатано Булгаринымъ — что проклятая элегiя доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ—и что никто не виноватъ. Признаюсь, одной мыслiю этой женщины дорожу я болѣе чемъ мнѣнiями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. Голова у меня закружилась. Я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣсти. Евр. <единственномъ журналѣ на котораго не имѣю права жаловаться> что Булг. не былъ въ правѣ пользоваться перепискою двухъ частныхъ лицъ еще живыхъ безъ согласiя ихъ собственнаго. Но перекрестясь предалъ это все забвенiю. Отзвонилъ и съ колокольни далой.—Мнѣ грустно мой милый: что ты ничего не пишешь. Ктожъ будетъ писать: М. Дмитрiевъ да А. Писаревъ? хороши! если бы покойникъ Байронъ связался браниться съ полупокойникомъ Гете, то и тутъ бы Европа не ше-

вельпулась чтобъ ихъ стравить, поддразнить или окатить холодной водой. Вѣкъ полемики миновался. Для кого жъ занимательно мнѣніе Дмитріева о мнѣніи Вяземскаго или мнѣніе ..... Писарева о самомъ себѣ. Я принужденъ былъ вмѣшаться ибо призванъ былъ въ свидѣтельство М. Дмитріевымъ. Но больше не буду. Онѣгинъ мой ростетъ. Да чортъ его напечатаетъ. Я думалъ что Цензура ваша поумнѣла при Шишковѣ — а вижу что и при старомъ по старому.—Если согласіе мое, не шутя тебѣ нужно для напечатанія Разбойниковъ— то я никакъ его не дамъ если не пропустятъ грезъ и харчевни <скоты! скоты! скоты!> а попа къ чорту его. Кончу дружеской комисіей— постарайся увидѣть Никиту Всеволожскаго, лучшаго изъ минутныхъ друзей моей минутной младости. Напомни этому милому, безпамятпому эгоисту что существуетъ нѣкто А. Пушкинъ, такой же эгоистъ и пріятный стихотворецъ. Оный Пушкинъ продалъ ему когда то собраніе своихъ стихотвореній за 1000 р. ассигп. Нынѣ за туже цѣну хочетъ у него ихъ купить. Согласится-ли Аристипъ Всеволодовичъ? Я бы въ придачу предложилъ ему мою дружбу mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles. — Покажи ему мое письмо. — Мужайся — дай отвѣтъ скорѣй какъ говоритъ Богъ Іова или Ломоносова.

29 іюня 1824. Одесса.

87.

Князю П. А. Вяземскому (?).

Черновое.

[5-го іюля 1824 г. Одесса].

Французы ничуть не ниже Англичанъ въ Исторіи—Если первенство чего нибудь да стоитъ то вспомните что Вольтеръ первый пошелъ по новой дорогѣ—и внесъ свѣтильникъ Философіи въ темные Архивы Исторіи. Робертсонъ сказалъ что если бы Вольтеръ потрудился указать на Источники своихъ сказаній то бы онъ, Робертсонъ, никогда не написалъ своей Исторіи—2-е Лемонте есть Геній 19-го столѣтія—прочти его Обозрѣніе Царствованія Людовика XIV и ты поставишь его выше Юма и Робертсона. Рабо де С-тъ Этьень—дрянь.

5 іюля 1824 Одесса.

Вѣкъ романтизма не насталъ еще для Франціи—Лавинь бьется въ старыхъ сѣтяхъ Аристотеля—Онъ ученикъ Трагика Вольтера, а не природы—.

Tous les receuils de poësies nouvelles dites Romantiques sont la honte de la litterature françoise—.

Ламартинъ хорошъ въ Наполеонѣ, въ Умирающемъ поэтѣ—вообще хорошъ какой то новой Гармоніей—.

Никто болѣе меня не любитъ прелестнаго André Chenier.—Но онъ изъ Классиковъ классикъ— отъ него такъ и несетъ древней Греческой поэзіей! Вспомни мое слово: первый Геній въ Отечествѣ Расина и Буало—ударится въ такую бѣшеную свободу, въ такой литературный Карбонаризмъ—что твои нѣмцы—а покамѣсть поэзія во Франціи менѣе чемъ у насъ—

88.

А. И. Тургеневу.

[14-го іюля 1824 г. Одесса].

Вы ужъ узнали, думаю, о просьбѣ моей въ отставку; съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія своей участи и съ надеждой поглядываю на вашъ сѣверъ. Не странно-ли что я поладилъ съ Пизовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ; дѣло въ томъ что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дождаться большихъ непріятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Воронцовъ—Вандалъ, придворный хамъ и мѣлкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что то другое. Старичокъ Пизовъ сажалъ меня подъ арестъ всякій разъ какъ мнѣ случалось побить Молдавскаго Боярина. Правда—но за то добрый мистикъ въ то-же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною объ Гишпанской революціи. Не знаю Воронцовъ посадилъ-ли бы меня подъ арестъ, но ужъ вѣрно не пришелъ бы ко мнѣ толковать о Конституціи Кортесовъ. Удаляюсь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой. Зная старую вашу привязанность къ шалостямъ окаянной музы, я было хотѣлъ прислать вамъ нѣсколько строфъ моего Онѣгина, да лѣнь. Не знаю пустятъ-ли этаго бѣднаго Онѣгина въ небесное царствіе печати; на всякой случай, попробую. Послѣдняя перемѣна министерства обрадовала бы меня въ полнѣ, еслибы вы остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Это истинная потеря для насъ, писателей. Удаленіе Голицына едва-ли можетъ оную вознаградить. Простите милый и почтенный! Это письмо будетъ вамъ доставлено Кн. Волконской, которую вы такъ любите и которая такъ любезна. Если вы давно не видались съ ея дочерью то вы изумитесь правотѣ и вѣрности прелестной ея головы. Обнимаю всѣхъ, то есть весьма немногихъ—цѣлую руку К. А. Карамзиной и Княгинѣ Голицыной constitutionnelle ou Anticonstitutionnelle mais toujours adorable comme la liberté. *А. П.*

14 juillet.

На оборотѣ: A. Monsieur Monsieur Tourgueniet à St-Petersbourg.

89.

Князю П. А. Вяземскому.

[15-го іюля 1824 г. Одесса].

За что ты меня бранишь въ письмахъ къ своей женѣ? за отставку? т. е. за мою независи-

мость? За что ты ко мнѣ не пишешь? Приѣдешь-ли къ намъ въ полуденную пыль? Дай Богъ! Но поладишь-ли ты съ здѣшними Властями это вопросъ на который отвѣчать мнѣ нехочется хоть и можно бы. Кюхельбекеръ ѣдетъ сюда—жду его съ нетерпѣніемъ. Да и онъ ничего ко мнѣ не пишетъ; что онъ не отвѣчаетъ на мое письмо. Далъ ли ты ему Разбойниковъ для Мнемозины?—Я бы и изъ Онѣгина переслалъ бы что нибудь, да нельзя: все заклеймено печатью отверженія. Я было хотѣлъ сбыть съ рукъ Плѣшника, но плутня Ольдекопна мнѣ помѣшала. Онъ перепечаталъ Плѣшника, и я долженъ буду хлопотать о взысканіи по законамъ—Прощай, моя радость. Благослови, Преосвященный Владыко Асмодей.

15 іюля.

На оборотѣ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

88.

N. C. Зеновичу.

[8-го августа 1824 г.].

Александръ Пушкинъ сердечно благодаритъ Игнатія Семеновича Зеновича за его заочное гостепріимство. Онъ оставляетъ его домъ искренно жалѣя, что не имѣлъ счастія познакомиться съ почтеннымъ хозяиномъ.

8 августа 1824.

89.

И. М. Рокотову.

[Августъ—сентябрь 1824 г. Михайловское].

Monsieur! Je me serais fait un devoir de vous envoyer ma caleche, mais pour le moment je n'ai pas de chevaux à ma disposition. Si vous voulez bien l'envoyer chercher, elle est à vos ordres. Si monsieur votre frère me fesait l'honneur de passer chez moi, j'aurais été enchanté de le recevoir et de renouveller une connaissance aussi aimable. Quant à ce qui regard le prix, j'aurais voulu la vendre, comme j'ai eu l'honneur de vous le dire, pour 1500. Au reste je m'en rapporterai à la decision de monsieur votre frère.

Agréez les assurances du respect le plus profond et de la considération la plus parfaite, monsieur, de votre très humble et obéissant serviteur Alexandre Pouchkine.

90.

А. Н. Вульфу.

[20-го сентября 1824 г. Михайловское].

Здравствуй, Вульфъ пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ
(Не Михайловскій прикащикъ),
Привезетъ намъ, право, кладъ...
Что?—бутылокъ полный ящикъ.
Запрусмъ ужъ, молчи!
Чудо—жизнь анахорета!
Въ Тригорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуютъ стаканы
Мы же—то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверзтыми объятіями и съ откупоренными бутылками. Уговори Языкова да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подъ строгимъ присмотромъ, то если вамъ обоимъ за благо разсудится мнѣ отвѣчать, пришли письма подъ двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей А. Н.

До свиданія, мой милый А. П.

91.

П. А. Плетневу.

Черновое.

[Сентябрь—октябрь 1824 г. Михайловское]

Ты издалъ дядю моего,
Творца Опаснаго сосѣда:
Достоинъ очень былъ того,
Хотя покойная БесѢда
И не вѣнчала ликъ его.
Теперь издай меня, пріятель,
Плоды пустыхъ моихъ трудовъ.
Но ради Феба, мой Плетневъ,
Когда ты будешь свой издатель,
. . . . . .

Безпечно и радостно полагаюсь на тебя въ отношеніи моего Онѣгина. Созови мой ареопагъ, то-есть, Жуковскаго, Гнѣдича и Дельвига. Отъ васъ ожидаю суда и съ покорностію приму его рѣшеніе. Жалѣю, что нѣтъ Баратынскаго, между тѣмъ говорятъ, онъ пишетъ....

92.

Н. И. Кривцову.

[Сентябрь—октябрь 1824 г. Михайловское].

Милый мой Кривцовъ, помнишь Пушкина? Не думай что онъ въ первые послѣ разлуки пишетъ къ тебѣ. Но Богъ знаетъ почему письма мои къ тебѣ не доходили. О тебѣ доходятъ до меня только темные слухи. А ты ни строчкой не порадовалъ изгнанника!—Правда-ли, что ты сталъ Аристократомъ?—Это дѣло. Но не забывай демократическихъ друзей 1818 года—Всѣ мы раз-

брелись — Всѣ мы перемѣнились—А дружба, дружба—

93.

Князю П. А. Вяземскому.

[10-го октября 1824 г. Михайловское].

Мой милый, наконецъ ты подалъ голосъ—дѣловую записку твою получилъ исправно—вотъ тебѣ отвѣтъ.

Ольдекопъ укралъ и совралъ! Отецъ мой никакой сдѣлки съ нимъ не имѣлъ. Довѣренность я бы тебѣ переслалъ; но погоди; гербовая бумага въ городѣ, должно взять какое то свидѣтельство въ городѣ—а я въ глухой деревнѣ. Если можно безъ нее обойтись, то начни дѣйствія, единственный, дѣятельный другъ! По письму дяди, вижу что Кн. В. Ѳ. къ тебѣ пріѣхала; ты ничемъ не достоинъ своей жены (развѣ стихами, да и тѣхъ уже не пишешь). Немѣдленно буду къ ней писать; я все хотѣлъ навѣрное знать мѣсто ея пребыванія. En attendant mettez moi à ses pieds et dites lui qu'elle est une âme charmante. О моемъ житьѣ-бытьѣ ничего тебѣ не скажу. Скучно вотъ и все.

Каковъ Гр. Воронцовъ?

Полу-Герой, полу-невѣжда,
Къ тому-жъ еще полу-подлецъ!...
Но тутъ однакожъ есть надежда
Что полный будетъ наконецъ.

Къ стати о стихахъ: сегодня кончилъ я поэму Цыгане. Не знаю что объ ней сказать—Она покамѣсть мнѣ опротивѣла, только что кончилъ и не успѣлъ обмыть запрѣвшія .... Посылаю тебѣ маленькое поминаньеце за упокой души раба Божія Байрона—Я было и цѣлую панихиду затѣялъ, да скучно писать про себя—или справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Бирукова, раздѣленнаго на Красовскаго—Братъ Лайонъ тебѣ кланяется—пришли мнѣ стиховъ, умираю скучно.

94.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Черновое.

[Первая половина октября 1824 г. Михайловское].

Belle et bonne princesse Véra, amie charmante et généreuse! Je ne vous remercierai pas pour votre lettre: les paroles seraient trop froides et trop faibles pour vous exprimer mon attendrissement et ma reconnaissance. Votre douce amitié suffirait à toute âme moins égoïste que la mienne. Tel que je suis, elle seule me console de bien de chagrins et seule a pu calmer la rage de l'ennui qui consume ma sotte existance. Vous devez la connaitre, cette sotte existance. Ce que j'avais prèvu s'est trouvé vrai. Ma présence au milieu de ma famille n'a fait que redoubler des chagrins assez réels. (Le gouvernement a eu l'infamie de proposer à mon père d'être agent de persécution). On m'a reproché mon éxil; on se croit entrainé dans mon malheur, on prétend que je prêche l'athéisme à ma soeur, qui est une créature celeste, et à mon frère qui (a beaucoup d'esprit) est très-drôle et très-jeune, qui admirait mes vers et que j'ennuie très-certainement. Dieu sait, si ce serait vrai. Mon père a eu la faiblesse d'accepter un emploi qui le met dans tous les cas dans une fausse position à mon égard. Cela fait que je passe à cheval et dans les champs tout le temps que je ne suis pas au lit. Tout ce qui me rappelle la mer m'attriste, le bruit d'une fontaine me fait mal à la lettre; je crois qu'un beau ciel me ferait pleurer de rage, но слава à Dieu: небо у насъ сивое, а луна—точная рѣпа. A l'égard des mes voisins, je n'ai eu que la peine de les rebuter d'abord; ils ne m'excèdent pas; je jouis parmi eux de la réputation d'Onéguine, et voilà je suis prophète en mon pays. Pour toute ressource je vois souvent une bonne vieille voisine, j'écoute ses conversations patriarchales; ces filles, assez mauvaises sous tous les rapports, me jouent du Rossini qui j'ai fait venir. Je suis dans la meilleur position possible pour achever mon (poème) roman poétique, mais l'ennui est une froide muse, et le poème n'avance guère; voilà pourtant une strophe que je vous doit; montrez la au *Pr*[*ince*] *Pierre*; dites lui de ne pas juger du tout pas cet echantillon.

Adieu, ma réspectabse princesse, je suis à vos pieds bien tristement. Ne montrez cette lettre qu'à ceux que j'aime et qui prennent à moi l'intéret de l'amitié et non de la curiosité. Au nom du ciel, un mot d'Odessa, de vos enfants. Avez-vous consulté le docteur de Mimi? Que fait-il, и что Мими?

Le prince a....

Адресъ: Покорно прошу доставить ея сіятельству княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Вяземской.

95.

Л. С. Пушкину.

[Конецъ октября 1824 г. Михайловское].

Братъ, ты мнѣ прислешь нѣмецкую критику Кавк[азскаго] Пл[ѣнника]? <спросить у Греча>, да книгъ, ради бога книгъ! Если ГГ. издатели не захотятъ удостоить меня присылкою своихъ Альманаховъ, то скажи Слѣнину, чтобъ онъ мнѣ ихъ препроводилъ, въ томъ числѣ и Талію Булгарина. Кстати о таліи: на дняхъ я мѣрялся поясомъ съ Евпр[аксіей], и таліи наши нашлись одинаковы. Слѣд[ственно], изъ двухъ одно: или я имѣю талью 15 лѣтней дѣвушки, или она—талью 25 лѣтняго мущины. Евп[раксія] дуется и очень мила, съ Анеткою бранюсь; надоѣла! Еще комисіи: прислали мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ Чадаева, да перстень мнѣ грустно безъ него; рискни съ Михайломъ. Надѣюсь что разбойники тебя не ограбили. NB. Какъ можно ѣздить безъ оружія! Это и въ Азіи не дѣлается. Что Онѣгинъ? Перемени стихъ: Звонокъ раздался.

Поставь: Швейцара мимо онъ стрѣлой.

Въ Разг[оворѣ] послѣ: Искалъ вниманья красоты

нужно непремѣнно:

Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви,
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои.

Не забудь фонъ-Визина писать Фонвизинъ. Что онъ за нехристъ? Онъ рускій, изъ перерускихъ рускій. Здѣсь слышно будто Губернаторъ приглашаетъ меня во Псковъ. Если не получу особеннаго повелѣнія, вѣрно я не тронусь съ мѣста. Развѣ выгонятъ меня Отецъ и мать. Впрочемъ, я всего ожидаю. Однако поговори, заступникъ мой, съ Ж[уковскимъ] и съ Кар[амзинымъ]. Я не прошу отъ правительства полу-милостей; это было бы полу-мѣра, и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока Царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не падѣялся на перемѣну судьбы моей, но со мной онъ поступилъ не только строго, но и не справедливо. Не надѣясь на его снисхожденіе, надѣюсь на справедливость его. Какъ бы то ни было, не желаю быть въ НБ., и вѣрно, нога моя дома уже не будетъ. Сестру целую очень. Друзей моихъ также—тебя въ особенности. Стиховъ, стиховъ, стиховъ. Conversations de Byron! Walter Scott! Это пища души. Знаешь-ли мои занятія? До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; пос[лѣ] об[ѣда] ѣзжу верьхомъ, вечеромъ слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма! Ахъ, боже мой, чуть не забылъ. Вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Сенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ Рускої Исторіи. Прощай, моя радость! Чтожъ чухонка Баратынскаго? Я жду.

На оборотѣ: Его Благородію
Милостивому Государю
Льву Сергѣевичу Пушкину.
Въ С.-Петербургъ у
Обухова моста, въ домѣ Полторацкаго.

96.

Б. А. Адеркасу.

[Конецъ октября 1824 г. Михайловское].

Милостивый Государь
Борисъ Александровичь.

Государь Императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горесть и участь сына. Но важныя обвиненія правительства сильно подѣйствовали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любови его къ протчимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить Его Императорское Величество да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства и пр.

97.

В. А. Жуковскому.

[31-го октября 1824 г. Тригорское]

Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи. Пріѣхавъ сюда былъ я всѣми встрѣченъ какъ не льзя лучше [1]), но скоро все перемѣнилось: отецъ, испуганный моею ссылкою, безпрестанно твердилъ что и его ожидаетъ та же участь; Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть имѣлъ безтыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче быть моимъ шпіономъ; вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать Отецъ началъ упрекать брата въ томъ что я преподаю ему [2]) безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу до меня касающуюся. Наконецъ желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу, прошу его позволенія объясниться откровенно.... Отецъ осердился [3]). Я поклонился, сѣлъ верьхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата, и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé.... <Жуковскій, думай о моемъ положеніи [4]) и суди>. Голова моя закипѣла. Иду къ отцу нахожу его съ матерью, и высказываю все что имѣлъ на сердцѣ цѣлыхъ 3 мѣсяца. Кончаю тѣмъ что говорю ему въ послѣдній разъ. Отецъ мой, воспользуясь отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ что я его билъ, хотѣлъ бить, замахнулся, могъ прибить—Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ своимъ обвиненіемъ? рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести [5]). Спаси меня хоть крѣпостію, хоть Соловецкимъ монастыремъ—Не говорю тебѣ о томъ что терпятъ за меня Братъ и Сестра—еще разъ спаси меня.

А. П.
31 Окт.

Поспѣши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться—дойдетъ до Правительства, посуди что будетъ. Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нѣтъ. Я hors la loi.

P. S. Надобно тебѣ знать что я уже писалъ бумагу Губернатору въ которомъ[ой] прошу его о крѣпости, умалчивая о причинахъ—П. А. Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговорила меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность—Признаюсь мнѣ немного на себя досадно, да душа моя—голова кругомъ идетъ.

98.

Л. С. Пушкину.

[Ноябрь 1824 г. Михайловское].

Братъ, вотъ тебѣ картинка для Онѣгина—

---

[1]) (Рум. 2370, 36, 37). Въ черновикѣ: «и обласка ъ».
[2]) Въ черновикѣ: «и сестрѣ».
[3]) Въ черновикѣ: «заплакалъ, закричалъ».
[4]) Въ черновикѣ было: «изгнаніи».
[5]) Въ черновикѣ: «нѣчнаго моего безчестія».

найди искусный и быстрый карандашъ. Если и будетъ другая, такъ чтобъ все въ томъ же мѢстоположеніи. Та же сцена, слышишь-ли? Это мнѣ нужно непремѣнно. Да пришли мнѣ калоши съ Михайломъ.

Подъ картинкою написано карандашемъ: «1 хорошъ—2 долженъ быть опершися на гранитъ. 3. лодка. 4. Крѣпость Петропавловская». [Картинка воспроизведена въ III т. наст. изд., стр. 245].

99.

Л. С. Пушкину.

[Начало ноября 1824 г. Тригорское].

ДѢла мои все въ томъ же порядкѢ; я въ Михайловскомъ рѣдко. Anette очень смѣшна; сестра разкажетъ тебѣ мои новые фарсы. Всѣ тамъ о тебѣ сожалѣютъ, я ревную и браню тебя скука смертная вездѢ.

Скажи отъ меня Жуковскому чтобъ онъ помолчалъ о происшедствіяхъ ему извѢстныхъ. Я рѣшительно не хочу выносить сору изъ Михайловской избы. И ты, душа, держи языкъ на привязи.

ВидѢлъ ты всѢхъ святыхъ? Шумитъ-ли Питеръ? Что твой приѢздъ и что ОпѢгинъ?

NB. Пришли мнѣ: 1) Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc.—найдешь у Saint-Florent, 2) сѢрныя спички, 3) карты, то-есть, картежныя <объ этомъ скажи Михайлѣ: пусть онъ ихъ и держитъ и продаетъ>, 3[4]) жизнь Емельки Пугачева; 4[5]) Путешествіе по ТавридѢ Муравьева, 5[6]) горчицы и сыру; но это ты и самъ мнѣ привезешь. Что наши литературные Папы, и что сволочь?

Я тружусь во славу Корана и написалъ еще кое-что: лѢнь прислать.

Прощай Отвыкин со временемъ отъ Нащекина, отъ Сабурова, отъ вина и отъ Воейковой,— а то будешь un fréluquet, что гораздо хуже, чемъ Mirtil и godelureau dissolu.

Языковъ будетъ въ Дерптъ не прежДѢ Января. ВсѢмъ поклонъ—пиши же живѢе.

На оборотѣ: Милостивому Государю и братцу.

100.

В. А. Жуковскому.

[Первая половина ноября 1824 г. Михайловское].

Не знаю получилъ-ли ты очень нужное письмо; на всякой случай повторю въ кратцѢ о лѢлѢ которое меня задираетъ за живо, 8-и лѢтняя Родоесъ Сафіаносъ, дочь Грека, падшаго въ Скулянской битвѢ героя, воспитывается въ Кишеневѣ у Катерины Христофоровны Крупенской, жены бывшаго вицъ-губернатора Бессарабіи. Нельзя-ли сиротку пріютить? Она племянница Рускаго полковника, слѢдств. можетъ отвѢчать за дворянку. Пошевели сердце Маріи, поэтъ! и оправдаемъ провидѢнье. О себѢ говорить не намѢренъ, я хладнокровно не могу всего этаго раздумать; можетъ быть тебя разсержу, вываливъ что у меня на сердцѢ. Братъ привезетъ тебѣ мои стихи, жду твоихъ какъ утѢшенія. Обнимаю тебя горячо хоть и грустно. Введи меня въ семейство Карамзина, скажи имъ что я для нихъ тотъ-же. Обними изъ нихъ кого можно; прочимъ—всю мою душу —

101.

Л. С. Пушкину.

[Вторая половина ноября 1824 г. Михайловское].

Скажи моему Генію-храпителю, моему Жуковскому что слава богу, все кончено. Письмо мое къ Адеркасу у меня; паши, думаю, доѢхали, а я живъ и здоровъ. Что это у васъ? Потопъ! Ничто проклятому Петербургу! Voila une belle occasion à vos dames de faire bidet. Жаль мнѣ ЦвѢтовъ Дельвига; да на долго-ли это его задержитъ въ тинѢ Петербургской. Что погреба? Признаюсь, и по нихъ сердце болитъ. Не найдется ли между вами Ноя для насажденія винограда? На святой Руси не штука—ходить нагишомъ, а хамы смѣются. Впроччемъ это все вздоръ. А вотъ важное: тетка умерла! Ѣду завтра въ Св[ятыя] горы и велю отпѢть молебенъ, или напихнду, смотря по тому что дешевле. Думаю, что наши отправятся въ Москву; добрый путь! Печатай, печатай ОпѢгина и съ Разговоромъ.—Обними Плетнева и ГнѢдича; обоимъ буду писать на будущей почтѢ. Вотъ тебѣ: А. И. на тебя сердита. Рокотовъ пересказалъ П. А. твои письма въ *Лубны* и къ матери. Опять сплетни! И ты хорошъ. Все-таки она приказала тебя *пустельгу* разцеловать. Евпраксея уморительно смѣшна, я предлогаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѢ что та пишетъ и получаетъ письма. Отправь съ Михайломъ все что уцѢлѢло отъ Александрійскаго пожара, да книги о которыхъ упоминаю въ письмѢ съ сестрой. Библію, библію! И французскую непремѣнно. Образъ жизни моей все тотъ-же, стиховъ не пишу, продолжаю свои записки да читаю Клариссу: мочи нѢтъ, какая скучная дура! Жду твоихъ писемъ, что Всеволожской, что моя рукопись, что письмо мое къ К. В. Ѳ.? Будетъ-ли картинка у ОпѢгина? Что дѢлаютъ Полярные господа? Что Кюхля?—Прощай, душа моя, будь здоровъ и не напейся пьянъ, какъ тотъ—послѢ своего потопа.

NB. Я очень радъ этому потопу, потому что золъ. У васъ будетъ голодъ, слышишь-ли? Торопи Дельвига, присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не то прокляну тебя. Скажи сестрѢ что я получилъ письмо къ ней отъ милой кузины Гр. Ивел. и распечаталъ полагая что оно столько же отвѢтъ мнѣ, какъ и ей. Объявленіе о потопѢ, о Колосовой, умъ, любезность и все тутъ. Поцалуй ее за меня, т. е. сестру Ольгу а Гр. Екат.— дружеское рукожатіе. Скажи Сабурову чтобъ онъ не дурачился, усовѢсти его. Пиши же ко мнѣ.

Ахъ, милый, богатая мысль! Распечаталъ на-

рочно. Вѣрно есть *бочки*, p fas et nefas продающіяся въ ПБ., купи, что можно будетъ подешевле и получше. Этотъ потопъ—оказія.

На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину въ собственныя лапки. Возлѣ печати, у прорваннаго мѣста: Я расковырялъ!

102.

Князю П. А. Вяземскому.

[29-го ноября 1824 г. Михайловское].

Ольдекопъ, ... его въ рифму; надоѣлъ! Плюнемъ на него и квитъ [1]). Предложеніе твое касательно моихъ элегій не сбыточно и вотъ почему: Въ 1820 году переписалъ я свое вранье и намѣренъ былъ издать его по подпискѣ; напечаталъ билеты и роздалъ около сорока. Я проигралъ [2]) потомъ рукопись мою Никитѣ Всеволожскому <разумѣется, съ извѣстнымъ условіемъ>. Между тѣмъ принужденъ былъ бѣжать [3]) изъ Мекки въ Медину, мой Коранъ пошелъ по рукамъ [4])—и донынѣ правовѣрные ожидаютъ его. Теперь поручилъ я брату отыскать и перекупить мою рукопись и тогда приступимъ къ изданію элегій, посланій и смѣси. Должно будетъ объявить въ газетахъ что такъ какъ розданные билеты, могли затеряться по причинѣ долговременной остановки изданія, то довольно будетъ, для полученія экземпляра, одпаго имени съ Адресомъ, ибо <солжемъ на всякой страхъ> имена всѣхъ Г.Г. подписавшихся находятся у Издателя. Если понесу убытокъ и потеряю нѣсколько экземпляровъ, нѣпять не на кого, самъ виноватъ <это остается м е ж д у н а м и>. Братъ увезъ Онѣгина въ П. Б. и тамъ его напечатаетъ. Не сердись, милый; чувствую что въ тебѣ теряю вѣрнѣйшаго попечителя, но въ нынѣшнія обстоятельства, всякой другой мой издатель, невольно привлечетъ на себя вниманіе и неудовольствія [5])—Дивлюсь, какъ письмо Тани очутилось у тебя [6]) NB. истолкуй это мнѣ. Отвѣчаю на твою критику: Н е л ю д и м ъ не есть мизантропъ, т. е. ненавидящій людей, а убѣгающій отъ людей. Онѣгинъ нелюдимъ для деревенскихъ сосѣдей; Таня полагаетъ причиной тому то что в ъ г л у ш и, в ъ д е р е в н ѣ в с е е м у с к у ч н о, и что б л е с к ъ одинъ можетъ привлечь его———если впрочемъ смыслъ и не совсѣмъ точенъ, то тѣмъ болѣе истины въ письмѣ; письмо женщины, къ тому-же 17 лѣтней, къ тому-же влюбленной! Что-же, душа моя, твоя проза [7]) о Байронѣ? я жду, не дождусь [8]). Смерть моей тетки frétillon, не внушила-ли какого нибудь перевода В. Л-чу? нѣтъ-ли хоть эпитафіи? [1])

Пиши мнѣ: Ея Высокор. Парасковьѣ Александровнѣ Осиповой, въ Опочку, въ село Тригорское, для доставленія А. С. и все тутъ, да найди для конверта ручку почетче твоей. Прощай [2]), добрый слышатель; Отвѣчай-же мнѣ на мое полу-слово. Княгинѣ Вѣрѣ я писалъ; получила-ли она письмо мое. Не кланяюсь, а поклоняюсь ей.

29 ноябр.

З н а е ш ь - л и т ы м о ю Т е л ѣ г у ж и з н и?

Хоть тяжело подъ часъ въ ней б р е м я,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.

Съ утра садимся мы въ т е л ѣ г у;
Мы рады голову сломать
И презирая страхъ и нѣгу
Кричимъ: валяй, ...

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги
Поразтресло насъ; намъ с т р а ш н ѣ й
И косогоры, и овраги;
Кричимъ: полегче, дуролей!

Катитъ по прежнему телѣга;
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней
И дремля, ѣдемъ до ночлега—
А время гонитъ лошадей.

1823.

Можно напечатать, пропустивъ русскій титулъ— — — — —

На оборотѣ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. В ъ М о с к в ѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ въ собств. домѣ.

103.

В. А. Жуковскому.

[29-го ноября 1824 г. Михайловское].

Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать? Я сосланъ за строчку глупова письма, что было бы если правительство узнало (бы) обвиненіе отца? Это пахнетъ палачомъ и каторгою. Отецъ говорилъ послѣ: Э к о й д у р а к ъ, в ъ ч е м ъ о п р а в д ы в а е т с я! д а о н ъ б ы е щ е о с м ѣ л и л с я м е н я б и т ь! д а я б ы с в я з а т ь е г о в е л ѣ л ъ!—зачѣмъ-же обвинять было сына въ злодѣйствѣ несбыточнымъ? д а к а к ъ о н ъ о с м ѣ л и л с я, говоря съ о т ц о м ъ, н е п р и с т о й н о р а з м а х и в а т ь р у к а м и? Это дѣло десятое. Да онъ у б и л ъ о т ц а словами!—

Варіанты черновика («Рум. музей», 2370, 40–42):

[1]) Прибав[ка] «Милый, я имѣю много непріятностей, и письмо твое к[стати] пришло и меня подвеселило».

[2]) «продалъ».

[3]) «спѣшить».

[4]) «изъ рукъ въ руки».

[5]) Было прибавлено, но потомъ зачеркнуто: «Напишу брату, чтобъ онъ прислалъ тебѣ».

[6]) Прибавлено «(прислали тебѣ его для Рапча, или... какъ ты захочешь)».

[7]) «твое поминанье».

[8]) «Вѣдь я жду, и княгинѣ Вяземской писалъ».

[1]) «Написалъ ли дядя шестистопную эпитафію à ma tante frétillon? Вотъ случай! А потопъто! Жду водяного псалма Ѳиты. Перешлю брату твой поклонъ».

[2]) Было: «милый entendeur», но зачеркнуто.

каламбуръ и только. Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ.

Чтожъ, милый? будетъ-ли что нибудь для моей маленькой Гречанкѣ? она въ жалкомъ состояніи, а будущее для нее и того жалчѣе. Дочь героя, Жуковскій! Они родня поэтамъ по поэзіи. Но полу-Милордъ Воронцовъ, даже не полу-герой. Мнѣ жаль что онъ безсмертенъ твоими стихами а дѣлать нечего. Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго, уморительно смѣшное. Какъ могъ онъ па Руси сохранить свою веселость?

Ты увидишь Карамзиныхъ—тебя да ихъ люблю страстно. Скажи имъ отъ меня что хочешь.

29 Нояб.

На оборотѣ: Его Высокоблагородію
Милостивому Государю
Василью Андреевичу Жуковскому.
Въ С.-Петербургѣ.
Въ Аничковскомъ дворцѣ.

Черновое.

Ты получилъ мое письмо. Долго не могъ я рѣшиться отослать его, но что мнѣ было дѣлать? Я сосланъ за одну строчку глупого письма. Ежели (дойдетъ до) объя. Пра., что я поднялъ руку па отца [какое мнѣ спасеніе], посуди какъ тамъ обрадуются. Это пахнетъ палачемъ и (Сибирью) каторгой. Мать согласна была съ отцомъ. [Мать моя] Теперь она говоритъ: да онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками—дѣло десятое. [Я сказалъ имъ, что] Да онъ убилъ его словами. Это calembourg и только. (Мать меня обняла, говоря, que deviendrois-je, si tu... à la fortresse). (Я показывалъ). Я посылалъ имъ письмо мое къ тебѣ. Отецъ говоритъ: «экой дуракъ въ чемъ оправдывается! Да онъ бы еще (бить меня) прибилъ. Зачѣмъ же было обвинять [меня] въ злодѣйствѣ несбыточномъ. Чѣмъ далѣе живу, тѣмъ болѣе (вязну въ) стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, что разнеслась недавно обо мнѣ (и еще не застрѣл.). (Увязъ я въ). Глупо часъ отъ часу далѣе вязнуть въ жизненной грязи.

104.

Д. М. Княжевичу (?).

Черновое.

[Начало декабря 1824 г. Михайловское].

Буря кажется успокоилась, осмѣливаюсь выглянуть изъ моего гнѣзда и подать вамъ голосъ, милый Дм. Мак. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ нахожусь я въ глухой деревни,—скучно, да печего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубова неба полудня, ни Италіанской оперы (ни васъ, друзья мои). Но за то нѣтъ ни саранчи, ни милордовъ Вор. Уединеніе мое совершенно, праздность (моя) торжественна. Сосѣдей около меня мало, я знакомъ только съ однимъ семействомъ, и то вижу его довольно рѣдко [совершенный Онѣгинъ]; цѣлый день верьхомъ, вечеромъ слушаю сказки моей Няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, разъ ее видѣли; она—единственная моя подруга, и съ нею [одною] только мнѣ не скучно. Я началъ переписку только съ Ж. и В. Объ Одессѣ—ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти просить,—а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами (долго крѣпился; но не утерпѣлъ). Ради Бога, слово живое объ Одессѣ,—скажите мнѣ, что у васъ дѣлается, скажите, во-первыхъ, выздоровѣла ли кисленькая Гр. Гурьева я сердечно желаю всего, щастья, почт. и благ.....

105.

Л. С. и О. С. Пушкинымъ.

[4-го декабря 1824 г. Михайловское].

Не стыдно-ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего Демона! моего Демона! Послѣ этаго онъ и вѣрую напечатаетъ ошибочно. Не давать ему за то ни моря, ни капли стиховъ отъ меня! NB. Г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.

Понимаете? да нельзя-ли еще подъ разговоромъ поставить число 1823 годъ? Стихъ Вся жизнь одна-ли, двѣ-ли ночи

падобно бы выкинуть, да жаль—хорошъ. Жаль еще что Поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего Книгопр[одавца]. Mes arrière nevenx me devroient cet ombrage. Съ журналами дѣлай что угодно; дарю тебѣ мои мѣлочи на пряники, продавай или дари что упомнишь а переписывать мочи нѣтъ. Мих. привезъ мнѣ все благополучно, а Библіи нѣтъ. Библія для христіанина то же, что исторія для народа. Этой фразой <на оборотъ> начиналось прежде предисловіе Ист. Кар. При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ. — Закрытіе Ѳеатра и запрещеніе баловъ—мѣра благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно—народъ не участвуетъ въ увеселеніяхъ высшаго класса, но во время общественнаго бѣдствія не должно дразнить его обидной роскошью. Лавошники видя освѣщеніе бельэтажа, могли бы разбить зеркальныя окна и были бы убытокъ. Ты видишь, что я безпристрастенъ. Желалъ бы я похвалить и прочія мѣры правительства, да газеты говорятъ объ одномъ розданномъ милліонѣ. Велико дѣло милліонъ, но соль, но хлѣбъ, по овесъ, по вино? объ этомъ зимою не грѣхъ бы подумать хоть въ одиночку, хоть комитетомъ. Этотъ потопъ съ ума мнѣ пейдетъ, онъ вовсе не такъ забавенъ какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь нещастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ. Но прошу безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго. Ни чуть не забавно стоять въ Ипвалидѣ на ряду съ идлическимъ коллежскимъ ассессоромъ Папаевымъ. Пришли-же мнѣ Эду Баратынскую. Ахъ онъ чухонецъ! Да если она милѣе моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду.

4 дек.

Милая Оля, благодарю за письмо, Ты очень мила и я тебя очень люблю хоть этому ты и не вѣришь. Si ce que vous dites concernant le testament d'A. J. est vrai, c'est tres joli de sa part. Au vrai j'ai toujours aimé ma pouvre tante et je suis faché que Chalikof aie pissé sur son tombeau. Няня исполнила твою комисію, ѣздила въ Св. горы и отправила панихиду или что было нужно. Она цалуетъ тебя и также. Твои троегорскія пріятельницы несносныя дуры, кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы.

Левъ! сожги письмо мое.

Кланяйся В. В. Э[нгельгардту] и Гнѣдичу и Плетневу, и Онѣгину, и Слѣпину. Присылай мнѣ Старину; это пріятная новость. Торопи Дельвига; надѣюсь, что не претерпѣлъ онъ убытку. Что Козловъ слѣпой? Ты читалъ ему Он.?

На оборотѣ: Ея Сіятельству
Милостивой Государынѣ
Катеринѣ Марковнѣ
Графинѣ Ивеличевой
Въ С.-Петербургѣ,
у Калинкина моста, въ собственномъ домѣ.
Пр. дост. братцу Льву Серг.

106.

А. Г. Родзянкѣ.

[8-го декабря 1824 г. Михайловское].

Милый Родзянко, твой поклонъ меня обрадовалъ; не рѣшишься-ли ты, такъ какъ ты обо мнѣ вспомнилъ, написать мнѣ нѣсколько строчекъ? Онѣ бы утѣшили мое одиночество.

Объясни мнѣ,милый, что такое А. П. К. [ерпъ], которая написала много нѣжностей обо мнѣ своей Кузинѣ? Говорятъ, она премиленькая вещь—но славны Лубны за горами. На всякой случай зная твою влюбчивость и необыкновенные таланты во всѣхъ отношеніяхъ полагаю дѣло твое сдѣланнымъ или полу-сдѣланнымъ. Поздравляю тебя, мой милый: напиши на это все элегію или хоть эпиграмму.

Полно врать. Поговоримъ о поэзіи т. е. о твоей. Что твоя романтическая поэма Чупъ? Злодѣй! не мѣшай мнѣ въ моемъ ремеслѣ—пиши сатиры хоть на меня; не перебивай мнѣ мою романтическую лавочку. Къ стати: Баратынскій написалъ поэму <не прогнѣвайся про Чухонку)> и эта чухонка говорятъ чудо какъ мила. — А я про Цыганку; каковъ? подовай-же намъ скорѣй свою Чунку—ай да Парнассъ! ай да Геропіи! ай да честная кампанія! Воображаю, Аполлонъ смотря на нихъ закричитъ: за чемъ ведете мнѣ не ту? А какую же тебѣ надобно, проклятый Өебъ? Гречанку? Италіанку? чемъ ихъ хуже Чухонка или Цыганка. ..... одна—...![1]) т. е. оживи лучемъ вдохновенія и славы.

Если А. П. такъ же мила какъ сказываютъ, то вѣрно она моего мнѣнія: справься съ нею объ этомъ.

Поклонъ Пороѳрію, и всѣмъ моимъ старымъ пріятелямъ.

Прости, украинской мудрецъ,
Намѣстникъ Феба и Пріапа!
Твоя соломенная шляпа
Покойнѣй чѣмъ иной вѣнецъ;
Твой Римъ—деревня; ты мой Папа,
Благословижъ меня, пѣвецъ!

8 дек.

На оборотѣ: Поэту Родзянкѣ.

107.

Л. С. Пушкину.

Черновое.

[Первая половина декабря 1824 г. Михайловское].

(Что же? Будетъ) ли вино,
Лайонъ? (Жду) его давно
Знаешь ли, какого рода?
Милый мой, мнѣ все равно,
У меня законъ одинъ:
Жажды полная свобода
И терпимость всякихъ винъ!
(Самъ себѣ я господинъ)
Погребъ мой гостепріимный
Радъ мадерѣ золотой
И подъ пробкой смоляной
St. Пере бутылкѣ длинной.
Въ лѣта юныя мои,
Поэтическій *Аи*
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Спимъ подобіемъ любви.
Но бургонское.....
(Рейнъ . . . . . .)
Мнѣ понравилось потомъ;
Нынѣ нѣтъ во мнѣ пристрастья:
. . . . . Задора.
Безъ разбора.....
Вина обхожу кругомъ.....
. . . . . .

—

108.

Барону А. А. Дельвигу.

Черновое.

[Середина декабря 1824 г. Михайловское].

(Путешествіе по Тавридѣ прочелъ я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ-же годъ и почти въ то-же время какъ и П. М. Очень жалѣю что мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ потребны обширныя свѣденія самаго Автора. Но знаешь-ли что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ: различіе нашихъ впечатлѣній. Посуди самъ.

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу[1]) на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ называемую Митридатову гробницу <развалины какой то башни> тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ (его) безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я ви-

[1]) Изъ Тамани въ Керчь. [*Примѣчаніе Пушкина*].

дѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи—и только. Изъ Ѳеодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ. Луны не было, звѣзды блистали; передо мною, въ туманѣ, тянулись полуденныя горы... «Вотъ Чатырдагъ» сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: Разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями прилепленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ими; съ права огромный Аю-Дагъ..... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ и воздухъ полуденный.....

(На полуденномъ берегу) Въ Юрзуфѣ жилъ я с и д н е м ъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностію Неаполитанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря— и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я навѣщалъ его, и къ нему привязался чувствомъ похожимъ на дружество. Вотъ все что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ и путешествіе М[уровьева] оживило во мнѣ много воспоминаній; но страшный переходъ по скаламъ Кикенеиса, не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ Татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы и первый предметъ, поразившій меня была берёза, сѣверная берёза! сердце мое сжалось я началъ уже тосковать о миломъ полуднѣ—хоть все еще (я) находился (я) въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно миѳологическія преданія щастливѣе для меня воспоминаній историческихъ; но крайнѣй мѣрѣ тутъ посѣтили меня рифмы. Я думалъ стихами (о**). Вотъ они.

Къ чему холодныя.....
и проч.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К** поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я изпорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадой на небреженіе въ которомъ онъ изтлѣваетъ и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. NN. почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины Гарема и на ханское кладбище.

по не тѣмъ
Въ то время сердце полно было—

Лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говоритъ М. я (его не) объ немъ не вспомнилъ когда писалъ свою поэму— а то бы непремѣнно имъ воспользовался.

Разтолкуй мнѣ теперь почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть непзъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста оставленныя мною съ такимъ равнодушіемъ? или Воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все что подвластно ему? и проч.

Пожалуйста не показывай этого письма никому даже и друзьямъ моимъ <развѣ переписавъ уже> а начала въ самомъ дѣлѣ не нужно.

Черновое.

(Я прочелъ) Путеш[ествіе] по Таврѣ[идѣ] прочелъ я съ жадностью и чрезвычайнымъ удовольствіемъ.—Я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и П[ащ] М[атвѣевичь]. Жалѣю очень, (не понимаю) какъ мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ (глубокія) остроумныя его изысканія; для новѣрки оныхъ (коихъ) потребны [глубокія] обширныя свѣденія самого Автора. Но знаешь ли, что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? Различіе нашихъ впечатлѣній. (Кажется (помнится) я писалъ тебѣ изъ К. о Кавказѣ и Таврідѣ. Если (сколько упомню) письмо мое сохранилось, жалѣю) посуди самъ.

Изъ Тумапя пріѣхалъ я въ Керчь на кораблѣ и тотчасъ отправился на т[акъ названную] Митридатову гробницу (кажется) <развалины какой-то башни>. Воображеніе мое спало; хоть бы одно чувство, пѣтъ!—я сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ его безъ всякаго сожалѣнія.—Развалины Пантикапеи подѣйствовали на мое воображеніе еще того менѣе. Слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, да (старые) кирпичи. Изъ Ѳеодосіи до самаго Юрзуфа плылъ я моремъ, всю ночь не спалъ; луны не было; блескъ звѣздъ... передо мною въ темнотѣ чернѣли полуденныя горы — Вотъ Четырдагъ, сказалъ мнѣ капитанъ. Но не я различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ.—Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Я проснулся, увидѣлъ картину ослѣпительную: разноцвѣтныя горы (озарены были) утренпимъ солнцемъ (нѣсколько рядовъ) (плоскихъ кровель) плоскія кровли татарскихъ хижинъ издали казались (казались издали рядами прилепленныхъ) ульями, прилепленными къ горамъ; тополи стройные, какъ зеленыя колоны, возвышались между (ими) между ихъ рядами—съ права огромный Аюдагъ розметался въ море и это синее, чистое небо и блескъ, и воздухъ полуденный....

На полуденномъ берегу жилъ я с и д н е м ъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ (и ни на минуту ей не удивлялся) Забылъ о сѣверѣ вовсе и наслаждался ею какъ природный Неаполитанецъ (холодность моя посреди прелестей природы (я любилъ) Я жилъ) Я любилъ, просыпаться ночью и слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; (Я его полюбилъ и хаживалъ) я къ нему привязался. Вотъ все, что осталось (въ моей памяти отъ полуденнаго берега Тавриды).

Я объѣхалъ оный, и Путешествіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній; но страшный... не оставилъ ни малѣйшаго въ моей памяти. По горной лѣстницѣ мы взобрались пѣшкомъ, держа за хвостъ нашихъ Татарскихъ лошадей,

Это забавляло меня чрезвычайно. Переѣхавъ горы,—первый предметъ, который бросился въ глаза, была береза, сѣверное [береза] дерево! Сердце мое сжалось: я началъ тосковать о миломъ полуднѣ—хотя и былъ все еще въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи, и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ (берегу) (черныя скалы) морю оставили во мнѣ единственное сильное впечатлѣніе. Я видѣлъ развалины храма Діаны. Видно, миѳологическія преданія щастливѣе для меня воспоминаній историческихъ; по крайней мѣрѣ тутъ посѣтили меня рифмы б.... па памятникъ дружбы. Я думалъ стихами о Ч—(Вотъ тебѣ эти стихи) Вотъ они.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной (Лихорадка начинала меня мучить) (Я слышалъ объ фонтанѣ Керимъ-Герея влюбленнаго хана) Я слыхалъ о страшномъ памятникѣ влюбленнаго хана. (Поэтическое воображенье К*** назвало) К*** поэтически описала мнѣ его, называя la fontaine des larmes—вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я изпорченный фонтанъ; (изъ него капала) изъ заржавой желѣзной трубочки по каплямъ падала вода.—Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на небреженіе, въ которомъ онъ изтлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ компатъ—NN почти насильно повелъ меня на ветхія развалины Гарема и на х. кладбище. Не тѣмъ и
лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника Потоцкой, о которомъ говоритъ М—я (Я объ немъ не помню и не знаю] я его не помнилъ, когда начиналъ свой Бахчис. фонт. а то бы непремѣнно имъ воспользовался и пр.

Разтолкуй же мнѣ теперь: почему полуденный Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе снова посѣтить мѣста, оставленныя мною съ такимъ равнодушіемъ? Воспоминаніе чародѣй, самая сильная (чувство) способность души, имъ очаровано все, что подвластно ему?

109.

Л. С. Пушкину.

[Вторая половина декабря 1824 г. Михайловское].

Вульфъ здѣсь, я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя—пріѣзжай хоть съ П. А., хоть съ Дельвигомъ; переговорить нужно непремѣнно.

Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ—получи это письмо непремѣнно. Тутъ я по глупости лѣтъ прислалъ тебѣ святочную пѣсенку.—Вѣтреный юноша Р. можетъ письмо затерять—а ни чуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость pour des chansons.

Христомъ и Богомъ прошу скорѣе вытащить Онѣгина изъ-подъ Цензуры — слава,... .. .... — деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи—рѣжь, рви, кромсай хоть всѣ 54 строфы, но денегъ, ради Бога денегъ!

У меня съ Тригорскими завязалось дѣло презабавное — некогда тебѣ разказывать а уморительно смѣшно. Благодарю тебя за книги да пришли-же мнѣ всевозможные Календари, кромѣ Придворнаго и Академическаго. Къ стати—начало рѣчи старика Шишкова меня тронуло, да конецъ подгадилъ все. Что нынѣ Цензура? Напиши мнѣ пѣчто:

о Карамзинѣ, ой, ыхъ,
Жуковскомъ
Тургеневѣ А.
Сѣверинѣ
Рылѣевѣ и Бестужевѣ

и вообще о толкахъ публики.—Насѣли-ли на Воронцова? Царь, говорятъ, бѣсится—за что бы, кажется да люди таковы!

Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой, если вина такъ и сыру, не забудь и <говоря по Делилевски> витую сталь, пронзающую засмоленную (пробку) главу бутылки, т.-е. штопоръ.

Мнѣ дьявольски не нравятся и — іе толки о моемъ побѣгѣ. За чемъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда ты будешь у меня, то станемъ трактовать о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чедаева. Вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться.

Кто думаетъ ко мнѣ заѣхать? Избави меня

Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя пахала!

Впрочемъ, всѣхъ милости просимъ. Съ посланнымъ посылай что задумаешь.—Addio!

Получилъ-ли ты письмо мое о Потопѣ, гдѣ я говорю тебѣ: voilà une belle occasion pour nos dames de faire bidet?

NB. NB. Хотѣлъ послать тебѣ стиховъ да лѣнь.

110.

Л. С. Пушкину.

[Вторая половина декабря 1824 г. Михайловское].

Братъ! Здраствуй—писалъ тебѣ на дняхъ; съ тебя довольно. Поздравляю тебя съ Рожествомъ Господа нашего и прошу поторопить Дельвига. Пришли мнѣ *Цвѣтовъ да Эду*, да поѣзжай къ Энгельгартову обѣду.—Кланяйся Господину Жуковскому. Заѣзжай къ Пущину и Малиновскому. Поцалуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина.

Да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ.

111.

К. Ѳ. Рылѣеву.

[25-го января 1825 г. Михайловское].

Благодаря тебя за т ы и за письмо. Пущинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ моихъ Цыгановъ. Желаю чтобъ они тебѣ понравились. Жду Пол.

Звѣз. съ нетерпѣньемъ знаешь для чего? для Войнаровскаго. Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бест. пишетъ мнѣ много объ Онѣгинѣ—скажи ему что онъ не правъ: ужели хочетъ онъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? слѣдственно должно будетъ уничтожить и Orlando furioso и Гудибраса и Pucelle и Веръ-Вера и Ренике-фуксъ и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена и басни Крылова etc. etc. etc. etc. etc... Это не много строго. Картины свѣтской жизни также входятъ въ область поэзіи, но довольно объ Онѣгинѣ.

Согласенъ съ Бестужевымъ во мнѣніи о критической статьѣ Плетнева—но не совсѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. За чемъ кусать намъ груди кормилицы нашей? потому что зубки прорѣзались?—Что ни говори, Ж. имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому-же переводный слогъ его останется всегда образцовымъ—Охъ! ужъ эта мнѣ республика словесности! за что казнить, за что вѣнчаетъ? Что касается до Батюшкова уважимъ въ немъ несчастія и не созрѣвшія надежды—Прощай поэтъ.

25 Генв.

112.

Князю П. А. Вяземскому.

[25-го января 1825 г. Михайловское].

Что ты замолкъ? получилъ-ли ты отъ меня письмо гдѣ говорилъ я тебѣ объ Ольденбургѣ, о собраніи монахъ элегій, о Татьянѣ, etc. Въ Цвѣтахъ встрѣтилъ я тебя, и чуть не задохся со смѣху прочитавъ твою Черту мѣстности. Это маленькая прелесть. Чист. Отвѣтъ растянутъ: рифмы слёзы, розы завели тебя. Краткость одно изъ достоинствъ сказки эпиграмматической. Сквозь кашель и сквозь слезы очень забавно, но вся мужинна рѣчь до за гробомъ ревность мучитъ растянута и натянута. Еще мучительнѣй вдвойнѣ едвали-ли не плеоназмъ—Вотъ тебѣ критика длиннѣе твоей піэсы—Да ты одинъ можешь ввести и усовершенствовать этотъ родъ стихотворенія. Руссо въ немъ образецъ, и его пахабныя эпиграммы стократъ выше одъ и гимновъ.—Прочелъ я въ Инвалидѣ объявленіе о Телеграфѣ. Что тамъ моего? Море или телега? Что мой Кюхля, за котораго я стражду но все люблю? говорятъ, его обстоятельства не хороши—чемъ не хороши? Жду къ себѣ на дняхъ брата и Дельвига—покамѣсть я одинъ одинешенекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ, и слушаю старыя сказки да пѣсни. Стихи не лѣзутъ. Я кажется писалъ тебѣ что мои Цыгане ни куда не годятся: не вѣрь—я совралъ—ты будешь ими очень доволенъ. Онѣгинъ печатается; братъ и Плетневъ смотрятъ за изданіемъ; не ожидалъ я чтобъ онъ протерся сквозь Цензуру—честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое Второе посланіе Цензору? тамъ между прочимъ:

Обдумавъ наконецъ намѣренья благія
Министра честнаго нашъ добрый Царь избралъ.
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: Онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнатцатаго года,
Одинъ въ толпѣ Вельможъ опъ Рускихъ Музъ любилъ
Ихъ незамѣчанныхъ созвалъ, соединилъ
Отъ хлада нашихъ дней спасалъ онъ лавръ единый
Осиротѣвшаго вѣнца Екатерины etc.

Такъ Арзамасецъ говоритъ нынѣ о дѣдѣ Шиш. tempora altri! Вотъ почему я перѣшился по твоему совѣту къ нему прибѣгнуть въ дѣлѣ своемъ съ Ольдекопомъ. Въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство. Я-же подличалъ благопамѣренно имѣя въ виду пользу нашей словестности и усмиренье кичливаго Красовскаго. Прощай, кланяйся Княгинѣ—и дѣтей поцалуй. Не правда-ли, что письмо мое напоминаетъ le faire <Василья Львовича> Вотъ тебѣ и стишки въ его же духѣ:

Пріятелямъ.

Враги мои, покамѣсть, я ни слова,
И кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ
И выберу, когда-нибудь, любова;
Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданый, безпощадный:
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И (стережетъ) сторожитъ Индѣекъ и Гусей.

25 генв.

Напечатай гдѣ-нибудь.

Какъ ты находишь статью что написалъ нашъ Плетневъ? экая ералашь! Ты спишь, Брутъ! да скажи мнѣ кто у васъ изъ Москвы такъ горячо вступился за Нѣмцовъ противъ Бестужева <котораго я не читалъ>. Хочешь еще эпиграмму?

Нашъ другъ *Онта*, Кутейкинъ въ эполетахъ,
Бормочитъ намъ растянутый псаломъ:
Поэтъ Ѳ. не становись Фертóмъ!
Дьячекъ Ѳ. ты У въ поэтахъ!

Не выдавай меня, милый; не показывай этаго никому: Онта бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляйся отъ всякія скверны.

113.

Князю П. А. Вяземскому.

[28-го января 1825 г. Тригорское].

Пущинъ привезетъ тебѣ 600 рублей—Отдай ихъ Кн. В. Ф. и съ моей благодарностію. Савеловъ большой подлецъ. Посылаю при семъ къ нему дружеское письмо. Перешли его <въ конвертѣ> въ Одессу по оказіи, а то по почтѣ онъ ска-

жетъ: не получилъ. Охотно извиняю и понимаю его.

По умный человѣкъ не можетъ быть
не плутомъ!

A propos. Читалъ я Чацкаго—много ума и смѣшнаго въ стихахъ но во всей комедіи ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкій совсѣмъ не умный человѣкъ — но Грибоѣдовъ очень уменъ. Пришлите-же мнѣ Вашъ Телеграфъ. Напечатанъ-ли тамъ Хвостовъ? что за прелесть его посланіе! достойно лучшихъ его временъ. А то онъ было сдѣлался посредственнымъ, какъ В. Л., Ив.-Пис. –и проч. Каковъ Филимоновъ въ своемъ Инвалидномъ объявленіи. Милый, теперь одни глупости могутъ еще развлечь и разсмѣшить меня—Слава-же Филимонову!

Пишу тебѣ въ гостяхъ съ разбитой рукой—упалъ на льду не съ лошади а съ лошадью: большая разница для моего наѣздническаго честолюбія.

28 Янв.

114.

Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ января 1825 г. Михайловское].

Нѣкогда мнѣ писать Княгинѣ – благодари ее за попеченіе, за укоризны даже за совѣты ибо все носитъ отпечатокъ ея дружбы, для меня драгоцѣнной.—Ты конечно правъ; болѣе, чемъ когда нибудь, обязанъ я уважать себя—Унизиться передъ правительствомъ было бы глупость—довольно ему одного Грабе.—

Я писалъ тебѣ на дняхъ—и послалъ нѣкоторые стихи—Ты мнѣ пишешь: пришли всѣ стихи. Легко сказать! Пущинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ Цыгановъ.—Завѣтныхъ покамѣсть нѣтъ.

115.

А. А. Бестужеву.

[Конецъ января 1825 г. Михайловское].

Рылѣевъ доставитъ тебѣ моихъ Цыганов. Ножури моего брата за то что онъ не сдержалъ своего слова—я не хотѣлъ чтобъ эта поэма извѣстна была прежде времени—теперь нѣчего дѣлать—принужденъ ее напечатать (прежде), пока не разтаскаютъ ея по клочкамъ.

Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить.

Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ. Слѣдст. не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его –характеры, и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то . . . . . , не то московская кузина. Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? старая пружина—по штатской трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les propos de bal, сплетни, разказъ Репетилова о клобѣ, Загорецкій всѣми отъявленный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно комическаго генія.—Теперь вопросъ: въ комедіи Горе отъ ума кто умное дѣйств. лицо? отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь-ли что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малой, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ <имянно съ Грибоѣдовымъ> и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все что говоритъ онъ—очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго взгляду знать съ кѣмъ имѣешь дѣло и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому подобн. [1]). Къ стати что такое Репетиловъ? Въ немъ 2, 3, 10 характеровъ. За чѣмъ дѣлать его гадкимъ? довольно что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смиреніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось к о н ф у з и т ь с я, слушая ему подобныхъ кающихся?—Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи—недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софіи къ Молч. прелестна!—и какъ натурально! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія—но Грибоѣдовъ видно не захотѣлъ—его воля—О стихахъ я не говорю: половина—должны войти въ пословицу.

Покажи это Грибоѣдову—Можетъ быть я въ чемъ ошибся. Слушая его комедію я не критиковалъ а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда ужъ не могъ я справиться. По крайнѣй мѣрѣ говорю прямо безъ обиняковъ, какъ истинному таланту.

Тебѣ кажется Олегъ не нравится; напрасно. Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ—есть черта трогательнаго простодушія, да и произшествіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго. Листъ кругомъ, на сей разъ полно.

Я не получилъ *Лит. Лист.* Булг. тотъ № гдѣ твоя критика на Баурнига. Вели прислать.

116.

Л. С. Пушкину.

[Первая половина февраля 1825 г. Михайловское].

Я съ тобою не бранюсь <хоть и хочется> по 18 причинамъ: 1 потому, что это было бы напрасно... Цыгановъ, нечего дѣлать, перепишу, и пришлю къ вамъ, а вы ихъ тисните. Твои опасенья на счетъ пріѣзда ко мнѣ вовсе несправед-

---

[1]) Cléon Грессетовъ не умничаетъ ни съ Жеронтомъ ни съ Хлоей.

ливы. Я не въ Шлиссельбургѣ, а при физической возможности свиданія лишить онаго двухъ братьевъ была бы жестокость безъ цѣли, слѣдств., вовсе не въ духѣ нашего времени, ни...

Жду шуму отъ Онѣгина; покамѣсть мнѣ довольно скучно; ты мнѣ не присылаешь conservations de Byron, добро! но, милый мой, если только возможно, отыщи, купи, выпроси, укради записки Фуше, и давай мнѣ ихъ сюда; за нихъ отдалъ-бы я всего Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouché! онъ, по мнѣ, очаровательнѣе Байрона. Эти записки должны быть сто разъ поучительнѣе, занимательнѣе, ярче записокъ Наполеона, т. е. какъ политика, потому что въ войнѣ я ни чорта не понимаю. На своей скалѣ (прости Боже мое согрѣшеніе!) Наполеонъ поглупѣлъ—во первыхъ лжетъ какъ ребенокъ [1]) 2) судитъ о такомъ-то не какъ Наполеонъ, а какъ парижскій памфлетеръ, какой нибудь Прадтъ или Гизо. Мнѣ что-то очень, очень кажется, что Bértrand и Monthaulon подкуплены! Тѣмъ болѣе, что самыхъ важныхъ свѣдѣній именно и не находится. Читалъ ты записки Нар. Если нѣтъ, такъ прочти. Это между прочимъ прекрасный романъ, mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille.

Довольно о вздорѣ, поговоримъ о важномъ. Мой Коншинъ написалъ, ей-Богу, миленькую пьесу дѣв. влюбл. поэ.—кромѣ Авторами. А куда онъ Коншинъ! его элегія въ цвѣтахъ какова? Твое сужденіе о комедіи Грибоѣдова слишкомъ строго. Бестужеву писалъ я объ ней подробно; онъ покажаетъ тебѣ письмо мое.

По журналамъ вижу необыкновенное броженіе мыслей; это предвѣщаетъ перемѣну министерства на Парнассѣ. Я министръ иностранныхъ дѣлъ, и кажется дѣло до меня не касается. Если Палѣй пойдетъ какъ начатъ—Рылѣевъ будетъ министромъ. Плетневъ неосторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому; но Эда все исправитъ. Что Баратынскій?... и мораль, долга-ли?... какъ узнать? Гдѣ вѣстникъ искупленья? Бѣдный Баратынскій! какъ объ немъ подумаешь, такъ по неволѣ постыдишься унывать. Прощай, стиховъ новыхъ нѣтъ—пишу записки—но и презрѣнная проза мнѣ надоѣла.

Пріѣхалъ гр. В.? узнай и отпиши мнѣ какъ отозвался онъ обо мнѣ въ свѣтѣ—а о другомъ мнѣ и знать не нужно.

Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы.

117.

Князю П. А. Вяземскому.

[19-го февраля 1825 г. Михайловское].

Скажи отъ меня Муханову что ему грѣхъ шутить со мною шутки журнальныя. Онъ безъ спросу взялъ у меня начало Цыгановъ и разпустилъ его по свѣту. Варваръ! вѣдь это кровь моя, вѣдь это деньги! теперь я долженъ и Цыгановъ разпечатать а вовсе не вовремя.

Онѣгинъ напечатанъ, думаю, уже выступилъ въ свѣтъ. Ты увидишь въ разг. Поэта и Книг. мадригалъ Кн. Шаликову. Онъ милый поэтъ, человѣкъ, достойный уваженія и надѣюсь что искренняя и полная похвала съ моей стороны не будетъ ему непріятна. Онъ имянно поэтъ прекраснаго пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement.

Чтоже Телеграфъ обѣтованный? Ты въ самомъ дѣлѣ напечаталъ телѣгу праказникъ? Прочіе журналы всѣ получаю—и болѣе чѣмъ когда нибудь чувствую необходимость какой нибудь Edimboorg review. Да вотъ тѣ Христосъ: литература мнѣ надоѣла—Прозы твоей брюхомъ хочу. Что изданіе Фонвизина?

19 февр.

Кланяюсь Княгинѣ и цалую руки хоть это изъ моды вышло.

На оборотѣ: Его сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ. Въ Черныше вскомъ переулкѣ въ собственномъ домѣ.

118.

Н. И. Гнѣдичу.

[23-го февраля 1825 г. Михайловское].

Кажется Вамъ обязанъ Онѣгинъ покровительствомъ Шишкова и щастливымъ избавленіемъ отъ Бирукова. Вижу что дружба Ваша не измѣнилась и это меня утѣшаетъ.

Нынѣшнія мои обстоятельства не позволяютъ мнѣ и желать вашихъ писемъ. Но жду стиховъ вашихъ хоть печатныхъ, хоть рукописныхъ. Пѣсни Греческія прелесть и tour de force. Объ остроумномъ предисловіи можно бы потолковать. Сходство пѣсенной поэзіи обоихъ народовъ явно—но причины?— — — Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи Вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, Европейской подвигъ въ нашемъ Отечествѣ <чортъ возьми это Отечество>. Но отдохнувъ послѣ Иліады что предпримете вы въ полномъ цвѣтѣ Генія, возмужавъ во храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахилъ въ вертепѣ Кентавра? Я жду отъ васъ Эпической Поэмы. Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? а Мстиславъ? а Донской? а Ермакъ? а Пожарской? Исторія народа принадлежитъ Поэту.

Когда Вашъ корабль нагруженный сокровищами Греціи входитъ въ пристань при ожиданьи толпы—стыжусь вамъ говорить о моей мѣлочной лавкѣ № 1-й. Много у меня начато ничего неокончено. Сижу у моря, жду перемѣны погоды. Ничего не пишу а читаю мало, потому что вы мало печатаете.

23-го февр. День объявленія Греческаго бунта Александромъ Ипсиланти.

На оборотѣ: Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

---

[1]) Т. е. за мѣтно.

119.

Л. С. Пушкину.

[Конецъ февраля—начало марта 1825 г. Михайловское].

Получилъ, мой милый, милое письмо твое. Дельвига съ нетерпѣніемъ ожидаю. Жалѣю о строгихъ мѣрахъ принятыхъ въ твоемъ отношеніи.—Читалъ объявленія объ Онѣгинѣ въ Пчелѣ: жду шума. Если изданіе разкупится—то приступи тотчасъ къ изданію другому или условься съ какимъ-нибудь книгопродавцемъ.—Отпиши о внечатлѣніи имъ произведеннома.—У меня произошла перемѣна въ министерствѣ: Розу Григорьевну я принужденъ былъ выгнать за непристойное повѣденіе и слова, которыхъ не долженъ я былъ вынести. А то бы она уморила пяню, которая начала отъ нее худѣть. Я велѣлъ Розѣ подать мнѣ щеты. Она показала мнѣ, что за 2 года <1823 и 4> ей ничего не плотили <?>, и считаетъ по 200 руб. на годъ итого 400 рублей. По моему счету ей слѣдуетъ 100 р. Наличныхъ денегъ у ней 300 р.; изъ оныхъ 100 выдамъ ей а 200 перешлю въ П. Б. Узнай и отпиши обстоятельно сколько имянно положено ей благостыни и заплачено-ли что-нибудь въ эти 2 года. Я парядилъ комитетъ составленный изъ Васплья, Архипа и Старосты—велѣлъ перемѣрить хлѣбъ, и открылъ нѣкоторыя злоупотребленія т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей. Впроччемъ она мерзавка и воровка. Покамѣсть я принялъ бразды правленія.

Ты спрашиваешь за чемъ пишу я Булгарину? Потому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хужѣ Б[улгарина]. Они на дняхъ меня зарѣжутъ.—Покамѣсть я почтенному Ѳаддею Венедиктовичу послалъ 2 отрывка изъ Онѣгина, которыхъ нѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будетъ.... а кто виноватъ? Все друзья, все треклятые друзья.

Кланяйся моему другу Воейкову. Надъ или подъ Моремъ и землею должно было поставить Идиллія Мосха.—Отъ этого я бы не удавился, а Біонъ старикъ при своемъ остался бъ. То же и объ Ив. Ив. Парни—но тутъ я самъ виноватъ.

Если придетъ тебѣ пакетъ на имя Дельвига, то распечатай—позволяю. Плетнева цалую и буду писать.

Да пришлите-же мнѣ Старину и Талію, Господи помилуй? не допросишься. Здѣсь письмо къ изд. или ..... П. А. Прочитай его да доставь. Онъ, каналья, лжетъ на меня въ афишкахъ, да мнѣ присылаетъ свое вранье—добро! Начало *Кота* Измайлова очень мило.

P. S. Слѣпой попъ перевелъ Сираха <смотри Инвалидъ № какой-то>, издаетъ по подпискѣ—подпишись на нѣсколько экз.

120.

А. Н. Вульфу.

[Мартъ 1825 г. Тригорское].

Любезный Алексѣй Николаевичь - Благодарю Васъ за воспоминанья. Обнимаю васъ братски, также и Языкова—Посланіе его, и чувствительная Элегія—прелесть—въ посланіи послѣ тобой хранимаго пѣвца, стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ. Перешлите мнѣ его. А. П.

121.

Л. С. Пушкину.

[14-го марта 1825 г.. Тригорское].

Братъ, обнимаю тебя и падамъ до ногъ. Обнимаю также и Алжирца Всеволожскаго. Перешли-же мнѣ проклятую мою рукопись—и давай уничтожать, переписывать и издавать. Какъ жаль что тебя со мною не будетъ! Дѣло бы пошло скорѣе и лучше.—Дельвига жду хоть онъ и не поможетъ. У него твой вкусъ да не твой почеркъ. Элегіи мои переписаны—потомъ посланія, потомъ смѣсь, потомъ благословясь и въ Цензуру.

Душа моя, горчицы, рому, что-нибудь въ уксусѣ—да книгъ: Conversations de Byron, Mémoires de Fouché, Талію, Старину, да Sismondi <Litterature>, да Schlegel <Dramaturgie>, если есть у St-Florent. Хотѣлъ бы я также имѣть новое изданіе Собр[анія] Рус. Стих., да дорого 75 руб., я и за всю Русь столько не даю. Посмотри однакожъ.

Каченовскій возсталъ на меня.—Напиши мнѣ, благопристоенъ-ли тонъ его критикъ—если нѣтъ,—пришлю эпиграмму.

У васъ ересь. Говорятъ что въ стихахъ—стихи не главное. Что же главное? проза? Должно заранѣе изтребить это гоненіемъ, кнутомъ, кольями, нѣснями на голосъ Один снижу во компаніи и тому под.

Ан. Ник. тебѣ кланяется и очень жалѣетъ, что тебя здѣсь нѣтъ; потому что я влюбился и миртильничую. Знаешь ея кузину Ан. Ив. В.? Esse femina!

Мочи нѣтъ, хочется Дельвига. Писалъ я тебѣ о калошахъ? Не надобно ихъ. Гнѣдича Пѣсни получилъ. На дняхъ буду писать ему съ претензіями. Покамѣсть благодари его—думаю, что экз. Онѣ[гина] ты ему отъ меня поднесъ. Что касается до оныхъ дамъ, надѣюсь, что это шутка. А чего добраго! Однакожъ это было бы мнѣ во всякомъ случаѣ очень непріятно.

Тригорское 14 марта.

Достань у Рылѣева или Бестужева мои мѣлкія стихотворенія и перешли мнѣ скорѣе. «Что жъ ты обѣщался мнѣ прислать Парни»?

На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину.

Приписка Анны Николаевны Вульфъ. I and my sister make you our compliments from our hearts and souls.—

122.

Л. С. Пушкину.

[11-го марта 1825 г. Михайловское].

[по полученію рукописи] Напрасно воображаешь ты, что я на тебя сержусь, и не думалъ. Нѣсколько разъ писалъ тебѣ—видно, еще до тебя не дошло. Всеволожской со мною шутитъ: я долженъ ему 1000 а не 500 переговори съ нимъ и благодари очень за рукопись. Онъ славный человѣкъ, хоть и женится. Тотчасъ займусь новымъ собраніемъ и перешлю тебѣ.—

Ради Бога, погоди въ разсужденіи отставки. М[ожетъ] б[ыть], тебя притѣснятъ безъ вѣдома Царя.—Просьбу твою могутъ почесть слѣдствіемъ моего внушенія etc. etc. etc.—Погоди хоть Дельв[ига[.

Увѣдомь о Баратынскомъ—свѣчку поставлю за Закревскаго если онъ его выручитъ.

На оборотѣ неизвѣстною рукою написано: «Приходи къ Плещееву вкушать трапезу съ... Тамъ будутъ институтки и васъ зовутъ».

123.

Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу.

[15-го марта 1825 г. Михайловское].

Братъ Левъ

и Братъ Плетневъ!

Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я выстиралъ черное бѣлье наскоро, а новое спилъ на живую нитку. Но съ вашей помощію надѣюсь, что Барыня Публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ непотребную прачку.

Ошибки правописанія, зп[аки] препинанія, описки, безсмыслицы—прошу самимъ исправить—у меня на то глазъ не достанетъ.—Въ порядкѣ піэсъ держитесь также вашего благоусмотрѣнія.—Только не подражайте изданію Батюшкова—исключайте, марайте съ плеча. Позволяю прошу даже. Но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуковскаго, не во гнѣвъ Булгарину, и Гнѣдича, не во гнѣвъ Грибоѣдову. Эпиграфа или не надо, или изъ A. Chenier. Виньэтку бы не худо; даже можно, даже нужно—даже ради Христа, сдѣлайте; именно: Психея, которая задумалась надъ цвѣткомъ <къ стати: что прелестнѣе строфы Ж[уковскаго] *Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные* и слѣдующей. Конца не люблю>. Что еслибъ волшебная кисть Ѳ. Толстово....—

НЕтъ! слишкомъ дорога!
А ужасть какъ мила!..

Къ тому-же, кромѣ Уткина, ни чей рѣзецъ не достоинъ его карандаша. Впрочемъ это все наружность. Иною прелестью плѣняется — — —

Перещитавъ посылаемыя вамъ стихотворенія, нахожу 60 или около <либо часть подземнымъ богамъ непредвидима>. Бируковъ, человѣкъ просвѣщенный, кромѣ его, я ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ. НынЕ повинуюсь его приговорамъ безусловно.—

Что сказать вамъ объ изданіи? Печатайте каждую піэсу на особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣд[нее] изд[аніе] Жук[овскаго] и пожалуйста безъ ~~~~ и безъ ═◎═ и безъ ═══. Вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азію. Заглавіе крупными буквами—и á la ligne. Но каждую шутку особенно — хоть бы изъ 4 стиховъ состоящую <развѣ изъ двухъ, такъ можно à la ligne и другую>. 60 піэсъ! Довольно-ли будетъ для 1 тома? Не прислать ли вамъ для наполненія *Царя Никиту и 40 его дочерей?*

Братъ Левъ! не серди журналистовъ! Дурная политика!

Братъ Плетневъ! не пиши добрыхъ критикъ! Будь зубастъ и бойся приторности! Простите, дѣти! Я пьянъ.

15 марта.

124.

Л. С. Пушкину.

[Средина марта 1825 г. Михайловское].

Я-было послалъ это въ С. О. да кажется журналъ сей противу меня возстанетъ, судя по сухому объявленію Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться, какъ данniку Атамана Греча и Есаула Булг. Дарю отрывки тебѣ: печатай гдѣ хочешь.

125.

Барону А. А. Дельвигу.

[Средина марта 1825 г. Михайловское].

Дельвигъ, живъ ли ты?

126.

А. А. Бестужеву.

21-го марта [1825 г.]. Михайлокское.

Вопервыхъ пришли мнѣ свой адресъ, чтобъ я не докучалъ Булгарину. Рылѣеву не пишу. Жду

сперва Войнаровскаго. Скажи ему что въ отношеніи мнѣнія Байрона, онъ правъ. Я хотѣлъ было покривить душой, да не удалось. И Bowles и Byron въ своемъ спорѣ заврались; у меня есть на то очень дѣльное опроверженіе. Хочешь перешлю? переписывать скучно. Откуда ты взялъ что я льщу Рылѣеву? мнѣніе свое о его думахъ я сказалъ вслухъ и ясно, о поэмахъ его также. Очень знаю что я его учитель въ стихотв. языкѣ—но онъ идетъ своею дорогою. Онъ въ душѣ поэтъ. Я опасаюсь его не на шутку и жалѣю очень что его не застрѣлилъ когда имѣлъ тому случай—да чортъ его зналъ. Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и перешлю ему всѣ свои замѣчанія. Ради Христа! чтобъ онъ писалъ—да болѣе, болѣе!

Твое письмо очень умно, но все таки ты не правъ, все таки ты смотришь на Онѣгина не съ той точки, все таки онъ лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ Д[опъ] Ж.—Никто болѣе меня не уважаетъ Д. Ж[уаномъ] <первыя 5 пѣсенъ—другихъ не читалъ> но въ немъ ничего нѣтъ общаго съ Онѣг. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона и сравниваешь ее съ моею, и требуешь отъ меня таковой-же! Нѣтъ, моя душа, многаго хочешь. Гдѣ у меня с а т и р а? о ней и помину нѣтъ въ Евг. Он. У меня бы затрещала набережная, еслибъ коснулся я сатирѣ. Самое слово с а т и р и ч е с к і й не должно бы находится въ предисловіи. Дождись другихъ пѣсенъ... Ахъ! еслибъ заманить тебя въ Михайловское!... ты увидишь что если ужъ сравнивать Онѣгина съ Д. Ж. то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе <gracieuse> Татьяна или Юлія? 1-ая пѣснь просто быстрое введеніе и я имъ доволенъ <что очень рѣдко со мною случается>. Симъ заключаю полемику нашу... Жду П[олярную] З[вѣзду] Давай ее сюда. Предвижу что буду съ тобою согласенъ въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ. Надѣюсь, что наконецъ отдашь справедливость Катенину. Это было бы къ стати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія (наши) свои сродно мыслящему созданію. Б е з к о р ы с т н о е признаніе въ ономъ требуетъ душевной силы. Впрочемъ этому буду радъ для Катенина, а для себя жду твоихъ повѣстей; да возьмись за Романъ—кто тебя держитъ. Вообрази: У насъ ты будешь первый во всѣхъ значеніяхъ этого слова; Въ Европѣ также получишь свою цѣну—во первыхъ какъ истинный талантъ, во вторыхъ по новизнѣ предметовъ, красокъ etc... Подумай братъ, объ этомъ на досугѣ... да тебѣ хочется въ Ротмистра!

24 марта. Михайловское.

127.

Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

[24-го марта 1825 г. Михайловское].

Chère et respectable Princesse, votre lettre m'a navré le coeur. Je n'avois pas l'idée du malheur qui vous est arrivé; je n'essairai pas de vous consoler, mais je partage du fond de l'âme vos chagrins et vos angoisses. J'espère qu'á l'heure qu'il est le Prince et les enfants sont convalescents. Puisqu' Onéguine peut le distraire, je m'en vais dès ce moment me mettre à le copier et je lui enverrai. J'ecrirai aussi à mon frére pour qu'il lui envoye ce qu'il peut avoir de mes vers. Je demande seulement au Prince qu'il garde tout celà pour seul, et qu'il n'en lise rien à personne au monde.

P. a eu tort de vous parler de mes inquietudes et de mes conjectures qui se sont trouvées fausses. Je n'ai aucune relation avec O. j'ignore complètement ce qui s'y passe.

Chère Princesse, soyez tranquille, s'il est possible. Donnez moi des nouvelles de Votre famille et comptez moi toujours au nombre de ceux qui vous sont le plus devoués.

24 mars.

На оборотѣ: Ея Сіятельству Княгинѣ ВѢрѣ Федоровнѣ В я з е м с к о й. Въ М о с к вѣ. Въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ собств. домѣ.

128.

Л. С. Пушкину.

[27-го марта 1825 г. Михайловское].

Душа моя, что за прелесть бабушкинъ котъ! Я перечелъ два раза и однимъ духомъ всю повѣсть, теперь только и брежу Тр. Фал. Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину.—Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда ли?

Объ Вяз. получилъ извѣстіе. Перешли ему душа моя все что ты имѣешь на бумагѣ и въ памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этимъ очень обяжешь меня и загладишь пакости твоего чтенья-бѣсія.

Получилъ-ли ты мои стихотворенья? Вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: Многія изъ сихъ стихотвореній — дрянь и недостойны вниманія Россійской Публики—но какъ они часто бывали печатаны Богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя—такъ вотъ они, извольте-съ кушать съ, хоть это-съ —.....-съ <сказать это помягче>. Мы <сирѣчь Издатели> должны были изъ полнаго собранія выбросить многія штуки, которыя могли бы показаться темными, будучи написаны въ обстоятельствахъ неизвѣстныхъ или малозанимательныхъ для почтеннѣйшей Публики <Россійской>, или могущія быть занимательными единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, или слишкомъ незрѣлыя, ибо Г. Пик. изволилъ печатать свои стишки въ 1814 году <т. е. 14 лѣтъ>, или какъ угодно.

Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мнѣ это непристойность, и въ *Бахч. Ф.* я забылъ замѣтить это Вяземскому. Все это должно быть выражено Романтически, безъ буфонства. Напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, вѣдь онъ не повѣритъ.—Ну, по крайней мѣрѣ столь же хороша. Доволенъ-ли онъ?—Да перешли на всякой случай это предисловіе въ Михайловское, а я пришлю вамъ замѣчанья свои.—

Когда пошлешь стихи мои В. напиши ему чтобъ онъ никому не давалъ потому что эдакъ меня опять обокрадутъ,—а, у меня нѣтъ роди-

тельской деревни съ соловьями и съ медвѣдями. Прощай, сестру поцалуй!

Великая Пятница.

Я Телеграфомъ очень доволенъ—и мышлю или мыслю поддержать его. Скажи это и Ж. Дельвига нѣтъ еще!

Такъ какъ Воейковъ ведетъ себя хорошо, то думаю прислать и ему стиховъ—то ли дѣло не красть, не ругаться по ....., не перепечатывать, писемъ не перехватывать и проч.—Люди не осудятъ а я скажу спасибо.

Тиснуть еще стихи К. Голиц.-Суворовой; возьми ихъ отъ пее. Думаю, что *Посланіе Къ Ов.*, *Вчера былъ день* и *Море* могутъ быть, разнообразія ради, помѣщены въ элегіяхъ, да и вообще можно перемѣнить весь порядокъ. R. S. V. P.

Не напечатать-ли въ концѣ *Воспоминанія о Ц. С.*, съ Нотой, что они писаны мною 14 лѣтъ, и съ выпискою изъ моихъ Записокъ <объ Державинѣ>, ась? [1]).

Да тиснуть еще мою Птичку (да четыре стиха о дружбѣ:

Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья).

129.

Л. С. Пушкину.

[Начало апрѣля 1825 г. Михайловское].

Живъ, живъ курилка!

Какъ! Живъ еще курилка журналистъ?
— Живёхонекъ! все также сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью размученъ,
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ
И старый вздоръ и вздорную новинку.
— Фу! надоѣлъ курилка журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ!—Да... плюнуть на него!

Вотъ тебѣ требуемая эпиграмма на Каченовскаго, перешли ее Вяземскому. А между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № В. Евр., гдѣ напечатанъ 2-ой разговоръ Іже-Дмитріева; это мнѣ нужно для предисловія къ Бахч. Фонт. Не худо бы мнѣ переслать и весь процессъ <и Вѣстн. и Дамс. Жур.>.

Подпись слѣпаго поэта тронула меня несказанно. Повѣсть его прелесть; сердись онъ, не сердись — а хотѣлъ простить — простить - не могъ. Достойно Байрона. Видѣніе, конецъ прекрасны.—Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы— по крайнѣй мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затмѣніе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хочется отвѣчать ему стихами, есть-ли успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ.

Гнѣдичъ не получилъ моего письма? Жаль оно, сколько помню, было очень забавно. Въ томъ-же пакетѣ находилось два очень нужныя—тебѣ и Плетневу.—Что Плетневъ умолкъ? Конечно бѣдный боленъ, иль Войпаровскимъ недоволенъ? Къ стати: каковы мои замѣчанія? Надѣюсь не скажешь что я ему кажу—а виноватъ; Войпаровскій мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно что его здѣсь нѣтъ у меня.

Если можно пришли мнѣ послѣднюю *Genlis*, да Child-Harold—Lamartine <то то чепуха должна быть!>, да вообще что-нибудь новинькаго, да и *Старину*. Талію получилъ и письмо отъ изд. Не успѣлъ еще пробѣжать. *Ворожея* показалась мнѣ du bon comique. А Хмѣльницкой моя старинная любовница; я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ 1-ую пѣснь Опѣгина <да кой чортъ! говорятъ, онъ сердится, если объ немъ упоминаютъ какъ о драмм. писателѣ>. В. правъ—а все-таки на него сердитъ. Надѣюсь, что Дель[вигъ] и Бар[атынскій] привезутъ мнѣ и Анахарзиса Клоца, который вѣрно сердится на меня, за то что мнѣ не по нутру Рѣзвоскачущая кровь Гриб. а.

Дельвигу объятія мои отверсты. Жду отъ него писемъ изъ Эгоизма, изъ Аневризма и проч.

Письмо Ж. наконецъ я разобралъ. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Онъ святой, хотя родился Романтикомъ, а не Грекомъ и человѣкомъ, да какимъ еще!

Тиснуть *Царское Село*, и съ Нотой.—Напрасно объявляли о Бр[атьяхъ]-Разб[ойникахъ]; ихъ бы можно напечатать и въ Раз[ныхъ] Стих[отвореніяхъ]. Богатая мысль—напеч. Нап. да Цензура... Лучшія строфы потонутъ.

130.

Князю П. А. Вяземскому.

[7 апрѣля 1825 г. Михайловское].

Нынче день смерти Байрона—я заказалъ свечера обѣдню за упокой его души. Мой попъ удивился моей набожности и вручилъ мнѣ просвиру выпутую за упокой раба Божія боярина Георгія. Отсылаю ее къ тебѣ.

Онѣгина переписываю. Немѣдленно и онъ явиться къ тебѣ.

Сей часъ получилъ я Войпаровскаго и думы, съ письмомъ Пущина — Предложеніе Селиванов-скаго, за 3 поэмы 12,000 р., кажется, долженъ я буду отклонить по причинѣ новой типографической плутни. Бахч. Ф. перепечатанъ.

Прощай, милый, у меня хандра и нѣтъ ни единой мысли въ головѣ моей.—Кланяйся женѣ Я вамъ обоимъ душою преданъ. А. П.

На оборотѣ: Его Сіятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ Москвѣ въ собств. домѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ.

---

[1]) Слова: «Не напечатать-ли... ась?» зачеркнуты, и подъ ними написано: «нѣтъ».

131.

Л. С. Пушкину.

[Тригорское].

17 апрѣля.

Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо и новѣстку, вѣроятно, отъ Плетнева. Письмо А. И. отдалъ не прочитавъ и сжегъ его тотчасъ <изъ опасенія—или изъ ревности, какъ хочешь>. Она въ претензіи за твои нѣжности и за то, что онѣ тебя усыпили.—*Полярную* еще не получилъ. —Справься ради Бога объ Фонтанѣ. Селиваповскій предлагаетъ мнѣ 12.000 р., а я долженъ отъ нихъ отказаться—эдакъ съ голоду умру—съ отцомъ да съ Ольдекопомъ. Прощай Я бѣшенъ.

Благодарю очень за *отр.* изъ письма *Бар.* Дельвига здѣсь еще нѣтъ.

On vous permet d'écrire des lettres, mais sous l'adresse de notre soeur (пойми). C'est ainsi, voyez-vous, que j'écris á Анна Ив. В. sous le nom d'Euphrosine. Господи Суси Христе! Quelles misères!.. Цалуй Ольгу!

[Quelle amabilité, et dans quelle humeur charmante est *lui!!!* Coment osez-vous m'écrire une lettre comme celle-ci, c'est bien que votre frère a pris la peine de la bruler pour moi! Да еще смѣли прибавить прибавленіе объ ономъ въ письмѣ къ вашему брату!!!. *Вставка А. Н. Вульфъ С. В.*]

Вотъ тебѣ мой вчерашній im-promptu:

Семейственной любви и нѣжной дружбы ради
Хвалю тебя, сестра, не спереди, а сзади.

Сожги это, показавъ ей.

Variantes en l'honneur de m-lle NN:

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради
Хвалю тебя, мой другъ, и спереди, и сзади.

M-lle NN находитъ, что первый текстъ тебѣ приличенъ. Honny soit etc.

Я заказалъ обѣдню за упокой души Байрона <сегодня день его смерти>, А. И. также, и въ обѣихъ церквахъ—Триг. и Вор.—произходили молебствія.—Это немножко напоминаетъ la messe de Fréderic II pour le repos de l'âme de m-r de Voltaire. Вяз. посылаю выпутую просвиру отцомъ Шкодой за упокой поэта.

На оборотѣ: Льву Сергѣевичу
Пушкину.

132.

Князю П. А. Вяземскому.

[Средина апрѣля 1825 г. Михайловское].

Надѣюсь что ты выздоровилъ—съ нетерпѣніемъ ожидаю о томъ офиціальнаго извѣстія. Братъ перешлетъ тебѣ мои стихи, я переписываю для тебя Онѣгина—желаю чтобъ онъ помогъ тебѣ улыбнуться. Въ первый разъ улыбка читателя me sourit. <Извини эту плоскость: въ крови!..> А между тѣмъ будь мнѣ благодаренъ—отроду не для кого ничего не переписывалъ, даже для Голицыной—изъ сего слѣдуетъ что я въ тебя влюбленъ, какъ кюхельбекерской Державинъ въ Суворова.

Занимаетъ-ли еще тебя Росейская литература? Я было на Полевово очень ощетинился за Невск. Альм. и за породію Жук. Но теперь съ нимъ помирился. Я даже такова мнѣнія что должно непремѣнно поддержать его журналъ. Хочешь? Я согласенъ.

Стихотворенія мои отосланы въ Петб. подъ Бирукова. Почти все извѣстно уже. Но все нужно было соединить во едино. Изо всего что должно было предать забвенію болѣе всего жалѣю о своихъ эпиграммахъ— ихъ всѣхъ около 50 и всѣ оригинальныя—но по нещастію я могу сказать какъ Chamfort: Tous ceux contre lesquels j'en ai fait sont encore en vie а съ живыми—полно, не хочу ссориться.

Изъ посланія къ Чед. вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились—(но) единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ—а не потому что они другимъ не по нутру.

Кланяйся Давыдову, который забылъ меня. Сестра Ольга въ него влюблена и подѣломъ. Къ стати или нѣтъ: онъ критиковалъ ей въ Бахч. Фонт. Заремины очи. Я бы съ нимъ согласился, еслибъ дѣло шло, не о востокѣ. Слогъ восточный былъ для меня образцомъ сколько возможно намъ, благоразумнымъ, холоднымъ Европейцамъ. Къ стати еще—знаешь почему не люблю я Мура?— Потому, что онъ черезъ чуръ уже восточенъ. Онъ подрожаетъ ребячески и уродливо—ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета.— Европеецъ, и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ Европейца.— Вотъ почему Байронъ такъ и прелестенъ въ Гяурѣ, въ Абидосской Невѣстѣ и проч.—

133.

Л. С. Пушкину.

[2-го и 23-го апрѣля 1825 г. Михайловское]

Фуше, Oeuvres dram[atiques] de Schiller, Schlegel, Don Juan <послѣднія 6-я и пр. нѣсни>, новое Walt. Scott, Сибирской Вѣстникъ весь—и все это черезъ St. Florent, а не черезъ Слѣпина. — Вино, вино, ромъ <12 бут.>, горчицы, fleur d'Orange, чемоданъ дорожный; *сыру лимбургскаго*; книгу о верховой ѣздѣ—хочу жеребцовъ выѣзжать: вольное подражаніе Alfieri и Байрону.

Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду. Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюбились—а онъ равнодушенъ какъ колода, любитъ лежать на постелѣ восхищаясь Чигиринскимъ Старостою; приказываетъ тебѣ кланяться, мысленно тебя цалуя 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей <напримѣръ, устрицъ>.

23. Сей часъ получилъ письмо отъ тебя. Благодарю за обѣщаніе предисловія. Думаю что можно начать благословясь. О *Посланіи Къ Ч.* скажу тебѣ что поцѣчины повторять не нужно. Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й нѣснѣ *Оны*[ина], если его насквиль этого стоитъ, и по-

проси его эпиграмму и пр. отъ Вяземскаго <непремѣнно>. Ты, голубчикъ, не находишь толку въ моей лунѣ—чтожъ дѣлать! А напечатай уже такъ. Если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего не врать. Жалѣю что не могу быть увѣренъ и въ твоей молчаливости. Скажи сестрѣ, что я поссорилъ ее съ Ан. Ник., показавъ и не читавъ нечаянно письмо, гдѣ она говоритъ: elle me boude, mais je m'en f... или подобное. Я Анету увѣрилъ, что сестра сердится очень на нее, и все черезъ [м]ои сплетни.

Des brettelles,
Des bottes <или не нужно>.

Плетневу поклонъ да пара словъ; на дняхъ къ нему пишу.

На оборотѣ: Брату.

134.

Князю П. А. Вяземскому.

[Конецъ апрѣля 1825 г. Михайловское].

Дельвигъ у меня. Черезъ него пересылаю тебѣ 2 главу Онѣгина, <тебѣ единственно и только для тебя переписаннаго>. За разг. съ няней <и Письмо Тани> безъ письма братъ получилъ 600 р.—Ты видишь что это деньги, слѣдств. должно держать ихъ подъ ключемъ. Отъ тебя нѣтъ ни слуху ни духу. Надѣюсь что ты здоровъ, о другомъ надѣиться не смѣю, но Судьба кажется могла бы быть довольна—улыбнись, мой милый, вотъ тебѣ

Элегія на смерть Ан. Льв.

Охъ, Тетенька! охъ Анна Львовна
Вас. Льв. сестра!
Была ты къ маминькѣ любовна
Была ты къ папинькѣ добра
Была ты Лиз. Льв-ой,
Любима больше серебра;
Матв. Мих. какъ кровной,
Тебя встрѣчалъ среди двора.
Давно-ли съ Ольг. Серг.
Со Льв. Серг. давноль
Какъ бы на смѣхъ судьбинѣ гнѣвной
Ты раздѣляла хлѣбъ да соль.
Увы! за чаемъ В. Л.
Твой гробъ стихами обмочилъ
Или зачѣмъ подлецъ Поповичъ
Его Красовскій пропустилъ!
(Я да Дельвигъ).

Кстати. за чемъ ты не хотѣлъ отвѣчать на письма Дельвига? Онъ человѣкъ, достойный уваженія во всѣхъ отношеніяхъ и не чета нашей литературной С. П. Бургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его Цвѣты [1]) на слѣд. годъ. Мы всѣ объ нихъ постараемся.—Что пишешь ты о Полярной?... Есть ли у тебя какія нибудь извѣстія объ Одессѣ? перешли мнѣ что нибудь о томъ.

На оборотѣ: Князю Вяземскому.

---

[1]) да нѣтъ-ли у тебя и прозы?

135.

Л. С. Пушкину.

[Конецъ апрѣля 1825 г. Михайловское].

Доставь это Вяземскому повторивъ просьбы чтобъ онъ никому не показывалъ да и самъ (ничего) не пакости—

136.

Князю П. А. Вяземскому.

[25-го мая 1825 г. Михайловское].

Ты спрашиваешь доволенъ ли я тѣмъ что сказалъ ты обо мнѣ въ Тел.—Что за вопросъ? Европейскія статьи такъ рѣдки въ нашихъ журналахъ! а твоимъ перомъ водятъ и вкусъ и пристрастіе дружбы. Но ты слишкомъ бережешь меня въ отношеніи къ Ж. Я не слѣдствіе а точно ученикъ его, и только тѣмъ и беру что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. Въ бореньяхъ съ трудностью силачь необычайный.

Переводы избаловали, изнѣжили; онъ не хочетъ самъ созидать,—но онъ, какъ Voss, Геніи перевода. Къ тому же смѣшно говорить объ немъ какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его еще мужаетъ. Былое сбудется опять, а я все чаю въ воскресеніе мертвыхъ. Читалъ твое о Чернецѣ, ты исполнилъ долгъ своего сердца. Эта поэма конечно полна чувства и умнѣе Войн[аровскаго], но въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки и размашки въ слогѣ. У него есть какой то тамъ палачь съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ. За то думы дрянь и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго dum а не отъ Польскаго, какъ казалось бы съ перваго взгляда. Стихи Неелова прелесть, не даромъ я назвалъ его нѣкогда le chantre de la m...! <Это между нами и потомствомъ буди сказано>. Статьи и стиховъ Шаликова не читалъ. Не ужъ то онъ обижается моими стихами? вотъ ужъ тутъ то я невиненъ, какъ барашекъ! спроси у братца Леона: онъ скажетъ вамъ что увидѣвъ у меня имя Кн. Ш. онъ присовѣтовалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ—я было и послушался, да стало жаль, et j'ai remis bravement Chalikof! Это могу доказать черновою бумагою. Твои калембуры очень милы—здѣшнія дѣвицы находятъ ихъ весьма забавными, а все таки жду твое о Байронѣ. Благодарю за Casimir <какъ бы выкрасть изъ него Calembourg? выгадай-ка>. Ты, кажется, любишь Казимира, а я такъ нѣтъ. Конечно онъ поэтъ, но все не Вольтеръ, не Гёте... далеко кулику до орла!—Первый Геній тамъ будетъ романтикъ и увлечетъ французскія головы Богъ вѣдаетъ куда. Къ стати; я замѣтилъ что всѣ <даже и ты> имѣютъ у насъ самое тёмное понятіе о Романтизмѣ. Объ этомъ надобно будетъ на досугѣ потолковать но не теперь; мочи нѣтъ усталъ. Писалъ ко всѣмъ—даже и къ Булгарину.

25 мая.

Ты вызываешься сосводничать мнѣ Олсвова. Дѣло въ томъ что я радъ помогать ему, а условій вѣрно никакихъ не выполню – слѣдств. и денегъ его мнѣ не надобно. Да ты, смотри за нимъ—ради Бога! и ему случается завираться. Напримѣръ, Донъ-Кихотъ изкоренилъ въ Европѣ странствующихъ рыцарей!!! — Въ Италіи, кромѣ Dante единственно, не было Романтизма—А онъ въ Италіи то и возникъ. Что же такое Аріостъ? а предшественники его начиная отъ Buovo d'Antona до Orlando inamorato? какъ можно писать такъ на обумъ! А ты не пренебрегай журнальными мѣлочами: Наполеонъ ими занимался и былъ лучшимъ журналистомъ Парижа <какъ замѣтилъ, помнится, Фуше>.

На оборотѣ: Вяземскому, который на дняхъ у васъ будетъ. Не то отдать А. И. Тург. для доставленія въ Москву.

Тебѣ ничего не пишу, Мусье Lion, за то, что за тобою еще нѣсколько отвѣтовъ.

Приписка Л. С. Пушкина. Левъ Пушкинъ проситъ прощенія въ томъ, что письмо распечатано; не взглянувъ на конвертъ онъ думалъ что оно къ нему.—

137.

К. Ѳ. Рылѣеву.

[Конецъ мая 1825 г. Михайловское].

Думаю ты уже получилъ замѣчанія мои на Вяземскаго. Прибавлю одно: вездѣ гдѣ я ничего не сказалъ должно подразумѣвать похвалу, знаки возклицанія, прекрасно и проч. Полагая что хорошее писано тобою съ умыслу не счелъ я за нужное отмѣчать его для тебя.

Что сказать тебѣ о думахъ? во всѣхъ встрѣчаются стихи живыя, окончательныя строфы Петра въ Остр. чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобретѣніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой. Составлены изъ общихъ мѣстъ (Loci topici) описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь Героя и—правоученіе. Національнаго, Рускаго нѣтъ въ нихъ ничего кромѣ именъ <изключаю Ив. Сусанина, первую думу, по коей началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ>. Ты напрасно не поправилъ въ Олегѣ Герба Россіи. Древній Гербъ, С. Георгій, не могъ находится на щитѣ язычника Олега; новѣйшій, двуглавый орелъ, есть Гербъ Византійскій и принятъ у насъ во время Іоанна III, не прежде. Лѣтописецъ просто говоритъ: Тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды.

Объ исповѣди Наливайки скажу что мудрено что нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ растянутымъ, но и тутъ конечно наложилъ ты свою печать.

Тебѣ скучно въ Петерб. а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть. Прощай поэтъ—когда-то свидимся?

138.

В. А. Жуковскому.

[Конецъ мая—начало іюня 1825 г. Михайловское].

Вотъ тебѣ человѣческій отвѣтъ: мой аневризмъ носилъ я 10 лѣтъ и съ Божіей помощію могу проносить еще года 3. Слѣдств. дѣло не къ спѣху, но Михайловское душно для меня. Еслибы Царь меня до излѣченія отпустилъ за границу, (въ Евр.) то это было бы благодѣяніе, за которое я бы вѣчно былъ ему и друзьямъ моимъ благодаренъ. Вяз. пишетъ мнѣ что друзья мои въ отношеніи Властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я обѣщалъ Н. М. два года ничего не писать противу Правительства и не писалъ. Книжалъ не противъ правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. Теперь же все это мнѣ надоѣло, и если меня оставятъ въ покоѣ, то вѣрно я буду думать объ однихъ пятистопныхъ безъ рифмъ. Смѣло полагаясь на рѣшеніе твое, посылаю тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны, ни въ поступкѣ ни въ выраженіи нѣтъ. Пишу по франц. потому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по перу. Впрочемъ да будетъ Воля Твоя; если покажется это непристойнымъ то можно перевести, а братъ перепишетъ и подпишетъ за меня.

Все это трынь-трава. Ничего не говорилъ я тебѣ о твоихъ стихотв. За чѣмъ слушаешься ты Маркиза Блудова? Пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса. Къ тому же не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ. Выбрасывая, (унижая) уничтожая самовластно онъ не изключилъ изъ Собранія Посланія къ нему произведенія конечно слабаго. Нѣтъ, Жуковскій

Веселаго пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И .... его ....

Надпись къ Гёте, ахъ еслибъ мой милый, Генію все это прелесть; а гдѣ она? Знаешь что выдетъ? Послѣ твоей смерти все это напѣчатаютъ съ ошибками и съ приобщеніемъ стиховъ Кюхельбекера. Подумать страшно. Дельвигъ разскажетъ тебѣ мои литературныя (произведен) занятія—Жалѣю что нѣтъ у меня твоихъ совѣтовъ—или хоть присутствія—оно вдохновеніе. Кончи, ради Бога, Водолаза. Ты спрашиваешь какая цѣль у Цыганова? вотъ на? Цѣль поэзіи—поэзія—какъ говоритъ Дельвигъ <если не укралъ этаго>. Думы Рылѣева и цѣлятъ а все не въ попадъ.

На оборотѣ: В. А. Жуковскому.

139.

Императору Александру I.

Черновое.

[Конецъ мая—начало іюня 1825 г. Михайловское].

<J'avais 20 ans en 1820>. (Quelques) Des propos inconsidérés, des vers satiriques (me firent remarquer repandre dans le public). Le bruit se répandit, que j'avais été traduit et f[ouetté] à la ch[ancellerie?] s[ecrete?]

Je fu le dernier à apprendre ce bruit qui étoit devenu général; je me vus flétri (decouragé) dans l'opinion. Je fus découragé; je me battais, j'avais 20 ans. Je déliberais si je ne ferais pas bien de me suicider ou d'assassiner Vot. Dans le 1 cas je ne faisois qu'à confirmer un bruit, qui me déshonoroit; dans le second je ne me veng. pas, parce qu'il n'y avait pas d'outrage: si je comettois un crime, je sacrifais à l'opinion d'un publique, que je mépri-ais, un homme au quel tenoit tout et..... dont j'avois été l'admiration involontaire. Ces réflexions me déterminèrent.

Tels furent mes réflexions. Je les communiquais à un ami qui fut pari[aitement] de mon avis. Il me conseilla des démarches de justification envers l'autorité. J'en sentis l'inutilité. Je résolu de mettre tant l'indignation et de jactance dans mes discours et mes écrits, qu'enfin l'autorité soit obligé de me traiter en criminel: [j'aspirais] la Sibérie ou la forteresse comme réhabilitation.

La conduite magnanime, libéral de l'autorité me toucha profondement, en déracinant entierement une ridicule calomnie, jusque à ma disgrace. Depuis, s'il m'est quelques fois échappé des plaintes contre un ordre des choses reçu, si quelques fois je m'abandonnais à jeunes declamations, je suis pourtant bien sûr d'avoir toujours respecté soit dans mes écrit, soit dans mes discours, la Pers[onne] de V. M.

Sire, on m'accuse d'âvoir compté sur (cett e mag. sa) la générosité de vorte caractére; je vous ai dit la verité avec une franchise dont il seroit impossible d'être capable envers tout autre souverain du monde.

Aujourd'hui je recourre à cette générosité (Ni ma campagne) Ma santé a été fortement altérée dans ma jeunesse; un anevrisme de coeur exige une prompte operation, un traitement prolongé; la ville qui m'en était assignée ne peut me procurer aucun secours. Je supplie V. M. de me permettre le sejour d'une de nos capitales ou bien de m'ordonner un endroit de l'Europe ou je puis prendre soin de mon existence....

Черновое.

(Вторая редакція).

(Obligé de reconnaître l'indulgence de V. M. au moment même de ma disgrace) Je me (fer.) serois fait un devoir de (la) supporter ma disgrace dans un respectueux silence si la necessité (seule peut me contraindre) ne me contreignit a le rompre.

Ma santé a été fortemeut alterée dans ma premiére jeunesse, jusqu'à present je n'ai pas eu le moyen de me traiter. Un anevrisme que j'ai depuis une dixaine d'année exigerait aussi une prompte opération. Il est facile de s'assurer de la verité de ce que j'avance.

On m'a reproché, Sire, d'avoir jadis compter sur la générosité de vorte caractère, j'avoue qu'aujourd'hui c'est à elle seule que j'ai recours. Je supplie votre majesté de me permettre de me retirer quelque part en Europe, où je ne serai pas dénué de tout secours.

140.

А. А. Бестужеву.

[Конецъ мая—начало іюня 1825 г. Михайловское].

Отвѣчаю на первый параграфъ твоего взгляда. У Римлянъ вѣкъ посредственности предшествовалъ вѣку геніевъ—грѣхъ отнять это тутло у таковыхъ людей, каковы Виргилій, Горацій, Тибуллъ, Овидій и Лукрецій хотя они[1])—кромѣ двухъ послѣднихъ, шли столбовою дорогою подражанія. Критики греческой мы не имѣемъ. Въ Италіи Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Аріосту, сіи предшествовали Alfieri и Foscolo. У англичанъ Мильтонъ и Шекспиръ писали прежде Аддиссона и Попа, послѣ которыхъ явились Southey, Walter Skott, Moor и Byron—изъ этаго мудрено вывести какое-нибудь заключеніе или правило. Слова твои вполнѣ можно примѣнить къ одной Французской литературѣ.

У насъ есть критика а нѣтъ литературы. Гдѣ-жъ ты это нашелъ? имянно критики у насъ и недостаетъ. Отселѣ репутаціи Ломоносова <уважаю въ немъ великаго человѣка но конечно не великаго поэта. Онъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго; вотъ его главная заслуга> и Хераскова и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова. Кумиръ Державина (полу-золотой полу-свинцовой) 1/4 золотой 3/4 свинцовой донынѣ еще не оцѣненъ. Ода къ Фелицѣ стоитъ на ряду съ Вельможей, ода Богъ съ одой на См. Мещ., ода къ Зубову недавно открыта. Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитріевъ также. Мы не имѣемъ ни единаго коментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ что такое Крыловъ, Крыловъ который (въ баснѣ) столь же вышѣ Лафонтена, какъ Держ. выше Ж. Б. Руссо. Что же ты называешь критикою? Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? библіографическія извѣстія Греча и Булгарина? свои статьи? но признайся что это все не можетъ установить какого-нибудь мнѣнія въ публикѣ, не можетъ почесться уложеніемъ вкуса. У одного только Народа критика предшествовала литературѣ—у Германцевъ. Качеповскій тупъ и скученъ, Гречь и ты остры и забавны—вотъ все что можно сказать объ васъ—но гдѣ-же критика? Нѣтъ, фразу твою скажемъ на оборотъ: литература кой какая у насъ есть а критики нѣтъ.—Впрочемъ ты самъ немного нижѣ съ этимъ соглашаешься.

Отъ чего у насъ нѣтъ геніевъ и мало талантовъ? Во первыхъ у насъ Державинъ и Крыловъ—во вторыхъ гдѣ-же бываетъ много талантовъ.

Ободренія у насъ нѣтъ—и слава Богу! Отъ чего-же нѣтъ? Державинъ, Дмитріевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины—вѣкъ ободреній: отъ этого онъ еще не нижѣ другаго. Карамзинъ кажется ободренъ; Жуковскій не можетъ жаловаться, Крыловъ также. Гнѣдичь въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотримъ когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя да Баратынскаго—и не говорю слава Богу!

Ободреніе можетъ оперить только обыкновенныя дарованія. Не говорю объ

[1]) виновать! Горацій не подражатель.

Августовомъ вѣкѣ. Но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои комедіи написалъ по заказу Елисаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика; безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго Генія, обязанъ бытіемъ своимъ заступничеству монарха; Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридерика——— Державину покровительствовали три Царя.—Ты не то сказалъ что хотѣлъ; я буду за тебя говорить.—Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ предъ ними отличается что не носитъ она на себѣ печати рабскаго униженія. Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинымъ умолкнулъ голосъ лести—а какъ онъ льстилъ?

О вспомни, какъ въ томъ восхищеньи
Пророча, я тебя хвалилъ:
Смотри, я рекъ, тріумфъ минуту
А добродѣтель вѣкъ живетъ.

Прочти посланіе къ А. <Жук. 1815 году> вотъ какъ рускій поэтъ говоритъ Рускому Царю. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ... Объ нашей-то лирѣ можно сказать что Мирабо сказалъ о Сіесѣ. Son silence est une calamité publique. Иностранцы намъ изумляются—они отдаютъ намъ полную справедливость—не понимая какъ это сдѣлалось—Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества—Аристократическя гордость сливается у нихъ съ Авторскимъ самолюбіемъ мы не хотимъ быть покровительствуемы равными. Вотъ чего подлецъ Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ что рускій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою—а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе какъ шести сотъ лѣтній дворянинъ—дьявольская разница!

Все что ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестр. и между усобныхъ <прелесть!> подражателяхъ—прекрасно, выражено сильно, и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ. Вообще мысли въ тебѣ кипятъ.—Объ *Онѣг.* ты не высказалъ всего что имѣлъ на сердцѣ; чувствую по чему и благодарю—но за чемъ же ясно не обнаружить своего мнѣнія?—покамѣсть мы будемъ (удерживаться) руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ—а ты достоинъ ее создать.

Твой Турниръ напоминаетъ Турниры W. Scotta. Брось этихъ нѣмцевъ и обратись къ намъ православнымъ; да полно тебѣ писать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами—это хорошо для поэмы Байронической. Романъ требуетъ болтовни; высказывай все на чисто. Твой Владиміръ говоритъ языкомъ нѣмецкой драммы, смотритъ на солнце въ полночь <стр. 330>, etc. Но описаніе стана Литовскаго, разговоръ плотника съ час. прелесть, конецъ такъ же. Впрочемъ вездѣ твоя необыкновенная живость.

Рылѣевъ покажетъ конечно тебѣ мои замѣчанія на его Войнаровскаго а ты перешли мнѣ свои возраженія. Покамѣсть обнимаю тебя отъ души.

Еще слово: ты умѣлъ въ 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности—а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шишкову.—Кому же какъ не ему обязаны мы нашимъ оживленіемъ?

141.

Барону А. А. Дельвигу.

[Первая половина іюня 1825 г. Михайловское].

Жду, жду писемъ отъ тебя—и не дождусь—не принялъ-ли ты опять во услуженіе покойнаго Никиту—или ждешь оказій?—проклятая оказія! ради Бога, напиши мнѣ что нибудь: ты знаешь что я имѣлъ нещастіе потерять Бабушку Чичерину и дядю Петр. Льв.—получилъ эти извѣстія безъ приуготовленія и нахожусь въ ужасномъ положеніи—утѣшь меня, это священной долгъ дружбы сего <священнаго чувства>.

Что дѣлаютъ мои Разн. Стих.? видѣлъ ли ихъ Бируковъ Грозный? отъ Плетнева не получаю ни единой строчки; что мой Онѣгинъ? продается-ли? къ стати: скажи, Плетневу чтобъ онъ Льву давалъ изъ моихъ денегъ на орѣхи а не на коммиссіи мои—потому что это напрасно: Такова безсовѣстнаго коммиссіонера нѣтъ и не будетъ.—По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни Рускоій грамоты ни духа Рускаго языка.—<вотъ почему онъ и ниже Ломоносова>—онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи—ни даже о правилахъ стихосложенія.—Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо.—Онъ не только не выдерживаетъ оды но не можетъ выдержать и строфы <изключая чего знаешь>. Чтожъ въ немъ: мысли картины и движенія истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной, вольной переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. Ей богу, Его Геній думалъ по татарски—а рускоій грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ со временемъ переведенный изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего что мы знаемъ объ немъ <не говоря ужъ о его министерствѣ> у Державина должно сохранить будетъ одъ восемь да нѣсколько отрывковъ а прочее сжечь—Геніи его можно сравнить съ Геніемъ Суворова—жаль что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ нѣтухомъ—довольно объ Державинѣ—что дѣлаетъ Жуковскій?—Передай мнѣ его мнѣніе о 2-ой главѣ Онѣг., да о томъ, что у меня въ пяльцахъ.—Какую Крыловъ выдержалъ операцію? дай Богъ ему многія лѣта! Его мѣльникъ хорошъ какъ Демьянъ и Ока. Видѣлъ-ли ты И. М.? идетъ-ли впередъ Исторія? гдѣ онъ остановится? Не на избраніи-ли Ром.? Неблагодарные! 6 Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту! да двое руку приложили за неумѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я...

На оборотѣ: Его Высокоблагородію
Мило-стивому Государю
Барону Антону Антоновичу
Дельвигу.
Въ С.-Петербургѣ,
въ Имп. Публ. Библіотеку.

142.

К. Ѳ. Рылѣеву.

Черновое.

[Вторая половина іюля 1825 г. Михайловское].

Мнѣ досадно, что Рылѣевъ меня не понимаетъ. Въ чемъ дѣло? Что у насъ не покрови-

тельствуютъ литературѣ; и что—слава Богу? Зачѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего жъ тебѣ болѣе? Загляни въ журналы; въ теченіе шести лѣтъ посмотри, сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили по-дѣломъ и понапрасну, а далѣе... ни гугу! Почему это? Ужъ вѣрно не отъ гордости или радикализма такого-то журналиста, нѣтъ! Всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся, никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ уже лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Ты сердишься за то, что я хвалюсь шестисотлѣтнимъ дворянствомъ <NB. мое дворянство старѣе>. Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ состоянія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отселѣ гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ <кромѣ меня> изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гвафъ Хвостовъ прожился на нихъ. Тамъ ѣсть нечего—такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего—такъ служи да не сочиняй. Милый мой! Ты—поэтъ, и я—поэтъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть ли отъ этого не правъ.

143.

В. А. Жуковскому.

[іюнь—іюль 1825 г. Михайловское].

Неожиданная милость Его Величества тронула меня несказанно, тѣмъ болѣе что здѣшній Губернаторъ предлагалъ уже мнѣ имѣть жительство во Псковѣ; но я строго придерживался повелѣнію высшаго начальства—

Я справлялся о Псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволожскаго, очень искуснаго по Ветеринарной части и извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ по своей книгѣ объ лѣченіи лошадей.

Не смотря на все это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ, тѣмъ не менѣе чувствуя отеческую снисходительность Его Величества.

Боюсь чтобъ медленность мою пользоваться Монаршей милостію не почли за небреженіе или возмутительное упрямство.—Но можно ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность?

Дѣло въ томъ что 10 лѣтъ не думавъ о своемъ Аневризмѣ, не вижу причины вдругъ объ немъ разхлопотаться—Я все жду отъ человѣколюбиваго сердца Императора, авось-либо позволитъ онъ мнѣ со временемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лѣкаря по довѣрчивости собственнаго разсудка а не по приказанію высшаго начальства—

Обнимаю тебя горячо
А. Пушкинъ.

1825 [1]).
Михайл.

На оборотѣ: В. А. Ж.

[1]) Указаніе числа и мѣсяца вырвано съ печатью.

144.

Князю П. А. Вяземскому.

[Начало іюля 1825 г. Михайловское].

Думаю что ты уже получилъ отвѣтъ мой на предложенія Телеграфа. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему что тебѣ попадется <кромѣ Онѣгина> если же мое имя, какъ сотрудника, то не соглашусь изъ благородной гордости, т. е. амбиціи: Телеграфъ человѣкъ порядочный и честный—не враль и невѣжда; а вранье и невѣжество журнала дѣлится между его издателями; въ часть эту входить не намѣренъ. Не смотря на перемѣну министерства и на улучшенія цензуры, все таки не могу отвѣчать за Красовскаго съ братьею; пожалуй, я подряжусь выставлять по стольку-то піэсъ, да въ накладѣ можетъ остаться журналъ, если такъ возхощетъ Богъ да Бируковъ.—Я всегда былъ склоненъ аристократичествовать а съ тѣхъ поръ какъ пошелъ моръ на Пушкиныхъ я и пуще зачуфырился: стихами торгую en gros, а свою мѣлочную, лавочку № 1, запираю. Къ тому же, между нами, братъ Левъ у меня на рукахъ; отъ отца ему денегъ на дѣвокъ да на шампанское не будетъ; такъ пускай Телеграфъ съ нимъ сдѣлается и дай Богъ имъ обоимъ разторговаться съ моей легкой руки. A demain les affaires sérieuses...

Какую пѣсню изъ Beranger перевелъ дядя В. Л.? Ужъ не Le bon Dieu ли? Объяви ему за тайну что его въ томъ подозрѣваютъ въ П. Б. и что готовится уже слѣдственная комисія, составленная изъ Гр. Хвостова, Магницкаго и Г-жи Хвостовой <автора К а м и н а, и слѣдств. соперницы В. Л-ча>.—Не худо увѣдомить его что уже давно былъ бы онъ сосланъ, если не чрезвычайная извѣстность (extrême popularité) его опаснаго сосѣда. Опасаются шума!—Какъ жаль что умеръ А. М.! и что не видалъ я Дядиной травли! Но Дмитріевъ живъ, все еще не потеряно.—Я послалъ въ П ч е л у, а не въ Т е л., мою о п е ч а т к у, потому что въ Москву почта идетъ несносно долго. Полевой напрасно огорчился, ты не напрасно прибавилъ ж у р н а л ь н ы м ъ, а я недаромъ отозвался, et le diable n'y perd rien. Вотъ еще Эпиграмма на Б л а г о н. который говоритъ критиковалъ моихъ п р и я т е л е й.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей,
Журнальный Шутъ объ нихъ статейку тиснулъ
И въ свѣтъ пустилъ безъ подписи-жъ злодѣй!
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

Отослано къ П о л. Ты уже думаю, босоножка, полощешься въ морской лужицѣ, а я наслождаюсь душнымъ запахомъ смолистыхъ почекъ березъ, подъ кропильницею Псковскаго неба и жду чтобъ Нѣкто повернулъ сверху кранъ и золотыя дожди остановились—Онта въ сторону, у насъ холодно и грязно.—Жду разрѣшенія моей участи.

На оборотѣ: Князю Вяземскому.

145.

Князю П. А. Вяземскому.

[13-го іюля 1825 г. Михайловское].

Братъ писалъ мнѣ что ты въ Ц. С. что онъ переписалъ для тебя мои стихи, а отъ тебя жду жду письма и не дождусь—что ты? Въ Ревелѣ или еще пѣтъ? и что твой Байронъ или Бейронъ <Toi, dont le monde encor ignore le vrai nom!>. Сейчасъ прочелъ твои замѣчанія на замѣчанія Денпса на замѣчанія Наполеона—чудо—хорошо! Твоій слогъ живой и оригинальной тутъ еще живѣе и оригинальнѣе. Ты хорошо сдѣлалъ что заступился явно за галлицизмы. Когда нибудь должно же въ слухъ сказать что Русской метафизической языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи. Дай Богъ ему когда нибудь образоваться на подобіе французскаго; <яснаго точнаго языка прозы—т. е. языка мыслей—>. Объ этомъ есть у меня строфы 3 и въ Опѣг. За твоей статьею слѣдуетъ моя о M-d de Stael. Но не разглашай этаго: тутъ есть одно Великодушіе поставленное вопервыхъ ради Цензуры а вовторыхъ для вящшаго анонима <родъ онанизма журнальнаго>. Вѣроятно ты уже знаешь Царскую ко мнѣ милость и позволеніе пріѣхать во Псковъ. Я справлялся о тамошнихъ операторахъ; мнѣ рекомендуютъ Всеволожскаго, очень искуснаго коновала; увидимъ. Покамѣсть душа моя, я предпринялъ такой литературный подвигъ за который ты меня разцалуешь: Романтическую Трагедію!—смотри молчи-же: объ этомъ знаютъ весьма немногіе. Читалъ ты моего А. Шенье въ темницѣ? Суди объ немъ какъ Езуитъ—по намѣренію. Милый мой! мое намѣреніе обнять тебя по плоть немощна. Прости, прощай.—Съ тобою-ли твоя Княгиня-лебедушка? кланяйся ей отъ Арзамасскаго гуся.

13 іюля.

Передо мной моя трагедія. Не могу вытерпѣть чтобъ не выписать ея заглавія: Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о Ц. Борисѣ и о Гришкѣ Отр. Писалъ рабъ Божій Алекс. сынъ Сергѣевъ Пушкинъ въ лѣто 7333 на городищѣ Вороничѣ. Каково?

На оборотѣ: Его Превосходительству Николаю Михайловичу Карамзину. Въ Царскомъ Селѣ. Пр. дост. Князю П. А. Вяземскому.

146.

Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ.

[21-го іюля 1825 г. Михайловское].

Je vous ecris après m'être enivré bien tristement; vous voyez que je tiens parole.

Hebien! êtes-vous à Riga? avez vous fait des conquêtes? vous mariez-vouz bientôt? Avez vous trouvé des Houlans? mandez-moi tout celà dans le plus grand détail, car vous savez que malgré mes mauvaises plaisanteties, je m'interesse véritablement à tout ce qui vous concerne—Je voulais vous gronder mais je n'en ai pas le courage à une distance si respectueuse—Pour dela morale et des conseils, vous en aurez. Ecoutez bien — 1) Au nom du ciel, ne soyez étourdie qu'avec vos amis <au masculin> ceux-ci n'en profiteront que pour leur propre compte aulieu que les a m i e s vous feront du tort; car mettez vous dans la tête que toutes sont aussi vaines et aussi bavardes que vous-mêmes. 2) Portez des robes courtes, car vous avez de très jolis pieds, et ne vous ébouriffez pas les temps, quand même ce serait la mode, puisque vous avez le malheur d'avoir une figure ronde. 3) Vous êtes devenue bien savante depuis quelque tems, mais ... n'en faites pas semblant, et si un houlan vous dit, что съ вами нездарово вальсировать, ne riez pas, ne minaudez pas, ne paraissez pas en être fière; mouchez-vous ... détournez la tête et parlez d'autre chose. 4) N'oubliez pas la d-re éd. de Byron.

Savez-vous pourquoi je voulais vous gronder? non? la fille perverse, sans sentiment et sans etc... et vos promesses donc, les avez-vous tenues? allons, je ne vous en parlerai plus et je vous pardonne, d'autant plus que je ne m'en suis souvenu moi-même qu'après votre départ. C'est singulier—où donc avais-je ma tête? Sur ce, parlons d'autres choses.

Tout Trigorsky chante Не мила ей прелесть NB: ночи, et celà me serre le coeur, hier M-r Alexis et moi nous avons parlé 4 heures de suite. Jamais nous n'avons eu une aussi longue conversation. Devinez ce qui nous a uni tout-à-coup! inn[o]ui? [3]) Conformité de sentiment? Je n'en sais rien. Je me promène toutes les nuits dans mon jardin, je dis: elle était là—la pierre qu'elle a heurtée est sur ma table, auprés d'une heliotrope fanée; j'écris beaucoup de vers—tout cela, si vous voulez, ressemble beaucoup á de l'amour, mais je vous jure qu'il n'en est rien. Si j'étais amoureux, j'aurais eu d i m a n c h e des convulsions de rage et de jalousie, et je n'ai été que piqué——cependant l'idée que je ne suis rien pour elle, qu'après avoir eveillé, occupé son imagination je n'ai qu'amusé sa curiosité, que mon souvenir ne la rendra pas un moment plus distraite au milieu de ses triomphes, ni plus sombre dans ses jours de tristesse, que ses beaux yeux s'attacheront sur quelque fat de Riga avec la même expresion déchirante et voluptueuse——non cette idée m'est insupportable, dites lui que j'en mourrai,—non, ne le lui dites pas; elle s'en moquerait, cette délicieuse créature! Mais dites-lui que si son coeur n'a pas pour moi une tendresse secrette, un penchant mélancholique et mystérieux ... je la méprise, entendez-vous? oui je la méprise, malgré tout l'étonnement que doit lui causer un sentiment aussi nouveau.

Adieu, M-lle la Baronne, recevez l'hommage de votre prosaïque adorateur.

21 juillet.

P. S. Envoyez moi la recette que vous m'avez promise; j'ai fait tant de farces que je n'en plus— M a u d i t e v i s i t e, m a u d i t d é p a r t!

Примѣчанія.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1828 г.

531. ВОСПОМИНАНІЕ.

(т. II стр. 491).

См. въ исторіи текста.

532. ТЫ И ВЫ.

(т. II, стр. 492).

Автографъ пьесы находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, Л. 14 об.; на этой же страницѣ кончается стихотвореніе «Воспоминаніе»; при пьесѣ записаны двѣ помѣты: вверху «20 мая 1828», а внизу—«23 мая»; вѣроятно, послѣднюю помѣту и нужно принимать за дату «Ты и вы». Впервые пьеса была напечатана въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 11, съ ошибкою во 2-мъ стихѣ («обманомъ» вмѣсто «обмолвясь»), исправленной въ «Стихотвореніяхъ Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 120, куда она вошла затѣмъ.

А. П. Керн указала («Русс. Стар.» 1880 г., январь, 143; ср. сборн. Л. Майкова, «Пушкинъ», стр. 252), по мнѣнію П. А. Ефремова (Сочин. П., изд. Суворина, VIII, 284) «бездоказательно», что стихотвореніе относится къ А. А. Олениной (объ отношеніяхъ Пушкина къ Олениной см. выше, примѣч. къ № 529). Между тѣмъ Керн была права: въ бумагахъ Олениной нашлась копія стихотворенія, собственноручно ею переписанная, съ ея же замѣткой: «Анна Алексѣевна Оленина ошиблась, говоря Пушкину ты, и на другое воскресенье онъ привезъ эти стихи» («Русс. Стар.» 1890 г., августъ, 398).

Бѣлинскій причислилъ «Ты и вы» къ тѣмъ «переходнымъ» стихотвореніямъ, въ которыхъ «видна живая историческая связь Пушкина съ предшествовавшей ему литературой... виденъ уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе вѣрный литературнымъ преданіямъ, еще ученикъ предшествовавшихъ ему мастеровъ, хотя часто и побѣждающій своихъ учителей, поэтъ даровитый, но еще несамостоятельный». Дѣйствительно, написать такую пьесу могли бы и Батюшковъ, и Жуковскій. Ей особенно повезло у композиторовъ, и она была положена на музыку 18 разъ (въ томъ числѣ Гурилевымъ, Даргомыжскимъ, Римскимъ-Корсаковымъ).

533. ДАРЪ НАПРАСНЫЙ

(т. II, стр. 492).

См. въ исторіи текста.

534. КОБЫЛИЦА МОЛОДАЯ...

(т. II, стр. 492).

Черновой автографъ пьесы, съ помѣтой «6 іюня», находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 15 (на той же страницѣ нарисованы нѣсколько скачущихъ лошадей). Впервые она была напечатана подъ названіемъ «Подражаніе Анакреону» въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 71, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 121, гдѣ помѣщена среди произведеній 1828 года, безъ заглавія, но въ оглавленіи данъ подзаголовокъ: «Подражаніе Анакреону». Воспоминанія Керн сохранили шутку Анны Петровны и баронессы С. М. Дельвигъ, которыя въ корректурѣ «Сѣверн. цвѣтовъ» озаглавили это стихотвореніе: «Мадригалъ такой-то» («П. и его современники», V, 145—146); Керн не называетъ пичьего имени (не намекъ ли здѣсь на Оленину, за которой Пушкинъ тогда серьезно ухаживалъ, о чемъ упоминаетъ Керн въ своихъ запискахъ?).

Пушкину удалось схватить, говоритъ С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи П—на», изд. 2-е, Спб., 1901, стр. 56—57), настоящій тонъ анакреонтической поэзіи въ этомъ стихотвореніи, «представляющемъ переложеніе пѣсни, которая приписывается самому Анакреону». Это—60-я ода. Вотъ довольно близкій къ подлиннику переводъ А. Бажанова:

Что, ѳракійская лошадка, на меня такъ косо смотришь
И, съ презрѣньемъ отбѣгая, за человкаго сочла?
Знай же: я еще сумѣю на тебя узду накинуть
И возжей тебя заставлю по ристалищу бѣжать.
Ты теперь въ лугахъ пасешься, рѣзво прыгаешь и скачешь,
Потому что не нашелся ловкій всадникъ для тебя.

«Пушкинъ,—продолжаетъ С. Любомудровъ,—далъ не переводъ, но подражаніе, но посмотрите, что онъ сдѣлалъ! Что можетъ быть лучше этихъ стиховъ, такъ живо рисующихъ дикаго, пугливаго, степного коня, когда онъ чувствуетъ, что его волѣ приходитъ конецъ: «Не косись пугливымъ окомъ, ногъ на воздухъ не мечи». На послѣдній стихъ нѣтъ и намека въ подлинникѣ, но, вѣроятно, самъ Анакреонъ дорого бы далъ, чтобы имѣть его. Есть въ пьесѣ и еще перемѣна, придающая ей до извѣстной степени русскій обликъ. кобылица Пушкина приведена не изъ ѳракійскихъ.

а изъ кавказскихъ табуновъ». Верховую ѣзду Пушкинъ очень любилъ; выучился онъ ей еще въ лицеѣ, много ѣздилъ верхомъ, когда жилъ въ Михайловскомъ (Переписка П-на, академич. изд., I, 140, 154), однажды писалъ оттуда брату, чтобы тотъ ему выслалъ «книгу о верховой ѣздѣ—хочу жеребцовъ выѣзжать» (ibid., 207). Верхомъ онъ сдѣлалъ значительную часть похода въ Арзрумъ 1829 г.; свой автопортретъ на лошади онъ набросалъ въ ушаковскомъ альбомѣ (см. выше, т. IV, стр. 517)

П. М. Рожалинъ, получивъ отъ А. А. Елагина списокъ стихотворенія безъ имени автора, угадалъ его самъ: «Кобылица,—писалъ онъ въ отвѣтъ («Русс. Арх.» 1909, II, 571),—такая вещь, которой никому не выдумать и не написать кромѣ Пушкина, это чудо, тутъ виденъ поэтъ истинный и русскій». Бѣлинскій, высоко цѣнившій антологическія стихотворенія Пушкина за «простоту и единство мысли, простодушіе и возвышенность въ топѣ, пластичность и грацію формы», въ перечнѣ ихъ упомянулъ и разсматриваемую пьесу (Сочин. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, VI, 266); не забылъ онъ ее также въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина, говоря объ его антологіи. Объ отношеніи Пушкина къ Анакреону—см. въ примѣчаніяхъ къ пьесамъ 1835 года.

---

533. Н. Д. КИСЕЛЕВУ.

(т. II, стр. 492).

Четверостишіе это Пушкинъ подписалъ подъ собственнымъ портретомъ, который подарилъ Н. Д. Киселеву; подъ нимъ помѣта: «14 (26) іюня 1828, Стрѣльна»; впервые напечатано оно въ «Русск. Архивѣ» 1874 (г. I, ст. 1579, съ копіи, сдѣланной самимъ Н. Д. Киселевымъ, приписавшимъ: «рукою Пушкина, подъ его портретомъ, который, очевидно, набросанъ самимъ, написано карандашемъ». Этотъ портретъ въ воспроизведеніяхъ неизвѣстенъ. Разсказывая въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому 1 сентября 1828 г., о веселомъ лѣтѣ, проведенномъ имъ въ Петербургѣ, Пушкинъ писалъ, что велъ «распутный» образъ жизни (см. ниже, примѣч. къ № 540), «пока Киселевъ и Полторацкій были здѣсь». Пушкинъ упоминаетъ о Н. Киселевѣ также въ одномъ посланіи къ Языкову («Къ тебѣ сбирался я давно»...—см. выше, № 498). Уѣзжая изъ Петербурга, Киселевъ взялся передать П. М. Языкову записочку Пушкина (письмо Языкова къ брату Ал-дру Мих-чу, изъ Дерпта, 26 іюня 1828 г.).

Николай Дмитріевичъ Киселевъ (24 апрѣля 1802 г.—25 ноября 1869 г.), сынъ Дмм. Иван., главноприсутствующаго въ московской оружейной палатѣ, братъ Павла Дим., впослѣдствіи графа, министра государственныхъ имуществъ и дипломата, и Серг. Дим-ча, женившагося на Елиз. П. Ушаковой, тоже пріятеля Пушкина,—учился въ дерптскомъ университетѣ, гдѣ былъ одно время товарищемъ П. М. Языкова, съ 1824 г. состоялъ на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, съ 1828 г. былъ третьимъ а съ 1832 г. вторымъ секретаремъ русскаго посольства въ Парижѣ, затѣмъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ (1837 г.), въ Парижѣ (1840 г.), исправляющимъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ тамъ же (1841—1851), управляющимъ парижскимъ посольствомъ (1851—1853), посланникомъ тамъ же (1853—1854), посланникомъ во Флоренціи (1855—1859), при Ватиканѣ (1859—1864) и, наконецъ, опять во Флоренціи (1861—1869), гдѣ и умеръ («Остафьевс. Арх.» III, 683—684, примѣч. В. П. Саитова). Языковъ посвятилъ ему два посланія: «Скажи, какъ жить мнѣ безъ тебя»... (1824 г.) и «Я знаю, другъ»... (1825 г.). Пожеланіе Пушкина принадлежитъ къ числу наименѣе удавшихся поэту дружескихъ посланій; можно подумать, что онъ написалъ эти строки нехотя, уступая просьбѣ пріятеля.

---

536. ПОРТРЕТЪ.

(т. II, стр. 493).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 191, съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи и безъ указанія въ оглавленіи альманаха, и больше не перепечатывалась при жизни Пушкина, который не внесъ ее въ свои сборники стихотвореній. Относится она приблизительно къ лѣту 1828 г. 1 сентября Пушкинъ писалъ кн. П. А. Вяземскому изъ Петербурга: «я пустился въ свѣтъ, потому что безпріютенъ. Если бъ не твоя мѣдная Венера, то я бы съ тоски умеръ,—но она утѣшительно смѣшна и мила. Я ей пишу стихи. А она произвела меня въ свои сводники (къ чему влекли меня и всегдашняя склонность, и нынѣшнее состоянье моего Благонамѣреннаго, о коемъ можно сказать. то же, что было сказано о его печатномъ тезкѣ: ей-ей намѣреніе благое, да исполненіе плохое»). Отвѣчая ему 25 сентября, Вяземскій писалъ: «я уже слышалъ, что ты вьешься около моей мѣдной Венеры... спроси ее отъ меня, какъ она поступаетъ съ тобою, такъ ли какъ со мною: на другую сторону говоритъ и любезничаетъ, а на мою кашляетъ»,—и спрашивалъ: «какіе твои стихи, гдѣ ты сравниваешь мѣдную Грацію (а не мѣдную Веперу) съ беззаконною кометою? Покажи ихъ. Я изъ нихъ знаю, и то ошибочно, только четыре стиха». 15 октября Вяземскій сообщалъ А. И. Тургеневу о Пушкинѣ: «цѣлое лѣто кружился онъ въ вихрѣ петербургской жизни, воспѣвалъ Закревскую; вотъ четыре стиха, которые дошли до меня»—и здѣсь Вяземскій приводитъ вторую половину «Портрета» («Остафьев. Архивъ», III, 179; «Къ біографіи П-на», вып. II, М., 1885, стр. 39).

Закревская, портретъ которой нарисовалъ Пушкинъ, и къ которой относятся фривольные намеки въ цитированномъ письмѣ его къ Вяземскому—Аграфена Ѳеодоровна, рожденная графиня Толстая (1800—1879 гг.), дочь извѣстнаго библіофила гр. Ѳеодора Андреевича, жена генерала 12-го года, финляндскаго, впослѣдствіи, послѣ долгой отставки, московскаго военнаго генералъ-губернатора (съ 1830 г. графа) Арс. Андр. Закревскаго. «Она»,—разсказываетъ кн. А. В. Мещерскій («Воспоминанія», М., 1901, стр. 135),—«была женщина умная, бойкая и имѣвшая немало приключеній, которыми была обязана, какъ говорили, своей красотѣ». Таковы и другіе отзывы современниковъ о ней. «Закревская родила,—писалъ въ 1833 г. Вяземскій А. И. Тургеневу («Остаф. Арх.», III, 229),—но впрочемъ это не по части супружеской, а особь-статья, и никто не знаетъ, подъ какое наименованіе подвести ее». Стихи Пушкина, написанные другой очаровательной грѣшницѣ, А. П.

Кернъ («Когда твои младыя лѣта»...) П. А. Плетневъ (Переписка Грота съ Плетневымъ, III, 414) отнесъ однажды къ Закревской, которая тоже «по приговору свѣта на честь утратила права». Когда Гротъ познакомился съ нею, Плетневъ писалъ ему: «она знаменита по стихамъ Пушкина и Баратынскаго» (ibid., I, 557, 558). Съ портретомъ, набросаннымъ Пушкинымъ, вполнѣ сходится вдохновенная характеристика, которую далъ ей Баратынскій:

Какъ много ты въ немного дней
Прожить, прочувствовать успѣла!
Въ мятежномъ пламени страстей
Какъ страшно ты перегорѣла!
Раба томительной мечты,
Въ тоскѣ душевной пустоты
Чего еще душою хочешь?
Какъ Магдалина плачешь ты—
И какъ русалка ты хохочешь.

Вѣроятно, на ея похожденія намекаетъ замѣтка, помѣщенная въ петербургской французской газеткѣ «Le Furet» (1830 г., № 81, 8 октября, стр. 325): «г. Волковъ, писатель, заслужившій въ публикѣ извѣстность прекрасной комедіей нравовъ, отрывки изъ которой появились въ одномъ еженедѣльномъ листкѣ, собирается выпустить въ Москвѣ комико-эпическую поэму, подъ названіемъ «Аграфенонда». Это произведеніе, исполненное особенными колкостями, увѣряютъ, замѣчательно портретами и характерами, словно набросанными перомъ Грибоѣдова или кистью Доу». «Про супругу Закревскаго,—писалъ въ 1849 г. С. Т. Аксаковъ сыну Ивану,—разсказываютъ чудеса, цинизмъ ея невозможенъ къ описанію» («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», ч. I, т. II, М., 1888, стр. 110). «Даже въ глубокой старости,—говоритъ П. А. Ефремовъ (Сочин. П., изд. Суворина, VIII, 280), — она отличалась своими эксцентричными выходками, удивлявшими Москву». Конечно, это была не простая распутница, — а жрица любви, вакханка, менада, неслыханно служившая матери наслажденій, сложная натура, въ которой жила томительная мечта; ей была знакома тоска душевной пустоты; въ ней сочетались русалка и Магдалина. Такая женщина, да еще вдобавокъ красавица, не могла не заинтересовать Пушкина, и недаромъ онъ внесъ ея имя въ свой «Донъ-Жуанскій списокъ» (см. въ IV т. стр. 100). Портреты ея и ея мужа Пушкинъ зарисовалъ въ ушаковскомъ альбомѣ (см. Альбомъ Московс. Пушкинск. выст. 1880 г., М., 1882, стр. 123 и табл. 12), Извѣстный скульпторъ С. И. Гальбергъ изваялъ ея мраморный бюстъ (см. «Сѣв. Цвѣты» на 1827 г., стр. 23); два портрета ея воспроизведены, въ «Русскихъ портретахъ» П. И. Щукина, ч. IV, №№ 39 и 71. О ней см. также «Остаф. Архивъ», III, 532. Въ «Искрѣ» 1860 г., 4 марта, № 9, стр. 101, помѣщена каррикатура на нее (воспроизведенная у М. К. Лемке, «Очерки исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія», М., 1904, стр. 59). Къ ней безъ всякаго основанія отнесена въ академическомъ изданіи сочиненій Лермонтова (I, 369) эпиграмма «Толстой», написанная въ 1830 г., когда она была уже не Толстой, а Закревскою.

Пьесу Пушкина трудно назвать мадригаломъ—такъ вѣрна и тонка эта характеристика замѣчательной женщины. Чрезвычайно мѣтко сравненіе съ кометой, заимствованное изъ астрономіи. Послѣднею Пушкинъ, много читавшій, всю жизнь учившійся, повидимому, интересовался. Однажды (въ 1836), когда при немъ «толковали о мнимомъ открытіи обитаемости луны, Пушкинъ доказывалъ нелѣпость этой выдумки, считалъ ее за дерзкій пуфъ, какимъ она впослѣдствіи и оказалась, и подшучивалъ надъ легковѣріемъ тѣхъ, которые падки принимать за наличную монету всякую отважную выдумку» («Жизнь прожить не поле перейти», записки Неизвѣстной — «Русск. Вѣстн.» 1881, сентябрь, 151). Ср. пьесу 1825 г. «Движеніе».

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Закревской см. также въ примѣчаніяхъ къ №№ 537 и 538.

---

537. ЩАСТЛИВЪ, КТО ИЗБРАНЪ СВОЕНРАВНО...

(т. II, стр. 494).

---

538. НАПЕРСНИКЪ.

(т. II, стр. 494).

Карандашный черновой набросокъ первой пьесы находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 22 об. Впервые пьеса появилась, съ неизвѣстнаго нынѣ подлинника, въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина, IX, 153, а затѣмъ вошла въ изданіе Анненкова (II, 447), по словамъ котораго (ibid., 470) представляетъ собою «часть или начало пьесы «Наперсникъ», разбитой надвое самимъ авторомъ». Другой, исправленный автографъ находится въ принадлежащей академіи наукъ Майковской коллекціи рукописей Пушкина («П. и его современники», IV, 9).

Вторая пьеса, автографъ которой нынѣ неизвѣстенъ, появилась въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 132, съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи автора, указанной, впрочемъ, въ оглавленіи альманаха, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 124; (въ альманахѣ 6-й стихъ читался: «Таи въ себѣ свои мечты»). По словамъ Анненкова (см. его изд. Соч. П., II, 469—470) пьеса «Счастливъ, кто избранъ своенравно»... «не только что относится къ одному и тому же лицу, но кажется должна была составлять и одно стихотвореніе съ «Наперсникомъ». На рукописи его (?) стоитъ, послѣ окончанія, ссылка въ слѣдующей формѣ: «Etc, etc. (Et cetera), которая, по нашему мнѣнію, и связываетъ его съ «Наперсникомъ». Съ показаніемъ Анненкова сходятся слова описанія Майковской коллекціи («П. и его совр.», l. c.): «надъ стихотвореніемъ «Щастливъ» и пр. приписано «Твоихъ признаній etc».—начало стихотворенія «Наперсникъ». Догадка Анненкова вполнѣ заслуживаетъ довѣрія: въ самомъ дѣлѣ обѣ пьески проникнуты единствомъ и тона, и содержанія. Среди варіантовъ первой есть такіе стихи:

Кого ты съ тайнымъ ждешь волненьемъ,
При комъ блѣднѣешь и горишь,
Кого ревнуешь съ исступленьемъ...

Эти чувства дѣйствительно выражаются «признаній, жалобъ нѣжныхъ крикомъ»; вотъ настоящія

«страсти безумныя и мятежныя», какъ говоритъ «Наперсникъ». Эти «два отрывка,—писалъ Г. С. Чириковъ, попявъ намекъ Анненкова, который въ 1855 г., когда были живы многіе современники Пушкина и въ числѣ ихъ та, о которой написаны эти стихи, не могъ сдѣлать прямыхъ указаній (см. «Бумаги А. С. Пушкина», вып. I, М., 1881, стр. 113),—относятся по всей вѣроятности къ тому же лицу, къ которому написана въ томъ же году пьеса «Портретъ», т. е. къ графинѣ Аграф. Ѳедор. Закревской». П. А. Ефремовъ замѣтилъ (см. его изданіе Соч. П., 1881 г. V, 537), что Чириковъ выразилъ это мнѣніе «по пантію свыше, но безъ всякаго основанія». Это не помѣшало Ефремову въ своемъ послѣднемъ изданіи (Суворина, VIII, 279) говорить, что всѣ три стихотворенія относятся къ графинѣ А. Ѳ. Закревской. Всѣ три пьесы, относящіяся къ лѣту 1828 г., производятъ единое и цѣльное впечатлѣніе. Что «Портретъ» не единственное стихотвореніе, посвященное Пушкинымъ Закревской,—это видно изъ словъ А. И. Тургенева (см. примѣч. къ № 536), что Пушкинъ «воспѣвалъ Закревскую», и особенно изъ показанія самого поэта: «Я сей пишу стихи», чего объ одномъ восьмистишіи онъ не могъ бы сказать. Оба разсматриваемыя стихотворенія слиты единствомъ содержанія. «Жалокъ тотъ, кто, сгорая пламенемъ любви, признанья слушаетъ твои»...—эти слова первой пьесы совпадаютъ со словами второй: «твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ ловлю я каждый крикъ, но боюсь ихъ пламенной заразы». Наперсникъ красавицы – самъ поэтъ, и въ его письмѣ къ Вяземскому 1 сентября 1828 г. мы находимъ прозаическій, вульгарный комментарій къ этимъ признаніямъ и жалобамъ: «она произвела меня въ свои сводники». Пушкинъ былъ къ Закревской не совсѣмъ равнодушенъ, и признанія ея и разсказы о томъ, кто ею былъ «избранъ своенравно», не могли быть пріятны ея наперснику-поэту.

По «простотѣ и единству мысли, простодушію и возвышенности въ тонѣ, пластичности и граціи формы» Бѣлинскій (Соч., изд. Венгерова, VI, 266) причислилъ «Счастливъ, кто избранъ»... къ антологическимъ стихотвореніямъ. «Наперсникъ» Бѣлинскимъ отмѣченъ въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи какъ одна изъ лучшихъ, «самобытныхъ» пьесъ Пушкина. Обѣ онѣ положены на музыку: первая—В. П. Всеволожскимъ, вторая—К. А. Кавосомъ (Пбургс. универс. Пушк. сборн. Спб., 1900, стр. 98, 84).

—

539. ПРЕДЧУВСТВІЕ.

(т. II, стр. 494).

Черновики пьесы находятся въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л.л. 13 и 17 (варіанты—см. въ общей статьѣ о текстѣ). Впервые она была напечатана въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 132—133, съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи, но съ указаніемъ имени автора въ оглавленіи, а затѣмъ вошла съ исправленіями въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 131—132, гдѣ помѣщена среди стиховъ 1828 года. По мнѣнію Л. Н. Поливанова (см. его изданіе Сочин. П., т. I, изд. 3-е, стр. 255), она написана въ маѣ, но такая датировка не находитъ себѣ основанія ни въ черновой тетради, ни въ событіяхъ жизни поэта; Анненковъ говоритъ, что «Предчувствіе» «слѣдовало за» написанными 19 мая «Воспоминаніемъ» и 26 мая «Даръ напрасный»... («Матеріалъ для біогр. II—на», изд. 2-е, стр. 194), по это показаніе, на которое опирается, конечно, Поливановъ, слишкомъ неясно. Пушкинъ, говоритъ Анненковъ (см. его изданіе Сочин. П., II, 470), «хотѣлъ скрыть себя подъ звѣздочками, такъ какъ вообще большая часть стихотвореній, помѣченныхъ однѣми звѣздочками, принадлежала къ задушевнымъ лирическимъ пѣснямъ его; оглавленіе альманаха, хвастливо выставившее его имя, въ этомъ случаѣ измѣнило ему».

Пушкинъ какъ бы стоялъ на распутьѣ, когда создалось «Предчувствіе», одно изъ самыхъ глубокихъ изліяній его души. Еще не совсѣмъ былъ закончепъ, можетъ быть, процессъ о распространеніи стиховъ изъ «Андрея Шенье», вскорѣ навлекшій на Пушкина несправедливый и безтолковый судебный приговоръ (см. въ III т. настоящ. изд. «Послѣ ссылки въ Москвѣ», стр. 350); быть можетъ, уже начиналось разслѣдованіе о «Гавріліадѣ» (см. т. II настоящ. изд., стр. 602—606), тоже доставившее поэту немало тревожныхъ минутъ; кромѣ этихъ крупныхъ огорченій, были, конечно, и мелкія непріятности. Главное же—Пушкину самому неясно было, что дѣлать съ собою, куда идти; неясно было свое положеніе по отношенію къ власти и къ обществу. Онъ вспоминалъ «силу, гордость, упованье и отвагу юныхъ дней», но уже не находилъ въ себѣ прежнихъ чувствъ. «Старый мой колпакъ изношенъ... не въ модѣ нынче красный цвѣтъ», писалъ онъ около того же времени («В. С. Филимонову»). Былой энтузіазмъ давно истлѣлъ, и, не вѣря больше въ себя, поэтъ спрашивалъ: «сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?». У Пушкина были основанія опасаться за свою судьбу; въ февралѣ 1828 г. Катенинъ передавалъ своему пріятелю, что разнесся слухъ о новой ссылкѣ Пушкина (Сочин. П., изд. Ефремова, VIII, 1905 г., 291); вѣроятно, поводомъ къ этому слуху было дѣло объ «Андреѣ Шенье». Въ это время онъ утѣшалъ себя мыслью о женской любви (см. т. IV настоящ. изд., стр. 89); въ самой апатіи стойкое жизнелюбіе хранило его душу и не давало ему впасть въ крайнее отчаяніе, и пѣснь скорби завершается примирительнымъ аккордомъ. Другой особѣ онъ писалъ:—хотя «что въ имени тебѣ въ моемъ»,—«по въ день печали, въ тишинѣ, произнеси его тоскуя, скажи: есть память обо мнѣ, есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я» (см. № 572). Кто была для него, когда «Предчувствіе» его томило, «ангеломъ милымъ», сказать трудно. Быть можетъ,—А. А. Олепина, глазами которой Пушкинъ восхищался и писалъ о ней: «потупитъ ихъ съ улыбкой Леля—въ нихъ скромныхъ граціи торжество; поднимете—ангелъ Рафаэля такъ созерцаетъ Божество» («Ея глаза»). Можно поставить въ связь съ этими стихами слова «Предчувствія»: «взоръ свой нѣжный подыми иль опусти». Бѣлинскій считалъ «Предчувствіе» однимъ изъ «лучшихъ, задушевныхъ созданій лирической музы Пушкина» (Сочин., изд. Венгерова, VI, 101; ср. изд. Солдатенкова, VIII, 1860 г., 395). Ему отчасти подражалъ Кольцовъ («Послѣдняя борьба»; см. также пис. Кольцова къ Бѣлинскому 28 сентября 1838 г.).

— —

540. А ВЪ НЕНАСТНЫЕ ДНИ...

(т. II, стр. 494).

Эта шутка входитъ въ составъ письма Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому 1 сентября 1828 г., хранящагося въ остафьевскомъ архивѣ графа С. Д. Шереметева и впервые напечатаннаго цѣликомъ въ сборникѣ «Старина и Новизна» V, 1902, стр. 16—17 (см. также Переписку П-на, академич. изд., II, 73—75). Съ передѣлкой непечатныхъ выраженій, замѣненныхъ въ настоящемъ изданіи точками, на приличный ладъ («Богъ ихъ прости!») Пушкинъ напечаталъ эти стихи въ видѣ эпиграфа (безъ подписи) къ первой главѣ «Пиковой дамы». Кромѣ того, они извѣстны изъ воспоминаній А. П. Керн, которая разсказывала (см. «Пушкинъ» Л. Майкова, стр. 252): «Пушкинъ разъ поручилъ мнѣ переслать стихи къ Дельвигу, говоря: «Да смотрите, сами не читайте, и не заглядывайте». Я свято это исполнила и послѣ уже узнала, что они состояли въ слѣдующемъ»...; тутъ Керн приводитъ «приличную» редакцію стиховъ, хотя, конечно, Дельвигу была послана первоначальная, и прибавляетъ: «эти стихи онъ написалъ у князя Голицына, во время карточной игры, мѣломъ на рукавѣ» (?). Майковъ (ibid.) замѣтилъ, что «приведенные стихи принадлежатъ не Пушкину, а К. Ѳ. Рылѣеву». Дѣйствительно, въ сборникахъ стихотворенiй Рылѣева они печатаются какъ окончаніе извѣстной сатиры: «Ахъ, гдѣ тѣ острова»... Однако, въ упомянутомъ письмѣ къ Вяземскому, гдѣ Пушкинъ разсказываетъ ему о своемъ «распутномъ» петербургскомъ времяпрепровожденіи лѣтомъ 1828 г., этимъ стихамъ предшествуетъ такое показаніе поэта: «я продолжалъ образъ жизни, в о с п ѣ т ы й м н о ю такимъ образомъ»... Н. А. Котляревскій («Рылѣевъ», Спб., 1908, стр. 73, 207), основываясь на этомъ показаніи, даже нашелъ возможнымъ приписать Пушкину сатиру Рылѣева. Послѣдняя—это сразу бросается въ глаза—не имѣетъ, кромѣ формы, размѣра и чередованія стиховъ, ничего общаго со стихами Пушкина, и присоединеніе ихъ къ ней производитъ весьма несуразное впечатлѣніе. Очевидно, ихъ соединили вмѣстѣ малоинтеллигентные и не вдумывавшіеся невѣдомые собиратели «сочиненій, презрѣвшихъ печать». Пушкинъ зналъ сатиру Рылѣева («мнѣ bene тамъ, гдѣ растетъ трынь-трава, братцы», цитируетъ онъ ее въ письмѣ къ брату въ началѣ января 1824 г.) и просто воспользовался ея легкимъ, веселымъ размѣромъ для своей шутки. Такимъ образомъ, показаніе Керн вполнѣ оправдывается словами поэта, и шутка Пушкина — вполнѣ самостоятельное его произведеніе, а не Рылѣева и не «передѣлка конца стихотворенія Рылѣева», какъ думаетъ П. О. Морозовъ (Сочин. П., изд. «Просвѣщенія», VIII, 488). Относится она приблизительно къ лѣту 1828 г.; Дельвига, которому посылалъ ихъ Пушкинъ черезъ Керн, дѣйствительно не было лѣтомъ въ Петербургѣ (см. Переписку Пушкина, II, 69, 77). Это время Пушкинъ, по выраженію кн. П. А. Вяземскаго (см. выше, примѣч. къ № 536), «кружился въ вихрѣ петербургской жизни». Ничто не пропадало въ житейскомъ опытѣ геніальнаго человѣка, и переживанія и наблюденія Пушкина въ этомъ «круженіи» пригодились ему впослѣдствіи, когда онъ писалъ «Пиковую даму» и вспомнилъ, между прочимъ, разгульное лѣто 1828 г. и своихъ пріятелей, занимавшихся «дѣломъ». Къ этому кругу Пушкинъ всегда питалъ нѣкоторую слабость. См. его наброскокъ 1819 г. (т. IV, стр. 103), его признаніе въ «Онѣгинѣ»: «Страсть къ банку!... Ни любовь свободы, ни Фебъ, ни дружба, ни пиры не отвлекли бъ въ минувши годы меня отъ карточной игры»... и т. под.

---

541. АНЧАРЪ

(т. II, стр. 494.)

См. въ исторіи текста.

---

542. УТОПЛЕННИКЪ

(т. II, стр. 495).

Подлинникъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Москов. Вѣстникѣ» 1829 г., ч. I, изящн. слов., стр. 80—83, съ подзаголовкомъ въ текстѣ: «Простонародная пѣсня», а въ оглавленіи: «Простонародная сказка», а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 114—119, гдѣ помѣщена подъ 1828 г., съ отнесеніемъ въ оглавленіе послѣдняго подзаголовка; въ этомъ изданіи былъ исправленъ стихъ журнальной редакціи: «На п а л а т ѣ мужъ лежитъ». 15 октября 1828 г. кн. П. А. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу, что, по дошедшимъ до него слухамъ, Пушкинъ «написалъ народную балладу «Утопленникъ», гдѣ много силы» («Къ біографіи П—на», вып. II, М. 1885, стр. 40, и «Остафьевс. Арх.» III, 179); 3 ноября В. Д. Комовскій сообщилъ объ этомъ А. М. Языкову («Историч. Вѣстн.» 1883 г., дек., 528). Пьеса, по разсказу С. П. Шевырева, была подарена ему Пушкинымъ для альманаха, который Шевыревъ хотѣлъ издать къ 1829 г., но, уѣзжая за границу, Шевыревъ передалъ ее Погодину, редактировавшему «Московс. Вѣстникъ».

«Эта живая картина съ природы»—писалъ Н. А. Полевой («Московс. Телеграфъ» 1833 г., ч. 49)—«мертвецъ, снова плывущій внизъ за могилой и крестомъ, плывущій долго и, какъ живой, качающійся между волнами рѣки, ночная буря, явленіе утопленника—все это наше русское, чисто народное, какъ народны картины народныхъ сказокъ, изображенныя во вступленіи къ Руслану и Людмилѣ». Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды»—Сочин., изд. Венгерова, VI, 103) въ «Утопленникѣ» видѣлъ «превосходнѣйшій образецъ національныхъ русскихъ балладъ». «Никто изъ русскихъ поэтовъ—писалъ Бѣлинскій, къ народному творчеству вообще относившійся пренебрежительно, въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи,—не умѣлъ съ такимъ непостижимымъ искусствомъ спрыскивать живой водой своей творческой фантазіи немножко духоватые матеріалы народныхъ нашихъ пѣсенъ. Прочтите «Жениха», «Утопленника», «Бѣсовъ» и «Зимній вечеръ»—и вы удивитесь, увидя, какой очаровательный міръ поэзіи умѣлъ вызвать поэтъ своимъ волшебнымъ жезломъ изъ такихъ скудныхъ стихій... И если такихъ піесъ у Пушкина немного, въ этомъ, конечно, виновата ограниченность и бѣдность сферы нашей народной поэзіи»; эти стихотворенія «образуютъ собой отдѣльный міръ русско-народной поэзіи въ художественной формѣ» (Сочин., изд. Солдатенкова,

VIII, 1860 г., 404, 408). Пушкину, говоритъ Аполлонъ Григорьевъ (Сочин., I, 512—513), «было дано непосредственное чутье народной жизни, и дана была непосредственная же любовь къ народной жизни»; одно изъ подтвержденій этой «неоспоримой истины»—«Утопленникъ».

Въ эпоху фальшивыхъ литературныхъ представленій о бытѣ «любезныхъ поселянъ», «мирныхъ земледѣльцевъ» и всячески прикрашенныхъ театральныхъ пейзановъ, въ эпоху Клѣпушкиныхъ и Алпановыхъ, стихотворцевъ-крестьянъ, облыгавшихъ крестьянскую же жизнь, великій поэтъ-баринъ честно и проникновенно изобразилъ настоящаго мужика, съ его мужичьимъ эгоизмомъ, мужичьей запуганностью и мужичьей же совѣстливостью. «Въ этомъ стихотвореніи—говоритъ Л. П. Поливановъ (см. его изданіе. Сочин. т. II., стр. 202—203),—мы имѣемъ образецъ баллады, для которой Пушкинъ нашелъ вполнѣ самобытную форму. Народный языкъ ея и чуждое всякаго внѣшняго украшенія повѣствованіе производятъ необыкновенно сильное впечатлѣніе на читателя. Что до содержанія этой небольшой баллады, то оно полно глубокаго смысла. Поэтъ проникъ въ самую душу русскаго крестьянина: проза жизни, повидимому, очерствила его; онъ готовъ порою подъ игомъ практическихъ соображеній оскорбить святыя чувства, вложенныя въ его душу; но они затѣмъ сказываются въ глубинѣ ея. Впечатлѣніе получается трагическое, когда поруганіе святыни—лишеннаго погребенія трупа—мститъ за себя его появленіемъ среди безсонной ночи передъ очами возмутившейся совѣсти. Баллада имѣетъ значеніе народнаго психологическаго этюда со всею реальною бытовою обстановкою русской деревни. Какой неизмѣримый шагъ отъ ложныхъ красокъ идилликовъ къ истинно поэтическому возсозданію народной жизни!» Народно-бытовому содержанію «простонародной сказки» вполнѣ соотвѣтствуютъ такія выраженія, какъ «тятя, робята, ужо, э-вотъ». Стихотвореніе отличается сравнительнымъ богатствомъ риемы (напр. неводъ—э-вотъ); образцомъ затѣйливости можетъ служить остроумная игра словъ: по калачу—поколочу.

Разсматривая вопросъ о вліяніи народной поэзіи на Пушкина, П. Эйзенбетъ («Пушкин. сборникъ студентовъ Московс. унив—та», М., 1900, стр. 152—155 остановился на этой балладѣ. «Основной идеей являются угрызенія совѣсти рыбака (?), который не предалъ землѣ тѣло утопленника. Сюжетомъ послужило народное преданіе о бродячемъ мертвецѣ, душа котораго не можетъ успокоиться, пока не будетъ совершенъ обрядъ похоронъ. Сказанія подобнаго рода существуютъ у всѣхъ народовъ, а потому весьма трудно отыскать здѣсь спеціально русскій народный варіантъ. Народное суевѣріе вставлено поэтомъ въ художественныя рамки. Боязнь мужика «ввѣкъ не разобраться съ судомъ», его обращеніе съ дѣтьми, «дымная хата»—все это соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Какими яркими красками обрисованъ утопленникъ, когда онъ стучится у окна.. Мы видимъ передъ собою бытовую картину, мастерски исполненную, безъ лишняго штриха. Рыбакъ, изображенный поэтомъ, — характера мрачнаго, ворчливаго: съ дѣтьми онъ грубъ, негостепріименъ, какъ видно изъ его обращенія къ неизвѣстному страннику, просящему крова. Но, несмотря на грубость, его нельзя назвать дурнымъ человѣкомъ. Гдѣ тутъ пріютить странника, когда «дома тѣсно и темно». Самый проступокъ рыбака, которому слѣдовало бы заявить полиціи объ утопленникѣ, можетъ быть вполнѣ извиненъ основательной боязнью предъ «судомъ» властей, которыя не прочь затянуть по существу простое дѣло, какъ это нерѣдко случается въ деревнѣ. Достаточно указать хотя бы на разсказъ Клѣпцова «Мертвое тѣло», гдѣ крестьяне изъ боязни передъ властями, извѣщеннымъ о найденномъ мертвецѣ, оказавшемся здоровымъ парнемъ въ нетрезвомъ состояніи, упрашиваютъ прохожаго молодца притвориться мертвымъ предъ начальствомъ, чтобы только избѣжать могущихъ произойти непріятностей. Поэтъ останавливается предъ вопросомъ, кто былъ утопленникъ; и далѣе говоритъ: «мужику какое дѣло?» Индифферентное отношеніе рыбака къ мертвецу, къ которому русскій человѣкъ относится съ большимъ уваженіемъ, нѣсколько странно, тѣмъ болѣе, что общая характеристика рыбака на основаніи указанныхъ данныхъ не можетъ быть признана вполнѣ отрицательной. Чѣмъ объяснить въ такомъ случаѣ то обстоятельство, что «съ той поры мужикъ несчастный въ день урочный гостя ждетъ». Если мужикъ относится безучастно (?) къ жалкой судьбѣ несчастнаго, приходится объяснить причину его повторяющагося изъ году въ годъ страха не какъ угрызеніе совѣсти за неисполненный долгъ, а какъ суевѣрную боязнь передъ мертвецомъ. При такомъ объясненіи утрачивается внутренній смыслъ народнаго повѣрія, который заключаетъ въ себѣ элементъ психологическій, а именно угрызеніе совѣсти за дурной поступокъ. Если же мы примемъ въ разсчетъ угрызеніе совѣсти, то не совсѣмъ понятна безучастность рыбака къ погибшей жертвѣ. Пушкинъ, какъ мнѣ кажется, обратилъ немного вниманія на анализъ того процесса, который совершался въ душѣ мужика въ моментъ его проступка и въ послѣдующее время; онъ передалъ намъ въ художественной рамкѣ повѣріе, имѣя въ виду общую бытовую картину, а не самое преданіе, какъ показатель народнаго міросозерцанія. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и заключительные стихи баллады. Поэтъ передаетъ намъ народный слухъ, то, о чемъ «говорятъ» въ простомъ народѣ. Слухъ этотъ ужасный, но для кого? Конечно, для суевѣрнаго простолюдина. Но не скрыто ли въ этомъ суевѣріи нѣчто ужасное для интеллигентнаго человѣка, что такъ прекрасно назвалъ Пушкинъ «когтистымъ звѣремъ, скребящимъ сердце?») («Скупой рыцарь»). Авторъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ». Критикъ не замѣтилъ главнаго,—что мужикъ отталкиваетъ мертвеца отъ берега не равнодушно, а со страхомъ не только передъ неправеднымъ судомъ, но и передъ праведнымъ Богомъ. Найти мертвое тѣло сплошь да рядомъ значило въ дореформенной Россіи подвергнуться обвиненію въ убійствѣ и скормить все свое добро несытымъ судейскимъ чиновникамъ, чтобы въ лучшемъ случаѣ быть «оставленнымъ въ подозрѣніи». Но тяжкій грѣхъ—отказъ мертвецу въ послѣднемъ успокоеніи. Изъ страха пострадать отъ неправды земной мужикъ нарушаетъ правду Божью, и въ этомъ столкновеніи чувствъ тяжко страдаетъ религіозная душа. Съ балладой Пушкина удивительно совпадаетъ по содержанію и настроенію разсказъ геніальнаго художника-психолога Мопассана «Страхъ»; убійца, подобно пушкинскому мужику, ждетъ свою жертву, которая приходитъ

къ нему каждый годъ, въ день преступленія,—и мертвецъ является: «я предпочитаю,—говоритъ разсказчикъ,—вновь пережить всѣ тѣ часы, когда я стоялъ лицомъ къ лицу со смертельной опасностью, чѣмъ одну ту минуту, когда... въ окошечкѣ мелькнула бородатая голова». Простота и краткость пушкинскаго разсказа производятъ болѣе сосредоточенное впечатлѣніе ужаса, чѣмъ длинное, какъ бы смакующее мучительное чувство—описаніе Мопассана.

---

543. 19 ОКТЯБРЯ 1828.

(т. II, стр. 496).

Четверостишіе впервые было напечатано въ статьѣ В. П. Гаевскаго «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время» («Отечеств. Записки» 1861 г., т. 139, ноябрь, отд. II, стр. 31—35), а въ собраніи сочиненій Пушкина стало входить, начиная съ изданія 1880 г. (т. II, стр. 240). При какихъ обстоятельствахъ оно было написано, видно изъ сообщеннаго Гаевскимъ (тамъ же) слѣдующаго протокола состоявшейся въ обычный день основанія лицея, 19 октября, товарищеской сходки лицеистовъ перваго выпуска, веденнаго Пушкинымъ: «19 октября 1828. СПб. Собрался на пепелищѣ скотобратца курнофеіуса Тыркова (по прозвищу кирпичнаго бруса) 8 человѣкъ скотобратцевъ, а именно: Дельвигъ—Тося, Илличевскій—Олесенька, Яковлевъ—паясъ, Корфъ—дьячокъ-морданъ, Стевенъ—шведъ, Тырковъ—смотри выше, Комовскій — лиса, Пушкинъ — Французъ (смѣсь обѣзіаны съ тигромъ): а) пѣли извѣстный лицейскій пеанъ Лѣто, знойна. Пушкинъ-Французъ открылъ, и согласенъ съ нимъ соч. Олесенька, что должно вмѣсто общеупотребляемаго припѣва Лѣто знойно пѣть какъ выше означено. b) вели бесѣду. c) выпили вдоволь ихъ здоровій. d) пѣли рефутацію г-на Беранжера. e) пѣли пѣсню о царѣ Соломонѣ. f) пѣли скотобратскіе куплеты прошедшихъ шести годовъ. g) Олесенька, въ видѣ французскаго тамбуръ-мажора, утѣшалъ собравшихся. h) Тырковіусъ безмолвствовалъ. j) толковали о гимнѣ ежегодномъ и негодовали на вдохновенія скотобратцевъ. k) Паясъ представлялъ восковую персону. l) и завидѣвъ на дворѣ часъ первый, а стражу вторую, скотобратцы разошлись, пожелавъ добраго пути воспитаннику Императорскаго Лицея Пушкину-Французу, иже написа сію грамоту». Тутъ слѣдуютъ подписи всѣхъ восьми участниковъ сходки, съ ихъ прозвищами въ скобкахъ, а затѣмъ, опять рукою самого Пушкина, записано четверостишіе. Протоколъ нуждается въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ. «Лѣто знойно»—начало пьесы Илличевскаго: «Лѣто знойно, дщерь природы, Идетъ къ намъ въ страну»; «скотобратцами» лицеисты называли другъ друга потому, что еще на лицейской скамьѣ въ сатирическомъ журнальчикѣ «Лицейскій Мудрецъ» изображали другъ друга въ видѣ животныхъ; о «Рефутаціи г. Беранжера»—см. примѣч. къ слѣдующей пьесѣ, пѣсня о Соломонѣ—вѣроятно, продуктъ коллективнаго творчества «скотобратцевъ» еще въ лицеѣ—начинается словами: «О Соломонъ, въ Библіи первый пѣвецъ и первый мудрецъ»...; куплеты прошедшихъ шести годовъ—написанные на лицейскую годовщину стихи Илличевскаго, Дельвига, Пушкина; см., кромѣ упомянутой статьи Гаевскаго, также статьи Я. К. Грота «Лицейскія годовщины» (въ его сборникѣ «П., его лицейскіе товарищи и наставники», изд. 2-е, стр. 82—83) и К. Я. Грота «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него» («Нов. Время» 1909 г., № 12071; «П. и его современники», вып. XIII). Въ самый день сходки Пушкину была выдана подорожная отъ Петербурга до Торжка («Старина и Новизна», V, 6), и онъ немедленно выѣхалъ въ Малинники, Тверской губерніи; 27 октября мы застаемъ его уже въ Малинникахъ. Лицейскую годовщину Пушкинъ почтилъ стихами также въ 1825, 1827, 1831 и 1836 годахъ; стихи, читанные въ 1832 г., остаются неизвѣстными, если только написаны на лицейскую годовщину («Вѣстн. Всемірн. Исторіи» 1899 г., № 1, стр. 101, ст. Д. Ѳ. Кобеко).

---

544. РЕФУТАЦІЯ БЕРАНЖЕРА.

(т. II, стр. 496).

Стихотвореніе было впервые напечатано въ статьѣ В. П. Гаевскаго «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ пушкинское время» («Отечеств. Записки» 1861 г., т. 139, ноябрь, отд. II, стр. 36), а въ собраніи сочиненій Пушкина стало входить, начиная со второго изданія Г. П. Геннади, 1870 г., Кое-какіе варіанты къ текстамъ изданій Геннади и перваго ефремовскаго (1880 г. II, 240) были указаны Г. С. Чиликовымъ («Русс. Арх.» 1881, I; «Бумаги А. С. Пушкина», вып. 1, М., 1881, стр. 113—114).

«Рефутація» пѣлась на сходкѣ лицеистовъ перваго выпуска 19 октября 1828 г. (см. примѣчанія къ предыдущей пьесѣ), о чемъ было записано Пушкинымъ въ юмористическомъ протоколѣ собранія. По словамъ Н. В. Гербеля (Русскаго) въ предисловіи къ «Стихотвореніямъ А. С. Пушкина, не вошедшимъ въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берл., 1861, стр. IX, «Анненковымъ положительно доказано», что это стихотвореніе—не Пушкина; гдѣ и какъ это «доказано», Гербель не сообщаетъ. Однако, столь близкій Пушкину человѣкъ и вообще достовѣрный литературный свидѣтель, какъ кн. П. А. Вяземскій, читая берлинскій томикъ, заявилъ, что «Рефутація»—«рѣшительно Пушкина» («Старина и Новизна», VIII, 33). Стихотвореніе пѣлось и было записано 19 октября 1828 г., но написано могло быть и раньше. Оно служитъ отвѣтомъ на французскую патріотическую пѣсенку «Soldat, t'en souviens-tu»...; она неправильно приписана Беранже, что объясняется широкою популярностью этого поэта, какъ лучшаго изъ всѣхъ французскихъ «chansonniers» (въ безпорядочномъ багажѣ, съ которымъ возвращается въ Россію графъ Нулинъ, имѣется и «послѣдняя пѣсня Беранжера»). Ее сложилъ Emile Debraux (1788—1831), популярный во Франціи поэтъ буржуазно-демократической окраски. Беранже (см. его «Oeuvres complètes», Par., 1853, pp. 543—544, 636) посвятилъ его памяти очень теплое стихотвореніе, на голосъ его лучшей пѣсенки («Soldat, t'en souviens-tu»...), въ которомъ говорилъ: «Debraux dix ans régna sur la goguette... du pauvre peuple il chanta les amours»... Пѣсенка Дебро была очень распространена; извѣстны еще двѣ русскія народныя на нее; одна приписывается князю А. С. Голицыну (см. «Остафьевс. Архивъ», I, 675; Отчетъ П. Публ. Библіот. за 1870 г., стр. 134), другая, вызванная Восточной кампаніей,

принадлежитъ кн. П. А. Вяземскому. («Не помните?»—Сочин. Вяземскаго, XI, 115—116).

На воспоминанія о французскихъ побѣдахъ Пушкинъ отвѣтилъ напоминаніемъ о пораженіяхъ французовъ и нарочно взялъ грубоватый и хвастливый солдатскій топъ. Пѣсня Дебро задѣвала его какъ патріота, и онъ съ гордостью вспомнилъ о Суворовѣ, 12-мъ годѣ и взятіи Парижа. Александру I поэтъ даже прощалъ свое гоненье за то, что «онъ взялъ Парижъ» («19 октября» 1825 г.).

---

515. ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ.

(т. II, стр. 496).

Автографъ пьесы, на одномъ листѣ съ «Анчаромъ», находившійся у П. В. Анненкова, а потомъ у Л. Н. Майкова, нынѣ принадлежитъ великому князю Константину Константиновичу; на немъ помѣты: «10 ноября 1828, Малинники». Впервые «Отвѣтъ Катенину» былъ напечатанъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 120—121, (см. письмо П-на къ Дельвигу отъ середины ноября 1828 г.), а затѣмъ вошелъ въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 122—123. Читатели «Сѣв. Цвѣтовъ» и «Стихотвореній» не могли понять какъ слѣдуетъ «Отвѣта», потому что посланіе Катенина, на которое отвѣчалъ Пушкинъ, тогда еще не было напечатано. Въ тѣхъ же «Сѣв. Цвѣтахъ» было помѣщено стихотвореніе Катенина «Руская быль», съ такой замѣткой издателя: «За стихотвореніе сіе обязаны мы А. С. Пушкину, который доставилъ намъ оное при слѣдующемъ письмѣ: П. А. Катенинъ далъ мнѣ право располагать этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ. Я увѣренъ, что вамъ будетъ пріятно украсить имъ ваши Сѣверные Цвѣты». Разъясняя смыслъ и происхожденіе «Отвѣта Катенину», П. В. Анненковъ («Матеріалы для біогр. П-на», изд. 1855 г., стр. 57) говоритъ: «въ разсказѣ П. А. Катенина князь Владиміръ присутствуетъ на состязаніи пѣвцовъ и присуждаетъ женоподобному греку-пѣвцу копя и латы, а русскому его соперницу завѣтный кубокъ, данный Святославу императоромъ Цимисхіемъ». Свой разсказъ Катенинъ послалъ Пушкину при письмѣ 27 марта 1828 г.: «и повѣсть, и приписка дѣланы для тебя, и да будетъ надъ ними твоя воля, т.-е. ты можешь напечатать ихъ когда и гдѣ угодно, я же ни съ кѣмъ изъ журналистовъ или альманахистовъ знакомства не вожу». Предварительно же Катенинъ писалъ своему пріятелю П. П. Бахтину 27 февраля 1828 г.: «извѣстите меня, сдѣлавши справку, хотя у Дельвига черезъ Сомова, гдѣ находится Пушкинъ и какъ къ нему надписывать; мнѣ это крайне любопытно»... Я имѣю намѣреніе ему послать съ припискою мою «Старую быль», et je ne sais ou le prendre. Вы мнѣ скажете:—Къ чему это? Къ тому, батюшка Николай Ивановичъ, что онъ, Пушкинъ, меня похвалилъ въ Онѣгинѣ; къ тому, чтобы la canaille littéraire не полагала насъ въ ссорѣ; къ тому, что я напишу ему такъ, что вы будете довольны, и къ тому, что оно послужитъ въ пользу. Я даже нахожу вообще пріятнымъ и, такъ сказать, почтеннымъ зрѣлищемъ согласіе и нѣкую пріязнь между поэтами, я же у него въ долгу и хочу расплатиться. По сей-то причинѣ, то есть, что къ нему надо послать вещь покуда она съ иголочки, я васъ прошу не давать рѣшительно никому ее списывать»... 17 апрѣля Катенинъ опять писалъ Бахтину: «Посылаю вамъ при семъ списокъ со стиховъ моихъ къ Пушкину при отправленіи къ нему Старой были». Мнѣ писали, будто онъ въ Москвѣ, и я все отправилъ туда на имя Погодина, прося с е г о къ нему доставить». 7 сентября онъ опять жаловался Бахтину: «Не знаю, что подумать о немъ, т.-е. Пушкинѣ: еще въ апрѣлѣ послалъ я къ нему «Старую быль» и приписку въ стихахъ, и письмо въ прозѣ, весьма дружеское, le tout черезъ Погодина; не получивъ отвѣта, писалъ я къ Каратыгину справиться, доставилъ ли Погодинъ мои пакетъ Пушкину; къ сожалѣнію Каратыгинъ его ни разу не засталъ дома, и съ этой стороны дѣло по сію пору не разъяснено; между тѣмъ справился я у Погодина черезъ знакомаго въ Москвѣ, и оказалось, что письмо мое послано куда слѣдовало еще тогда; стало, Пушкинъ получилъ и молчитъ; худо, но вотъ что хуже: К. Н. Голицынъ, мой закадычный другъ, восхищающійся «Старой былью», а въ особенности пѣснью грека, полагаетъ, что моя посылка къ Пушкину есть une grande malice; если мой пріятель, другъ, полагаетъ это, можетъ то же казаться и Пушкину; конечно не моя вина, знаетъ кошка чье сало съѣла, но хуже всего то, что я вдакъ могу себѣ нажить новаго врага, сильнаго и непримиримаго, а изъ чего? изъ моего же благаго желанія сдѣлать ему удовольствіе и честь: выходитъ, что я попалъ кадиломъ въ рыло. Такъ и быть, подожду еще, узнаю навѣрно черезъ Петербургъ, въ чемъ бѣда, а тамъ думаю объясниться: я не хочу безъ грѣха прослыть грѣшникомъ». 16 октября та же жалоба: «не знаю, что подумать о Пушкинѣ: онъ мою «Старую быль» и приписку ему получилъ въ свое время, т.-е. въ маѣ; прослылъ усердно Каратыгину (Ал. Мих.) извинить его передо мною: лѣтомъ онъ ничего не могъ писать, стихи не даются, а прозой можно ли на это отвѣчать? но завтра, завтра все будетъ. Между тѣмъ по сіе время отвѣта ни привѣта нѣтъ, я начинаю подозрѣвать Сашиньку въ нѣкотораго рода плутнѣ: что дѣлать? подождемъ конца. О какихъ м и з е р а х ъ я пишу! самому стыдно»... 4 ноября опять то же самое: «Пушкинъ упорно отмалчивается» (Сочин. П., изд. Ефремова, VIII, 1905 г., стр. 291—293). Криводушныя подозрѣнія подобѣдливаго Катенина, однако, оказались напрасны. Посылая Пушкину свою повѣсть, Катенинъ, обращаясь къ нему, писалъ, что кубокъ Владиміра не пропалъ:

... говорятъ, остался
Одинъ въ живыхъ изъ всѣхъ наградъ;
Изъ рукъ онъ въ руки попадался,
И даже часто не впопадъ:
Гулялъ, бродилъ по бѣлу свѣту,
Но къ настоящему поэту
Пришелъ однако на житье.
Ты съ нимъ, счастливецъ, поживаешь;
Въ него ты черезъ край вливаешь
Свое волшебное питье,
Въ которомъ Вакха лозъ огнистыхъ
Румяный, сочный, вкусный плодъ
Растворенъ свѣжестію чистыхъ,
Живительныхъ Кастальскихъ водъ.
Когда за скуку въ утѣшенье
Неугомонною судьбой
Дано мнѣ будетъ позволенье,
Мой другъ, увидѣться съ тобой,
Изъ кубка, сдѣлай одолженье,
Меня питьемъ своимъ напой;

Но не облей неосторожно:
Онъ, я слыхалъ, заворожонъ,
И смѣло пить тому лишь можно,
Кто сыномъ Фебовымъ рожденъ.
Невиннымъ опытомъ сначала
Узнай, правдивъ ли этотъ слухъ.
Младыхъ романтиковъ хоть двухъ
Проси отвѣдать изъ бокала;
И если, капли не проливъ,
Напьются милые свободно,
Тогда и слухъ конечно лживъ,
И можно пить кому угодно;
Но если, Боже сохрани,
Замочатъ пазуху они,
Тогда и я желанье кину,
Въ урокъ поставлю ихъ бѣду
И вслѣдъ Рипальду-паладину
Благоразумiемъ пойду:
Надеждой ослѣпленъ пустою,
Опаснымъ не прельщусь питьемъ,
И въ дѣло не входя съ судьбою,
Останусь лучше при своемъ;
Наливъ, тебѣ подамъ я чашу,
Ты выпьешь, духомъ закипишь,
И тихую бесѣду нашу
Байроническимъ пѣньемъ огласишь.

Этого посланія Пушкинъ не хотѣлъ печатать, и напечаталъ его самъ Катенинъ въ сборникѣ своихъ сочиненій, изд. 1832 г. «Всего любопытнѣе,—говоритъ Анненковъ (ibid.),—что когда, нѣсколько лѣтъ спустя, Катенинъ спрашивалъ у него, почему не приложилъ онъ къ «Старой были» и посланія, то въ отвѣтахъ Пушкина ясно увидѣлъ, что намеки на собратію были истинными причинами исключенія этой пьесы. Такъ вообще былъ остороженъ Пушкинъ въ спокойномъ состояніи духа!» Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи назвалъ «Отвѣтъ Катенину» въ числѣ «доказательствъ преобладанія въ Пушкинѣ художественнаго элемента надъ всѣми другими, доказательствъ, что онъ, взявшись за перо, по волѣ или по неволѣ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ привѣтствіи, возложенномъ приличіемъ». Посланіе Пушкина принадлежитъ именно къ произведеніямъ, написаннымъ «по неволѣ». Пушкину не могли нравиться ни льстивое обращеніе, ни камни въ огородъ «младыхъ романтиковъ», ни приставанія Катенина. Тѣмъ не менѣе Пушкинъ отвѣтилъ ему по старой дружбѣ и польстилъ ему въ стихахъ, хотя въ прозѣ всегда былъ убѣжденъ, что «Катенинъ опоздалъ родиться—не идеями (которыхъ у него нѣтъ), по характеромъ принадлежитъ онъ къ 18 столѣтію: та же авторская мелкость и гордость, тѣ же литературныя интриги и сплетни»... (Переписка II., I, 16). Такимъ мы видимъ Катенина въ цитированныхъ письмахъ къ Бахтину. Стихи его Пушкинъ находилъ «полными силы и огня» (и здѣсь онъ называетъ его «пламеннымъ»),—«по отверженными вкусомъ и гармоніей» («Мои замѣчанія объ русскомъ театрѣ»). Отношенія къ этому надутому, безтактному, назойливому и непскреннему человѣку были настоящимъ пробнымъ камнемъ, на которомъ душевная щедрость Пушкина, его доброта и снисходительность къ людямъ отлично выдержали тяжелое испытаніе.

Катенинъ переводилъ Тассо и Корнеля,—«воскресилъ Корнеля геній величавый», какъ выразился Пушкинъ («Евгеній Онѣгинъ», 1, XVIII). Напечатанный курсивомъ стихъ: «Не пью, любезный мой сосѣдъ» заимствованъ изъ пьесы Державина «Философы пьяный и трезвый», гдѣ онъ повторяется три раза, какъ refrain.

---

546. ОТВѢТЪ А. П. ГОТОВЦОВОЙ.

(т. II, стр. 197).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые она была напечатана, подъ заглавіемъ: «Отвѣтъ», въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 182, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 138—139, подъ не совсѣмъ правильнымъ заглавіемъ: «А. П. Готовцовой». «Въ «Сѣв. Цвѣтахъ» посланіе Пушкина слѣдуетъ непосредственно за обращеніемъ къ нему Готовцовой, озаглавленнымъ: «А. С. П.», стр. 180—181:

О Пушкинъ! Слава нашихъ дней!
Поэтъ, любимый небесами!
Ты вѣкъ нашъ на зарѣ своей
Украсилъ дивными цвѣтами:
Кто выразитъ тебя сильнѣй
Природы блескъ и чувства сладость,
Восторгъ любви и сердца радость,
Тоску души и пылъ страстей?
Кто не дивится вдохновеньямъ,
Игривой юности мечтамъ,
Свободной мысли выраженьямъ,
Которыя ты предалъ намъ!
Въ неподражаемой картинѣ
Ты намъ Кавказъ изобразилъ,
И дѣву горъ, и плѣнъ въ чужбинѣ,
Черкесовъ жизнь въ родной долинѣ
Волшебной кистью оживилъ;
Дворецъ и садъ Бахчисарая,
Фонтанъ любви, грузинки месть,
Изъ края въ край, не умолкая
Гласятъ поэту славы вѣсть.
Одно... Но гдѣ же совершенство?
Въ лунѣ и солнцѣ пятна есть!
. . . . . .
. . . . . .
Несправедливъ твой приговоръ;
Но порицать тебя не смѣемъ:
Мы генію простить умѣемъ—
Молчанье выразитъ укоръ.

Это посланіе было сообщено Пушкину кн. П. А. Вяземскимъ при письмѣ 18 сентября 1828 г.: «вотъ тебѣ посланіе отъ одной Костромитянки, а ты знаешь пословицу про Кострому. Только здѣсь грѣшно похабничать: эта Готовцова точно милая дѣвица тѣломъ и душою. Сдѣлай милость, батюшка Александръ Сергѣевичъ, потрудись скомпоновать мадригалецъ въ отвѣтъ, не посрами своего сводника. Нельзя ли напечатать эти стихи въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ: надобно побаловать женскій полъ, тѣмъ болѣе что и онъ балуетъ, а еще тѣмъ болѣе, что весело избаловать молодую дѣвицу. Вотъ и мои къ ней стихи: мы такъ и напечатали бы эту Сузану между двумя старыми прелюбодѣями». Издававшій «Сѣв. Цвѣты» бар. А. А. Дельвигъ съ своей стороны торопилъ Пушкина, который писалъ ему въ серединѣ ноября: «вотъ тебѣ въ Цвѣты отвѣтъ Катенину вмѣсто отвѣта Готовцовой, который не готовъ, я совершенно разучился любезничать», а 26 ноября послалъ ему

отвѣтъ Готовцовой», чортъ ее поберн! Какъ ты находишь ces petits vers froids et coulants? Что-то написалъ ей мой Вяземскій, а отъ меня ей мало барыша. Да въ чемъ она меня и впрямь упрекаетъ? Въ неучтивостяхъ ли противу прекраснаго полу, или въ похабствахъ, или въ безпорядочномъ поведеніи? Господь ее знаетъ!» Судя по выраженію Пушкина: «недоказанный упрекъ», пьеса была и Пушкину прислана, можетъ-быть, съ пропусками; дѣйствительно, Пушкину пришлось, какъ и намъ, разгадывать смыслъ этого упрека. Намекъ Пушкина на «неучтивости противу прекраснаго полу» навелъ В. П. Гаевскаго («Современникъ» 1854 г., № IX, сентябрь, критика, стр. 25—29) и П. В. Анненкова (см. его изданіе Сочин. П., II, 471—472) на догадку, что Готовцова упрекала Пушкина «за легкое пониманіе имъ женской способности оцѣнивать изящное, что онъ выразилъ въ своихъ мысляхъ и замѣткахъ, напечатанныхъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 г. Впрочемъ, онъ могъ относиться также и къ отрывку изъ Евгенія Онѣгина: «Женщины», напечатанному въ Московс. Вѣстникѣ 1827 г., № XX». Дѣйствительно въ «Отрывкахъ изъ писемъ, мысляхъ и замѣчаніяхъ» («Сѣв. Цвѣты» 1828 г., 209) Пушкинъ писалъ: «Жалуются на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи, полагая тому причиною незнаніе отечественнаго языка; но какая же дама не пойметъ Жуковскаго, Вяземскаго или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ тѣ же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностію самой раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не досягая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романсы, какъ искажаютъ стихи самые естественные, разстроиваютъ мѣру, уничтожаютъ рнѳму. Вслушивайтесь въ ихъ литературныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятій... Исключенія рѣдки». Въ отрывкѣ изъ «Онѣгина» Пушкинъ, говоря о женщинахъ, удивлялся: «будто требовать возможно отъ мотыльковъ иль отъ лилей и чувствъ глубокихъ, и страстей!»... Вѣроятно, посланіе Готовцовой и есть то самое таинственное посланіе, которое, по словамъ П. В. Кирѣевскаго (въ одесскомъ альманахѣ «Подарокъ бѣднымъ» на 1834 г., стр. 143), должно было польстить самолюбію и вызвать любопытство Пушкина (см. П. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданн. бумагъ П - на», 188).

Анна Иван. Готовцова (впослѣдствіи Крылова) родная тетка другой извѣстной поэтессы, Ю. В. Жадовской, печатала свои стихотворенія въ альманахахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Бѣлинскій причислялъ ее къ самымъ крупнымъ женскимъ дарованіямъ этой эпохи. «Когда литература сколько-нибудь установится,—говорилъ великій критикъ (Сочин., изд. Венгерова, VIII, 311),—тогда, чтобъ получить въ ней почетное имя, нужно имѣть замѣчательный талантъ. И такъ, мы помнимъ въ пушкинскій періодъ русской литературы только четыре женскія имени: княгини З. А. Волконской, г-жъ Лисицыной, Готовцовой и Тепловой. Въ стихотвореніяхъ трехъ послѣднихъ проглядываетъ чувство»... Вяземскій писалъ ей въ томъ самомъ посланіи, о которомъ упоминаетъ въ письмѣ къ Пушкину: «дается рѣдкому поэту быть поэтическомъ лицомъ... но въ васъ, любимицѣ наукъ, съ плодомъ цвѣтъ свѣжій неразлученъ,—съ улыбкой вашею созвученъ и стихъ вашъ, сердца чистый звукъ»... («Сѣв. Цв.» 1829 г., 178—179); служа ей «проводникомъ» въ литературѣ, Вяземскій снабжалъ ее своими совѣтами (см. его Сочин., II, 139—144, «Отрывокъ изъ письма къ А. П. Готовцовой», первонач. въ альм. «Денница» 1830 г.).

Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи упомянулъ мадригалъ его Готовцовой, какъ одно изъ «доказательствъ преобладанія въ Пушкинѣ художественнаго элемента надъ всѣми другими, доказательствъ, что онъ, взявшись за перо, по волѣ или по неволѣ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ привѣтствіи, возложенномъ приличіемъ».

---

547. ЗА NETTY СЕРДЦЕМЪ Я ЛЕТАЮ...

(т. II, стр. 497).

Подлинникъ четверостишія неизвѣстенъ, а существуетъ копія, списанная Анной Ник. Вульфъ (см. «П. и его современники», IV, 37, описаніе майковской коллекціи) и принадлежавшая П. В. Анненкову, который впервые напечаталъ его въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина, т. VII, стр. 92, съ замѣчаніемъ (стр. 93), что оно относится къ той же особѣ, которой посвящено стихотвореніе «Подъѣзжая подъ Ижоры»... Имени ея Анненковъ не указалъ ни здѣсь, ни при «Подъѣзжая подъ Ижоры», которое на самомъ дѣлѣ написано Е. Вельяшевой, не указалъ и даты. Г. Н. Геннади (изд. 1859 г., I, 565) намѣтилъ его среди стихотвореній «неизвѣстныхъ годовъ», но нерѣшительно, въ скобкахъ, поставилъ дату: «1826» (вѣроятно, потому, что у Анненкова четверостишіе напечатано между стихами 1826 года). П. А. Ефремовъ (см. его изданія сочин. П., II, изд. 1880 г., стр. 424; 1882 г., стр. 409; 1903 г., стр. 155, также VII, 321 и VIII, 288), а за нимъ П. О. Морозовъ (изд. лит. фонда, II, 42—43) вѣрно указали, что четверостишіе посвящено Аннѣ Ивановнѣ Вульфъ; во второмъ изданіи Морозова («Просвѣщ.». II, 78, 439) оно ошибочно отнесено къ Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ. У Морозова и Ефремова пьеса отнесена къ 1828 году, хотя можетъ быть отнесена также къ 1829-му.

Netty, которой посвящена пьеска,—Анна Ивановна Вульфъ, впослѣдствіи въ замужествѣ Трувеллеръ, племянница П. А. Осиповой, двоюродная сестра Анны, Алексѣя и Евпр. Вульфъ. Пушкинъ познакомился съ нею, вѣроятно, въ Тригорскомъ въ 1824—1825 г.г. «Знаешь Ан. Ив. В.? Esse foemina!» писалъ онъ о ней своему брату 14 марта 1825 г. Упоминанія о ней встрѣчаются въ письмахъ Пушкина къ П. А. Осиповой 20 февраля и 15 сентября 1821 г. Анна Ивановна постоянно жила въ с. Малинникахъ, Старицкаго уѣзда Тверской губерніи, откуда наѣзжала въ Тригорское, и, можетъ быть, одно время даже переписывалась съ Пушкинымъ, который за нею слегка ухаживалъ. На это есть указанія въ письмахъ къ Пушкину влюбленной въ него Анны Николаевны изъ Малинниковъ отъ начала марта и 20 апрѣля 1826 г. «Я была бы довольна вашимъ письмомъ—писала ему Анна Николаевна—если бы не помнила, что вы въ моемъ присутствіи писали такія же и даже еще нѣжнѣе А. Керну и даже Netty... Получивъ мое письмо, вы вскрикиваете: «Ахъ, Господи, что за письмо, какъ будто женское!» и бросаете его, чтобы читать глупости Netty»... Между кузинами даже произошла изъ-за

этого размолвка. Осенью 1828 г. Пушкинъ былъ въ Малинникахъ, гдѣ нашелъ (письмо къ Дельвигу въ ноябрѣ) «очень много хорошенькихъ дѣвчонокъ» и въ числѣ ихъ, вѣроятно, засталъ и Анну Ивановну. Черезъ годъ онъ, «возвращаясь изъ Арзрума въ Петербургъ, своротилъ вправо и прибылъ въ Старицкой уѣздъ для сбора нѣкоторыхъ недоимокъ», какъ писалъ онъ изъ Малинниковъ 16 октября 1829 г. Алексѣю Вульфу: «Netty, нѣжная, томная, истерическая, потолстѣвшая Netty, здѣсь... Вотъ уже третій день, какъ я въ нее влюбленъ»; письмо кончается невинной насмѣшкой надъ нею: «недавно узнали мы, что Netty, отходя ко сну, имѣетъ привычку крестить всѣ предметы, окружающіе ея постелю. Постараюсь достать (какъ памятникъ непорочной моей любви) сосудъ, ею освященный». Получивъ письмо Пушкина, Алексѣй Вульфъ, недовольный вообще Netty, по поводу сообщенныхъ ему поэтомъ извѣстій о «тверскихъ красавицахъ», писалъ Аннѣ Николаевнѣ: «кажется, самое время не имѣетъ власти надъ нимъ, онъ не перемѣняется, вездѣ и всегда одинъ и тотъ же. Возвращеніе нашихъ барышень, вѣроятно, отвлекло его отъ Netty, которой онъ говоритъ нѣжности или относя ихъ къ другой, или отъ нечего дѣлать» («П. и его современники», I, 84—86).

Буквы «N и W»—иниціалы имени и фамиліи Анны Ивановны; «О»—вѣроятно, А. А. Оленина, а R—означаетъ, можетъ быть, А. О. Россетъ (впослѣдствіи Смирнова), а можетъ быть имѣетъ иное значеніе. Намъ представляется болѣе вѣроятнымъ отнесеніе пьесы къ 1829-му году, когда Пушкинъ, по собственному признанію, ухаживалъ за Netty. Вѣроятно, она—одна изъ нѣсколькихъ Аннъ «Донъ-Жуанскаго списка» (см. выше, т. IV, стр. 100).

548. ПОДЪѢЗЖАЯ ПОДЪ ИЖОРЫ...

(т. II, стр. 497).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1830 г. подъ заглавіемъ: «Къ * * *» и съ помѣтою: «1828. Ижоры», безъ подписи автора, имя котораго, впрочемъ, указано въ оглавленіи, а затѣмъ вошла въ III-ю ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 201—202, безъ заглавія. Стихъ 5-й былъ въ «Сѣв. цвѣтахъ», сборникѣ 1832 г., посмертномъ изданіи и изданіи Анненкова неполонъ («Я въ губерніи * * *»). Въ изданіяхъ Геннади было подставлено недостающее слово, но едва ли вѣрно: «Псковской», и лишь Ефремовъ сталъ печатать: «Тверской», ссылаясь на показаніе А. Н. Вульфа (Сочин. II., изд. 1880 г., II, 241). Пушкинъ упоминаетъ о пьесѣ въ письмѣ къ А. Н. Вульфу, изъ Малинниковъ, 16 октября 1829 г.: «Пав. Ив. стихотворствуетъ съ отличнымъ успѣхомъ. На дняхъ исправилъ онъ наши общіе стихи слѣдующимъ образомъ:

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса
И *воспомнилъ* ваши взоры,
Ваши синіе глаза.

Не правда ли, что это очень мило?».

Этотъ Пав. Ив.—Вульфъ, дядя А. Н. Вульфа, братъ перваго мужа П. А. Осиповой, владѣлецъ с. Павловскаго, Старицкаго уѣзда Тверской губерніи, по сосѣдству съ Малинниками; Пушкинъ бывалъ у него въ Павловскомъ, между прочимъ, въ 1829 и 1833 гг. (И. Лернеръ, «Труды и дни Пушкина», изд. 2-е, 198, 285, 286). Пушкинъ принялъ поправку П. И. Вульфа. По помѣтѣ «Ижоры» можно думать, что пьеса написана не въ Тверской губерніи, а по возвращеніи оттуда въ Петербургъ, такъ какъ Ижоры—станція подъ Петербургомъ.

Екат. Вас. Вельяшева, впослѣдствіи въ замужествѣ Жандръ, приходилась племянницей П. И. Вульфу; она была дочь его сестры Нат. Ив., бывшей за старицкимъ исправникомъ Вас. Иван. Вельяшевымъ. Съ нею Пушкинъ встрѣчался, гостя у Вульфовъ въ Тверской губерніи въ 1828 г. Одна современница, въ своихъ воспоминаніяхъ о пребываніи Пушкина здѣсь, разсказываетъ, что видѣла Пушкина въ Старицѣ у Вельяшевыхъ: «замѣтила я, что Пушкинъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ постоянно вертѣлись около Е. В. Вельяшевой. Она была очень миленькая дѣвушка; особенно чудные у ней были глаза. Какъ говорили послѣ, они старались не оставлять ее наединѣ съ Алексѣемъ Ник. Вульфомъ, который любилъ влюблять въ себя молоденькихъ барышенъ и мучить ихъ» (В. Колосовъ, «А. С. П—нъ въ Тверской губерніи въ 1827 (?) году», Тверь, 1888. стр. 10—11). Вѣроятно, ухаживавшій за своей кузиною А. Н. Вульфъ принялъ въ созданіи мадригала ей свою долю участія, которая, конечно, была совсѣмъ невелика. Что пьеса посвящена ей, объ этомъ впервые сказалъ Ефремовъ со словъ А. Н. Вульфа (ор. с). Анненковъ (см. (его изданіе Сочин., II., VII, 93) думалъ, что она относится къ Аннѣ Ив. Вульфъ; это показаніе повторилъ Русскій (И. В. Гербель) въ берлинскомъ томикѣ «запрещенныхъ стихотвореній» Пушкина, 1861 г., стр. 158. Въ другомъ мѣстѣ Анненковъ, однако, глухо упоминаетъ о стихахъ, написанныхъ Пушкинымъ Вельяшевой («П. въ Александровс. эпоху», 281). Попавъ черезъ нѣсколько лѣтъ снова въ Тверскую губернію, Пушкинъ успокаивалъ свою жену (пис. 24 августа 1833 г.): «Вельяшева, мною нѣкогда воспѣтая, живетъ здѣсь въ сосѣдствѣ, но я къ ней не поѣду, зная, что тебѣ было бы это не по сердцу». Она, можетъ быть, одна изъ «Катеринъ» пушкинскаго «Донъ-Жуанскаго списка» (см. т. IV настоящаго изд., стр. 95, 98). Увлеченіе это было, конечно, слабое и поверхностное. Тверскія дѣвицы, съ которыми поэтъ «водился платонически», звали его «Вампиромъ», вѣроятно, по извѣстной повѣсти, неправильно приписывавшейся одно время Байрону («Евгеній Онѣгинъ», 3, XII). По поводу словъ: «Упиваясь непріятно хмелемъ свѣтской суеты»...—см. выше, примѣч. къ № 526. Свое обѣщаніе заѣхать «въ ваши мирные края черезъ годъ» Пушкинъ сдержалъ и въ октябрѣ 1829 г. побывалъ въ Малинникахъ, Павловскомъ, Берновѣ.

Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи отнесъ это посланіе къ лучшимъ лирическимъ пьесамъ Пушкина. Самъ поэтъ, разсказывастъ Анненковъ («Матеріалы для біографіи П.», изд. 2-е, 310), «пришелъ въ восторгъ отъ замѣчанія одной весьма умной его собесѣдницы, что стихъ въ пьесѣ «Подъѣзжая подъ Ижоры» какъ будто въ самомъ дѣлѣ ѣдетъ подбоченясь»... Собесѣдница эта—А. О. Россетъ (Смирнова); о томъ же передаетъ Я. П. Полонскій (Кое-что объ А. С.

Пушкинѣ»—«Космополисъ» 1898 г., № 3, мартъ стр. 201).

---

549. О, ЭГЕЛЬСТРОМЪ! Я ВОСХИЩЕННЫЙ...

(т. II, стр. 497).

Подлинникъ стихотворенія неизвѣстенъ, и впервые оно было напечатано П. В. Анненковымъ въ VII, дополнительномъ, томѣ его изданія сочиненій Пушкина, стр. 82—83, по сообщенію извѣстнаго поэта Н. Ѳ. Щербины. «Оно,—говоритъ Анненковъ,—любопытно, какъ шутливая импровизація (?) поэта. Другихъ достоинствъ оно не имѣетъ ни по мысли, ни по стиху. Мы относимъ его къ 1818 году, когда по окончаніи лицейскаго курса Пушкинъ отправился въ Михайловское и разъѣзжалъ по деревнямъ своихъ знакомыхъ. Въ одной изъ нихъ встрѣтилъ онъ добродушнаго старика, шведа и помѣщика, занимавшагося писаніемъ такихъ стиховъ: «Сказка или маленькій дѣтскій городокъ на лугу, во время уборки сѣна».

Я вамъ еще не сказалъ,
Что я сегодня видалъ.
Моему зрѣнію представлялся городокъ:
Сколько ему въ длину, столько и поперекъ,
То есть порядочный оленій скачокъ.
Въ немъ видѣлъ я прелестный молочный кабачокъ,
И всѣ жители въ немъ сосали рожокъ...

и проч. Этотъ Овчинниковъ 20-хъ годовъ вызвалъ шутку Пушкина». У Анненкова пьеса была озаглавлена: «Эге... му», а 3-й и 4-й стихи были переданы явно неправильно: «Твои стихи, лишь геніемъ внушены, Блестятъ, какъ солнце въ ясны дни». Въ первомъ изданіи Геннади (I, 577) уже была полностью указана фамилія Эгельстрома, а во второмъ его изданіи (I, 517) 3-й и 4-й стихи были даны въ исправленномъ видѣ (какъ принято въ настоящемъ изданіи). П. А. Ефремовъ (см. его изданія сочин. П. 1880 г., I, 537, II, 424; 1882 г., II, 409) датировалъ пьесу 1828 годомъ, ссылаясь на свою бесѣду съ А. Н. Вульфомъ: «изъ словъ Вульфа мы заключили, что это стихотвореніе надо перенести лѣтъ на 10 впередъ, къ 1828 г.». Такимъ образомъ, отнесеніе пьесы къ 1828 г. можно признать болѣе или менѣе вѣроятнымъ.

Съ Эгельстромомъ Пушкинъ могъ, дѣйствительно, встрѣтиться въ 1828 г., гостя въ с. Малиннникахъ, Старицкаго уѣзда Тверской губерніи, у хозяевъ Малиннниковъ, Вульфовъ. Эгельстромъ былъ тоже тверской помѣщикъ. «Имѣніе его,—разсказываетъ В. Колосовъ («А. С. Пушкинъ въ Тверской губерніи въ 1827 (?) году», Тверь, 1888, стр. 7—9),—было въ селѣ Пречистой Каменкѣ, Новоторжскаго уѣзда. Онъ былъ родомъ шведъ, плохо говорилъ по-русски, но писалъ, какъ онъ говорилъ, «штыхи» на русскомъ языкѣ. Возлѣ Пречистой Каменки жилъ и другой помѣщикъ, Копыловъ, большой зубоскалъ, потѣшавшійся надъ Эгельстромомъ. Эгельстромъ въ одно изъ пребываній А. С. Пушкина въ Тверской губерніи и явился къ нему въ качествѣ собрата по поэзіи, представивъ на его усмотрѣніе произведенія своей музы. Должно быть, при этомъ онъ жаловался на неспосныя обиды завистника своего, Копылова». Передавая сомнительное извѣстіе, что будто послѣдній стихъ пьесы «въ первоначальной редакціи» читался: «О, Эгельстромъ, ты царь глупцовъ!», В. Колосовъ сообщаетъ эпиграмму, написанную этимъ «сыномъ Феба вдохновеннымъ» на своего дворецкаго, котораго онъ засталъ слизывающимъ съ пальца сметану

Охъ, ты, плѣшивый сатана,
Любитель кушать сметана.

А. Н. Вульфъ много лѣтъ спустя весело вспоминалъ объ этомъ чудакѣ и разсказывалъ о немъ разные анекдоты (Сочин. П., изд. Ефремова, т. I, 1880 г. стр. 537; т. VIII, 1905 г., стр. 287). О содержаніи и достоинствахъ его стиховъ, помимо приведенныхъ образчиковъ, можно судить по самому посланію Пушкина, явно пародировавшему его манеру такими выраженіями, какъ «коварна злоба», «слезясь», «стенаетъ», «почто». Блестящій образецъ подобной пародіи—извѣстная «Ода Его Сіятельству Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову». Шутка Пушкина довольно добродушна. Грозя «язвой эпиграммъ» русской литературной «сволочи», онъ говорилъ: «Миръ вамъ, смиренные поэты! Миръ вамъ, несчастные глупцы!..» (см. ниже, № 664).

---

550. ЦВѢТОКЪ.

(т. II, стр. 498).

Подлинникъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые она была напечатана въ журналѣ «Галатея», изд. А. Е. Рапча, ч. I, 1829 г., № 2, стр. 88, съ подписью поэта, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 133—134, гдѣ помѣщена среди пьесъ 1828 г.

«Это простодушное стихотвореніе,—говоритъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій («Пушкинъ», Спб., 1909, стр. 117—118)—принадлежитъ къ числу драгоцѣннѣйшихъ лирическихъ откровеній Пушкина... Наши души раскрываются для взаимнаго пониманія лучше всего эмоціями вообще и лирическими—въ особенности. И умъ, и чувство слишкомъ часто лгутъ,—эмоціи, съ ихъ психическимъ механизмомъ, никогда не лгутъ... Лирическія же эмоціи отличаются тою особенностью, что въ нихъ всегда есть доля симпатіи, созвучія съ душевными состояніями другихъ людей. Это сближаетъ ихъ съ эмоціями состраданія, жалости, радости, любви. Вы глубже и гуманнѣе почувствуете, напр., чужое горе, если откликнетесь на него не только эмоціею состраданія, но и лирически. Лирику чужого горя, чужой печали, радости, счастья и т. д. мы понимаемъ лучше, чѣмъ тѣ же переживанія въ ихъ нелирическомъ выраженіи. Стихотвореніе «Цвѣтокъ» обнаруживаетъ удивительную лирическую чуткость Пушкина. Я готовъ назвать эту чуткость лиризма, который у него былъ всегда настороженъ, всегда въ ожиданіи,—«лирическою любознательностью» и усматриваю психологическое родство между нею и пытливостью ума Пушкина съ одной стороны и живостью, экспансивностью его натуры—съ другой. Извѣстны широта и разнообразіе его умственныхъ интересовъ, отзывчивость его мысли; извѣстны богатство и тонкость его чувствующей сферы. Но этотъ огромный капиталъ его души не далъ бы тѣхъ изумительныхъ результатовъ творчества, какіе онъ далъ, если бы объ сферы—ума и чувства не

были у него тѣсно связаны психическою скрѣпою лирической эмоціональности. Любое впечатлѣніе, представленіе, любая мысль вызывала у него эмоцію, но эта эмоція сразу превращалась въ лирическую, а поэтому результатъ эмоціи—чувство становилось лирическимъ и, какъ таковое, приводило къ глубоко-сочувственному, высоко-гуманному отношенію къ тому, что составляло въ данный моментъ содержаніе возникшей мысли и возбужденнаго чувства. Вотъ засохшій цвѣтокъ въ книгѣ. Кто-нибудь, когда-нибудь положилъ его туда. Кто онъ или кто она? И мысль уже заинтересовалась, уже заработала въ этомъ направленіи,—и уже подъ импульсомъ этихъ представленій явилась эмоція—сочувственной грусти, и эта эмоція сразу становится лирической, а душа раскрылась для гуманнаго пониманія другой души, для широкихъ человѣческихъ сочувствій».

Пьеса до извѣстной степени раскрываетъ въ ясной и простой схемѣ механизмъ пушкинскаго творчества: засохшій цвѣтокъ произвелъ на поэта впечатлѣніе, и въ умѣ его проходитъ цѣлый рядъ образовъ; содержаніе ихъ подсказывается не только мечтательнымъ и грустнымъ настроеніемъ, которое онъ въ данный моментъ испытывалъ, но и самимъ предметомъ, давшимъ толчокъ вдохновенію. Бѣлинскій причислялъ «Цвѣтокъ» къ «лучшимъ, задушевнѣйшимъ созданіямъ лирической музы Пушкина» (Сочин. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, VI, 101; ср. изд. 1860 г., VIII, 395). «Значеніе «Цвѣтка» неисчерпывается—объясняетъ Н. И. Черняевъ («Критич. статьи и замѣтки о П—нѣ», Хар., 1900, стр. 377, 383)—«изяществомъ формы, мелодичностью стиха и тѣмъ смѣшаннымъ настроеніемъ, исполненнымъ одновременно и свѣта, и грусти, которое онъ пробуждаетъ въ читателѣ, невольно переживающемъ, хотя, конечно, въ слабой степени, все то, что пережилъ, перечувствовалъ и передумалъ поэтъ при взглядѣ на забытый въ книгѣ цвѣтокъ. Стихотвореніе Пушкина представляетъ, кромѣ того, серьезный психологическій интересъ. Оно раскрываетъ передъ нами душу поэта въ тѣ минуты, когда она, воспринявъ извѣстное впечатлѣніе, давшее толчекъ ея творческой силѣ, начинаетъ созидать образъ за образомъ, оживляя свои воспоминанія, перерабатывая и дополняя ихъ фантазіей и подчиняясь при этомъ закону ткъ называемой ассоціаціи идей. Цвѣтокъ, забытый въ книгѣ, можетъ вызвать въ каждомъ тѣ или другія представленія, но у обыкновеннаго смертнаго эти представленія будутъ блѣдны, не отчетливы... У великаго поэта они бываютъ ясны, ярки, сильны, поражаютъ его самого своей мощью и красотой... Пушкинъ назвалъ «мечтою странной» образы и картины, промелькнувшіе передъ его духовными очами подъ впечатлѣніемъ забытаго въ книгѣ, засохшаго цвѣтка. Пушкинъ не разъ останавливался въ изумленіи передъ многообразіемъ и мощью своего творческаго дара, ибо не въ силахъ былъ объяснить его. Онъ видѣлъ въ немъ что-то таинственное и неоднократно выражалъ прямо и намеками мистическій взглядъ на свои геніи».

Сопоставляя «Цвѣтокъ» и «Вѣтку Палестины» Лермонтова, П. Ѳ. Сумцовъ («Харьковск. универс. сб. въ память П—на», Хар., 1900, стр. 321) находитъ, что «случайность сходства между ними немыслима; здѣсь, очевидно, прямое подражаніе Лермонтова, прямое заимствованіе образовъ и выраженій». Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласиться трудно; высокая поэтическая самостоятельность Лермонтова въ тотъ періодъ, когда была написана «Вѣтка Палестины», и обстоятельства, при которыхъ она создалась, исключаютъ предположеніе о заимствованіи и допускаютъ только безсознательную реминисценцію. «Цвѣтокъ» положенъ на музыку нѣсколькими композиторами, въ томъ числѣ П. Віардо-Гарсіа, Ц. А. Кюи, Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ (Петерб. универс. Пушк. сборн., 1900 г., стр. 103). Существуетъ пародія на него, «Кнутъ», приписываемая И. С. Тургеневу («Русская потаенная литература», Лондонъ, 1861, стр. 360—361).

---

551. ЧЕРНЬ

(т. II, стр. 498).

См. особую статью: «Что понималъ Пушкинъ подъ словомъ чернь?»

---

552. Н. В. С*** [СЛЕПНИНУ].

(т. II, стр. 499).

Подлинникъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 131, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 125—126, гдѣ помѣщена среди произведеній 1828 г. Въ альманахѣ она озаглавлена «Къ Н. В. Сл.», а въ сборникѣ: «Н. В. С***». Анненкову (см. его изданіе сочин. II., II, 472) заглавіе пьесы въ «Сѣв. Цвѣтахъ» «помогло угадать въ этихъ буквахъ, если не ошибаемся, имя умнаго и образованнаго книгопродавца Слепнина».

Ив. Вас. Слепнинъ (1789—14 февраля 1836), книгопродавецъ и издатель, былъ личность не совсѣмъ заурядная. Онъ—говоритъ В. И. Гаевскій («Дельвигъ», ст. III, въ «Современникѣ» 1854 г., т. 43, отд. III, стр. 50 — 51) — «принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ книгопродавцевъ-издателей, которые заботились не только о своихъ личныхъ выгодахъ, но и о пользѣ литературы. Множество книгъ, журналовъ и альманаховъ издано имъ на свой счетъ. «Полярная Звѣзда» и «Сѣверные Цвѣты», лучшіе изъ русскихъ альманаховъ, также обязаны ему своимъ существованіемъ. Въ позднѣйшее время съ такимъ же безкорыстнымъ усердіемъ дѣйствовалъ только одинъ Смирдинъ». Слепнинымъ были изданы «Исторія Государства Россійскаго», басни И. А. Крылова; самъ онъ сочинялъ экспромты и эпиграммы, которые печатались въ «Благонамѣренномъ», «Дамскомъ Журналѣ», «Сѣверной Пчелѣ». Помѣщавшуюся на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, лавку его, какъ впослѣдствіи лавку А. Ф. Смирдина, часто посѣщали петербургскіе литераторы. «О, лавка дорогая! Въ нее какъ ни придешь, всегда словесниковъ найдешь», писалъ А. Е. Измайловъ; есть «Посланіе къ Н. В. Слепнину» графа Д. И. Хвостова. (О Слепнинѣ см. «Сѣверн. Пчелу» 1836 г., № 53; «Литерат. Прибавл. къ Русск. Инвалиду» 1836 г., № 21; цитир. ст. В. И. Гаевскаго; «Матеріалы для исторіи русской книжной торговли», Спб. 1879; «Остафьевс. Арх.», I, 627—628). Пушкинъ былъ давно уже знакомъ съ нимъ. Слепнинъ купилъ значительную часть экземпляровъ перваго изданія «Руслана и Людмилы», часто исполнялъ разныя коммиссіи Пушкина по покупкѣ книгъ; въ 1824 г., прослышавъ объ «Онѣ

гинѣ», онъ предлагалъ за него Пушкину «сколько хочетъ»; въ одномъ письмѣ къ брату (1822 г.) Пушкинъ посылалъ ему поклонъ.

Жалобы на альбомы у Пушкина встрѣчаются не разъ. Суля своему другу «много всякой благодати», онъ пожелалъ ему не имѣть «на совѣсти ни единаго альбома отъ красавицъ, отъ друзей» («Долго сихъ листовъ завѣтныхъ»..., см. ниже, № 694). Стоитъ поэту влюбиться, «красавица его покупаетъ себѣ альбомъ въ англійскомъ магазинѣ и ждетъ ужъ элегіи» («Египетскія ночи»). Взыскательно строгій альбомъ великосвѣтской красавицы пугалъ поэта своей холодностью и требовательностью, и онъ проклиналъ эти «разрозненные томы изъ библіотеки чертей, мученье модныхъ рифмачей... пускай сотретъ васъ Божій громъ! Когда блистательная дама мнѣ свой in-quarto подаетъ,—и дрожь, и злость меня беретъ, и шевелится эпиграмма во глубинѣ моей души,— а мадригалы имъ пиши»... Блестящимъ законодательницамъ большого свѣта онъ всегда предпочиталъ типъ уѣздной барышни (впослѣдствіи такъ нѣжно очерченной Н. Н. Огаревымъ); много лѣтъ онъ видѣлъ свою Музу «барышней уѣздной съ печальной думою въ очахъ, съ французской книжкою въ рукахъ»... Въ «Барышнѣ-крестьянкѣ» Пушкинъ чудесно охарактеризовалъ этотъ типъ и показалъ, «что за прелесть эти уѣздныя барышни»; въ нихъ великій писатель серьезно усматривалъ «свою истинную публику». Онъ съ любовной насмѣшливостью описалъ альбомъ уѣздной барышни, измаранный подругами, исписанный злодѣйски-страстными признаніями армейскихъ поэтовъ: — «въ такой альбомъ, мои друзья, признаться, радъ писать и я, увѣренъ будучи душою, что всякій мой усердный вздоръ заслужитъ благосклонный взоръ, и что потомъ съ улыбкой злою не станутъ важно разбирать, остро иль нѣтъ я могъ соврать» («Евг. Онѣгинъ», 4, XXVIII—XXX). На своемъ вѣку Пушкину все-таки пришлось, и волей, и неволей, написать не одно альбомное посвященіе. Въ его время альбомы водились не только у дамъ, но и у мужчинъ; Онѣгинъ, усталый, blasé, вноситъ ядовитыя и скептическія замѣчанія въ свой солидный альбомъ. Отецъ Пушкина былъ альбомнымъ поэтомъ по призванію и писалъ въ этомъ легковѣсномъ жанрѣ подчасъ очень недурно, остроумно и весело. Отличными образцами тогдашняго альбома служатъ описанные М. И. Семевскимъ («Рус. Вѣсти»., 1869, ноябрь, 65—71) альбомы П. А. Осиповой и членовъ ея семьи; Пушкинъ не разъ былъ вкладчикомъ въ нихъ.

Бѣлинскій упомянулъ посвященные Сленину стихи, какъ одно изъ «доказательствъ преобладанія въ Пушкинѣ художественнаго элемента надъ всѣми другими, доказательствъ, что онъ, взявшись за перо, по волѣ или по неволѣ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ привѣтствіи, возложенномъ приличіемъ».

553. ЛЮБОПЫТНЫЙ.

(т. II, стр. 499).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые она появилась въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 32, безъ подписи, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 168, гдѣ помѣщена среди стихотвореній «разныхъ годовъ». Анненковымъ и другими издателями она отнесена къ 1828 г., къ которому относятся нѣсколько другихъ пьесъ, помѣщенныхъ въ томъ же выпускѣ альманаха, но, можетъ быть, написана и раньше. Она представляетъ собою передѣлку и развитіе лицейской эпиграммы Пушкина «Скажи, что поваго...» (см. въ I т. настоящ. изданія, стр. 375, 378 и снимокъ съ автографа на стр. 377). Лицейской эпиграммы Пушкинъ не перепечаталъ (она появилась лишь въ посмертномъ изданіи его сочиненій), а напечаталъ ея передѣлку. Въ послѣдней пьеса значительно лучше, чѣмъ въ первоначальной редакціи. Пушкинъ развилъ діалогъ, удлинивъ докучные разспросы назойливаго пріятеля, и эпиграмма стала смѣшнѣе и живѣе. Первыя слова и два послѣдніе стиха первоначальной редакціи почти буквально вошли въ распространенную. Поэтъ самъ часто страдалъ «отъ усыпителя глупца, отъ пробудителя нахала», и, вѣроятно, не разъ ему приходилось выслушивать надоѣдливые и безсмысленные вопросы въ родѣ хлестаковскаго: «ну, что, братъ Пушкинъ?»...

---

554. СОБРАНІЕ НАСѢКОМЫХЪ.

(т. II, стр. 499).

Подлинникъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ альманахѣ «Подснѣжникъ» 1830 г., стр. 18; въ стихахъ 9 и 10 вмѣсто «черной мурашки» и «мелкой букашки» было—«тощая піявка» и «мелкая козявка». Спохватившись, что піявка вовсе не насѣкомое, Пушкинъ исправилъ пьесу и напечаталъ ее въ «Литерат. Газетѣ» 1830 г., № 43, 30 іюля, стр. 56, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Сіе стихотвореніе, напечатанное въ алманахѣ: *Подснѣжникъ*, нынѣшняго года, обратило на себя общее вниманіе. Всѣ журналы отозвались о немъ, и большею частію неблагосклонно. Оно удостоилось двухъ пародій, помѣщенныхъ въ *Вѣстникѣ Европы* и въ *Московскомъ Телеграфѣ*. Пародія *Вѣстника* отличается легкимъ остроуміемъ; пародія *Телеграфа*—полнотою смысла и строгою грамматической и логической точностью.—Здѣсь мы помѣщаемъ сіе важное стихотвореніе, исправленное сочинителемъ. Въ непродолжительномъ времени выйдетъ оно особою книгою, съ предисловіемъ, примѣчаніями и біографическими объясненіями, съ присовокупленіемъ всѣхъ критикъ, коимъ оно подало поводъ, и съ опроверженіемъ оныхъ. Изданіе сіе украшено будетъ искусно литохромированнымъ изображеніемъ насѣкомыхъ. Цѣна съ пересылкою 25 руб.». Затѣмъ пьеса вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, 1832 г., стр. 203—204). Относится она къ 1828 г. на основаніи показанія П. А. Ефремова (см. его изданіе сочин. II., 1880 г., II, 427), что въ рукописи, по которой печатался сборникъ 1832 г., Пушкинъ самъ помѣтилъ ее 1828 годомъ. Появившаяся въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1830 г., ч. 32, «Новыя живописецъ общества и литературы», № 8, стр. 135, пародія была озаглавлена: «Эпиграмма» («Изъ голосъ: Мое собраніе насѣкомыхъ»):

На нивѣ бѣдной и безплодной
Россійской прозы и стиховъ
Я, сынъ поэзіи холодной,
Вамъ набралъ травокъ и цвѣтовъ;
Въ тиски хохочущей сатиры
Я ихъ когтями положилъ

ВАЛЕРІАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ОЛИНЪ.

И рѣзкимъ звукомъ смѣлой лиры
Ихъ описалъ и изсушилъ.
Вотъ Чайльдъ-Гарольдія смѣшная;
Вотъ Донъ-Жуанія моя;
Вотъ Дидеротія блажная;
Вотъ русской бѣлены семья;
Пырей Ливоніи удалой
И финскій нашъ чертополохъ,
И макъ Германіи завялой,
И древнихъ эллиновъ горохъ.
Все, все рядкомъ въ моихъ листочкахъ
Разложено, положено,
И эпиграммы въ легкихъ строчкахъ
На смѣхъ другимъ обречено.

Пародія была подписана «Обезьянинъ»; псевдонимъ заключалъ въ себѣ грубый намекъ на некрасивую наружность Пушкина. Поэтъ вообще не переносилъ личностей, а эта выходка не могла не задѣть его особенно сильно; однажды онъ жаловался: «въ газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ льстивы. На эту личность я не отвѣтилъ, хотя она меня глубоко тронула». Въ пародіи «Вѣстника Европы» 1830 г., II, 302, подп.: «І. С.», были беззубо обруганы лучшія произведенія Пушкина, подъ видомъ указанія, что «энтомологи велятъ загадочные стихи читать слѣдующимъ образомъ:

Полтава — Божія коровка,
Кавказскій плѣнникъ — злой паукъ.
Вотъ Годуновъ — россійскій жукъ.
Онѣгинъ — тощая піявка,
Графъ Нулинъ — мелкая козявка».

Пушкинъ не назвалъ ни одного имени, но, конечно, нетрудно было узнать въ Божьей коровкѣ благочестиваго, степеннаго Ѳ. Н. Глинку (о немъ см. въ примѣч. къ № 341), въ зломъ паукѣ—сухого по темпераменту, скептически настроеннаго М. Т. Каченовскаго (о немъ см. въ примѣчаніяхъ къ №№ 593—596). Полный списокъ всѣхъ литераторовъ, имена которыхъ могутъ быть здѣсь подставлены, появился въ «Библіографич. Запискахъ» 1858 г., № 11, ст. 345; но 93-й стихъ былъ переданъ: «Вотъ Т—въ,—черная мурашка». По словамъ П. А. Плетнева, «піявкою» былъ названъ М. А. Бестужевъ-Рюминъ (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, 158). Въ другой разъ, на просьбу Грота сообщить имена, пропущенныя въ «Собраніи насѣкомыхъ», П. А. Плетневъ отвѣтилъ: «Глинка (Ѳед.)—Божія коровка, Каченовскій—злой паукъ, Свиньинъ—россійскій жукъ, Рюминъ (Бестужевъ) издавалъ какой-то журналъ, Борька (Ѳедоровъ, Борисъ)—мелкая букашка» (ор. с., III, 401). Такимъ образомъ, не подлежатъ сомнѣнію только первыя три имени; остается разобраться въ двухъ остальныхъ. Подъ «мелкой козявкой» первой редакціи или «мелкой букашкой» второй—современники предполагали В. Н. Олина. Говоря о «Подснѣжникѣ», рецензентъ «Сѣвернаго Меркурія», вѣроятно, самъ издатель его, М. А. Бестужевъ-Рюминъ (№ 40, 2 апрѣля, стр. 159—160), остановился на этой эпиграммѣ: «какое въ этомъ Альманахѣ собраніе насѣкомыхъ, принадлежащее знаменитѣйшему нашему поэту А. Пушкину! Это собраніе насѣкомыхъ открыто было до сего времени для однихъ только знакомыхъ автора, по нынѣ, по благосклонности его къ публикѣ, показывается всѣмъ и каждому...

Они, пронзенные насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ...

т.-е. на эпиграммахъ почтеннаго автора: это немножко самолюбиво, но кто же изъ поэтовъ не самолюбивъ?.. Можетъ быть, объ этихъ эпиграммахъ теперь никто болѣе не помнитъ, кромѣ автора: по крайней мѣрѣ, ему самому кажется, что вышеписанные **, Божія коровка, ****, злой паукъ, **, Россійскій жукъ, **, тощая, піявка и **, мелкая козявка, пронзены этими эпиграммами насквозь. Въ этомъ собраніи примѣчательнѣе всего ****, злой паукъ, который такъ искусно раскинулъ сѣти свои, что изъ нихъ никакъ не могутъ выпутаться и цѣлыя поэмы, не только эпиграммы; едва только появится какая-нибудь новорожденная букашечка, какъ онъ ее, бѣдняжечку, цапъ-царапъ, и она, какъ ни старается вырваться изъ тяжкаго своего нга, но не по силѣ бѣдняжечкѣ». Здѣсь ясно говорится о Каченовскомъ (его четырехсложное имя обозначено четырьмя звѣздочками), объ его отношеніяхъ къ Пушкину. Неодобрительно отнесся къ эпиграммѣ Пушкина В. Н. Олинъ, который въ своей «Карманной книжкѣ для любителей русской старины и словесности» (1830 г., № 4, стр. 541) писалъ: «мы никакъ не можемъ одобрить стихотворенія г. Пушкина, подъ названіемъ: «Собраніе насѣкомыхъ». Мы умѣемъ наслаждаться пріятнымъ талантомъ поэта, но не безусловно и не ослѣпляясь. По мнѣнію нашему, чѣмъ болѣе человѣкъ имѣетъ дарованій, тѣмъ онъ долженъ быть скромнѣе; ибо скромность, нѣкоторымъ образомъ, придаетъ имъ болѣе блеску. Довольствуемся симъ простымъ и умѣреннымъ замѣчаніемъ. Сверхъ сего, любопытствующіе узнать болѣе могутъ прочесть рецензію на «Подснѣжникъ», напечатанную, съ позволенія сказать, въ 40 № Сѣвернаго Меркурія».

Это испрошеніе у читателей «позволенія» произвести названіе «Сѣв. Меркурія», конечно, задѣло послѣдній, и въ 55-мъ № «Сѣв. Меркурія» (7 мая, стр. 217—218) появилась замѣтка «Нѣчто о Собраніи насѣкомыхъ, эпиграммѣ А. Пушкина, помѣщенной въ Подснѣжникѣ»; въ ней было объяснено, что «изд. Мерк. не имѣлъ съ своей стороны никакой особенной причины не одобрить упомянутаго «Собранія насѣкомыхъ», кромѣ того, что онъ, въ отношеніи къ дарованію Пушкина, находитъ это четырнадцатистишіе совершенно ничтожнымъ, не имѣющимъ никакого достоинства, даже и піэтическаго. Если бы дѣло шло о какихъ-нибудь другихъ произведеніяхъ словесности, какъ, напр., о поэмѣ: Кальеопъ или о трагедіи: Корсаръ, — въ такомъ случаѣ было бы необходимо просить позволенія у читателя, чтобы предварить его и нечаяннымъ напоминаніемъ о сихъ чадахъ авторскаго воображенія не произвести въ немъ колики отъ смѣха. Кстати о собраніи насѣкомыхъ!.. Нѣкоторые замѣчаютъ, что если въ этомъ четырнадцатистишіи и есть что-нибудь порядочное, справедливое, то развѣ, съ позволенія сказать, одна только мелкая козявка, (Вотъ **, мелкая козявка), ибо сіи всего приличнѣе быть въ собраніи насѣкомыхъ!..» Такимъ образомъ, «Сѣв. Меркурій» опредѣленно указываетъ на Олина, издателя «Карманной книжки» и автора «Кальеопа» и «Корсара». Когда эпиграмма снова появилась въ «Литерат. Газетѣ», «Сѣв. Меркурій» напалъ на Пушкина и опять указалъ на Олина (№ 97, 13 августа, стр. 75): «сочинитель стихотворенія подъ названіемъ «Собраніе насѣкомыхъ», радующійся, что оно удостоилось двухъ пародій, помѣщенныхъ въ «Вѣстн. Европы» и въ «Московскомъ Телеграфѣ», сдѣлалъ въ немъ нѣкоторую въ одномъ или двухъ стихахъ перемѣну, повидимому, для того, чтобы имѣть поводъ перепечатать его въ 43-мъ № «Литературной Газеты». «Сіе стихотвореніе,—говоритъ въ энтузіазмѣ «Литер. Газета», обратило на себя общее вниманіе». О стихотвореніи: «Собраніе насѣкомыхъ» сдѣланы были отзывы въ двухъ или трехъ нашихъ журналахъ, разумѣется, въ ироническомъ родѣ. «Лит. Газета», называя это общимъ вниманіемъ, дѣлаетъ въ семъ случаѣ безъ памѣренія привѣтствіе этимъ журналамъ. Такому вниманію, какое обращено на сіе стихотвореніе, кажется, нельзя радоваться. Каждая вещь, примѣчательная своею уродливостью и безнравственною цѣлію, обращаетъ на себя вниманіе, но какое?.. По моему мнѣнію, «Лит. Газетѣ» надлежало бы объяснить въ семъ случаѣ тѣ обстоятельства, по которымъ упомянутое стихотвореніе обращаетъ на себя вниманіе, надлежало бы для того, чтобы люди нескромные, нескрывающіе таинъ литературныхъ, не внушили нѣкоторымъ читателямъ, что это произведеніе не имѣетъ нравственной цѣли. Мнѣ было бы вчужѣ досадно, если бъ нашлись такіе, которые не поняли бы истинно похвальной цѣли, съ которою написано и напечатано упомянутое стихотвореніе, и которая приноситъ особенную честь Сочинителю. Могутъ найтиться люди, неодаренные особенною проницательностію, которые вздумаютъ искать опредѣленнаго смысла въ таинственныхъ звѣздочкахъ, находящихся въ упомянутомъ стихотвореніи,—и что тогда скажетъ издатель «Карманной книжки», Г. Олинъ, извѣстный въ общественной словесности образцовыми своими произведеніями: Кальеопъ и Корсеръ?.. Что скажетъ Г. Олинъ, которому, какъ извѣстно изъ его «Карманной книжки», и прежде почему-то весьма не нравилось упомянутое стихотвореніе?.. Что скажетъ сей многопросвѣщенный мужъ, увидѣвъ, что мелкая козявка прежняго изданія обратилась въ нынѣшнемъ—въ мелкую букашку?.. Увы!.. Букашка козявки стоитъ!—воскликнетъ онъ въ полномъ смиреніи сердца; и читатели его повторятъ стройнымъ хоромъ: стоитъ! стоитъ!» Имя Рапча подсказано въ упомянутой замѣткѣ «Библіогр. Записокъ», но, можетъ быть, вмѣсто Рапча, дѣйствительно, надо читать: Рюминъ, т.-е. Бестужевъ-Рюминъ, и, можетъ быть, это-то обстоятельство и было причиной озлобленія издателя «Сѣв. Меркурія». Пушкинъ вскорѣ вспомнилъ обо всей этой полемикѣ, разсуждая о литературныхъ нравахъ и полемическихъ пріемахъ своего времени: «Самъ съѣшь есть нынѣ главная пружина нашей литературной полемики... Поэтъ вздумалъ описать любопытное собраніе букашекъ. Самъ ты букашка, закричали бойко журналы, и стихи твои букашки, и друзья твои букашки. Самъ съѣшь!..» Въ слѣдующемъ году какой-то А. Б. въ «Сынѣ Отечества» (1831 г., ч. 142, стр. 246; «Пушкинъ и его современники», V, 116—117) тоже откликался на тотъ же манеръ:

Да, да, въ стихахъ моихъ знакомыхъ
Собранье мыслей—насѣкомыхъ!

О Свиньинѣ см. примѣчанія къ сказочкѣ «Маленькій Жекъ». Сем. Ег. Рапчъ (1792—1855), переводчикъ Аріосто, Тассо, Вергилія, издавалъ альманахъ; въ 1829 г. началъ издавать журналъ «Галатею». Валеріанъ Никол. Олинъ, плодовитый

по бездарный поэтъ и переводчикъ; см. Сочин. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, IV, 513—519, гдѣ даны свѣдѣнія о немъ. Объ М. А. Бестужевѣ-Рюминѣ см. въ прим. къ № 884. Эпиграмма Пушкина грѣшитъ несправедливостью къ Ранчу, если имѣетъ въ виду дѣйствительно Ранча, и незаслуженно задѣла Глинку. «Говорятъ, будто вы на меня сердиты, это не резонъ», писалъ Глинкѣ Пушкинъ (21 ноября 1831 г.), какъ будто извиняясь за свою эпиграмму (см. «П. и его современники», VII, 73—76).

---

535. Е. Н. У*** ВОЙ.

(т. II, стр. 500).

Два черновые наброска этого стихотворенія находятся въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2371, л. 12 об. (одинъ изъ нихъ, болѣе отдѣланный и разборчивый, былъ напечатанъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., іюль, 39). Исправленная редакція пьесы находится въ принадлежащемъ А. Н. Ганецкому автографѣ, записанномъ на отдѣльномъ листкѣ изъ одного утраченнаго нынѣ альбома Елиз. Н. Ушаковой (снимокъ помѣщенъ въ альбомѣ Пушкинской москов. выставки 1899 г., л. 18). Сличивъ подлинники, Л. Н. Майковъ («Пушкинъ», стр. 369—371), несмотря на опредѣленіе самого Пушкина: «строкъ небрежныхъ начертанье», справедливо замѣтилъ, что «эта небольшая пьеса стоила автору значительнаго труда. Первый изъ набросковъ еще совершенно отрывочный; второй тоже сопровождается помарками... Однако, и такою редакціей своихъ стиховъ поэтъ не удовлетворился; дѣйствительно, сравнивая ее съ пьесой въ окончательномъ видѣ, въ какомъ она была отдана Елизаветѣ Николаевнѣ, нельзя не признать, что только послѣ этой послѣдней отдѣлки стихотвореніе получило вполнѣ легкую и изящную форму... Этотъ замѣчательный примѣръ той художественной заботливости, съ которою Пушкинъ отдѣлывалъ свои, даже мимолетныя, вызванныя случайными обстоятельствами произведенія, придаетъ особенную цѣну разсказу Н. С. Киселева (ея сына) о томъ, какъ Пушкинъ передалъ Елизаветѣ Николаевнѣ посвященные ей стихи: «Когда Пушкинъ принесъ ихъ матушкѣ, они были безъ подписи; на вопросъ матушки, зачѣмъ онъ не подписалъ своего имени, онъ отвѣчалъ, какъ будто оскорбленный этимъ требованіемъ: «Такъ вы находите, что подъ стихами Пушкина нужна подпись? Проститесь съ этимъ листкомъ: онъ не достоинъ чести быть въ вашемъ альбомѣ». И Пушкинъ уже былъ готовъ уничтожить его; тутъ началась борьба, кончившаяся тѣмъ, что драгоцѣнный листокъ остался въ рукахъ матушки, совершенно измятый и съ оторваннымъ угломъ. Пушкинъ былъ побѣжденъ и долженъ былъ подписать свое имя подъ трофеемъ, который матушка еще держала обѣими руками». Дѣйствительно, на этомъ уцѣлѣвшемъ понынѣ, измятомъ и оборванномъ листкѣ стоитъ полная подпись поэта въ томъ видѣ, какъ онъ подписывался на дѣловыхъ бумагахъ, но сдѣлана она имъ не тѣми чернилами и не тѣмъ перомъ, которыми написано самое стихотвореніе».

Впервые появилось оно въ журналѣ А. Е. Ранча «Галатея» 1829 г., ч. I, № 5, стр. 265, подъ заглавіемъ: «Въ альбомъ (Е. Н. У***вой)», а затѣмъ вошло въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 143—144, подъ заглавіемъ: Е. Н. У***вой», съ указаніемъ въ оглавленіи: «Въ Альбомъ» и съ отнесеніемъ къ 1829 году. «Каковъ Ранчъ?... Хорошо напечаталъ онъ твои стихи къ Ушаковой», писалъ Пушкину Вяземскій 23 февраля 1829 г.; дѣйствительно, въ «Галатеѣ» былъ пропущенъ цѣлый стихъ (11-й); въ четвертомъ стихѣ было «модой» вмѣсто «одой», что, впрочемъ, соотвѣтствуетъ первоначальной редакціи. Въ настоящемъ изданіи пьеса напечатана по сборнику Пушкина, съ пополненіемъ сокращенія въ послѣднемъ стихѣ, впервые явившимся въ изданіи Анненкова (II, 500). Слѣдуя указанію самого Пушкина, издатели датировали пьесу 1829 годомъ, но П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. II, 1903 г., стр. 137) перенесъ ее въ 1828 г., объясняя это (т. VIII, 1905 г., стр. 281—282) такъ: «Пушкинъ въ 1829 г. выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву только 9 марта, а въ началѣ мая поѣхалъ оттуда на Кавказъ, между тѣмъ посланіе было напечатано въ № «Галатеи», процензурованномъ 31 января. На оборотной сторонѣ стихотворенія Пушкина было напечатано другое посланіе «Въ альбомъ (Е. Н. У...вой)» А. Башилова, помѣченное «28 октября 1828 г., Москва». Это могла быть случайность, но въ тетради московскаго музея посланіе помѣщено въ непрерываемомъ ряду стихотвореній 1828 г. Изъ Малиновниковъ Пушкинъ уѣхалъ въ Москву въ концѣ ноября (?) 1828 г., а въ концѣ декабря возвратился въ Петербургъ. Во время пребыванія въ Москвѣ онъ, вѣроятно, переписалъ съ поправками свое посланіе и самъ принесъ его Е. Н. Ушаковой, а черезъ мѣсяцъ оно и появилось именно съ этими поправками въ «Галатеѣ» 31 января 1829 г. Если же онъ поправилъ бы и принесъ стихотвореніе въ пріѣздъ свой послѣ 9 марта 1829 г., то, конечно, оно не могло бы быть напечатано къ 31 января. То же обстоятельство, что оно отнесено въ изданіи «Стихотвореній» къ 1829 году, не можетъ противорѣчить приведеннымъ соображеніямъ, такъ какъ Пушкинъ не всегда вѣрно распредѣлялъ въ изданіяхъ 1826 и 1829—1835 гг. свои произведенія». Однако, Ефремовъ ошибается. Прибывъ изъ Малиновниковъ въ Москву въ началѣ декабря 1828 г., Пушкинъ пробылъ въ Москвѣ до 16 января 1829 г. (см. мои «Труды и дни Пушкина», изд. 2-е, стр. 181, 183); значитъ, онъ могъ—и такъ оно,въ виду его собственнаго хронологическаго показанія, и было—принести въ первой половинѣ января 1829 г. Ушаковой свое стихотвореніе, быть можетъ, дѣйствительно, набросанное еще въ 1828 г., но законченное и отдѣланное именно въ первой половинѣ января 1829 г.

Прежде оно относилось къ Екат. Н. Ушаковой, но послѣ сообщенія Н. С. Киселева (Л. Майковъ, l. c.) выяснилось, что оно посвящено ея младшей сестрѣ Елизаветѣ Николаевнѣ. Вѣроятно, ея имя Пушкинъ внесъ въ свой «Донъ-Жуанскій списокъ» (см. въ IV т. настоящ. изд. стр. 90, 95, 100). Поэту гораздо больше нравилась старшая сестра, но онъ былъ внимателенъ и къ младшей, веселой и очень хорошенькой дѣвушкѣ, которой въ 1828—1829 г.г. было 18—19 лѣтъ (род. 9 сентября 1810 г., ум. 21 сентября 1872 г.). Она берегла уцѣлѣвшій до нашихъ дней свой дѣвичій альбомъ, изрисованный Пушкинымъ и сохранившій его «Донъ-Жуанскій списокъ». Въ немъ есть карикатуры Пушкина на самое обладательницу альбома (см. «Альбомъ Пушкинск. москов. выставки» 1880 г., стр. 122—123, и три снимка съ ея

портретовъ, набросанныхъ Пушкинымъ); поэтъ изображалъ Елизавету Николаевну окруженной котятами, а ея жениха, своего пріятеля С. Д. Киселева, за котораго она вышла вскорѣ, рисовалъ въ видѣ кота; намекая на первые звуки его фамиліи, Пушкинъ дразнилъ его невѣсту «кисанькой». Онъ писалъ Вяземскому 14 марта 1830 г.: «Киселевъ женится на Лизаветѣ Ушаковой, и Катерина говоритъ, что они счастливы до гадости». Л. Майковъ (371 — 373) описываетъ эти рисунки: «своими набросками Пушкинъ какъ бы предсказываетъ ихъ супружество. Онъ нѣсколько разъ рисуетъ профиль Елизаветы Николаевны и притомъ всегда изображаетъ барышню уже въ чепчикѣ, въ костюмѣ молодой дамы. Одинъ изъ рисунковъ представляетъ ее съ кошкой на рукахъ, и подъ нимъ стоитъ подпись: «Al. Pousch. pinxit. 5 октября 1829 г.». Дважды рисуетъ онъ и самого С. Д. Киселева, въ очкахъ и придавая ему видъ пожилого толстяка. Еще одна картинка изображаетъ Елизавету Николаевну опять въ чепчикѣ, окруженную котятами и устремляющую свои вооруженные очками глаза на жирнаго кота, тоже въ очкахъ, который сидитъ передъ нею съ поднятою лапкой. Подъ этою картинкой подпись: «Елизавета Миколавна въ день ангела Д.-Жуана». Понятно, кто въ данномъ случаѣ разумѣлся подъ этимъ именемъ. Дѣло въ томъ, что обладательница прекрасныхъ черныхъ глазъ Елизавета Николаевна была очень близорука и, когда пѣла, должна была надѣвать очки, чтобы видѣть поты, положенныя на высокомъ пюпитрѣ. Въ такомъ видѣ и нарисовалъ ее Пушкинъ, а передъ нею—помѣстившагося на пюпитрѣ кота, который дирижируетъ лапкой. Она поетъ одну изъ тѣхъ арій, исполненіемъ которыхъ особенно восхищался С. Д. Киселевъ... Напоминаніемъ объ этомъ Пушкинъ любилъ поддразнивать Елизавету Николаевну, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда она отказывалась пѣть по его просьбѣ; рисунокъ же, сейчасъ описанный, онъ называлъ: «Будущее семейное счастіе Лизаветы Миколавны». Случалось, что, желая сконфузить ее намекомъ на того, кто ей нравился, Пушкинъ неожиданно принимался мяукать или звать кошку: «кисъ, кисъ, кисъ», какъ бы произнося начальныя звуки фамиліи Сергѣя Дмитріевича. Иногда Пушкинъ называлъ Елизавету Николаевну «кисанькой», и, согласно съ такимъ названіемъ, нарисовалъ на одномъ листкѣ альбома кошку, которой приданъ профиль его обладательницы; у ея ногъ лежатъ трупы двухъ крысъ, а вдали побѣдоносно шествуетъ очень маленькаго роста Донъ-Жуанъ, на котораго «кисанька» ласково поглядываетъ. Въ киселевскихъ бумагахъ уцѣлѣлъ еще одинъ рисунокъ Пушкина, имѣющій отношеніе къ тѣмъ же обстоятельствамъ. Однажды, когда бракъ Елизаветы Николаевны и Сергѣя Дмитріевича уже былъ рѣшенъ и объявленъ, женихъ и невѣста въ присутствіи Пушкина мечтали о своемъ будущемъ житьѣ; этотъ разговоръ навелъ Александра Сергѣевича на мысль набросать картинку слѣдующаго содержанія: внутренность крестьянской избы, отведенной подъ квартиру женатому офицеру; стѣсненные хозяева забрались на полати и оттуда съ любопытствомъ слѣдятъ за хлопотами своихъ постояльцевъ; посреди избы люлька и въ ней ребенокъ, первенецъ вновь поселившейся четы; отецъ нѣжно его укачиваетъ, между тѣмъ какъ мать, повидимому, запята на сосѣдней лавкѣ неприхотливою стряпней: около матери сидятъ, поджавъ лапки нѣсколько котятъ—предзнаменованіе будущаго многочисленнаго потомства молодыхъ супруговъ».

Слова Пушкина: «ваши алыя уста, какъ гармоническая роза», «ваши рифмы»—намекъ на посвященное ей Вяземскимъ стихотвореніе «Біографія Елиз. Никол. Ушаковой», въ которомъ онъ сравнивалъ ее съ розой: «въ міръ ее къ намъ занесъ Богъ любви съ нивы райской... передъ тѣмъ, какъ вспорхнулъ, далъ онъ два поцѣлуя. и двѣ ямки вдавнулъ, чаши двѣ образуя...» (Майковъ, 367—369); эти очаровательныя ямочки на щекахъ Ушаковой хорошо переданы рисунками Пушкина. На шестомъ десяткѣ она начала писать «Воспоминанія былого, по счастливаго времени», которыя, къ сожалѣнію, остановились въ самомъ началѣ. Память о Пушкинѣ была ей дорога.

556. ВОРОНЪ КЪ ВОРОНУ ЛЕТИТЪ...

(т. II, стр. 500).

Черновикъ пьесы находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 99 об.; появилась она впервые въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 31, подъ заглавіемъ «Два ворона», а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 129—130, гдѣ помѣщена среди произведеній 1828 г., безъ заглавія, но съ указаніемъ въ оглавленіи книги: «Шотландская пѣсня». Бѣлинскій въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзіи назвалъ эту «прекрасную маленькую піеску» «передѣлкой на русскій ладъ баллады Вальтеръ Скотта». Однако, Бѣлинскій ошибся: у Вальтеръ Скотта этой баллады нѣтъ. Я. К. Гротъ спрашивалъ однажды П. А. Плетнева: «не основывается ли пьеса Пушкина «Воронъ къ ворону летитъ» на какой-нибудь народной пѣснѣ, русской или иноземной?» Плетневъ отвѣтилъ, что это «переводъ шотландской народной пѣсни» («Переписка Грота съ Плетневымъ», I, 272, 273). Близкій къ подлиннику русскій переводъ этой пѣсни былъ напечатанъ еще въ 1830 г. въ журналѣ «Галатея», ч. XII, стр. 193. «Вороны. (Съ англійскаго», подпис.***. Н. Ѳ. Сумцовъ сообщаетъ подлинную пѣсню вмѣстѣ съ переводомъ въ своихъ «Изслѣдованіяхъ о поэзіи Пушкина» («Харьковс. универс. сб. въ память П—на», Хар., 1900, стр. 259—261). Пушкинъ изъ пяти строфъ оригинала взялъ первыя три. «Когда я гулялъ одинъ, я услышалъ карканье двухъ вороновъ. Одинъ сказалъ другому: «Куда мы полетимъ и гдѣ будемъ сегодня обѣдать? — Я былъ за старой, развалившейся плотиной, я видѣлъ тамъ недавно убитаго рыцаря, и никто не знаетъ, что онъ тамъ лежитъ; знаютъ только его соколъ, собака и красивая любовница. Собака побѣжала на охоту; соколъ полетѣлъ за дичью; любовница полюбила другого; такъ что мы можемъ получить сладкій обѣдъ...» «Пушкинымъ,— говоритъ Н. Сумцовъ,—сохраненъ духъ оригинала. Въ то же время въ высшей степени искусно въ переводъ введенъ русскій народный эпическій элементъ. Въ шотландскомъ оригиналѣ «рыцарь лежитъ за старой, развалившейся плотиной»; у Пушкина богатырь лежитъ въ чистомъ полѣ подъ ракитой. Далѣе, охотничья собака въ шотландской пѣснѣ замѣнена воронымъ конемъ, что также отзывается русскимъ степнымъ эпосомъ Наконецъ, красивая любовница у Пушкина является молодой хозяйкой. Пушкинъ выдержалъ

общій планъ стихотворенія и необыкновенно отчетливо и рельефно передалъ основную его мысль».

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1830 г., № 3, стр. 186, помѣщенъ малороссійскій переводъ пьесы Пушкина, сдѣланный А. Л. Боровиковскимъ. Шотландскую балладу впослѣдствіи снова перевелъ П. И. Вейнбергъ («Русское Богатство» 1896 г., № 9, стр. 210, «Два ворона»). Стихотвореніе Пушкина положено на музыку четырнадцатью композиторами, между прочимъ А. Алябьевымъ, А. Н. Верстовскимъ, А. С. Даргомыжскимъ, А. Г. Рубинштейномъ, П. Віардо-Гарсіа, Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ (Петербургс. универс. Пушк. сборн., 1900 г., стр. 107—108, 123). Нѣкоторое вліяніе пьесы Пушкина видно въ стихотвореніи Лермонтова «Два сокола» (Сочин. Лермонтова, акад. изд., I, 67—68, 363); пятнадцатилѣтній Лермонтовъ варьировалъ эту тему вполнѣ по-своему, мрачно и страстно. Пародія на стихотвореніе Пушкина («Воронъ къ ворону летитъ...») помѣщена въ «Русской потаенной литературѣ», Спб., 1861 г., стр. 375.

---

557. ЛИЦИНСКІЙ ОКОЛѢЛЪ...

(т. II, стр. 500).

Въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 99 об., рядомъ съ черновикомъ «Шотландской пѣсни», записаны эти строки. Во второмъ стихѣ первоначально вмѣсто «Князь Сергій» было написано «Потоцкій», но потомъ зачеркнуто, а послѣднее слово возстановливается по догадкѣ, довольно, впрочемъ, вѣроятной (въ подлинникѣ разбирается только «Го...»). Впервые набросокъ появился въ «Русс. Стар.» 1884 г., іюль, 54. Къ 1828 г. (см. также «Сочин. П.», изд. «Просвѣщ.», II, 456) онъ можетъ быть отнесенъ лишь приблизительно, по положенію въ черновой тетради.

---

558. НЕВѢДОМСКІЙ—ПОЭТЪ, НЕВѢДОМЫЙ НИКѢМЪ...

(т. II, стр. 500).

Автографъ этой эпиграммы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сборникѣ студентовъ С.-Петербургскаго университета», 1857 г., т. I, стр. 350, сообщ. Л. Н. Майкова, который не указалъ источника, а въ собранія сочиненій Пушкина стала входить, начиная съ изданія Г. Н. Геннади, 1859 г., ч. I, 568, гдѣ помѣщена въ числѣ стихотвореній «неизвѣстныхъ годовъ». Въ изданіяхъ П. А. Ефремова, т. I (1880 г., стр. 414; 1882 г., стр. 383; 1903 г., стр. 471) эпиграмма отнесена безъ объясненія основаній къ 1822 году; въ изданіяхъ П. О. Морозова, т. II (литер. фонда, стр. 58; «Просвѣщ.», 91)—къ 1828 году, вѣроятно, потому, что въ 1828 г. вышли въ свѣтъ разомъ три поэмы Невѣдомскаго: «Русскій Орелъ», «Наполеонъ» и «Эпенда, комическая поэма», вызвавшія отзывы въ «Московск. Вѣстникѣ» и «Московск. Телеграфѣ» того же года. Согласиться и съ этой датировкой трудно: эпиграмма могла быть написана и позже, и раньше, такъ какъ Невѣдомскій печаталъ свои стихи въ журналахъ, альманахахъ и отдѣльными изданіями въ теченіе всего литературнаго поприща Пушкина.

Немногочисленныя біографическія и библіографическія свѣдѣнія о Невѣдомскомъ сосредоточены въ замѣткѣ С. А. Венгерова (Соч. Бѣлинскаго, IV, 510—512). «Николай Васильевичъ Невѣдомскій родился»,—сообщаетъ Венгеровъ,—«въ дворянской семьѣ Тверской губ. (кажется, Бѣжецкаго уѣзда), должно быть, около 1780—85 г., если судить по слѣдующей записи въ дневникѣ Жихарева, указывающей, что въ 1807 г. Невѣдомскій уже былъ чиновникомъ: «Чиновникъ Невѣдомскій, хромой пінта, надъ которымъ безпрестанно подтрунивали товарищи, называя его пінтомъ-Вулканомъ, получилъ неожиданно по протекціи мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ и содержаніемъ. По этому случаю онъ написалъ басню: «Калѣка и скороходы» и, напечатавъ ее въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, разослалъ своимъ сослуживцамъ. Эта басня, въ родѣ басенъ графа Хвостова, оканчивается слѣдующимъ правоученіемъ: «Кому помощникъ Богъ, того никто не отсторонитъ, и будь онъ хоть совсѣмъ безъ ногъ, а все другого перегонитъ». При ближайшемъ ознакомленіи съ литературною дѣятельностью Невѣдомскаго оказывается, что поэтъ онъ, дѣйствительно, очень плохой, но въ прозаическихъ статьяхъ своихъ, которыя всѣ посвящены одному и тому же предмету—партизанской войнѣ, несомнѣнно писатель талантливый. Самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій въ области исторіи партизанскихъ войнъ Невѣдомскій, конечно, не производилъ, но заимствованный изъ разныхъ сочиненій матеріалъ не просто компилировалъ, а перерабатывалъ съ большимъ блескомъ и одушевленіемъ. Плетневъ былъ съ нимъ въ большой дружбѣ и очень уже благосклонно относился къ его статьямъ, которыя къ тому же печаталъ въ своемъ «Современникѣ», но все же таки не легко было заставить такого словесника воскликнуть въ письмѣ къ Гроту: «Всѣ стихи Невѣдомскаго—дрянь. Но его отрывки «О партизанскихъ войнахъ разныхъ націй»—чудохорошія статьи». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ опять пишетъ Гроту: «Партизанская война — поэзія. Что, если бы Невѣдомскій провелъ свой вѣкъ, какъ я, между Жуковскимъ и Пушкинымъ! Какого писателя увидѣла бы въ немъ Европа! Теперь онъ—самоучка, не болѣе». Въ большую публику Плетневскій «Современникъ», гдѣ печатались статьи Невѣдомскаго, не проникалъ, и такъ и остался онъ по настоящее время съ одною репутаціею какого-то второго Тредьяковскаго. Странное сосредоточеніе таланта на одинѣхъ только статьяхъ о партизанахъ до извѣстной степени объясняется фактами личной жизни Невѣдомскаго. Въ войнахъ 1812—1813 г.г. онъ служилъ въ гусарахъ вмѣстѣ съ партизаномъ Фигнеромъ, и, когда войска наши находились въ Германіи, былъ друженъ и спалъ въ одной палаткѣ съ знаменитымъ нѣмецкимъ поэтомъ-партизаномъ Кернеромъ. Позднѣе Невѣдомскій вышелъ въ отставку въ 1841 г., выигралъ какой-то процессъ въ 200.000 р.; въ сороковыхъ годахъ жилъ въ Москвѣ. Осенью 1846 г. распространился слухъ о его смерти (см. письмо Грота къ Плетневу 8 сентября 1846 г.) и упорно держался среди его друзей не меньше полугода. Такъ, ужъ въ апрѣлѣ 1847 г. Плетневъ писалъ Жуковскому про Невѣдомскаго: «только нынѣшнею весною онъ умеръ въ Москвѣ». Слухъ этотъ, однако, оказался невѣрнымъ и въ дѣйствительности Невѣдомскій умеръ въ 1853 г.».

Насмѣшливая шутка Пушкина рисуетъ литературную физіономію Невѣдомскаго односторонне. Приведемъ отзывъ Бѣлинскаго, который, прочитавъ одну статью Невѣдомскаго, писалъ (Сочин., изд. Венгерова, IV, 71): «мало встрѣчается въ русскихъ журналахъ статей, проникнутыхъ такою одушевленностію изложенія, картинностію слога, такимъ присутствіемъ мысли, такою свѣтлостію взгляда и такою живою занимательностію содержанія...»

---

559. КОГДА СТРОЙНА И СВѢТЛООКА...

(т. II, стр. 500).

Встрѣчаясь у А. П. Керн съ молодымъ поэтомъ А. И. Подолинскимъ, Пушкинъ интересовался имъ и даже—разсказываетъ не безъ преувеличенія Керн (см. сборн. Л. Н. Майкова «Пушкинъ» стр. 253, 254—255)—«многими его стихами восхищался». Особенно нравились ему слѣдующіе (переданные ею не совсѣмъ правильно):

Портретъ.
Когда, стройна и свѣтлоока,
Передо мной стоитъ она,
Я мыслю: Гурія Пророка
Съ небесъ на землю сведена!
Коса и кудри темнорусы,
Нарядъ небрежный и простой,
И на груди роскошной бусы
Роскошно зыблются порой.
Весны и лѣта сочетанье
Въ живомъ огнѣ ея очей,
И тихій звукъ ея рѣчей
Раждаетъ нѣгу и желанье
Въ груди тоскующей моей.

(«Повѣсти и мелкія стихотворенія А. Подолинскаго», ч. II, Спб., 1837, стр. 118). «Въ дополненіе къ воспоминаніямъ А. П. Керн о стихахъ Подолинскаго»—говоритъ авторъ редактированнаго П. А. Ефремовымъ очерка «А. С. Пушкинъ», гл. V («Русс. Стар.», 1880 г., январь, 145)—«прибавимъ изъ собственныхъ его воспоминаній, что стихи: «Когда стройна и свѣтлоока», дѣйствительно, нравились Пушкину, и онъ, примѣняя ихъ къ Аннѣ Петровнѣ, пародировалъ однажды...» и т. д. Ни автографа, ни другихъ какихъ-нибудь свидѣтельствъ мы не имѣемъ, но нѣтъ основаній не довѣрять этому показанію современника. Въ собраніи сочиненій Пушкина пародія стала включаться начиная съ изданія 1880 г. (I, 256). Датируется она 1828-мъ годомъ приблизительно, такъ какъ къ нему относятся, безъ достаточныхъ, впрочемъ, основаній, шуточные стихи Пушкина, записанные въ альбомѣ Керн (см. ниже примѣчанія къ №№ 560—562). Впрочемъ, есть основанія датировать ее 1828-мъ г., такъ какъ 9 февраля 1829 г. дозволенъ цензурою альманахъ «Подснѣжникъ», въ которомъ появилось впервые стихотвореніе Подолинскаго, которое, замѣтимъ, однако, могло быть извѣстно Пушкину и раньше. Пушкинъ познакомился съ Андр. Ив. Подолинскимъ (1806—1886 гг.), когда ѣхалъ изъ Одессы въ Михайловское, въ началѣ августа 1824 г., на почтовой станціи, въ Черниговѣ; Подолинскій ѣхалъ въ Кіевъ, и Пушкинъ послалъ съ нимъ письмо генералу Н. Н. Раевскому («Русс. Арх.» 1872 г., 862—863). Впослѣдствіи, опредѣляя «удѣльный вѣсъ» одного молодого поэта словами: «ни капли творчества, а много искусства», Пушкинъ назвалъ его «вторымъ томомъ Подолинскаго» (письмо къ П. А. Плетневу въ первой половинѣ апрѣля 1831 г.); Дельвигъ тоже признавалъ за Подолинскимъ только «легкость писать гладкіе стихи» («Сочин. Дельвига», ред. В. В. Майкова, СПб., 1895, стр. 167). О Пушкинѣ Подолинскій упоминаетъ въ двухъ стихотвореніяхъ: «Переѣздъ черезъ Яйлу» («Современникъ» 1837 г., VII, и Сочин., изд. 1860 г., I, стр. 105—110) и «Во время войны. Памяти Пушкина и Жуковскаго», 1855 г. (то же изданіе Сочин., стр. 219—220). Въ 1884 г., глубокимъ старикомъ, Подолинскій сообщилъ по памяти первоначальную редакцію пушкинской надписи «Къ портрету Жуковскаго» (см. въ I т. настоящ. изд., примѣч. къ № 168). Одинъ изъ меньшихъ поэтовъ пушкинской плеяды, Подолинскій забытъ, но часто повторяются два стиха его (изъ пьесы «На праздникъ 50-лѣтней годовщины основанія петербургскаго университета», выбитые на юбилейной медали):

Гдѣ высоко стоитъ наука,
Стоитъ высоко человѣкъ...

---

560. ЕСЛИ ВЪ ЖИЗНИ ПОДНЕБЕСНОЙ...

(т. II, стр. 500).

Эта шуточная пьеска и два слѣдующіе за нею наброска, обозначенные тоже №№ 561 и 562, были напечатаны впервые въ «Библіотекѣ для чтенія» 1859 г., т. 154, № 3, стр. 126—127, а затѣмъ въ «Русс. Стар.» 1880 г., январь, 142—143, по сообщенію А. П. Керн, которая въ своихъ запискахъ разсказываетъ (см. сборникъ Л. Н. Майкова «Пушкинъ», стр. 250): «ему (П—ну) попался подъ руку мой альбомъ, совершенный слѣпокъ съ того уѣздной барышни альбома, который описалъ Пушкинъ въ «Опѣгинѣ», и онъ сталъ въ немъ переводить французскіе стихи на русскій языкъ и русскіе на французскій. Въ альбомѣ было написано:

Oh, si dans l'immortelle vie
Il existait un être parfait,
Oh, mon aimable et douce amie,
Comme toi, sans doute, il est fait, etc.

Пушкинъ перевелъ: «Если въ жизни поднебесной...» и т. д.

«Подъ какими-то весьма плохими стихами было подписано: «Ecrit dans mon exil». Пушкинъ приписалъ: «Amour, exil!..» и т. д.

«Дмитрій Николаевичъ Барковъ написалъ одни всѣмъ извѣстные стихи не совсѣмъ правильно, и Пушкинъ вмѣсто перевода написалъ слѣдующее: «Не смѣю вамъ...» и т. д. Такъ нѣсколько часовъ было проведено среди самыхъ живыхъ шутокъ, и я никогда не забуду его игривой веселости, его дѣтскаго смѣха, которымъ оглашались въ тотъ день мои комнаты».

Соль послѣдней шутки—въ игривомъ намекѣ на знаменитаго поэта-порнографа XVIII вѣка Ив. Баркова, котораго Пушкинъ нарочно смѣшиваетъ съ Д. Н. Барковымъ, переводчикомъ множества театральныхъ пьесъ (въ томъ числѣ «Же-

питьбы Фигаро») и членомъ кружка «Зеленой Лампы» (о немъ см. въ «П. и его соврем.», VI, 192—195).

Опредѣленной датировкѣ эти мелочи, относящіяся къ второй половинѣ 20-хъ годовъ, не поддаются. Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, начиная съ изданія 1880 г. (II, 255—256) и 1882 г. (VII, 266—267), онѣ печатаются подъ 1828 г. безъ достаточныхъ основаній къ тому; разсказъ Керн не даетъ никакихъ точныхъ хронологическихъ указаній. Объ отношеніяхъ Пушкина къ А. П. Керн см. въ III т. настоящ. изданія статью Б. Л. Модзалевскаго.

---

561. AMOUR, EXIL...

(т. II, стр. 500).

См. предыдущее примѣчаніе.

---

562. НЕ СМѢЮ ВАМЪ СТИХИ БАРКОВА...

(т. II, стр. 500).

См. примѣчаніе къ № 560.

---

563. КОГДА ПОМИЛУЕТЪ НАСЪ БОГЪ...

(т. II, стр. 500).

Впервые появилось это четверостишіе въ «Библіотекѣ для чтенія» 1859 г., т. 154, № 3, стр. 127, а затѣмъ въ «Русс. Стар.» 1880 г., январь, 143, по сообщенію Керн, которая въ своихъ запискахъ (см. сборникъ Л. Н. Майкова «Пушкинъ», стр. 250—251) разсказываетъ, что Пушкинъ, явившійся къ ней однажды въ очень веселомъ настроеніи духа, засталъ ее за письмомъ къ ея младшей сестрѣ въ Малороссію и приписалъ въ немъ эти строчки. Это было, по всей вѣроятности, въ 1828 году, судя по косвеннымъ даннымъ, сообщаемымъ Керн (адресъ Пушкина, ухаживанье за Олениной и проч.). Во всѣхъ собраніяхъ сочиненій Пушкина, начиная съ изданія 1880 г. (II, 256) и 1882 г. (VII, 267), четверостишіе также пріурочивается къ 1828 году. Второй стихъ напоминаетъ конецъ пьесы, посвященной Ек. Н. Ушаковой «Въ отдаленіи отъ васъ...» (см. выше, прим. къ № 497): «вы вздохнете ль обо мнѣ, если буду я повѣшенъ?..»

---

564. УВЫ, ЯЗЫКЪ ЛЮБВИ БОЛТЛИВОЙ...

(т. II, стр. 501).

Это не совсѣмъ отдѣланное черновое стихотвореніе находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 13; впервые оно было напечатано П. В. Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», изд. 1855 г., стр. 337—338, какъ выписка изъ «Альбома Онѣгина», къ которому вовсе не принадлежитъ, не совсѣмъ точно и не полно. Въ болѣе исправной редакціи напечатано оно въ «Русс. Стар.», 1884 г., іюль, 39—40; 3-й и 4-й съ конца стихи должны быть по смыслу переставлены одинъ на мѣсто другого. Въ подлинникѣ, сбоку стихотворенія, записана помѣта: «9 мая 1828 г. Море Oh (?) Day»; не только эта помѣта, можетъ быть и не служащая точной датой пьесы, но и вообще положеніе стихотворенія среди другихъ набросковъ позволяютъ датировать его приблизительно этимъ временемъ.

Пушкинъ тогда ухаживалъ за А. А. Олениной, и, конечно, это она — «милая дѣва» пьесы; подробности объ отношеніяхъ Пушкина къ ней см. выше, въ примѣч. къ № 529. Эпитетъ «болтливая», который Пушкинъ придаетъ любви, превосходно иллюстрируется замѣчательнымъ по силѣ и красотѣ лиризма эпизодическимъ мѣстомъ въ «Гавріліадѣ»: «Поговоримъ о странностяхъ любви...» и т. д. Когда-то (см. набросокъ 1821 г. «Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ...» и прим. къ № 302) Пушкинъ гордился не тѣмъ, что его «коварные напѣвы смиряли въ мысляхъ юной дѣвы порывы страха и стыда», и даже не знаменитостью, доставленной ему «бурями души», и «жаждой волн и гоненьемъ, а «самолюбивыхъ думъ отрадой, мечтаньемъ сустнаго спа». Поэзія была для него выше и славы, и любви, была его высшей гордостью. Теперь, плѣненный любовью, онъ готовъ думать иначе: поэзія до сихъ поръ приносила ему только зло, клеветы, ссылки, лицемѣрную брань и рѣдко холодное одобреніе,—такъ лучше же ей быть скромной посо́лницей любви. Эти стихи—задушевное выраженіе завѣтныхъ мыслей и скорбей великаго поэта о тягостяхъ своего призванія; заключающееся въ нихъ показаніе Пушкина полно драгоцѣннаго біографическаго и психологическаго значенія. Жизнь и лира были ему вѣрены судьбой далеко не даромъ!..

---

565. ВОЛНЕНЬЕМЪ ЖИЗНИ УТОМЛЕННЫЙ...

(т. II, стр. 501).

Автографъ этого наброска находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 16 об.; впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., іюль, 41. Къ 1828 году (см. «Сочин. П.», изд. литератур. фонда, II, 60) его можно отнести по положенію въ рукописи, гдѣ рядомъ съ нимъ записана такая помѣта: «25 іюня. [Фанни]. Пятн. Elisa e Claudio». Быть можетъ, данная помѣта относится, впрочемъ, не къ этому наброску, а къ другимъ, находящимся на той же страницѣ, или имѣетъ иное значеніе.

---

566. РИѲМА—ЗВУЧНАЯ ПОДРУГА...

(т. II, стр. 501).

Первымъ приступомъ къ этому стихотворенію, такъ и оставшемуся незаконченнымъ и неотдѣланнымъ, надо считать небольшой набросокъ, относящійся, судя по положенію среди другихъ черновиковъ, къ 1827 г. и находящійся въ 2368-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 33 об. (см. «Русс. Стар.» 1884, февр., 421—422, и іюнь, 541):

[Своенравная царица
Романтическихъ октавъ...
Рѳма, сладкая пѣвица]...
Своенравная подруга
Гармонической мечты,

Рнѳма, мнѢ часы досуга
Оживлять умѢла ты
И стиховъ моихъ вѢнчала
Своевольныя четы...

Съ болѣе полнаго наброска, находящагося въ 2371-й музейной тетради, лл. 25—24 об.—25 об., стихотвореніе было впервые напечатано П. В. Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біогр. П—па», изд. 1855 г., стр. 202—204, при разсказѢ о созданіи «Полтавы»; оно записано среди черновиковъ первой пѢсни «Полтавы», почему и должно быть датируемо приблизительно осенью 1828 г. Анненковскій текстъ, не совсѢмъ точный, былъ исправленъ В. Е. Якушкинымъ («Русс Стар.» 1884 г., іюль, 44—45).

Извѣстно, что Пушкина всегда интересовали вопросы литературной техники; между прочимъ, онъ занимался наблюденіями надъ рнѳмой. Еще на лицейской скамьѢ онъ съ лукавымъ смиреніемъ признавался («Моему Аристарху», 1815 г.): «за рнѳмой часто холостой, на зло законамъ сочетанья, бѢгутъ трехстопные толпой на а ю, а е т ъ и на о й; еще немногія признанья: я ставлю (кто же безъ грѢха?) для мѢры, рнѳмы восклицанья»... Онъ обращался къ своей чернильницѢ (1821 г.) съ благодарностью за то, что его перо въ ней находило «концы стиховъ и вѢрность выраженья, то звуковъ или словъ нежданное стеченье, то Ѣдкой шутки соль, то (правды?) слогъ суровой, то странность рнѳмы новой, неслыханной дотоль»... Изъ этого драгоцѢннаго въ психологическомъ и автобіографическомъ отношеніи признанія поэта видно, что рнѳма бывала для него не только результатомъ мысли, но иной разъ ея источникомъ, и не всегда ему «послушныя слова звонкой рнѳмой замыкались» («Разговоръ Книгопродавца съ Поэтомъ»), но иногда рнѳма управляла ходомъ его мысли. Еще Анненковъ (ibid., 353—355) обратилъ вниманіе, что въ бумагахъ Пушкина попадаются «стихотворенія, обозначенныя единственно рнѳмами, которыя такимъ образомъ походятъ какъ будто на раму, заготовленную для принятія поэтической мысли. Нужно ли говорить»,—пытается объяснить это явленіе Анненковъ,—«что стихотвореніе у Пушкина не цѢплялось за рнѳмы, изготовленныя прежде, чтобъ выйти на свѢтъ, какъ это дѢлается у труженниковъ стихотворства, а что рнѳмы были у него такія же помѢтки для сбереженія мысли въ цѢлости, какія представляютъ намъ всѢ его программы?... Изъ такихъ безсвязныхъ намековъ, гдѢ только слышатся окончанія стиховъ, создавалъ Пушкинъ картины высокаго пластическаго совершенства». Біографу Пушкина хотѢлось защитить великаго поэта отъ обвиненія въ ремесленности, и онъ наивно истолковалъ эти «концы стиховъ» какъ своего рода мнемоническій пріемъ. Однако, справедливо возразилъ В. Е. Якушкинъ («Русс. Стар.» 1884 г., февр., 421), «этотъ пріемъ Пушкина только по внѢшности сходится съ пріемами рнѳмо-кропателей; послѢдніе искусственно придумываютъ рнѳмы и потомъ стараются подогнать подъ нихъ свои вирши; Пушкину незачѢмъ было придумывать себѢ рнѳмъ: онѢ его не затрудняли... Рнѳмы приходили къ нему иногда слишкомъ быстро, быстрѢе, чѢмъ онъ успѢвалъ сложить, записать самые стихи: ему приходилось записывать рнѳмы впередъ. Случалось и такъ, что когда стихи доходили до прежде выливнихся рнѳмъ, послѢднія оказывались лишними, стихи замыкались другими рнѳмами, а первыя, предполагаемыя, оставались тутъ же, съ боку, между стихами, и теперь-то и выдаютъ намъ эту великую тайну геніальнаго творчества». Но и г. Якушкинъ не совсѢмъ правильно объясняетъ «эту великую тайну»: какъ видно изъ признаній самого Пушкина, «новая, неслыханная дотоль» рнѳма, случалось, сама направляла его мысль. Онъ звалъ рнѳму своей «прислужницею» («Зима. Что дѢлать намъ въ деревнѢ?»..., 1829 г.), но часто она, это «послушное дитя», становилась своенравна, непокорна, переставала слушаться замысловъ художника, и ему самому приходилось повиноваться ея рѢзвымъ прихотямъ и уже не вести ее, а слѢдовать за ея «гордымъ звономъ» (см. выше, № 564) куда ей хотѢлось—«въ очарованную даль». Холодный, уравновѢшенный версификаторъ Буало не понималъ этого непроизвольнаго появленія рнѳмы: «la rime est une esclave et ne doit qu'obéir». Пушкинъ зналъ такую рнѳму, свою «прислужницу», но зналъ и другую, которая приходила къ нему непроизвольно: «вѢдь рнѳмы запросто со мной живутъ,—двѢ придутъ сами, третью приведутъ» («Домикъ въ КоломнѢ».) Иногда онъ «вербовалъ рать изъ мелкой сволочи» языка, объясняя: «мнѢ рнѳмы нужны» (ibid.), а въ другой разъ пассивно отдавался вольному теченію неожиданной рнѳмы, и у него, говоритъ Ѳ. Е. Коршъ въ замѢчательномъ изслѢдованіи о подложномъ окончаніи «Русалки», «цѢлыя строфы съ рнѳмами возникали подъ вліяніемъ предшествующей случайной рнѳмы». Своею творческой дѢятельностью Пушкинъ подтверждаетъ великую истину, вошедшую лишь въ наши дни въ европейское научное сознаніе, что слово не пассивное орудіе мысли, а ея двигатель; что, говоря словами Гюго, «les mots sont les passants mistérieux de l'âme». Нашъ великій поэтъ присоединился бы къ формулѢ французскаго теоретика Théodore de Banville («Petit traité de poésie française»), объясняющаго происхожденіе рнѳмы посредствомъ «illumination spontanée»:—ce n'est ni le bon sens, ni la logique, ni l'érudition, ni la mémoire, qui fournissent ces mots armés d'un si étrange pouvoir: ils ne se présentent qu'en vertu d'un don spécial, qui ne s'acquiert pas». Для Пушкина, въ которомъ объятый «быстрымъ холодомъ вдохновенья» поэтъ пензмѢримо преобладалъ надъ разсчетливымъ версификаторомъ, излить душу въ стихахъ потому и значило выразить ее «свободнымъ проявленьемъ», что легкія, ни по чемъ дающіяся рнѳмы сами бѢжали навстрѢчу мыслямъ («Осень», 1830 г.). Теорія непроизвольнаго зарожденія рнѳмы вполнѢ согласуется съ пушкинской теоріей вдохновенія, считающей поэта преображеннымъ десницей архангела, призываемымъ отъ «дѢтей ничтожныхъ міра—къ священной жертвѢ», «небесъ избранникомъ», повинующимся высшей волѢ. Рнѳма дорога ему какъ знакъ помазанія свыше, небеснаго избранія; эту мысль, общую всей романтической школѢ, прекрасно выразилъ Баратынскій («Рнѳма»:) «среди безжизненнаго сна, средь гробового хлада свѢта своею лаской поэта ты, рнѳма, радуешь одна! Подобно голубю ковчега, одна ему съ роднаго брега живую вѢтвь приносишь ты, одна съ божественнымъ порывомъ миришь его твоимъ отзывомъ и признаешь его мечты!»...

«Вы должны любить рнѳму, какъ вѢрнаго слугу, который никогда съ вами не спорилъ и всегда повиновался малѢйшимъ вашимъ прихотямъ», писалъ Пушкинъ (14 февр. 1832 г.) П. П.

Дмитріеву,—но самъ онъ, не столько ея хозяинъ, сколько «любовникъ добродушный», любилъ ее именно за рѣзвыя прихоти, за своенравные капризы. Съ стихотвореніемъ Пушкина И. Ѳ. Сумцовъ («Изслѣдованія о поэзіи П—па»—«Харьковск. универс. сб. въ память П—па», 1900 г., стр. 67) сближаетъ стихи С.-Бева (Жозефа Делорма) о риѳмѣ. Дѣйствительно, помимо общей мысли такое выраженіе какъ: «fée au léger voltiger, habile, agile coursière, qui mènes le char des vers dans les airs, par deux sillons de lumière»,—близко подходитъ къ словамъ Пушкина: «ты ласкалась, ты манила и отъ міра уводила въ очарованную даль»; Пушкинъ, замѣтимъ, зналъ Сентъ-Бева и въ своей рецензіи на его сочиненія («Литерат. Газета» 1831 г., № 32) сказалъ нѣсколько словъ по поводъ его взглядовъ на французское стихосложеніе, между прочимъ, на риѳму. Теоріей и практикой риѳмы Пушкинъ интересовался всегда. Въ молодости, прочитавъ посланіе кн. П. А. Вяземскаго къ Жуковскому, гдѣ было сказано, что русскій языкъ бѣденъ риѳмами (этотъ вопросъ и послѣ Пушкина и Вяземскаго поднимался не разъ), онъ увидѣлъ въ этомъ «оскорбленіе русскому языку» и писалъ Вяземскому: «какъ хватило въ тебѣ духа сдѣлать такое признаніе?» (Сочин. Вяземскаго, I, стр. XLII), но впослѣдствіи и самъ сталъ думать, что «современемъ мы обратимся къ бѣлому стиху, риѳмъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало» («Мысли на дорогѣ»), въ отношеніи риѳмы «мы голы» («Домикъ въ Коломнѣ»). Множество цѣнныхъ наблюденій надъ пушкинской риѳмой сосредоточено въ упомянутомъ изслѣдованіи Ѳ. Е. Корша («Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» А. С. Пушкина по записи Д. П. Зуева»—«Извѣстія Отд. русс. яз. и словесн. И. Ак. Н.», т. III, 1898 г., кн. 3, и т. IV, 1899 г., кн. 1 и 2).

Миѳъ о рожденіи божественной Риѳмы Пушкинъ впослѣдствіи отдѣлилъ отъ своихъ наблюденій надъ риѳмой и разсказалъ степенными, строгими гекзаметрами и пентаметрами, какъ родилась она отъ Феба и не знающей сна нимфы Эхо, а не Мнемозины, какъ было предположено первоначально («Риѳма», ниже, № 659).

---

567. ВЪ СТЕПЯХЪ ЗЕЛЕНЫХЪ БУДЖАКА...

(т. II, стр. 502).

Исчеркапный черновикъ этотъ, подъ заглавіемъ «Кирджали», находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея», л. 19, и впервые былъ напечатанъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., іюль, 42, а затѣмъ вошелъ въ «Сочин. Пушкина», изд. литерат. фонда, II, 60. По положенію среди другихъ черновиковъ («Полтавы», «Анчара», писемъ къ Вяземскому 1 сентября 1828 г., объясненія по дѣлу о «Гавріліадѣ») его можно отнести къ времени съ августа по октябрь 1828 года.

«Полтава», въ эпилогѣ которой упоминается послѣдняя борьба Карла XII «въ странѣ, гдѣ мельницъ рядъ крылатый оградой мирной обступилъ Бендеръ пустынные раскаты»—возродила въ Пушкинѣ воспоминаніе о Бессарабіи. Буджакъ (по-татарски—уголъ), часть Бессарабіи, лежащая между Прутомъ и Днѣпромъ, былъ хорошо знакомъ Пушкину. Въ «Цыганахъ» старикъ вспоминаетъ о тѣхъ временахъ, когда «правилъ Буджакомъ паша съ высокихъ башенъ Аккермана». Самъ поэтъ два раза путешествовалъ по Буджаку. Въ первый разъ онъ вмѣстѣ съ И. И. Липранди объѣхалъ въ двѣ недѣли почти весь Буджакъ и побывалъ въ Бендерахъ, Каушанахъ, Паланкѣ, Аккерманѣ, Шабо, Татарбунарѣ, Измаилѣ, Болградѣ, Леовѣ. Это было въ декабрѣ 1821 г.; въ Измаилѣ и Болградѣ, гдѣ Пушкинъ останавливался у управляющаго болгарскими колоніями маіора Малевинскаго, онъ могъ наблюдать бытъ болгарскихъ колоній («Русс. Арх.», 1866 г., ст. 1270—1284). Вторую поѣздку, всего трехдневную, Пушкинъ совершилъ въ концѣ января 1824 г. Онъ посѣтилъ тогда сѣверную часть Буджака—Бендеры и Каушаны; въ эту поѣздку Пушкина особенно заинтересовали слѣды пребыванія тамъ Мазепы и Карла XII (ibid., 1459—1465, 1469). Весьма возможно, что бѣжавшіе въ Бессарабію герои «Полтавы» привели Пушкину на память Буджакъ и его поѣздки по этой странѣ, гдѣ онъ могъ наблюдать патріархальный бытъ бѣдныхъ болгаръ, на фонѣ котораго была задумана новая пьеса. Подобный идиллическій оттѣнокъ слышится и въ словахъ стихотворенія 1821 г. «Желаніе» (во II т., № 272),—какъ «бѣдныя простыхъ татаръ семьи, среди заботъ и съ дружбою взаимной, подъ кровлею живутъ гостепріимной...» Героемъ пьесы долженъ былъ быть удалой разбойникъ Кирджали, которому Пушкинъ нѣсколько лѣтъ спустя посвятилъ особый очеркъ повѣсть. Внизу черновика можно разобрать женское имя «Ралица».

---

568. БРАДАТЫЙ СТАРОСТА АВДѢЙ...

(т. II, стр. 502).

Черновикъ этого наброска находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 90 об. Впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., май, 53, а затѣмъ вошелъ въ сочин. П., изд. литератур. фонда, II, 60—61 и въ слѣдующія собранія, гдѣ печатается, по положенію среди другихъ черновиковъ, подъ 1828 годомъ. По словамъ П. А. Ефремова (см. его послѣднее изданіе сочин. П., т. VIII, 1903 г., стр. 300), набросокъ былъ извѣстенъ Анненкову, который тоже относилъ его къ времени созданія «Полтавы» и разслѣдованія о «Гавріліадѣ», т.-е. къ 1828 г. Съ нѣкоторою вѣроятностью можно принять эту датировку. Въ настоящемъ изданіи набросокъ воспроизведенъ въ наиболѣе полномъ чтеніи.

Стихотвореніе осталось безъ окончанія, но «староста Авдѣй» не пропалъ безслѣдно: онъ упоминается въ «Исторіи села Горюхина». О замыслѣ Пушкина судить мудрено. Можетъ быть, имѣется въ виду пикантный анекдотъ въ родѣ знаменитаго «Ver-Vert» Gresset. Подобный анекдотъ былъ однажды осуществленъ самимъ Пушкинымъ. У цѣломудреннаго, благочестиваго И. И. Инзова, большого любителя птицъ, въ Кишиневѣ,—разсказываетъ Ф. Ф. Вигель («Русс. Арх.» 1886 г., ст. 1129, «Записки», VI, 152), жила говорящая сорока; Пушкинъ выучилъ ее ругаться,—«и несчастная тотчасъ осуждена была на заточеніе». И. П. Липранди («Русс. Арх. 1866 г., ст. 1264—1265) передаетъ, что «не сороку, а попугая, въ стоявшей клѣткѣ на балконѣ, Пушкинъ выучилъ одному бранному молдованскому слову. Я былъ

свидѣтелемъ, какъ въ первый разъ узналъ объ этомъ Иванъ Никитичъ. Въ день Пасхи 1821 г. преосвященный Димитрій (Сулима) былъ у генерала; въ залѣ былъ накрытъ столъ, установленный приличными этому дню блюдами; благословивъ закуску, Димитрій вошелъ въ открытую дверь на балконъ, за нимъ послѣдовалъ Инзовъ и нѣкоторые другіе. Полюбовавшись видомъ, Димитрій по, дошелъ къ клѣткѣ и что-то произнесъ попугаю а тотъ встрѣтилъ его помянутымъ словомъ, повторяя его и хохоча. Когда Инзовъ проводилъ, преосвященнаго, то, встрѣтивъ меня и другихъ, также удаляющихся, въ числѣ которыхъ былъ и Пушкинъ, Иванъ Никитичъ, съ свойственной ему улыбкой и обыкновеннымъ тихимъ голосомъ своимъ, сказалъ Пушкину: «Какой ты шалунъ! Преосвященный догадался, что это твой урокъ». Тѣмъ все и кончилось». Сохранилось въ одномъ изъ писемъ Пушкина воспоминаніе о «попугаяхъ или сорокахъ инзовскихъ, которыя картавятъ одну имъ натверженную...»; съ ними Пушкинъ сравнивалъ «нашихъ Шлегелей», русскихъ критиковъ (инс. къ П. А. Плетневу, 7 января 1831 г.).

569. [ТЕБЯ ПОЮ] НА ТОМНОЙ ЛИРѢ...

(т. II, стр. 502).

Исчеркапный набросокъ этотъ находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 88 об.; впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., іюль, 52. По положенію въ тетради, гдѣ записаны черновые стихи «Полтавы», его можно отнести къ 1828 г. (см. Сочин. П., изд. «Просвѣщ.», II, 455, гдѣ текстъ переданъ лучше, чѣмъ въ «Русс. Старинѣ»), а можетъ быть онъ написанъ и въ болѣе позднее время (1830—1831 г.г.). Судить объ общемъ замыслѣ его не представляется возможнымъ.

570. ВЪ РЮМКѢ СВѢТЛОЙ ПРЕДО МНОЮ...

(т. II, стр. 502)

Автографъ этого наброска находится въ 2371-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 97 об.: впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русск. Стар.» 1884 г., іюль, 54. По положенію среди черновыхъ стиховъ «Полтавы» его можно отнести къ 1828 году (см. «Сочин. Пушкина», изд. «Просвѣщ.», II, 456), а можетъ быть и къ болѣе позднему времени.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1829 ГОДА.

570-а. ПОЛТАВА.

См. въ исторіи текста.

571. ПРИМѢТЫ.

(т. III, стр. 58).

Автографъ пьесы находится въ принадлежащей нынѣ Александровскому лицею тетради стихотвореній, приготовленной для цензурованія III-ей части «Стихотвореній Александра Пушкина», вышедшей въ 1832 г. (см. сочин. Пушкина, изд. Ефремова, т. II, 1880 г., стр. 427; т. II, 1882 г., стр. 412; т. VIII, 1905 г., стр. 301). Впервые появилась она въ изданномъ Н. М. Коншинымъ и бар. Е. Ѳ. Розеномъ альманахѣ «Подснѣжникъ» на 1829 г. (дозвол. ценз. 9 февраля 1829 г.), стр. 139, безъ даты, а затѣмъ вошла въ упомянутую III ч. «Стихотвореній», стр. 205—206, гдѣ помѣщена въ отдѣлѣ «Разныхъ годовъ», безъ даты, послѣднею; ей предшествуютъ пять пьесъ 1828 г. (четыре первыя въ этомъ отдѣлѣ относятся къ 1822, 1824 и 1827 г.г.). Впервые датировалъ ее 1829 годомъ П. В. Анненковъ (см. его изданіе сочин. П—на. II, 496), говоря, что, хотя «изданіе 1832 г. не указало года сочиненія пьесы, но зато тетради Пушкина опредѣляютъ его съ достовѣрностію». Однако, можно думать, что это не такъ, и что стихотвореніе написано раньше, въ 1828 г. Если бы оно было написано въ 1829 г., то, никакъ не позднѣе января, такъ какъ альманахъ, въ которомъ оно было напечатано, былъ процензурованъ 9 февраля, а представленъ въ цензуру, конечно, раньше. А. П. Керн въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ («Библіот. для чтенія» 1859 г., т. 154, стр. 127—128; «Пушкинъ», сборн. Л. Н. Майкова, Спб., 1899, стр. 251—252), что Пушкинъ написалъ это стихотвореніе при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ іюнѣ—іюлѣ 1825 г. Пушкинъ читалъ «Цыганъ» своимъ тригорскимъ друзьямъ («Пушкинъ» Л. Майкова, стр. 240—243). Черезъ нѣсколько лѣтъ (сейчасъ мы объяснимъ, черезъ сколько именно) Керн вспомнила объ этомъ чтеніи какъ разъ въ этотъ самый день, и въ тотъ же день поэтъ прислалъ ей печатный экземпляръ «Цыганъ», съ надписью, а «нѣсколько дней спустя» пріѣхалъ къ Керн и при ней «написалъ на какой-то запискѣ» занимающее насъ стихотвореніе. «Написавши эти строки и напѣвая ихъ своимъ звучнымъ голосомъ, онъ при стихахъ: «И мѣсяцъ съ лѣвой стороны сопровождалъ меня уныло», замѣтилъ, смѣясь: «Разумѣется, съ лѣвой, потому что ѣхалъ назадъ!... Въ это время онъ очень усердно ухаживалъ за одною особой, къ которой были написаны стихи: «Городъ пышный, городъ бѣдный...» и «Предъ ней, задумавшись, стою...» (т.-е. «Ты и вы»). Обѣ эти пьесы написаны въ 1828 г. (см. примѣч. къ №№ 526 и 532), и, значитъ, «это время», когда были написаны «Примѣты»,—1828-й годъ, а такъ какъ онѣ были написаны черезъ нѣсколько дней послѣ того дня, въ который Пушкинъ читалъ, въ 1825 г., въ Тригорскомъ своихъ «Цыганъ», то, стало быть, онѣ должны быть отнесены къ іюню или, вѣрнѣе, іюлю 1828 г. (въ началѣ 1829-го онѣ, какъ мы знаемъ, уже были напечатаны). Поэтъ А. П. Подолинскій, бывавшій тогда у Керн, видѣлъ у нея «черновую рукопись стихотворенія... Эти три строфы, написанныя такъ просто и легко, казалось, не стоили поэту ни малѣйшаго труда, а между тѣмъ въ нихъ, сколько я помню, не осталось ни одной строчки безъ поправокъ, а нѣкоторыя слова измѣнены по два раза» («Русск. Стар.» 1884 г., апрѣль, 219). Гдѣ этотъ подлинникъ, неизвѣстно; въ «Подснѣжникѣ» было въ 1-мъ стихѣ: «Я ѣхалъ къ вамъ. Живые...», а въ 4-мъ: осеребрялъ мой путь ретивой», но, перездавая

пьесу, Пушкинъ, конечно, замѣтилъ, какъ неловкъ эпитетъ «ретивой» въ примѣненіи къ дорогѣ. Непонятно, на какомъ основаніи отнесъ пьесу къ А. А. Олениной П. А. Ефремовъ въ своихъ изданіяхъ (II. сс.): «несомнѣнно (sic!) относится къ Олениной», говорилъ Ефремовъ и всюду ставилъ подъ заглавіемъ: «А. А. Олениной», не приводя, однако, никакихъ основаній для этого; въ обоихъ своихъ изданіяхъ П. О. Морозовъ повторилъ этотъ ненужный подзаголовокъ; того же мнѣнія и Л. Н. Поливановъ (см. его изд. сочин. II—па, т. I, изд. 3-ье, стр. 288). П. М. Устимовичъ («А. А. Андро, рожденная Оленина» — «Русск. Стар.» 1890, августъ, 393) категорически включилъ пьесу въ «олонинскій» циклъ. Нѣтъ никакихъ причинъ не вѣрить богатому подробностями разсказу А. П. Керн, подтверждаемому отчасти показаніемъ Подолинскаго. Правда, сама Керн говоритъ, что «Примѣты» были написаны во время увлеченія Пушкина Олениной, и весьма возможно, что, создавая пьесу, онъ мечталъ въ «душѣ влюбленной» объ Олениной, а съ Керн, бывшей тогда уже его наперсницей, только дѣлился своими мыслями о ней. Во всякомъ случаѣ, стихотвореніе написано для Керн. Содержаніе его ясно: согласуя свои предчувствія съ народными примѣтами и какъ бы гадая по нимъ о своихъ любовныхъ шансахъ, поэтъ разсказываетъ Керн, какъ другу, о своихъ суевѣрныхъ впечатлѣніяхъ. Суевѣріе было одною изъ выдающихся чертъ характера Пушкина. По поводу его словъ о своей Татьянѣ («Евг. Онѣгинъ», 5, V—VI): «вдругъ увидя младой двурогій ликъ луны на небѣ съ лѣвой стороны, она дрожала и блѣднѣла», кн. П. А. Вяземскій замѣтилъ: «Пушкинъ самъ былъ суевѣренъ» («Русск. Арх.» 1887, III, 578). Однажды онъ писалъ женѣ (14 сент. 1835 г.): «сегодня видѣлъ я мѣсяцъ съ лѣвой стороны и очень о тебѣ сталъ безпокоиться». Когда заяцъ перебѣжалъ ему дорогу, онъ «дорого далъ бы, чтобъ его затравить» (пис. къ ней же 14 сент. 1833 г.). Существуетъ преданіе (Анненковъ, «П. въ Александр. эпоху», 311), что встрѣча съ зайцемъ и попомъ заставила его отмѣнить самовольный отъѣздъ изъ Михайловскаго въ Петербургъ послѣ 14 декабря 1825 г. («но примѣты примѣтами, а извѣстная осмотрительность играла тутъ тоже немаловажную роль», прибавляетъ Анненковъ). С. А. Соболевскій («Русск. Арх.» 1870 г., ст. 1377–1388, «Таинственныя примѣты въ жизни П—па», см. ibid., 1947, зам. М. П. Погодина) разсказалъ, какое сильное впечатлѣніе произвело на него предсказаніе гадалки Кирхгофъ, предостерегшей его отъ бѣлаго коня и бѣлокураго человѣка; см. также «Русск. Стар.» 1870 г., I, 404—405. В. А. Нащокина разсказывала, что Пушкинъ вѣрилъ въ «счастливый фракъ, избѣгалъ бѣлокурыхъ людей, однажды былъ очень испуганъ, когда за ужиномъ Нащокинъ пролилъ на столъ масло» («Нов. Время» 1898 г., № 8115). Была у поэта серебряная копеечка-талисманъ (пис. къ Нащокину 8 января 1832 г.); о его кольцахъ, которымъ онъ придавалъ таинственное значеніе, см. выше, примѣч. къ № 492. Отъ этого его творчество только выигрывало въ разнообразіи своихъ мотивовъ, и на Пушкинѣ сбылось пожеланіе Гете: «суевѣріе — поэзія жизни, оттого поэту не мѣшаетъ быть суевѣрнымъ». Бѣлинскій въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзіи два раза назвалъ «Примѣты» въ числѣ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина. Анол. Григорьевъ (Сочин., I, 282—283) приводитъ эту пьесу, какъ доказательство, «какъ поэтъ простъ въ анализѣ чувства любви, начиная отъ тонкихъ и, такъ сказать, первоначальныхъ его признаковъ»; хотя Анол. Григорьевъ, не зная исторіи пьесы, понималъ ее какъ изъясненіе любви той самой особѣ, которою была внушена любовь, но выражаемыя пьесой тонкость и чистоту любовнаго чувства онъ подмѣтилъ вѣрно. Она положена на музыку тремя композиторами (Памяти П—на», петерб. универ. сборн., 1900 г., стр. 117).

---

372. ЧТО ВЪ ИМЕНИ ТЕБѢ МОЕМЪ?..

(т. III, стр. 58).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она, подъ заглавіемъ: «Въ альбомъ» и безъ даты, въ «Литерат. Газетѣ» 1830 г., 6 апрѣля, № 20, стр. 158, а затѣмъ была перепечатана въ сборникѣ стиховъ «Венера», М., 1831 г., стр. 86–87, и вошла, безъ заглавія, перенесеннаго въ оглавленіе книги, въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 39—40, гдѣ помѣщена среди пьесъ 1829 г., третьей отъ конца. Слѣдуя пушкинской датировкѣ, оспаривать которую нѣтъ основаній, всѣ издатели печатали пьесу подъ 1829 г., и лишь П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи (Суворина, I, 1903 г., стр. 484) помѣтилъ ее: «1823, Одесса» и снабдилъ подзаголовкомъ: «Граф. Собанской», объясняя (т. VIII, 1905 г., стр. 192—193) это такъ: «старинный знакомецъ Пушкина М. А. Максимовичъ въ «Письмахъ о Кіевѣ и Тавридѣ» (Спб., 1871) сообщилъ, что въ 1836 г. онъ посѣтилъ близъ Ялты кн. Анну Сергѣевну Голицыну, писательницу, рожденную Всеволожскую, бывшую за кн. Ив. Александровичемъ, адъютантомъ великаго князя Константина Павловича. «Подъ ея защиту явилась въ это время (май 1836 г.) изъ Одессы покинутая и обманутая гр. Виттомъ, для него покинувшая своего мужа, графиня Собанская, въ альбомѣ которой видѣлъ я стихи, нѣкогда написанные ей Пушкинымъ: «Что въ имени тебѣ моемъ?...» Гр. Собанскій (?) жилъ въ 1823 г. въ Одессѣ и, по неправильному указанію Зеленецкаго, оказывался даже соперникомъ Пушкина у г-жи Ризничъ». Изъ показанія Максимовича видно только, что онъ видѣлъ въ альбомѣ Собанской стихотвореніе, написанное для нея Пушкинымъ (если оно дѣйствительно было написано для нея, а не только внесено поэтомъ въ ея альбомъ). Изъ всего, что извѣстно объ одесской жизни Пушкина, 1823—1824 г.г., нельзя заключить, что стихотвореніе было написано именно тогда; неизвѣстно даже, былъ ли Пушкинъ лично знакомъ съ нею тогда. Стараясь примирить пушкинскую датировку съ произвольной ефремовской, Б. Л. Модзалевскій («Архивъ Раевскихъ», т. II, стр. 313—314) рѣшилъ: «что касается 1829 года, выставленнаго Пушкинымъ въ изданіи 1832 г., то эта дата можетъ означать время окончательной (?) отдѣлки стихотворенія, первоначальной (?) редакціи котораго, въ альбомѣ Собанской, мы не знаемъ». Однако, въ такомъ ничѣмъ не оправдываемомъ предположеніи нѣтъ никакой надобности, такъ какъ единственнымъ поводомъ къ нему послужила ошибка Ефремова. Къ тому же извѣстно, что Пушкинъ не разъ встрѣчался съ Собанской въ концѣ двадцатыхъ годовъ и бывалъ у нея въ 1828 г. вмѣстѣ съ Мицкевичемъ.

одно время безумно влюбленнымъ въ нее («Русск. Арх.» 1872 г., ст. 1906—1907). Такимъ образомъ, нѣтъ причинъ отвергать пушкинскую дату (см. «Историч. Вѣстн.» 1905 г., іюнь, 957; «Труды и дни П—на», изд. 2-ое, стр. 184). Каролина Адам. Собанская, рожд. граф. Ржевуская (род. около 1794 г., умерла 17 іюля 1885 г.), умница и красавица, воспѣтая Мицкевичемъ, который называлъ ее дантовскимъ именемъ («Vita Nuova»): «Donna Giovanna», превосходная піанистка, много лѣтъ блистала въ одесскомъ большомъ свѣтѣ временъ Воронцовыхъ и провела бурную и романтическую жизнь; развѣдшись съ Собанскимъ, была замужемъ за графомъ П. О. Виттомъ, потомъ, съ конца тридцатыхъ годовъ, за Х. Чирковичемъ; потомъ, уже лѣтъ подъ шестьдесятъ, вышла за французскаго поэта Ж. Лакруа (свѣдѣнія о ней собраны Модзалевскимъ въ «Арх. Раевскихъ», II, 311—314). П. А. Ефремовъ (см. его изданія сочин. П—на, т. II, 1880 г., стр. 427); 1882 г., стр. 412), безъ всякихъ основаній, предположилъ, что разсматриваемая пьеса относится къ Олениной; П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ изданіяхъ, также П. Устимовичъ («А. А. Андро, рожденная Оленина» — «Русск. Стар.» 1890, августъ, 393) уже категорически отнесли ее къ Олениной. Этому противорѣчитъ ничѣмъ неопровержимое показаніе Максимовича, а также сравненіе пьесы съ «узоромъ надписи надгробной на непонятномъ языкѣ», которое, по справедливому мнѣнію Модзалевскаго (l. c.), было бы неумѣстно, если бы поэтъ обращался къ А. А. Олениной, русской; впрочемъ, это сравненіе можетъ быть толкуемо и иначе: поэтъ говоритъ, что имя его будетъ такъ забыто, станетъ такимъ чуждымъ, что альбомный листокъ, гдѣ оно записано, не вызоветъ никакихъ воспоминаній,—и проситъ сохранить его не на бумагѣ, а въ сердцѣ. Грустный тонъ, трогательная задушевность пьесы не позволяютъ счесть ее обычнымъ мадригаломъ красавицѣ, а объ увлеченіи Пушкина, хотя бы мимолетномъ, Каролиной Собанской нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Быть можетъ, дѣйствительно, стихотвореніе, внушенное Пушкину другой женщиной, попало въ альбомъ не какъ выраженіе чувствъ писавшаго къ его хозяйкѣ, а какъ простая альбомная запись на память. Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи два раза упомянулъ его въ числѣ лучшихъ лирическихъ пьесъ Пушкина. Оно положено на музыку нѣсколькими композиторами, въ томъ числѣ А. А. Алябьевымъ, Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ, А. С. Даргомыжскимъ («Памяти П—на», петерб. универ. сборн., 1900 г., стр. 107).

---

573. Я ВАСЪ ЛЮБИЛЪ...

(т. III, стр. 58).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1830 г. (цензур. дозвол. 20 декабря 1829 г.), стр. 104, безъ даты, а затѣмъ была перепечатана въ альманахѣ «Венера, или собраніе стихотвореній разныхъ авторовъ», ч. III, М., 1831, стр. 64, и вошла въ III-ю часть «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., съ отнесеніемъ къ 1829 г.; болѣе точное хронологическое опредѣленіе не представляется возможнымъ. По мнѣнію П. В. Анненкова (см. его изданіе сочин. П., II, 497), «можетъ быть, оно написано къ тому же лицу, которое упоминается въ стихотвореніи: To Dawe, Esqr», т.-е. къ А. А. Олениной (о ней см. въ прим. къ №№ 526, 529, 530, 532, 539 и 564). Догадка Анненкова принята другими издателями—П. А. Ефремовымъ (см. его изд. 1880 г., II, 427; 1882 г., II, 412; т. VIII, 1905 г., 301), Л. Н. Поливановымъ (т. I, изд. 3-е, стр. 289), П. О. Морозовымъ (лит. фонда, II, 63; «Просвѣщ.», II, 458); П. М. Устимовичъ также внесъ пьесу въ свой изящно щедрый списокъ посвященныхъ Олениной стиховъ («А. А. Андро, рожд. Оленина»—«Русс. Стар.» 1890, авг., 393). Однако, такое предположеніе, не лишенное, правда, нѣкоторой вѣроятности, ничѣмъ положительно не подтверждается. Съ явной выдумкой Л. Н. Павлищева, относящаго «со словъ Пушкина» пьесу къ Олениной («Воспоминанія объ А. С. П—нѣ», стр. 168), конечно, считаться нельзя.

Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи обратилъ вниманіе на это стихотвореніе, которое выписалъ цѣликомъ, и оцѣнилъ его «трогающую душу гуманность» и «артистическую прелесть», причемъ поставилъ его въ связь съ другой пьесой, 1832 г., «Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я»..., проникнутой тѣмъ же «изящно-гуманнымъ чувствомъ», заставляющимъ поэта желать любимой дѣвушкѣ «даже счастіе того, кто избранъ ей». В. Я. Брюсовъ («Ложные доводы»—«Ежемѣсячн. Сочиненія» 1901 г., октябрь, 154) истолковалъ пушкинское пожеланіе «дай вамъ Богъ» совершенно оригинально: «Я васъ любилъ такъ, говоритъ Пушкинъ Олениной, какъ дай-то Богъ, чтобы кто-нибудь другой васъ полюбилъ! Оленина не отвѣтила поэту на его любовь, какъ онъ того желалъ бы, и онъ съ горечью замѣчаетъ ей, что другой разъ она такой любви не повстрѣчаетъ въ жизни. Это упрекъ». Разумѣется, такое толкованіе «слокъ» вполнѣ допустимо, но оно противорѣчитъ не только настроенію данной пьесы, свѣтлому и благостному, но и общему гуманному духу пушкинской поэзіи и его обычному отношенію къ любви. «Послѣдній стихъ» — говоритъ Аполлонъ Григорьевъ (Сочин., I, 281)—«несравнимъ ни съ чѣмъ; онъ—высокочеловѣческій. Нѣжная мысль, въ немъ являющаяся, еще опредѣленнѣе сказалась въ заключительныхъ стихахъ другого, одного изъ позднѣйшихъ стихотвореній, въ желаніи любимому существу всего: «все, даже счастіе того, кто избранъ ей, кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги»... Это самоотверженіе чувства встрѣтите вы только у Пушкина, да развѣ еще у Мицкевича, и то, впрочемъ, не въ такой чистотѣ. Такое самоотверженіе не есть уступчивость, происходящая отъ холодности чувства»... Это та любовь, о которой Пушкинъ, справедливо опредѣляетъ Н. Н. Страховъ («Замѣтки о П-нѣ и другихъ поэтахъ», изд. 2-е, стр. 69—70), говорилъ, «безъ шутливой веселости, безъ грубой чувственности, безъ фальшивой восторженности, какъ о существенномъ дѣлѣ человѣческой жизни... Въ такой любви не теряются между мужчиной и женщиной чисто-человѣческія отношенія, а, напротивъ, достигаютъ особенно тонкаго и яснаго развитія». Безъ идеальной свободы для Пушкина не было и идеальной любви, и для обѣихъ сторонъ въ этомъ «поединкѣ роковомъ» онъ требовалъ равенства; стремясь къ личному счастью, онъ желалъ его и любимому существу и жилъ въ любви «горестно и трудно», но съ неизмѣннымъ рыцарскимъ достоинствомъ и благородствомъ. Не таково было отношеніе къ любви творца «Демона», который обѣщалъ унести за могилу зем-

ную злойпую страсть: «Ты не должна любить другого, нѣтъ, не должна,—ты мертвецу святынеи слова обручена. Увы! Твой страхъ, твои моленья—къ чему онѣ?»... («Любовь мертвеца»). Изящное сочетаніе душевной гармоніи съ гармоніей слова, которымъ блещетъ эта пьеса Пушкина, увлекало многихъ композиторовъ, и она была положена на музыку много разъ; С. К. Буличъ (Петерб. универс. Пушкинс. сборн., 1900 г., стр. 109—111) насчитываетъ 29 музыкальныхъ интерпретаціи ея, въ томъ числѣ Алябьева, Варламова, Даргомыжскаго, Кюи.

---

574. КОГДА ТВОИ МЛАДЫЯ ЛѢТА...

(т. III, стр. 58).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Литературной Газетѣ» 1830 г., № 13, 2 марта, т. I, стр. 101, съ заглавіемъ: «Къ **», безъ даты, съ подписью имени и фамиліи поэта, а затѣмъ вошла въ III-ю часть «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 22—23, безъ заглавія, съ отнесеніемъ къ 1829 г.; болѣе точное хронологическое опредѣленіе не представляется возможнымъ. П. А. Ефремовъ въ первомъ своемъ изданіи (1880 г., II, 259) произвольно озаглавилъ стихотвореніе: «Къ А. П. К.»; во второмъ (1882 г., II, 234) этихъ инициаловъ нѣтъ (заглавіе: «Къ ***»), а въ третьемъ (1903 г., т. II, стр. 184) опо носитъ опять произвольное заглавіе, но инициалы уже раскрыты: «Къ А. П. Керн»; П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ изданіяхъ также прямо поставилъ: «Къ А. П. Керн». (Литературнаго фонда, II, 64; «Просвѣщ.», II, 97). Между тѣмъ сама Керн, какъ видно изъ ея воспоминаній, вовсе не отнесла этой пьесы къ себѣ, хотя гордилась вниманіемъ Пушкина и даже простодушно приняла на свой счетъ нѣсколько стиховъ въ 8-й главѣ «Онѣгина». Будь пьеса посвящена дѣйствительно ей, она не преминула бы разсказать объ этомъ съ тою же откровенностью, съ какою повѣдала о своихъ отношеніяхъ къ А. Г. Родзянко, вызвавшихъ игривое посланіе Пушкина къ нему (см. во II т., № 445); притомъ, разсказываетъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочин. Пушкина (т. VIII, 1905 г., стр. 301—302) лично знавшій ее Ефремовъ, «отъ нея ничего новаго о Пушкинѣ нельзя было услышать, кромѣ ужъ напечатаннаго». Такимъ образомъ, ясно, что связывающая съ ея именемъ пьесу традиція основывается единственно на догадкѣ Ефремова, который въ 1880 г. поставилъ надъ стихотвореніемъ инициалы Керн; изъ всѣхъ женскихъ именъ такъ или иначе входящихъ въ біографію Пушкина, наиболѣе «подходящимъ» къ данному стихотворенію показалось ему имя Керн. Догадкѣ Ефремова повезло, и она была принята и Морозовымъ, и Л. П. Майковымъ («Пушкинъ», Спб., 1899, стр. 223, 257), и Б. Л. Модзалевскимъ (т. III настоящ. изд., стр. 600), и В. Соловьевымъ («Судьба Пушкина», Спб., 1898, стр. 10—11), и Б. В. Никольскимъ («Судъ надъ Пушкинымъ», Спб., 1897, стр. 16), а Л. П. Павлищевъ въ своихъ фантастическихъ «Воспоминаніяхъ» объ А. С. Пушкинѣ (стр. 170), сочинивъ цѣлый разсказъ на эту тему, прямо заявилъ, что Пушкинъ написалъ стихотвореніе подъ вліяніемъ распускавшихся сплетенъ объ А. П. Керн.

Что опо посвящено не Керн, видно уже изъ самаго содержанія его. Въ немъ говорится о женщинѣ, которою интересуются «свѣтъ» и «шумная молва», которая вращается въ «блестящемъ кругу» и увлекается «безумными забавами», т. е. о женщинѣ высокаго общественнаго положенія и притомъ эксцентричной натурѣ. Ничего подобнаго не могъ сказать Пушкинъ о Керн, которая никогда не принадлежала къ высшему кругу, нисколько его не занимала собою, и простой душѣ которой были чужды «безумныя забавы». Обликъ, изображенный Пушкинымъ въ этихъ краткихъ, но рѣзкихъ чертахъ, нисколько не похожъ на Керн. Ими рисуется такая оригинальная женская индивидуальность, которую никакъ нельзя не узнать среди женщинъ высшаго круга пушкинской эпохи. Само собою напрашивается имя—А. Ѳ. Закревской, «Портретъ» которой Пушкинъ набросалъ въ 1828 г. и которою тогда не на шутку увлекался (см. выше, примѣч. къ №№ 536, 537, 538). На нее указывалъ и близкій Пушкину человѣкъ, П. А. Плетневъ, который на вопросъ Я. К. Грота, къ кому относится данная пьеса, отвѣтилъ: «помнится, къ женѣ Закревскаго, урожденной графинѣ Толстой» («Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», III, 411, 414). Свидѣтельство современника вполнѣ подтверждается и содержаніемъ пьесы, и всѣмъ, что мы знаемъ объ этой «беззаконной кометѣ среди расчисленныхъ свѣтилъ» столичнаго большого свѣта, вакханкѣ по призванію. Всеотзывчивый поэтъ нашелъ слово сочувствія и для этой жертвы злобной молвы и собственнаго бурнаго темперамента.

Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды»—Сочин., изд. Венгерова, VI, 101) причислилъ пьесу къ «лучшимъ, задушевнѣйшимъ созданіямъ лирической музы Пушкина», а въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи, дважды назвавъ ее въ числѣ его лучшихъ лирическихъ произведеній, упомянулъ о ней какъ объ одномъ изъ слѣдовъ «важной думы испытаннаго жизнью и глубоко въ нее всмотрѣвшагося таланта», гдѣ «чувство гуманности доходитъ до какого-то внутренняго просвѣтлѣнія». Лермонтовъ въ одномъ изъ своихъ юношескихъ стихотвореній, «Прелестницѣ», написанномъ подъ вліяніемъ пьесы Пушкина, также призывалъ приготовить сердце къ забвенью и научиться презирать, однако, даже не пробуя «передъ идолами свѣта гнуть колѣна». Сравнивая стихотвореніе Пушкина съ «Убогой и нарядной» Некрасова, В. А. Яковлевъ («День памяти П—на, 6 іюня 1880 г., въ Имп. Новоросс. Унив-тѣ», Од., 1880, стр. 37) говоритъ: «вдумайтесь въ эти стихотворенія, сравните чувства, ими въ васъ возбуждаемыя, и скажите, которое изъ нихъ человѣчнѣе. Въ то время, какъ у Некрасова вы встрѣчаете сильное негодованіе, направленное на «нарядную», за которымъ поэтъ забываетъ, что она тоже «несчастія дочь», у Пушкина выражено столько сочувствія несчастію, такъ оно выражено просто и прямо, что дѣйствуетъ и на малоразвитого человѣка. Мало того; самое чувство поэта является болѣе нѣжнымъ, добрымъ, далекимъ отъ всего, что лишаетъ возможности сочувствовать несчастію ближняго, хотя и павшаго нравственно. Разница этого чувства отъ чувства, вызваннаго у Некрасова явленіемъ приблизительно одинаковымъ, объясняется разницею ихъ личнаго характера. Двѣ личности, созерцая одинъ и тотъ же фактъ несчастія, могутъ испытывать

разныя впечатлѣнія: одна, напр., вся сама поддается горю и сочувствію жертвѣ, другая всецѣло поглощается злобой и негодованіемъ къ причинѣ несчастія. Осуждать ту или другую было бы несправедливо: чувство ихъ непроизвольно; но мы всегда имѣемъ право сказать, что состраданіе, сочувствіе горю—чувство болѣе человѣчное, чѣмъ негодованіе, какъ бы ни основательна была причина, его возбуждающая». Біографическое объясненіе пьесы не понижаетъ ея нравственнаго смысла.

---

575. КЪ ВЕЛЬМОЖѢ.

См. въ исторіи текста.

---

576. НА ХОЛМАХЪ ГРУЗІИ ЛЕЖИТЪ НОЧНАЯ МГЛА...

(т. III, стр. 62).

Извѣстны три автографа пьесы. Одинъ, черновой, находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 107 об., съ датой: «15 мая»; «Русс. Стар.», 1884 г. ноябрь, 371; П. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ П—на», Спб., 1903, стр. 7—8); другой, тоже, повидимому, первоначальный набросокъ—въ Берлинской королевской библіотекѣ («Русс. Стар.» 1893 г., январь, 222; Шляпкинъ, ibid.); третій—у великаго князя Константина Константиновича (изъ бумагъ Л. Н. Майкова). Впервые пьеса была напечатана подъ заглавіемъ: «Отрывокъ» въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1831 г., стр. 56, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, 1832 г., стр. 15, безъ заглавія, отнесеннаго въ оглавленіе книги (стр. 207); пьеса датирована 1829 годомъ. При знакомствѣ съ румянцовской рукописью дѣлается понятнымъ, почему Пушкинъ назвалъ ея окончательную редакцію «Отрывкомъ»: она есть лишь часть задуманной болѣе обширной пьесы. Ей предшествуетъ въ рукописи несомнѣнно съ нею связанное четверостишіе: «И чувствую душа въ сей часъ»... (см. ниже, примѣч. къ № 606), а за послѣднимъ (печатнымъ) стихомъ среди нѣсколькихъ исчеркапныхъ строкъ можно разобрать отдѣльные стихи (подробно о варіантахъ см. въ общей статьѣ о текстѣ), переданные П. А. Шляпкинымъ въ такой транскрипціи:

Прошли забытые
Дни многихъ лѣтъ
Гдѣ вы (знакомая) безцѣнныя созданья
Иные далеко, иныхъ ужъ въ мірѣ нѣтъ
(Вновь, я снова) Я твой по... я вновь
тебя люблю
И безъ надеждъ и безъ желаній
(Безъ темной ревности)
Чиста моя любовь
И (тихій жаръ моихъ) нѣжныхъ дѣвственныхъ мечтаній
Со мной одни воспоминанья.

По положенію пьесы въ музейной тетради (не говоря уже о собственной датировкѣ Пушкина) гдѣ рядомъ съ нею находится черновая «Калмычкѣ» съ помѣтой: «22 мая 1829», не приходится сомнѣваться въ правильности ея отнесенія къ 1829 г.; очевидно, первый приступъ къ ней былъ записанъ поэтомъ 15 мая, и тогда онъ, находясь въ Предкавказьѣ, въ Георгіевскѣ, писалъ: «Все тихо—на Кавказъ идетъ ночная мгла, Восходятъ звѣзды надо мною»... а впослѣдствіи, уже увидѣвъ Грузію и обрабатывая стихотвореніе, измѣнилъ начало, введя въ поле зрѣнія холмы Грузіи и Арагву. П. А. Шляпкинъ (ibid. и 10) безъ всякихъ основаній предположилъ, что оно могло быть написано въ маѣ 1830 г.; см. В. Е. Якушкинъ, «Новыя изданія текстовъ П—на»—«Русс. Вѣдом.» 1903 г., № 72, и Е. Г. Вейденбаумъ, «П. на Кавказѣ въ 1829 г.»—«Русс. Арх.», 1905 г., I, 676—677, 678. Несмотря на то, что окончательной редакціей безъ всякихъ споровъ нужно считать ту, на которой остановился самъ поэтъ, два раза ее напечатавшій, П. А. Шляпкинъ считаетъ окончательной редакцію берлинскаго наброска; ему справедливо возражалъ П. Е. Щеголевъ («Замѣтки о Пушкинѣ»—«Изв. Отд. русс. яз. и сл. Ак. Н.», т. VIII, 1903 г., кн. 4, стр. 376—379).

Вопреки давно укоренившемуся мнѣнію, что Пушкинъ обращался въ этомъ стихотвореніи къ оставленной въ Москвѣ Н. Н. Гончаровой (см. изд. П. А. Ефремова, 1882 г., II, 412; Л. Н. Поливановъ, I, изд. 3-е, 294), П. Е. Щеголевъ основательно указалъ, что находящіяся въ окончательномъ текстѣ и въ музейной рукописи «фразы о возрожденіи прежней любви, связанныя съ воспоминаніемъ о прошломъ («я твой по... я вновь тебя люблю»), не могутъ относиться къ Н. Н. Гончаровой; въ отношеніяхъ Пушкина къ ней еще не было прошлаго... Но къ кому же тогда можно отнести это стихотвореніе? Вопросъ остается открытымъ»... П. А. Ефремовъ (Сочин. П., т., VIII, 1905 г., стр. 304) предположилъ, что здѣсь поэтъ думалъ объ одной изъ сестеръ Ушаковыхъ; въ отношеніяхъ ихъ къ поэту, однако, было еще менѣе «прошлаго». Е. Г. Вейденбаумъ (l. c.) пытается дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, и его попытку нельзя не признать очень удачной. «Мнѣ кажется»—говоритъ онъ,—«что источника надо искать во времени еще болѣе отдаленномъ. Посѣщеніе Горячихъ водъ живо напомнило Пушкину 1820 годъ, когда онъ былъ тамъ съ семействомъ Раевскаго. Вотъ что пишетъ онъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Пятигорскомъ въ 1829 г.: «съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось милліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ. Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со мною А. Раевскій, прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту черпѣе и черпѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ»... Нарисованная здѣсь картина наступающей ночи повторена почти тѣми же словами въ «Отрывкѣ» первой редакціи: «Все тихо—на Кавказъ идетъ ночная мгла; восходятъ звѣзды предо мною». Пушкинъ, подъ вліяніемъ воспоминаній о 1820 г., съ грустью оставилъ воды. «Отрывокъ» также проникнутъ грустнымъ настроеніемъ. Черновые наброски къ этому стихотворенію показываютъ, что воспоминанія поэта относятся къ давнему времени. Такъ въ одномъ изъ нихъ сказано: я снова въ юнъ и твой. Въ другомъ поэтъ говоритъ о забытыхъ дняхъ, о многихъ годахъ... Надежды, желанія и ревность, когда-то волновавшія поэта, давно оставили его, и въ сердцѣ сохранились только чистая, дѣвственная любовь и свѣ-

лая печаль о прошломъ». Сравнивая эту любовь, безъ надеждъ, желаній, темной ревности, съ другими увлеченіями, предметы которыхъ были далеко (наприм. Воронцова), или уже въ иномъ мірѣ (намекъ на Ризничъ), поэтъ переживаетъ особое, просвѣтленное чувство,—и только въ такіе моменты сознаетъ себя достойнымъ этой любви и скорбитъ, что его душа «не всегда чиста, печальна и спокойна» (см. ниже, № 606). Такая любовь въ его жизни была только одна,—и ее-то, вѣроятно, онъ и обозначилъ въ своемъ «Донъ-Жуанскомъ, спискѣ» таинственными буквами N. N (объ этомъ см. въ IV, настоящ. изд., стр, 93—95, и примѣч. къ №№ 272, 388, 482-а).

Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды»—Сочин., изд. Венгерова, VI, 201) причислялъ отрывокъ къ «лучшимъ, задушевнѣйшимъ созданіямъ лирической музы Пушкина»; это мнѣніе онъ два раза повторилъ въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина. «Это одно изъ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина»—говоритъ Л. П. Поливановъ (см. его изд. сочин. II., т. I, изд. 3-е, стр. 294):—«оно полно сильнаго и искренняго чувства и тонко выражаетъ одно изъ тѣхъ душевныхъ настроеній, которыя поддаются выраженію только у первоклассныхъ художниковъ. Послѣднее двустишіе заключаетъ правдивую характеристику поэта, выраженную съ неподражаемою простотою». «Во всей Пушкинской поэзіи»,—говоритъ С. А. Адріановъ («Наканунѣ Бѣлинскаго»—«Историч. Вѣстн.», 1898 г., май, 543)—«я не знаю ни одной вещи, которая бы такъ ярко и глубоко передавала это всеобъемлющее и всепроникающее чувство органическаго сліянія съ любимымъ существомъ, присутствіе котораго каждую минуту ощущается душою и даетъ особый, неизъяснимый словами тонъ всѣмъ настроеніямъ и впечатлѣніямъ». Пьеса положена на музыку восемь разъ, между прочимъ П. Віардо-Гарсіа и Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ («Памяти П—на», петерб. университ. сборн., 1900 г., стр. 84—85).

---

577. КАЛМЫЧКѢ.

(т. III, стр. 62).

Черновые наброски пьесы находятся въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, листы 106 об., 107. Впервые она была напечатана, съ помѣткой: «22 мая 1829. Капъ-Кой» (Владикавказъ) въ «Литерат. Газетѣ», 1830 г., т. II, № 38, стр. 11, съ подписью: «Крс» (неполная анаграмма изъ согласныхъ слова «Сверчокъ», стараго арзамасскаго прозвища Пушкина), а затѣмъ вошла въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 37—38. 22 мая Пушкинъ былъ, дѣйствительно, во Владикавказѣ, а нѣсколькими днями раньше, по дорогѣ туда, посѣтилъ въ степи калмыцкую кибитку; невѣрно думалъ П. А. Ефремовъ, что «встрѣча была уже на обратномъ пути съ Кавказа» (см. его изд. сочин. II., II, 1880 г., стр. 428; 1882 г., стр. 413). Вотъ что разсказываетъ поэтъ въ «Путешествіи въ Арзрумъ» (гл. I, редакція черновой рукописи): «Все семейство собиралось завтракать; котелъ варился посреди̇, и дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табакъ. Я сѣлъ подлѣ нея. «Какъ тебя зовутъ?»—***.—Сколько тебѣ лѣтъ?»—Десять и восемь.—«Что ты пьешь?»—Портка.—«Кому»—Себя.—«Поцѣлуй меня».—Не можна, стыдно.—Голосъ ея былъ чрезвычайно пріятенъ. Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать и т. д. Мнѣ дали кусочекъ сушеной кобылятины, и я съ большимъ удовольствіемъ проглотилъ его. Послѣ сего подвига я думалъ, что имѣю право на нѣкоторое вознагражденіе, но моя гордая красавица ударила меня балалайкой по головѣ». Калмыцкая любезность мнѣ надоѣла, я выбрался изъ кибитки и поѣхалъ далѣе. Вотъ къ ней посланіе, которое, вѣроятно, никогда до нея не дойдетъ». При этой забавной встрѣчѣ въ поэтѣ, вспомнившемъ о своихъ скитаніяхъ съ бессарабскими цыганами («за ихъ лѣнивыми толпами въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ, простую пищу ихъ дѣлилъ и засыпалъ предъ ихъ огнями»), проснулся прежній романтикъ, и онъ уже почти готовъ былъ возобновить «бродящіе ночлеги и проказы старины» и «провожать сіи шатры» («Цыганы», 1830 г.). Сопоставленіе великосвѣтской дамы, которая свысока относится къ Шекспиру и восхищается Альфредомъ-де-Виньи, съ простодушной калмычкой — далеко не въ пользу первой. Романъ, о которомъ говорится здѣсь, «Сен-Марсъ или заговоръ при Людовикѣ XII», сохранился въ библіотекѣ Пушкина въ русскомъ переводѣ 1835 г. («П. и его современники», IX—X, 23). Объ Альфредѣ-де-Виньи Пушкинъ былъ очень невысокаго мнѣнія, находилъ, что «романы A. Vigny хуже романовъ Загоскина», и писалъ о его «нелѣпыхъ несообразностяхъ» (Переписка II—на, академич. изд., II, 389; «О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ Потеряннаго Рая»).

Бѣлинскій въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзіи два раза назвалъ пьесу въ числѣ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина. Во 2-мъ стихѣ галлицизмъ: «на зло моихъ затѣй» = en dépit de mes projets (Ѳ. Е. Коршъ, «Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» II—на по записи Д. П. Зуева», Спб., 1898, стр. 68),

---

578. НЕ ЛЮБЛЯЙСЯ БРАННОЙ СЛАВОЙ...

(т. III, стр. 62).

Подлинникъ пьесы, вѣроятно, принадлежавшій другу поэта Н. Н. Раевскому-младшему, находится въ архивѣ семьи Раевскихъ. Онъ озаглавленъ: «Шеерь I. Фаргатъ-Беку», подписанъ: «А. П.» и носитъ помѣты: «5 іюля 1829. Лагерь при Эуфратѣ»; въ немъ есть помарки, и разночтеніями онъ отличается немного отъ печатной редакціи, появившейся въ альманахѣ бар. Е. Ѳ. Розена и Н. М. Коншина «Царское Село», 1830 г., стр. 233, подъ заглавіемъ «Изъ Гафиза» и съ упомянутыми помѣтами (перепечат. въ альманахѣ «Роза Граціи», М., 1830, стр. 66), а затѣмъ вошедшей въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 16, безъ заглавія, но съ указаніемъ въ оглавленіи книги: «Изъ Гафиза», и съ помѣтой: «Лагерь при Евфратѣ». У персидскаго поэта Гафиза (1300—1389 г.г.) нѣтъ такого стихотворенія. Пушкинъ хотѣлъ ссылкою на Гафиза скрыть, что проникнутая восточнымъ духомъ пьеса посвящена живому лицу. По объясненію Е. Г. Вейденбаума («П. на Кавказѣ въ 1829 г.» — «Русск. Арх.» 1905 г., I, 680), «Шеерь — значитъ по-татарски войско или полкъ. Такъ назывались находившіеся въ отрядѣ Паскевича мусульманскіе конные полки, набранные изъ охотниковъ татар

скихъ провинцій Закавказья. Первый полкъ состоялъ изъ карабахскихъ всадниковъ. Вѣроятно, одному изъ бековъ, служившихъ въ этомъ полку, и было посвящено стихотвореніе». Говоря по поводу «Римскихъ элегій» Гете объ антологіи, Бѣлинскій (Сочин., изд. Венгерова, VI, 266) назвалъ эту пьесу въ числѣ антологическихъ по такимъ признакамъ, какъ «простота и единство мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушіе и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грація формы», а въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи два раза упомянулъ ее среди лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина. Анненковъ, думая, что она «взята съ арабскаго», однако, нашелъ, что она «носитъ характеръ самобытнаго произведенія» («Матеріалы для біогр. П.», изд.. 2-е, стр. 304). Восточнымъ колоритомъ и взглядомъ на красоту она роднится съ пьесой 1835 г. «Подражаніе арабскому». У Б. Н. Алмазова (Сочин., II, М., 1891, стр. 179—180) есть растянутая пародія на нее «Юной Сочинительницѣ».

579—580. (НА КАРТИНКИ КЪ «ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ»).

(т. III, стр. 63).

Подлинники неизвѣстны. Первая надпись была напечатана въ «Полярной Звѣздѣ» на 1859 г., кн. V, стр. 28, а вторая въ изданномъ Русскимъ (Н. В. Гербелемъ) томикѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, Лейпцигъ, 1861, стр. 49—50. «Оба стихотворенія, говоритъ Гербель (ib., 229—230), написаны Пушкинымъ тотчасъ по полученіи имъ экземпляра «Невскаго Альманаха» на 1829 годъ, издаваемаго Е. Аладьинымъ, къ которому, между прочимъ, было приложено шесть весьма плохихъ гравюръ къ напечатаннымъ тамъ же шести отрывкамъ изъ «Евгенія Онѣгина». Первыя и третія рисунки (авторъ «Евгенія Онѣгина», бесѣдующій съ Онѣгинымъ на набережной Невы, и Татьяна, запечатывающая письмо къ Онѣгину) особенно поразили поэта, и онъ тотчасъ (?) написалъ къ нимъ помянутыя надписи и отослалъ ихъ къ Аладьину». Разсказъ этотъ отчасти не совпадаетъ съ другимъ, вполнѣ заслуживающимъ довѣрія, разсказомъ М. И. Пущина, доставленнымъ въ 1857 г. П. В. Анненкову графомъ Л. Н. Толстымъ (сборн. Л. Н. Майкова «П-пъ», Спб., 1899, стр. 394): «въ память нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ со мною на водахъ, Пушкинъ написалъ стихи на виньеткахъ изъ «Евгенія Онѣгина» въ бывшемъ у меня «Невскомъ Альманахѣ». Альманахъ этотъ не сохранился, но сохранились въ памяти нѣкоторые стихи, карандашемъ имъ написанные. Вотъ они...» Здѣсь слѣдуетъ первая надпись. «Другая надпись, которую могу припомнить, была сдѣлана къ виньеткѣ, представляющей Татьяну въ рубашкѣ, спущенной съ одного плеча, читающей (?) записку при лунѣ (?), свѣтящей въ раскрытое окно, и состояла изъ двѣнадцати стиховъ, изъ которыхъ первыхъ четырехъ не могу припомнить». Такъ какъ на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ Пушкинъ былъ въ августѣ и сентябрѣ 1829 г., то надписи можно датировать сентябремъ; впрочемъ, можетъ быть, дѣйствительно, онѣ написаны въ началѣ 1829 г., а въ сентябрѣ Пушкинъ записалъ ихъ на пущинскомъ экземплярѣ. Въ настоящемъ изданіи изъ второй выпущены стихи 6-й и 8-й. 23 февраля 1829 г. кн. П. А. Вяземскій писалъ Пушкину: «Какова твоя Татьяна пьяная въ Невскомъ Альманахѣ съ <.....> на выкатѣ и съ <.....>, который сквозитъ изъ подъ рубашки? Если видаешь Аладьина (хотя на блинной недѣлѣ), скажи ему, чтобы онъ мнѣ прислалъ свой Невскій Альманахъ въ Пензу: мнѣ хочется вводить имъ въ краску нашихъ Пензенскихъ барышень. Въ Москвѣ твоя Татьяна всѣхъ пугала». Эпиграмма на эту Татьяну и другая надпись были, вѣроятно, извѣстны многимъ еще до «Полярной Звѣзды» и сборника Гербеля; о нихъ упоминалъ Бѣлинскій въ рецензіи на «Невскій Альманахъ» 1846 г. («Отечеств. Записки» 1846 г.; Сочин. Б., ч. X, М., 1860, стр. 391), говоря, что этотъ альманахъ «особенно отличился въ 1828 (?) году, представивъ такія суздальскія изображенія изъ «Евгенія Онѣгина», надъ которыми и тогда всѣ смѣялись отъ души, а Пушкинъ даже написалъ на нихъ стихи, которые, по ихъ неудобству къ печати, не были напечатаны... По всему видно, что Пушкинъ остался очень благодаренъ «Невскому Альманаху» за его картинки изъ «Онѣгина» и въ особенности за изображеніе Татьяны въ видѣ жирной коровницы, страдающей спазмами въ желудкѣ». Набросокъ первой картинки былъ сдѣланъ самимъ Пушкинымъ (Библіографическія Записки, 1858 г., № 1, стр. 2).

---

581. ЩАСТЛИВЪ ТЫ ВЪ ПРЕЛЕСТНЫХЪ ЦУРАХЪ...

(т. III, стр. 64).

Автографъ пьесы находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 14 об. Впервые она была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г. (цензурн. дозвол. 20 декабря 1829 г.) подъ заглавіемъ: «Къ N.N.» и съ подписью: «А. П.», и подъ тѣмъ же заглавіемъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, 1832 г., стр. 31. По словамъ П. В. Анненкова (см. его изданіе сочин. П., II, 500), она написана «во время пребыванія Пушкина на Кавказскихъ водахъ въ 1829 году». Источника своего показанія Анненковъ не сообщилъ, но оно подтверждается положеніемъ пьесы въ тетради. На Кавказскихъ минеральныхъ водахъ Пушкинъ былъ въ августѣ—сентябрѣ 1829 г. (см. «Труды и дни П-на», изд. 2-е, 194—196). Исправляемъ опечатку въ пятомъ стихѣ настоящаго изданія («па» вмѣсто «да»).

Кому написано это прелестное посвященіе, неизвѣстно. По словамъ В. П. Шепрока («Письма Н. В. Гоголя», I, 215), пріятель Гоголя А. С. Данилевскій зналъ, къ кому обращался Пушкинъ въ этихъ стихахъ, но во время свиданія съ Шепрокомъ не могъ припомнить имени. Упоминаемый въ пьесѣ St-Priest упомянутъ и въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (8, XXVI). Графъ Эммануилъ Карловичъ Сенъ-При, старшій сынъ французскаго эмигранта, гр. Карла Францовича, подольскаго (потомъ херсонскаго) губернатора во времена герцога де-Ришелье, отъ брака съ княжной Софьей Адексѣевной Голицыной, родившійся и воспитывавшійся въ Россіи, по разсказу кн. П. А. Вяземскаго (Сочин., VIII, 314—316), «добылъ себѣ мѣсто въ нашей общественной лѣтописи по своимъ остроумнымъ каррикатурамъ... Въ одномъ изъ городовъ Италіи

ради какого-то ночного безпорядка сдѣлано было полиціею распоряженіе, чтобы позднѣе извѣстнаго часа никто не выходилъ на улицу иначе, какъ съ зажженнымъ фонаремъ. Находившійся тогда въ томъ городѣ нашъ молодой Сенъ-При, отличный карикатуристъ, котораго карандашъ воспѣтъ Пушкинымъ въ «Онѣгинѣ», расписалъ свой фонарь забавными, по схожими изображеніями городскихъ властей. Само собою разумѣется, что онъ съ фонаремъ своимъ прогуливался по всѣмъ улицамъ, наиболѣе людным. Этотъ молодой человѣкъ, веселый и затѣйливый проказникъ, вскорѣ затѣмъ, въ той же Италіи, застрѣлилъ себя неизвѣстно по какой причинѣ»... (См. о немъ также «Записки А. О. Смирновой», ч. II, Спб., 1897, стр. 60; «Русс. Арх.» 1903 г., III, 124; Отчетъ И. Публ. Библіот. за 1895 г., прилож., стр. 99).—Объ Ю. А. Нелединскомъ-Мелецкомъ (1751—1828), авторѣ популярныхъ пѣсенъ «Выду я на рѣченку»..., «Охъ, тошно мнѣ»... Пушкинъ, давая низкую оцѣнку И. П. Дмитріеву, писалъ Вяземскому въ 1823 году: «по мнѣ Дмитріевъ ниже Нелединскаго» (Переписка П., академич. изд., I, 83). Пушкинъ еще въ лицеѣ былъ знакомъ съ Нелединскимъ и по его порученію исполнилъ оффиціальный заказъ—написалъ оду «Къ принцу Оранскому» (см. т. I настоящ. изд., № 85).

---

582. ПОЭТЪ-ИГРОКЪ, О БЕВЕРЛЕЙ ГОРАЦІЙ.

(т. III, стр. 64).

Черновой автографъ эпиграммы находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 90. Впервые она была напечатана П. В. Анненковымъ въ дополнительномъ, VII томѣ его изданія сочиненій П-на, стр. 100—101, съ замѣчаніемъ, что она «принадлежитъ къ 1829 г., и къ кавказской жизни поэта», вслѣдствіе чего Ефремовъ и Морозовъ во всѣхъ своихъ изданіяхъ снабдили ее сомнительной помѣтой: «На Кавказскихъ водахъ». Сомнительна и анненковская датировка: подлинный автографъ находится въ рукописи, содержащей не только кавказскіе стихи и критическіе наброски 1829 г., но и произведенія другихъ годовъ,—и предыдущаго, и позднѣйшихъ, расположенныя безъ опредѣленнаго порядка. Есть основанія относить эпиграмму не къ 1829 г., а къ 1828-му и смотрѣть на нее какъ на отвѣтъ И. Е. Великопольскому, съ которымъ въ 1828 г. у Пушкина было столкновеніе на почвѣ карточной игры (объ этомъ см. въ примѣч. къ №№ 475 и 524). Великопольскій смѣялся надъ Пушкинымъ, напоминая ему, «какъ, смѣняя былые рублики въ кисѣ, глава «Онѣгина» вторая съѣзжала скромно на тузѣ», и, вѣроятно, отвѣтомъ на этотъ упрекъ и было напоминаніе Пушкина поэту-неудачнику, что его стихи вовсе не котируются ни на зеленомъ полѣ, ни на литературной биржѣ. Но еще до поѣздки Пушкина на Кавказъ противники помирились, и Пушкинъ оставилъ безъ отдѣлки и распространенія свою эпиграмму, которую поэтому съ большею вѣроятностью можно датировать 1828 годомъ; въ рукописи ей нѣсколькими страницами предшествуютъ стихи изъ посланія къ Вельяшевой, 1828 г. «Гораціемъ» Великопольскаго Пушкинъ называетъ какъ лирическаго и сатирическаго поэта, автора «Сатиры на игроковъ», а Беверлеемъ—какъ игрока. Это имя носилъ главный герой мѣщанской трагедіи Сорена (Saurin) «Беверлей», переведенной съ французскаго извѣстнымъ актеромъ И. Дмитревскимъ (изданія 1773 и 1787 г.г.) и очень популярной (см. М. И. Лонгиновъ, «Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ». Спб., 1873, стр. 29, 36; П. Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», Спб. 1861, стр. 125). Эпиграмма на Великопольскаго—одно изъ многихъ свидѣтельствъ о томъ, какъ былъ самолюбивъ Пушкинъ. Онъ, по словамъ кн. П. А. Вяземскаго (Сочин. I, 159), «въ жизни обыкновенной, ежедневной, въ сношеніяхъ житейскихъ былъ непомѣрно добросердеченъ и простосердеченъ. Но умомъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, бывалъ онъ злопамятенъ, не только въ отношеніи къ недоброжелателямъ, но и къ постороннимъ и даже къ пріятелямъ своимъ. Онъ, такъ сказать, строго держалъ въ памяти своей бухгалтерскую книгу, въ которую вносилъ онъ имена должниковъ своихъ и долги, которые считалъ за ними. Въ помощь памяти своей, онъ даже существенно и матеріально записывалъ имена этихъ должниковъ на лоскуткахъ бумаги, которые я самъ видалъ у него. Это его тѣшило. Рано или поздно иногда совершенно случайно, взыскивалъ онъ долгъ, и взыскивалъ съ лихвою. Въ сочиненіяхъ его найдешь много слѣдовъ и свидѣтельствъ подобныхъ взысканій. Царапины, нанесенныя ему съ умысломъ или безъ умысла, не скоро заживали у него!...» «При всемъ добросердечіи своемъ онъ былъ довольно злопамятенъ, и не столько по врожденному свойству и увлеченію, сколько по разсчету; онъ, такъ сказать, вмѣнялъ себѣ въ обязанность, поставилъ себѣ за правило помнить зло и не отпускать должникамъ своимъ. Кто былъ въ долгу у него, или кого почиталъ онъ, что въ долгу, тотъ, рано или поздно, расплачивался съ нимъ, волею или неволею».... (ib. 323—324).

---

583. НАПРАСНО ВИДИШЬ ТУТЪ ОШИБКУ.

См. въ исторіи текста.

---

584. ДЕЛИБАШЪ.

(т. III, стр. 64).

Пьеса извѣстна въ двухъ автографахъ. Одинъ, съ собственноручнымъ рисункомъ поэта, находится въ саратовскомъ Радищевскомъ музеѣ («Указатель Радищевскаго музея въ Саратовѣ», Сарат., 1886, стр. 97; «П. и его современники», II, стр. VI); другой—въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина, перебѣленный, съ поправками и помѣтами: «Сыганъ-лу» и «7 сент.» («П. и его совр—ки», IV, 11—12). Обѣ помѣты, мѣстная (Сыганъ-лу—горная цѣпь близъ Карса) и хронологическая, не совпадаютъ одна съ другой. Въ лагерной столицѣ на вершинѣ Соганлугскаго хребта Пушкинъ находился 14—18 іюня 1829 г. и здѣсь принималъ (14 іюня) участіе въ перестрѣлкѣ съ турецкими наѣздниками (см. «Труды и дни П—на», изд. 2-е, стр. 190), а 7 сентября онъ былъ на минеральныхъ водахъ (ibid., 195—196). Въ описаніи академической рукописи указывается, что на оборотѣ «Делибаша» перебѣлена другая пьеса «Аквилонъ», 1824 г., съ припиской: «Болд. 7 сент.», а въ Болдинѣ Пушкинъ дѣйствительно былъ 7 сентября 1830 г. (см. «Труды и дни П—на», 219); «такимъ

образомъ, заключаетъ составитель описанія, надо думать, что «Делибашъ», вмѣстѣ съ «Аквилономъ», получилъ окончательную отдѣлку въ сентябрѣ 1830 г. Впервые пьеса появилась въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1832 г., «Поэзія», стр. 58, безъ даты, а затѣмъ вошла въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 13—14, съ отнесеніемъ къ 1829 г. Анненковъ («Матеріалы для біографіи П—на», изд. 2-е, стр. 213) категорически отнесъ пьесу къ 7 сентября 1829 г.

Приходится рѣшить, что пьеса создалась въ 1829 г., но что помѣта «Сыганъ-лу» намекаетъ на событія, съ которыми она связана, и не обозначаетъ мѣста ея написанія, которое послѣдовало позднѣе; въ 1830 же году, именно 7 сентября, въ Болдинѣ, занимаясь пересмотромъ своего поэтическаго багажа, Пушкинъ исправилъ ее для печати.

О впечатлѣніяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ возникла пьеса, Пушкинъ разсказалъ въ третьей главѣ «Путешествія въ Арзрумъ», описывая перестрѣлку 14 іюня на высотахъ Сыганъ-лу: «Только успѣли мы отдохнуть и отобѣдать, какъ услышали мы ружейные выстрѣлы... Я поѣхалъ съ Семичевымъ посмотрѣть новую для меня картину... Проѣхавъ ущелье, вдругъ увидѣли мы на склоненіи противоположной горы до двухсотъ казаковъ, выстроенныхъ въ лаву, и надъ ними около пятисотъ турковъ. Казаки отступали медленно; турки наѣзжали съ большою дерзостію, приближались шагахъ въ двадцати и, выстрѣливъ, скакали назадъ. Ихъ высокія чалмы, красивые доломаны и блестящій уборъ коней составляли рѣзкую противоположность съ синими мундирами и простою сбруей казаковъ»... 19 іюня Пушкинъ видѣлъ, какъ «показались делибаши и закружились въ долинѣ, перестрѣливаясь съ нашими казаками». 26 іюня въ Паскевича стрѣляли «турецкіе наѣздники, цѣлый день кружившіеся передъ нашими пикетами» (гл. IV). Пушкинъ могъ вволю налюбоваться этой отборной, самой храброй частью непріятельскихъ войскъ. Делибашъ — по-русски сумасшедшій, сорви-голова. Лава—построеніе казачьей сотни для атаки въ одну шеренгу, выгнутую дугою. Гоголь восторгался этимъ, дѣйствительно «картиннымъ» стихотвореніемъ (Письма Гоголя, I, 200). «Живость изображенія, при художественной простотѣ всей картины»,—говоритъ Л. П. Поливановъ (см. его изданіе сочин. П., т. I, изд. 3-е, стр. 295—296) — «мѣткость выраженій и движеніе стиха дѣлаютъ его однимъ изъ оригинальнѣйшихъ произведеній Пушкина». Оно положено на музыку тремя композиторами («Памяти Пушкина. Петербургск. университ. сборн. 1900 г., стр. 73, 117).

---

585. КАВКАЗЪ.

(т. III, стр. 64).

Автографъ пьесы, бывшій нѣкогда въ рукахъ П. В. Анненкова (см. его изданіе сочиненій Пушкина, I, 220), а потомъ перешедшій отъ П. П. Анненкова къ Л. Н. Майкову, нынѣ принадлежитъ В. П. Сантову. Онъ носитъ помѣту: «20 сент.»; подробно описанъ мною въ «Вѣсахъ», 1908 г., № 3, мартъ, стр. 57—60, гдѣ приведены варіанты, а также отброшенное поэтомъ продолженіе пьесы:

Такъ буйную вольность Законы тѣснятъ,
Такъ дикое племя подъ Властью тоскуетъ,
Такъ нынѣ безмолвный Кавказъ негодуетъ,
Такъ чуждыя силы его тяготятъ...

Впервые «Кавказъ» былъ напечатанъ въ «Литературной Газетѣ» 1831 г., № 1, 1 января, стр. 4, а затѣмъ вошелъ въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 7—8, съ отнесеніемъ къ циклу пьесъ 1829 г., навѣянныхъ кавказскимъ путешествіемъ. Нѣкоторое вліяніе на это стихотвореніе оказала ода Державина «На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи» (Сочин., акад. изд., II, 20 -22, 25), гдѣ, между прочимъ, есть такая строфа:

О юный вождь! сверша походы,
Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ,
Зрѣлъ ужасы, красы природы:
Какъ, съ ребръ тамъ страшныхъ горъ ліясь,
Ревутъ въ мракъ безднъ сердиты рѣки;
Какъ съ челъ ихъ съ грохотомъ снѣга
Падутъ, лежавши цѣлы вѣки;
Какъ серны, внизъ склонивъ рога,
Зрятъ въ мглѣ спокойно подъ собою
Рожденье молній и громовъ...

Л. П. Поливановъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. I, изд. 3-е, стр. 297) анализируетъ пьесу; «поэтъ представляетъ себя на той «вольной высотѣ», къ которой стремился мечтою. Картина, съ замѣчательнымъ искусствомъ собравшая всѣ черты кавказской природы, служитъ для поэтическаго выраженія того спокойнаго настроенія, которое овладѣло поэтомъ на этой высотѣ. Съ его положенія и начинается стихотвореніе (ст. 1 и 2). Онъ —въ одиночествѣ, высоко надъ природою и людьми. Отсюда бросаетъ онъ взоръ внизъ и, постепенно опуская его, видитъ 5 ступеней горной страны. 1-я ступень характеризуется предметами грозными (потоки, обвалы, тучи, водопады). Эти предметы теперь ближе всего къ поэту, но все же ниже его. Между ними нѣтъ человѣка. Единственное живое существо, имѣющее доступъ сюда — величавый орелъ (который царитъ наравнѣ съ нимъ). Поэтому открыта здѣсь тайна рожденія потоковъ и обваловъ (а люди тамъ внизу привыкли считать ихъ столь грозными невѣдомыми силами). Тучи (не менѣе грозныя для нихъ) поэту здѣсь кажутся смиренными. 2-я и 3-я ступени. Голые утесы («утесовъ нагія громады») и полоса низшей растительности («мохъ тощій», «кустарникъ сухой»). Постепенно опуская взоры, поэтъ долго не находитъ той страны, гдѣ привыкъ себя видѣть окруженнымъ красотами. Онъ ищетъ ее и замѣчаетъ, какъ далеко оставилъ ее подъ собою; ихъ раздѣляетъ эта полоса запустѣнія. 4-я ступень. Картина, уже полная жизни. Природа здѣсь изображена привлекательными красками, доставляющею радость животнымъ («птицы щебечутъ», «скачутъ олени»). 5-я ступень. Наконецъ поэтъ видитъ человѣка. Человѣкъ, представленный въ картинѣ, не менѣе привлекательной («веселыя долины», «злачныя стремнины», «тѣнистые берега Арагвы»), изображенъ здѣсь далеко не въ такомъ полномъ наслажденіи природою, какъ птицы и олени на предыдущей ступени. Въ его жизни наслажденіе смѣшано съ опасностію («нищій наѣздникъ таится въ ущельи»). Стихотвореніе заключается изображеніемъ Терека. Поэтъ олицетворяетъ его. И въ этомъ олицетвореніи сказалось болѣе всего личное настроеніе поэта. Онъ сопоставляетъ безсильную борьбу заключеннаго въ желѣзную клѣтку, хотя и сильнаго, звѣря (строфа 4) съ собою, поставленнымъ внѣ всякой зависимости отъ какихъ-

либо земныхъ силъ: такова связь начала съ концомъ стихотворенія». Какъ почти всѣ пушкинскія описанія природы, и это хранитъ обычную черту пушкинскаго созерцанія: центръ природы, ея вѣнецъ—человѣкъ, торжествующій надъ «смиренными» тучами, достигшій высоты орлинаго полета. Другой поэтъ, Ив. Бунинъ («На горахъ»), чувствуя себя на такой же высотѣ («земля – подножіе мое»), сознается, что «бездны страхъ - онъ не исчезъ, онъ набѣгаетъ издалека»... Ничего подобнаго Пушкинъ не испытываетъ: его созерцаніе свѣтло и радостно. Въ «Кавказѣ» онъ описалъ тотъ самый «мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи», о которомъ разсказываетъ въ первой главѣ «Путешествія въ Арзрумъ»: «воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гутъ-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога... Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемыя веселой Арагвой, смѣнили мрачныя ущелія и грозный Терекъ. Вмѣсто голыхъ утесовъ я видѣлъ около себя зеленыя горы и плодоносныя деревья». Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи причислилъ «Кавказъ» къ самымъ лучшимъ лирическимъ стихотвореніямъ Пушкина. А. А. Потебня указываетъ на эту пьесу, какъ на образецъ вполнѣ выдержанной гармоніи въ расположеніи частей описанія, въ зависимости отъ строго опредѣленной точки зрѣнія («Вопросы теоріи и психологіи творчества», т. II, вып. 2, Спб., 1910, стр. 13), и относилъ ее къ такимъ произведеніямъ, которыя «могутъ быть понимаемы такъ или иначе, смотря по свойствамъ понимающаго, степени пониманія, мгновенному настроенію» («Изъ записокъ по теоріи словесности», Хар., 1905, стр. 72). Дѣйствительно, смыслъ пьесы можетъ быть расширенъ: въ ней содержится не только описаніе кавказской природы, но также (въ послѣдней строфѣ) аллегорическое изображеніе борьбы Кавказа съ сѣверными завоевателями. На это особенно ясно указываетъ попытка продолжить пьесу, начинающаяся сравненіемъ бушующаго Терека съ непокорными племенами Кавказа. «Черкесы насъ ненавидятъ» — писалъ Пушкинъ («Путешествіе въ Арзрумъ», гл. I). «Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены... Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства?...»

---

586. МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ.

(т. III, стр. 65).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 г., «Поэзія», стр. 47—48, а затѣмъ вошла въ III-ю часть «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 12, гдѣ помѣщена среди стихотвореній 1829 г. Въ альманахѣ она вовсе не датирована; П. В. Анненковъ («Матеріалы для біогр. П—на», изд. 1855 г., стр. 220) указалъ, что она написана 20 сентября. Возвращаясь въ первыхъ числахъ августа 1829 г. изъ Закавказья на сѣверъ, поэтъ («Путешествіе въ Арзрумъ», гл. V) «утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ чудное зрѣлище: бѣлыя оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками». Что Пушкинъ при этомъ чувствовалъ, о томъ онъ разсказалъ въ стихотвореніи.

Гоголь («Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи, и въ чемъ ея особенность.»—Сочин., изд. 10-е, IV, 181), отмѣчая въ Пушкинѣ отсутствіе «отвлеченной идеальности» Жуковскаго и «препзобилія сладострастной роскоши Батюшкова», говоритъ, что въ немъ «все уравновѣшено, сжато, сосредоточено, какъ въ русскомъ человѣкѣ, который немногоглаголивъ на передачу ощущенія, но хранитъ и совокупляетъ его долго въ себѣ, такъ что отъ этого долговременнаго ношенія оно имѣетъ уже силу взрыва, если выступитъ наружу... Поэта поразилъ видъ Казбека, одной изъ высочайшихъ Кавказскихъ горъ, на верхушкѣ которой увидѣлъ онъ монастырь, показавшійся ему рѣющимъ въ небесахъ ковчегомъ. У другого поэта полились бы пылкіе стихи на нѣсколько страницъ. У Пушкина все въ десяти (?) строкахъ, и стихотвореніе оканчиваетъ онъ симъ внезапнымъ обращеніемъ: «Далекій, вожделѣнный брегъ!»... и т. д. Именно одно это могъ бы сказать русскій человѣкъ въ то время, какъ и французъ, и англичанинъ, и нѣмецъ пустились бы на подробный отчетъ ощущеній. Никто изъ нашихъ поэтовъ не былъ еще такъ скупъ на слова и выраженія, какъ Пушкинъ, и такъ не смотрѣлъ осторожно за самимъ собою, чтобы не сказать неумѣреннаго и лишняго, пугаясь притворности того и другого».

Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ Пушкинской поэзіи упомянулъ пьесу въ числѣ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина. Холодная прелесть аскетизма была чужда, но понятна Пушкину. Были въ его жизни минуты, когда ему хотѣлось уйти отъ людей куда-нибудь «въ заоблачную келью, въ сосѣдство Бога», но когда, приближаясь къ закату, «усталый рабъ, замыслилъ онъ побѣгъ» отъ всего, что его угнетало,—то его манила «обитель дальная трудовъ и чистыхъ нѣгъ», «сельской нѣги и домашней тишины»; онъ помнилъ долгъ семьянина и гражданина. Однако, всеобъемлющій, всепостигающій, онъ понималъ иное, высшее призваніе и, вслѣдъ за поэтомъ-пуританиномъ, разсказалъ про борьбу «Странника», который, колеблясь между слабой личной волей и задушевнымъ голосомъ, бѣжалъ отъ семьи, отъ всей сложности внѣшней, обманчивой жизни, «дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста, спасенья узкій путь и тѣсныя врата». Лермонтовъ тоже мечталъ (акад. изд., № 127): «въ тѣсninѣ Кавказа я знаю скалу, туда долетѣть лишь степному орлу... О, если бъ взойти удалось мнѣ туда, какъ я бы молился и плакалъ тогда»... Пьеса положена на музыку С. Н. Танѣевымъ.

---

587. ДОНЪ

(т. III, стр. 66

Черновой автографъ пьесы находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 101 (см. «Русск. Стар.», 1884 г., ноябрь, 358);

о представляемыхъ имъ разночтеніяхъ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Впервые она была напечатана въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ «Русскому Инвалиду», 1831 г., № 83, стр. 655, съ помѣтой 1829 г., а затѣмъ вошла въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 17—18. «По смыслу второй строфы»—говоритъ Анненковъ (см. его изданіе сочин. II., II, 497)—«можно заключить, что пьеса написана авторомъ уже на возвратномъ пути изъ Арзрума» стихъ ея, говоритъ онъ же («Матеріалы для біогр. П.», изд. 2-е, стр, 214), «исполненъ блеска и радости». Пьеса положена на музыку Бряпскимъ («Памяти П—на. Петербургск. университ. сборн.», 1900 г., стр. 74). Арпачай раздѣлялъ тогда русскую и турецкую Армепію. «Вотъ и Арпачай! сказалъ мнѣ казакъ» (вторая глава «Путешествія въ Арзрумъ»). «Арпачай! наша граница!... Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное»... Объ отношепіи Пушкина къ казакамъ см. ниже, примѣч. къ №№ 608, 609.

588. ОЛЕГОВЪ ЩИТЪ.

(т. III, стр. 66).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г. (ценз. дозвол. 20 декабря 1829 г.) съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи, но съ указаніемъ имени автора въ оглавленіи, безъ даты, и затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III., 1832 г., стр. 19—20, гдѣ помѣщена подъ 1829 годомъ. Ее можно датировать сентябремъ—декабремъ 1829 г., такъ какъ въ августѣ графъ П. П. Дибичъ занялъ Адріанополь, и русская армія уже была близъ Константинополя, а 2 сентября ст. ст. въ Адріанополѣ былъ заключенъ миръ. П. А. Ефремовъ (Соч. П., т. VIII, 1905 г., стр. 305) безъ всякихъ основаній считаетъ пьесу написанной въ Болдинѣ. П. В. Анненковъ находилъ ее «чудной патріотической пѣснью Пушкина, довершившей вдохновенную передачу впечатлѣній славной войны, гремѣвшей вокругъ него» въ 1829 г. («Матер. для біогр. П—на», изд. 2-е, стр. 214). По мнѣнію Н. П. Черняева («Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», Хар., 1900, стр 339—364), стихотвореніе, «если вдуматься въ него, насквозь пропитано сарказмомъ, чувствомъ горечи и удивленіемъ. Въ немъ отчетливо звучитъ упрекъ по адресу графа Дибича за то, что онъ убоялся призраковъ и не увѣнчалъ надлежащимъ образомъ славы и подвиговъ русскаго оружія. «Почему онъ не занялъ Константинополя и не продиктовалъ Портѣ условій мира на берегахъ Босфора? Почему онъ упустилъ случай поразить воображеніе Востока и всего мусульманскаго міра въ желательномъ для Россіи направленіи и показать султану Махмуду II на дѣлѣ, что дальнѣйшее существованіе Оттоманской имперіи всецѣло зависитъ отъ Россіи? Чего ради онъ привелъ русскія войска чуть не къ стѣнамъ Константинополя и затѣмъ возвратился вспять?.. Ужъ не пригрезилось ли ему, что Олегъ всталъ изъ могилы и не позволяетъ русской арміи войти въ ворота Царьграда?» Вотъ къ чему сводится смыслъ ироническаго сопоставленія того символическаго акта, въ которомъ проявилъ Олегъ свое могущество, съ трехнедѣльнымъ пребываніемъ Дибича въ Адріанополѣ въ виду свободной дороги на Стамбулъ и съ неподвижнымъ стояніемъ авангардовъ русской арміи въ теченіе того же времени на разстояніи нѣсколькихъ переходовъ отъ турецкой столицы. Негодованіе и недоумѣніе русскаго гражданина и патріота, вдохновлявшія Пушкина въ тѣ минуты, когда онъ писалъ «Олеговъ щитъ», геніально замаскированы величавымъ, торжественнымъ и какъ бы эпически спокойнымъ тономъ стихотворенія,—тономъ, благодаря которому «Олеговъ щитъ» при появленіи въ печати былъ понятъ, какъ слѣдуетъ, вѣроятно, весьма немногими, лишь тѣми, кто умѣлъ читать между строкъ и понимать иносказательную рѣчь и намеки».

Л. П. Павлищевъ въ своихъ явно и наивно сфабрикованныхъ «воспоминаніяхъ о Пушкинѣ» (стр. 164) передаетъ даже «слова» Пушкина: «мнѣ, русскому человѣку, было обидно, когда наша славная армія, послѣ чудеснаго, безпримѣрнаго въ исторіи перевала черезъ Балканы, забастовала въ Адріанополѣ, откуда въ Константинополь рукой подать». Очевидно, эти «слова» продиктованы тѣмъ же пониманіемъ пьесы, представителемъ котораго является и Черняевъ. Послѣдній, однако, самъ же приводитъ съ полнымъ довѣріемъ приписываемыя А. О. Смирновою («Записки», I, 88—92) Пушкину слова, что «существуютъ три города, принадлежащіе всему христіанству: Іерусалимъ, Константинополь и Римъ, они не должны бы принадлежать ни одному государству въ отдѣльности... ни одинъ изъ этихъ городовъ не представляетъ собою политической столицы». Что территоріальныя русскія притязанія на Константинополь казались ему химерою и не находили въ немъ сторонника, это видно не только изъ его статьи о русской исторіи XVIII вѣка (1821—1822 г.г.), гдѣ онъ, называетъ блестящія побѣды Потемкина въ Турціи «безплодными, ибо Дунай долженъ быть настоящею границею между Турціей и Россіей», но и изъ чернового наброска, относящагося приблизительно къ одному времени съ «Олеговымъ щитомъ», гдѣ Пушкинъ радуется тому, что «въ Эдырне миръ провозглашенъ», по которому Россія «югъ облегла... полъ-Евксина подняла» (см. ниже, прим. къ № 671). По адріанопольскому миру дѣйствительно русско-турецкой границей сталъ Дунай, лежащіе при устьяхъ котораго острова были закрѣплены за Россіей, получившей также восточное побережье Чернаго моря и фактическое вліяніе въ дунайскихъ княжествахъ, благодаря чему Россія стала въ самомъ дѣлѣ хозяйкой Чернаго моря. Опираясь на мнѣніе такого военно-политическаго авторитета, какъ Мольтке, Шлоссеръ (цитир. у Черняева) находилъ, что если бы русскіе и овладѣли тогда Константинополемъ, то не могли бы его удержать за собою, такъ какъ «вся Европа взялась бы за оружіе, чтобы отбить его». По мнѣнію другого историка, Д. Г. Розена, «по мѣрѣ того, какъ Россія подвигалась къ своей противоположной цѣли, возрастало и ея замѣшательство, которое имѣло характеръ не стратегическій, а чисто-политическій», М. Н. Покровскій («Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ», т. I, М., 1910, стр. 594—595), находитъ, что «походъ Дибича къ Адріанополю былъ гораздо больше ловкой военной демонстраціей, чѣмъ прочнымъ успѣхомъ. Стоило туркамъ нѣсколько оправиться, и съ его силами онъ не смогъ бы удержаться за Балканами. Приходилось исполь

зовать психологическій моментъ, не теряя ни минуты,—и, не ставя себѣ фантастическихъ задачъ, добиваться условій, реально наиболѣе выгодныхъ. Дибичъ и поспѣшилъ это сдѣлать»... Именно такое пониманіе адріанопольскаго мира видно въ письмѣ (тоже цитир. Чернявымъ) вице-канцлера гр. К. В. Нессельроде къ цесаревичу Константину Павловичу, которому онъ указывалъ, что сохраненіе самостоятельности Турціи болѣе отвѣчаетъ политическимъ и торговымъ интересамъ Россіи, чѣмъ излишне-обременительное территоріальное расширеніе, либо возникновеніе въ замѣну Турціи новыхъ государствъ, сосѣдство которыхъ было бы гораздо опаснѣе для Россіи. Вообще, условія адріанопольскаго мира были встрѣчены съ чувствомъ полнаго удовлетворенія русскимъ обществомъ, эхомъ котораго былъ въ данномъ случаѣ поэтъ, признавшій, что Россіи не нужно обладаніе Константинополемъ, и что ея національная гордость вполнѣ насыщена и достигнутыми успѣхами и славнымъ воспоминаніемъ объ Олеговомъ щитѣ. Былъ Пушкинъ удовлетворенъ и въ своихъ филэллинскихъ симпатіяхъ: по адріанопольскому миру Греція получила самостоятельность; въ 1831 г. Пушкинъ вспоминалъ объ этомъ: «воскресла грековъ древнихъ слава»... (см. также т. II, стр. 615—616). Сѣтовать на будто бы позорныя для Россіи условія мира ему не приходилось, и никакой ироніи нѣтъ въ его стихотвореніи. Замѣчательно, что такъ и поняла его національнастически настроенная Кохановская («Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина!—Русс. бесѣда» 1859 г., № 5, отд. III, стр. 55): «какимъ летомъ орла Пушкинъ тотчасъ покидаетъ свое художническое уединеніе и возвращается къ современной жизни общества, чуть что-либо великое народа русскаго отзовется въ ней... «Олеговъ щитъ» не великъ, но онъ вполнѣ по нашей пословицѣ: малъ золотникъ да дорогъ. Какъ живо должно было быть чувство народной славы и народной гордости, чтобы въ вдохновенномъ представленіи поэта промелькнуло тысячелѣтіе нашей исторіи, и старый щитъ Вѣщаго Олега одинъ остановилъ насъ передъ Стамбуломъ». Кстати,—Пушкинъ далеко не былъ туркофобомъ и даже умѣлъ, перевоплотившись въ поэта-янычара Аминъ-оглу, найти на своей лирѣ струны сочувственныя Стамбулу, который «гяуры нынче славятъ, а завтра кованной пятой, какъ змія спящаго, раздавятъ»... (см. ниже, прим. къ № 642). Воспоминаніе объ Олеговомъ щитѣ вдохновляло не только Пушкина (см. также «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», 1822 г.), но и Рылѣева (дума «Олегъ Вѣщій»), и Тютчева (стихотвореніе «Олеговъ щитъ»).

Въ «Олеговомъ щитѣ» Н. Чернявъ видѣлъ ту сатиру, которую косвенно приписалъ Пушкину V. Fontanier въ книгѣ Voyages en Orient, entrepris par ordre du Gouvernement Français de 1830 à 1833, Par., 1834 (она сохранилась въ библіотекѣ Пушкина—см. «П. и его соврем.», IX—X, 233—234), что вызвало извѣстный отвѣтъ поэта въ предисловіи къ «Путешествію въ Арзрумъ». По словамъ Fontanier, «выдающійся поэтъ нашелъ въ подвигахъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ, сюжетъ не для поэмы, а для сатиры». Пушкинъ же, отмѣчая цѣлый рядъ талантливыхъ шаговъ Паскевича, отвѣчаетъ: «Я устыдился бы писать сатиры на прославленнаго полководца, ласково принявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находившаго время посреди своихъ великихъ заботъ оказывать мнѣ лестное вниманіе.» Но Чернявъ не повѣрилъ Пушкину; съ нимъ согласился и П. О. Морозовъ (Сочин. П., изд. «Просвѣщ.», II, 466—467). «Трудно»—говоритъ Чернявъ—«допустить, чтобы Фонтанье говорилъ о сатирѣ Пушкина безъ малѣйшихъ основаній и не намекая при этомъ ни на одно изъ стихотвореній поэта. Ничего подобнаго сатирѣ на арзрумскій походъ Пушкинъ не писалъ. Но вѣдь Фонтанье не утверждалъ, что сатира Пушкина осмѣивала графа Паскевича и его дѣйствія на азіатскомъ театрѣ войны. Ходъ разсужденій Пушкина въ предисловіи къ «Путешествію въ Арзрумъ» таковъ: «мнѣ приписывается сатира по поводу войны съ Турціей; я былъ свидѣтелемъ арзрумскаго похода, слѣдовательно Фонтанье приписываетъ мнѣ сатиру на арзрумскій походъ». Произвольность этого силлогизма очевидна, что, вѣроятно, сознавалъ и самъ поэтъ. Зачѣмъ же онъ прибѣгнулъ къ нему? Онъ хотѣлъ обезпечить себя отъ инсинуацій и выходокъ своихъ недоброжелателей, которые готовы были воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы очернить его въ глазахъ императора Николая Павловича и возстановить противъ него графа Паскевича и другихъ сановниковъ государства. Оправдывалсь отъ мнимаго обвиненія Фонтанье, поэтъ, вѣроятно, только дѣлалъ видъ, что не догадывался, на какое именно стихотвореніе намекалъ французскій писатель. Намекалъ же Фонтанье, по всей вѣроятности, на «Олеговъ щитъ», который, дѣйствительно, можно назвать съ нѣкоторой натяжкой сатирой, но поэту вовсе было нежелательно, чтобы графъ Дибичъ сталъ смотрѣть на «Олеговъ щитъ» какъ на сатиру. Вотъ почему Пушкинъ и свелъ полемику съ Фонтанье на такую почву, на которой чувствовалъ себя неуязвимымъ». Однако, этотъ будто бы произвольный силлогизмъ вполнѣ правиленъ. Чернявъ, не видѣвъ книги Fontanier, рѣшилъ: «Фонтанье не утверждалъ, что сатира Пушкина осмѣивала Паскевича и его дѣйствія на азіатскомъ театрѣ войны». Фонтанье именно это «утверждалъ; вотъ что писалъ онъ, заканчивая главу, посвященную арзрумскому походу Паскевича, надъ которымъ онъ зло издѣвался»: «Ce résumé ne ressemble guère, je le sais, aux brillants rapports qui nous sont parvenus il y a quelque années; mais ces rapports ont été, pour les officiers instruits, un texte inépuisable de moquerie; et un poète distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin, non le sujet d'un poème, mais celui d'une satire» (стр. 251—252). Пушкинъ, конечно, долженъ былъ принять намекъ на свой счетъ, тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, онъ былъ единственный писатель, названный въ книгѣ Фонтанье (въ той же главѣ, стр. 241); намъ, какъ и Пушкину, неизвѣстна сатира, о которой Фонтанье говоритъ. Пушкину сплошь да рядомъ приписывались ходившія по рукамъ сатиры и эпиграммы, что причиняло ему много непріятностей. Изъ книги Фонтанье видно, что сатира, о которой идетъ рѣчь, была направлена противъ Паскевича и написана по поводу эрзерумскаго похода, свидѣтелемъ котораго былъ Пушкинъ, а не по поводу похода Дибича, т.-е., что Фонтанье вовсе не намекалъ на «Олеговъ щитъ», на который, къ тому же, и нельзя смотрѣть какъ на сатиру.

589. ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

(т. III, стр. 66).

Черновой автографъ пьесы, съ датой: «4 окт.», находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина («П. и его совр—ки», IV, 11); это, конечно, тотъ самый автографъ, который былъ въ рукахъ П. В. Анненкова, передающаго, что въ немъ первоначальное заглавіе было: «Дорожные стихи» («Матеріалы для біогр. П—на», изд. 2-е, стр. 211). Впервые пьеса была напечатана въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1832 г., «Поэзія», стр. 47—48, безъ подписи и безъ указанія имени автора въ оглавленіи, по поводу чего Анненковъ (см. его изданіе сочин. П., II, 498) замѣтилъ: «причина, заставившая автора скрыть свое имя подъ Дорожными жалобами, намъ неизвѣстна. Кажется, ее слѣдуетъ искать въ журнальныхъ толкахъ, осуждавшихъ иронію и шутку въ поэзіи. Нѣкоторые журналы дѣйствительно возстали на пьесу, когда она вскорѣ послѣ Сѣверныхъ цвѣтовъ напечатана была въ изданіи 1832 г.» (въ «Стихотвореніяхъ Александра Пушкина», ч. III, стр. 34—36). Въ альманахѣ и въ «Стихотвореніяхъ» пьеса датирована 1829 г.; Анненковъ («Матер.», l. c.) замѣчаетъ, что она, «можетъ быть, писана въ повозкѣ или на станціи»; однако, судя по датѣ, стихи, сложившіеся въ умѣ поэта, быть можетъ, дѣйствительно дорогой, были написаны въ Москвѣ, гдѣ онъ находился въ серединѣ сентября. «Замѣчательно, — вспоминалъ К. П. Зеленецкій («О художественно-національномъ значеніи стихотвореній Пушкина»—«Ж. М. Н. Пр.» 1855 г., ч. LXXXV, № 3, стр. 225), — что, когда это стихотвореніе появилось, многіе не поняли его высокой цѣны и отзывались о немъ даже съ какимъ-то презрѣніемъ. Между тѣмъ, къ какой глубокой, сердечной думѣ сведена здѣсь вся, повидимому, самая прозаическая, обстановка этого небольшого произведенія, которое въ каждомъ стихѣ обличаетъ не какую-нибудь общую, а именно русскую жизнь; какъ поэтически высказано въ немъ раздумье, столь обычное почти каждому изъ насъ»... Въ альманахѣ стихи 27—28 были: «объ отставкѣ, объ невѣстѣ, объ деревнѣ помышлять»; объ этихъ «помышленіяхъ» см. въ примѣч. къ №№ 606, 611. Въ ушаковскомъ альбомѣ Пушкинъ нарисовалъ полосатый дорожный столбъ съ надписью: «Отъ Москвы 235» (верстъ; см. Альб. Московск. Пушкинск. выст. 1899 г., л. 21). Указывая, что «Дорожныя жалобы» «стоятъ въ тѣсной психологической и историко-литературной связи» съ «Зимней дорогой» 1826 г., И. Ѳ. Сумцовъ («Харьковск. унив. сборн. въ память П—на», Хар., 1900, стр. 201—202) говоритъ, что онѣ «богаты фактическимъ содержаніемъ. Въ этомъ стихотвореніи ясно обнаруживаются двѣ части—отрицаніе путешествій и восхваленіе домашней жизни. Подходили годы возмужалости, и Пушкина потянуло къ спокойной семейной жизни. Въ «Дорожныхъ жалобахъ» что ни куплетъ, то цѣлая біографическая страница. Въ первомъ же куплетѣ находится цѣлая исторія многочисленныхъ вольныхъ и невольныхъ путешествій Пушкина пѣшкомъ и верхомъ, что бывало преимущественно въ Михайловскомъ, въ телѣгѣ,— напр., на пути на югъ, по бѣлорусскому тракту, въ 1820 г., въ кибиткѣ, коляскѣ и каретѣ. У Пушкина встрѣчается нѣсколько описаній дороги, и всѣ они правдивы и художественны. Въ особенности выдается описаніе почтоваго тракта въ седьмой главѣ «Евгенія Онѣгина»... Въ майской кн. «Почтово-телеграфнаго журнала» 1899 г. собрано все, что было написано Пушкинымъ о русской ямской и почтовой гоньбѣ. По словамъ этого спеціальнаго изданія, «Пушкинъ даетъ вполнѣ опредѣленное представленіе о русскихъ дорогахъ, ѣздѣ, станціяхъ, ямщикахъ и станціонныхъ смотрителяхъ первой половины XIX столѣтія... Особенно мѣтко очерчены неудобства путешествій по Россіи въ старинное время, — переѣзды подъ пестрыми казенными шлагбаумами у заставъ городскихъ и сельскихъ, опасность встрѣтиться съ разбойниками, кишѣвшими въ крѣпостное время въ лѣсахъ и подъ мостами, тягостныя высидки въ карантинахъ (то было время чумы и холеры), всякаго рода вопіющія неудобства, вызывавшія многочисленныя жалобы въ мемуарахъ и даже въ поэзіи». Когда Пушкинъ писалъ эти строки, ему, конечно, вспоминалось недавнее (въ концѣ іюля) трехдневное сидѣніе въ карантинѣ въ Гумрахъ, по дорогѣ изъ Арзрума въ Тифлисъ («Путешествіе въ Арзрумъ», гл. V). По поводу трехсложнаго чтенія слова «шлагбаумъ» можно привести разсказъ А. Ѳ. Вельтмана (сборн. Л. П. Майкова «П—пъ», 1899 г., стр. 130—131): «заспоривъ однажды съ кѣмъ-то, что фамилія Таушевъ, произносящаяся *у* съ краткою, должна и писаться правильно съ краткою, ибо письмо не должно измѣнять произношенію, я доказывалъ, что должно ввести въ употребленіе *у* съ краткою, и привелъ наобумъ слѣдующіе четыре стиха: «Жуковскій, Батюшковъ и Пушкинъ — Парнаса русскаго пѣвцы, Пафнутьевъ, Таушевъ и Слѣпушкинъ— шестого корпуса писцы». — «Надъ *у* не должно быть краткой, *и*—лишнее въ стихахъ; должно сказать: «Пафнутьевъ, Таушевъ, Слѣпушкинъ», кричали всѣ. Я изъ себя выходилъ, доказывая, что если въ произношеніи *у*—краткое, то *и* должно быть. Въ это время вошелъ Пушкинъ; ему объяснили споръ; онъ былъ противъ меня, и тщетно я увѣрялъ, что *у* въ фамиліи Таушевъ то же, что краткое *и*, и что, слѣдовательно, въ стихѣ: «Пафнутьевъ, Таушевъ и Слѣпушкинъ» *и* необходимо. Ничто не помогло: Пушкинъ не хотѣлъ знать *у* съ краткою». Въ автографѣ «Наполеона», указываетъ Майковъ (ib., 131, примѣч.) читается: «Померкло, солнце Австерлица», для избѣжанія краткаго *у* (см. также «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1448—1449).

Мясницкая—одна изъ главныхъ улицъ Москвы. Яръ—фирма ресторана, существующая до сихъ поръ; есть «лирическая сцена» И. К. Кондратьева «П. у Яра», М., 1887; см. Переписку П—на, академич. изд., II, № 302. Ю. И. Айхенвальдъ обратилъ вниманіе на сходство «Дорожныхъ жалобъ» съ стихотвореніемъ «Wo?» Гейне, быть можетъ, знавшаго эти стихи Пушкина («Литерат. Вѣстникъ», т. VI, 1903 г., кн. 7—8, стр. 308—309). Пьеса положена на музыку П. И. Бахметевымъ, М. Бернардомъ («Памяти П—на», Петербургск. университ. сборн., 1900 г., стр. 74).

— —

590. ОБВАЛЪ.

(т. III, стр. 66).

Черновой автографъ пьесы находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина, по словамъ описанія которой («П. и его соврем—ки», IV, 11), на лицевой сторонѣ автографа записаны, подъ загла-

віемъ: «Обвалъ» (avalanche), три первыя строфы, съ помѣтой въ концѣ: «29 окт.», а на оборотѣ—двѣ послѣднія, съ припиской: «30», означающей, вѣроятно, 30-е октября. Впервые пьеса была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 г., стр. 95—96, а затѣмъ вошла въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», 1832 г., стр. 9—11, подъ 1829 годомъ. Такимъ образомъ, ее приходится датировать 29 и 30 октября 1829 г.; ссылаясь на ту же рукопись, Анненковъ («Матеріалы для біогр. П—на», изд. 1855 г., стр. 220) сообщилъ только первую помѣту. Оригинальное сочетаніе стиховъ (такъ же написано и «Эхо», 1831 г.) подсказало А. В. Дружинину догадку, что на Пушкина «производилъ великое впечатлѣніе» Робертъ Бернсъ: «намъ всегда казалось, что конструкція строфъ въ «Обвалѣ» (чисто бернсовская) не есть случайность» («А. С. П—нъ и послѣднее изданіе его сочиненій» — «Библ. для чтенія» 1855 г., т. CXXX, отд. III, стр. 74). В. П. Чернышеву («Замѣтки о языкѣ П—на»—«П. и его совр—ки», VI, 117—118) показалось подозрительнымъ предложеніе «влекся волъ»: «значитъ ли это — волокся, тащился, медленно шелъ, или — былъ веденъ, былъ влеченъ при нѣкоторомъ сопротивленіи?»... Почвы для недоумѣнія здѣсь нѣтъ: волъ именно «влечется», медленно тащится, особенно если сопоставить его со скачущимъ конемъ. Во время своего кавказскаго путешествія Пушкинъ не только слышалъ объ одномъ изъ наиболѣе выдающихся горныхъ обваловъ, но самъ былъ свидѣтелемъ этого явленія. Онъ разсказываетъ въ первой главѣ «Путешествія въ Арзрумъ»: «Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ іюня 1827 года. Таковые случаи бываютъ обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелье на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорвался сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то онъ былъ ужасенъ! Мы круто поднимались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ. Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. «Это обвалъ», сказалъ мнѣ г. Ог... . Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груду снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь не рѣдки. Въ прошломъ году русскій извозчикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обвалъ оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телѣгу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу и покатилась въ пропасть съ своею добычею». Весьма пронпательное и остроумное толкованіе далъ пьесѣ Л. П. Поливановъ въ своемъ изданіи сочиненій П—на (т. I, изд. 3-е, стр. 299—300). «Положеніе поэта на склонѣ къ Тереку. Онъ описываетъ обвалъ, бывшій близъ этого мѣста. Терекъ, главный предметъ описанія, изображенъ въ поэтическомъ олицетвореніи въ моментъ униженія («Вдругъ истощась»... и далѣе). Черты униженія и борьбы описаны въ явленіяхъ рѣки подъ снѣгомъ обвала: звуковъ ея (ревъ), силы напора водъ (упорный гнѣвъ), разлива ихъ (освирѣпѣвъ), брызговъ ихъ—подъ обледенѣвшимъ снѣгомъ. Въ послѣдней строфѣ — высшая степень униженія выражена въ описаніи пути черезъ обвалъ ѣдущихъ по немъ; въ этомъ ихъ описаніи также видимъ градацію: скачущій гордый к о н ь, проложившій черезъ рѣку дорогу, не такъ оскорбляетъ свободный Терекъ, какъ влекущійся в о л ъ, и этотъ не такъ, какъ в е р б л ю д ъ, служащій для выгодъ к у п ц а, ведущаго его. Послѣдніе 2 стиха, какъ сильный контрастъ, изображаютъ освобожденный Терекъ: сопоставленіе к у п ц а, (служителя низменнымъ, корыстнымъ цѣлямъ) съ Э о л о м ъ (богомъ вѣтра), жильцомъ небесъ—служитъ для этого контраста.—Въ олицетвореніи Терека нельзя не видѣть чертъ характера тѣхъ непокорныхъ горцевъ, коимъ свойственъ такой взглядъ на торговлю и другія явленія жизни. Въ олицетвореніи сказались идеальныя черты дикаго народа, который, храня независимость, не выноситъ подчиненія власти, хотя бы и блестящей: «О т т о л ь (т. е. съ блестящихъ вершинъ) сорвался разъ обвалъ» (строфа 2-я). — Поэтъ былъ пораженъ красотой явленія: отсюда его сочувствіе Тереку (стилистическое выраженіе этого сочувствія — форма обращенія къ нему, отъ этой строфы, гдѣ начинается описаніе его униженія и борьбы: «о, Терекъ!» vocativus ethicus). Разрушительная сила сопротивленія получила поэтическое выраженіе въ образѣ наводненія («затопилъ, освирѣпѣвъ, свои брега»)». В. Е. Якушкинъ («О Пушкинѣ», М., 1899, стр. 153—155) полагаетъ, что это объясненіе «совершенно невѣрно... Для всякаго читателя, думаемъ, несомнѣнно, что въ данномъ стихотвореніи нѣтъ никакой аллегоріи: Пушкинъ просто описываетъ картину природы, какую онъ видѣлъ самъ, и передаетъ далѣе случай съ обваломъ, о которомъ онъ слышалъ... Случайное и преходящее, хотя и величественное, явленіе обвала Пушкинъ никакъ не могъ сравнивать съ нашими завоеваніями на Кавказѣ. Вся пьеса просто даетъ картину кавказской природы безъ всякаго олицетворенія и аллегоріи». Однако, изъ черновой строфы «Кавказа» (см. выше, примѣч. къ № 585), гдѣ Пушкинъ сравниваетъ Терекъ съ «буйной вольностью», съ свободнымъ племенемъ, тоскующимъ подъ чуждою властью, видно, что Пушкинъ не такъ ужъ «просто описывалъ» природу и м о г ъ придавать и «Обвалу» аллегорическій смыслъ. (См. примѣч. къ пьесамъ «Аквилонъ» и «Туча»). Бѣлинскій въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзіи причислилъ «Обвалъ» къ лучшимъ стихотвореніямъ Пушкина и назвалъ его «образцомъ пушкинскаго описанія природы», «живописью въ поэзіи». Гриневичъ (Якубовичъ-Меньшинъ въ («Сборникѣ Русскаго Богатства», ч. II, Спб., 1900, стр. 69, 70) говоритъ о «величаво-простой, нѣсколько холодной живописи» этой пьесы, гдѣ природа изображена безъ одушевляющаго ее человѣка. А. А. Потебня («Изъ записокъ по теоріи словесности», Хар., 1905, стр. 72), какъ бы предупреждая возможность различныхъ толкованій этой пьесы, упоминаетъ ее, какъ примѣръ «поэтическихъ произведеній, которыя могутъ быть понимаемы такъ или иначе, смотря по свойствамъ понимающаго, степени пониманія, мгновенному настроенію. Держать понимающаго на вѣсу между одною и другою неопредѣленностью; говорить то, что хорошо и для понимающаго ребенка, но что будетъ хорошо и при разнообразныхъ, болѣе глубокихъ проникновеніяхъ въ смыслъ, могутъ только натуры глубокія». Въ расположеніи частей описанія въ пьесѣ выдержана полная гармонія (Потебня, ib., 11; «Вопросы теоріи и психологіи творчества», т. II, вып. 2, Спб., 1910, стр. 13). Она два раза положена на музыку («Памяти П—на». Петерб. университ. сборн., 1900 г., стр. 88, 119).

Послѣдняя строфа, быть можетъ, отразилась въ «Спорѣ» Лермонтова.

---

591. ЗИМА. ЧТО ДѢЛАТЬ НАМЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ?...

(т. III, стр. 68).

Черновикъ пьесы находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, лл. 15—16, съ помѣтой: «2 ноября 1829» (см. «Русск. Стар.» 1884 г., ноябрь, 347); въ немъ сказано: «что дѣлать мнѣ»... Съ той же помѣтой: «2-го ноября», напечатанной какъ бы въ видѣ заглавія, пьеса появилась въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г. (цензъ. дозвол. 20 дек. 1829 г.), стр. 66—68 (см. также оглавленіе, стр. VI), а затѣмъ вошла, съ той же датой, въ III ч. «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 25—27. П. В. Анненковъ («Матеріалы для біографіи П—на», изд. 1855 г., стр. 218—219) говоритъ, что пьеса была написана «въ деревнѣ», которую затрудняется назвать, указывая, что «нѣкоторый свѣтъ дастъ слѣдующая приписка Пушкина къ одной главѣ «Онѣгина» (восьмой, выпущенной): «Моск. Павл. Болдино. 1829»... Можно полагать, что Пушкинъ проѣхалъ съ Кавказа въ Болдино. На возвратномъ пути въ Петербургъ изъ деревни онъ пробылъ въ Москвѣ только нѣсколько дней и почти никуда не показывался... Стихотворенія, связанныя съ Кавказомъ и его природой, написаны имъ въ теченіе сентября и октября мѣсяца 1829 г.—стало быть, посреди безпокойной, странствующей жизни и въ самыхъ хлопотахъ вояжа. Пьеса «Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?» и затѣмъ «Зимнее утро» уже проникнуты поэзіей домашняго очага и сѣверной природы». Анненковъ не располагалъ нѣкоторыми свѣдѣніями, ставшими извѣстными лишь послѣ него, но въ общемъ не ошибся, хотя не могъ объяснить, что такое «Павл.» (Л. П. Поливановъ—см. его изданіе сочин. Пушкина, т. I, изд. 3-е, стр. 305—думалъ, что здѣсь разумѣются Павлищевы). Пріѣхавъ прямо съ Кавказа въ Москву въ серединѣ сентября (см. «Пушк. и его соврем—ки», XIII, 148; «Труды и дни П—па», изд. 2-ое, 196) и пробывъ въ Москвѣ почти до середины октября, Пушкинъ побывалъ въ Малинникахъ, Павловскомъ («Павл.»), Берновѣ и, вѣроятно, и въ Болдинѣ, что видно изъ указанія въ онѣгинской хронологіи («Тр. и дни П—на», 198—199; «П. и его соврем.», I, 86), и 10 ноября былъ уже въ Петербургѣ. Мнѣніе П. А. Ефремова (см. его послѣднее изд. сочин. П—на, т. VIII, 1905 г., стр. 305), что занимающая насъ пьеса написана въ Болдинѣ, вполнѣ вѣроятно. «Представленная въ стихотвореніи» — говоритъ Л. Поливановъ (l. c.) — «картина семейнаго дома, гдѣ поэтъ изображаетъ себя гостемъ, а не хозяиномъ, среди жизни, изо дня въ день идущей по налаженному пути, отъѣзжее поле, пріемъ гостей, журналы и т. под., не соотвѣтствуетъ той обстановкѣ, которая могла окружать Пушкина въ Болдинѣ, куда онъ пріѣзжалъ въ опустѣлый домъ и гдѣ жилъ въ одиночествѣ, лишенный (?) сосѣдей и журналовъ. Черты жизни, изображенныя въ этомъ стихотвореніи, если уже искать въ нихъ біографическихъ намековъ, мало соотвѣтствуютъ и жизни Тригорскаго, двѣ—три черты которой, однако же, могли дать матеріалъ для этой картины (таковы «старые журналы сосѣда» и стихи 30—47). Стихотвореніе остается просто типическою картиною великорусской помѣщичьей жизни». Подобныя черты зимней деревенской жизни у Пушкина разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ. «У насъ зима», пишетъ подругѣ Лиза, героиня начатаго Пушкинымъ эпистолярнаго романа. «Въ деревнѣ c'est un événement. Это вовсе перемѣняетъ образъ жизни. Уединенныя прогулки прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выѣзжаютъ съ собаками—все дѣлается свѣтлѣе, веселѣе отъ перваго снѣга». Впечатлѣніями 1824—1825 г.г., Тригорскаго и Михайловскаго («рѣчи въ уголку вдвоемъ... и фортепьяно вечеркомъ»—см. примѣч. къ № 399), воспоминаніями о П. А. Осиповой и объ Аннѣ и Евпраксіи Вульфъ (можетъ быть, Анна и есть «дѣва русская») вѣетъ отъ этой пьесы. (Ср. ниже, № 663: «лапиты, ярче вешнихъ розъ, играютъ холодомъ и кровью...»). Тѣми же штрихами изображенъ въ «Онѣгинѣ» бытъ средней руки помѣщиковъ, съ ихъ разговорами «о сѣнокосѣ, о винѣ, о псарнѣ»; съ той же ироніей описанъ въ «Графѣ Нулинѣ» выѣздъ барина на охоту. По поводу разсказа «о спорѣ съ ріемой» см. выше, примѣч. къ № 566. Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи два раза назвалъ пьесу въ числѣ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина и указалъ, что ея «послѣдніе стихи напоминаютъ своей фактурой антологическую пьесу Батюшкова». Чтецъ («П. и Батюшковъ») въ «Нов. Времени», 1900 г., № 8890, даже указалъ у Батюшкова антологическую пьесу «Изъ Павла Силенціарія», гдѣ есть сходные стихи: «Какъ сладокъ поцѣлуй въ безмолвіи ночей, какъ сладко тайное любови наслажденье!» (Впрочемъ, близость обоихъ стихотвореній другъ къ другу довольно сомнительна). По мотиву и обстановкѣ приближается къ пьесѣ Пушкина стихотвореніе Н. Ѳ. Щербины «Зимнее чувство».

---

592. ЗИМНЕЕ УТРО.

(т. III, стр. 69).

Черновикъ пьесы, съ помѣтой «3 ноября», находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 16 об., вслѣдъ за черновикомъ предыдущаго стихотворенія. Впервые появилась она въ альманахѣ бар. Е. Ѳ. Розена и Н. М. Коншина «Царское Село» на 1830 г. (цензъ. дозвол. 2 декабря 1829 г.), стр. 1—2, безъ даты, а затѣмъ была перепечатана въ альманахѣ «Роза Граціи», М., 1830, стр. 21—23, и вошла въ III-ю часть «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1832 г., стр. 28—30, гдѣ помѣщена среди пьесъ 1829 г., вслѣдъ за стихотвореніемъ «Зима. Что дѣлать намъ»... «Этимъ произведеніемъ»—говоритъ Анненковъ (см. его изданіе сочин. П., II, 499)—«завершается рядъ поэтическихъ картинъ, въ которыхъ Пушкинъ заключилъ разнообразнѣйшія впечатлѣнія своего пути и возвращенія въ деревню»; о пребываніи его въ Болдинѣ см. въ предыдущемъ примѣчаніи. Анненковъ («Матеріалы для біогр. П—на», изд. 1855 г., стр. 218—219) указываетъ, что въ этомъ стихотвореніи, «проникнутомъ поэзіей домашняго очага и сѣверной природы», Пушкинъ замѣнилъ въ 24-мъ стихѣ «коня Черкасскаго»—«кобылкой бурой»,—«и такимъ образомъ изъ довольно пышнаго образа сдѣлалъ простую сельски-тихую картину». Надеждинъ въ «Вѣстн. Евр.» (1830 г. № 3, стр. 247—

248) плоско поиздѣвался надъ «Зимнимъ утромъ». Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды»—Сочин., изд. Венгерова, VI, 101) причислилъ пьесу къ «лучшимъ задушевнѣйшимъ созданіямъ лирической музы Пушкина» и въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи, снова называя ее среди лучшихъ, привелъ ее, какъ доказательство, какимъ «блескомъ роскошной поэзіи облита его зима». На фонѣ зимняго пейзажа не разъ рисовалась ему женская любовь; см., напр., въ лицейскомъ «Посланіи къ Юдину», 1815 г., или второй и третьей строфѣ «Осени» «Какъ легкій бѣгъ саней съ подругой быстръ и воленъ, когда, подъ соболемъ согрѣта и свѣжа, она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!»... Только наканунѣ онъ писалъ (объ пьесы тѣсно связаны единствомъ настроенія и содержанія): «Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ! Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ!...»

«Навстрѣчу сѣверной Авроры»—галлицизмъ (à la rencontre de l'Aurore), повторенный въ четвертой главѣ «Арапа Петра Великаго» («навстрѣчу Петра»); въ другихъ случаяхъ Пушкинъ употреблялъ дательный падежъ: «навстрѣчу утреннимъ лучамъ» (въ 3-й пѣснѣ «Руслана и Людмилы» и въ третьей пѣснѣ «Полтавы»). Первый стихъ пьесы напоминаетъ стихъ «Альбома Онѣгина»:— «Морозъ и солнце! чудный день» (т. III настоящ. изд., стр. 326).

№ 593—98.

См. въ исторіи текста.

---

600. ЗАГАДКА.

(т. III, стр. 71).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ изданномъ бар. Е. Ѳ. Розеномъ и Н. М. Коншинымъ альманахѣ «Царское Село» на 1830 г., стр. 4 (цензурное дозволеніе 2 декабря 1829 г.), а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, 1832 г., стр. 41; къ 1829 г. отнесена самимъ поэтомъ въ III ч. «Стихотвореній». По словамъ бар. Е. Ѳ. Розена («Ссылка на мертвыхъ»—«Сынъ Отеч.», 1847 г., кн. VI, отд. III, стр. 16—18), первоначально у Пушкина была «просодическая неисправность во второмъ гекзаметрѣ; онъ былъ у Пушкина такъ: «Кто Славянинъ молодой, духомъ Грекъ, родомъ Германецъ?». Я замѣтилъ это Дельвигу, указалъ, какъ легко исправить погрѣшность перестановкою двухъ словъ и прибавленіемъ союза *а*, и попросилъ Дельвига сдѣлать эту поправку, или принять ее на себя. Онъ не согласился. «Или покажите самому Пушкину, или напечатайте такъ, какъ есть! Что за бѣда? Пушкину простительно ошибаться въ древнихъ размѣрахъ: онъ ими не пишетъ!» Съ этимъ послѣднимъ доводомъ я уже не согласился, однако не посмѣлъ и показать Пушкину: я боялся, что онъ отниметъ у меня стихотвореніе, подъ предлогомъ, что онъ самъ придумаетъ поправку. До послѣдней корректуры я нѣсколько разъ заводилъ съ нимъ рѣчь объ этой піесѣ: не сказалъ ли ему Дельвигъ о погрѣшности? Нѣтъ! Въ послѣдней корректурѣ я не утерпѣлъ, понадѣялся, что Пушкинъ и не замѣтитъ такой бездѣлицы—и сдѣлалъ гекзаметръ правильнымъ! Тиснулъ, послалъ ему свой альманахъ и, нѣсколько дней спустя, самъ прихожу. А онъ, впрочемъ довольно веселый, встрѣчаетъ меня замѣчаніемъ, что я измѣнилъ одинъ изъ его стиховъ. Я прикинулся незнающимъ. Онъ дѣйствительно указалъ на поправку. Я возразилъ, улыбаясь, что дивная память его въ этомъ случаѣ ему измѣнила: «Такъ не было у васъ и быть не могло!» — «Почему?» — «Потому, что гекзаметръ былъ бы и неполный и неправильный: у третьей стопы не доставало бы половины, а слово «Грекъ» ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть короткимъ слогомъ!» Онъ призадумался. — «Потому-то вы и поправили стихъ! благодарю васъ!» Тутъ мнѣ уже нельзя было не признаться въ передѣлкѣ, но я горько жаловался на Дельвига, который не хотѣлъ снять на себя такой неважной для него отвѣтственности передъ своимъ лицейскимъ товарищемъ. Пушкинъ не только не разсердился, но и налюбоваться не могъ, что перестановка двухъ его словъ составила въ третьей стопѣ чистый спондей, который такъ рѣдокъ въ гекзаметрахъ на новѣйшихъ языкахъ. Эта поправка осталась у него въ памяти. Долго послѣ того, во время холеры, когда онъ, уже женатый, жилъ въ Царскомъ Селѣ, я съ нимъ нечаянно сошелся у П. А. Плетнева, который готовилъ къ печати новый томъ его стихотвореній. Пушкинъ перебиралъ ихъ въ рукописи, читалъ иныя вслухъ, въ томъ числѣ и «Загадку», и, указывая на меня, сказалъ при всѣхъ: «Этотъ стихъ баронъ мнѣ поправилъ».

«Я это разсказалъ» — прибавилъ потомъ Розенъ (ibid., кн. VIII, отд. VI, стр. 47) — «въ честь славнаго писателя, у котораго нѣтъ мелкаго самолюбія, даже въ отношеніи къ новичку». Разсказъ Розена, замѣтилъ В. П. Гаевскій («Дельвигъ», ст. 4-я — «Современникъ» 1854 г., т. 47, крит., стр. 16), показываетъ, «до какой степени были тонки и осторожны литературныя отношенія Пушкина и Дельвига, несмотря на старинную и тѣсную дружбу обоихъ поэтовъ».

Извѣстно, какъ горячо любилъ Пушкинъ своихъ друзей, а особенно Дельвига. «Едва ли не Дельвигъ былъ между пріятелями ближайшая и постояннѣйшая привязанность его... Пушкинъ искренно вѣровалъ въ глубокое поэтическое чувство Дельвига», говоритъ Вяземскій (Сочин. VIII, 442). По словамъ А. П. Керн, они «цѣловали другъ у друга руки и, казалось, не могли наглядѣться одинъ на другого. Они всегда такъ встрѣчались и прощались: была обаятельная прелесть въ ихъ встрѣчахъ и разставаніяхъ... Въ поэтической душѣ Дельвига была какая-то дѣтская ясность, сообщавшая собесѣдникамъ безмятежное чувство счастія, которымъ проникнутъ былъ самъ поэтъ. Этой особенностью Дельвига восхищался Пушкинъ. Прочитавъ въ Одессѣ романсъ Дельвига: «Прекрасный день, счастливый день!..», въ которомъ такъ много ясности и счастія, онъ говорилъ, что прочувствовалъ вполнѣ это младенческое изліяніе души Дельвига, и что самое стихотвореніе этого романса вѣрно передало ему всю свѣтлость чистаго чувства любви поэта. Онъ восхищался притомъ другими піесами Дельвига» (сборн. Л. Н. Майкова «П—пъ», Спб., 1899, стр. 253, 259—260; «П. и его совр—ки», V, 140—157). «Идиллію Дельвига»—писалъ Пушкинъ еще при жизни друга, который изъ скромности отказался напечатать эту замѣтку въ «Сѣверн. цвѣтахъ» 1828 г. (см. «Современникъ» 1846 г., т. 42, стр. 78; Соч. Плетнева, II, 194; «П. и его совр—ки», XII, 21) — для меня удивительны. Какую силу воображенія

должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ XIX столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы, эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ; тощаго, запутаннаго въ мысляхъ; лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ!» Пушкинъ восхищался также его сонетами, для которыхъ онъ «забывалъ гекзаметра священные напѣвы» (см. ниже, № 628). Въ своихъ воспоминаніяхъ о Дельвигѣ Пушкинъ писалъ, что уже въ своихъ первыхъ опытахъ «вдохновенный юноша» обнаружилъ «необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ». (Другія подробности объ ихъ отношеніяхъ см. ниже, въ примѣч. къ № 666). Чувство дружбы въ отзывахъ Пушкина о Дельвигѣ преобладаетъ надъ строгою справедливостью, и поставить своего друга на высокое мѣсто въ литературѣ Пушкину не удалось. Не успѣла «Загадка» появиться въ печати, какъ вызвала насмѣшки (см., между прочимъ, «Сѣверн. Меркурій» 1830 г., № 122, 10 октября, стр. 176, «Смѣсь») и надъ Пушкинымъ, и надъ бѣднымъ «Феокритовымъ», какъ прозывали Дельвига (см. С. Трубачевъ, «П. въ русской критикѣ», Спб., 1889, стр. 108). Пушкину, вѣроятно, самому пришлось прочитать въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» восходящаго Бѣлинскаго, что «пѣсенки Дельвига—поддѣлки подъ народный тактъ», что «Дельвига почитали нѣкогда огречившимся нѣмцемъ... de mortuis aut bene, aut nihil» (Соч. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, I, 354, 367). Впослѣдствіи Бѣлинскій не разъ повторялъ свой приговоръ о Дельвигѣ: «русскія пѣсни Дельвига очень хороши для фортепьяно и пѣнія въ комнатѣ, гдѣ они удобно могутъ быть приняты за народно-русскія пѣсни; въ подражаніяхъ Дельвига древнимъ много внѣшней истины, но не замѣтно главнаго—греческаго содержанія жизни» (то же изд., VII, 37); «русскія пѣсни Дельвига столько же русскія, сколько, напр., идилліи г-жи Дезульеръ теокритовскія» (VIII, 286; см. также IX, 102). «Это была»—говорилъ Бѣлинскій (IX, 96)—«прекрасная личность, которую любили всѣ близкіе къ ней; Дельвигъ любилъ и понималъ поэзію не въ однихъ стихотвореніяхъ, но и въ жизни, и это-то ошибочно увлекло его къ занятію поэзіею какъ своимъ призваніемъ; онъ былъ поэтическая натура, но не поэтъ». О самой «Загадкѣ» въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи Бѣлинскій сказалъ, что она «просто неудачна» (ср. Соч. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, IX, 98). Эта пьеса, говоритъ С. Любомудровъ («Античныемотивы въ поэзіи А. С. П—на», изд. 2-е, Спб., 1901, стр. 48), «дѣйствительно имѣетъ мало достоинствъ и по вычурности выраженія, и по отсутствію обычной силы и пластичности стиха».

---

601. ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ Ц[АРСКОМЪ] С[ЕЛѢ].

(т. III, стр. 72).

Черновики пьесы находятся въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 43—44, съ помѣтою «14 дек. 1829. С.П.Б.», находящейся между предпослѣдней строфой и послѣдней,—но первоначальный замыселъ относится, повидимому, къ 1828 г., такъ какъ въ 2371-й музейной тетради, относящейся къ 1828 г., находимъ (л. 17 об.) отрывокъ, начинающійся стихомъ: «Какъ древле юный расточитель»... и соотвѣтствующій первымъ двѣнадцати стихамъ пьесы; онъ написанъ, вѣроятно, раньше «Полтавы». Я. К. Гротъ («П., его лицейскіе товарищи и наставники», изд. 2-е, стр. 24) связываетъ возникновеніе пьесы съ первымъ посѣщеніемъ Пушкинымъ Царскаго Села въ 1828 г., послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія; весною 1828 г. онъ посѣтилъ лицей, (ibid., 45, 275), но возможно, что бывалъ и раньше (1827 г.) въ Царскомъ Селѣ. Поэтъ оставилъ ее безъ окончательной отдѣлки, и впервые появилась она только въ Анненковскихъ «Матеріалахъ для біогр. П—на», изд. 1855 г., стр. 231—232 (перепеч. въ «Современникѣ» 1855 г., февр., т. XLIX, отд. 1, стр. 213—214), съ замѣчаніемъ, что этотъ «первый, невыправленный очеркъ представляетъ слабую тѣнь того, чѣмъ онъ могъ бы сдѣлаться, если бы художническій рѣзецъ прошелъ еще разъ по немъ; однако же, и въ томъ видѣ, въ какомъ имѣемъ его, онъ еще дорогъ по истинѣ чувства, по задушевному голосу, пробѣгающему въ первыхъ двухъ его строфахъ». Въ подлинникѣ нѣкоторыя исчерканныя мѣста съ трудомъ поддаются прочтенію; текстъ настоящаго изданія ближе къ нему, чѣмъ тексты прежнихъ изданій; въ передачѣ Анненкова, еще испорченной, замѣтимъ, другими издателями, есть ошибки, хотя онъ и увѣрялъ: «только значительный навыкъ, пріобрѣтенный нами въ разборѣ рукописей Пушкина, помогъ намъ списать въ точности и сохранить это драгоцѣнное, во многихъ отношеніяхъ, стихотвореніе». А. В. Дружининъ («А. С. Пушкинъ и послѣднее изданіе его сочиненій»—«Библіот. для чтенія» 1855 г., т. 130, № 3—4, стр. 50) видѣлъ въ немъ, въ связи съ другими упоминаніями о Царскомъ Селѣ у Пушкина («Евгеній Онѣгинъ», гл. 8, «Въ началѣ жизни школу помню я»...) въ эпоху полнаго расцвѣта его генія, «пророчество» о «поэмѣ, въ которой мѣстомъ дѣйствія было бы Царское Село,—и посреди садовъ, такъ святыхъ для поэта, при блескѣ безчисленныхъ огней, въ толпѣ великихъ дѣятелей великаго времени, предстала бы намъ тѣнь Жены, передъ которой склонялась вселенная! Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что въ душѣ Александра Сергѣича зрѣлъ замыселъ подобнаго рода, замыселъ, свято хранимый, можетъ быть не повѣряемый никому до того благословеннаго часа, когда всему существу поэта предстояло задрожать подъ священнымъ налетомъ вдохновенія»... Сомнѣваться въ существованіи такого замысла можно, такъ какъ никакими данными эта догадка не подтверждается, но эта пьеса, давая, при своей неотдѣланности, вполнѣ цѣльное впечатлѣніе, является одною изъ лучшихъ главъ въ той лирической поэмѣ о Царскомъ Селѣ, которую создавалъ Пушкинъ отъ дней своего безмятежнаго расцвѣта въ садахъ лицея до тѣхъ тяжелыхъ дней, когда онъ, простившись съ молодостью, приходилъ туда грустить о невозвратномъ быломъ. «Взгляните»—говоритъ Дружининъ (ор. с., 49—50),—«какъ сознаетъ Пушкинъ значеніе Царскаго Села въ отношеніи къ развитію своего дарованія, какъ всю жизнь свою онъ рвется къ тому мѣсту, гдѣ онъ «забывался поэтомъ», какъ знаетъ онъ въ немъ каждую статую, каждую аллею, во сколькихъ видахъ является у него Царское Село, о которомъ онъ мечтаетъ и въ Одессѣ, и на Кавказѣ, и посреди табора

цыганъ, и въ перестрѣлкѣ съ турками, и въ своемъ сельскомъ домикѣ, одинъ справляя 19 октября, день основанія лицея! Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» онъ воспѣваетъ музу, являвшуюся ему въ садахъ Великой Жены; проживая въ Петербургѣ, онъ ходитъ пѣшкомъ въ Царское Село и, добравшись до тѣнистыхъ аллей, до дворцовъ, до бѣлыхъ статуй между зеленью, забываетъ все горе своей жизни!.. Ребенокъ, убѣгающій отъ наставницы «въ великолѣпный мракъ чужого сада»,—самъ Пушкинъ; поэтъ, бѣгущій «въ широкошумныя дубровы», когда божественный глаголъ вдохновенія касается его чуткаго слуха,—опять-таки Пушкинъ, рвущійся къ поэтическому мѣсту своего воспитанія». Здѣсь онъ могъ повторить: «исчезаютъ заблужденья съ измученной души моей, и воскресаютъ въ ней видѣнья первоначальныхъ, чистыхъ дней». Въ 1828—29 г.г. Пушкинъ переживалъ тяжелый душевный кризисъ: «Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?»—тоскливо спрашивалъ онъ и жаловался: «цѣли нѣтъ передо мною, сердце пусто, празденъ умъ». Апатія грозила овладѣть имъ: «бурной жизнью утомленный, равнодушно бури жду»... «Волненьемъ жизни утомленный, оставя заблужденій путь», онъ то мечталъ о мирѣ и покоѣ безстрастнаго созерцательнаго существованія («Монастырь на Казбекѣ»), для котораго вовсе не былъ созданъ, то оплакивалъ свою юность «утраченную въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ, въ безумствѣ гибельной свободы», и, перечитывая длинный свитокъ воспоминаній, смирялся передъ величіемъ и красотою идеала, который неизмѣнно носилъ въ душѣ и благородно переоцѣнивалъ тяжесть своихъ грѣховъ. «Царскосельскія хранительныя сѣни» приводили ему на память «силу, гордость, упованье и отвагу юныхъ дней», когда онъ мечталъ быть не такимъ, какимъ созналъ себя впослѣдствіи. Для насъ Пушкинъ прекраснъ и въ нашихъ глазахъ оправданъ всей правдой и красотой своей поэзіи и своей жизненной драмой, но самъ онъ судилъ себя инымъ судомъ, судомъ личной совѣсти; «Можно ли не подвигнуться душою, прослушавъ этотъ голосъ, поразительной скорбію, жаромъ и глубокой поэзіей души»! говоритъ Кохановская («Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина»—«Русс. Бесѣда» 1859 г., т. V, отд. III, стр. 76). Пушкинъ тогда еще не созналъ высокой цѣнности своей поэтической личности, не созналъ еще, что «памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный», а въ данномъ случаѣ взглянулъ на свою жизнь какъ на неудавшуюся. Ему не только казалось, что онъ попралъ нравственный идеалъ. Окидывая взоромъ свое прошлое, онъ увидѣлъ въ немъ рядъ неудачъ, изъ которыхъ самой горькой было сердечное одиночество. Его душу жгла неизгладимая память великой любви, «таинственной и унылой», «непризнанной», «отверженной и вѣчной». Еще недавно онъ пережилъ безплодныя увлеченія Олениной и Закревской, а теперь, вѣчный искатель любящаго сердца, онъ мечталъ о Гончаровой. И за всѣ эти «недоступныя мечты» онъ платилъ лучшими сокровищами своей души. Какъ же непохожи были эти мучительныя переживанія на «мечтанья смутныя» нѣжнаго отрочества, съ его безпечностью и радостями пробуждающагося творчества «въ таинственныхъ долинахъ, весной, при кликахъ лебединыхъ, близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ»!... Равнодушная дремота знакомыхъ долинъ, клики старыхъ лебедей, сіяніе тихихъ водъ—вся эта обстановка слишкомъ живо напоминала несчастному поэту о невозвратномъ счастьѣ. Его тогдашнія «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» были только историческими воспоминаніями; собственнаго прошлаго у него еще не могло быть,—теперь къ нимъ примѣшались и возобладали надъ ними личныя и душевныя переживанія. Чувствительный къ историческимъ воспоминаніямъ, Пушкинъ въ числѣ царскосельскихъ памятниковъ снова нашелъ одинъ, бывшій для него возбудителемъ семейной гордости,—колонну съ надписью: «Побѣдамъ Ганнибала». (Ив. Абр.) дяди его матери, «предъ кѣмъ средь гибельныхъ пучинъ громада кораблей вспылала, и палъ впервые Наваринъ» (см. № 641). «Перунъ кагульскихъ береговъ—гр. П. А. Румянцевъ, разбившій въ 1770 г. при Кагулѣ, съ 17000 войска, 150-тысячную турецкую армію (см. №№ 216, 326). «Вождь полупощнаго флага» и «братъ его, герой Архипелага»,—гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій и гр. Ѳ. Г. Орловъ, участникъ боя при Чесмѣ и побѣдитель турецкой эскадры при о. Гюдрѣ (въ честь перваго брата въ Царскомъ Селѣ, среди пруда, воздвигнута columna rostralis; второму также поставленъ памятникъ). Державинъ въ одѣ на кончину Ѳ. Орлова назвалъ его: «орелъ изъ стаи той высокой»; это выраженіе могло подсказать Пушкину образъ «Екатерининыхъ орловъ»; Кутузова (см. № 677) Пушкинъ назвалъ совсѣмъ по державински—послѣднимъ «изъ стаи славной Екатерининскихъ орловъ» (см. Соч. Державина, изд. Я. К. Грота, I. 507). Такъ же чутко, какъ Пушкинъ, вникалъ въ этотъ голосъ прошлаго другой великій поэтъ, Тютчевъ, бывая въ Царскомъ Селѣ: «здѣсь былое чудно вѣетъ обаяніемъ своимъ... здѣсь великое былое словно дышитъ въ забытьи»... («Тихо въ озерѣ струится»...; также «Осенней, позднею порой»...). У Фета есть пьеса «Въ саду», въ которой ясно слышится реминисценція изъ стихотворенія Пушкина.

---

602. ПОѢДЕМЪ, Я ГОТОВЪ...

(т. III, стр. 74).

Черновой автографъ, съ помѣтой «23 дек.», находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 25; по указанію П. А. Ефремова (см. его изданія Сочин. П., 1880 г., II, 429; 1882 г., II, 414; т. VIII, 1905 г., стр. 306), существуетъ еще одна цензурная рукопись пьесы, принадлежавшая В. П. Гаевскому (теперь Александровскому лицею). Въ музейной рукописи послѣ хронологической помѣты слѣдуетъ еще стихъ: «Но полно,—разорву оковы я любви»... («Русс. Стар.» 1884, ноябрь, 350). Впервые пьеса появилась въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1830 г., т. III, № 11, стр. 194—195, подъ заглавіемъ «Элегическій отрывокъ» и съ помѣтой 23 декабря 1829 г., а затѣмъ вошла въ III-ю часть «Стихотвореній Александра Пушкина», стр. 21, безъ заглавія, замѣненнаго въ оглавленіи книги (стр. 207) подзаголовкомъ: «Элегическій отрывокъ», и безъ даты, съ отнесеніемъ къ 1829 г. Текстъ въ обоихъ изданіяхъ одинаковъ, за исключеніемъ 4-го стиха, гдѣ было первоначально: «недвижнаго Китая». Стихотвореніе вполнѣ автобіографично. Оно относится къ той порѣ, общій характеръ которой Анненковъ («Матеріалы для біографіи П — па» изд. 1855 г., стр. 248) вѣрно опредѣляетъ: «исканіе цѣли для своего существованія, выхода изъ обыкновенной все-

дневности, и невозможность избѣжать волненій жизни, которыя и томили, и привлекали его; естественнымъ слѣдствіемъ этого колебанія мысли и воли были неисполнимые (?) предположенія и замыслы». Въ это время (7 января 1830 г.) онъ писалъ А. Х. Бенкендорфу: «не будучи еще ни женатъ, ни опредѣленъ въ службу, я желалъ бы совершить поѣздку во Францію либо въ Италію, но если бы на это не послѣдовало разрѣшенія, то я просилъ бы позволенія посѣтить Китай въ составѣ посольства, которое туда отправляется». Николай Павловичъ на всѣ эти просьбы отвѣтилъ отказомъ, такъ какъ поѣздка въ Европу должна была «разстроить денежныя дѣла» Пушкина и «въ то же время отвлечь его отъ занятій», а прикомандированіе къ посольству въ Китаѣ будто бы было невозможно за заполненіемъ штата и необходимостью предварительнаго соглашенія съ пекинскимъ дворомъ (Переписка П—па, акад. изд., №№ 400, 404). «Надменная», «гордая дѣва», Н. Н. Гончарова, за которую онъ тогда сватался (въ маѣ 1829 г. онъ добился только права «надѣяться»), вскорѣ стала его невѣстой (въ апрѣлѣ), и онъ оставилъ свои мечты о заграничномъ путешествіи, лишь мысленно переносясь иногда въ «Египетъ колоссальный», или на «Кавказъ величавый», или къ скаламъ Шотландіи»... (см. въ III, т. стр. 86—87). Несомнѣнно, поѣздка заграницу была бы ему очень полезна и дала бы ему не только впечатлѣнія иной природы. Когда онъ однажды между пріятелями горячо «руссофильствовалъ и громилъ западъ», А. И. Тургеневъ, передаетъ Вяземскій (Соч., VIII, 168), сказалъ ему: «а знаешь ли что, голубчикъ,—съѣзди ты хоть въ Любекъ»; Пушкинъ расхохотался...» (ср. Соч. Вяземскаго, X, 27). Еще въ Одессѣ, потомъ въ Михайловскомъ, онъ собирался бѣжать заграницу (см. примѣч. къ №№ 385, 387, 417). Въ 1825 г. онъ просилъ позволенія съѣздить заграницу полѣчиться, а получилъ разрѣшеніе лѣчиться въ Псковѣ; въ 1829 г. онъ побывалъ съ русскими войсками въ Арзрумѣ, что, собственно, не могло и считаться заграничной поѣздкой, и получилъ за самовольную отлучку рѣзкій нагоній отъ правительства, въ то же время не переставшаго слѣдить за нимъ. Тѣ страны, о которыхъ мечталъ онъ на рубежѣ 1829—1830 гг., и которыя названы въ письмѣ къ Бенкендорфу, упоминаются и въ стихотвореніи—Китай, Франція, Италія.

Интересъ Пушкина къ Китаю былъ не случайный. Въ его библіотекѣ сохранились книги о Китаѣ, подаренныя ему извѣстнымъ Іакинѳомъ Бичуринымъ, знатокомъ и поклонникомъ китайской культуры («П. и его соврем—ки», IX—X, №№ 267, 347; см. также №№ 139, 581, 591, 596, 756, 1426, 1491, стр. 362). Въ музеѣ калужской архивной комиссіи П. Л. Щегловъ («Три дня въ городѣ Калугѣ»— Новое Время» 1900 г., № 8830; также «Подвижникъ слова», СПБ., 1909, стр. 36) видѣлъ списокъ книгъ, которыми пользовался Пушкинъ во время своего пребыванія у Гончаровыхъ, въ Полотняномъ Заводѣ; въ немъ значатся двѣ книги о Китаѣ. «Богдыханы» названы имъ въ числѣ своихъ «знакомцевъ давнихъ, плодовъ мечты» в ъ перечнѣ поэтическихъ видѣній, содержащемся въ «Осени». Послѣ этого можно повѣрить разсказу А. О. Смирновой («Записки», I, 45) о слѣдующемъ разговорѣ съ Пушкинымъ: «я спросила его: неужели для его счастья необходимо видѣть фарфоровую башню и великую стѣну? что за идея смотрѣть китайскихъ божковъ? Онъ увѣрилъ меня, что мечтаетъ объ этомъ съ тѣхъ поръ, какъ прочелъ «Китайскаго сироту», въ которомъ нѣтъ ничего китайскаго; ему хотѣлось бы написать китайскую драму, чтобы досадить тѣни Вольтера». См. также замѣтку З. «Дѣйствительно ли П-нъ интересовался Китаемъ?» («Нов. Время» 1900 г., № 8832). Еще больше манила его, конечно, Европа, и особенно Парижъ. Сидя въ Михайловскомъ, онъ писалъ Вяземскому: «Ты, который не на привязи, какъ можешь ты оставаться въ Россіи? Если Царь дастъ мнѣ слободу, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги, паровые корабли, Англ. журналы или Парижскіе театры и ..... то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство. Въ 4-й пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь; когда нибудь прочтешь его, и спросишь съ милою улыбкой: гдѣ жъ мой поэтъ? въ немъ дарованіе примѣтно. Услышишь, милая, въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится—ай да умница!» (Перепи. П—на, акад. изд., I, 352). «Для полнаго счастья»—писалъ въ некрологѣ о Пушкинѣ Леве-Веймарсъ («Journal des Débats» — см. «Русск. Стар.» 1900 г., январь, 78)—«Пушкину недоставало только одного: онъ никогда не бывалъ заграницей. Въ первой юности препятствіемъ къ его путешествію по Европѣ служилъ его пылкій образъ мыслей, а впослѣдствіи его не выпускали изъ Россіи семейныя обстоятельства. Съ какимъ страданіемъ во взглядѣ упоминалъ онъ въ разговорѣ о Лондонѣ и въ особенности о Парижѣ! Съ какимъ жаромъ отзывался онъ объ удовольствіи посѣщать знаменитыхъ людей, великихъ ораторовъ, великихъ писателей! Все это оказалось грезами, съ которыми ему пришлось разстаться прежде ихъ осуществленія». О томъ, какъ стремился онъ въ Италію, мы уже говорили (въ примѣч. къ №№ 505, 519); см. также «Записки» Смирновой, I, 90—91. Стихъ «Гдѣ Тасса не поетъ уже почной гребецъ» (см. послѣдніе два стиха XLVIII-й строфы 1 гл. «Онѣгина») напомнилъ П. О. Морозову (Соч. П., изд. «Просвѣщ.», II, 419, 469) стихъ Байрона: «In Venice Tasso's echoes are no more». Своеобразное употребленіе прилагательнаго «мучительный», въ данномъ случаѣ примѣнимаго къ дѣвѣ, у Пушкина встрѣчается не разъ; Байрона онъ называетъ («Гречанкѣ», 1822 г.) «поэтъ мучительный и милый»; тѣнь Ризничъ — «мучительная тѣнь» («Евгеній Онѣгинъ», гл. 6, вар.); «мучительное лицо проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона» (замѣтка о «Полтавѣ»).

Общимъ тономъ и простотой, съ которою Пушкинъ разсказываетъ о своей любви, отрывокъ напоминаетъ пьесу 1828 г. «Каковъ я прежде былъ»... Бѣлинскій въ статьѣ о «Римскихъ элегіяхъ» Гете (Соч., изд. Венгерова, VI, 266) причислилъ его къ антологическимъ стихотвореніямъ по такимъ признакамъ, какъ «простота и единство мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушіе и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грація формы», а въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи назвалъ его въ числѣ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина.

603. БРОЖУ-ЛИ Я ВДОЛЬ УЛИЦЪ ШУМНЫХЪ.

См. въ исторіи текста.

---

604. БЛАГОСЛОВЕНЪ И ДЕНЬ, И ЧАСЪ...

(т. II, стр. 75).

Автографъ этого наброска, впервые напечатаннаго въ «Русс. Старинѣ», 1884 г., ноябрь, 371, находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 106, и воспроизведенъ въ «Русс. Вѣстникѣ» 1899 г., іюнь, 387, а также на указанной страницѣ настоящаго изданія; на той же страницѣ музейной тетради изображены горы, черкесъ, черкешенка, головы Павла I, Александра I, Наполеона и самого поэта въ папахѣ, и приписана помѣта: «25 мая Коби». Ночь съ 24 на 25 мая 1829 г. и слѣдующее утро Пушкинъ провелъ дѣйствительно въ Коби (см. первую главу «Путешествія въ Арзрумъ» и «Труды и дни П-на», изд. 2-е, стр. 188). По какому поводу создался набросокъ, судить трудно. Е. Г. Вейденбаумъ («П-нъ на Кавказѣ въ 1829 г.»—«Русс. Арх.», 1905 г., I, 677) пытается связать его единствомъ внутренняго мотива съ пьесой «На холмахъ Грузіи»... (см. выше, примѣч. къ № 576).

---

605. БЛАГОСЛОВЕНЪ ТВОЙ НОВЫЙ ПУТЬ...

(т. III, стр. 76).

Автографъ этого обрывка, еще неизвѣстный въ печати, находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина. Онъ набросанъ на лоскуткѣ бумаги и носитъ помѣту: «[Д]ушетъ 27 мая», благодаря чему легко устанавливается годъ—1829-й; ночь съ 26 на 27 мая и утро Пушкинъ провелъ дѣйствительно въ Душетѣ (см. первую главу «Путешествія въ Арзрумъ», «Труды и дни П-на, изд. 2-е, стр. 189). Быть-можетъ, набросокъ стоитъ въ связи съ предыдущимъ: «Благословенъ и день, и часъ»...

---

606. И ЧУВСТВУЮ—ДУША ВЪ СЕЙ ЧАСЪ...

(т. III, стр. 76).

Автографъ этого наброска находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 107. Впервые онъ напечатанъ П. Анненковымъ въ его изданіи сочиненій Пушкина (I, 346) въ числѣ тѣхъ не датированныхъ «чисто-лирическихъ звуковъ, въ которыхъ заключенъ одинъ порывъ, душа, одна мысль, тревожно мелькнувшая въ головѣ поэта», и которые были «писаны въ разное время, и въ цѣпи стихотвореній настоящее мѣсто ихъ было извѣстно только самому автору... Есть между ними такіе, которые не тронуты съ минуты ихъ изложенія. Пушкинъ, вѣроятно, забылъ объ нихъ, вмѣстѣ, можетъ быть, съ чувствами, возбудившими поэтическую мысль. Поблеклые отъ времени и пренебреженные самимъ авторомъ, они сохранились въ бумагахъ его, какъ сохраняется у знаменитаго художника старый рисунокъ его, на который, при случаѣ, онъ броситъ взглядъ съ участіемъ»... Въ болѣе вѣрной передачѣ напечатанъ набросокъ въ «Русс. Старинѣ», 1884 г. ноябрь, 371. Въ изданіяхъ Г. Н. Геннади (1859 г., I, 602, 1870 г., I) онъ, какъ у Анненкова напечатанъ безъ даты, П. О. Морозовъ въ изданіи литерат. фонда (I, 232), Л. Н. Майковъ («Матеріалы для академич. изд., сочин. П.», 77) и П. А. Ефремовъ въ своихъ изданіяхъ сочиненій П—на (1880 г., I, 326; 1882 г., I, 509; 1902 г., I, 379; см. также «А. С. П—нъ въ его поэзіи» А. Незеленова, Спб., 1882, стр. 67). отнесли его, думая что онъ вызванъ «юрзуфскими» воспоминаніями, къ 1820 г. Однако, судя по положенію его среди другихъ черновиковъ и по весьма вѣроятному предположенію о связи его съ записаннымъ на слѣдующей страницѣ рукописи черновикомъ пьесы «На холмахъ Грузіи лежитъ почная мгла».. его нужно отнести къ маю 1829 г. На эту связь указалъ В. Е. Якушкинъ («О П—нѣ», М., 1899, стр. 132), въ разборѣ «Матеріаловъ» Л. Н. Майкова и книги Шляпкина («Новыя изданія текстовъ П—на»—«Русс. Вѣдом.», 1903 г., № 66) еще разъ и опредѣленнѣе высказавшійся: весьма вѣроятно, что набросокъ «И чувствую» имѣетъ прямое отношеніе къ элегіи, находящейся на оборотѣ: «Все тихо, на Кавказъ идетъ почная мгла»... и помѣченной 15 мая. Во всякомъ случаѣ, по указаніямъ рукописи мы должны признать, что данный набросокъ написанъ въ 1829 г., и что въ немъ отражаются воспоминанія не о Гурзуфѣ и М. (?) Н. Раевской, а воспоминанія на Кавказѣ о Москвѣ и о Гончаровой (?) (Насколько послѣдняя догадка заслуживаетъ довѣрія см. выше, примѣч. къ № 576). Присоединился къ этому указанію П. А. Шляпкинъ («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. П—на», Спб., 1903, стр. 8).

---

607. КРИТОНЪ, РОСКОШНЫЙ ГРАЖДАНИНЪ...

(т. III, стр. 76).

«Въ Арзрумѣ, 14 іюня (1829 г.) промелькнула въ головѣ (Пушкина) мысль, не оставившая потомъ никакого слѣда», говоритъ Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій П—на (I, 222), впервые печатая не совсѣмъ точно и полно этотъ набросокъ, въ болѣе исправной и полной редакціи появившійся въ «Русс. Стар.», 1884 г., ноябрь, 357, съ подлинника, находящагося въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 103. Обыкновенно онъ датируется издателями такъ: «14 іюля, Арзрумъ, баня, чума», но эта помѣта стоитъ надъ стихотвореніемъ и, конечно, относится не къ нему, а къ путевому журналу и означаетъ день, когда Пушкинъ, находясь въ Арзрумѣ, посѣтилъ баню и узналъ, что въ городѣ появилась чума; объ этомъ см. пятую главу «Путешествія въ Арзрумъ», гдѣ повторена эта дата—14 іюля (у Анненкова «іюня» описка или опечатка); см. «Труды и дни Пушкина», изд. 2-е, стр. 190, 193; «Русс. Стар.», 1880 г., іюнь, 320. Но на той же страницѣ рукописи, рядомъ съ пьесой, стоитъ другая помѣта—16 іюня, которую можно считать ея точной датой. Эпитетъ «роскошный гражданинъ» уже былъ однажды употребленъ Пушкинымъ также въ примѣненіи къ деяди древности—именно къ Овидію, котораго онъ въ извѣстной пьесѣ 1821 г. назвалъ: «Златой Италіи роскошный гражданинъ». Имя Критона Пушкинъ далъ впослѣдствіи другому своему изящному античному герою: одинъ изъ принимающихъ плѣнительно-ужасный вызовъ Клеопатры, въ «Египетскихъ ночахъ»,—«Критонъ, младой му-

грецъ, рожденной въ рощахъ Эпикура, Критонъ поклонникъ и пѣвецъ Харитъ, Киприды и Амура»... Таковъ, повидимому, и герой разсматриваемой пьесы, который тоже «во цвѣтѣ жизни предавался всѣмъ упоеньямъ бытія». Повидимому, она не должна была носить антологическій характеръ, а была приступомъ къ развитію болѣе сложнаго замысла, о которомъ можно лишь смутно догадываться. Керамикъ—площадь въ Аѳинахъ.

---

608. БЫЛЪ И Я СРЕДИ ДОНЦОВЪ...

(т. III, стр. 76).

Впервые пьеса была напечатана П. В. Анненковымъ въ его изданіи сочиненій Пушкина (I, 222), въ числѣ «нѣсколькихъ бѣглыхъ мыслей, навѣянныхъ случаемъ, встрѣчей, минутной вспышкой вдохновенія» и сохранившихся въ тетрадяхъ Пушкина временъ путешествія 1829 г. на Кавказъ. Она не вполнѣ отдѣлана; варіанты сообщены въ «Рус. Стар.» 1884 г., ноябрь, 357—358, съ подлинника находящагося въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 103, а также л. 102 об. (о текстѣ см. въ общей статьѣ, посвященной тексту). По поводу происхожденія пьесы Анненковъ говоритъ: «на обратномъ пути изъ Арзрума въ Тифлисъ тридцать человѣкъ линейныхъ казаковъ, сопровождавшихъ Пушкина и возвращавшихся на родину, встрѣтили казачій полкъ, шедшій имъ на смѣну. Привѣтственные выстрѣлы изъ пистолетовъ загремѣли съ обѣихъ сторонъ въ знакъ радости, а потомъ земляки наскоро обмѣнялись новостями, которыя внушили Пушкину нѣсколько строчекъ»... Здѣсь Анненковъ пересказалъ содержаніе одного, не включеннаго, по цензурнымъ, конечно, условіямъ, въ «Путешествіе въ Арзрумъ» отрывка, гдѣ описывается встрѣча двухъ казачьихъ отрядовъ. Разговоры и разспросы земляковъ о домашнихъ дѣлахъ, обѣщаніе казака, который узналъ, что ему измѣнила оставшаяся дома жена, побить виновницу, а «коли сѣна на зиму припасла, такъ и простить», навели поэта на размышленія «о простотѣ казачьихъ нравовъ» (В. Е. Якушкинъ, «О Пушкинѣ», М., 1899, стр. 172—174), и плодомъ этихъ, можетъ быть, мыслей явилась граціозная, веселая пьеска, написанная въ рѣдкой у Пушкина куплетной формѣ. Л. Н. Поливановъ (см. его изданіе сочин. Пушкина, I, изд. 3-е, 294) рѣшилъ, что она «написана во второй половинѣ іюля, на возвратномъ пути изъ Арзрума въ Тифлисъ», но такъ какъ этого не видно ни изъ самого стихотворенія, ни изъ упомянутаго прозаическаго отрывка, который Анненковъ, по словамъ П. А. Ефремова (см. его изданіе сочин. П., 1903 г., V, 225), «переписалъ, не обозначивъ, однако, мѣста, къ которому онъ принадлежалъ» (у Ефремова онъ присоединенъ почему-то къ первой главѣ «Путешествія въ Арзрумъ; см. Е. Г. Вейденбаумъ «Пушкинъ на Кавказѣ въ 1829 г.»—«Русс. Арх.», 1905 г., I, 678), то, за невозможностью ни судить о времени описанной Пушкинымъ встрѣчи казачьихъ отрядовъ, ни категорически считать пьесу вытекшей изъ впечатлѣній этой встрѣчи, ее, по изложеннымъ соображеніямъ и по положенію автографа въ черновой тетради, нельзя датировать точнѣе, какъ второй половиной 1829 года. Она положена на музыку Л. Ф. Энгелемъ («Памяти П—на, Петербургск. универс. пушк. сборн.», 1900 г., стр. 70). См. также предыдущее примѣчаніе.

609. ПОЛЮБИ МЕНЯ, ДѢВИЦА...

(т. III, стр. 76).

Автографъ этого чернового наброска находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 101 об.; и, судя по положенію его среди другихъ черновиковъ, относится къ началу осени 1829 г.; впервые онъ былъ напечатанъ, не совсѣмъ точно, въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., ноябрь, 358. Создался онъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ знакомства съ казачьимъ бытомъ и пѣснями и посѣщеній казачьихъ станицъ въ 1829 г., по дорогѣ съ Кавказа на сѣверъ. См. также слѣдующее примѣчаніе.

---

610. ЗОРЮ БЬЮТЪ...

(т. III, стр. 76).

Впервые напечаталъ это «стихотвореніе, порожденное внезапнымъ звукомъ военной зори, поразившимъ поэта», П. В. Анненковъ (см. его изданіе сочин. П., I, 223). Подлинникъ находится въ 2382-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 104 об.; варіанты приведены въ «Русс. Стар.», 1884 г., ноябрь, 370. Анненковъ и вслѣдъ за нимъ всѣ другіе издатели относятъ пьесу къ 1829 г.; эта датировка оправдывается положеніемъ автографа въ черновой тетради. Нѣсколько точнѣе можно датировать ее второю половиною года. Съ собою на кавказскомъ театрѣ войны Пушкинъ возилъ нѣсколько книгъ (см. М. В. Юзефовичъ «Памяти Пушкина» — «Русс. Арх.» 1880 г., III, 444); въ числѣ ихъ, можетъ быть, находился и Данте. Въ его библіотекѣ сохранилось нѣсколько изданій Данте въ подлинникѣ и во французскихъ переводахъ, въ числѣ послѣднихъ—приписанное переложеніе, изданное въ 1596 г.—быть можетъ, тотъ самый «ветхій Данте», о которомъ говоритъ поэтъ, если считать эпитетъ «ветхій» приложеннымъ къ старинному изданію, а не къ самому поэту XIII вѣка; есть изданія 1828 и 1829 г., остальныя позднѣе (см. «П. и его современники, IX—X, стр. 217—219). «Выраженіе «Начатый стихъ» — говоритъ В. Я. Брюсовъ («Зналъ ли П. по-итальянски?»—«Русс. Арх.», 1908, III, 585)—«позволяетъ думать, что Пушкинъ читалъ Данте по-итальянски. Въ рукахъ Пушкина могло быть одно изъ многочисленныхъ французскихъ изданій Данте, дающихъ французскій переводъ Комедіи и итальянскій текстъ en regard; но все же надо полагать, что въ важныхъ мѣстахъ Пушкинъ справлялся съ подлиннымъ стихомъ поэта». Во всякомъ случаѣ въ библіотекѣ Пушкина нѣтъ ни одного изданія съ двойнымъ текстомъ; въ упомянутомъ старинномъ французскомъ стихотворномъ переводѣ нѣтъ итальянскаго текста. Конечно, у Пушкина могъ быть экземпляръ другого изданія, намъ неизвѣстный. Пушкинъ, разсказывается «въ запискахъ А. О. Смирновой (т. I, 1895 г., стр. 185), «бралъ съ собой «Божественную комедію» въ Эрзерумъ и читалъ ее часто у себя въ палаткѣ, освѣщенной огаркомъ, вставленнымъ въ бутылку. Онъ говорилъ, что въ то время чтеніе это производило на него совсѣмъ особенное успокоительное впечатлѣніе. Зрѣлище войны возбуждало его, голова его горѣла, а величіе Данте, который самъ былъ одно время солдатомъ, успокаивало его ныляющую голову»; впрочемъ, зная рецептъ составленія

смирновскихъ записокъ, можно думать, что это «воспоминаніе» просто сочинено именно по Анненкову и собранію произведеній Пушкина. Если 5-й стихъ нужно читать дѣйствительно «Умъ далече улетаетъ», то онъ напоминаетъ стихъ изъ эпилога «Руслана и Людмилы»: «Умъ улеталъ за край земной». Къ барабанному бою «зори» Пушкинъ привыкъ еще въ Царскомъ Селѣ, гдѣ до него всегда доносились эти звуки изъ казармъ или съ дворцовой караульни. Слушая ихъ на Кавказѣ, онъ тепло и благодарно вспомнилъ свои юношескіе годы, когда онъ «тихо развивался», «въ садахъ Лицея безмятежно расцвѣталъ». Объ отношеніяхъ Пушкина къ Данте см. ниже, примѣч. къ № 693.

---

611. ЕЩЕ ОДНОЙ ВЫСОКОЙ, ВАЖНОЙ ПѢСНИ...

(т. III, стр. 76).

Испещренный множествомъ помарокъ, трудно поддающійся прочтенію черновой набросокъ этой пьесы находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 27. Часть стиховъ впервые была напечатана въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., ноябрь, 351—352, а нѣсколько болѣе полный, хотя тоже не совсѣмъ исправный текстъ далъ П. О. Морозовъ въ изданіи литературнаго фонда (II, 85—86), отнесшій пьесу къ концу 1829 г., такъ какъ въ музейной тетради ей предшествуютъ и за нею слѣдуютъ наброски «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ»... Осторожнѣе будетъ датировать пьесу не столь опредѣленно—концомъ 1829 или началомъ 1830 г. Текстъ ея и въ настоящемъ изданіи, естественно, не можетъ считаться вполнѣ точнымъ (см. въ общей статьѣ о текстѣ). Пьеса есть довольно близкій къ подлиннику переводъ первыхъ 32 стиховъ «Hymn to the Penates» Роберта Соути (изъ него Пушкинъ перевелъ также «Родрига», см. ниже, № 734), но не только переводъ, а еще интимно-лирическое выраженіе завѣтныхъ чувствъ и думъ самого Пушкина. Отъ нея, говоритъ не знавшій, что она есть переводъ, С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи П-на», изд. 2-е, Спб., 1901, стр. 39—40), «вѣетъ чистоантичнымъ духомъ... Вчитываясь въ это стихотвореніе, невольно проникаешься изумленіемъ, до какой степени Пушкинъ, не знавшій греческаго языка, былъ способенъ усвоить себѣ чисто-древнеэллинское міровоззрѣніе. Кажется, будто читаешь произведеніе какого-нибудь поэта-философа времени Сократа, когда народная миѳологія перестала уже удовлетворять пытливую фантазію, когда остывшая вѣра подернулась уже туманомъ скептицизма, и мысль передовыхъ людей тщетно старалась создать своихъ боговъ и подыскать для нихъ новую генеалогію. Правда, въ приведенномъ отрывкѣ съ чисто-филологической точки зрѣнія встрѣчается непростительный промахъ—перенесеніе римскихъ «пенатовъ» въ греческую миѳологію, но эта вольность или неточность, кстати сказать, встрѣчающаяся даже у архи-язычника Гёте, въ значительной степени выкупается такими чисто Гомеровскими эпитетами, какъ: «совѣтники Зевеса», «волоокая Гера», «мудрая богиня, дѣва силы, Аѳинская Паллада». Посвященіе гимна богамъ домашняго очага имѣетъ особыя причины, кроющіяся въ тогдашнихъ обстоятельствахъ жизни поэта. Извѣстно, съ какими чувствами поѣхалъ онъ въ 1829 году на Кавказъ. Увлеченіе Гончаровой, неопредѣленный отвѣтъ, не дававшій ни надежды, ни отказа вызвали въ немъ еще сильнѣе потребность тихаго семейнаго счастья, искаціе своего собственнаго семейнаго очага... Поэтъ предается мечтамъ о своемъ прошломъ: онъ вспоминаетъ «свое изгнаніе», «свою пустынную жизнь»,—и образъ «святого пепелища» возстаетъ передъ нимъ съ неудержимой силой. Невольно воображеніе переноситъ его въ родное Михайловское, гдѣ вдали отъ «стада людского» онъ предавался уединенной работѣ мысли «бесѣдуя одинъ съ самимъ собой» и учась не полагаться на мнѣнія толпы, но «чтить самого себя», уважая свое собственное человѣческое достоинство». Часть этихъ замѣчаній приходится отнести къ Соути, но не подлежитъ сомнѣнію, что Пушкинъ нашелъ у англійскаго поэта выраженіе того, что самъ мыслилъ и чувствовалъ, и между прочимъ нравственно-философскую истину, которую провозгласилъ на закатѣ своихъ дней: «никому отчета не давать, себѣ лишь самому служить и угождать» («Изъ VI Пиндемонте»). Еще задолго до рокового конца, когда онъ, «усталый рабъ, замыслилъ побѣгъ въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ» (см. «Пора, мой другъ! пора,»...), ему наскучило быть игралищемъ обстоятельствъ, и его влекло въ объятія «сельской тѣни и домашней тишины» («Цыганы», 1830 г.). Рѣдко, гдѣ Пушкинъ обнаружилъ такъ ясно сущность своей души, ея внутреннюю красоту и глубокую мудрость, какъ въ этой вдохновенной молитвѣ, чтобы прекратилась «пустынная», пустая при всей ея внѣшней пестротѣ, суетная жизнь, и началась новая, полная творческаго покоя и созерцательной тишины; рѣдко посылала ему вдохновеніе такія «пѣсни важныя, внушенныя богами».

Слова «смолкнувшую лиру»... и т. д. напоминаютъ стихи изъ «Опѣгина» («Странствіе XXXII): «вѣтру въ даръ, на темпу ель новѣсилъ звонкую свирѣль». Ѳ. Е. Коршъ обратилъ вниманіе на дѣйствительно неудобное сочетаніе звуковъ въ словахъ «Великій Зевсъ съ супругой» («Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» Пушкина по записи Д. П. Зуева», Спб., 1898, стр. 297). которое, конечно, Пушкинъ устранилъ бы, если бы отдѣлалъ стихотвореніе. Быть можетъ, съ нимъ связана неизданная еще пьеса» О боги мирные полей, дубравъ и горъ»... («П. и его соврем—ки», IV, 20).

---

612. ЗАЧѢМЪ, [ЕЛЕНА], ТАКЪ ПУГЛИВО...

(т. III, стр. 77).

Съ чернового подлинника, находящагося въ 2382-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 17, этотъ набросокъ впервые былъ напечатанъ въ «Русс. Стар.», 1884 г., ноябрь, 348 (о текстѣ см. въ общей статьѣ, посвященной тексту). Судя по положенію, онъ относится къ второй половинѣ 1829 г. Судить о его замыслѣ невозможно.

---

613. ВО ВРЕМЯ ОНОЕ, БЫЛОЕ...

(т. III, стр. 77).

Очень исчерканное стихотвореніе это находится въ 2382-й тетради московскаго Румянцов

скаго музея, л. 39 об.; впервые оно было напечатано, не совсѣмъ точно, въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., ноябрь, 355; судя по положенію среди другихъ черновиковъ, оно относится къ второй половинѣ 1829 г., а, можетъ-быть, и къ 1830 г. Здѣсь Пушкинъ вспоминаетъ о своей первой поѣздкѣ на Кавказъ, въ 1820 г., когда онъ «питался чувствами нѣмыми и чудной прелестью картинъ природы дикой и угрюмой» («Руслан и Людмила») и, обѣщалъ никогда не забывать «кремнистыя вершины, гремучіе ключи, увядшія равнины, пустыни знойныя» (посвященіе «Кавказскаго Плѣнника»). Но тогда Пушкинъ побывалъ собственно только въ Предкавказьѣ и въ его «святилище глухое», какъ названо, вѣроятно, Даріальское ущелье, поэту удалось попасть лишь въ 1829 г. «Кавказъ насъ принялъ въ свое святилищѣ», говоритъ Пушкинъ, описывая начало Военно-Грузинской дороги (первая глава «Путешествія въ Арзрумъ»): «мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ... Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь»... Въ кабинетѣ Пушкина висѣла картина Чернецова, изображающая Даріальское ущелье (Каталогъ Московс. Пушкинской выставки 1899 г., № 398).

---

614. И ВОТЪ УЩЕЛЬЕ МРАЧНЫХЪ СКАЛЪ...

(т. III, стр. 77).

Непосредственно за предыдущимъ наброскомъ на слѣдующей страницѣ рукописи (2382-я тетрадь московскаго Румянцовскаго музея, л. 40а об.) находятся сильно исчерканныя строки, изъ которыхъ поддаются прочтенію лишь четыре приведенныя, впервые напечатанныя въ «Русс. Стар.» 1884 г., ноябрь, 355. Можно предположить, что онѣ представляютъ собою дальнѣйшее развитіе стихотворенія: «Во время оное, былое»...; въ нихъ описывается, повидимому, выходъ изъ Даріальскаго ущелья, когда «свѣтлыя долины смѣнили мрачныя ущелія и грозный Терекъ»... («Путешествіе въ Арзрумъ», гл. I).

---

615. СТРАШНО И СКУЧНО.

(т. III, стр. 78).

На той же страницѣ, гдѣ записанъ предыдущій набросокъ, находятся эти, очень исчерканные, стихи, связанные съ предшествующими имъ единствомъ содержанія, а, можетъ-быть, и творческаго замысла. Они впервые напечатаны, не совсѣмъ точно, въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., ноябрь, 356. Повидимому, въ нихъ описывается Даріальское ущелье, гдѣ Пушкинъ почевалъ (въ Ларсѣ) на «новосельѣ», такъ какъ былъ здѣсь въ 1829 г. въ первый разъ. Прозаическимъ комментаріемъ къ стихамъ можетъ служить отрывокъ изъ первой главы «Путешествія въ Арзрумъ», гдѣ говорится о Даріальскомъ ущельѣ. «Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишетъ одинъ путешественникъ, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тѣснота. Клочекъ неба, какъ лента, синѣетъ надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, страшную картину Рембрандта. Къ тому же и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ... Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего вниманія»... Вѣроятно, всѣ три отрывка, отмѣченные здѣсь №№ 613—615, вышли изъ одного замысла (описаніе поѣздки и Военно-Грузинской дороги) и относятся приблизительно къ одному времени.

---

616. БЫТЬ ВЪ СРАЖЕНЬИ ПОХВАЛЬНО...

(т. III, стр. 78).

Съ копіи П. В. Анненкова П. А. Шляпкинъ («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб., 1903, стр. 69—70) напечаталъ впервые это стихотвореніе и предположительно отнесъ его къ 1829 году, думая, вѣроятно, что въ немъ Пушкинъ говоритъ о своихъ кавказскихъ впечатлѣніяхъ этого года. П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (изд. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 313), съ «эстетической» точки зрѣнія, усомнился въ принадлежности его Пушкину. Однако, въ принадлежащихъ Анненкову, а потомъ Л. Н. Майкову бумагахъ Пушкина (майковская коллекція рукописей Пушкина въ академіи наукъ) оказался автографъ пьесы, по словамъ описанія коллекціи («П. и его соврем-ки», IV, 5—6), набросанный, съ померками, на бумагѣ съ клеймомъ 1822 г.; авторъ «описанія» почему-то думаетъ, что пьеса относится къ 1824—1825 г.г. Намъ не представляется возможнымъ датировать ее точнѣе, чѣмъ двадцатыми годами. Поэтъ выразилъ въ ней свое пензмѣнное, трезвое и мужественное отношеніе къ войнѣ; она прельщала его своими опасностями, нравилась красотою и въ то же время не гасила свѣтлыхъ, гуманныхъ чувствъ, которыя, находилъ Пушкинъ, встрѣчаются рѣже, чѣмъ воинская храбрость. См. во II томѣ настоящ. изданія, примѣч. къ № 278.

---

617. ХОТѢЛЪ Я ДУШУ ОСВѢТИТЬ...

(т. III, стр. 78).

Этотъ набросокъ, какъ и предыдущій, былъ впервые напечатанъ, съ не совсѣмъ точной анненковской копіи, П. А. Шляпкинымъ (ор. с., 70), также предположительно отнесенъ къ 1829 г. на томъ основаніи, что «кажется, это начало стихотворенія, написаннаго одновременно или послѣ эрзерумской поѣздки 1829 г.», и такъ же, какъ и предыдущій, подвергнутъ П. А. Ефремовымъ (ibid) сомнѣнію въ отношеніи принадлежности перу Пушкина. Это сомнѣніе и безъ того неосновательное, совершенно устраняется оказавшимся въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина автографомъ («П. и его соврем-ки», IV, 16), написаннымъ на бумагѣ съ клеймомъ 1829 г. Такимъ образомъ, отрывокъ надо считать набросаннымъ позднѣе 1829 года; такъ какъ на томъ же листкѣ записаны нѣсколько плановъ «Дубровскаго», то отрывокъ приходится датировать не опредѣленнѣе, какъ тридцатыми

годами. Вѣроятно, создался онъ дѣйствительно подъ вліяніемъ воспоминаній о путешествіи 1829 года на кавказскій театръ войны, гдѣ поэтъ искалъ «не злата и честей», а «забвенья сладкаго близъ друзей минувшей юности», брата Льва Сергѣевича, Вальховскаго, Н. Н. Раевскаго.

---

618. О, ПѢТЪ, МНѢ ЖИЗНЬ НЕ НАДОѢЛА...

(т. III, стр. 78).

Автографъ этого чернового наброска находится въ пріобрѣтенномъ правительствомъ у А. Ѳ. Отто (псевд. Онѣгинъ) собраніи рукописей Пушкина («П. и его соврем-ки», XII, 18). Впервые онъ былъ напечатанъ въ «Нов. Времени» 29 января 1887 г., № 3922, но неточно. 2-й стихъ, судя по описанію (ibid.), читается: «Я жить люблю, я жить хочу»...; самый подлинникъ еще остается недоступнымъ. П. О. Морозовъ (Сочин. П., изд. «Просвѣщенія», II, 218) почему-то отнесъ его къ 1836 г.; по мнѣнію бывшаго владѣльца подлинника онъ относится къ двадцатымъ годамъ (см. Сочин. Пушкина, изд. Ефремова, т. VIII, 1905 г., стр. 307—308). Правда, Пушкинъ говоритъ объ «утратѣ молодости», концомъ которой онъ считалъ для себя тридцатилѣтній возрастъ: «ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ? Такъ, полдень мой насталъ»... («Евгеній Онѣгинъ», 6, XLIV—XLV); себя, «жениха тридцатилѣтняго», онъ считалъ, повидимому, уже немолодымъ женихомъ (письмо къ Плетневу 31 августа 1830 г.), но подобныя данныя слишкомъ шатки и неопредѣленны, и на нихъ трудно основываться. Вопросъ о датѣ разсматриваемаго наброска, такимъ образомъ, остается открытымъ. Обычное пушкинское жизнечувствіе отразилось въ немъ. Несмотря на неотвязную мысль о смерти (см. выше, примѣч. къ № 603), онъ все-таки любилъ жизнь, хотѣлъ жить, «чтобъ мыслить и страдать», или даже ради одного «любопытства» (см. ниже, № 632) и боялся смерти—но не такъ, какъ Гамлетъ и Лермонтовъ («Что если сонъ видѣнья посѣтятъ!»...), а иначе, по-своему, страшась, что «съ ризой гробовой всѣ чувства брошу я земныя, и чуждъ мнѣ будетъ міръ земной... минутныхъ жизни впечатлѣній не сохранитъ душа моя, не буду вѣдать сожалѣній, тоску любви забуду я»... («Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный»..., 1822 г.). И если такъ, то «что въ смерти добраго?» и страшно идти въ «могилу темную».

---

619. ТО БЫЛО ВСКОРѢ ПОСЛѢ БОЯ...

(т. III, стр. 78).

Впервые этотъ черновой набросокъ, въ настоящемъ изданіи переданный въ «извлеченіи», былъ напечатанъ съ подлинника П. А. Плетневымъ («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб. 1903, стр. VIII и 11), подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Послѣ битвы» и съ отнесеніемъ къ 1829 году на томъ основаніи, что въ немъ будто бы «отразились кавказскія впечатлѣнія изъ Эрзрумской поѣздки 1829 года». Между тѣмъ, какъ указалъ П. О Морозовъ (Сочин. II., изд. «Просвѣщенія», III, 643), это—попытка перевести начальную строфу «Мазепы» Байрона, изъ которой Пушкинъ взялъ три стиха въ видѣ эпиграфа къ «Полтавѣ» (въ первомъ изданіи поэмы). Ср. замѣчанія П. Е. Щеголева въ статьѣ «Неизданныя стихотворенія Пушкина»—«Историч. Вѣстн.», 1904, январь, 269—270. На оборотѣ подлинника набросанъ отрывокъ изъ чернового письма 1835 г. къ гр. А. Ѳ. Бенкендорфу, вслѣдствіе чего В. В. Сиповскій («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1903 г., іюнь, 449) отнесъ стихотвореніе къ 1835—1836 г.г. По словамъ П. Е. Щеголева (ibid), подлинникъ носитъ клеймо 1830 г. (?) Такимъ образомъ, отрывокъ можно датировать приблизительно тридцатыми годами и считать не связаннымъ съ «Полтавой», а самостоятельнымъ приступомъ къ переводу изъ Байрона.

619-а. «ЭПИГРАММА».

Сѣдой Свистовъ! ты царствовалъ со славой;
Пора, пора! сложи съ себя вѣнецъ:
Питомецъ твой младой, цвѣтущій, здравой
Тебя смѣнитъ, великій нашъ пѣвецъ!
Се: внемлетъ мнѣ маститый собесѣдникъ,
Свершается судьбины произволъ,
Является младой его наслѣдникъ:
Свистовъ II вступаетъ на престолъ!

Арз.

Впервые эта эпиграмма появилась въ «Сѣверн. Цвѣтахъ» на 1830 г., «Поэзія», стр. 97, а затѣмъ мы ее воспроизвели, какъ предполагаемую пьесу Пушкина, въ «Рѣчи» 1910 г., № 52, еще не зная, что стихотвореніе, подлинникъ котораго неизвѣстенъ, упомянуто Пушкинымъ въ одномъ перечнѣ стихотвореній, гдѣ рядомъ съ посланіемъ «Къ вельможѣ», отмѣчено:—«Сѣдой Хв.» (см. «П. и его совр—ки», IV, 24—25). Псевдонимъ, которымъ подписана «Эпиграмма», не раскрытъ въ современной Пушкину литературѣ; въ той же книжкѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» онъ только повторенъ въ оглавленіи (стр. IV), рядомъ съ именами Пушкина же, а также Баратынскаго, Вяземскаго, Дельвига, Подолинскаго, Вас. Тумапскаго, Теплякова, Хомякова и другихъ популярныхъ поэтовъ пушкинской эпохи. Раскрытіе псевдонима мы встрѣтили въ книгѣ В. С. Карцова и М. И. Мазаева. «Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей», Спб., 1891, стр. 10, гдѣ указано: «Арз. («Сѣверные Цвѣты» 1830 г.) А. С. Пушкинъ.

«Эпиграмма» носитъ всѣ признаки принадлежности перу Пушкина, и съ нею связывается любопытный эпизодъ. «Свистовымъ» въ сатирической литературѣ пушкинскихъ временъ называли знаменитаго метромана графа Д. И. Хвостова, но чьему-то (едва ли не Пушкина) мѣткому выраженію страдавшаго «недержаніемъ стиховъ» «Свистовымъ» называлъ Хвостова и Пушкинъ («Городокъ», «Моему Аристарху»). До насъ дошли уморительныя пародіи на Хвостова, сочинявшіяся молодыми новаторами-карамзинистами въ безшабашно-веселыхъ засѣда-

ніяхъ прославленнаго литературнаго общества «Арзамасъ». Пушкинъ не только раздѣлялъ литературные взгляды «Арзамаса», но еще на лицейской скамьѣ принадлежалъ къ нему въ качествѣ неприсутствующаго члена. Выйдя изъ лицея, онъ вступилъ въ Арзамасъ на правахъ дѣйствительнаго члена и при этомъ произнесъ, согласно обычаю, вмѣсто вступительной рѣчи, юмористическое надгробное похвальное слово кому-то изъ литературныхъ противниковъ (см. т. I настоящ. изд., стр. 430). Подъ посланіемъ 1817 года «Къ Жуковскому», содержащимъ своего рода программу дѣятельности «Арзамаса», Пушкинъ подписался: «Арзамасецъ». Статью свою «О Г-жѣ Сталь и Г-нѣ М.» (въ Московск. Телегр.» 1825 г., № 12) Пушкинъ подписалъ «Ст. Ар.», т. е. «Старый Арзамасецъ». Эта подпись объясняетъ псевдонимъ «Арз.». Несомнѣнно, «Арз.» значитъ—«Арзамасецъ». И по содержанію интересующей насъ «Эпиграммы», и по имени Свистова, и по подписи ясно, что это стихотвореніе относится къ временамъ «Арзамаса» и представляетъ собою одинъ изъ слѣдовъ его дѣятельности. Въ числѣ участниковъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» 1830 г. мы находимъ лишь двухъ бывшихъ арзамасцевъ—Пушкина и князя П. А. Вяземскаго. Но ни «Арзамасцемъ», ни «Арз.» Вяземскій никогда не подписывался; этихъ псевдонимовъ нѣтъ въ полномъ спискѣ его псевдонимовъ, который составилъ, пользуясь его же указаніями, извѣстный библіографъ С. П. Пономаревъ («Сбори. отд. русс. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ»), т. XX, прилож. «Памяти кн. П. А. Вяземскаго, стр. 140—141). И вообще нигдѣ больше не встрѣчаются подписи: «Арзамасецъ» и «Арз.». Кто же, кромѣ Пушкина, могъ подписаться этимъ псевдонимомъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ»? Въ той же книжкѣ альманаха, гдѣ помѣщена «Эпиграмма», напечатаны еще отрывокъ изъ седьмой главы «Евгенія Онѣгина» и восемь стихотвореній Пушкина, съ его фамиліей и указаніемъ его, какъ автора, въ оглавленіи. Рядомъ съ такими пьесами, какъ «Зимній вечеръ» или «Я васъ любилъ»..., конечно, »Эпиграмма», по всей вѣроятности, юношеская, не заслуживала подписи. Тономъ «Эпиграмма» напоминаетъ «Оду его сіятельству графу Д. И. Хвостову», которою Пушкинъ почтилъ въ 1825 году стараго графомана. Кого разумѣлъ поэтъ подъ именемъ наслѣдника Хвостова, мудрено сказать: и въ ту эпоху, какъ всегда, много было стихотворцевъ, достойныхъ вѣнца Хвостова.

Однако, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ альманаха нашелся литераторъ, принявшій эпиграмму на свой счетъ и узнавшій въ ней себя. Это былъ журналистъ булгаринскаго толка М. А. Бестужевъ-Рюминъ въ свое время извѣстный (онъ былъ къ тому же горькій пьяница) подъ именемъ Бестужева-Рюмина, типичный представитель того журнализма, который въ наши дни размножился, процвѣлъ и пріобрѣлъ прозвище бутерброднаго журнализма, револьверной прессы и т. под. Этотъ литературный хулиганъ двадцатыхъ годовъ не разъ выступалъ противъ Пушкина, который не удостаивалъ его прямого отвѣта. Въ 1829 г. онъ издалъ альманахъ «Сѣверная Звѣзда», въ которомъ позволилъ себѣ напечатать нѣсколько стихотвореній Пушкина безъ разрѣшенія автора, да еще въ предисловіи нахально благодарилъ какого-то несуществующаго «Ан.», «доставившаго къ нему тринадцать пьесъ, изъ коихъ нѣсколько помѣщено въ сей книжкѣ». Пушкинъ былъ возмущенъ наглостью Бестужева-Рюмина, который не только не просилъ у него разрѣшенія напечатать его стихи, но даже объявилъ, что «не всѣ удостоились напечатанія». Въ извѣстныхъ подъ заглавіемъ «Альманашникъ» наброскахъ, повидимому, для бытовой комедіи, Пушкинъ выводитъ Бестужева-Рюмина подъ именемъ Бестыдина. Стоитъ замѣтить, что въ «Сѣверной Звѣздѣ», гдѣ были воровски напечатаны стихи Пушкина, великій поэтъ былъ вдобавокъ обруганъ. Булгарinская партія въ полемикѣ съ лагеремъ, къ которому принадлежалъ Пушкинъ, охотно прибѣгала къ самымъ некраснымъ и грубымъ пріемамъ и неделикатнымъ намекамъ. Такъ, барона Дельвига эти полемисты называли «баронъ Шпапсъ фонъ-Габенихтсъ». Чтобы сдѣлать ясными намеки на Пушкина, беззубыя и ругательныя пародіи подписывали псевдонимами: «Ѳома Пищалинъ» или «Африканъ Желтодомовъ» (намекъ на происхожденіе Пушкина съ материнской стороны). Такой же милый обычай надѣялся Бестужевъ-Рюминъ найти у своихъ противниковъ. Онъ подписывался «Аристархъ Завѣтный» или, сокращенно, «Ар. З.»; увидѣвъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» подпись «Арз.» подъ эпиграммой, онъ отнесъ ее къ себѣ и немедленно помѣстилъ въ своей газеткѣ «Сѣверный Меркурій» 1830 г., № 3, 6 января, стр. 12, слѣдующій отвѣтъ:

КЪ АРЗ.

Въ отвѣтъ на его эпиграмму, напечатанную въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 годъ, стр. 97.

Чтобъ подслужиться въ Альманахъ
Своимъ произведеньемъ новымъ,
Въ нескладныхъ ты своихъ стихахъ
Меня зовешь вторымъ Свистовымъ,
Но ихъ прочтя, всѣ говорятъ,
Что сталъ писать ты вяло, братъ.
Смотри: не будь вторымъ Вралевымъ!...

Ар. З.

«Вралевъ», упоминаемый въ этой плоской эпиграммѣ, не указываетъ ни на какое опредѣленное лицо; это просто прозваніе бездарнаго писателя. Покойный изслѣдователь литературы 20—30-хъ гг. В. П. Гаевскій («Дельвигъ», ст. IV—«Современникъ» 1854 г., т. 47, отд. III, стр. 31) раздѣлялъ убѣжденія Бестужева-Рюмина, что «Эпиграмма» направлена противъ него и для большей ясности подписана Арз. т. е. Аристархъ Завѣтный». Однако, это несомнѣнно не такъ, и Бестужевъ-Рюминъ ошибся, принимая въ нынѣ полемики эти стихи на свой счетъ. Если бы Пушкинъ вздумалъ отвѣчать ему, отвѣтъ былъ бы далеко не такъ невиненъ и, для усиленія удара, былъ бы подписанъ именемъ поэта, какъ подписана помѣщенная въ той же книжкѣ «Сѣв. Цвѣтовъ» ядовитая эпиграмма его на И. И. Надеждина; сравненіе съ безобиднымъ Хвостовымъ, который не былъ ни литературнымъ плутомъ, ни клеветникомъ, ни пасквилянтомъ, было слишкомъ лестно для Бестужева-Рюмина, вообще нисколько не походившаго на Хвостова. Просто, Бестужевъ былъ склоненъ приписывать своимъ противникамъ свои обычные полемическіе пріемы, и подпись «Арз.» ввела его въ заблужденіе, легко объяснимое для насъ. Пушкинъ же вовсе не имѣлъ его въ виду и велъ борьбу съ болѣе крупными экземплярами его

породы, слѣдуя своему правилу: «лакей сиди себѣ въ передней, а будетъ съ бариномъ разсчетъ»...

На этомъ Бестужевъ-Рюминъ не остановился. Вскорѣ, когда разгорѣлась война между Булгаринымъ и «Литературной Газетой», душою которой былъ Пушкинъ, издатель «Сѣвернаго Меркурія» сталъ усердно поддерживать Булгарина и всячески нападать на Пушкина. «Говорятъ, что сталъ писать ты вяло, братъ», обращался онъ къ Пушкину въ своемъ неожиданномъ отвѣтѣ на его «Эпиграмму». Такъ думалъ тогда не одинъ Бестужевъ-Рюминъ. Вышедшая годъ назадъ «Полтава», по словамъ самого Пушкина, «не имѣла успѣха»; стали поговаривать, что Пушкинъ «исписался», и тотъ же Бестужевъ въ сатирѣ «Сплетница» («Сѣверн. Меркурій» 1830 годъ, № 50, 25 апрѣля, стр. 197) опять писалъ, что «Александра Сергѣевна» (то есть Пушкинъ) «была прежде изъ лучшихъ мастерицъ въ своемъ родѣ, но, начавъ лѣниться, стала рукодѣльничать плохо, думая, что покупатели не разглядятъ истиннаго достоинства новой ея работы, которая по-прежнему будетъ сходить съ рукъ удачно»... и т. д. На эти выходки, конечно, отчасти вліяла неправильно понятая Бестужевымъ-Рюминымъ «Эпиграмма». По его отвѣту видно, что онъ зналъ, кто авторъ «Эпиграммы», и это свидѣтельство современника— еще одно доказательство, что она вышла изъ-подъ пера Пушкина, при наличности упомянутаго указанія самого поэта даже излишнее.

619—6. (ЭПИГРАММА НА КНЯЗЯ П. И. ШАЛИКОВА).

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный,
Елегію семьѣ своей читалъ,
А козачокъ огарокъ свѣчки сальной
Въ рукахъ со трепетомъ держалъ.
Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ, запищалъ.
Вотъ, вотъ съ кого примѣръ берите, дуры!
Онъ дочерямъ въ восторгѣ закричалъ.—
Откройся мнѣ, о милый сынъ натуры,
Ахъ! что слезой твой осребрило взоръ?
А тотъ ему въ отвѣтъ: мнѣ хочется надворъ.

Эта эпиграмма до сихъ поръ не входила ни въ одно сколько-нибудь претендующее на научный авторитетъ изданіе сочиненій Пушкина. Въ старыхъ рукописныхъ сборникахъ, которыхъ до начала восьмидесятыхъ годовъ ходило множество по рукамъ любителей литературы, она встрѣчается съ именемъ Пушкина и въ качествѣ пушкинской была впервые напечатана Русскимъ (Н. В. Гербелемъ) въ его томикѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, Берлинъ, 1861 г., стр. 109. П. А. Ефремовъ, изъ принадлежавшаго которому сборника Гербель заимствовалъ эпиграмму, отказывался приписывать ее Пушкину (см. его статью «Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ» — «Новое Время» 1903 г., № 9845). Въ гербелевскомъ томикѣ ошибокъ довольно много, достовѣрнымъ источникомъ его признавать нельзя, и лучшіе издатели Пушкина, не полагаясь на его немотивированное сообщеніе, не могли включить эпиграмму въ свои изданія.

Однако, недавно нашлось непререкаемое подтвержденіе справедливости преданія, приписывавшаго эпиграмму Пушкину (см. «Рѣчь», 10 января 1911 г, № 9, «Эпиграмма Пушкина и Баратынскаго»). Въ принадлежащей Н. К. Синягину, любезно предоставленной намъ В. М. Андерсономъ, непапечатанной еще рукописи «Журнала» извѣстнаго археолога и цензора Н. М. Снегирева (23 апр. 1793 г.—9 дек. 1868 г.), за 1825—1827 гг., записано подъ 15 мая 1827 г., что, завтракая въ этотъ день у М. П. Погодина, гдѣ былъ и Снегиревъ, «за столомъ Пушкинъ съ Баратынскимъ написали на Шал. слѣдующее по случаю разсказаннаго анекдота»... Тутъ списана эпиграмма, воспроизведенная нами выше; замѣтимъ, что текстъ, сообщаемый Снегиревымъ, немного разнится отъ гербелевскаго, повидимому, болѣе обработаннаго, но, конечно, издатели должны игнорировать послѣдній, какъ неавторитетный, при печатаніи собраній произведеній обоихъ поэтовъ, которымъ эпиграмма принадлежитъ нераздѣльно; ни въ одномъ собраніи произведеній Баратынскаго ея нѣтъ. Извѣстны нѣсколько случаевъ совмѣстнаго участія Пушкина съ другими авторами въ общей работѣ,—конечно, очень невысокой поэтической цѣнности. На школьной скамьѣ Пушкинъ принималъ участіе въ коллективномъ созданіи лицейскаго эпоса — сатирическихъ куплетовъ о начальствѣ и товарищахъ. Одно изъ первыхъ стихотвореній, которыми открываются собранія его сочиненій: «О, Делія драгая!»..., создалось при сотрудничествѣ лицейскаго товарища А. Д. Илличевскаго. Въ 1817 году, гуляя однажды въ Царскомъ Селѣ, Батюшковъ, Жуковскій, А. А. Плещеевъ и Пушкинъ сочинили два экспромта. Вмѣстѣ съ Дельвигомъ Пушкинъ въ 1825 г. написалъ шуточную элегію на смерть своей тетушки, Анны Львовны Пушкиной, смѣшной старой дѣвы. Въ 1830 г. Пушкинъ участвовалъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Вяземскимъ и еще кѣмъ-то, въ составленіи шуточнаго посланія къ В. Л. Пушкину, а въ 1836 г., вмѣстѣ съ тѣмъ же Жуковскимъ и Вяземскимъ, а также съ гр. М. Ю. Віельгорскимъ, привѣтствовалъ шуточнымъ «канономъ» М. И. Глинку, по случаю успѣха его «Жизни за Царя». Къ числу этихъ плодовъ коллективнаго творчества подъ веселую руку относится и остроумная эпиграмма на поэта-графомана.

Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ (1768 г. —16 февр. 1852 г.), издатель «Московскаго Зрителя» (1806 г.), «Аглаи» (1808—1812 гг.) и «Дамскаго Журнала» (1823—1833 гг.), былъ, наравнѣ съ графомъ Д. П. Хвостовымъ, одною изъ самыхъ курьезныхъ фигуръ русской общественно-литературной жизни и предметомъ общихъ пасмѣшекъ. Его имя надолго стало нарицательнымъ именемъ слезливаго, сентиментальнаго вздыхателя. Не разъ потѣшался надъ нимъ и Пушкинъ, впрочемъ, уважавшій этого чудака, котораго онъ, вступая въ литературную жизнь, уже засталъ въ роли многотерпѣливой мишени для всеобщаго издѣвательства (см. «Разговоръ Книгопродавца съ Поэтомъ», «Первое посланіе цензору»). Ихъ личныя отношенія были самыя добрыя, и Шаликовъ иногда надоѣдалъ Пушкину восторженными и нелѣпыми обращеніями въ стихахъ. Они часто встрѣчались у общихъ московскихъ друзей, въ томъ числѣ у П. В. Нащокина, у Ушаковыхъ, въ фамильныхъ бумагахъ которыхъ сохранилась набросанная Пушкинымъ каррикатура на князя Шаликова Его забавная толстенькая фигурка, съ характернымъ грузинскимъ носомъ, въ «пушкинской» комнатѣ знаменитаго нащокинскаго домика внимательно прислушивается къ чтенію Пушкина.

Н. Лернеръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1830 года.

620. ГЛУХОЙ ГЛУХОВА ЗВАЛЪ...

(т. III, стр. 79).

Напечатано впервые Анненковымъ, въ Матеріалахъ для біографіи Пушкина (2-е изд., 243), по рукописи Румянцовскаго Музея № 2382, гдѣ стихотвореніе входитъ въ составъ замѣтки о современной критикѣ:

«У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критики.—Критики не понимаютъ меня, отвѣчалъ онъ, а я не понимаю критиковъ. Если будемъ сердиться передъ публикой,—вѣроятно, и она насъ не поймете, и мы напомнимъ старинную эпиграмму» (слѣдуютъ стихи).

Отношеніе Пушкина къ современной ему критикѣ было совершенно отрицательное,—да, по тому времени, и не могло быть инымъ. «Мы не имѣемъ ни единаго комментарія, ни единой критической книги», писалъ поэтъ въ 1825 году. «Литература кой-какая у насъ есть, а критики— нѣтъ». Эти слова въ примѣненіи къ тѣмъ жидкимъ и безсодержательнымъ обозрѣніямъ «россійской словесности», какія появлялись въ тощихъ книжкахъ журналовъ 20-хъ годовъ, были совершенно справедливы, такъ какъ авторы этихъ обозрѣній стояли очень далеко позади литературнаго движенія. Это положеніе мало измѣнилось и въ слѣдующемъ десятилѣтіи. Высокое художественное значеніе поэзіи Пушкина по-прежнему оставалось непонятымъ и неоцѣненнымъ, и поэтъ былъ опять-таки совершенно правъ, говоря, что «у насъ критика не имѣетъ никакой самостоятельности и почти никакого вліянія на судьбу литературныхъ произведеній»; она уже могла, правда, «представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія»; но эти статьи «являлись отдѣльно, на разстояніи одна отъ другой, и не получили еще вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не приспѣло». Какъ на характерную особенность литературныхъ сужденій своего времени, Пушкинъ указывалъ на отсутствіе въ нихъ общихъ руководящихъ началъ и на ихъ бездоказательность: «Критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно; а это дурно, потому что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманить». При такомъ состояніи нашей критики Пушкинъ, конечно, имѣлъ право не считаться съ мнѣніями, не обращать на нихъ серьезнаго вниманія, и если отвѣчалъ своимъ «журнальнымъ пріятелямъ», то только эпиграммами, болѣе же серьезныя мысли по поводу замѣчаній критики набрасывалъ на бумагу только для себя, на память. Вообще, отношеніе Пушкина къ современнымъ ему литературнымъ спорамъ можно назвать юмористически-пренебрежительнымъ:

... Таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ,
И тамъ себѣ мы возимся въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо,
Кто—въ одиночку, кто—съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ еще сугубо...

(*«Домикъ въ Коломнѣ»*).

Изображая себя подъ видомъ своего пріятеля-поэта въ одномъ изъ набросковъ «Египетскихъ Ночей», Пушкинъ говоритъ, что этотъ пріятель, «имѣя помянутно нужду въ деньгахъ, печаталъ свои сочиненія и имѣлъ удовольствіе потомъ читать о нихъ печатныя сужденія, что называлъ онъ въ своемъ энергическомъ просторѣчіи—подслушивать у кабака, что говорятъ объ насъ холопья».

Литература существуетъ для публики. Мнѣніе Пушкина о современной ему публикѣ было такъ же не высоко, какъ и о критикѣ: «Есть у насъ люди, которые выше ея,—этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу,—этихъ она любитъ и почитаетъ». Онъ любилъ повторять злой вопросъ Шамфора: «Сколько нужно глупцовъ, чтобы составить публику?» Извѣстно, что тогдашніе критики, въ родѣ Булгарина и ему подобныхъ, для оправданія своихъ словъ имѣли привычку обращаться къ «почтеннѣйшей» публикѣ или ссылаться на ея мнѣніе, утверждая, что оно имъ извѣстно. Подъ этимъ флагомъ пускались въ ходъ разнаго рода передержки, сплетни, самыя грязныя инсинуаціи; Булгаринъ, не стѣсняясь, кричалъ о небываломъ успѣхѣ своего «Выжигина» и о полномъ паденіи «Бориса Годунова». Эта публика, которой литературные вкусы и общественныя понятія воспитывались «Сѣверной Пчелой» и «Сыномъ Отечества» и отъ которой Пушкинъ не могъ ожидать не только справедливой оцѣнки, но даже и простого пониманія, и была для него «глухимъ судьей».

По замѣчанію Анненкова (Мат., 243), эпиграмма Пушкина напоминаетъ «извѣстную» шутку Пелиссона: «Les trois sourds». Paul Pellisson (1624—1693), извѣстный въ свое время писатель, историкъ Французской Академіи, сочинялъ, между прочимъ, стихотворныя посланія, элегіи, мадригалы и т. п. мелочи; но въ доступныхъ намъ собраніяхъ его сочиненій не оказалось шутки о трехъ глухихъ, Анненковъ же, сославшись на нее, къ сожалѣнію, не отмѣтилъ, гдѣ ее можно найти.

621. ЦИКЛОПЪ.

(т. III, стр. 79).

Напечатано впервые въ брошюрѣ: «Vers chantés et recités» Spb. 1830, гдѣ помѣщено 20 стихотвореній, пропѣтыхъ и прочитанныхъ въ маскарадѣ у в. кн. Елены Павловны, въ началѣ января 1830 г. Изъ этихъ 20 стихотвореній 17 написано на французскомъ языкѣ; авторами ихъ были: le baron de Bourgoing, le comte Matuszewicz, le comte de Laval, O'Sullivan de Grasse и др. Русскихъ стихотвореній—только три: четверостишіе неизвѣстнаго автора и. з. Le Verseau (Водолей), стихи И. А. Крылова: «Талія» и пушкинскій «Циклопъ». Авторы стихотвореній были костюмированы соотвѣтственно содержанію своей декламаціи; такимъ образомъ, Крыловъ выступалъ въ видѣ музы Таліи, а Пушкинъ—въ видѣ циклопа. См. замѣтку В. Ѳ. Кеневича въ Рус. Арх. 1866, стл. 1335—1340, и біографію Крылова, Баптышъ-Каменскаго, въ Библ. для Чтенія 1845, мартъ, отд. III, стр. 1—34. П. А. Плетневъ (Переписка съ Я. К. Гротомъ, II, 437—438, 441, 446) сомнѣвался въ принадлежности настоящаго стихотворенія Пушкину, увѣряя, что послѣдняго въ эту пору даже и не было въ Петербургѣ. Но указанная выше брошюра устраняетъ всякія сомнѣнія. Свѣдѣнія о ней впервые сообщены И. Добрвымъ, въ письмѣ къ издателю «Москвитянина» объ изданіи сочиненій Пушкина (1841, ч. V, № 10; ср. Зелинскаго, Рус. крит. лит. о произв. П-на, IV, 184—185).

622. ОТВѢТЪ.

(т. III, стр. 79).

Напечатано въ «Литер. Газетѣ» 1830, № 3, стр. 21, съ подписью: К р с. (анаграмма изъ слова: С в е р ч о к ъ), и затѣмъ вошло въ Стихотворенія, ч. III (1832), стр. 110—111. Въ обоихъ текстахъ, въ послѣднемъ стихѣ, вмѣсто слова «Прѣсни» поставлены только двѣ начальныя буквы.

Относится къ Екатеринѣ Николаевнѣ У ш а к о в о й. О знакомствѣ Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ см. т. III, стр. 346—347, и Л. Н. М а й к о в а «Пушкинъ» (Спб. 1899), стр. 355—377.

623. ВЪ ЧАСЫ ЗАБАВЪ ИЛЬ ПРАЗДНОЙ СКУКИ.

(т. III, стр. 79).

Напечатано въ «Лит. Газетѣ» 1830, № 12, стр. 94, подъ заглавіемъ: «Станцы»; въ изд. 1832 г. (III, 47—48) это заглавіе дано лишь въ оглавленіи. Подъ стихотвореніемъ помѣта: «19 января».

Написано въ отвѣтъ на стихотворное возраженіе Пушкину митрополита Ф и л а р е т а по поводу стихотворенія «26 мая 1828 г.» (см. т. II, № 533), сообщенное поэту въ рукописи, а въ печати появившееся только въ 1848 г., въ журналѣ Ишимовой: «Звѣздочка», № 10 (ср. особое прил. къ № 155 «Моск. Вѣд.» 1880 и «Рус. Курьеръ» 1880, № 162):

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана,
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ, забвенный мною!
Просіяй сквозь сумракъ думъ —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, свѣтелъ умъ.

Такимъ образомъ, замѣчаетъ Н. Ѳ. С у м ц о в ъ («А. С. Пушкинъ», Харьк. 1900, стр. 140), «по мнѣнію м. Филарета, Пушкинъ самъ во всемъ виноватъ; для вліянія, среды, общества, исторіи, случайныхъ обстоятельствъ - ничего не оставлено, Такая точка зрѣнія поздиѣе (1887) чрезвычайно рѣзко обнаружилась въ извѣстной проповѣди одесскаго архіепископа Никанора, гдѣ несчастная кончина великаго поэта объяснена, какъ наказаніе Божіе за его служеніе Вакху и Кипридѣ».

По поводу отвѣта Пушкина кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу (25 апрѣля 1830): «Ты удивишься стихамъ П. къ Ф.: онъ былъ задранъ стихами его преосвященства, который пародировалъ или, лучше сказать, калиодировалъ стихи П. о жизни, которые нашелъ онъ у общей ихъ пріятельницы, Елизы Хитровой, пылающей къ одному христіанскою, а къ другому—языческою любовью» (Ост. Арх., III, 192—193). Однако, и «задранный» поэтъ отнесся къ преподанному правоученію очень благодушно и почтительно. Б ѣ л и н с к і й (Соч., изд. 2-е, М. 1865, т. VIII, стр. 401) находилъ, что пьеса «Даръ напрасный, даръ случайный» «не что иное, какъ порожденіе одной изъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ нравственной апатіи и душевнаго отчаянія, которыя неизбѣжны, какъ минуты, для всякой живой и сильной натуры; но она отнюдь не есть выраженіе пафоса пушкинской поэзіи, а скорѣе—случайное противорѣчіе пафосу его поэзіи». По мнѣнію Б ѣ л и н с к а г о, призваніе Пушкина, характеръ и направленіе его поэзіи гораздо болѣе выражаются въ настоящихъ «стансахъ»,—такъ какъ поэзія Пушкина «вся заключается въ поэтическомъ созерцаніи міра и безусловно признаетъ его настоящее положеніе если не всегда утѣшительнымъ, то всегда необходимо-разумнымъ»... «Вся насквозь проникнутая гуманностію, муза Пушкина умѣетъ глубоко страдать отъ диссонансовъ и противорѣчій жизни; но она смотритъ на нихъ съ какимъ-то самоотрицаніемъ (resignatio), какъ бы признавая ихъ роковую неизбѣжность и не неся въ душѣ своей идеала лучшей дѣйствительности и вѣры въ возможность его осуществленія»... Съ этой характеристикой едва-ли можно согласиться. «Идеалъ лучшей дѣйствительности», несомнѣнно, жилъ въ душѣ Пушкина; что же касается вѣры въ возможность его осуществленія—въ «жестокій вѣкъ», враждебный всякимъ идеаламъ, то ей, конечно, не на что было опереться. «Много нужно было перечувствовать и перестрадать поэту», говоритъ Стоюнинъ («Пушк.», 318), «чтобы, наконецъ, отвѣтить отрицательно на вопросъ о цѣли жизни. Но кто могъ понять это душевное его томленіе? За отчаяніе его же винили въ недостаткѣ религіи»... Въ своемъ отвѣтѣ на пастырское увѣщаніе Филарета Пушкинъ съ достаточною ясностью указываетъ, что онъ понялъ призывъ «воспарить въ горняя» именно какъ призывъ отрѣшиться отъ окружающей его дѣйствительности, «отвергнуть мракъ земныхъ суетъ». Это, конечно, вовсе не «резигнація», не примиреніе съ условіями враждебной поэту среды, а напротивъ,—«непринятіе» того міра, въ которомъ ему приходилось жить. Это—тотъ же самый мотивъ, который тогда же повторился въ обращеніи поэта къ самому себѣ: «Ты—царь; живи одинъ!»

Подлинника настоящаго стихотворенія не сохранилось. Г. С. Чиряковъ, въ сборникѣ Бартенева: «Пушкинъ» (I, 118), приводитъ, рядомъ съ другими произвольными передѣлками пушкинскаго текста, варіантъ заключительнаго четверостишія, въ которомъ, въ стт. 1 и 3-мъ, вмѣсто «палима» и «Серафима» читается: «согрѣта» и «Филарета». Но уже П. А. Ефремовъ замѣтилъ, что расположеніе рифмъ (эта—этъ—эта—этъ) и изображеніе московскаго митрополита съ арфой заставляютъ сильно сомнѣваться въ подлинности приведеннаго варіанта.

---

624. НЕ ТО БѢДА, ЧТО ТЫ ПОЛЯКЪ.

(т. III, стр. 80).

См. выше статью А. Г. Фомина.

---

625. ПОЭТУ.

(т. III, стр. 80).

Напечатано въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1831 г. (стр. 3), откуда перешло въ изд. 1832 г. (III, 56—57). Черновой автографъ, съ котораго снимокъ данъ въ Альбомѣ петербургской пушкинской выставки 1899 г., озаглавленъ: «Сонетъ—Награды»;

онъ писанъ чернилами, но исправленъ карандашемъ, какъ въ печатномъ текстѣ, и представляетъ слѣдующіе первоначальные варіанты:

ст. 2: Восторговъ и похвалъ...
» 3: . . . . и черни смѣхъ холодной
» 5: Какъ царь, живи одинъ. (Иди) Стуная стезей свободной,
» 6: Куда тебя влечетъ твой дѣятельный умъ
(или:) . . . . Твори душой свободной,
Иди, куда влечетъ тебя твой свѣтлый умъ
(Твори, питая жаръ глубокихъ, чистыхъ думъ)
» 11—14: И ты доволенъ имъ, (божественный) (увѣнчанный) художникъ,—
(Такъ пусть передъ тобой, бѣснуясь, чернь кричитъ)
(Пускай тогда толпа трудъ генія хулитъ)
Пускай тогда его слѣпая чернь хулитъ
И дуетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
(И дерзкою рукой)
И чтобъ тебя сронить, колеблетъ твой треножникъ.

Подъ стихотвореніемъ стоитъ дата: «1 іюля.»

Ближайшимъ поводомъ къ напечатанію сонета могли послужить журнальныя нападки на посланіе «Къ вельможѣ», появившееся въ «Литер. Газ.» 1830 (см. выше, прим. къ № 575); но въ то же время онъ является выраженіемъ и общаго взгляда Пушкина на поэтическое творчество,—взгляда, проявлявшагося неоднократно въ стихотвореніяхъ какъ болѣе ранней, такъ и болѣе поздней поры (ср. Посланіе къ Батюшкову 1814 г., Отвѣтъ на вызовъ написать стихи 1819 г., Уединеніе 1822 г., Сѣятель 1823 г., Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ 1824 г., Поэтъ 1827 г., Чернь 1828 г., затѣмъ Отвѣтъ анониму 1830 г., Эхо 1832 г., изъ VI Шильдемонте 1835 г. и др.). Въ длинномъ рядѣ стихотвореній и въ разбросанныхъ по черновымъ тетрадямъ Пушкина прозаическихъ замѣткахъ повторяется этотъ основной мотивъ—свободы поэтическаго творчества и независимости поэта отъ «толпы», неспособной понять и оцѣнить его трудъ. Выше (см. прим. къ № 620) приведены нѣкоторыя сужденія Пушкина о современной ему критикѣ, которую въ настоящемъ стихотвореніи онъ называетъ «судомъ глупца». Въ одномъ изъ черновыхъ подготовительныхъ отрывковъ къ «Египетскимъ ночамъ» («Не смотря на великія преимущества...») Пушкинъ говоритъ, что «сужденіе глупцовъ»—несчастіе, неизбѣжное для стихотворцевъ, но еще не самое крайнее. «Зло самое горькое, самое нестерпимое» для поэта заключается въ томъ, что «публика смотритъ на него, какъ на свою собственность, считаетъ себя въ правѣ требовать отъ него отчета въ малѣйшемъ шагѣ». Пушкинъ всего больше возмущался этимъ вмѣшательствомъ «толпы» въ его интимную внутреннюю жизнь, этими неосторожными прикосновеніями «глупцовъ» къ тому, что онъ считалъ за святая святыхъ души своей. Уже одно это, по справедливому замѣчанію Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, должно было дѣйствовать охлаждающимъ образомъ на неусыпное стремленіе поэта къ людямъ, къ живымъ и тѣснымъ общественнымъ связямъ... Первымъ запротестовалъ у него умъ, отпугнутый обиліемъ глупости въ общественной средѣ, и это то и было исходнымъ пунктомъ его отщепенства... Отстаивая свое право быть и оставаться самимъ собою, геній фатально приходитъ къ психологической отрѣшенности, цѣною которой онъ покупаетъ великое благо внутренней свободы вообще, свободы творчества въ частности, рискуя, въ силу того, остаться непонятымъ и душевно одинокимъ...» («Пушкинъ», 173, 190). Дѣйствительно, Пушкинъ былъ утомленъ жизнью своего времени и своей среды и рвался на волю, къ личной независимости, къ свободѣ отъ свѣтскихъ обязательствъ, отъ «мрака земныхъ суетъ», который отвергала его душа, заслышавшая «арфу серафима». Онъ жаждалъ внутренняго мира, и въ этомъ своемъ стремленіи доходилъ до рѣзкаго протеста противъ окружавшей его дѣйствительности, которая иногда заставляла его восклицать: «Чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ!» Но именно душа и талантъ неудержимо звали его назадъ изъ той области поэтическихъ созерцаній, которая представлялась ему такою свѣтлою, спокойною, не возмущаемою никакими земными порывами. И, несмотря на то, что ему самому пришлось пережить и перечувствовать предсказанное поэту,—что прошелъ шумъ восторженныхъ похвалъ и послышался судъ глупца,—поэтъ не смогъ остаться спокойнымъ и угрюмымъ, и опять рвался въ ту жизнь, отъ которой ему такъ хотѣлось убѣжать. Припомнимъ, что время, когда изъ его сердца выливались эти горькіе стихи, было временемъ наиболѣе живого его участія въ полемикѣ «Литературной Газеты» и широкихъ публицистическихъ плановъ. Такимъ образомъ, настроеніе, создавшее этотъ сонетъ, было лишь однимъ изъ многихъ и нерѣдко противорѣчивыхъ вѣяній, отражавшихся въ многогранной душѣ поэта. «Были минуты», говоритъ Н. Н. Страховъ («Замѣтки о Пушкинѣ», 9—10), «когда онъ побѣждалъ свое уныніе, когда еще тверже вѣрилъ въ себя,—и тогда первою его мыслью была эта самая «народная любовь», которою онъ совѣтовалъ не дорожить. Такъ, изображая свой памятникъ, онъ надѣялся, что «къ нему не заростетъ народная тропа и что онъ долго будетъ любезенъ народу...»

Со временъ Шевырева, мнѣнія котораго раздѣлялись и Анненковымъ (Мат., 2-е изд., 170—172), часто повторялось, будто идея самодовлѣющаго искусства была воспринята Пушкинымъ отъ кружка московскихъ «любомудровъ», поклонниковъ Шеллинга, къ числу которыхъ принадлежалъ, между прочимъ, Веневитиновъ. Это мнѣніе нашло себѣ рѣшительнаго противника въ лицѣ Л. Н. Майкова («Пушкинъ», 343—345), который говоритъ, что Пушкину нечѣмъ было заимствоваться изъ «ученическихъ упражненій» сотрудниковъ «Московскаго Вѣстника», весьма недалеко ушедшихъ въ разумѣніи Шеллинга. Но Пушкину не было и надобности обращаться къ журнальнымъ статьямъ: вѣдь шеллингіанскій взглядъ на искусство, поэзію и поэта, можно сказать, носился въ нашемъ воздухѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ. Поэтъ-пророкъ и поэтъ-отшельникъ Пушкина—вовсе не одинокія явленія; съ одной стороны они примыкаютъ къ лирикѣ Жуковскаго, а съ другой къ повѣстямъ Гоголя («Портретъ», «Невскій проспектъ») и кн. Одоевскаго («Импровизаторъ», «Себастьянъ Бахъ», «Послѣдній квартетъ Бетховена»). Такимъ образомъ, Пушкинъ въ самостоятельной формѣ разработалъ мотивъ, бывшій болѣе

или менѣе общилъ достояніемъ, но, по условіямъ личной жизни поэта, въ данное время особенно близкій его душѣ.

---

626. МАДОННА.

(т. III, стр. 80).

Напечатано въ альманахѣ «Сиротка» 1831, стр. 19—20, и вслѣдъ за тѣмъ—въ «Лит. Газетѣ» 1831, № 15 (12 марта), стр. 122, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Сонетъ сей, по желанію поэта, перепечатывается здѣсь изъ альманаха «Сиротка», въ которомъ онъ напечатанъ былъ съ довольно значительною ошибкою въ седьмомъ стихѣ:

Одной, чтобъ на меня съ холста п л ь съ облаковъ...

Это нарушало смыслъ подлиннаго стиха».

Въ изд. 1832 (III, 112—113) исправленъ 2-й стихъ: «с в о ю обитель», а не «мою», какъ было въ альманахѣ и Газетѣ.

Стихотвореніе, помѣченное 8 іюля, было собственноручно вписано Пушкинымъ въ альбомъ Ю. Н. Бартенева, 30 августа 1830 г., подъ заглавіемъ: «Сонетъ». Текстъ альбома, напечатанный въ Рус. Арх. 1863, изд. 2, стт. 862—863, представляетъ нѣсколько незначительныхъ варіантовъ.

Сонетъ относится, конечно, къ Н. Н. Гончаровой, которая въ это время была уже невѣстой Пушкина и которой онъ писалъ изъ Петербурга, 30 іюля 1830: «Я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы передъ бѣлокурой Мадонной, похожей на васъ какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стопла 40.000 рублей.» Мадонной же,—разумѣется, со словъ самого Пушкина, называли Наталью Николаевну и его друзья. Д. Н. Овсянико-Куликовскій («Пушкинъ», 46—47) видитъ въ настоящемъ стихотвореніи «одинъ изъ самыхъ яркихъ образцовъ процесса превращенія натуральной лирики человѣка въ высшее лирическое творчество поэта. Натуральная лирика человѣка, А. С. Пушкина въ данномъ случаѣ вытекала изъ того обстоятельства, что А. С. былъ влюбленъ въ Н. Н. Гончарову, сдѣлалъ предложеніе, получилъ согласіе и блаженствовалъ... Эта справка, обнаруживая въ основѣ сонета натуральный лиризмъ влюбленнаго человѣка, шаблонный лиризмъ жениха, боготворящаго свою невѣсту, показываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какою силою полета Пушкинъ подымался надъ этими низами поэзіи на ту высь высшаго лирическаго творчества, откуда уже не видать ни влюбленнаго жениха, называющаго свою невѣсту Мадонной, ни этой барышни, будто-бы похожей на Мадонну, и гдѣ все обыденное, житейское, натурально-лирическое, въ чемъ всегда есть доля пошлости, исчезаетъ въ величавыхъ аккордахъ гимна, въ неземныхъ звукахъ «райской пѣсни». Сонетъ «Мадонна» принадлежитъ къ числу тѣхъ созданій высшей лирики, пониманію которыхъ раскрытіе ихъ источника не помогаетъ, а скорѣе мѣшаетъ.» Съ послѣдними словами критика трудно согласиться. Лучшимъ отвѣтомъ на нихъ можетъ служить комментарій Л. Поливанова (I, 319), по мнѣнію котораго въ настоящемъ сонетѣ «символически выражено то освященіе жилища присутствіемъ существа, полнаго красоты и нравственной чистоты, кротости и величавости, которое (авторъ) поэтически разумѣлъ подъ бракомъ. Ожидая такого счастья, онъ выразилъ всю полноту женскаго идеала въ этомъ лирическомъ произведеніи, отождествляя его съ тою, которую считалъ достойной раздѣлить съ нимъ жизнь». Ср. ниже, прим. къ № 674.

---

627. НЕ ТО БѢДА, АВДЕЙ ФЛЮГАРИНЪ.

(т. III, стр. 80).

См. выше, статью А. Г. Фомина.

---

628. СОНЕТЪ.

(т. III, стр. 81).

Напечатано въ «Моск. Вѣстн.» 1830, № 8, стр. 315, съ ошибкой въ 4-мъ стихѣ: «пѣснь» вм. «мысль». Повторено (въ исправленномъ видѣ) въ изд. 1832 (III, 78—79). Эпиграфъ взятъ изъ сонета Уордсворта (Wordsworth, 1770—1850), главы такъ наз. «лэкистовъ» или поэтовъ «озерной школы», написавшаго много сонетовъ весьма разнообразнаго содержанія. Сонетъ, которымъ воспользовался Пушкинъ, въ близкомъ переводѣ читается такъ:

«Не презирай сонета, критикъ! Ты нахмурилъ брови, но позабылъ объ его заслугахъ: этимъ ключемъ Шекспиръ открывалъ свое сердце; мелодія этой маленькой лютни успокоивала раны Петрарки; Тассъ многократно извлекалъ звуки изъ этой свирѣли; Камоэнсъ изливалъ въ ней скорбь своего изгнанія. Сонетъ блестѣлъ яркимъ миртовымъ листкомъ въ кипарисномъ вѣнкѣ, украшавшемъ многодумное чело Данта; какъ свѣтлякъ, взятый изъ страны фей, онъ услаждалъ нѣжнаго Спенсера въ борьбѣ на темномъ жизненномъ пути; когда мракъ покрылъ стезю Мильтона,—сонетъ въ его рукахъ сталъ трубою, изъ которой онъ извлекалъ усладительные звуки, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко.»

Пушкинъ не перевелъ, а передѣлалъ этотъ сонетъ, оставивъ то же число поэтовъ, что и въ оригиналѣ (7). Изъ упомянутыхъ Уордсвортомъ онъ взялъ только Данта, Петрарку, Шекспира и Камоэнса, опустивъ Тасса, Спенсера и Мильтона, которыхъ замѣнилъ самимъ Уордсвортомъ, Дельвигомъ и Мицкевичемъ. Упоминая о польскомъ поэтѣ, Пушкинъ, конечно, имѣлъ въ виду его «Крымскіе сонеты», о которыхъ онъ вспомнилъ и при описаніи Тавриды въ «Странствіи Онѣгина»: «Тамъ нѣлъ Мицкевичъ вдохновенный и посреди прибрежныхъ скалъ свою Литву воспоминалъ». Что касается Дельвига, то имъ написано всего шесть сонетовъ, изъ которыхъ первый относится къ 1822 г. См. С у м ц о в а, «Пушкинъ», 90—98. Самъ Пушкинъ, считавшій сонетъ стѣснительною формою поэзіи, написалъ въ іюлѣ 1830 г. только три сонета, различныхъ по чередованію риѳмъ («Поэту», «Мадонна» и «Сонетъ») и затѣмъ уже «пренебрегъ» сонетъ.

Къ произведеніямъ Уордсворта Пушкинъ обращался и впослѣдствіи: въ одной изъ тетрадей 1833—1834 гг. (Рум. Муз. № 2374, л. 31 об.) записанъ карандашемъ, теперь уже стершійся и трудно разбираемый отрывокъ перевода: «Изъ Wordsworth. Лѣтнее утро. Авторъ доходитъ до развалившейся хижины въ деревнѣ», и пр.

---

629. ЦЫГАНЫ.

(т. III, стр. 81).

Написано въ августѣ 1830 г. и напечатано въ альманахѣ «Денница» 1831 и въ изд. 1832, съ помѣткой (въ оглавленіи): «съ англійскаго»,—вѣроятно, для устраненія толковъ о примѣненіи содержанія этихъ стиховъ къ жизни самого поэта. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ поэтическимъ воспоминаніемъ о юношеской порѣ Пушкина, когда онъ дѣйствительно «провождалъ сіи шатры» въ Бессарабіи, доходя съ ними чуть не до турецкой границы.

---

630. ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

(т. III, стр. 81).

Напечатано въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1831 г., стр. 28, и въ изд. 1832 (III, 58—59). По черновому автографу воспроизведено П. А. Плянкинымъ, «Изъ бумагъ А. С. П.», стр. 26—27.

Написано въ отвѣтъ на стихотворное посланіе, анонимно присланное Пушкину извѣстнымъ въ свое время египтологомъ Иваномъ Александровичемъ Гульяновымъ. Въ этомъ посланіи, написанномъ 15 іюля 1830 и напечатанномъ только послѣ смерти автора—въ «Москвит.» 1842, ч. II, № 3, стр. 151,—высказана, по поводу слуховъ о предстоящей женитьбѣ Пушкина, увѣренность, что поэтъ и въ семейной жизни не утратитъ вдохновенія; напротивъ, бракъ сдѣлается для него источникомъ новыхъ откровеній и залогомъ вдохновеній — «и снова геній воспаритъ!» (Каллашъ, Рус. поэты о П-пѣ, 43; Анненковъ, Мат., изд. 2-е, 240).

П. А. Гульяновъ (1789—1841), сынъ бывшаго молдавскаго господаря Маврокордато, жившаго и умершаго въ Москвѣ въ концѣ XVIII в., издалъ «Opuscules archéographiques» (1827) и «Археографическіе опыты» (1840) и былъ членомъ Россійской Академіи. О немъ см. кн. П. А. Вяземскаго, соч., I, 216; Телескопъ 1832, ч. IX, 267—270; Анненковъ, Мат. (2-е изд.), 239—240; Плетневъ, Отчеты Ак. Наукъ по отд. р. яз. и сл., 1852, стр. 45—48; Рус. Архивъ 1873, IV, 479—513; Рус. Стар. 1874, т. XI.

Въ сонетѣ, посвященномъ «Поэту», Пушкинъ провозгласилъ, что художникъ не нуждается въ наградахъ и, свободно слѣдуя своему вдохновенію, долженъ быть самъ себѣ судьей. Но на эту отрѣшенную отъ жизни высоту поэтъ могъ подниматься только временами, подъ вліяніемъ того горькаго чувства, какое онъ испытывалъ, когда ему приходилось слышать «судъ глупца и смѣхъ толпы»: вѣдь оставаться всегда единственнымъ своимъ судьей, безъ общественнаго признанія,—тяжело и мучительно для нравственно чуткаго человѣка. И вотъ, едва заслышавъ «ласковое пѣнье» неизвѣстнаго почитателя, поэтъ спѣшитъ отозваться на него живою благодарностью, съ грустью сознаваясь, что онъ не привыкъ къ такому доброму отношенію, что самый языкъ доброжелательства ему и необыченъ, и «страненъ». Пушкинъ не терпѣлъ посторонняго вмѣшательства въ дѣло своего творчества; онъ не могъ понять, а еще менѣе—допустить права распоряжаться его вдохновеніемъ, назначать предметы для его труда и преслѣдовать его жизнь до самыхъ сокровенныхъ ея изгибовъ, помысловъ и побужденій. «Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, которое никогда отъ него не отпадаетъ», говоритъ поэтъ въ «Египетскихъ Ночахъ».—Публика смотритъ на него, какъ на свою собственность; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея **пользы и удовольствія**. Возвратится ли онъ изъ деревни,—первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чего-нибудь новенькаго? Задумается ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ, или о болѣзни милаго ему человѣка,—тотчасъ пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое восклицаніе: вѣрно, что-нибудь сочиняете!»... Недаромъ Чарскій даетъ импровизатору тему, не разъ повторенную Пушкинымъ: «Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ». Мысли на эту тему и горькія чувства, съ ними связанныя, въ данное время все чаще и настойчивѣе тревожили душу поэта. Разсматриваемое стихотвореніе Д. П. Овсянико-Куликовскій («Пушкинъ», 43—44) ставитъ по искренности и непосредственности, наряду съ письмами Пушкина. «Стихи Гульянова, очень плохіе и очень искренніе, выразили въ вычурной формѣ доброе и гуманное чувство, которое въ данную минуту было особенно дорого Пушкину... Пушкинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ непосредственныхъ и изящно чувствующихъ натуръ, которыхъ нельзя плѣнить похвалами и рукоплесканіями, но чрезвычайно легко очаровать и «взять» простымъ, добрымъ словомъ участья, душевной лаской. Восторженное поклоненіе ему, какъ поэту, при равнодушіи или холодности къ нему, какъ человѣку, отзывалось въ его душѣ холодомъ и болью. Притязанія, публики чтобы поэтъ принадлежалъ лишь ей,... безучастное отношеніе къ личнымъ его невзгодамъ, отношеніе къ нему, какъ къ «заѣзжему фигляру», возмущали и ожесточали душу Пушкина, какъ родъ грубаго насилія, какъ выраженіе душевной жестокости»... Но Пушкинъ, говоритъ В. Я. Стоюнинъ («Пушк.», 343), «не замѣтилъ, что духъ той публики, которая недавно чѣнила его, былъ подавленъ, если не задушенъ,—что теперь со своимъ голосомъ явилась другая публика, въ руководители которой поставленъ Булгаринъ съ братіей, а на смѣну первой только еще подростала другая цѣнительница его поэзіи... **Этой** публики Пушкинъ еще не зналъ, а въ ней-то и хранилась «народная любовь»... И какъ бы онъ своей любящей душой отозвался на эту молодую любовь, которая пряталась въ студенческихъ кельяхъ и въ ученическихъ камерахъ, если уже одинъ анонимный задушевный, привѣтливый голосъ извлекъ изъ его страдающей души такіе сердечные звуки» (какъ «Отвѣтъ анониму»).

Проф. Сумцовъ («Пушк.», 58—59), останавливаясь на послѣднихъ строкахъ стихотворенія, видитъ въ нихъ упрекъ поэта не однимъ современникамъ, но и тѣмъ позднѣйшимъ историкамъ литературы, которые говорятъ о невольныхъ переселеніяхъ Пушкина съ сѣвера на югъ и обратно—«тѣмъ лучше!» въ смыслѣ исправленія того или другого недостатка. «Бѣдный поэтъ! и потомству чужда идея о его личномъ счастьѣ, и даже исторія такъ склонна къ разнымъ оправданіямъ того, что онъ называлъ злой судьбой!»

---

631. ПАЖЪ ИЛИ ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

(т. III, стр. 82).

Напечатано въ посмертномъ изданіи (IX, 136), по черновой рукописи, находящейся нынѣ въ библіотекѣ Академіи Наукъ, съ произвольнымъ заглавіемъ: «Пажъ или пятнадцатилѣтній король» и съ опечаткой во второмъ стихѣ послѣдней строфы, повторенной всѣми позднѣйшими изданіями: «презрѣвъ толпу» вм. «презрѣвъ молву». Рукопись помѣчена: «7 октября 1830. Болдино». Анненковъ (Мат., изд. 2-е, стр. 298), говоря о разнообразіи мотивовъ въ стихотвореніяхъ, принадлежащихъ къ осенней Болдинской жизни Пушкина, указываетъ, между прочимъ, на «безпрестанную перемѣну метровъ ихъ, на чудные переходы къ самымъ противоположнымъ мыслямъ и настроеніямъ поэтическаго духа: кажется, видишь художника, безгранично предающагося въ уединеніи многосложной импровизаціи своей». Въ частности, въ данномъ стихотвореніи (которое Анненковъ почему-то призналъ неоконченнымъ), ему слышался «аккордъ, напоминающій Альфреда де-Мюссэ».

632. ЭЛЕГІЯ.

(т. III, стр. 82).

Напечатано въ «Библ. для Чтенія» 1834, т. VI, стр. 16, и въ изд. 1835 г. (IV, 104). Написано въ Болдинѣ, 8 сентября.

Анненковъ (Мат., изд. 2 е, стр. 320) видѣлъ въ этомъ стихотвореніи возвращеніе Пушкина къ мыслямъ, выраженнымъ въ черновыхъ наброскахъ такъ наз. «стиховъ Ленскаго», въ которыхъ тотъ же Анненковъ усматривалъ «народію на тяжелыя шестистопныя элегіи, бывшія нѣкогда въ модѣ, и вмѣстѣ — лукавую насмѣшку надъ туманными произведеніями Ленскаго». Взглядъ этотъ, однако, совершенно не выдерживаетъ критики, такъ какъ ничѣмъ не доказано, что въ приведенныхъ Анненковымъ отрывкахъ Пушкинъ хотѣлъ дать образчики стихотвореній Ленскаго. Наоборотъ, эти отрывки, несомнѣнно, являются подготовительными набросками къ стихотвореніямъ самого Пушкина. Основная мысль элегіи «Безумныхъ лѣтъ» — желаніе жить, хотя бы для страданій— дѣйствительно сквозитъ и въ этихъ наброскахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ стихотвореніяхъ; но ближе всего подходитъ къ этой элегіи черновой отрывокъ: «О, нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла», впервые напечатанный А. Ѳ. Онѣгинымъ и относимый обыкновенно къ 1836 г. Можетъ быть, правильнѣе было бы, въ виду этого сходства, пріурочить указанный отрывокъ къ 1830 году.

Бѣлинскій, въ своихъ «Литературныхъ мечтаніяхъ», говоря о «паденіи таланта» Пушкина, о томъ, что «въ третьей части полнаго собранія его стихотвореній замерли звуки его гармонической лиры» и что онъ «умеръ, а можетъ быть, только обмеръ на время», тутъ же прибавляетъ: «Пушкина судить не легко. Вы, вѣрно, читали его элегію... Вы, вѣрно, были потрясены глубокимъ чувствомъ, которымъ дышитъ это созданіе? Упомянутая элегія, кромѣ утѣшительныхъ надеждъ, подаваемыхъ ею о Пушкинѣ, еще замѣчательна и въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ вѣрную характеристику Пушкина, какъ художника: «Порой опять гармоніей упьюсь, надъ вымысломъ слезами обольюсь...» Да, я свято вѣрю, что онъ вполнѣ раздѣлялъ безотрадную муку отверженной любви черноокой Черкешенки или своей плѣнительной Татьяны, этого лучшаго и любимѣйшаго идеала его фантазіи; что онъ, вмѣстѣ съ своимъ мрачнымъ Гиреемъ, томился этою тоскою души, пресыщенной наслажденіями и все еще не вѣдавшей наслажденія... что онъ скорбѣлъ и радовался за свои идеалы, что журчанье его стиховъ согласовалось съ его рыданіями и смѣхомъ...»

---

633. БѢСЫ.

(т. III, стр. 82),

Напечатано въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1832 г. (стр. 129) и въ изд. 1832 (III, 80—83). Черновые наброски находятся въ рук. Рум. Муз. № 2371, л. 83, и 2382, лл. 101 об. и 102; полный, но со многими поправками, текстъ, датированный: «1830, 7 сентября, Болдино»,—въ библіотекѣ Академіи Наукъ (Майковское собраніе автографовъ II). Анненковъ (Мат., изд. 2-е, стр. 299) указалъ, что подъ заглавіемъ этой пьесы приписано: «Шалость»,—замѣтка, не сохраненная посмертнымъ изданіемъ. Бѣлинскій, какъ извѣстно, отрицательно относившійся къ нашей народной поэзіи, замѣтилъ, однако, что «никто изъ русскихъ поэтовъ не умѣлъ съ такимъ непостижимымъ искусствомъ спрыскивать живой водой своей творческой фантазіи немножко дубоватые матеріалы народныхъ нашихъ пѣсенъ. Прочтите «Жениха», «Утопленника», «Бѣсовъ» и «Зимній Вечеръ»— и вы удивитесь, увидя, какой очаровательный міръ поэзіи умѣлъ вызвать поэтъ своимъ волшебнымъ жезломъ изъ такихъ скудныхъ стихій... И если такихъ пьесъ у Пушкина немного,— въ этомъ, конечно, виноваты ограниченность и бѣдность сферы нашей народной поэзіи...»

---

634. ТЫ ЦѢЛЫЙ СВѢТЪ УВѢРИТЬ ХОЧЕШЬ.

(т, III, стр. 83).

Напечатана въ «Литер. Газетѣ» 1830, № 55 (18 сентября)—и, по свидѣтельству кн. П. А. Вяземскаго («Старина и Новизна», кн. VIII, стр. 38), написана имъ, а не Пушкинымъ.

---

635. РУМЯНЫЙ КРИТИКЪ МОЙ, НАСМѢШНИКЪ ТОЛСТОПУЗОЙ.

(т. III, стр. 83).

Въ рукописи (находящейся въ библіотекѣ Академіи Наукъ) озаглавлено: «Шалость» и помѣчено: «1 октября.» Напечатано впервые въ посмертномъ изданіи, IX, 166, подъ заглавіемъ: «Капризъ.» По замѣчанію Бѣлинскаго (Соч., изд. Венгерова, VI, 276—277), «въ этой превосходнѣйшей пьесѣ Пушкинъ художественно рѣшаетъ важный эстетическій вопросъ о причинѣ унылости, какъ основномъ элементѣ русской поэзіи.

Онъ находитъ ее въ нашей русской природѣ и изображаетъ ее красками, которыхъ сила, вѣрность и безыскусственная простота дышатъ всею геніальностію великаго національнаго поэта». Въ самомъ дѣлѣ: откуда «томной музѣ» взять веселость, бодрые мотивы, если природа и развертывающаяся въ ней жизнь даютъ только такія картины, какъ та, какую поэтъ могъ наблюдать въ Болдинѣ изъ окна своего дома? Но и неприглядную дѣйствительность поэтъ сумѣлъ смягчить теплотой своего сердца, и не только въ смыслѣ жалости, но и въ смыслѣ прямого глубокаго сочувствія къ этой унылой природѣ, къ этому сѣрому пейзажу, къ этой убогой жизни,—и показать, въ немногихъ словахъ, свою кровную связь съ окружающимъ его міромъ. Становится понятно, почему «отъ ямщика до перваго поэта мы всѣ поемъ уныло», — вопреки насмѣшкамъ яко-бы жизнерадостныхъ, «румяныхъ и толстопузыхъ» критиковъ, такъ часто трунившихъ надъ выраженіемъ одного литературнаго обозрѣвателя о «душегрѣйкѣ повѣйшаго уныніа», въ которую облекается русская муза (см. ниже, прим. къ «Домику въ Коломнѣ»).

---

636. РАЗСТАВАНІЕ.

(т. III, стр. 84).

Рукопись этого стихотворенія, написаннаго 5 октября, находится въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Напечатано оно только послѣ смерти Пушкина, въ альманахѣ Владиславлева: «Альманахъ на 1838 годъ», стр. 348, подъ заглавіемъ: «Прощаніе», а затѣмъ явилось въ посмертномъ изд., IX, 160, подъ настоящимъ заглавіемъ, котораго въ рукописи нѣтъ.

Въ своемъ деревенскомъ уединеніи, отрѣзанный отъ міра холерными карантинами, раздумывая о предстоящей женитьбѣ и перемѣнѣ жизни, Пушкинъ нерѣдко обращался и къ прошлому, и вызывалъ въ своей памяти давно отжившіе, нѣкогда милые образы. Въ данномъ стихотвореніи воспоминаніе о женщинѣ, когда-то любимой, связывается съ воспоминаніемъ о случайной встрѣчѣ съ старымъ товарищемъ и другомъ Кюхельбекеромъ (въ октябрѣ 1827 г.), на какой-то почтовой станціи, когда жандармы везли К. въ Динабургскую крѣпость, и поэту едва удалось только «молча обнять» его.

---

637. ОСЕНЬ.

(т. III, стр. 84).

Напечатано впервые въ посмертномъ изд. (IX, 207). Черновая—въ рук. Рум. Муз. № 2371, л. 78 об. Мѣсто, занимаемое въ этой рукописи настоящимъ стихотвореніемъ, позволяетъ предполагать, что оно написано раньше 1830 г. (рядомъ съ нимъ—наброски изъ VII главы «Онѣгина», а дальше—черновая «Полтава»). Въ рукописи стихотворенію предшествуетъ набросокъ на тему I-й строфы, но размѣромъ «Онѣгина»:

Ужь осень холодомъ дохнула
На обнаженныя поля,
Уже дубрава отряхнула
Послѣдній листъ съ вѣтвей; земля
Прохвачена морозомъ... (ср. «Онѣгинъ», IV, 40).

Затѣмъ Пушкинъ перешелъ къ другому размѣру и началъ стихотвореніе такъ:

Октябрь ужь наступилъ; съ нагихъ своихъ вѣтвей
Послѣдній листъ уже дубрава отряхаетъ,
И вѣтры хладные, предвѣстники дождей...

Эти начальные стихи напоминаютъ «Эклогу» Ип. Ѳ. Богдановича:

Уже осенніе морозы гонятъ лѣто,
И поле, зеленью пріятною одѣто,
Теряетъ прежній видъ, теряетъ всѣ красы...
. . . . . .
Холодный дуетъ вѣтръ, зефиръ уже не вѣетъ,
Летитъ съ деревьевъ листъ, и вянетъ, и желтѣетъ...

Въ строфѣ VI стихи 6 и 7 первоначально читались:

НѢжнѣе слабаго пчелинаго напѣва
Звукъ рѣчи; на лицѣ еще багровый цвѣтъ...

Послѣ строфы X зачеркнута еще одна строфа:

Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапскіе цари,
Гречанки съ четками, корсары, богдыханы,
Испанцы въ епанчахъ, жиды, богатыри,
Царевны плѣнныя, графини, великаны,
И вы, любимицы златой моей зари, —
Вы, барышни мои, съ открытыми плечами,
Съ висками гладкими и томными очами.

Среди исчеркнутыхъ набросковъ послѣдней строфы (см. снимокъ на стр. 87) можно еще прочесть:

. . . къ песчанымъ ли брегамъ,
Гдѣ дремлютъ вѣчности символы, Пирамиды...

«Осень», говоритъ С. П. Шевыревъ въ своей статьѣ о трехъ послѣднихъ томахъ посмертнаго изданія («Москвит.»1841, ч. V, № 9, см. Зелинскаго, Крит. лит. о П., IV, 200) «есть одно изъ прекраснѣйшихъ стихотвореній, относящихся къ позднѣйшему періоду. Пушкинъ питалъ особенное сочувствіе къ этому времени года и посвятилъ ему нѣсколько піесъ. Это чувство—едва ли не русское: мы любимъ унынье въ природѣ, равно какъ въ музыкѣ и поэзіи. То же самое влеченіе къ осени замѣтно и въ Державинѣ, съ которымъ Пушкинъ представляетъ много сходства въ этомъ стихотвореніи; та же яркая кисть въ описаніяхъ, та же ироніа и шутка, та же внезапность переходовъ отъ мыслей къ мысли, то же употребленіе словъ простонародныхъ».

Дѣйствительно, многіе мотивы «Осени» слышатся въ поэзіи Пушкина еще чуть ли не со временъ лицейскихъ. Такъ, напр., въ посланіи къ Юдину (1815) поэтъ, между прочимъ, говоритъ о томъ, какъ онъ любитъ «подъ вечеръ темный,

осенней бурною порой» уединиться передъ камипомъ и читать или сочинять стихи. «Осень—любимое мое время», писалъ Пушкинъ Плетневу 31 августа 1830 г.: «здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ, пора моихъ литературныхъ трудовъ пастаетъ»... И въ настоящемъ стихотвореніи повторены тѣ же слова: «Теперь моя пора... и съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь». Отъ печальной природы, окружающей поэта и такъ наглядно описанной въ предыдущемъ стихотвореніи, его манитъ вдаль, въ идеальный міръ, создаваемый его мечтою. «Все готово къ отплытію, но—куда плыть? Кажется, даны были всѣ условія для обширнаго и могущественнаго творчества, но что-то задерживало развитіе. Насталъ его мигъ вдохновенія, все живо заговорило въ душѣ поэта; но едва успѣла мысль его двинуться впередъ, какъ мигъ прошелъ, передъ нею безвѣстный путь...» (Катковъ, у Зелинскаго, VII, 158). «Незримый рой гостей», посѣщавшихъ поэта въ его осеннемъ одиночествѣ, у «забытаго камелька», оставилъ яркій слѣдъ въ его творчествѣ той поры, когда одинъ за другимъ, какъ бы тѣсня другъ друга, явились и Скупой Рыцарь, и Донъ-Гуанъ, и Моцартъ и Сальери, Вальсингамъ, Мери, строгій монахъ-проповѣдникъ и Коломенская барышня съ ея переодѣтой кухаркой, герои и героини повѣстей Бѣлкина и «испанцы въ епанчахъ» съ своими серенадами, и многіе другіе... Недаромъ же 1830 годъ былъ самымъ плодовитымъ въ его дѣятельности.

---

638. ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

(т. III, стр. 92).

Окончено 10 октября, напечатано въ «Новосельѣ» Смирдина 1833 г., безъ строфъ IV—IX и XV—XXII, которыя явились только въ 1855 г., въ приложеніи къ «Матеріаламъ» Анненкова. Подлинникъ – въ рукописи Рум. Муз. № 2376 А. Здѣсь послѣ V-й строфы зачеркнуто:

Октавы трудны. Взявъ уловку лисью,
Сказать я бъ могъ, что киселъ виноградъ:
Мнѣ, видно, съ ними надъ парнасской высью
Вѣкъ не бывать! Не лучше ли назадъ
Скорѣй вести свою дружину рысью?
Ужь рѳмами кой-какъ онѣ бренчатъ,
Кой-какъ ужъ до конца октаву эту
Я дотянулъ. Стыдъ русскому поэту!

Послѣ строфы VIII-й зачеркнуто:

Какъ рѣзвая покойница Жако,
Александрійскій стихъ по всѣмъ суставамъ
Развинченъ, гнется, прыгаетъ легко
И высоко, какъ бѣлка по дубравамъ,
Ломается проворно и легко,
На диво всѣмъ парнасскимъ костоправамъ.
Они ворчатъ: «Уймется ль неголяй?
«Какой повѣса! экой разгильдяй!»

Строфа XV-я первоначально была написана такъ:

И тамъ копышутся себѣ въ грязи
Густой, болотистой, прохладной, клейкой,
Кто съ жабой, кто съ лягушкою въ связи,
Кто ракомъ пятится, кто вьется змѣйкой...
Но, Муза,—имъ и въ шутку не грози,—
Не то тебя покроемъ тѣлогрѣйкой
Оборванной, и вмѣсто похвалы
Поставимъ въ уголъ «Сѣверной Пчелы».

«Тѣлогрѣйка» — намекъ на выраженіе «душегрѣйка повѣйшаго уныпія»—въ статьѣ П. В. Кирѣевскаго о современной литературѣ, въ альманахѣ Максимовича: «Денница». Въ одной изъ своихъ замѣтокъ Пушкинъ говоритъ, что «журналисты наши подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки, и вотъ уже годъ, какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику»...

Въ строфѣ XVIII-й Пушкинъ, предполагавшій напечатать «Домикъ» безъ подписи, намекаетъ на свое авторство, припоминая слова Руслана: «Я ѣду, ѣду—не свищу, а какъ паѣду—не спущу».

Въ строфѣ II-й упоминается «Шихматовъ богомольный»,—тотъ самый, который, подъ именемъ «Рѳматова», явился еще въ первомъ напечатанномъ стихотвореніи Пушкина: «Къ другу-стихотворцу». Князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (1783—1837), воспитанникъ Морского корпуса, до 1827 года служилъ по морскому вѣдомству, затѣмъ вышелъ въ отставку и въ 1830 г. постригся въ монахи подъ именемъ Аникиты. Въ 1832 г. онъ предпринялъ путешествіе ко святымъ мѣстамъ, посѣтилъ Іерусалимъ и на обратномъ пути скончался на Аѳонѣ. Изъ его литературныхъ произведеній пользовались въ свое время извѣстностью: «Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или Спасенная Россія», «Пѣснь россійскому слову» (1809), «Петръ Великій, лирическое пѣснопѣніе въ 8 пѣсняхъ» (1810), вызвавшее извѣстную эпиграмму Дмитріева: «Какое хочешь имя дай...», «Ночь на гробахъ», подражаніе Юнгу (1812) и «Ночь на размышленія» (1814). Стихотворствомъ Шихматова восхищался А. С. Шишковъ, особенно цѣпя у него отсутствіе рѳмъ на глаголы, вслѣдствіе чего Батюшковъ, въ своей пародіи: «Пѣвецъ въ Бесѣдѣ словенороссовъ», и назвалъ Шихматова «безглагольнымъ».

Въ строфѣ IV-й вмѣсто «красавцы молодые» первоначально было: «гвардейцы затяжные». Въ «Отрывкахъ изъ романа въ письмахъ» Пушкинъ говоритъ о «лейбъ-гвардіи хрипунахъ».

Въ строфѣ XXVII-й упоминается Ѳедоръ Александровичъ Эминъ (1735—1770), плодовитый писатель, издатель «Адской Почты» и авторъ многихъ романовъ, изъ которыхъ въ особенности славились «Похожденія Мирамонда».

Въ строфѣ XXVIII-й говорится о двухъ очень распространенныхъ пѣсняхъ: «Стонетъ сизый голубочекъ»—И. И. Дмитріева и «Выйду-ль я на рѣченьку»—Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго.

Въ статьѣ А. Мартынова: «Обзоръ стихотвореній А. Пушкина, помѣщенныхъ въ полномъ собраніи сочиненій его» («Маякъ» 1843, т. X, крит., стр. 30—31) находится слѣдующая эпиграмма на повѣсть Пушкина:

Въ Коломнѣ домикъ чей? Заглавный листъ—отвѣтъ:
Строитель онаго—извѣстный всѣмъ поэтъ.
Возставъ противу всѣхъ архитектуры правилъ,
Къ лачужкѣ онъ подъѣздъ огромнѣйшій приставилъ;
Иной зоплъ словцомъ вдобавокъ говоритъ;
Что домикъ чистенькій соломою покрытъ,
Не стоило труда и начинать избушки
Для столь незначущей и тѣнющей верхушки.

---

639. ИЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

(т. III, стр. 100).

Напечатано въ изд. Анненкова, VII, 96. Какъ видно изъ переписки Пушкина, именно въ это время карантины, установленные по случаю холеры, причиняли ему много непріятностей.

640. ОТРОКЪ.

(т. III, стр. 100).

«Сѣв. Цвѣты» на 1832 годъ, вмѣстѣ съ стихотвореніями: «Царскосельская статуя», «Рѣчь» и «Трудъ», подъ общимъ заглавіемъ: «Анѳологическія эпиграммы», которое было затѣмъ откинуто въ изд. стихотвореній 1832 г. Автографъ въ библіотекѣ Академіи Наукъ—помѣченъ: «10 октября». Четверостишіе посвящено Ломоносову.

641. МОЯ РОДОСЛОВНАЯ ИЛИ РУССКОЙ МѢЩАНИНЪ.

(т. III, стр. 100).

Съ пропусками напечатана въ изд. Анненкова, VII, 39 и въ Отеч. Зап. 1846, № 4, отд. VI, стр. 118; полный текстъ данъ въ Рус. Стар. 1879, т. 26, стр. 729 и 1880, т. 28, стр. 357, а также въ Кіевскихъ Унив. Извѣстіяхъ 1880, гдѣ приложенъ и снимокъ съ автографа, помѣченнаго: «16 окт. 1830». Другой автографъ, помѣченный «3 декабря» и смягченный противъ первоначальнаго текста, находится въ альбомѣ С. Н. Батюшковой, принадлежащемъ Императорской Публичной Библіотекѣ. Здѣсь послѣ заглавія слѣдуетъ эпиграфъ, взятый изъ пѣсни Беранже: «Le Vilain»:

Je suis vilain et très-vilain,
Je suis vilain, vilain, vilain, vilain.

Отрывки записаны въ рукописи Рум. Музея № 2375, В, л. 4, и на двухъ отдѣльныхъ листкахъ, находящихся въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

Пушкинъ, какъ извѣстно, очень дорожилъ своими семейными преданіями и собиралъ матеріалы для родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ, изъ которой успѣлъ обработать только небольшой отрывокъ. «Говоря въ пользу аристократіи», замѣчаетъ поэтъ, «я не корчу англійскаго лорда,... но я безъ прискорбія никогда не могъ видѣть униженія нашихъ историческихъ родовъ... Образованный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка... но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи».—«Древнее русское дворянство», читаемъ въ другой замѣткѣ»,—«упало въ неизвѣстность и составило родъ третьяго сословія; дворянская чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ между своими родопачальниками Рюрика и Мономаха; но настоящая аристократія наша съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древность рода ихъ восходитъ до Петра и до Елизаветы. Денщики, пѣвчіе, хохлы вотъ ихъ родопачальники... Хотя дворянство мое теряется въ отдаленной древности, и имена предковъ моихъ встрѣчаются на всѣхъ страницахъ исторіи нашей, но если бы я подумалъ назвать себя аристократомъ, то, вѣроятно, насмѣшилъ бы многихъ... Прошедшее для насъ не существуетъ... Мы гордимся не славою предковъ, по чиномъ какого-нибудь дяди-дурака или баломъ двоюродной сестры. Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости или безнравственности». Ср. «Египетскія Ночи» и сходныя по мысли строфы въ «Родословной моего героя».

Ближайшимъ поводомъ къ сочиненію «Родословной» послужила направленная противъ Пушкина замѣтка Булгарина въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы» 1830, № 94 («Второе письмо изъ Карлова на Каменный Островъ»), гдѣ было сказано слѣдующее:

«Лордство Байрона и аристократическія его выходки, при образѣ мыслей Богъ вѣсть какомъ, свели съ ума множество поэтовъ и стихотворцевъ въ разныхъ странахъ,—и всѣ они заговорили о 600-лѣтнемъ дворянствѣ! Въ добрый часъ! Дай Богъ, чтобы это вперило желаніе быть достойными знаменитыхъ предковъ (если у кого они есть); однакожь, это не сдѣлаетъ глаже и умнѣе ни прозы, ни стиховъ. Разсказываютъ открыто, что какой-то поэтъ въ испанской Америкѣ, также подражатель Байрона, происходя отъ мулата или, не помню, отъ мулатки, сталъ доказывать, что одинъ изъ предковъ его былъ негритянскій принцъ. Въ ратушѣ города доискались, что въ старину былъ процессъ между шкиперомъ и его помощникомъ за этого негра, котораго каждый изъ нихъ хотѣлъ присвоить, и что шкиперъ доказывалъ, что онъ купилъ негра за бутылку рому! Думали ли тогда, что къ этому негру признается стихотворецъ? Vanitas vanitatum»!

По поводу этой выходки въ черновыхъ бумагахъ Пушкина сохранилась слѣдующая замѣтка:

«Въ одной газетѣ (почти оффиціальной) сказано было, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, паперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II), генералъ-аншефъ, отецъ Ганнибала, покорившаго Наварринъ (см. памятникъ, воздвигнутый въ Царскомъ Селѣ графу Ѳ. Г. Орлову) и проч., былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рому. Прадѣдъ мой, если былъ купленъ, то, вѣроятно, дешево; но достался онъ шкиперу, коего имя всякій русскій гражданинъ произноситъ съ уваженіемъ и не всуе *). Простительно выходцу не любить ни русскихъ, ни Россіи, ни исторіи ея, ни славы ея; но непростительно было бы намъ дозволять всякому выходцу клеветать, по непохвально ему за русскую ласку марать грязью священныя страницы нашихъ лѣтописей, поносить лучшихъ гражданъ и, не довольствуясь современниками, издѣваться надъ гробами праотцевъ».

Въ написанной для «Литературной Газеты» статьѣ «О выходкахъ противъ литературной аристократіи» Пушкинъ говоритъ: «Пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ гг. Полевого, Греча и Булгарина—непохвально, и не дорожить своими правами и преимуществами — глупо».

Кн. П. П. Вяземскій, въ своей брошюрѣ: «Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго ар-

*) Другая, сюда относящаяся замѣтка Пушкина: «Голиковъ говоритъ, что [Ганнибалъ] былъ камердинеромъ у Государя, но что Петръ замѣтилъ въ немъ дарованіе и проч. Голиковъ ошибся: у Петра I не было камердинеровъ; прислуживали ему денщики, между прочими—Орловъ и Румянцевъ, родопачальники историческихъ фамилій».

хива» (Спб. 1880, стр. 40), разсказываетъ, какъ поэтъ, гостившій зимою 1830—31 гг. въ Остафьевѣ, «во время семейнаго вечерняго чая расхаживалъ по комнатѣ, не то плавая, не то какъ будто катаясь на конькахъ, и, потирая руки, декламировалъ, сильно напирая на: «Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ,—я просто русскій мѣщанинъ». Распространеніе этихъ стиховъ, прибавляетъ князь,—несмотря на увѣщанія моего отца, несомнѣнно вооружило противъ Пушкина много озлобленныхъ враговъ, и болѣе всего вооружило противъ него, при кончинѣ, цѣлую массу вліятельныхъ семействъ въ Петербургѣ...»

Императоръ Николай на представленномъ ему спискѣ «Родословной» написалъ (по-французски): «Всякая брань безчеститъ того, кто произноситъ ее, а не того, на кого направлена она. Оружіе противъ нея—презрѣніе. Въ сатирическихъ стихахъ Пушкина можно найти умъ, но еще болѣе желчи. Для чести его пера, а особенно—для чести его разсудка, лучше было бы, если бы они остались въ неизвѣстности» (Анненковъ, Мат., 245; Шляпкинъ. Изъ бумагъ А. С. П., 132).

Изъ историческихъ личностей въ «Родословной» упоминаются: «лейбъ-кучеръ» императора Александра I Илья Ив. Байковъ, болѣе 20 лѣтъ возившій государя по Россіи и за границей и получившій дворянское достоинство; «торговавшій блинами» кн. А. Д. Меншиковъ, «прыгнувшій изъ хохловъ» кн. Безбородко, «пѣвшій на крылосѣ» гр. Разумовскій и камердинеръ императора Павла—гр. Кутайсовъ. Въ 4-й строфѣ Пушкинъ говоритъ о своемъ предкѣ Радшѣ или Рачѣ, а далѣе вспоминаетъ позднѣйшихъ своихъ прадѣдовъ. «Имя предковъ моихъ», говоритъ поэтъ въ «Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ», — «встрѣчается поминутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ... Гаврило Григорьевичъ Пушкинъ принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой Пушкинъ во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло... Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ... При Петрѣ I стольникъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Пушкинъ уличенъ былъ въ заговорѣ противъ государя и казненъ вмѣстѣ съ Циклеромъ и Соковнинымъ... Левъ Александровичъ Пушкинъ служилъ въ артиллеріи и въ 1762 г., при вступленіи на престолъ Екатерины II, посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ... Дѣдъ моей матери былъ негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополѣ какъ-то досталъ его изъ сераля, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его къ Петру вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами»...

642. СТАМБУЛЪ ГЯУРЫ НЫНЧЕ СЛАВЯТЪ.

(т. III, стр. 101).

Напечатано въ посмертномъ изд., IX, 242, подъ произвольнымъ заглавіемъ: «Начало поэмы». Рукописи—въ Рум. Муз. № 2376 B, лл. 3 и 20, и въ библ. Академіи Наукъ (собр. Майкова). Въ изд. посмертномъ и Анненкова послѣдній стихъ 5-й строфы читается: «Евнухи наши въ нихъ не спятъ». Въ рукописи послѣ этого стиха *зачеркнуто*:

Въ насъ умъ владѣетъ плотью дикой,
А покоренъ Корану умъ,
И потому Пророкъ великой
Хранитъ какъ око свой Арзрумъ.

Въ концѣ стихотворенія 4 стиха (3—6 съ конца) почти дословно взяты изъ стихотворенія 1828 г. «Опричникъ».

Въ рукописи стихотвореніе помѣчено 17 октября. Впослѣдствіи Пушкинъ воспропзвелъ его, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ «Путешествіи въ Арзрумъ», гдѣ его сочиненіе приписано небывалому турецкому поэту Амшъ-Оглу. Содержаніемъ стихотворенія служитъ разсказъ объ истребленіи янычаръ султаномъ Махмудомъ II послѣ ихъ возстанія въ Константинополѣ (1826 г.), отличавшемся особенною жестокостью. Первый стихъ намекаетъ на тѣ похвалы и добрыя пожеланія, которыми западные друзья султана встрѣтили задуманныя имъ реформы, надѣясь найти въ немъ союзника противъ Россіи. См. П. И. Чернлева, Критич. ст. и зам. о Пушкинѣ, Харьк, 1900, стр. 1—32.

642. ЗАКЛИНАНІЕ.

(т. III, стр. 101).

Напечатано въ посмертномъ изд., IX, 164, по рукописи, находящейся нынѣ въ библіотекѣ Академіи Наукъ (недоступное общему пользованію собр. Майкова). Въ посмертномъ изд. 2-й стихъ послѣдней строфы читается, согласно съ подлинникомъ:

Чтобъ укорять людей, чья злоба

у Анненкова же—опечатка: «чтобъ укорять того», повторенная всѣми позднѣйшими изданіями. Вторая строфа въ рукописи зачеркнута, почему и напечатана въ настоящемъ изданіи въ скобкахъ. Помѣта рукописи: 17 октября, Болдино.

Это стихотвореніе, по своему содержанію, находится въ тѣсной связи съ элегіей: «Для береговъ отчизны дальной» и стихотвореніемъ: «Разставаніе»; будучи взяты всѣ вмѣстѣ, эти три пьесы составляютъ, по выраженію Анненкова, одну трехчленную лирическую пѣснь.

644. СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(т. III, стр. 109).

Напечатано въ «Современникѣ» 1836 г. Рукопись (Рум. Муз. № 2376 B) помѣчена: 23 октября 1830, Болдино». О текстѣ см. замѣтку П. В. Петрова въ Литер. Вѣстн. 1901, I, 432.

По вопросу объ источникѣ драмы комментаторами были высказаны весьма разнообразныя мнѣнія. Анненковъ (Мат., изд. 2-е, 278) объяснялъ ссылку на небывалаго Ченстона болѣзнью «примѣненій и неосновательныхъ толковъ»; эта мысль была развита А. П. Кирпичниковымъ, который прямо указалъ (Рус. Стар. 1899, № 2, стр. 441, и Очерки нов. рус. лит., II, 44), что Пушкинъ хо

тѣлъ изобразить собственныя отношенія къ отцу, который въ юношескіе годы поэта давалъ ему очень мало денегъ. Н. Ѳ. Сумцовъ («Пушкинъ», 255—256), вслѣдъ за П. А. Кулаковскимъ (Объ иллюзіяхъ, 69), указалъ на монологъ стараго скупца Фабіена въ комедіи старинаго хорватскаго писателя Яндрича: «Любомировичъ, или истинный другъ» (передѣлка «Il vero amico» Гольдони), изданной Ѳомою Миклоушичемъ въ Загребѣ, 1821 г. Но эта пьеса, конечно, не была извѣстна Пушкину. (См. замѣтку А. Н. Сиротинина въ Рус. Арх. 1909, кн. 11, стр. 222). А. А. Чебышевъ, въ замѣткѣ, напечатанной въ сборникѣ: «Памяти Л. Н. Майкова» (Спб. 1903, стр. 489—501), обратилъ вниманіе на пьесу Мильмана (1791—1868) «Фаціо», съ которою Пушкинъ могъ познакомиться по бывшему у него въ рукахъ парижскому изданію: «The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall», P. 1829. Въ этой пьесѣ выведенъ, между прочимъ, старый скряга Бартоло, о которомъ Фаціо разсказываетъ, что «онъ любовался сквозь боязливо приподнятую крышку огромнаго сундука на монеты, драгоцѣнности, слитки золота, на блескъ которыхъ падали тусклые лучи фонаря... Его хорьковые глаза сладострастно наслаждались этими драгоцѣнностями, подобно сатиру, любующемуся спящей нимфой. И когда ему вдругъ послышался шумъ, онъ поспѣшно захлопнулъ крышку и задулъ фонарь». Указанная черта сходства этого разсказа съ монологомъ барона въ подвалѣ представляется, однако, незначительною. Гораздо ближе къ этому монологу стоятъ: сцена изъ романа Вальтеръ-Скотта «Пертская Красавица», отмѣченная еще А. Д. Галаховымъ (въ статьѣ о заимствованіяхъ рус. поэтовъ, въ Рус. Стар. 1888, № 1), и строфы VIII—X двѣнадцатой пѣсни байроновскаго «Донъ-Жуана», конечно, также хорошо извѣстныя Пушкину:

«Скряга—поэтъ въ душѣ. Скупость, эта чистѣйшая изъ страстей, будучи отраженіемъ его золотыхъ слитковъ, для пріобрѣтенія которыхъ народы переплываютъ океанъ, доставляетъ ему блаженство обладанія. Для него слитки изъ темныхъ рудниковъ блещутъ золотыми лучами, брилліанты проливаютъ на него свое сверкающее пламя, а нѣжный блескъ изумрудовъ умѣряетъ цвѣтъ другихъ камней, услаждающихъ его взоры. Ему принадлежатъ земли обоихъ полушарій... а онъ, чуждый всѣхъ порывовъ чувствительности, довольствуется тѣмъ, что повелѣваетъ всѣмъ его окружающимъ, какъ нравственный неограниченный монархъ», и проч.

---

645. МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

(т. III, стр. 127).

Библіографическія и литературныя указанія см. въ т. III, стр. 118—126.

---

646. СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ.

(т. III, стр. 133).

Рукописи—Рум. Муз. № 2372, л. 95 об., и библ. Академіи Наукъ (собр. Майкова, № 49). Напечатано въ посмертномъ изд., IX, 163, и въ изд. Анненкова, II, 527. Музейная рукопись представляетъ варіантъ послѣдняго стиха: «Смысла я въ тебѣ ищу». Тамъ же, среди перечеркнутыхъ строкъ, можно еще прочесть:

(Мнѣ ночь отрада)
(Я проснулся, но лѣниво)
. . . . . .
Длятся ночи декабря. . .

Стихотвореніе написано, однако, не въ декабрѣ, а въ октябрѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ помѣта рукописи (ср. Анненкова, Мат., изд. 2-е, 299). По замѣчанію проф. Н. Ѳ. Сумцова («Пушкинъ», 80), эти стихи вышли изъ душевнаго настроенія, породившаго ранѣе, въ 1828 году, стихотвореніе «Даръ напрасный». Въ обоихъ этихъ произведеніяхъ обнаруживается стремленіе проникнуть въ тайны жизни. Стихотвореніе 1828 г. болѣе пессимистично. Здѣсь поэтъ прямо говоритъ: «томитъ меня тоскою однозвучной жизни шумъ», а въ стихахъ 1830 г. только чувствуется эта тоска, чувствуется презрительное отношеніе къ жизни, какъ «бабьему лепетанью парки». Любопытная черта—опредѣленіе интенсивности жизни по звукамъ, обнаруживается и въ нѣкоторыхъ другихъ стихотвореніяхъ Пушкина, напр. въ «Пророкѣ».

Ночныя впечатлѣнія, повидимому, имѣли важное значеніе въ творчествѣ Пушкина. По собственному его признанію, ночь вдохновляла его, окрыляла его воображеніе. Это признаніе чаще всего встрѣчается въ стихотвореніяхъ 1830 г. Такъ, въ «Моцартѣ и Сальери» упоминается «творческая ночь», въ «Трудѣ» поэтъ говоритъ, что ему жаль труда «молчаливаго спутника ночи», и т. д. Пушкинъ часто писалъ по ночамъ.

---

647. ВЪ НАЧАЛѢ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я.

(т. III, стр. 133).

Напечатано въ посмертномъ изд., IX, 172, вмѣстѣ съ другимъ, позднѣйшимъ (1832 г.) стихотвореніемъ: «И далѣ мы пошли...», подъ произвольнымъ заглавіемъ; «Подражаніе Данту». Подлинникъ, бывшій у Анненкова, а теперь находящійся въ библіотекѣ Академіи Наукъ (собр. Майкова), представляетъ варіанты (см. Анненкова, Мат., изд. 2-е, стр. 299):

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ маленькихъ дѣтей насъ было много;
Какъ на грядѣ одной цвѣтовъ семья,
Росли неровно мы; за нами строго
Смотрѣла пѣкая жена...

Во 2-мъ стихѣ X-й терцины, послѣ словъ; «И свитки въ», знакъ [?] поставленъ на мѣстѣ пропущеннаго посмертнымъ изданіемъ и не возстановленнаго Анненковымъ слова. Можно предположить: «бѣлыхъ».

Все «подражаніе Данту» въ этомъ отрывкѣ ограничивается формой стиха,—терцинами, похожими на тѣ, какими написана «Божественная Комедія». По содержанію же своему отрывокъ не имѣетъ ничего общаго съ Данте и его временемъ, такъ какъ здѣсь рисуется школа эпохи лишь позднаго Возрожденія. Анненковъ (Мат., 300)

подмѣтилъ въ немъ, вмѣстѣ съ глубокими чертами поэзіи, «первый проблескъ того эпическаго настроенія, которое впослѣдствіи развилось у Пушкина и опредѣлило всю поэтическую его дѣятельность... Съ 1830 года мысль автора начинаетъ преимущественно выбирать повѣствованіе для проявленія своего—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиняется величавому, строгому, спокойному изложенію, которое порабощаетъ читателя невольно, неудержимо и безпрекословно»...

Стихотвореніе представляется только вступленіемъ къ разсказу, и неизвѣстно, какъ бы развивался этотъ разсказъ далѣе. Судя по началу, можно догадываться, что ближайшее повѣствованіе должно было коснуться борьбы съ тѣми искушеніями, какія являлись юношѣ, «въ началѣ жизни», въ образѣ двухъ прекрасныхъ «идоловъ» таинственнаго сада, увлекая его прочь отъ строгой, величавой «жены», отъ яснаго, свѣтлаго жизненнаго идеала. Однако, видѣть въ этихъ «идолахъ», какъ это допускаетъ Д. С. Мережковскій («Вѣчные Спутники», 514—516), олицетвореніе двухъ противоположныхъ началъ—«аполлоновскаго» и «діонисовскаго», значило бы—приписывать Пушкину мысли, которыя болѣе полувѣка спустя были развиты Ницше. Да въ такомъ анахронизмѣ нѣтъ и нужды. Кто не сходилъ въ своей жизни, хотя-бы на минуту, съ прямого пути подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ побужденій? Кому не являлись эти два «демона», оба равно прекрасные и лживые? Въ подчиненіи тому или другому изъ нихъ—вѣчная причина человѣческаго паденія, нравственной неустойчивости, затменія духа; въ борьбѣ съ ними—нравственное просвѣтлѣніе и мѣра душевныхъ силъ каждаго; въ рѣдкой побѣдѣ надъ ними—подвигъ возрожденія и ясный покой души, высшая мудрость... По своему символическому характеру настоящій отрывокъ стоитъ одиноко среди произведеній Пушкина, всегда простыхъ и ясныхъ,—и какъ-то особенно завлекаетъ своею незаконченностью и таинственностью...

---

648. БЫЛЪ НА СВѢТѢ РЫЦАРЬ БѢДНЫЙ.

(т. III, стр. 133).

По рукописи Рум. Муз. № 2571, л. 77 об. впервые напечатано въ изд. Литературнаго Фонда (1887) и затѣмъ—въ изд. «Просвѣщеніе» (V, 640-642). Въ настоящемъ изданіи кое-что прочитано точнѣе (см. въ исторіи текста). По вѣроятному предположенію Н. О. Лернера («Труды и дни», изд. 2-е, 225), написано въ Болдинѣ и послано оттуда 4 ноября бар. Дельвигу съ письмомъ, въ которомъ Пушкинъ доносилъ, какъ вассалъ своему сюзерену, что «нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго надежа, холерой именуемаго и занесеннаго къ намъ крестовыми воинами, т.-е. бурлаками, то въ замкѣ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглой годъ». Впослѣдствіи Пушкинъ переписалъ романсъ изъ прежней тетради въ другую (№ 2384, л. 49 об.), съ передѣлками и сокращеніями, и вставилъ его въ «Сцены изъ рыцарскихъ временъ» [1]).

[1]) Стихъ: «Полонъ (дѣтскою) любовью» можетъ-быть вѣрнѣе читать: Тлѣя дѣвственной любовью».

«Подъ возбуждающимъ вліяніемъ живописи и скульптуры возникло представленіе о Мадоннѣ, какъ о прекрасной женщинѣ, и экзальтированные, иногда прямо сумасшедшіе, рыцари влюблялись въ картины Мадонны, избирали Богоматерь дамой своего сердца и совершали въ честь ея подвиги. Это—крайнее выраженіе извѣстнаго рыцарскаго служенія женщинѣ... Пушкинскій рыцарь—типичный средневѣковой рыцарь эпохи крестовыхъ походовъ, храбрый, мрачный, суровый, склонный къ мечтательности, съ болѣзненно настроеннымъ воображеніемъ... Онъ представляетъ родственныя черты съ Ульрихомъ фонъ-Лихтенштейномъ и Донъ-Кихотомъ. Въ романсѣ, несмотря на незначительный его объемъ (пр. Сумцовъ говоритъ о редакціи «Сценъ изъ рыц. временъ»), мѣтко очерчены главныя черты средневѣковой жизни—поклоненіе Мадоннѣ, уваженіе къ женщинѣ, войны съ мусульманами, рыцарское вооруженіе и рыцарская экзальтированность [1]). (Сумцовъ, «Пушк.», 159—160).

649. ГЕРОЙ.

(т. III, стр. 134).

Напечатано, безъ подписи автора, въ «Телескопѣ» 1831, № 1, а съ именемъ Пушкина впервые явилось въ «Современникѣ» 1837, № 5, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Редакція получила это стихотвореніе отъ М. П. Погодина при слѣдующемъ письмѣ»: Посылаю вамъ стихотвореніе Пушкина Герой. Кажется, никто не знаетъ, что оно принадлежитъ ему. Пушкинъ прислалъ мнѣ оное во время холеры, въ 1830 году, изъ нижегородской своей деревни, и вотъ что напечаталъ объ немъ: «Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ Вѣдомостяхъ, но прошу васъ и требую, именемъ нашей дружбы, не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ его, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моей рукою переписанное».—Я напечаталъ стихи тогда въ «Телескопѣ» (1831, № 1, безъ подписи) и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется, должно перепечатать ихъ теперь. Разумѣется, никому не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ, послѣ многозначительнаго: утѣшься!—29 сентября 1830,—есть день прибытія Государя Императора въ Москву во время холеры».

Посѣщенія Николаемъ I холерной Москвы вызвало въ Пушкинѣ искреній энтузіазмъ. Въ черновой статьѣ о Радищевѣ (Рум. Муз. № 2385) читаемъ: «Нынѣ царствующій императоръ чаще другихъ у достоинаетъ Москву своимъ посѣщеніемъ. Неожиданный пріѣздъ его въ концѣ 1830 г., во время заразы, принадлежитъ будущему историку».

Автографъ «Героя» находится въ Имп. Публ. Библіотекѣ и не представляетъ никакихъ отличій отъ напечатаннаго. Ссылка на мемуары Бурьена сдѣлана самимъ Пушкинымъ, но къ ней редакція «Современника» присоединила свое объясненіе: «Бурьенъ въ запискахъ своихъ отрицаетъ сказаніе о томъ, что Бонапарте, посѣтивъ въ Яффѣ госпиталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ нѣкоторымъ для ободренія ихъ. «J'affirme», говоритъ онъ, «ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré».

Стихи (стр. 134): «Сей ратникъ, Вольностью

[1]) Ср. въ VI т. статью «Въ лабораторіи генія» и примѣч. къ «Сценамъ изъ рыцар. временъ». *Рец*

вѣнчанный, изчезнувшій, какъ тѣнь зари» представляютъ повтореніе стиха изъ отрывка 1823 г. «Недвижный стражъ дремалъ»,—«Сей царь, изчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари», и, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, повторены въ уцѣлѣвшемъ стрывкѣ изъ X-й главы «Онѣгина» («Пушк. и его совр.», XIII, 4), гдѣ сказано: «Сей всадникъ, Петрою вѣнчанный, изчезнувшій, какъ тѣнь зари, сей мужъ судьбы, сей странникъ бранный, предъ кѣмъ унизились (цари)». См. тамъ же замѣтку П. О. Морозова.

---

650. КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

(т. III, стр. 147).

Пьеса извѣстна въ рукописяхъ Рум. Музея № 2376 Б. (лл. 1—9, 54—61), 2377 А (л. 23) и 2387 Б (л. 46 об.), а напечатана впервые только послѣ смерти Пушкина, въ сборникѣ: «Сто Русскихъ Литераторовъ» (Спб. 1839), съ произвольными поправками и пропусками и съ замѣною пушкинскаго правописанія «Донъ-Гуанъ», болѣе близкаго къ испанскому произношенію, общепринятымъ у насъ—«Донъ-Жуанъ».

Какъ уже указано въ статьѣ Н. А. Котляревскаго (III, 139), первая обработка легенды о Донъ-Жуанѣ принадлежитъ Тирсо-де-Молина (Габріэль Теллезъ), автору пьесы «Севильскій распутникъ и Каменный гость» (1634). Эта пьеса сразу пріобрѣла широкую популярность не только въ Испаніи, но и за ея предѣлами. Въ 1652 г. она была представлена въ Неаполѣ и вызвала въ итальянской литературѣ XVII вѣка цѣлый рядъ подражаній и передѣлокъ. Странствующія труппы итальянскихъ актеровъ занесли ее, въ видѣ commèdia dell' arte, во Францію. Въ 1658 г. одинъ изъ парижскихъ актеровъ, Доримонъ, передѣлалъ итальянскую пьесу въ плохіе французскіе стихи, причемъ въ самомъ заглавіи допущена была ошибка, происшедшая отъ описки въ итальянскомъ текстѣ: вмѣсто convitato di pietra (каменный гость) было прочитано convito (пиръ), и слово pietra (камень) замѣнено собственнымъ именемъ Pietro (или Педро); такимъ образомъ, пьеса получила заглавіе: «Le Festin de Pierre» («Пиръ Петра»); а такъ какъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ никакого «Петра» не оказалось, то рѣшено было дать это имя командору (прежде безымянному), котораго убиваетъ Донъ-Жуанъ и оживленная статуя котораго производитъ катастрофу. Любопытно, что эта ошибка Доримона неизмѣнно повторялась всѣми позднѣйшими драматургами, французскими и нѣмецкими,—и только Пушкинъ возвратилъ пьесѣ ея подлинное и правильное заглавіе.

О варіантахъ см. «Исторію текста». Для хронологіи созданія «Каменнаго Гостя» интересно, что Пушкинъ еще 1 марта 1828 г. вписалъ въ альбомъ извѣстной піанистки Шимановской стихи, включенные потомъ во II сцену драмы (стр. 151):

Изъ наслажденій жизни
Одной любви музыка уступаетъ,
Но и любовь—мелодія...

(См. замѣтку Н. О. Лернера въ Историч. Вѣстн. 1905, іюнь. 318—319).

---

651. Я ЗДѢСЬ, ИНЕЗИЛЬЯ.

(т. III, стр. 162).

Впервые напечатано въ 1834 г. съ нотами М. И. Глинки; затѣмъ появилось въ «Отеч. Запискахъ» 1841, № 8; посмертнымъ изданіемъ пропущено, и вновь напечатано только Анненковымъ (Мат., 2-е изд. 302), у котораго былъ и автографъ стихотворенія, подаренный имъ М. И. Боткиной (Шеншиной) и сохранившійся въ ея альбомѣ (см. «Пушк. и совр.», XII, 1—6) При печатаніи стихотворенія Анненковъ допустилъ два отступленія отъ виолиѣ четкой рукописи: 1) во 2-мъ стихѣ 1-го куплета Пушкинымъ напечатано: «Я здѣсь (а не «стою») подъ окномъ» и 2) въ 3-мъ куплетѣ послѣдній стихъ читается въ автографѣ: «Тотчасъ (а не «мечемъ») уложу». Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ изданіи 1834 (съ музыкой Глинки) напечатано: 1) «Я здѣсь подъ окномъ», но 2) «Мечемъ уложу», Автографъ помѣченъ: «9 окт. 1830 Болд.».

Анненковъ указалъ, что поводомъ къ сочиненію этой пьесы послужило стихотвореніе Barry Cornwall «Серенада», изъ котораго Пушкинъ взялъ только первый стихъ: «Inesilla, I am here», да вопросъ: «что медлишь?» Все остальное сочинено нашимъ поэтомъ совершенно самостоятельно. Очень вѣроятно, что этотъ романсъ долженъ былъ войти во II сцену «Каменнаго Гостя», какъ одна изъ пѣсенъ Лауры.

По замѣчанію Анненкова, Пушкинъ до послѣдняго времени сохранялъ особенное расположеніе къ Барри Корнуоллю,—«вѣроятно, столько же за энергію его произведеній, сколько и за его подражанія стилю и пріемамъ старыхъ драматурговъ Англіи». За четыре дня до своей смерти поэтъ писалъ А. О. Ишимовой: «Мнѣ хотѣлось бы познакомить публику съ произведеніями Barry Cornwall. Не согласитесь ли вы перевести нѣсколько изъ его драматическихъ очерковъ?» Ишимова дѣйствительно, перевела пять изъ этихъ очерковъ,—вѣроятно, указанныхъ Пушкинымъ; они были напечатаны въ VIII томѣ «Современника» 1837 г Самъ же Пушкинъ перевелъ изъ Б. Корнуолля «Пиръ во время чумы», см. ниже.

---

652. ПРЕДЪ ИСПАНКОЙ БЛАГОРОДНОЙ.

(т. III, стр. 163).

Напечатано въ посмертномъ изд., IX, 161, съ произвольнымъ заглавіемъ: «Романсъ». Подлинникъ находится въ библіотекѣ Академіи Наукъ (собр. А. Л. Майковъ). Можетъ быть также предназначалось для II-й сцены «Каменнаго Гостя».

---

653. НА ПЕРЕВОДЪ ИЛІАДЫ.

(т. III, стр. 164).

Напечатано въ альманахѣ бар. Розена «Альціона» 1832 г. стр. 79. и повторено въ изд. 1832 г. (III, 27), съ исправленіемъ 1-го стиха, читавшагося въ альманахѣ: «Слышу божественный звукъ воскресившей эллинской рѣчи». Черновое двустишіе находится въ записной книжкѣ Пушкина, поступившей въ Имп. Публ. библіотеку

вмѣстѣ съ бумагами А. А. Краевскаго. Здѣсь имѣется и помѣта: «8 №» (ноября). Замѣтка Пушкина «О выходѣ Иліады въ переводѣ Гнѣдича», напеч. въ «Литер. Газетѣ» 1830, № 2 (6 янв.), вызвала восторженную благодарность Гнѣдича, который тотчасъ же написалъ Пушкину: «Едва ли мнѣ въ жизни случится читать что либо о моемъ трудѣ, что было бы сказано такъ благородно и было бы мнѣ такъ утѣшительно и сладко! Это лучше царскихъ перстеней».

Однако поэтъ, прежде чѣмъ выразить свое одобреніе труду Гнѣдича въ формѣ классическаго двустишія, воспользовался той же формою для выраженія иной мысли—не хвалебной, а сатирической. Въ майковскомъ собраніи автографовъ Пушкина въ библіотекѣ Академіи Наукъ нашелся листокъ въ восьмушку писчей бумаги, мелко съ обѣихъ сторонъ исписанный. Здѣсь находятся стихотворенія, набросанныя Пушкинымъ въ Болдинѣ, въ первой половинѣ октября 1830 г., а именно: на лицевой сторонѣ «Румяный критикъ мой...», а на оборотѣ—«Къ статуѣ въ Царскомъ Селѣ» и, нѣсколько ниже,—отрывокъ: «Куда же ты?—въ Москву». Между этими двумя стихотвореніями написано и затѣмъ старательно зачеркнуто двустишіе, которое, однако же, оказалось возможнымъ возстановить:

Кривъ былъ Гнѣдичъ поэтъ, прелагатель слѣпова Гомера;
Бокомъ однимъ съ образцомъ схожъ и его переводъ.

Такимъ образомъ, Пушкинъ, не знавшій греческаго языка, но чутьемъ догадавшійся о томъ недостаткѣ перевода Иліады, въ которой критика стала впослѣдствіи упрекать Гнѣдича,—объ его напыщенности, выразившейся въ обиліи славянизмовъ,—не могъ удержаться, чтобы не кольнуть переводчика эпиграммой. Но, вѣроятно, опасаясь, что эта вспышка юмора можетъ какъ-нибудь дойти до крайне самолюбиваго Гнѣдича и испортить существовавшія между обоими поэтами добрыя отношенія, поторопился ее зачеркнуть съ особенною тщательностью и замѣнить двустишіемъ совсѣмъ иного рода. См. замѣтку П. О. Морозова, «Пушк. и его совр.», XIII, 13—17.

---

654. ДЛЯ БЕРЕГОВЪ ОТЧИЗНЫ ДАЛЬНОЙ.

(т. III, стр. 164).

Впервые напечатано въ альманахѣ Владиславлева «Утренняя Заря» 1841 г., подъ заглавіемъ: «Разлука». Въ автографѣ, помѣченномъ 27 ноября и принадлежащемъ нынѣ Е. И. В. Кн. Константину Константиновичу, стихотвореніе первоначально начиналось такъ:

Для береговъ чужбины дальной
Ты покидала край родной.

«Трудно рѣшить», говоритъ Анненковъ (Мат., изд, 2-е, стр. 189), «которая изъ двухъ редакцій ближе къ исторической истинѣ». Но, по существу, обѣ редакціи выражаютъ одно и то же: стихотвореніе вызвано воспоминаніемъ объ отъѣздѣ г-жи Ризничъ изъ Одессы въ Италію,—изъ роднаго поэту, но чужого для нея русскаго края въ дальнюю для него чужбину, для нея—отчизну.

«Въ чемъ заключается невыразимое очарованіи этого стихотворенія?» спрашиваетъ Катковъ. «Въ индивидуальности минуты, въ немъ изображенной. Оно дышитъ чѣмъ-то своимъ, чѣмъ-то совершенно особеннымъ. Эта минута есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ, нѣчто безконечно оригинальное. Въ этихъ немногихъ строкахъ—цѣлая повѣсть. Читая ихъ, вы чувствуете, какъ на душѣ вашей слагается это полное мгновеніе, которое вы потомъ отличите отъ тысячи другихъ... Каждое слово въ этомъ стихотвореніи дѣйствуетъ на душу и могущественно вызываетъ изъ сердечной глубины всѣ тѣ тонкія чувствованія, которыя въ своемъ сліяніи изображаютъ идею стихотворенія. Вдали, какъ основа картины, чувствуется благодатный край юга, край жизни и любви. Съ этимъ яркимъ аккордомъ сливается мысль о печальной странѣ изгнанія, и посреди этого общаго настроенія разыгрывается сцена... Поэтъ не ограничился простымъ извѣщеніемъ о своемъ чувствѣ; онъ передалъ всю особенность его проявленія, и передалъ двумя-тремя чертами, которыя представили намъ живой образъ, проникнутый всею силою печальнаго мгновенія. Какъ сильно дѣйствуютъ эти простыя слова: «Я долго плакалъ предъ тобой»! Какая истина въ этомъ движеніи холодѣющихъ рукъ, въ этомъ стонѣ, умоляющемъ продлить томительную минуту разставанія! Какъ слышится въ поэзіи этой сцены присутствіе нѣжнаго, милаго женскаго существа!... Какъ хорошо и какъ кстати, что именно о н а прерываетъ это страшное томленіе разлуки! Женскому чувству особенно свойственно хранить мѣру въ самомъ увлеченіи; женскому чувству сроднѣе, чѣмъ мужскому, остановиться въ порывѣ и замкнуться въ самоотреченіи или въ надеждѣ... Надежды не сбылись: она умерла подъ голубымъ небомъ своей родины,—и прощальныя слова поэта запечатлѣны чудною нѣжностью и вмѣстѣ важностью. При строгой мысли о смерти, чувство поэта помнитъ еще объ обѣщанномъ поцѣлуѣ свиданія; это нѣжное чувство устояло передъ скорбною торжественностью минуты. Бѣдное сердце человѣческое не потерялось, не отреклось отъ своихъ правъ и предъ зіяющею, бездною смерти»...

«Эта пьеса», продолжаетъ тотъ же критикъ,—«есть выраженіе великой идеи, идеи, для которой много работала исторія. Это—идея человѣческой личности, это—права человѣческаго сердца. Звуками Пушкина предъявлены были эти права въ нашемъ общественномъ сознаніи; его поэзіей, преимущественно, эта идея была усвоена русской жизни... Если признаніе правъ человѣческаго сердца было и у насъ давнею потребностью, то полное удовлетвореніе себѣ нашла она впервые въ поэзіи Пушкина. Вотъ.., существенное значеніе его лирики, и вотъ истина, которая утверждена была имъ въ общественномъ сознаніи». (Зелинскій, Рус. крит. лит. о произв. Пушк. VII, 147–152).

---

655. КАКЪ ВЕСЕННЕЙ ТЕПЛОЙ ПОРОЮ.

(т. III, стр. 165).

Впервые напечатано Анненковымъ (Мат., изд. 2-е, стр. 116), по рукописи Рум. Муз. № 2376 В, л. 5, по которой и исправлено въ изд. Литер. Фонда II, 113.

«Это только эксизъ проба пера», говоритъ

Вс. Ѳ. Миллеръ («П-нъ, какъ поэтъ-этнографъ». № 2899, стр. 47—49). «Намъ неизвѣстно, какъ повелъ бы Пушкинъ дальше свою сказку о медвѣдицѣ, почему онъ не возвращался болѣе къ этому виртуозному началу... Но тѣмъ сильнѣе заинтересовываетъ насъ облекающая отрывокъ тайна. Передъ нами какъ будто запись подлинной народной пѣсни; по всматриваясь въ нее ближе мы замѣчаемъ, что это—попытка къ художественному воспроизведенію, руководимая замысломъ сохранить весь колоритъ народности, незлобивый юморъ, мѣткія характеристики, типическій стихъ,—попытка, дающая, какъ справедливо выразился Анненковъ, «впечатлѣніе деревенской пѣсни, пропѣтой великимъ мастеромъ». Можно было бы посвятить цѣлый небольшой этюдъ разбору сказки о медвѣдицѣ съ этнографической точки зрѣнія. Въ ней мы находимъ самое высшее у Пушкина проявленіе его близкаго знакомства съ духомъ русской народной поэзіи и умѣнья художественно воспроизводить ея мотивы... Мы не можемъ точно указать простонародный матеріалъ, которымъ воспользовался Пушкинъ. По всей вѣроятности, это не была одна опредѣленная пѣсня. Въ сказкѣ о медвѣдицѣ мы видимъ скорѣе такое же художественное собраніе въ одинъ фокусъ народныхъ красокъ, запечатлѣвшихся въ богатой памяти поэта, какъ въ его знаменитомъ прологѣ къ «Руслану и Людмилѣ», этомъ дивномъ калейдоскопѣ русскихъ сказочныхъ мотивовъ...» «Въ Пушкинѣ», говоритъ Достоевскій въ своей знаменитой рѣчи 1880 г., «есть именно что-то сроднившееся съ народомъ в з а п р а в д у, доходящее въ немъ почти до какого-то простодушнѣйшаго умиленія. Вспомните сказаніе о медвѣдѣ и о томъ, какъ убилъ мужикъ его боярыню-медвѣдицу,... и вы поймете, что я хочу сказать».

---

656. ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

(т. III, стр. 169).

Напечатано въ альманахѣ бар. Розена «Альціона» (Спб. 1832) и въ томъ же году перепечатано въ собраніи стихотвореній Пушкина (III, 62—77).

Шотландскій поэтъ John Wilson, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Christopher North (1785—1854), принадлежалъ къ такъ наз. «озерной школѣ» поэтовъ, главными представителями которой были Уордсвортъ, Кольриджъ и Саути. Занимая въ Эдинбургскомъ университетѣ каѳедру нравственной философіи, онъ былъ въ то же время дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала «Blackwood's Magazine», въ которомъ печатались его научныя и политическія статьи, стихотворенія и разсказы. Его драматическая поэма «Чумный городъ» (1816) изображаетъ эпизоды изъ времени «великой чумы» 1666 г. въ Лондонѣ. Пушкинъ перевелъ только 4-ю сцену I дѣйствія этой пьесы.

---

657. ПЬЮ ЗА ЗДРАВІЕ МЕРИ.

(т. III, стр. 173).

Напечатано въ альманахѣ «Денница» 1831 г., стр. 90, и въ изд. 1832 г. (III, 60—61), подъ заглавіемъ: «Пѣсня», указаннымъ только въ оглавленіи. Отдаленное подражаніе пѣснѣ Барри Корнуолля, первый стихъ которой взятъ эпиграфомъ. Пушкинъ сохранилъ только общій тонъ этой пѣсни, но значительно измѣнилъ содержаніе.

---

658. ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

(т. III, стр. 174).

Вмѣстѣ съ стихотвореніями: «Отрокъ», «Рифма» и «Трудъ» напечатано въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1832 г., подъ общимъ заглавіемъ: «Анѳологическія эпиграммы», и затѣмъ вошло въ изд. 1832 г. (III, 84). Въ стихѣ 2-мъ слѣдуетъ читать: «Дѣва п е ч а л ь н о сидитъ»: такъ въ рукописи и въ изд. 1832 г.—Помѣта: 1 о к т я б р я. Въ стихотвореніи изображается одинъ изъ царскосельскихъ фонтановъ («La Cruche cassée»).

---

659. РИФМА.

(т. III, стр. 174).

Напечатано тамъ же. (Ср. набросокъ 1828 г. о рифмѣ, настоящ. изд. II, 501, № 566).

---

660. ТРУДЪ.

(т. III, стр. 174).

Напечатано тамъ же.

«Только въ искусствѣ», говоритъ Анненковъ (Мат., изд. 2-е, 171—172), «находилъ Пушкинъ благородное разрѣшеніе противорѣчій собственнаго своего существованія, только въ немъ примирялся онъ съ самимъ собою и сознавалъ себя въ высокомъ нравственномъ значеніи. Впослѣдствіи холодность публики и невниманіе ея къ лучшимъ, зрѣлымъ его произведеніямъ еще глубже погрузили его въ художническое уединеніе, которое онъ воспѣвалъ. Дѣйствительно, Пушкинъ сдѣлался и творцомъ, независимымъ отъ вкуса и расположенія публики, и единственнымъ вѣрнымъ судьей своихъ произведеній... Къ концу своего поприща онъ пришелъ къ мысли и убѣжденію, что самый трудъ, какъ предметъ, назначенный для общаго достоянія всѣхъ, ничего не значитъ въ глазахъ поэта, а важны для послѣдняго только высокія наслажденія, доставленныя теченіемъ труда. Эта мысль и нашла себѣ выраженіе въ настоящемъ стихотвореніи, ближайшимъ поводомъ къ которому послужило, можетъ быть, завершеніе многолѣтняго труда надъ «Евгеніемъ Онѣгинымъ».

---

661. НОВОСЕЛЬЕ.

(т. III, стр. 174).

Напечатано въ альманахѣ «Спротка» 1831 г., стр. 39, и въ изд. 1832 (III, 107), подъ заглавіемъ: «Новоселіе» и съ припискою: «Къ **». Написано въ концѣ года и относится къ старинному, еще

отъ временъ царскосельскихъ, пріятелю Пушкина, Павлу Воиновичу Нащокину. «Проигравъ въ карты состояніе, доставшееся ему отъ богатой матери, Нащокинъ, служившій въ царскосельскихъ гусарахъ, вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Онъ дѣлалъ много добра, помогая бѣднымъ, ссужая нуждающихся деньгами, когда онѣ у него бывали, и не требуя отдачи. Друзьями его были, между прочимъ, кн. Вяземскій, гр. Вielьгорскій, а впослѣдствіи — Гоголь. Нащокинъ привлекалъ къ себѣ умомъ необыкновеннымъ, переполненнымъ не научной, но врожденной, природной логикой и здравымъ смысломъ; къ нему всегда обращались за совѣтами при какихъ-либо житейскихъ затрудненіяхъ, и совѣты его всегда приносили пользу. Бывая въ Москвѣ, Пушкинъ чаще всего останавливался въ домѣ Нащокина, у Стараго Пимена» (Поливановъ, Соч. Пушк., I, 313). См. выше статью М. О. Гершензона и Воспоминанія В. А. Нащокиной въ Нов. Врем. 1898, 30 сент., № 8115.

---

662. УЖЪ ОСЕНЬ ХОЛОДОМЪ ДОХНУЛА.

См. № 637, т. III, стр. 175.

---

663. КАКЪ БЫСТРО ВЪ ПОЛѢ, ВКРУГЪ ОТКРЫТОМЪ.

(т. III, стр. 175).

Напечатано въ «Москвитянинѣ» 1841, № 1, подъ заглавіемъ: «Десять неизвѣстныхъ стиховъ Пушкина» и съ выноской: «Эти стихи удержались въ моей памяти изъ одного стихотворенія, которое Пушкинъ читалъ мнѣ наизусть въ Петербургѣ въ 1828 году и которое онъ хотѣлъ назвать, кажется, Осеннее чувство. *М. П[огодинъ]*». Подъ этимъ заглавіемъ отрывокъ и былъ напечатанъ въ посмертномъ изд., IX, 141, и въ изд. Анненкова, II, 516. Безъ всякаго заглавія онъ находится въ рукописи Рум. Муз. № 2387 В, л. 6, среди прозаическихъ черновыхъ набросковъ 1830 г.; по этой рукописи онъ и напечатанъ въ изд. Литер. Фонда. Въ изданіяхъ посм. и Анн. послѣ первыхъ 4-хъ стиховъ слѣдуетъ строка точекъ, а за нею—два стиха, которыхъ нѣтъ въ рукописи:

Какъ онъ взвился, ретивый, смѣлый,
Черезъ потокъ оледенѣлый!

и опять строка точекъ. Послѣднихъ четырехъ стиховъ въ прежнихъ изданіяхъ не было. Изъ нихъ 3-й стихъ съ конца имѣетъ первонача́льный варіантъ:

(На небѣ мертво и) темно.

Можетъ быть, этотъ отрывокъ, какъ и № 662, предназначался для «Онѣгина».

---

664. О МУЗА ПЛАМЕННОЙ САТИРЫ.

(т. III, стр. 175).

По рукописи, теперь неизвѣстной, напечатано Анненковымъ, VII, 106, причемъ стихъ 14-й, безъ сомнѣнія, прочитанъ невѣрно, ибо Пушкинъ не могъ написать безграмотнаго выраженія: «А если же». По своему содержанію и тону это стихотвореніе представляется довольно загадочнымъ: оно не подходитъ къ общему настроенію Пушкина въ 1830 г. и скорѣе могло бы быть отнесено къ болѣе раннему времени,—если вообще допустить его принадлежность нашему поэту.

---

665. МЕДОКЪ.

(т. III, стр. 175).

Впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Стар. 1884, XLIII, 320, по рукописи Рум. Муз. № 2373, л. 1; затѣмъ, съ нѣкоторыми исправленіями,—въ изд. Лит. Фонда, II, 125.

Madoc—поэма Саути, воспѣвающая легендарнаго уэльскаго моряка, будто бы открывшаго и завоевавшаго Мексику. Она дѣлится на двѣ части: I. Madoc in Wales; II Madoc in Aztlan. Пушкинъ перевелъ, очень близко къ подлиннику, 26 стиховъ I части, озаглавивъ ее: «Медокъ въ Уаллахъ», но потомъ оставилъ этотъ переводъ неотдѣланнымъ, какъ и всѣ прочія свои попытки въ этомъ родѣ, потому что неспособенъ былъ надолго подчиняться чужой мысли.

---

666. МЫ РОЖДЕНЫ, МОЙ БРАТЪ НАЗВАННЫЙ.

(т. III, стр. 175).

Напечатано В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Стар. 1884, XLIV, 83, по рукописи Рум. Муз. № 2376 Б. л. 4, и съ поправками—въ изд. Лит. Фонда, II, 126. Очевидно, начало посланія къ Дельвигу.

---

667. ГРАФИНЯ ОДНА ДЕРЖИТЪ ПИСЬМО.

(т. III, стр. 176).

По черновому автографу напечатано П. А. Шляпкинымъ: «Изъ неизд. бумагъ А. С. П—на» (Спб. 1903), стр. 44—45. По замѣчанію Шляпкина, начало какъ будто напоминаетъ повѣсть «Арапъ Петра Великаго»: Ибрагима въ Парижѣ представляетъ графинѣ L. молодой Мервиль (здѣсь—Дорвиль, имя одной французской актрисы 30-хъ гг.). Когда они сошлись, графиня, увидя себя предметомъ насмѣшекъ, «то со слезами жаловалась Ибрагиму, то горько упрекала его, то умоляла за нее не вступаться, чтобъ напраснымъ шумомъ не погубить ея совершенно... Обнаружилось слѣдствіе неосторожной любви. Графиня съ отчаяніемъ объявила Ибрагиму, что она брюхата. Утѣшенія, совѣты, предложенія—все было истощено и все отвергнуто. Графиня видѣла неминуемую гибель и съ отчаяніемъ ожидала ея...» Графа, «который одинъ во всемъ Парижѣ ничего не зналъ и ничего не подозрѣвалъ», нашли способъ удалить, и пр.

---

668. ЛЮБЕЗНѢЙШІЙ НАШЪ ДРУГЪ, О ТЫ ВАСИЛІЙ ЛЬВОВИЧЪ.

(т. III, стр. 177).

Шляпкинъ, изъ пензд. бум., 12. Стихъ 1-й, написанъ кн. П. А. Вяземскимъ, 2-й, 4-й и 7-й — Жуковскимъ, 3 й — Пушкинымъ; почерки стиховъ 5-го и 6-го опредѣлить не удалось. В. Л. Пушкинъ скончался 30 августа 1830 г., а упомянутая во 2-мъ стихѣ повѣсть его «Капитанъ Храбровъ» написана въ 1828—29 гг. Такимъ образомъ, коллективное посланіе было написано въ 1829—1830 г.,—можетъ быть, въ отвѣтъ на посланіе Вас. Льв. «Поэтъ-племянникъ, справедливо»..., напечатанное въ «Моск. Телегр.» 1829, ч. XXVI. Судя по тому, что оно осталось въ бумагахъ Пушкина, надо думать, что оно вовсе не было послано по назначенію. «Плѣнительный толмачь и Граціи и скотовъ»—намекъ на антологическія стихотворенія и басни В. А. Къ этому стиху въ рукописи сдѣлана была выноска, но потомъ оторвана.

О В. Л. Пушкинѣ см. дальше статью Н. К. Пиксанова.

---

669. СТОЮ ПЕЧАЛЕНЪ, НА КЛАДБИЩЕ.

(т. III, стр. 177).

Шляпкинъ, Изъ пензд. бум., 13—14. Ранѣе было напечатано Анненковымъ (Мат., изд. 2-е, 336) только извлеченіе незачеркнутыхъ строкъ. Шляпкинъ сближаетъ этотъ набросокъ съ описаніемъ кладбища въ повѣсти «Станціонный Смотритель»: «Мы пришли на кладбище, голое мѣсто, ничѣмъ не огражденное, усѣянное деревянными крестами, не осѣненными ни единымъ деревцомъ. Отъ роду не видалъ я такого печальнаго кладбища».

---

670. НАДО МНОЙ ВЪ ЛАЗУРИ ЯСНОЙ.

(т. III, стр. 178).

Тамъ же, 15, и Анненковъ, Мат., изд. 2-е, 335. Первоначально было написано:

Надо мной сводъ неба ясный,
Прямо—звѣздочка одна

«Богатство поэтическихъ средствъ, обиліе творческаго матеріала не мѣшали Пушкину постоянно записывать мотивы, зарождавшіеся сами собой, звуки, мгновенно возстававшіе въ душѣ его», говоритъ Анненковъ. «Вѣроятно, онъ считалъ себя не въ правѣ бросать безъ вниманія эти невольныя проявленія зиждущей способности даже въ минуты наружнаго ея покоя. Звуки, по собственному его выраженію, безпрестанно переливались и жили въ немъ... и онъ внимательно прислушивался къ нимъ»...

---

671. ОПЯТЬ УВѢНЧАНЫ.

(т. III, стр. 178).

Шляпкинъ, Изъ пензд. бум., 16—17. Относится къ окончанію русско-турецкой войны 1829 г. Адріанопольскій миръ заключенъ 2 сентября 1829 г.

---

672. ЖЕНИСЬ—НА КОМЪ—НА ВѢРѢ ЧАЦКОЙ.

(т. III, стр. 178).

Тамъ-же, 22.

---

673. ДВА ЧУВСТВА ДИВНО БЛИЗКИ НАМЪ.

(т. III, стр. 178).

Тамъ-же, 20—21, и Анненковъ, Мат., изд. 2-е, 338 (только первые 4 стиха). Въ исчеркнутой черновой можно прочесть еще:

На нихъ основано семейство
И ты къ Отечеству любовь
. . . . . .
Животворящая святыня!
Земля была безъ нихъ мертва
Безъ нихъ нашъ тѣсный міръ пустыня
Душа алтарь безъ божества.

См. П. Е. Щеголева. Ненаписанныя стихотворенія П-на «Истор. Вѣсти.» 1904, янв.

П. Морозовъ.

Отъ редакціи. О нашемъ чтеніи спорныхъ мѣстъ, см. въ VI т. «Исторію Пушкинскаго текста.»

С. В.

ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИКЪ.

Имя Василія Львовича Пушкина часто мелькаетъ на страницахъ русской литературной исторіографіи. Знатокъ иностранныхъ языковъ и французской поэзіи, собственникъ замѣчательной библіотеки, авторъ пресловутаго «Опаснаго Сосѣда», горячій участникъ борьбы шишковистовъ съ карамзинистами, дѣятельный членъ «Арзамаса», свой человѣкъ въ «олигархическомъ» кружкѣ Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова и Вяземскаго, наконецъ—дядя геніальнаго племянника, относившагося къ нему съ симпатіей,—Василій Львовичъ неизбѣжно упоминается всюду, гдѣ идетъ рѣчь о литературѣ александровскаго времени и легко можетъ производить впечатлѣніе литературной и культурной значительности. Такому впечатлѣнію содѣйствовали и его пріятели—арзамасцы, но правдѣ говоря, не очень-то уважавшіе легкомысленнаго сочлена, но въ оффиціальныхъ случаяхъ неумѣренно восхвалявшіе его въ стихахъ и прозѣ. Нашелся и историкъ, проф. Халанскій, который—въ тонъ этимъ пріятельскимъ восхваленіямъ—высоко оцѣнилъ литературныя заслуги Василія Львовича и его поэтическое—и даже нравственное—вліяніе на племянника. Взгляды проф. Халанскаго были усвоены г. П. Смирновскимъ и пересказаны имъ въ «учебномъ пособіи», такъ что грозятъ перейти въ обиходъ учителей словесности и школьниковъ.

Однако, болѣе осторожное отношеніе къ литературной традиціи и непосредственное знакомство съ біографіей и сочиненіями Василія Львовича приводятъ къ инымъ оцѣнкамъ и выводамъ.

Василій Львовичъ родился 27-го апрѣля 1770 (по другимъ даннымъ—1767) года, въ Москвѣ, и былъ старшимъ братомъ Сергѣя Львовича, отца поэта. Его дѣтство прошло въ тяжелой семейной обстановкѣ. Отецъ, Левъ Александровичъ, былъ извѣстенъ своимъ тяжелымъ, жестокимъ характеромъ. И первая, и вторая его жена натерпѣлись отъ него не мало горя. На характерѣ Василія Львовича это, однако, не отразилось: онъ на всю жизнь сохранилъ безпечность и жизнерадостность. Юность двухъ братьевъ протекла въ роскошной обстановкѣ богатаго барскаго дома. Левъ Александровичъ жилъ открыто и былъ извѣстенъ въ Москвѣ своимъ гостепріимствомъ. Братья получили домашнее образованіе, по тогдашнимъ взглядамъ—блестящее. Какъ и братъ Сергѣй, Василій Львовичъ въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ языкомъ, изучая также нѣмецкій, англійскій, итальянскій и латинскій языки. Однако, другія науки біографическая традиція замалчиваетъ; въ московскій университетъ братья не попали: повидимому, для богатыхъ барчуковъ это сочтено было излишнимъ. Скоро юноша-Пушкинъ сталъ появляться въ московскихъ гостиныхъ. Его неисчерпаемая веселость, остроуміе, даръ декламаціи быстро завоевали Василію Львовичу общія симпатіи, и съ тѣхъ поръ и до смерти онъ сохранилъ за собою славу салоннаго остряка (эту славу онъ дѣлилъ со своимъ братомъ, Сергѣемъ Львовичемъ). Какъ это водилось въ старину, братья съ дѣтства были записаны въ полкъ (Измайловскій). Василій Львовичъ переѣхалъ въ Петербургъ и вступилъ въ военную службу; здѣсь, какъ и въ Москвѣ, онъ вращался въ средѣ богатой дворянской молодежи,—жилось весело и разгульно. Чины и карьера не прельщали жизнерадостнаго офицера; Пушкинъ дослужился только до поручика, въ 1797 году онъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ обратно въ Москву. Здѣсь онъ женился на извѣстной красавицѣ, Капитолинѣ Михайловнѣ Вышеславцевой. Бурно проведенная молодость плохо подготовила Василія Львовича къ семейной жизни, и дѣло кончилось разводомъ. Въ семейныхъ преданіяхъ Пушкиныхъ, перешедшихъ и въ литературную традицію, вина разрыва возлагалась на Капитолину Михайловну. Однако, опубликованные въ послѣднее время документы представляютъ дѣло совершенно иначе. Оказывается, что ходатайство о разводѣ возбудила въ 1802 году сама Капитолина Михайловна, ссылаясь на «прелюбодѣйную связь мужа съ вольно-отпущенною дѣвкою». Связь эту не отрицалъ и Василій Львовичъ и даже письменно заявилъ о томъ церковной власти. Потомъ онъ, однако, спохватился, сталъ отказываться отъ своего показанія, объясняя его «забвеніемъ чувствъ», и старался затушить скандальное дѣло. Но было уже поздно, не помогли ни униженныя письма къ кн. А. Н. Голицыну, ни готовность послѣдняго авторитетно вмѣшаться въ процессъ. Синодъ далъ разводъ женѣ Василія Львовича съ правомъ выхода замужъ, а Пушкина присудилъ «подвергнуть семилѣтней церковной эпитиміи, съ отправленіемъ оной чрезъ (въ теченіе) 6 мѣсяцевъ въ монастырѣ, а прочее время подъ смотрѣніемъ его духовнаго отца».

Дѣло о разводѣ тянулось до 1806 года, и за это время Василій Львовичъ успѣлъ съѣздить заграницу, захвативъ съ собою въ путешествіе вышеупомянутую «вольно-отпущенную дѣвку». Въ теченіе 1803—1804 г.г. онъ объѣхалъ Германію, Францію и Англію. Отзвукомъ этого путешествія остались два письма В. Л. Пушкина къ Карамзину, напечатанныя въ 1803 г. въ «Вѣстникѣ Европы». Они любопытны для характеристики самого путешественника. Онъ проѣзжалъ по Европѣ въ знаменательную историческую эпоху и могъ видѣть и изучать многое; но политическіе вопросы и событія совсѣмъ не интересовали автора. О Наполеонѣ, напр., онъ могъ сообщить своимъ читателямъ всего только слѣдующее: «Мы были въ Сенъ-Клу представлены первому Консулу. Физіономія его пріятна, глаза полны огня и ума; онъ говоритъ складно и вѣжливъ. Аудіенція продолжалась около получаса». Бытовыя наблюденія путешественника тоже не весьма глубоки. «Жители въ Ригѣ богаты, а женщины любезны; говорятъ всѣ по-французски и очень обходительны»; «въ Данцигѣ есть собраніе на подобіе нашего Англійскаго клуба. Банкиръ мой, господинъ Пельтръ, меня туда пригласилъ съ собою»; о берлинской жизни путешественникъ

сообщаетъ: «Паркъ есть обыкновенное гулянье здѣшнихъ жителей. Въ немъ построено много прекрасныхъ домиковъ, куда собираются пить кофе, пиво, лимонадъ и курить табакъ»; «вдовствующая королева въ Фреенвальдѣ: мѣсто пріятное и извѣстное своими банями». А вотъ отмѣтки по части философіи и религіи: въ Парижѣ аббатъ Сикаръ бесѣдовалъ о безсмертіи души и утверждалъ, что «атеисты и матеріалисты не чистосердечны: они сами увѣрены, что мы имѣемъ темное чувство, которое управляетъ прочими. Глазъ, напр., видитъ, а душа различаетъ и говоритъ: это дерево, столъ, цвѣтокъ и пр. Думать—есть говорить съ собою внутреннимъ словомъ, parole interieure, а говорить—есть думать вслухъ. Даръ слова происходитъ непосредственно отъ Бога». При этомъ Пушкину казалось, что онъ «бесѣдовалъ въ Аѳинахъ съ Платономъ». Или вотъ еще: аббатъ де-Булонь говорилъ проповѣдь «о пользѣ религіи, о монастырскихъ учрежденіяхъ, о должномъ почтеніи къ пастырямъ церкви и пр.» Къ его разсужденіямъ Пушкинъ добавляетъ: «я самъ думаю, что Боссюэтъ, Фенелонъ, Массильонъ достойнѣе любви Вольтера и Дидерота; одни были истинные друзья человѣчества, другіе желали отнять у насъ единственное утѣшеніе—вѣру». Гораздо болѣе, чѣмъ политика, наука и философія, интересовали новаго русскаго путешественника и были доступнѣе его пониманію искусство, литература и театръ. Въ письмахъ къ Карамзину Пушкинъ отмѣчаетъ, что въ Данцигѣ видѣлъ «великолѣпную соборную церковь» и картину Страшнаго Суда кисти Ванъ-Эйка. Въ Берлинѣ онъ бывалъ у извѣстнаго писателя Коцебу, познакомился съ актеромъ Ифландомъ, посѣщая театръ. Въ Парижѣ Василій Львовичъ быстро перезнакомился съ многими писателями и писательницами: Дюси, Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ, Арно, г-жа Жанлисъ, Мерсье и друг. Его приводили въ восторгъ собранныя Наполеономъ сокровища искусства, Венера Медицейская, Аполлонъ Бельведерскій, группа Лаокоона. Будучи самъ даровитымъ декламаторомъ и постояннымъ участникомъ московскихъ «благородныхъ спектаклей», Василій Львовичъ особое вниманіе удѣлилъ парижскимъ театрамъ. «Вы знаете мою страсть къ спектаклямъ,—писалъ онъ Карамзину,—и можете вообразить, съ какимъ удовольствіемъ бываю въ парижскихъ». Въ салонѣ г-жи Рекамье Пушкинъ познакомился «съ славною актрисою» Дюшеноа. У знаменитаго трагика Тальма онъ бралъ уроки декламаціи. За свое путешествіе Пушкинъ собралъ цѣнную библіотеку латинскихъ, французскихъ и англійскихъ писателей; впослѣдствіи московскіе знатоки завидовали этой коллекціи. Побывавъ еще въ Англіи, Василій Львовичъ вернулся въ Москву. Изъ путешествія онъ не вынесъ особенно цѣнныхъ результатовъ; этому помѣшали и поверхностное образованіе, и легкомысленный характеръ. Зато Пушкинъ привезъ съ собою культъ Наполеона (отъ котораго потомъ конфузливо отрекался въ моментъ обостренія въ русскомъ обществѣ галлофобіи въ 1812 г.), кучу восторговъ и разсказовъ и парижскія моды.

Кн. П. А. Вяземскій потомъ вспоминалъ, что по возвращеніи Василія Львовича изъ путешествія «Парижемъ отъ него такъ и вѣяло. Одѣтъ онъ былъ съ парижской иголочки съ головы до ногъ; прическа à la Titus, углаженная, умасленная древнимъ масломъ, huile antique. Въ простодушномъ самохвальствѣ давалъ онъ дамамъ обнюхивать голову свою».

Въ Москвѣ Василій Львовичъ снова зажилъ беззаботной жизнью барина, хорошо обезпеченнаго трудомъ крѣпостныхъ. Опять потянулись непрерывной вереницей всякія увеселенія, балы, собранія, «благородные спектакли». Въ обществѣ Пушкинъ славился какъ мастеръ писать французскіе куплеты, экспромты, стихи на заданныя рифмы (объ этомъ мастерствѣ Василія Львовича упоминается даже въ «Войнѣ и Мирѣ»). Событія двѣнадцатаго года на время оборвали эту цѣпь увеселеній. Василій Львовичъ не успѣлъ выбраться изъ Москвы во-время и поплатился за это. 14-го декабря онъ писалъ Вяземскому про пожаръ Москвы: «Я потерялъ въ ней все движимое мое имѣніе. Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоцѣнная моя библіотека—все сгорѣло. Я ничего вынесть не могъ; денегъ у меня не было, и никто не помогъ мнѣ въ такой крайности». По другимъ свѣдѣніямъ, въ огнѣ едва не погибъ и маленькій сынъ Пушкина, спасенный отъ огня самоотверженнымъ старымъ слугою. Впослѣдствіи Пушкинъ вновь собралъ себѣ библіотеку (послѣ смерти его она распродавалась въ магазинѣ московскаго книгопродавца А. Семена). Изъ разоренной Москвы Пушкинъ вмѣстѣ съ десятками другихъ дворянскихъ семей перекочевалъ въ Нижній-Новгородъ. Сначала здѣсь онъ чувствовалъ себя плохо. Въ томъ же письмѣ къ Вяземскому онъ говоритъ: «Ты спрашиваешь, что я дѣлаю въ Нижнемъ Новгородѣ? Совсѣмъ ничего. Живу въ избѣ, хожу по морозу безъ шубы, и денегъ нѣтъ ни гроша. Вотъ завидное состояніе, въ которомъ я теперь нахожусь». Но скоро настроеніе улучшилось. Московская колонія, осмотрѣвшись и устроившись въ Нижнемъ, зажила тамъ той же правильной барской жизнью, что и въ Москвѣ; историческая борьба за національную независимость ее мало тревожила. Василій Львовичъ тоже остался чуждъ патріотическому одушевленію. Среди начавшихся обѣдовъ, ужиновъ и маскарадовъ онъ скоро забылъ о своихъ потеряхъ. Въ разгаръ войны съ Наполеономъ онъ сообщаетъ Вяземскому: «Кокошкинъ пишетъ изъ Ярославля, что онъ переводитъ «Федру». Читалъ ли ты подражаніе пророку Аввакуму?»

Съ февраля 1813 года Василій Львовичъ снова водворился въ Москвѣ. Изъ событій его позднѣйшей жизни отмѣтимъ поѣздку въ началѣ 1816 г. въ Петербургъ, вмѣстѣ съ Карамзинымъ и кн. Вяземскимъ. Въ Петербургѣ онъ былъ избранъ въ члены недавно возникшаго «Арзамаса».

На склонѣ своихъ дней Василій Львовичъ жилъ все такъ же, какъ и въ офицерскіе годы: тѣ же литературные вечера, пріятельскія попойки, каламбуры и bouts-rimés. Однако, прожиганіе жизни десятками лѣтъ не прошло даромъ. Состояніе Пушкина разстроилось, и онъ часто испытывалъ острую нужду въ средствахъ. Разстроилось и здоровье: Василій Львовичъ страдалъ подагрой и нерѣдко принужденъ былъ сидѣть дома, отказываясь отъ званыхъ обѣдовъ и пирушекъ.

Умеръ онъ 20 августа 1830 года. На похоронахъ присутствовала вся литературная Москва; былъ и Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Въ теченіе десятковъ лѣтъ Василій Львовичъ Пушкинъ былъ замѣтной и популярной фигурой въ широкихъ дворянскихъ кругахъ Москвы и Петербурга. Его веселость, безкорыстіе, простота и умѣнье со всѣми уживаться создавали ему множество пріятелей и друзей. Едва-ли, однако, кто искреннѣе его уважалъ. Всѣмъ, даже юнцамъ,

только-что вступающимъ въ общество, бросалось въ глаза его необыкновенное легковѣріе, легкомысліе и недалекость. Пріятели не стѣснялись открыто подсмѣиваться надъ Василіемъ Львовичемъ и мистифицировать его. Его пріемъ въ «Арзамасѣ» обставленъ былъ такими шутовскими подробностями, что остается удивляться, какъ культурные люди могли позволить себѣ такія издѣвательства—и какъ сорокашестилѣтній Пушкинъ не понималъ унизительности своего положенія. О легкомысліи Василія Львовича ходило много анекдотовъ. Всѣмъ была извѣстна, напр., его страсть къ нарядамъ, заставлявшая его скакать изъ Москвы въ Петербургъ лишь за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ одѣвается французъ Дюрокъ, извѣстный франтъ.

На литературное поприще Василій Львовичъ выступилъ еще въ екатерининскія времена. Его первое стихотвореніе «Къ камину» было напечатано въ «С.-Петербургскомъ Меркуріѣ» Крылова и Клушина, въ 1793 году. Потомъ онъ участвовалъ въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» Подшивалова и Сохацкаго, «Аонидахъ» Карамзина, «Вѣстникѣ Европы», «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ», «Трудахъ Общества любителей россійской словесности», «Дамскомъ Журналѣ», «Полярной Звѣздѣ», «Московскомъ Вѣстникѣ» и многихъ другихъ изданіяхъ. По своимъ эстетическимъ симпатіямъ Василій Львовичъ былъ классикъ—о чемъ и заявлялъ не разъ печатно—и примыкалъ къ И. И. Дмитріеву. Но онъ мѣнялъ литературныя моды не съ меньшей охотой, чѣмъ покрой костюма. Во времена расцвѣта карамзинскаго сентиментализма и у Василія Львовича въ стихахъ мелькаютъ «скорбящій духъ унылой», «томная лира», «слезою око окропленно», «стопъ унылой», «слеза чувствительна» и прочее. Но долго выдерживать этотъ стиль онъ, конечно, не могъ: бьющая черезъ край жизнерадостность скоро настраивала его враждебно противъ «слезливой лиры пашихъ стиходѣевъ», которые всѣ «хнычутъ и ревутъ». Когда въ русской литературѣ обозначились преромантическія вѣянія, Василій Львовичъ отозвался на нихъ переводомъ изъ Оссіана. Позднѣе, въ разгаръ байронизма онъ писалъ «подражаніе Байрону». Но вмѣстѣ съ тѣмъ иронически отмѣчалъ, что

«Романтики такого мнѣнья,
«Что тотъ поэтъ не удалецъ,
«Кому не видится мертвецъ».

Въ одномъ вопросѣ, впрочемъ, Василій Львовичъ проявилъ значительную устойчивость,—быть можетъ потому, что долженъ былъ подчиниться дисциплинѣ сплоченнаго литературнаго круга, въ которомъ постоянно вращался,—въ вопросѣ о карамзинской реформѣ литературнаго языка. Со всею живостью своего темперамента Василій Львовичъ вмѣшался въ распрю шишковистовъ и карамзинистовъ и сумѣлъ занять видное мѣсто среди партизановъ литературной реформы. Въ стихотворныхъ посланіяхъ къ В. А. Жуковскому и Д. В. Дашкову, надѣлавшихъ въ свое время большого шума, Пушкинъ мѣтко обличаетъ своеобразный фетишизмъ слова и славяно-русскую исключительность ревнителей стараго слога:

«Славянскія слова таланта не даютъ,
«И на Парнассъ они поэта не ведутъ...
«Въ чемъ увѣряютъ насъ Паскаль и Боссюэтъ,—
«Въ Синописѣ того, въ Степенной книгѣ нѣтъ.
«Отечество люблю, языкъ я русскій знаю,
«Но Тредьяковскаго съ Расиномъ не равняю...
«Творенья безъ идей мою волнуютъ кровь.
«Словъ много затвердить не есть еще ученье:
«Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье».

Отъ автора не укрылись и реакціонныя тенденціи шишковистовъ, ихъ готовность обвинять своихъ противниковъ въ религіозной и политической неблагонадежности, и онъ иронически характеризуетъ ихъ аргументацію:

«Кто пишетъ правильно и не варяжскимъ слогомъ,—
«Не любитъ русскихъ тотъ и виноватъ предъ Богомъ!»

Пушкинъ не разъ и настойчиво повторяетъ, что для развитія русской литературы нужно просвѣщеніе и знаніе иностранныхъ литературъ, что національное самомнѣніе вредно и есть «варварства начало»:

«Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тьмѣ ходить.
«Невѣжда можетъ ли отечество любить?
«Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,
«Кто хвалитъ все свое, чужое презираетъ;
«Кто слезы льетъ о томъ, что мы не въ бородахъ,
«И, бѣдный мыслями, печется о словахъ!
«Но тотъ, кто, слѣдуя похвальному внушенью,
«Чтитъ дарованія, стремится къ просвѣщенью».

Эти взгляды были едва ли не самымъ прочнымъ пріобрѣтеніемъ въ области теоретическихъ размышленій, какое только успѣлъ сдѣлать за всю свою жизнь Василій Львовичъ. Самъ онъ очень дорожилъ ими, и когда однажды арзамасцы грубо высмѣяли его неудачные стихи, оскорбленный авторъ отвѣчалъ имъ:

«Вы вспомните о томъ, что первый, можетъ быть,
«Осмѣлился глупцамъ я правду говорить;
«Осмѣлился сказать хорошими стихами,
«Что авторъ безъ идей, трудяся надъ словами,
«Останется всегда невѣждой и глупцомъ».

Конечно, такіе взгляды не были новы и оригинальны: въ томъ же 1811 году эти взгляды развивалъ въ своихъ полемическихъ статьяхъ противъ Шишкова съ бо́льшимъ блескомъ, освѣдомленностью и глубиною Д. В. Дашковъ.

Василій Львовичъ пробовалъ свои силы въ различныхъ поэтическихъ родахъ. Онъ писалъ басни, сказки, сатиры, антологическія стихотворенія, повѣсть въ стихахъ. Странно, что такой любитель театра не оставилъ намъ опытовъ въ драматическомъ родѣ. Большинство произведеній Пушкина не оригинальны: это—переводы, передѣлки и подражанія. Василій Львовичъ переводилъ изъ Горація, Тибулла, Катулла, Парни, Лафонтена, Флоріана, Обера, Мильвуа, Томсона и друг. Несомнѣнно, нашъ авторъ обладалъ значитель-

нымъ версификаторскимъ талантомъ; его стихъ гибокъ и звученъ, а нѣкоторыя басни по стилистическимъ достоинствамъ не уступаютъ крыловскимъ. Однако, слѣдуетъ отмѣтить, что дарованіе Пушкина не развивалось постепенно и постоянно; напротивъ, замѣтно, что, удачно выступивъ на литературное поприще, Василій Львовичъ въ позднѣйшее время писалъ все блѣднѣе и блѣднѣе (расцвѣтъ литературной дѣятельности В. Л. Пушкина слѣдуетъ отнести ко времени около 1811 года, когда были написаны «Опасный сосѣдъ» и послапія къ Жуковскому и Дашкову). Что касается художественности образовъ и богатства поэтическихъ настроеній, то они въ произведеніяхъ нашего автора стоятъ несравненно ниже техническихъ достоинствъ стиха.

Художественные пріемы Пушкина избиты и не оригинальны, а настроенія холодны и разсудочны. Фабула также не блещетъ изобрѣтательностью и порою прямо безсвязна, какъ, напримѣръ, въ «Кабудѣ-путешественникѣ». Мѣткую характеристику Пушкина-автора далъ его же пріятель В. А. Жуковскій:

«Послушай, Пушкинъ-другъ, твой слогъ отмѣнно чистъ;
«Грамматика тебя угодникомъ считаетъ,
«И никогда твой слогъ не ковыляетъ,
«Но кажется, что ты подъ-часъ многорѣчистъ,
«Что стихотворный жаръ твой могъ бы быть живѣе,
«А выраженіе короче и сильнѣе.
«Еще же есть и то, что ты, мой другъ, подъ-часъ
«Предметъ свой забываешь».

Батюшковъ называлъ музу Пушкина «вялой».

Зная объемъ образованія Василія Львовича, складъ его ума и характера, трудно, разумѣется, ожидать отъ его литературныхъ произведеній большой содержательности. Зато, не будучи глубокимъ и оригинальнымъ, Пушкинъ хорошо отражалъ въ своихъ стихахъ типичныя черты взглядовъ и настроеній своего круга. Нѣкогда Анненковъ удачно охарактеризовалъ братьевъ Сергѣя и Василія Львовичей Пушкиныхъ и весь складъ ихъ быта, какъ «чахлое подобіе эпохи Людовика XV на русской почвѣ». Братья Пушкины, конечно, не были исключеніемъ, они представительствовали цѣлый своеобразный мірокъ, особое общественное наслоеніе, которое, къ сожалѣнію, еще не охарактеризовано въ русской литературной исторіографіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ во второй половинѣ XVIII вѣка прежній служилый человѣкъ превратился въ благороднаго россійскаго дворянина, раскрѣпощеннаго отъ государственной обязательной службы, обезпеченнаго трудомъ крѣпостныхъ, обставленнаго сословными привилегіями и нарождающимися традиціями сословной чести и нечуждаго образованности и искусствамъ,—съ тѣхъ поръ въ культурномъ обликѣ русскаго дворянства, точнѣе говоря—столичныхъ круговъ, стали замѣтны черты, дѣйствительно, напоминающія старую Францію, временъ регентства и Людовика XV. Со времени «Душеньки» Богдановича и анакреонтическихъ стихотвореній Державина интересы, переживанія, вкусы и идеалы барина-эпикурейца начали отражаться и въ изящной литературѣ, и на ряду съ громоздкой ложноклассической реторикой встали произведенія такъ называемой «легкой поэзіи» (poésie légère). Французская эротическая поэзія названной выше эпохи какъ разъ отвѣчала вкусамъ верхнихъ слоевъ русскаго дворянства, распущенность и прожиганіе жизни котораго напоминаютъ нравы «стараго режима». Переводы изъ французскихъ эротиковъ и самостоятельные опыты въ томъ же родѣ стали все чаще появляться въ русской литературѣ, и Батюшковъ взялся даже теоретически оправдать «такъ называемый эротическій и вообще легкій родъ поэзіи» (см. его «Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ», 1816 г.). Такого пышнаго расцвѣта, какой извѣстенъ во французской литературѣ, русская эротическая поэзія (съ ея отпрыскомъ—«гусарскою» поэзіей), впрочемъ, не достигла, какъ и судьба русскаго дворянства александровскаго времени оказалась иная, чѣмъ французскаго эпохи регентства.

Типичный представитель русскаго дворянства начала XIX вѣка, Василій Львовичъ былъ и однимъ изъ видныхъ представителей русской «легкой поэзіи». Книжка его стихотвореній полна мотивами любовной лирики, правда, довольно холодной, зато неизмѣнно въ теченіе тридцати лѣтъ воспѣвавшей «утѣхи любви». Вкусы, взгляды и настроенія барина-эпикурейца живо отражаются въ этой книжкѣ. Вотъ, напр., какъ «мечталъ о счастіи въ цвѣтущей молодости» Василій Львовичъ:

«Я Хлоѣ говорилъ: Послушай, для покоя
«Такое же село, какъ Суйда, я куплю,
«И буду жить съ тобой тамъ въ домикѣ прекрасномъ.
«Насъ милые друзья пріѣдутъ посѣщать,
«А мы, подъ небомъ яснымъ,
«Съ сердцами чистыми ихъ будемъ угощать.
«Тутъ, въ англійскомъ саду, подъ липою густою,
«Готовъ намъ будетъ чай — и Хлоѣ разливать;
«А тамъ насъ пѣснями и пляской забавлять
«Крестьянки изъ села всѣ прибѣгутъ толпою...
«Со вкусомъ будетъ все, пріятно и не пышно».
(«Суйда»).

А вотъ почерпнутыя изъ басенъ Василія Львовича правила житейской морали, которыми жилъ авторъ и его окружающіе: «тотъ счастливъ, кто живетъ на свѣтѣ осторожно»; «въ любви разлука намъ опаснѣе всего»; «лисицы хитрыя опаснѣе волковъ»; «злыхъ людей въ томъ состоитъ умѣнье, чтобъ недостатки находить»; «въ несчастьи познаемъ мы истинныхъ друзей»; «всего полезнѣе, чтобъ счастливо прожить,—скрывать свой уголокъ и неизвѣстнымъ быть»; «таланты не всегда намъ счастье доставляютъ» и т. д., и т. д. Порой безъ заботный и легкомысленный Пушкинъ пытался стать Ювеналомъ, и тогда его сатира грозно обличаетъ говоруна Стукодѣя, рюмача Надутова, сплетницу Змѣяду, кокетку Вѣтрану, Скопидомова, Нахалова, Вралева, Плутова...

Въ литературную традицію В. Л. Пушкинъ перешелъ какъ авторъ пресловутаго «Опаснаго сосѣда». Это произведеніе долго шумѣло въ литературныхъ и общественныхъ кругахъ александровскаго времени. Когда оно стало извѣстно, Батюшковъ писалъ о немъ Н. И. Гнѣдичу: «стихи истинно прекрасны, много силы, живости, вы-

раженія»; «какая быстрота! какое движеніе! И это написала вялая муза Василія Львовича!»; «въ этой сатирѣ много поэзіи». Имя героя «сатиры» Буянова постоянно мелькало въ тогдашнихъ стихахъ и прозѣ. Самъ Василій Львовичъ передъ смертью говорилъ С. Н. Полторацкому: «потѣшь меня, пожалуйста: напечатай моего «Опаснаго СосѣДа», лучшее и удачнѣйшее изъ моихъ стихотвореній». «Опасный СосѣДъ» ни при жизни, ни долго послѣ смерти автора не былъ напечатанъ въ Россіи; это, однако, не отнимаетъ у стихотворенія своеобразнаго культурнаго и историко-литературнаго значенія: во-первыхъ, оно было широко распространено въ спискахъ, а во-вторыхъ—оно весьма характерно для своего времени. Въ наше время, перечитывая «Опаснаго СосѣДа», трудно понять возбужденные имъ неумѣренные восторги тогдашнихъ литераторовъ и читателей; мы отнесли бы его въ разрядъ «непечатной» казарменной или такъ называемой «заборной» литературы. Къ слову сказать, наименованіе: «Сатира» совершенно не подходитъ къ стихотворенію; сатирическаго въ немъ всего нѣсколько колкихъ замѣчаній по адресу кн. Шаховского и шишковистовъ. Весь же цѣликомъ «Опасный СосѣДъ» посвященъ циническому описанію похожденій пьяной компаніи въ публичномъ домѣ (разсказъ ведется отъ имени автора). Откровенностью «Опасный СосѣДъ» живо напоминаетъ французскую эротическую литературу XVIII в. и вполнѣ гармонируетъ съ распущенностью дворянскихъ нравовъ той эпохи, когда крѣпостные гаремы были зауряднымъ явленіемъ.

*

Намъ остается разсказать объ отношеніяхъ Василія Львовича къ его знаменитому племяннику и учесть его вліяніе на Александра СергѢевича.

Искренно любя своего брата, СергѢя Львовича, Василій Львовичъ часто бывалъ въ его домѣ въ МосквѢ, и Александру СергѢевичу еще въ дѣтскомъ возрастѣ приходилось постоянно сталкиваться съ дядей. Василій Львовичъ ввелъ въ домъ своего брата многихъ московскихъ литераторовъ, что не осталось безъ вліянія на Александра СергѢевича. Очень возможно, что жадный до книгъ мальчикъ пользовался и знаменитой библіотекой дяди. Въ 1811 году именно Василій Львовичъ отвезъ племянника въ Царскосельскій лицей. Онъ былъ очень привязанъ къ Александру СергѢевичу и одинъ изъ первыхъ угадалъ въ немъ поэтическое дарованіе. 17-го апрѣля 1816 года онъ, напр., писалъ племяннику въ лицей: «Мы отъ тебя многаго ожидаемъ... Что до тебя касается, мнѣ въ любви моей тебя увѣрять не должно. Ты—сынъ СергѢя Львовича и братъ мнѣ по Аполлону». Племянникъ отвѣчалъ дядѣ такою же привязанностью и восхвалялъ его въ стихахъ. Въ 1815 г. Пушкинъ-лицеистъ пишетъ въ посланіи «Дельвигу».

«Поэтовъ грѣшный ликъ
«Умножилъ я собою;
«И я главой поникъ
«Предъ милой суетою.
«Мой дядюшка поэтъ
«На то мнѣ далъ совѣтъ
«И съ музами сосваталъ».

Въ 1816 г., въ стихотвореніи: «Желаніе», обращенномъ къ Василію Львовичу, поэтъ величаетъ дядю «питомцемъ Феба».

Въ 1817 г., въ письмѣ къ Василію Львовичу, Александръ СергѢевичъ торжественно взываетъ:

«Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
«Въ бояхъ испытанный поэтъ,
«Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
«На страшной высотѣ Парнаса,
«Защитникъ вкуса, грозный Вотъ!» и т. д

Въ томъ же году онъ пишетъ длинное «Посланіе къ В. Л. Пушкину», гдѣ именуетъ дядю: «парнасскій мой отецъ» и обращается къ нему съ вопросомъ, который тогда сильно его интересовалъ:

«Неужто вѣрныхъ музъ любовникъ
«Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
«И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?»

Эти и подобныя заявленія дали профессору Халанскому поводъ утверждать, что Василій Львовичъ имѣлъ сильное—и благотворное—вліяніе на Александра СергѢевича. Проф. Халанскій видѣлъ это вліяніе и въ религіозныхъ и нравственныхъ понятіяхъ великаго поэта [1]) и въ его симпатіяхъ къ народному языку, и въ содержаніи, и въ стилѣ его произведеній. Это въ сильной степени преувеличено. Во-первыхъ, слѣдовало бы разъ навсегда отказаться отъ манеры опредѣлять взаимоотношенія литераторовъ александровскаго времени по ихъ торжественнымъ заявленіямъ въ стихахъ или письмахъ. Живя въ тѣсномъ кругу двухъ городовъ—Петербурга и Москвы, они были связаны отношеніями общественными, личными и часто-родственными; поэтому часто бывали неискренни въ своихъ критическихъ отзывахъ другъ о другѣ. Въ журнальныхъ статьяхъ и письмахъ къ П. А. Катенину А. С. Пушкинъ отзывался о его литературныхъ заслугахъ и дарованіи чрезвычайно лестно; а, напр., въ одномъ письмѣ къ Вяземскому расцѣнивалъ этого писателя зло и пренебрежительно—и болѣе правильно. То же случилось и съ Василіемъ Львовичемъ. Въ письмѣ къ П. А. Вяземскому отъ 6-го февраля 1823 года, Александръ СергѢевичъ отзывался о дядѣ весьма откровенно: «Дядя прислалъ мнѣ свои стихотворенія—я было хотѣлъ написать о нихъ кое-что, болѣе для того, чтобы ущипнуть Дмитріева, нежели чтобъ порадовать нашего старосту, да невозможно: онъ такъ глупъ, что языкъ не повернется похвалить его». И этотъ отзывъ вовсе не былъ результатомъ какого-то «случайнаго раздраженія», какъ предполагаетъ проф. Халанскій. Точно такъ же отзывались разновременно объ умѣ Василія Львовича и Батюшковъ, и Левъ СергѢевичъ Пушкинъ (братъ Александра), и другіе. Отзывы были преувеличенны и несправедливы; но мы, вѣдь, знаемъ, однако, что Василій Львовичъ былъ, дѣйствительно, педалекъ и пустоватъ и, конечно, не могъ имѣть благотворнаго вліянія на общее духовное развитіе племянника. Въ чемъ могло сказаться это вліяніе? Какъ уже отмѣчено, Василій Львовичъ былъ даровитый версификаторъ. Его племянникъ-лицеистъ чутко слѣдилъ за литератур-

[1]) Проф. Халанскій довѣрчиво цитировалъ Льва Павлищева, который утверждаетъ, будто Василій Львовичъ имѣлъ на молодого Пушкина «самое благотворное вліяніе своими кроткими внушеніями, религіозными убѣжденіями и возвышенной душой». (!)

нымъ движеніемъ, хорошо зналъ поэтическіе опыты дяди и, конечно, могъ кое-чему у него поучиться. Но нельзя преувеличивать такого вліянія. Одновременно съ Василіемъ Львовичемъ писали Жуковскій и Батюшковъ, и ихъ стилистическое вліяніе на Александра Сергѣевича было несравненно сильнѣе, чѣмъ перваго. Въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, когда ему приходится говорить о шишковистахъ, мелькаютъ мысли и выраженія, напоминающія Василія Львовича; и здѣсь могли быть заимствованія. Но опять-таки ту же аргументацію мы встрѣчаемъ у Жуковскаго и Д. В. Дашкова. Рѣчь о вліяніи дяди на племянника можетъ идти только относительно лицейскихъ годовъ. Художественное развитіе Александра Сергѣевича шло такъ быстро и мощно, что онъ скоро оставилъ далеко за собой не только дядю, но и болѣе его талантливыхъ поэтовъ. И любопытно отмѣтить, что въ двадцатыхъ годахъ Василій Львовичъ самъ покорно подчинился поэтическому вліянію племянника: въ его повѣсти «Капитанъ Храбровъ» (1828) чувствуется сильное воздѣйствіе «Евгенія Онѣгина» и «Графа Нулина».

Итакъ, «благотворное вліяніе» Василія Львовича на поэтическое развитіе племянника было невелико. Если же оцѣнивать взаимоотношенія двухъ Пушкиныхъ въ общемъ и цѣломъ, то придется, пожалуй, признать, что вліяніе Василія Львовича имѣло и дурную сторону. Правда, такое вліяніе на юношу-поэта Василій Львовичъ дѣлилъ со многими другими; вѣрнѣе сказать—это было вліяніе цѣлой среды; но въ немъ нѣчто падаетъ и на личную отвѣтственность автора «Опаснаго Сосѣда». Изучая лицейскія стихотворенія Пушкина, мы наблюдаемъ, какая мутная волна чувственности перекатывается въ нихъ и какъ извращено воображеніе юнаго автора. И характерно, что авторъ не однажды упоминаетъ «Опаснаго Сосѣда» и зачисляетъ себя въ племянники къ Буянову. Очевидно, смѣлые опыты дяди, встрѣченные кстати всеобщимъ сочувствіемъ, поощряли и племянника къ разработкѣ рискованныхъ эротическихъ сюжетовъ.

Изданія произведеній Василія Пушкина: 1) Стихотворенія Василія Пушкина. Спб., 1822, 195 стр. (съ портретомъ автора). 2) Записки въ стихахъ Василья Львовича Пушкина. М., 1834, II+71 стр. 3) «Опасный Сосѣдъ» В. Л. Пушкина. Лейпцигъ, 1855, у Брокгауза (другое изданіе: Берлинъ, 1859, тип. Шультце, потомъ въ 1871 и 1876 гг.). Въ Россіи перепечатанъ А. Е. Бурцевымъ въ «Обстоятельномъ описаніи рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ», т. IV, стр. 139 - 144. 4) Полное собр. сочин. русскихъ авторовъ. Сочиненія В. Л. Пушкина и Д. В. Веневитинова. Спб., 1855, изд. А. Смирдина (стр. 1—157). 5) Сочиненія В. Л. Пушкина, изданныя подъ редакціей В. И. Саитова. Съ біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями. Спб., 1893, изд. Евг. Евдокимова, XXI+158 стр. Это собраніе—наиболѣе полное, но и въ немъ есть пробѣлы. Напр., стих. «Роза»—Литературный Вѣстникъ 1901, кн. VI, стр. 130; Стихи кн. П. А. Вяземскому—Русск. Архивъ 1907, № 10, стр. 295; статья «Мысли и характеры» (подпись *N.*)—Россійскій Музеумъ 1815, стр. 300—309 (ср. Рус. Старина 1904, № 1, стр. 115); некрологъ Н. М. Карамзина—Московскій Телеграфъ 1826, № 17, стр. 84. См. также Современникъ 1843, т. 29, стр. 382; Рус. Филолог. Вѣстникъ 1908, № 3, стр. 171—174 и 180. Ср. 6) Кн. П. А. Вяземскій. Объ изданіи стихотвореній В. Л. Пушкина. Сынъ Отечества 1821, XLVI, 284—286 (перепечатано въ Полномъ собраніи сочиненій В—го, I. 71—72). 7) Московскія Вѣдомости 1822, № 102, декабря 23, стр. 3197—3198 (рецензія кн. Шаликова на изданіе 1822 г.). 8) Современникъ 1855, № 11 (рецензія Н. Г. Чернышевскаго на изданіе 1855 г.; перепечатано въ Полн. собр. сочиненій Ч—го, т. I, 463—467). 9) Библіотека для Чтенія 1856, т. 135, январь, Критика, стр. 1—11 (рец. А. В. Дружинина на изд. 1855 г.; перепечат. въ собр. сочиненій Д—на, т. VII, 97—105). 10) Некрологи: Литературная Газета 1830, № 51, стр. 122; Московскія Вѣдомости 1830, № 69, стр. 3075 (кн. Шаликовъ) № 70, стр. 3119—3121 (М. Макаровъ); Галатея 1830, № 35, стр. 198—200; Сѣверный Меркурій 1830, № 110, стр. 127, Смѣсь; Дамскій Журналъ 1830, № 38. 11) М. Макаровъ. А. С. Пушкинъ въ дѣтствѣ. Современникъ 1843, т. XXIX, стр. 380. 12) Библіографическія Записки 1859, № 10 (Записки А. А. Попова). 13) Мих. Лонгиновъ. Замѣтка объ отношеніяхъ А. С. Пушкина къ дядѣ его В. Л. Пушкину. Русскій Архивъ 1863 года (изд. 2-е, 1866), столбцы 868—871. 14) Письмо Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Спб., 1866, passim. 15) Свистунова. Грибоѣдовская Москва. Вѣстникъ Европы 1874, № 10, стр. 558, 561; 1875, № 3, стр. 235, 236, 242. 16) Кн. И. М. Долгорукій. Путешествіе изъ Москвы въ Нижній, 1813. Изд. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ, 1879, стр. 44. 17) Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. I, стр. 309 (записка трагика Тальмы къ В. Л. Пушкину) и друг. тт., passim. 18) В. Авенаріусъ. Василій Львовичъ Пушкинъ (Біографическій очеркъ). Историческій Вѣстникъ 1882, III, 606—624). 19) Сочиненія К. Н. Батюшкова т. II, стр. 512—525 (біографія В. Л. П—на, написанная В. И. Саитовымъ), и т. I и III passim. 20) Семейныя безобразія былого времени. Сообщ. П. П. Розановъ. Русскій Архивъ 1894, XII, 554—555. 21) Къ біографіи В. Л. Пушкина. Русская Старина 1903, III, 515—517. 22) П. Смирновскій. Исторія русской литературы XIX вѣка. Вып. IV (1901), стр. 51—83. 23) М. И. Лонгиновъ. Заимствованія русскихъ баснописцевъ у французскихъ писателей. Русскій Архивъ 1905, I, 174—176. 24) И. И. Ивановъ. Исторія русской критики, т. I, passim. 25) Записки Ф. Ф. Вигеля, passim. 26) Л. И. Павлищевъ. Изъ семейной хроники, М., 1890, passim. 27) М. А. Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти. Изд. 2-е, М., 1869, passim. 28) М. Халанскій. О вліяніи В. Л. Пушкина на поэтическое творчество Александра Пушкина. «Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память А. С. Пушкина» 1900 (ср. Рус. Мысль 1900, № 8, стр. 55—56. 29) Московскій Некрополь, т. II, стр. 481. 30) Барсуковъ. Жизнь М. П. Погодина, passim. 31) Замѣтки кн. П. А. Вяземскаго на поляхъ «Опаснаго Сосѣда»—Рус. Архивъ 1902, № 11, стр. 426—428.

Н. Пиксановъ.

ВАСИЛІЙ ЛЬВОВИЧЪ
ПУШКИНЪ.

Гравюра, приложенная къ изданію его стихотвореній (Спб. 1822).

Рисунокъ Ватo.

Рисунки пятаго тома.

I.

ФОТОТИПІИ, ХРОМОЛИТОГРАФІИ И ЛИТОГРАФІИ.

стр.

35. Петръ III. Портретъ Антропова . 128
36. Карта, приложенная Пушкинымъ къ изданію «Исторіи Пугачевскаго Бунта» (СПБ. 1834) 137
37. Подлинное изображеніе бунтовщика и обманщика Емельки Пугачева. Гравюра 18 вѣка 193
38. Екатерина II. Портретъ Левицкаго 209
39. Уральцы въ походѣ Суворова. По акватинтѣ Гренихера (1800) рис. художникъ Владиміровъ. Картина принадлежитъ Уральской сотнѣ въ Спб. 225
40. Софья-Правительница. Гравюра 17-го вѣка въ копіи Аѳанасьева (1777) 272
41. Пушкинъ, Крыловъ, Гнѣдичъ и Жуковскій въ срединѣ 1840-хъ гг. Картина Чернецова 304
42. Пушкинъ. Акварель Павла Соколова 369

II.

АВТОТИПІИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

стр.

48. Дельвигъ. Портретъ, приложенный къ альманаху «Царское Село» (Спб., 1831) . 35
49. Плавучія висѣлицы съ тѣлами казаковъ-бунтовщиковъ. Гравюра 18 вѣка . . . 112
50. Фантастическій портретъ Пугачева. Русская копія съ гравюры, приложенной къ книгѣ «Le faux Pierre III. Londres. 1775». Приложена къ русскому переводу этой книги («Ложный Петръ III». М., 1809) 145
51. Пугачевъ по портрету Мальи. Рисованъ съ патуры въ 1775 г. Одинъ изъ самыхъ достовѣрныхъ 161
52. Пугачевъ въ клѣткѣ. Современная (1775) нѣмецкая гравюра Hillers'a, по оригиналу Петерсена. Портретъ фантастическій, но кандалы и клѣтка изображены вѣрно 168
53. Фантастическій портретъ Пугачева. Гравюра Набгольца 177
54. Уральскій Казакъ 216
55. Пушкинъ. Портретъ Мазера . . . 257

стр.

56. А. Н. Радищевъ. Гравюра Вендрамини 337
57. Дѣвица-кавалеристъ Н. А. Дурова. 1. Въ возрастѣ 13—14 лѣтъ.—2. Въ 1810 г.—3. Въ 1839 г.—4. Въ старости 344
58. Кюхельбекеръ. Съ гравюры Матюшкина 418
59. Державинъ. Гравюра Пожалостина (1880) съ портрета Васильевскаго (1815). Объ этомъ портретѣ говоритъ Пушкинъ въ статьѣ «Державина видѣлъ я только однажды» 433
60. А. О. Смирнова 449
61. Пушкинъ. Портретъ Райта. 1837 . 465
62. Книжная лавка Смирдина. Виньетка Сапожникова (тушью) ко II тому «Новоселья» (1834). Въ правомъ углу весьма мало похожій Пушкинъ разговариваетъ съ кн. Вяземскимъ. За стойкою—Ножевщиковъ и Смирдинъ; господинъ въ шинели—Сенковскій. Носитъ книги—прикащикъ Цвѣтковъ. 481
63. Василій Львовичъ Пушкинъ. Гравюра, приложенная къ изданію его стихотвореній (Спб., 1822) LXXII

III.

РИСУНКИ, АВТОГРАФЫ И ФАКСИМИЛЕ ВЪ ТЕКСТѢ.

876. Павелъ Ивановичъ Свиньинъ (маленькій лжецъ) 16
877. Николай Полевой (вѣтренный мальчикъ) 17
878. Павелъ Вонповичъ Нащокинъ 21
879. Нащокинъ въ кругу своей семьи. . . . 25
880. Баратынскій. 33
881. Александръ Аѳиногеновичъ Орловъ . . . 41
882. Андрей Николаевичъ Муравьевъ 47
883. Факсимиле титульнаго листа изд. 1834 г. «Исторіи Пугачевскаго Бунта». . . . 49
884. Факсимиле обратной стороны титульнаго листа изд. 1834 г. «Исторіи Пугачевскаго Бунта». 50
885. Пугачевъ, гравюра, приложенная Пушкинымъ къ изд. 1834 г. 53
886. Калмыкъ, изъ атласа, приложеннаго къ соч. Le Clerc, «Histoire de la Russie moderne» Paris, MDCCLXXV. . . . 56
887. Киргизы временъ пугачевщины, (изъ Путешествія Палласа «Reise durch verschiedene Provinzen des Russ. Reichs», т. I, СПБ. 1788) 57
888. Подписи подъ указами Пугачева (изъ приложеній къ изданію 1834 г.) . . 62
889. Вырываніе ноздрей. Съ акварели XVIII вѣка, принадлежавшей П. Я. Дашкову. (Дмитріевъ-Мамоновъ, «Пугачевскій Бунтъ») 63
890. Александръ Ильичъ Бибиковъ. Портретъ, принадлежащій А. С. Танѣеву 66
891. Подпись Бибикова. (Изъ приложеній къ изданію 1834 г.) 70
892. Гарнизонные офицеры 1770-хъ годовъ. (Висковатовъ, «Вооруженіе русскихъ войскъ»). 71
893. Печать Пугачева. Большая Государственная Печать Петра Третьяго, Императора і Самодержца Всероссійскаго 1774. (Приложеніе къ изданію 1834 г.) . 76
894. Державинъ. (Гравюра Гейзера, съ портрета Боровиковскаго; приложена къ книжкѣ: Gedichte des Herrn Staatsrats von Derschawin, aus d. russ. übersetzt von A. von Kotzebue (Leipzig., 1793). . . 77
895. Домъ въ Уральскѣ (прежнемъ Яицкомъ городкѣ), въ которомъ жилъ Пугачевъ. Здѣсь онъ праздновалъ «свадьбу» съ Устиньей Кузнецовой. Недавно домъ сломанъ. 84
896. Иванъ Ивановичъ Михельсонъ 85
897. Оренбургскіе и Яицкіе Казаки въ эпоху пугачевщины. (Висковатовъ, «Вооруженіе русскихъ войскъ») 87
898. Казань въ 1767 году. Лѣвая половина гравюры-панорамы изъ атласа, приложеннаго къ соч. Le Clerc'a «Histoire de la Russie Moderne». Paris, 1785 . . . 90
899. Казань въ 1767 году. Правая половина гравюры-панорамы изъ атласа, приложеннаго къ соч. Le Clerc'a «Histoire de la Russie Moderne». Paris, 1795. . . . 91
900. Подпись Михельсона. (Изъ прилож. къ изд. 1834 года). 94
901. Графъ Петръ Ивановичъ Паниннъ . . . 95
902. Каракули безграмотнаго Пугачева . . 99
903. Подписи кн. Щербатова, Бошняка, Бранта, Кара и Рейнсдорпа 99
904. Пугачева приводятъ къ Суворову. (Изъ кн. Anthing'a, Versuch einer Kriegsgeschichte des Grafen Alexander Suworow Rymnikski 101
905. По приказанію Суворова Пугачева въ клѣткѣ отвозятъ въ Москву. Рисунокъ Шевченки (Полевой, «Исторія Суворова»). 104
906. Военные доспѣхи 18 вѣка (Концовка) . . 131
907. Исторія Пугачевскаго Бунта. Часть вторая. С.-Петербургъ (Факсимиле) . 134
908. Цензурное разрѣшеніе (Факсимиле) . . 134
909. Путешествіе N. N. въ Парижъ и въ Лондонъ. Съ рѣдчайшаго экземпляра брошюры Дмитріева, припадл. Публ. библіотекѣ. 288
910. Викторъ Григорьевичъ Тепляковъ. . . . 367
911. Загряжская, Наталья Кирилловна . . 395
912. Ѳаддѣй Венедиктовичъ Булгаринъ, портретъ, относящійся къ 1828 году. . 469
913. Николай Ивановичъ Гречъ. Портретъ, относящійся къ 1815 году 477
914. Осипъ Ивановичъ Сенковскій 481

Оглавленіе V тома.

I. СТАТЬИ и ЗАМѢТКИ.

1. Пушкинъ и Нащокинъ. М. О. Гершензона 18
2. О поэтическомъ языкѣ Пушкина. Проф. Евг. Будде 229
3. Взглядъ Пушкина на современную ему французскую литературу. Прив.-доц. П. Н. Сакулина 372
4. Пушкинъ и журнальный тріумвиратъ 30-хъ годовъ. А. Г. Фомина 451
5. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1828 и 1829 гг. Н. О. Лернера I
6. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1830 года. П. О. Морозова L
7. Дядя и племянникъ. Н. К. Пиксанова LXII

II.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ СТАТЬИ И ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ.

1830—1836.

стр.

906. Новыя выходки противъ такъ называемой литературной нашей аристократіи 1
907. Отдавая полную справедливость. 1
908. Нѣкоторые писатели ввели обыкновеніе 2
909. Будучи русскимъ писателемъ . . 2
910. Будемъ справедливы 3
911. О китайскихъ анекдотахъ 3
912. У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей 3
913. Можно не удостоивать отвѣтомъ своихъ критиковъ 3
914. Перечитывая самыя бранчивыя критики 4
915. Къ стати, началъ я писать съ 13-лѣтняго возраста 4
916. Возвратясь изъ путешествія . . . 4
917. Самъ съѣшь 4
918. Отчего издателя «Лит. Газ.» и его сотрудниковъ называютъ аристократами 5
919—20. Въ одной газетѣ, почти оффиціальной, сказано было, что прадѣдъ мой 5
921. Возвратясь изъ подъ Арзрума . 6
922. Въ одной газетѣ, почти оффиціальной, сказано было, что я мѣщанинъ въ дворянствѣ 6
923. Одинъ изъ великихъ нашихъ согражданъ 7
924. Между прочимъ литературными обвиненіями 8
925. Шутки нашихъ критиковъ . . . 8
926. Молодой Кирѣевскій 8
927. Мелкія замѣтки грамматическаго характера 9
928. Езуитъ Поссевинъ 9
929. Форма цифръ арабскихъ 10
930. Отелло отъ природы не ревнивъ 10
931. Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію . 10
932. Divide et impera 10
932-а. Какой-то лордъ 10
933. О дамахъ . . . , ... 10
934. Многіе негодуютъ на журн. критику 10

стр.

935. Гете имѣлъ большое вліяніе на Байрона 10
936. Буквы, составляющія Славянскую Азбуку. Eno et Kael 10
937. Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ 11
938. Пословицы 11
939. О приличіи въ литературѣ . . . 11
940. О драмѣ 12
941. Дѣтскія книжки 16
942. Записки П. В. Нащокина, имъ диктованныя въ Москвѣ (1830). 30
943. Пора Баратынскому занять на Русскомъ Парнассѣ мѣсто 32
944. О Дельвигѣ 35
945. Стихотворенія Делорма и Сентъ-Бева 36
946. Торжество Дружбы или оправданный Александръ Анѳимовичъ Орловъ 40
947. Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ 44
948. Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый анти-поэтическій. 46
949. О книгѣ А. Н. Муравьева: Путешествіе къ Св. Мѣстамъ 46
950. Москва была освобождена 46
951. О приказахъ 48
952. Термины соколиной охоты . . . 48
953. Исторія Пугачевскаго Бунта . . 49
954. О сочин. Катенина 228
955. Шайлокъ, Анджело и Фальстафъ Шекспира 246
956. Моцартъ и Сальери 246
957. Мысли на дорогѣ 247
958. Кирджали 263
959. Матеріалы для Исторіи Петра Великаго 266
960. Камчатскія дѣла 280
961. Путешествіе В. Л. Пушкина . . . 288
962. Замѣчанія на Пѣснь о Полку Игоревѣ 289
963. О русской литературѣ, съ очеркомъ французской 292
964. Лордъ Байронъ 296
965. Объ исторіи Пугачевскаго Бунта 298

стр.

966. Записки Бригадира Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года 306
967. О «Трехъ Повѣстяхъ» Павлова . 325
968. Объ исторіи поэзіи Шевырева . 325
969. Выписки изъ Четьи-Миней 326
970. Преподобный Савва Сторожевскій 326
971. Собраніе сочиненій Георгія Конискаго 327
972. Вастола или желанія 335
973. Вечера на хуторѣ близъ Диканки 336
974. Примѣчанія къ разсказу Султанъ Казы-Гирея «Долина Ажитугай» 336
975. Александръ Радищевъ 336
976. Россійская Академія 342
977. Записки Дуровой 344
978. О хроникѣ Русскаго 345
979. О статьяхъ А. Б. и Косичкина . 345
980. Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ Словесности какъ иностранной, такъ и отечественной 345
981. Вольтеръ 349
982. Джонъ Теннеръ 352

стр.

983. Оракійскія Элегіи. Стихотворенія Виктора Теплякова 365
984. Объ обязанностяхъ человѣка. Сочиненія Сильвіо Пеллико . . . 369
985. Словарь о Святыхъ 370
986. Примѣчаніе къ повѣсти Гоголя «Носъ» 389
987. Новый романъ 389
988. Примѣчаніе къ письму А. Б. о статьѣ Гоголя 389
989. Отъ редакціи 389
990. Объясненіе 390
991. Отъ редакціи 391
992. Кавалеристъ-дѣвица 391
993. Ключь изъ Ист. Гос. Росс. . . . 391
994. Анекдоты [Table Talk] 392
995. Примѣчаніе къ «Отрывку изъ рукописи Карамзина» о древней и новой Россіи 402
996. О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ Потеряннаго Рая 402
997. Послѣдній изъ родственниковъ Іоанны д'Аркъ 406
998. Желѣзная-Маска 407

АВТОБІОГРАФИЧЕСКОЕ и НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЯ ПРОГРАММЫ.

999. Отрывки изъ лицейскихъ записокъ 410
1000. Списокъ лицейскихъ стихотвореній 412
1001. Остатки Кишиневскаго дневника 413
1002. Изъ записной книжки 413
1003. Остатки программы поэмы изъ исторіи X-XI вѣковъ 413
1004. Программы поэмы изъ разбойничей жизни 414
1005. Программы «Вадима» 414
1006. Встрѣча съ П. А. Ганнибаломъ 415
1007. Пушкинъ какъ бы посторонній о своемъ «Демонѣ» 415
1008. Воображаемый разговоръ съ Александромъ I 415
1009. О Малороссіи 416
1010. Остатки Автобіографіи 416
1011. Программа драмы изъ эпохи Царевны Софіи 417
1012. Встрѣча съ Кюхельбекеромъ . . 418
1013. О Борисѣ Годуновѣ 418
1014. О Русланѣ и Людмилѣ 420
1015. О Кавказскомъ Плѣнникѣ . . . 420
1016. О Бахчисарайскомъ фонтанѣ . . 420
1017. О Братьяхъ разбойникахъ 420
1018. О Цыганахъ 420
1019. О графѣ Нулинѣ 421
1020. Объ Евгеніи Онѣгинѣ 423
1021. О Полтавѣ 425
1022. Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ 427
1022а. Программа записокъ 429
1022б. Записки объ изданіи газеты . . 430
1023. Отклики на событія 1831 года . 431
1024. О дворянствѣ 433
1025. О новѣйшихъ романахъ 433
1026. Замѣтки о холерѣ 434
1027. Программа и замѣтки по изд. газеты 435
1028. О Дуровѣ 435
1029. Державина видѣлъ я только однажды 436
1030. Программа записокъ о Кишиневскомъ періодѣ. 437
1031. Программа драмы о Папессѣ Іоаннѣ 437
1032. Дневникъ Пушкина 438

ПИСЬМА ПУШКИНА.

1815—1819

стр.

1. П. П. Мартынову. 28-го ноября 1815 г. . . . 493
2. Князю П. А. Вяземскому, 27-го марта 1816 г. . . . 493
3. В. Л. Пушкину Первая половина января 1817 г. . . . 494
4. В. А. Жуковскому. Лѣто 1817 г. . . . 494
5. Князю П. А. Вяземскому. 1-го сентября 1817 г. . . . 494
6. В. А. Жуковскому. Іюль 1819 г. . . . 494
7. А. П. Тургеневу. 9-го іюля 1819 г. . . . 495
8. Н. И. Кривцову. Вторая половина іюля—начало августа 1819 г. . . . 495
9. П. Б. Мансурову. 27-го октября 1819 г. . . . 495

1820

10. Князю П. А. Вяземскому. Первая половина марта 1820 г. . . . 495
11. Н. И. Гнѣдичу. Конецъ апрѣля—начало мая . . . 496
12. П. Я. Чаадаеву, май . . . 496
13. П. Я. Чаадаеву . . . 496
14. Л. С. Пушкину. 24-го сентября . . . 496
15. Н. И. Гнѣдичу. 4-го декабря . . . 497

1821

16. А. И. Раевскому. Мартъ 1821 г. . . . 498
17. Барону А. А. Дельвигу. 23-го марта . . . 499
18. Н. И. Гнѣдичу. 24-го марта . . . 499
19. Дегильи. 6-го іюня . . . 500
20. Л. С. и О. С. Пушкинымъ. 27-го іюня . . . 500
21. А. И. Тургеневу. Вторая половина іюля . . . 501
22. С. И. Тургеневу. 21-го августа . . . 501
23. Н. И. Гречу. 21-го сентября . . . 501
24. В. Ѳ. Раевскому . . . 502
25. Неизвѣстному . . . 502

1822

26. В. П. Горчакову. 1821—1822 г. . . . 502
27. Князю П. А. Вяземскому. 2-го января 1882 г. . . . 502
28. Л. С. Пушкину. 24-го января . . . 502
29. А. И. Нолторацкому. Январь . . . 503
30—31. Н. И. Гнѣдичу. 29-го апрѣля . . . 503
32. П. А. Катенину. Конецъ апрѣля-май . . . 504
33. Н. И. Гнѣдичу. 13-го мая . . . 504
34. А. А. Бестужеву. 21-го іюня . . . 505
35. Н. И. Гнѣдичу. 27-го іюня . . . 505
35-bis. П. А. Катенину. 19-го іюля . . . 506
36. Л. С. Пушкину. 21-го іюля . . . 506
37. Князю П. А. Вяземскому. 1-го сентября . . . 506
38. Л. С. Пушкину. 4-го сентября . . . 507
39. Я. Н. Толстому. 26-го сентября . . . 508
40. Н. И. Гнѣдичу. 27-го сентября . . . 508
41. Л. С. Пушкину. Сентябрь-октябрь . . . 509
42. Л. С. Пушкину. 18-го октября . . . 509
43. П. А. Плетневу. Октябрь-ноябрь . . . 509
44. Неизвѣстной . . . 510

1823

стр.

45. Князю П. А. Вяземскому. Конецъ декабря 1822 г.—начало января 1823 г. 510
46. Л. С. Пушкину. Начало января 1823 г. 511
47. Графу К. В. Нессельроде. 13-го января 511
48. Л. С. Пушкину. 30-го января 511
49. В. П. Горчакову. Конецъ января 512
50. Князю П. А. Вяземскому. 6-го февраля 512
51. Князю П. А. Вяземскому. 5-го апрѣля 513
52. А. А. Бестужеву. 13-го іюня 513
53. А. А. Шишкову. Іюль-декабрь 514
54. Князю П. А. Вяземскому. 19-го августа 514
55. Л. С. Пушкину. 25-го августа 515
56. Князю П. А. Вяземскому. 14-го октября 515
57. А. Н. Раевскому (?) Вторая половина октября 516
58. Ф. Ф. Вигелю. Ноябрь 516
59. Князю П. А. Вяземскому. 4-го ноября 517
60. Князю П. А. Вяземскому. Между 4-мъ и 11-мъ ноября 518
61. Князю П. А. Вяземскому. 11-го ноября 518
62. Барону А. А. Дельвигу. 16 ноября 518
63. Неизвѣстнымъ дамамъ. Ноябрь-декабрь 519
64. А. И. Тургеневу. 1-го декабря 519
65. Н. Н. Пизову. Послѣ 8-го декабря 520
66. Князю П. А. Вяземскому 20-го декабря 520

1824

67. Л. С. Пушкину. Начало января 1824 г. 520
68. А. А. Бестужеву. 12-го января 521
69. Ѳ. В. Булгарину. 1-го февраля 522
70. А. А. Бестужеву. 8-го февраля. 522
71. Князю П. А. Вяземскому. 8-го марта 523
72. Князю П. А. Вяземскому. (?) Первая половина марта 523
73. Л. С. Пушкину. 1-го апрѣля 523
74. Князю П. А. Вяземскому. Начало апрѣля 524
75. Издателю «Сына Отечества». Начало апрѣля 525
76. А. И Казначееву. 25-го мая 526
77. А. Н. Раевскому. (?) Іюнь 526
78. А. Н. Раевскому. (?) Іюнь 526
79. А. И. Казначееву. Начало іюня 526
80. Князю П. А. Вяземскому. Первая половина іюня 526
81. Л. С. Пушкину. 13-го іюня 527
82. Князю П. А. Вяземскому. Середина іюня 527
83. Н. В. Всеволожскому. Вторая половина іюня 528
84—6. А. А. Бестужеву. 29-го іюня 528
85—7. Князю П. А. Вяземскому. (?) 5-го іюля 529
88. А. И. Тургеневу. 14-го іюля 529
89. Князю П. А. Вяземскому. 15-го іюля 529
88-bis. П. С. Зеновичу. 8-го августа 530
89-bis. И. М. Рокотову. Августъ-сентябрь 530
90. А. Н. Вульфу. 20-го сентября 530
91. П. А. Плетневу. Сентябрь-октябрь 530
92. Н. И. Кривцову. Сентябрь-октябрь 530
93. Князю П. А. Вяземскому. 10-го октября 531
94. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской. Первая половина октября. 531
95. Л. С. Пушкину. Конецъ октября. 531
96. Б. А. Адеркасу. Конецъ октября. 532
97. В. А. Жуковскому. 31-го октября 532
98. Л. С. Пушкину. Ноябрь. 533
99. Л. С. Пушкину. Начало ноября 533
100. В. А. Жуковскому. Первая половина ноября 533
101. Л. С. Пушкину. Вторая половина ноября. 533
102. Князю П. А. Вяземскому. 29-го ноября. 534
103. В. А. Жуковскому. 29-го ноября 534
104. Д. М. Княжевичу. (?) Начало декабря 534
105. Л. С. и О. С. Пушкиными. 4-го декабря 535
106. А. Г. Родзянкѣ. 8-го декабря 536
107. Л. С. Пушкину. Первая половина декабря 536
108. Барону А. А. Дельвигу. Средина декабря 536
109. Л. С. Пушкину. Вторая половина декабря 538
110. Л. С. Пушкину. Вторая половина декабря 538

1825

стр.

111. К. Ѳ. Рылѣеву. 25-го января 1825 г. . . . 538
112. Князю П. А. Вяземскому. 25-го января . . . 539
113. Князю П. А. Вяземскому. 25-го января . . . 539
114. Князю П. А. Вяземскому. 25-го января . . . 540
115. А. А. Бестужеву. Конецъ января . . . 540
116. Л. С. Пушкину. Первая половина февраля. . . . 540
117. Князю П. А. Вяземскому. 19-го февраля. . . . 541
118. Н. И. Гнѣдичу. 23-го февраля. . . . 541
119. Л. С. Пушкину. Конецъ февраля—начало марта. . . . 542
120. А. Н. Вульфу. Мартъ . . . 542
121. Л. С. Пушкину. 14-го марта . . . 542
122. Л. С. Пушкину. 14-го марта . . . 543
123. Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу. 15-го марта . . . 543
124. Л. С. Пушкину. Средина марта. . . . 543
125. Барону А. А. Дельвигу. Средина марта . . . 543
126. А. А. Бестужеву. 24-го марта . . . 543
127. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской. 24-го марта. . . . 544
128. Л. С. Пушкину. 27-го марта. . . . 544
129. Л. С. Пушкину. Начало апрѣля . . . 545
130. Князю П. А. Вяземскому. 7-го апрѣля . . . 545
131. Л. С. Пушкину. 17-го апрѣля. . . . 546
132. Князю П. А. Вяземскому. Средина апрѣля . . . 546
133. Л. С. Пушкину. 22-го и 23-го апрѣля . . . 546
134. Князю П. А. Вяземскому. Конецъ апрѣля . . . 547
135. Л. С. Пушкину. Конецъ апрѣля. . . . 547
136. Князю П. А. Вяземскому. 25-мая . . . 447
137. К. Ѳ. Рылѣеву. Конецъ мая . . . 548
138. В. А. Жуковскому. Конецъ мая—начало іюня . . . 548
139. Императору Александру I. Конецъ мая—начало іюня. . . . 549
140. А. А. Бестужеву. Конецъ мая—начало іюня . . . 449
141. Барону А. А. Дельвигу. Первая половина іюня . . . 550
142. К. Ѳ. Рылѣеву. Вторая половина іюня . . . 550
143. В. А. Жуковскому. Іюнь-іюль . . . 551
144. Князю П. А. Вяземскому. Начало іюля . . . 551
145. Князю П. А. Вяземскому. 13-го іюля . . . 552
146. Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ. 21-го іюля. . . . 552